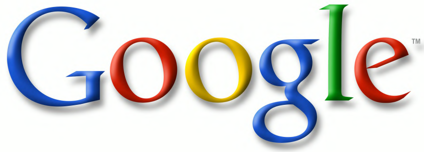
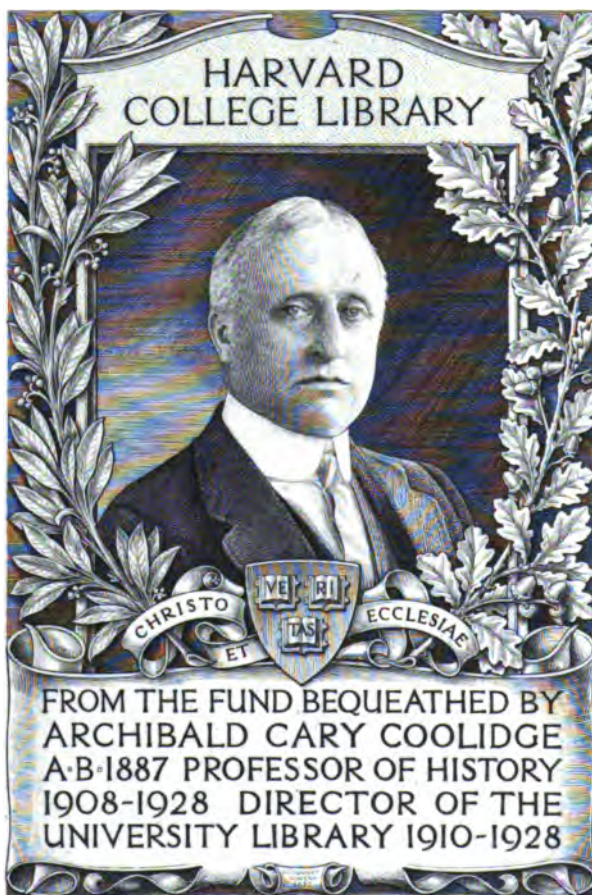

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ II

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ II

1880

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1880

И. И. СРЕЗНЕВСКІЙ.

Съ фотогр. А. Карелина.

тр.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА.

(МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ и АВГУСТЪ 1880 г.).

Очеркъ великаго княжества Литовскаго до половины XV в. В. Б. Антоновича. Кіевъ. 1878 г. Выпускъ I.—Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вв. И. Соколова. М. 1880.— Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. Трудъ Н. Качалова. Выпускъ I. Изд. 2. Спб. 1880. — Матерьялы для исторіи русской книжной торговли. Спб. 1879. — Три подъема русскаго народнаго духа для спасенія нашей государственности во время самозванническихъ смутъ. М. Кояловича. Спб. 1880.—Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положеніе заключенныхъ, пересыльныхъ, ихъ дѣтей и освобожденныхъ изъ подъ стражи, со времени возникновенія русской тюрьмы до нашихъ дней. (1560—1880 гг.). В. Н. Никитина. Спб. 1880. — Школьный вопросъ. Письма къ редактору „Голоса" В. И. Модестова, профессора римской словесности въ Спб. Духовной Академіи. Спб. 1880. — Сборникъ Археологическаго Института. 3 книги. Издан. подъ редакц. Н. В. Калачова. Спб. 1880. — Три праведника и одинъ Шерамуръ. Соч. Н. С. Лѣскова. Спб. 1880.— Изборникъ Святослава 1073 г. Изд. Общ. Любител. Древн. Письменности. 1880. — Люди стараго вѣка. Разсказы изъ дѣлъ Преображенскаго Приказа и тайной канцеляріи. Г. В. Есипова. Спб. 1880.—Дозорныя и переписныя книги древняго города Ростова. М. 1880.—О раздѣленіи исторіи польской на періоды. Профес. М. Бобржиньскаго. Варшава. 1880.—Русскій Архивъ 1880 г. Книга первая. — Матерьялы для исторіи раскола за первое время его существованія, издаваем. братствомъ св. Петра митрополита, подъ редакц. Н. Субботина. Томъ V. Москва. 1879.— Солнышко. Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ. Сост. А. Радонежскимъ. Спб. 1880. — Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Томъ V. Изданіе Д. Самарина. Москва. 1880. — Русскія достопамятности. Томъ III. Изданіе А. Мартынова. Москва. 1880.— Юбилейная литература о Пушкинѣ: (Семь автографовъ А. С. Пушкина 1816 — 1837 гг. Изъ собранія князя П. П. Вяземскаго.

МОГУЩЕСТВО ТУРОКЪ ОСМАНОВЪ ВЪ ЕВРОПѢ [1].

(1396—1739).

АВОЕВАНІЯ турокъ въ Малой Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ были подготовлены внутреннею слабостью Греческой имперіи и облегчены завоеваніями въ ней латинскихъ крестоносцевъ. Имперія Комниновъ не съумѣла утвердить на добрыхъ и прочныхъ основаніяхъ своихъ отношеній къ союзникамъ сербамъ и болгарамъ. Обезпеченная съ ихъ стороны, даже пользуясь ихъ дружбою, она бы легко могла поднять благосостояніе греческихъ провинцій простою отмѣною фискальныхъ стѣсненій, мѣшавшихъ свободному развитію ихъ флота и морской торговли. Но вмѣсто этого, задавшись безплодною мыслью о невозможномъ уже вліяніи въ Италіи, императоры Комнины раздавали направо и налѣво самыя широкія права и всевозможныя льготы купцамъ и промышленникамъ итальянскимъ. Въ XII в. они утвердились съ своими факторіями во всѣхъ почти главныхъ приморскихъ городахъ имперіи, прибравъ къ рукамъ всю торговлю. Раззоривъ мѣстное купечество, они стали вмѣшиваться во внутреннюю и внѣшнюю политику имперіи. Кажется, даровитый и энергическій Андроникъ Комнинъ вѣрно понималъ грозившую царству опасность и стремился къ его преобразованію; но преждевременная и насильственная его смерть бросила имперію въ руки испорченной византійской камарильи и бездарныхъ императоровъ Ангеловъ. Возстаніе долго лишенныхъ всякой автономіи болгаръ, враждебное наступленіе мало удовольствованныхъ сербовъ ослабили имперію на сѣверѣ, а возроставшія вліяніе и наглость венеціанцевъ, генуэзцевъ, пизанцевъ на югѣ довершили ея раззореніе.

Четвертый Крестовый походъ французовъ и венеціанцевъ привелъ въ 1204 году къ основанію Латинской имперіи въ Кон-

[1]) Рѣчь, читанная на годичномъ актѣ С.-Петербургскаго университета, 8 февраля 1880 года.

стантинополѣ, королевства въ Салоникахъ, герцогства въ Аѳинахъ, княжества въ Мореѣ и разныхъ венеціанскихъ владѣній на Критѣ, Эвбеѣ, Кикладскихъ и Спорадскихъ островахъ. Введеніе феодальныхъ порядковъ, угнетеніе и оскорбленіе Греческой церкви и народности, духовенства и крестьянъ—таковы были для грековъ прямыя послѣдствія четвертаго Крестоваго похода и одна изъ главныхъ причинъ не только первыхъ, но и всѣхъ позднѣйшихъ успѣховъ турокъ османовъ въ Европѣ.

Энергической дѣятельности Ангеловъ Комниновъ въ Эпирѣ, мужественныхъ никейскихъ императоровъ и патріотизму большинства народа и духовенства удалось наконецъ при союзѣ съ болгарами вырвать Константинополь изъ рукъ латинянъ въ 1261 г. Но еще многое оставалось сдѣлать для возстановленія цѣлости имперіи. Глядя съ чисто военной точки зрѣнія, можно кажется съ вѣроятностью полагать, что соединеннымъ дружнымъ усиліямъ грековъ, болгаръ и сербовъ было еще возможно положить конецъ латинскому владычеству на православномъ востокѣ. Латинскіе завоеватели, враждуя и завидуя, вели между собою ожесточенныя войны, какъ напр. Генуя и Венеція. Подвластные греки нетерпѣливо переносили чужое иго и не разъ заводили возстанія для политическаго и церковнаго возсоединенія съ Константинополемъ.

Но внѣшняя и внутренняя политика послѣднихъ Палеологовъ, болгарскихъ и сербскихъ государей, не выключая и сербскаго царя Стефана Душана съ его широкими, но непосильными планами, поражаютъ своею непослѣдовательностью, полнымъ непониманіемъ какъ общихъ восточно-христіанскихъ, такъ и народныхъ интересовъ. Не мудрено, что въ этихъ народахъ пропадаетъ наконецъ вѣра въ ихъ неспособныя правительства. При латинскихъ завоеваніяхъ въ Греціи и на островахъ, при возроставшихъ притязаніяхъ и угрозахъ Генуи. Венеціи, Неаполя, Римской куріи, при вторженіяхъ венгерцевъ и татаръ въ Сербію и Болгарію, политическая независимость грековъ, сербовъ и болгаръ представляется наконецъ здравому смыслу этихъ народовъ мечтою, дымомъ.

Такіе государственные порядки, такое безнадежное настроеніе народовъ предсказываютъ и навлекаютъ бури и катастрофы. Слабость и разорванность Греко-Славянскаго востока для Романо-Германскаго запада всегда соблазнительна и приманчива. Все казалось пророчило неизбѣжность и успѣхи новыхъ латинскихъ походовъ на Константинополь и другія части Балканскаго полуострова.

Но этимъ новымъ, на манеръ четвертаго, крестовымъ походамъ не привелось скоро повториться. Осадить Европу и обратить ее для блага человѣчества на себя или на дальній западъ — въ Новый Свѣтъ, эта благая задача выпала тогда туркамъ османамъ.

Въ 1357—1362 г. они утверждаются во Ѳракіи отъ Галипполи и Родосто до Адріанополя и Филиппополя. Въ знаменитой Косовской

битвѣ 1389 г. ослабленная уже Сербія потеряла свою независимость и обратилась въ данника и вассала турецкаго. Въ 1393 г. въ битвѣ при Марицѣ Болгарія лишена князей и независимости. Въ 1396 г. въ битвѣ при Никополѣ венгерское войско короля Сигизмунда съ вспомогательнымъ отрядомъ французовъ и нѣмцевъ было разбито на голову Баязетомъ.

Византійскій дворъ въ союзѣ съ Западомъ назвалъ на Баязета Тамерлана. Въ 1402 г. при Ангорѣ монголы сразились съ турками. Въ войскахъ Баязета участвовали сербы. Въ войскахъ Тамерлана, надо полагать, были русскіе. Въ XIV в. мы встрѣчаемъ уже русскіе полки у монголовъ на Кавказѣ и въ самомъ Китаѣ, гдѣ имъ даже отведены были земли. Что удивительнаго, если теперь въ глубинѣ Малой Азіи сошлись южные и сѣверные славяне, тогда данники, впослѣдствіи рѣшители судебъ Монголо-Турецкой Азіи.

Плѣнъ Баязета и десятилѣтнія усобицы его сыновей доставили правителямъ грековъ и сербовъ временное облегченіе, но турецкой власти въ Европѣ конца не положили. Въ 1413 г. у турокъ снова утвердилось единовластіе въ рукахъ способнаго, осторожнаго и умѣреннаго Магомета I.

Въ то время, какъ правители, придворные, часть знати и духовенства у грековъ и сербовъ предавались еще надеждамъ на западную помощь противъ турокъ, огромное большинство всего православнаго населенія и лучшая часть духовенства мало что не вѣрило въ успѣхъ этой помощи, но по правдѣ сказать и не особенно его желало. Уже роптавшимъ на феодализмъ народамъ давно претило отъ назойливыхъ навязываній церковной уніи, отъ облыжныхъ обѣщаній западу и лукавыхъ подмигиваній своимъ. Наконецъ у всѣхъ этихъ народовъ жило одно общее имъ всѣмъ представленіе и желаніе относительно Константинополя, и единства царства.

Въ теченіе шести слишкомъ вѣковъ не одни греки, но и болгары, сербы, волохи, русскіе, равно какъ и православные христіане Кавказа и Азіи привыкли видѣть въ столицѣ Константина—градъ царствующій не однихъ грековъ, а всего православнаго міра. Между тѣмъ какъ за исключеніемъ Салоникъ всѣ города Балканскаго полуострова считали въ себѣ по нѣскольку тысячъ и много-много десятка два тысячъ жителей, одинъ Константинополь считалъ ихъ сотнями тысячъ. Здѣсь жилъ императоръ, царь не однихъ ромеевъ, а всѣхъ христіанъ. Здѣсь единственный по красотѣ и величію, любовь и гордость всего православнаго міра—храмъ св. Софіи. Здѣсь множество дорогихъ религіозному народному чувству святынь, въ теченіе вѣковъ постоянно привлекавшихъ множество богомольцевъ и странниковъ со всѣхъ концовъ восточно-христіанскаго міра. Что Римъ и Парижъ были и отчасти остаются для Романо-Германской Европы, то былъ вѣка Цареградъ для всего греко-славянскаго міра. Здѣсь сходились іерархи, посланники, купцы и ученая молодежь этихъ странъ. Она довершала здѣсь

свое образованіе, пріобрѣтала, списывала, переводила и исправляла рукописи. Сюда шли искать счастья обездоленные дома, всѣ недовольные и предпріимчивые люди изъ сербовъ, болгаръ, албанцевъ, волоховъ. Они поступали во флотъ, въ военную службу, нерѣдко достигали великихъ почестей, восходя, какъ напр. Василій Македонянинъ, изъ гвардейскихъ офицеровъ на престолъ императорскій.

По своему несравненному положенію на берегахъ Европы и Азіи, между Чернымъ и Средиземнымъ морями, благодаря старымъ искусственнымъ дорогамъ, орографическому очертанію Балканскаго полуострова и своему единственному въ мірѣ порту, Константинополь есть естественный центръ сѣверо-восточныхъ, западныхъ и южныхъ частей этого полуострова. Для главныхъ его народностей въ Константинополѣ былъ узелъ всѣхъ высшихъ духовныхъ, политическихъ и экономическихъ интересовъ. Болгарія и Сербія въ борьбѣ своей съ греками не стремились оторваться отъ необходимаго имъ Константинополя. Не терпя въ немъ преобладанія грековъ, болгары въ X, XII—XIII, а сербы въ XIV в. пытались овладѣть Константинополемъ и утвердить въ немъ свою власть и господство. Тутъ дѣло шло не о разрушеніи цѣлости царства и единства власти, а объ отнятіи ея изъ рукъ грековъ и передачи въ руки славянъ. Точно также въ своихъ помѣстныхъ церквахъ славяне не желали подчиняться личнымъ или національнымъ видамъ греческой іерархіи, но они не менѣе грековъ дорожили единствомъ и свободою церкви.

Съ паденіемъ Константинополя въ латинскія руки произошло общее потрясеніе въ цѣломъ строѣ жизни не однихъ грековъ, но и болгаръ, сербовъ, румынъ, албанцевъ. Ни Палеологи, ни Стефанъ Душанъ никакого порядка не возстановили, напротивъ, смута и безпорядье послѣ нихъ еще повсюду усилились. Пуще прежняго волновался теперь Константинополь то новыми опытами церковной уніи, то страхомъ новаго нашествія латинянъ, то угрозами новыхъ захватовъ засѣвшихъ въ немъ генуэзцевъ или вѣчныхъ ихъ соперниковъ венеціанцевъ.

При горячемъ желаніи увидѣть конецъ смутамъ и многоначалію сложилось и убѣжденіе въ необходимости водворенія прочнаго порядка въ Константинополѣ и возстановленія прежняго единства царства.

Эти желанія и представленія составляли какъ бы общую программу всего православнаго населенія Балканскаго полуострова безъ различія народностей.

Съ этою программою, которую сами христіане осуществить не могли, значительно сходилась программа турокъ османовъ. Ихъ двухсотлѣтняя борьба съ греками и латинами, постоянные почти успѣхи въ Малой Азіи и Европѣ закалили ихъ силы, развили въ ихъ правителяхъ замѣчательныя стратегическія способности и большой политическій смыслъ. Все современное говорило имъ о слабости и ничтожествѣ Восточной имперіи. Всѣ нѣмые остатки прошлаго громко взывали объ ея прежнемъ величіи. Турки-вожди уразумѣли взаимныя

отношенія разныхъ народностей Балканскаго полуострова и причины ихъ общей нелюбви къ латинамъ. Христіанки, жены и матери предшественниковъ Магомета II, множество служившихъ у нихъ христіанъ и ренегатовъ грековъ, славянъ, албанцевъ привили турецкимъ властителямъ разныя греко-славянскія понятія и взгляды, научили цѣнить ихъ способности и понимать ихъ превосходство въ иныхъ отношеніяхъ надъ природными турками. Въ умѣ потомковъ Османа созрѣлъ наконецъ свой планъ возстановленія имперіи.

Вотъ при какомъ порядкѣ вещей на Балканскомъ полуостровѣ и при какомъ настроеніи умовъ его христіанскихъ народностей совершилось громадное по своимъ міровымъ послѣдствіямъ событіе—взятіе Константинополя Магометомъ II въ 1453 г. и основаніе Османской имперіи на развалинахъ восточнаго христіанскаго царства.

Односторонній, нетерпимый, страстный исламъ долженъ быть верховнымъ закономъ и вдохновляющимъ началомъ этой имперіи. Способный воспламенять людей до экстаза, до самыхъ необдуманныхъ рѣшеній и чрезвычайныхъ подвиговъ, исламъ также легко повергаетъ людей въ умственный сонъ, праздную лѣнь и чувственныя наслажденія.

При всей своей искренней преданности мусульманству первые повелители османовъ уже по чисто военнымъ и политическимъ соображеніямъ чувствуютъ потребность въ извѣстномъ ограниченіи слишкомъ страстныхъ порывовъ ислама къ обращенію невѣрныхъ. Магометъ II подтверждаетъ большія права за константинопольскимъ патріархомъ и православною церковью, какихъ она никогда не могла получить отъ латинянъ. Но первый храмъ христіанскаго царства Магометъ силою отбираетъ у христіанъ и обращаетъ въ мечеть. Этотъ компромиссъ, необходимый для основателя новой имперіи, не удовлетворяетъ ни христіанъ, ни мусульманъ. Отнятіе у нихъ св. Софіи христіане считаютъ для себя великимъ позоромъ и никогда этого не простятъ туркамъ. Въ признаніи большихъ правъ за христіанами огромное большинство мусульманъ видѣло только постыдную слабость и напрасную поблажку гяурамъ.

Вѣрные исповѣдники мусульманства, соотчичи Османа и его преемниковъ, настоящіе виновники и творцы всѣхъ побѣдъ и совершеннаго на Балканскомъ полуостровѣ переворота, къ ужасу своему замѣчаютъ, что не они будутъ, какъ бы оно подобало, играть первую роль и исключительно господствовать въ новой имперіи.

Турки-азіаты—наѣздники и хищники по преимуществу. У нихъ мало любви и привычекъ къ осѣдлой жизни. Дать имъ полную волю, они потопчутъ и выжгутъ нивы, сады и лѣса, разнесутъ и разграбятъ всѣ города, обратятъ все жилое въ пастбища и степи. Куда ступилъ конь османскій, тамъ трава не ростетъ. Уже предшественники Магомета II, и онъ самъ тѣмъ болѣе, дорожатъ внѣшними удобствами цивилизаціи и предпочитаютъ шатрамъ и кибиткамъ древнихъ турокъ каменныя палаты и дворцы грековъ. Турокъ своихъ надо обуздать и

по возможности охранять отъ нихъ трудолюбивое осѣдлое населеніе греческое и славянское. Оно такъ необходимо для сохраненія и увеличенія имперіи.

Греки и славяне—элементъ осѣдлый съ крѣпкимъ семейнымъ бытомъ. Земледѣльцы, ремесленники, моряки и купцы, они отличаются своею упрямкою и отвагою. Они наблюдательны и распорядительны, пытливы и свѣдущи. Это хорошіе дѣльцы и хозяева, дипломаты и администраторы. Это стойкая пѣхота и отличные моряки.

По нерасположенію турокъ къ морю и по необходимости имѣть постоянный военный флотъ, слѣдуетъ предоставить въ немъ службу христіанамъ. Но въ армію и въ высшую администрацію нельзя же допускать христіанъ, а на однихъ добровольныхъ ренегатовъ трудно разсчитывать. И вотъ еще у предшественниковъ Магомета является институтъ аджемоглановъ.

На христіанское населеніе Румеліи (т. е. всѣхъ европейскихъ провинцій) налагается особая натуральная повинность. Каждыя четыре или пять лѣтъ посылаются особыя лица изъ столицы по санджакамъ Румеліи для набора христіанскихъ мальчиковъ отъ 8 до 12, отъ 10 до 14 лѣтъ. У христіанскихъ отцовъ и матерей навсегда отнимаютъ самыхъ красивыхъ, бойкихъ, здоровыхъ и сильныхъ дѣтей. Ихъ на мѣстѣ же одѣваютъ въ особую форму и затѣмъ отвозятъ всѣхъ въ Стамбулъ. Здѣсь и въ Адріанополѣ одни распредѣляются по сералямъ, а другіе раздаются года на два на работы частнымъ людямъ туркамъ, въ Румеліи и Натоліи для обученія Турецкому языку. Всѣ они обрѣзались и обращались въ мусульманъ. Состоя подъ надзоромъ евнуховъ, одни немногіе способнѣйшіе обучались Турецкому, Арабскому и Персидскому языкамъ, а главное—повиновенію и дисциплинѣ; но другіе, и большинство, мели полы, служили на кухняхъ, работали въ саду и огородахъ султана, упражнялись въ стрѣльбѣ изъ лука. Битье батогами отъ 100 до 1000 обыкновенное наказаніе, послѣ котораго они должны благодарить наказавшаго ихъ евнуха и цѣловать его полу кафтана. Изъ этой-то молодежи, равно какъ изъ христіанскихъ дѣтей военноплѣнныхъ, составлялась султанская гвардія—пѣхота янычары и кавалерія сипаги Порты. Затѣмъ нѣкоторые изъ этихъ юношей брались къ султану въ пажи и камеръ-пажи. Они потомъ получали мѣста аги янычаръ, санджаковъ (губернаторовъ), беглербеевъ; изъ нихъ же выходили визири, т. е. министры. Такимъ образомъ только духовное вѣдомство и юстиція (муфти и кади) были въ рукахъ природныхъ турокъ. Первоначально кажется исключительно турки составляли народное кавалерійское ополченіе. Они верстались отъ Порты разныхъ окладовъ помѣстьями въ пожизненное владѣніе съ обязательствомъ нести военную службу. Но какъ раздача этихъ помѣстій, этихъ тимаровъ и зеяметовъ не мало зависѣла отъ санджаковъ, беглербеевъ и визирей, то вскорѣ, по крайней мѣрѣ въ Румеліи, явилось много грековъ, албанцевъ и особенно славянъ между сипагами-тимаріотами.

Мусульманское населеніе Натоліи, т. е. въ Азіи и Африкѣ, сверхъ османовъ по преимуществу состояло изъ презираемыхъ турками шіитовъ и мавровъ. Оно всегда было болѣе стѣснено и унижено, чѣмъ христіанское населеніе Румеліи. По свидѣтельству отличныхъ знатоковъ и тонкихъ наблюдателей Турціи, венеціанскихъ пословъ XVI—XVII вѣка, Порта всегда болѣе уважала населеніе Румелійское, чѣмъ Натолійское. Она больше цѣнила его способности и храбрость. Изъ него, мы видѣли, главнѣйше состоялъ весь Турецкій флотъ, вся султанская гвардія-пѣхота и кавалерія; изъ него было много и сипаговъ-тимаріотовъ; изъ него же постоянно черпался и обновлялся весь личный составъ высшей военной и политической администраціи. Такое явное предпочтеніе румеліотовъ анатолійцамъ, вольныхъ и подневольныхъ ренегатовъ природнымъ туркамъ-османамъ служило источникомъ вѣчнаго недовольства послѣднихъ. Они роптали на свое униженіе. Ихъ возмущало, что ими управляютъ босняки, албанцы, греки. Истинные правовѣрные негодовали и на разныя права и льготы, дарованныя христіанамъ. Пусть многіе ренегаты бывали часто для христіанъ ненавистнѣе урожденныхъ мусульманъ, все же правовѣрные замѣчали, что иные паши изъ босняковъ, албанцевъ и грековъ часто мусульмане только по виду и водятъ дружбу съ своими христіанскими земляками, имѣютъ иногда въ архіереяхъ, игумнахъ, попахъ родныхъ братьевъ, отцовъ и дядьевъ, въ игуменьяхъ матерей, и оказываютъ имъ всякое почтеніе и помощь. Хитрые гяуры подкапывались уже подъ исламъ и разводили въ немъ опасныя ереси. При Могаметѣ I явились два еретика-мятежника. Отъ греческихъ монаховъ въ Смирнѣ и другихъ христіанъ въ Малой Азіи набрались они завиральныхъ идей. Махмутъ Бедреддинъ и Мустафа учили, что турокъ нечестивъ, когда утверждаетъ, что христіане не почитаютъ Бога, что, напротивъ, спасеніе заключается въ единомысліи вѣры съ христіанами. Ученики этихъ еретиковъ, встрѣчая христіанъ, обнимали ихъ какъ братьевъ и почитали ихъ какъ ангеловъ Господнихъ. Они вступили въ самыя дружественныя связи съ хіосскимъ духовенствомъ въ Азіи, съ волохами и другими христіанами въ Европѣ. Усмиреніе ихъ возстанія и казни ихъ въ 1418 году не уничтожили этой ереси. Венеціанскій посланникъ въ Константинополѣ М. Антоніо Барбаро въ 1573 году докладывалъ Сенату, что между мусульманами въ Европѣ явились въ его время еретики, учившіе, что Христосъ былъ Богъ и Спаситель. Схваченные, умирая въ мученіяхъ, обнаружили необыкновенную твердость. Говорили, что многіе изъ сановниковъ Порты держатся такого же ученія.

При такомъ положеніи дѣлъ, при нелюбви и природномъ нерасположеніи турокъ ко всякимъ отвлеченностямъ, діалектическимъ тонкостямъ и богословскимъ спорамъ, при умственной и физической ихъ неподвижности въ мирное время и способности ихъ проводить цѣлые часы на-пролетъ въ совершенной праздности, въ молчаливомъ покоѣ, за

чашкою кофе́, христіане въ Турціи пользовались тѣмъ равнодушіемъ и терпимостью правительства и обывателей, которой, вообще говоря, могли завидовать иновѣрцы во всѣхъ христіанскихъ государствахъ XVI—XVII-го вѣковъ.

Греко-славянское и вообще христіанское населеніе старой Турціи не испытывало тѣхъ преслѣдованій и страшныхъ гоненій, коимъ подвергались гугеноты во Франціи въ XVI вѣкѣ, чешско-моравскіе братья и вообще протестанты въ Австріи въ XVI, XVII—XVIII вѣкахъ или протестанты и православные русскіе въ Польшѣ съ конца XVI до XVIII вѣка и православные сербы въ Австріи въ XVIII и отчасти даже въ XIX-мъ вѣкѣ. Сравнивая положеніе своей церкви въ Турціи съ ея положеніемъ въ Венеціанскихъ владѣніяхъ, греки имѣли полное право быть довольны турками. Тоже самое надо сказать про славянъ турецкихъ, которые крѣпостнаго права не знали и въ XVI вѣкѣ почти всегда, а въ XVII вѣкѣ очень часто, жили лучше и свободнѣе славянъ венеціанскихъ въ Далмаціи и особенно австрійскихъ въ Венгріи и Хорватіи. Если въ Далмаціи населеніе особенно терпѣло отъ недостатка земли и отъ безжалостныхъ на него воззрѣній высшей и низшей администраціи республики св. Марка, то въ Венгріи и Хорватіи, какъ и въ другихъ славянскихъ и не-славянскихъ провинціяхъ Австріи въ XVI вѣкѣ и позже суровая тягость крѣпостнаго права вызывала по временамъ страшныя народныя возстанія, особенно въ 1514 году въ Венгріи, въ 1573 году въ Хорватіи и Крайнѣ, въ 1579 году въ Нижней и Верхней Австріи.

Тѣмъ не менѣе и христіанское населеніе старой Турціи не могло себя считать счастливымъ, ибо много терпѣло всякаго рода притѣсненій и прижимокъ, впрочемъ опять таки не болѣе, а даже менѣе остальнаго нехристіанскаго населенія Турецкой имперіи. Какъ страдали и что терпѣли восточные христіане разныхъ народностей отъ турокъ, начиная съ 1453 г. до Петра Великаго и позже, объ этомъ съ большою подробностью и часто даже съ немалыми преувеличеніями сообщалось въ единовѣрную Москву въ разныхъ посланіяхъ къ великому князю и потомъ царю восточныхъ патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ и различныхъ монастырей Европейской и Азіатской Турціи. Такъ называемыя Восточныя и Турецкія дѣла Русскихъ архивовъ содержатъ въ себѣ драгоцѣнные матеріалы для исторіи внѣшняго и внутренняго состоянія восточно-христіанскаго населенія Турціи и для лѣтописи его страданій отъ турецкаго насилія и произвола.

Административныя злоупотребленія и взяточничество, знакомыя впрочемъ всѣмъ старымъ и даже новымъ европейскимъ государствамъ, имѣли часто въ Турціи свой совершенно особый характеръ. Онъ опредѣлялся разными особенностями религіознаго, государственнаго и общественнаго быта старой Турціи, даже народныхъ нравовъ и обычаевъ османовъ.

Безъ хищничества нельзя себѣ и представить Турціи ни въ одинъ періодъ ея исторіи съ 1453 года и даже раньше. Во всякомъ случаѣ одинаково кажется невѣрно — приписывать ли главнѣйше упадокъ турецкаго могущества въ Европѣ этому хищничеству въ администраціи, или начинать его только съ царствованія Солимана.

Въ ученіи ислама объ обращеніи съ невѣрными, о священной войнѣ съ ними, турки могли уже находить оправданіе и извиненіе насилію и грабежу. Проповѣдуя и освящая наступательныя войны за вѣру, исламъ прививалъ и укрѣплялъ въ народахъ хищническіе инстинкты. Не то же ли оправданіе насилію и хищничеству лежитъ въ основѣ мусульманскаго воззрѣнія на неволю и униженіе женщины и въ разрѣшеніи при женахъ имѣть еще и рабынь?

Государство, основанное завоеваніемъ, жившее только войною и для войны, Турція воспитывала въ своемъ служиломъ сословіи и населеніи тѣ же хищническія привычки. Личный составъ ея администраціи изъ добровольныхъ и подневольныхъ ренегатовъ, рабское ихъ воспитаніе и рабскія отношенія самыхъ высшихъ сановниковъ къ главѣ государства могли въ служиломъ сословіи питать не духъ патріотизма и безкорыстія, а только корыстолюбіе и алчность.

Весь общественный бытъ турецкій былъ основанъ на рабствѣ. Въ Турціи, особенно въ Константинополѣ, даже всѣ европейцы держали рабовъ. Вольной наемной прислуги не было, и всякій простой человѣкъ, нуждавшійся въ слугѣ или служанкѣ, шелъ на рынокъ и покупалъ себѣ раба или рабу. Это дѣлалось также просто, какъ мы покупаемъ себѣ шляпу или перчатки. Богатые люди имѣли у себя нѣсколько сотъ рабовъ. На нихъ былъ вѣчный спросъ. Изъ потребности въ рабахъ чинились часто въ мирное время набѣги на Далмацію или въ Хорватію и Крайну, напускались крымскіе татары на Московское государство и Польшу, выводились цѣлыя эскадры въ Средиземное море на грабежъ и пиратство для захвата военноплѣнныхъ.

Рабовъ и рабынь требовалось множество, прежде всего во флотъ, гдѣ отъ 30 до 40 галеръ имѣли по 150 гребцовъ, вѣчно закованныхъ въ цѣпи,—эти галеры считались лучшими. Число гребцовъ-колодниковъ въ Турецкомъ флотѣ въ концѣ XVI вѣка доходило до 10 тыс. человѣкъ. Затѣмъ рабы были нужны особенно натолійскимъ туркамъ-землевладѣльцамъ и крестьянамъ для полевыхъ работъ. Затѣмъ надо было имѣть рабовъ и рабынь для домашней прислуги, въ кормилицы, няньки. Наконецъ въ рабахъ бѣлыхъ и черныхъ, евнухахъ и рабыняхъ-дѣвицахъ нуждались многочисленные гаремы для постояннаго своего обновленія. Эти впрочемъ рабыни на рынкахъ не продавались. Для нихъ евреи, обыкновенно торговавшіе человѣчьимъ мясомъ, устраивали особые женскіе пансіоны и институты, гдѣ дѣвочекъ обучали музыкѣ, танцамъ. Рабыни съ образованіемъ стоили гораздо дороже.

Благодаря хищничеству турки не только сами удовлетворяли большой своей потребности въ рабахъ, но и отпускали еще рабовъ

изъ Турціи въ Европу, гдѣ разныя частныя лица покупали ихъ себѣ для прислуги въ XV—XVI вѣкахъ, а нѣкоторыя западныя правительства даже до XVIII вѣка—для своихъ военныхъ галеръ. Во Франціи Людовикъ XIV и министръ Кольберъ особенно дорожили этими рабами.

Надежда раздобыть себѣ рабовъ составляла одну изъ приманокъ турецкой службы въ арміи и флотѣ. Венеціанецъ Донини 1558 г. разсказываетъ, что турки константинопольскіе, при всей нелюбви своей къ морю, съ величайшею охотою поступили въ эскадру, отправлявшуюся въ Алжиръ. Многіе изъ нихъ, идя на службу, не имѣли и пары рубахъ, а воротились съ 15, 20, 25 рабами, съ деньгами и вещами.

За неимѣніемъ у старыхъ турокъ личной поземельной собственности и родоваго владѣнія все состояніе самыхъ богатыхъ турокъ заключалось въ доходахъ съ пожизненныхъ помѣстій, въ коняхъ, оружіи, чепракахъ, шубахъ, кафтанахъ, рабахъ и рабыняхъ, въ ихъ женскихъ нарядахъ и брилліантахъ. Все имущество сановниковъ Порты, главныхъ богачей Турціи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ евреевъ и христіанъ, принадлежало по ихъ смерти султану. Дѣти отцамъ не наслѣдовали. Богатые старались поэтому еще при жизни затратить большіе капиталы на мечети. На вакуфъ, духовное имущество, власть султана не простиралась. При мечетяхъ строились школы, фонтаны, водопроводы. На ихъ поддержаніе и исправленіе оставлялись капиталы и наблюденіе за всѣмъ этимъ завѣщалось дѣтямъ, которыя и жили на излишекъ процентовъ. Вообще же богатый турокъ скорѣе могъ быть увѣренъ, что его дѣти будутъ бѣдны. Такая увѣренность впрочемъ не излѣчивала отъ корыстолюбія. Евнухи отличались обыкновенно своею алчностью и скупостью.

Даже представители осѣдлаго элемента, греки, славяне, албанцы съ принятіемъ ислама, отрываясь отъ семьи и народа, подчинялись турецкой атмосферѣ и принимали привычки, отзывавшіяся кочевымъ бытомъ.

Въ XVI—XVII в. турки все еще являлись въ Европѣ какою-то пришлою ордою, всегда готовою въ походъ и потому не обзаводящейся постояннымъ хозяйствомъ. Послѣ битвы при Лепанто въ 1571 г. многіе турки въ Константинополѣ складывали свои пожитки и обращались къ покровительству христіанъ. Самый богатый и знатный турокъ спалъ дома, какъ въ походной палаткѣ, не раздѣваясь, и часто тамъ, гдѣ обѣдалъ или ужиналъ. Военныя палатки турокъ, несравненно болѣе удобныя и прочныя, чѣмъ въ европейскихъ войскахъ того времени, были обыкновенно убраны, также какъ и ихъ комнаты, гдѣ оружіе и ковры составляли все убранство. Такая полупоходная жизнь поддерживала въ туркахъ привычку къ захвату всего, что плохо лежитъ, что полюбится или можетъ пригодиться.

Министры и другіе сановники Порты бывали нерѣдко люди большаго ума, но обыкновенно мало или совсѣмъ необразованные, часто

даже безграмотные,—брадобрѣи и конюхи, любимцы султана, не разъ выходили въ первые визири. Эти ренегаты всегда почти были люди безъ религіозныхъ и нравственныхъ идеаловъ, безъ умственныхъ интересовъ. Власть для такихъ людей понятна только какъ средство наживы.

Взяточничество и хищничество развивалось еще въ турецкой администраціи изъ одного невиннаго патріархальнаго обычая азіатскаго—угощать и угощаться, дарить и отдаривать. Изъ этого слабаго ростка расцвѣло потомъ роскошное дерево подъ вліяніемъ европейской культуры.

Послѣ первой же несчастной войны съ Магометомъ II Венеціанская республика пришла къ горькому убѣжденію, что на турокъ можно дѣйствовать или силою, или золотомъ, а какъ силы у синьоріи не оказалось, то она и начала suborпar смазывать турокъ. Изъ отчетовъ венеціанскихъ баиловъ и особенно изъ секретныхъ журналовъ Совѣта Десяти конца XV, XVI и XVII вѣковъ мы знаемъ, что даже въ тихое и спокойное время, въ самыхъ простыхъ сношеніяхъ съ пограничными турецкими властями, съ санджаками Черной Горы, Герцеговины, Босніи или съ самою Портою въ Стамбулѣ нельзя было обходиться безъ разныхъ приношеній и хотя бы не дорогихъ, но частыхъ подарковъ. Когда же дѣла усложнялись,—часто потому, что какому нибудь визирю, беглербею или санджаку вдругъ покажется, что его венеціанцы мало уважаютъ,—когда возникали столкновенія венеціанскихъ и турецкихъ подданныхъ на морѣ или въ Далмаціи, или когда по окончаніи войны и при заключеніи мира начинались дѣла по опредѣленію новыхъ границъ, тогда Совѣтъ X прибѣгалъ уже къ крупнымъ подаркамъ и настоящимъ взяткамъ въ десятки тысячъ дукатовъ. Тогда приходилось обдаривать не одного перваго визиря, а и другихъ пашей и разныхъ евнуховъ сераля. Надо было пріобрѣтать и посылать разныя рѣдкія и дорогія вещи для самого султана, для вліятельной султанши-матери, для любимой его жены. Бывало иная султанша просто отъ скуки пришлетъ къ венеціанскому баилу свою знакомую еврейку выразить ему свое удивленіе, что она такъ давно уже не видитъ никакого къ себѣ вниманія отъ республики. Въ трудныя минуты венеціанскіе посланники не могли забывать разныхъ евреевъ, которые нерѣдко играли большую роль въ сералѣ и у визирей въ качествѣ ли банкировъ, факторовъ и врачей или шпіоновъ, передававшихъ Портѣ получаемыя ими европейскія новости отъ евреевъ польскихъ, германскихъ, испанскихъ и итальянскихъ. Наконецъ надо было подкупать и разныхъ евреекъ, которыя таскались въ султанскіе гаремы, продавали скучающимъ женамъ разные талисманы, секретныя чары и тряпки и на нихъ выманивали у этихъ рабынь самые дорогіе брилліанты. Иногда спохватясь евнухи розъискивали ихъ потомъ съ великою горячкою у ювелировъ Стамбула.

Задаривали и подкупали турокъ не одни венеціанцы, но и всѣ имѣвшіе въ нихъ нужду европейцы: австрійцы, французы и англи-

чане. Даже самъ экономный Фридрихъ II послалъ Портѣ въ 1761 г. такіе богатые подарки, какихъ, по замѣчанію современника, и въ сто лѣтъ не дѣлали французы.

Вообще такіе подарки и взятки у турокъ не считались вовсе дѣломъ зазорнымъ.

Получалъ ли чиновникъ новое мѣсто или награду, ѣхалъ ли въ провинцію или ворочался въ Стамбулъ, онъ представлялся султану и всегда подносилъ ему въ подарокъ или шубы, или оружіе, или деньги. Все это складывалось въ особые сундуки или развѣшивалось по стѣнамъ въ особыхъ комнатахъ сераля. Время отъ времени подлежавшія порчѣ вещи вынимались изъ сундуковъ или выносились изъ казны султана и продавались на рынкѣ. Вырученныя деньги шли въ денежные сундуки султанской казны въ сералѣ. Часто бывало, что желавшіе предстать падишаху, обращались къ евнухамъ и покупали у нихъ какіе нибудь старые подарки и съ ними являлись къ султану. Такъ нерѣдко онъ получалъ въ десятый разъ одинъ и тотъ же подарокъ.

Какъ тутъ, такъ и при описи и распродажѣ имущества умиравшихъ своею смертью или отъ удавленія, по приказу султана, министровъ и другихъ сановниковъ Порты, многія дорогія вещи раскрадывались евнухами, пажами и разными чиновниками, или продавались за безцѣнокъ пашамъ, которымъ надо было услужить.

Когда самъ султанъ былъ скупъ, какъ напр. Муратъ III, то эти подарки отъ живыхъ, наслѣдства послѣ умершихъ или конфискаціи разжалованныхъ сановниковъ Порты достигали очень крупныхъ размѣровъ. Сверхъ обыкновенныхъ пріемовъ въ диванѣ Муратъ устраивалъ еще секретныя аудіенціи въ кіоскѣ. Искатели хорошихъ мѣстъ подносили султану авансомъ 20—30 тысячъ скудовъ. Дабы дольше удержаться на полученномъ мѣстѣ, посылались изъ провинціи черезъ довѣреннаго человѣка новые подарки. Но султанъ все-таки часто мѣнялъ личный составъ администраціи и судебнаго вѣдомства — при немъ и на судейскія мѣста попадали ренегаты. Такъ спѣшили отбирать у прежнихъ чиновниковъ нажитое ими богатство и продавать ихъ мѣста новымъ любителямъ почестей и наживы.

Особымъ хищничествомъ отличалось въ Стамбулѣ адмиралтейство. Одинъ изъ венеціанскихъ баиловъ конца XVI в. утверждаетъ: „Хотя обыкновенно говорятъ, что галера въ чернѣ стоитъ только 1,000 дукатовъ, однако я могу васъ увѣрить, что одинъ построенный въ мое время султанскій каикъ обошелся въ 100 т. дукатовъ. Въ адмиралтействѣ грабятъ всѣ отъ адмирала до послѣдняго служащаго. Изъ султанскаго лѣса и желѣза всѣ строятъ для себя корабли, торговыя суда и цѣлые дома. Изъ казеннаго паруснаго холста адмиралъ шьетъ рубахи для своихъ рабовъ, — а у него ихъ не одна тысяча. До 500 рабовъ своихъ онъ опредѣлилъ рабочими въ адмиралтейство и беретъ отъ 5 до 10 астровъ въ день на человѣка, хотя половина изъ нихъ совсѣмъ и дѣла не знаетъ. Деньги онъ беретъ себѣ, а каждому изъ

нихъ онъ выдаетъ по два хлѣба на день. Все остальное должны они промышлять себѣ сами. Они воруютъ и адмиралъ глядитъ на это сквозь пальцы, зная, что иначе имъ жить нечѣмъ. „Судостроителями, капитанами судовъ, лоцманами и вольными матросами были преимущественно греки-христіане. Хорошее жалованье и большіе доходы привлекали въ турецкое адмиралтейство множество грековъ не только турецкихъ, но и венеціанскихъ. Всегда держа грековъ въ черномъ тѣлѣ, систематически притѣсняя ихъ вѣру и народность, республика св. Марка не допускала грековъ до такого обогащенія въ своихъ адмиралтействахъ въ Венеціи или въ Кандіи не потому, чтобы она трудомъ и способностями грековъ не пользовалась и не дорожила, и не потому, что венеціанская администрація была безукоризненна. Нѣтъ, греки, а затѣмъ уже славяне Далмаціи всегда составляли главную силу Венеціанскаго флота. Мы знаемъ, что въ XVI в., особенно во второй его половинѣ, безпорядки и злоупотребленія въ Венеціанскомъ флотѣ были часто вопіющіе. Нѣкоторые достойные сенаторы и адмиралы много разъ жаловались на это въ сенатѣ, но флотъ Венеціанскій таялъ и пропадалъ отъ такого же, какъ и турецкое, казнокрадства, только болѣе тонкаго и умнаго. Греки же въ Венеціанскомъ флотѣ мало или вовсе не разживались, ибо всѣ высшія и теплыя въ немъ мѣста всегда были въ рукахъ итальянцевъ.

Въ старой Турціи, за немногими исключеніями, строго выдержанное единство центральнаго управленія или кабинета было представлено первыми визирями. При султанахъ, не отличавшихся скупостью Мурата, первые визири, эти Ришелье и Мазарини, Бисмарки и Кавуры старой Турціи, получали отовсюду громадныя приношенія и подарки. Въ одну изъ труднѣйшихъ минутъ разсчетливый Совѣтъ X преподнесъ визирю 25 тыс. дукатовъ заразъ. Это была сумма огромная для того времени. Да малыхъ подарковъ нельзя было и дѣлать. Первый визирь Солимана и Селима II, Магметъ Соколи, невольный ренегатъ изъ православныхъ поповичей сербовъ, занимавшій эту должность 12 лѣтъ, оставилъ состояніе свыше 18 милл. золотомъ, накопленныхъ съ доходовъ помѣстій, бань и разныхъ строеній, а главное отъ подарковъ и приношеній. Другой визирь Солимана, Рустемъ-паша, тоже сербъ, изъ Босніи, оставилъ послѣ себя 15 милл. золотомъ. Онъ построилъ на свой счетъ одинъ водопроводъ въ пустыни на 40 дней пути по дорогѣ, пролегавшей богомольцамъ въ Мекку. Жена его, сестра Солимана, была еще богаче. Она имѣла 2,500 цекиновъ въ день; у нея была одна головная шапочка (berretta), вся въ брилліантахъ, оцѣненныхъ ювелирами въ 600,000 цекиновъ. Оба эти визиря получали огромные подарки въ 20, 30, 50 и болѣе тысячъ цекиновъ. Каирскій паша посылалъ Магмету ежегодно до 100 тыс. цекиновъ, правитель алжирскій не много менѣе.

При такихъ взяткахъ сераля и Порты понятно, какіе происходили грабежи и хищничества внутри имперіи. Всего болѣе терпѣло насе-

леніе Африки, менѣе Азіи, и еще меньше Румеліи. Впрочемъ къ продажѣ государственныхъ должностей прибѣгали не разъ и иныя государства современной Европы. Она бывала одною изъ чрезвычайныхъ доходныхъ статей ихъ бюджета. Большая часть этихъ огромныхъ состояній турецкихъ сановниковъ шла по ихъ смерти въ казну султанскую, изъ которой и покрывались чрезвычайные расходы государства. Раззорявшая населеніе система взяточничества давала иногда возможность христіанамъ дѣлать общія складчины для подкуповъ турецкой администраціи, часто очень выгодныхъ для самоуправленія общинъ. Наконецъ отсутствіе хорошихъ дорогъ и почти всякой полиціи, извѣстная распущенность турецкой администраціи, малочисленность чиновниковъ и законовъ были точно также весьма важными гарантіями свободнаго развитія христіанскихъ народностей и ихъ обычнаго права. Когда же произволъ и грабежъ усиливались, то весною, когда лѣсъ одѣвается листомъ, въ горахъ, прорѣзывающихъ весь Балканскій полуостровъ, являлись клефты и гайдуки, гроза и страхъ турокъ, любимцы и мстители христіанъ.

Если ударяютъ на злоупотребленія при Солиманѣ, то еще болѣе винятъ въ упадкѣ Турціи султана Селима II, сына Солимана и его любимой жены, одной русской плѣнницы. Своимъ сластолюбіемъ и произволомъ возмущавшій даже турокъ, когда былъ наслѣдникомъ, Селимъ сдѣлавшись султаномъ отдался пьянству и обжорству. Утромъ вставши онъ обыкновенно выпивалъ графинчикъ водки. Днемъ онъ часто удалялся въ выходившій на море кіоскъ, гдѣ проводилъ цѣлые часы, распивая вино и прислушиваясь къ пушечнымъ залпамъ, немедленно по его знаку раздававшимся послѣ каждаго выпитаго имъ стакана. У любителя утонченной кухни Селима знаменитый въ цѣлой Европѣ португальскій еврей Донъ Микезъ или Іосифъ Наси, въ одно время Ротшильдъ и Кремье своего вѣка, пріобрѣлъ въ сералѣ огромную силу и вліяніе, благодаря своей или повара своего неистощимой творческой фантазіи въ сочиненіи все новыхъ и новыхъ блюдъ для султана. За пиршествомъ Селимъ просиживалъ иногда два-три дня на пролетъ съ веселыми разказчиками анекдотовъ, двумя любимыми сановниками, армяниномъ и сербомъ, съ шутами, карлами и нѣмыми,—обыкновенными собесѣдниками большей части султановъ.

При Селимѣ въ 1571 г. произошла знаменитая морская битва при Лепанто. Соединенныя эскадры испанская, венеціанская и папская нанесли жестокое пораженіе Турецкому флоту. Винить ли въ этомъ Селима или приписывать это пораженіе появленію новыхъ злоупотребленій въ Турецкомъ адмиралтействѣ? но въ немъ никогда безъ хищничества ничего не строилось. Корабли турецкіе и прежде наскоро сколоченные изъ сыраго лѣса, служили на морѣ не болѣе 3-хъ лѣтъ и отъ хорошаго ядра легко шли ко дну. Въ 1416 г. венеціанцы одни разбили на голову Турецкій флотъ при Галлиполи. Правда, тогда Турецкій флотъ былъ гораздо малочисленнѣе, чѣмъ въ XVI в. Въ концѣ

же XV в. въ войнахъ съ Магометомъ II и Баязетомъ Венеція одна безъ союзниковъ избѣгала большихъ морскихъ сраженій съ турками. Осторожная и разсчетливая республика никогда не любила рискованныхъ предпріятій. Она не довѣряла своимъ греческимъ экипажамъ; въ продолженіе этихъ войнъ она убѣждалась на каждомъ шагу, что ея греческіе подданные сочувствуютъ туркамъ и желаютъ имъ побѣды. Въ войну же съ Солиманомъ 1538 — 1539 г. Венеція была въ союзѣ съ Испаніею. Если тогда не произошло Лепанто, то вовсе не благодаря лучшему состоянію тогдашняго Турецкаго флота. Начальникъ испанской эскадры, генуэзецъ Доріа, злѣйшій врагъ венеціанцевъ, все дѣлалъ съ своей стороны, дабы повредить республикѣ. Испанія и вступила казалось съ нею въ союзъ лишь для того, чтобы втянуть ее въ войну съ турками и руками турецкими ее унизить и наказать за недавній тайный ея союзъ съ турками противъ Испаніи и Австріи (1527—29). Послѣ битвы при Лепанто, когда беззащитный Константинополь былъ совершенно открытъ союзникамъ, между венеціанцами и испанцами начались тотчасъ же такія пререканія и ссоры, что по замѣчаніямъ самихъ современниковъ того и другаго лагеря, они ненавидѣли другъ друга гораздо болѣе чѣмъ турокъ. Каждый изъ нихъ, радуясь своей побѣдѣ, казалось, жалѣлъ, что турки не разбили ненавистнаго союзника.

Черезъ полгода послѣ Лепанто турки уже имѣли новый флотъ столь же многочисленный. Такъ легко обновляла Турція свои морскія силы благодаря службѣ у нея грековъ, неистощимому запасу превосходнаго лѣса и всякаго корабельнаго матеріала. Новый флотъ конечно состоялъ изъ дурныхъ галеръ и мало опытнаго и обученнаго экипажа, но тѣмъ не менѣе венеціанская эскадра не осмѣлилась одна вступить съ ними въ бой даже послѣ Лепанто. Еще года за три до этой побѣды союзниковъ, на островѣ Кипрѣ греческіе крестьяне, удрученные тягостью крѣпостнаго права, и духовенство, угнетаемое правительствомъ и прелатами, составили заговоръ противъ Венеціи и призывали турокъ освободить ихъ изъ когтей венеціанскаго льва. Извѣстившись объ этомъ заговорѣ еще до начала Турецкой войны, прежде самъ своими распоряженіями поддерживавшій на Кипрѣ помѣщиковъ и стѣснявшій париковъ, т. е. крѣпостныхъ, Совѣтъ X поспѣшилъ секретно предписать губернатору Кипра созвать помѣщиковъ острова и ласкою и угрозами убѣдить ихъ приступить немедленно къ освобожденію крестьянъ. Но было уже поздно. Турки пришли и высадились на берегъ.

Искусно защищенныя отличными итальянскими инженерами, съ хорошими генералами и артиллеріей, съ небольшимъ, но отборнымъ войскомъ изъ разныхъ итальянцевъ и хорватовъ, обѣ крѣпости острова Никосія и Фамагоста, несмотря на храбрую защиту, все таки пали и достались въ руки полуграмотнаго и пьянаго Селима. Синьорія поспѣшила, не безъ крупныхъ взятокъ въ Стамбулѣ, заключить миръ съ турками, и послѣ короткой войны и блистательной побѣды при

Лепанто была рада, что отдѣлалась однимъ Кипромъ. Въ слѣдующую затѣмъ войну, съ 1645 г., республики съ Турціею, несмотря на всю энергію, пожертвованія и искусство венеціанцевъ, всѣ безобразія тогдашней турецкой администраціи, на великое развлеченіе ея силъ единовременною войною съ Австріею и возстаніемъ въ Азіи, на цѣлый рядъ самыхъ безалаберныхъ дѣйствій и распоряженій турецкихъ военачальниковъ на о-вѣ Критѣ и въ Венгріи, Венеція все-таки должна была разстаться съ островомъ Критомъ въ 1669 г., ибо греческое его населеніе, какъ кипріоты въ прошломъ столѣтіи, не терпѣло венеціанцевъ, радовалось ихъ неудачамъ и желало перейти къ туркамъ.

Не прошло и 20 лѣтъ, Венеція вступила въ священный союзъ съ Австріею, затѣмъ Польшею и Россіею, и въ то время, когда Турецкая армія, принужденная Собѣсскимъ отступить отъ Вѣны, боролась въ Венгріи, Венеціанскій флотъ и Венеціанско-нѣмецкое войско овладѣли Мореею, заняли Аѳины, окружили Негропонтъ. Послѣ блистательной побѣды Евгенія Савойскаго при Центѣ 1697 г. Турція вынуждена была заключить первый постыдный для нея миръ въ Европѣ въ 1699 г. По Карловицкому миру Венеціи досталась вся Морея. Цѣлымъ рядомъ органическихъ мѣръ, стройныхъ и обдуманныхъ, Венеція старалась укрѣпить свою власть и поднять благосостояніе въ Греціи. Но при всемъ своемъ умѣ и государственныхъ способностяхъ венеціанская аристократія не умѣла отказаться отъ своихъ старыхъ воззрѣній на Греческую церковь и греческихъ крестьянъ.

Петръ Великій унаслѣдовалъ съ отцовскимъ престоломъ и великій нравственный авторитетъ, коимъ издавна уже пользовались цари московскіе во всемъ восточномъ христіанствѣ. До небывалыхъ размѣровъ онъ укрѣпилъ и распространилъ старыя съ нимъ связи Россіи. Своимъ геніальнымъ умомъ и колоссальною энергіею онъ необычайно поднялъ обаяніе русскаго царя и царства у славянъ, грековъ и всѣхъ восточныхъ христіанъ. Съ Петра Великаго эти народы почуяли въ себѣ приливъ силъ и привѣтствовали въ его исполинскомъ образѣ воплощеніе своихъ давнихъ чаяній и надеждъ. Петръ Великій имѣлъ много горячихъ друзей и приверженцевъ не только между христіанами Турціи, но и православными греками и даже католиками славянами, подданными республики св. Марка. Въ концѣ 1710 г. Петръ Великій написалъ письмо въ сенатъ венеціанскій, жаловался на притѣсненіе Греческой церкви и просилъ дать ей свободу. Не теперь же было грекамъ мириться съ латинскимъ владычествомъ въ Мореѣ. Первый визирь, Дамадъ Али-паша, въ 1714 г., говоря въ диванѣ за войну съ Венеціею, сказалъ между прочимъ, что „новые подданные Синьоріи ничего такъ не желаютъ, какъ вновь возвратиться подъ старую власть султана“.

Турки объявили войну Венеціи въ 1715 г. Несмотря на союзъ съ Австріею, новыя побѣды Евгенія Савойскаго и выгодный Пожаревецкій миръ 1718 г., Морея была навсегда потеряна для Венеціи.

Греки передавались туркамъ изъ оправданной вѣками нелюбви и

наслѣдованнаго отъ дѣдовъ недовѣрія къ венеціанцамъ, а вовсе не изъ любви къ туркамъ. Что греки дѣйствительно были, по замѣчанію одного Петровскаго посланника въ Турціи, запазушные враги турокъ, это они доказали поспѣшнымъ и преждевременнымъ возстаніемъ своимъ во время архипелажской экспедиціи Орлова-Чесменскаго, славною своею борьбою за независимость, приведшею наконецъ послѣ Наварина и Адріанопольскаго мира къ образованію Греческаго королевства.

Другимъ сосѣдомъ Турціи въ Западной Европѣ, съ кѣмъ послѣ Венеціи она наиболѣе воевала, была нынѣшняя Австро-Венгрія. Какъ въ войнахъ съ Венеціею Турція отбирала шагъ за шагомъ у Венеціи старыя ея завоеванія въ греческихъ владѣніяхъ, такъ здѣсь боролась Турція сначала за изгнаніе венгерскаго вліянія изъ Болгаріи, Сербіи и Босніи, а потомъ за изгнаніе габсбургскаго, нѣмецко-католическаго вліянія изъ Трансильваніи и части Венгріи.

Австрія была все-таки счастливѣе Венеціи, хотя она и видѣла два раза Турецкую армію подъ стѣнами столицы, отчего была избавлена Венеція, однако черезъ полтораста лѣтъ съ небольшимъ, послѣ великихъ усилій, она успѣла наконецъ вытѣснить турокъ изъ Венгріи.

Въ этомъ отношеніи Австріи особенно помогла одна ея ловкая политическая мѣра: приглашеніе православныхъ сербовъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. въ числѣ слишкомъ 1 милл. душъ. Имъ были даны великолѣпныя обѣщанія относительно свободы церкви и прописаны самыя широкія права въ особыхъ дипломахъ.

Пылкіе, увлекающіеся сербы не имѣли терпѣнія и выносливости грековъ и болгаръ. Имъ показалось, что они не могутъ болѣе ждать. Они переселились изъ Старой Сербіи въ Австрію. Ихъ храбрости и увлеченію обязаны были австрійцы значительною долею своихъ успѣховъ въ двухъ войнахъ съ турками, прославленныхъ побѣдами Евгенія Савойскаго.

Тотчасъ почти послѣ Пожаревецкаго мира началось въ Австріи насильственное обращеніе этихъ сербовъ въ унію, что̀ и повело затѣмъ къ извѣстному выселенію изъ Австріи въ Россію 100 тысячъ сербовъ въ царствованіе Елизаветы Петровны.

Но Пожаревецкимъ миромъ Австрія еще не окончила своихъ войнъ съ Турціею, вела съ нею еще двѣ войны, и хотя обѣ въ союзѣ съ Россіею, но уже несчастливо. Вторая война ничего Австріи не дала. Первая же была особенно несчастна: ея войска не одержали надъ турками ни одной побѣды и даже понесли пораженія. По миру, заключенному въ Бѣлградѣ 1739 г., Австрія потеряла Бѣлградъ и часть нынѣшней Сербіи, доставшіяся ей по миру 1718 г. Тутъ есть большое сходство съ потерею венеціанцами Мореи.

Какъ въ Мореѣ, такъ и въ Сербіи, началось потомъ народное возстаніе противъ турокъ. Какъ изъ отнятой турками у Венеціи Мореи,

такъ изъ отнятой же ими у Австріи Сербіи образовались наконецъ два независимыя православныя государства.

Австрійскій посолъ въ Константинополѣ, баронъ Тугутъ, писалъ въ 1774 г., что Кучукъ-Кайнарджійскій миръ есть одно изъ величайшихъ несчастій для Австріи, это-де печальнѣйшее событіе, полное самыхъ злополучныхъ послѣдствій.

Нетрудно замѣтить все легкомысліе такого сужденія. Если Австрія въ союзѣ съ Россіею въ 1730-хъ и 1780-хъ годахъ не могла успѣшно бороться съ Турціею, то какой же рядъ самыхъ грозныхъ ударовъ и бѣдствій неминуемо постигъ бы Австрію, если бы Турція, не ослабленная Екатерининскою войною и этимъ злополучнымъ миромъ, совсѣмъ не тревожимая Россіею, стала нападать изъ Босніи и Бѣлграда на Австрію въ исходѣ XVIII и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, еслибы тѣснившая и поражавшая тогда Австрію Франція обратилась къ старой своей союзницѣ Турціи противъ Габсбургской монархіи? Духъ Бочкаевъ, Тёкели и Ракоціевъ жилъ еще долго въ Венгріи и послѣ несчастнаго Бѣлградскаго мира.

Но несомнѣнно спасшія Австрію отъ неминуемой иначе погибели двѣ русско-турецкія войны и два мира Кучукъ-Кайнарджійскій и Ясскій имѣютъ громадное, всемірное значеніе, вовсе не по этой счастливой для Австріи случайности. Мы знаемъ, что противъ Франціи и безъ союза ея съ Турціею, тотъ же Тугутъ долженъ былъ призывать на помощь, умолялъ и умолилъ наконецъ Россію для спасенія Австріи.

Эти Екатерининскія войны съ Турціею для Русскаго народа были еще непріятнѣе, чѣмъ даже для грековъ, славянъ и вообще христіанъ турецкихъ.

Иногда сравниваютъ монгольское, татарское владычество надъ Русью съ турецкимъ владычествомъ надъ греками и славянами. Есть нѣкоторыя черты сходства, но было и великое различіе.

Покоривъ Русь, монголы не усѣлись въ ней, не заняли ея городовъ, а наложивъ дань, сохранили ей прежнюю политическую организацію, ея князей и княжества. Съ возвышеніемъ и усиленіемъ одного изъ нихъ на счетъ другихъ, съ собраніемъ Руси и утвержденіемъ въ Москвѣ единодержавія при Иванѣ III совершилось ея освобожденіе отъ татарскаго ига. Въ слѣдующее столѣтіе при его внукѣ были покорены царства Казанское и Астраханское. Но еще оставалось въ Крыму гнѣздо отчаянныхъ хищниковъ. Чуть не каждое пятилѣтіе (среднимъ числомъ), а часто и ежегодно ордынцы крымскіе чинили свои набѣги на Польскую и Московскую Украйну. Избѣгая сраженій, они нападали на деревни и села и со скотомъ вмѣстѣ угоняли за собою тысячи, десятки тысячь крестьянъ, ихъ женъ и дѣтей. Небольшую часть оставивъ у себя, всю остальную массу плѣнныхъ продавали они генуэзскимъ купцамъ и евреямъ, которые изъ Кафы отправляли эту массу рабовъ на рынокъ въ Константинополь. Въ четыре столѣтія Великая и Малая Русь и часть Польши (татарскіе набѣги простирались и въ западную

Галицію), можно смѣло полагать, лишилась такимъ путемъ не менѣе 3—5 милл. душъ своего населенія.

Венеціанскіе посланники XVI в. говорятъ, что вся прислуга Константинополя у турокъ и христіанъ состояла изъ этихъ русскихъ рабовъ и рабынь. Не было нянекъ и кормилицъ, если крымцы долго не чинили набѣговъ на Восточную и Западную Русь. Русскія рабыни встрѣчаются еще въ XV в. въ разныхъ городахъ Италіи. Не мало было русскихъ рабовъ и у султановъ мамелюковъ въ Египтѣ. Съ конца XVI в., въ XVII и даже еще въ XVIII в., русскихъ рабовъ употребляли на военныхъ галерахъ какъ гребцовъ-колодниковъ, вѣчно закованныхъ въ цѣпи, Венеція и Франція.

Кольберъ особенно не жалѣлъ денегъ на покупку этихъ рабовъ на рынкахъ Леванта, а благочестивый Людовикъ XIV только иногда прибавлялъ, чтобы эти Russiens не были Schismatiques.

Въ такихъ размѣрахъ совершалась въ XV, XVI, XVII и XVIII вв. торговля русскими невольниками и невольницами въ Европѣ.

Только покореніемъ Крыма былъ положенъ конецъ этой позорной для Европы торговлѣ рабами-христіанами.

Можно сказать, что ни одна православная, ни одна славянская народность такъ не была унижена и несчастлива въ Турціи, какъ народность русская. Русскіе терпѣли отъ турокъ болѣе грековъ, болгаръ и сербовъ.

Вотъ источникъ одушевленія и восторга, съ какими Россія и наша словесность XVIII в. привѣтствовала побѣды Екатерининскихъ орловъ.

Освобожденіе турецкихъ христіанъ, вслѣдствіе иного характера турецкаго владычества, произошло иначе чѣмъ освобожденіе Руси отъ татаръ.

Тамъ началось освобожденіе съ возстаній клефтовъ и гайдуковъ, но оно не могло быть доведено до настоящаго даже признаннаго Берлинскимъ трактатомъ положенія Болгаріи, Сербіи, Черногоріи и Греціи безъ великихъ усилій и пожертвованій со стороны Россіи, уложившей не одинъ милліонъ людей и милліарды рублей на восемь своихъ турецкихъ войнъ.

Прекрасна, живительна идея народности и въ словесности и въ общественной жизни народовъ и государствъ. Есть много прелести и задушевности въ маленькихъ словесностяхъ, какъ есть много удобствъ въ маленькихъ государствахъ, живущихъ подъ охраною великихъ державъ. Но есть и великое благо и предстоитъ крайняя нужда и въ большихъ міровыхъ цивилизаціяхъ, въ міровыхъ языкахъ и въ ихъ хранительницахъ—великихъ міровыхъ державахъ, представляющихъ интересы цѣлыхъ расъ и особыхъ культурныхъ міровъ.

Единство и цѣлость царства, миръ и могущество Россіи, процвѣтаніе русской науки и просвѣщенія, да одушевляютъ же насъ всегда на всѣхъ путяхъ нашей жизни.

В. Ламанскій.

МИЦКЕВИЧЪ ВЪ РОССІИ.

II.

Москва и Петербургъ [1]).

ВЪ КОНЦѢ августа 1824 года окончилось судебное слѣдствіе надъ членами тайнаго общества Филаретовъ.

По приговору слѣдственной коммиссіи Мицкевичъ былъ отправленъ въ Петербургъ къ министру народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову, который, согласно съ выраженной поэтомъ просьбой—служить въ Одессѣ при Ришельевскомъ лицеѣ, отправилъ его къ попечителю лицея, снабдивъ пособіемъ и прогонами. Мицкевичъ пріѣхалъ въ Одессу въ февралѣ мѣсяцѣ 1825 года. Во время своего десятимѣсячнаго пребыванія въ Одессѣ онъ посѣтилъ Крымъ и воспѣлъ красоты Тавриды въ „Крымскихъ сонетахъ".

Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ извѣстій объ образѣ жизни и положеніи Мицкевича въ Одессѣ, равно какъ и о лицахъ, его окружавшихъ; извѣстно только, что поэтъ былъ дружески принятъ въ домѣ Залѣсской, которой посвятилъ свою поэму „Конрадъ Валенродъ", задуманную и начатую имъ въ Одессѣ, оконченную-же въ Москвѣ. Самъ Мицкевичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ коротко, что жилъ въ Одессѣ „какъ паша".

Скоро дальнѣйшее пребываніе Мицкевича въ Одессѣ было признано почему-то неудобнымъ, но ему предоставили свободный выборъ мѣста жительства внутри Россіи. Онъ избралъ Москву, и, получивъ отъ щедротъ государя пособіе, отправился туда въ декабрѣ 1825 года и былъ причисленъ къ канцеляріи генералъ-губернатора князя Голицына. Первыя минуты жизни въ столицѣ для Мицкевича, не имѣвшаго никакихъ знакомствъ, были однообразны и скучны. Вотъ какъ

---

[1]) Окончаніе. См. № 4 „Историческаго Вѣстника".

самъ онъ описываетъ свою московскую жизнь въ письмѣ отъ 9 іюня 1826 года, адресованномъ въ Оренбургъ:

„Съ декабря, какъ вамъ извѣстно, я въ Москвѣ; здоровъ совершенно, одни лишь глаза меня безпокоятъ; живу вмѣстѣ съ Малевскимъ и Будревичемъ; у насъ свой столъ довольно хорошій, мы прозябаемъ изрядно, книги въ рукахъ бываютъ рѣдко, а почти всегда идетъ бесѣда. У насъ нѣтъ никакихъ знакомыхъ, и другаго общества, кромѣ собственнаго, не имѣемъ. Будревичъ цѣлый день куритъ трубку, по вечерамъ смотритъ на свѣчу, всегда готовъ играть въ шахматы, а иногда заглядываетъ въ математическую книгу. Я мало отличаюсь отъ товарища по образу жизни наружно и внутренно. Послѣ выѣзда изъ Одессы, гдѣ я жилъ какъ паша, муза моя облѣнилась, я не могу кончить Валенрода, не знаю, какую пріобрѣту славу, но важнѣе всего то, что могу поправить свои финансы; до сихъ поръ и въ этомъ отношеніи я кое-какъ изворачиваюсь и могу даже послать вамъ не одинъ десятокъ рублей".

Вслѣдъ затѣмъ Мицкевича постигла тяжкая болѣзнь; оправившись отъ нея, онъ пишетъ въ Казань Ковалевскому:

„Едва поправляюсь отъ болѣзни и до сихъ поръ принимаю лѣкарства; къ обычной лѣни присоединилась слабость и отсутствіе аппетита. Не могу не посовѣтовать тебѣ—не изнуряй здоровья излишнимъ трудомъ, лучше живи по моему: курю трубку, играю въ шахматы, или веду пріятельскую бесѣду".

Эти письма были писаны послѣ шестимѣсячнаго пребыванія Мицкевича въ Москвѣ. Онѣ безъ всякихъ объясненій лучше всего рисуютъ душевное состояніе поэта сравнительно съ его настроеніемъ во время пребыванія въ Ковно. Черезъ нѣсколько времени въ одной изъ московскихъ типографій были напечатаны его сонеты.

„Вотъ необыкновенное явленіе—писалъ по поводу появленія этого изданія князь Вяземскій.—Изящное произведеніе одного изъ первоклассныхъ поэтовъ Польши напечатано въ Москвѣ, гдѣ, можетъ быть, не болѣе десяти читателей въ состояніи узнать ему цѣну. Москва почти необитаемый островъ для польскаго поэта. Нельзя не подивиться и не пожалѣть, что Польская литература такъ мало у насъ извѣстна. Журналамъ польскимъ и русскимъ предоставлена обязанность изготовить предварительныя мѣры семейнаго сближенія. Радуюсь, что мнѣ выпалъ счастливый жребій запечатлѣть одинъ изъ первыхъ шаговъ къ сей желаемой цѣли ознакомленіемъ русскихъ читателей съ сонетами Мицкевича, которые, безъ сомнѣнія, поведутъ къ дальнѣйшему знакомству, еслибы Мицкевичъ былъ побуждаемъ равнымъ желаніемъ способствовать къ этому соединенію".

Задушевная искренность Вяземскаго, съ которою онъ обращается къ Мицкевичу, была выраженіемъ его внутренняго убѣжденія о роли, къ которой сама судьба призывала Мицкевича, забросивъ его въ среду русскихъ. Лестный отзывъ Вяземскаго о поэтическихъ достоин-

ствахъ произведеній Мицкевича и переводъ его сонетовъ сдѣлалъ имя Мицкевича извѣстнымъ Москвѣ и открылъ ему входъ въ лучшія московскія гостинныя. Сблизившись съ Русскимъ обществомъ, Мицкевичь сталъ другимъ человѣкомъ, нежели мы его видѣли въ Ковно. Одинъ изъ московичей, близко знавшій Мицкевича во время его пребыванія въ Москвѣ, пишетъ слѣдующее:

„Мицкевичь радушно былъ принятъ въ Москвѣ. Она видѣла въ немъ подпавшаго дѣйствію административной мѣры, ни мало не заботясь о поводѣ, вызвавшемъ эту мѣру; въ это время не существовало еще такъ названнаго Польскаго вопроса. Все располагало къ нему общество; онъ былъ уменъ, благовоспитанъ, одушевленъ въ разговорахъ, обхожденія утонченно вѣжливаго, держался просто, не корчилъ изъ себя политической жертвы, въ немъ не было ни слѣда польской заносчивости, ни обрядной уничижительности. При оттѣнкѣ меланхолическаго выраженія въ лицѣ, онъ былъ веселъ, остроуменъ, мѣтокъ въ словахъ и выраженіяхъ, говорилъ хорошо по русски".

Въ Москвѣ и Петербургѣ Мицкевичь составилъ себѣ обширный кругъ знакомыхъ и особенно близокъ былъ съ кружкомъ литераторовъ. Изъ писемъ Одынца видно, что Мицкевичь въ письмахъ своихъ къ нему изъ Москвы и Петербурга сообщалъ много подробностей о своихъ отношеніяхъ къ русскимъ литераторамъ, но никогда ни слова не писалъ о своихъ успѣхахъ и почетѣ, которыми пользовался среди ихъ. Къ сожалѣнію эти письма къ Одынцу до сихъ поръ не напечатаны. Тѣсный литературный кругъ, къ которому принадлежалъ Мицкевичь, составляли въ Москвѣ: Баратынскій, Кирѣевскій, Елагинъ, Хомяковъ, Полевой, Шевыревъ, Соболевскій, Погодинъ и пр.; въ Петербургѣ: Вяземскій, Жуковскій, Козловъ и Пушкинъ.

Въ Москвѣ домъ княгини Зинаиды Волконской былъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ замѣчательныхъ личностей современнаго общества. Представители большаго свѣта, сановники и красавицы, молодежь, люди зрѣлые, профессора, художники, артисты, поэты,—словомъ все, что носило печать служенія искусству или мысли, сосредоточивалось въ домѣ княгини. Въ ея домѣ происходили чтенія, концерты, спектакли. Сама княгиня при красотѣ и любезности обладала прекраснымъ контръ-альтомъ. Мицкевичь былъ усерднымъ посѣтителемъ салона княгини. Сожитель и товарищъ его въ Москвѣ пишетъ одному изъ своихъ друзей: „Княгиня Волконская это—настоящій, воплощенный ангелъ доброты; а какъ прекрасно, какъ тепло въ ея домѣ; на лѣстницѣ дома княгини теплѣе, нежели у насъ въ комнатѣ при каминѣ." Мицкевичь питалъ какое-то благоговѣйное чувство къ княгинѣ; оно ясно высказалось въ стихахъ, въ которыхъ поэтъ описываетъ одну изъ комнатъ княгини, украшенную произведеніями греческаго искусства, а также въ посвященіи при поднесеніи ей „Крымскихъ сонетовъ" и при встрѣчѣ съ нею за-границею. Это не была любовь въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но какое-то нѣжное чувство, которое

может питать лишь человѣкъ съ поэтическимъ настроеніемъ къ прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ женщинѣ. Это любовь мужчины къ женщинѣ, но пропущенная сквозь призму поэзіи.

Мицкевичь истинно античною кистью описалъ комнату княгини, носившую названіе греческой.

„Среди остатковъ греческаго искусства, подвергшагося вліянію разрушительнаго времени, уцѣлѣлъ ликъ Сатурна и на коринѳской урнѣ виднѣются признаки воскресающаго генія Эллады. Этотъ воскресающій геній народа озаряетъ дремлющихъ боговъ и чело прекраснѣйшей изъ нимфъ, хозяйки дома—указывающей поэту путь.

„О! пусть, восклицаетъ поэтъ, всѣ эти божества мирно покоятся подъ бронзовымъ и каменнымъ покровомъ, но пусть только пробудитъ въ тебѣ, о прекрасная нимфа, чувства богъ любви, который улетѣлъ изъ лона Афродиты и сладко сосетъ грудь винограда. О прекрасная нимфа! принесемъ общую жертву этому божеству! Но увы! Она холоднымъ взоромъ, какъ жезломъ Меркурія, поражаетъ мои помыслы, и духъ мой, стремившійся въ страну блаженства, прогоняетъ безжалостно въ міръ дѣйствительности, міръ безнадежныхъ желаній. Что же скажу, очутившись въ немъ? Скажу, что видѣлъ рай, былъ близокъ къ нему, но увы, испыталъ лишь одинъ мигъ блаженства и счастья".

Поэтъ, поднося княгинѣ „Крымскіе сонеты", обращается къ ней въ стихахъ на Французскомъ языкѣ. Въ этомъ обращеніи онъ завидуетъ живописцу, который не имѣетъ нужды облекать свои чувства въ родную ему, но чуждую другимъ рѣчь, слова которой подобно узникамъ смотрятъ изъ-за желѣзной рѣшотки, скрывающей ихъ лица и искажающей ихъ черты.

Поэтъ слова завидуетъ пѣвцу, который силою одного звука говоритъ понятно и проникаетъ въ душу, „между тѣмъ какъ мои чувства, говоритъ поэтъ, облекаясь въ непонятныя ей слова, уподобляются подземнымъ потокамъ, которыхъ шумъ никому не слышенъ. О, неблагодарная поэзія! Я создавалъ стихи, и подношу одни печатные листы. Она увидитъ непонятныя ей знаки — ноты для музыки, которая, увы, никогда не будетъ исполнена!"

Пушкина, Жуковскаго, Вяземскаго, съ которыми такъ желательно было познакомиться Одынцу, не было въ Петербургѣ, когда другъ Мицкевича прибылъ въ столицу. Всѣ трое, по словамъ Одынца, принадлежали къ самымъ близкимъ друзьямъ Мицкевича, и онъ самъ, прибавляетъ Одынецъ, питаетъ къ нимъ сердечную привязанность.

Много ходило легендъ о знакомствѣ Пушкина съ Мицкевичемъ. Объяснить это не трудно. На славянскомъ горизонтѣ явились одновременно два свѣтила, которыя ярко освѣтили не только родной горизонтъ, но обратили на себя вниманіе просвѣщеннаго Запада.

Оба общества: Русское и Польское, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за двумя поэтами съ чувствомъ восторга и гордости. Судьба вела эти двѣ великія личности ко взаимному сближенію; въ ихъ сбли-

женіи выражалась какъ-бы воля судьбы, ведущая два соплеменные народа къ тѣсному сближенію. Исторія политическихъ столкновеній сказала уже свое послѣднее слово; народная мысль стремилась высказаться въ словѣ двухъ представителей народной мысли и воли. И это было близко и возможно! Въ судьбѣ обоихъ поэтовъ было много общаго и схожаго. Оба они подвергались ссылкѣ и какъ-бы искали другъ друга. Почти въ одно время посѣтили они югъ Россіи. Красоты южной природы благотворно повліяли на каждаго изъ нихъ: явились „Крымскіе сонеты“, „Цыгане“ и „Бахчисарайскій фонтанъ“. Съ юга оба поэта спѣшили въ Москву и Петербургъ и здѣсь оба сблизились между собою узами искренней дружбы. Инстинктивно всѣ ждали стройной пѣсни двухъ пѣвцовъ народныхъ, возвѣщающей дружбу, любовь и братство, но, увы, не суждено было услышать славянскому міру этой пѣсни, за исключеніемъ пѣсни Пушкина: „Клеветникамъ Россіи!“ При такомъ настроеніи народнаго ума всегда создаются легенды. Одна изъ нихъ, облеченная въ двустишіе о тузѣ и козырной двойкѣ, принадлежитъ къ самымъ неудачнымъ произведеніямъ народнаго творчества, приличнымъ, по выраженію Дубровскаго, скорѣе двумъ армейскимъ, а не великимъ славянскимъ поэтамъ. Легенда о первой встрѣчѣ Пушкина съ Мицкевичемъ у Собанской, которую приводитъ нѣкто Цыпринусъ, рекомендуя себя въ свидѣтели, лишена всякаго смысла и основанія. Она не согласна съ умомъ, принципами и образованіемъ Мицкевича, и притомъ кому же не извѣстно, что Пушкинъ изучалъ Англійскій языкъ въ лицеѣ и занимался Англійскою литературою въ Крыму, а вовсе не приступилъ къ изученію ихъ по совѣту Мицкевича, какъ пишетъ Цыпринусъ.

Существуетъ разсказъ, который мнѣ самому приходилось слышать въ Кіевѣ и Харьковѣ и который повторяется до сихъ поръ, что Мицкевичь будто бы вызвалъ на дуэль Дантеса, направившаго пулю въ сердце русскаго поэта и друга.

Эта легенда ясно и вѣрно рисуетъ отношенія двухъ великихъ поэтовъ.

О времени перваго знакомства Пушкина съ Мицкевичемъ мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ это знакомство не могло состояться въ 1824 году, и два поэта не могли въ этотъ годъ укрываться подъ однимъ и тѣмъ же плащемъ отъ дождя наканунѣ наводненія въ Петербургѣ, какъ утверждаютъ нѣкоторые. Плащъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ сшитъ Мицкевичемъ во время его пребыванія въ Одессѣ въ 1825 году. Въ 1824 г. Мицкевичь дѣйствительно былъ въ Петербургѣ, но Пушкинъ оставилъ Петербургъ въ маѣ 1820 г., отправился на югъ Россіи и 1823 г. жилъ еще въ Одессѣ, затѣмъ переѣхалъ въ родовое имѣніе Псковской губерніи и въ сентябрѣ 1826 г. прибылъ въ Москву, въ которой провелъ зиму, предаваясь свѣтскимъ удовольствіямъ, которыми кипѣла тогда Москва по случаю пребыванія въ ней двора послѣ коронаціи. Въ 1828 г. Миц-

кевичъ на время пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ Москвы и писалъ одному изъ пріятелей: „Я познакомился въ Петербургѣ съ Жуковскимъ, Козловымъ и другими литераторами“; но ничего не говоритъ о Пушкинѣ, вѣроятно потому, что съ нимъ былъ уже знакомъ прежде, иначе трудно предположить, чтобы онъ не упомянулъ о Пушкинѣ, когда говоритъ о Жуковскомъ и Козловѣ. Соображая всѣ данныя, можно заключить, что знакомство двухъ поэтовъ состоялось въ Москвѣ въ 1826 г., когда оба они жили въ Москвѣ и усердно посѣщали общество и салонъ княгини Зинаиды Волконской. Въ письмѣ Одынца встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Москвѣ литераторы давали обѣдъ въ честь Пушкина, въ немъ принималъ участіе Мицкевичъ и импровизировалъ на доставшуюся ему по жребію тему. Несомнѣнно, что это и была первая минута личнаго знакомства поэтовъ; минута же болѣе тѣснаго ихъ сближенія относится къ позднѣйшему времени, когда оба жили вмѣстѣ въ Петербургѣ и уже пользовались славою великихъ поэтовъ среди соотечественниковъ и за-границею. Въ это именно время Мицкевичъ и прикрылъ Пушкина своимъ плащемъ отъ дождя у памятника Петра I, о чемъ говоритъ самъ въ своемъ стихотвореніи:

„Однажды вечеромъ двое юношей укрывались отъ дождя рука въ руку подъ однимъ плащемъ. Одинъ изъ нихъ былъ пришелецъ съ Запада, другой пѣвецъ Русскаго народа, славный пѣснями своими на всемъ Сѣверѣ. Знали они другъ друга съ недавняго времени, но знали коротко и были уже нѣсколько дней друзьями. Ихъ души, возносясь надъ всѣми земными препятствіями, походили на двѣ альпійскія скалы, которыя хотя силою потока раздѣлены на вѣки, но преклоняются другъ къ другу своими вершинами, не внимая ропоту враждебной имъ волны“.

Какія чувства питалъ Пушкинъ къ Мицкевичу, лучше всего видимъ изъ его стиховъ, когда Мицкевичъ, сдѣлавшись эмигрантомъ, изливалъ злобу на Русскій ничѣмъ неповинный народъ.

„Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужаго; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами
И пѣснями. (Онъ вдохновленъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ—и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ и нынѣ
Въ своихъ стихахъ—угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть: издалека

Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ! О Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу"!

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ импровизаціяхъ Мицкевича, которыми онъ увлекалъ своихъ столичныхъ друзей и въ чемъ являлся неподражаемымъ геніемъ. Имя его, какъ поэта, было извѣстно кружку отчасти въ подлинникѣ, отчасти въ переводахъ, но всеобщій восторгъ возбуждалъ поэтъ своими импровизаціями. Не разъ дебютировалъ Мицкевичъ въ этой роли въ Петербургѣ и Москвѣ и еще ранѣе на родинѣ. Къ сожалѣнію всѣ эти импровизаціи на вѣки утрачены за исключеніемъ импровизаціи къ Александру Ходзько. Она достаточно свидѣтельствуетъ о дарованіяхъ поэта, неимѣющаго въ этомъ родѣ себѣ соперника.

Всѣ эти импровизаціи въ столицѣ произносились на Французскомъ языкѣ, причемъ не видно, чтобы поэтъ чувствовалъ угрызеніе совѣсти въ томъ, что обращается къ друзьямъ на чуждомъ имъ языкѣ; точно также и кружокъ не чувствовалъ упрека, что не понималъ роднаго языка поэта,—такъ еще слабо сознавалась потребность сближенія славянъ между собою при помощи роднаго слова. Козловъ зналъ по польски, Мицкевичъ и Одынецъ знали по русски, однакоже вели разговоръ между собою по французски.

По свидѣтельству Одынца, въ минуту импровизаціи Мицкевичъ былъ восхитителенъ: глаза его горѣли, голосъ проникалъ въ душу слушателей и потрясалъ ее, мысль облекалась въ стройные стихи. Въ Москвѣ на обѣдѣ, данномъ въ честь Пушкина, предложено было нѣсколько темъ въ свернутыхъ бумажкахъ. Мицкевичу по жребію досталась тема: „Смерть константинопольскаго патріарха, убитаго турецкою чернью, котораго тѣло было брошено въ море и всплыло около Одессы". Поэтъ простоялъ нѣсколько минутъ въ молчаніи, сосредоточился, затѣмъ сталъ импровизировать.

Пушкинъ, глубоко потрясенный этимъ огнедышащимъ изверженіемъ поэзіи, былъ въ восторгѣ. Одинъ изъ свидѣтелей импровизаціи передавалъ Одынцу, что Пушкинъ, восхищенный, соскочилъ съ мѣста, волосы на головѣ его поднялись, и онъ, бѣгая по комнатѣ, кричалъ: „Quel génie, quel feu sacré, que suis-je auprés de lui", затѣмъ обнялъ Мицкевича и осыпалъ его поцѣлуями. Съ этого вечера, замѣчаетъ Одынецъ, началась тѣсная дружба между поэтами.

Пока не будутъ напечатаны письма Мицкевича изъ Петербурга и Москвы къ Одынцу—человѣку самому близкому къ поэту, до тѣхъ поръ мы не будемъ знать всѣхъ подробностей о жизни его въ столицахъ, и объ отношеніяхъ къ русскимъ литераторамъ и взаимномъ обмѣнѣ ихъ мыслей, чувствъ и понятій; теперь приходится довольствоваться лишь отрывочными свѣдѣніями.

Мнѣніе Мицкевича о Пушкинѣ, какъ поэтѣ и человѣкѣ, встрѣчаемъ въ посмертныхъ его сочиненіяхъ. Во французскомъ журналѣ

„Globe“ 25-го мая 1837 года была помѣщена статья о Пушкинѣ съ подписью: „Un ami de Pouchkine“; теперь, когда напечатаны посмертныя сочиненія Мицкевича, видно, что авторъ статьи—этотъ другъ Пушкина, былъ некто иной, какъ Адамъ Мицкевичъ.

Приведемъ въ сокращеніи эту любопытную во многихъ отношеніяхъ статью:

„Пушкинъ, поэтическій талантъ котораго удивлялъ читателя, увлекалъ слушателей живостью, ясностью и тонкостью ума, былъ одаренъ необыкновенною памятью, сужденіемъ вѣрнымъ, вкусомъ утонченнымъ и превосходнымъ. Когда говорилъ онъ о политикѣ внѣшней и отечественной, можно было думать, что слушаешь человѣка опытнаго въ государственныхъ дѣлахъ и пропитаннаго ежедневнымъ чтеніемъ парламентскихъ преній. Я довольно близко и довольно долго зналъ русскаго поэта, находилъ въ немъ характеръ слишкомъ впечатлительный, а иногда даже легкомысленный, но всегда искренній, благородный и способный къ сердечнымъ изліяніямъ“.

Писатели въ Россіи, по словамъ Мицкевича, образуютъ родъ братства, соединеннаго многими связями. Талантъ у нихъ не сдѣлался еще товаромъ, а потому рѣдко встрѣчается между ними ремесленное совмѣстничество и вражда интересовъ. Они собирались вмѣстѣ, видѣлись почти ежедневно, веселились и бесѣдовали. Политическія броженія встревожили правительство, и Пушкинъ былъ сосланъ. Императоръ Николай I возвратилъ Пушкина изъ ссылки, назначилъ ему аудіенцію, имѣлъ съ поэтомъ продолжительный разговоръ, отнесся къ нему и къ его поэзіи съ сочувствіемъ, ободрялъ его продолжать поэтическія занятія и освободилъ отъ оффиціальной цензуры. Императоръ въ этомъ случаѣ явилъ необыкновенную проницательность. Онъ умѣлъ оцѣнить поэта, онъ угадалъ, что Пушкинъ по своему уму не употребитъ во зло оказанной ему довѣренности, а въ душѣ своей сохранитъ признательность за оказанную милость.

„Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, продолжаетъ Мицкевичъ, Пушкинъ находился подъ вліяніемъ Байрона, но онъ явился не столько подражателемъ англійскаго поэта, сколько былъ порабощенъ силою его генія. Вслѣдъ за первыми произведеніями, написанными подъ вліяніемъ Байрона, написаны поэмы: „Цыгане“ и „Полтава“ — творенія замѣчательныя, которыя свидѣтельствуютъ о постепенномъ ростѣ таланта Пушкина. Содержаніе ихъ немногосложно и неизысканно, характеры лицъ постигнуты и обрисованы твердою рукою. Въ Онегинѣ Пушкинъ въ первыхъ пѣсняхъ еще подчинявшійся вліянію Байрона, скоро затѣмъ пытается идти съ помощію собственныхъ силъ и кончаетъ тѣмъ, что дѣлается вполнѣ оригинальнымъ и самостоятельнымъ.

„Въ драмѣ „Борисъ Годуновъ“ находятся сцены изумительной красоты; особенно прологъ кажется мнѣ столь самобытнымъ и величественнымъ, что, не обинуясь, признаю его единственнымъ въ своемъ

родѣ. Пушкинъ сдѣлалъ опытъ драмы и доказалъ: Tu Schakespeare eris, si fata Sinant.

Пушкину, исполнилось 30 лѣтъ, когда онъ бросилъ романы и журналы, вслушивался въ народныя былины, пѣсни, изучалъ отечественную исторію, пускалъ корни въ народную почву, сталъ обращать вниманіе на вопросы религіозные и общественные. Я ожидалъ, что Пушкинъ скоро явится въ полномъ могуществѣ своего дарованія. Всѣ знавшіе его дѣлили со мною эти надежды и желанія; выстрѣлъ уничтожилъ всѣ наши ожиданія; пуля, сразившая Пушкина, нанесла ужасный ударъ всей мыслящей Россіи".

5-го января 1827 г. Мицкевичь пишетъ въ Оренбургъ, и изъ тона этого письма видно, что онъ отвѣчаетъ на упреки Зана, который былъ встревоженъ образомъ жизни поэта въ Москвѣ. Мицкевичь, между прочимъ, говоритъ:

„Честь и слава тебѣ, что ты тверже другихъ переносишь ниспосланныя на тебя испытанія; довольствуешься обѣдами Курція, и замкнувшись въ самого себя, считаешь себя счастливымъ. Все это хорошо, но я полагаю, что лучше было бы, если можно, отказаться отъ подобнаго рода жизни. Совѣтую, если приглашаютъ тебя на обѣдъ, или самъ безъ церемоніи и нарушенія приличія имѣешь право явиться, то и отправляйся съ Богомъ и кушай во здравіе. Хорошій обѣдъ подкрѣпитъ силы, а сбереженныя отъ стола деньги отдай нуждающемуся или купи на нихъ книгъ или табаку. Право полезно провести время за хорошимъ обѣдомъ, съ хорошими людьми — и время пріятно проведешь и сбережешь здоровье, которое у тебя такъ слабо. Я на себѣ испыталъ, что съиграть въ бостонъ дѣло хорошее; въ игрѣ математическія соображенія охлаждаютъ фантазію и до того овладѣваютъ вниманіемъ, что во снѣ только и видишь, что трефы, бубны и пики. Лучше видѣть во снѣ ихъ, чѣмъ тѣ сны, которые выжимаютъ слезы и заставляютъ человѣка страдать безъ всякой причины. Сочинять, дѣло хорошее, но для этого нужно непринужденное желаніе, ибо сочинять не все равно, что шить сапоги, и принуждать себя въ этомъ случаѣ никогда не слѣдуетъ. Я писалъ, когда обстоятельства благопріятствовали музѣ, а теперь предаюсь лѣни.

„У меня много знакомыхъ, одни удостоиваютъ меня вниманіемъ, другіе — дружбою; я плачу имъ взаимностію, ибо проклятъ тотъ, кто остается въ долгу и не платитъ взаимностію; извини, что привожу слова изъ моей поэмы. Бываю въ здѣшнихъ салонахъ, но въ нихъ не играю видной роли, не потому, чтобы не желалъ, а потому, что не умѣю. Еслибъ я умѣлъ хорошо или кое-какъ танцовать, былъ бы этимъ очень доволенъ, а еще болѣе былъ бы доволенъ, еслибы зналъ музыку, еще болѣе еслибы могъ пѣть. Отпускать комплименты иногда кое какъ удается и усовершенствоваться въ этомъ постараюсь. Скажу откровенно, можно плясать, играть, пѣть, быть любезнымъ и въ то же время оставаться дѣльнымъ человѣкомъ, не дѣлаясь пустымъ франтомъ и хва-

томъ. Безспорно, перенесись я въ нашу Литву, можетъ быть, какъ натянутая пружина, вернулся бы къ исходной точкѣ, и еслибы не было никакихъ дѣйствительныхъ непріятностей извнѣ, я бы отыскалъ ихъ въ самомъ себѣ. Я былъ веселъ въ стѣнахъ отцовъ Базильянцевъ, спокойнымъ и почти умницею сдѣлался лишь въ Москвѣ. Что касается подарковъ, то вспомни, что я принялъ подарокъ въ нѣсколько сотъ рублей въ Вильнѣ отъ извѣстнаго князя, и этотъ подарокъ не для меня одного пригодился. Въ настоящее время, еслибы какой либо милліонеръ, притомъ землякъ или другъ, предложилъ мнѣ сто рублей, я бы не усомнился принять и раздѣлилъ бы между нуждающимися. Правда, что безъ разсчета расходую деньги, но когда имѣю въ карманѣ грошъ, каждый изъ друзей можетъ разсчитывать на три четверти моего капитала. Не думай, что сержусь за твои обо мнѣ предположенія и дѣлаемые изъ нихъ выводы; я прочиталъ твое письмо съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ сынъ слушаетъ наставленія отца-старика, немного воркуна, находящагося въ дурномъ настроеніи духа и сверхъ того въ горѣ".

9-го іюня 1827 года Мицкевичъ писалъ Ковалевскому въ Казань изъ Москвы:

„Любезный Іосифъ!

„Ничего не пишешь о своемъ переводѣ Геродота, ни объ исторіи Казани; извѣсти, какъ идетъ работа, хотя, правду сказать, я не слишкомъ желалъ бы, чтобы ты прилѣпился къ книгамъ, какъ гусеница къ капустѣ. Мы иначе здѣсь распоряжаемся временемъ; я напримѣръ, скажу по секрету, до того разлѣнился, что начинаю чувствовать угрызеніе совѣсти,—но сейчасъ же найдутся мотивы для оправданія. Въ Львовѣ кто-то издалъ мои сонеты и пустилъ дешевле въ продажу, и этимъ сдѣлалъ мнѣ большой подрывъ. Нужно что либо написать и напечатать, чтобы было чѣмъ платить Ванькамъ за дрожки и разносчикамъ за клубнику".

Приведемъ еще одно письмо Мицкевича, отъ 3 апрѣля 1828 г., въ Оренбургъ:

„Ты вѣроятно знаешь, что я былъ въ Петербургѣ. Слава, разросшаяся обо мнѣ въ Москвѣ, была причиною, что меня вездѣ хорошо принимали. Земляки, проживающіе и пріѣхавшіе въ Петербургъ, устроили великолѣпный сочельникъ; импровизаціи и пѣсни напомнили мнѣ лѣта моей юности. Затѣмъ начались ежедневныя приглашенія въ разныя мѣста и время прошло очень пріятно. Познакомился въ столицѣ съ русскими литераторами: Жуковскимъ, Козловымъ и пр. и нѣкоторые изъ нихъ дали доказательства своего искренняго ко мнѣ расположенія; въ головѣ ходятъ разнаго рода предположенія и планы: иногда Кавказъ, иногда Крымъ, иногда Оренбургъ меня прельщаютъ, подчасъ мечтаю объ Италіи. Жизнь моя идетъ однообразно и почти, могу сказать, счастливо,—такъ счастливо, что начинаю бояться, что завистливая Немезида готовитъ мнѣ какія

нибудь новыя несчастія. Спокойствіе, свобода мысли, иногда пріятное развлеченіе, сопровождаютъ жизнь мою; не испытываю никакихъ сильныхъ потрясеній. Надѣюсь, что лѣтомъ явится болѣе охоты къ труду, ибо теперь я довольно много лѣнюсь, хотя много читаю, а еще болѣе думаю. День проходитъ однообразно: утромъ читаю, иногда вечеромъ, но рѣдко; пишу; во второмъ или третьемъ часу обѣдаю, или отправляюсь на обѣдъ, вечеромъ ѣду въ концертъ или на какое нибудь другое развлеченіе, и домой возвращаюсь поздно. Нѣкоторыя дамы учатся у меня по польски; нужно замѣтить, что здѣсь многіе начинаютъ учиться Польскому языку. Попечитель предполагаетъ открыть каѳедру Польской литературы при университетѣ; я могъ бы получить это мѣсто, но такъ какъ не остаюсь въ Москвѣ, то и не хлопочу объ этомъ. Во время моего здѣсь пребыванія характеръ мой выровнялся и я совершенно успокоился. Александръ Ходзько при свиданіи со мною очень удивился мнѣ, похвалялъ мое постоянное хорошее настроеніе духа и умѣнье жить съ людьми, чего у меня прежде не было".

Благодаря содѣйствію друзей и въ особенности участію княгини Волконской, Мицкевичь получилъ дозволеніе ѣхать за границу. „Онъ отправился на Западъ и благословеніемъ мы его проводили"—говоритъ Пушкинъ. Друзья почтили поэта прощальнымъ обѣдомъ и поднесли бокалъ, па которомъ вырѣзаны были имена литераторовъ, проживающихъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ которыми онъ дружески проводилъ время почти въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ. На провозглашенный прощальный тостъ Мицкевичь отвѣчалъ рѣчью на Французскомъ языкѣ; содержаніе этой рѣчи неизвѣстно, но по словамъ присутствовавшихъ на обѣдѣ всѣ были тронуты до глубины души и самъ Мицкевичь прослезился. Предъ самымъ отъѣздомъ на обѣдѣ, данномъ въ болѣе тѣсномъ кругу, заздравный тостъ пили изъ подареннаго Мицкевичу бокала. Обѣдъ былъ одушевленъ, но импровизировать что-либо Мицкевичь отказался; онъ былъ такъ разсѣянъ, что вмѣсто пива выпилъ стаканъ мадеры и сталъ наливать себѣ другой; распорядитель обѣда замѣтилъ: „Не много-ли будетъ"? Тутъ только Мицкевичь замѣтилъ ошибку. По этому поводу присутствующіе начали разсказывать различные анекдоты о поклонникахъ Бахуса, которыми была такъ богата старинная Польша. Мицкевичь воодушевился и мастерски разсказывалъ анекдотъ за анекдотомъ.

Въ спутники Мицкевичу за границу предназначался Одынецъ. Съ этою цѣлью онъ прибылъ 1-го мая 1829 г. въ Петербургъ вмѣстѣ съ управляющимъ имѣніями графа Витгенштейна, женатаго на Стефаніи Радзивилъ. Путешественники остановились въ домѣ Витгенштейна: при входѣ въ швейцарскую они увидѣли спускающуюся по лѣстницѣ хозяйку дома въ бальномъ костюмѣ, женщину поразительной красоты. Одынецъ, человѣкъ молодой, съ поэтическимъ настроеніемъ, пораженъ

былъ ея красотою; черты княгини воскресили въ его воображеніи образъ Варвары Радзивилъ, такъ сильно нѣкогда плѣнившей сердце короля Сигизмунда Августа. Вѣроятно черты Стефаніи рисовались его воображенію, когда впослѣдствіи онъ сочинялъ свою поэму „Варвара Радзивилъ“. Отдохнувъ немного въ квартирѣ спутника, Одынецъ поспѣшилъ къ Мицкевичу на Большую Мѣщанскую, но не засталъ его дома. Слуга поэта, по имени Никифоръ, принялъ гостя и напоилъ его чаемъ. На письменномъ столѣ Мицкевича, среди письменныхъ принадлежностей и вещей, лежало кресиво виленскаго издѣлія, подаренное ему Одынцомъ въ день разлуки въ Вильно: утомленный поѣздкою гость прилегъ на кровать хозяина и крѣпко заснулъ. Слова Никифора: „какой-то баринъ къ вамъ пріѣхалъ“ — разбудили спавшаго. Мицкевичъ, сопровождаемый слугою со свѣчою въ рукѣ, склонился къ лицу гостя и осыпалъ его поцѣлуями. Прошло 4½ года съ тѣхъ поръ, какъ друзья разстались. Мицкевичъ имѣлъ видъ веселый и здоровый; взоръ нѣкогда тусклый и унылый горѣлъ и блестѣлъ, какъ алмазъ въ перстнѣ; бесѣда продолжалась цѣлую ночь и только при восходѣ солнца друзья уснули. Утромъ явились Малевскій, Александръ Ходзько. Всѣ усѣлись пить чай и закурили сигары.

Первый домъ, куда ввелъ Мицкевичъ своего гостя, былъ домъ Шимановской, о которой выразился Гете: „elle est charmante comme elle est belle, et gracieuse autant que charmante“. Шимановская, пишетъ князь Вяземскій, была въ свое время европейская извѣстность, объ ея артистическомъ путешествіи засвидѣтельствовали газеты французскія, нѣмецкія, англійскія. Государь, указомъ 1822 года, даровалъ ей титулъ піанистки ихъ императорскихъ величествъ. Шимановская, совершивъ путешествіе за границею, дала нѣсколько концертовъ въ Москвѣ и затѣмъ основала свое пребываніе въ Петербургѣ. Въ ея альбомѣ встрѣчаемъ собственноручныя строки Карамзина, Дмитріева, Жуковскаго, Крылова, Гнѣдича, партизана Денисъ-Давыдова и Растопчина, затѣмъ стихи Гете, написанные рукою великаго поэта, имена Гумбольдта, Шатобріана и другихъ. Томасъ Муръ внесъ въ альбомъ стихи Байрона, которые были обращены къ Муру и нигдѣ не были напечатаны. Графъ Растопчинъ съѣхался съ Шимановскою на водахъ и когда сестра послѣдней Воловская съ грустью высказалась предъ графомъ, что вопреки лѣтамъ своимъ и здоровью, она постепенно приближается къ смерти, написалъ отъ лица ея духовное завѣщаніе. Эта весьма острая шутка написана прекраснымъ французскимъ языкомъ, такъ что одинъ изъ французскихъ литераторовъ удивлялся, что графъ, обнаружившій 1812 г. ненависть ко всему французскому, такъ прекрасно владѣетъ французскимъ языкомъ.

Семейство Шимановской состояло изъ хозяйки дома, ея сестры Воловской, женщины весьма красивой и образованной, но лишившейся зрѣнія, и двухъ дочерей: Целины, съ глазами и цвѣтомъ лица жителей юга, и Елены, не столь красивой, но живой, ловкой, съ острымъ

умомъ и чертами, выражающими доброту и привѣтливость. Нужно замѣтить, что на пути въ Петербургъ Одынецъ встрѣтился въ Минскѣ съ графомъ Camillo Gritti—итальянцемъ, возвращающимся на родину. Его, какъ иностранца, незнающаго мѣстнаго языка и курса денегъ, на всякомъ шагу обманывали и обсчитывали. Одынецъ принялъ въ немъ участіе, предложилъ продолжать путь вмѣстѣ, велъ расходы и разсчитывался на станціяхъ. Эта любезность расположила итальянца въ пользу спутника. Графъ разсказывалъ многое о заграничной жизни и между прочимъ о своемъ знакомствѣ съ Шимановской и, ея успѣхахъ какъ артистки въ Миланѣ и Венеціи. Мицкевичь, выслушавъ этотъ разсказъ, задумалъ сдѣлать мистификацію: онъ извѣстилъ немедленно Шимановскую, что сегодня же утромъ представитъ ей рекомендованнаго ему прибывшаго изъ Венеціи испанца Don Alonzo Trucillo y Astrogus y Bubontes, который желаетъ лично передать пьянисткѣ поклонъ отъ графа Gritti.

Малевскій, непосвященный въ заговоръ, отправляясь на службу, завернулъ къ Шимановской, подъ предлогомъ извѣстить о пріѣздѣ Одынца, а на самомъ дѣлѣ, чтобы взглянуть на прекрасные глаза панны Елены. Шимановская, получивъ съ одной стороны извѣстіе о пріѣздѣ Одынца, съ другой о визитѣ испанца, сейчасъ сообразила, что съ нею затѣяли съиграть qui pro quo и рѣшилась съ своей стороны мистифицировать поэта. Между тѣмъ Мицкевичь упражнялъ пріятеля въ произношеніи французскихъ словъ на манеръ испанскій, завязалъ ему галстухъ, какъ выражался, на манеръ европейскій, вмѣсто виленскаго, и около 12-ти часовъ отправился съ мнимымъ испанцемъ съ визитомъ.

Хозяйка встрѣтила мнимаго испанца какъ знаменитаго гранда, внимательно выслушала его разсказъ о графѣ Gritti и ловко свела разговоръ на Варшаву, стала разспрашивать объ Одынцѣ, восхваляя его какъ человѣка и поэта, и вдругъ заговорила по польски. Раздался всеобщій хохотъ и завязался весьма оживленный разговоръ. Когда Мицкевичь, усѣвшись съ дамами въ гостинной, велъ серьезную бесѣду, Одынецъ, Ходзько и барышни отправились въ залъ и стали играть въ мячикъ; неосторожно брошенный мячикъ попалъ въ окошко, разбилъ стекло и вылетѣлъ на улицу; панна Елена захлопала въ ладоши, Целина засмѣялась, но сконфузилась и притихла. На звукъ разбитаго стекла вбѣжала мать и стала упрекать дочерей за шалости. Цѣлина стояла, потупивъ глаза, Елена покраснѣла до ушей. Одынецъ и Ходзько, считая себя главными виновниками этого происшествія, въ наказаніе за школьныя шалости, подчинились обычному школьному наказанію — стали на колѣни.

Хозяйка дома разсмѣялась, дочери ободрились, Целина цѣловала у матери руки, Елена повисла у нея на шеѣ. Мицкевичь дѣлалъ провинившимся укоригельные жесты. Съ этой минуты другъ Мицкевича сдѣлался близкимъ человѣкомъ въ домѣ Шимановской.

8-го мая Мицкевичъ представилъ своего пріятеля Козлову, слѣпцу-поэту, которому Мицкевичъ посвятилъ свое стихотвореніе „Фарисъ."—Подъ этимъ именемъ извѣстны у арабовъ всадники, пользующіеся среди ихъ такимъ же почетомъ, какъ средневѣковые рыцари въ Западной Европѣ. Здѣсь будетъ кстати разсказать, какъ явилось это произведеніе. Мицкевичъ въ Веймарѣ встрѣтился со скульпторомъ Давидомъ, который пожелалъ познакомиться съ какимъ нибудь сочиненіемъ поэта. Мицкевичъ взялъ „Фариса" и сталъ переводить его на Французскій языкъ бѣгло, живо и картинно. Давидъ, какъ художникъ, заинтересовался узнать обстоятельства, послужившія поводомъ къ появленію „Фариса." Мицкевичъ исполнилъ его просьбу.

— Я читалъ, сказалъ онъ,—и даже перевелъ отрывки изъ арабской поэзіи, руководствуясь французскимъ переводомъ; разъ въ Петербургѣ былъ я на званомъ очень одушевленномъ обѣдѣ; уходя послѣ обѣда, вижу, что на горизонтѣ повисла громовая туча, беру извозчика и скачу во всю прыть; мимо меня несутся быстро экипажи; эта быстрая ѣзда, шумъ колесъ, свистъ вѣтра, раскаты грома, стремленіе спастись отъ несшейся по небу тучи, побудили меня написать „Фариса". Ночью стихи были уже готовы".

Козловъ принялъ очень радушно гостей и началась бесѣда о Байронѣ. Козловъ читалъ наизусть цѣлые эпизоды изъ Байрона по англійски и отрывки своего перевода Абидосской невѣсты. „Козловъ, замѣчаетъ Одынецъ, человѣкъ весьма разумный, прямой, чистосердечный и большой почитатель Мицкевича". Онъ говорилъ о немъ съ такимъ увлеченіемъ, что Одынецъ бросился цѣловать слѣпца-поэта, который тоже въ свою очередь прослезился. Мицкевичъ стоялъ въ сторонѣ и хранилъ глубокое молчаніе, но видимо былъ сильно взволнованъ. Козловъ окончилъ разговоръ о Мицкевичѣ слѣдующими многозначительными словами: „Vous nous l'avez donné fort et nous vous le rendons puissant".

10-го мая Мицкевичъ ввелъ своего товарища въ домъ министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова. Пріемъ у министра былъ ежедневный, но по воскресеньямъ собирался болѣе тѣсный кружокъ. Старикъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный академиками и учеными, велъ ученую бесѣду о корнесловахъ и другихъ серьезныхъ матеріяхъ; въ остальныхъ же комнатахъ шла оживленная бесѣда, прерываемая музыкою и пѣніемъ. Въ это воскресенье Целина и Елена Шимановскія спѣли нѣсколько дуэтовъ и романсовъ и между прочимъ изъ поэмы Мицкевича „Конрадъ Валенродъ"; затѣмъ началась игра на фортепіано и пѣніе другихъ артистовъ; но Одынецъ примкнулъ къ барышнямъ и велъ пріятный разговоръ, позабывъ, что изъ приличія ему слѣдуетъ слушать болѣе внимательно пѣніе и музыку. Мицкевичъ тотчасъ замѣтилъ эту неловкость товарища, подошелъ къ нему и сдѣлалъ выговоръ. „Нельзя же все слушать, и слушать, отвѣчалъ Одынецъ,— самъ же ты пишешь:

Но глазки сверкнули живѣе кристала,
Перловые зубки блестятъ средь коралла;
Теперь я смѣлѣе смотрю тебѣ въ очи,
Уста приближаю и слушать нѣтъ мочи,
Хочу цѣловать, цѣловать, цѣловать!...

Мицкевичъ, пригрозивъ другу, прибавилъ, что только присутствіе постороннихъ мѣшаетъ надрать ему уши; но панна Елена вступилась за собесѣдника и замѣтила поэту:—„Нельзя же за свои стихи и пожеланія наказывать другихъ“.

Къ числу близкихъ знакомыхъ Мицкевича въ Петербургѣ принадлежалъ живописецъ Іосифъ Олешкевичъ. При склонности Мицкевича къ мистицизму, Олешкевичъ, какъ глубокій мистикъ, имѣлъ на поэта вліяніе. Мицкевичъ воспѣлъ Олешкевича въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, представивъ, какъ онъ среди глубокой ночи, съ фонаремъ въ рукѣ спускается къ Невѣ, измѣряетъ прибыль воды посредствомъ веревки съ навязанными узлами и предсказываетъ несчастіе, грозившее Петербургу отъ наводненія; утверждали, что это предсказаніе высказано было Олешкевичемъ наканунѣ 7-го ноября 1824 года.

Олешкевичъ былъ уроженецъ Литвы, долго жилъ въ Петербургѣ, пользовался заслуженною извѣстностью хорошаго художника, честнаго и религіознаго человѣка. Онъ былъ мистикъ въ полномъ значеніи этого слова. Во всѣхъ явленіяхъ жизни Олешкевичъ видѣлъ перстъ Божій, вѣрилъ въ міръ духовъ, невидимо вліяющихъ на дѣла и поступки людей. Постоянное чтеніе Библіи и Новаго Завѣта, углубленіе во внутренній міръ и міръ духовъ развили въ немъ самосозерцаніе, любовь не только къ людямъ, но и къ животнымъ, растеніямъ, любовь къ Богу и къ прославленію имени Его словомъ и дѣломъ.

По образу жизни, міровоззрѣнію и даже по наружности Олешкевичъ рѣзко отличался отъ людей его окружавшихъ. Это былъ человѣкъ весьма высокаго роста, очень сильный, съ чертами, выражавшими спокойствіе, благодушіе и благородство; его эксцентрическія выходки служили предметомъ многихъ анекдотовъ и насмѣшекъ. Олешкевичъ зналъ объ этомъ и выслушивалъ всѣ анекдоты о себѣ съ удивительнымъ равнодушіемъ. Люди менѣе положительные видѣли въ Олешкевичѣ другаго Сведенберга, одареннаго даромъ пророчества и приводили множество примѣровъ его предсказаній, но самъ Олешкевичъ держалъ себя очень сдержанно въ этомъ отношеніи и уклонялся отъ подобнаго рода бесѣдъ.

Олешкевичъ считалъ грѣхомъ посягать на жизнь насѣкомыхъ и животныхъ и потому не употреблялъ въ пищу никакого мяса и доказывалъ, что съ употребленіемъ животной пищи въ человѣкѣ стали проявляться самые грубые инстинкты; возникли убійства, охота и войны. Чтобы избавиться отъ назойливости мухъ, онъ придумалъ слѣдующее средство: напитавъ оберточную бумагу пивомъ, разстилалъ листы на всѣхъ возможныхъ мѣстахъ; мухи, напитавшись до сыта

пивомъ, приходили въ опьяненіе и сидѣли спокойно. Изъ животныхъ особенно любилъ Олешкевичь кошекъ; для нихъ отведена была особая комната и содержалась особая прислуга. На пропитаніе кошекъ Олешкевичь издерживалъ болѣе, нежели на собственный столъ, особенно тщательный уходъ былъ за старыми кошками и маленькими котятами. Молодыхъ котятъ онъ отдавалъ только въ хорошія руки, выдавая въ приданое каждой кошкѣ по 5 р., а котенку по 10 р., съ тѣмъ условіемъ, чтобы ихъ содержали хорошо. Заручившись адресомъ получателя котенка, Олешкевичь иногда провѣдывалъ своихъ пансіонеровъ. Разъ Мицкевичь встрѣтилъ Олешкевича въ отдаленной части города, отыскивающаго несуществующаго на улицѣ номера дома. Мицкевичь замѣтилъ, что навѣрно его надули, кота забросили, деньги припрятали и дали ложный адресъ; такое мнѣніе Мицкевича о людяхъ сильно разсердило Олешкевича: онъ съ нимъ разстался не простившись, и только тогда примирился, когда Мицкевичь отказался отъ своего мнѣнія.

При представленіи Олешкевичу Одынца, послѣдній замѣтилъ, что онъ уже знаетъ его изъ разсказовъ Мицкевича. Олешкевичь отвѣчалъ на это съ улыбкою:

— Но вѣрно онъ разсказывалъ обо мнѣ разные анекдоты и потѣшался надъ моими причудами. Онъ, да и другіе, любятъ погулять на мой счетъ, но это ничего не значитъ, мы увѣрены, что взаимно любимъ другъ друга.

— Мы оправдываемъ пословицу: „милые бранятся, только тѣшатся—kto się kocha, ten sie kloci", замѣтилъ Мицкевичь.

Олешкевичь замахалъ руками и, покачавъ головою, сказалъ:

— Ты думаешь, что ты очень разумный человѣкъ и что нѣтъ выше свѣта, какъ свѣтъ отъ разума, но подождемъ немного и увидимъ. Будетъ такъ, какъ Богу угодно. Ты какъ Іаковъ, отказываешься отъ наитія духа,—но тщетно; онъ сосудъ избираемый, теперь или послѣ, но благодать Господня почіетъ на немъ, а чрезъ него изыдетъ на многихъ.

Мицкевичь улыбнулся и привелъ народное изреченіе: ни читать, ни писать не умѣю, а въ короли меня избираютъ.

Олешкевичь, помолчавъ нѣсколько минутъ, сказалъ:

— Сладь тутъ съ людьми: — прививай побѣгъ къ дубу, онъ не принимаетъ, — слишкомъ крѣпокъ и твердъ; къ капустѣ — она расползается.

Затѣмъ зашла рѣчь о склонности людей осуждать другихъ. Олешкевичь утверждалъ, что нужно отличать осужденіе отъ желанія высказать свои впечатлѣнія о данномъ лицѣ.—„Строго говоря, сказалъ постепенно увлекаясь Олешкевичь, мы не имѣемъ никакого права осуждать людей, нашихъ ближнихъ; всѣ наши осужденія другихъ проистекаютъ не изъ стремленія открыть истину въ назиданіе себѣ и другимъ, а вслѣдствіе отсутствія у насъ христіанской любви къ ближ-

нему. Во истинну говорю, если мы кого любимъ искренно, то мы не замѣчаемъ въ немъ недостатковъ, а если и замѣтимъ, то скорѣе станемъ о немъ сожалѣть, нежели осуждать. Охотно теперь осуждаютъ другихъ потому, что мало кто кого любитъ."

Олешкевичь умеръ въ 1830 г. Вѣсть о смерти его достигла до Мицкевича въ бытность его въ Женевѣ. Однажды Одынецъ, возвратившись съ прогулки, засталъ Мицкевича сильно взволнованнымъ; онъ держалъ письмо въ рукѣ. На вопросъ о причинѣ волненія, Мицкевичь всталъ, отдалъ письмо и едва могъ выговорить сквозь слезы: „Олешкевичь!" и не окончивъ фразы ушелъ въ другую комнату. На слѣдующій день онъ отправился въ церковь отслужить панихиду и заупокойную обѣдню. Съ тѣхъ поръ Мицкевичь никогда не позволялъ себѣ говорить о причудахъ покойнаго и всегда отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ съ высокими добродѣтелями и истинномъ христіанинѣ.

Съ 1805 года жилъ въ Петербургѣ уроженецъ Волынской губерніи, адвокатъ по профессіи, нѣкто Каспаръ Жильветра. Всѣ помѣщики западныхъ губерній, имѣвшіе дѣла въ столицѣ, поручали ихъ Жильветру; деньги и все, что было лучшаго въ кладовыхъ польскихъ пановъ, шло къ адвокату, любившему поѣсть, выпить и угостить пріятелей и знакомыхъ. Обѣды были частые и гастрономическіе. На этихъ, по выраженію Одынца, Лукулловскихъ пирахъ собиралось весьма разнообразное и большое общество. Самъ хозяинъ дома, какъ адвокатъ, обладалъ даромъ слова и памятью, жилъ давно въ Петербургѣ, имѣлъ обширное знакомство, много видѣлъ и слышалъ, обладалъ богатымъ запасомъ анекдотовъ и разнообразныхъ свѣдѣній, и умѣлъ ихъ разсказывать. Мицкевичь любилъ бывать на этихъ обѣдахъ, съ удовольствіемъ слушалъ разсказы хозяина, человѣка умнаго, практическаго, сочувствовавшаго наукѣ и искусству. Мицкевичь самъ нерѣдко принималъ участіе въ бесѣдахъ и собралъ здѣсь массу матеріаловъ, которые послѣ вошли въ эпическую поэму его „Панъ Тадеушъ". Жильветра, проѣзжая разъ по Волынской губерніи, замѣтилъ на почтовой станціи статуэтку доморощенной работы, но съ признаками таланта. Оказалось, что это дѣло рукъ мальчика, самоучки Виктора Бродзскаго; Жильветра привезъ его въ Петербургъ, опредѣлилъ въ Академію Художествъ и изъ Бродзскаго вышелъ талантливый художникъ.

Въ числѣ лицъ, постоянно посѣщавшихъ обѣды Жильветра, былъ живописецъ Орловскій. Это былъ человѣкъ громаднаго роста; его движенія и взоръ были также выразительны и смѣлы, какъ его кисть; но Орловскій относился небрежно къ своимъ работамъ и своему костюму. Хотя за его произведенія предлагали хорошія деньги, но Орловскій просто изъ лѣни не любилъ обязательнаго труда и рѣдко принимался за кисть; находясь же въ расположеніи духа, онъ готовъ былъ безъ устали работать на каждомъ клочкѣ попавшейся подъ руки

бумаги; въ эти минуты изъ рукъ его выходили самые разнообразные художественные очерки. На одномъ изъ обѣдовъ у Жильветра Орловскій былъ въ хорошемъ настроеніи, его языкъ и рука были въ постоянномъ движеніи. Онъ предложилъ двумъ изъ окружавшихъ его знакомыхъ поставить на бумагѣ по пяти точекъ въ произвольномъ одна отъ другой разстояніи. Чрезъ четверть часа на одномъ листѣ между пятью точками явился орелъ съ выпущенными когтями и распущенными крыльями, на другомъ казакъ съ торбаномъ въ рукахъ, ухарски отплясывающій свой національный танецъ; затѣмъ Орловскій собственноручно поставилъ на бумагѣ кляксъ и въ одинъ мигъ изъ клякса явился жидъ въ лисьей шапкѣ съ весьма характеристическими національными чертами. Всякій разъ, когда Орловскій былъ въ хорошемъ расположеніи духа, то набрасывалъ художественные эскизы, изъ которыхъ потомъ Жильветра составилъ прекрасный, разнообразный альбомъ. По свидѣтельству Одынца, Мицкевичь писалъ въ то время на Французскомъ языкѣ въ прозѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Исторія временъ грядущихъ!“ Около тридцати листовъ уже было приготовлено къ печати. Эпизоды этой исторіи были изложены по образу рѣчей Тита Ливія; въ нихъ излагались неизбѣжныя послѣдствія современнаго положительнаго направленія умовъ. Цивилизація обществъ подъ вліяніемъ разума достигнетъ современемъ громадныхъ результатовъ, но вмѣстѣ съ достиженіемъ матеріальнаго благосостоянія, вмѣстѣ съ успѣхами раціонализма разовьется узкій эгоизмъ, разсчетъ. корыстолюбіе, жажда къ наживѣ, которыя убьютъ религію, вѣру, воодушевленіе и любовь ко всему вообще и въ томъ числѣ къ человѣчеству; но все это сдѣлается по преимуществу съ мужчинами; въ женщинѣ же, напротивъ, сохранится духъ вѣры, воодушевленіе, сочувствіе къ преданіямъ, любовь ко всему идеальному; она будетъ уравнена въ правахъ съ мужчиною въ быту семейномъ и общественномъ. Женщины при рѣшеніи общественныхъ дѣлъ составятъ нижній парламентъ, который явится оппозиціей верхнему, состоящему изъ однимъ мужчинъ. Въ парламентѣ идетъ борьба партій за принципы. Затѣмъ послѣ очерка состоянія міра вообще и Европы въ частности, передъ глазами читателя рисуется сеймъ въ виду угрожающей Европѣ войны со стороны азіатскихъ народовъ, во главѣ которыхъ стоитъ Китай. Война объявлена; Европа торжествуетъ надъ Азіею, благодаря побѣдѣ, одержанной одними женщинами при участіи двадцатилѣтнихъ юношей подъ начальствомъ женщины съ береговъ Вислы. Повѣсть относится къ началу 2,000 года нашей эры.

„Излагать все содержаніе этого сочиненія, пишетъ Одынецъ, я не стану, потому что не скоро пришлось-бы окончить письмо, скажу только, что во всемъ написанномъ такъ много поэзіи, фантазіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ истины, изложенной просто, наглядно, что желаешь вѣрить всему, какъ несомнѣнной дѣйствительности. Поражаешься картиною будущихъ открытій и изобрѣтеній. Настанетъ время, когда

обитатели земнаго шара достигнутъ другихъ планетъ на воздушныхъ шарахъ, которые съ помощію придѣланныхъ крыльевъ понесутся въ атмосферѣ, какъ корабли по океану; желѣзныя дороги, которыя теперь проводятся только въ Америкѣ и Англіи, изрѣжутъ весь земной шаръ и окажутъ громадное вліяніе на судьбу человѣчества. Подвижные дома и магазины, сдѣланные изъ металловъ, понесутся на колесахъ со всѣхъ концовъ міра на всемірную ярмарку въ Лиссабонъ; на корабляхъ прибудутъ произведенія съ острововъ океана и съ западнаго полушарія. На двухъ концахъ отдаленной мѣстности будутъ уставлены зеркала, въ которыхъ обрисуются слова огненными буквами; телескопы достигнутъ такого совершенства, что съ воздушнаго шара можно будетъ осмотрѣть весь земной шаръ, а съ земли свободно обозрѣвать отдаленныя созвѣздія и планеты; посредствомъ акустическихъ машинъ можно будетъ, сидя покойно у камина въ своемъ кабинетѣ, слышать концерты артистовъ и лекціи ученыхъ профессоровъ, читанныя въ отдаленныхъ углахъ земнаго шара".

Сочиненіе это къ сожалѣнію не явилось въ печати. Въ концѣ мая 1829 г. Мицкевичь долженъ былъ оставить Петербургъ и съѣхаться въ Дрезденѣ съ своимъ пріятелемъ, такъ какъ послѣднему нужно было побывать на родинѣ. Накануиѣ отъѣзда пріятели вмѣстѣ съ семействомъ Шимановской рѣшились побывать въ театрѣ. Съ этою цѣлью оба друга явились въ домъ Шимановской, но тотчасъ замѣтили, что панна Целина находится въ грустномъ настроеніи; ея губки, сжавшись какъ двѣ коралловыя вѣтки, не оживились улыбкою при входѣ гостей; а живая краска на лицѣ свидѣтельствовала о сильномъ волненіи; грустное настроеніе рисовалось тоже на челѣ панны Елены и матери. Всѣ усилія развеселить общество остались тщетны. Мицкевичь усѣлся около хозяйки, а пріятель около дочерей. Едва только заговорили о театрѣ, какъ Целина заявила рѣшительно, что она нездорова и въ театръ не поѣдетъ; всѣ просьбы и убѣжденія не имѣли успѣха; панна Целина отвѣчала: „двадцатый разъ говорю, не поѣду, и не поѣду, я нездорова".

Мицкевичь быстро всталъ съ дивана, наморщилъ лобъ, подошелъ къ Целинѣ и сказалъ суровымъ тономъ:

— Лучше не ѣхать, нежели продолжать капризничать.

— Я и не поѣду, — отвѣчала Целина рѣзко и рѣшительно.

За исключеніемъ Целины, всѣ отправились въ театръ. Одынецъ еще разъ вернулся въ комнаты въ надеждѣ уговорить панну Целину ѣхать съ ними. Онъ увидѣлъ ее, сидѣвшую склоня голову на руки и рыдающую какъ ребенокъ; при появленіи Одынца она быстро встала съ мѣста и удалилась. Въ театрѣ всѣ были скучны. Мицкевичь старался скрыть свое грустное настроеніе, пробовалъ развлечь общество, но все не удавалось и не складывалось.

Около 12 часовъ ночи Мицкевичь вернулся домой и нашелъ, что вездѣ зажжены свѣчи и пріятели укладываютъ его вещи. Нужно было

спѣшить, потому что произошла перемѣна во времени отправленія парохода и пассажиры должны были явиться къ восьми часамъ утра. Немедленно извѣщена была объ этомъ Шимановская и остальные близкіе пріятели. Всѣ собрались на набережную Невы, среди которой стоялъ на якорѣ пароходъ. Около 8 часовъ Мицкевичь сѣлъ на яликъ, который повезъ его къ пароходу. Вскорѣ пароходъ тронулся; Мицкевичь стоялъ на палубѣ, обнаживъ голову и махалъ платкомъ въ знакъ прощанія. Солнце озаряло его фигуру, одѣтую въ плащъ мѣдно-краснаго цвѣта.

Всѣ стояли молча, въ слезахъ, пока пароходъ не скрылся изъ виду.

Спустя нѣсколько часовъ Одынецъ пришелъ къ Шимановскимъ и нашелъ ихъ въ слезахъ. Тяжелая грусть особенно отпечатлѣвалась на лицѣ панны Целины и когда мать сказала ей: „нѣтъ уже между нами человѣка, который всегда говорилъ тебѣ правду", Целина зарыдала и убѣжала изъ комнаты. Впослѣдствіи, когда друзья съѣхались въ Карлсбадѣ, вотъ что разсказывалъ Мицкевичь о послѣднихъ минутахъ своего выѣзда изъ Петербурга.

„Невыразимо тяжелое чувство сжало мое сердце, когда вы всѣ скрылись изъ глазъ моихъ. Это была совершенно другаго рода грусть, нежели та, которую я испыталъ оставляя Вильно. Мужество, которое меня поддерживало въ тѣ минуты, теперь окончательно меня оставило. Я выплылъ въ море, мнѣ хотѣлось опредѣлить свое положеніе, подвести итогъ прожитаго; я чувствовалъ, что вступаю въ новую эпоху жизни и вдругъ подвернулся на глаза мой чемоданъ; я рѣшился выбросить его въ море и непремѣнно исполнилъ бы это, если-бы не воспротивился этому капитанъ парохода, на основаніи существующихъ постановленій".

И такъ Мицкевичь оставилъ Россію, въ которой нашелъ искреннихъ друзей, душевное спокойствіе и, по собственному сознанію, счастіе; оставилъ свою родину — Литву, всю прелесть которой, какъ прелесть здоровья, по словамъ первой пѣсни поэмы „Панъ Тадеушъ" можетъ вполнѣ постигнуть и оцѣнить лишь тотъ, кто навсегда ихъ лишился. Тяжелая грусть томила поэта, по его собственному сознанію, когда онъ выплылъ въ море; онъ чувствовалъ, что для него начинается новый періодъ жизни. Минута была важная, можно сказать роковая, не только для поэта, но и для цѣлаго поколѣнія поляковъ. Куда устремитъ поэтъ свои помыслы, какія станетъ создавать идеалы, на какую ноту настроитъ свою лиру, оставивъ родину и связавъ свою судьбу съ судьбою эмигрантовъ? всѣ эти вопросы оставались открытыми. Всѣ предположенія о томъ, какое направленіе приняли бы произведенія Мицкевича, еслибы онъ оставался въ Россіи, останутся одними лишь предположеніями, но несомнѣнно и положительно извѣстно, что Мицкевичь былъ уже недоволенъ своею поэмою „Конрадъ Валенродъ" не въ частяхъ, а всѣмъ планомъ и содержаніемъ. Серьез-

ные польскіе критики, какъ Мохнацкій и Грабовскій, находили, что поэма въ своемъ основаніи не имѣетъ исторической истины, а въ частяхъ — единства; по словамъ критиковъ, въ концѣ поэмы герой ея гросъ-мейстеръ ордена, рыцарь-монахъ, закаленный въ бояхъ, является влюбленнымъ и сантиментальнымъ юношею. Увѣряютъ, что Погодинъ выражалъ Мицкевичу свое удивленіе, что онъ измѣну обратилъ въ апоѳеозъ добродѣтели. Безспорно, что поэма, лишенная историческаго основанія, задуманная въ Одессѣ, въ минуты еще душевныхъ волненій поэта, находившагося подъ вліяніемъ идей тайнаго общества и судебнаго слѣдствія, имѣетъ характеръ вполнѣ тенденціозный; не даромъ Новосильцевъ старался обратить на нее вниманіе властей, не даромъ самъ поэтъ, какъ великій художникъ и мыслитель, въ минуты болѣе спокойной и счастливой жизни, былъ недоволенъ своимъ произведеніемъ.

Изложеніе всѣхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ Мицкевичь сдѣлался мистикомъ, не входитъ въ программу настоящей статьи; скажу только, что Мицкевичь отъ природы былъ склоненъ къ мистицизму, а обстоятельства заграничной жизни окончательно содѣйствовали развитію въ немъ мистическаго настроенія. Уже въ Петербургѣ мистикъ Олешкевичь имѣлъ на него вліяніе и не даромъ называлъ его „избраннымъ сосудомъ, на который рано или поздно сойдетъ благодать Господня, а чрезъ него на многихъ“.

Предсказанія Олешкевича сбылись; міръ дѣйствительно увидѣлъ мистическія произведенія Мицкевича, но онъ лишился лучшихъ произведеній, которыя уже зарождались въ душѣ поэта. Носились не безъ основанія слухи, что вскорѣ появятся въ свѣтъ поэмы: „Янъ Жижка“, „Тростновскій“, „Владиславъ III“ — эти борцы за славянское дѣло. Положительно извѣстно, что Мицкевичь задумывалъ въ произведеніи „Панъ Твардовскій“ выставить міровоззрѣніе славянъ въ противоположность міровоззрѣнію германскихъ народовъ, создавшихъ легендарную личность Фауста, сдѣлавшагося предметомъ трагедіи Гете. Все это было такъ близко, такъ возможно и — все исчезло въ туманахъ мистицизма, охватившаго великій умъ поэта.

Уѣзжая изъ Россіи, Мицкевичь уносилъ въ сердцѣ своемъ зародышъ еще одного чувства, которое врѣзалось въ его сердце, какъ воспоминаніе о жизни въ Петербургѣ. Здѣсь Мицкевичь познакомился съ Целиною Шимановскою — своею суженою, сдѣлавшеюся впослѣдствіи его женою. Зародышъ этого чувства ясно обнаружился въ день разлуки Мицкевича съ Целиною; между ними наканунѣ разлуки произошла сцена, о которой мы говорили выше — это былъ гнѣвъ сквозь слезы, какъ несомнѣнный признакъ взаимнаго влеченія и любви; но въ это время поэтъ носилъ еще въ душѣ образъ Маріи, который ревниво слѣдилъ за всѣми его сердечными склонностями и не давалъ мѣста другой женщинѣ въ его сердцѣ. Напрасно нѣкто Ципринусъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Мицкевичѣ (см. „Русскій Архивъ“ 1872 г.)

навязываетъ ему склонность къ дочери неизвѣстнаго сенатора и влагаетъ въ уста поэта чуждыя ему слова и мысли. Мицкевичъ не любилъ открывать въ этихъ случаяхъ своей души никому, даже самому близкому человѣку, какъ Одынецъ. Мы тѣмъ болѣе имѣемъ основаніе усомниться въ справедливости словъ Ципринуса, что его разсказъ о появленіи „Фариса“ противорѣчитъ разсказу самого Мицкевича; что же касается разсказа Ципринуса о первой встрѣчѣ Мицкевича съ Пушкинымъ, то это чистѣйшая выдумка.

Не только живя въ Петербургѣ, но находясь заграницею, Мицкевичъ долго носилъ въ своемъ сердцѣ образъ Маріи. Одынецъ побывалъ въ Литвѣ, съѣхался съ Мицкевичемъ въ Карлсбадѣ. Долго гуляли они за городомъ въ уединеніи. Мицкевичъ разспрашивалъ обо всемъ, что дѣлается на родинѣ, интересовался всѣми мелочами изъ жизни знакомыхъ, разспрашивалъ о лошадяхъ, о любимыхъ собакахъ въ домѣ, только не проронилъ ни одного слова о своей Маріи, хотя пріятель зналъ ее и могъ видѣть въ день отъѣзда. Такъ глубоко скрывалъ свои чувства Мицкевичъ, такъ благоговѣйно относился онъ къ предмету любви; но онъ не забылъ ее и на вершинахъ Альпъ писалъ:

„Никогда и нигдѣ съ тобою разстаться я не въ силахъ, ты неразлучна со мною: плыву ли по морю, или странствую по сушѣ; на льдинахъ Альпійскихъ горъ виднѣются мнѣ слѣды твоей стопы, и въ шумѣ альпійскаго водопада слышится мнѣ твой голосъ; волосы подымаются дыбомъ, когда озираюсь кругомъ и ликъ твой видѣть боюсь и желаю. На вершинахъ горъ, касающихся облаковъ, при видѣ готовой меня поглотить бездны, весь облитый влагою повисшихъ надо мною тучъ, протираю глаза и ищу сѣверной звѣзды, Литвы, домика твоего и тебя“.

Послѣ долгихъ и разнообразныхъ тревогъ и волненій, испытанныхъ поэтомъ заграницею, мало по малу стирались черты Маріи, и образъ Целины воскресъ въ его душѣ. Мицкевичъ пожелалъ ее видѣть. Целина прибыла въ Парижъ, и бракъ ихъ состоялся. Женщинѣ этой суждено было играть важную роль въ роковомъ переходѣ поэта къ мистицизму; она тяжело заболѣла и лишилась разсудка; явился мистикъ Товьянскій, будто бы чудомъ исцѣлилъ больную и съ этой минуты пріобрѣлъ неограниченное вліяніе на Мицкевича. Это обстоятельство и многія другія причины произвели, какъ извѣстно, переворотъ въ высокомъ умѣ поэта и навсегда затемнили его міровоззрѣніе.

Ф. Неслуховскій.

ОТЪ ЭРЗЕРУМА ДО ТИФЛИСА ВЪ 1878 ГОДУ.

(Отрывокъ изъ походныхъ записокъ).

Января 19-го 1878 года наша армія, стоявшая подъ Адріанополемъ, узнала вечеромъ о состоявшемся въ тотъ день перемиріи; все возликовало, радостямъ не было конца. На другой день улицы города переполнились пришельцами; встрѣчавшіеся цѣловались, поздравляли другъ друга какъ въ Христовъ день и передавали нетвердыя и невѣрныя свѣдѣнія объ условіяхъ, на которыхъ пріостановлена упорная и тяжелая война. Все было забыто за этою радостью: нарождавшійся въ стѣнахъ города тифъ не приводитъ никого въ смущеніе; зловѣщій слухъ о таинственной гибели штабъ-офицера, командовавшаго однимъ изъ гвардейскихъ полковъ, почти никѣмъ не былъ замѣченъ; даже сразу забыли о катастрофѣ въ Московскомъ полку, потерявшемъ массу людей въ сгорѣвшихъ казармахъ. Словомъ, все поблѣднѣло передъ вѣстью о перемиріи; всѣ видѣли конецъ походной жизни, каждый мечталъ о близости возвращенія на родину.

— Теперь пожалуй еще мѣсяца полтора, да и по домамъ, — весело кричитъ молодой офицеръ, пріѣхавшій въ городъ на маленькой турецкой лошаденкѣ.

— Что вы—черезъ полтора; недѣльку потолкуютъ съ пашами, тамъ подпишутъ, а черезъ недѣльку и выступленіе, — отозвалась бурка, шедшая пѣшкомъ въ адъютантской фуражкѣ.

— Боже, сколько ждали,—и дождались! Куда вы выступаете? спросятъ меня черезъ двѣ недѣли,—„изъ Адріанополя въ Стрѣльну", отвѣчу,—и офицеръ разсмѣялся тѣмъ смѣхомъ, которымъ смѣются люди. безконечно-счастливые, находящіеся подъ впечатлѣніемъ необыкновенной, изъ ряду выходящей радости.

Всѣ строили планы, всѣ вполнѣ отдались впечатлѣнію безконечной радости. никто не хотѣлъ думать больше ни о чемъ, у каждаго

и на умѣ, и на языкѣ было предстоящее возвращеніе домой. Пока шла усиленная работа по разработкѣ мирныхъ условій, армія предалась отдыху. Въ Адріанополь стеклась масса офицеровъ; многихъ пришлось встрѣтить въ первый разъ на войнѣ; мы собирались по вечерамъ посидѣть то у того, то у другаго; какой бы разговоръ ни поднимался, постоянно онъ переходилъ опять таки на предстоявшее возвращеніе.

Дня черезъ три послѣ заключенія перемирія, нѣсколько человѣкъ собрались въ Греческій монастырь на квартиру генерала Бреверна, начальника артиллеріи гвардейскаго корпуса. Веселая бесѣда была прервана казакомъ, появившимся въ кельѣ какъ изъ земли.

Ординарца, штабсъ-капитана Андреевскаго, нѣтъ ли здѣсь? его высочество спрашиваетъ.

Я поспѣшилъ выйдти и направился по узкимъ азіатскимъ улицамъ на другой конецъ города, въ конакъ главнокомандующаго. Великій князь сидѣлъ за чайнымъ столомъ въ своей комнатѣ, когда я вошелъ къ нему.

— Ты ѣдешь въ Петербургъ, сказалъ главнокомандующій, поздоровавшись и улыбнувшись.

Я поклонился въ ожиданіи приказаній.

— Только черезъ Константинополь, Требизондъ, Эрзерумъ, Карсъ и Тифлисъ, добавилъ великій князь, ты повезешь условія перемирія, выработанныя основанія мира и демаркаціонную линію генералу Лорисъ-Меликову и главнокомандующему на Кавказѣ. За подробными приказаніями придешь ко мнѣ послѣ завтра и тогда съ Богомъ въ путь, а пока приготовляйся. Вотъ тебѣ и товарищъ,—указалъ великій князь на вошедшаго ординарца, прапорщика милиціи князя Уцміева, хана карабахскаго.—Онъ съ тобой поѣдетъ до Требизонда, оттуда моремъ же свернетъ на Батумъ и черезъ Поти проѣдетъ уже сухимъ путемъ въ Тифлисъ.

Генералъ Игнатьевъ, имѣвшій постоянно самыя подробныя извѣстія изъ Константинополя, находилъ, что нужно выждать, пока населеніе турецкой столицы поуспокоится, а потому просилъ повременить нашимъ отправленіемъ до болѣе благопріятной минуты. Въ ожиданіи отправленія своего мы по прежнему проводили дни мирно и спокойно. Я подобралъ себѣ изъ кавказской казачьей бригады двухъ осетинъ, третьяго передалъ мнѣ, какъ испытаннаго, генералъ Бревернъ, изъ собственнаго государева конвоя дали мнѣ надежнаго татарина Османа, знавшаго Турецкій языкъ, къ нимъ присоединилъ я состоявшаго при мнѣ драгуна Гурьянова,—и такимъ образомъ мой конвой былъ готовъ. Въ одинъ изъ этихъ дней ожиданія я встрѣтилъ ротмистра собственнаго его величества конвоя Алдатова; мы разговорились, и онъ убѣдительно просилъ меня взять его съ собой. Зная его за человѣка, выросшаго въ походахъ на Кавказѣ и притомъ служившаго ординарцемъ при знаменитомъ Слѣпцовѣ, я не могъ

не согласиться съ тѣмъ, что онъ принесетъ мнѣ пользу въ пути, а потому рѣшился просить у великаго князя позволенія взять его съ собой, на что и получилъ безъ всякихъ затрудненій согласіе. Наконецъ великій князь попрощался съ нами, высказалъ пожеланія благополучія и увѣренность въ насъ, причемъ просилъ беречь себя.

4 февраля рано утромъ поѣздъ унесъ насъ въ Константинополь: 5-е провели мы „по недоразумѣнію" у главнокомандовавшаго турецкими войсками Мухтара-паши, того самаго, который дѣйствовалъ противъ генерала Лорисъ-Меликова; 6-е пробыли въ Константинополѣ, откуда при содѣйствіи германскаго посла принца Рейса выбрались 7-го на французскомъ пароходѣ „Иллисусъ" въ Требизондъ. Послѣ трехъ дней самаго пріятнаго путешествія по Черному морю мы пришли 10-го въ Требизондъ,—пунктъ, изъ котораго намъ предстояло немедленно двинуться верхами въ Эрзерумъ, но опять „по недоразумѣнію" требизондскій вали Юсуфъ-паша задержалъ насъ въ городѣ цѣлую недѣлю, и мы пустились въ путь по малоазіатскимъ горамъ лишь 17-го. По ходатайству помогавшаго намъ во всемъ итальянскаго консула въ Требизондѣ кавалера Рива, начальникомъ приданнаго намъ турецкаго конвоя въ 12 заптіевъ былъ назначенъ командиръ заптіевъ (жандармовъ) Требизондскаго вилайета Гуссейнъ-бей. Описаніе моего путешествія отъ Константинополя до Эрзерума было напечатано мною тогда же въ газетѣ „Новое Время" (1878 г., начиная съ № 722), а потому я нахожу умѣстнымъ сказать здѣсь лишь нѣсколько словъ о Гуссейнъ-беѣ, и затѣмъ перейти прямо къ описанію нашего переѣзда отъ Эрзерума до Тифлиса.

Еще 15-го вечеромъ явился къ намъ Гуссейнъ-бей, посланный Юсуфомъ-пашою. Непривлекательнымъ показался намъ этотъ 45-лѣтній толстякъ: рябой, черный, безъ глаза, съ толстыми, грязными руками и въ желтой чалмѣ, онъ напоминалъ собою разбойника. Разговаривая, онъ никогда не смотрѣлъ своимъ единственнымъ глазомъ въ глаза собесѣдника, а всегда сворачивалъ его куда-нибудь въ сторону, или опускалъ внизъ; не возбудилъ онъ въ насъ симпатіи къ себѣ. Итальянскій консулъ разсказалъ намъ, что лѣтъ 15 тому назадъ Гуссейнъ-бей былъ лихимъ предводителемъ шайки разбойниковъ, наводившихъ ужасъ на окрестности своими отчаянными нападеніями на проѣзжавшихъ по дорогамъ, а также набѣгами на села и даже города. Никакіе конвои не помогали, а всякаго рода погони и облавы кончались ничѣмъ: молодой предводитель шайки ловко ускользалъ и всякій разъ, когда его принимались искать въ одномъ мѣстѣ, онъ появлялся совершенно въ противоположномъ концѣ и грабилъ безпощадно. Одно, что можно было сказать въ пользу молодаго атамана,—это то, что занимаясь грабежомъ, онъ никогда не убивалъ ограбленныхъ и строго запрещалъ убійство своимъ подчиненнымъ; убійства случались нерѣдко, но всякій разъ безъ участія Гуссейна, или въ его отсутствіи. Поживши такою жизнью лѣтъ пять, Гуссейнъ явился съ повинною,

былъ помилованъ и принятъ на службу. Происхожденія онъ былъ знатнаго: отецъ его былъ вали въ Смирнѣ и приближенное лицо къ султану, но родился Гуссейнъ отъ нелюбимой жены вали и потому былъ заброшенъ.

Разсказавъ мнѣ все это, сеньоръ Рива убѣдительно просилъ ни однимъ намекомъ не показывать Гуссейну, что мы знаемъ его исторію. Съ началомъ войны 1877 года русскіе подданные, оставшіеся въ Требизондѣ и его окрестностяхъ, попали подъ покровительство итальянскаго консульства; сеньоръ Рива вѣдалъ ихъ дѣла, защищалъ ихъ отъ обидъ и былъ за нихъ прямымъ ходатаемъ передъ вали. Съ замѣчательною энергіею брался за дѣла русскихъ Гуссейнъ и, какъ начальникъ жандармовъ вилайета, былъ отличнымъ помощникомъ консула по дѣламъ удовлетворенія претензій русскихъ подданныхъ. Съ этимъ человѣкомъ прожили мы во время путешествія девять тяжелыхъ дней, и воспоминанія о немъ лично у всѣхъ насъ остались самыя отрадныя: въ этомъ разбойникѣ оказалось столько доброты, человѣчности, энергіи и природнаго ума, что онъ могъ бы этими качествами пожалуй подѣлиться съ неимущими.

I.

Въѣздъ въ Эрзерумъ.—Караулъ лейбъ-эриванцевъ.—Представленіе генералъ-адъютанту Лорисъ-Меликову. — Подполковникъ князь Тархановъ. — Вниманіе генерала Лорисъ-Меликова къ Гуссейнъ-бею. — Тайна Гуссейнъ-бея.—Турецкій способъ вспоможенія раненымъ.

..... 24-го февраля, миновавъ рысью передовыя земляныя укрѣпленія, въѣхали мы въ каменныя южныя ворота Эрзерума. Пустота, мертвенный видъ, тамъ и сямъ валяются брошенныя орудія, на нихъ кое-гдѣ отдыхаютъ изнуренные турецкіе солдаты — продолженіе той же вереницы отрядовъ, которые встрѣчались намъ наканунѣ и раньше въ районѣ расположенія Турецкой арміи подъ Пернакапанхане, Ашкале и Карабуюкомъ. Нѣсколько заворотовъ по какимъ-то грудамъ привели насъ къ большому трех-этажному, испещренному турецкими надписями госпиталю, пройдя который, мы очутились лицомъ къ лицу съ карауломъ лейбъ-эриванцевъ. Караулъ помѣщался въ концѣ той улицы, которая вмѣщала въ себѣ домъ, занятый генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ. Мы зашли съ Алдатовымъ смѣнить валенки на сапоги и хоть немного пообчиститься.

— Что, ваше высокоблагородіе, казачекъ сказываетъ, вы изъ-за Дунаю? обратился ко мнѣ молодой, исхудалый унтеръ-офицеръ.

— Да, братъ, изъ-за Дуная, подтвердилъ я, съ трудомъ натягивая промерзшій на вьюкѣ сапогъ.

— Миръ, сказываетъ, намъ привезли, на томъ покорно благодаримъ... А вотъ мы слышали, ваше высокоблагородіе, за Дунаемъ билетныхъ ужъ отпустили по домамъ?

— Отпустили, землякъ, отпустили изъ-за Дуная за Балканы, вотъ куда отпустили, вмѣшался драгунъ Гурьяновъ. — Нешто можно отпустить? „Онъ“ бунтуетъ, а тутъ отпустили, виданное ли дѣло? разворчался драгунъ; — онъ самъ былъ изъ „билетныхъ“, и ему, какъ прошедшему за годъ много чужихъ земель, очень хотѣлось повидать родину, жену, ребятъ.

— Извѣстное дѣло, болтаютъ, заговорилъ какъ бы пристыженный эриванецъ; мы и то не вѣримъ, всего наслушаешься; а только ужъ домой-то больно хочется; сколько нашего брата полегло отъ здѣшняго спертаго воздуха и не дай ты Богъ; такъ съ ногъ и валитъ, какъ мухъ. Пуля столько не положила, сколько болѣсть; хоть бы хворый да поглядѣлъ бы въ послѣдній разъ на своихъ.

— Ужъ гдѣ тутъ своихъ, чай чужихъ не оберешься, заворчалъ опять драгунъ; сперва надо съ „имъ“ покончить, а тамъ тянись домой.

— Правда, съ имъ кончить надо, какъ есть надо, пробормоталъ въ углу молоденькій, бѣлоголовый солдатикъ.

— А ты давно ли на службѣ? спросилъ я.

— Мы седьмаго года, послѣдняго пригона.

— Они молодые, имъ бы служить да служить, а ихъ-то болѣсть больше всего и садитъ.

— Извѣстно, силъ еще не набрались, оврѣпнутъ и они послужать, наставительно замѣтилъ Гурьяновъ, привязывая къ походному вьючному чемоданчику валенки.

— Ну прощай, ребята, давай вамъ Богъ благополучно покончить съ „имъ“ да домой вернуться.

— Покорно благодаримъ, дружно отозвался караулъ.

— Вотъ хоть на дунайскихъ пришлось поглядѣть... вишь вѣдь откелева ихъ сердешныхъ претъ... и они хоть на нашихъ поглядятъ... поразскажутъ тамъ... слышался сзади насъ говоръ въ то время, какъ унтеръ-офицеръ направлялъ насъ на квартиру генерала.

Доложили. Мы вошли въ небольшую, устланную коврами и уставленную турецкими диванами комнату. Въ ней сидѣлъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ съ генералами Духовскимъ и Кравченко, изъ которыхъ первый былъ въ то время эрзерумскимъ губернаторомъ, а второй — комендантомъ. Въ началѣ войны генералъ Духовской состоялъ начальникомъ штаба у Михаила Таріеловича, а съ именемъ Кравченко связывается печальная катастрофа въ Сухумъ-Кале.

— И, пожалуйста, господа, побольше энергіи, побольше глазу... все сами посмотрите; очищайте скорѣе помѣщенія, занятыя этимъ хламомъ; отправляйте скорѣе турецкихъ больныхъ, пусть направляются скорѣе на Илиджу и далѣе, а намъ нужны помѣщенія, нельзя людей оставлять на бивакѣ, какой бивакъ на улицѣ! Не жалѣйте средствъ, приложите все свое стараніе къ тому, чтобы скорѣе провѣтрить помѣщенія и помѣстить скорѣе нашихъ людей. Да! самое главное забылъ: отдѣляйте, господа, больныхъ отъ здоровыхъ.

— По мѣрѣ возможности...

— Нѣтъ, пожалуйста, не по мѣрѣ возможности, а безусловно; нельзя же! я самъ нашелъ въ помѣщеніяхъ смѣсь больныхъ со здоровыми; вѣдь эти здоровые такимъ образомъ заранѣе обречены на болѣзнь и гибель; за этимъ я прошу строго наблюдать и самъ буду ежедневно ходить, смотрѣть... надо бы ко мнѣ попросить генераловъ Геймана и Рыдзевскаго.

Такъ распоряжался командиръ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса въ ту минуту, когда мы вошли къ нему; заботливость наложила печать на его характерное лицо; въ то же время добрѣйшая улыбка почти не сходила ни на минуту съ него; въ выразительныхъ глазахъ свѣтилась энергія, простота обращенія кидалась въ глаза каждому и каждаго подкупала.

— Вы откуда? обратился генералъ ко мнѣ, оглядывая или, лучше сказать, пробѣгая меня съ головы до ногъ своими живыми глазами. — А, Алдатовъ, здравствуй, ты какъ сюда попалъ? Здорово, братъ! Ахъ да! вы отъ великаго князя, изъ-за Балканъ; ну что, когда вы выѣхали? Громадное же путешествіе сдѣлали, и какъ скоро, какими молодцами; да вы что это такой чистенькій и въ походной формѣ! форменный же вы человѣкъ!

Принявъ бумаги и порученія, покончивъ съ оффиціальнымъ пріемомъ, генералъ разговорился съ нами. Алдатовъ, какъ уроженецъ города Владикавказа, оказался давно извѣстнымъ Михаилу Таріеловичу, какъ бывшему начальнику Терской области.

— А ты знаешь, Алдатовъ, сказалъ генералъ послѣ подробнаго разспроса о нашемъ путешествіи,—Ашахметъ убитъ; убитъ, братъ, на моихъ глазахъ. Что я слезъ пролилъ! Наканунѣ еще онъ мнѣ привезъ важное извѣстіе; я ему далъ 1000 рублей, а на другой день я его въ бою послалъ съ приказаніемъ; только-что онъ стегнулъ лошадь и отъѣхалъ отъ меня шаговъ 50, свистнула пуля въ бокъ ему. Притащили его ко мнѣ, посадилъ я его въ коляску, отправляю къ лазарету: „не забудьте, говоритъ, Михаилъ Таріеловичъ, дѣтей, какъ всю жизнь не забывали меня". Отъѣхалъ версты полторы да и померъ, истекъ кровью и не удалось ему порадоваться взятіемъ Карса. Что ужъ онъ на этотъ Карсъ трудовъ положилъ, спасибо ему! ужъ гдѣ онъ бывало не проскочитъ, экій былъ молодецъ, что за молодецъ! Онъ моимъ конвоемъ начальствовалъ.—Славный народъ эти осетины; я вашего брата дорого цѣню, прибавилъ генералъ, обращаясь къ Алдатову;—народъ вѣрный; лучше ни на кого нельзя положиться, какъ на осетинъ; еще въ Терской области я отъ души полюбилъ этотъ народъ.

— Ничего, народъ хорошій, простодушно замѣтилъ Алдатовъ.

— Тяжело наше положеніе; ужасное положеніе, заговорилъ генералъ, немного помолчавъ;—я думаю, рѣдко обстоятельства слагаются хуже; это адъ! Люди валятся страшно, тифъ коситъ бѣднякекъ все

сильнѣе и сильнѣе съ каждымъ днемъ, до какихъ размѣровъ это дойдетъ, одинъ Богъ знаетъ.... Ну да будемъ крѣпиться и надѣяться; энергія все преодолѣваетъ, а намъ ее не занимать у другихъ, поработаемъ да исправимся Богъ дастъ; спасибо помощникамъ: работаютъ безъ устали.—А сколько я потерялъ близкихъ мнѣ людей; близкихъ и энергичныхъ помощниковъ: Губской [1]), который такъ много сдѣлалъ для лучшей постановки артиллеріи, который съ такою энергіею организовалъ парки, который леталъ въ роѣ пуль, котораго пуля не хотѣла взять, который, будучи сильно контуженъ гранатою, продолжалъ распоряжаться въ бою,—этотъ Губской умеръ отъ тифа, сгорѣлъ въ три дня, истаялъ. Адъютантъ у него заболѣлъ; тяжко было этому адъютанту; когда Губской перетащилъ его къ себѣ въ избу въ Хассанъ-Кале, тотъ выходился, поправился, а этотъ заразился и не перенесъ. Теперь телеграфируютъ мнѣ, что маленькій Лорисъ заболѣлъ тифомъ же и очень плохъ.... Однако я съ вами заболтался и забылъ, что вы съ дороги.... Эй, казакъ! попроси ко мнѣ князя Тарханова.—Вамъ надо будетъ найти помѣщеніе поближе ко мнѣ, а если не найдется, такъ, милости просимъ, у себя дамъ комнату.

— Съ нами, ваше высокопревосходительство, турецкій офицеръ, онъ всю дорогу просилъ представить его „урусъ-сердарю", не прикажете ли исполнить его просьбу?

— Онъ откуда васъ сопровождалъ?

— Отъ Требизонда.

— И довольны вы имъ?

— Очень довольны, онъ ухаживалъ за нами, какъ дядька или какъ самый вѣрный слуга.

— Давайте его сюда, пошлите за нимъ, пусть явится.

Пока искали Гуссейна, въ комнату вошелъ подполковникъ князь Тархановъ, исправлявшій при генералѣ должность походнаго правителя канцеляріи, такъ какъ штабы еще оставались въ тылу, въ Карсѣ.

— Имъ надо будетъ найти квартиру поближе ко мнѣ; и другую для турка, добавилъ генералъ, взглянувъ вопросительно на меня.

— Нѣтъ не надо, мы помѣстимъ турка вмѣстѣ съ собой, восемь дней помѣщались въ одной комнатѣ, а ужъ на девятый и Богъ велѣлъ.

Передавъ кн. Тарханову бумаги, привезенныя нами и сдѣлавъ по нимъ нѣсколько распоряженій, генералъ снова перешелъ въ частной бесѣдѣ.

— Что ты получилъ за войну? обратился генералъ къ Алдатову.

— Я получилъ только Анну 3-й степени съ мечами; въ одномъ дѣлѣ и былъ всего.

---

[1]) Генералъ Губской, будучи начальникомъ артиллеріи Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, получилъ орд. св. Георгія 3 ст. за самое дѣятельное участіе во взятіи Карса.

— Бѣда съ наградами, не успѣваешь во время дѣлать представленія, по этому награды запаздываютъ, а вѣдь дорого яичко въ Христовъ день.—По крайней мѣрѣ—прибавилъ генералъ, нѣсколько помолчавъ—нѣтъ нынче такихъ безобразій, какія встрѣчались въ прошлую войну: я былъ тогда полковникомъ и проходилъ тѣ же мѣста, которыя довелось пройти теперь во главѣ славныхъ войскъ. Стали подходить части на бивакъ послѣ сраженія подъ Башкадыкларомъ; бивакъ, какъ теперь помню, былъ отведенъ по обоимъ берегамъ оврага; одинъ изъ командировъ притащилъ съ собою два орудія отбитыя у турокъ; слышу перекрикивается съ кѣмъ то:—„Ну что же, идетъ, что ли? мнѣ все равно, за одно орудіе Георгія получу также, какъ и за два, а вамъ за одно тоже дали бы,—берите“.—„Нѣтъ, отвѣчаетъ другой, уступите такъ, по товарищески, возьму, дѣло другое“.... Не знаю, что тотъ съ него спрашивалъ и на чемъ они покончили, но разговоръ былъ самый серьезный, и такіе фокусы зачастую практиковались.

Вошелъ генералъ Рыдзевскій, командиръ одной изъ бригадъ, расположенныхъ въ крѣпости за нимъ, немного погодя, генералъ Кахановъ, начальникъ осадной артиллеріи Кавказскаго корпуса.—Я воспользовался тѣмъ, что генералъ занялся съ ними, и подошелъ къ кн. Тарханову,—въ которомъ узналъ своего „однокашника“: давно, девятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда я былъ въ приготовительномъ классѣ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса, этотъ самый Тархановъ былъ произведенъ въ прапорщики артиллеріи; онъ конечно меня едва помнилъ. Вотъ гдѣ довелось встрѣтиться: послѣ корпусныхъ стѣнъ въ стѣнахъ Эрзерума! Мы о многомъ вспомнили. За войну вообще случалось и въ дѣлахъ, и на бивакахъ встрѣтиться со многими изъ тѣхъ, кого не приводилось видѣть со школьной скамьи, и какъ отрадны по большей части были эти встрѣчи! Не далѣе, какъ въ тотъ же день въ Илиджѣ (въ 15 верстахъ отъ Эрзерума на югъ), подошелъ ко мнѣ молодой артиллерійскій офицеръ съ черною, окладистою бородою, Джавровъ; онъ узналъ меня, какъ я Тарханова, потому что былъ въ приготовительномъ классѣ того же 1-го корпуса въ Москвѣ, когда я былъ уже почти на выпускѣ.

— Пригнали турку, ваше высокопревосходительство, влетѣлъ молодчина-казачекъ изъ „волгскихъ“.

— Давай ее сюда, пошутилъ генералъ.

Какъ только мой Гуссейнъ-бей робко переступилъ порогъ, генералъ бойко, бѣгло заговорилъ съ нимъ по-турецки. Робость, съ которою Гуссейнъ предсталъ предъ очи „урусъ-паши сердаря“, мигомъ прошла, онъ ободрился, рябое, толстое, непріятно поражавшее меня въ первые два дня лицо его развернулось въ пресимпатичную улыбку; онъ тоже заговорилъ, затѣмъ возвелъ глаза къ небу, указалъ правою рукою по направленію лба, груди и земли—видимо расчувствовался.

— Тархановъ! принеси хорошіе золотые часы изъ тѣхъ, которые возятся для подарковъ; дай ему; да смотри—не скупись, выбери хоро-

шіе, я хочу хорошенько наградить этого разбойника за то, что провелъ молодцовъ и ухаживалъ за ними.

Тархановъ принесъ часы.

— А цѣпочку?

— Вы не сказали, ваше высокопревосходительство.

— Ахъ ты скупердяй, все экономитъ, ступай сейчасъ принеси; я, братъ, самъ сэкономить мастеръ, а ужъ гдѣ нужно дарить, тамъ нечего жалѣть.

Одарили моего Гуссейна; вышелъ онъ растроганный.

Генералъ пошелъ заниматься, а мы съ Тархановымъ поговорили, поужинали и отправились по домамъ. Намъ была отведена квартира напротивъ; холодно въ ней, сыро, но есть желѣзная печь, правда больше дымящая, чѣмъ грѣющая. Гурьяновъ разжигалъ дрова, закрывая глаза отъ дыму, который ихъ разъѣдалъ; какой-то мѣстный турокъ старательно помогалъ, разламывая сухія щепки.

— Гдѣ же Гуссейнъ? хватился я.

— Я ему сказывалъ, ваше высокоблагородіе, онъ говоритъ, что нехорошо здѣсь, въ виду такого важнаго генерала, ему съ вами помѣщаться; помѣстился съ нами въ конюшнѣ.

— Пустяки, тащи его сейчасъ сюда.

Явился Гуссейнъ совершенно голодный; мы его накормили. Долго не могъ онъ кончить своихъ изліяній, счастіе было для него необыкновенное и слишкомъ неожиданное.

— Никогда, говоритъ, я не забуду этого дня, въ который довелось получить подарокъ отъ великаго русскаго сердаря.

Онъ добавилъ, что былъ бы еще счастливѣе, еслибы за услуги, оказанныя имъ отъ всего сердца Россіи, ему удалось бы получить русскій „маленькій орденъ“.

Алдатовъ, простудившійся въ послѣдній переходъ (отъ Ашкале къ Эрзеруму) укладывался спать; онъ тщательно устраивалъ себѣ постель на нарѣ у заклееннаго бумагой окна, пока я бесѣдовалъ съ Гуссейномъ.

— Завтра надо мнѣ пойти въ нашъ госпиталь, объявилъ „турка“.

— Зачѣмъ?

— А вотъ зачѣмъ, отозвался онъ, снимая съ себя замшевый мѣшокъ въ видѣ пояса; я везъ съ собою всю дорогу 900 турецкихъ лиръ [1]) для передачи здѣшнему госпиталю „Красной луны“ на нужды раненыхъ и больныхъ. Я вамъ объ этомъ ничего не говорилъ, но вижу, что вы такіе люди, которымъ можно было безъ опасенія сказать обо всемъ раньше.

Я улыбнулся на такой знакъ довѣрія со стороны этого по своему понимающаго людскія отношенія человѣка. Облеченный довѣріемъ своей „Красной луны“, онъ всю дорогу силился скрыть отъ насъ порученіе, данное ему. 900 лиръ должны были порядочно оттягивать

---

[1]) Турецкая лира по номинальной цѣнѣ равняется $22^1/_2$ франкамъ.

бока, но Гуссейнъ, боясь выдать свою тайну, ни разу даже на ночлегахъ не снялъ съ себя пояса, который былъ у него крѣпко подтянутъ подъ суконной фуфайкой.

— Кто же вамъ далъ эти деньги? спросилъ я.

— Англійскій комитетъ „Красной луны“; онъ постоянно посылаетъ деньги; для этого онъ или выискиваетъ оказію подобную нынѣшней, или же просто посылаетъ черезъ горы двухъ нарочныхъ.

— И всегда деньги доходили благополучно?

— Благополучно, когда посылались съ мусульманиномъ или съ армяниномъ; а разъ поѣхали два врача, одинъ былъ полякъ, другой назвался англичаниномъ,—а кто онъ былъ, Аллахъ его знаетъ—такъ оба скрылись.—Гуссейнъ подумалъ, вздохнулъ и добавилъ: впрочемъ можетъ быть они и теперь еще съ 2000 лиръ лежатъ въ пропасти, путь-то вѣдь сами видѣли какой!! А все-таки съ мусульманиномъ этого не случалось.

Долго распространялся на эту тему простякъ, разговорчивый отъ природы, а на этотъ разъ еще болѣе развязавшій свой языкъ подъ вліяніемъ необыкновенной радости: подарокъ не выходилъ у него изъ головы.

Около двѣнадцати часовъ я отпустилъ своего переводчика татарина Османа и вздумалъ уснуть, но не такъ-то легко это оказалось: мелочь кинулась неистово истязать меня...

II.

Развитіе болѣзненности въ Кавказской арміи.— Турецкіе редифы. — Русскіе солдаты.—На какія деньги велась война въ Арменіи. — Замѣчательная распорядительность генерала Лорисъ-Меликова.—Прекращеніе сообщеній отъ мятелей и снѣжныхъ заносовъ.—Турецкій способъ расчистки дорогъ.—Уменьшеніе смертности въ войскахъ.—Прощаніе съ конвоемъ и Гуссейнъ-беемъ.

Рано всталъ озабоченный командиръ корпуса и все утро провелъ въ осмотрѣ разныхъ помѣщеній. Тифъ видимо распространяется все болѣе и болѣе; больныхъ накопляется масса; трудно, почти немыслимо, отдѣлять ихъ отъ здоровыхъ. Вьюга; телеграфы порвались, никакихъ сообщеній ни съ Тифлисомъ, ни съ міромъ вообще. Холодъ, вѣтеръ насквозь пронизываютъ закутанныхъ, обледенѣлыхъ солдатъ, двигающихся въ караулъ. Эрзерумъ какъ-бы промерзъ насквозь, пoледенѣлъ. Слышатся на улицѣ какіе-то дикіе возгласы, точно рѣжутъ кого или кто причитываетъ: это турецкій редифъ тащитъ орудія. Крикъ всегда помогаетъ тащить; на манеръ нашихъ бурлаковъ турки голосомъ помогаютъ себѣ; но жалобный ихъ крикъ скорѣй обезсилилъ-бы нашего брата, опустилась-бы рука отъ этого отвратительнаго, безобразнаго завыванья. Нѣтъ въ этомъ турецкомъ возгласѣ той лихости, которая разжигаетъ нашего солдата, слышащаго дубинушку и вторящаго ей; нѣтъ и той за сердце берущей заунывности, которая втягиваетъ въ работу бурлака.

— Скоро-ли онъ, проклятый, повытаскаетъ свои орудія? Вишь завылъ, ровно не кормленъ недѣлю... слышится за дверью голосъ молодаго пѣхотнаго солдата, забредшаго случайно погрѣться къ моему драгуну—Гурьянову.

— Скоро-ли! нешто онъ можетъ скоро? онъ по улицѣ не можетъ тащить; онъ подъ Ловчей поскидалъ съ себя все: ружья побросалъ, вещи, одежду поскидалъ, тогда, порожній, побѣгъ скоро; а нешто можно ему скоро эку тяжесть тащить; сила-то у него съ чего народится: щей ему не даютъ, каши онъ опять видомъ не видалъ; только слава, что ѣстъ, галетку грызетъ; жаль его, прости Господи, что по улицѣ не можетъ тащить; наши поди-ка на Шандорникъ, подъ небо тащили, да еще бывало смѣются.

— Какой это Шандорникъ, землякъ, подъ Карсомъ, что-ли?

— Подъ какимъ Карсомъ, нешто не знаешь, кому здѣсь отведена квартира? Мы изъ-за Дуная пріѣхали, изъ-за моря, въ Балканахъ были, вамъ теперь миръ привезли.

— Да мнѣ гдѣ знать, мы знаемъ Карсъ, Дивобойню знаемъ, дошли до Ирзируна, а тамъ что Богъ пошлетъ; этихъ дѣловъ мы не слыхивали.

— А не слыхивалъ, такъ толкомъ спроси, разразился драгунъ, горѣвшій нетерпѣніемъ „поврать" что-нибудь о Болгаріи.

— На что мнѣ спрашивать? я вотъ не ѣлъ съ утра, пойду спрошу обѣдъ; это спрошу, а объ этихъ дѣлахъ узнаю послѣ на свободѣ; самъ людямъ поразскажу, да и отъ нихъ, на сытый желудокъ, послушаю. Продай, землякъ, эти шкуры,—позарился вдругъ пѣхотинецъ на бараньи шкуры, торчавшія изъ-подъ шинели, изображавшей на полу постель драгуна.

— Продай!! намъ, братъ, еще тыщу верстъ идти надо; капитанъ сказывалъ, пойдемъ за Тифлисъ, далече идти. Возьми, пожалуй, отдай два франка.

— Что?

— Два франка.

— Какіе два франка? Какимъ франкамъ васъ тамъ выучили въ Балканахъ?

— А у васъ ихъ, поди, нѣтъ?

— И не слыхивалъ.

— Опять не слыхивалъ. Мало-же ты, братъ, слыхалъ! А ты походи съ наше, да поучись, тогда приди покупать шкуры.

— На твои шкуры видно запретъ наложенъ; уступи, братъ, маленько, вотъ тебѣ рубль отдамъ за всѣ 4; а у насъ, братъ, подъ Саратовымъ ихъ даромъ бросаютъ...

Драгунъ помолчалъ.

— Нешто ты саратовскій? И я тоже саратовскій, Кузнецкаго уѣзда.

Земляки подали другъ другу руки, и пошла дружеская бесѣда. Долго

потомъ она прерывалась споромъ изъ-за шкуръ; роли перемѣнились: драгунъ настаивалъ на томъ, чтобы землякъ взялъ шкуры въ подарокъ, землякъ обижался и ни за что не хотѣлъ покончить дѣло иначе, какъ за „бумажку“. Землякъ за бесѣдой забылъ, что съ утра не ѣлъ, забылъ про обѣдъ, но драгунъ не забылъ свои ловчинскія, плевненскія, забалканскія и заморскія похожденія: все поразсказалъ.

Къ вечеру осетинъ Кулаевъ принесъ кашицу и шашлыкъ, раздобыли кислаго вина, пришелъ конвойный татаринъ Османъ, подошли два другіе осетина; отпраздновали землякн встрѣчу и разошлось маленькое общество, принявшее въ этомъ празднествѣ участіе.

Землякъ, слышавшій о какихъ-то франкахъ, долженъ былъ дѣйствительно изумиться: извѣстно, что вся кампанія въ Арменіи велась безъ золота и армія всю кампанію обходилась кредитными билетами; ни одного полуимперіала не вышло за предѣлы нашихъ кавказскихъ владѣній и жители Арменіи по-неволѣ должны были брать наши бумажки, а потому скоро привыкли къ нимъ. Сколько черезъ это сохранила наша небогатая русская казна!

Вообще, если съ одной стороны генералу (нынѣ графу) Лорису-Меликову посчастливилось въ военномъ отношеніи, если его распоряженія приводили наши славныя кавказскія войска къ побѣдамъ, то съ другой стороны нельзя не отмѣтить, что денежныя дѣла арміи ведены были блистательно. Послѣ занятія Эрзерума, который былъ намъ уступленъ лишь въ силу перемирія, турки изъявили желаніе уступить за деньги свои склады и запасы провіанта, добавивъ, что если мы несогласны будемъ уплатить, то они немедленно вывезутъ всѣ запасы. При ничтожности ихъ перевозочныхъ средствъ и при полномъ отсутствіи дорогъ за Эрзерумомъ или вѣрнѣе за Илиджой, вывести массу складовъ было почти немыслимо. Генералъ Лорисъ-Меликовъ полагалъ поэтому, что во всякомъ случаѣ провіантъ этотъ можно было купить дешево; турки же, зная, что потребность въ немъ для насъ была громадна, заломили баснословно высокую цѣну. Не желая съ ними ссориться въ ту минуту, когда только-что было заключено перемиріе, генералъ рѣшилъ не торговаться, но при разсчетѣ велѣлъ выплатить имъ турецкими бумажками (каимэ), захваченными въ Карсѣ.

Обѣдать мы сходились ежедневно къ генералу, который, будучи заваленъ работой, лишь за обѣдомъ отдыхалъ и запросто предавался частной бесѣдѣ. У насъ дни проходили въ занятіяхъ и въ осмотрѣ города, хотя осмотру этому не особенно благопріятствовала погода: вѣтеръ свисталъ, срывая крыши, врывался, завывая, въ трубы; вездѣ шумъ, трескъ; снѣгами заносило все, заносило безнадежно. За Эрзерумомъ пути старательно очищаются, нарядъ полуздоровыхъ командъ на работы учащенъ, но ни почты, ни телеграфа нельзя добиться. Турки обыкновенно мирятся съ такимъ положеніемъ: мы видѣли въ тылу ихъ арміи, что никакіе заносы не вызываютъ рабочихъ въ горы. Занесло—вьючные транспорты сами прокладываютъ себѣ путь,

утопая въ сугробахъ и изводя вьючныхъ животныхъ; переднимъ достанется тяжело, а задніе съ грѣхомъ пополамъ пройдутъ по ихъ поту и крови. Одинъ лишь разъ случилось намъ видѣть выгонъ турецкихъ солдатъ въ горы для очистки пути: проѣздъ такого важнаго посольства, какимъ представлялось наше въ глазахъ турецкихъ войскъ, встрѣчавшихъ и провожавшихъ насъ почетными караулами, проѣздъ этотъ вызвалъ 23-го числа со стороны командира табора, квартировавшаго въ Котханэ, распоряженіе о высылкѣ сотни фесокъ въ горы съ лопатами за 1/2 часа до нашего выступленія изъ Копкіой. Лѣнивая толпа поглазѣла лѣниво на насъ, когда мы живо ее обогнали по занесенной дорогѣ, и вернулась домой. У насъ не то: кромѣ того, что распоряженіемъ властей всегда принимаются мѣры къ очисткѣ путей отъ снѣговъ, солдатъ самъ не можетъ себѣ представить, какимъ образомъ можетъ не существовать широкаго саннаго пути, и съ любовью занимается расчисткой снѣга, хотя подъ часъ тяжело за это платится.

Къ общей радости, обозначилось за дни нашего пребыванія въ Эрзерумѣ, что, хотя число заболѣвающихъ тифомъ не уменьшается, но тѣмъ не менѣе тифъ въ крѣпости принялъ иной, болѣе утѣшительный характеръ: смертность замѣтно уменьшилась. Сильно ободрило это свѣдѣніе корпуснаго командира, которому было отчего приходить не только въ безпокойство, но и въ отчаяніе.

Отрѣзанный отъ свѣта бездорожьемъ, не могъ онъ разсчитывать на скорое прибытіе тѣхъ транспортовъ, которые были такъ настойчиво необходимы для арміи. Замедленія въ полученіи этихъ транспортовъ неминуемо должны были вызвать большую болѣзненность. Части обезсиливались болѣе и болѣе; армія видимо таяла. За каждое утѣшительное извѣстіе приходилось лихорадочно хвататься. Самъ генералъ сильно простудился; обходъ помѣщеній занятыхъ больными и поминутная быстрая перемѣна температуры при выходѣ изъ этихъ помѣщеній на морозъ вызвали флюсъ съ лихорадкой.

На третій день по прибытіи въ Эрзерумъ я распростился съ турецкимъ конвоемъ и съ Гуссейномъ. Половину пути отъ Требизонда, т. е. до города Байбурта, насъ провожала одна партія заптіевъ, а отъ Байбурта до Эрзерума — другая, каждая по 12 человѣкъ; при обѣихъ въ помощь Гуссейну находился во все время пути унтеръ-офицеръ (чаушъ). Вторую партію, какъ и первую, мы отпустили, наградивъ каждаго заптія полуимперіаломъ. Двадцать пять человѣкъ этихъ заптіевъ, съ которыми пришлось намъ, а въ особенности нашимъ конвойнымъ, прожить по пяти дней, произвели на насъ далеко не дурное впечатлѣніе: они показались намъ смирными, спокойными, услужливыми, добронравными и, на сколько можно было судить, нравственными. Ни отъ вина, ни отъ водки они, правда, не отказывались, но пили въ мѣру, не смотря на то, что бутыли отдавались въ ихъ полное, безотчетное распоряженіе. Радостно, но какъ будто въ смущеніи, принималъ каждый заптій изъ нашихъ рукъ русскую монету и тутъ же выражалъ по

своему, по мусульмански, или вѣрнѣе по восточному, свою благодарность. Ни разу, ни между собою, ни съ нашими людьми, эти заптіи не только не поссорились, но не подали повода ни къ малѣйшему неудовольствію; предупредительность и услужливость ихъ была замѣчательна. Но замѣчательнѣе всего, что наши конвойные до того успѣвали сходиться, сживаться съ заптіями, что какъ въ Байбуртѣ, такъ и въ Эрзерумѣ, прощанье у нихъ выходило самое трогательное, слезное. Разговоры между ними происходили разумѣется при посредствѣ переводчика, но нѣсколько разъ случалось мнѣ заставать Гурьянова въ самой оживленной и самостоятельной бесѣдѣ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ заптіевъ.

— О чемъ это ты разговариваешь съ ними? спросилъ я его разъ.

— Такъ, ваше высокоблагородіе, кое о чемъ.

— Какъ же ты умудряешься объясняться безъ Османа?

— Помаленьку, за пять дней попривыкли понимать другъ друга, хоть и съ трудомъ. Они хорошіе робята, „совѣстливые", не то что какіе нибудь скандальники. Мы, говорятъ они, на васъ не серчаемъ, а воюемъ, потому что не смѣемъ ослушаться; султанъ велитъ и идемъ, а урусъ хорошій человѣкъ, урусъ хорошо!

Лучше подобрать слова какъ „совѣстливые" нельзя было. Но разумѣется въ семьѣ не безъ урода. Въ самый день нашего прощанья съ конвоемъ явился къ намъ одинъ изъ заптіевъ.

— Что скажешь?

— Пришелъ благодарить за пожалованныя деньги.

— Хорошо, не стоитъ; вѣдь ты уже благодарилъ.

Онъ помялся немного.

— Хотѣлъ просить, нѣтъ ли у васъ для меня старыхъ русскихъ сапогъ.

Я велѣлъ достать свои старыя сапоги и отдалъ ихъ ему.

— Пущай поноситъ на память, вамъ они только на лѣто годятся, а на теплые чулки тѣсноваты; пущай онъ поноситъ, да помолитъ за насъ Аллаха, говорилъ Гурьяновъ, подавая изъ вьюка сапоги.

Турокъ просіялъ, благодарилъ, но не выходилъ.

— Я еще хотѣлъ просить: дайте мнѣ на дорогу денегъ.

— Что? какихъ денегъ! зарычалъ показавшійся въ дверяхъ Гуссейнъ; вонъ!—и съ этимъ возгласомъ онъ вытащилъ злосчастнаго на лѣстницу, съ которой спихнулъ внизъ. Алдатовъ успѣлъ подать заптію трех-рублевую бумажку.

— Зачѣмъ даете? съ укоромъ замѣтилъ Гуссейнъ, — я за него всю дорогу боялся, такъ вотъ и думалъ, что онъ насъ осрамитъ; вздохнулъ спокойно, когда уже мы съ вами распростились; вдругъ чаушъ доноситъ мнѣ, что онъ исчезъ; сердце у меня ёкнуло; я не ошибся, нашелъ-таки его у васъ.

Гуссейнъ высказалъ намъ массу пожеланій и, по своему обыкновенію, массу предсказаній благъ, могущихъ посыпаться на насъ отъ Ал-

лаха за наше съ нимъ доброе обхожденіе. Взявъ проводника для того, чтобы у воротъ крѣпости не было задержки, Гуссейнъ подалъ намъ свою мозолистую руку и раскланялся въ послѣдній разъ.

Не мало были мы удивлены, когда подъ вечеръ тотъ же заптій-попрошайка явился къ намъ снова; красные глаза, налитое лицо и нетвердая походка достаточно объяснили состояніе, въ которое несчастный привелъ себя.

— Что тебѣ опять?

— Дайте денегъ на дорогу, мнѣ не съ чѣмъ выѣхать, товарищи уѣхали, я принужденъ идти одинъ, одного золотаго мнѣ было мало.

Не ожидая моего приказанія, Гурьяновъ выпроводилъ этого субъекта, какъ только татаринъ перевелъ намъ его желаніе.

III.

Прибытіе почты.—Прощаніе съ генераломъ Лорисъ-Меликовымъ.—Отъѣздъ изъ Эрзерума.—Девебойну.—Гассанъ-Кале.—Больные солдаты.

Наконецъ вьюга поутихла, заносы прекратились и по расчищенному пути прибыла наконецъ столь нетерпѣливо ожидаемая почта. Правда, первое же извѣстіе огорчило и разстроило корпуснаго командира: племянникъ его, начальникъ Кавказской кавалерійской дивизіи, генералъ-лейтенантъ Лорисъ Меликовъ умеръ отъ тифа. За всѣмъ тѣмъ почта привезла тѣ же утѣшительныя извѣстія о ходѣ болѣзни въ арміи, какія были уже замѣчены въ крѣпости: болѣзнь безспорно приняла менѣе острый характеръ, смертность, при той же заболѣваемости, сильно уменьшилась. Стали прибывать транспорты; отрядъ началъ понемногу снабжаться всѣмъ необходимымъ, или вѣрнѣе пополнять израсходованное. Генералъ обрадовался, повеселѣлъ, забылъ окончательно свою простуду и съ жаромъ сталъ разсказывать о тѣхъ мѣрахъ, которыя онъ намѣревался привести въ исполненіе для искорененія непрошенной гостьи—болѣзни, съѣдавшей молодецкій отрядъ. Крѣпость уже была очищена, фески исчезли, больные турки уже эвакуированы, получилась возможность заняться исключительно своими больными.

Пришло для насъ время покинуть Эрзерумъ. Перваго марта рано явились мы откланяться командиру корпуса. Онъ отвлекся на минуту отъ своихъ занятій, въ которыя погружался съ утра, и принялъ насъ.

— Прощайте, господа, сказалъ онъ.—Я не дамъ вамъ какихъ-либо положительныхъ порученій; вы все здѣсь хорошо разсмотрѣли; передайте его высочеству все, что видѣли. Наше житье-бытье вы имѣли возможность оцѣнить со всѣхъ сторонъ, и я убѣжденъ, что разскажете великому князю также, какъ разсказалъ бы я самъ. Главное, мы надѣемся на Бога и съ увѣренностью смотримъ впередъ. Поѣзжайте съ

Богомъ, да поможетъ Онъ вамъ промахнуть этотъ путь такъ, какъ вы промахнули болѣе трудную часть. Богъ съ вами; не поминайте насъ лихомъ,—добавилъ онъ, и дружески съ нами распрощался.

Князь Тархановъ по приказанію корпуснаго командира передалъ намъ кое-какія бумаги и выдалъ двѣ подорожныя до Карса: одну для требованія тройки курьерскихъ, другую для требованія трехъ верховыхъ лошадей и проводника съ казачьихъ постовъ. Такимъ образомъ намъ была дана возможность двигаться по своему усмотрѣнію, верхомъ или на тройкѣ.

Въ свѣтлое, солнечное утро, по морозцу, двинулись мы верхами на Девебойну и Хассанъ-Кале. Лошади, отдохнувшія, пріободрившіяся за эти нѣсколько дней, весело, пофыркивая, пошли измѣрять безконечныя горы. Здѣсь уже путь хорошій: широкая, кое гдѣ проведенная по крутымъ скатамъ зигзагами, дорога даетъ возможность свободно расходиться встрѣчнымъ. На верху Девебойну встрѣтили мы длинную вереницу навьюченныхъ верблюдовъ; „кавалеръ" Имеретинскаго полка въ европейскомъ головномъ уборѣ (кепи) заправлялъ этимъ азіатскимъ транспортомъ; везли всякую всячину нашимъ эрзерумцамъ — тутъ были и боченки, и сундучки, и какіе-то мягкіе тюки.

Девебойну лежитъ на высотѣ 8,000 футъ надъ уровнемъ моря, слѣдовательно отъ Эрзерума приходилось подняться верстахъ въ 12 на 3,000 ф., но руки нашихъ солдатиковъ сдѣлали подъемъ почти незамѣтнымъ: уже пройдя гору и почти у входа въ Хассанъ-Кале, Алдатовъ спросилъ меня, скоро ли подъемъ на Девебойну, о которомъ такъ много распространялся наканунѣ князь Тархановъ?

— Мы уже прошли; развѣ не замѣтилъ, что транспортъ мы встрѣтили на верхушкѣ.

— Такъ это Девебойну; я думалъ, будетъ опять невозможный подъемъ въ родѣ Зигана или Копдага. Ну видно наши не видали настоящихъ мало-азіатскихъ горъ.

— Нѣтъ, ты скажи лучше, не видали горъ въ рукахъ турокъ, которые путей не очищаютъ и потому обращаютъ подъемы въ невозможные.

Девебойну служилъ послѣднимъ оплотомъ турокъ въ то время, когда Эрзерумъ былъ уже обложенъ; на немъ турки продержались довольно долго, и лишь трехдневный бой вогналъ послѣднюю горсть ихъ въ Эрзерумъ. Наши, послѣ нѣсколькихъ упорныхъ атакъ, шагъ за шагомъ подвигаясь впередъ, заняли наконецъ гору и занимали ее до сдачи крѣпости. Сидѣнье на Девебойну принадлежитъ къ числу такихъ же сидѣній, каково Шандорникское, Златицкое, Шипкинское: въ снѣгу, на высотахъ, открытыхъ простору вѣтровъ и вьюгъ, засѣла горсть кавказцевъ, съ трудомъ получавшихъ пищу и топливо для костровъ; врагъ и болѣзнь безпокоятъ засѣвшихъ, а они сидятъ, какъ умѣетъ сидѣть только русскій солдатъ: мерзнетъ, болѣетъ, голодаетъ,

умираетъ,—а сидитъ; всѣ мысли направлены къ тому, чтобы выстоять, выдержать, добиться своего.

Въ 4 часа прибыли мы въ Хассанъ-Кале, старую крѣпость сѣвернѣе Эрзерума. Лавки всѣ открыты, азіаты — турки, армяне, анатолійскіе греки, сидятъ на нарахъ, поджавши ноги и выжидая у „мангалокъ“ покупщиковъ; спокойно сидятъ эти торговцы точно статуи и сбываютъ свой товаръ, по большей части англійскаго произведенія. Въ двухъ-трехъ лавченкахъ замѣтенъ и русскій, т. е. закавказскій товаръ: сахаръ съ какого-то завода изъ-подъ Тифлиса, чай, да кое-какія полотна и сукна, видимо начинающія пріобрѣтать себѣ здѣсь мѣсто на ряду съ товарами заморскими. По городу бродитъ масса исхудалыхъ, блѣдныхъ солдатъ; казаки снуютъ взадъ и впередъ; между ними видны оренбургскіе, уральскіе и астраханскіе, на ряду съ кавказскими разныхъ наименованій. Здѣсь, въ Хассанъ-Кале, нужно было смѣнить проводника, поэтому пришлось выждать, пока осѣдлаетъ себѣ коня наряженный съ поста казакъ. Показавъ урядпику, заправлявшему постомъ, подорожную, мы расположились на главной улицѣ у одной изъ лавочекъ противъ поста; во дворѣ находился пѣхотный караулъ.

— Гдѣ бы здѣсь сѣна добыть? обратился я къ проходившему мимо оренбургскому казаку.

— А извольте пожаловать записку да рублевую бумажку, я сбѣгаю въ конакъ, начальникъ прикажетъ выдать сѣна.

Между тѣмъ Кулаевъ уже успѣлъ вскипятить тутъ же на улицѣ воду въ чайникѣ и, осклабившись, угощаетъ чаемъ. Я было разсердился на такую задержку въ пути, но вспомнилъ, что лошади не такъ скоро поѣдятъ сѣно, а потому выпилъ съ Алдатовымъ по стакану чаю. Кулаевъ началъ подзывать конвойныхъ къ чайнику по очереди.

— Что это, Османъ, съ тобою? отчего ты жмешься и дрожишь? спросилъ я татарина-переводчика.

— Лихорадка всю дорогу била; какъ пошли изъ Эрзерума, такъ и пошла трясти.

Блѣдный видъ этого смирнаго татарина не на шутку меня перепугалъ: мы были окружены тифомъ, и немудрено, что кто нибудь изъ насъ могъ сдѣлаться жертвой его.

— Согрѣйся же, напейся чаю, а вечеромъ на ночлегѣ я дамъ тебѣ лѣкарство. Да ты, пожалуй, дальше не можешь идти, не остаться ли тебѣ здѣсь? Нѣтъ ли здѣсь госпиталя или лазарета? обратился я къ стоявшему у воротъ унтеръ-офицеру, давно поглядывавшему на меня.

— Дойду, ваше высокоблагородіе, сколько мы шли вмѣстѣ, а теперь оставаться здѣсь одному зазорно, поспѣшилъ заявить Османъ.

— Какой здѣсь у насъ лазаретъ, одновременно съ Османомъ заговорилъ унтеръ: лазаретъ маленькій да ужъ весь переполненъ, здѣсь

къ тому же, ваше высокоблагородіе, что ни изба, то лазаретъ; извольте зайдти вотъ хоть на казачій постъ, поглядите, какую они тамъ „повалку учредили".

Я зашелъ на казачій постъ, и моимъ глазамъ представилась печальная картина: въ тѣсной комнатѣ съ землянымъ поломъ устроены были, своими средствами, самыя разнообразныя нары; 18 оренбургскихъ казаковъ помѣщались въ ней. Два-три казака сидѣли, остальные лежали; сидѣвшіе встали, завидѣвъ насъ, нѣкоторые изъ лежавшихъ пытались сдѣлать тоже, но это имъ не удалось—до того они были слабы; мы тотчасъ запретили имъ продолжать такія попытки. Около входа лежалъ молоденькій казачекъ съ потухающимъ взоромъ; блѣдное, измученное лицо его выражало много страданій.

— Что у него? спросилъ я старшаго, браваго урядника, шедшаго за мной въ надвинутой на глаза оренбургской папахѣ.

— Ахъ, ваше высокоблагородіе, отозвался самъ больной: ужъ который день ноги пухнутъ; не знаю, что приключилось, весь походъ держался, а тутъ вотъ какой грѣхъ вышелъ; ужъ поправиться бы Богъ далъ скорѣе, а то здоровыхъ мало, тяжки наряды.

— Докторъ бываетъ ли у тебя?

— Бываетъ, дай ему Богъ здоровья.

— Ну да это пройдетъ, докторъ съ Божіею помощью тебя вылѣчитъ,—попробовалъ я утѣшить.

— Вылѣчить-то онъ вылѣчитъ, да не скоро; у насъ много такихъ-то больныхъ; съ чего, кто ее знаетъ, прикинется, да и ну пухнуть! Вонъ тамъ еще такихъ же два мнѣ товарища,—силился улыбнуться несчастный.

— А у тебя что?—обратился я къ больному, лежавшему на спинѣ и смотрѣвшему изъ-подъ взъерошенныхъ волосъ, закрывавшихъ его лобъ, прямо мнѣ въ глаза:

— Что?... сказываю, не знаю, куда дѣвалъ... вонъ до горы вмѣстѣ шли... а тамъ и не расходились, да разошлись... Иванъ, кричу, Иванъ, ей-Богу, Иванъ! а онъ... ей-Богу не знаю... Ступай... Иди...

— Трудной, „путаетъ" — замѣтилъ грустно урядникъ, — ужъ три дня „дурь" на языкѣ держитъ. Трое такихъ, должно, „тифуютъ". А эти вонъ лихорадкой извелись, — указалъ онъ мнѣ на нѣсколькихъ, лежавшихъ у окна.—Всего на наряды осталось 5 человѣкъ; а ѣзда большая, трактъ открылся вонъ какой, только и поспѣваютъ, что съѣздилъ, разсѣдлалъ—сѣдлай и опять поѣзжай. Какъ же и этимъ не валиться. Вопіющая бѣда!

Да, правда, бѣда, подумалъ я, война столько не истребитъ, сколько скоситъ молодцовъ эта болѣзнь. Вотъ какой отдыхъ достался славнымъ войскамъ! Нечего сказать, перемиріе!

Душно было въ этомъ импровизированномъ пріютѣ больныхъ казачковъ; дверь въ конюшню изъ этой комнаты оставалась отворенною—все немного теплѣе.

Въ такія минуты становится грустно; хочется забыться; одинъ „путаетъ", а другой съ опухшими ногами тужитъ не о себѣ, а о нарядахъ!! Экій народъ!

Я вышелъ на свѣжій воздухъ. Лошади весело подъѣдали принесенное изъ конака прекрасное сѣно.

— Гдѣ, молодецъ, получилъ кресты? обратился я къ проходившему мимо блѣдному фельдфебелю,—разсказывай.

— Первый, ваше благородіе, подъ Ардаганомъ, второй подъ Зевиномъ, третій за Карсъ, а ужъ четвертаго Богъ не привелъ.

— Ранили, что ли?

— Никакъ нѣтъ, ноги стали пухнуть, вотъ едва выходился, да и теперь еще прихварываю.

— А какой губерніи, кавалеръ?

— Курской.

Кавалеръ пошелъ далѣе, прихрамывая.

— Оно, ваше в.-б., давай Богъ всякому побольше, замѣтилъ сопровождавшій меня урядникъ, а ужъ есть такіе, больше изъ фельдфебелей, что ротный командиръ такъ, за услугу даетъ кресты. Намъ пожалуй не мѣшаетъ, мы, слава Богу, награждены за пролитую кровь, а есть и такіе, что безъ креста впереди пооставались...

Вѣчная жалоба, подумалъ я; для чего же и существуетъ обычай давать кресты по назначенію самихъ нижнихъ чиновъ, какъ не во избѣжаніе этихъ жалобъ? Какъ только начали часто обходить этотъ обычай, такъ и посыпались жалобы: „жеребьевый" крестъ, т. е. крестъ, данный на часть, всегда такъ или иначе присудится самими людьми и ужъ довольно того, что „имянной" дается безъ всякаго сужденья съ ихъ стороны. Что могъ я отвѣтить уряднику, заслужившему себѣ крестъ и ратовавшему за другихъ.

— Намъ далъ бы Богъ только здоровыми быть, продолжалъ урядникъ, а ужъ при здоровьи мы насквозь пройдемъ „туречину" и ихняго Эрзеруму званія бы не было; ужъ на что Карсъ: нельзя было взять, да взяли.

— Да ужъ Эрзерумъ теперь оставь, землякъ, ужъ, поди, миръ заключенъ, мы вамъ и перемиріе привезли изъ-за Дуная,—вмѣшался мой драгунъ.

При выѣздѣ изъ города мы увидѣли теплый минеральный источникъ; паръ застилалъ воздухъ, а морозъ становился къ вечеру какъ нарочно крѣпче и крѣпче. Дорога за городомъ проходитъ сначала подъ невысокой, отвѣсной скалой по берегу рѣченки, затѣмъ переходитъ на другой берегъ и незамѣтно втягивается въ пространную снѣжную, тянущуюся точно до безконечности долину. Морозъ все усиливается, уши, носъ, щеки щипало безпощадно, бороды наши побѣлѣли, весь конвой понемногу, какъ будто нехотя или совѣстясь, закутался. Молча двигались мы, лошади сами прибавили шагу, разводя ушами и поминутно отфыркиваясь. На поворотѣ долины къ мо-

розу прибавился рѣзкій вѣтеръ, отъ котораго рѣзало лицо и ломило голову. Осетинъ Кулаевъ снимаетъ башлыкъ и отдаетъ его больному татарину Осману:

— „Берій“ башлыкъ, теплѣй тебѣ будетъ.

Османъ не беретъ и отмалчивается.

— Османъ, берій, чего думыишь?

— Не надо, откликается тотъ глухо изъ-подъ башлыка; я одинъ боленъ, а то и ты заболѣешь, всѣмъ намъ что-ли въ лазаретъ „обратиться“?

Гурьяновъ вмѣшивается въ разговоръ.

— Да ты объ насъ не заботься, мы здоровы, Богъ дастъ здоровы и будемъ, а ужъ хуже нѣтъ больному да еще пуще расхвораться; можешь такъ разболѣться, что тащить тебя придется, а вѣдь шуточное ли дѣло? лазаретной линейки за нами не полагается; возьми башлыкъ хоть Кулаева, хоть мой, — и онъ тоже снялъ съ себя башлыкъ, — закутайся, надежнѣе будетъ.

Споръ наконецъ разрѣшился: Османъ навертѣлъ на себя еще одинъ башлыкъ.

— А что лихорадка треплетъ тебя? — спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ, теперь должно заморилась, оставила, а давеча отбою отъ нея не было.

— Это такъ, отъ эрзерумскаго духа, на вольномъ воздухѣ поправишься, тамъ не дай ты Богъ воспареніе какое, — рѣшилъ по своему мой драгунъ.

IV.

Кеприкіой.—Изба-конюшня.—Непріятная встрѣча.—Шпіонъ.—Расторопный казакъ-проводникъ.—Прощаніе съ конвоемъ.

Часамъ къ 10 вечера, среди мертвой тишины, прерывавшейся лишь вѣтромъ, который отъ времени до времени захватывалъ съ земли снѣжную пыль, развѣвая ее по воздуху, послышался вой собакъ. Подъ нашими ногами показалась большая, широко раскинувшаяся деревня. Намъ пришлось еще три раза подняться и спуститься, пока мы въѣхали въ Кеприкіой.

— Здѣсь сейчасъ налѣво казачій постъ, ваше благородіе, это село Петрикеево.

Нельзя было не улыбнуться отъ такого казачьяго коверканья турецкаго названья.

Добравшись до поста, мы слѣзли съ коней и вошли на огонекъ въ избу, помѣщавшуюся рядомъ съ постомъ. Просторная изба представляла собою одновременно и жилое помѣщеніе, и конюшню. Раньше, до Эрзерума, попадались намъ избы, изъ которыхъ дверь вела прямо въ конюшню (Балахоръ, Копкіой). То же мы видѣли и въ Хассанъ-Кале. Здѣсь же въ одной сторонѣ просторной длинной избы устроенъ

каминъ, къ которому съ боковъ прилажены нары; остальная часть избы по обѣимъ длиннымъ стѣнамъ раздѣлена на стойла для лошадей, небольшія окна прорублены въ стѣнѣ непосредственно подъ потолкомъ, полъ настланъ только у камина между нарами, а на всемъ прочемъ пространствѣ глинобитный. Изба, въ которую мы вошли, была освѣщена краснымъ свѣтомъ раскалившагося кизяка; между нарами на полу сидѣла, поджавши ноги, какая-то чалма въ красныхъ туфляхъ, во всеоружіи и въ черкескѣ, на которой красовались наши серебряные погоны съ одной звѣздочкой.

— А, здрасты, господа, здрасты,—заговорилъ молодой человѣкъ. Красивое, серьезное азіатское лицо его горѣло, глаза блестѣли. Онъ всталъ, подалъ мнѣ руку, назвалъ себя по фамиліи и ломаннымъ русскимъ языкомъ сообщилъ, что ѣздилъ въ Карсъ, откуда возвращается въ Эрзерумъ къ командиру корпуса.

— Сады близка огонъ, тепло; сады, биратъ, пажалста.

Мы усѣлись. Расторопные конвойцы наши уже успѣли вслѣдъ за нами ввести лошадей, но мѣста нашлось только для трехъ, остальныя остались у входа; въ избѣ сразу сдѣлалось свѣжо.

— Запирай, ребята, двери, вишь холодъ какой мы нанесли — закричалъ я.

— Точно непрошенные гости, хуже татарина,—вмѣшался Алдатовъ.

— Что? татаринъ? что татаринъ?—заторопилась чалма.

— Ничего, — отвѣтилъ равнодушно Алдатовъ, — у насъ есть въ конвоѣ одинъ татаринъ.

Въ углу за нарой откашлялся кто-то; я взглянулъ и увидѣлъ старика, вооруженнаго съ ногъ до головы. Сухое, морщинистое, загорѣлое лицо и вся его стройная фигура едва освѣщалась, такъ какъ тѣнь перекладины нары, завѣшенной ковромъ, ложилась прямо на наго; жилистыя руки старика лежали на пистолетахъ, торчавшихъ въ его бокахъ; онъ недовѣрчиво, какъ-то подозрительно, по азіатски, поглядывалъ на насъ.

— Это мой нукэръ (стремянной, рейткнехтъ, оруженосецъ), — пояснила чалма.

Нукэръ перевелъ свои бѣлки на чалму и снова уставился въ меня; тусклые глаза его по временамъ переводились то на Алдатова, то на постели, постланныя на нарахъ.

— Откуда идешь? спросила меня чалма.

— Теперь изъ Эрзерума.

— Аа! Лорисъ?

— Да.

— А мы сичасъ, биратъ, пришелъ.—Хочешь?—протянулъ онъ мнѣ яйцо, сваренное тутъ же въ небольшомъ котелкѣ, хочешь юмурта? (юмурта по-турецки яйцо).

— Нѣтъ, благодарю, я на минуту зашелъ сюда и не зналъ, что изба занята; мы сейчасъ пойдемъ искать себѣ другую избу.

— Другой іокъ (нѣтъ)! останъ, здэсь хорошо.

— Нѣтъ, надо найдти другую.

— Іокъ, іокъ другой.

— Отчего ты не хочешь здѣсь остаться?—спросилъ меня Алдатовъ.

— Да развѣ ты не видишь, что мы во первыхъ стѣснимъ, во вторыхъ должны будемъ нѣсколькихъ своихъ лошадей помѣстить отдѣльно.

— Извольте здѣсь посидѣть, маленько обогрѣться, отозвался стоявшій все время тутъ же казакъ-проводникъ, я живо сбѣгаю къ „мухтару“; онъ долженъ отвести избу, нельзя же такъ.

Онъ быстро вышелъ, а за нимъ послѣдовалъ и Алдатовъ. Чалма что-то сказала вооруженному нукэру; тотъ одобрительно закачалъ головою, глаза его вдругъ неожиданно заблестѣли, и я встрѣтилъ взоръ уже полный ласки и радости: вѣроятно корнетъ успокоилъ старика, объявивъ о нашемъ рѣшеніи не нарушать ихъ покоя.

— Вашъ нукэръ не говоритъ по-русски.

— Бильмэсъ (не понимаетъ)!

Нукэръ замоталъ головою и поднялъ глаза кверху, причмокнувъ языкомъ—знакъ полнаго отрицанія. Рѣзкое, типичное лицо старика освѣтилось краснымъ свѣтомъ; что-то звѣрское виднѣлось въ немъ.

— Отчего не хочешь здѣсь остать, опять заговорилъ гостепріимный корнетъ.

— Здѣсь тѣсно.

— Что?

— Мѣста іокъ, сказалъ я.

Корнетъ засмѣялся и быстро заговорилъ со мной по-турецки, благо услышалъ отъ меня одно слово—азіатская привычка.

— Бильмэсъ, сказалъ я;—и онъ снова засмѣялся.

Трудно было поддерживать разговоръ; мы замолчали; корнетъ закурилъ длинную складную трубку и заварилъ себѣ кофе.

Поглядывая на нукэра, я вспомнилъ разсказъ, слышанный мною отъ кн. Тарханова въ Эрзерумѣ, и кстати приведу его здѣсь.

Однажды, въ началѣ того періода, когда силы Мухтара и Измаила нашей были разъединены, къ одному изъ начальниковъ привели какого-то человѣка въ черкескѣ; онъ почти не говорилъ по-русски и былъ схваченъ въ то время, когда подходилъ пѣшкомъ, съ лошадью въ поводу, къ нашей передовой линіи; въ карманѣ у него была найдена записка на Турецкомъ языкѣ. Манеры этого человѣка, его фигура, языкъ и то обстоятельство, что онъ пробирался какъ бы украдкой съ нашей стороны на непріятельскую — все это возбудило подозрѣніе: черкеску уже готовы были произвести въ шпіона. Потребовали переводчика и подозрѣнія окончательно утвердились: записка начиналась обращеніемъ: Измаилъ! и кончалась подписью, въ которой можно было лишь разобрать слово мухтаръ... Подъ ничтожнымъ содержаніемъ записки, просившей о помѣщеніи лошадей, признали скрытый смыслъ и, не долго думая, званіе шпіона за несчастнымъ утвердили,

а его приговорили къ смертной казни черезъ повѣшеніе. На другой же день предстояло привести приговоръ въ исполненіе. Утромъ была поставлена незатѣйливая висѣлица, собрали небольшой отрядъ для присутствованія при совершеніи казни; привели злосчастнаго „шпіона", уже прочли приговоръ, оставалось лишь приступить къ самому акту повѣшенія. Вдругъ офицеръ, случайно проѣзжавшій мимо и заинтересовавшійся зрѣлищемъ, громко объявляетъ, что въ приговоренномъ узнаетъ своего нукэра, который былъ имъ посланъ изъ одной деревни въ другую съ лошадью и снабженъ запиской отъ одного мухтара, т. е. старшины къ другому; послѣдняго звали Измаиломъ. Хорошъ же былъ переводчикъ, да и хорошо же было тогдашнее настроеніе! Ни въ чемъ неповинный нукэръ уже послѣ спасенія узналъ, что ему предстояла казнь; онъ спасся лишь благодаря случайному появленію своего господина.

Долго сидѣли мы молча; нукэръ дремалъ, стоя; въ каминѣ кизякъ почти погасъ; азіатъ-корнетъ не выпускалъ изо-рта потухшей трубки. Появленіе молодца-проводника вывело насъ изъ забытья.

— Пожалуйте! богатую избу нашли, просторно, можно размѣститься.

Я распорядился выводомъ лошадей, попрощался съ азіатомъ и отправился съ проводникомъ въ „богатую" избу. Версты полторы пришлось намъ пройдти по узкимъ улицамъ и буграмъ, насыпаннымъ на перекресткахъ, пока добрались мы до такой же избы-конюшни. Войдя въ нее, мы увидѣли рядомъ съ лошадьми двухъ-трехъ коровъ, около которыхъ суетились двѣ старухи и молодая армянка [1]). Обыкновенно женщины устраиваются рядомъ съ коровникомъ, поближе къ своему хозяйству и только бѣдность, вынуждая поневолѣ помѣщать коровъ вмѣстѣ съ лошадьми, вызываетъ появленіе женщинъ въ общей избѣ. Здѣсь, въ Кеприкіоѣ мы, за все время путешествія по Малой Азіи, въ первый разъ увидѣли хозяекъ. Здѣшнимъ армянамъ съ непривычки странно видѣть спокойныхъ, привѣтливыхъ гостей, платящихъ за все. Правда, живо они нашлись и приспособились, замѣтно пополняя высокими цѣнами то, что забирали у нихъ другіе гости, платившіе за все лишь побоями и оскорбленіями.

Мы размѣстились, постлали на нары полушубки, разожгли каминъ; казакъ-проводникъ проворный, ловкій, красавецъ, съ плутоватыми глазами вытащилъ отъ хозяевъ сыру, молока, яицъ; онъ распоряжался, вмѣшиваясь во все и бѣгло болтая съ хозяевами. Казалось, Турецкій языкъ былъ ему также знакомъ, какъ и родной; я уже хотѣлъ спросить, гдѣ и когда онъ ему научился, но прислушавшись разсмѣялся: коверкая русскія слова и вплетая въ фразы кстати и некстати турецкія, казакъ показывалъ только „видъ", что говоритъ по

---

[1]) Извѣстно, что въ Турціи, не только у мусульманъ, но и у христіанъ, женщины живутъ отдѣльно отъ мужчинъ.

турецки; разумѣется, онъ дѣлалъ это просто изъ плутовства, зная, что въ помощь словамъ всегда можно послать жесты, которые и служили главнымъ переводчикомъ.

— Іохтаръ молока, слышь утъ іокъ? вдругъ спрашиваетъ онъ бѣгло;—воды слышь су давай варъ чабукъ! (су—вода, варъ—есть, чабукъ—скорѣй).

Мы отъ души смѣялись уловкамъ хитреца. Вскипѣла въ чайникѣ вода, всѣ напились чаю, напоили больнаго Османа, которому я далъ порядочный пріемъ хины; конвойцы уложили его на саманъ (мелкую солому), подальше отъ входныхъ дверей, прикрыли шубами, накормили и напоили его коня, и вообще выказали большую заботливость о своемъ товарищѣ. Кизякъ раскалился, изба нагрѣлась, а на улицѣ засвистѣлъ вѣтеръ, загудѣло въ окнахъ,—того гляди крышу сорветъ. Если дома, сидя въ европейскомъ углу у растопленнаго камина, скрыто отъ непогоды, склоненъ человѣкъ задумываться, углубляться въ себя, предаваться воспоминаніямъ, то сколько мыслей возбуждается вдали отъ всего близкаго, на далекой чужбинѣ!! Тотъ же каминъ, также засвистываетъ вѣтеръ, реветъ, какъ будто стонетъ, все родное проходитъ въ воображеніи какъ какая-то панорама; далеко это родное, а потому невольно относится оно къ области воспоминаній, къ прошлому! Но вѣдь оно же и будущее вмѣстѣ съ тѣмъ! Да, и прошлое, и будущее, но во всякомъ случаѣ далекое. Сколько труднаго предстоитъ перенести, пока доберешься до роднаго! Главное пройдено; то что казалось непреодолимымъ, теперь уже миновало, а что еще предстоитъ въ пути—Богъ вѣдаетъ! А въ жизненномъ пути? Тамъ можетъ быть наоборотъ: остается непреодолимое, а легкое пройдено! Что будетъ дальше? Перебираешь все прошлое, оно легко уже потому, что прошло. Чѣмъ-то дѣла наши кончатся? Какъ-то разрѣшится вопросъ освобожденія христіанъ? Находятся ли эти армяне, завалившіеся спать въ одной комнатѣ съ „благодѣтелями", пришедшими къ нимъ на помощь, находятся ли они наканунѣ лучшихъ дней? или быть можетъ впереди ожидаетъ ихъ участь болѣе жестокая? быть можетъ болѣзнь застарѣла и не проявитъ иныхъ припадковъ, кромѣ обостренныхъ, осложненныхъ!...

Гудитъ вѣтеръ, потомъ вдругъ жалобно застонетъ, какъ бы отвѣчая на мысли; далеко гдѣ-то глухо раздается лай одинокой собаки; спокойно, безмятежно отдыхаетъ усталый конвой; завтра предстоитъ намъ разстаться съ нимъ.

Мы выступили изъ Кеприкіоя въ 7 часовъ утра, къ немалому нашему удивленію при ясномъ, безоблачномъ небѣ; вѣтеръ разогналъ тучи; солнце осыпало насъ своими первыми лучами; тихо, тепло. Еще съ вечера мы приказали красавцу-проводнику распорядиться приводомъ съ поста трехъ казачьихъ лошадей; отсюда я рѣшилъ двигаться на перемѣнныхъ лошадяхъ; конвой нашъ долженъ былъ идти отдѣльно съ нашими лошадьми. За старшаго я оставлялъ Гурьянова,

а съ собой бралъ Кулаева: двигаясь втроемъ на перемѣнныхъ лошадяхъ, мы могли ѣхать рысью. Жаль было разстаться сразу съ людьми, съ которыми пришлось пережить столько тяжелаго, которые старались облегчить намъ всѣ трудности пути. Я передалъ Гурьянову свидѣтельство для полученія проводниковъ по пути, 400 рублей денегъ на расходы до Тифлиса, расходную книжку, нѣсколько медицинскихъ совѣтовъ, небольшой запасъ лѣкарствъ, и попрощался. Взобравшись на маленькую, бѣлую, грубую, махнатую, съ перепутанной длинной гривой лошадь, я выѣхалъ легкою рысью изъ деревни.

Нѣсколько разъ я оглядывался на покинутый мною конвой; молча, опустивъ головы, шли мои бывшіе спутники. До сихъ поръ вспоминаю я съ благодарностью объ этихъ людяхъ, дѣлившихъ со мною труды въ далекомъ путешествіи; половины ихъ нѣтъ уже въ живыхъ, но я не могу забыть ихъ услужливости, заботливости, полнаго пренебреженія къ себѣ.

V.

Встрѣча съ драгунскимъ офицеромъ.—Влюбленный эсаулъ. — Переходъ черезъ Саганлу.—Рабочая команда.

Дорога шла небольшими спусками и подъемами; кое-гдѣ снѣгъ совсѣмъ растаялъ и обнажилъ почву, особенно на скатахъ, обращенныхъ къ югу; о ѣздѣ въ бричкѣ или въ саняхъ нечего было и думать.

— Э, Алдатовъ! крикнулъ вдругъ издали кто-то. Мы присмотрѣлись и увидѣли полнаго, здороваго драгунскаго офицера. Алдатовъ немедленно призналъ въ немъ земляка; они остановились и заговорили но-осетински, а я поѣхалъ дальше шагомъ. Минутъ черезъ десять Алдатовъ догналъ меня.

— Товарищъ мой и землякъ К., — объяснилъ онъ; лѣтъ десять я его не видѣлъ; хорошій человѣкъ; осетинъ-магометанинъ, а хорошій, храбрый. У него есть братъ въ училищѣ правовѣдѣнія, — „на, говоритъ, отвези ему пятьдесятъ рублей; въ Петербургѣ у васъ дорого учиться, а мнѣ здѣсь на что деньги“; а самъ бѣдный, ничего не имѣетъ.

— Хорошая черта—помочь меньшому брату при такихъ обстоятельствахъ.

— Это не черта; обстоятельства, правда, а не черта; характеръ такой,—отвѣчалъ простякъ.

Быстро проѣхавъ верстъ 20, мы добрались къ 12 часамъ до слѣдующаго поста; лошади сильно устали.

— Имъ въ привычку, они отдохнутъ часокъ-другой, да и опять въ дорогу, объяснилъ мнѣ проводникъ.

Постъ былъ расположенъ на деревенской площади, залитой водой нѣсколько спутанныхъ лошадей иословъ бродили тутъ по колѣно въ грязи,—въ избѣ тотъ же лазаретъ, та же повалка, — больной уряд-

никъ, еле двигая рукой, записалъ насъ и нарядилъ намъ проводника-уральца.

— Тамъ ужъ дальше уральскіе посты; онъ обратный, пусть домой идетъ,—объяснилъ урядникъ.

Опять тоже отсутствіе жалобъ: „хворости нѣтъ, такъ маленько мочь отнимаетъ!“ А между тѣмъ люди таютъ, тяжело ихъ положеніе. И это перемиріе! думалось мнѣ; перемиріе—значитъ, что кровь перестала литься, но долго она еще будетъ преждевременно застывать въ жилахъ воиновъ, прошедшихъ побѣдоносно въ глубь Малой Азіи.

Опять два часа пути по частымъ подъемамъ и спускамъ, и мы на новомъ посту.

— Ваше благородіе, пожалуйте въ избу, эсаулъ васъ проситъ къ себѣ,—говоритъ проводникъ, уже слетавшій по сосѣдству въ избу.

Мы пошли; въ избѣ на полу сидѣлъ и что-то записывалъ уральскій эсаулъ — командиръ сотни; на низкой нарѣ разбита незатѣйливая постель; комната, шаговъ шесть въ длину и пять въ ширину, освѣщалась небольшимъ окошечкомъ сверху, въ потолкѣ. Мы познакомились.

— Милости просимъ, господа, честь и мѣсто, садитесь, да вотъ закусимъ, кое-что еще есть.

Онъ открылъ корзину; въ ней было завернуто мясо, балыкъ и хлѣбъ (балыкъ подъ Эрзерумомъ!). Мы также вытащили свой небольшой запасъ котлетъ и краснаго вина.

— Эхъ, господа! пріятно на васъ взглянуть; вотъ бы теперь покатилъ на вашемъ мѣстѣ! ужъ возвращаетесь въ Россію, счастливцы! А тутъ сиди, да сиди; хоть бы однимъ глазкомъ взглянулъ на Россію, на города съ „публичностью“. Съ тоски здѣсь помрешь; ужъ воевать, такъ воевать, а отвоевали и по домамъ пора! Вотъ хоть бы теперь, господа, на что Александрополь пустой, мелкій городишко, а ужъ и объ немъ вспомнишь съ удовольствіемъ и даже съ завиднымъ удовольствіемъ. Въ Александрополѣ-то долго останетесь? спросилъ онъ, искоса поглядывая на меня.

— Смотря по тому, въ какое время туда попадемъ: если вечеромъ, поздно—останемся ночевать, а если днемъ—такъ дальше махнемъ.

— Во всякомъ случаѣ зайдите хоть на минуту, хоть закусить, въ ресторанъ Швейцарской гостинницы; тамъ, господа, „общая наша красавица“ Марья Львовна; ужъ и красавица же! воскликнулъ онъ и пристально поглядѣлъ мнѣ въ глаза.—Спросите ее и посмотрите. Да вы не подумайте... нѣтъ... просто красавица... Боже сохрани... прелесть что за дѣвица. Чтожъ дѣлать, не богата, вотъ и служитъ, нанялась вести буфетную книгу и хозяйство; а ужъ доброты какой!

Глаза эсаула оживились и онъ радостно улыбался.

— А вашъ черкесъ спитъ! указалъ онъ мнѣ на вздремнувшаго Алдатова.

— Нѣтъ, я не сплю, усталъ, разломало, съ семи часовъ утра все верхомъ да верхомъ, да большею частью рысью.

— Вы откуда сегодня выѣхали?

— Изъ Кеприкіой.

— Много уѣхали, порядочно уѣхали.

Эсаулъ выпилъ залпомъ стаканъ требизондскаго вина и опять заговорилъ о своей Марьѣ Львовнѣ:—„Ужъ и красавица! Въ Питерѣ у васъ такихъ нѣтъ; куда! Вотъ увидите сами, вспомните меня въ Александрополѣ, да поклонитесь ей отъ меня, не забудьте, пожалуйста, Швейцарская гостинница. — Поклониться! да что ей съ меня! продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго промежутка, въ теченіе котораго лицо его принимало совершенно противоположныя выраженія. — Что ей, Марьѣ Львовнѣ, съ моего поклона! Засмѣется! — добавилъ онъ, уставившись глазами въ полъ и какъ будто разглядывая постланную на немъ азіатскую попону.—Богъ съ ней. Нѣтъ, не надо.

Эсаулъ, казалось, расшевелилъ въ себѣ что-то очень больное; онъ задумался, мысли его очевидно блуждали гдѣ-то далеко, молодое, загорѣвшее лицо приняло грустный видъ. Нѣсколько минутъ оставался онъ въ этомъ положеніи. Алдатовъ началъ уже и похрапывать.

— Ну поѣзжайте, вамъ пора, заговорилъ вдругъ эсаулъ, очнувшись, летите въ Тифлисъ, что тутъ по-пусту время-то терять; лошади готовы, съ Богомъ, желаю вамъ счастливаго пути.

Мы попрощались, вышли, сѣли на коней и снова помчались.

— Не останавливайтесь долго въ Александрополѣ, не задерживайтесь Марьей Львовной, не стоитъ! кричалъ эсаулъ намъ вслѣдъ.

Мы завернули за уголъ и выѣхали за деревню.

— Влюбленъ! сказалъ Алдатовъ, когда, проѣхавъ версты четыре рысью, мы перешли въ шагъ.—Слушай, влюбленъ, повторилъ онъ.— Какого чорта на войнѣ думать о бабахъ.

— А ты не думаешь?

— Не только на войнѣ,—никогда не думаю, толку нѣтъ никакого.

— А онъ вотъ, видишь ли, моложе тебя, онъ и думаетъ.

— Только съ дуремъ голова, оттого и думаетъ, а больше думаетъ, когда пьянъ.

— Ну ужъ и пьянъ! вѣдь выдумаешь же ты.

— Куда ты спѣшишь, продолжалъ Алдатовъ, — довольно тебѣ рысить.

— Какъ довольно? Надо же подвигаться; и о чемъ ты безпокоишься! Вѣдь лошадей перемѣнимъ; до слѣдующаго поста всего 19 верстъ.

— Что мнѣ до лошадей; у меня у самого въ боку закололо; — ты думаешь, я каменный, что ли?

— Полно, братъ, такой здоровякъ, да закололо; вѣдь быка кулакомъ убьешь, а закололо потому, что неловко лежалъ у эсаула на нарѣ.

Еще три поста миновали мы, одинъ уральскій, два кубанскихъ. На послѣднемъ, кубанскомъ, застигнулъ насъ вѣтеръ; мы хотѣли было здѣсь переночевать, но потомъ рѣшили доѣхать до Али-Софи. Предстояло перейдти Саганлу; до Али-Софи считалось 27 верстъ. Къ вечеру подмерзло, дорога обратилась въ зеркало. Лошади были некованы; съ первыхъ же шаговъ подъема, начавшагося на третьей, или четвертой верстѣ, они начали скользить на замерзшей, заледенѣлой снѣжной слякоти. Какъ только подъемъ пошелъ круче, намъ пришлось тотчасъ же отказаться отъ продолженія поѣздки верхомъ: Алдатовъ грохнулся съ лошадью, за нимъ я. Нужно было подниматься пѣшкомъ въ ожиданіи лучшей дороги, которая предстояла на верху: тамъ не таяло днемъ, стало быть дорога не подмерзла зеркаломъ. Тяжелъ былъ нашъ приступъ на Саганлу: скользишь самъ на каждомъ шагу, а тутъ еще тащи на буксирѣ скользящаго коня. Вотъ гдѣ пришлось испытать, что значитъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошая лошадь. Часа три взбирались мы на гору, которую могли бы пройдти на хорошо кованныхъ коняхъ въ ³/₄ часа. Лошади храпятъ, скользятъ, выбиваются изъ силъ, мыло выступаетъ у нихъ на бокахъ и груди. Наконецъ добрались до снѣжнаго пути и остановились, чтобы дать вздохнуть взмыленнымъ лошадямъ. Тишина и темнота. По Саганлусскому лѣсу временами шелеститъ вѣтеръ, сбивая намерзшій на вѣтвяхъ снѣгъ. Невольно припоминается: гдѣ мы? Не хочется вѣрить, что забрались въ такую глухую даль въ одиночествѣ; но дѣйствительность напоминаетъ о себѣ.

— Ну давай собираться.

— Пора — процѣдилъ Алдатовъ сквозь зубы; очень ужъ холодно стало. Да и темно, какъ мы тутъ поѣдемъ.

— Дорога одна,—отозвался кубанецъ, ровная, хорошая дорога; за лѣсомъ будетъ спускъ не крутой; путь прямой до самаго села.

Кони, чувствуя, что мы начинаемъ собираться въ путь, захрапѣли и начали утолять жажду снѣгомъ, какъ будто понимая, что предстоитъ гонка. Во время отдыха мы успѣли продрогнуть; но двинулись и согрѣлись. Изъ-за лѣса показалась было луна, но тотчасъ снова скрылась въ тучу. Вдругъ ночная тишина словно перебилась не то гуломъ, не то шумомъ; еще нѣсколько шаговъ и неопредѣленный шумъ перешелъ въ говоръ; возгласы все слышнѣе и слышнѣе; по густому лѣсу, мощно раскатываясь, раздалась пѣсня:

Собачка вѣрная моя
Залаетъ громко у воротъ!...

— Это земляки на работѣ, — сказалъ кубанецъ, дорогу расчищаютъ.

Минутъ черезъ пять показалась команда „земляковъ“ съ лопатами, кирками, а нѣкоторые и съ ружьями. Поровнявшись съ нами, они перестали пѣть.

— Что, ребята, отработали?

— Точно такъ, работали, — отозвались всѣ въ одинъ голосъ.— И водку пили... добавилъ немного погодя одинъ.

— Молчи, Парфеновъ, заговорили другіе.

Далѣе начали встрѣчаться „отсталые"; иные идутъ разстегнутые, покачиваясь, другихъ несутъ; а вотъ двое лежатъ; возлѣ нихъ суетятся нѣсколько человѣкъ, никакъ не могутъ поднять. Видно, водки было не мало.

— Что, ребята, не можете поднять, да вы кликнули-бы побольше товарищей.

— Такъ точно, съ ними не совладаешь.

Сзади между тѣмъ уже снова раздалась „собачка".

— Слышь, Семенъ, поди кликни народу, чего они загалдѣли пѣсню! Да ну, Петровъ, сбирайся, чего валяешься... нешто ты... плѣнный какой ни на есть? иди, неужли тебя тащить? распоряжался надъ выпившимъ землякомъ унтеръ-офицеръ.

— Ходи ты, да ходи я, да ходи милая моя! раскачивался, валяясь по снѣгу, Петровъ.

— Тьфу ты пропасть, оставить-бы тебя; какъ замерзъ-бы, такъ зналъ-бы другой разъ это дѣло, — продолжалъ, возвышая голосъ, унтеръ-офицеръ, очевидно изъ мягкихъ.—Только отъ проѣзжихъ господъ сраму наберешься.

Да! водку пили, подумалъ я, ну да и работали-же!

— Давеча все было занесено, а теперь какихъ заборовъ понасыпали! — разсказывалъ кубанецъ осетину.

Проѣхавъ версты двѣ, мы очутились между двумя насыпями, каждая сажени въ $1^1/_2$ высоты. Двѣ дороги, расчищенныя одна параллельно другой, шли двумя корридорами версты на четыре. Внѣ лѣса сдѣлалось еще холоднѣе; морозъ все заковалъ, стало понемногу пощипывать уши; кони покрылись инеемъ. Внизу замелькали частые огоньки, и мы увидѣли раскинувшееся на спускѣ большое селеніе.

— Это Али-Софи?—спросилъ я кубанца.

— Такъ точно, Лисафетино.....

VI.

Али-Софи.—Почтовое отдѣленіе.—Старикъ-комендантъ.—Дорога отъ Али-Софи до Карса.—Карсъ.

Село манило насъ. Проѣхавши верхомъ съ 7 часовъ утра до 11 ночи, мы чувствовали сильную усталость и съ удовольствіемъ подумывали о ночлегѣ.

Въѣхавъ въ селеніе, мы прежде всего остановили какого-то кавалера и просили провести насъ къ коменданту, безъ котораго невозможно было найдти помѣщеніе. Первый блинъ да комомъ: коменданта не оказалось дома. Кавалеръ побѣжалъ отыскивать его, а насъ за-

велъ пока въ почтовое отдѣленіе, состоявшее изъ небольшой заставленной сундуками комнаты; она была наполнена спящими: 2 чиновника, 2 ямщика и какой-то парень, не раздѣваясь, растянулись на сундукахъ и на полу. Сальный огарокъ тускло догоралъ; грязь, холодъ, смрадъ—куда какъ неприглядно.

Мы вышли снова, такъ какъ на дворѣ было все-таки лучше. Болѣе получаса прошло, пока наконецъ предъ нами предсталъ пожилой военный въ зимнемъ пальто и объяснилъ, что для ночлега не можетъ намъ отвести никакого помѣщенія.

— Все занято или мѣстными больными, или пересыльными, или-же просто проѣзжими. Я сейчасъ всѣ дома обошелъ и ровно ничего не нашелъ, увѣрялъ онъ. Вотъ развѣ предложить вамъ почтовое отдѣленіе.

— Нѣтъ, благодарю, я предпочту ужъ лечь на снѣгу, чѣмъ тамъ, сказалъ я, не будучи въ состояніи удержаться отъ непріятнаго чувства при воспоминаніи о „почтовомъ отдѣленіи".—Случалось видѣть грязныя, холодныя помѣщенія, но такого еще ни разу не довелось встрѣтить.

— Я очищу вамъ его, выгоню всѣхъ спящихъ и вамъ будетъ просторно.

— Нѣтъ, нѣтъ, избавьте, пусть спятъ на здоровье.

— Я пригласилъ-бы васъ къ себѣ, но у меня невозможно — тѣсное помѣщеніе и я рѣшительно не знаю, что дѣлать.

— Ужасно устали,—отозвался Алдатовъ, зѣвая.

— Устать-то устали, а что-же дѣлать, когда нѣтъ помѣщенія; нужно, братъ, собраться съ силами да ѣхать дальше.

Комендантъ видимо обрадовался моему рѣшенію и постарался успокоить насъ тѣмъ, что въ слѣдующемъ аулѣ мы непремѣнно найдемъ помѣщеніе для ночлега.

— Куда ѣхать? я не могу больше, уже силъ нѣтъ совсѣмъ, отказался Алдатовъ.

Я вспомнилъ о второй подорожной, выданной мнѣ по приказанію генерала Лорисъ-Меликова; мнѣ показалось особеннымъ удовольствіемъ укатить на тройкѣ въ саняхъ по великолѣпному санному пути, подальше отъ Али-Софи съ его отвратительнымъ „почтовымъ отдѣленіемъ". Вынуть подорожную на тройку курьерскихъ, подать ее коменданту и просить распорядиться закладываньемъ — было дѣломъ одной минуты.

— Больше я ничего не могу придумать, пояснилъ я Алдатову.

Всегда выносливый и согласный на все, онъ поспѣшилъ изъявить согласіе и на поѣздку въ саняхъ. Комендантъ, сдѣлавъ необходимыя распоряженія расторопному унтеръ-офицеру, попросилъ насъ къ себѣ „откушать баранины".

Помѣщеніе коменданта оказалось болѣе нежели тѣснымъ: три, сбитыя изъ досокъ нары, заваленныя соломой, занимали буквально

всю комнату, оставался по серединѣ лишь проходъ въ шагъ ширины; въ комнатѣ было очень тепло; на одной изъ наръ храпѣлъ какой-то докторъ; два другихъ медика, сидя на другой нарѣ, вели между собою оживленный разговоръ.

— Вотъ и я! — сказалъ входя комендантъ, лицо котораго при свѣчѣ показалось еще старѣе, чѣмъ при лунѣ; — соскучились, любезные, дорогіе, — обратился онъ необыкновенно ласково къ бесѣдовавшимъ эскулапамъ.

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтилъ сумрачно, какъ-бы мимоходомъ, одинъ изъ нихъ.

Комендантъ снялъ съ себя полушубокъ, заправилъ свои косматые сѣдые волосы и сѣлъ молча на нару.

— Ахъ да! что-же я? простите, господа; позвольте васъ познакомить.

Началась обыкновенная церемонія представленія; доктора потѣснились, мы съ Алдатовымъ подсѣли на нары. Нашъ осетинъ вошелъ за нами и тоже сѣлъ на полъ у стѣнки въ проходѣ. На стулѣ появился самоваръ; подали баранину и кахетинское.

— Опять вино, нѣтъ ужъ я не буду больше пить, замѣтилъ одинъ изъ врачей.

— Да я вотъ съ гостями хочу прихлебнуть.

Признаюсь, цѣлый день ѣзды верхомъ, быстрый переходъ отъ холода къ жарѣ комендантскаго помѣщенія въ соединеніи со стаканомъ кахетинскаго, заставили меня на минуту забыться; я вздремнулъ. Черезъ десять минутъ я очнулся, но подкрѣпленный сномъ уже сидѣлъ бодрый. Бутылка замѣнилась другою; Алдатовъ храпѣлъ, а комендантъ, не обращая на насъ вниманія, велъ оживленную бесѣду со своими компаньонами.

— Да! въ мои годы быть поручикомъ и воевать; вѣдь мнѣ, дорогіе мои, 53 года. Что же меня могло бы заставить идти на войну при состояніи моего здоровья и при моихъ годахъ, какъ не безпредѣльная любовь къ пятерымъ птенцамъ, далеко на сѣверѣ благословляющимъ меня, да не вѣра во Всемогущаго! Великое дѣло безпредѣльная, безконечная вѣра въ Бога!

Комендантъ взглянулъ на образа, прибитые въ углу надъ его нарой, и перекрестился.

— Увѣровалъ и пошелъ; пошелъ въ ряды, не посмотрѣлъ на свою сѣдину; птенцовъ-то вѣдь надо прокормить. Она слабая женщина; безпредѣльно слабая и святая; она ихъ учитъ, а я питать долженъ... Вѣра въ Бога и любовь къ птенцамъ — великая, безпредѣльная движущая сила... Я здѣсь далеко отъ нихъ, а они тамъ благословляютъ меня, молятъ за меня Его ежедневно... Я здѣсь комендантъ и это не шутка, а это вѣра въ Бога, въ Его безпредѣльную справедливость...

Снова комендантъ повернулся къ образамъ, расправилъ надвинувшіеся на лобъ косматые сѣдые волосы и снова порывисто три раза перекрестился.

— Да! продолжалъ онъ, вамъ не понятна эта движущая сила; можетъ быть вы и вѣрующій народъ, да у васъ много склонностей къ отрицанію; это принадлежность молодости; у васъ ничего нѣтъ близкаго, вы ни съ чѣмъ не успѣли сжиться, сродниться, вотъ вы и отрицаете все. Не потому вы отрицаете, что вы господа медики, а потому что вы молоды, что въ васъ кровь молодая, безпредѣльно горячая; а какъ у меня на свѣтъ явилось пять птенцовъ, такъ вѣдь не скажешь, что ихъ нѣтъ, отрицать не станешь... Откуда тутъ отрицаніе? не откуда ему взяться, а хоть бы и явилось такъ вѣдь они о себѣ напомнятъ; а вѣра, безпредѣльная вѣра въ Бога и въ Его милость—прежде всего... Богъ не забываетъ вѣрующихъ и меня не забылъ; я комендантъ. Я шелъ пролить кровь, положить жизнь за правое дѣло, въ которое вѣрю безпредѣльно, а Всемогущій Творецъ отстранилъ отъ меня руку врага, сберегая меня для птенцовъ, которымъ нужно вырости и сдѣлаться добрыми гражданами, членами могущественнаго государства... Я не просился изъ строя, а безпредѣльная вѣра, и только одна вѣра, привела меня вотъ куда... Скверно здѣсь, холодно, сыро, а хорошо; я благословляю Бога, а онъ меня бережетъ для птенцовъ.

Долго еще комендантъ распространялся на эту тему, и до моихъ ушей безпрестанно доносились „птенцы“, „безпредѣльно святая мать“, и т. п.

— Лошади готовы, — громогласно объявилъ вбѣжавшій унтеръ-офицеръ.

Алдатовъ вскочилъ. — Поблагодаривъ гостепріимнаго хозяина и пожелавъ ему скораго, благополучнаго возвращенія въ его семью, мы усѣлись въ широкія сани и покатили по ровной снѣжной дорогѣ, обдаваемые „россійскимъ“ морозцемъ.

Отъ Али-Софи почти вплоть до Карса, на протяженіи 70 верстъ, въ нагорной (на высотѣ въ 5000 ф. надъ уровнемъ) долинѣ держался прекрасный санный путь; ямщики и унтеръ-офицеры, завѣдывавшіе станціями — народъ расторопный, не задерживали насъ перемѣною лошадей. Быстро мчались мы отъ одной станціи до другой, забѣгая на минуту во время перекладки въ станціонныя помѣщенія, вездѣ мы видѣли одну и ту же картину: большая изба-конюшня переполнена проѣзжими, завалившимися спать кому гдѣ Богъ привелъ; одному случилось примоститься возлѣ лошади, другому у наружной двери, безпрестанно отворяемой ямщиками для провода лошадей; каминъ тлѣетъ, согрѣвая счастливцевъ, успѣвшихъ раньше занять нары возлѣ него. Ямщики шумятъ перебраниваются, поминутно входятъ и уходятъ, нанося въ избу морозу, а проѣзжее воинство спитъ безмятежнымъ сномъ.

Заря только-что занялась, когда мы выѣзжали съ послѣдней предъ-Карсомъ станціи; морозъ закрѣпилъ, заковалъ все; насъ опорошило съ ногъ до головы. Показалось изъ-за скалъ розовое солнце и освѣ-

тило разстилавшуюся подъ безоблачнымъ, синимъ небомъ просторную долину, занесенную снѣгомъ. Вотъ наконецъ показался и Карсъ со своими гигантскими, грозными укрѣпленіями.

Проѣхавъ черезъ рѣчку Карасъ по горбатому мосту—типу здѣшнихъ мостовъ—мы въѣхали въ Карсъ, этотъ неприступный вѣковой оплотъ турокъ въ Малой Азіи.

Подъѣзжая къ Карсу, въѣхавши въ него и проѣзжая по его улицамъ, я съ изумленіемъ спрашивалъ себя: какимъ образомъ могли быть взяты эти грозные форты, эти неприступныя скалы? Невольно вспомнился мнѣ унтеръ-офицеръ, просто, но мѣтко сказавшій въ Хассанъ-Кале: „нельзя было взять, да взяли". Ужъ подлинно великъ Богъ земли Русской, великъ Богъ арміи царской!

Осмотрѣть Карсъ въ подробностяхъ казалось интереснымъ и заманчивымъ; мы порывались было остаться въ немъ для этого до вечера; но поразмысливъ хорошенько, рѣшили осмотрѣть городъ лишь на-скоро и по возможности сейчасъ же пуститься въ дальнѣйшій путь. Чтобы осмотрѣть его хоть сколько-нибудь подробно, нужно было употребить времени minimum цѣлый день; ночью пришлось бы поневолѣ отдохнуть, слѣдовательно въ общемъ потерять цѣлыя сутки. Между тѣмъ предстояло еще запастись въ штабѣ, на основаніи предписанія генерала Лорисъ-Меликова, курьерскими подорожными, такъ какъ онѣ были даны въ Эрзерумѣ лишь до Карса. И такъ, намъ пришлось немедленно заняться подготовкою своего отъѣзда. Часа черезъ полтора мы справили свои дѣла и, въ ожиданіи возвращенія Кулаева съ почты на лошадяхъ, отправились на прогулку.

Какая громадная разница между Эрзерумомъ и Карсомъ по физіономіи жизни, если можно такъ выразиться. Въ Эрзерумѣ на всемъ лежитъ печать страданій и лишеній; тамъ озабоченность, суетливость, гнетъ какой-то неизвѣстности и рядомъ съ этимъ рѣшимость переносить все предстоящее, готовность на все тяжелое, а потому какая-то серьезность, граничащая съ суровостью—тамъ, словомъ, война въ полномъ смыслѣ слова держитъ еще всю обстановку въ своихъ рукахъ. Здѣсь, въ Карсѣ, о войнѣ и помину нѣтъ, какъ будто бы война для пришлыхъ и туземныхъ обитателей города дѣло давно-давно минувшее, прошедшее, канувшее въ вѣчность, неимѣющее ничего общаго съ настоящимъ, легкимъ, нормальнымъ. Отсюда уже и не такъ рвутся на родину, нѣтъ здѣсь той гнетущей тоски, того раздражающаго нетерпѣнія.

Вотъ беззаботно идутъ по улицѣ четыре солдатика, раскраснѣвшись; подъ мышками у нихъ узелки; они только-что выпарились въ банѣ. Тамъ изъ дому вышли двое обнявшись въ очень веселомъ настроеніи духа; одинъ перебираетъ на гармоніи, другой старается выкинуть ногами плясъ, да дѣло плохо клеится; надъ дверью, изъ которой они вышли и за которою виднѣлось нѣсколько столпившихся сѣрыхъ шинелей—надпись: „Ристарацыя Плевъ на". Пройдя не-

много по улицѣ, два пріятеля снова завернули въ небольшой домикъ, надъ которымъ красовалась вывѣска: „Трактеръ Ирзирунъ". Угощайся, ни дать ни взять какъ въ матушкѣ Россіи: изъ трактира въ погребокъ перепархивай. Мы даже нисколько не удивились, встрѣтивъ на прогулкѣ двухъ офицеровъ съ двумя дамами и молоденькой барышней. Дамы въ бархатныхъ платьяхъ, а дѣвушка въ голубомъ шелковомъ и въ бархатной шубкѣ, гуляютъ какъ дома, отнимая послѣдній намекъ на военно-временную обстановку. Онѣ видимо совсѣмъ обжились здѣсь. И откуда онѣ сюда прилетѣли? И какія хорошенькія! Какія скромныя!

VII.

Пьяный ямщикъ. — Приключеніе съ бричкой. — Путь до Александрополя. — Неудачная охота на лисицъ. — Неожиданное препятствіе. — Александрополь. — Швейцарскій ресторанъ. — Марья Львовна. — Сцена въ ресторанѣ. — Осетинъ Кулаевъ.

Осмотрѣвъ бѣгло городъ, мы вернулись въ гостинницу. У подъѣзда уже стояла бричка, запряженная тройкой русскихъ крѣпкихъ, здоровыхъ лошадей.

— Вотъ и лошади готовы, объявилъ Кулаевъ.

— Пожалуйте, больно долго ожидаемъ,—сказалъ, снявши шапку, веселый парень ямщикъ.

— Что же ты бричку подалъ, вѣдь я ожидалъ саней; въ городѣ снѣгу нѣтъ, вывезенъ, какъ же ты потянешься по глубокому снѣгу за городомъ?

— Шабашъ, ваше высокоблагородіе, дороги санной нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? мы сегодня пріѣхали изъ Али-Софи, отличный зимній путь.

— Пропала; „разболтали путь"; только верстъ на десять еще держится, а тамъ свиститъ; мнѣ бы и лучше въ саняхъ услужить вамъ.

— Что ты больно веселъ, спросилъ Алдатовъ, доѣдешь ли?

— Не извольте сумлѣваться, приставимъ первый сортъ.

Кулаевъ уложилъ наши небольшіе пожитки, и мы двинулись по улицамъ Карса, пробираясь между сѣрыми шинелями, толпившимися возлѣ возовъ и лавочекъ. На выѣздѣ ямщикъ прикрикнулъ и погналъ лошадей во всю прыть.

— Эй, смотри осторожнѣе, тутъ между камнями, того гляди, бричка разлетится.

— Нешто намъ въ первòй?

— Въ первòй не въ первòй, а осторожность не мѣшаетъ; видишь, камней навалено — и откуда это?

— А тутъ кладбище ихнее, нехристьское было,—обернулся ямщикъ, лавируя между каменьями.

Не проѣхали мы и версты, какъ лѣвое переднее колесо со всего размаху налетѣло на большой камень и разлетѣлось въ дребезги.

— А что, не въ первой? А тебѣ что говорили?

Ямщикъ слѣзъ съ облучка, началъ оглядывать колесо и по русскому обыкновенію удивляться происшедшему.

— Экій грѣхъ приключился? съ чего это сдѣлалось?

— Что сдѣлалось? налетѣлъ ты съ пьяныхъ глазъ на камень, вотъ и все; поворачивай-ка, братъ, скорѣй назадъ, нечего время терять.

— Куда назадъ? на станцу, что ли?

— Да, на станцу, передразнилъ Алдатовъ.

Ямщикъ помолчалъ, почесалъ затылокъ.

— Я васъ свезу въ гостинницу, господа; вы не извольте сумлѣваться, лошадей и бричку приставимъ вамъ первый сортъ, а на станцу не извольте заѣзжать, безпокоиться.

— Нечего, братъ, нечего первый сортъ, вотъ мы тебя сами начальнику станціи представимъ.

Повернули назадъ и потянулись черезъ весь Карсъ на трехъ колесахъ.

— Извольте въ гостильницу взойти, я вамъ бричку сейчасъ приставлю,—началъ опять ямщикъ, подъѣзжая къ гостинницѣ.

— Намъ нечего въ гостинницѣ дѣлать, поѣзжай прямо на станцію.

— Не извольте, баринъ, сказывать почтарю, что я налетѣлъ, а то таперь, какъ онъ узнаетъ, оштрахуетъ, а тамъ и выгонитъ; куда я дѣнусь? изъ Карсту въ Россею себя не больно скоро приставишь.

Я промолчалъ.

— А вамъ все единственно, вы промахнете въ Россею и поминай васъ, какъ звали; явите Божескую милость!

Чѣмъ ближе подъѣзжали, тѣмъ болѣе умаливалъ насъ злосчастный ямщикъ.

— Заставьте вѣкъ Богу молить, не погубите за одно колесо; нечистый попуталъ на ихную мусурманскую могилу наѣхать, кабы не могила, были бы уже мы на станціи.

— Да вотъ мы и безъ того пріѣдемъ на станцію,—разсмѣялся я и успокоилъ несчастнаго.

Подъѣхали къ станціи.

— Вы не сказывайте, на томъ простите, виноватъ, опохмѣлился съ утра, а кабы не могила — все бы хорошо...

Унтеръ-офицеръ, помощникъ „почтаря“, оглядѣлъ бричку.

— Какъ это тебя угораздило?

— Разлетѣлась, Иванъ Митричъ,—отвѣтилъ ямщикъ, корча невинную физіономію и развязывая какъ ни въ чемъ не бывало нашильные ремни.

— Разлетѣлась? вотъ „онъ“ те разлетитъ. Поговори-кась съ нимъ нонѣ, дай отчетную вѣдомость ему.

Пока тѣхъ же выпряженныхъ лошадей впрягали въ другую бричку,

мы присѣли на скамеечку, а Кулаевъ успѣлъ-таки выпросить другаго ямщика, жалуясь на ненадежность опохмѣлившагося. Я ему за это сдѣлалъ выговоръ.

— Мнѣ твой голова дороже, не хочу, чтобы ты ѣхалъ съ пьяницемъ, возразилъ онъ; я долженъ тебя беречь.

Однако выговоръ произвелъ впечатлѣніе на Кулаева; онъ что-то говорилъ самъ съ собою, помогая перепрягать лошадей и наконецъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Ты, баринъ, на мене не серди за пьяницу.

— Чего мнѣ сердиться, не надо было только соваться не въ свое дѣло, а я не сержусь.

— Не сердишь, такъ благодаримъ покорномъ, а все-таки поѣдемъ съ другимъ ямщикомъ, а не съ пьяницемъ.

Верстъ 15 за Карсомъ уже не было санной дороги, и мы остались очень довольны, что не поѣхали въ саняхъ. Путь до Александрополя, протяженіемъ въ 62 версты, разбитъ на пять перегоновъ, далеко не равныхъ. Караваны и транспорты съ самыми разнообразными предметами необходимости встрѣчались чуть ли не на каждыхъ двухъ верстахъ.

— Хабарда! хабарда! кричитъ съ облучка Кулаевъ, завидѣвъ издали транспортъ: хабарда-а-а! надрывается онъ при встрѣчѣ съ карааномъ; но какъ караваны, такъ и транспорты еле сворачиваютъ въ сторону и поневолѣ приходится пробираться по краю дороги шажкомъ.

Задержанные въ пути этими препятствіями и отчасти распутицей, мы не попали, какъ разсчитывали, въ Александрополь къ вечеру. Уже смерклось, когда мы подъѣзжали къ послѣдней станціи. Я немного забылся, чувствуя нѣкоторую усталость.

— Стой, стой, останови скорѣй, тебѣ говорятъ,—вдругъ вполголоса суетливо заговорилъ осетинъ, обращаясь къ ямщику, и тѣмъ вывелъ меня изъ забытья.

— Что такое?

— Тихо, лисицъ, вонъ тамъ пошелъ, вотъ теперь „ружой" пригодится,—сказалъ онъ, хватаясь за магазинку.

Впереди насъ дѣйствительно бѣжала лисица; она искала чего-то на дорогѣ и, заслышавъ насъ, повернула на утекъ. Только мы остановились, и она тоже стала; какъ будто, переставъ слышать стукъ колесъ, хитрое животное вообразило, что ошиблось и размышляло, слѣдуетъ ли удаляться. Кулаевъ прицѣлился, спустилъ курокъ — осѣчка; чуткое животное повернуло отъ насъ и полетѣло во всю прыть, разбрызгивая водянистый снѣгъ.

— Что, братъ, „ружой"-то неисправный.

— Ничего, исправный, сконфузился осетинъ и сталъ разглядывать заряженную еще въ Адріанополѣ на всѣ 14 патроновъ магазинку.

— Трогай, ужъ и такъ поздно,—сказалъ нетерпѣливо Алдатовъ ямщику.

— Теперь не уйдетъ, вистрѣлю,—оправдывался Кулаевъ.

— Ты спроси сперва, встрѣтишь ли другую, а послѣ говори не уйдетъ,—подсмѣялся надъ своимъ землякомъ Алдатовъ.

Не успѣли мы проѣхать 200 саженъ, какъ самъ Алдатовъ дернулъ ямщика.

— Эй, эй, стой, опять лисица.

Остановились; Кулаевъ старательно прицѣлился въ другой экземпляръ, убѣгавшій отъ дороги; раздался выстрѣлъ, лисица поддала ходу, вслѣдъ ей посланъ другой выстрѣлъ, но она быстро скрылась въ кустахъ.

— Э, братъ Кулаевъ, еслибы намъ гдѣ-нибудь подъ Байбуртомъ встрѣтилась шайка курдовъ, ты далъ бы сперва осѣчку, а потомъ промахнулся бы, да еслибы каждому изъ насъ такъ довелось, то плохими оказались бы мы воинами,—подшутилъ я.

— На курда не промахнулъ бы; тогда ружой былъ исправный, я въ Эрзерумѣ спортилъ... сконфуженно пробормоталъ Кулаевъ и что-то добавилъ Алдатову по осетински.

Совершенно стемнѣло, когда мы выбрались съ послѣдней станціи и направились къ Александрополю. Переѣхали Арпачай—этотъ естественный рубежъ русскихъ владѣній въ Малой Азіи, и свернули въ лощину къ городу; дорога грязная, мягкая; насъ порядочно таки растрясло въ маленькой бричкѣ и я съ удовольствіемъ увидѣлъ замелькавшіе городскіе огоньки. Передъ нами мѣсто перваго ночлега, перваго ночнаго отдыха съ Эрзерума! Еще четверть часа, и мы на мѣстѣ! Пока я мечталъ о сладости предстоящаго отдыха, въ которомъ мы такъ нуждались, судьба злостно подшутила надъ нами. Почти подъ самымъ городомъ лошади наши вдругъ закряхтѣли и остановились.

— Ну, ну, чего спужались, ну,—погоняетъ ямщикъ.

— Что случилось?

— Спужались чего-то.

Кулаевъ побѣжалъ впередъ, осмотрѣлъ, дорога ровная, ничего и никого впереди нѣтъ; чего же они „спужались"? Возвращаясь къ намъ, Кулаевъ за что-то запнулся и упалъ.

— Телеграфъ! телеграфъ!—кричитъ онъ.

При помощи зажженныхъ спичекъ намъ удалось наконецъ разобрать, въ чемъ дѣло: переднее правое колесо преискусно, точно нарочно, перепуталось телеграфной проволокой до такой степени, что не могло вращаться; отъ него проволока потянулась къ заднему правому, вся правая сторона брички „парализовалась" и намотанными проволоками приковалась къ землѣ. Дорога рыхлая, тяжелая, лошади заморились, а тутъ явился такой непрошенный тормазъ; какъ еще лошади не впутались ногами въ эти металлическія сѣти.

— Ишь вѣдь нечистая сила напутала, заворчалъ ямщикъ; ужъ и впрямь хоть захочешь такъ перевязать колесо, не перевяжешь; окаян-

ная бичевка; вишь тебя лѣшій напуталъ... вишь закрутило ее, ровно рестанту руки заколодило!

Долго изощрялся ямщикъ, распутывая „окаянную бичевку“, мы пробовали было помочь ему; но, убѣдившись, что только мѣшаемъ, отошли въ сторону. Въ Александрополѣ продолжаютъ мелькать огоньки; тепло; весенній воздухъ пріятно томитъ; десятый часъ въ исходѣ. Хоть видитъ око, да зубъ нейметъ!

Было слишкомъ половина двѣнадцатаго часа ночи, когда мы вошли въ ресторанъ Швейцарской гостинницы. Зала наполнена табачнымъ дымомъ. За столами сидятъ группы офицеровъ разныхъ полковъ и интендантскихъ чиновниковъ. Пока въ отведенной намъ рядомъ съ залой комнатѣ готовили постели и топили печь, мы присѣли къ одному изъ столовъ и спросили ужинъ. У одной изъ дверей залы находился небольшой уставленный закусками буфетъ, за которымъ сидѣла молодая женщина съ голубыми глазами и прекраснымъ свѣжимъ цвѣтомъ лица; черные, густые волосы двумя прядями падали на ея плечи и грудь; правильный небольшой носикъ, рѣзко очерченныя брови, красныя, свѣжія губки довершали прелесть этого миловиднаго полудѣтскаго, полусерьезнаго лица. Обладательница его смотрѣла спокойно. Вдругъ бѣлый, прямой лобикъ ея наморщился и все лицо преобразилось въ изумленіе.

— Что вы? вы съ ума сошли, какой поводъ вы имѣли мнѣ дѣлать подобныя предложенія? залепетала скороговоркой красавица.

— Выслушайте меня, Марья Львовна, выслушайте до конца...

Только въ эту минуту я замѣтилъ и разглядѣлъ сидѣвшаго рядомъ съ красавицей за прилавкомъ же молодаго офицера въ общеармейской формѣ. Раскраснѣвшись, онъ наклонился къ собесѣдницѣ и что-то горячо ей объяснялъ; порѣдѣвшіе на головѣ его волосы, распухшія „безцвѣтныя“ щеки и почернѣвшіе зубы какъ-то мало гармонировали съ пушкомъ, еле пробивавшимся надъ губой и на щекахъ. Видимо, человѣкъ этотъ, не успѣвъ еще развиться, сталъ уже старѣть, или былъ пораженъ болѣзнью.

— Выслушайте меня,—осклабился онъ, еще болѣе раскраснѣвшись, водя по сторонамъ осовѣвшими глазами и опираясь на саблю обѣими руками, въ чистыхъ, ослѣпительно-бѣлыхъ перчаткахъ.

— Нечего мнѣ васъ слушать... Исай Романовичъ, обратилась красавица къ одному изъ братьевъ-хозяевъ, сядьте, пожалуйста, возлѣ меня, не отходите отсюда.

Исай Романовичъ, носатый армянинъ, присѣлъ къ прилавку.

Помолчавъ немного, офицеръ впился безсмысленнымъ взоромъ въ хозяина; тотъ чувствовалъ на себѣ взглядъ, но продолжалъ упорно глядѣть въ сторону.

— Хозяинъ! вдругъ крикнулъ офицеръ.

— Что скажете? обернулся армянинъ.

— А хозяинъ! повторилъ воинъ и перевелъ взоръ на маленькій

столикъ, занятый казацкими офицерами. — Хозяинъ! мнѣ твоя рожа сильно не нравится, убери ее къ чорту...

Казаки разсмѣялись; ихъ очевидно начала забавлять эта сцена.

— Мало ли что не нравится, если бы вы спросили о себѣ Марью Львовну, можетъ быть она сказала бы вамъ тоже самое...

Армянинъ, не докончивъ рѣчи, вскочилъ на зовъ своего брата и пошелъ дѣлать какія-то распоряженія по хозяйству. Казаки пересмѣивались; другіе офицеры, наполнявшіе залу, также обратили вниманіе на буфетъ. Непрезентабельный амуръ опять нагнулся къ прекрасной буфетчицѣ и съ пьяною страстью началъ снова нашоптывать ей что-то. Красавица не слушала; она поднялась, выпрямилась во весь ростъ, усмѣхнулась, затѣмъ, взглянувъ на согбенную фигуру юнаго старца, расхохоталась. Рядъ бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ освѣтилъ все лицо, на розовыхъ щекахъ появились на минуту ямки, глаза заблестѣли.

— Вы смѣетесь... вамъ все равно, вамъ нѣтъ дѣла до меня... бормоталъ потерявшійся офицеръ, не замѣчая казачьихъ смѣшковъ.

Я вспомнилъ эсаула, изнывавшаго въ горахъ подъ Эрзерумомъ по смѣющейся надъ всѣми „общей красавицѣ"...

— Вы лучше всего сдѣлали бы, еслибы ушли, строго сказала красивая буфетчица,—я не намѣрена слушать вашихъ глупостей.

— Ну такъ вотъ вамъ мое послѣднее слово, возьмите записку, я уйду и немного погодя приду за отвѣтомъ.

Передавъ „записку", свернутую треугольникомъ, офицеръ всталъ и покачиваясь вышелъ изъ залы. Въ дверяхъ онъ столкнулся съ хозяиномъ, возвращавшимся къ прилавку.

— Прощайте, сказалъ тотъ, счастливо до дому дойдти.

— Нѣтъ, братъ, до свиданія, я еще вернусь взглянуть на твою свиную рожу...

Между тѣмъ Марья Львовна развернула „записку" и нахмурившись разсказала что-то армянину и вручила ему записку.

Черезъ нѣсколько минутъ, офицеръ, продолжая держать саблю обѣими руками, съ которыхъ не были сняты чистыя перчатки, опять вошелъ нетвердымъ шагомъ и сѣлъ возлѣ улыбавшагося предмета своей страсти. Всѣ повернулись въ сторону буфета.

— Ну что, рожа, ты тутъ опять сидишь, пробормоталъ воинъ, ободренный улыбкой Марьи Львовны.

Въ залѣ точно по уговору водворилась тишина.

— Вотъ ваши 50 рублей, возьмите ихъ, вамъ пригодятся, отчеканилъ армянинъ, передавая „записку".

Офицеръ смутился, нахмурился, посмотрѣлъ на смѣющееся личико сосѣдки и растерялся окончательно, затѣмъ вдругъ овладѣлъ собою и, обращаясь къ хозяину, громко произнесъ:

— А! какой ты честный, я не ожидалъ...

Казаки расхохотались.

— Чего вы смѣетесь? крикнулъ обезумѣвшій казакамъ.

— Какъ же не смѣяться, коль смѣшно. Пора бы уже перестать срамиться, да уйдти,—отозвался одинъ изъ казаковъ.

— Не твое дѣло, замолчи!

— Какъ вы смѣете мнѣ говорить „ты", я васъ не знаю.

— А не знаешь, такъ и не лѣзь; тебѣ что же захотѣлось „вы?" много васъ такихъ, замолчи!

— Я вамъ повторяю, что вы не смѣете мнѣ говорить „ты"; я васъ велю выгнать отсюда.

— Выгнать? ахъ, ты сволочь!...

Не успѣлъ изношенный щеголь произнесть этой дерзости, не успѣлъ казакъ отвѣтить ему, какъ его сосѣдъ вскочилъ съ своего мѣста и подлетѣлъ къ волокитѣ:

— Вонъ отсюда! вонъ!

— Куда вонъ? чего ты разлетѣлся, не съ тобой говорятъ.

— Вонъ, а то сейчасъ вытолкаю.

— Попробуй.

Казакъ схватилъ мощною рукою маленькаго, слабенькаго ловеласа и буквально вытолкалъ его изъ залы за дверь, которую тотчасъ притворилъ за собою; затѣмъ провожаемый взорами всѣхъ, онъ сѣлъ на мѣсто и съ отчаяніемъ произнесъ во всеуслышаніе:

— Чортъ знаетъ что! тутъ служишь, служишь, я первый эсаулъ въ полку, представленъ въ войсковые старшины за военное отличіе, а онъ, молокососъ, осмѣливается браниться...

Поужинавши, я отправился искать Кулаева, который никогда не высказывалъ заботливости о себѣ.

Въ корридорѣ вытолкнутый „воздыхатель" разговаривалъ спокойно съ лакеемъ, бывшимъ свидѣтелемъ и его „фіаско" у буфета, и его „изгнанія" изъ залы. Онъ просилъ лакея или вызвать къ нему жестокую Марью Львовну на минутку, или же дать ему знать, когда „господа-казаки" удалятся.

О времена, о нравы!...

Кулаевъ сидѣлъ на крыльцѣ гостинницы погруженный въ глубокую думу.

— Кулаевъ! что же ты не идешь ужинать?

— Ны хочу я ужынатъ.

— Вотъ тебѣ разъ „ныхочу", передразнилъ я его; весь день ничего не ѣлъ, да не хочу.

— Я не могу, сказалъ онъ и что-то прибавилъ Алдатову по осетински.

— Онъ говоритъ, что не можетъ ѣсть, когда ты на него сердишься.

— Я сержусь?! да за что же?

— За пьяницу ямщика—одинъ, за неисправный ружой—два, лисицъ промахнулъ—три,—произнесъ онъ почти сквозь слезы.

Я успокоилъ, какъ могъ, этого прекраснаго, простаго человѣка и

отправился спать. Долго мысли мои вертѣлись на странной исторіи между офицерами. Случай, правда, единичный, но тѣмъ не менѣе грустный. Еще болѣе свѣтлой рисовалась мнѣ личность добраго, честнаго Кулаева, который такъ умѣлъ привязываться. Я вспоминалъ, какъ неутомимъ былъ онъ въ теченіе кампаніи, какъ оберегалъ онъ генерала Бреверна [1]), при которомъ состоялъ нукэромъ, какъ во время дѣлъ постоянно держалъ на-готовѣ арканъ и готовъ былъ захватить съ собою тѣло генерала въ случаѣ еслибы онъ былъ убитъ, какъ онъ ухаживалъ за нимъ во время его болѣзни, и какъ вообще показывалъ много сердечности этотъ полудикій сынъ Кавказа.

VIII.

Александропольско-Тифлисское шоссе.—Губная помада.—Молоканское село.—Дилижанское ущелье.—Тифлисъ.—Осетины.—Смерть Алдатова.

Рано разбудили мы всю „гостинницу". Было 7 часовъ утра, когда курьерская тройка вкатила за нами во дворъ. Отправивъ депешу карскому коменданту и бумагу александропольскому объ оказаніи содѣйствія идущему по пятамъ нашимъ конвою нашему, мы расплатились въ гостинницѣ и покатили къ Тифлису.

Изъ Александрополя въ Тифлисъ ведетъ прекрасное, хорошо содержимое шоссе, по которому предстояло ѣхать и намъ; верховые же обыкновенно пробираются прямымъ путемъ горами; мѣстнымъ властямъ бываетъ извѣстно, проходимъ ли этотъ путь и нѣтъ ли па немъ заносовъ. Гурьянову съ командой приказано было явиться и въ Карсѣ и въ Александрополѣ къ комендантамъ, и потому распоряженія мои не могли его миновать.

Понеслись мы во всю прыть по ровному шоссе; опять пошла раздаваться характерная „хабарда!" Теплое, пасмурное утро предсказывало дождь. По дорогѣ поминутно приходилось обгонять и встрѣчать пары и тройки съ мѣстными мирными обывателями въ черныхъ папахахъ и приказчичьихъ русскихъ шапкахъ „à la militaire". Уже не было видно той исключительно военной жизни, которою дышетъ путь отъ Эрзерума до Александрополя. По дорогѣ масса „духановъ"—кавказскихъ кабаковъ; военный трактатъ притянулъ таки къ себѣ торговый людъ, знающій слабость русскаго воинства и поспѣшившій обильно снабдить дорогу „питіемъ". Рѣдко можно встрѣтить шоссе, содержимое въ такомъ порядкѣ какъ Александропольско-Тифлисское. Нельзя не обратить также вниманія и на содержаніе всей вообще вочтовой

[1]) Свиты его величества генералъ-маіоръ Бревернъ былъ во время войны начальникомъ артиллеріи гвардейскаго корпуса; за взятіе Телиша 16 октября 1887 г. получилъ орденъ св. Георгія; умеръ въ Одессѣ во время переѣзда гвардіи изъ Санъ-Стефано въ Петербургъ.

части: лошади, упряжка, брички—все это въ щегольскомъ видѣ; богатство конскаго состава простирается до того, что лошади въ курьерскую тройку подбираются по росту и по масти: приходится летѣть то на рыжей тройкѣ, то на пѣгой, то на сѣрой. Нельзя, правда, похвалить чистоту комнатъ на станціяхъ, но гдѣ же ее взять, коли сами проѣзжіе грязнятъ комнаты, благо въ нихъ не жить.

— Курьеръ! кричитъ во все горло ямщикъ за полверсты до станціи, и не успѣваемъ мы слѣзть, какъ уже слѣдующая бричка на половину запряжена.

Вотъ миновали мы Ахдулахъ, Амамли. Сорокъ верстъ промахнули въ три часа, подвинулись къ Каракилису, гдѣ спускъ и подъемъ устроенъ зигзагами; подымаясь по спирали, видишь у ногъ своихъ мѣсто, пройденное за 10 минутъ до того.

Еще въ Александрополѣ я послалъ въ аптеку за губной помадой: отъ постояннаго вѣтра губы растрескались до того, что при малѣйшей улыбкѣ разрывались въ кровь. Закусывая въ Каракилиссѣ, я замѣтилъ сквозь нависшіе усы Алдатова „трещины“ на его губахъ.

— Что, у тебя тоже губа болитъ?

— Болитъ, очень болитъ!

— Ну погоди, я тебя вылѣчу.

Когда мы сѣли въ бричку, я досталъ изъ кармана пальто палочку, развернулъ ее и, разломавъ пополамъ, подалъ половину Алдатову.

— Спасибо.

Мы покатили молча.

— Что ты за гадость далъ мнѣ? сперва вкусный показался, а теперь сало какое-то,—закричалъ вдругъ Алдатовъ и сталъ отплевываться.

— Да ты что, ѣшь? вѣдь это помада губная.

— Я не понялъ, думалъ конфетъ, продолжалъ онъ отплевываясь.

Мы оба разсмѣялись отъ души.

За Каракилиссой съ великолѣпными садами и красивыми домиками, раскинулся военно-временной госпиталь; палатки и юрты перемѣшались; больные въ сѣрыхъ халатахъ вышли погрѣться; день изъ пасмурнаго обратился въ солнечный; грозовыя тучи смѣнились лазурнымъ небомъ.

Миновавъ крутой подъемъ съ густымъ лѣсомъ по сторонамъ, мы въѣхали въ село; здѣсь, близъ турецкой окраины, россійское село! ни дать, ни взять подмосковное село среди дикихъ горъ, среди ауловъ, на рубежѣ, на границѣ полу-дикой „туречины“. Я велѣлъ ѣхать шагомъ.

— Это молокане поселились здѣсь, объяснилъ ямщикъ, село Вознесенское.

Просторныя, бревенчатыя избушки съ вычурною рѣзьбою, видъ бѣлоголовыхъ ребятишекъ, снующихъ по селу въ красныхъ рубахахъ—

перенесли мое воображеніе въ Россію. Во всемъ проглядываетъ достатокъ; вотъ коровушку гонитъ пастухъ; скотина все сытая; тамъ мужичекъ въ красной рубахѣ выѣхалъ въ русской телѣгѣ на раскормленной лошади; зажирѣвшій барбосъ бѣжитъ по стопамъ мальчугана по улицѣ; село раскинулось версты на три. Полюбовавшись вдоволь этимъ подмосковнымъ видомъ, мы помчались снова по лѣсистымъ горамъ.

Стемнѣло. Взошла луна и освѣтила насъ полнымъ своимъ голубымъ свѣтомъ. Лѣтняя теплынь нисколько не уменьшалась. Мы въѣхали въ роскошное „Дилижанское" ущелье. Скалы, покрытыя на откосахъ вѣковыми деревьями, прикрывали насъ съ обѣихъ сторонъ; верхушка лѣвой скалы освѣщена луною, пропустившею свѣтъ сквозь ширь долины; отвѣсною стѣною мрачно, безмолвно глядятъ грандіозныя деревья; ни шелеста, ни движенья,—полная тишь! Промелькнула прилѣпившаяся къ скалѣ изба; окно ея тускло освѣщено. То сторожъ лѣсной нашелъ себѣ пріютъ въ этой величественной долинѣ.

— Какое грандіозное ущелье! невольно вырвалось у меня.

— Да, отозвался Алдатовъ, не дослышавъ, граціозное, граціозное.

Подъ горой засверкали огни; спустившись двумя-тремя поворотами, мы въѣхали въ селеніе „Дилижанъ".

Тройка пронесла насъ черезъ всю деревню и остановилась у почтовой станціи, среди однообразныхъ досчатыхъ казенныхъ построекъ, въ окнахъ которыхъ при лампахъ и свѣчахъ мелькали писаря, бумаги, перья. Повидимому здѣсь были расположены какія-то управленія.

На станціи мы подкрѣпились отличными щами и полъ-бутылкой кахетинскаго.

— Слушай! А гдѣ будемъ ночевать? спросилъ Алдатовъ.

— Ночевать? Завтра переночуемъ въ Тифлисѣ.

— Нельзя! очень далеко, ужъ который ночь безъ сна!

— Отдохнули въ Александрополѣ и довольно, а теперь спи въ бричкѣ, вѣдь это не верхомъ, можно и вздремнуть.

— Правда, а нужно торопить къ великому князю, долго ѣдемъ отъ Эрзерумъ, поспѣшилъ согласиться мой добрый спутникъ.

Отъ Дилижана пошла почти ровная, степная дорога вплоть до Тифлиса. Однообразно потянулись станціи за станціями, вездѣ тѣ же выкрикиванья ямщиковъ, вездѣ сонный староста не-хотя записываетъ, будитъ сонпаго ямщика. Счастливецъ Алдатовъ спитъ въ бричкѣ, спитъ на станціи, растягиваясь на минуту на диванѣ; на одной станціи снялъ онъ съ себя длинный азіатскій выложенный серебромъ съ чернью пистолетъ, бросилъ его на окно и разлегся.

— Зачѣмъ снимаешь? вѣдь сейчасъ лошадей подадутъ, еще забудешь пожалуй.

— Никогда въ жизни я ничего нигдѣ не забывалъ и не терялъ, прихвастнулъ простякъ и захрапѣлъ.

Черезъ 10 минутъ подали лошадей, прихожу будить,—не дотолкаешься.

— Вставай, лошадей подали.

— А?

— Садись въ бричку, поѣдемъ.

— Да, сейчасъ,—перевернулся онъ.

— Скорѣй, бери пистолетъ и выходи.

Выбѣжавъ изъ комнаты, я сѣлъ въ бричку, а Кулаева послалъ будить его земляка; наконецъ вышелъ сонный Алдатовъ и мы опять покатили. Проѣхали семь верстъ, Алдатовъ замѣтилъ, что забылъ пистолетъ; пришлось возвращаться на станцію и тринадцативерстный переѣздъ обратился въ 27 верстный.

Алдатовъ, нѣтъ-нѣтъ, да и клюнетъ носомъ. Я тоже дремлю.

— Хабардааа! вдругъ закричалъ во все горло Кулаевъ.

Открываю глаза, таже ровная дорога и ни впереди, ни съ боковъ не видать ничего.

— Кому хабарду запѣлъ, Кулаевъ?

— Здремнулъ, отвѣчаетъ онъ, караванъ мнѣ показалъ.

Подъ утро я таки порядочно заснулъ въ бричкѣ и освѣжился.

Замелькали въ какомъ-то аулѣ яркія красныя платья; населеніе куда-то спозаранку потянулось. Попались на встрѣчу четыре двуколесныя арбы; колеса громадныхъ размѣровъ. Чаще и чаще стали встрѣчаться проѣзжіе. Докторъ съ двумя пѣхотными офицерами катитъ на тройкѣ. Два артиллериста заснули въ бричкѣ и, подталкиваемые на ходу, ударялись одинъ объ другаго; одинъ проснулся и расхохотался. Куда то они ѣдутъ? Ужъ не въ Эрзерумъ ли? Далеко! Счастливый путь!

За послѣдней станціей мелькнулъ на секунду Тифлисъ и прикрылся возвышенностями. Дорога потянулась по обрывистому берегу Куры; быстрая рѣка несетъ свои мутныя, желтыя воды вправо отъ шоссе; вправо-же, на возвышенностяхъ, начинаются городскія постройки; коегдѣ восточныя дачи въ садахъ, кое-гдѣ сакли. У громаднаго, очевидно казеннаго зданія высыпала изъ воротъ толпа плѣнныхъ турокъ; апатично глядятъ они, провожая глазами проѣзжихъ и прохожихъ. За первыми постройками началась старинная азіатская часть города съ узкими улицами, восточными магазинами и пестрою толпою грузинъ, армянъ, осетинъ въ лилово-зелено-желтыхъ, до-нельзя пестрыхъ костюмахъ; черныя, бѣлыя, рыжія папахи снуютъ пѣшкомъ и верхомъ. Тамъ усталая лошадь, погоняемая труженикомъ-оборванцемъ, тащитъ на себѣ два громадныхъ бурдюка съ водой—это тифлисскій водопроводъ, или вѣрнѣе „водопровозъ". Показались тифлисскіе извощики—парныя шикарныя коляски. За площадью въѣздъ въ новую, европейскую часть города. Мы заѣхали въ гостинницу „Кавказъ", слегка пообчистились, и я поспѣшилъ къ великому князю главнокомандующему.

Какъ то странно попасть изъ боевой или военно-походной обстановки въ городскую. Попавши снова въ эту шумную, городскую жизнь, какъ будто возвращаешься къ чему то давно забытому, перерождаешься. Кое-что нужно сбросить съ себя, кое-что привить себѣ. Кажется и таже жизнь, а между тѣмъ какая рѣзкая разница, какія противоположныя ощущенія отъ всего; не сразу и привыкнешь къ тому, отъ чего успѣлъ отвыкнуть. Многаго какъ-то недостаетъ, много и лишняго. Словомъ, испытываешь странное чувство непривычки къ обстановкѣ, далеко не чуждой, къ сферѣ, которую имѣлъ привычку когда-то считать своею.

Дней черезъ восемь послѣ пріѣзда я надѣялся увидѣть въ Тифлисѣ свой конвой, но какъ же я обрадовался и удивился, когда онъ явился черезъ 5 дней. Великій князь Михаилъ Николаевичъ за молодецкую службу этой небольшой команды, перенесшей столько лишеній, за скорый переходъ и за сбереженіе коней, наградилъ каждаго изъ людей часами, причемъ старшему—драгуну Гурьянову, приказалъ выдать золотые. То-то былъ праздникъ! Пробывъ съ недѣлю въ Тифлисѣ, конвой тронулся верхомъ же по Военно-Грузинской дорогѣ во Владикавказъ. Тамъ были нами отпущены по домамъ подгородные уроженцы осетины. Лишившись этихъ трехъ молодцевъ, мы остались съ драгуномъ-саратовцемъ и крымскимъ татариномъ Османомъ, которымъ вдвоемъ предстояло провезти лошадей черезъ Ростовъ, Таганрогъ, Харьковъ, Полтаву, Кременчугъ въ Одессу, а оттуда на пароходѣ въ С.-Стефано. Прошло немного времени и я узналъ, что одинъ изъ осетинъ, черезъ нѣсколько дней по возвращеніи домой, отбивая отъ конокрадовъ свою лошадь, на которой онъ измѣрилъ горы Малой Азіи, былъ убитъ на-поваль пулею въ лобъ.

Кулаевъ съ другимъ, прогостивъ у родныхъ мѣсяца полтора, направились снова черезъ Россію въ дѣйствующую армію; по пути товарищъ Кулаева заболѣлъ тифомъ уже за Балканами и умеръ, Кулаевъ же въ одиночествѣ прибылъ въ С.-Стефано съ цѣлью отыскать генерала Бреверна, при которомъ онъ состоялъ большую часть похода. Въ день его прибытія въ знаменитомъ мѣстечкѣ шла лихорадочная дѣятельность по посадкѣ войскъ на суда для отхода въ Россію. Генералъ очень обрадовался своему „нукэру“ и взялъ его съ собою въ Одессу.

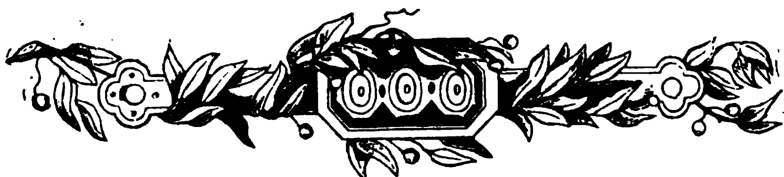
Черезъ три дня по пріѣздѣ въ Одессу, заплаканный, убитый горемъ Кулаевъ имѣлъ несчастіе охранять тѣло своего любимаго генерала. Не разъ этотъ вѣрный, честный, простой человѣкъ сожалѣлъ, что его не постигла участь двухъ товарищей, дѣлившихъ съ нимъ и сладкое и горькое въ далекомъ путешествіи; онъ привязался къ генералу Бреверну, какъ умѣютъ привязываться только рѣдкія, честныя, нетронутыя натуры. Тѣло генерала нужно было отвезти въ Гапсаль, въ имѣніе его брата графа Бреверна-Делагарди, и Кулаевъ не уступилъ никому мѣста у гроба и не отошелъ отъ него до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ на его глазахъ опущенъ въ могилу.

Осетины оставили во мнѣ самое отрадное воспоминаніе. Ихъ честность, замѣчательная трезвость, бдительность, неутомимость, наконецъ крайняя заботливость о насъ во все время нашего путешествія отъ Адріанополя до Кеприкіой за Эрзерумомъ—не изгладятся изъ моей памяти. Всѣми признанная въ эту войну смѣтливость, находчивость и храбрость осетинъ въ бояхъ и все это въ соединеніи съ перечисленными мною качествами, дѣлаютъ народъ этотъ неоцѣненнымъ въ военномъ отношеніи. Лермонтовъ, описывая въ „Героѣ нашего времени" свое знакомство съ Максимъ Максимовичемъ, въ двухъ-трехъ чертахъ нарисовалъ образъ осетина, совершенно противоположный тому, который вынесъ каждый изъ боеваго знакомства съ этимъ народомъ. Или Лермонтовъ ошибся, или народъ этотъ за полвѣка совершенно иной жизни измѣнился, выработавъ себѣ прямо противоположный характеръ. У поэта осетины выставлены лѣнивымъ, мелко-плутоватымъ, назойливымъ и пьющимъ народомъ,—всего этого не существуетъ въ молодомъ, боевомъ поколѣніи его.

Мой спутникъ Алдатовъ, предавшись отдыху послѣ путешествія, все время жаловался на то, что путешествіе это надорвало его силы. Я, признаюсь, посмѣивался, глядя на гигантское, изъ ряду вонъ выходившее сложеніе этого богатыря, но онъ, проскрипѣвъ полгода вдругъ свалился, заболѣвъ какою-то внутреннею болѣзнію. Графъ Воронцовъ-Дашковъ, при которомъ Алдатовъ состоялъ когда-то и съ которымъ онъ пережилъ трудные годы туркестанской боевой жизни, помѣстилъ его на время болѣзни у себя, уступивъ ему свой кабинетъ, и приложилъ всѣ свои старанія къ доставленію ему лучшихъ средствъ и способовъ лѣченія, но природа взяла свое: прострадавъ пять дней, этотъ честный, простой, много въ жизни перенесшій человѣкъ, умеръ...

Е. Андреевскій.

ВОСПОМИНАНІЕ О ГРАФѢ А. И. ОСТЕРМАНѢ-ТОЛСТОМЪ.

НАСЪ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало еще извѣстно подробностей о жизни многихъ нашихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. У насъ даже нѣтъ подробныхъ жизнеописаній ни многихъ героевъ славной Отечественной войны, напр. Багратіона, Раевскаго, Остермана-Толстаго, Васильчикова и др. и даже самого Кутузова; ни многихъ знаменитыхъ адмираловъ, Чичагова, Ушакова, Сенявина, Лазарева и др., тогда какъ въ Англіи для одного флота существуетъ многотомное сочиненіе: Lives of the British Admirals, бывшее обычнымъ моимъ чтеніемъ въ походѣ кругомъ свѣта, и которое я началъ было переводить по порученію М. П. Лазарева. Все, что мы имѣемъ, это большею частію краткіе некрологи, извлекаемые преимущественно изъ послужныхъ списковъ и помѣщаемые вслѣдъ за извѣстіемъ о смерти значительнаго лица, а затѣмъ теряющіеся въ бросаемыхъ газетахъ и забываемые, да отрывочныя упоминанія въ реляціяхъ и нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, относящихся къ другимъ предметамъ. Правда, появляются иногда нѣкоторыя преданія объ извѣстныхъ лицахъ, но большею частію перешедшія уже черезъ нѣсколько рукъ, а потому затемненныя, а нерѣдко и вполнѣ искаженныя.

Въ числѣ лицъ, о которыхъ весьма мало было говорено въ печати, нельзя также не назвать героя Кульма, гра́фа Александра Ивановича Остермана-Толстаго; а между тѣмъ мужество, стойкость и распорядительность его подъ Кульмомъ, гдѣ ему оторвало руку, и гдѣ онъ спасъ отъ пораженія нашу армію, а Богемію отъ вторженія непріятеля и опустошенія, его заботы о нижнихъ чинахъ, откровенное всегда заявленіе своего мнѣнія, гордое отношеніе къ Аракчееву, предъ которымъ все раболѣпствовало, руководство побѣдами Ибрагима-Паши въ Сиріи и Малой Азіи, предполагавшееся назначеніе его командующимъ арміей на помощь грекамъ, самостоятельное мнѣніе

о Восточномъ вопросѣ и пр. показали, что относительно мужества, военнаго таланта и нравственнаго характера онъ далеко выдавался изъ ряда современныхъ ему государственныхъ дѣятелей.

Безспорно, что Остерманъ имѣлъ много странностей, даже чудачествъ, которыя давали поводъ противникамъ его вредить ему въ общественномъ мнѣніи (а противниковъ онъ имѣлъ много за свои неуклончивые отзывы), но это не должно вести къ непризнанію неоспоримыхъ его достоинствъ. Въ то время не легко было занять видное мѣсто по военной репутаціи среди тѣхъ талантовъ, которыхъ выдвинули войны съ Франціей, съ 1805 по 1814 годъ. Александръ Ивановичъ Толстой получилъ титулъ и майоратъ графа Остермана потому, что бездѣтный, послѣдній графъ Остерманъ, былъ женатъ на Толстой, Варварѣ Васильевнѣ, родной теткѣ моей мачихи, дочери Льва Васильевича Толстаго. Александръ Ивановичъ былъ женатъ на княжнѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ Голицыной, родной сестрѣ Марьи Алексѣевны, супруги графа Петра Александровича Толстаго, бывшаго посломъ во Франціи при Наполеонѣ I.

Я пользовался большимъ расположеніемъ со стороны Остермана, хотя, какъ видно изъ вышеизложеннаго, если онъ и былъ родственникъ моей мачихи, то собственно между мною и имъ никакого родства не было; но графъ не по родству и любилъ меня. Еще въ то время, когда я находился на службѣ въ Морскомъ корпусѣ преподавателемъ высшихъ математическихъ наукъ и астрономіи и вмѣстѣ съ тѣмъ и кадетскимъ офицеромъ, Остерманъ давалъ уже мнѣ многія важныя порученія, и посылалъ для переговоровъ съ важными лицами; а по возвращеніи моемъ изъ похода вокругъ свѣта онъ настоялъ, чтобъ я перешелъ жить въ его домъ, и далъ мнѣ лучшее въ немъ помѣщеніе, а именно комнаты находившейся въ отсутствіи супруги своей и воспитывавшейся у нея графини Ольги Сен-При [1]) (Saint Priest), бывшей потомъ за-мужемъ за княземъ Василіемъ Андреевичемъ Долгорукимъ, военнымъ министромъ и шефомъ жандармовъ.

Окна гостинной и кабинета моего помѣщенія выходили на Англійскую набережную и на Неву; изъ нихъ прямо были видны Румянцевская площадь и первая линія Васильевскаго острова, одна изъ огромнѣйшихъ улицъ Петербурга. Осенью когда зажигались фонари на улицахъ и на стоявшихъ на Невѣ противъ нашихъ оконъ судахъ,— видъ былъ великолѣпный. Въ гостинной и стѣны, и мебель были обиты голубымъ штофомъ, а въ кабинетѣ—зеленымъ. При толщинѣ стѣнъ дома, амбразуры оконъ были очень глубоки, и въ нихъ устроены были диваны. Окна были (что тогда составляло рѣдкость) цѣльныя, зеркальныя, богемскаго стекла (каждое стекло стоило 700 р. асс.), и представляли то удобство, что если изъ комнаты все было такъ отлично видно,

---

[1]) Подарокъ графини Ольги, съ собственноручной ея подписью, сохранился у меня до сихъ поръ: это книги, по которымъ мы вмѣстѣ учились по-англійски у одного и того же учителя.

какъ бы не существовало вовсе стекла, то съ улицы, днемъ, не было ничего видно, что дѣлается въ комнатѣ, потому что зеркальныя стекла отражали внѣшній видъ, закрывавшій собою видъ во внутренность комнаты. Остерманъ былъ всегда такъ деликатенъ, что никогда не входилъ въ занимаемыя мною комнаты, не спросивъ предварительно изъ за портьеры, можно ли войти и не помѣшаетъ ли онъ моимъ занятіямъ? Когда же Остерманъ уѣхалъ въ Ильинское (купленное въ послѣднее время для императрицы) и затѣмъ въ Москву, а я собирался въ отпускъ, то для слѣдующаго года, въ который ожидали возвращенія графини въ Петербургъ, Остерманъ отвелъ мнѣ, Валеріану и Леониду Голицынымъ цѣлый флигель, въ которомъ у насъ гостинная и зала были общія, а кабинеты, спальни, прихожія и входы были у каждаго особые; кромѣ того до самаго моего отъѣзда были въ распоряженіи моемъ столъ и одинъ изъ экипажей.

Остерманъ требовалъ, чтобъ я и въ Москвѣ остановился у него, въ его домѣ, проданномъ потомъ подъ семинарію, а когда я не могъ этого сдѣлать, будучи обязанъ остановиться у родныхъ, то все же долженъ былъ всякій день, хоть не на долго, бывать у него, и онъ самъ возилъ меня знакомить съ нѣкоторыми важными лицами, съ которыми я не былъ еще знакомъ: съ кн. Сергѣемъ Михайловичемъ Голицынымъ (съ Дмитріемъ Владиміровичемъ, главнокомандующимъ въ Москвѣ, я былъ знакомъ еще въ Петербургѣ, по дому Васильчиковыхъ), съ гр. Евгеніемъ Ивановичемъ Марковымъ, бывшимъ посланникомъ въ Парижѣ, Ив. Ив. Дмитріевымъ, извѣстнымъ писателемъ, министромъ юстиціи и др.

Домъ гр. Остермана въ Петербургѣ, на Англійской набережной, былъ отдѣланъ едва ли не великолѣпнѣе тогда всѣхъ зданій столицы. Отдѣлка одной „бѣлой“ залы стоила 46,000 рублей. Надо сказать, что Остерманъ въ императорѣ Александрѣ I чтилъ не только государя, но и полководца, и что бѣлая зала, гдѣ стояла статуя императора, была скорѣе похожа на храмъ, чѣмъ на комнату. Она была въ два свѣта, занимая по высотѣ второй и третій этажи, и сами по себѣ очень высокіе, и выходила окнами также на Англійскую набережную на Неву. Въ глухихъ боковыхъ стѣнахъ, съ одной стороны въ нишѣ стояла статуя во весь ростъ (работы Кановы) императора Александра I, предъ которою ставились двѣ курильницы въ видѣ большихъ вазъ. Въ четырехъ углахъ залы стояли на высокихъ пьедесталахъ бюсты Петра I (какъ полководца), Румянцева, Суворова и Кутузова. Стѣны были отдѣланы подъ бѣлый мраморъ съ золотою арматурою; полъ былъ ясеневый, съ огромнымъ лавровымъ вѣнкомъ; зала освѣщалась большими люстрами. На сторонѣ, противоположной статуѣ императора, помѣщались хоры для музыки и пѣвчихъ, и огромный каминъ. Хоры закрыты были двумя транспарантными картинами, изображавшими два главные, рѣшительные момента войнъ Россіи съ Наполеономъ: Лейпцигское сраженіе и входъ союзниковъ въ Парижъ.

На огромной мраморной плитѣ у камина стояли: фарфоровая ваза, севрской мануфактуры, съ изображеніемъ Кульмскаго сраженія, подаренная Остерману императоромъ Александромъ, и золотой кубокъ, осыпанный дорогими каменьями, поднесенный побѣдителю при Кульмѣ богемскими и венгерскими (имѣвшими владѣнія въ Богеміи) магнатами, имѣнія которыхъ были спасены отъ разграбленія побѣдою при Кульмѣ. (Эти же самые магнаты присылали потомъ графу ежегодно лучшій рейнвейнъ и венгерскія вина). Мраморную плиту поддерживали двѣ статуи (съ портретными лицами), изображавшія тѣхъ двухъ гренадеровъ Павловскаго полка, которые поддержали и унесли изъ боя Остермана, когда ему оторвало руку. Они получали отъ него пенсію.

Постройка и отдѣлка бальной залы, въ которой Остерманъ давалъ для обновленія залы балъ въ честь вел. кн. Елены Павловны, стоила 200 тыс. руб. асс. Всѣ другія комнаты отдѣланы были также великолѣпно, а иныя и своеобразно; такъ въ одной комнатѣ стѣны были обложены распиленными бревнами, что давало ей видъ русской избы. Въ одной изъ комнатъ стояла, работы Кановы же, статуя супруги графа, въ сидячемъ положеніи, а въ другой, того же художника, надгробный памятникъ Остерману, самимъ имъ себѣ заготовленный, на которомъ онъ изображенъ лежащимъ, опираясь рукою на барабанъ, какъ и происходило это при операціи; возлѣ лежала оторванная рука, а въ барабанъ были вдѣланы часы, на которыхъ стрѣлки означали время полученія тяжелой раны, и была надпись латинская: Vidit horam; nescit horam! (Видитъ часъ, но не знаетъ часъ, т. е. того часа, въ который человѣка постигнетъ извѣстная участь [1]).

У Остермана обѣдъ былъ всегда въ три часа, и въ будніе дни обыкновенно на 30 человѣкъ; съ ударомъ трехъ часовъ подъѣздъ запирался, и уже не принимали никого, кто бы ни пріѣхалъ. Въ воскресенье столъ былъ на 60 человѣкъ, съ музыкой и пѣвчими, которые были свои; обѣдали не только въ полной формѣ, но и шляпы должны были держать на колѣняхъ. Ежедневно обѣдалъ храбрый артиллерійскій генералъ Костенецкій, защищавшій, какъ извѣстно, противъ непріятеля свою баттарею банниками, и подававшій проэктъ, чтобъ банники были желѣзные, а то деревянныхъ онъ много переломалъ на французахъ. За Костенецкимъ всегда посылали экипажъ, но онъ отклонялъ его, и приходилъ пѣшкомъ, какая бы ни была погода, а всетаки на другой день опять посылался къ нему экипажъ.

Послѣ обѣда большая часть гостей приходили обыкновенно ко мнѣ въ комнату покурить и поболтать; но нерѣдко игралъ кто нибудь на фортепіано и пѣлъ (чаще всѣхъ пѣлъ французскія шансонетки Ив. Мат. Толстой); если же бывали дамы, то и танцовали; особенно охот-

[1]) Помѣщенное нѣкогда въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ описаніе Лажечниковымъ дома Остермана, не во всѣхъ отношеніяхъ вѣрно, что я и замѣтилъ ему при нашемъ свиданіи въ Москвѣ.

никъ былъ затѣвать послѣобѣденные танцы датскій посланникъ Блюмъ, бывавшій у насъ весьма часто. Если бывали дамы, да и вообще почти всегда, хозяйничали въ отсутствіи графини и принимали дамъ, или Софья Петровна Апраксина, урожденная графиня Толстая, родная племянница графини Остерманъ по матери, или маркиза Вильруа, пріѣзжавшая всегда съ воспитывавшеюся у ней дѣвицей Аничковой, братъ которой, генералъ Аничковъ, бывшій адъютантъ Паскевича, долго проживалъ впослѣдствіи въ Читѣ, что обновило въ памяти моей многія воспоминанія давней эпохи. Нерѣдко бывалъ у насъ кн. Александръ Николаевичъ Салтыковъ съ двумя дочерьми, на одной изъ которыхъ (вышедшей впослѣдствіи кажется за графа Потоцкаго), Остерманъ имѣлъ въ виду женить наслѣдника своего титула и майората, Валеріана Голицына, дѣйствительно ихъ и получившаго для сына своего, не смотря на ссылку свою въ Сибирь въ промежутокъ. Часто бывалъ и голландскій посланникъ Бюсси, большой охотникъ удить рыбу; Остерманъ очень любилъ его, и на одной изъ половинокъ дверей кабинета Остермана нарисованъ былъ карандашомъ Бюсси, занимающійся его любимымъ занятіемъ.

Остерманъ очень любилъ общество молодежи; его обычный кругъ составляли кромѣ меня, Голицыны, Валеріанъ и Леонидъ (старшій ихъ братъ, Александръ, бывалъ рѣже), Иванъ Матвѣевичъ Толстой, очень дружный со мною, никогда незабывавшій, когда даже былъ главноуправляющимъ уже почтовою частію, посылать мнѣ поклоны и въ Сибирь, при всякомъ удобномъ случаѣ; часто Опочининъ и Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ (поэтъ, когда пріѣзжалъ изъ Мюнхена); весьма часто гр. Алексѣй Петровичъ Толстой, также очень дружный со мною. Присутствіемъ своимъ Остерманъ никогда не стѣснялъ оживленныхъ разговоровъ молодыхъ людей, и не воспрещалъ толковать о высшихъ и политическихъ дѣлахъ. Одному высокому сановнику, любившему проводить время съ актрисами, за кулисами въ театрѣ, Остерманъ на вопросъ его, отчего это нынѣ прапорщики пустились заниматься государственными дѣлами, очень рѣзко отвѣчалъ: „понятно отчего! отъ того, что государственные люди не занимаются государственными дѣлами, а занимаются дѣлами приличными только прапорщикамъ“.

Остерманъ имѣлъ постоянно въ театрѣ ложу и кресло, но, на сколько помню, самъ въ театрѣ въ Петербургѣ не бывалъ, а предоставлялъ ложу дамамъ, а кресла намъ, молодымъ людямъ, жившимъ въ его домѣ; сверхъ того, въ моемъ спеціальномъ распоряженіи были библіотека, выписка и полученіе книгъ, журналовъ и газетъ, получавшихся графомъ безъ цензуры.

Остерманъ имѣлъ обычное для того времени свѣтское образованіе, но былъ мало ученъ, и сознавая это, всегда серьезно старался, не смотря на лѣта и званіе свое, научиться всему, чему можно было еще.—„Я, cher Dmitry, говаривалъ онъ мнѣ часто, простой солдатъ,

и мало имѣлъ времени учиться, но всегда желалъ много и серьезно учиться. Ты меня учи, пожалуйста, и если въ разговорахъ моихъ замѣтишь или въ фактахъ, или въ сужденіяхъ явныя ошибки, то не церемонься со мною, прошу тебя, а прямо останавливай и поправляй. Я не стыжусь невольнаго незнанія, но не хочу быть вольнымъ невѣждой. „Онъ желалъ у меня учиться даже астрономіи и географіи (въ новомъ ея видѣ), и для этого купилъ въ англійскомъ магазинѣ два большіе, дорого стоющіе глобуса. Случалось, что онъ приглашалъ молодыхъ литераторовъ читать у него ненапечатанныя еще ихъ произведенія.

Въ очень позднихъ уже лѣтахъ Остерманъ, по одному обстоятельству, о которомъ разскажу ниже, началъ заниматься Греческимъ языкомъ, и достигъ замѣчательнаго успѣха. Онъ очень внимательно слѣдилъ за европейскою политикой и не жаловалъ Австрію. Въ числѣ частыхъ посѣтителей у насъ былъ князь Шварценбергъ, кажется тотъ, что былъ впослѣдствіи первымъ министромъ Австріи, объявившій, что онъ удивитъ міръ неблагодарностію къ Россіи (послѣ Венгерской кампаніи), а тогда извѣстный пока въ Петербургскомъ обществѣ тѣмъ, что ввелъ въ танцы галопъ, а еще больше дерзкимъ обращеніемъ съ дамами и заносчивостію. Графиня почему-то любила Шварценберга, но графъ очень его не долюбливалъ, и очень всегда радовался, когда его молодые люди схватывались бывало въ его присутствіи съ Шварценбергомъ и нападали на Австрію, а тотъ разумѣется защищалъ ее, и доказывалъ, что русскіе ничего не разумѣютъ въ высшей политикѣ и должны руководиться Австріею, которая одна будто бы спасла не только Европу, но и Россію, такъ какъ послѣдняя неминуемо погибла бы въ 1812 году, если бы Австрія втайнѣ не противодѣйствовала Наполеону. Разумѣется мы хохотали надъ этимъ, Шварценбергъ бѣсился, но Остерманъ всегда держалъ нашу сторону. Онъ былъ въ очень дружескихъ сношеніяхъ съ бывшимъ нашимъ посланникомъ въ Константинополѣ Рибопьеромъ и хорошо зналъ ходъ политики по Восточному вопросу, желалъ полной независимости Греціи и Египта, и присоединенія Молдавіи и Валахіи [1]), по крайней мѣрѣ первой, къ Россіи (вопреки Австріи, всегда тому мѣшавшей), и не понималъ и не признавалъ ни вассальныхъ владѣній, ни протектората.

Имѣя огромный майоратъ (въ томъ числѣ превосходное подмосковное имѣніе Ильинское и великолѣпные дома въ Петербургѣ и Москвѣ), огромное движимое имущество, въ золотыхъ и серебряныхъ издѣліяхъ, въ драгоцѣнныхъ камняхъ, рѣдкомъ фарфорѣ и проч., Остерманъ былъ разумѣется очень богатъ, но дѣлая много для Павловскаго полка (особенно много было у него на пенсіи вдовъ и си-

---

[1]) Онъ не признавалъ особой національности румынъ, говорилъ, что она искусственная; впрочемъ она тогда не имѣла литературы; языкъ образованныхъ былъ греческій.

ротъ), онъ въ то же время требовалъ, чтобъ изъ полка присылались ему на денщиковъ, и обмундировка, и даже провіантъ, на что указывали какъ на причуду. Людей содержалъ онъ очень хорошо, и какъ начальникъ, какъ корпусный командиръ, особенно заботился о нижнихъ чинахъ, а на войнѣ не входилъ, говорили, никогда въ свою палатку или другое помѣщеніе, прежде чѣмъ удостовѣрится, что солдаты накормлены и устроены на столько спокойно, на сколько то позволяли обстоятельства.

Къ числу причудъ его или странностей относилось еще и то, что у него въ обѣденной залѣ находились живые орлы и выдрессированные медвѣди, стоявшіе во время стола съ алебардами. Разсердившись однажды на чиновничество и дворянство одной губерніи, онъ одѣлъ медвѣдей въ мундиры той губерніи.

Въ жизни Остерманъ былъ очень простъ и воздержанъ; зимой ѣздилъ всегда въ открытыхъ пошевняхъ, лѣтомъ въ коляскѣ, закрытыхъ экипажей не любилъ.

Остерманъ пользовался большимъ уваженіемъ государи и вдовствующей императрицы, которая при прогулкахъ ея внучатъ, приказывала нерѣдко заводить ихъ къ Остерману: особенно часто приводили великую княжну Марію Николаевну, которая, не видя у Остермана одной руки, все доискивалась, куда онъ спряталъ ее. Остерманъ между высшими лицами держалъ себя всегда самостоятельно и не любилъ шарлатановъ, какой бы высокій постъ они ни занимали. Онъ не любилъ и выскочекъ, и не принималъ ихъ у себя, хотя по характеру вовсе не имѣлъ аристократической надменности.

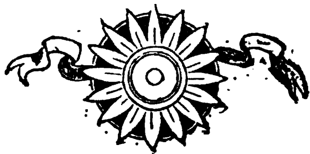
Графиня была женщина постоянно больная, и въ послѣднее время страдала продолжительною водяною болѣзнію. Бракъ былъ бездѣтенъ, но говорили, что за границею Остерманъ имѣлъ связь съ какою-то италіанкою, отъ которой имѣлъ будто бы дѣтей. Но все это онъ тщательно скрывалъ не только отъ графини, чтобъ не оскорбить ее, но и отъ всѣхъ насъ, исключая Ѳ. И. Тютчева, котораго онъ употреблялъ, какъ думали, для сношеній съ итальянкой. Говорили (что я узналъ уже впослѣдствіи), что послѣ 1825 года, пріѣхавши съ этою италіанкою въ Парижъ, когда и графиня была тамъ, онъ жилъ въ Парижѣ подъ чужимъ именемъ и не показывался графинѣ, а писалъ ей письма будто бы изъ Италіи. Впрочемъ, все это доходило до меня въ Сибирь только ужъ по слухамъ.

Выше было сказано, что Остерманъ въ позднихъ лѣтахъ началъ учиться по гречески. Поводомъ къ этому было то обстоятельство, что было основаніе предполагать, что въ случаѣ если Россія рѣшится оказать дѣятельное пособіе грекамъ, Остерманъ получитъ главное начальство надъ предназначеннымъ къ тому войскомъ. Онъ взялъ себѣ адъютанта изъ грековъ и сталъ приглашать къ себѣ извѣстныхъ фанаріотовъ. А какъ онъ объявилъ, что въ случаѣ если предпріятіе состоится, онъ намѣренъ непремѣнно взять меня съ собою, то началъ

и я учиться по ново-гречески, и у меня до сихъ поръ сохранились лексиконы и грамматики этого языка, употреблявшіеся въ то время. Посѣщавшіе графа греки всѣ бывало заходили и ко мнѣ на половину; главнымъ учителемъ моимъ по ново-гречески былъ Мано, бывшій впослѣдствіи министромъ кажется въ Молдавіи или Валахіи; другіе нерѣдко занимались со мною чтѣніемъ классиковъ древняго Греческаго языка. Я еще и теперь помню наизусть такъ называемую „Военную пѣснь грековъ“ соч. Ригаса, которую распѣвали тогда всѣ петербургскіе греки. Остерманъ приходилъ поутру въ мою комнату и мы съ часъ занимались ново-греческимъ языкомъ, грамматически и письменно, а за обѣдомъ и послѣ обѣда упражнялись въ разговорахъ съ греками, если кто бывалъ приглашенъ къ обѣду, причемъ разумѣется не обходилось безъ смѣху, но всетаки дѣло мало-по-малу подвигалось. Не знаю, занимался ли Остерманъ Греческимъ языкомъ послѣ меня, тѣмъ болѣе, что предположенія о его назначеніи измѣнились, но по имѣвшимся у меня позднѣйшимъ свѣдѣніямъ знаніе этого языка оказалось ему полезнымъ во время странствованія его въ Палестинѣ и пребыванія въ главной квартирѣ Ибрагима-паши, котораго онъ именно, по общему убѣжденію, и руководилъ въ побѣдахъ его надъ султанскими полководцами.

Остерманъ былъ очень огорченъ участью, постигшею его племянниковъ и меня. Для старшаго племянника; Александра Голицына, онъ испросилъ прощеніе, но для Валеріана не могъ того добиться, что и было кажется причиною неудовольствія, вслѣдствіе котораго онъ удалился за границу и не возвращался болѣе, а проживалъ въ Швейцаріи, Франціи и Италіи, и странствовалъ въ Сиріи и Малой Азіи. Не смотря однако же на это отсутствіе, онъ получилъ (кажется при открытіи Бородинскаго памятника) орденъ Андрея Первозваннаго, въ память заслугъ въ Отечественную войну и побѣды подъ Кульмомъ; орденъ же Георгія 2-й степени онъ имѣлъ уже за эту самую побѣду.

Дмитрій Завалишинъ.

ВОЕННО-УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

Вышедшая къ юбилею двадцатипятилѣтняго царствованія государя императора Александра Николаевича книга генералъ-маіора Лалаева; „Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній отъ основанія въ Россіи военныхъ школъ до исхода перваго 25-лѣтія царствованія Государя Императора“ представляетъ довольно богатый и разнообразный историческій матеріалъ, которымъ мы и пользуемся при составленіи настоящей статьи, предлагаемой вниманію читателей „Историческаго Вѣстника“.

Всякая исторія какихъ бы то ни было учебныхъ заведеній, какъ все, что имѣетъ прямое отношеніе къ жизни извѣстнаго общества и есть непосредственное отраженіе степени духовнаго роста этого общества, въ высшей степени интересна и поучительна для мыслящаго человѣка, а тѣмъ болѣе для лицъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ дѣлу обученія и воспитанія юношества.

Совершенно понятно, что корень всѣхъ знаменательныхъ явленій русской умственной жизни лежитъ въ великихъ преобразованіяхъ Петра, слѣдовательно и по отношенію къ исторіи военно-учебныхъ заведеній приходится начать рѣчь съ дѣятельности этого вѣчно-живаго въ исторіи Русской земли государя.

Петръ I можно назвать однимъ изъ величайшихъ реалистовъ всѣхъ вѣковъ; онъ прежде всего былъ человѣкъ дѣла и врагъ всѣхъ отвлеченныхъ теорій: корабли, верфи, топоръ, лопата, пила, ланцетъ, ткацкій станокъ, хорошій скотъ и тому подобные предметы, составляли его постоянную заботу. Такимъ же реалистомъ является онъ и въ своихъ педагогическихъ стремленіяхъ: общеобразовательныя цѣли у Петра уступаютъ мѣсто утилитарнымъ требованіямъ государственной

службы. Ученые, толковые работники ему были нужны на всякомъ шагу. Никакія важныя государственныя дѣла не заставляли его забывать самыхъ ничтожныхъ мелочей обыденной домашней жизни: въ день подписанія Ништадтскаго мира онъ подписываетъ указъ о томъ, чтобы его подданные не дѣлали сапоговъ съ большими гвоздями, которые портятъ полы.

Повторяемъ, что сквозь эту призму пользы онъ взглянулъ и на учебныя заведенія. Какъ будто бы великій государь сознавалъ, что жизнь человѣческая коротка, что ему не дождаться плодовъ своей дѣятельности, если идти въ преобразованіяхъ путемъ инымъ, напримѣръ, путемъ постепеннаго преобразованія всей народной массы.

Вотъ почему онъ полуграмотныхъ юношей запираетъ въ школы медицинскія, морскія, горныя, инженерныя и др. Съ тою же цѣлью, чтобы приготовить годныхъ для военной службы людей, создаются Петромъ и военныя школы. Молодые русскіе люди учатся по его приказу за границей разнымъ реальнымъ наукамъ, чтобы служить, по возвращеніи въ отечество, утилитарнымъ цѣлямъ Русскаго общества, двинутаго великимъ государемъ-реалистомъ по пути осмысленной практической дѣятельности.

„Ученіе доброе и основательное есть всякой пользы аки корень, сѣмя и основаніе", говоритъ Петръ, понимая прежде всего подъ ученіемъ знанія реальныя, непосредственно приложимыя къ дѣлу.

Въ 1697 г., отправляясь въ первое путешествіе по Европѣ, царь взялъ съ собой лучшихъ бомбардировъ Преображенскаго полка, изъ которыхъ и образовалъ впослѣдствіи преподавателей нашей первой военной школы, учрежденной при бомбардирской ротѣ, гдѣ обучали начальной математикѣ, фортификаціи, артиллеріи.

Въ январѣ 1701 г. учреждена была въ Москвѣ школа математическихъ и навигацкихъ наукъ, „которыя, по словамъ царя, нужны не токмо къ морскому ходу, но артиллеріи и инженерству".

Въ числѣ преподавателей этой школы встрѣчаемъ и извѣстнаго Магницкаго, издавшаго первую русскую ариѳметику, съ арабскими цифрами. Учебный курсъ школы состоялъ изъ русской грамоты, ариѳметики, геометріи, тригонометріи, съ практическими приложеніями къ геодезіи и мореплаванію. Кромѣ того, здѣсь обучали рапирной наукѣ. Тѣ изъ учениковъ, которые принадлежали къ низшимъ сословіямъ, обучались въ школѣ только грамотѣ и счету и затѣмъ назначались на службу въ писаря, архитекторскіе помощники и къ разнымъ должностямъ въ адмиралтейства; ученики же изъ дворянъ, по окончаніи полнаго курса школы, выпускались во флотъ, въ инженеры, въ артиллерію. Это же заведеніе приготовляло и начальныхъ учителей, которые разсылались отсюда по губерніямъ, для преподаванія математики въ школахъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, въ адмиралтейскихъ и цифирныхъ школахъ. Но съ учрежденіемъ въ 1715 г. морской академіи въ С.-Петербургѣ морская школа матема-

тическихъ и навигацкихъ наукъ потеряла уже значеніе самостоятельнаго заведенія и обратилась лишь въ приготовительное для той академіи.

Въ 1712 г. въ Москвѣ находимъ инженерную школу; затѣмъ является и артиллерійская.

Вслѣдъ за школами начинаютъ появляться и печатныя руководства для нихъ.

При Петрѣ же учреждаются гарнизонныя школы для солдатскихъ дѣтей, образованіе которыхъ безъ сомнѣнія составляло для великаго государя дѣло большой важности, хотя это образованіе не шло далѣе самаго начальнаго. Указомъ 1721 г. въ каждомъ изъ 50 пѣхотныхъ гарнизонныхъ полковъ положено было имѣть по 50 вакансій собственно для солдатскихъ сыновей, отъ 7—15-лѣтняго возраста. Большинство учениковъ, по достиженіи 16 лѣтъ, опредѣлялось на службу въ армейскіе полки и гарнизоны; неуспѣшные же назначались въ матросы и деньщики.

Сѣмена, брошенныя рукой великаго реформатора Русской земли на пользу военнаго дѣла, если не совершенно заглохли послѣ его смерти, то во всякомъ случаѣ дали не особенно богатые плоды, ибо военныя школы по кончинѣ государя стали приходить въ упадокъ: учебные курсы въ старыхъ школахъ не развивались къ лучшему, а во вновь учрежденныхъ ограничивались самыми элементарными познаніями.

Только нѣчто болѣе цѣлое и болѣе значительное въ своемъ устройствѣ представляетъ Сухопутный кадетскій корпусъ, мысль объ учрежденіи котораго принадлежитъ сподвижнику Петра I-го, Ягужинскому, познакомившемуся въ Берлинѣ съ тамошнимъ кадетскимъ корпусомъ. Императрица поручила обсудить проэктъ Ягужинскаго президенту военной коллегіи графу Миниху, по докладу котораго и состоялся высочайшій указъ объ учрежденіи кадетскаго корпуса, данный Сенату въ 29 день іюля 1731 г. „Хотя“, сказано въ указѣ, „вѣчнодостойной памяти дядя нашъ, государь Петръ Великій, императоръ, неусыпными своими трудами воинское дѣло въ такое уже совершенство привелъ, что оружіе россійское дѣйствія свои всему свѣту храбростью и искусствомъ показало... и воинское дѣло нынѣ еще въ настоящемъ добромъ порядкѣ содержится; однакожъ, чтобы такое славное и государству зѣло потребное дѣло наивящше въ искусствѣ производилось, весьма нужно, дабы шляхетство отъ молодыхъ лѣтъ тому въ теоріи обучены, а потомъ и въ практику годны были; того ради указали мы учредить корпусъ кадетовъ, состоящій изъ 200 человѣкъ шляхетскихъ (дворянскихъ) дѣтей отъ 13—18 лѣтъ“.

Изъ этого указа мы видимъ, что правительство желало, „чтобы такое славное и государству зѣло потребное дѣло наивящше въ искусство производилось“, т. е. сдѣлалось бы еще лучшимъ. Но мы не видимъ, въ чемъ должны были заключаться эти лучшіе успѣхи, какъ

будто бы правительство и само не могло дать себѣ яснаго отчета въ своемъ стремленіи улучшить школьное дѣло въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Всѣхъ кадетовъ положено обучать въ корпусѣ математикѣ, рисованію, артиллеріи, фортификаціи, фехтованію, верховой ѣздѣ и прочимъ къ военному искусству потребнымъ наукамъ. „А понеже", далѣе говорится въ указѣ, „не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна, такъ же и въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе: того ради имѣть при этомъ учителей иностранныхъ языковъ, исторіи, географіи, юриспруденціи, танцованія, музыки и прочихъ полезныхъ наукъ, дабы, видя природную склонность, по тому-бъ и къ ученію опредѣлять".

Изъ этихъ словъ указа мы можемъ вывести заключеніе, что сами руководители дѣломъ образованія не имѣли яснаго понятія о значеніи общаго и спеціальнаго образованія; не имѣли яснаго представленія объ общемъ образованіи, какъ основаніи, на которомъ строится всякое спеціальное знаніе, хотя изъ словъ того же указа мы узнаемъ, что общество того времени давало значеніе склонностямъ ребенка или, по крайней мѣрѣ, мысль объ этомъ не была совершенно чужда руководителямъ въ дѣлѣ образованія. Только въ началѣ 19 столѣтія, какъ говоритъ исторія педагогики, болѣе ясно и сознательно выработалась идея объ огромномъ воспитательномъ значеніи общаго образованія. Понятное и простое въ данное время требуетъ долгихъ размышленій, долгаго роста въ свое время. Законъ медленнаго развитія человѣческой мысли неизбѣженъ и непреложенъ и черезъ двѣ ступени человѣчество въ своемъ умственномъ прогрессѣ не перескакиваетъ.

Въ корпусѣ былъ устроенъ интернатъ, „дабы они (кадеты), какъ сказано въ указѣ, тамъ меньше гуляньемъ и непристойными обхожденіями и забавами напрасно время не тратили; но во всемъ, какъ въ ученіи, такъ и въ прочемъ ихъ состояніи и поведеніи, надъ ними непремѣнное имѣлось надзираніе".

Классы раздѣлялись на двѣ роты сотеннаго состава. Въ корпусъ принимались исключительно дворяне, уже обучившіеся грамотѣ. Въ числѣ предметовъ обученія встрѣчаемъ и Латинскій языкъ (впрочемъ только для желающихъ), равнымъ образомъ риторику, мораль и геральдику.

Тѣмъ изъ выпускныхъ воспитанниковъ, которые желали получить высшее образованіе, предоставлялось право на дальнѣйшее обученіе въ Академіи наукъ.

Корпусъ помѣщался въ С.-Петербургѣ (гдѣ нынѣ 1-е Павловское училище) какъ потому, что столица сосредоточивала въ себѣ наиболѣе образовательныхъ средствъ, такъ и вслѣдствіе особыхъ воспитательныхъ соображеній. Въ проэктѣ устава графа Миниха высказана та мысль, что „молодымъ людямъ, для наилучшаго ихъ ученія, по-

лезнѣе бываетъ въ такихъ краяхъ быть, гдѣ бы родства и деревень или жительства ихъ въ близости не имѣли".

Мы знаемъ, что эта мысль создать новую породу людей настойчиво проводилась у насъ Бецкимъ, который усвоилъ ее изъ школы нѣмецкихъ педагоговъ-филантропистовъ. Опытъ доказалъ всю искусственность подобнаго педагогическаго взгляда и все зло, вытекавшее изъ строго изолированнаго положенія учебныхъ заведеній, оградившихся, для образованія новой породы людей, каменной стѣной отъ жизни.

Надзиратели обязаны были имѣть надъ кадетами „радѣтельное смотрѣніе, дабы они во всѣхъ своихъ поведеніяхъ, то еже добродѣяніе, учтивость, пристойная покорность и честь повелѣваетъ, всегда чинили, а лжи и невѣрности и прочіе шляхетству непристойные пороки заранѣе у нихъ весьма искоренены были".

Въ такихъ указаніяхъ, данныхъ воспитателямъ кадетъ, нельзя не видѣть перваго ясно поставленнаго, хотя и въ зародышѣ, здраваго педагогическаго взгляда на дѣло воспитанія. Наименованіе „сухопутный" корпусъ получилъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, для отличія отъ морскаго.

Въ царствованіе этой императрицы выступаетъ изъ ряда, по отношенію къ военному образованію, дѣятельность графа П. И. Шувалова, первой заботой котораго по ввѣренному ему управленію было возможное улучшеніе устройства, а затѣмъ совершенное преобразованіе артиллерійской и инженерной школы.

Шуваловъ, о которомъ выражались современники, что „онъ человѣкъ замысловъ великихъ и предпріимчивый", проводилъ мысль, что артиллерія и инженерный корпусъ, на наукѣ будучи основаны, должны быть снабжены весьма научеными офицерами, между тѣмъ хотя школы „въ обоихъ сихъ корпусахъ и есть, токмо они отъ неимѣнія знающихъ учителей и отъ весьма ограниченнаго своего учрежденія, такъ недостаточны, что сказать можно: надежда не есть желаніе достигнуть: слѣдственно на ономъ основаніи людей просвѣщенныхъ и искусныхъ въ ремеслахъ получить нельзя".

Руководясь такимъ взглядомъ на дѣло, онъ, въ видахъ сосредоточенія научныхъ силъ въ одномъ мѣстѣ, соединилъ школы инженерную и артиллерійскую и принялъ ихъ подъ свое особенное завѣдываніе.

Число всѣхъ учениковъ изъ дворянъ въ этомъ соединенномъ заведеніи простиралось до 135; обучавшіяся же въ артиллерійской школѣ солдатскія дѣти образовали солдатскую школу, которая и составляла особое отдѣленіе артиллерійской и инженерной дворянской школы.

Во внутреннемъ устройствѣ этого послѣдняго заведенія были произведены улучшенія: усилены практическія учебныя занятія, введено преподаваніе Нѣмецкаго языка, положено начало библіотекѣ, музею. Графъ Шуваловъ обратилъ также вниманіе на улучшеніе способовъ

преподаванія въ школѣ наукъ военныхъ и математики, которая, по его выраженію, „есть основаніе всѣмъ наукамъ въ свѣтѣ".

Относительно внутренней жизни военно-учебныхъ заведеній въ періодъ времени отъ ихъ основанія до 1756 г., мы, пользуясь интересными данными, собранными г. Лалаевымъ, можемъ передать слѣдующее: за неисполнительность и проступки учениковъ подвергали суду и наказаніямъ наравнѣ съ нижними воинскими чинами.

Въ сохранившихся школьныхъ дѣлахъ представляются и такіе случаи, гдѣ школьники, проживавшіе на частныхъ квартирахъ, судились за буйства и разбои на улицахъ и за укрывательство у себя бѣглыхъ крѣпостныхъ людей, какъ равно и такіе приговоры военнаго суда, которыми опредѣлялось, напримѣръ: прогнавъ шпицрутенами чрезъ полки 6 разъ, записать въ инженерные ученики до выслуги, или бить розгами. Бывали даже случаи, что малолѣтніе ученики за частые побѣги наказывались розгами, плетьми, кошками и заковывались въ кандалы.

Школьникамъ инженерной школы было объяснено, чтобы никто изъ нихъ безъ указа конторы отнюдь не женился, подъ штрафомъ бытія трехъ годовъ въ каторжной работѣ.

Что касается дѣла обученія въ школахъ, то оно велось обычнымъ для того времени порядкомъ: вытвердивъ букварь, ученики приступали къ часослову, а затѣмъ принимались за псалтирь. Письменная наука ограничивалась списываніемъ буквъ и цифръ, потомъ обучали рисованію; послѣ чего ученики переходили къ наукамъ математическимъ и до инженерства и артиллеріи принадлежащимъ.

Къ главнѣйшей причинѣ малыхъ успѣховъ учениковъ конечно слѣдуетъ отнести недостатокъ въ хорошихъ преподавателяхъ. Достаточно вспомнить отзывъ извѣстнаго маіора Данилова, бывшаго ученикомъ въ Московской артиллерійской школѣ, объ одномъ изъ ея учителей: „это былъ, — говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, человѣкъ пьяный и вздорный, по третьему смертоубійству сидѣлъ подъ арестомъ и взятъ обучать школу: вотъ каковъ характеръ штыкъ-юнкера Алабушева, а потому можно знать, сколь великій былъ тогда недостатокъ въ ученыхъ людяхъ при артиллеріи".

Свѣжая, болѣе плодотворная для будущаго закваска дѣлу военнаго образованія была положена императрицей Екатериной II, для которой педагогическіе вопросы, какъ всѣ вопросы жизни, имѣли огромное значеніе.

Она заботится создать въ молодомъ поколѣніи не одну шляхетскую честь, а стремится сдѣлать юношей достойными, въ глубокомъ нравственномъ смыслѣ, уваженія людьми.

На Руси, съ легкой руки Петра, худы ли, хороши ли, но были люди дѣла, работники. Екатерина хотѣла видѣть и людей въ высокомъ нравственномъ смыслѣ; хотѣла видѣть новыхъ людей, но ошиблась въ томъ отношеніи, что люди нравственные, честные соз-

даются не столько школой, сколько условіями жизни, которыя, какъ извѣстно, измѣняются не днями, не часами, а десятками лѣтъ.

Всѣ воспитанники Сухопутнаго кадетскаго корпуса были раздѣлены при ней на 3 возраста: старшій отъ 17, средній отъ 14—17, младшій до 14. Два первые составили четыре строевыя роты, каждая подъ управленіемъ капитана и двухъ субалтернъ-офицеровъ, которые „для всегдашняго надъ кадетами денно и нощно присмотра, должны жить и столъ имѣть съ ними вмѣстѣ".

„Всякія тѣлесныя наказанія кадетовъ, говорится въ указѣ, нынѣ же отрѣшить".

Въ новомъ уставѣ Сухопутнаго корпуса такъ много здравыхъ, гуманныхъ педагогическихъ положеній, вполнѣ характеризующихъ взгляды императрицы на дѣло воспитанія, что намъ остается только сожалѣть о невозможности привести ихъ въ цѣломъ составѣ, ибо объемъ нашей статьи не позволяетъ выходить изъ извѣстныхъ предѣловъ. Укажемъ лишь на существенныя положенія устава: „воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ имѣетъ цѣлью, говоритъ уставъ: а) сдѣлать человѣка здоровымъ и способнымъ сносить воинскіе труды и б) укрѣпить сердце и разумъ дѣлами и науками, потребными гражданскому судьѣ и воину".

„Успѣхъ воспитательнаго заведенія, читаемъ далѣе, зависитъ преимущественно отъ удачнаго выбора начальствующихъ, одаренныхъ здоровымъ разумомъ и благонравіемъ, а не заразившихся надутымъ видомъ и угрюмостью, такъ какъ педантство есть сущая пагуба воспитанію и примѣръ есть дѣйствительнѣе всѣхъ наставленій. Безъ хорошихъ воспитателей тщетны всѣ предписанія".

Здѣсь прямо и въ высшей степени вѣрно высказывается, что только дѣтски-доброе сердце воспитателя нужно для дѣла воспитанія. Да въ этомъ пожалуй и вся педагогика. Какъ вѣрно сухіе, черствые воспитатели, которыхъ, кстати замѣтимъ, такъ не мало среди нѣмцевъ и на которыхъ императрица вѣроятно наглядѣлась въ Германіи, названы ею педантами. Живая, въ высшей степени впечатлительная природа императрицы всего менѣе могла и въ дѣтствѣ подчиняться мертвящему вліянію педантовъ, способныхъ убить въ ребенкѣ въ самомъ зародышѣ всѣ живые, естественные побѣги.

Мы уже говорили о стремленіи воспитателей разсматриваемаго нами времени создать новую породу людей. И въ настоящемъ уставѣ встрѣчаемъ требованіе, высказанное въ одномъ изъ пунктовъ,— „новымъ воспитаніемъ новое бытіе даровать и новый родъ подданныхъ произвести".

Для императрицы Екатерины, какъ истиннаго педагога, въ дѣлѣ воспитанія не существовало мелочей, что, къ сожалѣнію, до сей поры остается непонятнымъ для многихъ воспитателей и родителей.

Уставъ между прочимъ говоритъ, что лишняго золота и серебра на мундирахъ имѣть не для чего.

Наблюденія надъ дѣтьми маленькими и большими, прибавимъ мы съ своей стороны, ясно доказываютъ всю справедливость упомянутаго замѣчанія устава и ясно подтверждаютъ, что всякая роскошь, блескъ вліяютъ на людей несравненно болѣе, чѣмъ обыкновенно привыкли думать.

Внутренній порядокъ въ заведеніи долженъ отвращать кадетъ отъ праздности, „пріучить ихъ самихъ къ уходу за собою (справляться безъ служителей) и отнюдь не производить въ юношахъ вредительныхъ воображеній страха, которыя трудно истребить, когда единожды вкоренятся; игры же и гулянье должны служить кадетамъ въ пользу и во увеселеніе, съ предоставленіемъ имъ благопристойной вольности выбирать оныя по своимъ лѣтамъ, такъ чтобы самыя забавы не казались имъ должностью“.

Въ этихъ словахъ цѣлый разумный курсъ педагогики. Сколько истины въ словахъ, что трудно искоренить вредительныя вооображенія страха, когда единожды вкоренятся! Чѣмъ инымъ объяснить нерѣдко встрѣчающійся страхъ, напримѣръ къ темнотѣ, даже въ тѣхъ людяхъ, которые сами воспитываютъ дѣтей; страхъ передъ животными, какими нибудь физическими препятствіями, явленіями? Несчастные люди остаются мучениками на всю жизнь, ибо чувство страха, разъ проникшее въ душу ребенка, искоренить, какъ говоритъ упомянутый уставъ, въ высшей степени трудно, а мы прибавимъ — и едва ли возможно. Какъ справедливо также, какъ разумно требованіе свободнаго выбора игръ, которыя, къ сожалѣнію, дѣйствительно не рѣдко для дѣтей обращаются въ должность!

„Исправленіе нравовъ, читаемъ далѣе, скорѣе и удобнѣе можно достигнуть способами кротости, нежели строгостію и силой; если начальники, офицеры и учители питомцевъ своихъ наставлять будутъ съ любовью и ласкою, а учить ихъ будутъ больше разговорами и разсужденіями, нежели заставляя безпрерывно сидѣть надъ урокомъ въ принужденномъ и здоровью вредительномъ наклоненіи, то юношество окажетъ великія во всемъ томъ успѣхи, что только отъ возраста его требовать можно“.

Вотъ еще когда понимали все зло, проистекающее для дѣтской природы отъ безпрерывнаго сидѣнія надъ урокомъ въ принужденномъ и здоровью вредительномъ наклоненіи, а между тѣмъ даже въ настоящее время приходится доказывать такую простую и до очевидности понятную истину. Слава Богу, что въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ вопросы гигіеническіе, сколько намъ извѣстно, составляютъ предметъ строгаго наблюденія и вниманія; слава Богу, что лица, поставленныя во главѣ военно-учебныхъ заведеній, глубоко сознаютъ все огромное значеніе физическаго здоровья для тѣхъ юношей, которымъ, по самому свойству ихъ будущей службы

отечеству, иной разъ приведется бороться съ страшными явленіями природы, съ губительными для физической природы человѣка климатическими измѣненіями. Да спасетъ юношей-воиновъ разумный взглядъ начальства отъ безпрерывнаго сидѣнія и здоровью вредительнаго наклоненія.

Въ отношеніи физическаго воспитанія уставъ предписываетъ руководствоваться общимъ наставленіемъ о воспитаніи дѣтей, въ которомъ заключаются весьма обстоятельныя гигіеническія правила о размѣщеніи дѣтей въ зданіяхъ, объ одеждѣ, чистоплотности и опрятности. отдыхѣ, тѣлесныхъ упражненіяхъ и дѣтскихъ играхъ. Кромѣ того и въ самомъ уставѣ встрѣчается не мало сюда относящихся указаній, такъ напримѣръ, „пресѣкать все, что хорошему воздуху можетъ препятствовать, употреблять для питья только ту воду, которой доброта основательно извѣстна" и т. п.

Дидактическія положенія устава о которомъ мы ведемъ рѣчь, заслуживаютъ не меньшаго вниманія всѣхъ здраво-мыслящихъ педагоговъ: „юношество, говоритъ уставъ, должно болѣе научаться отъ смотрѣнія и слышанія, нежели отъ тверженія уроковъ".

Въ этихъ словахъ цѣлая система нагляднаго обученія, которая находитъ мѣсто и теперь въ учебныхъ заведеніяхъ, раціонально устроенныхъ.

Въ составленіи разсматриваемаго устава принималъ участіе извѣстный Бецкій, но еслибы и весь уставъ былъ составленъ имъ, то и въ такомъ случаѣ мы можемъ утверждать, что идеи устава принадлежатъ императрицѣ, для которой подобные вопросы всегда составляли дѣло особенной важности и заботы. И въ этомъ уставѣ мы видимъ смѣшеніе общаго образованія съ спеціальнымъ; видимъ предметы обученія, имѣющіе прямое отношеніе къ будущей гражданской дѣятельности учениковъ корпуса. Въ числѣ предметовъ обученія находятся, какъ отдѣльные предметы: учительство и долгъ благопристойности.

Вообще, курсъ кадетскаго корпуса поражаетъ многопредметностью своего состава и разнообразіемъ входящихъ въ него учебныхъ предметовъ. Но обстоятельство это очевидно обусловливалось, какъ справедливо замѣчаетъ г. Лалаевъ, и многосторонностью самой цѣли учрежденія тогдашнихъ корпусовъ и господствовавшими въ то время педагогическими воззрѣніями вообще, перешедшими къ намъ по преимуществу изъ Германіи, гдѣ школы этого времени подавлялись страшнымъ количествомъ предметовъ; такъ напримѣръ, въ Нейштадтской гимназіи 1751 г. сверхъ обычныхъ предметовъ логики и математики. искусства вести догматическіе диспуты, ботаники и т. п. обучали еще Халдейскому языку, артиллеріи, хронологіи и геральдикѣ.

Въ ноябрѣ 1787 года къ управленію корпусомъ былъ призванъ графъ Ѳ. Е. Ангальтъ, съ правами главнаго начальника, который оставилъ по себѣ въ исторіи военно-учебныхъ заведеній самую

свѣтлую память, извѣстную конечно всякому образованному человѣку. Онъ обратилъ преимущественное вниманіе на нравственное воспитаніе кадетъ, въ жизни которыхъ лично принималъ самое близкое участіе; его же просвѣщенной заботливости корпусъ обязанъ многими воспитательными пособіями, а также значительнымъ обогащеніемъ своей библіотеки и другихъ коллекцій учебныхъ предметовъ.

Изъ числа питомцевъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса мы упомянемъ графа Румянцева Задунайскаго, извѣстныхъ писателей Сумарокова, Хераскова, Озерова и извѣстнаго воспитателя императора Павла Петровича, Порошина.

Не упоминая о многихъ другихъ преобразованіяхъ императрицы Екатерины II въ сферѣ военно-учебныхъ заведеній, бывшихъ плодомъ тѣхъ же разумныхъ и гуманныхъ началъ, которыя были положены и въ основаніе устройства упомянутаго Сухопутнаго корпуса, мы не пройдемъ молчаніемъ, что изъ новыхъ помощниковъ Екатерины II на этомъ поприщѣ особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ П. И. Миллисино, сынъ врача, выѣхавшій въ Россію изъ Венеціи еще при Петрѣ Великомъ. Онъ воспитался въ Сухопутномъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ въ 1750 г. Миллисино былъ рекомендованъ императрицѣ княземъ Потемкинымъ, какъ человѣкъ извѣстный по своимъ обширнымъ познаніямъ и прославившійся на военномъ поприщѣ. За дѣятельное участіе въ сраженіи при Кагулѣ и также „за великія, по выраженію рескрипта, въ его званіи исправность и искусство“ — онъ былъ пожалованъ кавалеромъ 3-го класса, только-что учрежденнаго тогда ордена св. Георгія.

Характеръ педагогической дѣятельности Миллисино вполнѣ опредѣляется слѣдующими его педагогическими воззрѣніями, высказанными въ проэктѣ объ учрежденіи артиллерійскаго и инженернаго Шляхетскаго корпуса. Онъ говоритъ, между прочимъ: „необходимо, полезно и пріятно упражнять воспитанниковъ, ибо молодой человѣкъ, провождающій время свое въ праздности, гораздо менѣе достоинъ осужденія, нежели менторъ его, который не разумѣетъ обратить его способности къ предметамъ, достойнымъ вниманія“.

Подобныя воззрѣнія вполнѣ подтверждаютъ педагогическую состоятельность лица, которое высказываетъ ихъ.

Артиллерійскій и инженерный Шляхетскій корпусъ постепенно утрачиваетъ свое спеціальное направленіе, сближаясь все болѣе и болѣе въ своемъ устройствѣ съ кадетскимъ корпусомъ и наконецъ 10 марта 1800 г. переименовывается во 2-й кадетскій корпусъ.

При императорѣ Павлѣ I учреждается военно-сиротскій домъ, 1-е отдѣленіе котораго назначалось для дѣтей неимущихъ дворянъ и офицеровъ; 2-е же—для солдатскихъ сыновей.

Послѣдніе обучались закону Божію, русской грамотѣ, ариѳметикѣ и затѣмъ, въ особомъ ремесленномъ классѣ, всему, что къ пользѣ

войскъ служить можетъ, какъ-то: портному, сапожному, башмачному, сѣдельному, кузнечному, слесарному, ружейному и инымъ ремесламъ. Къ ремесламъ же было отнесено обученіе музыкѣ на духовыхъ инструментахъ и барабанному бою.

Императрица Екатерина только затронула дѣло собственно народнаго образованія, ибо извѣстно, что ея благія намѣренія въ этомъ отношеніи не осуществились, по недостатку матеріальныхъ средствъ. Только при императорѣ Александрѣ I дѣло народнаго образованія болѣе или менѣе переходитъ въ жизнь, по уставу 5 ноября 1804 г. По этому уставу всѣ гражданскія учебныя заведенія раздѣлялись на 3 разряда: гимназіи, уѣздныя и приходскія училища.

Вмѣстѣ съ устройствомъ гражданскихъ губернскихъ гимназій явилась мысль, выраженная въ проэктѣ князя Зубова, объ учрежденіи губернскихъ военныхъ училищъ, съ цѣлью подготовленія въ нихъ дѣтей дворянъ къ поступленію въ кадетскіе корпуса. Такимъ образомъ въ этомъ проэктѣ встрѣчается зародышъ настоящихъ военныхъ гимназій и военныхъ училищъ. Военныя училища, предложенныя княземъ Зубовымъ, должны были имѣть значеніе нынѣшнихъ военныхъ гимназій, а кадетскіе корпуса того времени—значеніе современныхъ военныхъ училищъ.

Вслѣдъ за упомянутымъ проэктомъ, мы видимъ училища въ Тулѣ, Тамбовѣ, Оренбургѣ (послѣднее названо Неплюевскимъ, въ память бывшаго начальника Оренбургскаго края, сенатора И. И. Неплюева). Дворянство, напримѣръ Тульское и Тамбовское, принимало самое горячее участіе въ устройствѣ училищъ своими капиталами. Въ числѣ дворянскихъ пожертвованій на устройство военныхъ училищъ также значатся: Тверскаго дворянства — 200,000; Рязанскаго 87,000, Ярославскаго—63,000, и другіе.

Въ 1802 г. послѣдовало учрежденіе Пажескаго корпуса. Уставъ корпуса, опредѣляя цѣль его учрежденія въ образованіи нравовъ и характера (опредѣленіе, какъ видимъ, довольно общее и очень широкое), указываетъ, „чтобы обхожденіе съ пажами и камеръ-пажами было вѣжливое, непринужденное, благопристойное и безъ грубости, не только на дѣлѣ, но и на словахъ, такъ какъ не страхъ, а убѣжденіе въ ихъ обязанностяхъ долженствуетъ ими руководствовать".

Почему вѣжливое, непринужденное, безъ грубости не только на дѣлѣ, но и на словахъ обхожденіе по преимуществу выставляется на видъ по отношенію къ воспитанникамъ этого корпуса—мы не беремся разрѣшить, сознавая, что благопристойность и вѣжливость, отсутствіе грубости — условія, одинаково необходимыя для успѣшнаго веденія дѣла воспитанія въ всякомъ учебномъ мѣстѣ, одинаково необходимыя всегда и вездѣ.

При императорѣ же Александрѣ I учреждается кадетскій корпусъ въ Москвѣ, дворянскій полкъ, школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ Петербургѣ, Финляндскій кадетскій корпусъ въ Фридрихсгамѣ и другіе.

Что касается многочисленныхъ сиротскихъ отдѣленій, получившихъ начало, какъ мы сказали, при императорѣ Павлѣ I, то въ 1804 г. изданы были подробныя правила о записываніи въ нихъ солдатскихъ сыновей, которымъ въ слѣдующемъ году присвоено уже названіе военныхъ кантонистовъ. Всѣ учрежденія для кантонистовъ, число которыхъ простиралось до 120,000, были подчинены главному начальнику военныхъ поселеній графу Аракчееву.

Современники не въ красивыхъ чертахъ рисуютъ внутренній бытъ тогдашнихъ кадетскихъ корпусовъ: во 2-мъ корпусѣ существовалъ даже обычай, при недостаткѣ мѣстъ въ дортуарахъ, класть дѣтей въ повалку, помѣщая ихъ по-трое на двухъ сдвинутыхъ кроватяхъ. Домашней одежды кадетамъ не полагалось, и они постоянно носили мундиры, которые строились вновь ежегодно; казенныхъ же шинелей вовсе не давали. Относительно питанія кадетъ одинъ современникъ говоритъ: „насъ хоть съ голоду не морили, да и до-сыта не кормили“.

„Офицеровъ, пишетъ другой современникъ, мы видали рѣдко; даже многіе дежурные являлись только къ столу, а въ классы почти всегда отводилъ насъ фельдфебель; ротнаго командира мы тоже видали мимоходомъ на дежурствѣ или ротномъ ученіи и по субботамъ во время экзекуцій и отпуска. Самъ директоръ мало обращалъ вниманія на бытъ воспитанниковъ и, кажется, никогда не ходилъ по ротамъ, а классы посѣщалъ лишь въ опредѣленные дни и часы“.

Тѣлесное наказаніе и даже собственноручныя расправы были тогда въ большомъ употребленіи; не только командиръ роты, но каждый офицеръ имѣлъ право наказать кадета розгами. Одинъ командиръ кадетскаго батальона говаривалъ обыкновенно, „что стыдно гренадеру дать менѣе ста розогъ“.

Для управленія всѣми военно-учебными заведеніями 29 марта 1805 г. учрежденъ Совѣтъ о военныхъ училищахъ, подъ предсѣдательствомъ цесаревича Константина Павловича.

Для поднятія уровня учебной части въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, при императорѣ же Александрѣ I, былъ опредѣленъ особыми правилами порядокъ производства въ чины учителей пажескаго и кадетскаго корпусовъ и военно-сиротскаго дома, по которымъ всѣмъ учителямъ этихъ заведеній, имѣющимъ университетскіе аттестаты или свидѣтельства, предоставлено право на производство, по выслугѣ 4 лѣтъ въ учительскомъ званіи и по удостоенію начальства, въ соотвѣтствующіе чины, а именно: для учителей наукъ — IX, языковъ — X и искусствъ — XII класса.

Конечно, подобная мѣра въ свое время могла привлечь лучшія силы въ военно-учебныя заведенія, хотя главный рычагъ въ этомъ отношеніи всегда составлялъ и составляетъ матеріальное вознагражденіе за трудъ, дѣйствительно тяжелый, требующій большой траты силъ и здоровья.

По части учебно-воспитательной не было никакихъ общихъ ука-

заній и инструкцій; при устройствѣ внутренняго порядка въ заведеніяхъ опытъ одного изъ нихъ не служилъ поучительнымъ примѣромъ для другихъ; почти всѣ организаціонныя мѣры имѣли характеръ домашнихъ распоряженій, принимались и отмѣнялись по личному усмотрѣнію директора, безъ предварительнаго коллегіальнаго обсужденія, такъ что правильность хода дѣла въ каждомъ заведеніи исключительно обусловливалась степенью усердія и умѣнья непосредственнаго его начальника; отъ него же, а чаще отъ самихъ преподавателей, зависѣло направленіе преподаванія и выбора учебныхъ руководствъ, такъ какъ обязательныхъ программъ тогда вовсе не существовало. Наконецъ, хозяйственной частью каждаго заведенія тоже управлялъ лично директоръ, почти безъ всякаго контроля.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая I послѣдовали многія преобразованія въ сферѣ военно-учебныхъ заведеній. Преобразованія эти выразились въ Общемъ Положеніи и Уставѣ для военно-учебныхъ заведеній, высочайше утвержденныхъ въ апрѣлѣ 1830 г. Они коснулись, какъ внѣшней, такъ и внутренней стороны военно-учебныхъ заведеній, которыя по новому уставу были раздѣлены на 3 класса.

Въ томъ же 1830 г. получилъ утвержденіе проэктъ губернскихъ кадетскихъ корпусовъ, на устройство которыхъ дворяне жертвовали значительныя суммы.

По кончинѣ цесаревича Константина Павловича, главнымъ начальникомъ пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и дворянскаго полка назначенъ великій князь Михаилъ Павловичъ (1831 г.) съ подчиненіемъ его высочеству и Совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ. Новымъ Положеніемъ (1843 г.) его высочеству присвоено было званіе главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, съ властью и правами министровъ и главноуправляющихъ.

По кончинѣ великаго князя Михаила Павловича, военно-учебныя заведенія осчастливлены были назначеніемъ въ должность ихъ начальника его высочества Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Затѣмъ въ царствованіе императора Николая I слѣдуетъ открытіе цѣлаго ряда (до 10) губернскихъ кадетскихъ корпусовъ. Изъ числа преобразованныхъ военно-учебныхъ заведеній особенно оригинально выдается дворянскій полкъ, въ которомъ учебная часть, по изслѣдованію, произведенному въ 1832 г., оказалась въ такомъ плачевномъ положеніи, что свѣдѣнія двухъ третей наличнаго числа дворянъ ограничивались одною грамотностью и начальными правилами ариѳметики; въ числѣ экзаменовавшихся нашлись даже 32 человѣка, не знавшихъ ничего, кромѣ русской азбуки.

Изъ военно-сиротскихъ отдѣленій въ началѣ царствованія Николая I были сформированы батальоны, полубатальоны и отдѣльныя роты военныхъ кантонистовъ.

О бытѣ и положеніи кантонистовъ нѣтъ необходимости говорить.

ибо кому не извѣстно, что одна фраза „отдать въ кантонисты“ наводила страхъ и трепетъ. Безобразія внутренняго быта кантонистовъ были получше безобразій бурсы.

Въ наставленіи для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, высочайше утвержденномъ 24 декабря 1848 г., излагаются такія требованія, достиженіе которыхъ должно быть цѣлью воспитанія будущихъ воиновъ: „христіанинъ, вѣрно-подданный, русскій, надежный товарищъ, добрый сынъ, скромный и образованный юноша, исполнительный, терпѣливый и расторопный офицеръ“ — „вотъ качества, продолжаетъ наставленіе, съ которыми воспитанникъ военно-учебныхъ заведеній долженъ переходить со школьной скамьи въ ряды императорской арміи, съ чистымъ желаніемъ отплатить государю за его благодѣянія честною службой, честною жизнью и честною смертью“.

Приступая къ разсмотрѣнію исторіи военно-учебныхъ заведеній въ первое 25-ти-лѣтіе царствованія Государя Императора Александра Николаевича, мы не коснемся реформъ по отношенію военнаго образованія, совершенныхъ въ самые первые годы царствованія Царя-Освободителя, а скажемъ о той многознаменательной, существенной въ лѣтописяхъ военно-учебныхъ заведеній реформѣ, результаты которой на нашихъ глазахъ.

Въ октябрѣ 1862 г. учрежденъ былъ, по представленію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній великаго князя Михаила Николаевича, особый комитетъ, который долженъ былъ всесторонне обсудить необходимыя перемѣны въ тогдашнемъ устройствѣ нашихъ военно-учебныхъ заведеній вообще, на основаніи мнѣній, представленныхъ какъ нѣкоторыми лицами высшаго государственнаго управленія, такъ и многими изъ числа служившихъ при названныхъ заведеніяхъ.

Комитетъ пришелъ къ заключенію, что тогдашнія военно-учебныя заведенія обходились правительству весьма дорого (полное образованіе и воспитаніе каждаго изъ офицеровъ стоило казнѣ отъ 6—7,000 рублей), между тѣмъ затраты не приносили плодовъ, которые отвѣчали бы усиліямъ правительства.

При обсужденіи въ названномъ комитетѣ наиболѣе существенными недостатками организаціи кадетскихъ корпусовъ были признаны: 1) соединеніе въ нихъ общаго образованія съ спеціальнымъ, при большой разности въ возрастѣ обучавшихся; 2) рановременное обученіе дѣтей военнымъ упражненіямъ, съ примѣненіемъ къ нимъ воинской дисциплины; 3) невыгоды служебнаго положенія ближайшихъ кадетскихъ наставниковъ и крайнее затрудненіе замѣщать таковыя должности надежными людьми, которые соединяли бы въ себѣ способности и подготовку педагога съ необходимыми качествами строеваго офицера; 4) излишняя обширность учебныхъ программъ и рѣзкое отдѣленіе учебной части отъ воспитательной.

Плодомъ радикальной реформы и явились военныя гимназіи и училища; первыя — какъ общеобразовательныя военно-учебныя заведенія, (декабрь 1862 г.).

Общее положеніе о всѣхъ военныхъ училищахъ, съ новыми штатами и табелями для каждаго изъ нихъ, удостоилось высочайшаго утвержденія въ 20-й день іюня 1867 г.

Высочайше утвержденныя основныя правила для устройства при военно-окружныхъ штабахъ юнкерскихъ училищъ, были изданы въ сентябрѣ 1864 г.

Въ настоящее время въ эти училища принимаются: изъ вольноопредѣляющихся—какъ рядовые, такъ и унтеръ-офицеры, а изъ поступившихъ на службу по жребію—только унтеръ-офицеры, при чемъ всѣ поступающіе въ младшій классъ подвергаются повѣрочному испытанію по программѣ для вольноопредѣляющихся 3-го разряда.

Юнкерскія училища какъ нельзя болѣе удовлетворяютъ своему назначенію въ данное время, когда встрѣчается не мало лицъ очень слабо подготовленныхъ даже въ элементарныхъ предметахъ, которые, во всякомъ случаѣ, находясь въ упомянутыхъ училищахъ, болѣе или менѣе дополнятъ свои знанія. Само собой понятно, что съ развитіемъ вообще образованія въ массѣ юнкерскія училища постепенно будутъ терять значеніе и наконецъ прекратятъ свое существованіе, что послѣдуетъ впрочемъ еще не въ скоромъ будущемъ.

Упомянутая радикальная реформа выразилась въ преобразованіи спеціальныхъ классовъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя училища и въ учрежденіи цѣлаго ряда юнкерскихъ училищъ; равнымъ образомъ и въ переустройствѣ другихъ военно-учебныхъ заведеній, согласно новымъ педагогическимъ взглядамъ, послужившимъ основаніемъ, на которомъ строилось и строится образованіе будущихъ воиновъ.

Такъ какъ всякое педагогическое дѣло зрѣетъ медленно, то только рядомъ годовъ можно убѣдиться въ слабыхъ сторонахъ того или другаго учрежденія. На этомъ основаніи опытъ доказалъ, что необходимо принять мѣры для обезпеченія правильнаго пополненія юнкерскихъ училищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшить тотъ контингентъ, которымъ они пополнялись, предварительнымъ сообщеніемъ ему надлежащей учебной подготовки. Для достиженія этой цѣли предстояло устроить такія учебныя заведенія, которыя подготовляли бы своихъ воспитанниковъ посредствомъ законченнаго элементарнаго образованія и соотвѣтственнаго воспитанія къ поступленію въ юнкерскія училища, на правахъ вольноопредѣляющихся.

Такими подготовительными заведеніями для юнкерскихъ училищъ явились военныя прогимназіи, въ которыя были преобразованы военныя начальныя школы.

Сильное развитіе военнаго образованія, захватившаго большой кругъ дѣятельности, привело къ необходимости подготовить для начальныхъ училищъ военнаго вѣдомства такихъ учителей, которые знаніемъ ме-

тодовъ обученія отвѣчали бы современнымъ требованіямъ педагогіи и дидактики. Прекрасная мысль эта получила осуществленіе: учительское отдѣленіе Московскаго училища, не вполнѣ отвѣчавшее своему назначенію, было преобразовано въ учительскую семинарію военнаго вѣдомства, которая ясно и осязательно доказала, что имѣетъ полное право считать себя какъ нельзя болѣе полезнымъ учебнымъ заведеніемъ. Ея ученики въ настоящее время подвизаются съ честью на педагогическомъ поприщѣ, а нѣкоторые создали себѣ педагогическое имя, какъ практикой, такъ и литературными педагогическими трудами.

Общій выводъ, который мы можемъ сдѣлать по отношенію къ многознаменательной реформѣ, совершенной въ настоящее царствованіе Государя Императора въ сферѣ военнаго обученія и воспитанія, таковъ: вѣрныя педагогическія начала, положенныя въ основаніе упомянутыхъ преобразованій, должны были дать благіе плоды и дѣйствительно дали ихъ. Военныя гимназіи являются, такъ сказать, пробнымъ камнемъ способностей и склонностей ребенка, давая возможность обнаружиться его призванію къ тому или другому роду общественной дѣятельности. Только въ концѣ гимназическаго курса можетъ болѣе или менѣе обозначиться, въ какой степени юноша способенъ быть хорошимъ воиномъ. На нашихъ глазахъ есть живые примѣры, доказывающіе, что молодой человѣкъ, дошедшій до конца курса военной гимназіи, по призванію поступаетъ въ одно изъ техническихъ высшихъ учебныхъ заведеній, не питая ни малѣйшей склонности къ военному поприщу. Наконецъ, имѣемъ живые примѣры, доказывающіе, что нерѣдко и физическія свойства ребенка, достаточно развившіяся къ концу его гимназическаго курса, о которыхъ въ дѣтствѣ не представлялось возможнымъ сказать что нибудь опредѣленное, по неволѣ ведутъ его на другой путь, а не на путь военной дѣятельности, трудной для слабаго организма. Такимъ образомъ, военная гимназія, благодаря своему общеобразовательному учебному курсу, даетъ возможность юношѣ направить свою дѣятельность согласно внутреннему побужденію, что для успѣха всякой дѣятельности составляетъ необходимое условіе.

Только подобнымъ значеніемъ военныхъ гимназій въ дѣлѣ общаго образованія и можно объяснить стремленіе многихъ родителей провести чрезъ нихъ своихъ дѣтей къ гражданской дѣятельности, если въ дѣтяхъ не окажется призванія къ военной.

Для тѣхъ же юношей, которые отдали себя всецѣло военному дѣлу, существуютъ высшія военно-учебныя заведенія, т. е. академіи, получившія такое широкое развитіе въ настоящее царствованіе.

Военныя училища, по нашему крайнему мнѣнію, еще болѣе отвѣчали бы своей спеціальной цѣли, если бы учебный курсъ ихъ былъ увеличенъ однимъ годомъ и многіе общеобразовательные предметы были отнесены въ курсъ гимназій, ибо, сколько намъ удавалось наблюдать, молодые люди не успѣваютъ надлежащимъ образомъ усвоить массу самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній и хватаютъ одни

верхушки, чему конечно нельзя сочувствовать и что въ педагогическомъ смыслѣ составляетъ не малое зло.

Какъ нельзя болѣе цѣлесообразно вѣдомство военно-учебныхъ заведеній высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату, отъ 21 января 1863 г., введено въ составъ Военнаго Министерства, управляемаго съ 16 мая 1861 г. генералъ-адъютантомъ графомъ Д. А. Милютинымъ.

При этомъ прежній штабъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній и бывшее управленіе училищъ военнаго вѣдомства соединены въ одно главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, которое подчинено особому лицу, съ званіемъ начальника военно-учебныхъ заведеній.

Педагогическая часть нынѣшнихъ военно-учебныхъ заведеній находится подъ постояннымъ контролемъ педагогическаго комитета, въ сферу занятій котораго входитъ не только обсужденіе всѣхъ вопросовъ по учебной и воспитательной частямъ, но и испытаніе преподавателей по установленнымъ для сего правиламъ, а равно наблюденіе за являющимися въ Россіи и за границей учебными книгами и пособіями и указаніе на тѣ изъ нихъ, которыя признаются полезными для той или другой категоріи военно-учебныхъ заведеній, и многое другое.

Для приготовленія же военнымъ гимназіямъ спеціально образованныхъ учителей въ 1865 г. учреждены при 2-й С.-Петербургской гимназіи педагогическіе курсы, доказавшіе, что цѣль, ими преслѣдуемая, достигается вполнѣ удовлетворительно.

Вообще замѣтимъ, что для учебной и воспитательной части военно-учебныхъ заведеній сдѣлано все, что можно было сдѣлать при данныхъ средствахъ, въ данное время.

Дать матеріальныя средства, которыя наше правительство всегда отпускало и отпускаетъ щедрой рукой на всѣ подобныя учрежденія, еще не значитъ сдѣлать все въ этомъ отношеніи: необходимо умѣть употребить матеріальныя средства съ толкомъ, что достигается исключительно всестороннимъ обсужденіемъ извѣстныхъ вопросовъ людьми компетентными въ дѣлѣ; критическимъ анализомъ всѣхъ мѣропріятій, полагаемыхъ въ основаніе того или другаго учрежденія. Вотъ именно такое отношеніе къ дѣлу обученія и воспитанія и было заявлено начальствомъ военно-учебныхъ заведеній, когда оно приступило къ своимъ радикальнымъ преобразованіямъ. Оно не увлеклось никакими крайними воззрѣніями, дѣйствовало, опираясь лишь на трезвый и холодный анализъ явленій общественной жизни и требованій будущаго назначенія юношей, какъ воиновъ, не забывая въ то же время, что эти воины должны оставаться людьми. Недостатки есть во всякомъ произведеніи ума человѣческаго, существуютъ они конечно и въ сферѣ военно-учебныхъ заведеній; но эти недостатки, если и порождаются, то, какъ явленія частныя, происходящія не столько

отъ уставовъ и правилъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣлу воспитанія и обученія, сколько отъ исполнителей уставовъ и правилъ, неспособныхъ проникнуться высокими воспитательными началами, положенными въ основаніе ихъ дѣятельности. Такое явленіе возможно всегда и вездѣ, гдѣ дѣйствуютъ люди съ своими слабостями и духовными немощами.

Мы уже имѣли случай убѣдиться, что лица, поставленныя во главѣ военно-учебнаго дѣла, понимали свою задачу широко, какъ дѣйствительно и должно ее понимать. На этомъ основаніи въ 1863 г. главное управленіе положило начало центральной педагогической библіотекѣ съ музеемъ. Въ первый же годъ своего существованія это учрежденіе собрало до 3.000 сочиненій, исключительно педагогическаго и дидактическаго содержанія, на языкахъ Русскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ, Французскомъ и Шведскомъ; музей равнымъ образомъ пріобрѣлъ не мало въ высшей степени необходимыхъ приборовъ для преподаванія математики, физики, географіи, рисованія, также приборы для наглядлаго обученія.

Съ теченіемъ времени библіотека и музей вышли изъ тѣснаго круга вѣдомства, которому они принадлежатъ и распространили свое вліяніе на весь русскій педагогическій міръ, что подтверждается цѣлымъ рядомъ выставокъ, публичныхъ лекцій, изданіемъ большаго числа полезныхъ книгъ и брошюръ, болѣе и болѣе проникающихъ въ народную массу, возбужденіемъ многихъ, въ высшей степени существенныхъ, такъ сказать насущныхъ педагогическихъ вопросовъ, напримѣръ о школьной гигіенѣ, статистикѣ.

Мы увѣрены, что высказанный нами взглядъ на эти учрежденія раздѣляетъ большинство лицъ, заинтересованныхъ дѣломъ народнаго образованія. Подобнаго явленія не забудетъ исторія нашего воспитанія, а равно не пройдутъ безслѣдно для исторіи педагогики и послѣднія военно-учебныя реформы.

Указавъ, до какой степени разумны были преобразованія, совершенныя въ настоящее царствованіе въ сферѣ военно-учебныхъ заведеній, мы можемъ съ полнымъ довѣріемъ отнестись къ заявленіямъ командировъ отдѣльныхъ частей, что выпускаемые нынѣ на службу офицеры смотрятъ серьезно на свои обязанности, уважаютъ свой долгъ, сами продолжаютъ начатое въ училищахъ образованіе и вообще обладаютъ достаточной подготовкой, чтобы быть надежными помощниками своихъ начальниковъ и разумными руководителями солдатъ.

Таковы оффиціальные отзывы о нашихъ воинахъ. Таково же и общественное мнѣніе, которое сознаетъ, что умственный уровень офицеровъ очень значительно поднялся, что гуманныя начала, положенныя въ устройство нашей арміи, образованіе, полученное офицерами, грамотность, распространяемая среди солдатъ чрезъ посредство учрежденныхъ въ полкахъ школъ, породили въ арміи нѣчто новое

ясно замѣтное, заставляющее общественное мнѣніе признать благодѣтельное вліяніе высокознаменательныхъ реформъ въ сферѣ военнаго міра.

Храбрость арміи, ея чисто военныя доблести не составляютъ еще всего для государства, носящаго имя „европейскаго". Умирать честно и спокойно, съ глубокимъ сознаніемъ своего святаго долга, русскіе воины всегда умѣли; но есть еще всестороннее развитіе духовной природы въ человѣкѣ, безъ каковаго развитія никто не можетъ быть человѣкомъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ природѣ русскаго человѣка, а особенно простаго русскаго человѣка, столько чудно-добрыхъ свойствъ, столько задатковъ человѣчности, что помогите только ему развить въ себѣ всѣ эти свойства и онъ будетъ на диво человѣкъ, какъ теперь на диво воинъ.

Въ заключеніе намъ остается поблагодарить г. Лалаева за его систематическій, богатый фактами и добросовѣстный трудъ, давшій намъ возможность подѣлиться съ читателями „Историческаго Вѣстника" сообщенными здѣсь свѣдѣніями.

К. Л.

ЗАПИСКИ КВЕСТАРА [1]).

ГОДЪ тому назадъ, мы всѣ, сколько насъ было въ монастырѣ, сидѣли вечеромъ на большомъ крыльцѣ противъ воротъ и попивали пѣнистое мартовское пиво за здоровье нашего отца настоятеля, который, какъ знатокъ алхиміи, самъ училъ нашего купорщика, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пивовара, какъ варить пиво наилучшимъ образомъ, и потому оно вышло преотмѣннымъ.

---

[1]) Читатели „Историческаго Вѣстника" уже знакомы нѣсколько съ извѣстнымъ польскимъ писателемъ И. Ходзько, по напечатанному нами въ первой книжкѣ очерку его „Домикъ моего дѣдушки". Теперь мы помѣщаемъ другой разсказъ его подъ заглавіемъ „Записки квестара" (Nowe Pamiętniki kwestarza), который принадлежитъ къ числу лучшихъ его произведеній. Въ этомъ разсказѣ нѣтъ впрочемъ ни романической завязки, ни какого-либо историческаго эпизода; онъ представляетъ только бытовой очеркъ. Разсказъ ведется отъ имени „квестара" — своеобразнаго лица въ старинной польской жизни. Въ половинѣ XV вѣка въ Польшѣ появились монахи Бернардинскаго ордена или по польски „бернардыны", въ число которыхъ обыкновенно вступали неученые люди. Поэтому бернардыны являлись какъ бы противоположностью другихъ существовавшихъ въ Польшѣ монашескихъ орденовъ, состоявшихъ изъ лицъ образованныхъ и ученыхъ. По уставу, бернардыны не могли владѣть никакою собственностію и потому обязаны были пробиваться на счетъ доброхотныхъ дателей. При привольной и бездѣятельной монастырской жизни, даровой пищѣ, отличной водкѣ и превосходномъ пивѣ, бернардыны тучнѣли и дѣлались въ народѣ предметомъ насмѣшекъ. Въ то же время онѝ считались людьми, которые при видимой простотѣ, были себѣ на умѣ и отличались простымъ, неизысканнымъ остроуміемъ. Такая способность преимущественно приписывалась такъ называемымъ „квестарамъ" (отъ латинскаго слова questor), т. е. тѣмъ монахамъ Бернардинскаго ордена, которые время отъ времени разъѣзжали по околицамъ своего монастыря и собирали доброхотныя подаянія, состоявшія главнымъ образомъ изъ барановъ. Ходзько въ „Запискахъ квестара" вывелъ одну изъ такихъ личностей, передающую въ простотѣ души свои путевыя впечатлѣнія, сохранивъ въ то же время и отличительныя черты квестаровъ—остроуміе и находчивость. Повѣствованіе квестара сопровождается бесѣдами его самого, настоятеля монастыря, одного изъ монаховъ и одного изъ важныхъ мірянъ, именуемаго просто паномъ президентомъ. Происходящіе на этихъ бесѣдахъ разсужденія о быломъ и настоящемъ имѣютъ свои достоинства, но не представляютъ для русскаго читателя ничего особенно-занимательнаго, почему мы, выпустивъ ихъ, ограничились только одними бытовыми очерками, которые, по своей исторической вѣрности и легкому изложенію, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Ред.

Стоялъ прекрасный майскій вечеръ: вечерня уже окончилась и отецъ-настоятель, превосходящій не однимъ только саномъ, но и мудрою головою и притомъ не только всю нашу братію, но и старѣйшихъ ученыхъ иноковъ, любитъ, когда бываетъ въ хорошемъ расположеніи духа, потолковать съ нами о томъ, о другомъ и о третьемъ, причемъ каждый разъ вставитъ что нибудь свое, а извѣстно, что тамъ, гдѣ соберется въ дружеской бесѣдѣ нѣсколько людей съ чистою совѣстью, всѣмъ имъ бываетъ и весело, и пріятно.

Когда мы такимъ образомъ проводили время, къ намъ подъѣхала запряженная парою тощихъ клячъ бричка, вся покрытая холстомъ; на ней вмѣсто возницы сидѣлъ оборванецъ-жидокъ, а изъ-подъ холста выскочилъ какой-то приличный съ виду парень, смахивавшій впрочемъ тоже на жида. Но онъ былъ безъ пейсовъ, не въ ермолкѣ и не въ засаленномъ лапсердакѣ [1]), а въ хорошемъ сюртукѣ и въ шапкѣ, отороченной заячьимъ мѣхомъ. Впрочемъ на самомъ дѣлѣ и онъ былъ жидъ; его зналъ отецъ-настоятель, такъ какъ, бывая въ Вильнѣ, заходилъ къ нему въ книжную лавку. Настоятель поздоровался съ нимъ.

— Ну, какъ поживаешь, панъ Рубинъ? Наконецъ-то и насъ вспомнилъ.

— А то какъ же, добродѣй! отозвался панъ Рубинъ съ легкимъ жидовскимъ произношеніемъ.—Надѣюсь, что здѣсь я хорошо поторгую. Ахъ! какія у меня есть новенькія книжки, просто—ахъ! Пусть только ваша милость и всѣ милостивцы-ксендзы ихъ посмотрятъ.

— А вотъ у насъ завелась новинка—проговорили мы между собою—жиды въ нашей сторонѣ книжки стали развозить! Ну, покажи, покажи! закричали мы въ одинъ голосъ.

Въ это время Рубинъ съ помощью своего возницы вытащилъ изъ брички два тяжелыхъ сундука и, поставивъ ихъ передъ нами на землю, отворилъ ихъ.

— Прошу выбирать, сказалъ онъ: товару, славà Богу, столько, что—ахъ!

Словно разбойники напали мы на книжки Рубина.

Пускай, что хотятъ говорятъ вольнодумцы, но въ каждомъ монастырѣ найдутся люди умные и набожные, которые всегда, особенно же въ нынѣшнее время, лакомы до книгъ. Напримѣръ, у нашего отца-настоятеля стоитъ шкапъ съ его собственными книгами, у отца-проповѣдника также, да и у насъ иной разъ любопытная книжка переходитъ изъ кельи въ келью и подъ конецъ достается мнѣ, хотя и не очень ученому человѣку. Говорятъ, что въ старину такъ не бывало, но это неправда, потому что откуда же могли бы взяться тѣ фоліанты, которыми у насъ завалены двѣ кельи. Да ну ихъ, пусть тамъ какъ хотятъ!

---

[1]) По польски общее названіе, для истрепаннаго, вытертаго и засаленнаго мужскаго платья.

Вдругъ нашъ старый ксендзъ-наставникъ, и въ добавокъ къ тому еще юбилятъ [1]), схватилъ одну книжку и прочиталъ заглавіе—„Записки дьявола“.—„Къ чорту!“ вскричалъ онъ и бросилъ книжку въ лицо жиду.—„Ты, поганецъ, зачѣмъ это возишь? добавилъ онъ съ гнѣвомъ.—Вѣдь эта книжка напечатана въ аду, да и ея сочинитель тамъ же сидитъ“!

— Никакъ нѣтъ, ваша милость, отвѣчалъ Рубинъ: отпечатана она въ Варшавѣ и славная книжечка! Просто—ахъ! По каталогу она стоитъ шесть рублей, но я сбавлю...

— „Записки квестара“! прочиталъ въ заглавіи отецъ-настоятель.

— „Записки квестара“! повторили мы всѣ съ удивленіемъ, а какого?..

— Просто—ахъ! новенькое сочиненіе, подхватилъ Рубинъ. По каталогу оно стоитъ два рубля, но я сбавлю...

— Какого квестара? спросили мы снова.

— А я почемъ знаю, отвѣчалъ Рубинъ. Это должно быть означено на заглавномъ листкѣ.

— Издано Игнатіемъ Ходзько, сказалъ отецъ-настоятель. У меня уже есть первый выпускъ его „Литовскихъ очерковъ“, такъ я возьму и эту книжку какъ продолженіе его сочиненій.

— Развѣ онъ бернардынъ? Развѣ онъ былъ квестаромъ? спросилъ ксендзъ-юбилятъ.

Настоятель усмѣхнулся.

— А развѣ тотъ, кто написалъ „Записки дьявола“, былъ дьяволъ?

— Ну его, я и знать его не желаю, отвѣчалъ юбилятъ, но, кажется, трудно писать о томъ, чего не испыталъ самъ. Во всякомъ случаѣ „Записки квестара“ могъ написать только квестаръ, если бы только ему было о чемъ писать, да и квестары умѣли бы писать.

— Преподобный отецъ, отозвался я, да вѣдь не всѣ же квестары такіе, какими ты представляешь ихъ себѣ.

— Ого! сказалъ онъ, какъ будто ты умнѣе всѣхъ прочихъ?—Отецъ Амвросій, заговорилъ настоятель, сперва мы прочтемъ эту книжку и узнаемъ, кто ее написалъ, быть можетъ и дѣйствительно какой нибудь квестаръ. Это было бы почетомъ для насъ, потому что, если сочиняютъ квестары, то что послѣ того могутъ дѣлать юбилаты и наставники. Если же эту книжку написалъ кто нибудь изъ мирянъ,—положимъ самъ издатель, то у насъ окажется поводъ для преній. Развѣ разумѣетъ онъ что нибудь въ дѣлахъ бернардыновъ и квестаровъ? Не взялся ли онъ не за свое дѣло? И мы утремъ ему носъ, если онъ несправедливо пишетъ о нашей братіи.

Ксендзъ Амвросій, потягивая пѣнистое пиво, кивнулъ головою, и мы всѣ, слѣдуя примѣру старика, опоражнивали старинныя оловянныя кружки, занимаясь разсматриваніемъ книгъ. Отецъ-настоятель

---

[1]) Монахъ, пробывшій въ своемъ званіи 50 лѣтъ.

купилъ ихъ нѣсколько; изъ прочей братіи, кто купилъ двѣ, кто три книги, смотря по карману. Нельзя было пожаловаться на пана Рубина: онъ былъ очень внимателенъ къ нашему убожеству и спускалъ цѣны противъ тѣхъ, которыя были напечатаны и на которыя онъ указывалъ при продажѣ каждой книги. Онъ пособралъ съ насъ порядочную деньгу и, выдудивъ нѣсколько кружекъ пива, уложилъ свои книжки, и затѣмъ, пообѣщавъ почаще навѣщать насъ, потащился дальше, чтобы развозить по свѣту книжную премудрость.

Спустя послѣ этого нѣсколько дней, отецъ-настоятель позвалъ меня къ себѣ. У него я нашелъ ксендза Амвросія. Они вели между собою о чемъ-то горячій споръ. Когда я вошелъ, то оба призамолкли, а настоятель, подавая мнѣ книжку, сказалъ:

— Ну, любезнѣйшій братъ Рафалъ (такъ по временамъ, по благосклонности своей ко мнѣ, онъ называлъ меня), прочитай-ка эту книжку—„Записки квестара", я купилъ ее намедни, а теперь у насъ съ отцомъ-юбилятомъ шли о ней толки. Ты когда-то бывалъ квестаромъ, припомни-ка свои похожденія и напиши о нихъ. Отецъ Амвросій говоритъ, что ты этого не сможешь сдѣлать, а я говорю, что сможешь: вѣдь не святые же горшки лѣпятъ, вѣдь и у нашего брата Рафала кое-что въ головѣ есть, хотя она и не покрыта каптуромъ [1]); вѣдь онъ за книжкой сидитъ чаще, нежели такъ называемые наши умники... Ты, кажись, лизнулъ въ школахъ немножко латыни, однимъ словомъ, ты къ такому дѣлу имѣешь большую способность, хотя отецъ Амвросій и споритъ противъ этого.

— Я вовсе не спорю, отозвался юбилятъ, я уступаю въ главномъ и не соглашаюсь въ частностяхъ, какъ говорили въ старину. Я не спорю о способностяхъ брата Рафала, а только говорю о томъ, что не найдется предметовъ для сочиненія. Напротивъ, я даже кой отъ кого освѣдомился, что братъ Рафалъ могъ бы быть лучшимъ проповѣдникомъ, чѣмъ многіе другіе. Онъ доказалъ это, такъ какъ однажды, разъѣзжая за сборами, онъ попалъ къ одному плебану [2]) на храмовой праздникъ, но плебанъ вдругъ захворалъ, а между тѣмъ ему нужно было говорить проповѣдь.

— И братъ Рафалъ вѣрно взялъ его рукопись и прочиталъ ее?.. перебилъ настоятель.

— Въ томъ-то и штука, что ничего писаннаго у брата Рафала не было, потому что плебанъ былъ изъ тѣхъ проповѣдниковъ и ораторовъ, которые безъ всякаго приготовленія и рукописи говорятъ, только наитіемъ Божіимъ. Никто изъ бывшихъ въ наличности ксендзовъ не въ состояніи былъ безъ приготовленія замѣнить его, потому что каж-

---

[1]) Головной монашескій уборъ въ видѣ башлыка

[2]) Приходскій священникъ.

дый изъ нихъ говорилъ проповѣди только по писанному, и плебанъ присталъ къ квестару, т. е. къ брату Рафалу.

— Ну, и что же? спросилъ настоятель, обращаясь ко мнѣ.

— А что, преподобный отецъ, вѣдь удалось. Я не могъ отказать просьбамъ и приставаньямъ почтеннаго и захлопотавшагося плебана; воззвалъ я къ Господу, чтобы Онъ помогъ мнѣ во славу свою, взялъ въ руки евангеліе и смѣло пошелъ черезъ церковь. На меня нашла какая-то смѣлость, точно чудо Божіе совершилось надо мною.

— Какой же ты выбралъ текстъ?—усмѣхнувшись спросилъ настоятель.

— Случилось такъ, что въ этотъ день читали евангеліе о чудесномъ пріумноженіи хлѣба и рыбы, а потому и кстати было говорить о христіанской любви и милостынѣ. Наговоривъ, какъ слѣдуетъ, противъ тѣхъ грѣховъ, которые называются скупостью, безчеловѣчіемъ и жестокостію сердца, я принялся убѣждать моихъ слушателей, чтобы они ради избавленія душъ своихъ и искупленія грѣховъ, не жалѣли подаяній для бѣдныхъ и въ особенности для такихъ слугъ Божіихъ, которые какъ мы, бернардыны, нищи духомъ и помысломъ.

— Но, любезнѣйшій мой, заговорилъ настоятель, скажу тебѣ прямо, что ты вдвойнѣ согрѣшилъ: во-первыхъ потому, что, не имѣя священства, ты безъ особаго разрѣшенія не могъ говорить проповѣди; а во-вторыхъ, ты собиралъ подаяніе съ амвона, а это и не позволено, и неприлично. За это я былъ бы обязанъ посадить тебя теперь въ „покаянную", если бы она еще у насъ существовала...

— Виноватъ, преподобный отецъ; каюсь, что виноватъ, сказалъ я, цѣлуя у настоятеля руки, но вѣдь этому назадъ слишкомъ уже двадцать лѣтъ, да и мнѣ тогда казалось, что во всемъ этомъ не было ничего дурнаго: я поучалъ грѣшныхъ людей и указывалъ имъ путь ко спасенію. Слова мои не пали на безплодную почву, потому что послѣ сытнаго обѣда, которымъ плебанъ угостилъ своихъ сослужителей, я пошелъ съ блюдцемъ, всѣ вспомнили мою проповѣдь и засыпали блюдцо рублями. А что же лучшаго могъ бы сдѣлать даже и какой нибудь богословъ?

— Посади меня въ „покаянную", честнѣйшій отецъ, сказалъ умоляющимъ голосомъ Амвросій настоятелю,—посади меня въ „покаянную", окажи мнѣ такую милость.

Настоятель съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него и, вертя на животѣ пальцами, спросилъ: что же это значитъ?

— Развѣ ты не понимаешь меня? Посади меня въ „покаянную", такъ и дѣлу будетъ конецъ.

— Что съ тобою дѣлается сегодня, отецъ? За что же мнѣ наказывать тебя? Почему? Какъ тебѣ это въ голову могло придти?

— За что? Поводъ къ тому легко отыскать, отозвался юбилятъ. Часто спозарану ты не видишь меня въ хорѣ пѣвчихъ, не видишь меня ни за заутренею, ни за вечерней. Скажи: старикъ залѣнился, такъ

вотъ и вина моя будетъ на лицо. А если бы ты, отецъ-настоятель, въ добавокъ добрался еще и до вопроса, почему я залѣнился, то мѣра твоего снисхожденія переполнилась бы... Короче сказать, я достоинъ сидѣть въ „покаянной“, смѣло сажай меня туда, преподобный отецъ; совѣсть твоя будетъ спокойна...

— Теперь я понялъ, сказалъ настоятель: ты хочешь пожертвовать собою, чтобы показать примѣръ младымъ.

— Такъ, такъ и есть, ты угадалъ, преподобный. Умной головѣ достаточно одного слова. „Покаянная“ и плетка съ чтеніемъ: „помилуй мя, Боже“, вышли изъ употребленія, оттого и плохо стало у насъ: о, какъ плохо! Кажется, что мы держимся монашескихъ уставовъ, а они-то насъ что-то не поддерживаютъ. Въ давнюю пору тотъ монахъ, который былъ наиболѣе ученымъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ благочестивымъ. Онъ безвыходно сидѣлъ въ монастырѣ, находилъ для себя отраду среди братіи и гордился своею мудростью. А теперь — умилосердись надъ нами, Господи! — если кому изъ насъ удастся сказать одну или другую хорошую проповѣдь, и лестная молва разойдется о немъ, особенно въ какомъ нибудь городѣ, то имъ овладѣетъ бѣсовская гордость, и онъ отправляется по бѣлу-свѣту, чтобы наслушаться и правдивыхъ, и притворныхъ похвалъ о себѣ самомъ. Потомъ ему уже скучно бываетъ безъ нихъ, и онъ все болѣе и болѣе пренебрегаетъ своею кельею, ему дѣлаются противны: и она, и спокойная монастырская жизнь. Примѣру старшихъ слѣдуютъ младшіе, такъ что теперь хоть вовсе не запирай монастырской калитки, а между тѣмъ обитель наша какъ губка, втягиваетъ въ себя все мірское и мірскимъ вѣетъ уже въ нашихъ стѣнахъ. Вотъ хорошо бы было, если бы ты, преподобный отецъ, захватилъ кого нибудь, хотя бы даже и какого нибудь старикашку, а еще лучше еслибы какого нибудь молодчика, при возвращеніи его въ монастырь, да попотчивалъ бы его плеткой при чтеніи: „помилуй мя, Боже“, похлесталъ бы его грѣшное тѣло, да собственноручно растолковалъ бы ему свою латынь, которую только ты одинъ между всѣми нами вставляешь въ свою рѣчь по старой. Да въ прибавокъ, послѣ его мірскихъ потѣхъ и лакомствъ, посадилъ бы въ „покаянную“ на хлѣбъ да на воду съ подобающею эпитиміею, то увидѣлъ бы, какъ все это пошло бы въ прокъ, какъ бы всѣ возвратились къ смиренію и къ стариннымъ нашимъ честнымъ и богоугоднымъ обычаямъ...

Говоря это, онъ понюхивалъ табакъ, такъ какъ у него была привычка, если онъ что нибудь доказывалъ съ горячностію, засыпать свои доказательства табакомъ, какъ онъ засыпалъ пескомъ написанную имъ проповѣдь.

Послѣ того настоятель и юбилятъ принялись сравнивать монашество прежняго времени съ монашествомъ нынѣшнимъ, и настоятель доказывалъ, что въ настоящую пору, когда въ монастыряхъ не существуетъ болѣе ни веригъ, ни „покаянныхъ“, ни плетки, то духъ мо-

нашества поднялся. Къ этому отецъ-настоятель добавилъ, что монаху достаточно любить свою скромную рясу, свою спокойную, уединенную келью, что ему подобаетъ жить въ послушаніи, безъ прихотей и что тогда монашество, безъ принужденія и строгостей, возвратится къ своимъ древнимъ уставамъ.

Въ заключеніе отецъ-настоятель, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Возьми эту книжку „Записки квестара", прочитай, а потомъ пиши самъ и что напишешь, принеси сюда, я съ отцомъ Амвросіемъ будемъ читать и обсуждать твою работу.

Господи, Боже мой! Лишь только я взглянулъ на книжку, переданную мнѣ отцемъ-настоятелемъ, то по первой же страницѣ узналъ, что это замѣтки покойнаго брата нашего Михала Лавриновича, котораго я хорошо помню и при кончинѣ котораго мнѣ привелось быть въ Бѣницѣ. Я тогда находился въ тамошней школѣ, гдѣ обучались бѣдные ученики, оказывавшіе наклонность къ вступленію въ монашество. Тамъ обучали ихъ службѣ церковной, первоначальнымъ наукамъ и немного по-латыни. Если же кто изъ учениковъ, по своему прилежанію и по своей понятливости, подавалъ надежду на дальнѣйшіе успѣхи, то такихъ отправляли въ Вильно. Тамъ они, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ученія и искуса, дѣлались священниками, а иные изъ нихъ становились знаменитыми богословами.

Помню также, какъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего пріѣзда въ Бѣницу (я пріѣхалъ туда лѣтомъ), умеръ въ концѣ зимы братъ Михалъ отъ горячки, свирѣпствовавшей въ ту пору повсюду, въ особенности же около тракта, который шелъ близко отъ Бѣницы и по которому плелось назадъ и замерзало французское войско.

Въ монастырѣ очень тужили о братѣ Михалѣ, потому что онъ, хотя по званію своему и былъ только квестаръ, но его весьма уважали, какъ человѣка умнаго. Очень часто человѣкъ проворный и свѣдущій въ монастырскихъ дѣлахъ имѣетъ болѣе значенія, нежели иной должностной монахъ. Помню я также сѣраго барана, котораго онъ пріучилъ быть вожакомъ во время поѣздокъ. Баранъ этотъ ѣлъ хлѣбъ изъ рукъ, а въ память покойнаго его хозяина звали и барана Михаломъ. Разорвалъ его потомъ волкъ, и всѣмъ намъ было его жаль, въ особенности же студентамъ, любимцемъ которыхъ онъ былъ.

Говорили, что ксендзъ Путята, духовникъ брата Михала, забралъ послѣ его смерти много бумагъ и тетрадокъ плотно исписанныхъ. Тогда думали, что Михалъ во время своихъ разъѣздовъ собиралъ лѣкарскіе и поварскіе рецепты, и при послѣдней исповѣди отказалъ все это своему духовному отцу. Вскорѣ послѣ Михала умеръ и ксендзъ Путята и тогда забыли о бумагахъ покойнаго. Теперь же всѣ эти обстоятельства пришли мнѣ на память, потому что всѣ эти тетрадки, но только уже напечатанныя, оказались въ моихъ рукахъ. Я прочиталъ

ихъ отъ доски до доски. Да почиваетъ въ Бозѣ честной братъ нашъ Михалъ Лавриновичъ, а добрая слава о немъ, за благословіемъ Господнимъ, да ростетъ и ширится во вѣки вѣковъ!..

Нужно и мнѣ идти по слѣдамъ его, и на меня отецъ-настоятель наложилъ послушаніе. Изгрызъ ужъ я три пера, а между тѣмъ только-что началъ размышлять. „Записки" мнѣ еще хуже вскружили голову, лѣзутъ въ нее разныя размышленія; запишу ихъ всѣ и отнесу къ отцу-настоятелю: пусть онъ ихъ обсудитъ и исправитъ, а меня избавитъ отъ дальнѣйшихъ хлопотъ.

Какой-то король, проѣзжая мимо какого-то изъ нашихъ бернардынскихъ монастырей, увидѣлъ на фасадѣ надпись: Providentia Dei (Промышленіе Божіе). Онъ подозвалъ къ себѣ настоятеля и спросилъ:

— Что значитъ эта надпись?

— Всемилостивѣйшій государь, отвѣчалъ онъ,—надпись эта означаетъ, что мы живемъ промышленіемъ Божіимъ, которое черезъ руки добрыхъ и набожныхъ людей, снабдѣваетъ насъ хлѣбомъ. Уставъ нашъ запрещаетъ намъ владѣть какимъ-либо поземельнымъ имуществомъ, мы не пашемъ и не сѣемъ, а живемъ только по милости нашихъ благодѣтелей.

— Хорошо, сказалъ король,— посмотрю я, какъ вы живете, и со всею своею свитою онъ зашелъ на обѣдъ въ монастырскую трапезу.

Само собою разумѣется, что для такого гостя отецъ-настоятель не пожалѣлъ ничего, что только было лучшаго; а такъ какъ въ монастырѣ и кладовая и погребъ были отлично снабжены всѣмъ, то королю подали обѣдъ, хотя и монастырскій, но очень сытный и вкусный. Навѣрно король отвѣдалъ также и бернардынскаго труйнака. Послѣ угощенія онъ сказалъ отцу-настоятелю и всей присутствовавшей братіи:

— Ну, теперь я вижу, что промышленіе Божіе заботливо печется о васъ, но вы должны мнѣ доказать, достойны ли вы этого, т. е. разумны ли и благочестивы ли вы? Кормитъ ли провидѣніе Божіе только вашу плоть, или же оно освѣщаетъ ваши души и питаетъ ихъ. Поэтому вы должны отвѣчать на три слѣдующіе вопроса:

Во-первыхъ, чего я стою?

Во-вторыхъ, какъ далеко отъ земли до неба?

Въ-третьихъ, о чемъ я думаю?

— Я даю вамъ три дня срока, и если послѣ этого вы на каждый изъ моихъ вопросовъ доставите мнѣ удовлетворительный отвѣтъ, то я увѣрую, что промышленіе Божіе поддерживаетъ васъ и что вы достойны такого попеченія. Тогда я самъ сдѣлаюсь для васъ его орудіемъ. Если же вы не разрѣшите предложенныхъ вамъ мною вопросовъ, то я выгоню васъ изъ монастыря, какъ людей ложно похваляющихся промышленіемъ Божіимъ, котораго однако они не достойны.

Трудно описать, какъ смутился весь монастырь послѣ такой непріятной королевской выходки. И старѣйшіе монахи, и помощники настоятеля, самые что ни на есть тонкіе богословы, сушили мозги, безпрерывно оставаясь на совѣщаніяхъ, на которыхъ они присутствовали съ утра до вечера, но ничего придумать не могли. Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ. Вотъ наступилъ уже и третій, послѣдній день, но отвѣтовъ нѣтъ какъ нѣтъ; правда, ихъ набралось съ цѣлую сотню, но никто не могъ придумать такого, который удовлетворилъ бы короля.

Тогда въ трапезу, гдѣ происходило общее совѣщаніе, вошелъ монастырскій квестаръ и спросилъ:

— Ну, что же, святые отцы, надоумились? Готовы ли у васъ отвѣты королю?

По молчанію и по выраженію лицъ всѣхъ присутствовавшихъ квестаръ догадался, что дѣло у нихъ идетъ туго.

— Ну, преподобные, сказалъ онъ,—когда ваша премудрость такъ хромаетъ, то позвольте мнѣ предстать предъ его королевскимъ величествомъ: статься можетъ, я выручу васъ и докажу, что мы...

Преподобные отцы не дали ему досказать. Съ шумомъ повскакали они со скамеекъ и въ одинъ голосъ принялись разспрашивать его: какой отвѣтъ онъ дастъ королю, а нѣкоторые, покачивая сомнительно головами, говорили:

— Мы сами не надумались, а ты, братецъ, возмыслилъ быть умнѣе насъ!..

— Отвѣтовъ моихъ—возразилъ квестаръ, я вамъ не скажу, потому что до вечера вы и сами быть можетъ что нибудь придумаете, а когда у васъ на то недостанетъ смысла, то отправляйте меня къ королю, потому что вамъ уже ничего болѣе не останется дѣлать.

Такой аргументъ былъ неоспоримъ и вслѣдствіе этого постановили отправить квестара къ королю, не спрашивая уже его о томъ, что онъ станетъ говорить, но только благословивъ его въ путь-дорогу.

Такимъ образомъ квестаръ явился предъ королемъ.

— Да будетъ благословенъ Іисусъ Христосъ, сказалъ онъ входя, такъ какъ онъ навѣрно началъ этими словами.

Король же конечно отвѣчалъ:

— Во вѣки вѣковъ! Онъ взглянулъ на вошедшаго, и припомнивъ свое недавнее посѣщеніе Бернардынскаго монастыря, сказалъ: ты, монашекъ, вѣроятно пришелъ ко мнѣ съ отвѣтами на мои вопросы.

— Точно такъ, всепресвѣтлѣйшій государь, отвѣчалъ квестаръ, низко кланяясь.

Король сѣлъ на тронъ, надѣлъ корону, какъ и слѣдуетъ королю и около него стали его придворные. Отъ блеска золота и серебра у квестара даже зарябило въ глазахъ, но онъ все-таки не растерялся.

— Ну, сказалъ король, чего же я стòю?

— Я цѣню ваше королевское величество въ двадцать девять сребренниковъ, отвѣчалъ квестаръ. Кажется мнѣ, что такая цѣна

не обидна, такъ какъ она только однимъ сребренникомъ ниже цѣны нашего Спасителя.

Король оглянулъ придворныхъ—никто ничего не возразилъ.

— Какъ далеко отъ земли до неба? спросилъ онъ.

— Одинъ только переходъ, ваше королевское величество, — смерть, отвѣчалъ квестаръ. Дѣло, впрочемъ, только въ томъ, чтобъ не сбиться съ дороги и не попасть въ адъ, а чтобъ Господь Богъ уберегъ отъ этого ваше величество, мы, недостойные Его слуги, будемъ о томъ усердно молиться.

Король покачалъ головою.

— Ну, а третій вопросъ—о чемъ я думаю?

— Ваше королевское величество думаете — отозвался квестаръ, что если меня къ вамъ отправили, то я долженъ быть премудрый богословъ, а я простой между тѣмъ братишка-квестаръ явился къ услугамъ вашего королевскаго величества.

— Славно! крикнулъ король и всѣ повторили его возгласъ.—На твоей сторонѣ побѣда. Теперь я вижу, что промышленіе Божіе печется о васъ и я не оставлю васъ, когда вы будете въ затрудненіи.

Король пригласилъ квестара къ обѣду, и наконецъ, щедро одаривъ, отпустилъ его.

Вотъ такъ квестаръ! Но повторяю, что теперь такихъ уже нѣтъ, потому что негдѣ имъ теперь учиться. Школою для нихъ былъ свѣтъ, и если порою изъ монастыря отправлялся по свѣту квестаромъ какой нибудь простакъ, другъ Божій, то и такой человѣкъ почти въ каждомъ шляхетскомъ, а тѣмъ еще болѣе въ панскомъ домѣ, кромѣ хозяевъ, встрѣчалъ еще разныхъ молодцовъ, по ремеслу тоже квестаровъ, только не въ монашеской рясѣ. Они шлялись изъ дома въ домъ, довольствуясь тѣмъ, что ихъ кормили, и отплачивали своимъ кормильцамъ острымъ языкомъ.

Трунили они надъ бѣднымъ квестаромъ и тѣмъ самымъ обучали его до такой степени, что онъ потомъ самъ умѣлъ отгрызаться отъ нихъ, да и нерѣдко смущалъ ихъ. Вслѣдствіе этого на счетъ квестаровъ и ходятъ въ городѣ разные анекдоты и побасенки.

Если бы даже квестаръ имѣлъ разумъ Соломона, онъ ничего не подѣлаетъ, если не въ состояніи развеселить себя и другихъ, а если бы даже онъ и былъ остроуменъ, такъ что жъ изъ того?.. Вотъ мнѣ приходитъ на мысль какое сравненіе: часто хорошее стальное огниво такъ и сыплетъ искры, но трутъ не загорается, потому что онъ мокрый и гнилой... Сыпь остротами и шутками словно изъ-за рукава, ну, и что же? если и тѣ и другія ни на чьемъ лицѣ не вызываютъ улыбки, потому что всѣ они желты и кислы, какъ будто сдѣланы изъ намоченной губки. Вылинялъ родъ людской—и дѣлу конецъ.

I.

„Помоги мнѣ, пресвятая дѣва Богородица!“ Такъ началъ нѣкогда свои замѣтки братъ Михалъ Лавриновичъ, въ ту пору, когда онъ былъ еще мирянином. Тѣмъ болѣе приходится начать такими словами мнѣ, который носитъ рясу. Но начало моихъ странствованій было совершенно иное, нежели его. Онъ съ перваго раза встрѣтился съ великодушнымъ и благочестивымъ мужемъ, а я?—прости Господи.

Я, сколько мнѣ помнится, сдѣлался квестаромъ Бѣницкаго монастыря, спустя лѣтъ пятнадцать послѣ нашествія французовъ. Былъ я въ ту пору человѣкъ ужъ пожилой, такъ какъ мнѣ исполнилось уже сорокъ лѣтъ. Тѣмъ не менѣе въ монастырѣ шелъ долгій споръ, не слишкомъ ли я молодъ для исполненія квестарскихъ обязанностей. Наконецъ меня отправили въ такой же двухконной повозкѣ, въ какой ѣзжалъ нѣкогда братъ Лавриновичъ, съ тою, впрочемъ, разницею въ продовольственныхъ запасахъ, что онъ имѣлъ всегда при себѣ полную, постоянно добавляемую флягу съ отмѣнной „старушкой“ [1]), которой для меня не требовалось. Кромѣ того онъ имѣлъ понаторѣлый разсудокъ и разумъ съ примѣсью бернардынскаго остроумія, а у меня какой же былъ навыкъ по квестарской части? Нѣсколько простыхъ пѣсенокъ, которыя подчасъ пѣвалъ нашъ подгулявшій органистъ, и которымъ я научился отъ него, нѣсколько школьныхъ виршей,—вотъ и все; но тѣмъ не менѣе и этотъ скудный запасъ былъ пригоденъ мнѣ при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя я стану описывать.

Въ каждомъ монастырѣ имѣется особая квестарская повозка, прочная, обитая желѣзомъ. Въ настоящую пору достаточно одной такой повозки, но прежде такихъ повозокъ отправляли изъ монастыря по три разомъ, такъ какъ нерѣдко случалось, что двѣ повозки, наполненныя разными даяніями, возвращались съ дороги въ монастырь и потомъ снова догоняли квестара. Моя повозка была тряска, но очень помѣстительна. Впряжонъ въ нее былъ старый и тощій конь, приготовившійся на чужой кормъ. За возомъ шелъ рогатый вожакъ. Возницею былъ у меня монастырскій служка, но не такой, какой обыкновенно былъ у брата Михала — неумолкаемый болтунъ, разсказывавшій разныя мірскія были. Мой возница, напротивъ, большею частію молчалъ, словно стѣна, и только изрѣдка, какъ будто съ просонья, давалъ на множество моихъ вопросовъ одинъ отрывистый отвѣтъ.

Возница мой былъ изъ новокрещенныхъ; онъ недавно былъ присланъ въ нашъ монастырь изъ Вильно и долго бы пришлось разсказывать о немъ. При крещеніи дали ему имя Петръ, а былъ онъ сынъ

[1]) Старая водка, пользовавшаяся у поляковъ особымъ почетомъ. Нынѣ она сдѣлалась рѣдкостью.

какого-то премудраго виленскаго раввина. Отецъ его, желая видѣть его на своемъ мѣстѣ, во главѣ кагала, обучалъ его разнымъ тайнамъ жидовскаго невѣрія и въ особенности внушалъ ему ненависть къ христіанамъ и къ нашему Спасителю. Не успѣлъ однако онъ обучить всему своего сына, какъ умеръ, оставивъ молодаго Авеля надъ талмудомъ и принимавшагося уже за гемару [1]). Не зналъ еще однако Авель въ совершенствѣ Еврейскаго языка, потому что языкъ этотъ, какъ говорятъ, до того труденъ, что не всѣ даже раввины могутъ основательно понимать его. Между тѣмъ въ нашемъ монастырѣ былъ очень ученый и благочестивый монахъ, странствовалъ онъ когда-то по Святой Землѣ и даже прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Іерусалимѣ, въ находящемся тамъ при святомъ гробѣ нашемъ Бернардынскомъ монастырѣ. Потомъ онъ возвратился къ себѣ на родину, поселился на постоянное житье въ нашемъ монастырѣ и жилъ въ своей кельѣ спокойно и тихо, какъ заурядный бернардынъ. Онъ зналъ такъ отлично по еврейски, что жиды въ затруднительныхъ случаяхъ, когда они въ своихъ писаніяхъ не могли доискаться настоящаго смысла, обращались къ нему и просили его переводить съ ихъ собственнаго языка. Никогда не отказывалъ имъ въ этомъ ксендзъ Громыко, потому что при каждомъ подобномъ толкованіи онъ умѣлъ ловко, на основаніи самаго еврейскаго текста, объяснить жидамъ ихъ заблужденіе и ясно доказывалъ какъ тщетно ожиданіе ими пришествія Мессіи, такъ и разные пустяки и вздоры, какими наполнены ихъ мишны и талмуды.

Авель, вмѣстѣ съ взрослыми, хаживалъ къ ксендзу Громыкѣ и, сойдясь съ нимъ близко, все чаще и чаще являлся слушать его поученія, и въ непродолжительное время ксендзъ научилъ его гораздо большему, чѣмъ то, чему научили его раввины въ продолженіе многихъ лѣтъ. Сперва Авель увѣровалъ въ мудрость своего наставника, а потомъ мало по малу такъ привыкъ къ нему, что полюбилъ его какъ своего роднаго отца, а статься можетъ и еще болѣе, потому что, какъ онъ самъ потомъ говорилъ, отецъ его заповѣдалъ ему ненавидѣть всѣхъ людей, которые не одной вѣры съ евреями, тогда какъ ксендзъ Громыко доказывалъ ему, что всѣ люди братья между собою, что всѣхъ ихъ слѣдуетъ любить, и кромѣ того обнаружилъ передъ нимъ всѣ талмудическія бредни не только по книгамъ, но и по здравому смыслу.

Короче сказать, Авель наконецъ принялъ крещеніе и сдѣлался Петромъ Пасхальскимъ, такъ какъ онъ былъ окрещенъ въ праздникъ св. Пасхи, и Петръ, не желая разставаться съ своимъ крестнымъ отцомъ, сталъ жить вмѣстѣ съ нимъ въ Виленскомъ Бернардынскомъ монастырѣ.

Покуда былъ живъ ксендзъ Громыко, все шло своимъ чередомъ. Пасхальскому все болѣе и болѣе нравился монастырскій образъ жизни,

[1]) Одна изъ важнѣйшихъ отраслей талмудическаго образованія.

и вскорѣ онъ выразилъ горячее желаніе поступить въ бернардынскіе монахи. Ему на это дано было разрѣшеніе, такъ какъ полагали, что при его наклонности къ ученію, онъ подъ руководствомъ отца Громыки сдѣлается замѣчательнымъ теологомъ. На бѣду его, ксендзъ Громыко вскорѣ умеръ, и новый монахъ, лишившись его попеченій, сталъ измѣняться съ каждымъ днемъ, и вскорѣ измѣнился до такой степени, что его трудно было узнать. Отъ тоски и печали онъ не только поблѣднѣлъ и исхудалъ, но и бросилъ занятія, и ходилъ по монастырю словно привидѣніе, не говоря ни съ кѣмъ ни слова. Слышали только случайно, что онъ часто разговаривалъ самъ съ собою на непонятномъ никому Еврейскомъ языкѣ. Замѣтили также, что иногда онъ, затворившись въ своей кельѣ одинъ, задумывался надъ еврейскими книгами, которыхъ у него самого былъ большой запасъ и въ прибавокъ къ которымъ ему досталось еще много книгъ и отъ ксендза Громыки. Тогда стали догадываться, что онъ находится на опасномъ пути, т. е. что онъ или спятитъ съума или—что еще хуже—погубитъ свою душу, обратившись снова въ жидовское невѣріе. Рѣшились его выслать изъ Вильно въ какой нибудь загородный монастырь, полагая, что на свѣжемъ воздухѣ у него поостынетъ голова и поправится свихнувшійся разсудокъ.

Такимъ образомъ онъ очутился въ Бѣнйцѣ. Настоятель нашъ былъ предъувѣдомленъ обо всемъ, и я не знаю, почему именно онъ поручилъ мнѣ имѣть о Петрѣ Пасхальскомъ особенное попеченіе. Поэтому я и старался разузнать, что съ нимъ дѣлается. Но уже въ немъ сидѣлъ сатана и подзадоривалъ его. Сатана какъ будто взялъ его за поводья и тянулъ къ себѣ, хотя Петръ, помня еще поученія отца Громыки, крѣпко упирался. Ставши въ безумную противоположность между евангеліемъ и талмудомъ, онъ чувствовалъ въ разсудкѣ такую сумятицу, что не разъ въ какомъ-то забытьѣ кивалъ въ углу головою по жидовскому обычаю, а по воскресеньямъ молился со слезами, прося Господа отпустить ему его субботнее прегрѣшеніе. Изъ всѣхъ монастырскихъ обитателей онъ привыкъ болѣе всего ко мнѣ, да и я, вслѣдствіе наставленій отца-настоятеля, старался ласкать его, и когда онъ узналъ, что я отправлюсь на квесту, то сказалъ, что не разстанется со мною и что мы поѣдемъ вмѣстѣ.

— Это невозможно, братъ Петръ, замѣтилъ я ему,—квестаръ сотоварищей не возитъ, да ему и нѣтъ въ нихъ надобности; никогда не было и въ заводѣ, чтобы въ одной и той же повозкѣ ѣздили разомъ два квестара.

— Я буду у вашей милости служить за возницу, возразилъ Петръ.

— Это будетъ еще хуже: мы станемъ возить одинъ другаго потому, что мы оба равны между собою, отвѣчалъ я.

— Равны или нѣтъ, это ничего не значитъ, замѣтилъ онъ,—я наложилъ на себя такой обѣтъ, по которому смиреніе выше всего. Мой

крестный отецъ говаривалъ мнѣ: всякъ унижающій себя возвышенъ будетъ. Такъ училъ Христосъ, а ребе Маймонъ...

— Что ты за вздоръ мелешь, съ чего ты бредишь? прервалъ я.— Какъ могло придти тебѣ это въ голову? Что за сравненіе—Христосъ и какой-то раввинъ!

Петръ съ изумленіемъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, какъ будто забывъ то, что онъ сейчасъ сказалъ. Видно было, что бѣдняга не остерегался болтать все, что ему взбредетъ на умъ. Такъ ловко злой духъ направилъ его съ хорошаго пути на дурной.

Помолчавъ немного, онъ сказалъ мнѣ:

— Поѣдемъ, поѣдемъ, а если ты меня здѣсь оставишь, то возьмешь большой грѣхъ на свою совѣсть, потому что если ты отправишься въ одни ворота, то я отправлюсь въ другія; не хочу жить съ людьми, которые называютъ меня и выкрестомъ, и отступникомъ. Я еще не постриженъ и потому въ правѣ располагать собою: я надѣну простой балахонъ и повезу тебя. Будь такъ добръ, выпроси мнѣ позволеніе у отца-настоятеля.

Что мнѣ оставалось дѣлать? Я пошелъ къ отцу-настоятелю и разсказалъ ему обо всемъ. Выслушавъ меня, онъ покачалъ головою и сказалъ:

— Пусть отправляется съ Богомъ; думается мнѣ впрочемъ, что ему не бывать бернардиномъ, а можетъ быть онъ даже и не довезетъ тебя до мѣста.

Точно пророкъ предсказалъ отецъ-настоятель, но объ этомъ я разскажу при описаніи моихъ странствованій.

Отправились мы въ путь съ братомъ Петромъ. Грустно мнѣ стало, когда я, проѣхавъ черезъ монастырскія ворота, взглянулъ на церковь. Показалось мнѣ, что я разстаюсь съ моею родною матерью. Прочиталъ я любимую мою молитву: „Подъ защиту Твою притекаемъ мы", и какъ-то веселѣе сдѣлалось на сердцѣ.

— Куда же ѣхать? спросилъ Петръ.

— Поѣзжай прямо, отвѣчалъ я. Для квестара всюду дорога, для него пріютъ—каждая хата.

II.

Первая встрѣча Лавриновича съ извѣстнымъ и великодушнымъ мужемъ Хоминскимъ была для него добрымъ предвѣщаніемъ относительно дальнѣйшей квесты, мнѣ же, какъ я до сихъ поръ помню, пришлось испытать совершенно иное. Случилось мнѣ проѣзжать черезъ одно мѣстечко близъ Бѣницы въ тотъ самый день, когда тамъ была ярмарка. Съ восходомъ солнца выбрался я изъ монастыря, желая пріѣхать въ это мѣстечко прежде чѣмъ тамъ соберутся толпы народа; но это мнѣ не удалось, и мнѣ пришлось уже протискиваться черезъ

торговую площадь съ улицы. Пришлось даже взять моего „рогача" въ повозку изъ опасенія, чтобы онъ не пропалъ, заплутавшись между возами. Я уже выбрался за мѣстечко на большую дорогу и могъ спокойно ѣхать далѣе. По дорогѣ встрѣчалъ я и крестьянъ, и шляхтичей, и щеголей, спѣшившихъ на ярмарку словно къ обѣднѣ. Никто не задерживалъ меня, всѣ вѣжливо здоровались со мною и даже кто-то сунулъ мнѣ въ руку двухзлотувку [1]). Вдругъ я дослышалъ издалека передъ собою звонъ колокольчика и увидѣлъ на дорогѣ огромный клубъ пыли. Мы взяли немного въ сторону, а на насъ вдругъ наскочила тройка, мужицкія шапки полетѣли съ головъ, а на телѣжкѣ, отъ которой торчала солома, сидѣлъ какой-то лихой дѣтина и изъ чубука, согнутаго словно волторна, пускалъ вокругъ себя дымъ, какъ будто бы ему мало было той пыли, которая поднималась надъ нимъ.

— Стой! крикнулъ онъ, взглянувши на меня.—Стой! и, приказавъ своему кучеру остановиться, соскочилъ съ телѣжки и прямо ко мнѣ. А рожа-то у него! прости Господи, не только-что совиная, а просто чудище. Ну, плохо будетъ мнѣ! подумалъ я, такъ какъ по цвѣту воротника и по висѣвшей черезъ его плечо нагайкѣ я узналъ, что это былъ нашъ ассесоръ [2]).

— Откуда, попикъ? крикнулъ онъ.

— Изъ Бѣницы, мой милостивецъ.

— А куда?

— На весь Божій свѣтъ, мой благодѣтель.

— А паспортъ есть?

— Есть.

— Покажи. Вѣдь ты видишь, кто я такой?

— Вижу, а вотъ и мой паспортъ, сказалъ я, показывая ему крестъ. который бернардыны носятъ на груди.

Оторопѣлъ его милость и быстро началъ креститься, но тотчасъ же пришелъ въ себя и сказалъ:

— Э, да ты острякъ. Это—паспортъ на небо, а ты покажи-ка мнѣ другой, безъ котораго на землѣ странствовать нельзя.

— Другаго, милостивецъ, у меня нѣтъ, отвѣчалъ я смиренно.

— Ну, такъ поворачивай назадъ! Не прохлаждайся, поѣзжай назадъ въ мѣстечко, а оттуда я отправлю тебя куда слѣдуетъ. Кто знаетъ — бернардынъ ли ты еще? Можетъ быть какой-нибудь бродяга. Ты и съ виду-то подозрителенъ, а еще возишь съ собой звѣрей. На это нужно имѣть особое позволеніе, такъ какъ недавно вышло запрещеніе водить медвѣдей.

Охъ, подумалъ я, сколько на первый же разъ крючковъ и придирокъ.

— Да вѣдь это баранъ, замѣтилъ я, усмѣхнувшись.

---

[1]) Злотъ, монета въ 15 копѣекъ серебромъ.

[2]) Такъ въ западномъ краѣ называли становыхъ приставовъ.

— Баранъ!? Баранъ!? Это тебѣ такъ кажется, а быть можетъ и волкъ въ бараньей шкурѣ, важно возразилъ онъ.

— Ахъ, мой благодѣтель, если бы со мной былъ волкъ, то онъ по дорогѣ нападалъ бы на тѣхъ, которые ѣдутъ, никого не трогая.

Вмѣсто отвѣта онъ пустилъ мнѣ въ лицо клубъ дыма, желая, какъ казалось, отмстить мнѣ за намекъ на волка.

Въ это время я случайно взглянулъ на телѣжку пана ассесора и узналъ его кучера, который былъ десятскимъ въ ближайшей отъ нашего монастыря деревнѣ и даже состоялъ братчикомъ при нашей церкви. Онъ на своей ладони дѣлалъ мнѣ очень вразумительные знаки. Панъ ассесоръ, стоявшій во время разговора со мною задомъ къ своей телѣжкѣ, не могъ видѣть этихъ знаковъ.

Я легко понялъ, какое спасительное средство указываетъ мнѣ слуга, повидимому хорошо знавшій нравъ своего господина. Я послѣдовалъ его наставленію.

— Знаешь что, панъ ассесоръ, отвяжись отъ меня, сказалъ я: вѣдь ты очень хорошо понимаешь, что попусту пристаешь ко мнѣ. Поѣзжай-ка на ярмарку и выпей-ка тамъ бутылку вина за здравіе бернардыновъ.

Съ этими словами я сунулъ ему въ руку нѣсколько злотыхъ, которые недавно дали мнѣ добрые люди, и онъ сжалъ ихъ въ горсти.

— Побери тебя лихо! добродушно сказалъ онъ.—У тебя вѣрно есть въ повозкѣ квестарская фляга. Вытащи-ка ее, да и запьемъ нашу встрѣчу.

— Я не пью и не вожу съ собою фляги, мой благодѣтель.

— Неужели? Вотъ сейчасъ и видно, что ты и на самомъ дѣлѣ подозрительная личность, а не настоящій квестаръ, если разъѣзжаешь безъ дорожнаго подкрѣпленія. Модный ты бернардынъ! А кучеръ у тебя кто? По виду онъ кажется не изъ нашихъ, кто онъ? Хамово отродье—что ли?

Не дожидаясь отвѣта, онъ пошелъ, а мнѣ пришло въ голову съиграть съ нимъ штучку, чтобы вернуть назадъ мои злотувки.

— Благодѣтель мой! крикнулъ я, удерживая его,—ты спрашивалъ мой паспортъ...

— Ну, не гнѣвайся на меня, вѣдь это моя обязанность, сказалъ онъ.

— Не только не гнѣваюсь, но хочу даже наловчить тебя, какъ спросить паспортъ у одного молодца, котораго не мѣшало бы потянуть на расправу, потому что онъ многимъ ассесорамъ намялъ бока, а паспорта онъ навѣрно не имѣетъ.

— Кто онъ?... Гдѣ онъ? живо спросилъ панъ ассесоръ.

— На ярмаркѣ ты увидишь шляхтича, одѣтаго по старинному, въ порядочно потертомъ синемъ кунтушѣ, въ шапкѣ на бекрень, съ сильною просѣдью въ волосахъ, но еще куда-какъ проворнаго. Толкается онъ всюду, гдѣ бываетъ толпа, гдѣ пьютъ, гдѣ играютъ въ карты и гдѣ по временамъ полиція разбираетъ ярмарочныя происше-

ствія. Знаешь, у него тутъ... добавилъ я, ударивъ по карману.—Онъ все высматриваетъ, а потомъ—махъ на своей чернокнижницкой лопатѣ и летитъ съ донесеніемъ въ Вильну къ тамошнимъ писакамъ, которые каждую недѣлю издаютъ вѣдомости [1]). Навѣрно ты, милостивецъ мой, читалъ эти вѣдомости, потому что почти въ каждомъ домѣ найдешь этотъ проклятый листокъ,—онъ есть и въ нашемъ монастырѣ. Въ заголовкѣ его нарисованъ шляхтичъ, сидящій на лопатѣ, съ подписью: „знай себѣ летитъ!“ Чтобъ сломать ему шею! Вѣрно онъ-то и распространяетъ по свѣту этотъ листокъ, раскидывая его сверху при своемъ полетѣ. Должно быть онъ теперь и бродитъ по ярмаркѣ. Кажись, я видѣлъ даже его въ толпѣ. Погляди-ка около зеленыхъ столиковъ, да билліардовъ, загляни-ка въ тѣ темные уголки, гдѣ угощаются пуншикомъ господа чиновники низшаго разряда—и ты навѣрно его тамъ отыщешь. Хватай его за шиворотъ, да и скажи: „а покажи-ка, пріятель, твой паспортъ! Покажи-ка указъ, по которому ты признанъ шляхтичемъ! А? у тебя его нѣтъ! Такъ какъ же ты сюда пожаловалъ? Не бойсь, на лопатѣ? Давай-ка ее сюда,—въ печь ее, а тебя самого въ тюрьму, не летай на лопатѣ, не позорь почтенныхъ людей“. Между нами сказать, добавилъ я шопотомъ,—писаки его выкупятъ, и при этомъ я снова ударилъ по карману.

Панъ ассесоръ слушалъ меня словно ошалѣлый; вытращивъ глаза и выпустивъ изо рта чубукъ, онъ еле держалъ его въ рукахъ.

— Слушай ты, попикъ, или служка, что-ли? какъ тамъ звать тебя? Неужели ты думаешь, что я такой дуракъ, что вѣрю, будто шляхтичъ летаетъ на лопатѣ. Быть можетъ ты самъ, таскаясь по свѣту, собираешь сплетни и доставляешь разныя новости виленскимъ писакамъ. Можетъ быть ты самъ недавно напечаталъ въ „Уличныхъ вѣдомостяхъ“ подъ названіемъ „Соломоновъ судъ“ описаніе моего суда, такъ что теперь меня во всемъ уѣздѣ Соломономъ называютъ? Ну да что объ этомъ толковать. Вотъ тебѣ твои злотувки.. Знай, что мнѣ чужаго не нужно, добавилъ онъ, кидая мнѣ назадъ деньги. Но помни, мой любезный, что если я найду въ вѣдомостяхъ описаніе нашей сегодняшней встрѣчи, то, ей-Богу, расправлюсь съ тобою такъ, что тебя не выручатъ ни писаки, ни весь твой бернардынскій капитулъ. Проваливай къ чорту!

— Нарочно я къ нему не пойду—замѣтилъ я, улыбаясь и отвѣшивая низкій поклонъ, а развѣ гдѣ нибудь встрѣчусь съ нимъ по дорогѣ. Мое нижайшее вамъ почтеніе!

— Ну, ну! крикнулъ панъ ассесоръ, погрозивъ мнѣ чубукомъ: еще потѣшаешься надо мною.

Онъ понесся на тележкѣ, а мы потащились далѣе.

---

[1]) Въ Вильнѣ въ двадцатыхъ годахъ издавалась юмористически-обличительная газета, называвшаяся „Wiadomosci Brukowe“; т. е. „Уличныя новости“.

— Онъ какой-то Аманъ, Олофернъ, ворчалъ по жидовски братъ Петръ [1]).

III.

Уже нѣсколько барановъ бѣжало за „рогачемъ“, и я хотѣлъ переночевать въ Воложинѣ, гдѣ также былъ нашъ бернардынскій монастырь, въ которомъ я и намѣревался провести праздникъ Тѣла Господня, какъ лопнула у насъ шина. Хорошо еще, что это случилось около корчмы, гдѣ нашелся какой-то кузнецъ. Потребовалось однако нѣсколько часовъ на починку, и солнце стало уже садиться, когда мы снова двинулись въ путь. Я впрочемъ надѣялся и ночью достучаться въ монастырскія ворота, но вдругъ небо нахмурилось и сдѣлалось такъ темно, что хоть выколи глазъ. Мы были въ затрудненіи, потому что нельзя было ѣхать въ потемкахъ, да и негдѣ было пристать на ночевку. Наши бѣдные бараны, не видя ни насъ, ни повозки, столпились всѣ въ одну кучку и жалобно блѣяли. Въ добавокъ къ этому надъ нами загремѣлъ громъ, а молнія словно хлестала насъ по глазамъ. Положились мы на Пресвятую Богородицу и рѣшились остановиться на мѣстѣ. Вдругъ, въ сторонѣ, не вдалекѣ отъ насъ, мы увидѣли нѣсколько огоньковъ, изъ которыхъ одинъ былъ ярче всѣхъ прочихъ. Мы догадались, что тутъ была какая-нибудь деревенька, до которой намъ и нужно было кое-какъ добраться, потому что крупный дождь, обыкновенный предвѣстникъ ливня, уже началъ кропить насъ. а громъ раздавался все ближе и все сильнѣе.

Не долго думая, мы повернули на огоньки, предавшись на волю Божію. Вскорѣ по сжатому полю и по скошенному лугу добрались мы до какого-то плетня и, придерживаясь его будто слѣпые, дотащились до деревни и въѣхали въ ея улицу.

Къ удивленію нашему, мы услышали на другомъ концѣ деревни звонокъ и по звуку его догадались, что вѣроятно въ какую нибудь хату несутъ св. дары. И дѣйствительно, оказалось, что дары несли въ ту хату, изъ окошка которой свѣтился намъ путеводный огонекъ. Теперь огонекъ этотъ сталъ для меня виѳлеемскою звѣздою, потому что онъ направилъ меня къ Господу.

Казалось, что въ хатѣ заслышали приближающійся звонокъ, потому что вышли во дворъ съ фонаремъ, при свѣтѣ котораго я увидѣлъ человѣка подобнаго мнѣ, такъ какъ по улицѣ шелъ монахъ нашего ордена изъ Воложинскаго монастыря, отстоящаго отсюда на одну милю. Онъ осѣнилъ меня, колѣнопреклоненнаго, крестомъ. Послѣ того мы вошли въ хату.

— Да будетъ благословенъ Іисусъ Христосъ, проговорилъ на порогѣ монахъ.

---

[1]) Аманъ и Олофернъ, извѣстныя историческія личности, считающіяся у евреевъ злѣйшими ихъ врагами.

— Во вѣки вѣковъ! отозвался слабымъ голосомъ больной, лежавшій на постели.

Я догадался, что это былъ хозяинъ дома и глава большаго семейства, такъ какъ никто другой, по обычаю нашихъ крестьянъ, не имѣлъ права отвѣчать на привѣтствіе, сказанное вошедшимъ въ хату монахомъ.

Монахъ взглянулъ на больнаго и, видя, что онъ готовъ къ исповѣди, приказалъ, чтобъ отворили гумно для того, чтобы тамъ на ржи поставить святое причастіе.

— Да почіетъ даятель на своихъ дарахъ и да благословитъ онъ ихъ, сказалъ монахъ и возвратился въ хату, изъ которой удалились всѣ, такъ какъ должна была начаться исповѣдь.

Передъ праздникомъ Тѣла Господня ночи бываютъ не долги. Всѣ обитатели хаты не спали всю ночь, а хозяева другихъ хатъ приходили навѣдываться о здоровьѣ сосѣда. Между тѣмъ исповѣдь кончилась, монахъ прочиталъ предпричастную молитву, а потомъ молитву Божіей Матери о блаженной кончинѣ умирающаго. Всѣ присутствовавшіе повторили эту молитву, стоя на колѣняхъ. Начинало уже свѣтать, и вскорѣ взошло яркое солнце. Монахъ помазалъ умирающаго елеемъ.

О, подумалъ я, солнце въ послѣдній разъ заглянуло къ нему въ окошко, вскорѣ онъ увидитъ никогда незаходящее солнце.

Въ это время я могъ уже хорошо разглядѣть лицо умирающаго. Онъ былъ человѣкъ не старый, но истощенный. Лицо его было блѣдно, но въ глазахъ еще свѣтилась жизнь. Богъ былъ милостивъ къ нему до конца, такъ какъ онъ былъ въ сознаніи и молился до самаго исхода души.

Я замѣтилъ, что онъ былъ человѣкъ разумный, честный и въ особенности человѣкъ набожный. Онъ зналъ, что смерть приближается къ нему, но—какъ теперь помню—все, что онъ говорилъ, было разсудительно, и дай Богъ каждому умирать такъ, какъ умеръ этотъ простой и искренній исповѣдникъ святой нашей вѣры.

Въ хатѣ было чисто и прохладно, замѣтно было, что ее прибрали въ ожиданіи прихода духовнаго лица. Полъ былъ усыпанъ душистою травою, столъ накрытъ бѣлою скатертью, а лавки—полотномъ. Изъ печки шелъ запахъ сжигаемаго можжевельника. Жена умирающаго горько плакала, повторяя обычныя причитанія, въ которыхъ прямо говорилось о приближающейся смерти.

— Полно плакать, Христина, сказалъ мужъ,—довольно! Я чувствую, что сейчасъ Богу душу отдамъ и хочется мнѣ благословить тебя и нашихъ дѣтокъ.

Въ это время дверь отворилась и въ хату вбѣжала молодая дѣвушка. Она кинулась на шею Христинѣ; а другая дѣвушка, старшая дочь умирающаго, стала, захлебываясь отъ слезъ, цѣловать руку вошедшей. Христина была кормилица паненки, а дѣвушка Магдуся [1], какъ я узналъ потомъ, приходилась ей молочною сестрою.

[1] Уменьшительное имя Магдалина.

— Милая моя кормилушка, сестреночка моя, не плачьте, говорила всхлыпывая паненка. Можетъ быть, Богъ дастъ, Мартынъ выздоровѣетъ и всѣмъ будетъ радость, а дѣдушка мой васъ не оставитъ.

Умирающій, схвативъ руку паненки, прижалъ ее къ губамъ.

— Милая паненочка! Мариня наша, сказалъ онъ, вѣдь и у тебя нѣтъ матери, ты сирота, дай и тебя я благословлю какъ мою дочь; я и тебя люблю такъ же какъ и ее.

Паненка стала на колѣни рядомъ съ Магдусею, а возлѣ нея сынъ Мартына—уже молодой человѣкъ, а также и другія младшія дѣти. Больной какъ будто ожилъ. Онъ поднялъ вверхъ руки, глубоко вздохнулъ и началъ молиться. Въ такомъ положеніи засталъ его вошедшій въ его хату его господинъ и тоже сталъ на колѣни.

— Ахъ, отецъ мой, сказалъ умирающій,—и ты съ нами, да благословитъ тебя Господь.

Всѣ склонили головы, и Мартынъ благословилъ ихъ.

— Я пришелъ къ тебѣ, любезный Мартынъ, чтобъ узнать, какъ подѣйствовало на тебя то лѣкарство, которое тебѣ намедни оставилъ докторъ.

— Не за тѣмъ ты пришелъ. Я знаю, зачѣмъ, проговорилъ умирающій,—ты пришелъ попрощаться съ твоимъ старымъ и вѣрнымъ слугою. Пусть Господь отплатитъ тебѣ за все добро, какое ты мнѣ сдѣлалъ.

— Если уже Богъ зоветъ тебя къ себѣ, сказалъ панъ, утирая слезы, — то я обѣщаю тебѣ, что не оставлю твоихъ дѣтей и умирая скажу моимъ внукамъ, чтобъ они не допустили до нужды дѣтей моего вѣрнаго слуги. Ты мнѣ сталъ служить еще съ той поры, когда мы оба были молоды. Потомъ ты захотѣлъ имѣть свою усадебку и ты въ ней хозяйничалъ исправно и воспитывалъ своихъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ. Если же я въ чемъ нибудь виноватъ передъ тобою, то прости меня по христіански. Я всегда любилъ, да и теперь люблю тебя!

— Да вѣдь какъ же и я люблю тебя, мой родимый. Жаль мнѣ тебя: съ кѣмъ ты теперь потолкуешь, какъ, бывало, толковалъ со мною. Кто тебя потѣшитъ и развеселитъ...

Говоря это, умирающій упалъ на постель.

Панъ отъ жалости задрожалъ какъ осина и едва могъ проговорить: до свиданія, Мартынъ!

Онъ вышелъ, и Мартынъ спокойно скончался.

Вскоръ послѣ того прибѣжалъ изъ панской усадьбы хлопецъ и пригласилъ меня туда. Я отправился къ пану. На другой день на его счетъ были похороны Мартына, на которыхъ присутствовалъ самъ панъ-подкоморій и всѣ его домочадцы, а когда гробъ былъ опущенъ въ могилу, онъ бросилъ на гробъ горсть земли, помянувъ вѣрнаго своего слугу.

Отдохнувъ у пана подкоморія три дня и получивъ отъ него нѣ

сколько барановъ, я отправился далѣе, а изъ всего того, что мнѣ привелось видѣть, я убѣдился, что на свѣтѣ существуютъ еще и честные слуги, и добрые господа.

IV.

Воложинъ близко отъ Нѣмана, за которымъ тянется Новогрудскій уѣздъ, извѣстный своею пшеницею и изобиліемъ разныхъ плодовъ земныхъ. Такъ какъ въ этой мѣстности братія нашего монастыря, находящагося въ Несвижѣ, хорошо поживляется около князей Радзивилловъ, своихъ знатныхъ пановъ, то и я рѣшился попытать тамъ счастія. Повезло оно мнѣ очень,—что объ этомъ и говорить,—но все же лучше было бы, если бы нога моя не переступала за Нѣманъ. Вотъ что со мною случилось.

На тамошнихъ поляхъ пасутся огромные стада барановъ, но овцы тамъ куда какъ дороги, потому что на нихъ волна, словно шелкъ, и хорошія денежки загребаютъ новоградчане за эту волну. Не смотря однако на это, тамъ для квестаровъ не жалѣютъ барановъ, и едва я добрался до Несвижа, какъ у меня изъ нихъ составилось такое стадо, что намъ невозможно было ѣхать далѣе. Заѣхавъ въ Несвижскій монастырь, гдѣ меня хорошо приняли, я попросилъ у тамошняго настоятеля позволенія оставить у него шестьдесятъ штукъ моихъ барановъ. Онъ согласился и пустилъ ихъ вмѣстѣ со своими на пастьбу. При себѣ я оставилъ съ десятокъ барановъ, для сотоварищества „рогачу“ и отправился далѣе, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ не только мошна скоро наполняется, но и пріятно разъѣзжать по такой прекрасной сторонкѣ.

Переѣзжая изъ одного дома въ другой — а тамъ они стоятъ по близости одинъ отъ другаго,—я пріѣхалъ къ пану маршалку [1]) Непокойчицкому. Знатный былъ онъ панъ! Пріѣхалъ я къ нему въ субботу: на столѣ у него не было ни куска мяса, тогда какъ рыбы было въ изобиліи. Это происходило отъ того, что сама пани маршалкова по субботамъ постилась, и изъ уваженія къ ней и для всѣхъ готовился только постный обѣдъ.

— Знаешь, любезнѣйшій, квестаръ — заговорилъ со мною за обѣдомъ панъ маршалокъ—оставайся-ка сегодня у насъ, завтра воскресенье — значитъ не пора быть въ дорогѣ. У насъ, слава Богу, есть домовая каплица, а нашъ почтенный ксендзъ-капелланъ приметъ тебя на ночлегъ. Завтра ты будешь прислуживать ему за обѣдней, помолишься съ нами Богу, отдохнешь, а въ понедѣльникъ,—если ты уже будешь на томъ настаивать, — отправляйся себѣ съ Богомъ?

— Я всегда, ваша милость, стараюсь, чтобъ въ воскресенье попасть куда нибудь къ обѣднѣ, а ваше приглашеніе для меня такъ

[1]) Предводитель дворянства.

лестно, что я съ почтительною благодарностію принимаю его. Боюсь только, чтобъ я моей побывкой не стѣснилъ отца капеллана.

— Во имя Отца и Сына!.. отозвался старичекъ-капелланъ.—Развѣ ты вмѣстѣ со своими баранами вздумаешь забраться ко мнѣ, ну тогда, конечно, ты меня самого прогонишь изъ дому, а если пожалуешь одинъ, то помѣстимся оба.

— Такъ ты рѣшился?—сказала пани маршалкòва,—которая была такая важная дама, какихъ нынче и не встрѣтишь,—а когда будешь уѣзжать, то повидайся со мною и я дамъ тебѣ что нибудь во славу Божiю.

Послѣ этого я съ большей еще охотой принялся уплетать щуку и запивать ее отличнымъ пивцомъ. Я отказывался отъ вина, которымъ такъ настойчиво потчивалъ меня маршàлокъ, повторяя старинную поговорку: „post pisces vinum misces“ [1]).

— Вино, ясневельможный панъ, не квестарскій напитокъ, отвѣчалъ я. Хорошее пиво и доброхотное даяніе—вотъ все, чѣмъ долженъ довольствоваться квестаръ.

— Ого!—сказалъ маршàлокъ—видно хоть ты еще и не старина, а побывалъ въ ученіи у старыхъ квестаровъ: у тебя всегда отвѣтъ на готовѣ. Вотъ нашъ-то несвижскій квестаръ только добрый пастырь своихъ барановъ, а ужъ больше ничего.

Весь этотъ день, да и слѣдующій, воскресенье, я пробылъ точно въ раю—и благочестиво и весело. Былъ я теперь въ настоящемъ панскомъ домѣ. Къ обѣднѣ собралась вся дворня, которая, слѣдуя примѣру своихъ господъ, молилась усердно—по старому обычаю, истинно по христіански. Но не о томъ впрочемъ рѣчь.

Когда, въ понедѣльникъ, я сталъ собираться въ дальнѣйшій путь, маршàлокъ далъ мнѣ два червонца, а супруга его, позвавъ меня къ себѣ, сказала:

— Возьми, братъ квестаръ, эти два куска полотна моего домашняго тканья и моего бѣленья, на покровъ для алтарей въ вашей церкви. А какое отличное полотно,—ничуть не хуже голландскаго.

Я не зналъ, какъ благодарить моихъ хозяевъ за сдѣланный мнѣ пріемъ и за ихъ щедрость.

— Прикажи, ясневельможная пани, сказалъ я, отпереть каплицу,—въ ней я, недостойный, помолюсь еще разъ Богу о вашемъ здравіи и долголѣтіи.

Исполнивъ это, я вышелъ за ворота, но когда проѣзжалъ дворомъ фольварка, то мнѣ заступилъ дорогу панскій экономъ Пшонко, котораго я уже видѣлъ въ каплицѣ. Онъ, какъ лопату, держалъ въ рукѣ окорокъ.

— Вотъ тебѣ, братишка, на дорогу! сказалъ онъ, швырнувъ въ мою повозку четверть кабана.

---

[1]) Смѣшивай рыбу съ виномъ.

— Благодарю покорно! крикнулъ я.

— На здоровье! отозвался панъ Пшонко.

Спустя двѣ недѣли, я, проѣхавши Новогрудскій уѣздъ и вдоль и поперекъ, а иногда и сворачивая въ сторону, приноровилъ такъ, чтобъ пріѣхать въ Несвижъ въ субботу. Такъ какъ мнѣ въ предшествовавшее воскресенье не удалось быть у обѣдни, то я постановилъ въ слѣдующее воскресенье помолиться на славу.

Оставивъ брата Петра съ повозкой и баранами въ ближайшей деревенькѣ, у какого-то почтеннаго домохозяина, я самъ пошелъ пѣшкомъ въ мѣстечко и направился прямо къ церкви.

— Пойдемъ, отецъ-квестаръ вмѣстѣ—проговорилъ кто-то, догоняя меня. Я оглянулся назадъ и увидѣлъ пана маршалка, моего недавняго страннопріимца. Съ нимъ шли нѣсколько пановъ. Нѣкоторые изъ нихъ мнѣ были знакомы, такъ какъ я уже заѣзжалъ къ нимъ и я теперь смиренно поздоровался съ ними, а маршалокъ спросилъ меня: какъ и зачѣмъ я сюда пріѣхалъ?

— Послѣ обѣдни прошу тебя, братъ Рафалъ, ко мнѣ на обѣдъ, и скажу тебѣ—добавилъ онъ, съ усмѣшкой взглянувъ на своихъ спутниковъ—ты въ хорошую пору попалъ въ Новогрудокъ: можешь понабрать здѣсь порядочно.

Я не могъ догадаться, что бы это могло значить, но, увидѣвъ въ церкви большое собраніе помѣщиковъ, объяснилъ слова маршалка по своему, между тѣмъ смыслъ ихъ былъ совсѣмъ иной.

Согласно приказанію маршалка, я послѣ обѣдни явился къ нему, но по дорогѣ неожиданно встрѣтилъ пана Пшонко, подарившаго мнѣ намедни окорокъ; онъ обрадовался встрѣчѣ со мною и я долженъ былъ ему разсказать, какъ и для чего я сюда забрался, добавивъ, что я иду на обѣдъ къ его принципалу.

— Полно, сказалъ онъ, гдѣ ты тамъ приткнешься! Сегодня на обѣдѣ у пана маршалка пол-уѣзда.

— А что же мнѣ дѣлать? спросилъ я.

— Пойдемъ-ка, братишка, ко мнѣ, у меня есть славный кусъ печеной говядины, жена мнѣ дала его на дорогу, а съ панской кухни намъ принесутъ разныхъ закусочекъ. Насытишься ты вдоволь: маршалокъ живетъ своимъ домомъ, а я своимъ; онъ тутъ пируетъ, а я продаю его ленъ и жито. Жидки-то, сговорясь между собою, уперлись, да и я имъ не очень-то уступлю. Кажется, придется здѣсь переночевать. Иди-ка со мной, а послѣ обѣда можешь сходить и къ пану. Ты ему скажешь, что я затащилъ тебя къ себѣ и что ты ѣлъ его обѣдъ только на другой посудѣ. Гости у него останутся до вечера,—вѣдь я знаю, что у нихъ тамъ дѣлается; говоря это, онъ покачивалъ головою.—Хватитъ тебѣ времени и на квесту, добавилъ онъ.

Я принялъ приглашеніе пана Пшонки. Онъ показался мнѣ по-

чтеннымъ человѣкомъ, и мнѣ такъ пришлись по сердцу и его старческая наружность, и его старинное одѣяніе, что я предпочелъ кусъ говядины панскому обѣду, за который, чего добраго, пришлось-бы мнѣ расплатиться квестарскимъ остроуміемъ, а на это меня и не хватило-бы.

Панъ экономъ занималъ людскую, бывшую при кухнѣ, такъ что мы были очень близко отъ панскаго обѣда, отъ котораго и намъ доставалась порядочная доля. Вдругъ вошелъ лакей въ ливреѣ, расшитой галунами, и, поставивъ передо мною бутылку вина, сказалъ:

— Панъ маршàлокъ прислалъ вашей милости.

— А почему же ясневельможный знаетъ, что я здѣсь?

— Когда панъ садился за столъ, то замѣтивъ, что васъ нѣтъ, началъ спрашивать насъ всѣхъ, не видали ли мы бернардына, а мы ужъ васъ знаемъ и видѣли, какъ панъ экономъ велъ васъ къ себѣ. Мы сказали объ этомъ пану: ясневельможный и его гости очень жалѣли, что съ ними нѣтъ квестара, и заговорили между собою о чемъ-то по-французски. Послѣ того панъ маршалокъ далъ мнѣ эту бутылку, приказалъ отнести ее къ вамъ и сказать, что онъ проситъ васъ непремѣнно пожаловать къ нему въ восемь часовъ вечера.

— Не могу, сказалъ я: около этой поры мнѣ необходимо вернуться къ моей повозкѣ и къ моимъ баранамъ.

— Не чинись такъ — замѣтилъ панъ Пшонко, если маршàлокъ приказываетъ тебѣ быть у него въ восемь часовъ вечера, то не разсуждай, вѣрно онъ приготовилъ для тебя особую поживу. Не отказывайся: волкъ въ одну ночь всѣхъ твоихъ барановъ не зарѣжетъ, да и вѣроятно ты припряталъ ихъ въ надежное мѣсто, переночуй здѣсь у меня, постель готова.

Я вспомнилъ слова пана маршàлка, что я попалъ въ Новогрудокъ въ хорошую пору и что я могу здѣсь порядкомъ поживиться.

— Пусть будетъ по твоему—сказалъ я—доложи ясневельможному, что я исполню его приказаніе, а бутылку отнеси назадъ, видно панъ маршалокъ забылъ, что я вина не пью.

— Что ты дѣлаешь?—закричалъ панъ Пшонко—схвативъ бутылку обѣими руками. — Какое пренебреженіе выказываешь къ ласкѣ ясневельможнаго. Скажи, Якубъ, пану маршàлку, что квестаръ покорнѣйше благодаритъ его ясневельможность за присланное вино.

Якубъ усмѣхнулся, усмѣхнулся и я. Панъ Пшонко между тѣмъ налилъ стаканъ, глотнулъ въ одинъ пріемъ, посмаковалъ, и, помахивая головою, сказалъ:

— Преотличнѣйшее вино.

Болтая о томъ-о семъ съ паномъ Пшонко, попивавшимъ маршалковское винцо, я между прочимъ спросилъ его:

— Не знаешь-ли, панъ Антонъ, зачѣмъ на нынѣшній день собралось сюда такъ много пановъ?

Пшонко такъ быстро взглянулъ мнѣ въ глаза, какъ будто его ужалила оса, и хватилъ съ разу столько вина, что опорожнилъ стаканъ до самаго дна. Потомъ, подумавши немного, сказалъ:

— Къ чему тебѣ знать это? Можетъ быть мнѣ и извѣстно, а можетъ быть и нѣтъ; я своего носа въ панскія дѣла не сую. Я хорошо знаю самую главную добродѣтель, да и тебѣ совѣтую помнить, что любопытство—первый шагъ въ преисподнюю. Пойду-ка, сказалъ онъ, вставая съ мѣста и беря шапку, оканчивать торгъ съ жидками на ленъ, а тебя, братишка, послѣ бесѣды съ паномъ маршàлкомъ, здѣсь будетъ ждать постель.

Не догадывался, я почему такъ смутился панъ Пшонко. Долго размышляя надъ этимъ вопросомъ, я взялъ четки и пошелъ въ застѣнокъ [1]), гдѣ оставилъ свою повозку. Приходилось мнѣ идти не далеко, версты съ двѣ, и я разсчиталъ, что вернусь къ восьми часамъ. Уладивъ съ братомъ Петромъ все какъ слѣдуетъ, я при закатѣ солнца былъ уже снова у пана эконома и дождался тамъ, пока на колокольнѣ пробило восемь часовъ, послѣ чего и отправился къ пану маршàлку.

Тотъ самый лакей, который приносилъ ко мнѣ бутылку вина, теперь дремалъ въ передней и, пробудившись при моемъ приходѣ, ввелъ меня въ первую комнату, а самъ пошелъ доложить пану о моемъ приходѣ. Вскорѣ послѣ того пришелъ маршàлокъ.

— Добрый вечеръ! привѣтливо сказалъ онъ мнѣ, подавая руку. — Отчего ты не хотѣлъ съ нами отобѣдать.

— Покорнѣйше благодарю ясневельможнаго пана, отвѣчалъ я, — хоть я не обѣдалъ съ вами, но былъ сытъ вашимъ же добромъ.

— Дай-ка квестару тарелку, сказалъ онъ, обращаясь къ слугѣ, и когда тарелка была подана, онъ сказалъ мнѣ:—Ну, теперь пойдемъ со мною.

Небо хмурилось и вечеръ былъ темный. Шли мы почти ощупью и добрались до дому, который хотя и стоялъ во дворѣ, но освѣщеніе изъ его оконъ доходило на улицу. Около фонаря маршàлокъ остановилъ меня.

— Постой тутъ въ воротахъ у фонаря и каждому проходящему подсовывай тарелку. Постоишь съ часокъ и порожнёмъ отсюда не уйдешь, а вотъ тебѣ и на починъ. Сказавъ это, онъ положилъ мнѣ рубль на тарелку.

Не очень-то мнѣ нравилась такая квеста; походила она на сборъ милостыни. Зачѣмъ онъ не повелъ меня къ гостямъ, подумалъ я и хотѣлъ было уйти. И какъ бы хорошо сдѣлалъ! Но мнѣ пришло

---

[1]) Маленькая усадьба.

на мысль, что я, поступивъ такимъ образомъ, показался бы неблагодарнымъ и тѣмъ самымъ могъ прогнѣвать моего благодѣтеля.

Въ то время, когда я такъ размышлялъ, самъ не зная что̀ мнѣ дѣлать, подошелъ ко мнѣ какой-то панъ.

— А гдѣ тарелочка, отецъ-квестаръ? спросилъ онъ.

Я подсунулъ ему ее; онъ положилъ на нее рубль и пошелъ далѣе.

Понялъ я тогда, что вѣрно такъ было условлено за обѣдомъ у маршалка, потому что откуда бы проходившій панъ могъ знать, что у меня есть тарелка. Я остался на своемъ мѣстѣ и заглянулъ изъ-за воротъ во дворъ. Не вдалекѣ отъ меня былъ довольно большой домъ; всѣ окна его были освѣщены какъ церковь въ большой праздникъ. Въ этотъ домъ входили безпрестанно какіе-то паны, изъ которыхъ каждый, то усмѣхнувшись, то вѣжливо поздоровавшись со мною, клалъ по рублю на мою тарелку. Удивляло меня только то, что въ этомъ домѣ было тихо и оттуда доносился только какой-то шорохъ, хотя тамъ набралось уже много люда и на тарелкѣ у меня оказалось уже столько рублей, что я цѣлую горсть ихъ долженъ былъ запрятать въ карманъ.

Вдругъ кто-то ударилъ меня сзади по плечу и прошепталъ:

— А, братишка, ты стоишь у фармазонскихъ воротъ. Статься можетъ, ты и самъ думаешь офармазониться! Только будь поосторожнѣе; дьявольскій искусъ слишкомъ тяжелъ: тебя заставятъ прыгать по остріямъ гвоздей, идти сквозь огонь, нырять подъ водою и сидѣть въ потемкахъ съ человѣческимъ скелетомъ. Не выдержишь, братишка, не выдержишь...

Я оглянулся и при свѣтѣ фонаря увидѣлъ Пшонко, котораго впрочемъ я и заранѣе узналъ по его голосу, но не могъ понять, что онъ мнѣ говорилъ, тѣмъ болѣе, что панъ-экономъ показался мнѣ какъ будто на веселѣ. Вѣроятно барышъ, пріобрѣтенный имъ при сбытѣ льна, смѣшался у него въ головѣ съ маршалковскимъ виномъ.

— Что ты городишь? Какіе тутъ фармазоны? Просто-на-просто панъ маршалокъ поставилъ меня тутъ съ тарелкой, на которую я уже собралъ нѣсколько десятковъ рублей отъ проходившихъ въ этомъ домъ. Кто въ немъ живетъ?

— Хе, хе, хе! засмѣялся Пшонко.—Нѣсколько десятковъ рублей? Посмотримъ, не вытащишь ли ты завтра утромъ изъ своего кармана, вмѣсто этихъ денегъ кучу щепокъ... Ого! слышь, братишка, слышь?— спросилъ онъ, хватая меня за плечо.

— Слышу; кажется стучатъ молоткомъ, какъ будто гвозди вбиваютъ въ стѣны, проговорилъ я.

— Тише, ради Бога тише, братишка, и я-то напрасно такъ громко говорилъ. Гвозди-то вбиваютъ, это правда, да только вбиваютъ ихъ не въ стѣны. Знаешь ли, братишка, что они тамъ судятъ измѣнниковъ и въ наказаніе вбиваютъ имъ во лбы гвозди. Дьяволъ потомъ залѣчиваетъ эту рану такъ, что и слѣдовъ не остается. Но такой человѣкъ совсѣмъ уже сбивается съ толку, и мы хоть не фармазоны, а

замѣчаемъ въ немъ этотъ недостатокъ, а потому у насъ и ведется поговорка: „гвоздь ему въ лобъ вбитъ", и это означаетъ измѣнника изъ фармазоновъ, отмѣченнаго гвоздемъ. Если же онъ еще разъ измѣнитъ, то пробиваютъ ножомъ его портретъ и хотя бы онъ былъ тогда на другомъ концѣ свѣта, а ужъ онъ никакъ не увернется: конецъ ему да и только!.. Ого! Слышишь, братишка, цѣпи! Ей-богу, звякаютъ цѣпи!.. Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!.. крикнулъ Пшонко и, задрожавъ, началъ креститься.

При звукѣ цѣпей и меня пробрала дрожь по тѣлу и я также началъ креститься.

— Вотъ теперь — принялся шептать испуганный Пшонко — вотъ теперь самъ дьяволъ съ цѣпями явился! Вотъ теперь-то у нихъ самый сатанинскій развалъ!.. Перекрести меня, братишка, ради Христа перекрести, вѣдь все же ты лицо духовное, да и рука твоя прикасается къ алтарю. Перекрести этотъ проклятый домъ: ей-Богу трудно выдержать!.. Страхъ беретъ!.. И убѣжать-то нельзя, ноги такъ и отнимаются... Вотъ куда я попалъ: ни взадъ, ни впередъ!..

Не зная что мнѣ дѣлать, я принялся крестить домъ.

— Эге! Вотъ такъ! началъ скороговоркою Пшонко, схвативъ меня за поясъ,—вотъ опять у нихъ стало свѣтло. Видно, ты удружилъ имъ крестнымъ знаменіемъ! Удружилъ имъ крестомъ, и врата адовы не одолѣютъ его, какъ говоритъ нашъ ксендзъ-капелланъ...

— Уйдемъ отсюда, сказалъ я, потому что хотя я и не понимаю, что здѣсь творится и что ты говоришь, но, кажись, здѣсь дѣлается что-то недоброе.

Въ это время какой-то человѣкъ, шедшій черезъ улицу съ фонаремъ въ рукахъ, замѣтилъ насъ и сказалъ, проходя мимо насъ:

— Что вы тутъ дѣлаете? Да еще какой-то бернардынъ! Кажись подсматриваете за фармазонами? Берегитесь, чтобы они не захватили васъ съ собою на Лысую гору,—и проговоривъ это, онъ засмѣялся.

— Скажи на милость, начали мы, задерживая его,—да скажи на прямоту: правда, ли что въ этомъ домѣ собрались теперь фармазоны?

— Прежде всего, братишка, сказалъ онъ,—не фармазоны, а франкмасоны, что будетъ значить по-польски „вольные каменщики", а домъ этотъ ихъ „ложа", то есть такое мѣсто, въ которомъ собирается ихъ общество.

— И въ которомъ царствуетъ дьяволъ? перебилъ Пшонко.

Разсмѣялся снова прохожій и, смѣривъ насъ при свѣтѣ фонаря съ головы до пятокъ, сказалъ:

— Могу васъ увѣрить, что они столько же знаются съ дьяволомъ, сколько и вы сами знаетесь съ нимъ. Но не подслушивайте, потому что это неприлично порядочнымъ людямъ вообще, а духовнымъ лицамъ въ особенности.

Мы отошли; страхъ или барышъ заплеталъ ноги пану Пшонко до того, что я вынужденъ былъ вести его.

— Помоги, братишка, помоги! кричалъ онъ.

Мы впрочемъ безъ всякихъ приключеній до брались до нашей стоянки.

Послѣ того, что сказалъ незнакомецъ, я уже не могъ сомнѣваться въ томъ, что набралъ фармазонскихъ рублей и затѣмъ, по долгомъ размышленіи, рѣшился отнести ихъ рано утромъ къ пану маршалку. Въ головѣ моей никакъ не могло сладиться, какъ это можетъ быть, чтобы такой набожный христіанинъ и католикъ, какъ панъ маршалокъ, могъ принадлежать къ такой чертовской сектѣ. Правда, я не зналъ, да и до сихъ поръ не знаю, что они тамъ тайно дѣлаютъ, но все же я слышалъ, что они проклятые еретики и лишь вспомню о фармазонахъ, такъ сейчасъ же мурашки и забѣгаютъ по всему тѣлу. Я высыпалъ мои рубли на столъ, даже не пересчитавъ ихъ, а было ихъ около сотни.

— Ну, ну, треклятыя денежки, заговорилъ Пшонко,—будешь ѣздить цѣлый годъ, и не наберешь ихъ столько. Но знаешь ли, братишка, чѣмъ отличается фармазонскій рубль: ты никогда не сбудешь его.

— Это почему? спросилъ я.

— А вотъ почему: купи на него что вздумается и заплати имъ, а онъ снова очутится у тебя въ карманѣ. Однимъ только способомъ можно отдѣлаться отъ него: нужно положить его въ мѣшокъ съ пшеницей и продать ее вмѣстѣ съ нимъ, тогда рубль пойдетъ гулять по міру и ужъ болѣе не вернется.

Посмѣялся я надъ вздоромъ, который городилъ Пшонко, потому что, нося на груди крестъ, я не боялся сатаны и всѣхъ дѣлъ его,— но все же я не рѣшился дотронуться до денегъ.

— Что рубль? — пустякъ. Расходовать я его не буду, да и отъ чего мнѣ не принять его и не везти въ монастырь?

Пшонко съ любопытствомъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Чтожъ ты подѣлаешь съ деньгами? спросилъ онъ.

— Объ этомъ знаю только я, было моимъ отвѣтомъ.— А ты вотъ что мнѣ скажи, какъ поладить набожность и примѣрную домашнюю христіанскую жизнь пана маршалка съ его фармазонствомъ? Бываетъ ли онъ на исповѣди?

— Какъ же, бываетъ, а ты, небойсь, думаешь, что онъ изъ невѣрующихъ? Не только въ свѣтлое воскресенье, но еще четыре раза въ году и онъ, и пани, и паничи, и вся ихъ дворня пріобщаются. Ого! задалъ бы имъ такой нагоняй ксендзъ-капелланъ, еслибы только онъ узналъ, что кто нибудь изъ нихъ вздумалъ отвиливать!..

— Да вѣдь панъ маршалокъ—фармазонъ, да и самъ ты мнѣ говорилъ, что онъ съ чортомъ знается, какъ же теперь поладить и то, и другое?

— Какъ поладить, братишка, какъ поладить? подумывая и крутя усъ, повторялъ Пшонко, и не будучи въ силахъ дать отвѣта, добавилъ наконецъ:—а если не можешь поладить, такъ и не ладь.

Разсмѣялся я надъ такимъ отвѣтомъ на предложенный мною вопросъ и спросилъ Пшонко:

— А отчего же ты, братецъ, не предостерегъ меня? Отчего ты не отвѣчалъ, когда я спрашивалъ тебя, зачѣмъ сюда набралось такъ много пановъ? А вѣдь ясно, ты зналъ, что всѣ они фармазоны и что всѣ они прїѣхали въ свою, какъ у нихъ называется, „ложу“.

— Зналъ, братишка, зналъ, но я понатерся между ними и научился отъ нихъ по-фармазонски—не болтать о томъ, что я знаю.

— Не всегда, однако, замѣтилъ я,—не всегда, потому что у воротъ ты, кажись, выболталъ мнѣ все, что ты о нихъ знаешь?

— Ого, тамъ было совсѣмъ иное дѣло. Тамъ у воротъ вѣрно дьяволъ тянулъ меня за языкъ, потому что тамъ было его царствіе.

— Да, братецъ, не барышъ ли только, который ты получилъ со льна, развязалъ тебѣ языкъ?

Панъ Пшонко не разсердился нисколько, и даже, напротивъ, засмѣявшись сказалъ:

— Было и то и другое, братишка, а теперь барышъ вотъ куда меня тянетъ! Покойной ночи!—и съ этими словами онъ какъ стоялъ, такъ и бухнулся на постель. Я же, отчитавши мои молитвы и прикрывъ рясою фармазонскіе рубли, сдѣлалъ то же самое.

Ни одной ночи не проводилъ я такъ безпокойно, какъ эту. „Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ“, проговорилъ я, пробудившись отъ безпрестанныхъ дьявольскихъ сновъ. Мнѣ вдругъ казалось, что рубли подъ рясою бурчали точно коты, то шипѣли будто ужи, то вдругъ какой-то страшный фармазонъ нашоптывалъ мнѣ что-то въ ухо; то мнѣ казалось, будто я нахожусь въ какой-то пропасти между человѣческими трупами и что каждый трупъ оскаливалъ передо мною зубы и тогда холодный потъ обдавалъ меня. Хотѣлъ я было разбудить пана Пшонко, который храпѣлъ на всю комнату, да было какъ-то стыдно сдѣлать это. Дождался я разсвѣта и убѣдился, что мнѣ съ полученными мною рублями возиться вовсе не стать, потому что отъ безсонницы и страху я могу умереть преждевременно.

Когда же я увидѣлъ, что у пана маршалка отворили ставни, то я пошелъ къ нему и понесъ въ платкѣ деньги.

— Здравствуй, здравствуй — сказалъ онъ — добрый день и какъ разъ ты поспѣлъ къ кофею. Ну что вчерашній сборъ?

— Возвращаю вамъ его, ясневельможный панъ,—и съ этими словами я высыпалъ рубли на столъ.

— Что это значитъ? спросилъ съ удивленіемъ маршалокъ.

— Прости, ясневельможный, сказалъ я, и не сердись, а денегъ этихъ я принять не могу, я даже и не считалъ ихъ.

— Почему?

— Потому... потому... замялся я, не зная самъ, какъ выгово-

рить, потому—рѣшился наконецъ я сказать, — что они фармазонскіе.

— Ха, ха, ха! расхохотался до слезъ маршалокъ: глупъ ты, братецъ, милостыня откуда бы ни шла—бываетъ добрымъ дѣломъ.

— Ясновельможный панъ—осмѣлился я сказать: вѣдь и фарисеи подавали милостыню.

— Съ ума ты спятилъ! сказалъ съ сердцемъ маршалокъ, кто тебѣ такою дурью набилъ голову? Ты этому вѣришь, а потому отказываешься отъ приношеній, сдѣланныхъ изъ самаго чистаго побужденія.

Пріостановившись не много, онъ заговорилъ: вижу я, что ты человѣкъ разсудительный и честный. Сдѣлайся самъ вольнымъ каменьщикомъ и ты убѣдишься, что у насъ нѣтъ ничего противнаго нашей святой вѣрѣ. Я самъ посвящу тебя, добавилъ онъ, вставая съ мѣста.

— Ахъ, Езусъ, Марія, Юзефъ! крикнулъ я и бросился за двери!

Я слышалъ, какъ хохоталъ маршалокъ. Я распрощался на-скоро съ паномъ Пшонко, не отвѣчая даже на его вопросы, и безъ оглядки побѣжалъ за ворота, боясь, чтобы маршалокъ не догналъ меня и силою не сдѣлалъ бы изъ меня фармазона.

Когда я вышелъ изъ мѣстечка, точно камень свалился съ моего сердца и я спокойно добрелъ до моихъ барановъ.

Впослѣдствіи, когда я возвратился въ монастырь, нашъ тогдашній настоятель ксендзъ Борейко, который уже давно въ бозѣ почиваетъ, встрѣтилъ меня очень привѣтливо, такъ какъ я привелъ болѣе шестидесяти барановъ.

— Любезнѣйшій ты мой, сказалъ онъ мнѣ: да вѣдь ты не только что барановъ, но и рубли собиралъ. Прислано намъ шестьдесятъ четыре рубля серебромъ по почтѣ, которые ты собралъ въ Новогрудкѣ. Никто подъ письмомъ не подписался, и я догадался, что такое щедрое приношеніе не было сдѣлано кѣмъ нибудь однимъ, а въ складчину нѣсколькими. Да что въ томъ пользы, вѣдь эти деньги не пошли намъ въ прокъ.

— Что же такое съ ними случилось? съ любопытствомъ спросилъ я.

— Вотъ что: поѣхалъ я въ Ошмяны, чтобы получить съ почты эти деньги, да за-одно сдѣлать разныя закупки для монастыря, на которыя такъ кстати пришла намъ нежданная подмога. На почтѣ я принялъ деньги и вмѣстѣ съ мѣшкомъ, въ которомъ онѣ были, опустилъ ихъ въ карманъ рясы. Тяжесть ихъ я чувствовалъ, да и ты знаешь, что я, славу Богу, головы своей не смачиваю, а ходя на торгу, я былъ чутокъ и осмотрителенъ. Вдругъ я почувствовалъ, что у меня въ карманѣ стало что-то легко—шасть туда руку, а мѣшочка тамъ уже и нѣтъ! Ошалѣлъ я совсѣмъ, сталъ оглядываться кругомъ— никого около меня нѣтъ... Вывернулъ я карманъ — цѣлехонекъ, никакой въ немъ дырочки нѣтъ. Видно дьявольское навожденіе—поду-

малъ я—и пошелъ разыскивать деньги на торгу, но ничто не помогло. Однимъ словомъ, деньги пропали, и я вернулся домой съ тѣмъ же, съ чѣмъ выѣхалъ оттуда, т. е. съ пустымъ карманомъ.

Тогда я разсказалъ отцу-настоятелю, откуда взялись эти рубли. Слушая меня, онъ пожималъ плечами и потомъ задалъ мнѣ порядочную головомойку за то, что я сбиралъ у воротъ, и въ заключеніе, покачивая головою, повторилъ нѣсколько разъ: „да тутъ дѣло не ладно, очень не ладно!“

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

ОДЪ этимъ заглавіемъ мы думаемъ представлять читателямъ „Историческаго Вѣстника“ отчетъ о наиболѣе интересныхъ произведеніяхъ западной исторіографіи за послѣдній годъ. Для установленія бо́льшей связи между отдѣльными явленіями исторической литературы и ради нѣкоторой цѣльности общаго впечатлѣнія, разсматриваемыя книги будутъ группированы по различнымъ странамъ и располагаемы, на сколько это возможно, въ хронологическомъ порядкѣ событій и предметовъ, которыхъ онѣ касаются. Имѣя въ виду не спеціалистовъ, а публику, мы не будемъ касаться тѣхъ книгъ, которыя имѣютъ интересъ только для ученыхъ и въ которыхъ изслѣдуются только мѣстные и частные вопросы; но будемъ останавливаться преимущественно на сочиненіяхъ, предметъ которыхъ представляетъ общій интересъ, или же на такихъ, которыя хотя и посвящены какому-либо спеціальному вопросу, но изучаютъ его съ обще-интересной точки зрѣнія. Въ виду той же цѣли мы не станемъ вдаваться въ ту спеціальную критику, которая разбираетъ только недостатки и достоинства извѣстнаго сочиненія, не касаясь самаго дѣла и которая поэтому интересна и поучительна только для лицъ, близко знакомыхъ съ даннымъ вопросомъ или, по крайней мѣрѣ, уже прочитавшихъ разбираемое сочиненіе. Мы считаемъ обще-полезной главнымъ образомъ такую критику, которая даетъ читателю возможность не только услышать опредѣленный приговоръ объ извѣстной книгѣ, но и вынести нѣкоторое понятіе о самомъ предметѣ, которому она была посвящена, т. е. такую критику, изъ которой читатель можетъ чему-нибудь научиться.

При составленіи нашего отчета мы будемъ пользоваться отзывами и рецензіями спеціалистовъ, напечатанными въ различныхъ иностранныхъ журналахъ, на сколько эти отзывы будутъ соотвѣтствовать предположенной нами цѣли. Для избѣжанія слишкомъ объемистыхъ отчетовъ мы ограничимся указаніемъ на книги, вышедшія въ теченіе

послѣдняго года за нѣкоторыми исключеніями, когда, наприм. разборъ извѣстной книги подастъ намъ поводъ упомянуть о другомъ сочиненіи, касающемся того-же предмета, хотя и вышедшемъ въ 1878 г.

Что касается объема самыхъ отзывовъ, то мы считаемъ болѣе полезнымъ ограничивать количество разбираемыхъ книгъ, чѣмъ представлять цѣлый рядъ краткихъ, такъ сказать, библіографическихъ отзывовъ, которые не знакомятъ читателя съ сущностью дѣла. Мы начнемъ нашъ отчетъ съ сочиненій, касающихся Французской исторіи и разсмотримъ въ настоящемъ номерѣ тѣ изъ нихъ, которыя относятся ко времени до революціи 1789 года.

ФРАНЦІЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

I.

Исторія почти каждаго народа начинается съ періода мало достовѣрнаго и поэтому представляющаго удобное поприще для патріотическихъ мечтаній и гипотезъ дилетантовъ. Такимъ періодомъ является въ исторія Франціи кельтическая эпоха, т. е. исторія Галліи до римскаго завоеванія. Еще въ прошломъ вѣкѣ различные французскіе писатели, преимущественно тѣ, которые увлекались демократическимъ направленіемъ, стали отвергать значеніе франкскаго завоеванія и вообще германскаго вліянія въ исторіи Франціи, и видѣть въ массѣ Французскаго народа, т. е. всего, что не принадлежало къ дворянству, потомковъ галло-римлянъ. Другіе писатели этого направленія пошли еще дальше и, считая также римское вліяніе пришлымъ, чуждымъ элементомъ, они признавали только древнихъ кельтовъ настоящими предками Французскаго народа и пытались вывести всѣ національныя черты и всѣ историческія учрежденія Франціи отъ кельтовъ. Такимъ образомъ возникла во Французской литературѣ особенная школа такъ называемыхъ кельтомановъ. Какъ показываетъ самое названіе, къ этой школѣ нельзя причислять ученыхъ, которые изучаютъ вопросъ съ чисто-научной цѣлью и съ научными пріемами, но только тѣхъ писателей, которые видятъ въ превознесеніи и преувеличеніи кельтійскаго элемента патріотическій подвигъ и какое-то національное дѣло. Однако нѣкоторое вліяніе кельтофильства иногда замѣтно отражается даже на такихъ обстоятельныхъ и сухихъ произведеніяхъ, какъ извѣстная исторія Франціи Генри Мартена, преемника Тьера во Французской академіи. Генри Мартенъ напримѣръ, не только описываетъ съ патріотическимъ сочувствіемъ борьбу галловъ противъ римлянъ, не только представляетъ храбраго вождя галльскаго, Верцингеторикса, національнымъ героемъ, но и въ позднѣйшихъ великихъ полководцахъ Франціи узнаетъ духъ Верцингеторикса. Генри Мартенъ не только относится съ романтическимъ восхищеніемъ къ

друидизму, тогда какъ онъ строго осуждаетъ средневѣковой католицизмъ, но видитъ въ волшебникѣ Мерлинѣ „воплощеніе нео-друидизма, носящагося съ своимъ пророческимъ мистицизмомъ надъ средними вѣками съ книгою судебъ въ рукахъ". Ученый историкъ Франціи наконецъ усматриваетъ въ національной героинѣ Франціи, Жаннѣ д'Аркъ—„величественное откровеніе кельтійскаго генія". При такомъ положеніи дѣла всякая попытка научнаго изслѣдованія въ области кельтологіи заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія. Такую именно попытку представляетъ вышедшая въ прошломъ году книга профессора юридическаго факультета въ Парижѣ, Вальрожé, о „Кельтахъ въ Галліи" [1]). Цѣль автора собственно изслѣдованіе вопроса о томъ, на сколько можно искать въ кельтическомъ бытѣ корней средневѣковыхъ французскихъ учрежденій; но при этомъ онъ старался собрать все, что извѣстно въ настоящее время положительнаго о кельтахъ Британіи, Ирландіи, Шотландіи и Галліи съ тѣмъ, чтобъ устранить столь распространенныя до сихъ поръ басни на счетъ этого предмета. Такъ напримѣръ, послѣ книги Вальрожé нельзя уже болѣе считать дольмены и менгиры памятниками исключительно кельтическими, или представлять друидовъ мудрецами, проводившими въ своемъ ученіи чистый спиритуализмъ; смотрѣть на валисскія тріады или на мистеріи бардовъ, какъ на выраженіе вѣрованій галльскихъ кельтовъ I вѣка до Р. Х.

Но при всемъ значеніи книги Вальрожè, не все въ ней заслуживаетъ похвалы. Во многихъ частяхъ ея изложеніе страдаетъ неопредѣленностью и даже запутанностью. Только та часть, которая касается права, представляетъ самостоятельныя мысли и изслѣдованія, хотя и заключаетъ въ себѣ не мало ошибокъ. Не будучи ни археологомъ, ни филологомъ, Вальрожè не имѣлъ подъ руками самыхъ необходимыхъ орудій для предпринимаемой работы и въ большинствѣ случаевъ онъ лишь передавалъ выводы другихъ ученыхъ. Но по крайней мѣрѣ Вальрожè сталъ очень опредѣленно на сторону новой критики противъ вѣрующихъ кельтомановъ, онъ примыкаетъ къ мнѣніямъ самыхъ авторитетныхъ ученыхъ по этому вопросу; и еслибы за его книгой признать лишь ту заслугу, что въ ней изложена библіографія предмета и правильно поставлены вопросы,—то и въ этомъ случаѣ она принесла бы несомнѣнную пользу.

Какой интересъ и значеніе для науки могло бы имѣть сочиненіе Вальрожè, еслибы онъ обладалъ необходимыми свѣдѣніями по части другихъ вѣтвей Кельтическаго племени, напр. древнихъ ирландцевъ, археологія и языкъ которыхъ значительно разработаны — это можно видѣть изъ критическихъ замѣчаній, сдѣланныхъ автору однимъ изъ главныхъ современныхъ кельтологовъ, Арбуа де Жюбенвиль (въ Revue

---

[1]) Les Celtes, la Gaule celtique, étude critique par L. Valroger. Paris, Didier, 1879.

Critique). Изъ этихъ интересныхъ замѣчаній укажемъ на одно: Вальрожè приводитъ и разбираетъ свидѣтельство Юлія Цезаря о томъ, что населеніе Галліи въ I в. до Р. Х. раздѣлялось на 2 класса, на знатныхъ или благородныхъ и на простой народъ, equites и plebs, и что народъ находился въ зависимости у знати, потому что былъ у нея въ долгу. Но какого рода были эти долги—этотъ вопросъ повидимому нисколько не занималъ автора, а между тѣмъ онъ имѣетъ существенное значеніе для каждаго, желающаго изучать политическій бытъ древней Галліи. Арбуа де Жюбенвиль полагаетъ, что благородные раздавали простолюдинамъ въ долгъ домашній скотъ. Галлы до римскаго завоеванія жили почти исключительно продуктами своихъ стадъ. Не то, чтобъ земледѣліе было вовсе имъ неизвѣстно до римскаго завоеванія, но оно имѣло для нихъ второстепенное значеніе, а на первомъ планѣ было у нихъ скотоводство; слѣдовательно обширныя земли этихъ племенъ преимущественно служили пастбищемъ, и недвижимое имущество въ частныхъ рукахъ не играло важной роли; домашній же скотъ составлялъ самый основной и существенный элементъ частной собственности.

Въ подтвержденіе этого мнѣнія Арбуа де Жюбенвиль ссылается на аналогическое явленіе въ древне-ирландскомъ бытѣ, отразившемся въ рукописномъ памятникѣ Senchus Mor [1]).

И въ древней Ирландіи населеніе раздѣлялось на 2 класса; съ одной стороны flaith, т. е. знать владѣетъ скотомъ; часть его она поручаетъ aitheck'амъ, низшему классу, за извѣстныя повинности натурой или личнымъ трудомъ. Aitheck происходитъ отъ aite, что въ VIII в. значило ростъ, процентъ; aitheck значило платящій проценты. Ирландское названіе такимъ образомъ вполнѣ соотвѣтствуетъ галльскимъ obaerati, т. е. должникамъ, о которыхъ говоритъ Цезарь. Эти должники уплачивали слѣдовательно свои проценты натурой, главнымъ образомъ домашнимъ скотомъ или личнымъ трудомъ, и долгъ ихъ заключался въ домашнемъ скотѣ. Такимъ образомъ ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ современными должниками, получившими извѣстную денежную сумму и платящими проценты также деньгами, или съ сервами и вилланами средневѣковыми, получавшими отъ сеньора въ надѣлъ недвижимое имущество.

II.

Разработка слѣдующихъ за галльской эпохой періодовъ—римскаго, франкскаго и феодальнаго не представляетъ намъ за прошлый годъ никакихъ особенно характеристическихъ для французской исторіографіи явленій, но за то происходящая въ наше время во Франціи борьба противъ клерикализма направила вниманіе изслѣдователей на эпохи религіозныхъ преслѣдованій и войнъ.

---

[1]) Хотя эта рукопись не слишкомъ древняго происхожденія, но встрѣчающіеся въ ней термины находятся также въ рукописяхъ IX вѣка.

Такъ напр., въ послѣднее время во Французской литературѣ снова оживился интересъ къ альбигойцамъ, но къ сожалѣнію писатели, занявшіеся этимъ вопросомъ, имѣли въ виду провести извѣстную тенденцію и сочиненія ихъ для науки не имѣютъ большаго значенія. Въ 1878 г. явилось сочиненіе Витче „Альбигойцы передъ исторіей“ [1]), а въ слѣдующемъ 1879 году „Альбигойцы, ихъ происхожденіе, отношеніе къ нимъ церкви въ XII в.“, аббата Дуэ [2]).

Авторъ перваго сочиненія старался придать ему популярный характеръ; что же касается до основной мысли, которой оно проникнуто, то для того, чтобъ составить себѣ понятіе о ней, лучше всего привести слова самого автора, который говоритъ, что книга его написана съ цѣлью „оправдать, очистить церковь отъ той гнусной роли, какую ей охотно приписываютъ въ альбигойскихъ войнахъ“. Защищая церковь отъ ея враговъ и выставляя послѣднихъ въ невыгодномъ свѣтѣ, Витче заходитъ такъ далеко въ своемъ усердіи, что видитъ въ современныхъ коммунарахъ преемниковъ альбигойцевъ. и, указывая на развалины Парижа послѣ коммуны, восклицаетъ: „Эти послѣдніе альбигойцы продолжали дѣло своихъ отцовъ!“

Объ ученомъ достоинствѣ разбираемаго сочиненія можетъ дать намъ понятіе слѣдующее недоразумѣніе. Рѣчь идетъ о смерти графа Безьерскаго, взятаго въ плѣнъ вождемъ крестоносцевъ; ходилъ слухъ, что онъ былъ убитъ въ плѣну и многіе современные документы сохранили извѣстіе объ этомъ подозрѣніи. Желая опровергнуть такое подозрѣніе, Витче приводитъ свидѣтельство Вильгельма Тудельскаго, одного изъ участниковъ въ крестовомъ походѣ: „Злые негодяи и вся эта сволочь, которые знаютъ о дѣлѣ только то, чего не было, толкуютъ, что онъ былъ ночью измѣннически убитъ“, и прибавляетъ къ этому слѣдующее интересное замѣчаніе: „И такъ тѣ, которые еще въ наше время повторяютъ эту клевету, ничто иное, какъ эхо злыхъ негодяевъ и сволочи XIII вѣка. Это печально для нихъ!“ Но Витче конечно не употребилъ бы такого рѣзкаго выраженія, еслибъ зналъ, что къ числу этихъ злыхъ негодяевъ и пр. надо присоединить и папу Иннокентія III, который въ одномъ изъ своихъ посланій прямо упоминаетъ объ убійствѣ графа Безьерскаго.

Другое сочиненіе объ альбигойцахъ, аббата Дуэ, хотя и написано въ томъ же духѣ, но отличается отъ перваго своими учеными пріемами и заслуживаетъ поэтому, чтобъ къ нему отнеслись болѣе серьезно. Сочиненіе предпринято въ обширныхъ размѣрахъ. Первый томъ заключаетъ въ себѣ, не смотря на значительный объемъ (болѣе 600 стр.), лишь разсказъ до 1213 года. Авторъ обѣщаетъ еще 4 тома. Къ первому тому приложены историческіе документы, но такъ какъ они

---

[1]) Les Albigeois devant l'histoire, par M. Witche. 1878.

[2]) Les Albigeois, leurs origines, action de l'Eglise au XII s. par l'abbé Douai. 1879 г.

заимствованы изъ печатныхъ и легко доступныхъ сочиненій, то этотъ ученый аппаратъ не имѣетъ научнаго значенія. Группировка фактовъ неудачна и изложеніе вслѣдствіе этого спутано. Аббатъ Дуэ часто увлекается обсужденіемъ не идущихъ къ дѣлу вопросовъ, которые отвлекаютъ его отъ главнаго предмета и обращаютъ его книгу въ цѣлый рядъ разсужденій, едва связанныхъ между собою главной мыслью, т. е. ненавистью къ альбигойцамъ. Самая же крупная ошибка аббата Дуэ въ томъ, что онъ представляетъ альбигойцевъ преемниками манихеянъ. Этотъ взглядъ былъ давно уже опровергнутъ извѣстнымъ историкомъ альбигойцевъ, Шмидтомъ, изъ сочиненія котораго самъ аббатъ Дуэ многое заимствовалъ. Мнѣніе Шмидта принято современной наукой, и опровергнуть это мнѣніе можно было только посредствомъ серьезнаго изслѣдованія. Но излагать ученіе Манеса, какъ то дѣлаетъ аббатъ Дуэ на 200 стр., не значитъ опровергнуть Шмидта.

Взглядъ знаменитаго историка альбигойцевъ, или катаровъ, таковъ, что катаризмъ возникъ въ славянскихъ, придунайскихъ земляхъ и оттуда перешелъ во Францію черезъ Италію. Это объясненіе конечно оставляетъ нѣкоторыя недоумѣнія, такъ какъ чрезвычайно трудно прослѣдить тотъ историческій путь, по которому катаризмъ проходилъ изъ Болгаріи на Западъ. Но даже тѣ, которые оспариваютъ мнѣніе Шмидта о связи альбигойцевъ съ ересью славянскихъ богумиловъ, — не думали объяснять ученіе альбигойцевъ манихеизмомъ. И въ другихъ случаяхъ Дуэ не былъ въ силахъ опровергнуть мнѣнія ученыхъ, писавшихъ до него объ альбигойцахъ. Такъ напр., онъ неудачно полемизируетъ противъ Дюлорье, утверждавшаго, что секта альбигойцевъ не имѣла духовнаго главы. Вслѣдствіе преобладанія богословскаго интереса въ книгѣ аббата Дуэ страдаетъ историческая сторона; авторъ, наприм., совсѣмъ не въ состояніи объяснить успѣхъ ереси въ Лангедокѣ и Провансѣ, потому что онъ не принимаетъ въ разсчетъ ни нравственнаго, ни національнаго чувства, содѣйствовавшихъ развитію альбигойскаго ученія.

Кромѣ этихъ важныхъ недостатковъ книга Дуэ заключаетъ въ себѣ множество ошибокъ всякаго рода, которыя были указаны его рецензентами и на которыхъ мы не считаемъ нужнымъ останавливаться.

III.

Въ XVI вѣкѣ Франція снова переживала религіозный кризисъ, подобный альбигойскимъ войнамъ—это войны протестантовъ, гугенотовъ, съ католиками. И замѣчательно, что главныя силы новой оппозиціи противъ католицизма опять сосредоточились на югѣ Франціи, почти въ тѣхъ же областяхъ, которыя нѣкогда породили альбигойскую ересь. Объ этой эпохѣ въ прошломъ году вышло сочиненіе,

тоже написанное подъ вліяніемъ французскаго клерикализма, но носящее нѣсколько иной характеръ. Авторъ его, виконтъ де-Мо, сдѣлался извѣстенъ уже лѣтъ 10 тому назадъ своимъ сочиненіемъ о „Революціи и имперіи“. Теперь онъ издалъ книгу о „Религіозной борьбѣ во Франціи въ XVI вѣкѣ [1]). Самъ авторъ говоритъ, что онъ принялся за этотъ щекотливый предметъ какъ истый католикъ и французъ, но что при этомъ его умъ былъ свободенъ отъ всякаго предубѣжденія, противорѣчащаго исторической справедливости; и можно сказать, что это удалось автору. Сочиненіе это, если взять во вниманіе точку зрѣнія автора, дѣйствительно отличается извѣстной широтой взгляда; притомъ оно искусно изложено и этими своими достоинствами напоминаетъ тонъ и манеру Монталамбера, его возвышенность чувства, его просвѣщенный и, если можно такъ выразиться, свѣтскій клерикализмъ. И въ другомъ отношеніи книга виконта де-Мо заслуживаетъ одобренія; она заключаетъ въ себѣ отличный выводъ изъ литературы этого предмета, какъ печатной, такъ и рукописной; много указаній и объясненій, заимствованы изъ большихъ сборниковъ историческихъ матеріаловъ и отдѣльныхъ монографій по этому вопросу, вышедшихъ въ наше время. Если свѣдѣнія, собранныя авторомъ, по большой части не имѣютъ прелести новизны, то во всякомъ случаѣ они отличаются полнотою и точностью.

Въ сущности книга де-Мо не есть исторія религіозныхъ войнъ въ XVI вѣкѣ, какъ можно было-бы ожидать по ея заглавію. Авторъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду изслѣдовать, какимъ образомъ эти войны упрочили за католицизмомъ господство во Франціи и какимъ образомъ по отношенію къ протестантамъ установилась вѣротерпимость. При этомъ нужно однако замѣтить, что собственно говоря, то, чего добились наконецъ протестанты послѣ долгой борьбы, не есть вѣротерпимость въ настоящемъ смыслѣ слова, ибо Нантскій эдиктъ давалъ имъ въ одно и то же время и больше и меньше того, что обыкновенно разумѣется подъ словомъ вѣротерпимость, такъ какъ, ограничивая свободное исповѣданіе ихъ религіи извѣстными городами и областями, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, за ними утверждалъ значительныя мѣстныя привиллегіи и независимую религіозную организацію. Нантскій эдиктъ призналъ за протестантами свободу вѣроисповѣданія въ единственно-возможной по тому времени формѣ, а для того, чтобы получить настоящую свободу вѣроисповѣданія, имъ пришлось ждать до революціи.

Изъ двухъ вопросовъ, которые авторъ себѣ поставилъ: какимъ образомъ Франція осталась католическою и какъ принципъ (хотя бы и ограниченной) вѣротерпимости былъ наконецъ принятъ—онъ отвѣтилъ лишь на второй. Онъ не объяснилъ, почему протестантизмъ, столь

[1]) Les luttes religieuses en France au XVI s., par le vicomte de Meaux. Paris, 1879.

подходящiй къ французскому духу по той логической формѣ, какую придалъ ему Кальвинъ, почему протестантизмъ, сочувственно привѣтствованный образованнымъ классомъ, скоро сталъ падать и сдѣлался наконецъ религiей самаго ничтожнаго меньшинства? Въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ придавать слишкомъ большое значенiе образу дѣйствiй той или другой партiи, нужно главнымъ образомъ брать во вниманiе расположенiе Французскаго народа, для котораго религiозное единство составляло одну изъ основъ государственнаго быта Францiи.

Что же касается обстоятельствъ, приведшихъ къ религiозному примиренiю и основавшихъ на привиллегiи свободу реформатскаго культа (съ нѣкоторымъ ограниченiемъ), то де-Мо указываетъ лишь на тѣ, которыя всѣмъ извѣстны: притомленiе междоусобными войнами, очевидная невозможность искоренить ересь огнемъ и мечемъ и наконецъ тотъ фактъ, что наслѣдникъ престола случайно былъ протестантъ.

IV.

Религiозно-политическая оппозицiя гугенотовъ была послѣднимъ серьезнымъ препятствiемъ, которое встрѣтила королевская власть Францiи въ своемъ стремленiи къ государственному и нацiональному объединенiю страны. Значенiе побѣды, одержанной королевской властью послѣ усмиренiя гугенотовъ при Ришельё, ясно выразилось въ послѣдней оппозицiонной вспышкѣ во время несовершеннолѣтiя Людовика XIV, извѣстной подъ именемъ Фронды.

Изученiю этой эпохи посвящено новое сочиненiе одного изъ самыхъ ученыхъ и дѣятельныхъ изслѣдователей Французской исторiи XVII в. Шерюэля „Исторiя Францiи во время малолѣтства Людовика XIV“ [1]). Не много можно назвать сочиненiй, которыя были бы написаны съ такимъ знанiемъ дѣла, какъ то, о которомъ идетъ рѣчь. Авторъ отлично знакомъ съ эпохой, которой онъ давно занимается. Его изданiя мемуаровъ M-lle de Montpensier, журнала Оливье Лефевра Ормессона, и особенно изданiе писемъ кардинала Мазарини, послужили ему хорошей подготовкой къ послѣднему труду, который долженъ быть причисленъ къ лучшимъ современнымъ историческимъ сочиненiямъ. Въ немъ Шерюэль между прочимъ возстановляетъ и представляетъ въ настоящемъ свѣтѣ нѣкоторые факты, не вѣрно приводимые писателями той эпохи, пользующимися не безъ основанiя большимъ довѣрiемъ, Монгла и Фантенэ-Марёль.

Мы не можемъ перечислить здѣсь всего, что въ этой книгѣ заслуживаетъ вниманiя, и должны ограничиться лишь немногими бѣглыми указанiями.

---

[1]) Histoire de France pendant la minorité de Louis XIV, par A. Cheruel. Paris. Hachette. 1879. 2 vol.

Такъ напримѣръ, Мазарини обвиняли въ томъ, что онъ не воспользовался въ 1647 г. возстаніемъ въ Неаполѣ противъ испанцевъ для того, чтобы ослабить соперницу Франціи. Это обвиненіе, встрѣчаемое у Монгла и повторяемое всѣми историками эпохи, Шерюэль опровергаетъ на основаніи писемъ кардинала, изъ которыхъ видно, что онъ встрѣтилъ съ радостью вѣсть о возстаніи Мазаньелло и обѣщалъ неаполитанцамъ свою помощь; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ осторожный политикъ, прежде чѣмъ взять подъ покровительство Франціи этотъ подвижный народъ, онъ поставилъ возставшимъ неаполитанцамъ условія, которыя не были ими выполнены.

Шерюэль старается опровергнуть и другое важное обвиненіе противъ Мазарини,—будто онъ не хотѣлъ заключать мира съ испанцами, считая войну необходимой для поддержанія своего личнаго положенія, — и въ доказательство приводитъ письмо кардинала къ герцогу Лонгвильскому, въ которомъ Мазарини жалуется, что испанцы никогда искренно не желали мира и всегда отвергали даже самыя умѣренныя требованія.

Относительно общей оцѣнки книги можно сказать, что она отличается яснымъ и добросовѣстнымъ изложеніемъ дѣла. Критика найдетъ мало возраженій отчасти и потому, что авторъ рѣдко выходитъ изъ рамокъ дѣловаго изложенія, чѣмъ, правда, онъ лишилъ свое сочиненіе занимательности для большей части читателей.

V.

Къ тому-же времени Фронды относится другое, болѣе спеціальное по своему содержанію сочиненіе, но болѣе интересное по характеру личности, которая является героемъ этой монографіи; это „Кардиналъ Рецъ и его дипломатическія миссіи въ Римъ, по неизданнымъ документамъ“ Р. Шантелоза [1]).

Названный авторъ уже раньше издалъ два тома о „Рецѣ и о полученіи имъ кардинальства“ [2]), гдѣ онъ довелъ свой разсказъ до 1655 г. Затѣмъ онъ напечаталъ въ Revue de France рядъ статей о Рецѣ, и послѣдняя книга есть собраніе всѣхъ этихъ статей съ прибавленіемъ длинной главы о примиреніи Реца съ Людовикомъ XIV; она даетъ возможность прослѣдить общественную дѣятельность бывшаго вождя Фронды съ 1661 г. до его смерти. Авторъ обѣщаетъ еще 4-й томъ, въ которомъ онъ возвратится къ 1648 г. Совокупность этихъ работъ представитъ современемъ полную біографію кардинала Реца.

---

[1]) Le Cardinal de Retz et ses missions diplomatiques à Rome d'après des documents inédits, par R. Chantelauze. Paris. Didier. 1879.

[2]) Le Cardinal de Retz et l'affaire du chapeau.

Занимающій насъ томъ распадается на 4 части, очень различныхъ по своему достоинству и значенію: примиреніе Реца съ королемъ въ 1662 г.; дѣло объ оскорбленіи французскаго посла солдатами папской гвардіи; посольство кардинала въ Римъ, чтобъ убѣдить папу отказаться отъ притязаній на непогрѣшимость, и наконецъ участіе кардинала въ выборахъ (конклавахъ) папъ Клемента IX, Клемента X и Иннокентія XI.

Разсказъ Шантелоза представляетъ точное изложеніе событій, но онъ сухъ и далеко уступаетъ по живости его же описанію интригъ 1652 г. Авторъ видимо не любитъ своего героя и выставляетъ его еще болѣе лукавымъ и лживымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Точно также совершенно произвольно авторъ высказываетъ предположеніе, что Людовикъ XIV никогда не переставалъ относиться къ Рецу, какъ къ опасному врагу, способному возобновить Фронду. Людовикъ XIV очень хорошо зналъ, что Конде, Ларошфуко, Рецъ и всѣ бывшіе мятежники 1648 г. почитали за великое счастіе служить ему съ полной преданностью, въ чемъ можно убѣдиться изъ самаго разсказа Шантелоза. Начиная съ 1662 г., кардиналъ Рецъ является однимъ изъ преданнѣйшахъ слугъ короля; онъ вполнѣ примирился съ юнымъ монархомъ, и ему безъ опасенія даютъ самыя щекотливыя порученія. Его даже четыре раза посылаютъ въ Римъ — поприще его прежнихъ интригъ—и его дипломатическіе походы на службѣ монарху въ своемъ родѣ не менѣе блестящи, чѣмъ позднѣйшіе воинскіе подвиги бывшаго полководца Фронды — герцога Конде.

Что касается перваго разсказа, о примиреніи Реца съ королемъ, то автору слѣдовало бы дать этому эпизоду болѣе развитія. Шантелозъ говоритъ, что до него жизнь Реца была едва извѣстна, а его борьба съ Мазарини до сихъ поръ была едва намѣчена, — онъ относится съ одинаковымъ пренебреженіемъ ко всѣмъ, кто до него занимался этимъ предметомъ. Послѣ этого естественно было бы ожидать съ его стороны новыхъ сообщеній, или по крайней мѣрѣ исправленія прежнихъ ошибокъ; между тѣмъ онъ не опровергаетъ ни одного изъ мнѣній своихъ предшественниковъ: онъ только показываетъ, подобно имъ, иногда даже приводя тѣ же данныя, что изгнанному кардиналу удалось довольно легко — какъ только онъ принесъ въ жертву своихъ прежнихъ друзей, янсенистовъ—получить въ вознагражденіе за свой отказъ отъ парижскаго архіепископства, равныя по доходности бенефиціи.

Гораздо болѣе новаго даетъ Шантелозъ въ своемъ разсказѣ о посольствѣ Реца въ Римъ къ папѣ Александру VII, чтобъ убѣдить послѣдняго отказаться отъ притязаній на непогрѣшимость. Шантелозъ первый изложилъ подробно это дѣло. Впрочемъ, неизданные документы, которые онъ вставляетъ въ свой разсказъ, и именно большое письмо Реца (отъ 13-го октября 1665 г.), вообще подтверждаютъ то, что было извѣстно уже прежде, т. е. что Рецъ безъ труда восторжествовалъ

надъ малодушнымъ Александромъ VII и заставилъ его пожертвовать столь дорогими для него притязаніями.

Послѣднія же главы книги гораздо ниже всего, что до сихъ поръ писалъ Шантелозъ; точно утомленный историкъ спѣшитъ покончить съ предметомъ, который ему самому не представляетъ болѣе интереса. Правда, что всѣ избранія папъ XVII вѣка похожи одно на другое; кто помнитъ описаніе конклавовъ 1665 и 1689 гг., сдѣланныхъ Рецомъ и аббатомъ Куланжъ, тотъ знаетъ и остальные. Немногія страницы, посвященныя авторомъ этимъ тремъ собраніямъ кардиналовъ, не дадутъ историку ничего интереснаго. И зачѣмъ это Шантелозъ, который и безъ того очень богатъ матеріалами, назвалъ въ числѣ неизданныхъ около 20 документовъ, напечатанныхъ Шампольономъ-Фижакомъ лѣтъ 40 тому назадъ? Четвертый томъ, который долженъ вскорѣ выйдти, обѣщаетъ быть гораздо интереснѣе, такъ какъ онъ будетъ относиться къ интригамъ Реца въ 1648 г. Но тутъ авторъ будетъ имѣть опаснаго соперника. Кардиналъ самъ изобразилъ эту часть своей біографіи и не легко браться за это дѣло послѣ него.

VI.

Отъ эпохи кардинала Реца, знаменующей собою восхожденіе золотаго вѣка Французской абсолютной монархіи, біографія другаго кардинала переноситъ насъ къ быстро наступившему закату этого абсолютизма.

За послѣднее время было извлечено почти изъ всѣхъ европейскихъ архивовъ множество неизданныхъ документовъ, относящихся къ Семилѣтней войнѣ. Эти документы раскрыли публикѣ договоры, бывшіе неизвѣстными и познакомили читателей, до мельчайшихъ подробностей, съ дипломатическими переговорами, остававшимися доселѣ тайными. Одна Франція отстала въ этомъ отношеніи; поэтому особенный интересъ представляетъ появленіе книги Массона „Мемуары и письма кардинала Берни“ [1]), въ двухъ томахъ. Она заключаетъ въ себѣ записки главнаго дѣйствующаго лица въ томъ сближеніи Франціи съ Австріей, которое привело къ Семилѣтней войнѣ. Эти записки были завѣщаны авторомъ его семьѣ и повидимому не предназначались имъ для публичности. Издатель записокъ присоединилъ къ нимъ интимныя письма Берни къ королю Людовику XV, къ маркизѣ Помпадуръ и къ герцогу Шуазелю. Отрывки изъ этихъ писемъ были уже прежде, въ тридцатыхъ годахъ, напечатаны Сентъ-Бёвомъ и послужили ему матеріаломъ для его интересной Бесѣды о кардиналѣ Берни. Другіе отрывки были опубликованы въ 1873 г. Обертеномъ въ его сочиненіи „Общественный духъ въ XVIII вѣкѣ“ [2]). Въ книгѣ

[1]) Memoires et lettres de François Ioachim de Pière, Cardinal de Bernis. Paris. Plon, 1879, 2 vol. publiés par F. Masson.

[2]) L'esprit public au XVIII s. par Ch. Aubertin.

Массона, кромѣ писемъ Берни, можно найдти въ приложеніи много оффиціальныхъ документовъ и бумагъ, почерпнутыхъ изъ французскихъ архивовъ и большею частью впервые являющихся въ печати.

Спеціалистъ по этому вопросу, извѣстный историкъ Семилѣтней войны, боннскій профессоръ Шеферъ, отнесся довольно строго къ мемуарамъ Берни: не отрицая интереса этихъ записокъ и приложенныхъ къ нимъ документовъ для знакомства съ дворомъ Людовика XV и для общей характеристики тогдашней французской политики, ученый критикъ дѣлаетъ издателю упрекъ, что онъ не внесъ въ это дѣло той добросовѣстности и точности, какою отличаются теперь французскія ученыя изданія; за самыми же мемуарами не признаетъ особеннаго научнаго значенія, такъ какъ они были написаны кардиналомъ для его семьи; очень многое въ самыхъ важныхъ вопросахъ намѣренно недоговорено изъ страха выдать государственныя тайны и, наконецъ, такъ какъ записки Берни были составлены по воспоминаніямъ, гораздо позднѣе самыхъ событій, о которыхъ идетъ рѣчь, когда авторъ не имѣлъ подъ рукой наиболѣе важныхъ документовъ, чѣмъ объясняется множество ошибокъ и неточностей въ нихъ.

Такое отношеніе къ книгѣ Массона со стороны Шефера совершенно понятно, такъ какъ его собственное ученое изслѣдованіе и особенно его знакомство съ документами вѣнскихъ архивовъ уже давно открыли ему правильную точку зрѣнія на причины, вызвавшія Семилѣтнюю войну; но для большинства европейской публики изданныя Массономъ „Записки Берни" представляютъ это дѣло въ новомъ свѣтѣ, и потому, не смотря на дѣльность упрековъ и замѣчаній Шефера, нужно всетаки признать за этими мемуарами большое значеніе не только для читателей вообще, но даже для самой французской исторіографіи, въ которой до сихъ поръ господствовалъ, какъ и въ остальной Европѣ, взглядъ, установленный Фридрихомъ Великимъ на Семилѣтнюю войну; этотъ взглядъ особенно охотно принимался во Франціи, благодаря ненависти ко двору Людовика XV и къ маркизѣ Помпадуръ. Въ „Запискахъ Берни" мы имѣемъ теперь взглядъ другой стороны, это первый французскій голосъ, раздавшійся въ этомъ дѣлѣ, который тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что „Записки" были написаны, когда авторъ впалъ въ немилость и находился въ изгнаніи, т. е. когда его трудно было заподозрить въ пристрастіи къ маркизѣ Помпадуръ. Самая важная и выдающаяся заслуга этихъ „Записокъ" заключается въ томъ, что онѣ бросили новый свѣтъ на происхожденіе Семилѣтней войны. Обычное объясненіе, обратившееся въ освященное временемъ преданіе, слишкомъ всѣмъ извѣстно,—что причиной войны было желаніе маркизы Помпадуръ отомстить Фридриху II за его злыя эпиграммы и насмѣшки надъ ней. Это объясненіе можно встрѣтить у серьезныхъ ученыхъ, какъ Генри Мартенъ и въ учебникахъ исторіи, издаваемыхъ по распоряженію французскаго министерства народнаго просвѣщенія; это взглядъ, до сихъ поръ преобладающій во Франціи.

Изъ мемуаровъ же Берни становится очевиднымъ, что Семилѣтняя война возникла изъ причинъ гораздо болѣе глубокихъ, чѣмъ капризъ хорошенькой женщины, въ которую былъ влюбленъ развратный король, и что такъ называемый Бабій союзъ имѣлъ болѣе общее историческое основаніе.

Послѣ важныхъ вопросовъ дипломатіи въ „Запискахъ" чрезвычайно интересны тѣ мѣста, гдѣ живо рисуется анархія и полная неспособность Французскаго правительства, и если кто пожалѣетъ, что на маркизу Помпадуръ напрасно негодовали какъ на виновницу войны, то можетъ въ этомъ отношеніи найдти полное удовлетвореніе своимъ антипатіямъ. Если не она произвела войну, то она конечно направляла ее и мы знаемъ съ какимъ успѣхомъ. Вообще картина политической дряхлости и правительственнаго разслабленія, какая рисуется при чтеніи „Записокъ", превосходитъ даже то, что представляетъ въ этомъ родѣ исторія Испаніи. Каждый министръ думалъ только о своемъ вѣдомствѣ, никогда не принимая во вниманіе другихъ товарищей, даже дѣйствуя имъ наперекоръ и менѣе всего заботясь объ общемъ благѣ.

Что касается самаго разсказа и слога „Записокъ", то онѣ нѣсколько отличаются отъ подобнаго рода произведеній: онѣ не имѣютъ той живости, рельефности и яркости красокъ въ описаніи лицъ, нравовъ и обстановки, какъ напримѣръ записки Сенъ-Симона или даже многихъ второстепенныхъ мемуаристовъ, которые самымъ изящнымъ языкомъ умѣютъ передать и выразить малѣйшіе оттѣнки мыслей и чувствъ. Но съ другой стороны эти мемуары не представляютъ монотоннаго перечня дневниковъ, какъ у Данжо, Барбье и т. п.; это политическія записки, написанныя человѣкомъ, который сознавалъ, что его дѣятельность была выставлена въ превратномъ свѣтѣ и что онъ можетъ представить серьезное оправданіе своихъ дѣйствій.

Берни былъ младшимъ сыномъ семейства, гордившагося своимъ древнимъ и чистокровнымъ происхожденіемъ, но очень небогатаго. Образованіе свое онъ получилъ у іезуитовъ въ Коллежѣ Луи ле Гранъ, а потомъ въ семинаріи Сенъ-Сюльписъ и навсегда считалъ себя обязаннымъ своимъ духовнымъ учителямъ.

По выходѣ Берни изъ семинаріи нерасположеніе кардинала Флёри закрыло ему доступъ къ доходнымъ мѣстамъ духовнаго вѣдомства (бенефиціямъ), и хотя онъ носилъ духовную одежду аббата à petit collet, но не принималъ посвященія и жилъ какъ независимый свѣтскій человѣкъ среди Парижскаго общества, вертясь въ самыхъ образованныхъ и веселыхъ кружкахъ столицы. Онъ былъ очень пріятенъ въ обществѣ и, пользуясь общимъ расположеніемъ какъ среди мужчинъ, такъ и среди дамъ, сдѣлался повѣреннымъ всѣхъ интригъ,—но самъ при этомъ былъ чрезвычайно добродушенъ и безъ всякой фальши. Объ этой эпохѣ своей жизни онъ выражается такъ: „Въ своей молодости я могу себя упрекать за многое какъ христіанинъ, но не какъ честный человѣкъ".

Онъ очень легко писалъ маленькія статейки, разсказы и стихи любовные, дидактическіе и проч. Въ 1744 г. онъ былъ принятъ въ члены Французской академіи,. что вызвало слѣдующую насмѣшку Фридриха II въ его посланіи къ графу Готтеру; „Je laisse à Bernis sa stérile abondance“!

Такимъ образомъ Берни жилъ день за день, не заботясь о будущемъ, хотя его средствъ не хватало, и ему приходилось постоянно дѣлать долги, какъ вдругъ въ его жизни совершился неожиданный переворотъ, благодаря тому, что г-жа д'Есіоль, съ которою Берни давно былъ знакомъ, сдѣлалась фавориткой короля (1745). Она избрала Берни съ разрѣшенія короля своимъ довѣреннымъ совѣтникомъ; Берни согласился принять это положеніе, и они обмѣнялись обѣтомъ взаимной вѣчной дружбы. Впрочемъ хотя Берни и воспѣвалъ въ мадригалахъ красоту маркизы, но онъ хвалится тѣмъ, что расположеніе его къ фавориткѣ никогда не доходило до низкой услужливости, что всегда, устно и письменно, онъ говорилъ ей правду и никогда не злоупотреблялъ ея милостью.

Пока дружба съ маркизой Помпадуръ въ матеріальномъ отношеніи принесла ему немного: помѣщеніе въ Луврѣ и 1500 ливровъ годоваго содержанія изъ собственной шкатулки короля. Вскорѣ онъ былъ избранъ членомъ Ліонскаго капитула канониковъ (въ 1749 г.), послѣ чего Берни счелъ нужнымъ отказаться отъ театральныхъ зрѣлищъ и пересталъ писать легкіе стихи: „Съ этихъ поръ исторія, политическія и нравственныя науки сдѣлались, какъ онъ говоритъ, его единственнымъ занятіемъ“. Ему хотѣлось пріучить общество смотрѣть на него серьезно. Затѣмъ онъ избралъ поприщемъ своей дѣятельности дипломатію и въ 1751 г. получилъ назначеніе посланника при Венеціанской республикѣ. Вторая часть его мемуаровъ заключаетъ въ себѣ разсказъ о его дипломатической роли въ Венеціи и въ Туринѣ. Съ 1755 г. начинается самая важная эпоха въ жизни Берни; на него было возложено тайное порученіе величайшей важности—переговоры съ Австріей о союзѣ. Этотъ отдѣлъ его мемуаровъ представляетъ большой интересъ, но къ сожалѣнію, согласно данному обѣимъ сторонамъ обѣщанію, авторъ только описываетъ свою роль въ этомъ дѣлѣ, умалчивая о содержаніи самыхъ переговоровъ. Но инструкціи, данныя министромъ Кауницемъ австрійскому послу въ Парижѣ Штарембергу, напечатанныя недавно въ сочиненіи Арнета „Исторія Маріи Терезіи“,—такъ ясны и такъ исчерпываютъ дѣло, что восполняютъ въ этомъ случаѣ записки Берни относительно содержанія переговоровъ. Берни же въ свою очередь подтверждаетъ, что съ перваго шага, сдѣланнаго австрійской дипломатіей, Людовикъ XV оказался очень склоненъ къ сближенію съ Маріей Терезіей.

31 августа 1755 г. австрійскій посланникъ Штарембергъ передалъ маркизѣ Помпадуръ письмо государственнаго канцлера, заклю-

чавшее просьбу ходатайствовать передъ королемъ, чтобъ онъ назначилъ человѣка, пользующагося его полнымъ довѣріемъ, которому Штарембергъ могъ-бы открыть чрезвычайно важныя предложенія Маріи Терезіи. Маркиза, очень польщенная такимъ обращеніемъ, чрезвычайно охотно взялась за это, и Людовикъ XV тотчасъ избралъ для веденія переговоровъ Берни, обойдя всѣхъ своихъ министровъ, „такъ какъ онъ хорошо зналъ ихъ предубѣжденія противъ Вѣнскаго двора“.

Берни увѣряетъ, что когда маркиза Помпадуръ передала ему порученіе короля, онъ высказалъ ей свое недоумѣніе относительно переговоровъ съ Австріей. Этотъ союзъ долженъ былъ, по его мнѣнію, повести къ совершенному перевороту въ политической системѣ не только Франціи, но и всей Европы, и вызвать общее потрясеніе. Онъ прибавилъ, что Вѣнскій дворъ безъ сомнѣнія вовлечетъ Францію въ войну съ прусскимъ королемъ и что изъ этого можетъ возгорѣться обще-европейская война. Далѣе онъ указывалъ на то, что чуждая французскимъ національнымъ интересамъ война возбудитъ недовольство всей страны; что король не имѣетъ опытныхъ генераловъ, способныхъ командовать войсками, и наконецъ финансы не въ такомъ состояніи, чтобы вынести тяжести предстоящей войны. Когда Берни кончилъ свои возраженія, вошелъ король и прямо спросилъ его, что онъ думаетъ о письмѣ Штаремберга? Берни повторилъ королю все, что онъ только-что высказалъ маркизѣ. Людовикъ XV слушалъ очень нетерпѣливо, и когда Берни замолчалъ, онъ сказалъ „почти гнѣвно“ (presqu'en colère): „Вы также какъ и всѣ враждебно относитесь къ королевѣ Венгерской“... Берни отрекался отъ этого, на что король замѣтилъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ: „Въ такомъ случаѣ остается только полюбезнѣе раскланяться съ Штарембергомъ и сказать ему, что мы не хотимъ его слушать“. — „Мое мнѣніе не таково, сиръ!“ возразилъ Берни—ваше величество можетъ только выиграть, если развѣдаетъ что нибудь о намѣреніяхъ Вѣнскаго двора; я стою лишь за то, что слѣдуетъ быть очень осторожнымъ относительно отвѣта, какой будетъ данъ этому двору“. Тогда лицо короля прояснилось; онъ приказалъ Берни выслушать Штаремберга въ присутствіи маркизы Помпадуръ.

И такъ, очевидно, что союзъ съ Австріей не былъ случайностью, что Людовикъ XV принималъ это дѣло близко къ сердцу; король не скрывалъ, что всю свою жизнь желалъ этого союза и смотрѣлъ на него, какъ на единственное средство упрочить европейскій миръ и поддержать интересы католицизма: въ этомъ отношеніи записки Берни вполнѣ подтверждаютъ разсказъ Дюкло. Берни просилъ короля дать ему собственноручное полномочіе для веденія переговоровъ съ Штарембергомъ и опредѣленный приказъ—доставлять свѣдѣнія о томъ, что будетъ происходить на конференціяхъ, только одному королю. Людовикъ XV согласился и тотчасъ велѣлъ Берни заготовить въ чер-

новой полномочіе, которое король потомъ написалъ собственноручно. „Никогда не случалось мнѣ видѣть на лицѣ короля такого выраженія довольства и веселости, какъ въ эту минуту“, прибавляетъ Берни. Послѣ этого разговора Людовикъ XV отправился въ совѣтъ министровъ, а Берни остался вдвоемъ съ маркизой Помпадуръ, которая тутъ разсказала ему, какъ Кауницъ еще во время своего посольства при Французскомъ дворѣ не разъ подговаривалъ ее склонить короля на союзъ съ Австріей, столь желанный для Маріи Терезіи; что Людовикъ XV всегда желалъ этого союза, отчасти изъ религіозныхъ побужденій, отчасти потому, что ему внушалъ мало довѣрія прусскій король, уже не разъ выказывавшій вѣроломство по отношенію къ нему. „Изъ словъ маркизы я понялъ, продолжаетъ Берни, что король тяготился прусскимъ союзомъ какъ вслѣдствіе различія вѣры, такъ и вслѣдствіе нѣкоторыхъ неосторожныхъ выраженій прусскаго короля о правленіи и дворѣ Людовика XV. Затѣмъ я поздравилъ маркизу съ лестнымъ довѣріемъ, какое оказывалъ ей Вѣнскій дворъ... Что же касается меня, то я высказалъ ей свое сожалѣніе о томъ, что возложили на меня это дѣло; въ немъ я предвидѣлъ для Франціи большое замѣшательство, а для себя лично опасное порученіе, которое могло, правда, вдругъ возвысить меня на время, но могло столь же быстро повергнуть въ немилость“. Маркиза старалась его успокоить и увѣрить въ своемъ расположеніи.

Этотъ разсказъ очень интересенъ; изъ него ясно, что прежде даже, чѣмъ содержаніе австрійскихъ предложеній стало извѣстно, какъ только было высказано одно желаніе завести переговоры о возможности соглашенія, Людовикъ XV уже рѣшился заключить союзъ съ Австріей и бросить прусскаго короля; что маркиза Помпадуръ видѣла въ этомъ союзѣ ручательство своей будущности, а Берни—ступень къ высшимъ почестямъ. Самъ же Берни увѣряетъ въ своихъ запискахъ, что онъ вполнѣ сознавалъ, какая отвѣтственность была возложена на него.

Въ началѣ Берни велъ переговоры одинъ, но онъ неоднократно требовалъ и настаивалъ, чтобъ Людовикъ XV разрѣшилъ ему довести до свѣдѣнія его тайнаго совѣта или по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ его членовъ объ этихъ переговорахъ; но это было безуспѣшно, и только черезъ шесть недѣль, слѣдовательно послѣ втораго отвѣта Вѣнскому двору, въ которомъ Берни просилъ болѣе точнаго разъясненія на счетъ австрійскихъ предложеній, тогда только согласился Людовикъ XV, чтобы 4 министра, Машо, Сешель, Рулье и Сенъ-Флорантэнъ составили комитетъ, съ которымъ долженъ былъ совѣщаться Берни.

Изъ участія въ этомъ совѣтѣ былъ исключенъ военный министръ д'Аржансонъ. Тайна о переговорахъ строго хранилась; Берни писалъ всѣ проэкты и бумаги самъ, даже не прибѣгая къ помощи своего секретаря. Переговоры затянулись разными проэктами и контръ-проэк-

тами, причемъ съ французской стороны старались смягчить австрійскія требованія, а Кауницъ съ спокойной увѣренностью въ окончательномъ результатѣ непоколебимо держался своей цѣли: вовлечь Францію въ войну. Между тѣмъ Людовикъ XV со всякимъ днемъ все болѣе разгорался желаніемъ австрійскаго союза, не скрывая этого отъ министровъ, привлеченныхъ въ совѣтъ. Къ тому же Вестминстерскій договоръ о нейтралитетѣ, заключенный Фридрихомъ II съ Англіей въ январѣ 1756 г., возбудилъ сильное раздраженіе при Французскомъ дворѣ, и „дурное поведеніе прусскаго короля", какъ выражался Людовикъ XV, служило какъ бы оправданіемъ окончательнаго разрыва съ Пруссіей. Переговоры съ Штарембергомъ пошли съ этого времени быстрѣе, какъ это видно изъ австрійскихъ документовъ, и маркиза Помпадуръ конечно не мало тому содѣйствовала.

Мемуары Верни содержатъ также интересныя подробности о столкновеніи короля съ парламентомъ и вообще о томъ, что дѣлалось при дворѣ Людовика XV, напримѣръ о томъ, какое впечатлѣніе произвело при дворѣ покушеніе Дамьена на короля. Маркиза Помпадуръ удержалась и послѣ этого; Людовикъ XV не могъ рѣшиться ее оттолкнуть. „Рѣчь шла не объ удаленіи любовницы, а друга, который не могъ быть замѣненъ никѣмъ другимъ", такъ выражается Берни по этому поводу. „Съ этихъ поръ маркиза снова заняла престолъ съ такою же или даже съ большею увѣренностью, чѣмъ прежде; болѣе чѣмъ когда-либо она выступаетъ на первый планъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ". Она расточала милости своимъ друзьямъ и мстила врагамъ. Военный министръ д'Аржансонъ, осмѣлившійся воспротивиться маркизѣ, и Машо, котораго она подозрѣвала въ нерасположеніи къ себѣ — оба получили отставку. Ссора послѣдняго съ парламентомъ послужила лишь предлогомъ, но вовсе не была, какъ то утверждалъ Ранке, причиной устраненія этого способнаго министра. Берни тутъ ни при чемъ, маркиза въ этомъ случаѣ обошлась безъ его совѣта.

Что Берни хорошо понималъ тогдашнее положеніе Франціи, это видно изъ слѣдующихъ его словъ, которыми онъ заканчиваетъ этотъ отдѣлъ: „Несчастія Франціи начинаются съ этой эпохи. Королевскій совѣтъ потерялъ всякое уваженіе. Военное и морское вѣдомства, почувствовавъ, что рука, державшая бразды правленія, слишкомъ слаба, пришли въ замѣшательство, дѣла вообще велись съ большимъ нерадѣніемъ. Маркиза Помпадуръ съ дѣтской увѣренностью думала, что съ ея помощью все пойдетъ отлично; но я смотрѣлъ на дѣло иначе, въ чемъ со мной сходились и наши союзники, которые считали паденіе двухъ способныхъ министровъ роковой ошибкой при настоящихъ обстоятельствахъ". Съ такою же рѣзкостью судитъ Берни и о самой маркизѣ: „Она до смѣшнаго увлекалась самолюбіемъ и къ государственнымъ дѣламъ относилась какъ ребенокъ". Свое сужденіе о фавориткѣ Берни заключаетъ слѣдующими словами: „Она не имѣла ни

одного изъ крупныхъ пороковъ, свойственныхъ честолюбивымъ женщинамъ, но всѣ слабости и мелочность женщинъ, которыя упоены своей красотой и мнимымъ превосходствомъ своего ума".

Въ февралѣ 1757 г. Берни былъ назначенъ министромъ на мѣсто Рулье, а какимъ способомъ совершилась эта перемѣна, чрезвычайно характеристично для тогдашняго Французскаго двора. Предназначаемый въ началѣ для Берни постъ французскаго посланника при Вѣнскомъ дворѣ, былъ порученъ по ходатайству маркизы Помпадуръ герцогу Шуазёлю, но послѣдній не хотѣлъ долѣе служить подъ начальствомъ неспособнаго министра и рѣшился во что бы то ни стало отстранить Рулье отъ должности. Съ этой цѣлью герцогъ сталъ уговаривать фаворитку испросить ему у короля позволеніе отказаться отъ назначенія посланникомъ въ Вѣнѣ и перейти въ армію. Маркиза Помпадуръ находила, что это просто безуміе съ его стороны, пока онъ ей не объяснилъ, что не можетъ при Рулье принять такого важнаго поста, какъ посольство въ Вѣнѣ и при такихъ критическихъ обстоятельствахъ. При этомъ онъ самъ вызвался, если маркиза дастъ на то согласіе, черезъ часъ принести отставку Рулье. Маркиза разсмѣялась на это, но дала свое согласіе. Герцогъ Шуазель тотчасъ отправляется въ домъ министра, велитъ о себѣ доложить m-me Рулье и въ разговорѣ представляетъ ей такъ живо, что супругъ ея на старости лѣтъ (ему былъ 69-й годъ) губитъ себя непосильными трудами,—что встревоженная женщина вмѣстѣ съ герцогомъ сейчасъ же идетъ къ Рулье и убѣждаетъ его просить отставки. А торжествующій Шуазель спѣшитъ къ маркизѣ съ извѣстіемъ, какъ хорошо ему удалась эта продѣлка.

Въ тотъ самый день, какъ Берни, заступивъ мѣсто Рулье, приносилъ присягу въ качествѣ статсъ-секретаря, ему пришлось сообщить извѣстіе о побѣдѣ Австрійской арміи при Колинѣ. Вообще все шло, какъ по желанію, до конвенціи въ Клостеръ-Севенѣ (сент. 1757 г.) между герцогомъ Ришелье, главнокомандующимъ Французской арміей, занявшей Ганноверъ, и герцогомъ Кумберландскимъ. Берни живо рисуетъ блестящее положеніе Людовика XV, пріобрѣтенное имъ въ это время благодаря австрійскому союзу. Казалось, что достаточно будетъ еще одного похода, чтобы привести дѣло къ желанному окончанію. Но побѣды Фридриха Великаго при Росбахѣ и Лейтенѣ разрушили всѣ иллюзіи, какими утѣшалъ себя Берни; тутъ онъ ясно увидѣлъ, что Франція находится на краю пропасти и чувствовалъ на своей совѣсти очень тяжкую отвѣтственность. Единственнымъ средствомъ спасенія ему представлялось быстрое заключеніе мира; но этого можно было достигнуть лишь тогда, когда Марія Терезія согласится протянуть руку Фридриху II, ибо Людовикъ XV упорствовалъ въ томъ, что не оставитъ своей союзницы. Между тѣмъ Берни употреблялъ всѣ усилія, чтобъ склонить короля къ миру; эти старанія Берни въ пользу мира и повели наконецъ къ его паденію; при этомъ онъ имѣлъ

противъ себя герцога Шуазеля, находившагося въ Вѣнѣ въ качествѣ посланника и очень стоявшаго за австрійскій союзъ, и маркизу Помпадуръ, которая боялась, что самостоятельное поведеніе Берни угрожаетъ ея вліянію.

Насчетъ переговоровъ о мирѣ у Берни нѣтъ ничего новаго, но въ другомъ отношеніи его записки и письма представляютъ интересъ: изъ нихъ видно, что Берни считалъ положеніе правительства, „гдѣ маркиза Помпадуръ была на дѣлѣ первымъ министромъ короля, хотя и не носила этого титула“, невозможнымъ и предвидѣлъ въ самомъ скоромъ времени крушеніе финансовъ и разложеніе всего государственнаго строя. Онъ думалъ о томъ, какъ бы помочь дѣлу и старался убѣдить фаворитку въ необходимости устранить нѣкоторыя злоупотребленія; онъ придумалъ для нея мѣсто въ новой правительственной организаціи, посредствомъ которой онъ имѣлъ въ виду поднять Францію; но все было напрасно. Маркиза Помпадуръ не видѣла ничего, кромѣ желанія ограничить ея вліяніе и рѣшилась наконецъ отдѣлаться отъ друга, который такъ долго былъ ея вѣрнымъ совѣтникомъ и который еще недавно оказалъ ей важную услугу передъ королемъ, но который не хотѣлъ быть слѣпымъ орудіемъ ея своеволія. Лѣтомъ 1758 г., послѣ различныхъ неудачъ, постигшихъ Францію и въ Германіи, и въ Канадѣ, Берни обратился къ Людовику XV съ письмомъ, въ которомъ объяснялъ ему необходимость назначить перваго министра съ обширными полномочіями, который могъ бы руководить государствомъ и во внутреннихъ, и во внѣшнихъ дѣлахъ, или, какъ выразился объ этомъ Берни въ письмѣ къ Шуазелю — un dictateur, une autorité absolue confiée à un seul. На мѣсто такого перваго министра Берни предложилъ маршала Беллиля. Это письмо онъ вложилъ въ другое еще болѣе обстоятельное письмо къ маркизѣ съ просьбой передать его королю. Черезъ нѣсколько часовъ онъ самъ отправился къ маркизѣ, но засталъ ее въ такомъ дурномъ расположеніи духа и въ такомъ неудовольствіи противъ его предложенія, что Берни на ея глазахъ разорвалъ и сжегъ свое письмо къ королю. Письмо же, адресованное къ ней, маркиза сохранила и впослѣдствіи воспользовалась имъ, чтобы очернить Берни въ глазахъ короля. Съ этихъ поръ она не переставала строить козни противъ своего бывшаго совѣтника и друга за-одно съ Шуазелемъ, съ которымъ переписывалась объ этомъ.

Новый проэктъ организаціи, посредствомъ котораго Берни надѣялся преобразовать къ лучшему правительственныя учрежденія и внести въ нихъ единство, не лишая маркизу Помпадуръ ея первенствующаго положенія, заключался въ слѣдующемъ: всѣ государственныя дѣла должны были обсуждаться въ комитетѣ, правильно составленномъ изъ членовъ тайнаго совѣта, а въ случаѣ нужды и всего королевскаго совѣта съ постояннымъ участіемъ генералъ-контролера финансовъ. Первымъ дѣломъ новаго комитета должна была быть провѣрка всѣхъ расходовъ, и прежде всего расходовъ на королевскій дворъ, съ тѣмъ,

чтобы достигнуть сбереженія. Засѣданія комитета назначались три раза въ недѣлю; рѣшенія, по большинству голосовъ, подписанныя въ протоколѣ всѣми членами, должны были быть представляемы на утвержденіе короля черезъ маркизу Помпадуръ. Маркиза не возражала ничего противъ этого проэкта, и король одобрилъ его. Что же касается результатовъ этой новой организаціи, то Берни разсказываетъ, что, послѣ четырехмѣсячной работы комитетъ пришелъ къ заключенію, что не уменьшая блеска двора и не стѣсняя короля въ его удовольствіяхъ, оказывается возможнымъ на первый разъ сдѣлать ежегодное сбереженіе въ 6 милл. изъ расходовъ придворнаго вѣдомства. Это рѣшеніе было представлено королю. Но тутъ поднялся среди придворныхъ чиновниковъ и служителей такой крикъ и такія жалобы, что Людовикъ XV ради своего спокойствія сталъ понемногу уступать, пока вся предполагаемая экономія сошла на 100,000 экю! Не лучше шли дѣла и въ другихъ отрасляхъ государственнаго управленія: вездѣ была безурядица, цѣлая бездна злоупотребленій. Учрежденіе комитета, требовавшее серьезнаго труда, могло бы принести значительную пользу, еслибы его дѣятельность была болѣе продолжительна. Но послѣ паденія Берни правильныя засѣданія прекратились и комитетъ сталъ собираться только по случаю какихъ нибудь особенно важныхъ дѣлъ.

Съ временемъ размолвки Берни съ маркизой Помпадуръ совпадаетъ возвышеніе его въ санъ кардинала. Это дѣло было рѣшено еще при Бенедиктѣ XIV, которому не удалось довести его до конца. Клементъ XIII принялся за дѣло снова, но вслѣдствіе разныхъ интригъ оно затянулось, и только въ іюлѣ 1758 г. Берни былъ наконецъ возведенъ въ кардинальскій санъ. Но эта новая почесть лишь увеличила количество его враговъ и ускорила его паденіе, потому что его еще болѣе стали подозрѣвать въ намѣреніи занять должность перваго министра.

9 октября письмо Людовика XV къ Берни (une lettre pleine de bonté, какъ выражается авторъ записокъ), съ подписью à mon cousin le Cardinal de Bernis,—возвѣстило ему, что согласно съ его собственнымъ желаніемъ онъ увольняется отъ завѣдыванія иностранными дѣлами и что его намѣстникомъ назначается герцогъ Шуазель. Какъ членъ министерства и хранитель государственной печати, Берни еще льстилъ себя надеждой играть видную роль и при Шуазелѣ. Но надежды его не сбылись. 30 ноября совершилось въ самой торжественной обстановкѣ посвященіе Берни въ кардиналы въ присутствіи короля и всего двора, а 13 декабря онъ получилъ отъ короля приказъ въ 24 часа покинуть дворъ и отправиться въ свое аббатство.

О послѣдующей жизни Берни ничего не говорится въ книгѣ Массона. Герцогъ Шуазель доставилъ впослѣдствіи кардиналу Берни назначеніе посла въ Римѣ, гдѣ онъ и умеръ 1794 г., лишенный революціей своего положенія и всѣхъ доходовъ, но цѣнимый и уважаемый всѣми.

Къ этому довольно пространному отчету о мемуарахъ Берни прибавимъ еще нѣсколько словъ для личной характеристики кардинала: Массонъ относится къ нему съ явнымъ пристрастіемъ, но при всемъ его желаніи представить Берни значительнымъ государственнымъ дѣятелемъ, это ему не удается. Нужно признать, что Берни былъ очень ловкимъ дипломатомъ, человѣкомъ просвѣщеннымъ, съ умомъ трезвымъ и чуждымъ всякихъ крайностей; что онъ былъ характера открытаго и болѣе безкорыстнымъ слугой короля, чѣмъ большая часть его сотоварищей; онъ былъ вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ (galant homme), какъ выразился одинъ изъ рецензентовъ книги Массона (Revue Hist. 1879. I); все это за нимъ остается. Онъ имѣлъ добрыя намѣренія и взгляды его въ нѣкоторыхъ случаяхъ были вѣрны, какъ напр. видно изъ его попытки ввести необходимое единство въ управленіи Франціей. Но настоящее пониманіе дѣлъ и положенія Французскаго правительства пришло къ Берни слишкомъ поздно, и вообще онъ не обладалъ ни нужной нравственной энергіей, ни достаточно высокимъ личнымъ значеніемъ для того, чтобы ввести коренныя реформы въ государственномъ управленіи и потушить разгорѣвшееся пламя войны; поэтому никакъ нельзя назвать его государственнымъ человѣкомъ въ лучшемъ и широкомъ смыслѣ этого слова.

VII.

По счастливой случайности почти одновременно съ мемуарами кардинала Берни вышло другое изданіе, также бросающее яркій свѣтъ на личность короля, наиболѣе содѣйствовавшаго гибели вѣковой Французской монархіи, и на расшатанность всего государственнаго механизма Франціи во второй половинѣ правленія Людовика XV. Подъ заглавіемъ „Тайна короля“ [1]) издана герцогомъ де-Бролемъ, однимъ изъ недавнихъ руководителей современной Французской республики, переписка Людовика XV съ его неоффиціальными дипломатическими агентами. Если изданіе Массона обнаруживаетъ изумительную безпечность Людовика XV въ самыхъ серьезныхъ вопросахъ и крайнюю неряшливость въ веденіи правительственныхъ дѣлъ, то книга герцога де-Броля, раскрывая предъ нами мелкую интригу, которую ведетъ король для своей забавы противъ своего собственнаго правительства, выставляетъ эту безпечность еще въ худшемъ свѣтѣ и рисуетъ намъ вполнѣ безнадежное состояніе, въ которомъ тогда находилась Франція.

Предметъ этотъ не вполнѣ новъ, такъ какъ въ 1866 г. французскій ученый Бутарикъ напечаталъ нѣкоторые, впрочемъ отрывочные, документы и письма, найденные имъ въ архивѣ и относящіеся къ этому дѣлу [2]). Но у Бутарика можно найдти лишь инструкціи и рас-

[1]) Le secret du roi. Correspondance secrète de Louis XV avec ses agents diplomatiques (1752—1774). Par le duc de Broglie. 2 edit. 1879.

[2]) Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique etrangère. par Boutaric, Paris. 1866.

поряженія короля; у него недостаетъ самаго существеннаго: донесеній и докладныхъ записокъ, къ которымъ относились распоряженія; однимъ словомъ, изданный имъ матеріалъ былъ неполонъ и безсвязенъ, а выведенныя изъ него заключенія ошибочны. Герцогу же Бролю вполнѣ удалось раскрыть дѣло и объяснить то, что оставалось неяснаго послѣ изданія Бутарика. Часть документовъ герцогъ Броль заимствовалъ изъ архивовъ иностраннаго и военнаго вѣдомствъ, и изъ бумагъ герцога Эгильонскаго; другіе документы онъ нашелъ въ своемъ фамильномъ архивѣ, такъ какъ главнымъ лицомъ и душой этой тайной дипломатіи былъ одинъ изъ его предковъ, графъ Броль. Благодаря такимъ обширнымъ розысканіямъ, теперь можно составить себѣ совершенно ясное понятіе о происхожденіи, организаціи, продолжительности и вообще о значеніи тайной дипломатіи Людовика XV.

Книга герцога Броля содержитъ въ себѣ не акты, но основанный на нихъ разсказъ, дѣльно и живо изложенный и имѣющій часто—по тѣмъ затѣйливымъ ухищреніямъ и интригамъ, въ какія запутывалась эта дипломатія,—интересъ увлекательнаго романа. Сдѣланныя въ книгѣ разоблаченія королевской тайны бросаютъ яркій свѣтъ на характеръ Людовика XV и различныхъ приближенныхъ къ нему лицъ и этимъ много содѣйствуютъ къ уясненію стараго порядка и общаго хода Французской исторіи; гораздо же менѣе поучительна книга герцога Броля относительно фактической исторіи того времени, такъ какъ особенность этой королевской затѣи заключалась въ томъ, что она никогда не доходила до опредѣленнаго рѣшенія, никогда не имѣла своимъ послѣдствіемъ какого-нибудь политическаго акта.

Причиной возникновенія тайной дипломатіи Людовика XV были собственно польскія дѣла, которыя продолжали и до самаго конца быть ея главнымъ предметомъ. Но такъ какъ Польскій вопросъ былъ тѣсно связанъ съ общей системой французской политики, то и эта тайная дипломатическая переписка не ограничивалась главными ея руководителями въ Парижѣ и агентами въ Польшѣ, но имѣла корреспондентовъ и въ другихъ странахъ, особенно при маленькихъ европейскихъ дворахъ.

Эта политическая интрига, во главѣ которой стоялъ самъ Людовикъ XV, началась съ того, что принцъ Конти завелъ сношенія въ Польшѣ съ цѣлью усилить тамъ французскую партію и очистить себѣ путь къ Польскому престолу и все это безъ вѣдома министровъ, для того, чтобъ не задѣть жену Дофина, которая была дочерью Августа III Польскаго. Въ 1752 году былъ отправленъ въ Варшаву съ этой же цѣлью графъ Шарль Броль, которому тамъ особенно пришлось бороться противъ преобладавшаго вліянія Россіи. Отсюда онъ перенесъ свою дѣятельность въ Дрезденъ, ко двору Августа III, гдѣ онъ оставался, пока Фридрихъ II не выслалъ его оттуда въ началѣ Семилѣтней войны. Въ 1757 г. графъ Броль снова въ Варшавѣ; здѣсь онъ вступилъ въ рѣшительную оппозицію противъ русскихъ, которые

послѣ вступленiя нашихъ войскъ въ Польшу, распоряжались въ ней вполнѣ свободно,—и противъ графа Брюля (Brühl), любимца и главнаго министра короля Августа III.

Вслѣдствiе жалобъ графа Брюля, Броль былъ наконецъ отозванъ, и это окончательно дало перевѣсъ русской партiи и подорвало совсѣмъ французское влiянiе въ Польшѣ [1]).

Послѣ того какъ съ отозванiемъ графа Броля Людовикъ XV отказался отъ серьезнаго вмѣшательства въ Польскiя дѣла, тайная дипломатiя потеряла собственно всякое значенiе и не имѣла болѣе настоящей цѣли: она сдѣлалась „полу-дѣтской, полу-старческой забавой" короля. Людовикъ XV продолжалъ игру съ какимъ-то страннымъ упрямствомъ, а графъ Броль,—такъ какъ принцъ Конти въ этомъ не принималъ болѣе никакого участiя,—не отказывался отъ услугъ отчасти въ надеждѣ когда-нибудь быть полезнымъ государству, главнымъ же образомъ потому, что въ этой интимной перепискѣ съ королемъ онъ видѣлъ орудiе, способное послужить его личному честолюбiю и положенiю его семьи; наконецъ онъ смотрѣлъ на свои тайныя сношенiя съ королемъ, какъ на противовѣсъ враждебному настроенiю маркизы Помпадуръ и другихъ своихъ недоброжелателей, маршала Беллиля, министра Берни, а впослѣдствiи Шуазеля. Однако графу Бролю не было суждено достигнуть желанной цѣли всѣхъ его стремленiй—министерства иностранныхъ дѣлъ.

Лѣтомъ 1758 г. графъ Броль отправился въ Рейнскую армiю, въ корпусъ своего брата, герцога Броля, которому онъ оказывалъ очень существенныя услуги. И въ лагерѣ тайная переписка продолжала проходить черезъ его руки. Людовикъ XV пересылалъ ему всѣ донесенiя посвященныхъ въ тайну агентовъ, а также копiи съ оффицiальной дипломатической переписки съ Варшавой, Константинополемъ и Петербургомъ, на основанiи которыхъ графъ Броль составлялъ свои донесенiя. При этомъ онъ не упускалъ случая вставлять въ свои письма все, что онъ считалъ полезнымъ сообщать королю объ армiи.

Между тѣмъ произошла перемѣна въ министерствѣ: вѣдомство иностранныхъ дѣлъ изъ рукъ Берни перешло къ герцогу Шаузелю, отношенiя котораго къ Бролямъ, бывшiя до тѣхъ поръ самыми дружескими, вдругъ измѣнились, какъ только новый министръ провѣдалъ „тайну".

Авторъ дѣлаетъ рѣзкую характеристику герцога Шуазеля, причемъ идетъ въ разрѣзъ съ обще-принятымъ мнѣнiемъ, будто послѣднiй очень принималъ къ сердцу дѣло о сохраненiи Польскаго королевства, и доказываетъ, напротивъ, что въ то время, какъ для графа Броль польскiя дѣла были предметомъ главнаго интереса, Шуазель

---

[1]) Эти отдѣлы, самые важные и содержательные для исторiи французской политики, были уже напечатаны герцогомъ Бролемъ въ Revue des Deux Mondes за 1870 г. и вошли цѣликомъ въ его сочиненiе; они представляютъ наиболѣе интереса и въ свое время привлекли заслуженное вниманiе публики.

съ полнымъ равнодушіемъ предоставлялъ Россіи распоряжаться въ Польшѣ, какъ ей было угодно, и нисколько не хлопоталъ о томъ, чтобъ дать почувствовать французское вліяніе среди тамошней сумятицы.

Пребываніе графа Броля въ арміи даетъ автору случай войдти въ подробности на счетъ тогдашняго состоянія войска и описать его слабыя стороны. Интересна между прочимъ слѣдующая характеристика французскаго офицерства, заимствованная издателемъ изъ писемъ графа Броля. Послѣдній жалуется на то, что всѣ офицерскіе чины, начиная съ подпоручика и кончая генераломъ, совершенно незнакомы съ своими обязанностями и съ технической стороной военной службы; изъ этого выходило, что ни поручикъ, ни капитанъ не умѣли командовать своей ротой; точно также всѣ высшіе чины до генерала не умѣли ни предводительствовать своими полками, бригадами и дивизіями, ни поставить ихъ въ боевой строй или расположить ихъ движенія сообразно съ обстоятельствами. „Все это долженъ былъ дѣлать главнокомандующій. За то мало было офицеровъ, даже изъ самыхъ младшихъ чиновъ, которые не составляли бы своихъ плановъ кампаніи и не критиковали бы своего генерала, и не было ни одного, который не смотрѣлъ бы свысока на свою службу, не считалъ бы мелочностью заниматься строевой службой и командованіемъ своей части“. Это печальное положеніе арміи становилось еще хуже вслѣдствіе постоянныхъ придворныхъ интригъ, вертѣвшихся около назначенія главнокомандующаго. И относительно этой особенно позорной стороны правленія Людовика XV герцогъ Броль, пользуясь бумагами своихъ предковъ, сообщаетъ интересныя свѣдѣнія.

Послѣ битвы при Минденѣ (авг. 1759 г.), обнаружившей полную неспособность маршала де Контада, главнокомандующимъ Рейнской арміей былъ назначенъ герцогъ Броль, братъ дипломата, который при этомъ поставилъ условіе, чтобы вся власть была сосредоточена въ его рукахъ; это условіе было принято, и нѣсколько времени спустя герцогъ получилъ чинъ маршала. Но интриги противъ новаго главнокомандующаго продолжались, и уже въ концѣ слѣдующаго похода онъ просилъ короля уволить его. Людовикъ XV на это не согласился, но имѣлъ слабость назначить Субиза самостоятельнымъ начальникомъ Нижне-Рейнской арміи, предоставивъ маршалу Бролю командованіе арміей Верхняго Рейна.

Въ собственноручномъ письмѣ Дофинъ объяснилъ герцогу Бролю, что король очень хорошо знаетъ, на сколько такое распоряженіе несогласно съ желаніемъ и взглядами маршала, но король, разсчитывая на его усердіе, требуетъ отъ него повиновенія, обѣщая при этомъ, что никогда не сдѣлаетъ его отвѣтственнымъ за печальныя послѣдствія, могущія возникнуть отъ такого раздѣленія власти. Это одинъ изъ замѣчательныхъ примѣровъ того, что Людовикъ XV нерѣдко очень вѣрно понималъ вещи, но что у него не доставало воли и рѣшимости

поступать какъ слѣдовало и заставить другихъ повиноваться. Дурныя послѣдствія двоеначалія въ арміи не замедлили обнаружиться: маршалъ Броль, не поддержанный во-время Субизомъ, понесъ значительный уронъ; за этимъ послѣдовали взаимныя обвиненія и оправданія, пока наконецъ маршалъ не былъ отозванъ вмѣстѣ съ братомъ, и оба получили приказаніе удалиться въ свои имѣнія. По этому случаю, когда единственный способный полководецъ былъ устраненъ въ угоду царедворцу Субизу и другимъ врагамъ маршала, впервые громко заявило себя общественное мнѣніе въ Парижѣ. Въ тотъ самый день, какъ сдѣлалась извѣстна немилость короля къ маршалу, въ театрѣ давали Танкреда; при стихахъ, произнесенныхъ актеромъ возвышеннымъ голосомъ:

Tancrede est malheureux, on l'exile, on l'outrage;
C'est le sort des héros d'être persécutés—

раздались единодушныя рукоплесканія публики.

Ссылка въ провинцію въ то время, когда только въ королевской резиденціи, казалось, и возможна была настоящая жизнь, считалась тяжкимъ наказаніемъ. Замѣчательнѣе всего при этомъ, что не смотря на то, что подъ вліяніемъ Шуазёля Людовикъ XV подвергъ одинаковой участи обоихъ братьевъ, тайная переписка шла себѣ по прежнему черезъ руки графа Броля, хотя теперь еще вялѣе прежняго. Послѣ смерти русской императрицы Елисаветы графъ Броль ухватился было снова за Польскія дѣла. Разстроенный союзъ между Вѣной и Петербургомъ не долженъ былъ, по его мнѣнію возобновиться; надо было во что бы то ни стало занять Россію внутренними смутами и исключить изъ Европы; Польшу-же, Турцію и Швецію поддерживать, какъ оплотъ противъ сѣверныхъ варваровъ. Въ виду предстоящей перемѣны престола въ Польшѣ теперь впрочемъ не было болѣе рѣчи о кандидатурѣ принца Конти, но имѣлось въ виду выставить русскому кандидату, Станиславу Понятовскому, соперника въ лицѣ Саксонскаго принца, Ксаверія, который командовалъ въ Французской арміи Саксонскимъ корпусомъ. Но все усердіе графа Броля и на этотъ разъ ни къ чему не послужило. Какъ только Августъ III скончался, французскій посланникъ при Польскомъ дворѣ получилъ отъ Шуазеля предписаніе воздержаться отъ всякаго вмѣшательства въ избраніи короля, и Людовикъ XV предоставилъ дѣла ихъ собственному теченію.

Въ своемъ изгнаніи графъ Броль занимался не только дипломатіей, но и военными проэктами. Онъ трудился, въ виду будущей войны съ Англіей, надъ планомъ высадки на Британскіе острова. Матеріалы для этого проэкта долженъ былъ доставлять ему между прочимъ Шевалье д'Эонъ, который былъ появященъ въ тайную дипломатію еще въ 1756 г., когда былъ прикомандированъ въ качествѣ секретаря къ французскому посольству въ Петербургѣ, а въ 1762 г. послѣдовалъ за герцогомъ Ниверне въ Лондонъ. Странныя по-

хожденія этого авантюриста составляютъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ отдѣловъ книги Броля. Авторъ нерѣдко сводитъ разныя хвастливыя небылицы, какими полны записки д'Эона на дѣйствительные факты; такъ онъ выяснилъ, съ какого времени д'Эонъ сталъ показываться въ женскомъ платьѣ и когда онъ сталъ прямо выдавать себя за m-lle д'Эонъ. Броль изобличилъ также разныя подложныя письма, которыя Бутарикъ приводилъ изъ мемуаровъ д'Эона какъ подлинныя. Приводимъ изъ одного письма д'Эона къ графу Бролю слѣдующую характеристику Екатерины II. Письмо написано за 8 дней до паденія Петра III, и доказываетъ, какъ внимательно д'Эонъ дѣлалъ свои наблюденія при Русскомъ дворѣ. „Императрица красива и хорошо сложена. Въ цѣломъ она имѣетъ очень пріятныя свойства ума и характера, но она очень хитра, коварна и мстительна. Ея главная страсть — желаніе забрать въ свои руки государственныя дѣла. Она страстно предана всему англійскому, хотя говоритъ по французски легко и хорошо. Она находитъ большое удовольствіе въ чтеніи, и послѣ своего замужества употребила большую часть своего времени на то, чтобъ проглотить сочиненія тѣхъ изъ новыхъ французскихъ и англійскихъ писателей, которые всего рѣзче и свободнѣе писали о нравственности, природѣ и о религіи. Достаточно, если какая-нибудь книга подверглась запрещенію во Франціи, чтобъ заслужить полное одобреніе императрицы. Она не разстается съ сочиненіями Вольтера, Энциклопедистовъ, Руссо и „Духомъ" Гельвеція. Она очень рѣшительно стоитъ на томъ, чтобъ быть философомъ и esprit-fort; однимъ словомъ, она — настоящій маленькій ученый (un petit savant à temperament). Своему супругу она постоянно даетъ совѣты приняться за такія преобразованія, которыя могутъ ему повредить — въ надеждѣ сдѣлаться вмѣсто него регентшей."

Между тѣмъ Французское правительство довело наконецъ въ Польшѣ дѣла до того, что испортило свои отношенія ко всѣмъ партіямъ. Тайная дипломатія оказывала такъ мало вліянія, что Шуазель не считалъ даже нужнымъ воспользоваться случаемъ, который ему представился, захватить касающіяся ея бумаги. Авторъ вѣрно характеризуетъ тайную переписку въ этомъ періодѣ „невиннымъ развлеченіемъ старика и безплоднымъ утѣшеніемъ впавшаго въ немилость честолюбца". Въ 1764 г. оба брата Броль получили позволеніе вернуться ко двору, и Шуазель самъ предложилъ королю простить ихъ.

По прежнему графъ Броль продолжалъ тѣшиться проэктами относительно Польши, не будучи въ состояніи вызвать Людовика XV на какой-нибудь рѣшительный шагъ. Въ ноябрѣ 1768 г. король писалъ графу Бролю, ожидавшему отъ вспыхнувшей въ это время между Россіей и Турціей войны благопріятнаго для Польши оборота: „Турки рѣшатъ судьбу Польши, но я опасаюсь, что такъ или иначе она все таки погибнетъ."

Послѣднее замѣшательство тайной дипломатіи относится ко вре-

мени послѣ паденія Шуазеля, когда министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ не графъ Броль, имѣвшій повидимому на то наиболѣе права, а совершенно неспособный герцогъ Эгильонскій. Въ 1773 г. онъ накрылъ переписку двухъ агентовъ тайной дипломатіи, Дюмурье и Фавье, которые оба были арестованы и посажены въ Бастилію. Фавье служилъ чиновникомъ въ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ; это былъ человѣкъ безпорядочной жизни, но хорошо знакомый съ тогдашнимъ положеніемъ европейскихъ державъ и рѣшительный приверженецъ старыхъ союзовъ Франціи. Дюмурье въ началѣ предавался этой тайной дипломатической перепискѣ просто изъ любви къ искусству, нисколько не стѣсняя себя относительно вѣрности даннымъ инструкціямъ. Фавье и Дюмурье, принадлежали къ числу тѣхъ безпокойныхъ, но чрезвычайно способныхъ людей, которымъ революція готовила впослѣдствіи видную роль.

По естественному влеченію эти два лица, имѣвшія совершенно разныя порученія, вошли въ соглашеніе и составили смѣлый планъ произвести перемѣну въ системѣ французскихъ союзовъ. Исполненіе этого плана въ самомъ началѣ было пріостановлено арестомъ его виновниковъ. Изъ этого возникъ процессъ, замѣчательный для характеристики Французскаго правительства при старомъ режимѣ и вполнѣ достойный стать на ряду съ процессомъ Бомарше. Это разоблаченіе тайной дипломатіи, попавшейся въ свои собственныя сѣти, принадлежитъ къ наиболѣе любопытнымъ эпизодамъ разсматриваемаго сочиненія.

Герцогъ д'Эгильонъ, желая воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы разомъ уничтожить всѣхъ своихъ враговъ, назначилъ коммиссію для изслѣдованія дѣла; но король принялъ всѣ мѣры, чтобъ въ эту коммиссію попалъ Сартинъ, глава полиціи, который былъ посвященъ въ тайну, и которому удалось ограничить слѣдствіе арестованными лицами, прямо причастными къ дѣлу. Вслѣдствіе всей этой исторіи графъ Броль вторично подвергся ссылкѣ, но тайная переписка съ королемъ и послѣ этого все продолжалась. Впрочемъ тайна, хранимая такъ тщательно, въ то время сдѣлалась просто фарсомъ, ибо стала извѣстна чуть не всѣмъ.

Австрійскому кабинету удалось добыть копіи съ тайной переписки; а копіи съ нихъ въ свою очередь были куплены французскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, кардиналомъ Рогановъ, который переслалъ ихъ своему королю, но въ это время Людовикъ XV скончался.

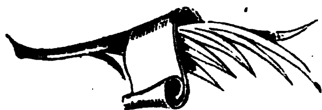
Въ концѣ книги Броля разсказано, какъ эти бумаги были переданы молодому Людовику XVI, какъ графъ Броль былъ возвращенъ изъ ссылки; какъ коммиссія, состоявшая изъ министра Верженна и маршала Дю-Мюи, подвергнувши разслѣдованію бумаги, дала отзывъ, благопріятный для чести графа Броля; и наконецъ о томъ, какимъ образомъ тайный агентъ Верженна, Бомарше, выручилъ въ Лондонѣ отъ „m-lle d'Eon“ остававшіяся еще въ ея рукахъ бумаги. Этимъ и

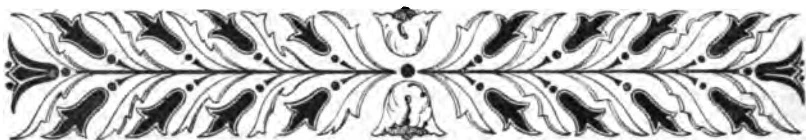
кончается дѣятельность графа Броля, этого человѣка, сдѣланнаго изъ „желѣза и огня“, какъ его называли.

Какъ результатъ всей книги, авторъ выставляетъ на видъ, что самоотверженная преданность монархіи не лишала графа Броля и его брата, маршала, ни твердости, ни свободы мнѣнія въ политическихъ и военныхъ дѣлахъ, веденіе которыхъ было имъ поручено. Они всегда оставались вѣрными подданными, но никогда не были раболѣпными царедворцами; и въ этомъ отношеніи они конечно стояли не одиноко. „Если-бы королевская власть умѣла достойно цѣнить такихъ людей, если-бы революція ихъ пощадила,—то они послужили-бы твердой опорой для умѣренной монархіи,—единственной формы правленія, которая доселѣ была въ состояніи дать обширной странѣ прочность законнаго порядка и благодѣянія общественной свободы“, такъ заключаетъ герцогъ Броль свою книгу.

Такое заключеніе совершенно естественно для выдающагося члена нынѣшней Французской аристократіи, столь недавно еще пытавшагося возстановить въ своей странѣ конституціонную монархію и теперь, лишившись власти и вліянія, съ недовѣріемъ взирающаго на образъ дѣйствій современнаго республиканскаго правительства. Но читатель книги „о тайнѣ короля“ можетъ сдѣлать изъ нея еще и другой выводъ. Конечно слабохарактерность, доходившая такъ часто до недобросовѣстности, послѣднихъ двухъ Людовиковъ погубила вмѣстѣ съ монархіей и необходимую для нея аристократію; но можно ли удивляться тому, что революція не пощадила этой аристократіи, которая въ такой степени заявила свою политическую и нравственную несостоятельность, что даже лучшіе люди изъ ея среды способны были всю свою жизнь разыгрывать такую ничтожную и недостойную роль, какъ графъ Броль.—Этотъ вопросъ насъ непосредственно подводитъ къ событіямъ Французской революціи, которой будетъ посвященъ слѣдующій номеръ нашего обзора современной исторіографіи.

Иф—лъ.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго до половины XV вѣка. В, В. Антоновича. Кіевъ. 1878. Выпускъ I.

Многимъ изъ нашей образованной публики мало извѣстно имя В. Б. Антоновича, а между тѣмъ это одинъ изъ почтеннѣйшихъ дѣятелей по наукѣ Русской исторіи въ наше время. Этотъ скромный и добросовѣстный ученый занимаетъ каѳедру Русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра и вмѣстѣ съ тѣмъ уже много лѣтъ состоитъ въ должности редактора „Архива Юго-Западной Россіи", издаваемаго кіевскою временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Издавая каждый годъ матеріалы, относящіеся до исторіи Юго-Западнаго края, онъ при каждомъ ихъ томѣ присоединяетъ вступленіе, которое само по себѣ составляетъ самостоятельное ученое изслѣдованіе, болѣе полезное для науки, чѣмъ иная диссертація, за которую получается ученая степень и даже университетская каѳедра. Въ послѣднее время издалъ онъ книгу съ приведеннымъ нами заглавіемъ, книгу,—тѣмъ болѣе важную, что авторъ уже нѣсколько лѣтъ излагаетъ въ своихъ университетскихъ лекціяхъ исторію Западнаго края преимущественно. Теперь передъ нами первый выпускъ этого сочиненія, второй, надѣемся, не опоздаетъ появиться въ свѣтъ.

Эту книгу мы рекомендуемъ прочитать всякому, кого интересуетъ ея заглавіе, а потому, не вдаваясь въ подробности, ограничимся указаніемъ на тѣ стороны, въ которыхъ она представляетъ что нибудь важное и новое для науки.

Авторъ ясно и опредѣлительно изображаетъ намъ древнѣйшее состояніе литовскаго племени, хотя и не вдается въ многорѣчіе. Племя литовское раздѣлено было на нѣсколько однородныхъ племенъ; въ лѣтописяхъ нашихъ указываются: Жемгола, Корсь, Леттола, Прусы, Жмудь, Литва, Ятвяги, Голядь. До XIII вѣка племена эти жили безъ всякаго политическаго сплоченія частей и не имѣли у себя вовсе городовъ, въ смыслѣ укрѣпленныхъ мѣстъ защиты и объединительныхъ средоточій. Жилища ихъ были разсыпаны малыми ничѣмъ не защищенными деревушками. Авторъ подтверждаетъ это свидѣтельствами древнихъ историковъ, какъ польскихъ (Мартина Галла, Кадлубка) и западныхъ (хроники Петра Дюсбурга, біографія св. Войтеха и друг.), такъ и русскихъ лѣтописей. Разбитые на мелкія группы, литовцы управлялись множествомъ князьковъ или вождей, изъ которыхъ каждый былъ безсиленъ и ничтоженъ, такъ какъ власть его едва охватывала небольшой кругъ поселеній. При такомъ общественномъ строѣ становится понятнымъ, отчего, напримѣръ, въ 1215 году

литовское посольство къ галицко-русскихъ князьямъ могло прибыть отъ двадцати литовскихъ князей, а въ 1248 году въ битвѣ русскихъ съ ятвягами подъ Дрогичиномъ могло пасть до сорока ятвяжскихъ князей (стр. 10). Племя литовское вступило на поле исторіи, находясь въ болѣе первобытномъ состояніи, чѣмъ другія племена европейскія. Видно, что это племя прежде жило изолированнымъ и не испытывало сильныхъ напоровъ отъ иноплеменниковъ, когда такъ долго не возникала у него необходимость укрѣплять свои поселенія и скопляться въ болѣе крупныя единицы общинныя. Такому взгляду на древнѣйшій бытъ литовскаго племени повидимому противорѣчитъ лѣтопись, спеціально занимающаяся литовскимъ племенемъ, извѣстная подъ названіемъ лѣтописи Быховца. Тамъ приводится цѣлый рядъ древнѣйшихъ литовскихъ великихъ князей, имѣвшихъ значеніе литовскихъ государей и преемственно заступавшихъ мѣсто одинъ послѣ другаго. По толкованію г. Антоновича это объясняется тѣмъ, что составитель этой лѣтописи собралъ много легендъ, сложившихся въ качествѣ мѣстныхъ и родовыхъ преданій, но вмѣсто того, чтобы передать матеріалъ въ томъ видѣ, въ какомъ собралъ его, подвергъ его насильственной и искусственной группировкѣ. Въ сущности, какъ оказывается по изысканіямъ г. Антоновича, князья, упоминаемые въ этой лѣтописи послѣдовательно одинъ за другимъ, были между собою современники и каждый управлялъ своимъ удѣломъ. Это объясненіе главнымъ образомъ истекаетъ изъ того, что болѣе двадцати именъ княжескихъ, расположенныхъ у лѣтописца преемственно, съ замѣчаніями относительно большинства этихъ князей, что они княжили долго, помѣщаются въ теченіе періода времени, обнимающаго не болѣе полстолѣтія.

Древняя раздробленность литовскаго племени прекращается съ той поры, какъ по сосѣдству съ нимъ явились нѣмецкіе рыцари. Подъ предлогомъ распространенія христіанской вѣры, они покорили Пруссовъ, пользуясь ихъ разрозненностью, подчинили Летголу или Латышей, воспользовавшись враждою съ ихъ сосѣдями, народами чухонскаго племени, и стали напирать на Литву и Жмудь. Литовцы увидали крайнюю для себя опасность и стали прибирать средства къ защитѣ; это возбудило въ нихъ долго спавшія силы и повело къ созданію государственныхъ формъ. Живши по сосѣдству съ русскими кривичами, литовцы уже давно вели съ ними частыя драки, а иногда въ собственныхъ междоусобіяхъ обращались за помощію — литовцы къ русскимъ, а русскіе къ литовцамъ. Долгое время это, какъ кажется, не имѣло важныхъ послѣдствій для исторіи тѣхъ и другихъ. Но когда напоръ со стороны крестоносцевъ сталъ возбуждать въ литовцахъ сремленіе къ политической жизни, они, по примѣру русскихъ, стали строить у себя города, учреждать пункты власти и вмѣстѣ съ тѣмъ расширяться все глубже въ русской странѣ. Русскіе были развитѣе литовцевъ въ культурѣ, но литовцы оказались сильнѣе отвагою. Выходило, что литовцы покоряли себѣ русскихъ, сами усвоивали отъ послѣднихъ обычаи, бытъ и языкъ. О первыхъ раннихъ захватахъ литовцевъ въ Руси хотя и есть сказанія въ лѣтописи Быховца, и нѣкоторые ученые допускали вѣроятность этихъ сказаній, но г. Антоновичъ справедливо думаетъ, что извѣстія лѣтописи Быховца о событіяхъ XII и XIII вѣка, будучи занесены туда не ранѣе XVI вѣка, не могутъ признаваться за вполнѣ достовѣрныя и указываютъ только на то, что въ XVI вѣкѣ сохранялись видоизмѣняемыя на всякіе лады преданія объ общемъ движеніи литовцевъ въ землю кривичей, раздробленную на удѣльныя земли и княженія. Въ кривическомъ городѣ Новогродкѣ утвердился литовскій князь Мендовгъ, располагавшій значительными военными силами уже въ 1235 году и стремившійся расширить свое Новогородецкое княженіе подчиненіемъ другихъ удѣловъ кривической земли. Изъ повѣствованій болѣе достовѣрной лѣтописи, галицковолынской, видно, что города Волковыскъ, Слонимъ, Здитовъ, Городно (Гродно) принадлежали къ новогородецкому княженію, а въ 1253 году подчинился ему и пинскій князь; племян-

ники же Мендовга засѣли въ Полоцкѣ, въ Витебскѣ и въ землѣ Смоленской, но были изгнаны дядею за то, что не хотѣли ему повиноваться. Объединительныя стремленія Мендовга встрѣтили противодѣйствія отъ прочихъ литовскихъ князей, которые стали искать себѣ опоры въ союзѣ съ южно-русскими князьями. Это довело Мендовга до того, что въ видахъ получить помощь съ запада. Мендовгъ принялъ крещеніе отъ папы, но скоро потомъ отрекся отъ христіанства, какъ только увидалъ, что такой помощи не дождется, а ненависть языческаго литовскаго народа къ крестоносцамъ такъ была велика, что располагала его подчиниться Мендовгу, если-бъ только онъ остался язычникомъ. Мендовгу, однако, пришлось таки заплатить жизнью за свое властолюбіе. Послѣ его насильственной смерти сынъ его, Воишелгъ, отомстивши убійцамъ родителя, передалъ доставшееся ему по наслѣдству княженіе русскому князю Шварну, сыну Даніила Галицкаго. Заложенное въ кривической землѣ Литовское государство перешло, такимъ образомъ, въ русскія руки. Но не на долго. Послѣ убіенія Воишелга и послѣ кончины Шварна (1267—1268) господство русской власти надъ литовцами прекратилось и съ тѣмъ вмѣстѣ язычество торжествовало. Такъ было подъ правленіемъ новогородецкаго князя Тройдена (1270—1282). Такъ было до Витенеса и Гедымина, съ которыхъ начинается въ исторіи Литвы переломъ, составляющій предметъ изслѣдованія во второй главѣ сочиненія г. Антоновича.

О происхожденіи династіи Гедымина, властвовавшей въ Литвѣ и Западной Руси въ XIV и XV вѣкахъ и сѣвшей на польскій престолъ, существуютъ различныя извѣстія. Г. Антоновичъ разбираетъ ихъ и доказываетъ невѣрность нѣкоторыхъ. Невѣрнымъ оказывается сказаніе Оливскихъ лѣтописей, повторенное польскимъ историкомъ Длугошемъ, будто Гедыминъ былъ конюшимъ князя Витенеса и умертвилъ его; не вѣрно и сказаніе лѣтописца Быховца, будто Гедыминъ былъ сынъ Витенеса; недостовѣрна также и легенда о происхожденіи Гедыминова рода отъ какихъ-то древнихъ русскихъ князей. На основаніи актовъ, собранныхъ Наперскимъ (Русско-Ливонскіе акты, стр. 31) оказывается несомнѣннымъ (какъ это и доказалъ г. Никитскій въ статьѣ, напечатанной въ 1871 году, въ IV томѣ, „Русской Старины"), что Витенесъ и Гедыминъ были между собою родные братья, сыновья литовскаго князя Лютувера, о которомъ упоминается въ хроникѣ Петра Дюсбурга, и Гедыминъ наслѣдовалъ власть по кончинѣ своего брата Витенеса.

Со времени Гедымина замѣтно усовершенствованіе военныхъ средствъ у литовцевъ и это, по изслѣдованію г. Антоновича, произошло отъ прилива русскихъ силъ, выступившихъ вмѣстѣ съ литовцами противъ крестоносцевъ на защиту общаго отечества. Недоброжелательство литовцевъ къ великимъ литовскимъ князьямъ подавало послѣднимъ поводъ относиться съ большимъ довѣріемъ къ представителямъ русской народности и искать въ нихъ опоры своей власти. Преобладаніе Руси увеличилось при Гедыминѣ присоединеніемъ къ его державѣ новыхъ русскихъ земель. О времени присоединенія ихъ шли у историковъ разногласія и споры: г. Антоновичъ разбираетъ ихъ. Онъ находитъ, что въ Кривической области во владѣніи Гедымина были: Черная Русь, съ городами Новогородскомъ, Волковыскомъ, Слонимомъ, Городномъ, Здитовымъ—прежній удѣлъ Мендовга, и земля Полоцкая, въ которой, послѣ испытанныхъ ею переворотовъ, Гедыминъ посадилъ на княженіе своего брата Воина въ качествѣ своего подручника. Гедыминъ распоряжался еще княженіемъ Пинскимъ и Туровскимъ, посадивши тамъ своего сына Наримунта. Другой сынъ его Ольгердъ пріобрѣлъ Витебскъ съ его пространною областію, вступивши въ бракъ съ княжною Маріею Ярославною, единственною дочерью и наслѣдницею послѣдняго витебскаго князя. Третій сынъ Гедымина — Любартъ, женившись на волынской княжнѣ, получилъ наслѣдственное право на Волынскую землю. Существуютъ извѣстія, сообщенныя Стрыйковскимъ и повторенныя Густынскою лѣтописью, будто Гедыминъ овладѣлъ путемъ завоеванія Кіевомъ,

Украйною и Волынью, но г. Антоновичъ очень доказательно отвергаетъ ихъ. Хотя въ этомъ случаѣ г. Антоновичъ не произноситъ новаго, такъ какъ еще Карамзинъ называлъ эти извѣстія сомнительными, но въ виду того, что послѣ Карамзина сказанія эти принимались нѣкоторыми учеными съ довѣріемъ, доводы г. Антоновича не останутся безъ значенія для науки, тѣмъ болѣе, когда они изложены мастерски. Стрыйковскій, какъ доказываетъ г. Антоновичъ взялъ свои свѣдѣнія изъ лѣтописи Быховца, вообще мало достовѣрной и наполненной вымыслами. Между тѣмъ въ другихъ источникахъ, болѣе достовѣрныхъ, какъ напримѣръ, въ лѣтописи, открытой Даниловичемъ и составленной еще въ XV вѣкѣ ранѣе лѣтописи Быховца, а также и во всѣхъ русскихъ лѣтописяхъ, о походѣ Гедымина въ Южную Русь — нѣтъ ни малѣйшаго намека. Ничего подобнаго не отыщется и у польскихъ историковъ, не пользовавшихся Стрыйковскимъ и лѣтописью Быховца. По этому поводу г. Антоновичъ подмѣтилъ у Стрыйковскаго неудачныя соображенія и произвольную амплификацію. У Стрыйковскаго покореніе Кіева отнесено къ 1320 году, но въ лѣтописи Быховца, откуда Стрыйковскій заимствовалъ это извѣстіе, никакого года не выставляется. Г. Антоновичъ открылъ причину, зачѣмъ Стрыйковскій выставилъ у себя именно этотъ годъ. Въ лѣтописи Быховца о походѣ къ Кіеву сказано, что Гедыминъ предпринялъ его „вспокоивши землю Жомоитскую отъ нѣмцевъ", а у Петра Дюсбурга нашелъ Стрыйковскій, что въ 1320 году крестоносцы потерпѣли пораженіе въ Жмуди и на этомъ основаніи пріурочилъ къ 1320 году походъ Гедымина въ Кіевъ и на Волынь. Составитель Густынской лѣтописи пошелъ еще далѣе. Нашелъ онъ въ повѣствованіи Стрыйковскаго, которымъ пользовался, имена князей Владиміра и Льва и принялъ перваго за волынскаго князя Владиміра Васильковича, а втораго за галицкаго князя Льва Даниловича и пріурочилъ, не-впопадъ, походъ Гедымина къ 1304 году, не зная, что Владиміръ Васильковичъ умеръ въ 1289 году, а Левъ Даниловичъ въ 1301 году, самъ же Гедыминъ въ 1304 году еще не управлялъ великимъ княженіемъ, потому что тогда еще былъ живъ его братъ Витенесъ. Сверхъ того завоеваніе Гедыминомъ Волыни есть вымыселъ, потому что изъ болѣе достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что Волынь находилась подъ властію князей Романова дома до 1340 года, послѣ чего перешла къ Любарту по наслѣдству, а завоевана литовцами не была никогда. Затѣмъ въ лѣтописи Быховца, отъ которой пошли всѣ эти сказанія о небывалыхъ подвигахъ Гедымина въ Южной Руси, приводятся, по этому же поводу имена такихъ князей, изъ которыхъ одни хотя и существовали, но не въ то время, о которомъ идетъ рѣчь (напримѣръ, имена Романа Брянскаго, жившаго въ половинѣ XIII вѣка, и Мендога Альгимонтовича Гольманскаго, жившаго въ концѣ XV вѣка), а другіе просто выдуманы (напримѣръ, имя Станислава, князя Кіевскаго, тогда какъ извѣстно, что послѣднимъ кіевскимъ княземъ былъ Θеодоръ, княжившій отъ 1331 по 1362 годъ). Очень убѣдительно доказываетъ г. Антоновичъ, что походъ Гедымина и покореніе Кіева и Украйны походитъ на происходившій въ XV вѣкѣ походъ Витовта для сверженія кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича и замѣщенія его братомъ Скиргеномъ. Составитель лѣтописи Быховца пользовался прежде него писанною лѣтописью, извлекъ изъ нея разсказъ о походѣ Витовта и, Богъ знаетъ по какому побужденію или соображенію, примѣнилъ черты ея къ вымышленному походу Гедымина, перемѣнивши имена дѣйствующихъ лицъ и прибавивши нѣсколько выдуманныхъ подробностей (стр. 63—64). Отдавая честь прозорливости г. Антоновича, мы съ своей стороны замѣтимъ, что такихъ случаевъ, когда черты событій позднѣйшаго времени переносятся на событія болѣе раннія, очень много найдется у бытописателей разныхъ народовъ, да и въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ можно указать такіе же признаки.

О сношеніяхъ Гедымина съ папою и съ западными духовными сановниками и о неудавшихся попыткахъ обратить въ христіанство великаго князя литовскаго, г. Антоновичъ говоритъ, руководствуясь первоначальными извѣстіями,

находящимися въ современныхъ актахъ, собранныхъ Наперскимъ и Даниловичемъ, въ русскихъ лѣтописяхъ, въ нѣмецкихъ хроникахъ Петра Дюсбурга и Германа де Вартберге и относясь къ нимъ съ трезвою оцѣнкою ихъ исторической истины. Результатъ изслѣдованія выходитъ такой: Гедыминъ остался язычникомъ, не смотря на старанія сдѣлать его христіаниномъ; при немъ язычество даже укрѣпилось въ Литвѣ съ переселеніемъ верховнаго жреца литовскихъ язычниковъ Криве-Кривейто въ Вильно изъ Ромове, въ Пруссіи, которое издавна было главнымъ священнымъ мѣстомъ, а тогда досталось во власть крестоносцевъ. Это событіе побудило и Гедымина перенести въ Вильно свою столицу. Но Гедыминъ не только не стѣснялъ христіанъ, а еще оказывалъ имъ всяческое покровительство (стр. 82). Римскокатолическіе монахи пользовались почетомъ при дворѣ Гедымина и призывались для совѣта. Православіе пользовалось совершенною свободою и церковь управлялась полоцкимъ владыкою, который невозбранно сносился съ митрополитомъ и принималъ участіе въ русскихъ помѣстныхъ соборахъ. У русскихъ православныхъ, поселившихся въ Вильнѣ, была своя церковь во имя св. Николая. Дружелюбное отношеніе великаго князя литовскаго къ православію выразилось и въ бытѣ его собственнаго семейства: почти всѣ сыновья Гедымина были женаты на русскихъ княжнахъ, а одинъ изъ нихъ, при жизни отца, принялъ св. крещеніе (стр. 83).

Гедыминъ представляетъ въ исторіи примѣръ удивительный. Въ вѣкъ фанатизма, когда религіозность, казалось, не мыслима была безъ нетерпимости и вражды къ другимъ вѣроученіямъ, этотъ князь язычникъ показалъ въ себѣ такой полнѣйшій образецъ терпимости, до какой образованныя націи достигали долгимъ путемъ постепеннаго умственнаго развитія и тяжелой борьбы убѣжденій, стоившей не мало крови и страданій человѣчеству. Гедыминъ относился одинаково ко всякой вѣрѣ. У него повидимому на первомъ планѣ были всегда политическіе виды, но присоединенія новыхъ земель при немъ совершались не кровавымъ путемъ завоеваній, а болѣе мирными средствами. У него было семь сыновей и пять дочерей. Мы уже говорили, что двое изъ сыновей Ольгердъ и Любартъ черезъ свои браки пріобрѣли наслѣдственныя права на значительныя русскія области. Своихъ дочерей выдавалъ Гедыминъ въ замужество такъ, что бракъ каждой изъ новобрачной приносилъ или приготавлялъ на будущее время какую нибудь пользу литовской державѣ. Одна была за княземъ Давидомъ, носившимъ титулъ гродненскаго старосты, энергическимъ, неутомимымъ, смышленнымъ и отважнымъ сподвижникомъ великаго князя литовскаго. Другая, по имени Альдона (въ св. крещеніи Анна), выдана была за наслѣдника польскаго престола Казиміра и этотъ бракъ установлялъ союзъ съ Польшею, дававшій Литвѣ опору въ борьбѣ съ крестоносцами. Третья была отдана за мазовецкаго князя Болеслава Тройденовича, сына Маріи Андреевны, послѣдней изъ галицкаго княжескаго дома; сверхъ того двухъ дочерей отдалъ Гедыминъ за владѣтелей въ Восточной Руси: одну за московскаго великаго князя Симеона, другую за соперника послѣдняго, князя тверскаго Дмитрія Михайловича. Конечно, Гедыминъ, при заключеніи брачныхъ союзовъ, не могъ предвидѣть, что выйдетъ со временемъ, но всѣ эти брачные союзы клонились къ тому, чтобы обезопасить миръ и упрочить мирныя отношенія съ сосѣдями.

Послѣ кончины Гедымина, сраженнаго выстрѣломъ изъ огнестрѣльнаго орудія въ 1341 году при осадѣ одного городка въ войнѣ противъ крестоносцевъ, литовская держава распалась на восемь областей, связанныхъ между собою единствомъ рода управлявшихъ ими князей. Старшій сынъ Гедымина Монтвидъ получилъ Керновъ на рѣкѣ Виліи на сѣверѣ отъ Вильно съ территоріею, составлявшею, такъ сказать, ядро, изъ котораго образовалось Литовское государство, и кромѣ того ему отданъ былъ городъ Слонимъ, въ Черной Руси. За исключеніемъ этого Слонима вся Черная Русь до береговъ рѣки Сѣверной Случи досталась другому сыну Гедымина—Коріату. Ольгерду досталось Креве

и съ нимъ восточная часть литовской державы до рѣки Березины, а за рѣкою Березиною лежало доставшееся тому же Ольгерду по женѣ княжество Витебское, доходившее до рѣки Угры. Западная часть литовской державы отъ Жмудскаго поморья до Волынской земли, съ городами Троками и Гродномъ, шедшая узкою полосою, досталась четвертому сыну Гедымина Кейстуту. Пятый сынъ Гедымина Любартъ, переселившійся на Волынь, владѣлъ уже прежде Луцкимъ княжествомъ, шестой—Наркмундъ-Глѣбъ—Пинскомъ и Туровомъ. Полоцкъ съ своею землею оставался подъ управленіемъ Гедыминова брата Воина, а по смерти его—сына Воинова Любка. Седьмой и меньшой изъ сыновей Гедымина Явнутій послѣ смерти родителя получилъ въ удѣлъ то, что при Гедыминѣ состояло въ непосредственной зависимости отъ великаго князя — Вильно съ пригородами Ошмяною, Вилькомиромъ и Браславомъ литовскимъ. Историки считали Явнутія въ званіи великаго князя, но г. Антоновичъ на основаніи вѣскихъ доводовъ отвергаетъ такой взглядъ. Естественно возникаетъ недоразумѣніе: какъ это Гедыминъ, такой мудрый и проницательный политикъ, могъ оставить свое государство съ явными признаками распаденія, раздѣливши его на части и не поставивши единой верховной власти надъ всѣми частями. Но мы должны не упускать изъ вида, что въ тотъ вѣкъ, когда жилъ Гедыминъ, еще не была сознаваема спасительность централизаціи верховной власти, не было еще поползновеній подводить всѣхъ подданныхъ въ государствѣ къ однообразному единству. Отъ Гедымина, менѣе чѣмъ отъ кого нибудь, можно было ожидать, такихъ поползновеній. Самая вѣротерпимость Гедымина можетъ служить мѣриломъ его міросозерцанія. Терпимость у человѣка его времени не могла ограничиваться одною вѣрою; то была терпимость всякой жизненной розни. Если терпимы были всѣ вѣры, то это значитъ, что были терпимы всѣ народности, всѣ обычаи и права. И въ самомъ дѣлѣ Гедыминъ вызывалъ въ свои владѣнія чужестранныхъ колонистовъ всѣхъ націй и всякихъ сословій и заранѣе обѣщалъ сохранять ихъ права и обычаи, даровать имъ на новосельѣ льготы и поземельную собственность, а сосѣдямъ своимъ, жителямъ прибалтійскихъ земель, предлагалъ свободную торговлю въ своемъ государствѣ. Все это совпадало съ его характеромъ, отличавшимся миролюбіемъ, добродушіемъ и готовностью заступаться за угнетенную сторону. Послѣднее качество показалъ онъ, защищая гонимаго тверскаго князя Александра Михайловича и псковичей противъ властолюбивыхъ московскихъ притязаній. При такихъ чертахъ характера литовскаго властителя станетъ понятнымъ, что онъ не оставилъ послѣ себя все сосредоточивающей въ одномъ пунктѣ власти, угнетающей сверху свободное движеніе жизни, но предоставилъ всѣмъ жить по своему. Единственно, чего хотѣлъ Гедыминъ, это—чтобы земли, составлявшія его государство, находились во власти его рода. Всѣ перечисленные г. Антоновичемъ факты, происходившіе послѣ Гедымина, указываютъ на то, что, какъ выражается г. Антоновичъ (стр. 93), „каждый изъ удѣльныхъ князей Гедыминова рода считалъ себя самостоятельнымъ владѣтелемъ и никто не пользовался значеніемъ главы рода и титуломъ великаго князя“. И это было, притомъ, въ духѣ литовской народности: при Мендовгѣ литовцы достаточно показали свое міросозерцаніе, не допуская деспотической власти новгородецкаго князя. Такой же духъ господствовалъ и въ русско-славянскомъ мірѣ, съ которымъ тогда такъ тѣсно сталъ сливаться литовскій. Не смотря на страшные удары, наносимые Руси извнѣ и требовавшіе сосредоточенія силъ, а тѣмъ самымъ единовластія, Русь долго никакъ не могла обратиться въ монархическое государство, и когда стремленія къ этому стали высказываться въ Москвѣ, то возбуждали противъ себя русскихъ въ другихъ областяхъ и только долговременными усиліями, въ теченіе двухъ столѣтій, могла Москва достигнуть своихъ цѣлей. Такимъ образомъ можно смѣло признать, что у Гедымина отнюдь не было мысли творить монархическое государство, все равно, какъ не было такой мысли ни у Владиміра Святаго, ни у Яро-

слава, ни у Владиміра Мономаха. Язычникъ Гедыминъ, чрезвычайно умный, энергичный, но вмѣстѣ съ тѣмъ добродушный и прямой, не переходилъ за рубежъ своего вѣка и своей народности въ понятіяхъ о державной власти.

Несостоятельность средневѣковаго міросозерцанія начала уже сказываться въ XIV вѣкѣ, а въ Западной Европѣ вездѣ уже занималась заря и иной политической жизни обществъ, начинала сознаваться необходимость сплоченія частей подъ единствомъ монархическаго правленія. И Литва начала чувствовать такую необходимость. Крестоносцы, непримиримые враги и литовскаго язычества, и русско-славянскаго православія, не думали оставлять въ покоѣ новосозданной русско-литовской державы. Къ увеличенію опасности Литвѣ, польскій король Казиміръ, поссорившись съ Любартомъ за Волынь, заключилъ союзъ съ крестоносцами и становился враждебно ко всей Литвѣ. Заручившись на будущее время такимъ союзомъ, крестоносцы предприняли строить укрѣпленія вдоль литовской границы и пролагать военныя дороги, окаймленныя рвами и палисадами, а изъ Германіи приглашали охотниковъ для войны съ язычниками. Это побудило двухъ братьевъ Ольгерда и Кейстута дѣйствовать вмѣстѣ: они соединились тѣсною дружбою и въ такомъ союзѣ оставались всю жизнь, не смотря на различіе ихъ характеровъ. Они прежде всего удалили изъ Вильны брата Явнутія, человѣка слабаго и недѣятельнаго, и дали ему удѣлъ въ Заславлѣ литовскомъ. Недовольный такимъ поступкомъ братьевъ, Явнутій ушелъ въ Москву, крестился тамъ, но потомъ воротился въ дарованный ему удѣлъ и остался вѣренъ Ольгерду.

Съ этихъ поръ Ольгердъ считался великимъ княземъ литовскимъ, по крайней мѣрѣ отъ русскихъ. Онъ прожилъ двадцать семь лѣтъ въ Витебскѣ, сдѣлался совершенно русскимъ и принималъ горячо къ сердцу русскіе интересы, будучи уже почти чуждъ литовской народности, тогда какъ братъ его Кейстутъ оставался язычникомъ и истымъ литовцемъ. Послѣдній во все долговременное свое княженіе, велъ непрестанныя войны съ крестоносцами. За двадцать лѣтъ насчитываютъ семьдесятъ вторженій крестоносцевъ въ Литву съ прусской стороны и тридцать со стороны Ливоніи. Эти вторженія имѣютъ видъ набѣговъ. Характеристика ихъ, какъ и характеръ Кейстута, изложены очень занимательно въ книгѣ г. Антоновича (стр. 114—126). Ольгердъ рѣдко въ этихъ войнахъ участвовалъ. До какой степени не похожи были между собою по характерамъ братья Кейстутъ и Ольгердъ, достаточно будетъ указать, что первый, по описанію заклятыхъ враговъ его нѣмцевъ, былъ до того честенъ и прямодушенъ, что всегда самъ заранѣе давалъ знать непріятелямъ, когда готовился нападать на нихъ съ оружіемъ, Ольгердъ же, по отзыву русскихъ лѣтописцевъ, былъ князь хитрый и коварный, и когда намѣревался идти куда нибудь въ походъ, то скрывалъ свой замыселъ до послѣдней минуты. Онъ былъ нрава строгаго, очень воздерженъ, не употреблялъ вина и не терпѣлъ попоекъ. О его вѣроисповѣданіи существуютъ противорѣчивыя извѣстія. По западнымъ и польскимъ источникамъ, онъ оставался язычникомъ, но русскіе источники признаютъ его принявшимъ православную вѣру, хотя по этому вопросу нѣсколько разнорѣчатъ между собою относительно подробностей. По лѣтописи Быховца Ольгердъ принялъ православіе еще до брака своего съ витебскою княжною; согласно съ этимъ извѣстіемъ повѣствованіе никоновской лѣтописи о томъ, что когда сынъ Ольгерда Андрей принялъ св. крещеніе во Псковѣ, псковичи уговаривали креститься самого Ольгерда, а тотъ отвѣчалъ имъ, что онъ уже крещенъ, исповѣдуетъ христіанскую вѣру и въ другой разъ креститься не хочетъ. Литовскій историкъ Кояловичъ, напротивъ, говоритъ, что Ольгердъ передъ язычниками не хотѣлъ показывать себя христіаниномъ и принялъ св. крещеніе уже послѣ вступленія во второй бракъ, по внушенію второй жены своей тверской княжны Ульяны Александровны и построилъ въ Витебскѣ двѣ церкви. Стрыйковскій говоритъ, что видѣлъ самъ въ витебской церкви портретъ Ольгерда, изъ чего слѣдовало заключить, что онъ былъ кре

щенъ, иначе бы его портрета не поставили въ христіанскомъ храмѣ. Не знаемъ, отчего г. Антоновичъ не обратилъ вниманія еще на одно русское сказаніе, справедливость котораго признавали наши историки—Карамзинъ (Ист. Гос. Рос., т. V, стр. 51) и Соловьевъ (Ист. Рос., т. III, стр. 343), что Ольгердъ, носившій во св. крещеніи имя Александра, передъ смертью принялъ иноческій санъ и нареченъ былъ Алексѣемъ. Во всякомъ случаѣ г. Антоновичъ склоняется къ тому, чтобы считать Ольгерда христіаниномъ, справедливо полагая, что русскіе, писавшіе о немъ, могли знать дѣло ближе, чѣмъ иностранцы.

Дѣятельность Ольгерда во все продолжительное время его княженія обращена была на русскія земли. Онъ поддерживалъ князей Смоленской земли противъ притязаній Москвы, а потомъ ссорился съ ними и довелъ до того Смоленскъ, что онъ со всею своею областью очутился подъ верховнымъ главенствомъ великаго литовскаго князя, хотя все еще управлялся князьями изъ своего стараго княжескаго дома. Въ древней землѣ вятичей, нѣкогда подчиненной князьямъ черниговской вѣтви, съ упадкомъ Чернигова и Новгородъ-Сѣверскаго, возвысился городъ Брянскъ, но послѣ смерти дѣльнаго и храбраго Романа Михайловича, воевавшего съ Мендовгомъ, сдѣлался сценою междоусобій, возникавшихъ, какъ между князьями претендентами на княжескій престолъ, такъ и между княземъ и вѣчемъ. Ольгердъ вмѣшивался въ эти внутренніе раздоры, послѣ смерти брянскаго князя Василія овладѣлъ Брянскомъ въ 1355 году и отдалъ его вмѣстѣ съ Новгородъ-Сѣверскомъ въ княженіе сыну своему Димитрію. Около того же времени овладѣлъ Ольгердъ Черниговомъ, куда посадилъ другаго сына своего, также Димитрія, и Стародубомъ, который отдалъ своему племяннику Патрикію Наримунтовичу. По поводу извѣстной борьбы Ольгерда съ московскимъ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ г. Антоновичъ не сказалъ ничего новаго и важнаго, но остановился съ особымъ вниманіемъ на покореніи Ольгердомъ Подольской земли и Украйны. Страны эти — древній край Угличей и Тиверцовъ, по мнѣнію г. Антоновича, не входили въ область кіевскихъ князей въ до-татарское время. Дѣйствительно, тѣ ученые, которые были инаго мнѣнія, не могли въ подтвержденіе его привести ничего, кромѣ отысканныхъ въ лѣтописяхъ намековъ объ этомъ краѣ, безъ малѣйшаго указанія нато, чтобы край этотъ входилъ въ систему русскихъ княжествъ. Въ половинѣ XII вѣка встрѣчаются въ лѣтописяхъ черты, показывающія, что часть Поднѣстровскаго края, называемая Понизьемъ, между рѣками Ушицею и Серетомъ, временно входила въ область Галицкаго княженія, но сплотиться съ нею не успѣла; пространство же за рѣкою Ушицею внизъ до устья рѣки Днѣстра и вверхъ оттуда до устья рѣки Роси, впадающей въ Днѣпръ — весь на этомъ пространствѣ правый берегъ Днѣпра не принадлежалъ никакимъ извѣстнымъ намъ русскимъ князьямъ Рюрикова дома. Внутреннее состояніе этого края въ тѣ времена остается для насъ въ непроницаемомъ межѣ. Съ нашествіемъ монголовъ этотъ край подчинился завоевателямъ. Послѣдніе обложили туземцевъ данями, которыя собирали съ жителей установленные въ странѣ атаманы и отдавали ханскимъ баскакамъ, отвозившимъ сборъ въ орду. Главное начальство отъ верховной власти орды находилось въ рукахъ темниковъ, которые, должно быть, пріобрѣтали свое достоинство наслѣдственнымъ путемъ, такъ какъ они именуются отчичами и дѣдичами Подольской земли. Сперва Ольгердъ, ведя споръ съ польскимъ королемъ Казиміромъ за Волынь, приглашалъ этихъ татаръ воевать съ поляками и ходилъ съ ними въ Галицкую землю, захваченную Казиміромъ, но 1356 году Казиміръ привлекъ на свою сторону семь татарскихъ князей—и такое непостоянство, какъ догадывается г. Антоновичъ, было причиною измѣненія отношеній Ольгерда къ подольскимъ татарамъ. Онъ является ихъ врагомъ и въ 1362 году одерживаетъ рѣшительную побѣду па берегахъ рѣки Синія Воды (нынѣ Синюха) надъ тремя татарскими князьями Кутлубугомъ, Хадонибеемъ и Димитріемъ. Послѣдствіемъ этой побѣды было то, что вся Подольская земля

и все Бѣлобережье (пространство вверхъ отъ Чернаго моря между низовьями Днѣпра и Днѣстра) вошли въ литовское владѣніе. Подольскіе татары ушли въ въ Добруджу. Спустя двѣсти лѣтъ Стрыйковскій видѣлъ потомковъ ихъ въ Добруджѣ и около Силистріи: большинство ихъ вело осѣдлую жизнь, занималось земледѣліемъ и говорило по русски,—объясняя послѣднее обстоятельство тѣмъ, что предки ихъ вышли изъ Подольской земли. Такимъ образомъ, надобно думать, что татары, поселившіеся нѣкогда въ Подольской землѣ, значительно смѣшались съ тамошнимъ населеніемъ и усвоили ихъ народность. Это подтверждается и тѣмъ, что одинъ изъ князей, побѣжденныхъ Ольгердомъ на Синихъ Водахъ, носилъ христіанское имя Димитрія. Ольгердъ, подчинивши Польскій край, отдалъ его, вмѣстѣ съ Бѣлобережьемъ, четыремъ племянникамъ своимъ Каріатовичамъ въ княженіе; эти новые князья вошли въ пріязнь съ подольскими атаманами и вмѣстѣ съ ними занялись постройкою укрѣпленій: они построили крѣпости въ Каменцѣ, Смотричѣ и Бакотѣ.

Послѣ покоренія Подольской земли и Бѣлобережья, Кіевское княженіе было подчинено безъ сопротивленія. Ольгердъ смѣстилъ кіевскаго князя Өеодора и посадилъ на княженіе въ Кіевѣ своего сына Владиміра.

Борьба Ольгерда съ польскимъ королемъ за Волынь, предпринятая въ защиту права Ольгельда, брата Любарта, велась упорнѣе, то прекращалась, то возобновлялась и окончилась уже въ 1377 году миромъ, по которому удѣлы Владимірскій, Луцкій и Берестейскій остались за Любартомъ, а земли Холмская и Бѣльзская уступались Польшѣ.

Въ этомъ 1377 году Ольгердъ отошелъ въ вѣчность, оставивъ послѣ себя созданное имъ государство отъ моря Балтійскаго до моря Чернаго, съ предѣлами на востокъ до береговъ Угры, Оки и истоковъ Сейма, а на западъ до береговъ Западнаго Буга. Въ этомъ государствѣ преобладала русская національность и въ ней, по выраженію г. Антоновича, едва казался замѣтенъ небольшой уголъ, занимаемый литовскимъ племенемъ, составившимъ нѣкогда первоначальное ядро этого государства (стр. 156).

Книга г. Антоновича не страдаетъ тою сухостію, которую мы привыкли встрѣчать во многихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ и которую нѣкоторые даже признаютъ достоинствомъ. Книга г. Антоновича написана увлекательно и можетъ быть читаема легко, разумѣется тѣми, кто интересуется самымъ предметомъ, которому она посвящена. Это оттого, что г. Антоновичъ хорошо изучилъ свой предметъ и ясно излагаетъ его. Сухость и темнота всегда почти бываютъ послѣдствіемъ того, что авторъ недостаточно вдумался въ то, за что взялся и не вполнѣ уразумѣлъ то, о чемъ пишетъ.

Н. Костомаровъ.

Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Сочиненіе Ивана Соколова. Москва, 1880.

Ни религіозная, ни культурная жизнь каждаго народа не свободна отъ вліянія обычаевъ, взглядовъ и идей со стороны тѣхъ народовъ и племенъ, съ которыми онъ входитъ въ непосредственное или посредственное соприкосновеніе. Понятно, что и Россія въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія; въ теченіе многовѣковой своей исторической жизни она приходила въ соприкосновеніе со многими и различными племенами и народами, примѣрами общественнаго строя и научнаго направленія, и если не подчинялась вполнѣ вліяніямъ иноземцевъ, не мѣняла строя своего на иностранный ладъ, если въ народѣ крѣпко было сознаніе своей національности и отдѣльности отъ сосѣднихъ племенъ и народовъ, не погасала вѣра въ свои духовныя и нравственныя силы.

все-таки общеніе съ иноземцами и иновѣрцами не могло не отразиться въ его религіозной и гражданской жизни. Нѣчто имъ унаслѣдовано и усвоено, хотя и въ своеобразной переработкѣ, другое отринуто, но оставило по себѣ слѣдъ въ воззрѣніяхъ и нравахъ нашихъ относительно нѣкоторыхъ предметовъ. Обстоятельства, при которыхъ возникали связи съ инородцами и иновѣрцами, отношенія, въ которыя становились наши предки къ ихъ обычаямъ и религіи, заслуживаютъ вниманія всѣхъ, интересующихся историческими судьбами нашего отечества; на сколько сильны и живучи были своеобразныя національныя начала жизни, какого рода было вліяніе иноземщины—трудный и вмѣстѣ интересный вопросъ, не впервые поднимаемый въ литературѣ. При недостаткѣ изученія, или поверхностности взгляда, легко можно впасть въ преувеличеніе при оцѣнкѣ иностранныхъ вліяній на нашу культуру, т. е. или мы припишемъ имъ заслуги, которыхъ они не имѣли, да и не могли имѣть, или слишкомъ увеличимъ враждебность ихъ и даже вредъ для національной самобытности нашей. Весьма видное, хотя не исключительное отношеніе къ русской культурѣ XVI и XVII вѣковъ принадлежитъ протестантизму, не потому, чтобы духъ его особенно гармонировалъ съ религіозными и общественными стремленіями Русскаго народа, а въ силу политическихъ обстоятельствъ, заставившихъ предковъ нашихъ ревниво оберегаться отъ исповѣдниковъ католицизма, прямо или непрямо по духу своего исповѣданія внушавшихъ опасеніе за цѣлость вѣры и сохраненіе самой народности и государственной самобытности. Сочиненіе г. Соколова занимается изслѣдованіемъ этого важнаго предмета, который до сихъ поръ не былъ разсматриваемъ у насъ въ такой полнотѣ и широтѣ. Планъ сочиненія обнимаетъ всѣ выдающіяся стороны предмета, и нѣкоторыя изъ нихъ изложены довольно обширно и характерно. Авторъ, какъ видно, приложилъ стараніе къ ознакомленію со всею наличною литературою по данному вопросу и даже съ рукописными памятниками, хранящимися въ разныхъ книгохранилищахъ и архивахъ.

„По различію мѣстной среды и политическихъ условій, при неравенствѣ внутреннихъ и внѣшнихъ силъ протестантизма въ Россіи Московской и Литовской, говоритъ авторъ, самый образъ дѣйствій его въ той и другой Россіи различенъ, и вліяніе его на всѣ стороны духовной жизни православныхъ далеко не одинаково". Чтобы выяснить отношенія протестантизма къ Россіи по возможности во всемъ разнообразіи его образа дѣйствій, характера и вліянія, авторъ дѣлитъ свое изслѣдованіе на двѣ главныя части; въ первой разсматриваетъ положеніе протестантовъ въ Россіи сѣверовосточной, во второй—отношеніе ихъ къ православнымъ въ Россіи югозападной.

Въ первомъ отдѣлѣ первой части авторъ говоритъ о возникновеніи протестантскихъ общинъ въ центрѣ Россіи и на окраинахъ ея (въ Архангельскѣ и Астрахани), о гражданскомъ положеніи ихъ въ Россіи, политическихъ и культурныхъ соображеніяхъ, по которымъ оказывалась протестантамъ вѣротерпимость въ до-Петровской Руси, имѣя „въ виду показать съ одной стороны благоразуміе и дальновидность русской политики, съ другой — предпріимчивость, умъ и ловкость нѣмецкой націи, съ какими первая успѣла завлечь, а вторая проникнуть въ непроницаемую даль (къ которой нужны были годы пути) и перенести туда свои религіозныя учрежденія, и какъ эта тонкая русская политика, преслѣдуя свои государственныя выгоды безъ существеннаго вреда для своей вѣры и церкви, предоставила своимъ пособникамъ въ дѣлѣ культурномъ всѣ внѣшнія условія, благопріятныя для развитія ихъ религіозной общины".

Затѣмъ второй отдѣлъ занимается судьбами протестантской пропаганды въ Московской Россіи. Намъ кажется, что выраженію „пропаганда" авторъ придаетъ слишкомъ широкій смыслъ и оттого самое естественное знакомство и житейское общеніе подводитъ подъ эту рубрику. Не для пропаганды религіозной или темной агитаціи (Примѣч. стр. 25), или нѣмцы въ Рос-

сію, и самъ авторъ неизбѣжно долженъ былъ сдѣлать вопросъ: „Призванные въ Россію для насажденія внѣшней гражданской культуры, для распространенія по преимуществу матеріальныхъ благъ цивилизаціи, принятые подъ покровительство русскихъ законовъ подъ условіемъ, чтобъ они знали лишь то дѣло, для котораго они призваны и съ своею вѣрою къ русскимъ людямъ не приставали, могли ли протестанты серьезно пропагандировать въ Россіи свою вѣру?“ Что могли, въ томъ охотно соглашаемся; но чтобы поставляли себѣ задачею пропаганду, чтобы имѣли цѣлью всѣми способами насаждать въ Россіи новую вѣру, того не видимъ даже изъ кропотливыхъ указаній и натянутыхъ выводовъ автора. Развѣ согласимся, что „и эта разгульная и безпутная жизнь была отчасти сѣтью, ловившею, какъ увидимъ, свойственную ей добычу для протестантства“. Но разгулъ и безпутство, какъ средства религіозной пропаганды, врядъ ли пригодны для такой цѣли, да предки наши вѣроятно и не нуждались въ особенной пропагандѣ, чтобъ предаваться разгулу. Затѣмъ преувеличеннымъ кажется и слѣдующій общій взглядъ автора на протестантскую пропаганду: „Прикинувшись другомъ и союзникомъ православія“ (какимъ образомъ и когда, не находимъ у автора) „протестантизмъ и открылъ свои нападенія на нравственные практическіе недостатки русской церкви, имѣя въ виду раздуть реакціонное движеніе, увеличить массы недовольныхъ церковію и привлечь ихъ на свою сторону. Этотъ планъ, какъ увидимъ, не совсѣмъ ему удался. Тѣмъ не менѣе хитрый врагъ зналъ, гдѣ кроется горючій матеріалъ. куда и какъ бросить искру, и эта искра тихо и незамѣтно тлѣла и періодически вспыхивала въ теченіе полутора вѣка“. Долго же тлѣла искра! А вспышки все-таки не отъ нея, то есть не отъ протестантовъ, жившихъ въ Россіи, а отвнѣ (разумѣемъ препирательство Рокиты съ Грознымъ, бесѣды о вѣрѣ по случаю сватовства королевича датскаго, внѣшнее давленіе протестантизма въ областяхъ, отошедшихъ къ Швеціи). Мы принимаемъ, что протестанты наши. то есть жившіе въ Россіи, могли имѣть не прямое, не нарочитое такъ сказать вліяніе на умы русскихъ людей, какъ это впрочемъ видно и изъ фактическаго изложенія дѣла у самого автора, а посредственное, характеризуемое составителемъ „Молотка на Камень Вѣры“. „Мы не пришли для наученія васъ вѣрѣ“—говоритъ авторъ отъ лица всѣхъ иноземцевъ, — „и не хотимъ въ вашъ законъ вступаться; если же случится въ разговорѣ, по прошенію, сказать о вѣрѣ, оное не есть проповѣдь“ (стр. 137). Что совмѣстное жительство вело къ обмѣну мыслей, понятно; но чтобы протестантизмъ оказалъ вліяніе на происхожденіе самаго раскола нашего, это уже непонятно. Нашъ авторъ говоритъ: „путемъ отрицанія онъ только содѣйствовалъ, поощрялъ образованіе и развитіе раскола, подлилъ лишь масла въ огонь. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли упускать изъ вида и называть простою историческою случайностію то явленіе, что первыя сѣмена раскола обнаружили себя на русской почвѣ почти одновременно съ возникновеніемъ протестантизма въ Германіи и потомъ разрослались по мѣрѣ возбуждаемаго протестантизмомъ презрѣнія къ церковнымъ узаконеніямъ и обрядамъ?“ Сопоставленіе крайне неудачное и совершенно искусственное! Раскольниками не бѣдна была Россія и до знакомства съ протестантами; основныя же черты продолжающагося донынѣ раскола не сродни протестантизму, хотя впослѣдствіи и образовались раскольническія секты съ окраскою протестантскою. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ съ особенною тщательностію знакомитъ насъ съ противопротестантскою литературою, какая появлялась въ Московской Россіи до XVIII столѣтія, и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ величайшей благодарности, и на стр. 119—120 прекрасно изображаетъ непоколебимое убѣжденіе въ правотѣ своей вѣры, какое русскій человѣкъ съ скромностію и достоинствомъ высказывалъ въ своихъ религіозныхъ состязаніяхъ съ иновѣрцами.

Въ отдѣлѣ третьемъ, говоря о вліяніи протестантизма на развитіе просвѣщенія въ Россіи, авторъ приходитъ къ заключенію: „Какъ ни малочисленны

вообще наши свѣдѣнія о дѣятеляхъ изъ просвѣщеннаго протестантскаго міра, способствовавшихъ успѣхамъ гражданскаго просвѣщенія, но и имѣющіяся данныя достаточно показываютъ, что всѣ они обаяніемъ своей личности, примѣромъ ученой дѣятельности, при исполненіи своей оффиціи, при частныхъ сношеніяхъ и собесѣдованіяхъ, въ школахъ, въ путешествіяхъ, — словомъ, всѣми средствами и при всякомъ удобномъ случаѣ внушали русской любознательности уваженіе къ наукѣ и оказывали дѣятельныя услуги въ ея юныхъ научныхъ стремленіяхъ. Напрасно стали бы возражать намъ, что въ гражданскомъ этомъ образовательномъ вліяніи не было собственно религіознаго протестантскаго элемента. Нѣтъ! такъ какъ это вліяніе было большею частію вліяніемъ всей личности, жизни и дѣятельности, то религіозный протестантскій элементъ на столько же неотдѣлимъ отъ него, на сколько религія не отдѣлима отъ внутренняго нашего существа, жизни и поведенія, хотя мы не знаемъ навѣрно, проникался ли этимъ религіознымъ началомъ просвѣщаемый ими русскій людъ. Наконецъ, если присоединить сюда средства къ возвышенію духовнаго его просвѣщенія, бывшія въ распоряженіи образованныхъ протестантовъ: обличенія, критику во всѣхъ ихъ видахъ, краткія и обширныя сочиненія о религіозно-умственномъ состояніи Россіи (кстати сказать—русскимъ остававшіяся неизвѣстными) и проч., то не будетъ твердаго основанія отрицать вліяніе протестантовъ на развитіе въ ней образованности и въ до-Петровское время". Выводъ слишкомъ слабый и шаткій; на основаніи фактическихъ данныхъ, представленныхъ самимъ авторомъ, можно бы сказать и короче, и опредѣлительнѣе. Гораздо точнѣе во всѣхъ отношеніяхъ и сообразнѣе съ дѣломъ конечный выводъ въ заключеніи первой части сочиненія, стр. 241—243, хотя вообще мы считаемъ нужнымъ оговориться, что авторъ, желая всюду прослѣдить вліяніе, возможное и дѣйствительное, протестантизма, даже на нравственное состояніе русскаго общества, часто впадаетъ въ односторонность, какъ бы забываетъ, что складъ русской жизни и тогда не былъ складомъ жизни какихъ нибудь дикарей и русскіе такъ были устойчивы въ своей вѣрѣ, что имѣли воздѣйствіе на самихъ протестантовъ, не взирая на воображаемое авторомъ обаяніе ихъ личности. Приписывать вліянію протестантизма заведеніе школъ, тогда какъ еще въ XV вѣкѣ высказывались жалобы на недостатокъ ихъ, когда еще Грозный понималъ ихъ пользу и посылалъ русскихъ юношей для образованія въ патріаршую школу Константинопольскую, или возстановленіе проповѣдничества, тогда какъ проповѣдничество церковное собственно никогда не оскудѣвало на Руси, хотя проповѣдниковъ и мало было, почти на всѣ сферы жизни простирать просвѣтительное вліяніе протестантизма, словно бы Россія до знакомства съ протестантами сидѣла во тьмѣ и затѣмъ, кромѣ протестантовъ, имѣла сношенія только съ дикарями и басурманами,—по меньшей мѣрѣ странно.

Въ второй части сочиненія излагается отношеніе протестантизма къ русскимъ въ югозападной или Литовской Россіи. Авторъ начинаетъ издалека и думаетъ, что появленіе и распространеніе гусситизма въ предѣлахъ югозападной Россіи подготовило здѣсь успѣхи протестантизма. „Гусситизмъ пустилъ глубокіе корни въ Литвѣ еще въ княженіе Витовта. Другъ и сподвижникъ Гусса, Іеронимъ Пражскій, въ 1413 г. былъ въ Литвѣ и Вильнѣ, съ благоговѣніемъ обходилъ православные храмы, повергался предъ мощами и иконами русскихъ святыхъ, принималъ евхаристію изъ рукъ православныхъ священниковъ и бесѣдовалъ съ Витовтомъ о соединеніи различныхъ вѣроисповѣданій христіанскихъ. Въ чемъ состояла эта бесѣда, какой идеалъ единой вселенской церкви предначертанъ былъ Іеронимомъ, это вообще даетъ намъ понять Витовтъ. Созидая изъ разноплеменныхъ и иновѣрныхъ обитателей Литвы единое самостоятельное государство, онъ хотѣлъ объединить ихъ подъ единою независимою церковію, безъ всякаго раздѣленія ея на католическую и православную. Съ этою затаенною цѣлью, чрезъ два года послѣ завѣтнаго своего разговора съ Іеронимомъ, Витовтъ

учредилъ особую митрополію для югозападной православной Руси, въ надеждѣ, что новый, зависимый отъ него, а не отъ московскихъ первосвятителей, митрополитъ скорѣе войдетъ въ его планы объ уніи. Отправляя новоизбраннаго митрополита (Григорія Цамблака) и епископовъ на Констанскій соборъ, Витовтъ надѣялся, что онъ возвратится къ нему приверженцемъ и представителемъ новой единой церкви, которую Гуссъ и Іеронимъ мечтали торжественно возстановить на соборѣ и о которой, надобно полагать, проповѣдывалъ Іеронимъ Витовту. Но надеждамъ этимъ не суждено было исполниться. Гуссъ погибъ на кострѣ. Русскіе іерархи объявили на соборѣ, что они хотятъ оставаться совершенно тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ. Витовтъ вынужденъ былъ отказаться отъ преобразованія церкви по началамъ гусситизма. Тѣмъ не менѣе, какъ въ Германіи, со смертію Гусса, идеи его долго еще жили въ народѣ и подготовили собою реформу Лютера, такъ и въ Литвѣ гусситское движеніе, послѣ первой его побѣды и пораженія, долго таилось въ обществѣ, волновало умы и подготовило собою успѣхи протестантизма". Такъ говоритъ авторъ, подводя факты подъ теорію распространенія и живучести гусситизма въ югозападной или Литовской Россіи. Но, прежде всего, гусситизмъ, какъ вѣроисповѣданіе, не былъ распространенъ здѣсь, даже, сколько извѣстно, не существовалъ. Гусситы, ища нравственной поддержки въ Константинополѣ и вообще въ греческой церкви, искали такой же, а еще болѣе—политической, въ Литвѣ. Поведеніе Іеронима Пражскаго въ Литвѣ обнаруживаетъ скорѣе стремленіе сродниться или возобновить общеніе съ православіемъ, чѣмъ пропагандировать гусситство. О сущности бесѣдъ и завѣтнаго разговора Витовта съ Іеронимомъ заключать изъ учрежденія особой митрополіи для Литовской Россіи и изъ путешествія митрополита на Констанскій соборъ — слишкомъ смѣло; Витовтъ все-таки былъ католикъ и если бы преслѣдовалъ гусситскія цѣли, то не оставилъ бы въ такомъ случаѣ безъ вниманія завлечь въ свои виды католическій клиръ. Поставлять учрежденіе южнорусской каѳедры митрополичьей въ связи съ вліяніемъ гусситскихъ идей можно только на бумагѣ, потому что бумага все терпитъ. Живучи ли были идеи Гусса въ Германіи и онѣ ли подготовили реформу Лютера, сомнительно, какъ никѣмъ еще доселѣ основательно недоказано, и самимъ г. Соколовымъ высказано безъ доводовъ, „что и въ Литвѣ гусситское движеніе, послѣ первой его побѣды (?) и пораженія (?), долго таилось въ обществѣ, волновало умы и подготовило собою успѣхи протестантизма". И Польша и Литва вмѣшивались въ дѣла Чехіи, но по политическимъ и національнымъ причинамъ; если же къ этому примѣшивалось и религіозное сочувствіе, то во всякомъ случаѣ оно было слабо и гусситскихъ общинъ въ тѣхъ странахъ не было. Отвергая подготовку почвы для протестанства посредствомъ гусситства, мы причины быстраго распространенія протестантства приписываемъ тому же, чѣмъ обусловливались успѣхи его и въ Западной Европѣ, то есть—неудовлетворительности прежняго религіознаго состоянія, естественному желанію пониманія истинъ вѣры, которое тормозилось латынью, стремленію освободиться отъ иноземнаго (папскаго) вліянія, — а въ Польшѣ и Литвѣ къ тому еще можно присоединить и либеральное гражданское устройство, разумѣется въ томъ смыслѣ, что дворяне и городскія общины пользовались широкими правами.

И прививался-то протестантизмъ больше въ католическомъ, чѣмъ въ православномъ населеніи, можно бы даже сказать — почти исключительно, потому что хотя находимъ жалобы на проникновеніе его и къ русскимъ, но примѣровъ отпаденія записано мало, и самъ авторъ нашъ, добросовѣстно изучавшій предметъ своего сочиненія, говоритъ: „Вообще въ царствованіе Сигизмунда Августа и преимущественно при жизни самого Радзивилла (1548—1565 г.) кальвинизмъ такъ былъ силенъ и обаятеленъ, а южнорусскіе православные такъ слабы и беззащитны, что никогда такъ много не отторгалось ихъ отъ св. церкви, какъ въ это время, хотя и не видно изъ исторіи, какъ именно велика была эта потеря" (стр. 257). Не видно изъ исторіи должно быть потому, что и потеря на

самомъ дѣлѣ была не большая, особенно въ простомъ народѣ. „Его спасло то живое, непосредственное чувство истинности православной вѣры и безмѣрнаго ея превосходства предъ всѣми другими исповѣданіями, которое постоянно присуще чистой русской душѣ“ (стр. 256). Изъ показаній автора видно, что протестантизмъ захватывалъ собственно Литву и Бѣлоруссію, частію Волынь, не оставивши по себѣ памяти въ Галиціи, Подоліи и Кіевскомъ воеводствѣ.

Весьма подробно изображаетъ авторъ какъ первоначальное распространеніе и цвѣтущее состояніе протестантизма въ югозападной Россіи, причемъ весьма хорошо и основательно трактуетъ и о зашедшихъ въ Литву изъ Москвы ересеначальникахъ Ѳеодосіи Косомъ, Симонѣ Будномъ и др., такъ и ослабленіе его съ 1570-хъ годовъ и постепенный упадокъ даже до нашихъ временъ. Но для насъ интереснѣе тотъ отдѣлъ книги, гдѣ авторъ излагаетъ установившіяся къ концу XVI столѣтія мирныя, дружественныя и союзническія связи православныхъ съ протестантами. „Если ослабленный, обезсиленный протестантизмъ держался въ Литвѣ, то сбереженіемъ остатковъ жизненности онъ обязанъ отчасти внѣшней заграничной помощи (изъ Пруссіи и Саксоніи), а главное—оборонительному религіозно-политическому союзу своему съ мѣстными православными, къ которому онъ долженъ былъ склониться въ самомъ началѣ претерпѣваемыхъ имъ бѣдствій“. Кратко, но хорошо освѣщены дѣйствія православныхъ и протестантовъ на соборахъ Брестскомъ (стр. 338—341) и Виленскомъ (стр. 341 и далѣе). Хотя, предъ силою іезуитизма и фанатизированнаго польскаго правительства, да и по внутреннимъ, лежавшимъ въ самой основѣ православія и протестанства, причинамъ, союзники мало нравственной поддержки могли оказывать другъ другу, а попытки вооруженнаго союза для защиты своихъ правъ не только не имѣли успѣха, но и уронили союзниковъ въ общественномъ мнѣніи, въ самихъ союзникахъ вызвали разладъ, но завязавшіяся связи между протестантами и православными не порвались, а только съ теченіемъ времени приняли болѣе опредѣлительный и практическій видъ. Долго обѣ стороны питались тайною надеждою сблизиться и въ вѣроисповѣданіи, составить одну церковь, но опытъ показалъ, что вѣроисповѣдное соединеніе православія съ протестантизмомъ также не возможно, какъ соединеніе двухъ разнородныхъ стихій воды и огня (стр. 365), по выраженію протестантскаго писателя; за то установились „добрыя, близкія отношенія между обоими союзными обществами, не какъ между двумя отвлеченно взятыми единицами, или, какъ обыкновенно говорятъ, между всѣмъ и никѣмъ, и не временно, періодически, то измѣняясь, прекращаясь, то вновь начинаясь. Когда формальные общественные союзы на время прекращали свое дѣйствіе, ихъ благодѣтельное дѣло продолжали патроны, бывшіе непрестанными заступниками и благотворителями союзниковъ, служившіе всегдашнимъ олицетвореніемъ ихъ взаимности и пріязни. Какъ люди наиболѣе просвѣщенные и вліятельные, патроны глубоко понимали важность обязательствъ, принятыхъ обществами при заключеніи союзовъ, и во имя этого священнаго союза и отъ лица покровительствуемаго общества охраняли иновѣрныхъ союзниковъ, какъ и своихъ единовѣрцевъ, предстательствовали за нихъ вездѣ, гдѣ нужно и можно, оказывали имъ всякаго рода защиту и поддержку: юридическую, нравственную и матеріальную, помогали имъ въ нуждахъ частныхъ, общественныхъ и церковныхъ. Общими нераздѣльными покровителями протестантовъ и православныхъ были со стороны первыхъ князья Радзивиллы, со стороны вторыхъ Острожскіе“... Намъ пришлось бы дѣлать слишкомъ длинныя выписки изъ книги почтеннаго автора, чтобъ показать безсмертныя и безкорыстныя услуги протестантскихъ патроновъ православнымъ, продолжавшіяся и тогда, какъ не стало могучихъ патроновъ православныхъ. „Всѣ Радзивиллы стараются превзойти одинъ другаго въ мужественныхъ подвигахъ обороны и заступничества, въ самоотверженныхъ дѣлахъ любви и благотворительности къ православнымъ, и чѣмъ далѣе, особенно къ концу вѣка, тѣмъ они благосклоннѣе и любвеобильнѣе становятся къ православнымъ.

И между союзниками мало по малу установились полное единодушіе и взаимность, сближеніе искреннее, внутреннее, религіознонравственное, вѣротерпимость широкая, гуманная, которая бы сдѣлала честь и нашему времени".

Не желая краткимъ пересказомъ ослабить прекрасное изложеніе дѣла у автора, ограничиваемся указаніемъ на послѣдующія главы сочиненія, именно: а) на конецъ и послѣдствія союза протестантовъ съ православными; б) на послѣднія судьбы протестантской пропаганды среди православныхъ, гдѣ выяснено между прочимъ, значеніе православнаго исповѣданія Петра Могилы въ послѣдней борьбѣ съ пропагандою, и в) вліяніе протестантизма на внутреннее состояніе православной церкви. Въ заключеніе авторъ дѣлаетъ краткій очеркъ характера всѣхъ безконечно-сложныхъ и неуловимыхъ въ своихъ частностяхъ отношеній протестантизма къ западнорусскимъ православнымъ. „Никогда и нигдѣ послѣдователи восточной церкви не находились въ разсматриваемое время въ такомъ затруднительномъ положеніи, какъ въ этой злосчастной окраинѣ. Какіе ужасы гоненій испытали они надъ собою! Сколько ересей гнѣздилось вокругъ нихъ въ этомъ скопищѣ всякаго сектантства, вольномыслія и мятежа! И какъ мало были они подготовлены не только къ борьбѣ съ ересями и гоненіями, но и къ разрѣшенію самыхъ простыхъ религіозныхъ вопросовъ! По справедливому замѣчанію одного почтеннаго историка, эти ужасы гоненій и соблазны ересей живо представляютъ предъ нами ужасающую картину гоненій и ересей первенствующихъ временъ христіанства, съ тою только разницею, что здѣсь не было ни чудесъ, ни Аѳанасіевъ Великихъ. Не удивительно, что многіе православные не имѣли яснаго сознанія православной истины, не твердо стояли на одной почвѣ, но переходили то въ протестанство, то въ латинство, колебались между своею и чужими вѣрами. Но эти печальныя увлеченія и колебанія, значительно извиняемыя обстоятельствами времени, исключительнымъ положеніемъ церкви, были большею частію временныя и непродолжительныя: большинство совращенныхъ, колеблющихся, возвращались къ вѣрѣ отцовъ, становились твердыми, непоколебимыми въ убѣжденіяхъ. И о всемъ обществѣ православныхъ надобно сказать, что ни козни, ни гоненія, ни религіозный, ни политическій союзъ ихъ съ протестантами, ни взаимное формальное патронатство, ни частныя и общественныя сближенія, ни благовидность протестантскихъ церковнообщественныхъ учрежденій, ни превосходство образованія, никакія интриги и поддѣлки (въ родѣ подложнаго православнаго исповѣданія)—ничто не могло смутить ясности сознанія, поколебать ихъ убѣжденій. Не протестанты наконецъ пріобрѣли ихъ себѣ, но всѣмъ, что было добраго у протестантовъ— наукою, литературою, филантропическими учрежденіями, нравственнообразовательнымъ направленіемъ — они воспользовались для блага своей церкви".— „Обязанный своимъ происхожденіемъ на западѣ порокамъ, злоупотребленіямъ и извращеніямъ римской церкви, распространявшійся главнымъ образомъ посредствомъ произведенныхъ имъ политическихъ и соціальныхъ переворотовъ, протестантизмъ не могъ найти въ православной церкви извращеній и уклоненій отъ древняго вселенскаго образца церкви, не въ силахъ былъ произвести никакихъ политическихъ и общественныхъ переворотовъ. Оттого онъ обнаружилъ предъ нею полнѣйшую несостоятельность и безсиліе, хотя и воспользовался деморализаціею и легковѣріемъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ".

А. А.

Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. Трудъ Н. Калачова. Выпускъ первый. Изданіе второе. Спб. 1880.

Этотъ почтенный и ученый трудъ давно оцѣненъ по заслугамъ знатоками нашего древняго права и не нуждается въ похвалахъ: довольно сказать, что

это — образцовая настольная для всѣхъ занимающихся древней Русской исторіей книга, которая въ теченіе 34-хъ лѣтъ сохраняетъ свое значеніе, не встрѣчая ни откуда соперничества (первое изданіе вышло въ Москвѣ въ 1846 г. въ качествѣ диссертаціи на степень магистра гражданскаго права). Въ послѣдніе годы книга эта сдѣлалась библіографическою рѣдкостью, цѣна которой доходила до 25 — 30 руб. вмѣсто первоначальной — 2 руб.

Въ предисловіи къ настоящему изданію видно, что уважаемый ученый долго не рѣшался на простую перепечатку своей, какъ выражается онъ, „устарѣвшей диссертаціи, въ надеждѣ найти свободное время переработать [1]) ее основательно"; но теперь, когда онъ, въ виду сложныхъ своихъ теоретическихъ и практическихъ занятій, „начинаетъ недоумѣвать, можетъ ли эта надежда такъ скоро осуществиться, какъ было бы это желательно для пользы дѣла", онъ измѣнилъ свое рѣшеніе, предоставляя себѣ хотя не скоро издать второй выпускъ, въ который войдутъ необходимыя дополненія и исправленія. Съ своей стороны замѣтимъ, что „Предварительныя изслѣдованія" Н. В. Калачова нуждаются именно только въ дополненіяхъ и нѣкоторыхъ исправленіяхъ, которыя обнаружатся сами собою при критическомъ разборѣ новѣйшихъ сочиненій, имѣющихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ Русской Правдѣ. Такой разборъ еще разъ подтвердитъ вѣрность основныхъ положеній, выставленныхъ авторомъ слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ покажетъ, какъ намѣченныя имъ тогда задачи далеки еще отъ удовлетворительнаго рѣшенія.

М. Д.

Матеріалы для исторіи русской книжной торговли. С.-Петербургъ, 1879.

Если вообще исторія русской торговли представляетъ много своеобразнаго въ сравненіи съ ходомъ ея въ другихъ государствахъ, то еще больше особенностей существуетъ въ нашей книжной торговлѣ. При крайне маломъ развитіи грамотности до времени Петра Великаго, она ограничивалась только продажею книгъ духовнаго содержанія и незначительнымъ числомъ рукописей. Съ началомъ восемнадцатаго столѣтія, вслѣдствіе прививнаго европейскаго образованія, у насъ явился запросъ не столько на русскія книги, сколько на иностранныя, и тѣ выписывались или черезъ комиссіонеровъ, или отъ заграничныхъ книгопродавцевъ. Немногія сочиненія, печатавшіяся въ Россіи, продавались большею частію или въ самыхъ типографіяхъ, или при какихъ нибудь казенныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ до императрицы Екатерины II у насъ, можно сказать, вовсе не существовало сколько-нибудь правильной книжной торговли.

Какъ новая русская наука ведетъ начало съ Ломоносова, такъ наша книжная торговля, въ настоящемъ смыслѣ этого понятія, начинается только съ Новикова. Въ его лицѣ въ первый разъ является въ Россіи не простой торговецъ случайно пріобрѣтенными книжками и не спекулятивный содержатель типографіи, а просвѣщенный книгопродавецъ-издатель, у котораго въ виду не одна нажива, но и образовательныя цѣли. Здѣсь не мѣсто распространяться о многочисленныхъ его заслугахъ на пользу русскаго просвѣщенія; довольно сказать, что въ короткій періодъ своей дѣятельности этотъ предпріимчивый человѣкъ издалъ и распространилъ несравненно больше книгъ, чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятыя типографіи и книжныя лавки за цѣлое предшествующее ему десятилѣтіе. Какъ издатель, Новиковъ прежде всего имѣлъ въ виду образовательное

---

[1]) Курсивы въ подлинникѣ.

вліяніе печати; а въ качествѣ книгопродавца онъ заботился о распространеніи книгъ въ обществѣ и увеличеніи массы читателей—открывалъ книжныя лавки и склады, заводилъ коммиссіонеровъ и агентовъ въ провинціяхъ и всѣми мѣрами старался удешевить цѣнность книгъ. Чтобы понять обширные труды его по этому дѣлу, достаточно вспомнить, что въ одной московской университетской типографіи онъ напечаталъ болѣе трехсотъ пятидесяти изданій.

Извѣстно однакожъ, что дѣятельность Новикова не поставила русскую книжную торговлю въ то прочное положеніе, какимъ пользуется она на Западѣ. Ненормальный ходъ ея зависѣлъ у насъ не отъ скудости ученыхъ и литературныхъ силъ и издательской предпріимчивости, а отъ медленнаго развитія образованія въ народныхъ массахъ и отчасти еще отъ того своеобразнаго взгляда на книги, какимъ отличаются одни только русскіе читатели. Кто не знаетъ, что у насъ люди достаточные и интересующіеся литературой, бросая нерѣдко большія деньги на разныя прихоти, часто жалѣютъ купить недорогую и нужную книгу, а стараются достать ее на прочтеніе у знакомыхъ. Этого мало: въ глазахъ большинства книга стоитъ у насъ какъ бы внѣ предѣловъ личной собственности. „Зачитать книгу“, то-есть взять только на время и затѣмъ вовсе не возвратить, не считается предосудительнымъ у людей, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ честныхъ и аккуратныхъ. Найдется ли у насъ хотя одинъ владѣлецъ какой нибудь сотни книгъ, у котораго знакомые и даже люди близкіе, часто очень почтенные, не зачитали бы какого нибудь изданія? Не говоримъ уже о томъ, что въ рѣдкой публичной библіотекѣ или кабинетѣ для чтенія вы не встрѣтите книгъ съ вырванными страницами и измаранными по полямъ разными замѣтками, иногда въ родѣ тѣхъ надписей, какими исписываются скамейки и стѣны бесѣдокъ въ нашихъ публичныхъ садахъ. Можно ли послѣ того жаловаться, если содержатели такихъ читаленъ скупятся на покупку цѣнныхъ изданій?

Не мудрено, что книги у насъ почти не считаются товаромъ. Извѣстно, что когда одинъ изъ самыхъ полезныхъ для нашей литературы книгопродавцевъ, при временномъ разстройствѣ своихъ дѣлъ, обратился въ министерство финансовъ съ просьбою ссудить нѣсколько тысячъ подъ залогъ огромнаго книжнаго склада и библіотеки, ему отвѣчали: „и, какъ мы будемъ цѣнить ваши книги? дайте намъ песку, мусору—мы возьмемъ, потому что это товаръ съ извѣстной цѣнностью, а книги не товаръ!“

Понятно, что при такихъ своеобразныхъ понятіяхъ и взглядахъ на произведенія печати, наша книжная торговля должна была отличаться особыми, болѣе или менѣе неблагопріятными условіями. Если вообще въ Россіи не много старыхъ торговыхъ фирмъ, которыя существовали бы въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, то въ книжной торговлѣ ихъ конечно еще меньше. Примѣровъ хотя незначительнаго обогащенія отъ этой отрасли коммерціи такъ мало, что на нихъ не стоитъ и указывать. Что касается ликвидаціи дѣлъ по книжной торговлѣ, вслѣдствіе какихъ нибудь обстоятельствъ, то она бываетъ обыкновенно рѣшительнымъ раззореніемъ, и несостоятельность дѣлается при этомъ безповоротною. Книгопродавцевъ нашихъ упрекаютъ за недостатокъ предпріимчивости и крайнюю осторожность въ издательскомъ дѣлѣ; но если вспомнить множество примѣровъ раззоренія отъ рискованныхъ предпріятій и довѣрчивости къ недобросовѣстнымъ журналистамъ и писателямъ, то едва ли можно считать эти упреки основательными, когда мы знаемъ, какъ не высокъ уровень образованія въ большинствѣ людей, занимающихся у насъ книжной торговлей. Скорѣе можно жаловаться на книгопродавцевъ-кулаковъ, зачастую эксплоатирующихъ неопытныхъ или нуждающихся литераторовъ, да на тѣхъ торгашей-издателей, которые дѣйствуютъ въ видахъ одной наживы и наводняютъ наши провинціи невѣжественнымъ и даже вреднымъ хламомъ.

Основательно-составленная исторія русской книжной торговли была бы далеко не лишнимъ вкладомъ въ нашу литературу; но въ настоящее время

подобный трудъ едва ли возможенъ, по незначительности обнародованныхъ до сихъ поръ матеріаловъ. Источники для подобнаго сочиненія пока еще весьма скудны, а потому нельзя не сказать добраго слова о всякомъ новомъ изданіи по этому предмету, какъ бы оно ни было коротко и отрывочно. Къ такому роду источниковъ для будущаго историка нашего книжнаго дѣла принадлежитъ небольшая книжка, которой заглавіе мы выписали выше. Въ ней напечатаны воспоминанія книгопродавца Н. Г. Овсянникова о гостиннодворской книжной торговлѣ за пятьдесятъ лѣтъ, его же характеристика рыночной торговли книгами въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, и наконецъ воспоминанія о книгопродавцахъ и авторахъ И. Т. Лисенкова. Какъ ни кратки сообщаемыя въ этихъ статьяхъ свѣдѣнія, но въ нихъ, кромѣ фактовъ, которые могутъ быть отысканы въ другихъ источникахъ, есть не мало новыхъ подробностей, до сихъ поръ или вовсе неизвѣстныхъ, или знакомыхъ весьма не многимъ.

А. Милюковъ.

Три подъема русскаго народнаго духа для спасенія нашей государственности во время самозванническихъ смутъ. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ годичномъ собраніи С.-Петербургской духовной академіи 17-го февраля 1880 г. профессоромъ академіи Михаиломъ Кояловичемъ. Спб. 1880 г.

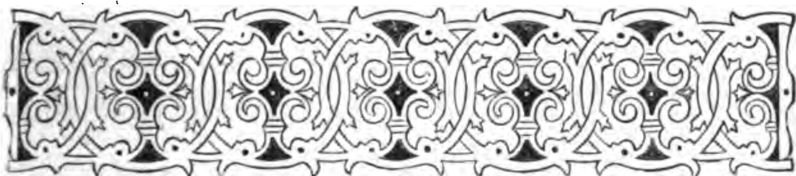
Объяснивъ въ началѣ своей рѣчи, что нынѣшнее ужасное время возбуждаетъ въ душѣ русскихъ людей много думъ и вопросовъ, почтенный профессоръ указываетъ, въ числѣ главныхъ, слѣдующій вопросъ: составляемъ ли мы, русскіе, дѣйствительно разлагающееся историческое общество, или же имѣемъ еще здоровыя могучія русскія силы, которыя держатъ будущность нашего отечества? Хотя наука русской исторіи не можетъ рѣшить въ настоящее время эту задачу, но такъ какъ она обладаетъ богатствомъ разгаданныхъ, уясненныхъ воспоминаній прошедшаго, которыя могутъ пролить свѣтъ на главнѣйшія стороны современныхъ вопросовъ, то г. Кояловичъ обращается къ самозванническимъ смутамъ начала XVII в. и показываетъ, какъ была возстановлена могучими силами русскаго народа,—тремя подъемами его народнаго духа, разрушенная, поруганная внутренною смутою и иноземною интригою русская государственность. Не имѣя въ виду въ этой краткой замѣткѣ излагать содержаніе исторической части рѣчи, мы ограничимся только одними указаніями на ея значеніе и прежде всего въ научномъ отношеніи. Она представляетъ собою новое изслѣдованіе событій смутнаго времени, такъ какъ авторъ воспользовался и недавно изданными новыми для этого матеріалами. Нѣкоторые вопросы, напр. о первомъ ополченіи и элементахъ третьяго, особенно же о Ляпуновѣ и троицкихъ властяхъ, получаютъ въ нашей исторической наукѣ совершенно новую постановку. При этомъ трудъ отличается мастерскою группировкой и вѣрною оцѣнкой фактовъ, не говоря уже о живомъ, прекрасномъ ихъ изложеніи. Для общества же эта рѣчь имѣетъ глубокій современный интересъ по тѣмъ выводамъ, которые вытекаютъ изъ событій того времени и тѣмъ сближеніямъ, какія дѣлаетъ авторъ между этимъ временемъ и нынѣ переживаемою смутною годиной. Событія того отдаленнаго отъ насъ прошедшаго, по мнѣнію г. Кояловича, такъ много заключаютъ въ себѣ поучительнаго, что даже неизлишня значительная сдержанность въ этихъ выводахъ и сближеніяхъ. Указавши на хорошія и дурныя слѣдствія самозванческихъ смутъ какъ для нашихъ предковъ, такъ и для насъ, ихъ потомковъ, почтенный профессоръ высказываетъ увѣренность, что нынѣшніе адскіе планы и теоріи самозванныхъ благо-

дѣтелей Россіи — разъединить русскихъ людей и возбудить низшіе слои народа противъ высшихъ, задержать ростъ нашей интеллигенціи, загубить побольше русскихъ молодыхъ силъ, — не могли самостоятельно зародиться и созрѣть въ русской головѣ.

Хотя наука русской исторіи, заключаетъ свою рѣчь г. Кояловичъ, не знаетъ и не призвана указывать, какъ нужно врачевать наши современныя страшныя болѣзни иноземнаго заноса, но она знаетъ, чѣмъ и какъ подобныя болѣзни врачевали наши предки во время самозванческихъ смутъ. Это было—единеніе русскихъ людей, изъ котораго выработалась, ко временамъ кн. Пожарскаго и Минина, коллективная сила не только русскаго чувства, но и русскаго здраваго ума. Современной нашей цивилизаціи естественно сократить и облегчить длинный и тяжелый процессъ образованія этой силы. Нельзя же думать, что цивилизація нашихъ временъ слабѣе для этого дѣла цивилизаціи нашихъ предковъ начала XVII в., потому что это было бы равносильно признанію нашего историческаго омертвѣнія. Но русскій народъ, этотъ сильный, возмужавшій историческій юноша среди старыхъ народовъ Европы, не можетъ еще мыслить, что онъ умираетъ и, конечно, онъ и не умираетъ, и не умретъ еще много вѣковъ.—Желательно, чтобы подобныя рѣчи, въ которыхъ научное значеніе соединяется съ живымъ современнымъ интересомъ, чаще слышались во время университетскихъ и академическихъ актовъ. Слово исторической науки, сказанное извѣстными ея представителями о ненормальныхъ явленіяхъ нашей жизни, составляющихъ злобу нынѣшняго времени, теперь, когда изыскиваются средства для устраненія этихъ ненормальностей, можетъ имѣть не маловажное значеніе.

В. В.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Тетеревиная чучела.

Въ 1742 году въ Москвѣ и по всему Московскому уѣзду распубликовано было, по принятому обычаю съ барабаннымъ боемъ, высочайшее повелѣніе, чтобъ никто не охотился въ окружности 50-ти верстъ около Москвы.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда сошелъ снѣгъ, помѣщикъ Нероновъ въ своей подмосковной деревнѣ приказалъ дворовымъ объѣзжать лѣсъ, въ видахъ предупрежденія самовольныхъ порубокъ крестьянами. Одинъ изъ дворовыхъ, объѣзжая лѣсъ, нашелъ на дорогѣ чучелу тетеревиную и поднялъ ее. На выѣздѣ изъ лѣса онъ встрѣтился съ драгунами, которые посланы были отъ Егермейстерской конторы для поимки нарушителей высочайшаго повелѣнія.

— Попался, братъ! закричали дворовому драгуны. — Стрѣлялъ тетерева?

— Какое стрѣлялъ! отвѣчалъ дворовый—на дорогѣ нашелъ чучелу.

— А зачѣмъ въ лѣсъ попалъ?

— Баринъ велѣлъ досматривать!

— Невѣрно говоришь—отвѣчали драгуны и повели съ собою въ городъ и сдали въ Егермейстерскую канцелярію двороваго вмѣстѣ съ чучелою.

Изъ Егермейстерской канцеляріи его отправили на изслѣдованіе и сужденіе въ Московскую губернскую канцелярію. Тутъ прежде всего посадили его вмѣстѣ съ чучелой подъ караулъ,—а на другой день послали подканцеляриста съ солдатами въ деревню Неронова, съ порученіемъ изслѣдовать и письменно донести: 1) точно ли ходилъ дворовый въ лѣсъ именно для осмотра лѣса. 2) Не стрѣлялъ ли онъ птицъ? 3) Не разставлялъ ли чучелъ тетеревиныхъ? 4) Въ какомъ мѣсяцѣ и числѣ и изъ какого села ѣздилъ онъ для осмотра лѣса? 5) Были ли при немъ въ то время чучелы? 6) Не видѣлъ ли кто стрѣлянія имъ птицъ? 7) Не видѣлъ ли кто его, когда онъ шелъ обратно изъ лѣсу съ чучелами. 8) Не ходилъ ли онъ въ другія лѣсныя дачи, непринадлежащія помѣщику для стрѣлянія птицъ? 9) Если ходилъ, то въ чьи дачи? 10) Какъ далеки эти дачи отъ Москвы?

И вся эта канцелярская суматоха была поднята изъ-за тетеревиной чучелы, найденной на дорогѣ, въ лѣсу! Не мудрено, что народъ питалъ отвращеніе и страхъ ко всѣмъ канцеляристамъ и подканцеляристамъ, наѣзжавшимъ въ

деревни съ такими плодовитыми вопросами, а пока на вопросы не отберутъ отвѣтовъ, подозрѣваемый долженъ былъ сидѣть подъ карауломъ.

Помѣщикъ Нероновъ накормилъ, напоилъ подканцеляриста, далъ ему деньжонокъ и самъ же подканцеляристъ написалъ удовлетворительные въ пользу двороваго отвѣты, котораго вслѣдъ затѣмъ и выпустили.

Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**

Докладная записка д. т. с. Трощинскаго, о скопческомъ ересіархѣ Кондратіи Селивановѣ (1802 г.).

Въ дополненіе къ статьѣ В. Н. Майнова „Скопческій ересіархъ Кондратій Селивановъ", напечатанной въ апрѣльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника", Г. В. Есиповъ обязательно сообщилъ редакціи помѣщаемый ниже документъ, касающійся той же загадочной личности. Документъ этотъ,—собственноручная докладная записка, представленная императору Александру I статсъ-секретаремъ Трощинскимъ,—крайне любопытенъ. Изъ статьи г. Майнова видно, до какой степени Селивановъ обладалъ даромъ снискивать себѣ расположеніе тѣхъ лицъ, съ которыми его сталкивала судьба, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что ему удалось обратить на себя благосклонное вниманіе Трощинскаго, посланнаго государемъ въ Смирительный домъ для личнаго удостовѣренія, что за человѣкъ этотъ „секретный арестантъ". Селивановъ, безъ сомнѣнія, съумѣлъ показать себя вельможѣ со стороны столь цѣнившейся въ то время религіозности и добился сочувственнаго доклада, послѣдствіемъ котораго явилось высочайшее повелѣніе о переводѣ Селиванова изъ „цухтъ-гауза" въ богадѣльню. Затѣмъ, благодаря все болѣе и болѣе усиливавшейся популярности „старца Божія" среди лицъ высшаго Петербургскаго круга, Селивановъ, какъ уже извѣстно, былъ выпущенъ на свободу и пользовался ею до 1820 года, т. е. до заключенія своего въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь. Вотъ докладъ Трощинскаго:

„Содержащійся въ Смирительномъ Цухтъ-гаузѣ по высочайшему повелѣнію съ 27-го января 1797 года секретный арестантъ, есть крестьянинъ князя Кантемира, Орловской губ., села Столбова, Кондратій Селивановъ. Лѣтъ ему около 70; въ малолѣтствѣ еще ушелъ изъ дому и скитался между раскольниками, между коими набрелъ на ту секту, что въ оскопленіи считаютъ спасеніе. Онъ самъ скопецъ и другихъ оскоплялъ въ Тамбовской губерніи, за что былъ сужденъ и въ 1774 году, по наказаніи кнутомъ, сосланъ въ Сибирь, и съ того времени находился въ Иркутскѣ, откуда, по доносу какого то ссылочнаго ему неизвѣстнаго (которой часто приходя уговаривалъ его назваться императоромъ) будто бы онъ сіе высокое титло себѣ присвоивалъ, по высочайшему повелѣнію покойнаго государя императора привезенъ сюда и лично его величествомъ спрашиванъ; по отрицательномъ же отвѣтѣ на послѣднее и по признаніи въ первомъ, отосланъ въ секретный цухтгаузъ, съ запрещеніемъ ни съ кѣмъ о сихъ обстоятельствахъ не разглагольствовать, подъ страхомъ лишенія языка. Съ того времени онъ тутъ находится, ведетъ себя весьма скромно, тихо и набожно; по кротости нрава употребляется даже въ надзиратели къ безпокойному своему сосѣду извѣстному Родѣ. Онъ взываетъ къ милосердію монаршему — опредѣлить его въ какой либо богадѣленный домъ, гдѣ бы онъ остальные дни жизни своей провелъ въ покаяніи и теплыхъ къ Богу молитвахъ о долгоденствіи царствующаго милосердаго Александра и объ отпущеніи своихъ прегрѣшеній".

„На бумагѣ резолюція, рукою же Трощинскаго: „Освободя изъ нынѣшняго мѣста, опредѣлить въ здѣшнюю богадѣльню".

Сообщено **Г. В. Есиповымъ.**

Къ біографіи фельдмаршала графа М. Ѳ. Каменскаго.

Въ запискахъ В. Н. Геттуна, помѣщенныхъ въ февральской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“, мы прочли нѣсколько весьма интересныхъ страницъ о графѣ М. Ѳ. Каменскомъ, именно — о его генералъ-губернаторствѣ въ С.-Петербургѣ. Личность нашего извѣстнаго фельдмаршала представляется въ указанныхъ нами запискахъ далеко не въ привлекательномъ свѣтѣ. Это былъ человѣкъ, судя по словамъ В. Н. Геттуна, крайне вспыльчивый, дерзкій и завистливый. Такой отзывъ о графѣ М. Ѳ. Каменскомъ подтверждается несомнѣнными фактами. Кому напримѣръ, неизвѣстны дѣйствія графа Каменскаго въ южной арміи по смерти князя Потемкина-Таврическаго, его странное командованіе русскими войсками въ 1806 году и наконецъ его крутой нравъ по отношенію къ крѣпостнымъ, бывшій причиною его трагической смерти.

Тѣмъ не менѣе въ дополненіе къ запискамъ Геттуна мы позволяемъ себѣ высказать, что въ болѣе раннюю эпоху дѣятельности графа Каменскаго, когда онъ былъ государевымъ намѣстникомъ Рязанскаго и Тамбовскаго намѣстничествъ, т. е. въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, его дѣйствія отличались совершенно инымъ характеромъ и изображаютъ его начальникомъ въ высшей степени дѣятельнымъ, гуманнымъ и весьма практичнымъ, такъ что нельзя не придти къ убѣжденію, что М. Ѳ. Каменскій, какъ рязанскій и тамбовскій генералъ-губернаторъ, несомнѣнно личность, заслуживающая самаго полнаго уваженія. Такая противоположность въ характерѣ и дѣятельности указаннаго нами лица нисколько не должна смущать насъ. Въ данномъ случаѣ главную роль могла играть извѣстная исторически сложившаяся неустойчивость, непослѣдовательность многихъ русскихъ людей, благодаря которой они часто бываютъ и хорошими и дурными людьми.

Графъ М. Ѳ. Каменскій назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Рязанскаго и Тамбовскаго намѣстничествъ въ 1781 году и пробылъ въ этомъ почетномъ званіи до конца 1785 года. Въ теченіе всего этого времени, судя по тамбовскимъ архивнымъ документамъ, Каменскій обнаруживалъ замѣчательно хорошія личныя качества, вообще уже указанныя нами въ началѣ нашей замѣтки, и кромѣ того привелъ въ исполненіе нѣсколько такихъ мѣръ, которыя содѣйствовали гражданственности и порядку въ Тамбовскомъ краѣ.

Каменскій не ограничивался однимъ высшимъ надзоромъ надъ ввѣренными ему намѣстничествами. Какъ истинный государевъ намѣстникъ (такъ онъ любилъ называть себя) онъ самъ вникалъ во всѣ мелочи правленія, часто самъ смѣщалъ и назначалъ мелкихъ уѣздныхъ чиновниковъ и отъ всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ властей требовалъ строгой отчетности. Даже сотскіе обязаны были имъ представлять въ нижніе земскіе суды еженедѣльные рапорты о происшествіяхъ [1]. Въ видахъ строгаго надзора надъ управляемымъ краемъ Каменскій часто совершалъ поѣздки по уѣздамъ Тамбовскаго и Рязанскаго намѣстничествъ, заѣзжая не только въ города, но въ села и деревни.

До какой степени графъ М. Ѳ. Каменскій былъ внимателенъ къ происшествіямъ, совершавшимся въ предѣлахъ Тамбовскаго края, видно изъ слѣдующаго:

---

[1] Это распоряженіе сдѣлано было по поводу звѣрскаго убійства въ селѣ Матренкѣ, Усманскаго уѣзда. 3-го февраля 1781 года дворовые села Матренки убили топорными обухами своего помѣщика Потулова съ его женою и дочерью и гостемъ—сосѣдомъ.

Въ концѣ 1784 года въ имѣніи помѣщика Сабурова учитель де-ла-Туръ изъ-за чего-то поспорилъ съ капитаномъ Мартыновымъ. Мартыновъ сталъ грубо бранить учителя и безъ церемоніи прибилъ его палкою. Объ этомъ узналъ Каменскій и немедленно приказалъ взыскать съ обидчика и своевольника—по всей строгости законовъ [1]).

7-го февраля 1783 года задонскій врачъ Михайловъ былъ въ гостяхъ у липецкаго помѣщика Хотяинцова и усмотрѣлъ у него скитающихся 6 человѣкъ унгарцевъ подъ названіемъ лѣкарей съ собственными въ ящикахъ лѣкарствами, кои (?) въ медическомъ и хирургическомъ искусствѣ понятія не имѣющими оказались. Несчастныхъ унгарцевъ забрали въ Тамбовъ и стали свидѣтельствовать цезарскіе ящики и нашли тамъ разныя алейки, т. е. масла, бальзамы, да какія-то микстуры. Всѣ эти лѣкарства оказались, по словамъ тамбовскихъ врачей Альфонскаго и Лимнолiуса, настоящими, а сами унгарцы—австрійскими фельдшерами. Безъ всякихъ рапортовъ Каменскій узналъ и объ этомъ, унгарцамъ дозволилъ практику, а доносчика Михайлова отдалъ подъ судъ за ложный доносъ [2]).

Съ особеннымъ вниманіемъ и строгостію Каменскій относился къ тѣмъ чиновникамъ, которые притѣсняли простой народъ. Въ 1781 году онъ ревизовалъ Борисоглѣбскій уѣздъ и въ это время 19 новохоперскихъ мѣщанъ подали ему письменную жалобу на уѣздныхъ начальниковъ, которые не платили имъ денегъ за работу у перевоза чрезъ рѣку Хоперъ. На этомъ прошеніи Каменскій собственноручно написалъ: „по сей просьбѣ г. городничій изъяснится письменно на оборотѣ". Испуганный городничій подполковникъ Страховъ, чтобы оправдаться, оговорилъ казначея прапорщика Салькова: я де не получалъ отъ него денегъ. А казначей въ свою очередь отзывался неполученіемъ резолюціи изъ казенной палаты. Словомъ, начались извѣстныя приказныя уловки. Но отъ Каменскаго трудно было скрыть суть дѣла, онъ хорошо понялъ борисоглѣбскихъ дѣльцовъ и безъ прошенія удалилъ ихъ отъ службы.

Во время этой же поѣздки Каменскій обнаружилъ, что казенная палата обижаетъ государственныхъ крестьянъ, ихъ собственныя земли отдаетъ въ оброчныя статьи, вмѣсто пустопорожнихъ, получая конечно за это извѣстную благодарность отъ лицъ, заинтересованныхъ въ этихъ статьяхъ. Раздѣлавшись съ виновниками такого злоупотребленія, Каменскій немедленно разослалъ во всѣ присутственныя мѣста Тамбовскаго и Рязанскаго намѣстничествъ циркуляры съ строжайшимъ запрещеніемъ обирать простой народъ, а по возвращеніи въ Рязань командировалъ во всѣ уѣзды подчиненнаго ему края землемѣровъ, которые должны были повѣрить, какая земля у крестьянъ пустопорожняя и какая находится въ ихъ пользованіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ казенной палатѣ вмѣнено было въ обязанность отдавать въ аренду пустопорожнія земли не иначе, какъ съ разрѣшенія намѣстническаго правленія.

Слѣдующій фактъ еще рельефнѣе выставляетъ намъ Каменскаго, какъ начальника чрезвычайно гуманнаго относительно темнаго, простаго люда.

Въ 1782 году проводили границу между Тамбовскимъ и Пензенскимъ намѣстничествами [3]). Для этого была командирована въ нынѣшніе Керенскій и Спасскій уѣзды особая коммиссія изъ чиновниковъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и изъ землемѣровъ, которые, проводя границу, поставили пограничныя вѣхи около села „Красной Дубровы". Краснодубровскимъ крестьянамъ это по-

---

[1]) Архивъ губ. правленія, 1785 г. № 14.

[2]) Каменскій въ этомъ случаѣ руководствовался такимъ соображеніемъ: лучше хоть какая нибудь помощь болѣющему народонаселенію, чѣмъ никакой.

[3]) Въ то же время были опредѣлены границы Тамбовскаго намѣстничества и съ другими сосѣдними намѣстничествами. О ходѣ пограничныхъ работъ Каменскому представлялись еженедѣльныя рапортички.

казалось подозрительнымъ. Они подумали, что ихъ землю перемежовываютъ и при томъ не въ ихъ пользу, составили мірской сходъ и единогласно порѣшили собственноручно расправиться съ коммиссіею. Сказано—сдѣлано. Въ то время какъ коммиссія спокойно занималась своимъ дѣломъ, изъ „Красной Дубровы" показалась многолюдная толпа крестьянъ, вооруженныхъ чѣмъ попало. Съ крикомъ и при звукахъ набата эта толпа бросилась на чиновниковъ, избила ихъ и разогнала. Мѣстныя власти, сильно перепуганныя, дали знать о случившемся въ Тамбовъ и Пензу, и началось слѣдствіе надъ краснодубровцами, которые послѣ своего необдуманнаго, сгоряча сдѣланнаго дѣла успѣли уже образумиться и были тише воды, ниже травы. Спасскій острогъ, какъ ближайшій къ „Красной Дубровѣ", былъ переполненъ подсудимыми, которыхъ ожидала конечно извѣстная участь. Въ это время въ городъ Спасскъ прибылъ самъ Каменскій и повелъ дѣло совершенно по своему. Заключенныхъ онъ освободилъ, вмѣнивъ имъ въ наказаніе тюремное сидѣніе, а коммиссіи и суду сдѣлалъ строгій выговоръ. „Крестьяне, внушалъ онъ имъ, — народъ темный, имъ нужно было сначала растолковать дѣло и тогда они были бы совсѣмъ покорны и не стали бы буйствовать". Такимъ образомъ, благодаря М. Ѳ. Каменскому, десятки крестьянъ были избавлены отъ Сибири и каторги.

Снисходительный къ людямъ темнымъ, которые виновны были вслѣдствіе своего безъисходнаго невѣжества, Каменскій въ то же время не щадилъ чиновниковъ, дурно относившихся къ служебному долгу. Одинъ уѣздный судья, по фамиліи Докукинъ, неправильно рѣшилъ тяжебное дѣло въ пользу прапорщика Докукина же. Тогда противникъ выигравшаго дѣло, солдатъ Кащеевъ, подалъ жалобу Каменскому и судья слетѣлъ съ мѣста, а Кащеевъ получилъ потерянное. Одинаковой участи съ судьею Докукинымъ и за такія же дѣла подверглись борисоглѣбскій расправный судья Шталинъ и предсѣдатель Тамбовскаго губернскаго магистрата Синельниковъ. А Шацкій расправный судья Пермяковъ былъ удаленъ отъ службы Каменскимъ за то, что притѣснялъ шацкихъ ямщиковъ, не равнялъ ихъ землею съ прочими однодворцами, не смотря на неоднократные указы, начиная съ 1724 года.

По случаю измѣненія плана города Тамбова секретарь Тамбовской казенной палаты Титовъ вздумалъ переселиться въ новый центръ города и съ этой цѣлью сломалъ тамъ 13 мѣщанскихъ домиковъ, обѣщая удовлетворить пострадавшихъ домовладѣльцевъ денежною платою. Однако не заплатилъ имъ ничего и даже запретилъ напоминать себѣ о долгѣ. Слухъ объ этомъ дошелъ до Каменскаго, и онъ приказалъ Титову расплатиться съ мѣщанами немедленно.

Въ 1783 году, моршанскій капитанъ-исправникъ Масловъ, вообще не чистый на руку, пріѣхалъ въ село Алгасово для сбора податей. При этомъ ему хотѣлось и самому поживиться на счетъ крестьянъ и онъ сталъ собирать двойныя подати. А кто не платилъ ему по его желанію, тѣхъ онъ сѣкъ плетьми. Объ этомъ узналъ Каменскій и собственноручно предписалъ моршанскому дворянству выбрать новаго исправника и взять имѣніе Маслова въ опеку. Въ то же время Тамбовской казенной палатѣ было сообщено, чтобы она не выдавала Маслову жалованья, и кромѣ того о его дѣйствіяхъ дано было знать во всѣ присутственныя мѣста имперіи.

Подобной же участи подвергся спасскій исправникъ князь Маматовъ за притѣсненіе жителей и за насильственное принужденіе ихъ къ работѣ въ Маматовскомъ имѣніи.

Въ декабрѣ 1783 года прапорщикъ Лукинъ избилъ солдата Максимова. Каменскій и тутъ явился на помощь къ обиженному. Онъ посадилъ обидчика подъ арестъ на мѣсяцъ и взялъ съ него въ пользу Максимова 15 рублей.

Обращая вниманіе на судопроизводство въ тамбовскихъ судахъ, Каменскій не могъ не замѣтить крайней его неудовлетворительности, весьма выгодной для приказныхъ и въ то же время крайне тяжолой для просителей, осо-

бенно изъ простонародья. Многіе изъ этихъ просителей часто послѣ многолѣтней тяжбы узнавали отъ извѣстныхъ присутственныхъ мѣстъ, что они не туда подавали просьбы. И вотъ, чтобы оказать покровительство всѣмъ неопытнымъ просителямъ, Каменскій приказалъ прибить къ дверямъ всѣхъ тамбовскихъ и рязанскихъ присутственныхъ мѣстъ объявленія съ изложеніемъ того, куда подавать просителямъ и по какимъ дѣламъ просьбы. Въ случаѣ ошибки просителей подачею прошеній судьи и присутствующіе обязаны были немедленно, подъ опасеніемъ строгаго взысканія, вразумить ихъ.

Подобными дѣйствіями Каменскій пріобрѣлъ среди тамбовскаго народонаселенія такую довѣренность, что нѣкоторые купцы обратились къ нему съ жалобою на его предмѣстника графа Р. И. Воронцова. „Графъ (слѣдуютъ всѣ его титулы) Р. И. Воронцовъ, писали они, забиралъ у насъ товары въ долгъ, а денегъ и по сіе время не платитъ". Изъ „дѣлъ", бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, не видно, однако, чѣмъ кончилась эта жалоба.

Нельзя здѣсь пройти молчаніемъ и того, что Каменскій, бывшій впослѣдствіи въ своихъ имѣніяхъ суровымъ крѣпостникомъ, во время своего генералъ-губернаторства содѣйствовалъ отчасти ослабленію крѣпостнаго права. Въ то время многіе тамбовскіе помѣщики, возвратившись изъ Турціи послѣ Первой Турецкой войны, привезли съ собою плѣнныхъ турокъ, арабовъ, татаръ и болгаръ и сдѣлали ихъ своими крѣпостными. Такъ поступилъ даже тамбовскій комендантъ полковникъ Булдаковъ. Но когда Каменскій узналъ объ этомъ, то велѣлъ всѣхъ ихъ освободить.

Считаемъ не лишнимъ сказать также нѣсколько словъ и о нѣкоторыхъ весьма важныхъ и полезныхъ распоряженіяхъ Каменскаго по Тамбовской губерніи.

При немъ и по его указанію въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ начали собирать статистическія данныя объ урожаѣ разныхъ хлѣбныхъ растеній, т. е. о количествѣ посѣва и сбора, — о числѣ новорожденныхъ, умершихъ и бракосочетавшихся и о числѣ жителей по сословіямъ. Собирателями статистическихъ данныхъ были городничіе въ городахъ и капитанъ-исправники въ уѣздахъ. Кромѣ того, конечно, и священники.

Во время управленія Каменскаго исполнена была мѣра въ высшей степени полезная для экономическаго быта тамбовскихъ государственныхъ крестьянъ. Именно, заведены были запасные хлѣбные магазины въ силу указа 1765 года.

Для скорѣйшаго и правильнаго движенія почтъ Каменскій учредилъ въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ почтовыя станціи на опредѣленныхъ разстояніяхъ и съ опредѣленнымъ количествомъ лошадей. Съ тою-же цѣлью, по иниціативѣ графа Каменскаго, устроены были въ томъ же краѣ каменные и деревянные мосты, а также перевозы.

Въ 1783 году, отъ 9 марта и отъ 10 апрѣля, послѣдовали въ Тамбовское намѣстническое правленіе два предложенія Каменскаго о проведеніи большихъ дорогъ между всѣми городами Тамбовскаго намѣстничества. Дороги должны были имѣть въ ширину не менѣе 30 саженъ, обрыты канавами шириною въ аршинъ и глубиною въ пол-аршина и обсажены деревьями. „Не для красоты это, пояснялъ Каменскій, а для безопасности зимою во время мятелей". Всѣмъ тамбовскимъ большимъ дорогамъ составленъ былъ въ то же время подробный планъ и вмѣстѣ съ тѣмъ окончились работы по генеральному размежеванію тамбовскихъ земель. Работы по проведенію тамбовскихъ большихъ дорогъ шли безпрерывно все лѣто и всю осень 1783 г., и время это было исключительно страдною порою для всего тамбовскаго крестьянства. Работали крестьяне большею частію даромъ, по наряду отъ нижнихъ земскихъ судовъ. Рубили просѣки въ лѣсахъ, сажали деревья и оплетали ихъ кошолками, копали канавы и строили мосты... Въ ноябрѣ 1783 года большія дороги были окончены на пространствѣ всей Тамбовской губерніи. А еще раньше, въ мартѣ, там-

бовскій губернскій землемѣръ Реткинъ и уѣздные землемѣры Нѣмцевъ и Лопачевъ составили первую почтовую карту Тамбовскаго намѣстничества и доставили ее въ Москву Каменскому.

Наконецъ, при Каменскомъ же разные чиновники Тамбовскаго намѣстничества облеклись въ усвоенные имъ мундиры, чего прежде не было; въ городахъ построены были присутственныя мѣста; городъ Тамбовъ выстроился по новому плану, основаны были приказъ общественнаго призрѣнія и банкъ и вообще началось правильное губернское устройство. Между прочимъ, цивилизаторская дѣятельность графа Каменскаго выразилась въ энергическихъ попыткахъ, направленныхъ къ основанію народныхъ училищъ въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ [1]).

Въ концѣ 1785 года графъ Каменскій оставилъ должность генералъ-губернатора Рязанскаго и Тамбовскаго намѣстничествъ, и результаты этой административной перемѣны были далеко не въ пользу Рязанскаго и Тамбовскаго края. Начались прежнія чиновничьи злоупотребленія, большія дороги оказались не безопасными для проѣзжающихъ и вообще безъ Каменскаго въ Тамбовскомъ краѣ стало гораздо хуже.

Слѣдующіе факты вполнѣ оправдаютъ нашу мысль.

Вскорѣ послѣ отставки графа Каменскаго повѣряли кадомскіе соляные магазины. Соли на лицо оказалось 225 пудовъ. Не доставало по счету 4067 пудовъ 34 фунта.

— Куда дѣвалась соль?—спросилъ предсѣдатель повѣрочной коммиссіи.

— Пропала отъ усышки да отъ утечки,—отвѣчалъ соляной приставъ Ждановъ [2]).

Дѣло объ усышкѣ кадомской соли впослѣдствіи какъ-то замялось...

1 сентября 1790 года къ Кадому подъѣзжалъ причтъ Кадомской Николаевской церкви. Священно-церковно-служители везли съ собой послѣ одной богатой требы водку, медъ и нѣсколько рублей денегъ. Вдругъ, подъ самымъ Кадомомъ, изъ лѣсу вышла толпа вооруженныхъ разбойниковъ и все отняли у злополучнаго кадомскаго причта. Эти же самые разбойники въ тотъ же день еще ограбили двухъ проѣзжихъ, одного купца и одного прикащика.

Подобные случаи совершались въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ, по отъѣздѣ графа Каменскаго, довольно часто.

Самое дворянство тамбовское послѣ Каменскаго очутилось въ худшемъ положеніи. Мы говоримъ здѣсь, конечно, о бѣдномъ дворянствѣ. При Каменскомъ бѣдные дворяне обыкновенно опредѣлялись на службу въ разныя канцеляріи. Послѣ него этотъ порядокъ измѣнился. Что изъ этого произошло, видно изъ слѣдующаго.

Въ октябрѣ 1794 года кирсановскій предводитель дворянства Тишениновъ доносилъ намѣстническому правленію: „въ Кирсановскомъ округѣ нашелъ я бѣдныхъ не служащихъ дворянъ 28 человѣкъ, изъ коихъ нѣкоторые по сущей бѣдности и сиротству находились въ разныхъ мѣстахъ въ работникахъ даже у помѣщичьихъ крестьянъ. Нѣкоторые изъ этихъ дворянъ, числомъ 22 человѣка, по моей просьбѣ согласились поступить въ военную службу и отправлены были въ разные полки солдатами, преимущественно въ Преображенскій полкъ. Деньги на ихъ обмундировку и поѣздку кирсановское дворянство собирали по подпискѣ“ [3]).

Даже въ церковныхъ дѣлахъ сказалось отсутствіе Каменскаго. Вотъ что доносилъ консисторіи въ 1786 году шацкій протопопъ Даніилъ Михайловъ, обращавшій въ православіе шацкую и кадомскую мордву: „въ обращеніи

[1]) См. объ этомъ въ декабрьской книжкѣ „Древней и Новой Россіи“ за 1878 г.

[2]) Архивъ губ. правленія, № 320.

[3]) Архивъ губ. правленія, № 2193.

иновѣрцевъ никакого успѣха не послѣдовало, потому что къ слушанію слова Божія мордва собирается самымъ малымъ числомъ и одни почти мужескаго пола старшіе люди, а молодые и жены ихъ къ оному не приходятъ. Да и тѣ обыватели, которые считались христіанами, не являются къ исповѣди и причастію" [1])...

Преемникомъ графа М. Ѳ. Каменскаго по управленію Рязанскимъ и Тамбовскимъ намѣстничествами былъ графъ И. В. Гудовичъ. Сохранились въ тамбовскихъ архивахъ документы и объ этомъ генералъ-губернаторѣ, именно—его переписка съ Г. Р. Державинымъ и В. С. Звѣревымъ. Съ первымъ Гудовичъ постоянно и несправедливо ссорился, а второму постоянно напоминалъ о недоимкахъ съ податнаго населенія Тамбовской губерніи...

Сообщено **И. И. Дубасовымъ.**

Письмо архимандрита Фотія къ Аракчееву.

Послѣ кончины императора Александра I архимандритъ Фотій и покровительствовавшій ему графъ Аракчеевъ потеряли всякое значеніе при дворѣ и, почти забытые, жили одинъ въ Грузинѣ, другой въ Юрьевскомъ монастырѣ, лишь изрѣдка переписываясь между собою. Къ этому именно времени относится печатаемое нами письмо Фотія къ Аракчееву. Преслѣдованія, о которыхъ говоритъ Фотій въ своемъ письмѣ, касаются вѣроятно сдѣланнаго на него въ то время доноса въ Синодъ о томъ, что онъ самовольно учредилъ крестный ходъ для перенесенія старыхъ иконъ изъ Юрьева монастыря въ другой подвѣдомственный его благочинію Клопскій монастырь. За такой поступокъ Фотію было сдѣлано изъ Синода внушеніе, и это, разумѣется, сильно раздосадовало самолюбиваго монаха, отвыкшаго отъ всякихъ замѣчаній.

„Радуйся возлюбленне, радуйся благовѣрне, радуйся брате мой: Господь съ тобою буди. Не удивляйся перемѣнѣ моего житія, не удивляйся и тому, что слухи молвятъ о мнѣ: знай, о любимичѣ, мой, что я житія не перемѣнилъ, а то что въ тайнѣ хранилъ, явнѣе и крѣпче сталъ наблюдать и подвизаться о Христѣ Іисусѣ: ты какъ въ мірѣ, но твоего, такъ сказать, роднаго житія знаемъ, то для тебя есть и будетъ отъ насъ всякое благоутѣшеніе: ибо душа твоя радуется о мнѣ всегда, яко же и моя о тебѣ, когда успѣхъ бываетъ во благое. А удивляться ты, муже премудрый, не будешь мнѣ, когда услышишь или уже услышалъ многіе слухи злые; ибо міръ весь золъ: весь міръ во мглѣ лежитъ. Не люди о мнѣ молвятъ, а самъ сатана со всѣмъ воинствомъ нечистымъ: а ты конечно знаешь, что демоновъ не малое число находится: весь почти воздухъ наполняютъ демоны, какъ токмо рыкая ходятъ не медля кого-либо погубить. И сей то духъ, князь воздушный, хотя и невидимъ, но злобы его ежечасно открываются и намъ надобно бодрствовать и мужаться всячески. Кажется ни мало тако сатана на меня не вооружался, какъ во святый протекшій великій постъ. Видимо кажется адъ восшумѣлъ да погубитъ меня: отъ царя и до раба смутилъ діаволъ всѣхъ и надъ всѣми посмѣялся и вооружилъ на меня архіереевъ, яко же и на Христа Спаса было первое дѣло, дабы ихъ........ [2]) погубить. И Серафимъ и Филаретъ хотѣли меня яти и погубить, но Богъ не далъ имъ меня въ руки: за что же? Понеже я послѣ болѣзни особоровался и послѣ соборованія, дабы себя поберечь въ болѣзни и Богу воздать должное, уединился на святый постъ, никого не принималъ, мало говорилъ и непрестанно слу-

---

[1]) Архивъ губ. правленія, № 657.
[2]) Столько же точекъ въ подлинникѣ.

жилъ, врачей не принималъ. Богъ для испытанія моего попустилъ, сатана на меня напалъ, а орудіемъ былъ вражіимъ послушнымъ на всякую ложь и злобу противу отца—сынъ мой по монашеству, бывшій юрьевскій намѣстникъ Кифа, а нынѣ клопскій игуменъ, ихъ врагъ надо мною поигралъ. Тайно производили надо мною испытаніе и многое: дѣйствующее лицо былъ Тимоѳей викарій, но я не вышелъ изъ моего затвора до дня свѣтлаго Воскресенія: и вся тѣмъ побѣдилъ, когда дошло, что въ великую субботу меня судить начали и предписали. Тимофей писалъ, требуя отвѣта въ самый благовѣстъ къ литургіи, я написалъ, что на беззаконныя требованія ихъ не соглашаюсь и не слушаю, а какъ законы церковные повелѣваютъ, такъ и живу по примѣру святыхъ отцовъ. Грозился синодомъ и судомъ, но послѣ уже сатану Богъ смирилъ и все погибло: азъ же хвалю Бога моего съ пѣснію и живу во обители, уклонился навсегда отъ консисторіи Софійскаго собора и прочихъ суетностей: и образъ моего житія не перемѣняю. Я бы тебѣ прислалъ кучу бумагъ, писанныхъ въ моемъ безмолствіи, но копій нѣтъ готовыхъ: а полезно все сіе знать тебѣ. Былъ приглашаемъ въ С.-Петербургъ, но я сказалъ, что тамъ я ничего не оставилъ: дѣлать мнѣ нечего и нога моя болѣе не будетъ въ немъ по смерть: а равно и изъ обители по немощамъ моимъ исходить не могу. Наконецъ вчера 3-го мая я получилъ отъ Серафима посланіе отеческое; да будетъ миръ и любовь между нами—попрежнему: но какъ я ненарушитель, то и не стараюсь возобновлять: а предаю себя Богу, а отъ лишнихъ внѣшнихъ послушаній отказался да отдохну.

„Въ заключеніе всего тебѣ скажу, когда сатана впередъ слухи будетъ пускать, невѣрь, это бываетъ во искушеніе. Слухи о холерѣ коль зла много сотворили многимъ, а все по вражіевому козндѣйству, много діаволъ имѣетъ слугъ противъ меня. Много скорби, а отъ всѣхъ ихъ избавилъ меня Господь. Миръ тебѣ: спасись.

„Да молю тебя Бога ради и среды и пятки старайся наблюдать: Богъ тебѣ поможетъ и ты будешь здравъ и миренъ.

„Миръ тебѣ, спасись и радуйся непрестанно: радуйся. Фотій.

„1832 года, мая 4-го дня. Новгородскій Юрьевъ монастырь“.

Сообщено **Н. Г. Словскимъ**.

Письмо Пушкина къ Снегиреву.

„Милостивый государь

„Иванъ Михайловичъ!

„Сдѣлайте одолженіе объяснить, на какомъ основаніи не пропускаете вы мною доставленное замѣчаніе въ М. Телеграфъ? Мнѣ необходимо, чтобы оно было напечатано и я принужденъ буду, въ случаѣ отказа, отнестись къ высшему начальству вмѣстѣ съ жалобою на пристрастіе не вѣдаю къ кому.

„Поручаю себя въ ваше благорасположеніе и прошу принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и преданности“.

„Помѣта Снегирева: пол. апр. 9, 1829 г.“. „А. Пушкинъ“.

Сообщено **П. Я. Дашковымъ**.

Четыре анекдота объ императорѣ Александрѣ I.

Императоръ Александръ Павловичъ, какъ извѣстно, въ своихъ путешествіяхъ по Россіи, обыкновенно ѣздилъ въ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ, безъ знаковъ отличія, безъ всякихъ внѣшнихъ указаній на его высокое досто-

инство. Такой скромный нарядъ придавалъ ему наружность простаго русскаго офицера. Государь этимъ любилъ иногда пользоваться—не разъ принималъ на себя роль частнаго человѣка, гдѣ не знали его лично, отчего происходили подъ-часъ забавныя приключенія. Я слышалъ и передаю здѣсь четыре анекдота въ подобномъ родѣ.

Дѣйствіе ихъ происходило въ Новороссійскомъ краѣ.

I.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Таганрогъ, Государь дѣлая разъ утреннюю прогулку, неузнанный, пришелъ на рынокъ... На рынкѣ украинскій хлѣборобъ продавалъ кавуны (арбузы) своего баштана.

— Что стоитъ возъ арбузовъ? спросилъ государь.

— Коповикъ (полтинникъ).

Государь пришелъ въ удивленіе отъ обилія плодовъ юга и отъ того контраста, какой представлялся между тамошними и петербургскими цѣнами: въ Петербургѣ въ то время одинъ арбузъ продавался зачастую по двадцати пяти рублей, а здѣсь цѣлый возъ пятьдесятъ копѣекъ! Желая поощрить туземную производительность, которая такъ скромно окупалась, государь купилъ возъ арбузовъ и велѣлъ ихъ везти къ себѣ.

— А куда ихъ вамъ, пане? спросилъ малороссъ.

— А вотъ я укажу, сказалъ Александръ Павловичъ и пошелъ впереди воза, а приблизясь къ дворцу сѣлъ на возъ, и такъ подъѣхалъ къ крыльцу. Часовые отдали ему честь, придворные встрепенулись, засуетились. Государыня увидѣла въ окно и, разсмѣявшись, замахала ему привѣтливо платкомъ. Тутъ только мужичекъ узналъ, что это самъ царь.

— Ну, спасибо, мой другъ, и за арбузы, и за то, что подвезъ меня до дому, сказалъ Александръ Павловичъ; деньги я тебѣ вышлю,—и ушелъ.

Еще не успѣлъ продавецъ арбузовъ опомниться отъ этого, какъ снова былъ изумленъ и обрадованъ: ему вынесли отъ царя—ц е с а р к у, т. е. двухсотную ассигнацію того времени, которая имѣла пестрый видъ на подобіе цесарской курицы.

II.

Во время одного путешествія Александру Павловичу вздумалось пройтись пѣшкомъ; онъ вышелъ изъ экипажа, кажется, съ княземъ Волконскимъ; экипажу велѣлъ ѣхать сзади, а самъ пошелъ по дорогѣ. Въ полуверстѣ отъ дороги виднѣлась деревенька. Государь зашелъ въ крестьянскую хату-мазанку напиться воды. Хозяйка была старушка-вдова; въ избушкѣ, не смотря на крестьянскую бѣдность, во всемъ былъ порядокъ, вездѣ чистота: полъ, хоть и земляной, доведенъ стараніемъ до цѣльности черепка; печь, расписанная разными цвѣтными глинами, образа убраны были живыми цвѣтами; все вѣяло свѣжестью и манило къ отдыху. Государь сѣлъ на лавкѣ у стола, и попросилъ пить. Хозяйка подала только-что принесенной колодезной воды и, подавая, присовокупила радушное малоросское привѣтствіе: „здоровы пейте!"— Когда государь и Волконскій, простясь съ хозяйкой уходили Волконскій, отдавая ей мелкую ассигнацію, сказалъ:

— Ну, помни, матушка, у тебя царь былъ сегодня въ гостяхъ.

— Царь, самъ царь! только и могла отвѣтить старуха, и долго смотрѣла ему въ слѣдъ, пока онъ не скрылся изъ виду, а потомъ, вбѣжавши въ избу, очертила мѣсто на скамейкѣ, гдѣ сидѣлъ государь, меломъ, а очертивши, взяла буравчикъ—и ну сверлить на томъ мѣстѣ дырочки и набила на немъ колышковъ. Съ тѣхъ поръ она никому не позволяла сидѣть на томъ мѣстѣ.

— Это мѣсто святое! тутъ самъ царь, самъ Александръ Павловичъ сидѣлъ, говорила она простодушно, и такой запретъ налагала она до самой своей смерти.

III.

На пути къ Херсону Александръ Павловичъ заѣхалъ отдохнуть въ одинъ помѣщичій домъ; его встрѣтила хозяйка-помѣщица. Она приняла государя за простаго офицера. Дама была очень грустна и въ разговорѣ высказала досаду на мужа.

— Вотъ, жаловалась она, мужъ мой уѣхалъ въ Херсонъ; тамъ нынче ждутъ государя, хотѣлъ посмотрѣть государя; мнѣ также пріятно бы было видѣть царя, но я, сколько его ни просила, онъ отказалъ: все толковалъ, что въ Херсонѣ теперь тѣснота, съѣхалось много народа, гостинницы биткомъ набиты, негдѣ будетъ остановиться.

— Не огорчайтесь, сударыня, утѣшалъ ее Александръ Павловичъ, случай можетъ устроить такъ, что вы увидите государя, а вашъ супругъ нѣтъ.

— Какъ такъ?

— Да вотъ рекомендуюсь, я самъ государь.

Дама само-собой пришла въ изумленіе и была въ восторгѣ.

Прошло нѣсколько дней. Государь посѣтилъ Херсонъ и уѣхалъ. Пріѣхалъ и мужъ помѣщицы домой; онъ былъ очень не въ духѣ.

— Что видѣлъ императора? спросила жена.

— Нѣтъ, отвѣчалъ мужъ, и представь, милая, я не могу понять, за что ко мнѣ такая немилость его величества, тогда какъ я полагалъ, что онъ даже не знаетъ и о моемъ существованіи. Когда пріѣхалъ государь въ Херсонъ—меня арестовали.

— Арестовали?

— Да. Правда, никакихъ другихъ непріятностей мнѣ не сдѣлано, напротивъ, я отлично спалъ, ѣлъ, меня даже хорошо угощали, но выходить изъ комнаты полиціймейстера я не могъ до тѣхъ поръ, пока государь не уѣхалъ изъ Херсона, и это, сказали мнѣ, сдѣлано со мною такъ по высочайшему повелѣнію. Просто самъ себѣ не вѣрю.

— А, понимаю, отвѣчала супруга, а я такъ видѣла государя,—и разсказала мужу о посѣщеніи государемъ ихъ дома, и какъ онъ говорилъ ей: вы увидите государя, а супругъ вашъ—нѣтъ.

IV.

Не знаю, на сколько это вѣрно, но въ южной Россіи и настоящій анекдотъ выдавали какъ случай, бывшій съ Александромъ Павловичемъ:

Проѣздомъ черезъ какое-то село государь зашелъ въ волостное правленіе: тамъ въ полуденную пору никого не было, только сторожъ дремалъ въ уголкѣ. Александръ Павловичъ присѣлъ тутъ на минуту. Вдругъ является голова, узнавъ, что какой-то офицеръ зашелъ въ сборную избу. Слухи носились въ ихъ селѣ, что государь будетъ проѣзжать въ ихъ мѣстахъ, такъ голова пришелъ съ мыслію: не удастся ли чего провѣдать объ этомъ отъ проѣзжаго. Нѣтъ ничего уморительнѣе спѣси зазнавшагося хохла. Голова увидѣлъ офицера въ военномъ сюртукѣ, покрытомъ дорожною пылью. Вообразивъ себѣ по этому скромному костюму, что это какой-нибудь „невеличкій полупанокъ“, подумалъ, что можно передъ нимъ и почваниться.

— А какое дѣло пану требуется у насъ? спросилъ онъ государя, надувшись и подымая носъ.

— А ты кто такой? спросилъ Александръ Павловичъ, улыбаясь; вѣроятно десятскій?

— Бери выше! отвѣчалъ начальникъ волости.

— Ктожъ ты, сотскій? сдѣлалъ другой вопросъ государь, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Бери выше.

— Писарь?

— Бери выше.

— Голова?

— А може буде и такъ, утвердилъ онъ, важно сдѣлавъ кивокъ головой къ правому плечу.

Не измѣняя своей надутости, голова въ свой чередъ спросилъ государя:

— А ты, пане, кто такой? поручикъ?

— Бери выше, отвѣчалъ государь.

— Капитанъ?

— Бери выше.

— Полковникъ?—и голова при этихъ словахъ сдѣлалъ руки по швамъ.

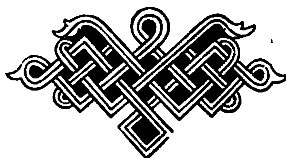
— Бери выше.

— Янаралъ? спросилъ онъ уже трусливо.

— Бери выше.

— Батечко! такъ оцежъ-то ты нашъ бѣлый, нашъ восточный царь! завопилъ вдругъ голова отчаяннымъ голосомъ. О, прости жъ, твое царское величество меня, дурня стараго,—и бросился къ ногамъ государя.

Сообщено **Г. П. Надхинымъ.**

СМѢСЬ.

ОТЧЕТЫ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и Кіевскаго Церковно-Археологическаго Общества за 1879 годъ. Дѣятельность провинціальныхъ ученыхъ русскихъ обществъ не можетъ похвалиться широтою и громкими результатами, какъ вслѣдствіе ограниченности сферы дѣйствія, такъ и по недостатку ученыхъ силъ. Тѣмъ не менѣе и провинціальныя общества приносятъ свою долю пользы для отечественной науки, собирая для нея матеріалы, которые безъ нихъ могли бы пропасть безслѣдно, и отчасти разработывая ихъ. Если же обратить вниманіе на то, что нѣкоторыя изъ этихъ обществъ существуютъ своими собственными средствами, безъ всякой правительственной субсидіи, то заслуга ихъ для отечественной науки значительно возвышается. Мы имѣемъ въ виду три общества, существующія на югѣ Россіи: „Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей", существующее уже 40 лѣтъ, „Историческое Общество Нестора лѣтописца въ Кіевѣ" и „Церковно-Археологическое Общество при Кіевской Духовной Академіи". Первое получаетъ субсидію, тогда какъ послѣднія два содержатся исключительно своими средствами. Въ настоящее время мы имѣемъ отчеты за прошлый годъ двухъ только обществъ — Одесскаго Исторіи и Древностей и Кіевскаго Церковно-археологическаго.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей состояло къ концу отчетнаго года изъ 150 членовъ, между которыми было почетныхъ 18 (2 заграницею), дѣйствительныхъ 88 (11 заграницею) и корреспондентовъ 44 (10 заграницею). Въ теченіе года общество имѣло 6 засѣданій, на которыхъ сдѣлано 25 сообщеній, въ виду статей и матеріаловъ, изъ которыхъ большинство вошло въ составъ изданнаго въ прошломъ же году XI тома „Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей". Почти всѣ статьи, заключающіяся въ этомъ томѣ, касаются вещественныхъ памятниковъ и исторіи Новороссіи, Крыма и Бессарабіи. Здѣсь между прочимъ помѣщены статьи: „Эллинскія и латинскія надписи, найденныя въ Херсонисѣ", Юргевича; „Древняя христіанская патера (чаша) изъ Керченскихъ катакомбъ", Кондакова; „Дневникъ путешествія въ Южную Россію Гильденштедта въ 1773 и 1774 г.", въ переводѣ Шугурова; „Очеркъ гражданскаго уравненія въ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи во время Русско-Турецкой войны 1806—1812 г.", Накко и др. Кромѣ того, въ отчетѣ указано до 16-ти учено-литературныхъ трудовъ членовъ обще-

ства, большею частью впрочемъ составленныхъ и изданныхъ независимо отъ цѣлей общества и по своему содержанію не имѣющихъ прямаго къ нему отношенія. Видное мѣсто въ дѣятельности общества занимаютъ археологическіе поиски въ Херсонесѣ, увѣнчавшіеся въ отчетномъ году находкою херсонесскихъ монетъ и мраморнаго пьедестала къ мѣдной статуѣ, воздвигнутой полководцу царя понтійскаго, Миѳридата VI Евпатора, Діофанту, за подчиненіе Таврическаго полуострова въ 89 г. до Р. Хр. На херсонесскія раскопки св. Синодъ ежегодно отпускаетъ по 1000 руб., и для храненія открываемыхъ здѣсь предметовъ образованъ мѣстный, собственно „христіанскій музей". Кромѣ этого музея, для храненія мѣстныхъ памятниковъ существуютъ еще два музея—Одесскій и Ѳеодосійскій, и приведенъ въ порядокъ, съ тою же цѣлію Мелекъ-Чесменскій Керченскій курганъ съ пирамидальною внутри гробницею. Въ Одесскій музей въ прошломъ году поступило до 70 древнихъ предметовъ и до 50 книгъ и рукописей, что въ совокупности съ прежними поступленіями составляетъ цифру 16,292. Въ это число входятъ книги, рукописи, чертежи, гравюры, кресты и иконы, портреты, памятники ваянія, архитектуры, посуда, оружіе разныхъ народовъ, монеты, медали и жетоны. Кромѣ того, въ прошломъ году похищено изъ музея 3,455 монетъ приблизительно на 20,000 руб. стоимостію. Посѣтителей Одесскаго музея, открытаго ежедневно, въ отчетномъ году было 1895 особъ. Въ Ѳеодосійскомъ музеѣ всего хранилось памятниковъ 2268. Въ приходѣ общество имѣло за прошлый годъ 7764 р. 21 к., изъ которыхъ израсходовано 3190 руб.; остается 4574 р. 21 к.

Церковно-археологическое общество при Кіевской Дух. Академіи, существующее съ конца 1872 года, въ прошломъ году состояло изъ 133 членовъ, изъ которыхъ 26 почетныхъ членовъ, 72 дѣйствительныхъ и 35 членовъ-корреспондентовъ. Съ 1876 г. общество издало два тома „Полнаго собранія сочиненій М. А. Максимовича" и приготовляетъ къ изданію третій томъ съ подробной біографіей автора. Изъ трудовъ отдѣльныхъ членовъ имѣютъ отношеніе къ задачамъ общества: „Извѣстія церковно-археологическаго общества", издаваемыя ежегодно, и „Описаніе рукописей церковно-археологическаго музея", въ трехъ выпускахъ, Н. Петрова; „Развалины церкви св. Симеона и Копыревъ конецъ древняго Кіева, съ планомъ XVIII столѣтія", П. Лашкарева, и неоконченное еще „Описаніе коллекціи древнихъ русскихъ иконъ, пріобрѣтенной церковно-археологическимъ обществомъ", Ѳ. Смирнова. Въ существующій при обществѣ церковно-археологическій музей поступило въ отчетномъ году 1950 предметовъ, что съ поступленіями прежнихъ годовъ составитъ 9043. Впрочемъ, изъ этого числа исключено значительное число предметовъ, оказавшихся непригодными для музея. Затѣмъ, наличные предметы образуютъ собою отдѣлы: библіотеки музея; памятниковъ быта нехристіанскихъ народовъ, а именно—первобытныхъ древностей, также египетскихъ, моавитскихъ, іерусалимскихъ, абиссинскихъ, арабскихъ, кипрскихъ и принадлежностей культа ламайскаго и шаманскаго; коллекціи святынь и древностей, собранныхъ покойнымъ А. Н. Муравьевымъ; принадлежностей христіанскаго богослуженія; иконъ; картинъ и портретовъ; палеографіи и книгопечатанія; монетъ. Въ 1879 году вновь образованъ статуарный отдѣлъ и предположено образовать гравюрный. По воскресеньямъ музей открытъ былъ для стороннихъ посѣтителей, которыхъ въ теченіе года было до 400 человѣкъ. Въ остаткѣ денегъ находится въ кассѣ общества 523 р. 70 коп.

Археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ. Въ началѣ нынѣшняго года, съ высочайшаго соизволенія, при Московскомъ археологическомъ обществѣ открылись засѣданія предварительнаго комитета для выработки программы археологическаго съѣзда въ 1881 году въ Тифлисѣ. Этотъ, въ періодъ какихъ нибудь десяти лѣтъ, по счету пятый съѣздъ представителей русской археологической науки и знатоковъ отечественныхъ древностей, какъ нельзя нагляднѣе доказываетъ, что на-ряду съ постояннымъ возростаніемъ числа адептовъ науки о древно-

стяхъ, въ нашемъ обществѣ все сильнѣе сознается потребность въ изученіи своего прошлаго на основаніи твердыхъ положительныхъ данныхъ, провѣренныхъ осторожной археологической критикой. Безъ сомнѣнія, изслѣдованія въ этой области, не такъ давно занимавшей лишь единичные умы, по многимъ кореннымъ вопросамъ, выдвигаемымъ изученіемъ нашихъ древнихъ памятниковъ, не привели еще къ опредѣленнымъ выводамъ, имѣющимъ настолько обязательное значеніе, чтобы сдѣлать возможной популяризацію этихъ вопросовъ и проведеніе ихъ въ общественное сознаніе. Но важно уже то, что для большинства образованнаго общества становится неоспоримой теперь недостижимость подобной популяризаціи безъ точнаго сравнительнаго разбора наукой дознанныхъ и мало по малу приводимыхъ въ общую извѣстность фактовъ,— разбора, которому должны быть посвящены совмѣстныя усилія спеціалистовъ, работающихъ по разнымъ отраслямъ на одной и той же почвѣ. Такую именно цѣль и преслѣдуютъ съѣзды ученыхъ, знатоковъ, любителей и собирателей археологическаго матеріала, ожидающаго критической обработки.

Привлекая общественное вниманіе къ результатамъ, добытымъ наукой, это сближеніе ученыхъ силъ съ любителями и цѣнителями отечественныхъ древностей вмѣстѣ съ тѣмъ оживляетъ и научную дѣятельность спеціалистовъ, придавая ей тотъ смыслъ, безъ котораго она нерѣдко становится мертвящимъ буквоѣдствомъ, поселяя въ неподготовленной средѣ лишь индифферентизмъ къ знанію, какъ къ дѣлу, не связанному съ интересами общества.

И дѣйствительно, не смотря на то, что наука объ отечественныхъ древностяхъ не только у насъ, но и на западѣ, получила права гражданства чуть не со вчерашняго дня, собираніе, приведеніе въ извѣстность и изученіе археологическихъ памятниковъ уже не составляетъ теперь предмета любознательности отдѣльныхъ лицъ, но является одной изъ важнѣйшихъ общественно-государственныхъ заботъ. Во многихъ мѣстностяхъ дѣйствуютъ нынѣ разнаго рода комитеты, коммиссіи, общества, гдѣ мало по малу собираются археологическіе предметы, находимые въ предѣлахъ края, обсуждаются и разработываются частные вопросы, возбуждаемые вновь открываемыми памятниками. Съ другой стороны, нельзя не признать также, что въ настоящее время едва ли мыслимо открытое, безнаказанное проявленіе варварства въ обращеніи съ памятниками старины, осужденіе ихъ на гибель, или хотя бы просто небрежное отношеніе къ тому, что можетъ служить матеріаломъ для археологической науки.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣмъ этимъ общество наше главнымъ образомъ обязано археологическимъ съѣздамъ, которые успѣли внушить уваженіе къ отечественной старинѣ и поднять высоко знамя археологической науки. Такъ, первымъ двумъ съѣздамъ, бывшимъ въ Москвѣ и Петербургѣ, принадлежитъ починъ въ постановкѣ важнѣйшихъ вопросовъ въ этой области и въ подготовкѣ такъ сказать почвы къ ихъ разработкѣ.

Мы разумѣемъ относительно Московскаго съѣзда возникшую въ средѣ его мысль о необходимости составить общедоступное обозрѣніе предметовъ русской археологіи, открыть публичныя лекціи по археологіи и необходимость небольшихъ музеевъ изъ мѣстныхъ древностей и вещей, какъ равно нельзя не вспомнить, что Петербургскому съѣзду принадлежитъ починъ въ организаціи коммиссіи, по ходатайству которой была высочайше учреждена изъ представителей различныхъ вѣдомствъ временная коммиссія съ цѣлью составить положеніе о главной архивной коммиссіи, какъ учрежденіи правительственномъ. Подобной практической постановкой дѣла изученія археологическихъ памятниковъ, оба упомянутые съѣзда проложили путь критическому отношенію къ собранному уже матеріалу по части отечественныхъ древностей, а также и къ розысканію и обслѣдованію вновь находимаго при содѣйствіи правительства и общества.

Такимъ образомъ явилась необходимость собрать и привести въ общую звѣстность данныя археологической науки въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, ко-

торыя до того времени оставались мало изслѣдованными, причемъ локализированіе археологическихъ изысканій не могло не повести и къ большей объективности при собираніи данныхъ науки, и къ выработкѣ точныхъ способовъ обслѣдованія ихъ. Эту задачу поставили себѣ два послѣдующіе съѣзда—Кіевскій и Казанскій, посвятивъ значительную часть своихъ занятій ознакомленію съ мѣстными древностями. Та же цѣль преслѣдуется нынѣ V-мъ археологическимъ съѣздомъ по отношенію къ Кавказу.

Но если уже изслѣдованіе въ археологическомъ отношеніи Казанскаго края вызвало къ жизни множество новыхъ, темныхъ и неразработанныхъ вопросовъ, то Кавказъ, изобилующій необслѣдованными памятниками до-историческими, памятниками мѣстнаго языка и письма, и историческими остатками христіанскаго и мусульманскаго вліянія, обѣщаетъ доставить археологической наукѣ еще большую массу цѣннаго матеріала.

Здѣсь можно найти типы племенъ, населяющихъ двѣ трети земнаго шара. Здѣсь можно найти самыя древнѣйшія надписи. Индѣйская, египетская, греческая, римская, византійская и арабская культуры оставили богатые слѣды. Каждая квадратная сажень земли по долинамъ рѣкъ Куры, Ріона, Чороха и Аракса скрываютъ подъ собою въ глубоко-зарытыхъ гробницахъ остатки трехъ-четырехъ эпохъ цивилизаціи. Въ разныхъ еще неизслѣдованныхъ пещерахъ, монастыряхъ и древнихъ замкахъ, гніютъ драгоцѣнныя рукописи по исторіи Кавказа и всего Востока.

Въ виду предстоящихъ будущему съѣзду работъ, предварительный комитетъ, судя по напечатаннымъ протоколамъ его засѣданій, постарался привлечь къ участію въ занятіяхъ съѣзда солидныя научныя силы, пріобрѣвшія почетную извѣстность въ русской археологической наукѣ. Сверхъ того, система обслѣдованія и розысканій кавказскихъ древностей, принятая комитетомъ, обезпечиваетъ научный успѣхъ работъ съѣзда. Такъ, первоначально предположено сдѣлать сводъ всего, что доселѣ извѣстно по тому или другому отдѣлу кавказскихъ древностей; далѣе — собираются, хотя и приведенныя въ извѣстность, но еще необнародованные памятники, и затѣмъ только командированные въ экспедиціи должны приступить къ изученію малоизслѣдованныхъ или вовсе неизслѣдованныхъ мѣстныхъ памятниковъ. При этомъ отъ лицъ, командированныхъ въ экспедиціи требуется составленіе подробныхъ и систематическихъ дневниковъ, по заранѣе выработанной программѣ. Подобнаго рода изслѣдованія и обработка кавказскихъ древностей обнимаютъ пять отдѣловъ: раскопки для изысканій до-историческихъ древностей въ курганахъ и вообще мѣстностяхъ, особенно замѣчательныхъ по своему историческому значенію, какъ сѣверный склонъ Кавказскаго хребта, долина Кубани и Терека. По древностямъ языческимъ уже производятся археологическія развѣдки профессорами Антоновичемъ и Беренштмоомъ. По отдѣлу археологическихъ древностей на Кавказѣ предположено прослѣдить начатки христіанства въ этомъ краѣ и его дальнѣйшее изслѣдованіе по сохранившимся тамъ памятникамъ церковной жизни. По эпиграфикѣ задумано самое полное собраніе слѣпковъ, фотографій и копій съ надписей, находящихся на всемъ Кавказѣ, и на особой картѣ обозначить всѣ мѣста, гдѣ были найдены эти надписи. По лингвистикѣ имѣются въ виду лишь соображенія академика Броссе о языкѣ грузинъ, который, по его мнѣнію, представляетъ собой смѣшеніе арійскихъ элементовъ съ другими ещё неизвѣстнаго происхожденія.

Въ виду сравнительно незначительности оставшагося до сентября 1881 года времени, когда долженъ состояться съѣздъ, комитетъ рѣшилъ ограничиться изслѣдованіемъ только наиболѣе важныхъ пунктовъ для указанія пути будущимъ археологамъ.

Слѣдуетъ упомянуть, что все найденное на Кавказѣ будетъ препровождено въ Московское археологическое общество для подробнаго описанія, и затѣмъ передано въ Тифлисскій музей, на расширеніе котораго изъ ка-

бинета Намѣстника Кавказскаго ассигновано 45,000 руб., независимо отъ субсидіи, разрѣшенной на подготовительныя къ съѣзду работы и снаряженіе экспедиціи, въ размѣрѣ 15,000 руб.

Нужно ли прибавлять, что душой и руководителемъ всего дѣла, какъ и на прежнихъ съѣздахъ, является графъ А. С. Уваровъ, который своею дѣятельностью и неутомимой энергіей возвелъ прочный фундаментъ для будущаго зданія русской археологической науки, нынѣ уже способнаго устоять подъ напоромъ самыхъ разрушительныхъ усилій скептицизма.

Чтенія и бесѣды въ археологическомъ институтѣ. Въ Спб. археологическомъ институтѣ время отъ времени устраиваются чтенія и бесѣды, въ которыхъ, кромѣ профессоровъ и слушателей института, принимаютъ участіе и сторонніе знатоки и любители русскихъ древностей. Предметами чтенія выбираются преимущественно общіе, но мало разработанные еще вопросы по разнымъ отраслямъ археологіи. Мы изложимъ здѣсь вкратцѣ содержаніе чтеній и бесѣды, происходившихъ въ засѣданіи 22 минувшаго марта. По важности содержанія и научной обработкѣ первое мѣсто принадлежитъ чтенію профессора церковныхъ древностей Н. В. Покровскаго „О римскихъ катакомбахъ". Выяснивъ значеніе римскихъ катакомбъ въ исторіи первоначальнаго христіанства, г. Покровскій обратилъ главное вниманіе на ученыя изслѣдованія, относящіяся къ этому предмету, и общую форму катакомбъ (преимущественно церквей-катакомбъ). Со стороны обилія ученыхъ изслѣдованій римскія катакомбы занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ предметовъ христіанской археологіи. Начиная съ XVI в. и до настоящаго времени они представляли собою обширное поле для археологическихъ изысканій. Труды Бозіо, котораго не безъ основанія называютъ Христофоромъ Колумбомъ катакомбъ, Фабрети, Миссона, Буонаротти, Ажинкура, Больдетти, Марангони, Рауль-Рошетта, и особенно Марки и Росси останутся навсегда памятными для изслѣдователя римскихъ древностей. Благодаря этимъ трудамъ, явилась возможность возстановить чистыя формы древне-христіанскаго искусства и освѣтить многія темныя стороны древне-христіанской обрядности. Со стороны общей формы римскія катакомбы представляютъ сѣть переплетающихся узкихъ корридоровъ и комнатъ: по сторонамъ корридоровъ расположены мѣста погребенія въ видѣ четырехугольныхъ горизонтальныхъ нишей: это loci или loculi. Сюда полагалось тѣло мертвеца, намащенное ароматами и завернутое въ чистое полотно. Отверстіе ниши закладывалось каменною плитою, на которой означалось званіе умершаго, возрастъ, годъ, мѣсяцъ и даже день смерти; сверхъ того плита украшалась нерѣдко христіанскими изображеніями символическаго содержанія, напримѣръ изображеніями рыбы, пальмы, якоря, Даніила во рвѣ львиномъ, добраго пастыря и т. п. Въ комнатахъ римскихъ катакомбъ по стѣнамъ располагались, иногда въ нѣсколько рядовъ, также мѣста погребенія; но главнымъ назначеніемъ ихъ было — служить мѣстомъ богослужебныхъ собраній христіанъ. Для этого въ передней стѣнѣ ставилась гробница мученика, которая и замѣняла собою нашъ престолъ. Форма этихъ помѣщеній весьма разнообразна; освѣщались они или лампами, или посредствомъ люминарія, соединяющаго ихъ съ наружнымъ воздухомъ. По величинѣ этихъ помѣщеній, раздѣляютъ ихъ на три вида: малыя (cubicula — фамильные склепы), среднія (criptae—помѣщенія для собраній приблизительно на 70 человѣкъ) и большія (ecclesiae,—capellae—для многолюдныхъ собраній). Среднія и большія состоятъ иногда изъ нѣсколькихъ помѣщеній, изъ которыхъ одно предназначалось для алтаря, другое для народа, третье для несовершенныхъ членовъ христіанской общины — оглашенныхъ и кающихся и даже для язычниковъ и іудеевъ; въ нѣкоторыхъ есть особое помѣщеніе для женщинъ. Самое полное понятіе о церквахъ катакомбъ даетъ церковь, открытая въ катакомбахъ Агнессы въ 1842 году. Планъ этой церкви нарисованъ былъ профессоромъ на доскѣ. Чтеніе слушателя ин-

ститута А. К. Маркова по нумизматикѣ заслуживаетъ вниманія уже потому, что въ нашемъ обществѣ понятія объ этомъ предметѣ не только смутны, но часто даже превратны. Въ этихъ видахъ мы и считаемъ полезнымъ познакомить читателей съ содержаніемъ его реферата, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ и положительныя достоинства. Предметъ его „Значеніе нумизматики въ историческихъ изслѣдованіяхъ". Въ основѣ чтенія положено служебное значеніе археологіи, какъ науки, добывающей историческія данныя изъ вещественныхъ памятниковъ древности. Въ ряду этихъ памятниковъ, монеты занимаютъ первое мѣсто какъ по обилію, такъ и по точности и достовѣрности сообщаемыхъ ими свѣдѣній. Металлъ, изъ котораго выдѣлана монета, ея чеканъ, форма и надписи (легенды) — все это вѣрныя данныя для опредѣленія экономическаго, художественнаго и отчасти гражданственнаго состоянія народа. Самостоятельная національная монетная система составляетъ принадлежность только такихъ народовъ, которые ведутъ обширную внѣшнюю торговлю съ другими цивилизованными народами. Подтвержденіемъ тому служитъ множество примѣровъ. Египтяне, индусы, мексиканцы и отчасти китайцы, не имѣли монеты: китайцы до сихъ поръ довольствуются одною мѣдною монетою, серебро же и золото обращается у нихъ въ слиткахъ. Не было монеты и у ассиріянъ, которые хотя и имѣли сношенія съ другими народами, но только военныя, и добывали драгоцѣнные металлы грабежомъ. Съ другой стороны, финикіяне, не смотря на свои обширныя внѣшнія торговыя сношенія, не изобрѣли монеты по той причинѣ, какъ объясняетъ проф. Ленорманъ, что они сбывали свои товары дикимъ народамъ, съ которыми возможна только мѣновая торговля. Народы—варвары пользуются чужою привозною монетою, и по мѣрѣ того, какъ выходятъ изъ варварскаго состоянія, они начинаютъ подражать иноземнымъ образцамъ, часто до нелѣпости. Такъ на древнихъ галльскихъ монетахъ видимъ подражанія монетамъ Филиппа II Македонскаго, при чемъ граверъ вмѣстѣ съ типомъ скопировалъ и имя Филиппа. Тоже дѣлалось у британцевъ и испанцевъ съ римскими динаріями. Важное преимущество монетъ предъ другими памятниками древности состоитъ въ томъ, что онѣ всегда имѣютъ надписи, которыми опредѣляется въ точности народъ и время, къ которому они относятся. Достовѣрность данныхъ, почерпаемыхъ изъ ихъ легендъ, обезпечивается государственнымъ ихъ значеніемъ. Притомъ каждая монета (неподдѣльная) всегда является подлинникомъ, а не копіей, какъ это бываетъ съ большинствомъ рукописей древнѣйшихъ лѣтописей. Болѣе или менѣе чистое состояніе металла въ монетѣ—лучшее мѣрило экономическаго положенія народа. Финансовое разстройство страны всегда влечетъ за собою ухудшеніе металла и уменьшеніе вѣса монетъ. Примѣровъ тому въ исторіи множество (Парѳянское царство, Византія, Западная Римская имперія и пр.). Художественное значеніе монетъ выражается въ лицахъ и фигурахъ, которыя на нихъ выбиты. Римскія и греческія монеты служили важнѣйшимъ пособіемъ для опредѣленія личности императоровъ и знаменитыхъ людей на открываемыхъ бюстахъ.

Исходное положеніе реферата вызвало сильныя возраженія со стороны дѣйствительнаго члена института Д. М. Мейчика. Въ преніяхъ по этому любопытному вопросу участвовали: директоръ института Н. В. Калачевъ, проф. Н. В. Покровскій, В. А. Прохоровъ и др.; но вопросъ, по своей сложности, не могъ быть рѣшенъ окончательно; но всѣмъ вѣроятіямъ онъ скоро поставленъ будетъ на очередь, и тогда мы не преминемъ дать отчетъ о томъ, какъ онъ будетъ поставленъ и рѣшенъ.

Кромѣ изложенныхъ выше рефератовъ, кн. П. А. Путятинъ затронулъ еще вопросъ о занятіяхъ археологіей съ научною цѣлью и объ отношеніи археологіи къ другимъ наукамъ, а г. Тиша-Тишинскій прочиталъ краткую записку къ составленному имъ проэкту „Храма Славы Россіи". Такъ какъ чтеніе князя Путянина находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о са-

мостоятельности или несамостоятельности археологіи, какъ науки, то мы предпочитаемъ поговорить о немъ впослѣдствіи, когда къ тому представится удобный случай. О проэктѣ же г. Тиша-Тишинскаго скажемъ нѣсколько словъ. Храмъ Славы—это величественное зданіе, которое въ формахъ соединенныхъ изобразительныхъ искусствъ воплощаетъ матеріальное и духовное могущество Россіи. Весь изъ гранита, желѣза и хрусталя, храмъ этотъ возвышается надъ всѣми зданіями столицы, въ видѣ шапки Мономаха. Въ немъ пять этажей: обширная круглая терасса, украшенная естественными и искусственными представителями русскаго минеральнаго, растительнаго и животнаго богатства—образуетъ первый этажъ, соотвѣтствующій почвѣ Россіи. Надъ нимъ отрѣзокъ, занимаемый Россіей на земномъ глобусѣ, съ изображеніемъ различныхъ географическихъ данныхъ—второй этажъ. Третій посвященъ этнографіи: представители всѣхъ обитающихъ въ Россіи племенъ поддерживаютъ громадный царь-колоколъ, возвѣщающій народу славу и призывающій его къ молитвѣ. Это четвертый этажъ — самая оригинальная и существенная часть зданія. Пятый этажъ—куполъ, на которомъ изображена величественная фигура монарха, снимающаго оковы съ колѣнопреклоненнаго раба: ангелъ-хранитель, держа въ одной рукѣ крестъ, другою благословляетъ царя.

Грустныя вѣсти о Н. М. Пржевальскомъ. Лѣтъ шесть тому назадъ Н. М. Пржевальскій впервыя рѣшился проникнуть въ Тибетъ, куда послѣ іезуитовъ не проникалъ еще ни одинъ европеецъ. Наука не пользуется еще у насъ въ обществѣ такою популярностью и такимъ сочувствіемъ, чтобы это общество приходило на помощь энергическимъ ея представителямъ, и талантливому путешественнику пришлось за неимѣніемъ средствъ вернуться въ русскіе предѣлы; хотя цѣль путешествія — столица Тибета, Хласса и не была достигнута все же чуть не вся Европа почтила Пржевальскаго своимъ вниманіемъ и признала въ немъ одного изъ путешественниковъ „сдѣлавшихъ великія открытія", какъ значится въ полученныхъ имъ дипломахъ. Пржевальскій не оставилъ своей мечты и при посредствѣ Географическаго Общества добился значительной правительственной субсидіи; онъ рѣшился снова попытать счастья и постараться проникнуть въ Тибетъ со стороны Зайсанскаго края и Семипалатинской области. Знакомый съ мѣстными условіями, энергичный, неутомимый, умѣющій ужиться съ жителями проходимыхъ имъ мѣстъ и повсюду заслужившій отъ монголовъ лестный для себя отзывъ, что „онъ самъ какъ монголо", Пржевальскій былъ увѣренъ, что на этотъ разъ мечта его осуществится... Недавно черезъ иностранныя, конечно, газеты мы съ прискорбіемъ узнали, что съ Пржевальскимъ случилось что то не доброе; одинъ изъ проводниковъ его, вернувшійся въ Зайсанъ, увѣряетъ, что ничего дурнаго съ нашимъ соотечественникомъ не случилось до тѣхъ поръ, пока онъ съ нимъ не разстался, но съ другой стороны толкуютъ о томъ, что весь конвой отъ Пржевальскаго разбѣжался, что проводники его покинули и наконецъ, что караванъ ламейскихъ богомольцевъ, къ которому, будто бы присталъ нашъ путешественникъ, вернулся безъ него; въ австрійскихъ газетахъ, черезъ посредство путешествующаго по внутреннему Китаю мадьярскаго графа, стали говорить, что нашъ соотечественникъ ограбленъ, убитъ. Утѣшаетъ лишь то, что наша пекинская миссія ничего о гибели Пржевальскаго не знаетъ... Ливингстона искали, Пайера искали, Норденшельда искали, а Пржевальскаго никто искать и не думаетъ. Стоило бы однако позаботиться о его судьбѣ въ особенности въ тотъ моментъ, когда Китай становится прямо во враждебныя отношенія къ Россіи.

Археологическія находки близъ г. Кіева. Т. В. Кибальчичъ сдѣлалъ весьма любопытныя находки при осмотрѣ гряды могильныхъ насыпей и слѣдовъ древнѣйшихъ поселеній, находящихся на лѣвомъ берегу р. Днѣпра. Могилы имѣютъ начало свое у м. Воронькова, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи, проходятъ по возвышенному лѣвому берегу луговой площади и рѣки, надъ с. Вишеньками, Гнѣдиномъ, Бортничами, Никольской и Воскресенской слободокъ,

с. Выгуровщиной до с. Трощины, Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи, имѣя въ длину около 40—45 верстъ и въ ширину отъ 1 до 2 верстъ. Надъ сел. Вишеньками онѣ носятъ народное названіе „Шоломы", надъ Гнѣдиномъ—„Озеряне", у Никольской слободки и Выгуровщины—„горбы" „піски". Тщательнымъ осмотромъ Вишеньской, Гнѣдинской, Никольской, Воскресенской и Выгуровщинской группъ и однохарактерныхъ слѣдовъ древнѣйшихъ поселеній у м. Броваровъ „подъ Свідловщину" и у с. Скопцы, Переяславскаго уѣзда, обнаружено погребальное значеніе этой цѣпи кургановъ, въ которыхъ человѣческія костяки имѣли положеніе отъ с. къ ю., а у Никольской слободки замѣчено было даже погребеніе усопшихъ чрезъ сожженіе: въ пескѣ обнаружено основаніе могилъ и нѣсколько погребальныхъ урнъ съ пепломъ и костьми человѣка и разныхъ животныхъ; горшокъ съ пепломъ представлялъ грубое издѣліе съ первобытнымъ прямолинейнымъ украшеніемъ. Въ могильныхъ насыпяхъ найдено: кремневыхъ стрѣлъ, копій, скребковъ, ножей и разныхъ осколковъ съ слѣдами обдѣлки—3603 экземпляра, кремневыхъ стрѣлъ изящной работы—88; камней, употреблявшихся для раздробленія костей при употребленіи животныхъ въ пищу—6, метательныхъ камней—4, точильныхъ камней—9; бронзовыхъ: наконечниковъ копій—2, стрѣлъ—6, серегъ—2, кольцо съ рѣзьбою—1, бусъ: шиферныхъ—3, янтарныхъ—1, халцедоновыхъ—1, глиняныхъ съ нарѣзными украшеніями—12, стеклянныхъ и изъ композиціи—9, бронзовыхъ и желѣзныхъ—4, бронзовыхъ шпилекъ—1, желѣзныхъ: наконечниковъ стрѣлъ—5, ножей—6, колецъ мелкихъ—16, бронзовыхъ, стекловидныхъ и другихъ разныхъ слитковъ—29; кусковъ древней посуды съ характерными украшеніями 220 экз. По мнѣнію г. Кибальчича, вещи каменнаго вѣка въ особенности представляютъ богатѣйшій матеріалъ для представленія жизни первобытнаго человѣка этой мѣстности и охарактеризовываютъ мѣстное производство того времени. Въ настоящее время г. Кибальчичъ занятъ окончаніемъ 5-ти-лѣтняго своего труда „До-историческій человѣкъ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ по археологическимъ и этнографическимъ даннымъ".

Книжная рѣдкость. Надняхъ на Московскомъ Антикварномъ рынкѣ однимъ любителемъ отечественныхъ древностей, предсѣдателемъ Ростовской земской управы Титовымъ, за сравнительно ничтожную сумму пріобрѣтенъ знаменитый греко-славяно-латинскій лексиконъ Епифанія Славинецкаго. Епифаній Славинецкій, знаменитый дидаскалъ XVII-го вѣка, бывшій справщикъ книгопечатнаго двора, едва ли не больше всего потрудился въ своей жизни для распространенія и утвержденія классицизма среди славянорусской земли: въ его глазахъ было несомнѣнно, что никакая нація не можетъ стоять на высотѣ общечеловѣческаго образованія, если ея нравственное сознаніе прямо и непосредственно не будетъ связано съ жизнью и культурою классическаго міра. Рукопись этого лексикона in-folio вся писана рукою самого Епифанія, почти на 2,000 листахъ; каждый листъ въ два столбца, самаго убористаго и мелкаго почерка. Одинъ внѣшній видъ рукописи поражаетъ зрителя необъятностью труда и энергіи; не говоримъ уже о широтѣ образованія и филологическихъ знаніяхъ, связанныхъ съ этимъ ученымъ подвигомъ. Еще любопытнѣе судьба самой рукописи: сначала нѣкогда принадлежала она типографской библіотекѣ и значится въ описяхъ XVII-го вѣка; потомъ она перешла къ преосвященному Аарону, которымъ взята была для прочтенія. Послѣ же его смерти, вмѣстѣ съ остальною обширною библіотекою преосвященнаго, поступила къ его наслѣдникамъ, которые не замедлили по частямъ распродать эту библіотеку. Черезъ нѣсколько лицъ перешелъ знаменитый словарь, прежде чѣмъ дошелъ къ одному изъ торговцевъ Московскаго Антикварнаго рынка, у котораго куплена рукопись г. Титовымъ.

ПАМЯТНИКЪ ПУШКИНУ ВЪ МОСКВѢ.

Съ фотографіи Кудрявцева рѣз. на деревѣ К. Крыжансвскій.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 23 мая 1880 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ.
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ...

I.

Что дала природа.

ЯТОЕ десятилѣтіе идетъ со смерти поэта Пушкина. Уже слѣдующее за нимъ поколѣніе почти сходитъ со сцены. Оно прилежно занималось изученіемъ его поэтическихъ произведеній, сдѣлало имъ теоретическую оцѣнку, даже съ нѣкоторой борьбой ввело ихъ въ школы, какъ средство для эстетическаго развитія своихъ дѣтей, усердно собирало матеріалы для его біографіи; но оно сдѣлало еще далеко не все, что нужно бы было сдѣлать: у насъ нѣтъ полной біографіи Пушкина. не сдѣлано и полной исторической оцѣнки его дѣятельности: она не изучена какъ фактъ, въ связи съ предъидущими и послѣдующими фактами. Болѣе всѣхъ потрудился г. Анненковъ: его книга „Матерьялы для біографіи и оцѣнки произведеній Пушкина“ и „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху“ составляютъ капитальные труды: но тѣмъ не менѣе наша литература все же остается безъ біографіи Пушкина; а исторія литературы безъ надлежащей исторической его оцѣнки, хотя въ наши учебники-исторіи и вносится статья о Пушкинѣ. Г. Бартеневъ также много потрудился въ память Пушкина обильнымъ собраніемъ матерьяловъ для его біографіи, и если не поспѣетъ исполнить своего обѣщанія—составить полное жизнеописаніе поэта, то значительно облегчитъ трудъ будущаго біографа. Въ настоящей статьѣ я хочу сдѣлать только историческую характеристику времени Пушкина въ связи съ его литературной дѣятельностью, представить эту

геніальную личность такъ, какъ она создается въ воображеніи отъ изученія извѣстныхъ фактовъ его жизни.

Прежде всего въ Пушкинѣ мы видимъ натуру артистическую. Ея типическія черты въ немъ выразились особенно полно. Отличительное свойство этой натуры есть преобладающее, врожденное стремленіе къ изящному; въ ней всѣ впечатлѣнія отъ жизни перерабатываются въ художественные образы; всѣ идеи, надъ которыми работаетъ умъ, переходятъ въ чувство и вызываютъ творческую дѣятельность фантазіи.

Сильная впечатлительность есть какъ бы основаніе артистической натуры; отсюда способность быстро поддаваться чувствамъ, всѣмъ увлекаться до страсти, переходить отъ увлеченія къ новому увлеченію, съ которыми въ то же время могутъ уживаться и сильныя, глубокія чувства. Артистическая натура иногда кажется легкомысленною, оттого что одни впечатлѣнія легко уступаютъ мѣсто другимъ, которыя быстро овладѣваютъ душою и дѣлаются въ ней какъ бы господствующими, но не на долго: имъ сново готова и смѣна. Но они не забываются, время отъ времени снова возникаютъ и въ чувствѣ и въ фантазіи и преобразуются, какъ бы очищенныя, въ поэтическій образъ. Эта смѣна не мѣшаетъ преслѣдовать и одинъ и тотъ же образъ, одну и ту же идею, которыя могутъ быть главнымъ содержаніемъ духовной жизни. Петрарка вѣчно мечталъ о своей Лаурѣ, но это не мѣшало ему увлекаться и другими женщинами. Данте молился на свою Беатриче, хотя не закрывалъ глазъ и передъ другими красавицами.

Артистическая натура любитъ жизнь не въ отвлеченной мысли, ни въ теоріи, а въ чувствахъ, въ реальномъ представленіи. Жить по теоріи она не можетъ; впечатлѣнія безпрестанно увлекаютъ ее за тѣ предѣлы, которые другими называются предѣлами благоразумія; она отдается вполнѣ жизни, въ какомъ бы видѣ та ни представлялась. О ней можно сказать тоже, что Пушкинъ сказалъ о нѣкоторыхъ минутахъ жизни поэта:

Изъ всѣхъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Артистическая натура легко впадаетъ въ крайности, за которыя часто приходится платиться страданіями и несчастіями. Но грязь жизни не пристаетъ къ ней, хотя минутами эта жизнь и можетъ казаться непривлядною. Ее спасаютъ тѣ художественные образы, которые вырабатываются въ глубинѣ души и которые вызываютъ ее къ другимъ и высшимъ стремленіямъ. Обстоятельства жизни направляютъ артистическую натуру или къ постоянной мечтательности, или къ раздраженію, или къ восторгамъ; горе и радость представляются ей въ преувеличенномъ видѣ; довольно пустого обстоятельства, чтобъ она воспламенилась гнѣвомъ, довольно и простого дружескаго участія, чтобы она утѣшилась.

Наблюдательность, замѣтная въ произведеніяхъ ея фантазіи, мало приноситъ ей пользы въ практической жизни. Артистическую натуру обыкновенно упрекаютъ въ непрактичности и въ нерасчетливости. Она рѣдко успѣваетъ въ практическихъ предпріятіяхъ, хотя нерѣдко увлекается ими; ея блестящіе разсчеты въ началѣ дѣла потомъ оказываются невѣрными. Артистическая натура способна къ дружбѣ и ищетъ ея; но мало способна къ постоянному сожительству. У артистовъ много друзей; но очень немногіе изъ нихъ бываютъ счастливыми мужьями.

Эти типическія черты въ иныхъ натурахъ усиливаются, въ иныхъ ослабляются уже по вліянію другихъ, особенныхъ свойствъ, которыя найдутся въ каждой личности.

Что касается Пушкина, то кромѣ того, мы должны его назвать еще натурой геніальной. У нея есть также свои типическія черты, и въ этомъ случаѣ между всѣми геніальными личностями есть высшее духовное родство. До Пушкина русская исторія представляетъ намъ двухъ несомнѣнно геніальныхъ людей—Петра Великаго и Ломоносова. Поставимъ рядомъ съ ними Пушкина, и онъ ничего не проиграетъ отъ сравненія. Во всѣхъ ихъ мы замѣчаемъ не только необыкновенныя природныя силы души, какъ быстрый, все охватывающій умъ, страстность, но и особенную способность направлять всѣ эти силы на то дѣло, которое намѣчено какъ задача жизни. Геній не можетъ довольствоваться тѣснымъ кругомъ дѣятельности; къ ней его вызываютъ потребности всего народа, которыя, можетъ быть, большинствомъ и не сознаны, но угаданы даровитѣйшей натурой изъ его среды. Геній видитъ не только то, что есть въ жизни, и чѣмъ другіе должны довольствоваться; онъ хочетъ видѣть и то, чего въ ней пока нѣтъ, но что должно быть, для того чтобы дать ей новыя жизненныя силы и двинуть ее впередъ. Онъ проникается новымъ идеаломъ и всегда такимъ, который создается изъ впечатлѣній дѣйствительной жизни и является какъ отзывъ на истинную ея потребность. Полная увѣренность въ его жизненности въ страстной натурѣ генія обращается въ такую силу, которая обыкновенно удивляетъ всѣхъ. Она проявляется и въ борьбѣ противъ препятствій, и въ собственныхъ созданіяхъ, и даже въ неудачахъ. Геній упоренъ въ своихъ идеяхъ и замыслахъ, и въ то же время гордъ въ сознаніи своего призванія. Но онъ же считаетъ себя и слугою народа, только изъ личностей не создаетъ себѣ кумировъ.

Всѣхъ этихъ чертъ никто не будетъ отрицать ни въ Петрѣ Великомъ, ни въ Ломоносовѣ. Ихъ мы находимъ и въ Пушкинѣ. Его геніальная натура сдѣлала рѣзче всѣ тѣ черты, которыя составляютъ натуру артистическую. Память его необыкновенная, остроуміе — изумительное, сила творчества—неизмѣримая; его обширный умъ освѣщалъ ему цѣль и значеніе искусства, которому онъ отдавался какъ истинный артистъ. Поэзія была исключительной сферой его дѣятель-

ности; но съ нею онъ связалъ высшія задачи жизни. Въ поэзіи онъ нашелъ одну изъ общественныхъ силъ, которая должна пробуждать „добрыя чувства“ въ народѣ, слѣд. и нравственно образовывать и вызывать возвышенныя стремленія духа. Онъ угадывалъ, что черезъ поэзію можно проводить въ разрозненные классы народа сознаніе единства, въ которомъ и заключается нравственная народная сила. Его страстность давала ему силы и въ трудахъ и въ борьбѣ, выпавшей ему на долю. Онъ ясно сознавалъ свое высокое призваніе, и честно относился къ нему, и гордо смотрѣлъ на враговъ своего дѣла. Благодаря силѣ своего духа, онъ во всемъ оригиналенъ, и въ трудахъ и въ мысляхъ, и въ обыкновенной жизни, и въ юношескихъ шалостяхъ, и въ любви, и въ гнѣвѣ, и даже какъ жертва чужой силы. Его многіе не любили, многіе осуждали, многіе боялись, но всѣ уважали эту самостоятельную и открытую личность.

Въ геніальной артистической натурѣ Пушкина была еще одна исключительная особенность, которую онъ самъ считалъ зломъ для себя и за которую ему приходилось дорого платиться — это несчастное наслѣдство, доставшееся ему отъ его прадѣда по матери, арабская кровь, которая превратила въ вулканъ пылкій темпераментъ геніальной натуры. Она кипѣла, бурлила и клокотала, особенно когда ему казалось, что затрогивалась его честь. Обыкновенно благоразумный въ спокойныя минуты, все представляющій себѣ ясно въ минуты творчества, онъ терялъ разсудокъ, въ приливѣ страсти: она переходила у него въ бѣшеные порывы, и онъ дѣлалъ безразсудства, если кто-нибудь изъ друзей не успѣвалъ охладить его рѣзкими словами и даже бранью. Поэтъ сознавалъ въ себѣ этотъ недостатокъ, но никогда не могъ съ нимъ справиться. Въ эти минуты борьба съ собою безъ чужой помощи для него была невозможна. Арабская кровь нарушала миръ его души, раздвояла его, ставила въ противорѣчія съ самимъ собою. Она составила его судьбу. Подобно трагическому герою онъ боролся съ нею и наконецъ палъ ея жертвою. Къ нему можно примѣнить его собственныя слова о геніи: „Геній имѣетъ свои слабости, которыя утѣшаютъ посредственность, но печалятъ благородныя сердца, напоминая имъ о несовершенствѣ человѣчества; независимость и самоуваженіе однѣ могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы“.

Такая-то вулканическая натура была поставлена среди народа въ тотъ историческій моментъ государственной его жизни, когда его можно было сравнить съ крыловскимъ возомъ, въ который впряжены лебедь, ракъ и щука. Въ виду всего этого развитіе, жизнь и труды нашего поэта дѣлаются особенно интересны.

II.

Что дало дѣтство.

Двѣнадцати лѣтъ Пушкинъ, москвичъ по рожденію, отдѣлился отъ своей семьи и вступилъ въ тѣсный кругъ сверстниковъ, который сдѣлался предметомъ особенныхъ заботъ самого императора и лучшихъ воспитателей. Царскосельскій лицей сталъ славенъ именемъ Пушкина. Какое семейное воспитаніе получилъ мальчикъ—этотъ біографическій вопросъ для всякаго другого былъ бы очень важенъ, но въ отношеніи натуры пушкинской, что онъ могъ бы объяснить намъ? Такая натура не поддается никакимъ воспитательнымъ теоріямъ, никакимъ планамъ. Ее воспитываютъ природа и впечатлѣнія отъ окружающей жизни, часто неуловимыя для воспитателя. Можетъ быть, даже и лучше, что родители нашего поэта въ свѣтской праздности и въ разсѣянной жизни не обращали особеннаго вниманія на воспитаніе сына, и еще лучше, что онъ не попалъ въ руки ученаго педагога, который бы вздумалъ воспитывать его по теоріи. Для воспитанія людей съ геніальными силами еще не создана теорія. У такихъ дѣтей первое проявленіе этихъ самыхъ силъ нерѣдко принимаютъ за вредные задатки пороковъ и начинаютъ противодѣйствовать имъ и безъ нужды вызываютъ на борьбу. Аристократическая русская семья въ началѣ настоящаго столѣтія стояла на почвѣ космополитизма, которая противупоставлялась почвѣ народной или мужицкой. Другого значенія не имѣло слово народный. Если космополитизмъ съ одной стороны отрывалъ русскихъ людей отъ народной почвы и обезличивалъ ихъ, то съ другой стороны онъ приносилъ и большую пользу, какъ извѣстный моментъ нашего историческаго развитія: онъ воспитывалъ въ духѣ европейскаго просвѣщенія, онъ былъ связью Россіи съ Европою, онъ способствовалъ выясненію общечеловѣческихъ стремленій, которые спасаютъ народы отъ гибельнаго застоя и даютъ имъ историческое значеніе. Какъ ни пуста была жизнь русскаго аристократическаго круга, проходившая въ мотовствѣ на манеръ французско-придворный, но въ ней ходили прогрессивныя идеи, въ ней таились живыя сѣмена, которыя разносились на иную, народную почву и тамъ стали давать не пустоцвѣты. Пушкинъ въ своей семьѣ былъ воспитанъ космополитомъ среди французскихъ гувернеровъ и гувернантокъ, которые впрочемъ едва справлялись съ его пламенной и неподатливой натурой. Соображая всѣ условія этой московско-космополитической среды мы должны сказать, что въ нихъ было много случайно-благопріятнаго для развитія нашего поэта. Хотя роднымъ его языкомъ въ дѣтскіе годы былъ скорѣе языкъ французскій, но онъ имѣлъ случай усвоить себѣ и русскій изъ самыхъ чистыхъ источниковъ, какъ простыя бесѣды любимой его бабушки и народные разсказы его простодушной няни: инстинктъ

отечественнаго языка не былъ въ немъ подавленъ тѣмъ воспитаніемъ, которое въ другихъ семействахъ совсѣмъ уничтожало эту главную связь ребенка съ своимъ народомъ. Другое обстоятельство, обыкновенно не одобряемое теоріей правильнаго воспитанія, послужило также на пользу нашему поэту: преждевременное чтеніе такихъ книгъ, которыя пишутся вовсе не для дѣтей, вызываетъ безъ нужды раннее духовное развитіе, ослабляетъ обыкновенныя умственныя силы вмѣстѣ съ физическими, смѣшиваетъ понятія при недостаткѣ ясныхъ представленій и производитъ хилые организмы; въ Пушкинѣ же оно только разбудило его сильный природный умъ, и нисколько не ослабило физическихъ его силъ. Свободный доступъ мальчика къ богатой отцовской библіотекѣ, наполненной преимущественно произведеніями французскихъ писателей XVII—XVIII столѣтій, вызвалъ къ дѣятельности творческую его фантазію, которая и стала выражаться во французскихъ стихахъ и въ дѣтскихъ сценическихъ представленіяхъ. Правда, всѣ эти раннія дѣтскія попытки къ творчеству тотчасъ же были и осмѣяны окружающими лицами, что очень огорчало ребенка-поэта, но не подавляло вызванныхъ въ немъ стремленій: къ такимъ огорченіямъ нужно было привыкнуть для будущаго времени. Послужило развитію духовныхъ силъ мальчика и частое присутствіе его среди взрослыхъ—гостей его отца Сергѣя Львовича, присутствіе, которое для большинства обыкновенныхъ дѣтей не всегда бываетъ полезно. Но въ кругу гостей бывали такіе писатели, какъ Карамзинъ, Дмитріевъ, Жуковскій, которые конечно говорили о литературѣ, читали стихотворенія, критиковали, сыпали эпиграммами, на что тогда была большая мода, не скупились на острыя слова, чѣмъ любилъ щеголять самъ Сергѣй Львовичъ, а еще болѣе братъ его, стихотворецъ Василій Львовичъ. Такимъ образомъ мысль будущаго русскаго поэта съ дѣтскихъ поръ связывалась съ литературою, съ свободною критикою, съ острымъ насмѣшливымъ словомъ. Здѣсь-то сильно развились его остроуміе и насмѣшливость, которыхъ потомъ боялись многіе изъ его товарищей.

Въ эти же годы Пушкинъ слышалъ семейныя преданія и разсказы о своихъ предкахъ, о древности своего рода, о новыхъ фамиліяхъ, оттѣснившихъ старыя, что выводило его на живую историческую почву и въ послѣдствіи обращалось въ матеріалы для его фантазіи. Это было связью, соединявшею его съ историческимъ прошлымъ, и удержавшею его фантазію отъ безпочвенной мечтательности, къ которой были склонны тогдашніе молодые поэты подъ вліяніемъ романтизма и мистическаго настроенія.

Въ лѣта дѣтства, Пушкинъ принялъ и первыя впечатлѣнія отъ деревенской жизни, близь Москвы, въ двухъ верстахъ отъ села Вязёма, когда-то принадлежавшаго Борису Годунову. По свидѣтельству г. Анненкова, тамъ и теперь пересказываютъ преданія о несчастномъ царѣ, указываютъ на вырытые имъ пруды, на построенную имъ колокольню. Такимъ образомъ еще въ дѣтствѣ воображеніе Пушкина пред-

ставляло себѣ этого царя, надъ которымъ впослѣдствіи поработала его фантазія.

Но странно то, что воспоминаній о своемъ дѣтствѣ, Пушкинъ очень мало оставилъ въ своей поэзіи, не смотря на то, что онъ любилъ воскрешать прошлое: дѣтскія впечатлѣнія, какъ мы видѣли, пробуждали и направляли духовныя его силы, но надъ ними взяли верхъ впечатлѣнія слѣдующей поры, первой юности, жизни лицейской. Эта жизнь такъ сильно врѣзалась въ памяти поэта и оставила столько впечатлѣній, которыми потомъ занималась его творческая фантазія, что на ней нельзя не остановиться подольше.

III.

Что дала школьная жизнь.

Поводомъ къ открытію лицея въ царскосельскомъ дворцѣ, въ той его части, которую занимали малолѣтніе великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи, была мысль императора Александра—воспитать своихъ братьевъ общественно т. е. въ кругу молодыхъ людей, ихъ сверстниковъ. Но эту мысль императоръ держалъ про себя, а публично было выражено намѣреніе „образовать юношество, особенно предназначенное къ важнымъ частямъ службы государственной и составляемое изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ знатныхъ фамилій“. Это намѣреніе оправдывается только первоначальной мыслью государя, которая впрочемъ не исполнилась [1]): великіе князья не поступили въ число лицеистовъ. Но намѣреніе само по себѣ должно показаться страннымъ: какъ будто можно воспитывать государственныхъ людей съ самаго дѣтства. Оно пошло въ разладъ съ дѣйствительностью при самомъ началѣ: въ числѣ воспитанниковъ оказалось очень много далеко не изъ знатныхъ фамилій; курсъ ученія, ограниченный шестью годами, не могъ быть поставленъ на ту высоту, которая бы согласовалось съ важными частями службы; онъ сталъ ниже университетскаго. Такая исключительность должна была вредно повліять на духъ воспитанниковъ: въ нихъ развивалось крайнее самомнѣніе; они невольно стали смотрѣть на себя, какъ на людей особенныхъ, выдѣленныхъ и возвышенныхъ изъ общаго круга, предназначенныхъ для высшей службы; отсюда должна была развиться излишняя самоувѣренность, непріятная заносчивость въ обращеніи со всѣми другими, не принадлежащими къ той же корпораціи. Въ этомъ въ послѣдствіи дѣйствительно упрекали большинство лицеистовъ, которые на самомъ

[1]) По словамъ императора Николая Павловича, этому помѣшалъ разрывъ съ Наполеономъ; но намъ остается неяснымъ, какая связь могла тутъ быть съ Наполеономъ, тѣмъ болѣе, что лицей былъ открытъ въ 1811 г., а полный разрывъ съ Наполеономъ произошелъ черезъ годъ (см. историч. очеркъ лицея 1861 г.).

дѣлѣ, какъ чиновники, оказывались ничѣмъ не лучше другихъ, получившихъ высшее образованіе. Этого упрека нельзя устранить даже отъ Пушкина, по крайней мѣрѣ въ первые годы послѣ выпуска изъ лицея, хотя мысль о чиновничьей карьерѣ никогда не занимала его.

Лицей скорѣе можно было сравнить съ московскимъ университетскимъ благороднымъ пансіономъ, существовавшимъ съ 1783 года съ цѣлью доставлять дворянскимъ дѣтямъ пристойное и надежное воспитаніе, и между прочимъ „доставлять тѣлу, возможную крѣпость, толь нужную къ должному отправленію съ успѣхомъ государственной службы", или иначе, образовать хорошихъ чиновниковъ. И онъ съ успѣхомъ дѣлалъ свое дѣло уже почти тридцать лѣтъ; онъ уже могъ гордиться именами поэта Жуковскаго, Ал. Тургенева и др., какъ въ послѣдствіи царскосельскій лицей сталъ гордиться именемъ Пушкина. Одинакій ихъ типъ былъ скоро признанъ и офиціально, когда благородному пансіону въ 1818 году даны права царскосельскаго лицея. Но не смотря на это, по духу своихъ воспитанниковъ они всегда рѣзко различались.

Въ числѣ тридцати мальчиковъ, поступившихъ въ лицей при его основаніи, кто изъ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній, кто съ домашнимъ воспитаніемъ, Пушкинъ рѣзко отличался отъ всѣхъ, какъ своей наружностью, такъ и нравомъ. Черноволосый, кудрявый, съ быстрымъ взглядомъ, съ полу-арабскимъ типомъ; рѣзвый, вспыльчивый даже съ порывами бѣшенства, неуступчивый и задорный, насмѣшливый, съ ѣдкимъ, остроумнымъ словомъ, онъ въ то же время обратилъ на себя вниманіе товарищей своею начитанностью, большимъ запасомъ разныхъ отрывочныхъ знаній, которыя хранила его необыкновенная память изъ прочитанныхъ книгъ, умѣньемъ бойко объясняться по французски и понимать французскія книги. Это превосходство надъ товарищами высказалось само собою безъ всякаго намѣренія Пушкина, который добивался больше превосходства въ дѣтскихъ играхъ и шалостяхъ, чѣмъ въ познаніяхъ. Ко всему этому скоро узнали, что этотъ же мальчикъ знакомъ съ знаменитыми писателями, Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Жуковскимъ, и даже самъ пишетъ стихи. Это обстоятельство должно было еще болѣе возвысить маленькаго шалуна и привлечь къ нему особенно тѣхъ, которые наиболѣе любили стихи и пробовали въ ихъ сочиненіи свои собственныя силы. Они сблизились съ нимъ и замѣтили, что за его задорностью, насмѣшливостью и вспыльчивостью скрывается доброе и нѣжное сердце, которое только не сразу и не всѣмъ раскрывается. Въ числѣ ихъ былъ тринадцатилѣтній Илличевскій, поступившій въ лицей изъ петербургской гимназіи, гдѣ въ немъ развилась любовь къ стихотворству. Онъ переписывался съ своимъ бывшимъ товарищемъ, гимназистомъ Фусомъ (въ послѣдствіи непремѣннымъ секретаремъ академіи наукъ); въ этихъ письмахъ [1]) мы на-

[1]) „Руск. Архивъ" 1864. № 10.

ходимъ очень интересные строки о Пушкинѣ и о лицейской жизни въ первые годы. Такъ черезъ пять мѣсяцевъ послѣ поступленія въ лицей онъ писалъ: „что касается до моихъ стихотворческихъ занятій, я въ нихъ успѣлъ чрезвычайно, имѣя товарищемъ одного молодаго человѣка, который, живши между лучшими стихотворцами, пріобрѣлъ много въ поэзіи знаній и вкуса, и читая мои прежнія стихи, вижу въ нихъ непростительныя ошибки. Хотя у насъ, правду сказать, запрещено сочинять, но мы съ нимъ пишемъ украдкою“.

Трудно сказать, изъ какихъ педагогическихъ соображеній былъ сдѣланъ этотъ запретъ, но впрочемъ не надолго. Въ другомъ письмѣ черезъ мѣсяцъ послѣ перваго, Илличевскій съ удовольствіемъ сообщаетъ своему пріятелю: „скажу тебѣ новость: намъ позволили теперь сочинять и мы начали періоды; вслѣдствіи чего посылаю тебѣ двѣ мои басни и желаю, чтобы они тебѣ понравились“. Скоро затѣмъ число лицейскихъ стихотворцевъ увеличилось Дельвигомъ, Кюхельбекеромъ, которые также пользовались совѣтами Пушкина. Такимъ образомъ авторитетъ его въ стихотворствѣ былъ признанъ товарищами въ первый же годъ лицейской жизни. Черезъ того же Илличевскаго мы узнаемъ, какъ сложилась эта жизнь при самомъ началѣ: „Что же касается до нашего лицея, пишетъ онъ, увѣряю тебя, нельзя быть лучше: учимся въ день только семь часовъ и то съ перемѣнами, которыя по часу продолжаются; на мѣстахъ никогда не сидимъ; кто хочетъ—учится, кто хочетъ—гуляетъ; уроки, сказать правду, не весьма велики; въ праздное время гуляемъ, а нынче же начинается лѣто: снѣгъ высохъ, трава показывается и мы съ утра до вечера въ саду, который лучше всѣхъ лѣтнихъ петербургскихъ. Ведя себя скромно, учась прилежно, нечего бояться. При томъ родители насъ посѣщаютъ довольно часто, а чѣмъ рѣже свиданіе, тѣмъ оно пріятнѣе“ [1]).

Въ Просьбѣ Сергѣя Львовича о принятіи его сына въ лицей обозначено, что мальчикъ „пріобрѣлъ первыя свѣдѣнія въ граматическихъ познаніяхъ россійскаго и французскаго языковъ, арифметики, географіи, исторіи и рисованіи“ [2]). Черезъ годъ учителя атестовали его такъ [3]), какъ часто атестуются ученики, которымъ блестящія способности мѣшаютъ быть прилежными: изъ за небрежнаго отношенія ихъ къ научнымъ занятіямъ въ нихъ часто не замѣчаютъ даже настоящихъ ихъ способностей. Такъ преподаватель латинскаго и рус-

---

[1]) Въ другомъ письмѣ, писанномъ въ 1815 г. онъ говорилъ: „Наше Царское Село въ лѣтніе дни, есть Петербургъ въ миніатюрѣ. И у насъ есть вечернія гулянья, въ саду музыка и пѣсни, иногда театры. Всѣмъ этимъ обязаны мы графу Толстому—богатому и любящему удовольствія человѣку. По знакомству съ хозяиномъ и мы имѣемъ входъ въ его спектакли; ты можешь понять, что это наше первое и единственное удовольствіе...“ Прибавимъ къ этому, что театральная труппа Толстого была составлена изъ его крѣпостныхъ людей. Первая актриса Наталья особенно восхищала юношей. Пушкинъ даже посвятилъ ей стихотвореніе.

[2]) Историч. очеркъ лицея. Приложеніе V.

[3]) Тамъ же. Приложеніе VIII.

скаго языка Кошанскій, тогда еще молодой педагогъ, не призналъ въ немъ замѣчательной памяти, отмѣтивъ: „больше имѣетъ понятливости, нежели памяти; больше вкуса къ изящному, нежели прилежанія къ основательному, почему малое затрудненіе можетъ остановить его, но не удержать, ибо онъ, побуждаемый соревнованіемъ и чувствомъ собственной пользы, желаетъ сравняться съ первыми воспитанниками; успѣхи его въ латинскомъ довольно хороши, въ русскомъ не столько тверды, сколько блистательны". Напротивъ, учитель нѣмецкаго языка, Гауеншельдъ, у котораго Пушкину пришлось начинать съ азбуки, призналъ въ немъ большую память и остроуміе, но не видѣлъ никакихъ успѣховъ въ своемъ предметѣ. За то Пушкину ничего не стоило вполнѣ удовлетворить французскаго учителя Будри, и безъ всякаго прилежанія явиться въ его глазахъ отличнымъ ученикомъ; но отъ вниманія Француза ускользнула живость ума юнаго поэта, которой онъ не находилъ въ немъ, хотя его сужденіе признавалъ здравымъ и успѣхи его считалъ замѣчательными. Въ слѣдующемъ году гувернеры писали объ его нравственныхъ качествахъ: „легкомысленъ, вѣтренъ, неопрятенъ, нерадивъ, впрочемъ добродушенъ, усерденъ, учтивъ, имѣетъ особенную страсть къ поэзіи (Чириковъ); мало постоянства и твердости въ его нравѣ, словоохотенъ, остроуменъ; примѣтно въ немъ и добродушіе, но вспыльчивъ съ гнѣвомъ, легкомысленъ (Пилецкій). За тѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ преподаватель исторіи и географіи Кайдановъ записалъ: „при маломъ прилежаніи оказываетъ очень хорошіе успѣхи, и сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ; въ поведеніи рѣзвъ, но менѣе противу прежняго". Только атестація учителя математики Карцева была, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно не въ пользу маленькаго поэта: „слабъ и успѣховъ примѣтныхъ не оказалъ". Какъ ясно во всей этой характеристикѣ заявляетъ себя еще юная артистическая натура, въ которой уже успѣло пробудиться стремленіе къ изящному, въ которой уже высказывается сочувствіе ко всему, что питаетъ воображеніе, и чувствуется какая-то враждебность къ отвлеченной цифрѣ и буквѣ: поэту трудно углубляться въ математическія вычисленія. Съ другой стороны кажущееся легкомысліе, непостоянство, вѣтренность есть слѣдствіе сильной впечатлительности, благодаря которой юноша безпрестанно переходитъ отъ идеи къ идеѣ, отъ чувства къ чувству. Отсюда быстрыя, неожиданныя сближенія разныхъ впечатлѣній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и остроуміе, наконецъ словоохотливость. И добродушіе кроется въ этой натурѣ, значитъ, способность къ братству, къ товариществу. Нельзя не замѣтить въ той же атестаціи и задатковъ геніальной натуры въ этихъ успѣхахъ безъ труда, въ этой особенной страсти къ одному предмету, въ этомъ проявленіи сильнаго характера въ соревнованіи съ лучшими изъ чувства собственной пользы. Наконецъ, тутъ же сказывается и африканская кровь въ вспыльчивомъ гнѣвѣ.

По запискамъ нѣкоторыхъ изъ товарищей Пушкина, написаннымъ уже въ зрѣлые ихъ годы, мы можемъ заключить, что классное ученье не было основано на строгихъ педагогическихъ началахъ и велось не лучше какъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, а можетъ быть въ иныхъ отношеніяхъ и хуже: оно было скороспѣлое, болѣе на память, много познаній, но отрывочныхъ и поверхностныхъ; отъ непереработаннаго элементарнаго обученія быстро переходилось къ высшему, философскому. Отзывы ихъ о самомъ Куницынѣ не согласуются съ тѣмъ восторженнымъ отношеніемъ къ нему Пушкина, какое высказывалось имъ въ послѣдствіи при воспоминаніи о лицеѣ. Куницынъ считался профессоромъ нравственныхъ наукъ, въ кругъ которыхъ входили энциклопедія права, политическая экономія и финансы. Но такъ какъ эти науки предназначались для высшихъ классовъ на два послѣдніе года, то въ первые годы пока поручена ему была логика, которая въ своей схоластической формѣ и твердилась на память. Куницынъ поступилъ въ лицей молодымъ человѣкомъ, только-что вернувшимся изъ заграницы, гдѣ изучалъ политическія науки. Конечно, либеральное направленіе, которымъ тогда отличалась вся образованная русская молодежь, было усвоено и имъ, но онъ не могъ назваться опытнымъ педагогомъ: онъ готовился быть профессоромъ для зрѣлыхъ юношей, а между тѣмъ ему были въ началѣ поручены еще мальчики; онъ долженъ былъ сдѣлаться элементарнымъ учителемъ. Но какъ видно, Куницынъ имѣлъ вліяніе на направленіе мысли Пушкина. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти поэтъ вспоминалъ о немъ въ стихотвореніи, написанномъ для обычнаго лицейскаго праздника 19 октября:

Вы помните, когда возникъ лицей,
Какъ царь открылъ для насъ чертогъ царицынъ—
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей.

Мы отчасти знакомы съ этимъ привѣтствіемъ, и должны сказать, что оно не соображено съ возрастомъ тѣхъ мальчиковъ, для которыхъ былъ открытъ царицынъ чертогъ. Оно скорѣе имѣло въ виду обратить вниманіе царственныхъ гостей и особенно либеральнаго императора. Переполненное ссылками на различныхъ иностранныхъ писателей, оно своею реторичностью едва-ли было понятно маленькимъ слушателямъ. Въ основаніе ораторъ взялъ оффиціальную цѣль, предназначенную новому училищу—образовать юношей изъ знатныхъ фамилій для важныхъ частей государственной службы. Здѣсь онъ соединяетъ идеалъ гражданина и воина съ идеаломъ государственнаго человѣка. Показать существо гражданскихъ обязанностей онъ предоставляетъ исторіи. „Но познанія ваши должны быть несравненно обширнѣе, прибавляетъ онъ, ибо вы будете имѣть непосредственное вліяніе на благо цѣлаго общества... Государственный человѣкъ долженъ имѣть обширныя познанія, знать первоначальныя причины благоденствія и упадка го-

сударствъ... Успѣхи въ войнѣ приготовляются нынѣ во время міра. Знать государственныя пользы, предвидѣть препятствія къ достиженію оныхъ со стороны сосѣдственныхъ народовъ, исчислить поступки враговъ, открывать ихъ намѣренія, подрывать ихъ тайныя пружины, на дѣйствія которыхъ они наиболѣе полагаются — въ семъ состоитъ истинная тактика, достойная государственнаго человѣка и воина. Соединивъ сіи свѣдѣнія, вы содѣлаетесь способными къ тому и другому роду государственной службы... Но главнымъ основаніемъ вашихъ познаній должна быть истинная добродѣтель... Жалкимъ образомъ обманется тотъ изъ васъ, кто опираясь на знаменитость своихъ предковъ, вознерадѣетъ о добродѣтеляхъ, увѣнчавшихъ имена ихъ безсмертіемъ... Среди сихъ пустынныхъ лѣсовъ, внимавшихъ нѣкогда побѣдоносному россійскому оружію, вамъ повѣданы будутъ славныя дѣла героевъ, поражавшихъ враждебные строи. На сихъ зыбкихъ равнинахъ вамъ показаны будутъ яркіе слѣды вашихъ родоначальниковъ, которые стремились на защиту царя и отечества; окруженные примѣрами добродѣтели, вы ли не воспламенитесь къ ней любовью?... Вы ли не устрашитесь быть послѣдними въ вашемъ родѣ? Вы ли захотите смѣшаться съ толпою людей обыкновенныхъ, пресмыкающихся въ неизвѣстности и каждый день поглощаемыхъ волнами забвенія? Нѣтъ, да не развратитъ мысль сія вашего воображенія. Любовь къ славѣ и отечеству должна быть вашимъ руководителемъ!...“

Поняли ли эту рѣчь маленькіе воспитанники, мы не знаемъ, но она во всякомъ случаѣ должна была натолкнуть ихъ на высокомѣрныя мысли: они въ самомъ дѣлѣ могли вообразить о себѣ, что они существа необыкновенныя, передъ которыми всѣ другіе, пресмыкающаяся толпа, которые предназначены быть государственными людьми и отъ которыхъ будетъ зависѣть блага цѣлаго общества. Пушкинъ, какъ наиболѣе развитый и знакомый съ реторической рѣчью по прежнему чтенію, могъ скорѣе другихъ принять къ сердцу это будущее назначеніе лицейскихъ питомцевъ, тѣмъ болѣе что слова Куницына согласовались и съ свидѣтельствомъ, выданнымъ изъ герольдіи для представленія въ лицей, что Александръ Пушкинъ „происходитъ отъ древняго дворянскаго рода Пушкиныхъ, коего гербъ внесенъ въ общій дворянскихъ родовъ гербовникъ и высочайше утвержденъ“. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что гордая мысль Пушкина о древности своего рода никогда не подавлялась никакимъ либерализмомъ. Взглядъ на свою исключительную привилегированность дѣйствительно развивался въ воспитанникахъ лицея, что видно изъ письма Илличевскаго отъ 27-го іюля 1814 года: „У насъ въ Царскомъ Селѣ завелось теперь новое училище подъ именемъ пансіона при императорскомъ лицеѣ, гдѣ за каждаго воспитанника платятъ по 1,000 руб. Отличнѣйшіе изъ нихъ будутъ поступать въ лицей, и такъ разсуди самъ, какъ трудно теперь къ намъ попасть“.

Классное сухое ученіе мало занимало умъ воспитанниковъ; юная

мысль болѣе даровитыхъ изъ нихъ искала пищи въ томъ, что занимало воображеніе. Они составляли въ родѣ литературныхъ бесѣдъ, въ которыхъ каждый долженъ былъ показать свою изобрѣтательность въ занимательныхъ разсказахъ. Затѣмъ перешли къ изданію рукописныхъ журналовъ, гдѣ помѣщались преимущественно стихи собственнаго издѣлія. Впрочемъ, въ такой формѣ литературныя занятія еще задолго велись и въ московскомъ благородномъ пансіонѣ. Очень вѣроятно, что онъ могъ послужить образцомъ и для лицея, тѣмъ болѣе что между ними была нѣкоторая живая связь: двое изъ учениковъ благороднаго пансіона поступили въ число лицеистовъ; самъ профессоръ Кошанскій преподавалъ тамъ же до своего поступленія въ лицей. Вообще въ тогдашнихъ нашихъ училищахъ было развито стремленіе къ литературнымъ занятіямъ, такъ какъ это былъ, можетъ быть, единственный самодѣятельный и живой трудъ въ школьномъ образованіи. Такъ и Илличевскій явился въ лицей изъ петербургской гимназіи съ собственными стихотворными опытами. Отсюда объясняется тотъ фактъ, что многіе изъ нашихъ даровитыхъ общественныхъ дѣятелей, на разныхъ поприщахъ государственной службы, дѣлались сначала литераторами, примыкая къ тому или другому журналу и даже мечтая о славѣ писателя, но потомъ бросали эти труды какъ скоро ступали твердою ногою на служебномъ поприщѣ. Мы можемъ указать на Сперанскаго, Блудова, Дашкова, какъ наиболѣе извѣстныхъ. Правда, тутъ была и невыгодная сторона: юноши безъ всякаго поэтическаго дарованія и вкуса тянулись за даровитыми, вымучивали изъ себя стихи и рифмы и имъ жертвовали слишкомъ много времени во вредъ учебнымъ занятіямъ; журналы наполнялись бездарными стихами безъ всякой пользы для литературы. Такими впослѣдствіи оказались и многіе изъ лицеистовъ. Но артистическая натура Пушкина здѣсь нашла свою сферу. Въ ней талантъ его быстро заявилъ себя. Юная публика сразу оцѣнила его и ободряла похвалами.

Но прежде чѣмъ заняться первыми поэтическими опытами Пушкина, взглянемъ, какія впечатлѣнія давала ему окружающая жизнь и какъ воспитывалась его фантазія.

Воспитаніе въ лицеѣ было вполнѣ закрытое: воспитанники не отпускались къ родителямъ ни на праздники, ни на каникулы. Ихъ міръ ограничивался царскосельскими садами, гдѣ, по выраженію нашего поэта, онъ и „разцвѣталъ безмятежно“. Эти сады имѣютъ особенное значеніе въ развитіи его генія. Въ нихъ на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ соединились природа и искусство: вѣковыя рощи, луга, пруды, длинныя прямыя и широкія алеи, которыя пересѣкаются въ разныхъ направленіяхъ, сходятся и расходятся, узкія извилистыя дорожки и тропинки, мосты и мостики черезъ ручейки, живописныя берега огромнаго пруда, похожаго на озеро, бесѣдки, шалаши, гроты, искусственныя развалины, съ высоты которыхъ представляются пустынныя окрестности, цвѣтники со множествомъ разнообразныхъ цвѣтовъ,

китайская деревня съ театромъ, собачье кладбище съ шутливыми затѣйливыми эпитафіями на могильныхъ камняхъ, наконецъ два огромныхъ дворца, изъ которыхъ одинъ съ большими и роскошными залами, бывшее жилище Елизаветы и Екатерины II, свидѣтель шумной, веселой, богатой жизни дворовъ прошедшаго столѣтія, свидѣтель великолѣпныхъ праздниковъ, пиршествъ, побѣдныхъ торжествъ дѣятельной и умной императрицы. Надъ всѣмъ этимъ потрудились и руки садовника, и искусный умъ архитектора, и талантъ художника. Вотъ что представляли царскосельскіе сады.

Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.
Плыветъ и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вдругъ,
Алеи древнихъ липъ открылись предъ очами
Проглянули и холмъ и лугъ...
Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой.
Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются Наяды
Его лѣнивою волной.
А тамъ въ безмолвіи огромные чертоги,
На своды опершись несутся къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги...

Такъ представлялъ царскосельскіе сады нашъ шестнадцатилѣтній поэтъ передъ другимъ поэтомъ Державинымъ, уже готовымъ сойти въ могилу; а спустя много лѣтъ, онъ вспоминалъ:

Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ
Весной при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ
Являться муза стала мнѣ

—

Еще исполнены великою женою
Ея любимые сады
Стоятъ населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининыхъ орловъ.

Эти мраморная слава и мѣдныя хвалы даютъ особенное значеніе царскосельскимъ садамъ. Памятники русскихъ побѣдъ, которыя одерживали надъ врагами екатерининскіе полководцы, дѣйствовали на юное воображеніе и вызывали чувство народной славы, связывая настоящее съ историческими фактами недавняго прошлаго, о которомъ еще слышались живые разсказы, едва успѣвшіе перейти въ преданія. Для пылкой фантазіи такія впечатлѣнія также имѣютъ воспитательное значеніе. За неимѣніемъ исторіи они только и могли пробуждать патріотическое чувство въ молодомъ поколѣніи; а въ тѣ времена оно

питалось лишь военною славою Россіи. Такимъ именно характеромъ отличалось наше патріотическое чувство еще въ XVIII столѣтіи. Оно было односторонне, чуждое всей массѣ народа, хотя военная слава и покупалась ея силами и жертвами; но пользоваться ея выгодами могло только одно сословіе, которое еще съ XVII столѣтія удержало за собою значеніе военно-служилое. Этотъ патріотизмъ возбуждался только въ столкновеніи съ внѣшними врагами Россіи, связывался только съ идеей ея матерьяльной силы и государственнаго могущества, и потому долженъ назваться патріотизмомъ государственнымъ или политическимъ. Ему недоставало той нравственной силы, которая связываетъ всѣ сословія въ одинъ народъ общими интересами. Но тогда вся масса народа была безправною, въ унизительномъ рабскомъ состояніи. Къ ней служилое, оно же помѣщичье, сословіе относилось такъ, какъ обыкновенно господа относятся къ рабамъ, съ полнымъ презрѣніемъ. Какими же особенными выгодами могла она пользоваться отъ военной славы, добытой ея силами; онъ нея никакого облегченія она не получала, и конечно, никакого патріотизма въ ней не могло и быть. Настоящая любовь къ отечеству можетъ развиваться только въ сердцѣ человѣка свободнаго и въ средѣ свободной, за то и лучшій плодъ отъ нея—любовь ко всему народу, а не барское высокомѣріе. За неимѣніемъ такой любви въ то время патріотизмомъ называлось государственное чувство, вызываемое побѣдами и дворянскими стремленіями къ военной славѣ, вмѣстѣ съ оскорбительными отзывами о своихъ врагахъ. Но и этотъ патріотизмъ, по крайней мѣрѣ хоть нѣсколько, возвышалъ духъ человѣка и наводилъ на мысль, что можно гордиться народнымъ именемъ передъ иностранцами. Онъ все же связывалъ нѣкоторыхъ хоть какими-нибудь связями, если не съ народомъ, то хоть съ страной и государственной ея исторіей.

Въ этомъ духѣ воспитывали царскосельскіе сады и фантазію Пушкина:

Протекшіе вѣка мелькаютъ предъ очами,
И въ тихомъ восхищеньи духъ.
Онъ видитъ, окруженъ волнами [1],
Надъ твердой, мглистою скалой
Вознесся памятникъ. Ширяяся крылами
Надъ нимъ сидитъ орелъ младой
И цѣпи тяжкія и стрѣлы громовыя
Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились.
Кругомъ подножія шумя, валы сѣдые
Въ блестящей пѣнѣ улеглись.
Въ тѣни густой угрюмыхъ соснъ
Воздвигся памятникъ простой.
О, сколь онъ для тебя Кагульскій брегъ поносенъ
И славенъ родинѣ драгой!

[1]) Среди большаго царскосельскаго пруда.

Безсмертны вы во вѣкъ, о россы исполины
Въ бояхъ воспитаны средь бранныхъ непогодъ;
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.
О, громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы россіянъ,
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ,
Потомки грозные Славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ;
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь брянцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

Могъ впослѣдствіи Пушкинъ вспоминать и впечатлѣнія отъ великихъ событій 1812 года, которыя также связывались съ Царскимъ селомъ:

Дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душою часто омрачались...

—

Вы помните текла за ратью рать [1]);
Со старшими мы братьями прощались.
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ... И племена сразились.
Русь обняла кичливаго врага,
И заревомъ московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.
Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался:
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ онъ славный свой досугъ.

На самомъ дѣлѣ молодыя пиршества, о которыхъ упоминаетъ поэтъ, были нѣсколько позже, послѣ смерти перваго директора лицея, Малиновскаго. Онъ умеръ въ мартѣ 1814 года. Затѣмъ два года не назначали директора, а лицеемъ управляли разныя лица, безпрестанно смѣнялись и менѣе всего заботились о разумномъ нравственномъ воспитаніи. Празднаго времени у воспитанниковъ было много, а придумать чѣмъ занять его, никто не взялъ на себя труда. Малиновскій находилъ для нихъ разныя развлеченія и удовольствія, съ цѣлью развивать ихъ эстетическое чувство и отвлекать юныя мысли отъ порочныхъ стремленій. Послѣ него уже сами воспитанники стали думать о

[1]) Въ то то время большая московская дорога изъ Петербурга шла черезъ Царское село.

своихъ развлеченіяхъ. „Открылись безпорядки, говорится въ Историческомъ очеркѣ лицея: гувернеры не исполняли своего дѣла и среди воспитанниковъ показалась распущенность". Это послѣднее слово объясняется записками нѣкоторыхъ изъ товарищей Пушкина, если даже принять за произведеніе одной фантазіи тогдашнія стихотворенія нашего поэта. Безъ особенныхъ усилій лицеисты завоевали себѣ свободу въ широкихъ размѣрахъ. Между ними начались молодыя пиршества, въ которыхъ вино играло, разумѣется, не послѣднюю роль. Они нашли себѣ покровительство въ профессорѣ Галичѣ, въ послѣдствіи прослывшемъ за ученаго философа. Онъ былъ призванъ изъ Петербурга для замѣны заболѣвшаго Кошанскаго. Этотъ философъ оказался изъ эпикурейской секты и поспѣшилъ посвятить въ нее своихъ юныхъ слушателей, изъ которыхъ инымъ еще не минуло и шестнадцати лѣтъ. Онъ уступалъ имъ свою комнату въ стѣнахъ лицея, и здѣсь-то раздавался звонъ рюмокъ и стакановъ, веселые крики и пѣсни и разныя эротическія стихотворенія, недоступныя печати. Галичъ предсѣдательствовалъ на этихъ собраніяхъ. Судя по стихотворнымъ посланіямъ къ нему Пушкина, съ нимъ лицеисты обращались за пана-брата.

Защитникъ нѣги и прохладъ,
Мой добрый Галичъ, vale!
Ты Эпикуровъ младшій братъ,
Душа твоя въ бокалѣ.
Главу вѣнками убери—
Будь нашимъ президентомъ...

Отъ пиршествъ молодые люди переходили къ любовнымъ приключеніямъ. Зная натуру Пушкина, мы можемъ заключить, что онъ со страстью отдавался всѣмъ этимъ увлеченіямъ, хотя онъ и говоритъ въ одномъ стихотвореніи:

Угодникъ Бахуса, а трезвый межь друзьями,
Бывало пѣлъ вино водяными стихами...

Удерживать его было не кому, а артистическая его натура должна была увлекать его въ самую глубь жизни, какую только представляла найденная свобода. Ученый ищетъ отвлеченной истины, стараясь какъ можно глубже проникнуть въ предметъ; артистъ по природѣ ищетъ истины въ живыхъ впечатлѣніяхъ отъ жизни, и чѣмъ страстнѣе его натура, тѣмъ глубже онъ проникаетъ въ жизнь, думая найти истину на днѣ. Притомъ же надо имѣть въ виду, что воображеніе Пушкина черезъ раннее и неразборчивое чтеніе уже давно наполнилось разными эротическими и вакхическими пѣснями и сценами; оно было давно настроено къ этому эпикуреизму, прежде чѣмъ онъ могъ въ дѣйствительности вкусить его сладость. Страсти его были разбужены и, такъ сказать, потревожены не самою жизнью, а воображеніемъ. Почва была подготовлена, отъ жизни ожидались только случаи для увлеченій и соблазновъ. И вотъ они явились. Но что развращаетъ и губитъ другаго, то составляетъ матеріалъ для артистической фантазіи генія-поэта.

Его спасаетъ дѣятельность духа, въ которомъ принятыя отъ жизни впечатлѣнія перерождаются въ образы, а они привлекаютъ вниманіе поэта и на время отвлекаютъ его отъ внѣшняго міра; онъ сосредоточивается, углубляется въ себя, вдумывается въ созданіе своей фантазіи и уступаетъ потребности духа выразить эти непроизвольно сложившіеся образы въ матеріальной формѣ, т. е. отдѣлить ихъ отъ себя и дать имъ особенное бытіе. Во всей этой работѣ поэтъ, какъ бы во второй разъ переживъ свои страстныя увлеченія, охлаждается къ нимъ и ждетъ, когда жизнь представитъ ему что-нибудь новое, а безъ жизни нѣтъ у него и поэзіи.

Фантазія Пушкина съ дѣтства воспиталась на преданіяхъ XVIII столѣтія. Она усвоила себѣ классическіе образы изъ французской поэзіи, съ которыми съ давнихъ временъ свыклась европейская поэзія. Зевсъ, Фебъ-Аполлонъ, Минерва, Венера, Вакхъ или Бахусъ, Амуръ или Эротъ, Фавны или Сатиры, Морфей, Зефиръ и прочіе всѣ боги, богини и нимфы греко-римской мифологіи составляли готовые образы для поэзіи. Фантазія поэтовъ въ нихъ находила извѣстную идеализацію и комбинируя ихъ между собою, выражала впечатлѣнія отъ жизни. Наши стихотворцы-риторы и поэты XVIII столѣтія приняли всѣ эти образы и манеру творчества у западныхъ поэтовъ, хотя съ русской жизнію у этихъ образовъ не было ни исторической, ни народной связи: они были совершенно чужды и непонятны огромному большинству, не воспитанному на чужой поэзіи и на чужихъ вѣрованіяхъ. Для такой поэзіи у насъ не было питательной почвы. Она отзывалась холодной схоластической ученостью, требовала безполезныхъ познаній и даже большой памяти отъ читателей, которымъ нужно было заучить всѣ мифологическія подробности, чтобы понимать смыслъ предлагаемыхъ стиховъ и почувствовать ихъ эстетическое вліяніе. Вотъ отъ чего наша поэзія была далека отъ жизни и была доступна только меньшинству, черезъ воспитаніе примкнувшему къ космополитизму.

Юная фантазія Пушкина на первыхъ порахъ вращалась въ этомъ же самомъ мірѣ: представляла себѣ поэта, окруженнаго парнасскими богинями, которымъ давались разныя имена, вмѣстѣ съ Аполлономъ, граціями и харитами; поэтъ являлся въ воображеніи не иначе какъ съ лирою въ рукахъ и съ пѣснію, вдохновленною извнѣ какою-то высшею силою. Любовь рисовалась въ образѣ крылатаго и шаловливаго мальчика, Амура или Эрота, вооруженнаго стрѣлами; бракъ въ видѣ осмѣяннаго Гименея съ фонаремъ. Въ этихъ-то готовыхъ образахъ Пушкинъ и выражалъ свои впечатлѣнія отъ юной жизни.

Лицейскіе сады представляли довольно классическихъ статуй и бюстовъ съ ихъ строгой красотой и правильными типами. Эта красота должна была имѣть вліяніе на фантазію поэта, воспитывая его эстетическій вкусъ и вызывая любовь къ простотѣ и пластичности, чѣмъ дѣйствительно отличается искусство Пушкина. Такъ уже въ зрѣлые годы онъ вспоминалъ дѣйствіе этихъ образовъ:

И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужаго сада,
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ;
Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада,
Я предавалъ мечтамъ мой слабый умъ
И праздно мыслить было мнѣ отрада.
Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.
Все, мраморные циркули и лиры,
И свитки въ мраморныхъ рукахъ
И длинныя на нихъ плечахъ порфиры—
Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце: и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ...

Хотя юный поэтъ читалъ многихъ писателей древнихъ и новыхъ, иностранныхъ и русскихъ, но особенное сочувствіе выказывалъ тѣмъ, которые были ближе къ его собственнымъ вкусамъ и страстямъ—Анакреону, Вольтеру, Парни и Батюшкову. Перваго онъ называетъ своимъ учителемъ, мудрецомъ сладострастія и ставитъ его какъ бы въ образецъ жизни:

Смертный—вѣкъ твой привидѣнье:
Счастье рѣзвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся,
Чаще кубокъ наливай,
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай,

Вольтеръ въ его глазахъ злой крикунъ Фернейскій:

Поэтъ въ поэтахъ первый;
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
Издѣтства сталъ піитъ;
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ...
Онъ все—вездѣ великъ
Единственный старикъ...

Парни для нашего поэта—другъ, врагъ труда, заботъ, печали, а Батюшковъ — россійскій Парни, въ котораго пѣвецъ Тіискій (Анакреонъ) влилъ свой нѣжный духъ,

Философъ нѣжный и піитъ,
Парнасскій счастливый лѣнивецъ,
Харитъ изнѣженный любимецъ,
Наперсникъ милыхъ Аонидъ...

Подражая имъ, Пушкинъ поэтизировалъ свои страстныя увлеченія Всѣ эротическіе поэты были для него

Любезные пѣвцы,
Сыны безпечности лѣнивой,
Давно вамъ отданы вѣнцы

От̕ъ Музы праздности счастливой!
Но не блестящіе вѣнцы
Поэзіи трудолюбивой
На верхъ Фессальскія горы
Вели васъ тайные извивы...
И я неопытный поэтъ
Небрежныхъ вашихъ рифмъ наслѣдникъ,
За вами крадуся во слѣдъ.

На эротическихъ стихотвореніяхъ Пушкинъ выработалъ себѣ легкій, игривый стихъ и нѣкоторую пластичность выраженій, чѣмъ и прельщалъ товарищей своихъ молодыхъ пиршествъ. Интересно видѣть, какъ въ фантазіи Пушкина еще въ первыхъ его опытахъ складывался образъ самаго поэта, который въ послѣдствіи выразился въ такомъ художественномъ совершенствѣ. Называя себя юношей-мудрецомъ (конечно эпикурейскимъ), питомцемъ нѣгъ и Аполлона, онъ рисуетъ себя въ такихъ картинахъ:

Въ пещерахъ Геликона
Я нѣкогда рожденъ,
Во имя Аполлона
Тибуломъ окрещенъ,
И свѣтлой Ипокреной
Съ-издѣтства напоенный,
Подъ кровомъ вешнихъ розъ
Поэтомъ я возросъ.
Веселый сынъ Эрміи
Ребенка полюбилъ,
Въ дни рѣзвости златыя
Мнѣ дудку подарилъ.
Знакомясь съ нею рано
Дудилъ я безпрестанно;
Не складно хоть игралъ,
Но музамъ не скучалъ.

—

Дана мнѣ лира отъ боговъ,
Поэту даръ безцѣнный,
И муза вѣрная со мной:
Хвала тебѣ богиня!
Тобою красенъ домикъ мой
И дикая пустыня.
На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла,
И горнимъ свѣтомъ озарясь
Влетала въ скромну келью
И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

Изъ этихъ лёгкихъ начальныхъ эскизовъ въ послѣдствіи выработался чудный образъ „Музы“ Пушкина въ извѣстномъ стихотвореніи

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила...

Въ старые годы наши поэты любили поэтизировать лѣнь, соединяя съ нею нѣгу и блаженство жизни. Это согласовалось съ тѣмъ взглядомъ на поэзію, какой у насъ существовалъ въ XVIII столѣтіи. Ее не считали за дѣло, она была бездѣлье на досугѣ. Артистическая натура требовала покоя и уединенія, чтобы углубиться въ себя, всмотрѣться въ тѣ образы, какіе создавала фантазія. Внутренняя не зримая ея работа уже отвлекала и отвращала отъ всякаго другого труда. Она-то и принималась за лѣнь. Но это также было дѣло, только понятное и доступное очень немногимъ. Съ нимъ соединялось и наслажденіе, которымъ такъ дорожили поэты. Въ стихахъ Пушкина также воспѣвается лѣнь. Онъ часто называетъ себя поэтомъ безпечнымъ и лѣнивымъ. Въ посланіи къ Дельвигу онъ проситъ:

Еще хоть годъ одинъ
Позволь мнѣ полѣниться
И нѣгой насладиться:
Я право нѣги сынъ.

Въ стихотвореніи „Сонъ“ онъ призываетъ лѣнь:

Приди, о лѣнь, приди въ мою пустыню!
Тебя зовутъ прохлада и покой:
Въ одной тебѣ я зрю свою богиню,
Готово все для гостьи молодой...
Царицей будь, я плѣнникъ нынѣ твой!
Учи меня, води моей рукой,
Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира...

Въ другомъ стихотвореніи юный поэтъ говоритъ о себѣ, что онъ въ лѣности сравнится лишь съ богами.

Въ стихотвореніи къ „Моей чернильницѣ“ (1821 г.) онъ обращается къ ней со словами:

Тебя я посвятилъ
Занятіямъ досуга
И съ лѣнью примирилъ:
Она—твоя подруга.

Здѣсь уже видится лѣнь артистическая, т. е. внутренняя работа надъ поэтическимъ образомъ, для посторонняго же взгляда бездѣлье.

Интересно указать, что уже въ первыхъ опытахъ Пушкина высказался тотъ взглядъ на поэзію, который въ послѣдствіи сдѣлался у него какъ бы основнымъ взглядомъ и который онъ такъ горячо отстаивалъ, защищая свободу поэта. Въ посланіи къ Батюшкову онъ говоритъ:

Поэтъ! Въ твоей предметы волѣ...
Все, все позволено поэту!...

Увлекаясь эротическими поэтами и подражая имъ, Пушкинъ иногда поддавался и вліянію другихъ писателей. Какую пользу стремились извлекать изъ чтенія поэтовъ молодые поэты-лицеисты, видно изъ

письма Илличевскаго къ пріятелю отъ 14 декабря 1814 года: „Достигаютъ ли до нашего уединенія вновь выходящія книги? спрашиваешь ты меня. Можешь ли въ этомъ сомнѣваться"...

И можетъ ли ручей сребристый
По свѣтлому песку катя кристалъ свой чистый
И тихою волной ласкаясь къ берегамъ,
Течь безъ источника по рощамъ и лугамъ...
И можетъ ли поэтъ, неопытный и юный,
Чуть-чуть бренча на лирѣ тихострунной
Не подражать другимъ? Ахъ, никогда!

Никогда! Чтеніе питаетъ душу, образуетъ, развиваетъ способности; по сей причинѣ мы стараемся имѣть всѣ журналы и вирямь получаемъ: „Пантеонъ", „Вѣстникъ Европы", „Русскій Вѣстникъ" и пр. Такъ, мой другъ, и мы также хотимъ наслаждаться свѣтлымъ днемъ нашей литературы, удивляться цвѣтущимъ геніямъ Жуковскаго, Батюшкова, Крылова, Гнѣдича. Но не худо иногда подымать завѣсу протекшихъ временъ, заглядывать въ книги отцовъ отечественной поэзіи, Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитріева; тамъ лежатъ сокровища, изъ коихъ каждому почерпать должно. Не худо иногда вопрошать пѣвцовъ иноземныхъ (у нихъ учились предки наши) бесѣдовать съ умами Расина, Вольтера, Делиля и заимствуя у нихъ красоты неподражаемыя, переносить ихъ въ свои стихотворенія".

Въ своихъ стихотвореніяхъ (особенно „Городокъ") Пушкинъ указываетъ на многихъ писателей, русскихъ и французскихъ, которые занимали его. Онъ раздѣлялъ симпатіи и антипатіи молодого поколѣнія, которое высказывалось въ тогдашнихъ журналахъ. Ставя себѣ въ образецъ однихъ, онъ относился съ обыкновенной своей остротой и насмѣшкой къ другимъ. Но мы не будемъ указывать на всѣ заимствованія и подражанія начинающаго впечатлительнаго поэта [1]), а вмѣстѣ съ нимъ представимъ себѣ читающаго юношу:

Люблю я въ лѣтній день
Бродить одинъ съ тоскою,
Встрѣчать вечерню тѣнь
Надъ тихою рѣкою,
И съ сладостной слезою
Въ даль сумрачну смотрѣть;
Люблю съ моимъ Марономъ,
Подъ яснымъ небосклономъ,
Близь озера сидѣть,
Гдѣ лебедь бѣлоснѣжный,
Оставя злакъ прибрежный,
Любви и нѣги полнъ,
Съ подругою своею
Закинувъ гордо шею,
Плыветъ во злакѣ волнъ.

---

[1]) См. статью г. Гаевскаго, Лицейскія стихотворенія Пушкина въ „Современникѣ" 1863 г. № 7 и 8.

Но лицеисты питались не однѣми книгами; въ ихъ рукахъ были и другія сочиненія „презрѣвшія печать“, какъ выразился Пушкинъ, „враги парнасскихъ узъ“. Въ то время такихъ рукописей ходило много, благодаря крайней строгости цензуры. Между ними были и весьма циническіе стихи извѣстнаго Баркова, котораго Пушкинъ назвалъ небольшимъ бояриномъ Парнасскихъ высотъ и удалымъ наѣздникомъ пылкаго пегаса. Имъ нѣкоторое время также увлекался Пушкинъ и самъ увеличилъ число сочиненій, презрѣвшихъ печать.

Многосторонній талантъ Пушкина еще на школьной скамьѣ высказывался во всемъ. Такъ, судя по нѣсколькимъ сатирическимъ его стихотвореніямъ можно бы было даже заключить, что настоящее его призваніе сатира. Вотъ напримѣръ, подражая римскимъ сатирикамъ, онъ рисуетъ временщика Ветулія, въ которомъ нельзя не видѣть намековъ на Аракчеева:

На быстрой колесницѣ,
Вѣнчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спѣсиво развалясь, Ветулій молодой
Въ толпу народную летитъ по мостовой.
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клонятъ,
Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гонятъ,
Льстецовъ-сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ,
Умильно въ слѣдъ за нимъ стремитъ усердный взглядъ;
Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ улыбки, глазъ движенья,
Какъ будто дивнаго боговъ благословенья...
О Ромуловъ народъ, скажи, давно-ль ты палъ?
Кто васъ поработилъ и властью оковалъ?
Квириты гордые подъ иго преклонились...
Пускай безстыдный Клитъ, слуга вельможъ, Корнелій,
Торгуютъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ
Отъ знатныхъ къ богачамъ ползутъ изъ дома въ домъ!
Я сердцемъ Римлянинъ! кипитъ въ груди свобода.
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа...
Воспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
Въ сатирѣ праведной порокъ изображу
И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу...

Въ этой сатирѣ уже видно, что у юноши—поэта сталъ развиваться нравственный идеалъ человѣка, съ которымъ соединялось представленіе гражданина. Правда, въ фантазіи онъ еще не успѣлъ переработаться въ идеалъ художественный, и выражается довольно отвлеченно, но онъ уже стоитъ на опредѣленной почвѣ и долженъ привлечь вниманіе біографа, въ виду будущаго дальнѣйшаго развитія нашего поэта. Къ числу сатирическихъ стиховъ Пушкина слѣдуетъ отнести и эпиграммы. Эта форма злой насмѣшки надъ личностью была въ нашей тогдашней литературѣ въ большомъ употребленіи. Эпиграммы Пушкинъ могъ слышать еще въ домѣ своего отца изъ устъ Дмитріева и своего дяди Василья Львовича. Много эпиграмъ ходило

и въ рукописяхъ, „презрѣвшихъ печать“. Въ Лицейской литературѣ эпиграммы также господствовавали.

Пушкинъ замышлялъ и большое сатирическое сочиненіе.

Илличевскій пишетъ къ пріятелю въ началѣ 1816 г.: „Пушкинъ пишетъ теперь комедію въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ, подъ названіемъ Философъ; планъ довольно удаченъ и начало т. е. 1-ое дѣйствіе, досихъ поръ только написанное, обѣщаетъ нѣчто хорошее; стихи и говорить нечего; а острыхъ словъ сколько хочешь! Дай-то Богъ ему терпѣнія и постоянства, что рѣдко бываетъ въ молодыхъ писателяхъ: они тоже что мотыльки, которые не долго на одномъ цвѣткѣ покоятся, которые также прекрасны и также къ несчастью непостоянны; дай Богъ ему кончить—это первый большой ouvrage, начатый имъ, ouvrage, которымъ онъ хочетъ открыть свое поприще по выходѣ изъ лицея. Дай Богъ ему успѣха — лучи славы его будутъ отсвѣчиваться и въ его товарищахъ“...

Эти послѣднія слова показываютъ, какъ соученики Пушкина уже смотрѣли на него на школьной скамейкѣ. Но на этотъ разъ желаніе Иличевскаго не исполнилось: товарищъ его не выказалъ постоянства; комедія была брошена, даже не сохранилось и то, что было написано.

Въ началѣ 1816 года кончилось время лицейскаго междуцарствія или анархіи, какъ назвалъ Пушкинъ, время послѣ смерти директора Малиновскаго до назначенія новаго начальника. Оно продолжалось почти два года. Новому директору Энгельгардту пришлось исправлять многое во всѣхъ частяхъ. На лицеистовъ съ первой же встрѣчи онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе. „Если можно судить по наружности, писалъ Илличевскій, то Энгельгардтъ человѣкъ не худой. Мы всѣ желаемъ, чтобъ онъ былъ человѣкъ прямой, чтобъ не былъ къ однимъ Engel (ангелъ), къ другимъ hart (суровый)“. Молодые люди, какъ видно, хорошо понимали, какая черта въ особенности должна быть развита въ истинномъ педагогѣ. И они получили то, чего желали. Энгельгардтъ дѣйствительно оказался рѣдкимъ педагогомъ. Сочувствуя стремленіямъ молодаго поколѣнія, онъ въ тоже время хорошо понималъ и вредъ крайнихъ увлеченій. Явившись уже не среди школьниковъ, а среди молодыхъ людей, перешедшихъ къ высшему изученію наукъ, онъ дружески сблизился съ ними и прежде всего постарался отвлечь ихъ отъ прежнихъ шумныхъ и не всегда приличныхъ забавъ, вызванныхъ потребностью развлеченій и отчужденностью отъ общества въ замкнутой жизни. Онъ ввелъ ихъ въ кругъ своей семьи, гдѣ они нашли женское общество, котораго до сихъ поръ не доставало имъ, и въ немъ всѣ забавы и удовольствія, какія можно найти въ образованномъ обществѣ. Жизнь молодыхъ людей измѣнилась: въ директорѣ они нашли честнаго руководителя пылкой юности, понимавшаго обязанности воспитателя. Но надо сказать, что Пушкинъ произвелъ на него самое тяжелое впечатлѣніе. По всей вѣроятности у него были въ рукахъ стихи нашего поэта съ тѣмъ нескромнымъ и иногда цини-

ческимъ содержаніемъ, которое обыкновенно очень нравится юношамъ. Конечно педагогъ счелъ нужнымъ обратить на автора свое особенное вниманіе, много разъ откровенно бесѣдовалъ съ нимъ; а Пушкинъ по своей прямотѣ не таилъ отъ него своихъ мыслей, навѣянныхъ отовсюду, но еще не передуманныхъ и не перечувствованныхъ, какъ обыкновенно бываетъ въ ранніе юношескіе годы. Уже черезъ два мѣсяца Энгельгардъ имѣлъ столько наблюденій, что нашелъ возможнымъ сдѣлать оцѣнку нѣкоторыхъ своихъ воспитанниковъ: въ умѣ Пушкина онъ не видѣлъ ни проницательности, ни глубины, и назвалъ его совершенно поверхностнымъ французскимъ умомъ. „Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкинѣ, прибавилъ онъ. Его сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи, можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда не бывало юношеское сердце. Нѣжныя и юношескія чувства унижены въ немъ воображеніемъ, оскверненнымъ всѣми эротическими произведеніями французской литературы, которыя онъ при поступленіи въ лицей зналъ почти наизусть, какъ достойное пріобрѣтеніе первоначальнаго воспитанія".

Такая невѣрная характеристика наводитъ нѣкоторыхъ біографовъ Пушкина на отрицаніе педагогической проницательности въ Энгельгардтѣ. Но и это отношеніе къ педагогу тоже несправедливо: намъ легко видѣть ошибки въ сужденіи о человѣкѣ, жизнь и труды котораго мы вполнѣ знаемъ. Но у Энгельгардта на виду было только то, что должно было удивить и поразить каждаго въ юношѣ, которому не минуло даже семнадцати лѣтъ. Онъ не угадалъ, что передъ нимъ геніальная артистическая натура, въ которой все перегараетъ, очищается и дѣлается золотомъ. Вотъ въ чемъ его ошибка. Но не всѣ ли такія натуры воспитываются особеннымъ путемъ, на которомъ обыкновенныя натуры часто погибаютъ. Въ виду тѣхъ фактовъ, какіе были въ дѣйствительности, Энгельгардтъ и не могъ сдѣлать другой оцѣнки, и вѣрно въ послѣдствіи самъ порадовался, когда замѣтилъ свою ошибку. Пушкинъ вообще не любилъ весь высказываться даже и своимъ пріятелямъ: самое главное и существенное содержаніе его души всегда утаивалось, и высказывалось только въ поэтическихъ образахъ. Понятно, нашъ юный поэтъ не могъ не замѣтить, что директоръ зорко слѣдитъ за нимъ (и какъ педагогъ долженъ былъ дѣлать это), конечно, ему приходилось выслушивать увѣщанія, наставленія и совѣты, а можетъ быть, и что-нибудь оскорбительное для своего самолюбія. Все это объясняетъ то отчужденіе Пушкина отъ семейства и общества Энгельгардта, о чемъ въ послѣдствіи свидѣтельствовали его товарищи. Въ то же время они съ удовольствіемъ и благодарностью признавали ту нравственную пользу, какую имъ принесло это общество въ ихъ затворнической жизни.

Но вотъ настала минута, когда сердце поэта наполнилось тѣмъ нѣжнымъ и юношескимъ чувствомъ, какого Энгельгардъ не находилъ въ немъ. Оно очистилось отъ всего того, что, по взгляду директора,

было пріобрѣтеніемъ первоначальнаго воспитанія. Преждевременное стремленіе его къ любви, вызванное воображеніемъ, оскверненнымъ, какъ выразился Энгельгардтъ, вычитанными эротическими сценами, смѣнилось истинно романтической любовью. Онъ полюбилъ сестру своего товарища Бакунина (въ послѣдствіи за мужемъ за Полторацкимъ), которая съ своимъ семействомъ жила въ Царскомъ селѣ, и испыталъ, что есть еще другая любовь, съ которой соединяются и сладкія мечтанія, и уныніе, и грусть, и страданія, любовь, которая въ тоже время возвышаетъ и очищаетъ душу юноши и не допускаетъ ничего не чистаго и чувственнаго.

Нашъ поэтъ переродился: новыя струны зазвучали въ его сердцѣ. Но онъ назвалъ свою любовь несчастливой, и во всѣхъ поэтическихъ его мечтаніяхъ слышится голосъ глубокой грусти и унынія. Правда, и въ прежнихъ стихотвореніяхъ Пушкина иногда на мгновенье прорывается грустное чувство, которое Бѣлинскій назвалъ единственнымъ Пушкинскимъ элементомъ за это время, тогда какъ во всемъ прочемъ онъ видитъ одно подражаніе; но преобладающимъ чувствомъ оно явилось въ стихахъ, навѣянныхъ ему романтическою его любовью: нѣкоторые изъ нихъ могутъ назваться прекрасными по теплотѣ чувства, но выработанному и точному стиху и по оригинальности выраженій.

Медлительно влекутся дни мои.
И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множитъ
Всѣ горести несчастливой любви,
И тяжкое безуміе тревожитъ.
Но я молчу; не слышенъ ропотъ мой.
Я слезы лью... мнѣ слезы утѣшенье;
Моя душа, объятая тоской,
Въ нихъ горькое находитъ наслажденье.
О жизни сонъ! лети, не жаль тебя!
Исчезни въ тьмѣ пустое привидѣнье!
Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру—любя!..

А вотъ что встрѣчаемъ въ современныхъ отрывочныхъ запискахъ влюбленнаго юноши: „Я щастливъ былъ! нѣтъ, я вчера не былъ щастливъ; по утру я мучился ожиданіемъ, съ неописаннымъ волненіемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу — ее не видно было! Наконецъ, я потерялъ надежду, вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ... сладкая минута!

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ.
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку

Жуковскій.

Какъ она мила была! какъ черное платье пристало къ милой Б... Я былъ счастливъ 5 минутъ“.

Вскорѣ она, предметъ мечтаній поэта, переселилась вмѣстѣ съ своимъ семействомъ въ Петербургъ, и онъ узналъ горесть разлуки.

Когда пробилъ послѣдній счастью часъ,
Когда въ слезахъ надъ бездной я проснулся
И трепетный уже въ послѣдній разъ
Къ рукѣ твоей устами прикоснулся.
Да помню все! Я сердцемъ ужаснулся.
Но заглушалъ несносную печаль...

Чистое юношеское чувство перешло въ уныніе:

Мой милый другъ, разстался я съ тобою,
Душой уснувъ, напрасно я грущу.
Блеснетъ ли день за синею горою,
Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною,
Я все тебя далекій другъ ищу.
Одну тебя вездѣ воспоминаю,
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
Задумаюсь—невольно призываю,
Заслушаюсь—твой голосъ слышенъ мнѣ.
  И ты со мной, о лира, пріуныла,
Наперсница души моей больной?
Твоей души печаленъ звонъ глухой
И лишь тоски ты голосъ не забыла,
О вѣрная, грусти, грусти со мной!
Пускай твои небрежные напѣвы
Изобразятъ уныніе любви,
И слушая бряцанія твои,
Пускай вздохнутъ задумчивыя дѣвы! [1])

Вотъ гдѣ задатки тѣхъ чудныхъ элегій Пушкина, въ какихъ въ послѣдствіи такъ артистически и такъ граціозно выражались чувства, охватывавшія его пылкое сердце. Уже въ зрѣлые годы Пушкинъ вспоминалъ эту первую, романтическую любовь, которая, ожививъ его сердце, навсегда осталась въ памяти:

Замѣтилъ я черты живыя
Прелесной дѣвы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,
Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
Объ ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ
И счастье тайныхъ мукъ узналъ.

---

[1]) «Легко было бы распознать свѣтлую, изящную сторону натуры Пушкина, говоритъ его біографъ г. Анненковъ въ упрекъ Энгельгардту, даже и по чистымъ, платоническимъ элегіямъ его... Онѣ ходили по рукамъ и могли бы заставить хорошаго воспитателя задуматься о многосодержательномъ, измѣнчивомъ и впечатлительномъ характерѣ своего воспитанника, а также, можетъ быть, и приспособиться къ нему. Но до обдуманныхъ, нравственныхъ и педагогическихъ мѣръ лицейское начальство было далеко». Защищая Энгельгардта, мы скажемъ, что ему были неизвѣстны элегіи Пушкина, такъ какъ онѣ были написаны уже послѣ той оцѣнки, какую сдѣлалъ воспитатель. Въ рукахъ же у него могли быть такія стихотворенія, какъ Тѣнь Баркова и подобн. Разумѣется, послѣдующіе труды Пушкина должны были измѣнить и мнѣніе о немъ Энгельгардта, иначе онъ не вступился бы такъ горячо за поэта передъ императоромъ, когда тому грозила суровая ссылка.

Но по словамъ Бѣлинскаго, грусть Пушкина—всегда грусть души мощной и крѣпкой: онъ никогда не расплывается въ грустномъ чувствѣ—оно всегда звенитъ у него, но не заглушая гармоніи другихъ звуковъ души, и не допуская его до монотонности. Такъ и на этотъ разъ мечтательный поэтъ нашелъ себѣ бодрость въ дружеской связи съ товарищами!

Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечеръ скоротечный:
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуся я!

—

Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
Одинъ съ тоской явлюсь я, гость угрюмый,
Явлюсь на часъ и одинокъ умру.
И не придетъ другъ сердца незабвенный
Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сомкнуть,
И не придетъ на холмъ уединенный
Въ послѣдній разъ любовію вздохнуть!
Ужель моя пройдетъ пустынно младость?
Иль мнѣ чужда счастливая любовь?
Ужель умру, не вѣдая что радость?
Зачѣмъ же жизнь дана мнѣ отъ боговъ?
Чего мнѣ ждать? Въ рядахъ забытый воинъ,
Среди толпы затерянный пѣвецъ —
Какихъ наградъ я въ будущемъ достоинъ
И счастія какой возьму вѣнецъ?..
Но что! Стыжусь! Нѣтъ, ропотъ—униженье!
Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленье!
Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье,
И въ жизни сей мнѣ будетъ утѣшенье —
Мой скромный даръ и счастіе друзей!

И друзья первые оцѣнили поэтическій даръ своего товарища: на ихъ глазахъ онъ быстро развивался, и при всей своей неопытности они имѣли поводъ возлагать на него свои пылкія надежды. Они даже украдкою посылали его стихи въ редакціи журналовъ и видѣли, что тамъ ихъ не только печатаютъ, но и присылаютъ за нихъ благодарность. Но еще выше въ ихъ мнѣніи сталъ Пушкинъ, когда въ ихъ глазахъ и тогдашніе прославленные русскіе писатели протянули ему руку; въ лицеѣ перебывали многіе изъ нихъ проѣздомъ черезъ Царское село, навѣщая Пушкина, конечно не какъ поэта, но какъ сына своего пріятеля, Сергѣя Львовича. „Признаться, писалъ Илличевскій, до самаго вступленія въ лицей, я не видѣлъ ни одного писателя, но въ лицеѣ видѣлъ я Дмитріева, Державина, Жуковскаго, Батюшкова, Василія Пушкина, Хвостова, Нелединскаго, Кутузова, Дашкова“ [1]).

---

[1]) Въ томъ же письмѣ къ Фусу, онъ пишетъ: «Какъ же ты пропустилъ случай видѣть нашего Карамзина, безсмертнаго исторіографа отечества? Стыдно братецъ, ты бы могъ по крайней мѣрѣ увидѣть его хоть на улицѣ... Ты хочешь знать, видалъ

Они слушали первые опыты юноши, котораго иные знали еще ребенкомъ; хвалили, ободряли его. Пушкинъ оставилъ даже восторженный разсказъ, какъ „старикъ Державинъ еще въ 1815 году замѣтилъ его и благословилъ сходя въ гробъ“. Записалъ онъ въ томъ же году день, когда Жуковскій подарилъ ему свои сочиненія. Вотъ и Карамзинъ обращаетъ вниманіе на его талантъ и поручаетъ ему, по просьбѣ Нелединскаго-Мелецкаго, написать пѣснь для праздника, который устраивала въ Павловскѣ императрица Марія Ѳеодоровна, по случаю пріѣзда жениха великой княжны Анны Павловны, принца Оранскаго. Пушкинъ быстро написалъ нѣсколько куплетовъ, и угодилъ всѣмъ. Пѣснь была пропѣта въ присутствіи всѣхъ лицеистовъ на павловскомъ праздникѣ. Авторъ получилъ отъ императрицы въ подарокъ часы. Можно представить, какъ много выигрывалъ начинающій поэтъ въ глазахъ своихъ товарищей, питавшихъ благоговѣйное уваженіе къ литературнымъ авторитетамъ. Но такой натурѣ, какъ пушкинская, нужны были новыя впечатлѣнія, а съ ними и новыя увлеченія: въ послѣдній годъ однообразная лицейская жизнь, съ натянутымъ отношеніемъ къ начальнику, стала томить его; вѣроятно на это же отношеніе намекаетъ онъ въ своихъ стихахъ, упоминая о какой-то злобной клеветѣ. И вотъ, отзывчивый на всякую новизну, онъ увлекается новою дружбою и новыми друзьями уже внѣ лицея. Въ Царскомъ селѣ постоянно стоялъ гвардейскій гусарскій полкъ. Въ послѣдній годъ тѣ лицеисты, которые готовились въ военную службу, ходили въ полковой манежъ обучаться кавалерійской верховой ѣздѣ. Между ними былъ и Пушкинъ, мечтавшій быть кавалеристомъ. Тамъ онъ познакомился и скоро подружился съ молодыми гусарскими офицерами, которые полюбили его, какъ веселаго и остроумнаго собесѣдника и поэта, автора нескромныхъ стихотвореній, застольныхъ пѣсенъ и острыхъ эпиграммъ. Пушкинъ не разъ принималъ участіе въ ихъ разгульѣ и конечно, съ полнымъ увлеченіемъ. Между ними особенно сблизился онъ съ Зубовымъ, Каверинымъ и Чаадаевымъ. Первые два имѣли значеніе въ жизни Пушкина какъ лихіе товарищи веселыхъ пирушекъ, а Чаадаевъ своимъ образованіемъ и серьезнымъ взглядомъ на жизнь, имѣлъ потомъ большое вліяніе на умственное развитіе и направленіе мысли нашего поэта. Плодомъ этого знакомства были два стихотворенія „Усы“ и „Слеза“, которыя Илличевскій назвалъ гусарскими, рекомендуя ихъ своему пріятелю, какъ прекрасныя піесы. Такъ расходились стихи Пушкина даже въ рукописяхъ не только въ Царскомъ селѣ, но и въ Петербургѣ.

Время выпуска изъ лицея близилось. Всѣ задумывались о своей карьерѣ или о родѣ службы — вопросъ очень важный для молодого

ли я его когда-нибудь... Нѣтъ, любезный другъ, и я не имѣлъ счастія видѣть его, и не находилъ къ тому ни разу случая. Мы надѣемся, однакожъ, что онъ посѣтитъ нашъ лицей, а надежда наша основана не на пустомъ: онъ знаетъ Пушкина и имъ весьма много интересуется. Поспѣшай же, о день отрадъ!»..

человѣка: внѣ службы еще не было никакого дѣла. Пушкинъ сначала воображалъ себя гусаромъ и не скоро могъ разстаться съ этой мыслью. Еще за два года до выпуска онъ писалъ Галичу:

Близокъ, близокъ грозный часъ,
Когда послышу славы гласъ,
Покину кельи кровъ пріятный,
Татарскій сброшу свой халатъ,
Простите дѣвственныя музы,
Прости пріютъ младыхъ отрадъ!
Надѣну узкія рейтузы,
Завью въ колечки гордый усъ,
Заблещетъ пара эполетовъ,
И я, питомецъ важныхъ музъ,
Въ числѣ воюющихъ корнетовъ.

Но отъ своей мечты Пушкинъ скоро долженъ былъ отказаться. Отецъ его объявилъ, что не можетъ содержать его въ кавалеристахъ, по ограниченности своего состоянія, и сдѣлалъ уступку только для пѣхотной службы. Дядя же, Василій Львовичъ, былъ даже и противъ этого и настаивалъ на вступленіе въ службу статскую. Пушкину не нравилось это: онъ чувствовалъ, что чиновничья дѣятельность, которую онъ смѣшивалъ съ писарской, совсѣмъ не по его натурѣ. На всѣ дядины убѣжденія и примѣры, въ которые входилъ и Дмитріевъ— „милостію Бога министръ и сладостный пѣвецъ", Пушкинъ отвѣчалъ:

Неужто важныхъ музъ любовникъ
Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?

При этомъ онъ высказываетъ, чѣмъ прельщала его гусарская жизнь:

Что восхитительнѣй, живѣй
Войны, сраженій и пожаровъ,
Кровавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ,
И что завиднѣй краткихъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ
Вдали забавъ, и нѣгъ, и грацій,
Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ что скука, страхъ,
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ...

Какъ видно, поэзія воина-поэта Дениса Давыдова имѣла вліяніе на его фантазію. Нельзя ли и въ этомъ выборѣ рода службы также видѣть артистическую натуру? Но ужъ если обстоятельства не позво-

ляли быть гусаромъ, то у фантазіи оставался еще одинъ плѣнительный образъ: „намъ, питомцамъ Феба и забавы, друзьямъ мирной праздности Богъ создалъ уединеніе и свободу“. Одинъ образъ поэта представлялся Пушкину, а тамъ, гдѣ числиться на службѣ, ужъ было все равно: поэтъ не умножитъ числа трудящихся чиновниковъ. Ободряемый восхищеніемъ и похвалами товарищей, привѣтствіемъ извѣстныхъ и авторитетныхъ писателей, Пушкинъ рано вполнѣ сознаиъ свое истинное призваніе и въ своей фантазіи, воспитанной на классическихъ образахъ, представлялъ себѣ поэта, какъ вдохновеннаго жреца искусства. Такъ не задолго до выпуска изъ лицея онъ писалъ Дельвигу:

Въ уединеніи ты счастливъ: ты поэтъ.
Наперснику боговъ не страшны бури злыя:
Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой;
Его баюкаютъ Камены молодыя
И съ перстомъ на устахъ хранятъ его покой.
О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я мирныхъ звуковъ наслажденье
Младенцемъ чувствовать умѣлъ
И лира стала мой удѣлъ....

Рѣшившись вполнѣ отдаться поэзіи, юноша обращается какъ бы за посвященіемъ въ это жречество ни къ кому другому, какъ къ Жуковскому — лучшему представителю тогдашней русской поэзіи по чистотѣ и высотѣ ея образовъ. Одинъ этотъ выборъ уже много говоритъ въ пользу поэтическихъ стремленій созрѣвававшаго генія:

Благослови поэтъ! Въ тиши парнасской сѣни,
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни,
Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ—и лира мой удѣлъ!
Страшусь, неопытный, безславнаго паренья,
Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья.
Не грозный приговоръ на гибель внемлю я...
И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
Отважной вѣрою исполнилася грудь.
Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья!
Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья.
Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
И мнится геній вашъ промчался надо мной!

Рано началъ Пушкинъ вдумываться въ жизнь поэта. Такъ, еще въ 1814 г. въ стихотвореніи „Другу-стихотворцу“ онъ представляетъ незавидную судьбу поэта въ обстановкѣ жизни:

Мнишь ли, что къ тебѣ рѣкой уже текутъ,
За то, что ты поэтъ, несмѣтныя богатства,
Что ты уже берешь на откупъ государства,
Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хоронишь,
И лежа на боку, покойно ѣшь и спишь?
Не такъ, любезный другъ, писатели богаты:
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки —
Лачужка подъ землей, высоки чердаки,
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы...
Катится мимо ихъ фортуны колесо.
Родился нагъ и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо.
Камоэнсъ съ нищими постелю раздѣляетъ,
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ.
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
Ихъ жизнь—рядъ горестей, гремяща слава—сонъ.

Въ слѣдующемъ году въ посланіи къ Дельвигу Пушкинъ представлялъ, что ждетъ его, какъ будущаго писателя:

Я буду принужденъ
Съ журналами сражаться,
Съ газетой торговаться!..
Помилуй, Аполонъ!

Въ посланіи къ Жуковскому Пушкинъ представляетъ себѣ ту борьбу, какую неизбѣжно придется вести ему съ разными литературными партіями, съ бездарною завистью и злобою:

Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ,
И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата...
Гоненія терпѣть ужель и мой удѣлъ?
Что нужды? Смѣло вдаль дорогою прямою,
Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карамзинъ,
Мнѣ ты примѣръ—что крикъ безумныхъ сихъ дружинъ...

И такъ осьмнадцатилѣтній юноша рѣшилъ свое призваніе и сдѣлалъ выборъ, которому и не измѣнилъ до конца жизни, онъ не предчувствовалъ борьбы, какую ему придется вести не съ литературными партіями, а съ теченіемъ русской общественной жизни, обратившемся для него въ судьбу. Лицейская слава досталась ему легко, безъ терній; но много ихъ попало въ вѣнецъ той славы, за которую внуки ставятъ ему теперь памятникъ.

Наконецъ настало и время выпуска. Пушкинъ простился съ своими товарищами стихотвореніемъ, которое указываетъ на своеобразный умъ поэта. Обыкновенно отъ такихъ школьныхъ, товарищескихъ прощаній вѣетъ сентиментальностью; у Пушкина, наоборотъ, вышла піеса болѣе сатирическая. Онъ нѣсколько насмѣшливо представляетъ службу, которая ихъ ожидаетъ:

Каждый смотритъ на дорогу
Въ волненьи юныхъ пылкихъ думъ.
Иной подъ киверъ спрятавъ умъ,
Уже въ воинственномъ нарядѣ
Гусарской саблею махнулъ;
Въ крещенской утренней прохладѣ
Красиво мерзнетъ на парадѣ,
А грѣться ѣдетъ въ караулъ.
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатнаго въ прихожей
Покорнымъ плутомъ зритъ себя...

Рядомъ съ этой службой поэтъ не ставитъ своего настоящаго дѣла, которое должно совершаться въ глубинѣ поэтической души, невидимо ни для кого—онъ всегда скрывалъ эту работу. Онъ только представилъ тѣ выгоды, которыя даетъ ему свободная его жизнь:

Лишь я, судьбѣ своей послушный,
Счастливой нѣги вѣрный сынъ,
Душой безпечный, равнодушный
Въ постели задремалъ одинъ;
Равны мнѣ писаря, уланы,
Равны мнѣ каски, кивера;
Не рвусь я грудью въ капитаны
И не ползу въ ассесора.
Друзья, не много снисхожденья!
Оставьте пестрый мнѣ колпакъ;
Пока его за прегрѣшенье
Не промѣнялъ я на шишакъ;
Пока лѣнивому возможно,
Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
Еще рукой неосторожной
Въ іюлѣ распахнуть жилетъ.

Только въ стихахъ къ Пущину и Кюхельбекеру Пушкинъ говоритъ о вѣчномъ дружескомъ союзѣ и о вѣрности „святому братству". Этотъ обѣтъ онъ сохранилъ всю жизнь: его школьные товарищи какъ бы срослись съ его фантазіей; память о нихъ всегда вызывала въ немъ самыя теплыя чувства, которыя и переходили въ его поэзію.

Едва ли кто тогда спрашивалъ, готовы ли юноши для той цѣли, для которой былъ основанъ лицей; дала ли имъ наука все то, для чего они предназначались? Кажется, къ нимъ можно отнести слова, которыя сказалъ князь Вяземскій о самомъ себѣ: они знали многое,

чего можно было бы и не знать, а многое не знали, что знать необходимо [1]). Это мы заключаемъ изъ позднѣйшихъ отзывовъ товарищей Пушкина, въ особенности же графа Корфа. Въ высшемъ курсѣ ученіе не могло быть основательно уже потому одному, что ученики были дурно подготовлены элементарно въ низшемъ. На Пушкина, какъ на поэта, могъ бы дѣйствовать профессоръ словесности, Кошанскій, который въ первые годы дѣйствительно жилъ съ нимъ въ дружбѣ, замѣтивъ въ немъ страсть къ поэзіи. Но за тѣмъ вмѣсто него, какъ мы уже говорили, нѣкоторое время занимался съ учениками Галичъ, и Пушкинъ отбился отъ рукъ. Кошанскій, явившись снова на каѳедрѣ, хотѣлъ держать его на реторикѣ и строго отнесся къ его вакхическимъ стихамъ; а Пушкинъ не хотѣлъ слѣдовать его схоластическимъ правиламъ, ставя себѣ въ образецъ пластичность стиха Батюшкова и звучность поэтическаго стиха Жуковскаго. На профессорскія порицанія онъ отвѣчалъ стихомъ:

Я знаю самъ свои пороки;
Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
Твоей учености сухой...
А ты, мой скучный проповѣдникъ,
Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ,
Поди, кричи, брани другаго
И брось лѣнивца молодого,
Объ немъ тихонько пожалѣвъ.

И молодой лѣнивецъ разошелся съ своимъ профессоромъ: геній поэта самъ искалъ себѣ путь и упорно заявилъ свой протестъ противъ того, что уже отживало свой вѣкъ. О Кошанскомъ поэтъ не вспоминалъ и впослѣдствіи. За то завидное воспоминаніе досталось на долю Куницына. Уже въ 1825 году Пушкинъ одинокій, въ деревенскомъ захолустьѣ, посвящая стихотвореніе друзьямъ въ память выпуска изъ лицея, восторженно восклицаетъ:

Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень...
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена...

Это искреннее признаніе поэта, уже успѣвшаго испытать много въ жизни и чувствительно пострадать за свои либеральныя увлеченія, должно увѣковѣчить имя Куницына, къ памяти котораго и мы отнесемся съ благодарностью. Мы не хотимъ при этомъ брать въ разсчетъ отзывовъ нѣкоторыхъ товарищей Пушкина, которые не признавали за Куницынымъ такой заслуги. Развѣ не случается, что одни и тѣже слова учителя въ однихъ ученикахъ не находятъ себѣ отголоска, а въ сердца другихъ, болѣе впечатлительныхъ или развитыхъ, запа-

[1]) Автобіографія кн. Вяземскаго въ Полн. собран. его сочиненій, т. I, стр. IX.

даютъ глубоко, просвѣтляютъ всю душу, и даютъ какъ-бы толчекъ въ развитіи по извѣстному направленію. И ученикъ навсегда остается благодаренъ своему учителю.

Куницынъ читалъ политическую экономію по началамъ Адама Смита, право по Канту, Шмальцу, Гуфеланду, Клейну и др.; русское гражданское право излагалось по методѣ, принятой въ коммиссіи составленія законовъ, въ самомъ сокращенномъ видѣ—только общія коренныя постановленія, которыхъ познаніе, докладывалъ Куницынъ, нужно для каждаго благовоспитаннаго человѣка, готовящагося къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Записки Куницына по систематическому обозрѣнію политическихъ наукъ и естественному праву были потомъ напечатаны; но скоро за тѣмъ по распоряженію министра были отобраны отъ воспитанниковъ съ изъясненіемъ причины: „по разсмотрѣнію въ Главномъ Управленіи училищъ книги „Естественное право“, сочиненіе Куницына, найдено нужнымъ по принятымъ въ сей книгѣ за основаніе ложнымъ началамъ и выводимому изъ нихъ весьма вредному ученію, противорѣчащему истинамъ христіанства и клонящемуся къ испроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ, книгу сію какъ вредную, запретить повсюду къ преподаванію по ней и при томъ принять мѣры къ прекращенію во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ преподаванія естественнаго права по началамъ толь разрушительнымъ, каковы оказались въ книгѣ Куницына“ [1]).

Это осужденіе нельзя принять буквально: мы знаемъ, какъ судило Главное Управленіе училищъ подъ вліяніемъ изувѣра Магницкаго. На самомъ дѣлѣ ученіе Куницына согласовалось съ тѣмъ либеральнымъ направленіемъ, котораго держался самъ императоръ Александръ и которое настраивало молодые умы. Но судя по словамъ Энгельгардта, Куницынъ былъ либералъ только на словахъ, а не на дѣлѣ: такихъ либераловъ въ то время было много; у нихъ идеи существовали только въ принятыхъ книжныхъ фразахъ, а не перерабатывались въ твердыя убѣжденія, не проникались чувствомъ. Отсюда такіе люди въ своихъ поступкахъ руководствовались не своими идеями, а старыми семейными или дворянскими привычками. Къ нимъ-то и относятся стихи партизана Дениса Давыдова:

А глядишь нашъ Мирабо
Бѣднаго Гаврила
За измятое жабо
Хлещетъ въ усъ да въ рылo...

Вотъ что писалъ Энгельгардтъ къ бывшему воспитаннику лицея Кюхельбекеру въ мартѣ 1823 г. за нѣсколько мѣсяцевъ до своей отставки: „Вообще безразсудно и вредно провозглашать необыкновенныя истины въ толпѣ, тамъ, гдѣ нѣтъ важной цѣли, для достиженія коей стоило бы, въ случаѣ нужды, самимъ собою пожертвовать. Впрочемъ

[1]) Историч. очеркъ имп. лицея, стр. 125.

не всегда тѣ люди, которые, по техническому выраженію, смѣло говорятъ, точно то думаютъ, что говорятъ: Куницынъ на кафедрѣ безпрестанно говорилъ противъ рабства и за свободу, а между тѣмъ несчастныхъ своихъ рабовъ держалъ хуже собакъ и до полусмерти бивалъ. Куницынъ на кафедрѣ насмѣхался надъ піэтизмомъ, а послѣ нѣкотораго времени (вѣроятно послѣ оффиціальной невзгоды надъ нимъ) каждое воскресенье въ церкви князя Голицына (министра просвѣщенія) всю обѣдню на колѣняхъ простаивалъ. Обыкновенно эти grands parleurs hardis (смѣлые краснобаи), какъ моська въ баснѣ: имъ совсѣмъ не до дѣла, а только до того, чтобъ про нихъ сказали: ай, моська, смѣло говоритъ"[1]).

У насъ нѣтъ никакого основанія заподозрить Энгельгардта въ клеветѣ или недоброжелательствѣ. Слова его для насъ важны: они показываютъ, куда направлялъ Куницынъ мысль своихъ слушателей, которые конечно не знали, что у него слово и дѣло не одно и то же. Многое изъ ученія его перешло въ чувство Пушкина и имѣло вліяніе на развитіе его характера. Въ этомъ случаѣ ученикъ сдѣлался вольнолюбивѣе своего учителя. Что касается до религіознаго вольнодумства, которымъ Пушкинъ отличался въ молодости, то здѣсь было вліяніе не насмѣшекъ Куницына надъ піэтизмомъ, а Вольтера, которымъ Пушкинъ еще съ дѣтства зачитывался. Впрочемъ это вольнодумство и въ Пушкинѣ было больше на словахъ, чѣмъ въ убѣжденіи, что очень часто бываетъ въ молодые годы. Въ томъ удостовѣряетъ насъ склонность поэта къ суевѣрію, которая выказывалась не только въ его поступкахъ, но и въ поэзіи и которая могла быть лишь остаткомъ отъ дѣтскихъ лѣтъ. Суевѣріе не можетъ ладить съ искреннимъ безвѣріемъ. Слѣдующія слова Пушкина, написанныя имъ въ 1830 г., имѣютъ для насъ значеніе въ вопросѣ объ его вольнодумствѣ и суевѣріи. Говоря объ одномъ случаѣ изъ жизни Байрона, онъ прибавляетъ: „если въ этомъ случаѣ вмѣшивалось отчасти и суевѣріе, то все таки видно, что вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ Байрона скептицизмъ, выказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Можетъ быть даже, что скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной". Это же самое мы можемъ отнести и къ самому Пушкину. Геній дѣйствительно своенравный умъ. И у него религіозность только на время затаилась въ сердцѣ, за то въ послѣдствіи она развивалась въ немъ, какъ чувство во всей чистотѣ, безъ всякихъ корыстныхъ разсчетовъ.

Не смотря на восторженныя отношенія Пушкина къ Куницыну, едва ли профессоръ былъ доволенъ учебными занятіями своего почитателя. Такъ въ отмѣткахъ за 1816 г. мы находимъ у Пушкина самыя слабыя баллы по всѣмъ предметамъ, кромѣ россійской поэзіи и

---

[1]) Рус. Стар. 1875 г., т. II, стр. 366.

французской реторики, за которыя выставлены высшіе баллы [1]); прилежаніе и поведеніе отмѣчены также низшимъ балломъ. Въ аттестатѣ же, который Пушкинъ получилъ при выпускѣ, успѣхи въ латинской словесности, въ государственной экономіи и финансахъ названы весьма хорошими, въ россійской и французской словесности, также въ фехтованіи — превосходными, въ другихъ же предметахъ—хорошими, за исключеніемъ исторіи, географіи, статистики, математики и нѣмецкаго языка, въ которыхъ, какъ можно догадываться, не было сдѣлано никакихъ успѣховъ. О нихъ только упомянуто, что Пушкинъ занимался ими. Также осталось безъ всякаго отзыва поведеніе, тогда какъ въ аттестатахъ большинства воспитанниковъ и оно имѣло свою отмѣтку. Впечатлительная и живая натура поэта не подчинялась школьной дисциплинѣ, по которой обыкновенно судятъ о поведеніи. Не могъ онъ жить по той узкой мѣркѣ, которая тогда назначалась для оцѣнки благонравія. И общество впослѣдствіи не давало ему за поведеніе хорошей отмѣтки.

Но у Пушкина выработался свой взглядъ на поведеніе:

Всему пора, всему свой мигъ,
Смѣшонъ и вѣтряный старикъ
Смѣшонъ и юноша степенный.
Пока живется намъ, живи...
Усердствуй Вакху и любви
И черни презирай роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Киферой, съ Портикомъ и съ книгой и съ бокаломъ,
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

Научное образованіе Пушкина, какъ мы видимъ, было очень поверхностное и мало основательное, что онъ сознавалъ и самъ въ скоромъ времени, вѣрно выразившись въ стихѣ:

Мы всѣ учились по немногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь,
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
Не мудрено у насъ блеснуть.

Онъ все-таки стоялъ не ниже большинства тѣхъ молодыхъ людей, которые вступали въ жизнь изъ разныхъ заведеній. Но лицей, тѣмъ не менѣе, остался навсегда дорогъ Пушкину.

Намъ цѣлый міръ чужбина,
Отечество намъ Царское село

говорилъ онъ уже черезъ восемь лѣтъ послѣ выхода изъ лицея. А еще черезъ нѣсколько лѣтъ, когда въ душѣ поэта накопилось много го-

---

[1]) Въ то время въ лицеѣ высшимъ балломъ была 1, а низшимъ 4. Нѣкоторые біографы Пушкина, имѣя въ виду настоящее значеніе этихъ цифръ въ нашихъ училищахъ, удивлялись, что Пушкинъ вмѣстѣ съ Дельвигомъ получали изъ поэзіи по 1.

речи отъ жизни, когда борьба съ нею сдѣлалась едва выносимою, онъ какъ-бы искалъ успокоенія, вспоминая о своемъ юношескомъ пріютѣ:

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!
Такъ отрокъ Библіи—безумный расточитель—
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣлъ наконецъ родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ.
Въ пылу восторговъ скоротечныхъ
Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ
За недоступныя мечты!
И долго я блуждалъ, и часто утомленный,
Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады.
Воображалъ сей день счастливый,
Когда средь нихъ возникъ лицей,
И слышалъ... снова шумъ игривый
И видѣлъ вновь семью друзей!
Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнивымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ...
Поэтомъ... забывался я...

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

В. Стоюнинъ.

ИЗЪ МЕЛОЧЕЙ АРХІЕРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Случай съ генераломъ у митрополита Филарета.

А несомнѣнное разсказываютъ слѣдующій характерный случай, имѣвшій мѣсто съ однимъ полицейскимъ генераломъ у покойнаго московскаго митрополита Филарета Дроздова.

Генералъ, обязанный блюсти благочиніе столицы, не всегда хорошо зналъ предѣлы своей власти и, случалось, вмѣшивался куда не слѣдовало. На это иногда жаловались, или пробовали дать ему сдачи собственными средствами, но къ общему огорченію все это выходило малоуспѣшно. Генералъ же, отъ ряда такихъ безпрестанныхъ удачъ, дѣлался смѣлѣе, и безъ оглядки „забывая задняя—на предняя простирался“ и въ такомъ неуклонномъ стремленіи наскочилъ на митрополита Филарета.

Случай этотъ возникъ съ слѣдующаго повода. Довелось безпокойному генералу быть на чьихъ-то похоронахъ, или по другому какому случаю заглянуть въ одну изъ приходскихъ церквей столицы, гдѣ его превосходительство не ждали и служили по-просту, „какъ для христіанъ“, т. е. кое-какъ „олилюй и Господи помилюй“. Служеніе генералу страшно не понравилось,—особенно со стороны козлогласующихъ пѣвцовъ.

Разумѣется, все это могло быть совершенно основательно, потому-что въ приходскихъ церквахъ Москвы служеніе часто бываетъ по истинѣ ужасное,—что и отталкиваетъ въ значительной мѣрѣ раскольниковъ, любящихъ уставное пѣніе и чтеніе истовое. Генералъ счелъ, что все это надо исправить, и обозначилъ въ самомъ вѣжливомъ письмѣ къ митрополиту Филарету, которое и было послано по адресу безъ лишняго раздумья. Отправляя такое посланіе, генералъ, конечно, былъ какъ нельзя болѣе доволенъ собою, потому-что дѣлалъ владыкѣ сообщеніе, которое того не могло не интересовать, такъ какъ касалось самыхъ живыхъ вопросовъ церковнаго благочинія. Генералъ,

знавшій, быть можетъ, очень многое въ петербургскомъ свѣтѣ, — откуда недавно пришелъ,—не зналъ вовсе неприступной щекотливости того лица, къ которому онъ обращался, и за то поплатился очень досадительнымъ урокомъ.

Митрополитъ Филаретъ, получивъ генеральское письмо, возъимѣлъ себя совсѣмъ не такъ, какъ предполагалъ и невѣрно разсчитывалъ авторъ. Указаніе на то, что гдѣ-то въ московской церкви неблагочинно служатъ и не хорошо поютъ, обидѣло владыку: онъ усмотрѣлъ въ этомъ дерзость, которую если и терпѣлъ скрѣпя сердце отъ Андрея Николаевича Муравьева, то это была милость безъ образца, и за тѣмъ онъ уже никакъ не хотѣлъ этого терпѣть ни отъ кого другого. Тѣмъ болѣе ему это могло быть неприятно потому, что шло отъ человѣка военнаго и занимающаго постъ полицейскій. Имѣло это такой букетъ, какъ будто полиція начинаетъ вмѣшиваться въ церковное дѣло, для котораго въ Москвѣ не упразднена еще своя настоящая власть, сосредоточенная въ крѣпко ее державшихъ рукахъ митрополита Филарета.

И вотъ владыка, отложивъ письмо на уголъ стола, переслушалъ всѣ другія поданныя ему въ этотъ день бумаги,—а потомъ, отпуская секретаря, указалъ на генеральское письмо и сказалъ своимъ безстрастнымъ и беззвучнымъ голосомъ:

— Это положить въ конвертъ... и надписать генералъ-губернатору.

Секретарь спросилъ: какъ отправить, — т. е. при какого содержанія письмѣ или запискѣ? Но митрополитъ былъ недоволенъ и этимъ распросомъ, и отвѣчалъ:

— Безъ всякой бумаги, послать просто.

Такъ и было послано.

Дѣло родилось и назрѣвало въ тиши, но вдругъ и забурлило.

Генералъ-губернаторъ (который именно, я этого не знаю), вскрывъ поданный ему конвертъ и доставъ оттуда генеральское письмо къ митрополиту, сталъ искать въ пакетѣ какого-нибудь препроводительнаго писанія отъ самого владыки. По всему онъ имѣлъ основаніе предполагать, что такое писаніе непремѣнно есть, но его однако не было. Тогда родилось другое, тоже весьма естественное въ семъ случаѣ предположеніе, что препроводительное писаніе, по недосмотру или иной какой оплошности секретаря, не положено въ конвертъ и осталось гдѣ-нибудь тамъ въ митрополичьей канцеляріи.

По этому генералъ-губернаторъ помѣтилъ на письмѣ карандашомъ: „справиться у секретаря: гдѣ бумага, при которой прислано“.

Справка была сдѣлана немедленно и при томъ не письменная, а личная, черезъ посредство одного изъ чиновниковъ генералъ-губернаторской канцеляріи. Но тотъ, побывавъ съ пакетомъ у митрополичьяго секретаря, привезъ назадъ этотъ пакетъ безъ всякаго восполненія и

притомъ съ страннымъ отвѣтомъ, что никакого препроводительнаго письма отъ митрополита не будетъ.

Опять доложили генералъ-губернатору и опять отряженъ старшій по чину и званію посолъ съ посольствомъ, имѣвшимъ прямою цѣлію узнать: „что его высокопреосвященству угодно?“ Но это новое посольство было не удачнѣе перваго: не легко секретарь поддался просьбѣ спросить владыку: „что̀ ему угодно?“ черезъ посылку упомянутаго письма, да не привело ни къ чему и вопрошаніе.

Филаретъ посмотрѣлъ на секретаря долгимъ, пристальнымъ взглядомъ и тихо молвилъ:

— Мнѣ ничего не угодно.

Онъ былъ всеблажененъ и вседоволенъ, а въ гражданской канцеляріи генералъ-губернатора отъ всего этого смущеніе только возростало. По чиновничьему скудовѣрію, тамъ находили невозможнымъ удовлетвориться такимъ безмятежнымъ отвѣтомъ и считали неотразимо нужнымъ добиться: для чего вседовольный владыка прислалъ это письмо и чего ему хочется? Дѣлая такія и иныя соображенія, нашли наконецъ, что удивительное событіе это всѣхъ болѣе обязанъ разъяснить ни кто иной, какъ самъ полицейскій генералъ, который заварилъ всю эту кашу, Богъ знаетъ зачѣмъ и для чьего удовольствія.

И, какъ это часто водится, прежде чѣмъ хваткій генералъ успѣлъ показаться и дать какія-нибудь разъясненія объ этомъ безпокойномъ обстоятельствѣ, про самое обстоятельство уже меньше говорили, чѣмъ про его вздорливый нравъ и его зливость, съ которою онъ безпрестанно надоѣдаетъ то одному, то другому, то пятому и десятому. И всѣмъ уже становилось радостно и мило, что вотъ таки онъ нарвался. И съ чѣмъ присталъ? „Не хорошо поютъ!“ Да тебѣ какое дѣло? Не нравится—выйди и не слушай, ступай къ цыганамъ, тамъ хорошо поютъ. А чего лѣзть, зачѣмъ надоѣдать?.. Вѣдь это не какой-нибудь простой митрополитъ, а Филаретъ; онъ тайны знаетъ; его боятся... Его только тронь, такъ и самъ не обрадуешься. Да и прекрасно, такъ тебѣ сорванцу и надо. Радовались не только люди русскіе, которымъ, по справедливому замѣчанію Пушкина, „злорадство свойственно“, но даже нѣкій нѣмецкій чиновникъ, имѣвшій за свою солидность особый вѣсъ у начальства. Онъ вѣдалъ это дѣло и онъ же сказалъ о немъ: „нашла коза на камень“ и съ этою, немножко измѣненною русскою пословицею, сдѣлалъ такое обобщеніе, что быть за все въ раздѣлкѣ самому безпокойному полицейскому генералу.

Такъ и сталось.

Во утрій день едва полицейскій генералъ сталъ въ урочный часъ по обычаю передъ генералъ-губернаторомъ, сей послѣдній сразу сморщился и заговорилъ скороговоркою и въ недовольномъ тонѣ:

— Очень радъ васъ видѣть... Вчера, почти только что вы отъ меня уѣхали, я получилъ конвертъ отъ митрополита. Вотъ онъ: возь-

мите его, пожалуйста; онъ здѣсь прислалъ ко мнѣ ваше письмо, и кто его знаетъ: зачѣмъ онъ его прислалъ? Я посылалъ узнавать, и ничего не узнали... Столкновеніе съ нимъ, это чрезвычайно непріятно... Кончите это, пожалуйста, какъ нибудь сами.

Генералъ сконфузился и даже не на шутку, но подбодрился и чтобы выдержать спокойный тонъ спрашиваетъ:

— Что же... мнѣ самому прикажете съѣздить?

— Какъ хотите... Да впрочемъ я не знаю, какъ же иначе, лучше съѣздите.

— Хорошо́-съ, я сейчасъ съѣзжу и сейчасъ же заѣду вамъ сказать, если угодно.

— Пожалуйста... Какъ нибудь...

— Да вѣдь это такіе пустяки!

— Ну однако... все таки... пожалуйста, кончите и заѣзжайте.

Генералъ поѣхалъ, но неудачно: вмѣсто того, чтобы получить возможность успокоить начальника, онъ заѣхалъ съ самымъ короткимъ, но непріятнымъ отвѣтомъ, что митрополитъ его не принялъ.

— Ну вотъ видите!

— Да онъ, говорятъ, дѣйствительно боленъ.

— Положимъ, а все таки непріятно. Вы уже сдѣлайте милость... постерегите... какъ онъ выздоровѣетъ.

— Непремѣнно-съ, непремѣнно.

— Вы тамъ... келейника...

— Да... я уже все сдѣлалъ и просилъ.

(Вотъ онъ уже началъ просить!)

— Но и сами... навѣдайтесь когда онъ можетъ.

— Я заѣду, заѣду.

Онъ два раза повторилъ слово „заѣду", а довелось ему заѣхать нѣсколько разъ, потому что владыка все недомогалъ, а генералъ-губернаторъ скучалъ, что это не разъяснено и не кончено.

Генералу это такъ надоѣло, что онъ говорилъ, будто уже „готовъ хоть пять молебновъ у Иверской отпѣть, лишь бы отвязаться отъ этого письма и отъ всей этой исторіи". И Богъ, который по изъясненію Іоанна Златоустаго, „не только дѣянія пріемлетъ, но и намѣренія цѣлуетъ"—внялъ нуждѣ утѣсненнаго этими событіями генерала и воздвигъ владыку съ одра болѣзни. Подъ вечеръ одного дня дали генералу съ подворья вѣсть, что владыкѣ лучше, а на другой день, едва его превосходительство собрался на Самотекъ, какъ черезъ своихъ чиновъ полиціи пришло дополнительное извѣстіе, что Филаретъ нынче утромъ раненько совсѣмъ выѣхалъ на лѣто за городъ къ Сергію и затѣмъ въ Новый Іерусалимъ.

Крѣпкій и непокладистый человѣкъ былъ генералъ, но это уже и его вымотало. Теперь хоть и не говори ни слова, а отправляйся туда же вслѣдъ за нимъ къ Сергію и въ Новый Іерусалимъ. А приметъ ли еще онъ тамъ?—это опять Богъ вѣсть. Скажутъ: усталъ съ

дороги, отдохнуть нужно, безпокоить не смѣемъ; или говѣетъ, къ причастію готовится; съ отцемъ намѣстникомъ заняты—да вообще конца нѣтъ претекстамъ. И это такому-то человѣку, который и самъ кипитъ, и любитъ, чтобы вокругъ него все кипѣло и прыгало!...

Чортъ знаетъ, что за глупое положеніе и все изъ-за чистѣйшихъ пустяковъ, и при томъ въ правдѣ, потому что служеніе онъ видѣлъ нехорошее, пѣніе безобразное, и хотѣлъ обратить на это вниманіе, такъ какъ это у него въ городѣ.

Генералъ давно уже былъ не радъ, что онъ все это поднялъ: крѣпкій и крупный во всѣхъ своихъ неразборчивыхъ поступкахъ, онъ ослабѣлъ и обмелѣлъ отъ этой святительской гонки, которая такъ—не такъ, еще пока и до объясненья не дошла, уже внушала ему необходимость извѣстной разборчивости. Даже ухарская бодрость его подалась и спѣсь поспустилась до того, что онъ сталъ панибратственно спрашивать людей малыхъ: какъ они думаютъ, что лучше, немедленно ли ему ѣхать вслѣдъ за владыкой, или подождать,—пусть онъ отдохнетъ, начнетъ служить, и тогда... прямо къ обѣднѣ, да отъ обѣдни подъ благословеніе,—на чашку чаю, и объясниться.

Какъ мышь могла оказать великую услугу льву, такъ и тутъ случилось нѣчто малопозволительное — у мелкаго человѣка нашлось ума и сообразительности больше, чѣмъ у крупнаго.

Малый совѣтникъ сказалъ, что прямо отъ обѣдни генералу къ митрополиту являться не хорошо, разъ—потому, что его высокопреосвященство въ такую пору бываетъ уставши, а во вторыхъ, что и дѣло-то требуетъ свиданія тихаго и переговора съ глаза на глазъ, „чтобы если и колкость какую выслушать, то по крайней мѣрѣ не при публикѣ".

Это было первое упомянутіе о колкости, но оно было принято безъ удивленія и безъ спора. Очевидно, всѣ иначе и думать не хотѣли, что безъ колкости дѣло обойдтись не можетъ. Вопросъ могъ быть только въ томъ: какая?

— У него, вѣдь, это все примѣняется, говорили совѣтники, что простецу, что ученому, что духовному, а что военному человѣку... Особенно ученымъ строго; онъ вонъ іерея Беллюстина вызвалъ, посмотрѣлъ на него, да опять пѣшкомъ въ Калязинъ послалъ.

— Господи!... это чортъ знаетъ что такое... И что за мысль попа пѣшкомъ гонять!

— А-а,—онъ ученый,—статьи пишетъ.

— Да хоть бы и какія угодно статьи писалъ,—все же, вѣдь, онъ не скороходъ или не пѣхотинецъ.

— А Голубинскаго еще хуже: прямо по рукѣ ударалъ; онъ къ ученымъ лютъ.

— Ну, а военному-то, что же, а?

Собесѣдники плечами пожимаютъ, говорятъ:

— Не знаемъ.

— Вѣдь не можетъ же онъ меня заставить идти отъ Сергія пѣшкомъ за покаяніе—а? что? Я его не послушаю: сяду да и уѣду... что?

— Да, конечно, не сдѣлаетъ.

— Еще бы!—пускай себѣ поговоритъ что угодно.

А на самомъ дѣлѣ все это приводило генерала въ большую нервность и онъ, волнуясь, кипятился и безчинно призывалъ то Бога, то чорта, не зная къ кому плотнѣе пристать.

— Господи, что такое!... чортъ бы все это дралъ... Съ коронованной особой, кажется, легче бы объясниться!

Но малый совѣтникъ, до бесѣды съ которымъ генералъ не напрасно унизился, вывелъ его на хорошій путь: онъ присовѣтывалъ генералу „сочинить" къ владыкѣ письмо и „по-искательнѣе" просить его высокопреосвященство дозволить представиться по нужному дѣлу, „когда онъ прикажетъ". И при всѣхъ этихъ варварскихъ фразахъ о сочиненіи, искательности и приказаніи, особенно настаивалъ, чтобы послѣдняя фраза была употреблена въ точности.

— А то иначе, говоритъ, онъ прошепчетъ: „напиши, я готовъ выслушать", а когда и гдѣ—опять не доберетесь. Лучше пусть „прикажетъ".

Генералъ въ досадѣ, уже ни за что не стоялъ и готовъ былъ испросить себѣ и „приказаніе", только уже „сочинять" ему не хотѣлось.

— Сдѣлайте милость, говоритъ, чортъ бы все это побралъ... Господи!—напишите пожалуйста, какъ это по вашему нужно, я все подпишу.

— Нѣтъ, говорятъ, тутъ нельзя „подписать", а надо своею рукою написать, или переписать, да еще почище,—хорошенечко.

— Да у меня, говоритъ, почеркъ скверный.

— Надо постараться.

— Ахъ ты, Господи!.. ну да чортъ съ ними, со всѣми этими дѣлами; сочините мнѣ, пожалуйста, я перепишу.

И онъ сдержалъ свое слово, — переписалъ. Онъ взялъ черновое домой и хотя вначалѣ сильно его критиковалъ и называлъ „хамскимъ", но дома переписалъ его сполна и очень хорошо: буквы были всѣ аккуратно дописаны, строчки прямы, — очевидно, выведены по транспаранту, а внизу подпись со всякимъ почтеніемъ, покорною преданностью, порученіемъ себя отеческому вниманію и архипастырскимъ молитвамъ и просьбою о его владычномъ благословеніи. Словомъ, сдѣлано, какъ подобаетъ и какъ наставляетъ насъ къ тому попечительная мать наша, святая церковь.

Письмо, въ видахъ наибольшей аттенціи, а можетъ быть и ради вѣрнѣйшаго полученія скораго отвѣта, послано не по почтѣ, а съ

нарочнымъ, изъ сорока тысячъ курьеровъ, готовыхъ скакать во всѣ стороны по манію каждаго начальника въ Россіи.

Ждутъ отвѣта. Ждетъ самъ генералъ, поминая то Бога, то чорта. Ждутъ и его подчиненные, которымъ казалось, что онъ имъ уже „протопоталъ голову вдоволя".

Здѣсь, среди этихъ форменныхъ людей, въ которыхъ, не смотря на всю строгость ихъ служебнаго уряда, все-таки билось своимъ боемъ настоящее широкое русское сердце, шли только тишкомъ сметки на свойскомъ жаргонѣ: „какъ тотъ нашего: вздрючитъ, или взъефантулитъ, или пришпандоритъ?"

Слова эти, имѣющія не ясное значеніе для профановъ, — для посвященныхъ людей содержатъ не только опредѣлительную точность и полноту, но и удивительно широкій масштабъ. Самыя разнообразныя начальственныя взысканія, начиная отъ „окрика" и „головомойки" и оканчивая непрактикуемыми нынѣ „изутіемъ сапога" и „выволочки",—всѣ они, не смотря на безконечную разницу оттѣнковъ и нюансовъ, опытными людьми прямо зачисляются къ соотвѣтственной категоріи, и что составляетъ не болѣе какъ „вздрючку", то уже не занесутъ къ „взъефантулкѣ" или „пришпандоркѣ". Это нигдѣ не писано закономъ, но преданіемъ блюдется до такой степени чинно и безспорно, что когда съ упраздненіемъ „выволочки" и „изутія", вошелъ въ обычай болѣе сообразный съ мягкостью вѣка „выгонъ на ять—голубей гонять", то чины не обманулись и это мѣропріятіе ими прямо было отнесено къ самой тяжкой категоріи, т. е. къ „взъефантулкѣ". Владыка, однако, не могъ же имѣть такого вліянія, чтобы „сверзнуть" генерала, или сдѣлать ему другую какую-нибудь непріятность, а онъ просто его не болѣе, какъ „вздрючитъ", но, конечно, въ лучшемъ видѣ.

Посолъ возвратился на другія сутки. Ему довелось переночевать у Сергія, но зато онъ привезъ ясный отвѣтъ на словахъ, что его высокопреосвященство можетъ принять генерала.

— Когда же?

— Когда угодно.

— Я поѣду завтра.

Такъ и рѣшено было ѣхать завтра.

Генерала проводили и когда поѣздъ отъѣхалъ, смѣясь въ кулакъ, проговорили:

— Напрасно ты, братъ, перемѣны бѣлья съ собой не захватилъ.

Межъ тѣмъ, ко всеобщему удивленію, генералъ возвратился въ Москву раньше вечера и былъ очень живъ, скоръ и веселъ. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ успокоить генералъ-губернатора, что они съ митрополитомъ объяснились, и дѣло это теперь кончено.

— Я доказалъ ему, что я правъ и онъ согласился, и просилъ вамъ кланяться.

Тотъ былъ доволенъ; но подчиненные, которымъ ни какъ не хотѣлось такого окончанія, не вѣрили, чтобы дѣло обошлось безъ вздрючки. Краткое сказаніе: „я доказалъ ему, что я правъ и онъ согласился“, малодушнымъ людямъ казалось какъ-то неподходящимъ. Выходило это какъ-то очень ужъ кратко и не имѣло на себѣ, такъ сказать, никакого облика живой правды. Какъ онъ это доказывалъ, что попъ дурно служилъ и дьячки нехорошо пѣли? Развѣ попа и дьячковъ туда тоже выписывали? Нѣтъ; этого не было и не могло быть, во-первыхъ потому, что это дало-бы дѣлу такое положеніе, что митрополитъ все-таки придалъ какое-нибудь значеніе письму генерала, а во-вторыхъ, этого не могло быть просто потому, что владыка не зналъ, когда прискачетъ къ нему генералъ съ своимъ объясненіемъ. Не могъ же онъ содержать при себѣ упомянутаго попа и дьячковъ про всякій случай, по вся дни. Да и все это было-бы совсѣмъ не по филаретовски. Нѣтъ; молодшіе люди имѣли крѣпкое подозрѣніе, что генералъ митрополиту ничего не доказывалъ, потому что ему еще никто никогда не доказалъ ничего такого, что онъ самъ не хотѣлъ считать доказаннымъ, а просто вытерпѣлъ у него генералъ непріятную минуту, но какъ ею кончается вся эта долгая возня, то онъ и радъ, и опять прыгаетъ и носится. А доказать митрополиту нельзя,—нельзя потому, что онъ такія дарованія и способы имѣетъ—сразу самаго доказательнаго человѣка взять и отсадить отъ его доказательствъ. И отсадить въ самый дальній уголъ, гдѣ тотъ даже и самъ-то себя не сразу узнаетъ.

И вотъ эти-то пріемы его очень интересны, какъ онъ ихъ выведетъ такъ, что правъ—неправъ, а сказать нечего. И все это непремѣнно было съ генераломъ, но какъ же это было? какъ владыка его вздрючилъ и какъ тотъ извивался? Это положили узнать. А взялся за это нѣкто близкій по своимъ связямъ съ какою-то „профессоріею“, а та профессорія знала еще кого-то, черезъ котораго доходили прямо до самаго близкаго человѣка. И когда весь этотъ порядокъ былъ ловко и ухищренно пройденъ, то результатъ превзошелъ всѣ ожиданія.

Вотъ вѣрное сказаніе о томъ, какъ объяснялся генералъ съ митрополитомъ.

———

Владыка, зазвавъ гостя въ отдаленныя палестины, былъ внимателенъ къ его пріѣзду и не заставилъ его ожидать. Пожаловалъ генералъ, доложили митрополиту, онъ и вышелъ: по обычаю своему не великъ, нарочито худъ, а изъ глазъ, яко мнилося, „семь умовъ свѣтитъ“.

Разговоръ у нихъ вышелъ недолгій и все объясненіе, до котораго генералъ достигъ съ такимъ досадительнымъ трудомъ, свертѣлося вкратцѣ.

— Чѣмъ позволите служить? началъ шопотомъ владыка.

Генералъ началъ обстоятельно.

— Такъ и такъ, ваше преосвященство, я былъ случайно мѣсяцъ тому назадъ въ такой-то церкви, и служеніе шло очень дурно и даже смѣю сказать соблазнительно, особенно пѣніе—совсѣмъ неправославное. Я думалъ сдѣлать вамъ угодное—довести объ этомъ до вашего свѣдѣнія, и написалъ вамъ письмо.

— Помню.

— Вы изволили отослать это письмо для чего-то къ генералъ-губернатору, но ничего не изволили сказать: что вамъ угодно, и вотъ это столько дней мы все въ затрудненіи.

— О чемъ?

— На счетъ этого письма, оно здѣсь со мною.

Генералъ пустилъ палецъ за бортъ и вынулъ оттуда свое письмо. Митрополитъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Позвольте!

Тотъ подалъ.

Филаретъ однимъ глазомъ перечитывалъ письмо, какъ будто онъ забылъ его содержаніе, или только теперь хотѣлъ его усвоить, и наконецъ проговорилъ вслухъ слѣдующія слова изъ этого письма:

— „Пѣніе совершенно неправославное“.

— Увѣряю васъ, ваше высокопреосвященство.

— А вы развѣ знаете православное пѣніе?

— Какъ же, владыка.

— Запойте мнѣ на восьмой гласъ „Господи, воззвахъ къ Тебѣ“.

Генералъ смѣшался.

— То есть... ваше высокопреосвященство... Это что бы я запѣлъ? Я пѣть не умѣю.

— Не умѣете; да вы, можетъ быть, еще и гласовъ не знаете?

— Да, дѣйствительно, я гласовъ не знаю.

Владыка поднялъ голосъ и проговорилъ:

— А тоже мнѣнія свои подаете! Вотъ вамъ ваше письмо и прошу кланяться отъ меня генералъ-губернатору.

Съ этимъ онъ слегка поклонился и вышелъ, а генералъ, опять спрятавъ свое историческое письмо, поѣхалъ въ Москву и при томъ въ очень хорошемъ расположеніи духа: такъ ли, не такъ ли, противная докука съ этимъ письмомъ все-таки кончилась, а мысль заставить его, въ его блестящемъ мундирѣ, пѣть въ митрополичьей залѣ на восьмой гласъ „Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя“, казалась ему до такой степени оригинальною и смѣшною, что онъ отворачивался къ окну вагона и смѣялся, представляя себѣ въ умѣ, что бы это было, если бы эту уморительную штуку узнали друзья, знакомые и особенно дамы? Это очень легко могло дойдти до Петербурга, а тамъ какой-нибудь анекдотистъ разскажетъ ради чьего-нибудь развлеченья и шутя сдѣлаетъ тебя гороховымъ шутомъ восьмаго гласа.

И онъ не разъ говорилъ „спасибо" митрополиту за то, что при этомъ хоть никого не было.

Но, однако, какъ „нѣтъ тайны, которая не сдѣлалось бы явною", то нерушимое слово писанія и здѣсь оправдалось. Вскорѣ же всѣ въ Москвѣ могли видѣть независтную гравюрку, которая изображала слѣдующее: стоитъ хиленькій старичекъ въ колпачкѣ, а передъ нимъ служитъ на заднихъ лапахъ огромнѣйшій пудель и держитъ на себя въ зубахъ хлыстъ. А старецъ ему говоритъ:

— „Служи, (собачья кличка), но на мой дворъ не смѣй лаять. А то я заставлю тебя визжать на восьмой голосъ".

Такова, или сей подобна, была подпись подъ картинкою, которая вначалѣ показалась многимъ совсѣмъ неостроумною и даже безсмысленною; а потомъ когда развѣдали, въ чемъ тутъ соль, уже немногіе лишь экземпляры картинки остались въ цѣлости.

Когда именно, въ какихъ годахъ и при какихъ правительственныхъ лицахъ, имѣло мѣсто это происшествіе, — не знаю. Филаретъ Дроздовъ на московской каѳедрѣ пропустилъ мимо себя не одного генералъ-губернатора, а полицейскихъ генераловъ еще болѣе, но сказаніе это кажется надо считать вѣрнымъ, потому что его приходилось слышать отъ нѣсколькихъ основательныхъ людей, да и картинка тоже даромъ появиться не могла.

II.

Владычій взглядъ на военное краснорѣчіе.

Былъ у насъ генералъ Я—ль. Онъ скончался недавно, послѣ окончанія послѣдней турецкой войны, которую тоже дѣлалъ. Это былъ замѣчательный человѣкъ по складу ума, складу привычекъ и складу фигуры; онъ же обладалъ и краснорѣчіемъ, притомъ такимъ, какому въ наше стереотипное время нѣтъ подобнаго. Онъ былъ человѣкъ большой, сутуловатый, нескладный и неопрятный. Лицо имѣлъ самое некрасивое, монгольскаго типа. хотя происходилъ изъ татаръ. По службѣ считался хорошимъ генераломъ и шелъ въ повышенія, но въ отношеніи образованности былъ очень своеобразенъ: литература для него не существовала, свѣтскихъ людей онъ терпѣть не могъ и на этомъ основаніи избѣгалъ даже родственниковъ по жениной линіи. Особенно же не любилъ баловъ и собраній, на которыхъ при томъ и не умѣлъ себя вести. Былъ извѣстенъ случай, что однажды, подойдя къ вазамъ съ вареньемъ, онъ преспокойно выбралъ себѣ пальцами самую приглядную ягоду, пальцами же положилъ ее себѣ въ ротъ, и отошелъ отъ стола, не обращая ни на кого вниманія. Быть

съ нимъ въ обществѣ одни считали мученіемъ, другіе же хотя и переносили его, но болѣе ради того, чтобы за нимъ подмѣчать его „деликатности“. Но въ своемъ, въ военномъ дѣлѣ онъ былъ молодецъ, хотя тоже все съ экивоками. Подчиненные его ни любили, ни не любили, потому что сближеніе съ нимъ было невозможно, а солдаты его звали „татариномъ“. Но мы имѣемъ дѣло только до его краснорѣчія.

Военное краснорѣчіе генерала Я., какъ выше сказано, было оригинально, и пользовалось широкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью. Оно и въ самомъ дѣлѣ, какъ сейчасъ убѣдится читатель, имѣло очень рѣдкія достоинства. У меня есть одинъ образецъ рѣчей этого военнаго оратора,—при томъ образецъ наилучшій, ибо то, что я передамъ, было сказано при обстоятельствахъ, особенно возбуждавшихъ духъ и талантъ генерала Я., а онъ хорошо говорилъ только тогда, когда бывалъ потрясенъ или чѣмъ-нибудь взволнованъ.

Генералъ Я. занималъ очень видное мѣсто въ арміи. У него было много подчиненныхъ немелкаго чина, и особенно одинъ такой былъ въ числѣ полковыхъ командировъ, нѣкто Т., человѣкъ съ большими свѣтскими связями, что Я. къ такимъ людямъ не располагало.

Неизвѣстно, какихъ онъ любилъ, но такихъ онъ положительно не любилъ.

Была весна,—хорошее время года, а тѣмъ больше на югѣ. Генералъ предпринялъ служебное путешествіе, съ цѣлію осмотрѣть свои „части“. Онъ ѣхалъ запросто и съ однимъ адъютантомъ.

Пріѣхали въ городъ, гдѣ стоялъ полкъ Т., и въ тотъ-же день была назначена „выводка“.

Дѣло происходило, разумѣется, на открытомъ мѣстѣ, невдалекѣ за конюшнями. Офицеры стоятъ въ отдаленіи, — на обозрѣвательномъ пунктѣ только трое: генералъ Я., у праваго его плеча — его адъютантъ, а слѣва, рядомъ съ нимъ, полковой командиръ Т.

Выводятъ первый эскадронъ: лошади очень худы.

Я., только подвигалъ губами и посмотрѣлъ черезъ плечо на адъютанта.

Тотъ приложилъ почтительно руку къ фуражкѣ и общей миной и легкимъ движеніемъ плечъ отвѣчалъ, что „видитъ и разумѣетъ“.

Выводятъ второй эскадронъ—еще хуже.

Генералъ опять полковому командиру — ни слова, но опять оглядывается на адъютанта и на этотъ разъ уже не довольствуется мимикой, а говоритъ:

— Одры!

Адъютантъ приложился въ знакъ согласія.

Полковникъ, разумѣется, какъ на огонькахъ и когда вывели третій эскадронъ, гдѣ лошади были еще худѣе, онъ не выдержалъ, приложился и говоритъ:

— Это удивительно, ваше сіятельство... никакъ ихъ нельзя здѣсь ввести въ тѣло...

Я-ль молчалъ.

— Я уже, продолжалъ полковникъ, — пробовалъ ихъ кормить и сѣчкою, и даже... морковь...

При словѣ морковь, въ смыслѣ наилучшаго или цѣлебнаго корма для лошадей, генералу показалось, что это идетъ какъ будто изъ вольнаго экономическаго общества, или другого какого-нибудь подобнаго оскорбительнаго учрежденія и генералъ долѣе не выдержалъ. Его тяжелый, но своеобразный юморъ и краснорѣчіе начали дѣйствовать, — онъ обернулся снова къ командиру и сказалъ:

— Морковь... это такъ... А я вамъ еще вотъ что, полковникъ, посовѣтую: попробуйте-ка вы ихъ овсомъ покормить.

И съ этимъ онъ повернулся и ушелъ, не желая смотрѣть остальныхъ „одровъ", но на завтра утромъ назначилъ смотрѣть ѣзду. Легъ онъ недовольный и всталъ недовольный, а при ѣздѣ пошли такія же неудовлетворительности. Генералъ и закипѣлъ и пошелъ все переѣзжать съ мѣста на мѣсто,—что у него выражало самую большую гнѣвность, которой надо было вылиться въ какомъ-нибудь соотвѣтственномъ поступкѣ: изругать кого, за пуговицу подергать, или же пустить такой цвѣтъ краснорѣчія, который забыть нельзя будетъ.

Дѣла пошли такъ, что командиръ самъ подалъ ему поводъ къ послѣднему и живой даръ генерала пошелъ дѣйствовать.

Какъ вчера полковникъ пустилъ себѣ на выручку морковь, такъ теперь онъ хотѣлъ найдти оправданіе въ молодости эскадронныхъ командировъ. Генералу всякаго повода къ рѣчамъ было довольно, а этого даже съ излишкомъ. Услыхавъ, что вся бѣда въ томъ, что молоды офицеры,—онъ отскочилъ на своей лошади въ сторону, сдѣлалъ свою обыкновенную въ гнѣвномъ времени гримасу и страшнымъ, громовымъ голосомъ, долетавшимъ при разстановкахъ до послѣдняго фурштата, заоралъ:

— Вздоръ говорить изволите!... Что это еще за манера другъ на друга ссылаться-я-я!.. Полковой командиръ долженъ быть за все въ отвѣтѣ-ѣ-ѣ! Вы развраты этакіе затѣваете-е-е-е!.. По-о-лковой командиръ на эскадрронныхъ!.. А эскадронные станутъ на взводныхъ. А... взво-одные на вахмистровъ, а вахмистры на солдатъ... А солдат-ты на Господа Бога!.. А Господь Богъ скажетъ: „врете вы, мерзавцы,—я вамъ не конюхъ, чтобы вашихъ лошадей выѣзжать: сами выѣзжайте!"

Это было начало и конецъ краткой, но какъ мнѣ кажется, очень энергической рѣчи. Генералъ уѣхалъ, а офицеры долго еще были въ недоумѣніи: какъ же это возможно до чего сталъ доходить въ своемъ ...чвѣ Я—ль? Особенно этимъ былъ пораженъ одинъ молодой офи... изъ нѣмцевъ, у котораго хранились добрые задатки религіозныхъ

чувствъ. Ему казалось, что послѣ такой выходки Я-ля, онъ, какъ христіанинъ, не можетъ болѣе оставаться на службѣ подъ его начальствомъ.

Онъ думалъ объ этомъ всю ночь и утромъ чисто одѣвшись, поѣхалъ потихоньку къ архіерею, чтобы ему, какъ самому просвѣщенному духовному лицу въ городѣ, разсказать все о вчерашней рѣчи и просить его мнѣнія объ этомъ поступкѣ.

Архіерей принялъ и терпѣливо выслушалъ корнета, но съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ воспроизведеніе офицеромъ на память рѣчи. И по мѣрѣ того, какъ офицеръ, передавая генеральскія слова, все возвышалъ голосъ и дошелъ до „Господа Бога", то архіерей быстро вставъ, взялъ офицера за обѣ руки и проговорилъ:

— Прекрасно, прекрасно! Я очень сожалѣю, что духовное ораторство у насъ не такъ свободно какъ военное! Почему мы не можемъ на текстъ „просящему дай" такъ же кратко сказать своимъ слушателямъ: не говори, алчная душа, что „Богъ подастъ". Богъ твой не ключникъ, а самъ подавай... Повѣрьте, это многимъ было бы болѣе понятно, чѣмъ риторическое пустословіе.

Н. Лѣсковъ.

НОРДЕНШЕЛЬДЪ И ЕГО ПОСЛѢДНЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

Въ СТАРИННЫХЪ портуланахъ, а также и на старинныхъ картахъ, Сѣверный Ледовитый Океанъ представлялся обыкновенно населеннымъ такими чудовищами, которыя конечно не могли расположить мореплавателей къ тому, чтобы отважиться посѣтить его негостепріимныя воды; населеніе береговъ его являлось всегда также чудовищнымъ и безчеловѣчнымъ, что тоже далеко не располагало къ посѣщенію этихъ береговъ мореплавателями. Но прошли года, и погоня за наживой придала путешественникамъ мужества; „страхи и ужасы" сами собою должны были покончиться и смѣлые скандинавы рискуютъ проникать туда, гдѣ еще на картѣ Олая Великаго значились одни лишь „monstri", то хвостатые, то одноглазые люди, иногда даже съ песьими головами. Уже Отеръ посѣтилъ берега Бѣлаго моря и повидимому проникалъ даже и внутрь страны. Ясно, что сами „монстры" и не думали показываться въ чужеземныхъ водахъ, такъ какъ не дошли еще умомъ до сооруженія большихъ сравнительно и безопасныхъ судовъ; по всѣмъ вѣроятіямъ они довольствовались плаваніемъ у береговъ, на что указываетъ уже хотя бы и то обстоятельство, что слово „лодка" существуетъ во всѣхъ финскихъ языкахъ, тогда какъ для открытаго моря финнъ не съумѣлъ подыскать подходящаго выраженія. Такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, пока „монстровъ" не отодвинули на заднiй планъ новые насельники, явившіеся изъ предпріимчиваго Новгорода; явились подходящія суда—явилась и возможность къ дальнимъ плаваніямъ; стали русскіе люди отваживаться далѣе „молочнаго тумана", который наполняетъ воздухъ въ горлѣ Бѣлаго моря, посѣтили Мурманъ, обогнули и Канинскій полуостровъ. Стали доходить до далекаго Запада слухи о богатствѣ водъ сѣверныхъ разнымъ морскимъ звѣремъ, прослышалъ онъ и про то, что „монстры" болѣе уже не существуютъ, а живетъ тамъ народъ способный и охочій къ торговлѣ. Англичане первые порѣшили воспользоваться выгодами торговли съ сѣверными странами и 20 мая 1553 г.

эскадра, состоящая изъ судовъ „Bona Esperanza“, „Edward Bonadventura“, „Confidentia“ и „Philip and Mary“, снаряженныхъ сэромъ Гугомъ Уиллоугби, съ Ричардомъ Ченселоромъ во главѣ, покинула Гринвичскій портъ при пушечныхъ залпахъ и кликахъ толпы. Эскадрѣ посчастливилось открыть сообщеніе западно-европейскихъ морей съ Бѣлымъ моремъ и завязать торговыя сношенія черезъ Архангельскъ съ Москвою; конечно, не это лишь думали совершить энергичные англичане, а полагали, что имъ удастся открыть морской путь въ Китай. Какъ бы то ни было, но путешествіе Уиллоугби открыло собою новую эру для русско-англійской торговли и для міровой торговли вообще; дорого стоила эта міровая заслуга этимъ энергичнымъ людямъ, такъ какъ и сэръ Уиллоугби и весь экипажъ погибли во время зимовки на Кольскомъ полуостровѣ; всѣ четыре судна потерпѣли скоро крушеніе.

А между тѣмъ русскіе насельники не переставали далѣе и далѣе развивать свои мореплавательныя попытки; не только прибрежныя части Сѣвернаго Океана были посѣщаемы судами, но послѣднія отваживались мало по малу и далѣе, такъ что уже въ 17 вѣкѣ воевода съ Мангазеи доносилъ, что приходили изъ Бѣлаго моря на судахъ люди и просилъ указаній, что ему съ тѣми людьми напередъ дѣлать. Не привычна была Москва къ тому, чтобы „московскаго государства люди“ пускались въ дальнія разъискиванія привольныхъ мѣстъ, а потому и дано было знать Мангазейскому воеводѣ, чтобы „прихожихъ людей“ посылать подъ карауломъ въ Тобольскъ и напередъ запретить имъ ходить тѣмъ путемъ въ Мангазею, дабы „иныхъ государствъ людямъ не повадно было ходить туда же и тѣмъ убытки чинить государевой казнѣ“. Ясное дѣло, что такое распоряженіе высшаго правительства не могло, конечно, особенно поощрить нашу русскую предпріимчивость, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могло и остановить попытки доморощенныхъ безхитростныхъ мореплавателей. Въ началѣ 18 вѣка раскольничьи поморскія суда, какъ свидѣтельствуютъ мѣстныя Выгорѣцкія лѣтописи, ходятъ на Грумантъ (Шпицбергенъ) и въ Карское море и даже будто бы нѣсколько разъ заходятъ въ Америку; погибла сила поморскихъ монастырей Выгорѣцкихъ, а съ нею вмѣстѣ загинула и русская мореплавательная предпріимчивость и все дѣло изъ частныхъ рукъ перешло въ руки правительства, которое хотя и старалось всячески способствовать изслѣдованію преимущественно сѣверныхъ береговъ Сибири, но далеко не обладало достаточными для этой цѣли средствами и не хотѣло рисковать большою флотиліею изъ большихъ судовъ, ради выгодъ будущихъ поколѣній. Еще въ 1738 году въ Тобольскѣ былъ выстроенъ двойной шлюпъ, который подъ командою Овцына направился въ устья Оби и Енисея; дошли лишь до 72°53′ сѣверной широты и отправили на дальнѣйшія разслѣдованія небольшую шлюпку, которая однако въ скоромъ времени должна была возвратиться вспять, за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ; поѣздка эта

была повторена въ 1739 и 1740 годахъ подъ управленіемъ лейтенантовъ Минина и Стерлигова, которые успѣли проникнуть до 75°15′ сѣверной широты, не смотря на неимовѣрные штормы и бури; дальше идти не рискнули, такъ какъ наступило уже „позднее время года“. Этимъ-то именно и страдали всѣ правительственныя предпріятія для изслѣдованія сѣверныхъ морей Сибири; въ энергичныхъ морякахъ недостатка не было и единственными преградами были, либо малые размѣры судовъ, либо недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, либо наконецъ „позднее время года“. Вся важность этихъ изслѣдованій собственно для развитія русской торговли не была еще понята и никому не приходило въ голову не довольствоваться шлюпами, строющимися въ Тобольскѣ, а пустить въ ходъ настоящее морское судно изъ Бѣлаго моря; характеръ морей и, главное, ихъ заледнѣлость не была изучена, а тѣ немногіе плаватели, которые проникали въ эти моря, конечно лишь усугубляли всякіе страхи и ужасы, такъ какъ подобные разсказы были имъ далеко не безвыгодны и подтверждались фантазіями промышленниковъ, которые тоже ревниво оберегали эти мѣста отъ нашествія новыхъ охотниковъ до сравнительно легкой наживы среди богатства звѣря и легковѣрныхъ туземцевъ.

Подвигаясь далѣе на западъ, мы видимъ, что Таймурскій полуостровъ оставался неизвѣстнымъ до самаго путешествія Миддендорфа, который съ сухого пути достигъ 75°40′ сѣверной широты 25 августа 1845 года и къ великому своему изумленію не видалъ въ морѣ льда. Что касается до полосы, находящейся между этимъ полуостровомъ и Челюскинымъ мысомъ, то ему болѣе посчастливилось, такъ какъ уже въ 1742 г. лейтенантъ Челюскинъ сдѣлалъ описаніе береговъ въ этомъ мѣстѣ, а Прончищевъ едва не достигъ этого мыса 1 сентября 1736 г. на двухъ судахъ. Имена Лаптева и Прончищева стали извѣстны всему ученому міру тѣмъ, что эти два отважные моряка описали почти весь сѣверный берегъ Сибири отъ мыса Челюскина до Берингова пролива; но люди эти были простые и родились не въ Западной Европѣ, гдѣ память ихъ навѣрное была бы увѣковѣчена, тогда какъ у насъ въ Россіи они едва извѣстны и никто не знаетъ, какъ велика заслуга этихъ предшественниковъ Норденшельда. Не было у нихъ недостатка въ мужествѣ, обладали они замѣчательною настойчивостью и терпѣніемъ, съ которымъ переносили и труды, и неимовѣрную усталость, и разныя трудности опаснаго пути; но не отъ нихъ зависѣло то, чтобы Россія воспользовалась ихъ трудами себѣ во славу и на пользу. Подъ рукою у нихъ были небольшія, парусныя суда, самое построеніе которыхъ не дозволяло имъ плавать въ открытомъ морѣ и бороться съ плавучими льдами; паръ—это великое подспорье нашего времени, не былъ еще къ ихъ услугамъ и даже самое вооруженіе ихъ скорлупокъ было изъ рукъ вонъ плохо; экипажъ ихъ состоялъ по большей части изъ обитателей прѣсноводныхъ сибирскихъ мѣстъ, никогда не видавшихъ океана, не знакомыхъ съ его волнами и льдами.

Понятно, что не наши скромные, но все же великіе мореплаватели: Овцынъ, Челюскинъ, Лаптевъ, Прончищевъ и Дежневъ виноваты, что имъ не удалось разрѣшить еще въ 18 вѣкѣ задачу Норденшельда.

Во всякомъ случаѣ, изъ всѣхъ свѣдѣній, имѣвшихся въ наукѣ по части Сѣвернаго океана, оказывалось, что есть нѣкоторый періодъ времени, когда онъ бываетъ чистъ отъ плавучаго льда и притомъ преимущественно по близости, отъ береговъ; долго не могли понять, почему именно происходитъ это явленіе, но когда принимались собирать свѣдѣнія отъ бывалыхъ людей, то эти послѣдніе почти въ одинъ голосъ утверждали, что „идти на судахъ моремъ отъ льда вольготно" и относили эту вольготу къ августу и сентябрю мѣсяцамъ. Стали ученые соображать, и оказалось, что движеніе земли должно, въ сѣверныхъ ея частяхъ, давать мѣсто крайне интересному явленію: если рѣка направляется въ этихъ мѣстахъ съ юга на сѣверъ, слѣдуя приблизительно направленію меридіана, то воды ея, попадая въ океанъ, должны неминуемо значительно уклоняться на востокъ; этотъ именно фактъ и замѣченъ въ послѣднее время на протяженіи всего Таймурскаго берега, куда стремятся сравнительно теплыя воды Оби и Енисея; наоборотъ, тоже движеніе земли заставляетъ льды отходить на западъ и скопляетъ ихъ у восточнаго берега Новой Земли. Чтобы дать нашимъ читателямъ хотя нѣкоторое, приблизительное понятіе о томъ, на сколько важно вышеупомянутое вліяніе сравнительно теплыхъ рѣчныхъ водъ и какъ далеко это вліяніе можетъ простираться, мы напомнимъ здѣсь лишь то, что еще въ Карскомъ морѣ можно наблюдать вліяніе гольфстрема, исходящаго изъ Мексиканскаго залива, и что воды Ла-Платы, которая по количеству изливаемой ею воды конечно не можетъ сравниться съ вышеупомянутыми сибирскими рѣками, чувствуются за 1500 километровъ отъ устьевъ этой рѣки.

Научныя данныя, а также и свѣдѣнія бывалыхъ людей, давно уже побуждали предпріимчивыхъ людей попытаться пробраться въ интересный, но опасный Сѣверный океанъ и попробовать обогнуть Сибирь съ сѣвера ради того, чтобы найти „сѣверо-восточный" путь. Ясно, что путь этотъ въ дѣйствительности представлялъ чисто лишь одинъ научный интересъ, такъ какъ даже и теперь никто не подумаетъ отправиться этимъ путемъ въ Китай, Японію или Америку, и если существовала страна, для которой путь этотъ былъ важенъ и имѣлъ несомнѣнное экономическое значеніе, то страна эта — Россія. И теперь уже Сибирь производитъ массы сырья, доставка котораго по сухому пути обходится слишкомъ дорого, а со временемъ, когда увеличится ея населеніе и колонизація въ ней разовьется, ей поневолѣ придется подумать о сбытѣ излишковъ своего сырого производства. Природа надѣлила эту богатѣйшую страну широкими и крайне удобными водными путями, но къ сожалѣнію превосходныя рѣки эти, перерѣзывая страну во всю ея ширину, направляются въ Ледовитый океанъ, который до сихъ поръ почитался недосягаемымъ, не смотря на чисто

геройскія попытки смѣлыхъ нашихъ моряковъ XVIII столѣтія. Сибирь рѣшительно не знала, что ей дѣлать съ ея хлѣбомъ и другимъ сырьемъ, когда вдругъ, нежданно-негаданно, явился къ ней на помощь именно одинъ изъ тѣхъ „иноземныхъ людей“, которыхъ московское правительство ни подъ какимъ видомъ не согласилось пустить въ Мангазею, боясь, чтобы отъ того не произошло какого-либо ущерба государевой казнѣ.

На дняхъ Адольфъ-Эрикъ Норденшельдъ, нынѣ возведенный за заслуги въ баронское достоинство шведскаго королевства, только что возвратился на родину проѣхавъ изъ Тромзо, черезъ Карское море и Ледовитый океанъ въ Беринговъ проливъ и далѣе черезъ Суэцъ въ Европу; онъ открылъ такимъ образомъ знаменитый и пресловутый „сѣверо-восточный путь“, разрѣшилъ спорный научный вопросъ, достигъ того, что̀ издавна составляло его завѣтную мечту, а для насъ русскихъ, почти не завѣдомо, принесъ громадную пользу, давши исходъ нашей сибирской производительности съ одной стороны и доставивъ Сибири возможность получать обработанные товары гораздо болѣе дешевымъ способомъ. И въ самомъ дѣлѣ, достаточно взглянуть лишь на карту Сибири, чтобы убѣдиться, что благодаря Норденшельду, Обь и Енисей теперь тѣсно связались не только съ Архангельскомъ, но и съ Петербургомъ и другими европейскими портами; теперь уже иртышскій и иной хлѣбъ не будетъ сгнивать на мѣстѣ, а отправится туда, гдѣ въ немъ чувствуется недостатокъ; громадная территорія Западной и отчасти Восточной Сибири съ этихъ поръ не составляетъ уже чего-то особаго отъ всего остального цивилизованнаго міра и Норденшельду обязанъ міръ не тѣмъ собственно, что онъ проѣхалъ тамъ, гдѣ до него никто еще не проѣзжалъ, а тѣмъ, что онъ какъ бы уничтожилъ знаменитый „Каменный Поясъ“, отдѣлявшій Азію отъ Европы, дичь отъ культурныхъ мѣстъ, разрушилъ границу между двумя частями свѣта и подарилъ цивилизаціи громадную производительную территорію. Этимъ однако не ограничивается заслуга Норденшельда; то, что изъ сырья Сибири не можетъ идти на Обь и Енисей, можетъ направляться къ Ленѣ, сплавляться по ней до устья и отсюда доставляться чрезъ Беринговъ проливъ въ порты Японіи и Китая. Вотъ что сдѣлалъ для Россіи Норденшельдъ и теперь отъ насъ уже зависитъ, какъ съумѣемъ мы воспользоваться его открытіемъ: станемъ ли дѣйствительно торговать черезъ Обь и Енисей съ Европою, а черезъ Лену съ Азіей, или же успокоимся на лаврахъ, предоставимъ снова одному лишь Богу заботиться о сибирскихъ богатствахъ и будемъ снова ждать, не прійдутъ ли къ намъ „невѣдоміи люди“ и не принесутъ ли вмѣсто ущерба, пользу государевой казнѣ. Слѣдуетъ думать однако, что великое дѣло Норденшельда теперь уже не заглохнетъ; проявились у насъ уже понимающіе люди, которые не дадутъ погибнуть такъ славно начатому дѣлу и если не доведутъ его до желаннаго развитія по недостатку ихъ личныхъ средствъ, то по крайней мѣрѣ много потрудятся

для него и не пожалѣютъ издержекъ на славу и пользу земли русской. Еще въ прошломъ году Кнопъ снарядилъ два судна для плаванія въ Обь, Сибиряковъ далъ средства самому Норденшельду для его великаго дѣла и само правительство неустанно хлопочетъ объ основаніи порта въ устьяхъ Оби и объ учрежденіи метеорологической и морской станціи на островахъ Новой Сибири близь устьевъ Лены. Понятно, что главное вниманіе должно быть обращено сначала на ту часть Сибири, которая омывается Обью и Енисеемъ, такъ какъ именно эта-то часть и должна въ весьма близкомъ будущемъ войти въ прямыя торговыя сношенія съ Европою; и дѣйствительно въ настоящее время уже поговариваютъ о сформированіи торговаго общества для сношеній съ Пріобскою и Пріенисейскою Сибирью. Когда десятки, а быть можетъ и сотни торговыхъ русскихъ судовъ станутъ поддерживать сообщенія между Тобольскомъ и Енисейскомъ съ Петербургомъ, когда наша черноиртышская пшеница появится на рынкахъ Европы, когда мануфактурные товары будутъ стоить въ Сибири вчетверо менѣе, нежели теперь, тогда только мы, русскіе, будемъ въ состояніи вполнѣ оцѣнить заслугу Норденшельда и почтимъ его память такъ, какъ подобаетъ, а не одними лишь рѣчами и заздравными тостами.

Такимъ образомъ заслуга Норденшельда предъ Россіей громадна и конечно уже болѣе значительна, нежели заслуга его передъ остальною Европою, а потому мы и полагаемъ, что отдадимъ лишь должную дань этому отважному и энергичному мореплавателю и ученому, сообщивъ здѣсь нѣкоторыя подробности изъ его жизни и въ особенности нѣкоторыя свѣдѣнія изъ его писемъ въ Европу, касающіяся его встрѣчъ и столкновеній съ народами, населяющими сѣверныя окраины нашей имперіи.

Извѣстная теорія Гальтона о наслѣдственности талантовъ подтвердилась какъ нельзя лучше въ семьѣ Норденшельдовъ, такъ какъ всѣ предки его были почтенными учеными и съ особенною охотою, какъ и онъ самъ, занимались именно геологіею. Основателемъ фамиліи считается лейтенантъ Нордбергъ, который поселился въ Уцланѣ, въ Финляндіи; сынъ его Іоаннъ Эрикъ, родившійся въ 1660 году измѣнилъ свое прозвище на Норденшельда. Въ 1792 году родился отецъ нашего знаменитаго путешественника, Нилсъ-Густавъ, который съ самой ранней юности пристрастился къ минералогіи и геологіи, провелъ большую часть своей жизни въ научныхъ экскурсіяхъ, много занимался наукою, ревностно исполнялъ свои служебныя обязанности по должности директора горнаго финляндскаго департамента, и не мало писалъ во всѣхъ научныхъ изданіяхъ. Онъ женился на Маргаритѣ-Софіи Гартманъ, отъ которой, 18-го ноября 1832 г., и родился Адольфъ-Эрикъ Норденшельдъ, возвеличенный на-дняхъ всею Европою. Какъ и всегда водится со всѣми талантливыми людьми, мальчикъ не особенно прилежно занимался разною классическою премудростью, которою его пичкали въ Боргосской гимназіи, такъ что въ первый годъ не только

не сдѣлалъ никакихъ успѣховъ, но получилъ изъ всѣхъ почти предметовъ курса отмѣтку „неудовлетворительно“. Въ 1849 г., Норденшельдъ перешелъ, вслѣдствіе какой-то исторіи въ Гельсингфорскій университетъ и, привыкнувъ издавна заниматься съ отцомъ въ богатомъ ихъ семейномъ музеѣ въ Фругорѣ, съ особенною охотою предался изученію химіи, естественной исторіи, физики, математики и въ особенности минералогіи и геологіи; въ 1853 году онъ окончилъ курсъ первымъ и вступилъ въ университетскую профессорскую корпорацію. Чисто шведская семья, въ которой онъ родился и воспитывался, вліяніе чисто шведскаго университета, конечно, не могли сдѣлать изъ Норденшельда финнофила, а тѣмъ менѣе руссофила; наоборотъ, въ немъ кипѣла какая-то злоба противъ Россіи; онъ иначе не называлъ Финляндію, какъ „страдалицею и мученицею“ и мечталъ объ „освобожденіи и возмездіи“. Какъ ни старались наши газеты еще недавно сдѣлать изъ него „русскаго ученаго“ и придать ему какія-то особенныя русскія симпатіи, все же Норденшельдъ еще студентомъ и во время крымской кампаніи подвергся замѣчанію за сочувствіе къ союзникамъ; когда онъ избранъ былъ въ профессора, то симпатіи и антипатіи его остались безъ всякой перемѣны и потому странно было бы предполагать, что, возмужавъ и развившись, онъ сдѣлался „руссофиломъ“. Напротивъ того, съ какою-то чисто дѣтскою наивностью онъ какъ будто старается всегда и всюду высказываться безъ всякой опаски и кончилъ тѣмъ, что сказалъ какую-то крайне нелѣпую и дышащую ненавистью къ Россіи рѣчь. Тогдашній генералъ-губернаторъ графъ Бергъ, конечно, не могъ оставить дѣла безъ послѣдствій и Норденшельдъ лишился профессуры. Не думаемъ, чтобы Норденшельдъ проигралъ отъ этого, да не потеряла и Россія, такъ какъ такіе люди, какъ Норденшельдъ, не принадлежатъ и не могутъ принадлежать какой-нибудь отдѣльной странѣ, а составляютъ достояніе всего цивилизованнаго міра; если они дѣлаютъ пользу, то дѣлаютъ не для Швеціи, или Россіи, а вообще для всего человѣчества, такъ что совершенно все равно, кому въ политическомъ отношеніи они сочувствуютъ и кого ненавидятъ.

Едва Норденшельдъ успѣлъ переселиться въ Швецію, какъ получилъ каѳедру и мѣсто консерватора-директора въ музеѣ Академіи Наукъ, а весною 1858 года ему было предложено отправиться въ качествѣ геолога въ экспедиціи Торелля на Шпицбергенъ; какъ и слѣдовало ожидать, поѣздка эта была крайне плодотворна по своимъ результатамъ и возбудила въ нашемъ ученомъ какую-то особенную страсть къ полярнымъ путешествіямъ. Въ одну поѣздку, конечно, нельзя было познакомиться въ подробности съ такимъ обширнымъ и интереснымъ островомъ, каковъ Шпицбергенъ, и можно себѣ представить съ какою радостью Норденшельдъ согласился на предложеніе того же Торелля снова посѣтить эту страну. Къ великому сожалѣнію ученаго, ему не удалось забраться далеко на сѣверъ, такъ какъ экспедиція встрѣтила

по дорогѣ экипажъ семи рыболовныхъ судовъ, который пришлось забрать на „Эолъ" и доставить въ Швецію. Черезъ нѣсколько времени шведское правительство прямо уже обратилось къ Норденшельду и предложило ему снарадить новую экспедицію на тотъ же Шпицбергенъ. Наконецъ въ 1867 году онъ не ограничивается уже „близкимъ" Шпицбергеномъ и задается болѣе широкими планами; основываясь на своихъ научныхъ знаніяхъ и на практикѣ сѣверныхъ мореходовъ, Норденшельдъ обратилъ свои взоры на востокъ, который обладалъ всею прелестью новизны и нетронутости. Послѣ долгаго и усидчиваго труда онъ выработалъ цѣлый проэктъ большой полярно-восточной экспедиціи, представилъ его капиталистамъ и очень скоро набралъ необходимую сумму. На первый разъ, однако, Норденшельдъ двинулся все же къ Шпицбергену, надѣясь этимъ путемъ достигнуть по возможности наибольшей широты; буря, захватившая экспедицію подъ 80° сѣв. шир. заставила неутомимаго изслѣдователя возвратиться въ Швецію; но тароватый Диксонъ не унывалъ и снова ассигновалъ огромную сумму на новую экспедицію, которая и состоялась въ 1870 году въ Гренландію; въ 1872 году мы находимъ Норденшельда снова на Шпицбергенѣ, а въ іюнѣ 1875 года, опять же на частныя средства (Диксонъ, Сибиряковъ и др.), онъ покинулъ Тромзо, отправляясь въ новую экспедицію въ Карское море, къ устьямъ Оби и Енисея. Наконецъ удалось Норденшельду направиться туда, куда издавна манило его; конечно, путешествіе прошло совершенно удачно и обратный путь нашего ученаго черезъ Сибирь и Россію былъ скорѣе сплошнымъ тріумфальнымъ шествіемъ. Возможность совершенія ежегодныхъ плаваній въ западную Сибирь была доказана, но нашлись люди, которые все еще сомнѣвались и острили на счетъ Норденшельда, который удачу принялъ за успѣхъ. Диксонъ и Сибиряковъ приняли къ сердцу это дѣло и въ 1876 году Норденшельдъ снова отправился въ устья Енисея. Очень понятно, что совершивъ столько полярныхъ путешествій, Норденшельдъ пріобрѣлъ опытность и къ 25 іюлю 1878 года находился уже въ Мазе, откуда четыре паровыя шкуны „Вега", „Фразеръ", „Экспрессъ" и „Лена", снаряженныя на счетъ короля Оскара и гг. Диксона и Сибирякова, должны были направиться на востокъ, съ цѣлію достичь Берингова пролива и Японіи. Давнишняя мечта Норденшельда, цѣль его жизни близилась къ осуществленію, благодаря неутомимой энергіи этого человѣка, его настойчивости и тому, что не вымерли еще люди, которые не задумываются помѣстить свои капиталы въ бездоходное, но великое въ научномъ отношеніи и притомъ чисто научное дѣло.

Предполагалось воспользоваться для прохода въ Карское море Югорскимъ Шаромъ и состояніе льда было таково, что „Вега", на которой находился Норденшельдъ, совершенно безпрепятственно вошла въ проливъ, находящійся между островомъ Вайгачемъ и твердою землею. Ровно черезъ три съ половиною дня по выходѣ изъ Мазе

съ „Веги“ увидали берегъ Новой Земли, а 30 іюля бросили якорь въ бухтѣ, близь самоѣдскаго селенія Хабарова; на другой день собралась здѣсь и вся флотилія, разбросанная случившеюся бурею. Понятное дѣло, что всѣ члены экспедиціи, едва лишь судно останавливалось на якорной стоянкѣ вблизи берега, тотчасъ же спѣшили спустить барказъ и отправиться на научные поиски; Стуксбергъ ловитъ драгами представителей морской фауны, Кьельманъ коллектируетъ представителей мѣстной флоры, Нордквистъ бѣгаетъ за насѣкомыми, Паландеръ фотографируетъ, Альмквистъ все ищетъ человѣка для того. чтобы измѣрить его въ антропологическомъ отношеніи и дѣлать надъ нимъ физіо-психологическія наблюденія, а Ховгордъ производитъ наблюденія магнетическія и другія; всѣмъ находится дѣло, всѣ съ любовью занимаются и хлопочутъ, а самъ Норденшельдъ коллектируетъ минералы и породы, но поспѣваетъ вездѣ: тутъ дастъ совѣтъ, здѣсь сдѣлаетъ поправку, тамъ направитъ юнаго и неопытнаго изслѣдователя на истинный путь.

Оказалось, что въ Хабаровѣ живутъ лѣтомъ девять русскихъ, являющіеся сюда ежегодно весною изъ Пустозерска, гдѣ оставляютъ женъ и дѣтей; осенью они возвращаются домой. Живя такъ далеко отъ домашняго очага, они занимаются мѣновою торговлею съ самоѣдами, рыбною ловлею и разведеніемъ оленьихъ стадъ; понятно, что всѣ товары изъ Пустозерска и обратно въ Пустозерскъ направляются не морскимъ путемъ, а по тундрѣ, нагруженные на легкихъ и длинныхъ нартахъ, запряженныхъ или оленями, или собаками. Норденшельдъ замѣтилъ, что этимъ русскимъ культуртрегерамъ удалось уже забрать себѣ въ кабалу нѣсколькихъ самоѣдовъ; конечно, для насъ, русскихъ, эта кабала и знакома и понятна, тогда какъ для нашего ученаго и его спутниковъ могъ несомнѣнно показаться непонятнымъ переходъ совершенно свободныхъ людей въ такую добровольную кабалу. Русскіе живутъ въ „зимушкахъ“, т. е. въ небольшихъ избахъ съ плоскою крышею изъ зелени и мха, тогда какъ самоѣды все еще не отстали отъ своихъ юртъ, сдѣланныхъ изъ шкуръ старыхъ оленей. Наша русская артель и здѣсь нашла себѣ мѣсто и, конечно, должна была броситься въ глаза незнакомому съ нею иностранцу, который, видимо, никогда не слыхалъ о ея существованіи и называетъ ее „торговою компаніею“. Какъ и вездѣ сущность артели состоитъ въ раздѣлѣ на паяхъ; у Хабаровскихъ рыболововъ добыча дѣлится на 22 пая, изъ которыхъ два идутъ на умилостивленіе Св. Николы, покровителя мореходовъ и рыболововъ. Бьютъ они больше бѣлухъ и слѣдуетъ признаться, что, несмотря на покровительство могущественнаго чудотворца, дѣла артели идутъ очень плохо, такъ какъ и здѣсь богачи забили бѣдняковъ, которые наконецъ и отказались отъ участія въ дѣлѣ. Понятно, что нашимъ путешественникамъ не было никакого разсчета принимать участіе въ возгорающейся между артельщиками распрѣ, такъ какъ и та и другая партія могли имъ быть одинаково

полезны. Покончивъ свои дѣла, экспедиціонеры приглашены были однимъ изъ русскихъ на стаканъ чаю. Между прочимъ, разговоръ зашелъ о предметѣ, крайне интересномъ для иностранцевъ, а именно о самоѣдскихъ божкахъ; понятно, что они всячески старались раздобыть этихъ божковъ для украшенія своихъ музеевъ, но самоѣды, не хотѣли ни уступать, ни продавать свою святыню; правда, въ концѣ концовъ одна старуха принесла цѣлый мѣшокъ своихъ божковъ, тщательно завернутыхъ въ кусочки оленьей шкуры и благодаря краснорѣчію Норденшельда согласилась продать нѣсколько штукъ за семь рублей; каждый божокъ имѣлъ свой, особый, ему одному свойственный видъ и молиться ему полагалось лишь въ извѣстныхъ случаяхъ безхитростной самоѣдской жизни: тотъ, напримѣръ, которому подобало молиться ради плодовитости оленьихъ самокъ, состоялъ просто изъ продолговатаго камня, обернутаго въ тряпочки самыхъ яркихъ цвѣтовъ, другой—защитникъ оленей отъ падежа, имѣлъ видъ маріонетки съ мѣдною бляхою вмѣсто лица и третій, вѣдающій супружескія дѣла, сдѣланъ былъ просто изъ кусочка мѣха, украшеннаго мѣдными серьгами и бусами. За чаемъ одинъ изъ русскихъ заявилъ, что по ту сторону пролива существуетъ самоѣдское мольбище, куда и вызвался проводить желающихъ; онъ разсказалъ кстати, что самоѣды зачастую даютъ обѣты сходить на богомолье къ подобнымъ мольбищамъ-курганамъ и при этомъ случается очень часто, что такіе обѣты даются и выполняются даже и крещеными, которые по большей части отличаются отъ язычниковъ лишь большимъ запасомъ суевѣрія. На вопросъ Норденшельда, какимъ же образомъ могутъ самоѣды соглашать свою твердую вѣру въ шамановъ съ предписаніями христіанской вѣры, промышленникъ объяснилъ, что они считаютъ своихъ божковъ чѣмъ-то въ родѣ иконъ и, видимо, самъ не былъ хорошенько увѣренъ, кто сильнѣе—св. Николай или мѣховой самоѣдскій божокъ и кому изъ нихъ вѣрнѣе и прибыльнѣе молиться.

Островъ Вайгачъ, куда отправились наши ученые въ сопровожденіи русскаго промышленника, имѣетъ около 90 километровъ въ длину, при ширинѣ въ 40 километровъ. Весь онъ представляетъ собою столовидную возвышенность, оканчивающуюся къ морю пиками; только въ восточной части острова замѣчается нѣкоторое поднятіе, составляющее какъ бы одинъ изъ сѣверныхъ отроговъ Урала. На западной сторонѣ острова почва состоитъ изъ силлурійскихъ пластовъ известняковъ и аспида, содержащихъ въ себѣ массы окаменѣлостей; сравнительно островъ богатъ травою и считается хорошимъ пастбищемъ для оленей; въ силу этого самоѣды, при первыхъ признакахъ весны, перегоняютъ туда по льду свои оленьи стада и оставляютъ послѣднія до самой осени на обильныхъ подножныхъ кормахъ; осенью оленей снова перегоняютъ на материкъ и зачастую совершаютъ этотъ переходъ вплавь, такъ какъ по большей части, именно въ это время, проливъ бываетъ свободенъ отъ льда. Вайгачъ издавна славится своими моль-

бищами, которые потому и сохранились во всей своей неприкосновенности, что ни одинъ ревнитель православія не попадалъ никогда на пустынный островъ; уже въ старинныхъ путешествіяхъ голландцевъ и англичанъ встрѣчаются изображенія деревянныхъ самоѣдскихъ идоловъ, а старинныя карты изобилуютъ лѣсами, протоками и носами, извѣстными подъ именемъ „болванскихъ". Понятно, что Норденшельдъ и его спутники охотно приняли предложеніе русскаго промышленника и поспѣшили посѣтить тотъ мысъ, расположенный при западномъ входѣ въ Югорскій шаръ, гдѣ возвышается самоѣдскій моленный курганъ; мысъ этотъ состоитъ изъ известняковыхъ толщей силлурійской эпохи, покрытыхъ мѣстами гравіемъ и землею и украшенныхъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль въ году самою разнообразною растительностью; по направленію къ морю мысъ этотъ оканчивается значительными известковыми скалами, среди которыхъ холодъ и весенній ледоходъ продѣлали нѣсколько гротовъ. Одинъ изъ этихъ гротовъ, отличающійся своею величиною, почитается туземцами за священное мѣсто и потому они не нашли ничего лучшаго, какъ устроить тутъ же и мѣсто жертвоприношеній; но на грѣхъ и на бѣду, слухъ о затѣянномъ мольбищѣ дошелъ до какого-то слишкомъ рьянаго архимандрита, который возмутился „явнымъ склоненіемъ къ язычеству", явился на мѣсто дѣйствія и разрушилъ до основанія молитвенное мѣсто; конечно, онъ постарался очистить оскверненное мѣсто огнемъ и святою водою и поставилъ на поученіе потомству деревянный крестъ, съ которымъ дикимъ самоѣдамъ бороться пока еще не подъ силу. Тѣмъ не менѣе, повсюду кругомъ, земля была покрыта остатками костей моленыхъ животнымъ, а кое-гдѣ попадались и куски желѣза, которые приносились вѣроятно въ жертву богамъ, вмѣстѣ съ добычею и были заржавлены и обожжены; пришлось туземцамъ покинуть священное мѣсто и избрать другое до новаго прибытія на Вайгачъ какого-нибудь мѣстнаго ревнителя православія. Какъ разъ такое удобное мѣстечко и нашлось тутъ же, по близости, на невысокомъ курганчикѣ фута въ три вышиною; почти весь курганъ былъ усѣянъ оленьими рогами, еще не выпавшими изъ оленьихъ череповъ; между этими рогами вставлены были иногда дощечки, изъ которыхъ торчали еще пары роговъ, вдѣланныя въ четырехъугольныя отверстія; тутъ же валялись цѣлыя кучи разныхъ другихъ костей, оленьихъ и медвѣжьихъ, и между прочимъ черепъ и лапы недавно еще принесеннаго въ жертву медвѣдя; тутъ же на небольшомъ камнѣ лежали и тѣ двѣ свинцовыя пули, которымъ, повидимому, счастливецъ былъ обязанъ своею богатою добычею. Наконецъ, кругомъ на землѣ валялось въ безпорядкѣ много разныхъ вещей, принесенныхъ также въ жертву богамъ, а именно куски ржаваго желѣза, обломки топоровъ и даже кусокъ какой-то желѣзной флейты. На юго-западной сторонѣ кургана наши путники нашли множество небольшихъ вырѣзанныхъ изъ дерева статуэтокъ, снабженнымъ нарѣзами, которые должны были изображать носъ, ротъ и глаза. Самоѣды

видимо, не гонится за артистическимъ изображеніемъ бога, такъ какъ все равно дѣйствительно прекраснымъ человѣкомъ изобразить его не можетъ, а онъ не обидится, если художникъ хотя слегка лишь намекаетъ на его черты, оставляя на волю всякаго отдѣльнаго лица представлять себѣ божество такъ или иначе. Подлѣ кургана замѣтны были слѣды костровъ, служившихъ вѣроятно для изготовленія тризненныхъ и моленыхъ яствъ, которыми пользуются далеко не одни лишь молящіеся, такъ какъ самоѣдскіе боги тоже лакомы на свѣжину и не откажутся принять, на ряду съ простыми смертными, участіе въ пирушкѣ. Проводникъ сообщалъ между прочимъ Норденшельду, что самоѣды, принося жертвы своимъ богамъ, не только заставляютъ послѣднихъ попробовать свѣженаточенной крови, но въ случаѣ, если считаютъ, что исполненіе просьбы ихъ къ богу крайне для нихъ важно и если обладаютъ достаточными для подобной роскоши средствами, вливаютъ даже въ ротъ драгоцѣннѣйшаго для всякаго дикаря напитка, главнаго признака прибытія къ нимъ нашихъ русскихъ культуртрегеровъ—водки. На Оби, напримѣръ, дикари иначе не называютъ пароходъ, какъ „кабакъ", привыкнувъ къ тому, что со всякимъ судномъ русская цивилизація приноситъ имъ драгоцѣнные боченки и бутылки. Иностранцы забрали съ собою нѣсколько роговъ и костей, но отнеслись съ полнымъ уваженіемъ къ священному мѣсту самоѣдовъ и не взяли ни одного идола; нашъ, русскій путешественникъ не сталъ бы, конечно, обращать вниманія на какихъ-нибудь дикарей и, разумѣется, обобралъ бы курганъ до чиста; но къ счастью посѣтители были шведы, которые привыкли уважать себя и даже дикарей. Хотя русскій проводникъ наканунѣ и толковалъ о неосновательности языческихъ воззрѣній самоѣдовъ и относился скептически къ могуществу самоѣдскихъ божковъ, увѣряя Норденшельда, что послѣдній можетъ набрать ихъ сколько угодно на курганѣ, тѣмъ не менѣе, однако, когда путешественники собирались уже уѣзжать съ Вайгача, онъ сталъ видимо тревожиться, все посматривалъ на божковъ, мимоходомъ и незамѣтно сунулъ одному изъ нихъ въ ротъ кусокъ сала и даже на ухо посовѣтовалъ Норденшельду чѣмъ-нибудь умилостивить боговъ; онъ успокоился лишь тогда, когда „чужеземецъ" положилъ тутъ же на камень двѣ серебряныя монеты... Быть можетъ и дѣйствительно онъ боялся гнѣва боговъ, а быть можетъ и съигралъ всю эту комедію страха для того, чтобы провести легковѣрныхъ „нѣмцевъ", и забрать впослѣдствіи ихъ два двугривенныхъ.

На другой день, 1 августа, эскадра снялась съ якоря и двинулась далѣе при самой благопріятной погодѣ; во все время пути разъ по пяти и шести въ день производились драгированія, дѣлались наблюденія и всѣмъ участникамъ дѣла было довольно. Только 6 августа Норденшельдъ наткнулся на массы льда, но ледъ этотъ не представлялъ рѣшительно никакой опасности и скорѣе могъ быть названъ „саломъ". Вечеромъ въ этотъ день они остановились въ „Диксонсъ-

Гамнѣ", бухточкѣ, расположенной среди цѣлаго архипелага острововъ и защищенной со всѣхъ сторонъ отъ вѣтра. Эта превосходная стоянка была впервые посѣщена въ 1875 году и Норденшельдъ полагаетъ, что со временемъ ей предстоитъ самая блестящая будущность, такъ какъ она можетъ служить складомъ для обскихъ и енисейскихъ товаровъ. Тутъ флотилія должна была раздѣлиться, такъ какъ „Фразеръ" и „Экспрессъ" отправились за товарами вверхъ по Енисею; „Вега" отправилась вмѣстѣ съ „Леною" дальше и, несмотря на постоянные туманы и частыя остановки, вызываемыя множествомъ не означенныхъ ни на одной картѣ острововъ, 19 августа Норденшельдъ въ виду самой сѣверной оконечности Азіи, извѣстной подъ именемъ Мыса Сѣверовосточнаго, приказалъ выкинуть шведскій флагъ и салютовать ему изъ своихъ игрушечныхъ орудій. Оказалось, между прочимъ, что этотъ пунктъ вовсе не производитъ на человѣка впечатлѣнія безплодности, такъ какъ весь мысъ Челюскинъ покрытъ очень роскошно растительностью, словно растенія сговорились сойтись здѣсь, у границы земли, для того, чтобы обмануть мореплавателя, такъ какъ стоитъ лишь углубиться внутрь страны на какую-нибудь версту и глазамъ откроется въ полномъ смыслѣ слова пустыня. 27 августа, суда пришли къ устью Лены и отсюда „Вега" продолжала свой путь одна, такъ какъ „Лена" отдѣлилась и ушла въ Якутскъ. Все шло сначала прекрасно; но уже 3 сентября, когда Норденшельдъ находился въ 40 верстахъ отъ Медвѣжьихъ острововъ, встрѣтился сплошной ледъ; пришлось поневолѣ повернуть поближе къ берегу, гдѣ сильнѣе чувствуется упомянутое нами восточное теченіе теплой струи сибирскихъ рѣкъ и гдѣ льда не было вовсе. Только двѣ русскихъ экспедиціи бывали прежде въ этихъ мѣстахъ, но обѣ не принесли никому никакой пользы, такъ какъ и сами по себѣ располагали слишкомъ первобытными и незначительными средствами, да и русскіе люди не явились особенно отзывчивыми на открытія, сдѣланныя въ 1648 году Дежневымъ и въ 1760—1764 году Шалауровымъ. Память этого замѣчательнаго простого русскаго человѣка далеко не достаточно почтена его соотечественниками и мы, вѣроятно, не ошибемся, если скажемъ, что 99 человѣкъ изъ ста нашихъ читателей впервые слышатъ это имя; а между тѣмъ это нашъ, русскій Норденшельдъ и если ему, бѣдному, не удалось такъ прославиться, какъ удалось это шведскому профессору, такъ потому лишь, что родился онъ не въ Швеціи, а въ Россіи, да и родился то еще въ XVIII столѣтіи, когда никто и не мечталъ объ удобствахъ, съ которыми совершаются нынѣ морскія экспедиціи. Шалауровъ былъ богатымъ сибирскимъ купцомъ и задался, повидимому, цѣлію во что бы то ни стало изслѣдовать сѣверныя берега Сибири, на востокъ отъ устьевъ Лены; уже въ 1760 году онъ отправился въ путь на небольшомъ суднѣ, выстроенномъ на Ленѣ, но въ первый годъ достигъ только устьевъ Ямы, ближайшей на востокъ отъ Лены рѣки; тутъ пришлось перезимовать и только 1 іюля 1761 года снова

пуститься въ плаваніе. 6 сентября, смѣлому путешественнику удалось обогнуть Святой Носъ, пользующійся такою дурною славою среди русскихъ мореходовъ, и пробиться къ концу мѣсяца до Медвѣжьихъ острововъ, гдѣ утлому судну снова пришлось остановиться за льдами и скрыться на время въ устье Колымы; тутъ путники выстроили себѣ изъ плавучаго лѣса избушку, засыпали ее для тепла снѣгомъ, обнесли ее валомъ изъ того же снѣга, а на валу поставили двѣ пушки. Только на слѣдующее лѣто могъ Шалауровъ покинуть свою зимовку, но въ этотъ годъ за противными вѣтрами и другими препятствіями проникнулъ лишь до Шелягинскаго мыса. Снова вернулся онъ на Колыму, но тутъ экипажъ объявилъ ему на отрѣзъ, что не пойдетъ за нимъ и желаетъ вернуться домой. Между тѣмъ средства Шалаурова были истощены, хотя запасъ энергіи и не истощился; онъ отправился въ Москву, ходилъ, просилъ, кланялся, надоѣдалъ и совершенно счастливый вернулся въ Якутскъ съ необходимою для новой экспедиціи суммою. Въ 1764 году, онъ снова отправился въ плаваніе, изъ котораго никогда болѣе не возвращался. Будь Шалауровъ не-русскимъ, а англичаниномъ и живи онъ теперь, изъ гибели его экспедиціи сдѣлали бы европейскій вопросъ; но этотъ энергичный человѣкъ былъ просто якутскимъ купцомъ, до сумасбродства котораго никому не было никакого дѣла! Цѣлыхъ 69 лѣтъ никто ничего не зналъ о томъ, гдѣ именно погибъ Шалауровъ со своими товарищами и какой конецъ былъ ему написанъ на роду, и только въ 1823 году одинъ изъ соучастниковъ Врангелевской экспедиціи нашелъ на востокѣ отъ Шелягинскаго мыса, у самаго берега моря, старую, полуразвалившуюся избушку, построенную изъ плавучаго лѣса; тутъ же валялись обломки какого то судна и туземцы прямо утверждали, что все оставлено здѣсь погибшею лѣтъ 70 тому назадъ экспедиціею. Вокругъ избушки валялись человѣческія кости и доказывали, что неутомимый плаватель и его товарищи погибли не въ открытомъ морѣ, а именно здѣсь, по всѣмъ вѣроятіямъ, пораженные скорбутомъ. И никто-то на Руси не помнитъ славнаго имени энергичнаго и великаго русскаго человѣка, употребившаго нѣсколько лѣтъ на то, что досталось, благодаря пару, шведской экспедиціи въ какихъ-нибудь четыре дня.

Не успѣла еще „Вега" подойти къ берегу, какъ двѣ лодки, наполненныя туземцами, отчалили отъ берега на встрѣчу рѣдкимъ гостямъ; съ самой Хабаровой наши путники не видали лица человѣческаго и понятно, что Норденшельдъ приказалъ остановиться. Прибывшихъ встрѣтили самымъ дружескимъ образомъ, но къ сожалѣнію никто изъ нихъ не зналъ ни слова по-русски и въ тоже время не говорилъ ни на одномъ изъ другихъ удобопонятныхъ языковъ и только одинъ мальчикъ умѣлъ считать по-англійски до десяти, что указывало на тотъ несомнѣнный фактъ, что въ эти мѣста чаще заходятъ американскіе китобои, нежели русскіе промышленники. Тотчасъ же экспе-

диція вступила въ сношенія съ туземными поселеніями, виднѣвшимися на берегу, а Нордквистъ занялся изученіемъ чукотскаго языка; слѣдуетъ полагать, что почтенный финскій изслѣдователь соберетъ массу лингвистическихъ и этнографическихъ данныхъ, которыя составятъ истинное сокровище въ научномъ отношеніи, такъ какъ чукчи до сихъ поръ еще употребляютъ каменныя и костяныя орудія и, по словамъ Норденшельда, представляютъ помѣсь чисто монгольскаго типа съ эскимосскимъ и американско-индійскимъ краснокожимъ типомъ; ученый профессоръ не сомнѣвается въ этомъ и подтверждаетъ такимъ образомъ теорію обратнаго переселенія въ Азію краснокожаго племени.

Утромъ 8 сентября „Вега" находилась уже на Востокѣ отъ Шелягинскаго мыса, но принуждена была пристать у огромной льдины вслѣдствіе весьма сильнаго тумана. Едва только туманъ успѣлъ разсѣяться, какъ явились туземцы и стали знаками приглашать дорогихъ гостей посѣтить ихъ жилища на берегу. Норденшельдъ не могъ идти далѣе и охотно принялъ любезное приглашеніе. Берегъ выступалъ здѣсь въ море песчанымъ мысомъ, а въ отдаленіи сѣрѣли невысокіе и свободные еще отъ снѣга холмы и виднѣлось нѣсколько лагунъ, которыя составляютъ одну изъ самыхъ характеристическихъ особенностей этой части Сибири; на этихъ-то именно песчаныхъ пространствахъ, лежащихъ между берегомъ океана и внутренними лагунами, чукчи строятъ свои жилища, состоящія обыкновенно изъ обширной юрты, раздѣленной по большей части на два отдѣленія или горницы; эти горницы сами по себѣ составляютъ какъ бы юрту въ юртѣ и вплотную обтягиваются изнутри ради тепла оленьими шкурами; освѣщаются и отапливаются эти юрты лампою, въ которой горитъ тюленій жиръ, а лѣтомъ въ юртѣ разводятъ огонь, причемъ дымъ выходитъ изъ дыры, находящейся въ самомъ верху юрты. Наши путники всюди были принимаемы съ распростертыми объятіями и для угощенія ихъ выставлялось все, что только было припасено у чукчей; случилось, что какъ разъ въ это время чукчи жили въ полнѣйшемъ довольствѣ: такъ, напримѣръ, въ одной юртѣ варили въ чугунномъ котлѣ мясо стараго оленя, около другого жилища пластали мясо двухъ оленей, только что зарѣзанныхъ передъ приходомъ гостей и вынимали внутренности; въ третьей юртѣ какая-то старуха вынимала изъ оленьихъ кишекъ какую-то зеленоватую массу, съ виду похожую на вареный шпинатъ и вкладывала эту массу въ мѣшокъ изъ кожи морской коровы, по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣлая такимъ образомъ запасъ зелени на зиму. Интересно, что и эскимосы и гренландцы считаютъ содержимое кишекъ оленя за нѣчто особенно вкусное; но кромѣ этихъ не особенно заманчивыхъ блюдъ, чукчи дѣлаютъ лѣтомъ значительные запасы листьевъ и отростковъ разныхъ береговыхъ растеній и между прочимъ одного вида ветлы; всѣмъ этимъ растительнымъ запасамъ даютъ выстояться, слегка ферментироваться и затѣмъ или прямо употребляютъ ихъ въ пищу съ говядиной, или же варятъ изъ нихъ

нѣчто въ родѣ нашихъ крапивныхъ щей. Для того, чтобы удовлетворить потребности растительной пищи чукчи ѣдятъ также корни двухъ растеній, которыя можно назвать туземными; одно изъ этихъ растеній имѣетъ на корнѣ орѣховидные наросты, да и на вкусъ очень напоминаетъ лѣсные орѣхи, тогда какъ другое корнями своими напоминаетъ нѣсколько нашъ можжевельникъ. Кругомъ юртъ были понавѣшаны мѣшочки, наполненные моржовымъ жиромъ и непроницаемые ни для воздуха, ни для воды; мѣшки эти дѣлаются изъ цѣльной шкуры, причемъ однако голову отрубаютъ у второго или даже перваго позвонка; когда такой мѣшокъ предназначается для храненія жидкости, то и на горлѣ и на другихъ отверстіяхъ навязываются натуго стягивающія бичевки, а когда приходится наливать жидкость, то пользуются деревянною дудкою, вставленною въ одну изъ переднихъ ногъ и затыкаемую опять таки на-глухо деревянною же пробкою. Въ виду всѣхъ этихъ приготовленій, подлѣ родителей суетилась все время цѣлая куча дѣтей, съ которыми старшіе обращались чрезвычайно дружелюбно, таскали ихъ на плечахъ, баюкали и ласкали; всѣ эти крошечныя созданія до такой степени были укутаны въ разныя ветошки и обрывки, что казались какими-то шариками, обросшими шерстью; внутри юрты, напротивъ того они бѣгали нагишомъ и Норденшельду не разъ пришлось видѣть, какъ эти крошки перебѣгали босикомъ по льду, при температурѣ ниже нуля, изъ одной юрты въ другую. Какъ бы то ни было, но видъ у жителей былъ добрый и здоровый.

Въ теченіи всего сентября „Вега“ старалась пробраться дальше, но скоро пришлось покинуть всякую надежду на дальнѣйшее плаваніе въ этотъ день и остановиться вблизи берега, гдѣ не было видно никакихъ слѣдовъ человѣческихъ, кромѣ какихъ-то остатковъ, показывавшихъ, что когда-то здѣсь жили люди; въ одномъ мѣстѣ, близь устья ручья, Стуксбергъ открылъ цѣлую массу могилъ съ пережженными костями; сожиганіе покойниковъ произведено было такъ тщательно, что докторъ Альмквистъ могъ признать только два обломка костей за принадлежавшіе человѣку, тѣмъ болѣе, что послѣ сожженія всѣ кости, видимо, собирались вмѣстѣ, укладывались въ ямку, а сверху прикрывались мелкими каменьями. „Вега“ была, повидимому, первымъ судномъ, приставшимъ къ этому берегу, и прибытіе ея, конечно, должно было произвести извѣстное волненіе среди окрестныхъ туземцевъ, спѣшившихъ поскорѣе распространить среди своихъ сосѣдей вѣсть о прибытіи „огнедышащей лодки“. Хотя на берегу и не было юртъ, однако посѣтители не замедлили явиться къ Норденшельду и высказать ему желаніе поторговать съ нимъ. Норденшельдъ примѣтилъ при этомъ замѣчательное единство и сходство, существующее между орудіями и домашнею утварью чукчей и гренландцевъ. Не успѣвъ съ 1875 и 1876 г. запастить разными бездѣлушками „на чукотскую руку“, какъ выражаются въ Якутскѣ, Норденшельдъ былъ поставленъ въ очень

непріятное положеніе, убѣдившись во очію, что русская 25 рублевая бумажка не производила ровно никакого впечатлѣнія на того самаго чукча, который дрожалъ отъ восторга при видѣ обертки съ мыла, разрисованной разными цвѣтами и амурами и охотнѣе бралъ въ промѣнъ пару оловянныхъ пуговицъ, нежели серебряную крону и даже русскій червонецъ; для того, чтобы пустить въ ходъ захваченное имъ съ собою чистое шведское серебро, пришлось проткнуть монеты и сбывать монету въ 50 эръ (20 к.) вмѣстѣ съ простыми трехдырными брючными пуговицами. Воспользовавшись этимъ урокомъ и наученный имъ, Норденшельдъ совѣтуетъ послѣдующимъ путешественникамъ набирать съ собою побольше толстыхъ швейныхъ иголокъ, ножей большого калибра, топоровъ, пилъ, крючьевъ и другихъ желѣзныхъ орудій, холщевыхъ и шерстяныхъ рубахъ, преимущественно яркихъ цвѣтовъ, красныхъ шейныхъ платковъ и табаку; само собою разумѣется, что далеко не помѣшаетъ дружественнымъ отношеніямъ съ туземцами добрый запасъ водки, который былъ и у Норденшельда; но послѣдній, къ чести его сказать, не захотѣлъ пользоваться этимъ излюбленнымъ товаромъ, англійскихъ, а отчасти и нашихъ русскихъ вносителей культуры; за водку чукчи готовы отдать все, что только имѣютъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что если только чукчу не споили, то онъ является торговцемъ не безъ хитринки и себѣ на умѣ, такъ какъ они съ самаго дѣтства привыкаютъ къ мѣновой торговлѣ между народами Сибири и Америки, служа именно посредниками въ этой торговлѣ. Много бобровыхъ шкурокъ, продающихся на Ирбитской ярмаркѣ, собрано съ американскихъ бобровъ и переходило изъ рукъ въ руки отъ одного дикаря къ другому, пока не переправилось сначала черезъ Берингозъ проливъ, а затѣмъ не попало въ руки ирбитскаго скупщика; эта мѣновая торговля между дикарями Новаго и Стараго свѣта производится на чемъ-то въ родѣ ярмарки, бывающей ежегодно на островѣ Илырь, въ Беринговомъ проливѣ и здѣсь бобровая шкурка вымѣнивается зачастую на папушу табаку въ полфунта вѣсомъ. Табакъ во всеобщемъ употребленіи у чукчей; всѣ мужчины, а также и женщины, которыя могутъ позволить себѣ эту роскошь, курятъ особенныя трубки, носимыя на поясѣ вмѣстѣ съ огнивомъ, кресаломъ, трутомъ и кисетомъ; трубки эти очень не велики и курятъ въ нихъ то табакъ, а то какое-то растеніе, образцы котораго Норденшельдъ привезъ съ собою; кресало или кремень замѣняется добрымъ кускомъ агата, а трутъ употребляется совершенно иного рода, нежели въ Европѣ. Для того, чтобы зажечь огонь употребляютъ обыкновенно пасмы растительныхъ волоконъ, добытыхъ посредствомъ разжевыванія вѣтвей деревьевъ и кустовъ; табакъ не только курятъ, но и жуютъ; когда жвачка достаточно разжевана, то ее кладутъ за ухо, чтобы дать ей высохнуть, такъ какъ бросать ее не приходится и чукча впослѣдствіи раскрошитъ ее и выкуритъ съ немалымъ наслажденіемъ. Народъ этотъ вовсе обходится безъ соли; но отъ сахара не только не отказываются,

а смотрятъ на него, какъ на величайшее лакомство; кофе имъ не нравится, если только его не насахарятъ такъ, что европейца стошнитъ отъ чрезмѣрной сладости; зато чай они готовы пить весь день. Нѣкоторые туземцы носили на шеѣ амулеты, разставаться съ которыми не соглашались ни за какія блага; у одного мужчины висѣлъ даже православный крестъ и повидимому онъ былъ окрещенъ когда-то, но во всякомъ случаѣ онъ и думать забылъ о томъ, что онъ христіанинъ и разъ только поинтересовался „не умеръ-ли тэтъ-болванъ (отецъ-богъ), или же все еще бьетъ моржей и тюленей“; кромѣ того онъ съ видимымъ самодовольствомъ поминутно осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ и въ особенности ретиво крестился на солнце. Какъ бы то ни было, и по кратковременности пребыванія среди туземцевъ и по незнанію языка, экспедиціонеры не могли познакомиться съ религіозными воззрѣніями чукчей. Одежда мужчинъ состоитъ изъ одной или нѣскольких дахъ, сдѣланныхъ подобно лопарскимъ изъ оленьихъ шкуръ; во время дождя и снѣга они напяливаютъ поверхъ дахъ еще рубаху, сшитую изъ рыбьяго пузыря или же изъ бумажной матеріи и называемую „каленкоръ“; головной уборъ состоитъ изъ шапки, украшенной бусами и плотно сидящей на головѣ; однако большинство мужчинъ и женщинъ ходятъ безъ шапокъ, простоволосые. Зимою, когда начнутся морозы, надѣваютъ обыкновенно на голову мѣховой колпакъ съ длинною шерстью, подвязываютъ его у подбородка и спускаютъ сзади и съ боковъ по плечамъ поверхъ верхней дахи. Обувь состоитъ изъ башмаковъ съ подошвами изъ тюленьей кожи и шьется, смотря по времени года: зимою изъ медвѣжьей шкуры и при томъ шерстью вверхъ, а лѣтомъ изъ рыбнаго пузыря. Женскій костюмъ состоитъ изъ очень длинныхъ и широкихъ балахоновъ, сшиваемыхъ снизу такимъ образомъ, что они образуютъ нѣчто въ родѣ панталонъ, опускающихся нѣсколько ниже колѣнъ. Нижняя часть рукавовъ кроится широко и открыто, какъ было у насъ въ модѣ лѣтъ тому назадъ двадцать или тридцать. Во внутренней юртѣ женщины разгуливаютъ обыкновенно совершенно голыми и носятъ лишь не широкій поясъ, который есть, вѣроятно, ничто иное, какъ воспоминаніе о томъ времени, когда чукчи жили въ болѣе теплыхъ краяхъ и обходились не только безъ мѣховъ, но даже и вообще безъ одежды. Волосы чукотскихъ женщинъ длинны, раздѣлены прямымъ проборомъ и заплетаются, обыкновенно, въ косы или косички; у мужчинъ они гладко выстрижены и только вокругъ всей головы оставляется рядъ волосъ длиною въ палецъ, а на лбу эти волосы начесываются на передъ, какъ у бретонцевъ и финновъ. Большинство мужчинъ имѣетъ обыкновеніе носить въ ушныхъ мочкахъ бусы, серьги и другія украшенія, а женщины украшаютъ свои лица татуировкою, а именно двумя темносиними полосами, идущими отъ глазъ къ подбородку по обѣимъ сторонамъ лица, четырьмя полосами, сходящимися у угловъ рта и нѣсколькими вычурными рисун-

ками на щекахъ; случается, что и мужчины татуируютъ себя по щекамъ темнокрасными крестами, но это далеко не составляетъ обыкновенія и соблюдается лишь нѣкоторыми, при чемъ однако не находится въ зависимости отъ общественнаго положенія или богатства.

Часто случалось экспедиціи наталкиваться на такія селенія, вокругъ которыхъ замѣтны были какія-то развалины или вѣрнѣе слѣды цѣлой массы старинныхъ построекъ, принадлежавшихъ, вѣроятно, народу, занимавшему эти мѣста до прихода чукчей; послѣдніе изгнали этотъ народъ изъ его стародавнихъ сельбищъ, но куда онъ дѣвался, былъ ли перебитъ, или же выселился куда-нибудь въ иное мѣсто — остается неразрѣшеннымъ вопросомъ. Народъ этотъ носилъ названіе „Онкилонъ", какъ утверждаетъ Врангель, приводящій въ своемъ путешествіи нѣсколько самыхъ романтическихъ легендъ о борьбѣ этого народа съ чукчами, имѣвшей мѣсто какъ разъ у мыса Иркаипи. Лейтенантъ Нордквистъ и докторъ Альмквистъ произвели среди этихъ жилищныхъ остатковъ раскопки и добыли очень богатый матеріалъ по части каменныхъ и костяныхъ орудій; повидимому, жилища эти стояли большими или меньшими группами въ родѣ какъ бы околицъ селеній и выстроены были или изъ плавучаго лѣса или же изъ китовыхъ костей, причемъ крыши были усыпаны землею; длинныя галлереи соединяли, повидимому, эти отдѣльные дома между собою, такъ что способъ постройки ихъ напомниалъ поразительно селенія индійцевъ-инджелетовъ, живущихъ близъ Нортонъ-Зунда въ Аляскѣ. Громадныя кучи кухонныхъ остатковъ, въ родѣ извѣстныхъ датскихъ кьеккенмедингсовъ, окружавшія подобныя деревни, состояли обыкновенно изъ костей кита, моржа, тюленя, сѣвернаго оленя, медвѣдя, собаки, лисицы, бѣлухи и всевозможныхъ видовъ птицъ; тутъ же валялись обломки разныхъ орудій изъ костей и камня и домашней утвари; хотя все это и лежало погребеннымъ подъ землею въ теченіи слишкомъ 250 лѣтъ по разсчетамъ Нордквиста, тѣмъ не менѣе зачастую попадались здѣсь каменныя орудія, еще находившіяся въ своихъ деревянныхъ рукояткахъ и не успѣли еще перегнить даже тѣ веревки, которыми топоръ прикрѣплялся на-крѣпко къ топорищу. Какъ и теперь у чукчей, такъ и у древнихъ обитателей ихъ страны моржовыя клыки играли огромную роль, такъ какъ доставляли и продолжаютъ доставлять этимъ дикарямъ матеріалъ для изготовленія наконечниковъ копій и стрѣлъ, крюковъ для рыбной ловли и даже топоровъ; иногда для тѣхъ же цѣлей употреблялись и китовыя кости и даже мамонтовыя. Практическіе чукчи воспользовались старинными обиталищами своихъ предшественниковъ и преспокойно устраиваютъ въ ихъ развалинахъ погреба и амбары; не оставили они въ покоѣ и кухонныхъ остатковъ, которые во многихъ мѣстахъ разрыты ради того, чтобы найти въ нихъ дорогіе для дикарей моржевые инструменты, до сихъ поръ еще необходимые въ домашнемъ ихъ быту. Въ окрестностяхъ мыса Иркаипи подобныя развалины замѣчены были въ

двухъ мѣстахъ и жилища эти относились по всѣмъ вѣроятіямъ къ эпохѣ послѣдней борьбы онкилоновъ съ чукчами; скаты холма были въ нѣсколькихъ мѣстахъ испещрены кучами череповъ медвѣдей, поросшихъ уже мохомъ и сложенныхъ первоначально въ видѣ круга, мордою внутрь, а также и другими кучами, состоящими изъ такимъ же образомъ расположенныхъ череповъ оленей, медвѣдей и моржей; среди этихъ круговъ возвышались пирамиды изъ оленьихъ роговъ, перемѣшанныхъ съ огромными лбами лося и височными костями морскихъ коровъ. Понятно, что все это устраивалось отнюдь не ради украшенія пейзажа, а съ цѣлію чисто религіозною, что доказывается хотя бы уже тѣмъ, что сюда приносились не всѣ черепа цѣликомъ, а только лишь височныя кости морскихъ коровъ, посвящаемыя вѣроятно какому-нибудь особенному богу, который требовалъ именно этихъ, почему-либо особенно для него лакомыхъ частей животнаго.

Такъ какъ экспедиціонеры не имѣли въ виду торговли и наживы, то очень скоро между ними и туземцами завязались самыя дружественныя отношенія и они могли узнать много интересныхъ бытовыхъ подробностей, которыя до сихъ поръ оставались еще неизвѣстными въ наукѣ; но они ѣхали не для однихъ лишь этнографическихъ наблюденій и цѣль ихъ была двигаться все дальше и дальше, пока они не достигнутъ Японіи. Почти весь сентябрь мѣсяцъ подвигались они впередъ крайне медленно, постоянно останавливаясь у огромныхъ плавучихъ льдинъ. Утро 28 сентября было свѣтлое, солнечное; море успѣло въ ночь подернуться пленкою льда въ пять сантиметровъ толщиною, но это обстоятельство само по себѣ нисколько не безпокоило Норденшельда и его спутниковъ, такъ какъ къ ихъ услугамъ находилась паровая сила, которая могла бы справиться и не съ такимъ ледянымъ пластомъ. Подняли якорь и двинулись впередъ; все шло прекрасно, когда „Вега“ подошла наконецъ къ Колючину мысу, всего въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Берингова пролива. Море стало не спокойнымъ, но „Вега“ продолжала подвигаться впередъ; скоро однако плавучія льдины, смерзшіяся между собою, загородили дорогу судну, а затѣмъ и окружили его со всѣхъ сторонъ; пришлось притянуться къ одной изъ льдинъ и выжидать, когда льдины разойдутся. Прошелъ день, два, три, а льдины не только не расходились, а все больше и больше спаивались. Тутъ только понялъ Норденшельдъ, что дальше идти невозможно и что судно его заперто на цѣлыя 9—10 мѣсяцевъ! Одною остановкою на пути меньше и цѣль экспедиціи была бы достигнута и „Вега“ въ началѣ октября вошла бы въ Іокагамскій рейдъ. Во всякомъ случаѣ всѣ ожиданія Норденшельда вполнѣ оправдались и возможность объѣхать Сибирь съ сѣвера была доказана! Пришлось завязать сношенія съ берегомъ, который на счастье оказался обитаемымъ.

На печальной песчаной полосѣ, отдѣляющей лагуны отъ берега моря, расположены были два чукотскихъ селенія. Ближайшее селе-

ніе отъ мѣста зимовки „Веги“ называлось „Питлекай“ и еще осенью состояло изъ семи юртъ, но съ приближеніемъ зимы, вслѣдствіе наступившей голодовки, жители одинъ за другимъ стали покидать насиженное мѣсто и переселялись поближе къ Берингову проливу, гдѣ рыбы было побольше; пускаясь въ путь, они забирали съ собою лишь самое необходимое, такъ какъ имѣли въ виду возвратиться на старое пепелище, когда наступитъ охотничій сезонъ. Второе селеніе, „Йинретленъ“ раскинулось ближе къ Колючинскому заливу и въ моментъ прихода „Веги“ насчитывало тоже семь юртъ, причемъ жители находились въ нѣсколько болѣе обезпеченномъ положеніи, нежели Питлекайцы, такъ какъ удачно охотились осенью и успѣли заготовить значительные запасы всякой провизіи. Тутъ же не вдалекѣ были еще селенія чукчей, а именно: Пидлинъ, Колючинъ, Рынайтиропъ и Иргуннукъ. Трудно опредѣлить число душъ, живущихъ въ каждой юртѣ, такъ какъ чукчи постоянно разъѣзжаютъ другъ къ другу въ гости ради длинныхъ разговоровъ Богъ вѣсть о чемъ и своихъ мѣстныхъ „перемыванiй косточекъ“; приблизительно въ каждой юртѣ живетъ обыкновенно 5—6 душъ, такъ что всего у Колючинскаго залива сосредоточивается населеніе въ 200 душъ. Когда пассажиры „Веги“ замѣтили, что судно ихъ затерто льдами, нельзя еще было ходить по льду, а потому и видно было на берегу большое смятеніе, происходившее отъ боязни упустить случай вымѣнять водки и табаку. Тщетно бѣгали чукчи по берегу, отъискивая болѣе надежнаго льда, тщетно пускались они въ лодкахъ: — ледъ подламывался подъ ногами и мѣшалъ лодкамъ плыть; наконецъ имъ удалось притащить черезъ ледъ довольно большую лодку и спустить ее въ незамерзшій еще каналъ; десятки людей бросились въ эту лодку такъ, что она почти до бортовъ ушла въ воду, и поплыла по направленію къ шведскому судну. Съ перваго же свиданія отношенія вполнѣ опредѣлились и сдѣлались самыми дружественными; скоро слухъ о пріѣздѣ странныхъ людей, не торгующихъ водкою, проникъ и внутрь страны и къ „Вегѣ“ стали пріѣзжать туземцы десятками, то просто посмотрѣть диковинку, то поболтать, то выпить стаканчикъ „рамъ“ и закусить морскими сухарями. Всѣ посѣтители имѣли право свободно осматривать всѣ уголки и ни разу ничего не пропало; честность ихъ была замѣчательна. Но скоро чукчи стали надоѣдать своими посѣщеніями, ради лишь того, чтобы получить кусокъ хлѣба; какъ нарочно настала голодовка, шведскіе сухари очень полюбились чукотскимъ желудкамъ и отъ посѣтителей не стало рѣшительно отбоя.

Утромъ 6 окятбря явился на корветъ чукотскій староста или вождь Оленныхъ чукчей Василій Менка. Онъ былъ низенькаго роста, съ темноватымъ цвѣтомъ лица, худой, одѣтый въ превосходную даху изъ шкуры бѣлаго оленя, изъ-подъ которой высовывалась синяя фланелевая рубаха. Ради того, чтобы съ перваго же слова вселить въ иностранцевъ чувство уваженія къ его важной персонѣ, а также, быть

можетъ, и для того, чтобы не подвергать опасности его дорогіе для народа дни, онъ пріѣхалъ на „Вегу“ въ саняхъ, но не съ упряжными собаками, а съ запряженными въ сани чукчами — его подданными. Тотчасъ же по пріѣздѣ онъ представилъ бумагу о назначеніи его старостою и цѣлую массу квитанцій изъ уѣзднаго казначейства объ уплатѣ имъ ясачной подати, состоящей изъ нѣсколькихъ красныхъ лисицъ, стоимостью въ 1 р. 80 к. за штуку и нѣсколькихъ бѣлыхъ—по 40 к. за штуку. Ни читать, ни писать онъ конечно не умѣлъ, да и говорилъ по-русски куда какъ плохо. Тѣмъ не менѣе, однако, когда ему показали карту, то онъ очень скоро на ней оріентировался и указалъ нѣсколько важнѣйшихъ городовъ Сѣверозападной Сибири; интересно, что этотъ чукотскій владыка не имѣлъ ровно никакого понятія о томъ, что существуетъ государь императоръ Всероссійскій и зналъ лишь, что въ Иркутскѣ живетъ какая-то очень важная особа. Сначала онъ было очень усердно крестился передъ всякою фотографіею или гравюрою, но лишь только замѣтилъ, что хозяева не дѣлаютъ этого, такъ пересталъ, понимая, что приверженностью къ православію ихъ не расположишь въ свою пользу и запретилъ креститься даже своимъ слугамъ или рабамъ, которые слѣдовали за нимъ по пятамъ. Едва лишь онъ прибылъ на корветъ, какъ эти рабы съ большою торжественностью внесли на палубу подарки Менки, состоящіе изъ двухъ жареныхъ оленьихъ тушъ, на что Норденшельдъ отвѣчалъ нѣсколькими фунтами табаку и шерстяною рубахою; грозный владыка видимо остался доволенъ оказаннымъ ему пріемомъ, рубаху тотчасъ же надѣлъ на себя и жевалъ даренный табакъ, страшно отплевываясь во всѣ стороны. Такъ какъ Менка заявилъ, что надняхъ онъ отправляется въ русское поселеніе Марково близъ древняго Анадырска, то Норденшельдъ рѣшилъ попробовать послать съ нимъ въ Швецію вѣсть о судьбѣ „Веги“; написали по-русски письмо къ генералъ-губернатору Восточной Сибири и просили передать его содержаніе его величеству королю Оскару; собрали кстати нѣсколько частныхъ писемъ, составили пачку, увязали ее между двумя дощечками и передали Менкѣ съ просьбою вручить посылку русскимъ властямъ. Великій вождь взглянулъ на дѣло иначе: онъ увидалъ въ письмѣ какъ бы похвальный отзывъ иностранцевъ о своей особѣ, а потому, какъ только съѣхалъ на берегъ, то собралъ своихъ подданныхъ, вынулъ письмо, взялъ его въ руки кверху ногами и сталъ что-то долго предолго вычитывать изъ него на чукотскомъ языкѣ предъ своимъ народомъ, повергнутымъ въ изумленіе и восхищеніе начитанностью и умомъ своего владыки. На другой день онъ снова пріѣхалъ на корветъ и наугощался такъ, что забылъ даже о своемъ величіи и преисправно выплясывалъ подъ звуки шарманки Менка исполнилъ свое обѣщаніе, доставилъ въ цѣлости довѣренное ему письмо; но что онъ получилъ за свою любезность, кромѣ табаку и шерстяной рубахи—неизвѣстно... хотя медаль сильно возвысила бы

его въ глазахъ чукчей и заставила бы ихъ всѣхъ стараться помогать дальнѣйшимъ экспедиціямъ.

Такъ какъ дѣлать было рѣшительно нечего, то нѣкоторые изъ членовъ экспедиціи стали предпринимать поѣздки внутрь страны, для того, чтобы убить какъ-нибудь время, а кстати и собрать побольше свѣдѣній о бытѣ чукчей, которые составляли terra incognita для этнографіи. Раньше всѣхъ отправился лейтенантъ Нордквистъ, выѣхавшій вмѣстѣ съ Менкою 8 октября, въ трехъ нартахъ, запряженныхъ 5, 8 и 10 собаками; всю дорогу впереди тѣхъ саней, въ которыхъ сидѣлъ Менка, бѣжалъ одинъ изъ его слугъ, показывая дорогу и направляя собакъ. Когда поѣздъ прибылъ въ селеніе, гдѣ жилъ братъ Менки, всѣ обитатели этого селенія вышли на встрѣчу гостямъ и привѣтствовали Менку по русскому обычаю поцѣлуями, хотя и дѣлали это не особенно охотно и гораздо болѣе дѣлали видъ, что цѣлуются, нежели дѣйствительно цѣловались;. съ европейцами они держали себя очень тактично, цѣловаться не полезли, а просто ограничились рукопожатіемъ. Все селеніе занимается, такъ сказать, коммисіонерствомъ по торговлѣ между при-Калымскими русскими и народомъ, называемымъ по чукотски „Йекаргуалами“ и живущимъ на американскомъ берегу Берингова пролива; между юртами стояли во множествѣ пустыя и нагруженныя до-полна сани, среди которыхъ пассажирскія сани отличались своею легкостью и согнутыми спереди и сзади полозьями, тогда какъ грузовыя сани были гораздо увѣсистѣе, сработаны изъ болѣе толстаго лѣса и имѣли прямыя полозья. Ножи, топоры, шила и всѣ желѣзныя и стальныя вещи были конечно либо американскаго, либо русскаго происхожденія; утварь въ юртѣ брата Менки состояла изъ нѣсколькихъ мѣдныхъ кофейниковъ, служащихъ для кипяченія воды, фаянсовой кружки съ какою-то англійскою надписью, двухъ чайныхъ чашекъ и плоскихъ деревянныхъ тарелокъ. Передъ отходомъ ко сну чукчи ужинаютъ, а затѣмъ и мужчины и женщины раздѣваются до гола, оставляя лишь поясъ стыдливости, безъ котораго никто не обходится; утромъ хозяйка дома встаетъ первою и приноситъ мужчинамъ кусокъ мяса, нарѣзанный ломтиками, что считается необходимымъ условіемъ свѣтской вѣжливости. Можно себѣ представить удивленіе совершенно раздѣтаго шведа, когда не менѣе откровенно одѣтая чукотская дама принесла ему на деревянномъ блюдѣ его завтракъ. Нельзя сказать, чтобы въ жилищахъ чукчей царствовала особенная чистоплотность; слѣдуетъ замѣтить, что одѣтымъ спать въ юртѣ нѣтъ никакой возможности въ виду чисто банной температуры, которая царствуетъ въ ней, благодаря огромной лампадѣ съ китовымъ жиромъ, которая плохо освѣщаетъ, но страшно нагрѣваетъ помѣщеніе. Очень ясно, что раздѣтому выходить ночью изъ юрты тоже не совсѣмъ удобно, такъ какъ на дворѣ въ это время бываетъ 40 и 45° мороза, а потому и понятно, какое страшное и невыносимое зловоніе царствуетъ въ юртѣ во время ночи.

Нерѣдко, болѣе состоятельные чукчи приглашали и Нордквиста и другихъ къ себѣ въ гости и устраивали парадные обѣды въ честь рѣдкихъ посѣтителей; на такихъ обѣдахъ подаютъ обыкновенно мясо, сало морской коровы, нѣчто въ родѣ щей изъ перебродившихъ листьевъ ветлы, печень морской коровы и, наконецъ, замороженную кровь того-же животнаго; интересно, что ни одинъ изъ путешественниковъ не сообщаетъ, ѣли-ли они все это и такъ-ли все это противно, какъ кажется намъ съ перваго взгляда. По временамъ молодежь чукотская пляшетъ; двѣ дѣвушки становятся или другъ подлѣ друга, или другъ противъ друга, раскачиваются въ разныя стороны, по временамъ подскакиваютъ на мѣстѣ, не разжимая ногъ, дѣлаютъ пируэты и все время мурлычатъ что-то себѣ подъ носъ. Пѣсни чукотскія по большей части состоятъ изъ подражанія крикамъ разныхъ животныхъ или-же изъ импровизацій безъ всякаго намека на риѳму и размѣръ; все это чрезвычайно монотонно и не только не можетъ развеселить человѣка непривычнаго, а еще нагоняетъ на него тоску, какъ-то унижаетъ его и заставляетъ на нѣсколько времени признать свою безпомощность и безсиліе. Не малое наслажденіе женскому прекрасному полу доставляетъ и взаимное „исканіе", которое составляетъ и у насъ признакъ любви и расположенія; паразиты очень ловко изловляются двумя пальцами, подносятся ко рту и давятся зубами.

Изъ всего, что мы говорили о чукчахъ, явствуетъ, что Береговые и Оленные чукчи, собственно говоря, живутъ больше всего рыбною ловлею, морскимъ промысломъ и охотою; рѣдко можно найти у нихъ небольшія стада оленей. Эти животныя такъ цѣнятся дикарями, что ни разу не удалось экспедиціонерамъ купить оленя, хотя они и предлагали самыя несообразныя цѣны. Олень не только кормилецъ, но и другъ чукча; едва только встанетъ хозяинъ и выйдетъ изъ внутренней юрты на воздухъ, какъ все стадо стремглавъ несется къ юртѣ, словно за подачкою; впереди стада бѣжитъ круторогій и большерогій старый олень, какъ вожакъ всей гурьбы молодежи; подскакавъ къ юртѣ, все стадо останавливается, какъ вкопанное, а вожакъ тихими шагами подходитъ къ хозяину и привѣтствуетъ его, трясь мордою объ его руки, тогда какъ молодежь не подходитъ, а стоитъ, выстроившись въ рядъ и устремивъ свои добрые и умные глаза на пекущагося о нихъ человѣка. Поласкавъ вожака, хозяинъ подходитъ къ каждому животному отдѣльно и даетъ ему потереть морду объ руку, а другою рукою беретъ оленя за рога и тщательно высматриваетъ не заболѣлъ-ли онъ, не занозилъ-ли ногу и т. п. Но вотъ стадо осмотрѣно и по жесту хозяина снова, стремглавъ и имѣя впереди вожака, несется на пастбище. Какъ же могъ такой хозяинъ продать пришельцу на убой одного изъ своихъ любимцевъ?

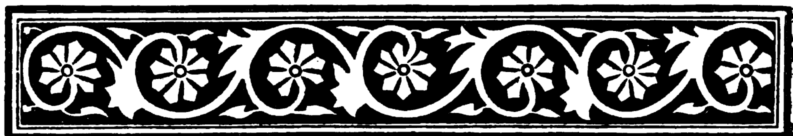
Въ десятыхъ числахъ іюля, Норденшельдъ рѣшился спустить на воду паровую шлюпку и попробовать пробраться въ Беринговъ проливъ, но 18 іюля около полудня ледъ вокругъ „Веги" сталъ ломаться

и она могла тронуться въ путь послѣ 294-хдневнаго стоянія среди льда и снѣга. 20 іюля 1879 года „Вега" огибала самую восточную точку Азіи, а 2 сентября вошла въ Іокагамскій рейдъ. Путь отсюда былъ рѣшительно сплошнымъ тріумфальнымъ шествіемъ для Норденшельда и его спутниковъ и мы не станемъ описывать тѣхъ торжествъ, которыя даны были въ честь отважныхъ скандинавовъ въ Іокагамѣ, Сингапурѣ, Коломбо, Суэцѣ, Неаполѣ, Лиссабонѣ, Копенгагенѣ и наконецъ Стокгольмѣ. Всѣ вернулись не только живыми, но и здоровыми и только и мечтаютъ о томъ, чтобы поскорѣе снова отправиться тѣмъ-же путемъ въ Берингово море.

Вопросъ разрѣшенъ — дѣло сдѣлано. Нѣсколько отважныхъ моряковъ и нѣсколько ученыхъ, вооружившись всѣмъ, что наука выработала въ послѣднее время на благо человѣку въ борьбѣ его съ природою, сдѣлали то, что считалось невозможнымъ; но кто же и что именно выигралъ отъ этого подвига? Въ одинъ годовой рейсъ изъ Архангельска можно пройти въ Петропавловскъ; Енисей и Обь очутились всего въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ того же Архангельска, да, вѣроятно, и сама далекая Лена... Сибирь связана съ Россіей и Европой превосходнымъ и дешевымъ путемъ и сдѣлалъ это не русскій, а шведъ; человѣчество дошло уже въ своемъ развитіи до забвенія о выгодахъ своихъ личныхъ и своей отчизны и работаетъ также ретиво на пользу всего человѣчества, какъ прежде работало лишь на себя и своихъ близкихъ. Норденшельдъ забылъ исконную антипатію, питаемую его соотечественниками къ Россіи и потрудился на благо ея такъ, какъ могъ бы потрудиться для нея лишь самый преданный ея сынъ. Воспользуемся-ли мы его открытіемъ, будетъ-ли кормиться вѣчно голодающій нашъ сѣверъ дешовымъ хлѣбомъ сибирскимъ, возбудятся-ли дѣятельныя торговыя сношенія между Сибирью и Россіей — дѣло уже не его, а наше. Но въ томъ-то и дѣло, что слишкомъ часто мы, русскіе, не умѣемъ пользоваться тѣмъ, что дѣлаютъ для насъ другіе и по недостатку энергіи, настойчивости и предпріимчивости, оставляемъ въ тунѣ много добраго.

В. Майновъ.

ЗАПИСКИ КВЕСТАРА [1].

V.

Въ СТАРИНУ даже по воротамъ можно было узнать въ какой въѣзжаешь домъ и какого рода хозяинъ живетъ въ немъ. Теперь это стало потруднѣе, такъ какъ всюду завелось однообразіе. Теперь на дворахъ, въ былое время ровныхъ, чистыхъ и покрытыхъ травою, сажаютъ густо и въ безпорядкѣ разные кустарники, словно устраиваютъ стойки на тетеревей. Пускай бы это велось только у большихъ пановъ, у нихъ есть кому присмотрѣть за ихъ хозяйствомъ, но простой шляхтичъ, украсившій свой дворъ „плумбами" или клумбами—кто тамъ знаетъ какъ слѣдуетъ ихъ называть—не можетъ видѣть изъ оконъ своего жилья ни своей челяди, ни конюшни, ни амбара, а хозяйка какъ будто отказалась отъ того, чтобъ поглядывать на своихъ коровушекъ, гусей, утокъ и индѣекъ. За всѣми ними слѣдовало бы ей присмотрѣть, но ихъ отъ нея заслоняютъ кусты, среди которыхъ прокладываютъ дорожку, а вѣдь и эту послѣднюю нужно чистить и усыпать желтымъ пескомъ въ ущербъ другимъ работамъ исполняемымъ на панщизнѣ. Въ то время, когда я былъ квесторомъ ничего подобнаго и въ заводѣ еще не существовало, по крайней мѣрѣ у мелкой шляхты, да и вообще все это было еще въ рѣдкость. Говорятъ, что отъ нынѣшняго устройства дворовъ край украшается и цвѣтетъ, а по моему слабому разумѣнію и по стародавней поговоркѣ „не красна изба углами, а красна пирогами [2],—мнѣ кажется, что каждая мѣстность должна отличаться довольствомъ, хорошимъ хозяйствомъ, изобильнымъ урожаемъ даровъ божіихъ, а не садиками, разведенными на дворахъ и подъ окнами домовъ.

---

[1]) Окончаніе. См. № 5 „Историческаго Вѣстника".

[2]) По польски: „Nie sławna chata wuhłami, ale piragami".

Бывало, когда въѣзжаешь во дворъ къ какому-нибудь шляхтичу, то тамъ пріѣзжаго встрѣтитъ прежде всего собака. Полаитъ она немного, какъ будто давая знать хозяину, что прибылъ гость, и если она не кидается на лошадь и на барановъ, и сама хорошо откормлена, то это добрый знакъ. По всему этому уже можно было догадаться, что хозяинъ заботится о своихъ вѣрныхъ слугахъ и не жалѣетъ для нихъ корма, а затѣмъ куда не взглянешь все окажется опрятно, огорожено, досмотрѣно, и хоть все это и убого, да за то въ порядкѣ находится. Если бараны мои разбѣгались безпрепятственно по двору, то я былъ увѣренъ, что они найдутъ себѣ здѣсь товарищей, что лошадка моя будетъ накормлена, да и самъ квестаръ, хотя бы онъ и пріѣхалъ послѣ обѣда, найдетъ обычную „порцію для бернардына“ [1]). Когда же въѣзжаешь на шляхетскій дворъ черезъ каменныя ворота, когда на дворѣ, вмѣсто простой собаки, выскочитъ тощій борзой или вертлявый гончій песъ и начнетъ разгонять барановъ; когда на маленькомъ дворикѣ до самаго крыльца проложена дорога; словомъ, когда куда не взглянешь, всюду видишь панскія затѣи, то лучше и не ѣзди далѣе, а поворачивай скорѣе назадъ, такъ какъ тамъ у хозяина по большей части бываетъ пусто и въ домѣ, и въ закромахъ, и на гумнѣ, а у него самого въ головѣ Богъ-вѣсть что дѣлается. Въ голову его навѣрно забралось панство и мутитъ ее, или же на такомъ дворѣ найдешь гордеца съ задраннымъ вверхъ носомъ и этотъ гордецъ съ тобой и говорить не захочетъ, или—что́ еще хуже и еще чаще бываетъ у молодыхъ паничей—найдешь такого, который не пригоденъ ни Богу, ни людямъ, и который понесетъ такой вздоръ, что только затыкай уши, да бѣги прочь. Такіе философы повидимому такъ же богаты премудростію, какъ другіе деньгами. Хорошо еще если иной изъ нихъ человѣкъ дѣйствительно умный; вѣдь у многихъ изъ нихъ находятся такіе приверженцы и послѣдователи какъ между писателями, такъ и между шляхтиами, которые хотятъ сравняться съ подобными мудрецами и дѣло кончается тѣмъ, что голова у нихъ идетъ кругомъ, какъ будто кто-нибудь имъ вбилъ въ лобъ фармазонскій гвоздь, о которомъ говорилъ панъ Пшонко и который однажды мнѣ самому снился.

Всѣ такія размышленія и такія выводы я основываю на собственномъ своемъ опытѣ, въ доказательство чего и опишу мою встрѣчу и мою расправу съ однимъ изъ такихъ философовъ, котораго увѣщевалъ я къ сожалѣнію только бернардынскою проповѣдью, а не бернардынскимъ поясомъ [2]).

---

[1]) Хозяйки въ прежнее время, заказывая повару обѣдъ, приказывали заготовлять запасную порцію для нежданнаго гостя; порція эта по поговоркѣ называлась порціею для бернардына.

[2]) Бернардыны били этимъ поясомъ какъ своихъ братишекъ, такъ и провинившихся мірянъ. На такомъ поясѣ находятся кисти съ деревянными головками, называемыми „огурками“, т. е. огурчиками; ими-то преимущественно и хлестали наказываемаго.

Послѣ побывки моей въ Новогрудкѣ у фармазоновъ, я рѣшился возвратиться домой и направился въ Воложинъ, чтобы забрать оставленныхъ тамъ мною барановъ, и на этомъ пути я заѣзжалъ то къ тому, то къ другому изъ тѣхъ пановъ, у которыхъ не успѣлъ побывать прежде.

Однажды передъ полуднемъ, я, подумывая объ обѣдѣ, увидѣлъ въ сторонѣ отъ дороги бѣлыя трубы и своротилъ на дорогу, которая вела къ нимъ.

Вскорѣ мы въѣхали въ березовую аллею, а затѣмъ подъѣхали къ воротамъ. По принятому обычаю, я оставилъ около воротъ свою повозку и пошелъ пѣшкомъ во дворъ. Здѣсь ни одинъ песъ не залаялъ на меня, а дворъ, усаженный кустарниками, не предвѣщалъ мнѣ ничего хорошаго. Я вошелъ въ зелень кустовъ, какъ вдругъ услышалъ крикъ:

— Бараны, бараны, божьи бараны!...

— Ого! подумалъ я, видно еще издалека замѣтили меня и готовятъ уже для меня барана и набожный хозяинъ называетъ его божьимъ, такъ какъ баранъ сей предназначается для слугъ божьихъ. Я пошелъ впередъ на заслышанный мною голосъ и очутился передъ молодымъ человѣкомъ, развалившемся на дерновой скамьѣ, небрежно одѣтымъ въ какой-то уборъ изъ шелковой ткани. У него была на головѣ красная шелковая ермолка на подобіе тѣхъ, какія я видалъ у татаръ, а на ногахъ были туфли, расшитыя въ самыя разнообразныя узоры золотомъ и шелками. Около него лежали: какая-то книга, полълиста бумаги и карандашъ.

Когда я показался, молодой человѣкъ взглянулъ на меня, да взглянулъ такъ, что морозъ подралъ меня по кожѣ.

— Видно бѣсноватый? подумалъ я.

Не спуская съ меня своего безсмысленнаго, но въ то же время и проницательнаго взгляда и не отвѣчая на обычный привѣтъ: „да будетъ похваленъ Іисусъ!“ онъ вскрикнулъ:

— Монахъ! откуда ты?

— Я не монахъ, отвѣчалъ я,—а смиренный бернардынскій квестаръ.

— А, сказалъ онъ,—бродяга, собирающій на тунеядцевъ!

— Бѣсноватый, навѣрно бѣсноватый, подумалъ я, потому что богохульствуетъ.

Я не зналъ что мнѣ дѣлать, такъ какъ никогда еще мнѣ не приводилось видѣть бѣсноватаго. На меня нашли разомъ и любопытство и страхъ и я перекрестилъ его.

— Что это значитъ? Зачѣмъ ты крестишь меня? спросилъ онъ.

— Да ты, мой голубчикъ, бѣсноватый, сказалъ я,—злой духъ богохульствуетъ вмѣсто тебя.

— Какъ я бѣсноватый? спросилъ онъ, привставая со скамейки.— Да, ты правъ, я бѣсноватый тѣмъ духомъ, котораго ты и не знаешь

и не понимаешь: я—бѣсноватый духомъ просвѣтлѣнія, безсмертія и славы.

— Нѣтъ, должно быть не бѣсноватый, а только съума спятилъ, подумалъ я.—Наткнулся же я!... и, поклонившись, хотѣлъ было уйти.

— Стой, крикнулъ онъ,—стой! Подожди моего отца, онъ навѣрно дастъ тебѣ барана.

— Такъ не ты хозяинъ? сказалъ я, нѣсколько оправившись.

— Фи! называй хозяиномъ моего отца, который принадлежитъ къ низшей интелигенціи. Онъ только и знаетъ что хозяйничать, онъ и меня хотѣлъ было силою пріохотить къ этому же дѣлу... Но моя мать, почтенная женщина, защитила меня передъ моимъ отцемъ... Любитъ она меня, да что мнѣ въ ея любви? Вѣдь такая любовь—явленіе обычное, ничего больше какъ только голосъ природы.

Теперь я начинаю понимать что это за птица! Нужно однако хорошенько задать ему, потому что онъ не соблюдаетъ пятой заповѣди, подумалъ я.

— Высоко молодчикъ летаешь! перебилъ его я,—куда какъ высоко летаешь!... Назвалъ ты меня бродягою, а почтенныхъ иноковъ тунеядцами, а кажись ты самъ лѣнивецъ и будешь бродягою, потому что не сможешь заработать себѣ хлѣба. Да кромѣ того, ты страшно грѣшишь, оказывая неуваженіе своимъ родителямъ, которые виноваты развѣ только въ томъ, что не дали тебѣ должнаго христіанскаго воспитанія, а сдѣлали изъ тебя моднаго философа.

— Нѣтъ, нѣтъ, братъ-квестаръ! послышался чей-то голосъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вышелъ изъ-за кустовъ пожилой мужчина съ спокойной и важной осанкой и съ благороднымъ выраженіемъ лица. Я почтительно поклонился ему потому, что тотчасъ узналъ въ немъ хозяина дома, а онъ сказалъ:

— Здравствуй, здравствуй, мой любезный, неожиданный гость. Возвращаясь съ поля я увидѣлъ у воротъ твоихъ барановъ и подумалъ, что ты здѣсь, а подходя сюда, я услышалъ твои послѣднія слова и догадался, что они вѣроятно вызваны краснорѣчіемъ моего сына. Мы старались воспитать его набожно и прилично и онъ въ нашемъ домѣ видѣлъ одни только хорошіе примѣры. Мы радовались, замѣчая что онъ съ дѣтства былъ охотникъ до книжекъ и еще больше радовались видя, что онъ научился иностраннымъ языкамъ, въ которыхъ, какъ всѣ говорятъ, найдется больше мудрости, нежели въ нашемъ.

Между тѣмъ сынокъ нагло улыбался, не вставая передъ отцомъ.

— Я, продолжалъ отецъ,—не зная никакого чужого языка, не могъ слѣдить за тѣмъ, какія книги онъ читалъ, а между тѣмъ онъ ужъ слишкомъ замудрствовалъ, а воспитаніе его...

— Мое воспитаніе!... Мое воспитаніе, прервалъ сынъ, быстро вскочивъ со скамейки.—Да ты, отецъ, вовсе не понимаешь меня!... Я самъ воспиталъ себя!... Духъ мой, который шелъ никуда негодной дорогой, вдругъ точно электрической искрой былъ пораженъ словами безсмерт-

ныхъ поэтовъ, въ особенности албіонскаго орла Байрона, онъ почуялъ свою силу и свое величіе, онъ явился во мнѣ геніемъ поэзіи...

— Понимаешь ли хоть что-нибудь, отецъ-квестаръ? спросилъ меня старикъ.

— Ни то, ни сё, мой благодѣтель, только альбіонскаго орла я что-то уже вовсе не знаю.

— А онъ мнѣ всѣ уши прожужжалъ этимъ орломъ,—такъ онъ называетъ англійскаго сочинителя Байрона.

— И который научилъ меня, затараторилъ снова молодецъ свысока,—смотрѣть, какъ смотрѣлъ онъ самъ на свѣтъ и на людей, а я, какъ и онъ, презираю и свѣтъ, и людей, а потому...

— Вотъ краснобай-то! подумалъ я.

— А потому, перебилъ его отецъ,—сдѣлался ты лѣнтяемъ и чудакомъ, и вмѣсто того, чтобъ помогать мнѣ на старости по хозяйству, ты безъ пути тратишь свои молодые годы, смѣшишь и насъ и добрыхъ людей.

— Люди! порываясь закричалъ онъ,—люди! Вотъ мое о нихъ мнѣніе: послушай отецъ, да и ты дурень въ рясѣ.—Онъ схватилъ листъ бумаги и началъ съ жаромъ читать какіе-то стихи.

— А что, братишка, слышалъ? сказалъ обращаясь ко мнѣ отецъ, слышалъ? Еще молоко на губахъ не обсохло, а ужь возненавидѣлъ и свѣтъ и людей, которые ему никакого зла не сдѣлали.

— Кажись онъ нездоровъ, проговорилъ я.

— Что ты, монашекъ, вздоръ мелешь, отозвался онъ, я здоровъ и разсудкомъ и тѣломъ.

— То-то и бѣда, что ты разсудкомъ не совсѣмъ здоровъ, замѣтилъ я.

— Это что еще такое? Да никакъ ты самъ съ ума спятилъ?

— Ну пока еще нѣтъ, а съ тобой это можетъ случиться, если твой родитель не примется вскорѣ лечить тебя.

— А какимъ способомъ? спросили они меня оба: отецъ заботливо, а сынъ насмѣшливо.

— Я знаю рецептъ на память, сказалъ я, рецептъ этотъ былъ когда-то прописанъ для молодежи въ стихахъ преосвященнымъ епископомъ Нарушевичемъ, и если у васъ есть охота послушать, то скажу его вамъ.

— Написанъ стихами? вскрикнулъ удивленный молодчикъ, Нарушевичъ хорошо владѣлъ языкомъ.

— Я не знаю какъ онъ владѣлъ языкомъ, знаю только, что онъ хорошо училъ какъ владѣть орудіемъ, очень пригоднымъ противъ болѣзней молодежи.

— Рецептъ этотъ, отецъ-квестаръ, очень любопытенъ, сказалъ старикъ, послушаемъ.

Я отступилъ не шагъ и сказалъ:

— Ну, панычъ, пусть я буду дурнемъ въ рясѣ, а стихи я тебѣ

все-таки прочитаю. И я началъ читать ихъ, съ такимъ же воодушевленіемъ, съ какимъ онъ прежде читалъ свои.

Стихи эти были „Ода къ плеткѣ“. Вотъ они:

„О чудотворная искони вѣковъ ременная плетка изъ воловьей кожи! Ты изгоняешь духовъ и исправляешь человѣческую природу! Ты надежный стражъ надъ дурною молодежью! Ты цѣлебное врачеваніе противъ упрямства и гордости“...

— Дуришь ты, братишка, со своими виршами—пробормоталъ молодой человѣкъ и хотѣлъ-было уйти.

— Не уходи, сказалъ отецъ, вѣдь онъ слушалъ твои вирши до конца, такъ и ты тоже самое долженъ сдѣлать въ отношеніи къ нему.

Затѣмъ я продолжалъ:

„Подъ какимъ бы ты, плеточка, не слыла названіемъ, называетъ ли тебя казакъ плетенымъ ремнемъ, ляхъ мучительнымъ ударомъ, а дикій крымскій поганинъ нагайкой, ты много значила до той поры, пока грубый сарматъ не началъ высылать для обученія своихъ дѣтей въ чужіе края; до той поры, ты, безъ особыхъ расходовъ, была лучшею наставницею.

„Твоя сила, какъ таинственное сверло, усердно сверлитъ жилы и въ мертвые пни вливаетъ жизнь. Ты придаешь полировку и лоскъ и привлекательную внѣшность, ты невѣжливую молодежь обращаешь въ почтительную. Остолопъ, неряха, олухъ, и даже офранцузившійся юноша, становился инымъ послѣ того, какъ отецъ съ плеча хорошенько отхлещетъ его. Гдѣ же теперь твое могущественное владычество? Плачутъ теперь опечаленные сапожники и армяне: была ты когда-то, плеть, драгоцѣнною домашнею утварью, полосуя разложеннаго на коврѣ молодого вертопраха“.

— Такого наставника желаю я и тебѣ, голубчикъ, сказалъ я въ заключеніе, учтиво кланяясь паничу.

— А что? сказалъ, расхохотавшись отецъ, вѣдь это будетъ получше „Байрона“.

— Это варварство! вскрикнулъ онъ, непристойно слушать это представителямъ высшей интелигенціи, это позоръ для поэзіи, если только можно называть поэзіей подобное сочиненіе!

— А гдѣ ты выучилъ этотъ рецептъ отецъ квестаръ? спросилъ отецъ.

— Когда я былъ въ числѣ учениковъ монастырской школы, то намъ ксендзъ-профессоръ задавалъ выучивать эти стихи на память, а если кто-нибудь не исполнялъ этого, того онъ обучалъ на практикѣ.

— Прекрасно, сказалъ отецъ, но мы такого лекарства употребить не можемъ, потому что его у насъ во всемъ домѣ и въ заводѣ нѣтъ.

— Э, мой благодѣтель, замѣтилъ я, такъ какъ дѣло идетъ о здоровьѣ вашего достойнаго сына, то я дамъ добрый совѣтъ. У насъ въ монастырѣ бываютъ случаи подобной болѣзни. Порою намъ приходится изгонять изъ молодежи нечистаго духа, или отъучать его отъ

гордости, или смягчать его упорство и тогда, при неимѣніи подъ рукою настоящаго лекарства, мы замѣняемъ его очень дѣйствительнымъ домашнимъ средствомъ, т. е. бернардынскимъ поясомъ съ „огурками“. Онъ очень хорошо очищаетъ разсудокъ и излечиваетъ окончательно, и я очень охотно дамъ мой поясъ для такой благой потребы.

Отецъ расхохотался снова.

— Право, ты заслужилъ барана, любезнѣйшій квестаръ, сказалъ онъ, я прикажу выбрать для тебя самаго жирнаго.

Сынъ отвернулся и, просвиставъ что-то себѣ подъ носъ, вскрикнулъ:

— Сами вы, бараны, ей-богу, бараны!

Переглянулись мы другъ съ другомъ; между тѣмъ бараны мои разбѣжались въ кусты и поѣдали ихъ.

— Что-жъ это такое! вскрикнулъ панычъ, я эти кусты садилъ собственными моими руками, орошалъ ихъ моимъ потомъ и моими слезами, а теперь негодныя животныя портятъ ихъ.

— Пусть бы и совсѣмъ съѣли, проговорилъ отецъ. Богъ знаетъ къ чему они тутъ, только заслоняютъ собою хозяйственныя постройки.

Панычъ со всѣхъ ногъ пустился выгонять барановъ и уронилъ при этомъ бывшій у него полъ-листъ бумаги; я поднялъ и оставилъ его у себя. Желая успокоить захлопотавшагося поэта, я схватилъ вожака за рога и потащилъ его къ воротамъ, за нимъ пошли другіе бараны, къ которымъ почтенный хозяинъ приказалъ присоединить и подареннаго мнѣ имъ барана. Хотя хозяинъ и оставлялъ меня обѣдать, но я, избѣгая непріятныхъ для меня споровъ, отказался и распростился съ отцомъ, посовѣтовавъ ему испытать на его сынѣ предложенное мною лекарство.

VI.

Заѣхавъ въ Несвижъ за своими баранами, я отдохнулъ нѣсколько дней въ тамошнемъ бернардынскомъ монастырѣ, и наслышавшись разныхъ разсказовъ о тѣхъ диковинкахъ, которыя были въ несвижскомъ за̀мкѣ, когда тамъ властвовали Радзивиллы, пошелъ посмотрѣть этотъ за̀мокъ. Я не зналъ еще въ ту пору, что по за̀мку хаживалъ нашъ братъ Лавриновичъ, что въ залахъ за̀мка засѣдалъ когда-то знаменитый нашъ капитулъ, а то я съ бо̀льшимъ еще вниманіемъ и любопытствомъ разсматривалъ бы все, что̀ мнѣ привелось увидать.

Въ эту пору былъ живъ еще комнатный слуга, дворянинъ князя Радзивилла, бывшаго когда-то нашимъ синдикомъ, панъ Буковскій, съ которымъ я познакомился въ несвижскомъ монастырѣ. Жилъ онъ въ мѣстечкѣ въ своемъ домикѣ, но каждый день, послѣ обѣдни, приходилъ на завтракъ къ отцу-настоятелю, а потомъ захаживалъ изъ кельи въ келью, навѣщая монашествующую братью, которая любила его какъ дорогое воспоминаніе, оставшееся послѣ Радзивилловъ. Онъ

вмѣстѣ съ ними ходилъ въ трапезу, говѣлъ вмѣстѣ съ ними, такъ что онъ собственно жилъ съ бернардынами, а не въ своемъ домѣ, да и обыкновенно такъ водится, что старички любятъ монастырскую жизнь.

Старикъ Буковскій взялся быть моимъ проводникомъ по зàмку. Господи, Боже мой! тамъ все было въ развалинахъ, и глубоко вздыхалъ Буковскій, разсказывая мнѣ:

— Вотъ зала гетманская! Вотъ зала королевская! Вотъ парадные покои, а въ этой комнатѣ всѣ уборы и вся мебель были изъ литаго серебра. Вотъ и зàмковая каплица!

Почему же, однако, можно было узнать, что это каплица? Не было и слѣдовъ алтаря и только въ углу лежала груда различныхъ шлифованныхъ камушковъ, которыми были отдѣланы алтарь и стѣны и изъ которыхъ образа были составлены такъ искусно, что они казазались нарисованными. А сколько было образовъ и портретовъ, сваленныхъ въ кучу въ одной изъ комнатъ! Сколько было здѣсь желѣза и изломаннаго оружія; изъ всего этого можно было бы заготовить кирасы на цѣлый полкъ.

Проводилъ меня Буковскій и въ подземелье, бывшее подъ зàмкомъ.

— Здѣсь, сказалъ онъ, показывая на боковой склепъ, были замуравлены радзивилловскія сокровища.

Далѣе я увидѣлъ громадные сундуки, наполненные бумагами и книгами. На дворѣ лежали двѣ длинныя пушки.

— Такихъ пушекъ стояло на валахъ зàмка нѣсколько десятковъ, сказалъ Буковскій.

Наконецъ мы сошли въ нижніе покои, окна которыхъ были заслонены такими валами, что въ этихъ комнатахъ было мрачно даже во время самаго яснаго дня.

— Тутъ, сказалъ Буковскій, я послѣдній разъ прислуживалъ моему пану и благодѣтелю князю Карòлю Радзивиллу, воеводѣ виленскому. Онъ сталъ на старости слѣпнуть и выбралъ себѣ такое жилье, въ которое никогда не входило солнце и не раздражало его больныхъ глазъ. Потомъ поѣхалъ онъ въ Бялу, гдѣ его долженъ былъ лечить какой-то иностранный окулистъ. Но отъ такого леченія глаза его не только не поправились, но, напротивъ; закрылись на вѣки, и дорогой нашъ князь уже въ гробу возвратился въ Несвижъ, а я, его слуга, добавилъ онъ, отирая слезы, не могъ даже одѣть его мертваго!

Когда мы выходили изъ этихъ развалинъ, мѣдный, радзивиловскій орелъ, укрѣпленный на желѣзномъ прутѣ, жалобно застоналъ, обращаясь по вѣтру.

Буковскій остановился, снялъ шапку, взглянулъ на орла и печально покачивая головою сказалъ:

— Плачъ славный орелъ! гнѣздо твое разорено...

Никогда я не забуду этого старика и этой торжественной минуты.

Буковскій и теперь стоитъ у меня въ глазахъ съ головою, склоненною передъ радзивилловскимъ орломъ.

Съ середы и до воскресенья я прогостилъ въ Несвижѣ и намѣренъ былъ выѣхать оттуда въ этотъ день послѣ обѣдни. Внимательно прослушалъ я проповѣдь, сказанную отцемъ бернардыномъ, съ которымъ я уже познакомился, и который собирался теперь на послушаніе въ нашъ бѣницкій костелъ. Мнѣ хотѣлось знать, о чемъ онъ будетъ разсуждать съ амвона. Говорилъ онъ не по написанному заранѣе, а то, что Богъ положилъ ему на сердце. Не помню теперь, на какой именно текстъ была сказана проповѣдь, но она имѣла наставительный смыслъ и для всѣхъ вообще и для каждаго въ отдѣльности. Онъ громилъ пороки, преимущественно же лѣность, и внушалъ, что бы всякій трудился на предназначенномъ ему въ обществѣ мѣстѣ. Панъ будь паномъ, а хлопъ хлопомъ; съ этими послѣдними онъ сопоставлялъ мелкую, окольную шляхту, которою былъ наполненъ костелъ, и выбивалъ изъ головъ шляхтичей стародавнюю спѣсивость и своеволіе. Въ концѣ же своей проповѣди онъ, разгорячившись, сказалъ: „Перекуйте теперь ваши мечи на орала и обрабатывайте ими вашу отцовскую землю“ и такъ далѣе.

Покуда я собрался и распростился, солнце далеко уже зашло за полдень, и я, наскоро поѣвъ въ трапезѣ борщу, отправился шажкомъ изъ мѣстечка. Прежняя кучка моихъ барановъ соединилась съ той, которую я оставлялъ въ монастырѣ. Число барановъ теперь удвоилось и не мало хлопотъ они мнѣ причиняли, такъ что мнѣ пришлось принанять въ деревнѣ хлопца, который, по крайней мѣрѣ, догналъ бы ихъ до Воложина, гдѣ я надѣялся найти для себя болѣе надежную подмогу.

Въ полуторѣ мили отъ Несвижа была околица—шляхетскій поселокъ.

Я тотчасъ же догадался, что это не деревня, потому, что мѣстами надъ крышами домовъ поднимались бѣлыя трубы, окошки были больше, чѣмъ въ крестьянскихъ избахъ; вмѣсто простыхъ загородокъ были ворота, висѣвшія на петляхъ, а кругомъ зеленѣли садики и вишневыя деревья. Въ ту пору, когда я квестовалъ, по околицамъ были еще остатки прежняго довольства и хотя уже частенько тотъ или другой домикъ поддерживался подпорками, труба и крыша были покосившись и въ рамы съ разбитыми стеклами свисталъ вѣтеръ, но все же такую околицу можно было сравнить съ старымъ шляхтичемъ, который, заломивъ на бекрень свою потертую конфедератку и подперевъ бока руками, важно стоялъ, насвистывая пѣсенку: Cztéry kąty, a piec pięty“ или „Oto to ja pan, i o nic nie dbam“ [1]). Такою

---

[1]) „Четыре угла и пятая печь“ и „Вотъ я такъ панъ, ни о чемъ не забочусь“.

полуразоренною шляхетскою околицею была и та, въ которой я остановился теперь, не для квесты, впрочемъ, такъ какъ я не былъ охотникъ собирать тамъ, гдѣ не видалъ достатка. Я хотѣлъ въ этой околицѣ постараться только о томъ, чтобы достать погонца для моихъ барановъ. Оставивши мою повозку и мое стадко на скошенной уже травѣ, я пошелъ въ улицу и толкнулся въ дверь перваго попавшагося мнѣ дома.

Помоги мнѣ, Господи, припомнить все, что я тамъ увидѣлъ и услышалъ; потому что чрезвычайно трудно бываетъ вспомнить и описать то, въ чемъ и есть и нѣтъ содержанія, въ чемъ есть и нѣтъ смысла. Пусть же самъ отецъ-настоятель сдѣлаетъ нравственныя выводы, а я буду только разскащикомъ.

На широкой завалинкѣ дома сидѣлъ старичекъ. Сѣдая его голова была бѣла, какъ голубь. Ему, казалось, было лѣтъ сто или, по крайней мѣрѣ, около этого. На его лбѣ и лицѣ не было вовсе морщинъ, потому что кожа, желтая какъ пергаментъ, такъ присохла къ тѣлу, что на ней изчезли всѣ складки; но глаза его бѣгали еще живо и, казалось, силы его не были еще въ упадкѣ. Онъ проворно вертѣлся около работы, которую на той же завалинкѣ производилъ крошечный мальчикъ его внукъ, а, быть можетъ и правнукъ. Строили они какой-то замокъ изъ лучинокъ, и низъ этой постройки обсыпали пескомъ для того, чтобъ онъ крѣпче держался. Но какъ я удивился, когда увидѣлъ, что у ногъ старика лежали двѣ сабли безъ ноженъ. У одной сабли конецъ былъ сломанъ и, она была закопчена такъ, что, повидимому, замѣняла кочергу для того, чтобы ею мѣшать въ печкѣ. Другая сабля хотя была цѣла, но вся покрыта ржавчиною. Чуть только завидѣлъ меня старикъ, какъ схватился за обѣ сабли и крикнулъ:

— Не отдамъ! Ей-богу не отдамъ!

— Да будетъ похваленъ Іисусъ Христосъ! сказалъ я.

— Во вѣки вѣковъ! отозвался старикъ, а все-таки сабель не отдамъ, добавилъ онъ.

— Не могу понять, что у тебя на умѣ, проговорилъ я, зачѣмъ мнѣ твои сабли? Я вовсе и не думаю отнимать ихъ у тебя.

— А зачѣмъ ты сегодня съ амвона кричалъ: „раскуйте ваши мечи на орала?“ (Я сейчасъ же понялъ, что это значитъ). Ты хочешь, чтобы мы изъ нашихъ старыхъ сабель понадѣлали сошники. Ты никакъ изъ ума выжилъ! Знаю, отецъ, за чѣмъ ты сюда пріѣхалъ, ты хочешь посмотрѣть, исполнимъ ли мы твое наставленіе и если нѣтъ, то спровадить наши сабли въ кузницу.

— Побойся Бога, старина, сказалъ я, я вовсе не проповѣдникъ, я—квестаръ и даже не изъ несвижскаго монастыря, я былъ тамъ сегодня только за обѣднею и слушалъ ту же самую проповѣдь, которую и ты слушалъ.

— Да, слушалъ, слушалъ?! Меня каждое воскресенье старшій внукъ возитъ туда въ тележкѣ къ обѣдни. Развѣ нѣтъ у насъ другого желѣза на сошники? Развѣ непремѣнно нужны на заготовку ихъ наши старинныя сабли?

— Проповѣдникъ, замѣтилъ я, хотѣлъ этимъ сказать...

— Ого! перервалъ старикъ, я знаю что онъ хотѣлъ сказать. Онъ хотѣлъ сказать, что намъ уже довольно воевать, а пора пахать землю. Ой! А что скажутъ на это дигнитары? [1]).

Говоря это, онъ всталъ и хотя дрожалъ на ногахъ, однако проворно схватилъ саблю и, махая ею въ воздухѣ, кричалъ:

— Когда сабля мѣрила чужую границу!..

Затѣмъ, подумавъ не много, и какъ будто вспомнивъ что-то, крикнулъ:

— И усы должны были уступить прическѣ!

— Эти слова взяты тобою изъ одной старинной пѣсни, сочиненной въ похвалу усамъ, и я ее знаю, проговорилъ я.

— Неправда! заоралъ онъ, топая со злостію ногами. Неправда! Не уступили усы, не уступили! Вонъ нѣмца съ его фризурой! „Я еще шляхтичъ и покручу свой усъ“!

И дѣйствительно онъ сталъ крутить свой усъ, хотя уже и полинялый, но еще густой и длинный.

— А теперь? теперь намъ говорятъ, чтобъ сабля уступила оралу. Чѣмъ же мы будемъ мѣрить чужую межу? Еще недавно сосѣди, панъ Антонъ Построжекъ и панъ Филиппъ Станчикъ, поспорили о томъ, чье поле шире, тогда какъ и то и другое поле были отъ-вѣка одинаковы. Меня, какъ самаго старшаго лѣтами они выбрали судьею. Вся наша околица пошла за нами въ поле, чтобъ посмотрѣть, кто изъ спорщиковъ будетъ правъ. Какой-то дурень крикнулъ тамъ: „мѣрьте шагами“! и началась ходьба по межамъ. Панъ Станчикъ по своей межѣ тащился какъ медвѣдь, а по межѣ Построжека прыгалъ какъ сорока. Панъ Построжекъ на оборотъ, какъ человѣкъ сдержанный и политикъ, шагалъ ровно и важно и по той и по другой межѣ, но за то велъ особый счетъ и для себя и для пана Станчика. На своей межѣ онъ считалъ шаги такъ: двадцать восемь, двадцать девять, двадцать десять, тридцать и далѣе такъ: тридцать восемь, тридцать девять, тридцать десять, сорокъ, а на межѣ Станчика считалъ шаги, какъ обыкновенно считаютъ. Тогда я увидалъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, что при этомъ должно соблюсти строгую справедливость, что нужно мѣрить не шагами, потому что каждый изъ спорщиковъ и изъ ихъ сторонниковъ измѣрялъ шаги по своему, потворствуя то той, то другой сторонѣ. Чѣмъ же, однако, мѣрить? Землемѣра искать негдѣ, а если бы онъ и былъ на лицо, то всѣмъ извѣстно, что, тамъ гдѣ пройдетъ его цѣпь, тамъ въ продол-

[1]) Общее названіе сановниковъ, занимавшихъ въ Польшѣ и въ Литвѣ высшія государственныя должности.

женіе пятидесяти лѣтъ и трава не растетъ. Мѣрить веревкою, но если ею мѣритъ хлопъ, то это все равно, что жидъ мѣритъ локтемъ. Наконецъ, я предложилъ измѣрить поле, по шляхетски—саблею. Изъ ума что ли выжилъ? вскрикнули всѣ. Но я, не смотря на эти крики, тотчасъ же принесъ мою саблю и прошелъ съ нею обѣ межи. Оказалось, что поле пана Зброжека были шире на полторы сабли, чѣмъ поле пана Станчика, и такимъ образомъ панъ Зброжекъ проспорилъ, а соха утвердила то, что отмѣрила сабля. Съ той поры миръ установился между паномъ Зброжекомъ и паномъ Станчикомъ. Пусть же такъ мирно живутъ сабля и соха; къ чему ковать и перековывать, да и что будетъ, если вдругъ на оборотъ, орала перекуютъ на сабли?

Между тѣмъ шляхта, прогуливавшаяся по улицѣ, увидѣвъ за воротами моихъ барановъ, а меня самого толковавшаго со старикомъ, стала собираться вокругъ насъ. Первымъ пришелъ какой то уже порядкомъ пожилой старикъ, высокій и худощавый, въ сѣромъ, длинномъ до пятъ капотѣ, въ соломенной шляпѣ съ широкими полями и съ суковатой палкой въ рукахъ. По его мѣрному шагу и важной поступи, а также по разсказу старика, я догадался кто именно былъ этотъ шляхтичъ. Онъ поздоровался со мною, приложивъ руку къ колѣну и приговаривая:

— Слуга и подножье,—Антонъ Зброжекъ.

Я сдѣлалъ тоже самое и сказалъ:

— Падаю въ ножки—братъ Рафалъ Каренга, пріѣхалъ сюда за баранами, такъ какъ я бернардынскій квестаръ изъ бѣницкаго монастыря.

— Очень пріятно встрѣтиться съ умнымъ человѣкомъ, рыбакъ рыбака видитъ издалека, сказалъ онъ, улыбаясь. За тѣмъ прошу тебя къ себѣ на ночлегъ, потому что панъ Борсукъ, хозяинъ этого дома, уѣхалъ къ своей роднѣ въ Слонимъ, а у отца его, выжившаго изъ ума Маѳусаила, въ головѣ такой порядокъ, какой бываетъ въ курятникѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, прервалъ я, слушая слова этого старца, я заключилъ, что голова его похожа на нашъ бѣнецкій монастырь, въ которомъ хотя и есть разрушившіяся отъ старости кельи, но за то иныя еще держатся такъ хорошо, что въ нихъ можно жить.

— Двадцать десять, пробормоталъ старикъ, копаясь на завалинкѣ, а впрочемъ, моя сабля уничтожила такой счетъ,—и онъ, какъ дитя расхохотался, вспомнивъ удачу своей продѣлки. Ясикъ, сказалъ онъ, обращаясь къ внуку, теперь около зàмка выкопаемъ такой же большой прудъ, какой въ Несвижѣ, а на греблѣ мы поставимъ ворота, запремъ ихъ наглухо и не пустимъ въ зàмокъ ни одного кузнеца.

— Но, дѣдушка, отозвался внучекъ, вѣдь сегодня воскресенье и прудъ копать нельзя.

— Дà, правда, правда, мое дитятко, проговорилъ старикъ, гладя внука по головкѣ.

Между тѣмъ, слѣдомъ за паномъ Зброжекомъ, понабралось довольно шляхичей. Тѣ изъ нихъ, которые были постарѣе лѣтами, обошлись со мной чрезвычайно вѣжливо и внимательно. Тѣ же, которые были помоложе, только посвистывали, не обращая ни на что вниманія, а нѣкоторые изъ нихъ подошли къ старику и стали подтрунивать надъ нимъ. Онъ, однако, не долго позволилъ имъ потѣшаться надъ собою. Онъ вдругъ вскочилъ и схватилъ саблю.

— Брысь шалопаи! крикнулъ онъ, брысь! Я съумѣю научить васъ, какъ слѣдуетъ вамъ уважать сѣдую голову. Развѣ я не видѣлъ, какъ вы, прійдя сюда, не отдали уваженія монаху, и даже не почтили тотъ святой крестъ, который онъ носитъ на груди. Ого! въ старину вамъ бы на коврѣ закатили сотню за такое нахальство!...

Молодежь разсмѣялась и разошлась.

— Зачѣмъ ты, панъ Шимонъ, притащилъ сюда эти сабли? спросилъ Зброжекъ.

— А вотъ спроси у его милости отца-бернардына, несвижскаго проповѣдника.

По поводу этого я разсказалъ пану Зброжеку и всѣмъ, кто слушалъ меня, какимъ образомъ истолковалъ себѣ старикъ сегодншнюю проповѣдь, на которой и всѣ они были сами, но ни одинъ изъ нихъ, какъ казалось, не слушалъ ее съ такимъ вниманіемъ и не понялъ ее въ томъ смыслѣ, какъ панъ Шимонъ. Повидимому, онъ, сидя на завалинкѣ и покачивая головою, не обращалъ никакого вниманія на мой разсказъ. Когда же я замолчалъ, то онъ спросилъ меня:

— Что же ты объ этомъ скажешь? Что скажутъ объ этомъ дигнитары?

— Какіе тамъ дигнитары залѣзли тебѣ въ голову, панъ Шимонъ? спросилъ Зброжекъ. Ты въ своей молодости бывалъ съ ними на сеймикахъ и отвѣдалъ ихъ ласки, такъ тебѣ и кажется, что они и теперь еще живутъ и распоряжаются шляхтою, а между тѣмъ давно ужъ нѣтъ ни дигнитаровъ, ни дигнитарства.

— А куда жъ они дѣлись? Развѣ ихъ истребили французы? съ изумленіемъ спросилъ старикъ, приподнимаясь съ мѣста и смотря съ безпокойствомъ намъ въ глаза. Замѣтно было, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ отъ насъ отвѣта, котораго, однако, никто изъ насъ дать ему не могъ и даже самый мудрѣйшій изъ нашей среды, панъ Зброжекъ. Между тѣмъ кто-то изъ шляхтичей, какъ видно столько же знавшій о дигнитарствѣ, столько и мы всѣ его знали, сказалъ:

— А что жъ тутъ удивительнаго? Французы грабили церкви, обдирали алтари, такъ что жъ мудренаго, что они захватили съ собою и дигнитарство. Должно быть дигнитарство была богатая штука. Я самъ видалъ у кого-то кусокъ литого изъ серебра слуцкаго пояса съ толстою бахрамою. Должно быть онъ этотъ кусокъ оторвалъ отъ какого-нибудь дигнитарства.

Старикъ, между тѣмъ, усѣлся снова, призадумался, потеръ лобъ, покачалъ головою и наконецъ сказалъ:

— Грабили церкви, обдирали алтари — это правда, я самъ это помню... А что, въ Вильнѣ есть еще пресвятая Богородица Остробрамская и Господь Іисусъ на Антоколѣ?

— Есть, есть, отвѣчали всѣ.

— Есть, такъ значитъ святой нашей вѣры еще не уничтожили, проговорилъ старикъ.

Потомъ онъ снова задумался, и началъ тереть свой лобъ, какъ будто у него въ головѣ что-то заколоднило и, наконецъ, спросилъ:

— А что панскіе дворы еще существуютъ?

— Дà, еще существуютъ, хотя уже и не такіе, какіе бывали въ старину, отвѣчалъ Зброжекъ.

— Ну и это хорошо. А что тамъ поютъ еще: „Здравствуй ранняя зоренька!“ или „Обнимемся“ [1]).

Зброжекъ, пожавъ плечами, сказалъ:

— Попадаешь ты, панъ Шимонъ, изъ пятаго въ десятое, мнѣ, право, за тебя стыдно.

— Ага! черезъ пятое въ десятое! Видно ты снова принялся считать по старому.

Говоря это, старикъ приподнялся и глаза его засвѣтились необыкновеннымъ блескомъ.

— Когда бывало пѣли: „Здравствуй ранняя зоренька!“ или „Обнимемся“, торжественно сказалъ онъ, тогда и молились какъ братья... тогда и любили другъ друга, какъ братъ брата. Тогда широко, охъ, какъ широко!—словно сѣть, связанная узелками, разстилалась братская любовь по всему нашему краю... а теперь, когда все идетъ черезъ пятое въ десятое, то и дигнитарство упало... и шляхта идетъ черезъ пятое въ десятое...

Проговоривъ это, онъ усѣлся и склонилъ голову. Замѣтно было, что силы оставили его. Онъ положилъ на колѣни свою саблю, и смотря на нее и отирая рукавомъ слезы, покачивалъ головою.

Я и панъ Зброжекъ переглядывались другъ съ другомъ.

— Выжилъ изъ ума, сказалъ, наконецъ, Зброжекъ. Теперь ужъ онъ ничего не промолвитъ, мы его хорошо знаемъ. Когда онъ усядется, да начнетъ плакать, то будетъ молчать словно камень. Пойдемъ-ка со мной отецъ-квестаръ. Прошу тебя ко мнѣ закусить. Прощай, панъ Шимонъ! крикнулъ Зброжекъ и многіе изъ шляхтичей.

— Прощай, старина, повторилъ за ними и я.

Но онъ даже и не взглянулъ на насъ.

[1]) Извѣстная застольная польская пѣсня: „Kochajmy się“, во время которой всѣ собесѣдники обнимались и цѣловались.

VII.

Братъ Петръ, всегда печальный и неразговорчивый, сдѣлался еще молчаливѣе во время нашего обратнаго пути. Не хотѣлось ему возвращаться въ монастырь, гдѣ презрительно относились къ нему и недружелюбно обращались съ нимъ. Правда, онъ иногда ворчалъ что-то себѣ подъ носъ, но я ничего не могъ разслышать. Показалось мнѣ даже однажды, что онъ бормоталъ по-еврейски, за что я и задалъ ему нагоняй, послѣ чего онъ молчалъ снова. Въ Несвижѣ онъ нѣсколько разъ бѣгалъ изъ монастыря и однажды цѣлую субботу пропадалъ неизвѣстно гдѣ.

— Ужъ не справлялъ ли онъ только съ жидами шабаша? замѣтилъ тамошній настоятель послѣ того, какъ я разсказалъ ему предшествовавшую жизнь недавняго христіанина.

Въ безпокойствѣ я ходилъ всю ночь на-пролетъ по мѣстечку, развѣдывая о немъ.

На другой день я увидалъ его при повозкѣ, около которой онъ суетился какъ и всегда. На мои вопросы и на мой выговоръ онъ не отвѣчалъ ничего. Но когда зазвонили къ обѣднѣ, то онъ пошелъ торопливо въ церковь и тамъ усердно молился. Подумалъ я тогда, что онъ служитъ двумъ господамъ, только неизвѣстно, которому изъ нихъ съ большимъ усердіемъ.

Панъ Здрожекъ досталъ мнѣ проворнаго хлопца, а тотъ въ помощь себѣ взялъ съ собою дворовую кудлатую собаку, и оба они, помогая другъ другу, не допускали моихъ барановъ идти въ разбродъ. Наконецъ мы стали подъѣзжать къ Воложину.

При въѣздѣ въ это мѣстечко, мы застали неожиданную сумятицу, около насъ поднялась словно завируха. Толпа жидовъ всякаго возраста, и старые, и молодые, и даже множество „бахуровъ“ [1]), жалобно выла и гналась за какимъ-то человѣкомъ, тоже жидомъ, который бѣжалъ отъ своихъ преслѣдователей, хотя и быстро, но не показывая виду, что онъ боялся ихъ и хотѣлъ бы отъ нихъ скрыться. Жиды же, въ свою очередь, какъ казалось, бѣжали за нимъ не столько для того, чтобы поймать его, а скорѣе для того, лишь бы напугать и прогнать его подальше.

При этомъ шумѣ собака наша принялась лаять, выть и кидаться, бараны наши разбѣжались, а мы, оглушенные этой суматохой, пріостановились на дорогѣ. Между тѣмъ гонимый жидъ обернулся къ слѣдовавшей за нимъ толпѣ и остановился близь нашей повозки, такъ что мы хорошо могли разсмотрѣть его.

Онъ имѣлъ чрезвычайно странный видъ. Тотчасъ же можно было догадаться, что онъ явился изъ чужой стороны. Онъ былъ высокъ ро-

---

[1]) По-жидовски — дѣти, ребятишки.

стомъ, и по лицу смахивалъ на цыгана, глаза его горѣли какъ зажженный уголь, борода у него была черная и густая. Правда, что такого по виду жида можно иногда встрѣтить и между нашими жидами, но за то одежда его совершенно разнилась отъ одежды мѣстныхъ евреевъ. На головѣ у него была какая-то странная повязка краснаго цвѣта, а черная бархатная чамарка была перехвачена краснымъ поясомъ. На плечахъ у него былъ плащъ, похожій на тѣ плащи, подъ которыми венгерцы носятъ свои аптечки. При быстромъ его бѣгѣ, плащъ, развѣваемый вѣтромъ, занималъ полдороги, подъ мышкой онъ держалъ большущую книгу, а въ рукѣ была у него длинная дубина. Когда онъ пріостановился и обернулся, то струсившіе жиды тоже пріостановились и маленькія ребятишки пустились бѣжать отъ него во всю прыть. Тогда онъ положилъ на землю книгу и дубину, взялъ въ обѣ горсти песку, поднялъ вверхъ руки и глаза, проговорилъ важно и грозно какія-то еврейскія слова и сыпнулъ въ жидовъ пескомъ.

— Гвалтъ! крикнули всѣ они въ одинъ голосъ.

— Гвалтъ! крикнулъ съ ними за одно и братъ Петръ и самъ въ то же время перекрестился.

Я самъ испугался того адскаго взгляда, какой онъ кинулъ на жидовъ, сыпнувъ на нихъ пескомъ. Между тѣмъ онъ поднялъ съ земли свою дубину и книгу и пошелъ дальше, а жиды принялись вслѣдъ ему голосить: „оруръ, оруръ“, что означаетъ проклятый, и въ свою очередь бросая въ него пескомъ, кинулись вслѣдъ за нимъ.

— Что это такое? удивившись спросилъ я у Петра. Вѣрно, они гонятъ Гаммана?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, праздникъ Гаммана не наступилъ еще.

— Что же это такое? За чѣмъ они бросаютъ песокъ и что онъ сказалъ имъ, когда бросилъ въ нихъ пескомъ?

— Охъ, проговорилъ братъ Петръ, сказалъ онъ страшное слово ухъ, какое страшное: онъ проклялъ ихъ и проклялъ даже до десятаго колѣна...

— А кто-жъ онъ самъ?

— Не знаю, не знаю. Извѣстно только мнѣ, что онъ былъ недавно въ Несвижѣ, запинаясь отвѣчалъ Петръ.

— А почему же ты это знаешь?

Петръ на мой вопросъ не отвѣчалъ ни слова, но я догадался, что находясь въ Несвижѣ, онъ успѣлъ побывать въ тамошней синагогѣ, и въ этомъ я видѣлъ плохое предзнаменованіе; вѣдь, чего добраго, и на самомъ дѣлѣ случится то, что предсказалъ отецъ-настоятель въ тотъ день, когда онъ отправлялъ меня на квесту. Вѣдь волка какъ не корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ [1]).

Когда завируха миновала насъ и понеслась впередъ, то мы поѣхали

[1]) „Wilcza natura do lasy ciągnie“, собственно: „волчья природа въ лѣсъ тянетъ“.

далѣе, и послѣ того въ самый полдень добрались къ обѣду въ монастырь. Тамъ я разсказалъ о томъ, что̀ я видѣлъ при въѣздѣ въ мѣстечко и когда описалъ наружность жида, котораго гнали вонъ, то отецъ-настоятель замѣтилъ:

— Ужь не появился ли въ нашей околицѣ Агасферъ. Попрошу я сегодня вечеромъ придти къ намъ на пиво здѣшняго раввина, онъ куда какой мудрецъ по жидовщинѣ, а по отношенію къ намъ человѣкъ очень разсудительный и достойный уваженія. Живемъ мы съ нимъ въ ладахъ и онъ поразскажетъ намъ, что было въ мѣстечкѣ.

Премудрый воложинскій раввинъ не отказался отъ приглашенія, сдѣланнаго ему настоятелемъ.

Когда онъ шелъ изъ мѣстечка по направленію къ монастырю, то мы видѣли, какъ кучки жидовъ заступали ему дорогу, тѣснились около него и наперерывъ одинъ передъ другимъ цѣловали полы его одежды. По просьбамъ нѣкоторыхъ изъ жидовъ, сопрождаемымъ низкими поклонами, онъ входилъ въ ихъ дома. Между тѣмъ отецъ-настоятель, придя съ нѣсколькими монахами въ свою келью, сказалъ мнѣ:

— Воложинъ—настоящій Римъ для литовскихъ евреевъ и здѣшній раввинъ въ глазахъ ихъ безсмертенъ. Съ давнихъ уже поръ званіе и ученость здѣшняго раввина переходятъ въ одной семьѣ отъ отца къ сыну, такъ что въ замѣнѣ раввиновъ одного другимъ не замѣчается никакой перемѣны. У моего пріятеля Соломона есть уже женатый сынъ и внукъ, а потому преемственность раввинскаго званія въ его семействѣ упрочена на долго. Отовсюду въ здѣшнюю школу привозятъ еврейчиковъ, а самые богатѣйшіе жиды вмѣняютъ себѣ въ честь, если могутъ сказать, что сыновья ихъ учатся у воложинскаго раввина; для содержанія же въ здѣшней школѣ убогихъ жидовъ, въ каждомъ жидовскомъ домѣ, особенно по мѣстечкамъ, можно увидѣть при дверяхъ рядомъ со сборною іерусалимскою кружкою и воложинскую. Старые жиды пріѣзжаютъ сюда также, даже изъ самыхъ отдаленныхъ сторонъ и часто они сидятъ здѣсь надъ книгами по нѣсколько лѣтъ сряду. Здѣсь находится множество такихъ жидовъ и кромѣ ихъ еще каждый день пріѣзжаютъ сюда и другіе. Хотя съ нихъ Соломонъ ничего не беретъ для себя,—а могъ бы онъ сколотить кое-что, если бы бралъ деньги и тѣ подарки, которые ему предлагаютъ,—но онъ не отказывается отъ книгъ, а ему ихъ привозятъ цѣлыя фуры. Да, впрочемъ, что значатъ всѣ эти книги — вздохнувъ, добавилъ отецъ-настоятель — онѣ ничего болѣе, какъ только склады жидовскаго нечестія: талмудъ, мишна, гемара, и тому подобныя бредни. Соломонъ, впрочемъ, читаетъ по латынѣ и даже, какъ кажется, понимаетъ и по гречески. Однимъ словомъ, онъ былъ бы настоящимъ мудрецомъ, если бы только онъ былъ христіанинъ.

Разсужденія отца-настоятеля перервалъ вошедшій раввинъ.

Даже съ виду онъ разнился отъ прочихъ евреевъ. Онъ каждый день носилъ такую накидку, какую жиды носятъ только въ шабашъ, отправляясь въ синагогу. Шапка у него была бѣлая, а ермолка съ золотою верхушкою; поясъ у него былъ изъ парчи. Весь этотъ нарядъ считается принадлежностію патріарха, и званіе патріарха, какъ говорятъ, было ему предоставлено семью амстердамскими раввинами, которые считались первѣйшими мудрецами во всемъ свѣтѣ. Онъ былъ худощавъ, изсушивъ себя, вѣроятно, надъ книгами; въ немъ не было впрочемъ, замѣтно ничего особеннаго, но когда онъ началъ говорить, то мнѣ показалось, что его можно было бы слушать цѣлый день и кто его слушалъ тотъ забывалъ, что съ нимъ говорилъ жидъ, потому, что Соломонъ говорилъ чисто по польски и разсуждалъ куда-какъ здраво.

Не припомню уже я съ чего начался у насъ съ нимъ разговоръ, но когда пивцо, приправленное лимономъ, мушкатнымъ орѣхомъ, сахаромъ и корицею, подзадобрило мудреца, то отецъ-настоятель повелъ съ нимъ бесѣду о тревогѣ, случившейся по утру въ мѣстечкѣ.

— Что это было сегодня, панъ Соломонъ? Какого жида вы всѣ гнали изъ Воложина? Братъ нашъ—бѣницкій квестаръ—наткнулся на ватагу и видѣлъ какого-то страшнаго человѣка. По сдѣланному имъ описанію, мнѣ пришло въ голову: ужъ не появился ли здѣсь Агасферъ? Я видѣлъ его когда-то... на картинѣ. Ты, конечно, знаешь кто онъ такой и тебѣ извѣстно, за что онъ осужденъ ходить безъ малѣйшей остановки. Быть можетъ, онъ и къ намъ забрался.

Раввинъ только улыбнулся и прихлебнулъ глотокъ пива.

— Будь такъ любезенъ, панъ Соломонъ, скажи намъ, что все это значитъ.

Долго Соломонъ молчалъ, покивывая головою, и когда настоятель повторилъ свои вопросы и свою просьбу, то онъ сказалъ намъ:

— Зачѣмъ вамъ нужно это знать? Я могу увѣрить васъ, что здѣсь Агасферъ не былъ, потому, что вѣчнаго жида никогда не существовало на свѣтѣ.

— Дѣло не въ томъ, существовалъ ли онъ или нѣтъ—заговорилъ отецъ-настоятель, спорить объ этомъ мы не станемъ — вѣрованіе въ его существованіе религіею нашею не требуется, тѣмъ не менѣе все-таки въ сегоднишнемъ приключеніи есть какая-то тайна, о которой ты намъ не желаешь ничего сказать. Какъ бы то ни было, но всѣ знаютъ, что въ мѣстечкѣ произошелъ сегодня утромъ страшный переполохъ, скрывать этого нельзя и многіе будутъ спрашивать тебя объ этомъ.

— Отъ чего же непремѣнно меня? возразилъ Соломонъ.

— Отъ того, что всѣмъ извѣстно, что безъ воли твоей и безъ твоего вѣдома ничего между старозаконными не дѣлается.

— А если бы я даже сказалъ, то что-жь изъ этого? Развѣ вы мнѣ повѣрите? проговорилъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія.

— Что-то очень любопытное ты говоришь! Отъ чего же мы не повѣримъ?

— Отъ того, что не повѣрите.

— А самъ ты, панъ Соломонъ, вѣришь? спросилъ настоятель, пристально смотря ему въ глаза.

Раввинъ въ свою очередь посмотрѣлъ такъ же пристально въ глаза настоятелю, а мы всѣ посмотрѣли на того и на другого.

Подумавъ не много, раввинъ снова заговорилъ, показывая на часы, которые висѣли на стѣнѣ.

— Знаете ли вы, что говорятъ эти часы? спросилъ онъ.

Отецъ-настоятель не нашелся что отвѣтить на этотъ вопросъ, да и всѣ мы не безъ удивленія взглянули на часы.

— Ну что же, развѣ вы не понимаете, что говорятъ часы? спросилъ снова раввинъ.

— Да развѣ можно понять, что они говорятъ, маятникъ только чикаетъ, а больше ничего, возразилъ я.

— Правда онъ чикаетъ, но, чикая, онъ что-то говоритъ.

— Не понимаю я того языка, на которомъ говорятъ часы, сказалъ отецъ-настоятель, объяснись, панъ Соломонъ, потолковѣе, а то, какъ видно, ты пускаешь въ ходъ какія-то иносказанія.

Раввинъ приподнялся съ своего мѣста и съ важностію сказалъ:

— Маятникъ безпрестанно говоритъ: „такъ, нѣтъ"; „такъ, нѣтъ", стрѣлка одинаково и постоянно двигается, а гиря тянетъ внизъ—теперь понимаете?

Мы отрицатетьно покачали головами.

Тогда Соломонъ, указывая рукою на часы, заговорилъ еще торжественнѣе, чѣмъ прежде.

— Стрѣлка, сказалъ онъ,—это наша жизнь: она незамѣтно и постепенно подвигается съ одного часа на другой; гиря тянетъ книзу—въ могилу, а маятникъ — человѣческая мысль, которая безпрестанно кидается то въ ту, то въ другую сторону. Онъ говоритъ при этомъ: „такъ, нѣтъ", „такъ, нѣтъ", т. е. „вѣрю, не вѣрю", „вѣрю, не вѣрю". Когда же гиря совсѣмъ спустится, тогда и стрѣлка и маятникъ остановятся на всегда. Неизвѣстно только, что скажетъ онъ въ послѣдній разъ: „такъ или нѣтъ".

Соломонъ заставилъ всѣхъ насъ призадуматься, а самъ онъ сѣлъ на прежнее мѣсто. Между тѣмъ отецъ-настоятель, какъ будто придя въ себя, сказалъ:

— Твое иносканіе и твое сравненіе глубокомысленны, но къ намъ они не относятся потому, что мы вѣруемъ твердо и искренно.

— Да, отвѣчалъ раввинъ, вы вѣруете твердо и искренно въ то, что ваше, но не вѣруете твердо и искренно въ то, что наше. Существуетъ, однако, между тѣмъ и другимъ еще и то, что ни ваше, ни наше, и что когда-то заявится людямъ, изумитъ и испугаетъ ихъ и потомъ исчезнетъ на всегда или на долго, какъ напримѣръ, вашъ

Агасферъ. Вы многое называете предразсудками, а сами и вѣрите и не вѣрите въ нихъ, и выходитъ у васъ по этому: „такъ, нѣтъ", „такъ, нѣтъ".

— Какъ? съ раздраженіемъ вскрикнулъ отецъ-настоятель, мы вѣримъ въ предразсудки!

— Въ своей кельѣ, ты, конечно, имъ не вѣришь, но сходи-ка отецъ-настоятель, въ полночь одинъ въ церковный склепъ, гдѣ стоятъ гробы и скажи, отъ чего ты тамъ въ это время будешь дрожать какъ въ лихорадкѣ? Отъ чего сердце твое будетъ стучать какъ молотокъ? Отъ чего у тебя волосы дыбомъ станутъ на головѣ? Вѣдь въ своей кельѣ ты упырей не боишься, по чему же ты пугаешься ихъ въ склепѣ?

— Не испытывалъ я еще этого, усмѣхнувшись сказалъ отецъ-настоятель;—да ты лучше панъ Соломонъ, растолкуй намъ, что переполошило сегодня все мѣстечко.

— Къ чему это? Развѣ я уже не говорилъ вамъ, что вы мнѣ не повѣрите, если я разскажу вамъ о томъ, что тамъ случилось? Развѣ и отецъ-настоятель не спросилъ меня, вѣрю ли еще и самъ я?

Настоятель, подумавъ немного, сказалъ:

— А, теперь я понимаю. Не даромъ, значитъ были твои иносказанія и сравненія. Разскажи, панъ Соломонъ такъ, какъ ты самъ вѣришь, и мы повѣримъ... Если только ты самъ вѣришь.

— Но вѣдь я конца не доскажу, замѣтилъ Соломонъ, потому что мнѣ самому неизвѣстно, на которой сторонѣ, въ минуты моей смерти, будетъ маятникъ; я не знаю что онъ скажетъ—„такъ" или „нѣтъ".

Отецъ-настоятель подбавилъ пива, мы всѣ усѣлись и раввинъ началъ свой разсказъ.

— Существуетъ на землѣ рѣка Самбати...

— Никогда я не слыхалъ, чтобы гдѣ-нибудь въ Европѣ была такая рѣка. Гдѣ-жь, въ какой части свѣта течетъ она? спросилъ отецъ-настоятель.

— Въ той, которая еще не открыта, отвѣчалъ раввинъ.

— Такъ почему же ты можешь знать, что такая рѣка существуетъ, если та часть свѣта, гдѣ течетъ она, еще не открыта?—Настоятель усмѣхнулся, полагая, что онъ такимъ замѣчаніемъ ошеломилъ раввина. Но раввинъ въ свою очередь съ увѣренностію спросилъ настоятеля:

— А развѣ ужь все то открыто, что сотворилъ Господь?

Опѣшившій отъ такого вопроса, отецъ-настоятель призамолкъ.

— И такъ есть рѣка Самбати, продолжалъ Соломонъ, есть еврейская сторона, гдѣ по смерти Моисея поселилось старозаконное племя, не принадлежащее ни къ одному изъ израильскихъ колѣнъ. Жители этой стороны—потомки самаго Моисея.

— Какъ же они туда попали? спросилъ кто-то изъ насъ.

— Если бы даже я сталъ излагать передъ вами весь талмудъ, то

вы и до завтра не доискались бы, кто именно былъ тотъ еврей, котораго гнали сегодня изъ мѣстечка и не узнали бы изъ-за чего съ нимъ такъ поступили.

Мы поспѣшили завѣрить пана Соломона, что больше прерывать его не будемъ.

— Такъ какъ вступленіе въ мой разсказъ оказалось не удачно, замѣтилъ Соломонъ, потому что разсказъ этотъ начался съ невѣдомой еще рѣки и съ неоткрытой еще страны, то я начну его иначе: дѣло пойдетъ о нашей родной сторонѣ и даже собственно о нашемъ Воложинѣ.

Лѣтъ сто тому назадъ, а можетъ и болѣе, всѣ воложинскіе евреи собрались на кладбище и тамъ молились Богу за души своихъ отцевъ. Вдругъ между ними явился молодой жидокъ съ кожанымъ мѣшкомъ за плечами, и хотя онъ былъ очень исхудалый и оборванный, однако всѣ тотчасъ его признали и припомнили, а прежде всѣхъ его отецъ, которому онъ упалъ въ ноги. Пришлецъ этотъ былъ Янкель, первородный сынъ бѣднаго жидка-стекольщика, жившаго въ Воложинѣ. Всѣ, однако, съ ужасомъ отскочили отъ него, когда онъ, развязавши свой мѣшокъ, вынулъ оттуда и положилъ передъ раввиномъ свѣжую человѣческую голову, какъ будто только-что отрубленную.

— Гвалтъ!... Гвалтъ! закричала вся толпа, а Янкель между тѣмъ вынулъ изъ-за пазухи какую-то записочку и показалъ ее раввину. Раввинъ, взглянувъ на нее, вздрогнулъ и громко сталъ кричать, чтобы всѣ унялись и успокоились.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Янкель попросилъ раввина, чтобы онъ обязалъ всѣхъ подъ хейримомъ, т. е. подъ самою страшною клятвою, не разсказывать никому ничего и чтобы онъ удалилъ всѣхъ присутствовавшихъ и остался бы только самъ съ нѣкоторыми старшинами и отцемъ его, Янкеля. Послѣ этого Янкель, обратившись къ головѣ, сказалъ:

— Я обѣщалъ тебѣ, что принесу тебя на могилу твоего отца и похороню тебя вмѣстѣ съ нимъ.

Потомъ онъ положилъ себѣ подъ языкъ ту самую записочку, которую показывалъ раввину, и пошелъ прямо, какъ будто давнымъ давно зналъ, къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ вросшій въ землю камень, на которомъ было высѣчено имя давно уже погребеннаго подъ этимъ камнемъ какого-то Авраама. Съ трудомъ десять человѣкъ могли бы сдвинуть съ мѣста этотъ камень, но Янкель поднялъ его одною рукою, выкопалъ подъ нимъ глубокую яму и добравшись до какихъ-то человѣческихъ костей,—вѣроятно, до костей Авраама, положилъ среди ихъ принесенную имъ голову, зарылъ все это и снова навалилъ камень на прежнее мѣсто.

Глядя на такія чудеса и раввинъ и старшины едва вѣрили своимъ глазамъ. Наконецъ всѣ пошли въ домъ раввина и тамъ Янкель разсказалъ бывшія съ нимъ приключенія.

VIII.

„Навѣрно вы помните, какъ два года тому назадъ, пріѣхали къ намъ, будто изъ Іерусалима, двое такихъ важныхъ съ виду евреевъ. Они разсказывали, что ихъ отправилъ оттуда какой-то тамошній, чрезвычайно богатый и знатный купецъ, съ тѣмъ, чтобы ему изъ нашего края, откуда онъ и самъ былъ родомъ, привезли жениха для его единственной дочери, за которой онъ давалъ въ приданое столько золота, сколько она сама вѣсила и съ тѣмъ еще условіемъ, что послѣ его смерти всѣ его богатства и всѣ его милліоны должны будутъ достаться его зятю. Пріѣзжіе желали добыть непремѣнно такого жениха, который былъ бы молодъ, былъ бы перворechоднымъ сыномъ у своихъ родителей и былъ бы уже достаточно обученъ, то есть зналъ бы всѣ обряды и молитвы нашей вѣры. Отцу его они обѣщали много денегъ, добавляя, что сынъ будетъ ежегодно осыпать его золотомъ.

„На меня палъ ихъ выборъ и я долженъ былъ ѣхать съ ними, потому что я у тебя, мой родитель, былъ первенецъ, а по милости твоей, ребе, я зналъ, именно какъ они того желали, всѣ правила и молитвы нашей вѣры, наконецъ, и по тому еще, что насъ у отца было шестеро и мы большею частію пробавлялись милостынею, такъ какъ ремесломъ отца, который былъ стекольщикъ, мы не могли добыть себѣ даже на хлѣбъ насущный. Ты, отецъ, не продалъ, однако, сына и не взялъ съ нихъ денегъ, а остался и остаешься до нынѣ такимъ же бѣднякомъ, какимъ ты былъ и прежде. Ты только благословилъ меня и принесъ меня, какъ Исаака на жертву, а Богъ избавилъ меня, какъ онъ избавилъ Исаака.

„Ѣхали мы долго, очень долго, потомъ плыли долго, очень долго, потомъ пробирались черезъ пустыню долго, очень долго, держась постоянно на востокъ. Наконецъ, мы остановились передъ широкою рѣкою, и, переправившись черезъ нее, пріѣхали въ какой то городъ. Толпа народа встрѣтила и привѣтствовала насъ, но я не понималъ что они говорили и полагая, что я уже въ Іерусалимѣ, удивился, что здѣсь не было слышно нашего еврейскаго языка. Я спросилъ на счетъ этого у моихъ попечителей, которые подвезли меня къ синагогѣ и впустили въ нее. Синагога же была обширна и великолѣпно убрана и въ ней они меня заперли одного.

„Мнѣ стало страшно, голова у меня закружилась и я заснулъ крѣпкимъ сномъ.

„Не знаю, долго ли я спалъ, но когда проснулся, то увидѣлъ передъ собою столъ, заставленный разными, самыми лучшими кушаньями, но я не могъ ни до чего дотронуться и, заливаясь слезами, началъ громко кричать:

— „О, я несчастный! Что со мною будетъ?

„На мой вопль, какой-то голосъ изъ стѣны отвѣчалъ мнѣ:

— „Съ тобою будетъ то, что было со мною: тебѣ отрубятъ голову и поставятъ ее на мѣсто моей.

„Я испугался еще болѣе и отбѣжалъ отъ заговорившей со мною стѣны. Между тѣмъ невидимый голосъ продолжалъ:

— „Не бойся, не бойся, только послушай меня, исполни все, что я тебѣ стану приказывать и я избавлю тебя отъ погибели, а себя отъ вѣчной неволи. Знай, что ты находишься не въ Іерусалимѣ, а въ городѣ, который не имѣетъ названія и стоитъ на заклятой рѣкѣ Самбати и что за эту рѣку не можетъ перешагнуть ни одинъ чужой человѣкъ. Здѣсь живетъ еврейское племя, происшедшее отъ самаго Моисея. Племя это, при смерти его, отдѣлилось отъ народа израильскаго, и край здѣшній отказалъ Моисей своимъ потомкамъ. Они будутъ жить здѣсь до пришествія Мессіи, который изведетъ ихъ отсюда и соединитъ со всѣмъ Израилемъ. Такъ какъ они не знаютъ ни нашего закона, ни праздниковъ, ни молитвъ, ни обрядовъ, которые впослѣдствіи Господь установилъ среди насъ, то они черезъ каждые сто лѣтъ посылаютъ кого-нибудь изъ своихъ въ тѣ стороны, гдѣ всего больше живетъ евреевъ и при томъ въ особенности такихъ правовѣрныхъ, какъ наши литовскіе евреи. Посылаютъ же ихъ за тѣмъ, чтобъ они сманили тамъ какого-нибудь еврейчика, перворогднаго, и хорошо обученнаго, и привезли бы его оттуда сюда. Здѣсь они отсѣкаютъ ему голову и ставятъ ее въ шкапъ въ этой синагогѣ и кладутъ ей подъ языкъ слово моисево, то есть „слово живота". При помощи этого слова Моисей творилъ нѣкогда всякія чудеса: одолѣлъ фараоновыхъ волшебниковъ и извлекъ въ пустынѣ воду изъ камня. Въ это время голова оживаетъ и отвѣчаетъ на ихъ распросы такъ, какъ я отвѣчалъ тебѣ, когда ты воскликнулъ: „что со мною будетъ?"

— Вотъ слово, такъ слово! засмѣявшись сказалъ настоятель. Ты, панъ Соломонъ, навѣрно долженъ знать его. Сдѣлай одолженіе, сотвори передъ нами какое-нибудь маленькое чудо.

Раввинъ всталъ, посмотрѣлъ обиженнымъ взглядомъ на настоятеля и сказалъ:

— Ты самъ, отецъ, знаешь это слово.

— Я? съ удивленіемъ спросилъ настоятель.

— Слово это, сказалъ торжественно раввинъ,—Богъ! но чтобъ оно стало чудотворно, нужно, чтобъ уста человѣка были достойны произнести его... а потому, отецъ-настоятель, ни ты, ни я, чудесъ творить не можемъ.

Опѣшившій настоятель призамолкъ снова.

— Въ такихъ словахъ—продолжалъ раввинъ, воложинскій еврейчикъ передавалъ раввину и старшинамъ то, что онъ самъ слышалъ отъ отрубленной головы и такимъ-то образомъ „засамбатейчики" узнаютъ всѣ правила и обряды нашей вѣры. По этому, они черезъ каждыя сто лѣтъ перемѣняютъ голову, такъ какъ въ теченіе этого времени, можетъ у насъ возникнуть и установится что-либо новое,

чего прежняя голова знать не можетъ. Теперь слушайте дальнѣйшій разсказъ еврейчика:

„Приступай смѣло къ шкапу, сказалъ мнѣ тотъ же голосъ, отвори его и не теряй времени. Ты проспалъ два дня, сегодня оканчивается третій день, и въ этотъ день они должны будутъ покончить съ тобою. Погибнешь ты, если будешь медлить. Я рѣшился, наконецъ, отворить шкапъ... но что сдѣлалось со мною, когда я увидѣлъ ту голову, которая разговаривала со мною: я былъ сильно ошеломленъ и не могъ тронуться съ мѣста. Тогда голова, ободряя меня, сказала:

— „Янкель, сынъ Шлёмы воложинскаго! Ты видишь, что я знаю какъ тебя зовутъ; знай же, что и я, какъ и ты, родомъ изъ Воложина, что меня когда-то привезли сюда, какъ и тебя. Впрочемъ не бойся и поклянись мнѣ, что ты отнесешь меня на мою родину, въ то мѣстечко, гдѣ я родился, и тамъ похоронишь меня въ могилѣ моего отца. Даешь ли ты мнѣ на это „хейримъ"?

— „Даю, отвѣчалъ я смѣло, даю.

— „Ну теперь разбей стекло, вынь изъ-подъ моего языка пергаментную записочку, на которой написано слово кабалы и подложи эту записочку себѣ подъ языкъ. Потомъ положи мою голову въ свой кожаный мѣшокъ и уходи отсюда. Никто не увидитъ и не задержитъ тебя: вездѣ всѣ двери и ворота растворятся передъ тобою настежь, рѣки разступятся передъ тобою, ты не будешь хотѣть ни ѣсть ни пить, и самъ не будешь знать, какъ ты очутишься въ Воложинѣ на нашъ праздникъ Іомъ-Кипуръ. Въ Воложинѣ ты найдешь всѣхъ нашихъ на кладбищѣ и наконецъ слово, начертанное на записочкѣ, приведетъ тебя прямо къ могилѣ моего отца и подниметъ передъ тобою камень, который лежитъ надъ нею.

„Ты видѣлъ, что все это исполнилось и вотъ теперь я среди своихъ, сказалъ съ радостію Янкель и снова упалъ къ ногамъ отца и къ ногамъ раввина.

Раввинъ записалъ все разсказанное мною сословъ Янкеля. Потомъ эта записка была напечатана; книжечка эта есть и у меня въ Воложинѣ.

— А, теперь я догадался, сказалъ настоятель. Вѣроятно сегодняшній пришлецъ былъ самбатейчикъ, и забрался къ намъ за новою головою? Вѣдь я догадался, панъ Соломонъ?

— Догадался, отецъ-настоятель, сказалъ раввинъ, такъ какъ догадался и я, присматриваясь внимательно къ его продѣлкамъ и слѣдя за каждымъ его шагомъ, въ особенности же подмѣтивъ его стараніе склонить бахуровъ въ моей школѣ, чтобъ они съ нимъ ѣхали.

— Зачѣмъ же ты отсюда его выпустилъ?—спросилъ настоятель— слѣдовало бы задержать его и посадить въ полицію, пусть бы онъ показалъ намъ дорогу въ свой заклятый край...

— Это зачѣмъ? спросилъ Соломонъ. Вѣдь вы все равно вашего квестара туда бы не послалъ, а придетъ пора, такъ и всѣ мы узнаемъ эту дорогу.

— Когда? въ одинъ голосъ спросили мы всѣ.

— Тогда, — вставъ, съ важностію проговорилъ раввинъ, — когда намъ станетъ извѣстно все, что было, есть и будетъ.

— То есть когда же именно? спросилъ настоятель.

— Когда умрешь! возгласилъ торжественно раввинъ, поднимая вверхъ глаза и руки,—когда умрешь!!!

Мы всѣ точно онѣмѣли при этихъ словахъ раввина, молчали и не подносили къ губамъ нашихъ кружекъ, какъ будто въ нихъ сыпнулъ кто-нибудь перцу. Соломонъ же спокойно выпилъ свою кружку, обвелъ насъ всѣхъ глазами, поклонился и вышелъ.

На слѣдующій день, когда я собрался уже въ дорогу, нанятый мною въ околицѣ хлопецъ сказалъ мнѣ, что братъ Петръ изчезъ еще со вчерашняго вечера. Извѣстіе это поразило меня: у меня было на совѣсти то обстоятельство, что я, подозрѣвая уже совращеніе его въ жидовство, все-таки увезъ его изъ монастыря. Я обошелъ все мѣстечко и всюду разспрашивалъ и развѣдывалъ о немъ и когда нигдѣ не отыскалъ его, то рѣшился пойти къ раввину и настоятельно допытаться у него о моемъ бѣглецѣ. Такъ какъ я еще вчера убѣдился, что за разумная голова этотъ раввинъ и предвидѣлъ, какъ мнѣ трудно будетъ вызвать его на откровенность, если онъ не пожелаетъ самъ сказать правду, то я упросилъ отца-настоятеля отправиться къ нему вмѣстѣ со мною.

Когда мы пришли къ раввину, онъ встрѣтилъ насъ очень привѣтливо и, усмѣхнувшись, спросилъ:

— Вы, должно быть, пришли разъискивать вашего Петра?

— Да̀, отвѣтилъ отецъ-настоятель, и ты, панъ Соломонъ, навѣрно знаешь гдѣ онъ.

— „Такъ, нѣтъ“, „такъ, нѣтъ“, отвѣчалъ раввинъ, указывая на часы, висѣвшіе у него въ комнатѣ; ручаюсь только въ томъ, что его нѣтъ въ Воложинѣ.

— Но, панъ Соломонъ, серьезно сказалъ настоятель, прошу тебя отложить шутки въ сторону и возвратить намъ нашего бѣглеца.

— Если бы я его отъ васъ взялъ, то и возвратилъ бы его вамъ, хотя, говоря по правдѣ, онъ ни вашъ, ни нашъ.

— Какъ не нашъ? крикнулъ я, онъ крещенный!

— Но вѣдь ты могъ бы убѣдиться самъ, что онъ ни вашъ, ни нашъ, потому что онъ пошелъ за третьимъ.

— За кѣмъ?

— За самбатейчикомъ.

— Можетъ ли это быть? съ удивленіемъ вскричали мы оба.

— Непремѣнно что такъ, за это я ручаюсь.

— Да ты, панъ Соломонъ, развѣ видѣлъ его?

Сперва помолчавъ не много, раввинъ, какъ будто по неволѣ, сказалъ потомъ:

— Да, я видѣлъ его, я видѣлъ его на распутьѣ: „такъ, нѣтъ“, „такъ, нѣтъ“, онъ заблудился, онъ хотѣлъ постичь тайну разумомъ... черезчуръ натянулъ ржавую пружину человѣческой жизни и она лопнула...

— Это значитъ, что онъ сошелъ съ ума? спросилъ я.

— „Такъ, нѣтъ“, „такъ нѣтъ“.

— Ты вѣрно, панъ Соломонъ, знаешь, заговорилъ наконецъ вышедшій изъ терпѣнія настоятель, ты вѣрно знаешь, такъ какъ ты читаешь книги, и, кажись, даже греческія, что въ Греціи была особая секта философовъ, такъ называемыхъ скептиковъ, которые сомнѣвались во всемъ. Былъ ли у нихъ разсудокъ?

— „Такъ-нѣтъ“, „такъ-нѣтъ“, отвѣчалъ раввинъ еще настойчивѣе.

— Тфу! крикнулъ настоятель.

Соломонъ засмѣялся и мы ушли отъ него съ тѣмъ же, съ чѣмъ пришли.

IX.

Послѣ отвѣта полученнаго нами отъ Соломона, намъ нечего было гоняться за сумашедшимъ. Настоятель Воложинскаго монастыря далъ мнѣ своего возницу, а при помощи хлопца, доставленнаго мнѣ паномъ Зброжекомъ, я благополучно миновалъ нѣсколько остававшихся мнѣ еще миль и гоня передъ собою болѣе шестидесяти барановъ, торжественно въѣхалъ въ Бѣницу.

Не позволилъ мнѣ долго отдыхать въ монастырѣ тогдашній нашъ отецъ-настоятель; спустя нѣсколько недѣль послѣ моего возвращенія онъ сказалъ мнѣ:

— Благодарю, братъ Рафалъ, за твою квесту; ты не только обильно удовлетворилъ наши потребности, но и пополнилъ нашу казну. Но вотъ подходитъ зима и не мѣшало бы пріумножить наши запасы, потому что они не долго держатся тамъ, гдѣ приходится ежедневно накормить, напоить и одѣть болѣе полсотни людей. Поѣзжай же снова, любезный братъ. Хотя ты въ одномъ мѣстѣ и встрѣтилъ фармазоновъ, и хотя фармазонскія денежки не пошли намъ въ прокъ, но все-таки Господь-Богъ споспѣшествовалъ тебѣ. Поѣзжай теперь въ другую сторону, поѣздка твоя будетъ продолжаться не долго, потому что теперь ноябрь уже въ половинѣ. Провѣтриться же въ теченіе нѣсколькихъ недѣль тебѣ не мѣшаетъ, а между тѣмъ ты принесешь пользу монастырю. Собирайся-ка, братъ, да и отправляйся въ путь безъ дальнѣйшихъ проволочекъ.

На другой же день послѣ этого, я сидѣлъ уже въ повозкѣ и отправился на сѣверъ, слѣдуя наставленію, данному мнѣ настоятелемъ. На полдень отъ нашего монастыря была одна деревня возлѣ другой

на полночи же должно было проѣхать нѣсколько миль, да еще темнымъ боромъ, прежде чѣмъ наткнешься на человѣческое жилье. Да и какой тамъ просторъ! Паны тысячами влокъ считаютъ свои земли и лѣса̀, и если бы квестаръ, вмѣсто барановъ, могъ собирать у нихъ лосей, волковъ и медвѣдей, то онъ велъ бы за собою дикихъ звѣрей цѣлыми сотнями. Вотъ была бы диковинка!

Въ возницы я взялъ себѣ мѣщанина изъ нашего мѣстечка. Онъ былъ человѣкъ пожилой и разговорчивый, но куда-какъ далеко было ему отъ того возницы, съ которымъ разъѣзжалъ когда-то братъ Лавриновичъ. Однако онъ зналъ и разсказывалъ мнѣ исторію основанія нашего монастыря и нашей церкви. Онъ, между прочимъ, вѣрилъ въ тѣ сокровища, которыя, будучи закляты, лежали въ гробѣ основателя нашей обители. Объ этомъ преданіи узнала наша монастырская братья и мы въ первый разъ взглянули на покрытый пылью портретъ пана Коцелла, висѣвшій въ углу ризницы, а кстати и на мѣшки, сдѣланные будто бы по образцу тѣхъ, которые были полны золота и которые будто бы стережетъ ихъ владѣлецъ.

Когда я передъ этимъ отправлялся на полдень, то рѣка Вилія оставалась за мною. Теперь же, когда я ѣхалъ на полночь, она была передо мною. Я пробирался все далѣе и далѣе, а каждый день имѣлъ случай убѣждаться къ щедрости здѣшнихъ богобоязненныхъ пановъ.

„Провѣтриваніе“ мое, на которое отправилъ меня отецъ-настоятель, продолжалось не такъ долго, какъ я предполагалъ. Оно должно было принести мнѣ пользу, а между тѣмъ, вышло на оборотъ. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Въ дорогѣ я занемогъ такъ сильно, что едва дотащился до нашего монастыря, находящагося въ Друѣ, и слегъ въ тамошней больницѣ, отправивъ моего Мацѣйя съ повозками и баранами домой. Я, возложивъ мое упованіе на милосердіе Богородицы, къ которой я съ самаго моего дѣтства привыкъ обращаться съ теплыми молитвами, и на заботы моихъ во Христѣ братьевъ, ожидалъ на одрѣ болѣзни что предназначитъ мнѣ воля Господня.

Во время этой неотдаленной поѣздки былъ со мною только одинъ случай, который я долженъ вспомнить и записать. Ну, попалъ же я въ хорошее гнѣздышко!

Осенніе дни становились все короче и короче, и я всегда старался поранѣе добраться до ночлега, чтобы ночью не блуждать въ этихъ лѣсистыхъ мѣстахъ по темнымъ дебрямъ и пущамъ.

Однажды вечеромъ, еще до захода солнца, я пріѣхалъ къ какому-то почтенному и гостепріимному крестьянину, жившему своимъ домкомъ среди лѣса. Я попалъ къ нему въ то время, когда онъ собиралъ своихъ пчелъ. Онъ не только принялъ меня радушно и угостилъ сытнымъ ужиномъ, но еще подарилъ мнѣ порядочную кадушку меда. На слѣдующій день, раннимъ утромъ, я выбрался далѣе, по указанной мнѣ моимъ хозяиномъ дорогѣ, которая, какъ онъ мнѣ говорилъ,

вела къ большой сосѣдней усадьбѣ, такъ какъ у нихъ разстояніе въ нѣсколько миль считается близкимъ сосѣдствомъ.

Выѣхавъ около полудня изъ чащи лѣса въ открытое поле, я увидѣлъ эту усадьбу. Она была обширна и состояла изъ каменныхъ построекъ. Я подъѣхалъ къ ея воротамъ въ полной надеждѣ, что здѣсь меня примутъ такъ радушно, какъ обыкновенно принимаютъ въ домахъ богатыхъ пановъ и что здѣсь я отдохну денекъ-другой, потому что я уже начиналъ недомогать.

На дворѣ, отъ самыхъ воротъ, дорога шла въ двѣ стороны:—одна ея сторона вела къ господскому дому или „палацу", а другая была направлена прямо къ противоположнымъ воротамъ, за которыми были разныя хозяйственныя постройки.

— Тамъ и будетъ мое пристанище, подумалъ я, потому что тамъ вѣроятно живетъ или панъ экономъ или панъ коммиссаръ, съ которыми, по большей части, квестары ведутъ свои дѣла въ домахъ богатыхъ пановъ. Такъ я подумалъ и поѣхалъ прямо вдоль по двору, точно застланному зеленымъ атласистымъ сукномъ, до такой степени была свѣжа на немъ трава, которую тотчасъ же и принялись щипать мои бараны.

Вдругъ я услышалъ, что съ крыльца кто-то кричитъ:

— Гей! Кто тамъ? Стой братецъ! И я увидѣлъ бѣжавшаго ко мнѣ изъ палаца лакея. Я какъ можно скорѣе выбрался изъ повозки и началъ сгонять съ травы моихъ барановъ.

— Панъ проситъ васъ къ себѣ, сказалъ мнѣ запыхавшійся лакей.

— Я хотѣлъ бы проѣхать прежде въ экономію и уже оттуда явиться къ ясневельможному, чтобы упасть къ его ножкамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ слуга, я прошу вашу милость подъѣхать въ повозкѣ къ самому крыльцу и идти за мною, потому что нашъ панъ такъ приказать изволилъ.

— Но вѣдь ты видишь, братишка, что мои бараны топчутъ траву.

— Ничего! отвѣчалъ лакей. Нашъ панъ любитъ барановъ и у него ихъ тысяча, если еще не болѣе. Онъ часто цѣлыми сотнями приказываетъ привести ихъ сюда и смотритъ на нихъ съ крыльца или самъ пойдетъ въ овчарню и тамъ осматриваетъ ихъ, а трава послѣ того, какъ бараны помнутъ ее, пойдетъ еще лучше.

— Да что тутъ, братецъ, толковать! снова раздался чей-то голосъ съ крыльца. Если я приказалъ поворачивать сюда, такъ и поворачивай по моему приказанію безъ дальнѣйшихъ разговоровъ!

— Никакъ это вашъ панъ? Да что онъ у васъ такой строгій и сердитый? спросилъ я у шедшаго рядомъ со мною лакея.

— Ну ужь панъ! отвѣчалъ онъ, покачивая головою. Я здѣсь служу недавно, да и останусь не долго, потому что привыкъ служить у настоящихъ пановъ, а этотъ, вѣроятно, только недавно влѣзъ въ палацъ и не умѣетъ еще жить въ немъ. Вотъ такъ чуднóй панъ. И говоря это, онъ махнулъ рукой.

Я не имѣлъ болѣе времени ни о чемъ разспрашивать лакея, такъ какъ мы подходили къ крыльцу, на которомъ ожидалъ меня ясневельможный.

Онъ имѣлъ какую-то особенную наружность: былъ средняго роста и довольно полонъ, лобъ его былъ широкій и лысый, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось издали. Когда же я подошелъ къ нему близко, то отъ изумленія едва не перекрестился, увидѣвъ у него на головѣ густой, всклокоченный черный чупрунъ. Неужели же, подумалось мнѣ, онъ такъ обросъ въ одно мгновеніе ока. Но потомъ чудо это повторялось передъ мною нѣсколько разъ. Онъ то снималъ, то снова надѣвалъ себѣ на голову этотъ чупрунъ словно шапку, и съ тѣхъ поръ когда я вижу на головѣ пожилаго человѣка густой чупрунъ, то я уже не вѣрю, чтобы такой чупрунъ былъ изъ собственныхъ его волосъ. Панъ, то закрывалъ глаза оправленными въ золото очками съ зелеными стеклами, то спускалъ очки съ носа или снималъ ихъ изъ-за ушей и безъ нихъ видѣлъ очень хорошо. Выходило такъ, что онъ бывалъ то лысымъ и слѣпымъ, то лохматымъ и зрячимъ. Въ то время, когда онъ парикомъ и очками прикрывалъ морщины, бывшія у него на лбу и подъ глазами, онъ казался моложе лѣтъ на десять, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ безъ упомянутыхъ прикрасъ, потому что ему на самомъ дѣлѣ навѣрно перевалило уже за шесть десятковъ, а можетъ быть даже и съ хвостикомъ. На немъ была надѣта зеленая бархатная чемарка, отороченная соболемъ, или какимъ-то другимъ мѣхомъ и, повидимому, эта чемарка замѣняла ему шлафрокъ. Сидѣлъ онъ на крыльцѣ въ широкомъ креслѣ, попивая кофе изъ большаго хрустальнаго кубка, обдѣланнаго въ серебро. Онъ, растопыривая себѣ ротъ огромнымъ янтаремъ, курилъ трубку, насаженную на длинный чубукъ, опускавшійся до самаго пола. Панъ! какъ слѣдуетъ быть пану—да и только! Но у него ни въ лицѣ, ни въ осанкѣ, не было ни той настоящей панской величавости, ни той привѣтливости, съ которыми я ознакомился во время моихъ странствованій по знатнымъ и простымъ панамъ; напротивъ, въ немъ проглядывали какая-то необтесанность и спѣсь, а это примѣты не родовыхъ пановъ, а скорѣе ихъ слугъ. Его ясневельможничество было для меня что-то подозрительно, въ особенности послѣ отзыва, сдѣланнаго на счетъ его лакеемъ.

— Гей, что братецъ, явился ты какъ волкъ на моихъ барановъ, заоралъ онъ, поймалъ я тебя на мѣстѣ преступленія! Знаю я вашу братью въ Друѣ и Буцлавѣ; а ты, молодецъ, откуда? Гей, что?

— Изъ Бѣницы, ясневельможный, отвѣчалъ я.

— Ага! Изъ Бѣницы! Знаю—въ ошмянскомъ повѣтѣ. Вижу, что ты человѣкъ смѣтливый и знаешь кому какое слѣдуетъ оказывать уваженіе. Такъ, я—ясневельможный, потому, что былъ вице.... Но что мнѣ толковать съ тобой объ этомъ, когда ты догадался уже самъ. Ну, хорошо, да у тебя порядочная кучка барановъ—гей!

Бараны шли за моей повозкой, а впереди ихъ всѣхъ выступалъ

огромный баранъ, подаренный мнѣ паномъ Брохоцкимъ. Барана этого я пріучилъ быть вожакомъ и на шеѣ у него былъ привязанъ колокольчикъ.

— Откуда у тебя, попикъ, взялся такой баранъ? спросилъ панъ, посматривая на него, гей, что?

— Онъ изъ Слуцка, мой благодѣтель.

— Значитъ я угадалъ: тамъ самыя лучшія овчарни. Подержи-ка его за рога, сказалъ онъ лакею. Бѣдный мой вожакъ поддался легко потому, что онъ былъ прирученъ.

Въ одинъ мигъ панъ сѣлъ на барана верхомъ, плотно охватилъ его ногами и началъ разбирать его шерсть.

— Инфантадо! Ей-Богу, инфантадо! кричалъ онъ. А что, попикъ, возьмешь за этого барана?

— Я не знаю, инфантадо ли онъ или нѣтъ; знаю только, что на баранахъ верхомъ не ѣздятъ, сказалъ я, потому что мнѣ стало жаль моего рогача, который повалился подъ сѣдокомъ и жалобно заблѣялъ.

— Ну, ну, не бойся, не задавлю его. А знаешь—поторгуемся-ка мы между собою. Я дамъ тебѣ за одного этого барана двухъ барановъ!... Два барана за одного! Гей! При этихъ словахъ онъ быстро на меня взглядывалъ, какъ будто вызывая меня на отвѣтъ, котораго, впрочемъ, онъ собственно и не ждалъ, осыпая себя самого похвалами и величаніями.

— Не могу исполнить желаніе ясневельможнаго пана, отвѣчалъ я, потому что кто же безъ вожака поведетъ за повозкой мое стадко?

— Но поговоримъ и поразсудимъ, сказалъ онъ, ссѣвши съ барана и допивая свой кофе. Ты, братъ, поѣзжай въ экономію, крикнулъ онъ показывая рукою моему возницѣ, а ты, попикъ, оставайся здѣсь, такъ какъ ты мнѣ понравился, ты найдешь у насъ такой обѣдъ, какой въ монастырѣ даже и не приснится, да и не въ монастырѣ рѣдко встрѣтишь. При этомъ онъ шепнулъ что-то на-ухо маленькому казачку, который вертѣлся на крыльцѣ и который теперь опрометью побѣжалъ на фольварокъ.

О, тщеславный гордецъ, подумалъ я, постой же доберусь до тебя и я.

— Припадаю къ стопамъ ясневельможнаго пана, сказалъ я, и благодарю его за ту честь, которую онъ мнѣ сдѣлалъ, пригласивъ меня къ своему столу. Но „высокъ его порогъ для моихъ ногъ", да и самъ ясневельможный замѣтилъ, что я умѣю каждому воздавать подобающее уваженіе, умѣю я поступать и самъ по себѣ и въ отношеніи другихъ. Пусть попикъ и сидитъ съ паномъ за однимъ столомъ, а нашъ братъ, простой бернардынскій квестаръ, найдетъ для себя достаточное пропитаніе и у панскаго управляющаго, почему я и отправляюсь слѣдомъ за моей повозкой.

— Гей! это что еще, крикнулъ смѣшавшійся панъ, это еще что? Нѣтъ, погоди-ка, попикъ, или братъ квестаръ что ли? Ха, ха, ха! кто тамъ васъ разберетъ, кто изъ васъ будетъ старшій. Да не о томъ,

впрочемъ, и рѣчь, оставайся-ка здѣсь, квестаръ, такъ и дѣлу конецъ, а такъ какъ теперь приходитъ та пора, когда я обхожу и осматриваю все мое хозяйство, то пойдемъ со мною. Ты и самъ посмотришь, да и людямъ поразскажешь какъ я хозяйничаю и кто я таковъ.

Мнѣ не слѣдовало раздражать его болѣе, достаточно было уже и того, что я отдѣлался отъ его приглашенія на обѣдъ, да кромѣ того я и изъ любопытства пошелъ посмотрѣть его хозяйство.

Рѣчка отдѣляла палацъ отъ экономіи. На этой рѣчкѣ былъ построенъ каменный мостъ. Пройдя его, панъ пріостановился. Ясневельможный сталъ въ важную позу и обращаясь ко мнѣ съ самодовольнымъ выраженіемъ лица сказалъ:

— Гей! что? Вотъ усадьба-то, поп..., нѣтъ, хотѣлъ сказать квестаръ, вотъ имѣніе-то! Не правда ли? Всѣ постройки каменныя! А если бы ты былъ здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда имѣніе это, хотя принадлежало знатному, но, какъ водилось въ старину, безтолковому пану, то увидѣлъ бы ты на этомъ мѣстѣ однѣ только развалины. А вотъ какъ эти развалины попали въ мои руки. Гей! вотъ что: счеты съ паномъ и завѣдываніе его имѣніемъ... Наконецъ я свелъ съ нимъ счеты и устроилъ его имѣніе, да только не для него, а для себя. Что ты на это скажешь?

— Что же, отозвался я, если Господь Богъ справедливо благословилъ достаткомъ, то и хорошо, а если... не договорилъ я.

— Ну что-жь—если? съ любопытствомъ спросилъ онъ.

Я молчалъ и только подсмѣивался.

— Ну что же? Да я, впрочемъ, угадалъ твою мысль—ты хотѣлъ сказать: а если помогалъ дьяволъ...

Я утвердительно кивнулъ головою.

— А что-жь, если и онъ помогалъ, продолжалъ панъ смѣясь, то вѣдь его никто объ этомъ не просилъ и не поблагодарилъ за его услугу.

— Такъ, ясневельможный, перебилъ я, онъ дѣлалъ это только по своей охотѣ, по пріятельски... и мы расхохотались оба.

— Меня называютъ „доробкевичемъ", выскочкою, да мнѣ плевать на это—зависть людская, зависть.

Разговаривая такимъ образомъ, мы дошли до какого-то огромнаго строенія; изъ его широкой трубы дымъ валилъ густыми клубами. Когда же отворилась дверь и мы вошли въ это строеніе, то я не могъ сдѣлать ни шагу впередъ и не могъ узнать, гдѣ я нахожусь. Такъ какъ мы только-что вспоминали непримиримаго врага душъ нашихъ, то я подумалъ, что мнѣ привелось попасть въ его обиталище. Густой паръ и тяжелый воздухъ захватили мое дыханіе и застлали мнѣ глаза. Гудѣніе, шумъ, стукъ, свистъ совсѣмъ ошеломили меня. Я видѣлъ передъ собою только какой-то громадный костеръ, а надъ нимъ и около него, и на верху, и внизу, и во всемъ, какъ будто затуманен-

номъ пространствѣ, какихъ-то чудовищъ точно, перебѣгающихъ съ мѣста на мѣсто съ пылающими смоляными факелами.

— Ахъ, Езусъ, Марія, Юзефъ! воскликнулъ я. Куда же я теперь попалъ?

— Ну что? Что ты бормочешь? Ты—на паровой винокурнѣ—отозвался панъ, но въ этой преисподней казалось, что голосъ его доходилъ до меня откуда-то издалека. Иди сюда!

— Я и съ мѣста-то тронуться не могу, закричалъ я, ради Бога спаси меня и вели вывести отсюда на свѣтъ божій.

— Гей! что? Кто тамъ?—проводи отсюда квестара, крикнулъ панъ.

На зовъ его передо мной явились двое жидовъ. Одинъ изъ нихъ свѣтилъ ярко разоженной лучиной, а другой сталъ провожать меня по лѣсенкѣ то вверхъ, то внизъ и довелъ меня до горницы, гдѣ я снова увидѣлъ свѣтъ божій.

— Слава тебѣ, Господи! проговорилъ я, вздохнувъ свободно и протирая глаза. Слова Богу, что я опять попалъ между людей. Что ты, ясневельможный, со мною продѣлалъ?

Панъ сперва засмѣялся, а потомъ сказалъ: я привелъ тебя сюда на бернардынскій завтракъ. Посмотри-ка какъ здѣсь изъ стѣны течетъ водочка въ бочки, увѣряю тебя, что она преотмѣнная! Хвати-ка! Подайте рюмочку квестару.

Около насъ было множество жидовъ и одинъ изъ нихъ подставилъ рюмку подъ кранъ, изъ котораго текла водка и подалъ мнѣ полную рюмку.

— Начать съ того, что я водки вовсе не пью, сказалъ я, а если бы и пилъ, то взялъ бы рюмку изъ рукъ самого ясневельможнаго пана, а не изъ рукъ поганина.

— Ого! сказалъ панъ, у тебя всегда найдется отговорка.

Жидъ между тѣмъ накрылъ своею грязною ладонью рюмку, взболтнулъ ее сильно и когда горѣлка запѣнилась, то онъ поднесъ рюмку къ глазамъ пана и, хвастаясь, проговорилъ: вотъ, ясный панъ, водка, такъ водка!

— Ну что? Вѣрно ты въ первый еще разъ на паровой винокурнѣ? спросилъ панъ, обращаясь ко мнѣ.

— И дай Богъ, ясневельможный панъ, чтобъ и въ послѣдній.

— А почему? Вѣдь это основа и доказательство хорошаго и богатаго хозяйства; у мелкой шляхты паровой винокурни не увидишь. Посмотри-ка какой здѣсь кубъ и весь онъ полонъ такой же горѣлки, которою такъ хвалился жидокъ.

— Позволь мнѣ, ясневельможный панъ, уйти отсюда. Только безъ проводника мнѣ не выбраться, проговорилъ я.

— Пойдемъ вмѣстѣ, отвѣтилъ панъ, и отворилъ дверь, которую я не замѣтилъ прежде и мы вышли тотчасъ во дворъ, не блуждая уже по проклятой паровой винокурнѣ.

Выйдя оттуда, мы отправились на дальнѣйшій осмотръ.

Въ конюшняхъ я увидалъ превосходныхъ лошадей и прекрасную упряжъ. Въ сараяхъ стояли великолѣпныя кареты, коляски разныхъ фасоновъ, брички и разнаго рода экипажи. На скотномъ дворѣ были такія коровы, что на нихъ просто можно было заглядѣться, а въ овчарнѣ шелъ просто гвалтъ! Тамъ было столько барановъ, что ихъ хватило бы на круглый годъ для цѣлой дюжины бернардынскихъ монастырей.

Хозяинъ приказалъ открыть кладовыя, для того, чтобъ показать свои достатки. Онѣ были наполнены зерномъ отъ полу до потолка. Короче сказать всюду, куда онъ меня водилъ, мнѣ приходилось видѣть изобиліе и порядокъ. Но ужъ за то и строгость! Только держись! Вся прислуга шла за нами почтительно безъ шапокъ и чуть лишь панъ проговоритъ свое обычное: „гей! что?“ какъ всѣ тотчасъ же смирно, точно рядовые станутъ передъ генераломъ. Однако это „гей, что?“ наскучило мнѣ, по тому что каждый разъ послѣ такого возгласа, панъ, на каждомъ шагу, начиналъ хвалиться своимъ богатствомъ, и постоянно спрашивалъ меня, какъ бы вымогая съ моей стороны удивленіе всему, что я видѣлъ. Онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза, повторяя свое: „гей, что?“

Я отдѣлывался, однако, молчаніемъ, потому что придумалъ уже общій отвѣтъ на всѣ его вопросы, т. е. я вспомнилъ старинныя вирши, которыя я, когда то выучилъ на память и хотя вслѣдствіе этого мнѣ на моей квестѣ и не повезло, но я не могъ молчать, потому что если острое словцо взбредетъ на языкъ, то его назадъ никакъ не спрячешь.

Когда мы возвращались въ „палацъ“, то на дорогѣ насъ встрѣтилъ лакей и подавая пану письмо сказалъ:

— Получено съ почты.

— А! это письмо отъ моего Михаси [1]) — проговорилъ онъ распечатывая письмо. У меня, квестаръ, одинъ сынъ.

— Дай Богъ, чтобъ онъ росъ на утѣшеніе пана, сказалъ я, склонивъ голову.

— Онъ ужъ окончилъ свое воспитаніе—продолжалъ панъ—о, какая онъ ловкая штука! Какъ только что вышелъ изъ училища—гдѣ, впрочемъ, онъ звѣздъ съ неба не хваталъ, а только всего отвѣдалъ по немногу, не готовясь быть философомъ,—какъ я его пустилъ въ божій миръ—опредѣлилъ его въ одну изъ губернскихъ канцелярій. Жалованьице-то, сказать по правдѣ, не большое, но... но... за то есть кое-какіе побочные, законные доходишки... Я не даю ему ни гроша, пусть работаетъ и научится добывать себѣ хлѣбъ такъ, какъ я добывалъ его самъ. Вѣдь въ его годы я не имѣлъ ни гроша. Онъ понялъ въ чемъ дѣло, да какъ началъ писать, да пробиваться, такъ и

---

[1]) Уменьшительное отъ „Михаилъ“.

сдѣлался человѣкомъ. Уменъ онъ не по лѣтамъ. Ему только что пошелъ двадцать второй годъ, а голова-то у него какая! Онъ такъ обдѣлываетъ дѣлишки, что моя не выдержала бы этого и лопнула бы. Навелъ онъ туманъ на всѣхъ нашихъ сосѣдей и теперь онъ уполномоченный почти всей здѣшней шляхты. Особенно онъ молодецъ на то, что бы выигрывать дѣла, и теперь всѣ у него въ карманѣ!

— А не самъ ли онъ въ ихъ карманахъ, какъ будто шутя, замѣтилъ я.

— Да вѣдь это то же самое—сказалъ счастливый родитель, утѣшаясь своимъ сыномъ,—такъ или иначе, но все равно выходитъ на то, что онъ имъ услуживаетъ, а они ему, рука руку моетъ. Если онъ иногда пріѣзжаетъ къ намъ, то мать отъ радости прыгаетъ около него. Ты знаешь ли, какой онъ щеголь? У него и часы и перстни и янтари на чубукахъ; а хочешь знать откуда все это взялось? добавилъ панъ, тыкая себя въ лобъ пальцемъ:—вотъ откуда! Вотъ и теперь парень-то какъ устроился? Пишетъ мнѣ, что онъ назначенъ секретаремъ рекрутской комиссіи. Вѣдь тутъ сразу наживетъ капиталецъ,—ну, что? А что всего лучше, такъ это то, что онъ для себя ничего не жалѣетъ, онъ не скупъ, но за то на сторону въ чужія руки ни гроша не спуститъ. Такому не жаль и богатствъ послѣ себя оставить.

Яблоко отъ яблони не далеко падаетъ, подумалъ я.

Въ это время мы подошли къ палацу.

— Прошу идти за мной, братишка, сказалъ панъ, и я вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ покои.

Панское жилье, въ самомъ дѣлѣ панскіе чертоги! Насмотрѣлся я на подобныя обиталища и въ слуцкомъ и въ несвижскомъ повѣтахъ, но то, въ которомъ я былъ теперь, казалось превосходило все прежде видѣнное мною. Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ вдругъ цѣлый пятокъ квестаровъ, такъ какъ я отражался въ пяти громадныхъ зеркалахъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ. Картинъ въ золотыхъ рамкахъ было столько, сколько бываетъ образовъ въ алтарѣ, но картины эти были только мірскаго, а не благочестиваго содержанія. И чего только тутъ не было! Помилуй только, Боже!

Замѣтивъ мое удивленіе, панъ крикнулъ:

— Ну что, братишка, здѣсь совсѣмъ не то, что въ вашихъ кельяхъ. Ты, квестаръ, видѣлъ какъ я хозяйничаю, а теперь посмотри какъ я живу. Я пока пойду переодѣться къ обѣду, потому что въ столовую придутъ моя жена и мои дочери.

— Какъ же ты, ясневельможный панъ, сказалъ, что у тебя только одинъ сынъ?

— Понятно, что если у него нѣтъ брата, то онъ одинъ—и проговоривъ это, онъ вышелъ.

Недовольный уже приглашеніемъ осмотрѣть аппартаменты моего хозяина, я теперь смиренно присѣлъ около двери въ ожиданіи обѣда, котораго мнѣ очень хотѣлось поѣсть, особенно послѣ продолжитель-

ной прогулки. Просидѣлъ я такимъ образомъ съ часъ, когда снова показался знакомый мнѣ лакей разодѣтый въ пухъ и въ прахъ и блестѣвшій отъ бывшихъ на немъ галуновъ, словно окладъ на иконѣ.

— Пожалуйте обѣдать, сказалъ онъ.

— Ахъ, братецъ, какъ же я здѣсь пойду по вылощенному полу и по коврамъ? спросилъ я.

— А да чего тутъ смотрѣть, иди смѣло, по церкви ты ходишь смиренно, такъ тамъ совсѣмъ иное дѣло, а здѣсь... онъ только махнулъ рукою, а я пожалѣлъ, что не могъ поговорить съ нимъ подольше.

Въ другой комнатѣ, широкой, по крайней мѣрѣ, какъ наша трапеза, я увидѣлъ, что около стола сидѣли панъ, пани и паненки; для меня около буфета былъ накрытъ особый столъ. Никогда еще мнѣ не случалось конфузиться до такой степени, какъ теперь; шляхетская спѣсь отозвалась во мнѣ. Я почувствовалъ, какъ вспыхнули мои щеки и въ головѣ у меня промелькнула суетная мысь: „уйду!“, но, слава Богу, званіе мое подсказало мнѣ: „останься,—помни обѣтъ смиренія“. Такимъ образомъ я укротилъ гордость—этотъ смертельный грѣхъ и почтительно поклонившись передъ круглымъ столомъ и прочитавъ обычныя молитвы, усѣлся за своимъ столомъ. Въ это время всѣ посмотрѣли на меня и я, въ свою очередь, посмотрѣлъ на всѣхъ. Панъ переодѣлся совсѣмъ иначе, и даже надѣлъ другой чупрупъ или, быть можетъ, и тотъ же самый, но только перечесанный заново; однимъ словомъ, онъ выглядывалъ щеголемъ.

Дочери его были въ шелковыхъ платьяхъ, около нихъ было нѣсколько женщинъ, но уже не знаю, какой націи, потому что онѣ болтали на чужомъ языкѣ и всѣ съ любопытствомъ осматривали меня: сама панни, прищуривая глаза, а паненки робко и искоса, прочія же женскія существа смотрѣли на меня съ вытаращенными глазами и какъ будто хотѣли меня съѣсть. По всей вѣроятности они сглазили меня, такъ какъ послѣ этого обѣда здоровье мое стало хуже. Обѣдъ былъ превосходный и былъ-бы еще лучше, если-бы хозяинъ не портилъ его своими похвалами. Онъ каждое блюдо, точно костями, приправлялъ своимъ: „ну, что?“ и все дѣлалъ кислымъ своими прибаутками, которыя теперь я уже позабылъ.

— Ну, что? на вашихъ столахъ въ монастырѣ такого мяса не найдется; кушай, попикъ, хотѣлъ сказать — квестàръ.. Извѣстно, что бернардины обжоры, а ты, какъ я замѣчаю, только отвѣдываешь. Гаврила, прибавь-ка квестару еще одинъ зразъ [1]), и налей ему рюмку той мадеры, которую я пью самъ.

Я сталъ-было отказываться отъ предлагаемаго мнѣ угощенія, но ясневельможный прикрикнулъ:

---

[1]) Одно изъ самыхъ употребительныхъ мясныхъ блюдъ въ Польшѣ.

— Пей! Вино отличное. Весь вашъ монастырь не выпилъ-бы моихъ запасовъ, пей! Жалѣть нечего!

Ой, подумалъ я, слушая разомъ и такое подчиваніе, и такую похвальбу и такія выходки: ой, наскакиваешь ты самъ на мои вирши, какъ заяцъ на стрѣлка.

Когда обѣдъ кончился и сидѣвшіе за круглымъ столомъ начали креститься, какъ будто сгоняя мухъ съ носа, то хотя я и могъ-бы, поблагодаривши ихъ, распрощаться съ ними, но такъ какъ мои счеты съ ясневельможнымъ окончены еще не были, да и самъ онъ не только не прекращалъ бесѣды со мною, но даже, какъ будто нарочно, продолжалъ ее, то и я не спѣшилъ уйти.

— Ну что? смѣясь, сказалъ онъ, прошу извинить за обѣдъ, можетъ быть ты остался голоденъ.

— Я слишкомъ сытъ, ясневельможный, почтительно кланяясь, отвѣчалъ я.

— Ты, братишка, ѣздишь по разнымъ домамъ и панамъ и, навѣрно, что̀ видишь въ одномъ домѣ, о томъ разсказываешь въ другомъ.

— Такъ, ясневельможный, такъ, отвѣчалъ я, и если я замѣчу что-нибудь на пользу ближнихъ, то хорошій примѣръ распространяю повсюду, а если наоборотъ, то сплетникомъ я не бываю.

— Да̀, да̀, заговорилъ онъ, потому-то я и водилъ тебя всюду, чтобы посмотрѣвъ, ты поразсказалъ людямъ что̀ значатъ порядокъ и распорядительность даже въ домахъ знатныхъ пановъ, и какъ слѣдуетъ жить нашей мелкой шляхтѣ... Теперь у тебя найдется что̀ поразсказать. Не правда-ли? Ну, что? говорилъ онъ, ласково трепля меня по плечу.

— Погоди-же! подумалъ я и отвѣчалъ: Такъ, ясневельможный, такъ, но при этомъ мнѣ пришли на память вирши, правда старенькія онѣ, но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о похвалахъ панскому дому, они, кажись, будутъ кстати.

— Хорошо, хорошо, вотъ ты такъ настоящій квестаръ, у тебя на всякій случай найдутся и острое словцо и вирши. Заработаешь ты отъ меня барана, заработаешь, сказалъ онъ, не понимая куда я мѣтилъ и полагая, конечно, что начну говорить въ похвалу ему онъ крикнулъ:

— Жена, дѣти! идите сюда поскорѣе и послушайте бернардынской поэзіи.

— Поэзіи, поэзіи! заговорили онѣ съ удивленіемъ и подошли къ намъ съ другаго конца залы.

Я началъ говорить мои вирши.

Содержаніе этихъ виршей заключалось въ томъ, что хотя у иного пана есть и отличные кони и кареты и упряжь, но что все это „то— да не то"; что у него есть щегольскіе наряды—шелкъ и кружева, но что все это „то — да не то"; что у него отличный поваръ, что съ

одного его кушанья человѣкъ будетъ сытъ, что столы ломятся у него подъ тяжестью серебра и вино льется рѣкою, но что все это „то— да не то“; что отъ его обширныхъ помѣстій, словно изъ источника, текутъ каждый день огромные доходы, что всѣ ломаютъ передъ нимъ шапки, такъ какъ чуятъ золото въ его ларцахъ, но что все это „то— да не то“ и такъ далѣе.

Когда я кончилъ чтеніе этихъ виршей, то, спустя нѣсколько времени, панъ пристально посмотрѣлъ на меня, снялъ съ головы свой чупрунъ и положилъ его на столъ. Я отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ, онъ потеръ свой лобъ и протягивая впередъ руки, важно сказалъ:

Баранъ пригоденъ на котлету.
Но для тебя его здѣсь нѣту.

— Ну, что? Коротко, замысловато и экспромтомъ, а ты, попка, ступай за ворота — и при этомъ онъ, указавъ мнѣ на дверь, вышелъ, а за нимъ послѣдовала и вся его семья.

Послѣ такого разставанья, мнѣ здѣсь нельзя было болѣе оставаться. Я пошелъ въ экономію, гдѣ, навѣрно, нашелъ-бы для себя удобный ночлегъ, если-бы мнѣ не повредила моя поэзія. Удивился мой Мацѣй, когда я приказалъ ему поскорѣй запрягать лошадку, а оба мы удивились еще болѣе, когда увидѣли нашего „рогача“ остриженнымъ.

— Что это значитъ? спросилъ я, когда и какъ это случилось? Неужели-же ты самъ, передъ зимнимъ холодомъ, позволилъ себѣ снять съ него кожухъ?

— Во имя Отца и Сына и Святаго духа! возразилъ Мацѣй. какъ же я могъ позволить себѣ сдѣлать это? Вѣдь насъ ограбили здѣсь, мой милостивецъ! Я, впрочемъ, догадываюсь, какъ это вышло: меня позвали на обѣдъ, а между тѣмъ здѣсь повертѣлись съ ножницами около нашего барана. Но я имъ этого не спущу. Тутъ моя вина — я не досмотрѣлъ. Но я возьму свое — я пойду къ самому пану.

— Оставь, Мацѣй, сказалъ я, оставь. Вѣдь ты видѣлъ, какъ панъ усѣлся верхомъ на „рогача“, какъ онъ разсматривалъ его шерсть, это значитъ, нашего барана не могли остричь безъ его приказанія. Да и я припоминаю, что въ ту пору, когда ты отъѣзжалъ отъ крыльца, онъ что-то шепнулъ своему казачку и тотъ опрометью пустился за тобою слѣдомъ на фольварокъ и вѣрно онъ побѣжалъ туда съ приказомъ насчетъ нашего барана. Поэтому, безъ дальнѣйшихъ хлопотъ отправимся отсюда поскорѣе, чтобы насъ ночь не захватила гдѣ-нибудь на дорогѣ, вѣдь и теперь начинаетъ уже смеркаться. Когда же станутъ подходить морозы, то Господь Богъ справитъ нашему „рогачу“ новый кожухъ.

— Какъ тебѣ угодно, отвѣчалъ Мацѣй, а я только посовѣтовалъ-бы тебѣ поѣхать знакомою уже намъ дорогой въ тотъ застѣнокъ, гдѣ мы проночевали такъ отлично. Тамошній хозяинъ будетъ намъ радеше-

некъ, за это я поручусь. Свѣтлица у него теплая и чистая и мы тамъ славно выспимся, а завтра у насъ будетъ впереди цѣлый день. Мы разспросимъ о дорогѣ на Друю, гдѣ ты хочешь отдохнуть. До нея отсюда, какъ мнѣ говорили, будетъ миль пять, или шесть.

Я согласился съ предположеніемъ Мацѣя, дотащились мы до застѣнка. Вышло такъ, какъ предсказывалъ Мацей: хозяинъ принялъ меня какъ отца, а его какъ брата. Переночевали мы тамъ очень хорошо. На другой день меня схватила горячка и я, еле живой, какъ уже писалъ о томъ прежде, добрался до Друи.

ДНЕВНИКЪ МАРКИЗЫ ВЕСТМИНСТЕРЪ.

Дневникъ путешествія въ Швецію, Норвегію и Россію въ 1827 году маркизы Вестминстеръ [1]) представляетъ довольно своебразное явленіе среди массы болѣе или менѣе важныхъ историческихъ мемуаровъ, изданныхъ въ послѣднее время и которыми такъ богаты европейскія литературы. Это ничто иное, какъ извлеченіе изъ путевыхъ записокъ, веденныхъ день за день, и частныхъ писемъ маркизы, правдивыхъ до наивности, но чуждыхъ серьезнаго историческаго интереса, съ неизбѣжными повтореніями и множествомъ малоинтересныхъ подробностей. Сама составительница „Дневника" въ своемъ предисловіи придаетъ ему значеніе только въ смыслѣ знакомства съ своеобразными способами путешествія по Европѣ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія и нѣкоторыхъ свѣдѣній о высокопоставленныхъ лицахъ, болѣе или менѣе важныхъ въ историческомъ отношеніи. Этотъ скромный отзывъ служитъ едва ли не лучшей характеристикой „Дневника", отъ котораго и трудно ожидать чего либо инаго, если мы примемъ во вниманіе, что маркиза, несмотря на медленность и трудность тогдашнихъ путей сообщенія, совершила свою далекую поѣздку менѣе чѣмъ въ полгода. Въ такой короткій срокъ, гдѣ значительная часть времени проведена была въ дорогѣ, немыслимо требовать сколько нибудь основательнаго знакомства съ странами, совершенно чуждыми по языку и обычаямъ, даже отъ человѣка болѣе подготовленнаго чѣмъ маркиза, великосвѣтская дама въ полномъ значеніи этого слова. Она терпѣливо выноситъ неудобства путешествія и обо всемъ что видитъ собираетъ на мѣстѣ самыя обстоятельныя свѣдѣнія, какъ видно изъ ея писемъ, но чувствуетъ себя хорошо только въ обществѣ и въ большихъ городахъ. Здѣсь она въ своей сферѣ, вся поглащена своимъ

[1]) „Diary of a tour in Sweden, Norway and Russia in 1827", with letters by the marchioness of Westminster. London. 1879.

туалетомъ, магазинами, визитами, разными „soirées, diners, parties", которыми зачастую тяготится, но посѣщаетъ самымъ усерднымъ образомъ. Мысли только мелькаютъ въ ея головѣ: ей нѣкогда ни обдумать, ни провѣрить ихъ; все, что она видитъ и слышитъ, интересуетъ ее только какъ новость, или предметъ для „causerie" въ письмахъ и салонахъ.

Однако, несмотря на все это, книга маркизы въ общемъ не лишена живаго интереса, благодаря ея природному уму, извѣстной наблюдательности, полному отсутствію лжи и рисовки и главнымъ образомъ той добросовѣстности, съ которой путешествуютъ англичане. Ничто не ускользнуло отъ вниманія маркизы въ доступной для нея сферѣ, она успѣла вездѣ побывать, „все и всѣхъ видѣть" и съ своей хотя узкой точки зрѣнія мѣтко подмѣтила нѣкоторыя особенности быта посѣщаемыхъ ею странъ, преимущественно въ Швеціи и Норвегіи, гдѣ она прожила всего дольше.

Такимъ образомъ мы считаемъ не лишнимъ представить здѣсь краткое извлеченіе изъ дневника путешествія, писаннаго болѣе чѣмъ полвѣка тому назадъ, такъ какъ онъ касается самыхъ близкихъ, но всего менѣе извѣстныхъ у насъ странъ, а съ другой стороны мы встрѣчаемъ въ немъ нѣкоторыя довольно любопытныя, хотя чисто внѣшнія, подробности о Россіи и Русскомъ дворѣ въ началѣ царствованія Николая Павловича.

Маркиза Вестминстеръ выѣхала моремъ изъ Лондона 19 мая 1827 года съ своимъ мужемъ, виконтомъ Бельгревъ [1]) и въ сопровожденіи двухъ слугъ—лакея и горничной. Хотя они ѣхали почти безостановочно день и ночь, но прибыли въ Копенгагенъ только на седьмыя сутки, потому что часть пути отъ Гамбурга до Киля имъ пришлось сдѣлать на лошадяхъ. Маркиза, едва отдохнувъ съ дороги, тотчасъ же отправилась по лавкамъ и магазинамъ и вывела заключеніе, что въ этомъ отношеніи столица Даніи самый жалкій городъ и что здѣсь ничего нельзя достать порядочнаго кромѣ чая и перчатокъ. Но вслѣдъ затѣмъ, гуляя по валу, она пришла въ полный восторгъ, такъ какъ отсюда съ одной стороны открывался роскошный видъ на городъ, утопающій въ зелени, съ живописными домами и старинными башнями, а съ другой стороны—на пристань, море и Шведскій берегъ въ туманной дали. На слѣдующій день супруги осмотрѣли всѣ достопримѣчательности Коппенгагена: университетъ, библіотеку, коллекцію стариннаго оружія и каменныхъ орудій, башню, построенную Христіаномъ IV и пр. Затѣмъ городъ уже не представлялъ для нихъ никакого интереса, и они рѣшили познакомиться съ

[1]) Ричардъ виконтъ Бельгревъ получилъ впослѣдствіи титутъ маркиза Вестминстера послѣ смерти своего отца.

окрестностями. Изъ послѣднихъ особенно понравился маркизѣ Фридрихсбергъ съ старымъ замкомъ, построеннымъ Христіаномъ V изъ темнокраснаго кирпича съ покатой крышей, красивыми куполами, шпицами, всевозможными башнями и капеллой, служащей мѣстомъ коронаціи датскихъ королей. Путешественники видѣли здѣсь и знаменитую „Залу рыцарей" въ 165 ф. длиною, но довольно низкую, восхищались превосходными потолками, богатой рѣзьбой дверей, прошли безконечное число комнатъ, но не успѣли разглядѣть и сотой доли портретовъ, украшавшихъ стѣны ихъ, и особенно обратили вниманіе на портреты Карла XII и королевы Христины. Отсюда они прошли въ великолѣпные сады и старинный паркъ, примыкавшіе къ замку, которые такъ понравились маркизѣ, что она удивляется, почему датское королевское семейство никогда не живетъ здѣсь, а предпочитаетъ этому прекрасному мѣсту Фриденсбургъ съ лѣсами и озерами, но съ обыкновеннымъ дворцомъ новѣйшей постройки.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ Копенгагенъ и наиболѣе замѣчательныя изъ его окрестностей, маркиза и ея супругъ переѣхали проливъ и отправились въ Христіанію юго-западной и самой живописной частью Швеціи, черезъ города Гельзингборгъ, Готенбургъ, Венерсборгъ (у озера Веннера), Фридрихштадтъ и проч. „Трудно описать красоту и прелесть этой мѣстности, пишетъ маркиза, гдѣ озера, рѣки, вѣковые лѣса, роскошныя поля, причудливыя скалы постоянно смѣняютъ другъ друга. Въ лѣсахъ масса черники; виднѣются ландыши, дикіе анемоны, горечавка и проч.; поля и скалы испещрены анютиными глазками. Дорога вездѣ превосходная, гостинницы опрятныя и хорошо содержатся, станціи самыя короткія. Мы ѣхали все время шестерней; форрейторомъ у насъ былъ рослый, неуклюжій крестьянинъ, сидѣвшій верхомъ на лошади безъ сѣдла.—Однако, не смотря на такую первобытную упряжь, продолжаетъ маркиза, маленькія шведскія лошадки превосходно везли насъ — и мы дѣлали отъ семи до восьми миль въ часъ"...

Въ Готенбургѣ путешественники познакомились съ богатымъ шотландскимъ купцомъ Диксономъ и были приглашены на обѣдъ къ губернатору барону Розену, который послалъ за ними свой экипажъ. Здѣсь они застали довольно большое общество, состоящее изъ купцовъ и военныхъ; въ числѣ ихъ графа Платена, который вмѣстѣ съ англійскимъ извѣстнымъ инженеромъ Тельфордомъ занимался тогда проведеніемъ грандіознаго канала для соединенія озеръ съ Нѣмецкимъ моремъ. Домъ барона Розена понравился маркизѣ по своему удобству и мѣстоположенію на берегу озера, но комнаты, какъ во всѣхъ шведскихъ домахъ, которые ей приходилось видѣть впослѣдствіи, были почти пусты, и вся меблировка состояла изъ дивана и нѣсколькихъ стульевъ, стоявшихъ вдоль стѣнъ. Какъ самъ хозяинъ, такъ и его гости были чрезвычайно внимательны къ пріѣзжимъ, которые охотно остались здѣсь до десяти часовъ вечера, тѣмъ болѣе,

что имъ удалось послушать пѣніе шведскихъ пѣсенъ, и у нѣкоторыхъ изъ гостей оказались превосходные голоса.

На другой день маркиза и Бельгревъ встали въ шесть часовъ утра и тотчасъ же двинулись въ путь. Дорога по мѣрѣ приближенія къ Норвегіи становилась все живописнѣе, скалы все выше и отвѣснѣе, съ красивыми дикими ущельями и быстрыми потоками; всюду виднѣлись озера, рѣки, роскошные лѣса. Не менѣе поразила путешественниковъ столица Норвегіи, опоясанная живописными горами и заливомъ, усѣяннымъ множествомъ острововъ, такъ что маркиза въ первомъ письмѣ изъ Христіаніи, называетъ Норвегію „самой красивой страною въ мірѣ“ и говоритъ, что „имъ живется здѣсь такъ же хорошо, какъ въ раю“. Восторгу маркизы не мало способствовало и то обстоятельство, что благодаря рекомендательнымъ письмамъ, гостепріимству и простотѣ норвежскихъ нравовъ, они сразу познакомились со всѣмъ высшимъ мѣстнымъ обществомъ. Такъ на слѣдующій день по пріѣздѣ они были приглашены на обѣдъ къ графу Ведель Ярльсбергъ, „le plus grand seigneur“ Норвегіи, о которомъ они слышали еще въ Швеціи и который былъ на столько популяренъ между крестьянами и дворянствомъ, что во время бывшихъ здѣсь смутъ онъ едва не былъ выбранъ въ короли. Хотя графъ Ведель жилъ въ своемъ имѣніи за восемь миль отъ Христіаніи, но путешественники застали полный домъ гостей, потому что графъ и графиня ежедневно держали „table ouvèrte“ на двадцать шесть особъ, и къ нимъ могъ являться каждый, безъ особыхъ приглашеній. По словамъ маркизы, это были самые добродушные, милые и разговорчивые люди, какихъ только ей приходилось встрѣчать въ жизни, и она вполнѣ осталась довольна первымъ днемъ, проведеннымъ у нихъ, только выражаетъ сожалѣніе, что они по мѣстному обычаю обѣдали въ три часа, „чѣмъ портится всегда цѣлый день и послѣ того не знаешь, что съ собою дѣлать“. Вслѣдъ затѣмъ пріѣзжіе познакомились съ норвежскимъ вице-королемъ, графомъ Сандельсъ, котораго маркиза называетъ „несноснымъ и глуповатымъ старикомъ“, и съ его супругой, „довольно жеманной и крайне уродливой дамой“.

Маркиза не пишетъ, что собственно дѣлалъ виконтъ Бельгревъ въ первые дни своего пребыванія въ Христіаніи. Осматривать въ городѣ было нечего англичанамъ, по отсутствію сколько нибудь замѣчательныхъ древностей и произведеній искусства, а въ будни почти всѣ мужчины были заняты съ 8 часовъ утра до 8—9 часовъ вечера въ парламентѣ, который собирается здѣсь черезъ каждые три года и продолжается всего шесть мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ должны быть окончены всѣ дѣла. Виконту оставалось или сидѣть дома, или сопровождать свою супругу по магазинамъ и лавкамъ и дѣлать съ нею визиты къ разнымъ дамамъ, что врядъ ли могло занимать его. Такимъ образомъ скука могла быть одною изъ причинъ, побудившихъ его предпринять довольно далекую поѣздку въ глубь Норвегіи для осмотра живописнаго Дронтгейма, по такой неудобной дорогѣ, что на этотъ

разъ его неразлучная спутница маркиза не могла сопровождать его, да и врядъ ли особенно желала этого. Судя по ея письмамъ, ей было очень весело въ Христіаніи, гдѣ общество отнеслось къ ней самымъ лучшимъ образомъ: она получала со всѣхъ сторонъ приглашенія на вечера, обѣды, концерты, загородныя поѣздки въ экипажахъ и лодкахъ; приглашеній даже оказывалось больше, чѣмъ возможно было принять ихъ. „Норвежцы чрезвычайно добродушный народъ, замѣчаетъ по этому поводу маркиза, „se mettant en quatre“, чтобы позабавить и занять васъ. Живутъ они не роскошно, но въ полномъ довольствѣ и замѣчательно просты въ своемъ обращеніи; если вы неожиданно застанете ихъ за столомъ, то они никогда не стѣсняются пригласить васъ обѣдать съ ними, хотя бы у нихъ было всего три самыхъ простыхъ блюда“... „Впрочемъ, добавляетъ маркиза, это вполнѣ понятно, потому что въ какое время вы бы ни пришли къ нимъ, непремѣнно увидите ихъ если не за обѣдомъ, то за какой нибудь ѣдой, потому что „они ѣдятъ съ утра до ночи, и послѣ вечерняго чая съ хлѣбомъ, сыромъ, ветчиной и проч., не разъ выражали мнѣ свое удивленіе, „que madame ne soupe jamais“. Хотя скорѣе можно удивляться, какъ они еще живы послѣ ужасающаго количества ежедневно поглощаемой ими пищи“...

Однако не смотря на гостепріимство и добродушіе норвежцевъ, маркиза не особенно лестно отзывается о нихъ въ своихъ письмахъ. Такъ напр., познакомившись съ „цвѣтомъ норвежскаго дворянства“, она находитъ, что „они больше отличаются внутренними достоинствами, чѣмъ наружными“ и лучше бы не показывались на свѣтъ Божій. Женщины высшаго норвежскаго общества по ея словамъ „одѣваются также отвратительно какъ англичанки низшихъ классовъ; носятъ цвѣтныя ситцевыя платья или изъ пестрыхъ матерій съ разводами; у всѣхъ ужасный цвѣтъ лица, руки, ноги, икры и самая дурная „tenue“ и „tournure“. Изъ этихъ прелестныхъ созданій“, продолжаетъ маркиза „четыре считаются статсъ-дамами шведской королевы, чѣмъ они очень гордятся, и такъ какъ баронъ Ведель оберъ-камергеръ, то можно себѣ представить, сколько зависти и интригъ обращено противъ его супруги краснощекой, вѣчно сіяющей дамы, которая болтаетъ безъ умолку и считается очень хорошенькой. Изъ дамъ одна только графиня Ведель Ярльсбергъ удостоилась похвалъ маркизы, которая называетъ ее вполнѣ приличной и милой женщиной, хотя съ оговоркой, что она не имѣетъ никакихъ „talents acquis“ и никогда не заглядываетъ въ книгу, какъ всѣ норвежскія дамы. Онѣ ведутъ здѣсь вообще самый первобытный образъ жизни, добавляетъ маркиза и почти исключительно занимаются хозяйствомъ. Даже графиня Ведель, „первая дама въ Норвегіи“, считаетъ вполнѣ естественнымъ ходить на кухню и присматривать за обѣдомъ. Она также слѣдитъ за стиркой бѣлья, занимается заготовленіемъ солонины и другихъ запасовъ на

зиму, собственными руками шьетъ все платье себѣ и дѣтямъ, включая сюда и перчатки и пр..

О низшихъ класахъ народа въ Норвегіи маркиза не говоритъ вовсе и только упоминаетъ вскользь, что норвежскія крестьянки „очень грязны „и безобразны“ (?).

Что же касается Бельгрева, то судя по отзыву маркизы онъ вынесъ изъ своей поѣздку въ глубь страны только то впечатлѣніе, что „норвежцы замѣчательно гостепріимный народъ и, что Дронтгеймъ не даромъ славится своей живописной мѣстностью“.

Супруги выѣхали изъ Христіаніи въ концѣ іюня и отправились въ Стокгольмъ дальней дорогой, такъ какъ имъ хотѣлось взглянуть на знаменитые шведскіе рудники Фалунъ и Данемора. При въѣздѣ въ Швецію маркиза тотчасъ же обратила вниманіе на одежду крестьянъ, которая показалась ей гораздо чище и красивѣе, чѣмъ въ Норвегіи. На мужчинахъ было длинное темное верхнее платье безъ пуговицъ съ прямыми складками назади; волосы съ проборомъ посрединѣ и обрѣзанные въ кружокъ какъ у пуританъ; на женщинахъ были соломенныя шляпы... Но мѣстность, начиная отъ Карлштата и чѣмъ дальше на сѣверъ, становилась все однообразнѣе и некрасивѣе, а подъѣзжая къ Фалуну путешественники увидѣли передъ собою совершенно пустынную и обнаженную равнину. Самый городъ имѣлъ крайне печальный видъ съ своими закоптѣлыми домами и отсутствіемъ зелени. Отдохнувъ съ дороги и заручившись позволеніемъ отъ губернатора, маркиза и виконтъ Бельгревъ отправились на Фалунскій рудникъ, отстоящій отъ города на разстояніи четверти англійской мили. Здѣсь ихъ ввели въ зданіе, похожее на запасный магазинъ, и тотчасъ же нарядили въ рудничное платье: толстое холщевое пальто и шляпу съ широкими полями, а затѣмъ повели въ рудникъ. Ихъ сопровождалъ смотритель, штейгеръ и два рудокопа, которые освѣщали путь пучками горящихъ лучинъ въ видѣ факеловъ. Они спустились въ средину большой шахты по длинной деревянной лѣстницѣ, за которой слѣдовалъ книзу безконечный рядъ другихъ лѣстницъ и штрековъ (горизонтальныхъ подземныхъ галлерей), перерѣзывающихъ рудникъ во всѣхъ направленіяхъ. Галлереи эти, по словамъ маркизы, большею частію съ перилами, висятъ, какъ балконы надъ такими глубокими пропастями, что брошенный въ нихъ камень издаетъ звукъ подобный раскатамъ грома. Особенно эффектенъ сверху видъ нижней части рудника довольно широкаго и обширнаго, который при свѣтѣ факеловъ казался безконечнымъ. Нѣкоторыя изъ галлерей были совершенно мокрыя отъ постоянно просачивающихся капель рудничнаго дождя. Здѣсь также двѣ или три довольно значительныхъ камеры (расширенія); въ одной изъ нихъ обѣдалъ король Карлъ XIV (Бернадотъ) съ сестрой, посѣтившіе Фалунъ съ цѣлью осмотра рудника, что не представляетъ никакихъ затрудненій, такъ какъ лѣстницы очень удобныя и воздухъ вездѣ превосходный. Работы были

пріостановлены, пока англичане оставались въ рудникѣ, но они видѣли только что начатую шахту. Камень, проникнутый мѣдной рудой, высѣкаютъ и увозятъ въ тачкахъ, а затѣмъ поднимаютъ въ бадьяхъ по особой приспособленной для этого вертикальной шахтѣ. Осадки купороса во многихъ мѣстахъ образовали зеленыя натеки. Съ поверхности рудникъ имѣлъ видъ огромной ямы, около англійской мили въ окружности съ нѣсколькими рядами лѣстницъ, идущихъ отъ самой вершины отваловъ.

Осмотрѣвъ рудникъ, любознательные путешественники пожелали познакомиться съ способомъ приготовленія купороса, который такъ занялъ маркизу, что она считаетъ нужнымъ описать его въ своихъ письмахъ. По ея словамъ проточная вода, насыщенная мѣднымъ растворомъ, пропускалась въ громадный чанъ, а оттуда во множество вмѣстилищъ, въ видѣ небольшихъ колодцевъ съ стоящими въ нихъ гигантскими гребнями. Купоросъ скоплялся вокругъ зубьевъ этихъ гребней въ видѣ прекрасныхъ зеленыхъ кристалловъ.

Изъ Фалуна они проѣхали въ Гефле, маленькій, красивый городокъ на берегу Балтійскаго моря, а затѣмъ на другой знаменитый рудникъ, Данемора, громадной глубины, на днѣ котораго постоянно лежитъ снѣгъ. Рудникъ этотъ совершенно открытый, такъ что сверху можно видѣть всѣ производящіяся въ немъ работы, и къ удовольствію маркизы, ей не было никакой необходимости спускаться въ него.

Отъѣхавъ четыре станціи и нѣсколько миль отъ Данемора, путешественники вышли изъ экипажа, чтобы осмотрѣть старую Упсалу, гдѣ находится едва-ли не самая древняя изъ всѣхъ существующихъ церквей (вѣроятно бывшая нѣкогда языческимъ храмомъ), съ необыкновенно толстыми стѣнами, сложенными изъ массивныхъ глыбъ гранита. Возлѣ этой церкви возвышался рядъ огромныхъ кургановъ, служившихъ согласно преданію мѣстомъ погребенія шведскихъ королей. Курганы эти представляли довольно печальный видъ среди мертвой и однообразной равнины, гдѣ на значительномъ разстояніи не видно было ни единаго деревца. Отсюда маркиза съ супругомъ отправились въ новую Упсалу, гдѣ по своему обыкновенію осмотрѣли все, что было замѣчательнаго въ городѣ. Они посѣтили соборъ—громадное кирпичное зданіе съ куполами и башнями, гдѣ находится серебряный гробъ короля Эрика VII († въ XIII в.), видѣли памятникъ Густава Вазы и его двухъ супругъ, высѣченный изъ мрамора; памятникъ Линнея, воздвигнутый его учениками, памятникъ семейства Stures, истребленнаго королемъ Эрикомъ XIV (1560—68 г.), барона Баннера, казненнаго Христіаномъ II; Brâhès'овъ и другихъ знатныхъ шведскихъ фамилій. Изъ собора они прошли въ такъ называемый садъ Линнея, но не нашли здѣсь ничего особеннаго, кромѣ полуразрушеннаго зданія, похожаго на теплицу и состоящаго изъ трехъ комнатъ—въ одной изъ нихъ знаменитый ботаникъ читалъ свои лекціи. Университета имъ не удалось видѣть, такъ какъ онъ былъ закрытъ по случаю бывшихъ въ

это время вакацій, а затѣмъ въ городѣ, хотя чистомъ, но крайне скучномъ, осматривать было нечего, и они прямо отправились въ Стокгольмъ.

Городъ со стороны Упсалы имѣлъ такой невзрачный видъ, что, приближаясь къ нему, маркиза не хотѣла вѣрить, чтобы это была столица Швеціи и съ тѣмъ же впечатлѣніемъ подъѣхала къ дому англійскаго посланника Блумфильда, который предложилъ имъ остановиться у него. На слѣдующій день, не смотря на дождь и сильный вѣтеръ, маркиза съ супругомъ отправилась на главную улицу тогдашняго Стокгольма „Drotting gasse", очень узкую и состоящую изъ „великолѣпныхъ отелей и жалкихъ магазиновъ. Но изъ этого она опять-таки не могла составить себѣ понятія о городѣ и только нѣсколько дней спустя, увидя его съ разныхъ сторонъ, писала въ Англію, что „Стокгольмъ производитъ поражающее впечатлѣніе удивительнымъ сочетаніемъ красивыхъ массивныхъ зданій съ окрестными скалами, лѣсами, моремъ и озеромъ". Въ городѣ конечно англичане осмотрѣли все, что было достойно вниманія [1]) и хотя Стокгольмъ былъ почти пустъ, потому что вся знать жила на дачахъ, но это не мѣшало имъ проводить время самымъ пріятнымъ образомъ, „все и всѣхъ видѣть", какъ выражается маркиза въ одномъ изъ своихъ писемъ. Здѣсь ее встрѣтила та же самая простая и веселая жизнь, что и въ Христіаніи, только съ болѣе роскошной столичной обстановкой и съ несравненно большимъ кругомъ знакомствъ. Дни опять проходятъ за днями, среди постоянныхъ визитовъ, вечеровъ, обѣдовъ, завтраковъ и т. п. Маркиза „такъ занята", что даже не успѣваетъ кончать своихъ писемъ и принуждена писать ихъ въ нѣсколько пріемовъ. Но скоро ко всему этому прибавилась новая забота—ей пришлось готовить себѣ туалетъ для пріема ко двору, гдѣ былъ открытый доступъ всѣмъ знатнымъ иностранцамъ, которыхъ обыкновенно представляла madame Tacher de la Pager—первая статсъ-дама королевы.

По наведеннымъ справкамъ оказалось, что по шведскому этикету, если пріемъ назначенъ въ городѣ, то дамы являются ко двору въ черномъ платьѣ, а за городомъ—въ сѣромъ или лиловомъ.

Король былъ въ это время въ Розендалѣ (Rosendahl) за двѣ англійскія мили отъ столицы и потому маркиза явилась во дворецъ въ сѣромъ шелковомъ платьѣ, а Бельгревъ въ своемъ военномъ мундирѣ. Король [2]) принялъ ихъ очень милостиво и произвелъ такое пріятное впечатлѣніе на обоихъ супруговъ, что маркиза не находитъ даже словъ, чтобы описать всѣ его достоинства. Она въ полномъ восхи-

[1]) Какъ напримѣръ Риддергольмъ, мѣстопребываніе шведскихъ королей, музей древностей, библіотека, Garde-Meuble, дворецъ Drottinghom за 8 миль отъ города и проч.

[2]) Карлъ XIV Бернадотъ, одинъ изъ самыхъ способныхъ маршаловъ Наполеона I. Онъ былъ избранъ кронъ-принцемъ шведскимъ въ 1810 г. и вступилъ на престолъ въ 1818 году.

щёніи отъ его манеръ, такта, ума, голоса, наружности, находитъ его въ высшей степени благовоспитаннымъ, distingué, prevenant и проч. „Что же касается королевы (урожденной de Clary), пишетъ маркиза, то это самое добродушное существо въ свѣтѣ, она очень мило обошлась съ нами, восхищалась моими волосами и туалетомъ, и это разумѣется показываетъ, что она женщина со вкусомъ“... добавляетъ полушутя маркиза. Но наслѣдный принцъ Оскаръ повидимому не особенно понравился ей, она нашла его слишкомъ „raide et guindé“ и что онъ „далеко не такой красавецъ, какимъ его считаютъ въ Швеціи; говоритъ много, но слишкомъ медленно“.

Въ другомъ письмѣ маркиза довольно подробно описываетъ придворный обѣдъ въ Розендалѣ, на который она была приглашена. „Мы пріѣхали во дворецъ“, пишетъ она, „въ назначенный часъ и застали тамъ ужъ нѣсколько человѣкъ, затѣмъ пріѣхали и другіе гости, которыхъ оказалось до двадцати. Когда всѣ собрались, вошли король съ королевой и принцъ Оскаръ, и разговаривали съ нами безъ всякихъ церемоній. Немного погодя доложили, что обѣдъ поданъ. „Messieurs et mesdames, vous êtes servis“, громко повторилъ король и пошелъ впередъ съ королевой, за ними принцъ Оскаръ, я съ оберъ-камергеромъ, а затѣмъ остальные гости. Послѣ обѣда всѣ отправились въ гостинную, гдѣ кресла и диваны были вышиты самой королевой и ея фрейлинами. Король любезно занималъ гостей, подходилъ къ каждому и удалился только въ девять часовъ вечера. Принцъ Оскаръ послѣдовалъ за нимъ, но королева осталась еще нѣкоторое время, чтобы условиться относительно предполагаемаго завтрака въ Bellevue у madame Tacher de la Pager и просила насъ отложить по этому случаю отъѣздъ изъ Стокгольма; мы конечно тотчасъ-же изъявили свое согласіе. Затѣмъ королева простилась со всѣми и уѣхала со своими фрейлинами въ Bellevue, ея любимое лѣтнее мѣстопребываніе среди скалъ, гдѣ она помѣщается съ своимъ дворомъ въ крошечныхъ деревянныхъ домикахъ“.

Дня черезъ два послѣ этого обѣда маркиза съ супругомъ отправились на завтракъ къ madame Tacher de la Pager, которая въ Bellevue имѣла еще наилучшее помѣщеніе сравнительно съ другими придворными дамами, потому что ея домикъ состоялъ изъ четырехъ комнатъ. Вслѣдъ затѣмъ прибыла королева и добродушно разговаривала съ гостями въ ожиданіи принца Оскара, который явился позже всѣхъ. Завтракъ былъ накрытъ въ саду въ большой четырехъ-угольной бесѣдкѣ, но тутъ оказалось, что одинъ изъ приглашенныхъ гостей не пріѣхалъ, и бѣдному оберъ-камергеру пришлось сидѣть отдѣльно, вслѣдствіе того, что королева не выноситъ изъ суевѣрія, чтобы за столомъ было тринадцать человѣкъ. Послѣ завтрака все общество отправилось гулять подъ палящимъ солнцемъ, такъ какъ королева не смотря на полноту ежедневно совершаетъ далекія прогулки къ отчаянію придворныхъ дамъ, которыя должны сопровождать ее. „Мы

путешествовали довольно долго", пишетъ маркиза, „пока наконецъ королева послѣ нѣкотораго колебанія сѣла съ нами въ позолоченную лодку, обитую внутри краснымъ сафьяномъ, но мы катались очень недолго и опять вышли на берегъ, гдѣ насъ ожидали готовые экипажи. Принцъ уѣхалъ, а королева посадила меня съ двумя придворными дамами въ свою коляску, запряженную четырьмя бѣлыми лошадьми. Бельгревъ сѣлъ въ другую коляску съ м-ромъ Блумфильдомъ и камергеромъ. Мы отправились за нѣсколько миль въ красивое имѣніе, принадлежавшее одному фабриканту, вышли здѣсь изъ экипажей и прошли палисадникомъ на довольно высокій холмъ, откуда открывался превосходный видъ на море и окрестности. Отсюда мы вернулись опять въ Bellevue, гдѣ простились съ королевой, которая при этомъ едва не расплакалась и сказала, что почти жалѣетъ, что познакомилась съ нами, потому что сильно огорчена нашимъ отъѣздомъ. Мнѣ кажется, продолжаетъ маркиза, что она вообще мало видитъ образованныхъ людей (civilized people) и должно быть скучаетъ о своемъ Парижѣ и прежней жизни, потому что у ней между прочимъ вырвалась такая фраза „que c'etait une triste chose de changer de destinée". Если-бы мы не собирались въ этотъ вечеръ на балъ шведской буржуазіи, то она вѣроятно пригласила бы насъ на обѣдъ и задержала-бы у себя до поздней ночи, потому что обыкновенно сидитъ за работой до двухъ-трехъ часовъ и очень любитъ, когда у ней въ это время гости".....

На слѣдующій день англичане собрались въ дорогу и отправились моремъ въ Финляндію, а затѣмъ въ Петербургъ.

Плаваніе отъ Стокгольма до Або среди лабиринта лѣсистыхъ острововъ, покрытыхъ скалами, при тихомъ морѣ, гладкомъ какъ зеркалѣ, произвело самое пріятное впечатлѣніе на маркизу и она во все время не испытала ни минуты скуки. Отъ Або до Гельсингфорса они ѣхали уже сухимъ путемъ по мѣстности, которая напомнила имъ южную Швецію своими скалами, озерами и лѣсомъ, хотя была далеко не такъ живописна. Переночевавъ въ Гельсингфорсѣ путешественники сѣли въ лодку и отправились взглянуть на Свеаборгъ. „Ничто не можетъ быть печальнѣе этой крѣпости", пишетъ маркиза: видишь только море и каменныя стѣны безъ конца усаженныя пушками. Гарнизонъ въ это времи состоялъ изъ двухъ тысячъ человѣкъ и намъ говорили лодочники, что тутъ недавно были заключены русскіе политическіе преступники, но ихъ внезапно увезли куда-то".

Слѣдующую ночь англичане провели въ Борго, а затѣмъ уже ѣхали не останавливаясь до самаго Выборга, „гдѣ, говоритъ маркиза, мы увидѣли первые несомнѣнные признаки русской жизни—мужчинъ съ длинными бородами и въ широкихъ азіатскихъ нарядахъ"... Въ Бѣлоостровѣ за двѣ станціи отъ Петербурга они также въ первый разъ встрѣтили нѣкоторыя затрудненія съ паспортами, что для нихъ было совершенною новостью.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, они остановились въ гостинницѣ Демута, гдѣ заняли восемь комнатъ и въ тотъ же день предприняли далекую прогулку по городу, вдоль Невскаго, набережной и черезъ мостъ къ биржѣ. Русская столица поразила маркизу своими широкими, длинными улицами, дворцами, великолѣпной рѣкой и мостами, такъ что „городъ этотъ, пишетъ она, благодаря восточнымъ костюмамъ населенія, всего ближе подходитъ къ описаніямъ изъ „Тысяча Одной Ночи“ и превосходитъ все, что я могла представить себѣ до сихъ поръ“. Такое восхищеніе со стороны жительницы грандіознаго Лондона, отчасти объясняется тѣмъ, что она вѣроятно заранѣе воображала себѣ Петербургъ крайне жалкимъ и бѣднымъ городомъ и, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, въ обратную сторону видитъ все въ розовомъ и даже преувеличенномъ свѣтѣ. Она хвалитъ все, что ей попадается на глаза: отдѣльныя зданія и внѣшній видъ Петербурга, чистокровныхъ лошадей, которыя она встрѣчаетъ на улицахъ и русскую упряжь. Такъ въ одномъ изъ своихъ писемъ маркиза съ какою-то наивною радостью сообщаетъ, что и она съ мужемъ „будетъ разъѣзжать по Петербургу въ каретѣ четвернею, потому что такъ ѣздятъ въ Россіи всѣ люди comme il faut“.

Въ Петербургѣ путешественники встрѣтили нѣсколько знакомыхъ англійскихъ семействъ; изъ русскихъ они знали только графа С. Воронцова и молодаго Ливена (русскихъ пословъ въ Англіи), но имѣли много рекомендательныхъ писемъ къ разнымъ знатнымъ лицамъ, и это открыло имъ доступъ въ такъ называемое высшее общество. Но здѣсь маркиза, судя по тону ея писемъ, далеко не чувствовала себя такъ хорошо, какъ въ Христіаніи и Стокгольмѣ, и даже въ одномъ письмѣ прямо говоритъ, что на первомъ аристократическомъ вечерѣ у княгини Долгоруковой, гдѣ была почти вся русская знать, она „такъ скучала, какъ никогда въ жизни“, и что они съ мужемъ едва дождались 12 часовъ и вернулись домой совершенно измученные. Въ другой разъ они отправились обѣдать на Каменный островъ къ Нессельроде, гдѣ встрѣтили до двѣнадцати человѣкъ гостей. Обѣдъ былъ самый изысканный и довольно оживленный, но тутъ среди веселаго разговора всѣ были поражены какъ громомъ наивнымъ вопросомъ будущаго маркиза Вестминстера: „Не извѣстенъ ли кому нибудь изъ присутствующихъ результатъ слѣдствія надъ заговорщиками?“ Всѣ были смущены и наступило гробовое молчаніе. „Только потомъ, пишетъ маркиза, намъ объяснили, что у нихъ не дозволяется говорить о подобныхъ вещахъ, какъ о предметѣ слишкомъ страшномъ и священномъ“. Не нравилась англичанамъ и вѣчная игра въ карты (вистъ и мушку), которую они встрѣчали чуть ли на всѣхъ вечерахъ и которой были заняты не только мужчины, но и дамы. Но все это разумѣется не мѣшало маркизѣ ѣздить чуть ли не изо дня въ день съ визитами на острова и въ окрестности, такъ какъ всѣ ея знакомые жили на дачахъ,—бывать у нихъ на обѣдахъ, вечерахъ и проч. Остальное время

она употребляла на посѣщеніе магазиновъ, покупки и осмотръ города. Она посѣтила Таврическій дворецъ, Михайловскій замокъ, гдѣ чуть ли не „въ каждомъ углу стояли часовые" и гдѣ видѣла коллекцію оружія, много картинъ, изображавшихъ солдатъ и лошадей, образцы всѣхъ новѣйшихъ европейскихъ мундировъ и платье покойнаго императора подъ стекломъ. Видѣла она строившійся тогда Исаакіевскій соборъ, Эрмитажъ, Академію Художествъ, Горный корпусъ и т. п., побывала и въ лагерѣ на парадѣ, гдѣ присутствовалъ государь и маленькій Наслѣдникъ (нынѣшній Государь), въ мундирѣ Павловскаго полка.

Наконецъ наступилъ давно ожидаемый день пріема у молодаго императора и императрицы въ Царскомъ Селѣ и вдовствующей императрицы въ Павловскѣ.

Пріемъ былъ назначенъ въ 11½ часовъ утра и потому англичанамъ пришлось подняться очень рано, чтобы поспѣть во-время. Они прибыли въ Царское Село въ одиннадцатомъ часу и имъ тотчасъ указали особую комнату стараго дворца, гдѣ они переодѣлись: маркиза въ „прелестное платье канареечнаго цвѣта и большую шляпу съ бѣлыми перьями", а виконтъ въ свой парадный мундиръ. Немного погодя за ними пріѣхала придворная карета, чтобы перевезти ихъ въ Александровскій дворецъ, гдѣ былъ назначенъ пріемъ и гдѣ ихъ провели въ большую залу съ окнами въ садъ. Здѣсь они никого не застали, кромѣ прислуги, но вскорѣ послѣ того Бельгрева позвали къ императору, а за маркизой пришла княгиня Волконская, „вся въ бриллiантахъ и различныхъ украшеніяхъ" и повела ее къ молодой императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

„Императрица, пишетъ маркиза, сидѣла въ богато убранной комнатѣ, наполненной книгами, нотами и цвѣтами, съ двумя маленькими дочерьми Маріей и Ольгой. Она приняла меня очень милостиво и поцѣловавъ въ обѣ щеки, посадила возлѣ себя. На ней было свѣтло-голубое платье, такого же цвѣта головной уборъ и ожерелье изъ крупнѣйшаго жемчуга. Манеры ея очень приличныя, лицо пріятное и интересное, но немного болѣзненное и, вообще она показалась мнѣ нервной и крайне чувствительной. Она любезно бесѣдовала со мной, и преимущественно о Говерѣ [1]), съ которымъ она познакомилась въ Мемелѣ, и сказала, между прочимъ, что мы должны непремѣнно уговорить его пріѣхать въ Россію avant que nous sommes tous trop vieux. Затѣмъ она послала своихъ дочерей за ножницами, которыя Говеръ подарилъ ей, но тѣ не нашли ихъ, хотя, по ея словамъ, онѣ постоянно лежатъ на ея пяльцахъ. Среди разговора вошелъ императоръ Николай Павловичъ и довольно долго разговаривалъ съ нами о своихъ полкахъ и лошадяхъ, хотѣлъ показать мнѣ свою младшую дочь, но та спала, затѣмъ послалъ за Наслѣдникомъ, но онъ былъ

[1]) Герцогъ Сутерлендъ, старшій братъ маркизы.

въ купальнѣ. Императоръ очень простъ и добродушенъ въ своемъ обращеніи и уходя, сказалъ мнѣ, что надѣется еще разъ видѣть насъ. Послѣ этого императрица послала за Бельгревомъ, нѣкоторое время разговаривала съ нимъ стоя и наконецъ сказала, что дольше не задерживаетъ насъ, такъ какъ мы должны отправиться къ вдовствующей императрицѣ".

Осмотрѣвъ Царское Село и старый дворецъ, маркиза и виконтъ Бельгревъ отправились въ Павловскъ, гдѣ ихъ прежде всего повели къ старой княгинѣ Ливенъ, воспитательницѣ царскихъ дѣтей, „очень милой женщинѣ", по словамъ маркизы, „прилично одѣтой, сообразно своему возрасту, и съ манерами, исполненными кротости и достоинства. Едва просидѣли мы съ нею нѣсколько минутъ,—пишетъ маркиза,—какъ доложили о пріѣздѣ его величества. Мы поспѣшили удалиться въ сосѣднюю комнату, но, противъ ожиданія, императоръ прошелъ мимо насъ и былъ видимо недоволенъ, что мы спрятались отъ него. Онъ подалъ мнѣ руку и заставилъ идти съ собой къ княгинѣ Ливенъ, гдѣ я принуждена была остаться во все время его визита. Судя по его обращенію, онъ очень любитъ и уважаетъ княгиню,—войдя, поцѣловалъ ее самымъ нѣжнымъ образомъ, а также и при прощаньи. Послѣ ухода императора мы еще посидѣли немного у княгини, а затѣмъ отравились къ вдовствующей императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. Насъ провели черезъ длинный рядъ комнатъ и галлерей въ такъ называемую „Греческую залу", гдѣ было нѣсколько придворныхъ. Вскорѣ появилась императрица. Она очень высока ростомъ, bien conservée pour son âge (ей 68 лѣтъ), съ замѣчательно хорошими манерами, большимъ, нѣсколько плоскимъ лицомъ, но съ очень пріятнымъ выраженіемъ. Походка у нея величественная, хотя она ходитъ медленно и съ нѣкоторымъ трудомъ. Она также поцѣловала меня въ обѣ щеки, очень привѣтливо разговаривала съ нами нѣсколько минутъ, а затѣмъ удалилась, сказавъ, что надѣется видѣть насъ за обѣдомъ".

„Мы прошли въ полукруглую галлерею,—продолжаетъ маркиза,—гдѣ застали множество мужчинъ и около тридцати дамъ. Въ числѣ гостей были Нессельроде — олицетвореніе любезности, какъ всегда, и одна старая дама, которую я встрѣчала въ Англіи и думала, что она отъ дряхлости нигдѣ не показывается, но, противъ ожиданія, увидѣла ее юною и цвѣтущею въ свѣтломъ абрикосовомъ платьѣ, убранномъ фіалками, на подобіе модной виньетки, такъ что, благодаря этому туалету и румянамъ, она казалась довольно красивой. Затѣмъ вышла императрица, ласково поздоровалась со всѣми, а въ три часа мы отправились къ обѣду. Императрица шла впереди, за нею толпой слѣдовали дамы, а за ними кавалеры. Всѣ мѣста были заранѣе опредѣлены. Императрица сидѣла посрединѣ стола, возлѣ нея — великій князь Михаилъ Павловичъ, который пріѣхалъ во время обѣда. Дамы помѣщались на одной сторонѣ съ императрицей; мужчины vis à vis ихъ на другой сторонѣ,—часть кавалеровъ и статсъ-дамы сидѣли за двумя

особыми столами. За дессертомъ, — пишетъ маркиза, — императрица разрѣзала наливное яблоко и вынувъ сѣмячки, подала мнѣ съ совѣтомъ посадить ихъ въ Англіи".

По окончаніи обѣда всѣ перешли опять въ Греческую залу и маркиза, выбравъ удобную минуту, попросила у императрицы разрѣшенія осмотрѣть женскіе институты, и разумѣется получила самый милостивый отвѣтъ. Послѣ того ея величество удалилась, пригласивъ всѣхъ пить чай въ Розовый Павильонъ, съ условіемъ „que les dames mettent des robes fermées et des grands manteaux, а мужчины будутъ по просту безъ парадныхъ мундировъ". Но пошелъ дождь и поѣздка разстроилась, и потому велѣно было всѣмъ опять собраться „на вечеръ" во дворецъ.

Въ ожиданіи „вечера" англичане отправились къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ (урожденной принцессѣ Виртембергской), жившей по близости въ небольшомъ домѣ. „Мы были представлены ей по очереди: сперва я, а потомъ Бельгревъ. Она очень хорошенькая женщина,— пишетъ маркиза,—съ прекрасными свѣтлорусыми волосами, говоритъ очень скоро и засыпала меня вопросами. Поговоривъ съ нею нѣкоторое время, мы опять вернулись во дворецъ, гдѣ насъ позвали къ императрицѣ, которая сидѣла въ залѣ за карточнымъ столомъ съ старой княгиней Долгоруковой, княземъ Волконскимъ и нѣсколькими другими лицами. Она любезно пригласила Бельгрева осмотрѣть ея библіотеку и картинную галлерею, а меня посадила рядомъ съ собою, говоря, что только ожидала моего прихода, чтобы начать „мушку". Я была въ большомъ затрудненіи, потому что не имѣла никакого понятія объ этой игрѣ, но молодой князь Гогенлоэ вызвался учить меня и я осталась даже въ выигрышѣ, тѣмъ болѣе, что императрица также помогала мнѣ. Она все время разговаривала и просидѣла за картами цѣлый вечеръ до самаго ужина и только минутъ на двадцать ее смѣнила великая княгиня Елена Павловна. Между тѣмъ въ сосѣдней залѣ весело танцовали, и я слышала голосъ Бельгрева, который прошелъ туда послѣ осмотра дворца. Во время ужина всѣ окна были отворены настежь, такъ что собравшаяся передъ дворцомъ толпа могла вполнѣ удовлетворить свое любопытство. Въ одиннадцатомъ часу императрица удалилась въ свои комнаты, и мы вернулись въ Петербургъ".

На слѣдующій день маркиза, пользуясь разрѣшеніемъ вдовствующей императрицы, отправилась съ Бельгревомъ осматривать институты — Екатерининскій и Смольный. „Въ первомъ, — пишетъ маркиза, — мы видѣли до 300 воспитанницъ, а во второмъ около 700, но всѣ эти молодыя дѣвушки поразительно похожи манерами на старую княгиню Ливенъ, держатся также прямо и принужденно; нѣкоторымъ изъ нихъ задавали при насъ тонкіе вопросы метафизики (катехизиса?), и онѣ отвѣчали безъ малѣйшей запинки". Въ обоихъ институтахъ англичанъ водили по классамъ и дортуарамъ, которые поразили маркизу своей бѣдной и казарменной обстановкой.

Вслѣдъ затѣмъ путешественники собрались въ Москву. Передъ отъѣздомъ они получили рекомендательныя письма отъ княгини Ливенъ и вдовствующей императрицы къ московскому губернатору Дмитрію Голицыну.

Они выѣхали изъ Петербурга въ одиннадцать часовъ утра въ своей каретѣ шестерней; впереди ѣхалъ курьеръ съ ихъ вещами и постелями; онъ же заготовлялъ имъ лошадей на станціяхъ. Въ Помераньи они остановились въ отличной гостинницѣ, но здѣсь имъ отвели всего двѣ комнаты, потому что ждали императора. Отсюда они проѣхали въ Новгородъ, который очень понравился маркизѣ своими старыми стѣнами, башнями и остатками прежняго величія,— а затѣмъ въ Зимогорье, Хотилово, Торжокъ, Тверь и Клинъ. Отъ Новгорода уже началась „дурная дорога", пишетъ маркиза, „мы ѣхали то сыпучими песками, то неслись вскачъ по лугу, гдѣ иногда не было видно и слѣда колесъ. Станціи была непомѣрно длинныя: отъ 30—40 верстъ. Гостинницы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ содержатся нѣмцами, но большею частью до того грязны и неудобны, что мы поневолѣ ѣхали ночью, хотя длиннобородые ямщики — какія - то дикія существа въ шубахъ, несмотря на лѣтнее время, не давали намъ спать своими странными криками и вдобавокъ пѣли не переставая всю дорогу"...

Въ Москвѣ путешественники провели всего одинъ день, потому что торопились въ Нижній на ярмарку. Здѣсь они взяли новаго курьера по рекомендаціи московскаго директора почтъ и наняли себѣ тарантасъ въ виду сбереженія своей кареты. Тарантасъ этотъ цвѣта „lapis lazuli", по словамъ маркизы, былъ настолько великъ, что они могли удобно спать въ немъ,—и это было очень кстати, потому что гостинницы на Нижегородской дорога оказались еще хуже чѣмъ на Московской и до самаго Нижняго англичане ночевали только во Владимірѣ. „Дорога большею частью такая необычайная", пишетъ маркиза, „что еслибы нашъ тарантасъ не былъ также крѣпокъ какъ пушка, то онъ не выдержалъ бы и семи верстъ. Въ одномъ мѣстѣ мы завязли въ пескѣ и потеряли всякую надежду сдвинуться съ мѣста; но по счастью проѣхала сибирская почта на пяти телѣгахъ и со можествомъ лошадей и вывела насъ изъ бѣды. Мы взяли у нихъ одну лошадь до станціи и поѣхали шестерней, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ приходилось дѣлать объѣздъ, дорога была такъ узка, что и на парѣ было-бы не легко проѣхать. Въ другой разъ мы попали въ болото; одна изъ лошадей провалилась и только съ трудомъ удалось вытащить ее и т. д. На встрѣчу намъ постоянно попадались длинные ряды возовъ, ѣхавшихъ съ ярмарки, и мы нагнали нѣсколько партій ссыльныхъ, которыхъ отправляли въ Сибирь въ сопровожденіи конвойныхъ".

Нижегородская ярмарка настолько заняла маркизу, что она въ своихъ письмахъ подробно описываетъ устройство лавокъ и балагановъ, восхищается шалями, мѣхами, бирюзой, разнообразіемъ костюмовъ и

говоритъ, что ничто не можетъ быть „занимательнѣе и интереснѣе всего того, что ей удалось видѣть здѣсь“. Понравился ей и самый городъ, построенный при сліяніи Оки съ Волгой, „съ красивыми старыми стѣнами и воротами и видомъ на широкую безпредѣльную равнину“.

Изъ Нижняго въ Москву англичане опять ѣхали почти не останавливаясь, „такъ какъ замѣчаетъ маркиза, это лучшій способъ путешествія по Россіи, при отсутствіи порядочныхъ гостинницъ, тѣмъ болѣе, что благодаря ѣхавшему впереди курьеру, мы нигдѣ не встрѣчали задержки въ лошадяхъ“. Однако на этотъ разъ даже крѣпчайшій тарантасъ не оправдалъ похвалъ маркизы и сломался ночью среди дороги, и вдобавокъ при проливномъ дождѣ; пришлось перевязать его веревками, и путешественники съ большимъ трудомъ добрались до станціи.

Пріѣхавъ въ Москву, маркиза и виконтъ на слѣдующій же день отправились дѣлать визиты въ наемной коляскѣ четверней, но и здѣсь вся знать была за городомъ, и они застали одного генералъ-губернатора. Князь Д. В. Голицынъ принялъ ихъ очень любезно, въ тотъ же вечеръ отдалъ имъ визитъ и прислалъ къ нимъ д-ра Гаммеля, отлично говорившаго по англійски, чтобы показать имъ всѣ достопримѣчательности города. Такимъ образомъ они подробно осмотрѣли Кремль, дворцы, Грановитую палату, колокольню Ивана Великаго, монастыри, ризницы, воспитательный домъ, институты (полное подобіе петербургскихъ) и проч. Изъ окрестностей они побывали только на Воробьевыхъ горахъ и еще въ имѣніи князя Сергѣя Мих. Голицына (Кузьминкѣ), гдѣ были приглашены на обѣдъ. „Намъ пришлось ѣхать туда верстъ за семь отъ Москвы, по дорогѣ, представлявшей пріятную смѣсь песковъ и болотъ, пишетъ маркиза, которая видимо была не особенно довольна этой поѣздкой.—Здѣсь мы застали цѣлое общество: все семейство Голицыныхъ, княгиню Трубецкую съ супругомъ, Нарышкина, стараго князя Масальскаго и множество другихъ господъ и дамъ. Послѣ обѣда не смотря на холодный вечеръ всѣ отправились въ садъ, который очень великъ, съ прудами, рѣчкой, хорошими оранжереями и проч., такъ что это мѣсто считается самымъ красивымъ изъ здѣшнихъ окрестностей, хотя въ Англіи оно врядъ-ли пользовалось бы такой репутаціей“. Но обратный путь въ Москву произвелъ на маркизу уже совсѣмъ другое впечатлѣніе, — въ это время взошелъ мѣсяцъ и своеобразный видъ города, садовъ, множества церквей и особенно старыхъ стѣнъ Кремля, поразилъ ее своей величественной красотой.

„22 августа, пишетъ маркиза, въ 11 часовъ утра, къ намъ явился адъютантъ князя Д. Голицына, чтобы проводить насъ въ соборъ, гдѣ была торжественная служба по случаю дня коронаціи. Мы отправились въ коляскѣ, а онъ поѣхалъ впереди на дрожкахъ. Вездѣ были толпы народа. Подъ стѣнами Кремля стояли войска въ ожиданіи губернатора, который еще не пріѣзжалъ. Церковь была такъ полна, что

только съ помощью адъютанта намъ удалось пробраться на свои мѣста, которыя были у самаго алтаря; мы удобно могли видѣть всю церемонію. Зрѣлище было поражающее; всѣ свѣчи были зажжены, одежда митрополита и архіереевъ сіяла золотомъ и драгоцѣнными камнями. Вскорѣ пріѣхалъ губернаторъ, и началось богослуженіе, состоящее изъ молитвъ и пѣнія, и въ то же время звонилъ колоколъ Ивана Великаго подобно басовымъ нотамъ громаднаго органа"...

„Въ тотъ же день вечеромъ, продолжаетъ маркиза, за нами пріѣхалъ тотъ же адъютантъ и повезъ насъ въ театръ, гдѣ уже князь Д. Голицынъ ожидалъ насъ въ ложѣ у самаго оркестра. По окончаніи пьесы давали какой-то балетъ, который кончился въ половинѣ девятаго, и мы поѣхали кататься по городу, чтобы посмотрѣть иллюминацію. Доѣхавъ до Кремля, мы попали въ длинный рядъ экипажей, которые большею частью были запряжены четверней, и, осмотрѣвъ все достойное вниманія вернулись домой". Хотя по словамъ маркизы, иллюминація была не изъ блестящихъ, но она казалась необыкновенно эффектною: въ это время взошла полная луна и при двойномъ освѣщеніе еще рельефнѣе выступала красота отдѣльныхъ зданій, Кремля и церквей...

На слѣдующій день англичане отправились обратно въ Петербургъ уже въ собственной каретѣ, которую имъ также пришлось дважды чинить въ дорогѣ.

Послѣ всѣхъ испытанныхъ неудобствъ маркиза съ особеннымъ удовольствіемъ вернулась въ свои комфортабельныя комнаты у Демута, тѣмъ болѣе, что у виконта Бельгрева сильно разболѣлась нога, безпокоившая его еще въ Москвѣ. Но это конечно не помѣшало обоимъ супругамъ вести свой обычный образъ жизни и принимать визиты. Только въ это время маркизѣ пришлось ѣздить одной по лавкамъ и магазинамъ, на обѣды и вечера, и даже принять участіе въ торжественной процессіи 30-го августа отъ Казанскаго собора къ Александро-Невской лаврѣ. Но тутъ къ своему „отчаянію" она принуждена была пройдти пѣшкомъ отъ ограды монастыря до церкви, а затѣмъ вмѣстѣ съ остальной публикой, ждать цѣлыхъ полтора часа пріѣзда императора, который наконецъ явился съ наслѣдникомъ и великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

По выздоровленіи Бельгрева маркиза еще разъ обѣдала вмѣстѣ съ нимъ у вдовствующей императрицы, а вслѣдъ затѣмъ имъ былъ назначенъ пріемъ въ Зимнемъ дворцѣ въ 12 ч. утра.

Маркиза, говоря объ этомъ пріемѣ, сообщаетъ только, что молодая императрица была очень весела и разговорчива, показывала ей свои комнаты и опять вспоминала о Говерѣ. Во время разговора къ нимъ входилъ два раза Николай Павловичъ. Въ первый разъ объявилъ, что идетъ къ Бельгреву, а во второй—что ѣдетъ къ великому князю Михаилу, и обратившись къ маркизѣ, сказалъ, что надѣется, что „они опять когда нибудь соберутся въ Россію"... „Послѣ его ухода, пишетъ

маркиза, императрица выразила сожалѣніе qu'elle n'est pas en état de recevoir lord Belgrave, но вслѣдъ затѣмъ послала за нимъ и, поговоривъ нѣкоторое время, простилась съ нами и просила не забывать ее. Она была въ чепчикѣ и лиловомъ мериносовомъ платьѣ, добавляетъ маркиза, съ длиннымъ кружевнымъ шарфомъ и въ огромномъ жемчужномъ ожерельѣ. При ней никого не было, кромѣ старой княгини Волконской"...

Однако какъ ни пріятно было англичанамъ въ Петербургѣ, но начавшіеся холода и сѣрое нависшее небо, предвѣщая близкое наступленіе зимы, побудили ихъ немедленно выѣхать изъ Россіи.

Они отправились на лошадяхъ въ Берлинъ черезъ Нарву, Ригу, Митаву, Полангенъ, Кенигсбергъ и Маріенбургъ, гдѣ осмотрѣли замокъ Тевтонскихъ рыцарей.

Мѣстность по мѣрѣ удаленія отъ Петербурга, говоритъ маркиза, становилась все разнообразнѣе, деревни не такія скучныя и длинныя. Дороги были вездѣ отличныя, теплые солнечные дни смѣнялись морозными лунными ночами. Они встрѣтили недалеко отъ Нарвы семейство Строгоновыхъ, которое проѣхало въ каретѣ и въ сопровожденіи прислуги въ двухъ огромныхъ колымагахъ, запряженныхъ 8-ю лошадьми, затѣмъ Паткуля съ 20-ю чел. свиты и наконецъ Орлова, который спѣшилъ въ Варшаву съ извѣстіемъ о рожденіи втораго сына у русской императрицы—Константина Николаевича.

Въ Берлинѣ, маркиза и Бельгревъ опять попали въ придворную среду, благодаря рекомендальнымъ письмамъ и знакомству съ разными лицами, которыхъ они встрѣчали въ Англіи. Но здѣсь они нашли совсѣмъ иные нравы, не было и тѣни той торжественности и церемоній, какъ при Русскомъ дворѣ. Они нѣсколько разъ обѣдали и бывали за-просто на вечерахъ у короля, не разъ встрѣчали его съ семействомъ въ частныхъ домахъ и между прочимъ на обѣдѣ у барона Гумбольдта, гдѣ присутствовалъ и братъ хозяина—знаменитый путешественникъ. Но къ сожалѣнію, маркиза, говоря объ этомъ обѣдѣ сообщаетъ только, что хозяева и гости сидѣли за круглымъ столомъ съ королемъ, принцессой Лигницъ и королевскимъ семействомъ, а свита обѣдала въ другой комнатѣ. Въ Берлинѣ и его окрестностяхъ англичане конечно осмотрѣли все достойное вниманіе и очень часто бывали въ оперѣ, чтобы послушать знаменитую Зонтагъ, гдѣ также всякій разъ видѣли всю королевскую фамилію; и молодые принцы: Вильгельмъ (нынѣшній императоръ), Карлъ и Альбертъ приходили въ антрактъ къ нимъ въ ложу. Такимъ образомъ вполнѣ понятно то восхищеніе, съ какимъ маркиза говоритъ о любезности и милостивомъ вниманіи къ нимъ всего прусскаго королевскаго дома.

Изъ Берлина путешественники проѣхали въ Лейпцигъ и посѣтили то мѣсто у рѣки, гдѣ погибъ Понятовскій послѣ Лейпцигской битвы (лошадь котораго была спасена и куплена у русскихъ баварскимъ ко-

ролемъ), и нарочно ѣздили смотрѣть камень близъ Люцена, гдѣ погибъ Густавъ Адольфъ.

По пріѣздѣ въ Веймаръ маркиза и Бельгревъ представлялись ко двору и передали письмо наслѣдной герцогинѣ Веймарской Марьѣ Павловнѣ отъ вдовствующей русской императрицы и въ тотъ-же день были приглашены на обѣдъ, а затѣмъ на вечеръ, который начался съ шести часовъ. Англичане застали тутъ довольно большое общество и въ томъ числѣ нѣсколькихъ веймарскихъ жителей. Все семейство великаго герцога и всѣ гости играли въ карты, но маркиза была избавлена отъ игры и провела вечеръ съ разными дамами и принцессой Августой (нынѣшней германской императрицей), хорошенькой и благовоспитанной дѣвушкой, очень веселой и разговорчивой, но „которая еще такъ молода, пишетъ маркиза, что обѣдаетъ за большимъ столомъ только по воскресеньямъ".

Герцогиня Марья Павловна думая доставить удовольствіе маркизѣ, написала письмо Гёте и просила его назначить свиданіе пріѣзжимъ англичанамъ. Тотъ отвѣтилъ, что готовъ принять ихъ на слѣдующій день въ одиннадцать часовъ утра. Но маркиза повидимому не придавала особеннаго значенія этому визиту и подробно описывая видѣнные ею города, древности, коллекціи, дворцы и особенно высокопоставленныхъ лицъ, считаетъ лишнимъ распространяться о личности перваго поэта Германіи и передавать его разговоръ. „Мы отправились къ нему съ Бельгревомъ въ назначенный часъ", пишетъ она: „и застали его среди самой комфортабельной обстановки; онъ былъ очень любезенъ и привѣтливъ, говорилъ съ нами по-французски, хотя съ нѣкоторымъ трудомъ, но очень умно и преимущественно о литературѣ. Онъ живо всѣмъ интересуется и просилъ передать его поклонъ моему брату Франциску (графу Эллесмиръ), который былъ у него съ визитомъ въ прошломъ году. У него красивая и чрезвычайно выразительная голова, такъ что трудно себѣ представить, что ему семьдесятъ восемь лѣтъ".

Изъ Веймара маркиза и виконтъ Бельгревъ отправились въ Эрфуртъ, Вартбургъ, Франкфуртъ, Кёльнъ, Люттихъ и Брюссель, подробно осмотрѣли всѣ эти города и ихъ окрестности и достигнувъ Кале съ спокойною совѣстью видѣвшихъ „все и всѣхъ" путешественниковъ, сѣли на французскій пакеботъ, который благополучно доставилъ ихъ въ Англію послѣ отсутствія, продолжавшагося пять мѣсяцевъ и три недѣли.

Н. В.

ХАРАКТЕРИСТИКА НАПОЛЕОНА I.

По неизданнымъ документамъ [1]).

ОБНАРОДОВАННЫЕ въ послѣднее время любопытные мемуары о первой Имперіи, весьма рельефно очерчиваютъ образъ Наполеона I, хотя, правда, и выставляютъ его въ свѣтѣ, не совсѣмъ удовлетворительномъ для читателей, ищущихъ въ исторіи преимущественно иллюзіи. Въ свою очередь и мы постараемся нѣсколько освѣтить лицо, еще слишкомъ скрытое подъ покровомъ легенды. Но мы вовсе не намѣрены придавать какое-нибудь особенное значеніе очеркамъ, сжатымъ въ ограниченныхъ предѣлахъ журнальной статьи. Это даже скорѣе и не очерки, а простыя замѣтки, но замѣтки почерпнутыя, частью изъ неизданной еще въ свѣтъ корреспонденціи Наполеона, частью изъ государственныхъ бумагъ, не всѣмъ доступныхъ для изученія. Мы думаемъ, что замѣтки эти будутъ имѣть въ глазахъ читателя по крайней мѣрѣ нѣкоторую новизну. Онѣ убѣдятъ его, что еще не все сказано, ни о характерѣ Наполеона, ни о его политикѣ; убѣдятъ также, что остается еще сдѣлать не мало изысканій тому, кто захочетъ глубже вникнуть въ одну изъ удивительныхъ фазъ нашей исторіи, и судить объ одномъ изъ самыхъ странныхъ геніевъ, (l'un des gènies les plus singuliers), когда либо вліявшихъ на міръ.

I.

Извѣстенъ разсказъ, помѣщенный Іосифомъ Бонапартомъ въ своихъ мемуарахъ. За нѣсколько дней до восемнадцатаго брюмера будущій

---

[1]) Notes sur Napoléon I, d'aprês des documents inédits. Par Felix Rocquain. Revue de France. 1 Mars, 1880.

неаполитанскій король обѣдалъ у Сіэса вмѣстѣ съ Кабанисомъ и другими выдающимися личностями. Coup d'Etat былъ уже тогда рѣшенъ и нужно было учредить временное правительство, составленное изъ генерала Бонапарта, Сіэса и Роже-Дюкоса,—облеченныхъ въ званіе консуловъ. „Послѣ обѣда, разсказываетъ Іосифъ, Сіэсъ обратясь къ намъ сказалъ: „Я послѣдую за генераломъ Бонапартомъ, потому что изъ всѣхъ военныхъ, онъ болѣе гражданскій (de tous les militaires c'est encore le plus civil); но я знаю, что меня ждетъ: въ случаѣ успѣха, генералъ бросивъ своихъ товарищей сдѣлаетъ движеніе, какое я дѣлаю". Тогда, быстро пройдя позади Кабаниса между нами, и отбросивъ насъ однимъ взмахомъ рукъ назадъ къ камину, онъ появился посреди залы къ великому изумленію тѣхъ изъ гостей, которые еще не успѣли освоиться съ его рѣзкой провансальской живостью".

Такимъ образомъ, едва лишь возбуждался вопросъ о назначеніи Бонапарта членомъ правительства, какъ уже предвидѣли, что онъ не только займетъ первое мѣсто, но и не раздѣлитъ ни съ кѣмъ власти.

Уже со времени итальянской кампаніи отношенія Бонапарта къ Директоріи не походили на отношенія генерала къ правительству, которому онъ былъ обязанъ повиновеніемъ. Тогда, какъ всѣ генералы въ своихъ донесеніяхъ Директоріи присоединяли къ своей подписи обычную формулу: Salut et réspect, главнокомандующій итальянской арміи заканчивалъ свои донесенія единственнымъ словомъ: Bonaparte. Во время кампаніи онъ даже велъ себя скорѣй какъ властитель, нежели какъ главнокомандующій.

Трактатъ Кампо-Формійскій, отдавшій Венецію Австріи, такъ явно уклонялся отъ условій, предписанныхъ Директоріей, что эта послѣдняя одно время думала даже предать суду властителя Италіи. Одинъ фактъ, относящійся къ этому времени и о которомъ упоминается въ запискахъ госпожи Ремюза̀, уже показываетъ до чего доходило тщеславіе Бонапарта. Въ совѣщательной залѣ стояло по обыкновенію кресло для нѣмецкаго императора.

— Велите убрать это кресло, обратился Наполеонъ къ австрійскому посланнику; я никогда еще не видывалъ ни одного мѣста выше моего безъ того, чтобы у меня ни явилось желаніе пересѣсть туда.

Если уже въ Италіи Бонапартъ, превышая свои полномочія, велъ себя въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ государь, то въ Египтѣ, можно сказать, сами обстоятельства давали ему полновластіе. Вдали отъ глазъ Директоріи, безъ правильныхъ сношеній съ Франціей, онъ не зависѣлъ ни отъ кого и пользовался неограниченною властью.

Уѣхавшій, повидимому, съ тѣмъ, чтобы повредить Англіи и подорвать ея торговлю, онъ на самомъ дѣлѣ отправился отыскивать въ землѣ Фараоновъ блестящую будущность, уже предчувствуемую имъ.

— Одна песчинка помѣшала моему счастью, говаривалъ онъ позднѣе,—если-бы Сентъ-Жанъ-д'Акръ палъ, я былъ бы теперь императоромъ всего Востока. „Возвращаясь къ этой мысли, онъ прибавлялъ:—

Сентъ-Жанъ-д'Акръ взятъ, французская армія устремляется въ Дамаскъ и Алеппо, одинъ мигъ и она уже на Евфратѣ: христіане Сиріи, Арменіи, друзы присоединяются къ ней. У насъ была бы сила болѣе чѣмъ въ шестьсотъ тысячъ человѣкъ; я достигъ бы Константинополя и Индіи и перевернулъ бы весь свѣтъ.

Эта песчинка не помѣшала его счастью, но измѣнила его судьбу.

Возвратившись изъ Египта въ блескѣ новыхъ побѣдъ, онъ понялъ по народному пріему, что ему легко стать властителемъ Франціи. Государственный переворотъ восемнадцатаго брюмера онъ не только совершалъ при тайномъ соучастіи націи, раздираемой внутри междуусобною войной и угрожаемой извнѣ чужеземцемъ, съ мольбой взывавшей къ человѣку способному возстановить порядокъ и защищать ее, но совершалъ его при рукоплесканіяхъ патріотовъ, ожидавшихъ отъ бывшаго побѣдителя при Арколѣ утвержденія республики. Онъ самъ не далъ-ли залога этимъ ожиданіямъ, когда на другой день своего избранія консуломъ, приказалъ всей арміи носить трауръ по Вашингтону?

„Вы помните день восемнадцатаго брюмера, писалъ одинъ изъ этихъ патріотовъ къ своему другу, также какъ и онъ рукоплескавшему въ этотъ день.—Не слышали ли мы нѣсколько разъ изъ устъ генерала слова, которыя навѣки запечатлѣются въ моей памяти. „У васъ будетъ республика. Найдутся люди, которые сравнятъ меня съ Цезаремъ, или съ Кромвелемъ; но если-бы у меня было намѣреніе надѣть корону на свою голову, я бы сдѣлалъ это въ другое время".

Были ли эти слова уже и тогда выраженіемъ мысли Наполеона или ложью, прикрывавшей его тайные замыслы, во всякомъ случаѣ они свидѣтельствовали, что идея о тронѣ уже таилась въ немъ. Не прошло восемнадцати мѣсяцевъ со времени государственнаго переворота [1]), какъ уже начинали прозрѣвать императора въ первомъ консулѣ. 19 мая 1801 г. Фонтанъ, будущій ректоръ университета, который часть своего состоянія пріобрѣлъ постоянною лестью Наполеону, писалъ Люсьену Бонапарту, тогдашнему посланнику въ Испаніи:

„Я собираюсь составить исторію новой Имперіи, которую создастъ Карлъ Великій; исторія будетъ хороша!"

Годъ спустя, въ маѣ 1802 г., въ одномъ письмѣ, адресованномъ представителю французской республики въ Лондонѣ, сэръ Джонъ Макферсонъ признавалъ за возможное, „что французская нація изъ чувства благодарности и во избѣжаніе политическихъ треволненій, пожелаетъ признать въ лицѣ перваго консула и его потомства новую династію".

Дѣйствительно, идея эта открыто высказывалась окружающими Бонапарта. Его братья, а вмѣстѣ съ ними и лица, пользовавшіеся бо-

---

[1]) День 18 брюмера VIII года соотвѣтствуетъ, какъ извѣстно, 9 ноября 1799 г.

лѣе другихъ его довѣріемъ, торопили его возстановленіемъ монархіи. Но, или Бонапартъ еще не рѣшился, или выжидалъ событій, только онъ довольствовался пока пожизненнымъ консульствомъ. Но всякій размышляющій человѣкъ сознавалъ, что это только на время. Это чувствовалось такъ ясно, что въ сочиненіяхъ, распространяемыхъ заграницей, копіи съ которыхъ отсылались къ Бонапарту, разсматривалась возможность для него основать прочную династію. „Потомство рѣшитъ, писалъ авторъ этихъ сочиненій, долженъ ли былъ человѣкъ геніальный возстановить тѣнь прежнихъ учрежденій... Обманутый своимъ тщеславіемъ, Бонапартъ, самъ не сознавая того, становится предтечею законнаго короля; онъ прокладываетъ ему дорогу“. И такъ, въ то время какъ одни видѣли въ первомъ консулѣ императора, другимъ уже виднѣлся изъ-за будущаго императора Людовикъ XVIII.

Въ тоже самое время, какъ Бонапартъ приближался къ трону, Конкордатъ, возстановившій во Франціи католическую религію, дѣлался закономъ республики. Сенатъ, Законодательный корпусъ, Трибунатъ, Государственный совѣтъ, генералы, множество людей еще пропитанныхъ республиканскими идеями, въ началѣ были враждебны Конкордату. Но за Бонапарта стояло большинство народа, желавшаго возстановленія алтарей, и духовенство, поддержку котораго онъ старался пріобрѣсти, и которое съ этихъ поръ стало поборникомъ его будущаго величія. Что же касается до объясненія его поведенія религіознымъ порывомъ, то это было бы чистое заблужденіе. Религія у него всегда была подчинена его замысламъ. Въ Египтѣ онъ провозглашалъ, что религія Магомета есть единственно святая, истинная, одна только способная привести людей къ счастью и добродѣтели. Онъ праздновалъ даже дни пророка съ такою торжественностью и съ такимъ усердіемъ, что, по его признанію, въ глазахъ мусульманъ онъ сдѣлался святымъ. Это не былъ религіозный человѣкъ, но скорѣе человѣкъ суевѣрный. Подобно древнимъ онъ вѣрилъ въ фатумъ, и тамъ гдѣ современные люди произносили слова Богъ, или Провидѣніе, онъ охотнѣе говорилъ: предназначеніе, судьба. Какъ всѣ умы того времени, онъ подчинялся вліянію воспоминаній древности, вдохновлявшихъ такъ часто людей революціи. Самое названіе консулъ было уже заимствовано изъ римскихъ учрежденій; титулъ императора, присвоенный имъ въ маѣ 1804, былъ взятъ оттуда же. Въ самомъ выборѣ этого титула онъ не хотѣлъ заимствовать примѣра ни съ императора Россіи, ни съ императора Германіи. Онъ былъ императоромъ въ полномъ смыслѣ, какимъ былъ Августъ, imperator; и Французская имперія образовалась изъ республики, точно также, какъ и Римская. Когда понадобилось утвердить государственную печать, которой бы скрѣплялись всѣ новые общественные акты, Государственный Совѣтъ взялся за это. Желая безъ сомнѣнія дать понять, а можетъ быть и вѣря самъ, что имперія предвозвѣщаетъ эру мира и безопасности для Франціи, Совѣтъ предложилъ печать, на которой изображался золо-

томъ отдыхающій левъ на голубомъ полѣ. Но или Наполеонъ инстинктивно уклонялся отъ всего, что какъ будто стремилось остановить полетъ его генія, или онъ уже мечталъ развернуть свои знамена по Европѣ, какъ нѣкогда развѣвались по ней римскіе орлы, только онъ отвергъ эту эмблему. Когда ему было подано отношеніе Государственнаго Совѣта, онъ взялъ перо и разомъ зачеркнулъ слова „отдыхающій левъ“ и написалъ надъ нимъ: орелъ съ распростертыми крыльями. Въ началѣ Наполеонъ, казалось, не намѣревался отказываться отъ своего республиканскаго происхожденія. Повидимому, онъ не измѣнялъ ничего въ учрежденіяхъ. Онъ даже рѣшилъ, чтобы въ заголовкѣ публичныхъ актовъ стояло слѣдующее: „Наполеонъ, Божіею милостью и волею Представителей Республики, императоръ французовъ“. Такимъ образомъ имперія являлась какъ бы соединеніемъ монархіи и республики, въ которомъ желали примирить преимущества и того и другого режима. Но въ то же время, по какому-то противорѣчію, выдававшему его замыслы, Наполеонъ возобновлялъ обычаи прежней монархіи. Онъ окружалъ себя величіемъ, свойственнымъ самодержавію; вскорѣ у него образовался дворъ, который если не по этикету, то по обращенію напоминалъ дворъ нашихъ королей. Для составленія церемоніала перерывались архивы послѣдняго царствованія, откапывались правила, устанавливающія различія между креслами, стульями и табуретами. Въ тотъ день, когда Наполеонъ облекъ себя титуломъ „величества“, названіе „гражданинъ“, бывшее въ употребленіи во все продолженіе консульства, было изгнано изъ офиціальныхъ документовъ. Языкъ приближенныхъ новаго властителя долженъ былъ также подвергнуться измѣненіямъ. Въ первой редакціи адреса, поднесеннаго членами Трибуната императору вскорѣ послѣ провозглашенія имперіи, говорилось: „Трибунатъ выслушалъ съ душевнымъ волненіемъ рѣчь, сказанную вашимъ величествомъ при открытіи Законодательнаго Корпуса“. Пришлось поправить эти слова и написать: „Члены Трибуната, ваши вѣрноподданные“. Высшіе сановники, министры, маршалы, употреблявшіе въ началѣ въ своихъ корреспонденціяхъ съ императоромъ терминъ „слуга“, должны были также измѣнить свой слогъ.

Человѣкъ, гнушавшійся повелѣвать гражданами, хотѣвшій царствовать надъ подданными, долженъ былъ чувствовать отвращеніе къ принятію власти съ народнаго согласія. Отсюда коронованіе, важность котораго не поняли вполнѣ современники. Коронованіемъ онъ возстановлялъ божественное право прежняго царствованія. Богъ, посредствомъ главы своей церкви, открыто утверждалъ Наполеона на высочайшемъ поприщѣ, къ которому онъ тайно былъ предназначенъ. Духовенство, признательное императору за возвращеніе своихъ правъ, способствовало къ распространенію среди общества этой идеи.

Оно публично называло его „человѣкомъ Божіимъ“, „помазанникомъ Божіимъ“. Немного недоставало, чтобы наименовать „священной“ особу государя. Если это слово и не употребляется въ оффиці-

альныхъ актахъ, то оно встрѣчается въ административныхъ документахъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1805 г. Наполеонъ объѣзжалъ департаменты Франціи. Одна женщина подала ему прошеніе. Эта женщина была арестована, читаемъ въ одномъ донесеніи министра полиціи, за то, что она осмѣлилась „взять за руку его священное величество".

Ставши по образцу Бурбоновъ монархомъ божественнаго права, Наполеонъ не замедлилъ усвоить и ихъ языкъ. Въ январѣ 1806 г. онъ извѣщаетъ брата Іосифа: „Я хочу посадить на Неаполитанскій престолъ принца моего дома", и также: „Я хочу, чтобы мой родъ царствовалъ въ Неаполѣ". Съ 1805 онъ просто говоритъ „мой народъ". „Я не имѣю обыкновенія основывать мою политику на толкахъ Парижа; мой народъ всегда будетъ единодушенъ, когда узнаетъ, что я доволенъ". Въ это время онъ только-что присоединилъ и къ титулу императора французовъ титулъ короля Италіи, и вскорѣ за тѣмъ побѣда при Аустерлицѣ освятила въ глазахъ Европы это двойное самодержавіе. Теперь его языкъ становится еще болѣе надмѣннымъ: „Мой итальянскій народъ не долженъ забывать, что у меня больше знанія въ одномъ мизинцѣ, нежели во всѣхъ ихъ головахъ, собранныхъ вмѣстѣ". Онъ не только уже говоритъ „мой народъ", но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, говоритъ „чернь", и скоро скажетъ: „сволочь". Въ то время какъ въ языкъ Наполеона проникаютъ подобныя характеристичныя выраженія, въ которыхъ уже чувствуется деспотъ, замѣчается что все, что̀ касается его особы, все что относится къ пышности и блеску его правленія, пріобрѣтаетъ въ его глазахъ наибольшее значеніе. Два мѣсяца спустя послѣ сраженія при Аустерлицѣ, онъ пишетъ министру внутреннихъ дѣлъ, „чтобы форма трона отнюдь не была предоставлена воображенію художниковъ, но установлена неизмѣннымъ этикетомъ". Желая угодить, министръ подалъ ему на усмотрѣніе проэктъ, въ которомъ императоръ изображался сидящимъ подъ пальмовымъ деревомъ. Но Наполеонъ отвергъ это, „какъ нѣчто слишкомъ азіатское".

Со времени Аустерлица духовенство стало въ особенности придавать Наполеону наименованія, употребительныя въ священномъ писаніи. Онъ самъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Я хочу, чтобы передъ моими знаменами преклонялись съ религіознымъ благоговѣніемъ". Но вскорѣ для него было уже недостаточно, что въ епископскихъ обращеніяхъ къ народу его представляли „посланникомъ Всевышняго, и человѣкомъ его десницы"; онъ хотѣлъ, чтобы дѣйствительно въ немъ находили что-то божеское. Въ катехизисѣ, учрежденномъ для всей Имперіи декретомъ 4-го апрѣля 1806, было напечатано, что Наполеонъ „представитель Всемогущаго Бога и его подобіе на землѣ; что почитать императора и служить ему все равно, что почитать Бога и служить ему". Писалось даже, а слѣдовательно и преподавалось во всѣхъ епархіяхъ, что не повиноваться императору значитъ противиться Божеской волѣ, и что это неповиновеніе навле-

каетъ на виновныхъ вѣчное проклятіе. Никогда Бурбоны не заходили такъ далеко съ теоріей божественнаго права.

Но не только надменностью своего языка, знаками подчиненія, требовавшимися отъ приближенныхъ, возстановленіемъ божественнаго права, присвоеннаго его власти и въ нѣкоторомъ родѣ его личности, Наполеонъ вступалъ на путь прежняго режима. Когда онъ увидѣлъ себя достаточно могущественнымъ, чтобы имѣть возможность отдать своему брату Іосифу неаполитанскую корону, а брату Людовику голландскую, онъ уничтожилъ и послѣдніе слабые знаки, еще напоминавшіе объ его республиканскомъ происхожденіи. Восемнадцать мѣсяцевъ спустя послѣ провозглашенія Имперіи былъ отмѣненъ республиканскій календарь, учрежденный, какъ говорилось Сенату, въ то время, когда начались междуусобныя распри и враждебныя отношенія Европы къ Франціи.

Въ 1807 самое слово „республика“ было вычеркнуто изъ публичныхъ актовъ [1]). Около же этого времени Наполеонъ уничтожилъ Трибунатъ, одинъ только имѣвшій право обсуждать законы, да и то еще при закрытыхъ дверяхъ. Съ этихъ поръ стало очевидно, что эта Имперія, такъ пренебрегавшая общественнымъ мнѣніемъ съ самаго начала, прикрывала самовластіе, аналогичное предъидущей династіи. Уничтожая Трибунатъ, Наполеонъ самъ сказалъ: „Вотъ и окончательный мой разрывъ съ республикой“.

По мѣрѣ того, какъ отвергая идеи и учрежденія революціи, Наполеонъ ступалъ все болѣе и болѣе по пути старой монархіи, онъ какъ будто старался показать, что подобное поведеніе было необходимостью, которой онъ самъ подчинялся. Дѣлая намеки на декреты собранія, провозгласившаго республику онъ говорилъ: „Законы одни не управляютъ людьми; Франція создана для монархіи и должна чувствовать надъ собой руку монарха“. Быть можетъ въ самомъ дѣлѣ онъ смотрѣлъ какъ на невозможное — основать республику у народа, у котораго самодержавіе существовало четырнадцать столѣтій. Такъ онъ высказывался по крайней мѣрѣ и тщеславіе заставляло его выражаться подобнымъ языкомъ. Особенно съ 1807 онъ возвращается при всякомъ случаѣ къ этой идеѣ, возставая противъ всякаго нововведенія, безпрестанно твердя, „что свѣтъ слишкомъ старъ; что люди не властны измѣнять его форму“; что, однимъ словомъ, учрежденія настоящаго, за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій, должны быть воспроизведеніемъ прошлаго. Замѣчательно въ поведеніи Наполеона, что

[1]) Съ тѣхъ поръ заголовокъ былъ слѣдующій: «Наполеонъ, Божіею милостью и волею народныхъ представителей, императоръ и т. д.» Иногда даже уничтожались слова «и волею народныхъ представителей» и оставалось только «Наполеонъ, Божіей милостью императоръ и т. д.» До 1807, т. е. до того года, когда было изгнано слово республика, это слово замѣнялось иногда «государствомъ» и писалось: «Наполеонъ, Божіей милостью и волею представителей государства и т. д.».

всякій его успѣхъ въ Европѣ обозначался во внутренней политикѣ открытымъ поворотомъ къ прежнему режиму. Въ 1808, когда онъ отдалъ своему брату Іосифу испанскую корону и посадилъ своего зятя Мюрата на неаполитанскій престолъ, онъ возстановилъ титулы: герцога, графа, барона, шевалье.

Извѣстно, что новое дворянство было потомственное, извѣстно также, что изъ пожалованныхъ маіоратовъ, отчуждать которые нельзя было безъ разрѣшенія правительства, нѣкоторая часть состоянія переходила вмѣстѣ съ титулами дарованными государемъ. Созданіемъ новаго дворянства Наполеонъ предполагалъ заставить забыть старое и въ то же время надѣялся сгруппировать вокругъ себя нѣсколько фамилій, могущихъ стать для него опорой. Въ этомъ сказывалось и подражаніе пріемамъ старой монархіи и вдохновеніе ея духомъ.

Говорили, правда, и такъ вообще думають, что это новое дворянство было только жалованное. Оно и было такимъ, если взглянуть на декретъ 1808, учредившій его. Но идеи Наполеона не замедлили измѣниться на этотъ счетъ и немногаго не доставало, чтобы новое дворянство не образовало, какъ и прежнее особеннаго сословія въ государствѣ. Около 1810 г. онъ обратился къ великому канцлеру Камбасаресу съ нотой, въ которой высказывалъ, что учрежденіе дворянства не будетъ совершенно, если къ пожалованнымъ титуламъ не присоединятъ привиллегій.

Въ этихъ словахъ не только надо понимать, замѣчаетъ онъ, особенныя отличія, какъ „милость быть представленнымъ императору, или присутствовать при его выходѣ", но и права, дающія участіе въ отправленіи общественныхъ должностей. Онъ хотѣлъ, „чтобы въ избирательныхъ собраніяхъ, въ генеральныхъ совѣтахъ, въ законодательныхъ корпусахъ, въ государственномъ совѣтѣ, въ Сенатѣ", было бы опредѣленное число мѣстъ для дворянства. Камбасаресъ, которому Наполеонъ поручилъ развить этотъ проэктъ, не удовольствовался этимъ. Въ своемъ отвѣтѣ, онъ предлагалъ пожаловать герцогамъ право засѣдать въ высшихъ судахъ, что напоминало бы прежнихъ перовъ. Онъ намекалъ также на то, чтобы мировыя учрежденія были предоставлены дворянству низшаго разряда. Къ тому же, прибавлялъ онъ, это только одинъ изъ путей къ созданію привиллегій болѣе значительныхъ, такъ какъ политическая организація Франціи, вѣроятно, подвергнется въ недалекомъ будущемъ преобразованіямъ и тогда возможно будетъ создать настоящую аристократію. — Несчастія послѣднихъ лѣтъ Наполеоновскаго царствованія помѣшали, безъ сомнѣнія, исполненію этихъ плановъ.

Мысль создать изъ дворянства привиллегированный классъ, зародилась у Наполеона вскорѣ послѣ его брака съ Маріею-Луизой. Это событіе, казалось, еще болѣе увеличило его престижъ въ Европѣ. Самый бракъ, различнымъ формальностямъ котораго онъ придавалъ значеніе, былъ какъ-бы новымъ подтвержденіемъ его стремленій, направ-

лявшихся къ старому все болѣе и болѣе. Тотчасъ же какъ только былъ рѣшенъ этотъ союзъ, министры занялись тщательнымъ изученіемъ этикета, соотвѣтствующаго подобному случаю. Были списаны для императора письма съ брачными предложеніями французскихъ королей, именно Генриха IV и Людовика XIV. Но справками съ бумагами, лежащими въ архивахъ, не ограничились. Освѣдомились, не было ли въ Парижѣ или въ Версали лицъ, присутствовавшихъ при бракѣ Дофина или его братьевъ. Эти лица были призваны и спрошены. Спросили также и прежняго главнаго церемоніймейстера Dreux de Brézé. Словомъ, за образецъ былъ взятъ бракъ Дофина съ Маріей-Антуанетой и всѣ подробности этого событія, даже до „киданія денегъ народу“ были выполнены съ точностью.

Принцъ Невшательскій, Бертье, отправленный чрезвычайнымъ посломъ въ Вѣну по случаю этого брака, описалъ въ письмѣ къ Наполеону свое первое свиданіе съ императоромъ австрійскимъ. Разсказавъ, какая пышная свита сопровождала его во дворецъ, и какъ онъ былъ принятъ на порогѣ лѣстницы императорскими офицерами, онъ продолжаетъ: „Дойдя до залы, гдѣ находился императоръ, церемоніймейстеръ доложилъ обо мнѣ. Въ концѣ комнаты подъ балдахиномъ трона стоялъ императоръ. При моемъ вторичномъ поклонѣ всѣ министры и придворные остановились посреди залы. Я быстро прошелъ одинъ все длинное пространство, отдѣлявшее меня отъ императора и остановился у подножія покрытой ковромъ эстрады, гдѣ я и надѣлъ шляпу. Подавая мои кредитивныя письма, я адресовалъ нѣсколько словъ императору, стараясь снимать и надѣвать шляпу, когда произносилъ имена императора и вашего величества. Я снялъ ее подавая письма. Императоръ заговорилъ, я надѣлъ ее. Когда онъ кончилъ, я снова снялъ ее. Тогда его величество началъ со мной бесѣдовать... Я представилъ ему моего секретаря, моего адъютанта и всѣхъ сопровождающихъ меня. Я вышелъ съ такими же церемоніями, какъ и вошелъ, и отправился къ императрицѣ, гдѣ совершенъ былъ тотъ же церемоніалъ“.

Не переноситъ ли этотъ разсказъ въ эпоху Людовика XIV или Людовика XV? Дѣйствительно, многія стороны напоминали ее. Ее напоминало все, что относилось къ блеску и внѣшнему проявленію власти, а также и то, что относилось къ нѣкоторымъ учрежденіямъ. Конечно, новый режимъ при сравненіи съ старымъ имѣлъ въ себѣ и нѣкоторыя преимущества, соотвѣтствующія потребностямъ и идеямъ вѣка. Но два великіе принципа революціи—гражданское равенство и политическая свобода—или не признавались, или презирались имъ.

Уже было сказано, какой ударъ былъ нанесенъ равенству созданіемъ потомственнаго дворянства, и какому, болѣе важному, оно могло еще подвергнуться, еслибы обстоятельства не помѣшали исполненію намѣреній Наполеона. Что же касается политической свободы, то это былъ одинъ лишь призракъ. Уничтожая трибунатъ, Наполеонъ, правда, оставилъ сенатъ и законодательный корпусъ; но и тотъ и другой

были только тѣнью самихъ себя. Можно даже сказать, что имперія въ этомъ отношеніи стала ниже прежней монархіи. Сенатъ и законодательный корпусъ не имѣли ни права „несоглашенія" старыхъ парламентовъ, ни права протеста генеральныхъ штатовъ. Воля Наполеона была настоящимъ закономъ; и чтобы лучше заглушить всякое воспоминаніе о принципахъ революціи, такъ оскорбительно унижаемыхъ, отнынѣ стало какъ бы лозунгомъ утверждать, что Франція, въ короткій періодъ своего самоуправленія, могла быть только кровожадной и безразсудной.

II.

Каковы бы ни были ошибки и недостатки Наполеона, онъ все-таки останется однимъ изъ замѣчательныхъ людей въ исторіи. Много было говорено о немъ какъ о полководцѣ, равно какъ и объ администраторѣ, который, руководя цѣлымъ ходомъ государственной машины, вникалъ разомъ во весь ея составъ. Но еще недостаточно оцѣнена его способность къ труду. Одной его корреспонденціи, изданной во время второй имперіи въ тридцати огромныхъ томахъ и составленной единственно изъ писемъ имъ продиктованныхъ, уже можно удивляться. Но въ это изданіе вошло еще не все. Эпоха консульства и первыхъ лѣтъ имперіи не представляетъ большихъ пробѣловъ. Что же касается дальнѣйшихъ лѣтъ, то коммисія изданія, заваленная массою документовъ, должна была дѣлать выборъ и составлять извлеченія. Къ этой корреспонденціи надо еще прибавить постановленія и декреты, числомъ до сто шестнадцати тысячъ, просмотрѣнные и подписанные Наполеономъ и всѣ донесенія, прошедшія черезъ его руки; тогда только составится понятіе о способности къ труду этого необыкновеннаго человѣка. Онъ утомлялъ своихъ министровъ, своихъ секретарей. Когда онъ диктовалъ, за нимъ трудно было записывать; когда писалъ—трудно было разобрать написанное. Раздражаемый всякимъ препятствіемъ, всякимъ закономъ, онъ хотѣлъ писать также быстро, какъ думалъ. Онъ не дописывалъ буквъ, не доканчивалъ словъ и его почеркъ мѣстами такъ неразборчивъ, что еще теперь остаются непонятными цѣлые отрывки изъ его писемъ. Онъ съ трудомъ подчинялся правиламъ орфографіи и не разъ уклонялся отъ нихъ. Но орфографія не есть слогъ, а писалъ ли онъ, или диктовалъ, его слогъ былъ твердъ, ясенъ, точенъ, увлекателенъ; въ немъ было что-то неотразимое, властное, и его письма—произведеніе первокласснаго писателя.

Изучая его корреспонденцію можно замѣтить, что два предмета преимущественно привлекаютъ его вниманіе: армія и финансы.

„Отчеты о состояніи моей арміи, говорилъ онъ, одна изъ самыхъ пріятныхъ книгъ моей библіотеки, которыя я читаю съ наибольшимъ удовольствіемъ въ минуты отдыха".

Дѣйствительно, онъ читалъ эти отчеты съ такою усидчивостью, такъ былъ проникнутъ ими, что зналъ во всѣхъ подробностяхъ на-

личный составъ своей арміи и даже въ то время, какъ его войска были разсѣяны по всему свѣту, онъ зналъ лучше своихъ министровъ, гдѣ находились его батальоны. Обаяніе, какое онъ производилъ на солдатъ, могло только сравниться съ обаяніемъ, какое производилъ Цезарь на своихъ. Никогда, ни одинъ полководецъ не умѣлъ говорить такимъ языкомъ и такъ воодушевлять на полѣ битвы. Можно также прибавить, что никогда, ни одинъ полководецъ, ни одинъ государь не сдѣлалъ столько, какъ Наполеонъ, чтобы привязать къ себѣ армію.

Дѣйствительно, онъ чувствовалъ, что въ его солдатахъ сосредоточивалась вся его сила и весь его престижъ. И онъ не только жаловалъ имъ отличія, онъ обогащалъ ихъ. Въ каждой завоеванной области онъ оставлялъ за собою извѣстное число земель, которыя и раздавалъ служащимъ въ арміи. Такъ декретомъ, назначившимъ Іосифа королемъ обѣихъ Сицилій, онъ удержалъ за собою въ Неаполитанскомъ королевствѣ милліонъ доходу, чтобы раздать тѣмъ изъ офицеровъ и солдатъ, „которые оказали болѣе услугъ отечеству и престолу“.

Тоже самое сдѣлалъ онъ два года спустя въ Испаніи, и въ Германіи. Создавая дворянство, онъ создавалъ и новое средство награды. Титулы князей, графовъ, герцоговъ, бароновъ были розданы арміи. Къ тому же онъ прославлялъ самымъ блестящимъ образомъ людей, павшихъ на его службѣ. 2-го декабря 1806 г., онъ приказалъ воздвигнуть въ центрѣ Парижа „Храмъ славы“, гдѣ бы имена генераловъ, офицеровъ и солдатъ, погибшихъ при Аустерлицѣ и Іенѣ, были вырѣзаны на мраморныхъ, серебряныхъ и золотыхъ доскахъ.

Финансы, послѣ арміи, были самымъ постояннымъ предметомъ заботливости Наполеона. Съ первыхъ же дней консульства онъ сосредоточилъ около себя всю счетную часть. Онъ не ограничивался увѣренностью въ правильномъ веденіи своихъ доходовъ и расходовъ. Его воображеніе поминутно принимало различныя комбинаціи цифръ за дѣйствительный источникъ доходовъ, но которыя въ сущности были лишь простымъ заблужденіемъ. Это заблужденіе особенно происходило отъ двойныхъ записей суммъ, смѣшать которыя въ счетахъ на нѣсколько милліардовъ было весьма легко. Онъ хотѣлъ, какъ разсказывалъ одинъ изъ его министровъ, маневрировать цифрами, какъ своими батальонами; и подобно тому, какъ онъ заставлялъ одинъ и тотъ же корпусъ занимать нѣсколько позицій въ битвѣ, онъ давалъ одной и той же суммѣ двойное, или тройное назначеніе. Къ тому же онъ вносилъ въ управленіе финансами то же отвращеніе къ точности и тотъ же самовластный духъ, какъ и во все остальное. Ему не нравилось, что бюджеты различныхъ министерствъ назначались разомъ для всѣхъ въ началѣ каждаго года, какъ это дѣлается теперь; онъ хотѣлъ располагать средствами своей казны по собственному усмотрѣнію и судя по потребностямъ и нуждамъ различныхъ общественныхъ вѣдомствъ распредѣлять для нихъ необходимую помощь. Одно

обстоятельство особенно было для него невыносимо — это колебаніе ренты. Еще будучи консуломъ онъ требовалъ отъ государственнаго казначея средствъ задерживать курсъ общественныхъ бумагъ. Это движеніе фондовъ, обнаруживавшееся независимо отъ его указаній, мѣшало его политикѣ и оскорбляло его авторитетъ. Когда разразилась война съ Испаніей, пятипроцентныя бумаги, стоявшія послѣ Тильзитскаго мира выше 90, грозили упасть ниже 80. Онъ приказалъ задержать силою этотъ послѣдній курсъ и потерялъ въ этой борьбѣ множество милліоновъ. Словомъ, не смотря на всѣ доводы своихъ министровъ, онъ претендовалъ быть единственнымъ судьею цѣнности общественныхъ бумагъ, говоря, „что для него не можетъ быть труднѣе управлять маленькимъ уголкомъ Парижа, именуемымъ биржей, чѣмъ управлять Франціей".

Этотъ человѣкъ, раздражавшійся всякимъ правиломъ, всякимъ стѣсненіемъ, властвовалъ надъ Франціей съ такимъ деспотизмомъ, какой она когда-либо выносила. Онъ требовалъ чисто механическаго повиновенія. Его министры, генералы, собственные братья, даже сдѣлавшись королями, были лишены всякой иниціативы. Еще менѣе выносилъ онъ, чтобы его дѣйствія публично обсуждались. „Время, когда народъ Парижа совѣщался по секціямъ, миновало", писалъ онъ въ 1805 г. Узнавъ, что въ одномъ провинціальномъ городкѣ какой-то актеръ говорилъ о политикѣ, онъ приказываетъ своему министру полиціи: „Велите его арестовать и высѣчь, какъ того заслуживаетъ этотъ негодяй, ввязываясь въ такія важныя дѣла". Малѣйшій знакъ сопротивленія его волѣ вызывалъ его строгость. Увѣдомленный, что итальянскій законодательный корпусъ заявилъ ему нѣкоторую оппозицію, онъ запрещаетъ ему впредь заниматься рѣшеніемъ законовъ и объявляетъ, что болѣе не созоветъ его.

Безполезно говорить, что тоже самое повиновеніе онъ требовалъ и отъ духовенства. Единственное изреченіе, какое онъ помнилъ изъ Евангелія, были слова Іисуса Христа, чтобы цезарю было воздано цезарево. Тысячу разъ онъ повторяетъ это изреченіе въ своихъ циркулярахъ къ епископамъ. Привыкнувъ вскорѣ видѣть, какъ все склоняется передъ нимъ, онъ наконецъ даже раздражается, какъ новый Ксерксъ, сопротивленіями стихій. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1808 г., задумавъ овладѣть Испаніей, онъ пріѣхалъ въ Бордо. Онъ казался мрачнымъ и недовольнымъ. Не былъ ли онъ озабоченъ и даже обезпокоенъ проектами на счетъ Испаніи? Нисколько. Ему хотѣлось проѣхать моремъ нѣкоторое разстояніе отъ Бордо и по рѣкѣ Гаронѣ совершить свой въѣздъ. Но вѣтеръ и сильное волненіе моря заставили его продолжать свой путь въ каретѣ.

Въ этомъ же 1808 году, былъ созданъ, или точнѣе преобразованъ университетъ. Эта мѣра, по понятію многихъ, дѣлаетъ честь Наполеону. Дѣйствительно случается иногда, что учрежденія даютъ хорошій результатъ вопреки первоначальной идеѣ ихъ основанія. Одно

уже соединеніе между собою всѣхъ этихъ, независимо другъ отъ друга существовавшихъ университетовъ до революціи, показывало къ чему стремился императоръ. Подчиняя ихъ такимъ образомъ полному вѣдѣнію одного ректора, онъ имѣлъ въ рукахъ все общественное образованіе. Въ замыслахъ Наполеона это преобразованіе университета такъ хорошо согласовалось съ интересами его правленія, что онъ въ 1806 г., внося въ первый разъ эту идею въ государственный совѣтъ, говоритъ: „Не можетъ быть твердаго государственнаго устройства, если нѣтъ учрежденій, обучающихъ твердымъ принципамъ". Что же касается до той свободы, какую онъ задумалъ предоставить наукамъ, то его мысль всецѣло выразилась въ слѣдующемъ фактѣ: реформируя институтъ, онъ уничтожилъ каѳедры нравственныхъ и политическихъ наукъ.

Одну особенность надо отмѣтить въ Наполеонѣ: если въ своей внутренней политикѣ онъ придерживался правилъ прежняго режима и былъ какъ бы послѣдователемъ Бурбоновъ, то другими своими сторонами онъ подходилъ къ типу болѣе отдаленному, заимствованному не то изъ древности, не то изъ первыхъ вѣковъ французской исторіи. Разсматривая его какъ полководца, невольно представляешь себѣ образъ Цезаря. Онъ не только походилъ на него своимъ счастьемъ, которое уже есть на половину побѣда, но, подобно ему, обладалъ вѣрностью взгляда, быстротою дѣйствій, осторожностью, неподдающуюся ни какимъ случайностямъ. Имя Цезаря часто упоминаетъ онъ, когда говоритъ о себѣ. „Солдаты, обращается онъ въ одной изъ прокламацій къ великой арміи, въ апрѣлѣ 1809 года, вы замѣнили численность своею храбростью; вы торжественно показали разницу между войскомъ Цезаря и вооруженнымъ скопищемъ Ксеркса". Если же его разсматривать какъ государя, какъ покорителя столькихъ земель, принявъ во вниманіе его вліяніе на Европу, то онъ напоминаетъ собою Карла Великаго. Еще чаще чѣмъ имя Цезаря, встрѣчается у него на языкѣ имя Карла Великаго. Особенно въ своихъ разногласіяхъ съ Римскимъ дворомъ, онъ часто вспоминаетъ объ немъ, считая себя его прямымъ наслѣдникомъ, и выражается такъ: „Нашъ славный предшественникъ". Даже болѣе, въ извѣстныя минуты онъ величаетъ себя Карломъ Великимъ и вѣритъ дѣйствительно въ это. Въ февралѣ 1806 года, онъ пишетъ кардиналу Фешу: „Скажите папѣ, что я Карлъ Великій". Немногаго недоставало, чтобы онъ не облекъ себя подобно Карлу Великому, титуломъ императора Запада. Если онъ самъ и не присвоиваетъ себѣ этотъ титулъ, то ему придаютъ его другіе: въ императорской канцеляріи находится нѣсколько писемъ съ такою надписью: „Наполеону, императору Запада".

Эта склонность придавать себѣ различныя имена, или разыгрывать извѣстныхъ историческихъ личностей, показываетъ, что въ Наполеонѣ было что то напускное, театральное. Гдѣ бы онъ ни находился, онъ всегда держалъ себя какъ на-сценѣ. Направляя всѣ силы

своего ума къ выполненію своихъ замысловъ, онъ не забывалъ сочинять себѣ фигуру, обращеніе, языкъ. Извѣстны его притворныя гнѣвныя вспышки, которыя онъ любилъ напускать на себя, какъ взрывы императорской грозы. Слова comediante, tragediante, спокойно сказанныя плѣнникомъ-папою, въ то время какъ Наполеонъ неровными шагами ходилъ по одной изъ залъ Фонтенебло, подходили отчасти къ его характеру. Одна изъ ролей, которую онъ любилъ наиболѣе—это казаться въ обществѣ необыкновеннымъ человѣкомъ, превосходящимъ все на свѣтѣ. Даже со стороны своихъ министровъ, собираемыхъ имъ на совѣтъ, онъ не терпѣлъ противорѣчія, и если не убѣждалъ ихъ, то требовалъ молчанія. Правду сказать, по выходѣ изъ совѣщательной залы, въ своемъ кабинетѣ, наединѣ съ какимъ-нибудь министромъ, онъ выносилъ возраженія и спокойно спорилъ. Метаморфоза была мгновенная: „какъ будто, по словамъ одного изъ его министровъ, Лекенъ, покинувшій пышный тронъ Оросмана, и вернувшійся къ обыденной жизни, чтобы стать въ уровень съ обыкновенными смертными". Одинъ разсказъ показываетъ, какъ еще во время консульства онъ старательно поддерживалъ въ обществѣ мнѣніе о своей непогрѣшимости. Онъ былъ посвященъ въ таинства счетоводства и управленія финансами Мольеномъ государственнымъ казначеемъ, которому приходилось являться къ нему съ докладомъ по нѣскольку разъ въ недѣлю. Однажды, когда онъ расхваливалъ Мольена передъ другимъ министромъ, послѣдній, конечно, изъ нѣкоторой зависти къ своему собрату, возразилъ: „Весь Парижъ хвалитъ его подобно вамъ; говорятъ, что онъ вашъ руководитель въ финансовыхъ дѣлахъ". Этого было достаточно; въ продолженіе пяти мѣсяцевъ первый консулъ показывалъ видъ, что забылъ совершенно о существованіи Мольена. Къ этому желанію удивлять другихъ, надо, вѣроятно, отнести и то стараніе, съ которымъ онъ избѣгалъ неожиданныхъ побѣдъ, достающихся безъ особеннаго блеску, а давалъ битвы всегда въ открытомъ полѣ, сводя цѣлыя массы противъ массъ. Такъ, во время директоріи, будучи генераломъ внутренней арміи, онъ отказался отъ командованія вандейскою арміей; точно также, сдѣлавшись императоромъ, онъ былъ въ Испаніи одинъ только разъ, подъ стѣнами Мадрита.

Тоже самое стремленіе поражать воображеніе толпы заставляло его издавать декреты изъ различныхъ столицъ Европы, куда онъ входилъ побѣдителемъ. Съ этою цѣлью у него всегда было извѣстное число декретовъ, заранѣе составленныхъ, которые, смотря по событіямъ, онъ помѣчалъ потомъ изъ Берлина, Вѣны, или Мадрита. Иногда онъ отмѣчалъ ихъ заднимъ числомъ. По преданію, сохранившемуся въ бюро государственной канцеляріи, знаменитый приказъ, помѣченный изъ Москвы 15 октября 1812 г. объ организаціи Théatre-Français, былъ подписанъ два мѣсяца спустя въ Парижѣ. При составленіи декрета однимъ изъ секретарей императорскаго кабинета было даже сдѣлано замѣчательное примѣчаніе:

„Желаніе его величества помѣтить этотъ декретъ изъ Москвы“.

Было-бы ошибкой предполагать, что Наполеонъ стремился къ власти съ опредѣленной цѣлью, которую онъ и старался потомъ достигнуть. Эта цѣль видоизмѣнялась вмѣстѣ съ его судьбою. Извѣстно съ какими идеями отправился онъ въ Египетъ. Можно думать, что даже сдѣлавшись консуломъ, онъ не считалъ себя призваннымъ основать четвертую династію. Мысль сдѣлать своихъ братьевъ королями, которые могли-бы быть вассалами его имперіи, зародилась у него послѣ побѣды при Аустерлицѣ. Особенно его внѣшняя политика отличается какою-то измѣнчивостью, непослѣдовательностью идей. Извѣстны многочисленныя, зачастую самыя противоположныя, преобразованія, которымъ подвергалась Италія. Въ числѣ государей, какихъ онъ въ своемъ деспотизмѣ назначалъ въ различныхъ частяхъ полуострова, не доставало только „короля Венеціи“.

Въ концѣ 1805 г. [1]), онъ дѣйствительно намѣревался отдать Венецію съ титуломъ короля курфирсту Баварскому. Въ то время, какъ онъ отправлялъ армію для завоеванія Португаліи, у него, повидимому, еще не было мысли овладѣть Испаніей. Онъ такъ мало думалъ объ этомъ, что по договору, заключенному имъ съ королемъ Карломъ IV [2]), обязывался дать этому королю, вслѣдъ за всеобщимъ миромъ, или не позднѣе трехъ лѣтъ, громкій титулъ императора обѣихъ Америкъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, во время разразившейся революціи въ Испаніи, Наполеонъ снова измѣнилъ свое намѣреніе, принудивъ того же Карла IV отказаться отъ короны, и призвалъ въ Мадритъ своего брата Іосифа, котораго въ Неаполѣ замѣнилъ Мюратъ.

Точно также едва не былъ созданъ король „Балеарскихъ острововъ“, титулъ котораго, по смыслу тайной конвенціи, заключенной между Россіей и Франціей въ 1808 г., долженъ былъ принадлежать сыну прежняго Неаполитанскаго короля, въ случаѣ, если Сицилія отойдетъ къ Мюрату. Съ самаго начала имперіи до 1810 г., трактаты, проэкты переустройства государствъ, быстро слѣдовали одинъ за другимъ, замѣняя и уничтожая другъ друга. Интересъ минуты, возростающее тщеславіе, иногда простое недовольство, были достаточными причинами, чтобы заставить Наполеона кинуться въ эти измѣнчивыя предпріятія. Не знаешь, чему болѣе удивляться, непостоянству-ли его идей, выражавшихся такими быстрыми перемѣнами,

---

[1]) По этому договору одна часть Португаліи уступалась въ полное владѣніе князю Мюрату съ титуломъ Альгарвскаго принца, а другая—бывшему Этрускому королю, внуку короля Испаніи, съ титуломъ короля Сѣверной Лузитаніи; сверхъ того, всѣ владѣнія Браганскаго дома по ту сторону океана, должны быть раздѣлены между Франціей и Испаніей. Извѣстно, что герцогство Тосканское было обращено въ королевство Этруское въ 1801 г., послѣ Люневильскаго мира. Изъ этого королевства въ 1807 г. образовались три департамента имперіи, а въ 1809 г. снова преобразовались въ великое герцогство Тосканское, отданное Елизѣ Бонапартъ.

[2]) По Пресбургскому договору Венеція отошла отъ Австріи.

или могуществу этого человѣка, которому удавалось одно время подчинять Европу своей волѣ и даже капризамъ своего воображенія.

Наполеону тѣмъ легче было измѣнять свои намѣренія, что онъ считалъ честность излишнимъ элементомъ въ политикѣ. Уже договоръ относительно Португаліи показывалъ, какъ нарушалъ онъ свои обязательства. За этимъ самымъ Карломъ IV, которому онъ обѣщалъ титулъ императора, и котораго онъ тотчасъ же заставилъ, извѣстно какимъ способомъ, отказаться отъ короны въ его пользу, — онъ признавалъ въ силу Байоннскаго договора, право получать на содержаніе восемь милліоновъ. Эта сумма никогда не была выплачена. Если онъ не боялся нарушать слова, данныя государямъ, то еще менѣе боялся обманывать народъ несбыточными надеждами. Въ то время какъ онъ поддерживалъ въ полякахъ вѣру въ возрожденіе ихъ націи и возбуждалъ среди нихъ идеи независимости, онъ обязывался тайнымъ соглашеніемъ съ Россіей не только ничего не предпринимать для возстановленія королевства, но даже не упоминать самое имя Польши ни въ одномъ изъ публичныхъ актовъ.

Сомнѣвались, чтобы онъ приказывалъ фабриковать лондонскіе и вѣнскіе банковые билеты, но на это есть указаніе во многихъ изъ его писемъ, правда, не обнародованныхъ. Въ его глазахъ, военное положеніе оправдывало всѣ средства, предпринимаемыя противъ врага. Извѣстна его система относительно покоренныхъ странъ. Онъ недовольствовался огромными контрибуціями, отдачею значительныхъ земель своимъ генераламъ; часто онъ забиралъ статуи, картины, дорогіе манускрипты, рѣдкія книги, архивы. Въ 1814 г. цѣлыми возами привозились въ Парижъ различныя сокровища Ватикана. Если же со стороны покоренныхъ народовъ проявлялось хотя бы самое малѣйшее стремленіе къ независимости, то онъ приказывалъ грабить города, жечь деревни, разстрѣливать всѣхъ, кого только сочтутъ за мятежника. „Піаченца возмутилась послѣ моего отъѣзда, писалъ онъ Іосифу въ іюлѣ 1806 г. Я отправилъ туда Жюно, который увѣрялъ, что страна не возстала, и относился къ этому чисто по французски. Я приказалъ ему сжечь двѣ деревни и разстрѣлять зачинщиковъ, въ числѣ которыхъ было шесть священниковъ. Это было исполнено и страна была усмирена надолго“. Надо прямо сознаться, что не только права народа, но и права человѣчества были для Наполеона мертвою буквою. Въ тотъ самый годъ, когда во Франціи возстановлялась католическая религія, въ ея колоніяхъ снова вводилось невольничество, уничтоженное революціей. Въ политикѣ онъ не допускалъ чувства. Приказывая умертвить герцога Ангіенскаго, онъ самъ признавался, что имъ въ этомъ случаѣ руководила ни какая-либо страсть или справедливая строгость, а единственно увѣренность въ необходимости этой смерти для упроченія своей власти.

Самыя законныя привязанности исчезали у него передъ тѣмъ, что

онъ считалъ своими интересами. „Я могу признать только тѣхъ моими родными, кто служитъ моимъ цѣлямъ“.

Сила прежде всего входила въ методу его управленія. „Не лаской подчиняютъ себѣ народы“, говорилъ онъ часто. Однажды онъ писалъ Іосифу, что даже самое преступленіе, съ своимъ ужасомъ, составляетъ, уже силу. Развращеніе послѣ силы, было главнымъ орудіемъ его управленія. Ему принадлежитъ слѣдующее изреченіе: „Людьми управляютъ больше съ помощью ихъ пороковъ, нежели добродѣтелей“. Словомъ, онъ не скрывалъ, что презираетъ людей. Это презрѣніе онъ открыто вносилъ въ свою политику, что видно изъ одного донесенія, относящагося къ одному лицу, о которомъ, онъ наводилъ справки; авторъ этого донесенія не писалъ бы такимъ языкомъ, еслибы не зналъ чувствъ, одушевлявшихъ своего государя.

„N... мало чѣмъ можетъ быть полезенъ, но привязанъ къ династіи; годится на второстепенныя должности, гдѣ не требуется ни таланта, ни труда, ни представительства; вовсе незначителенъ, обращеніе грубое; хорошъ былъ бы въ законодательномъ корпусѣ“.

Признаться, Наполеонъ имѣлъ нѣкоторое право презирать людей. Никогда ни одинъ изъ государей не былъ предметомъ такой постоянной низкой лести. Извѣстно громадное количество произведеній, написанныхъ въ прозѣ и стихахъ, по поводу его брака съ Маріей Луизой и рожденія римскаго короля. Но менѣе извѣстно, что его министры, преподнося ему нѣкоторыя изъ этихъ поэтическихъ сочиненій, не боялись заявлять передъ нимъ, что, вдохновленные великими событіями эпохи, ихъ авторы во многомъ превосходятъ лучшихъ поэтовъ временъ Людовика XIV. На другой день побѣды при Ваграмѣ, Ласепедъ, ученый, котораго Наполеонъ сдѣлалъ графомъ и гросмейстеромъ ордена Почетнаго Легіона, писалъ: „Извѣстіе о переходѣ черезъ Дунай и о послѣдовавшихъ за этимъ двухъ битвахъ наэлектризовало всѣ умы. Всѣ въ восхищеньи. Читая бюллетень, какъ будто видишь самого императора въ военномъ совѣтѣ и восхищаешься его геніемъ, какъ вѣрующіе лицезрѣніемъ самого Бога“. Для лести даже не требовалось какихъ-нибудь особенныхъ случаевъ. Въ 1808 г., во время пребыванія Наполеона въ Байоннѣ, гдѣ онъ держалъ въ своихъ когтяхъ испанскаго короля, одинъ изъ людей, менѣе всѣхъ заблуждавшійся на счетъ Наполеона, Талейранъ, писалъ ему: „Парижъ въ томъ холодномъ, безучастномъ состояніи, въ какомъ онъ находится всегда въ отсутствіе вашего величества“.

Эта лесть по крайней мѣрѣ не выходила изъ границъ частной переписки. Но какое развращающее дѣйствіе, какое пагубное вліяніе должна была производить на умы публичная лесть, исходящая отъ государственныхъ учрежденій!

Когда разразилась испанская война, такъ сильно взволновавшая общество, сенатъ раздѣлявшій общее безпокойство, объявилъ тѣмъ не менѣе, что эта война политична, что она справедлива, необходима.

Законодательный корпусъ унижался не менѣе сената. Наполеонъ извѣстилъ его объ отправкѣ первыхъ знаменъ взятыхъ въ Испаніи, и онъ принявъ это простое увѣдомленіе за знакъ оказанной ему чести, рѣшилъ единогласно поставить монументъ на высотахъ Монмартра, чтобы сохранить память о знакахъ уваженія и почета, оказанныхъ его величествомъ законодательному корпусу. Но трибунатъ превзошелъ всѣхъ своею лестью. Онъ требовалъ, чтобы двѣнадцать духовныхъ сановниковъ были приставлены къ охраненію шпаги, которую Наполеонъ употреблялъ въ битвѣ при Аустерлицѣ, и чтобы эта шпага, находящаяся въ храмѣ, была выносима оттуда, какъ нѣкогда орифлама, лишь только въ торжественныхъ случаяхъ.

III.

Не смотря на всевозможную лесть, которую ему не переставали расточать, не смотря на престижъ, коимъ онъ умѣлъ себя окружать, Наполеонъ не обольщался до такой степени, чтобы не думать, что противъ его личности и его авторитета не было никакой скрытой вражды. Одно изъ первыхъ его дѣяній, какъ императора, было учрежденіе, или скорѣе возстановленіе министерства полиціи, существовавшее еще въ самомъ началѣ его правленія, но которое онъ изъ видовъ популярности тогда же уничтожилъ. Заговоры, не исчезавшіе во все послѣднее время консульства, были побудительнымъ мотивомъ къ принятію этой мѣры.

Имперія являлась для Франціи олицетвореніемъ мира и спокойствія, поэтому и было естественно стараться предупреждать энергическими мѣрами появленіе злоумышленій противъ императора. Такъ по крайней мѣрѣ смотрѣлъ на это Наполеонъ. Это министерство, возстановленное въ такой силѣ и съ такою властью, какихъ оно еще не имѣло до сихъ поръ, было уполномочено раскрывать и искоренять все, что прямымъ или косвеннымъ образомъ могло затрогивать неприкосновенность новой династіи. При такомъ условіи оно становилось одною изъ самыхъ важныхъ составныхъ частей государственной машины. Во все царствованіе Наполеона, сочиненія, рѣчи, люди, были предметомъ строгаго надзора и строгихъ преслѣдованій полиціи; и нельзя составить себѣ яснаго понятія объ имперіи, если не познакомиться ближе съ этимъ учрежденіемъ, которое своими крайностями не только напоминало тяжелое время стараго режима, но даже превосходило его.

Пресса, какъ и слѣдовало предполагать, была однимъ изъ первыхъ предметовъ, на которомъ сосредоточились все вниманіе и вся власть полиціи. Извѣстно, какова была участь газетъ при имперіи. Въ небольшомъ количествѣ, подчиненныя строгой цензурѣ, всегда подъ

страхомъ запрещеній, онѣ существовали, или вѣрнѣе прозябали, только подъ условіемъ одобренія всего, что дѣлало правительство.

Провинціальнымъ газетамъ, изъ коихъ осталось вскорѣ по одной на каждый департаментъ, приказывалось почерпать политическія извѣстія только изъ „Монитера“. Что же касается до парижскихъ газетъ, то вначалѣ онѣ еще пользовались кое-какой свободой, которую вскорѣ не замедлили счесть опасной, и въ 1810 г. министръ полиціи предложилъ императору подчинить ихъ предварительной цензурѣ и ограничить шестью, вмѣсто бывшихъ восьми, включая сюда и „Мониѳеръ“. Если Наполеонъ и позволялъ еще существовать газетамъ, то единственно изъ одного обмана, такъ свойственнаго ему, желая дать странѣ хотя бы даже самый призрачный образъ извѣстной свободы прессы. При помощи газетъ онъ дѣйствовалъ на общественное мнѣніе. Во все продолженіе имперіи и даже во время консульства печатались въ общественныхъ листкахъ статьи, направленіе которыхъ онъ указывалъ министрамъ и часто диктовалъ имъ и самый текстъ.

Въ этихъ статьяхъ разъяснялась и чаще всего извращалась иностранная политика съ тѣмъ, чтобы подготовить умы къ новымъ предпріятіямъ, умышляемымъ Наполеономъ; такъ что пресса вмѣсто того, чтобы быть отголосками общества, скорѣе вела его за собой, направляла его и чаще всего обманывала.

Можно допустить, что по крайней мѣрѣ въ отдѣлахъ, не касающихся политики, газеты пользовались свободой? Ни чуть не бывало. Литературныя статьи точно также просматривались, запрещались. Не позволялось писать, напримѣръ, что въ литературномъ отношеніи девятнадцатый вѣкъ уступалъ восемнадцатому. Не выносился самый тонъ газетъ, если только онъ былъ нѣсколько мрачный.

„Господинъ X... пишетъ министръ полиціи одному префекту, часто печатаетъ въ газетахъ статьи, въ которыхъ преобладаетъ не безопасный угрюмый тонъ. Соблаговолите пригласить автора писать въ болѣе сдержанномъ духѣ и лучше выбирать свои сюжеты“. Даже болѣе; бывали и „такіе факты“, которые полиція не одобряла и запрещала обнародованіе ихъ. Въ „Journal de Paris“ однажды говорилось: „Въ Генуѣ господствуютъ заразительныя лихорадки, уносящія множество людей“. Цензоръ дѣлаетъ замѣчаніе относительно этой фразы: „Къ чему такое извѣстіе?“ Наконецъ, какъ будто французы не могли считать себя несчастными, полиція нѣсколько разъ запрещала газетамъ печатать извѣстія о самоубійствахъ. Безполезно прибавлять, что большей свободы не было и въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Неизъятыя отъ предварительной цензуры, онѣ и послѣ напечатанія могли быть отобраны и уничтожены полиціей. Безполезно также упоминать и о томъ, что книгами, какъ и газетами, Наполеонъ пользовался для своихъ политическихъ цѣлей. Послѣ ссоры съ папою, онъ прибѣгалъ къ изданіямъ, гдѣ подъ научною формою печатались ни что иное, какъ памфлеты противъ римскаго двора. Онъ приказалъ составить для ли-

цеевъ „Исторію Франціи“, въ которой, очерчивая упадокъ старой монархіи, тѣмъ самымъ расчищали пути для имперіи. Но полиція не ограничивалась надзоромъ за произведеніями, обсуждающими болѣе или менѣе важные предметы, она слѣдила за словарями, альманахами, простыми каталогами. У одного книгопродавца были уничтожены альманахи за цѣлый годъ за то только, что въ столбцѣ мѣсяца августа, имя Наполеона было напечатано недостаточно большими буквами. Въ 1811 г., другой книгопродавецъ пустилъ въ продажу нѣсколько произведеній XVI и XVII столѣтій, изъ которыхъ одному въ каталогѣ было дано слѣдующее заглавіе: „Политическій трактатъ, въ которомъ доказывается примѣромъ Моисея и другими, что убить тирана не есть преступленіе“; а другому: „Политическое разсужденіе о власти и обязанностяхъ принцевъ; до чего можно выносить тираннію и позволительно ли подданнымъ, въ случаѣ сильнаго притѣсненія, взяться за оружіе въ защиту своей свободы“. Министръ полиціи велѣлъ тотчасъ же исправить каталогъ и изъять изъ продажи обѣ книги, не подозрѣвая вовсе той неловкости, какую онъ совершалъ въ глазахъ императора, примѣняя его къ тирану. Наблюдали также за гравюрами и картинами. Запрещено было продавать портреты Бурбоновъ, особенно послѣднихъ королей, изображенія охотничьихъ сценъ, въ которыхъ фигурировали принцы прежней династіи. Театръ исключительно обращалъ на себя вниманіе полиціи. Съ самаго консульства было запрещено по всей Франціи представленіе Athalie, вслѣдствіе распространенныхъ въ ней намековъ, вызывавшихъ интересъ къ законному принцу. Правда, во время имперіи трагедія эта давалась на сценѣ, но съ большими поправками. Исправлялись за разъ Корнель, Расинъ и Вольтеръ. Но не довольствуясь запрещеніемъ нѣкоторыхъ пьесъ, наблюдали также и за декораціями. Въ одномъ балетѣ, въ театрѣ Ambigu, употреблялись бѣлыя знамена, украшенныя лиліями. Эти знамена были взяты въ префектуру и сожжены. Слѣдя за театромъ до такой степени, что пьесы, въ которыхъ упоминалось о Генрихѣ IV, не допускались до представленія, Наполеонъ, однакожъ поддерживалъ театръ. Онъ видѣлъ въ немъ здоровое развлеченіе, отвлекавшее вниманіе публики отъ болѣе важныхъ событій. Министръ полиціи въ этомъ отношеніи старался сообразоваться съ волею своего господина. Въ концѣ мая 1812 г., когда Наполеонъ отправлялся въ несчастную кампанію противъ Россіи, онъ предписалъ всѣмъ директорамъ театровъ усилить свою дѣятельность. Онъ самъ поднялъ по этому случаю споръ въ журналахъ о достоинствахъ итальянской и французской музыки, воображая,—повѣритъ ли кто этому?—что „эта маленькая война отвлечетъ отъ большой“.

Но все это были еще не особенныя строгости. Съ самыхъ первыхъ временъ имперіи въ 1804 и 1805 г. множество лицъ было арестовано, заключено въ темницу и потомъ выслано за сорокъ миль отъ

Парижа. Люди самые значительные не были защищены отъ строгихъ взысканій полиціи. Въ 1811 г. одинъ членъ института, обвиненный въ томъ, что отличался образомъ мыслей, несогласнымъ съ правительствомъ, былъ призванъ въ префектуру и принужденъ былъ дать слово держать себя на будущее время осторожнѣе. Нужно ли утверждать послѣ этого, что полицію безпокоило всякое выраженіе, враждебное императору и династіи? Были слова, которыя, смотря по обстоятельствамъ, запрещалось произносить. Въ іюнѣ 1808 г. кюре одной изъ парижскихъ церквей, въ своей проповѣди о почитаніи священнаго сердца Іисуса, назвалъ Испанію и Португалію въ числѣ странъ, гдѣ это почитаніе болѣе всего уважалось. Префектъ полиціи отправилъ къ министру донесеніе, въ которомъ говорилось, что предосудительно для духовнаго ница примѣшивать къ религіознымъ принципамъ несоотвѣтственныя идеи, и что не подобаетъ при настоящихъ политическихъ обстоятельствахъ говорить объ Испаніи и Португаліи. На поляхъ этого донесенія министръ написалъ: „Наблюдать за нимъ".

Еслибы полиція ограничивалась одними вышеизложенными стростями, то она была бы только придирчивой и стѣснительной. Но она поступала тираннически, жестоко. Число людей задержанныхъ, высланныхъ безъ суда, или какъ говорилось, распоряженіями высшей полиціи, громадно. Документы, недавно извлеченные изъ архивовъ морскаго министерства, свидѣтельствуютъ, что съ 1811 до 1814 гг. высылали итальянскихъ духовныхъ лицъ по 30, 40, 50, даже по 100 заразъ, за то только, что они протестовали противъ захвата Римскихъ областей, или отказывались присягать французскимъ властямъ. Если общество зачастую не знало объ этихъ ссылкахъ, то это происходило отъ того, что полиція, сообразно приказаніямъ Наполеона, дѣйствовала скрытно въ такихъ случаяхъ. Извѣстно, что декретомъ 1810 г. были возстановлены государственныя тюрьмы. Этотъ декретъ, какъ бы соотвѣтствующій возобновленію прежней Бастиліи, въ сущности только придавалъ законную силу порядкамъ, уже бывшимъ давно въ ходу. Въ эпоху его появленія множество лицъ по шести, восьми лѣтъ, томились въ замкѣ If и въ другихъ мѣстахъ. Чтобы лучше понять, какъ мало придавало значенія правительство Наполеона свободѣ людей, достаточно бросить взглядъ на административные отчеты, въ которыхъ каждый годъ упоминается о лицахъ, задержанныхъ распоряженіемъ высшей полиціи.

Прежде всего замѣчаются въ отдѣлномъ столбцѣ „приговоренные судомъ" и попавшіеся въ руки полиціи уже послѣ вынесеннаго ими наказанія; далѣе, въ другомъ столбцѣ всѣ „судимые и оправданные"; наконецъ въ третьемъ „освобожденные отъ суда за недостаткомъ уликъ". Эти полицейскія строгости замѣтно увеличивавшіяся по мѣрѣ удаленія отъ первыхъ лѣтъ имперіи, были, конечно, признакомъ того, что императорское самодержавіе покоилось на искуственной почвѣ и не имѣло никакого прочнаго основанія въ націи. Правленіе, свободно

выбранное, не имѣло бы нужды прибѣгать къ подобнымъ тиранническимъ средствамъ. Было бы заблужденіемъ думать, что недовольство было вызвано первыми военными неудачами. Тревога, безпокойство стали обнаруживаться съ 1808 года вмѣстѣ съ испанской войной.

Полицейскіе отчеты доставляютъ по этому случаю драгоцѣнныя свѣдѣнія. Съ этихъ поръ начали осуждать Наполеона, опасаться послѣдствій его непомѣрнаго тщеславія. Сознавалось, что столько отданныхъ и снова взятыхъ коронъ было чистою игрою, переносить которую Европа наконецъ не станетъ. Въ тоже время стали утомляться войной. Не смотря на сыщиковъ, не смотря на штрафы и тюрьмы, не смотря на всѣ средства, употреблявшіяся, чтобы помѣшать дезертирству, число бѣжавшихъ отъ рекрутчины, уже чувствительное въ 1805 г., не уменьшалось. По одному отчету, представленному Наполеону, это число въ 1810 г. доходило до 160,000; что же касается до числа штрафовъ, требуемыхъ обыкновенно съ семействъ бѣжавшихъ рекрутовъ, оно дошло до громадной суммы ста семидесяти милліоновъ.

Бракъ императора съ Маріей-Луизой, какъ бы служившій признаніемъ старинными монархіями Европы новаго режима, заставилъ на время поддаться иллюзіи. Но заговоръ генерала Малле въ 1812 г., предпринятый съ такими слабыми средствами, и едва не удавшійся, былъ явнымъ доказательствомъ, что это правленіе болѣе блестящее, нежели прочное, держалось одною только личностью Наполеона.

Прежде чѣмъ разразился этотъ заговоръ и когда еще императоръ только что начиналъ приготовляться къ войнѣ съ Россіей, стало замѣтно, что безпокойство переходитъ въ ропотъ, а ропотъ вскорѣ перешелъ въ открытую враждебность. Застой въ торговлѣ, порожденный безпрерывными войнами и безумною блокадою континентальной системы, вызывалъ всеобщее недовольство. Со всѣхъ сторонъ слышались желанія, требованія мира. Тѣ же самыя причины привели къ недостатку и дороговизнѣ продовольствія.

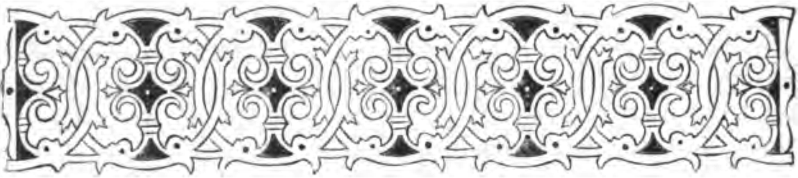
Во весь 1812 г. и еще въ концѣ 1811 г. префекты въ своихъ письмахъ не перестаютъ заявлять о народныхъ жалобахъ. Это были даже и не жалобы, а угрозы. Не смотря на желѣзную руку правительства, не смотря на повсемѣстные аресты, инсуррекціонныя движенія, вызываемыя голодомъ, проявляются въ различныхъ частяхъ Франціи. Ото всюду префекты просятъ хлѣба и войска. Положеніе дѣйствительно было печальное. Даже въ Нормандіи, говорится въ донесеніяхъ, встрѣчаются „настоящіе бродячіе скелеты“. Вездѣ большинство жителей принуждено питаться растительною пищей. Въ департаментахъ Юры видали людей, подбирающихъ падаль. Въ департаментахъ Соммы цѣлая банда, или скорѣе армія въ 50,000 нищихъ, рыскала по деревнямъ, нападала ночью на фермеровъ и уносила хлѣбъ. Во многихъ городахъ были прибиты объявленія слѣдующаго содержанія: „Хлѣба! Мира! Война противъ тирана и его сообщниковъ! Народъ, возстань! Къ оружію!“

Наконецъ, когда сдѣлалось извѣстно о злополучномъ исходѣ кампаніи 1812 г., и что нужно готовиться къ новымъ войнамъ, враждебныя проявленія стали многочисленнѣе, открытѣе. Эта императорская администрація, повидимому, такая сильная, такъ мудро организованная, начинаетъ сама явно распадаться, и даже не считая военныхъ событій, все возвѣщало близкую катастрофу. Въ виду всѣхъ этихъ признаковъ неизбѣжнаго паденія, признаковъ, замѣчаемыхъ уже нѣкоторыми еще съ 1808 г., позволительно спросить, имѣлъ ли Наполеонъ съ своей стороны какое-нибудь сознаніе о хрупкости зданія имъ возведеннаго? До 1812 г. положительно никакого. Сознавалъ ли онъ по крайней мѣрѣ хоть тогда, когда начались неудачи? Въ его корреспонденціяхъ нельзя найдти ни одного намека на это. Безъ сомнѣнія надо объяснить это скрытностью. Наполеонъ, которому болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимо было возбуждать храбрость и подогрѣвать энтузіазмъ, не могъ высказывать своего безпокойства. Какъ бы то ни было, но предполагать у него настоящія опасенія, значило бы ошибаться на этотъ счетъ. Онъ конечно является озабоченнымъ событіями, но не какъ государь, опасающійся за свою корону, а какъ человѣкъ желающій восторжествовать надъ ними. Привыкшій бравировать, презирать общественное мнѣніе, онъ знать не хочетъ ни жалобъ, ни ропота, доходившихъ до него. Онъ считаетъ себя, какъ и прежде, владыкою умовъ. Онъ помѣщаетъ въ журналахъ замѣтки, памфлеты. Онъ сердится на министровъ, заговаривающихъ съ нимъ о мирѣ. „Тонъ вашей корреспонденціи мнѣ не нравится, пишетъ онъ въ іюнѣ 1813 г. министру полиціи; вы надоѣдаете мнѣ своею необходимостью мира. Я знаю лучше васъ положеніе моей имперіи... Эти дѣла васъ не касаются, не вмѣшивайтесь въ нихъ“.

Онъ такъ мало имѣлъ понятія о волненіяхъ, распространявшихся повсюду, что въ одномъ письмѣ отъ іюля 1813 г., письмѣ, предназначенномъ къ обнародованію, онъ говоритъ „о чудовищныхъ заблужденіяхъ и безумныхъ толкованіяхъ римскаго двора“ и что нужно остерегаться смѣшивать ихъ съ правами церкви, какъ будто въ эту критическую минуту истощенная, измученная Франція, въ свою очередь опасающаяся быть захваченной, могла сосредоточивать свое вниманіе на подобныхъ вопросахъ. На другой день послѣ битвы при Лейпцигѣ, онъ пускаетъ въ ходъ тѣ сценическія средства, къ которымъ такъ часто прибѣгалъ и которыми считаетъ возможнымъ произвести впечатлѣніе на умы. Отославъ въ Парижъ знамена, съ тѣмъ, чтобы они были торжественно представлены императрицѣ, а потомъ отнесены въ Домъ Инвалидовъ, онъ заранѣе составляетъ въ письмѣ къ великому канцлеру всѣ подробности этого торжества, вплоть до самыхъ рѣчей, которыя должны быть при этомъ произнесены. „Хорошо бы, прибавляетъ онъ нѣсколько дней спустя, чтобы депутація изъ тридцати инвалидовъ, въ числѣ коихъ было бы нѣсколько столѣтнихъ, отправилась благодарить императрицу за все сказанное ею о необы-

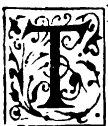
кновенной храбрости французскаго народа. „Къ тому же онъ не считаетъ дурнымъ прибѣгать къ жестокимъ пріемамъ, уже не разъ позорившимъ его политику. Увѣдомленный, что нѣсколько молодыхъ людей позволили себѣ на одномъ обѣдѣ враждебно отнестись къ его личности, онъ пишетъ министру полиціи: „Прикажите судить ихъ и разстрѣлять тотчасъ же".

Обманутый тѣмъ, что происходило во Франціи, онъ не понималъ и того, что происходило въ Европѣ. Не признавая никогда правъ народовъ, онъ не замѣчалъ, какъ они пробуждались. Онъ не понималъ, что этой коалиціей противъ него, побѣжденный и угнетаемый имъ народъ требовалъ себѣ наконецъ справедливой независимости. Узнавъ въ апрѣлѣ 1813 г., что народы сѣверной Германіи, присоединенные имъ къ имперіи, перешли на сторону врага, онъ обращается къ нимъ съ жестокой прокламаціей: „Я не доволенъ вами. Я оказалъ вамъ честь, возвысивъ васъ до французовъ. Вы стали недостойны этого; вы перешли на сторону врага... Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ вы будете лишены благъ конституціи. Я дѣлаю отвѣтчиками за общественное спокойствіе пятьсотъ главныхъ собственниковъ каждаго кантона. Я опустошу, если нужно, ваши департаменты, я населю ихъ другою народностью, я сдѣлаю, что сдѣлалъ Карлъ Великій, мой предшественникъ, на берегахъ Эльбы, но я не потерплю, чтобы ваше преступное поведеніе осталось безнаказанно". До самаго конца онъ былъ въ подобномъ ослѣпленіи. Когда въ декабрѣ 1813 г. онъ говорилъ депутаціи Сената: „Годъ тому назадъ Европа шла за нами, теперь она идетъ противъ насъ", то онъ говорилъ это какъ человѣкъ видѣвшій въ событіяхъ единственно превратность судьбы. Во все продолженіе этой французской кампаніи, въ которой онъ проявилъ всю силу своего военнаго генія, онъ не переставалъ вѣрить въ возможность измѣнить судьбу. Онъ уступалъ по немногу, или скорѣе вовсе не уступалъ, дѣлая видъ, что подчиняется мирнымъ условіямъ, соглашаясь на кажущіяся уступки, отъ которыхъ тотчасъ же отказывался, однимъ словомъ велъ себя какъ игрокъ, который продолжая игру, надѣется отыграться и раззоряется еще болѣе. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ какъ будто не сознавалъ дѣйствительности. Было сказано, какъ онъ въ прокламаціи къ германскому народу говорилъ о Карлѣ Великомъ, какъ своемъ предшественникѣ. Побѣжденный и близкій къ отреченію, онъ не былъ уже ни Цезаремъ, ни Карломъ Великимъ, но его воображеніе переноситъ его въ древнюю Грецію. Онъ проситъ Іосифа 16 марта 1814 г. не оставлять римскаго короля въ рукахъ враговъ. „Участь Астіанакса, греческаго плѣнника, писалъ онъ, мнѣ всегда казалась самою несчастною въ исторіи". Ничто не указываетъ, чтобы даже и въ эту торжественную минуту онъ имѣлъ сознаніе настоящихъ причинъ, приведшихъ его къ гибели; и онъ палъ подъ конецъ, не обвиняя себя въ деспотизмѣ и чрезмѣрномъ тщеславіи, но обвиняя во всемъ Францію.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положеніе заключенныхъ, пересыльныхъ, ихъ дѣтей и освобожденныхъ изъ подъ стражи, со времени возникновенія русской тюрьмы до нашихъ дней. (1560 — 1880 г.) В. Н. Никитина. С.-Петербургъ. 1880 г.

ЮРЕМНЫЙ вопросъ, помимо его общей, теоретической, такъ сказать, важности, представляетъ у насъ теперь „злобу дня": правительство занято проэктами тюремной реформы, а одновременно съ нею, пересмотромъ „всей лѣстницы" уголовныхъ наказаній, которыя должны быть строго согласованы съ проэктированными видами тюремнаго заключенія; наша печать, сознавая настоятельную потребность въ преобразованіи нынѣшнихъ тюремъ или остроговъ изъ „школъ разврата" (какъ охарактеризовалъ ихъ гр. Соллогубъ) въ исправительныя учрежденія, основанныя на принципахъ труда и нравственнаго перевоспитанія заключенныхъ лицъ, — наша печать также, съ своей стороны, помогаетъ дѣлу выясненіемъ различныхъ сторонъ разсматриваемаго вопроса, какъ въ теоретической его постановкѣ, такъ и въ практическомъ приложеніи. Такимъ образомъ книга г. Никитина появляется какъ нельзя болѣе своевременно, и авторъ ея заслуживаетъ полной благодарности за предпринятый имъ нелегкій трудъ — собиранія фактическихъ данныхъ о прошломъ и настоящемъ положеніи русской тюрьмы. Сводъ этихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ разныхъ архивовъ и давно позабытыхъ оффиціальныхъ отчетовъ, уже самъ по себѣ имѣетъ большую цѣну, независимо отъ характера и достоинствъ его литературной обработки. Но и литературная бойкость изложенія, вмѣстѣ съ умѣньемъ толково группировать собранные матеріалы, стоитъ въ уровень съ трудолюбіемъ и добросовѣстностью автора.

Мы должны, впрочемъ, сдѣлать одну существенную оговорку: книга г. Никитина не совсѣмъ отвѣчаетъ своему заглавію, и въ ней напрасно было бы искать исторію русской тюрьмы „со времени ея возникновенія"; что же касается до ссылки, то авторъ ограничиваетъ ее краткими свѣдѣніями о пересыльныхъ

арестантахъ, вовсе обходя идею колонизаціи, которая такъ тѣсно связывается съ понятіемъ ссылки. Краткій очеркъ тюрьмы съ 1560 г. (когда послѣдовало запрещеніе устраивать подземныя остроги) до 1819 г. (т. е. до основанія „Попечительнаго о тюрьмахъ общества") занимаетъ у г. Никитина счетомъ три страницы, на которыхъ онъ успѣлъ только помянуть объ уложеніи царя Алексѣя Михайловича, о нѣсколькихъ указахъ Петра I и его ближайшихъ преемницъ, да сказалъ еще два слова о введеніи въ тюрьмахъ „исправительнаго элемента" по мысли императрицы Екатерины II. Но для „исторіи тюрьмы" этого слишкомъ мало, и еслибы г. Никитинъ пожелалъ выполнить въ точности заглавіе своего труда, то одно „Полное Собраніе Законовъ" дало бы ему достаточно красокъ для болѣе полной и обстоятельной картины. Такъ напр., въ правленіе Анны Леопольдовны петербургскимъ священникамъ сосѣднихъ съ тюрьмами церквей вмѣнено въ обязанность исправлять „съ перемѣною" (поочередно) для колодниковъ духовныя требы, „дабы таковые колодники безъ исповѣди и причастія не помирали" (Пол. Соб. Зак. т. XI, № 8951). Это было первое слово о духовномъ назиданіи заключенныхъ. При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ одномъ сенатскомъ указѣ изъяснено: „чтобы во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только находятся подъ карауломъ колодники, мужескъ полъ отъ женска содержаны были особо". (Пол. Соб. Зак. т. XII, № 8,878). Это было первое узаконеніе о раздѣленіи половъ въ тюрмахъ. Въ то же время строго запрещалось отпускать арестантовъ для прошенія милостыни, ибо, какъ сказано въ указѣ: „не безъизвѣстно-де, что оные колодники ходятъ по церквамъ, по кабакамъ и по улицамъ, и по торговымъ мѣстамъ съ ящиками на связкахъ, и просятъ милостыни, и притомъ пьянствуютъ и чинятъ ссоры; да паки пьяны, въ разодраныхъ рубашкахъ, и просятъ милостыню съ великимъ невѣжествомъ и необычайнымъ крикомъ: того рода оныхъ колодниковъ на связки не посылать и до такихъ озорничествъ отнюдь не допускать". (Тамъ же №№ 8,916 и 9,571). Въ царствованіе Екатерины послѣдовали не менѣе важныя распоряженія: 1) о малолѣтнихъ колодникахъ присылать обстоятельныя вѣдомости въ Сенатъ, причемъ означать: „знаютъ ли таковые малолѣтныя грамотѣ или нѣтъ?" 2) „содержимымъ въ тюрьмѣ болѣе трехъ дней безъ допроса предоставить право просить о немедленномъ ихъ освобожденіи"; 3) „тюрьмы и остроги привести въ лучшее состояніе, а на ихъ освѣщеніе и отопленіе отпускать деньги, ибо колодники отъ холода и сырости, будучи многіе безъ одежды, претерпѣваютъ не только нужду, но въ болѣзни впадаютъ"; 4) малолѣтнихъ бѣглыхъ отдавать „въ гарнизонныя школы и къ обученіямъ въ казенныя мѣста ремесламъ, платя всѣмъ обыкновенное содержаніе"; 5) „велѣть священникамъ, назнача колодникамъ постъ, входить къ нимъ за три дня до исповѣди и отправлять тамъ для нихъ вечерни, утрени и часы съ благоговѣніемъ, чтобы черезъ то они въ лучшее умиленіе и сердечное сокрушеніе прійти могли" и пр. 6) „губернскому прокурору имѣть попеченіе о прокормленіи подъ стражею содержащихся и чтобъ дѣла сихъ людей скорѣе рѣшеніе получили... и для сего ему, губернскому прокурору, ходить по тюрьмамъ, по-крайней мѣрѣ, единожды въ недѣлю... дабы посмотрѣть состояніе въ тюрьмѣ содержащихся, и доходитъ ли до нихъ все то, что имъ опредѣлено и содержатъ ли ихъ сходственно и человѣколюбиво", (Пол. Соб. Зак. №№ 11,752; 12,436; 12,919; 14,392; 12,506; 12,312; 14,579 и 14,392). Г. Никитинъ, безъ сомнѣнія, и самъ согласится съ нами, что всѣ указанныя мѣры, каковы бы ни были ихъ практическія послѣдствія, по своей принципальной важности, не могутъ быть исключены изъ „исторіи русской тюрьмы".

Но дѣло, конечно, не въ заглавіи, которое можетъ быть измѣнено при послѣдующемъ изданіи книги, а въ сущности, въ интересѣ ея содержанія. Оставивъ почти совсѣмъ въ сторонѣ исторію русской тюрьмы до 1819 г., г. Никитинъ сосредоточилъ все свое вниманіе на дѣятельности основаннаго Александромъ I „Попечительнаго о тюрьмахъ Общества" и въ этихъ рамкахъ обнару-

жилъ и полное, отчетливое знакомство съ предметомъ, и искуство не растеряться въ массѣ разнообразнаго сырого матеріала. Всего точнѣе было бы и назвать эту книгу „Исторіею Попечительнаго о тюрьмахъ Общества“.

Наши новѣйшіе „тюрьмовѣды“, крѣпко заразившіеся бюрократическимъ духомъ и убѣжденные въ томъ, что только усиленіемъ централизаціи и устраненіемъ общественнаго контроля можно оживить тюремное дѣло въ Россіи, съ легкой руки разныхъ чиновничьихъ коммиссій, привыкли относиться свысока и даже презрительно къ дѣятельности тюремныхъ комитетовъ, которые состоятъ, какъ извѣстно, не изъ чиновниковъ, а изъ „вольныхъ филантроповъ“, не получающихъ жалованья и не пользующихся даже правами государственной службы. „Изъ-за чего, въ самомъ дѣлѣ, хлопочутъ эти люди?—думаютъ про себя гг. бюрократы — добро-бы тутъ полагались хорошіе оклады, пенсіи, аренды, быстрое повышеніе въ чинахъ и пр. и пр., а то, видите-ли, изъ любви къ человѣчеству... въ нашъ-то практическій, коммерческій вѣкъ!“ И рѣшивъ безапелляціонно, что такой нелѣпости быть не можетъ, что современный „интеллигентный человѣкъ“ падокъ только на деньги и приманку карьеры, противники „Попечительнаго о тюрьмахъ Общества“ провозгласили затѣмъ, что всѣ наши тюремные комитеты, какъ органы этого „Общества“, ни прежде, ни теперь ничего не дѣлали и не дѣлаютъ для улучшенія быта заключенныхъ. Оказывается, однако, что эти господа „считали безъ хозяина“ и слишкомъ поторопились мѣрить все русское общество XIX вѣка на свой собственный практическій аршинъ. Ихъ невѣжество въ этомъ отношеніи можетъ соперничать только съ ихъ самонадѣянностью. Изъ книги В. Н. Никитина новѣйшіе „тюрьмовѣды“ могутъ (если пожелаютъ) убѣдиться во-очію, несомнѣнными фактическими и цифровыми данными, что, въ теченіе шестидесятилѣтняго существованія „Попечительнаго о тюрьмахъ Общества“, вольные филантропы, несмотря на органическіе недостатки самаго устава „Общества“ и борясь на каждомъ шагу съ упорнымъ противодѣйствіемъ низшей и высшей администраціи, успѣли уничтожить въ нашихъ тюрьмахъ всѣ варварскія физическія истязанія (рогатки со спицами, желѣзные ошейники, приковываніе къ одной цѣпи и пр.), водворить въ нихъ правильное хозяйство съ большой экономіею для казны, отдѣлить женщинъ отъ мужчинъ, малолѣтнихъ отъ взрослыхъ, невинныхъ дѣтей отъ осужденныхъ отцовъ, успѣли ввести въ тюрьмы духовныя бесѣды, обученіе грамотѣ и ремесламъ, завели больницы, пріюты, убѣжища и пр. и пр. И все это „вольные филантропы“ сдѣлали, не только не обирая казны, но ежегодно принося ей очень крупныя суммы своихъ частныхъ пожертвованій. По разсчету г. Никитина, основанному на документальныхъ источникахъ, этихъ благотворительныхъ приношеній, за 60 лѣтъ, поступило въ „Общество“ девятнадцать милліоновъ тринадцать тысячъ семьсотъ рублей съ копейками. Сверхъ того „Общество“, къ 1870 г., располагало еще запаснымъ наличнымъ фондомъ въ 2.229,179 р. съ коп.. Коротко говоря, „Общество“, своимъ существованіемъ, принесло государству въ подспорье къ его издержкамъ на тюремную часть, 21.233,886 р. съ коп. Цифра, какъ видите, довольно почтенная. (См. стр. 589).

Но отчего же „Попечительное о тюрьмахъ Общество“, при такой выдающейся благородной энергіи лучшихъ своихъ членовъ, не принесло всей той пользы, какую надѣялось и могло бы принести? почему наши тюрьмы (преимущественно провинціальныя), къ концу шестидесятилѣтняго періода существованія „Общества“, все таки очутились въ такомъ незавидномъ положеніи, что ихъ стали оффиціально называть школами разврата? На эти вопросы читатель найдетъ удовлетворительный отвѣтъ въ той же книгѣ г. Никитина. Кромѣ недостатковъ въ самой организаціи „Общества“, какъ-то странно остановившагося на полдорогѣ отъ бюрократическаго къ общественному учрежденію,—главную причину его упадка слѣдуетъ искать въ тѣхъ постоянныхъ, назойливыхъ препятствіяхъ, которыя воздвигались администраціею противъ всѣхъ благихъ на-

чинаній „вольной филантропіи". Какой борьбы стоило комитетамъ всякое улучшеніе въ тюремной жизни,—это достаточно доказывается хотя бы такими, напр., фактами, что петербургскій генералъ-губернаторъ Кавелинъ запиралъ тюремныя мастерскія, находя, что этимъ путемъ „тюрьма обращается въ развратную богодѣльню" (!!), а петербургскіе же оберъ-полицмейстеры задорно нападали: одинъ—на раздѣленіе половъ въ тюрьмѣ, другой—на обученіе грамотѣ! По стопамъ такихъ начальниковъ шли и ихъ непосредственные подчиненные—тюремные смотрители, которымъ комитеты мѣшали хозяйничать въ продовольственной части, а также связывали руки и въ другихъ административныхъ мѣропріятіяхъ. Дѣло доходило до того, что здѣшній тюремный смотритель, раздраженный вмѣшательствомъ комитета, однажды не впустилъ въ литовскій замокъ покойнаго предсѣдательствующаго вице-президента, сенатора и генералъ-лейтенанта Волоцкаго. Утомившись этими пререканіями съ администраціей, одинъ изъ самыхъ энергическихъ предсѣдателей петербургскаго тюремнаго комитета, князь Г. А. Щербатовъ отказался отъ своей должности въ виду того, что „продолжительныя его старанія поставить комитетъ въ узаконенное независимое положеніе и усилія комитета быть дѣйствительно полезнымъ заключеннымъ—остались тщетными". (стр. 631). Если все это происходило въ столицѣ, то какой поддержки удостоивались комитеты въ провинціи? Понятно, что они и существовали-то тамъ, большею частію, номинально, и журналы ихъ мнимыхъ засѣданій зачастую сочинялись секретарями, а подписывались на дому сговорчивыми членами. Но тѣмъ почтеннѣе и удивительнѣе становятся приводимые г. Никитинымъ результаты такой стѣсненной дѣятельности: значитъ, есть что-то оживляющее въ самомъ принципѣ общественнаго почина, какъ бы не гнули и не давили его внѣшнія препятствія.

Независимо отъ преградъ, указанныхъ г. Никитинымъ, существуетъ и еще одна, универсальная, такъ сказать, причина, мѣшающая успѣху тюремнаго дѣла не только у насъ, въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. Это—непреоборимая почти трудность нравственнаго перевоспитанія тюремнаго населенія, въ особенности взрослой его части. Такое перевоспитаніе составляетъ въ сущности чисто педагогическую и притомъ самую сложную, самую деликатную задачу; оно требуетъ для своего успѣха и высокаго умственнаго развитія воспитателей, и спеціальной подготовки, и нравственной крѣпости, и даже полнаго самоотверженія. Таковы ли наши тюремные педагоги и откуда получить ихъ на заказъ, по востребованію? Къ тому же и самыя условія тюремнаго быта, неизбѣжно соединенные съ моральнымъ и физическимъ насиліемъ, едва ли образуютъ ту почву, на которой могутъ удобно производиться тончайшіе педагогическіе опыты. Но во всякомъ случаѣ, если такіе самоотверженные и стойкіе духомъ воспитатели появлялись когда нибудь, хоть изрѣдка, на бѣломъ свѣтѣ, то формировались они не въ сферѣ бюрократіи, а въ общественной средѣ и—какъ это видно изъ книги г. Никитина—никогда не гонялись за оффиціальными почестями. Поэтому и тюремная реформа должна бы почерпнуть у насъ свою силу не въ изгнаніи изъ тюремъ, а въ привлеченіи къ нимъ живыхъ общественныхъ элементовъ, какъ это и предлагалъ въ свое время кн. Одоевскій. Но тогда, можетъ быть, не понадобилось бы и главнаго тюремнаго управленія съ его пятью-шестью всезрящими сердцевѣдами—инспекторами на всю Россію.

А. Пятковскій.

Школьный вопросъ. Письма къ редактору „Голоса" В. И. Модестова, профессора римской словесности въ С.-Петербургской духовной академіи. Спб. 1880 г.

Въ послѣдніе годы едва ли не самое больное мѣсто въ нашей общественной жизни составлялъ живой вопросъ школы, — получаетъ ли подростающее поколѣніе серьезное образованіе безъ ущерба для своихъ физическихъ и нравственныхъ силъ, или для большинства, по крайней мѣрѣ, прохожденіе полнаго гимназическаго курса останется навсегда мечтою, недостижимою на дѣлѣ? Не смотря, однакожъ, на безконечныя сѣтованія и жалобы со стороны отцовъ и матерей на чрезмѣрное напряженіе умственныхъ силъ мальчиковъ 10—14 лѣтъ, на утомительность отсиживанія по пяти лекцій въ школьныхъ комнатахъ, обременительность такъ-называемыхъ внѣклассныхъ занятій („задачъ", „сочиненій" и т. п.), печать наша, по особымъ обстоятельствамъ, не могла касаться этого „больного мѣста", а школьная практика продолжала идти своимъ рутиннымъ порядкомъ, разрушая физическія и умственныя силы подростающихъ поколѣній. Г. Модестову принадлежитъ неоспоримая заслуга въ нарушеніи этого молчанія.

Въ цѣломъ рядѣ писемъ къ редактору газеты „Голосъ", составляющихъ содержаніе вышеприведенной брошюры, почтенный профессоръ, классикъ по спеціальности и почти двадцать лѣтъ служившій дѣлу русской науки и русской школы, мѣтко указалъ на недостатки нынѣ господствующей системы и сдѣлалъ это безъ свойственнаго нашему времени задора, съ полнымъ спокойствіемъ и зрѣлой обдуманностью. Къ тому же обѣ стороны вопроса, затронутаго въ письмахъ, — отрицательная и положительная — связаны одной объединяющей ихъ и вполнѣ благонамѣренной задачей автора—указать на нераціональность господствующаго направленія въ преподаваніи древнихъ языковъ въ Россіи и на происходящій отъ того подрывъ идеѣ классическаго образованія. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, заключается наиболѣе существенное значеніе писемъ г. Модестова, заставившихъ и другіе органы прервать не для всѣхъ легко выносимое молчаніе по вопросу, живо интересующему все русское общество.

Въ отрицательной или полемической части писемъ, г. Модестовъ, отмѣчаетъ въ нынѣшней учебной реформѣ, ту весьма характерную черту, что она почти всецѣло совершена человѣкомъ, смотрѣвшимъ на науку глазами авторитетовъ и потому не съумѣвшимъ отличить ошибокъ отъ правды, даже въ предѣлахъ своей спеціальности. Любопытно замѣтить, что изданныя подъ редакціей покойнаго московскаго профессора Леонтьева, главнаго виновника этой реформы, чужіе труды, какъ латинскій словарь и нѣкоторыя грамматики, „были ниже посредственности, лишены самостоятельной мысли и наполнены чужими недостатками и ошибками". Г. Модестовъ неотразимыми фактами освѣщаетъ крайне незавидное положеніе, въ которомъ находится у насъ преподаваніе классической филологіи, совершаемое въ Петербургѣ, столицѣ государства, въ большинствѣ случаевъ, инородцами и иностранцами, людьми, нерѣдко чуждыми не только пониманія нашихъ потребностей, но и языка, самаго необходимаго орудія всякаго преподаванія. Въ общемъ же, все реформаторское дѣло Леонтьева, какъ показываетъ дѣйствительность и практика нашей школы, ограничилось приспособленіемъ къ ней программы прусскихъ гимназій, жалобы на недостатки которыхъ сдѣлались въ Европѣ всеобщими, судя по тѣмъ отзывамъ людей, близко стоящихъ къ дѣлу образованія, какіе въ изобиліи приведены въ брошюрѣ г. Модестова (стр. 28, 30, 33, 40, 41, 42 и др.). „Всѣ чувствуютъ" — говоритъ Модестовъ,—„что такъ-называемое классическое образованіе, какъ его даетъ старая школа, по крайней мѣрѣ, на материкѣ Европы,

не достигаетъ своей цѣли, что оно не вводитъ учащагося въ жизнь классическихъ народовъ, въ духъ нхъ высокихъ твореній, не освѣжаетъ ума воспитанника новыми, чуждыми современной дѣйствительности идеалами, не дѣйствуетъ благотворно на развитіе его воли и характера, не давая ему въ то же время тѣхъ выгодъ приготовленія къ общественной жизни, какія сопровождаютъ выходъ изъ своего заведенія воспитанниковъ школы, такъ-называемой реальной". Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ автора разсматриваемой брошюры выразить увѣренность, что школа классическая не устоитъ подъ напоромъ новыхъ идей, если она не найдетъ средствъ къ своему обновленію, „не пріобщится того могучаго духа жизни, который дастъ ей силу стоять твердо и мужественно отражать всякія нападенія". Возможность такого „обновленія" классической школы на русской почвѣ г. Модестовъ, подобно сильно убѣжденнымъ защитникамъ классическаго образованія, какими нѣкогда выступали Т. Н. Грановскій и Н. И. Пироговъ, видитъ въ достаточномъ количествѣ хорошихъ, знающихъ дѣло и усердныхъ къ нему учителей, которые должны быть не только знатоки родного ученикамъ языка, но и близко знакомые съ отечественною литературой, исторіей, учрежденіями, общественнымъ и семейнымъ бытомъ общей имъ и ученикамъ родины. Такимъ образомъ авторъ брошюры не разрушаетъ настоящаго положенія вещей въ школьномъ режимѣ, какъ бы слѣдовало ожидать по всему ходу его аргументаціи, но имѣетъ въ виду лишь „облегченіе" и „упрощеніе" нынѣ господствующей системы, полагая необходимымъ только сократить время, назначенное на преподаваніе классическихъ языковъ (стр. 62), а въ виду недостатка учителей, уменьшить число учебныхъ заведеній съ классическимъ характеромъ (стр. 64). Согласно съ этимъ, по плану преобразованія гимназій, проектируемому г. Модестовымъ, изъ 200 гимназій, вполнѣ классическихъ назначается двадцать, остальныя должны существовать съ обязательнымъ латинскимъ языкомъ съ третьяго класса, при необязательности греческаго. Умѣренный классицизмъ, болѣе внимательное изученіе отечественнаго языка и литературы съ прибавленіемъ лучшихъ произведеній другихъ народовъ, болѣе подробное изученіе географіи, болѣе толковое преподаваніе исторіи, замѣна греческаго языка для желающихъ усиленнымъ занятіемъ математикою, обязательность изученія двухъ новыхъ языковъ—французскаго и нѣмецкаго, удѣленіе болѣе видной роли естествовѣдѣнію: вотъ сущность программы гимназій, какія, по убѣжденію г. Модестова, соотвѣтствуютъ нашимъ нынѣшнимъ потребностямъ, тѣхъ гимназій, которыя, давая русскому юношѣ необходимое среднее образованіе, не будутъ въ то же время ложиться гнетомъ на развитіе его природныхъ способностей, тяжело отзываться на его здоровьѣ, развивать въ немъ недовольство и раздражительность. Такова положительная сторона „школьнаго вопроса" у насъ, по мнѣнію г. Модестова.

Едва ли нужно прибавлять, что вышеприведенный планъ преобразованія гимназій набросанъ ужъ въ слишкомъ общихъ чертахъ, чтобы не замѣтить его теоретической слабости и практическихъ недостатковъ, особенно по отношенію къ такой средней школѣ, которая, по разсчетамъ автора брошюры, должна наиболѣе соотвѣтствовать „природѣ русскаго ума и особенно нашей народной исторіи". Мы не думаемъ, чтобы такой „планъ" вытекалъ изъ сильнаго убѣжденія г. Модестова въ возможности образовательнаго значенія въ школьномъ преподаваніи древнихъ языковъ (стр. 63); здѣсь виденъ скорѣе компромисъ съ требованіями обстоятельствъ и времени, чего, впрочемъ, не отрицаетъ кажется и самъ авторъ. Но неужели осуществленіе такого „плана" можетъ избавить нашу школу отъ справедливыхъ обвиненій въ томъ, что „она очень мало интересуется физическимъ развитіемъ своихъ питомцевъ и чисто внѣшнимъ образомъ относится къ развитію нравственному, что она заваливаетъ учениковъ умственною работой, заставляя ихъ сидѣть по пяти и даже по шести часовъ въ день въ классахъ и не оставляя въ то же время

имъ своими требованіями свободнаго времени для отдыха?“ Неужели осуществленіе такого „плана“ приведетъ къ ослабленію „слишкомъ суроваго или, лучше, казеннаго отношенія къ проступкамъ и неуспѣшности занятій воспитанниковъ, не принимающаго во вниманіе ни ихъ индивидуальныхъ особенностей, ни ихъ личныхъ или семейныхъ обстоятельствъ?“ Не намъ, конечно, напоминать г. Модестову о тѣхъ упрекахъ, какіе сыпались при другомъ вѣяніи времени на реальную школу со стороны лицъ, искренно преданныхъ просвѣщенію родной страны; въ нихъ звучала та же нота—дѣйствительно вредныя стороны школьнаго мастерства заслонялись выставленіемъ на первый планъ крайностей и недостатковъ преподаванія, которымъ далеко нельзя обнять всѣхъ элементовъ образовательно-воспитательной дѣятельности школы. Не безъизвѣстны, само собой разумѣется, автору разбираемой брошюры и результаты нашего педагогическаго пробужденія послѣдняго времени, всего болѣе заботившагося объ „облегченіи“ преподаванія, которое въ дѣйствительности все-таки сводилось къ тому, чтобы ученикъ могъ удовлетворительно выдержать обычный экзаменъ. Но къ чему привела эта погоня за отысканіемъ облегчающихъ и упрощающихъ методовъ, погоня, не одушевленная воспитательнымъ идеаломъ, который развивался бы въ связи съ нравственными требованіями нашей семейной и общественной жизни? Фактъ весьма краснорѣчивый: наши педагоги не переставали перетирать нѣмецкую пыль и, водворяя ремесленничество въ педагогической сферѣ, потеряли способность видѣть даже то, что у нихъ совершается подъ носомъ, а старая машина школьнаго воспитанія, время отъ времени смазываемая, продолжала себѣ скрипѣть, внушая увѣренность смазывателямъ, что „все обстоитъ благополучно“, ибо, увѣряли насъ, если она и подвигается „слишкомъ медленно“, все же не остановилась совсѣмъ. Такимъ образомъ живая дѣйствительность должна увѣрить всѣхъ и каждаго, что если имѣетъ большое значеніе съ точки зрѣнія образовательныхъ цѣлей школы, количество преподаваемаго юному поколѣнію, то еще бо́льшую важность представляетъ собой качество тѣхъ знаній, какія сообщаются въ школѣ, и ихъ пригодность для жизни массы общества, для которой „аттестатъ зрѣлости“ съ каждымъ годомъ утрачиваетъ свои заманчивыя свойства отпирать передъ благовоспитанными юнцами двери разныхъ департаментовъ, комитетовъ и т. п. учрежденій. Но разъ мы требуемъ отъ школы знанія современнаго человѣка и его современныхъ потребностей, ея неотчужденность отъ жизни, которая насъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ, то и въ дѣлѣ казеннаго переустройства такой школы классическое образованіе окажется непрочнымъ фундаментомъ. Впрочемъ, и правъ гражданства классическихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ мы коснулись только къ слову; не въ полемикѣ цѣль нашей замѣтки. Мы хотимъ сказать только, что „планомъ“ г. Модестова нашъ русскій „школьный вопросъ“ не исчерпывается во всѣхъ его сторонахъ. Авторъ брошюры коснулся только одной стороны вопроса, именно неполноты сознанія основной мысли, на которой построенъ у насъ классическій фундаментъ средней школы, но, проектируя свои двадцать классическихъ школъ, сказать по правдѣ, мало отличающихся отъ привиллегированныхъ лицеевъ, хотя, можетъ быть, и съ болѣе возвышенными цѣлями, упустилъ изъ виду необходимость устройства школъ, доступныхъ плохообезпеченному люду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, преувеличивъ значеніе „учебнаго плана“, вовсе оставилъ безъ вниманія господствующій режимъ въ нашихъ школахъ или, говоря его словами, обращенными къ Петербургскому филологическому институту, „школьный тонъ, господствующій въ заведеніи“, который составляетъ истинный школьный вопросъ.

Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ этихъ недомолвкахъ и недосказанности разсматриваемой брошюры, объясняемыхъ, быть можетъ, ея отчасти полемическимъ характеромъ, г. Модестову, повторяемъ, принадлежитъ неоспоримая заслуга въ побужденіи насъ взглянуть на дѣло серьезно и позаботиться кореннымъ образомъ поставить и рѣшить вопросъ о переустройствѣ нашей средней школы.

Ѳ. В.

Сборникъ Археологическаго Института. Три книги. Изданы подъ редакціей Н. В. Калачова. Спб. 1880.

Археологическій Институтъ, основанный въ 1878 г., выпустилъ въ свѣтъ третью книгу своего „Сборника“. Помѣщая здѣсь краткій отчетъ о ея содержаніи, считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о возникновеніи этого учрежденія, его назначеніи и результатахъ его двухъ-лѣтней дѣятельности по разъисканію и изученію русскихъ древностей.

Мысль объ основаніи Археологическаго Института и приведеніе ея въ исполнёніе принадлежатъ извѣстному ученому юристу, сенатору Н. В. Калачову, который, на бывшемъ въ Петербургѣ съѣздѣ археологовъ, возбудилъ вопросъ объ улучшеніи архивнаго дѣла въ Россіи. Извѣстно, что архивы наши, за весьма немногими исключеніями, не удовлетворяютъ своему назначенію ни по устройству, ни по личному составу, который обыкновенно набирается изъ людей мало образованныхъ и не понимающихъ значенія ввѣренныхъ имъ документовъ и актовъ. Такое положеніе архивовъ тормозитъ не только успѣшное развитіе научныхъ изслѣдованій по разнымъ сторонамъ государственнаго и общественнаго быта, но и правильное веденіе государственнаго и общественнаго хозяйства. Устраненіе этихъ неудобствъ и доставленіе государству, обществу и наукѣ полезныхъ архивныхъ дѣятелей — такова первая и главнѣйшая задача Института.

Открытіе Института сперва предполагалось на 12-е декабря 1877 года — столѣтнюю годовщину рожденія императора Александра I. По этому случаю учредитель и директоръ Института собралъ изъ разныхъ архивовъ любопытные историческіе и законодательные матеріалы, относящіеся къ царствованію чествуемаго государя. Они занимаютъ видное мѣсто въ первыхъ двухъ книжкахъ „Сборника“. Рѣчи, произнесенныя на торжественныхъ актахъ 1878 и 1879 гг. Н. В. Калачовымъ и И. Е. Андреевскимъ, полны живого интереса. Описанія Московскаго архива Министерства Юстиціи и центральнаго Виленскаго, составленныя — первое А. А. Орловымъ, а второе — В. А. Лялинымъ даютъ весьма удовлетворительное общее понятіе о богатствахъ этихъ двухъ дѣлохранилищъ. Г. Лялинъ, сверхъ того, представилъ прекрасный отчетъ о бывшемъ въ Казани четвертомъ археологическомъ съѣздѣ и о замѣчательномъ сочиненіи С. М. Шпилевскаго: „Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“. Легкое изложеніе и умѣніе схватывать существеннѣйшіе результаты обширнаго труда даютъ намъ право рекомендовать „Обозрѣніе“ г. Лялина всякому, кто желаетъ получить общее понятіе о знаменитомъ городищѣ—Болгарахъ и другихъ важнѣйшихъ памятникахъ, дошедшихъ до насъ отъ камскихъ булгаръ. За „Обозрѣніемъ“ идетъ „Приложеніе къ книгѣ С. М. Шпилевскаго“, содержащее въ себѣ дополнительныя свѣдѣнія о названномъ городищѣ и о Казани, почерпнутыя Н. В. Калачовымъ изъ сенатскихъ дѣлъ прошлаго столѣтія, хранящихся въ управляемомъ имъ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Значеніе этихъ свѣдѣній лучше всего оцѣнитъ самъ ученый авторъ помянутой книги, для котораго разъясненіе топографіи древняго урочища представляло не малый камень преткновенія. Во второй книгѣ „Сборника“ встрѣчаются еще начальныя работы нѣкоторыхъ слушателей Института, но объ нихъ мы скажемъ въ связи съ продолженіемъ ихъ, появившимся въ третьей книгѣ.

Эта послѣдняя отличается отъ первыхъ двухъ большимъ разнообразіемъ содержанія; сырыхъ матеріаловъ въ ней почти нѣтъ вовсе. Она открывается рядомъ статей о первобытныхъ древностяхъ Кіевскаго приднѣпровья и Новгородской земли (нынѣшнихъ уѣздовъ: Лужскаго — Петербургской губ. и Валдайскаго—Новгородской). Почетный членъ Института Т. В. Кибальчичъ сооб-

щаетъ „О находкахъ предметовъ каменнаго періода на лѣвомъ берегу Днѣпра“. Обиліе матеріаловъ, просто поднятыхъ съ поверхнотти земли, безъ заступа и лопаты, поразительно: 9,549 предметовъ каменнаго періода и 424 — бронзоваго и желѣзнаго—такова добыча, собранная на пространствѣ отъ мѣстечка Воронькова, Переяславскаго уѣзда, Полт. губ., до села Троещины, Остерскаго уѣзда, Черниговской губ., благодаря дѣйствію вѣтровъ, дующихъ съ рѣки и обнажающихъ основаніе могильныхъ насыпей, которыя тянутся цѣпью вдоль лѣваго берега ея. Въ эту мѣстность не проникалъ еще зоркій глазъ опытнаго изслѣдователя, и г. Кибальчичу выпало счастіе открыть ее для ученаго міра. Другой почетный членъ; В. А. Прохоровъ, раскопалъ нѣсколько кургановъ близь села Бологова (станціи Николаевской желѣзной дороги). Между ними наибольшаго вниманія заслуживаетъ конусообразный курганъ, вышиною въ 5 саженъ, съ окружностью основанія до 35 саж., разрытый въ дер. Любинцѣ, верстахъ въ 25 отъ Бологова. Три костреца лежали одно надъ другимъ, раздѣленныя другъ отъ друга посредствующими слоями земли: въ верхнемъ найдены части лошадиныхъ костей, въ среднемъ — части домашнихъ птицъ, въ нижнемъ—останки человѣческаго тѣла съ обломками кремневыхъ ножиковъ и осколковъ. Замѣчателенъ также курганъ, въ двухъ верстахъ отъ Бологова. Въ немъ оказались двѣ пары скелетовъ—по мужчинѣ и женщинѣ,—а въ срединѣ между парами взрослыхъ четыре дѣтскіе скелета разныхъ возрастовъ. На одномъ женскомъ черепѣ остались явные слѣды насильственной смерти. Къ статьѣ приложенъ рисунокъ, изображающій внутренній видъ кургана и взаимное положеніе труповъ. Далѣе слѣдуетъ отчетъ о двухъ археологическихъ экскурсіяхъ, предпринятыхъ прошлымъ лѣтомъ директоромъ и нѣкоторыми слушателями Института, съ тою же цѣлью раскопокъ. Отчетъ составленъ однимъ изъ участниковъ поѣздки И. Г. Даниловымъ, который еще во 2-й книгѣ помѣстилъ „Замѣтку“ о курганахъ близь дер. Ново-Сиверской, Царскосельскаго уѣзда. По вещественнымъ цѣнностямъ раскопки слушателей слѣдовало бы признать неудавшимися; но научное достоинство ихъ опредѣляется совершенно иными данными и соображеніями. Для науки строеніе могильныхъ насыпей, обряды погребенія, черепа и кости первобытнаго человѣка составляютъ уже цѣнное пріобрѣтеніе, если только раскопка и описаніе ея удовлетворяютъ требованіямъ всякаго ученаго труда. Скудная обстановка, безобразные амулеты, стеклянные бусы, кремневые ножи грубой работы, горшки, выдѣланные безъ помощи гончарнаго круга — лучшее свидѣтельство объ умственномъ и матеріальномъ убожествѣ мѣстнаго старобытнаго населенія. Любопытнѣйшіе изъ этихъ предметовъ изображены на рисункахъ, сопровождающихъ отчетъ. Во время второй поѣздки слушателей, въ Валдайскій уѣздъ, осмотрѣны были, между прочимъ, нѣкоторыя городища. Одно изъ нихъ—Райки описано А. А. Тугановъ-Барановскимъ, который снялъ и планъ его, приложенный къ статьѣ Н. В. Калачова: „О работахъ слушателей Института въ архивахъ и осмотрѣ ими памятниковъ древностей въ 1879 г.“ Стратегическое значеніе этого городка, лежащаго близь границы древняго Тверского княжества, выясняется въ особой „Замѣткѣ“ А. И. Савельева.

„Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія 1649 г.“, сообщаемыя слушателемъ Д. М. Мейчикомъ, составляютъ продолженіе начатыхъ имъ въ 1878 г. архивныхъ работъ, первые результаты которыхъ изложены во 2-й книгѣ „Сборника“. Въ новой статьѣ, составляющей родъ введенія въ судныя главы Уложенія, заключаются свѣдѣнія о поводахъ къ пересмотру законодательства, общихъ причинахъ, приведшихъ къ необходимости кодификаціи, совокупномъ ходѣ работъ законодательной коммиссіи и земскаго собора, въ частности о значеніи выборнаго начала и вліяніи различныхъ „чиновъ“ на отдѣльныя части новаго кодекса, порядкѣ его слушанія и утвержденія, печатаніи и распространеніи въ народѣ. Въ десяти пояснительныхъ примѣчаніяхъ находимъ выписки изъ разныхъ архивныхъ документовъ, біографическія свѣдѣнія о со-

ставителяхъ Уложенія и вѣдомость о числѣ выборныхъ изъ разныхъ мѣстностей, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Изъ прочихъ работъ слушателей выдается солидный трудъ Н. Н. Оглоблина, который подъ видомъ „Объяснительной записки къ картѣ Полоцкаго повѣта во второй половинѣ XVI в." сдѣлалъ опытъ по древней географіи Россіи. Въ основаніе этого сочиненія положены „Писцовыя книги Моск. Государства", издаваемыя географическимъ обществомъ. Дополнительными источниками служили рукописи Моск. арх. Мин. Юст. и нѣкоторыя литературныя пособія, но мѣстныхъ изданій авторъ не имѣлъ подъ руками, что, естественно, могло повлечь за собою нѣкоторыя неточности. Но, говоря вообще, постановка вопросовъ и пріемы ихъ рѣшенія свидѣтельствуютъ о вѣрномъ научномъ тактѣ и добросовѣстности. Статья еще не окончена, и потому мы предоставляемъ себѣ поговорить о ней впослѣдствіи. В. В. Стасовъ доставилъ рисунки древнихъ православныхъ церквей въ Западномъ краѣ, извлеченные изъ рѣдкихъ изданій, находящихся въ императорской публичной библіотекѣ, и предпослалъ имъ описаніе подъ заглавіемъ: „Православныя церкви въ Западномъ краѣ въ XVI в.".

Изъ статей третьяго отдѣленія достойны вниманія „Дополнительныя свѣдѣнія къ дѣлу Могилевскаго архіепископа Варлаама", доставленныя слушателемъ А. В. Гавриловымъ (имъ же сообщены въ предъидущемъ выпускѣ подлинные документы по дѣлу, заимствованные изъ архива св. Синода). За ними идетъ окончаніе замѣчательной записки доктора Легера о „Баварскихъ архивахъ" (начало ея также въ предъидущей книгѣ). Протоколы „Вечернихъ чтеній и бесѣдъ въ Институтѣ" сопровождаются тремя приложеніями, между которыми самымъ любопытнымъ должно признать два напѣва, которыми извѣстный В. П. Щеголенокъ сказываетъ былины. Эти напѣвы записаны М. А. Балакиревымъ и Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ.

Изъ приведеннаго нами перечня статей, помѣщенныхъ въ „Сборникѣ" Археологическаго Института можно видѣть, сколько разнообразныхъ и интересныхъ матерьяловъ заключаетъ въ себѣ это полезное изданіе.

М. Д.

Три праведника и одинъ Шерамуръ. Соч. Н. С. Лѣскова. С.-Петербургъ. 1880.

Наша литература съ давнихъ временъ богата отрицательными типами и далеко не обильна образцами типа положительнаго. Вѣрныя и вполнѣ жизненныя лица первой категоріи можно найти у писателей съ посредственнымъ дарованіемъ, а симпатичные характеры удаются рѣдко даже самымъ крупнымъ талантамъ. У Грибоѣдова и Гоголя, напримѣръ, вы видите цѣлую галерею всякаго рода пошляковъ и негодяевъ, цѣликомъ взятыхъ изъ жизни, между тѣмъ какъ въ Чацкихъ и Костанжогло проглядываютъ черты искусственныя и даже ложныя. Положительныя лица Тургенева и Гончарова всѣ наперечетъ, да и они не въ такой степени жизненны, какъ ихъ темные герои. Отчего же это? Въ самомъ ли обществѣ нашемъ, какъ говорятъ одни, мало образцовъ для положительнаго типа, или писатели наши, какъ увѣряютъ другіе, по прирожденному русскимъ людямъ свойству, любятъ показывать больше темныя, нежели свѣтлыя стороны нашей жизни? Едва ли оба эти мнѣнія можно признать справедливыми.

Что въ русскомъ обществѣ есть матеріалы для положительнаго типа и писатели наши иногда находятъ его — доказательствомъ служитъ г. Лѣсковъ. Онъ съумѣлъ отыскать характерныя и высоко-симпатичныя лица въ такихъ слояхъ нашего общества, которые до послѣдняго времени или не затрогива-

лись литературой, или давали матеріалъ для одного глумленія. Вспомните, какую прекрасную и въ то же время нисколько не идеализированную личность нарисовалъ онъ подъ именемъ протопопа Туберозова въ романѣ „Соборяне“. Тутъ свѣтлый образъ, со всѣми его характерными особенностями и мелкими чертами представленъ во всей полнотѣ жизненной правды. Авторъ особенно умѣетъ, не скрывая угловатостей и даже смѣшныхъ сторонъ излюбленныхъ имъ лицъ, сдѣлать ихъ симпатичными и заставить читателя любить и уважать ихъ.

Эта особенность таланта г. Лѣскова видна и въ изданной недавно книжкѣ, которой заглавіе мы сейчасъ выписали. Въ ней собраны небольшіе разсказы, гдѣ авторъ тоже изображаетъ лица положительныя,—если не праведниковъ въ принятомъ смыслѣ этого слова, то людей весьма симпатичныхъ и достойныхъ общаго уваженія. И лица эти становятся еще привлекательнѣе, когда узнаешь, что они не выдуманы, а взяты изъ дѣйствительности, и что теперь есть люди, которые знали ихъ и хорошо помнятъ. Такимъ образомъ задача г. Лѣскова въ этихъ разсказахъ состояла не въ изобрѣтеніи, а въ томъ, чтобы изобразить готовыя уже лица во всей ихъ индивидуальной полнотѣ. И это выполнено имъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Читатели „Историческаго Вѣстника“ сами могутъ судить объ этомъ по двумъ напечатаннымъ въ немъ очеркамъ „Кадетскій Монастырь“ и „Русскій домократъ въ Польшѣ“, изъ которыхъ въ одномъ представлены директоръ, экономъ и докторъ петербургскаго кадетскаго корпуса, а въ другомъ умный и честный чиновникъ-малороссъ, придумавшій планъ обрусенія Польши посредствомъ раздачи мелкихъ участковъ земли отставнымъ офицерамъ. Кромѣ этого, въ составъ изданной теперь книжки вошли еще два подобные же разсказа.

Первый изъ этихъ разсказовъ называется „Однодумъ“. Въ началѣ нынѣшняго вѣка жилъ въ Солигаличѣ нѣкто Александръ Аѳонасьевичъ Рыжовъ, сынъ бѣдной вдовы, которая торговала на рынкѣ пирогами. Грамотѣ онъ научился у дьячка и съ пятнадцатилѣтняго возраста служилъ сперва пѣшеходнымъ почтальономъ, потомъ квартальнымъ и въ свободные часы читалъ священное писаніе. Къ удивленію всего города, онъ не только не бралъ взятокъ, но не принималъ никакихъ добровольныхъ приношеній, даже радушно предлагаемыхъ подарковъ, и довольствовался однимъ почти нищенскимъ жалованьемъ. Безсребренникъ этотъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ прямой и не понималъ, какъ можно говорить неправду, какъ бы она ни была кому-нибудь пріятна. Когда губернаторъ Ланской, человѣкъ справедливый, но по общимъ тогда отзывамъ „надменный“, пріѣхалъ на ревизію въ Солигаличъ, Рыжовъ, исправлявшій должность только-что удаленнаго отъ службы городничаго, безтрепетно встрѣтилъ начальника, въ чужомъ и еще перепачканномъ масляной краскою мундирѣ. Этого мало: когда сановникъ вошелъ не крестясь въ церковь, чудакъ положилъ ему руку на спину и заставилъ сдѣлать поклонъ. Ланского заинтересовала эта оригинальная личность: онъ познакомился съ Александромъ Аѳанасьевичемъ, узналъ его патріархальное безкорыстіе, и по окончаніи ревизіи „однодуму“ присланъ былъ Владимірскій крестъ, чего не получалъ до тѣхъ поръ ни одинъ квартальный.

Въ другомъ очеркѣ „Пигмей“ разсказанъ также достовѣрный анекдотъ. Предъ началомъ крымской войны, въ вѣдомствѣ с.-петербургской полиціи служилъ мелкій чиновникъ С., на котораго возложены были распоряженія при исполненіи публичныхъ наказаній. Приказано было тогда наказать плетьми одного молодаго француза, осужденнаго уголовнымъ судомъ по очень гадкому дѣлу. Призвавъ его наканунѣ казни для освидѣтельствованія въ здоровьи, С. изъ разговора съ нимъ убѣдился въ его невинности и рѣшился попробовать спасти его. Онъ успѣлъ довести объ этомъ до свѣдѣнія французскаго посланника, который тотчасъ же объяснилъ дѣло государю. Въ то время, когда С. по возвращеніи домой трепеталъ за послѣдствія своей, какъ онъ называлъ

„измѣны“, курьеръ привезъ ему изъ дворца пакетъ съ 1500 рублей, завернутыхъ въ бѣлый листъ, на которомъ рукою императора Николая написано было: „благодарю“. Французъ, конечно, не былъ наказанъ.

Разумѣется, мы представляемъ только скелетъ этихъ разсказовъ, развитыхъ у автора въ самыхъ живыхъ сценахъ и обставленныхъ множествомъ вѣрно подмѣченныхъ и прекрасно сгруппированныхъ подробностей. Нельзя не признать за г. Лѣсковымъ особеннаго умѣнья дѣлать привлекательными лица, въ которыхъ самъ же онъ находитъ черты не только комическія, но даже нѣсколько грубыя. Таковы большею частію его „праведники“. Это видно даже и въ послѣднемъ очеркѣ, не имѣющемъ почти ничего общаго съ другими разсказами и помѣщенномъ здѣсь, по сознанію самого автора, для того только, чтобы книжка пополнилась до десяти листовъ и слѣдовательно не обремѣняла предварительной цензуры. Впрочемъ, если нашъ народъ считаетъ юродивыхъ людьми невмѣняемыми, то и чудакъ, прозванный за свою черную бороду Черноморомъ или по французски Шерамуромъ, который, самъ не зная зачѣмъ, сдѣлался эмигрантомъ и въ Парижѣ ни о чемъ не заботился кромѣ „жратвы“,— пожалуй также можетъ быть сопричисленъ къ праведникамъ.

Вообще эта книжка г. Лѣскова напомнила намъ лучшія и самыя живыя страницы его прежнихъ романовъ, какъ художественнымъ изображеніемъ лицъ и занимательностью положеній, такъ и мастерствомъ разсказа, оригинальнаго по своеобразности и въ то же время бойкаго и непринужденнаго. Желательно, чтобы коллекція праведниковъ г. Лѣскова не ограничилась написанными до сихъ поръ портретами: если не теперь, то въ недавнемъ прошломъ вѣроятно еще найдутся для нихъ оригиналы.

А. Милюковъ.

Изборникъ Святослава 1073 года. Изданіе Общества Любителей Древней Письменности. 1880 г.

Общество Любителей Древней Письменности, уже успѣвшее заявить себя въ періодъ своей кратковременной дѣятельности изданіемъ нѣсколькихъ любопытныхъ памятниковъ древнерусскаго искусства и народнобытовой литературы, навсегда оставитъ по себѣ память, связавъ свое имя съ вышеприведеннымъ изданіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, участь, постигшая „Изборникъ Святослава“, со времени его случайнаго открытія Строевымъ и Калайдовичемъ въ 1817 году въ библіотекѣ Воскресенскаго монастыря, не давала надежды когда-либо увидѣть обнародованнымъ этотъ драгоцѣннѣйшій памятникъ древнѣйшаго живописнаго искусства на Руси и не менѣе древнихъ слѣдовъ славянорусскаго языка. Съ 1834 года „Изборникъ“ помѣщается въ Патріаршую ризницу, а подлинникъ выходного листа, гдѣ изображено семейство Святослава, совершаетъ передвиженіе изъ Оружейной палаты въ государственное древлехранилище, оставаясь незамѣтнымъ для пытливыхъ взоровъ изслѣдователей. Лишь въ 1845 г. замѣчательному секретарю московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, покойному О. М. Бодянскому, пришла счастливая мысль издать „Изборникъ“. Нашлось и лицо, готовое оказать матеріальную поддержку такому предпріятію. Это—И. Н. Денкоглу. Судя по нѣсколькимъ листамъ, какъ говорятъ, найденнымъ заброшенными въ кладовой московскаго общества, предпріятіе Бодянскаго можетъ считаться „грандіознымъ“ въ научномъ отношеніи. Параллельно съ славянорусскимъ текстомъ „Изборника“ помѣщается въ изданіи Бодянскаго греческій подлинникъ, а подстрочно сдѣланъ латинскій переводъ съ указаніемъ сходственныхъ мѣстъ въ текстѣ священнаго писанія, не говоря уже о примѣчаніяхъ и изслѣдованіи текста, которое также было задумано

Бодянскимъ. Сверхъ того, утраченные листы въ рукописи 1073 года Бодянскій возстановилъ по списку „Изборника“ XV-го вѣка, находящемуся въ патріаршей ризницѣ. Къ сожалѣнію, это, въ полномъ смыслѣ слова, ученое изданіе не только не было доведено до конца, но, со смертью Бодянскаго (1877 г.), и изданные листы, въ числѣ 23-хъ, оставались никому недоступными. Такимъ образомъ объ ученомъ изданіи „Изборника“ нечего было и думать.

Чтобы вывести на свѣтъ Божій хотя бы одинъ текстъ памятника оказались нужными не ученый, не академія наукъ, а просто любитель, который бы не пожалѣлъ нѣсколькихъ тысячъ на такое изданіе. Такого любителя и выдвинуло изъ своей среды юное петербургское Общество Древней Письменности въ лицѣ московскаго комерсанта Т. С. Морозова. Ему и еще наблюдавшему за изданіемъ г. Карпову, нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшему профессору русской исторіи въ Харьковскомъ университетѣ, и русская наука, и университетскіе преподаватели, а также интересующіеся своимъ предметомъ преподаватели литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ обязаны. въ настоящее время изданіемъ текста „Изборника“. Правда, это изданіе, исполненное фотолитографически, въ его настоящемъ видѣ, для пользованія. нуждается еще въ коментаріяхъ, спеціальныхъ объясненіяхъ, но уже общедоступность самаго текста значительно облегчаетъ работу спеціалистамъ, которые пожелали бы заняться критическимъ разъясненіемъ этого памятника. Нельзя не пожалѣть объ одномъ только, что число экземпляровъ, независимо отъ тѣхъ, какими располагаетъ Общество Любителей Древней Письменности, не превышаетъ полутораста.

Ѳ. В.

Люди стараго вѣка. Разсказы изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной канцеляріи. Г. В. Есипова. Спб. 1880.

Въ интересной и до нѣкоторой степени поучительной статьѣ проф. Аристова — „Разработка русской исторіи въ послѣднія двадцать пять лѣтъ“ („Историческій Вѣстникъ“, апрѣль) — между прочимъ пропущены три весьма почтенныхъ имени, которыхъ нельзя не вспомнить всякій разъ когда рѣчь идетъ объ итогахъ коллективной разработки русскаго историческаго прошлаго.

Мы разумѣемъ Бодянскаго, Пыпина и Есипова. Хотя всѣ трое названные нами писателя внесли въ разработку предмета совершенно различные пріемы, характеризующіе и ихъ отношенія къ дѣлу. и своеобразность, иногда совершенную противоположность воззрѣній на извѣстные историческіе вопросы, и имена ихъ, казалось бы, рѣшительно нельзя ставить рядомъ;—тѣмъ не менѣе безспорно то, что работы ихъ, какъ и имена, не могутъ быть ни брошены подъ лавку россійской историографіи, ни сами завалиться за историческія такъ-сказать полки нашего отечества.

Выписанная въ заголовкѣ настоящей замѣтки книга напомнила намъ пропущенное въ почтенной статьѣ г. Аристова имя. Имя это давно приглядѣлось и стало почти своимъ для каждаго потрудившагося въ нашихъ архивахъ, либо надъ тѣмъ, что уже при помощи Есиповыхъ, Семевскихъ, Бодянскихъ, Бартеневыхъ, Штендтмановъ, Калачовыхъ и др., перестало быть монопольнымъ достояніемъ архиваріусовъ. Имя г. Есипова болѣе 20-ти лѣтъ напоминаетъ занимающимся русскою исторіею о томъ, что тамъ, въ архивныхъ склепахъ, говоря фигурально, очень много еще покоится болѣе чѣмъ четверодневныхъ Лазарей, которыхъ рано или поздно должны будутъ наши историки вывести на свѣтъ божій живыми и краснорѣчивыми свидѣтелями нашего, все еще темнаго до нѣкоторой степени прошлаго.

Въ характерѣ историческихъ работъ г. Есипова, по нашему мнѣнію, есть нѣчто общее съ прежними работами — шестидесятыхъ годовъ — Семевскаго (М. И.), который, надо отдать ему справедливость, много сдѣлалъ для освѣщенія одной бытовой стороны нашего прошлаго, собственно начала XVIII вѣка, тогда какъ Есиповъ направилъ свой историческій рефракторъ на другія стороны того же бытового прошлаго: Семевскій касался бытовой стороны тогдашней интеллигенціи; работы же Есипова знакомятъ насъ болѣе съ бытовыми сторонами того, что ближе соприкасалось съ народомъ.

Въ лежащей передъ нами книжкѣ собрана большая часть такихъ именно работъ Есипова. Читая его книгу теперь подрядъ (по частямъ она всѣми интересующимися русскою исторіею была прочитана давно, когда печаталась въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ), перестаешь удивляться, что въ Тихвинѣ доселѣ существуютъ судьи, сжегшіе колдунью Дуньку: эти судьи—прямые наслѣдники по духу и міровоззрѣнію и ученики князь-кесаря Θедора Юрьевича Ромодановскаго и добраго Андрея Ивановича Ушакова.

Каково разнообразіе содержанія книги Люди стараго вѣка, можно судить по слѣдующимъ заголовкамъ: I. Колдовство въ XVII и XVIII столѣтіяхъ: — Чародѣй Симонъ Даниловъ и бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ. — Колдовство на царя Θеодора Алексѣевича и на царя Петра Алексѣевича.—Колдовство боярыни Авдотьи Θедоровны Волынской.—Колдунъ рыбакъ Максимъ Аθанасьевъ. — Колдовство лягушкою. — Корешокъ въ спальнѣ императрицы Елизаветы Петровны. — Волшебство солью въ домѣ царевны Грузинской. — II. Слово и дѣло. — III. Березка и корабликъ. — IV. Кабачекъ Мартышка. — V. Серпуховскіе калачики. — VI. Русская чревовѣщательница XVIII столѣтія.—VII. Самосожигатели.—VIII. Старовѣръ Васильевъ.—IX. Капуцины въ Россіи. — X. Чернецъ Θедосъ. — XI. Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова.—XII. Грекъ Серафимъ.—XIII. Самозванцы—царевичи Петръ и Алексѣй Петровичи.

Книга читается легко. Этому помогаетъ отчасти богатство и интересность самихъ архивныхъ документовъ, положенныхъ въ основу каждой отдѣльной статьи книги, отчасти же и то, что авторъ связалъ архивные клочки изъ дѣла повѣствовательнымъ цементомъ, что очень подкупаетъ читателя, вообще не любящаго ничего скучнаго, какъ бы оно ни было умно и полезно.

Намъ при этомъ невольно вспоминаются заключительныя слова характеристики лорда Пальмерстона, помѣщенной въ Times'ѣ вскорѣ послѣ смерти этого замѣчательнаго государственнаго и общественнаго дѣятеля XIX вѣка. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые „серьезные“ писатели находили характеръ и самую дѣятельность Пальмерстона нѣсколько „легкомысленными“. Поэтому поводу упомянутая нами характеристика говоритъ:

„Невразумительный и тяжеловатый писатель слыветъ глубокомысленнымъ; важничающій и несообщительный государственный человѣкъ пріобрѣтаетъ славу мудреца. Писатель же, уважающій ясность и простоту, считается безсодержательнымъ, и добродушіе государственнаго дѣятеля принимается за признакъ малоспособности. Но мы, послѣдователи религіи, божественный Основатель которой самъ подвергался насмѣшкамъ за видимое легкомысліе — за то, что пилъ и ѣлъ съ неучеными людьми,—мы не откажемъ въ своемъ уваженіи государственному человѣку по той лишь причинѣ, что онъ любилъ общество и всегда готовъ былъ пошутить“.

Повторяемъ — историческаго глубокомыслія нѣтъ въ книгѣ Есипова, но за то она легко читается, а слѣдовательно и легко поучаетъ.

Д. Мордовцевъ.

Дозорныя и переписныя книги древняго города Ростова. М. 1880.

Подъ такимъ заглавіемъ А. А. Титовымъ изданы три документа XVII-го вѣка, представляющіе интересъ для исторіи города Ростова. Первый изъ нихъ: „Книги Ростовскія дозорныя", относится къ 1619 году, т. е. къ тому времени, когда не успѣли еще зажить въ русскомъ народѣ страшныя раны, нанесенныя ему литовскими людьми. Правительство царя Михаила Ѳеодоровича захотѣло дознать, что осталось послѣ литовскаго погрома, кому было сподручно нести тягло и кому не сподручно? И вотъ по городамъ въ силу царскаго указа ѣздятъ „дозорщики". Они изучаютъ не издалека, не въ Москвѣ, а на мѣстѣ, и притомъ изучаютъ тщательно и подробно означенный важный вопросъ. Приглашенные къ составленію „дозорныхъ книгъ" духовныя лица, мѣстные и „стороннія" старосты и присяжные люди, цѣловавшіе крестъ, а равно и крестьяне „изъ лучшихъ", всѣ они описываютъ бѣдствія, постигшія Ростовъ, который, особенно въ періодъ времени съ 1608 до 1612 года, обнищалъ, „охудѣлъ". Состояніе города Ростова въ это смутное время обрисовывается участью, какая постигала „тяглыхъ людей": одни пропадали безъ вѣсти, другіе пропитывались Христовымъ именемъ, иные же убиты или „ссѣчены", причемъ людскіе трупы бросались псамъ на съѣденіе. Упоминаемыя въ томъ же документѣ названія церквей, монастырей, улицъ и урочищъ даютъ возможность возстановить топографію города Ростова того періода. Второй документъ, напечатанный г. Титовымъ, „Книги Ростовскія окладныя новоприписнымъ тяглецамъ", помѣченъ 1652-мъ годомъ. Въ промежутокъ времени, отдѣляющій изданные памятники одинъ отъ другаго, Ростовъ успѣлъ оправиться отъ постигшихъ его бѣдствій и, постепенно улучшая свою промышленность и торговлю, являлся одною изъ крупныхъ „тягловыхъ единицъ царства Московскаго". „Приписные тяглецы", въ числѣ которыхъ, судя по прозвищамъ, были малороссы, усилили приростъ населенія въ Ростовѣ; образовались слободки около города, населеніе которыхъ состояло изъ торговцевъ и ремесленниковъ, а также изъ „работныхъ людей" и „бобылей". Среди этого населенія находились серебренники и иконописцы.

Третій документъ касается „дозора" насчетъ „всякихъ оброчныхъ статей", произведеннаго въ Ростовѣ въ силу „наказной памяти изъ Галичскаго приказа за приписью дьяка Алексѣя Никитина", подъячимъ Кузьмою Журавлевымъ. Онъ „допрашиваетъ", кто какимъ оброчнымъ мѣстомъ владѣетъ и есть ли на то право. Въ Ростовѣ, какъ оказывается, владѣли лавками не только купцы, но и духовенство, подъячіе, крестьяне, пѣвчіе и конюхи ростовскаго митрополита, соборные сторожа, „отставные ямщики" и прочій людъ, подвѣдомственный главной власти воеводской.

Къ изданію г. Титова приложены литографическіе снимки съ двухъ первыхъ страницъ вышеупомянутыхъ рукописей 1619 и 1652 года, а для ознакомленія съ исторической топографіей Ростова служитъ составленный г. Титовымъ планъ этого города, по чертежамъ начала XVIII вѣка.

Ѳ. В.

О раздѣленіи исторіи польской на періоды, проф. Михаила Бобржиньскаго (O Podziale historyi polskiej na okresy). Варшава. 1880.

Исторія Польши представлялась намъ до сихъ поръ не исторіею развитія польскаго народа, а лишь исторіею польскаго шляхетства, его борьбы съ королевскою властью за права и привилегіи; никто изъ польскихъ историковъ не обращалъ достаточнаго вниманія на народъ и его развитіе, такъ какъ до сихъ поръ

еще поляки не могли освободиться отъ своихъ узкошляхетскихъ взглядовъ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ мы можемъ привѣтствовать появленіе въ средѣ польскихъ историковъ проф. Бобржиньскаго, выступившаго недавно съ небольшимъ руководствомъ къ польской исторіи и вышеупомянутою брошюркою, вызванною обрушившимися на автора руководства обвиненіями со стороны людей, которымъ пришлись не по душѣ его антипанскія убѣжденія. Взглядъ автора ясно выражается въ основномъ его положеніи, которое онъ защищаетъ отъ присяжныхъ историковъ польскихъ, Валеріана Калинки въ Краковѣ и Іосифа Шуйскаго въ Варшавѣ; онъ полагаетъ, что „прошедшее или жизнь народовъ состоитъ именно въ суммѣ дѣла, сдѣланнаго ими“; каждое дѣло должно несомнѣнно имѣть свою програму, свою опредѣленную цѣль. Понятно, что съ развитіемъ народа должна мѣняться и та цѣль, которую преслѣдуетъ народъ въ данный моментъ; съ каждою перемѣною цѣли должны мѣняться и самыя средства, употребляемыя народомъ для достиженія слѣдующихъ цѣлей, должны мѣняться и условія народной жизни и всѣ политическія и общественныя отношенія, существующія у даннаго народа. Такимъ образомъ, по мнѣнію проф. Бобржиньскаго, въ исторіи то лишь можетъ назваться „періодомъ“, что обнимаетъ собою именно одинъ изъ такихъ фазисовъ народнаго развитія; вслѣдствіе этого дѣйствительно историческій періодъ исторіи какого-нибудь народа долженъ непремѣнно обладать слѣдующими характеристическими признаками: 1) уясненіемъ новой, до той поры несознанной цѣли народной жизни, 2) соотвѣтствующею той цѣли новою организаціею общественной жизни народа и 3) заявившимся, вслѣдствіе новой цѣли, новымъ нравственнымъ, интеллектуальнымъ и бытовымъ характеромъ жизни народа. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, авторъ дѣлитъ исторію Польши на три періода; первый періодъ есть періодъ первобытнаго государственнаго порядка, патріархальнаго права и совмѣстнаго существованія единаго и нераздѣльнаго польскаго народа, во всѣхъ его подраздѣленіяхъ полноправнаго по отношенію къ власти королевской; въ половинѣ 13 вѣка оканчивается этотъ періодъ и замѣчается стараніе шляхетнаго сословія, на правахъ какъ бы рыцарства, отвоевать себѣ у королевской власти такія права, которыхъ не имѣютъ, да и не могутъ имѣть другія сословія; въ этомъ же періодѣ замѣчается, все яснѣе и яснѣе выражающееся, стремленіе городскаго сословія выйти изъ подъ зависимости шляхетской и признать себя прямыми подданными короля, отъ него одного получающими права и привиллегіи; какъ первый періодъ весь основанъ на чисто патріархальномъ правѣ, такъ второй основывается на привиллегіяхъ и самоуправленіи городовъ, духовенства и сельскихъ обывателей. Третій періодъ, начинающійся съ конца 16 вѣка есть періодъ борьбы королевской власти съ привиллегіями и законами о самоуправленіи, борьбы, которая окончилась тѣмъ, что королевская власть осталась безъ поддержки, погибла сама и погубила Польшу. Благодаря трудамъ г. Бобржиньскаго мы узнаемъ много новаго о соціальной и политической жизни собственно народа польскаго, котораго мы привыкли обыкновенно вовсе не видать на исторической аренѣ, а потому и можемъ лишь сочувственно отнестись къ намѣренію автора, превратить исторію польскаго шляхетства въ исторію польскаго народа.

В. М.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Пушкинъ и Скобельцинъ.

ВСѢ ПИСЬМА А. С. Пушкина къ моему покойному отцу, кн. П. А. Вяземскому, сохранившіеся въ его бумагахъ, были напечатаны П. И. Бартеневымъ въ „Русскомъ Архивѣ". Неизданнымъ оказалось лишь одно письмо. Письмо это было написано Пушкинымъ 8 января 1837 г., за нѣсколько дней до смерти. Какъ ни прискорбно, въ самое время всенароднаго торжества его памяти, припомнить обстоятельства, сопровождавшія его кончину и то стѣсненное и тревожное состояніе, въ которомъ онъ находился вслѣдствіе неустроеннаго его денежнаго положенія, тѣмъ не менѣе, я рѣшаюсь напечатать это письмо въ „Историческомъ Вѣстникѣ", въ полной увѣренности, что никто не увидитъ упрека памяти Пушкина въ обнародованіи документа, свидѣтельствующаго о плохомъ устройствѣ финансоваго положенія нашего геніальнаго поэта. Письмо адресовано на имя Федора Аѳанасьевича Скобельцина и препровождено было послѣднимъ къ моему покойному отцу при запискѣ, также здѣсь печатаемой.

Ф. А. Скобельцинъ, лице мнѣ весьма памятное. Онъ слылъ въ нашемъ семейномъ, дѣтскомъ кружкѣ за тамбовскаго помѣщика, пріѣхавшаго въ Петербургъ нарочно для сближенія съ литературнымъ кружкомъ Пушкина и князя Вяземскаго. Скобельцинъ явился прямо съ заявленіемъ, что восторгъ къ поэтическимъ произведеніямъ обоихъ писателей заставилъ его бросить степь и пріѣхать въ Петербургъ на поклонъ представителямъ русской литературы. Скобельцинъ съ самаго начала знакомства, въ 1834—1835 году, угощалъ своихъ новыхъ друзей плохими обѣдами съ парадной обстановкой. Всего болѣе поражало его новыхъ знакомыхъ, что Скобельцинъ былъ совершенно чуждъ литературнаго міра и вообще не читалъ ничего. Загадочное появленіе Скобельцина въ нашемъ тѣсномъ и интеллигентномъ кружкѣ возбуждало мою отроческую мнительность и я, не смѣя спрашивать объясненій у родителей относительно ихъ гостя, безбоязненно обратился къ А. С. Пушкину съ просьбою разъяснить мнѣ это необычное и загадочное явленіе. Пушкинъ объяснилъ мнѣ, что Скобельцинъ лице историческое, что онъ тотъ самый Скобельцинъ, который приказомъ императора Павла Петровича былъ переведенъ изъ гвардіи „за лице, наводящее уныніе". У Скобельцина на правой, сколько помнится, щекѣ, была мышка, величиной съ куриное яйцо. Для полнаго убѣжденія меня въ исторической важности этой личности помню живо, какъ Пушкинъ пригла-

силъ его подтвердить мнѣ разсказъ о его удаленіи изъ Петербурга. Скобельцинъ весьма охотно говорилъ объ этомъ обстоятельствѣ. Это была единственная тема, которая выводила изъ совершенно безучастнаго положенія этаго шестидесятилѣтняго старика въ нашемъ болтливомъ кружкѣ. Разсказъ этотъ изъ его устъ я слышалъ не разъ и дома, и у покойнаго Кривцова, также тамбовскаго помѣщика, жившаго въ томъ же домѣ Баташева, на набережной у Прачешнаго моста, гдѣ жили мы, и гдѣ, затѣмъ, жилъ А. С. Пушкинъ, до переѣзда въ домъ князя Волконскаго, у Полицейскаго моста. Кривцовъ, другъ моего отца, въ царствованіе Александра Павловича былъ тульскимъ губернаторомъ. Онъ былъ удаленъ за обвиненіе чиновъ губернскаго правленія въ полномъ присутствіи, въ подлогѣ. Кривцовъ пользовался особенной благосклонностію императора Александра I и былъ другомъ Блудова, Дашкова и всего Арзамаса. Онъ переселился въ Петербургъ около 1834 года для исходатайствованія продолженія пожалованной ему императоромъ Александромъ I аренды. Сообщаемыя здѣсь воспоминанія воскресли послѣ почти полувѣкового покоя, при разборкѣ бумагъ покойнаго отца моего. Не могу ручаться, чтобы разновременныя обстоятельства, сообщаемыя мной, не сливались въ обманчивомъ полусвѣтѣ. Скобельцина я помню только въ домѣ Баташева, гдѣ мы жили до 1835 года и куда переѣхалъ А. С. Пушкинъ по отъѣздѣ семейства моего за границу. Затѣмъ Скобельцина я болѣе не помню въ гостинной моихъ родителей, получившей съ 1836 года по возвращеніи изъ заграницы болѣе великосвѣтскій характеръ. Мнѣ весьма памятно тогдашнее впечатлѣніе, что подобная же перемѣна произошла и въ обстановкѣ Пушкина съ переѣзда въ домъ Баташева въ 1835 году, столь сильно повліявшая на его роковую кончину.

Изъ печатаемой записки Скобельцина видно, что онъ въ началѣ 1837 года, голодая, проживалъ еще въ Петербургѣ, въ ожиданіи полученія изъ казны 1,400 рублей. Повидимому, Пушкинъ смотрѣлъ еще и въ 1837 году на Скобельцина, какъ на нѣкотораго рода Мецената. По миновании 45 лѣтъ, послѣ моей встрѣчи съ Скобельцинымъ, вся отроческая мнительность, возбужденная его появленіемъ, воскресаетъ и появленіе его на поклоненіе литературнымъ свѣтиламъ, объясняется для меня зоркостію и смѣтливостію степного помѣщика, расчитавшаго, что въ Петербургѣ только въ средѣ знаменитыхъ литераторовъ онъ найдетъ даровыхъ и усердныхъ ходатаевъ.

Письмо Пушкина къ Скобельцину.

„Не можете-ли вы, любезный Ѳедоръ Аѳонасьевичъ, дать мнѣ въ займы на три мѣсяца, или достать мнѣ три тысячи рублей. Вы бы меня чрезвычайно одолжили и избавили-бы меня отъ рукъ книгопродавцевъ, которые рады меня притѣснить“.

А. Пушкинъ.

Письмо Скобельцина къ князю П. А. Вяземскому.

„При семъ имѣю честь приложить вашему сіятельству письмо, ко мнѣ писанное отъ Пушкина, неудовлетворенное по просьбѣ, за неимѣніемъ столь значительной суммы на тотъ разъ; къ крайнему сожалѣнію моему я нынѣ нуждаюсь въ 50 руб., чтобы дожить двѣ недѣли до вознагражденія 1,400 руб. изъ казны, навѣрное мнѣ слѣдуемыя и обѣщанные. Простите великодушно пустаго старикашку, меня, что беру смѣлость утруждать васъ въ огражденіе отъ голода сею суммою снабдить меня, до времени моего полученія.

„Имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга, Федоръ Афанасьевъ Скобельцинъ.

Сообщено **княземъ П. П. Вяземскимъ.**

Письмо Пушкина къ Гнѣдичу.

Письмо это, помѣченное 27 іюня, безъ означенія года, несомнѣнно относится къ 1822 году, когда Пушкинъ находился въ Кишиневѣ. Вотъ доказательства. „Кавказскій плѣнникъ" о которомъ идетъ рѣчь (какъ о прошедшемъ уже цензуру) конченъ въ началѣ 1821 г., но списка его къ осени того года еще не было въ Петербургѣ. Пушкинъ, 21 сентября 1821 г. въ письмѣ къ Гречу писалъ между прочимъ: „Хотѣлъ было я прислать вамъ отрывокъ изъ моего „Кавказскаго плѣнника", да лѣнь переписывать хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы? длиною 800 стиховъ; разрѣзано на двѣ пѣсни." Ясно, что поэмы въ цѣломъ, ни Гречъ, никто другой, въ Петербургѣ тогда не имѣли. 27 іюня 1823 г. Пушкинъ жилъ уже въ Одессѣ, почему не могъ тогда писать „живу межъ готовъ и сарматовъ," или „у насъ молдованно и тошно;" это только и примѣнимо къ Кишиневу и обстоятельствамъ, въ которыхъ находился здѣсь поэтъ. Начало письма довольно прозрачно намекаетъ на присылку за „Плѣнника" денегъ Гнѣдичемъ, скупо заплатившимъ за право изданія всего лишь 500 руб. „Кавказскій плѣнникъ" очевидно уже печатался, пройдя сквозь цензуру, но поправки (или лучше сказать вставки новыхъ стиховъ) сдѣланы въ изданіи Гнѣдича, вышедшемъ изъ типографіи не ранѣе августа 1822 года. Слова: „я отвѣчалъ Бестужеву и послалъ ему кое что" относятся къ „Сѣверной Звѣздѣ" на 1823-й годъ, вышедшей въ концѣ 1822 года. Далѣе Пушкинъ говоритъ: „съ нетерпѣніемъ ожидаю „Шильонскаго узника." Это произведеніе было написано Жуковскимъ въ Швейцаріи, въ 1821 г. и въ концѣ 1822 г. Пушкинъ уже имѣлъ его, какъ это видно изъ одного его отзыва въ письмѣ къ брату Льву. Послѣднія слова письма „здѣсь у насъ молдованно и тошно; ахъ Боже мой, что то съ нимъ и т. д." относятся, по всѣмъ вѣроятіямъ, или къ брату Пушкина, поступавшему въ это именно время въ военную службу, или къ Кюхельбекеру, такъ какъ Пушкинъ любилъ употреблять по поводу его выраженіе „кюхельбекерно и тошно".

„Письмо ваше такое существительное, которому не нужно было прилагательнаго, чтобъ меня искренно обрадовать. Отъ сердца благодарю васъ за Ваше дружеское попеченіе. Вы избавили меня отъ большихъ хлопотъ, совершенно обезпечивъ судьбу „Кавказскаго плѣнника." Ваши замѣчанія на счетъ его недостатковъ совершенно справедливы и слишкомъ снисходительны; но дѣло сдѣлано. Пожалѣйте обо мнѣ: живу межъ готовъ и сарматовъ; никто не понимаетъ меня, со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха, пишу какъ нибудь, не слыша ни оживительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній.—Но какова наша цензура? признаюсь никакъ не ожидалъ отъ нее такихъ большихъ успѣховъ въ эстетикѣ.—Ея критика приноситъ честь ея вкусу. Принужденъ съ нею согласиться во всемъ. Небесный пламень слишкомъ обыкновенно; долгій поцѣлуй поставлено слишкомъ на выдержку (trop hasardé); его томительную нѣгу, вкусила тутъ она вполнѣ—дурно, очень дурно—и потому осмѣливаюсь замѣнить этотъ киргизъ-кайсацкій стишокъ слѣдующими—какой угодно поцѣлуй разлуки

„Союзъ любви запечатлѣлъ
„Рука съ рукой, унынья полны
„Сошли ко брегу въ тишинѣ—
„И Русской въ шумной глубинѣ
„Уже плыветъ и пѣнитъ волны
„Уже противныхъ скалъ достигъ,
„Уже хватается за нихъ
„Вдругъ и проч.

съ подобострастіемъ предлагаю эти стихи на разсмотрѣніе цензуры—между тѣмъ поздравьте ее отъ моего имени—конечно иные скажутъ, что эстетика не

ея дѣло, что она должна воздавать Кесаревы Кесарю а Гнѣдичевы Гнѣдичу; но мало ли что говорятъ.

„Я отвѣчалъ Бестужеву и послалъ ему кое-что. Нельзя ли опять стравить его съ Катенинымъ? любопытно бы. Гречь разсмѣшилъ меня до слезъ своею сравнительною скромностію. Жуковскому я также писалъ, а онъ и въ усъ не дуетъ. Нельзя ли его разшевелить. Нельзя ли потревожить и Сленина, если онъ купилъ остальные экземпляры „Руслана.“ Съ нетерпѣніемъ ожидаю „Шильонскаго узника;“ это не чета „Пери“ и достойна такова переводчика каковъ пѣвецъ „Громобоя“ и „Старушки.“ Впрочемъ мнѣ досадно, что онъ переводитъ, и переводитъ отрывками—иное дѣло Тассъ, Аріостъ и Гомеръ, иное дѣло пѣсни Маттисона [1]) и уродливыя повѣсти Мура; когда то говорилъ онъ мнѣ о поэмѣ „Родрикъ“ Саувея; [2]) попросите его отъ меня, чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ, не смотря на просьбу одной прелестной дамы.

Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на русскую, думаю, что она будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной. Тогда и нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ гдѣ очутится Ив. Ив. Дмитріевъ съ своими чувствами и мыслями, взятыми изъ Флоріана и Легуве. Такъ то пророчу я не въ своей землѣ—а между тѣмъ не предвижу конца нашей разлуки. Здѣсь у насъ молдованно и тошно; ахъ Боже мой, что то съ нимъ дѣлается—судьба его меня безпокоитъ до крайности—напишите мнѣ объ немъ, если будете отвѣчать. А. Пушкинъ.

27 іюня (годъ не означенъ).

Сообщено **П. Я. Дашковымъ.**

[1]) Жуковскій изъ Маттисона перевелъ посланіе къ Филону, чего никогда не могъ простить ему Пушкинъ, ради уродливой длинноты стиха, размѣромъ подлинника.

[2]) т. е. Southey.

СМѢСЬ.

Памятникъ Пушкину въ Москвѣ.—Въ лицейскомъ кружкѣ товарищей Пушкина по мѣсту воспитанія, давно уже возникла мысль о памятникѣ поэту. Доска съ словами „genio loci", перенесенная изъ царскосельскаго сада въ лицейскій садъ на Петербургскую сторону, подтверждаетъ такое заключеніе. Благодаря рѣшенію принятому на одной изъ лицейскихъ годовщинъ, было испрошено въ 1860 г. дозволеніе открыть подписку по всей имперіи „на сооруженіе памятника Пушкину" и бывшіе же лицеисты довели это дѣло до осуществленія.

Въ 1862 году, въ маѣ мѣсяцѣ, состоялась первая выставка проектовъ (въ рисункѣ) памятника Пушкину. Нашъ талантливѣйшій скульпторъ, профессоръ Н. С. Пименовъ горячо отозвался на предложеніе. Онъ увѣковѣчилъ лепною моделью монумента память поэта, почтившаго его конкурсную статую „Бабочникъ" превосходнымъ четверостишіемъ.

Вѣсть объ осуществленіи монумента Пушкину сильно заняла, какъ видно, воображеніе Пименова. Онъ хотѣлъ въ своемъ проектѣ выразить, какъ онъ самъ разсказывалъ,—предвѣденіе поэта „какъ генія себя сознающаго", и подтвержденіе признательными потомками предрѣченія его о себѣ созданіемъ монумента. Въ своей модели памятника, Пименовъ поставилъ поэта на высокой скалѣ, въ обычной его позѣ, сохраненной портретистомъ Кипренскимъ на самомъ схожемъ портретѣ. Около изображенія поэта, но ниже его, паритъ геній, держащій въ правой рукѣ хартію съ текстомъ оды „Памятникъ", а въ лѣвой—лиру. Съ противоположной стороны, на вершинѣ же скалы, поставлена доска съ перечнемъ разныхъ видовъ поэтическаго творчества Пушкина. Доска эта украшена гирляндою изъ листьевъ лавра. При основаніи скалы нагромождены камни и, стоя на нихъ, русскій человѣкъ (съ чертами самого скульптора-композитора) вырубаетъ изъ камня надпись „Пушкину—Россія".

Съ трехъ сторонъ изъ скалы льются потоки воды. Съ боковъ надъ ними, на доскахъ, обозначены даты: рожденія и смерти поэта и—сооруженія памятника. Пименовъ не хотѣлъ помѣстить на памятникѣ никакихъ барельефовъ, говоря: „не сосчитать образовъ и идей, высказанныхъ Пушкинымъ".

Всю стоимость исполненія сооруженія, по своему проэкту и выполненной модели (пріобрѣтенной Академіей Художествъ), Пименовъ опредѣлялъ въ 85,000 рублей.

Подписка дала съ послѣдними взносами и приращеніями нынѣ даже больше этой суммы, а идея Пименова въ главныхъ чертахъ удержана въ осуществлен-

номъ теперь монументѣ поэту. Однако; въ то время, проэктъ Пименова не былъ принятъ за неожиданіемъ сбора до 80,000 руб. По высочайшему повелѣнію 27 февраля 1871 г. образованъ комитетъ для сооруженія памятника Пушкину. Согласно высочайшей волѣ, выраженной 21 марта 1871 г. памятникъ назначено поставить въ Москвѣ. Комитетомъ объявленъ, трижды повторявшійся, конкурсъ съ назначеніемъ преміи за лучшіе проэкты въ моделяхъ. Первый конкурсъ, состоявшійся въ 1873 году, уже послѣ смерти Пименова, привелъ не только судей, но и публику къ грустной недовѣрчивости въ русскія художественныя силы, оказавшіяся какъ бы недостаточными для созданія оригинальнаго монумента въ память Пушкина. Такой приговоръ былъ далеко не справедливъ.

Представленные на первый конкурсъ 15 проэктовъ памятника показали, что у составителей ихъ, прежде всего, отсутствовало ясное сознаніе того, что нужно для памятника Пушкина. У одного вышелъ декламирующій Пушкинъ, передъ которымъ замолкли сидящіе по угламъ пѣсенникъ, гусляръ, монахъ и актеръ. У другого Пушкинъ поставленъ на столпѣ, завернутый въ широкій плащъ, въ родѣ римскаго сенатора, безжизненный и безформный, а внизу русская дѣвушка пишетъ на базисѣ надпись и русскій парень готовится прикрѣпить вокругъ надписи вѣнокъ.

Были попытки воплотить поэта въ типѣ „Онѣгина". Были стремленія создать тоже портретную фигуру подлиннаго Пушкина; вокругъ него садили и ставили на пьедесталы музъ съ трубами, и геніевъ съ хартіями. Одинъ художникъ изобразилъ поэта даже въ позѣ дюжиннаго актера, прижимающаго къ груди поднесенный ему почитателями лавровый вѣнокъ.

Эта разноголосица представленій потребовала повторенія конкурса и черезъ годъ, на новой выставкѣ моделей, выдѣлились портретныя статуи поэта, трудовъ гг. Забѣлло и Опекушина. Забѣлло представилъ Пушкина стоящимъ на скалѣ, надъ моремъ. Поза была, правда, мало граціозна, но въ цѣломъ фигура производила впечатлѣніе. Фигуры поэта на архитектоническихъ пьедесталахъ работы Опекушина были лучше прочихъ. Но комитетъ, завѣдовавшій сборомъ пожертвованій на памятникъ Пушкину, желая лучше прислушаться къ голосу публики, счелъ нужнымъ назначить еще въ третій разъ выставку моделей памятника Пушкину.

Эта третья выставка состоялась въ мартѣ 1875 г. На ней собственно происходило состязаніе трехъ соперниковъ: Антокольскаго съ Забѣлло и Опекушинымъ, изъ которыхъ преимущество было отдано г. Опекушину.

Комитетъ по устройству памятника Пушкину предложилъ Опекушину еще лучше обработать статую и въ 1878 году заключилъ условіе съ художникомъ, который обязался за 20,000 рублей выполнить, съ одобренной модели, фигуру Пушкина изъ глины въ шесть аршинъ вышины. Къ апрѣлю 1879 года фигура была готова и мастерская художника открыта для публики.

Въ статуѣ Опекушина Пушкинъ стоитъ прямо, выдвинувъ нѣсколько впередъ лѣвую ногу. Правая рука заложена за жилетъ; на плечи, сверхъ сюртука, накинутъ широкій плащъ; въ лѣвой рукѣ поэтъ держитъ за спиною шляпу; голова съ густыми кудрями немного наклонена. Выраженіе лица поэта носитъ отпечатокъ грустной мечтательности, не ослабляющей ни силы выраженія глазъ, ни пріятности устъ, хотя и указывающихъ на африканское происхожденіе предка поэта. Сходство съ вѣрнымъ портретомъ Пушкина и маской, снятой съ лица въ день его кончины, вышло поразительное.

Съ модели А. М. Опекушина, на заводѣ бывшемъ Кохуна произведена удачно отливка изъ бронзы статуи и всѣхъ украшеній пьедестала подъ фигуру, по проэкту архитектора И. С. Богомолова. Пьедесталъ выполненъ изъ сердобольскаго гранита темносѣраго и темнокраснаго цвѣтовъ, чрезвычайно хорошо гармонирующихъ съ металломъ. Вокругъ памятника сдѣланъ изъ краснаго гранита тротуаръ съ четырьмя ступенями къ нему и мѣстами для сидѣ-

нія на скошенныхъ углахъ. Темносѣрый гранитъ употребленъ на базу и постаментъ.

Пьедесталъ подъ статую четырехъ-гранный съ выемкою угловъ; по выгнутымъ фаскамъ въ углахъ спускаются вертикально гирлянды; на выступѣ базы спереди положенъ перевитый лентою вѣнокъ и въ немъ перо. Спереди, на постаментѣ только одно слово „Пушкину". По линіи тротуара, вокругъ основанія памятника, по длинѣ 21 погонной сажени, поставлено 18 тумбъ; на каждой изъ нихъ лавровый вѣнокъ, а между ними общая вязь изъ листьевъ лавра— все изъ бронзы. По угламъ 4 чугунные канделябра, каждый въ четыре фонаря. Канделябры высотою 7³/₄ арш.

Пьедесталъ возвышается отъ мостовой на 8 аршинъ. Верхняя часть его изъ темносѣраго гранита, собрана изъ трехъ кусковъ. Кромѣ главнаго фаса (спереди), гдѣ красуется надпись „Пушкину", по бокамъ и сзади тоже сдѣланы надписи, вырубленныя изъ монолита, рельефомъ.

Справа: „И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ."
Слѣва: „Слухъ пройдетъ обо мнѣ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ."
Сзади: „Сооруженъ 1880 года."

Общая стоимость монумента, на сколько это извѣстно въ настоящее время, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

1) Скульптору Опекушину	22,000 р.
2) Заводу покойнаго Кохуна за литье . .	15,745 р.
3) Подрядчику Баринову за пьедесталъ, по условію	37,000 р.
4) Архитектору Богомолову	5,500 р.
5) Дополнительныя работы по фундаменту и пр.	3,400 р. съ лишк.
	83,645 р. ¹)

Въ 6-ти аршинной бронзовой статуѣ поэта—300 пудовъ металла; въ украшеніяхъ—73 пуда, 27 фунтовъ. Каждая сторона плинта подъ статуею 1 арш. 12 вершковъ. Внизу ребро постамента — 3 аршина 9 вершковъ, а площадь занятая памятникомъ—16 квадратныхъ аршинъ.

Митрополитъ Исидоръ въ его литературныхъ интересахъ ²). Намъ довелось видѣть одинъ изъ пятидесяти экземпляровъ „Списка рукописей, пожертвованныхъ его высокопреосв. митрополитомъ Исидоромъ въ библіотеку с.-петербургской духовной академіи". Объ этомъ митрополичьемъ дарѣ было говорено газетами въ концѣ прошлаго года,—при чемъ было объяснено, что рукописи эти не могутъ быть предметомъ изслѣдованія и критики по жизнь ихъ жертвователя. Но и самое содержаніе рукописей, даже по заглавіямъ, оставалось до сихъ поръ неизвѣстнымъ, хотя это съ одной стороны очень интересно, а съ другой ни мало не нарушаетъ условій жертвователя, ибо не можетъ быть почитаемо за разработку. Поэтому, встрѣтивъ рѣдкій списокъ (отлитографированный только въ числѣ 50 экземпляровъ), мы не захотѣли разстаться съ нимъ, не сдѣлавъ изъ него небольшихъ выписокъ, которыя, какъ намъ кажется, должны заинтересовать любителей русской давней и недавней старины. Должны онѣ

¹) Безъ премій выданныхъ Опекушину и другихъ затратъ, которыя дѣлались въ разное время. Полный отчетъ о стоимости памятника будетъ напечатанъ и сдѣлается достояніемъ публики.

²) Настоящая замѣтка сообщена намъ Н. С. Лѣсковымъ, которому приносимъ искреннюю благодарность за его постоянное вниманіе къ „Историческому Вѣстнику».

быть любопытны также и для такихъ людей, которымъ не безъинтересно само лицо дарителя.

Вотъ изъ чего, судя по списку, состоитъ, между прочимъ, даръ митрополита Исидора петербургской духовной академіи:

Уроки профессора академіи архим. Иннокентія (архіеп. херсонскаго) по общему богословію — 293 л.

Его же, уроки по догматич. богословію — 188 л.

Его же, уроки по практич. богословію — 327 л.

Его же, ученіе о таинствахъ церкви — 139 л. (Это, конечно, тѣ знаменитыя лекціи, которыми когда-то хвалились слушатели Иннокентія. Ихъ ждали видѣть въ собраніи сочиненій этого автора, но этому что-то помѣшало).

Сорокъ шесть писемъ кн. Голицина къ архим. Фотію и 12 писемъ къ графинѣ А. А. Орловой-Чесменской. (Матеріалъ никогда не ослабѣвающаго интереса).

Донесеніе Нила, архіеп. ярославскаго, въ св. сунодъ о чудесномъ поднятіи крышки у раки преп. Сильвестра Обнорскаго, съ просьбою совѣта по этому случаю и разрѣшенія крестнаго хода и канонизаціи службы святому. (Вдвойнѣ интересный матеріалъ, какъ по самому чудесному происшествію съ поднимающеюся крышкою, такъ и по отношенію къ этому дѣлу знаменитаго въ своемъ родѣ архіепископа Нила,—автора изслѣдованія „о буддизмѣ").

Краткое изложеніе хранящихся въ Бѣлогородскомъ монастырѣ подлинныхъ записокъ о чудотвореніяхъ Іоасафа. (По народной молвѣ усопшій Іоасафъ есть тотъ очередной святой, мощи котораго должны быть открыты первыми послѣ мощей преп. Тихона Задонскаго. Отсюда понятно, какой интересъ для церкви должно сосредоточивать въ себѣ это „изложеніе").

Донесеніе Христофора, высокопреосв. вологодскаго, о необыкновенномъ приключеніи съ крестьянкою-дѣвицею Агафьею,—летаргическомъ снѣ, принятомъ за чудо.

Отвѣтное письмо прот. Іосифа Васильева на вопросы, предложенные ему графомъ Павломъ Дмитріевичемъ N, по поводу присоединенія аббата Гетте. (Снова интереснѣйшее обстоятельство, въ оцѣнкѣ котораго до сихъ поръ нѣтъ чего-то самаго важнаго).

Разсказъ дѣдушки Алексѣя Васильевича Первого, почти современника св. Тихона, о нѣкоторыхъ частныхъ фактахъ изъ жизни св. Тихона.

Оправдательное письмо М. П. Погодина къ министру народнаго просвѣщенія по поводу признанія его статьи во 2 № газеты „Парусъ" неблагонамѣренною и прекращенія изданія.

Свѣдѣнія объ убійствахъ евреями христіанъ для добыванія крови.

Мнѣніе предсѣдателя цензурнаго управленія о распространеніи у насъ брошюры о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи (1830 года).

Списокъ сочиненіямъ богословскаго и отчасти политическаго содержанія, привезеннымъ изъ Варшавы въ 1833 и 1834 годахъ.

Приказъ новороссійскаго генералъ-губернатора жителямъ, называемымъ духоборцами, о возвращеніи въ лоно православной церкви или о переселеніи въ другія мѣста жительства.

Судебный допросъ нѣкоторыхъ изъ сектантовъ „Общей" секты (изъ молоканъ).

О сектаторѣ Лукьянѣ Петровѣ — писано собственноручно митрополитомъ Исидоромъ.

Донесеніе подполковника Граббе о новопоявившейся сектѣ, отвергающей храмы, посты, праздники, таинства, и не признающей власти. (Это особенно интересно въ томъ отношеніи, что по мнѣнію людей знающихъ толкъ въ русскихъ ересяхъ и расколахъ, у насъ нѣтъ ни одной секты, которая бы „не признавала властей", что впрочемъ и невозможно для христіанина какого-бы то ни было толка).

Мысли о народѣ, называемомъ ингилайцами, которыхъ предки были христіане.

Свѣдѣнія о евангеліяхъ, записанныя (митрополитомъ Исидоромъ) послѣ разговора съ сыномъ владѣтельнаго князя Сванетіи Мих. Дидишкимани.

Высшая администрація русской церкви, сочиненіе архіепископа Агаѳангела о незаконности и ошибочности принциповъ, положенныхъ въ основаніе церковно-административныхъ учрежденій. (Это тотъ самый архіепископъ, который одинъ рѣшился открыто противудѣйствовать церковно-судебной реформѣ, какъ ее проводилъ оберъ-прокуроръ гр. Д. А. Толстой).

О вліяніи свѣтской власти на дѣла церковныя.

Продолженіе сочиненія архіеп. Агаѳангела: въ чемъ должно состоять высшее управленіе отечественной церкви. (Эти труды пр. Агаѳангела непремѣнно должны быть подвергнуты обстоятельной критикѣ, такъ какъ авторъ ихъ, при отличавшей его односторонности, былъ однако знатокъ этого еще не успокоившагося вопроса, и—что не часто случается съ духовными писателями нашего времени,—онъ, будучи архіереемъ, въ послѣдніе годы своей жизни говорилъ прямо и откровенно, не преклоняясь ни семо ни овамо).

Записка оберъ-прокурора синода графа А. П. Толстаго о подчиненіи церкви контролю въ хозяйственномъ отношеніи. Писано собственноручно митрополитомъ Исидоромъ.

Разсмотрѣніе записки подъ заглавіемъ „Вдовство священниковъ". (Самый больной вопросъ вдовствующихъ клириковъ).

Отношеніе оберъ-прокурора графа Д. А. Толстаго къ митрополиту Исидору о назначеніи послѣдняго членомъ коммисіи по вопросу о порядкѣ разрѣшенія жалобъ на рѣшенія св. синода, по дѣламъ, подлежащимъ его вѣденію. (Жалобы на синодъ, единолично приносимыя митрополиту, состоящему членомъ того же самаго синода!.. Невозможно уразумѣть: какой это должно обозначать порядокъ?).

Записка „по вопросу возраженій (!) на предположенное учрежденіе въ Петербургѣ православнаго братства".

Выписка изъ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ о неудобствѣ вышеуказаннаго братства.

Выписка изъ отношенія главнаго начальника III отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи о неудобствѣ того же братства. (Всѣ эти три документа получаютъ особенный интересъ въ виду нынѣшняго протестантскаго настроенія общества, при которомъ союзы православныхъ уже дозволяются, но быть можетъ уже нѣсколько поздно).

Письмо нантскаго епископа Жаконэ къ прот. Іос. Васильеву по вопросу о зависимости русской церкви отъ императора.

О тождествѣ бѣжавшаго въ Нью-Іоркъ іеродіакона Агапія съ авторомъ (какого-то) письма. Подробныя свѣдѣнія объ іеромонахѣ Агапіи.

Секретное донесеніе пермскому архіерею рядоваго С. Кулышева о заказѣ ему типографскаго станка для печатанія противуправительственныхъ сочиненій и о снабженіи его неизвѣстными ему лицами сочиненіями такого же характера: „Что нужно народу", „О сокращеніи расходовъ царскаго величества" и т. п. (Это дѣло, интересное само по себѣ, не менѣе интересно въ томъ отношеніи: почему солдатъ, которому сдѣлали упомянутый заказъ, обратился съ своимъ доносомъ не къ гражданскимъ властямъ и не къ жандармскому офицеру, а къ мѣстному епископу? Все это возбуждаетъ интересъ къ личному составу властей, которые тогда правили въ Перми).

„Объясненіе съ публикой". Программа дѣйствій революціоннаго кружка.

О вліяніи свѣтской власти на дѣла церковныя.

„Тайна", или секретная апологія архимандрита Фотія императору Александру 1-му (рукопись на 158 л.).

Письма протоіерея М. Ѳ. Раевскаго (изъ Вѣны) къ митрополиту Исидору

по поводу замѣченнаго сближенія сербскихъ и болгарскихъ воспитанниковъ въ Кіевѣ съ поляками и о вредныхъ слѣдствіяхъ этого сближенія. (М. Ѳ. Раевскій, нашъ вѣнскій священникъ, которому приписываютъ много политическихъ дѣлъ между славянскою молодежью,—лицо, небезъинтересное на краткій часъ для историка, а еще болѣе для сатирика. Былъ прославляемъ за тонкость, что составляетъ самую выступающую черту его священства).

Славянофилы на Востокѣ.

Письмо архимандрита Леонида о духовномъ состояніи русскихъ богомольцевъ въ Іерусалимѣ.

Письмо съ препровожденіемъ жесткой статьи одной греческой газеты противъ вселенскаго патріарха.

Донесеніе подробное о болгарскомъ вопросѣ.

Письмо посланника французскаго по поводу брака его слуги.

Письмо Тишендорфа съ препровожденіемъ его труда VII edition de Nouveau Testament.

Письмо е. в. императора русскаго къ султану турецкому о венгерскихъ мятежникахъ, бѣжавшихъ въ Турцію.

Рѣчь государя Николая Павловича къ епископамъ польскимъ и русскимъ, приглашеннымъ изъ Польши въ Петербургъ. Писано собственноручно митрополитомъ Исидоромъ.

Изложеніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, обнаруживающихъ невыгодное отношеніе закубанцевъ къ русскому правительству. Писано собственноручно митрополитомъ Исидоромъ.

Послѣдствія неблагоразумнаго управленія генерала Пулло и особенно генерала Засса—возстаніе чеченцевъ, черкесовъ, бѣгство многихъ въ горы, даже такихъ, которые болѣе 50 лѣтъ были вѣрны русскому правительству. Писано высокопреосвященнымъ Исидоромъ.

Стихотвореніе Кукольника въ виду крымской войны.

Письмо генерала Муравьева къ генералу Ермолову изъ крѣпости Грозной о положеніи края и мысли о началахъ управленія.

О чрезмѣрной жадности греческаго духовенства и симоніи (1860 г.).

Замѣтка, содержащая недовольство кавказцевъ, особенно войска, на письмо Муравьева къ Ермолову. Писано высокопреосвященнымъ Исидоромъ.

Особенно замѣчательные случаи дѣйствія благодати божіей чрезъ митрополита московскаго Филарета, бывшіе при его жизни. (Извѣстно, что на надгробіи митрополита Филарета Дроздова выставлено „св.“ или „свят.“ — это въ сокращеніи должно выражать святитель, но какъ народъ мало употребляетъ слово „святитель“, и оно ему не приходитъ въ голову, то большинствомъ это неудачное сокращеніе признается за сокращеніе слова „святой“. Для другихъ же, каковы напримѣръ спириты, почти повсемѣстно чествующіе м. Фил. Дроздова,—неловкость въ сокращеніи здѣсь признается за „знакъ воли Божіей“, которая такимъ проявленіемъ предупредила замедляющую канонизацію покойнаго. По народнымъ толкованіямъ, которыя такъ не такъ, надо считать мнѣніями, прежде Филарета могутъ быть открыты мощи только одного Іоасафа бѣлогородскаго, а почивающій въ Кіево-Печерской Лаврѣ Павелъ, епископъ тобольскій (Конюшкевичъ), долженъ стать на дальнѣйшую очередь. Впрочемъ сильное распространеніе въ послѣдніе годы св. писанія, обратившее вниманіе людей прямо ко Христу,—о которомъ они до сихъ поръ были только наслышаны,—значительно измѣнило религіозное настроеніе русскихъ умовъ и въ спорахъ о канонизаціи новыхъ святыхъ замѣчается гораздо менѣе страстности. Мысль о Христѣ начинаетъ преобладать).

Много писемъ митрополита Филарета Дроздова, изъ коихъ нѣкоторыя писаны по общеинтереснымъ вопросамъ, а два приводятъ въ нѣкоторое недоумѣніе. Это во 1-хъ не письмо, а „списокъ съ отношенія къ московскому генералъ-губернатору по поводу слуха, что въ церквахъ Москвы читается особая

молитва объ избавленіи отъ того положенія, въ которомъ она находится". А второе письмо „о незаконномъ, причиняющемъ соблазнъ дѣйствованіи духовнаго цензора въ Петербургѣ". (Все это, вѣроятно, относится къ тому времени послѣ закрытія библейскаго общества, когда прозорливымъ умамъ казалось кстати поприсмотрѣть за митрополитомъ Филаретомъ,—какъ бы онъ, при окружавшемъ его народномъ уваженіи, не воспользовался этимъ и не „воздвигъ чего-нибудь черезъ церковь". Это чрезвычайно интересно уже потому, что мысль о возможности такого поступка долго не оставляла многихъ людей самаго перваго сорта).

Легко́ можетъ быть, что не лишены общаго историческаго интереса и другіе номера этого митрополичьяго дара, которые мы здѣсь не поименовали, единственно потому, что заглавія ихъ показались намъ менѣе интересными. Но кромѣ цѣнности, какую имѣетъ весь этотъ даръ самъ въ себѣ, онъ очень дорогъ и для характеристики самого дарителя. Жизнь нашихъ владыкъ течетъ такъ „прикровенно", что едва о нѣкоторыхъ изъ нихъ можно узнать и сберечь для исторіи что-нибудь образное и живое. Въ древности ихъ жизнеописанія были похожи болѣе на житія, а позже стали походить на послужные списки, изъ которыхъ ничего или почти ничего не извлечешь для исторіи. Не больше того оказывалось и въ самыхъ позднихъ некрологахъ, гдѣ уже стали что-то намѣчать. Былъ больше суровъ или меньше суровъ владыко, постился ли онъ и молился больше или меньше,—и въ этомъ почти все. Исключенія очень рѣдки, но и эти исключенія не обильны фактами. Біографіи даже такихъ людей, какъ Платонъ Левшинъ, Евгеній Болховитиновъ и Иннокентій Борисовъ, скудны: нѣтъ въ нихъ именно тѣхъ мелочей жизни, въ которыхъ человѣкъ наиболѣе познается какъ человѣкъ не-формулярный. Правильно и основательно говоря, надо сознаться, что русскіе своихъ архіереевъ совсѣмъ не знаютъ: въ городѣ съ владыкой знакомы нѣкоторыя власти, среди коихъ не всегда находятся люди самые теплые къ вѣрѣ, да духовенство, у котораго отношеніе къ архіерею особое. Народъ же совсѣмъ архіерея не знаетъ и имъ не интересуется, потому что ему давно стало „все равно" въ церкви, и онъ выразилъ это въ присловіи: „намъ что ни попъ тотъ и батька", дескать все равно. Между тѣмъ между нашими архіереями есть люди замѣчательнаго ума и иногда удивительнаго сердца. (Припомнимъ архіепископа Д. и состоящаго не у дѣлъ епископа Ѳ). Знать о такихъ и имъ подобныхъ людяхъ возбудительнѣе чѣмъ читать иныя старыя сказанія, реторическая ложь которыхъ давно обличена и не перестаетъ обличать себя во всякомъ словѣ. Чтобы насъ не укорили въ легкомысліи и „подрываніи основъ", скажемъ, что не наша эта мысль, или если и наша, то не исключительно наша: мы встрѣчаемъ ее у Эбрарда (Апологетика, переводъ протоіерея Заркевича 1880 г. ст. 598). „Если предложить вопросъ о томъ, что служитъ доказательствомъ (христіанства), то это доказательство можно заимствовать собственно не изъ исторіи христіанскихъ обществъ, а исключительно только изъ жизнеописаній частныхъ лицъ въ христіанствѣ, въ которыхъ евангеліе проявило себя какъ силу Божію". Гдѣ же кажется и искать бы этой силы, какъ не между тѣми, которые первенствуютъ въ церкви? И вотъ тутъ-то какъ нарочно и приложена превосходно кѣмъ-то подмѣченная манера „минервирозанія" святителей, т. е. манера представлять ихъ полными всѣхъ добродѣтелей „отъ сосцу матерне". Результатъ этого передъ нами на лицо и при томъ въ новой фазѣ: послѣ прошедшаго повальнаго нигилизма, въ литературѣ стали обнаруживаться мнѣнія, которыя отстаиваютъ statu quo въ этихъ вопросахъ, и интересъ церкви снова пожертвованъ интересу поповъ. Литературный даръ высокопреосвященнаго Исидора до извѣстной степени иллюстрируетъ особу нашего петербургскаго митрополита, котораго вообще считаютъ человѣкомъ опытнымъ въ жизни и благожелательнымъ. Разсматривая этотъ списокъ, мы проникаемъ такъ сказать въ нѣкую сокровенную сѣнь и узнаемъ: что́ наиболѣе интересовало и за-

нимало высокопреосвященнаго Исидора. Объ немъ всегда говорили, что онъ неутомимый читатель. Значительное количество времени митрополита беретъ ежедневное чтеніе газетъ, въ которыхъ онъ слѣдитъ за обсужденіемъ разныхъ вопросовъ и между прочимъ церковнаго. Было извѣстно, что онъ не остается равнодушнымъ къ заявленіямъ печати и на столько терпимъ къ мнѣніямъ, что очень въ рѣдкихъ случаяхъ жалуется на печать. Сколько извѣстно въ литературномъ кружкѣ, такой, едва ли не первый и не послѣдній случай, былъ не такъ давно по поводу диссертаціи одного молодаго университетскаго профессора, разбиравшаго легенду о св. Георгіи. Диссертація была изъ наилучшихъ и составляетъ дорогой и самостоятельный вкладъ въ нашу литературу, но, разумѣется, взглядъ ученаго, основанный на неопровержимыхъ фактахъ, и взглядъ лица, желающаго во что бы ни стало защитить преданія, хотя и освященныя временемъ, но совершенно разсыпавшіяся подъ методическою силою настоящей, научной критики, сойтись не могли, и митрополитъ попротестовалъ, но безвредно и, кажется, совсѣмъ безпослѣдственно. Замѣчательное изслѣдованіе молодаго ученаго о легендѣ св. Георгія напечатано въ министерскомъ журналѣ, въ наукѣ неудовольствіе митрополита прошло совсѣмъ незамѣченнымъ. Но во многихъ случаяхъ, когда дѣло справедливо, митрополитъ не пренебрегаетъ его поправить, при томъ всегда безъ шума и непремѣнно безъ рѣзкостей, которыхъ не одобряетъ его благожелательное настроеніе. Но изъ того, что высокопреосвященный Исидоръ имѣлъ охоту и удивительное терпѣніе собственноручно списать, можно заключить, что его вниманіе особенно часто было привлекаемо дѣлами политики, прямого касательства къ которой онъ по сану святителя не имѣлъ и, стало быть, занимался ею прямо con amore. Нѣкоторые списки, сдѣланные его рукою, заставляютъ еще болѣе удивляться трудолюбію его высокопреосвященства потому, что ихъ оригиналы сохранены намъ печатью. Таковы наприм. значущіеся подъ № 232 „Выписка изъ газеты Kurier Wileński о собраніи раввиновъ во Франкфуртѣ на Майнѣ". № 233 „Замѣтка о числѣ и составѣ европейскаго народонаселенія въ Алжирѣ, изъ Morning Chronicle". „О числѣ жителей по всей землѣ по вѣрамъ, изъ газеты „Золотое Руно". Аббата Лакордера, объ увеличивающемся въ Парижѣ числѣ самоубійствъ, найденышей и умалишенныхъ, изъ газеты „Correspondant". „Россія и Западъ" изъ газеты „Indep. Belge". Есть даже списки статей русскихъ газетъ, напр. статьи „Московскихъ Вѣдомостей" изъ 11 № 1855 года. Владыку, какъ надо судить по выпискамъ, занимали также и другіе вопросы: его занимали труды Пестолоцци, Нимейера, Ковѳрау и Дистервега, а также пресловутый въ свое время Шедо-Феротти, „неправильныя дѣйствія австрійскаго главнокомандующаго Гайнау" и „удивительныя дѣйствія зеренъ бѣлой горчицы, изъ сочиненій англійскаго врача Кона и писемъ разныхъ лицъ", а потомъ вопросъ Кобдена: „Что-же далѣе?" Словомъ, необыкновенная пестрота, въ которой своя доля вниманія дана вопросамъ самымъ разностороннимъ...

Говоря объ этомъ спискѣ, который хотя отчасти открываетъ передъ нами внутренній міръ перваго духовнаго сановника русской церкви, мы должны упомянуть и о томъ, что въ большинствѣ случаевъ архіерейскія бумаги обыкновенно тотчасъ послѣ кончины ихъ владѣльца „обезпечиваются", и рука изслѣдователя до нихъ добирается очень нескоро, а до иныхъ даже и вовсе не добирается. А потому если бумаги, подаренныя митрополитомъ Исидоромъ академіи, составляютъ (какъ надо думать), только часть его архива, то и тогда слѣдуетъ быть ему благодарнымъ, что онъ самъ, по собственному почину, устроилъ такъ, чтобы онѣ стали доступны исторіи и критикѣ безъ напрасной траты многаго времени. Но пока что (дай Богъ еще многихъ лѣтъ жизни митрополиту Исидору), одно поверхностное знакомство съ его литературнымъ даромъ, конечно, многихъ должно удивить: сколько нашъ, нынѣ уже вѣтхій и достопочтенный старецъ, хранилъ въ себѣ постоянно живой способ-

ности интересоваться предметами, которые интересуютъ не всякаго изъ лицъ его положенія. Это во всякомъ случаѣ значитъ жить со своимъ вѣкомъ.

Такимъ образомъ, при этихъ слабыхъ данныхъ, мы все таки находимъ нѣкоторую возможность дать самому отдаленному читателю „Историческаго Вѣстника" нѣкоторое свободное очертаніе лица, имѣющаго несомнѣнно историческое значеніе, потому что митр. Исидоръ давно стоитъ во главѣ управленія нашей церкви, и притомъ въ ту пору, когда она и лиходѣямъ, и доброжелателямъ,—всѣмъ стала представляться въ состояніи самаго сильнаго разложенія.

Вѣсти о Н. М. Пржевальскомъ. Мы недавно еще тревожились о судьбѣ нашего смѣлаго и почтеннаго путешественника, который по нѣкоторымъ частнымъ извѣстіямъ, доставленнымъ въ западноевропейскія газеты, подвергся въ Тибетѣ плѣну, а быть можетъ и смерти. Теперь мы можемъ подѣлиться съ нашими читателями радостною вѣстью о томъ, что Пржевальскій и его спутники живы и здоровы. Послѣднее извѣстіе о немъ, помѣченное 8 марта, пришло черезъ Пекинъ изъ Синьнина. Какъ и слѣдовало ожидать, уже въ 350 верстахъ отъ Хлассы на него напали разбойники изъ тангутовъ, но благодаря берданкамъ наши смѣльчаки скоро успѣли обратить враговъ въ бѣгство; въ 250 верстахъ отъ Хлассы, завѣтной мечты Пржевальскаго, каравану пресѣкъ дорогу отрядъ тибетскаго войска. Оказалось, что власти и народъ въ Тибетѣ рѣшили ни подъ какимъ видомъ не пускать далѣе экспедицію, такъ какъ народъ убѣжденъ, что Пржевальскій ѣдетъ въ Хлассу съ цѣлію выкрасть Далай-Ламу и отвезти его въ Россію. Ни просьбы, ни угрозы не помогли и экспедиція была отведена подъ прикрытіемъ вооруженнаго отряда въ городъ Синь-нинъ, откуда Пржевальскій думалъ отправиться на верховья Желтой Рѣки, а затѣмъ возвратиться въ Россію.

Тверской музей. Въ 1866 г. въ г. Твери, въ зданіи мужской гимназіи, стараніями князя П. Р. Багратіона, бывшаго въ то время начальникомъ Тверской губерніи, при содѣйствіи Н. И. Рубцова, былъ открытъ публичный музей для храненія въ немъ образцовъ мѣстной земледѣльческой, фабричной и ремесленной производительности, образцовъ естественныхъ произведеній, а также предметовъ, относящихся до этнографіи и археологіи Тверской губерніи. Съ 1872 года при этомъ музеѣ образовался археологическій отдѣлъ, который съ того времени пополнился замѣчательными предметами по всѣмъ отраслямъ археологіи. Въ настоящее время въ немъ обращаютъ на себя вниманіе рѣдкіе предметы каменнаго вѣка и курганнаго періода; камни съ древними надписями и и изображеніями; надгробные памятники съ трехконечными крестами; каменный крестъ XII вѣка, поставленный въ 1133 г. на берегу рѣки Волги, въ верховьяхъ ея, близъ озера Стержа, новгородскимъ посадникомъ Иванко Павловичемъ, съ надписью: „6641 г. Іюля 14 день почахъ рыти рѣку сю азъ Иванко Павловичъ и крестъ съ поставихъ." Въ отдѣлѣ церковныхъ памятниковъ обращаютъ на себя вниманіе коллекція крестовъ-тѣльниковъ, начиная съ IX вѣка, древнія иконы, рукописныя евангелія, облаченія, паникадила, подсвѣчники и проч. Обращаютъ на себя вниманіе хорошій портретъ великой государыни инокини Мареы Ивановны, матери царя Михаила Θеодоровича; замѣчательный юмшанъ (кольчуга), найденный въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, съ арабскими надписями XIII вѣка; печать Новоторжскаго намѣстника XII вѣка; собраніе серегъ. Есть также рѣдкіе экземпляры тверскихъ монетъ. Къ числу рѣдкихъ предметовъ могутъ быть отнесены большіе стѣнные, астрономическіе часы работы знаменитаго нашего самоучки, механика, астронома, богослова и химика Терентія Ивановича Волоскова, бывшаго въ послѣдствіи Ржевскимъ градскимъ головою. Особыя стрѣлки на пяти кругахъ показываютъ: часы, минуты, мѣсяцы, числа, дни, недѣли, высокосные и простые годы и въ особомъ шестомъ кругѣ показываются измѣненія луны. Нельзя не упомянуть здѣсь о замѣчательномъ собраніи рукописей (книгъ и столбцовъ), хранящихся въ музеѣ. Кромѣ грамотъ, наказовъ, памятей и т. п. юри-

дическаго и административнаго содержанія, есть много рукописей духовныхъ, историческихъ и бытовыхъ [1]). Въ собраніе рукописей поступили фамильныя бумаги г.г. Харламовыхъ, Медвѣдевыхъ, Милюковыхъ, Епишевыхъ, Зелениныхъ и другихъ дворянскихъ фамилій. Эти рукописи разобраны по категоріямъ, описаны и хранятся въ музеѣ въ должномъ порядкѣ. Рукописи, подвергшіяся тлѣнію, вслѣдствіе небрежнаго (до поступленія въ музей) ихъ храненія, по возможности, подклеены. Всего хранится рукописей болѣе тысячи. Въ настоящее время означенныя рукописи доступны всѣмъ лицамъ, желающимъ пользоваться ими для историческихъ изслѣдованій. Можно порадоваться, что эти рукописи избѣжали участи, постигшей не одно собраніе старинныхъ бумагъ, подвергшихся уничтоженію отъ разныхъ причинъ.

При той заботливости, съ какою тверской музей хранитъ ввѣренные ему памятники мѣстной старины, произведенія промышленности и другіе предметы, способствующіе знакомству мѣстной публики, особенно же учащагося юношества, съ Тверскою губерніей, учрежденіе это можетъ разсчитывать на большее и большее сочувствіе къ нему всего общества.

Историческая литература славянъ. Въ наше время область историческихъ изслѣдованій такъ разрослась и число новыхъ трудовъ по исторіи, появляющихся каждый годъ, такъ увеличилось, что каждый ученый въ отдѣльности почти не въ состояніи слѣдить за общимъ ходомъ науки исторіи во всемъ ея объемѣ и имѣть всегда передъ глазами точную, вѣрную картину историческаго прошлаго. Берлинское историческое общество рѣшило оказать помощь въ этомъ отношеніи нѣмецкимъ ученымъ и постановило издавать ежегодно отчетъ объ успѣхахъ исторіи въ минувшемъ году. На дняхъ въ Берлинѣ вышелъ первый годъ этого полезнаго изданія, подъ заглавіемъ: Jahresberichte der Geschichtswissenschaft im Auftrage der Historischen Gesellschaft zu Berlin herausgegeben von Dr. F. Abraham, Dr. Edm. Meyer, dr. I. Hermann. I Jahrgang 1878 (Berlin 1880). Заимствуемъ изъ этой книги то, что можетъ всего ближе интересовать нашихъ ученыхъ—отчетъ объ исторической литературѣ славянъ. Редакція „Ежегодника" поручила составленіе этого отдѣла пражскому профессору К. Иречеку, извѣстному славянскому историку.

Литературными центрами юго-славянъ т. е. сербовъ и кроатовъ, говоритъ проф. Иречекъ, являются Аграмъ—для кроатовъ и Бѣлградъ—для сербовъ.

Въ Аграмѣ юго-славянская академія искусствъ и наукъ издаетъ ежегодно 4 тома „Трудовъ Юго-Славянской Академіи" (Rad jigo-slavenske akademije). Въ 1878 г. вышли томы XLII—XLV, въ которыхъ президентъ академіи, докторъ Францъ Рачки помѣстилъ разборъ надписей, находящихся на поляхъ рукописнаго евангелія, найденнаго въ Чивидале (Cividale), и имѣющихъ весьма важное значеніе для исторіи Кроаціи, Панноніи и Болгаріи; кромѣ того тотъ же ученый помѣстилъ въ этихъ „Трудахъ Ю.-С. А." критическія изслѣдованія нѣкоторыхъ вымышленныхъ, сомнительныхъ и переиначенныхъ кроатскихъ грамотъ XII ст. Директоръ аграмскаго музея, проф. Симеонъ Любичъ напечаталъ въ томъ же изданіи изслѣдованіе по исторіи Сирміи и о золотыхъ монетахъ Сермона (1018); Петръ Матковичъ—подробное изслѣдованіе о путяхъ сообщенія Балканскаго полуострова въ средніе вѣка; бѣлградскій проф. Стоянъ Новаковичъ—замѣтку о древне-сербскомъ обрядѣ коронованія; Чедомилъ Міятовичъ, сербскій ученый и бывшій ми-

[1]) Рукописи Краснохолмскаго монастыря описаны въ особой монографіи подъ заглавіемъ „Древній Архивъ Краснохолмскаго Николаевскаго Антоніева монастыря" А. К. Жизневскаго. Москва 1879 г. Синодальная Типографія. Это оттискъ статьи, помѣщенной въ „Древностяхъ", издаваемыхъ Московскимъ Археологическимъ обществомъ.

нистръ финансовъ, авторъ нѣсколькихъ статей о внутреннемъ состояніи Сербіи,—помѣстилъ изслѣдованіе о Георгіевичѣ, кроатѣ, умершемъ въ 1560 г., котораго книжечка „О нравахъ турокъ“ (De turcarum moribus) была въ свое время переведена на всѣ западно-европейскіе языки. Аграмская ю.-с. академія, кромѣ означенныхъ „Трудовъ“ печатаетъ ежегодно еще томъ историческихъ и филогическихъ памятниковъ (Starine). Вышедшій 10-й т. содержитъ собраніе италіанскихъ и славянскихъ документовъ почерпнутыхъ изъ венеціанскихъ архивовъ и касающихся исторіи Черногоріи, Каттаро и Сѣверной Албаніи (собрано проф: Любичемъ), два дневника путешествій двухъ венеціанцевъ XVI в. (проф. Матковичъ) и сборникъ надписей собранныхъ въ Черногоріи и Сербіи бѣлградскимъ проф. Любоміромъ Ковачевичемъ. Изъ числа прочихъ изданій академіи слѣдуетъ указать на „Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium“, которыхъ 7-й и 9-й томы вышли въ 1878 г Въ 7-мъ томѣ содержатся „Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia“—собраніе документовъ, хроникъ, сказаній, надписей и всякихъ вообще печатавшихся уже и еще не напечатанныхъ матеріаловъ для исторіи кроатскаго королевства до начала XII ст., составленное професс. Фр. Рачки, который и снабдилъ эти матеріалы множествомъ примѣчаній. Въ 9-мъ томѣ продолжается печатаніе венеціанскихъ документовъ, относящихся къ 1409 — 1412 гг. и просмотрѣнныхъ проф. Любичемъ. Наконецъ вышелъ 2-й томъ „Monumenta historico-juridica Slavorum meridionalium“, въ которомъ помѣщены: „Statuta et leges civitatis Spalati“; этотъ томъ редактированъ проф. Яроміромъ Ганелъ.

На дѣятельности Сербскаго ученаго общества въ Бѣлградѣ отразилось вліяніе военныхъ событій. Въ 1878 г. вышелъ всего одинъ XLVI томъ „Гласника“ этого общества. Въ этомъ томѣ помѣщена замѣтка проф. Шречковича о древне-сербскихъ королевскихъ могилахъ въ македонскомъ монастырѣ Сушица и отчетъ инженера Мих. Валтровича объ археологическихъ изысканіяхъ древне-сербскихъ построекъ. Второй томъ „Годишницы“ — научнаго ежегодника, издаваемаго на средства, пожертвованныя съ этой цѣлью капитаномъ сербской артиллеріи Чупичемъ — содержитъ весьма интересное изслѣдованіе Иларіона Руварача (архиваріуса сербскаго патріархата въ Карловицѣ) о средневѣковыхъ греческихъ епископствахъ и монастыряхъ въ Босніи; тамъ же помѣщены двѣ замѣтки проф. Новаковича „О средневѣковыхѣ и турецкихъ деревянныхъ крѣпостцахъ (паланки) и нѣкоторыя свѣдѣнія по исторіи сербскаго возстанія, заимствованныя изъ описанія путешествія Пукевилля по Сербіи въ 1807 г. Весьма основательное историко-географическое изслѣдованіе области, на которую распространялась власть и дѣятельность сербскаго князя Неманя (1159—1196), помѣщенное въ томѣ „Годишницы“, вышедшемъ въ 1877 г., было переведено на Италіанскій языкъ и помѣщено въ 1878 г. въ „Bulletino di archeologia e storia Dalmata“, издаваемомъ въ Спалато.

„Исторія Сербовъ“ венгерскаго дипломата Веньямина фонъ Каллая (Benjamin v. Kállay), переведенная съ мадьярскаго на нѣмецкій профессоромъ Швикеромъ, достойна особеннаго вниманія; въ ней подробно изложена исторія сербскаго возстанія 1804—1815 гг. Наконецъ на русскомъ языкѣ, въ „Журн. Мин. Нар. Просв., помѣщена статья В. (а не Г.) Каченовскаго „О византійскихъ хроникахъ, какъ источникахъ исторіи порабощенія славянъ турками“.

Болгарская литература не могла еще стать на ноги послѣ войны 1877—78 гг. Профессоръ Дриновъ, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, старался создать поскорѣе удовлетворительныя условія для развитія литературы и положилъ основаніе, въ зиму 1879—80 гг., національной библіотекѣ въ Софіи; туда же перенесено мѣстопребываніе болгарскаго литературнаго общества, находившагося до сихъ поръ въ румынскомъ городѣ Браиловѣ. „Переводъ

на русскій языкъ моей „Исторіи Болгаръ", говоритъ Иречекъ, вышелъ въ Одессѣ въ 1878 г. и сдѣланъ былъ проф. Кар. Бруномъ и док. Вл. Палаузовымъ, причемъ я самъ значительно дополнилъ отдѣлы, касающіеся X, XII и XVII столѣтій".

Изъ огромной массы сочиненій, касающихся текущей, современной исторіи славянъ Балканскаго полуострова,—сочиненій, имѣющихъ лишь минутное, преходящее значеніе — слѣдуетъ отмѣтить „Иллирійскія письма" (Illyrian letters) англійскаго путешественника Артура Эванса, хорошаго знатока боснійскихъ и герцеговинскихъ дѣлъ. Георгъ Розенъ перевелъ на нѣмецкій языкъ мемуары еще находящагося въ живыхъ воеводы Болгарскаго панаіота Гитова и издалъ ихъ въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ „Балканскіе гайдуки" (Die Balkan-Haiduken). „Въ заключеніе, говоритъ Иречекъ, слѣдуетъ прибавить, что въ 1875—78 гг. въ Россіи появилось, не считая газетныхъ и журнальныхъ статей, около 300 брошюръ и книгъ, касающихся Балканскаго полуострова, юго-славянъ и турокъ, а также событій послѣдняго возстанія и русско-турецкой войны. Въ числѣ авторовъ встрѣчаемъ имена офицеровъ, добровольцевъ, корреспондентовъ и другихъ лицъ".

Въ Чехіи продолжалось печатаніе „Fontes verum bohemicarum"; вышелъ 3-й томъ, содержащій стихотворную хронику Далимила, появившуюся на чешскомъ языкѣ въ 1326 г. и переведенную на нѣмецкій въ 1330—1346 гг. Оба текста, нѣмецкій и чешскій — печатались подъ наблюденіемъ Іос. Иречека, притомъ чешскій текстъ печатался съ рукописи XIV в., найденной недавно въ Кэмбриджѣ. Архиваріусъ города Праги, докторъ Іос. Эмлеръ напечаталъ собраніе древне-чешскихъ переводовъ сочиненій принадлежащихъ Карлу IV, или составленныхъ по его указаніямъ. Кромѣ того изученіе эпохи Карла IV подвинуто впередъ трудами док. Эмиля Вѣрунскаго, появившимися на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіями: Папа Иннокентій VI и Карлъ IV. 1353—1354; Первое посѣщеніе Рима Карломъ IV. 1354—1355 (Der erste Römerzug Karls IV).

Въ 1878 г. появился, одновременно на чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, восьмой томъ „Общей исторіи Моравіи"", изданный моравскимъ исторіографомъ Бѣда Дудикомъ (Beda Dudik) и содержащій исторію культуры страны за время съ 1197 по 1306 гг. Вышелъ также 4-ый томъ исторіи города Праги (собственно исторіи Чехіи) проф. В. Томка,—на одномъ чешскомъ языкѣ,—посвященный подробнѣйшему очерку Гусситской эпохи 1419—1436. Этаже эпоха явилась предметомъ изслѣдованія молодаго французскаго ученаго Эрнеста Дени (Er. Denis) подъ заглавіемъ: Huss et la guerre des Hussites (Paris, Leroux, 1878). Чрезвычайно важное значеніе для исторіи этой эпохи имѣетъ „Хроника о Жижкѣ", относящаяся къ 1450 г. которую издаетъ нынѣ док. Ярославъ Голъ (Holl) по рукописи сохранившейся въ Фрейнбургѣ, также и книга судебныхъ протоколовъ Розенберговъ, изъ архива Виттингауса, напечатанная Фр. Марешомъ въ „Трудахъ Кор. Чеш. общ. наукъ". Эта „Судебная книга" проливаетъ много свѣта на годы жизни Жижки, предшествовавшіе гусситскимъ войнамъ. Проф. Лозертъ (Loserth) напечаталъ матеріалы для исторіи гусситскаго движенія (въ Изв. общ. изслѣдующаго исторію нѣмцевъ въ Богеміи XVII, 198—213) составляющее дополненіе къ другому изслѣдованію того же автора подъ заглавіемъ „Der Magister Adalbertus Ronconis de Ericinio". помѣщенному въ „Archiv für oesterr. Gesch, LVII, 203—276. Этотъ Адальбертъ былъ горячимъ сторонникомъ „des tschechishen Sprache und Tendenzon" говоритъ Лозертъ.

Литература новѣйшей чешской исторіи также обогатилась въ 1878 году весьма важными трудами. Докт. Ант. Режекъ (Rezek) издалъ документально

изслѣдованіе о Фердинандѣ Валѣ (Ferdinand Wahl und Regierungsantritt. Prag, Otto, 1878; вышло на нѣмецкомъ и чешскомъ). Тотъ-же молодой историкъ напечаталъ Записки (Pameti) куттенбергскаго рода Дачицкихъ (Dacicky), которые велись нѣсколькими поколѣніями съ 1454—1626 г. и весьма цѣнные не только для исторіи горнаго города Кутенберга но и для исторіи нравовъ Чехіи вообще. Каноникъ А. Фриндъ издалъ 4-ый томъ «Исторіи чешской церкви", относящійся къ 1439—1561 г.г. Вышелъ также 2-ой томъ „Libri erectionum archidiocesis pragentis saeculo XIV et XV" подъ редакціей Borovy. Извѣстная „Исторія 30-ти лѣтней войны" проф. А. Гиндели (Gindely) пополнилась 3-мъ томомъ, посвященнымъ исторіи чешскаго возстанія и заканчивающимся битвой на Бѣлой горѣ.

Важнѣйшіе источники по исторіи Польши изданы были въ 1878 г. Краковской Академіей наукъ. Вышелъ 4-ый т. „Scriptores rerum polonicarum", содержащій матеріалы изъ архива исторической коммисіи, преимущественно дневники и рѣчи, относящіеся къ XVI ст.; въ изданіи принимали участіе доктора исторіи В. Кентржинскій, Кс. Лиске, В. Середынскій, Ст. Смолк'а и Ав. Соколовскій. Къ этому тому приложенъ библіографическій указатель польской исторической литературы за 1877 годъ составленный Вислоцкимъ. Вышелъ также 4-ый т. „Monumenta medii aevi historica, res gestus Poloniae illustrantia" содержащій старѣйшія городскія книги Кракова за 1300—1400 гг., просмотрѣнныя Пѣкосинскимъ и Шуйскимъ. Первый томъ другого подобнаго изданія, именно „Acta historica res gestus Polonia illustrantiae" содержитъ переписку краковскаго епископа Андрея Зебржидовскаго (1546—1553), изданную Вислоцкимъ. Наконецъ вышелъ 3-ій томъ „Monumenta Poloniae historica", изданія посвященнаго исторіи среднихъ вѣковъ, основаннаго нынѣ умершимъ Авг. Бѣловскимъ и редактируемаго теперь названными выше Кентржинскимъ и Лиске. Подъ редакціей Мих. Бобржинскаго вышелъ 5-ый т. „Старопольскихъ юридическихъ памятниковъ"—изданіе, основаніе которому было положено А. Гельцелемъ; къ этому 5-му тому приложены: „Statuta synodalia Andreea episcopi Posnaniensis saeculo V confecta" обработанныя Ульрихомъ Гейцманомъ. Кромѣ того изданъ былъ 5-ый т. „Собранія документовъ для исторіи Ягеллоновъ", обязаннаго своимъ существованіемъ графу Алекс. Пржездецкому. Томъ этотъ содержитъ документы, заимствованные изъ Вѣнскаго государственннаго архива, и печатался подъ наблюденіемъ проф. Шуйскаго, который написалъ также введеніе къ послѣднимъ годамъ правленія Сигизмунда Августа. Познанское научное общество издало 2-ой томъ своего „Дипломатическаго Кодекса Великой Польши" обнимающій 1288—1349 гг. Земское галиційское изданіе „Городскихъ и Земскихъ актовъ" пополнилось 8-мъ томомъ, вышедшимъ въ Львовѣ подъ редакціей проф. Лиске и содержащимъ документы, заимствованные изъ львовского городского архива; отдѣльной книгой отпечатаны входящіе въ составъ этого тома молдавскіе и валахскіе документы. Въ Варшавѣ вышелъ 10-ый т. историческихъ источниковъ (Z'ródla dziejowe), обрисовывающій отношенія Ягеллоновъ къ князьямъ Молдавіи и Валахіи; изданіе это ведутъ гг. Адольф. Завинскій и Алекс. Яблоновскій.

Кромѣ того, Краковская академія обнародовала два тома „Трудовъ" (Rozprawy) своего историко-филосовскаго отдѣленія, въ которыхъ между прочимъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія изслѣдованія: Константинопольской Патріархатъ и русская Церковь въ Польшѣ и Литвѣ— Исидора Шараневича; Польша и Чехія въ гуситскую эпоху— Ант. Прохазки; Польская политика въ вопросѣ о чешскомъ престолонаслѣдіи 1466 — 1471 г.г. — Фр. Папэ.

Десятый томъ „Трудовъ Познанскаго общества“ (Rocznik towarzystwa poznańskiego) содержитъ матеріалы польскаго лѣтописнаго дѣла XIII и XIV в. собранные Кентржинскимъ, „liber beneficiorum“ архіепископа Іогана Ласки (сообщ. Луковскимъ), старѣйшіе статуты Гнѣзненскаго капитула и замѣтку объ осадѣ Познани въ 1704 г. Паткулемъ (сообщ. Каз. Яроховскимъ). Наконецъ 1-й т. „Трудовъ ученаго общества въ Торнѣ“ (Rocznik towarzystwa naukowego w Toruniu) содержитъ статью Стан. Куіота (Kujot) объ отношеніяхъ маркграфа Бранденбургскаго къ Помераніи во времена князя Мествина II (1266—95) и топографическое изслѣдованіе Ганинскаго о мѣстонахожденіи Вышгорода поморскаго.

Изъ числа остальныхъ историческихъ изслѣдованій обращаютъ на себя вниманіе труды: Ксав. Лиске—„Вѣнскій конгрессъ 1515 г. и политика Максимиліана I“ по отношенію къ Пруссіи и Польшѣ; Ст. Лукаша — біографія польскаго дипломата Эразма Ціолка, епископа плоцкаго, 1503—1522 (вышла въ Варшавѣ 1878 г.); док. Сенявскаго: Основаніе и развитіе епископства Варминскаго (Познань. 1878); престарѣлый историкъ-юристъ Мацѣіовскій (W. H. Maciejowski) издалъ изслѣдованіе объ иммиграціи евреевъ въ Польшу, Россію и Литву (Варш. 1818); Германъ Штернбергъ издалъ въ Лейпцигѣ „Исторію Евреевъ при Пястахъ и Ягеллонахъ“, по русскимъ и польскимъ источникамъ; наконецъ на русскомъ языкѣ появились изслѣдованія Н. И. Павлищева о польской анархіи при Янѣ Казимірѣ и о войнѣ съ Украиной.

Новѣйшей исторіи Польши посвящена книга Эрн. ф. Брюггена—Распаденіе Польши, культурно-историческій очеркъ послѣднихъ годовъ ея независимости (Лейпцигъ, 1878). Изъ массы мемуаровъ, относящихся къ нашему столѣтію и разсѣянныхъ въ различныхъ ежемѣсячныхъ изданіяхъ, можно назвать мемуары, вышедшіе отдѣльными книгами: Генр. Брандта (Наполеоновскій генералъ, воспоминанія войны съ Испаніей и Россіей (Варшава, 1878 г.) и Мемуары генерала І. Дембинскаго, касающіеся возстанія 1830—31 гг. (Краковъ, 1878 г. 2 т. Помѣщались въ газетѣ „Часъ“). Генр. Лисицкій составилъ очень подробную біографію маркиза Велепольскаго (1803—77), напечатанную въ 3-хъ томахъ съ массой приложеній въ Краковѣ, 1878.

„Въ Россіи появляется ежегодно такое громадное количество изслѣдованій, статей и сырого историческаго матеріала по исторіи ея, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая нашими днями, говоритъ проф. К. Иречекъ, что точный, подробный отчетъ за минувшій годъ долженъ былъ бы заключать въ себѣ нѣсколько сотенъ названій. Все это разбросано въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, начиная съ изданій Академіи наукъ, Археологическаго, Историческаго и пр. обществъ, и кончая „Военнымъ Сборн.“, „Журналомъ Мин. Нар. Пр.“ и „Трудами“ различныхъ Духовныхъ Академій. Поэтому, прибавляетъ Иречекъ, я долженъ ограничиться здѣсь лишь самымъ краткимъ обзоромъ, тѣмъ болѣе, что внѣ Россіи нѣтъ возможности составить подробный указатель этой журнальной литературы. Болѣе подробныя свѣдѣнія о новыхъ русскихъ историческихъ трудахъ можно встрѣтить въ „Russische Revue“; въ этомъ же журналѣ за 1878 г., тт. XII и XIII, помѣщенъ также и обзоръ русской исторической литературы за 1874—76 гг.. принадлежащій перу проф. В. Иконникова.

Упомянувъ о томъ, что въ 1878 г. вышло только одно сочиненіе, обнимающее всю Россію, именно Rambaud, „Histoire de la Russie“, пражскій профессоръ переходитъ къ указаніямъ на важное мѣсто, отводимое русской исторической наукой изученію арабскихъ и византійскихъ источниковъ. Убѣжденіе это создалось между прочимъ у почтеннаго пражскаго профессора по трудамъ такого рода, какъ извѣстія арабскаго географа Аль-Бекри

и разныхъ испанскихъ евреевъ, писавшихъ по наслышкѣ о россіянахъ и славянахъ; извѣстія собираемыя такими, по его словамъ, авторитетами по русской исторіи, какъ академикъ А. Куникъ или напр. г. Азоревичъ, напечатавшій въ 1878 г. второй томъ своей „Исторіи Византійскаго права" и т. п.

Послѣ этого, мы считаемъ излишнимъ передавать дословно все то, что говоритъ проф. Иречекъ о русской исторической литературѣ въ „Ежегодникѣ" берлинскаго историческаго общества, гдѣ не забыта даже „Историческая Христоматія" гг. Гуревича и Павловича, тѣмъ болѣе, что по собственному признанію, г. Иречекъ крайне затруднялся этимъ отчетомъ. Скажемъ только. что имъ упоминаются „Сборникъ Историческаго Общества", труды профессоровъ Соловьева, Буданова, Кочубинскаго и др., труды академиковъ Грота, Сухомлинова; изъ числа періодическихъ изданій, посвященныхъ разработкѣ исторіи, пражскій профессоръ указываетъ только на „Русскій Архивъ" и приводитъ главнѣйшія статьи его за 1878 г. Въ концѣ своей статьи Иречекъ обращаетъ вниманіе западной ученой братіи и на громадное количество матеріала, появившагося въ 1878 г. о войнахъ Россіи въ Европѣ и Азіи.

Намъ остается отмѣтить еще нѣкоторые матеріалы для исторіи славянъ, на которые встрѣчаются указанія въ статьѣ „Ежегодника" берлинскаго общества, посвященной исторіи человѣческой и государственной культуры. Эта статья, одна изъ интереснѣйшихъ въ книгѣ, принадлежитъ перу проф. Цвѣдинка-Зюденгорста, въ Грацѣ (Zwiedineck-Südenhorst). Авторъ очень хвалитъ сочиненіе барона Гельферта (Helfert), вышедшее въ Вѣнѣ у Манца въ 1878 г., подъ скромнымъ заглавіемъ „Bosnisches". По словамъ грацскаго профессора, это очень полная, живая и талантливо написанная исторія развитія и современнаго состоянія тѣхъ странъ, которыя даны въ жертву австрійцамъ на берлинскомъ конгрессѣ, т. е. Босніи и Герцеговины. Нѣкоторый свѣтъ на польскую жизнь проливаетъ біографія поэта Яна Кохановскаго, составленная Іоловичемъ (Познань, 1878); также и „Путевой журналъ Ульриха фонъ-Вердумъ" (Ulrich v. Werdum, 1670 — 1677), въ III т. „Ежегодника" общ. искус. и древн. въ Эмденѣ; въ журналѣ этомъ сообщаются свѣдѣнія о Польшѣ при Собѣскомъ, о военной жизни короля Яна и его войскѣ. Указанія на русскіе матеріалы ограничиваются упоминаніемъ изслѣдованій на нѣмецкомъ языкѣ дерптскаго профессора А. Брикнера (Иванъ Посошковъ, Русскіе за границей въ XVII ст.) и сочиненія доктора Карла Шмейдлера „Россія при императорѣ Александрѣ II" (Dr. W. F. Karl Schmeidler „Das russische Reich unter Kaiser Alexander II, Berlin, Grieben) — автора сочувственно и безпристрастно относящагося къ Россіи.

мнѣ. „Теперь еще идетъ борьба, сказала она.—ты увидишь меня въ день побѣды. Иди и мужайся въ рядахъ народа“. Съ этой минуты я сдѣлался другомъ народа; я сказалъ ему: ты спасъ меня, возвратилъ мнѣ жизнь, я буду работать вмѣстѣ съ тобой. Быть можетъ мы всѣ погибнемъ, но никто изъ насъ не скажетъ: „aprés moi le déluge“. Наша цѣль не всемірный потопъ, не гибель людей; послѣ насъ должна наступить заря новой жизни; старые порядки должны быть уничтожены до тла... Мы не хотимъ никакихъ компромиссовъ. Вотъ что привело меня сюда и моихъ братьевъ рабочихъ. Національное собраніе отказало намъ въ принятіи двухъ адресовъ — увидимъ, хватитъ ли у него мужества отказать народу въ третій разъ. Мы приглашаемъ нашихъ друзей якобинцевъ собраться завтра въ 6 часовъ утра на Марсовомъ полѣ для подписи адреса, который будетъ поданъ собранію тысячами рукъ...

— Адресъ! Прочтите адресъ! слышалось со всѣхъ сторонъ.

Жильберъ взялъ лежавшій передъ нимъ свертокъ, и началъ читать проэктъ адреса громкимъ и внятнымъ голосомъ:

„На алтарь отечества 16-го іюля.

„III-й годъ революціи.

„Представители націи!

„Вы приближаетесь къ цѣли вашихъ трудовъ. Совершено важное преступленіе. Людовикъ бѣжалъ, оставивъ свой постъ недостойнымъ образомъ. Государство было на волоскѣ отъ анархіи. Его задержали. Онъ привезенъ въ Парижъ, — требуютъ, чтобы онъ предсталъ передъ своими судьями. Вы объявляете своимъ декретомъ, что онъ останется королемъ...

„Народъ не хочетъ этого! Декретъ безсиленъ. Его вынудили у васъ 292 аристократа, которые сами же заявили, что не будутъ имѣть ни одного лишняго голоса въ національномъ собраніи. Декретъ и не можетъ имѣть силы, потому что составленъ противъ воли народа. Людовикъ показалъ своимъ бѣгствомъ, что не хочетъ больше оставаться на своемъ посту. Вы идете даже на перекоръ его собственному желанію. Не удерживайте его. Созовите новое учредительное собраніе, судите его и организуйте новую исполнительную власть“.

Жильберъ сошелъ съ трибуны при громкихъ рукоплесканіяхъ публики.

Проэктъ адреса встрѣтилъ общее одобреніе, но въ то-же время былъ поднятъ вопросъ о необходимости королевской власти и скорѣйшемъ замѣщеніи престола.

— Этотъ пунктъ, — сказалъ Робеспьеръ стоявшему возлѣ него Жильберу, — можетъ упрочить королевскую власть и открыть дорогу Орлеанскому... Мы должны потолковать объ этомъ... Приходи ко мнѣ, citoyen. Я живу rue St. Honoré, въ домѣ плотника Дюплея.

Засѣданіе кончилось только къ полуночи. Толпа народа въ ожиданіи завтрашняго утра хлынула къ выходу такимъ-же неудержи-

мымъ потокомъ, какимъ ворвалась въ залу засѣданія. Въ церкви черезъ нѣсколько минутъ водворилась такая-же мертвая тишина, какъ и въ былыя времена, когда якобинскій монастырь былъ достояніемъ монаховъ; одни только старыя деревья шумѣли въ саду, при легкомъ лѣтнемъ вѣтрѣ.

ГЛАВА XXI.

Жильберъ у леди Эліоттъ.

Жильберъ вышелъ изъ Якобинской церкви вслѣдъ за толпой. Тутъ онъ почувствовалъ на своемъ плечѣ чью-то руку.

Онъ оглянулся.

Передъ нимъ стоялъ старикъ съ заплаканными глазами.—Вы меня не узнали, мосье Жильберъ?—сказалъ онъ.—Я старый слуга вашего дома, Друэ...

— Моего дома? — повторилъ Жильберъ съ удивленіемъ. — Развѣ кто-нибудь изъ нашихъ слугъ можетъ помнить меня! Не нужна-ли тебѣ моя помощь, старина? Говори скорѣе, въ чемъ дѣло.

— Мнѣ ничего не нужно, но вотъ эта дама...

Леди Эліоттъ подошла къ нему. Лицо ея было закрыто густымъ вуалемъ.

— Я хочу передать вамъ поклонъ и подарокъ отъ Натали,—сказала она.

— Отъ Натали! — воскликнулъ Жильберъ взволнованнымъ голосомъ. — Отъ моей сестры! Она еще не забыла меня... Спасибо вамъ, тысячу разъ спасибо... Моя сестра жива, я увижу ее...

— Нѣтъ, не то хотѣла я сказать вамъ...—возразила леди Эліоттъ. Но пойдемте ко мнѣ. Мой домъ на концѣ этой улицы. Братъ Натали можетъ войти ко мнѣ во всякое время.

Жильберъ молча послѣдовалъ за ней. Звуки ея голоса произвели на него неотразимое впечатлѣніе. Онъ не могъ разглядѣть ея лица и видѣлъ только при отблескѣ фонарей ея стройную и величественную фигуру.

Друэ проводилъ ихъ до улицы Meroménsil и на прощанье поцѣловалъ руку Жильбера.

Леди Эліоттъ и ея поздній гость вошли въ домъ.

Въ большихъ изящно убранныхъ комнатахъ царилъ полумракъ, не смотря на двойной свѣтъ матовыхъ лампъ и серебристыхъ лучей восходящаго мѣсяца, который еще скрывался за темной массой парижскихъ домовъ. Леди Эліоттъ ввела Жильбера въ гостинную, казавшуюся еще мрачнѣе отъ темныхъ обоевъ и темной мебели и гдѣ

сильный запахъ цвѣтовъ среди таинственнаго полусвѣта производилъ одуряющее впечатлѣніе. Жильберу казалось, что онъ видитъ сонъ.

— Вотъ медальонъ, который Натали велѣла мнѣ передать вамъ,— сказала леди Эліоттъ. — Старый де-Бургиньонъ отдалъ его вашей сестрѣ на смертномъ одрѣ. Въ этомъ медальонѣ тайна вашей жизни. Тотъ, кого вы считали отцомъ вашимъ, не отецъ вашъ...

Жильберъ глубоко вздохнулъ, какъ будто съ груди его свалилась тяжесть.

— Тѣмъ лучше,—сказалъ онъ тихимъ, торжественнымъ голосомъ, однимъ преступленіемъ меньше на свѣтѣ! Значитъ можно еще вѣрить въ существованіе чистой, искренней привязанности между отцомъ и сыномъ, и мы еще не дошли до полнаго извращенія всѣхъ человѣческихъ чувствъ и понятій...

— Возьмите этотъ медальонъ, — продолжала леди Эліоттъ. Въ немъ портретъ вашего отца. Можетъ быть вамъ удастся встрѣтиться съ нимъ.

Жильберъ взялъ медальонъ и повѣсилъ его себѣ на шею.

— Разскажите мнѣ все, что вы знаете о Натали,—сказалъ онъ.

— Мнѣ нечего разсказывать о ней. Умирая, она поручила мнѣ только передать вамъ ея послѣдній поклонъ.

— Она ничего не говорила вамъ о себѣ?...—спросилъ Жильберъ.

— Ни одного слова,—отвѣтила съ грустью леди Эліоттъ.

Жильберъ отошелъ въ темный уголъ комнаты и сѣлъ подъ высокимъ олеандромъ, который на половину закрылъ его своими листьями и цвѣтами.

Въ душѣ леди Эліоттъ происходила сильная борьба. Она была въ нерѣшимости: должна-ли она или нѣтъ разсказать ему, какъ умерла его сестра. Въ правѣ-ли она возбудить въ немъ сомнѣнія относительно той, чье имя осталось незапятнаннымъ въ его памяти, которая была для него самымъ дорогимъ существомъ въ жизни, его вѣрой, идеаломъ. Въ правѣ-ли она назвать имя того, кто былъ виновникомъ ея паденія, причиной ея смерти.

— Нѣтъ, я буду молчать,—сказала она про себя,—пусть горечь и гнѣвъ не отравляютъ его чистыхъ слезъ.

Она подошла къ нему и положила руку на его плечо.

— Это была послѣдняя звѣзда на мрачномъ небѣ моей жизни,— сказалъ Жильберъ.—Она угасла; въ сердцѣ моемъ полная тьма, міръ опустѣлъ для меня... Пока она была жива, радость еще существовала для меня. Я надѣялся увидѣть ее... Кажется отдалъ-бы пол-жизни, лишь-бы еще разъ взглянуть на нее...

Онъ судорожно зарыдалъ при этихъ словахъ.

— Жильберъ! — сказала ему леди Эліоттъ, наклонясь къ нему— хочешь-ли, я буду твоимъ другомъ.

Онъ всталъ съ своего мѣста и вышелъ на средину комнаты. Мѣ-

сяцъ прямо свѣтилъ въ большія окна, разливая по комнатѣ свой кроткій серебристый свѣтъ.

— Жильберъ! Если ты хочешь, я буду твоей сестрой, — сказала леди Эліоттъ.

Она стояла противъ окна, окруженная луннымъ сіяніемъ. Въ эту минуту можно было ясно различить роскошныя формы ея тѣла, каждую черту ея милаго лица; хотя горе уже наложило на него свою печать, но губы и глаза сохранили всю свою прелесть и были такъ-же хороши, какъ въ тѣ дни, когда любовь озаряла ихъ.

Жильберъ остановился передъ нею съ невольнымъ изумленіемъ. Чувство восторга, полнаго опьяненія, овладѣло имъ и онъ не могъ оторвать отъ нея глазъ.

— Ты ли это говоришь? сказалъ онъ. Ты также хороша, какъ то видѣніе, которое не разъ являлось въ мечтахъ моихъ. Не ты ли посѣтила меня въ тотъ день, когда огонь пылающей Бастиліи проникъ въ мою мрачную келью, сорвалъ цѣпи съ моихъ рукъ. Я хотѣлъ удержать тебя. Ты отвѣтила: еще борьба не кончена, ты увидишь меня въ день побѣды. Ты сдержала слово. Ты—свобода; теперь ты стоишь передо мной, окруженная небеснымъ сіяніемъ... Ты моя невѣста. Я столько выстрадалъ изъ-за тебя, что заслужилъ твою любовь. Прелестная женщина, какимъ бы именемъ ни называли тебя люди, но для меня ты олицетвореніе свободы... Я преклоняюсь передъ тобой; я люблю тебя. Нѣтъ, ты не будешь моей сестрой. Ты моя невѣста. Какъ только займется заря, я поведу тебя къ алтарю отечества, и революція благословитъ нашъ бракъ!

Онъ обнялъ ее съ горячимъ порывомъ юной, неиспытанной страсти. Сердце его усиленно билось.

Леди Эліоттъ высвободилась изъ его рукъ.

— Ты не знаешь, кто я и какое пятно лежитъ на моей душѣ. Не связывай себя союзомъ, который не достоинъ тебя. Твоя жизнь должна всецѣло принадлежать родинѣ.

Жильберъ сѣлъ къ окну, закрывъ лицо руками. Молча сидѣлъ онъ погруженный въ свои думы...

Незамѣтно прошла короткая лѣтняя ночь, скрылся мѣсяцъ, и утренняя заря заглянула въ окна.

Онъ всталъ и подошелъ къ леди Эліоттъ, которая сидѣла на его прежнемъ мѣстѣ подъ олеандровымъ деревомъ.

— Я видѣлъ сонъ, сказалъ онъ, подавая ей руку; будь счастлива, наступилъ день, пора за работу. Народъ уже вышелъ на улицу. Они идутъ на Марсово поле!... Отечество призываетъ меня.

Жильберъ стоялъ передъ нею, освѣщенный лучами восходящаго солнца и съ тѣмъ же выраженіемъ лица, какое было у него наканунѣ, когда онъ вошелъ на трибуну по требованію толпы.

Онъ ушелъ, и леди Эліоттъ осталась наединѣ съ своими невеселыми, тревожными думами.

ГЛАВА XXII.

Алтарь отечества.

Іюльское солнце высоко стояло на небѣ, когда со стороны Сены послышались мѣрные шаги приближающихся войскъ. Бой 400 барабановъ раздавался по всему городу. Лафайетъ ѣхалъ по бульвару на бѣлой лошади во главѣ гражданской милиціи; передъ нимъ несли красное знамя, которое издали казалось кровавымъ пятномъ въ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ.

Леди Эліоттъ поспѣшно открыла окно. На улицѣ замѣтно было необычайное движеніе. Люди спѣшили вдоль бульваровъ или собирались группами.

— Что это значитъ? спросила леди Эліоттъ, обращаясь къ одной группѣ, занятой оживленнымъ разговоромъ подъ ея окномъ.

— По улицамъ читаютъ воззванія, отвѣтили ей. На Марсовомъ полѣ народный предводитель Жильберъ Лагэ собралъ безчисленную толпу и говоритъ ей рѣчь, стоя на алтарѣ отечества. Парижскій мэръ Балльи упрашиваетъ народъ разойтись по домамъ. Но вотъ и генералъ Лафайетъ: онъ живо разгонитъ ихъ порохомъ и свинцомъ.

Изъ открытаго окна вѣяло теплымъ лѣтнимъ воздухомъ съ Елисейскихъ полей и Марсова поля. Сердце леди Эліоттъ усиленно билось, и она закрыла окно.

Четверть часа все было тихо: воздухъ, зелень, солнце были также хороши, какъ въ тѣ утра, когда не было и помину объ убійствахъ.

Вдругъ опять раздался глухой барабанный бой.

Затѣмъ наступила мертвая тишина, но всего на одну минуту... воздухъ огласился эхомъ страшнаго картечнаго залпа; въ домѣ зазвенѣли всѣ окна, и мрачное облако дыма поднялось со стороны Марсова поля.

Леди Эліоттъ отошла отъ окна.

Не успѣла она опомниться отъ перваго испуга, какъ послышался второй сильнѣйшій залпъ. Стекла въ окнахъ задрожали; одно изъ нихъ разбилось, и осколки его съ шумомъ упали на полъ. Комната наполнилась запахомъ пороха.

Все помутилось въ глазахъ леди Эліоттъ, и съ устъ ея сорвалось имя Жильбера.

На Марсовомъ полѣ у алтаря отечества лежало нѣсколько сотъ человѣкъ мертвыхъ и раненныхъ, изуродованныхъ и окровавленныхъ. Это были первыя жертвы революціи.

Конецъ второй части.

Часть III.

ГЛАВА I.

АСТУПИЛА весна 1792 года. Солнце королевской власти во Франціи близилось къ закату; послѣдніе лучи его освѣщали Тюльери, этотъ гордый памятникъ французскихъ цезарей, безмолвный свидѣтель ихъ бывшаго величія, который и теперь стоитъ суровый и задумчивый среди легкомысленнаго, веселаго Парижа.

Въ одно прекрасное воскресное утро въ дворцовой капеллѣ Тюльери по обыкновенію совершалась церковная служба, но уже безъ прежней торжественности и съ соблюденіемъ возможной тишины, потому что революція неумолимо преслѣдовала обряды католической церкви. Служившій обѣдню заключилъ ее обычной молитвой за короля: „Domine, fac salvum Regem!“ „Et Reginam!“ невольно добавили присутствующіе придворные, вопреки установленному порядку службы.

Дворцовая капелла и въ тѣ времена обращенная своими окнами на Тюльерійскій дворъ, находилась противъ главнаго портала и такъ называемой „большой лѣстницы“, ведущей во дворецъ и въ его боковые флигеля.

Перила передъ капеллой и нижнія ступени лѣстницы были заняты національной гвардіей.

Едва королевской семейство вышло изъ капеллы, какъ его окружила толпа придворныхъ, большею частью одѣтыхъ въ черное платье безъ всякихъ отличій, и только на нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ мундиръ „конституціонной гвардіи“, образованной герцогомъ Бриссакомъ изъ „вѣрныхъ дворянъ“ для защиты короля, но распущенной по волѣ народа, считавшаго ее опаснымъ орудіемъ контръ-революціи.

Королева, проходя мимо, обращалась ко многимъ изъ нихъ съ привѣтливымъ и милостивымъ словомъ.

— Шевалье, сказала она одному изъ офицеровъ, одѣтому въ мундиръ бывшей конституціонной гвардіи, — вамъ не слѣдовало бы заявлять такъ открыто вашу преданность королю.

— Ваше королевское величество, отвѣтилъ онъ, не лишайте меня счастья носить этотъ голубой мундиръ съ лиліями. Онъ избавляетъ меня отъ угрызеній совѣсти, что я когда-то носилъ гербъ Орлеанскаго.

Едва уловимая горькая усмѣшка скользнула по гордому, спокойному лицу королевы, величественной даже въ своихъ страданіяхъ и которая нѣсколько мѣсяцевъ спустя должна была лишиться и престола, и жизни.

Она подошла къ лѣстницѣ; король, придворныя дамы, кавалеры и тотъ офицеръ, съ которымъ она разговаривала, называя его „шевалье“ — послѣдовали за ней.

Этотъ офицеръ былъ С.-Мало.

Съ той ночи, которая открыла ему заблужденія цѣлой жизни и собственное самообольщеніе, онъ сдѣлался совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Конечно желаніе идти на перекоръ герцогу Орлеанскому всего больше руководила имъ, когда онъ вступилъ въ ряды королевскихъ приверженцевъ. Но иногда дѣло само по себѣ облагораживаетъ тѣхъ, которые служатъ ему. Рѣшеніе поддержать во что бы то ни стало королевскую власть и раздавить ненавистнаго Орлеанскаго привели его въ Тюльери, а ходъ событій довершилъ то, на что быть можетъ у него не достало бы собственной инициативы. Сдѣлавшись свидѣтелемъ стрададаній королевскаго семейства, его приверженцемъ и товарищемъ въ несчастьи, С.-Мало обрекъ себя на мученичество, которое при извѣстныхъ условіяхъ можетъ обратить въ героевъ даже самыхъ слабыхъ и себялюбивыхъ людей.

Медленно поднималась королева по широкой тюльерійской лѣстницѣ въ сопровожденіи придворныхъ.

— Ваше королевское величество, сказала герцогиня де-Турсель, воспитательница королевскихъ дѣтей, которая вела за руку M-me Royale,—вы такъ измучены, что вамъ трудно подниматься на лѣстницу. Вы должны принять что нибудь, чтобы успокоить свои нервы.

— Нервы! возразила королева съ печальной улыбкой. — Развѣ у несчастныхъ могутъ быть нервы? Эта болѣзнь придумана счастливцами для препровожденія времени.

Они дошли до втораго этажа, гдѣ находились парадныя комнаты, занимаемыя Людовикомъ XVI и Маріей Антуанеттой. Впослѣдствіи въ этихъ самыхъ комнатахъ жили Наполеонъ III и Евгенія, принимали гостей, давали празднества; распредѣленіе и убранство комнатъ было почти то же, что и прежде; остались тѣ же картины, обои, статуи, даже мебель. Но зала, носившая при Наполеонѣ названіе „Salle des

maréchaux“, и украшенная портретами французскихъ маршаловъ—въ 1792 году была занята отрядомъ швейцарцевъ, въ красныхъ мундирахъ, бѣлыхъ и голубыхъ шапкахъ, съ коронами и лиліями на оловянныхъ пуговицахъ. Французскій престолъ въ это время не имѣлъ болѣе вѣрныхъ защитниковъ, какъ этихъ свободныхъ сыновъ республики, продавшихъ свою жизнь на защиту королевской власти и готовыхъ умереть за короля, съ которымъ они были связаны не языкомъ, не религіей, не отечествомъ, а только одной присягой. На ихъ серьезныхъ и нахмуренныхъ лицахъ видна была твердая рѣшимость сдержать данное ими слово; изъ за него пожертвовали они жизнью, „ne sacramenti fidem fallerent“, какъ гласитъ надпись на знаменитомъ памятникѣ „Львовъ“ въ Люцернѣ.

Они тотчасъ же отдали честь, когда король и королева приблизились къ нимъ.

— Извѣстно ли вамъ, мой милый Салисъ, что мы ожидаемъ сегодня рѣдкаго гостя въ Тюльери? спросила королева, обращаясь къ молодому капитану, на своемъ родномъ нѣмецкомъ языкѣ съ легкимъ вѣнскимъ акцентомъ, на которомъ она рѣшалась говорить только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда была увѣрена, что никто не можетъ подслушать ее.

— Да, ваше величество, отвѣчалъ почтительно швейцарецъ, но съ видимымъ неудовольствіемъ,—мы уже получили извѣщеніе, но почему визитъ этотъ назначенъ именно сегодня, въ праздничный день?

Королева усмѣхнулась своей все еще привлекательной улыбкой.

— Вѣроятно нашъ кузенъ не можетъ отлучиться въ будни, сказала она, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ содержитъ лавки.

Королева шла въ сопровожденіи своей свиты, Людовика XVI и аббата Эджеворта, духовника Madame Elisabeth'ы, нѣкогда веселой и рѣзвой, но теперь молчаливой, печальной и набожной.

Король въ это время велъ оживленную бесѣду съ аббатомъ, почти единственнымъ духовнымъ лицомъ, на которомъ лежала обязанность отправлять всю церковную службу въ Тюльери со времени послѣдняго декрета національнаго собранія, по которому всѣ священники, не присягнувшіе новой конституціи, осуждены были на пожизненное изгнаніе. Аббатъ Эджевортъ скрывался въ мансардѣ въ rue de Bac и долженъ былъ тайкомъ пробираться въ Тюльери всякій разъ, когда оказывалась необходимость въ его присутствіи. Не смотря на это онъ такъ же спѣшилъ на зовъ и съ тою же готовностью явился въ темницу въ тотъ день, когда король призвалъ его къ себѣ, чтобы получить отъ него послѣднее утѣшеніе.

Въ описываемый нами день на королѣ былъ парадный костюмъ лучшихъ дней монархіи: верхнее платье изъ голубаго бархата съ золотыми шнурами, богато вышитая жилетка, парикъ съ косичкой и шпага; на груди красовалась звѣзда и голубая лента ордена св. Людовика. Страданія и заботы послѣднихъ горькихъ лѣтъ не оставили

слѣдовъ на его тучномъ бурбонскомъ лицѣ; станъ его остался такимъ же толстымъ и неуклюжимъ, какъ прежде. Онъ шелъ покачиваясь. На лицѣ его трудно было найти что либо кромѣ выраженія безпредѣльной доброты, близкой къ полной безпомощности и слабости. Только дважды въ жизни онъ выказалъ мужество и остался непреклоненъ до геройства: въ то утро, когда онъ произнесъ свое veto за духовныхъ, отказавшихся принять присягу и еще въ другой разъ, когда онъ за свое veto пошелъ на эшафотъ.

За „Salle des gardes“ слѣдовала „Antichambre du roi“—великолѣпная комната, украшенная мастерской рукой Николая Луара съ изображеніемъ Аполлона на потолкѣ и портретомъ Людовика XIV надъ каминомъ, работы Миньяра. Эта зала примыкала къ „Grande chambre du roi“, бывшей впослѣдствіи тронной залой Наполеона III.

Престолъ Бурбоновъ, уже крайне непрочный, въ первыхъ мѣсяцахъ 1792 года стоялъ на возвышеніи въ глубинѣ такъ называемой „Galerie des ambassadeurs“, потолокъ которой, раздѣленный на части и разрисованный Миньяромъ съ оригинала Аннибала Каррачи въ галлереѣ Фарнезе, изображалъ исторію Психеи. Галлерея эта, обращенная своими шестью окнами на тюльерійскіе дворы „place du Carroussel“, примыкала съ другой стороны къ покоямъ Маріи Антуанетты, изъ которыхъ открывался видъ на террассы и Тюльерійскій садъ. Покои эти, расположенные анфиладой, состояли изъ прихожей, двухъ залъ, пріемной, кабинета, спальни и будуара.

Людовикъ XVI и его дѣти занимали другую часть „центральнаго“ дворца; спальня короля отдѣлена была такъ называемымъ „Grand cabinet“ отъ вышеупомянутой „Grande chambre du roi“, служившей тогда пріемной залой. Она занимала всю ширину дворца; окна ея съ одной стороны выходили въ садъ, съ другой—на тюльерійскіе дворы. Стѣны ея въ тѣ времена были украшены различными эмблемами Бурбонскаго дома: мечемъ, шлемомъ, золотыми линіями, государственною хоругвью Франціи и девизомъ: „Moutjoye St. Denys“.

Въ этой самой залѣ,—гдѣ 67 лѣтъ спустя, утромъ въ день новаго года императоръ французовъ, въ своей тронной рѣчи объявилъ войну противъ Австріи—стояла въ воскресное утро 1792 г. дочь Маріи Терезіи, французская королева Марія Антуанетта, окруженная немногими вѣрными приверженцами, съ которыми ее связывала дружба чувство благодарности и общая опасность.

— Моя дорогая принцесса, сказала королева, обращаясь къ дамѣ, стоявшей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея у окна, выходившаго въ садъ.

Дама низко поклонилась. Это была обергофмейстерина ея величества, извѣстная принцесса де-Ламбалль, вдова принца Станислава Бурбонъ-Пентьевра, урожденная де-Кариньянъ.

— Оставайтесь на своемъ мѣстѣ, принцесса, продолжала королева, подходя къ ней. Я не хочу лишать васъ солнца, кто знаетъ, долго-ли мы будемъ еще наслаждаться имъ.

Принцесса Ламбалль поцѣловала руку ея величества.

— Моя милая Ламбалль, сказала ей королева по итальянски, я должна сообщить вамъ не совсѣмъ пріятную новость, но я знаю, что вамъ будетъ легче услышать ее отъ меня, нежели отъ кого нибудь другаго... Герцогъ Орлеанскій явится сегодня въ Тюльери...

Принцесса Ламбалль замѣтно встревожилась и молча опустила свои темные красивые глаза, какъ бы собираясь съ силами.

Герцогъ Орлеанскій былъ для нея самымъ ненавистнымъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Она чувствовала къ нему непреодолимое отвращеніе, уже въ то время, когда пріѣхала въ Парижъ съ своимъ мужемъ восемнадцатилѣтней женщиной и впервые явилась ко двору. Она считала его виновникомъ своего ранняго вдовства, хотя и старалась увѣрить себя съ чужихъ словъ, что герцогъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ безъ всякаго разсчета.

— Герцогъ Орлеанскій явится сегодня въ Тюльери, сказала она наконецъ, повторяя слова королевы и дѣлая невольный жестъ рукою, какъ бы отстраняя кого-то отъ себя.

— Да мой другъ, ласково отвѣтила Марія Антуанетта, король желаетъ этого.

— Какъ! воскликнула принцесса съ негодованіемъ, развѣ могутъ желать и требовать, чтобы вы видѣлись съ герцогомъ и принимали его!

— Развѣ я не была вынуждена принимать Мирабо?

— Но Мирабо не былъ отступникомъ!

— Принимала же я Барнава и Лафайета...

— Можно ли сравнивать ихъ съ Орлеанскимъ! Ни тотъ, ни другой не запятналъ себя кровью брата...

На глазахъ принцессы Ламбалль навернулись слезы, вызванныя воспоминаніемъ о несчастномъ юношѣ, изъ-за котораго она вынесла столько горя, хотя онъ никогда не стоилъ ея любви.

— Я вполнѣ раздѣляю ваше отвращеніе къ герцогу, сказала королева, пожимая руку своей любимой подруги. Мнѣ невыносимо тяжела та жертва, которую требуютъ отъ меня, но мы не всегда должны слѣдовать влеченію нашего сердца.

— Бываютъ и такія жертвы, которыя никто не въ правѣ требовать отъ насъ.

— Но если это необходимо для спасенія короля, престола, монархіи...

— Кто же кромѣ Орлеанскаго виновенъ во всемъ что случилось? Развѣ онъ не соединился съ врагами монархіи?

— Его появленіе при нашемъ дворѣ служитъ лучшимъ ручательствомъ, что онъ хочетъ порвать съ ними всѣ сношенія.

— Сколько разъ онъ огорчалъ короля, наносилъ ему тысячи оскорбленій, ругался надъ нимъ... онъ, первѣйшій изъ принцевъ королевской крови, ближайшій родственникъ короля... Помните ли вы ту ночь въ Версалѣ... когда онъ...

— Къ чему вспоминать все это, моя дорогая Ламбалль!

— Кто же какъ не Орлеанскій съ своими подкупленными убійцами хотѣлъ ниспровергнуть престолъ Бурбоновъ... Если вѣрить слухамъ, то онъ нарочно выписалъ изъ Лондона эту отвратительную женщину, Ла-Моттъ, чтобы [1])...

— Остановитесь, принцесса!.. прервала ее съ негодованіемъ королева. Я не хочу больше слышать объ этой исторіи... Но тотчасъ же овладѣвъ собою, она добавила болѣе спокойнымъ голосомъ: неужели мы не можемъ принудить себя прощать обиды?

— Нѣтъ, это свыше нашихъ силъ, отвѣтила принцесса рѣшительнымъ тономъ, который представлялъ странный контрастъ съ кроткимъ выраженіемъ ея очаровательнаго лица. Мы можемъ прощать только тѣхъ, которые раскаиваются въ своихъ поступкахъ.

— Вѣроятно Орлеанскій...

— Орлеанскій не можетъ раскаяться...

— А если я докажу вамъ противное, продолжала королева. Разумѣется это должно остаться между нами... Знаете ли вы, что Орлеанскій имѣлъ тайное свиданіе съ королемъ... онъ обнималъ колѣна его величества, плакалъ, просилъ прощенія...

— Все это одно притворство со стороны Орлеанскаго.

Когда король спросилъ герцога о причинахъ, побудившихъ его встать на сторону народа, то онъ отвѣтилъ, что ничего не имѣетъ противъ его величества, и что онъ удалился отъ двора только вслѣдствіе тѣхъ огорченій, которыя ему приходилось выносить отъ меня. Какъ видите, я во всемъ виновата... Да длиненъ списокъ грѣховъ, которые приписываютъ мнѣ уже не знаю съ которыхъ поръ! Между прочимъ Орлеанскій обвиняетъ меня въ томъ, что лѣтъ двадцать тому назадъ, мой братъ, кельнскій курфирстъ Максимиліанъ Францъ, въ свою бытность при нашемъ дворѣ въ Версалѣ, при какомъ-то торжествѣ не уступилъ дорогу Орлеанскому или не отдалъ ему визита, навѣрное не помню. Я же виновата, что герцога встрѣтили въ театрѣ шиканьемъ и свистками послѣ морской битвы при Квессанѣ, когда онъ, принцъ королевской крови, показалъ собою примѣръ неслыханной трусости! Я виновата и въ томъ, что когда онъ поднялся на

---

[1]) Какъ извѣстно, женщина, выдававшая себя за графиню Ла-Моттъ-Валуа въ 1786 году, въ сообществѣ Калліостро, пользуясь именемъ королевы, затѣяла знаменитую исторію объ ожерельѣ и этимъ способомъ выманила у кардинала Рогана несмѣтныя суммы денегъ. Подпись королевы была поддѣлана и одна женщина, по имени Олива, имѣвшая поразительное сходство съ королевой, вмѣсто ея являлась ночью на свиданіе къ кардиналу въ Версальскій садъ. Когда истина обнаружилась, Ла-Моттъ подверглась тѣлесному наказанію съ наложеніемъ клейма „V (voleuse) и заключенію въ тюрьмѣ Salpetrière, но она бѣжала въ Англію. Оливу заключили въ Бастилію, и кардиналъ Роганъ былъ оправданъ. Это было первое публичное оскорбленіе, нанесенное королевѣ революціей. Въ ноябрѣ 1890 года Ла-Моттъ вернулась въ Парижъ; ходили слухи, что она намѣрена была возобновить старый процессъ объ ожерельѣ.

воздушномъ шарѣ Монгольфіера съ аптекаремъ Шарлемъ, то въ Парижѣ распространился слухъ, будто онъ со страху прокололь шаръ своей шпагой, чтобы скорѣе опуститься на землю. Наконецъ по моимъ-же проискамъ дали чинъ главнаго адмирала графу д'Артуа, а не ему, побѣдителю Квессана, смѣлому воздухоплавателю...

Королева засмѣялась злымъ ироническимъ смѣхомъ. „По крайней мѣрѣ теперь, добавила она, Орлеанскій удовлетворенъ относительно послѣдняго пункта. Его величество пожаловалъ ему вчера титулъ главнаго адмирала и онъ явится сегодня во дворецъ благодарить короля за оказанную ему милость.

— Быть можетъ вліянію вашего величества припишутъ и отъѣздъ нашей благочестивой кузины Адельгейдъ-Маріи, супруги герцога Орлеанскаго, которая отправилась къ отцу съ твердою рѣшимостью никогда не возвращаться въ Пале-Рояль... Извѣстно ли вамъ, что герцогъ велѣлъ записать своего старшаго сына, якобинскій клубъ, а младшихъ дѣтей отправилъ въ Англію къ своей прежней любовницѣ m-me Жанлисъ? Теперь въ Пале-Роялѣ живетъ его новая возлюбленная m-me Бюффонъ.

— Неужели это правда? Невѣсткѣ знаменитаго натуралиста слѣдовало бы больше дорожить великимъ именемъ отца ея покойнаго мужа!..

— M-me Бюффонъ молода и не придаетъ никакой цѣны ученымъ заслугамъ, отвѣтила принцесса Ламбалль; ей нужны туалеты, а Орлеанскій богатъ. Говорятъ, онъ до безумія влюбленъ въ эту красивую легкомысленную женщину. Онъ разъѣзжаетъ съ ней цѣлые дни по улицамъ Парижа и чуть ли не каждый вечеръ они являются вдвоемъ въ театръ.

— Все это разумѣется не говоритъ въ пользу Орлеанскаго, и я вполнѣ сознаю, на сколько унизительно для насъ поддерживать сношенія съ подобными личностями, но утопающій хватается за соломинку.

— Но герцогъ еще не надежнѣе соломинки, ваше величество. Неужели вы надѣетесь на его помощь?

— Теперь вся наша задача заключается въ томъ, чтобы замедлить ходъ революціи, выиграть время, пока явится помощь изъ-за границы. Для нашего спасенія необходимо въ данную минуту хотя до извѣстной степени умѣрить партіи. Вотъ все, что мы требуемъ отъ Орлеанскаго.

— И вы надѣетесь, что онъ сдѣлаетъ это?.. Еще вопросъ, въ его ли это власти и захочетъ ли онъ?..

— Для него нѣтъ другаго исхода. Роль принцевъ, играющихъ роль демагоговъ, самая печальная. Ни одна партія не довѣряетъ имъ вполнѣ и считаетъ измѣнниками. Неужели вы предполагаете во мнѣ столько сантиментальности, что я могу думать, будто Орлеанскій своимъ настоящимъ поведеніемъ дѣйствительно намѣренъ загладить

свои старыя прегрѣшенія. Весь секретъ въ томъ, что онъ боится будущности. Принцъ королевской крови не можетъ быть другомъ революціи и народнымъ вождемъ. Народъ вѣчно будетъ ставить ему въ упрекъ его происхожденіе, имя, фамилію, званіе, хотя бы онъ тысячу разъ отрекался отъ нихъ. Онъ тотъ же Іуда Искаріотъ, и ему никогда не удастся воспользоваться жалкими серебренниками своей измѣны. Помните ли вы, моя милая принцесса, слова короля шведскаго Густава III-го, когда во время его пребыванія при нашемъ дворѣ, лѣтъ восемь или девять лѣтъ тому назадъ, его уговаривали посѣтить типографщика Франклина, посла сѣверо-американскихъ республиканцевъ, такъ какъ это было въ модѣ у высшаго общества. Правда, мой покойный братъ, императоръ Іосифъ II, не разъ бывалъ инкогнито у этого посланника-мѣщанина. Но шведскій король упорно отказывался отъ подобнаго визита, и вотъ его подлинныя слова, сказанныя по этому поводу: „никто больше меня не цѣнитъ научныя заслуги Франклина, но монархъ, выказывающій сочувствіе американской свободѣ—лицемѣръ“.

Марія Антуанетта печально улыбнулась при воспоминаніи о тѣхъ счастливыхъ дняхъ, когда она, одѣтая пастушкой въ соломенной шляпкѣ, прогуливалась въ садахъ Тріанона подъ руку съ шведскимъ королемъ, который чувствовалъ къ ней какое-то рыцарское обожаніе.

— Но довольно объ этомъ,—продолжала королева послѣ минутнаго молчанія.—Время иллюзій прошло, и мы дорого платимся за наше горячее сочувствіе американской войнѣ. Еще должна я сообщить вамъ, моя дорогая Ламбалль, новость, полученную мною сегодня утромъ изъ Кобленца,—что шведскій король Густавъ III на дняхъ оставляетъ свою столицу и собирается въ Ахенъ. За нимъ послѣдуетъ двѣнадцати-тысячное войско, навербованное благодаря русскимъ субсидіямъ, которое должно соединиться съ французскими эмигрантами. Они сядутъ у голландскаго берега на англійскія суда и высадятся близъ устья Сены, между тѣмъ какъ съ другой стороны подойдутъ къ Парижу войска моего брата, императора Леопольда, и его союзниковъ: короля прусскаго и герцога Брауншвейгскаго. Черезъ какія нибудь шесть-восемь недѣль мы будемъ избавлены отъ невыносимаго унизительнаго положенія, въ которомъ мы теперь находимся, и прежняя власть вернется къ намъ... Но чтобы пережить этотъ промежутокъ времени, пока наши друзья собираются въ Германіи, мы должны заручиться Орлеанскимъ, оградить себя отъ его интригъ и честолюбія, и мы разсчитываемъ на вашу помощь, моя дорогая принцесса! Что значитъ униженіе, когда мы имъ обезпечиваемъ свою будущность и неужели мы не пожертвуемъ нашей гордостью, для святаго дѣла королевской власти, когда мы охотно отдали бы за него свою жизнь. Въ жилахъ моего сына течетъ моя кровь, и я надѣюсь, что наступитъ день, когда онъ окажется достойнымъ внукомъ Маріи Терезіи.

Съ этими словами Марія Антуанетта гордо подняла свою голову.

Отуманенная видѣніями блестящей будущности она опять чувствовала себя прежней королевой, которой желанія были когда-то равносильны приказаніямъ. Настоящее не существовало для нея: она готова была смѣяться надъ безуміемъ толпы, мечтавшей отнять у ней корону.

Въ эту минуту къ ней подбѣжалъ маленькій дофинъ, одѣтый въ мундиръ недавно учрежденнаго полка мальчиковъ, названнаго въ честь его полкомъ дофина.

— Мама,—сказалъ дофинъ, внизу музыка, позволь мнѣ подойти къ окну.

Въ Тюльерійскомъ саду, который въ тѣ времена примыкалъ къ окнамъ дворца, какой-то савояръ, играя на флейтѣ, заставлялъ плясать своего сурка. Хотя это зрѣлище и тогда не было новостью на улицахъ Парижа, но вокругъ савояра была цѣлая толпа.

Королева отворила окно и взяла на руки маленькаго дофина, который захлопалъ въ ладоши отъ радости.

Но едва показались они у окна, какъ снизу послышалось нѣсколько грубыхъ голосовъ:

— Ah! le voilá! le petit mitron. Это была бранная кличка, данная народомъ дофину послѣ позорнаго нападенія на Версаль.

— А вотъ и она!.. кричали другіе, указывая пальцами на Марію Антуанетту.

Савояръ, не окончивъ начатой пьесы, неожиданно заигралъ карманьолу; стоявшіе около него дѣти, мужчины и женщины, взявшись за руки, запѣли хоромъ:

„Madame Véto avait promis
De faire égorger tout Paris,
Mais son coup a manqué,
Grâce à nos cannoniers.
Dansons la carmagnole,
Vive le son, vive le son,
Dansons la carmagnole,
Vive le son du canon"!..

Королева съ негодованіемъ заперла окно и приказала унести дофина, такъ какъ шумъ внизу сдѣлался еще сильнѣе. Слышался громкій смѣхъ и шутки: толпа, довольная тѣмъ, что ей удалось огорчить королеву, продолжала пѣть еще съ большимъ одушевленіемъ вышеприведенныя строфы, добавленныя къ старой пѣснѣ по поводу veto, произнесеннаго королемъ противъ изгнанія священниковъ.

Но за все, что ни случалось въ Тюльери, отвѣтственнымъ лицомъ неизмѣнно являлась Марія Антуанетта. Поэтому и въ пѣснѣ она должна была фигурировать подъ именемъ „madame Véto".

Марія Антуанетта съ глубокою грустью отошла отъ окна. Она уже не думала о коронѣ съ тою увѣренностью, какъ нѣсколько минутъ тому назадъ. Въ душѣ ея впервые проснулось смутное предчувствіе, что корона рано или поздно можетъ сдѣлаться для нея терновымъ вѣнцомъ.

ГЛАВА II.

Пріемъ, оказанный герцогу Орлеанскому во дворцѣ.

Въ этотъ моментъ подъ высокимъ позолоченнымъ порталомъ, ведущимъ въ „Grande chambre du roi“, появился одинъ изъ привратниковъ въ обычной придворной одеждѣ, съ булавой и съ широкой шляпой въ рукахъ.

— Карета его королевскаго высочества герцога Орлеанскаго, — доложилъ онъ звучнымъ голосомъ, который звонко раздался во всѣхъ ближайшихъ залахъ и произвелъ всеобщее смущеніе.

За исключеніемъ короля, министровъ и г-на фонъ Саллисъ, начальника швейцарскаго отряда, никто не зналъ во дворцѣ о предполагаемомъ визитѣ герцога Орлеанскаго.

Это опять была одна изъ тѣхъ полумѣръ, которыя имѣли такія гибельныя послѣдствія для Людовика XVI-го и для Французской монархіи, потому что для короля подобный способъ дѣйствія едва ли не самый ошибочный и нецѣлесообразный.

Обычная нерѣшительность и уваженіе къ предразсудкамъ придворныхъ побудили короля скрыть отъ нихъ до послѣдняго момента ожидаемый визитъ Орлеанскаго. Къ тому же Людовикъ XVI боялся открытаго противодѣйствія съ ихъ стороны. Они чувствовали глубокую непримиримую ненависть къ Орлеанскому, и никто изъ нихъ не могъ допустить мысли, чтобы король по собственной инициативѣ пожелалъ видѣться съ нимъ. Такое сближеніе показалось бы имъ также невозможнымъ, какъ то, что день и ночь могутъ быть вмѣстѣ. Наконецъ врядъ ли королю удалось увѣрить ихъ въ необходимости такого шага, если бы онъ и вздумалъ сдѣлать ихъ своими повѣренными. Можетъ быть они и въ этомъ случаѣ воскликнули бы: „лучше смерть, нежели Орлеанскій“.

Такимъ образомъ извѣстіе о прибытіи герцога въ Тюльери было совершенно неожиданное и застало всѣхъ въ расплохъ.

Большая часть господъ, находившихся въ это время въ „Antichambre du roi“, были мелкіе дворяне изъ провинцій. Это были все новыя лица при дворѣ, о которыхъ никто и не думалъ, пока шли празднества въ Версалѣ и буколическія забавы въ Тріанонѣ. Но теперь, когда эмиграція уменьшила число придворныхъ и со сцены сошли такія видныя лица какъ Конде, Полиньякъ, Брольи, Куаньи, Гуинъ и проч.—тогда явились въ Парижъ изъ своихъ феодальныхъ помѣстій мелкіе дворяне съ полумужицкой наружностью и пріемами, чтобы встать между королемъ и народомъ и защитить собою того, кому они клялись въ вѣрности. Однако, не смотря на всю свою готовность пожертвовать жизнью для короля, что могли сдѣлать они

для его спасенія? Ихъ было всего нѣсколько сотъ и они не имѣли предводителя, который бы руководилъ ими.

Днемъ они находились неотлучно во дворцѣ, а на ночь удалялись въ нанятыя ими квартиры по близости Тюльери. У нихъ были пропускные билеты, дававшіе имъ доступъ въ тюльерійскія ворота во всякое время, и особые знаки, по которымъ они узнавали другъ друга. Они носили подъ платьемъ обнаженные кинжалы, которые были всегда на готовѣ противъ враговъ короля. Народъ скоро открылъ существованіе этого тайнаго общества, членовъ котораго можно было легко узнать по ихъ чернымъ, мрачнымъ фигурамъ, которыя только ночью показывались внѣ дворца,—преслѣдовалъ ихъ, наносилъ имъ различныя оскорбленія и называлъ „рыцарями кинжала".

Эти рыцари кинжала составляли тайную стражу королевскаго семейства и постоянно находились въ „Antichambre du roi". Большинство ихъ было одѣто въ черномъ, но между ними виднѣлись еще мундиры распущенной конституціонной гвардіи и мундиры линейныхъ полковъ, которые національное собраніе отодвинуло на границы съ цѣлью очистить Парижъ отъ солдатъ, сохранившихъ вѣрность королю.

Первое впечатлѣніе, произведенное на этихъ господъ докладомъ привратника—былъ испугъ.

— Неужели дошло до того, — воскликнули нѣкоторые изъ нихъ, что Орлеанскій рѣшается напасть на насъ при дневномъ свѣтѣ!

— Какое можетъ быть у него дѣло въ Тюльери? — спрашивали другіе.

— Къ чорту Орлеанскаго!—слышалось въ третьей группѣ.

— Онъ вѣроятно явился парламентеромъ отъ рыночныхъ торговокъ.

— Хотя бы онъ былъ посланъ отъ всѣхъ парижскихъ предмѣстьевъ, ему не пройти во дворецъ.

— Нѣтъ, онъ не войдетъ сюда, клянусь частью воскликнулъ одинъ изъ господъ, одѣтый въ мундиръ Фландрскаго полка,—будь проклятъ тотъ дворянинъ, который допустилъ, чтобы Орлеанскій вошелъ въ комнату короля.

— Ты правъ—сказалъ другой,—этому не бывать. Кто знаетъ, что на умѣ у герцога Орлеанскаго.

— Я знаю, что у него на умѣ!—отвѣтилъ господинъ въ мундирѣ конституціонной гвардіи.—За мною, кто вѣренъ королю!.. На насъ лежитъ отвѣтственность за особу его королевскаго величества.

— Ты кажется не особенно расположенъ къ Орлеанскому, С. Мало! замѣтилъ стоявшій возлѣ него дворянинъ.

— Кто можетъ любить его! отвѣтилъ С. Мало.—Гдѣ убійство, измѣна, нарушеніе клятвы, поруганіе супружества—тамъ и Орлеанскій! Будь онъ проклятъ! Вонъ его.

— Не пускать Орлеанскаго! послышалось въ тѣсной толпѣ дворянъ,—и сотни рукъ инстинктивно схватились за кинжалы.

Между тѣмъ въ „Grande chambre du roi“, король, королева, королевскія дѣти, принцесса Ламбалль, другія дамы, министры,—готовились встрѣтить Орлеанскаго, который въ это время вошелъ въ залу, занимаемую швейцарцами.

— Отдайте честь его королевскому высочеству!—скомандовалъ фонъ Саллисъ.—На караулъ!

Послышалось мѣрное звяканье ружей, когда Орлеанскій, раскланиваясь по военному, проходилъ мимо швейцарцевъ, ставшихъ шпалерою по обѣимъ сторонамъ залы.

На герцогѣ былъ новый мундиръ главнаго французскаго адмирала съ широкой орденской лентой св. Михаила черезъ плечо.

Орлеанскій всегда дѣйствовалъ подъ впечатлѣніемъ минуты, и потому трудно сказать, на сколько онъ былъ искрененъ въ своемъ желаніи примириться съ королемъ и въ своихъ увѣреніяхъ о преданности и повиновеніи его величеству. Быть можетъ на этотъ разъ имъ руководилъ не одинъ капризъ, а прямая необходимость. Онъ стоялъ на распутьи. Пока существовала одна партія оппозиціи, къ которой принадлежало большинство національнаго собранія, онъ безъ колебанія вступилъ въ ея ряды—но теперь она распалась на новыя партіи и конституціонно-монархическій элементъ былъ подавленъ въ корнѣ. Побоище на Марсовомъ полѣ было главною причиною его гибели. Вопросъ шелъ теперь не о расширеніи или уменьшеніи монархическихъ правъ; конечною цѣлью для всѣхъ стала республика. Умѣренная партія республиканцевъ идеалистовъ,—къ которой въ силу естественнаго хода революціи примкнулъ Орлеанскій,—оттолкнула его. Душою этой партіи была теперь m-me Роланъ, которая на первомъ планѣ своей программы, рядомъ съ древне-римскою любовью къ свободѣ ставила и древне-римскую добродѣтель, и потому она необходимо должна была отвергнуть человѣка, подобнаго Орлеанскому, не признававшему основныхъ правилъ честности. Во главѣ другой партіи стоялъ „неподкупный“ Робеспьеръ, для котораго не существовали ни деньги, ни милости Орлеанскаго и который на столько же любилъ революцію и увлекался ею, какъ Орлеанскій женщинами. Въ герцогѣ не было ни одного изъ тѣхъ свойствъ, которыя Робеспьеръ неуклонно требовалъ отъ приверженцевъ своей партіи, и ему оставалось только примкнуть къ Марату, но надъ этимъ онъ задумался, тѣмъ болѣе что для него былъ еще одинъ исходъ—примиреніе съ дворомъ.

Въ это время положеніе роялистовъ далеко не было такъ безнадежно, какъ оно казалось. Правда, принцы, высшее дворянство были въ Эдинбургѣ, Лондонѣ, Кобленцѣ,—вездѣ кромѣ поля чести, которое они очистили безъ боя, оставивъ вмѣсто себя однихъ только „рыцарей кинжала“, преданныхъ, но неумѣлыхъ людей, которые могли только ухудшить положеніе короля. Но съ другой стороны смѣлый и краснорѣчивый призывъ, сдѣланный во-время, могъ бы немедленно

собрать подъ бѣлое знамя со всѣхъ концовъ Франціи цѣлую толпу королевскихъ приверженцевъ, между тѣмъ какъ на границахъ въ свою очередь собирались войска нѣмецкихъ монарховъ для вторженія во французскую территорію.

Все это конечно было хорошо извѣстно Орлеанскому; и если онъ именно въ это время искалъ примиренія съ дворомъ, то онъ могъ только имѣть въ виду или восторжествовать съ королемъ, или пасть вмѣстѣ съ нимъ. Однако такая рѣшимость повидимому дорого стоила ему, потому что лицо его противъ обыкновенія выражало сильное смущеніе.

Онъ дошелъ до „Antichambre du roi", но тутъ „рыцари кинжала" загородили ему дорогу самымъ непочтительнымъ образомъ.

— Господа—сказалъ имъ Орлеанскій,—прошу у васъ позволенія представиться его королевскому величеству.

— Здѣсь не мѣсто Орлеанскому—говорили разомъ сотни голосовъ.

— Вы ошибаетесь, господа, я пришелъ сюда по повелѣнію его королевскаго величества.

При этихъ словахъ нѣсколько дворянъ, стоявшихъ у порога, отступили въ нерѣшимости, и Орлеанскій вошелъ, но тутъ ему опять загородили дорогу, и онъ очутился среди толпы, тѣснившей его со всѣхъ сторонъ.

— Господа... Что это значитъ? Пропустите меня... я положительно задыхаюсь...

— Тѣмъ лучше,—отвѣтили ему.

— Тутъ очевидное недоразумѣніе,—проговорилъ съ усиліемъ Орлеанскій, чуть не вскрикивая отъ боли, такъ какъ его не только толкали въ грудь и бока, но нарочно наступали ему изо всѣхъ силъ на ноги. Наконецъ онъ почувстовалъ ударъ кулака въ спину.

— Это уже насиліе! воскликнуло разомъ нѣсколько голосовъ.—Мы не должны нарушать приличій.

— С.-Мало!—пробормоталъ герцогъ блѣднѣя.

Это была его первая встрѣча съ мужемъ Натали послѣ памятной для него ночи въ Брайтонѣ.

— Это измѣна... продолжалъ герцогъ, стараясь овладѣть собой.

— Гдѣ Орлеанскій, тамъ всегда измѣна,—отвѣтилъ С.-Мало, пристально глядя ему въ лицо.

— Меня заманили въ западню,—сказалъ герцогъ.

— Тебѣ платятъ той же монетой.

— Господа, пропустите... Меня раздавятъ въ передней его королевскаго величества.

— Это была бы слишкомъ почетная смерть для Орлеанскаго...

— Вонъ!.. Гоните его!—закричало разомъ нѣсколько голосовъ, и Орлеанскаго тотчасъ-же вытолкнули за двери.

— Вотъ тебѣ за Натали!—шепнулъ ему на прощанье С.-Мало.

Орлеанскій окончательно растерялся.

Швейцарцы были крайне озадачены этой дикой сценой, но не получая никакого приказа отъ своего капитана, они не рѣшались подать помощь Орлеанскому и молча стояли подъ ружьемъ.

Король и его приближенные серьезно встревожились, когда узнали причину слышаннаго ими шума. Лицо принцессы Ламбалль приняло на минуту какое-то странное, неуловимое выраженіе: была-ли это улыбка торжества, невольное состраданіе къ врагу, или боязливое предчувствіе будущаго? „Этого можно было ожидать", сказала она вполголоса. Король какъ всегда выказалъ полную безпомощность и нерѣшительность. Но королева тотчасъ же приказала одному изъ министровъ вернуть Орлеанскаго во что бы то ни стало и провести въ ея комнаты, такъ какъ она рѣшилась сама извиниться передъ герцогомъ за своихъ придворныхъ.

Между тѣмъ герцогъ въ замѣшательствѣ вмѣсто главной и большой лѣстницы вышелъ на другую, которая вела въ покои королевы. На встрѣчу ему попались лакеи съ обѣдомъ для королевскихъ дѣтей, и тотчасъ-же сверху послышались голоса его враговъ.

— Будьте осторожны съ блюдами,—кричали они лакеямъ, чтобы Орлеанскій не подсыпалъ въ нихъ отравы.

Герцогъ бросился назадъ по лѣстницѣ и быстрыми шагами прошелъ мимо дворянъ и С.-Мало, которые съ ненавистью смотрѣли на него. Наконецъ достигъ онъ „большой" лѣстницы и сталъ спускаться съ нея, но тутъ его ожидало новое, еще худшее оскорбленіе; стоявшіе у перилъ дворяне плевали на него сверху: на голову, лицо, платье...

Оплеванный, пристыженный вышелъ онъ на улицу и бросился въ свою карету, ожидавшую его у главнаго входа. „Это дѣло твоихъ рукъ, Марія Антуанетта! воскликнулъ онъ внѣ себя отъ ярости и стыда. Но ты будешь наказана. Ты оттолкнула руку, которая могла бы спасти всѣхъ васъ; эта рука погубитъ тебя. Ты вынесешь еще не такія униженія и умрешь самою позорною смертью"...

Въ тотъ-же вечеръ Маратъ получилъ черезъ посредство Дантона первый свертокъ луидоровъ отъ Орлеанскаго, съ надписью: „позаботься, чтобы мы поскорѣе отчеканили новыя золотыя съ инымъ изображеніемъ".

Въ слѣдующую затѣмъ ночь Орлеанскій собралъ у себя своихъ друзей, между которыми въ первый разъ былъ Сантерръ, пивоваръ изъ предмѣстья С.-Антуанъ. Въ большой залѣ Пале-Рояля раздавался веселый звонъ стакановъ, наполненныхъ шампанскимъ; провозглашались тосты за погибель Людовика XVI и его семьи.

Герцогъ окончательно перешелъ на сторону республиканцевъ. На его дворцѣ стерта была прежняя надпись „Palais-Royal" и замѣнена новою „Palais d'Orleans".

Вскорѣ послѣ того несчастная Марія Антуанетта получила извѣ-

стіе, что ея братъ, австрійскій императоръ Леопольдъ, внезапно умеръ, а шведскій король Густавъ III убитъ въ маскарадѣ.

Три мѣсяца спустя, 20 іюня 1792 года, огромная толпа народа подъ предводительствомъ Сантерра ворвалась въ Тюльери, вооруженная копьями, пиками, ножами, топорами. Помимо оскорбленій, нанесенныхъ Маріи Антуанеттѣ и безпомощному Людовику XVI, на маленькаго дофина надѣли тогда красную якобинскую шапку.

ГЛАВА III.

Леди Эліоттъ среди революціи.

Въ душѣ леди Эліоттъ совершилась странная перемѣна съ той ночи, когда она встрѣтила брата Натали. Она была увѣрена, что пережила всѣ бури жизни и достигла тихой пристани, гдѣ нѣтъ больше личныхъ желаній, веселыхъ и печальныхъ сновидѣній, и гдѣ человѣкъ является зрителемъ или участникомъ чужой жизни, чужихъ радостей или страданій.

Но она еще не дошла до этого.

Въ тѣ моменты, когда выстрѣлы пушекъ на Марсовомъ полѣ потрясали воздухъ, она горячо молилась о жизни Жильбера. Но тутъ среди молитвы и невольно проливаемыхъ слезъ въ душѣ ея возникъ рядъ сомнѣній: „Развѣ съ этой молитвой за другаго не связана эгоистическая мысль о самой себѣ? Не лучше ли въ этомъ случаѣ желать ему смерти, а не жизни?.. Но эта мысль еще эгоистичнѣе и преступнѣе... Неужели мы въ правѣ желать смерти тому, кого мы боимся?.. Развѣ нѣтъ у ней силъ для борьбы“...

Прошелъ годъ съ того дня, когда леди Эліоттъ молилась, плакала и горевала о Жильберѣ.

Пораженный пулей онъ палъ съ высоты алтаря отечества, на которомъ говорилъ рѣчь народу. Но онъ не умеръ,—въ немъ была та же живучесть, что и въ революціи; первое пораженіе придало ему новыя силы. Мертвыя тѣла, которыми Лафайетъ покрылъ Марсово поле, должны были служить плотиной для революціи; но она порвала эту плотину и неудержимымъ потокомъ охватила всю Францію, увлекая съ собою престолъ французскихъ королей, Людовика XVI-го, партію за партіею и только одного Робеспьера возвела она на недосягаемую высоту, и то на одинъ моментъ,—и сама же свергла его, обремененнаго проклятіями человѣчества.

Робеспьеръ, значеніе котораго росло съ каждымъ днемъ, увлеченный рѣчью Жильбера въ якобинскомъ клубѣ, вывелъ его изъ неизвѣст-

ности и познакомилъ съ главными народными предводителями. Первый шагъ былъ сдѣланъ; остальнаго уже не трудно было достигнуть;—скоро для Жильбера открылось широкое поле дѣятельности, такъ какъ онъ былъ принятъ въ революціонный кружокъ, который изъ Парижа управлялъ тогда цѣлой Франціей.

— Твои враги богатые и порочные люди,—сказалъ ему Робеспьеръ при первомъ ихъ свиданіи.—Они и революціи и мнѣ такіе-же враги. Будемъ друзьями.

Робеспьеръ ввелъ Жильбера въ семейство каменьщика Дюплея, у котораго онъ жилъ, а равно и въ интимный кругъ своихъ друзей: Кутона, С.-Жюста и Лебаса. Прошлое Жильбера, а равно и близость его съ извѣстными революціонерами-фанатиками обратили на него общее вниманіе и онъ былъ единогласно выбранъ въ числѣ представителей народа въ новое законодательное собраніе.

Жильберъ посвятилъ себя новой дѣятельности съ горячимъ увлеченіемъ, которое возвысило и преобразило все его существо. Революція, представлявшая для Робеспьера логическое послѣдствіе извѣстнаго порядка вещей, была для Жильбера конечной цѣлью его стремленій, исполненіемъ любимой мечты. Онъ проснулся послѣ темной ночи своего прошлаго, чтобы увидѣть утро, которое принесло ему съ собою свободу и любовь, и теперь переживалъ лучшія минуты въ своей жизни.

Но для леди Эліоттъ это было время двойной борьбы. Она любила и вмѣстѣ съ тѣмъ боялась Жильбера, въ которомъ нашла олицетвореніе всего того, что она нѣкогда мечтала встрѣтить въ любимомъ человѣкѣ. Онъ былъ полонъ жизни, дѣятельности, энергіи, красивъ собою, благороденъ во всѣхъ своихъ помыслахъ и поступкахъ,—что же заставляло ее бороться съ такою силою противъ той любви, которую она чувствовала къ нему? „Слишкомъ поздно", говорила она себѣ. Она видѣла въ немъ идеалъ своей утраченной молодости и мстителя за то, что этотъ идеалъ по ея винѣ недоступенъ для нея. „Арзасъ!" невольно повторяла она, и это имя всякій разъ вызывало въ ея душѣ отголосокъ далекаго прошлаго. Бывали минуты, когда присутствіе Жильбера приводило ее въ трепетъ. Онъ былъ представитель революціи, которая наступила для суда и наказанія и должна была очистить свѣтъ отъ лжи и водворить правду. Но развѣ она не лжетъ передъ нимъ?.. Эта мысль терзала ее, не давала покоя, но она все-таки не рѣшалась на признаніе. Если бы она даже захотѣла разсказать ему все, что ей было извѣстно о Натали, то какъ обойти тотъ моментъ, когда судьба любимой подруги была въ ея рукахъ и она вѣроломно предала ее, уничтоживъ письмо Орлеанскаго. Имѣла-ли она право разсказать о грѣхахъ умершей и умолчать о живущихъ. Все прошлое возставало въ ея памяти и свидѣтельствовало противъ нея. Передъ своимъ судьей леди Эліоттъ теряла всякое мужество. Не могла же она назвать герцога Орлеанскаго, не упомянувъ принца Уэльскаго.

Жильберъ, пройдя черезъ аскетизмъ тюрьмы, вполнѣ сочувствовалъ строгимъ правиламъ Робеспьера, который принялъ своимъ девизомъ: „наши враги порочны,—мы будемъ добродѣтельны". Но даже помимо этого могла-ли леди Эліоттъ признаться Жильберу, человѣку изъ народа, что она была любовницей принца. „Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ подобное признаніе!...

Леди Эліоттъ въ своихъ долгихъ бесѣдахъ съ Жильберомъ всегда говорила ему о своемъ прошломъ въ общихъ чертахъ, и только вскользь разсказала ему о своемъ раннемъ замужествѣ и скоромъ вдовствѣ, добавивъ, что послѣ того она жила одна и совершенно независимо. Но обо всемъ остальномъ она упорно молчала. Это молчаніе поразило Жильбера съ самаго начала ихъ сближенія, но онъ объяснилъ себѣ его какъ влюбленный. Онъ былъ увѣренъ, что причина такихъ пробѣловъ—несчастная любовь, и въ душѣ его пробудилось странное чувство ревности.

— Ты любила, Грэсъ, разскажи мнѣ объ этомъ,—сказалъ онъ ей однажды.

— Если я любила,—отвѣтила съ смущеніемъ леди Эліоттъ, то я лишилась того, кого любила. Ты не будешь требовать отъ меня, Жильберъ, чтобы я будила старое горе, говоря о прошломъ.

— Развѣ любовь никогда не забывается.

— Никогда!—съ живостью воскликнула леди Эліоттъ.—Если только это не былъ обманъ чувствъ.

— Ты не любишь меня!—сказалъ Жильберъ.—Неужели я не буду въ состояніи изгладить изъ твоей памяти образъ того, котораго ты любила и потеряла на всегда.

Леди Эліоттъ молчала.

— Твое молчаніе для меня краснорѣчивѣе твоихъ словъ, Грэсъ. Ты щадишь меня и потому не говоришь „нѣтъ". Развѣ не лучше сразу узнать всю правду, чѣмъ успокоивать себя обманомъ, который, удаляя минуту признанія, дѣлаетъ ее еще страшнѣе.

Эти слова поразили леди Эліоттъ въ самое сердце. Но она предпочла вынести муку самообвиненія, нежели признаться любимому человѣку, что она недостойна его любви.

— Жильберъ, сказала она: передъ тобою открыто блестящее поприще дѣятельности. Народъ возлагаетъ на тебя свои надежды, ты призванъ къ великому дѣлу съ лучшими и избранными людьми Франціи. Для человѣчества только что наступаетъ заря новой жизни—она освѣтитъ и твою жизнь. Зачѣмъ ты обращаешь твои взоры на ту, для которой все кончено...

— Ты несчастна, Грэсъ. Тѣмъ лучше для меня. Быть можетъ мнѣ удастся возвратить тебѣ счастье.

— Счастье, Жильберъ!.. счастливы только тѣ, которые отреклись отъ всего.

— Нѣтъ, Грэсъ, скромная доля счастья дана людямъ и въ ихъ

наслажденіяхъ. Развѣ революція извратила міръ... изгнавъ лжецовъ и мнимыхъ пророковъ, она не думала отнимать отъ насъ то, что составляетъ лучшую красу жизни. Если она преслѣдуетъ пороки и распущенность гнилаго общества, то съ тѣмъ, чтобъ создать иную нравственность, на иныхъ началахъ. Кто можетъ отвергать святость и чистоту любви, основанной на истинномъ чувствѣ. Каждый изъ насъ носитъ небо въ своей душѣ. Кто любитъ —тотъ святъ.

— Есть также несчастная любовь.

— Развѣ существуетъ грѣховная добродѣтель и временная вѣчность! возразилъ съ нетерпѣніемъ Жильберъ. Это ложь и противорѣчіе, которыми пробавлялось старое поколѣніе съ его извращенною моралью. Это гнилыя подпорки, которыми слишкомъ долго держался старый порядокъ вещей. Прочь ихъ! Революція уничтожила ихъ,—она олицетвореніе правды.

— Она олицетвореніе мести, Жильберъ.

— Нѣтъ, Грэсъ, революція—любовь. Корень ея въ чистой безкорыстной любви къ человѣчеству, непреложной и неумолимой какъ смерть. Ея пламя...

— Пламя, которое все разрушаетъ.

— Да, какъ молнія, падающая съ неба. Но грозы очищаютъ воздухъ. Кругомъ насъ постоянно совершаются перевороты. Рядъ геологическихъ переворотовъ создалъ нашу землю. Революція на мѣсто стараго создаетъ новый свѣтъ.

— Но если рушится старый свѣтъ, то живущіе въ немъ должны погибнуть.

— Быть можетъ и мы послѣдуемъ за нашими врагами,—отвѣтилъ Жильберъ,—они идутъ къ эшафоту путемъ преступленія; мы избрали другой путь—въ этомъ вся разница. Революція не для революціонеровъ—ихъ ждетъ могила и безсмертіе въ памяти потомства. Разрушители погибнутъ сами подъ развалинами; жертвы настоящаго послужатъ спасеніемъ для будущаго. Тогда начнется новый міръ. Охладѣвшая лава украсится вновь виноградными лозами и цвѣтами. Роскошнѣе ростетъ посѣвъ на почвѣ долины, удобренной иломъ наводненія; изъ пепла сгорѣвшаго лѣса подымается буковое дерево и величественный дубъ, символъ силы и свободы. Когда все совершится, пронесутся бури и наступитъ новый, лучшій міръ, тогда въ тишинѣ природы, вдали отъ людей мы найдемъ счастіе, которое вознаградитъ меня за вынесенныя страданія, заставитъ и тебя забыть прошлое.

— Ты только что сказалъ, Жильберъ, что революція не для революціонеровъ.—Переживемъ ли мы ее?

— Кто знаетъ... Если бы это случилось, въ цѣломъ свѣтѣ не было бы человѣка счастливѣе меня!—Сколько разъ ты сама, Грэсъ, подавала мнѣ надежду въ будущемъ. Когда цѣль будетъ достигнута, ты будешь моя.

— Но достигнемъ ли мы ея?.. нерѣшительно отвѣтила леди Эліоттъ.

— Если у человѣка опредѣленная цѣль, то онъ долженъ достигнуть ея. Тогда, Грэсъ, ничто уже не разлучитъ насъ.

— Да, тогда... тихо проговорила она—и слеза упала съ ея глазъ на его руку, которую онъ протянулъ, чтобы обнять ее.

Какъ хороша она была въ эту минуту. Блескъ и полнота молодости покинули ее; но нѣжныя черты лица стали еще выразительнѣе и едва-ли не прекраснѣе прежняго; на нихъ былъ тотъ отпечатокъ страданія и грусти, который дѣлаетъ такими дорогими и милыми иныхъ женщинъ для любящаго человѣка.

Въ любви Жильбера къ леди Эліоттъ уже не было страстности первой встрѣчи; его чувство сдѣлалось болѣе спокойнымъ, глубокимъ и серьезнымъ. Онъ объяснялъ себѣ ея молчаніе относительно прошлаго боязнью оскорбить его воспоминаніями о человѣкѣ, нѣкогда любимомъ ею,—и она казалась ему еще чище и святѣе. Даже самая эта таинственность и ея стремленія къ самоотреченію привлекали его; онъ не могъ еще больше любить ее, если бы даже встрѣтилъ полную горячую взаимность съ ея стороны.

Возвратить счастіе существу, которое мы любимъ и обоготворяемъ, для людей высокаго нравственнаго развитія своего рода наслажденіе, которое имѣетъ для нихъ большую прелесть, нежели пробудить первое ощущеніе счастія въ юной, ничего не испытавшей душѣ. Въ такой любви нѣтъ эгоизма и чувственности, и такою любовью Жильберъ любилъ леди Эліоттъ. Идеалистъ въ душѣ онъ искалъ и въ любви идеала. Стремленіе обладать той, которую онъ считалъ совершенствомъ женской добродѣтели и красоты, было для него дороже самаго обладанія.

— Когда мы достигнемъ цѣли, я буду твоей,—сказала она ему, и эта надежда постоянно поддерживала его. Онъ шелъ спокойный и довольный по избранному имъ пути, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязываясь къ леди Эліоттъ, которая незамѣтно для него сдѣлалась центромъ всѣхъ его чувствъ, мыслей и самой жизни.

Леди Эліоттъ видѣла это и боялась образа, созданнаго любовью Жильбера. Она знала, что не имѣетъ ничего общаго съ этимъ образомъ. До знакомства съ нимъ она твердо начертала себѣ планъ своей будущей жизни и это доставляло ей спокойствіе въ минуты тревоги. Но теперь, когда между ею и ея планомъ стоялъ Жильберъ, она уже не чувствовала твердой почвы подъ собою и съ ужасомъ думала о своей будущности.

Леди Эліоттъ даже усомнилась въ той задачѣ, которая прежде удовлетворяла ее. Она не разъ задавала себѣ вопросъ: зачѣмъ она взяла на себя воспитаніе мальчика, случайно встрѣченнаго ею и что выйдетъ изъ него?

Всѣ ея попытки узнать что-либо о его прошломъ окончились неудачей. Она ходила съ Шарлемъ на лѣвый берегъ Сены, чтобы онъ указалъ ей улицу и мѣсто, гдѣ стоялъ домъ г-на Бариньи. Мальчикъ

тотчасъ же узналъ мѣсто, тѣмъ болѣе, что домъ разрушенный въ началѣ революціи, еще лежалъ въ развалинахъ загороженный рѣшеткой. Но развалины не дали разрѣшенія тайны, котораго напрасно искала леди Эліоттъ. Г-нъ Бариньи не оставилъ послѣ себя семьи, а всѣ его друзья и знакомые выѣхали изъ Парижа. Также нельзя было найти и слѣда прежняго гувернера Шарля, который пропалъ безъ вѣсти при пожарѣ дома г-на Бариньи.

Маленькій Шарль значительно выросъ и похорошѣлъ въ это время, но чѣмъ больше онъ развивался, тѣмъ сильнѣе выступала индивидуальность его лица. Леди Эліоттъ часто съ удивленіемъ смотрѣла на него: это былъ тотъ-же широкій лобъ, прямой выдающійся носъ, полныя губы—неужели подобное сходство могло быть дѣломъ одной случайности? Она не могла долѣе обманывать себя; прошлое живо воскресло въ ея памяти и, не смотря на всѣ усилія, она уже не въ состояніи была относиться къ ребенку съ прежнимъ чувствомъ. Борьба въ ея душѣ становилась мучительнѣе.

Между тѣмъ Жильберъ, узнавъ отъ леди Эліоттъ о странной судьбѣ красиваго и понятливаго мальчика, относился къ нему съ большимъ сочувствіемъ. Маленькій Шарль съ радостью встрѣчалъ его, бросался къ нему въ объятья и ждалъ, пока Жильберъ отдастъ ему свою шляпу съ плюмажемъ и трехцвѣтный шарфъ. Мальчикъ наряжался въ нихъ и важно расхаживалъ по комнатѣ, повторяя подслушанныя имъ фразы.

— Я хочу быть представителемъ народа,—сказалъ онъ однажды.— Эй, вы! Уваженіе къ верховной власти французской націи.

Жильберъ улыбался, слушая его, но леди Эліоттъ была видимо недовольна.

— Положи на столъ шляпу и шарфъ, Шарль,—сказала она—и оставь насъ однихъ.

Маленькій Шарль поспѣшно удалился.

Жильберъ былъ очень удивленъ такою строгостью.

— Почему запрещаешь ты ему играть и веселиться.

— Мнѣ было непріятно, что онъ украшаетъ себя отличительными знаками революціи, которые запятнаны кровью его отца, или вѣрнѣе сказать,—добавила она,—кровью того человѣка, котораго онъ считаетъ своимъ отцомъ. Я ему не сказала еще, что не Бариньи отецъ его... Но непремѣнно скажу. Можетъ быть это ему пригодится въ будущемъ.

— Какъ!—воскликнулъ Жильберъ.—Неужели ты можешь быть такой жестокой. Бѣдный ребенокъ, какъ ты сама разсказывала, не зналъ даже, что у каждаго человѣка должна быть мать, а ты хочешь отнять у него и отца.

Голосъ Жильбера задрожалъ. Онъ думалъ о своей собственной участи, которая имѣла такое сходство съ судьбой маленькаго Шарля.—Оставь ему это заблужденіе,—продолжалъ Жильберъ.—Что ты можешь дать ему взамѣнъ этого?

Леди Эліоттъ не смѣла сообщить свое предположеніе относительно происхожденія мальчика, такъ какъ ей пришлось бы коснуться одного пункта, который она утаила отъ Жильбера. Она сознавала съ болью въ сердцѣ, что все больше и больше путается въ паутинѣ лжи и скрывательства. Но воля окончательно оставила ее.

Жильберъ не замѣтилъ страннаго выраженія на лицѣ леди Эліоттъ. Онъ думалъ о мальчикѣ, о своемъ прошломъ, къ которому неизмѣнно примѣшивалось воспоминаніе о Натали. Въ это время на него всегда находило мирное расположеніе духа.

— Что можетъ быть счастливѣе дѣтства,—сказалъ онъ.—Для дѣтей не существуетъ ни воспоминаній, ни обманчивыхъ надеждъ. Они живутъ настоящимъ. У нихъ новое впечатлѣніе изглаживаетъ старое, такъ что въ позднѣйшіе годы мы и сами не понимаемъ, какъ выступаютъ въ нашей памяти одинъ за другимъ образы дѣтства.

Леди Эліоттъ была, напротивъ того, въ нервномъ и раздраженномъ состояніи.

— Вотъ это и заставляетъ меня сомнѣваться въ вѣчной справедливости, — сказала она. — Почему каждый человѣкъ, являясь на свѣтъ Божій, не можетъ начать новую жизнь независимо отъ прошлаго и долженъ отвѣчать за грѣхи, которые были совершены до него.

— Какъ можешь ты называть это вѣчной справедливостью, другъ мой, — возразилъ Жильберъ. — Только люди по своей ограниченности не могутъ различить, за что человѣка слѣдуетъ привлечь къ отвѣтственности и въ чемъ онъ совершенно невиновенъ.

— Какъ! — воскликнула леди Эліоттъ.—Развѣ я не слышала тысячу разъ отъ васъ, — когда васъ упрекали въ жестокости къ Людовику XVI и Маріи Антуанеттѣ, которыхъ вы мучите и заставляете выносить всевозможныя оскробленія,—что они отвѣчаютъ за грѣхи отцовъ.

— Да, за грѣхи отцовъ, отъ которыхъ они не хотятъ отрѣшиться. Революція указывала имъ средство къ спасенію. Они отвергли ея предложенія, приняли участіе въ заговорѣ нашихъ враговъ внутри Франціи и эмигрантовъ за-границей. Развѣ не стоятъ войска коалиціи на нашихъ границахъ? Революція требовала отъ нихъ открытаго, честнаго способа дѣйствій. Они дали намъ одну ложь, и она погубитъ ихъ.

Леди Эліоттъ въ смущеніи опустила глаза.

— Неужели ты думаешь, — продолжалъ Жильберъ,—что я и мои друзья желаемъ республики. Къ несчастію, для республики нужны республиканцы, а мы знаемъ, чего можно ожидать отъ Французскаго народа, который при своихъ вѣковыхъ путахъ перенялъ всѣ пороки, отъ которыхъ ему приходилось страдать, и они крѣпко привились къ нему. Но не далекъ день, когда мы должны будемъ провозгласить республику и создать республиканцевъ. И мы создадимъ ихъ, — добавилъ Жильберъ, и прекрасное лицо его приняло мрачное и рѣшительное выраженіе.

Леди Эліоттъ не смѣла взглянуть на него.

— Тогда, сказалъ Жильберъ, — и рука его судорожно сжала ручку кресла, на которомъ онъ сидѣлъ,—тогда братъ возстанетъ на брата, сынъ не пощадитъ отца.

— Жильберъ! воскликнула леди Элліотъ,—не можетъ революція требовать отъ людей того, что противно законамъ природы.

— Противенъ законамъ природы и настоящій порядокъ вещей, и мы уничтожимъ его. Мы сами ужасаемся крови, потому что мы первые подали голосъ за уничтоженіе смертной казни, но мы должны пролить кровь, чтобы напомнить людямъ, что не должно существовать другаго порядка вещей кромѣ разума и правды!

— Жильберъ, сказала леди Эліоттъ робкимъ умоляющимъ голосомъ и подходя къ нему; — вспомни, что ты человѣкъ и блуждаешь во тьмѣ. Революція кричитъ тебѣ свое ужасное „впередъ!“ А знаешь ли ты, куда она ведетъ тебя? Быть можетъ наступитъ день, когда ты почувствуешь, что ты считалъ себя сильнѣе, чѣмъ ты окажешься въ дѣйствительности. Отъ тебя могутъ потребовать больше того, что человѣкъ въ состояніи выполнить...

Жильберъ задумался. Рука его въ минуту машинально прикоснулась медальона, висѣвшаго у него на груди.—Прочь! воскликнулъ онъ, дѣлая жестъ, чтобы сорвать его съ шеи: на что мнѣ эта тайна, которая не принадлежитъ мнѣ и которую я не хочу знать...

— Что ты дѣлаешь! воскликнула леди Эліоттъ.—Вспомни, Натали!

Жильберъ опустилъ руку. Блѣдное лицо его судорожно исказилось.

— Дорогая тѣнь, сказалъ онъ: я отомщу за тебя! Костеръ уже готовъ,—и первой его жертвой будетъ ненавистный человѣкъ, погубившій твою жизнь и сдѣлавшій тебя безучастной свидѣтельницей страданій твоего брата!...

— Господи! вскрикнула леди Эліоттъ внѣ себя отъ ужаса и бросаясь на шею Жильберу.—Ты думаешь, что шевалье...

— Да. С.-Мало, отвѣтилъ Жильберъ, отстраняя ее отъ себя.

— Ты не посмѣешь этого сдѣлать, проговорила она, рыдая и падая передъ нимъ на колѣни.—Не онъ... другой... я... Она хотѣла заставить себя говорить, но не могла произнести ни одного слова.

— Встань, Грэсъ, сказалъ Жильберъ.—Ты не остановишь правосудія. Близокъ кровавый день возмездія, и въ этотъ день погибнетъ С.-Мало...

Леди Эліоттъ замолчала. Въ ея рукахъ было только одно средство спасти С.-Мало, но она не рѣшилась на него.

Волненіе въ Парижѣ росло съ каждымъ днемъ. По городу ходили разные слухи; шопотомъ поговаривали и о предстоящей развязкѣ... Людовикъ XVI дѣлалъ послѣдній смотръ своимъ войскамъ; революція дѣлала смотръ своимъ.

Наступилъ канунъ 10 августа.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда Жильберъ пришелъ къ леди Эліоттъ. Онъ казался серьезнѣе и мрачнѣе чѣмъ когда-либо.

— Я пришелъ, Грэсъ, проститься съ тобой. Я долженъ отправиться въ путь. Если вернусь, то мы скоро увидимся, если нѣтъ...

— Жильберъ! воскликнула леди Эліоттъ уже не владѣя собою, съ глазами полными слезъ.

— Революція готовится выступить противъ своего врага,—я долженъ покончить съ моимъ. Скоро увидимся. До свиданія.

Онъ ушелъ.

Леди Эліоттъ смотрѣла ему вслѣдъ одну секунду. Но потомъ, какъ бы опомнившись, она набросила на себя шляпку и плащъ и поспѣшно вышла изъ дому.

ГЛАВА IV.

Подъ тѣнью.

Леди Эліоттъ шла, прикрываясь тѣнью домовъ, чтобы Жильберъ не замѣтилъ ее, потому что едва окончились вечернія сумерки, какъ взошелъ мѣсяцъ. Она послѣдовала за нимъ въ лабиринтъ узкихъ улицъ, въ которыхъ высокія крыши рисовались черными силуэтами на небѣ. По темнымъ улицамъ двигался народъ. Бородатые мужчины съ засученными рукавами рубашекъ стояли группами; женщины несли дѣтей на рукахъ; подростки лежали на мостовой. Невольное безпокойство овладѣло леди Эліоттъ, но она шла не останавливаясь изъ боязни отстать отъ Жильбера.

Онъ обогнулъ длинную улицу St.-Antoine, которая вела въ одно изъ предмѣстьевъ, населенныхъ работниками. Ночь была тихая и теплая; народная толпа становилась все гуще. Многіе знали Жильбера и раскланивались съ нимъ.

— Добрый вечеръ, citoyen représentant, говорили ему нѣкоторые, подходя къ нему,—а что, будетъ намъ работа?

— Будьте на-готовѣ, отвѣчалъ Жильберъ,—секціи останутся въ сборѣ цѣлую ночь.

— Браво! воскликнулъ одинъ изъ вожаковъ. — Да здравствуетъ нація!

Возгласъ этотъ, повторенный тысячами голосовъ, пронесся по узкой улицѣ какъ волна, которая то останавливается, то катится вновь съ новой силой.

Жильберъ остановился почти на концѣ улицы передъ высокимъ домомъ, нижніе этажи котораго были освѣщены. Надъ дверью висѣла

черная старая доска, служившая вывѣской, съ полустертою надписью: „Au soleil d'or“, которую трудно было разобрать даже при лунномъ свѣтѣ. Это былъ питейный домъ.

Въ первомъ этажѣ возсѣдалъ такъ называемый комитетъ возстанія, назначенный якобинскимъ клубомъ для раздачи денегъ обитателямъ предмѣстьевъ и на ихъ попойки, съ цѣлью „возбужденія патріотизма“. Всѣмъ было извѣстно, что комитетъ этотъ расходуетъ деньги, получаемыя изъ Пале-Рояля и еще изъ какого-то неизвѣстнаго таинственнаго источника.

Такимъ образомъ Орлеанскій и здѣсь игралъ самую незавидную роль. Преданный одному наслажденію, никогда ничѣмъ не занятый, ничего не читавшій, онъ принадлежалъ къ старой школѣ „roués aimables“ и подобно придворнымъ Людовика XV, между которыми онъ получилъ свое образованіе, былъ способенъ только на мелкія интриги, а не на крупные заговоры. Очутившись посреди революціи и людей съ образованіемъ другаго времени, онъ не могъ пристать къ нимъ и по своей апатичной натурѣ всегда и вездѣ игралъ пассивную роль. Однако въ немъ была одна страсть, которая могла воодушевить его и придать ему энергіи—это было чувство мести. Онъ никогда не прощалъ свои личныя обиды. Оскорбленія, вынесенныя имъ въ Тюльери, были ему на столько чувствительны, что онъ сразу всталъ на сторону самой крайней партіи. Онъ былъ слишкомъ не предпріимчивъ, чтобы думать о достиженіи престола въ данный моментъ, когда еще живы были король, королева и дофинъ, и онъ могъ встрѣтить на этомъ пути тысячи всевозможныхъ препятствій. Наказать тѣхъ, которые приготовили ему позорный пріемъ въ Тюльери, дать просторъ ненависти, которую онъ теперь чувствовалъ къ королю и всегда имѣлъ къ королевѣ—таковы были главныя побудительныя причины, связавшія его съ партіей „дѣйствія“. Партія эта поспѣшила воспользоваться богатствомъ Орлеанскаго; но не трудно было предвидѣть, что рано или поздно и она отстранитъ его, какъ это сдѣлали до нея другія партіи. Шаткость положенія Орлеанскаго приводила его изъ дурныхъ рукъ въ худшія; и хотя его собственное чувство возставало противъ этого, но для него не было другаго выбора, кромѣ тайнаго общенія съ подкупленными имъ людьми возстанія, которые пользовались его золотомъ и напивались его виномъ. Самъ онъ никогда не присутствовалъ въ засѣданіяхъ комитета возстанія, устроеннаго на его деньги, изъ боязни компрометировать себя. Но когда леди Эліоттъ вслѣдъ за Жильберомъ подошла къ питейному дому, она увидѣла фигуру Орлеанскаго, который шелъ съ противоположной стороны. Леди Эліоттъ тотчасъ же узнала герцога, хотя на немъ была шляпа съ широкими полями, низко надвинутая на лобъ. Смѣшавшись съ толпой, она ускользнула отъ его вниманія, но сама зорко слѣдила за нимъ и за входомъ въ „Soleil d'or“, въ который вошелъ Жильберъ.

Жильберъ былъ членомъ комитета, засѣдавшаго въ первомъ этажѣ.

Хотя ночь была теплая, но всѣ окна этого этажа были закрыты и только въ нихъ по временамъ мелькали тѣни. Голосовъ не было слышно; все было тихо и таинственно.

За то въ нижнемъ этажѣ слышался страшный шумъ. Окна были отворены настежь. Огонь въ комнатахъ смѣшивался съ луннымъ свѣтомъ. Можно было ясно различить говоръ множества голосовъ, крикъ, смѣхъ, звукъ разбитыхъ кружекъ, чоканье стакановъ. По временамъ въ окнахъ показывались освѣщенныя мѣсяцемъ фигуры распорядителей попойки, устроенной на деньги комитета, съ бутылками въ рукахъ, но которые тотчасъ же исчезали въ толпѣ наполнявшей комнаты. Иные входя бросали пригоршни монетъ, которыя, блеснувъ въ воздухѣ, падали на полъ, и чернь съ жадностью кидалась подымать ихъ, кричала, шумѣла, барахталась,—пока каждый не получалъ своей доли. На минуту водворялась тишина, а затѣмъ раздавался громкій крикъ: „да здравствуетъ революція“. Нѣкоторые подходили къ окнамъ и разговаривали съ народомъ, стоявшимъ на улицѣ; другіе съ улицы входили въ комнаты черезъ окна, пока наконецъ улица приняла тотъ же кабачный видъ: слышались вскрикиванія, дикій смѣхъ; кругомъ царило пьянство и грубое, необузданное веселіе.

Въ это время къ дверямъ питейнаго дома подошелъ человѣкъ геркулесовскаго сложенія. Онъ снялъ съ головы свою красную шапку и, утирая потъ со лба, громко воскликнулъ: „Sacre tonnere! вино горячитъ, а ночь и безъ того не прохладная“...

Леди Эліоттъ замѣтила, что онъ искалъ кого-то глазами и наконецъ подошелъ къ герцогу Орлеанскому, стоявшему на противоположной сторонѣ улицы въ тѣни дома, такъ что его трудно было отличить отъ темной стѣны, о которую онъ опирался.

Леди Эліоттъ незамѣтно подошла къ нимъ подъ прикрытіемъ сновавшей взадъ и впередъ толпы.

— Добрый вечеръ, citoyen-герцогъ, сказалъ человѣкъ въ красной шапкѣ, ударивъ по плечу Орлеанскаго, погруженнаго въ свои думы.

Герцогъ вздрогнулъ.

— Ты ли это, Николай Трюшонъ? спросилъ онъ.

— Клянусь своей шапкой, что я, а никто другой! крикнулъ великанъ своимъ хриплымъ голосомъ.

— Потише, другъ мой. Ты видишь, мы не одни. Я не хочу, чтобы говорили объ Орлеанскомъ, что онъ присутствовалъ, когда произносили смертный приговоръ надъ Бурбонами...

— Нечего сказать, хорошій гражданинъ! презрительно замѣтилъ Трюшонъ.—Какъ онъ заботится о приличіяхъ! Ну, да это и должно быть. Развѣ мы уже не прятались подъ деревьями въ Булонскомъ лѣсу. Но я во всякомъ случаѣ желаю Орлеанскому на завтрашній день лучшаго успѣха, чѣмъ три года тому назадъ въ Версали.

— Негодяй! пробормоталъ герцогъ про себя.

Трюшонъ смѣялся и не разслышалъ этого лестнаго для себя эпи-

тета. Онъ дружески потрепалъ герцога по плечу и сказалъ:—„Однако не безпокойся, citoyen-герцогъ, Николай Трюшонъ не выдаетъ своихъ друзей.

— Николай Трюшонъ, сказалъ герцогъ, пересиливъ себя,—мнѣ рекомендовали тебя какъ надежнаго человѣка. Возьми это вмѣсто задатка и подѣлись съ товарищами.

Герцогъ подалъ ему тяжелый кошелекъ.

— Тутъ кажись золото, сказалъ Трюшонъ, ощупывая кошелекъ. Ну, такъ и быть. За хорошую плату не грѣхъ и поработать. Честная сдѣлка мнѣ всегда по-сердцу. Чего требуетъ отъ меня герцогъ Орлеанскій?

— Николай, сказалъ герцогъ вполголоса,—завтра наступаетъ великій праздникъ революціи.

— Да, мы всѣ надѣемся, возразилъ Трюшонъ рѣзкимъ тономъ.— Сегодня мы пили вино Орлеанскаго, завтра будемъ пить вино короля. Ты добровольно угощалъ насъ, это очень похвально съ твоей стороны. Ну, а къ Людовику Капету мы сами заберемся въ погреба и разнесемъ ихъ, у насъ запляшутъ бутылки.

— Отлично, другъ мой! отвѣтилъ Орлеанскій,—а та знатная дама...

— О ней позаботятся марсельцы. Она назвала нашихъ солдатъ арміей подлецовъ!... Sacre tonnerre! Подожди, голубушка, они напомнять твою кличку „Coquins". Уже пятнадцать тысячъ ихъ стоитъ подъ ружьемъ, и когда мы подадимъ знакъ—тогда начнется потѣха!

— Да, сказалъ герцогъ, давно пора! Измѣнники, враги народа, погибнутъ въ собственныхъ сѣтяхъ; ни одному изъ нихъ не нужно давать пощады, Трюшонъ,—слышишь-ли, ни единому...

— О комъ это говоритъ Орлеанскій? — спросилъ Трюшонъ, понижая голосъ.

— Объ одномъ аристократѣ, рыцарѣ кинжала. Всѣ они носятъ кинжалъ, спрятанный на груди, и поклялись убивать друзей народа. Не примѣтилъ ли ты въ числѣ ихъ шевалье С.-Мало.

— Шевалье С.-Мало! — воскликнулъ Трюшонъ, и его грубый голосъ задрожалъ при этихъ словахъ.

— Что съ тобой? спросилъ герцогъ.—Развѣ ты знаешь его?

— Не служилъ-ли онъ прежде при вашей особѣ?

— Да, онъ былъ моимъ адъютантомъ, но теперь онъ носитъ голубой мундиръ гвардіи Бриссака.

— У него блѣдное лицо, черные волосы, темные глаза...

— И тонкія непріятныя губы,—добавилъ герцогъ.

— Клянусь честью, это онъ... Въ дни своей молодости онъ соблазнилъ мою бѣдную дочь, и она бросилась въ Сену... Съ этимъ человѣкомъ я самъ расправлюсь, герцогъ! Я тогда-же подалъ на него жалобу въ судъ; но въ тѣ времена не существовало правосудія для народа. Меня же сочли виновнымъ и отправили какъ преступника на галеры въ портъ св. Павла, гдѣ со мной обходились хуже чѣмъ съ собакой въ теченіе пяти лѣтъ.

— Ну, значитъ ты хорошо знакомъ съ нимъ?

— Относительно С.-Мало, будьте покойны, герцогъ.

— Только дай мнѣ слово, что назовешь ему мое имя передъ смертью.

— Я не забуду ему напомнить объ васъ и кстати назову ему имя отца, у котораго онъ отнялъ единственную дочь.

— Однако, сказалъ герцогъ, намъ нужно разстаться, за нами подсматриваютъ.

Трюшонъ хотѣлъ было отойти, но герцогъ остановилъ его.

— Еще одно слово, сказалъ онъ съ видимымъ усиліемъ.—Скажи мнѣ пожалуйста, гдѣ Жильберъ Лагэ?

— Онъ засѣдаетъ на верху въ комитетѣ, — отвѣтилъ Трюшонъ, указывая на питейный домъ.

— Не можешь-ли ты устроить такимъ образомъ, чтобы мнѣ повидаться съ нимъ... Скажи ему, что на улицѣ его ждетъ человѣкъ, который хочетъ переговорить съ нимъ объ одномъ дѣлѣ.

— Разумѣется, это не трудно сдѣлать.

— Но смотри, не говори, что это я.

— Хорошо, citoyen.

— Ну, скорѣе, я останусь на этомъ мѣстѣ.

Трюшонъ направился быстрыми шагами къ питейному дому и исчезъ въ дверяхъ.

Леди Эліоттъ отошла. Не задуманное убійство, не жестокость утонченной мести,—ничто изъ того, что она слышала, не потрясло ее въ такой степени, какъ мысль, что опять дѣло шло о жизни С.-Мало. Жильберъ и Трюшонъ имѣли право мстить ему,—а Орлеанскій... Неужели революція можетъ пользоваться подобными людьми какъ герцогъ и поручать имъ правосудіе! Гдѣ въ этомъ господство вѣчной справедливости? Сомнѣніе и страхъ овладѣли леди Эліоттъ. Въ первый разъ у ней явилось сознаніе, что идетъ по ложной дорогѣ и, изнемогая отъ волненія и усталости, она перешла на другую сторону улицы и сѣла на порогъ одного дома, стоявшаго рядомъ съ „Soleil d'or".

ГЛАВА V.

Въ питейномъ домѣ.

Въ это время попойка въ питейномъ домѣ была въ полномъ разгарѣ. Дѣятели революціи сидѣли у длинныхъ столовъ, пили дешевое вино изъ ломанныхъ кружекъ и стакановъ и курили табакъ изъ грязныхъ глиняныхъ трубокъ. Вся комната была наполнена чадомъ; свѣчи на столахъ горѣли такъ тускло, что едва можно было различить ружья и пики, поставленныя у стѣнъ. Вино разгорячило головы и развязало

всѣмъ языки; слышались удары кулаковъ по столу, патріотическія пѣсни, проклятія тиранамъ, громкіе тосты за свободу и республику. Большинство присутствующихъ отличалось оборванными одеждами и мрачными лицами. Въ числѣ ихъ возсѣдалъ Муцій Сцевола и, ораторствуя, приглашалъ своихъ друзей пить и веселиться, а самъ былъ пьянѣе и веселѣе всѣхъ. Краснорѣчіе лилось потокомъ изъ его устъ вмѣстѣ съ латинскими цитатами. Наконецъ онъ умолъ и принялся насвистывать припѣвъ вновь появившейся пѣсни:

«Tôt, tôt, tôt
Battons chaud»...

— Каково! — воскликнулъ сосѣдъ Сцеволы. — Да это новая пѣсня, которая на-дняхъ произвела такой фуроръ въ театрѣ Vaudeville. Пропой-ка намъ ее кстати.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ добродушный Сцевола, который всегда готовъ былъ дѣлиться всѣмъ, что имѣлъ — золотомъ, которое только изрѣдка попадало ему въ руки, и своими артистическими талантами, хотя они доставляли ему всегда больше насмѣшекъ чѣмъ похвалъ.

Онъ тотчасъ же запѣлъ своимъ крикливымъ голосомъ:

Бѣднякъ я прежде былъ,
Таковъ и нынѣ я;
Бѣдный и голодный,
Безъ хлѣба и вина...

Куплетъ понравился присутствующимъ и они подхватили хоромъ:

Tôt, tôt, tôt,
Battons chaud,
Je n'eus jamais d'aussi bon temps
Qu'avec les sans-culottes!

Однако сапожникъ Симонъ, сидѣвшій противъ Муція Сцеволы, повидимому не раздѣлялъ общаго удовольствія и искоса поглядывалъ на пѣвца.

— Бѣднякъ ты прежде былъ, душа моя,—сказалъ онъ, обращаясь къ Муцію Сцеволѣ съ злобной усмѣшкой,—бѣдный и голодный .. Да, эта пѣсня какъ разъ сочинена про тебя. Не знаю, что дальше говорится въ ней, мы еще не дослушали конца...

Но Муцій привыкъ къ насмѣшкамъ и на подобныя выходки не обращалъ никакого вниманія.

— Мы не должны забывать, что наши стаканы пусты, — сказалъ онъ добродушнымъ тономъ, обращаясь къ остальной публикѣ.—Дайте мнѣ вина. Augurium futurorum est!—incenditque animum, или, другими словами—вино веселитъ человѣка. Narratur et prisci Catonis—говорятъ, что добродѣтелямъ древняго Катона не мало способствовало вино.

— Дайте ему вина,—воскликнулъ сосѣдъ Сцеволы, шорникъ Роше, некрасивый человѣкъ въ шерстяномъ красномъ колпакѣ, съ длинной

бородой и сиплымъ голосомъ.—Мое сердце всегда радуется, когда хорошій республиканецъ пьетъ.

— Однако и у лучшаго республиканца только двѣ ноги, — сказалъ сапожникъ Симонъ, который повидимому поставилъ себѣ задачей, разсердить Сцеволу.

На этотъ разъ Сцевола противъ обыкновенія потерялъ терпѣніе, потому что слишкомъ часто прикладывался къ бутылкѣ.

— Homo sum, если ты хочешь знать,—воскликнулъ онъ.—Я человѣкъ, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо. Какъ видишь, я еще твердо стою на ногахъ; но если у меня раздерутся сапоги, то я отдамъ ихъ тебѣ въ починку, citoyen Симонъ.

Всѣ захохотали.

— По дѣломъ тебѣ, citoyen Симонъ,—замѣтилъ шорникъ Роше.—Браво Муцій! не нужно никогда оставаться въ долгу съ отвѣтомъ.

— Я тебѣ задамъ... проклятый оборванецъ! Ты узнаешь, какъ издѣваться надо мной. Я плюю на твою латынь!... Пьяница!—кричалъ Симонъ.

— Успокойся, citoyen, — сказалъ Сцевола, польщенный замѣчаніемъ шорника и чувствуя себя въ безопасности въ его сосѣдствѣ.—Положимъ, я пьяница, citoyen Симонъ, но у каждаго свое ремесло. Мы равны. Я пью вино, а ты нашиваешь заплаты на старые сапоги. Ne sutor supra crepidam.

— Я тебѣ пробью башку, если ты не заткнешь свою негодную глотку. Нищій, а туда же лѣзетъ...

— Въ такомъ случаѣ, — отвѣтилъ, улыбаясь, Сцевола, воодушевленный одобреніемъ и аплодисментами присутствующихъ, я — попрошу тебя вымыть себѣ руки. Я не желаю, чтобы отъ меня несло дратвой и кожей при моемъ погребеніи.

Симонъ окончательно разсвирѣпѣлъ и вскочилъ съ своего мѣста съ кружкой въ рукѣ:—Старый лакей аристократа! шутъ! Ты смѣешь насмѣхаться надъ моимъ ремесломъ.

При этихъ словахъ онъ поднялъ кружку съ очевиднымъ намѣреніемъ бросить ее въ голову своего противника.

Муцій Сцевола струсилъ; остальная компанія также опомнилась, видя, что зашла слишкомъ далеко въ своихъ шуткахъ.

— Онъ вовсе не хотѣлъ обижать тебя, citoyen Симонъ,—сказалъ молодой человѣкъ щеголеватой наружности.—Какое отношеніе имѣютъ руки къ образу мыслей. Мои руки пахнутъ помадой, а всему Парижу извѣстно, что парикмахеръ Сире поставилъ первый трехцвѣтное знамя на развалинахъ Бастиліи.

— Смотрите, — сказалъ другой, показывая свои огромные кулаки изъ-подъ грязныхъ рукавовъ рубашки.—Мои руки достаточно черны, а все-таки онѣ подняли высоко на воздухъ маленькаго Капета, когда citoyen Симонъ надѣлъ на него красную шапку въ Тюльери. Успокойся, дружище,—сказалъ онъ, обращаясь къ Симону,—ты сапожникъ,

я кожевникъ Гибонъ—мы работаемъ другъ для друга, а всѣ трудимся для націи.—Да здравствуетъ Французская нація!

Тостъ этотъ былъ встрѣченъ громкими криками одобренія. Всѣ подняли свои стаканы и кружки. Одинъ только Симонъ ворчалъ и сердился.

Въ это время въ комнату вошелъ Николай Трюшонъ. Еще въ сѣняхъ онъ слышалъ шумъ, но только съ трудомъ могъ добраться до своихъ друзей, расталкивая толпу своими здоровыми кулаками.

— Что у васъ такое?—спросилъ онъ, подходя къ столу.

— Bella, horrida bella! — воскликнулъ Муцій Сцевола, который тотчасъ-же почувствовалъ мужество при появленіи своего друга и покровителя.

— Онъ оскорбилъ меня,—сказалъ Симонъ.

— А онъ обругалъ меня,—пожаловался въ свою очередь Сцевола.

— Молчать! — крикнулъ Трюшонъ. — Нашли время для споровъ! Народъ уже стоитъ подъ ружьемъ, а вы ругаетесь тутъ изъ-за пустяковъ. Симонъ, и ты, Муцій, подайте другъ другу руки и чтобы все было кончено. Слышите!

Муцій тотчасъ же повиновался. — Redeunt Saturnia regna! — воскликнулъ онъ, протягивая руку своему противнику.

Симонъ неохотно подалъ свою Сцеволѣ.—Погоди,—пробормоталъ онъ: я тебѣ напомню когда-нибудь, какъ ты насмѣхался надо мною въ нынѣшнюю ночь.

Время быстро летѣло, пока пьяная компанія шумѣла и бражничала въ питейномъ домѣ въ ожиданіи наступающаго дня. На городскихъ башняхъ пробило два часа ночи. Вошелъ Жильберъ Лагэ—посланный отъ комитета. Въ комнатѣ водворилась мертвая тишина.

— Засѣданіе кончилось!—сказалъ онъ.—Участь Капета рѣшена! Члены комитета посланы въ разныя секціи для распоряженій на завтрашній день.

— Друзья,—продолжалъ онъ, вставая на столъ, на которомъ стояли свѣчи, кружки и стаканы,—когда регулярныя арміи выступаютъ въ бой, передъ ними развѣваются красивыя знамена; военная музыка предшествуетъ имъ; вооруженіе ихъ ярко блеститъ на солнцѣ. Съ чѣмъ же выступитъ Французскій народъ? Съ своею бѣдностью и лохмотьями... Но у него есть будущность... Да здравствуетъ нація!..

— Да здравствуетъ нація!—громко повторили присутствующіе, и шапки полетѣли въ воздухъ.

— У кого изъ васъ еще нѣтъ оружія, идите къ арсеналу, возьмите его... Пора мести наступила...

Громкій звукъ оружія прервалъ его. Всѣ схватились за пики, копья, сабли, ружья и пистолеты, приложенныя къ стѣнѣ и лежавшія на столахъ и скамейкахъ.

— Не давайте никому пощады!—говорилъ Жильберъ—и не принимайте ее... вы знаете вашихъ враговъ...

— Долой швейцарцевъ!—закричала толпа, отуманенная виномъ и рѣчью Жильбера.—Долой рыцарей кинжала... Не давать пощады контръ-революціи...

— Бѣдное дитя мое, и ты будешь отомщена!—пробормоталъ Трюшонъ.

Толпа становилась все болѣе и болѣе безпокойной.

Жильберъ сошелъ со стола. — Citoyen Маларъ, сказалъ онъ, вотъ приказъ; позаботься, чтобы онъ былъ прибитъ на всѣхъ углахъ парижскихъ улицъ.

Онъ подалъ Малару большой листъ, на которомъ было написано крупными буквами:

„Смерть всѣмъ, кто будетъ стрѣлять въ народъ".

— Citoyen Сире, ты несъ наше знамя въ день взятія Бастиліи, ты будешь нести его при штурмѣ Тюльери.

Жильберъ передалъ стоявшему возлѣ него Сире пику, къ концу которой былъ привязанъ красный платокъ.

Въ этотъ моментъ послышался глухой бой барабана.

— Идутъ марсельцы, они уже недалеко...—сказалъ Жильберъ.

Среди тишины ночи, которая еще покрывала своимъ покровомъ возростающее возстаніе, послышалась всѣмъ знакомая пѣсня...

— „Le jour de gloire est arrivé",—повторилъ Жильберъ глубоко растроганный, снимая шляпу съ головы.—Святой день, ты близокъ... продолжалъ онъ, подходя къ окну. Свѣжій воздухъ утренней зари пахнулъ на него; мѣсяцъ слабо свѣтилъ, готовясь исчезнуть при появленіи дня.

— Вина!—воскликнулъ Жильберъ.—Я выпью за здоровье братьевъ, которые, подобно намъ, привѣтствуютъ этотъ день. Наполняйте стаканы, выпьемъ за успѣхъ наступающаго дня.

Шумно, подъ звонъ стакановъ и оружія, обнимался грубый, пьяный народъ, превращенный на минуту въ героевъ истиннымъ энтузіазмомъ Жильбера.

Мечтатель революціи стоялъ выпрямившись съ непокрытой головой, освѣщенный блѣдными лучами заходящаго мѣсяца, не предчувствуя, какъ скоро эта революція, которой онъ поклонялся, раздавитъ его самого.

Трюшонъ подошелъ къ нему и сказалъ что-то на ухо.

— Кому я нуженъ теперь, въ эту послѣднюю минуту! — воскликнулъ Жильберъ, какъ бы пробуждаясь отъ сна. — Хорошо, я иду, — добавилъ онъ, подходя къ двери.

Какая-то фигура скользнула мимо его; но онъ не узналъ ее.

Это была леди Эліоттъ. Она незамѣтно прокралась за нимъ, слышала и видѣла все. Сердце ея было полно ненавистью къ Орлеанскому, восторженнымъ удивленіемъ къ Жильберу и горемъ о самой себѣ. Какъ тѣнь скользнула она въ сумерки исчезающей ночи.

Орлеанскому долго пришлось ждать Жильбера.

Съ того дня, какъ Жильберъ Лагэ, благодаря Робеспьеру, выдвинулся на высоту и сталъ играть видную роль, Орлеанскій почувствовалъ къ нему особенное участіе. Онъ былъ сильно взволнованъ, когда, войдя въ Законодательное Собраніе, увидѣлъ впервые Жильбера, который сидѣлъ на сторонѣ монтаньяровъ вмѣстѣ съ его непримиримыми врагами, и конечно раздѣлялъ ихъ убѣжденія. Тѣмъ не менѣе Орлеанскій не сводилъ съ него глазъ, и только на минуту опустилъ ихъ, краснѣя, когда ему показалось, что за нимъ слѣдятъ.

Онъ имѣлъ сильное желаніе подойти къ Жильберу, но у него не хватило на то мужества, а тамъ пропасть, раздѣлявшая его отъ Робеспьера и его приверженцевъ, все больше увеличивалась и сближеніе становилось все труднѣе. Орлеанскій дѣлалъ не разъ попытки войти въ сношеніе съ Жильберомъ косвенными путями; но къ своему несчастію герцогъ всегда предпочиталъ ихъ прямому способу дѣйствій и это окончательно удалило его отъ того, кого онъ искалъ, потому что партія Робеспьера относилась крайне враждебно ко всему, что имѣло видъ подкупа.

Такъ прошелъ годъ; наступилъ вечеръ 9-го августа и нужно приписать особенному возбужденію, которое сообщалось каждому, помимо его воли, что Орлеанскій принялъ рѣшеніе, которое было для него своего рода геройствомъ.

Онъ хотѣлъ говорить съ Жильберомъ и надѣялся имѣть на столько силы воли, чтобы открыть ему тайну, которая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тяготила его. Минуты ожиданія казались ему безконечными. Но вотъ въ дверяхъ показался наконецъ Жильберъ. Герцогъ поспѣшно подошелъ къ нему и увелъ въ тѣнь дома, лежавшаго на противоположной сторонѣ.

Жильберъ не узналъ герцога, такъ какъ онъ былъ весь закутанъ въ плащъ, но онъ чувствовалъ, что рука, лежавшая на его плечѣ, сильно дрожала и что призвавшій его не рѣшается говорить.

— Кто ты?—спросилъ Жильберъ, чтобы положить конецъ молчанію.—Что ты хочешь сообщить мнѣ?

— Жильберъ... сказалъ герцогъ дрожащимъ голосомъ, который также былъ незнакомъ Жильберу Лагэ, потому что ему никогда не приходилось разговаривать съ Орлеанскимъ.

Но тутъ возлѣ него появилась неожиданно черная фигура.

— Остерегайся Орлеанскаго,—сказала она рѣзкимъ голосомъ.

Герцогъ въ бѣшенствѣ бросился на нее и сорвалъ вуаль съ ея лица.

— Леди Эліоттъ,—проговорилъ онъ, блѣднѣя.—Мой злой геній... Все кончено!...

— У меня нѣтъ ничего общаго съ Орлеанскимъ, — проговорилъ Жильберъ презрительно, отворачиваясь отъ него.

На башняхъ Notre-Dame раздался набатъ.

ГЛАВА VI.

У дома леди Эліоттъ.

Вслѣдъ за набатомъ въ соборѣ Notre-Dame начался звонъ всѣхъ парижскихъ церквей на далекомъ разстояніи. Во всѣхъ кварталахъ били генералъ-маршъ; раздавались пушечные выстрѣлы, служившіе сигналомъ къ сбору.

Леди Эліоттъ, изнемогая отъ усталости, дошла до своего дома и не раздѣваясь бросилась на постель. Но она не могла успокоиться, потому что набатъ дѣлался все сильнѣе, а шумъ въ отдаленіи замѣтно увеличивался.

Наступилъ прекрасный лѣтній день. Надъ Елисейскими полями пѣлъ жаворонокъ; утренняя заря освѣщала своимъ золотистымъ отблескомъ верхушки деревьевъ и Сену.

Наконецъ усталость взяла свое, и леди Эліоттъ задремала, но—тотчасъ же опять проснулась.

Среди звона колоколовъ, барабаннаго боя, пушечныхъ выстрѣловъ послышалось вдали стройное пѣніе многихъ тысячъ голосовъ. Революція выливала свою душу въ пѣснѣ, — нѣжной и сильной, торжественной и жалобной въ то-же время.

Народъ пѣлъ марсельезу.

Леди Эліоттъ подошла къ окну, погруженная въ свои думы и, сложивъ руки, долго стояла на мѣстѣ, не замѣчая времени. Слезы текли по ея лицу.

Проходили часы. Парижъ плавалъ въ крови. Тихая улица, на которой жила леди Эліоттъ, отдаленная отъ мѣста рѣзни, скоро сдѣлалась свидѣтельницей ужасающихъ сценъ.

Разогнанные солдаты Швейцарскаго отряда, покрытые порохомъ и копотью дыма, истекавшіе кровью отъ глубокихъ ранъ, разбѣжались по городу, спасаясь отъ своихъ преслѣдователей. Крупныя капли крови на мостовой служили для нихъ уликой,—ихъ рубили у пороговъ мирныхъ гражданъ, которые, быть можетъ, пріютили бы ихъ, если бы не боязнь подвергнуться мести разъяренной толпы. Нѣкоторымъ удалось скрыться въ погребахъ и подъ крышами, но и тутъ враги отыскивали ихъ и не давали пощады.

Трое безоружныхъ и окровавленныхъ солдатъ пронесли умирающаго офицера мимо оконъ леди Эліоттъ.

— Спасайтесь, друзья мои, — сказалъ онъ солдатамъ.—Для меня все кончено.

Они внесли его на дворъ дома леди Эліоттъ и бережно положили на землю, но не рѣшились оставить его.

— Уходите скорѣе, — сказалъ онъ. — Если увидите опять наши горы, вспомните обо мнѣ, а если судьба занесетъ васъ когда-нибудь

въ С.-Галленъ, гдѣ Рейнъ тѣснится между Альпами и Боденскимъ озеромъ и гдѣ между орѣшниками выглядываетъ старая башня Цицерса... тамъ моя милая деревня... замокъ Саллисъ на горѣ... поклонитесь моему отцу, скажите ему, что сынъ его умеръ, не измѣнивъ своей клятвѣ... Да здравствуетъ король!

— Тише, ради Бога, капитанъ, — воскликнули солдаты. — Если васъ услышатъ, мы погибли.

— Для меня все кончено, и для короля тоже... Оставьте меня... Уходите, умоляю васъ.

Но они не слушались. Одинъ изъ нихъ постучался въ дверь дома леди Эліоттъ.—Дайте пристанище умирающему!—крикнулъ онъ.

Леди Эліоттъ сошла съ лѣстницы и сама отворила дверь.

— Вносите его,—сказала она солдатамъ.

Но уже было слишкомъ поздно, потому что изъ сосѣдней улицы высыпала дикая толпа. Они тащили за собой одного швейцарца, котораго разрубили на глазахъ леди Эліоттъ, такъ что стѣны ея дома были обрызганы кровью.

— Злодѣи,—воскликнула леди Эліоттъ, бросаясь къ нимъ.—Неужели вы не можете дать пощады умирающимъ!

— Не будетъ никому пощады!—кричали они, и одинъ изъ нихъ замахнулся прикладомъ ружья на леди Эліоттъ.

Раненый капитанъ, сдѣлавъ отчаянное усиліе, неожиданно всталъ на ноги и, отклонивъ ударъ, толкнулъ леди Эліоттъ къ двери. Она тотчасъ заперла ее на засовъ. Капитанъ въ изнеможеніи опустился на землю; въ ту же минуту на него бросилось нѣсколько человѣкъ. Напрасно товарищи его силились прикрыть его собою за неимѣніемъ оружія.—Спасайтесь,—сказалъ онъ имъ еще разъ.—Да здравствуетъ король!...—прошепталъ онъ, умирая.

— Добивайте швейцарцевъ! Да здравствуетъ республика!—слышалось въ толпѣ, и послѣ недолгаго боя у двери дома леди Эліоттъ лежали четыре обезображенныхъ трупа; около нихъ образовалась цѣлая лужа крови.

Убійцы, перешагнувъ черезъ мертвыя тѣла, стали ломиться въ дверь, ударяя въ нее своими пиками и дубинами.

— Мы доберемся до тебя, аристократка! Нечего щадить ее! Она врагъ народу!

На счастіе леди Эліоттъ, крѣпкая дубовая дверь выдержала первый натискъ осаждающихъ, а затѣмъ вниманіе ихъ было отвлечено неожиданнымъ появленіемъ мальчика лѣтъ десяти или одиннадцати.— „Отецъ мой!... кричалъ онъ, обращаясь къ толпѣ.—Я не могу найти его!“

Мальчикъ этотъ былъ барабанщикъ Швейцарскаго отряда. На немъ былъ красный мундиръ съ бѣлыми отворотами, бѣлые эполеты, оловянныя пуговицы съ короной и лиліями и маленькая шляпа съ бѣлой

кистью и бѣлой оторочкой. Онъ былъ безъ барабана. Лицо его выражало испугъ и отчаяніе. Онъ громко кричалъ и плакалъ.

Люди, осаждавшіе дверь леди Эліоттъ, остановились, услышавъ крикъ мальчика.

— А вотъ еще маленькій мятежникъ! — воскликнулъ одинъ изъ толпы, выбѣжавъ на улицу и хватая его.

— У насъ уже четверо готовы, пятый не мѣшаетъ для компаніи.

Мальчика притащили къ мертвымъ тѣламъ. Но едва онъ увидѣлъ ихъ, какъ пронзительно вскрикнулъ и, вырвавшись изъ рукъ своихъ враговъ, бросился на одинъ изъ лежавшихъ труповъ.

Крикъ его былъ такой раздражающій, что леди Эліоттъ невольно подошла къ окну.

Мальчикъ такъ крѣпко прицѣпился къ трупу, что не было возможности отцѣпить его.

— Ну, и такъ можно покончить съ нимъ!

— Разрубимъ-ка въ куски этого щенка!

— Нѣтъ, лучше удавить его!

Угрозы эти вѣроятно не пропали бы даромъ, если-бы въ это время не ворвалась въ улицу новая толпа людей съ пиками, ружьями и ножами. Въ числѣ ихъ былъ одинъ, котораго леди Эліоттъ тотчасъ-же узнала и подозвала къ себѣ.

Это былъ Николай Трюшонъ.

Его сверкающіе глаза и суровое, мрачное лицо напоминали льва, упившагося кровью. Голыя руки и свѣсившіяся рукава рубашки были покрыты багровыми и темными пятнами, грудь его была вся расцарапана ногтями его жертвъ.

— Кто зоветъ меня?—спросилъ Трюшонъ, лѣниво подходя къ окну. Усталость и похмѣлье ночной попойки повидимому уже начали овладѣвать имъ. Изнеможеніе сказывалось въ несвойственной ему медленности движеній и въ самомъ тонѣ его голоса.

Леди Эліоттъ молча указала ему на мальчика, котораго старались силой оттащить отъ мертваго тѣла.

— Что это значитъ?—спросилъ Трюшонъ.

— Онъ не хочетъ разстаться съ тѣломъ своего отца, — отвѣтили разомъ нѣсколько человѣкъ.

— Вы убили его отца?

— Да, citoyen.

— Оставьте его въ покоѣ.

— Но вѣдь это сынъ мятежника.

— Пусть дѣти живутъ, чтобы они могли разсказывать впослѣдствіи, какъ кончили жизнь отцы ихъ.

Трюшонъ обратился къ мальчику.—Вставай!—сказалъ онъ.—Тебѣ будетъ пощада!

— Не нужно,—отвѣтилъ мальчикъ.—Убейте меня.

Трюшонъ сдѣлалъ знакъ своей шайкѣ. Мальчика схватили и поднесли къ нему.

— Стащите его на гауптвахту Feuillants; пусть его держать тамъ вмѣстѣ съ другими. Судъ разберетъ, что дѣлать съ нимъ.

Мальчика унесли.

Толпа опять бросилась къ дому леди Эліоттъ.

— Ну, теперь можно расправиться съ аристократкой! Нечего щадить враговъ народа!

Трюшонъ остановилъ толпу, которая повиновалась ему съ видимой неохотой.

— Citoyenne, сказалъ Трюшонъ обращаясь къ леди Эліоттъ, серьезнымъ, почти торжественнымъ тономъ.—Сегодняшній день я праздную двойную побѣду. Шевалье С.-Мало лежитъ мертвый въ Тюльери.

Леди Эліоттъ не могла подавить легкаго нервнаго движенія на своемъ лицѣ.

Оно не ускользнуло отъ вниманія Трюшона. — Что это значитъ! воскликнулъ онъ. — Ты жалѣешь враговъ народа. Еще разъ говорю тебѣ. Помни ту клятву, которую ты когда-то дала мнѣ. Иначе, sacre tonnerre, даже Николай Трюшонъ не въ состояніи будетъ защитить тебя.

— En avant, закричалъ онъ громкимъ голосомъ стоявшей кругомъ его толпѣ.

На улицѣ опять все смолкло. Осталась только пролитая кровь и четыре трупа, лежавшіе у дома леди Эліоттъ.

Наступила ночь. Взошелъ мѣсяцъ. Но шумъ и смятеніе не умолкали на парижскихъ улицахъ. Леди Эліоттъ прислушивалась къ нимъ съ замираніемъ сердца. Тяжелыя мысли наполняли ея голову. Она не была малодушна, но чувствовала невольный ужасъ при разрушеніи „міра лжи", какъ назвалъ его Жильберъ, и сознавала, что въ „новомъ мірѣ правды" для нея нѣтъ мѣста... Куда дѣвалось великолѣпіе дворцовъ, нѣкогда окружавшее ее, ослѣпляющій блескъ, ея молодость, заблужденія, любовь, наслажденіе жизнью!... Все прошло,—а она жива.

Она ясно видѣла, что все кончено для нея.—„Зачѣмъ не убили меня эти люди,—проговорила она съ отчаяніемъ—когда я стояла передъ ними беззащитная? Они убивали на глазахъ моихъ этихъ несчастныхъ швейцарцевъ; но если-бы они знали, что и я была такая же прислужница, или еще хуже... Я отверженная наложница принца"...

Она низко опустила голову и сидѣла неподвижно въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Но это подавленное состояніе продолжалось не долго; гордость заговорила въ ней.

— Довольно! — воскликнула она, не замѣчая, что бесѣдуетъ сама съ собою.—Къ чему вся эта ложь—я буду правдива... я сама выдамъ себя... Пойду и брошусь къ ногамъ несчастной французской королевы и всѣмъ открыто скажу: да здравствуетъ король!

Она стала спокойнѣе. Отчаяніе придало ей новыя силы. — „Чего

мнѣ бояться, думала она, — я пойду наперекоръ жизни, всему, чѣмъ дорожила до сихъ поръ“.

Мѣсяцъ свѣтилъ прямо въ окно, у котораго она сидѣла, и освѣщалъ ее своимъ холоднымъ, ровнымъ свѣтомъ. Но она не замѣчала его, не видѣла ничего, что дѣлалось вокругъ нея.

Между тѣмъ въ комнату вошелъ человѣкъ и боязливо приблизился къ ней.

— Слава Богу, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, — что я наконецъ добрался сюда. Господи! что тутъ творилось сегодня у вашего дома!...

Леди Эліоттъ съ невольнымъ испугомъ вскочила съ своего мѣста.

— Кто это?—вскрикнула она.

— Это я, моя дорогая леди,—отвѣтилъ голосъ въ темнотѣ.—Мосье Друэ... Друэ Бекки...

— Что это значитъ?... Въ такой часъ! Что тебѣ нужно?

— Ради Бога, миледи... сжальтесь.

— Говори скорѣе, въ чемъ дѣло,—прервала его съ досадой леди Эліоттъ.

— Ахъ, миледи, — сказалъ старикъ, у котораго дрожали колѣни отъ страха,—если вы когда-нибудь совершили прегрѣшеніе...

— Какъ ты смѣешь!... воскликнула леди Эліоттъ, возвысивъ голосъ.

— Мы всѣ грѣшны, миледи... Но если вы хотите очистить свою душу, заслужить передъ Господомъ... Отъ васъ зависитъ спасти жизнь человѣку!

— Кто этотъ человѣкъ?

— Враги ищутъ его... Пойдемте къ нему. Онъ истекаетъ кровью, некому помочь ему. Онъ пропадетъ, если вы не спасете его.

— Я хочу знать его имя.

— Пойдемте со мной. Ради Бога. Вы все узнаете... Вы не рѣшаетесь, миледи! Мы опоздаемъ.

Друэ съ отчаяніемъ направился къ двери.

— Ты кажется хочешь меня съ ума свести! — воскликнула леди Эліоттъ, которая въ эту минуту была въ сильномъ волненіи отъ мысли, промелькнувшей въ ея головѣ.—Не зовешь-ли ты меня къ Жильберу?

Друэ подошелъ и молча взялъ ее за руку.

— Пойдемъ, сказала леди Эліоттъ,—скорѣе, умоляю тебя...

Теперь она торопилась больше самого Друэ и первая вышла изъ дому.

Она перешагнула черезъ мертвыя тѣла, лежавшія у ея порога, прошла по лужѣ крови, мимо обезображеннаго трупа швейцарца убитаго на ея глазахъ. Сердце ея не дрогнуло. Друэ едва поспѣвалъ за нею.

ГЛАВА VII.

DIES IRAE.

— Ну, скорѣе, не отставай отъ меня, старикъ, — говорила леди Эліоттъ, проходя улицы, наполненныя грудами мертвыхъ тѣлъ.

— Какъ ты медленно идешь, Друэ; намъ еще такъ далеко идти,— сказала она опять.

— Да, далеко, отвѣтилъ Друэ, — я и то спѣшу; ноги-то у меня ужъ не тѣ, что были прежде.

Леди Эліоттъ повернула въ переулокъ, чтобы избѣгнуть толкотни и не быть на виду у народа. Но въ переулкахъ давка была еще сильнѣе. Имъ пришлось съ трудомъ пробираться сквозь толпу и вынести не мало грубостей отъ черни, которая теперь царила въ Парижѣ. Однако леди Эліоттъ не теряла присутствія духа и невольно прислушивалась къ тому, что говорилось вокругъ нея. Особенно встревожилъ ее одинъ разговоръ, который повидимому имѣлъ прямое отношеніе къ занимавшей ее мысли.

— Онъ живъ еще,—сказалъ одинъ.

— Не можетъ быть,—отвѣтилъ другой.

— Честное слово.

— Онъ казался совсѣмъ мертвымъ. Я самъ видѣлъ, какъ онъ упалъ прострѣленный и проколотый насквозь, какъ заяцъ.

— Такъ это и было. Но онъ опять поднялся и пошелъ по улицѣ. Онъ былъ въ мундирѣ національной гвардіи; жена парикмахера Сирене узнала его и подала ему воды; но одинъ изъ подмастерьевъ, который прежде видалъ его, клянется, что это онъ...

— Куда-же онъ дѣвался?

— Изъ улицы l'Echelle онъ прошелъ къ St.-Honoré, а тамъ пропалъ.

— А что говоритъ Николай Трюшонъ?

— Онъ только-что узналъ объ этомъ и совсѣмъ разсвирѣпѣлъ: говоритъ, что добудетъ его живымъ или мертвымъ. Онъ разставилъ своихъ людей на всѣхъ перекресткахъ улицы St.-Honoré и по всему предмѣстью и клянется, что убьетъ каждаго, который окажетъ помощь раненому.

— Кто же посмѣетъ сдѣлать это, сказалъ кто-то изъ толпы, которая въ это время тѣснилась къ бульвару, такъ какъ тамъ появился вооруженный всадникъ въ красной шапкѣ и въ трехцвѣтномъ шарфѣ, въ сопровожденіи шести человѣкъ съ пиками, къ которымъ были привязаны фонари.

Шествіе остановилось; провожатые опустили пики, и человѣкъ, сидѣвшій на лошади, при свѣтѣ фонарей прочелъ громкимъ голосомъ прокламацію парижскаго муниципалитета, по которой запрещалось

гражданамъ, подъ угрозой смертной казни, принимать кого бы то ни было изъ бывшихъ въ этотъ день въ Тюльери при королѣ, скрывать ихъ или оказывать имъ помощь.

— Мы погибли, шепнулъ Друэ на ухо леди Эліоттъ,—насъ всѣхъ убьютъ здѣсь.

Но леди Эліоттъ успокоила его, и они достигли наконецъ улицы de Charonne, гдѣ находился домъ мосье Друэ.

И тутъ были вооруженные люди, пики, факелы, валялись трупы на мостовой.

Бекки стояла у воротъ своего дома и боязливо выжидала появленія леди Эліоттъ и Друэ.

Она узнала ихъ издали и тотчасъ же отворила дверь.

— Моя дорогая леди! воскликнула она сквозь слезы, бросаясь на шею своей бывшей госпожѣ.—Господи, до чего мы дожили!.. Какъ я рада, что вы пришли.

— Веди меня къ нему, сказала леди Эліоттъ съ нетерпѣніемъ.— Я хочу видѣть его! Гдѣ онъ?

— Мы его снесли наверхъ къ больной англичанкѣ. Тамъ онъ всего безопаснѣе... Это подъ самой крышей... Не скоро доберутся туда.

Мосье Друэ не совсѣмъ точно исполнилъ приказаніе леди Эліоттъ относительно миссиссъ Францисъ, потому что въ его домѣ было не мало комнатъ лучше той, въ которой онъ помѣстилъ англичанку, но онъ считалъ, что „нищей" все годится.

Леди Эліоттъ прежде всѣхъ поднялась на лѣстницу, не дожидаясь огня, о которомъ хлопоталъ Друэ. Она хорошо знала дорогу въ комнату англичанки, такъ какъ часто посѣщала ее.

Въ комнатѣ былъ полумракъ, и только луна освѣщала ее своимъ блѣднымъ свѣтомъ. Больная сидѣла у окна въ большомъ креслѣ, безучастная ко всему, что дѣлалось вокругъ нея. Въ противоположномъ углу лежалъ человѣкъ въ полудремотѣ. Онъ не двигался и по видимому не замѣтилъ, какъ отворилась дверь и вошла леди Эліоттъ въ сопровожденіи Бекки.

— Ну что, какъ ваше здоровье?.. Что съ нимъ? Я слышала онъ раненъ...

— Благодарю васъ за насъ обоихъ. Но кажется и спрашивать нечего, сами видите...

Леди Эліоттъ подошла къ человѣку, лежавшему на землѣ и наклонилась надъ нимъ, прислушиваясь къ его неровному дыханію.

Въ этотъ моментъ вошелъ Друэ со свѣчой въ рукахъ.

— С.-Мало! воскликнула леди Эліоттъ, отскочивъ отъ него какъ ужаленная.

Раненый открылъ глаза.

Миссиссъ Францисъ была видимо заинтересована. На лицѣ ея появилась злая улыбка. Она не понимала причины испуга леди Эліоттъ,

но для нея достаточно было самаго факта, и сердце ея забилось отъ радости. Она по прежнему ненавидѣла ту, которой была обязана жизнью и своимъ дальнѣйшимъ существованіемъ.

Между тѣмъ С.-Мало, блѣдный какъ смерть и весь окровавленный, поднялся на ноги.

— Моя жизнь въ вашихъ рукахъ, миледи, сказалъ онъ слабымъ голосомъ.

— Зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ, что здѣсь С.-Мало? спросила леди Эліоттъ оторопѣвшаго Друэ.

— Я былъ увѣренъ, что миледи сама догадалась объ этомъ изъ моихъ словъ, пробормоталъ старикъ.

— Неужели ты думаешь, что я пришла бы сюда для шевалье С.-Мало? проговорила съ негодованіемъ леди Эліоттъ.

Она надѣялась увидѣть Жильбера и вмѣсто него встрѣтила ненавистнаго ей человѣка. Она вспомнила разговоръ, слышанный ею на улицѣ, и теперь ей стало ясно, что говорили о С.-Мало и что Трюшонъ не добилъ своей жертвы.

Мысль объ опасности, которой подвергался шевалье, оставаясь въ Парижѣ, невольно пугала ее. Но въ правѣ ли она спасти этого человѣка? Не будетъ ли это неблагодарностью относительно Трюшона? Она вспомнила послѣднія слова его, содержаніе слышанной прокламаціи, — но страхъ смерти никогда не останавливалъ ее. Хотя она ненавидѣла С.-Мало, однако онъ первый обращается къ ней за помощью. Сознаніе вины передъ нимъ опять проснулось въ ея душѣ. Кто знаетъ, можетъ быть все было бы иначе, еслибы тогда... Не она ли виновата въ томъ, что онъ стоитъ теперь передъ ней униженный, побѣжденный, несчастный?...

— Что могу я сдѣлать для васъ? спросила она болѣе ласковымъ голосомъ, обращаясь къ С.-Мало.

— Миледи, отвѣтилъ шевалье,—каждому человѣку дана извѣстная задача въ жизни, я желалъ бы исполнить ее...

— Вы кажется очень ослабѣли отъ потери крови? прервала его леди Эліоттъ.

— Да, я весь изрѣзанъ. Но отчаяніе—лучшее лѣкарство. Теперь меня ничто не испугаетъ послѣ тѣхъ ужасовъ, которые мнѣ пришлось видѣть сегодня.

— Вы сами не щадили ихъ, замѣтила леди Эліоттъ.

— Да, мы защищали короля до послѣдней возможности или, лучше сказать, до тѣхъ поръ, пока король не рѣшился искать спасенія въ Національномъ Собраніи. Королева сильно противилась этому, плакала, становилась на колѣни передъ его величествомъ, говорила, что скорѣе дастъ себя пригвоздить къ стѣнамъ Тюльери, чѣмъ сдѣлаетъ подобный шагъ. Ничто не помогло: Людовикъ стоялъ на своемъ. Можетъ быть онъ надѣялся этимъ поступкомъ остановить рѣзню и спасти своихъ близкихъ... вѣдь онъ не понимаетъ революціи и судитъ о ней по себѣ.

Когда королева покидала дворецъ, то она сказала мнѣ на прощанье: „Намъ вѣроятно придется раскаяться... Но я должна покориться волѣ короля... До свиданія, хотя Богъ знаетъ, увидимся ли мы когда нибудь“.

С.-Мало замолчалъ. Онъ чувствовалъ такую слабость, что едва держался на ногахъ, однако переселилъ себя и продолжалъ, воодушевляясь все болѣе и болѣе.

— Не смотря на бѣгство короля и на то, что на каждаго изъ насъ приходилось по десяти враговъ, мы принудили ихъ отступить. Но тутъ пришелъ злополучный приказъ короля, и мы должны были сложить оружіе... Этимъ распоряженіемъ Людовикъ погубилъ насъ и отдалъ въ руки черни...

Чуть ли не весь отрядъ швейцарцевъ и батальонъ св. Ѳомы были изрублены въ куски. Кровь лилась рѣкою; всюду лежали мертвыя тѣла; гауптвахта, Place du Carrousel были покрыты ими. Пушки громили своими ядрами стѣны Тюльери. Народъ постоянно прибывалъ изъ предмѣстьевъ; золотыя вещи, брилліанты, книги, свѣчи, серебряная посуда, вазы, бархатъ, шелковыя матеріи,—все это переходило изъ рукъ въ руки, исчезало въ карманахъ или безпощадно уничтожалось. Дорогія вещи валялись по полу, сломанныя, запачканныя кровью. На лѣстницахъ была такая давка, что перила ломались отъ напора толпы; одни входили, другіе спускались, толкая другъ друга, перелѣзая черезъ мертвыя тѣла. Со шпагой въ одной рукѣ и пистолетомъ въ другой я добрался до дворцовой капеллы. Она представляла ту же картину раззоренія. Алтарь, священные сосуды были обрызганы кровью... маленькій савояръ, сидя у органа, наигрывалъ „Dies irae.

С.-Мало остановился. Лицо его выражало ужасъ; онъ протянулъ руку, отстраняя кого-то: „Вотъ онъ стоитъ передо мною“... проговорилъ онъ какъ-бы въ бреду. „Я вижу его въ первый разъ, но я знаю, кто онъ... Мнѣ не будетъ пощады... Онъ убьетъ меня! Гдѣ моя шпага“?...

— Что съ вами?—прервала его леди Эліоттъ. О комъ вы говорите?..

Слова эти заставили опомниться С. Мало. Онъ продолжалъ болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Да, я тотчасъ узналъ его... Это былъ братъ Натали. Его мрачный взглядъ поразилъ меня... Повязка спала съ моихъ глазъ—я понялъ значеніе революціи!.. Она взяла свое—Людовикъ въ плѣну—С.-Мало изгнанникъ... Кругомъ меня враги; но можно ли бояться смерти, когда у насъ отняли все, за что мы боролись и страдали, и въ насъ осталось только сознаніе своего ничтожества и безполезности существованія...

Слова эти произвели глубокое впечатлѣніе на леди Эліоттъ. Не къ тѣмъ ли самымъ выводамъ пришла она нѣсколько часовъ тому назадъ, сводя итоги собственной жизни?

— Вы поймете меня,—продолжалъ С.-Мало, какъ бы угадывая ея мысли.—Хотя вы молоды, но чаша страданій не миновала васъ... Если мы не можемъ имѣть другъ къ другу братское чувство, то насъ все-таки тѣсно связываетъ то поруганіе, которому подверглось существо когда-то близкое обоимъ намъ. То же хотѣлъ я сказать Жильберу въ ту минуту, когда онъ готовился напасть на меня.

Леди Эліоттъ подошла къ нему.—„Я спасу васъ,—прошептала она съ замираніемъ сердца,—но подъ однимъ условіемъ... Говорите тише, они не должны слышать то, что я скажу вамъ".

— Я исполню все, что потребуетъ отъ меня миледи, если только это въ моей власти.

— Поклянитесь, что вы не измѣните мнѣ... сказала она чуть слышнымъ голосомъ,—вы никогда не скажете ему ни одного слова о моемъ прошломъ и даже не сдѣлаете ни одного намека...

На блѣдныхъ губахъ С.-Мало промелькнула горькая усмѣшка. Но леди Эліоттъ не замѣтила ее, потому что въ углу комнаты, гдѣ они стояли въ эту минуту, было совсѣмъ темно.

— Клянусь своей честью!—сказалъ онъ, подавая ей руку.

Леди Эліоттъ содрогнулась отъ ея ледянаго прикосновенія, и въ душѣ ея проснулось мучительное сомнѣніе: „Ты выдала ему свою тайну, подумала она.—Ты въ его власти! Если онъ когда нибудь измѣнитъ тебѣ... Однако нѣтъ, я спасу его, онъ будетъ благодаренъ мнѣ... Онъ исполнитъ свое слово"...

— Пожалѣйте меня,—шепнула она ему умоляющимъ голосомъ, дружески пожимая его холодную руку.

— Миледи,—отвѣтилъ С.-Мало,—вы не довѣряете мнѣ... Правда, въ ту ночь... въ Брайтонѣ... когда я засталъ у васъ Орлеанскаго, у меня явилось одно подозрѣніе... я позволилъ себѣ назвать васъ его сообщницей. Но вашъ разрывъ съ принцемъ Уэльскимъ, вѣрная дружба къ бѣдной Натали,—которую мнѣ уже не удалось видѣть,—вся ваша послѣдующая жизнь доказали мнѣ, что я тогда напрасно обвинилъ васъ. Простите того, который давно простилъ Натали.

Леди Эліоттъ молчала.

— Даже Жильберъ готовъ былъ подать мнѣ руку примиренія, продолжалъ С.-Мало взолнованнымъ голосомъ.—Мы встрѣтились у алтаря капеллы. Тускло горѣла надъ нами лампада, ея потухающій свѣтъ падалъ на лицо Жильбера. Онъ стоялъ какъ прикованный къ мѣсту, съ поднятой шпагой и смотрѣлъ на меня своими печальными глазами, въ которыхъ выражалось глубокое страданіе. Это окончательно обезоружило меня. Пистолетъ выпалъ изъ моихъ рукъ, и я невольно протянулъ ему свои объятія. Онъ опустилъ шпагу... одни только ступени алтаря раздѣляли насъ... Но тутъ ворвался якобинецъ съ окровавленными руками и поднятымъ кинжаломъ: „Стой, Жильберъ", крикнулъ онъ: „я самъ расправлюсь съ этимъ человѣкомъ"!

— Вы должны были помнить этого якобинца—прервала его леди

Эліоттъ.—Имя его Николай Трюшонъ, отецъ несчастной дѣвушки, которая...

— Да, онъ напомнилъ мнѣ одно любовное приключеніе молодости... отвѣтилъ С.-Мало съ холодной усмѣшкой, которая такъ пугала леди Эліоттъ въ былыя времена.

Но улыбка скоро исчезла съ лица его.—Ударъ якобинца сразилъ меня, продолжалъ онъ прежнимъ серьезнымъ тономъ, я потерялъ сознаніе и, когда опомнился, то увидѣлъ себя на Тюльерійскомъ дворѣ, среди массы мертвыхъ тѣлъ; солнце пекло мнѣ голову, лежавшіе возлѣ меня трупы леденили меня. Подъ вечеръ пришелъ какой-то человѣкъ, одѣтый въ мундиръ національной гвардіи; онъ искалъ между убитыми своего пріятеля. Видя, что я еще живъ, онъ отдалъ мнѣ свое платье и посовѣтовалъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Благодаря новому костюму, я выбрался на улицу безъ всякихъ приключеній, хотя изнемогалъ отъ потери крови, голода и жажды. По дорогѣ я зашелъ въ парикмахерскую и попросилъ встрѣтившую меня женщину дать мнѣ воды и кусокъ хлѣба. Но едва сѣлъ я у стола, какъ черезъ заднюю дверь вошло нѣсколько подмастерьевъ, изъ которыхъ одинъ показался мнѣ знакомымъ, я тотчасъ же обратился въ бѣгство и подъ прикрытіемъ сумерокъ добрался до этого дома. Друэ, какъ вамъ извѣстно, мой бывшій слуга, онъ далъ мнѣ убѣжище, перевязалъ мои раны; но я не могу долѣе оставаться здѣсь, не подвергая опасности этихъ добрыхъ людей. Моя дальнѣйшая судьба въ вашихъ рукахъ; помогите мнѣ скрыться отъ моихъ враговъ.

— Пойдемте, сказала леди Эліоттъ, я сдѣлаю все, что могу.

С.-Мало молча послѣдовалъ за ней.

Медленно стали они спускаться съ лѣстницы, Друэ заботливо поддерживалъ раненаго; Бекки несла свѣчу. Шаги ихъ слышались все ниже и ниже.

Больная англичанка, все время сидѣвшая неподвижно въ своемъ креслѣ, прокралась къ двери и смотрѣла имъ вслѣдъ, пока они не скрылись изъ ея глазъ. Тогда она открыла окно и увидѣла, какъ двѣ темныя фигуры перешли на другую сторону улицы.

Она дико захохотала и, сжавъ кулакъ, погрозила имъ вслѣдъ.

— Ты опять хочешь оказать благодѣяніе... проговорила она съ бѣшенствомъ.

Но голосъ ея оборвался, и она упала безъ чувствъ у своего кресла. Луна безучастно глядѣла на нее изъ открытаго окна, освѣщая своимъ блѣднымъ свѣтомъ ея исхудалое лицо и длинные волосы, которые протянулись отъ ея головы по полу, какъ красныя змѣи.

ГЛАВА VIII.

Бѣгство.

Леди Эліоттъ не рѣшилась скрыть С.-Мало въ своемъ домѣ. Она боялась Трюшона, который повидимому не довѣрялъ ей, потому что счелъ нужнымъ еще разъ предостеречь ее отъ сближенія съ врагами народа и вѣроятно будетъ теперь зорко слѣдить за нею. Въ виду этого она рѣшилась искать другаго убѣжища для шевалье.

Друэ совѣтовалъ имъ отправиться къ одному садовнику, который жилъ за городомъ по близости Арсёль и нѣкогда служилъ у старика Бургиньона, такъ что можно было смѣло разсчитывать, что онъ не откажется дать пріютъ шевалье С.-Мало. Леди Эліоттъ вполнѣ одобрила этотъ планъ, но для большей безопасности отказалась на-отрѣзъ отъ предложенія Друэ, который хотѣлъ во что бы то ни стало сопровождать ихъ.

Однако едва вышли они на улицу, какъ у шевалье закружилась голова отъ слабости.

— Вы видите, миледи, я не въ состояніи идти... сказалъ онъ. Вы только напрасно будетъ подвергать свою жизнь опасности. Оставьте меня здѣсь!...

Леди Эліоттъ не хотѣла и слышать объ этомъ. Она тотчасъ же отправила Друэ отыскивать экипажъ, хотя знала, что это будетъ не легкая задача для бѣднаго старика.

Раненый опустился въ изнеможеніи на ступени ближайшаго дома; леди Эліоттъ встала возлѣ него у стѣны.

Уже было за полночь. Городъ почти опустѣлъ. Герои дня, утомленные отъ грабежей и убійствъ, разбрелись по мрачнымъ домамъ парижскихъ предмѣстьевъ, кто съ богатой добычей, кто съ угрызеніями совѣсти и всѣ въ тяжеломъ похмѣльи отъ пролитой ими крови. Все рѣже и рѣже показывались на улицѣ темныя и медленно двигавшіяся фигуры. Леди Эліоттъ тревожно приглядывалась къ нимъ, но никто не обращалъ на нее вниманія.

Наконецъ въ сосѣдней улицѣ послышался стукъ колесъ. Это былъ двухъ-мѣстный кабріолетъ въ одну лошадь. Друэ нанялъ его къ заставѣ Enfer. Отсюда вела большая дорога въ Иври, Витри, Фонтэнбло, а тамъ уже проселочной дорогой не трудно было добраться до Арсёль. Кучеръ былъ не въ духѣ, говорилъ, что ни за что не поѣдетъ ночью въ такую даль, однако сразу уступилъ, когда ему предложили непомѣрно высокую плату. Но тутъ на него опять нашло сомнѣніе, почему даютъ ему такую цѣну, и онъ пробормоталъ что-то сквозь зубы объ „аристократахъ“! Леди Эліоттъ принуждена была объяснить ему, что живетъ за городомъ по близости Медона и торо-

пится домой къ своему мужу, а на вопросъ кучера: кто этотъ мужчина, который поѣдетъ съ нею? она отвѣтила, что это ея лакей.

Кучеръ нѣсколько успокоился и сказалъ, что такъ и быть: онъ довезетъ ихъ до заставы, но что не сдѣлаетъ ни одного лишняго шагу. Леди Эліоттъ и ея спутникъ сѣли въ кабріолетъ и наконецъ двинулись въ путь. Лошадь бѣжала крупною рысью; они проѣхали цѣлый рядъ улицъ и переулковъ, которые по мѣрѣ удаленія отъ центра становились все пустыннѣе, дома попадались рѣже; между ними тянулись сады, обнесенныя заборомъ пашни и поля, пустыри, виноградники, деревья, живыя изгороди. Городъ мало по малу превращался въ деревню; застава уже была въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нихъ.

Леди Эліоттъ приказала кучеру остановиться.

— Мнѣ кажется, что мой лакей совсѣмъ пьянъ: смотрите, какъ онъ сидитъ. Пожалуйста, помогите ему выйдти изъ экипажа.

— Да, я уже это давно замѣтилъ, онъ едва держался на ногахъ, когда вы нанимали меня. Ну, негодяй, проваливай! мнѣ съ тобой возиться некогда.

Съ этими словами онъ такъ хватилъ по спинѣ раненаго, что тотъ едва не умеръ отъ боли.

Кучеръ, получивъ обѣщанную плату, сдѣлался любезнѣе и выразилъ сожалѣніе, что бѣдной дамѣ придется совершить такой длинный путь съ такимъ пьяницей, который себя не помнитъ.

Леди Эліоттъ отвѣтила въ томъ же тонѣ и, поблагодаривъ кучера, пожелала ему счастливаго пути.

Застава Enfer, не существующая въ настоящее время, представляла собою тогда низкое, продолговатое зданіе съ двумя дворами, къ обѣимъ сторонамъ котораго примыкали городскія стѣны. Она служила только таможней и потому въ эту ночь была довольно плохо охраняема. Нѣкоторые изъ сторожей лежали у воротъ на скамьяхъ, другіе сидѣли въ караульной у стола и пили вино при тускломъ освѣщеніи лампы.

Когда леди Эліоттъ подошла къ нимъ съ своимъ спутникомъ, они удовольствовались обычными вопросами. Но имъ показалась подозрительною личность шевалье, и они выразили удивленіе, какъ могли ранить человѣка, одѣтаго въ мундиръ національной гвардіи.

— Бѣднякъ изъ любопытства отправился сегодня въ Тюльери, отвѣтила леди Эліоттъ.—Тамъ онъ попалъ въ свалку и едва не былъ убитъ. Мнѣ хочется поскорѣе довести его домой; онъ совсѣмъ ослабѣлъ отъ потери крови.

Стража пропустила ихъ. Леди Эліоттъ вздохнула свободнѣе, когда они перешли заставу. Передъ ними открылось пустынное поле, освѣщенное луной. На всемъ пространствѣ, на сколько можно было окинуть взглядомъ, нигдѣ не видно было ни кустика, ни деревца, и только кое-гдѣ, какъ черныя точки, виднѣлись маленькія, низкія хижины.

Истощенная почва, жесткая и красноватая, казалась какъ будто выжженной и мертвой. Самый видъ этой безплодной, однообразной равнины производилъ подавляющее впечатлѣніе. Между тѣмъ въ получасовомъ разстояніи отсюда ландшафтъ неожиданно измѣняется и около Арсель, Шантильи, Монружъ и Медона начинается роскошная растительность съ цвѣтущими лугами, плодородными полями, тѣнистыми группами деревьевъ; горы, перемежаясь долинами, представляютъ рядъ роскошныхъ видовъ.

Леди Эліоттъ и ея спутникъ шли не останавливаясь по песчаной обнаженной равнинѣ, пока не достигли первыхъ признаковъ растительности и не увидѣли въ отдаленіи широкую церковную башню Арсель, которая рельефно выступала среди густой зелени каштановыхъ деревьевъ. Они вошли въ темную аллею изъ вязовъ. Верхушки деревьевъ шумѣли при лѣтнемъ вѣтеркѣ, смѣшиваясь съ журчаніемъ протекавшаго вблизи ручья; лунный свѣтъ ярко озарялъ листву, окрестные холмы и долины; подъ тѣнью вѣтвей царила пріятная прохлада. По временамъ слышался лай собаки или бой колокола съ сосѣдней башни, который, медленно замирая, терялся вдали.

— Какъ жаль, сказалъ С.-Мало, садясь подъ тѣнью вяза, что мы не можемъ вполнѣ насладиться тишиной этой прекрасной ночи! Почему судьба осудила насъ на изгнаніе? Чего не доставало міру. Зачѣмъ пролито столько крови и слезъ!...

— Вы ли это спрашиваете, шевалье, отвѣтила леди Эліоттъ, прислоняясь къ стволу дерева, подъ которымъ сидѣлъ С.-Мало. — Развѣ вы, я,—всѣ мы, не подкапывали тѣмъ или другимъ способомъ чудный храмъ природы, созданное для насъ святилище, пока оно не рушилось и не увлекло насъ въ своемъ паденіи? Мирныя наслажденія не существуютъ для насъ, мы не способны даже ощущать ихъ. Только по временамъ мы чувствуемъ еще болѣзненное стремленіе къ нимъ или, вѣрнѣе сказать, мы невольно тоскуемъ о томъ, что безвозвратно потеряно для насъ.

— Но развѣ человѣческое сердце можетъ отказаться отъ надежды. Отымите ее у меня, и я не сдѣлаю ни одной попытки, чтобы скрыться отъ моихъ враговъ. Такая лунная ночь какъ эта, полная таинственной прелести; тихій шопотъ листьевъ, сонное журчанье ручья, — все это развѣ не находитъ доступа къ нашей душѣ, если она способна понимать языкъ природы.

— Вы сами невольно обманываете себя, шевалье. Неужели вы серьезно вѣрите, что для васъ или для меня еще возможно наслажденіе въ какомъ бы то ни было видѣ. Намъ не-зачѣмъ скрывать другъ передъ другомъ наше прошлое, такъ какъ оно хорошо извѣстно обоимъ намъ, а съ такимъ прошлымъ погоня за счастіемъ одна мечта. У насъ нѣтъ почвы подъ ногами; куда мы ни вступимъ, передъ нами яма; обойдя ее, мы встрѣчаемъ другую...

— Вы ошибаетесь, моя великодушная спасительница, и слишкомъ

мрачно смотрите на жизнь. Правда, намъ нѣтъ нужды скрывать другъ отъ друга свое прошлое. Да я и не считаю нужнымъ отрекаться отъ тѣхъ проступковъ, въ которыхъ признаю себя виновнымъ. Одно только чистосердечное признаніе въ нихъ можетъ спасти насъ и возстановить нравственно. Я знаю, что главная ошибка моей жизни заключалась въ суетности, въ неуваженіи чужихъ правъ и наконецъ въ томъ, что я не разбиралъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Это нашъ общій грѣхъ и въ этомъ корень революціи. Мы сами вызвали ее и она караетъ насъ послѣдствіями нашихъ дѣяній. Развѣ я не все потерялъ, чему придавалъ наибольшую цѣну, благодаря своему ослѣпленію? Развѣ не отняли у меня честь, имущество, завидное положеніе въ свѣтѣ? На меня возсталъ тотъ, чьи права были попраны мною... мнѣ пришлось бѣжать отъ Трюшона; кто поручится, что онъ въ эту же минуту не набросится на меня съ своей шайкой убійцъ... Да, вы правы, намъ нечего скрываться другъ передъ другомъ; но если вы признаете, что искреннее покаяніе можетъ быть единственнымъ искупленіемъ моего прошлаго, то почему же вы не считаете возможнымъ примѣнить это къ себѣ?

— Вы забываетесь, шевалье, сказала леди Эліоттъ, вся вспыхнувъ отъ гнѣва. — Кто далъ вамъ право говорить со мною этимъ тономъ?

— Вы сами, миледи. Зачѣмъ намъ лицемѣрить другъ передъ другомъ? Вы потребовали, чтобы я не касался вашего прошлаго. Я готовъ исполнить данное мною слово. Но я не понимаю вашей цѣли. Неужели правда такъ невыносима для васъ?

— Я не хочу слышать правды отъ васъ...

— Вы считаете меня своимъ врагомъ, миледи?..

— Вы всегда относились ко мнѣ враждебно.

— Между тѣмъ вы теперь одни со мною на большой дорогѣ ночью и рѣшились способствовать моему бѣгству.

— Я рѣшилась на это по-неволѣ...

— Такъ сдѣлайте одолженіе, оставьте меня здѣсь... Возвратитесь въ Парижъ, пока еще есть возможность... Еще моментъ, и вамъ дѣйствительно по-неволѣ придется раздѣлить мою участь.

— Я взялась за дѣло и кончу его.

— Зачѣмъ же вы брались за него. Что побудило васъ оставить свой домъ и поспѣшить на помощь раненому.

— Я думала, что меня зоветъ Жильберъ.

С.-Мало поднялся съ своего мѣста.

— Миледи, сказалъ онъ, подходя къ ней и пристально глядя на нее, если вы намѣрены измѣнить мнѣ, если...

Въ отдаленіи послышался шумъ, не похожій ни на журчанье ручья, ни на шелестъ листьевъ...

— Уходите, ради Бога! воскликнулъ С.-Мало. — Они напали на нашъ слѣдъ!...

— Нѣтъ, я не уйду, отвѣтила леди Эліоттъ, — я докажу вамъ на

дѣлѣ, на сколько основательно ваше подозрѣніе, хотя бы это стоило мнѣ жизни...

Все опять затихло, слышался только шелестъ листьевъ и мѣрное журчанье ручья.

— Мы кажется ошиблись, сказала леди Эліоттъ,—вы видите, все тихо.

— Я виноватъ передъ вами и готовъ просить прощенія, сказалъ С.-Мало.—Если въ этотъ моментъ я внѣ опасности, то все-таки мнѣ не избѣжать смерти... Я чувствую, что стою на краю гроба и потому выслушайте отъ меня горькую истину, леди Эліоттъ. Вы избрали ложный путь. Отрекаясь отъ прошлаго, вы никогда не избавитесь отъ него. Вы похожи въ этомъ на героевъ нынѣшняго дня, которые, совершая убійства въ Тюльери, считаютъ себя революціонерами, дѣтьми свободы. Жалка та революція, которая топитъ кровь въ крови и за старые грѣхи отплачиваетъ новыми, худшими преступленіями. Переворотъ долженъ совершиться въ насъ самихъ, мы должны прежде всего покаяться въ нашихъ проступкахъ, а не призывать къ отвѣтственности невинныхъ людей за тѣ несправедливости, которыя намъ приходится переносить въ жизни. Пусть лучше мы будемъ мучениками, чѣмъ мучить другихъ. Только въ этомъ смыслѣ я и понимаю революцію... и вы видите, меня преслѣдуютъ... Я изгнанникъ, осужденный на смерть... Вы же перешли въ лагерь враговъ съ прежними понятіями, съ гнилью и ложью старыхъ порядковъ въ душѣ, хотите прикрыть мантіей свободы продажное тѣло и думаете затопить мученія совѣсти въ пролитой крови и въ усладительномъ зрѣлищѣ общаго разрушенія. Сѣть лжи и притворства будетъ все больше и больше опутывать васъ, пока вы не преодолѣете эту малодушную боязнь правды.

Слезы безсильной ярости полились изъ глазъ леди Эліоттъ.

— Если это и правда, воскликнула она, то вы не смѣете говорить мнѣ такія вещи. Кто далъ вамъ власть читать въ моей душѣ и дѣлать мнѣ упреки. Безумецъ! ты считаешь лишнимъ стѣсняться со мною, потому что мы въ двухъ шагахъ отъ твоего убѣжища; но если я захочу, то я и теперь могу погубить тебя! Мнѣ стоитъ только крикнуть—и вся деревня подымется на ноги, забьютъ въ набатъ, и ты пропалъ... слышишь ли!?...

Она выбѣжала изъ аллеи и среди ночной тишины неожиданно раздался ея громкій, протяжный зовъ. Не прошло и минуты, какъ со стороны деревни ясно послышался шумъ и говоръ.

Леди Эліоттъ, не помня себя отъ ужаса, бросилась назадъ.

— Господи, что я сдѣлала? воскликнула она,—я погубила его... теперь ничто не спасетъ его... за деревьями виднѣются ружья и пики... Куда намъ дѣваться!...

— Что же, вы достигли своей цѣли... сказалъ С.-Мало.—Идите къ нимъ на встрѣчу и объявите имъ, что здѣсь лежитъ раненый роялистъ... Вы получите за это хорошую плату...

— Ради Бога, замолчите. Я больше не могу выносить этого... Но вы не погибнете... Клянусь, я не оставлю васъ, пока вы не будете въ полной безопасности...

— Оставьте меня, холодно отвѣтилъ С.-Мало. — Посмотримъ, удастся ли вамъ также легко отдѣлаться отъ своей совѣсти, какъ отъ меня...

Въ концѣ аллеи послышались шаги приближавшихся людей, бряканье ружей и пикъ.

— Умоляю васъ, встаньте и идите за мною, сказала леди Эліоттъ съ горькимъ плачемъ, бросаясь на колѣни передъ своей жертвой.— Еще время не ушло.... Не отказывайтесь... Пожалѣйте меня!

— Идемте, сказалъ шевалье, поднимаясь съ усиліемъ на ноги.

Они вышли изъ аллеи на долину, освѣщенную луной. Между тѣмъ шаги приближавшихся людей слышались все яснѣе, даже можно было различить ихъ голоса и отдѣльныя слова.

Укрыться отъ нихъ не было никакой возможности, потому что каждый предметъ на пустынной равнинѣ былъ отчетливо видѣнъ издали.

Преслѣдователи тотчасъ же замѣтили бѣглецовъ и ускорили шаги, чтобы нагнать ихъ, кричали имъ, чтобы онн остановились, стрѣляли имъ вслѣдъ. Рѣзко раздавались выстрѣлы среди ночной тишины. Все было плоско и голо кругомъ; земля, освѣщенная луной, казалась совсѣмъ бѣлою и какъ бы покрытою саваномъ. Бѣглецы спѣшили впередъ и на столько опередили своихъ враговъ, что пули не достигали ихъ. Они добрались такимъ образомъ до заставы.

— Сюда, въ эти ворота, воскликнула леди Эліоттъ, таща за собою своего изнемогающаго спутника.—На другой сторонѣ караульные.

Они вошли во дворъ.

Теперь уже для нихъ не было никакого спасенія. Стража увидѣла ихъ—замелькали фонари, забрякали ружья, раздался набатъ и въ то же время съ поля послышался дикій крикъ торжествующихъ враговъ, готовыхъ наброситься на свою добычу.

— Благодарю васъ, сказалъ шевалье, слабымъ, едва слышнымъ голосомъ.—Для меня все кончено... Но и вы пропали....

— Нѣтъ!... воскликнула леди Эліоттъ, съ отчаяніемъ отыскивая выхода со двора и бросаясь къ стѣнѣ, въ которой увидѣла проломъ.— Здѣсь ниша... а тутъ въ землѣ какъ будто подвалъ...

Она ухватилась обѣими руками за желѣзное кольцо и тянула его къ себѣ изо всѣхъ силъ, пока ей не удалось поднять широкую деревянную доску, плотно прилегавшую къ каменнымъ плитамъ, которыми былъ вымощенъ дворъ.

Свѣтъ луны, падавшій сверху, освѣтилъ черную открывшуюся яму и полусгнившую деревянную лѣстницу, которая вела въ подземелье.

— Сюда, скорѣе, сказала она, хватая за руку С.-Мало, который едва держался на ногахъ отъ слабости, и толкая его къ лѣстницѣ.—

Здѣсь никто не найдетъ васъ, а когда опасность пройдетъ, я приду къ вамъ.

Выждавъ минуту, когда шевалье скрылся изъ ея глазъ, она опять захлопнула доску, которая опустилась съ страшнымъ грохотомъ, глухо раздавшимся подъ землею.

Въ тотъ же моментъ въ воротахъ показалась толпа людей въ якобинскихъ шапкахъ, съ ружьями и пиками, и дворъ освѣтился множествомъ фонарей и факеловъ.

— Они вѣроятно тутъ! крикнуло разомъ нѣсколько голосовъ.

ГЛАВА IX.

Заживо погребенный.

Леди Эліоттъ увидѣла себя окруженною со всѣхъ сторонъ вооруженными людьми. Одинъ изъ нихъ поднесъ фонарь къ ея лицу.

— Наконецъ-то мы поймали тебя, голубушка! воскликнулъ онъ хриплымъ голосомъ,—мы ужъ давно гонимся за тобой, но ты неслась передъ нами точно лань вмѣстѣ съ своей тѣнью, такъ что намъ казалось, что васъ двое.

— Да ихъ было двое, крикнулъ одинъ изъ сторожей.—Когда она прошла заставу, часа два тому назадъ, съ ней былъ больной человѣкъ.

— Вы ошибаетесь, сказала леди Эліоттъ, обращаясь къ толпѣ.— Мнѣ не зачѣмъ было скрываться отъ васъ... Съ больнымъ сдѣлалось дурно... я его оставила на дорогѣ у одной хижины, а сама побѣжала за докторомъ въ предмѣстье. Пожалуйста не задерживайте меня, иначе будетъ поздно и онъ можетъ умеретъ.

— Ну, бѣда не велика, если онъ умретъ, а ты должна идти съ нами.

— Что ты стоишь тутъ?.. сказалъ другой, схвативъ ее за руку и сталкивая съ мѣста: доска гнилая и ты провалишься въ катакомбы.

Леди Эліоттъ вырвала свою руку и опять встала на прежнее мѣсто.

— Что ты упрямишься, сойди съ доски! закричало нѣсколько голосовъ.

Ее стащили съ мѣста.

— Катакомбы! повторила леди Эліоттъ, не помня себя отъ ужаса. Она живо представляла себѣ положеніе несчастнаго шевалье,—раненнаго, изнуреннаго, безъ пищи, питья, свѣта и воздуха, въ безконечномъ лабиринтѣ подземныхъ ходовъ, среди камней и скелетовъ. Оставить

его тамъ значило обречь на вѣрную гибель. Не лучше ли для него умереть здѣсь, подъ открытымъ небомъ, отъ ударовъ враговъ, чѣмъ тамъ, въ страшной пропасти среди мертвецовъ... Но въ правѣ ли она выдать его?..

— Куда ты дѣвала своего спутника? спросилъ ее одинъ изъ сторожей, стоявшій у воротъ.

Она готова была произнести слово, которое освободило бы бѣглеца изъ его подземной темницы и предало бы въ руки его враговъ, но слово это замерло на ея губахъ.—„Нѣтъ, подумала она, тогда уже ничто не спасетъ его. Я не имѣю права лишить его послѣдней надежды. Если бы мнѣ удалось спровадить ихъ"...

— Пойдите и сыщите его, сказала она, обращаясь къ толпѣ;—я вамъ подробно опишу домъ, гдѣ я его оставила... Видите ли, тамъ, у дороги...

Она едва сознавала то, что говорила. Ее занимала теперь одна мысль: какъ бы удалить всѣхъ этихъ людей и спасти заживо погребеннаго, хотя въ другую минуту она сразу сообразила-бы, на сколько это невозможно.

Но окружавшіе ее люди не хотѣли и слушать ее.

— У насъ и безъ того довольно работы, закричали они. — Пусть онъ лежитъ, и намъ какое дѣло до него, а ты пойдешь съ нами въ городъ.

— Сжальтесь, проговорила она рыдая.—Отпустите меня къ больному. Я не уйду отсюда... Не лишайте меня свободы...

Она опять бросилась къ доскѣ и ухватилась изо всѣхъ силъ за желѣзное кольцо. Но грубыя руки оттащили ее и вывели изъ воротъ.

Она очутилась среди красныхъ шапокъ, пикъ и фонарей, которые представляли странный контрастъ съ бѣловатой равниной, освѣщенной луннымъ свѣтомъ.

Это былъ обходъ, который преслѣдовалъ нѣсколькихъ убѣжавшихъ швейцарцевъ и застигъ ихъ по близости Арсёль. Захвативъ плѣнныхъ, они уже готовы были двинуться въ путь, когда услыхали крикъ леди Эліоттъ. Но прійдя въ аллею, они никого не застали, и, замѣтивъ издали женскую фигуру, бѣжавшую по равнинѣ, бросились за нею.

Обезоруженные плѣнники стояли со связанными руками. Полная апатія виднѣлась на ихъ лицахъ; они знали, какая участь ожидаетъ ихъ, и равнодушно шли на встрѣчу смерти.

Шествіе двинулось въ путь; но въ тотъ же моментъ леди Эліоттъ бросилась къ желѣзной рѣшеткѣ заставы.

— Я не уйду отсюда, проговорила она съ отчаяніемъ.

Однако, не смотря на сопротивленіе, она должна была идти за ними.

— Убейте меня, сказала она,—мнѣ легче будетъ...

— Какая храбрая! — замѣтилъ одинъ изъ стоявшихъ возлѣ нея людей.—Не боишься смерти, а вся дрожишь какъ въ лихорадкѣ.

Леди Эліоттъ ничего не отвѣтила. Видя, что сопротивленіе безполезно и изнемогая отъ усталости, она добровольно пошла съ толпой.

Рядомъ съ нею шелъ человѣкъ въ якобинской шапкѣ, но безъ всякаго оружія. Мѣрный шумъ шаговъ, которые глухо раздавались по пустынной улицѣ, надоѣлъ ему, и онъ вдругъ запѣлъ:

Tôt, tôt, tôt
Battons chaud,
Je n'eus jamais d'aussi bon temps
Qu'avec les sans-culottes!

Но пѣніе это не понравилось человѣку, который повидимому считался начальникомъ отряда.

— Избавь насъ отъ своего нескладнаго пѣнія, — сказалъ онъ повелительнымъ тономъ.—Кто не въ состояніи носить пику, тому нечего распѣвать пѣсни.

— Я молчу, citoyen Симонъ,—отвѣтилъ пѣвецъ, замолчавъ сразу. Hinc illae lacrymae. Тутъ дѣло не въ пикѣ, а въ томъ, что ты постоянно пикируешься со мною..... Но мудрецъ долженъ владѣть собою. Ты не задѣвалъ-бы меня, еслибы здѣсь былъ Николай Трюшонъ.

— Убирайся къ чорту съ своимъ Трюшономъ—отвѣтилъ Симонъ. Придетъ время, когда тебя не спасутъ ни твоя латынь, ни твой пріятель.

— Permitte divis cetera! — пробормоталъ про себя безстрашный поклонникъ классиковъ.

Леди Эліоттъ, услыхавъ знакомое имя, пріободрилась. Она посмотрѣла на шествовавшаго возлѣ нея якобинца, наружность котораго была на столько комична, что не могла внушить ни малѣйшаго страха.

— Какъ тебя зовутъ, citoyen?—спросила она его.

— Муцій Сцевола,—отвѣтилъ онъ, выпрямившись.

— Ты знаешь Николая Трюшона?

— Это мой alter-ego, мое второе я. Non ego paucis offendor maculis,—нѣтъ меня не легко обидѣть, но я жалѣю, что онъ не съ нами.

— Онъ также оказалъ мнѣ нѣкогда большую услугу, — сказала она вполголоса, какъ-бы про себя. Затѣмъ, обращаясь къ Сцеволѣ, спросила:—Не можешь-ли ты сказать мнѣ, куда насъ ведутъ?

— Nec seit quod sit iter... Право не знаю!... Должно быть въ ратушу или въ тюрьму... Куда же больше?

— И меня задержатъ тамъ,—прошептала леди Эліоттъ съ отчаяніемъ... Онъ погибнетъ отъ голода, жажды, недостатка воздуха и умирая будетъ проклинать меня... Боже мой, что я надѣлала!...

— Умоляю тебя, помоги мнѣ, — продолжала она, обращаясь къ Сцеволѣ со слезами на глазахъ.

Добрякъ совсѣмъ растерялся.—Что могу сдѣлать для тебя, моя милѣйшая женщина?—спросилъ онъ.

— Не отходи отъ меня. У тебя есть сердце... а другіе...

— Говори тише: если они тебя услышатъ, ты пропала, и я не въ состояніи буду помочь тебѣ.

Присутствіе Сцеволы, не смотря на его странную наружность, успокоительно подѣйствовало на леди Эліоттъ.

— Скажи мнѣ пожалуйста, — спросила она, кто этотъ человѣкъ съ чернымъ лицомъ и великолѣпной бородой, который идетъ впереди?

— Это сапожникъ Симонъ,—отвѣтилъ шопотомъ Муцій Сцевола, какъ-бы изъ боязни, что его услышатъ. Теперь это ни по чемъ— вчера онъ шилъ сапоги, сегодня онъ народный вождь, а что будетъ завтра—никто не знаетъ... Быть можетъ наступитъ день, моя милѣйшая, когда этотъ самый сапожникъ захватитъ у насъ верховную власть въ свои руки...

Прошло около часу, пока шествіе совершило путь отъ заставы до набережной Сены. Въ узкихъ кварталахъ St.-Marceau царила мертвая тишина и мракъ и одна только луна освѣщала высокія крыши. Но когда они вышли изъ лабиринта улицъ окружающихъ университетъ на открытый берегъ Сены, то передъ ними предстало огромное зарево со стороны Тюльери, окрасившее рѣку своимъ багровымъ свѣтомъ.

— Что это?—воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Горитъ дворецъ.

— Morbleu! они подожгли Тюльери.

— Смотрите, какъ высоко подымается пламя.

— Ну, это плохая шутка. Развѣ не могли они подождать насъ. Вѣдь поджечь Тюльери легче, чѣмъ брать его штурмомъ.

Разговаривая такимъ образомъ, толпа достигла Pont-Neuf. Здѣсь они невольно остановились передъ бронзовой статуей Генриха IV, освѣщенной отблескомъ пожара. Эта статуя, хорошо знакомая каждому парижанину, была обезглавлена; одно только безжизненное туловище удерживало взвившуюся на дыбы лошадь. Это зрѣлище поразило даже людей, переживших ужасы 10 августа. Но это продолжалось всего одну секунду. Кто-то изъ толпы нашелъ голову статуи, лежавшую въ пыли и поднялъ ее на пику. Раздался громкій крикъ торжества и толпа бросилась на изувѣченный памятникъ, ударяя въ него пиками, прикладами ружей и камнями, пока статуя не рухнула съ грохотомъ на мраморный пьедесталъ.

Стащивъ ее на землю и покончивъ такимъ образомъ дѣло разрушенія, толпа продолжала свой путь. Но подходя къ Тюльери, они убѣдились, что дворецъ не тронутъ и что зарево происходитъ отъ гигантскихъ костровъ, разведенныхъ на тюльерійскихъ дворахъ для сожиганія мертвыхъ тѣлъ, подобранныхъ во дворцѣ, въ садахъ, на улицахъ, всюду—гдѣ только было побоище. Телѣги, тяжело нагруженныя мертвыми и изувѣченными тѣлами, гремѣли по мостовой выѣзжая одна за другой съ дворовъ des Princes, du Pavillion Marsan, черезъ ворота Pont-Royal'я, съ праваго берега Сена и улицы Nicaise, со сто-

роны ci-devant Пале-Рояля, переименованнаго теперь въ Palais d'Orléans. Стоявшіе кругомъ люди то покрывались копотью отъ подымавшагося дыма, то казались совсѣмъ красными отъ взвивавшагося пламени; одни вытаскивали окровавленный грузъ изъ телѣгъ и бросали его въ пылающіе костры; другіе мѣшали огонь желѣзными крючьями. Воздухъ оглашался мѣрнымъ пѣніемъ марсельезы; огромные столбы пламени съ трескомъ подымались къ лунному небу, подернутому облаками, и разсыпались искрами на всѣ стороны. Густой, смрадный дымъ валилъ черными клубами изъ пылающихъ костровъ, окрашивался огнемъ и бросалъ фантастическія тѣни на ярко освѣщенныя стѣны, балконы и фасады старыхъ, мрачныхъ домовъ, окружавшихъ тогдашнюю площадь Карусель. Между тѣмъ телѣги подвозили все новые и новые трупы и возвращались, нагруженныя пепломъ и полусгорѣвшими костями, чтобы выбросить ихъ въ Сену, которая должна была принять такимъ образомъ остатки четырехъ тысячъ людей, убитыхъ въ этотъ день.

По другую сторону Тюльери отблескъ зарева освѣщалъ стѣны большаго продолговатаго зданія, называемаго „Манежемъ“ и бывшаго недавно главной конюшней его высочества графа д'Артуа, при которой Марà нѣкогда исполнялъ должность ветеринара. Но съ самаго начала революціи и бѣгства графа д'Артуа Національное Собраніе превратило бывшую конюшню въ залу своихъ засѣданій. Здѣсь искалъ себѣ убѣжища король 10-го августа, спасаясь изъ Тюльери; отсюда же онъ написалъ приказъ, которымъ обезоружилъ своихъ приверженцевъ и предалъ ихъ въ руки враговъ: „Le Roi ordonne aux Suisses de deposer à l'instant leurs armes et de se retirer dans leurs casernes“...

Шествіе подъ предводительствомъ сапожника Симона остановилось у воротъ Манежа, гдѣ стояла цѣлая толпа, ожидавшая окончанія происходившаго въэ то время засѣданія. Дворъ Feuillants былъ также переполненъ народомъ, такъ что не было никакой возможности перейти на другую сторону зданія, гдѣ находился караулъ и гдѣ Симонъ предполагалъ сдать свою добычу.

Благодаря этому, усталымъ плѣнникамъ позволили сѣсть на скамьи, стоявшія подъ деревьями терассы Feuillants.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь возвышается великолѣпная колоннада и находятся улицы съ громкими названіями въ честь побѣдъ, какъ-то: de Castiglione, Rivoli, d'Alger и des Pyramides, были тогда узкіе переходы и извилистые дворы, окружавшіе залу Манежа, а за ними виднѣлся старый монастырь Feuillants, выходившій фасадомъ на площадь, которая до настоящей ночи носила названіе „Place Louis le Grand“. Но въ эту ночь конная статуя великаго монарха была свергнута и площадь получила названіе „Place des piques“. Впослѣдствіи ее переименовали въ „Place Vendôme“, а на мѣстѣ прежней статуи поставлена бронзовая колонна, отлитая изъ завоеванныхъ пушекъ съ фи-

гурой Наполеона I. Въ этотъ вечеръ, положившій начало республики, онъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда на своемъ посту въ качествѣ артиллерійскаго офицера и съ негодованіемъ глядѣлъ на происходившіе вокругъ него ужасы, не подозрѣвая, что совершенныя въ этотъ день убійства и насилія, эти самые костры, пылавшіе на его глазахъ, послужатъ для него первою ступенью къ достиженію власти.

За часъ передъ тѣмъ былъ прочитанъ декретъ, предлагавшій Французскому народу составить національный конвентъ, такъ какъ Франція уже не имѣла больше короля.

Собравшаяся на улицѣ толпа ожидала теперь съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ рѣшенія дальнѣйшей участи Людовика XVI.

Между тѣмъ двери манежной залы оставались закрытыми и черезъ освѣщенныя окна видны были только тѣни ходившихъ взадъ и впередъ людей.

На часовой башнѣ Тюльери, а затѣмъ въ церквахъ Feuillants и de l'Assomption пробило два часа.

Въ толпѣ пробѣжалъ глухой шопотъ.

— Засѣданіе кончилось, послышалось со всѣхъ сторонъ.

Изъ Манежа вышелъ одинъ изъ членовъ собранія и громко объявилъ народу:

— Людовикъ Капетъ и его семейство будутъ заключены въ монастырь Feuillants.

Симонъ и его товарищи изъ боязни пропустить такое любопытное зрѣлище тотчасъ же подняли на ноги сидѣвшихъ подъ деревьями плѣнниковъ:

— Ну, пошевеливайтесь! кричали они. Вы видѣли на мосту, какъ мы расправлялись съ статуями, а теперь мы вамъ еще не то покажемъ...

Несчастныя жертвы молча повиновались, между тѣмъ какъ ихъ тюремщики, расталкивая народъ, громко превозгласили:

— Пропустите плѣнниковъ народа.

Толпа немедленно очистила имъ дорогу, и Симонъ съ своими товарищами и плѣнниками очутился въ первомъ ряду.

Почти въ тотъ же моментъ въ воротахъ Манежа показалось шествіе и двинулось по двору.

Впереди всѣхъ шла величественная фигура женщины съ гордо поднятой головой и печальнымъ разбитымъ сердцемъ.

Эта женщина была дочь Маріи Терезіи—Марія Антуанетта. Окруженная солдатами національной гвардіи, которые воткнули зажженные огарки въ дуло своихъ ружей, она медленно шла черезъ темный дворъ, мимо живой шпалеры, которую толпа образовала съ обѣихъ сторонъ. Марія Антуанетта вела за руку маленькаго дофина; за нею слѣдовала madame Royale; позади всѣхъ шелъ король.

— Полюбуйтесь-ка на свою королеву! воскликнулъ сапожникъ Симонъ, обращаясь съ торжествующимъ видомъ къ плѣнникамъ.

Швейцарцы почтительно поклонились, когда Марія Антуанетта проходила мимо ихъ. Она грустно улыбнулась, увидя своихъ вѣрныхъ приверженцевъ, и отвѣтила на ихъ привѣтствіе легкимъ поклономъ.

Въ этотъ моментъ съ правой стороны показались башни и павильоны Тюльери, освѣщенные отблескомъ потухающихъ костровъ.

Королева отвернулась отъ этого зрѣлища; слезы душили ее...

Шествіе достигло мрачнаго входа въ монастырь Feuillants и исчезло за его воротами. Толпа, уже не сдерживаемая присутствіемъ королевы, вдругъ зашумѣла. Одни громко запѣли „madame Veto;" другіе кричали: „что медлить! давайте ее сюда, мы расправимся съ нею"!..

Симонъ, недовольный вмѣшательствомъ Трюшона, крикнулъ своей командѣ сердитымъ голосомъ: „Marchons! теперь дорога очищена!"

Леди Эліоттъ, увидя депутатовъ, выходившихъ изъ боковой двери Манежа, рѣшилась на отчаянное средство для своего спасенія.

— Другъ мой, спросила она, обращаясь къ Сцеволѣ, не знаешь ли ты Жильбера Лагэ?

— Разумѣется! Это тотъ citoyen représentant, который вчера ночью сказалъ намъ такую прекрасную рѣчь „au Soleil d'or"... Да вотъ онъ идетъ...

— Зови его скорѣе сюда, иначе я пропала...

Муцій бросился къ Жильберу и привелъ его къ леди Эліоттъ въ тотъ моментъ, когда она должна была перешагнуть порогъ гауптвахты по приказу Симона.

— Несчастная женщина, воскликнулъ Жильберъ въ ужасѣ, какъ могла ты попасть въ руки этихъ людей!

Леди Эліоттъ съ мольбою протянула къ нему свои руки, но тотчасъ же опустила ихъ въ смущеніи. Она не могла выносить его взгляда!

— Отпустите ее, сказалъ Жильберъ, обращаясь къ Симону. Я ручаюсь за нее своимъ трехцвѣтнымъ шарфомъ и кокардой.

Сапожникъ Симонъ нехотя и съ ворчаніемъ разстался съ своей жертвой.

Леди Эліоттъ вернулась домой въ полу-сознательномъ состояніи. Она не могла дать себѣ отчета: видѣла ли она сонъ или въ дѣйствительности случилось все то, что она пережила въ эту страшную ночь.

ГЛАВА X.

Отъ утренней до вечерней зари.

Леди Эліоттъ не могла заснуть цѣлую ночь; самыя дикія видѣнія преслѣдовали ее; она съ ужасомъ думала о человѣкѣ, котораго едва не предала врагамъ, а затѣмъ погребла заживо въ страшномъ подземельѣ. Тишина, царившая въ домѣ, покой постели, мѣрный бой стѣнныхъ часовъ—были для нея невыносимы.

Наконецъ она не выдержала и, вставъ съ постели, бросилась передъ распятіемъ изъ чернаго дерева, которое было съ нею еще въ Монфлёри и съ которымъ она не разставалась съ тѣхъ поръ. Розовый лучъ восходящаго солнца озарялъ печально опущенную голову съ терновымъ вѣнцомъ, часть стѣны и потолокъ; но утренній свѣтъ не радовалъ несчастную, измученную женщину. Долго молилась она и плакала, закрывъ лицо руками; но ни слезы, ни молитва не могли заглушить ея мучительныхъ думъ и угрызеній совѣсти.

Она поднялась на ноги.

„Нѣтъ, я не могу болѣе оставаться здѣсь!“ проговорила она съ отчаяніемъ.—„Я должна отыскать его“...

Она вышла изъ дому и, пройдя рядъ пустынныхъ улицъ, опять очутилась за заставой, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ проходила наканунѣ съ С.-Мало. Опять увидѣла она широкую церковную башню Арсёль, выступавшую среди густыхъ каштановыхъ деревьевъ. Крупныя капли росы на цвѣтахъ, травѣ и листьяхъ ярко блестѣли при утреннемъ солнцѣ. Вдали разстилалась темная масса Парижа и его предмѣстьевъ, подернутая туманомъ, изъ которой выступали возвышенности Montmartre и Père Lachaise, верхушки башенъ, куполы церквей, и мѣстами проглядывала рѣка. Старинные парки Bois de Boulogne и Vincennes, прилегавшіе съ обѣихъ сторонъ къ стѣнамъ Парижа, были погружены въ голубоватый паръ.

Леди Эліоттъ, изнемогая отъ усталости, опустилась на небольшой холмъ и прижала свое пылающее лицо къ влажной землѣ. Она невольно упивалась свѣжимъ утреннимъ воздухомъ, запахомъ травы и цвѣтовъ. Вблизи слышалось мѣрное журчанье ручья, кругомъ пѣли птицы. Всюду пробуждалась жизнь. Солнце заглянуло въ каждый потаенный уголокъ, каждую щель въ скалѣ, въ глубину овраговъ, разсыпая всюду искры и щедро вплетая золотистыя нити въ фантастическую ткань лѣсовъ. Земля разоблачила передъ нимъ всѣ свои сокровища красокъ и цвѣтовъ, все свое безконечное разнообразіе мховъ и камней.

Леди Эліотъ опустила руку въ ручей и, зачерпнувъ горсть прозрачной воды, освѣжила ею свои горѣвшія, запекшіяся губы. Благодѣ-

тельная прохлада вѣяла на нее съ кустовъ, подъ которыми она лежала. Чувство нѣги охватило ее—и она задремала. Но сознаніе тяжелой дѣйствительности тотчасъ же вернулось къ ней.

Наступалъ полдень. Виднѣвшійся издали Парижъ со своими башнями и церквами, безконечной вереницей домовъ и зеленью примыкавшихъ къ нему парковъ, горѣлъ какъ въ огнѣ подъ отвѣсными лучами августовскаго солнца. Кругомъ разстилалась безотрадная пустынная равнина.

Леди Элліотъ поднялась съ мѣста. Мысли путались въ ея головѣ. Она горько упрекала себя за минуту забвенія.

„Развѣ отдыхъ существуетъ для меня?“ подумала она съ отчаяніемъ. — „Какое я имѣю право наслаждаться чѣмъ бы то ни было? Мнѣ ли прятаться отъ жары и зноя“?...

Она вышла на равнину. Пустынная, плоская поверхность земли при солнцѣ казалась еще печальнѣе, чѣмъ при лунномъ освѣщеніи. Вездѣ былъ свѣтъ и жаръ и полное отсутствіе тѣни или мѣста для отдыха. Леди Эліоттъ сѣла на выступъ скалы, ярко освѣщенный полуденнымъ солнцемъ. Но она почти не чувствовала зноя и только думала о томъ, что долженъ теперь испытывать С.-Мало подъ землею, среди мрака и могильной сырости. Она должна была ожидать наступленія сумерокъ, чтобы спасти его. Медленно тянулось время. Кругомъ все было мертво, только слышалось бряканье цѣпей и шумъ подъемныхъ машинъ изъ ближайшей каменоломни, да стукъ молотковъ въ маленькихъ, черныхъ хижинахъ, разбросанныхъ по долинѣ, въ которыхъ также работали каменьщики.

Между тѣмъ солнце склонялось къ западу. Тѣни сгущались надъ землей; вечерняя заря освѣщала только верхушки деревьевъ и церквей и отдѣльныя возвышенности. Въ городѣ не слышно было обычнаго вечерняго звона колоколовъ, — они всѣ были сняты съ тѣмъ, чтобы перелить ихъ въ пушки, а въ каждомъ приходѣ оставлено по одному колоколу для боя часовъ и набата.

Понемногу стихла работа въ каменоломнѣ и въ маленькихъ, черныхъ хижинахъ. Леди Эліоттъ видѣла, какъ изъ нихъ выходили работники и поспѣшно направлялись въ сосѣднія деревни, гдѣ жили ихъ семьи.

Но вотъ потухъ и послѣдній отблескъ зари и медленно вышла полная луна, освѣщая синеву неба своимъ серебристымъ блескомъ.

Леди Эліоттъ поднялась съ своего мѣста и, войдя въ одну изъ хижинъ, только что оставленныхъ работниками, взяла стоявшую на столѣ кружку, наполнила ее водою изъ ближайшаго ручья и опять вернулась въ хижину. Послѣ долгихъ поисковъ ей удалось наконецъ отыскать фонарь, употребляемый въ каменоломняхъ; она зажгла его и, прикрывъ платьемъ, съ кружкой въ другой рукѣ, направилась къ заставѣ Enfer. Здѣсь она вошла во дворъ никѣмъ незамѣченная и, благодаря яркому лунному свѣту, нашла подъемную дверь въ катакомбы. Поставивъ

кружку и фонарь на землю, она уже готова была поднять доску,—но остановилась, такъ какъ на нее опять напало сомнѣніе.

— Не оставить ли его въ подземельѣ, подумала она.—Если онъ умретъ, то некому будетъ разоблачить мою тайну. Все будетъ кончено... Зачѣмъ я стану спасать его? Съ того дня, когда мы въ первый разъ встрѣтились въ Стюдлей-Голлѣ, онъ всегда приносилъ мнѣ несчастія; но тутъ она опомнилась.—„Что ты дѣлаешь, Грэсъ, громко воскликнула она: въ подобную же минуту ты погубила Натали. Вспомни, сколько разъ ты жалѣла объ этомъ"...

Она крѣпко ухватилась за кольцо и подняла доску.

Мертвящее дыханіе земли встрѣтило ее. Она еще разъ оглянулась.

Луна стояла высоко на небѣ, освѣщая крыши парижскихъ домовъ, отъ которыхъ протягивались по землѣ длинныя, черныя тѣни. Невольная дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Она взяла кружку съ водой и фонарь и стала спускаться съ лѣстницы.

Тяжелая доска упала надъ ея головой, и она очутилась въ парижскихъ катакомбахъ.

ГЛАВА XI.

Въ парижскихъ катакомбахъ.

Жильберъ былъ сильно взволнованъ неожиданной встрѣчей съ леди Эліоттъ на дворѣ Манежа и на другой же день утромъ отправился къ ней въ улицу Miromésnel, чтобы узнать, при какихъ обстоятельствахъ она попалась въ руки Симона и предостеречь ее на будущее время отъ подобныхъ непріятностей. Но онъ не засталъ ея.

Никто изъ ея домашнихъ не зналъ, гдѣ она.

Леди Эліоттъ вернулась вчера очень поздно и вѣроятно вышла сегодня до восхода солнца, потому что прислуга, поднявшись чуть ли не съ разсвѣтомъ, напрасно искала ее по всему дому.

Жильберъ терялся въ догадкахъ. Онъ невольно спрашивалъ себя: не имѣло ли какой связи ея загадочное поведеніе со вчерашними событіями? Что значило ея внезапное исчезновеніе наканунѣ вечеромъ и сегодня утромъ?

Маленькій Шарль былъ также въ полномъ невѣдѣніи и даже едва отвѣчалъ на его разспросы. Бѣдный ребенокъ, напуганный мыслью, что леди Эліоттъ покинула его и что онъ теперь одинъ на свѣтѣ, въ первый разъ плакалъ горькими слезами о своей невѣдомой матери.

Жильберъ не въ состояніи былъ утѣшить его. Помимо безпокойства, другія мысли терзали его. Онъ такъ любилъ ее, а она, не дождавшись его прихода, не удостоивъ ни малѣйшимъ объясненіемъ, скрылась изъ дому такимъ загадочнымъ образомъ. Чувство недовѣрія впервые проснулось въ немъ. Была ли это своего рода ревность,—онъ самъ не могъ дать себѣ въ этомъ отчета.

Прошлое леди Эліоттъ до сихъ поръ было для него святыней, которой онъ не смѣлъ касаться даже мысленно послѣ первыхъ неудачныхъ попытокъ вызвать ее на откровенность. Зачѣмъ-же теперь это прошлое такъ неотступно преслѣдуетъ его? Но развѣ не сама леди Эліоттъ виновата въ этомъ? Она первая выступила изъ заколдованнаго круга, который охранялъ ее. Если онъ не имѣлъ права спрашивать о томъ, что было до него, то ея настоящая жизнь прямо касалась его, потому что онъ любилъ ее и вѣрилъ, что и она платитъ ему взаимностью. А ея прошлое?.. Видно его нельзя отбросить какъ негодную ветошь... Человѣкъ только самъ можетъ отрѣшиться отъ него путемъ долгихъ усилій и полной переработки своей личности. А Грэсъ?.. Развѣ она отрѣшалась отъ своего прошлаго?.. Можетъ быть она опять вернулась къ старому?

Теперь какъ будто повязка спала съ его глазъ.

Если въ любви утрачивается вѣра, то сомнѣніямъ нѣтъ конца. Любовь держится довѣріемъ. Кто не можетъ довѣрять всецѣло и отъ всего сердца любимому существу, тотъ перестаетъ любить. Обманутое чувство у однихъ превращается въ ненависть, у другихъ, болѣе возвышенныхъ натуръ—въ презрѣніе, а это худшій исходъ любви.

„Почему она никогда не говорила съ мной о своихъ прежнихъ отношеніяхъ?“ спрашивалъ себя Жильберъ. „Нѣтъ ли въ нихъ чего, либо такого, что она желала бы скрыть отъ меня? Не заключаетъ ли ея прошлое инаго рода воспоминаній, помимо безгрѣшнаго съ твердостью вынесеннаго несчастія... Тогда вполнѣ понятенъ ея отказъ говорить объ этомъ. Что значитъ эта новая тайна? Скрытность передъ любимымъ человѣкомъ есть начало грѣха или желаніе скрыть прежніе проступки“...

Сѣмя сомнѣнія такъ глубоко запало въ его душу, что теперь уже ничто не могло успокоить его. Что ожидало его въ будущемъ? Любовь несогласная съ разсудкомъ... Но можетъ ли быть что нибудь мучительнѣе этого чувства?.. Не лучше ли умертвить его какъ больной нервъ...

Жильберъ, выйдя изъ улицы Miromésnil, отправился къ сапожнику Симону, чтобы узнать о ближайшихъ причинахъ, вызвавшихъ арестъ леди Эліоттъ.

Симонъ разсказалъ ему, что возвращаясь съ своими людьми изъ Арсель, онъ замѣтилъ, что какая-то фигура, напуганная ихъ приближеніемъ, бросилась бѣжать по равнинѣ. Но такъ какъ они вели плѣнныхъ, изъ которыхъ многіе были ранены, то имъ удалось настигнуть

ее только на дворѣ заставы Enfer. Здѣсь онъ убѣдился, что это была дама, но имени ея онъ не зналъ. Товарищи его были увѣрены, что ихъ было двое, хотя въ этомъ случаѣ трудно сказать что либо положительное, потому что мало ли что можетъ показаться при лунномъ свѣтѣ.—„Впрочемъ,—добавилъ Симонъ: дама сама объявила, что она была не одна, но что ея спутникъ внезапно заболѣлъ и остался гдѣ-то на дорогѣ у крестьянской хижины“.

— Развѣ вы не отыскали его? спросилъ Жильберъ взволнованнымъ голосомъ.—Она вамъ не сказала, гдѣ остался ея спутникъ?

— Да, citoyen représentant, она указывала намъ на одну изъ хижинъ у дороги, но мы дорожили временемъ, такъ какъ уже былъ поздній часъ ночи... Возвращаться назадъ было неудобно...

Жильберъ снова отправился въ улицу Miroménil, но леди Эліоттъ еще не вернулась. Онъ тотчасъ же послалъ людей для развѣдки мѣстности между Медономъ и Арсёль до самой заставы Enfer. Всѣ они должны были сойтись къ десяти часамъ вечера. Жильберъ надѣялся, что къ этому времени которой-нибудь изъ посланныхъ партій удастся напасть на слѣдъ леди Эліоттъ или ея спутника. Послѣдній едва ли не болѣе занималъ его, чѣмъ даже мысль отыскать любимую женщину.

Мѣсяцъ высоко стоялъ на небѣ, когда Жильберъ достигъ заставы Enfer. Сторожа у воротъ ничего не знали о случившемся въ этотъ день. Они помнили только, что вчера ночью у нихъ арестовали одну даму, которая пристально смотрѣла на входъ въ катакомбы и не хотѣла сойти съ подъемной двери, такъ что ее силою пришлось стащить съ мѣста. При этомъ сторожа добавили, что эта самая дама за часъ или два до ареста прошла заставу съ какимъ-то мужчиной.

— Вы видѣли этого человѣка? спросилъ Жильберъ, особенно заинтересованный послѣднимъ извѣстіемъ.

— Да, отвѣтили сторожа.—Онъ былъ въ мундирѣ національной гвардіи и казался опасно раненымъ. Онъ былъ такъ слабъ, что при ходьбѣ опирался на ея руку.

— Молодой онъ или старикъ? спросилъ Жильберъ съ видимымъ волненіемъ.

— Твоихъ лѣтъ, citoyen représentant, отвѣтилъ одинъ изъ сторожей.

— Нѣтъ, сказалъ другой,—онъ будетъ постарше. Тебѣ, citoyen, représentant должно быть двадцать шесть лѣтъ или около этого, а ему навѣрное тридцать, если не больше.

— Что онъ, красивъ? какой видъ у него?

— Какъ тебѣ сказать... Онъ шелъ понуривъ голову; лицо у него было такое блѣдное,—впрочемъ хорошо сложенъ и красивый малый, только пуля или желѣзо порядкомъ искалѣчили его.

— Теперь все ясно, воскликнулъ Жильберъ, выходя черезъ мрачныя ворота заставы на лунный свѣтъ.—Она любитъ другаго, а я былъ игрушкой для нея. У меня былъ идеалъ—образъ свободы, олицетворенный ею. Свобода и Грэсъ одновременно вступили въ мою жизнь,

которая до этого была чужда любви, цѣли, надежды. Я не искалъ ихъ; онѣ сами явились ко мнѣ: свобода вывела меня изъ мрака темницы, любовь научила чувствовать свободу. Все рушилось. Грэсъ была для меня свобода, будущность, вѣчность. Можетъ ли свобода улыбаться мнѣ безъ Грэсъ... Долой маску, лживая женщина! Неужели я родился для того, чтобы узнать собственнымъ опытомъ, что судьба распоряжается нами, а не мы ею. Къ чему продолжать борьбу, когда не предвидишь исхода... Лучше было бы умереть въ тюрьмѣ, среди моихъ мечтаній; я наслаждался тогда, созерцая идеальные образы, которые плавали по небу, подобно утреннимъ облакамъ. Они хороши только въ отдаленіи... Прикасаясь къ землѣ, они теряютъ свое обаяніе. Вы не узнаете созданныхъ вами образовъ—они отталкиваютъ васъ и повергаютъ еще глубже и безнадежнѣе въ бездну отчаянія... Лучше не знать счастія, чѣмъ потерять его... На что мнѣ жизнь безъ Грэсъ...

Онъ громко зарыдалъ, закрывъ лицо руками, но услышавъ вблизи шаги, тотчасъ же овладѣлъ собою.

Это была одна изъ партій, посланныхъ имъ на поиски Грэсъ.

Сердце Жильбера усиленно билось; онъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу.

Въ партіи было человѣкъ двѣнадцать. Они прошли все пространство отъ Медона до Арсѐля, но не могли собрать никакихъ свѣдѣній о раненомъ, который сопровождалъ даму, такъ какъ онъ повидимому исчезъ безслѣдно. Они привели съ собой крестьянина изъ Медона, который, проходя мимо, видѣлъ сегодня утромъ незнакомую женщину сидѣвшую на холмѣ. По его описанію можно было думать, что это была леди Эліоттъ. Возвращаясь назадъ черезъ какихъ-нибудь полчаса, крестьянинъ уже не засталъ ее на прежнемъ мѣстѣ и не зналъ, куда она отправилась.

Между тѣмъ подошла другая партія, изслѣдовавшая мѣстность по сосѣдству съ Seaux и Robinson. Она захватила съ собою нѣсколькихъ каменьщиковъ, которые, возвращаясь вечеромъ домой, видѣли среди долины какую-то женскую фигуру, но не обратили на нее никакого вниманія.

— Давно ли это было? спросилъ Жильберъ.

— Часа два тому назадъ, не больше,—отвѣтили они.

— Значитъ она должна быть гдѣ-нибудь въ этой мѣстности! воскликнулъ Жильберъ.—Мы должны отыскать ее.

Они обошли въ разбродъ всю долину, заглянули въ мастерскія каменьщиковъ и обшарили всѣ углы, но все было напрасно.

Наконецъ одинъ изъ рабочихъ, войдя въ хижину у дороги, замѣтилъ, что фонари, которые они обыкновенно ставили въ рядъ, лежали разбросанные по полу.

— Тутъ былъ кто-то! сказалъ рабочій и, сосчитавъ фонари, объявилъ, что одинъ изъ нихъ украденъ.

Тотчасъ же донесли Жильберу о сдѣланномъ открытіи.

— Огниво также пропало, она вѣрно воспользовалась имъ, сказали каменьщики.

— На что ей могъ понадобиться фонарь? съ недоумѣніемъ спросилъ Жильберъ.

Никто не отвѣчалъ ему; только каменьщики многозначительно переглянулись между собою..

Сдѣланное открытіе въ связи съ разсказомъ сторожей заставы навело Жильбера на такое дикое предположеніе, что онъ самъ испугался его.

— Нѣтъ, это невозможно, подумалъ Жильберъ, но тутъ-же добавилъ рѣшительнымъ голосомъ: — возьмите каждый по фонарю и зажгите ихъ.

— Куда это онъ насъ ведетъ? — спрашивали съ недоумѣніемъ другъ друга сопровождавшіе его люди; однако безпрекословно исполнили его приказаніе.

Минуту спустя Жильберъ былъ окруженъ множествомъ зажженныхъ фонарей, которые казались красными точками при серебристомъ свѣтѣ лунной ночи.

— Идите за мной, сказалъ Жильберъ, и красная мерцающая линія потянулась къ заставѣ.

Здѣсь Жильберъ еще разъ переспросилъ сторожей и велѣлъ имъ указать мѣсто, гдѣ была захвачена эта дама.

Сторожъ, бывшій при арестѣ леди Эліоттъ, повелъ ихъ на западный дворъ.

— Ее нашли на этомъ мѣстѣ, сказалъ онъ, указывая на почернѣвшія доски, освѣщенныя мрачнымъ свѣтомъ фонарей. — Здѣсь она бросилась на землю и кричала, что не уйдетъ отсюда. Наконецъ схватилась за это желѣзное кольцо... Но что это такое... какая-то бѣлая тряпка!...

Сторожъ наклонился и поднялъ съ земли батистовый носовой платокъ.

Всѣ съ любопытствомъ обступили его. Жильберъ взялъ платокъ дрожащей рукой и при свѣтѣ фонаря увидѣлъ богато вышитую мѣтку: „Грэсъ Дальримпе Эліоттъ“.

Онъ едва не потерялъ сознаніе, но тотчасъ же опомнился и громко воскликнулъ:—Нечего мѣшкать! подымите доску. Она внизу!

Эти слова привели въ ужасъ сопровождавшихъ его людей.

— Какъ, ты хочешь вести насъ въ катакомбы, citoyen représentant! заговорили всѣ разомъ подъ вліяніемъ страха.

Жильберъ не хотѣлъ слушать никакихъ возраженій и вторично приказалъ поднять доску.

Одинъ изъ каменьщиковъ открылъ дверь, но тотчасъ же отскочилъ назадъ при видѣ черной пропасти, которая разверзлась у его ногъ, такъ какъ видны были только верхнія ступени полусгнившей лѣстницы, освѣщенныя двойнымъ свѣтомъ луны и фонарей.

— Чего вы боитесь! воскликнулъ Жильберъ.—Идите за мной!

Онъ началъ спускаться съ лѣстницы. Сопровождавшіе его люди послѣдовали за нимъ — постепенно исчезали одинъ за другимъ фонари, скрываясь въ подземельѣ, и теперь на опустѣвшемъ дворѣ виднѣлись только края чернаго подземелья и верхнія ступени лѣстницы, освѣщенныя луной.

Парижскія катакомбы образовались изъ прежнихъ заброшенныхъ каменоломенъ, въ которыхъ Новый Вавилонъ схоронилъ многообразные и бренные остатки долгой жизни, пережитой имъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ.

Катакомбы занимаютъ собою громадное пространство земли, на поверхности которой расположена южная часть Парижа, вся построенная изъ камня: предмѣстье St-Germain, университетъ, улицы Veaugirard, St-Jacques, La Harpe, L'Odéon, le Panthéon, Val-de-Grâce, l'Observatoire и пр. Всѣ эти улицы и зданія висятъ надъ страшною пропастью, которая достаточно велика и глубока, чтобы поглотить ихъ, и отдѣлены отъ нея тонкой земляной корой не болѣе ста футовъ толщины.

Прошло нѣсколько сотъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ перестали добывать камень изъ парижскихъ катакомбъ; онѣ были заброшены и забыты. Но во второй половинѣ прошлаго столѣтія катакомбы неожиданно заявили о своемъ существованіи. Размытыя водой шахты, оставленныя на произволъ судьбы и отягощенныя вѣсомъ ежедневно возростающей массы каменныхъ зданій, стали разрушаться. Слабыя подпорки сдались; въ сводахъ показались трещины и въ нѣсколькихъ мѣстахъ поверхности образовались провалы.

Послѣ этого грознаго предостереженія, Парижъ уже не забывалъ, что стоитъ надъ открытой могилой, и привыкъ смотрѣть на катакомбы, какъ на фундаментъ, отъ котораго зависитъ безопасность города.

Тотчасъ же приступили къ работѣ, укрѣпили галлереи, наполнили пустыя мѣста, и мало-по-малу подъ землей выросъ второй не менѣе обширный Парижъ. Въ 1784 году рѣшено было перевезти въ катакомбы кости съ кладбища des Innocents, а затѣмъ и изъ другихъ упраздненныхъ въ это время городскихъ кладбищъ. У главнаго входа поставленъ былъ тогда въ видѣ украшенія такъ-называемый „Croix Gastine", старый могильный крестъ, съ которымъ было связано много темныхъ преданій, отчего и вся окрестность получила дурную славу въ народѣ. Говорили, что здѣсь показываются привидѣнія и что нечистый часто удостоиваетъ это мѣсто своимъ посѣщеніемъ. „Croix Gastine" былъ снесенъ при дальнѣйшемъ ходѣ революціи, уничтожившей многіе памятники благочестивой старины. Но въ ту августовскую ночь, о которой идетъ рѣчь, крестъ еще не былъ разрушенъ и осѣнялъ собою площадь, подъ которой собраны были останки многихъ милліоновъ людей, накопившіеся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій.

Такимъ образомъ катакомбы превращены въ городъ мертвыхъ, населенный тѣнями людей, жившихъ и умершихъ въ Парижѣ съ самаго

основанія города. Общая судьба соединила ихъ: тутъ были кости и черепа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, богатыхъ и нищихъ, добрыхъ и злыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ людей, безъ различія званія или состоянія. Хотя и здѣсь виднѣлись мѣстами могильные кресты, памятники и урны, но кто могъ сказать, гдѣ прахъ людей, въ память которыхъ они были воздвигнуты.

— Однако тутъ настоящая республика, подумалъ Жильберъ, сойдя съ лѣстницы и вступая въ катакомбы.—Здѣсь все общее, полная равноправность, братство, свобода... Черепъ на черепѣ, кость на кости— все смѣшалось здѣсь... Да здравствуетъ смерть! она одна осуществляетъ идеалы недосягаемые въ жизни.

Но, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, Жильберъ невольно остановился. Кругомъ царилъ непроницаемый мракъ; куда ни падалъ свѣтъ его фонаря, онъ видѣлъ всюду разсыпанные по землѣ черепа и кости. Нервная дрожь пробѣжала по его тѣлу. — Да здравствуетъ смерть!— громко воскликнулъ онъ, чтобы пріободрить себя и товарищей. Какъ-бы въ отвѣтъ на это восклицаніе въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него послышался шорохъ. Онъ повернулъ фонарь и увидѣлъ передъ собой большой черепъ, который еще на столько сохранился, что въ челюстяхъ уцѣлѣли всѣ зубы, бѣлые и блестящіе какъ слоновая кость. Жильберу показалось, что этотъ черепъ дружелюбно осклабился и ему пришла фантазія поднять его; но въ ту-же минуту изъ него выскочила огромная крыса, испуганная свѣтомъ, и бросилась на щеку Жильбера. Онъ упалъ навзничь какъ-бы пораженный выстрѣломъ и выронилъ изъ рукъ фонарь, который разлетѣлся въ дребезги.

— Опять крысы! воскликнулъ онъ, не помня себя отъ ужаса и теряя сознаніе. Но это продолжалось всего одну секунду; онъ поднялся на ноги и, замѣтивъ, что обрѣзалъ себѣ руку осколками стеколъ, поспѣшно обвязалъ ее платкомъ, найденнымъ у входа въ катакомбы.

Платокъ леди Эліоттъ напитался его кровью...

Эта мысль возвратила ему прежнюю энергію.

— Все это вздоръ! сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ. — Дайте мнѣ другой фонарь. Мы и такъ потеряли много времени...

Онъ бодро пошелъ впередъ, хотя все еще чувствовалъ сильное волненіе. Происшествіе съ крысой живо напомнило ему страшныя ночи, проведенныя имъ въ заключеніи въ обществѣ крысъ. Къ этому примѣшивалось мучительное безпокойство о леди Эліоттъ. Здѣсь въ присутствіи смерти всѣ чувства смолкли въ немъ, кромѣ состраданія. Онъ готовъ былъ простить ее, и только видѣлъ въ леди Эліоттъ несчастную женщину, которая можетъ погибнуть въ этомъ царствѣ мертвыхъ и которую нужно спасти во что бы то ни стало.

Они пошли дальше, сплотившись какъ можно тѣснѣе, изъ боязни затеряться, и поднявъ кверху фонари. Дорога освѣтилась на всѣ стороны. Всюду виднѣлись кучи костей, скрещенныхъ ключицъ, черепа

безъ глазъ, которые смотрѣли на нихъ своими темными глазными впадинами; свѣтъ фонарей, падая на ихъ обезображенныя остовы, придавалъ имъ мнимую жизнь, и ихъ полуразрушенныя челюсти складывались въ какую-то уродливую, страшную улыбку. Теперь все чаще и чаще попадались имъ кресты, пирамиды, памятники съ надгробными надписями, разукрашенные костями. Затѣмъ слѣдовали обвалившіяся лѣстницы, арки, галлереи, цѣлый міръ развалинъ, сооруженія на подобіе капеллъ, фантастически сложенныя изъ костей и обвалившихся камней.

Жильберъ и его спутники шли на-угадъ, среди лабиринта костей и камней, такъ какъ катакомбы состояли изъ множества переходовъ, которые перекрещивались какъ улицы стоявшаго надъ ними города. Тутъ были переулки, главные, боковыя и даже глухія улицы безъ выхода, кончающіяся стѣной. Кругомъ царила глубокая тишина, нарушаемая шумомъ ихъ шаговъ; фонари тускло горѣли, освѣщая подземелье своимъ красноватымъ свѣтомъ.

Но путники шли безъ устали, не замѣчая времени, потому что въ катакомбахъ нѣтъ ни восхода, ни захода солнца. Иногда имъ казалось, что они слышатъ какъ бы отдаленный громъ, потрясавшій своды. Они останавливались, и когда все стихало; шли дальше. Но вотъ снова послышался громъ надъ ихъ головами и повторялся все чаще и чаще. Это былъ стукъ экипажей; они находились теперь подъ одной изъ самыхъ оживленныхъ улицъ Парижа.

— Тамъ ужъ видно давно день, замѣтилъ одинъ изъ каменьщиковъ, а у насъ все ночь, да кажется ей и конца не будетъ.

Жильберъ ничего не отвѣтилъ. Онъ почувствовалъ среди окружающей ихъ духоты и сырости какъ бы легкій притокъ свѣжаго воздуха. Вдали показался голубоватый свѣтъ и въ то же время они услышали глухой стонъ въ одной изъ боковыхъ галлерей.

Сердце Жильбера сильно забилось. Онъ боялся встрѣтить ту, которую искалъ, и въ то же время трепеталъ отъ мысли, что это не она, а кто нибудь другой.

— Не будьте бабами, крикнулъ онъ своимъ испуганнымъ товарищамъ, — держите повыше фонари и не отставайте отъ меня.

Подземелье сразу освѣтилось и на нихъ опять смотрѣли со всѣхъ сторонъ мертвыя головы.

Одинъ изъ каменьщиковъ едва не упалъ, споткнувшись на что-то твердое, лежавшее на землѣ.

— Чортъ возьми! пробормоталъ онъ съ досадой. — Здѣсь не мудрено сломать себѣ шею. Вездѣ валяются черепа...

Онъ наклонился и, освѣтивъ землю, увидѣлъ фонарь.

Толпа остановилась.

— Да это мой фонарь! воскликнулъ другой каменьщикъ, разглядывая его; онъ уже столько лѣтъ служитъ мнѣ, да вотъ и наша кружка...

Жильберъ подошелъ. Глаза его невольно остановились на старомъ могильномъ крестѣ, на которомъ виднѣлась крупная надпись:

„Vidi impium superexaltatum"... прочелъ онъ, но тутъ едва не вскрикнулъ, замѣтивъ около креста человѣческую фигуру. Свѣтъ его фонаря освѣтилъ прислоненное къ пьедесталу креста женское лицо, которое было блѣдно какъ смерть и смотрѣло на него широко раскрытыми безжизненными глазами.

— Грэсъ, ты ли это? воскликнулъ Жильберъ внѣ себя отъ ужаса.

Голосъ его не разбудилъ ее. — Неужели она умерла?

Онъ хотѣлъ взять ее за руку, но тотчасъ же отскочилъ назадъ, увидя рядомъ съ нею мужскую фигуру.

— Шевалье С.-Мало! воскликнулъ Жильберъ. Но въ этомъ возгласѣ не было ни тѣни гнѣва или упрека. Онъ былъ слишкомъ удивленъ, чтобы ощущать что либо, тѣмъ болѣе что душа его была полна состраданіемъ къ любимому существу.

— Грэсъ, моя дорогая, что съ тобой? Опомнись... упрашивалъ онъ ее нѣжнымъ, умоляющимъ голосомъ.

Она не двигалась. Глаза ея неподвижно глядѣли въ пустое пространство.

— Грэсъ! сжалься надо мною... Скажи хотя одно слово... Можетъ быть я напрасно обвинилъ тебя... Ты была другомъ Натали... а тутъ С.-Мало... Это невозможно! Объясни мнѣ, что это значитъ!..

С.-Мало медленно поднялся съ мѣста. Его желтое, изнуренное лицо ожило и онъ протянулъ къ Жильберу свою костлявую, холодѣющую руку.

— Клянусь этой рукой умирающаго человѣка! Ты напрасно подозрѣваешь ее... Мы всегда были врагами; я и теперь ненавижу ее отъ всей души... Она продала твою сестру Орлеанскому...

Жильберъ судорожно зарыдалъ.

— Я умираю, продолжалъ С.-Мало чуть слышнымъ голосомъ. — Но я завѣщаю тебѣ мою ненависть... Ты отомстишь Орлеанскому...

С.-Мало упалъ на землю въ предсмертной агоніи.

Грэсъ Эліоттъ сама разсказала своему врагу исторію уничтоженнаго письма, которая была извѣстна ей одной.

Жильберъ сорвалъ съ груди медальонъ, посланный ему умирающей сестрой, который онъ постоянно носилъ на груди.

— Прочь! проговорилъ онъ глухимъ, отрывистымъ голосомъ.—Она больше не существуетъ для меня—ничто уже не привязываетъ меня къ землѣ... Клянусь этими мертвыми костями, что съ этой минуты я не буду имѣть ничего общаго ни съ жизнью, ни съ людьми... На свѣтѣ одна ложь... Теперь болѣе чѣмъ когда нибудь я преклоняюсь передъ революціей... любовь обманула меня—посмотримъ, что будетъ съ ненавистью...

Онъ бросилъ на землю золотой медальонъ, который упалъ у ногъ леди Эліоттъ.

Она наклонилась и подняла его. Это былъ единственный признакъ жизни поданный ею, а затѣмъ она опять впала въ прежнее апатичное состояніе и позволила увести себя безъ малѣйшаго сопротивленія.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они снова увидѣли голубоватый свѣтъ вдали, который становился все больше и больше.

Это былъ дневной свѣтъ, проникавшій сквозь рѣшетчатую дверь, служившую выходомъ изъ катакомбъ.

Уже былъ полдень, когда Жильберъ и его спутники вышли на свѣтъ Божій.

Леди Эліоттъ заболѣла медленною, но крайне опасною болѣзнью. Нѣсколько недѣль она пролежала въ безпамятствѣ близкомъ къ смерти. У ея постели неотлучно сидѣли два преданныхъ ей существа: маленькій Шарль и Бекки, которая не задумавшись оставила свой домъ и мосье Друэ, чтобы ухаживать за своей прежней госпожой. По временамъ на больную находилъ бредъ и она шептала какія-то странныя, непонятныя слова, приводившія въ ужасъ вѣрную Бекки. Такъ, однажды она бросилась съ постели и, протягивая руки, громко проговорила:

„Арзасъ, мое спасеніе!
Онъ избавляетъ меня
Отъ грозящихъ мукъ“...

Въ другой разъ, пробудившись отъ сна, она такъ долго и пристально смотрѣла на Шарля, что тотъ наконецъ испугался и заплакалъ.

— Зачѣмъ явился сюда принцъ? воскликнула больная взолнованнымъ голосомъ, не сводя глазъ съ мальчика.—Развѣ принцъ недоволенъ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ меня несчастной при жизни и хочетъ еще насладиться моей мучительной смертью. Я умерла... слышите... скажите принцу, что я умерла!..

Бекки увела маленькаго Шарля и больше не пускала его къ больной. Вѣрная служанка теперь окончательно убѣдилась, что ея дорогая леди сошла съ ума и горько оплакивала ее. Чтобы успокоить ее, она принялась пѣть свою старую колыбельную пѣсню, не подозрѣвая, что это пѣніе было пыткой для леди Эліоттъ. Чѣмъ дальше пѣла Бекки, тѣмъ безпокойнѣе становилась больная, метаясь по постели, прижимала руки къ груди, какъ будто отъ сильной боли, и лицо ея принимало невыразимо печальное и страдальческое выраженіе. Она опять начала бредить и, не смотря на всѣ усилія, не могла заставить Бекки прекратить свое пѣніе. Между тѣмъ въ ушахъ ея раздавался все тотъ же заунывный, однообразный напѣвъ:

„Я не хочу цѣловать тебя, грозный Аргиль,
Не стану я цѣловать тебя нѣжно“...

ГЛАВА XII.

Герцогъ Орлеанскій провозглашаетъ тостъ.

Людовикъ-Іосифъ-Филиппъ, носившій еще тогда титулъ герцога Орлеанскаго, ходилъ быстрыми шагами по залѣ своего дворца Palais d'Orleans — прежняго Пале-Рояля, обращенной окнами на дворъ. Тусклый свѣтъ пасмурнаго сентябрскаго дня, освѣщая залы дворца и дворъ, придавалъ имъ мрачный, унылый видъ.

Наступалъ вечеръ 3-го сентября 1792 года.

Паническій страхъ господствовалъ въ Парижѣ, — тотъ безотчетный страхъ, который иногда овладѣваетъ внезапно всѣми, каждый невольно предается ему, дрожитъ за свою жизнь въ ожиданіи общей гибели и не видитъ исхода грозящей всѣмъ опасности.

Союзныя войска въ это время были на двухъ или трех-дневномъ разстояніи отъ Парижа. Пограничныя крѣпости были въ рукахъ непріятеля; Лонгви сдался на капитуляцію; Верденъ, главный оплотъ государства, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, находился въ блокадѣ, и не предвидѣлось возможности послать ему подкрѣпленіе. Такъ называемая Французская „Сѣверная армія“, покинутая Лафайетомъ, была въ полномъ разстройствѣ. Прославленный герой революціи въ Новомъ и Старомъ свѣтѣ бѣжалъ изъ своего отечества послѣ неудачной попытки спасти заключеннаго короля. Войско было въ самомъ печальномъ состояніи, между тѣмъ какъ хорошо вооруженныя и организованныя арміи союзниковъ подъ предводительствомъ искусныхъ и опытныхъ генераловъ подступали все ближе и ближе. Французскимъ главнокомандующимъ назначенъ былъ человѣкъ ничѣмъ не заявившій своихъ военныхъ способностой, о которомъ было только извѣстно, что онъ большой интриганъ, тонкій и хитрый дипломатъ школы Людовика XV и Дюбарри, ловко устраивавшій свои дѣла въ кабинетѣ Людовика XVI. Пользуясь различными партіями для своихъ цѣлей, онъ дѣлалъ видъ, что отдаетъ себя въ ихъ распоряженіе, и теперь извлекалъ выгоды изъ революціи, какъ прежде изъ абсолютизма. Революція была для него смѣлой и умной азартной игрой, гдѣ онъ впередъ разсчитывалъ всѣ шансы и, предугадывая, на чьей сторонѣ будетъ успѣхъ, всегда готовъ былъ перейдти на сторону побѣдителей.

Этотъ человѣкъ былъ Дюмурье. Надѣялись, что новый главнокомандующій поспѣетъ во-время на выручку Вердена и отрѣжетъ союзникамъ дорогу въ Парижъ. Но изъ войска не было никакихъ извѣстій: боялись сдачи Вердена и вступленія пруссаковъ въ столицу.

Въ то-же время распространилась паника другаго рода. „Франція въ Парижѣ“, сказалъ Дантонъ; Парижъ спасетъ Францію и приведетъ въ трепетъ нашихъ враговъ.

1-го сентября по распоряженію Дантона пробили генералъ-маршъ, зазвонили въ набатъ, и сдѣланъ былъ сигнальный выстрѣлъ изъ пушки.

— Этотъ выстрѣлъ, — сказалъ Дантонъ, служитъ сигналомъ къ походу противъ нашихъ противниковъ. Что нужно, чтобы побѣдить и напугать ихъ? Смѣлость,—только смѣлость и опять-таки смѣлость!..

Въ ночь съ 1-го на 2-е сентября получена была депеша отъ Дюмурье:

„Верденъ взятъ, жду пруссаковъ. Лагерь въ Grandpré и Isletten— Ѳермопилы Франціи, но я надѣюсь быть счастливѣе Леонида".

2-го сентября, рано утромъ на башняхъ парижской ратуши и Nôtre-Dame появились черныя знамена. Наступили дни террора.

Парижъ превратился въ лобное мѣсто ужасающихъ казней и убійствъ. Картечный огонь и топоръ свирѣпствовали безостановочно надъ беззащитными толпами въ теченіе долгихъ часовъ дня и ночи. Во всѣхъ тюрьмахъ безпощадно разстрѣливали и убивали монаховъ, епископовъ, священниковъ, дворянъ, роялистовъ, швейцарцевъ, всѣхъ находившихся въ заключеніи и переживших ужасы 10 августа. Рѣзня продолжалась и на другой день. Дворы тюремъ были загромождены трупами, сосѣднія улицы обагрены кровью. Въ церквахъ, монастыряхъ, алтаряхъ и ризницахъ происходили тѣ-же сцены жестокихъ убійствъ. Вода въ главныхъ каналахъ была окрашена кровью, воздухъ наполнился смрадомъ разлагавшихся труповъ.

Наступилъ вечеръ. Герцогъ Орлеанскій ходилъ быстрыми шагами взадъ и впередъ по залѣ. Страхъ и безпокойство наполняли его душу. Хотя онъ былъ въ полной безопасности въ своемъ дворцѣ, не видѣлъ ужасовъ, совершавшихся въ церквахъ и тюрьмахъ, но воображеніе постоянно рисовало ему знакомую голову, которую ему подносила на блюдѣ чья-то рука и въ душѣ его пробуждалось чувство, похожее на то, которое долженъ былъ испытывать Иродъ при видѣ головы Іоанна Крестителя. Ему чудились странные звуки въ воздухѣ, похожіе на стонъ и крики невинно убиваемыхъ жертвъ, слышались проклятія убійцъ и среди всего этого раздавались грозные голоса невидимыхъ судей.

Со стѣнъ глядѣли на герцога портреты его предковъ—мрачная и молчаливая толпа мужчинъ и женщинъ съ темнымъ колоритомъ протекшихъ столѣтій, который казался еще темнѣе при наступающихъ сумеркахъ. Глаза всѣхъ ихъ были обращены на него, наслѣдника ихъ крови, имени и дѣяній. Тутъ были дѣти Генриха IV, Людовика XIII, сестра послѣдняго Генріетта, королева англійская, видѣвшая смерть своего супруга на эшафотѣ и еще другая Генріетта — Орлеанская, миловидная сирена, которая своими кознями не мало способствовала тому, что другой король, ея братъ, долженъ былъ сойти съ престола своихъ предковъ и искать спасенія въ бѣгствѣ. Тутъ была и Анна Австрійская, гордая противница Ришелье, и сыновья ея — Людовикъ XIV,

король Франціи, и братъ его Филиппъ. Была тутъ и широкоплечая, сильная Елизавета Шарлотта, дочь курфирста Пфальцскаго и ея геніально-распутный сынъ регентъ. Былъ тутъ и отецъ герцога и дѣдъ, который нашелъ себѣ убѣжище въ монастырѣ отъ грѣховныхъ радостей, пороковъ и соблазновъ міра...

Герцогъ, глядя на всѣ эти лица, на эту смѣсь эгоизма, властолюбія, энергіи и слабости, горя, раскаянія, пороковъ и интригъ—невольно спрашивалъ себя: могъ ли онъ идти другой дорогой, чѣмъ та, по которой онъ шелъ? Не завѣщанъ ли былъ его предками тотъ путь, по которому неудержимо влекла его судьба? Развѣ не вели они сотни лѣтъ той-же борьбы противъ Бурбоновъ? Теперь борьба подходила къ концу. Кто знаетъ, не наступилъ ли день, когда Бурбоны должны смириться передъ Орлеанскими, когда.....

Орлеанскій остановился. Онъ чувствовалъ гдѣ-то въ потаенномъ уголкѣ своего сердца остатокъ совѣсти, который нужно было подавить и для своего успокоенія сталъ припоминать всѣ огорченія и оскорбленія, вынесенныя имъ отъ королевскаго дома. Онъ вспомнилъ 13 іюля, канунъ штурма Бастиліи, когда онъ явился къ королю за приказаніями и тотъ рѣзко сказалъ ему передъ цѣлымъ дворомъ: „Я не желаю говорить съ вами, идите туда, откуда вы пришли". Живо представилось герцогу и послѣднее невыносимое оскорбленіе, полученное имъ въ Тюльери, куда его заманили какъ въ западню беззащитнаго и не смотря на его добрыя намѣренія, обманули самымъ постыднымъ образомъ. Вся кровь бросилась ему въ голову при этомъ воспоминаніи.

— Теперь все кончено! воскликнулъ онъ.—Бурбоны свергнуты, и дорога очищена... Теперь ничто не мѣшаетъ Орлеанскому занять престолъ французскихъ королей...

Онъ подошелъ къ окну и задумчиво глядѣлъ на дворъ и садъ своего дворца. Онъ видѣлъ передъ собою построенныя имъ великолѣпныя галлереи, аркады, базаръ, блестѣвшій всевозможными драгоцѣнностями и предметами роскоши; тутъ былъ и театръ, и рестораны, и красивый дворъ, обращенный имъ въ увеселительное мѣсто для публики... Но вотъ наступилъ день, гдѣ онъ съ трепетомъ ожидалъ момента, который долженъ былъ увѣнчать его усилія. Онъ съ сожалѣніемъ думалъ о томъ времени, когда безпечно наслаждался блескомъ и всѣми удовольствіями жизни, не задаваясь никакими честолюбивыми замыслами. Затѣмъ онъ бросился очертя голову въ революцію—что руководило имъ тогда? Быть можетъ легкомысленное желаніе перемѣны и сильныхъ ощущеній... Но ходъ событій увлекъ его дальше, чѣмъ онъ ожидалъ. Теперь возвратъ къ прошлому былъ невозможенъ.

Послѣднія событія застали его врасплохъ, и это была главная причина того безпокойства, которое онъ испытывалъ въ эту минуту.

Передъ глазами его былъ Café de Foy и скамейка, съ которой Камиллъ Дюмуленъ призывалъ народъ къ возстанію и дерево, подъ ко-

торымъ онъ роздалъ первыя трехцвѣтныя кокарды. Дерево это поблекло и было покрыто желтыми листьями; вѣтви его печально опустились. Кафе, галлереи, аркады, лужайки, скамьи—все было пусто. Только изрѣдка мелькали человѣческія фигуры, похожія на тѣни при мертвенномъ колоритѣ пасмурнаго осенняго вечера. Дворъ и садъ представляли печальный видъ увеселительнаго мѣста при наступленіи утренней зари: шумъ и суета смолкли, исчезли блестящіе праздничные наряды, золото, жемчугъ, бриллiанты... Между тѣмъ все оставалось на прежнемъ мѣстѣ; за окнами противоположной лавки точно также стояли восковыя, гипсовыя и мраморныя изображенія какъ и въ тотъ день, когда отсюда были торжественно вынесены бюсты Мирабо, Неккера, Лафайета и самого Орлеанскаго и народъ съ громкими криками понесъ ихъ по улицамъ Парижа. Гдѣ теперь Мирабо? Онъ умеръ—быть можетъ отравленный той партіей, которой онъ измѣнилъ. Гдѣ Неккеръ? въ изгнаніи... А Лафайетъ? Онъ бѣжалъ въ непріятельскую землю, попалъ въ плѣнъ и томится теперь въ казематахъ Магдебурга.

Изъ нихъ уцѣлѣлъ одинъ только герцогъ Орлеанскій и смотрѣлъ теперь изъ оконъ своего дворца на дворъ, гдѣ происходили всѣ эти событія, которыя живо представлялись его памяти въ эту минуту. Но дворъ, всегда оживленный и наполненный толпой, былъ тихъ и безлюденъ и производилъ на герцога тяжелое, подавляющее впечатлѣніе своимъ унылымъ видомъ.

— Ничего не придумаешь, пробормоталъ онъ съ отчаяніемъ. Не мы, а судьба распоряжается нами. Потокъ влечетъ меня съ неудержимою силою; онъ или подыметъ меня на высоту, или унесетъ въ бездну вмѣстѣ съ собой...

Герцогъ отошелъ отъ окна. Взглядъ его случайно упалъ на фарфоровый бюстъ его великаго предка Генриха IV, стоявшій на мраморномъ каминѣ, на головѣ котораго была большая трещина. Въ тѣ времена, когда еще Робеспьеръ бывалъ во дворѣ Орлеанскаго, онъ разъ случайно задѣлъ бюстъ неловкимъ движеніемъ и уронилъ его на полъ. Замѣтивъ трещину, Робеспьеръ началъ извиняться, но Орлеанскій остановилъ его шутливымъ замѣчаніемъ: Робеспьеру не привыкать къ такимъ вещамъ, а этотъ не заслуживаетъ лучшей участи. Робеспьеръ улыбнулся своей обычной саркастической улыбкой и отвѣтилъ спокойнымъ голосомъ:—Только тѣ изъ нихъ заслуживаютъ эту участь, которые покоряются ей. Они всегда могутъ избѣгнуть ея, если у нихъ хватитъ на это ума.

Герцогъ невольно вспомнилъ эти слова, стоя передъ каминомъ.

— Ты самъ сказалъ, если у нихъ хватитъ ума. Посмотримъ удастся ли тебѣ перехитрить меня. Одно изъ двухъ: мечъ или твое краснорѣчіе—тронъ или трибуна—Орлеанскій или Робеспьеръ. Увидимъ, что выйдетъ изъ всего этого...

Въ эту минуту въ сосѣднемъ корридорѣ послышались тяжелые

шаги и бряцанье сабли. Орлеанскій вздрогнулъ и обернулся. Въ комнату вошелъ человѣкъ, растерянный видъ котораго и перепачканныя кровью руки ясно показывали, что онъ принималъ непосредственное участіе въ тѣхъ ужасахъ, которые совершались въ этотъ день въ различныхъ частяхъ Парижа.

Это былъ Николай Трюшонъ. За нимъ волочилась по полу длинная сабля, которую онъ пристегнулъ къ своему кушаку; на его якобинской шапкѣ красовалась огромная трехцвѣтная кокарда.

— Ну, Николай, какія вѣсти? спросилъ герцогъ запирая дверь и съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидая отвѣта.

— Не особенно веселыя... отвѣтилъ Трюшонъ, понуривъ голову и съ видимымъ смущеніемъ.

— Я надѣюсь, что ты исполнилъ въ точности мои приказанія?

— Да, на сколько было возможно... я сдѣлалъ, что могъ, но...

— Скажи мнѣ только одно, прервалъ его герцогъ: удалось ли тебѣ спасти ее... жива ли она?...

— Нѣтъ, citoyen-герцогъ, она умерла!

— Умерла... убита?... воскликнулъ герцогъ въ ужасѣ, бросаясь на кресло и закрывъ лицо руками.

Глубокая тишина царила въ комнатѣ; молчаливо глядѣли со стѣнъ темныя лица и пасмурный осенній свѣтъ изъ оконъ.

— Убита!... повторилъ еще разъ герцогъ глухимъ голосомъ. Ты это знаешь навѣрное?...

— Да, она умерла. Не стану же я обманывать васъ!

— Значитъ нѣтъ никакой надежды, никакого спасенія...

— Никакого, отвѣтилъ равнодушно Трюшонъ.

— Негодяй! воскликнулъ герцогъ, не помня себя отъ ярости. Какимъ ты голосомъ говоришь?...

Герцогъ вскочилъ съ кресла и схватилъ Трюшона за шиворотъ; но тотъ стоялъ также неподвижно какъ столбъ врытый въ землю.

— Когда вы успокоитесь, citoyen герцогъ, сказалъ Трюшонъ, тогда я сообщу вамъ все какъ было. Посудите сами, кто въ этомъ виноватъ—я или ея собственные грѣхи, что она теперь мертвый изувѣченный трупъ. Клянусь своей душой, что не было никакой возможности спасти ее. Неужели вы думаете, что я пришелъ бы сюда, если бы чувствовалъ за собою какую нибудь вину.

— Я и не думаю сердиться на тебя, сказалъ герцогъ, опять садясь въ кресло. Разсказывай, я хочу знать все до малѣйшихъ подробностей.

— Вы знаете, citoyen-герцогъ, началъ Трюшонъ, что я сдѣлалъ все отъ меня зависящее, чтобы ее не водили вчера на судъ. Но вчера никто не могъ бы ничего сдѣлать, потому что народъ жаждалъ крови, sacre tonnerre! Онъ не разбиралъ была ли это кровь барона, епископа или принцессы... Вотъ я и поставилъ своего друга Муція Сцеволу у входа темницы, гдѣ она лежала, чтобы кто нибудь не вывелъ

ее оттуда. Я выигралъ этимъ цѣлыя сутки, а наши тѣмъ временемъ порядочно истомились. Шутка ли проработать топоромъ цѣлые двадцать четыре часа безъ устали днемъ и ночью. Вы только представьте себѣ это, citoyen-герцогъ...

— Это ужасно! воскликнулъ герцогъ взволнованнымъ голосомъ.

— Дворъ тюрьмы la Force, продолжалъ Трюшонъ, былъ наполненъ мертвыми тѣлами епископовъ, священниковъ, монаховъ, дворянъ,—кого тамъ только не было, ихъ живо прибирали, но все еще оставались цѣлые груды труповъ. Дворъ нѣсколько разъ устилали соломой, но кровь просачивалась насквозь, и если приходилось идти черезъ дворъ, то ноги вязли какъ въ болотѣ. Народъ съ женами и дѣтьми толпой стоялъ подъ стѣнами тюрьмы и глазѣлъ на это зрѣлище цѣлый день и половину ночи и разошелся всего на какіе нибудь полчаса, чтобы отдохнуть, а наши такъ и не ложились и только на-скоро позавтракали на дворѣ у труповъ. Наконецъ пробило четыре часа ночи и стало разсвѣтать. Я прошелъ въ комнату, гдѣ засѣдали судьи. Они передъ этимъ такъ здорово выпили, что всѣ спали крѣпкимъ сномъ, кто на полу, кто на стульяхъ. На столѣ еще горѣли свѣчи и стояли бутылки и стаканы; тутъ же валялись списки заключенныхъ и показанія свидѣтелей, залитыя виномъ. Въ первую минуту мнѣ показалось, что они запачканы кровью, но это оказалось красное вино... Я разбудилъ Герберта и шепнулъ ему на ухо, что теперь настоящая пора справить наше дѣло. Сначала Гербертъ и слышать ничего не хотѣлъ, говорилъ, что не нужно давать пощады врагамъ націи...

— Мошенникъ! воскликнулъ герцогъ, вѣдь онъ взялъ съ меня деньги!...

— Я вѣдь зналъ это, отвѣтилъ Трюшонъ, и напомнилъ ему о нихъ...

— Что же, ты обѣщалъ ему прибавку въ случаѣ удачи?

— Какже, я видѣлъ, что иначе съ нимъ не справишься. Ну, такъ и быть, сказалъ онъ, попробуемъ. Я тотчасъ же спустился съ лѣстницы и подошелъ къ ея темницѣ, у которой поставилъ своего пріятеля. Онъ также спалъ, но во всякомъ случаѣ исполнилъ мое порученіе. Дверь была на замкѣ, какъ и въ прошлый вечеръ. Наступила пасмурная утренняя заря. Я отперъ двери и тотчасъ же закрылъ ихъ за собою. Какъ только заскрипѣли петли, она поднялась на ноги. Темница ея освѣщалась маленькой лампой, которая уже догорала и отъ нея шелъ чадъ.—Ну теперь конецъ!—сказала она, падая на солому и заложивъ руки за голову...

— Какой у нея былъ видъ? спросилъ герцогъ, который съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ словомъ Трюшона.

— Она была очень блѣдна. Глаза у ней впали, на лбу были глубокія морщины, должно быть отъ безсонницы.

— Оставьте меня, дайте мнѣ умереть здѣсь, сказала она слабымъ

голосомъ, такъ какъ въ это время къ дверямъ подошли люди съ пиками, чтобы вести ее въ судъ. Я наклонился и шепнулъ ей на ухо: Идите за мной, не бойтесь! Я пришелъ сюда, чтобы спасти васъ по порученію герцога... — Какого герцога! быстро воскликнула она—я видѣлъ, какъ она вдругъ вся покраснѣла.

— Что же ты сказалъ ей? Назвалъ ты ей другое имя?

— Да, я такъ и сдѣлалъ, отвѣтилъ Трюшонъ послѣ нѣкотораго колебанія.

— Я ожидалъ этого, пробормоталъ герцогъ, опустивъ голову.

— Но когда она услышала имя старика герцога, она сдѣлала надъ собою усиліе и сѣла на постель. „Если онъ этого желаетъ, то я согласна“. Мы ее подняли, и она пошла за людьми, которые ожидали ее у дверей съ пиками. Но она была такъ слаба, что мы съ Муціемъ должны были поддерживать ее. Я воспользовался этимъ и шепнулъ ей на ухо: „Если васъ будутъ допрашивать, то давайте только тѣ отвѣты, которые я вамъ подскажу“. — „Если только буду въ состояніи“, сказала она. Мы поднялись на лѣстницу и вошли въ комнату, гдѣ засѣдали судьи. Они пріободрились и чинно сидѣли на своихъ мѣстахъ. Гербертъ былъ президентомъ. Я подмигнулъ ему; онъ тотчасъ же понялъ, въ чемъ дѣло—и слѣдствіе началось. Къ несчастью всѣ двери были открыты настежь, и такъ какъ уже совсѣмъ разсвѣло, то видны были сваленные тамъ трупы и между ними несчастныя фигуры осужденныхъ, которыхъ убивали топорами, саблями и прикладами ружей. Не знаю, этотъ ли видъ или запахъ крови подѣйствовали на нее, только съ ней сдѣлался обморокъ, и она упала ко мнѣ на руки. Я велѣлъ запереть двери и старался на сколько могъ привести ее въ чувство.— „Вспомните о старикѣ“, шепнулъ я ей на ухо. Наконецъ она пришла въ себя и отвѣтила мнѣ: — „Да, вы правы; я сдѣлаю все что могу“. Затѣмъ судьи спросили объ ея имени, званіи и знала ли она что нибудь о заговорѣ 10-го августа. Она сказала:—„Я Марія Луиза Ламбалль, принцесса Савойская, оберъ-гофмейстерина ея королевскаго величества и ничего не знала о заговорѣ 10-го августа“.—„Ну хорошо, сказалъ одинъ изъ судей, этого довольно, поклянитесь теперь намъ, что вы поклоняетесь равенству и свободѣ и ненавидите короля, королеву и королевскую власть“. — „Клянитесь! шепталъ я ей, — только поднимите руку, только это и требуется“... Но рука ея не шевельнулась и, къ моему ужасу, она отвѣтила: — „Я готова поклясться въ первомъ, но второй клятвы не могу произнести, потому что мое сердце противъ этого!“—„Сумасшедшая, гордая аристократка!“ крикнулъ я ей со злости. Одинъ изъ судей уже отдалъ приказъ отвести ее въ аббатство... а вы знаете, citoyen герцогъ, что это значитъ. Но Гербертъ подалъ знакъ судьямъ, чтобы они молчали, и наклонившись къ ней сказалъ вполголоса:—„Клянитесь во всемъ, что отъ васъ требуютъ, или вы обречены на смерть“. Но принцесса ничего не отвѣтила, подняла обѣ руки къ глазамъ и сдѣлала шагъ къ рѣшеткѣ.

— Благородная душа! пробормоталъ герцогъ, который опять началъ ходить по залѣ быстрыми шагами.— Зачѣмъ мнѣ суждено было заслужить твою ненависть...

— Я отвелъ Герберта въ уголъ комнаты, продолжалъ Трюшонъ,— и наскоро переговорилъ съ нимъ.—„Хорошо, сказалъ онъ, уведите ее, только постарайтесь, чтобы она кричала „vive la nation“, когда пойдете по двору и по улицамъ“.—„Постараюсь“, отвѣтилъ я, и Гербертъ громко крикнулъ „Qu'on élargisse, madame!“ Дверь опять отворили и, когда мы вышли на дворъ, то меня разбиралъ страхъ, чтобы съ ней опять не сдѣлалось дурно. Но не тутъ-то было. Она точно переродилась. Смѣло закинувъ голову, она остановилась на порогѣ, и какъ будто королева стояла въ своемъ черномъ шелковомъ платьѣ, бѣломъ платкѣ на шеѣ и длинныхъ спутанныхъ волосахъ, которые широкими прядями падали съ ея плечъ.—„Не держитесь такъ гордо, сказалъ я ей, и крикните одинъ разъ „vive la nation“, вамъ это ничего не стоитъ“. А она вмѣсто этого громко воскликнула: „Боже мой, какіе ужасы творятся здѣсь!“ Тогда я счелъ за лучшее зажать ей ротъ рукой, такъ что она поневолѣ замолчала. Мы ее схватили на руки съ Муціемъ и живо пронесли черезъ дворъ и всѣ трупы. Выйдя на улицу я вздохнулъ свободно.—„Ну теперь бѣда миновала, сказалъ я, только пожалуйста будьте осторожны и не держитесь такъ прямо, опустите голову“. Мы благополучно достигли улицы Des droits des hommes, которая прежде называлась rue du roi de Sicile и повернули въ переулокъ Cul-de Sac des Prêtres. Вы знаете этотъ узкій проходъ, который ведетъ изъ тюремъ въ улицу St.-Antoine. У меня было точно предчувствіе, я боялся особенно этой улицы, которая не больше любаго двора, и такая темная и шумная; но миновать ея не было возможности и мы уже добрались до питейнаго дома a L'ancre nationale. Тутъ была цѣлая толпа людей, которая собралась здѣсь изъ разныхъ тюремныхъ дворовъ, и при этомъ почти всѣ были вооружены. Двое молодыхъ людей пристали къ намъ, кажется просто изъ дурачества; одинъ изъ нихъ, если не ошибаюсь, Шарло, помощникъ парикмахера Сире тронулъ пикой ея длинные волосы — также шутя. „Ламбалль! Принцесса Ламбалль!“ повторяли они съ хохотомъ. Я дружески поздоровался съ ними. Но бываютъ же такія несчастія... У ней подъ шляпкой было спрятано письмо и когда одинъ изъ этихъ шутниковъ приподнялъ пикой шляпу съ ея головы, то письмо упало на землю. Нѣсколько человѣкъ изъ окружавшей насъ толпы бросились поднимать его.—„Это почеркъ нашей Autrichienne! письмо m-me Капетъ!“—завопили они. Видя, что дѣло плохо, я опять шепнулъ ей, чтобы она теперь одинъ только разъ крикнула: „vive la nation“, хотя бы ради своего отца. Но она отвѣтила: „Мой отецъ желаетъ, чтобы я жила, но онъ не требуетъ лжи“. Это были ея послѣднія слова.

Трюшонъ замолчалъ.

— Что же дальше было? говори ради Бога,—воскликнулъ герцогъ.

— Дальше?.. сказалъ Трюшонъ.—Тутъ и конецъ. На нее набросилось разомъ чуть ли не двадцать человѣкъ и насквозь прокололи пиками. Я видѣлъ, какъ она упала на землю...

— Ну, а потомъ?..

— Они отрубили ей голову и положили на прилавокъ питейнаго дома, хотѣли непременно, чтобы хозяинъ выпилъ за ея здоровье, а когда онъ сталъ отнѣкиваться, то его стащили на дворъ тюрьмы La Force къ грудѣ труповъ и онъ только спасъ себѣ жизнь тѣмъ, что успѣлъ во время прокричать „vive la nation". Между тѣмъ другіе, воспользовавшись отлучкой хозяина, выпили у него все вино, разграбили кассу, надѣли на пику голову принцессы и съ крикомъ и пѣніемъ отправились къ Temple, чтобы показать ее семейству Капета.

Герцогъ такъ крѣпко прижался лбомъ къ стеклу окна, что едва не раздавилъ его, но тотчасъ-же опомнившись, отошелъ отъ окна.

— Вотъ онъ, этотъ народъ,—воскликнулъ герцогъ, для котораго я пожертвовалъ высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ, своимъ именемъ, предразсудками тысячелѣтій, которому я отдалъ все что имѣлъ, и взамѣнъ не могъ получить даже такой ничтожной вещи, какъ жизнь женщины? Fi la canaille!

— Citoyen-герцогъ, сказалъ Трюшонъ, подходя къ двери,—я не слыхалъ вашихъ послѣднихъ словъ.

— Ты слышалъ ихъ и можешь воспользоваться ими, если хочешь.

— Не прикажете ли воспользоваться и тѣмъ, о чемъ мы говорили съ вами въ ночь на 10 августа передъ питейномъ домомъ Au Soleil d'or? спросилъ Трюшонъ съ усмѣшкой, но спокойнымъ голосомъ.

— Замолчи!—воскликнулъ герцогъ.—Я не хочу ничего слышать объ этомъ.

— Вы не повѣрите, citoyen—герцогъ, какъ мнѣ обидно, что этотъ шевалье С. Мало выскользнулъ изъ моихъ рукъ. — Въ этомъ виновата одна женщина, которой я имѣлъ глупость оказать услугу. Она его стащила въ катакомбы, гдѣ онъ умеръ спокойной смертью! Клянусь именемъ моей покойной дочери, что я никогда не прощу этой обманщицѣ.

Герцогъ не слушалъ его.

— Нѣтъ исхода!—воскликнулъ онъ, забывая, что онъ не одинъ, и что Трюшонъ слышитъ каждое его слово.—Все кончено! Мнѣ такъ хотѣлось спасти ее! Бѣдный старикъ, которому я причинилъ столько горя, въ первый разъ обратился ко мнѣ съ просьбой и я не могъ исполнить ее... Что стоило имъ пощадить жизнь женщины, когда въ ихъ рукахъ столько жертвъ, что они едва могутъ справиться съ ними. Жалкій народъ! ты доказалъ мнѣ, на сколько ты неблагодаренъ... Стоило ли хлопотать изъ-за тебя!.. Если бы я могъ только предвидѣть это!

Герцогъ въ отчаяніи прислонился къ косяку окна и началъ опять перечитывать письмо съ черною печатью, на которой былъ гербъ герцога Пентьевръ, хотя зналъ его почти наизусть.

— Онъ проситъ меня спасти его невѣстку... проговорилъ герцогъ взволнованнымъ голосомъ; пишетъ, что изъ-за этого готовъ пожертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ и даже собственной жизнью... Это его первая просьба ко мнѣ. Если бы мнѣ удалось исполнить ее, то многое измѣнилось бы... Это дало бы мнѣ возможность загладить прошлое... Изъ-за нихъ все пропало для меня. Если они такъ относятся ко мнѣ, то и я не стану церемониться съ этимъ народомъ. Увидимъ, кто кого одолѣетъ, у меня найдутся союзники!...

— Citoyen-герцогъ,—сурово замѣтилъ ему Трюшонъ,—опомнитесь, вѣдь и съ вами могутъ расправиться...

Герцогъ не слушалъ его, такъ какъ былъ весь погруженъ въ чтеніе письма.

„Если на то Божья воля, — прочелъ онъ вслухъ, и ей суждено умереть, то умоляю васъ, мой дорогой герцогъ, распорядиться чтобы мнѣ отдали по крайней мѣрѣ ея дорогое тѣло для погребенія въ Dreux, гдѣ покоится прахъ ея мужа и куда я надѣюсь вскорѣ послѣдовать за нею“...

Герцогъ задумался и стоялъ молча съ письмомъ въ рукахъ.

— Трюшонъ, — сказалъ онъ наконецъ, ты долженъ добыть ея трупъ.

— Не знаю, удастся ли... Но сдѣлаю, что могу.

— Я заплачу тебѣ за это... На, возьми мой кошелекъ.

— Оставьте его у себя. Вы мнѣ заплатили впередъ за дѣло, которое мнѣ неудалось. Посмотримъ, не посчастливится ли мнѣ хотя на этотъ разъ.

— Ну, слушай. Сегодня ночью мы спрячемъ тѣло въ моемъ загородномъ замкѣ Mousseaux, а завтра мы отправимъ его прямо въ Бретань.

— Я согласенъ,—отвѣтилъ Трюшонъ. Ждите меня, сегодня вечеромъ въ одинадцатомъ часу, въ улицѣ Du Rocher, у заставы.

— Хорошо, я непремѣнно приду.

— До свиданія, citoyen-герцогъ.

Трюшонъ вышелъ.

Немного погодя дверь опять отворилась, и въ комнату вошелъ Ромэнъ, старый слуга герцога, бывшій при немъ со дня его рожденія и который съ безпокойствомъ слѣдилъ за дѣйствіями герцога, предчувствуя, что рано или поздно они приведутъ его къ гибели.

Ромэнъ пришелъ доложить герцогу, что обѣдъ подапъ и гости собрались.

— Можно ли обѣдать въ такіе дни!—воскликнулъ герцогъ, какъ бы пробуждаясь отъ сна.

— Не только можно, но даже необходимо, отвѣтила дама, кото-

рая въ эту минуту незамѣтно вошла въ залу черезъ „petits appartements“ дворца.

Это была мадамъ Бюффонъ, сожительница герцога Орлеанскаго, семейство котораго разсѣялось по свѣту. Его супруга герцогиня вернулась къ своему отцу Пентіевру; дочь его „Mademoisselle Egalité“, была въ Англіи съ своей воспитательницей мадамъ Жанлисъ-Силлери. Старшій сынъ, Шартрскій, „General Egalité“, находился въ Сѣверной арміи въ штабѣ Дюмурье, а второй сынъ, Монпансье, въ Ниццѣ—въ качествѣ адъютанта Бирона. Они разошлись съ отцомъ за его отношенія къ королевскому семейству, а также изъ-за политическихъ убѣжденій. Такимъ образомъ Пале-Рояль опустѣлъ преждевременно и въ замѣнъ покинувшей его семьи при герцогѣ осталась только одна мадамъ Бюффонъ. Она была очень привлекательная женщина, хотя излишняя полнота формъ и рѣзкость чертъ лица ясно показывали, что ей уже подъ сорокъ. Волосы ея были завиты à la Titus, а на камеѣ, которой былъ заколотъ шейный платокъ, красовалась голова Брута.

— Къ чему такія сантиментальныя фразы, мой другъ! Мы должны радоваться что народъ торжествуетъ надъ своими врагами. Такой день какъ сегодня долженъ быть праздникомъ для насъ.

Герцогъ молчалъ.

— Надѣюсь, вы не хотите навлечь на себя подозрѣніе, что вы сочувствуете измѣнникамъ народа, продолжала мадамъ Бюффонъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ герцогъ,—объ этомъ пока и думать нечего.

Онъ подалъ руку мадамъ Бюффонъ и повелъ ее въ столовую, находившуюся въ той части Пале-Рояля, которую построилъ Ришелье и въ которой долго жила Анна Австрійская и Людовикъ XIV, пока дворецъ не былъ подаренъ брату короля, Филиппу Французскому, а затѣмъ сыну послѣдняго Филиппу Орлеанскому, бывшему впослѣдствіи регентомъ.

Столовая представляла собою обширную и великолѣпную залу съ балкономъ, выходившимъ на улицу Richelieu. Въ этотъ день герцогъ обѣдалъ en petit comité. Общество состояло всего изъ нѣсколькихъ человѣкъ англичанъ, г-на Силлери, Камилля-Дюмулена, самаго даровитаго и любезнаго изъ революціонеровъ, затѣмъ Фабра д'Еглантинъ, Лежандра и Лакло.

Всѣ были въ наилучшемъ расположеніи духа, хотя въ тюрьмахъ Аббатства и Кармелитскомъ монастырѣ кровь лилась потоками и разъяренный народъ опустошивъ тюрьмы, за неимѣніемъ другихъ жертвъ, принялся за сумасшедшихъ Бисетра и больныхъ de la Salpetrière.

Камилль-Дюмуленъ поднялъ бокалъ шампанскаго и сказалъ: „Они упиваются кровью, мы—виномъ. Какая разница между нами! Гдѣ опьяненіе, тамъ жизнь“...

— Жизнь то же опьяненіе! воскликнулъ Фабръ д'Еглантинъ.— Лучше смерть, чѣмъ тихое однообразное существованіе...

Въ этотъ моментъ послышался глухой шумъ въ отдаленіи.

— Это народъ, сказалъ Лежандръ.—Я узнаю его голосъ, онъ идетъ сюда.

— Что ему нужно отъ меня?! воскликнулъ съ досадой герцогъ.

Шумъ становился все сильнѣе и приближался все ближе и ближе къ Пале-Роялю. Это былъ смѣшанный говоръ тысячи голосовъ, среди котораго можно было ясно различить отдѣльныя восклицанія: „Да здравствуетъ citoyen-герцогъ! Давайте его сюда! Орлеанскій! Гдѣ Орлеанскій!“

— Ты долженъ выйти къ нимъ, citoyen, сказалъ Фабръ.—Народъ требуетъ тебя. Ты долженъ показаться ему.

— Я вовсе не желаю этого, отвѣтилъ герцогъ,—и не расположенъ разговаривать съ нимъ.

— Одинъ народъ можетъ имѣть капризы, замѣтилъ ему Дюмуленъ.

Герцогъ приказалъ открыть балконъ и вышелъ къ народу.

— Браво Орлеанскій! браво! браво! кричала толпа.

Между тѣмъ къ дворцу приблизилась процессія съ барабанами и свистками. Она тащила за собой по мостовой обезглавленный изуродованный трупъ въ одной рубашкѣ, привязанный къ длинной веревкѣ, а передъ нимъ какой-то пьяный несъ голову на пикѣ, бѣлую какъ алебастръ, съ закрытыми глазами, перепачканную кровью и грязью.

Это была женская голова, окровавленная, но не изуродованная, сохранившая всю прелесть линій и выраженія. Красивыя губы были полуоткрыты; длинные, бѣлокурые волосы, запачканные кровью, завиты и напудрены парикмахеромъ съ площади Бастильи для предполагаемой прогулки по улицамъ Парижа.

Процессія, сравнявшись съ Пале-Рояломъ, остановилась. Голову подняли на балконъ и показали ее Орлеанскому.

Онъ узналъ ее.

Это была голова несчастной принцессы Ламбалль, которую онъ пытался спасти отъ смерти, но безъ успѣха.

Орлеанскому сдѣлалось дурно и онъ едва не упалъ на руки Лежандра.

Мадамъ Бюффонъ, опомнившись отъ перваго испуга и не теряя присутствія духа, поспѣшила подать ему бокалъ съ шампанскимъ.

— Что это значитъ? спросилъ герцогъ взволнованнымъ голосомъ.—Развѣ не довольно всего этого!...

— Вы должны провозгласить тостъ за здоровье народа и выпить этотъ бокалъ, сказалъ Фабръ д'Еглантинъ.

— Повторяйте мои слова, шепнулъ Дюмуленъ.

Герцогъ подошелъ къ решеткѣ балкона и поднялъ бокалъ.

— Да постигнетъ та же участь всѣхъ враговъ народа! сказалъ Дюмуленъ.—Да здравствуетъ торжествующій народъ! Да здравствуетъ нація!

Но герцогъ не въ состояніи былъ выговорить этихъ словъ. „Несчастная! пробормоталъ онъ, если бы ты довѣряла мнѣ, можетъ быть мнѣ удалось бы спасти тебя“...

Онъ поднесъ бокалъ къ губамъ, но тотчасъ же выронилъ его изъ рукъ, такъ какъ имъ овладѣло непреодолимое чувство ужаса и отвращенія.

Бокалъ разбился въ дребезги о желѣзную рѣшетку, и осколки стекла полетѣли въ толпу вмѣстѣ съ брызгами вина.

Народъ не понялъ значенія этого происшествія и объяснилъ его въ свою пользу.

— Да здравствуетъ Орлеанскій! крикнула толпа.—Браво, citoyen-герцогъ!

Они удалились и унесли съ собою мертвую голову.

Лежандръ и Камилль Дюмуленъ отвели герцога въ его спальню, гдѣ онъ безъ чувствъ упалъ на диванъ.

ГЛАВА XIII.

Сентябрскія ночи.

Въ тотъ же вечеръ герцогъ Орлеанскій не дожидаясь условленнаго часа, вышелъ изъ дворца никѣмъ незамѣченный. Онъ не могъ дольше оставаться въ комнатахъ, которые казались ему слишкомъ душными,—его тянуло на свѣжій воздухъ, но и воздухъ въ эти страшныя времена былъ зараженъ міазмами.

Несмотря на ранній часъ вечера, въ Парижѣ царствовала мертвая тишина. Замолкли и опустѣли улицы, еще такъ недавно оживленныя ѣздой и шумомъ экипажей, цѣлыми толпами пѣшеходовъ, смѣшаннымъ гуломъ и говоромъ многолюдной столицы. Только время отъ времени слышался бой барабана, который съ наступленіемъ сумерекъ долженъ былъ пройти вдоль и поперегъ по всему городу, приглашая гражданъ расходиться по домамъ. Отданъ былъ строгій приказъ, чтобы съ двухъ часовъ по полудни жители не смѣли показываться на улицахъ, а съ десяти часовъ вечера запрещено было жителямъ выходить изъ домовъ. Всѣ лавки были закрыты, двери и окна заперты на-глухо. Каждый боялся за свою жизнь и имущество и всѣ съ трепетомъ ожидали наступленія ночи. Секціи, суды, клубы прекратили свои засѣданія въ виду важнаго и болѣе настоятельнаго дѣла. Въ Парижѣ, который еще наканунѣ, и даже часа два тому назадъ, былъ наполненъ дикимъ смятеніемъ революціи, стало такъ тихо, что теперь каждый шагъ Орлеанскаго глухо отдавался по мостовой и онъ чувствовалъ себя какъ въ пустынѣ.

На городскихъ башняхъ пробило десять часовъ и тотчасъ же на всѣхъ улицахъ и гауптвахтахъ послышался барабанный бой. До этого

всюду была непроницаемая тьма, такъ какъ ни одинъ фонарь не былъ зажженъ, но тутъ неожиданно весь городъ освѣтился сразу. Во всѣхъ окнахъ появились одновременно зажженныя свѣчи согласно опубликованному въ этотъ день декрету. На улицахъ было также свѣтло какъ днемъ, хотя никто не показывался, кромѣ нѣсколькихъ людей, вооруженныхъ съ головы до ногъ. Орлеанскій вынужденъ былъ идти самой дальней дорогой и пробираться узкими переулками, такъ какъ здѣсь онъ меньше подвергался опасности быть замѣченнымъ.

Передъ домами все казалось спокойно, но неспокойно было въ домахъ. Никто не рѣшался лечь въ постель въ эту ночь. Въ каждомъ домѣ были спрятаны или люди или вещи: изъ-за нихъ всѣ живущіе въ немъ могли быть призваны къ отвѣтственности при „visites domiciliaires", которыхъ теперь ждали съ минуты на минуту. Парижскими секціями были выбраны особые комиссары, которые именемъ закона и съ помощью вооруженной силы должны были произвести одновременный обыскъ во всемъ городѣ. Объявлено было, что „единственная цѣль этихъ ночныхъ посѣщеній—конфискація оружія, такъ какъ непріятель уже не далекъ отъ Парижа, а въ городѣ скрываются сотни противниковъ революціи, которые могутъ воспользоваться благопріятной минутой и измѣнить отечеству. Въ виду этого каждый гражданинъ обязанъ предъявить имѣющееся у него оружіе и отдать его. Въ противномъ случаѣ онъ будетъ арестованъ, равно и каждый посторонній человѣкъ найденный въ чужомъ домѣ. Пустые дома и тѣ, которые не будутъ отворены при первомъ требованіи, должны быть опечатаны. Вооруженныя парижскія секціи возьмутъ на себя поставку часовыхъ и патрулей во главѣ которыхъ будетъ который-нибудь изъ комиссаровъ, членъ Національнаго Собранія или парижской коммуны, въ качествѣ представителей закона".

Ужасъ царилъ въ воздухѣ и Орлеанскій невольно ощущалъ его, прокрадываясь изъ улицы въ улицу, пока не достигъ rue du Rocher у заставы, гдѣ надѣялся встрѣтить Трюшона. Но его не было на условленномъ мѣстѣ и у Орлеанскаго замерло сердце, когда онъ замѣтилъ, что ворота заставы заперты, а дворы заняты вооруженными людьми. Пройти ворота не было никакой возможности. Между тѣмъ за четверть часа ходьбы отъ заставы былъ его паркъ и замокъ Mousseaux... сколько разъ онъ совершалъ этотъ путь въ веселомъ обществѣ своихъ пріятелей. Можетъ быть его и пропустили бы за городъ, но онъ не желалъ чтобы узнали его въ эту минуту и боялся разойтись съ Трюшономъ. Ему ничего не оставалось какъ ждать на одномъ изъ перекрестковъ. Городъ блестѣлъ огнями свѣчей, которые виднѣлись въ каждомъ окнѣ съ чердака до подваловъ, за зеркальными и простыми стеклами и въ тусклыхъ крошечныхъ окнахъ бѣдняковъ. Такая же иллюминація была въ Парижѣ двадцать лѣтъ тому назадъ, когда Людовикъ XVI, тогда еще дофинъ, и его невѣста Марія Антуанета совершали свой торжественный въѣздъ въ столицу Франціи, а за-

тѣмъ въ іюльскую ночь 1790 года, когда Парижъ праздновалъ годовщину взятія Бастиліи и провозглашеніе первой конституціи. Но теперь улицы были пусты. Куда дѣвалась эта несмѣтная толпа людей, которые такъ радостно привѣтствовали дофина и Марію Антуанету своими громкими криками восторга, а затѣмъ провозглашеніе конституціи!.. Они всѣ были заключены въ своихъ домахъ и каждый трепеталъ за свою жизнь и имущество.

Мрачныя мысли терзали и мучили Орлеанскаго. Онъ ходилъ безъ устали по узкому пространству за высокой темной стѣной, останавливался и опять ходилъ взадъ и впередъ, но ничѣмъ не могъ заглушить своихъ тяжелыхъ мыслей и воспоминаній. Парижъ сдѣлался для него адомъ. Онъ до сихъ поръ чувствовалъ леденящее прикосновеніе бокала, который ему предлагали выпить за здоровье палачей несчастной Ламбалль. Воображеніе живо представляло ему ужасный образъ мертвой головы, которую держали передъ нимъ, ея закрытые глаза, длинные волосы, мокрые отъ крови, посинѣвшія губы.

Наконецъ голосъ Трюшона прервалъ нить его непріятныхъ размышленій.

— Ну что досталъ... гдѣ трупъ?—спросилъ герцогъ взволнованнымъ прерывающимся голосомъ.

— Ничего не досталъ кромѣ головы.

Герцогъ готовъ былъ разразиться проклятіями, но Трюшонъ остановилъ его:

— Успокойтесь и не говорите такъ громко citoyen-герцогъ, развѣ вы не видите, что въ десяти шагахъ отъ насъ часовые? Вы погубите и себя и меня... Честное слово, я сдѣлалъ все что могъ, да и это не легко было устроить. Развѣ вы не замѣтили меня, когда мы остановились передъ вашимъ дворцомъ? Sacre tonnerre! Какъ только я вышелъ тогда отъ васъ, я примкнулъ къ шествію и сопровождалъ его до той минуты, когда они подошли къ вашему балкону...

— Не напоминай мнѣ объ этомъ!—прервалъ его герцогъ съ досадой.

— Послѣ того шествіе вернулось въ предмѣстье С. Антуанъ. Голову несли впереди, а я шелъ сзади и не терялъ ее изъ виду, какъ бы высоко они не поднимали ее на пикѣ, а подъ конецъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, то я все-таки могъ различить волосы которые распустились и развѣвались по вѣтру какъ знамя. Когда мы проходили мимо воротъ La Force, какой-то негодяй подбѣжалъ, и, наклонивъ пику съ мертвой головой, обрѣзалъ ей волосы. Это было сдѣлано съ быстротой молніи. Diantre! еслибы я не боялся отстать отъ шествія, я непремѣнно погнался бы за этимъ человѣкомъ. Вы неповѣрите, какъ я разсердился на него...

— Ну-же, разсказывай скорѣе,—крикнулъ герцогъ,—что же ты потомъ сдѣлалъ.

— Мы добрались такимъ образомъ до угла улицы Des Ballets, гдѣ

питейный домъ. Народъ уже почти весь разошелся... Шарло, который все время несъ пику съ головой, должно быть усталъ порядкомъ, объявилъ тутъ, что умираетъ отъ жажды и, прислонивъ свою ношу къ двери, зашелъ въ пивную съ товарищами. Я тотчасъ воспользовался этимъ, снялъ голову съ пики, завернулъ ее въ платокъ и убѣжалъ оттуда.

— Гдѣ-же ея тѣло, Трюшонъ?—спросилъ герцогъ.

— Они бросили его въ одинъ пустой полуразрушенный домъ на кучу другихъ тѣлъ;—хотя я не трусъ, но нерѣшился искать его тамъ. Вдобавокъ, это было бы совершенно безполезно. Еще вопросъ, удастся ли намъ вынести изъ города даже эту голову.

— Ну, это будетъ сдѣлано во всякомъ случаѣ,—воскликнулъ герцогъ. Если намъ удалось вырвать у нихъ только одну голову, то она по крайней мѣрѣ должна послужить залогомъ примиренія между мной и старикомъ...

Трюшонъ расхохотался.

— Вы разсуждаете какъ будто уже все кончено. Паркъ Mousseaux почти у самой заставы, и вы увѣрены, что ничего не стоитъ пробраться туда. Ну-ка попробуйте! Съ полудня на всѣхъ парижскихъ заставахъ поставленъ двойной, а гдѣ и тройной караулъ. Никто не можетъ сегодня ни войти въ городъ, ни выйти изъ него; сверхъ этого вооруженныя секціи образовали еще второй кордонъ, который какъ стѣна опоясываетъ городъ на всемъ протяженіи. Поиски производятся и въ окрестностяхъ обыскиваютъ сады, парки, всѣ увеселительныя мѣста. Вамъ не удастся выйти изъ города,—не стоитъ и думать объ этомъ.

— Нельзя ли пробраться въ лодкѣ вдоль Сены?

— Невозможно! Вся рѣка усѣяна лодками съ вооруженными людьми, а на двухъ концахъ города стоятъ эскадроны, которые никого не пропустятъ безъ особаго распоряженія начальства. Повѣрьте мнѣ, что всѣ дороги закрыты, и отсюда никто не выберется сегодня, ни водой, ни сухимъ путемъ.

— Отдай мнѣ голову. Если я не могъ спасти ее отъ насильственной смерти, то клянусь, что послѣ смерти я избавлю ее отъ поруганія.

— Я не понимаю, какая вамъ польза отъ этого! У васъ найдутъ голову принцессы и заподозрятъ въ сочувствіи къ особѣ, которую постигла народная месть. Вѣдь это равносильно заговору. Я не совѣтовалъ бы вамъ citoyen-герцогъ брать на себя такую отвѣтственность.

— Да это просто тиранство!—воскликнулъ герцогъ, топнувъ ногой. Когда же кончатся всѣ эти проклятыя исторіи и я опять буду дышать свободно...

Герцогъ остановился изъ боязни разсердить Трюшона.

Но тотъ сдѣлалъ видъ, какъ будто не слышитъ словъ герцога.

— Я держу пари,— продолжалъ Трюшонъ,—что васъ найдутъ, гдѣ бы вы ни спрятались. Черезъ какіе нибудь полчаса начнутся обыски во всѣхъ домахъ и повѣрьте мнѣ, что во всѣхъ тридцати пяти секціяхъ Парижа не останется ни одного подвала, чердака, камина или трубы, куда бы ни проникли наши секціонеры! Никакіе замки и преграды не помѣшаютъ имъ, они не оставятъ камня на камнѣ, бревна на бревнѣ, если за ними будетъ скрываться измѣнникъ. Наши sans-culottes храбрый народъ citoyen-герцогъ и мы справимся съ нашими врагами и въ Парижѣ и за его стѣнами!

— Нужно попытаться, нельзя ли спрятать ее въ моемъ дворцѣ, сказалъ герцогъ, не обращая никакого вниманія на патріотическій порывъ Трюшона и занятый только мыслью о томъ, какъ бы ему спасти голову принцессы во время предстоящихъ обысковъ.

— Не считаете ли вы дворецъ вашъ болѣе безопаснымъ убѣжищемъ, чѣмъ любой изъ парижскихъ домовъ? спросилъ насмѣшливо Трюшонъ. — Неужели вы думаете, что народъ станетъ больше церемониться съ измѣнниками, которые будутъ найдены въ Пале-Роялѣ, чѣмъ съ тѣми, которые были заключены въ Тюльери.

— Замолчишь ли ты! крикнулъ герцогъ, не помня себя отъ ярости.

— Успокойтесь citoyen-герцогъ, я сказалъ это только въ видѣ предположенія. Я убѣжденъ, что никогда не случится ничего подобнаго. Впрочемъ, если вы ужъ такъ дорожите этой мертвой головой, то можетъ быть мнѣ и удастся доставить вамъ ее завтра во дворецъ, а вы ее продержите тамъ, пока не явится возможность вывезти ее изъ Парижа. Днемъ мнѣ будетъ легче пробраться къ вамъ, нежели ночью, а теперь это невозможно.

— Куда же ты дѣвалъ голову?

— Я снесъ ее въ безопасное мѣсто, недалеко отсюда, хотя собственно такихъ мѣстъ теперь нѣтъ въ Парижѣ. Я надѣялся, что проберусь съ моимъ другомъ Сцеволой за заставу, пока не освѣтятъ оконъ; но это не удалось намъ. Улицы освѣтились сразу и мы едва успѣли спрятать голову въ домѣ одной знатной дамы, которой я когда-то оказалъ услугу, значитъ и она можетъ услужить мнѣ, а если попадется, то я плакать не стану. Sapristi, кто знаетъ, долго ли мы проживемъ?... Нужно торопиться кончать счеты, пока еще есть время!...

— Сведи меня туда, сказалъ герцогъ взволнованнымъ голосомъ.

— Вы не довѣряете мнѣ?... спросилъ Трюшонъ.

— Ничего подобнаго... Я не думаю подозрѣвать тебя... Ты развѣ не понимаешь... я...

Герцогъ остановился. Онъ не могъ долѣе продолжать отъ судорожныхъ рыданій, которыхъ не въ состояніи былъ остановить, не смотря на всѣ свои усилія.

Трюшонъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на него, но тутъ лицо его, на половину закрытое бородой, неожиданно просіяло.

— Хорошо, сказалъ онъ,—я сведу васъ, только помните, что когда

вы перейдете порогъ этого дома, то моя отвѣтственность кончается... что бы ни случилось съ вами—это ужъ ваше дѣло.

— Ну, да, разумѣется, прервалъ его герцогъ съ нетерпѣніемъ.

Они отправились.

Орлеанскій хотѣлъ было опять свернуть въ переулокъ, но Трюшонъ остановилъ его.

— Выйдемте на свѣтъ. Пока вы со мною, вамъ не грозитъ никакая опасность. Николаю Трюшону нечего прятаться отъ кого бы то ни было.

Они повернули въ ярко освѣщенныя улицы предмѣстья. Теперь уже въ нихъ не было прежней тишины, такъ какъ пробило полночь и начались „visites domiciliaires". На улицахъ появились вооруженныя толпы людей. Всюду раздавался стукъ молотковъ, точно заколачивали разомъ сотни гробовъ. Это были молотки грозныхъ ночныхъ посѣтителей, которые этимъ способомъ требовали себѣ доступа въ дома, и войдя въ домъ, безъ умолку стучали въ стѣны и полы чтобы убѣдиться нѣтъ-ли гдѣ потаенной двери или пустого пространства. Страхъ и отчаяніе царили всюду. Чуть-ли не въ каждомъ домѣ происходили дикія и ужасающія сцены. Находили людей, заколоченныхъ на глухо въ стѣнахъ, полумертвыхъ отъ недостатка воздуха и неестественнаго положенія; другихъ вытаскивали изъ подъ матрацовъ, изъ бочекъ и трубъ. По всѣмъ улицамъ, по которымъ проходилъ Орлеанскій съ Трюшономъ, слышались раздирающіе крики отчаянія, плачъ женщинъ и дѣтей, неясный говоръ мужскихъ голосовъ, шумъ оружія. Они видѣли въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ изъ домовъ выводили „подозрительныхъ людей", и вся семья съ громкими воплями бросалась за ними въ безумной надеждѣ удержать ихъ и вырвать изъ рукъ народнаго правосудія. Женщины совершали чудеса самоотверженія и неустрашимости. Но все было напрасно. Патрули въ шестьдесятъ человѣкъ вооруженныхъ съ головы до ногъ, съ коммиссаромъ во главѣ, были разставлены на всѣхъ улицахъ.

Орлеанскаго вездѣ пропускали свободно, благодаря Трюшону, но тѣмъ не менѣе этотъ странный ночной шумъ, крики, плачъ, неумолкаемый стукъ молотковъ, трескъ дверей срываемыхъ съ петель — все это производило на него дикое подавляющее впечатлѣніе. Сердце его усиленно билось при видѣ стоявшихъ вездѣ патрулей, видѣнныхъ имъ потрясающихъ сценъ, представлявшихъ странный контрастъ съ ликованіемъ и возгласами, которые слышались въ домахъ секцій вмѣстѣ съ звономъ стакановъ и криками пьяной, собравшейся тамъ толпы.

Наконецъ оба путника достигли цѣли своего странствованія и вошли въ маленькую тихую улицу, которая была такъ же ярко освѣщена, какъ и всѣ улицы Парижа въ эту ночь.

Трюшонъ остановился у одного дома.

— Здѣсь, сказалъ Трюшонъ. — Мы ее принесли сюда въ ящикѣ. Если вы не раздумали, citoyen-герцогъ, то я прикажу отворить.

Орлеанскій кивнулъ головой въ знакъ согласія и Трюшонъ постучалъ въ наружную дверь дома, которую тотчасъ же открыли.

На порогѣ показалась толстая фигура Бекки съ лампочкой въ рукѣ.

— Св. Андрей Шотландскій! воскликнула она съ удивленіемъ. — Да это герцогъ Орлеанскій!

— Гдѣ я? спросилъ герцогъ, испуганный этимъ возгласомъ и недоумѣвая, какъ могла узнать его совершенно незнакомая ему женщина.

— Вы у леди Эліоттъ, отвѣтилъ якобинецъ, почти вталкивая герцога въ домъ и захлопывая за нимъ дверь.

Трюшонъ, очутившись одинъ на улицѣ, захохоталъ во все горло.

— Вотъ такъ мастерская штука! воскликнулъ онъ, потирая руки отъ удовольствія.—Оба въ ловушкѣ. Если ты попалъ въ нее, citoyen-герцогъ, то это твоя вина. Теперь посмотримъ какъ ты выберешься отсюда! Ну, а ты, хитрая аристократка, обманщица, продажная душа! Я тебѣ отплатилъ какъ слѣдуетъ. Ты запоешь, когда у тебя найдутъ голову Ламбалль!

Трюшонъ опять захохоталъ злобнымъ смѣхомъ и дойдя до конца улицы, свернулъ въ переулокъ.

Между тѣмъ герцогъ все еще стоялъ молча передъ Бекки и старался припомнить, гдѣ онъ могъ видѣть ее.

— Я тотчасъ узнала васъ, сказала наконецъ Бекки, которая по прежнему не выносила долгаго молчанія. Помните, вы приходили къ намъ въ Брайтонъ въ ту ночь, когда бѣдная Натали С.-Мало...

Герцогъ вздрогнулъ. — Замолчишь ли ты! воскликнулъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—или я...

— Сдѣлайте одолженіе, не горячитесь! спокойно замѣтила Бекки, не спуская съ него своихъ черныхъ глазъ. — Я васъ нисколько не боюсь, г-нъ герцогъ, хотя-бы вы со мной сдѣлали тоже, что съ этимъ несчастнымъ шевалье С.-Мало.

— Кто-же ты такая?.. Откуда.. Какъ ты смѣешь говорить со мной такимъ образомъ...

— Вы желаете знать: кто я. Извольте... Я родилась въ Шотландіи и всю жизнь дѣлала только однѣ глупости, г-нъ герцогъ. Но я вѣрно служила моей дорогой леди съ самаго ея рожденія до той минуты, когда вы явились къ намъ въ Брайтонъ. Тогда все пошло вверхъ дномъ. Я заподозрила ее, повѣрила всему, что говорили о ней злые языки и бросила одну въ горѣ съ умирающей... Я уѣхала изъ Англіи, вышла замужъ и воображала, что буду счастлива, но это не удалось мнѣ... У меня точно камень лежалъ на сердцѣ, и чѣмъ дальше все было хуже. Я чувствовала, что не она дурная женщина, а я сама, потому что думать худо о человѣкѣ такъ же грѣшно, какъ и дѣлать ему зло. Совѣсть упрекала меня днемъ и ночью и не давала ни минуты покоя и я безпрестанно плакала. Это все вы надѣлали, г-нъ герцогъ,

положительно вы... Изъ-за васъ я бросила ее и вотъ причина всѣхъ несчастій, которыя постигли мою дорогую леди. У ней никого не было, кто могъ бы утѣшить ее и дать добрый совѣтъ; она всегда слушалась меня и если бы я разсказала вамъ, какъ бывало въ старину, когда она была еще ребенкомъ, а потомъ въ Монфлери...

— Монфлери! повторилъ полусознательно герцогъ и въ душѣ его проснулся цѣлый рой давно забытыхъ воспоминаній.

— Послѣ этого она не захотѣла больше оставаться въ Лондонѣ и покинула нашу милую и дорогую Англію и пріѣхала сюда въ этотъ проклятый омутъ, гдѣ кровь льется какъ вода. Здѣсь она переходила отъ одного бѣдствія къ другому, пока наконецъ въ эту страшную августовскую ночь, недѣли три тому назадъ, не захватила горячку и теперь такъ мучится и въ такомъ бреду, что кажется камень тронулся бы слушая ее!..

Бекки горько заплакала.

Герцогъ не въ состояніи былъ сказать что-нибудь въ свое оправданіе и молча слушалъ разсказъ болтливой женщины.

— Она вѣрно простудилась въ ту ночь, когда помогала бѣгству С.-Мало, продолжала Бекки.—Мосье Друэ былъ прежде камердинеромъ у шевалье и уговорилъ мою дорогую леди спасти несчастнаго С.-Мало, котораго ваши пріятели, г-нъ герцогъ, едва не убили. Но онъ умеръ а моя бѣдная леди лежитъ теперь наверху присмерти и вы виноваты въ этомъ, г-нъ герцогъ... Вы еще спрашиваете: кто я? — Служанка, г-нъ герцогъ, простая служанка, которая разъ въ жизни сдѣлала дурное дѣло и хочетъ посвятить остатокъ своей жизни чтобы загладить его... Я оставила мужа и домъ, чтобы ухаживать за моей больной госпожей; и лягу на порогъ ея комнаты, буду защищать ее собственнымъ тѣломъ, если окажется нужнымъ и не покину ее до тѣхъ поръ, пока она не выберется изъ этого Содома и Гоморы—Парижа и Франціи! Будь они прокляты! Я успокоюсь только тогда, когда моя леди уѣдетъ въ нашу милую и дорогую Англію, тогда я вернусь домой къ мужу, буду спокойно выносить тоску по родинѣ и муку жить въ этомъ омутѣ до конца моей жизни и послѣ такого жестокаго наказанія умру покойная и довольная въ мирѣ съ Богомъ и съ моей совѣстью. Вы хотѣли узнать мое имя, г-нъ герцогъ — называйте меня Бекки, если вамъ угодно говорить со мной.

Герцогъ чувствовалъ себя разбитымъ и уничтоженнымъ. Событія послѣднихъ дней какъ то странно смѣшивались въ его головѣ съ тяжелыми воспоминаніями прошлой жизни. Онъ не могъ дать себѣ отчета, зачѣмъ онъ попалъ въ домъ леди Эліоттъ и что хочетъ отъ него эта старуха, которая мрачно смотритъ на него своими черными блестящими глазами. Наконецъ онъ опомнился и отвѣтилъ нерѣшительнымъ голосомъ:

— Я вовсе не желаю безпокоить твою больную госпожу, мнѣ нужно только видѣть мертвую, которую спрятали въ этомъ домѣ.

— Какъ же, знаю, пробормотала Бекки,—вы вѣрно говорите объ ящикѣ, въ которомъ ничего нѣтъ кромѣ головы. Это самая ужасная исторія, которую я когда либо слышала, даже вспомнить страшно, но всего хуже, что вы замѣшаны въ этомъ. Мнѣ еще тогда пришло это въ голову, когда явились сюда тѣ два чудовища съ ящикомъ и потребовали, чтобы я спрятала его на ночь въ нашемъ домѣ. Теперь приходится дѣлать все, что потребуютъ эти люди... Господи помилуй! Они уже на улицѣ!... воскликнула съ испугомъ Бекки, приложивъ ухо къ двери.—Святой Андрей Шотландскій, чѣмъ все это кончится!... Нѣтъ это не сюда... Они прошли мимо... Ну, вотъ, видите ли, продолжала Бекки болѣе спокойнымъ голосомъ, эти два дикаря подняли такой крикъ, какъ будто я сопротивлялась, а я имъ и слова не сказала. Что могла я подѣлать съ ними, они едва не ворвались въ домъ... Я только думала о томъ, чтобы они не разбудили мою бѣдную леди и чтобы она какъ нибудь не узнала что въ домѣ покойница. Это могло бы убить ее. Она очень боится мертвецовъ и даже въ бреду все говорила о какомъ то покойникѣ. Чтобы скорѣе спровадить этихъ людей я согласилась и сдѣлала видъ какъ будто не понимаю въ чемъ дѣло и да проститъ мнѣ Господь, если я этимъ навлекла новое несчастіе на мою дорогую леди...

— Гдѣ же этотъ ящикъ? спросилъ герцогъ.

— Они снесли его въ погребъ.

— Сведи меня туда.

Бекки съ недоумѣніемъ взглянула на герцога и не двигалась съ мѣста.

— Чего ты боишься? сказалъ герцогъ. Я не думаю нарушать спокойствія этого дома. Я не разбужу твою леди, а покойницы мнѣ не разбудить, какъ бы я не желалъ этого.

Бекки стояла въ нерѣшимости и молча глядѣла на герцога.

— Сведи меня къ ней, повторилъ онъ взволнованнымъ дрожащимъ голосомъ. Эта голова самой красивой и лучшей женщины, которую я когда либо зналъ въ моей жизни. Я видѣлъ ее еще во времена ея цвѣтущей молодости—слышалъ какъ она смѣялась и пѣла... Пусти меня къ ней...

Въ этихъ словахъ слышалось столько горя и глубокаго отчаянія, что Бекки была тронута.

— Идите за мной, сказала она герцогу и повела его черезъ сѣни на лѣстницу, а затѣмъ въ погребъ, гдѣ на землѣ стоялъ простой деревянный ящикъ.

Орлеанскій бросился на него съ громкими рыданіями, которыя глухо раздались среди тишины мрачнаго погреба.

Бекки едва не расплакалась.

— Раскаяніе великое дѣло! сказала она, думая утѣшить герцога, вѣдь у мертвыхъ также можно просить прощенія.

— Но они не слышатъ насъ, отвѣтилъ полусознательно герцогъ.

— За то слышитъ насъ Тотъ, который властенъ надъ жизнью и смертью.

— Они не чувствуютъ нашихъ слезъ.

— Но мы чувствуемъ, какъ съ каждой искренней слезой, все легче и легче становится у насъ па душѣ.

Герцогъ поднялся на ноги.

— Да, сказалъ онъ болѣе спокойнымъ голосомъ. Если бы она могла слышать меня, то я готовъ былъ бы просить у ней прощенія за то зло, которое я сдѣлалъ ей въ жизни, но клянусь что я не повиненъ въ ея смерти...

Въ эту минуту послышался сверху какой то странный шумъ и стукъ молотковъ, который повторился нѣсколько разъ.

Бекки вздрогнула. Маленькая лампа задрожала въ ея рукахъ.

— Святой Андрей Шотландскій, воскликнула она, не помня себя отъ ужаса.

— Что съ тобой! спросилъ герцогъ.

— Развѣ вы не слышите? Вѣдь они у нашего дома! Злодѣи напугаютъ до смерти мою бѣдную леди. Ну и вамъ не сдобровать, если они найдутъ васъ въ этомъ домѣ.

Герцогъ былъ до того погруженъ въ свои мысли, что ничего не слыхалъ, но слова Бекки и сознаніе неминуемой опасности заставили его мало по малу придти въ себя.

— Да правда, сказалъ онъ, мы въ Парижѣ... Это домъ леди Эліотъ, а тутъ эта мертвая голова... Если они найдутъ здѣсь герцога Орлеанскаго...

Между тѣмъ стукъ молотковъ съ улицы опять повторился и становился все сильнѣе.

— Это обыскъ, сказалъ герцогъ.

— Я должна идти наверхъ; они еще пожалуй выломаютъ двери.... сказала Бекки, поднимаясь по лѣстницѣ невѣрными шагами.

— Что ты дѣлаешъ! воскликнулъ герцогъ. Я ни за что не останусь здѣсь одинъ съ покойницей.

— Вамъ же будетъ плохо, если они увидятъ васъ! крикнула Бекки, которая чувствовала все большее безпокойство по мѣрѣ того, какъ стукъ въ двери становился громче и движеніе на дворѣ увеличивалось.

— Но еще будетъ хуже, если они найдутъ меня здѣсь съ головой принцессы Ламбалль... Тогда все кончено!... пробормоталъ герцогъ съ отчаяніемъ, я напрасно пожертвовалъ моимъ прошлымъ именемъ... всѣмъ, что было для меня дорого... а теперь...

Но Бекки исчезла. Послѣдній отблескъ лампы еще разъ освѣтилъ сводъ погреба и герцогъ очутился среди непроницаемой тьмы.

Двойной страхъ овладѣлъ имъ: онъ настолько же боялся мертвой головы, какъ и людей ворвавшихся въ домъ для обыска.

Онъ протянулъ руки и едва не упалъ на ящикъ съ мертвой голо-

вой. Ему казалось что онъ прикоснулся холоднаго лица, губъ, волосъ; и сердце его замерло отъ ужаса.

Онъ слышалъ, какъ сверху отодвинули засовъ, повернули ключъ въ замкѣ, какъ заскрипѣла дверь выходившая на улицу и распахнулась настежъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и встрѣтилъ препятствіе, которое думалъ одолѣть, но напрасно,—передъ нимъ была каменная стѣна.

— Вотъ такъ будешь въ тюрьмѣ, подумалъ герцогъ, падая въ изнеможеніи на кучу щебня и сора лежавшую въ углу погреба. Онъ чувствовалъ такую слабость, что не въ состояніи былъ шевелить губами. Даже страхъ оставилъ его въ эту минуту. У него было одно ощущеніе—потребность спокойствія. Голова кружилась, сознаніе дѣйствительности замѣнилось дикими и туманными галюцинаціями;—ему казалось что онъ лежитъ мертвый въ гробу и слышитъ какъ надъ его головой ходятъ взадъ и впередъ люди.

ГЛАВА XIV.

Орлеанскій мѣняетъ свое имя.

Между тѣмъ Бекки отворила дверь и впустила патруль, состоящій изъ шестидесяти человѣкъ, которые вошли въ домъ, гремя саблями и пиками.

— Сжальтесь надъ моей бѣдной леди! воскликнула Бекки, сложивъ руки на груди. — Она очень больна; ей не пережить такого испуга!

— Я зналъ, что она больна и потому самъ пришелъ сюда, отвѣтилъ коммисаръ, выйдя изъ толпы вооруженныхъ людей.—Мы не станемъ безпокоить ее.

Съ этими словами онъ подошелъ къ лѣстницѣ, ведущей въ верхній этажъ, и обращаясь къ товарищамъ сказалъ:

— Citoyens, я долженъ предупредить васъ, что въ этомъ домѣ лежитъ больная. Шумъ, новыя лица, испугъ, могутъ быть для нея смертельны. Мы исполнимъ нашу обязанность, но сдѣлаемъ это по человѣчески.

Свѣтъ лампы, висѣвшей у лѣстницы, освѣщалъ его стройную фигуру, трехцвѣтный шарфъ, шляпу съ перьями и его блѣдное лицо.

— Лагэ! Жильберъ Лагэ! шептали между собою слуги леди Эліоттъ, выбѣжавшіе въ сѣни изъ разныхъ комнатъ при входѣ патруля.

— Жильберъ Лагэ! воскликнула съ умиленіемъ Бекки. Она наконецъ увидѣла того, о которомъ Друэ говорилъ не иначе, какъ со

слезами на глазахъ, и котораго леди Эліоттъ такъ часто звала въ своемъ бреду.

Бекки въ эту минуту чувствовала непреодолимое желаніе упасть передъ нимъ на колѣни, какъ передъ высшимъ существомъ, и выразить ему свою благодарность и уваженіе. Она сама не могла дать себѣ отчета, откуда могло явиться у ней такое желаніе;—не потому-ли, что Лагэ такъ дорогъ Друэ и леди Эліоттъ? Однако, благодаря присутствію постороннихъ людей, она не рѣшилась выразить своихъ чувствъ и только воскликнула:—ахъ, если бы моя леди знала, что вы здѣсь!...

Жильберъ взглянулъ на нее своими печальными глазами и сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ кого-то отстранить отъ себя.

— Если моя леди узнаетъ, что вы опять въ ея домѣ, продолжала Бекки. — она непремѣнно выздоровѣетъ и я опять увижу улыбку на ея милыхъ губахъ, которыя теперь горятъ отъ лихорадки, и пульсъ сдѣлается какъ слѣдуетъ—и все опять пойдетъ по старому...

— Не говори мнѣ объ этомъ, прервалъ ее Жильберъ. Между тѣмъ онъ дорого далъ бы, чтобы услышать еще что-нибудь и какъ можно больше о той, которую онъ не могъ забыть и которую напрасно старался изгнать изъ своего сердца! Ея образъ и его сердце неразрывно слились между собою. Онъ тысячу разъ повторялъ себѣ, что навсегда отказался отъ этой женщины, что она ненавидитъ его и измѣнила ему самымъ недостойнымъ образомъ, но онъ все-таки любилъ ее по прежнему или даже еще сильнѣе, безнадежнѣе, съ большею страстью. Любовь эта была его жизнью.

— Довольно... замолчи пожалуйста... сказалъ опять Жильберъ почти умоляющимъ голосомъ.

Но не легко было остановить Бекки и еще въ такую минуту.

— Я увѣрена, что все пойдетъ по старому, сказала она. — Если только моя дорогая леди узнаетъ, что вы пришли и только взглянетъ на васъ, то это можетъ спасти ее—возвратить здоровье, жизнь, счастье...

Каждое слово болтливой женщины было для него пыткой. Онъ долженъ былъ вооружиться мужествомъ и почти уже потерялъ его. Тамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него была ея комната. Она лежала теперь больная, безъ памяти... его появленіе могло быть для нея небеснымъ блаженствомъ... онъ могъ увидѣть ее... она опять протянула бы къ нему свои руки, эти милыя руки, которыя онъ такъ давно не цѣловалъ;—ея милые, дорогіе глаза снова взглянули бы на него съ прежнимъ выраженіемъ... Быть можетъ она...

Нѣтъ этому не бывать...

— Однако, что же мы теряемъ время, citoyens, крикнулъ онъ. — Пора приниматься за дѣло. Вы не должны тревожить больную, но будете караулить эту лѣстницу, сѣни и двери, и прежде всего осмотрите погребъ, какъ сказано въ приказѣ.

— Погребъ! воскликнула Бекки, которая въ эту минуту съ ужасомъ вспомнила объ Орлеанскомъ и мертвой головѣ. — Нѣтъ, ради Бога, не ходите туда! Что вы тамъ найдете... мусоръ и всякій соръ... ящики, сундуки, ломанную посуду, бутылки... тамъ искать-то нечего...

— Тѣмъ лучше, отвѣтили ей; и нѣсколько человѣкъ, отдѣлившись отъ толпы, отправились въ погребъ. Бекки бросилась къ лѣстницѣ, чтобы загородить имъ дорогу, но ее удалили.

— Ну, всѣ несчастія обрушились на этотъ домъ! воскликнула она, отходя отъ лѣстницы съ замирающимъ сердцемъ.

Черезъ двѣ-три минуты люди вернулись изъ погреба, таща за собою герцога Орлеанскаго, у котораго платье и волосы были покрыты пылью и известью. Онъ не сопротивлялся и только низко надвинулъ шляпу на лобъ изъ боязни, чтобы его не узнали, хотя самъ сознавалъ, что это не удастся ему.

— Мы нашли этого человѣка въ погребѣ, сказалъ одинъ изъ секціонеровъ.—Онъ спрятался въ углу, а около него былъ ящикъ съ головой Ламбалль.

— Ламбалль! повторила толпа съ удивленіемъ.

Орлеанскаго вывели на середину сѣней и онъ очутился противъ Жильбера.

— Долой шляпу! крикнуло разомъ нѣсколько голосовъ и не смотря на сопротивленіе Орлеанскаго, шляпа слетѣла съ его головы. Свѣтъ лампы упалъ на его лицо, искаженное страхомъ и волненіемъ.

— Орлеанскій! послышалось со всѣхъ сторонъ; и въ этомъ возгласѣ было столько же злобы, сколько затаеннаго презрѣнія.

Глаза Жильбера заискрились недобрымъ огнемъ.

— Герцогъ Орлеанскій въ домѣ леди Эліоттъ! проговорилъ онъ съ усиліемъ и рука его инстинктивно ухватилась за рукоятку сабли.

Между тѣмъ Орлеанскій, выведенный силой изъ мрака уединеннаго погреба и видя кругомъ себя толпу вооруженныхъ людей долго не могъ опомниться и понять, гдѣ онъ. Наконецъ онъ увидѣлъ Жильбера—лучъ радости пробѣжалъ по его блѣдному лицу и на глазахъ навернулись слезы.—Жильберъ! проговорилъ онъ, протягивая къ нему свои дрожащія руки.

— Трусъ! крикнулъ Жильберъ. Удержи эти постыдныя слезы! Не унижай достоинства мужчины...

— Ты не понимаешь меня Жильберъ, сказалъ герцогъ, взявъ его за руку.

Но тотъ съ гнѣвомъ и ненавистью оттолкнулъ его отъ себя: Прочь!.. убійца моей сестры! Ты думаешь умилостивить меня!..

— Жильберъ, выслушай меня, дай мнѣ сказать тебѣ одно слово. Какъ давно хотѣлъ я открыть тайну, которая тяготила меня — она можетъ спасти и тебя и меня...

— Я и слышать не хочу.

— Я всюду искалъ тебя... неотступно ходилъ за тобой—въ со-

бранія, въ клубы, по улицамъ, чтобы найти удобную минуту, и поговорить съ тобою наединѣ...

— Чтобы поймать меня въ свои сѣти какъ Демулена и Фабра. Но ты долженъ былъ знать, герцогъ, что я не такой человѣкъ, чтобы сидѣть у твоего стола, пить твое вино... и болтать съ женщинами Пале-Рояля. Я служу революціи и другъ Робеспьера...

— Жильберъ, умоляю тебя прикажи отойти этимъ людямъ. Выслушай меня, отъ этого зависитъ спасеніе твоей души...

Жильберъ захохоталъ злобнымъ смѣхомъ.

— Спасеніе моей души! воскликнулъ онъ.—Развѣ можетъ оно быть въ рукахъ человѣка, запятнавшаго себя всевозможными злодѣяніями! Не этими ли руками ты прикасался къ Натали... Не ты ли осквернилъ этого ангела! Не спасенія души жду я отъ тебя, а удовлетворенія мой мести. Ты убилъ Натали, а я братъ ея! Жизнь за жизнь.

Онъ поднялъ саблю и лезвее ея блеснуло надъ головой Орлеанскаго.

Но въ эту минуту на верху лѣстницы показалась женская фигура, которая ясно обрисовалась на темномъ фонѣ корридора. Слышенъ былъ шелестъ ея длиннаго бѣлаго платья. Темные волосы падали по ея плечамъ, представляя рѣзкій кантрастъ съ ея блѣднымъ овальнымъ лицомъ, все еще сохранившимъ прежнюю красоту, не смотря на лихорадочный блескъ глазъ и запекшіяся губы.

Жильберъ, при видѣ ея, выронилъ изъ рукъ саблю, которая съ шумомъ упала на каменный полъ.

Стоявшая на верху женщина вздрогнула, но не двигалась съ мѣста и пристально глядѣла на Жильбера, хотя по ея лицу трудно было замѣтить: узнала ли она его или нѣтъ.

Бекки первая прервала молчаніе.

— Боже мой! воскликнула она, всплеснувъ руками, это моя леди!

Жильберъ опомнился и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, обратился къ вооруженной толпѣ.

— Мы исполнили нашу обязанность, citoyens, сказалъ онъ возвысивъ голосъ, герцогъ дастъ свои показанія на судѣ секціи и объяснитъ, что привело его въ этотъ домъ и въ такую пору. Откройте двери и выпустите его. Вы теперь свободны герцогъ и можете идти куда вамъ угодно. Я пощадилъ васъ сегодня только потому, что надѣюсь разсчитаться съ вами болѣе достойнымъ образомъ. Близокъ день, когда я возвышу голосъ въ собраніи представителей націи и скажу имъ указывая на васъ: Орлеанскій—измѣнникъ!

Вооруженная толпа по знаку Жильбера бросилась къ герцогу и вытолкнула его на улицу.

— Такъ вотъ до чего дошло! бормоталъ герцогъ, поспѣшно удаляясь отъ дома леди Эліоттъ.—Максиміліанъ Робеспьеръ хочетъ выдать меня за измѣнника, меня, который стоялъ во главѣ революціи еще въ то время, когда никто не зналъ объ его существованіи... Мы

будемъ имѣть это въ виду... Посмотримъ, кто кого пересилитъ... Орлеанскій не уступитъ своимъ врагамъ!.. Дѣло идетъ не только о спасеніи жизни, но и достиженіи престола!..

Патруль считая свое дѣло оконченнымъ отправился въ домъ ближайшей секціи, чтобы дать свои показанія относительно результатовъ обыска въ домѣ леди Эліоттъ.

Одинъ только Жильберъ остался на мѣстѣ. Онъ хотѣлъ пробыть еще одну минуту въ ея домѣ, взглянуть на то мѣсто, гдѣ она стояла. Ему казалось, что она протягиваетъ къ нему руки и молитъ его, чтобы онъ поспѣшилъ къ ней и прижалъ ее къ своему сердцу.

Онъ взглянулъ на верхъ. Она все еще стояла у лѣстницы. Глаза ихъ встрѣтились. Оба чувствовали непреодолимое желаніе броситься другъ къ другу въ объятія, забыть все и всѣхъ на свѣтѣ. Онъ сознавалъ, что еще минута и онъ уже не будетъ властенъ ни надъ своими мыслями, ни надъ своими поступками.

Но тутъ, вооружившись внезапной рѣшимостью, онъ наклонился къ полу, поднялъ свою саблю и выбѣжалъ изъ дому.

Очутившись на улицѣ, онъ глубоко вздохнулъ.

— Опять эта сирена едва не опутала меня своими чарами! воскликнулъ онъ. — Въ моемъ безуміи я готовъ былъ забыть, что она имѣетъ сношенія съ моими врагами. Развѣ не засталъ я ее съ тѣмъ человѣкомъ, который лишилъ меня крова — сегодня я застаю у ней убійцу моей сестры. И тотъ, и другой — враги народа и свободы. — Если она такъ желаетъ этого, то она погибнетъ съ ними.

* * *

Наконецъ послѣ страшныхъ, такъ называемыхъ „сентябрскихъ ночей“, въ Парижѣ опять водворилось спокойствіе. Черные флаги были сняты съ городскихъ башенъ и замѣнены трехцвѣтными знаменами, которыя красиво развѣвались при осеннемъ солнцѣ.

Со всего города собраны были мертвыя тѣла и свезены въ громадныхъ телѣгахъ на долину Montrouges, гдѣ ихъ побросали въ катакомбы. Голова „ci-devant“ принцессы Ламбалль, найденная въ домѣ леди Эліоттъ, въ ту же ночь была сдана въ секцію „Quinze-vingt“, откуда она была унесена какимъ-то неизвѣстнымъ человѣкомъ и погребена на кладбищѣ Воспитательнаго Дома незаконнорожденныхъ дѣтей, для которыхъ бездѣтная принцесса Ламбалль была всегда второй матерью. Обезглавленное тѣло этой, едва ли не самой невинной изъ всѣхъ жертвъ революціи, вѣроятно было брошено въ катакомбы среди безчисленныхъ костей и скелетовъ на то мѣсто, гдѣ теперь виднѣется черный могильный памятникъ съ надписью: „Massacre de Septembre 1792“.

Но катакомбы — городъ мертвыхъ и побѣжденныхъ; онъ скрылъ послѣдніе остатки рѣзни, и 4-го сентября, утромъ, столица Франціи опять приняла свой обычный оживленный видъ.

Умолкъ набатъ. Праздничная музыка, пѣніе, веселый говоръ наполняли парижскія улицы.

20-го сентября происходило первое засѣданіе Національнаго Конвента.

21-го сентября конные гренадеры объявили по всѣмъ улицамъ Парижа отрѣшеніе Людовика Капета отъ престола.

Въ тотъ же день съ границъ Франціи получено было радостное извѣстіе, которое моментально разнеслось по городу: „пруссаки побиты! пруссаки и эмигранты обратились въ бѣгство!“ „Да здравствуетъ Дюмурье, побѣдитель при Вальми, спаситель республики!“ кричалъ народъ. Съ этого дня Дюмурье, возведенный въ свою должность наканунѣ битвы, почти никому неизвѣстный, сдѣлался героемъ дня, самымъ могущественнымъ, вліятельнымъ и популярнымъ человѣкомъ новой республики. Встрѣча его въ Парижѣ походила на древне-римскій тріумфъ.

— Я не довѣряю такимъ людямъ, сказалъ Робеспьеръ своимъ приближеннымъ.

Чѣмъ выше возносило Дюмурье народное расположеніе — это подвижное „aura popularis“, тѣмъ подозрительнѣе становится онъ Робеспьеру, который все больше и больше окружалъ его своими шпіонами.

Затѣмъ наступили печальные дни, когда лишенный престола Людовикъ долженъ былъ предстать передъ Національнымъ Конвентомъ, послѣ чего слѣдовало голосованіе, приговоръ, его смерть.

Въ мрачное холодное утро, 21-го января 1793 года, воздвигнутъ былъ эшафотъ на томъ мѣстѣ, гдѣ до революціи стояла статуя Людовика XV. На этотъ эшафотъ вошелъ человѣкъ съ длинной бородой, блѣдный и исхудалый — его окружало несмѣтное, шумное море людей; всюду виднѣлись штыки и ружья. Со стороны набережной разставлены были пушки, заряженныя картечью; командовалъ citoyen-général Сантеръ. Стоявшій на эшафотѣ человѣкъ приготовился къ смерти и обратившись къ толпѣ, сказалъ: „Français, je meurs innocent“... но слова эти были заглушены сотнями барабановъ. Затѣмъ человѣкъ этотъ положилъ голову подъ гильотину; духовникъ его наклонился къ нему и набожно произнесъ: „иди на небо сынъ святаго Людовика“... Палачъ поднялъ окровавленную голову бывшаго французкаго короля и показалъ ее народу.

Тѣло его было снесено въ церковь Madelaine и погребено среди тѣхъ, которые двадцать три года тому назадъ погибли въ давкѣ на площади Louis Quinze въ день его въѣзда въ Парижъ; здѣсь же лежали и бренные останки швейцарцевъ, пожертвовавшихъ для него жизнью 10-го августа. Могила его, залитая известью, имѣла 12 футовъ глубины и 6 футовъ ширины, какъ значилось въ Moniteur'ѣ 23-го января 1793 года.

А герцогъ Орлеанскій? — Онъ уже не носилъ болѣе этого титула.

Онъ выхлопоталъ себѣ у комуны новое имя, не имѣвшее ничего общаго съ именами французскихъ королей и принцевъ. Онъ назывался теперь Филиппъ Egalité, а его дворецъ, прежній Пале-Рояль, переименованъ былъ въ maison Egalité и на фасадѣ его появилась крупная трехцвѣтная надпись: „Республика". Равнымъ образомъ переименованы были примыкавшія къ нему улицы, площадь, набережная и садъ, носившіе названіе Пале-Рояля въ les rues, la place, le quai et le jardin d'Egalité.

Орлеанскій хотѣлъ всѣмъ этимъ доказать Робеспьеру, что онъ пошелъ дальше его — онъ принцъ крови, который отрекся отъ своего прошлаго и несмотря на свое родство съ королевскимъ домомъ вотировалъ смерть Людовика и смотрѣлъ на его казнь въ открытомъ кабріолетѣ.

Но Робеспьеръ и въ этомъ случаѣ повторилъ ту-же фразу: „я не довѣряю такимъ людямъ".

Въ ночь послѣ казни Людовика XVI произошло заранѣе условленное свиданіе между Филиппомъ Egalité, ci-devant Орлеанскимъ и Дюмурье, главнокомандующимъ „сѣверной" арміей, который для этой цѣли тайно пріѣхалъ изъ своего лагеря въ Парижъ и оставался здѣсь нѣкоторое время инкогнито, хотя ни одинъ изъ тогдашнихъ правительственныхъ лицъ и членовъ конвента не подозрѣвалъ этого.

Однако это совѣщаніе вскорѣ получило громкую огласку и должно было имѣть роковыя послѣдствія для обоихъ заговорщиковъ.

Конецъ третьей части.

Часть IV.

ГЛАВА I.

Свиданіе леди Эліоттъ съ Филиппомъ Egalité.

Мартовское солнце ярко свѣтило въ окна дома леди Эліоттъ, наполняя комнаты весеннимъ свѣтомъ и тепломъ. Леди Эліоттъ уже настолько поправилась послѣ своей продолжительной болѣзни, что могла встать съ постели. Но силы медленно возвращались къ ней; она все еще чувствовала тяжесть и боль въ головѣ, хотя давно не была такъ спокойна, какъ теперь. Ея бѣдное, измученное сердце, послѣ всѣхъ испытанныхъ волненій и страданій въ теченіи длинныхъ лихорадочныхъ ночей, билось также ровно, какъ бьются сердца людей, не тронутыхъ жизнью или покончившихъ съ нею.

Леди Эліоттъ сидѣла у окна въ большомъ покойномъ креслѣ. Сверхъ длиннаго сѣраго платья на плечи ея была накинута лиловая мантилья, а на головѣ надѣтъ ея вдовій чепчикъ. Противъ нея у стола сидѣлъ маленькій Шарль и занимался рисованіемъ. Она хотѣла принудить себя любить его, какъ свое собственное дитя, но со времени ея послѣдней болѣзни это сдѣлалось для нея еще труднѣе. Лицо мальчика все опредѣленнѣе напоминало ей тяжелое и унизительное для нея время, равно какъ и человѣка, бывшаго виновникомъ всѣхъ ея несчастій. Ей нужно было дѣлать надъ собой усиліе, чтобы глядѣть на маленькаго Шарля или говорить съ нимъ.

Мальчикъ съ своей стороны инстинктивно чувствовалъ перемѣну, которая совершилась относительно его въ сердцѣ леди Эліоттъ. Во время ея продолжительной болѣзни онъ не смѣлъ входить въ ея комнату, потому что докторъ замѣтилъ, что его присутствіе тревожитъ больную. Когда онъ опять увидѣлъ ее черезъ нѣсколько мѣся-

цевъ, то сталъ называть ее „madame", а не „maman", какъ прежде;— и леди Эліоттъ сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ этого.

— Что ты рисуешь Шарль?—спросила она.

— Корабль и море — отвѣтилъ мальчикъ, соскакивая со стула, чтобы показать ей рисунокъ.

— Корабль и море!—повторила улыбаясь леди Эліоттъ,—но мнѣ кажется, что корабль вышелъ у тебя больше, чѣмъ слѣдуетъ. Смотри, мачта выше деревьевъ на берегу, а этого никогда не бываетъ въ дѣйствительности. Тебѣ слѣдовало-бы сперва научиться копировать съ рисунковъ.

— Нѣтъ, это скучно!—воскликнулъ мальчикъ. Мнѣ гораздо веселѣе, когда я рисую что-нибудь изъ головы. Вотъ я нарисую корабль и мнѣ представляется, что я на морѣ, слышу какъ свищетъ вѣтеръ, и я несусь по волнамъ...

— Ты вѣроятно хотѣлъ бы опять увидѣть море?—спросила леди Эліоттъ.

— Не только увидѣть, но и плыть по морю. Когда я выросту, непремѣнно сдѣлаюсь морякомъ.

— А лошади Шарль! развѣ ты совсѣмъ разлюбилъ ихъ?

— Нѣтъ, но я желалъ бы имѣть красивую, дикую лошадь, на которой я могъ бы скакать на свободѣ по полямъ и лѣсамъ черезъ рвы и заборы. Ѣзда въ манежѣ совсѣмъ другое дѣло; только и видишь передъ собой доски, стѣны и крышу. Тутъ ничего не представишь себѣ.

— Ну, а если бы ты ѣхалъ на собственной лошади?..

Лицо маленькаго Шарля просіяло.

— Тогда, сказалъ онъ, я вообразилъ-бы себѣ, что несусь на кораблѣ, а кругомъ меня море...

— Твое желаніе исполнится Шарль. Ты недавно разсказывалъ мнѣ о ворономъ пони въ манежѣ Астлей, который такъ понравился тебѣ. Пойди и узнай, не продается ли еще эта лошадь. Если да,— то я куплю ее для тебя.

Ей хотѣлось вознаградить чѣмъ-нибудь мальчика за то отчужденіе, которое она чувствовала къ нему. Цѣль ея была вполнѣ достигнута. Маленькій Шарль пришелъ въ полный восторгъ и нѣжно поцѣловавъ ея руку, тотчасъ же выбѣжалъ изъ комнаты, чтобы навести справки о лошади, которая теперь занимала всѣ его помыслы.

Леди Эліоттъ осталась одна. Тяжелое чувство полнаго одиночества всецѣло охватило ее; она постоянно испытывала его съ тѣхъ поръ, какъ Жильберъ покинулъ ее. Послѣ высказаннымъ имъ подозрѣній, всякая мысль о немъ была для нея пыткой и она употребляла всѣ усилія, чтобы забыть объ его существованіи. Въ окружающемъ ее внѣшнемъ мірѣ она также не находила ничего отраднаго. Во Франціи была революція; за предѣлами Франціи—страхъ передъ революціей; всюду царилъ раздоръ, безпокойство и несогласіе. Насту-

пило время, когда, казалось, буквально исполнились слова Евангелія: „предастъ-же братъ брата на смерть и отецъ сына и возстанутъ дѣти на родителей и умертвятъ ихъ“.

Въ самомъ Конвентѣ происходила борьба партій. Французская революція шла обычнымъ путемъ всякой революціи, которая не разбивается съ самаго начала о геніальныя противорѣчія и поэтическія иллюзіи ея зачинщиковъ, а развивается въ рукахъ ихъ послѣдователей въ систему, которая бываетъ также логична и непреложна, какъ любая математическая задача.

Дантонъ отступилъ, какъ только прошли въ немъ первыя минуты восторга и упоенія; а когда онъ опять хотѣлъ захватить власть въ свои руки, то уже было поздно.

Жирондисты были наканунѣ своего паденія. Робеспьеръ уже почти достигъ апогея своей власти. Въ одномъ маленькомъ средневѣковомъ городѣ, душа молодой дѣвушки, все болѣе и болѣе воодушевлялась исторіей Юдиѳи—отъ ея руки долженъ былъ впослѣдствіи погибнуть Маратъ. Въ Вандеѣ свирѣпствовала междоусобная война, а на границахъ Франціи шла война съ коалиціей. Почти всѣ европейскія государства выслали свои арміи противъ молодой республики, чтобы загладить постыдныя результаты „военной прогулки“, легкомысленно предпринятой прусаками противъ арміи „адвокатовъ“. Англія также мобилизировала свои войска, которыя высадились въ Бельгіи, подъ предводительствомъ герцога Іоркскаго, брата принца Уэльскаго, между тѣмъ какъ линейные англійскіе корабли крейсировали на морѣ. Англійскій посланникъ лордъ Говеръ выѣхалъ изъ Парижа какъ только начался процессъ короля, а вслѣдъ за его казнью французскій посланникъ M. de Chauvelin былъ позорно изгнанъ изъ Лондона. Никогда еще ненависть къ англичанамъ не была такъ сильна во Франціи, какъ въ это время. Національное соперничество, игравшее тутъ главную роль, съ той и другой стороны было пущено въ ходъ, чтобы искуственно увеличить эту ненависть. Слово „Питтъ“ сдѣлалось браннымъ словомъ у французовъ; Англія служила поводомъ сатирическихъ и уличныхъ пѣсенъ, а каждый англичанинъ, жившій тогда въ Парижѣ, постоянно подвергался насмѣшкамъ и насилію. Многіе изъ нихъ выѣхали одновременно съ своимъ посланникомъ, а тѣ, которые остались, могли ежеминутно ожидать смерти, такъ какъ нѣкоторые изъ ихъ соотечественниковъ уже сдѣлались жертвою революціи.

Но леди Эліоттъ была равнодушна къ опасности, которая грозила ей больше, чѣмъ кому-нибудь другому послѣ того, какъ голова Ламбалль была найдена въ ея домѣ. Смерть и бури внѣшняго міра уже не пугали ее съ тѣхъ поръ, какъ разлука съ Жильберомъ лишила ее послѣдней надежды въ жизни. Оставшись одна послѣ ухода Шарля, она сняла съ шеи медальонъ, съ которымъ не разставалась въ послѣдніе мѣсяцы. Это былъ тотъ самый медальонъ, который сперва

носила Натали, а затѣмъ Жильберъ и который она подняла въ катакомбахъ во время ихъ послѣдней встрѣчи. Это было все, что у ней осталось отъ Жильбера и единственная вещь, связывавшая его съ ней. Когда Шарля не было дома, она снимала съ себя медальонъ и долго разсматривала его. Трудно сказать, что чувствовала она въ эти минуты: было ли это сожалѣніе о прошломъ или желаніе узнать неразрѣшимую тайну? Несмотря на тяжелыя воспоминанія, связанныя съ медальономъ, она чувствовала особенное удовольствіе держать его въ рукахъ и смотрѣть на него, какъ это дѣлала она и въ настоящую минуту, потому что была въ полной увѣренности, что никто не нарушитъ ея уединенія.

Но дверь неожиданно отворилась и вошелъ слуга.

— Cytoyen Egalité проситъ миледи принять его.

— Egalité! повторила она въ смущеніи, досадуя, что ее застали врасплохъ.—Я даже никогда не слыхала такого имени.

Она хотѣла спрятать медальонъ, но не успѣла, такъ какъ въ дверяхъ появилась мрачная фигура ci-devant герцога Орлеанскаго, одѣтаго съ головы до ногъ въ глубокій трауръ; только на шляпѣ его виднѣлась трехцвѣтная кокарда изъ атласныхъ лентъ. Худощавое лицо его казалось сильно взволнованнымъ, хотя онъ дѣлалъ видимыя усилія чтобы овладѣть собою.

Три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ стоялъ передъ леди Эліоттъ лицомъ къ лицу въ Брайтонѣ; затѣмъ они встрѣчались нѣсколько разъ, но всегда случайно и помимо своей воли. Герцогъ тщательно избѣгалъ ту, которая еще дѣвочкой нравилась ему въ Монфлери и которая впослѣдствіи поразила его своей красотой, когда онъ встрѣтилъ ее въ Англіи и возбудила въ немъ мимолетную страсть. Воспоминаніе объ этомъ времени смущало его, потому что въ любовныхъ дѣлахъ у него никогда не было искренняго глубокаго чувства. Относительно леди Эліоттъ онъ не испытывалъ теперь ни стыда, ни гнѣва, ни даже желанія мести, которое было бы естественно въ отвергнутомъ поклонникѣ. Онъ скорѣе чувствовалъ къ ней какое-то физическое отвращеніе и смутную боязнь, что эта женщина, связанная съ темной стороной его прошлаго, будетъ играть роковую роль въ его будущемъ. Въ рѣшительныя минуты его жизни она являлась передъ нимъ предвѣстницей несчастія и всякій разъ разрушала его планы, начиная съ той ночи въ Брайтонѣ, когда она неожиданно вывела къ нему Натали, чтобы вынудить у него тяжелое признаніе. Затѣмъ она явилась ему въ ночь на 10-е августа у „Soleil d'or“, когда она выросла точно изъ-подъ земли, чтобы оторвать отъ него Жильбера, наконецъ въ третій разъ онъ также неожиданно увидѣлъ ее въ день обыска въ ея домѣ, когда едва не погибъ отъ руки Жильбера.

Съ этого раза суевѣрный страхъ герцога къ леди Эліоттъ еще больше увеличился. Онъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что она рано или поздно погубитъ его; связь существовавшая между ею и Жиль-

беромъ была для него предметомъ постояннаго безпокойства и онъ былъ увѣренъ, что разлучивъ ихъ избѣгнетъ опасности. Ему казалось, что она стоитъ у него на дорогѣ и виновна въ томъ, что онъ не можетъ сблизиться съ Жильберомъ и что ея затаенная цѣль—довести ихъ обоихъ до послѣдней крайности. Орлеанскій такъ долго думалъ объ этомъ, что это сдѣлалось у него idée fixe и онъ наконецъ рѣшилъ, что для него нѣтъ иного исхода, какъ искать личнаго свиданія съ леди Эліоттъ. Онъ надѣялся, что вслѣдствіе этого разговора она уѣдетъ изъ Парижа и оставитъ ему Жильбера; или же они уѣдутъ вмѣстѣ и тогда сама собою кончится неестественная борьба, которая не предвѣщала ничего хорошаго.

Но для того, чтобы достигнуть такихъ результатовъ, нуженъ былъ значительный запасъ энергіи, осмотрительности и главнымъ образомъ мужества, которымъ никогда не отличался Орлеанскій. Благодаря этому, онъ довольствовался полумѣрами, которыя только могли ухудшить положеніе дѣлъ. Онъ не осмѣлился прямо искать свиданія съ леди Эліоттъ, но слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, зналъ до малѣйшихъ подробностей все, что касалось ея жизни въ Парижѣ и нѣсколько разъ переписывался о ней съ принцемъ Уэльскимъ. Послѣдній, несмотря на свое легкомысліе, сохранилъ къ леди Эліоттъ болѣе глубокое чувство, нежели можно было ожидать отъ него. Ея прощальное письмо произвело на него сильное впечатлѣніе; угаснувшая любовь опять проснулась въ немъ. Оттолкнувъ отъ себя леди Эліоттъ самымъ постыднымъ и унизительнымъ образомъ, какъ игрушку своего каприза, онъ только теперь оцѣнилъ эту любящую, вѣрную, способную на самоотверженіе женщину и понялъ ея значеніе въ окружавшей его средѣ разврата, фальши и корыстолюбія. Когда море, революція, и любовь леди Эліоттъ къ другому человѣку, окончательно раздѣлили ихъ, онъ почувствовалъ раскаяніе и у него явилось напрасное стремленіе къ ней; онъ жалѣлъ о потерянномъ счастьѣ, имѣвшемъ для него значеніе лучшихъ воспоминаній молодости. Ко всему этому примѣшивалось чувство естественнаго состраданія къ той, которую онъ оскорбилъ когда-то, и которую видѣлъ теперь въ опасности среди революціоннаго Парижа... Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало спасти ее, и съ этой цѣлью написалъ ей письмо, поручивъ герцогу лично передать его при первой возможности.

Герцогъ не сомнѣвался въ полномъ успѣхѣ возложеннаго на него порученія и охотно взялся за него, тѣмъ болѣе что оно совпадало съ его тайными намѣреніями.

Такимъ образомъ письмо принца и связанныя съ нимъ надежды побудили его сдѣлать визитъ, который онъ откладывалъ со дня на день. Не зная ничего о разрывѣ леди Эліоттъ съ Жильберомъ, онъ радовался, что наконецъ нашлось средство разлучить тѣхъ, которыхъ союзъ былъ непріятенъ ему и удалить ненавистную для него женщину.

которую онъ самъ на свое несчастье уговаривалъ когда-то пріѣхать въ Парижъ.

Письмо принца, лежавшее у него въ карманѣ, придало ему настолько бодрости, что онъ смѣло явился въ домъ леди Эліоттъ и вошелъ въ комнату, гдѣ она сидѣла, не дожидаясь возвращенія слуги.

— Герцогъ Орлеанскій! воскликнула леди Эліоттъ быстро поднимаясь съ своего мѣста и роняя изъ рукъ медальонъ, который упалъ съ ея колѣнъ на полъ. Она хотѣла поднять его, но почувствовала такое сильное головокруженіе, что тотчасъ же снова опустилась въ свое кресло.

Слуга вышелъ. Герцогъ Орлеанскій заперъ за нимъ дверь и подошелъ къ леди Эліоттъ.

— Я зналъ, что мое неожиданное появленіе испугаетъ васъ, но меня не было въ Парижѣ довольно долгое время и...

— Вы въ траурѣ? спросила леди Эліоттъ, дѣлая надъ собой усиліе чтобы подавить овладѣвшее ею волненіе.

— Я ношу трауръ по моемъ тестѣ, герцогѣ Пентьеврѣ. Онъ пережилъ только нѣсколькими мѣсяцами свою невѣстку герцогиню Ламбалль. Мы погребли его на дняхъ въ его фамильномъ склепѣ Dreux. Я только-что вернулся въ Парижъ...

Леди Эліоттъ замѣтила въ эту минуту медальонъ, лежавшій на коврѣ у ея ногъ и наклонилась чтобы поднять его.

— Позвольте, сказалъ Орлеанскій съ своей обычной учтивостью и быстро сдѣлавъ нѣсколько шаговъ поспѣшилъ поднять упавшую вещь.

— Это мой медальонъ! Какъ онъ попалъ къ вамъ? воскликнулъ герцогъ внимательно разглядывая его.

Онъ былъ такъ пораженъ сдѣланнымъ открытіемъ, что совершенно забылъ о цѣли своего посѣщенія и съ замирающимъ сердцемъ ожидалъ отвѣта.

— Я получила его отъ умирающей, сказала леди Эліоттъ, и передала человѣку, жизнь котораго имѣетъ какую-то таинственную связь съ этимъ медальономъ. Но онъ открывается особеннымъ способомъ...

— Позвольте мнѣ сѣсть миледи, сказалъ Орлеанскій, который считалъ себя сильнѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Онъ опять чувствовалъ необъяснимый страхъ къ леди Эліоттъ и напрасно старался преодолѣть себя.

Леди Эліоттъ пригласила его сѣсть движеніемъ руки, указавъ на стоящее возлѣ нея кресло.

— Я не объяснилъ вамъ цѣли моего посѣщенія, продолжалъ герцогъ послѣ нѣкотораго молчанія и даже не попросилъ извиненія, въ томъ, что явился къ вамъ такъ неожиданно...

— Къ чему вы говорите это! прервала его леди Эліоттъ спокойнымъ голосомъ. При тѣхъ отношеніяхъ какія установились между нами, намъ нечего извиняться другъ передъ другомъ, monseigneur!

— Тише, ради Бога! воскликнулъ герцогъ оглядываясь съ испу-

гомъ. Называйте меня citoyen... Забудьте о всѣхъ титулахъ, они теперь лишніе... Мое имя—citoyen Egalité.

Леди Эліоттъ улыбнулась.—Извольте, я буду называть васъ citoyen Egalité, хотя я не понимаю, зачѣмъ вамъ нужна эта ложь въ настоящую минуту, когда мы совершенно одни.

Разговоръ ихъ опять перешелъ на тему, одинаково занимавшую обоихъ. Герцогъ счелъ нужнымъ разсказать леди Эліоттъ исторію медальона, такъ какъ повидимому многое уже было извѣстно ей.

— Я долженъ предупредить васъ миледи, началъ герцогъ, что это случилось много лѣтъ тому назадъ, когда во Франціи существовалъ блестящій дворъ и знатные люди. Судьбѣ было угодно, что бы одинъ изъ этихъ знатныхъ людей познакомился съ одной дамой, которая увлекла его своимъ умомъ, красотой и граціей... Она уже была замужемъ, однако... въ злополучную минуту отдалась этому человѣку. Сознаніе грѣха терзало ее даже въ лучшія минуты ихъ кратковременнаго счастья. Она потребовала разлуки. Этотъ человѣкъ... герцогъ... горячо любилъ ее, и хотя сердце его обливалось кровью, онъ простился съ нею навсегда, оставаясь по прежнему въ свѣтѣ, который не зналъ и не долженъ былъ ничего знать объ этой связи. Разставаясь съ любимой женщиной, онъ далъ ей на память медальонъ съ его портретомъ... Нѣсколько мѣсяцевъ спустя она сдѣлалась матерью... у ней родился сынъ... а вскорѣ послѣ того она завяла какъ цвѣтокъ, подбитый бурею...

Голосъ герцога задрожалъ при этихъ словахъ.

— Другой цвѣтокъ выросталъ около нея, продолжалъ герцогъ понизивъ голосъ. Цвѣтокъ этотъ представлялъ живое подобіе того, который увядалъ, съ тѣми-же оттѣнками красоты душевной и тѣлесной. Тогда вновь воскресла старая любовь — образъ, который герцогъ носилъ въ своемъ сердцѣ воплотился для него, и...

— Натали стала вашей жертвой... сказала леди Эліоттъ, не подымая глазъ.

— Вы были ея другомъ, и я знаю, что мнѣ нечего ждать пощады отъ васъ.

— Развѣ вы забыли Брайтонъ?

— Не напоминайте мнѣ о прошломъ, мы всѣ несемъ на себѣ его послѣдствія. Теперь не время разбирать: кто изъ насъ правъ или виноватъ. Дни золотыхъ заблужденій сдѣлали насъ врагами, пускай эти дни горькой дѣйствительности сблизятъ насъ... Мы нуждаемся другъ въ другѣ и должны примириться...

— Я не думаю осуждать васъ, monseigneur. Я должна прощать другихъ, чтобы и они были снисходительнѣе къ моему прошлому... Но относительно умершихъ...

— Умершихъ! повторилъ герцогъ. Развѣ мы не можемъ помириться съ ними?..

— Въ этомъ случаѣ нѣтъ иного искупленія, кромѣ смерти.

— Можетъ быть вы правы, мрачно пробормоталъ герцогъ. Не то ли самое думалъ этотъ роялистъ-фанатикъ, который хотѣлъ убить меня въ моемъ собственномъ дворцѣ и вмѣсто меня убилъ другого... Но есть еще исходъ!...

Глаза герцога зажглись выраженіемъ энергіи и воодушевленія.

— У насъ еще есть задача въ жизни, которую нужно исполнить! Я не считаю свою жизнь поконченною. У насъ еще есть извѣстныя желанія, надежды, планы, миледи. Пусть умираютъ тѣ, которымъ ничего не осталось кромѣ смерти.

Леди Эліоттъ съ удивленіемъ смотрѣла на своего собесѣдника. Вся фигура его преобразилась. Въ манерахъ и осанкѣ Орлеанскаго было столько же величія и достоинства, какъ въ былыя времена, когда онъ возбудилъ въ ней дѣтское почитаніе къ нему. Такимъ она всегда видала его въ Монфлёри.

— Какъ, воскликнулъ онъ, мы должны умереть въ тотъ моментъ, когда цѣль всей нашей жизни, мечтаній, стремленій уже почти достигнута и стоитъ только протянуть руку чтобы взять корону...

— Это еще не такъ скоро удастся вамъ monseigneur, сказала леди Эліоттъ. Прежде чѣмъ надѣть корону, вы должны отогнать отъ себя тѣнь этого блѣднаго, окровавленнаго человѣка съ длинной бородой и впалыми глазами...

Герцогъ вздрогнулъ и оглянулся какъ будто въ самомъ дѣлѣ ожидалъ увидѣть передъ собою тѣнь. Онъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и опять вернулся на прежнее мѣсто.

— Если вы намекаете на тѣнь Людовика XVI сказалъ онъ, спокойнымъ голосомъ, обращаясь къ леди Эліоттъ, то если бы она въ дѣйствительности явилась передо мною, я повторилъ бы передъ нею тѣ же слова, какія сказалъ ночью 16 января въ засѣданіи Національнаго Конвента, когда пришла моя очередь подать голосъ и когда безусловно присудили къ смерти Людовика Капета за его самовластіе... Теперь французскій престолъ можетъ считаться вакантнымъ и другой займетъ мѣсто прежняго короля.

— Его мѣсто на эшафотѣ? спросила леди Эліоттъ.

— Такая фраза прилична была бы Эндорской волшебницѣ!

— Развѣ не то же самое говоритъ ваша совѣсть.

— Ну, съ этимъ оракуломъ еще можно справиться, отвѣтилъ герцогъ шутливымъ тономъ, который представлялъ странный контрастъ съ мрачнымъ выраженіемъ его лица.

— Для васъ миледи, какъ и для всѣхъ, продолжалъ онъ, не было тайной, что король ненавидѣлъ меня и что онъ заперъ бы меня въ Бастилію послѣ 12-го іюля, еслибы на мое счастье ее не разрушили тогда; и будь у него средства въ рукахъ, онъ разумѣется велѣлъ бы отравить меня или обезглавить. Мои дальнѣйшія поступки были только прямымъ слѣдствіемъ горькой необходимости. Между тѣмъ

было время, когда я отъ всей души хотѣлъ примириться съ королемъ и королевой, но они отвергли меня и въ двухъ случаяхъ отнеслись самымъ оскорбительнымъ образомъ къ моимъ добрымъ намѣреніямъ, такъ что мнѣ стоитъ только вспомнить объ этомъ, чтобы вся кровь бросилась мнѣ въ голову. Послѣ этого мнѣ уже не оставалось другого исхода, какъ перейти на сторону ихъ враговъ.

— Неужели вы думаете, что этотъ исходъ можетъ спасти васъ?

— Я знаю только одно, что все пошло бы иначе, еслибы я тогда встрѣтилъ иной пріемъ въ Тюльери. Отвергнутый королемъ и дворцовой партіей, я поневолѣ долженъ былъ опять обратиться къ друзьямъ, которыхъ имѣлъ въ средѣ народныхъ представителей...

— Къ вашимъ друзьямъ? спросила леди Эліоттъ съ презрительной улыбкой. — Не считаете ли вы также своими друзьями Мирабо и Лафайета?

Замѣчаніе это не понравилось герцогу.

— Время покажетъ, кто мои друзья и враги! Но я долженъ предупредить васъ миледи, что у насъ готовится переворотъ. Кромѣ этого я разумѣется ничего не могу сообщить вамъ и не считаю себя въ правѣ. Но вы видите, я отношусь къ вамъ съ довѣріемъ, и вдобавокъ я долженъ предупредить васъ, что мнѣ нужна ваша помощь.

— Моя помощь! воскликнула съ испугомъ леди Эліоттъ.

— Здравомыслящіе люди Франціи слишкомъ долго терпѣли гнетъ неслыханнаго тиранства. Истинная свобода скоро вступитъ въ свои права! Народныя бѣдствія вопіютъ къ небу, мы обязаны очистить отъ нихъ государство, чтобы оно не сдѣлалось посмѣшищемъ другихъ націй. Страна и народъ, которые издавна пользуются заслуженной славой, не должны управляться нищимъ адвокатомъ и отставнымъ ветеринаромъ. Кровь моя возмущается, когда я думаю объ этомъ, потому что во всякомъ случаѣ во мнѣ та же кровь, которая въ теченіе столѣтій текла въ жилахъ французскихъ королей! Вотъ до чего дожили мы!... королевскій принцъ Франціи украшенъ этимъ знакомъ (герцогъ едва не сорвалъ кокарды съ своей шляпы) и носитъ названіе Egalité... Вѣдь это абсурдъ!...

— Не только абсурдъ, но и преступленіе, замѣтила леди Эліоттъ.

Эти слова заставили опомниться Орлеанскаго.

— Вы измѣните намъ миледи, воскликнулъ онъ взволнованнымъ голосомъ. — Вы роялистка! Насъ могутъ услышать! Еще время не наступило!... Но оно наступитъ, продолжалъ онъ, увлекаясь все больше и больше, и забывая всякую осторожность, — въ одинъ прекрасный день поднимутъ знамя Орлеанскаго... и вся армія... Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать... наступитъ день, когда мы избавимся отъ этихъ негодныхъ плебеевъ, которымъ должны угождать теперь... я опять заставлю преклониться предо мною тѣхъ самыхъ людей, которые въ былое время ползали у моихъ ногъ, а теперь, благодаря моей снисходительности, осмѣливаются презирать меня. Мы сбросимъ съ себя не-

навистную маску и уничтожимъ эту жалкую горсть людей, позорящихъ Францію!... Но изъ этой шайки я хотѣлъ бы спасти одного человѣка... привязать его къ себѣ, раздѣлить съ нимъ ожидающія меня почести, назвать тѣмъ именемъ, которое уже давно даетъ ему мое сердце втайнѣ. Съ этимъ человѣкомъ связаны лучшія воспоминанія моей жизни; заботясь о его счастьи, я искупилъ бы то зло, которое сдѣлалъ другимъ людямъ... Вы должны помочь мнѣ въ этомъ миледи...

Блѣдныя щеки леди Эліоттъ покрылись яркимъ румянцемъ.

— Я могу вамъ помочь? спросила она нерѣшительнымъ голосомъ.

— Именно вы! Не было ли это предопредѣленіемъ судьбы, что этотъ медальонъ очутился въ вашихъ рукахъ и упалъ на землю въ такой моментъ, что мнѣ пришлось поднять его. Долго соблюдаемая тайна должна наконецъ открыться. Умирающая Натали поручила вамъ отдать этотъ медальонъ ея брату Жильберу Лагэ... въ медальонѣ мой портретъ... и...

— Я отецъ Жильбера, сказалъ герцогъ и пожавъ пружину, подалъ открытый медальонъ леди Эліоттъ.

Передъ нею былъ превосходно нарисованный миніатюрный портретъ герцога Орлеанскаго въ молодости, съ изящно очерченной головой и въ мундирѣ гусарскаго полка, который онъ носилъ въ тѣ времена. когда еще назывался герцогомъ Шартрскимъ.

На дворѣ въ этотъ моментъ послышались крики и топотъ лошади.

Герцогъ съ испугомъ вскочилъ на ноги. Онъ опять вспомнилъ, что онъ citoyen Egalité; его лицо, раскраснѣвшееся отъ волненія, покрылось смертельною блѣдностью; холодный потъ выступилъ у него на лбу. Воодушевлявшая его энергія изчезла;—и онъ казался истощеннымъ нравственно и физически.

— Я не смѣю дольше оставаться у васъ миледи, сказалъ онъ поспѣшно, едва переводя духъ отъ волненія,—они не должны знать, что я былъ у васъ. Не удивляйтесь и не осуждайте меня... Я надѣюсь оправдаться въ будущемъ. Я знаю свое положеніе и долженъ былъ поступать извѣстнымъ образомъ, вслѣдствіе горькой необходимости. Я болѣе достоинъ сожалѣнія, нежели вы думаете,—едва ли найдется во Франціи другой человѣкъ, который былъ бы въ такой степени игрушкой партій, какъ я, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока мнѣ не удастся овладѣть ими. Но въ данную минуту я не могу распоряжаться ни моимъ именемъ, ни даже собою, и мой сегодняшній визитъ долженъ остаться тайной... Вы у нихъ въ сильномъ подозрѣніи!...

— Въ подозрѣніи! воскликнула леди Эліоттъ, прислушиваясь къ шуму на дворѣ, который все усиливался.

— Мнѣ некогда сообщать вамъ какія либо подробности. Я пришелъ сюда между прочимъ съ тою цѣлью, чтобы предупредить васъ, что одинъ изъ самыхъ страшныхъ якобинцевъ поклялся погубить васъ; его зовутъ Николаемъ Трюшонъ...

— Николай Трюшонъ! повторила леди Эліоттъ, сильно озадаченная.

— Говорятъ, что вы помогали бѣгству какого то шевалье...

Теперь все стало ясно для леди Эліоттъ.

— Такъ вотъ причина, сказала она задумчиво. Но вамъ должно быть извѣстно monseigneur, что имя этого шевалье С.-Мало, хотя вы боитесь назвать его. Я дѣйствительно помогала его бѣгству, несмотря на одинъ разговоръ передъ „Soleil d'or“, который я случайно подслушала. Надѣюсь, что вы лично не станете осуждать и меня за мою попытку спасти несчастнаго С.-Мало...

Это воспоминаніе было непріятно герцогу.

— Зачѣмъ будемъ мы возвращаться къ прошлому, сказалъ онъ нахмуривъ брови.—Вамъ достаточно знать, что Николай Трюшонъ рѣшился отомстить вамъ и если съ вашей стороны будетъ поданъ малѣйшій поводъ, то онъ тотчасъ воспользуется имъ, чтобы отправить васъ въ тюрьму, а затѣмъ, на эшафотъ... Разумѣется такой порядокъ вещей не можетъ продолжаться... Но пока мы должны быть осторожны и не раздражать нашихъ враговъ... Мнѣ кажется, миледи, что вамъ слѣдовало бы воспользоваться тѣмъ короткимъ промежуткомъ времени, когда вы еще можете располагать своей жизнью и дѣйствіями и выѣхать изъ Франціи, гдѣ вы со всѣхъ сторонъ окружены опасностью. Въ противномъ случаѣ вы рано или поздно попадете въ сѣти, которыя разставляетъ вамъ извѣстный человѣкъ. Уѣзжайте скорѣе отсюда, никакія колебанія не должны останавливать васъ, тѣмъ болѣе, что въ вашемъ благословенномъ отечествѣ васъ ожидаетъ могущественный другъ, готовый загладить всѣми способами свою прошлую вину. Онъ дастъ вамъ положеніе болѣе прочное и блестящее нежели то, которымъ вы пользовались въ былые годы.

Багровый румянецъ покрылъ блѣдныя щеки леди Эліоттъ.

— Что значитъ этотъ намекъ, monseigneur? Кто далъ вамъ право оскорблять меня въ моемъ домѣ? спросила она возвысивъ голосъ.

Внизу послышалось дикое пѣніе, перемѣшанное съ крикливыми возгласами:

„Soldats le bal va se rouvrir
Et vous aimez la danse,
L'Allemande va finir
Mais l'Anglaise commence!“

— Кто это? воскликнула съ испугомъ леди Эліоттъ.

— Кто же, какъ не народъ миледи! отвѣтилъ герцогъ. Однако вернемся къ нашему разговору. Вы видите, что у насъ общія интересы и желанія. Вы другъ Жильбера.

— Такъ было прежде, но не теперь, сказала леди Эліоттъ.

— Тѣмъ лучше. Значитъ отъѣздъ изъ Парижа не потребуетъ отъ васъ даже этой жертвы... а тогда уже ничто не помѣшаетъ моему сближенію съ Жильберомъ.

— Вы забываетесь, monseigneur! воскликнула леди Элiоттъ.

— Не вы ли возстановили противъ меня Жильбера?

— Вотъ убѣжденiе достойное Орлеанскаго! Я уже говорила вамъ, что мы разошлись съ Жильберомъ, благодаря вамъ, monseigneur! Но это не помѣшаетъ мнѣ исполнить ваше порученiе; я постараюсь отрѣшиться отъ собственныхъ ощущенiй, увижу его и сообщу то, что узнала сегодня. Я сдѣлаю это не для васъ, а для Жильбера, такъ какъ считаю излишнимъ разубѣждать васъ и внушать вамъ лучшiя понятiя о людяхъ.

Между тѣмъ шумъ на дворѣ настолько усилился, что леди Элiоттъ поспѣшно встала съ своего мѣста, и взглянувъ въ окно, увидѣла Шарля на подаренной ему лошади; въ одной рукѣ онъ держалъ поводья, а другой махалъ хлыстомъ, чтобы защищать себя отъ окружавшихъ его уличныхъ мальчишекъ, которые хотѣли стащить его на землю.

— Ради Бога, отойдите отъ окна! Вы не знаете на что способенъ народъ! Позвольте предостеречь васъ.

Леди Элiоттъ не обратила никакого вниманiя на слова герцога и онъ счелъ необходимымъ подойти къ ней.

— Кто этотъ мальчикъ? спросилъ онъ съ удивленiемъ, увидя изъ окна маленькаго Шарля.

— Мой прiемный сынъ!

— Вашъ сынъ... Этотъ мальчикъ!.. Какое поразительное сходство! Я знаю только одного человѣка, сидящаго такимъ образомъ на лошади—это принца Уэльскаго!

Слова эти опять смутили леди Элiоттъ.

— Я сообщилъ вамъ все, что вамъ было необходимо знать! сказалъ развязно герцогъ, къ которому вернулось все его самообладанiе.— Теперь мнѣ остается передать вамъ одно письмо... Оно скорѣе побудитъ васъ перемѣнить ваше пагубное рѣшенiе, чѣмъ всѣ мои увѣщанiя. Оно убѣдитъ васъ оставить эту негостепрiимную страну и вернуться туда, гдѣ васъ съ пламеннымъ нетерпѣнiемъ ожидаетъ преданный другъ, писавшiй эти строки!

Герцогъ Орлеанскiй вынулъ письмо принца Уэльскаго и съ торжествующимъ видомъ подалъ его леди Элiоттъ.

Она взяла письмо; но лицо ея не выразило ни гнѣва, ни смущенiя, а приняло, къ отчаянiю герцога, какое-то особенное выраженiе униженной гордости. Такою видѣлъ онъ ее нѣкогда въ Брайтонѣ, и взглядъ ея тогда подѣйствовалъ на него сильнѣе, чѣмъ жалобы Натали и угрозы С.-Мало.

— Теперь я понимаю, что побудило васъ посѣтить меня monseigneur, сказала она насмѣшливымъ тономъ. — По вашему мнѣнiю une lettre d'amour принца Уэльскаго даже теперь можетъ тронуть меня и закрыть раздѣлявшую насъ пропасть. Вы можете удалиться monseigneur, но знайте, что вы немного опоздали съ своимъ порученiемъ.

Съ этими словами она бросила на полъ нераспечатанное письмо и съ презрѣніемъ отвернулась отъ герцога.

— Я ухожу, миледи, отвѣтилъ Орлеанскій; — и не сержусь на васъ! Но совѣтую вамъ подумать о моемъ предостереженіи... Citoyen Egalité явился къ вамъ сегодня съ добрыми намѣреніями; и вы отвергли его... въ этомъ отношеніи онъ особенно несчастливъ...

Орлеанскій вышелъ, но въ его походкѣ далеко не было той самоувѣренности какъ въ тонѣ его голоса. Слуга проводилъ его заднимъ ходомъ черезъ садъ и вывелъ на Елисейскія поля.

Въ это время маленькій Шарль съ помощью хлыста наконецъ освободился отъ толпы осаждавшихъ его мальчишекъ, и ворвавшись въ комнату съ крикомъ „мама“ бросился на шею леди Эліоттъ; но тотчасъ же опомнился, и проговорилъ въ смущеніи: „Извините меня... Но если-бы вы знали, что я слышалъ отъ нихъ!“

ГЛАВА II.

Парижскія улицы.

Тайна происхожденія Жильбера была разрѣшена. Хотя для леди Эліоттъ было мало новаго въ словахъ Орлеанскаго, но они глубоко потрясли ее.

Жильберъ сынъ Орлеанскаго!..

Она почти догадалась объ этомъ изъ разсказа Натали, но услыхавъ подтвержденіе своей догадки въ первую минуту совсѣмъ упала духомъ и почувствовала полную свою безпомощность.

Между тѣмъ, чтобы удержать Жильбера отъ возможности убить роднаго отца, для нея не было иного исхода, какъ пожертвовать остаткомъ гордости, идти къ Жильберу и сообщить ему все, что она слышала отъ герцога. Мысль о собственной опасности не занимала ее, хотя зная Трюшона она не могла сомнѣваться, что ей нечего ждать отъ него пощады. Она думала только о Жильберѣ. Теперь наступилъ моментъ для разъясненія недоразумѣнія, возникшаго между ними — она должна разсказать ему исторію своей жизни, свои прежнія заблужденія... Теперь или никогда!.. Это свиданіе могло спасти его, возвратить имъ обоимъ утраченное счастье... Чѣмъ больше думала она объ этомъ, тѣмъ сильнѣе чувствовала желаніе увидѣть Жильбера, говорить съ нимъ.

Она поднялась съ мѣста, но тотчасъ-же должна была убѣдиться что ей не выполнить своего намѣренія и что воля человѣка иногда бываетъ безсильна противъ физическихъ страданій. Голова ея закружилась и она въ изнеможеніи опустилась въ кресло.

Обыкновенно люди всего чаще жалуются на судьбу, когда имъ приходится нести отвѣтственность въ томъ, что внѣ ихъ власти. Но если мы безпристрасно взглянемъ на факты, которые намъ приходится принимать съ тупымъ сознаніемъ своего безсилія, то увидимъ, что они представляютъ собою только логическія послѣдствія нашихъ собственныхъ дѣйствій и что мы сами связали себѣ руки. Въ нашемъ прошломъ всегда найдется моментъ, гдѣ мы имѣли полную возможность выбрать тотъ или другой путь. Конечно это былъ только моментъ и мы простые смертные не могли предвидѣть результатовъ... Но это только объясненіе, а не оправданіе... Въ подобныхъ случаяхъ мы можемъ жаловаться на жестокость Провидѣнія, но не имѣетъ права говорить объ его несправедливости.

Что мѣшало леди Эліоттъ разсказать Жильберу свое прошлое, сообщить ему все, что касалось его лично? развѣ смыслъ разсказа Натали не былъ ясенъ для нея? Сколько разъ хотѣлъ онъ вызвать ее на откровенность — она всегда упорно молчала. Теперь она сама хотѣла высказать ему все, что у ней было на душѣ, но его уже не было съ нею, и она не знала скоро-ли ей удастся пойдти къ нему. Каждое утро она просыпалась съ тяжелымъ сознаніемъ, что должна отложить еще на день исполненіе своего намѣренія. Ноги отказывались служить ей и она чувствовала постоянныя головокруженія отъ слабости.

Наконецъ она рѣшилась и написала письмо Жильберу въ которомъ просила его придти къ ней. Но тутъ на нее опять нашло сомнѣніе, что онъ не прійдетъ, такъ какъ не будетъ знать зачѣмъ она зоветъ его, и тогда она напрасно унизитъ себя и лишится послѣдней возможности увидѣть его. Она написала другое письмо и точно также осталась недовольна имъ, потому что оно показалось ей недостаточно яснымъ, а писать подробнѣе было слишкомъ опасно. Ея письмо могло попасть въ чужія руки, а это погубило бы несчастнаго герцога, котораго судьба была теперь тѣсно связана съ судьбой Жильбера.

До своего свиданія съ герцогомъ, леди Эліоттъ не имѣла никакого понятія о томъ, что дѣлалось въ Парижѣ послѣ памятной для нея ночи 10-го августа. Когда она встала съ постели, докторъ строго запретилъ ей чтеніе газетъ и летучихъ листковъ наводнявшихъ тогдашній Парижъ, а Бекки была неумолима, когда дѣло касалось исполненія докторскихъ предписаній. Но вѣрная служанка не могла ни предвидѣть визита герцога Орлеанскаго, ни помѣшать ему, и леди Эліоттъ знала теперь больше того, что могли сообщить ей газеты и всевозможные листки. Бывали минуты, гдѣ ей казалось, что ей не пережить того мучительнаго безпокойства, которымъ было переполнено ея сердце. Часы проходили для нея въ тяжелой борьбѣ и казались ей безконечными, пока она не почувствовала въ себѣ настолько силъ, что проснувшись однажды утромъ рѣшила въ тотъ же день исполнить давно задуманное намѣреніе.

Это было въ апрѣлѣ, въ прекрасное солнечное утро, ясное и теплое, какія только бываютъ ранней весной, когда человѣкъ какъ будто оживаетъ заодно съ природой и въ немъ опять пробуждаются прежнія надежды и стремленія. Счастливъ тотъ, кто способенъ испытывать это чувство, вызванное благодѣтельнымъ вліяніемъ природы! Онъ еще не умеръ заживо и будущее не закрыто для него.

Леди Эліоттъ уже давно не чувствовала себя такъ хорошо, какъ въ ту минуту, когда она вышла изъ своей комнаты, чтобы идти къ Жильберу. Она думала только о томъ, что опять будетъ дышать свѣжимъ воздухомъ и увидитъ солнце во всемъ его блескѣ, радовалась, что снова можетъ распоряжаться собою.

Бекки всплеснула руками, увидя свою леди одѣтою для прогулки и употребила все свое краснорѣчіе, чтобы удержать ее.

— Сдѣлай одолженіе, оставь меня въ покоѣ, отвѣтила леди Эліоттъ. Ты видишь солнце свѣтитъ, на дворѣ совершенная весна, вспомни сколько времени я уже не выходила изъ дому.

— Но моя дорогая леди, вы совсѣмъ больны; возьмите по крайней мѣрѣ съ собой котораго нибудь изъ слугъ, или маленькаго Шарля... Пусть они проводятъ васъ...

— Мнѣ никого не нужно, я пойду одна...

— Леди Эліоттъ вышла изъ дому. Она хорошо знала мѣсто, гдѣ жилъ Жильберъ и считала себя въ полной безопасности, такъ какъ былъ еще ранній часъ утра.

Сердце ея усиленно билось въ ожиданіи встрѣчи, которая должна была окончательно рѣшить ея судьбу.

На улицахъ было тихо потому что мѣстность гдѣ жила леди Эліоттъ не принадлежала тогда къ оживленнымъ пунктамъ города. На Елисейскихъ Поляхъ слышно было пѣніе жаворонковъ; жуки летали по воздуху.

Та же тишина царила и на Площади Революціи. Не видно было экипажей и только изрѣдка встрѣчались прохожіе.

Но тутъ глазамъ леди Эліоттъ представилось неожиданное зрѣлище, поразившее ее ужасомъ. Она увидѣла эшафотъ, на которомъ три мѣсяца тому назадъ погибъ Людовикъ XVI. Эшафотъ этотъ, сколоченный изъ красныхъ балокъ, ярко свѣтился при весеннемъ солнцѣ, бросая длинную тѣнь на площадь и на дорогу, по которой должна была идти леди Эліоттъ. Она остановилась на минуту въ нерѣшимости, но сдѣлавъ надъ собою усиліе перешла тѣнь.

Жильберъ жилъ въ одной изъ маленькихъ улицъ, теперь уже не существующихъ, но которыя въ тѣ времена составляли собою цѣлый лабиринтъ около Тюльери и Пале-Рояля.

Леди Эліоттъ свернула въ одну изъ этихъ улицъ и тотчасъ же почувствовала какъ ее охватилъ тяжелый удушливый воздухъ и говоръ огромной толпы, которая безпорядочно двигалась взадъ и впередъ.

Перемѣна эта была такая внезапная, что у леди Эліоттъ закружилась голова. Она походила на человѣка, который проснулся послѣ долгой летаргіи и, увидя кругомъ себя множество людей, не можетъ дать себѣ отчета: гдѣ онъ и что съ нимъ? Она не понимала куда дѣвался мирный, только что видѣнный ею ландшафтъ, свѣжая зелень Елисейскихъ Полей, прозрачное небо, солнце, и что означаетъ эта мрачная улица, масса нагроможденныхъ домовъ и вся эта безпокойная толпа. Какъ она сюда попала, и что намѣревалась дѣлать?...

Наконецъ, мало по малу она стала приходить въ себя... Въ ея головѣ промелькнули два имени: „Жильберъ и Орлеанскій?“ Она вспомнила слова герцога, но еще не была увѣрена: слышала ли она ихъ въ дѣйствительности или все это приснилось ей. Она такъ долго была одна во время своей продолжительной болѣзни и такъ привыкла думать объ одномъ и томъ же занимавшемъ ее предметѣ, что масса новыхъ впечатлѣній совершенно подавили ее. Голова ея была отуманена. Неясныя представленія смѣнялись одни другими и она помимо своей воли очутилась среди потока людей, постоянно прибывавшихъ со всѣхъ улицъ.

Опустѣвшій Тюльери сдѣлался очагомъ революціи и въ немъ водворился Національный Конвентъ. Народъ постоянно осаждалъ собранія своихъ представителей, ожидая рѣшенія того или другаго вопроса. Въ это утро толпа собралась раньше обыкновеннаго, такъ какъ по городу разнеслись, хотя неопредѣленные, но тревожные слухи поднявшіе на ноги все парижское населеніе. Несмотря на ясное весеннее утро, всѣ находились въ напряженномъ состояніи и съ безпокойствомъ ожидали наступленія кризиза.

Это было первое сознательное впечатлѣніе, вынесенное леди Эліоттъ среди окружавшей ее сумятицы. Она знала изъ словъ Орлеанскаго, что кризисъ недалекъ и что онъ поразитъ ужасомъ даже Парижъ, который уже былъ подготовленъ къ тому, чтобы услышать самыя дурныя вѣсти.

На перекресткахъ улицъ стояли огромныя толпы плохо вооруженныхъ и плохо или вовсе необмундированныхъ людей, въ красныхъ шапкахъ на взъерошенныхъ волосахъ. Люди эти входили въ составъ большаго ополченія въ 200,000 человѣкъ, собраннаго согласно послѣднему декрету республики.

Всюду раставлены были деревья свободы, убранныя трехцвѣтными лентами и знаменами, которые живописно развѣвались по воздуху при весеннемъ солнцѣ.

Ополченіе должно было выступить въ самомъ непродолжительномъ времени.

Противъ кого?

Противъ Пруссіи, Австріи, Испаніи, Неаполя, Голландіи, Германіи и Великобританіи.

Чуть ли не весь свѣтъ возсталъ противъ новой республики. Она

вызвала на свою защиту людей, никогда не владѣвшихъ оружіемъ. Но эти люди вѣрили въ свое дѣло и знали, что на войнѣ ихъ красное знамя одержитъ верхъ среди пестраго смѣшенія знаменъ и красокъ. Звонко раздавалась въ утреннемъ воздухѣ ихъ хоровая пѣсня:

Que faut il au republicain?
Du coeur, du fer et puis du pain —
Ah ça ira, ça ira, ça ira...

Но вдругъ пѣвцы онѣмѣли и все замолкло.

Слово „измѣна", которое было у каждаго на умѣ и которое никто не рѣшался выговорить, наконецъ пронеслось въ толпѣ и привело ее въ трепетъ.

Въ данный моментъ, когда англійскій флотъ бросилъ якорь въ Остенде, и австрійская армія начала наступательныя дѣйствія — сѣверная армія была оплотомъ Франціи. Между тѣмъ главнокомандующій этой арміи, прославленный герой и побѣдитель Вальми, навлекъ на себя подозрѣніе въ измѣнѣ...

Республика была на краю гибели.

Дюмурье потерялъ сраженіе и послѣ этого оставался въ бездѣйствіи, или по крайней мѣрѣ хотѣлъ убѣдить въ этомъ общественное мнѣніе, хотя втайнѣ посылалъ въ Парижъ свои эстафеты и къ нему безпрестанно пріѣзжали коммисары Конвента. Народъ зналъ, что Конвентъ скрываетъ отъ него какія-то важныя тайны и роптал. Больше было слышно проклятій противъ богатыхъ и знатныхъ людей, чѣмъ даже противъ пруссаковъ и австрійцевъ, и можно было ожидать возобновленія ужасовъ 2-го сентября. Люди террора были опять на сценѣ, театры закрыты — худая примѣта для Парижа.

Дня два тому назадъ, въ сѣверную армію уѣхали депутаты якобинскаго клуба; ихъ сообщенія были опубликованы въ газетахъ и листкахъ, вышедшихъ въ это утро.

Ихъ вырывали другъ у друга; каждый хотѣлъ ихъ прочесть.

Въ узкихъ улицахъ была такая давка, что только съ трудомъ можно было пробираться сквозь толпу. Слышался смѣшанный говоръ, крики, возгласы сотенъ тысячъ людей. Громадный городъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ погруженный въ сонную тишину ночи, ожилъ, охваченный одной электрической искрой — сознаніемъ общей опасности. На лицахъ виднѣлись всѣ страсти — гнѣвъ, недовольство, ненависть, отчаяніе, вызванные длиннымъ рядомъ страданій въ видѣ голода, нужды, тяжелыхъ условій жизни, отсутствія крова и т. п. Между тѣмъ толпа и давка усиливались съ каждой минутой; леди Эліоттъ начала сознавать, что врядъ ли ей удастся достигнуть цѣли своихъ стремленій. Это заставило ее окончательно прійти въ себя.

Какъ перемѣнился Парижъ съ тѣхъ поръ, какъ она видѣла его въ послѣдній разъ.

Всюду среди улицъ, по близости домовъ, были подвижныя трибуны; народные ораторы говорили рѣчи; на всѣхъ стѣнахъ, заборахъ,

загородкахъ наклеены были афиши, приказы, прокламаціи, муниципальныя распоряженія на красной, голубой, зеленой, желтой или бѣлой бумагѣ. Листъ висѣлъ надъ листомъ, какъ бы вытѣсняя другъ друга и щеголяя своими гигантскими буквами — нѣмые, но краснорѣчивые ораторы, спорившіе о правѣ сказать свое слово, которое жадно ловилось на лету и повторялось толпою. Надъ дверями, на окнахъ, на фасадѣ чуть ли не каждаго дома красовались трехцвѣтныя надписи: „Единство, нераздѣльность республики". — „Свобода, братство или смерть".

Между тѣмъ на улицахъ постоянно слышались возгласы мальчишекъ и газетчиковъ.

— Вотъ послѣднія извѣстія, только что полученныя!

— Le Moniteur!

— La Gazette de France!

— Le Thermomètre du jour!

— Le Journal des Debats! Le Babillard! Народный Ораторъ Фрерона!

— Публицистъ Французской республики Марата!

— Купите остатки — за два льярда.

— Письмо депутатовъ!

— Письмо! Письмо депутатовъ! слышалось со всѣхъ сторонъ.

Каждый хотѣлъ купить это письмо. Число экземпляровъ скоро оказалось недостаточнымъ.

— На трибуну! закричала толпа. — Прочитайте письмо! Мы хотимъ слышать письмо якобинцевъ!

Въ этотъ моментъ надъ толпой показался человѣкъ огромнаго роста, которому подмостками служили людскія плечи.

Леди Эліоттъ невольно вздохнула увидя его.

— Мой другъ Муцій Сцевола умѣетъ читать, крикнулъ онъ своимъ громкимъ хриплымъ голосомъ. Онъ ученый!

Толпа радостно привѣтствовалы своего любимца. Это былъ Николай Трюшонъ, одѣтый въ уродливо сшитый мундиръ, съ длинной саблей, въ красной шапкѣ и трехцвѣтномъ шарфѣ. Онъ былъ недавно возведенъ въ званіе gandarme licencié, но не смотря на это повышеніе, его дружба къ злополучному ни на что негодному товарищу оставалась все та же. Его первой заботой было устроить Муція: онъ одѣвалъ и кормилъ ученаго мужа до послѣдняго времени (на счетъ націи), но теперь нація сама должна была позаботиться о немъ. Доводъ этотъ вѣроятно найденъ былъ основательнымъ, потому что Муцію Сцеволѣ выданъ былъ патентъ, назначавшій его „porte-clefs", т. е. однимъ изъ младшихъ тюремныхъ сторожей Темпля.

— На трибуну! крикнули сотни голосовъ, и вслѣдъ за тѣмъ остроумный пріятель Трюшона, ci-devant ученый магистръ, Муцій Сцевола былъ поднятъ толпой на бочку, стоявшую подъ однимъ изъ деревьевъ свободы.

Революція и перемѣна обстоятельствъ не пошли въ прокъ бѣдняку. Онъ былъ также худъ, какъ прежде и на лицѣ виднѣлись тѣ же глубокія морщины, которыя впрочемъ разгладились, когда онъ взялъ печатный листъ, развернулъ его и началъ читать съ паѳосомъ и съ глубокимъ сознаніемъ своего достоинства:

— Письмо депутатовъ...

— Нѣтъ ли въ немъ извѣстія о...

— Молчать! послышалась со всѣхъ сторонъ. Не прерывать чтенія! Продолжай citoyen.

Тотчасъ же воцарилось мертвое молчаніе, изрѣдка прерываемое подавленными возгласами одобренія или неудовольствія.

Муцій Сцевола возвысилъ голосъ и приступилъ къ чтенію письма:

„Депутаты якобинскаго клуба своимъ согражданамъ въ Парижѣ:

„Citoyens! Мы пишемъ вамъ изъ маленькаго городка въ Бельгіи по близости нашего лагеря. Онъ передъ нашими глазами, мы не потеряемъ его изъ виду и не удалимся отсюда, пока не исполнимъ обязанности, возложенной на насъ святымъ дѣломъ якобинцевъ. Прибывъ въ лагерь, мы въ то же утро отправились къ генералу и представили ему наши увѣщанія въ качествѣ депутатовъ якобинскаго клуба и членовъ Національнаго Конвента. — Конвента! воскликнулъ онъ, вашъ Конвентъ сборище 735 тирановъ...

Взрывъ негодованія на минуту прервалъ чтеніе.

Муцій Сцевола продолжалъ:

„Пока у меня останется хотя дюймъ стали въ рукахъ, сказалъ намъ Дюмурье, я не потерплю чтобы царствовалъ Конвентъ и проливалъ кровь съ помощью революціоннаго судилища, которое онъ намѣренъ учредить! Что же касается республики, то это пустое слово...

Толпа заволновалась.

Крики: „Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ Конвентъ французской націи“, огласили воздухъ.

— Пустое слово, повторилъ Муцій, вновь принимаясь за чтеніе письма.—„Я вѣрилъ революціи три дня, сказалъ Дюмурье, но послѣ битвы при Жемаппѣ, я раскаявался въ каждомъ успѣхѣ, пріобрѣтенномъ мною въ такомъ позорномъ дѣлѣ. Я не предвижу возможности остановить вторженіе непріятеля въ наши предѣлы. Волонтеры которыхъ мнѣ посылаютъ сюда — трусы и негодяи. Франція управляется сумасшедшими людьми; это должно прекратиться, или все пропало. Учредительныя собранія необходимы для пересмотра государственнаго устройства; ихъ нужно созвать немедленно, потому что иностранныя державы согласятся вести переговоры только съ народомъ и со мной, а не съ Конвентомъ. Есть одно средство спасти отечество,—это возстановленіе конституціи 1791 года и избраніе новаго короля!..

Муцій Сцевола долженъ былъ прекратить чтеніе, потому что кру-

томъ его раздались оглушающіе крики: „Долой Дюмурье! Долой измѣнника! Онъ слѣдуетъ примѣру Лафайета."

Когда шумъ затихъ, Муцій Сцевола опять принялся за письмо: „Теперь не время разсуждать о такихъ вещахъ, генералъ, сказалъ одинъ изъ насъ. Вы знаете съ какимъ отвращеніемъ относятся французы къ королевской власти; одно имя Людовика...—Имя ничего не значитъ,—возразилъ Дюмурье.—Не все ли равно будетъ ли называться новый король Людовикомъ или Филиппомъ...

При этихъ словахъ ярость толпы уже не знала никакихъ предѣловъ.

„Филипъ... Филипъ Egalité," заревѣла толпа—„намъ не нужно короля! Долой узурпатора! Долой лицемѣра! Онъ только прикидывался нашимъ другомъ! Долой Орлеанскаго!"

Леди Эліотъ невольно вспомнила слова Орлеанскаго, что „ему стоитъ только протянуть руку, чтобы взять корону..." Какъ ошибался онъ, разсчитывая на преданность народа! Онъ все поставилъ на карту, и долженъ былъ всего лишиться разомъ...

Теперь каждая минута была дорога. Леди Эліоттъ сдѣлала отчаянное усиліе чтобы пробраться сквозь толпу. Она хотѣла предупредить Жильбера... Домъ его былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, но кругомъ стоялъ народъ сплошной стѣной, такъ что ей по неволѣ пришлось остаться на мѣстѣ и слушать чтеніе письма.

Муцій продолжалъ:

„Какія же у васъ средства, чтобы достигнуть этой цѣли? спросилъ одинъ изъ насъ.—Моя армія, отвѣтилъ генералъ, она въ моихъ рукахъ... Цѣль будетъ достигнута, если армія объявитъ изъ лагеря или изъ какой-нибудь крѣпости что она требуетъ избранія короля.— Но это поведетъ къ гибели извѣстнаго вамъ узника въ Тамплѣ, возразили мы ему... Пусть падетъ послѣдній изъ Бурбоновъ отвѣтилъ Дюмурье, пусть погибнутъ и тѣ, которые теперь въ Кобленцѣ, но Франція будетъ имѣтъ короля!.."

— Бурбоны и Орлеанскіе захлебнутся въ собственной крови, прежде чѣмъ достигнутъ престола! закричала толпа.

„ А если Парижъ, добавилъ Дюмурье, совершитъ еще новыя убійства, помимо тѣхъ, которыми онъ опозорилъ себя, то я поведу свою армію на Парижъ, разгоню Конвентъ и успокою народъ съ помощью пушекъ...

— Что отвѣтили наши депутаты? закричало нѣсколько голосовъ.

Муцій продолжалъ чтеніе:

„Послѣ этого разговора, намъ уже ничего не оставалось, какъ сообщить обо всемъ Конвенту, что мы немедленно исполнили и Конвентъ потребовалъ генерала къ отвѣтственности. Онъ отвѣтилъ отказомъ;—и въ данный моментъ, когда мы кончаемъ наше письмо, сюда пріѣхали депутаты отъ Конвента и военный министръ чтобы арестовать генерала...

Но тутъ опять начался шумъ. Совсѣхъ сторонъ послышались громкіе крики:

— Прочь съ дороги! Пропустите! Депеши изъ лагеря! Депеши въ Конвентъ!

Толпа разступилась и мимо нее пронесся курьеръ. Онъ высоко поднялъ надъ головою свою шляпу съ трехцвѣтнымъ плюмажемъ.

„Да здравствуетъ республика! прокричалъ онъ.

„Да здравствуетъ республика!“ отвѣчала ему толпа, махая ему своими шапками и платками.

Леди Эліоттъ воспользовалась этимъ моментомъ, чтобы пробраться въ сосѣднюю улицу къ дому Жильбера.

ГЛАВА III.

LASCIATE OGNI SPERANZA.

Жильберъ жилъ въ меблированномъ отелѣ „A la bonne foi“, въ мрачномъ старомъ домѣ съ фронтономъ. Это было высокое уродливое зданіе изъ закопченныхъ черныхъ бревенъ съ лѣстницами, истертыми отъ ходьбы и несмѣтнымъ количествомъ оконъ и этажей. Такіе дома не представляли собою исключенія въ бѣдныхъ и многолюдныхъ кварталахъ тогдашняго Парижа. Жильберъ больше щеголялъ своей бѣдностью, чѣмъ нѣкогда глазный откупщикъ де-Бургиньонъ своимъ богатствомъ.

Улица показалась леди Эліоттъ совершенно пустынною, особенно послѣ той давки, изъ которой она только-что выбралась. Въ меблированномъ отелѣ она даже не нашла ни одного человѣка, у котораго могла-бы спросить о Жильберѣ. Она поспѣшно взбѣжала па лѣстницу въ четвертый этажъ и остановилась на площадкѣ, которая была подъ самой крышей, такъ какъ знала, что Жильберъ живетъ въ мансардѣ. На одной изъ дверей она увидѣла листъ бумаги. на которомъ Жильберъ собственноручно написалъ:

Le citoyen Gilbert Lahaye
Deputé à la Convention.

Для леди Эліоттъ наступила рѣшительная минуту. Сдѣлавъ надъ собою усиліе, она подавила всякое душевное волненіе и со спокойнымъ лицомъ постучала въ дверь.

Отвѣта не было. Ей и въ голову не приходило, что она можетъ не застать Жильбера. Теперь эта мысль обдала ее холодомъ.

Она постучала во второй разъ.

Но все было тихо въ комнатѣ, а также въ сѣняхъ и во всемъ

домѣ. Казалось, что домъ этотъ вымеръ среди бушующаго Парижа. Только время отъ времени слышался шумъ изъ сосѣднихъ улицъ, подобный реву отдаленной бури.

Леди Эліоттъ взялась за ручку двери и попробовала отворить ее, но дверь оказалась запертою.

Тяжелое чувство разочарованія овладѣло леди Эліоттъ, то чувство, которое такъ подавляетъ насъ, когда мы должны отказаться отъ любимой мечты, съ которой были связаны всѣ наши надежды. Она испытывала такую тоску и пустоту въ сердцѣ, какъ будто для нея уже ничего не осталось на свѣтѣ; все было сѣро и безнадежно кругомъ. Въ глазахъ у ней потемнѣло и она почувствовала сильную боль въ вискахъ.

Боль эта возвратила ей сознаніе дѣйствительности. Она съ отчаяніемъ схватилась за голову обѣими руками. Въ ея душѣ происходила сильная борьба, которая неизбѣжна въ страстныхъ, богато одаренныхъ натурахъ, гдѣ чувственность идетъ объ руку съ крайнимъ идеализмомъ, малодушіе съ высокимъ самоотверженіемъ. Мы искренно жалѣемъ ихъ, когда онѣ погибаютъ въ борьбѣ и поклоняемся имъ, когда онѣ выходятъ изъ нея побѣдителями. Но, что можетъ дать имъ побѣда? Для нихъ она состоитъ въ томъ, чтобы въ извѣстный моментъ пожертвовать всѣмъ, отказаться отъ всего, чѣмъ дорожило сердце, отъ любви, грёзъ и наслажденій и спокойно признать тотъ фактъ, что праздникъ жизни кончился для нихъ... Что остается имъ взамѣнъ всего этого, кромѣ тяжелаго сознанія: „все потеряно для насъ, мы спасли только самихъ себя послѣ крушенія нашей жизни!“ Но что можетъ дать это кромѣ сознанія своего полнаго ничтожества и безсилія?

Леди Эліоттъ отошла отъ двери и силилась улыбнуться, но вмѣсто улыбки изъ глазъ ея полились крупныя слезы.

Ей сдѣлалось досадно на свое малодушіе. „Слезы ни къ чему не ведутъ, сказала она себѣ. Сегодня должно все выясниться. Я исполню свой долгъ до конца и достигну цѣли, какая-бы участь не ожидала меня...“

Она спокойно сошла съ лѣстницы, хотя голова ея горѣла и пульсъ усиленно бился. Теперь ее занимала только одна мысль: куда могъ уйти Жильберъ.

На ея счастье она увидѣла мальчика, который сидѣлъ развалившись на нижнихъ ступеняхъ лѣстницы и напѣвалъ республиканскую пѣсню.

— Citoyen — спросила леди Эліоттъ, развѣ никто не живетъ въ этомъ отелѣ?

— Днемъ отель пустъ, потому что всѣ жильцы уходятъ на работу,—отвѣтилъ мальчикъ, надвигая на лобъ свою красную шапку. Corbleu! вмѣсто того, чтобы сидѣть здѣсь, я самъ охотнѣе былъ-бы теперь на улицѣ, махалъ шапкой и кричалъ: да здравствуетъ рес-

публика! Но сегодня я долженъ былъ остаться дома, потому что мой отецъ отправился по какому-то дѣлу въ Конвентъ.

— Кто твой отецъ?

Мальчикъ расхохотался.—Такъ вы не знаете этого citoyenne!— воскликнулъ онъ такимъ тономъ, какъ будто весь свѣтъ долженъ знать, кто его отецъ. Онъ всталъ съ мѣста и важно произнесъ: „Мой отецъ служитъ въ національной гвардіи, онъ гражданинъ французской республики и привратникъ этого дома".

— A citoyen répresentant Лагэ, ты, вѣроятно, знаешь его?

— Разумѣется знаю и считаю его достойнымъ всякаго уваженія, отвѣтилъ мальчикъ, прикладывая грязныя пальцы къ своей грязной шапкѣ.

— Дома ли citoyen Лагэ?

— Кто же будетъ сидѣть дома, когда весь свѣтъ на улицѣ!... Знаешь ли что, citoyenne... Маленькій республиканецъ довѣрчиво взглянулъ на нее своими большими черными глазами и шепнулъ ей на ухо: „Сегодня дѣло разыграется не на шутку!"

— Какое дѣло? спросила леди Эліоттъ.

— Увидишь сама citoyenne!... Ну а что оно разыграется, то ты можешь повѣрить мнѣ на слово... Citoyen Лагэ вернулся вчера изъ лагеря поздно вечеромъ, а сегодня чуть ли не на разсвѣтѣ Робеспьеръ позвалъ его къ себѣ... Увидишь citoyenne, что это не даромъ...

Но леди Эліоттъ не слушала его. Теперь она знала, гдѣ искать Жильбера и не хотѣла терять ни минуты времени. „Робеспьеръ!" повторила она, поспѣшно удаляясь.

Мальчикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, засмѣялся и сказалъ: „Это кажется также знатная дама!" Затѣмъ онъ принялся насвистывать мотивъ одной сатирической народной пѣсни, приплясывалъ и кружился, напѣвая: „Zon, zon, zon, zon!" пока леди Эліоттъ не скрылась изъ виду.

Домъ, въ которомъ жилъ Робеспьеръ, находился на улицѣ St. Honoré, противъ церкви l'Assomption. До сихъ поръ это мѣсто показываютъ путешественникамъ.

Здѣсь жилъ Робеспьеръ впродолженіе всей революціи, у плотника Дюпле, съ старшей дочерью котораго, Элеонорой, онъ былъ обрученъ нѣсколько лѣтъ. Сначала неизвѣстный, потомъ осмѣянный, затѣмъ наводившій ужасъ, онъ прожилъ въ этомъ домѣ до самаго момента своего паденія.

Наружность дома представляла странную противоположность съ образомъ мыслей и настроеніемъ его обитателей. Это былъ типичный домъ буржуа средней руки, безъ всякихъ архитектурныхъ украшеній и не носившій на себѣ никакихъ особенныхъ признаковъ бѣдности или богатства.

Низкая каменная стѣна, окружавщая домъ съ дворомъ, отдѣляла его отъ улицы St. Honoré, которая въ тогдашнемъ Парижѣ состав-

ляла одинъ изъ главныхъ центровъ столичной торговли. Здѣсь было множество лавокъ и магазиновъ, хотя безъ той нарядной публики и блестящихъ экипажей, которые наполняютъ нынѣшнюю улицу St. Honoré. Во времена террора, по этой улицѣ безпрестанно проѣзжали телѣги, въ одну лошадь, съ приговоренными на казнь, которыхъ везли на эшафотъ, стоявшій на „революціонной" площади.

Леди Эліоттъ подошла къ дому съ замираніемъ сердца и робко позвонила у воротъ.

Нѣсколько минутъ спустя отворилась калитка и на порогѣ показалась женщина среднихъ лѣтъ, которую можно было принять за жену ремесленника, судя по платью и манерамъ.

— Что вамъ нужно citoyenne? холодно спросила она; въ голосѣ ея не было и тѣни грубости или привѣтствія.

— Вы citoyenne Дюпле? спросила леди Эліоттъ, которая еще не успѣла оправиться отъ своего смущенія.

— Да, я жена плотника Дюпле... Вы вѣрно съ какой-нибудь просьбой?

— Я желала бы видѣть citoyen Робеспьера.

— Ну это врядъ ли будетъ возможно, по крайней мѣрѣ сегодня. Citoyenne должна прійти въ другой разъ.

Она хотѣла запереть дверь.

— Сжальтесь надо мной, citoyenne, мнѣ необходимо его видѣть... Почему онъ не можетъ принять меня сегодня?...

— Сегодня! повторила женщина съ удивленіемъ. — Весь Парижъ въ волненіи, а вы спрашиваете почему... Теперь уже около одиннадцати, значитъ часъ пріема у citoyen-representant почти конченъ.

— То, что я должна сообщить ему, слишкомъ важно. Завтра, сегодня вечеромъ, даже можетъ быть черезъ часъ будетъ слишкомъ поздно!... проговорила леди Эліоттъ съ волненіемъ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло, замѣтила жена плотника съ злобной усмѣшкой, затѣмъ лицо ея приняло опять прежнее холодное выраженіе. — Знаемъ мы этихъ знатныхъ дамъ, которыя являются сюда, чтобы выпросить голову какого-нибудь измѣнника.

— Я и не думаю хлопотать объ этомъ, воскликнула леди Эліоттъ рѣшительнымъ тономъ. — Я знаю, что теперь citoyen Лагэ у Робеспьера. Дѣло, по которому я пришла сюда, касается Лагэ. Кто же рѣшится безпокоить Робеспьера въ такой день изъ-за пустяковъ. Скажите ему, что другъ Жильбера, Грэсъ Эліоттъ, проситъ у него свиданія на нѣсколько минутъ... Не забудьте — другъ Жильбера Лагэ. Позвольте мнѣ войти citoyenne, или вамъ прійдется отвѣчать за послѣдствія.

Леди Эліоттъ вошла на дворъ.

М-мъ Дюпле остановилась въ нерѣшительности. Въ душѣ ея былъ уголокъ, гдѣ она оказывалась не сильнѣе другихъ женщинъ... она

была мать и въ эту минуту невольно подумала о своей дочери — невѣстѣ Робеспьера.

— Такъ и быть, сказала она, я попытаюсь.

Леди Эліоттъ была на дворѣ, гдѣ двигалась масса уличнаго народа: большинство было съ кавалерійскими саблями, въ красныхъ шапкахъ съ кокардами и деревянныхъ башмакахъ; и только у нѣкоторыхъ были трехцвѣтные шарфы. Между ними были просители и просительницы, которые явились сюда съ разными требованіями, письмами и рекомендаціями, такъ какъ это былъ единственный часъ, пріема у Робеспьера; ихъ лица выражавшія надежду или отчаяніе, усталость или томительное ожиданіе, представляли рѣзкую противуположность съ суровыми и самоувѣренными фигурами якобинцевъ, въ сюртукахъ наброшенныхъ на плечи. Изъ послѣднихъ многіе вошли потомъ въ Конвентъ, сдѣлались тѣлохранителями Робеспьера и участниками кратковременной, страшной трагедіи, которая началась съ этого дня. Они пробирались сквозь толпу съ громкими проклятіями: одни держали подъ мышкой громадные картоны съ объявленіями, за другими слѣдовали мальчишки изъ разныхъ типографій, которыми всегда переполненъ Парижъ, съ грязными лицами, руками и рубашками и въ красныхъ шапкахъ на взъерошенныхъ волосахъ.

Толпа была въ крайне возбужденномъ состояніи; — слышалась брань, крики; всѣ говорили въ одно и то же время, не слушая другъ друга: и среди всего этого изъ деревянныхъ мастерскихъ окружающихъ дворъ раздавался мѣрный шумъ плотничной работы, стукъ молотка, визгъ пилы, строганіе досокъ... Леди Эліоттъ была поражена страннымъ контрастомъ мирной дѣятельности съ тѣмъ лихорадочнымъ волненіемъ, которое господствовало на дворѣ и на сосѣднихъ улицахъ. Она невольно задала себѣ вопросъ: что могло побудить этихъ людей работать въ такой день—нужда или спокойная увѣренность, что скоро наступитъ время, когда работа не будетъ идти рука объ руку съ нищетой и отчаяніемъ и когда идея свободы и равенства осуществится на дѣлѣ...

Домъ плотника Дюпле представлялъ собою небольшое двухъэтажное зданіе, обнесенное деревянной галлереей съ перилами. Окна и двери верхняго этажа со стороны двора выходили на эту галлерею;— фасадъ дома былъ обращенъ на улицу.

М-мъ Дюпле ввела Леди Эліоттъ въ большую и опрятную комнату нижняго этажа и предложивъ ей стулъ тотчасъ-же удалилась, чтобы исполнить ея порученіе. Обстановка комнаты была проста до аскетизма: нигдѣ не видно было слѣда какихъ-либо украшеній и только на окнахъ стояло нѣсколько горшковъ съ цвѣтами. Тутъ сидѣли двѣ молодыя дѣвушки съ красивыми и правильными, но въ то-же время такими строгими, и серьезными лицами, что онѣ напоминали собою изображеніе древнихъ римлянокъ, вырѣзанныя на камняхъ. Это были дочери плотника Дюпле; одна изъ нихъ была невѣста Робеспьера. Онѣ

сидѣли на деревянныхъ стульяхъ и молча занимались шитьемъ; обѣ одинаково холодно отвѣтили на поклонъ леди Эліоттъ.

Какъ не безотрадно было первое впечатлѣніе этой изысканной простоты для леди Эліоттъ, избалованной красивыми формами богатой обстановкой, но ею овладѣло глубокое чувство унынія и зависти при взглядѣ на эту мирную, идиллическую картину среди волнующагося Парижа. Комната была наполнена ароматомъ цвѣтовъ, весеннее солнце, проникая въ окна, освѣщало бѣлокурыя головки дѣвушекъ, которыя сидѣли наклонившись надъ своей работой и казались такими спокойными, какъ будто имъ не было никакого дѣла до того, что совершалось кругомъ ихъ. Одна только канарейка весело чирикала и распѣвала изо всѣхъ силъ въ своей клѣткѣ, согрѣтой теплыми лучами солнца.

„Хорошо быть такой какъ онѣ, подумала леди Эліоттъ, и никогда не испытывать искушенія; — онѣ слишкомъ холодны чтобы поддаться ему... Неужели добродѣтель такое же прирожденное свойство, какъ и всѣ другія!..“

Такъ разсуждала леди Эліоттъ, сидя въ той комнатѣ, гдѣ обѣдалъ и проводилъ вечера Робеспьеръ. Здѣсь онъ высказывалъ свои задушевныя мысли своему хозяину Дюпле, съ которымъ его связывала самая тѣсная дружба и который вмѣстѣ съ нимъ вѣрилъ въ осуществленіе отвлеченнаго и невозможнаго идеала—„естественнаго человѣка“ Руссо.

Немного погодя въ комнату вошла м-мъ Дюпле.

— Citoyenne, сказала она, я доложила о васъ Робеспьеру, Лагэ былъ у него...

Щеки леди Эліоттъ покрылись багровымъ румянцомъ.

— Что сказалъ Жильберъ Лагэ? спросила она торопливо.

— Когда я назвала васъ, Лагэ наклонился къ Робеспьеру, шепнулъ ему что-то на ухо и ушелъ.

— Куда? спросила леди Эліоттъ.

— Онъ вышелъ на лѣстницу, которая ведетъ на улицу St Honoré.

— А Робеспьеръ?

— Онъ ожидаетъ васъ citoyenne; если вамъ угодно я проведу васъ къ нему.

„Жильберъ избѣгаетъ меня,“ подумала леди Эліоттъ печально опустивъ голову.

Она послѣдовала за хозяйкой дома, которая провела ее по деревянной лѣстницѣ въ верхнюю галлерею. Здѣсь сидѣлъ Робеспьеръ на солнечномъ припекѣ. За его стуломъ стоялъ парикмахеръ въ красной шапкѣ и бѣломъ передникѣ и завивалъ ему волосы.

Кто объяснитъ тѣ странныя противорѣчія, которыя намъ часто приходится видѣть въ жизни? Робеспьеръ занимался своей наружностью въ тотъ самый день, часъ и чуть ли не въ ту минуту, когда рѣшался для него роковой вопросъ: дастъ ли ему судьба побѣду и

РОССІЯ И ЕВРОПА ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

ОССІЯ, не имѣвшая почти ни малѣйшаго значенія въ Европѣ до Петра Великаго, послѣ него сдѣлалась первоклассной державой. Указать на главные моменты такого совершившагося при Петрѣ переворота, служитъ цѣлью настоящаго очерка. Главною нитью всѣхъ этихъ событій было враждебное отношеніе большей части западно-европейскихъ державъ къ Московскому царству, превратившемуся, благодаря стараніямъ Петра, въ Россійскую Имперію и пріобрѣвшему важное мѣсто въ европейской системѣ государствъ.

I.

Введеніе.

Въ то самое время, когда по случаю открытія морского пути въ Бѣлое море англичанами въ 1553 году, можно было предвидѣть нѣкоторое сближеніе Россіи съ западомъ, съ различныхъ сторонъ указывалось на опасность, грозившую Европѣ со стороны Россіи.

Какъ бы предчувствуя будущій перевѣсъ Россіи надъ Польшею, король Сигизмундъ въ письмахъ къ королевѣ англійской Елизаветѣ, жаловался на торговыя сношенія между Англіею и Россіею. Такъ онъ писалъ 13-го іюля 1567 года: „Дозволить плаваніе въ Московію воспрещаютъ намъ важнѣйшія причины, не только наши частныя, но и всего христіанскаго міра и религіи, ибо непріятель отъ сообщенія просвѣщается и, что еще важнѣе, снабжается оружіемъ, до тѣхъ поръ въ этой варварской странѣ невиданнымъ; всего же важнѣе, какъ мы полагаемъ, снабжается самыми художниками, такъ что если впредь и ничего не будутъ привозить ему, такъ художники, которые при такомъ развитіи морскихъ сообщеній, легко ему подсылаются, въ

самой той варварской странѣ надѣлають ему всего, что нужно для войны и что доселѣ было ему неизвѣстно".

Въ другомъ письмѣ отъ 13-го марта 1568 года король повторяетъ свои опасенія, называя русскаго царя „врагомъ не только Польши, но и наслѣдственнымъ врагомъ всѣхъ свободныхъ народовъ" и далѣе говорится слѣдующее: „что всего болѣе заслуживаетъ вниманія, онъ снабжается свѣдѣніями о всѣхъ нашихъ, даже сокровеннѣйшихъ намѣреніяхъ, чтобы потомъ воспользоваться ими на гибель всѣмъ нашимъ: зная все это, мы полагаемъ, не должно надѣяться, чтобы мы оставили такое мореплаваніе свободнымъ" [1]).

Такія мысли раздѣлялись тогда сосѣдями Россіи. Въ Любекѣ и въ Дерптѣ были, какъ извѣстно, задержаны ремесленники, приглашенные въ Россію Иваномъ IV. Менѣе извѣстно, что знаменитый испанскій полководецъ, герцогъ Альба, обратился къ германскому сейму съ запискою (отъ 18-го іюля 1571 года), въ которой требовалъ запрещенія отправленія въ Россію изъ Германіи военныхъ снарядовъ и оружія [2]).

Къ счастью, не всѣ державы были такого мнѣнія о необходимости держать Россію въ черномъ тѣлѣ. Англичане и Голландцы, напротивъ, считали для себя выгоднымъ содѣйствовать развитію сношеній Россіи съ Европою. Въ то время когда, около половины XVII вѣка, знаменитый авторъ поэмы „Потерянный рай", Мильтонъ, составилъ свой любопытный очеркъ исторіи и географіи Россіи, цѣлый рядъ англійскихъ сочиненій объ этомъ предметѣ, служившихъ Мильтону источниками, свидѣтельствовалъ о вниманіи, которымъ пользовалась Россія на западѣ [3]). Однако заглавіе этого сочиненія, въ которомъ говорилось „и о другихъ, менѣе извѣстныхъ странахъ, лежащихъ на востокѣ до самаго Китая", доказывало въ то же самое время, что на Россію смотрѣли какъ на нѣчто чуждое Европѣ, какъ на страну, наравнѣ съ другими азіятскими государствами, находившуюся внѣ западно-европейскаго цивилизованнаго міра.

Въ этомъ отношеніи достойно вниманія замѣчаніе Лейбница въ запискѣ, составленной имъ въ концѣ XVII вѣка, какъ кажется, для Лефорта, во время знаменитаго путешествія Петра 1697 г. Онъ пишетъ: „Въ одно и то же время на сѣверѣ, на востокѣ и на югѣ три сильные монарха возъимѣли одну и ту же мысль образовать своихъ подданныхъ: а именно царь Петръ Алексѣевичъ въ Россіи, китайскій императоръ Камъ-Ги-Амалогдо-Ханъ и король Абиссиніи Язовъ-Аджамъ-Заугбедъ [4]).

---

[1]) Гамель, Англичане въ Россіи, Спб. 1865, 83 и 84.

[2]) Hausmann, Innere Geschichte Spaniens, 287.

[3]) The prose works of John Milton, London, 1806, vol. IV. 271—313 „A brief history of Moscovia and of other less known countries lying eastward of Russia as far as Cathay". Списокъ источникамъ на стр. 313.

[4]) Guerrier, Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter d. Gr. S. Pet. и Lpzg, 1873. Приложенія, стр. 15.

Но въ то же время дипломаты, слѣдившіе за путешествіемъ Петра, относились довольно скептически къ ожидаемымъ результатамъ стремленія царя къ европейской культурѣ. Венеціанскій посланникъ Рудзини, между прочимъ, по случаю пребыванія Петра въ Вѣнѣ, изъявилъ сомнѣніе въ пользѣ этой поѣздки относительно пріобрѣтенія Россіей вѣса и значенія въ области внѣшней политики [1]).

Восточный вопросъ во второй половинѣ XVII вѣка, служилъ средствомъ сближенія между Россіею и западно-европейскими державами, нуждавшимися въ содѣйствіи московскихъ царей въ войнѣ съ Турціею. Важнѣйшимъ результатомъ такого сближенія былъ договоръ съ Польшею въ 1686 году, въ силу котораго Россія обязывалась дѣйствовать энергично противъ турокъ и татаръ.

Вскорѣ однако оказалось, что успѣхи русскаго оружія въ войнѣ съ Турціею, вовсе не нравились полякамъ. Извѣстіе о взятіи Петромъ Азова, произвело въ Варшавѣ крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Еще прежде взятія Азова, французъ Фурше, провожавшій иностранныхъ офицеровъ въ Россію и возвращавшійся чрезъ Варшаву, разсказывалъ панамъ съ похвалою о дѣйствіяхъ русскихъ подъ Азовомъ. Сенаторы слушали, качали головами и говорили про Петра: „Какой отважный и безпечный человѣкъ! и что отъ него впередъ будетъ?“ Воевода Русскій, Матчинскій, говорилъ: „Надобно москалямъ поминать покойнаго короля Яна, что поднялъ ихъ и сдѣлалъ людьми военными; а еслибъ союза съ ними не заключилъ, то и до сей поры дань Крыму платили бы, и сами валялись бы дома, а теперь выполируются“. Воевода Плоцкій замѣтилъ на это: „Лучше-бъ было, чтобъ дома сидѣли, это бы намъ не вредило; а когда выполируются, и крови нанюхаются, увидишь, что изъ нихъ будетъ! до чего Господи Боже не допусти“.

Послѣ полученія въ Варшавѣ извѣстія о взятіи Азова, къ русскому резиденту Никитину, пріѣзжалъ цесарскій резидентъ и разсказывалъ, что сенаторы испугались, что паны не очень рады взятію Азова, не ожидавъ этого событія. Никитинъ писалъ въ Москву, что хотя поляки и празднуютъ эту побѣду царя надъ турками, „будто совершенно тому радуются“, хотя они и пріѣзжаютъ къ нему съ поздравленіемъ, но „на сердцѣ у нихъ не то“. Литовскій гетманъ Сапѣга говорилъ громко, что царскія войска никакого храбраго дѣла не показали, что они взяли Азовъ на договоръ, а не военнымъ промысломъ и пр. На это Никитинъ возразилъ: „Дай Господи великому государю взять на договоръ не только всю турецкую землю, но и самое государство польское и княжество литовское въ вѣчное подданство привести, и тогда вы поляки будете всегда жить въ покоѣ и тишинѣ, а не такъ какъ теперь, въ вѣчной ссорѣ другъ съ другомъ отъ непорядка своего“. Поляки стали смѣяться и говорить: „Ой, по-

[1]) Fontes rerum austriacarum, XXVII, 429—431.

лижитъ хоть кого Московскій долгій бичъ", а одинъ шляхтичъ сказалъ: „Лучше гдѣ страхъ есть" [1]).

Въ Польшѣ все время думали о возможности отнятія у Россіи Малороссіи. Поляки, какъ узналъ Никитинъ, не разъ говорили, что „если малая смута на Москвѣ сдѣлается, то они пойдутъ на Украйну и по прежнему ее къ себѣ присоединятъ" [2]). Мы знаемъ, что и въ началѣ регентства царевны Софіи при извѣстіяхъ о смутахъ въ московскомъ царствѣ, о движеніи раскольниковъ, объ умыслахъ Хованскаго и мятежномъ духѣ стрѣльцовъ, въ Польшѣ питали надежду на присоединеніе вновь Украйны [3]).

Чѣмъ опаснѣе въ этомъ отношеніи было положеніе Россіи, тѣмъ осторожнѣе ей нужно было дѣйствовать и въ области внѣшней политики. Всякая неудача могла дорого обойтись медленно расправлявшему свои силы московскому царству.

II.

Нарва.

При неблагопріятномъ настроеніи умовъ внѣ Россіи, извѣстіе о пораженіи русскихъ войскъ при Нарвѣ было встрѣчено съ особенною радостью въ западной Европѣ.

Даже тотъ самый Лейбницъ, который видѣлъ въ распространеніи началъ цивилизаціи на востокѣ громадную выгоду для всего человѣчества и, по случаю путешествія Петра по западной Европѣ, радовался стараніямъ царя учиться самому и учить своихъ подданныхъ, былъ очень доволенъ побѣдою шведскаго короля. Въ письмѣ къ одному пріятелю—правда это былъ шведъ—знаменитый философъ замѣтилъ, что Нарвская битва дорого обойдется русскимъ и что нельзя не желать, чтобы юный шведскій король завоевалъ всю Россію до рѣки Амура [4]). Въ латинскихъ стихахъ Лейбницъ смѣялся надъ Петромъ, старавшимся скрыть позоръ пораженія при Нарвѣ.

Послѣ Нарвской битвы явилось нѣсколько брошюръ, въ которыхъ былъ восхваляемъ Карлъ XII, осмѣянъ Петръ. Подобные памфлеты въ стихахъ и прозѣ печатались не только въ Стокгольмѣ, но и въ другихъ городахъ.

Еще до Нарвской битвы явился цѣлый рядъ брошюръ, въ которыхъ излагался несправедливый образъ дѣйствій царя при открытіи военныхъ дѣйствій противъ Швеціи. Особенно глубокое впечатлѣніе

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 231—234.

[2]) Соловьевъ. XIV, 318.

[3]) Устряловъ, Исторія Петра Великаго, I, 117.

[4]) См. соч. Герье. Приложенія, 49.

въ то время производило небольшое сочиненіе шведскаго публициста Гермелина „Discussio criminationum quibus usus est Moscorum Czarus“, въ которомъ заключались доказательства несостоятельности причинъ, побудившихъ будто бы царя къ нападенію на Швецію [1]).

Можно представить себѣ въ какомъ неловкомъ положеніи находились русскіе резиденты за границею послѣ Нарвской битвы. Голицынъ доносилъ изъ Вѣны: „Главный министръ, графъ Кауницъ и говорить со мною не хочетъ; они только смѣются надъ нами“; затѣмъ онъ писалъ: „всякими способами надо домогаться получить надъ непріятелемъ побѣду. Сохрани Боже, если нынѣшнее лѣто такъ пройдетъ. Хотя и вѣчный миръ учинимъ, а вѣчный стыдъ чѣмъ загладить? Непремѣнно нужно нашему государю хотя малая викторія, которою бы имя его по прежнему во всей Европѣ славилось. Тогда можно и миръ заключить; а теперь войскамъ нашимъ и управленію войсковому только смѣются“. Въ Вѣнѣ распространяли слухи о томъ, что царевна Софія освобождена изъ монастыря и что ей вручено правленіе государствомъ по прежнему [2]).

Также и Матвѣевъ изъ Гаги писалъ о насмѣшкахъ и „великихъ ругательствахъ“. Шведскій резидентъ Лиліенротъ позволялъ себѣ такія выходки противъ Петра, что Матвѣевъ въ письмѣ къ послѣднему замѣтилъ о такихъ „руганіяхъ“: „рука моя того написать не можетъ“. „Шведы“, продолжаетъ Матвѣевъ, „съ здѣшними, какъ могутъ всякимъ злословіемъ поносятъ и курантами на весь свѣтъ знать даютъ не только о войскахъ вашихъ, но и о самой вашей особѣ... Жить мнѣ здѣсь теперь очень трудно; любовь ихъ только на комплиментахъ ко мнѣ, а на дѣлѣ очень холодны. Обращаюсь между ними какъ отчужденный и отъ нареканія ихъ всегдашняго нестерпимаго снѣдаюсь горестію“ [3]).

Въ Польшѣ опять начали говорить о возможности пріобрѣтенія вновь хотя половины территоріи, уступленной Россіи Андрусовскимъ договоромъ, особенно же Кіева съ округомъ. Петръ ни на какія уступки не соглашался и вопреки разнымъ слухамъ и толкамъ о малодушіи, о совершенномъ отчаяніи его и о стараніяхъ во что бы то ни стало заключить миръ съ королемъ Карломъ XII [4]), держалъ себя твердо и готовился продолжать войну. Это впрочемъ не мѣшало недоброжелателямъ его преслѣдовать царя разнообразными насмѣшками и выходками. Выбивались медали въ честь Карла XII; на одной Нарвскій побѣдитель былъ изображенъ на конѣ, ѣдущимъ по трупамъ разбитыхъ непріятелей; на другой была надпись: „Tandem bona

---

[1]) См. о числѣ изданій и переводовъ этого сочиненія въ катологѣ „Rossica“, I, 530.

[2]) Устряловъ. IV, 1, 80—81.

[3]) Соловьевъ XV, 54.

[4]) См. напр. Фокеродта въ изд. Германа „Zeitgenoss. Berichte“, Leipzig, 1872, 41—42.

causa triumphat". Кромѣ медалей въ честь Карла появилась медаль, выбитая въ насмѣшку надъ Петромъ, съ кощунскими сближеніями изъ исторіи апостола Петра: на одной сторонѣ медали былъ изображенъ царь Петръ, грѣющійся при огнѣ своихъ пушекъ, изъ которыхъ летятъ бомбы на Нарву; надпись: „Бѣ же Петръ стоя и грѣяся". На другой сторонѣ изображены были русскіе, бѣгущіе отъ Нарвы, и во главѣ ихъ Петръ; царская шапка валится съ его головы; шпага брошена, онъ утираетъ слезы платкомъ, и надпись говоритъ: „Изшедъ вонъ, плакася горько" [1]).

До Нарвской битвы Паткуль выразилъ опасеніе, что Московскій царь при раздѣлѣ ожидаемой добычи возьметъ себѣ слишкомъ много. Онъ писалъ: „Надобно опасаться, чтобы тотъ могущественный союзникъ не выхватилъ у насъ изъ подъ носа жаркое, которое мы воткнемъ на вертелъ; надобно ему доказать исторіею и географіею, что онъ долженъ ограничиться одною Ингерманландіею и Кареліею. Надобно договориться съ царемъ, чтобъ онъ не шелъ дальше Наровы и Пейпуса; если онъ захватитъ Нарву, то ему легко будетъ потомъ овладѣть Эстляндіею и Лифляндіею и пр." [2]) Поэтому Паткуль, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе приверженцы короля Августа, были весьма недовольны попыткою Петра занять Нарву. Однако попытка пока не удалась и нужно было взяться за дѣло иначе и прежде всего обратиться къ Ингерманландіи и Кареліи. Но послѣ успѣховъ Петра на берегахъ Невы Паткулю не нравилось утвержденіе царя на Балтійскомъ морѣ. Онъ писалъ, что нужно дѣйствовать осторожно, чтобы не возбудить опасенія въ прочихъ потентатахъ, которыхъ владѣнія находятся на Балтійскомъ морѣ; онъ далъ почувствовать царю, что должно думать о возвращеніе шведамъ устья Невы. Петръ возразилъ, что пристани эти останутся за Россіею во первыхъ потому, что они изъ начала ей принадлежали, во вторыхъ потому, что пристани необходимы для государства „ибо чрезъ сихъ артерій можетъ здравѣе и прибыльнѣе сердце государственное быть." [3])

Однако одновременно съ радостію по случаю Нарвской битвы, на Западѣ возникали сильныя опасенія по поводу появленія Петра на берегахъ Балтійскаго моря. Еще до успѣшныхъ дѣйствій русскихъ войскъ въ Ингерманландіи и Ливоніи печатались брошюры, въ которыхъ говорилось объ опасности, грозящей Европѣ со стороны Россіи. Такъ напр., по донесенію Матвѣева отъ 5 іюня 1702 года, какой-то профессоръ во Франкфуртѣ-на-Одерѣ напечаталъ похвальную рѣчь Прусскому королю, гдѣ прославлялъ тріумфъ шведовъ надъ московскими войсками и толковалъ, что христіанскіе государи не должны пропу-

---

[1]) Сол. XIV, 354. Изображеніе медали въ сочиненіи Норберга о Карлѣ XII I. 231.

[2]) Herrmann, Gesch. d. russ Staats, IV. 100.

[3]) Сол. XV. 30—31.

скать русскихъ кораблей на море, ибо если русскіе овладѣютъ Ливоніею, то овладѣютъ также Польшею и Литвою и будутъ опасны Пруссіи. [1])

Положеніе Матвѣева въ Нидерландахъ было вообще очень непріятно; послѣ Нарвскаго пораженія потому, что тамъ смѣялись надъ Россіею, а послѣ первыхъ успѣховъ русскаго оружія, т. е. взятія Шлюссельбурга, Ніеншанца, Дерпта, Нарвы и пр., потому, что въ Голландіи опасались чрезмѣрнаго могущества Россіи. До начала шведско-русской войны генеральные штаты чрезъ Матвѣева просили царя не помогать датчанамъ въ ихъ войнѣ противъ Швеціи. И послѣ этого Нидерланды не переставали дѣйствовать въ пользу мира. Особенно же онѣ не желали развитія значенія Россіи на морѣ. Имъ, между прочимъ, какъ мы знаемъ изъ донесеній Матвѣева, не понравилась постройка русскихъ кораблей въ Архангельскѣ, потому что они опасались отъ этого ущерба для своей торговли. Матвѣевъ писалъ: „Нынѣшная война ваша со шведами штатамъ очень непріятна и всей Голландіи весьма непотребна, потому что намѣреніе ваше взять у шведа на Балтійскомъ морѣ пристань, Нарву или новые Шанцы; гдѣ же сойдутся, постоянно толкуютъ: если пристань тамъ у него будетъ, то не меньше француза надобно намъ его бояться; отворенными воротами всюду входить свободно будетъ.“ Такимъ образомъ въ Нидерландахъ господствовало нѣкоторое нерасположеніе къ Россіи. Извѣстный бюргермейстеръ Витзенъ, вслѣдствіе дружбы своей съ Петромъ и торговыхъ связей въ Россіи, былъ, по словамъ Матвѣева, „въ большомъ подозрѣніи у своихъ соотечественниковъ.“ Одинъ изъ голландскихъ купцовъ, Брантъ, поставлявшій для Россіи ружья, посѣщалъ Матвѣева тайкомъ, и едва не былъ за это убитъ шведами. Когда Петръ намѣревался сдѣлать Штатамъ предложеніе, чтобы они взяли въ свою службу изъ Архангельска 4000 матросовъ, Матвѣевъ замѣтилъ: „Имъ то зѣло не надобно, чтобъ нашъ народъ морской наукѣ обученъ былъ.“

На выгодное для Россіи посредничество Нидерландовъ при заключеніи мира между Швеціею и Россіею, какъ полагалъ Матвѣевъ, нельзя было надѣяться. „Могутъ ли, спрашивалъ послѣдній въ письмѣ къ царю, „Англія и Штаты стараться о вашемъ интересѣ или прибыточномъ мирѣ и сами отворить дверь вамъ ко входу въ Балтійское море, чего неусыпно остерегаются, трепещутъ великой силы вашей не меньше какъ и Француза... Англичанъ и здѣшнихъ прямое намѣреніе чтобъ не допустить васъ имѣть какую-нибудь пристань на Балтійскомъ морѣ; отнюдь не хотятъ и слышать такого сосѣдства ближняго. Хотя они ласковыми лицами поступаютъ, только ихъ сердце николи неправо предъ вами“. Всѣми способами, но безуспѣшно, Матвѣевъ объяснялъ Голландцамъ, что отъ русской гавани на Балтійскомъ морѣ

[1]) Сол. XV, 110.

имъ могутъ быть только однѣ выгоды и что маленькій русскій флотъ назначается только для обороны этой гавани, а не для утвержденія русскаго владычества на моряхъ“ [1]).

Такія же вѣсти приходили изъ Вѣны, гдѣ Паткуль узналъ отъ министровъ датскаго и бранденбургскаго, что англійскій и голландскій министры, а также и ганноверскій дворъ, стараются всѣми силами помѣшать сближенію Австріи съ Россіею и во всѣхъ разговорахъ съ императорскими министрами выставляютъ имъ на видъ, какъ опасно увеличеніе могущества царя [2]).

При такихъ обстоятельствахъ Петру оставалось прежде всего надѣяться на себя и успѣхъ русскаго оружія, и во вторыхъ разсчитывать на разладъ между европейскими державами. Можно было воспользоваться антагонизмомъ между Австріею и Пруссіею, соперничествомъ между Англіею и Франціею, ненавистью между Ганноверскимъ дворомъ и Пруссіею. Всякая борьба на западѣ Европы могла быть выгодною для царя; не даромъ Петръ въ письмѣ къ Апраксину отъ 5 іюня 1702 года, говоря о началѣ войны за испанское наслѣдство, замѣтилъ: „Дай Боже, чтобъ затянулась“ [3]). Чѣмъ болѣе вниманіе Европы было обращено на чрезмѣрное могущество короля Людовика XIV, тѣмъ удобнѣе Россія могла стремиться дальше на пути къ морю и достигнуть желанной цѣли.

Однакожъ, не смотря на это, положеніе Россіи было чрезвычайно опасно и требовало крайней осторожности въ обращеніи съ западноевропейскими державами. Царь нуждался въ посредничествѣ послѣднихъ при заключеніи мира съ Швеціею и поэтому долженъ былъ думать объ уступкахъ.

Такъ напр., когда Матвѣевъ въ 1706 году отправился въ Англію искать посредничества королевы Анны, ему поручили объявить, что царь готовъ послать войска свои, куда англичанамъ будетъ нужно, доставить матеріалъ на ихъ флотъ и проч. Посолъ долженъ былъ объяснить, какъ выгодно будетъ для англичанъ, когда Россія получитъ удобныя пристани на Балтійскомъ морѣ; русскіе товары будутъ безопасно, скоро, нѣсколько разъ въ годъ, перевозиться въ Англію, не такъ какъ теперь изъ Архангельска; русскіе товары станутъ дешевле, потому что балтійскія пристани близко отъ Москвы и другихъ значительнѣйшихъ городовъ и водяной путь къ нимъ удобный. Матвѣевъ былъ уполномоченъ немедленно же заключить торговый трактатъ. Въ черновой инструкціи было приписано: „Буде потребно мочно во обнадеживаніе ихъ написать, что не изволите великихъ воинскихъ флотовъ на томъ морѣ имѣть“. На это Петръ собственноручно при-

---

[1]) Сол. XV, 53—67.

[2]) Тамъ же, 47.

[3]) Устряловъ, IV, 2, 30.

писалъ: „Зѣло потребно, только о числѣ (т. е. кораблей) еще прежде времени не давать знать“.

Въ какой мѣрѣ Петръ цѣнилъ значеніе посредничества иностранныхъ державъ, видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ.

Когда Петръ черезъ барона Гюйсена узналъ, что герцогъ Марльборо былъ готовъ содѣйствовать видамъ царя, если ему дано будетъ княжество въ Россіи, отъ отвѣчалъ: „Обѣщать ему изъ трехъ, которые похочетъ — Кіевское, Владимірское или Сибирское, и ежели онъ учинитъ добрый миръ, то съ онаго княжества по вся годы жизни ему непремѣнно дано будетъ по 50,000 ефимковъ, также камень-рубинъ, какого или нѣтъ или зѣло мало такого величества въ Европѣ, такожъ и орденъ св. Андрея присланъ будетъ“.

Принцу Евгенію Савойскому Петръ предлагалъ польскую корону, графу Вартенбергу большую сумму денегъ, голландцамъ вспомогательное войско для войны съ Франціею, датчанамъ Дерптъ и Нарву [1]) — и все это съ тою цѣлью, чтобы заключить миръ, на основаніи котораго Петербургъ остался бы въ рукахъ Россіи. Даже королю Людовику XIV Петръ чрезъ французскаго посла при Рагоци, Дезальёра, сдѣлалъ предложеніе быть посредникомъ при заключеніи мира между Россіею и Швеціею, за что обѣщалъ Людовику свои войска, которыя король могъ употребить по своему желанію.

Однако заключеніе мира оказывалось невозможнымъ. Всюду предложенія Петра были приняты холодно. Къ тому же Петербургъ казался неодолимымъ препятствіемъ мира. Петръ, въ одной изъ своихъ инструкцій, замѣтилъ: „По самой нуждѣ и Нарву Шведу уступить, а о Питербурхѣ всѣми мѣрами искать удержать за что-нибудь, а о отдачѣ онаго ниже въ мысляхъ имѣть“. Карлъ же отвѣчалъ, что скорѣе пожертвуетъ послѣднимъ жителемъ своего государства, чѣмъ согласится оставить Петербургъ въ рукахъ царскихъ.

Таково было положеніе Россіи около того времени, когда былъ заключенъ Альтранштетскій миръ. Петръ лишился на время своего союзника Августа, оказавшаго царю существенную услугу отвлеченіемъ вниманія короля шведскаго отъ Россіи. Въ то время, когда Карлъ „увязъ въ Польшѣ“ и даже отправился въ Саксонію, Петръ успѣлъ утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря. Дальнѣйшій успѣхъ однако могъ подлежать сомнѣнію. Россія не пользовалась уваженіемъ въ Европѣ; на нее смотрѣли свысока; доказательствомъ тому служило холодное обращеніе съ русскими дипломатами въ западной Европѣ, невниманіе къ предложеніямъ Петра, казнь Паткуля, находившагося въ русской службѣ. Для того, чтобы пріобрѣсти значеніе и вѣсъ въ Европѣ, была необходима побѣда.

---

[1]) Соловьевъ, XV, 211—219. О принцѣ Евгеніи см. Arneth, Eugen von Savoyen I, 420 и слѣд.

III.

Полтава.

Самъ царь не считалъ вѣроятною побѣду, которая такъ скоро должна была перемѣнить всѣ отношенія Россіи къ другимъ державамъ. Военныя событія 1707 года, въ особенности же военныя операціи въ Бѣлоруссіи свидѣтельствуютъ о нѣкоторой робости царя. Долго онъ не рѣшался на сраженіе въ открытомъ полѣ. Нѣсколько разъ онъ предписывалъ своимъ полководцамъ жертвовать припасами, пушками, для спасенія войска, посредствомъ быстраго отступленія. Далѣе онъ заботился объ укрѣпленіи Москвы, ожидая нападенія Карла на древнюю столицу. И въ Польшѣ думали, что Карлъ окажется сильнѣе Петра. Въ то время, когда Петръ находился въ Москвѣ, поляки опять заговорили о возвращеніи Польшѣ Кіева и Малороссіи. Карлъ надѣялся, что ему помогутъ волненія и неудовольствія, проявлявшіеся въ Россіи, гдѣ только что съ большимъ трудомъ покончили съ Астраханскимъ бунтомъ, но гдѣ однако еще продолжался Булавинскій бунтъ. Карлъ говорилъ о своемъ намѣреніи свергнуть съ престола Петра и на его мѣсто возвести принца Якова Собѣскаго. Измѣна Мазепы объясняется тѣмъ, что умный гетманъ побѣду Карла считалъ вѣроятнѣе побѣды Петра.

Полтавскою битвою измѣнилось все въ пользу Россіи и были устранены всѣ сомнѣнія относительно ея будущаго величія. Не даромъ Петръ въ письмѣ къ князю-кесарю Ромодановскому, извѣщая его о „викторіи“, замѣтилъ: „Нынѣ уже безъ сумнѣнія желаніе вашего величества еже резиденцію вамъ имѣть въ Петербурхѣ совершилось чрезъ сей упадокъ конечной непріятеля“. Курбатовъ въ поздравительномъ письмѣ къ царю говорилъ: „Радуйся, яко есть надежда на исполненіе издавна вашего желанія Варяжскаго моря во одержаніи“. Въ письмѣ къ Апраксину Петръ замѣтилъ: „Нынѣ уже совершенно камень во основаніе С.-Петербурга положенъ съ помощію Божіею“.

Полтавская битва произвела сильное печатлѣніе на современниковъ. Тотъ самый Лейбницъ, который послѣ Нарвскаго сраженія желалъ дальнѣйшаго успѣха Швеціи и считалъ возможнымъ занятіе Карломъ XII Москвы и завоеваніе Россіи до Амура, называлъ теперь побѣду царя достопамятнымъ въ исторіи событіемъ и полезнымъ урокомъ для позднѣйшихъ поколѣній. Отъ очевидцевъ онъ узналъ о томъ, какъ храбро сражались русскія войска и выразилъ убѣжденіе, что послѣдніе превосходятъ всѣхъ другихъ. Далѣе онъ считалъ вѣроятнымъ, что Петръ отнынѣ будетъ пользоваться общимъ вниманіемъ и принимать весьма дѣятельное участіе въ дѣлахъ всемірной политики. Лейбницъ понималъ, что между Полтавскою битвою и реформами Петра существовала тѣсная связь. „Напрасно“, писалъ онъ, „опасались чрезмѣрнаго могущества царя, называя его Туркою Сѣвера.

Никто не станетъ препятствовать ему въ дѣлѣ образованія своихъ подданныхъ. Что касается до меня, то я очень радъ водворенію въ Россіи разума и порядка и пр." [1]). Съ барономъ Урбихомъ, русскимъ резидентомъ въ Вѣнѣ Лейбницъ переписывался о медали въ память Полтавской битвы.

Иностранцы, находившіеся въ Россіи, также понимали, что торжествомъ Петра въ области внѣшней политики обусловливалось дальнѣйшее внутреннее развитіе Россіи. Джонъ Перри выразилъ убѣжденіе, что при противоположномъ исходѣ Полтавскаго сраженія неминуемо по всему государству поднялся бы всеобщій бунтъ и что повсемѣстная ненависть къ реформамъ царя повела бы въ реакціи [2]). Этимъ взглядамъ соотвѣтствовалъ позднѣйшій отзывъ Вольтера, замѣтившаго о Полтавской битвѣ, что это единственное во всей исторіи сраженіе, слѣдствіемъ котораго было не разрушеніе, а счастье человѣчества, ибо оно предоставило Петру необходимый просторъ, чтобы идти далѣе по пути преобразованій [3]).

Въ какой мѣрѣ измѣнился взглядъ на Россію за-границею, видно между прочимъ изъ слѣдующаго обстоятельства. Начиная съ 1707 года, между русскимъ и брауншвейгъ-вольфенбюттельскимъ дворомъ происходили переговоры о бракѣ царевича Алексѣя съ принцессою Шарлоттою. Въ октябрѣ 1707 года, тайный совѣтникъ Шлейницъ представилъ герцогу Антону-Ульриху записку, въ которой выражалъ сомнѣніе въ удобствѣ этого брака, указывая между прочимъ на опасное положеніе ненавидимаго въ самой Россіи царя Петра и на ничтожное значеніе его въ ряду государей. „Едва-ли, было сказано въ этой запискѣ, царю будетъ возможно занять видное мѣсто въ Европѣ, [4]) такъ какъ Швеція никогда не рѣшится отказаться отъ прибалтійскаго края въ пользу Россіи и такъ какъ Польша, Голландія и Англія, никогда не допустятъ развитія силъ Россіи на морѣ". Тотчасъ-же послѣ Полтавской битвы совершенно измѣнилось мнѣніе о значеніи Россіи. Въ Вольфенбюттелѣ приходили въ восхищеніе при мысли о сближеніи съ Россіею; вскорѣ было приступлено къ составленію брачнаго договора и дѣло уладилось въ короткое время.

Со стороны Ганноверскаго курфирста было изъявлено желаніе отказаться отъ союза съ Швеціею и сблизиться съ Россіею [5]). Всюду положеніе русскихъ резидентовъ при иностранныхъ дворахъ измѣнилось къ лучшему, всюду самого царя встрѣчали, поздравляли, привѣтствовали съ похвалою и ласками.

---

[1]) Guerrier, 80—82, 87.

[2]) Нѣмецкое изд. соч. Перри, 43—44.

[3]) Histoire de Pierre le Grand, изд. 1803 г. I. стр. 216.

[4]) „Sich in Europa considerabel zu machen". См. соч. Die Kronprinzessin Charlotte, Bonn, 1875, стр. 5—21.

[5]) Guerrier, Leibniz, 80—82.

Когда Петръ выѣхалъ изъ Кіева въ Польшу, въ Люблинѣ его встрѣтилъ оберъ-шталмейстеръ короля Августа, Фицтумъ, посланный поздравить отъ имени короля съ Полтавскою викторіею и пригласить на свиданіе въ Торнъ. Въ мѣстечкѣ Сольцахъ къ царю пріѣхалъ камергеръ прусскаго короля съ поздравленіемъ и приглашеніемъ на свиданіе съ своимъ государемъ. Въ Варшавѣ сенаторы польскіе поздравили его съ викторіей и благодарили за то, что этою викторіею возвратилъ имъ законнаго короля и спасъ ихъ вольность [1]. Къ Екатеринѣ Петръ писалъ: „Лещинской бороду отпустилъ, для того что корона его умерла" [2].

Даже въ денежномъ отношеніи Полтавская битва оказалась чрезвычайно выгодною. Прежде по порученію Петра баронъ Урбихъ предлагалъ Даніи субсидію въ размѣрѣ 500,000 ефимковъ единовременно за союзъ, между тѣмъ какъ Данія требовала большей суммы. Теперь русскому резиденту въ Даніи, князю В. Л. Долгорукому, не смотря на всѣ усилія англійскаго и голландскаго посланниковъ дѣйствовать на перекоръ интересамъ Петра, удалось ввести датскаго короля въ войну безъ субсидій со стороны Россіи. Долгорукому было поручено обѣщать датчанамъ сухопутное войско, матросовъ и по сту тысячъ ефимковъ ежегодно матеріалами, а онъ, заключивъ договоръ въ октябрѣ 1709 г., писалъ съ восторгомъ: „Не далъ я ничего, ни человѣка, ни шелега!" Даже король Людовикъ XIV изъявилъ желаніе вступить въ союзъ съ царемъ, о чемъ сообщилъ Долгорукому секретарь французскаго посольства въ Копенгагенѣ. Извѣщая объ этомъ царя, Долгорукій выставлялъ на видъ, что сближеніе съ Франціею можетъ быть полезнымъ, такъ какъ Людовикъ, видя къ себѣ склонность со стороны Россіи, станетъ продолжать войну за испанское наслѣдство [3].

Такимъ образомъ европейскія державы начали ухаживать за Петромъ и искать дружбы Россіи, чтобы воспользоваться могуществомъ ея для своихъ цѣлей. Примѣромъ тому служилъ образъ дѣйствій прусскаго двора. Въ Маріенвердерѣ происходило свиданіе между королемъ Фридрихомъ I и Петромъ. Король желалъ приступить къ осуществленію своего любимаго проекта, раздѣла Польши; однако Петръ, осторожный, сдержанный, объявилъ, что эта мысль ему кажется неудобоосуществимою и такимъ образомъ Пруссія должна была отказаться отъ этого предположенія. Въ Пруссіи находили, что царь держалъ себя нѣсколько гордо, что въ его образѣ дѣйствій и мыслей проглядывало чувство собственнаго достоинства, возбужденное успѣхомъ русскаго оружія [4]. Когда въ 1710 году Пруссія возобновила предложеніе приступить къ раздѣлу Польши, въ проектѣ было предоставлено царю

---

[1] Соловьевъ, XV, 385 и 386.
[2] Письма русскихъ государей, I, 9.
[3] Соловьевъ, XV, 388—391.
[4] Droysen, Gesch. d. Preuss. Politik, IV, 1, 340.

распредѣлить по своему усмотрѣнію добычу между каждой изъ договорившихся сторонъ, но и на этотъ разъ Петръ уклонился отъ переговоровъ [1]).

Успѣхъ русскаго оружія сильно не нравился и Портѣ. Въ Константинополѣ посланники англійскій и голландскій не переставали дѣйствовать на перекоръ интересамъ Россіи. „Царь московскій, говорили они султану и визирю, ждетъ только окончанія шведской войны, чтобъ покрыть Черное море своими кораблями и послать сухопутное войско на Крымъ и пр.“ [2]). Особенно важная роль, которую Россія играла въ Польшѣ должна была казаться опасною и для Турціи; поэтому въ Константинополѣ не переставали мечтать о мѣрахъ противъ возрастающаго могущества царя. Въ Польшѣ около того времени, когда началась война между Россіею и Турціею, въ 1711 году, ходили слухи о намѣреніи Петра основать „оріентальское цесарство и разорить и разлучить Рѣчь Посполитую“ [3]).

Страшная неудача на Прутѣ не повредила авторитету Россіи въ Европѣ, потому что въ это же самое время продолжались успѣхи въ борьбѣ съ Швеціею. Петръ самъ весьма рельефно выразился на этотъ счетъ въ письмѣ къ Апраксину, въ которомъ онъ увѣдомилъ послѣдняго о необходимости уступки Азова туркамъ: „Хотя и не безъ печали, что лишиться сихъ мѣстъ, гдѣ столько труда и убытковъ положено, однакожъ чаю симъ лишеніемъ другой сторонѣ великое укрѣпленіе, которая несравнительною прибылью намъ есть“ [4]).

Въ прибалтійскомъ краѣ была взята Рига, вся южная Финляндія очутилась въ рукахъ русскихъ; взятіе Эльбинга произвело сильное впечатлѣніе. Начали опасаться болѣе чѣмъ когда-либо чрезмѣрнаго могущества Россіи. Борьба съ Швеціею требовала появленія русскихъ войскъ не только въ Лифляндіи и въ Финляндіи, но также въ сѣверной Германіи и именно то значеніе, которое Петръ наконецъ пріобрѣлъ въ Помераніи, Мекленбургіи и Голштиніи, становилось многимъ державамъ крайне тяжелымъ, невыносимымъ. Начались протесты, затѣвались козни, посыпались полемическія брошюры, бранные памфлеты противъ Россіи и Петра. Между послѣднимъ и его союзниками иногда доходило до временнаго разлада.

Петръ не могъ надѣяться, ни на короля Августа, ни на Данію. Польскій король, уже въ 1704 году, предложилъ Карлу XII союзъ противъ всѣхъ непріятелей, особенно же противъ одного, „котораго назвать не нужно“, т. е. противъ Петра [5]). Теперь же, послѣ взятія рускими города Эльбинга, и въ Пруссіи начали слѣдить за обширными намѣреніями царя. Министры короля Фридриха I ожидали, что Петръ

---

[1]) Тамъ же, 345—349.
[2]) Соловьевъ, VX, 225.
[3]) Соловьевъ, XVI, 76.
[4]) Соловьевъ, XVI, 96.
[5]) Droysen, IV, 1. 284.

станетъ, ранѣе или позже, обращаться съ Пруссіею такъ, какъ онъ обращался съ поляками. Царь сдѣлался частымъ гостемъ на западѣ, являлся то въ Карлсбадѣ, то въ Теплицѣ, Пирмонтѣ или Спа, то въ Берлинѣ, то въ Копенгагенѣ. Всѣхъ онъ удивлялъ неутомимостью, предпріимчивостью, самостоятельностью взглядовъ и мыслей; всѣхъ онъ превосходилъ знаніемъ дѣла, владѣніемъ техники войны, опытностью въ вопросахъ политики. Русскіе посланники, какъ напр. Куракинъ, Матвѣевъ, Долгорукій, отличались ловкостью и энергіею; русскіе полководцы, какъ напр. Меншиковъ, не останавливались ни передъ какимъ препятствіемъ, обращаясь весьма безцеремонно съ жителями тѣхъ странъ, въ которыхъ они находились. Въ Германіи начали говорить о возможности ужаснаго кризиса, вслѣдствіе перевѣса Россіи [1]). Когда русскія войска приступили къ осадѣ Штральзунда и Штетина самъ король прусскій жаловался въ запискѣ къ одному изъ своихъ дипломатовъ на то, что вся Пруссія какъ бы безусловно находится въ рукахъ царя [2]). Непріятности съ союзниками доходили до того, что Петръ изъ Вольгаста писалъ къ Меншикову: „Что дѣлать, когда такихъ союзниковъ имѣемъ и какъ пріѣдешь, самъ увѣдаешь, что никакими мѣрами инако сдѣлать мнѣ невозможно; я себя зѣло безчастнымъ ставлю, что я сюда пріѣхалъ; Богъ видитъ мое доброе намѣреніе, а ихъ лукавство; я не могу ночи спать отъ сего трактованья“.

Особенно опасною могла сдѣлаться Англія. Тамъ съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣли на вступленіе русскихъ войскъ въ Померанію. Утверждали, что въ Карлсбадѣ у царя съ англійскимъ посланникомъ Витвортомъ, произошелъ по поводу этого предмета очень крупный разговоръ, такъ что посланникъ счелъ благоразумнымъ удалиться. Англійскій дипломатъ Страффордъ внушалъ вліятельнымъ людямъ въ Голландіи, что если царь будетъ имѣть гавани на Балтійскомъ морѣ, то вскорѣ можетъ выставить свой флотъ ко вреду не только сосѣдямъ, но и отдаленнымъ государствамъ. Англійское купечество, торговавшее на Балтійскомъ морѣ, подало королевѣ Аннѣ записку, въ которой говорилось, „что если царь будетъ имѣть свои гавани, то русскіе купцы станутъ торговать на своихъ коробляхъ со всѣми странами, тогда какъ прежде ни во Францію, ни въ Испанію, ни въ Италію не ѣздили, а вся торговля была въ рукахъ англичанъ и голландцевъ; кромѣ того усилится русская торговля съ Даніей и Любскомъ“. Куракину Страффордъ объявилъ: „Натурально, что Англія никогда не хочетъ видѣть въ раззореніи и безсиліи корону шведскую; намѣреніе Англіи—содержать всѣ державы на сѣверѣ въ прежнемъ равновѣсіи... Ливоніи нельзя отнять у Швеціи; надѣюсь, что вашъ государь удовольствуется Петербургомъ и пр.“

---

[1]) Droysen, 289, 381.
[2]) Тамъ же. 421—430.

Но царь не шутилъ. Послѣ всѣхъ успѣховъ русскаго оружія, онъ могъ говорить рѣшительно и рѣзко. Въ разговорѣ съ англійскимъ дипломатомъ Гоусомъ, онъ замѣтилъ: „Я готовъ съ своей стороны явить всякую умѣренность и склонность къ миру, но съ условіемъ, чтобы медіаторы поступали безъ всякихъ угрозъ, съ умѣренностью; въ противномъ случаѣ, я вотъ что сдѣлаю: раззорю всю Ливонію и другія завоеванныя провинціи, такъ что камня на камнѣ не останется; тогда ни шведу, ни другимъ, претензіи будетъ имѣть не къ чему". Передавая эти слова своему правительству, Гоусъ замѣтилъ, что съ царемъ надобно поступать осторожно, что враждебными дѣйствіями принудить его ни къ чему нельзя. „Сіе донесеніе", писалъ Куракинъ, „нашимъ дѣламъ не малую пользу учинило" [1]).

Мы видимъ, что въ одно и то же время на западѣ боялись Россіи, ненавидѣли ее и искали союза съ нею. Не даромъ Лейбницъ, въ письмѣ къ курфюрсту Ганноверскому, выставляя на видъ необходимость сближенія съ Россіею, говоритъ: „Я убѣжденъ въ томъ, что Россія будетъ на сѣверѣ имѣть то самое значеніе, которое до этого имѣла Швеція и что даже она пойдетъ еще гораздо дальше. Такъ какъ этотъ государь весьма могущественъ, то по моему мнѣнію должно считать большою выгодою пользоваться его расположеніемъ и довѣріемъ" [2]).

Однако политическое положеніе Россіи нѣсколько ухудшилось, благодаря окончанію войны за испанское наслѣдство. Державы, занятыя до того борьбою съ Людовикомъ XIV могли теперь свободнѣе прежняго дѣйствовать противъ Петра. Даже самый постоянный и надежный союзникъ его, прусскій король, по временамъ находилъ перевѣсъ Россіи въ нѣкоторыхъ европейскихъ дѣлахъ невыносимымъ. Особенно же Петръ жаловался на министровъ Фридриха-Вильгельма I, всегда готовыхъ дѣйствовать въ пользу Швеціи. О самомъ же королѣ онъ писалъ Меншикову, что онъ „политическихъ дѣлъ неискусенъ". Дѣло въ томъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ не желалъ предпринимать ничего рѣшительнаго противъ Швеціи, говоря, что Пруссія нуждается въ отдыхѣ для приведенія въ порядокъ своихъ финансовъ. Не разъ однако король говорилъ о своей дружбѣ и своемъ расположеніи къ Петру, которому совѣтовалъ не уступать Лифляндіи ни Швеціи, ни Польшѣ. Въ такомъ духѣ король даже говорилъ о Петрѣ съ шведскимъ посланникомъ [3]). Когда прусскій министръ Ильгенъ представилъ королю записку о необходимости сближенія съ Швеціею и ограниченія власти царя, король замѣтилъ: „Пожалуй; но царь дол-

---

[1]) Сол. XVII, 4—24.

[2]) „Il semble, qu'il est important d'avoir quelque crédit auprès de luy". Guerrier, Приложеніе, 139.

[3]) См. подробности у Соловьева XVII, 16—17; но едва ли разсказъ о случившейся за обѣдомъ у короля въ присутствіи Головина бесѣдѣ между Фридрихомъ-Вильгельмомъ и Фридендорфомъ правдоподобенъ.

женъ получить Петербургъ, Лифляндію и Курляндію". Такимъ образомъ между министромъ и королемъ существовало несогласіе. Ильгенъ считалъ возможною даже войну между Пруссіею и Россіею, король же не переставалъ отстаивать интересы своего союзника. Между обѣими державами былъ заключенъ союзный договоръ; Петръ и Фридрихъ-Вильгельмъ взаимно гарантировали другъ другу пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ шведскихъ областей [1]). Въ бесѣдѣ съ Головинымъ король, жалуясь на французовъ, замѣтилъ: „Теперь я ни на кого такъ не надѣюсь, какъ на царское величество, а главное питаю особенную любовь къ персонѣ его царскаго величества" [2]).

Но вмѣстѣ съ этимъ личнымъ уваженіемъ къ Петру замѣчалось сильное недовѣріе къ Россіи. Когда сдался городъ Висмаръ союзнымъ войскамъ, датскіе, ганноверскіе и прусскіе генералы не хотѣли дозволить, чтобы русскія войска наравнѣ съ другими вступили въ городъ. Петръ былъ раздраженъ этимъ эпизодомъ и съ нѣкоторою рѣзкостью говорилъ особенно о датскомъ королѣ. Фридрихъ Вильгельмъ прусскій испугался и разсердился. Въ письмѣ къ Ильгену, онъ замѣтилъ: „Я, слава Богу, не нахожусь въ такомъ положеніи, въ какомъ находится король Даніи, котораго Москвитяне бранятъ и порицаютъ безцеремонно; да будетъ знать царь, что со мною нельзя обращаться, какъ съ какимъ-нибудь датскимъ или польскимъ королемъ, иначе я его проучу [3]).

IV.

Кризисъ на сѣверѣ.

Натянутость отношеній Петра къ западно-европейскимъ державамъ легко могла повести къ нѣкоторому кризису. Войска царя находились въ Германіи, флотъ его крейсировалъ въ Балтійскомъ морѣ. Союзники Петра считали возможнымъ, что онъ воспользуется своею фактическою властью для какого-либо чрезвычайно смѣлаго предпріятія противъ одного изъ союзниковъ. Въ 1716 году опасались внезапнаго нападенія Петра на Копенгагенъ.

Событія этого времени достойны особеннаго вниманія.

Послѣ нанесенія ударовъ шведамъ въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Германіи, союзники,—Данія и Россія, намѣревались напасть на самую Швецію. Соединенныя эскадры царя и короля должны были отправиться къ берегамъ Шоніи и высадить тамъ русскія и датскія войска. Съ этою цѣлью русскій флотъ прибылъ къ Копенгагену; побывавъ въ

---

[1]) Droysen, IV, 76—89.

[2]) Соловьевъ XVII, 44.

[3]) „Der Zar soll wissen, dass er mit keinem König von Polen oder Dänemark zu thun hat, aber mit einem Preussen, der ihm den Kopf mit den Kolben lausen wird". Droysen, IV, 2, 157—158.

Пирмонтѣ, самъ царь отправился въ Ростокъ, а оттуда въ Копенгагенъ. Въ Даніи, между тѣмъ, продолжались приготовленія къ тому предпріятію, которымъ союзники надѣялись принудить Карла XII къ заключенію выгоднаго мира.

Но предпріятіе это не состоялось. Царь ограничился рекогносцировкою, сдѣланною около шведскаго берега, который былъ сильно укрѣпленъ. Нѣкоторыя изъ русскихъ судовъ, въ томъ числѣ и корабль, на которомъ находился самъ Петръ, были повреждены пушечными выстрѣлами съ шведскихъ батарей. Данія медлила; настала осенняя погода; наконецъ царь самъ отказался отъ предпріятія на Шонію, подозрѣвая, что союзники желаютъ его погибели. По крайней мѣрѣ онъ писалъ Екатеринѣ: „О здѣшнемъ объявляемъ, что болтаемся туне; ибо что молодыя лошади въ каретѣ, такъ наши соединенные (союзники), а наипаче коренныя; сволочь хотятъ, да коренныя не думаютъ" [1]). Въ другомъ письмѣ царь жаловался на медленность датчанъ, желавшихъ заставить русскихъ сдѣлать высадку въ осеннее, самое неудобное время, „вѣдая, что когда въ такое время безъ разсужденія пойдемъ, то или пропадемъ или такъ отончаемъ, что по ихъ музыкѣ танцовать принуждены будемъ".

Данія въ свою очередь обвиняла царя въ томъ, что онъ нарочно медлилъ перевозкою своихъ войскъ и теперь, подъ предлогомъ поздняго времени, не хочетъ высаживаться на шведскіе берега, потому что находится въ сношеніяхъ съ шведскимъ правительствомъ. Датскій король въ особенной „декларацiи о причинахъ, заставившихъ его отказаться отъ предполагаемаго дессанта" [2]) сваливалъ всю вину на царя. Между союзниками существовалъ полный разладъ. Въ личныхъ сношеніяхъ между Петромъ, прибывшемъ въ августѣ 1716 года въ Копенгагенъ и датскимъ королемъ, происходили разныя недоразумѣнія. Король, какъ кажется, уклонялся отъ объясненій съ царемъ; нѣсколько разъ случалось, что Петръ, желавшій видѣть короля, не былъ допущенъ къ нему и т. п. [3]).

Въ Пруссіи тогда разсказывали, будто Петръ, за оказанную Даніи помощь требовалъ датской Помераніи и что Данія не только согласилась на эту уступку, но даже предлагала царю въ добавокъ Штетинъ. Все это должно было возбудить сильное негодованіе короля Фридриха-Вильгельма I на царя [4]).

Въ Копенгагенѣ говорили, что надобно беречь столицу датскаго короля: тамъ всполошились; поставили всю пѣхоту по валамъ и ам-

---

[1]) Письма русскихъ государей, I, 49.

[2]) Декларація эта напечатана въ введеніи брошюры „La crise du Nord", явившейся въ 1717 году.

[3]) См. донесенія Лосса къ Мантейфелю, сообщенныя проф. Германомъ въ Сборникѣ историческаго общества, т. XX, 61—64.

[4]) Droysen, Gesch. d. Preuss. Politik. IV, 2, 174.

бразуры на валахъ прорѣзали [1]). Жителямъ Копенгагена тайкомъ внушили, что необходимо вооружиться для отраженія ожидаемаго нападенія Русскихъ [2]).

Въ то самое время, когда около Копенгагена находились эскадры Даніи, Голландіи, Англіи и Россіи и когда царь Петръ среди этихъ флотовъ игралъ почетную роль главнаго адмирала, со стороны Англіи серьезно намѣревались нанести страшный ударъ царю, русскому флоту и русскому войску. Англичане хотѣли разомъ положить конецъ значенію Россіи на Балтійскомъ морѣ. Король Георгъ I поручилъ адмиралу Норрису напасть на русскіе корабли и транспортныя суда, арестовать самого Петра и этимъ самымъ принудить послѣдняго со всѣмъ своимъ войскомъ и флотомъ тотчасъ же удалиться въ Россію. Къ счастью для Россіи англійскіе министры выставляли на видъ, что столь насильственный образъ дѣйствій можетъ имѣть чрезвычайно пагубныя послѣдствія и что прежде всего пострадаютъ англійскіе купцы, находящіеся въ Россіи. О Норрисѣ же говорятъ, что онъ брался уничтожить весь русскій флотъ и перерѣзать въ одну ночь всѣ русскія войска, находившіяся на островѣ Зееландіи. Но до этого не дошло и англичане довольствовались строгимъ наблюденіемъ за дѣйствіями царя, въ намѣреніи непремѣнно при первомъ случаѣ положить конецъ значенію русскаго флота на Балтійскомъ морѣ. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ англичане отзывались тогда о царѣ, который, какъ полагали, для утвержденія своего господства на Балтійскомъ морѣ, мечталъ о присоединеніи Мекленбургіи къ Россіи [3]). Поэтому король Георгъ I обратился къ императору Карлу VI съ требованіемъ, чтобы тотъ въ качествѣ главы Германской имперіи думалъ бы о средствахъ къ спасенію сѣверной Германіи отъ перевѣса Петра и принудилъ бы послѣдняго удалиться въ Россію [4]). Изъ Ганновера не переставали приходить въ Берлинъ внушенія, что царь хочетъ овладѣть Гамбургомъ, Любекомъ, Висмаромъ и укорениться въ имперіи. Къ счастью для Петра, Фридрихъ-Вильгельмъ I оставался его вѣрнымъ союзникомъ, обо всемъ сообщалъ русскому посланнику Головкину, возобновилъ союзъ съ царемъ въ Гавельсбергѣ и въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ говорилъ о Россіи [5]).

Петръ съ нѣкоторою гордостью могъ смотрѣть на результаты своихъ усилій. Въ письмѣ къ царевичу Алексѣю отъ 11 октября 1715 г. онъ говоритъ: „Всѣмъ извѣстно есть, что предъ начинаніемъ сея войны нашъ народъ утѣсненъ былъ отъ шведовъ, которые не только огра-

---

[1]) Соловьевъ, XVII, 59.

[2]) Дройзенъ, IV, 2, 174.

[3]) См. подробности въ сочиненіи Магона, History of England, London, 1839, I, 338. Англичане говорили: „It is certain, that if the Czar be let alone three years, he will be absolute master in those seas“. Mahon, 342.

[4]) Droysen, IV, 2, 177—181.

[5]) См. Соловьевъ, XVII, 61 и Дройзенъ, IV, 2, 210.

били толь нужными отеческими пристаньми, но и разумнымъ очамъ къ нашему нелюбозрѣнію добрый задернули завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли. Но потомъ, когда сія война началась (которому дѣлу единъ Богъ руководцемъ былъ и есть), о, коль великое гоненіе отъ сихъ всегдашнихъ непріятелей, ради нашего неискусства въ войнѣ претерпѣли и съ какою горестію и терпѣніемъ сію школу прошли, дондеже достойной степени вышерѣченнаго руководца помощію дошли! И тако сподобилися видѣть, что оный непріятель, отъ котораго трепетали, едва не вящшее отъ насъ нынѣ трепещетъ. Что все, помогающу Вышнему, моими бѣдными и прочихъ истинныхъ сыновъ Россійскихъ равноревностныхъ трудами достижено". Говоря затѣмъ о значеніи военнаго искусства царь замѣчаетъ, что „воинскимъ дѣломъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли, и которыхъ не знали въ свѣтѣ, нынѣ почитаютъ" [1]).

Царь былъ правъ. Россію почитали, Россіи боялись. Существовала цѣлая литература объ этомъ предметѣ въ европейской публицистикѣ. Укажемъ на нѣкоторыя изъ такихъ сочиненій.

Въ 1711 году, явилась брошюра подъ заглавіемъ: „Безпристрастное обсужденіе возбужденнаго нынѣ всюду политическаго вопроса, не нарушается ли громаднымъ могуществомъ его царскаго величества интересы большей части христіанскихъ государей" [2])? Въ различныхъ брошюрахъ встрѣчаются жалобы на образъ дѣйствій русскихъ войскъ въ Помераніи, Мекленбургіи и Голштиніи. Побѣды Россіи въ одной брошюрѣ названы предвѣщаніемъ свѣтопреставленія. Важнѣйшее мѣсто между этими произведеніями публицистики, занимаетъ явившаяся въ переводѣ съ англійскаго языка въ 1717 году брошюра: „Кризисъ сѣвера или безпристрастное разсужденіе о политикѣ царя, по поводу датской деклараціи относительно несостоявшагося дессанта въ Шоніи". Авторомъ англійскаго подлинника, который, какъ кажется, вовсе не былъ напечатанъ, считался графъ Карлъ Гилленборгъ.

Содержаніе этой брошюры слѣдующее: послѣ общей характеристики Петра, его способностей, его „чисто политическаго духа", говорится о его честолюбіи, о его страсти къ накопленію богатствъ и къ расширенію могущества, о его путешествіи по Европѣ въ 1697—98 гг. и особенно о его пребываніи въ Англіи, имѣвшемъ цѣлью дать Россіи возможность построить флотъ. Далѣе указано не безъ сожалѣнія на неосторожность королей польскаго и датскаго при заключеніи союза съ царемъ, на умѣніе Петра воспользоваться ошибками, сдѣланными Карломъ XII и на основаніе Петербурга. Затѣмъ слѣдуетъ очеркъ исторіи дипломатическихъ переговоровъ о мирѣ, краткое замѣчаніе о значеніи Полтавской битвы и указаніе на намѣ-

[1]) Устряловъ, Ист. Петра Вел. VI, 346—347.

[2]) См. полное заглавіе въ сочиненіи Минцлофа „Pierre le Grand dans la littérature. St.-Pet. 1872, стр. 337.

реніе Петра завоевать не только Лифляндію, Эстляндію и Финляндію, но со временемъ и всю Швецію. Въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ говорится о коварствѣ Петра въ обращеніи съ союзниками, т. е. съ Польшею и Даніею, которыхъ онъ заставлялъ будто попустому тратить силы и средства на борьбу съ Швеціею, съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи тѣмъ удобнѣе воспользоваться изнеможеніемъ этихъ государствъ для своихъ честолюбивыхъ плановъ. Такимъ образомъ, продолжаетъ авторъ, Россія сдѣлается въ ближайшемъ будущемъ соперницею Англіи, захвативши въ свои руки всю торговлю на сѣверѣ Европы, а также торговлю съ Персіею и Турціею, что при успѣшномъ развитіи промышленности въ Россіи становится еще болѣе вѣроятнымъ и удобоосуществимымъ. Наконецъ авторъ прямо обвиняетъ Петра въ томъ, что онъ имѣлъ въ виду взять себѣ островъ Готландъ, но убѣдившись въ невозможности привести въ исполненіе этотъ планъ, онъ отказался отъ участія въ предпріятіи на Шонію, чѣмъ нанесъ сильный ущербъ интересамъ своихъ союзниконъ. Потомъ говорится о слухахъ, касательно тайныхъ переговоровъ между Петромъ и Карломъ XII: такой образъ дѣйствій, автору кажется предосудительнымъ; Петръ характеризуется какъ интригантъ, каждую минуту готовый жертвовать пользою своихъ союзниковъ. Изъ всего этого, по мнѣнію автора, слѣдуетъ, что царь сдѣлался чрезвычайно опаснымъ для всей Европы, и т. д. Поэтому нужно остерегаться его, противудѣйствовать ему и между прочимъ препятствовать сближенію Карла XII съ Петромъ. Иначе же все христіанство не перестанетъ безпокоиться. Однимъ словомъ дѣло дошло до **кризиса** и это обстоятельство заставляетъ каждаго желать мира и покоя. Нужно всѣми мѣрами стараться возвратить Швеціи ея прежнее значеніе. На этой мысли авторъ останавливается подробнѣе. Въ видахъ интересовъ Европы вообще, а Англіи и Голландіи въ особенности, возстановленіе прежняго положенія на сѣверо-востокѣ, каково оно было до 1700 года, казалось автору необходимымъ средствомъ водворенія мира и тишины. Ничтожность Россіи считалась условіемъ счастья Европы.

Если въ самомъ дѣлѣ шведскій посланникъ въ Лондонѣ, Гилленборгъ, былъ авторомъ этой брошюры [1]), то Петръ тѣмъ болѣе могъ радоваться эпизоду, приключившемуся съ этимъ дипломатомъ въ самое время появленія въ печати этого, направленнаго противъ Росіи сочиненія. Гилленборгъ былъ арестованъ, какъ соучастникъ заговора противъ короля Георга, задуманнаго партіею претендента (Іакова III). Какъ былъ радъ Петръ этому случаю, видно изъ его письма къ Апраксину: „Нынѣ не правда-ль моя, что всегда я за здоровье сего начичинателя (Карла XII) пилъ? ибо сего никакою цѣною не купишь, что самъ сдѣлалъ“ [2]).

---

[1]) См. Минцлофа, стр. 349.

[2]) Соловьевъ, XVII, 65.

Проповѣдуемые авторомъ брошюры „La crise du Nord“ сближеніе между Англіею и Швеціею не состоялось; за то происходило сближеніе между Россіею и Франціею, распространеніе дипломатическихъ сношеній Россіи до самой Италіи, въ то время, при кардиналѣ Альберони, имѣвшей большое значеніе и могшей сдѣлаться весьма полезнымъ союзникомъ Россіи въ борьбѣ съ Англіею, если таковая борьба становилась неизбѣжною.

До этой борьбы не дошло. Положеніе Россіи оказалось выгоднымъ. Англія въ послѣднее время Сѣверной войны ограничивалась демонстраціями, отправляя нѣсколько разъ свой флотъ въ Балтійское море, какъ бы защищая Швецію, но въ дѣйствительности ничего не дѣлая для защиты Швеціи. Всѣ старанія недоброжелателей Россіи лишить ее результатовъ войны, возстановить, какъ выражались англійскіе дипломаты, на сѣверѣ Европы прежнее равновѣсіе, оказались тщетными.

Дѣйствительно Петръ, между прочимъ во время конгресса на Аландскихъ островахъ, не особенно заботился объ интересахъ своихъ союзниковъ. Авторъ брошюры „La crise du Nord“ справедливо обвинялъ царя въ невниманіи къ выгодамъ Польши, Даніи и даже Пруссіи. Мы знаемъ, что, въ письмѣ къ Остерману Петръ поручилъ ему сказать Герцу: „Если король уступитъ намъ провинціи, которыя теперь за нами (кромѣ Финляндіи), то мы обяжемся помочь ему вознаградить его потери въ другомъ мѣстѣ, гдѣ ему нужно“ [1]). Еще яснѣе царь писалъ немного позже къ Остерману: „Всего лучше искать вознагражденія изъ земель англійскаго короля (ганноверскаго курфирста), сверхъ возвращенія Бремена и Вердена и что, по вашему мнѣнію, мы не откажемъ помочь имъ въ этомъ“. Наконецъ даже Петръ изъявилъ готовность дѣйствовать въ пользу претендента Якова III [2]). Однимъ словомъ въ Англіи не даромъ безпокоились, но тѣмъ не менѣе ничего рѣшительнаго не было предпринято противъ Россіи. Попытка испугать Россію появленіемъ въ Балтійскомъ морѣ англійскаго флота не удалась. Когда Норрисъ сообщилъ Апраксину, командовавшему въ Ревелѣ, что онъ явился съ флотомъ, чтобы содѣйствовать заключенію мира, Апраксинъ отвѣчалъ, что англійскій король въ такомъ случаѣ лучше сдѣлалъ бы отправивъ въ Россію дипломата для переговоровъ [3]). Англійскій флотъ былъ свидѣтелемъ повторявшихся нападеній русскихъ войскъ на берега Швеціи, въ Англіи оппозиція смѣялась надъ подвигами королевскаго флота, такъ что наконецъ Англія не возобновляла болѣе попытокъ къ посредничеству.

Благодаря стойкости Петра и значенію, пріобрѣтенному Россіею въ продолженіе Сѣверной войны, миръ былъ заключенъ не въ духѣ

---

[1]) Соловьевъ, XVII, 233.
[2]) Тамъ-же. 236—237.
[3]) Тамъ-же. 330.

предложеній въ брошюрѣ „La crise du Nord", а соотвѣтственно съ настоящимъ интересомъ и значеніемъ Россіи, какъ первоклассной державы.

V.

Императорскій титулъ.

Въ 1713 году Меньшиковъ писалъ князю Василію Лукичу Долгорукому въ Копенгагенъ: „Во всѣхъ курантахъ печатаютъ государство наше Московскимъ, а не Россійскимъ, и того ради извольте у себя сіе престеречь, чтобъ печатали Россійскимъ, о чемъ и къ прочимъ ко всѣмъ дворамъ писано" [1]). Превращеніе Московскаго царства въ Россійскую имперію было однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ Сѣверной войны. Въ Москвѣ былъ рѣшенъ вопросъ о нападеніи на Швецію въ 1700 году. Въ Петербургѣ въ 1721 году заключенъ миръ. Многое измѣнилось и въ общей европейской системѣ государствъ во время Сѣверной войны. Чуть ли не важнѣйшимъ результатомъ былъ обнаружившійся въ эту эпоху упадокъ Польши. Одинъ венеціанскій дипломатъ дѣлаетъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе: „Царь, которому Польша нѣкогда предписывала законы, теперь повелѣваетъ въ Польшѣ по своему усмотрѣнію и съ неограниченнымъ авторитетомъ [2]). Въ продолженіе этого времени замѣчательнѣйшій и постоянный союзникъ Россіи, бранденбургскій курфирстъ, превратился въ прусскаго короля. Такимъ образомъ къ концу этой войны на сѣверо-востокѣ Европы существовали двѣ новыя первоклассныя державы: Пруссія и Россія. Центръ тяжести обще-европейской политики, до того лежавшій на юго-западѣ Европы и находившійся главнымъ образомъ въ рукахъ романскихъ народовъ католическихъ странъ, перешелъ теперь къ восточной Европѣ. Значеніе Россіи совершенно измѣнило прежнюю систему государствъ. Сохраненіе прежняго равновѣсія на сѣверѣ Европы оказалось невозможнымъ. Швеція лишилась своего авторитета. Карлъ XII. превосходившій Петра стратегическими способностями, оказался вполнѣ несостоятельнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Тогда какъ Карлъ не имѣлъ точныхъ понятій объ интересахъ Швеціи, Петръ систематически старался достигнуть задуманной имъ соотвѣтственно съ настоящими выгодами Россіи цѣли. Для Карла война была игрою, для Петра, какъ онъ самъ говорилъ, школою.

Оканчивая войну на сѣверѣ Петръ сказалъ по случаю празднества: „Должно всѣми силами благодарить Бога, но, надѣясь на миръ. не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи Греческой".

---

[1]) Соловьевъ, XVII, 404.
[2]) Ranke, Die grossen Mächte, Werke XXIV, 17.

Скоро послѣ этого началась Персидская война, за которою съ большимъ вниманіемъ слѣдили на западѣ Европы. Въ іюнѣ 1722 года русскій резидентъ Ланчинскій писалъ изъ Вѣны, что тамъ главное содержаніе разговоровъ составляютъ военныя дѣйствія русскихъ въ Персіи; разсматривали дѣло съ разныхъ сторонъ; особенно толковали, что Петръ, занявши значительнѣйшія мѣста на Каспійскомъ морѣ, станетъ хлопотать объ установленіи сообщеній съ Индіею вплоть до Персидскаго залива. Въ Вѣнѣ рѣдко кто не имѣлъ у себя на столѣ карты Азіи для наблюденія за ходомъ событій. Англійская партія внушала, какъ неблагоразумно поступало австрійское правительство, не заключивши съ Англіею союза противъ Россіи до Ништатскаго мира, а теперь царь своими завоеваніями въ Персіи можетъ основать государство сильнѣе Римскаго [1]). Куракинъ также писалъ изъ Гаги о впечатлѣніи, произведенномъ Персидскою войною: „Не могу умолчать о всѣхъ здѣшнихъ разсужденіяхъ и славѣ персональной вашего императорскаго величества, понеже сія война персидская въ короткомъ времени съ такимъ великимъ прогрессомъ слѣдуетъ, что весьма всѣмъ удивительна; наипаче же во время ситуаціи дѣлъ сходныхъ въ Европѣ начата и слѣдуетъ, что никто онымъ намѣреніямъ помѣшать не можетъ, и такъ великая слава имени вашего превзошла въ высшій тотъ градусъ, что ни которому монарху чрезъ многіе секули могли приписать. Правда же желюзія не убавляется отъ многихъ потенцій, но паче умножается о великой потенціи вашего величества; но что могутъ дѣлать? токмо паціенцію имѣть. Всѣ потенціи завистливыя и злонамѣренныя къ великой потенціи вашего величества, радуются, что ваше величество въ войнѣ персидской окупацію имѣете, желая, чтобъ оная продолжалась на нѣсколько лѣтъ, дабы они съ сей стороны крѣпче стать могли [2])“.

Изъ послѣднихъ выраженій видно, въ какой мѣрѣ предпріимчивость Петра внушала опасенія разнаго рода западно-европейскимъ державамъ. Не даромъ англійскій посланникъ въ Константинополѣ, обращая вниманіе визиря на опасность, грозившую и Турціи вслѣдствіе русско-персидской войны, замѣтилъ въ своемъ меморіалѣ: „Порта должна беречься Россіи, бороться съ которою легко, ибо русскій государь не въ дружбѣ ни съ однимъ изъ европейскихъ государей; всѣ они ему злодѣи [3]).

При такихъ обстоятельствахъ, при такой „желузіи“ европейскихъ государей, бывшихъ „злодѣями“ Петру, спрашивалось, какъ подѣйствуетъ на западную Европу принятіе Петромъ императорскаго титула?

Пруссія и Нидерланды немедленно признали Петра императоромъ. Иначе къ этому вопросу отнесся вѣнскій дворъ. Когда Ланчинскій

---

[1]) Соловьевъ, XVIII, 96.
[2]) Соловьевъ, XVIII, 134.
[3]) Соловьевъ, XVIII, 66.

сообщилъ императору Карлу VI о принятіи Петромъ новаго титула, Карлъ отвѣчалъ на это „толь невнятно и толь скоро", что Ланчинскій ничего не могъ понять. Ланчинскій доносящ объ этомъ, прибавляетъ: „Не могъ я требовать у его величества экспликаціи, для того, что многіе примѣры есть, что когда въ чемъ не изволитъ себя изъяснить, то и повторнѣ невнятно же отвѣтствовать обыкъ, и въ таковыхъ случаяхъ чужестранные себя адресуютъ къ имперскому вице-канцлеру". Вице-канцлеръ все извинялся, что не имѣлъ времени говорить съ цесаремъ; другіе министры отмалчивались; между ними была рознь: одни говорили, что лучше заранѣе признать титулъ и тѣмъ одолжить царя, нежели современемъ послѣдовать примѣру другихъ; что первенство между императорами все же останется за цесаремъ священной Римской имперіи. Другіе говорили, что если признать императорскій титулъ царя, то и король англійскій потребуетъ того же, подъ предлогомъ, что англичане издавна свою корону зовутъ императорскою (the imperial crown), а потомъ и другіе короли, у которыхъ нѣсколько королевствъ, будутъ искать того же: такимъ образомъ императорское отличіе уничтожится. Придворный поэтъ Невелъ подвергся преслѣдованію и насмѣшкамъ за то, что по поводу Ништатскаго мира написалъ стихи въ честь Петра, котораго назвалъ августѣйшимъ. Въ концѣ 1721 года отправлены были отъ цесаря двѣ грамоты къ новому императору, и обѣ со старымъ титуломъ. Рѣшеніе дѣла было отложено.

Во Франціи регентъ сказалъ Долгорукому о признаніи императорскаго титула: „Еслибъ это дѣло зависѣло отъ меня, то я бы исполнилъ желаніе его величества; но дѣло такой важности, что надобно объ немъ подумать".

Въ Польшѣ тоже возникли затрудненія. Сенаторы опасались, кто если Рѣчь Посполитая согласится признать Петра императоромъ, то не дастъ ли этотъ титулъ будущимъ государямъ русскимъ претензіи на русскія области, находящіяся подъ польскимъ владычествомъ. Переговоры объ этомъ затянулись и вопросъ остался открытымъ.

Въ Даніи согласились признать Петра императоромъ не иначе, какъ съ условіемъ гарантіи Шлезвига или, по крайней мѣрѣ, удаленія герцога голштинскаго изъ Россіи [1]).

Явилось опять нѣсколько брошюръ, въ которыхъ разсматривался вопросъ о правѣ Петра назвать себя императоромъ. Въ одной изъ этихъ брошюръ авторъ старался доказать подложность письма императора Максимиліана I къ великому князю Василію Ивановичу, въ которомъ послѣдній былъ названъ императоромъ и на которое между прочимъ ссылался Петръ при принятіи императорскаго титула [2]). Въ другой брошюрѣ обсуждался вопросъ, не заключается ли въ принятіи

[1]) Соловьевъ, XVII, 391, XVIII, 81, 107, 120.

[2]) См. подробности объ этомъ сочиненіи въ книгѣ Минцлофа, стр. 396.

Петромъ новаго титула нѣкоторый ущербъ для достоинства императора германскаго и для другихъ европейскихъ государей, на что авторъ отвѣчалъ утвердительно. Въ другихъ брошюрахъ однако вопросъ рѣшался въ пользу Петра. Имъ занимались не только публицисты, но и ученые юристы. Не разъ въ то время этотъ вопросъ служилъ предметомъ диспутовъ въ университетахъ [1]).

Значеніе Россіи принудило всѣ державы ранѣе или позже помириться съ мыслію объ имперіи Россійской. Признаніе новаго титула состоялось со стороны Швеціи въ 1723 г., Турціи въ 1739 г., Англіи и Австріи въ 1742 г., Франціи и Италіи въ 1745 г., Польши въ 1764 г. [2]).

На западѣ надѣялись, что перемѣна на престолѣ Россіи лишитъ это государство значенія, пріобрѣтеннаго при Петрѣ. На этотъ счетъ чрезвычайно любопытны слѣдующія данныя.

Еще въ то время, когда Петръ былъ живъ, въ Польшѣ разнесся слухъ о его кончинѣ. Изъ Могилева, Рудаковскій, не зная еще о кончинѣ государя, написалъ на имя Петра любопытное донесеніе: „Въ здѣшнихъ краяхъ отъ злоковарственныхъ и злозамышляющихъ враговъ публикуются сердце и утробу мою проникающія вѣдомости, что будто ваше императорское величество соизволилъ переселиться въ небесные чертоги, чему я, рабъ вашъ, не имѣя извѣстія отъ двора вашего величества, весьма вѣры дать не могу. Слыша объ этомъ, мухи мертвыя носъ поднимать начинаютъ, думаютъ, что Русская имперія уже погибла, всюду радость, стрѣльба и попойки, и мнѣ отъ ихъ похвальбы изъ Могилева выѣзжать нельзя, да и въ Могилевѣ жизнь моя не безопасна“.

Узнавъ о кончинѣ Петра, русскій резидентъ въ Стокгольмѣ, Михаилъ Петровичъ Бестужевъ, поѣхалъ ко двору и „увидалъ короля и его партизановъ въ немалой радости“. Новой государынѣ, Екатеринѣ I, Бестужевъ писалъ: „Дворъ сильно надѣялся, что отъ такого внезапнаго случая въ Россіи произойдетъ великое замѣшательство и всѣ дѣла ниспровергнутся... намѣреніе здѣшняго двора было въ мутной водѣ рыбу ловить и пр.“.

Когда въ Копенгагенѣ получено было извѣстіе о кончинѣ Петра, то оно произвело неописанную радость; по словамъ русскаго резидента Ал. Петр. Бестужева, „изъ первыхъ при дворѣ яко генерально и всѣ подлые съ радости опилися было“. Королева въ тотъ же день въ четыре церкви для нищихъ и въ госпитали послала тысячу ефимковъ подъ предлогомъ благодарности Богу за выздоровленіе короля; но въ городѣ повсюду говорили, что королева благодарила Бога за другое, потому что король выздоровѣлъ уже недѣлю тому назадъ, да

---

[1]) См. напр. брошюры Гундлинга, Отто и проч. Объ этихъ трудахъ см. Минцлофа, 396 и слѣд.

[2]) Градовскій. Начала Русск. Гос., пр. I, 156.

и прежде король часто и опаснѣе болѣлъ, однако королева ни гроша ни въ одну церковь не посылала. Только король велъ себя прилично и сердился на тѣхъ, которые обнаруживали нескромную радость. Радость происходила отъ того, что ожидали смуты въ Россіи; восторгъ прекратился, когда слѣдующая почта привезла извѣстіе, что Екатерина признана самодержавною императрицею безъ всякаго сопротивленія.

Всѣ заграницею радовались, доказывая этимъ, что были „злодѣями Петру“, какъ выражался англійскій посланникъ въ Константинополѣ. Только прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ I по случаю кончины Петра откровенно называлъ его „дражайшимъ другомъ“ и сталъ носить трауръ даже въ Потсдамѣ, чего никогда не дѣлывалъ; онъ всѣмъ велѣлъ носить трауръ четверть года, тогда какъ по другимъ государямъ носили только шесть недѣль. На вопросъ своего посланника въ Петербургѣ, Мардефельда, какъ ему носить трауръ? король отвѣчалъ: „Какъ по мнѣ“ [1]).

Обстоятельство, что и послѣ Петра Россія сохраняла то значеніе, которое ею было пріобрѣтено сѣверною войною, доказывало прочность результатовъ стремленій царя-преобразователя и свидѣтельствовало о томъ, что царствованіе Петра было эпохою не только для Россіи, но и для всего политическаго міра.

А. Брикнеръ.

---

[1]) Сол. XIX, 35, 60, 72, 75.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ [1].

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ...

IV.

Что дало общество.

На девятнадцатомъ году со всѣмъ пыломъ молодости вступилъ Пушкинъ въ шумную столичную жизнь въ кругъ блестящей военной молодежи. Она увлекла его въ буйное разгулье, во всѣ оргіи, какія могла придумать жажда веселья, поддержанная родовыми или наслѣдственными богатствами. Въ то время, послѣ продолжительной и усиленной сдержанности въ годы войны, явилась во всѣхъ какая-то особенная потребность веселиться. И все веселилось, веселилось часто до безумія: кутежи, попойки, картежныя азартныя игры. Пушкинъ не отставалъ ни отъ кого и ни отъ чего, и занималъ не послѣднее мѣсто между записными героями веселья, страстно отдавался всѣмъ свѣтскимъ увлеченіемъ, и съ этой стороны въ короткое время успѣлъ извѣдать и жизнь, и людей. Его кипучая натура не знала умѣренности и требовала погружаться въ глубь жизни. Шумными рукоплесканіями собесѣдники встрѣчали его острые экспромты, его застольныя пѣсни; всѣ сразу почувствовали, что въ этомъ юношѣ есть какая-то сила: молодежь, по собственному его выраженію, шумно волочилась за его музой. „Торжество вакха“ есть поэтическое выраженіе того разгулья, которое переживалъ въ то время нашъ поэтъ, еще перерабатывавшій впечатлѣнія жизни въ классическіе образы. Въ это время онъ восклицалъ съ упоеніемъ своимъ друзьямъ:

Ахъ младость не приходитъ вновь!
Зови же сладкое бездѣлье,
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмѣлье!

[1] Продолженіе см. № 6 „Историческаго Вѣстника“.

До капли наслажденье пей!
Живи безпеченъ, равнодушенъ!
Мгновенью жизни будь послушенъ,
Будь молодъ въ юности твоей.

Какъ на характеристику времени нельзя еще не указать на особенную страсть къ дуэлямъ, развившуюся въ кругу этого веселящагося общества. Она конечно была вызвана продолжительною войною, которая пріучаетъ равнодушно смотрѣть на кровь, и самоуправно относиться къ своей и чужой жизни даже за мнимыя обиды. Удаль и молодечество, разжигаемыя виномъ, особенно развивали щекотливость въ вопросахъ о чести, и веселыя пиршества не рѣдко сопровождались дуэлями, а онѣ бывало кончались и очень плачевно. Эта страсть отсюда перешла и къ Пушкину. Возвышаясь надъ многими предразсудками своего времени, надъ этимъ онъ не могъ возвыситься и впослѣдствіи сдѣлался его жертвою: арабская кровь поддерживала страсть даже и тогда, когда разсудокъ осуждалъ ее; обида у него соединялась съ жаждой крови.

Но за всей этой шумной праздностью, въ которой обильно растрачивались силы, слышался какъ будто другой голосъ, соединявшійся съ какимъ-то напряженнымъ ожиданіемъ. Этотъ голосъ выражалъ потребность дѣятельности. Отечественная война разбудила общественныя силы и вызвала вопросъ объ отечествѣ. Оно до того времени какъ бы отождествлялось съ государствомъ, которое уже давно взяло на себя всѣ заботы объ отечествѣ. Правда, еще при императрицѣ Екатеринѣ II общественныя силы въ самыхъ малыхъ размѣрахъ стали заявлять себя отдѣльно отъ силъ государственныхъ, стремясь впрочемъ помогать имъ распространять просвѣщеніе въ темной массѣ. Но ревнивая власть не захотѣла допустить этого, заподозривъ новую силу въ измѣнѣ. Все общество Новикова было безъ труда подавлено: отечество продолжало принадлежать только государству. Но вотъ наконецъ само государство, въ безсиліи собственными средствами спасти отечество отъ враговъ, вызвало спавшія общественныя силы, и съ ихъ помощью восторжествовало надъ непріятелемъ, и спасло просвѣщенную Европу отъ порабащенія. Послѣ 1814 года сдѣлалось ясно, что внѣшнее или государственное могущество Россіи далеко не соотвѣтствовало тому внутреннему ея состоянію, тѣмъ патріархальнымъ порядкамъ, которые держали почти въ рабскомъ положеніи весь народъ и сковывали общее нравственное развитіе. Сдѣлалось ясно, что государство еще не отечество, что однихъ государственныхъ силъ еще не достаточно для цѣлости и благоденствія отечества, что усилія и пожертвованія со стороны всѣхъ сословій не принесли никакой пользы ни одному изъ нихъ. Сдѣлалось убѣдительно, что отечество нуждается еще въ силахъ общественныхъ, которыя должны быть опорою государству и безъ которыхъ однѣ канцеляріи не устроятъ такого порядка, чтобы всѣмъ жилось хорошо подъ сѣнью политическаго могущества,

добытаго общими силами. Это сознаніе, ясное въ умахъ наиболѣе развитыхъ и образованныхъ, не совсѣмъ ясное въ умахъ поверхностныхъ, волновало молодое поколѣніе, настраивало къ ожиданію чего-то лучшаго, вызывало потребность общественной дѣятельности. Такое настроеніе опиралось на самыя реформы, которыми императоръ Александръ началъ свое царствованіе, и въ которыхъ съ блестящими надеждами на будущее принимали участіе молодые люди, воспитанные въ концѣ прошедшаго столѣтія на идеяхъ коспомолитизма. Они и послѣ войны ждали того-же направленія государственныхъ силъ. Но отъ нихъ уже отличалось поколѣніе, воспитанное подъ впечатлѣніемъ этихъ реформъ и усиленной борьбы отечества. Въ молодыхъ умахъ бродила мысль, что отечество нуждается и въ другихъ силахъ, которыя, какъ и во время войны, должны помогать государственнымъ силамъ, имѣя одну общую цѣль—благо отечества. Съ такой готовностью общественныя силы ждали съ нетерпѣніемъ вызова отъ государства и имѣли основаніе ждать: ходили вѣрные слухи о томъ, что поручено составить проэкты освобожденія крестьянъ нѣсколькимъ лицамъ, даже графу Аракчееву. Этотъ вопросъ былъ самый жгучій и близкій сердцу тогдашней образованной молодежи. Съ освобожденіемъ крестьянъ общественныя силы конечно должны бы были значительно усилиться: помѣщики тогда перестали бы быть силою государственною и обратились бы въ силу общественную. Либерализмъ тогдашняго молодаго поколѣнія выражался преимущественно въ крѣпостномъ вопросѣ. Кромѣ того за идеалъ внутренняго управленія оно брало порядки англійской политической жизни, гдѣ прилагаются общественныя силы въ такомъ широкомъ примѣненіи. Злоупотребленія административныхъ властей, необходимость такъ или иначе вліять на нихъ, облогораженіе массъ, подготовка ихъ къ лучшей жизни или къ вольности (слово, усвоенное либерализмомъ), во всемъ этомъ видѣли цѣль, на которую слѣдовало направить общественныя силы. Начиналось, разумѣется, съ разговоровъ, съ предположеній; но наиболѣе даровитыя натуры томились въ бездѣятельности, не зная куда направить свои силы. Такъ напр. Батюшковъ послѣ войны не могъ помириться даже съ своимъ талантомъ, который казался ему безполезенъ для общества, а между тѣмъ у него развивалась сильная страсть служить общественнымъ интересамъ: его не удовлетворяла ни полковая служба въ мирное время, ни канцелярская съ сухими бумагами, отъ которыхъ, не знаешь, есть ли какая польза. Въ душѣ поэта, ищущаго дѣятельности, какъ потребности, явилась пустота, чувство безсилія, которыя и помогли развиться въ ней страшной болѣзни. Такое же безпокойное состояніе духа и недовольство собою выказались въ скоромъ времени и въ Грибоѣдовѣ: необходимость насильно сдерживать свои силы, которыхъ чувствовалось такъ много, приводило къ раздраженію или къ безумной ихъ тратѣ въ шумныхъ кутежахъ. Такъ бродили въ обществѣ эти силы, сдѣлавшіяся какъ бы лишними послѣ войны, возбудившей ихъ.

На нихъ пока только ворчали нѣкоторыя личности, считавшія себя представителями государственной силы, но немного времени, и стали выступать противъ нихъ на борьбу, отнимая всякую надежду на мирный союзъ между двумя силами. Ворчанье Шишкова перешло въ энергическія дѣйствія Шварца, Магницкаго и Рунича. Первый вызовъ былъ сдѣланъ не тѣми, кто потомъ пострадалъ. Вина была въ насильственной остановкѣ правильнаго развитія общественныхъ силъ, вызванныхъ тою же государственной властью. Тутъ уже необходимое историческое слѣдствіе.

Но въ то время, какъ еще выжидали всѣ эти молодыя силы, съ другой стороны большинство лицъ, у которыхъ была въ рукахъ власть и широкое поприще для дѣятельности, тѣ отличались равнодушіемъ, усталостью и исканіемъ душевнаго покоя болѣе въ религіозномъ настроеніи, довольствуясь вѣрою безъ дѣлъ. Въ этомъ случаѣ весьма для насъ характеристичны записки квакера Грелле, прибывшаго въ Россію изъ Америки въ 1818 г. съ филантропическою цѣлью—„для оживленія и утвержденія между людьми внутреннихъ основъ нравственно-религіозной жизни“. По его описанію всѣ эти высокопоставленные мистики, члены библейскаго общества, подходили подъ его идеалъ христіанина, но всѣ они ублажались собственными своими достоинствами и не стояли на твердой почвѣ, чтобы дѣлать существенное доброе для меньшей братіи. Вотъ какъ описываетъ въ душевной простотѣ набожный квакеръ нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ большого свѣта: „Графъ Ливенъ съ женою находятся подъ вліяніемъ благодати и вполнѣ доступны для евангельскихъ утѣшеній: графъ уже давно сдѣлался человѣкомъ благочестивымъ и знаетъ, гдѣ искать для себя утѣшенія. Князь Голицынъ (министръ просвѣщенія) проникнутъ истинно-христіанскимъ духомъ. Послѣ разныхъ вопросовъ о предметахъ религіозныхъ, мы предались вмѣстѣ съ княземъ безмолвному внутреннему богомыслію: мы почувствовали въ себѣ благотворное вѣяніе благодати... Князь Голицынъ раскрылъ намъ свое сердце въ духѣ свободы и общенія христіанскаго, мы чувствовали, что онъ крещенъ съ нами единымъ духомъ... Княгиня Мещерская — женщина съ возвышеннымъ духомъ и весьма расположенная дѣлать добро, перевела разныя сочиненія и трактаты весьма полезныя, особенно въ Россіи, для распространенія въ обществѣ нравственныхъ началъ добродѣтели. Императоръ желаетъ, чтобъ она перевела книгу „Безъ креста нѣтъ вѣнца“ (No cross, no crown), книга эта, по его мнѣнію, можетъ быть особенно полезна для членовъ высшаго общества всего государства, (квакеръ конечно не зналъ, что высшее общество не читаетъ по-русски)... Княгиня Мещерская посвящаетъ значительную часть времени на молитву и религіозныя размышленія. Сердца нѣкоторыхъ (Щербатовыхъ, Мещерскихъ, Трубецкой и др.) были открыты и готовы къ принятію свидѣтельства истины. Иные утомлены формами и обрядами внѣшней церковной жизни и ищутъ существеннаго и дѣйствительнаго

въ предметахъ вѣры. Сенаторъ Габницъ болѣе думаетъ о предметахъ духовныхъ, чѣмъ о другихъ дѣлахъ... Нѣкоторыя лица изъ высшаго круга (въ Москвѣ) сказали намъ: мы надѣемся услышать отъ васъ истину въ ея настоящемъ чистомъ видѣ; мы увѣрены, что любовь Божія привела васъ къ намъ... Душа моя была преисполнена смиреннымъ чувствомъ преданности волѣ Божіей при мысли о томъ, какъ самъ Господь уготовалъ намъ путь въ этой странѣ... Обѣтованіе о всегдашнемъ попеченіи Божіемъ оправдывалось надъ нами яснымъ и и осязательнымъ образомъ" [1])...

Такимъ образомъ большой свѣтъ смотрѣлъ на квакера какъ на христіанскаго миссіонера, посланнаго высшимъ назначеніемъ въ православную русскую землю; онъ съ своей стороны воображалъ о себѣ тоже самое. И вотъ всѣ наперерывъ одинъ передъ другимъ стараются ему раскрыть свои сердца, показать ему свое благочестіе, приглашаютъ его въ свои роскошные салоны „для безмолвной молитвы и въ ожиданіи посѣщенія Господа", и всѣ довольны собою, что успѣли зарекомендовать себя передъ чужестранцемъ съ хорошей стороны. Въ этомъ случаѣ извѣстный монахъ Фотій долженъ былъ уступить американцу: тотъ не умѣлъ возбуждать такого пріятнаго самоуслажденія. Но этотъ же англо-американецъ, какъ человѣкъ дѣла, хотѣлъ видѣть и то, что скрывалось за салоннымъ блескомъ счастливыхъ благочестивцевъ: онъ приглядывался и къ той жизни, отъ которой отворачивались люди большого свѣта, хотя надъ ней-то и должны бы были упражнять свое благочестіе. Онъ посѣщалъ школы, больницы, попробовалъ заглянуть и въ тюрьмы и записалъ: были глубоко потрясены—грязь, множество разныхъ насѣкомыхъ, особенно клоповъ, нестерпимый запахъ. „Надѣемся, при этомъ прибавляетъ онъ, внести утѣшеніе слова Божія въ хижины бѣдняковъ, такъ же какъ и въ палаты богачей". И ему же изъ христіанскаго состраданія пришлось указывать людямъ, власть имѣющимъ, и просить ихъ облегчить судьбу несчастныхъ однимъ простымъ распоряженіемъ, а между тѣмъ это были люди совсѣмъ не дурные и по своему даже очень хорошіе; но имъ не приходило въ голову, что̀ они могутъ дѣлать со своей властью и какое назначеніе той государственной силы, которая должна черезъ нихъ проявляться какъ сила дѣятельная. Такъ губернаторъ Милорадовичъ узналъ о жалкомъ состояніи тюремъ только тогда, когда съ нимъ заговорилъ объ этомъ чужой человѣкъ, христолюбивый квакеръ. И въ начальствѣ тотчасъ же явилась энергія: черезъ нѣсколько дней сострадательный американецъ къ своему удовольствію услышалъ: „все, о чемъ вы мнѣ говорили, уже сдѣлано". А безъ него бѣдные арестанты продолжали бы сидѣть въ клоповникахъ, въ то время какъ начальство предавалось бы религіознымъ созерцаніемъ. Точно также и министръ Голицынъ выказывалъ полную готовность исполнять всѣ

[1]) „Рус. Старина" 1874 г. № 1.

совѣты посланнаго какъ бы свыше, даже поручилъ ему составить благочестивыя прописи для школъ, а собственнаго почина, какой долженъ соединяться съ властью для общаго блага, ни въ немъ и ни въ комъ другомъ не выказывалось. Былъ полный застой, у государственныхъ властей не было и расположенія прислушаться къ общественнымъ нуждамъ и пойти навстрѣчу тѣмъ силамъ, которыя ждали вызова.

При описанномъ настроеніи высшаго общества, ничего воспитательнаго въ немъ не могло развиться для молодого поколѣнія, ничего теплаго, привлекающаго, а напротивъ, холодное, суровое, отталкивающее, мертвящее молодую душу. Холостая молодежь дѣйствительно предпочитала общество актрисъ, разныхъ прелестницъ, свободныя пирушки чопорнымъ собраніямъ своихъ тетушекъ, сестрицъ и ворчливыхъ сановниковъ.

Пушкина также не могъ ни чѣмъ привлечь этотъ свѣтъ, хотя по праву онъ считалъ себя его членомъ, какъ потомокъ стариннаго боярства. Впечатлѣнія отъ свѣтскихъ собраній онъ выразилъ въ посланіи къ своему пріятелю Всеволожскому:

Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ
И глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тяжкой знатности веселье,
И муку съ картами въ рукахъ.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ рукой,
Но вскорѣ вѣрный обожатель
Забавъ и лѣни дорогой,
Держася моего совѣта
И волю всей душой любя,
Оставишь кругъ большаго свѣта
И жить рѣшишься для себя.

Или въ посланіи князю Горчакову:

Въ неопытныя лѣта
Опасною прельщенный суетой,
Терялъ я жизнь, и чувства, и покой;
Но угорѣлъ въ чаду большаго свѣта
И отдохнуть убрался я домой...
И признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе
Младыхъ повѣсъ счастливая семья,
Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъ я,
Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе
И гдѣ мы всѣ прекраснаго друзья—
Чѣмъ вялое бездушное собранье,
Гдѣ умъ хранитъ невольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца поражены,
Гдѣ глупостью единой всѣ равны.
Я помню сихъ дѣтей честолюбивыхъ,

Злыхъ безъ ума, безъ гордости спѣсивыхъ,
И разглядѣвъ тирановъ модныхъ залъ,
Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ...

Родная семья, къ которой опять примкнулъ Пушкинъ по выходѣ изъ Лицея, такъ какъ она переселилась въ Петербургъ, не могла имѣть нравственнаго сдерживающаго вліянія на горячаго и увлекающагося юношу: отецъ скупой, воркунъ и въ то же время поклонникъ всѣхъ свѣтскихъ приличій, мать болѣе свѣтская женщина, сестра старше поэта однимъ годомъ, воспитанная конечно по тогдашнему для свѣтской жизни и въ полной зависимости отъ родителей, горячо любившая брата, который съ своей стороны былъ связанъ съ нею нѣжною дружбою; младшій братъ Левъ, еще малолѣтній — вотъ люди самые близкіе къ нему. Затѣмъ большая родня—дальняя и ближняя, дяди и тетки, черезъ которыхъ нашъ поэтъ былъ связанъ съ разными барскими фамиліями въ Петербургѣ и въ Москвѣ, и съ которыми кромѣ кровной связи не сознавалъ никакой другой и въ послѣдствіи выразилъ довольно просто эти отношенія къ ней, разоблачивъ ту лицемѣрную любовь, какая обыкновенно высказывается при встрѣчахъ и при разныхъ удобныхъ случаяхъ:

Родные люди вотъ какіе:
Мы ихъ обязаны ласкать,
Любить душевно, уважать,
О Рождествѣ ихъ навѣщать
Или о Пасхѣ поздравлять,
Чтобъ остальное время года
О насъ не думали они,
И дай Господь имъ долги дни.

Такимъ образомъ съ этой стороны молодой Пушкинъ ни чѣмъ не былъ связанъ и озабоченъ: только одно тяжелое и непріятное чувство приходилось переживать ему, то, которое впослѣдствіи онъ такъ живо выразилъ въ молодомъ рыцарѣ Альбертѣ въ сценѣ „Скупой рыцарь", чувство бѣдности среди богатства и расточительности той золотой молодежи, которая носила его на рукахъ. Не разъ по этому поводу приходилось ему объясняться съ отцемъ; но отецъ и самъ былъ въ долгахъ и былъ недоволенъ сыновнею неразсчетливостью, что сыну казалось уже скряжничествомъ. „Стыдъ горькой бѣдности" развивалъ въ немъ и страсть къ картежной азартной игрѣ, которая иногда доставляла ему нѣкоторыя суммы, чтобы сколько-нибудь поддерживать свое положеніе въ веселящейся компаніи. Въ ней только и могъ находить пылкій поэтъ ту жизнь, какая была нужна его геніальной артистической натурѣ: тамъ были разнообразныя впечатлѣнія, тамъ было беззаботное веселье, тамъ питались его чувства, страсти, тамъ и умъ находилъ себѣ пищу въ живыхъ мысляхъ, въ которыхъ выражалось стремленіе пробужденныхъ силъ къ общественной дѣятельности. Какъ увлекающаяся натура, Пушкинъ и этому стремленію предался всею ду-

шою, со страстью, подготовленный къ тому уже лекціями Куницына. По службѣ онъ былъ причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ съ жалованьемъ по 600 руб.; но канцеляріи созданы не для поэтовъ. Государственная служба ни чѣмъ не манила Пушкина, и онъ не посвятилъ ей ни часу времени. Въ его глазахъ отечество было шире государства, и въ его умѣ мало по малу прояснилась мысль, что поэтъ долженъ быть всецѣло на сторонѣ отечества, а не въ тѣсномъ союзѣ съ одною государственностью, которой служили другіе поэты.

На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И въ силѣ, въ гордости свободной
Кадиломъ лести не кадилъ.
Природу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моей...

И если поэтъ втайнѣ похвалилъ „на тронѣ добродѣтель съ ея привѣтливой красой", то потому что

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимнъ простой,
И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа.

Въ этихъ послѣднихъ стихахъ выразилось стремленіе двадцатилѣтняго поэта въ своемъ творчествѣ быть эхомъ народа, которому онъ и хотѣлъ служить, сознавъ крѣпкую нравственную связь съ нимъ черезъ отечество. Но чуждаясь сухой чиновничьей службы, Пушкинъ нѣкоторое время все еще продолжалъ думать о военной, что объясняется его кипучей натурой. Эта служба представлялась ему не въ блестящей обстановкѣ на парадахъ, а „въ грозной брани". Ему какъ бы нужна была борьба, отъ избытка силъ, которыми одарена всякая геніальная натура, борьба, въ которой она крѣпнетъ и безъ которой вянетъ. Ее какъ бы искалъ поэтъ по чутью, и за неимѣніемъ никакой другой представлялъ ее въ войнѣ. Но и здѣсь онъ хочетъ остаться гражданиномъ и поэтомъ. Дѣла поэзіи онъ хочетъ соединить съ народнымъ дѣломъ и съ народной славой:

Питомецъ пламенной Беллоны,
У трона вѣрный гражданинъ,
Орловъ [1]), я стану подъ знамены
Твоихъ воинственныхъ дружинъ:
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ,
Съ мечемъ и лирой боевой,
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ.

[1]) Генералъ М. Ф. Орловъ, который не совѣтовалъ Пушкину вступать въ военную службу въ мирное время. Пушкинъ въ посланіи къ нему соглашается съ нимъ, рѣшается отдаться поэтической жизни, „пѣть своихъ боговъ", но до тѣхъ поръ, пока „не возстанетъ съ одра покоя богъ мечей".

То же стремленіе найти корни для своей поэзіи въ общей жизни отечества видимъ и въ небольшомъ посланіи Чаадаеву:

Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.
Товарищъ! вѣрь, взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья:
Россія вспрянетъ ото сна...

За то горячо къ сердцу принималъ поэтъ и положеніе народа, о которомъ болѣе всего толковали въ либеральныхъ кружкахъ. Такъ въ 1819 году отдыхая среди сельскаго уединенія отъ „роскошныхъ пировъ, забавъ и заблужденья", онъ видитъ въ помѣщичьей обстановкѣ жизни „вездѣ слѣды довольства и труда".

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца...
О еслибъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
Увижу-ль я, друзья, народъ не угнетенный
И рабство падшее по манію царя
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

Но отзываясь полнымъ сердечнымъ сочувствіемъ на стремленія молодыхъ либеральныхъ кружковъ и настраивая свою творческую дѣятельность въ этомъ направленіи, Пушкинъ въ то же время былъ въ дружескихъ связяхъ и съ тѣмъ старшимъ поколѣніемъ, которое заявило себя еще до 1812 года. Тамъ привлекали его литературные таланты, развившіеся умы, основательное образованіе, серьезные взгляды на литературу, чего онъ пока не могъ находить въ своихъ молодыхъ сверстникахъ. Они составляли особый кружокъ и увлекаясь общимъ направленіемъ, собирались въ извѣстные дни также для веселья. Такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ еще въ прежніе годы вели литературную борьбу съ Шишковымъ, предсѣдателемъ извѣстной „Бесѣды любителей русскаго слова", то и теперь въ своихъ собраніяхъ они стали пародировать эту бесѣду подъ шутливымъ названіемъ арзамасскаго общества. Здѣсь были Жуковскій, Батюшковъ, Дашковъ, Блудовъ, Уваровъ, кн. Вяземскій и мн. другіе. Всѣ они забавляли другъ друга остроумными шутками и не задавались никакими особенными цѣлями. Арзамасцы привлекли къ себѣ и прибывшаго изъ Москвы Карамзина, который нашелъ въ нихъ самыхъ умныхъ людей. Пушкинъ еще въ Лицеѣ былъ

знакомъ съ нѣкоторыми изъ членовъ этого веселаго и шутливаго общества. Поселившись въ Петербургѣ, онъ былъ принятъ въ члены его подъ именемъ сверчка, и въ послѣдствіи любилъ называть себя арзамасцемъ. Но ему удалось быть только въ одномъ и послѣднемъ его собраніи, осенью 1817 года. Вотъ почему мы сомнѣваемся, что оно имѣло большое вліяніе на развитіе таланта Пушкина, какъ обыкновенно утверждаютъ его біографы. Да и вообще можно сказать, что литературѣ принесло пользу не самое общество, а умъ и талантъ каждаго въ отдѣльности. У общества не было никакого литературнаго органа, оно не проводило въ литературу никакой опредѣленной идеи, осмѣивало Бесѣду, уже прежде того осмѣянную, которая теперь не имѣла никакого вліянія на молодые таланты и была совершенно безвредна, а послѣ смерти Державина въ 1816 г. и совсѣмъ прекратила свои засѣданія. Вопросъ о литературномъ языкѣ, изъ-за котораго были споры съ Шишковымъ, уже прежде былъ совершенно исчерпанъ; а противъ устарѣвшихъ идей, которыя имѣли еще силу, можно было сражаться никакъ не шутливыми представленіями и эпиграммами въ кругу маленькаго общества, которое сходилось веселиться. Они собирались, пока было весело, беззаботно и безопасно, а когда имъ стали совѣтовать выбрать какую-нибудь серьезную цѣль, задаться какимъ-либо общественнымъ вопросомъ, они отказались отъ собраній, такъ какъ всѣ разсчитывали на карьеру въ государственной службѣ и къ своей чести оказались дѣйствительно полезными въ этой сферѣ дѣятельности, за что и можно ихъ помянуть добрымъ словомъ. Но за то большая часть изъ нихъ отстала отъ литературы. На Пушкина имѣло вліяніе не общество, а нѣкоторыя изъ личностей, принадлежавшихъ къ обществу, въ особенности Жуковскій и князь Вяземскій, который тогда только начиналъ свою дѣятельность остроумными стихотвореніями: умными же критическими статьями онъ заявилъ себя уже впослѣдствіи. Жуковскій привлекалъ Пушкина элегическимъ направленіемъ своей поэзіи, которое выражалось въ мелодическомъ стихѣ, но собственно нѣмецкій романтизмъ Жуковскаго не могъ нравиться молодому поэту, который искалъ поэзіи въ дѣйствительной жизни, а не въ заоблачныхъ мечтаніяхъ. Вообще представители молодого поколѣнія, рвавшагося къ политической дѣятельности, не удовлетворялись этой поэзіей, которая приходилась по душѣ людямъ, болѣе склоннымъ къ мистицизму. Такъ Рылѣевъ писалъ къ Пушкину, когда тотъ жилъ уже въ Михайловской деревнѣ: „Къ несчастію вліяніе Жуковскаго было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны, растлили многихъ и много зла надѣлали. Зачѣмъ не продолжаетъ онъ дарить насъ прекрасными переводами своими изъ Байрона, Шиллера и другихъ великановъ чужеземныхъ“. Заслуга Жуковскаго, по мнѣнію этой литературной партіи, состояла въ томъ, что онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотвор-

ный нашъ слогъ, за что мы и должны остаться ему благодарными. То же призналъ въ Жуковскомъ и Пушкинѣ еще прежде Рылѣева, въ 1818 году въ извѣстномъ четырехстишіи „Его стиховъ плѣнительная сладость". Какъ бы то ни было, но нашъ молодой поэтъ всегда былъ привязанъ къ Жуковскому, какъ къ прекрасной личности, и изъ его общества всегда могъ выносить глубокое уваженіе къ искусству. Тѣ литературные вопросы, которые затрогивались въ собраніяхъ Жуковскаго, привлекавшихъ молодые таланты, могли воспитывать въ Пушкинѣ критическій взглядъ, не стѣсняя, впрочемъ, его самостоятельности. О немъ нельзя сказать, что имъ завладѣла какая-либо партія. Онъ также привязался и къ нѣкоторымъ талантливымъ и образованнымъ людямъ, которые не относились враждебно къ шишковской Бесѣдѣ, находя въ ней не одну мертвечину, а и нѣчто жизненное. Таковы были Катенинъ, Оленинъ, въ общество которыхъ Пушкинъ приходилъ не спорить, а поучаться [1]). Такимъ образомъ умъ нашего поэта не впадалъ ни въ ту, ни въ другую крайность, а вслушиваясь въ тѣ и другія сужденія, вырабатывалъ себѣ ту самостоятельность, которая свойственна всякому генію. Замѣтимъ, что требованіе народности, правда, пока еще не ясное, неопредѣленное, высказалось прежде всего въ шишковской партіи, и потомъ уже черезъ поэзію Пушкина болѣе опредѣлилось и сдѣлалось вопросомъ искусства. Пушкинъ признавалъ и за Чаадаевымъ, изучавшимъ англійскую литературу, вліяніе на развитіе своей мысли, пріучавшейся углубляться въ предметъ.

Пользовался Пушкинъ и бесѣдами Карамзина, издававшаго въ то время свою исторію; но съ нимъ онъ уже не могъ сходиться во многихъ мнѣніяхъ. Карамзинъ стоялъ всецѣло на сторонѣ государственной силы, и съ нею одною соединялъ всѣ вопросы о благѣ отечества; другихъ силъ онъ не признавалъ въ общемъ народномъ развитіи, и не могъ сочувствовать стремленіямъ новаго поколѣнія, которое онъ называлъ либералистами. Его исторія и представляла только развитіе государственныхъ силъ Россіи и, понятно, должна была проглядѣть участіе другой силы, которая съ XVII столѣтія была совершенно подавлена и о которой напомнили новѣйшія событія, вызвавъ къ участію всѣ общественныя силы для спасенія отечества. Исторія государства россійскаго нисколько не удовлетворила либералистовъ, такъ какъ она не давала имъ опоры въ ихъ новыхъ стремленіяхъ. Какъ она была встрѣчена ими, объ этомъ свидѣтельствуетъ князь Вяземскій, одинъ изъ самыхъ либеральныхъ арзамасцевъ и державшійся въ сторонѣ отъ тѣхъ лицъ, которыхъ Карамзинъ называлъ либералистами. Въ 1836 г.,

[1]) Черезъ немного лѣтъ Пушкинъ измѣнилъ свой взглядъ на Катенина, какъ и на многихъ другихъ русскихъ писателей. Такъ въ 1822 году онъ писалъ князю Вяземскому: „Катенинъ опоздалъ родиться, и своимъ характеромъ и образомъ мыслей весь принадлежитъ XVIII столѣтію. Въ немъ та же авторская спѣсь, тѣ же литературныя сплетни и интриги, какъ и въ прославленный вѣкъ философіи". („Рус. Стар." 1874 г. № 1).

уже совсѣмъ переставшій либеральничать, онъ составлялъ оффиціальное письмо министру Уварову, обвиняя въ дерзости и неблагонамѣренности профессора Устрялова, который не съ должнымъ уваженіемъ отнесся къ исторіи Карамзина. Его читалъ и Пушкинъ и по свидѣтельству князя Вяземскаго, отнесся къ нему съ одобреніемъ. Для насъ въ этомъ письмѣ интересно выраженіе того впечатлѣнія, какое произвела исторія Карамзина на читающую публику въ моментъ своего выхода. Только эти строки мы и приведемъ изъ него:

„Появленіе сей книги въ 1818 году было истиннымъ народнымъ торжествомъ и семейнымъ праздникомъ для Россіи. Россія, долго не знавшая славнаго родословія своего, въ первый разъ изъ книги сей узнала о себѣ, ознакомилась съ стариною своею, съ своими предками, получила книгою сею свою народную грамоту, освященную подвигами, жертвами, родною кровью, пролитою за независимость и достоинство имени своего... „Исторія государства россійскаго“ встрѣтила и противниковъ. Часть молодежи нашей, увлеченная вольнодумствомъ, политическимъ суемудріемъ современнымъ и легкомысліемъ, свойственнымъ возрасту своему, замышляла въ то время несбыточное преобразованіе Россіи. Съ чутьемъ вѣрнымъ и проницательнымъ, она тотчасъ оцѣнила важность книги, которая была событіе и событіе, совершенно противодѣйствующее замысламъ ея. Книга Карамзина есть непреложное и сильное свидѣтельство въ пользу Россіи, каковою сдѣлало ее Провидѣніе, столѣтія, люди, событія и система управленія; а они хотѣли на развалинахъ сей Россіи воздвигнуть новую по образу и по подобію своихъ мечтаній. Медлить было нечего. Колкіе отзывы, эпиграммы, критическія замѣчанія, предосудительныя заключенія посыпались на книгу и на автора изъ среды потаеннаго судилища. Судіи не могли простить Карамзину, что онъ исторіографъ, слѣдовательно. по словамъ ихъ, наемникъ власти; что онъ монархическій писатель— слѣдовательно запоздалый, не постигающій духа и потребностей времени (фразеологія тогдашняя, которая и нынѣ въ употребленіи [1]): они толковали, что Карамзинъ сбивается въ значеніи словъ, что онъ единодержавіе смѣшиваетъ съ самодержавіемъ и вслѣдствіе того ложно приписываетъ возраставшую силу Россіи началу самодержавія... Всѣ сіи обвиненія въ смыслѣ судей были основательны и раціональны... Вспомните еще, что Карамзинъ писалъ тогда исторію не совершенно въ духѣ государя, что по странной перемѣнѣ въ роляхъ, писатель былъ въ нѣкоторой оппозиціи съ правительствомъ, являясь проповѣдникомъ самодержавія въ то время, когда правительство въ извѣстной рѣчи при открытіи перваго польскаго сейма въ Варшавѣ, такъ сказать, отрекалось отъ своего самодержавія. Соображая всѣ сіи обстоятельства, легко постигнуть, какъ досаденъ былъ Карамзинъ симъ мо-

---

[1]) Т. е. въ 1836 г.

лодымъ умамъ, алкавшимъ преобразованій и политическаго переворота...“

Въ послѣдствіи Пушкинъ перемѣнилъ свой взглядъ на громадный трудъ Карамзина, понявъ, что въ то время нельзя было и написать другой исторіи, но въ моментъ выхода въ свѣтъ „Исторіи государства россійскаго“ его симпатіи были на сторонѣ той части нашей молодежи, которая увлекалась, по словамъ князя Вяземскаго, вольнодумствомъ и политическимъ суемудріемъ. Къ этому времени вѣроятно относится эпиграмма Пушкина на Карамзина, о которой нашъ поэтъ говоритъ въ письмѣ кн. Вяземскому отъ 15 сентября 1825 г. „Что ты называешь моими эпиграммами противу Карамзина? Довольно и одной, написанной мною въ то время, когда Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ мое честолюбіе и сердечную къ нему приверженность“ [1]). Одна изъ большихъ услугъ труда Карамзина заключается между прочимъ въ томъ, что благодаря ему всѣ мыслящіе русскіе люди стали задумываться надъ мыслью привести въ связь настоящую жизнь русскаго народа съ его отдаленнымъ прошедшимъ, когда яснѣе и безъ всякой примѣси выказывались основныя черты народнаго характера; даже недовольные исторіей Карамзина стали по своему, какъ имъ болѣе нравилось, объяснять историческое развитіе русскаго народа для того, чтобы въ своихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ укрѣпиться на какомъ-нибудь историческомъ основаніи. Совсѣмъ иначе относилось къ русской исторіи старѣйшее поколѣніе до того времени, когда Карамзинъ напечаталъ свой трудъ. Такъ напр. наиболѣе видный, умный и образованный литераторъ, Батюшковъ писалъ къ Гнѣдичу въ 1809 году: „Невозможно читать русской исторіи хладнокровно, т. е. съ разсужденіемъ. Я сто разъ принимался—все напрасно. Она дѣлается интересною только со временъ Петра Великаго. Подивись, подивимся мелкимъ людямъ, которые роются въ этой пыли. Читай римскую, читай греческую исторію, и сердце чувствуетъ, и разумъ находитъ пищу. Читай исторію среднихъ вѣковъ—читай басни, ложь, невѣжество нашихъ праотцевъ, читай набѣги половцевъ, татаръ, литвы и проч. и если книга не выпадетъ изъ рукъ твоихъ, то я скажу: или ты великій, или мелкій человѣкъ. Нѣтъ середины. Великій, ибо видишь, чувствуешь то, чего я не вижу, мелкій, ибо занимаешься пустяками... Отъ одного слова русское, не кстати употребленнаго, у меня сердце не на мѣстѣ... Любить отечество должно. Кто не любитъ его, тотъ извергъ. Но можно ли любить невѣжество? Можно ли любить нравы, обычаи, отъ которыхъ мы отдалены вѣками, и что еще болѣе, цѣлымъ вѣкомъ просвѣщенія? Зачѣмъ же эти усердные маратели выхваляютъ все старое. Повѣрь мнѣ, что эти патріоты, жаркіе декламаторы не любили, или не умѣютъ любить русской земли“ [2]).

---

[1]) „Рус. Арх.“ 1874 г. № 1.

[2]) „Рус. Стар.“ 1871 г. февр.

Совсѣмъ не такъ стало относиться къ русской исторіи другое поколѣніе, представителемъ котораго явился Пушкинъ. Оно сознало необходимость изучать отечественную исторію для самой жизни. Пушкинъ, можетъ быть, лучше всѣхъ понялъ это, и вскорѣ сталъ связывать свою поэзію съ русской исторіей для того, чтобъ дать ей народное значеніе.

Въ то время наша литература далеко не выражала всего того, что занимало, тревожило и волновало общество. Она была значительно ниже уровня общественнаго развитія. Строгость тогдашней цензуры доходила до безумія. Журналы были бѣдны умомъ, безцвѣтны, тощи. Только одинъ „Духъ журналовъ" удачнѣе другихъ умѣлъ затрогивать разные общественные вопросы, проскользать черезъ цензуру и хоть нѣсколько отражать въ себѣ тѣ мысли, которыя свободно были въ ходу въ разныхъ кружкахъ столичныхъ обществъ, но и онъ въ 1819 г. былъ наконецъ запрещенъ. Говорилось повсюду очень свободно, но печатались съ большимъ затрудненіемъ даже невинныя разсужденія. Это много способствовало развитію литературы рукописной, и отсюда страсть грамотныхъ людей къ каждому листочку, если онъ только названъ запрещеннымъ. Разумѣется, большихъ и дѣльныхъ сочиненій для такой литературы не писалось. Это были по большей части наскоро написанныя стихотворенія, гдѣ авторъ не считалъ нужнымъ сдерживать себя и чѣмъ свободнѣе и откровеннѣе выражался, тѣмъ скорѣе могъ ожидать успѣха. Пушкинъ вначалѣ былъ извѣстенъ больше въ этой литературѣ чѣмъ въ печати. Смѣлыя выраженія въ легкихъ и живыхъ стихахъ быстро заучивались, повторялись, что нравилось юному поэту и вызывало его на новые экспромты. Распущенность въ поступкахъ и мысляхъ вытекала изъ броженія самаго общества, гдѣ было слишкомъ много праздности и слишкомъ мало дѣла, гдѣ небыло никакой опредѣленной и ясно сознанной задачи, гдѣ очень много говорилось и повторялось идей не переработанныхъ, принятыхъ на вѣру изъ чужой литературы, считавшихся признакомъ современнаго европейскаго образованія. Пушкинъ, какъ видно, иногда утомлялся этой жизнью и въ свѣтлыя минуты сознавалъ, что его поэзіи нужна другая, болѣе высшая задача: идеальный образъ поэта все яснѣе являлся въ его фантазіи и наводилъ его на мысль, что не дѣло поэзіи льстить страстямъ праздной толпы и выражать впечатлѣнія распущенной жизни. Такъ въ деревенскомъ уединеніи у него вылились изъ души стихи:

Я здѣсь отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанье презирать толпы не просвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя иль глупца въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ,
Въ уединеньи величавомъ

Слышнѣе вашъ отважный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

Или въ стихотвореніи „Возрожденіе“ высказывается высокій артистъ, который въ минуты творчества какъ бы очищается отъ своихъ увлеченій и заблужденій:

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконный
На ней безсмысленно чертитъ.
Но краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ изчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней.

Въ эти первые годы Пушкинъ трудился надъ Русланомъ и Людмилой, произведеніемъ, которое мы можемъ назвать пробою геніальныхъ его силъ, хотя и видимъ въ немъ не больше какъ трудъ ученическій. Мысль прославиться какимъ-нибудь большимъ поэтическимъ произведеніемъ приходила къ нему, какъ мы видѣли, еще на школьной скамейкѣ, когда онъ задумалъ написать комедію „Философъ;“ но онъ своимъ артистическимъ чутьемъ скоро нашелъ, что для комедіи ему не доставало знакомства съ жизнію, и онъ бросилъ этотъ трудъ, къ сожалѣнію своихъ товарищей. Новая романтическая поэзія, съ которою насъ знакомилъ Жуковскій, послужила ему образцомъ своимъ сказочнымъ содержаніемъ, переносившимъ воображеніе въ средневѣковой міръ. Это содержаніе связывало поэзію съ представленіями народной фантазіи и давало самой поэзіи названіе народной. Но въ стихахъ Жуковскаго она представляла чужую народность: нужно было укрѣпить ея корни въ русскомъ мірѣ, и конечно обратиться за содержаніемъ къ русской сказкѣ, и ко всѣмъ ея чудесамъ. Фантазія Пушкина уже была знакома съ дѣтства съ рускимъ сказочнымъ міромъ. Еще въ Лицеѣ онъ вспоминалъ о разсказахъ своей „мамушки“:

Когда въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня
И шепотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
Отъ ужаса не шелохнусь бывало,
Едва дыша прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы;
Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
Чуть освѣщалъ глубокія морщины...

Все въ душу страхъ невольный поселяло...
Я трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали
Обманами мой сонъ обворожали.
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ;
Въ глуши лѣсовъ средь муромскихъ пустыней
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней —
И въ вымыслахъ носился юный умъ...

И вотъ теперь Пушкинъ переносится воображеніемъ въ сказочный міръ Владиміра, краснаго солнышка, населяетъ его героями-витязями, волшебниками и волшебницами; его фантазія представляетъ борьбу между тѣми и другими; любовь, ненависть, гнѣвъ, мщеніе, борьба добра со зломъ, присутствіе какихъ-то тайныхъ силъ въ жизни, все это въ интересѣ романтизма, но все какъ будто отзывается русскимъ духомъ. Пропало только одно, въ чемъ высказывается народный духъ сказки — это наивное отношеніе къ разсказываемому предмету, что впослѣдствіи тотъ же Пушкинъ умѣлъ такъ художественно сохранить, пересказывая русскія народныя сказки. Но здѣсь онъ не хотѣлъ ихъ только пересказывать, а думалъ создать произведеніе въ романтическомъ духѣ. И какъ поэтъ искренній, онъ не могъ скрыть своего дѣйствительнаго отношенія къ тому міру, который, по его взгляду, долженъ называться романтическимъ. Безъ всякой вѣры въ чудеса, онъ не могъ выказывать сердечнаго участія и къ судьбѣ героевъ и героинь своего разсказа: вмѣсто наивности народной сказки и чувствительности романтизма у него является шутливое отношеніе ко всѣмъ дѣйствіямъ лицъ съ постоянно веселымъ настроеніемъ духа. Въ этомъ случаѣ у него справедливо находятъ что-то общее съ Богдановичемъ, Лафонтеномъ, Аріостомъ; можетъ быть, онъ намѣренно даже и не подражалъ имъ; но не можетъ не напоминать ихъ всѣмъ тономъ воего разсказа. Такъ какъ романтическія произведенія новой литературы отступали отъ правилъ произведеній классическихъ, то и Пушкинъ видимо старался ввести въ свой разсказъ разныя вольности, и даже представлять разныя эротическія картины, которыя не согласогласовались съ тогдашними требованіями приличія: онъ какъ бы смѣялся надъ общественнымъ цѣломудріемъ и хотѣлъ заслужить имя не скромнаго или вольнаго поэта. Изъ его разсказа вышла не болѣе какъ сказка, даже не поэмка, какъ называлъ ее Карамзинъ [1]), сказка веселая, игривая, въ которой видно юное перо весьма талантливое, но пока для небольшихъ описаній и разсказцевъ; въ ней уже замѣтенъ будущій художникъ. Карамзинъ вѣрно охарактеризовалъ ее, сказавъ: „въ ней есть живость, легкость, остроуміе, вкусъ; только нѣтъ

[1]) Письма къ Дмитріеву, стр. 290.

искуснаго расположенія частей, нѣтъ или мало интереса, все сметано на живую нитку", или другими словами, еще слишкомъ мало искусства въ обработкѣ цѣлаго. Но тѣмъ не менѣе попытка дать образецъ русскаго романтизма заслуживаетъ вниманія въ историческомъ и біографическомъ отношеніи. Правда, этотъ первый шагъ былъ шагъ ложный въ отыскиваніи новаго пути: здѣсь и народность, и романтизмъ не поняты въ своемъ настоящемъ значеніи. Но мы цѣнимъ самую мысль—ввести поэзію въ русскую сферу, мысль, которая впослѣдствіи выяснилась у поэта и обратилась въ плодовитое зерно, брошенное въ народную почву. Отсюда понятно, что въ нашей литературѣ возбудили споръ о классицизмѣ и романтизмѣ не дѣйствительныя романтическія произведенія, съ какими явился Жуковскій задолго до Пушкина, но сказка „Русланъ и Людмила", принятая за поэму и подкупившая читателей съ эстетическимъ вкусомъ тѣми качествами, какія нашелъ въ ней и Карамзинъ. Въ ней почувствовали новую живую силу, входящую въ литературу; но что это за сила, никто еще не могъ опредѣлить; связали ее съ романтизмомъ и съ понятіями спутанными, не выработанными вступили въ споръ между собою, спорили нѣсколько лѣтъ, пока геній Пушкина зрѣлъ въ борьбѣ съ жизнію подъ разнообразными впечатлѣніями, создавая новые образцы поэзіи уже не романтической, а художественно-народной. Но Пушкинъ былъ вдали въ то время, когда начался споръ. Его постигла бѣда, прежде чѣмъ типографія успѣла выпустить въ свѣтъ его произведеніе. Какъ мы сказали, рукописная литература обогащалась его стихотвореніями: они были отзывомъ пылкаго поэта на волнующійся либерализмъ молодежи. Можетъ быть, онъ и не хотѣлъ ихъ широкаго распространенія; но это зависѣло уже не отъ него: они нравились, переписывались, заучивались, развозились изъ Петербурга по всей Россіи. „Не было грамотнаго прапорщика, замѣчаетъ кто-то въ своихъ запискахъ, который бы не зналъ запрещенныхъ стиховъ Пушкина", хотя собственно ихъ никто не запрещалъ, такъ какъ они даже и не назначались для цензуры; но всѣ понимали, что на нихъ долженъ быть запретъ для печати. Популярность Пушкина была такъ велика, что подъ его именемъ стало ходить по рукамъ много стиховъ, не принадлежавшихъ его перу. Императоръ Александръ сказалъ Энгельгардту, что Пушкинъ наводнилъ всю Россію возмутительными стихами. Особенно казалась дерзкою „Ода на вольность", которая впрочемъ отзывается искусственнымъ жаромъ и не чужда нѣкоторой напыщенности; но въ ней много такихъ выраженій, которыя должны были нравиться тогдашнимъ либераламъ. Въ виду всего этого полиція стала брать рѣшительныя мѣры. Пушкинъ поспѣшилъ истребить въ своей квартирѣ всѣ листки, къ которымъ можно было придраться; но въ то же время удивилъ самаго генералъ-губернатора Милорадовича своимъ прямымъ и спокойнымъ отношеніемъ къ власти, когда на допросѣ самъ вызвался

написать по памяти всѣ свои непечатные стихи, названные возмутительными, чтобы съ ними не смѣшивали тѣхъ, которые ему не принадлежали. Такой поступокъ показался губернатору рыцарскимъ и понравился самому императору; но тѣмъ не менѣе поэту грозила большая бѣда. „Надъ здѣшнимъ поэтомъ Пушкинымъ, писалъ тогда Карамзинъ къ Дмитріеву, если не туча, то по крайней мѣрѣ облако и громоносное: служа подъ знаменами либералистовъ, онъ написалъ и распустилъ стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч. и проч. Это узнала полиція... Хотя я уже давно, истощивъ всѣ способы образумить эту безпутную голову, предалъ несчастнаго року и Немезидѣ; однакожъ изъ жалости къ таланту, замолвилъ слово, взявъ съ него обѣщаніе уняться. Не знаю что будетъ. Мнѣ уже поздно учиться сердцу человѣческому: иначе я могъ бы похвалиться новымъ удостовѣреніемъ, что либерализмъ нашихъ молодыхъ людей совсѣмъ не есть геройство и великодушіе“.

Эта безпутная голова вызвала участіе не въ одномъ Карамзинѣ. Въ ней многіе чувствовали силу, которой нельзя было дать погибнуть: нужно было спасать ее; а ей грозила отдаленная ссылка; между другими мѣстами называли даже Соловецкій монастырь. За него просилъ Жуковскій, который имѣлъ тогда значеніе при дворѣ, просилъ Энгельгардтъ, просили другіе, и участь его была значительно смягчена: рѣшено было удалить его изъ Петербурга, переведя или лучше перечисливъ его на службу въ Екатеринославль въ канцелярію генерала Инзова, попечителя колонистовъ южнаго края. „Пушкина простили, извѣщалъ Карамзинъ того же Дмитріева, за эпиграммы и за оду на вольность... Я просилъ о немъ изъ жалости къ таланту и молодости: авось будетъ разсудительнѣе; по крайней мѣрѣ далъ мнѣ слово на два года“.

5 мая 1820 года нашъ поэтъ оставилъ Петербургъ, везя съ собою рекомендательное письмо къ своему новому начальнику отъ извѣстнаго графа Каподистріи, который также принималъ живое участіе въ спасеніи Пушкина и который имѣлъ силу въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ къ счастью нашего поэта и къ нашему собственному, надъ нимъ какъ бы витали геніи-хранители и спасали его отъ гибельной судьбы, къ которой его влекла бурная арабская кровь.

Ровно черезъ мѣсяцъ уже на Кавказѣ Пушкинъ написалъ въ эпилогѣ къ „Руслану и Людмилѣ“:

Міра житель равнодушный,
На лонѣ праздной тишины,
Я славилъ лирою послушной
Преданья темной старины.
Я пѣлъ—и забывалъ обиды
Слѣпаго счастья и враговъ,
Измѣны вѣтреной Дориды [1])

---

[1]) Къ этому времени относятся два стихотворенія „Дорида“, одно изъ нихъ подражаніе Ан. Шенье.

И сплетни шумныя [1]) глупцовъ.
На крыльяхъ вымысла носимый,
Ужъ улеталъ за край земной,
И между тѣмъ грозы незримой
Сбиралась туча надо мной.
Я погибалъ... Святой хранитель
Первоначальныхъ бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду,
Ты сердцу возвратила миръ,
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ.

На третій годъ своей ссылки Пушкинъ вспоминалъ снова этотъ моментъ своей жизни въ такихъ стихахъ:

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ;
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Афинъ;
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой
Великодушный гражданинъ.

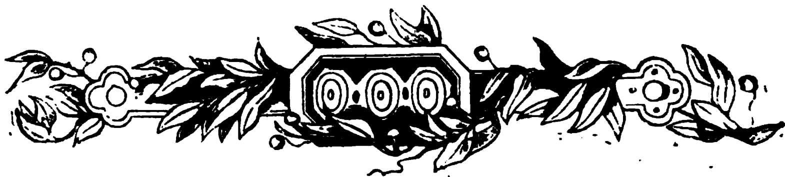
Съ этими словами онъ отнесся къ недавно умершему поэту Ѳед. Глинкѣ, который также принималъ участіе въ его судьбѣ; но великодушными гражданами могли назваться и еще нѣсколько лицъ, которыя спасли намъ геніальнаго поэта.

В. Стоюнинъ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

[1]) Разносился слухъ, будто онъ былъ позванъ въ тайную канцелярію и высѣченъ, что приводило его въ крайнее негодованіе.

ВЪ ПЕСКАХЪ КАРА-КУМЪ.

(Изъ путевыхъ записокъ).

ВЪ ТУМАННОЙ мглѣ раскаленнаго горизонта еле виднѣется одинокая станція Кара-Кудукъ. Длинной черной лентой растянулся нашъ караванъ. Ревъ верблюдовъ, ржаніе лошадей, крики киргизовъ—оглашаютъ безконечную пустынную равнину. Впрочемъ равниной нельзя назвать мѣстность, въ которую мы теперь вступаемъ. Плоская гладкая степь осталась назади; здѣсь песчаная почва дѣлается все болѣе и болѣе волнистою, а тамъ, впереди, на горизонтѣ, уже виднѣются настоящіе барханы, бѣлѣютъ и сверкаютъ ихъ сыпучія верхушки.

Во главѣ каравана ѣдетъ вожакъ киргизъ. На головѣ у него надѣтъ косматый малахай; широкое плоское лицо совсѣмъ спряталось въ густомъ лисьемъ мѣху, которымъ обшиты наушники, и только черные, блестящіе глаза смотрятъ бойко изъ-подъ приподнятыхъ черныхъ бровей. Пестрый, теплый халатъ сидитъ мѣшкомъ на коренастомъ тѣлѣ и стянутъ узкимъ ремнемъ; сбоку прицѣплена кривая сабля.

За киргизомъ слѣдуемъ мы верхами, а тамъ дальше грузно тащатся тарантасы; ихъ влекутъ медленно, шагъ за шагомъ, верблюды. Казаки гарцуютъ въ сторонкѣ и гонятъ нѣсколько бычковъ, предназначенныхъ поступить въ полное распоряженіе повара, когда появится надобность.

Безотрадная картина развертывается передъ нами—вездѣ песокъ и сухая выжженная трава. Справа и слѣва подымаются барханы. Они дѣлаются все больше и больше, попадаются все чаще и чаще. Не успѣли проѣхать и десятка верстъ, а попали въ настоящее песчаное царство. Дорога стала очень тяжелою. Конечно, болѣе всего хлопотъ съ тарантасами. Верблюды, непривычные къ упряжкѣ, то рвутся въ разныя стороны, то остановятся и, несмотря на нагайки, стоятъ какъ

вкопаные, то вдругъ круто сворачиваютъ въ сторону, летятъ стремглавъ, не слушая криковъ киргизъ, не видя ничего передъ собою. Тарантасъ врѣзался по самыя оси въ песокъ. Тройка верблюдовъ уперлась въ крутой откосъ бархана; упряжь изорвана, коренной упалъ и переломилъ оглоблю. Недоумѣвая, поглядываютъ пристяжные на своего лежащаго товарища; у одного вырвана веревка, которая была продѣта черезъ ноздрю, изъ раны каплетъ алая кровь; верблюдъ жалобно реветъ и поворачиваетъ голову во всѣ стороны, точно проситъ помощи. Толпа конныхъ и пѣшихъ суетится, шумитъ и приводитъ все въ порядокъ. Ѣдемъ дальше.

Песчаные бугры точно раздвинулись. Узкая, ровная долина совершенно неожиданно раскинулась передъ нами и ушла въ даль версты на три; тамъ она опять уперлась въ барханы, которые отсюда кажутся громадными темными волнами, застывшими во время сильной бури. Далѣе она представляетъ собою точно дно какого-то высохшаго бассейна. По бокамъ стоятъ густые заросли сухого камыша, кое-гдѣ зеленѣетъ трава. Грунтъ земли глинистый, твердый. Колеса тарантасовъ громко застучали; верблюды, обрадованные тѣмъ, что имъ стало легче тащить необыкновенныя для нихъ повозки, пустились въ припрыжку, раскачивая длинной шеей. Насилу остановили.

Несмотря на сентябрь, солнце жаритъ довольно сильно. На небѣ ни облачка; какимъ-то сѣрымъ, пыльнымъ куполомъ прикрыло оно насъ и уперлось въ дрожащую полоску горизонта. Даже вожакъ снялъ свой малахай и потираетъ бритую голову, которая блеститъ какъ вычищенный металлическій шаръ. Здѣсь, въ долинѣ, стало невыносимо душно. Казалось съ удовольствіемъ можно бы было подставить раскраснѣвшееся лицо налетѣвшему вѣтерку, но этотъ „зефиръ“ жжетъ какъ огнемъ, отъ него трескаются губы и сохнетъ во рту.

Молча продолжаемъ путь. Лошади фыркаютъ и машутъ понурыми головами. Какой-то киргизъ, повязанный краснымъ платкомъ по-бабьему, затянулъ заунывную, длинную пѣсню, такую же дикую и однообразную, какъ окружающая природа. Смотрѣлъ онъ куда-то вдаль, раскачивался сидя на горбахъ верблюда и не обращалъ ровно никакого вниманія на своихъ товарищей, знакомыхъ и незнакомыхъ. Ему хотѣлось пѣть, онъ и пѣлъ, импровизировалъ, глядя на однообразную долину, на крутые песчаные берега ея, чувствуя горячій вѣтеръ, и считая себя вѣроятно за самаго счастливаго человѣка въ свѣтѣ.

— Экъ затянулъ, проговорилъ ѣхавшій рядомъ со мною казакъ,— точно шакалъ воетъ. И что ужь это за народъ такой! порядочной пѣсни спѣть не умѣетъ. Ужъ и впрямь азіаты.

Прошло еще полчаса. Вдругъ изъ-за бархана выглянуло небольшое бѣлое зданіе съ крышей въ видѣ купола.

— Это что такое? спросилъ я у вожака, говорящаго немного по-русски.

— Могила или мазарка по вашему; здѣсь похороненъ очень хо-

рошій человѣкъ. И семья тоже похоронена вмѣстѣ съ нимъ. Богатый киргизъ былъ, много барановъ и верблюдовъ имѣлъ, въ дальнія страны ѣздилъ, гдѣ живутъ другіе народы, а киргизъ и русскихъ нѣтъ.

— А посмотрѣть мазарку можно?

— Отчего же нельзя? Свернемъ немного въ сторону; если къ ней подъѣхать, крюку съ полверсты будетъ не больше.

Караванъ остановился. Captain...

Караванъ остановился. Послѣзали съ лошадей, начали оправлять сѣдла. Въ нѣкоторыхъ тарантасахъ достали жестяные ящики съ провизіей и принялись на-скоро завтракать.

Интересующихся осмотрѣть мазарку набралось нѣсколько человѣкъ, и мы, не медля ни минуты, пустились рысью къ небольшому возвышенію, на которомъ стояла могила хорошаго человѣка.

Площадка гдѣ мы остановились, была почти лишена всякой растительности; чахлые, сухіе пучки песчанаго камыша вылѣзали изъ трещинъ земли на подобіе верблюжьей шерсти, да тамъ и сямъ торчали мертвые зонтики отцвѣтшихъ еще весною растеній; только кизилъ-джузгены чувствовали себя очень хорошо въ этой раскаленной почвѣ и весело протягивали во всѣ стороны узловатыя, кроваво-красныя вѣтки. Нѣсколько ящерицъ суетливо забѣгали по песку, испуганныя нашимъ появленіемъ; изъ какой-то разсѣлины въ куполѣ вылетѣла небольшая сова и, ныряя въ воздухѣ, исчезла за барханомъ.

Мазарка была построена изъ глиняныхъ кирпичей; кое-гдѣ на стѣнахъ и на крышѣ виднѣлись слѣды извести, которою вѣроятно было обмазано все зданіе. Невысокія стѣны украшались возвышеніями въ видѣ колоннъ, разставленныхъ въ равномъ разстояніи другъ отъ друга. Фундаментъ имѣлъ форму круга и весь исчезалъ въ волнахъ песка, который постепенно начиналъ засыпать даже заднюю стѣну постройки.

Узкая и низкая дверь помѣщалась въ срединѣ высокаго фронтона; верхняя его часть носила слѣды множества прямоугольныхъ углубленій расположенныхъ въ рядъ и составляющихъ довольно красивый карнизъ. Всеразрушающее время наложило на все зданіе свою руку:— фальшивыя колонки обвалились, карнизъ началъ сглаживаться, углы фронтона обрушились.

У входа валялось два лошадиныхъ черепа и нѣсколько костей. Надо было согнуться, чтобы войдти въ дверь, съуживающуюся къ верху. Она вела въ необыкновенно тѣсный и короткій корридорчикъ, изъ котораго уже мы попали въ небольшое круглое помѣщеніе. Стѣны постепенно переходили въ довольно высокій сводъ и сохранились весьма хорошо; чисто выбѣленныя, онѣ всѣ были покрыты весьма оригинальною живописью. Смѣлая рука азіатскаго художника набросала здѣсь фигуры верблюда, овцы, барана, лошади, а тамъ и копья, кольчуги, топора, лука, стрѣлы, слона, птицы, рыбы и прочее. Верблюды, привязанные одинъ за другимъ, должны были изображать длинный караванъ; овцы во всѣхъ положеніяхъ и возрастахъ представляли многочисленныя стада; лошади, осѣдланныя и безъ сѣдла, указывали на

большіе табуны, которыми владѣлъ покойникъ. На одной стѣнѣ живописецъ представилъ даже нѣсколько сценъ изъ охоты: скачущій всадникъ нагоняетъ сайгака и пронзаетъ его непомѣрно большимъ копьемъ, другой цѣлитъ изъ лука въ громаднаго тигра, третій несетъ на рукѣ сокола съ распущенными крыльями. На третьей стѣнѣ можно было видѣть сраженія, бой на копьяхъ, мечахъ и въ рукопашную; тутъ же помѣщались розовые и синіе слоны съ возсѣдающими на нихъ путешественниками. Фигуры разныхъ цвѣтовъ, сгруппированныя описаннымъ выше образомъ, составляли полосы, идущія параллельно карнизамъ и раздѣляли такимъ образомъ стѣны на нѣсколько отдѣленій съ извѣстнымъ характеромъ; кромѣ того, между сценами замѣчалась извилистая линія съ украшеніями въ видѣ звѣздъ, небывалыхъ цвѣтовъ, листьевъ и проч. Такимъ образомъ получались разныя картинки, и просматривая ихъ, можно было читать чуть не всю біографію киргиза и судить о его зажиточности. Посреди мазарки возвышалась длинная и узкая глиняная гробница, крышка которой съуживалась кверху на подобіе остраго гребня. По бокамъ ея находились еще нѣсколько подобныхъ же памятниковъ самыхъ разнообразныхъ величинъ:—то были могилы женъ и дѣтей умершаго.

Киргизы, кочуя въ Кара-Кумахъ, привлекаемые сочной травой, растущей между барханами во многихъ мѣстахъ, проводятъ въ нихъ всѣ зимніе мѣсяцы. Съ одной стороны кормъ для скота здѣсь находится въ изобиліи, а съ другой—холода въ пескахъ не такъ чувствительны, какъ въ глинистой степи, охватывающей Кара-Кумы со всѣхъ сторонъ. Киргизы любятъ окружающую своеобразную природу и многіе изъ зажиточныхъ номадовъ выбираютъ себѣ еще при жизни мѣстечко для будущей могилы. Подъ ихъ наблюденіемъ строятъ мазарки, приготовляютъ матеріалы для гробницы, разукрашиваютъ стѣны и, послѣ смерти, кладутъ чуть не на поверхности земли, насыпаютъ надъ ними глиняный холмъ и придаютъ ему форму ящика или куполообразнаго возвышенія. По смерти домочадцевъ, ихъ трупы также попадаютъ въ семейную мазарку, если средства родственниковъ позволятъ тащить ихъ иногда изъ довольно далекихъ мѣстъ: Мертвеца связываютъ и окутываютъ полотномъ, прикрѣпляютъ какъ вьюкъ на верблюдѣ и отправляются къ мазаркѣ. Молчаливо сидятъ киргизы, мѣрно покачивается трупъ, и печальный кортежъ проходитъ иногда нѣсколько сутокъ подъ однообразный звукъ колокольчиковъ, прежде чѣмъ достигнетъ до мѣста похоронъ; уложатъ мертвеца на свое мѣсто, сядутъ опять на высокія сѣдла и черезъ полчаса снова все стихнетъ въ окрестностяхъ мазарки, точно никто не нарушалъ мертвой тишины пустыни.

Такъ случилось съ хорошимъ человѣкомъ, похороненнымъ въ зданіи которое мы осматривали, такъ похоронили и всю его семью. А по рисункамъ, дѣйствительно, можно было видѣть, что онъ и въ Индіи побывалъ и на слонахъ покатался.

Мы долго сидѣли на гробницахъ, срисовали стѣнныя изображенія и очень рады были тѣни и прохладѣ. Свѣтъ падалъ черезъ входную узкую дверь, да и въ куполѣ замѣтна была трещина, въ которую виднѣлось синее небо; никакихъ оконъ не существовало.

На гробницахъ, на стѣнахъ и даже на полу было что то написано, на непонятномъ для насъ языкѣ,—вѣроятно потомки похороненныхъ или, вообще благочестивые мусульмане, заброшенные судьбою въ эти мѣста, спѣшили поклониться праху покойника и начертать какой-нибудь краснорѣчивый стихъ изъ корана.

По одиночкѣ, согнувшись, чуть не на колѣняхъ, выбрались мы изъ мазарки. Яркій свѣтъ ударилъ въ глаза и послѣ темноты казался ослѣпительнымъ; жаръ становился невыносимымъ. Мы усѣлись на нашихъ коней и догнали караванъ, который ушелъ версты на двѣ впередъ.

Поднимался вѣтеръ, раскаленныя песчинки били въ лицо и засыпали глаза. Горизонтъ окончательно стушевался, вершины бархановъ дымились. Пучекъ сухой травы, прыгая пронесся черезъ дорогу...

Съ шумомъ и гамомъ расположился караванъ на ночевку. Три кибитки, убранныя со всею киргизскою роскошью, предоставлены въ полное наше распоряженіе. Тарантасы выстроились въ одну шеренгу. Отпряженные верблюды съ важнымъ видомъ расхаживаютъ между снующимъ народомъ и съ аппетитомъ пережевываютъ свою жвачку.

Немного въ сторонѣ два казака хлопочутъ надъ костромъ. Бѣлый, густой дымъ прямымъ столбомъ подымается въ тихомъ вечернемъ воздухѣ и таетъ высоко-высоко надъ нашими головами; пахнетъ гарью и печенымъ картофелемъ. Недалеко отъ кибитокъ, киргизы принялись копать колодецъ; вооруженные широкими, круглыми, желѣзными лопатами, насаженными на древко такъ, что составляли съ ручкой прямой уголъ, они быстро и ловко углубляли яму. Съ каждымъ взмахомъ этого оригинальнаго инструмента отдѣлялась большая глыба плотнаго влажнаго песку, которая легко выбрасывалась на берегъ будущаго колодца. Почва становилась все болѣе и болѣе мокрою, наконецъ изъ-подъ ногъ рабочихъ стала просачиваться вода и яма быстро наполнилась ею. Тонкія, едва замѣтныя струйки показались со всѣхъ сторонъ; но вода отзывалась сѣрнистымъ водородомъ и была противнаго затхлаго вкуса. Киргизы вычерпали разъ, другой и оставили ее на нѣкоторое время въ покоѣ. Черезъ четверть часа колодецъ глубиною не болѣе полутора аршина весь наполнился свѣтлою, прѣсною и чистою водою, которая прибывала съ такою быстротой, что даже выступила изъ береговъ.

Описаннымъ способомъ въ любомъ мѣстѣ Кара-Кумовъ кочевники выкапываютъ себѣ кудуки, изъ которыхъ поятъ скотъ. Это удобство происходитъ отъ того, что на небольшомъ разстояніи отъ поверхно-

сти земли находится водоупорный пластъ, глубже котораго дождевая вода, просачивающаяся сверху, не можетъ идти. Во время таянія снѣговъ весною, громадное количество влаги пробирается между песчинками и скопляется въ подземные, такъ сказать, резервуары. Стоитъ только прокопать отъ 1 до 2—3 аршинъ верхній песчаный слой, какъ тотчасъ натыкаешься на воду. Водоупорный пластъ состоитъ изъ глины и того же песку, но только болѣе уплотненнаго, превратившагося въ песчаникъ. Онъ окрашенъ въ болѣе темный цвѣтъ отъ присутствія громаднаго количества органическихъ остатковъ, увлекаемыхъ и смываемыхъ съ поверхности водою. Въ Казалинскѣ разсказываютъ, что этотъ песчаникъ можетъ горѣть, что куски его брошенные въ огонь сильно раскаляются и даже будто бы могутъ сами издавать пламя. Въ этихъ разсказахъ есть много правдоподобнаго, но самъ я ничего подобнаго не видѣлъ.

Итакъ страшные пески Кара-Кумы съ названіемъ которыхъ тѣсно связано представленіе о чемъ-то дѣйствительно ужасномъ, въ дѣйствительности не такъ страшны; вода, это главное и необходимое условіе для существованія всего живущаго, вездѣ очень близко.

Вырывши нѣсколько колодцевъ (кудуки), киргизы, всѣ испачканные грязью и мокрые, растянулись на пескѣ и съ наслажденіемъ заложили себѣ за губу тертаго табаку. Расправивши усталые члены, закрывъ глаза, они неподвижно предались отдыху.

Между тѣмъ, кругомъ все идетъ своимъ порядкомъ. Вонъ, изъ одной кибитки, предназначенной для прислуги, понесли въ нашу подносъ со стаканами чая. Лакей, изъ современныхъ, проворно бѣгаетъ около тарантасовъ и съ лакейскою развязностью отдаетъ приказанія другимъ, менѣе ловкимъ своимъ помощникамъ. Поваръ, въ сѣрой шапкѣ и фартукѣ, стучитъ дорожной посудой. Звонъ чайныхъ ложекъ, стакановъ, рюмокъ пріятно раздражаетъ слухъ. Вдали на гребнѣ бархана, виднѣется статная фигура начальника экспедиціи съ своей неизмѣнной записной книжкой въ рукѣ. Цѣлая толпа кочевниковъ окружаетъ его. Переводчикъ что-то объясняетъ имъ и, для убѣдительности, даже руками показываетъ.

Мѣсто ночевки выбрано весьма удачно. Барханы окружаютъ насъ только съ трехъ сторонъ. Съ четвертой виднѣется большой солончакъ. Онъ весь покрытъ толстымъ бѣлымъ слоемъ соли, точно снѣгомъ. На его поверхности проложено множество пересѣкающихся птичьихъ слѣдовъ, а въ одномъ мѣстѣ у берега легко отличить отпечатки лошадиныхъ копытъ; должно быть кто-то собирался переѣхать прямикомъ, но во-время повернулъ назадъ. Эти солончаки только издали кажутся сухими и твердыми; подъ бѣлымъ налетомъ обыкновенно находится топь, изъ которой никому не удавалось выбраться, если только, вслѣдствіе незнанія или неосторожности, онъ попадалъ въ нее; быстро засасываетъ вязкая грязь несчастнаго всадника, напрасно силится лошадь выкарабкаться на берегъ, все дальше отбивается она отъ твер-

дой почвы и все глубже погружается въ холодную, полужидкую массу. Еще одно движеніе, еще одинъ отчаянный крикъ и все кончилось. Развороченная грязь медленно колышется, приходитъ въ равновѣсіе. Черезъ пять минутъ на этомъ мѣстѣ точно ничего не происходило.

Берега предательской топи покрыты мелкими растеніями съ толстыми жирными листиками. Какъ только ударятъ морозы, листики принимаютъ кроваво-красный цвѣтъ. Отъ этого чрезвычайно эффектными кажутся яркіе края бѣлоснѣжныхъ площадей, цвѣта красный и бѣлый необыкновенно рѣзко отдѣляются другъ отъ друга и производятъ сильное впечатлѣніе.

За солончакомъ, на горизонтѣ виднѣлась синяя полоска дальней возвышенности. Она теперь, при вечернемъ освѣщеніи, отливаетъ всѣми тѣнями лиловаго цвѣта, отъ самаго темнаго до самаго свѣтлаго. Сумерки быстро наступаютъ. Красное пламя зари уже потухло. Въ воздухѣ разливается темно-сѣрый колоритъ; какая-то мгла окутываетъ всѣ предметы, стушевываетъ очертанія бархановъ, затягиваетъ все легкой дымкой. Точно свѣчка затеплилась на небѣ первая звѣздочка. Она дрожитъ и мигаетъ. Большая Медвѣдица широко раскинулась надъ головами и обозначается все рѣзче и рѣзче.

Свѣтъ отъ костровъ дѣлается замѣтнѣе. Красный колоритъ ложится на лицахъ, сидящихъ по близости, на лошадяхъ стреноженныхъ и неподвижно стоящихъ въ кучѣ, на ближней кибиткѣ. Говоръ и шумъ начинаютъ утихать—всѣ заняты ѣдой; каждый спѣшитъ поужинать и лечь на мягкій песокъ.

Кто-то тащитъ цѣлую вязанку сухого камыша изъ за бугра; виднѣется какая-то масса, темная, безформенная, на двухъ ногахъ; трава шумитъ и раскачивается во всѣ стороны.

Изъ дальняго тарантаса слышенъ хохотъ и звуки балалайки. Въ нашей кибиткѣ зажгли свѣчи. Всѣ собираются „къ столу“...

Вотъ уже нѣсколько дней идемъ мы Кара-Кумами. Проѣхали ихъ центральную часть; недалеко и Сыръ-Дарья — конецъ нашего странствованія. И странное дѣло; чѣмъ глубже проникаемъ въ эту песчаную пустыню, тѣмъ удобнѣе становится путь. Поверхность бархановъ скрѣплена растительностью, прѣсной воды вездѣ достаемъ въ изобиліи, попадаются довольно часто аулы, стада барановъ. Въ одномъ мѣстѣ, мы даже наткнулись на широкую, плотно утоптанную верблюжью тропу, которая есть ничто иное, какъ ближайшій караванный путь, извѣстный только кочевникамъ; онъ обходитъ Казалу и, такимъ образомъ, значительно сокращаетъ дорогу и время перехода.

Небольшія, но густыя заросли тальника, джузгеновъ, джиды, астрагаловъ, дрока и проч. то и дѣло встрѣчаются, пріютившимися въ котловинкахъ между буграми, а камышъ, чій и кіякъ раскидываются по всей поверхности бархановъ, скрѣпляя подвижную почву

своими длинными и крѣпкими корнями. Если-бы оставить эту растительность въ покоѣ, то о сыпучихъ передвижныхъ пескахъ не было-бы и помину; но киргизы съ своими многочисленными стадами портятъ почву и доставляютъ горе себѣ и другимъ. Животное, срывая траву выдергиваетъ весьма часто и самый ея корень; образуется небольшое голое мѣстечко песку; подуетъ вѣтеръ, сухія, ни чѣмъ не скрѣпленныя песчинки разсыпаются во всѣ стороны, покрываютъ сосѣднія растенія, зарываютъ ихъ листья... Представьте себѣ сколько такихъ голыхъ мѣстъ появятся на извѣстномъ пространствѣ, послѣ того какъ цѣлое стадо попасется на немъ въ продолженіи недѣли, двухъ, а иногда и болѣе и какая громадная поверхность песку, способнаго передвинуться, выглянетъ на свѣтъ Божій. Напомню читателю разсказъ Старинга, изъ котораго мы знаемъ, что одна изъ самыхъ высокихъ дюнъ Фрисландіи произошла отъ того, что растущій на скрѣпленномъ пескѣ дубъ былъ вырванъ съ корнемъ: такимъ образомъ обнаружилось небольшое мѣстечко, давшее неизсякаемый матеріалъ цѣлому песчаному потоку, залившему всѣ окрестности.

Кромѣ того, животныя очень легко скусываютъ и обгрызаютъ верхушки и молодые побѣги кустарниковъ. Само собою разумѣется, что это также не служитъ въ пользу растеній песчаной полосы.

Но болѣе всего вредитъ дѣлу закрѣпленія песковъ самъ кочевникъ. Онъ не только уничтожаетъ траву своими стадами и разрыхляетъ этимъ почву, но даже вырываетъ корни для топлива.

Упрекъ относится не къ однимъ киргизамъ, но и къ намъ — цивилизаторамъ. Такъ, напримѣръ, въ прежнее время, въ Кара-Кумахъ и прилежащихъ мѣстностяхъ встрѣчались цѣлыя рощи осокоря и чрезвычайно своеобразнаго дерева саксаула. Теперь перваго растенія вы совсѣмъ не найдете или, если оно и встрѣтится, то развѣ — два-три экземпляра, сохранившіеся гдѣ-нибудь какимъ-то чудомъ: что-же касается до саксаула, то его можно найти во 1-хъ около какихъ-нибудь священныхъ могилъ и во 2-хъ въ такихъ мѣстахъ куда ужь очень трудно проникнуть человѣку. Причина послѣдняго исчезанія названныхъ двухъ породъ деревьевъ есть Аральская флотилія, которая употребляетъ ихъ на топку и ежегодно сожигаетъ несмѣтное количество пудовъ. Древесина саксаула превосходно горитъ и потому цѣлые караваны верблюдовъ нагружаются кривыми уродливыми стволами и тянутся въ Казалу и другія стоянки флотиліи.

Такимъ образомъ, мы ясно видѣли, что сама природя какъ-бы старается укрѣпить пески, что эта полоса земли, о которой разсказывали самыя баснословныя вещи, наводящія ужасъ на путешественника, вовсе не такъ страшна по своему безплодію; что въ этой пустынѣ зимуетъ много киргизовъ; что никакихъ передвижныхъ сыпучихъ песковъ, могущихъ засыпать цѣлые караваны, въ ней не существуетъ, и что, наконецъ, умереть отъ жажды тамъ весьма трудно, такъ какъ до прѣсной воды вездѣ можно дорыться. Наконецъ мы ви-

дѣли, что самъ человѣкъ портитъ Кара-Кумы, уничтожая растительность, скрѣпляющую песокъ и заставляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почвенные пески превращаться въ сыпучіе. Запретите киргизамъ пасти свои стада и Аральской флотиліи выворачивать съ корнемъ послѣдніе остатки саксаула—и физіономія Кара-Кумовъ окончательно сдѣлается неузнаваемою. Но, быть можетъ читателю приходитъ въ голову вопросъ такого рода: на какихъ данныхъ были основаны страшные разсказы о пустынности и непривѣтливости песковъ? гдѣ источникъ этихъ легендъ?

Дѣло объясняется очень просто. Орско-Казалинскій трактъ пролегаетъ по западной окраинѣ Кара-Кумовъ и упирается въ Аральское море. Затѣмъ, слѣдуя берегомъ этого скучнаго, непригляднаго бассейна, дорога доходитъ до Сыръ-Дарьи, до самаго Казалинска; отсюда уже путь проложенъ правымъ берегомъ Сыра до Ташкента. На всемъ протяженіи, гдѣ вы только проѣзжаете по пескамъ, они по истинѣ ужасны, глубоки и сыпучи. Полное отсутствіе растительности и прѣсной воды не позволяютъ устроить хорошихъ станцій съ исправными лошадьми. Еле выстроится глиняный домикъ и сарай, еле поселится станціонный смотритель — какъ при первыхъ же вѣтрахъ песокъ начинаетъ уже заносить и станцію и конюшни. Отгребаться нѣтъ возможности, укрѣпить пески также. Съ каждой бурей, съ каждымъ порывомъ вѣтра нагоняются песчаные сугробы все выше и выше, они достигаютъ крыши сараевъ, перекатываются черезъ нихъ и мало-помалу заваливаютъ дворикъ... А тутъ еще наступитъ зима, пойдетъ слякоть и, глиняная станція расползается, лопается на части. Выходитъ несчастный смотритель изъ своего помѣщенія, ставитъ киргизскую кибитку и помѣщается въ ней, бросая все на волю Божію.

Прѣсной воды, какъ я сказалъ нѣтъ; приходится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ посылать за нею на весьма почтенное разстояніе, около 10—12 верстъ, а такъ какъ лошадей мало, то случается не поить ихъ по двое сутокъ. Само собою разумѣется, что несчастныя животныя гибнутъ какъ мухи. Въ послѣднее время начали сдавать станціи на аренду киргизамъ. Имѣя нѣсколько верблюдовъ, этихъ неприхотливыхъ „кораблей пустыни“, новые смотрителя ведутъ дѣло нѣсколько лучше и позволяютъ по крайней мѣрѣ хоть медленно, но все таки продолжать свое путешествіе.

Кормъ для лошадей и верблюдовъ доставляетъ также центральная часть Кара-Кумовъ, гдѣ встрѣчаются цѣлые луга свѣжаго камыша, котораго набираютъ по нѣсколько тысячъ пудовъ.

Изъ этого бѣглаго очерка окраинъ Кара-Кумовъ видно, что существуетъ рѣзкая разница въ строеніи почвы внутренней и периферической, такъ сказать, части песковъ; по крайней мѣрѣ западный берегъ этого песчанаго моря въ высшей степени не привѣтливъ.

Разница эта становится понятною, если припомнимъ исторію образованія Кара-Кумовъ. Геологія говоритъ намъ, что было время, когда

Аралъ и Каспій составляли одно море, воды котораго покрывали большую часть Средней Азіи. Вслѣдствіе различныхъ переворотовъ, оба моря раздѣлились и начали усыхать. Берега ихъ выглянули на поверхность, а волны постепенно отлагали на нихъ ту громадную массу песку, который теперь въ такомъ изобиліи находится въ Азіи. Если мы представимъ себѣ, что осушеніе шло отъ востока къ западу, то само собою разумѣется, что чѣмъ восточнѣе будемъ брать для изслѣдованія полосу осѣвшихъ песковъ, тѣмъ они будутъ старѣе по отношенію къ лежащимъ болѣе къ западу.

Эти взрослые пески будутъ содержать въ себѣ все меньше и меньше морскихъ солей; они становятся болѣе пригодными для появленія на нихъ растеній, они болѣе выщелочены. Если при этомъ вспомнимъ, что подпочвенный водоупорный пластъ находится недалеко отъ поверхности земли, то получаются всѣ данныя для того, чтобы поверхность покрылась своеобразной растительностью — флорою бугристыхъ песковъ, какъ ее назвалъ Борщовъ.

Не то на западѣ. Здѣсь пески молоды, солены. Растеній нѣтъ, подпочвенный пластъ уходитъ глубоко, стало быть нѣтъ возможности укрѣпить эти передвижныя сухія волны, нѣтъ возможности человѣку бороться съ природой.

Понятно, что прежніе путешественники, пробираясь по почтовому тракту, приходили въ полнѣйшее отчаяніе. Въ ихъ памяти на-долго, пожалуй на-всегда, врѣзывалось представленіе о грозныхъ барханахъ, о томительно долгомъ передвиженіи, о комфортабельномъ помѣщеніи въ развалившейся станціи, гдѣ приходилось чуть не по недѣлѣ ждать очереди и прислушиваться къ вою вѣтра. Каждому думалось, что если на окраинахъ Кара-Кумы такъ грозны, то само собою разумѣется въ центральной своей части они должны быть еще грознѣй. Опровергнуть это мнѣніе не было основаній, такъ какъ никто изъ европейцевъ никогда не углублялся въ эту непривѣтливую страну и не рѣшался попробовать счастія.

На дѣлѣ оказалось совсѣмъ наоборотъ.

...Цѣлый день мы ѣхали совершенно скрѣпленными песками. Небольшія рощицы тальника, покрытаго уже покраснѣвшею листвою, то и дѣло попадались по дорогѣ. Въ долинахъ, по берегамъ какой-нибудь промоины, тянулись заросли свѣжаго, сочнаго камыша. Эти узкія зеленыя полоски расширялись иногда въ настоящіе луга и охватывали большіе и маленькіе солончаки съ кроваво-красными берегами. Только видя своими глазами эту массу травы, становилось вѣроятнымъ, что почтовый трактъ обязанъ своимъ существованіемъ именно этой безплодной пустынѣ.

Иногда на бугрѣ чернѣлась могила киргиза. Но это была не мазарка, подобная той, которую мы разсматривали на первомъ переходѣ

отъ Кара-Кудука, а самое простое сооруженіе, имѣющее цѣлью указать на мѣсто погребенія простого смертнаго. Средства покойнаго не позволяли ему воздвигнуть даже скромнаго зданія, на стѣнахъ котораго можно бы было по рисункамъ судить о его богатствахъ, о его подвигахъ и путешествіяхъ. Невысокія темныя стѣны образовали четырехугольникъ. По угламъ возвышались какъ бы зачатки небольшихъ башенокъ. Каждая стѣна въ отдѣльности строилась такимъ образомъ, что на слой глины клался слой сухого камыша или стебли другихъ какихъ-нибудь растеній, затѣмъ слѣдовалъ опять слой глины и потомъ опять камышъ, и т. д. Внутри четырехъ-угольника, кромѣ засохшихъ прошлогоднихъ травъ, я ничего не видѣлъ. Правда, попадались тамъ кости и черепа какихъ-то животныхъ; но занесены ли были они туда случайно, или же ихъ можно разсматривать какъ остатки похоронной тризны—рѣшать не берусь.

Иногда изъ за бархана виднѣлся столбъ дыма. Тамъ стоятъ нѣсколько кибитокъ. Кругомъ пасутся лошади и овцы, важно расхаживаютъ верблюды и съ любопытствомъ поглядываютъ на насъ. Нѣсколько голыхъ дѣтей испуганно бѣгутъ во своояси и прячутся куда попало. Двѣ—три женщины съ бѣлыми, высокими повязками на головахъ робко выглядываютъ изъ полуопущеннаго войлока, закрывающаго входъ въ кибитку. Собаки съ громкимъ лаемъ летятъ къ намъ на встрѣчу.

Надъ головой проносятся то и дѣло стаи куропатокъ. Вотъ онѣ опустились недалеко, какъ разъ за тѣмъ бугромъ. Изъ каравана отдѣляется ординарецъ Махинъ и съ ружьемъ на перевѣсѣ скачетъ туда. Онъ слѣзъ съ лошади, припалъ къ землѣ, ползетъ... Стволъ блеснулъ на солнцѣ. Прошла минута томительнаго ожиданія. Вдругъ бѣлый клубокъ дыма точно выросъ изъ земли, что-то стукнуло... Куропатки поднялись.

— Эхъ, не попалъ!.. пропуделялъ!.. заявляетъ одинъ казакъ.

Но изъ летящей стаи одна птица начинаетъ отставать. Она усиленно работаетъ крыльями, и между тѣмъ опускается все ниже и ниже, и наконецъ, какъ камень падаетъ на землю.

Махинъ скачетъ за добычей. За нимъ ринулся и казакъ, сожалѣвшій о промахѣ.

Выбрались на ровную мѣстность. Какъ будто и конца нѣтъ этой плоскости. Вдали несется облачко пыли. Въ немъ, въ этомъ облачкѣ, замѣчается что-то рыжеватое, круглое, точно шарикъ.

— Что это? спрашиваю я переводчика.

— Сайгакъ... вишь какъ жаритъ, и догнать-то его трудно. Смотри-ка, смотри!

Облачко остановилось, разсѣялось; можно различить животное. Оно вѣроятно утомилось и съ недоумѣніемъ и ужасомъ смотритъ на эту шумную массу людей. Мы продолжаемъ двигаться. Сайгакъ сдѣлалъ прыжокъ, которымъ онъ обыкновенно начинаетъ свой бѣгъ, и покатилъ дальше.

А отъ безоблачнаго неба опять пышетъ жаромъ. Просто не вѣрится тому, что во время ночевки было такъ холодно, что принуждены были цѣлую ночь поддерживать огонь въ кибиткѣ. Когда съ восходомъ солнца, мы, закутанные въ шубы, садились на лошадей, песокъ былъ влаженъ отъ легкаго морозца и бѣлый иней лежалъ въ лощинахъ. И послѣ такого утра опять такая жара.

Я оглянулся назадъ. Что за чудо? У подножія цѣпи бархановъ, которые мы проѣхали съ полчаса тому назадъ, блеститъ озеро. Голубая поверхность его углубляется между высокими песчаными буграми и отражаетъ въ себѣ каждый предметъ съ необыкновенною отчетливостью. И въ немъ, въ этомъ озерѣ, тоже виднѣются барханы и темные и свѣтлые, только все это обращено внизъ верхушкою. Направо водяная гладь слилась съ синевой горизонта и кажется, будто узкій осколокъ неба вонзился въ землю.

Я былъ пораженъ.

— Какое это озеро? спросилъ я вожака. Вѣдь мы не проѣзжали мимо него?

— Озеро? гдѣ озеро?

И киргизъ съ удивленіемъ оглянулся, по моему указанію.

— А вонъ, видишь? около бархановъ.

Вожакъ усмѣхнулся и поѣхалъ дальше.

— Никакого озера нѣтъ, пробормоталъ онъ. Это у тебя только въ глазахъ. Воды нигдѣ до самой Дарьи не увидишь. Одни кудуки есть, а озера нѣтъ.

Я опять посмотрѣлъ назадъ. Озеро стоитъ себѣ на томъ же мѣстѣ.

— Неужели же въ самомъ дѣлѣ это только кажется, подумалъ я и пригнулся къ сѣдлу.

Все вдругъ пропало, исчезло. Я приподнялся—и снова громадный бассейнъ разлился передъ глазами, даже еще больше мѣста захватилъ онъ подъ себя.

Это былъ миражъ.

Послѣдній ночлегъ въ Кара-Кумахъ. Завтра должны добраться до Сыръ-Дарьи.

Кибитки поставлены опять довольно удачно. Кругомъ высятся неподвижные барханы, поросшіе джузгенами. Колодцы наполнены свѣжею, чистою водою. Не успѣли остановиться, какъ явился какой-то киргизскій старшина въ необыкновенно обширномъ пестромъ халатѣ и необыкновенно уродливой шапкѣ, по формѣ напоминающей собою китайскую башню. На груди виднѣлась громадная золотая медаль, повѣшенная на длинной красной лентѣ. Лошадь его была также убрана со всею роскошью востока: сбруя, сѣдло, чепракъ — такъ и переливали пестрыми шелками, блестками, золотомъ и серебромъ. Въ его свитѣ находилось еще одно должностное лицо крошечнаго роста въ татарской тебетейкѣ и полуказачьемъ мундирѣ. Черезъ плечо у него

была привѣшена длиннѣйшая сабля, на шеѣ блестѣла тоже медаль. Этотъ человѣкъ ужасно трусилъ передъ нашимъ начальникомъ и когда тотъ обращался къ нему съ какимъ нибудь вопросомъ, вытягивался во весь свой маленькій ростъ и, заикаясь, величалъ его всѣми извѣстными ему титулами: то назоветъ „Ваше Превосходительство", то „Ваше Высокородіе", то „Ваше Царское Благородіе" и т. д.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, началось угощеніе. Конечно, прежде всего мы набросились на чудный кумысъ, о которомъ у насъ въ Казани и Самарѣ не имѣютъ никакого понятія. Затѣмъ не оставленъ былъ безъ вниманія айранъ, т. е. баранье кислое молоко, разбавленное водою.

Но вотъ и обѣдъ. Нѣсколько человѣкъ одинъ за другимъ, несутъ сначала шурпу — бараній супъ, нѣчто ужасное, мутное, холодное, жирное и безъ соли. Потомъ такая же вереница людей явились съ кавардакомъ или жареной бараниной, разрѣзанной на кусочки. Ожидали плова, но почему-то не дождались.

Въ заключеніе происходила бесѣда съ киргизами черезъ переводчика и когда все это кончилось, всѣ вздохнули свободно, точно пудовикъ свалился съ плечъ.

Между тѣмъ начало темнѣть. Зажгли опять костры. Нѣкоторые изъ насъ отправились погулять по „табору".

Изъ крайней кибитки слышится пѣніе и звуки какого-то инструмента. Идемъ туда. Войлочные стѣнки подняты и черезъ рѣшетку видна группа. Въ срединѣ разложенъ огонь. На угольяхъ стоятъ мѣдные, дымящіеся чайники; нѣсколько казаковъ, въ томъ числѣ и Махинъ полулежатъ на кошмахъ и слушаютъ. Тутъ же поджавши, по восточному, ноги, помѣщается стройный молодой киргизъ. Онъ перебираетъ пальцами по струнамъ самодѣльной гитары или, скорѣе, балалайки и во всю грудь выкрикиваетъ быстрые речитативы. Каждый куплетъ начинается необыкновенно высокой, сильной и длинной нотой. Отъ этого лицо пѣвца дѣлается багровымъ, жилы на шеѣ вздуваются; ожидаешь, что вотъ вотъ оборвется голосъ, „перехватитъ" горло. Не тутъ-то было — сильная грудь степняка вынесетъ и не такія усилія. Иногда киргизъ самъ улыбается своей пѣснѣ, видимо довольный словами.

— И чего смѣется? каждый разъ заявлялъ презрительно Махинъ, обращаясь къ переводчику, прикурнувшему въ тѣни, въ самой глубинѣ кибитки.

— Про любовь поетъ.

— Про любовь? вишь вѣдь азіятъ, а все же любить должонъ.

— А какъ эта пѣсня прозывается? въ свою очередь спрашиваетъ молодой казакъ съ глуповатымъ лицомъ.

— Никакъ не называется, продолжаетъ пояснять переводчикъ. Это онъ вѣдь свою жизнь воспѣваетъ. Что въ голову взбредетъ, то и поетъ.

Послушавши импровизатора, мы направились къ своей кибиткѣ. Въ тарантасахъ уже спали. Изъ-подъ фартука одного выглядывали подошвы громадныхъ сапоговъ, изъ другого торчалъ уголъ подушки, въ ситцевой наволочкѣ. Кто-то храпѣлъ чуть не на всю степь...

Изъ-за бархана виднѣлось красное зарево — то всходила луна. Летучая мышь повертѣлась надъ нашими головами и юркнула въ сторону.

Изъ нашей кибитки доносились звуки романса. Пріятный баритонъ съ чувствомъ пѣлъ:

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.

Нѣсколько голосовъ пробовало подтягивать. Долго слушали мы пѣніе. Минорный мотивъ будилъ воспоминанія. Непрошенная грусть щипнула за сердце.

— Пора спать, заявилъ кто-то изъ моихъ товарищей.

Всѣ направились во-свояси. Только мнѣ хотѣлось побыть еще на воздухѣ, точно мало было цѣлыхъ недѣль, проведенныхъ въ степи. Но вечеръ былъ такой чудный, тихій. Луна уже взошла и какой-то холодный голубоватый свѣтъ, разлитый повсюду, придавалъ необыкновенную прелесть всему ландшафту. Длинныя тѣни бархановъ ложились одна на другую, небольшіе кусты, растущіе въ лощинахъ, превращались въ деревья огромныхъ размѣровъ. Неподвижно лежали верблюды, пофыркивали пасущіяся лошади, потрескивали догоравшіе костры и надъ всѣмъ этимъ темный, почти черный, сводъ неба, усѣянный блестящими звѣздами.

Я повернулъ тоже къ кибиткѣ. Изъ нея слышалось:

И съ тѣхъ поръ на шею четки
Вмѣсто шарфа навязалъ,
И съ лица стальной рѣшетки
Никогда не подымалъ.

— Лучше другую спойте, повеселѣе, пристаетъ басъ.

— Извольте, и баритонъ запѣлъ:

Меня къ вашимъ глазкамъ давно привлекло,
И въ глазкахъ моя вся отрада,
Взгрустнется ль, и взглянешь — и все отлегло
Какъ будто въ нихъ все, что мнѣ надо.

Второй куплетъ запѣли уже всѣ вмѣстѣ. Примкнувшій басъ рявкнулъ не въ тонъ; общій хохотъ прервалъ пѣніе.

— Въ Кара-Кумахъ русскіе романы поются! подумалъ я и вошелъ въ ярко освѣщенную кибитку.

Холодный и порывистый вѣтеръ пронизывалъ насъ на сквозь и заставлялъ потеплѣе кутаться въ шубы. Вдали темной полоской тянулась какая-то возвышенность, а какъ доберемся до нея, то увидимъ Сыръ-Дарью. Съ напряженнымъ вниманіемъ смотримъ мы на эту полоску; время ожиданія кажется намъ безконечнымъ, а бодрый шагъ нашихъ киргизскихъ лошадокъ представляется необыкновенно медленнымъ. На вожака уже никто не обращаетъ вниманія — всѣ ѣдутъ впереди его, благо сбиться съ пути уже нѣтъ возможности.

А между тѣмъ кругомъ насъ происходитъ довольно интересное явленіе природы. Дѣло въ томъ, что мы выбрались на глинисто-солонцеватую площадь. Изъ трещины земли торчатъ сухіе пучки прошлогодней травы, грустные остатки кое-какихъ кустиковъ... Вѣтромъ несетъ съ ближнихъ баргановъ песокъ. Съ сухимъ звономъ летятъ песчинки, скользя по поверхности почвы, прыгаютъ, взвиваются на небольшую высоту, снова падаютъ и все дальше и дальше мчатся отъ родныхъ мѣстъ. Но вотъ на пути попадаются трава, камень или какой-нибудь другой предметъ. Песчинки задерживаются, предметъ все больше и больше засыпается. Новый порывъ вѣтра подгоняетъ еще цѣлую армію песчинокъ и мало по малу растетъ холмикъ. Ростъ его продолжается годами и едва замѣтное возвышеніе превращается въ настоящій барханъ.

На той ровной площади, по которой мы ѣхали, можно было прослѣдить весь постепенный ходъ развитія песчаныхъ бугровъ. Тамъ виднѣлось еле замѣтное возвышеніе, въ другомъ мѣстѣ оно уже выросло въ довольно замѣтный холмикъ, въ третьемъ онъ достигъ весьма солидныхъ размѣровъ, изъ верхушки торчитъ засохшая вѣтка уродливаго саксауловаго дерева. Сторона бархана, обращенная къ вѣтру, крута и почти отвѣсно опускается къ основанію, противоположная же постепенно сливается съ почвою и какъ бы стушевывается.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько молодыхъ барханчиковъ соединились въ ряды и образуютъ пока миніатюрную гряду песчаныхъ бугровъ. Все это представляло весьма поучительную картину.

Тѣмъ временемъ мы подвигаемся все-таки впередъ. Вдругъ на горизонтѣ что-то блеснуло. Это вода, это Сыръ-Дарья. Всѣ встрепенулись, ожили.

— Наконецъ-то можно будетъ умыться, привести себя, такъ сказать, въ порядокъ, думалось мнѣ, да вѣроятно и каждому. А тамъ и обратный путь въ тарантасахъ, на почтовыхъ. Какое наслажденіе. Невольно горячишь лошадь; она ускоряетъ шагъ; нѣсколько человѣкъ не выдержало и пустились рысью. Пыль поднялась столбомъ и быстро сносится вѣтромъ въ сторону. Передній всадникъ поскакалъ, за нимъ ринулись всѣ...

Съ высокаго бархана стало наконецъ видно на далекое разстояніе. Налѣво, на такомъ же бугрѣ, въ верстѣ отъ насъ, громоздились

какія-то зданія, бѣлыя, сѣрыя, темныя... Одни были высоки, другія низки, торчали бѣлыя колонны.

— Ужъ не Кара-Тугай-ли это? спросилъ я скакавшаго подлѣ киргиза.

— Нѣтъ, Кара-Тугай — вонъ видишь? и онъ указалъ на едва замѣтное маленькое строеніе, чернѣющееся какъ разъ на берегу Сыра.

— А это что-жь?

— Мазарки.

Подъѣхали. Дѣйствительно, цѣлый городъ, состоящій изъ мазарокъ, самой разнообразной величины, выстроенъ былъ довольно живописно. Это былъ городъ мертвыхъ.

Свернули вправо. Выбрались на почтовую дорогу, настоящую почтовую дорогу съ выбоинами и колеями, которую мы такъ давно не видали; она идетъ какъ разъ по крутому берегу широкой Сыръ-Дарьи, которая съ глухимъ шумомъ катитъ свои желтыя, мутныя волны. Еще полчаса и мы подскакали къ одиноко стоящей глиняной станціи. Покосившійся полосатый столбъ съ разбитымъ фонаремъ напоминалъ о Европѣ. Надъ входной дверью висѣла доска съ надписью „Кара-Тугай" и съ обозначеніемъ числа верстъ до ближайшихъ станцій.

Когда мы вошли въ маленькую комнатку „для проѣзжающихъ", когда почувствовали надъ своей головой кровлю, и когда наконецъ могли укрыться отъ рѣзкаго холоднаго вѣтра, насъ охватилъ восторгъ неописанный. Всѣ лишенія, усталость—все было забыто. На столѣ запыхтѣлъ самоваръ, появился горячій супъ изъ курицы, а потомъ, снова мы услышали и „бѣднаго рыцаря" и „глазки".

Обратный путь въ Россію, чрезъ Казалинскъ съ высокими пирамидальными тополями и фортомъ Аральской флотиліи, черезъ Иргизъ, съ пустынными улицами, кажется всякому необыкновенно длиннымъ. Начиная отъ Казалы тащишся большею частью на верблюдахъ, тою окраиной Кара-Куловъ, съ которой мы уже отчасти знакомы. Станціи въ ужасномъ видѣ. Всѣ эти „Сопакъ", „Акъ-Джулпасъ", „Алты-Кудукъ" и прочіе представляются чуть не совсѣмъ засыпанными песками.

Заливъ Аральскаго моря Сары-Чеганакъ имѣетъ самый непривѣтливый видъ. Тихо набѣгаютъ волны на плоскіе, безжизненные берега, оставляютъ большой осадокъ соли; выбрасываютъ невзрачныя водоросли, мелкіе раковины,—а кругомъ подымаются и громоздятся другъ на друга сыпучіе барханы.

На станціяхъ, если подорожная не по казенной надобности, можно умереть съ голоду. Нѣкоторымъ несчастнымъ приходится иногда сидѣть по двѣ недѣли, истратить весь свой запасъ и не знать, когда придется ѣхать дальше. Главная причина этихъ бѣдствій заключается

въ томъ, что на трактъ до Терекли держатъ только четыре тройки лошадей. Почта въ нѣсколько повозокъ идетъ чуть не каждый день. Само собою разумѣется, что прежде всего удовлетворяютъ почту, а потомъ уже, если счастье выпадетъ, дадутъ и проѣзжающему измученныхъ, еле живыхъ лошадей. Хорошо еще, что въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ киргизы держатъ верблюдовъ, и слѣдовательно есть возможность выбраться изъ песчанаго моря. Иначе хоть пропадай. Раздраженные пассажиры вымѣщаютъ свою злобу на несчастныхъ станціонныхъ смотрителяхъ, почему всѣ жалобныя книги наполнены самыми невообразимыми обвиненіями. Читать и просматривать эти засаленныя и припечатанныя на длинномъ снуркѣ, манускрипты доставляетъ все-таки нѣкоторое развлеченіе, когда приходится ждать по нѣскольку часовъ, пока выкормятся лошади.

Кромѣ того, въ часы томительнаго ожиданія, злополучные путешественники развлекаются тѣмъ, что расписываютъ стѣны комнатъ различными восклицаніями, замѣчаніями, или же прямо царапаютъ ножичкомъ, „такого-то числа, мѣсяца и года, такой-то проѣзжалъ и ждалъ столько-то часовъ“. Конечно, на концѣ ставится громадный восклицательный знакъ.

Медленное движеніе продолжается до Терекли. Съ этой станціи начинается трактъ другого почтъ содержателя, лошадей больше, да и песковъ меньше. Возятъ превосходно, и не увидишь какъ долетишь до Орска. Маленькій городокъ съ бѣлою церковью и высокой пожарной каланчей виденъ еще издалека, когда подъѣзжаешь изъ степи. И какъ пріятно вообразить, что добрался наконецъ до Россіи, что здѣсь протекаетъ Уралъ, отдѣляющій Европу отъ Азіи. А вѣтеръ гонитъ сѣрыя низкія тучи, дождь стучитъ по крышкѣ тарантаса. Безотрадная осенняя картина развертывается направо и налѣво. Вездѣ желтая степь, вездѣ пусто. Большіе и маленькіе кусты перекати-поле несутся мимо васъ въ какой-то бѣшеной пляскѣ. Точно они стараются обогнать другъ друга, точно изощряются въ томъ, чтобы подпрыгнуть повыше... Изрѣдко попадается на встрѣчу киргизъ верхомъ на верблюдѣ, да нагруженный тарантасъ, отправляющійся въ Ташкентъ. А дождь все стучитъ, дорога дѣлается тяжелѣе.

Но вотъ и Орскъ. Здѣсь уже начинается линія телеграфа и сознаніе того, что я могу, въ случаѣ чего, дать знать о себѣ куда слѣдуетъ, дѣйствуетъ весьма успокоительно и чувствуешь себя почти дома.

Отъ Орска везутъ уральцы. Живописныя Губерлинскія горы, большія станицы, съ цѣлой толпой казачекъ, продающихъ пуховые платки,—все это быстро мелькаетъ передъ вами. Вотъ вдали сверкнули кресты оренбургскихъ церквей. Зарождающійся изъ пепла городъ производитъ грустное впечатлѣніе. Вездѣ видны обгорѣлые остовы печей, кучи мусора и угольевъ. Но рѣзкій свистъ поѣзда желѣзной дороги заставляетъ на нѣкоторое время забыть горе близкихъ и по-

думать о томъ, что черезъ нѣсколько часовъ я буду катить по рельсамъ, сидя на мягкихъ и упругихъ подушкахъ вагона.

А тамъ пройдетъ ночь, и въ 10 часовъ утра, точно какимъ-то чудомъ очутишся въ скучной Самарѣ, съ ея невылазною грязью и тоскливымъ Струковскимъ садомъ. Но все имѣетъ свой конецъ. Вы садитесь на пароходъ, отчаливаете. Колеса шумятъ, свѣжій вѣтеръ дуетъ въ лицо, широкая Волга величественно течетъ изъ Жигулевскихъ воротъ. Самара пропадаетъ въ туманѣ; только дачи Анаева краснѣютъ на высокомъ берегу. Слава Богу не далеко и до дома!

Н. Сорокинъ.

Казань.
24-го января 1880 г.

ѲЕДОРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ГЛИНКА.

Въ февралѣ настоящаго года, какъ уже извѣстно читателямъ, кончилъ свою девяносто-двухлѣтнюю жизнь одинъ изъ послѣднихъ дѣятелей блестящаго періода русской литературы—Ѳедоръ Николаевичъ Глинка. Немного не дожилъ онъ до открытія памятника великому представителю этой эпохи, который глубоко уважалъ его, какъ даровитаго собрата по искусству, и какъ высоко честнаго человѣка называлъ въ своемъ посланіи „великодушнымъ гражданиномъ". Многочисленныя сочиненія покойнаго Глинки и отзывы всѣхъ, кто зналъ его лично, доказываютъ, что въ этихъ словахъ Пушкина не было никакого поэтическаго преувеличенія, а высказалось одно искреннее чувство. Дѣйствительно, въ ряду талантовъ, которыми такъ обильны были первыя четыре десятилѣтія нашего вѣка, Глинка принадлежалъ если не къ числу самыхъ яркихъ, то къ числу наиболѣе самостоятельныхъ и менѣе подчинявшихся какимъ-бы то ни было чуждымъ вліяніямъ. Въ то время, когда Козловъ, Баратынскій, Языковъ, Подолинскій отражали на себѣ блескъ генія Пушкина, Глинка, при всемъ глубокомъ сочувствіи къ этому великому свѣтилу, сохранялъ неизмѣнно свой самобытный цвѣтъ и жилъ своими идеалами. Какъ человѣкъ, онъ въ теченіе всей жизни пытливо искалъ истины на всѣхъ путяхъ, гдѣ только надѣялся открыть добро и служить на пользу людямъ, и по этому-то Пушкинъ видѣлъ въ немъ честнаго Аристида, который не боялся отнестись съ теплымъ привѣтомъ къ „постигнутому остракизмомъ" изгнаннику.

Ѳ. Н. Глинка, родной братъ извѣстнаго Сергѣя Глинки, „перваго ратника" московскаго ополченія Отечественной войны, родился въ Смоленской губерніи, въ 1788 году, и послѣ начальнаго воспитанія въ родномъ домѣ, опредѣленъ былъ въ Первый кадетскій корпусъ, откуда по окончаніи курса вышелъ офицеромъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ. Во время кампаніи 1805—1806 годовъ

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ С.-ПЕТЕРБУРГЪ 29 МАРТА 1860 г.

ПЕЧАТАНО ВЪ ЛИТОГРАФІИ А. Э. МЮНСТЕРА, МОЙКА 48.

онъ былъ въ дѣйствующей арміи, въ качествѣ адъютанта извѣстнаго графа Милорадовича, который искренно любилъ его до самаго рокового конца своей дѣятельной жизни. Любовь къ литературѣ обнаружилась въ молодомъ человѣкѣ съ раннихъ лѣтъ; но только по окончаніи похода, оставя службу и поселясь въ смоленской деревнѣ, онъ серьезно посвятилъ себя ученымъ и литературнымъ трудамъ. Съ 1808 года начали появляться его прозаическія и поэтическія сочиненія, какъ отдѣльными изданіями, такъ и въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ", который основалъ и редактировалъ его братъ Сергѣй Николаевичъ. Первымъ произведеніемъ Ѳ. Н. Глинки были „Письмо русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ и Венгріи, съ описаніемъ походовъ 1805—1806 годовъ". Въ немъ обнаружилась замѣчательная наблюдательность и умѣнье живо и картинно передать разнообразные эпизоды походной жизни и боевыхъ дѣлъ. Съ другой стороны, первые стихотворные опыты его, большею частію на темы духовнаго содержанія, ясно намѣтили то самостоятельное направленіе, которому поэтъ оставался вѣрнымъ во все теченіе своей продолжительной литературной дѣятельности. Тутъ обнаружилось теплое религіозное чувство, внушившее впослѣдствіи поэту лучшія его стихотворныя произведенія. Шесть лѣтъ спокойно провелъ Глинка въ своемъ имѣніи и оставлялъ его только на непродолжительныя поѣздки по Россіи, въ Кіевскую и Тверскую губерніи и на Волгу. Эти путешествія познакомили его съ народнымъ бытомъ въ разныхъ краяхъ отечества. Впослѣдствіи онъ описалъ свои впечатлѣнія и наблюденія и издалъ ихъ отдѣльной книжкою.

Отечественная война заставила Глинку покинуть на время любимыя занятія наукой и литературой. Съ приближеніемъ французовъ къ предѣламъ Смоленской губерніи, онъ поступилъ волонтеромъ въ армію, дошелъ вмѣстѣ съ нею до Тарутина и вскорѣ зачисленъ былъ офицеромъ и поступилъ опять адъютантомъ къ генералу Милорадовичу. Съ нимъ, послѣ отступленія Наполеона изъ Россіи, совершилъ онъ и заграничный походъ. По окончаніи компаніи 1814 года онъ былъ переведенъ въ гвардію, а въ 1819 г. поступилъ на службу правителемъ канцеляріи къ своему бывшему начальнику, который былъ тогда С.-Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Живя постоянно въ столицѣ, Глинка съ новой ревностью занялся литературой. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ „Военномъ журналѣ", для котораго самъ составилъ програму, написалъ повѣсти „Лука да Марья", „Зиновій Богданъ Хмѣльницкій или освобожденная Малороссія", родъ небольшой поэмы въ стихахъ „Мечтанія на берегахъ Волги", издалъ „Краткое обозрѣніе жизни и подвиговъ графа Милорадовича", „Мысли о пользѣ политическихъ наукъ", „Письма русскаго офицера о событіяхъ Отечественной войны и походѣ за границу". Всѣ эти сочиненія въ свое время пользо-

вались большимъ или меньшимъ успѣхомъ, а послѣднее обратило на себя общее вниманіе интересомъ содержанія и мастерскимъ изложеніемъ и выдержало нѣсколько изданій. Эти труды открыли ему доступъ въ возникшее тогда „Вольное общество любителей россійской словесности“, въ которомъ онъ былъ впослѣдствіи предсѣдателемъ.

Къ этому времени дѣятельности Ѳ. Н. Глинки принадлежитъ еще особая отрасль его литературныхъ трудовъ—это сочиненія въ прозѣ и стихахъ по предмету масонства, которыя онъ помѣщалъ въ различныхъ сборникахъ, издаваемыхъ обществами русскихъ „вольныхъ каменьщиковъ“. Въ 1815 году въ Петербургѣ основана была, подъ главенствомъ верховной ложи „Астреи“, отдѣльная масонская ложа „Избраннаго Михаила“, въ которой управлявшимъ мастеромъ былъ графъ Ѳ. П. Толстой, а къ числу членовъ принадлежало много извѣстныхъ лицъ изъ литературнаго круга, какъ напримѣръ Н. И. Гречъ, К. И. Арсеньевъ, Р. М. Зотовъ, В. К. Кюхельбекеръ и др. Въ эту-то ложу поступилъ Глинка и былъ избранъ намѣстникомъ великаго мастера, то-есть помощникомъ главы ложи. Безъ сомнѣнія только врожденная жажда истины и стремленіе къ добру привлекли поэта въ этотъ орденъ, который, какъ извѣстно, не преслѣдовалъ сначала никакихъ политическихъ цѣлей и имѣлъ въ виду только одни дѣла благотворенія. Подъ вліяніемъ мистически-гуманныхъ идей масонства Глинка написалъ много пѣсенъ и даже издалъ отдѣльную книжку стихотвореній, подъ общимъ названіемъ „Единому отъ всѣхъ“. Полагаютъ, что ему же принадлежитъ и извѣстный масонскій „Гимнъ Торжествующихъ“.

Въ то же время Ѳ. Н. Глинка примкнулъ къ другому кругу тогдашнихъ передовыхъ людей. Извѣстно, что въ 1816 году молодые русскіе офицеры, возвратясь изъ заграничнаго похода, гдѣ успѣли познакомиться съ бывшими тогда въ Германіи тайными обществами, задумали основать нѣчто подобное и въ Россіи. Въ началѣ слѣдующаго года образовалось въ Петербургѣ первое такое общество, подъ названіемъ „Союза спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества“. Изъ донесенія учрежденной потомъ по дѣлу декабристовъ Слѣдственной Коммисіи видно, что Глинка былъ въ числѣ учредителей этого общества и первыхъ его членовъ и нѣкоторое время отличался особенной дѣятельностью по его дѣламъ и сношеніямъ. И. Д. Якушкинъ, въ своихъ запискахъ, признаетъ его однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ общества. Въ 1821 году Глинка, по порученію петербургскихъ товарищей, ѣздилъ въ Москву для совѣщанія о предположенномъ измѣненіи въ уставѣ общества. Это подтверждаетъ и баронъ Розенъ, изъ сочиненія котораго видно, что Глинка съ 1817 г. былъ членомъ „Союза Спасенія“, переименованнаго впослѣдствіи въ „Союзъ Благоденствія“ и участвовалъ въ московскомъ съѣздѣ уполномоченныхъ. Кромѣ того, въ запискахъ И. Пу-

щина говорится, что въ началѣ декабря 1825 года, въ числѣ членовъ тайнаго общества, которые ежедневно собирались на совѣщанія у Рылѣева, былъ постоянно и Ѳ. Н. Глинка. Въ 1826 г., послѣ слѣдствія и суда надъ декабристами, онъ былъ отправленъ въ Олонецкую губернію, но ссылка эта была непродолжительна, и ему вскорѣ разрѣшено переѣхать на жительство въ свою Смоленскую деревню. Обстоятельство это не можетъ не обратить на себя вниманія. Какимъ образомъ, принадлежа къ числу первыхъ основателей перваго тайнаго общества и будучи потомъ членомъ „Сѣвернаго Союза" до самаго взрыва заговора, онъ избѣгнулъ суровой кары, постигшей другихъ, не столько дѣятельныхъ участниковъ? Вопросъ этотъ еще не выясненъ. По словамъ людей, хорошо знавшихъ Глинку, всего вѣроятнѣе, что онъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ великодушію Милорадовича. Говорятъ, что графъ, умирая отъ пули, поразившей его на Сенатской площади, въ послѣднія минуты своей жизни просилъ покойнаго императора Николая Павловича, въ видѣ особой милости къ умирающему, пощадить Глинку, какъ человѣка увлеченнаго, но не преступнаго и душевно преданнаго престолу.

Къ этому-то періоду жизни Глинки, начиная съ возвращенія его изъ похода до пріѣзда изъ Олонецкой губерніи въ деревню, принадлежатъ лучшія и самыя зрѣлыя его произведенія: „Опыты аллегорій или иносказательныхъ описаній въ стихахъ и прозѣ" и „Опыты священной поэзіи", которыя являлись по частямъ въ разныхъ изданіяхъ, но собраны и изданы отдѣльными книжками въ 1826 году. Въ аллегоріяхъ, по собственнымъ словамъ Глинки, онъ имѣлъ въ виду представить въ иносказательной формѣ рядъ высокихъ истинъ, причемъ „заманчивость загадки соединена бы была съ пользою поучительности". И вотъ, въ небольшихъ описательныхъ характеристикахъ, олицетворяются у него въ живыхъ образахъ подъ именемъ Знакомой Незнакомки — истина, въ видѣ Двухъ Путниковъ — душа и тѣло, въ лицѣ Неосязаемой Утѣшительницы — надежда, и черезъ всѣ эти аллегорическіе разсказы проводится одна общая связующая ихъ мысль о безсмертіи, которое поэтъ называетъ „приданымъ души человѣческой". Прозаическая рѣчь аллегорій отличается тою чистотой и правильностью склада, какія мы находимъ только у немногихъ, лучшихъ писателей карамзинской школы. Стихъ въ этихъ пьесахъ если не всегда художественно точенъ, то съ другой стороны вездѣ правиленъ, обиленъ грандіозными образами и живыми красками. Въ самомъ содержаніи аллегорическихъ разсказовъ нѣтъ той приторной сантиментальности, какою отличалась тогда наша поэзія, а видна только какая-то восторженность, при которой природа кажется поэту какъ бы храмомъ, гдѣ деревья и цвѣты „посылаютъ благоуханіе кадилъ къ небу", гдѣ самыя страшныя бури не что иное, какъ „небесный праздникъ". Это оттого, что по словамъ пѣвца:

Злодѣй отъ грозы и дрожитъ и блѣднѣетъ,
Доброму-жъ чистая совѣсть привѣтливо шепчетъ: не бойся!

Но поэтическій талантъ Ѳ. Н. Глинки, ясно уже видный въ этомъ сборникѣ аллегорій, обнаружился вполнѣ только въ его „Опытахъ священной поэзіи“. Тутъ ясно высказалось, какъ родственны были душѣ поэта высокія библейскія идеи, какъ глубоко понималъ онъ и съ какой силою и прелестью выражалъ ихъ духъ. Подражанія псалмамъ, воспроизведеніе лучшихъ мѣстъ изъ пророковъ, поэтическіе мотивы на хвалебныя и молитвенныя пѣсни, отличаются могуществомъ слова, величіемъ образовъ и глубокимъ чувствомъ этихъ неувядаемыхъ памятниковъ священнаго вдохновенія. Какъ сильно передаетъ онъ образы, въ какихъ является Іегова, въ громахъ и молніяхъ карающій „человѣковъ родъ лукавый“, такъ же полны у него прелести картины счастія тѣхъ мирныхъ дней, когда

Господь какъ будто почивалъ,
А на землѣ дѣла свѣтлѣли:
Звучалъ тимпанъ и дѣвы пѣли,
И всякій Бога величалъ!

Едва-ли не лучшее и вполнѣ художественное стихотвореніе въ этомъ сборникѣ: „Плачъ плѣнныхъ іудеевъ“. Тутъ простота и сила языка вполнѣ достигаетъ величія библейской рѣчи. Поэтъ съ удивительнымъ искусствомъ успѣлъ передать мучительную печаль и гордое чувство солимскихъ плѣнниковъ, увлеченныхъ отъ священной родины и оплакивающихъ свою неволю. Напрасно враги хотѣли услышать отъ нихъ „пѣснь сіонскихъ странъ“; гордые въ своемъ отчаяніи плѣнники отвѣчаютъ своимъ поработителямъ:

Сіона пѣсни — гласъ свободы!
Тѣ пѣсни слава намъ дала!
Въ нихъ тайны мы поемъ природы
И Бога дивнаго дѣла!
Нѣмѣй органъ нашъ голосистый,
Какъ занѣмѣлъ нашъ въ рабствѣ духъ!
Не опозоримъ пѣсни чистой:
Не ей ласкать злодѣевъ слухъ!
Увы! неволи дни суровы
Органамъ жизни не даютъ:
Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣсней не поютъ!

Въ нашей поэзіи только ода Державина „Властителямъ и судіямъ“, прекрасное стихотвореніе Пушкина „Пророкъ“ да немногія изъ подражаній псалмамъ Языкова могутъ быть поставлены на ряду съ этимъ образцовымъ произведеніемъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Ѳ. Н. Глинка поступилъ на гражданскую службу въ Тверь и женился на Авдотьѣ Павловнѣ Голенищевой-Кутузовой, которая впослѣдствіи сдѣлалась извѣстною въ нашей литературѣ духовными сочиненіями и переводами изъ иностранныхъ

поэтовъ, въ особенности Шиллеровой „Пѣсни о колоколѣ“. Черезъ нѣсколько времени Глинка былъ переведенъ въ Орелъ, но оставался въ немъ не долго, и въ 1835 году вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Здѣсь домъ его сдѣлался мѣстомъ собранія ученыхъ, писателей и артистовъ. Каждую недѣлю, въ опредѣленнный день, у гостепріимныхъ хозяевъ собиралось избранное общество и вечера проводились за чтеніемъ и музыкой. Литераторы, пріѣзжавшіе изъ Петербурга и изъ провинціи въ Москву, считали за честь быть на этихъ вечерахъ и всегда встрѣчали радушный пріемъ. Глинка не оставлялъ литературныхъ занятій. Въ этотъ періодъ своей дѣятельности онъ между прочимъ издалъ повѣсть „Карелія или заточеніе Мареы Іоанновны Романовой“, „Воспоминаніе о піитической жизни Пушкина“ въ стихахъ, „Подражаніе книгѣ Іова“, „Очерки Бородинскаго сраженія“, и въ сотрудничествѣ съ своей женою написалъ обширную духовно-легендарную поэму „Таинственная Капля“, которая сначала извѣстна была въ рукописи только лицамъ знакомымъ поэту, и въ первый разъ напечатана въ Берлинѣ въ 1861 году, а черезъ десять лѣтъ издана и въ Москвѣ.

Не имѣя въ виду разбирать всѣхъ литературныхъ трудовъ Θ. Н. Глинки, мы однакоже не можемъ не обратить вниманія на два послѣднія произведенія, въ которыхъ поэтъ, оставаясь вѣрнымъ своему общему направленію, выразился въ нѣсколько новыхъ чертахъ. Религіозность, отличавшая Глинку въ продолженіе всей его жизни, подъ вліяніемъ масонскихъ идей и того настроенія, какимъ отличалось русское общество въ первой четверти настоящаго столѣтія, мало по малу принимала нѣсколько мистическій оттѣнокъ. Замѣтное уже мѣстами и въ прежнихъ сочиненіяхъ автора „Аллегорій“, это настроеніе съ паденіемъ въ Россіи масонства и прекращеніемъ „Сіонскаго Вѣстника“ Лабзина, не только не исчезло, а напротивъ съ большею ясностью стало обнаруживаться въ послѣдующихъ его произведеніяхъ, какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ.

„Очерки Бородинской битвы“, которой Глинка былъ очевидцемъ, носятъ слѣды такого мистицизма. Рисуя воинственную картину знаменитаго боя, со всѣми его перипетіями и кровавыми эпизодами, представляя при этомъ мастерскіе портреты его главныхъ героевъ и „престарѣлаго вождя русскихъ силъ“, авторъ въ самыхъ естественныхъ историческихъ событіяхъ нерѣдко видитъ что то чудесное. Даже мелкія случайности, не заключающія въ себѣ ничего выходящаго за предѣлы самыхъ обыкновенныхъ явленій, наводятъ его на мысль о вліяніи какихъ то невидимыхъ силъ, и онъ къ исторической дѣйствительности примѣшиваетъ самые неожиданные выводы. Такъ напримѣръ, онъ придаетъ какой то таинственный смыслъ тому, что въ Бородинской битвѣ между вождями было шесть Михаиловъ, а Кутайсова называетъ средневѣковымъ паладиномъ потому только, что онъ былъ убитъ 26 августа, когда происходило и сраженіе при Кресси.

Впрочемъ, мы были бы несправедливы, если бы стали слишкомъ строго относиться къ Глинкѣ за подобныя странныя сближенія. Это было совершенно понятно и извинительно въ то время, когда у насъ очень просвѣщенные люди находили въ имени Наполеона апокалипсическое число Антихриста, а въ фамиліи Багратіона видѣли чудесный девизъ: „богъ рати онъ". Во всякомъ случаѣ, хотя это сочиненіе Глинки не имѣетъ большого значенія ни въ военномъ, ни въ историческомъ отношеніи, но по ясности и красотѣ картинъ и живости изложенія оно составляетъ замѣчательное литературное явленіе своего времени, и Бѣлинскій справедливо замѣтилъ, что русскому человѣку стыдно не читать этой книги, которая „вполнѣ достойна названія народной".

Содержаніе „Таинственной Капли" заимствовано изъ древней христіанской легенды, сохранившейся въ средневѣковыхъ хроникахъ и въ народныхъ преданіяхъ. Сказаніе это, занесенное вѣроятно пилигримами изъ Палестины, распространилось по всей Европѣ, давно сдѣлалось извѣстнымъ и русскому народу и записано въ нѣкоторыхъ нашихъ старинныхъ „Цвѣтникахъ". Легенда состоитъ въ томъ, что во время бѣгства Пресвятой Дѣвы съ Іосифомъ и Младенцемъ въ Египетъ, всѣ они захвачены были разбойниками и уведены въ плѣнъ. Тамъ Богоматерь дала каплю молока изъ своей груди мучившемуся въ предсмертной агоніи ребенку одной изъ женъ разбойниковъ, и больной младенецъ мгновенно исцѣлился. Пораженные этимъ чудомъ, разбойники отпустили святыхъ путниковъ. Прошли годы. Исцѣленный ребенокъ выросъ, пошелъ по слѣдамъ отца и самъ сдѣлался разбойникомъ; но въ немъ какъ бы таилась священная капля, которая не давала ему погрязнуть во злѣ и возвышала его духъ. Случилось наконецъ, что онъ былъ пойманъ, приведенъ въ Іерусалимъ и приговоренъ къ смертной казни. На трехъ крестахъ, поставленныхъ передъ пасхою на Голгофѣ, распяли трехъ осужденныхъ, и въ числѣ ихъ былъ этотъ самый преступникъ. Въ минуты агоніи онъ съ своей висѣлицы взглянулъ на пригвожденнаго къ среднему кресту страдальца, и въ душѣ его мгновенно проснулось воспоминаніе о раннемъ дѣтствѣ: онъ узналъ въ распятомъ кого то давно знакомаго, и обращаясь къ нему, произнесъ: помяни меня, Господи, когда пріидешь въ царствіе свое! Распятый Спаситель отвѣчалъ ему: ты сего же дня будешь со мною въ раю! И для носителя святой таинственной капли, по слову Сына Божія, открылись райскія двери.

Эту то легенду Глинка взялъ сюжетомъ поэмы, обставилъ ее цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ эпизодовъ, почерпнутыхъ изъ Евангелія, Четьи-Минеевъ, заимствованныхъ изъ апокрифическихъ сказаній, изъ преданій и пѣснопѣній церкви. Все это раскрывается въ картинахъ, сгруппированныхъ около основной фабулы, и составляетъ обширное поэтическое произведеніе, въ которомъ авторъ, не отступая отъ смысла существующихъ преданій, не стѣснялъ однакожъ нисколько и своей

творческой фантазіи. Повѣствованіе обставлено у него живописнымъ описаніемъ Палестины, Аравіи, Египта и характерными сценами мѣстнаго быта и туземныхъ нравовъ. Большая часть поэмы написана въ повѣствовательной формѣ, но нѣкоторыя части выражены въ драматическихъ сценахъ. Къ сожалѣнію, все сочиненіе не выдержано, можетъ быть оттого, что оно не вполнѣ принадлежитъ Ѳ. Н. Глинкѣ. Многія главы страдаютъ излишними длиннотами, ненужными подробностями и слабыми стихами, хотя нерѣдко встрѣчаются этюды, по красотѣ и силѣ напоминающіе лучшіе отрывки изъ „Опытовъ священной поэзіи". Вотъ напримѣръ какъ завершается въ эпилогѣ картина Вальтазарова пиршества и паденія Вавилона:

Глядятъ съ мучительной тоской
И видятъ: на стѣнѣ чертога
Посолъ невидимый отъ Бога
Чертитъ невидимой рукой!..
Сбылось, какъ видѣлось пророку.
Онъ видѣлъ, какъ изсохъ Евфратъ,
И тамъ, гдѣ бурно мчались воды,
Съ оружьемъ дикіе народы
Врывались въ оробѣвшій градъ...

Изъ Москвы Ѳ. Н. Глинка окончательно переселился въ Тверь, гдѣ и провелъ почти безвыѣздно послѣдніе годы своей жизни. Въ это время онъ уже не много занимался литературою, и его поэтическій талантъ потерялъ силу и видимо угасъ. Кромѣ изданія прежнихъ сочиненій, онъ напечаталъ послѣднее большое стихотвореніе „Мальчикъ въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ" и нѣсколько мелкихъ пьесъ, которыя ни по содержанію, ни по формѣ не напоминаютъ уже о его талантѣ.

Но если въ этомъ періодѣ померкло его поэтическое дарованіе, то съ другой стороны нисколько не ослабѣло живое сочувствіе ко всему, что только могло интересовать просвѣщеннаго человѣка и горячаго патріота, которому дороги и успѣхи науки, и явленія народной жизни. До послѣднихъ дней своихъ, девяносто-двухъ-лѣтній старикъ живо интересовался всѣмъ, что касалось горячо любимаго имъ отечества. И любовь къ людямъ, и желаніе добра, не ограничивались у него однимъ внутреннимъ чувствомъ; то и другое выражалось на дѣлѣ. Въ Твери, между прочимъ онъ былъ учредителемъ общества „Доброхотной Копѣйки", на средства котораго открыта ремесленная школа и безплатная столовая для бѣдныхъ. До самой кончины своей Глинка былъ предсѣдателемъ этого благотворительнаго общества и не переставалъ заботиться о его развитіи. Доказательствомъ общественнаго уваженія къ этому дѣятельному человѣку служитъ то, что не смотря на старческій возрастъ, онъ былъ выбранъ гласнымъ въ городскую думу. Кто былъ при его погребеніи, тотъ не могъ не замѣтить, какое искреннее сожалѣніе вызвала его смерть въ

городѣ, гдѣ всѣ знали филантропическія идеи этого общественнаго труженика.

Общее значеніе Ѳ. Н. Глинки, какъ литератора и поэта, давно уже опредѣлилось. Онъ конечно не принадлежитъ къ числу крупныхъ талантовъ, пролагавшихъ какіе нибудь новые пути въ искусствѣ; но въ той блестящей поэтической плеядѣ, средоточіемъ которой былъ Пушкинъ, онъ занимаетъ видное мѣсто по независимости и своеобразному характеру своего дарованія. Его не коснулось даже обаятельное вліяніе Байрона, не отразимо подчинившаго себѣ многихъ, болѣе талантливыхъ поэтовъ той эпохи. Хотя по складу ума и убѣжденіямъ у Глинки было не мало родственнаго съ поэтическимъ настроеніемъ Шатобріана и Ламартина, но онъ никогда не увлекался ни піетизмомъ „Les Martyrs“, ни мечтательностью „Méditations poétiques“. Правда, у него можно найти общіе съ ними мотивы, но въ его религіозныхъ пѣсняхъ несравненно больше библейской простоты и силы, и вовсе нѣтъ той искусственности, какая замѣчается даже въ лучшихъ произведеніяхъ этихъ представителей французской литературы начала XIX вѣка.

Нельзя не замѣтить еще одной важной стороны въ произведеніяхъ Глинки: это его теплое отношеніе къ народу и ясное пониманіе его характера. Доказательствомъ тому, какъ онъ былъ проникнутъ народнымъ духомъ и умѣлъ поэтически выразить его, служитъ извѣстная пѣсня „Вотъ мчится тройка удалая“, которая быстро разлетѣлась по всей Россіи и до-сихъ-поръ не забыта въ самыхъ далекихъ ея углахъ. Съ любовью къ народу поэтъ соединялъ вѣру въ его умъ и здравый смыслъ. Въ одной изъ драматическихъ сценъ „Таинственной Капли“ тиверіадскій рыбакъ говоритъ своему товарищу:

Народа не обманешь;
Въ народѣ есть какое-то чутье,
И часто онъ, не зная какъ, а знаетъ,
И говоритъ кажись съ проста, а дѣльно.

Во взглядѣ Глинки на русскую жизнь видны нѣкоторыя черты, близкія къ направленію нашихъ славянофиловъ. Онъ съ уваженіемъ относился къ старому русскому быту и находилъ въ немъ много свѣтлыхъ сторонъ, скрытыхъ подъ наплывомъ чуждыхъ для насъ понятій и обычаевъ. Въ безусловномъ подраженіи Западной Европѣ онъ, подобно Грибоѣдову, видѣлъ пустое и вредное обезьянство, мѣшавшее естественному развитію нашей народной жизни. Въ одномъ стихотвореніи, которое кажется еще не напечатано, онъ говоритъ, что мы, гоняясь за чужими обычаями,

Напрягаемъ всѣ усилья
Стать съ Европой наравнѣ,
Хоть не разъ сожгли ужъ крылья
На предательскомъ огнѣ...
Все порхая мотыльками
И играючи съ огнемъ,

Жаръ чужой гребемъ руками,
А каштаны отдаемъ...

Это невольно напоминаетъ славянофильскіе монологи Чацкаго.

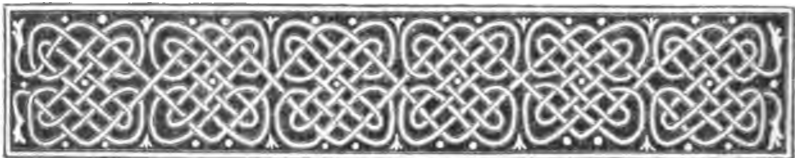
Чтобы прибавить еще одну черту къ нашему очерку, мы позволимъ себѣ привести не бывшіе въ печати стихи Ѳ. Н. Глинки, писанные имъ въ маѣ 1861 года. Это родъ посланія или поэтическаго письма къ генералу А. Э. Циммерману. Стихотвореніе замѣчательно съ одной стороны тѣмъ, что въ немъ выражается любовь поэта къ мирной бесѣдѣ въ образованномъ кружкѣ, а съ другой стороны видно, какъ тѣ напрасныя опасенія, какія бродили въ нашемъ обществѣ въ первые дни за появленіемъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ, отозвались даже на человѣкѣ, глубоко любившемъ народъ и вѣрившемъ въ его умъ и тактъ. Вотъ это посланіе:

Ожидаемый вечеръ.

Въ дни смутъ и общаго тумана,
Собравшись въ дружескій кружокъ
У генерала Циммермана
Отпразднуемъ мы вечерокъ.
Авось-ли тамъ забудемъ горе
И убаюкаемъ сердца...
А то вѣдь Русь шумитъ какъ море:
Вѣстямъ и слухамъ нѣсть конца!
Война, пока еще безъ грома,
Ужъ суется по всѣмъ угламъ,
И какъ-то не сидится дома,
И отчего-то страшно намъ...
Но всторонѣ отъ урагана,
Украдемъ у судьбы часокъ
И къ побѣдителю Кокана
Пойдемъ на мирный вечерокъ.
Богъ знаетъ—изъ нависшей тучи
Какая вылетитъ бѣда,
Когда пойдутъ на споръ кипучій
Кулакъ, топоръ и борода.
Ужъ лѣзутъ изъ подполья силы,
И намъ доноситъ общій крикъ,
Что цѣлый домъ поднять на вилы
Готовъ разнузданный мужикъ!
Но изъ-за мрачнаго тумана,
Пока отсель еще далекъ,
У генерала Циммермана
Найдемъ мы свѣтлый вечерокъ.

Ѳ. Н. Глинка, какъ уже мы сказали, скончался на девяностотретьемъ году жизни. По общимъ отзывамъ, онъ сохранилъ до конца здравый умъ, общительность, и вообще всѣ черты мягкаго и симпатичнаго характера, которыя постоянно привлекали къ нему всѣхъ, кто только имѣлъ случай его узнать. Недаромъ Пушкинъ сказалъ, что въ изгнаніи ему „былъ отрадой“ привѣтъ этого уважаемаго человѣка.

А. Милюковъ.

ЛЕГЕНДЫ ТРІАНОНА И ВЕРСАЛЯ [1]).

I.

Послѣдняя роза.

I.

Молодая королева.

> Jo vidi già nel cominciar del giorno
> La parte oriental tutta rosata,
> E l'altro ciel di bel sereno adorno,
> (Dante. Purg Cant. XXX).

Это было въ іюнѣ мѣсяцѣ 1774 года. Маркизъ де-Лобепинъ, верхомъ на прекрасной лошади и въ сопровожденіи слуги, прогуливался по обыкновенію въ большомъ версальскомъ паркѣ, въ то время чрезвычайно пустынномъ. Король Людовикъ XV только что умеръ отъ оспы и весь дворъ изъ опасенія заразы разбѣжался. Маркизъ направился къ Тріанону и, увидѣвъ около маленькаго домика Антуана Ришара, главнаго садовника, съ дюжиной рабочихъ, торопливо подчищавшихъ аллеи и поливавшихъ лужайки, сошелъ съ лошади у рѣшетки и позвонилъ. Ришаръ, замѣтивъ его еще издали, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу.

— Какими судьбами вы сюда попали, господинъ маркизъ? Со смерти короля здѣсь не видно ни одной живой души. Тріанонъ мраченъ какъ могила.

— Потому-то я и пришелъ сюда, мой добрый Ришаръ. Я увѣренъ, что за исключеніемъ королевской фамиліи въ цѣлой Франціи не найдется человѣка болѣе опечаленнаго смертью короля, чѣмъ вы, и я пришелъ раздѣлить съ вами ваше горе.

---

[1]) Legéndes de Trianon et de Versailles. Par M. Lavergne, Paris. 1880.

Глаза Ришара наполнились слезами.

— Правда, сказалъ онъ, я любилъ короля! онъ былъ такъ внимателенъ ко мнѣ! онъ такъ любилъ цвѣты! Хорошо было бы, еслибы онъ только ихъ любилъ! Мнѣ говорили, господинъ маркизъ, что его послѣдній визитъ былъ къ вамъ.

— Да, онъ былъ у меня 30-го апрѣля утромъ, въ тотъ самый день, когда заболѣлъ, и меня тогда еще поразила его блѣдность.

— Увы! жизнь, какую онъ велъ, не могла продолжаться долго. Несчастный государь! къ чему не остался онъ такимъ, какимъ я его видѣлъ въ первый разъ, двадцать шесть лѣтъ тому назадъ. Онъ прогуливался съ королевой, дофиномъ, принцессами. Ничто не могло быть прекраснѣе этого королевскаго семейства, такого многочисленнаго и такого дружнаго! Король сказалъ Маріи Лещинской, представляя ей моего отца: „Madame, вотъ Клодъ Ришаръ, сынъ садовника короля Іакова II. Господинъ д'Айенъ уговорилъ его оставить свой прекрасный Сентъ-Жерменскій садъ, чтобы поступить ко мнѣ. Онъ устроитъ намъ здѣсь прелестный садъ. Я хочу чтобы Малый Тріанонъ затмилъ бы Большой и чтобы этотъ мальчикъ, прибавилъ его величество, указывая на меня, сдѣлался бы современемъ ученѣе своего отца". Добрая королева улыбнулась и приласкала меня. Позднѣе, когда я вернулся изъ своего путешествія, она освѣдомлялась о растеніяхъ, привезенныхъ мною изъ Африки и желала видѣть левкой Магона; только что разцвѣтшій въ первый разъ тогда во Франціи. Я видалъ часто эту добрую королеву; постоянно привѣтливая, милостивая, она становилась все грустнѣй и грустнѣй за послѣднее время.

Собесѣдники разговаривая подошли къ лабиринту питомниковъ, отдѣлявшему цвѣтникъ отъ ботаническаго сада и оранжерей.

— Будетъ ли Людовикъ XVI интересоваться вашими коллекціями? спросилъ маркизъ.

— Не знаю, король предпочитаетъ кузницу самымъ прекраснымъ садамъ, но онъ уважаетъ знаніе и не любитъ по пусту вмѣшиваться. Меня болѣе страшатъ фантазіи молодой королевы. Она сейчасъ придетъ сюда, но я не хочу показывать, что знаю объ этомъ, оттого вы и видите меня въ рабочемъ костюмѣ. Останьтесь, господинъ маркизъ, посмотрите, какъ наша прекрасная государыня вступитъ во владѣніе Тріанономъ.

— Нѣтъ, это было бы неловко. Къ тому же я въ сапогахъ и не смѣю въ такомъ видѣ представиться ея величеству. Прощайте, Ришаръ, приходите ко мнѣ въ Чесни. Я всегда буду радъ вамъ.

Маркизъ де-Лобепинъ хотѣлъ уже удалиться, какъ на поворотѣ въ питомникъ показалась группа бѣжавшихъ и громко смѣющихся молодыхъ дамъ.

Марія-Антуанета была между ними; ее легко можно было узнать по царственной осанкѣ. Она держала голову такъ гордо, такъ благородно, и вмѣстѣ такъ граціозно! Роскошные бѣлокурые волосы, искусно

причесанные, украшали словно золотымъ вѣнцомъ ея восемнадцатилѣтнее лицо. Черты ея казалось были созданы для улыбки. Она была въ глубокомъ траурѣ, и черное креповое платье выдѣляло алебастровую бѣлизну ея прекрасныхъ рукъ и очаровательной шеи, той шеи, которой черезъ нѣсколько лѣтъ долженъ былъ коснуться топоръ! Королева держала большой букетъ розъ. Увидѣвъ двухъ гуляющихъ, она воскликнула:

— Я увѣрена, что вижу господина Ришара?

— Что прикажите, ваше величество? сказалъ садовникъ, низко кланяясь.

— Я оставила величество въ Версалѣ, здѣсь же пусть меня называютъ просто „Madame". Король отдалъ мнѣ Малый Тріанонъ съ тѣмъ, чтобы въ немъ исполнялись всѣ мои прихоти. Я хочу здѣсь царствовать, но какъ простая владѣтельница замка. Соображайтесь съ этимъ, какъ знаете. Кто этотъ господинъ? спросила она, понизивъ голосъ и указывая на маркиза.

— Господинъ маркизъ де-Лобепинъ, отвѣчалъ Ришаръ.

— А! я не разъ слышала объ немъ много хорошаго. Господинъ де-Лобепинъ большой любитель цвѣтовъ, не такъ-ли?

— Точно такъ, Madame, сказалъ маркизъ, покойный король каждый годъ удостоивалъ своимъ вниманіемъ мою коллекцію анемоновъ.

— Я пріѣду также на нее взглянуть, но я совѣтую вамъ разводить другіе цвѣты. Я не люблю анемоновъ. Это растеніе унылое, неблагородное, безъ всякаго аромата, цвѣтетъ только разъ, умираетъ ежегодно и имѣетъ въ себѣ всегда что-то мрачное. Я не хочу, чтобы анемоны были здѣсь; мнѣ нужны розы, жасмины, померанцы, каприфоліи: я люблю все живучее, яркое, ароматичное. Вы увидите, какія чудесныя рощицы у меня будутъ въ Тріанонѣ! Но пора осматривать ботаническій садъ и оранжереи; я обѣщала королю не уничтожать ничего безъ тщательнаго осмотра. Пойдемте со мной, господинъ маркизъ; ведите насъ, Ришаръ.

И она направилась къ оранжереямъ, сопровождаемая своими дамами и маркизомъ, лице котораго, послѣ нелестнаго отзыва королевы объ анемонахъ, сильно опечалилось.

Марія-Антуанета нашла, что въ оранжереяхъ страшно жарко и остановилась только для того, чтобы раскритиковать коллекцію Cereus, которой Ришаръ по-справедливости гордился и которую съ большими издержками привезъ изъ Испаніи и Африки.

— Какія ужасныя растенія! воскликнула она; онѣ всѣ покрыты нитями, иглами, шипами, наростами! Какъ называется это, похожее на цѣлое собраніе змѣй?

— Cereus flagelliformis, сказалъ Ришаръ, что означаетъ „свѣча въ видѣ бича".

— Пріятное названіе! замѣтила королева. А это согнутое и искривленное, какъ Эзопъ?

— Cereus monstruosus, Madame, чудовищная свѣча.

— О, какъ она прекрасно названа! А вотъ это?

— Opuntia horrida, Madame.

— Очаровательное имя! не находите ли вы, mesdames, что это растеніе походитъ на одну герцогиню! Оттадайте на какую, и скажите мнѣ на ухо.

Дамы принялись называть различныя фамиліи, которыя, безъ сомнѣнія, были такъ удачно выбраны, что королева при каждомъ новомъ имени разражалась громкимъ смѣхомъ.

— Господинъ Ришаръ! сказала вдругъ она, обращаясь къ садовнику, я вовсе не желаю поступать съ вами измѣннически. Предупреждаю васъ заранѣе, что я велю уничтожить эти оранжереи.

— Не соблаговолите ли, ваше величество, подумать объ этомъ, возразилъ Ришаръ взволнованнымъ голосомъ. Это самыя прекрасныя оранжереи, какія только могутъ быть. Онѣ стоили болѣе пятидесяти тысячъ ливровъ.

— Слишкомъ дорого для тюрьмы, замѣтила королева; для меня невыносимо все, что въ заперти. Цвѣты подъ стекломъ, птицы въ клѣткѣ, пробуждаютъ во мнѣ желаніе заплакать. Я знаю, что зимою необходимы оранжереи, но я не хочу ихъ видѣть. Вы перенесете все это на огородъ, со всѣми вашими Cereus болѣе или менѣе monstruosus. Я хочу, чтобъ у меня въ Тріанонѣ были англійскій садъ, швейцарская деревенька, греческій храмъ и хорошенькій, маленькій театръ, гдѣ бы я могла давать оперы, и ужъ это будетъ, конечно, пріятнѣе всѣхъ вашихъ стеклянныхъ колпаковъ для дынь самыхъ необыкновенныхъ размѣровъ. А! вотъ и архитекторъ, господинъ Микъ, онъ несетъ мнѣ свой планъ. Какъ я рада! скорѣе, скорѣе, господинъ Микъ, покажите намъ его.

Архитекторъ дѣйствительно приближался со сверткомъ бумаги. Королева схватила свертокъ, развернула его на травѣ, помѣстила своихъ дамъ у четырехъ угловъ бумаги, приказала имъ хорошенько ее держать, а сама опустилась на колѣни рядомъ съ господиномъ Микъ и заставила его объяснять планъ.

— Надѣюсь, сказала она, вы не забыли о рѣкѣ и каскадахъ?

— Ихъ будетъ три, отвѣчалъ архитекторъ, видите, вотъ они, Madame. Два озера, гротъ и маленькій сосновый лѣсокъ.

— А скотный дворъ, гдѣ онъ?

— Здѣсь, Madame, рядомъ съ молочной.

— Я буду приготовлять масло, сказала королева, настоящее масло и сливочный сыръ! А это что такое?

— Это домъ Бальи, Madame, а тамъ возлѣ моста мельница.

— Она будетъ съ крыльями? спросила королева.

— Нѣтъ, Madame, это водяная мельница, но колесо у нее будетъ вертѣться съ громкимъ шумомъ.

— Водяныя мельницы приготовляютъ хлѣбъ? спросила одна изъ молодыхъ дамъ.

— Онѣ мелютъ муку, отвѣчалъ архитекторъ, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Я хочу приготовлять хлѣбъ и галеты и мнѣ понадобится печь.

— Она будетъ у васъ, Madame, также какъ прачешная, птичникъ и овчарня.

— Очаровательно! и мы уничтожимъ французскій садъ.

— Избави Боже! воскликнулъ Микъ, испортить произведеніе Габріеля! Эти правильные цвѣтники, эти подрѣзанныя деревья, вся эта растительность такъ прекрасно гармонируетъ съ маленькимъ замкомъ. Габріель умеръ бы отъ горя, еслибы узналъ, что я уничтожаю перспективу салона и отдѣляю восьми-угольный павильонъ отъ замка неправильною чащею, какъ это принято теперь дѣлать. Видите, Madame, я старался, напротивъ, сохранить грабинныя рощицы и этотъ большой лугъ, на которомъ мы стоимъ теперь, а между тѣмъ театръ будетъ въ двухъ шагахъ отъ замка. Передъ остальными фасадами вы можете, государыня, устроивать, что вамъ угодно, но никогда, никогда я не рѣшусь измѣнить хоть что нибудь здѣсь, точно также какъ на парадномъ дворѣ.

— Мнѣ кажется, вы правы, но надо вознаградить меня чѣмъ нибудь другимъ. Я желала бы имѣть очень высокую гору съ кедрами, утесами и пропастями.

— Можно сдѣлать, отвѣчалъ архитекторъ, но это скорѣе дѣло садовника, чѣмъ мое.

— Ришаръ, спросила королева, можете вы мнѣ устроить гору?

— Современемъ и съ помощью денегъ возможно устроить, но расходы будутъ громадны и потребуется на это не менѣе трехъ лѣтъ.

— Я отказываюсь отъ горы, мы останемся въ равнинѣ, но въ замѣнъ этого я займусь разведеніемъ самыхъ прекрасныхъ цвѣтовъ. Вмѣсто того, чтобы привозить съ большими издержками чужестранныя растенія, королева Франціи должна заботиться объ усовершенствованіи цвѣтовъ своего королевства Ришаръ, я хочу чтобы въ Тріанонѣ росли розы и голубая гвоздика и я приказываю вамъ приложить все свое стараніе къ уходу за ними. Это положительно необходимо.

Королева встала и произнесла эти слова съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что садовникъ воскликнулъ:

— Я повинуюсь вамъ, Madame, не только какъ королевѣ, но какъ божеству.—И откланявшись королевѣ, Ришаръ, а за нимъ и маркизъ Лобепинъ, безмолвно удалились.

Когда они отошли на такое разстояніе, что королева скрылась изъ ихъ глазъ, оба остановились и съ уныніемъ взглянули другъ на друга.

— Увы! сказалъ Ришаръ, мои прекрасныя оранжереи!

— Увы! сказалъ маркизъ, какъ легкомыслена эта молодая королева! Она только и думаетъ, что объ удовольствіяхъ, а король запирается въ своей кузницѣ и дѣлаетъ замки. Оба они добры, добродѣтельны, но, кажется, вовсе не заботятся о своихъ обязанностяхъ.

— А между тѣмъ, когда доложили имъ о смерти Людовика XV, они упали на колѣни и со слезами воскликнули: Боже, сжалься надъ нами, мы еще слишкомъ молоды!

— Да, дочери императрицы Маріи-Терезіи и сыну Дофина предстоитъ тяжелый подвигъ. Послѣднее царствованіе было печально; повсюду посѣянные плевелы выростаютъ съ усажающею быстротою. Франціи нуженъ Карлъ Великій и Бланка Кастильская.

— Подождемъ, сказалъ Ришаръ, дадимъ вырости дереву и тогда посмотримъ на его плоды. Людовику XVI только двадцать лѣтъ, а наша маленькая очаровательная королева еще ребенокъ. Если бы только она оставила мои оранжереи!

— Еслибы она любила анемоны! прибавилъ маркизъ.

И они съ грустью разстались.

II.

Прощаніе.

.... Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria.......
(Dante. Inferno. Canto V).

Пятнадцать разъ весна украшала цвѣтами и зеленью рощицы Малаго Тріанона; настала осень 1789 года. Время празднествъ миновало. Революція продолжала свое дѣло: тревога, нищета, отчаяніе царствовали по всей Франціи. Братья короля были заграницей; придворные эмигрировали массами и пустота образовывалась около царственныхъ жертвъ.

Но ничто повидимому не измѣнилось въ привычкахъ королевской фамиліи. Людовикъ XVI охотился по три раза въ недѣлю, Madame Elisabeth ходила ежедневно въ Монтрёль, а королева по прежнему прогуливалась въ Тріанонѣ. Но она гуляла теперь почти всегда одна: кому необходимо скрывать слезы—уединеніе пріятно. Королева далеко не раздѣляла иллюзій и безпечности Людовика XVI и съ того самаго дня, какъ король вернулся изъ Ратуши съ трехцвѣтною кокардою на шляпѣ,—этимъ знакомъ господства смуты, Марія Антуанета увидѣла пропасть, которая должна была поглотить королевскую фамилію. 5 октября, король отправился на охоту въ Медонскіе лѣса. Королева пріѣхала въ Тріанонъ. Оставивъ дѣтей на попеченіе госпожи де-Тур-

зель, Марія-Антуанета отошла отъ замка и направилась къ деревнѣ. Походка ея уже не отличалась прежней легкостью и воздушной граціей, когда-то привлекавшей взоры всѣхъ. Она и теперь еще была красавицей и оставалась ею до конца своихъ дней, но румянецъ уже исчезъ съ ея кроткаго лица, а синева подъ глазами, блѣдность лба, медленная, нерѣшительная походка, говорили о ея сердечныхъ мукахъ.

Она сѣла у озера, подъ иву, почти совсѣмъ ее закрывавшую своими вѣтвями и принялась любоваться издали хорошенькой молочной башней Мальборо, домомъ Бальи, всѣми этими граціозными зданіями, свидѣтелями первыхъ лѣтъ ея царствованія. Недавно Марія-Антуанета помѣстила тамъ нѣсколько бѣдныхъ семействъ, надѣясь хоть этимъ заставить общественное мнѣніе простить ей, какъ тогда называли, ея расточительность. Эти новые обитатели уже успѣли измѣнить внѣшній видъ деревушки королевы. Вмѣсто цвѣтовъ, въ окнахъ хижинъ виднѣлось развѣшенное бѣлье и платье, а на улицѣ, смѣшавшись съ курами, собаками и кошками, играли грязныя дѣти.

Нѣсколько женщинъ тревожно разговаривали на крыльцѣ дома Бальи и хотя королева не могла слышать ихъ словъ, но было очевидно, что предметъ ихъ разговора не веселый. Маленькій мальчикъ, подойдя къ группѣ женщинъ принялся напѣвать пронзительнымъ голосомъ революціонную пѣсню, направленную противъ королевы. Его мать тотчасъ же бросилась къ нему, ударила его и втолкнула въ комнату. Но королева слышала слова пѣсни и поспѣшила никѣмъ незамѣченная уйти въ лѣсъ.

— Боже мой! подумала она,—возможно ли, чтобы постыдная пѣсня, которой мои враги оглашаютъ парижскія улицы, повторялась здѣсь и притомъ дѣтьми бѣдныхъ, содержимыхъ на мой счетъ! Этотъ маленькій ребенокъ не выходитъ изъ Тріанона, кто же научилъ его такъ оскорблять меня?

Проходя мимо мельницы, она встрѣтила Маріонъ, молоденькую и хорошенькую дочь одного изъ садовниковъ. Маріонъ безмолвно поклонилась ей; но взглянувъ на королеву, не могла удержаться, чтобы не воскликнуть:

— О! Madame, вы плачете! и молодая дѣвушка упала на колѣни передъ королевою.

Марія-Антуанета ласково подняла ее и сказала:

— Ничего, Маріонъ, я слышала какъ одинъ изъ деревенскихъ мальчиковъ пѣлъ одну гадкую пѣсню и у меня сердце сжалось. Не ужасно ли, что даже дѣти испорчены и оскорбляютъ своихъ государей. Куда мнѣ дѣться, если въ самомъ Тріанонѣ я должна выслушивать подобныя насмѣшки?

— Madame, сказала Маріонъ,—самое лучшее было бы наказывать виновныхъ, но вы только умѣете прощать, а безнаказанность поощряетъ злыхъ. Ахъ! еслибы я была королева!

— Ну, кончай! сказала Марія-Антуанета, улыбаясь сквозь слезы

при видѣ гордаго выраженія Маріонъ. — Что бы ты сдѣлала, мое дитя?

— Если бы я была королева, я бы прощала только раскаявшихся. Я бы защищала мою честь, я бы наказывала огнемъ, висѣлицей и колесованіемъ за всякое оскорбленіе величества, ибо тотъ, кто оскорбляетъ короля, позоритъ націю; если бы я была королевой...

— Если бы ты была королева, моя дѣвочка, ты бы была, какъ и я, первою подданною короля и ты бы подражала ему въ милосердіи и любви къ народу. Поди, нарви мнѣ розъ, Маріонъ, ты принесешь ихъ въ гротъ. Да, къ чему я не на твоемъ мѣстѣ, моя маленькая героиня, а ты не на моемъ! Но тогда какъ бы печально было для тебя настоящее! Ступай, дитя мое, оставь меня.

Они разстались: Маріонъ направилась къ цвѣтнику, а королева сѣла у входа въ свой любимый гротъ, возлѣ маленькаго ручья.

Желтые листья, падавшія на землю и въ воду, задерживали теченіе ручья. Птицы безмолвствовали и слабые лучи осенняго солнца озаряли тамъ и здѣсь нѣсколько позднихъ, жалкихъ цвѣтовъ. Одинъ только шумъ маленькаго каскада, орошавшаго внутренность грота, раздавался въ рощѣ.

Марія-Антуанета вспомнила то время, когда она устраивала этотъ прелестный садъ, время еще болѣе дорогое, когда она учила своихъ дѣтей ходить по газону Тріанона.

Здѣсь она пользовалась тѣми чистыми наслажденіями, какія доставляютъ искусство и дружба; здѣсь она, молодая, блестящая, обожаемая, принимала своего брата императора Іосифа, посреди безконечныхъ празднествъ...

Въ какихъ-нибудь нѣсколько минутъ она мысленно обозрѣла всѣ эти годы счастья, и настоящее и будущее показались ей въ такомъ мрачномъ свѣтѣ, что несчастная королева едва не лишилась чувствъ. Она крикнула Маріонъ, но вмѣсто нея показался съ письмомъ въ рукѣ одинъ изъ комнатныхъ мальчиковъ, какъ ихъ тогда называли.

— Что случилось, Бретонъ? спросила она.

— Господинъ де-Сентъ-При приказалъ вручить это вашему величеству, отвѣтилъ мальчикъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Марія-Антуанета сорвала печать и поблѣднѣла при чтеніи слѣдующихъ двухъ строкъ министра:

„Королеву просятъ вернуться въ замокъ. Тамъ она найдетъ короля. Парижане на пути въ Версаль“.

— Велите закладывать экипажъ, сказала королева и предупредите госпожу де-Турзель о нашемъ отъѣздѣ.

Мальчикъ поклонился и побѣжалъ со всѣхъ ногъ по направленію къ замку.

Королева послѣдовала за нимъ и встрѣтила Маріонъ съ букетомъ розъ.

— Дай мнѣ одну, сказала королева, можетъ быть эта будетъ

послѣдняя, которую я унесу изъ моего милаго Тріанона. Добрая Маріонъ, у меня есть предчувствіе, что я болѣе не увижу тебя.

— Не говорите этого, Madame, воскликнула Маріонъ, завтра же вы вернетесь. Возьмите этотъ букетъ для принцессы, умоляю васъ.

— Дай мнѣ одну розу, сказала королева, мнѣ нужно только одну.

Маріонъ, вся въ слезахъ, выбрала на удачу одну розу. То была красная роза. Королева съ минуту поглядѣла на нее и горько заплакала.

— Flos martyrum! воскликнула она. Богъ указываетъ мнѣ путь, по которому я должна слѣдовать. Прости, Тріанонъ, прости на вѣки! Она взяла розу, дала поцѣловать руку Маріонъ и удалилась.

Несчастная королева не ошиблась! Она дѣйствительно шла на мученіе, и смерть и эта красная роза была послѣдней розой сорванной для нея въ садахъ Тріанона!

II.

Пастель короля Людовика XIII.

I.

Именины Симона Вуэ.

Въ день святыхъ апостоловъ Симона и Іуды, 28-го октября 1640 года, солнце показалось изъ-за легкаго тумана, обыкновенно предвѣщающаго осенью хорошій день. Симонъ Вуэ, первый придворный живописецъ, открывъ окно въ комнатѣ, занимаемой имъ въ верхнемъ этажѣ Лувра и взглянувъ на небо, весело воскликнулъ:

— Чудесный день, жена! Пріятно будетъ пообѣдать въ лѣсу.

— Я вѣдь вамъ предсказывала это, возразила госпожа Вуэ, завязывая чепчикъ, вы никогда не вѣрите мнѣ. Хорошо еще, что я все приготовила. Поспѣшимъ къ обѣднѣ. Уже звонятъ. Въ церкви мы найдемъ дѣтей и вашихъ учениковъ. Завтракъ поспѣетъ къ половинѣ восьмаго и караба пріѣдетъ за нами ровно въ восемь часовъ. Отправимся.

Живописецъ и его жена спустились осторожно съ верхняго этажа и отправились въ Сентъ-Жерменскую церковь. Они заняли мѣсто передъ алтаремъ Богородицы, и вскорѣ ихъ дочери и зятья—граверыТориньи и Тестеба, Обенъ Вуэ, братъ Симона, и ученики Лебренъ, Лезюеръ, Франсуа Перье, Луи Тестеленъ и нѣсколько другихъ, объ именахъ которыхъ не упоминаетъ исторія, помѣстились около нихъ. Миніатюрная дѣвочка лѣтъ пяти, СимоннаТориньи, пришла вмѣстѣ съ ма-

терью, но тотчасъ же ускользнула отъ нее и тихонько прокравшись къ дѣдушкѣ, принялась перелистывать его молитвенникъ. Госпожа Вуэ хотѣла было удалить ее, но Симонна, разъ добравшись до дѣдушки, завладѣвала имъ окончательно. Къ тому же она держала себя умно, и ея наивное личико, кудрявая головка и милое выраженіе, съ какимъ она на все заглядывалась, доставляли не мало удовольствія присутствующимъ. Тѣмъ не менѣе обѣдня была набожно прослушана и все общество отправилось сопровождать Вуэ и его жену въ Лувръ.

Въ квартирѣ художника все приняло праздничный видъ: великолѣпный букетъ украшалъ его столъ. Горячіе пирожки, фрукты и варенье были предложены гостямъ. Чай, кофе, шеколадъ не были еще тогда въ употребленіи во Франціи; ихъ замѣняло бѣлое туренское вино, глинтвейнъ и нѣсколько домашнихъ ликеровъ, искусно приготовленныхъ госпожею Вуэ и ея падчерицами. Присутствовавшіе выпили за здоровье хозяина и Симонна, поднявъ маленькій стаканъ, въ которомъ была налита вода разбавленная тремя каплями вина, воскликнула:

— Дорогой дѣдушка, сегодня ваши именины и мои также, и я хочу отправиться въ Сентъ-Жерменъ вмѣстѣ съ вами.

— Ты и отправишься, моя крошка, сказалъ Вуэ. Справедливость этого требуетъ.

— Какое безуміе! воскликнула госпожа Вуэ. Малютка простудится. Для васъ это слишкомъ далеко, сударыня, и въ Сентъ-Жерменскомъ лѣсу водятся волки.

При словѣ волкъ Симонна нѣсколько задумалась, но взглянувъ на Лезюера, своего большого пріятеля, и замѣтивъ, что онъ улыбается, она воскликнула:

— Ну такъ чтожъ! если и есть волки, то Лезюеръ убьетъ ихъ!

— Да, да, воскликнули всѣ ученики, мы убьемъ волковъ. Надо взять Симонну.

Поболтавъ и посмѣявшись, все общество начало собираться въ путь. У крыльца стояла запряженная четверкой одна изъ тѣхъ большихъ телѣжекъ съ плетенными скамейками, которыя называли тогда караба. Распорядительная жена Вуэ нагрузила ящики пирогами, бутылками, фруктами и ветчиной. Она велѣла также приготовить одѣяла и плащи на случай холода. Караба была прикрыта тонкой кожей съ занавѣсками, снабжена добрымъ мѣшкомъ овса и корзинкой съ посудой. Все было прекрасно прилажено и устроено.

Торжествующая Симонна помѣстилась на колѣняхъ у дѣдушки. Госпожа Вуэ окликнула гостей, осмотрѣла багажъ и убѣдившись, что все въ порядкѣ, велѣла кучеру трогать лошадей.

Поѣздка была оживленная. Живописцы вообще люди веселаго нрава. Самое ихъ занятіе уже принуждаетъ ихъ отыскивать во всемъ хорошія стороны, и они смотрятъ на міръ совсѣмъ иначе, чѣмъ тѣ люди, которые видятъ во всемъ одну только матеріальную

сторону. Даръ создавать, преобразовывать, воспроизводить образы порождаемые мечтою, тѣ чистыя наслажденія, какія они получаютъ отъ созданія этихъ образовъ, непрестанная погоня за идеаломъ—все это заставляетъ артистовъ жить не такъ, какъ живутъ простые смертные. মракъ, свѣтъ, радужная капля воды, мимолетная тѣнь, коснувшаяся лба ребенка, едва уловимый отблескъ красоты того невидимаго міра, которому здѣшній служитъ только оболочкой—ничто не ускользаетъ отъ глазъ художника, ничто не исчезаетъ безъ того, чтобы не удѣлить ему частичку свѣта, блеска и гармоніи.—А реалисты? спросите вы меня. А тѣ, кто ищетъ ужаснаго, безобразнаго?—Они должны быть очень мрачны. Оставимъ ихъ. Въ школѣ Вуэ такихъ не было. Онъ провелъ пятнадцать лѣтъ въ Римѣ, былъ президентомъ академіи Saint-Luc, и отвернулся бы отъ всякаго, кто вздумалъ бы хвалить безобразное. Дѣвушки и дѣти, нарисованныя его тонкой, нѣжной кистью, если и не достигали изящной красоты итальянской живописи, тѣмъ не менѣе сохраняли благородный типъ, достойный украшенія храмовъ и дворцовъ. Его первая жена, Виргинія дель-Веццо, на которой онъ женился въ Римѣ, красавица и притомъ сама художница, была вдохновительницей его первыхъ произведеній.

Весело напѣвая и разговаривая, путешественники проѣзжали мостъ Нёльи, Нантеръ, переправились черезъ Сену на паромѣ—и около полудня достигли огромныхъ дубовъ Везинетскаго лѣса, называвшагося тогда Эшафурскимъ. Госпожа Вуэ объявила, что обѣдать будутъ у перекрестка Измѣны. Въ этой части лѣса, какъ гласитъ легенда, Ганелонъ съ своими сообщниками поклялся измѣнить Роланду, и императоръ Карлъ Великій по возвращеніи изъ Испаніи велѣлъ сжечь виновниковъ смерти Роланда. Конечно, этихъ причинъ было достаточно, чтобы не останавливаться въ такомъ проклятомъ мѣстѣ, и Лезюёръ попробовалъ было робко намекнуть на это.

— Та, та, та, сказала госпожа Вуэ, вы въ этомъ ничего не смыслите, мой милый. Это старыя исторіи; можно смѣло попасть въ рай. не вѣря ни одному въ нихъ слову, а когда обѣдаютъ на открытомъ воздухѣ, то самымъ существеннымъ является свѣжая вода. Взгляните-ка въ эту сторону.—И отведя его на нѣсколько шаговъ отъ дороги, она указала ему прекрасный, прозрачный, холодный ручей, въ которомъ отражались старые дубы и покрытая мохомъ покатость маленькой прогалины.

— Опустимъ туда наши бутылки, сказала добрая женщина, разстелемъ скатерть на этомъ мху и пообѣдаемъ по королевски. И какое дѣло до всего этого измѣннику Ганелону, Роланду и другимъ, скажите мнѣ?

Все общество согласилось съ госпожою Вуэ. Ея дочери, съ помощью своихъ мужей и молодыхъ художниковъ, достали провизію и разложили ее на чистой скатерти. Лебрёнъ устроилъ нѣчто въ родѣ палатки надъ старшими и украсилъ Симонну гирляндою цвѣ-

товъ. Развеселившаяся малютка не помышляла уже болѣе о волкахъ. Она въ первый разъ была въ лѣсу. Все приводило ее въ восторгъ: она щебетала, какъ жаворонокъ и была провозглашена царицею праздника. Пировали около двухъ часовъ. Дубы еще сохраняли всю свою зелень, на остальныхъ же деревьяхъ уже начали падать листья и на нихъ лежалъ тотъ чудный осенній колоритъ, какой только можно встрѣтить во французскихъ лѣсахъ. Время отъ времени, олень и робкая лань съ своими дѣтенышами тихонько пробиралась вдали и поглядывали на пирующихъ. Луи Тестеленъ взялъ свою свирѣль и началъ наигрывать такъ искусно, что маленькія птички принялись ему подражать, воображая, что пришла весна.

Было такъ хорошо, что всѣ съ удовольствіемъ пропировали бы до солнечнаго заката, но Симонъ Вуэ напомнилъ своимъ ученикамъ, что онъ долженъ еще показать имъ Сентъ-Жерменскій замокъ и что ночь наступаетъ въ это время года очень рано; тогда всѣ гости поспѣшили занять свои мѣста въ экипажѣ и отдохнувшія лошади быстро помчали караба въ Сентъ-Жерменъ.

II.

Мастерская короля.

Людовикъ XIII былъ въ то время на охотѣ въ Фонтенебло. Королева удалилась въ Val-de-Grâce въ ожиданіи праздника всѣхъ святыхъ. Ихъ дѣти оставались въ новомъ Сентъ-Жерменскомъ замкѣ подъ присмотромъ гувернантки, супруги маршала де Ла-Мотъ Гуданкуръ. Въ старомъ замкѣ, почти пустомъ, жила одна прислуга. Капелла этого замка только что была расписана стѣнною живописью Обеномъ Вуэ. „Тайная Вечерь“ Николая Пуссена, любимая картина Людовика XIII, служила запрестольнымъ украшеніемъ главнаго алтаря, а роскошная позолота королевскаго помѣщенія и стрѣльчатыхъ сводовъ, нѣсколько подновляла зданіе, построенное въ царствованіе Людовика Святого.

Осмотрѣвъ капеллу, госпожа Вуэ объявила своему мужу, что она не пойдетъ въ замокъ.

— Я видала его не разъ и ваши дочери также. Меня утомляютъ его лѣстницы. Симонна соскучится въ немъ. Мы лучше будемъ ждать васъ въ новомъ замкѣ. Я навѣщу мою кузину Анселенъ, кормилицу дофина, и госпожу де Вернонъ. Она покажетъ намъ маленькихъ принцевъ и королевскіе наряды.

— О! если въ дѣло замѣшались наряды, сказалъ съ улыбкой Вуэ, то ужъ навѣрно это заинтересуетъ моихъ дочерей. Ступайте, мой милый другъ, но постарайтесь не оставаться тамъ до ночи... Мы сойдемся съ вами въ саду королевы. До свиданія!

Они разстались. Художники осмотрѣли обширные апартаменты Франциска I и поднявшись на верхнюю площадку полюбовались великолѣпнымъ видомъ окрестностей. Вуэ предложилъ отправиться въ башню Карла V.

— Я хочу показать вамъ святилище, отъ котораго ключи находятся только у короля, да у меня. Его величество не желаетъ чтобы всѣ знали, что тамъ есть. Надѣюсь, господа, я могу положиться на вашу скромность.

Чрезвычайно заинтересованные этими словами, ученики разумѣется обѣщали никому не разсказывать о томъ, что увидятъ, и Вуэ повелъ ихъ въ башню. Почти на самомъ верху лѣстницы онъ отворилъ маленькую дубовую дверку и вошелъ въ комнату со сводами, освѣщенную только однимъ окномъ съ сѣвера. Кресло обитое матеріей съ гербовыми лиліями, нѣсколько подобныхъ же складныхъ стульевъ, массивный столъ, рѣзной дубовый сундукъ, маленькій органъ замѣчательной работы, нѣсколько мольбертовъ и нотные пюпитры составляли всю мебель этой залы, просторной и прохладной какъ церковь. На мольбертѣ, обитомъ голубымъ бархатомъ, стоялъ пастельный портретъ въ рамкѣ изъ черного, дерева съ перламутровой и лаписъ-лазуревой инкрустаціей, временъ Генриха II.

Портретъ изображалъ молодую бѣлокурую дѣвушку идеальной красоты, съ глазами ясными и непорочными какъ у ребенка. Она держала голубка и никогда еще ни одно кроткое видѣніе не олицетворяло собою такой чистоты и невинности, какъ эта дѣвушка.

— Кто это рисовалъ, дорогой учитель? Чья эта ангельская головка? воскликнули живописцы.

— Это портретъ и сдѣланъ въ прошломъ году однимъ изъ моихъ учениковъ.

Ученики переглянулись и взоры всѣхъ остановились на Лезюёрѣ. Онъ отрицательно покачалъ головою и, подойдя къ портрету, сталъ искать подпись. Но подписи не было.

— Отгадайте, сказалъ Симонъ Вуэ.

— Судя по нѣкоторой робости и по изяществу, пастель эта, по моему мнѣнію, принадлежитъ женщинѣ. Мнѣ кажется только рука, привыкшая къ дамской работѣ, могла нарисовать такъ нѣжно эти кружева и эти бѣлокурые локоны, замѣтилъ Лезюеръ.

Вуэ улыбнулся.

— Не отгадали, сказалъ онъ, рука, нарисовавшая этотъ портретъ, принадлежитъ отважному охотнику, великому полководцу, и, слава Богу, французское королевство еще не въ рукахъ женщины. Эта живопись нашего всемилостивѣйшаго короля Людовика XIII.

Неожиданное сообщеніе это вызвало общее удивленіе.

— Никогда бы мнѣ не отгадать этого, сказалъ Лебренъ; но кто эта особа, такая прекрасная и молодая? кто эта бѣлокурая богиня? Написанное вами воплощеніе „Утренней зари“, находящееся въ

Бульонскомъ замкѣ, необыкновенно походитъ на нее, дорогой учитель.

— До ея имени намъ нѣтъ дѣла, господа, и ея положеніе въ свѣтѣ обязываетъ насъ молчать. Довольствуйтесь и любуйтесь тѣмъ, что видите.

— Вы поправляли этотъ портретъ, признайтесь! спросилъ тихо Обенъ Вуэ своего брата.

— Еслибы это было на самомъ дѣлѣ, я не сталъ бы скрывать: но этого не было. Король такой же хорошій художникъ, какъ и прекрасный музыкантъ.

— Какъ счастливъ Людовикъ XIII! воскликнулъ Лезюеръ.

— Счастливъ! возразилъ Вуэ, хорошо еслибъ онъ былъ счастливъ! но его постоянно гложетъ смертельная тоска! Я никогда не видѣлъ его улыбающимся, даже въ присутствіи своихъ дѣтей, такихъ прекрасныхъ и такъ долго желанныхъ, и которыхъ онъ любитъ отъ всей души.

— Что это за картина? спросилъ Франсуа Перье, указавъ на одно полотно, на половину завѣшанное, можно взглянуть на нее.

Вуэ приподнялъ покрывало и открылъ изображеніе дѣвушки, нарисованное имъ лѣтъ двадцать тому назадъ съ Виргиніи-дель-Веццо. Ученики тотчасъ же узнали ее: онъ такъ часто воспроизводилъ черты своей прежней жены! При видѣ этой римской, строгой и благородной красоты, на глазахъ художника навернулись слезы.

— Король хотѣлъ скопировать эту картину, но у него не нашлось свободнаго времени въ теченіи нынѣшняго лѣта и онъ пожелалъ чтобы она оставалась пока у него. Прежде портреты моей жены всегда доставляли ему удовольствіе.

— Какая она была красавица! сказалъ Лебренъ.

— Душа у нее была еще лучше ея лица, возразилъ Вуэ. Но время летитъ, господа. Пора присоединиться къ госпожѣ Вуэ, если мы хотимъ вернуться въ городъ ранѣе наступленія ночи.

Проходя по большому лугу, художники еще издали замѣтили госпожу Вуэ, шедшую къ нимъ навстрѣчу съ своими падчерицами и маленькой Симонной, нагруженной астрами.

— Уже поздно, господа, сказала добрая женщина, и если я оставлю васъ въ королевскомъ саду, то вы не захотите уйти оттуда, такъ хорошъ онъ! Я вѣдь знаю васъ! А такъ какъ я не желаю ѣхать лѣсомъ ночью, особенно Эшафурскимъ, наполненнымъ ворами, то я велѣла кучеру закладывать лошадей. Они ждутъ насъ на площади у королевской рѣшетки. Отправимся. Вы пріѣдете въ другой разъ въ новый замокъ.

Вуэ посмотрѣлъ на часы.

— Правда, намъ остается времени какъ разъ на столько, чтобы вернуться въ Парижъ до наступленія ночи. Поѣдемъ друзья.

Черезъ нѣсколько минутъ караба, украшенная двумя огромными фонарями, направилась въ Парижъ.

III.

Мечты артиста.

Нѣсколько дней спустя послѣ этой экскурсіи въ Сентъ-Жерменъ, Эсташъ Лезюеръ и Шарль Лебренъ отправились, въ воскресенье, послѣ обѣда въ Люксенбургъ. Гастонъ Орлеанскій находился въ то время въ Блуа и въ его отсутствіе позволялось прилично одѣтымъ людямъ прогуливаться въ дворцовыхъ садахъ. Въ это время года, цвѣтовъ въ нихъ уже не было, но зеленые газоны, многочисленные каскады и осеннее солнце придавали имъ еще нѣкоторую прелесть. Художники подошли къ большому бассейну и глаза ихъ тотчасъ же остановились на дѣвушкѣ лѣтъ пятнадцати, которая держа за руку своего младшаго брата бросала хлѣбъ лебедямъ. Родители этихъ дѣтей, скромно одѣтые буржуа, стояли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. Молодая дѣвушка была такъ хороша, что Лебренъ тихо сказалъ:

— Не правда ли, этотъ ребенокъ нѣсколько напоминаетъ бѣлокурую Аврору господина Вуэ.

— Она въ сто разъ лучше, сказалъ Лезюеръ; головка ея чисто греческаго типа и притомъ какая грація во всѣхъ движеніяхъ, какой невинный, простодушный видъ!

— Женевьева, Томасъ! кликнула ихъ мать, пора идти къ вечернѣ. Женевьева удалилась и Лезюеръ долго провожалъ ее взглядомъ.

— Кто бы могла быть эта молодая дѣвушка? спросилъ Лебренъ, она смотритъ переодѣтой принцессой.

— А между тѣмъ она не болѣе какъ дочь лавочника съ площади Моберъ, сказалъ Лезюеръ.

— Только то! Это досадно; но скажите мнѣ, Лезюеръ, кто же та красавица, съ которой король списалъ портретъ? Спрашивали вы у госпожи Вуэ?

— Я получилъ отъ нее выговоръ за мое любопытство и больше ничего. Но я разспросилъ маленькую Симонну. Дѣвочка слышала отъ дѣдушки, что портретъ, который такъ сильно заинтриговалъ его учениковъ въ Сентъ-Жерменскомъ замкѣ, списанъ съ какой то m-lle Изабеллы и что она состоитъ при королевѣ.

— При королевѣ? слѣдовательно она фрейлина?

— Очевидно, сказалъ Лезюеръ. Что же касается до фамиліи этой красавицы, то Симонна ничего не знаетъ.

— Я хочу непремѣнно видѣть m-lle Изабеллу; какъ это устроить?

— Ничего нѣтъ легче, мой милый другъ. Королева ѣздитъ по субботамъ въ Val-de-Grâce и всякій разъ беретъ съ собой одну или двухъ фрейлинъ. У нее ихъ двѣнадцать. Сторожите каждую субботу, а также наканунѣ всѣхъ праздниковъ до самой весны, и если на ваше счастье занавѣски кареты будутъ подняты, то быть можетъ вы и увидите ту, о которой мечтаете. Желаю вамъ успѣха.

Въ первую же субботу послѣ этого разговора, Лебренъ, пріодѣвшись, тихонько ускользнулъ изъ мастерской и побѣжалъ въ Val-de-Grâce въ тотъ часъ, когда королева имѣла обыкновеніе пріѣзжать туда. Кареты не замедлили прибыть, но такъ какъ было очень холодно и занавѣски не подымались, то Лебренъ не могъ никого видѣть.

Въ слѣдующую субботу была оттепель и хотя солнечный лучь заставилъ приподнять занавѣски въ королевскихъ экипажахъ, но королеву сопровождала старая дуэнья, донна Эстефанія и нѣсколько дамъ, совершенныхъ брюнетокъ.

Наконецъ только въ третью субботу художникъ былъ болѣе счастливъ. Въ ту минуту когда первая карета, въ которой находилась королева, проѣхала въ ворота монастыря, лошадь слѣдующаго экипажа, испугавшись проходившаго съ узломъ бѣлильщика, взвилась на дыбы. Дамы вскрикнули и одна изъ нихъ, наклонившись къ дверцѣ, позволила Лебрену разсмотрѣть изъ за кружевнаго шарфа свои бѣлокурые волосы и прелестныя черты лица.

Лебренъ бросился къ лошади, схватилъ ее за узду и остановилъ. Благодарный взглядъ прекрасной незнакомки былъ ему наградой за это. Наконецъ карета въѣхала въ монастырскія ворота и послѣднія затворились. Художникъ намѣревался было поджидать возвращенія королевы, но пошелъ дождь, а на Лебренѣ была новая шляпа и самый лучшій плащъ, вслѣдствіе чего онъ благоразумно рѣшился поискать себѣ убѣжища.

Въ небольшомъ разстояніи отъ монастыря онъ замѣтилъ цирюльню, разукрашенную тазиками для бритья, и прекрасной вывѣской, изображающей комету. Войти туда, завязать разговоръ, попросить причесать себя, было дѣломъ одной минуты для Лебрена.

Въ то время, не существовало еще газетъ. Добрые язычки замѣняли ихъ. Цирюльникъ „Кометы" былъ страшный болтунъ и трещалъ какъ три сороки, выброшенныя изъ гнѣзда; онъ такъ часто видѣлъ королеву, что смотрѣлъ на себя какъ на придворнаго. Онъ даже не дожидался, чтобы Лебренъ его распрашивалъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сударь, вы какъ разъ попали кстати. Эта взвившаяся на дыбы лошадь могла бы причинить большое несчастье. Желаете, судурь, чтобы я завилъ васъ à la Buckingkam или à l'Espagnole?

— Завейте, какъ хотите, отвѣчалъ Лебренъ, кто сегодня былъ съ королевой?

— Госпожа де-Вандомъ, сударь, госпожа де-Вернонъ и бѣлокурая красивая Изабелла Ле-Рой де-Беленъ, фламандская дѣвушка, сударь, чудо красоты. Королева ее очень любитъ. Она съ самаго дѣтства фрейлина ея величества. Говорятъ, что она отказала многимъ женихамъ. Одни утверждаютъ, что она пойдетъ въ монастырь, другіе, — что она выйдетъ замужъ за какого-то князя. Пока же она танцуетъ, поетъ; это самая веселая особа при дворѣ.

— Очень она богата? спросилъ Лебренъ.

— О, нѣтъ, сударь, она изъ хорошей семьи, но старшая изъ девяти человѣкъ дѣтей. Какую любите вы помаду—туберозовую или гвоздичную?

— Я предпочитаю гвоздичную, но не помадьте меня вовсе. Откуда вы знаете всѣ эти подробности, мой милый?

— Я здѣсь, въ предмѣстьи Сентъ-Жакъ, не болѣе шести мѣсяцевъ. Я учился у самаго извѣстнаго парикмахера въ Луврскомъ кварталѣ и очень часто сопровождалъ моего патрона во дворецъ и держалъ шпильки, когда онъ причесывалъ придворныхъ дамъ. Не разъ видалъ я его, какъ васъ теперь вижу, причесывающаго прекрасные волосы m-lle Изабеллы. Они завиваются сами собой, они свѣтлы, тонки, мягки! Ахъ, какіе волосы, сударь, какіе волосы!

— Королева долго остается по субботамъ въ Val-de-Grâce?

— Какъ случится, сударь, но сегодня она вѣроятно пробудетъ тамъ долго: я видѣлъ, какъ ея лакеи вошли въ трактиръ. Видно лошадей отложили.

Дождь прекратился. Лебренъ щедро заплатилъ краснорѣчивому парикмахеру и поспѣшилъ вернуться въ Лувръ. Онъ ушелъ отъ работы не предупредивъ Вуэ и ждалъ, что ему за это сдѣлаютъ выговоръ. Такъ и случилось: Лебренъ работалъ въ мастерской Вуэ съ одиннадцатилѣтняго возроста и его учитель привыкъ обращаться съ нимъ какъ съ маленькимъ мальчикомъ.

— Шарль, сказалъ ему тихо Вуэ, мнѣ кажется, что съ нѣкоторыхъ поръ, вы стали черезчуръ разсѣянны. Въ прошлую субботу вы исчезли, когда еще можно было работать. Возвращаетесь вы чуть не ночью. Это подаетъ дурной примѣръ другимъ, и я желалъ бы, чтобы подобные безпорядки прекратились.

— Мнѣ нужно было повидаться кой съ кѣмъ въ предмѣстьи Сентъ-Жакъ, но я обѣщаю вамъ, что этого болѣе не случится, отвѣчалъ Лебренъ,—и, взявъ палитру, принялся усердно разрисовывать большое полотно, которое Вуэ долженъ былъ ретушировать. Сумерки наступили очень рано и вскорѣ ученики разошлись. Лебренъ остался и тщательно вытиралъ свои кисти. Вуэ подошелъ погрѣться къ камину. Лебренъ подсѣлъ къ нему и, ободренный темнотою, рѣшился коснутся занимающаго его предмета.

— Учитель, сказалъ онъ, какихъ лѣтъ вы женились?

— Двадцати двухъ лѣтъ, отвѣтилъ Вуэ; зачѣмъ спрашиваете вы меня объ этомъ, Шарль?

— А мнѣ только двадцать одинъ съ половиной.

— Ну, такъ чтожъ?

— Я хочу жениться.

— Въ самомъ дѣлѣ? Раненько, Шарль, впрочемъ... Онъ остановился.

— Впрочемъ? возразилъ Лебренъ, что вы этимъ хотѣли сказать?

— Я хотѣлъ сказать, мой другъ, что если бы вамъ представилась подходящая партія и если этого желаютъ ваши родители, то лучше жениться раньше, чѣмъ дѣлать глупости. Но таково ли ваше положеніе?

— Почти; я уже выбралъ одну, очень милую особу, страстно влюбленъ въ нее и если вѣрить ея глазамъ, то и я тоже нравлюсь ей. Она изъ придворныхъ, протеже королевы и будетъ обезпечена ея величествомъ.

— Чертъ возьми! сказалъ Вуэ, это интересно. А можно узнать имя этой богини?

— О! да, вамъ оно извѣстно, это ваша „Утренняя заря“, m-lle Изабелла ле-Рой де-Беленъ.

— Ventre-saint-gris! воскликнулъ Вуэ, расхохотавшись, такъ вотъ что! О! Шарль, мой милый Шарль! вы преуморительны!—И онъ чуть не задохся отъ смѣха.

Лебренъ, сильно раздосадованный, схватилъ щипцы и началъ усиленно мѣшать ими уголья. Наконецъ этотъ гомерическій хохотъ прекратился и Вуэ заговорилъ:

— Голубчикъ Шарль, вы бы лучше подождали, пока подростетъ ея свѣтлость m-lle de-Montpensier. Тогда вы попросите ужъ ея руки. Это будетъ не смѣшнѣе вашихъ видовъ на m-lle де-Беленъ.

— Сказать по правдѣ, я не вижу ничего смѣшного въ моемъ намѣреніи. Я дворянинъ, предки мои были благородные шотландцы, и я надѣюсь, что достигну со временемъ почестей и славы.

— Желаю вамъ всего этого, Шарль, но пока вы еще не достигли ничего, а m-lle де-Беленъ, фрейлина королевы, племянница епископа, одна изъ самыхъ красивыхъ особъ при дворѣ, и къ ней уже сваталось такъ много маркизовъ, графовъ и бароновъ, что у васъ даже не найдется столько волосъ въ бородѣ.

Вуэ затронулъ самое чувствительное мѣсто.

Лебренъ вспыхнулъ и только одно уваженіе къ учителю заставило его сдержаться. Онъ произнесъ нѣсколько безсвязныхъ словъ, взялъ шляпу и вышелъ. Всю ночь онъ не спалъ и на другой день въ воскресенье, вмѣсто того, что бы идти на прогулку съ своими товарищами, отправился въ отель канцлера Сегье. Канцлеръ чрезвычайно любилъ Шарля Лебрена. Онъ первый замѣтилъ его необыкновенныя способности и помѣстилъ его въ мастерскую Вуэ. Онъ ласково встрѣтилъ его и сказалъ:

— Я уже хотѣлъ посылать за вами, дитя мое. У меня есть маленькая работа для васъ, а главное—интересная новость. Вчера вечеромъ академія Suint-Luc рѣшила принять васъ въ свои члены, не смотря на вашу молодость. Вскорѣ я пошлю васъ въ Римъ: ваша будущность упрочена.

Лебренъ въ порывѣ восторга поблагодарилъ канцлера, и какъ молодой безумецъ разсказалъ ему о своемъ проэктѣ женитьбы. Серьез-

ный канцлеръ терпѣливо выслушалъ его, но былъ не менѣе Вуэ безжалостенъ къ его мечтамъ. Тщетно Лебренъ увѣрялъ его, что онъ чувствуетъ себя способнымъ сдѣлаться великимъ художникомъ, тщетно напоминалъ ему, что артистъ не ниже дворянина, приводя слова Карла IV: „Я могу создавать испанскихъ грандовъ, но только одинъ Богъ можетъ создавать великихъ артистовъ“.

— Все это прекрасно, мой другъ, отвѣчалъ ему канцлеръ, но когда вы будете богаты и знамениты, у васъ посѣдѣетъ борода, а m-lle Изабелла сдѣлается бабушкой. Она не замедлитъ выдти замужъ въ самомъ скоромъ времени. Выкиньте изъ головы эту глупость и готовьтесь ухаживать въ Римѣ за славою.

Лебренъ убѣдился, что канцлеръ правъ и ушелъ съ твердымъ намѣреніемъ забыть Изабеллу, но

La raison sans cesse raisonne
Et jamais n'a guéri personne
Et le dépit, le plus souvent
Rend plus amoureux que devant.

Онъ сталъ заниматься разсѣянно и не разъ огорчалъ своего учителя. Лишь только наступила весна, онъ, подъ предлогомъ посѣщенія канцлера, сторожилъ каждую субботу королевскій экипажъ въ улицѣ Сентъ-Жакъ. Иногда ему удавалось видѣть Изабеллу, и эти рѣдкія встрѣчи, это кратковременное счастье, поддерживало ту „странную, причудливую“ страсть, которая зарождается изъ ничего и умираетъ отъ одного дуновенія.

IV.

Скромныя намѣренія.

Въ слѣдующемъ году Вуэ заболѣлъ. Жена и дѣти ухаживали за нимъ съ особенной любовью; всѣ ученики просили позволенія дежурить около него поочередно во все продолженіе болѣзни. Даже сама Симонна ни на минуту не покидала дѣдушку. Онъ почти не спалъ и любилъ, чтобъ ему читали вслухъ, или разговаривали около него. Голосъ Эсташа Лезюера болѣе всѣхъ нравился ему и никто лучше этого превосходнаго молодаго человѣка не умѣлъ развлечь и успокоить больного.

Вуэ умиралъ въ Луврѣ, тихо приближаясь къ могилѣ послѣ мирной и славной жизни. Лезюеръ говорилъ съ нимъ о будущемъ, не подозрѣвая еще, что этотъ любимый учитель скоро покинетъ его.

— Учитель, сказалъ онъ ему однажды вечеромъ, я думаю жениться въ будущемъ году: вы выздоровѣете къ тому времени и мы весело отпразднуемъ свадьбу. М-lle Симонна будетъ подругой моей невѣсты.

— На комъ собираетесь вы жениться? спросилъ Вуэ.

Тогда Эсташъ разсказалъ ему, какъ онъ полюбилъ Женевьеву Гуссе. Родители ея согласны выдать ее за него, лишь только ей минетъ восемнадцать лѣтъ.

— Одобряете ли вы этотъ бракъ? спросилъ Лезюеръ.

— Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, я бы отговорилъ васъ, мой другъ, отъ этого брака. По всему вѣроятію онъ закроетъ вамъ дорогу въ Италію и помѣшаетъ достигнуть успѣха, какого вы можете ожидать отъ вашего таланта. Бѣдный бракъ, родство съ семьей мелкихъ буржуа, ваша молодость и молодость Женевьевы, все это станетъ на вашемъ пути къ славѣ. Но что такое слава и богатство въ сравненіи съ счастьемъ? Горе одинокому, хотя бы онъ занималъ первый престолъ въ мірѣ! Я это знаю: привязанность семьи, преданность любимой женщины, улыбка дѣтей, дороже всякихъ почестей и только это можетъ скрасить наши послѣдніе дни. Кроткая и набожная, какъ вы описываете вашу Женевьеву, она будетъ для васъ тѣмъ, чѣмъ была для меня Виргинія, чѣмъ для меня теперь моя добрая жена. Я постараюсь отказать вамъ въ завѣщаніи свадебный подарокъ, мой другъ, но я не доживу до дня вашей свадьбы. Не забудьте помолиться объ успокоеніи души вашего стараго учителя.

Лезюеръ со слезами на глазахъ обѣщалъ исполнить его желаніе.

Вскорѣ Вуэ умеръ какъ истинный христіанинъ и былъ погребенъ въ Гревской церкви Святаго Іоанна.

V.

Эклезіастъ.

Въ первыхъ числахъ мая 1643 г., происходила торжественная церемонія съ Сентъ-Жерменскомъ замкѣ. Крестили дофина. Прекрасная музыка, пахучій ладонъ, цвѣты, освѣщеніе, пышность церковнаго богослуженія, изящество свѣтскихъ нарядовъ, все это слилось въ одну гармонію.

Король, смертельно больной, не могъ присутствовать на крестинахъ своего сына.

Дворъ былъ въ полномъ сборѣ и привѣтствовалъ уже королеву, какъ будущую регентшу. Ришелье умеръ, скипетръ выскользалъ изъ помертвѣлыхъ рукъ Людовика XIII и королева, такъ мало до сихъ поръ замѣтная, понимала по заискиванію придворныхъ всю важность своего настоящаго положенія. Лебренъ также присутствовалъ на этомъ торжествѣ; смѣшавшись съ толпой, онъ видѣлъ, какъ дофинъ съ балкона кидалъ народу деньги и конфекты. Королевское дитя блистало красотою и нарядомъ, но художнику было не до него: онъ тщетно искалъ между придворными дамами, стоящими на балконѣ, свою мечту.

Изабелла де Беленъ не показывалась; она осталась въ новомъ замкѣ въ комнатѣ короля. Помѣстившись у ногъ умирающаго Людовика XIII, она пѣла, играла на лютнѣ, читала, или просто молчала, смотря по желанію больного.

Людовикъ XIII велѣлъ пододвинуть свое кресло къ окну. Весенній воздухъ, насыщенный запахомъ сирени, освѣжалъ его блѣдный лобъ и его длинные темные локоны, въ которыхъ преждевременныя серебристыя нити указывали на слѣды заботъ.

Докторъ Сегенъ и двое или трое слугъ стояли на другомъ концѣ комнаты неподвижные и безмолвные.

— Изабелла, сказалъ Людовикъ XIII, бывали ли вы когда нибудь у обѣдни въ церкви Visitation.

— О, да, государь, королева часто меня брала туда, на грѣхъ мнѣ.

— На грѣхъ вамъ, M-lle, что вы хотите сказать?

— Увы! государь, монахини Святой Маріи такія святыя и милыя; но я умираю со скуки отъ ихъ пѣнія. Оно слишкомъ печально и уныло для моего характера.

— Спойте, какъ поютъ онѣ, сказалъ король.

Изабелла запѣла Gloria Patri, подражая протяжному пѣнію Визитандинокъ; но ея голосъ былъ такъ нѣженъ и мелодиченъ, что слышались однѣ только восхитительныя нотки.

— Какъ это прекрасно! сказалъ король. Вы не будете же постоянно веселы, дитя мое; когда нибудь и вы испытаете страданія и тогда полюбите голубиное воркованье монахинь Святой Маріи.

— Можетъ быть, государь. Но пока я предпочитаю вотъ что,— и она весело запѣла прелестную арію Ракана, положенную на музыку самимъ королемъ.

Людовикъ XIII слабо улыбнулся.

— Коннетабль де Люйенъ любилъ эту арію, сказалъ онъ; сколько разъ, напѣвая ее, съ соколомъ въ рукѣ, онъ отправлялся въ Версальскіе лѣса! Версаль, Шальо, я не увижу васъ болѣе!

— Увидите государь, сказала Изабелла. Ваше величество выздоровѣетъ ко дню Святого Людовика. Я просила объ этомъ Пречистую Дѣву и дала обѣтъ.

— Не дѣлайте безразсудныхъ обѣтовъ, крошка, возразилъ король. Вы еще ребенокъ.

— Нѣтъ государь, мнѣ двадцать лѣтъ. Вы считаете меня постоянно маленькой, такъ какъ я живу при дворѣ съ тринадцатилѣтняго возраста, но съ тѣхъ поръ прошло много времени, а я нисколько не измѣнилась.

— Даже около меня? сказалъ Людовикъ XIII. Бѣдная Изабелла, не веселое пребываніе для такой молодой дѣвушки въ комнатѣ больного! Вы должны бы быть въ капеллѣ, посмотрѣли бы на крестины.

— Нѣтъ, я предпочитаю оставаться здѣсь, сказала Изабелла и запѣла:

Vive le roi! Le roi c'est notre père,
L'élu du ciel, le maitre de mon coeur.
Servir le roi, la France notre mére,
C'est tout un; c'est tout mon bonheur!

— Дитя мое, сказалъ Людовикъ XIII, будьте благоразумны. Не время теперь для меня слушать подобныя пѣсни. Возьмите эту тетрадь и спойте, что тамъ написано.

Изабелла взглянула на тетрадь.

Это былъ De Profundis, переложенный на музыку Людовикомъ XIII. Она вздрогнула.

— О! нѣтъ, сказала она, я не съумѣю. Слишкомъ низко для моего голоса, и я заплачу отъ этого. Умоляю ваше величество дать мнѣ что нибудь другое.

— Знаете ли вы полатыни?

— Немножко; знаю настолько, чтобы читать порядочно церковныя книги.

— Пропойте мнѣ это, какъ поютъ Визитандинки, сказалъ король, указывая на послѣднія стихи Эклезіаста.

Изабелла повиновалась, и съ ея свѣжихъ, чистыхъ устъ посыпались перлы священнаго текста:

„Помни Создателя твоего въ дни юности твоей, доколѣ не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которыхъ ты будешь говорить: „нѣтъ мнѣ удовольствія въ нихъ!“

„Доколѣ не померкли солнце и свѣтъ, и луна и звѣзды, и не нашли новыя тучи вслѣдъ за дождемъ“.

„Въ тотъ день, когда задрожатъ стерегущіе домъ и согнутся мужи силы; и перестанутъ молоть мелющіе, потому что ихъ не много осталось; и помрачатся смотрящіе въ окно;“

„И запираться будутъ двери на улицу; когда замолкнетъ звукъ жернова, и будетъ вставать человѣкъ по крику пѣтуха и замолкнутъ дщери пѣнія;“

„И высоты будутъ имъ страшны, и на дорогѣ ужасы; и зацвѣтетъ миндаль; и отяжелѣетъ кузнечикъ, и разсыплется каперсъ. Ибо отходитъ человѣкъ въ вѣчный домъ свой, и готовы окружить его по улицѣ плакальщицы;“

„Доколѣ не порвалась серебряная цѣпочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшинъ у источника, и не обрушилось колесо надъ колодцемъ“.

„И возвратится прахъ въ землю, чѣмъ онъ и былъ; а духъ возвратится къ Богу, который далъ его“.

„Суета суетъ, сказалъ Эклезіастъ, все суета!“ [1]).

— Закройте книгу, сказалъ король.—Сюда идутъ.

---

[1]) Эклез. глава XII, ст. 1 и 8.

VI.

Восходящее свѣтило.

Послышался легкій стукъ въ дверь. Пажъ поспѣшилъ отворить.

— Ея величество королева можетъ войти? спросилъ онъ у короля.

Людовикъ XIII сдѣлалъ утвердительный знакъ.

Дверь растворилась и королева въ парадномъ придворномъ платьѣ, вся изукрашенная жемчугомъ, вошла съ дѣтьми въ сопровожденіи своихъ дамъ. Вмѣстѣ съ ними она опустилась на колѣни передъ королемъ. Было произнесено нѣсколько холодныхъ церемонныхъ словъ. Людовикъ XIII протянулъ руку молодымъ принцамъ. Дофинъ поцѣловалъ ее, но маленькій герцогъ Анжуйскій, испугавшись блѣдности отца, поспѣшилъ укрыться въ платьѣ своей гувернантки. Это опечалило короля; онъ любилъ его болѣе дофина.

— Малютка Анжу, сказалъ онъ тихо,—и тотъ не любитъ меня. О, моя мать, какъ отомщена ты!

— Дитя мое, спросилъ онъ у дофина, хорошо ли вы вели себя на крестинахъ?

— Я всегда, государь, хорошо себя веду.

— А какое имя вамъ дали?

— Меня назвали Людовикомъ XIV, сказалъ гордо ребенокъ.

— Не теперь еще, мой сынъ! Но скоро. Ступайте. Я усталъ и попробую заснуть.

Королева удалилась со всею своею свитой.

Изабелла взяла свою лютню, а король, закрывъ глаза, сдѣлалъ видъ что засыпаетъ. Но слезы полились по его исхудалымъ щекамъ и не раньше какъ черезъ часъ онъ успокоился....

Le roi est mort, vive le roi!

Этотъ возгласъ увѣдомлялъ толпу, наполнявшую дворъ и сады Сентъ-Жерменскаго замка 14 мая 1643 г., что царствованіе Людовика XIII кончилось. Королева была насильно уведена отъ постели умершаго, гдѣ она молилась въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Она разсказывала потомъ госпожѣ де-Мотвиль, что въ моментъ смерти короля почувствовала такую сильную скорбь, какъ будто ей вырывали сердце. Но вскорѣ она отправилась привѣтствовать Людовика XIV своего сына и короля и поздравленія придворныхъ заняли все ея время. Сентъ-Венсенъ де-Поль напутствовавшій короля, былъ отозванъ къ другому умирающему. Въ замкѣ царилъ страшный безпорядокъ. Шли приготовленія къ отъѣзду королевской фамиліи въ Лувръ, всюду разсылались гонцы, окрестные жители сбѣгались привѣтствовать молодого короля и регентшу. Долгая агонія Людовика XIII какъ бы заранѣе покончила съ трауромъ и сожалѣніями.

Одна Изабелла де-Беленъ думала о немъ. Лишь только ей удалось освободиться отъ королевы, она поспѣшила въ комнату покойника. Холодомъ повѣяло на нее при видѣ того, что находилось здѣсь. Людовикъ XIII былъ покинутъ всѣми.

Нѣсколько свѣчей, наскоро поставленныхъ, горѣли около королевской кровати; Изабелла упала на колѣни у порога. Въ первый разъ въ жизни она находилась въ присутствіи смерти. Она молилась и ждала, не придетъ ли кто. Черезъ открытыя окна врывался майскій воздухъ; наступали сумерки; пѣли соловьи. Порывистый вѣтеръ потушилъ нѣсколько свѣчей. Изабелла поднялась, зажгла ихъ и, собравшись съ духомъ, взглянула въ лице короля. Торжественная печать смерти уже изгладила слѣды страданія, и преждевременныя морщины, еще такъ недавно бороздившія его лобъ, исчезли теперь. Онъ какъ будто превратился въ мраморную статую, только что положенную въ склепъ Сентъ-Дени. Въ рукахъ у него былъ крестъ, этотъ скипетръ, влагаемый смертью въ руки каждаго христіанина. Но изъ всѣхъ придворныхъ, изъ всего королевства, только одна Изабелла молилась около короля. Ея уста шептали De profundis, тотъ самый, который Людовикъ XIII недѣлю тому назадъ заставлялъ ее пѣть; но стихи Эклезіаста приходили ей на память. Она какъ будто видѣла ихъ начертанными на постели, на эстрадѣ, и на обояхъ королевской комнаты. Цѣлый часъ она была одна и этотъ часъ, проведенный у останковъ короля, котораго она любила какъ отца, это уединеніе, эта торжественная тишина, это высочайшее засвидѣтельствованіе ничтожества всего земнаго, научили молодую дѣвушку многому, чему она не научилась бы въ свѣтѣ и въ полвѣка.

За нѣсколько дней до смерти короля, набожная мать Изабеллы писала своему брату канонику Камбрейскому: „Меня очень безпокоитъ старшая дочь, такъ страстно преданная придворнымъ удовольствіямъ и упорно отказывающаяся отъ замужества". Добрый каноникъ отвѣчалъ ей: „Не тревожьтесь о вашей дочери, дорогая сестра, въ непродолжительномъ времени она посвятитъ себя Богу".

Онъ не ошибся. Въ самый день смерти Людовика XIII, m-lle де-Беленъ испросила у королевы позволеніе провести въ монастырѣ всѣ шесть недѣль траура. Она болѣе уже не возвратилась въ свѣтъ и постриглась въ слѣдующемъ году во второмъ монастырѣ Визитандинокъ, подъ именемъ сестры Маріи-Алекси. Передъ окончательнымъ вступленіемъ m-lle де-Беленъ въ монашество, Шарль Лебренъ отправился въ Римъ.

Солнечный свѣтъ быстро вытѣсняетъ розоватое сіяніе зари: вернувшись во Францію послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Италіи, Лебренъ сдѣлался самымъ любимымъ художникомъ Людовика XIV и блестящей кистью прославлялъ гордое величіе его царствованія. На потолкахъ версальскихъ до сихъ поръ еще бѣлокурыя богини и граціозныя, смѣющіяся нимфы въ вѣнкахъ изъ цвѣтовъ, напоминаютъ

мечту юности художника; но предметъ его мечтаній, Изабелла, покинувшая свѣтъ, никогда не узнала, что была руководительницей его первыхъ шаговъ.

VII.

Memento quia pulvis es.

Однажды утромъ, карета съ придворнымъ офицеромъ, посланнымъ изъ Сентъ-Жермена, остановилась у воротъ второго монастыря Визитандинокъ въ Парижѣ, въ улицѣ Сентъ-Жакъ.

— Сестра, отъ королевы присланъ ящикъ. Куда его ставить? спросила сестра привратница.

— Конечно въ поставецъ, отвѣчала сестра Семплисьена, если только онъ войдетъ. Что-то посылаетъ намъ добрая королева? Ахъ, еслибы это былъ сахаръ для нашихъ больныхъ, какъ бы было кстати!

Сестра Семплисьена открыла ящикъ, неплотно закрытый и на которомъ надпись на половину стерлась. Въ ящикѣ оказался портретъ въ богатой рамкѣ съ разбитымъ стекломъ. Сестра Семплисьена, страшно разочарованная, отправилась доложить о посылкѣ королевы матери-настоятельницѣ.

— Ея величество прислала намъ странный подарокъ. На что намъ картина, такъ дурно уложенная. Придется еще раззоряться на стекло, да къ тому же и изображеніе-то неблагочестивое: какая-то растрепанная дѣвочка съ голубкомъ въ рукахъ. Къ счастью еще рамка достаточно хороша; можно помѣстить въ нее что нибудь другое.

— Пойдемъ, посмотримъ, сказала настоятельница.

Она отправилась въ пріемную и заглянувъ на надпись, разобрала имя Ле-Рой де-Беленъ и слово: послушница.

— Снесите это въ новисіатъ, сестра, сказала она. Наша сестра Мари-Алекси должна знать, что это такое...

Начальница послушницъ показала портретъ Изабеллѣ.

При видѣ его молодая послушница не могла удержаться отъ слезъ.

— Ахъ! сказала она, это я! это король! Какая я была веселая тогда!

— Этотъ портретъ, замѣтила монахиня, очевидно напоминаетъ вамъ свѣтскую суету, дочь моя. Очень вы дорожите имъ?

— Я дорожу только Богомъ, отвѣчала Изабелла.

— Это мы увидимъ сейчасъ. Помните, что сдѣлала съ портретомъ своего покойнаго мужа наша мать Мари-Фелисъ де-Монморанси?

— Я слышала, что она сожгла его, чтобы окончательно отдаться на волю Божію. Но наша настоятельница сожалѣла объ этой жертвѣ. Вѣрьте мнѣ, я не дорожу этимъ портретомъ такъ, какъ дорожила госпожа де-Монторанси портретомъ своего мужа; я готова его сжечь, если вы приказываете, но... это произведеніе короля!

— Мы не сожжемъ его, мы только немного его сотремъ, сказала сестра Іеронима. Она взяла маленькую мятелку и слегка провела ею по живописи.

Изабелла поблѣднѣла.

— Желаете вы сами его стереть, сестра? спросила монахиня; хотите принести эту послѣднюю жертву нашему Создателю? Послѣ того какъ вы посвятили себя ему, поколеблетесь ли вы отдать ему ваше изображеніе?

— Конечно, нѣтъ, отвѣчала Изабелла, это значило бы отступать назадъ и выказать свою слабость.

Она перекрестилась и твердой рукой принялась за дѣло истребленія.

Вошла настоятельница.

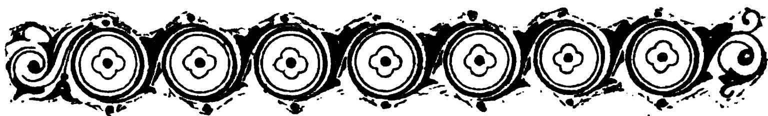
— Боже! сестра! что вы дѣлаете? воскликнула она; это рисунокъ покойнаго короля, подарокъ нашей доброй королевы госпожѣ де-Беленъ, которой мы должны его переслать. Герцогиня де-Вандомъ только что была у меня и разсказала исторію этого портрета, а вы его уничтожили! Увы! отъ него не осталось почти ничего! Кто теперь его возстановитъ? Развѣ послать къ господину Лезюеру?

Только слабый очеркъ, сдѣланный перомъ виднѣлся еще на тонкомъ пергаментѣ. Все остальное исчезло, какъ исчезаетъ слава, утѣха и красота хрупкаго, переходящаго свѣта.

Сестра Іеронима покаялась въ своемъ грѣхѣ передъ Капитуломъ, и на нее была наложена строгая эпитемія, но ея позднія сожалѣнія не могли воскресить уничтоженнаго портрета. Прахъ превратился снова въ прахъ,—и отъ пастеля короля Людовика XIII осталось одно только смутное, грустное воспоминаніе.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ ГЕЙНЕ.

(По запискамъ его товарища по университету). [1])

30-го января 1824 года, Гейне вторично записался студентомъ въ Геттингенскій университетъ. Въ промежутокъ времени между первымъ и теперешнимъ поступленіемъ, онъ уже выпустилъ въ свѣтъ томъ своихъ стихотвореній и трагедіи „Ратклифъ“ и „Альманзоръ“, вмѣстѣ съ „Лирическимъ Интермеццо“, и лучи его юной поэтической славы уже достигли до Геттингена. „Сегодня я видѣлъ поэта Гарри Гейне“, значится подъ 23-е мая въ дневникѣ studiosus juris Эд. Ведекинда: „онъ живетъ въ одномъ домѣ съ Мертенсомъ, гдѣ, можетъ быть, мнѣ представится случай съ нимъ познакомиться“. Въ этомъ дневникѣ тщательно отмѣчены всѣ встрѣчи съ Гейне лѣтомъ 1824 г. и подробно записаны всѣ веденные съ нимъ разговоры. Это обстоятельство достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что и тогда уже юный поэтъ долженъ былъ обращать на себя особенное вниманіе своихъ сотоварищей, и этотъ фактъ подтверждается каждою строкою дневника.

Авторъ дневника, Эд. Ведекиндъ, вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ слушалъ курсъ въ Геттингенѣ съ 1822—1823 г. и съ пасхи 1824 г. до пасхи же 1825 г. Несмотря на то, что ему было всего 19 лѣтъ, онъ уже былъ на пятомъ семестрѣ, а его замѣтки, при всей юношеской недозрѣлости сужденій, показываютъ раннее развитіе въ немъ ума и характера, что подтверждается также живымъ участіемъ, которое оказывалъ своему юному товарищу гораздо старшій его Гейне. Ведекиндъ еще въ 1839 г. напечаталъ обширную статью объ Гейне. Но въ его дневникѣ встрѣчаются еще неопубликованныя замѣтки, сообщеніе которыхъ, по моему, тѣмъ интереснѣе, что они записаны

---

[1]) Dichterprofile. Literaturbilder aus dem neunzehnten Iahrhundert; v. Adolf trodmann. Stuttgard. 1879. (Поэтическіе профили. Литературные портреты XIX вѣка. А. Штродтмана. Штутгардтъ. 1879).

подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ ежедневнаго соприкосновенія и носятъ отпечатокъ величайшей искренности.

Первая встрѣча съ Гейне произошла въ саду Ульриха (нынѣ Марведеля), гдѣ въ ту пору стоялъ еще, перенесенный впослѣдствіи въ другое мѣсто, памятникъ поэту Бюргеру, — траурная фигура Германіи въ чопорномъ стилѣ рококо. Гейне почти каждый вечеръ посѣщалъ этотъ трактирный садъ, называвшійся студентами для краткости просто „Ульрихомъ", и, гуляя по его дорожкамъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ своихъ товарищей, имѣлъ привычку, въ горячкѣ спора, ногою подгонять передъ собою мелкіе камешки. Первое впечатлѣніе, произведенное поэтомъ, было не изъ благопріятныхъ.

„Его наружность" записалъ Ведекиндъ „обѣщаетъ мало; это маленькая, карликообразная фигурка, съ блѣдною, тоскливою физіономіею". Но уже послѣ перваго, краткаго разговора съ нимъ онъ прибавилъ: „Когда онъ говоритъ, лицо его весьма интересно". Ведекиндъ, согласно съ показаніями другихъ, тоже замѣчаетъ, что внѣшній видъ его постоянно мѣнялся сообразно съ состояніемъ его здоровья и разсказываетъ, что онѣ въ ту пору сильно страдалъ нервными головными болями. Однажды онъ попросилъ Ведекинда убрать со стола часы, потому что не могъ переносить ихъ чиканья; а на вопросъ, постоянно ли онъ бываетъ въ поэтическомъ настроеніи, или только по временамъ, отвѣтилъ:

— Если здоровъ,—постоянно.

„Перемѣнчивость расположенія его духа вполнѣ объясняется его болѣзненностью. Иной разъ онъ является полнѣйшимъ ипохондрикомъ, и тогда онъ изощряется въ самыхъ туманныхъ остротахъ. Въ хорошемъ же настроеніи онъ чрезвычайно остроуменъ, и когда заговоришь съ нимъ объ его любви, онъ такъ и сыплетъ пародіями". Впослѣдствіи Ведекиндъ прибавляетъ къ своему дневнику слѣдующее замѣчаніе: „Гейне, маленькій и тщедушный, производилъ въ то время, смотря по состоянію здоровья, весьма разнообразное впечатлѣніе. Въ хорошія минуты онъ обладалъ необычайно симпатичною привѣтливостью, и лицо его бывало особенно интересно тогда, когда онъ замышлялъ какое нибудь добродушное дурачество. Тогда его маленькіе, миндалеобразные глазки, зачастую съ покраснѣвшими вѣками, блестѣли по истинѣ добродушнымъ лукавствомъ. На вопросъ, почему онъ, при своей чрезвычайной близорукости, не носитъ очковъ,

— Э, отвѣчалъ онъ: вѣдь это придаетъ такой аффектированный видъ.

— Какъ вы можете говорить это мнѣ,—замѣтилъ, поддразнивая, Ведекиндъ: когда у меня у самого очки на носу?

— Ахъ, Боже мой! да я этого и не замѣтилъ! прибавилъ поспѣшно Гейне, заливаясь добродушнѣйшимъ смѣхомъ.

Гейне причислялъ себя въ то время къ вестфальцамъ, къ оснабрюкскому кружку, который имѣлъ многочисленныхъ представителей

и тѣсно держался между собою. Корпорацій собственно тогда еще не существовало, имѣлись только особые цвѣта и свободныя сходки, неприуроченныя даже къ какому либо излюбленному трактиру. Собирались то тамъ, то тутъ, чаще же всего въ „Ульрихѣ", или въ „Ландверѣ", гдѣ дочери и племянницы хозяина оказывали студентамъ дружественный пріемъ и весело порхали съ ними, когда бывали танцы. Гейне не любилъ ни танцевъ, ни куренья, ни пива. Вино онъ пилъ тоже умѣренно, хотя и разсказывалъ, что онъ въ Боннѣ сильно покучивалъ и обыкновенно возвращался домой очень поздно и порядкомъ подгулявши; такъ что, когда разъ ему случилось придти домой часовъ въ десять, хозяйка боязливо спросила, не случилось ли съ нимъ чего особеннаго?

Гейне не дѣлалъ особыхъ издержекъ ни въ какомъ отношеніи, если не считать того, что онъ охотно ѣлъ пирожки. Но тѣмъ не менѣе онъ не уклонялся отъ обыкновенныхъ студенческихъ удовольствій, пикниковъ въ окрестныя мѣстности и т. п. Онъ жилъ тогда на Гронерштрассе, въ первомъ этажѣ дома Эбервейна, означеннаго теперь № 5, гдѣ занималъ одну комнату съ прилегающимъ къ ней кабинетомъ. Его квартира представляла зрѣлище небрежнаго безпорядка, который принято снисходительно называть „хозяйствомъ художника". „У Гейне" замѣчаетъ Ведекиндъ: „господствуетъ величайшій безпорядокъ; постель стоитъ тутъ же въ комнатѣ, хотя для нея есть отличная каморка, а книги, журналы и прочія вещи нагромождены на столахъ другъ на друга. Я обѣщалъ ему привести какого нибудь Теньера, который бы срисовалъ его комнату".

Въ числѣ общихъ знакомыхъ, упоминаемыхъ въ дневникѣ, былъ, между прочими, нѣкто г. Книлле, милѣйшей весельчакъ, который постоянно перешучивался съ Гейне. Когда у поэта бывали разстроены нервы, онъ обыкновенно входилъ въ комнату съ стереотипною фразой:

— Не тронь меня, милѣйшій юноша, я болѣнъ! и мрачно опускался на первый попавшійся стулъ. Тогда Книлле, послѣ нѣсколькихъ словъ къ другимъ, обыкновенно развеселялъ Гейне слѣдующею, тоже стереотипною фразой:

— Скажи, Гейне, какъ это у тебя было? Какъ начинается это хорошенькое стихотвореніе?—Эта фраза неизмѣнно вызывала то послѣдствіе, что Гейне медленно подымался съ мѣста и, положивъ руку на плечо Книлле, забывалъ свои страданія и привѣтливо переспрашивалъ:

— Про что ты говоришь, милый юноша?

Былъ ли Гейне въ то время христіаниномъ или оставался евреемъ, этого никто не зналъ и говорили объ этомъ различно. Самъ онъ этого вопроса не касался, и когда лѣтомъ слѣдующаго года принялъ христіанство, то тоже не сообщилъ никому изъ своихъ пріятелей объ этомъ намѣреніи. Точно также рѣдко онъ разговаривалъ со своими геттингенскими знакомцами и о долголѣтнемъ пребываніи

своемъ въ Берлинѣ. Казалось, его интересовало только настоящее.

Часто, и съ теплымъ участіемъ, упоминалъ Гейне о своемъ меньшомъ братѣ Максѣ, который въ ту пору учился еще въ Люнебургской гимназіи и также обнаруживалъ поэтическія наклонности. Во время вакацій онъ пріѣзжалъ въ Геттингенъ, но не произвелъ пріятнаго впечатлѣнія на знакомыхъ своего брата, который, казалось, держалъ его въ нѣкотораго рода нравственной опекѣ.

Гейне чрезвычайно небрежно относился къ своимъ юридическимъ занятіямъ. „Онъ слушаетъ уже десятый семестръ", замѣчаетъ Ведекиндъ, „и все еще потѣетъ надъ пандектами. Онъ ходитъ на лекціи только къ одному профессору Мейстеру. Вчера онъ сказалъ мнѣ:

— Еслибы Corpus juris былъ напечатанъ въ форматѣ альманаха, я бы одолѣлъ его; теперь же онъ меня запугиваетъ своими почтенными размѣрами.

„Сегодня, читаемъ дальше, я нарочно заговорилъ съ нимъ о юриспруденціи:

— Во первыхъ, отнесся онъ о Мейстерѣ, это божественный малый; а во вторыхъ—у него все кратко, такъ что сразу видишь, куда что примѣняется.

„Его уже интересуетъ римское право, но еще болѣе кононическое.

— Было бы весьма интересно, замѣтилъ онъ, изобразить взаимную борьбу каноническаго и римскаго права, какъ изъ за нихъ въ свое время на смерть бились декретисты и романисты въ Болоньи. Впрочемъ, прибавилъ онъ, я ничего еще не осилилъ въ юриспруденціи, кромѣ того развѣ, что само собою засѣло у меня въ головѣ. Правда, иной разъ оказывается, что засѣло гораздо больше, чѣмъ я думалъ. Вообще же я ничего не осилилъ, кромѣ метрики".

„Онъ хочетъ еще прослушать одинъ семестръ и затѣмъ отправиться путешествовать, по всей вѣроятности въ Италію. Впослѣдствіи онъ думаетъ избрать юридическое поприще, но еще не рѣшилъ, въ Пруссіи, или въ другомъ мѣстѣ. Знакомыхъ у него мало, и мы условились навѣщать другъ друга".

И дѣйствительно, вскорѣ между молодыми пріятелями завязались оживленныя и чистосердечныя отношенія, которыя равно пришлись по душѣ обоимъ. Гейне заранѣе и сразу внушительно подѣйствовалъ на своего младшаго товарища богатствомъ неожиданно новыхъ взглядовъ и мыслей, которые онъ обнаруживалъ въ каждомъ разговорѣ. „Я думаю, писалъ Ведекиндъ послѣ первой же бесѣды, знакомство съ нимъ будетъ для меня весьма полезно. Это необычайный геній, къ тому же чрезвычайно мало занятый собою, такъ что общеніе съ нимъ крайне интересно. Я думалъ, что я также ему нравлюсь, и насколько я его теперь знаю, я полагаю, мы уживемся съ нимъ въ ладу, несмотря на наше разногласіе по многимъ пунктамъ. Я прочиталъ все,

что онъ до сихъ поръ напечаталъ и многое знаю даже наизусть. Понятно, что это ему нѣсколько льститъ; впрочемъ я могу ему высказывать свое одобреніе съ спокойною совѣстью. Я сказалъ ему однажды, что проштудировалъ всѣ его стихотворенія.

— Ихъ, дѣйствительно, слѣдуетъ по настоящему проштудировать, по тому, что ихъ не совсѣмъ то легко понять, замѣтилъ онъ, безъ всякой впрочемъ гордости.

Конечно такой приговоръ пришлось впослѣдствіи существенно ограничить и исправить: „Еще нѣсколько о Гейне, а именно объ его характерѣ. Этотъ послѣдній легкомысленъ. Гейне не вѣритъ въ безсмертіе души и съ важностью ссылается на то, что всѣ великіе люди въ него не вѣрили, ни Цезарь, ни Шекспиръ, ни Гёте. Онъ весьма тщеславенъ, хотя и старается не показывать этого. Самый пріятный для него разговоръ — это объ его произведеніяхъ. Я разъ замѣтилъ ему, что охотно написалъ бы рецензію на его „Ратклифа“, если бы было свободное время, и съ тѣхъ поръ онъ все пристаетъ ко мнѣ, чтобы я писалъ свой разборъ прозою. У него невѣроятная страсть мистифицировать всѣхъ и каждаго, а потому онъ передъ всякимъ готовъ разыгрывать противника. Со мною ему это плохо удается, ибо я его сейчасъ же ловлю на непослѣдовательности и противорѣчіяхъ, къ которымъ онъ прибѣгаетъ. Истиннымъ мнѣ другомъ онъ никогда быть не можетъ, но я весьма охотно съ нимъ встрѣчаюсь. Наши взгляды большею частью діаметрально противуположны, а это даетъ пищу для разговоровъ; только иной разъ я положительно не могу разобрать, высказываетъ ли онъ дѣйствительно свое собственное мнѣніе, или просто меня мистифицируетъ. Когда я замѣчаю послѣднее, я тотчасъ же высказываю ему это прямо и обрываю разговоръ. Я могу многому поучиться у Гейне, и это главная цѣль, которую я имѣю въ виду при бесѣдахъ съ нимъ“.

Страсть Гейне къ мистификаціямъ и дураченію другихъ даетъ поводъ къ неодобрительнымъ замѣчаніямъ въ дневникѣ. Ведекиндъ подтверждаетъ разсказанное братомъ поэта происшествіе, какъ Гейне уговорилъ однажды одного сантиментальнаго поэта отдать на посмѣшище веселой компаніи свои произведенія и какъ онъ при этомъ безподобно его мистифицировалъ. Особенно невоздержно потѣшался онъ надъ однимъ, нелюбимымъ за свое высокомѣріе, приватдоцентомъ, докторомъ Л., который завѣдывалъ выдачею книгъ въ университетской библіотекѣ.

— Человѣкъ этотъ, говорилъ Гейне, вѣчно раздражаетъ меня своими придирками и обращеніемъ, всякій разъ какъ я требую какую нибудь книгу; но я его заставлю въ этомъ раскаяться! Слѣдующій разъ я соберу въ библіотеку цѣлую толпу студентовъ и заставлю его лазить по самымъ верхнимъ полкамъ шкаповъ, и если онъ и тогда не съумѣетъ или не захочетъ найти требуемыхъ книгъ, я уличу его въ полнѣйшемъ невѣжествѣ!

— И это тоже будетъ добродушіе? спросилъ Ведекиндъ, намекая на свой послѣдній разговоръ съ поэтомъ, и Гейне игриво расхохотался. А разговоръ этотъ касался „Лирическаго Интермеццо“. Гейне спрашивалъ его, не находитъ ли онъ много добродушія въ стихотвореніяхъ этого отдѣла, что рѣшительно отвергалъ его собесѣдникъ.

Въ другомъ мѣстѣ Ведекиндъ разсказываетъ слѣдующее: „Сегодня Гейне зашелъ ко мнѣ вмѣстѣ съ Сименсомъ, и спросилъ, нельзя ли меня немножко помистифицировать? Я отвѣчалъ, что можно, если только ему удастся это сдѣлать. Вечеромъ мы располагали сойтись въ „Ландверѣ“. Когда я пришелъ туда, Гейне уже собирался домой. Онъ казался очень разстроеннымъ и на просьбу мою вернуться назадъ, спросилъ меня, не замѣтилъ-ли я чего особеннаго въ Сименсѣ, и что расположеніе духа этого послѣдняго показалось ему весьма загадочнымъ. Я за нѣсколько дней передъ тѣмъ далъ Сименсу „Вертера“, и Гейне зналъ объ этомъ.

— Не знаю, право, что съ нимъ, продолжалъ онъ, но мнѣ почему то все кажется, что онъ собирается застрѣлиться. Когда я передъ этимъ былъ у него, онъ заряжалъ купленный пистолетъ, приводилъ въ порядокъ счеты и былъ въ очень возбужденномъ состояніи; а когда я хотѣлъ сопровождать его, то онъ всѣми мѣрами старался отъ меня отдѣлаться. Не видалъ ли ты его послѣ этого?

Я отвѣчалъ отрицательно и спросилъ, дѣйствительно ли онъ видѣлъ у него заряженный пистолетъ?

— Честное слово, отвѣчалъ Гейне, я именно хотѣлъ сейчасъ пойти провѣдать, что онъ дѣлаетъ. Боюсь только, что со мною онъ не будетъ откровененъ.

— Идемъ, идемъ вмѣстѣ, сказалъ я, если онъ кому откроется, такъ именно мнѣ. Мнѣ самому теперь кажется, что дѣло неладно.

Нѣсколько времени мы молча шли рядомъ другъ съ другомъ, какъ вдругъ Гейне остановился и звонко расхохотался.

— Милый другъ, сказалъ онъ, мнѣ просто хотѣлось тебя подурачить. Заряженный пистолетъ у него дѣйствительно былъ, но онъ вѣроятно менѣе всего думалъ о томъ, чтобы изъ него застрѣлиться. Впрочемъ, ты держалъ себя молодцомъ!

„Хотя онъ меня предупреждалъ заранѣе о своемъ намѣреніи, тѣмъ не менѣе я не мало досадовалъ, что онъ сыгралъ со мною эту штуку, поглумившись на счетъ моего добраго сердца.—Разговоръ нашъ перешелъ на самоубійство вообще. Я сообщилъ, что Сименсъ еще на дняхъ говорилъ мнѣ, что не понимаетъ, какъ это человѣкъ можетъ лишить себя жизни.

— А я такъ на оборотъ, не понимаю, какъ это человѣкъ можетъ обойтись безъ того, чтобы когда нибудь не лишить себя жизни.

На экземплярѣ трагедій Иммерманна, подаренномъ Ведекинду, Гейне написалъ:

„Что такое человѣкъ? Спроси философскій факультетъ въ Геттингенѣ". 26 іюля 1824 г. Гейне.

„На дняхъ, продолжаетъ Ведекиндъ, мы зашли съ Грютеромъ къ Гейне. Онъ показалъ намъ прелестный экземпляръ Вальтеръ-Скоттовскаго романа „Lady of the lake", полученный имъ въ подарокъ. Грютеръ попросилъ у него на время эту книгу и предложилъ мнѣ прочесть ее вмѣстѣ. Гейне поднялъ необузданный смѣхъ и сказалъ Грютеру, что онъ даритъ ему эту книгу. Мы никакъ не понимали причины его веселости. Но Гейне все продолжалъ смѣяться и навязывать ему книгу и наконецъ прибавилъ, не переставая хохотать, что это вовсе не великодушіе съ его стороны, что мы только замусолили бы книгу, — по этому онъ предпочитаетъ лучше ее подарить. Грютеръ поблагодарилъ и взялъ романъ съ собою. Я бы этого не сдѣлалъ".

Разговоры, веденные Гейне со своими пріятелями, касались большею частью литературныхъ вопросовъ и главнымъ образомъ собственныхъ произведеній поэта. Спустя нѣсколько времени по прибытіи своемъ въ Геттингенъ, онъ послалъ экземпляръ своихъ трагедій профессору Бутервеку (Bouterwek, проф. эстетики). При первыхъ же бѣсѣдахъ съ Ведекиндомъ, рѣчь зашла и о Бутервекѣ, который, по поводу этихъ трагедій, съ похвалою отозвался о талантѣ Гейне. Придерживаясь сперва Кантовскаго ученія, а потомъ примкнувъ къ направленію Якоби, Бутервекъ преслѣдовалъ теперь предпочтительно эмпирическое направленіе въ философіи. Гейне, который уже въ „Лирическомъ Интермеццо" отказался отъ традицій романтизма и отъ вліянія Шлегеля, теперь съ большимъ интересомъ относился къ реалистическимъ обобщеніямъ Геттингенскаго эстетика, чѣмъ при первомъ посѣщеніи университета.

„Сначала Гейне былъ усерднымъ приверженцемъ крайняго романтизма, разсказываетъ Ведекиндъ, особенно вслѣдствіе своихъ близкихъ отношеній къ Шлегелю, во время слушанія курса въ Боннѣ. Теперь же онъ разстался съ романтизмомъ и придерживался болѣе взглядовъ Бутервека. Но только сказкѣ онъ все еще придаетъ слишкомъ много значенія, и утверждаетъ, что настоящей басни собственно еще не создано. Сущности звѣрей, того, что собственно выражаетъ и изображаетъ намъ какое либо животное, еще никто правильно не понялъ. На другой день во время прогулки увидѣли мы красный махровый макъ. Припоминая его вчерашнее замѣчаніе на счетъ басни, я спросилъ его, что выражаетъ собою, по его мнѣнію, этотъ макъ?

— Нарядившуюся бѣдность, отвѣтилъ онъ, подумавъ немного. Указывая на полураспустившуюся почку, которая премило выглядывала изъ зеленой оболочки, онъ замѣтилъ, что она почти выражаетъ наивность, съ чѣмъ я не могъ не согласиться. Потомъ мы прошли мимо двухъ индѣйскихъ пѣтуховъ, которые, взобравшись на перила небольшого мостика, смотрѣли на воду.

— Имъ бы ужасно хотѣлось, замѣтилъ Гейне весело, опять попасть внизъ, но они слишкомъ глупы, чтобы догадаться оборотиться.

Онъ не былъ уже доволенъ собраніемъ своихъ стихотвореній изданія 1822 г.; но защищалъ свою „Traumbilder“ отъ нападокъ Ведекинда и высказывалъ намѣреніе написать еще новую ихъ серію. Мелкихъ пѣсенъ онъ полагалъ пока не писать. Когда рѣчь коснулась его своеобразности, онъ замѣтилъ:

— Сперва она мнѣ вредила: не знали, куда меня причислить теперь она уже начинаетъ мнѣ приносить пользу.

Съ „Лирическаго Интермеццо“ разговоръ перешелъ на любовь Гейне и на его любовныя пѣсни. „Все это только одни фантазіи, какъ и у меня“, полагалъ сперва Ведекиндъ; но черезъ пять недѣль онъ записалъ: „Что касается до его любви, то она не идеальная, а дѣйствительная“.—„Проклятый ты молокососъ! сказалъ мнѣ Гейне, когда я, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ его любовныхъ дѣлахъ, на основаніи его стихотвореній и Ратклифа, сдѣлалъ предположеніе, что онъ. безъ сомнѣнія, былъ влюбленъ въ свою кузину, отношеніе, которое—особенно при гамбургскихъ семейныхъ обычаяхъ—допускаетъ возможную степень близости, безъ дальнѣйшихъ притязаній на любовь.—Сегодня мы много говорили о любви въ поэзіи. Гейне отдаетъ предпочтеніе чувственной предъ платоническою,—я нѣтъ. Но вскорѣ мы сошлись во мнѣніяхъ, потому что въ сущности были одного взгляда и только употребляли различныя выраженія. Онъ подъ платоническою любовью понималъ ультрасантиментальность, а я считалъ чувственную любовь простымъ животнымъ влеченіемъ. Мы легко помирились на томъ, что земная любовь въ облагороженной формѣ, равно далекая отъ скотской и отъ небесной, болѣе всего пригодна для поэзіи.

— Вы любите конечно платонически? спросила у Гейне одна дама, желая привести его въ смущеніе.

— Такъ точно, сударыня, отвѣчалъ бойко Гейне, какъ казацкій атаманъ Платовъ.

Ведекиндъ спросилъ его однажды объ его переводахъ изъ Байрона.

— Я занимался ими собственно ради тщеславія. Шлегель спорилъ со мною, что Байронъ непереводимъ: вотъ я и поналегъ на него и просиживалъ надъ нимъ дни и ночи со всѣмъ усердіемъ.

— И что же сказалъ Шлегель?

— Да, сказалъ онъ, это все равно, что оригиналъ. Впрочемъ, мнѣ было легче, чѣмъ кому нибудь другому, сладить съ Байрономъ, потому что у меня есть съ нимъ нѣкоторое сходство въ характерѣ.

То, что Гейне высказалъ по поводу смерти Байрона въ письмѣ къ Мозеру отъ 25-го іюня 1824 г., почти дословно записано наканунѣ Ведекиндомъ. „Сегодня Гейне сказалъ мнѣ: смерть Байрона глубоко потрясла меня; я обходился съ нимъ какъ съ сверсникомъ. Шекспиръ

же напротивъ того представляется мнѣ министромъ, который меня каждую минуту можетъ отрѣшить отъ должности, какъ простого чиновника".

Идею драмы „Альманзоръ" Гейне, по собственному признáнію почерпнулъ изъ одного испанскаго романса. „Ратклифъ" же вполнѣ принадлежитъ ему одному. Гейне былъ особенно высокаго мнѣнія объ этой послѣдней драмѣ и неоднократно высказывалъ убѣжденіе, что ему врядъ ли когда удастся превзойти это поэтическое произведеніе.

— Главнаго, сказалъ онъ, что Ратклифъ есть собственно сумасшедшій, еще никто не высказалъ, никто этого не замѣтилъ, хотя это ясно, какъ день, ибо у него есть idée fixe. Она неудержимо влечетъ его и онъ не въ силахъ ей противиться. Въ этомъ и заключается дѣйствіе пьесы, потому что дѣйствующимъ лицомъ является собственно не Ратклифъ, борющійся съ рокомъ, а рокъ, управляющій несвободною личностью Ратклифа: онъ долженъ поступать именно такъ, а не иначе. Ведекиндъ справедливо замѣтилъ, что предположеніе у героя такой idée fixe, которая дѣлаетъ его своимъ игралищемъ, именно уничтожаетъ трагическую силу пьесы. Такой взглядъ Гейне на Ратклифа очевидно является отраженіемъ того романтическаго направленія, котораго онъ придерживался раньше.

Его любимою темою, къ которой онъ при всякомъ случаѣ возвращался, была метрика (стихосложеніе) и теорія стихотворнаго искусства, которыми онъ самымъ серьезнымъ образомъ занимался въ Боннѣ подъ руководствомъ Шлегеля.

— У меня, сказалъ разъ Гейне, была прежде постоянная страсть: когда появится какое-либо поэтическое произведеніе, плохое или хорошее, тотчасъ же разыскивать, совладалъ авторъ съ метрикой, или не совладалъ. Дѣйствительно, метрика чертовски трудна; и можетъ быть во всей Германіи найдется не болѣе шести-семи человѣкъ, которые вполнѣ понимаютъ ея сущность. Шлегель посвятилъ меня въ ея тайны,—самъ же онъ въ ней колоссъ. Самъ онъ далеко не поэтъ, но съ помощью метрики онъ иногда производилъ такія вещи, которыя весьма близки къ поэзіи. Фоссъ также въ ней очень силенъ.

— Мнѣ кажется, замѣтилъ Ведекиндъ,—что вы придаете метрикѣ болѣе обширное понятіе, чѣмъ это обыкновенно принято, потому что,—считать ли количество стопъ и слоговъ за главный элементъ, или за побочное дѣло,—въ остальномъ, по моему мнѣнію, характеръ всякой поэтической формы легко постигнуть. Хотя его и не всегда можно выразить опредѣленными и ясными словами, но чувство, если оно достаточно развито, всегда подскажетъ правильную дорогу. Я вообще держусь того взгляда, что поэтъ никогда не долженъ подыскивать формы; онъ не можетъ отдѣлять ее отъ мысли и содержанія; я полагаю скорѣе, что вмѣстѣ съ мыслью стихотворенія должна одновременно и нераздѣльно возникать и подобающая ей форма.

— Обыкновенно это такъ и бываетъ, сказалъ Гейне, но не всегда. Иной разъ очень хорошо можно обдумать форму заранѣе, потому что она не есть только средство, простая оболочка, но и съ своей стороны должна явиться производительной и плодотворной. Я до сихъ поръ еще не могъ разобрать, въ чемъ собственно заключается метрическое остроуміе древнихъ. Въ нѣмецкомъ языкѣ мнѣ не нравятся античные размѣры, напр. гекзаметры, какъ бы они ни были правильно и красиво построены. Есть нѣкоторыя исключенія, и то какъ разъ не самыя лучшія въ этомъ отношеніи, именно—„Римскія элегіи" Гете. Шлегель разсказывалъ мнѣ, что Гете прочитывалъ ихъ ему еще въ рукописи и онъ указывалъ ему на иныя неправильности въ версификаціи; но Гете обыкновенно говорилъ, что онъ очень хорошо ихъ видитъ, но не станетъ ихъ исправлять, потому что въ такомъ видѣ они ему больше нравятся, чѣмъ въ исправленномъ. Отчего это происходитъ и зависитъ?

— Должно быть отъ духа нѣмецкаго языка, отвѣчалъ Ведекиндъ.

— Изъ тѣхъ исключеній, въ которыхъ мнѣ нравится античная форма, могу назвать еще нѣкоторыя оды Клопштока. Вообще изъ всѣхъ произведеній Клопштока мнѣ больше всего нравятся его оды. Мессіады я не могу читать: она представляется мнѣ проповѣдью въ стихахъ.

Особенно не любилъ Гейне въ стихахъ разсужденій и рефлексій.

— Они мнѣ рѣшительно противны, сказалъ однажды Гейне:— особенно эти сантиментальныя сапожничьи разсужденія. Не далѣе, какъ сегодня, я написалъ на нихъ небольшую пародію.

Ведекиндъ просилъ прочесть ее, если помнитъ наизусть.

— Она у меня съ собою, сказалъ Гейне и вынулъ изъ бокового кармана акуратно сложенный полулистъ почтовой бумаги. Стихотвореніе это, въ которомъ было много поправокъ и помарокъ, записано у Ведекинда слѣдующимъ образомъ:

Блаженъ, кто чистоту сберегъ.
Несчастенъ—кто лишился!
Я, бѣдный, межъ лихихъ людей
Съ прямой дороги сбился.

Они ограбили меня
Посредствомъ ухищренья;
У бѣлогрудыхъ чудныхъ дѣвъ
Нашелъ я утѣшенье.

Споивъ и обобравъ меня
И разозливъ какъ звѣря,
Онѣ несчастнаго меня
Спровадили за двери.

Когда жь на воздухѣ ко мнѣ
Разсудокъ возвратился,—
То въ Касселѣ, несчастный, я
Въ бутузкѣ очутился.

Онъ прочелъ это стихотвореніе съ большимъ одушевленіемъ и аффектированнымъ, слащавымъ тономъ. Ведекиндъ высказалъ свое одобреніе.

— Лучшая проба, сказалъ онъ, для такого рода произведеній состоитъ въ томъ, если они вызываютъ представленіе о какомъ либо живомъ лицѣ, а мнѣ оно сейчасъ же напомнило одного слащаваго господина, который самымъ плаксивымъ тономъ вѣчно жалуется на

свои злополучія. При этомъ онъ указалъ на нѣкоторыя шероховатости, съ чѣмъ Гейне вполнѣ согласился.

— Впрочемъ, прибавилъ Ведекиндъ, не всякій пойметъ это стихотвореніе, если онъ не слыхалъ его въ вашемъ чтеніи.

— Еще бы! отвѣтилъ Гейне, его никто не пойметъ.

— А какъ же это, Гейне, вы еще вчера высказывали намѣреніе не писать больше мелкихъ стихотвореній?

— Да развѣ жь это стихи? возразилъ Гейне. Долго не зналъ онъ, какъ ихъ озаглавить, и наконецъ,—

— Нашелъ! воскликнулъ онъ, сіяя радостью: „Элегія!“

Вскорѣ послѣ этого онъ дѣйствительно напечаталъ это стихотвореніе въ кельнскомъ журналѣ „Агриппина“, сдѣлавъ въ немъ коекакія измѣненія и предпославъ ему слѣдующее, вводящее въ заблужденіе, примѣчаніе: „Въ этой народной пѣснѣ, появляющейся въ печати въ 1-й разъ, я принужденъ былъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія, безъ которыхъ она ни могла бы быть напечатана“.

Двадцать лѣтъ спустя, Гейне помѣстилъ этотъ необузданный продуктъ студенческаго юмора въ изданіи своихъ „Новыхъ стихотвореній“ подъ заглавіемъ „Сѣтованія нѣмецкаго юноши“.

По поводу этого стихотворенія Ведекиндъ спросилъ Гейне, пробовалъ ли онъ свою силу въ настоящей сатирѣ.

— Это опасная вещь, отвѣчалъ Гейне.

— Почему? она не должна быть только направлена на личность.

— Всякая сатира непремѣнно будетъ личною.

Ведекиндъ указалъ на Горація, у котораго личные намеки смягчены и сильно замаскированы.

— За то это и не сатиры, а игривость веселаго нрава, возразилъ Гейне. —Величайшій сатирикъ есть Аристофанъ, и я бы отъ души желалъ, чтобы у насъ опять вошла въ обычай личная сатира.

— Что же тутъ хорошаго? Это повело бы къ нескончаемой и ожесточенной чернильной войны.

— Что за бѣда! людямъ вовсе и не подобаетъ киснуть.

— Но вѣдь тогда, вмѣсто перьевъ, придется взяться за оружіе?

— А развѣ Эразмъ и Лютеръ боролись только перьями?

— Тогда было совсѣмъ другое дѣло! преслѣдовались высокія и важныя цѣли и на карту ставилось благо народовъ. Естественно, что Лютеръ долженъ былъ всяческимъ образомъ защищать свои принципы, чтобы они не погибли. А вы пока можете пользоваться личною сатирою про себя и для близкихъ; это хорошая практика, и ваши друзья будутъ восхищаться вашими сатирами, хотя бы ихъ и нельзя было немедленно печатать.

— Я уже положилъ этому начало, замѣтилъ Гейне, я пишу мемуары, которые достигли уже довольно порядочнаго объема. Теперь они покамѣсть оставлены, такъ какъ у меня есть другое дѣло. Но я буду ихъ продолжать, и они появятся или послѣ смерти, или даже

при жизни, если я доживу до такихъ лѣтъ, какъ „der alte Herr“ (Гете).

— Относительно его, по моему, было бы лучше, если бы онъ умеръ раньше; міръ, конечно, много бы потерялъ, но слава его была бы больше.

Гейне отнюдь не соглашался съ этимъ.

— Конечно, сказалъ онъ, я люблю больше Шиллера; но Гете мнѣ больше нравится. Гете есть гордость нѣмецкой литературы Шиллеръ—гордость нѣмецкаго народа.

Въ противоположность Ведекинду, онъ и какъ драматурга ставилъ Гете выше Шиллера, у котораго нѣтъ ничего, что могло бы сравняться съ „Эгмондомъ“. „Вертера“ Гейне тогда еще не читалъ; однажды онъ его уже взялъ для прочтенія, но снова оставилъ, опаясь, что, при тогдашнемъ его настроеніи, онъ его сильно взволнуетъ. Гейне съ большимъ уваженіемъ отзывался и о Бюргерѣ; ему нравилось его народное направленіе.

Хотя Ведекиндъ никогда не заводилъ разговора о своихъ поэтическихъ опытахъ, но Гейне попросилъ его однажды прочитать что нибудь свое. Послѣ долгихъ отнѣкиваній и отговорокъ онъ наконецъ рѣшился на это. Повидимому Гейне слушалъ его не особенно внимательно, но дѣлалъ однако же весьма мѣткія замѣчанія.

— Вы не составите себѣ стихами имени, рѣшилъ Гейне на послѣдокъ, но есть извѣстный классъ читателей, и очень большой, которому вы можете доставлять истинное наслажденіе. У васъ преобладаетъ разсудокъ, и вы безъ сомнѣнія могли бы превосходно писать въ прозѣ.

Сообщеніе Ведекинда о томъ, что Гейне еще въ ту пору велъ мемуары, подтверждается также и другими свидѣтельствами, которыя приведены нами въ біографіи поэта (см. „Heines Leben und Werke“). О существованіи ихъ, равно какъ и неизданной біографіи его дяди, Саломона Гейне, Ведекинду неоднократно говорилъ впослѣдствіи его пріятель и родственникъ Гейне, докторъ Рудольфъ Христіани. Этому самому Христіани, какъ извѣстно, по духовному завѣщанію Гейне, было предоставлено право на изданіе полнаго собранія его сочиненій. Но въ завѣщаніи были обойдены нѣкоторыя законныя формальности и за нимъ не было утверждено это право. Вдова покойнаго на отрѣзъ отказала ему въ выдачѣ посмертныхъ произведеній поэта, а наслѣдники Саломона Гейне не желали обнародованія ни біографіи дяди, ни мемуаровъ его племянника. Христіани полагалъ, что эти наслѣдники, сообща съ братомъ поэта, Густавомъ Гейне, купили манускрипты обоихъ этихъ произведеній; но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ увѣренъ, что вдова, на всякій случай, приберегла ихъ въ копіи. Поэтому есть еще нѣкоторая надежда, что эти драгоцѣнныя вещи, рано или поздно, появятся на свѣтъ Божій.

Стихотворенія, которыя Гейне написалъ лѣтомъ 1824 года,

были, по свидѣтельству Ведекинда, почти всѣ превосходны, но отличались его своеобразною саркастическою манерою: иронія послѣднихъ куплетовъ разрушала и уничтожала все предъидущее. „Онъ былъ болѣе, чѣмъ пристрастенъ къ этой манерѣ, говоритъ Ведекиндъ, и былъ въ ней дѣйствительно неподражаемъ, но мнѣ было бы пріятнѣе, еслибы онъ предпочелъ другое направленіе.

— Вотъ погодите, сказалъ онъ мнѣ недавно, скоро я воспою вамъ свою любезную такъ идеально, какъ только могу, но буду обращаться къ ней не иначе, какъ на „Вы". Черезъ нѣсколько дней онъ написалъ свое извѣстное стихотвореніе, съ окончаніемъ, полнымъ горькой насмѣшки:

„Madame, я васъ люблю!"

„Я охотно желалъ бы отвлечь его отъ этой манеры все пародировать и придумываю всевозможныя для этого средства; но онъ такъ сроднился съ нею, что нечего и думать говорить объ этомъ на прямки. Поэтому я хвалю его стихи, гдѣ проглядываетъ эта манера, но еще больше хвалю тѣ, гдѣ ея нѣтъ".

Нѣкоторыя изъ этихъ шуточныхъ стихотвореній до того скабрѐзны, что ихъ невозможно привести, какъ напр. эпиграмма „О нѣжное душъ единеніе" (O zarte Seelenvereinigung) и „Ликованіе дщерей Израэля надъ погибелью царя Фараона въ Чермномъ морѣ".

Во время вторичнаго пребыванія въ университетѣ, Гейне весьма мало интересовался общественными студенческими дѣлами, хотя поначалу и участвовалъ въ нѣсколькихъ дуэляхъ въ качествѣ секунданта, посредника или простого зрителя, — за неимѣніемъ лучшаго препровожденія времени, какъ онъ самъ выразился въ письмѣ къ Мозеру. Между тѣмъ это время какъ разъ было оживлено домашними интересами внутренней студенческой жизни; „поэтому, писалъ Ведекиндъ, мы стали видѣться гораздо рѣже. Затѣмъ наступили длинныя осеннія феріи, разбросавшія насъ во всѣ стороны, — а затѣмъ послѣдній семестръ. Жизнь наша стала тише и Гейне, повидимому, чувствовалъ мало къ ней интереса, хотя и появлялся изрѣдка между нами и даже спеціально примкнулъ къ одной изъ нашихъ котерій. Впослѣдствіи я встрѣтился съ Гейне только однажды, при возвращеніи его изъ Англіи въ сентябрѣ 1827 года. Я занималъ тогда мѣсто ганноверскаго королевскаго аудитора въ Роттенбургѣ, небольшомъ городишкѣ между Бременомъ и Гамбургомъ, гдѣ обыкновенно путешествующіе останавливались для ночлега. Гейне отнесся ко мнѣ по старому, съ искреннимъ дружелюбіемъ и тотчасъ же принялъ приглашеніе прогостить у меня нѣсколько дней. Долго, конечно, онъ не остался въ моемъ прозаическомъ гнѣздѣ и, наговорившись со мною вдосталь, на другой день поѣхалъ дальше. Впослѣдствіи я съ сожалѣніемъ видѣлъ, какъ Гейне, со времени переселенія своего во Францію, все больше и больше отставалъ и отвращался отъ Германіи; конечно этому много способствовало его еврейское происхожденіе,—онъ

дѣйствительно не имѣлъ никакого отечества. Я писалъ къ нему, но никогда не получалъ отвѣта".

Въ бытность свою судьею въ Люнебургѣ, Ведекиндъ часто встрѣчался съ Христіани, который сообщалъ ему свои воспоминанія о Гейне и объ его семействѣ. Такъ, между прочимъ, онъ разсказалъ, что когда Гейне пріѣхалъ однажды въ Люнебургъ послѣ смерти своего отца, то его тоскливо поразило отсутствіе старика въ домѣ и онъ сказалъ, скорѣе для себя, чѣмъ для слушателей:

— Да, да, толкуютъ объ радостномъ свиданіи въ просвѣтленномъ видѣ и образѣ,—да что мнѣ въ томъ толку? Я зналъ и знаю его въ стареренькомъ коричневомъ сюртукѣ,—такимъ бы и хотѣлъ его видѣть. Такимъ онъ сидѣлъ вотъ здѣсь за столомъ съ солонкою и перечницею передъ собою, одна справа а другая—слѣва; если же, какъ-нибудь, перечница оказывалась справа, а солонка слѣва, онъ переставлялъ ихъ на свое мѣсто. Я знаю его въ коричневомъ сюртукѣ,—такимъ и хочу его видѣть!

Какъ извѣстно, старый Саломонъ Гейне былъ очень недоволенъ тѣмъ, что его знаменитый племянникъ не сдѣлалъ себѣ карьеры въ Гамбургѣ. Его литературнымъ стремленіямъ дядя не придавалъ большого значенія и неоднократно высказывалъ это Христіани, который тогда пользовался его особенною любовью и которому онъ, между прочимъ, подарилъ 10 тысячъ талеровъ на покупку дома въ Люнебургѣ.

— О чемъ вы мечтаете, дядюшка? сказалъ ему на это Христіани, не полагаете ли вы своими широкими благотворительными поступками и учрежденіями оставить по себѣ прочную память въ мірѣ? Черезъ сто лѣтъ ими будутъ пользоваться и не помышляя объ благотворителѣ; а благодарное упоминаніе вашего имени въ сочиненіяхъ Гарри обезпечитъ за вами безсмертіе.

Эти слова, какъ замѣтилъ Христіани, произвели на старика значительное впечатлѣніе, и онъ съ тѣхъ поръ относился гораздо снисходительнѣе и милостивѣе къ своему, „занимающемуся книгописаніемъ", племяннику.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ [1].

ФРАНЦІЯ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ВЪ ПРЕДШЕСТВОВАВШЕМЪ обзорѣ мы познакомили читателей съ нѣкоторыми историческими сочиненіями, относившимися къ различнымъ эпохамъ исторической жизни Франціи при старомъ порядкѣ. На этотъ разъ мы обратимся къ сочиненіямъ, касающимся революціонной эпохи. Но эта эпоха, хотя она и рѣзко отдѣляется событіями 1789 года отъ временъ стараго порядка, начинается для исторической науки не съ этого года. По мѣрѣ того, какъ догматическое или политическое изученіе революціи уступаетъ мѣсто изученію историческому, увеличивается число сочиненій посвященныхъ исторіи генезиса революціи 1789 года, изучающихъ такъ сказать французскую революцію до катастрофы упомянутаго года. Такое сочиненіе представляетъ напр., замѣчательная книга Обертэна (Aubertin. L'Esprit public au XVIII sc.) вышедшая въ началѣ 70-хъ годовъ; еще ближе подходитъ къ указанному предмету сочиненіе Феликса Рокэна—„Революціонный духъ до Революціи [1])", на которое мы намѣрены обратить вниманіе читателей. Заглавіе книги не совсѣмъ точно и автору пришлось какъ бы самому признаться въ этомъ, ибо на заглавномъ листѣ онъ поставилъ цыфры 1715—1789 т. е. указалъ этимъ, что онъ въ своемъ изслѣдованіи ограничивается эпохами Людовика XV и XVI, тогда какъ начало того движенія, которое онъ называетъ „революціоннымъ духомъ" нужно конечно искать гораздо раньше вступленія на престолъ Людовика XV. И въ другомъ, еще болѣе важномъ, отношеніи книга Рокэна не соотвѣтствуетъ тѣмъ ожи-

[1]) См. № 5 „Историческаго Вѣстника".

[2]) F. Rocquain: L'Esprit révolutionnaire avant la Révolution (1715—1789) Paris, 1878.

даніямъ, которыя ея заглавіе возбуждаетъ въ любознательномъ читателѣ. Онъ не найдетъ въ ней ни точнаго опредѣленія того, что именно авторъ разумѣетъ подъ революціоннымъ духомъ, ни полнаго или хотя бы многосторонняго изслѣдованія о томъ, какъ постепенно развивалось и усиливалось въ XVIII вѣкѣ во всѣхъ классахъ французскаго народа то неудовольствіе противъ „стараго порядка" которое привело къ перевороту 1789 года. Рокэнъ ограничивается главнымъ образомъ фактическимъ изложеніемъ въ хронологическомъ порядкѣ различныхъ правительственныхъ мѣръ, преимущественно по церковнымъ дѣламъ и по отношенію къ парламентамъ, раздражавшихъ общественное мнѣніе и содѣйствовавшихъ вліянію революціонной литературы. Весь этотъ матеріалъ разбитъ на 12 равномѣрныхъ главъ, изъ которыхъ восемь относятся къ эпохѣ Людовика XV. Изложеніе нѣсколько сухо и утомительно, какъ вслѣдствіе однообразія перечисляемыхъ распоряженій правительства и взаимныхъ столкновеній между министрами, духовенствомъ и парламентской магистратурой, такъ и потому что авторъ не группируетъ однородныхъ фактовъ подъ общій очеркъ и не достаточно ярко оттѣняетъ эпохи. Но не смотря на это, сочиненіе Рокэна очень любопытно и поучительно. Всѣ приведенные факты поставлены на своемъ мѣстѣ, правильно освѣщены и доставляютъ читателю богатый матеріалъ для собственныхъ соображеній. Изложеніе оживляется многочисленными интересными выписками изъ мемуаровъ, изъ брошюръ и офиціальныхъ актовъ того времени, заключающими въ себѣ мѣткіе отзывы современниковъ о положеніи дѣлъ и отлично рисующими общественное настроеніе. Рокэнъ не только хорошо воспользовался напечатанными мемуарами, особенно Барбье и д'Аржансона, но и еще неизданными записками Реньо и книгопрадавца Ле-Гарди. Особенный интересъ представляютъ извлеченныя Рокэномъ изъ архивовъ выписки изъ приговоровъ парламента и государственнаго совѣта надъ многочисленными книгами и памфлетами, осужденными и запрещенными въ царствованіе Людовиковъ XV и XVI. Такъ какъ эти приговоры были очень обстоятельны и иногда пространно приводили изъ осужденныхъ сочиненій главныя мѣста, послужившія поводомъ къ карѣ, большая же часть запрещенныхъ тогда изданій или совершенно уничтожены или составляютъ библіографическую рѣдкость, то упомянутые приговоры могутъ до нѣкоторой степени замѣнить исчезнувшій матеріалъ и представляютъ важный источникъ для исторіи французской культуры. Рокэнъ приложилъ къ своему сочиненію на 46 страницахъ списокъ самыхъ книгъ и брошюръ подвергнувшихся осужденію, съ обозначеніемъ кары ихъ постигшей.

Изъ богатаго матеріала, заключающагося въ сочиненіи Рокэна, всего болѣе вниманія заслуживаютъ данныя, относящіяся къ слѣдующимъ тремъ вопросамъ: роль, которую играла католическая церковь въ исторіи Франціи передъ революціей, антагонизмъ правительства и парламента и борьба того и другого противъ литературы и общественными

ной оппозиціи, высказывавшейся въ памфлетахъ и наклеивавшихся на парижскихъ стѣнахъ афишахъ или плакардахъ.

Главное мѣсто въ первой половинѣ сочиненія Рокэна занимаетъ церковь; вліяніе католицизма въ дѣлѣ подготовленія французской революціи было очень значительно и обнаружилось преимущественно въ двухъ отношеніяхъ: связанная своими матеріальными интересами съ феодальнымъ строемъ, церковь служила во Франціи сильной опорой стараго порядка, тормозила своимъ вліяніемъ различныя административныя реформы и такимъ образомъ содѣйствовала насильственности того переворота, который уничтожилъ феодальный порядокъ. На эту сторону дѣла мы находимъ у Рокэна мало указаній, но за то у него превосходно освѣщена другая сторона того вреднаго вліянія, которое имѣла католическая церковь на ходъ событій, приведшихъ къ французской революціи. А именно въ началѣ XVIII в. и во французской церкви снова усилилось вліяніе іезуитовъ и получило окончательный перевѣсъ то направленіе, которое мы теперь называемъ ультрамонтанскимъ; слѣдствіемъ этого былъ расколъ среди духовенства, который отразился самымъ тяжелымъ образомъ на всемъ обществѣ; раздоръ достигъ такихъ размѣровъ, какіе представляютъ только эпохи религіозныхъ смутъ; дальнѣйшій вредъ заключался въ томъ, что правительство приняло сторону господствовавшей т. е. римской партіи и этой своей клерикальной политикой, не менѣе чѣмъ другими своими ошибками, подорвало свою популярность въ странѣ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что такое усиленіе фанатизма и торжество клерикальной партіи какъ разъ совпали со временемъ, когда во французское общество не только впервые стали проникать идеи терпимости и гуманности, но и начали распространяться ученія матеріалистическія и враждебныя всякой религіи. Успѣху этихъ ученій не мало содѣйствовало направленіе господствовавшей въ церкви партіи; наконецъ, особенное значеніе имѣло еще то обстоятельство, что въ защиту галликанскихъ преданій и угнетенной партіи янсенистовъ, выступилъ парижскій парламентъ, дружно поддерживаемый двѣнадцатью остальными провинціальными парламентами; между церковью и парламентами возгорѣлась ожесточенная борьба, продолжавшаяся во все царствованіе Людовика XV; эта борьба подняла значеніе парламентовъ, утраченное ими при Людовикѣ XIV, и сдѣлала ихъ не менѣе популярными въ глазахъ французскаго общества, чѣмъ ихъ сопротивленія фискальнымъ мѣрамъ королевскихъ министровъ. Такимъ образомъ религіозная борьба приняла характеръ политическій и чрезвычайно содѣйствовала развитію оппозиціи противъ монархіи. Королевское правительство въ глазахъ французскаго общества становилось все болѣе и болѣе солидарнымъ съ клерикализмомъ и когда оно наконецъ, послѣ того какъ парламентъ осудилъ на изгнаніе іезуитскій орденъ, само присоединилось къ противникамъ іезуитовъ, то было уже поздно и оно уже не стояло болѣе во главѣ движенія.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, факты, относящіеся къ исторіи французской церкви въ XVIII в. пріобрѣтаютъ общій интересъ. Борьба іезуитовъ съ янсенистами возгорѣлась еще въ XVII вѣкѣ; но она уже стала утихать, какъ вдругъ папская булла 1713 г., извѣстная подъ названіемъ Unigenitus, изданная по наущенію іезуитовъ, ее снова воспламенила. Булла эта предавала осужденію сочиненіе патера Кенеля—„Reflexions marales“ и находила въ немъ ядъ „тѣмъ болѣе опасный, что онъ не замѣтенъ“. Эта булла, или какъ ее тогда называли во Франціи,—„конституція“ вызвала много страстей. Вся почти страна раздѣлилась на конституціоналистовъ и на противниковъ конституціи. Послѣдніе усматривали въ ней нарушеніе исконной свободы галликанской церкви. Значительная часть духовенства, парламенты, университетъ и множество мірянъ заявили протестъ противъ законности буллы. Многіе апеллировали отъ рѣшенія папы къ будущему вселенскому собору. Чтобы понять такое возбужденіе страстей изъ-за буллы, касавшейся повидимому чисто богословскихъ вопросовъ, читателю нужно вспомнить впечатлѣніе, которое произвело въ наши дни обнародованіе силлабуса или постановленія Ватиканскаго собора. Протестовавшіе видѣли въ буллѣ Unigenitus интригу іезуитовъ и понимали, что ихъ торжество должно повести къ окончательному подчиненію національной церкви римской куріи. Среди этого раскола, обнаружившагося въ обществѣ, положеніе правительства было очень затруднительно. Къ несчастію для Франціи, лица стоявшіе во главѣ ея, руководились исключительно личными, минутными интересами. Регентъ, управлявшій Франціей во время малолѣтства Людовика XV, сначала выказывалъ предпочтеніе противникамъ конституціи и янсенистамъ, но затѣмъ устрашился вліянія іезуитовъ; онъ сталъ постепенно сближаться съ римскимъ дворомъ, расположеніе котораго было необходимо главному совѣтнику регента, аббату Дюбуа, желавшему украситься кардинальской шапкой. Правительство пыталось заставить молчать недовольныхъ буллой; но это было тщетно, особенно потому, что правительство не сдерживало въ тоже время приверженцевъ конституціи, которые смущали общество своими фанатическими заявленіями. Одинъ изъ нихъ, напр. Белзенсъ, благочестивый и милосердный къ бѣднымъ прелатъ, объяснялъ чуму, свирѣпствовавшую въ Провансѣ, гнѣвомъ небеснымъ за неповиновеніе аппеллантовъ, а епископъ арльскій приписывалъ тѣмъ же аппеллантамъ появленіе саранчи въ его епархіи.

Воспитатель Людовика XV, „добродушный кардиналъ Флери“, управлявшій Франціей послѣ регента, вздумалъ уврачевать зло сильными средствами. „Онъ самъ, какъ говоритъ Рокэнъ, былъ когда-то крайнимъ янсенистомъ, потомъ перешелъ къ іезуитамъ, когда убѣдился, что могущество на ихъ сторонѣ“. Его обращеніе было настолько полнымъ, что въ 1725 году онъ даже заявилъ, что объясненія къ буллѣ, изданныя папою Бенедиктомъ XIII составлены въ духѣ янсенистовъ,

т. е. онъ оказался ортодоксальнѣе самаго папы. Слѣдствіемъ такой политики были протесты парламента противъ папскихъ декретовъ и постановленій епископовъ, вызывавшіе съ другой стороны такъ называемые lits de justice, т. е. „чрезвычайныя засѣданія парламента для выслушанія высочайшаго повелѣнія", запрещенія янсенистскихъ книгъ по распоряженію королевскаго совѣта и яростныя посланія епископовъ. Все это сопровождалось многочисленными симптомами сильнаго религіознаго и политическаго возбужденія общества: съ возбужденными до религіознаго экстаза противниками папской буллы, происходили на улицахъ и кладбищахъ истерическіе припадки; чудеса приписываемые конвульсіонерамъ смущали толпу; на стѣнахъ появлялись взывавшія къ бунту прокламаціи, произвольныя аресты вносили повсюду тревогу и пр. и пр. Рокэнъ хорошо показалъ, какимъ образомъ религіозный вопросъ становился все болѣе и болѣе политическимъ. Опредѣленіе отношеній церковной власти къ свѣтской или, какъ тогда выражались, „разграниченіе обѣихъ властей" сдѣлалось предметомъ ежедневныхъ преній. Общество, укоряя Флери за его уступчивость іезуитамъ и за его преданность интересамъ Рима, въ тоже время восхваляло до небесъ „гражданское мужество" парламента. „Вотъ истинные римляне и отцы отечества", восклицала публика въ 1732 году при появленіи на улицѣ членовъ парламента. Различныя брошюры пытались придавать этому судебно-административному учрежденію значеніе „представительнаго собранія всей націи", а изъ Французскаго королевства дѣлали „нѣчто въ родѣ республики". Флери же отвѣчалъ на это новыми преслѣдованіями, потребовалъ отъ университета отмѣны состоявшагося въ 1718 году приговора, въ которомъ тотъ аппеллировалъ противъ буллы къ вселенскому собору, и желая для этой цѣли назначить во главѣ университета покорнаго ректора, произвольно измѣнилъ университетскій уставъ передъ самыми выборами. Такимъ способомъ удалось навязать университету буллу, которая была имъ торжественно принята „сердцемъ и духомъ", какъ догматическій приговоръ вселенской церкви. Правда, 82 члена университетской корпораціи отказались принести свою совѣсть въ жертву волѣ кардинала и протестовали противъ насильственнаго искаженія университетскаго протокола. Всѣ они были тотчасъ лишены своихъ степеней, а знаменитый Ролленъ и 34 лучшихъ профессора университета потеряли свои каѳедры. Эта суровость объясняется тѣмъ, что Флери въ это время хлопоталъ о своемъ избраніи въ папы послѣ смерти болѣзненнаго Климента XII. Французское общество было между тѣмъ встревожено новымъ соблазномъ. Духовенство, стоявшее за буллу придумало новое оружіе противъ „аппеллантовъ": оно начало отказывать имъ въ причащеніи, а умершихъ безъ причастія отказывалось хоронить. Вслѣдствіе этого иногда разыгрывались самыя возмутительныя сцены. Въ Сомюрѣ напр., тѣло молодой дѣвушки, не признававшей буллы и потому принужденной умереть безъ причастія, было по

распоряженію духовенства выброшено на живодерню, что вызвало возстаніе въ народѣ. Парламенты сильно вооружались противъ этой нетерпимости и запрещали „отказы въ причащеніи"; но ихъ постановленія противъ духовенства обыкновенно кассировались правительствомъ. Среди этой борьбы мало по малу выросталъ и укрѣплялся новый противникъ не только ультрамонтанства и іезуитовъ, но и всей церкви. Негодованіе, возбуждаемое преслѣдованіями и насмѣшка надъ пререканіями между конституціоналистами и аппеллантами, въ сильной степени содѣйствовали развитію того скептицизма, который подготовилъ почву для смѣлыхъ нападокъ на церковь Вольтера и слѣдовавшихъ за нимъ „философовъ".

Когда наконецъ въ 1743 году умеръ кардиналъ Флери и Людовику XV повидимому ничто уже не мѣшало самому серьезно приняться за дѣла, положеніе монархіи во Франціи было уже довольно затруднительно. Въ общество уже стало проникать убѣжденіе въ непрочности существующаго порядка и начали раздаваться голоса, предсказывавшіе неминуемый переворотъ. Въ самый годъ смерти кардинала M-me де-Тансенъ (Tencin) сказала: „Если Господь не вступится въ дѣло, то государство неминуемо должно сокрушиться"; а составитель извѣстныхъ записокъ графа д'Аржансона писалъ: „Революція въ этомъ государствѣ несомнѣнна; оно рушится въ самомъ основаніи своемъ" (il s'ecroule par ses fondements). Что монархія однако тогда не утратила своего обаянія для французскаго народа, это ясно обнаружилось на слѣдующій годъ во время болѣзни Людовика XV и необыкновеннаго участія, высказаннаго всѣми классами общества къ королю, не смотря на то, что онъ уже успѣлъ многихъ разочаровать своею слабостью къ фавориткамъ. Въ одной Нотр-Дамской церкви въ Парижѣ было заказано до 6000 молебновъ о здравіи короля и вѣсть о томъ, что опасность миновала, была принята парижанами какъ величайшее національное торжество. При этихъ условіяхъ ничто, кажется, не мѣшало французской монархіи вступить на путь такъ называемаго просвѣтительнаго деспотизма, который имѣлъ такой успѣхъ и такое важное культурное значеніе въ прошломъ вѣкѣ Этого однако не случилось и вопросъ почему именно не случилось, представляется однимъ изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ для историка вопросовъ. Настоящая наша задача не допускаетъ разсмотрѣнія его, но то, что было нами здѣсь приведено, бросаетъ значительный свѣтъ на него. Клерикальная политика французскаго правительства въ XVIII вѣкѣ была одной изъ главныхъ причинъ паденія монархіи Бурбоновъ и Людовикъ XV, который, какъ мы видѣли въ прошлой статьѣ, вступилъ въ роковой для него союзъ съ Австріей, отчасти изъ-за религіознаго интереса, въ этомъ отношеніи продолжалъ политику тщеславнаго кардинала Флери.

Не слѣдуетъ однако думать, чтобы между правительствомъ Людовика XV и церковью не было никакихъ столкновеній; въ одномъ во-

просѣ ихъ интересы существенно расходились — въ фискальномъ. Французская церковь все еще поддерживала средневѣковый принципъ, что ея имущества не подлежатъ обложенію податями. На практикѣ, правда, она давно уже согласилась на сдѣлку и платила, подъ названіемъ don gratuit, королю значительныя суммы, размѣръ которыхъ устанавливался на съѣздахъ высшаго духовенства послѣ продолжительныхъ пререканій съ министерствомъ. Въ 1749 году правительство, недовольствуясь добровольнымъ приношеніемъ, вздумало распространить вновь установленную 5% подать (le vingtième) и на имущества церкви. Епископы на это представили протестъ, въ которомъ они въ почтительныхъ выраженіяхъ упрекали короля въ томъ, что онъ нарушаетъ клятву, данную имъ при короновании и обѣщаніе всѣхъ своихъ предковъ, начиная съ Хлодвига. Въ отвѣтъ на это появилась брошюра, отстаивавшая право короля и доказывавшая, что привилегіи духовенства ничто иное какъ узурпація. Общество относилось очень сочувственно къ мѣрамъ правительства, которое потребовало переписи церковныхъ имуществъ и распустило протестующій съѣздъ епископовъ. За то все духовенство было въ мятежномъ состояніи—dans une espèce de révolte, какъ выражались современники. Наступилъ, казалось, критическій моментъ въ политикѣ французской монархіи; но правительство вдругъ отступило. Какая же была тому причина? Мы встрѣчаемся здѣсь съ фактомъ чрезвычайно интереснымъ для объясненія исторіи стараго порядка. Правительство не нашло достаточной поддержки въ обществѣ! „Въ обществѣ, говоритъ Рокэнъ, хорошо понимали, что образъ дѣйствія правительства былъ ему внушенъ не идеями „мудрыхъ преобразованій“, а исключительно нуждой въ деньгахъ, и что новые доходы, если получатся, уйдутъ (iraient s'engouffrer, по выраженію д'Аржансона) на расходы фиска и двора безъ облегченія страны“.

При такихъ условіяхъ борьба противъ ультрамонтанскаго фанатизма велась главнымъ образомъ парламентами при живомъ участіи публики, которая все болѣе и болѣе привыкала видѣть въ нихъ настоящихъ защитниковъ интересовъ французскаго общества. Борьба разгорѣлась съ особеннымъ ожесточеніемъ со времени назначенія новаго архіепископа парижскаго де-Бомона, который вступилъ въ должность „comme un mouton“, а велъ себя „comme un loup irrité“. Этотъ архіепископъ приказалъ духовенству отказывать въ причастіи всѣмъ лицамъ, которые не въ состояніи предъявить свидѣтельство, подписанное конституціоннымъ священникомъ, о томъ, что они у него исповѣдались (billet de confession). Влѣдствіе этого стали опять повторяться „отказы въ причастіи“; ревностнымъ янсенистамъ приходилось умирать безъ причастія и похороны такихъ лицъ становились поводомъ къ публичнымъ демонстраціямъ противъ духовенства. Неполучившіе причастія, или родственники ихъ, обращались съ жалобами въ парламентъ и послѣдній вступилъ въ многолѣтнюю борьбу съ

римской партіей, которая наконецъ кончилась изгнаніемъ іезуитскаго ордена изъ Франціи. О характерѣ этой борьбы даетъ понятіе слѣдующій случай. Одинъ изъ горячихъ приверженцевъ конституціи, священникъ Буэтгенъ, отказался въ 1752 году причастить другого священника Ле-Мера, очень пожилого и больного. Послѣдній подалъ жалобу въ парламентъ; на запросъ парламента Буэтгенъ отвѣтилъ, что поступалъ согласно приказанію архіепископа. Парламентъ сдѣлалъ постановленіе (arrêt), которымъ вмѣнялъ въ обязанность архіепископу предписать въ теченіе 24 часовъ, чтобы больному было дано причастіе. Королевскій совѣтъ кассировалъ указъ парламента и во время послѣдовавшихъ пререканій, больной умеръ безъ причастія. Извѣстіе объ этомъ вызвало въ Парижѣ такое возбужденіе, какое рѣдко бывало со времени междуусобныхъ войнъ. „Ненависть къ королю и презрѣніе къ правительству, пишетъ д'Аржансонъ, были такъ сильны, что предвѣщали самыя печальныя послѣдствія". На похороны Ле-Мера публики собралось до десяти тысячъ человѣкъ. Парламентъ постановилъ арестовать священника и, ожидая исполненія приговора, не прерывалъ засѣданія до четырехъ часовъ утра, когда пришли сказать, что виновный скрылся.

Съ какимъ упорствомъ продолжалась эта борьба и къ какимъ средствамъ прибѣгали обѣ стороны, чтобы осилить противника, покажетъ слѣдующій случай, бывшій тринадцать лѣтъ спустя. Въ монастырѣ Урсулинокъ въ С.-Клу находилась при смерти монашенка, которой архіепископъ парижскій запретилъ дать причастіе. Вопреки бдительному надзору, которымъ онъ была окружена, больной удалось довести о своемъ положеніи до свѣдѣнія парламента, и по распоряженію послѣдняго священникъ капитула С.-Клу явился въ монастырь, чтобы причастить умирающую. Но игуменья, получившая на то приказаніе отъ архіепископа, отказалась впустить священника. Пришлось силою отворить двери и священникъ внесъ дары, сопровождаемый полицейскимъ офицеромъ и двумя чиновниками парламента, въ то время какъ снаружи жандармы заняли сосѣднія улицы среди встревоженной толпы народа.

Если парламентъ на этотъ разъ употребилъ въ дѣло силу для защиты свободы совѣсти, то въ другихъ случаяхъ онъ прибѣгалъ къ подобнымъ мѣрамъ и для стѣсненія чужой совѣсти. Между многочисленными сочиненіями ультрамонтанскихъ писателей, приговоренныхъ парламентомъ къ сожженію, находилась и „Исторія Божьяго Народа" іезуита Беррюэ, въ которомъ парламентъ находилъ взгляды, противные свободѣ галликанской церкви и независимости королевской власти. Но не довольствуясь такимъ приговоромъ, парламентъ вызвалъ автора, какъ говорилось, à la barre, что впослѣдствіи такъ часто дѣлалось во время революціи, и такъ какъ Беррюэ по своей старости и болѣзненности не былъ въ состояніи исполнить приказаніе, то къ нему отправился коммиссаръ парламента, въ присутствіи котораго

онъ долженъ былъ отрѣчься отъ своихъ мнѣній, что было засвидѣтельствовано протоколомъ.

Со времени классической книги Токвиля о старомъ порядкѣ и революціи, все болѣе и болѣе выясняется фактъ, что революція хотя она и была насильственнымъ переворотомъ, который уничтожилъ много древнихъ учрежденій и прервалъ не мало преданій, однако же во многихъ отношеніяхъ служила продолженіемъ вѣкового историческаго движенія въ исторіи Франціи.

Книга Рокэна, хотя ея авторъ самъ и не затрогиваетъ этого вопроса, даетъ читателямъ богатый матеріалъ для примѣненія этого положенія также и къ церковному вопросу. Тотъ глубокій расколъ, который въ настоящее время играетъ первенствующую роль въ политической жизни Франціи и раздѣляетъ французское общество на два столь враждебныхъ другъ другу лагеря, клерикальный и антиклерикальный, ведетъ свое начало не съ французской революціи. Не Учредительное Собраніе вызвало этотъ расколъ своими деспотическими и подъ часъ необдуманными реформами или своимъ требованіемъ, чтобы всѣ духовныя лица присягнули въ вѣрности „конституціи духовенства“;—этотъ расколъ уже былъ подготовленъ предшедствовавшей исторіей и уже явно обнаруживался въ первой половинѣ XVIII вѣка во время борьбы іезуитской партіи, преобладавшей въ высшемъ духовенствѣ и при дворѣ съ магистратурой т. е. съ парламентами. Даже возникшія тогда названія партій—nationaux et sacerdotaux могли бы быть примѣнены къ эпохѣ революціи и къ современной намъ эпохѣ и даже лучше обрисовываютъ положеніе дѣлъ, чѣмъ употребляемые въ наше время термины.

И въ другомъ еще отношеніи время Людовика XV представляетъ намъ прелюдію революцій. Тотъ тѣсный союзъ между Бурбонской монархіей и церковью, который во время революціи принесъ столько вреда обоимъ учрежденіямъ и такъ сильно содѣйствовалъ распространенію республиканскаго духа и возбужденію въ народѣ фанатизма противъ духовенства, уже задолго передъ революціей имѣлъ подобное вліяніе. Еще въ 1754 г. д'Аржансонъ писалъ по поводу этого союза: „Теперь, болѣе чѣмъ когда либо, нужно опасаться революціи; если она наступитъ въ Парижѣ, она начнется растерзаніемъ на улицѣ нѣсколькихъ священниковъ, можетъ быть даже архіепископа парижскаго, а за тѣмъ народъ бросится на многихъ другихъ, ибо онъ считаетъ духовныхъ лицъ главными виновниками своихъ бѣдствій. Извѣстно, что именно съ растерзанія на улицѣ нѣсколькихъ священниковъ начались сентябрьскія убійства въ 1792 г. которыя положили во Франціи начало террору.

Солидарность съ ультрамонтанствомъ составляетъ только одну сторону въ исторіи паденія Бурбонской монархіи; другую соотвѣтствующую сторону составляетъ непрерывная борьба правительства Людовика XV съ парламентами. Въ исторіи этой борьбы сочувствіе

безпристрастнаго наблюдателя не всегда можетъ быть на сторонѣ послѣднихъ. Ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ министры Людовика XV дѣйствовали совершенно согласно съ интересами государственнаго управленія, или мѣры принимаемыя ими бывали вынуждены обстоятельствами; сопротивленіе же парламента не всегда исходило изъ болѣе вѣрнаго пониманія нуждъ государства, или интересовъ общества, но иногда обусловливалось привязанностью къ сословнымъ привилегіямъ или корпоративными интересами французской магистратуры. Но сочувствіе тогдашней публики было всегда на сторонѣ оппозиціи и это явленіе очень поучительно; оно показываетъ, что при извѣстномъ уровнѣ народнаго развитія даже благія нововведенія правительства должны опираться, чтобы быть полезными, на сочувствіе или на поддержку со стороны общества и что главнымъ условіемъ политическаго успѣха должно быть довѣріе и уваженіе этого общества къ руководящимъ личностямъ. Этого то именно условія не было во Франціи при Людовикѣ XV и потому въ его правленіе сложилась во Франціи та безусловная и постоянная оппозиція противъ всѣхъ мѣръ правительства, которая при Людовикѣ XVI сдѣлалась главной помѣхой мирной реформы и неудержимо влекла Францію къ революціи. Во всякомъ финансовомъ распоряженіи общество стало видѣть только обогащеніе фиска и двора и во всякой административной мѣрѣ только усиленіе абсолютизма и произвола; и обществу было трудно относиться къ дѣлу иначе при извѣстной обстановкѣ двора Людовика XV и при господствовавшемъ способѣ назначенія и увольненія министровъ.

Антагонизмъ между королевскимъ правительствомъ и парламентомъ обнаруживался сначала только косвеннымъ образомъ во время борьбы послѣдняго съ духовенствомъ. Правительство не съумѣло или не было въ состояніи воспользоваться выгоднымъ положеніемъ высшей рѣшающей инстанціи, которое оно сначало занимало въ спорѣ между магистратурой и церковью; этотъ споръ помогъ парламенту возвыситься въ глазахъ народа и, принимая мало по малу политическій характеръ, перешелъ въ прямую борьбу между парламентомъ и правительствомъ, особенно послѣ изгнанія іезуитовъ, когда церковные вопросы отодвинулись на второй планъ.

Впрочемъ, если мы говоримъ о борьбѣ парламента съ королевскимъ правительствомъ, то мы принуждены для краткости употреблять не точное выраженіе. Слово правительство предполагаетъ понятіе о власти, если не единой, то по крайней мѣрѣ цѣльной, дѣйствующей по опредѣленному плану съ энергіей и послѣдовательностью. Этихъ то свойствъ мы и не находимъ у правительства Людовика XV. То что такъ повредило Людовику XVI мы встрѣчаемъ уже при его дѣдѣ; такъ называемое правительство представляло минутный результатъ самыхъ разнообразныхъ, случайныхъ, нерѣдко противоположныхъ вліяній—придворныхъ, клерикальныхъ, министер-

скихъ и пр. которыя далеко не всегда приводились хотя бы и къ внѣшнему единству могуществомъ фаворитки, или апатичной волей равнодушнаго ко всѣму Людовика XV. Во все продолжительное царствованіе этого короля дѣйствія его правительства никогда не были внушаемы духомъ обдуманной реформы, хотя бы въ интересахъ бюрократическаго абсолютизма, который могъ бы принести Франціи по крайней мѣрѣ ту пользу, что избавилъ бы ее отъ многихъ устарѣлыхъ учрежденій и привилегій. При такихъ условіяхъ даже побѣды, которыя одерживали министры въ борьбѣ съ парламентами становились пораженіемъ правительства, ибо страшно раздражали противъ него общественное мнѣніе. Не менѣе также вредилъ правительству Людовика XV самый способъ, какимъ велась борьба— замѣчательная непослѣдовательность въ мѣрахъ, шаткость принциповъ, слабость въ критическую минуту и уступчивость послѣ рѣзкихъ насильственныхъ мѣръ.

Въ 1751 году, напр. архіепископъ парижскій, желая подчинить своему вліянію духовныхъ лицъ, служившихъ въ больницахъ и богадѣльняхъ Парижа, среди которыхъ нашли прибѣжище янсенистскія доктрины, такъ какъ эти лица назначались не имъ, а свѣтскими администраторами, выхлопоталъ королевскую декларацію, измѣнявшую уставъ этихъ учрежденій. Парламентъ, которому принадлежалъ надзоръ надъ ними, регистрировалъ декларацію, (т. е. внесъ ее въ списокъ законовъ, обязательныхъ для судовъ) съ ограниченіями, измѣнявшими ея смыслъ. Король, постановленіемъ своего совѣта, кассировалъ эти измѣненія и, такимъ образомъ, начался цѣлый рядъ пререканій между правительствомъ и парламентомъ, во время которыхъ частный случай, вызвавшій ихъ, былъ совершенно забытъ изъ-за общаго политическаго вопроса объ отношеніяхъ двухъ властей. Члены парламента грозили подачей въ отставку, какъ они это сдѣлали еще въ 1732 году; съ другой стороны, при дворѣ говорили о закрытіи парламента. Іезуиты и епископъ „раздували огонь", въ надеждѣ сдѣлать съ парламентомъ то, что имъ удалось съ университетомъ (и съ Сорбонной) d'en faire une carcasse, какъ выражались въ то время. На неоднократныя требованія регистрировать декларацію въ неизмѣненномъ видѣ, магистраты отвѣчали, что „истинная вѣрноподданность и истинное повиновеніе парламента заключается въ томъ, чтобы никогда не соглашаться на то, что противорѣчитъ законамъ и принципамъ монархіи". Раздраженный король вытребовалъ реэстры парламента и собственноручно вырвалъ изъ нихъ протоколъ объ упомянутомъ постановленіи. Члены парламента пріостановили свою судебную дѣятельность. Министерство, опасаясь смутъ, объявило сбавку съ податей и по тогдашнему обычаю обнародовало свое постановленіе выкрикиваніемъ на улицахъ. Народъ увидѣлъ въ этой, наскоро принятой, мѣрѣ выраженіе страха. Дѣло, продолжавшееся уже нѣсколько мѣсяцевъ, занимало весь городъ и тревога про-

никла въ простой народъ „le petit peuple“, какъ тогда говорили. Замѣчательно, что народъ, какъ это постоянно случалось, особенно во время революціи, политическій вопросъ превращалъ въ соціальный. Не понимая, по свидѣтельству современныхъ наблюдателей, политической стороны дѣла, народъ воображалъ, что парламентъ, сопротивляясь двору, имѣлъ въ виду только интересы бѣдныхъ. Между тѣмъ, по настоянію короля парламентъ согласился возобновить свою дѣятельность; но онъ подтвердилъ особымъ постановленіемъ свое право обсуждать указы короля, запретилъ на будущее время перемѣщать реэстры парламента и не захотѣлъ взять назадъ своихъ предшествовавшихъ протестовъ. Правительство отвѣтило на это указомъ (lettres patentes), которымъ перенесло надзоръ надъ благотворительными учрежденіями на такъ-называемый Большой Совѣтъ; но оно не рѣшилось обнародовать этого указа, „и дало этимъ новое доказательство того, что боится общественнаго мнѣнія“.

Еще болѣе уступчивымъ, послѣ упорной борьбы, оказалось правительство въ 1763 году, по окончаніи семилѣтней войны. Предвидя сопротивленіе парламента противъ новыхъ финансовыхъ эдиктовъ, которыми отмѣнялись нѣкоторыя подати, но на ихъ мѣсто объявлялись другія, Людовикъ XV прямо назначилъ для обнародованія ихъ королевское засѣданіе парижскаго парламента (lit de justice), когда о возраженіяхъ не могло быть рѣчи. Парламентъ долженъ былъ повиноваться, но послѣ того постановилъ приговоръ, въ которомъ заявилъ, что всякая „насильственная регистрація указовъ, ведетъ къ ниспроверженію основныхъ законовъ королевства“. Съ этого началась агитація въ литературѣ и возбужденіе умовъ изъ Парижа распространилось и на провинціи. Провинціальные парламенты примкнули къ столичному и отказываясь регистрировать указы для своего округа, мотивировали отказъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. Революціонный языкъ газетъ и клубовъ 1789 года слышится въ офиціальныхъ актахъ задолго до революціи. Руанскій парламентъ, напр., укорялъ короля въ томъ, что онъ обогащаетъ придворныхъ aux dépens de la subsistance des peuples, а бордосскій парламентъ заговорилъ о паденіи царствъ. Еще серьезнѣе было то, что руанскій парламентъ потребовалъ у правительства представленія бюджета, а парижскій парламентъ сдѣлалъ заявленіе, что королевскіе указы могутъ быть признаны только подъ условіемъ свободнаго принятія ихъ не только парижскимъ, но и всѣми прочими парламентами монархіи.

Людовикъ XV рѣшился положить силою конецъ сопротивленію. Онъ кассировалъ приговоры парламентовъ и приказалъ военнымъ начальникамъ регистрировать эдикты „manu militari“. Это приказаніе было точно исполнено. Въ нѣкоторыхъ городахъ „храмъ справедливости“ былъ оцѣпленъ солдатами; въ другихъ магистраты подверглись домашнему аресту; къ нѣкоторымъ изъ нихъ офицеры вошли съ саблею на голо. Парламенты отвѣтили тѣмъ, что приговаривали

комендантовъ къ заключенію подъ стражу (prise de corps). Въ Руанѣ 80 членовъ парламента подали въ отставку. Парижскій парламентъ протестовалъ отъ имени всѣхъ парламентовъ противъ употребленія военной силы въ самыхъ крайнихъ выраженіяхъ, заявляя между прочимъ, что поддерживать правительство силою значитъ научать народъ, что оно можетъ быть ниспровергнуто силою. Раздраженіе парламентовъ начало сообщаться обществу. Устрашенное министерство отступило отъ своихъ требованій. Эдикты были видоизмѣнены; магистратамъ было сообщено, что король въ своей милости соизволилъ забыть ихъ неповиновеніе; парламенты, счетная палата и палата косвенныхъ налоговъ, получили приглашеніе доставить свои соображенія объ улучшеніяхъ, которыя могли бы быть введены въ финансовомъ управленіи; мало того, король въ особой деклараціи обѣщалъ уменьшить свои расходы и правительство предписало полное молчаніе относительно всего, что случилось. Разумѣется, что несмотря на эти обѣщанія и на соображенія, представленныя палатами, ничего не было измѣнено въ финансовой системѣ.

Совершенно такимъ же образомъ дѣйствовало правительство и въ другихъ столкновеніяхъ съ парламентомъ. Особенно поразительна была такая уступчивость при полномъ контрастѣ ея съ рѣзкимъ выраженіемъ монархическаго принципа, которымъ изобиловали королевскія заявленія. Такъ, напр. въ манифестѣ отъ 3 марта 1766 года, встрѣчались, между прочимъ, слѣдующія слова: „Только въ одномъ моемъ лицѣ, заставляли говорить короля, заключается верховная власть; отъ одного меня заимствуютъ свое существованіе и авторитетъ верховныя палаты; мнѣ одному принадлежитъ законодательная власть безъ зависимости отъ кого бы то ни было и безъ раздѣла; общественный порядокъ во всей совокупности проистекаетъ отъ меня". Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этого заявленія, всѣ рѣшительныя мѣры правительства были имъ взяты назадъ. Чрезвычайно характеристиченъ для французскаго общества его способъ отношенія къ королевской деклараціи. Публика находила, что въ ней „установлены съ величайшей смѣлостью принципы деспотизма въ ущербъ естественному праву"; но въ то же время всѣ любовались слогомъ манифеста, и говорили, что если-бы король не состоялъ покровителемъ академіи, то онъ заслужилъ бы сдѣлаться ея членомъ безъ баллотировки (par acclamation).

При шаткости и слабости монархической политики, парламентъ чрезвычайно выигрывалъ постоянной своей твердостью и послѣдовательностью своихъ дѣйствій и особенно благодаря корпоративной солидарности и рыцарскому духу своихъ членовъ. Можно сказать, что французское служебное дворянство (noblesse de robe) вполнѣ прониклось преданіемъ древняго, военнаго дворянства (noblesse d'épée). Такъ напр. въ 1753 году Людовикъ XV, выведенный изъ терпѣнія торжественнымъ протестомъ (les grandes remonstrances) парламента, рѣшилъ

наказать членовъ его ссылкой въ Понтуазъ. Въ ночь съ 8-го на 9-е мая, мушкетеры расхаживали по всѣмъ улицамъ Парижа, разнося членамъ парламента, за исключеніемъ членовъ Большой Палаты, пресловутые приказы за печатью короля (lettres de cachet), вмѣнявшіе имъ въ обязанность выѣхать изъ Парижа въ 24 часа. Что касается до совѣтниковъ Большой Палаты, министерство разсчитывало, что они въ виду ихъ преклонныхъ лѣтъ и пенсій, которыя многіе изъ нихъ получали отъ двора, окажутся болѣе послушными. Но на другое утро члены Большой Палаты при рукоплесканіяхъ публики заявили, что вполнѣ раздѣляютъ убѣжденія своихъ товарищей и въ томъ же засѣданіи постановили приговоръ объ арестованіи нѣсколькихъ священниковъ. Немедленно послѣ этого и они получили приказаніе выѣхать въ Понтуазъ.

Когда, въ 1771 году, парламентъ былъ, наконецъ, совсѣмъ уничтоженъ (четыре года спустя онъ былъ возстановленъ при вступленіи на престолъ Людовика XVI), образъ дѣйствія его членовъ отличался тѣмъ же единодушіемъ. Парламентъ желалъ въ то время добиться отмѣны одного финансоваго эдикта, и постановилъ въ ожиданіе этого прекратить всякое дѣлопроизводство. Четыре раза правительство приказывало ему (par lettres de jussion) возобновить свою дѣятельность; четыре раза парламентъ отказывался повиноваться. Тогда въ ночь съ 19-го на 20-е января, мушкетеры доставили каждому изъ членовъ бумагу, на которой онъ долженъ былъ написать—да или нѣтъ, т. е. согласенъ ли онъ или нѣтъ приступить къ отправленію своихъ служебныхъ обязанностей. Большинство подписало нѣтъ. Нѣкоторые приписали къ этому различныя объясненія. Одинъ, напримѣръ, написалъ: „нѣтъ слишкомъ непочтительно (trop dur), по отношенію къ моему королю; да слишкомъ позорно для меня". Сорокъ человѣкъ подписавшихъ да, на другое утро взяли назадъ свое согласіе. Въ слѣдующую ночь 130 членовъ парламента получили приказаніе отправиться въ ссылку; при этомъ состоялось постановленіе королевскаго совѣта, конфисковавшее ихъ имущества и объявлявшее ихъ, и ихъ дѣтей, неспособными занимать какую либо судебную должность. На слѣдующій день 38 членовъ парламента, не получившихъ запроса, отправились въ палату въ сопровожденіи громадной толпы и торжественно заявили о своемъ согласіи съ товарищами. И они въ свою очередь были отправлены въ ссылку.

Вслѣдствіе своей борьбы съ клерикализмомъ, своей постоянной оппозиціей финансовымъ мѣрамъ правительства и своего твердаго, единодушнаго образа дѣйствія, популярность парламента росла съ каждымъ днемъ, значеніе его быстро возрастало и публика постепенно привыкала искать сущность верховной власти не въ монархическомъ правительствѣ. Уже въ 1756 году д'Аржансонъ отмѣчалъ въ своихъ мемуарахъ, что „народъ въ Парижѣ и въ провинціяхъ дошелъ до того, что считаетъ парламентъ какъ бы настоящимъ мо-

нархомъ Францiи, который обладаетъ правительственной мудростью и законною властью". Развитiю идеи, что парламентъ есть представитель французскаго народа, особенно содѣйствовало слѣдующее характеристическое обстоятельство. Слѣды средневѣковаго быта, влiянiе феодальной раздробленности, предшествовавшей политическому и нацiональному объединенiю Францiи, между прочимъ, выражались въ существованiи 12 провинцiальныхъ парламентовъ, каждый изъ которыхъ былъ облеченъ въ своей мѣстности такими же правами и обязанностями, какими обладалъ парижскiй въ центральной Францiи. Провинцiальные парламенты ревниво охраняли мѣстныя привилегiи, и особенности своихъ областей и служили главнымъ тормазомъ бюрократическому объединенiю Францiи. Но въ XVIII вѣкѣ, во время борьбы съ королевской властью, сами парламенты явились проводниками стремленiя къ объединенiю, правда, не во имя монархическаго принципа, а во имя единства нацiи, т. е. той идеи, съ помощью которой и былъ произведенъ революцiонный переворотъ 1789 г. Парламенты стали смотрѣть на себя, какъ на „мѣстныя отдѣленiя" (classes) одного общаго, нацiональнаго учрежденiя,—французскаго парламента или, какъ говоритъ Вольтеръ въ своей исторiи вѣка Людовика XV—какъ на различныя части одной общей корпорацiи, составляющей постоянные генеральные штаты государства (les Etats Généraux perpétuels). Тогдашнее общество съ живымъ сочувствiемъ подхватывало подобныя идеи; въ публикѣ говорили даже что ассоцiацiя парламентовъ представляетъ собой нѣчто болѣе важное, чѣмъ генеральные штаты и, что это вполнѣ образовавшееся нацiональное правительство. Въ другой разъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что члены сосланнаго въ Понтуазъ парижскаго парламента усердно занимаются государственнымъ правомъ, въ обществѣ стали говорить: если когда-нибудь французскiй народъ найдетъ случай, чтобы облечь ихъ своимъ довѣрiемъ, то онъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженiи совершенно готовый нацiональный сенатъ (un sénat national tout trouvé). Какъ скоро въ обществѣ зародилась мысль объ учрежденiи, представляющемъ собою нацiю, тотчасъ стали противополагать волю, права и интересы этой нацiи—интересамъ короля или абсолютной власти, и во Францiи началъ укореняться тотъ антагонизмъ между монархическимъ и нацiональнымъ принципами, который съ такой рѣзкостью и односторонностью проявился во время французской революцiи, и послужилъ немногочисленнымъ противникамъ монархiи могущественнымъ рычагомъ для распространенiя республиканскихъ доктринъ. Уже за 30 лѣтъ до революцiи парламенты заговорили языкомъ, которымъ въ дни учредительнаго собранiя стала говорить вся Францiя. Въ 1759 году парижскiй парламентъ въ одномъ изъ своихъ заявленiй, (remontrance) обращенныхъ къ королю протестовалъ противъ употребленiя lettres de cachet и называлъ ихъ „неправильными средствами абсолютной власти,

противными и законамъ и достоинству магистратуры и правамъ націи". „Это было въ первый разъ, замѣчаетъ Рокэнъ, что парламентъ ссылался передъ королевской властью на права народа". Но парламентъ не одними только словами способствовалъ разрыву между монархіей и націей, самыя дѣйствія его пріучали французовъ признавать у себя существованіе двухъ соперничествующихъ властей, изъ которыхъ одна должна была рано или поздно преодолѣть и устранить другую. Такъ напримѣръ, въ 1752 г. случилось, что парижскій парламентъ постановилъ приговоръ, которымъ присуждалъ одного викарія къ трехлѣтнему изгнанію изъ Парижа, а двухъ церковнослужителей къ выслушанію выговора на колѣняхъ въ залѣ палаты. Правительство не хотѣло взять на себя отвѣтственности передъ духовенствомъ за такое распоряженіе парламента и кассировало его приговоръ заключеніемъ королевскаго совѣта, которое было обнародовано обычнымъ способомъ (crié dans les rues). Въ тотъ же день и въ тотъ же часъ парламентъ обнародовалъ по улицамъ Парижа свой собственный приговоръ, такъ что, по замѣчанію одного современнаго дневника, въ одно и то же время народу объявлялась воля „двухъ властей почти равныхъ, которыя сталкивались въ своихъ распоряженіяхъ". На другой день, приговоръ парламента былъ снова обнародованъ и его напечатали вторымъ изданіемъ, такъ какъ число выпущенныхъ экземпляровъ не удовлетворяло требованіямъ разнощиковъ.

И такъ, главнымъ послѣдствіемъ церковно-политической борьбы, наполнявшей все царствованіе Людовика XV, послѣдствіемъ, которое вдругъ обнаружилось со всей силой при созваніи генеральныхъ штатовъ, было распространеніе во французскомъ обществѣ доктрины объ антагонизмѣ между націей и королемъ, и о подчиненіи короля національному правительству. Нужно замѣтить, что эта доктрина укоренилась во Франціи гораздо раньше появленія „Contrat Social" и другихъ произведеній демократической литературы. Уже въ половинѣ царствованія Людовика XV въ парламентахъ и вообще среди янсенистовъ „установился принципъ, что нація на столько выше короля, на сколько церковь выше папы". Тогда же эта доктрина стала принимать тотъ фанатическій характеръ, который проявился въ дни Конвента. Во время ссылки парижскаго парламента въ публикѣ распространились подложныя заявленія руанскаго парламента, „составленныя скорѣе Брутами чѣмъ подданными", въ которыхъ предлагалось созвать „Національное Собраніе, чтобы судить короля и разсмотрѣть его поведеніе". Замѣчательно, что ультрамонтаны и іезуиты, желая заподозрить своихъ противниковъ и вооружить противъ нихъ правительство, особенно содѣйствовали распространенію понятій подрывавшихъ авторитетъ королевской власти. Такъ, напримѣръ, они пустили въ ходъ „епископское посланіе", въ которомъ утверждали, что республиканскія максимы парламента гораздо опаснѣе для короны, чѣмъ принципы римской куріи, и что парламентъ по вліянію,

которое онъ пріобрѣлъ „скорѣе въ состояніи низложить короля чѣмъ папа“. Наконецъ, одинъ изъ епископовъ первый произнесъ роковое слово, такъ прискорбно осуществившееся въ 1793 году. Въ своемъ посланіи епископъ монтобанскій, напоминая объ англійской революціи, инсинуировалъ, что парижскій парламентъ по примѣру лондонскаго „былъ бы въ состояніи отдать короля подъ судъ и повести его на эшафотъ“.

Такимъ образомъ и парламентъ и церковники одинаково подрывали почву существующаго порядка. Парламентъ, поддерживаемый общественнымъ мнѣніемъ, взялъ наконецъ верхъ надъ своими противниками, но не ему было суждено сдѣлаться вождемъ Франціи при переходѣ ее къ другому политическому порядку. Его популярность и его значеніе держались только пока онъ боролся противъ ультрамонтанскихъ притязаній и министерскаго произвола. Въ началѣ революціи, парламенты были еще быстрѣе снесены волной революціоннаго движенія, чѣмъ та власть, которую они подкапывали своей оппозиціей. Это объясняется тѣмъ, что парламенты, при всей рѣзкости своей оппозиціи, были представителями стараго порядка, поборниками политическаго и общественнаго строя, сложившагося подъ вліяніемъ феодализма. И самая борьба ихъ противъ того, что они называли абсолютной властью, проистекала главнымъ образомъ изъ ихъ приверженности къ феодальной старинѣ, на которой основывались ихъ собственныя привилегіи. Консервативное отношеніе ко всякимъ исторически сложившимся привилегіямъ, дѣлало парламенты въ сущности вполнѣ солидарными съ королевскимъ правительствомъ, стремившимся только къ расширенію административнаго простора, но не желавшимъ ни какихъ существенныхъ реформъ. Эта солидарность парламентовъ съ полуфеодальною французской монархіей XVIII вѣка особенно ярко проявляется въ ихъ общемъ союзѣ противъ духа новаго времени, въ ихъ дружномъ преслѣдованіи литературы, въ которой стали высказываться требованія и воззрѣнія иной культурной эпохи. Историческая несостоятельность парламентовъ, неспособность ихъ къ великой политической и культурной роли, которая навязывалась имъ обстоятельствами, болѣе всего обнаруживается въ ихъ отношеніяхъ къ философіи, подъ общимъ именемъ которой французъ XVIII вѣка подразумѣвалъ всю массу новыхъ идей и понятій, подъ часъ весьма незрѣлыхъ и не глубокихъ, навѣянныхъ литературой вѣка раціонализма. Парламенты преслѣдовали съ одинаковой суровостью какъ газетныя сплетни, распространявшіяся безъ разрѣшенія правительства и политическіе памфлеты, такъ и сочиненія научнаго или культурнаго характера, въ которыхъ проводились великія идеи, составляющія значеніе XVIII вѣка. Такъ напримѣръ, въ 1745 г. парламентъ запретилъ „подъ страхомъ наказанія кнутомъ и ссылкой какъ сочиненіе такъ и продажу „Новостей“ (Nouvelles à la main)—рукописныхъ газетъ, распространявшихъ по всему королевству и за границей не-

доброжелательную критику дѣйствій правительства и оскорбительныя выходки противъ него, а три года спустя, парламентъ приговорилъ къ сожженію сочиненія „Les moeurs“, въ которомъ рядомъ съ ученіемъ деизма и извѣстными крайностями и заблужденіями раціоналистической критики религій, проводились и идеи тогдашняго гуманизма, требовалось напр. смягченіе наказаній, столь жестокихъ въ прошломъ вѣкѣ. Конечно, когда идетъ рѣчь о преслѣдованіи, которому подвергалась литература со стороны парламента, то не слѣдуетъ забывать о запальчивости и фанатизмѣ, съ которыми выступала эта литература, о радикальномъ отрицаніи во многихъ изъ ея произведеній всякихъ принциповъ, руководившимъ современнымъ имъ обществомъ, о циническомъ глумленіи въ нихъ надъ догматами и культомъ, надъ общественными законами и правилами нравственности. Но характеристично то, что парламентъ на ряду съ подобными уродливыми проявленіями новаго духа, подвергалъ осужденію напр. и требованіе вѣротерпимости. Какъ странно читать въ обвинительномъ актѣ генеральнаго прокурора—Омера Жоли де-Флёри противъ „Энциклопедіи“ между прочими пунктами, которые ставились въ вину ея авторамъ, и слѣдующій: „что они требуютъ свободы совѣсти и по необходимой послѣдовательности всеобщей терпимости“ (tolérance universelle). Правда, парламентъ не рѣшился пріобщить энциклопедію къ числу другихъ сочиненій, осужденныхъ къ сожженію палачемъ, и назначилъ для разсмотрѣнія ея коммиссію изъ адвокатовъ и богослововъ. Но въ обвинительномъ актѣ прокурора, противъ „Эмиля“, который былъ сожженъ парламентомъ, опять таки красуется упрекъ Руссо за то, что онъ развиваетъ въ этомъ сочиненіи „преступную систему естественной религіи и проповѣдуетъ терпимость“. Извѣстные процессы Каласа въ Тулузѣ и молодаго де-Ла-Барра, приговоренныхъ парламентами къ казни подъ давленіемъ религіознаго фанатизма, служатъ страшной иллюстраціей къ такимъ взглядамъ. Если парламентъ, находившійся въ борьбѣ съ господствовавшей въ церкви партіей, относился такъ враждебно къ литературѣ и философіи, то правительство, поддававшееся клерикальному вліянію, еще менѣе различало въ наплывѣ новыхъ идей суетныя выходки невѣжественнаго полуобразованія и увлеченія модой отъ серьезныхъ требованій вѣка. При дворѣ смотрѣли съ одинаковой ненавистью какъ на памфлетистовъ и застрѣльщиковъ общественнаго мнѣнія, такъ и на великіе умы XVIII вѣка и называли Монтескье, Вольтера, Дидерота и Бюффона отравителями общества (empoisonneurs publics). „Дѣло дошло до того, писалъ Гриммъ, что въ настоящее время нѣтъ ни одного сановника (homme en place), который бы не считалъ успѣхъ философіи между нами причиною всѣхъ нашихъ бѣдствій. Можно было бы думать, что причины, вслѣдствіе которыхъ мы проиграли сраженія при Росбахѣ и Минденѣ, или объусловливавшія разореніе и гибель нашихъ флотовъ, достаточно ясны и осязательны. Между тѣмъ,

если вы прислушаетесь къ настроенію двора, то вы узнаете, что всѣ эти несчастія нужно приписать новой философіи, что она уничтожила воинскій духъ и слѣпое подчиненіе и все, что прежде создавало великихъ людей и славные подвиги Франціи". Поэтому при дворѣ находила себѣ полную поддержку клерикальная агитація, направленная не только къ запрещенію „Энциклопедіи" и подобныхъ ей по духу сочиненій, но и „Естественной Исторіи" Бюффона и „Духа законовъ" Монтескье. До какой степени правительство дѣйствовало подозрительно и не разборчиво по отношенію къ литературѣ можно напр. судить по тому, что извѣстный канцлеръ Мопу, запретилъ даже перепечатываніе капитуляріевъ Карла Великаго, изданныхъ при Людовикѣ XIV извѣстнымъ Балюзомъ, изъ опасенія, чтобы этотъ сборникъ старинныхъ франкскихъ законовъ не послужилъ орудіемъ въ рукахъ патріотическихъ писателей.

Такимъ образомъ мало по малу разгорѣлась ожесточенная война между правительствомъ Людовика XV, поддерживаемымъ въ этомъ случаѣ парламентами, и литературой, на сторонѣ которой стояло общественное мнѣніе. Борьба эта велась со всею жестокостью, которую допускали тогдашніе обычаи, и эта суровость нерѣдко обрушивалась на лицъ наименѣе виновныхъ или случайно подвернувшихся. Писатели, а по примѣру ихъ и издатели, часто скрывали свое имя и правительство было принуждено преслѣдовать разнощиковъ. Въ 1768 г. двое изъ нихъ были приговорены къ каторжной работѣ (на галерахъ) за то, что продавали сочиненіе „Le Christianisme devoilè" трагедію „Весталка„ направленную противъ монастырскихъ обѣтовъ, и разсказъ Вольтера „L'homme aux quarante écus". Одинъ изъ приговоренныхъ умеръ съ отчаянія отъ такого жестокаго приговора. Правительство впрочемъ не всегда ограничивалось только наказаніемъ такихъ лицъ, для которыхъ распространеніе запрещенныхъ сочиненій было промысломъ, но иногда старалось запугать самое общество. Такъ въ 1749 г. „была произведена масса арестовъ. Бастилія, Венсенскій замокъ, Фортъ л'Евекъ были наполнены янсенистами, аббатами, учеными, beaux esprits, профессорами университета, докторами Сорбонны, обвиненными въ сочиненіи, чтеніи, распространеніи стиховъ противъ короля, въ томъ что они нападали на министерство (frondé contre le ministère), что писали и печатали въ защиту деизма и противъ нравовъ". Безъ уликъ, по одному подозрѣнію (soupçon de libelle) людей арестовали, обыкновенно ночью, и сажали въ тюрьму. Дидеро былъ одинъ изъ первыхъ арестованъ. Во время этого заключенія онъ задумалъ изданіе энциклопедіи.

Но всѣ эти строгости были безуспѣшны. Страсть къ пропагандѣ до такой степени разгорѣлась, что начальникъ полиціи (lieutenant de police) самъ признавался въ своей немощи „сдержать приливъ сочиненій". То, что не дерзали печатать во Франціи, печаталось за границей. Станки въ Голландіи „не переставали скрипѣть" и каждую недѣлю доставляли какое-нибудь адское сочиненіе. Перепечатыва-

лись старинныя сочиненія, переводились книги иностранныхъ авторовъ. Что касается до новыхъ произведеній, то многія изъ нихъ, по выраженію самихъ философовъ, были настоящею дрянью (drogues) но тѣмъ не менѣе они имѣли свое дѣйствіе на публику. Поддерживаемыя этимъ литературнымъ потокомъ, идеи энциклопедистовъ проникали и въ среду дворянства и въ буржуазію и въ магистратуру и даже „среди лавочниковъ оказывались философы“. Въ одномъ изъ своихъ обвинительныхъ актовъ генеральный прокуроръ Сетюе жаловался: „проза, поэзія, театръ, романы, словари все заражено. Какъ только эти сочиненія появятся на свѣтъ въ Парижѣ, такъ они тотчасъ, какъ потокъ разливаются по провинціямъ. Зараза проникла въ мастерскія и даже въ самыя хижины“. Даже самое духовенство начало подвергаться ихъ вліянію. Въ 1769 г. два монаха признались Дидеро, что „атеизмъ сдѣлался доктриной господствующей въ ихъ корридорахъ“.

Безуспѣшность преслѣдованія оппозиціонной литературы объясняется отчасти непослѣдовательностью самого правительства, антагонизмомъ между его представителями и наконецъ тайнымъ сочувствіемъ самихъ властей къ тому, что преслѣдовалось. Розыски велись иногда съ большой энергіей и тщательностью. Однажды напр. полиція, заподозривъ, что въ одномъ изъ закрытыхъ монастырей находится складъ запрещенныхъ памфлетовъ, осмотрѣла тамъ даже склепы и, какъ говорятъ, перерыла самые гроба. Вслѣдствіе этого по временамъ запрещенныя книги становились рѣдки. Гриммъ жалуется въ одномъ изъ своихъ писемъ, что скоро сочиненія философовъ будетъ также трудно доставать въ Парижѣ какъ въ Константинополѣ. Но это продолжалось не долго. Философы, какъ нѣкогда янсенисты, имѣли тайныхъ приверженцевъ не только между магистратурой, но даже и въ полиціи. Секретарь начальника полиціи былъ одинъ изъ „посвященныхъ“ (frère). Дворянство болѣе внимательное къ таланту писателей, чѣмъ къ ихъ доктринамъ считало долгомъ чести защищать ихъ. Знаки сочувствія, которые они получали отъ иностранныхъ государей, также служили для нихъ покровительствомъ. Правительство рѣшалось преслѣдовать только полумѣрами людей, которымъ Прусскій король писалъ собственноручныя письма, или которыхъ Русская императрица осыпала своими щедротами. Къ этому присоединились странная непослѣдовательность дѣйствій и распущенность со стороны министерства.

Когда парламентъ приговорилъ „Эмиля“ къ сожженію и приказалъ арестовать Руссо, само министерство дало ему средство скрыться. Въ тоже самое время оно разрѣшило печатаніе „Энциклопедіи“, которая была имъ запрещена и дозволило открытую продажу книги Гельвеціуса, которая недавно возбудила со стороны правительства самыя строгія мѣры. Послѣ этого не прошло шести мѣсяцевъ, какъ и „Эмиль“ и запрещенный „Общественный договоръ“ Руссо были выложены во всѣхъ книжныхъ лавкахъ рядомъ съ

сочиненiями Гельвецiуса. Но особенно характеристично выражается немощь хранителей стараго порядка въ борьбѣ съ литературой въ слѣдующемъ фактѣ. Послѣ процесса де-Ла-Барра, казнь котораго возбудила особое негодованiе противъ парламента, послѣднiй какъ бы самъ усомнился въ правотѣ своего дѣла и призналъ надъ собой торжество преслѣдуемой имъ философiи. Вмѣсто осужденныхъ приговоромъ парламента сочиненiй, были въ 1770 г. преданы публичному сожженiю старые прокурорскiе акты. Рокэнъ утверждаетъ, что это былъ не первый случай подобнаго подмѣна; но съ этого времени по крайней мѣрѣ этотъ подмѣнъ пересталъ быть секретомъ для публики. Наконецъ магистратура даже воспротивилась обнародованiю обвинительнаго акта прокурора, какъ того требовалъ обычай, и прокуроръ былъ принужденъ для напечатанiя его просить королевскаго повелѣнiя.

Не удивительно, что при такой шаткости властей, публикой все болѣе и болѣе овладѣвало убѣжденiе въ неминуемости насильственнаго переворота. Начиная съ приведенныхъ нами предсказанiй г-жи де Тенсенъ и д'Аржансона, относящихся къ 1743 г. сочиненiе Рокэна заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ заявленiй, предсказывавшихъ съ большею или меньшею точностью приближенiе революцiи. Въ 1752 году, д'Аржансонъ писалъ: „Все распадается на обломки. Между тѣмъ общественное мнѣнiе прокладываетъ себѣ путь, ростетъ и крѣпнетъ, и это можетъ положить начало нацiональной революцiи". Въ слѣдующемъ году, когда въ Парижѣ ожидали, что правительство, сославшее парламентъ въ Понтуазъ, закроетъ и Шатле (Châtelet—Парижскую уголовную палату низшей инстанцiи) волненiе въ Парижѣ дошло до того, что на улицахъ потребовались военныя предосторожности. Въ это время одинъ изъ высшихъ сановниковъ заявилъ д'Аржансону: „я не сомнѣваюсь, что какъ только закроютъ Шатле, въ Парижѣ станутъ запирать лавки и строить баррикады и съ этого начнется революцiя". Въ 1764 г. Вольтеръ писалъ: „Все что я вижу, бросаетъ сѣмена революцiи, которая наступитъ неминуемо, но при которой я не буду имѣть удовольствiя присутствовать. Молодое поколѣнiе очень счастливо, оно увидитъ много чудесъ" (de belles choses). Подобныя предсказанiя были не всегда удачны. Въ 1767 г. одинъ епископъ сказалъ Мармонтелю, что „при настоящемъ ходѣ дѣлъ (au train dont on y va) религiя просуществуетъ не болѣе 50 лѣтъ", а извѣстный Гриммъ, замѣтивъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что антихристiанскiй духъ имѣетъ такое же значенiе для XVIII вѣка, какое имѣлъ реформацiонный духъ для XVI и что это предвѣщаетъ неизбѣжную и близкую революцiю, прибавилъ къ этому: „Можно сказать, что Францiя представляетъ очагъ этой революцiи, которая будетъ имѣть передъ предшествовавшими ей по крайней мѣрѣ то преимущество, что осуществится безъ всякаго пролитiя крови".

Это заблужденiе Гримма — очень характеристично. Оно показы-

ваетъ въ какомъ мірѣ иллюзій жили эти философы т. е. тогдашніе литераторы, которые судили обо всемъ по гуманнымъ доктринамъ своего вѣка и по утонченнымъ нравамъ салоновъ, въ которыхъ вращались, и были совершенно незнакомы ни съ бытомъ, ни съ психическимъ состояніемъ народной массы. Въ этомъ заключается также одинъ изъ пробѣловъ сочиненіе Рокэна, гдѣ эта сторона дѣла, по свойству источниковъ, которыми онъ пользовался, недостаточно развита. Нельзя, однако, писать исторію революціоннаго духа въ Франціи, не обративши вниманія на постепенное проникновеніе этого духа въ народныя массы и на способъ выраженія его. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи въ разсматриваемомъ нами сочиненіи можно встрѣтить нѣсколько интересныхъ фактовъ, чрезвычайно поучительныхъ для исторіи 1789 и слѣдующихъ годовъ. Уже за 30 лѣтъ до революціи новые поборы, вызванные семилѣтней войной, возбудили такое сильное неудовольствіе въ народѣ, что оно высказалось въ самыхъ дерзкихъ выходкахъ противъ самого короля. Въ 1758 году, одинъ изъ парижскихъ жителей (bourgeois de Paris) занимавшій должность судебнаго пристава, который говорилъ дурно въ харчевнѣ о королѣ и министрахъ, былъ приговоренъ для устрашенія другихъ къ покаянію передъ церковью Нотръ-Дамъ въ сорочкѣ и съ веревкой на шеѣ и затѣмъ повѣшенъ. Но это крайняя строгость не положила конца толкамъ. Въ самыхъ многолюдныхъ кварталахъ Парижа наклеивались прокламаціи, въ одной изъ которыхъ было сказано, что если правительство не возьметъ 50 милліоновъ съ духовенства и крупныхъ суммъ съ откупщиковъ, имѣющихъ 200,000 годового дохода, то 300,000 человѣкъ готовы, подъ руководствомъ своего вождя, взяться за оружіе. Подобныя же прокламаціи съ угрозами появились на стѣнахъ въ 1770 г., и когда канцлеръ Мопу уничтожилъ парламенты, въ улицѣ Маре на стѣнѣ былъ нарисованъ человѣкъ на висѣлицѣ, съ надписью: канцлеръ. Въ Пале-Роялѣ, принадлежавшемъ герцогу Орлеанскому, одна прокламація гласила: „Покажитесь великимъ принцемъ и мы возложимъ корону на вашу главу“.

Не менѣе знаменательно было настроеніе толпы или простого народа въ Парижѣ въ дни столкновеній между правительствомъ и парламентомъ. Современные авторы дневниковъ и записокъ не разъ говорятъ о „мрачномъ негодованіи“, о „нѣмой ярости“ которыя отражались на лицахъ толпы, о томъ какъ въ народъ проникала мысль о сопротивленіи (l'idée de la résistance). Какимъ образомъ обнаружится ярость толпы, какъ скоро мысль о возстаніи перейдетъ въ дѣйствіе и на это въ памятникахъ того времени есть многочисленныя указанія, предвѣщавшія съ ужасающею точностью кровавыя сцены революціонныхъ годовъ. Французское правительство, заботясь по тогдашнему способу о процвѣтаніи своихъ колоній, не разъ отправляло туда насильно, для пополненія народонаселенія, людей бездольныхъ, и промышлявшихъ собой женщинъ. Однажды случилось, что полицейскіе агенты, въ излишнемъ рвеніи, начали хватать дѣтей въ ра-

бочихъ кварталахъ Парижа. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, въ слободахъ произошло возмущеніе, какого давно не видали въ Парижѣ. Нѣсколько солдатъ были убиты. Толпа бросилась къ дому начальника полиціи. Въ своей ярости она хотѣла его растерзать „et lui manger le coeur". Этотъ сановникъ, „блѣдный какъ утопленникъ" спасся только тѣмъ, что выдалъ толпѣ одного изъ своихъ подчиненныхъ, котораго въ ту же минуту повлекли по мостовой и убили. Во время этихъ буйствъ „des propos exécrables étaient vomis contre la personne du roi". Народъ собирался даже отправиться въ Версаль и сжечь дворецъ, который, какъ говорили въ толпѣ, былъ выстроенъ на ея счетъ.

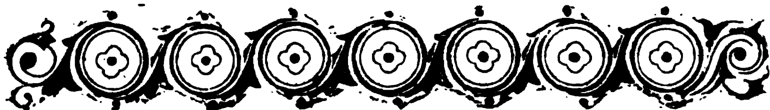
Не менѣе ярко выступаютъ характеристическія черты парижской черни 1789 года въ другой сценѣ, случившейся вскорѣ послѣ того. Когда въ 1751 году, вслѣдствіе неурожая, почти повсемѣстно оказался недостатокъ въ хлѣбѣ, парижская чернь стала считать виновницей своего бѣдственнаго положенія маркизу де-Помпадуръ. Однажды, когда дофинъ съ дофиной отправлялись въ Нотръ-Дамъ, двухъ-тысячная толпа женщинъ окружила ихъ съ криками: „Дайте намъ хлѣба, мы умираемъ съ голода, и пусть прогонятъ эту... которая управляетъ государствомъ и губитъ его! Если бы она попалась намъ въ руки, il n'en resterait bientôt rien pour en faire des reliques".

И не въ Парижѣ только оказывались во всѣхъ классахъ общества за долго до революціи тѣ симптомы, которые предвѣщаютъ читателю характеристическія черты революціонной эпохи;—и въ провинціяхъ и въ деревняхъ, съ самаго начала борьбы между парламентами и правительствомъ, выступаютъ тѣ элементы, которымъ суждено было играть главную роль въ событіяхъ революціи—напр. мелкое чиновничество. Когда въ 1753 году во время вакацій сосланнаго въ Понтуазъ парламента, король учредилъ особую Chambre de Vocation и послалъ указъ объ этомъ для регистраціи въ Шатле, эта палата отказалась исполнить приказаніе, заявляя, что она не признаетъ надъ собой другой высшей власти, кромѣ парижскаго парламента. Почти всѣ мѣстные суды (baillages) парижскаго округа послѣдовали примѣру Шатле. Одинъ маленькій деревенскій бальяжъ, состоявшій только изъ двухъ чиновниковъ, былъ даже на столько смѣлъ, что протестовалъ „par des remontrances" противъ королевскаго указа.

Изъ всего этого видно, сколько интересныхъ данныхъ заключаетъ въ себѣ книга Рокэна для того, кто желаетъ изучить историческую связь французской революціи съ предшествовавшей ей эпохой. Но авторъ разбираемой книги не ограничился только собираніемъ поучительнаго для читателей матеріала. Онъ ставитъ и по своему разрѣшаетъ нѣсколько интересныхъ вопросовъ, которые напрашиваются всякому, кто изучаетъ исторію происхожденія французской революціи 1789 г. и взглядъ на которые имѣетъ большое вліяніе на наше сужденіе объ историческомъ значеніи и смыслѣ этого событія.

Иф....въ.

(*Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ*).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскій Архивъ. 1880 г. Книга первая.

СТОРИЧЕСКІЙ журналъ, семнадцать лѣтъ существовавшій подъ именемъ „Русскаго Архива“, на восемнадцатомъ году сталъ выходить отдѣльными книжками, представляющими собой собраніе совершенно случайно подобранныхъ статей и замѣтокъ. Нельзя не пожалѣть о такомъ превращеніи „Архива“ и потому въ особенности, что видимое оскудѣніе редакціоннаго портфеля можно объяснить отчасти недоступностью нашихъ частныхъ, общественныхъ и правительственныхъ архивовъ. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, искать матеріалъ, разъ случайные источники, снабжавшіе журналъ въ теченіе семнадцати лѣтъ, изсякаютъ или, пожалуй, изсякли уже? Наполнять журналъ частностями, которыхъ всегда наберется не мало у нашихъ, такъ называемыхъ, любителей старины, довольствоваться разнаго рода „воспоминаніями“, „отрывками изъ памяти“, записными книжками и т. п. источниками второстепеннаго интереса, значило бы, слишкомъ узко смотрѣть на цѣли и назначеніе историческаго журнала. Что же дѣлать? Остается или бросить всякіе помыслы объ издательствѣ, или же предлагать публикѣ, время отъ времени, нѣчто въ родѣ блаженной памяти альманаховъ. Г. Бартеневъ избралъ послѣднее. Нельзя сказать, чтобы выборъ вышелъ удачный.

Правда, входящія въ составъ сборника статьи являются теперь не растянутыми на неопредѣленное время, какъ то нерѣдко встрѣчается въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, посвященныхъ документальной разработкѣ историческаго прошлаго. Но это единственное, чисто внѣшнее удобство, соблюденіе котораго обязательно для каждаго мало мальски порядочно поставленнаго журнала, еще далеко недостаточно, чтобы отдать предпочтеніе настоящему сборнику хотя бы предъ недавнимъ „Архивомъ“. Во-первыхъ, пространность статей отзывается на разнообразіи содержанія сборника, а случайностью въ выборѣ ихъ значительно съуживается его интересъ. Съ другой стороны, сборникъ мало или совсѣмъ не отвѣчаетъ все болѣе возрастающей потребности въ нашемъ обществѣ къ изученію его прошлаго.

Дѣйствительно, первое и важнѣйшее условіе успѣха современнаго историческаго изданія, это—большая или меньшая отзывчивость его на вопросы дня. Говоря откровенно, мы не такъ ужь далеко ушли отъ нашего прошлаго, чтобы порвать съ нимъ всякую жизненную связь. Напротивъ, многое изъ него близко намъ и по духу, и по внѣшнимъ формамъ нашего общественнаго

развитія. Во многомъ изъ этого прошлаго мы могли бы почерпнуть фактическія указанія, которыя въ однихъ случаяхъ предостерегли бы насъ отъ явныхъ ошибокъ, а въ иныхъ послужили бы гарантіей плодотворности и жизненности начинаній. Иной незначительный документъ освѣтилъ бы данный вопросъ, выдвигаемый жизнью, яснѣе и вѣрнѣе всякаго рода апріорныхъ и нерѣдко безпочвенныхъ соображеній. Вотъ почему первая и существенная обязанность историческаго изданія, выходящаго періодически, — слѣдить за ходомъ современной жизни, стараясь своевременно дать отвѣтъ на ея неумолимые запросы, въ видѣ фактическихъ данныхъ, которыя могли бы подсказать то, что выставляется иногда лишь смутно чувствуемою потребностью дѣйствительности. Только тогда историческое изданіе въ состояніи будетъ занять почетное мѣсто въ общемъ хорѣ русской печати. Внѣ этого требованія оно является складомъ всякаго старья, годнаго и нужнаго, быть можетъ, для незначительнаго кружка лицъ, спеціально заинтересованныхъ въ этомъ старьѣ, но рѣшительно не привлекательнаго для общеобразованной публики.

Посмотримъ, однако, что даетъ намъ сборникъ, не связанный условіями времени и, значитъ, долженствующій быть чуждымъ недостатковъ, какіе зачастую зависятъ отъ этихъ условій.

Начать съ того, что изъ 510 страницъ сборника всего десять приходится на долю документовъ, да около полутораста на замѣтки оригинальныя. Остальная часть пространнаго тома занята переводами, изъ которыхъ одинъ „сообщенъ“ редакціи „Русскаго Архива“, значитъ, остается всецѣло на отвѣтственности сообщившаго.

Къ „документамъ“ относится память или наставительная записка Петра Великаго тульскому кузнецу Никитѣ Демидову, который въ 1702 году получилъ въ вѣчное владѣніе старѣйшій изъ русскихъ желѣзныхъ заводовъ Невьянскій, Пермской губерніи, основанный Петромъ Великимъ въ 1699 году. Память эта, являясь въ сборникѣ совершенно изолированнымъ документомъ, содержащимъ частное распоряженіе Петра Великаго, остается непонятной и рѣшительно ни для кого не интересной. Очевидно, она помѣщена на „затычку“ оставшагося мѣста.

Изъ „оригинальныхъ“ статей, безспорно, самая интересная—„Воспоминанія московскаго кадета“. Это—небольшой, но характерный эпизодъ изъ исторіи главнаго корпуса, вполнѣ обрисовывающій порядки учебнаго заведенія 1833—1834 года эпиграфомъ изъ новгородской лѣтописи: „о велика бяше бѣда въ часъ тый“... Самая крайняя дисциплина и строгость, господствовавшая въ въ то время въ корпусѣ, въ изложеніи очевидца, дѣйствительно, способны теперь привести въ ужасъ. Иное настроеніе повѣяло лишь съ тѣхъ поръ, когда ближайшимъ начальникомъ кадетскихъ корпусовъ сталъ великій князь Михаилъ Павловичъ. На этомъ именно обрываются „Воспоминанія“. Слѣдующія три странички „Изъ воспоминаній дипломатической службы на Востокѣ“ г. В. Бланка слишкомъ безцвѣтны и малосодержательны, чтобы нужно было останавливаться на нихъ.

Гораздо интереснѣе представляются „Кавказскія воспоминанія“ г. Венюкова, относящіяся къ 1861—1863 годамъ. Это замѣтки человѣка весьма наблюдательнаго, умѣющаго разобраться въ массѣ впечатлѣній, какія приходится испытывать путешественнику въ нетронутой и неизвѣстной странѣ. Наиболѣе любопытныя страницы, безъ сомнѣнія, тѣ, гдѣ г. Венюковъ излагаетъ свои наблюденія надъ жизнью и нравами горцевъ; надъ ихъ отношеніями къ намъ. „Если бы теперь—говоритъ г. Венюковъ, кто-либо изъ лицъ, не видавшихъ Кавказскихъ горъ въ эпоху предшествовавшую ихъ занятію русскими, вздумалъ очертить бытъ тогдашняго ихъ населенія, то онъ ничего бы не могъ лучше сдѣлать, какъ перевести Тацитову „Германію“ или даже тѣ мѣста изъ „Комментаріевъ“ Цезаря, которыя относятся до германцевъ; до того сходство было велико“. Вообще же „Воспоминанія“ г. Венюкова служатъ дополненіемъ къ от-

четамъ автора о тогдашнемъ состояніи Кавказа, представленнымъ Русскому Географическому Обществу.

Изъ оригинальныхъ статей „Русскаго Архива“ самая выдающаяся статья или, вѣрнѣе, монографія, принадлежитъ г. А. Лазаревскому. По крайней мѣрѣ его „Павелъ Полуботокъ“ (очеркъ изъ исторіи Малороссіи XVIII вѣка) заслуживаетъ вниманія, если не по широтѣ и мѣткости обобщеній, то по обстоятельной обработкѣ документальныхъ свѣдѣній и по массѣ собраннаго авторомъ фактическаго матеріала. Исторія черниговскаго полковника Павла Полуботка, составляющая интересный эпизодъ въ лѣтописяхъ малороссійской гетманщины XVIII вѣка, остается до сихъ поръ малообъясненною. Съ легкой руки неизвѣстнаго автора „Исторіи Руссовъ“ послѣдующіе очерки гетманщины смотрѣли на Полуботка, какъ на героя, который пожертвовалъ своею жизнью, отстаивая права родины. Г. Лазаревскій на основаніи новыхъ свѣдѣній, старается возстановить историческую правду о Полуботкѣ и его времени. Прослѣдивъ общественную дѣятельность Полуботка, г. Лазаревскій приходитъ къ заключенію, что Полуботокъ прежде всего былъ честолюбцемъ, искавшимъ гетманства и защитникомъ старыхъ порядковъ, съ которыми связывались личные интересы его сословія. Наконецъ, по мнѣнію автора разсматриваемой статьи, если Полуботокъ и былъ героемъ, то героемъ одного только шляхетства и что народнымъ героемъ онъ не былъ и не могъ быть.

Чтобы покончить съ оригинальными статьями „Архива“ намъ остается упомянуть еще о краткихъ замѣткахъ изъ „студенческихъ воспоминаній“ г. Леонтьева, о выдающихся дѣятеляхъ московскаго университета по медицинскому факультету въ періодъ московской славы Иноземцева.

Къ переводнымъ статьямъ, занимающимъ, какъ уже замѣчено выше, значительную часть I-й книги „Русскаго Архива“, принадлежатъ: извѣстное „Путешествіе по Россіи голландца Стрюйса“, „Переписка Екатерины Великой съ германскимъ императоромъ Іосифомъ II-мъ“ 1774 — 1790 годовъ и „сообщенный“ редакціи отзывъ Гизо о Николаѣ I-мъ.

Переводу „Путешествія“ Стрюйса предшествуетъ предисловіе, въ которомъ разъясняется никѣмъ неоспариваемое и каждому понятное значеніе путевыхъ дневниковъ моряковъ и извѣстій иностранцевъ о Россіи. Въ оправданіе же появленія своей работы именно въ настоящую минуту, переводчикъ страннымъ образомъ ссылается на великое значеніе вопроса о торговлѣ съ среднеазіатскими странами, который и послужилъ поводомъ къ путешествію Стрюйса. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, есть нѣкоторая натяжка. Какъ бы ни былъ интересенъ путевой дневникъ паруснаго мастера Стрюйса, все же онъ ни на іоту не содѣйствуетъ уясненію среднеазіатскаго вопроса въ его современной постановкѣ, такъ что этотъ мнимый raison d'être русскаго перевода, очевидно, пристегнутъ не кстати. Вообще мы не понимаемъ цѣли помѣщенія этого перевода въ „Русскомъ Архивѣ“. Дневникомъ Стрюйса пользовались многіе изъ нашихъ ученыхъ, правда, не придавая „особаго значенія“ его замѣткамъ, да и въ чемъ же, въ самомъ дѣлѣ, видно это „особое значеніе“ путешествія. Сверхъ того, самъ переводчикъ убѣжденъ, что „собранныя Стрюйсомъ бытовыя черты должно очистить критически“, чего, кстати сказать, не сдѣлано въ переводѣ „Русскаго Архива“ съ Ліонскаго изданія 1682 года. Точно также переводчикъ „не имѣлъ возможности“ сравнить всѣхъ изданій путешествія. Словомъ, передъ нами не ученая работа, которая можетъ быть не лишена интереса и для читателей „Русскаго Архива“, подобно статьѣ г. Лазаревскаго, а просто гладко исполненный переводъ, совершенно безполезный для тѣхъ, кто нуждается въ справкахъ у Стрюйса, которыя, во всякомъ случаѣ, удобнѣе сдѣлать по подлиннику.

Переводъ „Переписки Екатерины II-й съ Іосифомъ II-мъ“ вызываетъ еще большія недоумѣнія. Странно было бы допустить, да едва ли рѣшится на это и редакція „Русскаго Архива“, что предлагаемый ею переводъ съ французскаго предпочтется подлиннику переписки, изданной въ Вѣнѣ Альфредомъ Арне-

томъ. Г. Бартеневъ говоритъ, что переписка досслѣ извѣстна у насъ по немногимъ выдержкамъ въ статьѣ г. Брюкнера, помѣщенной въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" и потому-де помѣщается переводъ переписки сполна. Но тѣ, кто читаютъ „Журналъ" министерства просвѣщенія, навѣрное владѣютъ французскимъ языкомъ, а интересуясь предметомъ перевода, вѣроятно, давно ознакомились съ нимъ въ подлинникѣ, который изданъ въ 1869 году. Такимъ образомъ новинка выходитъ очень запоздалой.

Если, однако, трудно сказать, какого круга читателей имѣетъ въ виду „Русскій Архивъ", помѣщая эти переводы съ французскаго, то, по отношенію къ „книжнымъ заграничнымъ вѣстямъ", нужно признать рѣшительно, что онѣ помѣщены для балласта. Это—не библіографическія замѣтки о новыхъ книгахъ, и не критическіе отзывы, а что-то среднее между каталогомъ книжныхъ новостей, далеко, однако, не полнымъ и бѣглыми набросками досужаго человѣка. А между тѣмъ сколько рубрикъ и какія заманчивыя: „Исторія и Біографія", „Исторія литературы", „Восточная война", „Путешествія", „Политическія памфлеты и смѣсь"! Нѣкоторые отзывы поражаютъ развязностью критика. Вотъ, напримѣръ, книга „Russland vor und nach dem Kriege"; критикъ замѣчаетъ о ней: „Картина нарисована умнымъ человѣкомъ, съ точки зрѣнія господствующаго нынѣ въ Европѣ еврейско-нѣмецкаго либерализма" (?!). Вообще это стремленіе объяснять выводы иностранцевъ „господствующимъ нынѣ" настроеніемъ едва ли не единственная критическая мѣрка, примѣняемая даже къ ученымъ трудамъ, какова, напримѣръ, извѣстная „Histoire de la litterature contemporaine chez les Slaves" Курьера. Что же касается, наконецъ, собственно библіографическихъ замѣтокъ, то и онѣ лишены всякаго значенія, представляя собою одни лишь названія книгъ. Если все это могло имѣть мѣсто въ „Русскомъ Архивѣ", когда онъ оставался журналомъ, то въ нынѣшнемъ превращенномъ его видѣ, оно составляетъ лишнюю тяжесть для сборника, который и безъ того, какъ мы видѣли, не богатъ содержаніемъ, не смотря на его внушительный видъ.

Ѳ. В.

Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, издаваемые братствомъ св. Петра митрополита, подъ редакціею Н. Субботина. Томъ пятый. М. 1879 г.

Литературное и научное оживленіе, наступившее у насъ въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, не осталось безъ послѣдствій и въ отношеніи къ изученію раскольнической литературы. Прекрасное изданіе профессора Н. С. Тихонравова „Лѣтописи русской литературы и древностей" помѣстило на своихъ страницахъ такія произведенія, какъ „Житіе" и „Записку о своемъ страданіи и страданіи соузниковъ" протопопа Аввакума, „Исторію о бѣгствующемъ священствѣ" Ивана Алексѣева и др., въ то время какъ книгопродавецъ Кожанчиковъ издавалъ одно за другимъ раскольническія сочиненія и изслѣдованія по раскольнической литературѣ. Послѣ начала шестидесятыхъ годовъ произведенія раскольнической литературы долго оставались почти совсѣмъ безъ издателей и изслѣдователей, если не считать немногія статьи въ разныхъ, преимущественно духовныхъ журналахъ. Только въ 1875 году, одновременно съ началомъ „Братскаго Слова", — журнала, спеціально посвященнаго расколу и, къ сожалѣнію, не имѣвшаго никакого успѣха, — началось изданіе г. Субботинымъ „Матеріаловъ для исторіи раскола за первое время его существованія", сперва ограничивавшихся письмами и документами, потомъ обратившихся и къ произведеніямъ раскольнической литературы. Пятый томъ „Матеріаловъ" содержитъ въ себѣ сочиненія знаменитаго расколоучителя

юрьевецкаго протопопа Аввакума. Самыя замѣчательныя изъ нихъ были уже изданы, какъ сказано выше, профессоромъ Тихонравовымъ; здѣсь они являются вновь въ болѣе исправномъ видѣ, вмѣстѣ съ другими, по большей части неизвѣстными до сихъ поръ въ печати, произведеніями Аввакума; послѣднія (челобитныя, посланія, сочиненія полемическаго и истолковательнаго характера) занимаютъ большую часть настоящаго тома и доходятъ числомъ до 33.

Литературная дѣятельность Аввакума началась въ 1653 году, одновременно съ первымъ проявленіемъ церковной реформы, предпринятой патріархомъ Никономъ при помощи иноземцевъ—грековъ и малороссіянъ, именно съ выходомъ „Памяти" Никона духовенству о поклонахъ при молитвѣ Ефрема Сирина и о крестномъ знаменіи, когда Аввакумъ вмѣстѣ съ другимъ протопопомъ, Даніиломъ Костромскимъ, сдѣлалъ изъ книгъ выписки о поклонахъ и о сложеніи перстъ и подалъ царю Алексѣю Михайловичу. Это первое раскольническое сочиненіе, до насъ не дошедшее, повело къ преслѣдованію его авторовъ и ихъ единомышленниковъ, и Аввакумъ былъ сосланъ въ Сибирь, сначала въ Тобольскъ, а потомъ въ Даурію. Послѣдовавшее затѣмъ удаленіе Никона имѣло результатомъ возвращеніе его врага Аввакума изъ ссылки и его прибытіе въ 1663 или 1664 году въ Москву. Здѣсь Аввакумъ, видя, что „церковное ничтоже успѣваетъ", „паки заворчалъ" и своими рѣчами ясно показалъ, что онъ врагъ не только Никона, но и его церковныхъ исправленій. Власти принуждены были вновь обратиться къ мѣрамъ строгости, и послѣ многихъ прениранiй съ восточными патріархами, Симеономъ Полоцкимъ и другими, послѣ неоднократнаго уговариванія со стороны царя Алексѣя Михайловича и бояръ „соединиться со вселенскими хоть небольшимъ чѣмъ", поруганный Аввакумъ былъ вновь сосланъ сначала на Мезень, а потомъ въ Пустозерскъ. Здѣсь начинается новый періодъ его литературной дѣятельности. Аввакумъ пишетъ для своихъ многочисленныхъ почитателей цѣлый рядъ посланій и поученій, въ которыхъ объясняетъ имъ св. Писаніе, обличаетъ никоніанскія новшества и утверждаетъ ихъ въ готовности претерпѣть страданія и смерть за старую вѣру; для лучшаго же наставленія и для примѣра разсказываетъ имъ о своей собственной жизни и составляетъ съ этою цѣлью сначала краткую „Записку" о своей жизни, потомъ подробную автобіографію, или „Житіе". Послѣднее было написано имъ по побужденію его духовнаго отца и союзника инока Епифанія, „да не забвенію предано будетъ дѣло Божіе". Смерть царя Алексѣя Михайловича (въ 1676 году) оживила надежды раскольниковъ, и Аввакумъ послалъ къ царю Ѳеодору Алексѣевичу посланіе съ убѣжденіемъ возвратиться къ старинѣ. Но результатъ посланія былъ совсѣмъ не тотъ, какого ожидалъ Аввакумъ. За оказавшіяся въ посланіи „великія на царскій домъ хулы" 1 апрѣля 1681 года старый фанатикъ былъ сожженъ въ Пустозерскѣ вмѣстѣ съ упомянутымъ уже Епифаніемъ и двумя другими своими товарищами по заключенію попами Лазаремъ и Никифоромъ.

Сочиненія Аввакума, въ особенности его „Житіе", помимо того значенія, которое оно имѣетъ для его біографіи, представляютъ также богатый историческій матеріалъ, котораго не долженъ оставлять безъ вниманія никто интересующійся его эпохою.

А. С—скій.

Солнышко. Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ. Составилъ А. Радонежскій. С.П.Б., 1880.

Нельзя сказать, что мы бѣдны книгами для чтенія въ народныхъ школахъ. Каждый годъ почти являются у насъ разныя хрестоматіи и сборники, большіе и маленькіе, дешевые и дорогіе, для дѣтей разныхъ возрастовъ. Къ со-

жалѣнію, во всей этой массѣ педагогической литературы едва-ли можно указать два — три сочиненія, которыя удовлетворяли бы цѣли — служить съ пользою для народныхъ училищъ. Главный недостатокъ этихъ сборниковъ въ томъ, что составители ихъ какъ-будто сами опускаются до неразвитости учениковъ, а не стараются поднять ихъ до болѣе обширнаго пониманія. Они большею частію хлопочатъ о томъ, чтобы своими статьями и подборомъ прозаическихъ отрывковъ и стишковъ, держать крестьянскихъ дѣтей въ тѣсномъ кругу деревенскаго быта, не догадываясь, что бытъ этотъ хорошо извѣстенъ имъ и безъ школы. Сборники наполняются описаніями сельскихъ работъ, да народными сказками и пословицами, что съ малыхъ лѣтъ узнается въ деревнѣ изъ самой жизни и не требуетъ разъясненій.

Не говоря уже о томъ, что подобныя книги не въ состояніи привлекать крестьянскихъ дѣтей, не возбуждаютъ въ нихъ любознательности, не расширяютъ ограниченнаго круга ихъ понятій, но онѣ роняютъ и самое значеніе школы въ глазахъ сельскаго населенія. Можетъ ли крестьянинъ уважать школу, когда онъ видитъ, что дѣтямъ его по цѣлымъ годамъ толкуютъ тамъ про полевыя работы, про огородъ да навозъ, про лошадей да коровъ, а въ книжкахъ заставляютъ читать сказки да побасенки, сложенныя тѣмъ же мужицкимъ складомъ, какимъ разсказываютъ ихъ и деревенскія бабы. Понятно, что школа не пользуется большимъ авторитетомъ въ глазахъ сельскаго населенія.

Г. Радонежскій хорошо понялъ, что если свѣдѣнія о деревенской жизни и сельскихъ работахъ должны входить въ книги, назначаемыя для городскихъ училищъ, то руководства для народныхъ школъ требуютъ совсѣмъ инаго состава. Въ такой книгѣ, по мнѣнію его, должно быть соединено то, что можетъ расширить кругъ понятій сельскаго населенія, дать ему такъ-сказать цѣлую энциклопедію свѣдѣній, удовлетворяющихъ его любознательность, познакомить съ природой и ея явленіями, съ церковью и богослуженіемъ, съ важнѣйшими эпизодами русской исторіи и съ произведеніями художественной литературы. Мы полагаемъ, что взглядъ этотъ совершенно правиленъ. Очевидно, что составленная по такому плану книга можетъ замѣнить деревенскому мальчику цѣлую необходимую для него библіотеку. Такой именно программы и держался г. Радонежскій. „Солнышко" состоитъ изъ ста семидесяти двухъ статей, въ стихахъ и прозѣ, раздѣленныхъ на три отдѣла и сгруппированныхъ по относительной однородности содержанія. Въ разнообразныхъ статьяхъ, большею частію довольно краткихъ, но не отрывочныхъ, заключаются свѣдѣнія о явленіяхъ и произведеніяхъ природы, о замѣчательныхъ мѣстностяхъ, преимущественно русскихъ, и важнѣйшихъ отечественныхъ событіяхъ, а также біографіи нѣкоторыхъ царственныхъ лицъ и славныхъ русскихъ людей. Не избѣгая общихъ свѣдѣній, составитель руководства обращалъ преимущественно вниманіе на то, что касается нашего отечества. Выборъ стихотвореній удаченъ, хотя и попадаются слишкомъ мелкіе отрывки, не представляющіе полной мысли или цѣльной картины. Въ ряду прозаическихъ статей нѣтъ тѣхъ лишенныхъ всякой полноты клочковъ изъ большихъ сочиненій, какими обыкновенно наполняются хрестоматіи.

Въ текстѣ „Солнышка" помѣщено много объяснительныхъ рисунковъ, которые вполнѣ соотвѣтствуютъ основному плану и цѣли составителя книжки. Кромѣ весьма немногихъ картинъ изъ сельскаго быта, всѣ они служатъ къ наглядному ознакомленію деревенскихъ дѣтей съ предметами, которыхъ они не могутъ встрѣтить въ своей обыденной жизни. Это виды важнѣйшихъ русскихъ мѣстностей и святынь, памятники русскимъ людямъ, портреты государей и разныхъ замѣчательныхъ дѣятелей. Тутъ виды Новгорода, московскаго Кремля, Кіевскихъ пещеръ, гробница Нестора, Романовскія Палаты, памятникъ тысячелѣтію Россіи, портреты Петра I, императрицы Екатерины, царствующаго Государя, Сусанина, Суворова, Ломоносова, Пушкина и проч. и проч.

Вообще, книжка г. Радонежскаго, по раціональности плана, отличается отъ другихъ подобныхъ изданій вѣрнымъ пониманіемъ того, что именно необходимо для народныхъ училищъ. Что касается исполненія этого плана, то нѣкоторыя статьи „Солнышка" не вполнѣ удовлетворятъ ему и требуютъ исправленія или замѣны другими. Это именно тѣ, въ которыхъ нравственная цѣль прикрывается не совсѣмъ доступною дѣтямъ моралью. Но мы увѣрены, что если г. Радонежскій внимательно пересмотритъ свою книжку и сдѣлаетъ въ ней нѣкоторыя необходимыя поправки, то она займетъ мѣсто въ числѣ тѣхъ необходимыхъ пособій, какихъ давно требуетъ наша городская школа.

А. М.

Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Томъ пятый. Изданіе Д. Самарина. М. 1880 г.

Настоящій томъ сочиненій покойнаго Юрія Ѳедоровича Самарина содержитъ въ себѣ его диссертацію о Стефанѣ Яворскомъ и Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, которая здѣсь впервые появляется вполнѣ, въ томъ видѣ, какъ была первоначально написана авторомъ, такъ какъ вышедшее въ свѣтъ въ 1844 году сочиненіе Самарина „Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники", есть только часть ея. Предметъ этого труда — вліяніе католицизма и протестантизма на русскую церковь и литературу XVII и начала XVIII в., насколько оно отразилось въ богословской, административной и проповѣднической дѣятельности Яворскаго и Прокоповича, причемъ авторъ говоритъ также о сущности различія между католицизмомъ и протестантизмомъ и ихъ отношеніи къ православію, объ отношеніи церкви къ государству, о значеніи церковной проповѣди. Не смотря на то, что эта диссертація писана въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ, когда было издано только небольшое количество касающагося русской церкви историческаго и историко-литературнаго матеріала (рукописями Самаринъ пользовался очень мало), она до сихъ поръ не утратила своего научнаго значенія и остается пока единственнымъ сочиненіемъ по тому предмету, который разсматриваетъ. Къ сожалѣнію, въ ней есть одинъ очень крупный недостатокъ, портящій въ особенности ту ея часть, гдѣ говорится объ административной дѣятельности Яворскаго и Прокоповича,— это славянофильская точка зрѣнія автора на древнюю Русь до XVII в., желаніе видѣть въ нашей церкви существованіе какого-то идеальнаго христіанства и вслѣдствіе этого отнесеніе на счетъ католическаго и протестантскаго вліянія такихъ явленій въ русской церкви XVII и начала XVIII в., которыя отъ этого вліянія нимало не зависѣли. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. „Рѣзкая черта нашей церкви въ XVII ст., говоритъ г. Самаринъ, являющая въ себѣ вліяніе католическаго запада, есть духъ гоненія за вѣру. Церковь наша во всѣ времена славилась своею терпимостью. Конечно, исторія Востока и Россіи представляетъ, къ несчастію, примѣры противнаго; но мы имѣемъ полное право осудить ихъ съ точки зрѣнія нашей церкви, отвергнуть ихъ, какъ случайныя противорѣчія существенному духу православія, которыхъ церковь никогда не оправдывала. Совершенно обратное мы видимъ въ католицизмѣ. Тамъ гоненіе должно быть; оно необходимо, ибо предписывается и оправдывается самою церковью" (стр. 237). „Несомнѣннымъ доказательствомъ тому, что эти мѣры (т. е. преслѣдованіе и казнь раскольниковъ при царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ), противныя духу православной церкви, были порождены вліяніемъ католицизма, служитъ то, что за искаженіемъ жизни воспослѣдовало искаженіе доктрины, подъ вліяніемъ того же начала. Въ оправданіе гоненія являлась теорія о гоненіи, заимствованная у католиковъ. Мы

встрѣчаемъ ее у Стефана Яворскаго въ „Камнѣ вѣры“ въ послѣдней главѣ: о наказаніи еретиковъ (стр. 240). Всякій, сколько-нибудь знакомый съ нашей церковной исторіей, не согласится съ тѣмъ, что „наша церковь во всѣ времена славилась терпимостью“. Факты, доказывающіе противное, были извѣстны и Самарину, но онъ ихъ счелъ „случайными“, „не оправдываемыми церковью“, хотя и зналъ, конечно, что въ нашей Кормчей помѣщенъ между прочимъ градскій законъ, по которому „иже сподобився святаго крещенія и еретичествуетъ и еллинствуетъ, конечнѣй муцѣ повиненъ есть“ (Кормчая, изд. 1810 г., ч. 2, л. 113), и что, основываясь именно на этомъ законѣ, на московскомъ соборѣ 1504 г. отцы русской церкви, которымъ неоткуда было тогда набраться католическихъ идей, осудили на казнь еретиковъ-жидовствующихъ, однихъ на сожженіе, другихъ на заточеніе, не обративъ вниманія даже на то, что они принесли раскаяніе (Карамзинъ, „Исторія государства россійскаго“, т. 6, гл. VII). Изъ той же „Исторіи“ Карамзина и изъ „Словаря“ митр. Евгенія, Самаринъ зналъ и о дѣятельности Іосифа Волоцкаго (впослѣдствіи причисленнаго нашею церковью къ лику святыхъ) и о его „Просвѣтителѣ“, въ которомъ онъ доказываетъ справедливость разыскиванія (инквизиціи) и казни еретиковъ и въ которомъ нерѣдко высказываетъ объ этомъ мысли, почти не отличающіяся отъ католическихъ, хотя о знакомствѣ его съ католическимъ ученіемъ не можетъ быть и рѣчи. Самаринъ долженъ былъ придти къ заключенію, что духъ гоненія за вѣру и жестокія преслѣдованія раскольниковъ въ XVII и началѣ XVIII в. ближайшимъ образомъ проистекали изъ духа гоненія за вѣру и жестокихъ преслѣдованій жидовствующихъ въ концѣ XV и началѣ XVI в., признанныхъ законными, въ лицѣ московскаго собора, всею нашею церковью, и что католическое вліяніе тутъ ни при чемъ; но онъ пренебрегъ этими „случайными“, по его мнѣнію, фактами и пришелъ къ совершенно ошибочному выводу.—„Вторженіе въ православіе католическихъ преданій, говоритъ Самаринъ въ другомъ мѣстѣ, образованіе въ духовенствѣ цѣлой партіи, зараженной вліяніемъ запада и мечтавшей осуществить замыслы Никона, борьба этой партіи съ другою частью духовенства, — все это имѣло пагубное воздѣйствіе на нравственность духовнаго чина. Отсюда въ монастыряхъ паденіе общежительства, безнаказанное нарушеніе уставовъ и развратъ“ (стр. 241). Видѣть во всемъ этомъ результатъ католическаго вліянія точно также совершенно несогласно съ историческими фактами, которые указываютъ на крайне жалкое нравственное состояніе русскаго духовенства вообще и монашества въ особенности въ концѣ XV и въ XVI в., когда оно вызвало цѣлый рядъ соборовъ, которые серьезно озаботились искорененіемъ зла (объ этомъ у Карамзина „Исторія“, т. 6, гл. VII; т. 8, гл. III), но не могли достигнуть никакого результата. Признавая самъ глубокую испорченность русскаго монашества въ XVII и началѣ XVIII в., Самаринъ тѣмъ не менѣе не ее считаетъ причиною враждебности Ѳеофана Прокоповича къ монашеству, а вліяніе на Ѳеофана протестантизма (стр. 319), и т. п.

При этомъ томѣ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина, находится снимокъ съ портрета его, нарисованнаго имъ самимъ въ 1842 г., предисловіе протоіерея Иванцова-Платонова и статья издателя Д. Самарина: „Данныя для біографіи Ю. Ѳ. Самарина за 1840—1845 гг.“

А. С—скій.

Русскія достопамятности. Томъ третій. Изданіе А. Мартынова. Москва. 1880 г.

Любители и цѣнители русской древности и старины, безъ сомнѣнія уже обратили вниманіе на „Русскія достопамятности“, — изданіе, предпринятое и продолжаемое умѣлой рукою почтеннаго знатока старины А. А. Мартынова. Въ виду такого соображенія, намъ нѣтъ надобности распространяться о прекрасной цѣли, положенной въ основу подобнаго изданія и о строгомъ выборѣ матеріала въ каждомъ томѣ „Русскихъ достопамятностей“. Выше приведенный томъ служитъ тому наилучшимъ доказательствомъ. И не разнообразіемъ помѣщенныхъ въ немъ статей заслуживаетъ онъ вниманія, а именно ихъ обстоятельною обработкою. Двѣ изъ нихъ принадлежатъ покойному И. М. Снегиреву и дополнены самимъ издателемъ: „Московскій Царь-колоколъ“ и „Красныя ворота въ Москвѣ“; двѣ написаны архимандритомъ Григоріемъ, а именно: „Московскій Златоустовскій монастырь“ и „Высокопетровскій монастырь въ Москвѣ“ и, наконецъ, пятая статья — „Владимірскій Рождественъ монастырь“, составлены извѣстнымъ знатокомъ мѣстной старины К. Н. Тихоправовымъ. Всѣ эти статьи иллюстрированы прекрасными рисунками, что, конечно, придаетъ еще большую цѣну такому изданію.

Первая изъ перечисленныхъ статей особенно любопытна. Въ ней изложена исторія знаменитаго и единственнаго въ свѣтѣ по своей величинѣ московскаго колокола, на основаніи документовъ, относящихся къ его отливкѣ и переливкѣ, послѣдовательно со времени Михаила Ѳеодоровича и кончая 30-ми годами прошлаго столѣтія. Но не ограничиваясь подробнымъ описаніемъ царь-колокола, г. Мартыновъ, въ связи съ этимъ, знакомитъ читателя вообще съ литьемъ колоколовъ въ Россіи, а равно и съ значеніемъ ихъ въ церковномъ и гражданскомъ отношеніяхъ. При этомъ г. Мартыновъ показываетъ намъ значеніе этихъ памятниковъ литейнаго искусства не только художественное, но религіозное и историческое, прослѣживая постепенныя усовершенствованія въ нихъ, въ связи съ исторіей нашей церкви и съ ходомъ политическихъ событій въ Россіи. Не менѣе интересна статья г. Мартынова, посвященная другому памятнику московской старины, извѣстному подъ названіемъ „Красныхъ воротъ“. Ворота эти, бывшія прежде деревянными еще при Алексѣѣ Михайловичѣ и вновь построенныя отъ московскаго купечества при Елисаветѣ Петровнѣ, сгорѣли въ 1748 году. Въ то время ворота представляли совсѣмъ другой видъ, чѣмъ нынѣ. Живопись, ваяніе, лѣпная работа и витійство, украшавшія ихъ по мраморному полю статуями, эмблемами и аллегорическими надписями, придавали имъ монументальный характеръ, какъ видно на приложенномъ къ описанію рисункѣ. Чтобы дать полное понятіе о первобытномъ видѣ „Красныхъ воротъ“, во всѣхъ подробностяхъ ихъ украшенія, въ статьѣ приведено „Доношеніе въ Правительствующій сенатъ архитектора князя Дмитрія Ухтомскаго“ о тріумфальныхъ воротахъ, построенныхъ въ Москвѣ ко времени короваціи императрицы Елисаветы, въ коринѳскомъ стилѣ. Впослѣдствіи, въ 1753 г., ворота построены каменныя, которыя подвергались разнаго рода починкамъ и потому постепенно утрачивали свой первоначальный характеръ. Съ разсматриваемымъ монументомъ соединены многія историческія воспоминанія. Г. Мартыновъ упоминаетъ о потѣхахъ масляничныхъ, въ которыхъ участвовалъ самъ Петръ I съ офицерами, о деревянной „комидіальной храминѣ“, о невиданномъ дотолѣ подвижномъ маскарадѣ перваго нашего актера Волкова: „Торжествующая Минерва“, которая въ 1763 г. на масляницѣ отъ Красныхъ воротъ шествовала по улицамъ города на 200 колесницахъ. Описаніе этого маскарада также приведено въ статьѣ.

Владимірскій монастырь Рождества Богородицы, основанный Всеволодомъ Юрьевичемъ, является исторической святыней, судьбы которой описаны въ

статьѣ г. Тихонравова. По живому участію въ дѣлахъ церковныхъ и государственныхъ, будучи свидѣтелемъ многихъ событій, обитель эта заслуживаетъ полнаго изученія со стороны нашихъ археологовъ. И описаніе, составленное г. Тихонравовымъ, не только облегчаетъ это изученіе, но и является путеводною нитью къ нему.

Тою же обстоятельностью и, такъ сказать, документальностью отличаются обѣ статьи архимандрита Григорія о московскомъ Златоустовомъ монастырѣ, существовавшемъ уже въ XV-мъ вѣкѣ и о Высокопетровской обители, основанной столѣтіемъ раньше.

Въ заключеніе настоящей замѣтки перечислимъ рисунки, приложенные къ III-му тому „Русскихъ достопамятностей“: видъ московскаго царь-колокола; виды и планы поименованныхъ выше обителей; восточныя ворота и архіерейскій домъ въ Рождественскомъ монастырѣ; изображеніе оклада хранящагося въ немъ евангелія; блюдо, находящееся въ его ризницѣ и усыпальница Нарышкиныхъ въ Боголюбовской церкви Высокопетровскаго монастыря. Всѣ эти рисунки, повторяемъ, исполнены превосходно.

Ѳ. В.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Именные указы императрицы Елисаветы Петровны.

I.

Я ИМПЕРАТОРСКОЕ величество изволила указать именнымъ своего величества указомъ: двора своего императорскаго величества пажамъ быть дневальнымъ въ апартаментахъ своего императорскаго величества по шести человѣкъ, а съ перешествія ея императорскаго величества въ новый Лѣтній домъ, онымъ пажамъ, хотя которые и не дневальные, ходить всѣмъ, какъ къ обѣденному, такъ и къ вечернему столу ея императорскаго величества, а лакеямъ при томъ столѣ, какъ оные до нынѣ употреблялись, не стоять, а быть имъ только для ношенія къ столу ея императорскаго величества кушанья, до столовой комнаты, какъ и прежде оное бывало. Также онымъ же пажамъ жительство имѣть въ отведенныхъ квартирахъ, при своемъ учителѣ, а въ своихъ бы домахъ не жили бы, дабы оные никакихъ рѣзвостей не чинили подъ всегдашнимъ у того учителя запрещеніемъ.

Марта 29 дня, 1750 г.

II.

Ея императорское величество сего октября 7-го числа въ вечеру, прибывъ въ комнату, которая предъ столовою, изволила усмотрѣть, что въ оной комнатѣ пажи сидѣли на лавкахъ, обитыхъ штофомъ, на которомъ никто не долженъ садиться, а въ тожъ время, въ оной комнатѣ былъ камеръ-фурьеръ Степанъ Нестеровъ и при томъ ея императорское величество соизволила имѣть гнѣвъ, для чего оной камеръ-фурьеръ Нестеровъ онымъ пажамъ на тѣхъ лавкахъ сидѣть не воспрещалъ, причемъ соизволила указать именнымъ своего императорскаго величества указомъ, чтобъ впредь гофъ-штабъ-квартирмейстеръ и камеръ-фурьеръ ежели когда усмотрятъ, что тѣ пажи при дворѣ ея императорскаго величества по ихъ малолѣтству учинятъ какіе непристойные поступки, тобъ имъ оныхъ чинить воспрещали, а въ случаѣ за таковое непорядочество и за уши ихъ драли.

Октября 9 дня, 1750 г.

III.

Ея императорское величество именнымъ своего императорскаго величества указомъ изволила указать: обрѣтающимся въ предпочивальныхъ покояхъ ея импе-

раторскаго величества дневальнымъ, такожъ и не дневальнымъ пажамъ, послѣ стола ея императорскаго величества не ѣсть, а ходить ѣсть по прежнему съ протчею своею братiю, отслужа столъ ея императорскаго величества, въ квартиры ихъ которыя состоятъ въ крюйсовскомъ домѣ, понеже за оными пажами усмотрѣно, что они при дворѣ ея императорскаго величества чинятъ не порядки, то есть шумъ и рѣзвости; точiю чтобъ тѣ пажи въ ихъ квартирахъ были кушаньемъ довольны и въ томъ во всемъ прилежное смотрѣнiе имѣть обрѣтающемуся при нихъ учителю Фленсъ-Лебену, а ежели впредь за тѣми пажами усмотрить такiе не порядки, за то оныхъ штрафовать на кухняхъ.

Марта 10 дня, 1751 г.

IV.

Понеже усмотрѣно, что при дворѣ ея императорскаго величества въ апартаментахъ, въ банкетные, курташные и прочiе дни, въ которые ко двору ея императорскаго величества съѣздъ бываетъ, отъ молодыхъ господъ, такожъ отъ пажей двора ея императорскаго величества, чинятся рѣзвости и другiе наглые поступки и насмѣшки, за что отъ ея императорскаго величества воспослѣдовалъ высочайшiй гнѣвъ, и при томъ ея императорское величество именнымъ своего императорскаго величества указомъ изволила указать въ таковые дни, когда ко двору ея императорскаго величества съѣзды бываютъ, имѣть смотрѣнiе гофъ-фурьерамъ, чтобъ отъ таковыхъ молодыхъ господъ и другихъ, какогобъ званiя кто не былъ, также и отъ придворныхъ пажей ея императорскаго величества, въ апартаментахъ вышеписанныхъ рѣзвостей и другихъ наглостей и насмѣшекъ отнюдь чинено не было, а буде кто таковые не порядки будутъ чинить, таковыхъ брать подъ караулъ.

Декабря 1 дня, 1751 г.

Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**

Анекдотъ объ императорѣ Александрѣ I.

Просматривая недавно одинъ печатный сборникъ анекдотовъ, касающихся покойнаго императора Александра Павловича, я не нашелъ въ числѣ ихъ одного, много разъ слышаннаго мною въ дѣтствѣ отъ моего отца, Семена Дм. Лѣскова, котораго всѣ его знавшiе считали за человѣка очень правдиваго и основательнаго.

Отецъ говорилъ, что во время его службы въ Петербургѣ, другъ его. нѣкто Волконскiй (не князь) шелъ однажды съ убитымъ впослѣдствiи во время „Сѣннаго бунта“ Бѣлавинымъ къ общему ихъ знакомому на чашку чаю. Путь имъ пролегалъ по одной изъ набережныхъ, но по какой именно,—я теперь не помню; а дѣло было зимою, въ сумерки и при небольшой снѣжной замети.

— Идемъ, говорилъ Волконскiй, и бесѣдуемъ между собою, а у протомойни какая-то баба-прачка тащитъ на взвозъ салазки съ вымытымъ, мокрымъ бѣльемъ. Бѣлье, разумѣется тяжелое и прачка чуть его тащитъ, а какъ довезла до взвоза, по которому надо подниматься на набережную, — тутъ и началось для насъ смѣшное зрѣлище, а для нее мука. По взвозу этому водовозы таскали кади съ водою, которая плескалась и до того ровно облила весь взвозъ, что онъ обледенѣлъ, осклизъ и подняться по немъ было чрезвычайно трудно,—особенно съ тяжестiю. Баба съ своими салазками, въ обмерзшихъ сапогахъ, карабкается, карабкается и едва дотянетъ до половины, какъ ноги ее въ обмерзлой обуви поскользнутся и она вдругъ опять съѣдетъ внизъ. И какъ салазки съ тяжелымъ бѣльемъ потянутъ ее назадъ, то она всякiй разъ упадетъ и ѣдетъ внизъ на четверенькахъ. Очень это выходило смѣшно и мы, не къ чести своей, не могли удержаться отъ того, чтобы не остановиться и не

посмѣяться. Другого же, чего-нибудь лучшаго мы не придумали. Но въ это самое время, какъ баба то въѣзжала до половины взвоза, то съѣзжала назадъ подъ гору, а мы на нее смотрѣли,—сопутникъ мой дернулъ меня за рукавъ и сказалъ:

— Государь!

Я оглянулся и увидалъ вдалекѣ позади насъ едва обозначавшуюся въ сѣрыхъ сумеркахъ фигуру, въ которой зоркій глазъ могъ узнать Александра.

Встрѣчь съ императоромъ Александромъ Павловичемъ нигдѣ не опасались и не избѣгали, но если онъ шелъ по улицѣ одинъ, да еще въ такую сѣрую пору, то считали неделикатнымъ попадаться ему на глаза. Этимъ выражали уваженіе извѣстному его желанію отдыхать отъ тяготившихъ его почестей и пользоваться свободою обыкновеннаго человѣка, — чѣмъ онъ очень дорожилъ.

Зная это и мы поспѣшили очистить ему дорогу, но уходить впередъ ускоряя шагъ было неловко, чтобы не имѣло вида, какъ будто бѣжимъ; мы взяли въ первый переулокъ и стали за уголокъ, чтобы переждать пока государь пройдетъ и потомъ идти своею дорогою. Но только что мы успѣли всѣмъ этимъ распорядиться, какъ Александръ Павловичъ подошелъ къ тому мѣсту на которомъ мы стояли и остановился. Онъ увидалъ прачку и сейчасъ же началъ озираться то въ ту, то въ другую сторону. Нигдѣ никого не было, а мы, замѣтивъ движенія государя, постарались прижаться за уголъ еще поплотнѣе.

Можно было думать, что императоръ заботливо осматривался затѣмъ, чтобы кого-нибудь позвать, но на дѣлѣ вышло не то. Александръ именно того и желалъ, чтобы его никто не видѣлъ, и чуть только онъ убѣдился, что ни чей глазъ за нимъ не наблюдаетъ, онъ однимъ движеніемъ сбросилъ на гранитъ набережной шинель и сбѣжавъ въ одномъ мундирчикѣ къ продолжавшей свое восхожденіе прачкѣ, взялъ изъ ея рукъ веревку, перекинулъ ее черезъ плечо и согнувшись, шибко взвезъ салазки съ бѣльемъ на тротуаръ..

— Дай Богъ здоровья твоему благородію! кричала ему снизу поднимавшаяся баба.

— Хорошо, матушка, хорошо, — буду здоровъ! отвѣчалъ онъ и накинувъ шинель, скоро пошелъ своею дорогою,—вѣроятно спѣша согрѣться.

Мы вышли изъ своей засады и говорили бабѣ:

— Знаешь кто это тебѣ салазки вывезъ?

— Какой-то офицеръ добрый.

— Это, говоримъ, самъ государь.

Баба оторопѣла и сначала было сдѣлала шагъ въ ту сторону, куда ушелъ государь, но сейчасъ же остановилась и, кусая ногти, молвила:

— Экая я дурища,—какой случай пропустила попросить!

— А о чемъ бы ты хотѣла его просить?

— Да чтобы онъ приказалъ дать мнѣ хоть одну рубашечку ему выстирать.

Сообщено **Н. С. Лѣсковымъ**.

Истребитель разбойниковъ Рѣдькинъ.

Имена разбойничьихъ атамановъ, когда-то свирѣпствовавшихъ по берегамъ Камы и Волги, до сихъ поръ сохранились въ памяти мѣстнаго народа; между тѣмъ какъ имена тѣхъ лицъ, которыя, не жалѣя себя, ратовали въ старину за общественную безопасность, остаются въ забвеніи. Многіе ли слыхали, напримѣръ о Рѣдькинѣ, цѣлый вѣкъ свой бившемся съ злодѣями и сдѣлавшимся наконецъ жертвою столь почетной борьбы? Человѣкъ этотъ по справедливости

не долженъ оставаться безвѣстнымъ. Любопытный разсказъ о немъ помѣщенъ въ „Пермскихъ Вѣдомостяхъ“ со словъ мѣстныхъ старожиловъ Сивкова и покойнаго директора Томской гимназіи Ѳ. А. Прядильщикова, „лѣтописцемъ города Перми“.

Рѣдькинъ—имя и отчество Богъ вѣсть—былъ приказчикъ села Купроса, что въ Иньвенскомъ имѣніи гг. Строгановыхъ; жилъ онъ между 1730 и 1780 годами, слѣдовательно тогда, когда Соликамская провинція страшно бѣдствовала отъ разбоевъ. Роль сельскаго начальника, да еще крѣпостнаго, болѣе чѣмъ скромная, однако жъ, при народной тревогѣ, и она можетъ выйти замѣчательною. Доказательствомъ истины служитъ оффиціальное поведеніе Рѣдькина. Живя въ краю, который былъ наводненъ толпами бродягъ, нападавшихъ не только на отдѣльныя мѣстности, подчасъ на цѣлыя села и горные заводы,—купросскій приказчикъ, единственный охранитель спокойствія по ввѣренному ему захолустью,—не зналъ почти инаго дѣла, кромѣ преслѣдованія грабителей и отчаянныхъ схватокъ съ ними не на животъ, а на смерть. Противъ кого и съ кѣмъ доводилось горячо пускаться въ бой? Злодѣи, большею частію каторжники, бѣжавшіе изъ Рогервика, имѣли атаманами такихъ удальцовъ, которые пользовались своего рода извѣстностію; возьмемъ на выдержку—одинъ, прозвищемъ Бадьянко, славился тѣмъ, что пересидѣлъ въ 70 тюрьмахъ; другой—Щукинъ разбивалъ караваны въ виду Казани; третій—штурмовалъ твердыню Пыскорскаго монастыря и проч. Рѣдькину никто изъ приказчиковъ не помогалъ; отрядъ же его составляли крестьяне, очень хорошо понимавшіе, что ихъ преданность законной власти можетъ быть легко отмщена отъ злодѣевъ. Правда и господа—такъ величалъ народъ чиновниковъ—давали преступникамъ чувствовать всю тяжесть своей благородной руки, но гдѣ?—въ застѣнкахъ провинціальной канцеляріи, куда бродяги доставлялись пойманные и забитые въ колодкахъ. Ловить и вязать по лѣсамъ—господа находили для себя неудобнымъ. Вѣроятно, въ Соликамскѣ не забылось, какъ въ 1730 году воевода во главѣ огромной партіи инвалидовъ и обывателей выступилъ противъ злодѣевъ и на первомъ же ночлегѣ былъ полоненъ ими, но, къ удивленію, не преданъ злой смерти, а только высѣченъ и поутру отпущенъ домой.

О подвигахъ Рѣдькина много наслышался петербургскій его владѣлецъ, и это повело къ слѣдующей исторіи. Бывая часто при дворѣ, баронъ Строгановъ однажды, когда въ присутствіи императрицы зашла рѣчь о грабежахъ, опустошающихъ Пермь, отозвался, что онъ очень покоенъ за тамошнее свое имѣніе отчину охраняетъ стражъ, имя котораго грозно для всѣхъ негодяевъ.

— Кто такой? изволила спросить государыня.

— Простой сельскій приказчикъ, по фамиліи Рѣдькинъ, докладываетъ владѣлецъ.

— Почему же боятся его грабители?

— Служитель мой, ваше величество, прослылъ у мѣстнаго народа богатыремъ, потому что, при многочисленныхъ поискахъ, положилъ собственноручно, если вѣрить молвѣ, около сотни бандитовъ.

— Да вы, баронъ, говорите о какомъ-то доморощенномъ геркулесѣ.

Разговоръ государыни заключился словами:

— А любопытно бы, однако жъ видѣть пермскаго богатыря.

Чтобъ исполнить высочайшее желаніе, помѣщикъ вытребовалъ купросскаго приказчика въ Питеръ. Явившійся сюда провинціалъ оказался по виду вполнѣ достойнымъ своей славы; это былъ атлетъ огромнаго роста, сутуловатый, съ лицомъ обросшимъ черною какъ смоль бородою и съ такимъ взглядомъ, что морозъ пробѣгалъ по кожѣ у тѣхъ, кто пытался посмотрѣть ему въ глаза.

Найдено нужнымъ дать Рѣдькину сколько нибудь благовидную внѣшность. Его обрили и одѣли въ ливрейный костюмъ. Оставалось дождаться случая не то что къ представленію, а хотя къ показу дикаря очамъ императрицы. Случай

скоро насталъ. Во время какихъ-то праздниковъ ея величество осчастливила барона посѣщеніемъ. По заведенному порядку, дворня хозяина, т. е. домоправитель, камердинеры, оффиціанты и проч. слуги, разряженные, причесанные подъ пудру, образовали изъ себя шпалеры у парадной лѣстницы, тутъ же въ числѣ гайдуковъ помѣщенъ и Рѣдькинъ. Проходя этимъ рядомъ, августѣйшая гостья случайно обратила взоръ на пермяка и какъ бы смутилась.

— Кто это такой? спрашиваетъ императрица по-французски у барона.

— Тотъ самый истребитель разбойниковъ, о которомъ я имѣлъ счастіе доносить вашему величеству, отвѣчаетъ Строгановъ.

— Ахъ, какъ отъ страшенъ! Прикажите ему удалиться, сказала государыня.

Тѣмъ и кончился невольный парадъ Рѣдькина. О наградѣ за подвиги никто не подумалъ.

Отпущенный на родину купросскій приказчикъ вступилъ въ должность и принялся за бродягъ. Но дни его были уже сочтены судьбой. Вотъ что произошло лѣтомъ 1780 года.

Рѣдькинъ прискакалъ въ деревню Н. для взысканія оброчныхъ недоимокъ съ крестьянъ, и какъ время было подъ вечеръ, разсудилъ здѣсь переночевать. Нашелся шпіонъ изъ жителей, который подалъ вѣсть кочевавшимъ вблизи разбойникамъ, что непріятель ихъ гоститъ у десятника, притомъ одинъ, безъ конвоя. Шайка негодяевъ сейчасъ рѣшила воспользоваться такою оплошностію. Спокойно ужинавшій приказчикъ вдругъ слышитъ около квартиры нѣсколько свистковъ и топотъ лошадей; смотритъ на улицу—и видитъ себя окруженнымъ. Герой не растерялся. Приказавъ хозяевамъ закрыть волоковыя окна и наблюдать, чтобъ кто нибудь не отодвинулъ ставни извнѣ, онъ хватаетъ всегда имѣющееся при немъ ружье, пару пистолетовъ, ножъ и бросается въ сѣни съ цѣлью оборонять входъ. Нападающіе начали отбивать на-скоро захлопнутую дверь. Осажденный дѣлаетъ сквозь протесъ нѣсколько выстрѣловъ по нимъ. Злодѣевъ это озадачило. Потерявъ надежду взять врага голыми руками, они очистили сперва крыльцо, а затѣмъ и дверь. Съ бранью и угрозой шайка сѣла на коней и поѣхала въ поле. Тѣмъ бѣда окончилась бы, еслибъ Рѣдькинъ не увлекся излишней энергіей. Освободившись, онъ велитъ десятнику собирать народъ для погони за бродягами, а самъ въ порывѣ нетерпѣнія верхомъ летитъ по слѣдамъ ихъ. Саженяхъ во-ста отъ воротъ околицы онъ настигаетъ шайку. Вмѣсто того, чтобъ утекать, она прямо идетъ на встрѣчу одинокаго непріятеля. Рѣдькинъ хотѣлъ было уклониться отъ неравной борьбы, поскакалъ обратно въ деревню, но пока отворялъ полевыя ворота—пуля разбойничья положила его на мѣстѣ; затѣмъ подоспѣвшіе злодѣи саблями и ножами довершили убійство. Когда подоспѣлъ десятникъ съ людьми, то нашелъ у околицы трупъ начальника обезглавленный, безъ рукъ и ногъ.

ПУШКИНСКІЕ ДНИ ВЪ МОСКВѢ И ПЕТЕРБУРГѢ.

Значеніе Пушкинскаго торжества. — 5-е іюня въ Москвѣ: засѣданіе комитета по сооруженію памятника Пушкину. — 6-е іюня въ Москвѣ: служба по усопшемъ поэтѣ; рѣчь митрополита Макарія.—Торжественное открытіе памятника Пушкину.— Торжественное собраніе въ университетѣ: рѣчи Н. С. Тихонравова, В. О. Ключевскаго и Н. А. Стороженка. — Думскій обѣдъ депутаціямъ: рѣчи И. С. Аксакова и М. Н. Каткова. — Литературно-музыкально-драматическій вечеръ въ благородномъ собраніи.—Народныя чтенія въ политехническомъ музеѣ. — 7-е іюня въ Москвѣ: первое засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности: рѣчи С. А. Юрьева, Люи Лежера, М. И. Сухомлинова, С. М. Шпилевскаго, Я. К. Грота, И. С. Тургенева.—Обѣдъ отъ Общества Любителей Россійской Словесности: тосты С. А. Юрьева и А. Н. Островскаго. — 8-е іюня въ Москвѣ: второе засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности: рѣчи Н. А. Чаева, Ѳ. М. Достоевскаго, И. С. Аксакова, П. В. Анненкова, Н. В. Калачова, П. И. Бартенева и А. А. Потѣхина. — 6-е іюня въ Петербургѣ: панихида въ Исакіевскомъ соборѣ. — Литературное утро: чтенія О. Ѳ. Миллера, А. И. Незеленова, стихотворенія Н. С. Курочкина и графа А. А. Голенищева-Кутузова. — Обѣдъ въ купеческомъ собраніи: рѣчи В. И. Модестова, Г. К. Градовскаго, В. А. Полетики, Я. А. Полонскаго. — Автографъ Пушкина къ А. А. Орлову.—Импровизированный литературно-музыкальный вечеръ.— Телеграмма къ Виктору Гюго. — Пушкинское торжество въ провинціи.

ДНИ ПРАЗДНОВАНІЯ торжественнаго открытія памятника А. С. Пушкину запишутся неизгладимыми чертами въ исторіи русской литературы. Это дни святого восторга, вдохновеннаго трепета, охватившаго русскую интеллигенцію передъ чистымъ образомъ своего генія, которому впервые удалось проложить новые пути къ окрѣпленію и свободному развитію нашей общественной мысли. Память великаго поэта пробудила въ насъ спавшую энергію; она сблизила все мыслящее общество въ одномъ свободномъ влеченіи, — внѣ всякой опеки, воскресить тѣ высокіе идеалы, какіе завѣщаны намъ великимъ поэтомъ и до сихъ поръ заслонялись отъ общественнаго вниманія. Всѣ „партіи" и тенденціи, всякая рознь, всѣ „заднія мысли" неминуемо отошли въ сторону, хотя бы уже потому, что съ свѣтлою памятью Пушкина не могло вязаться мрачное слово злобы и мщенія. Оттого и на празднествахъ въ честь Пушкина раздавалось только утѣшительное слово мира и братской любви. Во всѣхъ разнообразныхъ привѣтствіяхъ, обращенныхъ къ поэту, поражало не торжество ораторскаго искусства; нѣтъ, въ нихъ выступала выше всего сердечная, какая-то братская теплота общественной манифестаціи въ честь мирнаго сподвижника мысли и слова. Тѣ, кто не имѣлъ возможности лично поклониться поэту, соединялись съ чествовавшими въ одномъ чувствѣ и чаяніи чего-то лучшаго, свѣтлаго. Въ громадномъ количествѣ телеграммъ и привѣтствій, присланныхъ по поводу

празднества, звучала также одна нота, чтобы русскій человѣкъ пересталъ чувствовать себя одинокимъ среди своего общества и народа. Свѣтила иностранной литературы прислали привѣтъ „благородному празднику“, въ которомъ всѣ еще неиспорченныя души съ живымъ участіемъ могутъ чувствовать себя объединенными. О представителяхъ русской науки и литературы и говорить нечего. „Нынче на нашей улицѣ праздникъ!“—этими словами А. Н. Островскій мѣтко обобщилъ одушевлявшія ихъ чувства. Праздникъ, дѣйствительно, вышелъ вполнѣ литературно-общественный. Все на немъ было „общественное“: и починъ въ устройствѣ памятника, и участіе въ чествованіи, общественная мысль, и общественное слово. Торжество не знало ни опеки, ни формы и внѣшней окраски, какую могло бы сообщить ему канцелярски бюрократическое отношеніе къ дѣлу. Здѣсь, по справедливому замѣчанію одного очевидца, общественное желаніе впервые развернулось у насъ на безусловно законной почвѣ и въ безусловно законныхъ, безукоризненно законныхъ предѣлахъ, съ такою широкою свободою. Съѣхавшіеся чувствовали себя полноправными гражданами, впервые вкусившими сладость блестяще обставленнаго исполненія святаго, гражданскаго долга. Каждый изъ ораторовъ на празднествѣ выражалъ особое пожеланіе, но всѣ сходились въ одномъ, что настоящее торжество должно явиться „радостнымъ благовѣстомъ нашего мужающаго наконецъ самосознанія“, что въ лицѣ Пушкина чествуется русская народность и просвѣщеніе, „чаемое примиреніе прошлаго съ настоящимъ“. Вотъ почему можно сказать, что Пушкинскій праздникъ открываетъ собою новую эру въ проявленіи симпатій нашего общества къ лучшимъ людямъ нашей отчизны. Въ этомъ отношеніи подпиской на памятникъ другому русскому генію, Н. В. Гоголю, достаточно завершилось московское торжество.

Нижеслѣдующее описаніе празднованія открытія памятника великому поэту является, безъ сомнѣнія, лишь слабымъ воспроизведеніемъ того, чѣмъ въ дѣйствительности ознаменовались отнынѣ приснопамятные „Пушкинскіе дни“ въ обѣихъ столицахъ. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ необходимымъ представить отчетъ объ этомъ, хотя бы въ тѣхъ видахъ, чтобы показать, что русская интеллигенція умѣетъ цѣнить заслуги минувшихъ дѣятелей, дорогихъ ея отчизнѣ.

Пушкинское торжество въ Москвѣ открылось 5-го іюня засѣданіемъ, въ думской залѣ, высочайше учрежденнаго комитета по сооруженію памятника великому поэту. И это было, такъ сказать, преддверіемъ, прелюдіей „Пушкинскихъ дней“. Засѣданіе посвящено было пріему депутацій, прибывшихъ въ Москву отъ различныхъ учрежденій, ученыхъ обществъ, печати, городовъ, университетовъ, а также чтенію отчета о дѣятельности комитета. Всѣхъ депутацій было 106, а депутатовъ 244. Рѣчи, произносившіяся депутатами, всѣ были, конечно, кратки и въ сущности одного содержанія; только ректоръ московскаго университета Н. С. Тихонравовъ сказалъ нѣсколько горячихъ словъ, выходившихъ изъ общей формы поздравительныхъ привѣтствій, выразивъ пожеланіе, чтобы крѣпла русская мысль и созидалась мощь русской науки, формирующей дѣятелей русской мысли.

Когда окончилось представленіе депутатовъ, академикъ Я. К. Гротъ прочелъ полученныя по почтѣ и телеграфу привѣтствія наступавшаго пушкинскаго праздника, и затѣмъ актъ 5-го іюня завершенъ былъ сообщеніемъ г. Грота о ходѣ работъ по сооруженію памятника Пушкину. Въ этомъ любопытномъ отчетѣ комитета нельзя не отмѣтить знаменательнаго факта, что какъ починъ сооруженія памятника принадлежалъ обществу, такъ и требуемыя матеріальныя средства пришли изъ общества. Комитетъ справедливо поставилъ себѣ въ заслугу полнѣйшее отсутствіе въ своей осуществлявшей общественное начинаніе дѣятельности какихъ бы то ни было бюрократическихъ пріемовъ. Памятникъ Пушкину составляетъ, по словамъ г. Грота, „истинно народное предпріятіе, совершенное по частному почину, безъ всякой примѣси бюрократическаго или

приказнаго характера, безъ дополнительныхъ пособій отъ казны". Тѣмъ не менѣе и частныхъ пожертвованій не только оказалось достаточно на сооруженіе памятника, ничуть не уступающаго другимъ подобнымъ сооруженіямъ, но изъ собранной суммы въ 106 тысячъ рублей оказался остатокъ въ 19 тысячъ. Этотъ остатокъ предположено употребить на изданіе Пушкинской хрестоматіи или альманаха съ его стихами, или чего нибудь въ этомъ родѣ для распространенія въ публикѣ по всѣмъ доступной цѣнѣ. Такимъ образомъ уже изъ этого оффиціальнаго отчета ясно, что памятникъ великому поэту есть нравственная собственность частнаго почина русской интеллигенціи въ широкомъ смыслѣ слова.

На другой день, 6-го іюня, къ 10 часамъ утра назначенъ былъ съѣздъ въ Страстной монастырь. Тверская площадь была совсѣмъ пуста. Всякое движеніе по ней было прекращено и къ проѣзду допускались только экипажи лицъ, принимавшихъ участіе въ торжествѣ. Широкая дорога, густо усыпанная зеленью и живыми цвѣтами, вела черезъ веселый и зеленый монастырскій дворъ, отъ монастырскихъ воротъ въ верхнюю, расположенную во второмъ этажѣ церковь. Служба, молебствіе и панихида длились около двухъ часовъ. Обѣдню служилъ извѣстный церковный витія, московскій митрополитъ Макарій, соборне съ четырьмя архіереями. Два хора пѣвчихъ, съ знаменитымъ чудовскимъ хоромъ во главѣ, блестяще исполнили духовный концертъ. По окончаніи службы митрополитъ Макарій произнесъ замѣчательное слово, и по красотѣ языка, и по его заключительной молитвѣ.

„Нынѣ—сказалъ московскій владыка — свѣтлый праздникъ русской поэзіи и отечественнаго слова. Россія чествуетъ торжественно знаменитѣйшаго изъ своихъ поэтовъ открытіемъ ему памятника, а церковь отечественная освящая это торжество особымъ священнослуженіемъ и молитвами о вѣчномъ упокоеніи души чествуемаго, возглашаетъ вѣчную память. Всѣ, кому дорого родное слово и родная поэзія на всѣхъ пространствахъ Россіи, безъ сомнѣнія, участвуютъ сердцемъ въ настоящемъ торжествѣ и какъ бы присутствуютъ въ лицѣ васъ, достопочтеннѣйшіе представители и любители отечественной словесности, науки и искусства".

„Сыны Россіи!"—такъ заключилъ свою блестящую рѣчь духовный ораторъ,— „освящая нынѣ памятникъ знаменитѣйшему изъ нашихъ поэтовъ, какъ дань признательности къ его необыкновеннымъ твореніямъ, можемъ ли не соединить и теплой молитвы отъ лица всей земли русской, да посылаетъ ей Господь еще и еще геніальныхъ людей и великихъ дѣятелей не на литературномъ только, но и на всѣхъ поприщахъ общественнаго и государственнаго служенія! Да украсится она наша родная во всѣхъ краяхъ достойными памятниками въ честь достойнѣйшихъ сыновъ своихъ".

Послѣ полудня всѣ присутствовавшіе отправились изъ церкви прямо къ памятнику. Тѣмъ временемъ Тверская площадь готова была уже къ близкому торжественному моменту, дорогому и знаменательному для всей грамотной, мыслящей и любящей Россіи. Окружающая памятникъ площадь весело играла безчисленными цвѣтными флагами. Флаги прикрѣплены были къ высокимъ шестамъ, по серединѣ которыхъ виднѣлись круглые сѣрые щиты. На каждомъ щитѣ крупными красными буквами значилось имя Пушкинскаго произведенія. Одинъ щитъ вѣщалъ объ „Евгеніи Онѣгинѣ", другой—о „Полтавѣ", третій—о „Цыганахъ", четвертый—о „Борисѣ Годуновѣ" и т. д. Каждый щитъ окруженъ былъ лавровымъ вѣнкомъ. Такимъ образомъ, вокругъ памятника объединена была вся литературная дѣятельность поэта, въ ея наиболѣе крупныхъ и популярныхъ произведеніяхъ. По лѣвую сторону памятника высились почетныя мѣста, декорированныя краснымъ сукномъ. Они были заняты оффиціальными лицами и Пушкинскою семьею. Противъ эстрады помѣщались значки депутацій, въ видѣ бѣлыхъ, голубыхъ и алыхъ хоругвій, отороченныхъ золотымъ галуномъ и золотою же бахрамою, съ золотымъ наименованіемъ депутацій на

цвѣтномъ суконномъ флагѣ. За значками депутацій выстроились прямою линіею ремесленные значки съ представителями цеховъ и городскихъ сословій. Направо, нѣсколько оркестровъ музыки ждали условнаго сигнала, а вся отдаленная перспектива Тверскаго бульвара, кишѣла цѣлымъ моремъ людей.

Наконецъ, когда всѣ были установлены по своимъ мѣстамъ, членъ комитета Ѳ. П. Корниловъ прочелъ городскому головѣ актъ передачи памятника городу; по данному сигналу, четыре оркестра военной музыки, вмѣстѣ съ хоромъ пѣвчихъ, грянули „Боже Царя храни!..“ Завѣса спала. При радостныхъ кликахъ толпы, у подножія памятника, съ высоты котораго глядитъ Пушкинъ, русская интеллигенція и русскій народъ сложили свои вѣнки и вмѣстѣ поклонились великому національному поэту... Нѣтъ возможности пересчитать, отъ кого были вѣнки, такъ много легло ихъ на пьедесталъ памятника! Церемонія на площади длилась не болѣе часа и когда участвовавшіе въ ней направились въ университетъ, гдѣ назначено было публичное собраніе, барьеры, загораживавшіе площадь, были сняты. Тутъ масса публики хлынула къ памятнику и начала рвать вѣнки на память.

Послѣ открытія памятника Пушкину, въ два часа пополудни, послѣдовало торжественное собраніе въ актовой залѣ университета, въ присутствіи принца Ольденбургскаго, московскаго генералъ-губернатора, министра народнаго просвѣщенія, многихъ почетныхъ особъ и гостей, депутатовъ и др. За каѳедрой, стоявшей передъ публикою, помѣщался бюстъ Пушкна, окруженный, вмѣстѣ съ каѳедрой, цѣлымъ садомъ цвѣтовъ и растеній. Собраніе было открыто ректоромъ университета, Н. С. Тихонравовымъ, который объявилъ, что университетъ избралъ въ свои почетные члены: Я. К. Грота, П. В. Анненкова и И. С. Тургенева. Едва только было названо имя Ивана Сергѣевича, какъ разразился какой то ураганъ апплодисментовъ, и вверху на хорахъ, и внизу въ залѣ, неистовый, неудержимый, слившійся въ одинъ протяжный гулъ. Но когда общее волненіе успокоилось, и Н. С. Тихонравовъ началъ свою рѣчь заявленіемъ, что московскій университетъ пригласилъ ближайшихъ потомковъ Пушкина почтить своимъ присутсвіемъ это собраніе и, поклонившись въ ихъ сторону, привелъ при этомъ слова поэта: „не есть ли благороднѣйшая надежда нашего сердца, безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами переданное“. Тѣ, къ кому обращено было это привѣтствіе т. е. дѣти и внуки виновника торжества: его дочери Марья Александровна Гартунгъ и графиня Наталья Александровна Меренбергъ, сыновья Александръ и Григорій Александровичи Пушкины съ дѣтьми, вставали и кланялись, а принцъ Ольденбургскій и другія почетныя лица подходили къ нимъ съ поздравленіями.

Затѣмъ ректоръ въ прекрасной рѣчи разъяснилъ значеніе Пушкина въ исторіи русской поэзіи. Подражательный періодъ, когда Пушкинъ еще благоговѣлъ передъ Державинымъ и другими стихотворцами Екатерининской эпохи, продолжался у Пушкина очень не долго. Оставивъ далеко за собою узкія рамки классицизма, Пушкинъ является выразителемъ новыхъ идей и дѣяній, проникшихъ въ русское общество. Отдавая дань Байронизму, Пушкинъ остается истинно русскимъ поэтомъ, содѣйствуя воспитанію русскаго общества въ духѣ новыхъ идей и пролагая новые пути развитія для русской рѣчи. Встрѣченный нападками со стороны критики, которая не въ состояніи была оцѣнить и понять новаго направленія, Пушкинъ продолжалъ идти „дорогою свободной, куда влекъ его свободный умъ“, выражая только сожалѣніе объ отсутствіи у насъ серьезной критики. По мѣрѣ развитія своего таланта, Пушкинъ становился все болѣе и болѣе на народную почву, сталъ почерпать сюжеты своихъ произведеній изъ русской исторіи и жизни, выказывая при разработкѣ ихъ глубокое пониманіе русскаго духа и русской національности. Въ заключеніе своей рѣчи, ораторъ, указавъ на то, что поэты не старѣютъ, подобно ученымъ и что ихъ произведенія остаются вѣчными, выразилъ мысль, что поэзія Пушкина будетъ оказывать еще долго воспитательное вліяніе на наше общество и освѣщать своими лучами путь къ его развитію.

Вторымъ ораторомъ на университетскомъ праздникѣ въ честь Пушкина выступилъ профессоръ В. О. Ключевскій. Тэмой для своей рѣчи онъ избралъ значеніе произведеній поэта для русской исторіи. Основное положеніе оратора отличалось новизною и оригинальностью. Онъ отрицаетъ серьезно-историческое значеніе въ такихъ произведеніяхъ Пушкина, какъ „Полтава", „Борисъ Годуновъ",—въ нихъ историкъ отодвинутъ на второй планъ вдохновеннымъ пѣвцомъ, такъ какъ даже факты въ нихъ приносились въ жертву картинамъ. Но за то въ повѣсти, написанной бѣгло, между дѣломъ, безъ всякихъ претензій изслѣдователя,—въ „Капитанской дочкѣ" — Пушкинъ сталъ на такую исторически описательную высоту, такъ мастерски справился съ своею задачею и такъ правдиво воспроизвелъ эпоху, что его же спеціальный трактатъ по этому предмету, „Исторія Пугачевскаго бунта", можетъ быть разсматриваемъ только какъ подробное примѣчаніе къ „Капитанской дочкѣ". Точно также и „Евгеній Онѣгинъ" вырисовываетъ передъ нами типъ русскаго человѣка, воспитаннаго на гуманныхъ идеяхъ начала Александровской эпохи и разочаровавшагося въ своихъ идеалахъ послѣ двадцать пятаго года. Вообще же въ поэмахъ и романахъ Пушкина выставлены многіе типы XVIII-го и начала XIX-го вѣка, которые наглядно знакомятъ насъ съ характеромъ эпохи. Арапъ Петра Великаго, Троекуровъ, капитанъ Мироновъ, поручикъ Гриневъ—поэтическіе образы, составляющіе важное и существенное дополненіе къ историческимъ актамъ и мемуарамъ современниковъ.

Третьею и послѣднею была рѣчь профессора иностранной литературы при московскомъ университетѣ Н. А. Стороженка „объ отношеніи Пушкина къ иностранной словесности". Г. Стороженко внимательно прослѣдилъ вліяніе западныхъ авторитетовъ, преимущественно Вольтера, Байрона и Шекспира на дѣятельность, взгляды и симпатіи поэта. „Изучая поэтовъ и мыслителей запада—сказалъ г. Стороженко въ заключеніе своей рѣчи,—муза Пушкина прониклась общечеловѣческимъ содержаніемъ, обогатилась множествомъ новыхъ мотивовъ, нашла въ нихъ, наконецъ, недосягаемые образцы художественнаго совершенства, и потому на праздникѣ, посвященномъ чествованію Пушкина, слѣдуетъ воздать должное, помянуть добрымъ словомъ и великихъ учителей его—тѣхъ геніевъ запада, идя по слѣдамъ которыхъ, нашъ Пушкинъ и самъ научился открывать новые міры".

Въ тотъ же день, 6-го іюня, въ залѣ Благороднаго Собранія данъ былъ московскимъ городскимъ обществомъ обѣдъ депутаціямъ, прибывшимъ на открытіе памятника. На обѣдѣ присутствовало болѣе двухсотъ лицъ обоего пола. Особенное вниманіе обратили на себя рѣчи И. С. Аксакова и М. Н. Каткова. Первый ораторъ привѣтствовалъ Пушкинское празднество въ такихъ выраженіяхъ: „Настоящее торжество — это побѣдное торжество, впервые въ лицѣ Пушкина, расторгшаго свой плѣнъ и воспарившаго смѣлымъ свободнымъ полетомъ народнаго поэтическаго генія. Настоящее торжество — это радостный благовѣстъ нашего мужающаго, наконецъ, самосознанія. Пушкинъ—это народность и просвѣщеніе, Пушкинъ—это залогъ чаемаго примиренія прошлаго съ настоящимъ".

„Не мало памятниковъ красуется у насъ въ Россіи прославленнымъ героямъ государственнаго и военнаго поприща прошлаго и нынѣшняго вѣковъ; но, повторяю я, вмѣстѣ съ поэтомъ Языковымъ:

Но слава времени, когда
И мирный гражданинъ, подвижникъ незабвенный
На полѣ книжнаго труда
Вѣнчанный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войнѣ,
Стоятъ торжественно, передъ лицомъ народа,
Уже на равной вышинѣ!

Слѣдовавшее затѣмъ обращеніе г. Каткова вышло совершенно неожиданнымъ. Редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей", во все время празднества, говорилъ только въ этотъ разъ, на думскомъ обѣдѣ, и говорилъ очень умно:

„Если" — сказалъ онъ — „на полѣ битвы и смертельные враги, стоя въ одномъ ряду противъ общаго непріятеля, чувствуютъ заодно, мыслятъ согласно и дѣйствуютъ дружно, то неужели не должно имѣть такую же силу дѣло мирнаго торжества? Неужели общій непріятель можетъ лучше единить и дружить людей, чѣмъ предметъ ихъ общей любви, ихъ общаго чествованія?

„На праздникѣ Пушкина, предъ его памятникомъ, собрались лица разныхъ мнѣній, быть можетъ несогласныхъ, быть можетъ непріязненныхъ. Вѣрно однако то, что всѣ собрались добровольно и стало быть съ искреннимъ желаніемъ почтить дорогую всѣмъ память.

„Я говорю подъ сѣнію памятника Пушкина, и потому надѣюсь, что мое искреннее слово будетъ принято дружелюбно всѣми,—всѣми безъ исключенія. Кто бы мы ни были и откуда бы ни пришли, и какъ бы мы ни разнились во всемъ прочемъ, но въ этотъ день, на этомъ торжествѣ, мы всѣ, я надѣюсь, единомышленники и союзники. Кто знаетъ, быть можетъ это минутное сближеніе послужитъ залогомъ болѣе прочнаго сближенія въ будущемъ и поведетъ къ замиренію, по крайней мѣрѣ къ смягченію вражды между враждующими.

„Буду еще смѣлѣе. На русской почвѣ, люди столь же искренно желающіе добра, какъ искренно сошлись мы всѣ на праздникѣ Пушкина, могутъ сталкиваться и враждовать между собою въ общемъ дѣлѣ только по недоразумѣнію. Къ сожалѣнію, недоразумѣнія составляютъ силу очень серьезную, которая не легко уступаетъ. Сила эта питается всѣми человѣческими слабостями, и есть одна слабость, которая всѣхъ болѣе плодитъ недоразумѣнія и отравляетъ отношенія между людьми.

„Всякій любитъ хорошее, и всякому пріятно чувствовать хорошее въ себѣ. Это очень естественно, но тутъ кроется опасность. Мы невольно пріучаемся хорошее любить въ себѣ, а дурное ненавидѣть въ другихъ. Благодатный миръ водворился бы на землѣ, если бы люди пріучились, напротивъ, хорошее любить болѣе въ другихъ, а дурное ненавидѣть въ себѣ.

„Не будемъ предаваться мечтамъ и утопіямъ, будемъ только надѣяться, что сила свѣта возьметъ свое, что сила недоразумѣній, раздѣляющихъ людей, будетъ ослабѣвать, и что все шире и шире будетъ становиться область, въ которой люди разныхъ мнѣній могутъ сходиться мирно и даже дружно.

„На пиршествѣ, которое Москва даетъ своимъ гостямъ, собравшимся чествовать Пушкина, слѣдуетъ дать слово самому виновнику торжества. Пусть самъ Пушкинъ провозгласитъ свой тостъ:

Поднимемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ
    Ты, солнце святое, гори!
    Какъ эта лампада блѣднѣетъ
    Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума,
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Рѣчь эта произвела весьма благопріятное впечатлѣніе на всѣхъ, тѣмъ болѣе, что исходила изъ устъ публициста, далеко не отличающагося мирными наклонностями по отношенію къ русской печати.

За рѣчью г. Каткова слѣдовали рѣчи преосвященнаго Амвросія и петербургскаго предводителя дворянства, графа Бобринскаго. Академикъ Гротъ сообщилъ, что оставшіеся въ живыхъ два лицейскіе товарища Пушкина, канцлеръ князь Горчаковъ и г. Комовскій, поручили ему выразить ихъ искреннее соболѣзнованіе, что не могутъ лично присутствовать на торжествѣ открытія

памятника. Затѣмъ А. Н. Майковъ прочелъ стихотвореніе, въ которомъ выразилъ привѣтствіе покойному поэту въ слѣдующихъ заключительныхъ стихахъ:

Мы привѣтствуемъ тебя, —
Нашу гордость, — какъ предтечу
Тѣхъ чудесъ, что, можетъ быть,
Намъ въ расцвѣтѣ нашемъ полномъ
Суждено еще явить...

День открытія памятника завершился литературно-музыкальнымъ и драматическимъ вечеромъ, даннымъ отъ „Общества Любителей Россійской Словесности“ въ залѣ Благороднаго Собранія. Музыкальную часть взялъ на себя Н. Г. Рубинштейнъ, подъ управленіемъ котораго оркестръ исполнялъ нѣсколько увертюръ. Въ вокальной части участвовали г-жи Климентова и Каменская, гг. Мельниковъ и Самаринъ, а въ литературной — гг. Достоевскій, Писемскій, Островскій, Тургеневъ, Анненковъ, Потѣхинъ и Григоровичъ. И. С. Тургеневъ привелъ всѣхъ въ неописанный восторгъ пушкинской „Тучей“ („Послѣдняя туча разсѣянной бури“). Стихотвореніе это было очень кстати и прекрасно соотвѣтствовало общему настроенію, почему и вызвало цѣлую бурю.

Нашъ отчетъ о празднованіи 6-го іюня былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули, подобно всѣмъ петербургскимъ газетамъ, о народныхъ чтеніяхъ, посвященныхъ памяти великаго поэта и происходившихъ въ зданіи Политехническаго музея. Зала, предназначенная для чтеній, украшена была множествомъ растеній и живою зеленью, среди которой утопалъ бюстъ виновника торжества. Празднество музея совершалось въ такомъ порядкѣ. Прежде всего прочитано было жизнеописаніе А. С. Пушкина, за которымъ слѣдовалъ гимнъ „Коль славенъ“, исполненный хоромъ пѣвчихъ купца Перлова. Затѣмъ читались отрывки изъ „Полтавы“, иллюстрированные тѣневыми картинами и въ заключеніе исполненъ былъ народный гимнъ „Боже, царя храни“!

На другой день, 7-го іюня, состоялось первое засѣданіе „Общества Любителей Россійской Словесности“ въ залѣ Благороднаго Собранія. Ровно въ часъ засѣданіе открылось рѣчью предсѣдателя общества, С. А. Юрьева. Онъ объяснилъ, что старѣйшее изъ обществъ считаетъ въ ряду своихъ членовъ виновника торжества съ 1830 года, и теперь Пушкинъ какъ бы присутствуетъ въ лицѣ своей семьи. Г. Юрьевъ такъ охарактеризовалъ поэта:

„Въ душѣ поэта, одаренной чуткостью къ движеніямъ жизни, одаренной способностью проникать въ сердце жизни, — въ душѣ поэта, который въ этомъ измѣняющемся мірѣ съ прозорливостью открываетъ неизмѣнное, — въ душѣ поэта, у котораго сличается внутреннее и внѣшнее, конечное и безконечное и отсюда образуется красота, — изъ глубины сердца онъ почерпаетъ образы истины, правды и добра. Его очи проникаютъ въ глубь сердецъ народа. Народъ въ лицѣ тѣхъ, которые способны понимать красоту и истину и очаровываться поэтическими звуками, проникаетъ въ мысль поэта и уразумѣваетъ свое призваніе. Душа народа озаряется невѣдомыми помыслами и окриляется для подвиговъ. Таковъ Пушкинъ...“

Пушкинъ, явившись на рубежѣ двухъ періодовъ нашего историческаго развитія, ясно сознавалъ могучій полетъ государственной силы, но этотъ полетъ его не смутилъ. Поэтъ тосковалъ только о томъ, что народъ съ громадною энергіею былъ придавленъ крѣпостнымъ правомъ. Онъ ждалъ, когда будетъ снято это ярмо и народъ подниметъ голову. Г. Юрьевъ закончилъ рѣчь призывомъ „не угашать духа“; тогда-то и взойдетъ „лучезарное солнце свободы просвѣщенной...“

Слѣдующая по порядку рѣчь сказана была делегатомъ французскаго правительства, г. Лежеромъ. Вотъ что произнесъ представитель Франціи, явившійся поклониться русскому генію:

„Посылая делегата на настоящее литературное торжество, министерство народнаго просвѣщенія французской республики хотѣло этимъ выразить и свою

симпатію умственному движенію Россіи и свое удивленіе вашему великому народному поэту. Имя Пушкина также хорошо извѣстно во Франціи, какъ имена Байрона, Гете, Манцони. Мы смотримъ на Пушкина какъ на величайшаго представителя русскаго народнаго генія и съ гордостью можемъ припомнить имя одного изъ нашихъ знаменитыхъ писателей, Мериме, который наиболыпе содѣйствовалъ распространенію славы Пушкина въ нашемъ отечествѣ. Мы чувствуемъ себя счастливыми, что настоящее торжество, къ сожалѣнію, омраченное недавней вашей утратой, нашедшей живой отголосокъ и во Франціи, даетъ намъ новый случай выразить то горячее неизмѣнное сочувствіе, съ которымъ мы слѣдимъ за судьбами Россіи. Въ настоящее время во Франціи существуетъ цѣлая группа людей, которая изучаетъ произведенія русскихъ писателей съ такимъ-же живымъ интересомъ, съ какимъ прежде изучались памятники литературъ классическихъ. Милостивые государи! отъ имени этой группы, я обращаю къ вамъ мое слово, и смѣю васъ увѣрить, что честь представлять французскій народъ въ эту торжественную минуту останется однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни. Не намъ, иностранцамъ, говорить въ настоящемъ собраніи о Пушкинѣ; мы здѣсь затѣмъ, чтобы слушать васъ, поучиться у васъ, благодарить васъ за радушный, искренно братскій пріемъ, который мы находимъ въ Россіи".

Послѣ продолжительныхъ и дружныхъ рукоплесканій, сопровождавшихъ рѣчь г. Лежера, слово предоставлено было депутату академіи наукъ и петербургскаго университета, М. И. Сухомлинову. Пушкинъ, по словамъ г. Сухомлинова, явился провозвѣстникомъ поэзіи, какъ святыни требуя отъ ея служителей нравственныхъ достоинствъ и непреклонности передъ ложными кумирами. Когда г. Сухомлиновъ коснулся цензурныхъ условій Пушкинскихъ временъ, присутствующіе привѣтствовали профессора единодушными одобреніями и восторгомъ.

Далѣе, депутатъ казанскаго университета, С. М. Шпилевскій, въ коротенькой, но красивой рѣчи заявилъ, что калмыки—и тѣ считаютъ Пушкина первымъ поэтомъ, учатся въ школахъ по его „Сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ", а при большемъ общеніи съ нашими окраинами будетъ расширяться область вѣчной славы о Пушкинѣ.

Секретарь общества, г. Аксаковъ, заявилъ вслѣдъ затѣмъ, что ко дню празднованія открытія памятника Пушкина изъ разныхъ мѣстъ Европы и Россіи получена масса телеграммъ и привѣтствій. Изъ множества ихъ г. Аксаковъ прочелъ только полученныя черезъ И. С. Тургенева письма нѣмецкаго романиста Ауэрбаха, Виктора Гюго и англійскаго поэта Тэниссона, отъ Загребской академіи наукъ, Харьковскаго университета и университета св. Владиміра, а также нѣсколько привѣтствій отъ славянъ. Особенное сочувствіе вызвали адреса: учителей народныхъ школъ московскаго уѣзда и выдержки изъ письма одного крестьянина Тверской губерніи. Въ первомъ выражалось желаніе, чтобы въ Пушкинѣ русскія дѣти, а слѣдовательно и русскій народъ, почерпали поученіе о правдѣ и добрѣ. Во второмъ указывалось на великую заслугу Пушкинскаго празднества, если ко всѣмъ рѣчамъ въ честь Пушкина при открытіи ему памятника присоединится еще одна или больше рѣчей, въ которыхъ были бы сопоставлены Пушкинское и наше время — время свободнаго народнаго труда, когда великій поэтъ становится доступенъ этому народу.

Затѣмъ секретарь доложилъ, что депутатъ г. Лежеръ, отъ имени французскаго правительства, привезъ почетную награду—знаки d'officiers du ministère de l'instruction publique—для представителей: литературы—С. А. Юрьева, науки—Н. С. Тихонравова и искусства — Н. Г. Рубинштейна. Это заявленіе вызвало новыя оваціи въ честь представителя Франціи.

Когда смолкли аплодисменты, на каѳедрѣ появился поэтъ Я. П. Полонскій и прочелъ свое симпатичное стихотвореніе, искусно составленное изъ отдѣльныхъ Пушкинскихъ эпитетовъ и фразъ. Пушкинъ, по слову поэта,

Знаетъ горе намъ родное
И разгулье удалое,
И сердечную тоску;
Но не падаетъ усталый
И, какъ путникъ запоздалый,
Самъ стучится къ мужику.
Это геній, все любившій,
Все въ самомъ себѣ вмѣстившій
Сѣверъ, западъ и востокъ...
Это—тотъ „ничтожный міра,“
Что,—когда бряцала лира,—
Жегъ сердца намъ, какъ пророкъ.

Громъ рукоплесканій проводилъ поэта послѣ его восторженныхъ строфъ въ память Пушкина. Вслѣдъ за г. Полонскимъ произнесъ рѣчь Я. К. Гротъ. Тэмой ему служила характеристика симпатичной, многострадальной и трудолюбивой личности Пушкина. Затѣмъ, послѣ десятиминутнаго перерыва, г. Поливановъ прочиталъ списокъ сорока учрежденій и лицъ, принесшихъ въ засѣданіе вѣнки...

Но вотъ на каѳедрѣ появился И. С. Тургеневъ. Не нужно говорить о томъ, какую бурю вызвало это появленіе. Г. Тургеневъ сказалъ приблизительно слѣдующее: Сооруженіе памятника поэта, — сооруженіе, на праздникъ котораго сошлись представители всѣхъ обществъ, всѣхъ учрежденій,— должно быть отмѣчено особымъ вниманіемъ. Любовь къ поэту привела сюда всѣхъ представителей, и сознаніе того, что Пушкинъ былъ первымъ русскимъ художникомъ поэтомъ, сплотило ихъ. Художественное воспроизведеніе идеала лежитъ въ основѣ жизни первобытныхъ народовъ, представляетъ одно изъ коренныхъ свойствъ ихъ. Оно является въ самые ранніе періоды развитія... Когда же творческая сила сіяетъ выраженіемъ своего искусства, тогда народъ получаетъ мѣсто въ исторіи человѣческихъ обществъ и вступаетъ въ братскій обмѣнъ съ другими. Физіономію народу даетъ только искусство, его душа, не умирающая и переживающая существованіе самаго народа... Пушкинъ—нашъ первый поэтъ. Нө поэзія имѣетъ два начала: воспріимчивость и самодѣятельность, иначе женское и мужское начала. Русскій народъ позднѣе другихъ вступилъ въ область творчества и поэтому начала русской поэзіи получили окраску двойственности. Двойственной была воспріимчивость, подчинявшаяся вліянію своей и чуждой жизни, и неравномѣрной стала самодѣятельность, доходившая иногда до порывистой геніальности. Двойственность воспріимчивости отразилась на самой личности Пушкина. Рожденный въ старомъ дворянскомъ домѣ, воспитавшійся въ лицеѣ, принадлежавшій къ высшему обществу, увлекавшійся идеями Вольтера, пережившій 1812 годъ и, наконецъ, углубившійся въ глушь Россіи, — Пушкинъ, казалось бы, не могъ избѣжать двойственности. Но не то мы видимъ. Мысль его породила свободу творчества.

Поэтическій геній Пушкина освободился и отъ подраженія европейскимъ образцамъ и не поддѣлывался подъ народный тонъ. Второе безплодно также точно, какъ и преклоненіе передъ авторитетами. Лучшимъ доказательствомъ того служатъ нѣкоторыя мѣста „Руслана и Людмилы“. Если поэтъ не будетъ имѣть въ виду своего народа, онъ не будетъ его поэтомъ. Какъ же считаетъ Пушкина народъ? Такъ же, какъ въ Германіи Гёте, во Франціи — Мольера и въ Англіи — Шекспира. Ихъ, правда, читаютъ, но народъ остается все-таки ниже того уровня развитія, къ которому обращались эти писатели. Но это не можетъ быть доказательствомъ нелюбви. Слабость племени или порабощеніе его вызываетъ разобщенность съ лучшими людьми. Но, слава Богу, Россія не слаба и не порабощена. Сознавая свою силу, русскій народъ любитъ тѣхъ людей, которые указываютъ ему на его недостатки. Нѣтъ сомнѣнія, что нашимъ потомкамъ придется идти по пути, указанному Пушкинымъ, свойства поэзіи

котораго совпадаютъ съ его свѣтлою личностью. Сила языка, прямодушіе съ правдивою искренностью и честность поражаютъ даже иноземцевъ...

Пушкинъ былъ центральнымъ художникомъ. Самое присвоеніе чужихъ формъ совершалось имъ съ самобытностью, хотя, къ сожалѣнію, иностранцы не хотятъ этого въ насъ признавать, называя эти наши свойства ассимиляціей. Лучшимъ доказательствомъ противнаго служитъ „Скупой рыцарь". Это такая смѣна страстей, такія строки, подъ которыми съ гордостью подписался бы Шекспиръ. Пушкинъ былъ объективенъ даже въ субъективности.

Но, бывши національнымъ поэтомъ, былъ ли Пушкинъ всемірнымъ? „По совѣсти"—сказалъ И. С. Тургеневъ — „не могу этого утверждать, хотя и не дерзаю отнять значеніе всемірнаго поэта у Пушкина". Ему приходилось сдѣлать слишкомъ много,—ему одному пришлось исполнить двѣ работы: установить языкъ и создать литературу.

Затѣмъ г. Тургеневъ перешелъ къ тому, какъ цѣнили Пушкина современники и какъ охладѣвало къ его поэзіи общество въ эпоху шестидесятыхъ годовъ. Г. Тургеневъ охарактеризовалъ это явленіе слѣдующимъ образомъ: къ Пушкину были несправедливы послѣдующія поколѣнія, они охладѣли; но охлажденіе это имѣетъ причину въ судьбѣ народа, въ его историческомъ развитіи. Настало новое время, появились неожиданныя, небывалыя потребности, стало не до художественности, восхищаться которой могли наравнѣ съ народными нуждами только записные словесники. Чувства Пушкина стали анахронизмомъ. Общество пошло на торжище; нужна была метла, чтобы вымести художественность; центральный поэтъ замѣнился центробѣжнымъ и муза мести и печали вдохновляла поэтовъ.

Здѣсь г. Тургеневъ посвятилъ нѣсколько словъ памяти Бѣлинскаго, день смерти котораго (26-го мая) совпадаетъ съ днемъ рожденія Пушкина. Вся зала отнеслась сочувственно къ памяти критика.

„Многіе хотѣли видѣть—продолжалъ г. Тургеневъ—во временномъ отклоненіи упадокъ литературы. Не правда,—падаетъ только неорганическое, а все живое лишь измѣняется; Россія ростетъ; всѣ кризисы и противорѣчія доказываютъ только жизнь, а исторія и наука говоритъ намъ, что жизнь невозможна безъ борьбы. Оплакивать старое время, желать во что бы то ни стало повернуть общество къ старому могутъ только близорукіе люди. Общество идетъ впередъ, и вотъ черезъ нѣкоторое время отклоненіе съ пути исправляется и общество возвращается на тропу, указанную Пушкинымъ. Если бы то событіе, которое совершилось вчера, если бы открытіе памятника произошло 15 лѣтъ тому назадъ, оно было бы справедливою данью заслугамъ поэта, но между нами не было бы такого единодушія, какъ теперь. Нѣсколько поколѣній прошли послѣ Пушкина, для которыхъ его имя было только имя, но теперь къ поэту возвращается и юность, не разочарованная неудачами, и люди зрѣлаго возраста. Пушкинъ далъ очень много, и вся послѣдующая литература заняла у него слишкомъ много, а законы искусства вѣчны. Знамя его поэзіи на время затемнила пыль, но теперь опять засіялъ побѣдный стягъ.

„Сіяй же и гласи народу русскому о правѣ его называться великимъ народомъ! Пускай у памятника Пушкина остановится всякій и скажетъ, что ему онъ обязанъ свободой, свободой нравственной. Пускай сыновья народа будутъ сознательно произносить имя Пушкина, чтобы оно не было въ устахъ пустымъ звукомъ и чтобы каждый, читая на памятникѣ надпись „Пушкину", думалъ, что она значитъ—„учителю".

Нечего прибавлять, какое впечатлѣніе произвела рѣчь И. С. Тургенева.

Наконецъ, въ томъ же засѣданіи А. Ѳ. Писемскій прочелъ цѣликомъ нѣсколько мѣстъ изъ „Капитанской дочки", связалъ ихъ общею идеею правдивости и естественности пушкинскаго прозаическаго разсказа и артистически пополнилъ разговорные части избранныхъ мѣстъ.

Въ тотъ же день, 7-го іюня, данъ былъ обѣдъ по подпискѣ отъ „Общества

Любителей Россійской Словесности". Эпиграфомъ на обѣденномъ меню съ виньеткой работы художника Трутовскаго служило Пушкинское двустишіе:

Подымемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ,
Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!

Это двустишіе являлось какъ бы поэтическимъ обобщеніемъ всего блестящаго пиршества, блестящаго не по обстановкѣ своей, а именно потому, что на немъ блестящимъ образомъ соединялись умъ, задушевныя и искреннія чувства, развязная товарищеская бесѣда 223-хъ служителе общества и представителей идейнаго міра. Тостъ слѣдовалъ за тостомъ: говорили гг. Юрьевъ, Бартеневъ, Тургеневъ, Анненковъ, А. Н. Островскій, Лежеръ, Гротъ, Гиляровъ-Платоновъ и другіе. Но наиболѣе выдающіеся тосты, обратившіе на себя всеобщее вниманіе, провозглашены были А. Н. Островскимъ и С. А. Юрьевымъ. Первый предложилъ тостъ за русскую литературу, которая пошла и идетъ по пути указанному Пушкинымъ. „Черезъ Пушкина"—сказалъ ораторъ—„у насъ умнѣетъ всякій, кто только поумнѣть можетъ"... „Выпьемъ же весело за вѣчное искусство, за литературную семью Пушкина, за русскихъ литераторовъ!... Выпьемъ очень весело, ибо, господа, въ эти дни на нашей улицѣ праздникъ!"

Г. Юрьевъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Франція первая провозгласила всемірное братство и сдѣлала первый шагъ къ нему. Не можетъ въ человѣкѣ зародиться идея и овладѣть имъ, если нѣтъ въ его душѣ инстинктовъ предрасполагающихъ къ ней. Если къ всемірному братству тяготѣетъ природа духа французскаго народа и стремится своими путями къ осуществленію ея, то къ тому же тяготѣетъ и стремится и природа духа русскаго народа, но только путями отличными отъ путей французскихъ. И бытъ и духъ русскаго народа предуготованы къ возможному осуществленію этой великой всемірной идеи; всѣ наши народные инстинкты направлены къ ней. Русскій народъ не зналъ вражды между городомъ и сельскимъ населеніемъ, не зналъ феодальнаго права и теперь не знаетъ ни замкнутыхъ въ себѣ сословныхъ корпорацій, ни исключительности національной. Каждаго иноземца принимаетъ онъ въ свою среду, какъ брата, и обмѣнивается съ нимъ духовными сокровищами. Самыя народныя для русскаго народа войны суть войны за освобожденіе народовъ, и безкорыстно проливаетъ онъ свою кровь за угнетенныхъ. Человѣчность, стремленіе къ братству и общность—вотъ наша природа. И не въ этомъ ли лежитъ источникъ нашего сочувствія къ французскому народу, провозгласившему братство? За братство между народами и людьми, за славу и благоденствіе Франціи, за ея представителя, г. Леже!"

Второе торжественное засѣданіе „Общества Любителей Россійской Словесности", происходившее 8 іюня, открылось рѣчью временнаго предсѣдателя Н. А. Чаева. Пушкинъ, по мнѣнію оратора, „богатырь-оратай". Народъ справедливо говоритъ, что „не поле, а нива родитъ". Эту-то ниву и воздѣлалъ могучій геній поэта. Весьма удачно подобранными эпитетами характеризовалъ г. Чаевъ Пушкинскую поэзію,—весну русской поэзіи. Въ творцѣ „Онѣгина" вылился народный духъ. Образъ русской красавицы, Татьяны, навѣянъ вѣковыми грезами. Пушкинъ былъ путеводной звѣздой для русскаго искусства вообще: музыка Глинки, Даргомыжскаго, Чайковскаго вдохновлена чудными образами и дивными стихами поэта.

Затѣмъ на трибунѣ появился Ѳ. М. Достоевскій. Взрывъ рукоплесканій встрѣтилъ знаменитаго художника и троекратно перекатился по залѣ. Передать вполнѣ рѣчь г. Достоевскаго невозможно: глубже и блистательнѣе ея нельзя себѣ ничего представить. Форма въ ней такъ слита съ содержаніемъ, что никакой отчетъ не дастъ и приблизительнаго понятія объ ея силѣ. Къ тому же она и произнесена была неподражаемо хорошо. Но мы все таки должны, хотя вкратцѣ, дать понятіе объ этомъ художественномъ словѣ, вполнѣ достойномъ

памяти великаго поэта Ѳ. М. Достоевскій привелъ слова Гоголя, что Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и единственное. Онъ положилъ начало нашего самосознанія, онъ является истиннымъ пророчествомъ народнаго духа. Въ дѣятельности Пушкина можно отмѣтить три періода, между которыми, однако, нѣтъ рѣзкихъ границъ. Уже въ Алеко вложена русская мысль, окончательно развитая потомъ въ Евгеніи Онѣгинѣ; типъ несчастнаго скитальца по родной землѣ, необходимый исторически, до сихъ поръ не утратилъ своего значенія. Русскому скитальцу необходимо всемірное счастіе,—дешевле онъ не помирится. (Взрывъ рукоплесканій прервалъ оратора при этихъ словахъ). Спасеніе только въ смиренномъ общеніи съ народомъ—продолжалъ г. Достоевскій. Нужно, чтобы всѣ четырнадцать классовъ, на которые разбиты русскіе люди со времени Петра Великаго, послушались призыва: „Смирись, гордый человѣкъ! Трудись, праздный человѣкъ!“.. Далѣе ораторъ мастерски охарактеризовалъ Татьяну, которая глубже и умнѣе Онѣгина. Только Лиза въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Тургенева приближается къ свѣтлому образу, созданному Пушкинымъ (опять раздались громовыя рукоплесканія). Въ третьемъ періодѣ своей дѣятельности великій поэтъ обнаружилъ поражающую способность усвоять духъ всѣхъ другихъ народовъ. Въ этой недосягаемой для Запада многосторонности г. Достоевскій видитъ національную славянскую особенность. Вмѣстивши въ себя все богатство европейскаго духа, Россія и славянство внесутъ примиреніе въ европейскія противорѣчія. Въ заключеніе своей рѣчи г. Достоевскій дѣлаетъ такое обобщеніе:

„Назначеніе русскаго человѣка есть безспорно всеевропейское и всемірное. Стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ можетъ быть и значить только (въ концѣ концовъ это подчеркните) стать братомъ всѣхъ людей, всечеловѣкомъ, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у насъ недоразумѣніе, хотя исторически и необходимое. Для настоящаго русскаго, Европа и удѣлъ всего великаго арійскаго племени такъ же дороги, какъ и сама Россія, какъ и удѣлъ своей родной земли, потому что нашъ удѣлъ и есть всемірность, и не мечемъ пріобрѣтенная, а силой братства и братскаго стремленія нашего къ возсоединенію людей. Если захотите вникнуть въ нашу исторію послѣ Петровской реформы, вы найдете уже слѣды и указанія этой мысли, этого мечтанія моего, если хотите, въ характерѣ общенія нашего съ европейскими племенами, даже въ государственной политикѣ нашей. Ибо что дѣлала Россія во всѣ эти два вѣка въ своей политикѣ, какъ не служила Европѣ можетъ быть гораздо болѣе, чѣмъ себѣ самой? Не думаю, чтобъ отъ неумѣнія лишь нашихъ политиковъ это происходило. О, народы Европы и не знаютъ какъ они намъ дороги! И въ послѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, то-есть конечно не мы, а будущіе, грядущіе русскіе люди, поймутъ уже всѣ до единаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всесоединяющей, вмѣстить въ нее съ братскою любовію всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ можетъ быть и изречь окончательное слово великой, общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону“.

О силѣ впечатлѣнія, произведеннаго этой рѣчью на слушателей, можно судить потому, что зала буквально была свидѣтельницею истерическихъ припадковъ: женщины плакали, а одинъ молодой человѣкъ, потрясенный, стремительно, внѣ себя, бросился къ оратору. Не найдя его на эстрадѣ, потому что члены общества, вмѣстѣ съ ораторомъ, удалились тѣмъ временемъ въ смежную съ эстрадой залу, молодой человѣкъ вбѣжалъ туда и упалъ безъ чувствъ; нѣсколько минутъ продолжался этотъ его нервный припадокъ. Члены общества не менѣе постороннихъ слушателей поражены были рѣчью; они бросились, какъ одинъ человѣкъ, поздравлять оратора, и тутъ же провозгласили его своимъ

„почетнымъ членомъ". Слѣдовавшій затѣмъ антрактъ засѣданія былъ довольно продолжителенъ. Публика недоумѣвала, изъявляла нетерпѣніе. Но среди общества, удалившагося въ залу, шелъ вопросъ: ужь продолжать ли засѣданіе. По окончаніи засѣданія снова потребовали г. Достоевскаго и поднесли ему лавровый вѣнокъ, мысль о которомъ возникла тотчасъ же послѣ его рѣчи и осуществилась: присутствовавшія въ собраніи женщины сами увѣнчали автора романа „Преступленіе и наказаніе".

По возобновленіи засѣданія, на каѳедрѣ появился А. Н. Плещеевъ, прочитавшій свое прочувствованное стихотвореніе въ честь Пушкина. По требованію присутствовавшихъ, поэтъ прочелъ вторично свое стихотвораніе „Возлюбленному поэту", начинавшееся словами:

Мы учить тебя привыкли съ дѣтскихъ лѣтъ
И дорогъ намъ твой образъ благородный

Далѣе, при шумныхъ крикахъ одобренія и громкихъ аплодисментахъ, появился на трибунѣ И. С. Аксаковъ. Онъ заявилъ, что на тему, такъ художественно и геніально обработанную Ѳ. М. Достоевскимъ, онъ самъ собирался говорить; но отнынѣ вопросъ о томъ, народный ли Пушкинъ поэтъ, рѣшенъ окончательно, и толковать больше нечего. Г. Аксаковъ хотѣлъ прочесть только часть своей рѣчи, но публика настоятельно требовала всей. „Народность для образованнаго русскаго человѣка — сказалъ между прочимъ г. Аксаковъ — есть еще искомое, что не мыслимо на Западѣ". Далѣе ораторъ говоритъ, что Пушкинъ былъ представителемъ чисто русскаго искусства, поэтомъ народнымъ, народность котораго познается не по однимъ внѣшнимъ примѣтамъ, по языку націи, но и по духу. Остальную часть рѣчи г. Аксакова нѣтъ возможности передать сколько нибудь связно, такъ какъ вся она была разорвана на куски рукоплесканіями. Заключилъ же ее ораторъ такъ: „всѣ стороны русской жизни нашли себѣ выраженіе въ поэзіи Пушкина; мы только въ настоящее время доходимъ до той высоты сознанія на которой стоялъ онъ! Да сподобится же русская интеллигенція стать выразительницею русскаго народнаго духа"...

Послѣ г. Аксакова говорили П. В. Анненковъ, Н. В. Калачовъ и П. И. Бартеневъ. Г. Анненковъ развивалъ ту мысль, что въ будущемъ сильно скажется вліяніе Пушкина на народъ, который, можетъ быть, внесетъ въ пониманіе поэта нѣчто новое, намъ покуда недоступное. Ораторъ подробно остановился на доказательствахъ того, что Пушкинъ былъ, для своего времени, высоконравственнымъ человѣкомъ. Г. Калачовъ говорилъ объ историческомъ талантѣ Пушкина, обнаруженномъ имъ въ „Исторіи Пугачевскаго бунта", гдѣ, хотя и есть ошибки, тѣмъ не менѣе употреблены вѣрные пріемы историческаго изслѣдованія. Г. Бартеневъ распространился о высокомъ покровительствѣ, которое было оказываемо Пушкину императоромъ Николаемъ I.

Наконецъ, А. А. Потѣхинъ въ остроумной и прекрасно произнесенной рѣчи сказалъ, что Пушкинскіе дни являются актомъ гражданскаго совершеннолѣтія нашей литературы,—„наше торжество есть аттестатъ зрѣлости", заслуженный русскою мыслью. „Общество словесности, закончилъ свою рѣчь г. Потѣхинъ — постановило ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ объ открытіи подписки на памятникъ Гоголю". Это извѣстіе вызвало необыкновенный восторгъ среди всѣхъ присутствовавшихъ. При громѣ рукоплесканій и крикахъ „браво" было закрыто засѣданіе, такъ много давшее честнаго, свѣтлаго и талантливаго.

Когда публика стала расходиться, въ боковыхъ залахъ, на столикахъ, были положены листы для подписки на памятникъ Гоголю. Въ нѣсколько минутъ листы эти покрылись подписями и теперь, какъ говорятъ, собрано уже до десяти тысячъ рублей.

Но не одна Москва, а и вся мыслящая Россія приняла живое и сердечное участіе въ празднованіи открытія памятника великому русскому поэту.

Многіе русскіе города и, во главѣ ихъ, Петербургъ сочли невозможнымъ пропустить день національнаго торжества безъ отклика и отпраздновали вмѣстѣ съ Москвою память и славу Пушкина. Само собой разумѣется, это чествованіе не отличалось такой пышностью, торжественностью, какъ происходившее въ Москвѣ, куда стеклись со всѣхъ концовъ Россіи ученые, выдающіеся литераторы, представители разныхъ общественныхъ учрежденій и всякаго рода образованные русскіе люди. Но тѣмъ не менѣе памятью поэта вездѣ, при самой скромной обстановкѣ празднества, внушена была одна мысль—воскресить могучій и свѣтлый образъ поэта и слиться въ однихъ чувствахъ съ родиной Пушкина. Такъ, въ Петербургѣ почитателями геніальнаго поэта сдѣлано было все возможное, чтобы достойно его памяти провести 6-е іюня въ дѣйствительномъ и искреннемъ единеніи наличныхъ представителей интеллигенціи.

Петербургское торжество открылось молитвою въ Исакіевскомъ соборѣ, куда собрались члены государственнаго совѣта, многія высокопоставленныя лица, городской голова, представители городскаго управленія и военнаго вѣдомства, профессора, литераторы, журналисты, представители общественныхъ учрежденій и масса публики. Ровно въ 11¹/₄ часовъ началась панихида: ее служилъ извѣстный протоіерей о. Васильевъ, при участіи соборнаго духовенства съ протоіереемъ Лебедевымъ во главѣ. Колѣнопреклоненные молящіеся, стройное задушевное пѣніе двухъ хоровъ пѣвчихъ, яркій свѣтъ паникадилъ, свѣчи молящихся—все это въ совокупности представляло величественное зрѣлище, вполнѣ достойное памяти великаго поэта-гражданина. По окончаніи панихиды, въ помѣщеніе старосты Исакіевскаго собора, генерала Богдановича, приглашены были къ завтраку представители духовенства, университета, науки и литературы. Первый тостъ былъ провозглашенъ хозяиномъ въ честь Пушкина, причемъ въ сосѣдней залѣ два громадныхъ соединенныхъ хора пѣвчихъ пропѣли вѣчную память. Послѣ этого о. Васильевъ произнесъ рѣчь, въ которой весьма рельефно очертилъ значеніе Пушкина, какъ христіанина и поэта.

Въ два часа пополудни въ народной аудиторіи педагогическаго музея военноучебныхъ заведеній почитателями генія Пушкина устроено было литературное утро, посвященное памяти великаго поэта. Публики собралось такое множество, что многимъ пришлось помѣститься въ залѣ, прилегающей къ аудиторіи. На эстрадѣ, задняя стѣна которой была задрапирована флагами, помѣщались рядомъ — величественный бюстъ А. С. Пушкина и модель памятника, воздвигнутаго въ Москвѣ. Въ условленное время на эстраду поднялся профессоръ В. И. Модестовъ и сообщилъ программу „утра", которое открылось рѣчью профессора А. И. Незеленова. Указавъ на то, что вмѣстѣ съ перемѣнами направленія нашей критики мѣнялись и наши отношенія къ Пушкину, переходившія отъ безотчетнаго восторга его произведеніями къ скептическому взгляду на внутреннюю ихъ цѣнность, профессоръ замѣтилъ, что теперь борьба мнѣній успокоена ходомъ времени, и памятникъ великому поэту открывается какъ разъ въ ту пору, когда можно сказать о немъ безпристрастное слово. Обращаясь далѣе къ оцѣнкѣ произведеній Пушкина, г. Незеленовъ высказалъ, что въ поэзіи его отражаются во множествѣ видовъ два типа: страстный, сложившійся подъ западно-европейскимъ вліяніемъ и типъ „добродушный" и „смирный" — нашъ національный, древне-русскій типъ. Въ чемъ же заслуга поэзіи Пушкина? По мнѣнію г. Незеленова, главная ея характеристическая черта заключается въ „живой прелести", живой красотѣ творчества и въ томъ еще, что Пушкинъ умѣлъ такъ понимать и такъ изображать красоту человѣческаго духа, какъ никто.

За рѣчью г. Незеленова, Н. С. Курочкинъ прочиталъ свое стихотвореніе, посвященное памяти Пушкина и заключающее въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія прекрасныя строфы:

Гостепріимною являлась искони
Москва... и вѣрится, она и въ наши дни

Согрѣетъ лаской сердечнаго привѣта
Гостить пришедшаго къ ней сына и поэта
И памяти его чарующей вѣрна
Избыткомъ „добрыхъ чувствъ“ проявится она
Задумавшись отъ всей души, несуетливо
Надъ смысломъ „милости и къ падшему“ призыва
Вотъ чѣмъ мы можемъ всѣ воздать поэту честь
И лавры пышные, какъ дань величью, сплесть
Съ эмблемой кроткаго незлобья — повиликой
Въ день честный праздника для всей Руси великой!

Произнеся послѣдніе три стиха, поэтъ возложилъ, при взрывѣ апплодисментовъ, на бюстъ Пушкина лавровый вѣнокъ. Затѣмъ Г. К. Градовскій прочелъ стихотвореніе графа А. А. Голенищева-Кутузова, впрочемъ, съ нѣкоторыми измѣненіями противъ того, какъ оно напечатано въ „Русской Мысли“.

Слѣдовавшая за этимъ рѣчь принадлежала О. Ѳ. Миллеру, который развивалъ ту мысль, что Пушкинъ обязанъ гораздо болѣе деревнѣ, чѣмъ Москвѣ; онъ говорилъ также о глубоконравственной сторонѣ въ поэзіи Пушкина, о его служеніи человѣчеству посредствомъ поэзіи и, въ заключеніе, призывалъ всѣхъ оставаться вѣрными завѣту поэта и быть отзывчивыми на требованія добра, правды и гуманности, которыми проникнуты произведенія Пушкина. Рѣчь эта появится въ ближайшей книжкѣ „Русской Мысли“. Тотъ же лекторъ, за отсутствіемъ Я. П. Полонскаго, прочелъ его стихотвореніе, о которомъ упомянуто выше, при описаніи московскаго торжества. Это стихотвореніе повторено было по требованію публики, которая видимо, воодушевившись, пожелала еще разъ выслушать и стихи Н. С. Курочкина, что и было исполнено авторомъ. Литературное утро заключилось стихами А. Н. Майкова, прочтенными, за отсутствіемъ поэта, профессоромъ Незеленовымъ.

Въ тотъ же день состоялся обѣдъ по подпискѣ въ залѣ русскаго купеческаго собранія, сервированный на 115 лицъ. Украшенный цвѣтами и вѣнкомъ бюстъ Пушкина красовался впереди эстрады музыкантовъ, занятой оркестромъ кавалергардовъ. Столы были убраны цвѣтами и зеленью. Когда умолкли звуки знаменитой увертюры изъ „Руслана и Людмилы“ и извѣстнаго романса Глинки на слова Пушкина „Я помню чудное мгновенье“ — начались тосты и рѣчи. В. И. Модестовъ представилъ значеніе Пушкина, какъ геніальнаго поэта въ русской и всемірной литературѣ; Г. К. Градовскій указалъ на условія, при которыхъ работалъ Пушкинъ, какъ писатель; В. А. Полетика напомнилъ идеалъ Пушкина, какъ гражданина. Затѣмъ Д. И. Минаевъ прочелъ стихи свои, продиктованные мыслью, что Петербургъ не можетъ уступить „своего поэта“ всецѣло Москвѣ. Это вызвало рѣчь Л. А. Полонскаго, который, пользуясь присутствіемъ барона Корфа, петербургскаго городского головы, выразилъ раздѣленное всѣми присутствовавшими пожеланіе, чтобы и Петербургъ, съ своей стороны, проникся мыслью выразить свое уваженіе къ Пушкину достойнымъ его памятникомъ на одной изъ площадей столицы.

Затѣмъ Е. А. Погожевъ и С. Б. Данзасъ (племянникъ секунданта Пушкина) доставили почитателямъ поэта удобный случай войти, такъ сказать, въ непосредственное сношеніе съ Пушкинымъ. Первый прочелъ досетѣ остававшееся неизвѣстнымъ слѣдующее письмо А. С. Пушкина къ А. А. Орлову, автору пародіи на романы Булгарина („Фиглярина“) и Полевого: „Искренно благодарю, пишетъ Пушкинъ, за удовольствіе, доставленное мнѣ письмомъ вашимъ. Радуюсь, что посильное заступленіе мое за дарованіе, конечно не имѣющее нужды ни въ чьемъ заступленіи, заслужило вашу благосклонность. Вы оцѣнили мое усердіе, а не успѣхъ. Малъ бѣхъ въ братіи моей, и если мой камышекъ угодилъ въ мѣдный лобъ Голіафу Фиглярину, то слава Создателю! Первая глава новаго вашего „Выжигина“ есть новое доказательство неистощимости вашего таланта. Но почтенный Александръ Анѳимовичъ! Удержите

сіе благородное, справедливое негодованіе, обуздайте свирѣпость творческаго духа вашего! Не приводите яростію пера вашего въ отчаяніе присмирѣвшихъ издателей „Пчелы“. Оставьте меня впереди соглядатаемъ и стражемъ. Даю вамъ слово, что если они чуть пошевельнутся, то Ѳ. Косичкинъ заваритъ такую кашу или паче кутью, что они ею подавятся. Читалъ я въ „Москвѣ“ объявленіе о намѣреніи вашемъ писать „Исторію Русскаго Народа“: нужно ли вѣрить сей пріятной новости? Съ истиннымъ почтеніемъ и неизмѣннымъ усердіемъ остаюсь всегда готовымъ къ вашимъ услугамъ. А. Пушкинъ. 24 ноября 1831. Спб. P. S.: Вотъ письмо, долженствовавшее къ вамъ явиться милостивый государь Александръ Анеимовичъ. Но, отправляясь въ Москву, я его къ вамъ не отослалъ, а надѣялся лично съ вами увидѣться. Судьба насъ не свела, о чемъ искренно жалѣю. Повторяю здѣсь просьбу мою: оставьте въ покоѣ людей, которые не стоятъ и не заслуживаютъ вашего гнѣва. Кажется теперь г. Полевой нападаетъ на васъ и на меня; собираюсь на него разсердиться; покамѣстъ съ нимъ возится —ковъ и —мовъ, подъ именемъ Луговова—мое дѣло сторона“. А. П. 1832 г. 9 января. Спб.“

Это письмо воскресило въ памяти присутствовавшихъ живое, колкое и остроумное слово поэта. Участникамъ обѣда было предъявлено хранящееся въ семействѣ Данзасовъ подлинное письмо Пушкина съ вызовомъ Дантесу. Точно также, благодаря Данзасу, они могли видѣть маску, снятую съ лица поэта тотчасъ по его смерти.

Не было, конечно, недостатка и въ привѣтствіяхъ, но о нихъ говорить не мѣсто здѣсь.

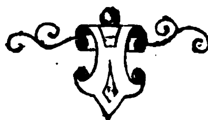
Когда окончился обѣдъ, большинству оставшихся еще участниковъ его былъ изготовленъ пріятный сюрпризъ. Среди немногихъ дамъ, принимавшихъ участіе въ обѣдѣ, находилась Д. М. Леонова, извѣстная пѣвица. Она прекрасно и прочувствованно продекламировала отрывокъ изъ „Бахчисарайскаго фонтана“ и подъ аккомпанементъ фортепіано артистически пропѣла нѣсколько романсовъ на слова Пушкина. Это вызвало такое сочувствіе, служило такимъ неожиданнымъ украшеніемъ и вѣнцомъ праздника, что многіе долго еще не расходились. Собраніе получило уже вполнѣ семейный, задушевный характеръ. Декламировались стихи изъ Пушкина, слушалась музыка, вдохновенная поэтомъ и наконецъ заварилась „жжонка“, гостепріимно устроенная старшинами клуба Н. П. Анучинымъ и Н. И. Маевскимъ, которые вообще все сдѣлали, чтобъ должнымъ образомъ обставить и оживить ту часть праздника, которая выпала на долю ихъ клуба.

За жжонкою слѣдовали опять тосты, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ упомянуть очень сочувственное привѣтствіе, обращенное къ г. Протичу, какъ представителю Сербіи, единственному иностранцу, принявшему въ Петербургѣ участіе въ Пушкинскомъ празднествѣ. По почину г. Шульгина, сказавшего, что и въ Москву только одна Франція прислала оффиціальнаго представителя, присутствовавшіе пожелали хотя чѣмъ нибудь отвѣтить на этотъ знакъ участія передовой и просвѣщенной страны къ русскому національному торжеству. Вслѣдствіе этого была составлена и послана въ Парижъ слѣдующая телеграмма на имя Виктора Гюго: „Представители петербургскаго общества, собравшіеся для чествованія памяти національнаго русскаго поэта Пушкина, пьютъ за здоровье великаго учителя (grand maître) поэзіи—Виктора Гюго“. Наконецъ слѣдуетъ сказать, что еще за обѣдомъ отъ лица всѣхъ присутствующихъ была послана поздравительная телеграмма въ Москву, на имя предсѣдателя „Общества Любителей Россійской Словесности“, г. Юрьева.

Такъ происходило петербургское празднество въ честь Пушкина, 6-го іюня, оставившее во всѣхъ участникахъ самое отрадное впечатлѣніе.

Если Москвѣ выпала высокая честь быть средоточіемъ празднества въ честь Пушкина, то на долю Петербурга досталось распространить Пушкинскій праздникъ на всю Россію. Примѣру его въ устройствѣ „Пушкинскаго дня" послѣдовали многіе другіе города. Такъ въ Варшавѣ устроенъ былъ литературно-музыкальный вечеръ; въ Тулѣ—въ день открытія памятника—отслужена была панихида въ мѣстной гимназіи и сказана передъ воспитанниками подобающая рѣчь; въ Ригѣ — кромѣ панихиды по усопшемъ поэтѣ, рижскій литературный кружокъ собралъ по подпискѣ двѣ тысячи рублей на учрежденіе двухъ Пушкинскихъ стипендій въ мѣстныхъ гимназіяхъ—мужской и женской. Въ Псковѣ открыта подписка на ежегодное поминовеніе души поэта въ Святогорскомъ монастырѣ. Въ Кишиневѣ открыта подписка на постановку бюста въ такъ называемой Пушкинской алеѣ городского сада. Далѣе, въ Царскомъ Селѣ совершены были панихиды и произнесены рѣчи о значеніи Пушкина; въ Нарвѣ русскіе жители города устроили музыкально-литературный вечеръ въ помѣщеніи русскаго общественнаго собранія. Въ Кіевѣ и Одессѣ также праздновался Пушкинскій день въ нѣсколькихъ общественныхъ учрежденіяхъ. Сверхъ того, при Одесскомъ университетѣ учреждается Пушкинское общество любителей словесности, а также учреждается премія для студентовъ за лучшее сочиненіе о пребываніи Пушкина на югѣ Россіи. Въ ознаменованіе памяти Пушкина испрашивается разрѣшеніе на открытіе подписки для устройства фонтана съ бюстомъ Пушкина на Театральной площади, назвать которую опредѣлено Пушкинскою. Точно также и въ Тифлиссѣ улицу, на которой жилъ А. С. Пушкинъ въ 1829 году, тифлисская дума опредѣлила назвать Пушкинской. Наконецъ, нельзя не упомянуть также и о томъ, что въ день рожденія А. С. Пушкина, въ Святогорскомъ монастырѣ была отслужена панихида отъ имени петербургскаго „Славянскаго Благотворительнаго Общества". На могилу великаго поэта членомъ „общества" генералъ-маіоромъ А. А. Карташевымъ былъ положенъ лавровый вѣнокъ, перевитый лентами, на которыхъ напечатано четвѣростишіе:

Поникла тихо, безъ отвѣта
Лавръ гордо несшая глава,—
Но живъ въ Россіи духъ поэта
И пѣсня дивная жива!..

сдѣлается ли онъ, адвокатъ Арраса, руководителемъ республики, владыкой Франціи? Владычество это продолжалось всего годъ и три мѣсяца! Жалкій кратковременный срокъ, но достаточный для безсмертія, потому что эти пятнадцать мѣсяцевъ никогда не забудутся, сколько бы тысячелѣтій не прожило человѣчество.

Въ церкви „l'Assomption" пробило одиннадцать часовъ.

Парикмахеръ, покончивъ свое дѣло, снялъ съ Робеспьера пудермантель и, поправивъ еще разъ его напудренные локоны „aux ailes de pigeon", сказалъ: „Все въ исправности citoyen-representant; теперь вы можете смѣло явиться публикѣ."

Робеспьеръ поднялся съ мѣста; съ его колѣнъ упала масса газетъ, листковъ и всякихъ писемъ, которые онъ читалъ пока парикмахеръ убиралъ ему голову. Онъ отодвинулъ стулъ, на которомъ были остатки его завтрака: вино, хлѣбъ и фрукты, и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу леди Эліоттъ, которая вошла въ этотъ моментъ съ м-мъ Дюпле.

Леди Эліоттъ поклонилась. Робеспьеръ отвѣтилъ ей вѣжливымъ, но церемоннымъ поклономъ.

— Не угодно ли вамъ, citoyenne, войти въ комнату, сказалъ онъ указывая на дверь, передъ которой лежалъ большой бульдогъ.

Леди Эліоттъ невольно вздрогнула, когда собака поднялась съ мѣста и остановилась въ нерѣшимости.

Движеніе это не ускользнуло отъ Робеспьера.

— Citoyenne боится собакъ? спросилъ онъ съ неопредѣленной улыбкой, которую можно было одинаково принять за выраженіе ироніи или благосклонности. Броунъ! крикнулъ онъ; и собака послушно приползла къ нему и стала лизать его руку.

Робеспьеръ отворилъ дверь въ свою комнату. Леди Эліоттъ вошла.

Обстановка комнаты была крайне проста и даже бѣдна. Въ углу стояла кровать орѣховаго дерева, покрытая голубымъ одѣяломъ съ бѣлыми цвѣтами; около нея стоялъ столъ и нѣсколько камышевыхъ стульевъ. Въ другомъ углу была полка изъ сосноваго дерева, на которой лежали рукописи, рѣчи, ненапечатанныя сочиненія Робеспьера и нѣсколько книгъ. Леди Эліоттъ замѣтила на столѣ только двѣ раскрытыя книги; одна изъ нихъ была: „Le contrat social", другая: „Profession de foi du vicaire de Savoie". Оба эти сочиненія Руссо составляли кодексъ религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій Робеспьера. Возлѣ книгъ лежали его очки, которыя онъ употреблялъ только для чтенія и въ особенныхъ случаяхъ. На одномъ изъ стульевъ положены были его перчатки и шляпа съ кокардой. Трехцвѣтная кокарда была единственнымъ аттрибутомъ республики, который носилъ Робеспьеръ—предводитель якобинцевъ и sans-culottes'овъ. Онъ никогда не надѣвалъ на себя красной шапки, которой его приверженцы украсили бюстъ Вольтера и свои собственныя головы.

„Я считаю это совершенно лишнимъ, говорилъ Робеспьеръ; и

безъ того слишкомъ много людей скрываютъ свои пороки и эгоистическіе планы подъ волосами безъ пудры и красными шапками.“ Онъ былъ врагъ всякихъ демонстрацій и вывѣсокъ, имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе тщеславія, хотя этому основному положенію противорѣчило украшеніе стѣнъ его комнаты, которыя почти исключительно были увѣшаны его собственными портретами. Ихъ была цѣлая масса, всевозможныхъ формъ и видовъ—нарисованные масляными красками и акварелью, силуэты, миніатюры, и сверхъ того на столѣ и каминѣ стояли бюсты Робеспьера.

Леди Эліоттъ была поражена спокойнымъ видомъ Робеспьера. Но спокойствіе и неподвижность его лица были только маскою, скрывавшею самыя противорѣчивыя чувства и страсти—боязнь наступающей минуты, надежда, гордость, честолюбіе!... Сердце его трепетало отъ ожиданія, пульсъ усиленно бился, каждая жила его была напряжена. Но желѣзная воля была сильнѣе волнующейся крови. Онъ былъ тиранъ; но онъ началъ съ самого себя, а потомъ уже сдѣлался тираномъ надъ другими.

Въ данный моментъ рѣшался вопросъ его жизни. Разосланные имъ шпіоны сообщили ему самыя подробныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и онъ могъ опасаться самаго худшаго исхода. Хотя по своимъ идеямъ онъ былъ крайнимъ утопистомъ, но для него не существовало иллюзій въ практическихъ вопросахъ. Его задачей было разрушеніе и онъ выполнялъ ее. Онъ принялъ заранѣе всѣ мѣры, которыя считалъ нужными, организовалъ партію и твердо опредѣлилъ себѣ цѣль. Потомство еще далеко не сдѣлало настоящей оцѣнки Робеспьера. Мы обыкновенно смѣшиваемъ его съ лицами окружавшими его и приписываемъ ему ихъ пороки и преступленія, но исторія уже занялась возстановленіемъ его личности, равно какъ и личности Маріи Антуанетты—этихъ двухъ самыхъ сильныхъ и логичныхъ характеровъ великой революціи, и уже до извѣстной степени достигла этой цѣли.

Робеспьеръ хорошо зналъ партію, которая могла перейти на сторону герцога Орлеанскаго, еслибы главнокомандующему удалось выполнить свой планъ съ помощью арміи. Это были все люди враждебные ему—Дюмурье, жирондисты, Дантонъ, уставшій отъ борьбы и готовый пристать къ любой партіи, на сторонѣ которой будетъ побѣда. Если Дюмурье удастся выполнить угрозу, соединиться съ австрійцами и повести обѣ арміи на Парижъ, то Робеспьеръ и республика должны считать себя погибшими. Тогда неизбѣжно возведена будетъ на престолъ новая династія.

Что могъ предпринять Робеспьеръ въ данный моментъ? Онъ готовъ былъ воспользоваться малѣйшей ошибкой своихъ враговъ, сообщники его были предупреждены и онъ могъ разсчитывать на нихъ; — но побѣда враговъ могла разрушить всѣ его планы.

Власть еще не была въ его рукахъ; онъ только стремился къ ней.

Онъ могъ обличить Орлеанскаго, отправить его въ тюрьму? Но эта

мѣра казалась ему безполезной, если совершилось предполагаемое соединеніе сѣверной арміи съ австрійцами, и преждевременной, пока не будетъ получено оттуда вѣрныхъ извѣстій.

Заговоръ существовалъ. Участіе Орлеанскаго въ измѣнѣ Дюмурье не подлежало никакому сомнѣнію. Доказательства были на лицо. Лагэ вернулся вчера вечеромъ изъ лагеря и привезъ съ собою документъ, который служилъ прямымъ свидѣтельствомъ противъ Орлеанскаго. Этого документа было достаточно, чтобы убѣдить Робеспьера въ необходимости устранить навсегда это жалкое орудіе всевозможныхъ партій, послѣднюю опасность, грозившую республикѣ. Обвинительный актъ былъ готовъ и имѣлъ за себя всѣ данныя, но Робеспьеръ не смѣлъ воспользоваться имъ.

Не менѣе убѣдительно было письмо трехъ депутатовъ Якобинскаго клуба. Съ минуты на минуту можно было ожидать другихъ не менѣе важныхъ извѣстій. Дюмурье отказалъ въ повиновеніи Конвенту; Конвентъ послалъ въ лагерь своихъ коммисаровъ и военнаго министра съ приказомъ арестовать главнокомандующаго. Пока Дюмурье былъ на свободѣ, до тѣхъ поръ Робеспьеръ не могъ предпринять ничего рѣшительнаго. Онъ долженъ былъ знать: останется ли армія вѣрна республикѣ или будетъ дѣйствовать противъ нее?

Эта неизвѣстность терзала Робеспьера, равно какъ и весь Парижъ: одни пророчили успѣхъ Дюмурье, другіе колебались между боязнью и надеждою. Но Парижъ шумно выражалъ свои чувства, а Робеспьеръ молчалъ. Въ этой разницѣ и заключалась тайна могущества Робеспьера надъ Парижемъ.

— Citoyenne, сказалъ Робеспьеръ, обращаясь къ леди Эліоттъ и приглашая ее сѣсть,—вы знакомы съ citoyen Лагэ?

— Да, я знакома съ нимъ... отвѣтила леди Эліоттъ, краснѣя и запинаясь,—или по крайней мѣрѣ была знакома съ нимъ...

Она чувствовала непонятную для нея робость въ присутствіи Робеспьера.

— И больше не знакомы съ нимъ? возразилъ Робеспьеръ... Это не говоритъ въ пользу того, кто былъ другомъ citoyen Лагэ.

— Citoyen-représentant, сказала леди Эліоттъ,—я познакомилась съ Жильберомъ Лагэ въ тотъ самый вечеръ, какъ и съ вами.

— Со мной! повторилъ Робеспьеръ, пристально глядя на нее.

— Вы были такъ добры, что избавили меня отъ большой непріятности... Женщины не забываютъ такихъ вещей.

— Вы англичанка? спросилъ Робеспьеръ, нахмуривъ брови.

— Я родилась въ Шотландіи...

— Тѣмъ хуже—шотландцы еще упорнѣе и консервативнѣе англичанъ въ своей преданности роялизму. Впрочемъ это совершенно безразлично—англичанка или шотландка одинаково не можетъ чувствовать расположенія къ республикѣ и благодарности къ Робеспьеру.

— Но я только что сказала вамъ...

— Возможно-ли, продолжалъ Робеспьеръ, прерывая ее, — чтобы представительница націи, во главѣ которой стоитъ Питтъ, могла относиться съ инымъ чувствомъ къ республикѣ и Робеспьеру, кромѣ ненависти! Возможно-ли, чтобы она оставалась такъ долго въ Парижѣ съ добрыми намѣреніями.

— Я могла бы привести фактическія доказательства...

Робеспьеръ не далъ ей договорить.

— Нѣтъ, это немыслимо! продолжалъ онъ, съ замѣтнымъ раздраженіемъ,—народъ, который вѣшаетъ Кромвеля съ цѣпями на ногахъ, который на пьедесталѣ свергнутаго короля сдѣлалъ надпись: „Exit tiranuus, ultimus regum—такой народъ и каждый изъ его членовъ въ отдѣльности лицемѣритъ, говоря о своей дружбѣ къ республикѣ... Можемъ-ли мы довѣрять англичанамъ въ то время, когда Боркъ ораторствуетъ противъ насъ, а Питтъ вооружаетъ эмигрантовъ, которыхъ Іоркскій ведетъ на насъ. Мнѣ слишкомъ хорошо извѣстно, что гнѣздо всѣхъ смутъ, грозящихъ республикѣ, находится по ту сторону пролива. Развѣ Англія не посылаетъ втайнѣ противъ насъ оружіе на каждомъ кораблѣ, который приходитъ во Францію или въ Парижъ. Видя, что всѣ орды абсолютизма безсильны противъ республиканской арміи они прибѣгаютъ къ интригамъ, коварству, измѣнѣ... а этотъ заговоръ среди республиканской арміи, чтобы испытать вѣрность сыновъ отечества—это ничто иное, какъ золотая цѣпь, первое звено которой въ Лондонѣ, а послѣднее въ Парижѣ...

— Citoyen-représentant! воскликнула она, что хотите вы сказать этимъ?..

— Я хочу сказать, возразилъ Робеспьеръ, возвысивъ голосъ, что противъ насъ скована цѣпь... Начало ея въ Карльтонъ-Гаузѣ, конецъ въ Пале-Роялѣ, а промежуточныя звенья среди насъ;—измѣна прикрывается именемъ дружбы...

Намекъ былъ слишкомъ ясенъ. Леди Эліоттъ измѣнилась въ лицѣ. Она все болѣе и болѣе теряла самообладаніе, между тѣмъ какъ блѣдно-голубые, впалые глаза Робеспьера ловили каждое мимолетное движеніе ея лица.

— Я хочу сказать, повторилъ Робеспьеръ, не сводя глазъ съ своей жертвы, что нѣтъ недостатка въ продажныхъ людяхъ, готовыхъ быть шпіонами...

Едва слышный возгласъ, вырвавшійся изъ груди леди Эліоттъ, на минуту прервалъ Робеспьера.

— Отечество въ опасности, продолжалъ онъ, и въ голосѣ его послышались рѣзкія, крикливыя ноты. — Клянусь Творцомъ, создавшимъ насъ, что враги республики восторжествуютъ только въ случаѣ нашей смерти. Я знаю, что она неизбѣжна, не даромъ возстали мы противъ всякаго насилія и пороковъ, заѣдающихъ общество. Кто же безнаказанно защищалъ человѣчество! Но мы должны отстоять принципъ и внушить націи, что послѣ нашего „Le roi est mort“ для Франціи уже не существуетъ больше „Vive le roi!“

На дворѣ послышался шумъ, а вслѣдъ затѣмъ раздался громкій крикъ: „Депеши! Депеши изъ лагеря!"

Лицо Робеспьера едва не выдало волновавшихъ его ощущеній. Яркая краска на секунду покрыла его щеки и онъ не успѣлъ еще окончательно овладѣть собой, какъ въ комнату вошелъ красивый человѣкъ съ длинными бѣлокурыми волосами, лицо котораго напоминало изображеніе Іоанна Крестителя.

Это былъ Сенъ-Жюстъ.

Онъ держалъ въ рукахъ частную депешу къ Робеспьеру, привезенную изъ лагеря тѣмъ же курьеромъ, который въ это утро доставилъ депеши въ Конвентъ. Теперь въ государствѣ явилась уже другая власть и полученныя депеши должны были рѣшить, за кѣмъ останется первенство.

Робеспьеръ, не обращая больше вниманія на леди Эліоттъ, съ нетерпѣніемъ сорвалъ печать и прочиталъ депешу.

Лицо его покрылось смертельною блѣдностью.

Депеша была слѣдующаго содержанія:

„Дюмурье арестовалъ депутатовъ Конвента и военнаго министра республики и отправилъ ихъ въ заключеніе. Онъ обѣщалъ фельдмаршалу Маку немедленно открыть крѣпости Condé и Valenciennes, въ видѣ залога за военное вмѣшательство австрійцевъ".

— Республика погибнетъ и мы за нею, пробормоталъ Сенъ-Жюстъ.

Наступила минута молчанія, но эта минута возвратила Робеспьеру все его самообладаніе и сознаніе своего нравственнаго превосходства надъ другими.

— Депеша сообщаетъ намъ объ измѣнѣ одного Дюмурье, сказалъ онъ въ полголоса Сенъ-Жюсту. Въ этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго. Посмотримъ, какъ поступитъ армія? Въ ея рукахъ участь Франціи и республики. Пока отступникомъ можно считать одного главнокомандующаго... Исходъ борьбы неизвѣстенъ, примемъ мѣры чтобы побѣда враговъ не застала насъ врасплохъ...

— Citoyenne, я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ, продолжалъ Робеспьеръ, обращаясь къ леди Эліоттъ такимъ холоднымъ и равнодушнымъ тономъ, какъ будто ничего не произошло съ того момента, какъ прервался ихъ разговоръ.—Намъ давно извѣстно, какъ вы относитесь къ французской націи и, если вы до сихъ поръ пользовались свободой, то обязаны этимъ ходатайству Жильбера Лагэ, ему же обязаны вы и тѣмъ, что въ настоящую минуту вмѣсто заслуженнаго наказанія подвергнетесь только изгнанію. Уѣзжайте скорѣе отсюда, пользуйтесь позволеніемъ, которое мы даемъ вамъ подъ условіемъ немедленнаго удаленія изъ Парижа, иначе обстоятельства могутъ заставить насъ сдѣлать то, отъ чего мы желали бы оградить васъ. Надѣюсь, что намъ удастся наконецъ очистить французскую республику отъ порочныхъ людей, измѣнниковъ, шпіоновъ и всѣхъ тѣхъ, которые недостойны свободы.

Робеспьеръ подошелъ къ письменному столу и, взявъ съ полки печатный бланкъ, написалъ:

„Citoyenne Грэсъ Дальримпъ Эліоттъ на основаніи этого свидѣтельства обязуется выѣхать изъ французской республики въ двадцать четыре часа“.

Парижъ, числа...

Максимиліанъ Робеспьеръ.

Онъ хотѣлъ обмакнуть перо, чтобы выставить число, но услыхавъ громкіе крики торжества на дворѣ невольно остановился.

— Новыя депеши! раздалось подъ его окнами. — Второй курьеръ! Да здравствуетъ республика!...

Нѣсколько человѣкъ ворвалось въ комнату.

— Да здравствуетъ республика! воскликнули они въ одинъ голосъ, Дюмурье...

— Тише! сказалъ имъ Робеспьеръ повелительнымъ голосомъ. — Мы не одни...

Онъ забылъ выставить число на свидѣтельствѣ.

— Вотъ бумага, которая дастъ вамъ возможность выѣхать изъ Франціи, сказалъ онъ леди Эліоттъ. — Совѣтую вамъ немедленно воспользоваться ею. Завтра уже будетъ поздно.

Съ этими словами онъ церемонно поклонился ей.

Леди Эліоттъ удалилась.

— Что новаго? спросилъ Робеспьеръ спокойнымъ голосомъ, обращаясь къ вошедшимъ людямъ, которые видимо тяготились молчаніемъ и всѣ заговорили разомъ, перебивая другъ друга:

— Армія объявила себя на сторонѣ республики и Робеспьера!

— Армія хотѣла сама арестовать главнокомандующаго?...

— Дюмурье бѣжалъ со своими приближенными...

— Дюмурье бѣжалъ къ австрійцамъ...

— Армія осталась вѣрна...

— Да здравствуетъ республика!

— Да здравствуетъ Робеспьеръ!

Робеспьеръ пожалъ руки своимъ вѣрнымъ приверженцамъ.

На часахъ церкви l'Assomption пробило двѣнадцать часовъ.

— Уже полдень! сказалъ Робеспьеръ.—Друзья мои намъ пора въ Конвентъ!..

Леди Эліоттъ почти безсознательно перешла дворъ и вышла на улицу St. Honoré.

Въ правой рукѣ ея былъ приказъ Робеспьера.

„Я не уѣду, сказала она про себя, я останусь въ Парижѣ, а эта бумага“...

Она хотѣла разорвать ее, но кто-то удержалъ ея руку.

Она оглянулась.

Передъ нею стоялъ Жильберъ.

— Выслушайте меня, сказалъ онъ печальнымъ, но твердымъ голосомъ.—Уѣзжайте скорѣе изъ Парижа. Только что полученное извѣстіе должно рѣшить судьбу республики. Не дальше какъ сегодня Робеспьеръ будетъ властелиномъ Франціи, а герцогъ Орлеанскій его плѣнникомъ...

Онъ хотѣлъ уйти.

— Жильберъ! проговорила она такимъ умоляющимъ голосомъ, что казалось вся душа ея вылилась въ этомъ дорогомъ для нея имени... Не уходи отъ меня... Ты долженъ меня выслушать... Я не пущу тебя... герцогъ Орлеанскій...

Она схватила его за руку.

— Какъ! воскликнулъ съ негодованіемъ Жильберъ. — Ты еще осмѣливаешься... Нѣтъ, уѣзжай скорѣе отсюда, спасай свою жизнь... Оставь меня... не оскверняй своимъ прикосновеніемъ!..

Онъ оттолкнулъ ее.

— Господи! сжалься надо мной, простонала леди Эліоттъ, прижимая руки къ пылающему лбу.

Ей казалось, что она сходитъ съ ума. Мѣра страданій переполнилась для нея въ эту минуту, которая показалась ей цѣлою вѣчностью;—но улица, церковь, солнце были на своихъ мѣстахъ; кругомъ ея волновалась и шумѣла ликующая толпа.

— Жильберъ! крикнула она съ отчаяніемъ.

Но онъ уже исчезъ за калиткой, ведущей въ домъ Робеспьера.

ГЛАВА IV.

Рука предателя.

Леди Эліоттъ бросилась къ калиткѣ. Она хотѣла опять вернуться въ домъ Робеспьера и вырвать любимаго человѣка изъ рукъ этихъ людей, которые неудержимо влекли его къ преступленію. На что была ей жизнь? Стоило-ли дорожить существованіемъ безъ будущности?.. Развѣ сдѣланная ею попытка не достаточно убѣдила ее, что онъ глубоко презираетъ ее... Не отправиться ли ей къ Орлеанскому и предупредить его, что она не выполнила порученія и что ему нечего ждать пощады отъ Жильбера?..

Она остановилась въ нерѣшимости, такъ какъ знала, что при тѣхъ подозрѣніяхъ, какія существуютъ противъ нея, она дастъ этимъ новое доказательство своего участія въ заговорѣ Орлеанскаго; но

вслѣдъ затѣмъ по какому-то странному противорѣчію вошла во дворъ Пале-Рояля. Липы только-что распустились, лужайки были покрыты зеленью. Нигдѣ не видно было и малѣйшаго признака, что здѣсь должно совершиться неслыханное злодѣяніе. „Возможно-ли, что Орлеанскій ничего не предчувствуетъ? подумала леди Эліоттъ. Какъ могъ онъ надѣяться на расположеніе непостояннаго народа, который еще недавно поклонялся ему, а теперь безпощадно стремился къ сверженію своего бывшаго кумира. Можетъ ли герцогъ разсчитывать на помощь Жильбера“?..

Леди Эліоттъ подошла къ главной лѣстницѣ Пале-Рояля, но тутъ на нее нашло сомнѣніе, что ее могутъ задержать прежде, чѣмъ она увидится съ Орлеанскимъ и не лучше ли будетъ поручить это дѣло въ болѣе вѣрныя руки. Но кому?.. Въ огромномъ Парижѣ она была также одинока въ данную минуту, какъ въ первый день пріѣзда. У ней не было ни друзей, ни знакомыхъ, отъ которыхъ она могла ожидать помощи или покровительства...

Наконецъ въ головѣ ея промелькнула мысль, за которую она тотчасъ же ухватилась. Она вспомнила объ англичанкѣ, которую спасла когда-то изъ рукъ разъяренной толпы и пріютила въ домѣ своей бывшей служанки. „Эта женщина обязана мнѣ жизнью—подумала леди Эліоттъ. Она вѣрно не откажется оказать мнѣ услугу въ такую критическую минуту“...

Эта мысль казалась леди Эліоттъ какъ-бы вдохновеніемъ свыше. Она тотчасъ же наняла одну изъ каретъ, стоявшихъ на площади Пале-Рояля и отправилась въ улицу de Charonne.

Въ предмѣстьѣ С.-Антуанъ противъ обыкновенія царила глубокая тишина и только изрѣдка встрѣчались прохожіе, потому что все парижское населеніе въ этотъ день столпилось на улицахъ, примыкавшихъ къ Тюльери.

Мосье Друэ стоялъ безъ сюртука у воротъ своего дома и грѣлся на солнцѣ съ трубкой въ рукахъ. Лицо его имѣло праздничное и самодовольное выраженіе человѣка достигшаго цѣли всѣхъ своихъ стремленій и надеждъ. Правда ему недоставало жильцовъ, но это бѣдствіе не было для него новостью и онъ примирился съ нимъ, считая это неизбѣжнымъ слѣдствіемъ парижскаго „бунта“. Послѣднія событія, жертвой которыхъ сдѣлался С.-Мало, чуть ли не на его глазахъ, заставили его нѣсколько иначе взглянуть на революцію, которая наконецъ получила для него извѣстный смыслъ. Онъ понялъ помимо своей воли, что существуетъ какая-то связь между поступками его бывшаго господина и другихъ знатныхъ людей съ печальной судьбой постигшей ихъ. Въ чемъ состояла эта связь, мосье Друэ не могъ дать себѣ отчета, но, тѣмъ не менѣе, вмѣсто прежняго презрѣнія чувствовалъ теперь неопредѣленный страхъ къ парижскому „бунту“, и тщательно избѣгалъ разговоровъ о текущихъ событіяхъ.

Не смотря на эту уступку революціи, Друэ не могъ пожаловаться

на судьбу, такъ какъ при общемъ разрушеніи старыхъ порядковъ ему удалось сохранить свои прежнія убѣжденія, свою трубку и собственный домъ, что совершенно удовлетворяло его личнымъ потребностямъ. Хотя онъ мало по малу лишился всѣхъ жильцовъ, но онъ помалчивалъ объ этомъ пунктѣ, который былъ тѣсно связанъ съ революціей, такъ какъ въ сущности обязанъ былъ ей не только пріобрѣтеніемъ дома, но и женитьбой на Бекки. Изъ всѣхъ жильцовъ у него осталась одна только англичанка, м-съ Францисъ, какъ она себя называла, но Друэ постоянно тяготился ею. Онъ не терпѣлъ этой женщины, которая цѣлые дни лежала на постели, хотя иногда казалась совершенно здоровою; не нравились ему и красноватые волосы м-съ Францисъ, ея молчаливость и скрытность, такъ какъ съ нею трудно было разговориться даже о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ.

Между тѣмъ мосье Друэ очень любилъ задушевные разговоры, лишь бы только они не касались политики, но теперь онъ былъ лишенъ этого удовольствія съ тѣхъ поръ, какъ его законная жена переѣхала къ своей прежней госпожѣ, чтобы ухаживать за ней во время ея болѣзни. Старикъ охотно согласился на это, благодаря своей сердечной добротѣ и съ трогательною покорностью приноравливался къ затруднительному положенію, въ которое поставило его отсутствіе хозяйки дома. Онъ самъ былъ у себя привратникомъ и поваромъ, смотрѣлъ за хозяйствомъ и бѣльемъ и даже вовсе не тяготился этимъ. Но отсутствіе собесѣдника становилось для него все болѣе и болѣе мучительнымъ; и это была главная причина его неудовольствія противъ англичанки. Она не отвѣчала на его вопросы и даже дѣлала видъ, что не слышитъ, когда онъ обращался къ ней. Вслѣдствіе этого Друэ былъ очень удивленъ, когда леди Эліоттъ, подъѣхавъ къ его дому, объявила о своемъ желаніи видѣться съ англичанкой.

— Дома ли мистриссъ Францисъ? спросила леди Эліоттъ, выходя изъ экипажа.

— Слава Богу, дома, отвѣтилъ старикъ,—если бы не она, то у меня весь домъ былъ бы пустой сверху до низу.

Онъ былъ очень радъ видѣть леди Эліоттъ и узнать, что она здорова, потому что могъ теперь надѣяться на скорое возвращеніе Бекки, но счелъ нужнымъ замѣтить, что англичанка злая женщина, постоянно молчитъ и вовсе не заслуживаетъ, чтобы ей дѣлали визиты.

Леди Эліотъ не сочла нужнымъ отвѣтить на это замѣчаніе и даже отказалась отъ предложенія Друэ проводить ее, говоря, что желаетъ остаться наединѣ съ мистриссъ Францисъ. Старикъ окончательно разсердился и поспѣшно ушелъ въ свою комнату, тѣмъ болѣе, что наемный кучеръ, пріѣхавшій съ леди Эліоттъ, сильно походилъ на якобинца и могъ вовлечь его въ опасный разговоръ. Бесѣды съ такого рода людьми вообще были не по вкусу мосье Друэ и не согласовались съ его принципами.

Между тѣмъ леди Эліоттъ быстро поднялась на лѣстницу и вошла

въ комнату мистриссъ Францисъ, которая сидѣла у стола въ глубокой задумчивости.

Неожиданное появленіе леди Эліоттъ видимо встревожило ее: она вся вздрогнула и поднялась съ мѣста; ея блѣдныя, впалыя щеки покрылись густымъ румянцемъ.

У леди Эліоттъ сжалось сердце при взглядѣ на эту высокую, сгорбленную женщину, подавленную горемъ, лицо которой все еще сохранило слѣды прежней красоты. Она подала руку мистриссъ Францисъ, но та отвѣтила ей ледянымъ прикосновеніемъ руки и снова опустилась въ свое кресло.

— О чемъ это вы думали, когда я вошла въ комнату? ласково спросила леди Эліоттъ, которая настолько растерялась при видѣ чужаго горя, что въ эту минуту даже забыла самый поводъ своего посѣщенія.

— О чемъ я думала? повторила мистриссъ Францисъ, проведя рукой по лбу.—У меня въ головѣ только двѣ мысли—мое прошлое и мой ребенокъ... я знаю, что мнѣ уже не вернуть ихъ.

— Не приходите въ отчаяніе, возразила леди Эліоттъ,—быть можетъ счастье опять улыбнется вамъ.

— Быть можетъ! воскликнула съ отчаяніемъ мистриссъ Францисъ и ея мрачные, сѣрые глаза приняли еще болѣе суровое выраженіе.— Это быть можетъ и терзаетъ меня. Если бы я окончательно убѣдилась въ моемъ несчастіи, тогда ничто не мѣшало бы мнѣ положить конецъ моимъ страданіямъ...

— Мнѣ кажется, что вы должны благодарить судьбу, а не жаловаться на нее за то, что она оставила вамъ надежду,—сказала леди Эліоттъ. — Сравните вашу участь съ участью тѣхъ, которые столько же потеряли, какъ и вы, и которымъ больше нечего ждать въ жизни. Только тотъ имѣетъ право приходить въ отчаяніе и желать смерти, кто навсегда простился съ надеждою.

— Но что пользы въ томъ, если даже осуществятся мои надежды? отвѣтила мистриссъ Францисъ. — Я уже не разъ думала объ этомъ. Ребенку, котораго я потеряла, было всего два года — я помню его улыбку, милый лепетъ; это былъ полненькій, красивый ребенокъ съ крошечными руками и ногами... Вотъ это мое дитя, такимъ остался онъ въ моемъ воображееіи, и такимъ хотѣла бы я опять увидѣть его. Но развѣ это возможно! Если онъ живъ, то превратился уже въ большого мальчика, для котораго я буду совсѣмъ чужая... Тогда онъ все равно будетъ потерянъ для меня... Быть можетъ онъ выросъ, поумнѣлъ, сдѣлался еще красивѣе, но кто поручится въ томъ, что онъ не оттолкнетъ отъ себя ту, которая изъ-за него подверглась изгнанію, лишилась родины, крова, друзей, чести...

— Я не совсѣмъ понимаю, что вы хотите сказать?—спросила съ недоумѣніемъ леди Эліоттъ.

Мистриссъ Францисъ тотчасъ же опомнилась.

— Я хотѣла только сказать, что мнѣ подчасъ приходитъ въ голову, что лучше было бы мнѣ видѣть моего сына мертвымъ, чѣмъ ему видѣть свою мать, живущую благодѣяніями другихъ.

Леди Эліоттъ пожала руку бѣдной, озлобленной женщинѣ.

— Теперь настала минута, сказала она, когда вы мистриссъ Францисъ можете щедро заплатить мнѣ за ту незначительную услугу, которую я когда-то оказала вамъ, и о которой говорить не стоитъ, такъ какъ каждый изъ насъ обязанъ помогать другъ другу. Если вы согласитесь исполнить мою просьбу, то окажете мнѣ истинное благодѣяніе...

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила мистриссъ Францисъ и измученное лицо ея приняло выраженіе напряженнаго вниманія.

— Слушайте-же! сказала леди Эліоттъ, понизивъ голосъ. — Дѣло, о которомъ я хочу просить васъ, касается герцога Орлеанскаго...

— Георга Орлеанскаго! медленно повторила мистриссъ Францисъ съ горькой улыбкой.

— Да, именно его, продолжала леди Эліоттъ. Вы дадите мнѣ листокъ почтовой бумаги и перо и я напишу ему нѣсколько словъ. Вы отнесете записку въ Пале-Рояль и отдадите ее герцогу, только непремѣнно ему самому. Отъ этого зависитъ и его и моя жизнь... Въ цѣломъ Парижѣ у меня нѣтъ ни одного человѣка, которому я могла бы поручить это дѣло, кромѣ васъ.

При этихъ словахъ на лицѣ мистриссъ Францисъ выразилась такая неподдѣльная радость, что леди Эліоттъ съ испугомъ взглянула на нее.

— Что съ вами? спросила леди Эліоттъ.

— Я такъ счастлива, что наконецъ представляется случай оказать вамъ услугу послѣ всего того, что вы сдѣлали для меня, отвѣтила мистриссъ Францисъ, крѣпко прижимая руки къ своей груди, чтобы сдержать овладѣвшее ею волненіе.

Леди Эліоттъ сѣла къ столу и написала Орлеанскому:

„Не думайте, чтобы я стала злоупотреблять тайной, которую вы довѣрили мнѣ: — я сдѣлала все, что могла, чтобы предупредить печальный исходъ извѣстнаго вамъ дѣла, но это врядъ-ли удастся мнѣ. Пишу вамъ съ единственною цѣлью предупредить васъ. Ваша свобода и даже жизнь въ опасности. Сегодня же Конвентомъ будетъ изданъ декретъ объ вашемъ арестѣ. Спасайтесь, пока время не ушло. Оффиціально еще ничего не объявлено; двери вашего дворца открыты: вы можете выѣхать изъ Парижа и добраться до границы, прежде чѣмъ Конвентъ успѣетъ распорядиться относительно вашего ареста. Не спрашивайте о причинахъ, мнѣ онѣ неизвѣстны, но фактъ существуетъ и порукой можетъ служить вамъ мое имя.

Грэсъ Дальримпъ Эліоттъ“.

— Моя жизнь будетъ теперь въ вашихъ рукахъ, сказала леди Эліоттъ, отдавая записку мистриссъ Францисъ. Ради Бога поспѣ-

шите;—тутъ дорога каждая минута и отъ этого зависитъ успѣхъ возложеннаго на васъ порученія.

Мистриссъ Францисъ взяла записку, но рука ея такъ дрожала, что леди Эліоттъ опять почувствовала безпокойство.

— Не больны ли вы? спросила она.

— Нѣтъ, напротивъ, отвѣтила мистриссъ Францисъ взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ. Я уже давно не чувствовала себя такъ хорошо, какъ теперь.

Она поспѣшно надѣла на себя шляпу съ вуалью и пальто и вмѣстѣ съ леди Эліоттъ сошла съ лѣстницы.

Передъ дверью стоялъ экипажъ леди Эліоттъ. На прощанье она еще разъ протянула руку своей protegée, которая почтительно поцѣловала ее.

Леди Эліоттъ невольно вздрогнула; въ эту минуту ей почему-то вспомнился поцѣлуй Іуды. Но тутъ кучеръ ударилъ по лошадямъ, и экипажъ быстро покатился по улицѣ.

Мистриссъ Францисcъ, оставшись одна, вскрикнула отъ радости и поспѣшно прочла записку; зачѣмъ еще разъ прочитала ее и громко расхохоталась.

— Леди Эліоттъ воображаетъ, что я стану спасать Орлеанскаго! проговорила она съ злорадствомъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и я ничего не забыла... Наконецъ-то представился случай отомстить ему.

Несчастная женщина чувствовала инстинктивное отвращеніе къ герцогу съ той самой минуты, какъ у ней украли ребенка. Она была убѣждена, что Орлеанскій прямо или косвенно содѣйствовалъ этому, хотя не могла отдать себѣ отчета, почему явилась у ней такое убѣжденіе. Она была нѣкогда довольно близко знакома съ герцогомъ, но потомъ онъ старательно избѣгалъ всякой встрѣчи съ нею, и черезъ это лишилъ ее возможности объясниться съ нимъ. Теперь же противъ всякаго ожиданія судьба Орлеанскаго была въ ея рукахъ: отъ нея зависѣла его жизнь и смерть.—Эта мысль совсѣмъ отуманила ее.

— Виновница моего несчастія сама предала мнѣ своего сообщника, пробормотала мистрисъ Францисъ, идя по улицѣ. Не оттого ли я хочу погубить ее, что она оказала мнѣ столько благодѣяній!... Неужели я способна обмануть ея довѣріе?... Но къ чему эти сомнѣнія! Она сама заслужила ожидавшую ея участь, пусть несетъ послѣдствія своего великодушія. Что побудило ее спасать меня?... Она принудила меня жить, чтобы я видѣла, какъ она хороша, добра, насколько лучше и счастливѣе меня...

Горячія слезы полились изъ ея глазъ при этой мысли. Она вспомнила объ мальчикѣ, котораго считала сыномъ леди Эліоттъ, и котораго не видѣла съ того утра, когда она встрѣтила его на похоронахъ Вольтера. Мальчикъ этотъ поразилъ ее своимъ сходствомъ съ принцомъ Уэльскимъ, но это было мимолетное впечатлѣніе, потому

что тогда все ея вниманіе было обращено на леди Эліоттъ. Отъ Бекки она также не могла ничего узнать, потому что изъ боязни измѣнить себѣ, она вообще избѣгала всякихъ разговоровъ съ болтливой служанкой.

Мысль, что леди Эліоттъ лучше и счастливѣе ее была для нея источникомъ постоянной зависти и нескончаемыхъ мученій. Въ душѣ ея явилось то странное раздвоеніе, при которомъ борьба добрыхъ и злыхъ побужденій, если послѣднія одержатъ вверхъ, можетъ довести человѣка до предательства и всевозможныхъ злодѣяній.

Ей стало досадно на свое малодушіе.—Какъ! воскликнула она, неужели я стану трусить теперь, когда наступила минута, которую я напрасно ожидала впродолженіе долгихъ мучительныхъ дней и безконечныхъ ночей? Нѣтъ у меня достаточно силъ, чтобы исполнить то, на что я твердо рѣшилась... Я должна радоваться, что наконецъ представился случай отомстить за моего ребенка.

Колѣни дрожали у ней и она съ трудомъ дошла до конца улицы.

Здѣсь она остановилась передъ секціоннымъ домомъ Montrenie, гдѣ засѣдалъ одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ революціонныхъ комитетовъ. Эти комитеты состояли подъ вѣдѣніемъ „Комитета общественной безопасности" и мало по малу превратились въ грозныя орудія Террора. Сюда обращались съ доносами и на основаніи ихъ здѣсь же дѣлались распоряженія относительно тѣхъ или другихъ подозрительныхъ лицъ.

Она хотѣла принудить себя войти въ домъ.

— Чего я колеблюсь, подумала она, это письмо будетъ смертельнымъ приговоромъ для обоихъ.

Но она не могла сдвинуться съ мѣста; рука ея судорожно сжимала записку; она чувствовала, что не въ состояніи исполнить своего намѣренія.

— Я не могу... это невозможно пробормотала она, отходя отъ дому.

Она прошла, не останавливаясь, длинный рядъ улицъ и переулковъ, пока не достигла Пале-Рояля.

Войдя на дворъ, она въ изнеможеніи опустилась на скамейку.

— Я должна сперва успокоиться и прійти въ себя, проговорила она, прижимая руку къ сердцу, которое усиленно билось въ ея груди.

ГЛАВА V.

Карльтонъ-Гоузъ и Пале-Рояль.

Долгое отсутствіе леди Эліоттъ сильно безпокоило Бекки. Она безпрестанно подходила къ окну и обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ опять садилась въ свое кресло и даже нѣсколько разъ принималась плакать.

Наконецъ, леди Эліоттъ вернулась, но съ такимъ спокойнымъ и довольнымъ лицомъ, что Бекки пришла въ совершенное недоумѣніе.

— Наконецъ то! воскликнула она, осыпая поцѣлуями руки леди Эліоттъ. Еслибы вы знали въ какомъ я была страхѣ все утро. Гдѣ же вы пропадали такъ долго? Я насилу дождалась васъ, миледи.

— Какая ты добрая Бекки, ласково отвѣтила леди Эліоттъ. Но что бы ты сказала, если бы я вовсе не вернулась домой и мнѣ пришлось бы навсегда проститься съ тобой? Кто знаетъ, можетъ мнѣ прійдется выѣхать изъ Парижа и вернуться въ Англію.

— Еслибы это случилось, то я готова была бы на колѣняхъ благодарить Спасителя и св. Андрея Шотландскаго! воскликнула Бекки и ея добрые черные глаза заблестѣли отъ удовольствія.

Леди Эліоттъ удивилась.

— Какъ! спросила она, ты будешь радоваться если я уѣду?

— Разумѣется, отвѣтила Бекки, и даже пойду въ церковь... или лучше сказать пошла бы, потому что въ этой проклятой землѣ даже нѣтъ церквей, въ которыхъ бы христіанская душа могла воздать хвалу Создателю и поблагодарить его за оказанныя милости. Но здѣшній грѣшный народъ осквернилъ святые храмы, городъ этотъ хуже Вавилона и тѣхъ большихъ городовъ, которыхъ посѣтилъ гнѣвъ Господень, какъ описано въ Евангеліи. Вотъ по этому-то я и хочу чтобы вы скорѣе уѣхали отсюда, пока еще они не добрались до васъ. Они не разбираютъ, кто правъ, кто виноватъ.

— Это только такъ кажется, Бекки, возразила леди Эліоттъ съ печальной улыбкой. Повѣрь мнѣ, что если меня постигнетъ ихъ гнѣвъ, то я вѣроятно заслужила его.

— Но, моя дорогая миледи, свѣтъ и безъ того не пощадилъ васъ. Не мало терпѣли вы непріятностей, какъ отъ своихъ друзей, такъ и враговъ; и даже тѣ, которымъ вы сдѣлали столько добра огорчали васъ.

— Не говори объ этомъ, моя милая Бекки. Все давно забыто.

— Но я не забуду этого, пока не увижу васъ на свободѣ въ спокойствіи и безопасности въ нашемъ отечествѣ—да сохранитъ его Господь и св. Андрей Шотландскій—или въ какой-нибудь другой странѣ, гдѣ люди лучше здѣшняго народа и гдѣ можно жить и дышать спокойно.

— Я не знаю существуетъ ли гдѣ-нибудь такая страна, отвѣтила леди Эліоттъ. Но для всѣхъ насъ несомнѣнно существуетъ одно мѣсто успокоенія—это могила.

— Да сохранитъ васъ Богъ! воскликнула Бекки, набожно крестясь. Развѣ мало прекрасныхъ мѣстъ на землѣ гдѣ растутъ цвѣты и тепло свѣтитъ солнце, гдѣ утромъ и вечеромъ звонятъ колокола, люди ходятъ въ церковь и руки ихъ не осквернены кровью и сердца ихъ спокойны и счастливы. Туда и должна ѣхать моя дорогая миледи.

— Ну, а если я уѣду сегодня же?

— Тѣмъ лучше, воскликнула Бекки, я вздохну спокойно.

— Если такъ, Бекки, то готовься къ разлукѣ; я должна уѣхать отсюда прежде, чѣмъ наступитъ ночь.

Бекки бросилась на колѣни передъ своей дорогой леди, заливаясь слезами.

— Господь, да укрѣпитъ васъ въ вашемъ добромъ намѣреніи, проговорила она рыдая.

— А ты Бекки, что ты думаешь сдѣлать съ собой? спросила леди Эліоттъ, поднимая съ полу свою вѣрную служанку и обнимая ее.

— Я возвращусь домой. къ моему старому мосье Друэ. Мы старѣемся съ каждымъ днемъ, и я не хочу больше оставлять его одного: буду вмѣстѣ съ нимъ переносить невзгоды жизни и утѣшаться мыслью, что вы моя дорогая леди внѣ опасности.

— Я была въ вашемъ домѣ сегодня утромъ и видѣла твоего мужа.

— Да вознаградитъ васъ Господь! возразила Бекки; и лицо ея просіяло отъ радости,—я знаю, вы всегда были добры къ намъ.

— Я также видѣла англичанку.

Бекки нахмурила брови.

— Ну, это было совершенно лишнее, сказала она.

— Почему Бекки?

— Потому что она никогда не нравилась мнѣ. Она злая женщина.

— Нѣтъ, она скорѣе несчастная, нежели злая, возразила леди Эліоттъ. Вотъ моя послѣдняя просьба Бекки. Не оставляй ее, когда я уѣду отсюда. Она одинокая и всѣми покинутая и у ней нѣтъ никого, кто бы любилъ ее. Ради меня будь добра и ласкова къ ней и знай, что я всегда буду съ благодарностью вспоминать о тебѣ и гдѣ бы я не жила я всегда съ радостью приму тебя въ моемъ домѣ.

Бекки была тронута этими словами, но мысль объ англичанкѣ не выходила у ней изъ головы.—Я надѣюсь, сказала она, что вы не сообщили этой женщинѣ вашего намѣренія и вообще не сказали ей ничего лишняго?

— Ну, а если сказала, тогда что? спросила леди Эліоттъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ прійдется только пожалѣть объ этомъ.

— Почему Бекки?

— Потому, что она не заслуживаетъ довѣрія, всегда такая скучная и скрытная, никогда даже не заикнется о своемъ прошломъ, и, вдо-

бавокъ, у ней рыжіе волосы. А вы знаете шотландскую поговорку моя дорогая леди: остерегайся скалы и рыжаго человѣка.

У леди Эліоттъ сжалось сердце, но она пересилила себя и отвѣтила улыбаясь:

— Надѣюсь, что я не должна остерегаться тебя Бекки?

— О моя милая леди!

— Ну такъ уложи скорѣе мои вещи. Я возьму съ собой только самое необходимое; все остальное предоставляю тебѣ и твоему мужу и прошу васъ распорядиться этимъ. Шарль поѣдетъ со мной, приготовь и его вещи въ дорогу. Я еще не рѣшила куда я поѣду. Знаю только, что мнѣ необходимо выѣхать изъ Франціи. Я должна бѣжать, чтобы спасти мою жизнь... Робеспьеръ высылаетъ меня отсюда!..

— Робеспьеръ! воскликнула Бекки съ выраженіемъ ужаса на лицѣ.

— Ты видишь, терять времени нечего. Дѣлай то, что тебѣ приказано. Я очень устала и хочу отдохнуть передъ дальней дорогой.

— Какъ! вы хотите спать! воскликнула съ удивленіемъ Бекки, которая наконецъ поняла всю опасность, грозившую леди Эліоттъ.— До отдыха ли теперь!...

— Почему-же мнѣ не отдохнуть, пока ты укладываешь вещи?

Съ этими словами леди Эліоттъ ушла въ свою комнату и заперла за собою дверь на ключъ.

Бекки стояла на мѣстѣ какъ окаменѣлая, она не понимала, какъ могла леди Эліоттъ быть спокойной въ такую минуту. Но ея удивленіе смѣнилось испугомъ, когда она услыхала пѣніе чистаго, свѣжаго голоса, похожее на пѣсню жаворонка ранней весной.

Бекки не слыхала пѣнія леди Эліоттъ съ тѣхъ поръ какъ они выѣхали изъ Монфлери.

Она пѣла старую колыбельную пѣсню, которую такъ часто пѣвала Бекки укладывая спать маленькую Грэсъ и послѣ въ минуты тоски по родинѣ.

Чѣмъ дальше пѣла леди Эліоттъ, тѣмъ сильнѣе и задушевнѣе становился ея голосъ. Бекки, опомнившись отъ перваго испуга, боялась пропустить слово милой родной пѣсни. Ей казалось, что это лучшее пѣніе, которое она когда-либо слышала въ жизни; слезы текли по ея щекамъ и она наконецъ зарыдала какъ ребенокъ, услыхавъ знакомый припѣвъ:

„Не хочу цѣловать тебя великій Аргилъ,
Не хочу я нѣжно цѣловать тебя“...

Пѣніе часто прерывалось и по временамъ только отдѣльные слова долетали до слуха Бекки.

Наконецъ, мало по малу, пѣніе окончательно замолкло и въ домѣ водворилась мертвая тишина. Леди Эліоттъ заснула подъ звуки колыбельной пѣсни, которую сама пропѣла для себя.

Она чувствовала сильную усталость, когда вошла въ свою спальню, наполненную ароматомъ цвѣтовъ и свѣтомъ весенняго солнца. Но на

душѣ ея было свѣтло и покойно; давно не испытанное чувство счастья охватило ее — она сама едва могла дать себѣ отчетъ, что радовало ее. Не была ли эта смутная надежда, что для нея начнется новая жизнь и что теперь она навсегда простится съ горемъ и мучительными сомнѣніями. Подъ этимъ-же впечатлѣніемъ безсознательно принялась она пѣть свою колыбельную пѣсню, снимая съ себя вдовій чепчикъ и верхнее платье,—пѣла ложась въ постель, пока не заснула подъ собственное пѣніе.

Ей приснился сонъ. Она опять была ребенкомъ, видѣла родину, горы Ламмермура, голубое море, дышала ароматомъ травъ, свѣжестью лѣса и болотъ, которую навѣваетъ съ горныхъ странъ каждый западный вѣтеръ. Отсюда, какъ будто на крыльяхъ, пронеслась она въ Монфлери и была опять съ своей любимой подругой. Потомъ увидѣла она себя въ Лондонѣ въ лучшую пору своей молодости, кругомъ ея все знакомыя лица; они улыбаются ей, ласково привѣтствуютъ ее. Но вотъ всѣ исчезли... около нея остался только одинъ человѣкъ съ серьезнымъ, печальнымъ лицомъ; глаза его смотрятъ на нее съ выраженіемъ безконечной любви и нѣжности. Человѣкъ этотъ неизмѣримо выше и прекраснѣе всѣхъ, кого она встрѣчала въ своей прошлой жизни—онъ протягиваетъ ей свои руки, хочетъ обнять ее. Губы ея произносятъ имя Жильбера...

Но тутъ съ шумомъ отворилась дверь и въ комнату вбѣжала Бекки.

— Солдаты! кричала она, внѣ себя отъ ужаса, солдаты!

Были ли это продолженіе сна или дѣйствительность?..

Минуту спустя, леди Эліоттъ окончательно проснулась и встала съ постели.

Въ сѣняхъ слышался шумъ мужскихъ шаговъ и бряцанье оружія.

Леди Эліоттъ поспѣшно набросила на себя платье и услыхавъ женскій крикъ, вышла въ сосѣднюю комнату. Здѣсь черезъ отворенную дверь она увидѣла на верху лѣстницы женскую фигуру, которая отчаянно отбивалась отъ солдатъ національной гвардіи. Леди Эліоттъ не могла разглядѣть ея лица среди мундировъ, ружей и пикъ и только замѣтила прядь рыжихъ волосъ при отблескѣ вечерней зари.

— Спустите ее съ лѣстницы! кричали солдаты. Мы не должны допустить ихъ до разговора...

— Сжальтесь надъ нею! умоляла женщина.

— Что тутъ разговаривать, столкните ее. Зачѣмъ она явилась сюда.

Послышались удары ружейныхъ прикладовъ и женщина замолчала.

— Не знаешь-ли ты Бекки, кто это? спросила леди Эліоттъ.

— Разумѣется англичанка, она-же и выдала васъ, отвѣтила Бекки глухимъ голосомъ.

Солдаты ворвались въ комнату. Во главѣ ихъ былъ Николай Трюшонъ.

— Я пришелъ, чтобы арестовать тебя, аристократка, сказалъ онъ, кладя руку на плечо леди Эліоттъ. Помнишь-ли клятву, которую ты дала мнѣ въ ту ночь, когда я вывелъ тебя изъ толпы и спасъ изъ рукъ нашихъ „tricoteuses“. Ты поклялась мнѣ, что будешь другомъ народа. Я тогда-же разсказалъ тебѣ о моей несчастной дочери и назвалъ имя негодяя, который довелъ ее до самоубійства. А ты сочла нужнымъ спасать его отъ меня! Вотъ твоя благодарность!.. Аристократы всегда держатъ свое слово и свои клятвты такимъ способомъ!.. Ну, да что толковать объ этомъ... Принимайтесь за дѣло друзья мои,—добавилъ Трюшонъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ,— наложите печать республики на двери и свяжите ей руки. Она и безъ того слишкомъ долгó гуляла на свободѣ!

— Ради Бога, отпустите меня, сказала леди Эліоттъ, вырываясь изъ грубыхъ рукъ, схватившихъ ее. Самъ Робеспьеръ нѣсколько часовъ тому назадъ далъ мнѣ позволеніе выѣхать изъ Парижа и я только-что хотѣла воспользоваться этимъ...

— Чтобы еще разъ измѣнить намъ, продолжалъ Трюшонъ; знаемъ мы васъ. Теперь позволеніе Робеспьера уже не дѣйствительно. Ты получалà жалованье изъ Англіи за свое шпіонство и вдобавокъ была любовницей Орлеанскаго...

— О, Господи! воскликнула леди Эліоттъ, закрывая лицо обѣими руками.

— Да, закрывай свое лицо блудница. Только жаль, что ты слишкомъ поздно почувствовала стыдъ. Будь ты проклята, продажная тварь. Теперь ты не уйдешь отъ насъ ma mignonne! Право, отличное будетъ зрѣлище, когда ты появишься на площади революціи и войдешь на эшафотъ. Мы всѣ прійдемъ смотрѣть на тебя.

Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ Шарль, въ сопровожденіи прислуги леди Эліоттъ. Они всѣ съ плачемъ и жалобами окружили ту, которая всегда была добра къ нимъ и должна была оставить ихъ такъ неожиданно.

Леди Эліоттъ, улыбаясь сквозь слезы, простилась съ ними.

— Прощайте друзья мои, сказала она. Благодарю васъ за ваше расположеніе ко мнѣ. Смерть не пугаетъ меня: я знаю, что есть на свѣтѣ люди, которые помянутъ меня добромъ...

— Нѣтъ, вы не умрете, моя дорогая леди! воскликнула Бекки. Вы не должны умирать. Я не допущу до этого, пока во мнѣ останется хотя капля крови!

Леди Эліоттъ подала руку своимъ слугамъ и поцѣловала Шарля.

— Успокойся Бекки, сказала она, и помни мою просьбу; теперь поневолѣ я должна затруднить тебя новымъ порученіемъ. Ты возьмешь къ себѣ Шарля и будешь заботиться о немъ, какъ объ родномъ сынѣ. Я уже ничего не могу сдѣлать для него, и даже не буду знать, что съ вами... Прощайте...

Громко рыдая, вырвалась она изъ рукъ Бекки и Шарля, которые

силились удержать ее, цѣплялись за ея платье, покрывали поцѣлуями ея руки.

По знаку Трюшона, солдаты силою овладѣли леди Эліоттъ, связали ей руки и вывели на улицу. Сходя съ крыльца она слышала голосъ Бекки, которая плакала и кричала: „Нѣтъ, я не прощаюсь съ ней! Я увижу ее... Пока я жива, никто не посмѣетъ коснуться хотя бы единаго волоска на ея головѣ“.

Леди Эліоттъ пришлось проходить черезъ большую толпу, собравшуюся передъ ея домомъ.

— Я не виновата! крикнулъ кто-то изъ толпы.

Леди Эліоттъ невольно оглянулась и увидѣла м-съ Францисъ, которая напрасно силилась вырваться изъ рукъ державшихъ ее солдатъ. На лицѣ ей выражалось полное отчаяніе; длинные красноватые волосы спутанными прядями висѣли по ея плечамъ.

У леди Эліоттъ сжалось сердце. Страшное подозрѣніе овладѣло ею. „Бекки права, подумала она,—эта женщина предала меня!“

Наступилъ теплый апрѣльскій вечеръ. На улицахъ освѣщенныхъ фонарями было также шумно, какъ и утромъ, но уже не видно было и слѣда прежняго мрачнаго настроенія. Среди радостной и ликующей толпы раздавались возгласы газетчиковъ: „Хорошія новости! Бѣгство великаго Дюмурье, прославленнаго спасителя Франціи!“

На всѣхъ перекресткахъ къ стѣнамъ были приклеены ярко освѣщенные лампами и факелами листы „Chant du coq“ на которыхъ виднѣлось изображеніе галльскаго пѣтуха, подъ которымъ было написано громадными красными буквами:

Да здравствуетъ республика!

„Дюмурье, его сообщники и большинство нѣмецкихъ гусаровъ полка Бергиньи передались непріятелю. Все остальное войско сохранило вѣрность республикѣ“.

Леди Эліоттъ видѣла нѣсколько такихъ объявленій прежде чѣмъ дошла до секціонной караульни. Уличная толпа провожала ее бранью и насмѣшками.

Въ то же время рѣшена была участь Орлеанскаго.

Засѣданіе Національнаго Конвента въ этотъ день должно было имѣть роковыя послѣдствія, хотя внѣшній порядокъ не былъ нарушенъ ни бурными рѣчами депутатовъ, ни вмѣшательствомъ толпы. У всѣхъ былъ въ виду одинъ общій непріятель и всѣ знали, что приближается кризисъ, который кончится торжествомъ людей, не имѣвшихъ ничего общаго съ измѣнниками и что жирондисты и Дантонъ должны будутъ защищаться. Можно было заранѣе предвидѣть результатъ обвиненія, такъ какъ обвинителемъ долженъ былъ явиться Робеспьеръ. Изъ массы его противниковъ было очень мало людей, ко-

торые могли доказать, что они не сидѣли за однимъ столомъ съ Орлеанскимъ и не пили его вина.

Наступилъ моментъ, когда сторонники Орлеанскаго считались такими же государственными измѣнниками, какъ прежде роялисты. Робеспьеръ и его партія не запятнали себя дружбой съ Орлеанскимъ, не получали отъ него жалованья и ихъ неподкупность дала имъ нравственный перевѣсъ надъ другими партіями, побѣду и наконецъ владычество во Франціи.

Робеспьеръ спокойно слушалъ докладъ коммисіи о полученныхъ депешахъ и частныхъ извѣстіяхъ, касавшихся положенія дѣлъ въ лагерѣ. Лицо Робеспьера было неподвижно и на немъ не замѣтно было и тѣни волненія. Съ правой стороны возлѣ него сидѣлъ Сенъ-Жюстъ, налѣво Кутонъ, а позади Лебасъ и Жильберъ Лагэ. Робеспьеръ и его приверженцы прежде всего хотѣли, чтобы измѣна Дюмурье была окончательно доказана. Ни одна изъ партій не имѣла ничего противъ этого требованія.

Изъ доклада было ясно, какъ логично шелъ Дюмурье къ своей преступной цѣли и что онъ навѣрно предалъ бы республику ея врагамъ—австрійцамъ, если бы въ рѣшительный моментъ онъ могъ разсчитывать на слѣпое повиновеніе своей арміи.

— Но измѣнникъ, продолжалъ докладчикъ,—ошибся въ разсчетѣ. Только нѣмецкіе гусары, состоящіе на французской службѣ, остались вѣрны ему и по его приказу арестовали нашихъ депутатовъ, но всѣ остальные полки и линейное войско отказали ему въ повиновеніи. Крѣпость Конде закрыла передъ нимъ свои ворота; изъ Валансіена стрѣляли въ него. Когда онъ достигъ Лилля окруженный своимъ штабомъ и нѣмецкими наемниками, тогда уже въ лагерѣ извѣстенъ былъ приговоръ, произнесенный надъ нимъ представителями націи. Преслѣдуемый собственной арміей и сознаніемъ своей вины, онъ обратился въ бѣгство. Подъ градомъ пуль переплылъ онъ рѣку, отдѣлявшую нашъ лагерь отъ непріятельскаго и спасъ такимъ образомъ свою жалкую жизнь. Да будетъ проклятъ измѣнникъ отечества, и пусть это проклятіе всюду преслѣдуетъ его изъ страны въ страну, куда бы онъ ни направилъ стопы свои! Главное начальство надъ сѣверной арміей передано Дампіеру; наши комисары оставлены въ лагерѣ, организованы новые полки и республика спасена. Да здраствуетъ республика!“

Весь Конвентъ всталъ при этомъ возгласѣ и трижды повторилъ его.

Робеспьеръ воспользовался этимъ моментомъ, чтобы поднять дѣло о сообщничествѣ Орлеанскаго въ измѣнѣ Дюмурье. Это былъ первый и необходимый шагъ, который долженъ былъ повлечь за собою паденіе жирондистовъ и Дантона. Но Робеспьеръ говорилъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда былъ окончательно увѣренъ въ побѣдѣ; и потому предоставилъ другимъ вести дебаты.

Первый поднялся съ своего мѣста Каррье, сторонникъ Робеспьера и сказалъ:

— Измѣнники въ Бельгіи спаслись бѣгствомъ отъ ожидавшей ихъ кары; мы должны принять мѣры, чтобы оставшіеся въ Парижѣ измѣнники не увеличили собой числа нашихъ враговъ — эмигрантовъ. Сынъ Egalité, находившійся до сихъ поръ въ штабѣ Дюмурье бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ; и потому я требую чтобы немедленно былъ выданъ приказъ объ арестѣ самого Egalité, ci-devant герцога Орлеанскаго.

Слова эти произвели сильную сенсацію въ собраніи. Хотя они ни для кого не были неожиданностью, но возбудили негодованіе въ рядахъ тѣхъ, которые хотя и принадлежали къ различнымъ партіямъ, но одинаково ненавидѣли Робеспьера.

Дантонъ и жирондисты поняли угрозу, заключавшуюся для нихъ въ словахъ Карье и громко возстали противъ ареста Орлеанскаго. Даже Маратъ, это продажное орудіе всѣхъ партій, которому вскорѣ должна была выпасть на долю незаслуженная честь умереть отъ кинжала Корде—счелъ нужнымъ поднять голосъ въ защиту герцога. Онъ напомнилъ Конвенту, что у него нѣтъ въ рукахъ никакого опредѣленнаго факта, доказывающаго измѣну „Egalité“ и, что нужно убѣдиться въ ней прежде чѣмъ прибѣгать къ такой мѣрѣ, какъ приказъ объ арестѣ.

Марату возражалъ Лагэ [1]). „У насъ въ рукахъ“, — сказалъ онъ своимъ серіознымъ рѣшительнымъ тономъ—нити большого заговора. Нѣкоторые люди хотѣли заранѣе предостеречь націю, но ихъ старались очернить въ общественномъ мнѣніи... (Ропотъ на скамьяхъ, занятыхъ жирондистами). Однако необходимо чтобы наконецъ всѣ узнали имена участниковъ этого заговора. Я никогда не рѣшился бы обвинять кого-нибудь на основаніи однихъ слуховъ, но я уже давно имѣлъ поводъ подозрѣвать Людовика Филиппа Egalité; другіе также раздѣляли это подозрѣніе, которое усиливалось съ каждымъ днемъ, особенно у меня. Я неутомимо слѣдилъ за каждымъ его шагомъ и съ сегодняшняго утра убѣдился фактически въ справедливости моихъ предположеній. Вотъ письмо, которое сообщаетъ, что Филиппъ Egalité воспользовался погребеніемъ своего тестя, ci-devant герцога Пентьевръ и его именемъ для своихъ преступныхъ цѣлей. Онъ выдалъ себя за управляющаго покойнаго герцога и являлся переодѣтымъ въ Бретани, Нормандіи и въ департаментѣ de l'Orne, распространялъ о себѣ благопріятные слухи и наводилъ справки—согласятся ли принять его королемъ...

(Чрезвычайное волненіе въ собраніи). Нѣсколько голосовъ: „Egalité не выѣзжалъ изъ Парижа!“

Лагэ: „Мнѣ кажется нѣтъ большой разницы въ томъ—самъ ли онъ это дѣлалъ или его агенты. Тѣмъ не менѣе на основаніи имѣющихся у меня доказательствъ я не отступлю отъ моего обвиненія. Во вся-

---

[1]) См. „Moniteur universel“ Mardi, 9 апрѣля 1793.

комъ случаѣ мнѣ достовѣрно извѣстно, что гражданамъ города Séez сдѣланъ былъ запросъ: хотятъ ли они имѣть короля? и съ этою цѣлью въ томъ же городѣ Séez созвано было чрезвычайное собраніе: также несомнѣнно и то, что агенты Egalité дѣйствовали въ его пользу и въ другихъ мѣстахъ. Въ виду всего этого, я считаю Филиппа Egalité опаснымъ для республики и требую чтобы его признали виновнымъ!

Нѣсколько голосовъ: „Гдѣ же доказательства его виновности?"

Лагэ: „Они въ рукахъ Комитета Общественной Безопасности".

Наступило минутное молчаніе. Ничто уже не могло спасти Орлеанскаго. Борьба между Робеспьеромъ и его противникомъ должна была кончиться гибелью послѣдняго.

Тюрьо, очутившись въ ложномъ положеніи и не зная какъ отклонить опасность отъ себя и своей партіи, открыто выступилъ противъ Орлеанскаго: „Я требую сказалъ онъ—чтобы бумаги Филиппа Egalité были немедленно опечатаны".

Бойэ-Фонфреръ пошелъ еще дальше: „Граждане, сказалъ онъ, всѣ принцы королевской крови одинаковы; мы не можемъ довѣрять имъ. Я требую ареста Орлеанскаго".

Такимъ образомъ Жиронда, три мѣсяца тому назадъ подавшая голосъ за смерть короля, и на этотъ разъ въ угоду враждебной ей, но болѣе сильной, партіи возстала противъ Орлеанскаго.

Эта уступка была главной виной жирондистовъ и причиной ихъ гибели.

Конвентъ рѣшилъ единогласно арестъ Филиппа Egalité и поручилъ Лагэ исполненіе этого приговора.

. . .

Немедленно отданъ былъ приказъ, чтобы всѣ ворота, переходы, входы и выходы „Maison Egalité" (республиканское названіе Пале-Рояля) были заняты національной гвардіей, а равно и дворцовая площадь, дворъ и большая лѣстница подъ аркой главнаго входа.

Этотъ приказъ былъ отданъ послѣ полудня, а передъ солнечнымъ закатомъ приведенъ въ исполненіе.

Герцогъ въ это время сидѣлъ за обѣдомъ съ немногими друзьями, посѣщавшими его въ эти послѣдніе дни. Число его обычныхъ гостей дошло до minimum'а, такъ что кромѣ м-мъ Бюффонъ, за его столомъ были только Мерлэнъ и Лакло.

Хотя въ Конвентѣ было не мало людей, которые, для собственнаго спасенія, желали бы предупредить герцога относительно грозившей ему опасности, но никто изъ нихъ не рѣшился на это, такъ какъ дѣло, поднятое въ Конвентѣ, застало ихъ врасплохъ.

Между тѣмъ, герцогъ по нѣкоторымъ признакамъ догадывался до извѣстной степени, что ему не избѣжать бѣды, но относился къ этому

овершенно безучастно, какъ всѣ подобные ему люди, у которыхъ не хватаетъ ни энергіи, ни мужества, чтобы предпринять что-нибудь рѣшительное для своего спасенія. Такимъ образомъ, онъ не выказалъ ни малѣйшей боязни или удивленія, когда ему доложили во время обѣда, что къ Пале-Роялю со всѣхъ сторонъ собираются національныя войска. Встревоженные гости хотѣли встать изъ-за стола и высказывали различныя догадки о положеніи дѣлъ. Герцогъ просилъ ихъ остаться на своихъ мѣстахъ и прекратить непріятный для него разговоръ. Также не обратилъ онъ никакого вниманія на ихъ усиленныя просьбы искать спасенія въ бѣгствѣ, пока еще не всѣ выходы дворца заняты войсками.

Вмѣсто отвѣта, онъ поднялъ, улыбаясь, стаканъ съ виномъ и выпилъ его до дна, приглашая своихъ гостей послѣдовать его примѣру.

Неизвѣстно, дѣйствительно-ли герцогъ не подозрѣвалъ приближенія опасности или намѣренно игнорировалъ ее, только спокойствіе его въ эту рѣшительную для него минуту произвело сильное впечатлѣніе на окружающихъ лицъ. Если искусство умереть съ эффектомъ всегда цѣнилось на сценѣ, то не менѣе оно важно и въ дѣйствительной жизни, такъ какъ свѣтъ охотно аплодируетъ театральнымъ героямъ и подноситъ имъ вѣнки.

Орлеанскій вполнѣ понималъ это и хотѣлъ выдержать свою роль до конца.

— Допивайте свои стаканы, друзья мои, сказалъ Орлеанскій, и перейдемте въ другую комнату. Вы, вѣроятно, не откажетесь сыграть со мной партію виста.

Съ этими словами онъ всталъ съ мѣста и подавъ руку м-мъ Бюффонъ, пригласилъ своихъ друзей послѣдовать за ними.

Всѣ, кромѣ Орлеанскаго, были блѣдны и встревожены.

Ci-devant Пале-Рояль былъ оцѣпленъ войсками; всякое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ было прекращено и всѣ находившіеся во дворцѣ были въ плѣну.

Лакеи дрожащими руками зажгли свѣчи, опустили дорогія занавѣси, заперли позолоченныя ставни и поставили карточный столъ.

Но герцогу это показалось недостаточнымъ.

— Зажгите люстры, сказалъ онъ.

Лакеи поспѣшили исполнить его приказаніе и въ комнатѣ тотчасъ же засверкали сотни свѣчей въ хрустальныхъ и бронзовыхъ люстрахъ. Затѣмъ герцогъ приказалъ отворить двери въ парадныя комнаты и зажечь въ нихъ всѣ люстры, золотыя канделябры и жирандоли. Великолѣпныя залы, гостинныя и галлереи были также ярко освѣщены, какъ во время самыхъ блестящихъ баловъ Пале-Рояля. Темныя картины на стѣнахъ — боги и богини, короли и королевы, принцы и принцессы крови, храмы, ландшафты рельефно выступали въ своихъ золотыхъ рамкахъ; мраморныя стѣны и колонны блестѣли, огни отражались въ безчисленныхъ зеркалахъ, на паркетѣ и мозаикѣ половъ.

Но для кого зажжены эти огни? гдѣ же разряженные бальные гости?...

Нѣтъ ни оркестра, ни танцевъ; безлюдны и мертвы роскошныя, ярко освѣщенныя залы, гостинныя и галлереи.

— Прошу васъ садиться друзья мои, сказалъ наконецъ герцогъ, и голосъ его глухо раздался среди окружающаго блеска и могильной тишины. — Сыграемъ партію виста!

Началась сдача картъ — республиканскихъ картъ, гдѣ почтенные, всѣмъ знакомые короли были замѣнены геніями войны, мира, искусствъ и торговли; дамы, валеты и тузы — символическими изображеніями свободы, а трефы, напоминавшіе бурбонскую лилію — дубовыми листьями.

Герцогъ и его партнеры молча сдавали и бросали карты, изрѣдка перекидываясь двумя-тремя словами.

Но едва начатъ былъ второй робберъ, какъ въ комнату неожиданно вбѣжалъ Роменъ, старый камердинеръ герцога.

Гости въ испугѣ вскочили съ своимъ мѣстъ.

— Что такое случилось, Роменъ? спросилъ герцогъ спокойнымъ голосомъ, не выпуская картъ изъ своихъ рукъ.

Но старикъ былъ такъ взволнованъ, что не могъ произнести ни одного слова.

Герцогъ оглянулся и увидѣлъ въ открытыхъ дверяхъ вооруженную толпу, наполнявшую корридоръ.

Въ комнату вошелъ коммисаръ Конвента, опоясанный трехцвѣтнымъ шарфомъ. Герцогъ, увидя его, замѣтно поблѣднѣлъ, положилъ карты и поднялся съ мѣста.

Гости по знаку герцога поспѣшно удалились въ сосѣднюю залу. Онъ заперъ за ними двери и опустилъ портьеру.

Давнишнее желаніе Орлеанскаго исполнилось; онъ былъ наединѣ съ Жильберомъ Лагэ.

— Подойди ко мнѣ, сказалъ герцогъ, какая бы ни была цѣль твоего появленія, но ты долженъ выслушать то, что я долженъ сказать тебѣ... Ты здѣсь по порученію Конвента — тебя послалъ Робеспьеръ... но ты проклянешь жестокаго человѣка, который заставилъ тебя взять на себя это порученіе...

Съ этими словами герцогъ подошелъ къ шкапу, стоявшему у стѣны, вынулъ изъ ящика золотой медальонъ и показалъ его Жильберу.

— Ты знаешь эту вещь? спросилъ герцогъ, открывая медальонъ. — Вотъ портретъ твоего отца.

Жильберъ онѣмѣлъ отъ удивленія. Это былъ тотъ самый медальонъ, который леди Эліоттъ отдала ему отъ имени умирающей Натали и который онъ бросилъ въ катакомбахъ. Но теперь медальонъ былъ открытъ; въ немъ виднѣлось миніатюрное изображеніе герцога Орлеанскаго въ молодости...

Сердце Жильбера болѣзненно сжалось и онъ бросился къ ногамъ Орлеанскаго.

— Отецъ мой, воскликнулъ онъ, протягивая ему руки.

Орлеанскій наклонился, чтобы поднять его, но въ эту минуту уже совершенно иныя ощущенія охватили душу Жильбера. Онъ поднялся на ноги и выйдя въ корридоръ, кликнулъ солдатъ.

Комната тотчасъ же наполнилась вооруженными людьми. Жильберъ подошелъ къ Орлеанскому, положилъ руку на его плечо и сказалъ:

— Именемъ Конвента арестую тебя! Филиппъ Egalité, ты плѣнникъ націи!

Солдаты національной гвардіи окружили Орлеанскаго.

М-мъ Бюффонъ и двое гостей, услыхавъ шумъ, поспѣшно вышли изъ сосѣдней залы.

Двери были опять открыты и весь блескъ Пале-Рояля еще разъ мелькнулъ передъ глазами несчастнаго герцога, который долженъ былъ навсегда проститься съ нимъ. Но онъ ни на минуту не потерялъ присутствія духа, спокойно простился съ м-мъ Бюффонъ и съ своими друзьями, подалъ руку старику Ромену и замѣтилъ съ печальной улыбкой:

— Французская нація когда-нибудь вспомнитъ тѣ жертвы, которыя я принесъ ей...

Затѣмъ онъ обратился къ солдатамъ и сказалъ:

— Я готовъ слѣдовать за вами!

Филиппа Egalité вывели и въ тотъ же вечеръ помѣстили въ государственной тюрьмѣ Аббатства.

Началось царство террора.

Власть перешла изъ рукъ Конвента въ руки Комитета Общественной Безопасности, во главѣ котораго стоялъ Робеспьеръ.

Революція достигла своего апогея.

А Жильберъ?

Онъ исполнилъ свой долгъ; но сердце его разрывалось отъ противорѣчивыхъ ощущеній; мучительныя мысли неотступно преслѣдовали его.

ГЛАВА VI.

Ночь на гаупвахтѣ секціоннаго дома.

Уже было около полуночи, когда леди Эліоттъ достигла такъ называемаго corps-de-garde секціи. Здѣсь Трюшонъ сдалъ ее дежурному офицеру. Когда этотъ спросилъ о причинѣ ареста, то Трюшонъ

отвѣтилъ, что онъ беретъ на себя всю отвѣтственность въ качествѣ жандарма французской республики. Арестованная, по его словамъ, давно находилась въ подозрѣніи, была въ заговорѣ съ врагами націи и сегодня онъ имѣлъ даже въ рукахъ несомнѣнное доказательство ея измѣны и сообщничества съ Орлеанскимъ; послѣ того онъ отправился въ революціонный комитетъ своей секціи и вмѣстѣ съ его членами произвелъ арестъ. Члены названнаго комитета, большею частью мелкіе буржуа, ремесленники и т. п. подтвердили слова Трюшона, а одинъ изъ нихъ, по ремеслу цырюльникъ, отличившійся своимъ усердіемъ во время сентябрскихъ убійствъ, съ гордостью объявилъ, что комитетъ общественной безопасности будетъ еще благодаренъ имъ за этотъ арестъ.

Леди Эліотъ была спокойна и не выказала ни малѣйшаго сопротивленія, когда ее ввели въ караульную комнату. Кругомъ на скамьяхъ лежали солдаты; нѣкоторые изъ нихъ были совсѣмъ пьяны, другіе сидѣли у столовъ, пили и курили дешевый табакъ изъ глиняныхъ трубокъ. Кромѣ леди Эліотъ было еще нѣсколько человѣкъ, арестованныхъ полиціей, совершенно незнакомыхъ ей.

Солдаты уступили леди Эліотъ мѣсто около огня, что было очень кстати для нея, потому что она озябла и чувствовала сильную усталость. Затѣмъ они предложили ей вина и когда она отказалась, то солдаты немного обидѣлись этимъ и замѣтили, что ей нечего гордиться такъ какъ больше нѣтъ ни герцоговъ ни принцевъ и всѣ они хорошіе граждане.

— Ты бы сама могла быть хорошей citoyenne, сказалъ ей въ утѣшеніе капралъ и теперь спокойно сидѣла бы у себя дома, еслибы не дружилась съ измѣнникомъ Egalité. Но къ несчастью совѣты приходятъ всегда слишкомъ поздно и ты должна приготовиться къ тому, что ожидаетъ тебя. Знаешь нашу французскую поговорку: разомъ пойманы—разомъ и повѣшены.

— Я вовсе не боюсь этого, отвѣтила леди Эліотъ, потому что не знаю даже причины моего ареста.

Солдаты недовѣрчиво переглянулись между собой.

— Ну, этому никто не повѣритъ! замѣтилъ капралъ, закуривая свою трубку. Весь свѣтъ знаетъ, что ты давно въ связи съ герцогомъ и была его „bonne amie“.

— Однако, citoyenne, тебѣ прійдется проститься съ твоимъ другомъ, сказалъ одинъ изъ солдатъ.

— Знаешь ли что я долженъ сказать тебѣ, душа моя, продолжалъ капралъ, который видимо попалъ на любимую тему разговора, твой герцогъ велъ превеселую жизнь и нужно ему отдать справедливость, что въ немъ не было ни капли гордости. Право обидно, что единственный принцъ, который казался честнымъ человѣкомъ, не жалѣлъ денегъ для бѣдныхъ людей и всегда привѣтливо обходился съ ними—все таки оказался негодяемъ!

— Ты удивляешься, Марсель, замѣтилъ сидѣвшій возлѣ него сержантъ, а я нахожу это вполнѣ естественнымъ. Они всѣ таковы. Порода рано или поздно возьметъ свое. Кошка всегда останется кошкой, какъ бы вы ее не воспитывали, лисица лисицей, а принцъ принцемъ. Вотъ мое убѣжденіе.

— Противъ этого я спорить не стану, возразилъ Марсель. Можетъ быть ты и правъ, Гилльомъ, но я тѣмъ не менѣе чувствовалъ что-то особенное къ этому человѣку. Одинъ видъ его чего стоитъ! Въ немъ было что то рыцарское, благородное, не знаю какъ тебѣ объяснить. Но пойми ты меня, Гилльомъ, ты сержантъ, я капралъ,—мы оба служимъ и Боже сохрани чтобы я жалѣлъ измѣнника... Но правда должна остаться правдой. У меня сердце радовалось, когда увижу какъ онъ идетъ по улицѣ въ своемъ коричневомъ платьѣ съ трехцвѣтными эмалевыми пуговицами и въ шелковыхъ трехцвѣтныхъ чулкахъ. Бывало подойдетъ къ намъ и скажетъ такъ ласково: „Ну, какъ вы поживаете, друзья мои? Возьмите себѣ это и повеселитесь",—и броситъ намъ горсть ассигнацій, а онѣ такъ и разлетятся по воздуху.... Ну однимъ словомъ любилъ я этого человѣка, да и только,—право жаль, что онъ оказался измѣнникомъ....

Съ этими словами Марсель всталъ съ мѣста и довѣрчиво потрепавъ леди Эліоттъ по плечу сказалъ:

— Знаешь ли, citoyenne, мнѣ положительно нравится, что ты не оставила его какъ другіе, которые были дружны съ нимъ, пока можно было пить и пировать на его счетъ, а потомъ всѣ бросили его, когда кончились пиры...

Леди Эліоттъ вздрогнула когда рука Марселя прикоснулась къ ея плечу, но онъ не обратилъ на это никакого вниманія и продолжалъ:

— Тебѣ нечего стыдиться, душа моя, что ты осталась вѣрна Орленскому, когда всѣ покинули его—собственная жена, дѣти, родные и друзья. Ты даже выиграла въ моихъ глазахъ, что не отреклась отъ него какъ другіе, или какъ напримѣръ эта Бюффонъ, изъ-за которой онъ надѣлалъ столько глупостей; теперь она только киваетъ головой и повторяетъ какъ попугай: „я не хочу имѣть ничего общаго съ измѣнникомъ". Ну, да это и понятно, съ нимъ уже дѣлить нечего кромѣ тюрьмы и эшафота. Но ты не такая, ты положишь голову на ту же плаху и Самсонъ обезглавитъ обоихъ васъ—вотъ это настоящее республиканское вѣнчаніе. Вотъ по этому-то я и хвалю тебя...

Леди Эліоттъ пришла въ ужасъ, слушая эти слова. Ее не пугала ни тюрьма, ни эшафотъ, ни даже смерть въ обществѣ Орлеанскаго. Она не могла помириться съ мыслью, что ее считаютъ любовницей подобнаго человѣка. Краска стыда выступила у ней на щекахъ и она закрыла себѣ лицо руками. Во время ея ареста, Трюшонъ и его товарищи уже дѣлали какіе-то намеки, но она не поняла ихъ и потому не обратила на нихъ никакого вниманія. Неужели

Жильбергъ также убѣжденъ въ этомъ — онъ такъ жестоко обошелся съ нею въ ихъ послѣднее свиданіе. Но тутъ леди Эліоттъ опять овладѣла собою и спокойно безъ всякихъ возраженій слушала длинную рѣчь капрала.

— Да, сказалъ Марсель—твоя связь съ Орлеанскимъ давно извѣстна, хотя ты и скрываешь это. Я не ставлю тебѣ въ вину, citoyenne, что ты не выставлялась безстыдно на показъ, какъ эта Бюффонъ, которая постоянно являлась съ нимъ въ театрѣ и въ публичныхъ мѣстахъ, обвѣшивала себя его бриллiантами и подарками. Пусть накажетъ меня Господь, если я обвиню какую нибудь женщину, что она сошлась съ этимъ человѣкомъ,—я самъ былъ расположенъ къ нему и радовался, когда встрѣчалъ его съ хорошенькими женщинами. Пусть тѣшится, думалъ я тогда, вѣдь мы не для того уничтожили монастыри, чтобы весь свѣтъ обратить въ монастырь. На что намъ свобода, республика и національный, конвентъ если нельзя пить вина, любить женщинъ и нужно отказаться отъ всякихъ удовольствій. Но все конечно должно имѣть свои границы. Поэтому мнѣ и нравится твоя скромность. Ты скрывала свои отношенія къ герцогу, пока онъ былъ въ славѣ, а выступаешь теперь, когда ему грозитъ смерть. Душа моя, твой поступокъ совсѣмъ рыцарскій, хотя ты и женщина и притомъ аристократка. Правду сказать, вы ловко вели свои дѣла,—герцогъ посѣщалъ тебя въ такія ночи, что и ожидать было трудно, однако все открылось, citoyenne. Тебѣ будетъ это стоить головы, но я не упрекаю тебя, что ты была у Робеспьера чтобы выпросить прощеніе Орлеанскому, и когда не удалось, то написала своему милому письмо, умоляя его бѣжать изъ Парижа отъ грозившей ему опасности. Разумѣется ты должна была передать письмо въ болѣе вѣрныя руки.—Марсель понизилъ голосъ и проговорилъ шопотомъ: Кто знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось если бы твое письмо дѣйствительно дошло до герцога. Я разумѣется не заплакалъ бы, если бы герцогъ очутился заграницей вмѣсто тюрьмы Аббатства. Ты вѣдь не выдашь меня. Онъ хотя заговорщикъ и измѣнникъ, но все-таки привѣтливый и щедрый человѣкъ. Мнѣ досадно, что ты попала сюда и по моему мнѣнію Николай Трюшонъ былъ не правъ, настаивая на твоемъ арестѣ. Онъ одинъ виноватъ въ этомъ.

— Николай Трюшонъ!.... невольно восклюкнула леди Эліоттъ. Я когда то считала его своимъ другомъ.

Марсель засмѣялся.

— Онъ былъ также другомъ герцога, сказалъ онъ—бралъ у него деньги, ѣлъ и пилъ на его счетъ и одинъ изъ первыхъ явился сегодня въ его дворецъ, чтобы изловить его хитростью. Онъ-же Трюшонъ разсказалъ всѣмъ о вашей любовной связи и выдалъ вашу тайну. Ты должна знать лучше меня citoyenne, насколько онъ пользовался вашимъ довѣріемъ и помогалъ вамъ; но по моему вамъ

слѣдовало выбрать себѣ болѣе надежнаго повѣреннаго, чѣмъ этого верзилу, который волочитъ за собой свою длинную саблю и держитъ себя такъ, какъ будто вся Франція была въ его рукахъ. Да накажетъ меня Господь, но изъ нихъ двухъ Трюшонъ въ десять разъ больше заслуживаетъ гильотины нежели Орлеанскій. Арестовать женщину, которая любила герцога, да это просто преступленіе въ моихъ глазахъ. Но теперь уже поздно толковать объ этомъ. Мы вѣроятно увидимся съ тобой citoyenne на площади Louis Quinze, если только я до этого не получу приказа выступить съ моимъ полкомъ на Рейнъ или во Фландрію. Правду сказать я усталъ отъ всѣхъ этихъ экспедицій противъ женщинъ и безоружныхъ людей и желалъ бы отъ всей души, чтобы меня послали въ походъ противъ враговъ Франціи. Съ тѣми я могу вступить въ настоящій честный бой. Они также вооружены какъ и я, могутъ защищаться, убить меня, если я ихъ не убью.

Съ этими словами капралъ отошелъ отъ леди Эліоттъ и обратившись къ своему другу сержанту, попросилъ у него огня и закуривъ трубку легъ на полъ рядомъ съ своими товарищами, которые уже давно спали крѣпкимъ сномъ. Онъ скоро послѣдовалъ ихъ примѣру и трубка выскользнула изъ его рта.

Все стихло въ большой караульнѣ, въ которой всѣ спали кромѣ леди Эліоттъ. Огонь въ каминѣ догоралъ и пламя, постепенно потухая, время отъ времени бросало полосы свѣта на полъ и скамьи, гдѣ лежали солдаты.

Немного погодя въ комнатѣ водворился полный мракъ и сдѣлалось сыро и холодно.

Леди Эліоттъ просидѣла всю ночь не двигаясь съ мѣста и не слыша ничего кромѣ шаговъ часовыхъ у дверей, ровнаго дыханія спящихъ и шума весенняго вѣтра, который напѣвалъ свою тихую, монотонную пѣсню. Не смыкая глазъ, смотрѣла она въ пространство и была довольна, что около нее все тихо и темно, что никто не смотритъ на нее и не говоритъ съ ней...

Но мало по малу начало свѣтать. Сквозь рѣшетку окна показался блѣдный, сѣроватый отблескъ, который постепенно желтѣя становился все ярче, пробѣгалъ по полу, подымался вдоль стѣны и наконецъ наполнилъ собою всю комнату.

То одинъ, то другой изъ спящихъ солдатъ начиналъ шевелиться по мѣрѣ того какъ яркій лучъ восходящаго солнца падалъ на его лобъ и закрытыя глаза. Но вотъ у самыхъ дверей съ улицы послышались голоса солдатъ, спорившихъ съ какой-то женщиной; она просила впустить ее; они отказывали, сердились и подконецъ подняли такой шумъ, что разбудили всѣхъ спавшихъ въ караульной комнатѣ.

— Что тамъ случилось? спросилъ съ просонья Марсель, раскрывая глаза и, протянувъ руки, поднялъ съ полу свою трубку.—

Душа моя, воскликнулъ онъ съ удивленіемъ обращаясь къ лежавшему возлѣ него сержанту, вѣдь она у меня опять погасла. Сдѣлай одолженіе дай огня.

Позаботившись прежде всего о своей трубкѣ, которая была для него самымъ важнымъ дѣломъ его жизни, Марсель поднялся съ полу и подошелъ къ двери.

— Что случилось у васъ? спросилъ онъ часовыхъ, выходя на улицу.

Но часовые не слышали его вопроса, и громко спорили съ толстой женщиной въ коричневомъ салопѣ, и съ корзиной въ рукахъ, которая умоляла пропустить ее въ караульную комнату. Около нея стоялъ мальчикъ.

— Господа солдаты кричала женщина, ради Бога впустите меня. Неужели вы не позволите мнѣ снести моей бѣдной леди чашку теплаго чаю и кусочекъ хлѣба. По вашему и это преступленіе?...

— Теплый чай вещь хорошая, замѣтилъ Марсель открывая корзину.—Нѣтъ, я не считаю преступленіемъ напоить человѣка чаемъ. Напротивъ.... Онъ вынулъ изъ корзины чайникъ и чашку, налилъ ее до половины горячимъ чаемъ и съ видимымъ наслажденіемъ выпилъ; затѣмъ порывшись въ корзинѣ досталъ хлѣбъ, отломилъ отъ него большой кусокъ и съѣлъ.—Ну, чай твой недуренъ, citoyenne, и хлѣбъ также! замѣтилъ Марсель утирая усы и набивая заново свою трубку. — Право, нѣтъ ничего лучшаго на свѣтѣ, какъ хорошій завтракъ и трубка... Пропустите ее, товарищи, тутъ нѣтъ ничего подозрительнаго, пусть она поитъ чаемъ кого хочетъ...

Толстая женщина въ коричневомъ салопѣ и мальчикъ вошли въ караульную комнату. Леди Эліоттъ увидя ихъ, поднялась съ мѣста.

— Бекки! воскликнула она съ радостнымъ изумленіемъ, глубоко тронутая появленіемъ своей вѣрной служанки. Какъ ты нашла меня? И ты Шарль также пришелъ, добавила она, съ слезами на глазахъ обнимая мальчика, который былъ блѣденъ и разстроенъ отъ горя и безсонницы.

Наступалъ день холодный и пасмурный; солнце скрылось за тучами; сталъ накрапывать дождь, сначала легкій и едва замѣтный, но вскорѣ обратившійся въ проливной и безпрерывный. Въ большой и низкой караульной комнатѣ была такая пронизывающая сырость и холодъ, что солдаты тотчасъ-же развели большой огонь въ каминѣ. Леди Эліоттъ благодаря Марселю получила позволеніе сѣсть у огня съ Бекки и Шарлемъ.

Бекки сѣла на низкую скамейку у ногъ леди Эліоттъ и разсказала ей, что послѣ ея ареста ночью явился другой обходъ и потребовалъ чтобы ихъ пустили въ домъ.

— Едва пробило двѣнадцать часовъ, продолжала Бекки, какъ

мы услыхали стукъ молотковъ. Мы еще всѣбыли на ногахъ, даже Шарль, потому что никто и не думалъ ложиться спать... Я, разумѣется, тотчасъ же открыла дверь, такъ какъ сразу догадалась, что это обходъ. Оказалось, что это были люди той же секціи что и въ первый разъ, но между ними были и другіе... впрочемъ кто ихъ разберетъ, особенно ночью. Всѣ они были съ длинными пиками и съ бантами на плечахъ и на груди. У меня ноги подкосились, когда я увидала ихъ красные носы и страшные кошачьи глазищи, которые свѣтились въ темнотѣ. Но они меня не тронули, а потребовали только, чтобы я отдала имъ ключи и показали мнѣ какой то большой листъ, говоря, что это уполномочіе Комитета Общественной Безопасности для домашняго обыска. Что могла я сдѣлать моя милая леди! вы знаете я не умѣю читать писанное, поспорила съ ними нѣкоторое время и подконецъ отдала ключи. Они пошли по комнатамъ, а у меня просто сердце надрывалось, глядя какъ эти безбожные люди въ своихъ деревянныхъ башмакахъ шлялись по всему дому, трогали своими грязными руками прекрасныя картины, стулья, зеркала, разглядывали золотыя и фарфоровыя вещицы, красивые подсвѣчники, вазы, фигуры на каминѣ, и прятали что могли въ свои воровскіе карманы. Я все терпѣла, но когда они хотѣли захватить алебастровую вазочку, въ которой у васъ всегда стоятъ цвѣты, то я прямо объявила имъ, что этому не бывать и что Комитетъ Общественной Безопасности вѣроятно послалъ ихъ къ намъ не для воровства. Они разсердились на меня и отвѣтили, что забираютъ только то, что имъ кажется подозрительнымъ и что я должна молчать. Затѣмъ они опять принялись за свое дѣло, какъ они это называли, открыли шкапы и вытащили изъ нихъ все, что тамъ было: платья, бѣлье, матеріи, полотна, набросились на дорожные ящики, которые уже были наполовину уложены, кричали, что поспѣли во время чтобы помѣшать вашему бѣгству, все побросали на полъ и произвели такой безпорядокъ, что упаси Богъ. Я чуть не заплакала когда увидѣла на полу ваши хорошія платья и бѣлье и объявила имъ на отрѣзъ, что это все, мои вещи и, что они не смѣютъ трогать ихъ, такъ какъ я ни въ чемъ не замѣшана... Впрочемъ они всего больше рылись въ бумагахъ, пересмотрѣли все до малѣйшаго клочка и спрятали въ большой кожанный портфель, который принесли съ собой. Туда же положили всѣ записочки, письма, паспорта, все, что только нашли у васъ печатаннаго или написаннаго, хозяйственныя книги, счеты башмачника, портного и лавочника, даже оберточныя бумаги и такъ наполнили несчастный портфель, что смѣшно было смотрѣть на него. Они говорили, что напали на слѣдъ большого заговора и отвѣтственны за каждую букву. Что мнѣ оставалось дѣлать моя дорогая леди! Я не могла запретить имъ трогать ваши бумаги и стала смотрѣть въ другую сторону. Вдругъ слышу радостный крикъ—я оглянулась и увидѣла, что одинъ изъ нихъ вытащилъ

изъ угла какой то пакетъ или большое письмо, я не могла хорошенько разглядѣть, потому что всѣ остальные бросились къ нему съ фонарями и обступили со всѣхъ сторонъ. Они такъ обрадовались этой находкѣ, что принялись плясать, потребовали вина и кричали, что сдѣлали важное открытіе и что они заранѣе ожидали этого Тутъ они принялись клеветать на васъ моя дорогая леди и наговорили такихъ вещей, что я затопала ногами и прикрикнула на нихъ. Они говорили, что давно подозрѣвали васъ и теперь у нихъ въ рукахъ бумага которая служитъ несомнѣнной уликой, что вы переписывались съ врагами Франціи. Мнѣ стало досадно и хотя я не умѣю читать писаннаго, но потребовала чтобы они показали мнѣ эту бумагу. Тогда они приняли таинственный видъ и объявили, что бумагу никто не можетъ видѣть, что на нее наложена будетъ республиканская печать и она прямо поступитъ въ руки высшей власти. „Ну какъ хотите, отвѣтила я имъ, я знаю что вы ничего не нашли, потому что моя леди ни съ кѣмъ не переписывалась"...

Такъ болтала Бекки, не умолкая ни на минуту по своему обыкновенію. Леди Эліоттъ не слушала ее; слова Бекки смѣшивались въ ея ушахъ съ завываніемъ вѣтра и шумомъ дождя. Мысли ея унеслись далеко; вся ея прошлая жизнь опять припомнилась ей; она думала о своей первой встрѣчѣ съ Жильберомъ; какъ все перемѣнилось съ тѣхъ поръ...

Между тѣмъ дождь лилъ не переставая, вѣтеръ бушевалъ, а Бекки болтала безъ умолку.

Но тутъ передъ дверью неожиданно послышался шумъ.

Леди Эліоттъ съ испугомъ вскочила съ своего мѣста, какъ это всегда бываетъ съ людьми при сильномъ возбужденіи нервовъ, когда ихъ внезапно выведутъ изъ задумчивости. Она схватила за руку Бекки и прервавъ ея нескончаемый разсказъ воскликнула взволнованнымъ голосомъ:

— Слышишь ли Бекки? Они идутъ сюда...

Дверь отворилась и въ комнату вошло нѣсколько солдатъ національной гвардіи, которые привели съ собой какую-то женщину. Лица ея въ первую минуту нельзя было различить, такъ какъ въ комнатѣ былъ полумракъ.

— Доброе утро, citoyenne, сказалъ Марсель, выходя на встрѣчу и вѣжливо раскланиваясь передъ вошедшей дамой, мы всегда рады гостямъ... Затѣмъ онъ обратился къ солдатамъ и спросилъ вполголоса: въ чемъ обвиняется арестованная ими женщина.

— Мы и сами не знаемъ, отвѣтилъ одинъ изъ нихъ. Нечего сказать, хорошая была ночь,—чуть ли не въ каждомъ домѣ произведены были аресты, скоро у насъ не хватитъ тюремъ въ Парижѣ... А тутъ еще этотъ дождь льетъ какъ изъ ведра...

— Пусть льетъ дождь, citoyen, возразилъ Марсель, здѣсь мы подъ крышей; дрова горятъ исправно. Кстати, товарищъ одолжи огоньку.

Трубка Марселя опять погасла. Это случалось съ нимъ такъ часто, что его товарищи увѣряли, будто бы онъ находитъ удовольствіе не въ куреніи табаку, а въ закуриваньи трубки. Сержантъ подалъ ему огня.

Маленькій Шарль съ любопытствомъ глядѣлъ на эту сцену, но вскорѣ лицо его приняло тревожное выраженіе. Онъ прижался къ леди Эліоттъ и шепнулъ ей, указывая на женщину, приведенную солдатами:—Какіе у ней страшные глаза! Зачѣмъ она такъ смотритъ на васъ.

Мальчикъ узналъ тѣ самые глаза, которые такъ напугали его во время похоронъ Вольтера и которые поразили его среди тысячи другихъ глазъ. Теперь они какъ будто имѣли другое выраженіе и были полны слезъ, но Шарль не могъ замѣтить этой перемѣны. Не нравились ему и ея красноватые волосы, распустившіеся отъ дождя, которые падали длинными прядями по ея плечамъ.

Женщина, не спуская глазъ съ леди Эліоттъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ съ очевиднымъ намѣреніемъ подойти къ ней, но солдаты удержали ее, говоря, что она плѣнница и не смѣетъ отойти отъ нихъ.

Марсель замѣтилъ желаніе женщины приблизиться къ камину и, взявъ ее за руку, сказалъ солдатамъ:

— Я не знаю зачѣмъ вы запрещаете ей подойти къ огню. Вы видите она вся дрожитъ, руки ея окостенѣли отъ холоду: не велика бѣда, если она немного высушитъ свое платье. Само собою разумѣется, что измѣнники народа должны умереть, но морозить ихъ нечего... Иди сюда, citoyenne, я тебя посажу рядомъ съ этими хорошими людьми. Теперь нѣтъ никакой разницы между знатными и простыми дворянами и буржуа. Мы всѣ равны!...

Съ этими словами Марсель подвелъ женщину къ камину и та очутилась рядомъ съ леди Эліоттъ.

— Такъ это дѣйствительно вы миледи и я не ошиблась, сказала она взволнованнымъ голосомъ. Я была въ такомъ отчаяніи въ прошлую ночь, что больше не увижу васъ и вотъ случай свелъ меня съ вами...

Она протянула руку, но леди Эліоттъ отвернулась, такъ какъ чувствовала полное отвращеніе къ этой женщинѣ, которая такъ безсовѣстно предала ее.

— Рыжій человѣкъ все равно, что чортъ! воскликнула Бекки вскакивая съ своего мѣста и отталкивая ненавистную для нея женщину. Я вамъ говорила миледи, что вы вскормили змѣю и что она рано или поздно укуситъ васъ своимъ ядовитымъ жаломъ... Такъ и случилось!...

Но та, къ которой относилось эта нелестное замѣчаніе, спокойно отстранила рукой вѣрную служанку.

— Миледи, сказала она обращаясь къ леди Эліоттъ, позвольте воспользоваться немногими минутами, пока я могу говорить съ вами. Мнѣ еще многое нужно сказать вамъ... Просить прощенія... Да, я

виновата въ той ненависти, которую чувствовала къ вамъ, которая ослѣпляла меня, доводила до полнаго отчаянія и наконецъ заставила прійти къ страшной рѣшимости; но теперь совсѣмъ иныя чувства и ощущенія наполняютъ мою душу, я стала другая...

— Это вполнѣ понятно, холодно замѣтила леди Эліоттъ. За успѣхомъ всегда слѣдуетъ чувство удовлетворенія. Вы можете поздравить себя,—какъ видите, вамъ вполнѣ удалось погубить меня...

— Миледи, сказала м-съ Францисъ, я не имѣю никакого права требовать, чтобы вы иначе думали обо мнѣ. Тѣмъ не менѣе вы ошиблись—у меня не хватило характера исполнить то, чего я такъ страстно желала. Я знаю, что всѣ доказательства противъ меня и не жалуюсь на это... Но поймите меня, миледи, могла ли я вѣрить въ такое странное сцѣпленіе обстоятельствъ, что судьба назначитъ для моего спасенія ту, къ которой я чувствовала безумную зависть и ненавидѣла отъ всей души, пока не научилась удивляться ей, чтобы...

— Чтобы предать ее, добавила леди Эліоттъ.

На блѣдныхъ щекахъ м-съ Францисъ вспыхнулъ яркій румянецъ.

— Нѣтъ, сказала она выпрямляясь, я этого не сдѣлала. Я дѣйствительно готова была дойти до послѣдней крайности, но меня остановила чья-то невидимая рука... Тѣ мученія, которыя я вынесла въ этотъ моментъ были спасеніемъ для меня... Клянусь этимъ мальчикомъ.

Она быстро подошла къ маленькому Шарлю, который инстинктивно отодвинулся въ уголъ и робко смотрѣлъ на нее.

— Вотъ мое прошлое! воскликнула она пристально вглядываясь въ лицо мальчика, я узнаю его... это его лобъ, носъ, губы... Все опять ожило для меня... Вотъ началась увертюра, поднимается занавѣсь—кругомъ блестящій ландшафтъ, розы, ручьи... танцы, пѣніе... передо мной прекрасный юноша—переодѣтый принцъ... какъ я люблю его!.. а тамъ...

— Она сошла съ ума, подумала леди Эліоттъ и прежнее чувство недовѣрія и отвращенія къ предавшей ее женщинѣ смѣнилось невольнымъ участіемъ.

— Принцъ полюбилъ знатную леди... вотъ темный тѣнистый паркъ, пруды, поросшіе камышемъ... они въ бесѣдкѣ... знатная леди испугалась тѣни...

— Говорите все... ради Бога, воскликнула леди Эліоттъ, быстро вставая съ мѣста. Вся кровь прилила ей къ сердцу... Она начала догадываться, о какой тѣни напоминала ей эта странная, загадочная женщина.

Но въ эту минуту тяжелая мужская рука опустилась на плечо леди Эліоттъ.

— Sacre tonnerre! крикнулъ за нею знакомый голосъ. — Что за переговоры между этими двумя женщинами! Развѣ можно допустить чтобы измѣнники отечества, попавшіе къ намъ въ руки, перешептывались бы въ гауптвахтѣ французской республики?

— Кто это кричитъ тутъ? спросилъ Марсель, подходя къ камину. Душа моя, это навѣрно Николай Трюшонъ, потому что въ цѣлой Франціи не найти такихъ здоровыхъ легкихъ и такого баса, какъ у него. Да и въ самомъ дѣлѣ это ты, братъ Николай! Знаешь ли, что мы можемъ смѣло распустить трубачей и тебя поставить вмѣсто нихъ. Серьезно говоря, душа моя, когда ты орешь, то голосъ твой слышенъ на другомъ берегу Сены.

— Оставь пожалуйста свои шутки, съ досадой замѣтилъ Трюшонъ, я ихъ терпѣть не могу.

— Ну, а я терпѣть не могу, когда двумъ бѣднымъ женщинамъ запрещаютъ грѣться у огня. Какія бы онѣ не были предательницы и измѣнницы, а огонь республиканскій... Понимаешь ли ты меня?

— А развѣ ты не видѣлъ, что они сговаривались между собой. Вотъ я повернулъ спину, а онѣ опять зашептались. Этому нужно положить конецъ. Я жандармъ французской республики.

Онъ сдѣлалъ знакъ солдатамъ и тѣ подошли.

Марсель громко захохоталъ.—Посмотрите пожалуйста! воскликнулъ онъ. Большой Николай скоро запретитъ поцѣловаться двумъ головамъ, упавшимъ одна за другой съ гильотины. Нашъ Николай любитъ крутыя мѣры. Ну братъ не сердись—давай огня.

Это былъ знакъ заключенія мира. Марсель и Трюшонъ пожали другъ другу руки, между тѣмъ какъ солдаты по ихъ приказанію окружили обѣихъ женщинъ и разъединили ихъ.

Англичанку вывели первую.

Немного погодя солдаты пришли и за леди Эліоттъ, говоря, что имъ приказано везти ее на мѣсто назначенія.

— Куда вы отвезете меня? спросила она выходя на дворъ, гдѣ стояла тѣлега, запряженная въ одну лошадь, въ которой было набросано нѣсколько сырой соломы.

— Въ Тюльери, отвѣтили солдаты.

Бекки и Шарль, бросились за леди Эліоттъ съ громкимъ плачемъ и хотѣли силою удержать ее, но солдаты оттолкнули ихъ.

Леди Эліоттъ посадили въ телѣгу. Одинъ изъ солдатъ сѣлъ около нея, а четверо другихъ подъ предводительствомъ Трюшона вооруженнаго саблей сопровождали ее верхами.

Было еще раннее утро. Колеса и лошади вязли въ грязи; мѣстами на улицѣ стояла вода, такъ какъ дождь лилъ не переставая и переполнилъ всѣ канавы. Шумъ дождя и бушующей вдали Сены, смѣшиваясь съ завываніемъ вѣтра, производилъ тяжелое впечатлѣніе на леди Эліоттъ измученную безсонной ночью.

— Говорятъ, вода сильно поднялась въ Сенѣ, сказалъ одинъ изъ солдатъ.

— Что мудренаго при такомъ вѣтрѣ, отвѣтилъ Трюшонъ.

Затѣмъ всѣ молча продолжали путь.

ГЛАВА VII.

Жильберъ.

Ночь, проведенная Жильберомъ послѣ ареста Орлеанскаго была самая мучительная въ его жизни. Что значили всѣ его прежнія страданія въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ испытывалъ теперь. Повязка спала съ его глазъ, все было ясно для него; но то, что онъ узналъ наполнило его душу тревожными сомнѣніями. Ему казалось минутами, что онъ сходитъ съ ума. Онъ невольно спрашивалъ себя: почему судьба обрекла его на несчастіе чуть ли не съ самаго рожденія и выбрала жертвой искупленія, наказанія, или для другой неизвѣстной ему цѣли. Неужели для него нѣтъ исхода и въ обширной вселенной нѣтъ такой силы, которая могла бы измѣнить или вернуть прошлое. Неужели люди вѣчно будутъ дѣйствовать въ потьмахъ, такъ какъ будущее не поддается никакимъ разсчетамъ?

Онъ исполнилъ свой долгъ.

Долгъ—пустое слово, которымъ мы стараемся успокоить и обмануть себя, когда нѣтъ другого выбора и мы принуждены дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ.

Жильберъ ходилъ быстрыми шагами по своей убогой комнатѣ, едва освѣщенной маленькой лампой, горѣвшей на столѣ.

Ему стало душно и онъ открылъ окно. Была тихая и теплая апрѣльская ночь; по небу неслись тучи, но кое гдѣ между ними блестѣли звѣзды; сырой воздухъ, подымавшійся съ земли былъ пропитанъ смолистымъ запахомъ распускавшихся деревьевъ и свѣжей зелени. Но свѣжесть и тихое очарованіе апрѣльской ночи не могли успокоить Жильбера. Съ страстнымъ порывомъ протянулъ онъ руки къ небу:

— Такъ вотъ этотъ необъятный, невѣдомый міръ, воскликнулъ онъ, о которомъ я мечталъ когда-то! Извѣдавъ все, что можетъ дать эта жизнь я испытываю теперь только одно желаніе покоя. Я хотѣлъ бы унестись въ пространство вмѣстѣ съ тучами, вѣтромъ, паромъ, облетѣть весь міръ, оставить навсегда землю—это злополучное вмѣстилище заблужденій, страстей, утраченныхъ надеждъ, пережитыхъ идеаловъ. На что мнѣ это жалкое существованіе, которое подчасъ заставляетъ завидовать цвѣтамъ, птицамъ, каждой твари лишенной разсудка...

Жильберъ подошелъ къ столу и сѣлъ облокотившись на него локтемъ.

Онъ чувствовалъ сильную усталость.

— Что дала революція? проговорилъ онъ глухимъ голосомъ,— кто знаетъ, каковъ будетъ исходъ ея... Она успокоится когда исполнится проклятіе надъ домомъ Лаге...

Жильберъ замолчалъ и безсознательно глядѣлъ на тусклый свѣтъ лампы.—Руссо, нашъ великій учитель, продолжалъ онъ, разсуждая самъ съ собою, сказалъ, что цѣль революцій возвратить естественный порядокъ вещей; но онъ не принялъ во вниманіе, что борьба за этотъ естественный порядокъ можетъ быть противоестественна....

Жильберъ задумался. Онъ вспомнилъ арестъ Орлеанскаго—какъ трудно было исполнить ему то, что онъ считалъ своимъ долгомъ....

Онъ вынулъ изъ портфеля письмо леди Эліоттъ, которое было перехвачено передъ самымъ арестомъ герцога и случайно попало въ его руки въ тотъ моментъ, когда онъ входилъ въ Пале-Рояль съ отрядомъ національной гвардіи. Это письмо равнялось смертному приговору для леди Эліоттъ; отъ Жильбера зависило уничтожить его, или представить въ Комитетъ Общественной Безопасности.

Что можетъ помѣшать ему исполнить свой долгъ и въ этомъ случаѣ? Неужели онъ не въ состояніи подавить давно забытыхъ ощущеній, которыя опять зашевелились въ его сердцѣ при взглядѣ на этотъ знакомый почеркъ. Но въ любви не существуетъ забвенія, если ее не замѣнила другая, болѣе сильная привязанность; достаточно, чтобы на глаза попалась вещь принадлежащая любимому человѣку, какая нибудь мелочь напомнила его, чтобы прежняя любовь вспыхнула съ новой силой. Въ рукахъ Жильбера было письмо ея, онъ зналъ каждую букву этого почерка. Онъ прижалъ письмо къ губамъ и покрылъ его безчисленными поцѣлуями. Еще минута и онъ судорожно зарыдалъ. Онъ плакалъ о женщинѣ, которую любилъ со всѣмъ пыломъ первой страсти;—она была для него дороже цѣлаго міра и онъ долженъ былъ осудить ее....

Жильберъ еще разъ прочелъ письмо.

— Не подлежитъ сомнѣнію, что она виновата,—воскликнулъ онъ,—въ письмѣ прямой намекъ на то, что Орлеанскій посвятилъ ее въ тайну заговора. Развѣ не поддерживала она сношеній съ врагами республики еще въ то время, когда я вполнѣ довѣрялъ ей. Она помогала бѣгству С. Мало, была замѣшана въ исторіи Ламбалль и состояла въ преступныхъ сношеніяхъ съ Орлеанскимъ, а это было уже прямымъ предательствомъ относительно меня... Но имѣю ли я право думать о себѣ въ этомъ дѣлѣ!...

Жильберъ вскочилъ съ мѣста.

— Мои интересы замѣшаны въ этомъ дѣлѣ.... Нѣтъ, я не гожусь въ судьи... Кто знаетъ, можетъ быть тайна, о которой говорится въ письмѣ касалась меня лично... Нѣтъ, это не возможно, я немогу думать о ней хладнокровно,—я отнесусь къ ней или слишкомъ снисходительно, или слишкомъ строго... Въ моемъ безумномъ ослѣпленіи я мечталъ наравнѣ съ другими положить основаніе республики на вѣчныхъ и непреложныхъ началахъ нравственности и справедливости и у меня нѣтъ силъ овладѣть собою.

Жильберъ подошелъ къ окну; на горизонтѣ виднѣлся темно-красный свѣтъ, предвѣстникъ солнечнаго восхода, который мало по малу принялъ лиловый, а затѣмъ золотистый оттѣнокъ. Тысячи крышъ, фронтоновъ, шпицовъ обрисовывались зигзагами на темномъ небѣ; утренняя заря фантастически окрашивала ихъ своимъ отблескомъ. Быстро неслись большія черныя тучи, позолоченныя солнечнымъ отраженіемъ. Подъ конецъ все небо освѣтилось сразу мрачнымъ унылымъ свѣтомъ, воздухъ казался краснымъ, весь Парижъ какъ будто плавалъ въ крови. Но это продолжалось всего одну минуту. Солнце скрылось, тучи заволокли все небо, пошелъ дождь.

Наступалъ темный пасмурный день.

Но вотъ на лѣстницѣ послышались торопливые шаги и въ комнату вошло нѣсколько человѣкъ.

— Доброе утро, citoyen-représentant. Ночь была на славу, а день никуда не годится.

— Что вамъ угодно, citoyens?

— Въ нынѣшнюю ночь мы произвели обыскъ у этой упрямой аристократки, отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, леди... забылъ какъ ее зовутъ... у этихъ аристократовъ такія мудреныя имена.... леди, ну да все равно.... живетъ она въ улицѣ Miromésnil въ предмѣстьѣ du Boule".

Жильберъ поблѣднѣлъ, но пересиливъ себя спросилъ равнодушнымъ голосомъ:—Чего же вы хотите отъ меня, citoyens? Обратитесь въ Комитетъ Общественной Безопасности.

— Мы нашли подозрительныя бумаги и рѣшили передать ихъ въ твои руки, такъ какъ засѣданіе Комитета начнется только черезъ нѣсколько часовъ. Ты былъ назначенъ Конвентомъ для ареста Egalité, а эта аристократка была въ заговорѣ съ нимъ, значитъ тебѣ и слѣдуетъ передать это дѣло. Намъ сказали это въ секціи.

— Я готовъ принять отъ васъ бумаги, отвѣтилъ Жильберъ, и сегодня же представлю ихъ по назначенію. Благодарю васъ за довѣріе; теперь вы можете идти и будьте готовы явиться въ Комитетъ когда отъ васъ потребуются показанія.

Секціонеры положивъ на столъ портфель съ бумагами, найденными у леди Эліоттъ, удалились.

Жильберъ остался одинъ. Въ его рукахъ были документы которые могли дать ему средство спасти любимую женщину. Онъ поспѣшно открылъ портфель и сталъ перебирать бумаги. Тутъ были только старыя письма безъ всякаго значенія, счеты, даже старыя газеты... Наконецъ ему попался бланкъ съ знакомымъ почеркомъ. Это былъ пропускной листъ, написанный Робеспьеромъ, по которому леди Эліоттъ должна была выѣхать изъ Парижа въ 24 часа... Но по какой то странной случайности, ни мѣсяцъ, ни число не были обозначены на листѣ. Чѣмъ объяснить такую забывчивость со стороны Робеспьера, который никогда ничего не забывалъ! Хотя это

была мелочь, не болѣе какъ отступленіе отъ формы—но для леди Эліоттъ это могло имѣть большое значеніе... Жильберъ отложилъ листъ и вынулъ изъ портфеля новую связку бумагъ и въ числѣ ихъ большое изящное письмо, адресованное леди Эліоттъ въ Парижъ. Надпись была сдѣлана по французски стереотипнымъ англійскимъ почеркомъ. Письмо оказалось нераспечатаннымъ и на гербовой печати можно было ясно различить корону съ страусовыми перьями—это былъ гербъ принца Уэльскаго.

Сердце Жильбера забилось; онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ собираясь съ силами, наконецъ сѣлъ къ столу и дрожащей рукой распечаталъ письмо.

— Я обязанъ сдѣлать это Грэсъ! проговорилъ онъ какъ бы въ свое оправданіе. Прости меня, если я помимо моей воли узнаю твое прошлое.

Жильберъ прочелъ письмо принца Уэльскаго, которымъ Орлеанскій думалъ осчастливить леди Эліоттъ:

„Дорогая подруга прошлыхъ дней! Ты была права: наступилъ моментъ, когда я опять жажду твоего присутствія и все чаще и чаще думаю о тебѣ. Ты должна вернуться ко мнѣ, Грэсъ, и опять быть моей! Твой принцъ зоветъ тебя и ты пріѣдешь къ нему. Съ тѣхъ поръ какъ ты уѣхала изъ Англіи жизнь потеряла для меня всякій интересъ, мнѣ опротивѣлъ Лондонъ, Карлтонгаузъ и даже королевскій павильонъ, который я такъ любилъ когда то! Ты скажешь мнѣ, что я самъ виноватъ въ этомъ. Но развѣ стоило тебѣ мѣнять Карлтонъ-Гаузъ и Брайтонъ на Тюльери и Пале-Рояль, которые теперь въ рукахъ презрѣнной черни? Что можетъ быть позорнѣе этого! Исторія не представляетъ ничего подобнаго! Но вернись изъ твоего изгнанія. Время твоего избавленія наступило. Я отдалъ тебя герцогу и онъ готовъ въ свою очередь отдать тебя мнѣ. Я все еще люблю тебя, Грэсъ, и даже больше, чѣмъ когда либо! Ты будешь имѣть гербъ принца Уэльскаго на твоей каретѣ, какъ доказательство моего королевскаго благоволенія, а подобною милостью, какъ тебѣ извѣстно пользовались весьма немногія въ нашей странѣ... Что же касается Франціи и французской націи, то о ней я имѣю подробныя свѣдѣнія черезъ моего несчастнаго кузена Орлеанскаго,—я называю его несчастнымъ, потому что онъ затѣялъ слишкомъ азартную и рискованную игру—и считаю своими личными обидами тѣ оскорбленія, которыя тебѣ пришлось перенести въ послѣднее время. Но успокойся, наши войска стоятъ на готовѣ въ Голландіи и на Бельгійской границѣ; англійскіе корабли крейсируютъ на морѣ, и мой братъ герцогъ Іоркскій отомститъ этой шайкѣ убійцъ, отставныхъ адвокатовъ и всякаго сброда, за поруганіе священныхъ прерогативъ королевской власти. Мы всѣ оскорблены и месть одинаково обязательна для всѣхъ насъ. Въ штабѣ моего брата находится также мой бывшій

адъютантъ Тарлетонъ, который повидимому окончательно образумился, такъ что я самъ помогъ ему получить его настоящее назначеніе.

„Податель этого письма переговоритъ съ тобой о средствахъ, какимъ образомъ выѣхать тебѣ изъ Парижа и съ полной безопасностью перебраться черезъ границу. Не откладывай своего отъѣзда и поспѣши скорѣе въ объятія друга, который съ томительнымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ тебя".

„Георгъ II.

Жильберъ едва не лишился чувствъ при чтеніи первыхъ строкъ письма, но чѣмъ дальше читалъ онъ, тѣмъ становился спокойнѣе и хладнокровнѣе.

— Теперь все ясно, сказалъ онъ, письмо принца несомнѣннымъ образомъ доказываетъ ея виновность. Я не былъ увѣренъ въ этомъ и задержалъ ея записку къ Орлеанскому, случайно попавшую мнѣ въ руки, но теперь я обязанъ немедленно представить ее въ Комитетъ Общественной Безопасности. Засѣданіе скоро начнется...

Немного погодя Жильберъ отправился въ Тюльери.

ГЛАВА VIII.

Допросъ.

Тюльерійскій дворецъ въ 1793 году былъ мѣстомъ рѣшенія всѣхъ важныхъ государственныхъ вопросовъ и мѣстомъ, гдѣ произносились смертные приговоры.

Въ концертной залѣ бывшаго Pavillon de Marsan засѣдалъ Національный Конвентъ Французской Республики, а въ прежнемъ Pavillon de Flor—Комитетъ Общественной Безопасности, который занялъ ту самую комнату, гдѣ нѣкогда жилъ король. Здѣсь стояла та же мебель, какъ и въ то время, когда Людовикъ XVI вышелъ отсюда въ послѣдній разъ; на тѣхъ же стульяхъ сидѣли люди приговорившіе его къ гильотинѣ и на одномъ изъ столовъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя подписанъ былъ смертный приговоръ королевѣ.

Дворецъ, видѣвшій паденіе Людовика XVI, былъ теперь свидѣтелемъ возвышенія Робеспьера. Но башни, балконы и крыши также, холодно и равнодушно глядѣли на адвоката, случайно достигшаго власти, какъ въ былое время на наслѣдственнаго короля. Мы напрасно приписываемъ какое то участіе въ нашей жизни тѣмъ или другимъ зданіямъ и окружающей обстановкѣ, тогда какъ имъ и

дѣла нѣтъ до тѣхъ перемѣнъ, которыя совершаются въ нихъ и около нихъ.

Леди Эліоттъ ввели въ бывшую комнату короля, которая въ это утро представляла крайне мрачный и безотрадный видъ; по срединѣ на высокой эстрадѣ стоялъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ и около него сидѣли члены Комитета Общественной Безопасности. Въ числѣ ихъ были еще нѣкоторые изъ предводителей Жиронды—Верньо, Гвадэ, Осселенъ, Шабо, а позади всѣхъ виднѣлась наводящая общій ужасъ фигура Робеспьера.

Пасмурный свѣтъ дождливаго дня, едва проникая изъ глубокаго окна, тускло освѣщалъ высокую залу со сводами. Тяжелыя гардины изъ голубого бархата съ золотыми шнурами, кожанные коричневые обои тисненные золотомъ—эти роскошные остатки прежняго величія еще болѣе усиливали мрачное впечатлѣніе, производимое всей обстановкой.

Леди Эліотъ очутилась одна посреди могущественныхъ и грозныхъ дѣятелей революціи. Нѣкоторыхъ она встрѣчала прежде, но большинство ей было совершенно незнакомо. Ей указали на стулъ, стоявшій на той же эстрадѣ гдѣ засѣдали члены Комитета. Чувство полной безпомощности овладѣло ею, когда она, поднявшись на ступени, сѣла противъ своихъ судей.

Верньо былъ предсѣдателемъ.

На лѣво отъ подсудимой, отъ ея стула до конца стола, на ступеняхъ и вдоль эстрады стояли секціонеры и во главѣ ихъ Трюшонъ съ длинной саблей, на рукоятку которой онъ надѣлъ свою красную шапку.

Предсѣдатель спросилъ имя подсудимой.

Она отвѣтила едва слышнымъ голосомъ.

За тѣмъ ее спросили о мѣстѣ ея родины.

— Эдинбургъ въ Шотландіи.

— Какого званія?

— Вдова баронета.

— Сколько лѣтъ?

— Двадцат семь.

Предсѣдатель обратился къ секціонерамъ, производившимъ арестъ и спросилъ, въ чемъ обвиняется подсудимая.

— Она заслуживаетъ гильотины, отвѣтилъ одинъ изъ секціонеровъ, по ремеслу цырюльникъ; черезъ нее Орлеанскій велъ переговоры съ Англіей и она была на жалованьи у наслѣдника англійскаго престола. Она пріѣхала сюда изъ Лондона въ самый разгаръ революціи, чтобы составить заговоръ, по которому предполагалось провозгласить французскимъ королемъ англійскаго принца или Орлеанскаго. Я знаю, что она состояла въ перепискѣ съ принцемъ Уэльскимъ и убѣжденъ, что она заслуживаетъ смертной казни.

— Я вполнѣ согласенъ съ этимъ, замѣтилъ бывшій капуцинъ

Шабо. Эта женщина не заслуживаетъ ни какой пощады! Она роялистка и замѣшана въ заговорѣ противъ республики. Отправьте ее въ тюрьму La Force.

Леди Эліоттъ заплакала.

— Мы не обращаемъ никакого вниманія на слезы, продолжалъ Шабо, возвысивъ голосъ. Если собрать всѣ слезы, пролитыя въ этой комнатѣ, то я думаю ихъ было бы достаточно, чтобы снабдить водой всѣ дома Парижа!

Вернѣо, который никогда не отступалъ отъ общепринятыхъ правилъ вѣжливости, даже во время шумныхъ народныхъ собраній, гдѣ сталкивались различныя партіи и на этотъ разъ сдѣлалъ попытку водворить порядокъ и избавить подсудимую отъ непріятностей.

— Citoyenne, сказалъ онъ, обращаясь къ леди Эліоттъ, васъ обвиняютъ въ сообщничествѣ съ Орлеанскимъ? Знакомы ли вы съ герцогомъ Орлеанскимъ, или Филиппомъ Egalité?

— Да, рѣшительно отвѣтила подсудимая.

— Что вамъ извѣстно о его послѣднихъ дѣйствіяхъ и планахъ?

— Я ничего не знаю о нихъ.

— Что вы притворяетесь! грубо замѣтилъ Шабо. — Вы развѣ не знаете, что Орлеанскій намѣревался сдѣлаться королемъ и разрушить республику!

— Нѣтъ, я не знала этого, отвѣтила леди Эліоттъ.

— Во всякомъ случаѣ вамъ было извѣстно, что съ этою цѣлью Орлеанскій вотировалъ смерть короля! продолжалъ Шабо.

— Мнѣ кажется, сказала леди Эліоттъ, что этотъ безумный поступокъ могъ скорѣе повредить Орлеанскому, чѣмъ способствовать той цѣли, о которой вы говорите.

Этотъ отвѣтъ еще болѣе раздражилъ бывшаго капуцина.

— Знаете ли вы, воскликнулъ онъ, что за подобныя слова васъ могутъ отправить на кладбище св. Магдалины, тѣмъ же способомъ, какъ и другихъ роялистовъ.

— Вы можете отправить меня куда вамъ угодно. Только я не понимаю, что подало вамъ поводъ называть меня роялисткой.

— Однако вы называете безуміемъ присужденіе къ смерти Людовика. Съ вашей стороны довольно смѣло выражать это мнѣніе въ присутствіи тѣхъ самыхъ людей, которые вотировали смерть Капета не съ цѣлью сдѣлаться королями, а съ тѣмъ, чтобы избавить землю отъ порочнаго рода Бурбоновъ, издавна позорившаго Францію. Теперь намъ остается только рѣшить участь человѣка, который, добиваясь престола, измѣнилъ свободѣ. Всему этому онъ научился въ Англіи и пользовался вашимъ посредничествомъ для сношеній съ тамошними врагами революціи. Вы не ускользнете изъ моихъ рукъ. Вы уроженка Шотландіи, а шотландцы прославились преданностью своимъ королямъ и принцамъ. Я совѣтую вамъ, citoyens, отправить ее въ La Force.

— Citoyens, сказалъ предсѣдатель, нація назначила насъ въ Комитетъ не для однихъ приговоровъ, но и для слѣдствія. Мы должны познакомиться съ дѣломъ, прежде чѣмъ принять какое либо рѣшеніе. Кто изъ васъ производилъ арестъ?

— Я, въ качествѣ жандарма Французской Республики съ уполномоченными членами Комитета секціи du Boule, на основаніи форменнаго приказа Комитета Общественной Безопасности, отвѣчалъ Трюшонъ.

Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ подалъ бумагу, которая оказалась вполнѣ правильной.

Его подозвали къ столу для составленія протокола.

Трюшонъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ковру, волоча за собой свою саблю, и не дожидаясь обычныхъ вопросовъ далъ свои показанія.

— Вы знаете меня, сказалъ онъ, меня зовутъ Николай Трюшонъ. Я познакомился съ этой женщиной вскорѣ послѣ ея пріѣзда въ Парижъ. Ей удалось тогда обмануть меня относительно своихъ предательскихъ намѣреній; но съ памятной ночи 10-го августа она уже начала выказывать свой настоящій образъ мыслей. Въ благодарность за то, что я помогъ ей въ большой бѣдѣ, она вздумала спасать того человѣка, который... нѣтъ не такъ... этого не нужно записывать... Напишите только, что она помогала бѣгству ci-devant шевалье С.-Мало, одного изъ роялистовъ, стрѣлявшихъ въ народъ 10-го августа, а въ ночь на 3-е августа она спрятала у себя голову ci-devant принцессы Ламбалль и у ней же въ домѣ въ эту ночь скрывался Орлеанскій. Она участвовала въ заговорѣ и въ день ареста Орлеанскаго написала ему письмо, въ которомъ предупреждала объ опасности и совѣтовала бѣжать. Изъ-за этого письма я и арестовалъ ее.

— Какъ попало это письмо въ твои руки, citoyen Трюшонъ? спросилъ президентъ.

— Я былъ въ отрядѣ, которому поручено было оцѣпить домъ Egalité. Когда мы вошли на главный дворъ, то увидѣли женщину, спавшую на скамейкѣ. Шумъ нашихъ шаговъ и говоръ разбудили ее; она вскочила и хотѣла убѣжать отъ насъ, но уже было поздно, потому что у всѣхъ выходовъ стояла національная гвардія. Она надѣялась проскользнуть мимо меня, но я сразу узналъ ее по рыжимъ волосамъ. Это была англичанка, которая уже нѣсколько лѣтъ жила въ Парижѣ и всѣ знали ее подъ названіемъ „La belle Anglaise". Въ былыя времена у ней не было недостатка въ друзьяхъ; Орлеанскій также одно время ухаживалъ за нею. Но когда наступила наша славная революція, ей жилось плохо, пока она не стала получать денегъ отъ Эліоттъ, которая вѣроятно пользовалась ею для своихъ преступныхъ цѣлей... Однимъ словомъ la belle Anglaise попалась мнѣ въ руки и на лицѣ ея было замѣтно такое безпокойство, что это показалось мнѣ подозрительнымъ и я арестовалъ ее. Тутъ она стала такъ

бѣсноваться, что мое подозрѣніе еще больше усилилось и я съ помощью товарища обыскалъ ее и нашелъ у ней письмо подсудимой Эліоттъ къ герцогу Орлеанскому.

Леди Эліоттъ внимательно слушала Трюшона. Легкая радостная улыбка мелькнула на ея блѣдныхъ губахъ; значитъ она не даромъ довѣряла этой женщинѣ и напрасно обвинила ее сегодня въ измѣнѣ; теперь она опять можетъ протянуть ей руку, если имъ еще суждено встрѣтиться въ жизни.

— Послѣ этого, продолжалъ Трюшонъ, уже не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что la belle Anglaise намѣревалась передать это письмо герцогу по порученію подсудимой, но почему-то она замѣшкалась и попала къ намъ въ руки. Самою собою разумѣется, что еслибы герцогъ получилъ это письмо нѣсколько раньше, то убѣжалъ бы изъ Парижа.

— Но ты кажется не умѣешь читать, citoyen Трюшонъ, замѣтилъ президентъ; какъ ты узналъ, что̀ было написано въ письмѣ?

— Въ этомъ-то вся бѣда, citoyen-représentant, возразилъ Трюшонъ. — Еслибы я умѣлъ читать, я разумѣется никогда не выпустилъ бы изъ рукъ письма. Я изъ-за этого долженъ былъ идти къ одному лейтенанту; онъ прочелъ мнѣ письмо и передалъ другому; тотъ опять отдалъ его кому-то. Такимъ образомъ письмо переходило изъ рукъ въ руки, пока наконецъ окончательно затерялось и сколько я ни спрашивалъ, никто не могъ сказать мнѣ, гдѣ оно.

— Теперь мы сдѣлаемъ допросъ другой подсудимой, сказалъ предсѣдатель, можетъ быть она сообщитъ намъ какія нибудь новыя подробности относительно письма. Приведите ее.

Англичанку ввели въ залу засѣданія. На лицѣ ея не видно было ни малѣйшаго волненія; глаза ея были опущены и она только мелькомъ взглянула на леди Эліоттъ.

Президентъ сдѣлалъ ей нѣсколько вопросовъ, но она не отвѣтила ни на одинъ изъ нихъ и упорно молчала. Члены Комитета начали терять терпѣніе; одинъ только Верньо съ своей обычной вѣжливостью продолжалъ допрашивать подсудимую.

— Вы слышали, сказалъ онъ, о чемъ идетъ рѣчь. Намъ необходимо знать, извѣстно-ли вамъ содержаніе письма, которое вы должны были передать Орлеанскому?

— Неужели могутъ отъ меня требовать, сказала наконецъ англичанка серьезнымъ, рѣшительнымъ тономъ, чтобы я дала показанія противъ той, которой сдѣлала мнѣ столько добра. Вы можете приговорить меня умереть вмѣстѣ съ нею, но никто не можетъ принудить меня сдѣлать на нее доносъ.

При этихъ словахъ Робеспьеръ поднялся съ своего мѣста и взявъ со стола печатный листъ постановленій Конвента, прочелъ его своимъ ровнымъ невозмутимымъ голосомъ: „Каждый гражданинъ, какъ мужчина, такъ и женщина, имѣютъ право арестовать и представить

въ судъ заговорщиковъ и враговъ революціи. Они обязаны доносить на нихъ, иначе"...

— Что бы не ожидало меня, прервала его англичанка тѣмъ же спокойнымъ и холоднымъ тономъ, но я объявляю, что никто не заставитъ меня говорить противъ моей совѣсти.

— Въ этомъ нѣтъ никакой надобности, воскликнулъ Шабо, вскакивая съ мѣста. — Повторяю еще разъ, что данный случай требуетъ скораго правосудія; подсудимая Эліоттъ заслуживаетъ смерти.

На лицѣ Робеспьера промелькнула неуловимая улыбка. Но Верньо счелъ нужнымъ остановить Шабо въ качествѣ предсѣдателя.

— Citoyen, сказалъ онъ, мы должны остерегаться поспѣшныхъ рѣшеній. Пока я вижу только много поводовъ къ подозрѣнію, но у насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ. Мы не имѣемъ даже права лишать ее свободы, не имѣя въ рукахъ ни одного документа. Письмо ея къ Орлеанскому, которое могло бы служить документомъ въ настоящемъ случаѣ, пропало безслѣдно.

Въ этотъ моментъ открылась одна изъ боковыхъ дверей и въ залу вошелъ Жильберъ Лагэ. Лицо его было спокойно, хотя казалось блѣднѣе обыкновеннаго.

Леди Эліоттъ увидя его, едва не вскрикнула. Она поднялась съ мѣста и протянула руки къ Жильберу.

— Я не виновата! воскликнула она громкимъ голосомъ.

Жильберъ Лагэ взошелъ на эстраду.

— Вотъ пропавшее письмо, сказалъ онъ, я вручаю его Комитету...

Леди Эліоттъ не слыхала дальнѣйшихъ словъ Жильбера, потому что лишилась чувствъ.

Послѣ прочтенія письма и короткаго совѣщанія, президентъ всталъ съ своего мѣста.

— Грэсъ Дальримпъ Эліоттъ, сказалъ онъ, уроженка Эдинбурга, вдова баронета, обвиняется въ сообщничествѣ съ ci-devant герцогомъ Орлеанскимъ и по приговору Комитета Общественной Безопасности присуждается къ заключенію въ бывшемъ монастырѣ кармелитовъ впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Письмо, предъявленное коммисаромъ Жильберомъ Лагэ, служитъ достаточнымъ доказательствомъ ея виновности.

Леди Эліоттъ не слыхала и приговора, такъ какъ все еще была въ обморокѣ. Президентъ приказалъ отнести ее въ одну изъ сосѣднихъ залъ, пока она не прійдетъ въ сознаніе.

Леди Элліотъ, открывъ глаза, увидѣла себя въ одной изъ большихъ залъ бывшаго Pavillon de Flore, которая служила теперь для помѣщенія обвиненныхъ во время суда. Здѣсь былъ и герцогъ Орлеанскій. Онъ рѣшилъ воспользоваться временемъ пока его позовутъ въ Комитетъ для допроса и приказалъ принести себѣ завтракъ изъ сосѣдняго ресторана.

— Сдѣлай одолженіе, другъ мой, сказалъ онъ одному изъ своихъ сторожей, сходи въ ресторанъ Каво и вели принести мнѣ оттуда завтракъ по моему вкусу. Тебѣ прійдется пройти всего нѣсколько шаговъ отъ Тюльери до моего бывшаго дворца Пале-Рояля. Я послалъ бы тебя къ мосье Монго, онъ отличный поваръ и нѣкогда служилъ у меня, но я не знаю, на сколько онъ покоенъ духомъ и въ состояніи ли онъ зажарить котлетку такъ какъ я люблю. Я долженъ замѣтить тебѣ, мой другъ, что повару необходимо полное самообладаніе, чтобы въ его произведеніяхъ была та степень совершенства, которая дается только вдохновеніемъ. Такимъ образомъ отправься лучше въ Каво—тамъ поваръ завзятый республиканецъ,—онъ вѣроятно настолько доволенъ паденіемъ бывшаго герцога, что уже ни въ какомъ случаѣ не испортитъ послѣднихъ котлетъ, которыя мнѣ быть можетъ придется ѣсть въ этой жизни.

По распоряженію герцога изъ его бывшаго дворца принесена была тончайшая бѣлая скатерть, золотыя ложки, ножи и вилки, серебряные подносы, посуда изъ дорогого севрскаго фарфора и тонкіе хрустальные стаканы. Все это было старательно разставлено на столѣ полисандроваго дерева, покрытомъ турецкою скатертью, гдѣ вслѣдъ затѣмъ явились устрицы, честерскій сыръ, котлеты, о которыхъ такъ заботился герцогъ, паштетъ съ трюфелями и роскошный десертъ въ позолоченныхъ корзинахъ. Тутъ была и бутылка стараго бордо, а изъ серебрянаго кубка съ льдомъ выглядывала закупоренная бутылка шампанскаго.

За тѣмъ, по знаку герцога, сторожа подкатили къ столу одно изъ покойныхъ, богато обитыхъ креселъ, украшавшихъ бывшіе королевскіе аппартаменты.

Герцогъ сѣлъ въ кресло и принялся глотать устрицы, медленно запивая ихъ дорогимъ краснымъ виномъ. Онъ глоталъ стаканъ за стаканомъ и вино мало по малу благодѣтельно подѣйствовало на него. Фантазія рисовала ему самыя привлекательныя картины изъ его прошлаго. Онъ опять чувствовалъ себя свободнымъ и счастливымъ, какъ въ былыя времена, когда онъ уходилъ изъ маскарадной залы въ прохладу уединенной, роскошно убранной комнаты, сбрасывалъ маску съ пылающаго лица и садился за богато сервированный ужинъ среди друзей и красивыхъ женщинъ, между тѣмъ какъ издали раздавались волшебные звуки музыки. Вспомнились ему знакомыя лица близкихъ ему людей, изъ которыхъ одни умерли на гильотинѣ, другіе были въ тюрьмѣ или въ изгнаніи. Ему казалось что кругомъ его сидятъ знатныя дамы и кавалеры старой Франціи и онъ въ прежнемъ Pavillon de Flore;—надъ нимъ тотъ же вызолоченный потолокъ со сводами, украшенный королевскими лиліями, гербами и фресками, а надъ дверью изображеніе св. Михаила работы великаго маэстро.... Но вотъ отворилась высокая боковая дверь чернаго дерева съ серебряными инкрустаціями и нѣсколько

человѣкъ внесли въ комнату спящую женщину. Блѣдное лицо ея показалось знакомымъ герцогу—это была опять личность изъ его прошлаго, одна изъ многихъ красивыхъ женщинъ, которыми онъ увлекался когда-то. Вошедшіе люди положили ее на бархатный диванъ, стоявшій въ нишѣ за тяжелыми гардинами съ золотыми кистями и молча удалились.

— Леди Эліоттъ! съ удивленіемъ воскликнулъ герцогъ и всталъ съ своего мѣста. Онъ подошелъ къ дивану и приподнялъ рукою гардину.

— Какъ она блѣдна! воскликнулъ герцогъ внимательно разглядывая тонкія и изящныя черты лица леди Эліоттъ. Спитъ ли она или умерла?...

Герцогъ еще ниже наклонился надъ нею.

Орлеанскій со времени своего ареста снялъ съ себя всѣ знаки, напоминавшіе республику и свободу. Онъ не хотѣлъ болѣе унижаться передъ своими врагами. Волосы его были напудрены какъ въ былые времена и гладко лежали вокругъ лба и вдоль щекъ. Онъ былъ въ своей любимой одеждѣ спортсмэна—въ зеленомъ охотничьемъ фракѣ, бѣломъ пикейнемъ жилетѣ, узкихъ панталонахъ изъ оленьей кожи и низкихъ сапогахъ съ желтыми отворотами. Такимъ онъ являлся когда-то въ клубахъ, въ манежѣ и на скачкахъ, и въ этомъ же нарядѣ хотѣлъ предстать передъ своими судьями и на эшафотѣ.

Между тѣмъ леди Эліоттъ мало по малу пришла въ себя и медленно открыла свои темнокаріе глаза.

— Привѣтствую васъ, миледи и радуюсь вашему возвращенію къ жизни! весело воскликнулъ герцогъ. Я былъ здѣсь въ обществѣ мертвыхъ, занимался вызываніемъ духовъ, принялъ и васъ за видѣніе... Съ тѣхъ поръ какъ Франція сдѣлалась плебейской націей, насъ гонятъ со свѣту. Мы осуждены на смерть; постараемся умереть по крайней мѣрѣ, какъ прилично людямъ нашего круга.

Леди Эліоттъ не поняла словъ герцога, но ее непріятно поразило его раскраснѣвшееся лицо и странный блескъ глазъ. Она отвернула голову и отклонила его отъ себя рукой.

— Воспользуемся минутой, покончимъ наши счеты съ жизнью, шепнулъ ей герцогъ на ухо.... и это скоро будетъ дѣломъ прошлаго.... а будущее...

Онъ не кончилъ своей фразы потому что неожиданно отворилась дверь въ темный корридоръ, наполненный вооруженными людьми и на порогѣ показалась женская фигура въ сопровожденіи коммисара Національнаго Конвента.

— И ты здѣсь, Жильберъ, пробормоталъ съ удивленіемъ герцогъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу. И ты возсталъ противъ меня!.. Но да будетъ миръ между нами. Я не вправѣ сердиться на тебя, потому что ты покоряешься силѣ обстоятельствъ, которая издавна управляла судьбою людей. Могъ-ли я ожидать чего либо

много отъ тебя, когда тотъ, котораго я открыто называлъ моимъ сыномъ и который былъ всегда дорогъ моему сердцу нанесъ мнѣ глубокое, незаслуженное оскорбленіе...

Съ этими словами Орлеанскій вынулъ изъ кармана письмо своего старшаго сына, герцога Шартрскаго, которое тотъ написалъ ему изъ лагеря передъ своимъ бѣгствомъ съ Дюмурье. Шартрскій въ жесткихъ выраженіяхъ упрекалъ отца за его способъ дѣйствій во время революціи и обвинялъ во всѣхъ несчастіяхъ постигшихъ ихъ домъ.

— Между тѣмъ, если меня можно упрекнуть въ чемъ либо, продолжалъ герцогъ, то развѣ въ излишней заботливости объ его будущности; ради этого я оставался въ Парижѣ, пойду на эшафотъ... Но, прочь съ этимъ... (Онъ бросилъ письмо въ каминъ). Революція быть можетъ принесетъ пользу нашимъ потомкамъ, но она ужасна для тѣхъ, кому приходится переживать ее. Сколько разъ я завидовалъ участи англійскаго землевладѣльца. Даже въ то время, когда друзья мои мечтали для меня о королевской коронѣ я охотно промѣнялъ бы мое положеніе, богатство, высокое званіе на небольшою помѣстье въ Англіи съ тѣми правами, которыми пользуется каждый въ этой счастливой странѣ...

Вошедшій коммисаръ молча слушалъ монологъ герцога, стоя въ дверяхъ съ поникшей головой. Теперь онъ дошелъ до половины залы.

— Я никогда не рѣшился бы обезпокоить васъ своимъ присутствіемъ, сказалъ онъ герцогу тихимъ, почти умоляющимъ голосомъ. Но вы сами сказали, что мы поневолѣ покоряемся силѣ обстоятельствъ; мы даже не можемъ разсчитать, какъ намъ прійдется поступить въ слѣдующую минуту...

Онъ говорилъ почти шопотомъ, но леди Эліоттъ узнала голосъ Жильбера и только сильная слабость помѣшала ей встать съ своего мѣста. Она чувствовала себя глубоко оскорбленной его поступкомъ, но преклонялась передъ человѣкомъ, для котораго долгъ и любовь къ родинѣ были выше всего на свѣтѣ.

Леди Эліоттъ не ошиблась. Жильберъ пришелъ къ ней вмѣстѣ съ англичанкой, которая неотступно просила его объ этомъ.

Комитетъ Общественной Безопасности въ виду нѣкоторыхъ соображеній рѣшилъ немедленно освободить англичанку Францисъ и отложилъ на неопредѣленное время дальнѣйшее слѣдствіе по дѣлу вдовы Эліоттъ, присудивъ ее къ тюремному заключенію.

М-съ Францисъ съ ужасомъ выслушала этотъ приговоръ и у ней на минуту явилась надежда, что который нибудь изъ судей подниметъ голосъ въ защиту той, чья жизнь была теперь для нея дороже ея собственной. Но всѣ молчали и только на лицѣ Жильбера Лагэ выразилось глубокое страданіе. Онъ слышалъ возгласъ леди Эліоттъ „я не виновата“, видѣлъ какъ ее вынесли безъ чувствъ изъ залы и въ

душѣ его шевельнулось раскаяніе. Можетъ быть онъ напрасно обвинилъ и обрекъ на вѣрную гибель все еще горячо любимую имъ женщину?...

Между тѣмъ засѣданіе было прервано и члены Комитета шумной толпой выходили изъ залы. М-съ Францисъ воспользовалась этимъ моментомъ чтобы подойти къ Жильберу; она не знала его отношеній къ леди Эліоттъ, но видѣла впечатлѣніе, произведенное на него приговоромъ и рѣшилась обратиться къ нему съ просьбой сдѣлать что нибудь для подсудимой.

Жильберъ пошелъ за ней, слѣдуя порыву своего сердца, которое должно было замолкнуть въ борьбѣ съ долгомъ, хотя и обливалось кровью. Но теперь все кончено и рѣшено, онъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ и свиданіе съ нею уже не представляетъ для него никакой опасности. Вооруженный сознаніемъ своего права и исполненной обязанности, онъ можетъ смѣло послушаться голоса своего сердца и выказать состраданіе къ своей жертвѣ.

Но онъ почувствовалъ всю свою безпомощность, когда увидѣлъ ее и услыхалъ свое имя, произнесенное любимыми устами.

— Вотъ мы опять видимся съ вами, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, подходя къ дивану, на которомъ сидѣла леди Эліоттъ. Я былъ вашимъ другомъ, считалъ васъ олицетвореніемъ всего лучшаго и высокаго въ мірѣ и вы превратили меня въ неумолимаго судью, принудили произнести надъ вами смертный приговоръ.

— Я не признаю себя виноватой, отвѣтила вполголоса леди Эліоттъ, не поднимая на него глазъ.

— Неужели Грэсъ, вы не въ состояніи говорить правды даже въ моментъ нашей послѣдней разлуки, когда вы уже почти приговорены къ смерти. Вы хотите увѣрить меня, что я напрасно обвинилъ васъ, когда въ моихъ рукахъ письмо, открывшее мнѣ ваше прошлое!.. Вы были продажной рабой будущаго тирана, игрушкой его каприза.

— Всѣмъ чѣмъ хотите, только не продажной и не рабой, гордо отвѣтила леди Эліоттъ, поднимаясь съ мѣста. Я добровольно отдалась ему и сама отказалась отъ него!

— Добровольно! повторилъ нерѣшительно Жильберъ.

— Я заблуждалась, но никто не принуждалъ меня, я любила принца. Я виновна въ томъ, что любила его, но я отреклась отъ этой любви. Чѣмъ инымъ можетъ человѣкъ искупить свою вину, кромѣ раскаянія? Вѣрь мнѣ, Жильберъ, что прошлое уже не существуетъ для меня, такъ какъ для меня нѣтъ будущности; на черномъ фонѣ тюремныхъ стѣнъ не рисуются радостныя картины. Какая мнѣ польза скрывать правду, казаться передъ тобой лучше, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ, когда для меня существуетъ одинъ исходъ—смерть и гильотина. Только въ томъ смыслѣ я продала себя, что была рабой человѣка, недостойнаго меня. Я была молода и неопытна, кто могъ удержать меня... Я не чувствовала никакой привязанности къ моему законному

мужу, потому что вышла за него, ради его богатства... Въ моей памяти онъ всегда представляется такимъ, какимъ я его видѣла въ послѣднiй разъ — съ пулей въ груди, съ мертвыми неподвижными глазами; холодная рука его судорожно сжимаетъ мою руку"...

— Не обвиняйте себя въ его смерти, сказала англичанка, неподвижно стоявшая въ темномъ углу ниши. Я подговорила убить его...

Герцогъ оглянулся. Онъ не узналъ ту, которую называлъ когда то „la belle Anglaise"; — она сильно измѣнилась съ тѣхъ поръ и къ тому же тяжелая бархатная занавѣсь почти закрывала ее. Такъ же не обратилъ онъ никакого вниманiя на ея слова, потому что весь былъ поглощенъ разговоромъ леди Эліоттъ съ Жильберомъ.

— Нѣтъ, отвѣтила леди Эліоттъ, я не могу не обвинять себя. Если я не участвовала въ самомъ фактѣ его насильственной смерти, то я все таки главная причина ея. Этотъ союзъ, освѣщенный церковью и государствомъ былъ началомъ моего позора. Въ борьбѣ съ долгомъ и сердцемъ, я послѣдовала за голосомъ сердца, но обманулась въ человѣкѣ, вѣруя въ его силу и геройство, но я напрасно ждала отъ него избавленiя... Затѣмъ наступило время, когда я бѣжала изъ Англiи, чтобы ничто не напоминало мнѣ объ немъ. Я прiѣхала въ Парижъ и искала спасенiя въ полномъ уединенiи. Тогда я встрѣтила тебя Жильберъ. Я не въ состоянiи выразить словами чѣмъ ты былъ для меня и будешь пока во мнѣ останется хотя искра жизни, потому что ты перестанешь существовать для меня только съ прекращенiемъ жизни. Въ моемъ сердцѣ проснулось совсѣмъ иное чувство, чѣмъ та полусознательная, мечтательная любовь, которая оставляетъ по себѣ одно разочарованiе. Въ твоемъ лицѣ предсталъ передо мной дѣйствительный, а не воображаемый идеалъ свободы, основанной на высокой любви къ человѣчеству; но онъ оставался для меня недосягаемой мечтой, которая могла бы обратиться въ дѣйствительность, еслибы я открыла тебѣ мое прошлое. Но я скрывала его отъ тебя и считаю это преступленiемъ...

— А письмо?... спросилъ Жильберъ съ возрастающимъ волненiемъ, письмо принца Уэльскаго?..

— Я передалъ это письмо и считаю своимъ долгомъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ въ защиту этой несчастной женщины, сказалъ Орлеанскiй вставая съ своего кресла. Не только дни, но и часы мои сочтены и ты не можешь сомнѣваться Жильберъ въ справедливости моихъ словъ. Она не виновата въ томъ, что принцъ опять почувствовалъ къ ней прежнюю любовь и написалъ ей письмо, въ которомъ упрашиваетъ ее вернуться на родину, которую она добровольно оставила; она не хотѣла даже прочесть этого письма и бросила его не распечатывая. Не виновата она и въ томъ, въ чемъ обвиняютъ ее—ни въ измѣнѣ, ни въ заговорѣ, ни въ сообщничествѣ со мной...

Слова эти поразили Жильбера.

— Еще одинъ вопросъ, проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Идутъ! сказалъ герцогъ.

Жильбергъ вздрогнулъ.

Въ этотъ же моментъ съ шумомъ открылась боковая дверь.

Въ комнату вошли жандармы, посланные Комитетомъ Общественной Безопасности. Они громко произнесли имя ci-devant герцога Орлеанскаго, названнаго Egalitè.

— Мнѣ предстоитъ явиться передъ Робеспьеромъ! сказалъ герцогъ. Я считаю заранѣе эту битву потерянной, но утѣшаю себя тѣмъ, что это будетъ для меня послѣднимъ униженіемъ на землѣ, а тамъ меня ожидаетъ полная свобода. Я навсегда избавлюсь отъ тюрьмы, эшафота, отъ этой ужасной и невѣрной игры въ революцію, отъ всякой лжи и притворства. Прочь со всѣмъ этимъ... Я опять могу дышать свободно и не долженъ больше выносить эту ненавистную тиранію черни. Смерть возвращаетъ мнѣ мой прежній титулъ. Теперь наступаетъ для меня праздникъ смерти. Дайте мнѣ шампанскаго! Пью за скорое свиданіе съ вами, дорогія тѣни друзей и женщинъ, которыхъ я любилъ въ жизни... Смѣющіеся духи молодости, неизмѣнные спутники веселыхъ дней моей жизни, исчезнувшіе съ весеннимъ ароматомъ цвѣтовъ, съ цвѣточной пылью... Тѣни друзей и недруговъ я увижу васъ... Король Людовикъ, твой вассалъ возвращается къ тебѣ...

Съ этимъ словами Орлеанскій выпилъ залпомъ шампанское и бросилъ на полъ бокалъ, который разбился въ дребезги. Затѣмъ онъ наскоро простился съ Жильберомъ и леди Эліоттъ и послѣдовалъ за жандармами въ залу суда.

М-съ Францисъ также удалилась.

Жильберъ и леди Эліоттъ бросились другъ другу въ объятія.

Онъ повернулъ къ себѣ ея блѣдное, похудѣвшее лицо и смотрѣлъ ей въ глаза съ выраженіемъ глубокой безконечной любви; она улыбалась ему. Печальный лучъ красоты еще разъ озарилъ ея лицо—это былъ послѣдній отблескъ жизни, которая могла быть полна счастья и веселья, еслибы судьба не распорядилась иначе. Жильберъ все крѣпче и крѣпче прижималъ къ своей груди любимую женщину и вся душа его готова была вылиться въ этомъ объятіи. Онъ забылъ гдѣ они и даже ту опасность, которая грозила его Грэсъ; онъ чувствовалъ только, что она опять возвращена ему и ни что уже не разлучитъ ихъ. Оба они были безконечно счастливы и испытывали то невыразимое блаженство и опъяненіе, которое длится одно мгновеніе, но стоитъ цѣлой вѣчности.

Вошла стража, которая должна была отвезти леди Эліоттъ въ кармелитскую тюрьму.

Она вырвалась изъ его объятій.

— Ты также былъ заключенъ въ этомъ монастырѣ, Жильберъ, сказала она, но ты вышелъ изъ него въ революцію, а мнѣ предстоитъ гильотина!...

Жильберъ ничего не отвѣтилъ и молча вышелъ за нею на лѣстницу.

У главнаго входа они встрѣтили Орлеанскаго. Допросъ былъ оконченъ и комитетъ рѣшилъ отправить его въ крѣпость св. Іоанна въ Марсели, гдѣ онъ долженъ былъ ожидать приговора революціоннаго трибунала.

Изъ двора Тюльери выѣхали одновременно два экипажа. Въ одномъ изъ нихъ была леди Эліоттъ, которую свезли въ кармелитскій монастырь на улицѣ Vaugirard, а въ другомъ—герцогъ Орлеанскій. Его продержали въ тюрьмѣ день и часть ночи, а на другой день съ разсвѣтомъ посадили въ почтовую карету и отправили въ Марсель въ сопровожденіи шестидесяти жандармовъ.

Въ лагерѣ роялистовъ арестъ Орлеанскаго возбудилъ общую радость, а по тюрьмамъ ходили насмѣшливые стихи, сочиненные по этому поводу г-жей Montrond.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Орлеанскій предсталъ передъ революціоннымъ судилищемъ. Спокойно и съ достоинствомъ выслушалъ онъ смертный приговоръ и не дрогнувъ сѣлъ на телѣгу, которая должна была отвезти его на эшафотъ.

Улицы отъ Palais de Justice къ Pont-Neuf были почти безлюдны и только около Пале-Рояля собирался народъ. У окна стояла м-мъ Бюффонъ; она закрыла лицо носовымъ платкомъ, чтобы не замѣтили ея слезъ. Но герцогъ казался такимъ же спокойнымъ и серьознымъ, какъ въ былыя времена, когда ему приходилось фигурировать въ какой нибудь торжественной процессіи. Волосы его были сильно напудрены; руки связаны на спинѣ и онъ былъ одѣтъ въ свѣтло-сѣрое платье съ чернымъ воротникомъ.

Телѣга, поровнявшись съ Пале-Роялемъ, остановилась. Герцогъ съ полнымъ самообладаніемъ взглянулъ на фасадъ своего дворца, гдѣ надъ прежнею трехцвѣтною гигантскою надписью, сдѣланною самимъ герцогомъ: „Свобода, равенство и братство“ Робеспьеръ приказалъ сдѣлать другую надпись такими же огромными, только черными буквами: „національное имущество“.

Дворецъ съ тѣхъ поръ перешелъ въ руки спекулянтовъ, рестораны заняли окончательно нижніе этажи; въ остальныхъ появились игорные столы и т. п. Только при Наполеонѣ I изъ галлерей изгнаны были filles perdues, которыя свили тамъ свои гнѣзда, закрыты были балы, пользовавшіеся дурной репутаціей и кабинеты съ непристойными восковыми фигурами.

Когда телѣга, отъѣхавъ отъ Пале-Рояля, опять двинулась въ путь, герцогъ съ негодованіемъ взглянулъ на толпу, которая ежеминутно увеличивалась. Та самая толпа, которая еще такъ недавно преклонялась передъ нимъ, осыпала его бранью и насмѣшками. Свистки, крики, дикія проклятія, которыя можно было разслышать на разстояніи трехъ четвертей часа преслѣдовали Орлеанскаго. Но

онъ не выказалъ ни малѣйшаго волненiя, ни разу не опустилъ головы и только слегка поблѣднѣлъ, когда телѣга повернула на площадь Louis Quinze и онъ увидѣлъ эшафотъ. Въ одной телѣгѣ съ нимъ ѣхало еще трое осужденныхъ, м-мъ Колли, женщина рѣдкой красоты, жена бывшаго откупщика, затѣмъ депутатъ конвента Кустаръ, приверженецъ жиронды, и кузнецъ Врусъ.

Былъ ясный ноябрскiй день и только въ четыре часа по полудни телѣга подъѣхала къ эшафору.

На пьедесталѣ, на которомъ нѣкогда стояла конная статуя Людовика XV, были сдѣланы подмостки, окруженные барельефами, которые почернѣли отъ стекавшей по нимъ крови. Колоссальная посеребренная статуя свободы стояла у эшафота на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствiи поставленъ былъ обелискъ.

Начало смеркаться; герцога казнили перваго, чтобы народъ могъ видѣть его голову. Орлеанскiй поспѣшно взбѣжалъ на лѣстницу, ведущую на подмостки. Несмѣтная толпа народу, наполнявшая собою революцiонную площадь, видѣла какъ онъ еще разъ выпрямился во весь ростъ у подножья грозной статуи, бросавшей исполинскую тѣнь на площадь. Сансонъ снялъ съ него сюртукъ. Прислуга палача, получавшая по обыкновенiю платье осужденныхъ послѣ казни, хотѣла снять сапоги съ герцога.

— Друзья мои, сказалъ онъ имъ, позвольте мнѣ умереть въ сапогахъ. Это удобнѣе для меня, да и вамъ легче будетъ тогда снять ихъ.

Герцогъ положилъ голову на плаху, видно было какъ блеснула сѣкира при огненномъ свѣтѣ вечерней зари. Секунду спустя народу показали его окровавленную голову.

На другой день въ „Moniteur'ѣ" помѣщена была слѣдующая замѣтка:

„16. Брюмера. Трибуналъ приговорилъ къ смертной казни Людовика Филиппа Iосифа Орлеанскаго, какъ зачинщика и участника въ заговорѣ, составленномъ противъ единства и нераздѣльности республики, свободы и безопасности французскаго народа".

ГЛАВА IX.

Муцiй Сцевола.

Революцiя водворилась и въ бывшемъ кармелитскомъ монастырѣ. Во время сентябрьскихъ убiйствъ здѣсь совершено было больше преступленiй, чѣмъ въ какомъ либо другомъ пунктѣ Парижа. Тутъ погибло нѣсколько сотъ священниковъ и монаховъ; ихъ убивали въ

кельяхъ, корридорахъ, у алтаря, въ монастырскомъ саду и дворахъ. Въ числѣ жертвъ палъ и всѣми уважаемый епископъ Арраса.

Впослѣдствіи, когда революція, переживъ дни террора, предалась дикимъ вакханаліямъ, монастырь перешелъ въ собственность садовника, по имени Лангле, который обратилъ его въ увеселительный домъ, называемый „Bal de Tilleuils". Но еще до этого веселаго времени и непосредственно послѣ сентябрскихъ убійствъ, монастырь былъ обращенъ въ одну изъ революціонныхъ тюремъ и сюда привезена была леди Эліоттъ по распоряженію Комитета Общественной Безопасности.

Экипажъ остановился у монастырскихъ воротъ, гдѣ привратникъ внесъ имя леди Эліоттъ въ списокъ заключенныхъ. Затѣмъ ее ввели въ пріемную. Здѣсь ее представили тюремному смотрителю, который сидѣлъ за столомъ съ очень красивымъ и щеголевато одѣтымъ молодымъ человѣкомъ. Они пили вино. На смотрителѣ была красная шапка, потому что всѣмъ служащимъ въ тюрьмахъ въ отличіе отъ заключённыхъ предоставлено было право украшать себя этимъ знакомъ свободы. Смотритель былъ въ наилучшемъ расположеніи духа и потягивая вино пѣлъ только что сочиненную въ это время пѣсню:

„La guillotine va toujours
Va toujours, va toujours"...

Онъ поздоровался съ леди Эліоттъ самымъ дружелюбнымъ образомъ и пригласилъ ее сѣсть съ ними и выпить стаканъ вина. Она не посмѣла отказаться и сѣла у стола. Немного погодя, молодой человѣкъ посмотрѣлъ на часы.

— Однако мнѣ пора идти, сказалъ онъ.

Смотритель уговаривалъ его остаться еще немного:

— Твоя работа не начнется раньше полудня, у тебя еще полчаса времени...

Леди Эліоттъ вопросительно взглянула на молодого человѣка.

Смотритель замѣтилъ этотъ взглядъ.—Ты не даромъ разглядываешь его, citoyenne, сказалъ онъ, совѣтую тебѣ познакомиться съ нимъ. Вѣдь это палачъ Сансонъ, младшій изъ трехъ братьевъ. Кто знаетъ можетъ быть будетъ его очередь въ тотъ день, когда тебѣ придется взойти на эшафотъ.

Леди Эліоттъ невольно вздохнула.

Молодой Сансонъ улыбнулся.—Это вовсе не такъ страшно, какъ кажется, замѣтилъ онъ. Къ тому же у васъ тонкая и длинная шея, и я ручаюсь вамъ, что если вы попадете мнѣ въ руки, то дѣло будетъ сдѣлано менѣе, чѣмъ въ секунду... вы даже не почувствуете.

Съ этими словами палачъ любезно раскланялся съ нею и, пожавъ руку пріятелю, удалился.

Смотритель повелъ леди Эліоттъ мимо карауловъ черезъ разныя рѣшетки и переходы въ назначенную ей келью, въ которую нужно было спуститься двѣ ступеньки внизъ. Это была также прежняя монашеская келья; леди Эліоттъ войдя въ нее, съ ужасомъ бросилась

назадъ къ двери, увидя на бѣлой стѣнѣ кровавый отпечатокъ старческой костлявой руки.

— Чего ты такъ испугалась, citoyenne, спокойно замѣтилъ ей смотритель,—это слѣдъ руки одного непокорнаго священника, который, истекая кровью, дотронулся до стѣны своей костенѣющей рукой. Вотъ, въ бывшей трапезѣ, гдѣ обѣдаютъ заключенные, ты бы еще не то увидѣла... тамъ не только полъ, но даже всѣ стулья обрызганы запекшеюся кровью.

Онъ вышелъ и леди Эліоттъ осталась одна.

Давно уже она не чувствовала себя такой спокойной и счастливой, какъ въ эту минуту. Ничто не мѣшало ей думать о Жильберѣ—этого счастья не отниметъ у нея никакая тюрьма; она знала, что любима по-прежнему и можетъ теперь съ спокойною совѣстью отъ всего сердца отвѣчать на его любовь. Послѣ всего, что произошло между ними, могла ли она ожидать такого блаженства?..

Она подошла къ рѣшетчатому окну, вокругъ котораго вилась виноградная лоза, распустившая свои первые листья; они были еще мокры отъ недавняго дождя. Изъ окна видѣнъ былъ монастырскій садъ; мысли ея были настолько поглощены Жильберомъ, что ей показалось будто она видитъ его фигуру подъ однимъ изъ старыхъ вѣтвистыхъ деревьевъ. Къ вечеру небо прояснилось, лучъ заходящаго солнца проникъ въ ея темницу черезъ рѣшетчатое окно; на минуту освѣтилась кровавая рука на стѣнѣ. Леди Эліоттъ поспѣшно отвернулась отъ нея и въ головѣ ея мелькнулъ невольный вопросъ: что побуждало этого старика дорожить жизнью и такъ отчаянно отстаивать ее—развѣ могъ онъ быть счастливѣе, чѣмъ она чувствовала себя теперь?.. Почему же эшафотъ не пугаетъ ее?..

Она заснула крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ, и во снѣ опять видѣла Жильбера и говорила съ нимъ.

Черезъ два дня она увидѣла свою вѣрную Бекки, мосье Друэ и Шарля, которые были безъ особеннаго труда допущены къ ней, а вслѣдъ затѣмъ она получила позволеніе оставлять у себя мальчика въ продолженіи дня. Каждое утро Бекки приводила его, а вечеромъ приходила за нимъ.

Прошло около недѣли. Стояли сырые пасмурные дни и только изрѣдка показывалось солнце. Въ одинъ изъ этихъ дней леди Эліоттъ сидѣла у окна своей темницы съ маленькимъ Шарлемъ, который уже совсѣмъ привыкъ къ новой обстановкѣ и болталъ безъ умолку. Леди Эліоттъ занятая своими мыслями, едва отвѣчала ему. Она думала о прошломъ и о загадочной женщинѣ, которая очевидно знала ея прежнюю жизнь и необъяснимымъ образомъ играла въ ней какую-то роль. Женщина эта изъ ненависти едва не предала ее... Кто она?..

Неожиданное восклицаніе Шарля прервало размышленіе леди Эліоттъ.

— Слышите ли вы, какая музыка? кто-то играетъ въ саду на скрипкѣ.

Леди Эліоттъ въ послѣдніе дни нѣсколько разъ слышала эту игру на скрипкѣ и не рѣдко съ какимъ-то страннымъ пѣніемъ, которое раздавалось то въ одномъ, то въ другомъ концѣ огромнаго монастыря, но никогда не обращала на это никакого вниманія и только теперь начала прислушиваться.

Игра невидимаго музыканта представляла замѣчательную смѣсь всевозможныхъ мотивовъ, мелодій и перемѣнъ темпа;—все это быстро слѣдовало одно за другимъ безъ малѣйшей послѣдовательности.

— Слышите, онъ играетъ марсельезу, воскликнулъ Шарль, который только благодаря хорошему слуху, могъ различать мотивы въ этомъ своеобразномъ попури. Вотъ это изъ Фигаро... это chant du depart... вотъ и Marlborough s'en va-t-en guerre... а это и моя пѣсня, я выучилъ ее у мосье Реаля... Пьеръ Леметръ часто заставлялъ меня пѣть ее, когда мы съ нимъ ходили по улицамъ...

Но скоро и эта пѣсня прекратилась и послышалась другая мелодія сопровождаемая пѣніемъ:

Quand ils m'auront guillotiué,
Je n'aurais pas besoin de nez...

Шарль услыхавъ эти слова громко расхохотался.

— Если хочешь Шарль, пойдемъ въ садъ, посмотримъ кто играетъ, сказала леди Эліоттъ.

Заключеннымъ въ кармелитскомъ монастырѣ дозволялось въ извѣстные часы дня гулять по дворамъ, обнесеннымъ высокими стѣнами, и въ саду, гдѣ всѣ выходы были заняты жандармами.

Леди Эліоттъ и Шарль прошли обширный дворъ, окруженный аллеями, съ фонтаномъ по срединѣ, около котораго часто отдыхали лѣтомъ прежніе обитатели этого мирнаго убѣжища въ послѣобѣденное время, наслаждаясь прохладой наполненнаго водой бассейна. Но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось на монастырскомъ дворѣ—бассейнъ высохъ; каменныя изображенія драконовъ и другихъ баснословныхъ звѣрей, у которыхъ нѣкогда изъ пасти текла вода, лежали низвергнутые на землѣ.

Но прекрасный высохшій фонтанъ въ его запущенномъ видѣ и удивительныя каменныя фигуры, изъ которыхъ однѣ уцѣлѣли, а другія были на половину изувѣчены, привлекли вниманіе мальчика, который съ удивленіемъ разглядывалъ ихъ сильные когти и большія крылья.

— Посмотрите, какія странныя птицы! воскликнулъ Шарль, обращаясь къ леди Эліоттъ; у нихъ человѣческое лицо...

Но леди Эліоттъ не слушала его. Не замѣчая, что мальчикъ остался на дворѣ, она вошла въ желѣзныя ворота ведущія въ садъ, гдѣ деревья только что покрывались новою зеленью. Садъ былъ темный и заросшій и въ этотъ часъ дня совершенно пустой; только у

стѣны подъ плакучей ивой сидѣлъ скрипачъ; онъ придерживалъ скрипку подбородкомъ, а лѣвой рукой управлялъ смычкомъ, представляя собою крайне комичную фигуру.

Леди Эліоттъ подошла къ нему. Шорохъ ея платья и сухихъ листьевъ, которые еще оставались на дорожкахъ съ осени, встревожили музыканта. Онъ поднялъ свое худощавое, блѣдное лицо, покрытое глубокими морщинами. Леди Эліоттъ тотчасъ же узнала въ немъ пріятеля Николая Трюшона, хотя теперь на головѣ его не было красной шапки.

— Если я не ошибаюсь, то я уже встрѣчала васъ прежде, сказала она.

Тотъ, къ кому были обращены эти слова, съ удивленіемъ взглянулъ на леди Эліоттъ, какъ будто бы не узналъ ее или не понималъ ея словъ.

— Развѣ вы не Муцій Сцевола? спросила она нерѣшительно.

— Муцій Сцевола! повторилъ скрипачъ равнодушнымъ тономъ. Я начинаю припоминать. Дѣйствительно я былъ знакомъ съ однимъ чудакомъ, который величалъ себя этимъ именемъ; вы также знали его; это былъ человѣкъ достойный сожалѣнія, довольно образованный и съ порядочными манерами. Но судьба занесла его къ варварамъ... Mendici mimae, balatrones et hoc genus omne.

— Теперь я не сомнѣваюсь, что вы Муцій Сцевола, сказала леди Эліоттъ, которая говорила съ нимъ всего одинъ разъ въ жизни, въ ту ночь, когда она попала въ руки башмачника Симона, но не забыла его своеобразной физіономіи, тѣмъ болѣе что и тогда, утѣшая ее, онъ прибавлялъ чуть ли не къ каждому слову какое нибудь латинское изрѣченіе. Одно ей казалось страннымъ: какимъ образомъ другъ Николая Трюшона могъ очутиться въ тюрьмѣ?

— Какъ вы попали сюда? спросила она его.

— Самымъ обыкновеннымъ образомъ. Меня заперли здѣсь.

— Какъ! воскликнула съ удивленіемъ леди Эліоттъ. Въ чемъ могли заподозрить васъ, народнаго оратора, котораго я еще недавно видѣла на трибунѣ среди уличной толпы, друга Трюшона и товарища Симона.

— Fuimus Troës! сказалъ Муцій Сцевала пожимая плечами, fuimus, милая женщина. Вы правы, съ одной стороны нельзя не удивляться какъ я попалъ сюда, плебей по рожденію, бездомный бѣднякъ, готовый выпить со всякимъ встрѣчнымъ! Говоря правду, французскія тюрьмы сдѣлались теперь вполнѣ аристократическими; тутъ можно встрѣтить первыхъ представителей de l'ancien régime — прелатовъ, пэровъ, герцогинь, маркизъ...

— Въ чемъ же обвиняютъ васъ? спросила леди Эліоттъ, прерывая его.

— Jnfandum regina jubes, сказалъ Муцій Сцевола.—Исторію моего паденія можно разсказать въ нѣсколькихъ словахъ. Вы знаете

сапожника Симона, слѣдовательно мнѣ нѣтъ никакой надобности описывать его. Замѣчу только, что я всегда считалъ его хорошимъ сапожникомъ, но былъ далеко не высокаго мнѣнія объ его умственныхъ способностяхъ. Онъ съ своей стороны также не признавалъ во мнѣ никакихъ достоинствъ и обращался со мной свысока; это оскорбляло меня и у насъ дошло до открытой ссоры въ ту достопамятную ночь, когда мы пили вмѣстѣ съ нимъ au solei d'or. Съ этого времени мы сдѣлались отъявленными врагами. Между тѣмъ меня назначили тюремщикомъ Тампля... Вы улыбаетесь, и вѣроятно думаете, что эта роль неприлична для философа, но я не согласенъ съ этимъ:— философъ долженъ признавать принципъ необходимости и предопредѣленія... На мое несчастіе, при моей новой должности у меня выходили постоянныя столкновенія съ сапожникомъ Симономъ, который былъ моимъ прямымъ начальникомъ. Особенно возмущало меня то обстоятельство, что такому человѣку какъ онъ поручили воспитаніе ребенка, котораго можно назвать самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ дѣтей въ цѣлой Франціи; я говорю о дофинѣ. Я пришелъ разъ къ Симону по дѣлу; онъ лежалъп ьяный на скамьѣ и своимъ хриплымъ голосомъ пѣлъ непристойныя уличныя пѣсни противъ бывшей королевы и принуждалъ маленькаго дофина пѣть ихъ съ нимъ вмѣстѣ. Тутъ я не вытерпѣлъ, оттащилъ ребенка отъ стола и ударилъ пьяницу. Не знаю какъ поступили бы въ этомъ случаѣ великіе педагоги, написавшіе цѣлые трактаты о воспитаніи и что сказалъ бы Сократъ, Платонъ или Сенека, но я сдѣлалъ такъ, какъ подсказало мнѣ сердце. Положимъ, философъ не долженъ предаваться влеченію сердца я и самъ себѣ говорилъ это. Въ результатѣ получилось слѣдующее: во первыхъ Симонъ обвинилъ меня въ преданности роялизму, во вторыхъ меня заключили въ тюрьму, въ третьихъ меня поведутъ на эшафотъ Quod erat demonstrandnm. Я нахожу, что все это вполнѣ логично. Что̀ кромѣ смерти можетъ ожидать мечтателей и идеалистовъ въ настоящій моментъ, когда власть въ рукахъ массы? Ихъ принципы слишкомъ высоки для нея.

— Мнѣ казалось, что вы вполнѣ раздѣляли интересы массы и были довольны своей судьбой, замѣтила леди Эліоттъ. — Неужели тюрьма такъ подѣйствовала на васъ, что вы стали иначе смотрѣть на вещи.

— Тюрьма и одиночество сдѣлали свое дѣло, отвѣтилъ Муцій Сцевола; я много думалъ въ эти послѣдніе дни и пришелъ къ тому заключенію, что поэтъ не даромъ сказалъ: odi profanum. Масса всегда состоитъ изъ рабовъ, которыми руководитъ лѣнь или фанатизмъ. Какъ крестъ, такъ и эшафотъ, ничему не научатъ ихъ. Servitus crescit nova! Изгнаніе и могила ждетъ людей стремящихся къ свободѣ.

— Не всегда же будетъ такъ. Наступятъ и другія времена...

— Никогда, возразилъ Муцій печальнымъ голосомъ.—Toto solus in orbe Caesar liber erit! Скоро во Франціи не останется ни одного

порядочнаго человѣка, которому бы не грозилъ кинжалъ Брута или гильотина.

Муцій замолчалъ, но черезъ нѣсколько минутъ заговорилъ опять и уже другимъ тономъ:—По моему мнѣнію, намъ слѣдуетъ совсѣмъ перемѣнить тему разговора, милая женщина. Мнѣ хотѣлось бы знать: какъ вамъ живется и съ кѣмъ вы познакомились въ Кармелитскомъ монастырѣ? О себѣ могу сказать, что провожу время самымъ пріятнымъ образомъ, здѣсь у насъ самое избранное общество—какъ напримѣръ, маркизъ де-Флери, графъ Мирпуа, храбрый маршалъ де-Монси, не говоря уже о прекрасной герцогинѣ Мирвилль—и представьте себѣ мое удовольствіе... Вчера сидимъ мы всѣ за обѣдомъ въ бывшей монастырской трапезѣ, вдругъ отворяется дверь и въ комнату входитъ мой старинный пріятель, аббатъ Базиръ, милый и остроумнѣйшій человѣкъ, съ которымъ мы вмѣстѣ сидѣли на школьной скамьѣ въ коллегіи Louis le Grand. Онъ вообще мало измѣнился лицомъ, не то что я, но мы тѣмъ не менѣе тотчасъ узнали другъ друга и разспросамъ не было конца. Вообще нужно сказать, что здѣсь у насъ нѣтъ недостатка въ развлеченіяхъ. Каждый вечеръ у насъ устраивается концертъ—двѣ віолончели, альтовая скрипка и моя скрипка. Я такъ радъ, что мнѣ удалось захватить ее съ собой; хотя я давно не занимался музыкой, но все еще помню многіе мотивы. Мы играемъ попури изъ лучшихъ оперъ Рамо, Лулли и Гретри. A propos, я долженъ съиграть вамъ новую пѣсню аббата Базира: C'est aujourd'hui mon jour de barbe...

Съ этими словами Муцій принялся наигрывать мотивъ пѣсни, но не окончилъ ее и обратился къ леди Эліоттъ съ вопросомъ:

— Ну что вы скажете? не правда ли прелестная пѣсня. Но еслибы вы слышали, какъ ее поетъ самъ аббатъ, то навѣрно пришли бы въ восторгъ. У него замѣчательный баритонъ! У насъ сегодня вечеромъ будетъ балъ. Старый маршалъ де-Монси нашъ церемоніймейстеръ. Дамы будутъ въ красныхъ платьяхъ, въ которыхъ онѣ впослѣдствіи отправятся на гильотину и въ танцахъ могутъ участвовать только тѣ лица, у которыхъ хотя бы одинъ родственникъ былъ казненъ или убитъ тѣмъ или другимъ способомъ. Это необходимо для настоящаго бала „aux victimes" вы вѣроятно слышали, что такіе балы теперь въ большой модѣ. Вы увидите, что вамъ будетъ очень весело, если только захотите принять участіе въ нашемъ вечерѣ. Не угодно ли вамъ присѣсть на этотъ старый пень; если позволите, я прорепетирую то, что мнѣ прійдется играть сегодня...

Разговаривая такимъ образомъ, Муцій Сцевола настроилъ свою скрипку и принялся наигрывать тѣ самые обрывки изъ различныхъ оперъ, революціонныхъ и уличныхъ пѣсенъ, которые леди Эліоттъ уже слышала изъ своей кельи. Покончивъ часть своего репертуара скрипачъ опять началъ извѣстную пѣсню Гретри: „Oh Richard, oh mon roi!"...

Въ это время въ садъ вбѣжалъ Шарль.

— Къ вамъ пришла гостья, та женщина... кричалъ онъ издали, но увидя Муція Сцеволу, остановился и съ видимымъ безпокойствомъ сталъ разглядывать его.

— Что съ тобой мой милый? спросила леди Эліоттъ, выходя къ нему на встрѣчу.

Мальчикъ вмѣсто отвѣта неожиданно бросился къ Муцію Сцеволѣ.— Мосье Реаль! воскликнулъ онъ, обнимая его колѣни.

Муцій оторопѣлъ при этомъ восклицаніи, но присмотрѣвшись къ лицу мальчика бросилъ скрипку и смычокъ.

— Шарль! проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ. Мой милый Шарль! Какъ ты выросъ!.. Ты правъ, я мосье Реаль, хотя меня одно время звали Муціемъ Сцеволой.

Бывшій учитель наклонился къ мальчику и крѣпко обнялъ его. Ласка эта такъ тронула Шарля, что онъ громко разрыдался.

— Сынъ мой, о чемъ ты плачешь? проговорилъ мосье Реаль наставительнымъ тономъ. Мы должны радоваться, что судьба опять свела насъ; мы можемъ поговорить съ тобой о томъ времени, когда мы читали Корнелія Непота въ подлинникѣ и Плутарха въ переводѣ!" Помнишь ли, что̀ говоритъ Горацій? Hic est aut nusquam—ну, какъ дальше?..

Мальчикъ посмотрѣлъ на него своими большими темносѣрыми глазами. Слова эти напомнили ему счастливые года его ранняго дѣтства.

— Hic est aut, nusquam... повторилъ онъ за своимъ бывшимъ учителемъ, aut nusquam... но дальше онъ не могъ продолжать.

— Подумай сынъ мой, сказалъ мосье Реаль. Я не могу себѣ представить, чтобы ты забылъ прекрасные стихи, которые мы такъ основательно заучивали съ тобой. Ну еще разъ: Hic est...

Мальчикъ молчалъ и чувствовалъ такое смущеніе, что едва опять не расплакался.

Бывшій учитель смутился въ свою очередь.

— Ну ничего, не огорчайся сынъ мой, ты можешь все это опять возобновить въ твоей памяти. Къ несчастью насъ разлучили въ такое время, когда я только что хотѣлъ познакомить тебя съ лучшими мѣстами Энеиды... Кто знаетъ удается ли намъ опять приняться за наши занятія. Будущее въ рукахъ судьбы: „Jpse volens, facilisque sequetur, si te fata vocant"...

Леди Эліоттъ, молча слѣдившая за этой сценой, сочла нужнымъ прервать на нѣсколько минутъ назидательную рѣчь мосье Реаля. Теперь для нея не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что она встрѣтила наконецъ единственнаго человѣка, который могъ сообщить ей точныя свѣдѣнія о происхожденіи Шарля. Она рѣшила не откладывать долѣе объясненія, которое будетъ имѣть большое значеніе для мальчика въ непродолжительномъ будущемъ, когда ей опять прійдется бросить его на произволъ судьбы.

— Милый Шарль, сказала она обращаясь къ мальчику,—ты будешь часто видѣться съ мосье Реалемъ и немного погодя опять прійдешь сюда, а пока оставь насъ однихъ на нѣсколько минутъ; намъ нужно переговорить объ одномъ дѣлѣ.

Шарлю видимо не хотѣлось уходить, но онъ привыкъ къ безусловному послушанію и потому тотчасъ же удалился, обнявъ еще разъ своего прежняго учителя.

Леди Эліоттъ обратилась къ Реалю съ настоятельной просьбой сообщить ей все, что ему извѣстно о мальчикѣ и съ своей стороны сообщила ему, какимъ образомъ онъ попалъ къ ней въ домъ.

Но теперь не легко было овладѣть вниманіемъ ученаго мужа, потому что садъ мало по малу наполнился посѣтителями, которые исключительно заняли его. Большинство ихъ были его знакомые, другихъ онъ зналъ по именамъ. Но едва леди Эліоттъ назвала Піера Леметра, какъ Реаль выказалъ самый живой интересъ и началъ безконечный разсказъ о сестрѣ Леметра, которая была экономкой у капитана де-Бариньи.

Леди Эліоттъ съ нетерпѣніемъ прервала его:

— Другъ мой, мы поговоримъ объ этомъ въ другой разъ, теперь прошу васъ разсказывать мнѣ все, что вы знаете о Шарлѣ. Вѣроятно де-Бариньи былъ его родственникомъ?

— Нѣтъ, онъ кажется увидѣлъ мальчика въ первый разъ, когда послѣдняго привезли ему въ домъ.

— Кто привезъ его?

— Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, я долженъ сперва разсказать вамъ длинную исторію.

— Ради Бога отвѣчайте прямо на мой вопросъ и какъ можно короче. Время дорого. Вы видите, мы уже не одни.

— Вы правы, отвѣтилъ Реаль. Вотъ идетъ его превосходительство маршалъ де-Монси.

— Умоляю васъ, скажите скорѣе, кто привезъ мальчика.

Реаль едва слушалъ леди Эліоттъ; онъ раскланивался съ знакомыми и видимо выжидалъ минуты чтобы уйдти отъ нея. Но это имѣло ту хорошую сторону, что онъ самъ торопился скорѣе окончить разговоръ.

— Вы спрашиваете, кто привезъ мальчика въ домъ де-Бариньи? сказалъ онъ... Если не ошибаюсь, одинъ изъ адъютантовъ герцога Орлеанскаго; тогда еще герцогъ былъ въ дружбѣ съ де-Бариньи...

— Какое отношеніе могъ имѣть герцогъ къ мальчику? спросила леди Эліоттъ взволнованнымъ голосомъ:

— Дружба его съ принцемъ Уэльскимъ, отвѣтилъ Реаль, который смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ маршалъ де-Монси ходилъ подъ руку съ маркизомъ Мирпуа.

— Съ принцемъ Уэльскимъ! воскликнула съ удивленіемъ леди Эліоттъ.

Это восклицаніе въ свою очередь поразило Реаля.

— Какъ! сказалъ онъ, неужели вы не знаете, что Шарль сынъ принца Уэльскаго!

Леди Эліоттъ давно догадывалась объ этомъ, но слыша подтвержденіе своей догадки, она невольно вскрикнула. Сердце ея болѣзненно билось. Наконецъ она сдѣлала надъ собою усиліе и проговорила едва внятнымъ голосомъ:

— Гдѣ же мать его?

— Его мать? повторилъ Реаль, который былъ такъ занятъ своими мыслями, что даже не замѣтилъ волненія леди Эліоттъ. Я слышалъ, что принцъ, желая избавиться отъ нея, изгналъ ее изъ Лондона; но она и отсюда постоянно безпокоила его своими письмами. У ней были большія связи въ Парижѣ и принцъ боялся, что она скомпрометируетъ его какой нибудь выходкой. Между прочимъ она грозила пріѣхать съ ребенкомъ въ Лондонъ и просить съ нимъ милостыню на улицахъ. Ей предлагали большія суммы денегъ, но она отказалась отъ нихъ. Тогда ничего не оставалось дѣлать, какъ украсть у ней ребенка. Герцогъ Орлеанскій принялъ дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ; онъ отдалъ ребенка капитану де-Бариньи, который скоро привязался къ нему точно къ родному сыну. Ребенка привезли въ домъ 28-го января, въ день Caroli Magni по христіанскому календарю. который еще тогда не былъ замѣненъ республиканскимъ календаремъ. Вотъ я и придумалъ назвать мальчика Шарлеманемъ въ память стараго короля. Де-Бариньи также называлъ его этимъ именемъ. хотя его вѣроятно зовутъ Георгомъ...

— А его мать? Кто она? Какъ зовутъ ее? спросила леди Эліоттъ съ нетерпѣніемъ.

— Она была актриса, ее звали Мэри Робинзонъ. Въ Парижѣ она была извѣстна подъ названіемъ „la belle Anglaise"... Однако извините меня, я оставлю васъ на одну минуту. Подождите меня здѣсь. Я тотчасъ же вернусь. Мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ моему другу аббату и кстати разспросить нашего церемоніймейстера, маршала де-Монси, объ одной трудной фигурѣ въ Menuét à la reine, который мы будемъ танцовать сегодня. Это тотъ самый минуэтъ, который танцовали въ первый разъ на свадьбѣ бывшаго короля Людовика XVI и Маріи Антуанеты...

Съ этими словами онъ поспѣшно удалился.

Вскорѣ послѣ этого разговора, мосье Реаль навсегда оставилъ кармелитскій монастырь, къ искреннему сожалѣнію своихъ товарищей по заключенію. Они любили его за добродушіе и неисчерпаемую веселость; онъ развлекалъ ихъ своими латинскими цитатами и разнообразной болтовней, подчасъ исполненной глубокаго смысла. Но день за день подъѣзжала телѣга и увозила заключенныхъ въ революціонный трибуналъ, въ другія тюрьмы и на эшафотъ. Реаль видѣлъ какъ мало по малу уменьшалось число его друзей; но онъ не падалъ ду-

хомъ и въ ожиданіи смерти развлекалъ себя безъ устали пѣніемъ и музыкой. Наконецъ наступила и его очередь—пріѣхала телѣга, которая должна была везти его на казнь. Въ тюрьму вошелъ Николай Трюшонъ чтобы проститься съ старымъ пріятелемъ, и сказалъ ему со слезами на глазахъ, что со дня смерти своей дочери онъ не испытывалъ такого огорченія, какъ въ эту минуту; но что теперь уже слишкомъ поздно и онъ ничего не можетъ сдѣлать для спасенія своего друга. Ученый мужъ по своему обыкновенію отвѣтилъ латинской цитатой: „Patet atri janua Ditis“ и крѣпко обнявъ Трюшона, сѣлъ въ ожидавшую его телѣгу.

Спокойно взошелъ онъ на эшафотъ, и положилъ голову на плаху. „Impavidum ferient ruinae“, произнесъ онъ умирая.

ГЛАВА X.

Мэри Робинзонъ.

Леди Эліоттъ осталась одна у мрачной стѣны монастырскаго сада, поросшей плющомъ.

— Мэри Робинзонъ! повторила она машинально, опускаясь въ изнеможеніи на старый полусгнившій пень подъ плакучей ивой, гдѣ за минуту передъ тѣмъ сидѣлъ Реаль.

Мысли путались въ ея головѣ. Она не могла дать себѣ яснаго отчета, дѣйствительно ли она слышала то, что говорилъ этотъ странный человѣкъ, или это былъ тяжелый неотвязчивый сонъ, отъ котораго она не можетъ отдѣлаться, не смотря на всѣ усилія.

Въ эту минуту къ ней подошла та, которая занимала всѣ ея помыслы.

Передъ нею стояла м-съ Францисъ, но она почти не узнала ее.

Роскошные волосы англичанки были красиво причесаны и свѣтились золотистымъ блескомъ при яркомъ освѣщеніи весенняго солнца, падавшаго сквозь листву. Все лицо ея преобразилось и сіяло счастіемъ—большіе сѣрые глаза смотрѣли радостно и привѣтливо.

— Я пришла къ вамъ съ хорошею вѣстью, сказала она вполголоса, наклоняясь къ леди Эліоттъ и протягивая ей руку. Вы скоро выйдете отсюда...

Леди Эліоттъ молча глядѣла на нее и не двигалась съ мѣста.

— Что съ вами? воскликнула съ горячностью м-съ Францисъ. Неужели свобода не радуетъ васъ!... или вы не вѣрите мнѣ... Скажите хотя одно слово, чтобы я знала, желаете ли вы этого, или вамъ все равно...

Леди Эліоттъ молчала.

— Васъ освободятъ скорѣе нежели вы думаете. Едва наступятъ сумерки, сюда прійдетъ Жильберъ Лагэ...

— Жильберъ! воскликнула леди Эліоттъ.

Имя это тотчасъ же заставило ее опомниться. Мысль, что она опять увидитъ его напомнила ея сердце чувствомъ безконечнаго счастья; но вслѣдъ затѣмъ ей живо припомнился весь разсказъ Реаля.

— Мэри Робинзонъ! сказала она протягивая руку стоявшей передъ нею женщинѣ.

Мертвенная блѣдность покрыла лицо мнимой м-съ Францисъ и она съ видимымъ ужасомъ отшатнулась отъ леди Эліоттъ.

— Мэри Робинзонъ, забудемъ прошлое, сказала леди Эліоттъ съ ласковой улыбкой, поднимаясь съ своего мѣста.

— Забыть прошлое! Нѣтъ этого никогда не будетъ. Я не могу забыть какъ я была виновата передъ вами. Но такъ какъ, вѣроятно, мы видимся въ послѣдній разъ, то я рѣшаюсь умолять васъ о прощеніи. Только оно и можетъ примирить меня съ жизнью и собою.

— Не говорите больше объ этомъ, будемъ друзьями!

— Но вы не знаете насколько я виновата передъ вами... Моя ревность дошла до такихъ предѣловъ, что всѣ человѣческія чувства замерли во мнѣ, кромѣ желанія мести. Я неотступно преслѣдовала васъ—въ Воксалѣ, Карлтонѣ-гаузѣ, Стюдлей-голлѣ... Ваше рубиновое кольцо было передано мною сэру Джону, какъ доказательство вашей измѣны... Я подслушала въ саду вашъ разговоръ съ принцемъ и подготовила убійство въ Гоунсловскомъ бору въ безумной надеждѣ, что на васъ падетъ подозрѣніе...

Говоря это Мэри Робинзонъ печально опустила голову.

— Оставимъ въ покоѣ мертвыхъ, сказала леди Эліоттъ. Ваше мученіе и раскаяніе служатъ достаточнымъ искупленіемъ вашей вины. Да, если бы вы знали, что вынесла я въ эти послѣдніе годы. Я не знала ни минуты покоя. Всѣ испытанныя мною униженія, даже потеря моего ребенка, были не такъ тяжелы для меня, какъ сознаніе своего безсилія и невозможности отомстить вамъ. Наконецъ, наступила давно желанная минута, вы сами отдали себя въ мои руки... Мнѣ казалось, что я достигла цѣли всѣхъ моихъ желаній, мое сердце замирало отъ счастья при одной мысли, что я могу погубить васъ. Но у меня не хватило на это силъ и это спасло меня... Теперь вамъ извѣстно мое темное прошлое... Мнѣ уже нечего скрываться передъ вами... Я Мэри Робинзонъ...

Бѣдная женщина громко зарыдала при этихъ словахъ.

— Да, я Мэри Робинзонъ, продолжала она, но не прежняя добрая, красивая и счастливая Мэри...

Слезы душили ее.

Леди Эліоттъ обняла ее.

— Успокойтесь, сказала она ласковымъ голосомъ. Вы принесли мнѣ вѣсть о свободѣ, я также могу порадовать васъ хорошимъ извѣстіемъ; идите за мной.

Мэри Робинзонъ машинально послѣдовала за леди Эліоттъ безучастная по всему, кромѣ глубокаго горя, наполнявшаго ея сердце.

Онѣ вышли изъ сада и перейдя дворъ вернулись въ темницу, гдѣ Шарль, соскучившись въ одиночествѣ, спалъ крѣпкимъ сномъ на постели леди Эліоттъ за темною занавѣсью.

— Подойдите сюда, сказала леди Эліоттъ, поднимая занавѣсь и указывая на спящаго мальчика. Вотъ вашъ ребенокъ! Меня безпокоила его участь. Теперь, что бы ни случилось со мною, я буду знать, что онъ въ вѣрныхъ рукахъ.

Мэри Робинзонъ недовѣрчиво взглянула на леди Эліоттъ, затѣмъ на спящаго ребенка и послѣ минутнаго колебанія бросилась къ нему.

— Дитя мое, Георгъ... проговорила она заливаясь слезами.

Но вслѣдъ затѣмъ встала и отошла отъ постели.

— Нѣтъ, я не имѣю права считать его своимъ, сказала она, кладя руку на голову своего сына. Клянусь, что не обниму его до тѣхъ поръ, пока не освободится та, которая возвратила мнѣ его.

Прикосновеніе руки Мэри Робинзонъ разбудило мальчика. Онъ съ испугомъ посмотрѣлъ вокругъ себя, но увидя леди Эліоттъ съ м-съ Францисъ, которая часто бывала въ тюрьмѣ и уже не внушала ему прежней боязни, онъ успокоился и, вскочивъ съ постели, подбѣжалъ къ окну въ надеждѣ опять увидѣть мосье Реаля.

Мэри Робинзонъ боялась глядѣть на своего сына. Она закрыла лицо руками.

— Я должна исполнить это, проговорила она съ отчаянною рѣшимостью.

Она предложила Жильберу принести себя въ жертву, чтобы спасти леди Эліоттъ, которая должна была въ сумерки выйти вмѣсто нея изъ тюрьмы переодѣтая. Всѣ приготовленія къ бѣгству были сдѣланы. Съ закатомъ солнца леди Эліоттъ будетъ на свободѣ, а она на дорогѣ къ эшафоту.

Мысль о близкой смерти терзала бѣдную женщину въ эту минуту, когда судьба возвратила ей потеряннаго сына и счастье снова улыбнулось ей. Она нашла его, чтобы снова и на вѣки разстаться съ нимъ. Эта мысль разрывала ея сердце и едва не поколебала ея добраго намѣренія; но она пересилила себя и рѣшила остаться вѣрной данному слову, хотя знала, что ей нечего ждать пощады отъ революціоннаго трибунала.

Долгое молчаніе Мэри Робинзонъ не казалось страннымъ леди Эліоттъ. Она объясняла его естественнымъ волненіемъ матери, которая нашла своего потереннаго сына послѣ долгихъ лѣтъ разлуки.

Красноватые лучи заходящаго солнца освѣщали бѣлую стѣну тем-

ницы, на которой ясно отражалась желѣзная рѣшетка и виноградная лоза, обвивавшая окно.

Но вотъ вдоль коридора послышались мужскіе шаги и въ темницу вошелъ Жильберъ.

Онъ замѣтно похудѣлъ со времени ихъ послѣдняго свиданія, губы его поблѣднѣли, гордая и сильная фигура его какъ будто сгорбилась. Глубокая грусть виднѣлась на лицѣ.

Леди Эліоттъ едва не вскрикнула, увидя его въ мерцающемъ свѣтѣ потухающаго дня.

На башнѣ кармелитскаго монастыря пробило шесть часовъ.

Жильберу былъ хорошо знакомъ этотъ звукъ.

Это былъ часъ, въ который нѣкогда служили вечерню въ монастырѣ.

ГЛАВА XI.

У цѣли.

Жильберъ употребилъ все свое вліяніе на Робеспьера чтобы спасти леди Эліоттъ.

Но Робеспьеръ былъ непоколебимъ. Онъ заподозрилъ леди Эліоттъ, что она воспользовалась тѣми извѣстіями, которыя слышала въ его домѣ, чтобы предупредить Орлеанскаго о грозившей ему опасности и вслѣдствіе этого возненавидѣлъ ее.

— Мы не должны давать пощады измѣнникамъ, отвѣчалъ онъ на всѣ представленія Жильбера.

— Я не просилъ пощади Орлеанскому, сказалъ Жильберъ, но умоляю тебя спасти жизнь этой женщины, которая осуждена напрасно.

— Революціонный трибуналъ никогда не ошибается! возразилъ Робеспьеръ.

— Я люблю эту женщину...

— Тѣмъ хуже! Это можетъ заставить насъ включить тебя въ число подозрительныхъ лицъ.

Жильберъ замолчалъ. Онъ рѣшился во что бы то ни стало спасти леди Эліоттъ и долженъ былъ избѣгать всего, что могло выдать его.

Онъ былъ возмущенъ тиранствомъ Робеспьера, но больше прежняго старался выказать ему свое усердіе. Благодаря этому, Жильберу удалось опять заслужить довѣріе Комитета Общественной Безопасности. Онъ получилъ порученіе отправиться въ Havre de Grace въ качествѣ коммисара французской республики для обмѣна военноплѣнныхъ. Полномочіе было въ его рукахъ и онъ долженъ былъ немедленно выѣхать изъ Парижа, такъ какъ извѣстно было, что англійскій военный корабль, который долженъ былъ привести транспортъ плѣнныхъ уже подошелъ къ Остенде. Жильберъ хотѣлъ воспользоваться этимъ

случаемъ, чтобы устроить бѣгство леди Эліоттъ; мэри Робинзонъ вызвалась помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Леди Эліоттъ не должна была знать, что ея жизнь будетъ куплена цѣною жизни другой женщины. потому что въ противномъ случаѣ она не приняла бы такой жертвы. Не легко было принять ее Жильберу и эта мысль постоянно мучила его. Самые неправдоподобные и невозможные планы приходили ему въ голову; между тѣмъ онъ не видѣлъ иного исхода и готовъ былъ рѣшиться даже на преступленіе чтобы спасти леди Эліоттъ, такъ какъ самъ погубилъ ее, предъявивъ въ комитетъ ея записку къ Орлеанскому.

Наконецъ, чуть ли не въ послѣднюю минуту вспомнилъ онъ о пропускномъ листѣ, который былъ выданъ Робеспьеромъ лэди Эліоттъ, и который попалъ ему въ руки въ ночь послѣ ея ареста въ числѣ другихъ бумагъ. Онъ тотчасъ отыскалъ его и къ своей величайшей радости убѣдился, что память не обманула его:—мѣсяцъ и число не были обозначены на лицѣ.

Скоро это радостное ощущеніе смѣнилось тяжелымъ сознаніемъ, что онъ долженъ совершить подлогъ чтобы воспользоваться средствомъ, которое случайно попало ему въ руки. Но что оставалось ему дѣлать? неужели онъ дастъ погибнуть женщинѣ, которая благодаря ему осуждена невинно, или пожертвуетъ другой женщиной пользуясь ея великодушіемъ?

Послѣ нѣкотораго колебанія, Жильберъ обмакнулъ перо и выставилъ на листѣ мѣсяцъ и число.

Въ его распоряженіи были цѣлыя сутки, но онъ зналъ, что не долженъ терять ни одной секунды, такъ какъ обманъ можетъ обнаружиться прежде, чѣмъ ему удастся достигнуть цѣли.

Онъ нехотя отвѣчалъ на разспросы леди Эліоттъ.

— Все готово, сказалъ онъ, карета ждетъ тебя въ одной изъ сосѣднихъ улицъ, ты выѣдешь изъ Парижа, я встрѣчу тебя у заставы.

— Ты опять оставишь меня Жильберъ? спросила она взволнованнымъ голосомъ

— Мы скоро увидимся...

— Ты уѣдешь со мной и мы больше никогда не разстанемся.

— Кто можетъ отвѣчать за будущее, отвѣтилъ Жильберъ, понижая голосъ. Онъ былъ видимо встревоженъ и леди Эліоттъ замѣтила въ его манерахъ какую-то странную робость, которую она никогда не видала въ немъ прежде.

— А Мэри Робинзонъ? спросила леди Эліоттъ.

— Ты права... Я забылъ объ ней... Она больше не нужна мнѣ...

— Что ты говоришь? воскликнула леди Эліоттъ, встроволенная безсвязною рѣчью Жильбера.

— Вы можете выйти изъ тюрьмы, сказалъ онъ обращаясь къ Мэри Робинзонъ, и даже уѣхать изъ Парижа вмѣстѣ съ леди Эліоттъ, если захотите.

— Кто же останется здѣсь? спросила она Мери Робинзонъ.

— Никто, отвѣтилъ Жильберъ.

Мэри Робинзонъ смутилась и съ недоумѣніемъ глядѣла на Жильбера.

— Что это значитъ? воскликнула леди Эліоттъ.

— Что за разспросы Грэсъ сказалъ Жильберъ съ упрекомъ. Ты какъ будто не довѣряешь мнѣ. Мы и безъ того потеряли много времени.

Онъ назвалъ улицу, гдѣ Мэри Робинзонъ должна была ожидать ихъ съ мальчикомъ.

Она тотчасъ же ушла съ Шарлемъ.

Между тѣмъ угасъ послѣдній лучъ заходящаго солнца, начало темнѣть.

— И намъ пора, пойдемъ Грэсъ.

Леди Эліоттъ остановилась въ нерѣшимости. У ней явилось опасеніе, что быть можетъ Жильберъ рискуетъ жизнью для ея спасенія.

— Иди же скорѣе Грэсъ, воскликнулъ Жильберъ съ нетерпѣніемъ.

Онъ подалъ ей руку и почти насильно вывелъ изъ кельи.

Въ длинномъ корридорѣ уже были зажжены лампы.

Ихъ остановили у первой калитки, гдѣ сидѣли привратники, тюремщики и жандармы.

Жильберъ представилъ имъ листъ подписанный Робеспьеромъ. Они посмотрѣли мѣсяцъ и число—все оказалось вѣрно.

— Вы можете идти, citoyen-représentant, сказалъ дежурный жандармъ.—Откройте калитку.

Они прошли черезъ низкую калитку и, миновавъ цѣлый рядъ переходовъ, рѣшотокъ и карауловъ, вошли на послѣдній дворъ, гдѣ уже ясно можно было различить уличный шумъ.

На дворѣ былъ отрядъ національной гвардіи.

— Добрый вечеръ, citoyen-représentant! послышалось со всѣхъ сторонъ.

У рѣшетчатыхъ воротъ стоялъ дежурный капралъ и курилъ трубку. Это былъ Марсель; онъ узналъ леди Эліоттъ, когда она подошла къ нему подъ руку съ Жильберомъ.

— Corbleu! воскликнулъ онъ.—Душевно радъ, что эта дама оставляетъ тюрьму такимъ приличнымъ образомъ! Душа моя, мнѣ было бы очень жаль, если бы я увидѣлъ ее въ экипажѣ Сансона... Хорошо, citoyen-représentant, бумага по всей формѣ, добавилъ онъ взглянувъ на пропускной листъ, который Жильеръ держалъ въ рукахъ. Затѣмъ онъ снова обратился къ леди Эліоттъ и приложилъ руку къ козырьку съ любезнымъ видомъ хозяина, провожающаго своихъ гостей.—Ворота отворены, сказалъ онъ, вы можете пройти, прекрасная citoyenne. Капралъ Марсель желаетъ вамъ отъ всего сердца счастливаго пути.

— Марсель вѣренъ себѣ, замѣтилъ стоявшій возлѣ него сержантъ Вильгельмъ.—Онъ также любезенъ съ дамами, какъ всегда!

— Почему же мнѣ не быть любезнымъ, возразилъ Марсель.—Положимъ я солдатъ республики, но я вмѣстѣ съ тѣмъ французъ и что касается дамъ... Однако моя трубка опять погасла, сержантъ одолжи огня.

Жильберъ и леди Эліоттъ вышли на улицу. Былъ теплый весенній вечеръ, весело мелькали фонари на улицахъ, а сверху въ полупрозрачномъ туманѣ свѣтились звѣзды.

Чувство полнаго невыразимаго блаженства охватило душу леди Эліоттъ. Она была опять свободна и съ нею былъ Жильберъ. Она молча пожала ему руку.

Въ сосѣдней улицѣ ожидалъ ихъ дорожный экипажъ, въ которомъ сидѣла Мэри Робинзонъ съ сыномъ.

У экипажа стояла Бекки и мосье Друэ.

Бекки, увидя леди Эліоттъ, заплакала отъ радости.

— Наконецъ-то исполнилось мое давнишнее желаніе! сказала она сквозь слезы.—Моя дорогая леди опять на свободѣ и счастлива; мнѣ не въ чемъ будетъ упрекать себя. Да благословитъ Господь нашу дорогую родину, море, горы, лѣса, которыя я такъ люблю. Не забывайте свою Бекки, продолжала она, покрывая безчисленными поцѣлуями руки леди Эліоттъ.—Ну, кучеръ, трогай!

Леди Эліоттъ сѣла въ экипажъ и кучеръ погналъ лошадей.

— Теперь пойдемъ домой старикъ, сказалъ Бекки, утирая слезы. Вернемся въ нашу улицу и заживемъ по старому. Возблагодаримъ Пресвятую Дѣву и св. Андрея Шотландскаго за чудесное спасеніе моей милой леди!

Экипажъ быстро катился по улицамъ, унося съ собой трехъ бѣглецовъ.

Въ одномъ изъ дальнихъ предмѣстій къ нимъ присоединился Жильберъ.

У заставы онъ предъявилъ полученную имъ бумагу съ уполномочіемъ Комитета Общественной Безопасности, и ихъ пропустили безъ малѣйшаго затрудненія.

Наступила полночь.

Бѣглецы остановились на станціи для перемѣны лошадей. Леди Эліоттъ вышла изъ экипажа съ Жильберомъ. Мэри Робинзонъ осталась на своемъ мѣстѣ, потому что мальчикъ заснулъ, положивъ голову къ ней на колѣни.

Леди Эліоттъ не помнила себя отъ счастья и говорила безъ умолку, между тѣмъ какъ безпокойство Жильбера казалось росло съ каждой минутой.

— Ты должна умѣрить свою радость Грэсъ, сказалъ онъ, понижая голосъ. Опасность не прошла для насъ.

— Никакая опасность не пугаетъ меня, когда ты со мною. Я достигла высшаго счастья; кто можетъ отнять его у меня?...

Экипажъ поѣхалъ дальше по пустынной дорогѣ, мимо погруженныхъ въ сонъ деревень.

Разстояніе между бѣглецами и Парижемъ все болѣе и болѣе увеличивалось. Они проѣзжали между дремлющихъ полей, черезъ темные лѣса, слышали шелестъ листьевъ, мѣрное журчанье ручьевъ.

Ночь была тихая и теплая, изрѣдка проносился легкій вѣтерокъ.

Имъ пришлось проѣхать нѣсколько маленькихъ городовъ. Лавки были еще закрыты и только кое гдѣ виднѣлись люди. Но утро уже начиналось, стало свѣтать и все яснѣе и яснѣе выступали очертанія домовъ.

Они увидѣли жаворонковъ, которые медленно поднимались съ неподвижныхъ полей, оглашая воздухъ своимъ веселымъ пѣніемъ. Подуло утреннею свѣжестью; небо озарилось первыми лучами восходящаго солнца; заблестѣла роса на травѣ, кустахъ и деревьяхъ. Все чаще и чаще встрѣчались экипажи и прохожіе на большой дорогѣ; издали слышались колокольчики пасущихся стадъ.

Двадцать четыре мили отдѣляли теперь бѣглецовъ отъ Парижа. Подъ вечеръ они увидѣли передъ собою башни Havre de Grace;— исчезли лѣса, холмы, цвѣтущія поля, кругомъ тянулась обнаженная равнина и песокъ. По небу неслись огромныя тяжелыя тучи, горизонтъ замѣтно расширялся, издали виднѣлось море.

Жильберъ помѣстилъ своихъ спутниковъ въ отелѣ и отправился въ городъ навести справки о времени прибытія плѣнныхъ. Онъ представилъ коменданту порта свои документы и тотъ принялъ его съ большимъ почетомъ, какъ уполномоченнаго Комитета Общественной Безопасности.

Ровно черезъ часъ послѣ прибытія Жильбера, къ берегу подъѣхалъ въ лодкѣ капитанъ англійскаго военнаго корабля съ парламентерскимъ флагомъ. Въ одной изъ комнатъ крѣпости, стоявшей надъ моремъ, сдѣланъ былъ обмѣнъ ратификацій, а вслѣдъ затѣмъ началась высадка плѣнныхъ при громкихъ и радостныхъ крикахъ собравшейся толпы.

Жильберъ зналъ, что обмѣнъ плѣнныхъ не кончится раньше полуночи, а въ случаѣ малѣйшаго замедленія можетъ продлиться до слѣдующаго утра. Между тѣмъ онъ былъ приглашенъ въ гости къ коменданту порта вмѣстѣ съ другими представителями республики и капитаномъ англійскаго корабля;—слѣдовательно замедленіе неизбѣжно. Время казалось безконечнымъ Жильберу. Вотъ уже солнце близко къ закату и медленно погружается въ зеркальную поверхность моря.

Жильберъ стоитъ въ сторонѣ отъ гостей съ капитаномъ англійскаго корабля у бруствера, съ котораго они смотрятъ на гавань и закатъ солнца.

— Капитанъ, сказалъ Жильберъ вполголоса,—я увѣренъ, что вы не обманете моего довѣрія.

— Въ чемъ? спросилъ съ удивленіемъ капитанъ.

— Съ вашей послѣдней лодкой вы возьмете съ берега двухъ англичанокъ, которыхъ я спасъ отъ тюрьмы и гильотины.

— Citoyen-representant! воскликнулъ капитанъ блѣднѣя.

— Вы честный человѣкъ...

— Да поможетъ мнѣ въ этомъ Господь...

— Тише! насъ могутъ услышать!

Къ нимъ подошелъ комендантъ и пригласилъ ихъ выпить еще бутылку вина, за которой они просидѣли до ночи, когда уже на всѣхъ мачтахъ въ гавани зажжены были зеленые и красные фонари. Капитанъ долженъ былъ остаться на берегу, пока не кончится обмѣнъ плѣнныхъ и не будутъ выполнены нѣкоторыя формальности.

Жильберъ воспользовался удобной минутой и отправился въ городъ.

Съ разсвѣтомъ онъ вышелъ изъ отеля съ обѣими женщинами и мальчикомъ и отправился съ ними на берегъ.

Мэри Робинзонъ шла съ Шарлемъ; за ними слѣдовалъ Жильберъ съ леди Эліоттъ.

— Помнишь ли Жильберъ, сказала леди Эліоттъ, ты мнѣ сказалъ однажды:—когда мы достигнемъ цѣли...

— Не говори этого Грэсъ, мы еще не достигли ее—прервалъ ее Жильберъ взволнованнымъ голосомъ. Кто знаетъ удастся ли намъ это?

— Мы уже достигли ее, отвѣтила леди Эліоттъ.

Передъ ними въ сѣроватомъ свѣтѣ наступающаго утра открывалось безбрежное море. Подъ ихъ ногами хрустѣлъ морской песокъ.

Лодка съ бѣлымъ флагомъ стояла у берега; изъ нея высажив алисъ послѣдніе плѣнные, а въ отдаленіи виднѣлись неясныя очертанія военнаго корабля.

Капитанъ былъ въ лодкѣ, какъ обѣщалъ Жильберу.

Мэри Робинзонъ сѣла первая съ Шарлемъ, Жильберъ подалъ руку леди Эліоттъ и помогъ ей сойти со ступеней.

Въ это время изъ крѣпости раздался пушечный выстрѣлъ.

— Что это такое? воскликнулъ Жильберъ и лицо его покрылось смертельною блѣдностью.

— Это вѣроятно, сигнальный выстрѣлъ, отвѣтилъ капитанъ.

Вслѣдъ затѣмъ послышался второй выстрѣлъ и бомба полетѣла въ море.

— Они стрѣляютъ въ мой корабль! съ ужасомъ воскликнулъ капитанъ.

Жильберъ оглянулся. Лицо его приняло выраженіе отчаянной рѣшимости. Онъ увидѣлъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ себя вооруженный отрядъ національной гвардіи. Леди Эліоттъ еще стояла на берегу.

— Я не разстануеь съ тобой, Жильберъ! сказала она.

Жильберъ обнялъ ее съ страстнымъ порывомъ, прижалъ къ себѣ, цѣловалъ ее въ лобъ, глаза и губы, и затѣмъ поднявъ ее въ земли, вырвался изъ ея объятій и силой посадилъ въ лодку.

Раздался новый пушечный выстрѣлъ.

— Ядро упало возлѣ моего фрегата! воскликнулъ капитанъ.

— Отчаливайте скорѣе, крикнулъ ему въ отвѣтъ Жильберъ, отталкивая лодку.

Раздался пистолетный выстрѣлъ. Жильберъ пошатнулся.

Отрядъ республиканскихъ солдатъ быстро приближался къ берегу. Впереди шелъ коммисаръ посланный изъ Парижа.

— Арестую васъ именемъ Конвента, сказалъ онъ, кладя руку на плечо Жильбера.

— Слишкомъ поздно, отвѣтилъ Жильберъ падая на землю и истекая кровью.

— Однако онъ ловко прицѣлился, пуля попала прямо въ сердце, сказалъ коммисаръ. Впрочемъ, онъ хорошо сдѣлалъ, что покончилъ съ собой...

Леди Эліоттъ слышала выстрѣлъ и видѣла, какъ Жильберъ упалъ на землю.

— Пустите меня къ нему, кричала она, не помня себя отъ ужаса и горя. Она хотѣла броситься въ воду, но ее удержали силой. Лодка подплыла къ кораблю. Подняли великобританскій флагъ, натянули паруса и фрегатъ полетѣлъ стрѣлою въ открытое море, преслѣдуемый выстрѣлами съ крѣпости.

Леди Эліоттъ стояла на палубѣ и съ тупымъ спокойствіемъ отчаянія смотрѣла на берегъ, гдѣ она навсегда простилась съ Жильберомъ.

— Георгъ, дитя мое! воскликнула Мэри Робинзонъ заливаясь слезами радости и обнимая своего сына.—Ты мой и навсегда.

Мальчикъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее своими большими сѣрыми глазами.

Комитетъ Общественной Безопасности просуществовалъ еще нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Жильбера, но вслѣдъ затѣмъ между членами комитета начались раздоры и Конвентъ вошелъ опять въ силу.

9-го термидора II года республики (9-го іюля 1794) Конвентъ открылъ свое засѣданіе въ десять часовъ утра. Противъ Робеспьера и Сенъ-Жюста выступилъ Таліенъ. Робеспьеръ хотѣлъ отвѣчать, но голосъ его былъ заглушенъ криками: „долой тирана!...“ Кто-то потребовалъ ареста Робеспьера,—въ отвѣтъ на это раздались громкія одобренія. Друзья бывшаго диктатора изъявили желаніе раздѣлить его участь. Ихъ желаніе было исполнено; Конвентъ въ четыре часа по полудни рѣшилъ арестовать Робеспьера и его товарящей. Жандармы увезли ихъ. Парижъ волновался; ударили въ набатъ; городской совѣтъ, секціи и якобинцы, встали на защиту Робеспьера, но уже ни что не могло спасти его...

На слѣдующій день 10-го термидора послѣдовала казнь двадцати двухъ террористовъ и между ними Робеспьера, котораго народная толпа провожала на смерть ругательствами и проклятіями.

Три года спустя сошелъ со сцены и Николай Трюшонъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ революціи, выступившій вмѣстѣ съ нею и погибшій вслѣдъ за нею. Въ 1797 году, онъ былъ призванъ къ суду за участіе въ соціально-коммунистическомъ заговорѣ Бабефа и осужденъ на двадцатилѣтнее заключеніе въ исправительномъ домѣ, гдѣ онъ вскорѣ умеръ.

Конецъ четвертой и послѣдней части.

М. Н. ЗАГОСКИНЪ.

Съ гравир. портрета изъ 2 т. „Сто рус. литераторовъ,"

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ С.-ПЕТЕРБУРГЪ [illegible] МАРТА [illegible] Г. ПЕЧАТАНО ВЪ ЛИТОГРАФІИ А. Ф. МЕЙСТЕРА, [illegible]

ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Псевдоклассицизмъ въ украинской литературѣ нынѣшняго вѣка и реакція ему [1]).

Въ ОДНОМЪ изъ новѣйшихъ обзоровъ украинской литературы нынѣшняго вѣка говорится, что въ этой литературѣ отражались всѣ тѣ мотивы и направленія, которые по временамъ господствовали въ общерусской литературѣ, какъ-то: сентиментализмъ, романтизмъ, націонализмъ (славянофильство) и демократизмъ. Такъ „Энеида" Котляревскаго есть реакція псевдоклассицизму, гораздо болѣе сильная, нежели „Душенька" Богдановича; „Наталка Полтавка" Котляревскаго есть выраженіе сентиментализма, подобно „Бѣдной Лизѣ" Карамзина; театральныя произведенія Гоголя-отца и Котляревскаго суть подражаніе интермедіямъ XVIII вѣка, и проч. Эта мысль, высказанная украинцемъ же, имѣетъ особенную важность въ виду вопроса о степени самобытности украинской литературы; но она не примѣнена авторомъ ко всѣмъ явленіямъ этой литературы и требуетъ нѣкоторыхъ ограниченій и поправокъ. Дѣйствительно, всѣ указанные мотивы и направленія можно встрѣчать въ украинской литературѣ нынѣшняго вѣка; но и въ самой общерусской литературѣ они не были вполнѣ самобытными проявленіями русскаго духа и тоже заимствовались изчужа; слѣдовательно параллельное существованіе этихъ мотивовъ и направленій и въ общерусской, и въ украинской литературѣ, еще не доказываетъ непосредственной зависимости украинской литературы отъ общерусской и только отъ нея одной. Въ самомъ дѣлѣ, на ряду съ вліяніемъ русской литературы, мы видимъ на украинской литературѣ несомнѣнные, хотя и слабые

---

[1]) Статья эта есть отрывокъ изъ обширнаго, приготовляемаго къ печати, изслѣдованія профессора Кіевской Духовной Академіи Н. И. Петрова объ украинской литературѣ нынѣшняго вѣка.

слѣды вліянія польскаго, положительнаго, или отрицательнаго; а въ польской литературѣ замѣчаются почти тѣ же самые мотивы и направленія. Необходимо имѣть въ виду, что стародавнія враждебныя отношенія Украины къ Польшѣ составляютъ существенную часть содержанія украинской народной литературы. Эти стародавнія отношенія живо приводились на память при каждой новой попыткѣ поляковъ къ возстановленію своей народности, такъ что всѣ эпохи наибольшаго возбужденія украинской литературы нынѣшняго вѣка совпадаютъ съ эпохами такого же возбужденія польскихъ тенденцій, непосредственно предшествуя польскимъ движеніямъ, или слѣдуя за ними. Такъ, напримѣръ, въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ явился цѣлый рядъ историческихъ романовъ изъ жизни Малороссіи, съ цѣлью опровергнуть поляковъ, которые называли казаковъ просто разбойниками. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ явилась цѣлая фаланга польско-украинскихъ писателей, какъ напримѣръ Мальческій, М. Чайковскій, Б. Залѣсскій, Т. Падурра и другихъ, которые воспроизводили украинскую жизнь въ своихъ польскихъ произведеніяхъ и съ польской точки зрѣнія. Они имѣли отчасти и положительное вліяніе на украинскую литературу, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвали и оппозицію въ ней. Въ началѣ 30-хъ годовъ, Исако Материнка (Бодянскій) издаетъ украинскія сказки, „щобъ якій врагъ нетруженый нашою батькивщиною не пожывывся"; М. А. Максимовичъ разъясняетъ въ своемъ „Кіевлянинѣ" историческія отношенія Кіевской земли къ полякамъ. Къ концу 40-хъ годовъ, учреждается въ Кіевѣ правительственная коммиссія для разбора древнихъ актовъ, съ цѣлью доказать, что этотъ край русскій, а не польскій, а вслѣдъ за коммиссіею образуется въ Кіевѣ и Кирилло-Меѳодіевскій кружокъ съ украинофильскими и антипольскими стремленіями. Къ концу 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, предъ польскимъ повстаніемъ, снова и съ большею силою возникаетъ украинофильство и журналъ „Основа" съ замѣчательною прозорливостью начинаетъ громить польскую интригу, тогда еще не обнаружившуюся съ достаточною ясностью. Эта борьба съ польскими тенденціями наложила на украинскую литературу особый отпечатокъ. Борющіеся нерѣдко пользовались орудіемъ врага и волей неволей ассимилировались съ нимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, стоя на одной точкѣ зрѣнія и обогащая свою литературу переводами съ польскаго или подражаніями польскимъ образцамъ. Южно-русскія интерлюдіи XVIII вѣка въ простонародномъ духѣ, послужившія исходнымъ пунктомъ для развитія новѣйшей украинской литературы, по всей вѣроятности явились подъ вліяніемъ польскимъ; Гулакъ-Артемовскій переводитъ изъ Красицкаго и Мицкевича; А. Метлинскій переводитъ стихи Вѣтвицкаго, Судохольскаго и Одынца, и проч. Вообще же отношеніе южноруссовъ и ихъ литературы къ Россіи и Польшѣ можно характеризовать слѣдующими словами Н. И. Костомарова: „Южно-русское племя справедливо должно было уступить племени великорусскому, примкнуть къ нему,

когда задачею общей русской исторіи было составленіе государства... Совсѣмъ другое отношеніе южно-русской народности къ полякамъ. Если южно-русскій народъ дальше отъ польскаго, чѣмъ отъ великорусскаго, по составу языка, то за то гораздо ближе къ нему по народнымъ свойствамъ и основамъ народнаго характера. Но за то, при такой близости, есть бездна, раздѣляющая эти два народа: поляки и южно-руссы — это какъ бы двѣ близкія вѣтви, развившіяся совершенно противно: одни воспитали въ себѣ и утвердили начала панства, другіе — мужицтва". („Основа", за мартъ, 1861 г.).

Такимъ образомъ, точка зрѣнія на новѣйшую украинскую литературу должна обнимать двоякія отношенія ея къ Россіи и Польшѣ, но подъ преобладающимъ вліяніемъ россійской литературы. Съ этой точки зрѣнія и въ видахъ ея провѣрки, предлагаемъ на первый разъ вниманію читателей обзоръ самыхъ первыхъ по времени произведеній украинской литературы нынѣшняго вѣка, которыя, при разнообразіи частныхъ оттѣнковъ, всѣ болѣе или менѣе запечатлѣны духомъ псевдоклассицизма, или же реакціи ему. Но этотъ псевдоклассицизмъ и реакція ему проникали сюда не только изъ Россіи, а отчасти и изъ Польши. Такъ напримѣръ Котляревскій пишетъ оду князю Куракину по образцу похвальныхъ одъ русской литературы, а Гулакъ-Артемовскій переводитъ или передѣлываетъ басни и сатиры польскаго писателя Красицкаго въ псевдоклассическомъ духѣ. Самое зарожденіе новѣйшей украинской литературы совершилось, по нашему мнѣнію, подъ обоюднымъ вліяніемъ польской и русской литературы.

Начало украинской литературы нынѣшняго вѣка коренится еще въ прошломъ столѣтіи: оно стоитъ въ тѣсной связи съ одной стороны съ южно-русскими простонародными интерлюдіями XVIII вѣка [1]), съ другой стороны — съ псевдоклассическими формами сѣверно-русской литературы, и является какъ результатъ сочетанія обоихъ элементовъ. Южно-русскія простонародныя интерлюдіи, по всей вѣроятности, возникли подъ вліяніемъ польскихъ образцовъ, и именно сатирическихъ стихотвореній Станислава Гроховскаго и имѣли особенное развитіе съ начала XVIII вѣка и до царствованія Екатерины II. Въ вѣкъ Екатерины II южно-русскія интерлюдіи стушевываются и почти забываются. Южно-русская литература совершенно подчиняется общерусской, въ которой господствовалъ тогда псевдоклассицизмъ, смягчаемый просвѣтительными идеями XVIII вѣка. Молодые люди изъ малороссовъ, какъ-то: Рубанъ, Капнистъ, Богдановичъ, Гнѣдичъ и другіе, пишутъ въ общерусскомъ направленіи. Повидимому, южнорусская литература не имѣла уже будущности. А между тѣмъ, въ самой обще-русской литературѣ того времени былъ такой пунктъ, который послужилъ потомъ точкою отправленія для новѣйшей украин-

---

[1]) Объ интерлюдіяхъ см. изслѣдованіе автора: „Кіевская искуственная литература XVIII вѣка, преимущественно драматическая".

ской литературы. Это были гуманныя просвѣтительныя идеи XVIII вѣка, подъ вліяніемъ которыхъ русскіе писатели мало по малу стали отвыкать отъ изображенія знаменитыхъ героевъ и знаменитыхъ подвиговъ и спускаться въ низменныя сферы человѣческой жизнедѣятельности. Въ литературѣ поворотъ этотъ выразился въ наибольшемъ развитіи комедіи со временъ Сумарокова и въ пародированныхъ поэмахъ въ простонародномъ духѣ, напримѣръ у Осипова и Котельницкаго. Этому литературному движенію не остались чужды и писатели изъ украинцевъ. Богдановичъ перевелъ въ шутливомъ духѣ „Психею" Лафонтена, назвавъ ее „Душенькой" и, по выраженію г. Галахова, представилъ ее какъ бы комической пародіей миѳа, въ которомъ нѣтъ ничего комическаго, Психеей, вывороченный на изнанку, и тѣмъ подорвалъ значеніе псевдоклассическаго торжественнаго эпоса. Другой тогдашній писатель изъ украинцевъ, Капнистъ, написавшій въ 1783 г. скорбную оду на закрѣпощеніе малороссіянъ за помѣщиками [1]), въ своей комедіи „Ябеда" изображаетъ чиновничій міръ такими красками, сквозь которыя нельзя не видѣть въ комедіи отраженія малорусской дѣйствительности съ ея чиновничествомъ, взятками и кляузами, получившей художественное выраженіе въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ" и въ „Ревизорѣ" Гоголя. Отсюда уже не далекъ былъ переходъ къ изображенію малорусской дѣйствительности на малорусскомъ языкѣ. Въ 1777 г. нѣкто Григорій Калиновскій издаетъ въ С.-Петербургѣ „Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ" и проч. Въ это же время бывшіе воспитанники южно-русскихъ школъ припоминаютъ прежнія южно-русскія интерлюдіи и, что особенно замѣчательно, смотрятъ на нихъ съ псевдоклассической точки зрѣнія. Въ 1794 г. нѣкто Лобысевичъ, бывшій воспитанникъ Кіевской Академіи, прося у архіепископа Георгія Конисскаго интерлюдій къ его трагедіи о воскресеніи мертвыхъ, сочиненныхъ или самимъ Конисскимъ, или славнымъ природнымъ стихотворцемъ Танскимъ, во вкусѣ площадномъ, во вкусѣ Плавтовомъ, писалъ о нихъ слѣдующее: „какъ во всякомъ покроѣ платьевъ, такъ во всякомъ нарѣчіи языковъ есть своя красота; а къ тому, когда и дымъ отечества сладокъ, то сія воня благоуханія мыслей отечественныхъ есть наисладчайшая. Для чести націи, матери нашей, всегда у себя природою и ученостью великихъ людей имѣвшей, столько свѣтовъ выпустившей для любимаго нашего отечества, для знающихъ подъ корою просторѣчія находить драгоцѣнности мыслей, прошу Вашего Преосвященства велико одолжить меня — интерлюдіи, Танскаго то, или ваши, приказавъ списать, по почтѣ мнѣ въ С.-Петербургъ доставить, да дастъ величіе отечеству своему нашъ Плавтъ, нашъ Мольеръ, ежели что не болѣ" [2]).

---

[1]) См. эту оду въ журналѣ „Основа" за мартъ 1861 года.

[2]) Археологическій Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-

Но самъ Георгій Конисскій, повидимому, иначе смотрѣлъ на эти интерлюдіи и не считалъ ихъ достойными ставить наряду съ тогдашними лоскированными псевдоклассическими произведеніями и не допустилъ ихъ къ обнародованію. Ихъ площадной, грубый тонъ и силлабическое стихосложеніе, не могли мириться съ изысканностью и внѣшнимъ лоскомъ тогдашнихъ псевдоклассическихъ произведеній русскихъ. Чтобы поставить малорусскую рѣчь на высотѣ тогдашней литературы, для этого нужно было подчинить ее литературнымъ пріемамъ и формамъ господствующей русской литературы. А это мы и находимъ въ сочиненіяхъ Ив. Петр. Котляревскаго и его ближайшихъ послѣдователей. Котляревскій первый ввелъ въ украинскую рѣчь русское тоническое стихосложеніе вмѣсто силлабическаго, господствовавшее здѣсь до А. Метлинскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подчинилъ украинскую словесность формамъ господствующей русской литературы и написалъ свою „Энеиду" по образцу пародированной Энеиды Осипова и Котельницкаго и комедію „Москаль-Чарівникъ", по образцу такихъ же русскихъ комедій Фонвизина, Капниста, Аблесимова, Крылова, кн. Шаховского и друг. Содержаніе или, по крайней мѣрѣ, общій колоритъ этихъ произведеній Котляревскаго и рѣчь ихъ остались малорусскими, какъ и въ интерлюдіяхъ XVIII вѣка; но они получили болѣе приличную форму и отдѣлку, и малорусская рѣчь впервые получила право гражданства въ русской литературѣ. Не даромъ съ Котляревскаго нѣкоторые и начинали украинскую литературу. Вслѣдъ за нимъ появляются и другіе украинскіе писатели, и при томъ писавшіе въ тѣхъ же родахъ словесности, къ какимъ относятся и сочиненія И. П. Котляревскаго. Сюда относятся: во первыхъ, пародированныя переложенія на украинскую рѣчь классическихъ поэмъ и одъ, какъ-то: „Горпинида" П. П. Белецкаго-Носенка, Гораціевы или Гараськины оды П. П. Гулака-Артемовскаго, „Жабомышодраківка" К. Д. Думитрашкова и отчасти „Патретъ" Квитки-Основьяненка; во вторыхъ, комедіи и оперы Гоголя-отца, Я. Кухаренка и друг. Но какъ самъ И. П. Котляревскій, такъ и его ближайшіе преемники и послѣдователи, не остановились на однѣхъ шутливыхъ пародіяхъ и смѣшливыхъ комедіяхъ и операхъ изъ простонароднаго быта, но, вслѣдъ за русской и отчасти польской литературой, пошли далѣе, къ изображенію положительныхъ свойствъ украинской жизни, внутреннихъ чувствъ украинца и его возвышенныхъ идеаловъ. Котляревскій пишетъ „Наталку-Полтавку" и собираетъ пословицы и пѣсни украинскія; П. П. Белецкій-Носенко пишетъ историческій романъ и драматическій разсказъ и собираетъ этнографическіе и лингвистическіе матеріалы; П. П. Гулакъ-Артемовскій и К. Д. Думитрашковъ, переворачивая на украинскую рѣчь Горація и Жабомышодраківку не-

Западной Руси, т. II, стр. 147. Самыя интерлюдіи Конисскаго или Танскаго напечатаны въ сборникѣ „Древняя и Новая Россія", за ноябрь 1878 года.

посредственно съ классическихъ оригиналовъ, свободнѣе своихъ предшественниковъ относились къ своимъ источникамъ и удачнѣе примѣняли ихъ къ быту и обстановкѣ малороссіянъ и отъ этихъ пародированныхъ переложеній перешли къ переводамъ на украинскую рѣчь нѣкоторыхъ романтическихъ художественныхъ произведеній. На этомъ пути они переходятъ уже въ слѣдующіе періоды развитія украинской литературы.

I.

И. П. Котляревскій [1]).

Иванъ Петровичъ Котляревскій (1769—1838 г.) родился въ Полтавѣ 29 августа 1769 года. Родители его хотя принадлежали къ дворянскому роду, но были весьма недостаточнаго состоянія. Послѣ домашней дьячковской науки, его отдали учиться въ полтавскую семинарію, гдѣ онъ сошелся и подружился съ извѣстнымъ переводчикомъ Иліады Гомера, Николаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ. Еще на семинарской скамьѣ онъ писалъ стихи и за искусство подбирать риѳмы прозванъ былъ риѳмачемъ. По выходѣ Котляревскаго изъ семинаріи, ему предлагали вступить въ духовное званіе; но онъ избралъ поприще свѣтское. Сначала Котляревскій находился въ нѣсколькихъ помѣщичьихъ домахъ при дѣтяхъ учителемъ, и какъ страстный любитель родного языка, народныхъ обычаевъ и преданій, собиралъ этнографическія свѣдѣнія и писалъ украинскіе стихи. Нерѣдко онъ приходилъ переодѣтымъ на народныя гулянья, игры и вечерницы и здѣсь-то изучалъ народную жизнь, которую потомъ представилъ съ комической стороны въ Энеидѣ. Хорошія познанія въ польскомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, умѣнье владѣть перомъ и свѣтлый умъ, казалось, могли бы скоро доставить ему успѣхъ въ службѣ; но, безъ покровителей, онъ попалъ лишь въ штатъ бывшей новороссійской канцеляріи и дослужился здѣсь до губернскаго регистратора. Въ 1796 году оставилъ гражданскую службу и поступилъ въ военную; участвовалъ въ компаніи противъ турокъ въ 1806—8 гг. и въ 1808 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и съ мундиромъ. Не имѣя средствъ къ жизни, онъ отправился въ С.-Петербургъ, долго здѣсь терпѣлъ нужду и таскался по переднимъ у сильныхъ міра, пока наконецъ не удалось ему, благодаря протекціи одного значительнаго

---

[1]) Главные источники: 1. Молодикъ, 1844 г.; 2. „Обзоръ украинской словесности: „Котляревскій“, Кулиша, въ Основѣ, январь, 1861 г.; 3. „Ив. П. Котляревскій“, А. В. Терещенко, тамъ же, февраль, 1861 г.; 4. „Поэзія Славянъ“ Гербеля, 1871 г.; 5. Предисловіе къ собранію сочиненій Котляревскаго, Сергѣя П. Катранова, Кіевъ, 1875 г.; 6. Исторія славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича, 2 изд., т. I, 1879 г., стр. 357—8; 7. „Столѣтній Юбилей И. П. Котляревскаго“, С. Стеблина-Каменскаго, въ 98 № Харьков. губерн. Вѣдом. за 1869 годъ.

лица, въ іюнѣ 1810 года, получить должность надзирателя полтавскаго дома воспитанія дѣтей бѣдныхъ дворянъ, въ которомъ воспитывалось тогда отъ 200 до 250 дѣтей. Котляревскій весьма заботился объ улучшеніи дома дѣтей бѣдныхъ дворянъ. По потребностямъ времени, въ нововведеніяхъ Котляревскаго преобладали военные порядки: дѣти были одѣты по формѣ; въ число предметовъ преподаванія, кромѣ курса уѣзднаго училища и гимназіи, вошли также военныя упражненія, ситуація, черченіе и танцованіе. 5 октября 1817 года, по истеченіи семи лѣтъ со вступленія его въ должность надзирателя, онъ былъ награжденъ, за улучшеніе дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ, чиномъ маіора, брилліантовымъ перстнемъ и, по смерть, пенсіономъ въ 500 руб. ассигнаціями.

Малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Я. Н. Лобановъ-Ростовскій, любившій изящныя искуства, содѣйствовалъ къ образованію въ Полтавѣ театра любителей, и директоромъ его является И. П. Котляревскій. Играли преимущественно комедіи Княжнина. Часто и Котляревскій являлся на сценѣ въ роляхъ бывшихъ тогда въ славѣ комедій и оперъ. Онъ отлично игралъ въ „Сбитеньщикѣ" и „Кутермѣ, или безъ обѣду домой не ѣду". Кромѣ того, между бумагами Котляревскаго найдена комедія И. А. Крылова „Трумфъ", переписанная рукою самаго Котляревскаго и, вѣроятно, назначавшаяся для полтавскаго театра. Въ 1817 году на полтавскомъ театрѣ поставлена была опера князя Шаховского „Казакъ Стихотворецъ", повидимому заимствованная изъ малорусскаго быта; но при второмъ объявленіи о постановкѣ этой оперы многіе полтавцы отзывались о ней такъ: „чего итты въ кіатрь? Хиба слухать, якъ за наши гроши да насъ же будуть и лаять? [1]". Можетъ быть, не успѣхъ этой оперы, имѣвшей претензію на изображеніе украинскаго быта, и побудилъ Котляревскаго написать свою „Наталку Полтавку", которая и явилась на сценѣ въ 1819 году, благодаря содѣйствію бывшаго малороссійскаго военнаго губернатора князя Н. Г. Репнина. Черезъ нѣсколько времени на полтавскомъ театрѣ показался водевиль Котляревскаго „Москаль-Чарівникъ". Обѣ пьесы приняты были съ громкимъ одобреніемъ и похвалою, но напечатаны были только въ 1837 и 1841 годахъ.

25 августа 1827 года, Котляревскій былъ назначенъ попечителемъ полтавскаго богоугоднаго заведенія. Подъ старость Иванъ Петровичъ сталъ хворать и сдѣлался раздражителенъ. Онъ, какъ вообще люди стараго времени, былъ требователенъ; а подъ конецъ своей службы, говорятъ, считалъ за обязанность наказать пойманнаго имъ воспитанника, котораго товарищи поставили сторожить пріѣздъ надзирателя. Усилившееся разстройство здоровья принудило его, наконецъ, просить объ увольненіи отъ службы. Котляревскій былъ уволенъ 31 января 1835 года, и, по положенію комитета министровъ, ему

---

[1]) „Украинскій Вѣстникъ", за декабрь, 1817 года, стр. 369.

назначено, независимо отъ пенсіи, еще по 600 руб. въ годъ. Онъ умеръ 29 октября 1838 года, на 70 году жизни. Женатъ онъ не былъ и еще до кончины отпустилъ на волю своихъ людей, состоявшихъ изъ двухъ семействъ, а движимое и недвижимое имущество роздалъ роднымъ и пріятелямъ. Онъ погребенъ на общемъ городскомъ кладбищѣ, расположенномъ по кобелякской дорогѣ. Могила его находится рядомъ съ могилою переводчика Иліады Н. И. Гнѣдича.

Кромѣ „Энеиды", „Наталки-Полтавки" и „Москаля-Чарівника", Иванъ Петровичъ занимался собираніемъ малороссійскихъ пѣсенъ и нѣкоторыя изъ нихъ помѣщалъ въ современныхъ ему періодическихъ изданіяхъ. Нѣкоторые изъ лично знавшихъ поэта разсказываютъ, что имъ не разъ приходилось слышать читанныя и переведенныя Котляревскимъ на малороссійскій языкъ басни Лафонтена. П. Ефименко сообщаетъ, что изъ 120 малорусскихъ пословицъ, помѣщенныхъ въ изданіи И. Снегирева „Русскіе въ своихъ пословицахъ", Москва, 1831 года, часть перепечатана изъ грамматики Павловскаго, 1818 г., а другая часть доставлена Котляревскимъ, авторомъ Энеиды [1]). Извѣстны также слѣдующія произведенія и записки его, не напечатанныя въ свое время: „Ода малороссійскому губернатору князю А. Б. Куракину, 1805 года [2])"; „Журналъ военныхъ дѣйствій 2 корпуса, 1806 г.", въ трехъ тетрадяхъ, составленный по порученію барона Мейендорфа; „Размышленія о расположеніи, съ какимъ должно приступать къ чтенію и размышленію о св. евангеліи Луки", переводъ съ французскаго, сдѣланный по порученію княгини В. А. Репниной, бывшей попечительницы полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ; „Собраніе анекдотовъ"; „Замѣтки о нѣкоторыхъ народныхъ обычаяхъ", и проч.

Слава Ивана Петровича Котляревскаго, какъ украинскаго писателя, основывалась и основывается на трехъ важнѣйшихъ его произведеніяхъ: „Энеидѣ", „Наталкѣ-Полтавкѣ" и „Москалѣ-Чаривникѣ", хотя въ недавнее время и старались нѣсколько уменьшить эту славу. Нечего и говорить, что современники Котляревскаго приняли его произведенія съ энтузіазмомъ [3]). Полное уваженіе къ Котляревскому, какъ писателю, сохранилось и въ слѣдующемъ поколѣніи. Въ 1841 году Т. Г. Шевченко въ стихахъ „На вічну память Котляревскому" писалъ слѣдующее:

Недавно, недавно у насъ на Вкраіні
Старий Котляревськиі отакъ щебетавъ,

---

[1]) „Основа", октябрь, 1862 года стр. 40.

[2]) Изд. въ „Основѣ", за январь, 1861 года.

[3]) Объ этомъ отчасти свидѣтельствуетъ количество изданій его сочиненій. Энеида въ первый разъ издана въ трехъ частяхъ въ 1798 году; въ 4 частяхъ въ 1808 и 1809 гг., и въ 6 частяхъ въ 1842 г. Объ изданіи „Наталки-Полтавки" и „Москаля-Чарівника" мы упоминали. Полное собраніе сочиненій издавалось въ 1862, 1875 и 1876 гг.

Замовкъ неборака, сиротами кинувъ
И гори и море, де перше співавъ,
Де ватагу пройдисвіта (Энея)
Водивъ за собою.
Все осталось, все сумуе,
Якъ руіни Троі...
Все сумуе — тілько слава
Сонцемъ засіяла, —
Не вмре кобзарь, бо на віки
Его привітала.
Будешъ, батьку, пановати,
Поки живуть люде:
Поки сонце зъ неба сяе,
Тебя не забудуть [1]).

Недавно, недавно у насъ на Украинѣ
Старый Котляревскій такъ щебеталъ;
Замолкъ бѣдняга, сиротами покинулъ
И горы и море, гдѣ прежде онъ пѣлъ,
Гдѣ предводителя пройди-свѣта (Энея)
Водилъ за собою.
Все осталось, все печально,
Какъ развалины Трои...
Все печально, — только слава
Солнцемъ засіяла, —
Не умретъ пѣвецъ, ибо навѣки
Его приголубила.
Будешь, батько господствовать,
Пока живутъ люди:
Пока солнце сіяетъ съ неба, —
Тебя не забудутъ.

Но послѣ Шевченка малорусскіе критики разошлись въ своихъ мнѣніяхъ о Котляревскомъ: одни порицаютъ его за насмѣшливое, карикатурное, или же сантиментально изображеніе малорусской дѣйствительности и, давая произведеніямъ его лишь историческое значеніе, считаютъ ихъ анахронизмомъ для настоящаго времени; другіе, наоборотъ, возвышаютъ его на степень истиннаго поэта и видятъ въ его произведеніяхъ неувядаемую прелесть. Приведемъ важнѣйшіе отзывы о Котляревскомъ гг. Костомарова, Кулиша и Катранова.

Въ 1844 году, въ „Обзорѣ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ" г. Костомаровъ писалъ о Котляревскомъ слѣдующее: „Во время упадка классицизма и вторженія въ европейскія литературы романтическихъ идей, вкусъ общества портился и принялъ самое странное направленіе: не смѣли разстаться съ вѣрою въ завѣтные предразсудки, не смѣли принять формъ новаго рода, казавшихся еще дикими,—смѣялись надъ тѣмъ и другимъ: плодомъ такой нерѣшительности явился особенный родъ сочиненій—пародій. Писатель бралъ предметы классическіе, одѣвалъ ихъ въ романтическую одежду и та-

[1]) „Ластовка", 1841 г., стр. 309—310.

кимъ нескладнымъ нарядомъ смѣшилъ публику. Такова „Энеида“ Котляревскаго. „Энеида“, какъ пародія, потеряла для насъ свою цѣну; но таже самая Энеида, какъ вѣрная картина малороссійскаго быта, какъ первое сочнненіе на малороссійскомъ языкѣ, въ глазахъ нашихъ—драгоцѣнное твореніе: мы видимъ въ ней такія достоинства, которыя были скрыты отъ современныхъ читателей. Энеида, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, имѣетъ для насъ три неотъемлемыя достоинства. Во-первыхъ, мы видимъ въ ней вѣрную картину малороссійской жизни. Авторъ зналъ хорошо Малороссію, жилъ въ ней и съ нею, пользовался всѣмъ, что было у него предъ глазами. Характеры его боговъ и героевъ—истинно малороссійскіе въ малѣйшихъ его пріемахъ. Во-вторыхъ, она драгоцѣнна для насъ по неподражаемому юмору, съ которымъ авторъ изображаетъ пороки и смѣшную сторону своего народа. Стóитъ только вспомнить описаніе ада,—всѣ грѣшники носятъ на себѣ черты малороссійскія и даже осуждены на муки, которыя только придутъ въ голову малороссіянину. Въ третьихъ, языкъ его, правильный, блестящій, народный въ высочайшей степени, останется самымъ лучшимъ памятникомъ. И надобно сознаться, что едва ли у кого онъ достигаетъ такой игривости и непринужденности, хотя чуждый малороссійскому языку четырехстопный ямбъ, въ который онъ заковалъ свою пародію, очень мѣшалъ его легкости. Что касается до тривіальностей, соблазнительныхъ сценъ и нѣкоторыхъ отвратительныхъ описаній, которыхъ, къ сожалѣнію, много у Котляревскаго; то онѣ суть плодъ ложнаго понятія о смѣшномъ: тогда думали, что все отвратительное можетъ забавлять“.—„Не ограничиваясь Энеидой, говоритъ г. Костомаровъ въ другомъ своемъ обзорѣ 1871 г., Котляревскій написалъ еще двѣ драматическія пьесы: „Наталку-Полтавку“ и „Москаля-Чарівника“. Обѣ эти піесы долго игрались на сценѣ въ Малороссіи, а послѣдняя въ столицахъ, гдѣ она и до сихъ поръ остается единственнымъ малорусскимъ драматическимъ произведеніемъ, не сходящимъ со сцены. И правду сказать: эта небольшая пьеса, сюжетъ которой заимствованъ изъ народной сказки, не встрѣтила у насъ до сихъ поръ ничего такого, чтобы стало выше ея по достоинству, въ качествѣ простонародной комедіи. „Наталка“ очень любима въ Малороссіи; пѣсни изъ нея распространились до того, что сдѣлались почти народными“.

Г. Кулишъ произнесъ надъ И. П. Котляревскимъ и его произведеніями строгій судъ. Особенно ему не нравится перелицованная Энеида Котляревскаго. „Его воспитаніе, говоритъ Кулишъ, совпало съ эпохой протеста противъ деспотическаго классицизма,—протеста, выразившагося въ европейскихъ литературахъ осмѣяніемъ боговъ и героевъ. По преданію, онъ еще въ семинаріи началъ перелицовывать Энеиду Виргилія на каррикатурно-украинскій языкъ. Кому онъ подражалъ и былъ ли ему извѣстенъ тогда Скарронъ или Баумгартенъ, это занимаетъ насъ мало. Мы только знаемъ, что, поступая въ воен-

ную службу, Котляревскій прославился своей пародіей не на шутку. Уже самая мысль написать пародію на языкѣ своего народа показываетъ отсутствіе уваженія къ этому языку. Но Котляревскій заплатилъ дань своему вѣку, будучи не въ силахъ стать выше его понятій. Троянскій герой, въ видѣ украинскаго бродяги, смѣшилъ товарищей Котляревскаго до слезъ, и рукопись его начала ходить по рукамъ. Помѣщики украинскіе расхохотались надъ Энеидою не хуже офицеровъ; расхохотались надъ нею и ихъ лакеи, уже не похожіе на тѣхъ, отъ кого они отрознены дворовою жизнію и съ кого описаны Котляревскимъ каррикатурные портреты. Одни простолюдины не смѣялись: имъ было не до Энеиды... Тотъ вѣкъ вообще былъ послѣднею пробою нашей народности, которая упала мало-по-малу до безсознательнаго состоянія; но ничто не подвергло ее столь опасному испытанію, какъ пародія Котляревскаго... Самъ Котляревскій, какъ человѣкъ съ талантомъ, не могъ быть совершенно слѣпъ къ сокровищамъ народной поэзіи и заговорилъ впослѣдствіи другимъ языкомъ о томъ народѣ, который ему, какъ семинаристу, какъ домашнему учителю въ помѣщичьихъ семействахъ и армейскому офицеру, представлялся только съ каррикатурной своей стороны. Когда сличите первыя три книги Энеиды съ остальными, вы увидите, что грубый, но искренній комизмъ измѣняетъ автору болѣе и болѣе и наконецъ переходитъ въ насильственную каррикатуру". Это объясняется тѣмъ, „что, войдя въ жизнь народа посредствомъ смѣхотворнаго исчисленія ея принадлежностей, авторъ смутно почуялъ беззаконіе своего смѣха и подъ конецъ смѣялся уже безъ искренности".

„Будучи созданіемъ своего вѣка и общества и не обладая способностями геніальными, Котляревскій былъ не въ силахъ возвыситься надъ современниками такъ, чтобы твореніями свѣжими и энергическими пересоздать общественный вкусъ и общественныя понятія. Его пѣсня „Віють вітри", вѣроятно, не единственная сочиненная имъ пѣсня, не далеко ушла внутреннимъ содержаніемъ отъ русскихъ романсовъ его земляка Капниста, и только языкъ и голосъ ея провели ее, черезъ барышень и ихъ прислугу, въ городской и подгородный народъ полтавскій, а потомъ распространили и по другимъ мѣстамъ на Украинѣ. Но самая эта популярность ея свидѣтельствуетъ, какъ далека была публика Котляревскаго отъ пониманія пѣсенъ народныхъ, которыя безконечно изящнѣе по формѣ и глубже по содержанію этого произведенія грамотнаго стихотворца. Будучи впослѣдствіи частымъ гостемъ-анекдотистомъ у малороссійскаго военнаго губернатора, князя Репнина, Котляревскій написалъ для его домашняго театра двѣ пьесы: „Наталку-Полтавку" и „Москаля-Чарівника". Обѣ онѣ говорятъ много въ пользу его природнаго таланта, но очень мало въ пользу его литературнаго вкуса. Авторъ знаменитой пародіи, разсмѣшившей всю Украину, умѣлъ отыскать въ украинской простонародной жизни трогательное рядомъ съ комическимъ и до извѣстной степени сообщить

нѣкоторымъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ художественную индивидуальность; но его герои и героини часто выражаются языкомъ Добронравовыхъ, Правдолюбивыхъ, и терпимы до сихъ поръ на сценѣ, въ исправленномъ видѣ, больше за свои костюмы и напѣвы. Но вслушайтесь, что они поютъ рядомъ съ куплетами изъ народныхъ пѣсенъ!... Въ ихъ пѣсняхъ, сочиненныхъ Котляревскимъ, столько же народнаго духа и вкуса, какъ и въ самыхъ монологахъ. Все-таки въ этихъ пьесахъ Котляревскій шагнулъ далѣе, чѣмъ въ Энеидѣ, къ вѣрному изображенію украинскаго народа и обнаружилъ уваженіе къ его простымъ человѣческимъ чувствамъ. Природное чутье сценическихъ условій въ авторѣ и нѣсколько удачныхъ чертъ простонародныхъ нравовъ, съ комической стороны, поставили „Наталку-Полтавку" и „Москаля-Чарівника" выше многихъ, если не всѣхъ, пьесъ тогдашняго театра. Но, освободясь отъ легкомысленнаго смѣха надъ народомъ, Котляревскій впалъ тутъ въ другую крайность, въ аффектацію и сантиментальность, отъ которыхъ въ то время не былъ свободенъ ни одинъ русскій писатель".

Вотъ сущность отзыва г. Кулиша о произведеніяхъ И. П. Котляревскаго! Въ противоположность ему, г. Катрановъ даетъ произведеніямъ Котляревскаго весьма важное значеніе даже и для настоящаго времени. „Кто, говоритъ онъ,—изъ малороссовъ не разъ плѣнялся этимъ умнымъ и веселымъ, исполненнымъ наблюдательной остроты и въ тоже время глубокаго и свѣтлаго пониманія народной жизни, стихомъ Энеиды? А „Наталка-Полтавка", эта художественная по постановкѣ и изложенію пьеса, отъ начала до конца изобилующая своими дивными и плѣнительными, за сердце хватающими аріями? Есть ли подобное,—говоримъ только подобное, что нибудь ей въ нашей украинской литературѣ? Все, что есть и что было, обветшало и, уступивъ времени, сошло со сцены... А „Наталка" и до сихъ поръ не сходитъ со сценъ, не только нашихъ провинціальныхъ театровъ, но даже и въ столицахъ она имѣетъ полный успѣхъ. Мы уже не говоримъ о томъ неподражаемомъ комизмѣ, который, напримѣръ, на каждомъ шагу проглядываетъ въ „Москалѣ-Чарівникѣ", имѣющемъ въ репертуарѣ почти каждаго театра значеніе одного изъ лучшихъ дивертисментовъ... А почему? Потому, что все, писанное незабвеннымъ Иваномъ Петровичемъ, взято изъ жизни, схвачено съ натуры, да еще, нужно прибавить, съ неподражаемымъ, чисто талантливымъ искуствомъ. Не дорогъ ли становится послѣ этого намъ, малороссамъ, Иванъ Петровичъ Котляревскій, и не возвышаютъ ли его произведенія на степень истиннаго поэта, и притомъ поэта двигателя?"

Чтобы найтись среди разнорѣчивыхъ отзывовъ о Котляревскомъ самихъ земляковъ его и установить правильную точку зрѣнія на его произведенія, обратимъ вниманіе на предшествовавшіе литературные элементы, служившіе пробнымъ камнемъ для поэтическаго таланта Котляревскаго, и на отношеніе его къ современной малорусской жизни.

Въ своей „Энеидѣ“ Котляревскій далеко не первый сталъ пародировать малорусскую народную жизнь на родномъ нарѣчіи: онъ только первый облагородилъ прежнее каррикатурное изображеніе простонародной жизни и сообщилъ ему лучшую техническую постройку и болѣе чистый и правильный языкъ. Мы уже упоминали о комическихъ интермедіяхъ или интерлюдіяхъ, къ школьнымъ драматическимъ пьесамъ XVIII вѣка. Эти интерлюдіи, по всей вѣроятности, имѣли въ виду воспроизведенія комическихъ малорусскихъ сказокъ, но утрировали до крайности народный комизмъ и допускали иногда такія плоскія и грязныя шутки, которыя не могутъ быть пропущены въ современной печати: сокращеніе пасхальныхъ интерлюдій Митрофана Довгалевскаго, 1737 г., не могло быть напечатано по неприличію содержанія ихъ [1]). Если прибавить къ этому неуклюжую силлабическую форму интерлюдій и другихъ южно-русскихъ стихотвореній XVIII вѣка, то для насъ будетъ весьма понятно, что комическія интерлюдіи, не смотря на свой народный языкъ, не могли выдержать конкуренціи съ лоскированной, благоприличной русской литературой временъ Екатерины II и постепенно вытѣснялись этой литературой. Въ такомъ положеніи засталъ Котляревскій отечественную литературу на югѣ Россіи. Слѣдуя за ходомъ обстоятельствъ, онъ долженъ былъ или увлечься языкомъ и формами сѣверно-русской литературы, отказавшись отъ украинскаго нарѣчія, или же удержать послѣднее вмѣстѣ съ силлабическимъ стихосложеніемъ и схоластическими формами и навсегда застынуть въ кругѣ понятій и формъ схоластики. Къ чести Котляревскаго, онъ не остановился ни на томъ, ни на другомъ, и сдѣлалъ смѣлую попытку, соединить малорусскую рѣчь и содержаніе съ современными формами господствующей русской литературы и такимъ образомъ дать этой рѣчи и содержанію большую подвижность и возможность дальнѣйшаго развитія. Онъ удержалъ въ своихъ произведеніяхъ малорусскую рѣчь XVIII вѣка, но очистилъ ее отъ слишкомъ грубаго содержанія и макаронизмовъ и подчинилъ требованіямъ и формамъ современной русской литературы. Достаточно сличить интерлюдіи Довгалевскаго и Г. Кониcскаго или Танскаго съ Энеидой Котляревскаго, чтобы видѣть неизмѣримое преимущество послѣдней предъ интерлюдіями въ отношеніи сдержанности и приличія. Изъ Энеиды изгнаны и прежніе макаронизмы рѣчи и являются лишь въ видѣ насмѣшки надъ уснащенною латинскими фразами рѣчью южнорусскихъ школьниковъ XVIII вѣка. Такова, напримѣръ рацея старшаго изъ Энеевыхъ пословъ предъ царемъ Латиномъ:

Энеусъ ностеръ магнусъ панусъ
И славный Троянорумъ князь
Шмыглявъ по морю якъ цыганусъ,
Адъ те, о рексъ! прыславъ нункъ насъ, и проч.

[1]) Извлеченіе изъ рождественскихъ интерлюдій Довгалевскаго издано въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, за февраль, 1865 года.

Еней, нашъ великій господинъ
И славный троянскій князь,
Шнырялъ по морю какъ цыганинъ,
Къ тебѣ, о царь! прислалъ теперь насъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, прежнее силлабическое стихосложеніе замѣняется новымъ тоническимъ, по образцу сѣверно-русской литературы. Мы имѣемъ основаніе полагать, что самая идея перелицованной Энеиды не принадлежитъ Котляревскому и заимствавана изъ „Энеиды, вывороченной на изнанку", Осипова и Котельницкаго, 1791—1807 гг. Тѣсная, генетическая связь между обѣими пародированными Энеидами несомнѣнно существуетъ и признавалась издавна, хотя и понимаема была различнымъ образомъ. Чуприна производитъ Энеиду Осипова и Котельницкаго отъ Энеиды Котляревскаго и говоритъ объ этомъ такъ: пародія Котляревскаго, написанная еще въ концѣ прошедшаго столѣтія, быстро разошлась въ рукописи и дошла до Осипова, который и заблагоразсудилъ напечатать ее въ русскомъ переложеніи подъ своимъ собственнымъ именемъ. Это раздражило Котляревскаго: онъ поспѣшилъ издать свое произведеніе и, чтобы вывести на свѣжую воду подобное литературное хищничество, помѣстилъ виновника его между грѣшниками въ аду и описалъ его муки слѣдующимъ образомъ:

Якусь особу Мацапуру
Тамъ шкварылы на шашлыку.
Горячу мидь лылы за шкуру
И распыналы на быку.
Натуру мавъ винъ дуже брыдку,
Крывывъ душею для прыбытку,
Чужее отдававъ въ печать;
Безъ сорома, безъ Бога бувшы,
И восьму заповидь забувши —
Чужымъ пустывся промышлять [1].

Какую-то особую Мацапуру
Тамъ жарили на вертелѣ,
Горячую мѣдь лили за шкуру
И распинали на быкѣ...
Натуру онъ имѣлъ очень гадкую,
Кривилъ душею ради прибыли,
Чужое отдавалъ въ печать;
Бывши безъ стыда, безъ Бога,
И забывши восьмую заповѣдь,
Пустился промышлять чужимъ.

Но г. Катрановъ относитъ эти стихи къ Черниговскому помѣщику М. Парпурѣ, промышлявшему Энеидой Котляревскаго. Въ первомъ изданіи Энеиды, 1798 года, прямо сказано, что она перелицована И. Котляревскимъ и издана иждивеніемъ М. Парпуры; но г. Катрановъ утверждаетъ, что во второмъ изданіи 1808 г. Парпура выдалъ

[1]) Литературный отдѣлъ Московскихъ Вѣдомостей за 1856 годъ.

Энеиду за свое произведеніе. Этотъ-то Парпура и помѣщенъ Котляревскимъ, въ третьемъ изданіи его Энеиды, въ аду, съ небольшимъ измѣненіемъ его фамиліи въ Мацапуру. Что же касается Осипова и Котельницкаго, то они не могли заимствовать у Котляревскаго своей Энеиды уже по тому, что она окончена гораздо ранѣе Энеиды Котляревскаго, явившейся въ полномъ видѣ только въ 1842 году. Поэтому справедливѣе мнѣніе о томъ, что Котляревскій написалъ свою пародію по образцу Энеиды Осипова и Котельницкаго. Отсюда объясняется и смѣшеніе украинской рѣчи съ книжнымъ великорусскимъ языкомъ, замѣчаемое г. Кулишомъ въ Энеидѣ Котляревскаго.

Первые шаги Котляревскаго на новомъ для него и для всѣхъ малороссовъ поприщѣ, конечно, не всегда были удачны: такъ и должно быть по естественному порядку вещей, и всѣ нареканія на Котляревскаго имѣютъ свою долю основанія. Но чѣмъ далѣе шелъ онъ по новому пути, тѣмъ болѣе сближался съ народомъ и изучалъ его дѣйствительную жизнь. Уже въ раннихъ частяхъ своей Энеиды Котляревскій высказывалъ глубокое сочувствіе къ бѣдному классу народа. Таково его описаніе праведныхъ въ третьей части Энеиды, которое приводимъ здѣсь по первому изданію, съ соблюденіемъ его правописанія:

Не думай, щобъ були чыновны. —
Сивилла сей дала отвѣтъ:
Або що грошей скрини повны,
Або въ якихъ товстый живитъ.
Не тѣ се, що въ цвѣтныхъ жупанахъ,
Въ кармазинахъ, або въ сапьянахъ.
Не тѣжъ що съ книгами въ рукахъ;
Не рыцари, не росбишаки;
Не тѣ се, що кричать ипаки,
Не тѣ, що въ золотыхъ шапкахъ.
Се бѣдни нищи, навижены,
Що дурнями счисляли ихъ, —
Старци, хромы, слѣпорожденны,
Зъ якыхъ бувъ людскій глумъ и смѣхъ;
Се, що съ порожними сумками
Жили голодны пидъ тынами,
Собакъ дражнили по дворахъ;
Се тѣ, что Бигъ дасть получали,
Се тѣ, якихъ выпровожали
Въ потылицю и по плечахъ.

Не думай, чтобы были чиновны, —
Сивилла сей дала отвѣтъ:
Или что денегъ сундуки полны,
Или у коихъ толстый животъ.
Это не тѣ, что въ цвѣтныхъ платьяхъ,
Въ кармазинахъ (платье изъ красной матеріи), или въ сафьянахъ
Не тѣ, что съ книгами въ рукахъ;
Не рыцари, не разбойники;
Это не тѣ, что кричатъ ипаки,

Не тѣ, что въ золотыхъ шапкахъ.
Это — бѣдные нищіе, презираемые,
Коихъ считали безумными,
Старцы (то же, что нищіе), хромые, слѣпорожденные,
Надъ коими смѣялись и глумились люди;
Тѣ, что съ порожними сумами
Жили голодные подъ заборами,
Собакъ дразнили по дворамъ;
Это тѣ, что б о г ъ - д а с т ъ получали,
Это тѣ, коихъ выпроваживали
Въ зашеи и п о п л е ч а м ъ.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ поэта, жизненная струя его поэзіи должна была получить еще большее развитіе Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Въ послѣднихъ частяхъ Энеиды г. Кулишъ отмѣтилъ одно мѣсто, рекомендующее патріотическія чувства Котляревскаго. Это мѣсто—слѣдующее:

Такъ, вічной памяти, бувало,
У насъ въ Гетьманщині колись,
Такъ просто війско шиковало,
Незнавши: стій, не шевелись!
Такъ славніи полки козацькі:
Лубенскій, Гадяцкий, Полтавський,
Въ шапкахъ, було, якъ макъ цвітуть...
Якъ грянуть, сотнями ударять
Передъ себе списи наставлять,
То мовъ метлою все метуть.

Такъ, вѣчной памяти, бывало
У насъ въ Гетьманщинѣ когда-то,
Такъ прямо войско выстраивалось,
Незнавши: стой, не шевелись!
Такъ славные полки козацкіе —
Лубенскій, Гадячскій, Полтавскій
Въ шапкахъ, бывало, какъ макъ цвѣтутъ...
Какъ грянутъ, сотнями ударятъ,
Передъ собой пики наставятъ, —
Такъ словно метлою все метутъ.

Еще болѣе жизненнаго народнаго элемента замѣчается въ драматическихъ пьесахъ Котляревскаго „Наталкѣ-Полтавкѣ“ и „Москалѣ-Чарівникѣ“, хотя и въ этихъ произведеніяхъ нужно различать отрицательные и положительные типы. Какъ и въ Энеидѣ, Котляревскій осмѣиваетъ здѣсь отживающихъ свой вѣкъ представителей рутины и схоластики XVIII вѣка и, въ противоположность имъ, указываетъ на свѣжую, здоровую жизнь и рѣчь простолюдина, изображаемаго въ сентиментальномъ вкусѣ Карамзинской школы. Представителями старой рутины являются: въ „Наталкѣ-Полтавкѣ“—Выборный и Возный, а въ „Москалѣ-Чарівникѣ“—судовой паничъ Финтикъ. Имъ противопоставляются: въ „Наталкѣ-Полтавкѣ“—Микола, Петро и сама Наталка, а въ „Москалѣ-Чарівникѣ“ пожалуй—Тетяна и Михайло Чупрунъ.

Ходъ оперы „Наталка-Полтавка“ слѣдующій: Наталка-Полтавка любитъ Петра, бѣднаго парубка, который обѣщалъ ей руку и сердце и отправился на чужую сторону заработывать деньги на свадьбу и обзаведеніе хозяйствомъ. Въ его отсутствіе, Наталка однажды идетъ за водой и въ раздумьи поетъ пѣсню: „Віютъ витри“. На обратномъ пути, къ ней пристаетъ Возный и объясняется передъ ней въ любви канцелярскимъ языкомъ, котораго Наталка не понимаетъ. Возный задумываетъ жениться на Наталкѣ, встрѣчается съ Выборнымъ и уговариваетъ ее идти, въ качествѣ свата, къ Терпилихѣ, матери Наталки. Въ антрактахъ Возный и Выборный поютъ пѣсенки Сковороды, переносящія насъ въ XVIII вѣкъ, а именно: „Всякому городу нравъ и права“ и „Ой, доля людская—доля есть слипая“. Между тѣмъ у бѣдной вдовы Терпилихи происходитъ объясненіе съ дочерью, которой она жалуется на свою крайнюю нужду и даже попрекаетъ ее неизмѣнной любовью къ бѣдняку Петру, который, притомъ, можетъ быть, и не воротится съ чужой стороны. Наталка обѣщаетъ матери выйти замужъ за перваго попавшагося жениха, но сама тайно груститъ. Въ это время является Выборный сватать Наталку за Living Match Match Match..

раются вечерять; но имъ помѣшалъ подпившій немного солдатъ, поставленный на квартиру къ Тетянѣ. Притворившись спящимъ, онъ подслушиваетъ, какъ Тетяна разсказывала Финтику, гдѣ припрятала она приготовленное для него угощеніе—пряженую колбасу, печеную курку и пляшечку запеканой. Между тѣмъ возвращается и мужъ Тетяны, Михайло Чупрунъ, отъ котораго Финтикъ прячется подъ припечокъ. Чупрунъ спрашиваетъ у жены поѣсть чего нибудь, но получаетъ отказъ. Тогда проснувшійся будто бы солдатъ, выдавая себя за чародѣя, находитъ припрятанное для Финтика угощеніе, подчуетъ имъ себя и Чупруна и выгоняетъ самаго Финтика, заставивъ его принять на себя роль чорта. Водевиль заключается слѣдующимъ нравоученіемъ: „поэтому правда, что шутка, кстати сдѣланная, больше дѣлаетъ иногда пользы, чѣмъ строгія наставленія".

Г. Кулишъ, сравнивая „Москаля-Чарівника" съ пьесой Гоголя—отца „Простакъ", имѣющей почти тоже самое содержаніе, не совсѣмъ выгодно отзывается о первомъ. „У Котляревскаго, говоритъ онъ, хозяинъ хаты—зажиточный чумакъ, а роль ловласа играетъ судовый панычъ. Повидимому, въ этомъ нѣтъ ничего, что бы можно было поставить въ упрекъ авторству Котляревскаго; а между тѣмъ изъ этого выбора лицъ видно, что Котляревскій далеко не такъ симпатично относился къ народу, какъ отецъ Гоголя. Молодая женщина, принимающаяся у себя, въ отсутствіе мужа, жалкаго канцеляриста, у него—женщина, не возбуждающая къ себѣ никакого участія, и даже болѣе того... Съ другой стороны, чумакъ, возвратившійся съ дороги, играетъ у Котляревскаго роль простака вовсе неумѣстно. Чумаки въ нашемъ простонародьи—самые развитые люди. Не такъ-то легко провести ихъ солдату-постояльцу! Не таковы онѣ въ дошнемъ быту на дѣлѣ, какъ Чупрунъ Котляревскаго въ комедіи [1]).

Не входя въ сравненіе комедіи Гоголя - отца „Простакъ" съ „Москалемъ-Чарівникомъ" Котляревскаго, замѣтимъ только, что обѣ эти комедіи заимствованы изъ украинскихъ народныхъ нравовъ и преданій и разработываютъ ихъ съ нѣкоторыми варіаціями. Нарушеніе супружеской вѣрности женами чумаковъ составляетъ обычный мотивъ чумацкихъ пѣсенъ. Такъ въ одной изъ нихъ, записанной въ Полтавской же губерніи, говорится слѣдующее:

Святий Боже, святий кріпкий,
Святий безсмертний!
Полюбила чумаченька —
Треба з жалю вмерти.
Не сама ж я полюбила,
Полюбила мати,
Що звеліла за чумаченька
Рушники отдати.
Не літувавъ чумаченько,

---

[1]) Основа, февраль, 1862 года.

Нейде й зімовати,—
Прийде нічка осінняя,
Ні с ким розмовляти.
Обізвався дячокъ з Нащох:
— „Ось де я гулящий!“
— „Прийди, дяче, вечеряти,
То будешъ найкращий!...“

Дьякъ, конечно, воспользовался приглашеніемъ; но, на его бѣду, въ тоже время—

Прийшовъ чумакъ з Криму.
— „Ой здорова, моя мила!
Чи все гаразд дома?“
— „Ой все гаразд, ой все гаразд,
Тільки одно ні на що:
Виглядае вражий дячок
Із-запічка часто“...

Послѣдніе шесть стиховъ представляютъ юмористическую передѣлку словъ изъ исторической пѣсни о Савѣ Чаломъ.

Чумакъ очень „засмутився“, но особеннаго вида о присутствіи дьяка не подалъ, чтобы тотъ „не догадався“. Выходитъ чумакъ на дворъ будто бы выпрягать волы, но вмѣсто того—

Як ухопить чумаченько
Од воза бичину,—
Побив—побив, помолотив
Та дякові спину,

приговаривая, чтобы тотъ не ходилъ „до чужих жінок“. Дьякъ, вырвавшись послѣ побоевъ, заявляетъ:

Далась мині біда знати
Аж у третій хаті,
Через тини тікаючи,
Що й сліду не знати! [1])

Святый Боже, святый крѣпкій,
Святый безсмертный!
Полюбила чумаченька [2]),
Хоть умирай съ горя.
Не сама жь я полюбила,
Полюбила матерь,
Что велѣла за чумака
Выйти замужъ (собственно—рушники дать).
Не былъ лѣтомъ чумаченько,
Не идетъ и зимовать,—
Придетъ ночка осенняя,

---

[1]) „Чумацкія народныя пѣсни“, И. Я. Рудченка, Кіевъ, 1874 г., № 65. См. „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, М. Драгоманова, Кіевъ, 1875 г., стр. 160—166 (о дьякѣ Титѣ Григорьевичѣ).

[2]) Чумаками назывались украинцы, ѣздившіе за солью и рыбою въ Крымъ и на Донъ.

Не съ кѣмъ бесѣдовать.
Обозвался дьячокъ изъ Нащохъ:
— Вотъ я—гулящій!
— „Приди, дьячокъ, ужинать,—
Такъ будешь лучше всѣхъ...
Пришолъ чумакъ изъ Крыма.
— Ой, здравствуй, моя милая!
Все ли счастливо дома?
— Ой, все счастливо, ой все счастливо,
Только одно худо:
Выглядываетъ вражій дьячокъ
Изъ-запечка часто“...
Какъ схватитъ чумаченько
Отъ воза большой бичь,
Побилъ—побилъ, помолотилъ
Да дьячку спину...
Далась мнѣ бѣда знать
Въ третьей даже избѣ
Черезъ заборы убѣгаючи,
Что и слѣду не знать.

Очевидно, интрига водевиля „Москаль-Чарівникъ“ въ сущности, та же, что и въ чумацкой пѣснѣ, сейчасъ приведенной, съ тою незначительною разницею, что вмѣсто дьяка является у Котляревскаго „судовый панычъ“, помазанный, однако же, однимъ и тѣмъ же масломъ; слѣдовательно, водевиль Котляревскаго въ этомъ отношеніи имѣетъ бытовую народную почву.

Г. Кулишу кажется несообразнымъ съ дѣйствительностію малорусской жизни, чтобы пройдоха москаль (солдатъ) одурилъ бывалаго и умнаго чумака, какимъ долженъ быть, по мысли Кулиша, Чупрунъ въ „Москалѣ-Чарівникѣ“. Но народная малорусская поэзія не слушаетъ резоновъ г. Кулиша и нерѣдко представляетъ москаля обманщикомъ, а чумака—обманутымъ. Достаточно припомнить малорусскую сказку „Москаль-рыбалка“, въ которой разсказывается о солдатахъ, какъ одинъ изъ нихъ, чтобы одурить проѣзжавшихъ съ рыбою чумаковъ, сталъ ловить рыбу долотомъ и привлекъ къ себѣ ихъ вниманіе, а другой, собравши душъ пять товарищей, пріѣхалъ подводами и позабиралъ изъ возовъ у чумаковъ всю рыбу [1]). Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи Котляревскій вѣренъ народнымъ представленіямъ южно-руссовъ.

Впрочемъ, какъ ни строго судилъ Кулишъ произведенія Котляревскаго, но и онъ признавалъ большое значеніе ихъ для современнаго и послѣдующихъ поколѣній малороссовъ. „Своей пародіей и двумя театральными пьесами, говоритъ Кулишъ,—Котляревскій напомнилъ украинцамъ, что у нихъ есть родной языкъ не для того только, чтобы выбранить неисправнаго мужика... Энеида Котляревскаго пріохотила къ народному языку даже тѣхъ грамотныхъ во всѣхъ

[1]) „Народныя южно-русскія сказки“, И. Рудченка, вып. 2, № 40.

слояхъ общества, кто или мало зналъ, или чуждался его: доказательство тому, что эта пародія, будучи печатаема въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, расходилась въ Малороссіи въ огромномъ множествѣ списковъ и попадалась и у селянъ, и у горожанъ, и у полу-панковъ, и у пановъ. „Наталка-Полтавка" и „Москаль-Чарівникъ", вѣрныя дѣйствительности, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, и даже въ наше время, возбуждали смѣхъ и слезы зрителей не только въ провинціальныхъ, но и въ столичныхъ театрахъ. Даже и его пѣсня „Віютъ вітри" имѣетъ свое историческое значеніе: отчужденнымъ отъ народа панночкамъ временъ Котляревскаго не стыдно было спѣть ее за фортепіано: то была не мужицкая пѣсня; да и чувства въ ней выражены такъ деликатно, какъ и въ романсахъ Капниста. А эта пѣсня могла провести за собой не одну народную пѣсню въ тогдашнее общество. По крайней мѣрѣ то несомнѣнно, что другія сочиненія Котляревскаго дали законность появленію украинской простонародной рѣчи на бумагѣ и произвели подражанія. Въ концѣ „Грамматики малороссійскаго нарѣчія" Павловскаго, 1818 года, помѣщены были малорусскіе стихи, подъ заглавіемъ „Вакула Чмиръ", составленные въ духѣ Энеиды".

Но вліяніе произведеній Котляревскаго на послѣдующую украинскую литературу не ограничивалось этими мелочами и, въ большей или меньшей мѣрѣ, непосредственно или посредственно, отразилось почти на всѣхъ важнѣйшихъ представителяхъ украинской литературы до конца пятидесятыхъ годовъ. Ближайшими послѣдователями или преемниками литературной дѣятельности Котляревскаго были П. П. Белецкій-Носенко, П. П. Гулакъ-Артемовскій, К. Д. Думитрашковъ, В. А. Гоголь, Я. Г. Кухаренко и друг. Первые трое составляли пародированныя поэмы и оды въ духѣ Энеиды Котляревскаго, а послѣдніе двое писали комедіи и комическія оперы, похожія на „Наталку-Полтавку" и особенно на „Москаля-Чарівника". Тѣ и другіе, впрочемъ, не были слѣпыми подражателями Котляревскаго, подчинялись и другимъ литературнымъ вліяніямъ и нѣкоторые изъ нихъ пошли далѣе Котляревскаго въ пониманіи и изображеніи народной жизни, какъ это и должно быть по естественному порядку вещей, и въ свою очередь подготовляли почву для литературной дѣятельности послѣдующихъ поколѣній.

II.

П. П. Белецкій-Носенко.

Павелъ Павловичъ Белецкій-Носенко [1]), изъ дворянъ-помѣщиковъ нынѣшней Полтавской губерніи, Прилуцкаго уѣзда, производилъ свой родъ отъ князя Луцкаго Александра Носа. Одинъ изъ потомковъ этого князя, Іоаннъ Носъ, владѣвшій имѣніемъ въ Малороссіи, но во время войнъ удалившійся въ Польшу, въ 1650 году снова получилъ достояніе свое, а особливо земли, съ обязательствомъ присягнуть Малороссіи на вѣрность и отбывать всѣ повинности съ имѣній своихъ. Ему пожаловано потомъ въ 1694 году царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами въ Прилуцкомъ полку въ вѣчное и потомственное владѣніе село Голубовка, за вѣрныя службы „отцу нашему, брату нашему и намъ", какъ сказано въ грамотѣ. Потомъ онъ пожалованъ императоромъ Петромъ Великимъ въ 1708 году полковникомъ Прилуцкимъ за то, что способствовалъ князю Меньшикову взять укрѣпленный городъ Батуринъ. Отъ внуки его, Анны Петровны Носенковой, родился россійскій фельдмаршалъ графъ Ив. Васильевичъ Гудовичъ. „Я обязанъ почтить память моего предка", говоритъ П. П. Белецкій-Носенко. Мать Павла Павловича приходилась племянницею знаменитому духовному писателю XVIII вѣка Георгію Конисскому. По словамъ старожиловъ, Павелъ Павловичъ воспитывался въ одномъ изъ столичныхъ пансіоновъ и, по обычаю дворянъ того времени, поступилъ въ военную службу. Когда это случилось, съ точностью неизвѣстно; но, кажется, въ 1788 году онъ уже состоялъ въ военной службѣ и былъ подъ Очаковымъ, какъ можно заключать изъ одного разсказа его объ одномъ неважномъ обстоятельствѣ изъ исторіи осады этого города. Въ 1794 году онъ участвовалъ въ штурмѣ гор. Праги, получивъ за то установленный штурмовой крестъ, и около 1798 года оставилъ военную службу въ чинѣ капитана и навсегда поселился въ родномъ своемъ городѣ Прилукахъ [2]). Здѣсь, въ октябрѣ 1789 г., открыто было малое народное училище, состоявшее изъ двухъ классовъ, которое преобразовано было 14 сентября 1812 г., въ повѣтовое или уѣздное училище, состоявшее изъ трехъ классовъ, и Павелъ Павловичъ является сначала штатнымъ смотрителемъ двухкласснаго учи-

---

[1]) Источники: 1) „Извѣстія о трудахъ П. П. Бѣлецкаго-Носенка", въ Москвитянинѣ, 1855 г., № 8, стр. 132; 2) „Горпинида", Кіевъ, 1871 г.; 3) „Приказки". Кіевъ, 1871 г.; 4) „Гостинець землякамъ і співы въ образніх річах", Кіевъ, 1872 г.; 5) Рукописныя сочиненія, пріобрѣтенныя И. П. Новымъ и обязательно сообщенныя автору „Очерковъ".

[2]) Около 1845 г. онъ писалъ о себѣ, что живетъ въ Малороссіи болѣе 45 лѣтъ. Въ 1798 г. онъ уже былъ въ Малороссіи и слушалъ отъ Гоголевскаго сотника Шума историческое преданіе объ Иванѣ Золотаренкѣ.

лища, а потомъ, по преобразованіи его въ трехклассное, почетнымъ его смотрителемъ, каковое званіе сохранялъ приблизительно до 1840 г. Вѣроятно, будучи штатнымъ смотрителемъ, онъ содержалъ пансіонъ, въ которомъ получилъ первоначальное воспитаніе другой малороссійскій писатель Н. А. Маркевичъ [1]).

Со времени поселенія въ Прилукахъ и учебно-педагогической службы Белецкаго-Носенка начинается и его учено-литературная дѣятельность. Первымъ его литературнымъ трудомъ нужно признать переводъ съ французскаго романа „Семейство фонъ-Гальденъ", Августа Лафонтена, въ 4-хъ частяхъ, сдѣланный въ 1808 году. Вѣроятно, въ бытность его штатнымъ смотрителемъ Прилуцкаго училища написана имъ „Горпинида чи вхопленная Прозерпина", какъ можно заключать изъ конца этой поэмы, писанной между дѣломъ, въ рождественскіе праздники. Гораздо болѣе свободнаго времени оставалось Павлу Павловичу послѣ переименованія его въ почетные смотрители училища. Правда, и на эту номинальную должность свою Павелъ Павловичъ смотрѣлъ сначала серьезно и „по долгу службы своей и по совѣсти почиталъ себя въ правѣ содѣйствовать улучшенію училища въ учебно-педагогическомъ отношеніи". Вѣроятно, въ этихъ видахъ онъ составлялъ въ это время записки по логикѣ и нусологіи, математикѣ, эстетикѣ, исторіи и другимъ наукамъ, преподававшимся въ тогдашнихъ повѣтовыхъ училищахъ. Но скоро онъ убѣдился на опытѣ, что не требуютъ и не желаютъ отъ него дѣятельнаго участія въ судьбахъ училища и предоставляютъ ему только право дѣлать пожертвованія на училище. Въ 1818 году П. П. Белецкій-Носенко писалъ къ ректору Харьковскаго университета Ив. Петровичу Рижскому, что представленія почетныхъ смотрителей „въ пользу просвѣщенія нимало не уважаются, и многія важныя распоряженія въ пользу училищъ, которыя бы должно онымъ сообщать, никѣмъ не сообщаются; и я скажу о себѣ, что въ теченіе сего года я получилъ по должности моей только одну бумагу отъ г. директора, и то оскорбительную для меня". Какъ бы понявъ послѣ этого прямыя свои обязанности по отношенію къ училищу, Павелъ Павловичъ въ томъ же году „принесъ въ даръ для библіотеки Прилуцкаго училища книгъ на 1,000 рублей", жалуясь при этомъ, что о прежнихъ его пожертвованіяхъ не было донесено высшему начальству. Но чѣмъ болѣе нашъ авторъ устранялся отъ училищныхъ дѣлъ, тѣмъ шире становился кругъ его ученой и литературной дѣятельности. Съ 1812 года онъ завязываетъ сношенія съ различными учеными учрежденіями въ Россіи, именно: съ Обществомъ Наукъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, Императорскимъ Московскимъ Обществомъ испытателей природы, Императорскою Россійскою Академіею, Императорскимъ С.-Петербургскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ и друг., и пишетъ рѣшенія

---

[1]) Основа, январь 1861 года: „Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ".

на всевозможныя задачи и преміи, хотя и рѣдко имѣетъ успѣхъ. Болѣе прочныя связи онъ имѣлъ съ Обществомъ Наукъ при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ и Императорскимъ С.-Петербургскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, въ званіи члена ихъ. Съ первымъ онъ велъ дѣятельную корреспонденцію съ 1813 по 1826 годъ, а со вторымъ съ 1826 по 1839 годъ. Перечислимъ нѣкоторыя изъ сочиненій, относящихся къ этому времени.

1) „Сказки на малороссійскомъ языкѣ", около 1812 года.

2) „Метаполитическое и экономическое разсужденіе, что выгоднѣе для хозяина, обработывать земли наемными людьми, гдѣ ихъ найти можно, или собственными крестьянами? или Отвѣтъ на осьмую задачу, предложеную отъ Императорскаго С.-Петербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества на 1812 годъ", 1812 года.

3) „Ломоносовъ и Державинъ, величайшіе лирики россійскіе, сравненіе", 1818 года. Это сравненіе, въ дополненномъ видѣ, послано было въ 1829 году въ Императорскую Россійскую Академію, въ качествѣ рѣшенія на задачу, предложенную Обществомъ любителей россійской словесности въ 1817 году.

4) „Пасѣчникъ, или опытное пчеловодство въ южной полосѣ Россіи", 1818 года, съ предисловіемъ и дополненіями на поляхъ, сдѣланными около 1845 года.

5) „Пѣсни и баллады на малороссійскомъ языкѣ", писанныя между 1822 и 1829 годами.

6) „Начальное основаніе римскаго права", представленное 20 іюня 1826 года, министру народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову, вслѣдствіе предложенія его чиновникамъ его вѣдомства отъ 26 января 1821 года и 12 февраля 1826 года; но въ 1831 году оно возвращено автору, такъ какъ „сочинено сіе, по разсмотрѣніи, не признано учебнымъ".

7) Рѣшеніе на данную С.-Петербургскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ въ 1825 году задачу: „Извѣстно, что въ Новороссійскихъ, Малороссійскихъ и Слободско-Украинской губерніяхъ при посѣвѣ озими рѣдко употребляютъ унавоживаніе, полагая оное вреднымъ; между тѣмъ частые неурожаи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣхъ губерній подаютъ причину сомнѣваться въ основательности сего мнѣнія. Общество предлагаетъ въ награду большую серебряную медаль тому поселянину, который въ тѣхъ губерніяхъ унавоживаніемъ озимой пашни получитъ урожай гораздо лучше своихъ сосѣдей, не смотря ни на какую погоду и мѣстоположеніе". Рѣшеніе послано въ закрытомъ пакетѣ 15 октября 1829 года.

8) „Зиновій Богданъ Хмельницкій. Историческая картина событій, нравовъ и обычаевъ XVIII вѣка въ Малороссіи", въ трехъ частяхъ, 1829 года.

9) „О заразительной болѣзни холерѣ", посланное въ 1831 году въ Харьковское Общество Наукъ, въ С.-Петербургское Вольное Эко-

номическое Общество и министру внутреннихъ дѣлъ А. А. Закревскому, приглашавшему сообщать о способахъ леченія холеры, съ обѣщаніемъ вознагражденія въ 25,000 руб. Но медицинскій совѣтъ нашелъ, что объясненіе г. Белецкимъ-Носенкомъ происхожденія холеры весьма неправильно, а указываемыя имъ средства, извѣстныя и совѣту, дѣйствительно могутъ оказывать пользу въ началѣ болѣзни.

10) „Словарь герменевтическій, лингвистико-историческій, географическій, съ изъясненіемъ истиннаго смысла словъ застарѣлыхъ, вышедшихъ изъ употребленія, находящихся въ лѣтописяхъ россійскихъ", и проч., 1832 г., громадный фоліантъ.

11) „Иванъ Золотаренко", драматическій разсказъ (истинное происшествіе), въ одномъ дѣйствіи и „Историческія преданія о Иванѣ Золотаренко", 1839 года.

Послѣ 1839 года мы не видимъ въ уцѣлѣвшихъ бумагахъ П. П. Белецкаго-Носенка никакихъ корреспонденцій съ учеными обществами; но его учено-литературная производительность не прекращалась до 1846 года. Въ этотъ періодъ времени имъ составлены или окончены: 1) „Лингвистическіе памятники повѣрій у малороссіянъ, ихъ свадебные обряды съ народными пѣснями", 1839—1840 гг.; 2) „Эстетика", 1840 года, съ позднѣйшими дополненіями около 1845 года; 3) „Словарь малороссійскаго или юго-восточнаго русскаго языка, филологическій, этимологическій, съ показаніемъ частей рѣчи, окончательныхъ корней словъ, метаплазмовъ, идіотизмовъ, со сводомъ синонимовъ, съ пословицами и поговорками, составлённый по произношенію, какъ говорятъ въ Малой России и Южной России", 1841—1842 гг., съ предувѣдомленіемъ „о языкѣ малороссійскомъ". Словарь этотъ заключалъ въ себѣ болѣе 20,000 статей. Въ 1855 году П. П. Белецкій-Носенко былъ уже глубокимъ старцемъ и въ первый разъ удостоился печатнаго сочувственнаго отзыва о своихъ учено-литературныхъ трудахъ. Въ „Москвитянинѣ" за этотъ годъ, въ „Извѣстіи о трудахъ П. П. Белецкаго-Носенка", между прочимъ сказано; „Сколько есть по мѣстамъ достойныхъ тружениковъ, которыхъ важные труды покоятся подъ спудомъ за недостаткомъ гласности, между тѣмъ какъ другіе, за ея излишкомъ, получаютъ незаслуженную извѣстнось, даже славу, хоть и преходящую. Редакція имѣла недавно случай узнать о слѣдующихъ сочиненіяхъ и переводахъ одного престарѣлаго малороссійскаго литератора". Перечисливъ эти сочиненія и переводы, Москвитянинъ совѣтуетъ „почтенному автору войти въ сношеніе съ Академіей Наукъ и отдѣленіемъ русскаго языка и словесности, которое, вѣрно, найдетъ средства воспользоваться такими важными трудами". Но авторъ не воспользовался совѣтомъ „Москвитянина" и, вѣроятно, скоро умеръ. Въ 1871 и 1872 годахъ изданы были только его „Горпинида", „Приказки" и „Гостинець землякамъ і співа въ образніх річах", и то безъ всякихъ свѣдѣній о жизни автора и времени написанія этихъ сочиненій.

Нельзя не удивляться многочисленности и разнообразію сочиненій П. П. Белецкаго-Носенка. Пересматривая длинный списокъ его сочиненій по разнымъ отраслямъ знанія (до 60),—невольно задаешься вопросомъ,—какая же собственно была его спеціальность? Онъ является въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ и эстетикомъ, и романистомъ, и философомъ, и историкомъ, и филологомъ, и этнографомъ, и врачемъ, и сельскимъ хозяиномъ, и проч. Недоумѣніе рѣшается просто, если мы припомнимъ время воспитанія Белецкаго-Носенка, эпоху царствованія Екатерины II, когда старались дать юношеству энциклопедическое образованіе и сдѣлать его способнымъ къ государственной службѣ всякаго рода. Для примѣра достаточно указать на сухопутный шляхетскій кадетскій корпусъ, въ которомъ, по уставу 1766 года, обучали всѣмъ наукамъ, художествамъ и гимнастическимъ искуствамъ, необходимымъ для совершеннаго образованія въ воинскомъ и гражданскомъ званіи, такъ чтобы „они могли, по выраженію Екатерины II, оставя предводительство надъ арміями, засѣдать въ сенатѣ, и оставя сенатъ, начальствовать надъ арміями“. Конечно, такое универсальное образованіе имѣло ту невыгоду, что производило все-знаекъ, не имѣющихъ спеціальныхъ познаній ни по какой отрасли; но оно же сообщало широкій кругозоръ и извѣстнаго рода эластичность мысли, чуткость и воспріимчивость къ новымъ явленіямъ исторической жизни. Выгоды и невыгоды энциклопедическаго образованія испыталъ на себѣ и П. П. Белецкій-Носенко. Оставивъ военную службу, онъ вступилъ на учено-педагогическое поприще и пробовалъ себя во всѣхъ отрасляхъ знанія, но весьма часто терпѣлъ неуспѣхъ, потому что ни въ одной почти области знанія не съумѣлъ оріентироваться надлежащимъ образомъ. Съ другой стороны, универсальность его образованія дѣлала его весьма чуткимъ ко всякой новой мысли, ко всякому соціально-общественному и учено-литературному явленію. Онъ съ удивительною для нашего времени внимательностію слѣдилъ за движеніемъ современной ему науки и литературы въ Россіи и потому не остановился въ своихъ познаніяхъ и понятіяхъ на точкѣ замерзанія, какъ это часто бываетъ съ другими писателями, а постоянно старался идти въ уровень съ развитіемъ общественной и научно-литературной мысли. Это нужно сказать какъ о соціально-общественныхъ его убѣжденіяхъ, такъ и его учено-литературной дѣятельности.

Для характеристики первыхъ, мы обратимъ вниманіе на отношенія нашего автора къ крестьянскому вопросу. Свое разсужденіе о томъ, что̀ выгоднѣе для хозяина, обработывать земли наемными людьми, или собственными крестьянами, онъ написалъ въ 1812 году, „будучи подстрекаемъ благостію мужей отличнѣйшихъ ревніемъ для пользы общей и желая въ ней участвовать по возможности своихъ способностей“. Здѣсь онъ прямо и рѣшительно старается доказать законность и государственную пользу крѣпостничества. „Какъ бѣдна та монархія — восклицаетъ онъ, — гдѣ подданные своевольны! Какъ

непрочно она соединена! Мы видѣли изъ переворотовъ имперій, сохраненныхъ намъ исторіей, и малыхъ владѣльцевъ, которые воздѣлываютъ свои поля наемниками. Такой владѣлецъ подобенъ главѣ какой-то демократической республики, или Лукскому Гонфалоніере, котораго наемники избираютъ на одинъ или на нѣсколько дней своимъ властелиномъ; подчиненные его не страшатся, ибо они когда захотятъ, могутъ его оставить. Напротивъ того, помѣщикъ, имѣющій своихъ собственныхъ крестьянъ, подобенъ монарху въ благоустроенномъ государствѣ... Не на этой ли благодѣтельной власти этихъ малыхъ монарховъ отчасти покоится непоколебимо дѣятельное могущество и слава Россіи?.. Самое то государство, въ которомъ помѣщики воздѣлываютъ свои земли собственными крестьянами, — дѣятельнѣе, богатѣе и, слѣдовательно, могущественнѣе". Но впослѣдствіи времени, подъ вліяніемъ новыхъ идей, тотъ же П. П. Белецкій-Носенко въ своихъ этнографическихъ этюдахъ высказывалъ просвѣщенное сочувствіе къ быту крестьянъ и даже выставлялъ на видъ дурныя наклонности и привычки помѣщиковъ. Говоря о „куницѣ", или выводныхъ деньгахъ за дѣвку, выдаваемую замужъ изъ владѣній помѣщика въ чужія руки, П. П. Белецкій-Носенко замѣчаетъ, что нѣкоторые подъ куницею разумѣютъ jus primæ noctis. „Мнѣ извѣстно,— прибавляетъ онъ,—что одинъ покойный панъ хвалился самъ, что онъ не бралъ за своихъ крестьянокъ куницу деньгами, а натурою, по праву господина въ Волтеровой комедіи „Le droit du Seigneur". Теперь бы онъ, вѣрно, не поживился такою куницею".

Еще больше прогрессивнаго развитія мы замѣчаемъ въ ученолитературной и собственно литературной дѣятельности нашего автора. Къ послѣдней относятся: 1) „Семейство фонъ-Гольденъ", — переводъ романа Лафонтена; 2) „Горпинида"; 3) Сказки малорусскія; 4) Пѣсни и басни малорусскія; 5) „Зиновій Богданъ Хмельницкій",—историческій романъ; 6) „Иванъ Золотаренко"; 7) „Лингвистическіе памятники повѣрій у малороссіянъ, ихъ свадебные обряды съ народными пѣснями", и 8) Словарь малороссійскаго языка. Въ сферѣ этихъ произведеній мы можемъ различать три стадіи въ развитіи литературныхъ понятій и вкусовъ нашего автора, обусловливаемыя историческимъ ходомъ развитія отечественной литературы. Свою „Горпиниду" Павелъ Павловичъ написалъ по подражанію „Энеидѣ" Котляревскаго; его баллады и пѣсни явились подъ вліяніемъ нѣмецкаго романтизма; а въ историческихъ сочиненіяхъ „Зиновій Богданъ Хмельницкій", „Иванъ Золотаренко" и въ этнографическихъ и лингвистическихъ трудахъ, онъ является однимъ изъ провозвѣстниковъ славянскаго возрожденія и украинофильства.

„Горпинида чи вхопленная Прозерпина, жартливая поэма въ трехъ писняхъ", по всѣмъ признакамъ приготовлена была самимъ авторомъ для печати, хотя и не была издана при его жизни. Она есть не что иное, какъ переложеніе съ русскаго языка на украинское

нарѣчіе „Похищенія Прозерпина“, Котельницкаго, 1795 года. Да и это переложеніе сдѣлано было по образцу перелицованной Энеиды Котляревскаго, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ Горпиниды:

Сміешся, жвава Піерида!
Дмухни въ мене той самый жаръ,
Зъ якимъ спивалась Енеида!

Смѣешься, шаловливая Піерида!
Вдохни въ меня тотъ самый жаръ,
Съ какимъ пѣлась Енеида!

Сюжетомъ ея служитъ пародированный миѳъ о похищеніи Плутономъ Прозерпины,—дочери Цереры, о поискахъ Цереры за нею и о свадьбѣ Плутона съ Прозерпиною. Какъ и Энеида Котляревскаго, Горпинида обилуетъ частными орнаментами, изображающими комическую сторону малорусской жизни, и намеками на современныя общественныя явленія. Прозерпина превращается здѣсь въ сельскую красавицу Горпину и собирается съ подругами въ лѣсъ на гулянье. Мать Церера даетъ ей наставленіе, которое авторъ считалъ особенно пикантнымъ и повторялъ его нѣсколько разъ. Церера говоритъ:

— „Що-сь дуже николи тоби!
Дивись! куда се захапалась?..
Охъ, доньку, цноты не згуби!
Избави Боже понедилка,
Якъ витече кризь дно горилка!
Щобъ хомута не надѣвать [1])...
Нема якъ цнота для дивчины,
На зло ѝ виситъ на волосини;
Якъ плюнуть—латво одырвать“.
— „А що-то, мамо, тая цнота?
Дочка у матери пита;
Я чула, кажутъ, се пустота:
Чи прійде гарная въ лита,
Соби и знайде парубику,
Жартуя зваже те до вику,
Що вже нельзя ін згубить“.
— „Иди-жъ, гуляй, моя Горпинка!
Якъ бачу, ты вже не дитинка:
Чи вже самій ни розсудить?

— „Что-то очень некогда тебѣ!
Смотри! куда это заторопилась?
Охъ, дочка, чести не потеряй!
Избави Боже понедѣльника,
Какъ вытечетъ сквозь дно водка!
Чтобъ хомута не надѣвать!

[1]) Въ понедѣльникъ, т. е. на другой день послѣ свадьбы, если молодая потеряла до брака цѣломудріе, матери ея подносили водку въ рюмкѣ съ заткнутой дырой и водили ее по селу въ хомутѣ. На эти обычаи и намекается здѣсь.

Ничего нѣтъ дороже чести для дѣвицы,
На зло и виситъ на волосочкѣ,
Какъ плюнуть—легко ее оторвать".
— „А что такое, мама, честь эта?"
Дочка спрашиваетъ у матери;
„Я слышала, говорятъ, это пустяки:
Какъ войдетъ красавица въ лѣта,
Найдетъ себѣ молодчину, —
Шутя привяжетъ онъ на-вѣки,
Такъ что нельзя ужъ ее потерять".
— „Иди, гуляй, моя Горпинка!
Какъ вижу, ты ужь не дитя:
Ужель самой не разсудить?"

Когда дѣвицы гуляли въ лѣсу, въ это время Плутонъ, богъ ада, поѣхалъ въ Сицилію заткнуть провалъ, образовавшійся въ Этнѣ. Дорогой онъ заѣзжаетъ въ Грѣхополь, любимый свой городъ.

Тамъ всяки знахорхи, шептухи,
Що любощи дивкамъ даютъ;
Судьи, що для безвинныхъ глухи,
За гроши казятъ нашъ Стануть;
Вдовиць и сиротъ обиждаютъ
И такъ на свитъ той спроважаютъ,
Покиль самихъ не стриска бисъ.
Тамъ душепагубны Пранцюзы,
Що дома гнили на ланцюзи,
А въ насъ зъ дитей псуютъ гульвисъ.
Богато е ліохивъ шальпанскихъ,
Де ядъ за вина продаютъ.

Тамъ всяки знахархи, шептуньи,
Что даютъ дѣвкамъ любовное зелье,
Судьи, что глухи для невинныхъ,
За деньги искажаютъ нашъ статутъ [1]),
Вдовицъ и сиротъ обижаютъ
И такъ на тотъ свѣтъ отправляютъ,
Пока самихъ не стрескаетъ бѣсъ.
Тамъ душепагубны французы,
Что дома гнили въ кандалахъ,
А у насъ дѣтей дѣлаютъ повѣсами.
Много есть подваловъ шампанскихъ,
Гдѣ ядъ за вина продаютъ.

Въ заключеніе перелагатель обращается къ музѣ и говоритъ:

Покуда годи, муза жвава,
Повисьмо кобзу на гвоздокъ!
Се одъ бездилья лишь забава;
Прощай до будучихъ святокъ!
Бъчъ пріймаюсь зновъ за дило...
Тогди лети до мене смило,

---

[1]) Сводъ Литовскихъ Законовъ, которымъ долго руководилась Малороссія.

Мы знову заграемо зъ тобой,
Якъ вдохновенья жаръ почуемъ,
Для Вкрайны нове зкомпонуемъ
На насьской мови дидовской.

Пока довольно, муза шаловливая!
Повѣсимъ кобзу [1]) на гвоздикъ!
То отъ бездѣлья лишь забава;
Прощай до будущихъ святокъ!
Вишь, я примаюсь вновь за дѣло...
Тогда лети ко мнѣ ты смѣло,
Мы заиграемъ вновь съ тобой,
Какъ вдохновенья жаръ почуемъ,
Для Украины новое сочинимъ
На нашей рѣчи дѣдовской.

Но къ пародированнымъ поэмамъ нашъ авторъ уже не возвращался болѣе. Нѣкоторое время его занимала нѣмецкая эстетика и нѣмецкая литература. Въ его бумагахъ мы нашли двѣ эстетики въ нѣмецкомъ духѣ и „Словарь писателей нѣмецкихъ“ за 1816 годъ. Плодомъ этихъ занятій въ литературномъ отношеніи были его баллады и пѣсни, большею частію передѣланныя или переведенныя съ нѣмецкихъ подлинниковъ. Болѣе раннее изъ этихъ произведеній есть романсъ „Завитная люлька“, 1822 г., о которомъ прямо сказано, что онъ составленъ въ подражаніе нѣмецкому. Въ немъ выводится на сцену старый, искалеченный гусаръ, идущій на богомолье въ Кіевъ. Голодный и усталый, онъ присѣлъ подъ тѣнью отдохнуть и закурилъ трубку, съ янтаремъ на мундштукѣ. Въ это время проѣзжалъ мимо въ каретѣ какой-то господинъ. Гусаръ-калѣка протянулъ къ нему руку за милостыней. Проѣзжій замѣтилъ у гусара дорогую трубку и посовѣтовалъ ему продать ее, вмѣсто того, чтобы просить подаянья; но инвалидъ ни за что не хотѣлъ разстаться съ завѣтною трубкою, которую онъ получилъ въ подарокъ отъ своего храбраго маіора, дѣлившаго съ нимъ боевыя опасности и убитаго подъ Измаиломъ. Оказалось, что храбрый маіоръ приходился дѣдомъ проѣзжему господину, который послѣ этого взялъ къ себѣ инвалида на содержаніе, а инвалидъ передалъ ему въ наслѣдіе „завѣтную люльку“.—Баллада „Ивга“ написана у Белецкаго-Носенка тою мѣрою, какъ по-нѣмецки ее написалъ Бюргеръ.

Языкъ этихъ стихотвореній, равно какъ и „Горпиниды“, довольно нечистъ и дубиноватъ и притомъ же скованъ размѣрами тоническаго стихосложенія. Для примѣра, приведемъ начало баллады „Нетягъ“:

Вси гуси стадами у виръ пронеслись,
И Груденъ студеный зъ снигами нависъ;
Степи гололіютъ безъ зелени сумны;

[1]) Кобза—музыкальный инструментъ украинскій.

Но лихо унялось, людъ взявъ соби миръ.
Нетягъ иде зъ Сичи зъ родиною въ двиръ.
Ось бачутъ ридныи стрихи, вже и гумны.

Всѣ гуси понеслись стадами въ вирій (рай),
И холодный Ноябрь нависъ со снѣгами,
Степи оголились, безъ зелени печальны;
Но горе унялось, народъ получилъ миръ.
Бѣдняга идетъ изъ Сѣчи съ роднею домой,
Вотъ ужь видятъ родныя крыши, уже и гумна.

Впослѣдствіи времени, Павелъ Павловичъ, кажется, вовсе пересталъ писать стихи и обратился къ историческимъ романамъ и драматическимъ разсказамъ. Переворотъ этотъ совершился въ немъ съ одной стороны подъ вліяніемъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина, пролившій новый свѣтъ на прошедшія судьбы нашего отечества, съ другой стороны — подъ вліяніемъ историческихъ романовъ Вальтеръ-Скотта, Загоскина, Булгарина и друг. Плодомъ этихъ вліяній были, главнѣйшимъ образомъ, два произведенія нашего автора: „Зиновій Богданъ Хмельницкій, историческая картина событій, нравовъ и обычаевъ XVII вѣка въ Малороссіи“, 1829 года, съ позднѣйшими дополненіями, и „Иванъ Золотаренко, драматическій разсказъ (истинное происшествіе) въ одномъ дѣйствіи“, 1839 года.

Въ предисловіи къ роману „Зиновій Богданъ Хмельницкій“ авторъ говоритъ о немъ слѣдующее: „Любители изящной словесности читаютъ съ удовольствіемъ историческія картины Вальтеръ-Скотта, Булгарина, Загоскина и справедливо хвалятъ ихъ: они переносятъ воображеніе въ тѣ любопытныя времена, кои они живописали, и заставляютъ насъ принимать живѣйшее участіе въ нихъ. Исторія повѣствуетъ съ важностью для соображеній одного разума достопамятнѣйшія происшествія; но романтическія картины, живописуя нравы и духъ времени, занимаютъ разумъ и воображеніе, чтобы кроткими страстями согрѣть сердце. Кліо важная, пламенная Мелпомена, веселая Талія согласно ихъ составляютъ. Я осмѣливаюсь представить любителямъ отечественной старины опытъ подобной исторической картины нравовъ и обычаевъ XVII вѣка. Почту себя счастливымъ, если принесу удовольствіе имъ. Цѣль сего сочиненія, притомъ, оправдать предъ лицемъ свѣта народъ и предводителя его, коихъ историки польскіе, французскіе и нѣмецкіе, переписывавшіе одинъ у другаго клеветы, описали самыми черными красками: называютъ просто разбойниками, сокрывъ истинныя причины, принудившія ихъ поднять оружіе противъ своихъ угнетателей, сражаться болѣе 60-ти лѣтъ, освирѣпѣть не хуже того, какъ и всѣ обитатели Западной Европы того времени“ [1]).

---

[1]) Преимущественно, кажется, онъ имѣлъ въ виду „Annales de la petite Russie ou Histoire des Cosaques Saporogues et des Cosaques de l'Ukraine, et caet. par Jean Benoit Scherer, et caet.“. Paris. 1788.

Соотвѣтственно съ своею цѣлью, онъ прежде всего обратился къ историкамъ и историческимъ матеріаламъ и, кромѣ „Исторіи Государства Россійскаго" Карамзина, пользовался „Исторіей Малой Россіи" Н. Бантышъ-Каменскаго и особенно лѣтописью съ именемъ Георгія Канисскаго, тогда еще неизданною. Для оживленія же историческаго матеріала, нашъ авторъ нерѣдко прибѣгалъ къ народнымъ историческимъ преданіямъ. При помощи этихъ источниковъ и средствъ, онъ представилъ Богдана Хмельницкаго и его сподвижниковъ истинными патріотами, которые, желая блага Украинѣ, видѣли невозможность этого блага подъ владычествомъ польскимъ и сознательно стремились къ возсоединенію Малороссіи съ Россіею. Существенная причина и цѣль козацкихъ войнъ съ поляками при Богданѣ Хмельницкомъ выражены въ романѣ въ слѣдующемъ разговорѣ между Дамьяномъ Многогрѣшнымъ и Максимомъ Кривоносомъ:

„Дамьянъ. Знаешь ли, на чемъ основана эта война? Мы одни дѣйствуемъ прямодушно: мы защищаемъ наши пепелища, истинную вѣру и права. Враги наши, подъ личиною своей ложной вѣры или изувѣрства, дѣйствуютъ страстями: корыстолюбіе и слѣпая месть ими управляютъ. Король же думаетъ въ мутной водѣ ловить рыбу: ему хочется пріобрѣсть надъ буйными головами вельможъ самовластіе. Онъ изъ-подъ руки ласкаетъ насъ; ибо знаетъ, что съ помощью русской сабли ему легко покорить Польшу и даже Швецію. Столько страстей нельзя согласить. Всякій думаетъ: лишь бы мнѣ хорошо, пусть остальное гибнетъ".

„Максимъ. Ты мнѣ открылъ глаза. Это безконечная война..."

Тогда какъ Польша страдала разнузданностію страстей и безурядицею, самодержавная Москва, напротивъ, не смотря на грубость своихъ нравовъ, представляла всѣ выгоды единодушія государственныхъ сословій, хотя и пассивнаго, справедливости, тишины и спокойствія. Эти нравственныя преимущества Московскаго государства, въ связи съ единовѣріемъ, окончательно опредѣлили выборъ Малороссіи и Богдана Хмельницкаго въ пользу Россіи.

Обращаясь къ частностямъ романа, мы и въ нихъ нерѣдко видимъ яркую тѣнь исторической правды, но далеко не всегда. Рѣзко бросаются въ глаза историческіе анахронизмы романа, въ родѣ того, напримѣръ, что Семенъ Палѣй является младшимъ сотрудникомъ Богдана Хмельницкаго, и что при этомъ гетманѣ будто бы вполнѣ образовался старообрядческій расколъ въ Московскомъ государствѣ. Нельзя думать, чтобы самъ П. П. Белецкій-Носенко не замѣчалъ подобныхъ историческихъ несообразностей: онъ сознательно, кажется, допускалъ ихъ, по обычаю того времени, чтобы представить полную картину русскихъ нравовъ и обычаевъ всего XVII вѣка, хотя бы на основаніи и разновременныхъ фактовъ. Поэтому у него вокругъ Богдана Хмельницкаго сгруппированы всѣ важнѣйшіе малорусскіе дѣя-

тели XVII вѣка, хотя многіе изъ нихъ и не имѣли непосредственныхъ связей съ Богданомъ Хмельницкимъ.

Страннѣе для насъ кажется анахронизмъ литературный въ романѣ Белецкаго-Носенка, который позволилъ себѣ помѣстить здѣсь переводныя басни и баллады Лафонтена и Бюргера и даже выдержки изъ собственной поэмы „Горпинида", написанныя, при томъ же, тоническимъ размѣромъ. Кажется, этотъ грѣхъ сознавалъ за собою и самъ Белецкій-Носенко и старался загладить его со временемъ. Уже въ первой редакціи романа записано много народныхъ историческихъ преданій, несомнѣнно свидѣтельствующихъ о разумномъ взглядѣ автора на дѣло. Эти преданія легко отдѣлить при помощи позднѣйшихъ этнографическихъ и лингвистическихъ замѣтокъ автора, въ которыхъ они повторяются въ болѣе исправномъ и чистомъ видѣ. Таковы преданія объ Иванѣ Золотаренкѣ, о насиліяхъ уніатовъ, о княгинѣ Сангушкиной, запершей разбойниковъ въ подвалѣ, о гадячской полковницѣ, обреченной толпою на сожженіе за чародѣйство, о топленіи вѣдьмъ въ Гадячѣ при полковникѣ Гладкомъ, и др. Но въ позднѣйшихъ добавленіяхъ къ этому роману, писанныхъ около 1839 года, еще болѣе замѣтно заимствованія изъ народныхъ преданій. Ко второй главѣ второй части романа приписанъ поэтическій разсказъ о козакѣ Оманѣ, который покумился со смертію и при помощи ея исцѣлялъ людей, а въ заключеніе самъ сдѣлался ея жертвою, послѣ двукратнаго предостереженія, какое давала ему смерть въ видѣ сѣдыхъ волосъ и потери зубовъ. Въ третьей же части романа явилась цѣлая глава, почти вся посвященная описанію свадебныхъ малороссійскихъ обрядовъ.

Мы приведемъ одно историческое преданіе, встрѣчающееся въ романѣ „Зиновій Богданъ Хмельницкій" которое легло потомъ въ основаніе драматическаго разсказа „Иванъ Золотаренко" не дошедшаго до насъ въ полномъ видѣ. Преданіе это разсказывали автору мать его, племянница архіепископа Георгія Конисскаго, и бывшій Гоголевскій сотникъ Шумъ, женатый на сестрѣ того же Георгія, въ 1798 году. „Иванъ Никифоровичъ Золотаренко, славный въ послѣдствіи наказный гетманъ малороссійскій при взятіи Смоленска въ 1654 году, сентября 10, родился въ Корсунѣ отъ дворянина, обучался въ Кіево-Братской академіи, былъ ума необыкновеннаго, чрезвычайно изобрѣтательнаго, такъ что въ тотъ темный вѣкъ прослылъ волшебникомъ. Разсказываютъ о безчисленныхъ его проказахѣ съ поляками, жидами и гайдамаками, которыхъ онъ всегда преслѣдовалъ и губилъ, когда находилъ къ тому случай. Между прочимъ повѣствуютъ, какъ онъ волшебнымъ фонаремъ, который самъ случайно изобрѣлъ и сдѣлалъ, при помощи такихъ же шалуновъ, какъ самъ, напугалъ и выгналъ монаховъ католическихъ, которые насильно овладѣли однимъ православнымъ манастыремъ въ Кіевѣ. Наконецъ, послѣ многихъ его проказъ и фокусовъ, которыми изумлялъ всѣхъ, его всѣ признали вол-

шебникомъ и, по повѣрью того времени, хотѣли пытать и сжечь живаго на кострѣ. Золотаренко принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ изъ Кіева въ Запорожье. Однажды на ночлегѣ пришли въ ту корчму. гдѣ онъ отдыхалъ, три отчаянныхъ разбойника. Онъ ихъ одурачилъ мнимыми волшебствами и, ослѣпивъ, связалъ и предалъ въ руки правосудія. Непостижимая храбрость его пронесла о немъ молву, даже между поляками, будто его не берутъ ни пуля, ни ядро пушечное. Его убилъ въ Старомъ Быховѣ подкупленный органистъ Томашъ серебряною пулею, освященною въ чашѣ причащенія съ латинской надписью изъ священнаго писанія".

Это замѣчательное преданіе объ Иванѣ Золотаренкѣ, разсказанное еще въ XVIII вѣкѣ, показываетъ, какой драгоцѣнный запасъ историческихъ народныхъ преданій хранился въ памяти Белецкаго-Носенка, и какую важную услугу онъ могъ бы оказать малорусской этнографіи и исторіи. Подъ старость лѣтъ, благодаря пробудившемуся тогда стремленію къ изученію славянскихъ народностей, Белецкій-Носенко сталъ собирать малорусскія слова и записывать народные обычаи, обряды и суевѣрія и, кромѣ мелкихъ замѣтокъ, составилъ довольно капитальные труды: „Лингвистическіе памятники повѣрій у малороссіянъ" и „Словарь малороссійскаго или юговосточнаго русскаго языка", съ историческимъ предисловіемъ и „Грамматикой малороссійскаго языка", до насъ не дошедшей. Въ предувѣдомленіи къ словарю онъ говоритъ о себѣ слѣдующее: „Живя и служа въ Малороссіи болѣе 40 лѣтъ, я могъ постигнуть духъ народа и языка его, и когда я увидѣлъ на западѣ и югозападѣ движеніе всѣхъ славянскихъ племенъ возродить свою письменность, я почувствовалъ въ себѣ смѣлость приняться за составленіе частной грамматики и словаря малоруссовъ, какъ языка, одного изъ богатѣйшихъ нарѣчій славянскихъ.

Особенное значеніе имѣютъ для насъ „Лингвистическіе памятники повѣрій у малороссіянъ". Принадлежа по своему воспитанію къ XVIII вѣку, Белецкій-Носенко описываетъ здѣсь не только то, что самъ видѣлъ, но и то, что происходило не за его память; слѣдовательно его свѣдѣнія о народныхъ обычаяхъ, обрядахъ и суевѣріяхъ отличаются глубокою стариною, теперь уже вымершею или вымирающею. Въ иныхъ случаяхъ этнографическія его свѣдѣнія еще носятъ отпечатокъ удалаго и безшабашнаго козачества и могутъ служить къ уясненію этнографическаго элемента въ болѣе раннихъ малорусскихъ произведеніяхъ Квитки-Основъяненка, Гоголя, Олексы Стороженка и др. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ труда Белецкаго-Носенка.

„Въ ивановскую ночь всѣ вѣдьмы, намазавшись сокомъ изъ мнимой травы тирличъ, вылетали сквозь печную трубу, иная на ухватѣ, другая на помелѣ или на лушнѣ отъ воза, другая верхомъ на упыряхъ, и собирались въ Кіевѣ на Лысую гору или въ садъ Кучинскаго совершать оргіи съ бѣсами и вѣдьмами. Когда вѣдьма больна и не можетъ ѣхать верхомъ, то для спокойной ѣзды садится въ про-

стую ступу, въ которую впрягаетъ двухъ упырей или нетопырей. Когда умираетъ, то не можетъ испустить духъ, доколѣ не взорвутъ надъ нею потолка. Когда она бродитъ въ ночи доить коровъ, распускаетъ свои волосы и намитку и представляетъ бѣлое привидѣніе, отъ котораго всѣ убѣгаютъ или прячутся; собаки съ воемъ и поджатымъ хвостомъ прячутся отъ нея и не смѣютъ на нее бросаться: она знаетъ, какъ ихъ проучить. Въ глазахъ пьяныхъ она превращается въ бѣлую кошку, въ свинью и въ собаку, а чаще въ клубокъ, который прямо катится подъ ноги и бѣдныхъ сшибаетъ въ грязные рвы и лужи. Иногда, обмывши больной членъ непочатаю водою трійчи, двійчи, разъ, показываетъ въ мискѣ кровь; она также читаетъ ночью по зирямъ (звѣздамъ), какъ дьячекъ псалтирь. Не за нашей памяти вѣрили, что она можетъ превращаться въ дымъ и летать сорокою; огненный змѣй приноситъ къ ней клады. Говорятъ, что однѣ бываютъ родимыя, у которыхъ есть хвосты, и другія ученыя, хитрыя и злыя, наученныя разславлять о себѣ всякій вздоръ и всегда дѣйствовать отважно, будучи увѣренными, что ихъ всѣ боятся и отъ нихъ бѣгутъ, потому что на нихъ не дѣйствуетъ никакое оружіе, ни дерево, кромѣ осиноваго, изъ котораго должно сдѣлать тонкую палочку и должно бить не прямо, а на-отмахъ назадъ, что не всякій знаетъ, и въ торопяхъ очень не ловко. Не будучи одарены хвостомъ, онѣ не могутъ летать на Лысую гору. Всѣмъ извѣстно, какъ онѣ крадутъ дождь на дно колодязей, и какъ въ засухи собирали всѣхъ старыхъ бабъ въ прошедшемъ столѣтіи не только у насъ въ Малороссіи, но въ Германіи и во Франціи, и топили ихъ, чтобы вынудить дождь, или открыть виноватую вѣдьму, которая, будучи связана за руки и ноги накрестъ, всплыветъ непремѣнно, какъ коровай свинаго сала. Вѣдьмы снимаютъ также зирки, перечищаютъ ихъ и опять на небо вставляютъ. За 40 лѣтъ прежде того въ одномъ полковомъ городѣ (Гадячѣ) козаки и жены ихъ среди площади складывали костеръ дровъ, таскали сухой хворостъ и солому, чтобъ сжечь свою полковницу, которая возбудила своею красотою и богатствомъ одеждъ и уборовъ общую зависть, по доносу нѣсколькихъ бабъ, на сходкѣ у колодца. Основываясь на законѣ того времени — „два козака судятъ третьяго, а паче громада“, „громада—великій панъ“, бѣшеныя бабы принудили своихъ козаковъ, не смотря на могущество и власть своего полковника, осудить на всесожженіе его супругу. Весь городъ взволновался. Несчастный мужъ прибѣгнулъ къ помощи благочестиваго (православнаго) соборнаго протоіерея, котораго всѣ боялись и почитали. Старецъ вышелъ къ народу въ церковномъ облаченіи съ крестомъ въ рукѣ: знаменіемъ крестнымъ укротилъ волненіе и сильнымъ поученіемъ погасилъ возгорѣвшійся костеръ. Въ чемъ же состояло обвиненіе? У гетманши [1]) не было дѣтей. Этому причина была пол-

[1]) Белецкій-Носенко допустилъ анахронизмъ: За 40 лѣтъ передъ тѣмъ не было уже гетмана.

ковница: она сняла зирку, засадила ее въ глекъ (кувшинъ), заткнула пеленою и такъ закопала въ криницѣ, что подъ горою Никольскаго монастыря".

Около 1800 года Белецкій-Носенко впервые наблюдалъ малороссійскіе свадебные обряды и записалъ нѣкоторые такіе, кои могли имѣть мѣсто только въ XVIII вѣкѣ. „Въ городѣ полковомъ, — говоритъ онъ,—у богатыхъ гражданъ и чиновниковъ совершалось таинство вѣнчанія торжественнѣе: молодыхъ передъ папертью церковною встрѣчали команда пѣшихъ козаковъ съ ружьями, сурначи (трубачи) и довбишъ съ накрами (литаврщикъ съ литаврами), съ честью. Молодымъ подстилали въ церкви коверъ, на него подъ ноги клали серебряныя деньги, которыя застилали кускомъ шелковой матеріи. По выходѣ изъ церкви, козаки опять отдавали молодымъ честь; сурны и ракры и стрѣльба изъ ружей оглашали воздухъ". Зимою, послѣ брачнаго обѣда, въ городахъ, у богатыхъ, устраивали нѣчто въ родѣ маскерада. Связываютъ вмѣстѣ нѣсколько гринжалъ (большіе полозья), замащиваютъ ихъ досками, настилаютъ коврами, ставятъ накрытые столы съ напитками и скамьи, впрягаютъ нѣсколько паръ воловъ съ позолоченными рогами, у которыхъ на лбу навязаны красныя ленты и пучки барвинку и калины. Гости, переодѣвшись въ разные смѣшные костюмы, садятся на нихъ и съ музыкантами проѣзжаются по улицамъ: все пляшетъ и смѣется при стеченіи народа".

„Въ настоящее время вышли изъ употребленія и „чуберачки". Въ старинныя времена дѣды наши совершали подъ этимъ названіемъ вакханаліи (попойки). Это слово составлено изъ двухъ: чубъ (хохолъ, обритая голова) и рачки (ползкомъ, подобно раку). Чубе—звательный падежъ, требующій глагола въ повелительномъ наклоненіи: ползай, кланяйся въ поясъ, пресмыкайся. Гуляли такъ: постилали на полу среди комнаты коверъ, ставили чашку съ вареною, т. е. наливкой, сваренной съ медомъ или сахаромъ, съ пряными кореньями; кругомъ чаши ставили кубки и чары. Вся честная компанія ложилась на коврѣ съ бакхическими пѣснями, у которыхъ припѣвомъ было: „чубе—рачки!" Гуляли, плясали и пили „до положенія ризъ", какъ тогда выражались, просто на-поваль, потому что тутъ же засыпали и проводили ночь. Были примѣры, что въ такихъ оргіяхъ участвовали и женщины, хотя по выраженію „чубе-рачки" касалось это только до чубовъ, а не до „очипковъ" (чепцовъ); но дѣвицы — никогда".

Въ заключеніе, намъ остается сказать нѣсколько словъ о малорусскомъ словарѣ П. П. Белецкаго-Носенка или, скорѣе, о предисловіи къ этому словарю. „Я не вносилъ въ мой словарь,—говоритъ авторъ,—тѣхъ словъ, которыя принадлежатъ безъ всякаго различія языку великорусскому и малорусскому, а только тѣ, которыя или совершенно отличны, или разнятся произношеніемъ и слѣдовательно правописаніемъ. Я придерживаюсь строго произношенія обитателей

Полтавской губерніи и прикосновенныхъ къ ней Кіевской, Волынской, Подольской, южной части Черниговской, Екатеринославской, Харьковской и проч., какъ потомковъ древнихъ Полянъ и Угличей. Вотъ причина, почему словарь мой содержитъ въ себѣ только нѣсколько десятковъ тысячъ словъ". „Исторія малороссійскаго языка можетъ быть раздѣлена на три періода: I) отъ самодревнѣйшихъ временъ до покоренія Кіева монголами; II) до присоединенія южной Россіи къ Польшѣ при великомъ князѣ Литовскомъ Ягеллонѣ 1383 года и подъ игомъ Польши и уніи до славнаго гетмана Богдана Зиновья Хмельницкаго, поддавшагося Россіи въ 1654 году, и наконецъ III) новѣйшій отъ Хмельницкаго до нашихъ временъ".

„Періодъ I. „Искони надъ славянами-полянами, угличами и другими владѣли готѳы, до временъ Эрмапариха ихъ короля, котораго побѣдилъ бичъ божій Атилла, гуннскій царь, наложившій дань впослѣдствіи на обѣ римскія имперіи. Отъ владѣнія готѳовъ остались въ языкѣ безчисленные лингвистическіе памятники словъ, необходимыхъ въ просторѣчіи, напримѣръ: плугъ—pflug; хлибъ въ Ульфиловой библіи chlaibs; гараздъ — garazds: мусити—müssen; мандровати, вандровати—wandern; паламарь (понамарь)—palmer; мордовати—mordern, и проч. „Когда тѣ же готѳы, подъ названіемъ варяго-руссовъ или норманновъ, положили основаніе русскому государству (въ 862 году), то множество ихъ словъ еще болѣе усвоилось языку полянъ; а до того вкрались въ него многія азіатскія выраженія отъ гунновъ, козаровъ, печенеговъ, касоговъ, торковъ, берендѣевъ, черныхъ клобуковъ и проч., построившихъ города на Днѣпрѣ и Роси, а впослѣдствіи—отъ половцевъ, монголовъ и крымцевъ. Вотъ нѣкоторыя изъ очень многихъ азіатскихъ словъ: сарай, амбаръ, башка, базаръ, буздыгарня, бардакъ, бурдюгъ, кавунъ, гарбузъ, баштанъ, козакъ, гайдамакъ и проч. Со введеніемъ православной вѣры равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ (988 по Р. Хр.), съ новыми понятіями явились и новыя слова изъ греческаго; — богословскія, догматическія и церковныя. Изъ нихъ многія остались въ испорченномъ видѣ у простаго народа, напримѣръ: бискуцій, проскура, пипъ, архипатрика, крутопипъ, калцеръ, катавласія, типикъ, вовкулака (изъ врохулахасъ), крилосъ, опитемья и проч."

„II періодъ польско-запорожскій. Запорожцы составили себѣ особенное условное нарѣчіе, смѣсь изъ всѣхъ славянскихъ, принявшихъ общую опоку (форму) этимологическую славяно-церковнаго. Для окончательныхъ корней отношеній стали превращать разные звуки въ иные, ввели многіе метаплазмы, т. е. усѣченія и вставки, безъ перемѣны значенія, и проч... Такимъ образомъ въ южной Россіи отразилось новое нарѣчіе простонародное, и вошло въ употребленіе говорить: вмѣсто медвѣдь—ведмидь, рыцарь—лыцарь, воробей—горобецъ, монисто — намисто, и проч. Къ этому присоединилось еще вліяніе польскаго и еврейско-нѣмецкаго языковъ. Доказательствомъ польскаго

вліянія служатъ многіе универсалы (грамоты, манифесты) и акты судебные, тогда писанные. Здѣсь открылось свободное поле писарямъ (секретарямъ) повѣтовымъ, полковымъ, войсковымъ, показать сколько можно своей бойкости и запестрить свой слогъ польско-латинскими оборотами и словами, чтобы отмѣниться отъ языка посполыства (простонародья). Вкралось также множество испорченныхъ нѣмецко-жидовскихъ словъ, напримѣръ: кгвалтъ, шинкъ, оренда, ранда, оландаръ, лихтарь, мешензъ, пранциберъ, рахунокъ, талирка, кварта, кербель, и проч.“

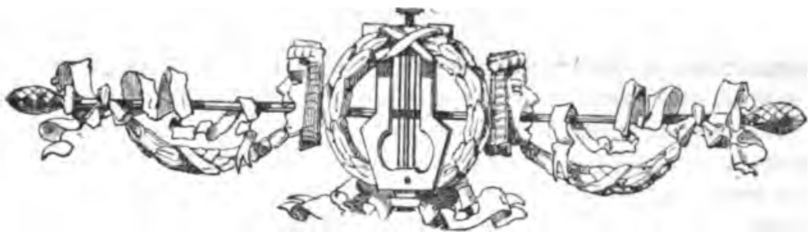
„III новѣйшій періодъ отъ Богдана Хмельницкаго (1654) до нашихъ временъ. Въ это время „южно-русскій или малороссійскій языкъ принялъ первобытную чистоту славяно-церковнаго, сроднился съ чистымъ россійскимъ, очистился отъ несвойственнаго, испорченнаго латинизма, смягчился и сдѣлался способнымъ такъ, что на немъ можетъ быть выражено все, что есть написано на всѣхъ языкахъ“.

Лингвистическіе труды П. П. Белецкаго-Носенка представляются для нынѣшнихъ филологовъ наивными и устарѣлыми; но не слѣдуетъ забывать, что они составлены еще въ 1841—1842 годахъ, и что самъ Белецкій-Носенко по своему воспитанію принадлежитъ къ эпохѣ царствованія Екатерины II.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

Н. Петровъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.[1]

V.

На югѣ.

Много счастливыхъ случайностей являлось въ жизни Пушкина. Онѣ выводили изъ затрудненій и даже спасали его отъ гибели въ самыя критическія минуты. Поэтическая фантазія могла бы видѣть въ нихъ тайныхъ, добрыхъ геніевъ, которые охраняли его отъ злобнаго духа, стремившагося овладѣть имъ. Двѣ такихъ случайности, какъ бы нарочно придуманныя какимъ либо могущественнымъ другомъ, представились Пушкину въ Екатеринославлѣ. Одна заключалась въ самой личности генерала Инзова, человѣка образованнаго, мягкаго, уважавшаго личность каждаго, и понимавшаго требованія молодой натуры. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, имя его переходитъ въ потомство. Какъ генерала-попечителя южныхъ колоній, никто бы и не зналъ о немъ, но какъ человѣка, умѣвшаго сохранить намъ Пушкина, его узнали и будутъ знать всѣ. Будь на его мѣстѣ другой генералъ съ тѣми генеральскими наклонностями, съ какими въ то время являлись большинство русскихъ генераловъ, и можно сказать навѣрно, что не уцѣлѣть бы нашему Пушкину. Инзову не нужно даже было много времени, чтобы вникнуть въ тяжелое положеніе молодого человѣка, присланнаго къ нему подъ надзоръ за вредное вольнодумство. Онъ сразу угадалъ, какъ можно помочь юношѣ, виноватому за свою черезъ чуръ горячую кровь. Не распространяясь объ этомъ достойномъ человѣкѣ, мы только приведемъ коротенькое его письмо, въ которомъ высказывается прекрасная его душа: „Разстроенное его (Пушкина) здоровье въ столь

---

[1]) Продолженіе. См. № 7 „Историческаго Вѣстника“.

молодыя лѣта и непріятное положеніе, въ какомъ онъ по молодости находится, требовали съ одной стороны помочи, а съ другой, безвредной разсѣянности, а потому отпустилъ я его съ генераломъ Раевскимъ... Я надѣюсь, что за сіе меня не побранятъ и не назовутъ баловствомъ: онъ малый, право, добрый, жаль только, что скоро кончилъ курсъ наукъ; одна ученая скорлупа останется навсегда скорлупою [1])".

Нѣчто подобное высказалъ и Батюшковъ въ одномъ письмѣ: „Сверчокъ что дѣлаетъ? Не худо бы его запереть въ Гетингенѣ и кормить года три молочнымъ супомъ и логикою. Изъ него ничего не будетъ путнаго, если онъ самъ не захочетъ. Потомство не отличитъ его отъ двухъ его однофамильцевъ, если онъ забудетъ, что для поэта и человѣка должно быть потомство. Какъ ни великъ талантъ Сверчка, онъ его промотаетъ, если... Но да спасутъ его музы и молитвы наши [2])".

Черезъ какіе нибудь шесть лѣтъ, Пушкинъ самъ подтвердилъ сожалѣніе добраго Инзова, конечно, не зная о немъ. Въ своей запискѣ о русскомъ воспитаніи, написанной по вызову императора Николая Павловича, онъ писалъ по собственнымъ наблюденіямъ и опыту: „Въ другихъ земляхъ молодой человѣкъ кончаетъ курсъ ученія около 25 лѣтъ; у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе въ службу, ибо ему необходимо 30-ти лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ входитъ въ свѣтъ безъ всякихъ основательныхъ познаній, безъ всякихъ положительныхъ правилъ: всякая мысль для него нова, всякая новость имѣетъ для него вліяніе. Онъ не въ состояніи ни повѣрять, ни возражать; онъ становится слѣпымъ приверженцемъ или жалкимъ повторителемъ перваго товарища, который захочетъ оказать надъ нимъ свое превосходство или сдѣлать изъ него свое орудіе... Должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія... должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніемъ, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ [3])".

Сожалѣніе Инзова имѣло тотъ же смыслъ: онъ посмотрѣлъ на Пушкина, какъ на юношу, который не успѣлъ перекипѣть подъ вліяніемъ науки, и слишкомъ рано вступилъ въ шумную и праздную жизнь. Отчасти помочь этому заботливый генералъ нашелъ средство въ путешествіи, въ живыхъ впечатлѣніяхъ отъ такой природы, какъ Кавказъ и Крымъ, и взялъ на свою отвѣтственность отпускъ своего молодаго чиновника. Въ Петербургѣ посмотрѣли на это благосклонно, пославъ поэту въ пособіе тысячу рублей.

Другою счастливою случайностью былъ проѣздъ генерала Раевскаго

---

[1]) „Рускій Архивъ" 1863 г.

[2]) „Русскій Архивъ" 1867 г. сту. 1534.

[3]) Девятнадцатый вѣкъ. Бартенева. часть II.

черезъ Екатеринославль вскорѣ послѣ пріѣзда туда Пушкина. Молодые гвардейцы, сыновья генерала были знакомы съ поэтомъ; все семейство приняло въ немъ участіе, тѣмъ болѣе что въ то время онъ страдалъ лихорадкою; все сложилось такъ, что Пушкинъ безъ всякаго затрудненія отправился странствовать по Кавказу. Это обстоятельство было двойнымъ для него счастіемъ: во первыхъ, его недовольному, встревоженному, больному духу нужны были совсѣмъ новыя и сильныя впечатлѣнія; во вторыхъ, вліяніе самаго семейства генерала было для него благотворно и успокоительно. Самъ генералъ, прославившійся въ отечественную войну, былъ изъ тѣхъ екатерининскихъ баръ, которые умѣли держать себя самостоятельно и съ достоинствомъ передъ всякою силою; его сыновья и двѣ дочери, молодыя, хорошо образованныя дѣвушки, воспитаны были въ такомъ же духѣ. „Счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевскаго, писалъ Пушкинъ къ брату. Я не видалъ въ немъ героя, славу русскаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой прекрасной душою, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-го года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества... Всѣ его дочери прелесть, старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался, счастливое полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море...“

Это признаніе самого Пушкина дѣлаетъ ненужными всѣ другія разсужденія. Бесѣды съ бывалымъ генераломъ, конечно, были серьезны и поучительны для юноши. Особенно онъ сошелся съ старшимъ сыномъ его, Александромъ Николаевичемъ, оказавшимся потомъ въ числѣ декабристовъ, и судя по восторженному о немъ отзыву поэта, что „можетъ быть, ему предназначено управлять ходомъ весьма важныхъ событій и что онъ будетъ болѣе нежели извѣстенъ“, можно заключить, какіе были между ними разговоры. Съ нимъ Пушкинъ могъ спокойно вникать въ политическіе вопросы, волновавшіе Европу, и вдумываться въ нихъ безъ страстныхъ увлеченій. Тутъ были хладнокровныя разсужденія и не было мѣста фантазіи. Впечатлѣнія, быстро смѣняясь одни другими, не успѣвали превращаться въ поэтическіе образы. Вотъ почему за все время его путешествія мы знаемъ очень немного плодовъ его фантазіи. Въ эпилогѣ къ Руслану и Людмилѣ онъ говоритъ:

Забытый свѣтомъ и молвою
Далече отъ бреговъ Невы
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы,
Надъ ихъ вершинами крутыми

На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой.
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой,
Но огнь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній!
Она прошла, пора стиховъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!
Восторговъ краткій день протекъ —
И скрылась отъ меня навѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній.

Наконецъ, въ виду крымскихъ береговъ на кораблѣ, какъ будто вылилась изъ его души горечь чувства, которое накипало отъ всего прошедшаго. У него уже были воспоминанія, которыя томили душу, отъ которыхъ нельзя было отдѣлаться; жизнь является какъ угрюмый океанъ, видится отдаленный берегъ, тамъ, кажется, волшебные края полуденной земли:

Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньемъ упоенный...
И чувствую, въ очахъ родились слезы вновь;
Душа кипитъ и замираетъ...
Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнимъ,
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгорались,
Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отечески края,
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья...

Вся эта природа и состояніе собственной души настраивали Пушкина на тонъ Байрона, съ которымъ онъ сталъ въ это время знакомиться, благодаря дѣвицамъ Раевскимъ. Вотъ еще значеніе этого семейства въ жизни Пушкина. Здѣсь онъ получилъ возможность усовершенствовать себя въ англійскомъ языкѣ, съ которымъ до того былъ недостаточно знакомъ. Здѣсь его спутницы начали читать съ нимъ Байрона и надо сказать, что въ тотъ моментъ его жизни ни одинъ поэтъ такъ близко не могъ подойти къ настроенію души Пушкина, какъ Байронъ. Въ немъ онъ нашелъ прекрасное выраженіе своего собственнаго духа, недовольнаго самимъ собою, усталаго, неудовле-

творенннаго жизнію, отъ которой ожидалось что-то лучшее, въ то же время непокорнаго, гордаго, способнаго на всякую борьбу. Неудивительно, что нашъ поэтъ, самъ больной душою, пристрастился къ геніальному поэту больного вѣка, и, питаясь его поэзіей, усиливалъ свое собственное настроеніе, особенно, когда ему пришлось разстаться съ семействомъ Раевскихъ и очутиться, какъ онъ выразился въ письмѣ къ брату „одному посреди пустынной для него Молдавіи", т. е. въ Кишиневѣ.

Въ переселеніи генерала Инзова со всей канцеляріей изъ Екатеринославля въ Кишиневъ, мы также видимъ счастливую случайность для Пушкина. Нѣтъ сомнѣнія, что въ провинціальномъ захолустьѣ его пылкой натурѣ, требовавшей новыхъ впечатлѣній, не выдержать бы той пустоты и однообразія, какія онъ нашелъ бы въ Екатеринославлѣ. Если и въ Кишиневѣ на первыхъ порахъ ему показалось какъ въ пустынѣ, то все же онъ нашелъ тамъ то, чего не далъ бы ему ни одинъ губернскій городъ въ Россіи. Полуазіатскій характеръ города, нѣкоторая распущенность нравовъ высшаго молдавскаго общества, стремленіе къ веселой жизни съ претензіями на европейское просвѣщеніе, все это могло нѣкоторое время занимать Пушкина. Жизнь его за эти три почти года дѣлится на нѣсколько маленькихъ періодовъ: то въ Кишиневѣ, то въ Кіевской губерніи въ деревнѣ Каменкѣ у Раевскихъ, то въ Одессѣ, то наконецъ въ странствіи по Бессарабіи до турецкой границы. Каждый изъ этихъ періодовъ давалъ ему свои особенныя впечатлѣнія, что совершенно соотвѣтствовало потребностямъ его натуры и что выразилось и въ его поэзіи. Крайне нервная натура требовала постоянной и кипучей дѣятельности; а между тѣмъ цѣли, съ которой бы связывалась жизнь, пока еще никакой не выработалось. Генералъ Инзовъ не занималъ его службой, хорошо понимая, что поэтъ созданъ не для такой работы. Вдали отъ литературныхъ центровъ онъ не могъ отдаться и литературѣ, чтобъ сдѣлаться литераторомъ, полнымъ представителемъ общественныхъ интересовъ. Поэзія, какъ работа фантазіи надъ испытанными впечатлѣніями, могла наполнять только нѣкоторыя минуты его жизни. Что же оставалось ему? Вотъ такое-то общество, гдѣ у каждаго душа была на распашку, гдѣ не было ни свѣтской утонченности, ни жеманства, которыхъ не выносилъ Пушкинъ, и давало дѣятельность этой нервной натурѣ, правда, дѣятельность безцѣльную, но она все же занимала его и наполняла его праздное время. Ему нужно было на что-нибудь направлять этотъ избытокъ страстныхъ силъ, когда въ жилахъ кипѣла африканская кровь. Того успокоивающаго вліянія, какое онъ находилъ въ семействѣ Раевскихъ, здѣсь не было; а напротивъ, все были люди, которые вызывали его страсти, подталкивали на приключенія, затрогивали самолюбіе или тщеславіе, или другія слабости. И вотъ правнукъ негра является готовымъ на все; каждое впечатлѣніе зажигаетъ его кровь, и часто онъ не можетъ самъ съ собою справиться. Этимъ объясняются всѣ разсказы объ его киши-

невской жизни, всѣ выходки и шалости, столкновенія и ссоры, о которыхъ мы не будемъ разсказывать. Близкій къ нему человѣкъ, Липранди [1]), такимъ образомъ говоритъ о немъ: „Сколько я понималъ Пушкина, то я думалъ видѣть въ немъ всегда готоваго покутить за стаканами, точно такъ же какъ принимать участіе въ карточной игрѣ, не будучи особенно пристрастнымъ ни къ тому, ни къ другому. Одинаково и во всѣхъ другихъ общественныхъ случаяхъ, во всемъ онъ увлекался своею пылкостью: тамъ, гдѣ танцовали, онъ отъ всей души предавался пляскѣ, гдѣ былъ легкій разговоръ, онъ былъ неистощимъ въ остротахъ; съ жаромъ вступалъ въ разговоръ, особенно, гдѣ дѣло шло о поэзіи... Самолюбіе его было безъ предѣловъ: онъ ни въ чемъ не хотѣлъ отставать отъ другихъ; словомъ вездѣ и во всемъ обнаруживалась африканская кровь его. Я зналъ Александра Сергѣевича вспыльчивымъ иногда до изступленія; но въ минуту опасности, словомъ когда онъ становился лицомъ къ лицу со смертію, когда человѣкъ обнаруживаетъ себя вполнѣ, Пушкинъ обладалъ въ высшей степени невозмутимостью при полномъ сознаніи своей запальчивости, виновности, но не выражалъ ее. Когда дѣло доходило до барьера, къ нему онъ являлся холоднымъ какъ ледъ... Подобной натуры, какъ у Пушкина, въ такихъ случаяхъ, я встрѣчалъ очень немного. Эти двѣ крайности въ той степени, какъ онѣ соединились у Александра Сергѣевича, должны быть чрезвычайно рѣдки. Къ сему должно еще присоединить, что первый взрывъ его горячности не былъ недоступенъ до его разсудка... Онъ всегда восхищался подвигомъ, въ которомъ жизнь ставилась, какъ онъ выражался, на карту. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ разсказы о военныхъ эпизодахъ; лицо его краснѣло и изображало жадность узнать какой-либо особенный случай самоотверженія, глаза его блистали, и вдругъ часто онъ задумывался"...

Въ Кишиневѣ у Пушкина было нѣсколько дуэлей, на которыя онъ самъ напрашивался въ порывѣ вспышки, часто изъ-за пустяковъ. Пріятели иногда успѣвали примирять противниковъ; но для этого нужно было прежде убѣдить Пушкина, что онъ не будетъ смѣшонъ и не покажется трусомъ. Этого мнѣнія онъ боялся болѣе всего и хотя бы былъ убѣжденъ въ своей винѣ и радъ бы былъ какъ-нибудь выпутаться изъ непріятной исторіи, но не отказывался отъ вызова. Иногда онъ бранилъ свою арабскую кровь и въ то же время готовился къ дуэли, отказаться отъ которой даже съ честью вполнѣ отъ него зависѣло. Въ этомъ случаѣ онъ хорошо отразился въ своемъ „Евгеніи Онѣгинѣ" и въ „Сильвіо" (разсказъ „Выстрѣлъ") [2]). Генералу Инзову, въ домѣ котораго жилъ Пушкинъ, стоило также не мало хлопотъ

---

[1]) Дневникъ и воспоминанія Липранди, „Русскій Архивъ", 1866 г.

[2]) Говорятъ даже, что случай съ черешнями подъ выстрѣломъ противника былъ съ нимъ самимъ.

смирять запальчиваго поэта и разводить его съ противниками, не употребляя строгой начальнической власти. Онъ терпѣливо выносилъ всѣ выходки Пушкина и только иногда прибѣгалъ къ какому-нибудь однодневному домашнему аресту, или къ короткому удаленію изъ города подъ видомъ незначительной служебной командировки. Не думалъ конечно добрый генералъ, что отечество посмотритъ на такое снисходительное отношеніе къ проказамъ поэта какъ на заслугу.

Любовныя увлеченія составляли также содержаніе жизни Пушкина за это время; но они были не продолжительны и отличались болѣе чувственнымъ характеромъ. Еще въ 1818 г. онъ говорилъ о себѣ:

Я—повѣса вѣчно праздный,
Потомокъ негровъ безобразный,
Взрощенный въ дикой простотѣ,
Любви не вѣдая страданій,
Я нравлюсь юной красотѣ
Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній...

Съ любовью иногда соединялись и ревнивыя мечты, которыя также легко переходили въ страсть, хотя и кратковременную. Все это отражалось въ его поэзіи, но съ пріемами вполнѣ артистическими. Въ минуты самыхъ впечатлѣній Пушкинъ высказывался только въ экспромтахъ и эпиграмахъ, отличающихся остротою ума и чуждыхъ поэзіи; но для того чтобы сдѣлаться содержаніемъ лирическаго произведенія, нужно было имъ перейти въ творческую фантазію, очиститься отъ всего лишняго, посторонняго, крайняго, иногда африканскаго, найти прекрасный образъ съ общечеловѣческимъ характеромъ, словомъ обратиться въ поэзію чувства. Такъ работала артистическая душа Пушкина, и отсюда понятно, какіе цвѣты поэзіи создавались изъ его впечатлѣній, чувствъ и страстей. Конечно, онъ и самъ не могъ бы объяснить намъ, какой процессъ совершался въ его душѣ, когда его впечатлѣніе переходило въ прекрасные образы. Онъ ясно сознавалъ ихъ уже въ готовомъ видѣ, и какъ истинный артистъ давалъ имъ особенную жизнь, отдѣляя отъ своей души и наслаждаясь ихъ красотою. Отсюда какое-то услаждающее спокойствіе даже при выраженіи самыхъ живыхъ и страстныхъ чувствъ, что подмѣтилъ и Бѣлинскій, говоря о лирикѣ Пушкина. Но уступая своей нервной натурѣ и поддаваясь всѣмъ соблазнамъ окружающей распущенной жизни, Пушкинъ не могъ не чувствовать и пустоты ея. Для геніальной души тутъ слишкомъ мало было умственной пищи, которая просвѣтляетъ ее; не было тѣхъ задачъ жизни, какихъ она ищетъ уже по самой своей натурѣ, и отсюда конечно и недовольство собою, и грустный отпечатокъ среди кажущагося веселья, и новое стремленіе подавить это чувство хоть натянутою шуткою, хоть остротою, хоть насильнымъ смѣхомъ, наконецъ одушевленіе въ разговорѣ, если въ немъ блеснетъ хоть какая-нибудь дѣльная мысль. Вотъ какимъ въ первый разъ представился

Пушкинъ въ Кишиневѣ В. П. Горчакову, прибывшему на время въ этотъ городъ. „Былъ въ театрѣ. Обратилъ мое вниманіе молодой человѣкъ, небольшого роста, но довольно плечистый и сильный, съ быстрымъ и наблюдательнымъ взоромъ, необыкновенно живой въ своихъ пріемахъ, часто смѣющійся въ избыткѣ непринужденной веселости и вдругъ неожиданно переходящій къ думѣ, возбуждающей участіе. Очерки лица его были неправильны и некрасивы, но выраженіе думы до того было увлекательно, что невольно хотѣлось бы спросить: что съ тобою, какая грусть мрачитъ твою душу... Пробираясь между стульевъ со всею ловкостью и изысканною вѣжливостью свѣтскаго человѣка, онъ остановился передъ какою-то дамою... мрачность его исчезла, ее смѣнилъ звонкій смѣхъ, соединенный съ непрерывною рѣчью. Онъ безпрерывно краснѣлъ и смѣялся“ [1]).

Другой знакомый Пушкина записалъ о немъ слѣдующее: „Въ обществѣ Пушкинъ былъ до чрезвычайности неловокъ и при своей раздражительности легко обижался какимъ-нибудь словомъ, въ которомъ рѣшительно не было ничего обиднаго. Иногда онъ корчилъ лихача, вѣроятно вспоминая Каверина и другихъ своихъ пріятелей-гусаровъ. При этомъ онъ разсказывалъ про себя самые отчаянные анекдоты, и все вмѣстѣ выходило какъ-то пошло. За то когда заходилъ разговоръ о чемъ-нибудь дѣльномъ, Пушкинъ тотчасъ просвѣтлялся. О произведеніяхъ словесности онъ судилъ дѣльно и съ особеннымъ какимъ-то достоинствомъ. Не говоря почти никогда о собственныхъ сочиненіяхъ, онъ любилъ разбирать произведенія современныхъ поэтовъ и не только отдавалъ каждому изъ нихъ справедливость, но въ каждомъ умѣлъ отыскать красоты, какихъ другіе не замѣтили“.

При такомъ томительномъ состояніи, заглушаемомъ шумной, безпорядочной жизнью, при избыткѣ силъ, Пушкинъ радъ былъ, когда заговорили о возстаніи грековъ противъ турецкаго гнета, когда въ Кишиневѣ стали являться бѣглецы изъ предѣловъ Турціи и еще болѣе оживлять этотъ городъ, когда стали возлагать надежду на помощь Россіи и ожидать войны. Пушкинъ вспомнилъ свое обѣщаніе вступить въ ряды воиновъ въ военное время, чтобы „рубиться и пѣть славу ударовъ“. Представлялось прекрасное дѣло—помогать угнетеннымъ и имѣть достойное содержаніе для поэзіи. Поэту нужны были впечатлѣнія новыя и болѣе сильныя, что доказывается его стихотвореніемъ „Война“.

Увижу кровь, увижу праздникъ мести!
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ...
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей....
Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудятъ мой уснувшій геній.
Родишься-ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1866 г. Пушкинъ въ южной Россіи.

Ты жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на честь,
Кончину-ль темную сулитъ мнѣ жребій боевъ,
И все умретъ со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
И мыслей творческихъ напрасное волненье,
Ужель ни бранный шумъ,
Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы,
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бѣжитъ меня: нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою овладѣла!..

Но войны не дождался Пушкинъ: пришлось только выслушивать разсказы кишиневскихъ гостей, покидавшихъ свою родину послѣ неудачныхъ схватокъ. Но все это не оживило души поэта.

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья
Плоды сердечной пустоты.
Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ!
Живу печальный, одинокій,
И жду: придетъ ли мой конецъ!

Вотъ въ какомъ состояніи была его душа въ то время, какъ въ обществѣ онъ казался то веселымъ, то задорнымъ, съ рѣзкими мнѣніями и сужденіями, которыя въ наше время назвали бы нигилистическими. Въ числѣ его пріятелей, по большей части людей военныхъ, изъ 16-й дивизіи, расположенной въ Бессарабіи, и нѣкоторыхъ чиновъ генеральнаго штаба, были люди весьма образованные и дѣльные, цвѣтъ русской арміи, въ послѣдствіи сдѣлавшіеся жертвами политическаго увлеченья. Мысль подготовить и направить возбужденныя общественныя силы не оставляла ихъ и какъ мы уже видѣли прежде, встрѣчала въ Пушкинѣ полное сочувствіе. Но Пушкинской натурѣ было нужно и дѣло, на которое онъ могъ бы направить свои силы. Правда, и на дѣло наталкивало его это общество: изъ бесѣдъ, споровъ и разговоровъ съ этими людьми Пушкинъ убѣждался что ему не достаетъ многаго, чтобъ стать на равнѣ съ вѣкомъ въ просвѣщеніи, какъ онъ выразился въ посланіи къ Чаадаеву, что ему нужно заняться очень дѣятельно собственнымъ образованіемъ. При такомъ сознаніи, для всякой другой натуры нашлось бы чѣмъ наполнить все свое время и занять всѣ свои силы. Но усидчивость, отвлеченный трудъ ума, продолжительное уединеніе и постоянное спокойствіе духа были не въ натурѣ Пушкина. Урывками онъ отдавался и чтенію, и желанію обогатить себя научными свѣдѣніями въ особенности историческими, и благодаря своей памяти и сильному уму, могъ въ немного времени пріобрѣтать себѣ многое; но ему трудно

было устроить правильныя занятія и послѣдовательно схватить все нужное, чтобъ „въпросвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“. Ему было бы трудно даже приняться за эту работу, если бы у него и явилась страсть къ ней и онъ захотѣлъ бы преодолѣть свою нервную подвижную натуру. Онъ былъ въ томъ положеніи, въ какомъ въ послѣдствіи изобразилъ своего Онѣгина, когда тому въ деревенской глуши вздумалось просвѣщать себя книгами. Безпорядочное чтеніе можетъ передать много отрывочныхъ познаній, но не поставитъ въ просвѣщеніи наравнѣ съ вѣкомъ. Такимъ способомъ въ то время у насъ и пріобрѣталось просвѣщеніе и о Пушкинѣ можно сказать, что поставить себя на равнѣ съ русскимъ просвѣщеніемъ ему не нужно было много времени. Но трудность между прочимъ заключалась и въ томъ, что на окраинѣ русскаго государства нельзя было достать и необходимыхъ книгъ. Если въ Одессѣ было трудно найти русскую книгу, такъ какъ Одесса, по шутливому выраженію Пушкина, городъ европейскій, то тѣмъ болѣе не возможно было что нибудь имѣть въ Кишиневѣ, который только недавно былъ присоединенъ къ имперіи. И мы знаемъ, сколько разъ приходилось писать Пушкину въ Петербургъ объ одной и той же книгѣ, чтобы ее выслали ему: братъ или друзья его не очень торопились способствовать просвѣтительнымъ стремленіямъ поэта. Какъ бы то ни было, но Пушкинъ сталъ сознавать недостатокъ своего образованія, и у него были дни, когда онъ сосредоточивался на умственномъ трудѣ. Подъ впечатлѣніемъ этихъ спокойныхъ дней онъ и описывалъ свою жизнь Чаадаеву:

Сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ,
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ,
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы,
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ на равнѣ.

Душа Пушкина особенно лежала къ селу Каменкѣ, Кіевской губерніи, гдѣ жили Раевскіе и Давыдовы, ихъ родственники, и гдѣ онъ какъ бы отдыхалъ душою. Подъ вліяніемъ этого общества въ Пушкинѣ поддерживался тотъ свободный духъ вѣка, противъ котораго успѣли наконецъ настроить и либеральнаго императора Александра. Фантазія нашего поэта стала разработывать образъ баснословнаго новгородца Вадима, думая выразить въ немъ идеалъ вольнолюбиваго героя. Этотъ образъ въ то время былъ любимымъ у нашихъ либеральныхъ стихотворцевъ, которые охотно обращались къ древнему Новгороду и Пскову, чтобы напомнить о прежней славянской свободѣ. Такъ, по свидѣтельству Липранди, Пушкинъ, читая рукописное стихотвореніе своего пріятеля В. Ф. Раевскаго „Пѣвецъ въ темницѣ“, за-

мѣтилъ, что тотъ упорно хочетъ брать все изъ русской исторіи, что и тутъ онъ нашелъ возможность упомянуть о Новгородѣ и Псковѣ, о Марфѣ посадницѣ и Вадимѣ. Въ это время Рылѣевъ, подражая польскому поэту Нѣмцевичу, сталъ писать историческія думы, стараясь выразить въ нихъ идеалъ народной доблести. Въ числѣ первыхъ написанъ имъ Вадимъ:

Несмотря на хладъ убійственный
Согражданъ къ правамъ своимъ,
Ихъ отъ бѣдъ спасти насильственно
Хочетъ пламенный Вадимъ.
До какого насъ безславія
Довели вражды гражданъ!
Насылаетъ Скандинавія
Властелиновъ для славянъ.

Пушкинъ также замышлялъ писать и трагедію и поэму съ именемъ Вадима, но ограничился только отрывками и скоро все бросилъ, потому что, какъ справедливо замѣчаетъ г. Анненковъ, ни исторія ни преданія никакихъ дѣльныхъ матеріаловъ для того не приготовили, а Пушкинъ не могъ долго обращаться съ подобными элементами производства, какъ выдумка и подлогъ.

Въ Каменкѣ, Пушкинъ встрѣтился съ декабристомъ Якушкинымъ (въ 1821 г.) членомъ только что прекратившагося передъ этимъ тайнаго общества въ Москвѣ „Союза Благоденстія". Якушкинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что въ послѣдній вечеръ его пребыванія въ Каменкѣ, возникъ вопросъ: насколько было бы полезно учрежденіе тайнаго общества въ Россіи. Орловъ высказалъ все, что можно было сказать за и противъ тайнаго общества. Пушкинъ съ жаромъ доказывалъ пользу, какую бы могло принести тайное общество въ Россіи... Раевскій исчислилъ всѣ случаи въ которыхъ тайное общество могло бы дѣйствовать съ успѣхомъ и пользой. Весь разговоръ окончился шуткой. Всѣ смѣялись. Только Пушкинъ, былъ очень взволнованъ. Онъ ожидалъ, что Общество тутъ же получитъ свое начало и онъ будетъ его членомъ; но когда увидѣлъ, что изъ этого вышла только шутка, онъ подошелъ къ Якушкину раскраснѣвшись и сказалъ: „Я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь; я уже видѣлъ жизнь свою облагороженною и высокую цѣль передъ собой, и все это была только злая шутка".

Зная, что Пушкинъ еще и прежде хотѣлъ соединить свою поэзію съ какимъ либо важнымъ общественнымъ дѣломъ, мы можемъ повѣрить этому разсказу Якушкина. Подъ впечатлѣніемъ разговоровъ и бесѣдъ, онъ увлекался и въ горячности готовъ былъ на многое. Впрочемъ революціонный духъ тайныхъ союзовъ развился у насъ въ послѣдствіи, когда государственныя силы въ лицѣ Магницкаго, Рунича и др. стали подавлять даже то просвѣщеніе, которымъ передъ этимъ императоръ хотѣлъ возвысить и облагородить русскую жизнь.

Тогда былъ сдѣланъ рѣзкій шагъ; представители возбужденныхъ общественныхъ силъ не сообразили тѣхъ предѣловъ, въ какихъ онѣ могутъ требовать себѣ правъ на общественную дѣятельность, и какъ люди военные перешли эти предѣлы и думали дѣло общественное обратить въ дѣло полковое, военное, стали разсуждать о насильственныхъ перемѣнахъ, замышлять заговоры. По опытамъ и примѣрамъ прошедшаго столѣтія все это казалось такъ легко; но никому не приходило въ голову, что смыслъ всего движенія былъ совсѣмъ не тотъ, что въ дворцовыхъ переворотахъ восемнадцатаго столѣтія. Ошибка была важная, за которую и пришлось потомъ очень тяжело поплатиться не только участникамъ этого дѣла, но и всему послѣдующему поколѣнію, для котораго медленно подготовлялись потери и страданія разгрома крымской войны.

Не пришлось Пушкину вступить въ тайное общество, которое вскорѣ вновь составилось, но уже тогда, когда онъ былъ далекъ отъ центровъ революціоннаго стремленія. За то онъ вступилъ въ Кишиневскую масонскую ложу, куда его привлекъ конечно не масонскій духъ. „За эту ложу, писалъ онъ въ 1826 г. къ Жуковскому, вскорѣ послѣ 14 декабря были уничтожены въ Россіи всѣ ложи." А о всѣхъ ихъ писалъ къ самому императору еще въ 1821 году, генералъ Кушелевъ, управлявшій масонскою ложею Астрея: „духъ своеволія, буйства и совершеннаго безначалія, а не духъ кротости христіанской и истинныхъ правилъ масонскихъ, смиреніе, въ нихъ дѣйствуетъ; только великая ложа св. князя Владиміра къ порядку пресѣкаетъ всякаго рода своеволія, несовмѣстныя съ образомъ россійскаго правленія" [1]). Вотъ что могло привлечь и Пушкина въ масонскую ложу.

Но не смотря на горячее сочувствіе, высказанное тайному союзу въ Каменкѣ, не смотря на духъ своеволія масонской ложи, Пушкинъ не противорѣчилъ себѣ въ послѣдствіи, когда утверждалъ, что онъ всегда былъ противъ насильственныхъ военныхъ переворотовъ и кровавыхъ революцій. Въ спокойныя минуты, при хладнокровной работѣ ума, онъ часто доходилъ до другихъ убѣжденій, которыя противорѣчили его вспышкамъ. Намъ извѣстенъ фактъ, гдѣ онъ представляется даже очень благоразумнымъ и осторожнымъ:

Въ 1822 году былъ арестованъ и заключенъ въ Тираспольскую крѣпость маіоръ В. Ф. Раевскій, хорошій пріятель Пушкина, по обвиненію въ либерализмѣ съ солдатами. Черезъ полтора года, проѣзжая по Бессарабіи, Пушкинъ остановился въ Тираспольѣ и отказался видѣться съ заключеннымъ Раевскимъ, не смотря на то, что такое предложеніе было ему сдѣлано самимъ корпуснымъ командиромъ Сабанеевымъ. Всякій другой даже и осторожный человѣкъ не затруднился бы воспользоваться случаемъ повидаться съ пріятелемъ, но Пушкина остановила мысль, что объ этомъ свиданіи могутъ донести

[1]) „Русская Старина" 1877 г. № 3.

въ Петербургъ, гдѣ посмотрятъ на него неблагосклонно. Боялся ли Пушкинъ повредить Раевскому, или себѣ, во всякомъ случаѣ тутъ высказывается много осторожности и сообразительности. Такія противорѣчія въ Пушкинѣ проявлялись часто. „Въ дружескомъ обращеніи, писалъ онъ самъ въ это время къ брату, я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнымъ сужденіямъ“. Въ это же время религіозное вольнодумство Пушкина на словахъ перешло въ глумленіе и кощунственность, поддерживаемыя нѣкоторыми изъ его молодыхъ пріятелей, которымъ все это нравилось. Плодомъ такого настроенія ума былъ переиначенный разсказъ въ стихахъ изъ библейской исторіи, который ходилъ по рукамъ и переписывался. Благодаря ему, въ нѣкоторыхъ кругахъ Пушкинъ прослылъ за самаго развращеннаго человѣка, а между тѣмъ этотъ самый разсказъ въ непродолжительномъ времени тяжело легъ на его совѣсть, и онъ дорого бы заплатилъ, если бы было возможно уничтожить его. Въ отрывочныхъ его запискахъ за это время мы встрѣчаемъ такое французское выраженіе: „Mon coeur est materialiste, mais ma raison s'y réfuse [1]), (по чувству я матеріалистъ, но мой разсудокъ противится этому). Въ 1830 г. Пушкинъ, говоря о Байронѣ, видимо, имѣлъ въ виду и свое собственное оправданіе, печатая такія строки: „Какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя произвольную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто по какому либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставлять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза черни однѣми своими странностями. Анекдотъ объ отрубленномъ хвостѣ Алкивіадовой собаки всѣмъ извѣстенъ; странныя поговорки, прыжки и увертки Суворова въ живой еще памяти у всѣхъ русскихъ“.

Такимъ образомъ о Пушкинѣ можно сказать, что онъ выставлялъ на показъ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія, по своенравному убѣжденію ума. Это была прихоть генія обращать на себя вниманіе противорѣчіями съ общепринятымъ. Это была насмѣшка надъ узкимъ нравственнымъ идеаломъ людей, сковывающихъ всякое свободное движеніе. Это были страстные порывы своенравной личности къ безграничной свободѣ, которую она и беретъ на свою отвѣтственность. Но это же самое впослѣдствіи довело Пушкина до убѣжденія въ безполезности идти въ рѣзкій разладъ съ людьми, потому что они дѣлаютъ вашу судьбу, а не на оборотъ.

Петербургскіе пріятели Пушкина, а потомъ и нѣкоторые его біографы, приписывали всѣ странности его вліянію Байрона. Нѣтъ сомнѣнія, что поэзія Байрона имѣла вліяніе на его творчество; но что касается его поступковъ, то они прямо вытекали изъ тревожнаго со-

---

[1]) „Библіограф. Записки“ 1859 г. ст. 129.

стоянія его духа. Онъ чувствовалъ разладъ въ своей душѣ, чувствовалъ то ложное положеніе, въ какое поставленъ ссылкою, отчасти сознавалъ, что и самъ не былъ правъ, не могъ примириться съ этой жизнію, въ какой долженъ былъ вращаться не по собственной волѣ, и вотъ, какъ бы на зло всѣмъ, онъ хочетъ жить своей особенной жизнію, не обращая вниманія на людскія требованія. Онъ и безъ Байрона былъ бы такимъ. Онъ даже составляетъ теоретически правила, какъ нужно вести себя съ людьми, хотя въ жизни для его натуры эти правила были бы менѣе всего практичны; но ему казалось, что онъ выводитъ ихъ изъ опытовъ собственной жизни. Правда, въ нихъ немножко отзывается байронизмъ, или лучше сказать то, что въ послѣдствіи такъ типически выразилось въ Лермонтовскомъ Печоринѣ; но здѣсь главное не намѣренное подражаніе Байрону или, какъ выразился Рылѣевъ въ одномъ письмѣ, не корченье Байрона, а то нѣсколько озлобленное состояніе духа, которое находило себѣ родство въ байронизмѣ. Эти правила Пушкинъ нашелъ нужнымъ передать своему младшему брату, который тогда только вступалъ въ жизнь. „Твое поведеніе должно надолго опредѣлить твою репутацію и можетъ быть, твое счастіе“, писалъ онъ въ 1822 г. и этими словами какъ бы осудилъ самого себя за то, что не такъ относился къ людямъ, какъ нужно бы было по его настоящей теоріи. „Ты будешь имѣть дѣло съ людьми, которыхъ еще не знаешь; начинай всегда съ того, что предполагай въ нихъ всевозможное зло. Ты ошибешься не на много... Презирай ихъ какъ можно вѣжливѣе; это средство оградитъ тебя отъ маленькихъ предразсудковъ и маленькихъ страстей, которыя поразятъ тебя при вступленіи въ свѣтъ. Будь холоденъ со всѣми. Фамильярность всегда вредитъ; особенно опасайся допускать ее съ твоими начальниками, какъ бы ни была велика ихъ предупредительность. Они очень скоро опередятъ тебя и будутъ очень рады унизить тебя въ такое время, когда меньше всего этого ожидаешь. Избѣгай маленькихъ угожденій, не допускай излишней уступчивости, на какую можешь быть способенъ: люди не поймутъ ее и охотно примутъ за низость, всегда готовые судить о другихъ по самимъ себѣ. Не принимай никогда благодѣяній. Благодѣяніе большею частью бываетъ коварствомъ. Избѣгай протекціи, потому что она подчиняетъ и унижаетъ... Не забывай никогда умышленной обиды... Если твое состояніе или обстоятельства не позволятъ тебѣ блистать, не старайся скрывать своихъ лишеній, а скорѣе давай видъ, что держишься противуположной крайности: цинизмъ во всей его наготѣ имѣетъ вліяніе на легкомысленность мнѣнія, тогда какъ маленькія плутни тщеславія сдѣлаютъ тебя смѣшнымъ и презрительнымъ. Никогда не занимай, лучше терпи нужду; повѣрь, что она не такъ ужасна, какъ ее себѣ представляешь и особенно—не такъ, какъ убѣжденіе въ возможности видѣть себя безчестнымъ или быть принятымъ за таковаго. Эти правила, которыя тебѣ предлагаю, почерпнуты мною

изъ собственнаго тяжелаго опыта. Да примешь ты ихъ безъ принужденія. Они могутъ спасти тебя отъ дней страданія и бѣшенства. Когда нибудь ты услышишь мою исповѣдь. Она будетъ тяжка моему самолюбію; но это не остановитъ меня, когда дѣло коснется счастія твоей жизни [1])".

Зная прямоту и чистую душу Пушкина, мы не рѣшаемся подозрѣвать, что онъ хотѣлъ рисоваться передъ братомъ своими страданіями; но по его послѣднимъ строкамъ можемъ догадываться, какую внутреннюю борьбу выносилъ молодой человѣкъ отъ уязвляемой гордости, отъ бѣдности среди роскоши. Отсюда дѣлаются понятнѣе и тѣ выходки и странности, которыми онъ хотѣлъ поставить себя въ исключительное положеніе съ цѣлью прикрыться отъ положенія унизительнаго, котораго онъ не могъ выносить.

Отдыхать отъ всего этого Пушкинъ иногда удалялся въ степь, бродилъ съ цыганскимъ таборомъ, доходилъ до Дуная, искалъ новыхъ впечатлѣній: историческія имена, остатки древности дѣйствовали на его фантазію, которая и возсоздавала тѣ или другіе образы. Умъ его былъ постоянно въ дѣятельности. Такъ въ началѣ своей поѣздки на Кавказъ, онъ писалъ замѣчанія о Черноморскихъ и Донскихъ казакахъ, которыя впрочемъ не сохранились; подъѣзжая къ Керчи, онъ мечталъ увидѣть гробъ Митридата, слѣды Пантикапеи; Кіевъ воскресилъ въ его фантазіи Вѣщаго Олега, въ Бессарабіи онъ искалъ слѣдовъ столицы Буджацкихъ хановъ; „онъ не допускалъ и мысли, что бы могло все изчезнуть, говоритъ Липранди въ своихъ воспоминаніяхъ [2]); ему все грезились развалины дворцовъ и фонтановъ; точно также въ Бендерахъ разъискивалъ онъ могилу Мазепы и какіе либо о немъ преданія, досадовалъ, что никто тамъ не зналъ даже этого имени:

И тщетно тамъ пришлецъ унылый
Искалъ бы гетманской могилы

написалъ въ послѣдствіи поэтъ въ эпилогѣ къ Полтавѣ. Но особенно занимало его мѣсто ссылки поэта Овидія. Фантазія его привязалась къ этому имени, которое встрѣчаемъ и въ его стихотвореніяхъ и въ письмахъ къ друзьямъ. Считая себя изгнанникомъ, онъ роднился съ нимъ по общей судьбѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы гордился этимъ сходствомъ

Сія пустынная страна
Священна для души поэта,
Она Державинымъ воспѣта
И славой русскою полна.
Еще до нынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ;
Она летитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ музъ и Аполона,

---

[1]) „Библіограф. Записки" томъ I, стр. 8.
[2]) „Русскій Архивъ" 1866. № 10.

И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега крутаго...

Въ стихотвореніи „Къ Овидію" нашъ поэтъ излилъ свою душу и такъ былъ имъ доволенъ, что съ гордостью писалъ къ брату: „каковы стихи къ Овидію? и Русланъ, и Плѣнникъ, и все дрянь въ сравненіи съ ними". Это показываетъ, какъ занимала его мнимая связь его съ римскимъ поэтомъ.

Какъ часто увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою...
Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
Съ душей задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ,
Здѣсь ожививъ тобой мечты воображенья,
Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья
И ихъ печальныя картины повѣрялъ...
Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній,
И, жертва темная, умретъ мой слабый геній
Съ печальной жизнію, съ минутною мольбой...
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой—участью я равенъ былъ тебѣ...

Сомнѣніе въ самомъ себѣ, въ своемъ геніи, рѣдко овладѣвало душою поэта; тѣмъ болѣе эти минуты были для него тяжелыми. Пушкинъ и не подозрѣвалъ, что геній его выше того, кто за восемьнадцать столѣтій страдалъ на Дунайскихъ берегахъ за какіе-то любовныя интриги, не останавливался на мысли, что причина его собственной ссылки имѣетъ болѣе историческаго значенія, возбуждаетъ къ себѣ большее сочувствіе, чѣмъ любовное увлеченіе. Онъ только страдалъ, связывая свою мысль съ воспоминаніемъ о родной странѣ и объ оставленныхъ друзьяхъ, и какъ артистъ, нашелъ выраженіе своей души въ образѣ, прославленномъ исторіей. Вотъ отчего онъ такъ привязался къ тѣни Овидія, соединяя мечтанія съ дѣйствительностью:

Если обо мнѣ потомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
Близь праха славнаго мой слѣдъ уединенный,
Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранится же завѣтное преданье!
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный грекъ свободу вызывалъ,
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ...

И здѣсь, любовь къ славѣ, обычная страсть генія, не оставляла нашего поэта.

Другой историческій образъ, оживленный фантазіей Пушкина въ это же время, имѣетъ для насъ особенное значеніе, какъ голосъ русскаго поэта въ судѣ надъ лицомъ, связаннымъ съ недавней европейской исторіей. Извѣстіе о смерти Наполеона I въ 1821 г. оживило въ творческой душѣ поэта всѣ моменты жизни этой геніальной личности, связанной съ исторіей передового народа, и въ немъ вспыхнулъ настоящій, истинный, человѣколюбивый патріотизмъ, до котораго прежде никто не возвышался: отъ него просвѣтлѣла душа поэта, и онъ въ качествѣ безпристрастнаго потомка, какъ геніальный представитель того народа, который храбро отстоялъ собственными силами свободу свою и другихъ народовъ, могъ произнести самый честный приговоръ.

Надменный! кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предъузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара,
Но поздно русскихъ разгадалъ...

Причиненное Россіи зло было только временное. Тирану отплачены до послѣдней всѣ обиды. Фантазія поэта живо, трогательно представляетъ этого замученнаго льва въ клѣткѣ.

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ...
Гдѣ устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда въ своей пустынѣ,
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньи горько думалъ онъ.

Не достаточно ли этой земной казни для тирана? Повторитъ ли потомство проклятія современниковъ? Нѣтъ, русскій поэтъ взываетъ къ примиренію. Онъ хочетъ возвысить народный патріотизмъ не ненавистью и злобою, которымъ въ свое время была причина, а прекраснымъ чувствомъ освободителя народовъ:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ...

Поэту кажется, что новое порабощеніе народовъ невозможно, благодаря жертвамъ, принесеннымъ русскимъ народомъ. Этотъ стихъ Пушкина можно назвать истинно вдохновленнымъ, и вылился онъ прямо изъ русской души, неспособной долго ненавидѣть за зло и склонной мириться съ человѣкомъ ради его несчастія, хотя бы и заслуженнаго. Такими произведеніями Пушкинъ начинаетъ выполнять то назначеніе поэта, которое при самомъ началѣ его поприща представлялось ему еще не ясно, какъ бы по предчувствію, назначеніе соединить поэзію съ общенародною жизнію, возвысить ее до общественной силы, которая бы вносила въ народное сознаніе лучшія чувства и стремленія. Человѣчность и уваженіе взаимной свободы должны соединять всѣ народы и очистить патріотизмъ отъ грубыхъ вспышекъ и своекорыстныхъ разсчетовъ — какая другая мысль можетъ быть достойнѣе поэзіи!

Образъ Наполеона и потомъ нѣсколько разъ возникалъ въ фантазіи Пушкина и всегда въ лучшемъ человѣческомъ видѣ, или какъ страдалецъ за свои вины передъ человѣчествомъ, или какъ герой среди страдающихъ:

Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы,
Тамъ угасалъ Наполеонъ!
Тамъ онъ почилъ среди мученій... (1824)

—

Нѣтъ, не у счастія на лонѣ
Его я вижу, не въ бою,
Не зятемъ кесаря на тронѣ,
Не тамъ, гдѣ на скалу свою,
Сѣвъ, мучимъ казнію покоя,
Осмѣянъ прозвищемъ героя,
Онъ угасаетъ недвижимъ,
Плащемъ закрывшимъ боевымъ!
Не та картина предо мною:
Одровъ я вижу длинный строй;
Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болѣзней. Онъ
Не бранной смертью окруженъ,
Нахмурясь ходитъ межъ одрами
И хладно руку жметъ чумѣ
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость. Небесами
Клянусь: кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ.
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой! (1830 г.)

Задумывался Пушкинъ и надъ новой русской исторіей, выясняя себѣ ходъ ея. По свидѣтельству Липранди, историческія его познанія

составляли самую слабую сторону его образованія, что онъ чувствовалъ самъ и старался исправить этотъ недостатокъ чтеніемъ. Но относительно нашего XVIII вѣка, у него былъ значительный запасъ разныхъ разсказовъ, которые онъ слышалъ съ дѣтства по преданію, или вычитывалъ изъ рукописныхъ записокъ. Другіе же источники никому не были открыты, значитъ, при своей памяти Пушкинъ могъ похвалиться передъ многими своимъ знакомствомъ съ анекдотической нашей исторіей прошедшаго столѣтія. А при способности поэта извлекать общія или типическія черты изъ подробностей и дѣлать обобщенія, онъ довольно живо очерчивалъ характеръ стараго времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ту среду, изъ которой вышелъ самъ и его современники. Въ этихъ историческихъ разсужденіяхъ подготовлялся матерьялъ для будущихъ трудовъ нашего поэта, въ которыхъ послѣдовала связь поэзіи съ русскою жизнію, что составляетъ существенную заслугу Пушкина. Тутъ онъ впервые начинаетъ говорить о Петрѣ Великомъ, образъ котораго впослѣдствіи такъ идеально выработался въ его фантазіи. „По смерти Петра I, говоритъ онъ, движеніе, переданное сильнымъ человѣкомъ, все еще продолжалось въ огромныхъ составахъ государства преобразованнаго. Связи древняго порядка вещей были прерваны навѣки, воспоминанія старины мало по малу изчезали. Народъ упорнымъ постоянствомъ удержавъ бороду и русскій кафтанъ, доволенъ былъ своею побѣдою и смотрѣлъ уже равнодушно на нѣмецкій образъ жизни обритыхъ своихъ бояръ. Новое поколѣніе, воспитанное подъ вліяніемъ европейскимъ, часъ отъ часу болѣе привыкало къ выгодамъ просвѣщенія... Наслѣдники сѣвернаго исполина, изумленные блескомъ его величія, съ суевѣрной точностью подражали ему во всемъ, что только не требовало новаго вдохновенія. Такимъ образомъ дѣйствія правительства были выше собственной его образованности и добро производилось не нарочно, между тѣмъ какъ азіятское невѣжество обитало при дворѣ..." Говоря о неудавшихся попыткахъ аристократіи усилить свою власть послѣ смерти Петра II, Пушкинъ прибавляетъ: „это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ". Нельзя здѣсь не замѣтить тяжелаго чувства той розни, какая существовала въ нашей новой исторіи между двумя классами, и первое сознаніе необходимости уничтожить ее и слиться въ одинъ народъ. Поэтъ, самъ потомокъ древнихъ бояръ, говоритъ, что честолюбивые замыслы аристократіи въ случаѣ успѣха гибельно отозвались бы на народной жизни, затруднили бы или уничтожили бы всѣ способы разрѣшить крестьянскій вопросъ, ограничили бы число дворянъ и заградили бы для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. „Нынѣ же, прибавляетъ онъ, желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія, противу общаго зла, и твердое мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы".

Воспользуемся и здѣсь случаемъ, чтобъ указать, какъ очищался и возвышался патріотизмъ Пушкина, благодаря тому духу свободы, какимъ онъ былъ проникнуть, и какъ далеко онъ ушелъ отъ существовавшаго дворянскаго патріотизма, которому еще не такъ скоро суждено было переродиться въ высшій, народный патріотизмъ. Пушкинъ и въ этомъ дѣлѣ, еще въ юныхъ годахъ, своимъ артистическимъ чутьемъ угадалъ, по какой дорогѣ нужно идти впередъ, чтобы всѣмъ, наконецъ, сознать себя одной націей. Жесткимъ отзывомъ казнитъ Пушкинъ старое дворянство, которое забыло свой смыслъ и свою честь, раболѣпствуя передъ временщиками. А эти „не знали мѣры своему корыстолюбію, и самые отдаленные родственники временщика съ жадностью пользовались краткимъ его царствованіемъ: отселѣ произошли сіи огромныя имѣнія вовсе неизвѣстныхъ фамилій и совершенное отсутствіе чести и честности въ высшемъ классѣ народа. Отъ канцлера до послѣдняго протоколиста, все крало и все было продажно".

Вотъ какъ Пушкинъ размышлялъ наединѣ съ собою въ то время, когда большинство смотрѣло на него, какъ на шалуна, „гуляку празднаго", безпутнаго, если не пропащаго человѣка. Говоря о недостаткѣ духовнаго просвѣщенія, этотъ человѣкъ, прослывшій за атеиста, прибавляетъ: „семинаріи пришли въ совершенный упадокъ, многія деревни нуждаются въ священникахъ. Бѣдность и невѣжество этихъ людей, необходимыхъ въ государствѣ, ихъ унижаетъ и отнимаетъ у нихъ самую возможность заниматься важною своею должностью. Отъ сего происходитъ въ нашемъ народѣ и равнодушіе къ отечественной религіи, ибо напрасно почитаютъ русскихъ суевѣрными: можетъ быть, нигдѣ какъ между нашимъ простымъ народомъ не слышно насмѣшекъ насчетъ всего... Жаль, ибо греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ... Мы обязаны монахамъ нашей исторіей, слѣдственно и просвѣщеніемъ [1]).

Очень легко можетъ быть, что всѣ эти взгляды Пушкинъ выработалъ въ бесѣдѣ съ своими друзьями; но мы и смотримъ на него какъ на представителя стремленій и направленія извѣстнаго круга, который искалъ себѣ опоры въ историческихъ разсужденіяхъ, хотя и мало былъ знакомъ съ пріемами исторической критики. Пушкину въ этомъ случаѣ помогалъ артистическій даръ угадывать общій смыслъ по впечатлѣніямъ.

Вся эта работа ума и фантазіи занимала поэта по временамъ, такъ сказать, мимоходомъ; но кромѣ того у него вынашивался и постоянный образъ, слагавшійся подъ впечаталѣніемъ его собственнаго „я", образъ, въ который входило многое изъ его собственной личности. Оттого, можетъ быть, онъ такъ медленно и трудно вырабатывался,

---

[1]) „Библіографич. Записки" т. II, стр. 130—132.

отражаясь и въ Кавказскомъ плѣнникѣ, и въ Бахчисарайскомъ фонтанѣ въ ханѣ Гиреѣ, и въ Цыганахъ въ Алеко, и въ Демонѣ, и наконецъ найдя себѣ болѣе точное отраженіе въ Евгеніи Онѣгинѣ. Здѣсь-то и высказала свое вліяніе поэзія Байрона, но потому, что Пушкинъ началъ съ нею знакомиться въ тотъ моментъ, когда произошла рѣзкая и неожиданная перемѣна въ его судьбѣ: вмѣсто шумной распущенной, неопредѣлившейся жизни — ссылка, вдали отъ всего, что передъ этимъ занимало и наполняло душу, а съ тѣмъ вмѣстѣ чувство одиночества, безпомощности. Нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ при своемъ умѣ долженъ былъ много передумать и пережить уже на дорогѣ изъ Петербурга въ Екатеринославль. Примириться съ своимъ положеніемъ конечно ему было невозможно; нельзя было смотрѣть и на себя какъ на невинную жертву обстоятельствъ; онъ долженъ былъ почувствовать недовольство самимъ собою; люди должны были ему представляться не съ лучшей стороны; были у него какія-то причины говорить и объ измѣнѣ друзей; а между тѣмъ полнаго разочарованія жизнію не было, хотѣлось жить всѣми своими силами, свѣтъ еще привлекалъ всѣми своими приманками, явился какой-то разладъ въ собственной душѣ, раздвоеніе человѣка, состояніе томительное, которое трудно было ясно сознать и опредѣлить. Понятно, какъ ему долженъ былъ прійтись по душѣ Байронъ со своими исключительными, эгоистическими, горделивыми героями, и какое въ нихъ оправданіе онъ долженъ былъ находить самому себѣ. Хотя по указанію біографовъ Пушкина „Кавказскій плѣнникъ" написанъ въ 1821 г. но у насъ есть поводъ думать, что въ чернѣ онъ былъ набросанъ имъ еще на Кавказѣ, именно въ тотъ моментъ, когда Пушкинъ послѣ первыхъ тяжелыхъ впечатлѣній отъ перемѣны своей участи, послѣ томительныхъ думъ о ней, силился выработать образъ, чтобы выразить въ немъ состояніе своего собственнаго духа. Въ своихъ запискахъ о путешествіи въ Эрзерумъ Пушкинъ замѣчаетъ, что въ Ларсѣ онъ нашелъ измаранный списокъ „Кавказскаго плѣнника". Спрашивается, откуда могъ тамъ взяться этотъ списокъ, если онъ не былъ оставленъ поэтомъ въ его первое путешествіе въ 1820 году. „Признаюсь, прибавляетъ онъ, перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ; все это слабо, молодо, не полно, но многое угадано и выражено вѣрно." Къ чему относится это многое, къ изображенію ли кавказской природы и жизни или къ самому плѣннику? Намъ кажется, скорѣе къ послѣднему, такъ какъ природу и жизнь черкесовъ не нужно было угадывать, а только списывать; между тѣмъ какъ для плѣнника нужно было угадывать самаго себя, чтобы изобразить тотъ еще не ясный образъ, который не былъ достаточно выношенъ поэтомъ, такъ какъ онъ еще не успѣлъ пережить своихъ новыхъ впечатлѣній и отдѣлить его отъ себя. Въ другомъ мѣстѣ Пушкинъ замѣчаетъ, что поэма отзывается чтеніемъ Байрона, „отъ котораго онъ съ ума сходилъ". Слово „отзывается" ближе и вѣрнѣе всего опредѣляетъ степень вліянія Байрона. Это не было соз-

нательное подраженіе, а невольный отзывъ на то, въ чемъ находило себѣ родство тогдашнее состояніе духа, до котораго поэтъ былъ доведенъ собственною жизнію. Мы знаемъ по преданію, что Пушкинъ въ послѣдствіи даже сердился. когда ему говорили, что онъ подражалъ Байрону, и онъ былъ правъ, потому что отзывъ не есть подражаніе. Подъ впечатлѣніемъ отъ произведеній Байрона, артистическая фантазія Пушкина идеализировала личность англійскаго поэта, сблизивъ ее съ моремъ, въ которомъ онъ видѣлъ выраженіе безграничной гордой свободы: (въ стихотвор. Къ Морю—1824 г.)

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ
Какъ ты могучъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты ничѣмъ не одолимъ.

Въ этой идеализаціи отчасти выразился и самъ Пушкинъ, въ тѣ бурные годы своей жизни, когда въ немъ повременамъ какъ бы господствовала какая-то стихійная сила. съ которою онъ самъ не могъ справиться. Его собственное стремленіе къ безграничной личной свободѣ, чего бы она ни касалась, свобода ли ума, чувства, страсти, въ столкновеніи съ условіями общей жизни, производила въ душѣ тотъ разладъ, который видится и въ байроновскихъ герояхъ. Отсюда и творческая мысль Пушкина настраивается на байроновскій ладъ.

Но заключительный выводъ ея, какъ увидимъ, расходится съ Байрономъ, потому что дальнѣйшая жизнь поэта стала давать ему другія впечатлѣнія. „Талантъ неволенъ, говоритъ Пушкинъ уже въ зрѣлые годы своей жизни, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе—признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственныя силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія".

Въ „Посвященіи" Кавказскаго Плѣнника Н. Н. Раевскому, спутнику Пушкина, видится нравственная связь поэта съ душою плѣнника:

Ты здѣсь найдешь воспоминанья
Быть можетъ, милыхъ сердцу дней,
Противорѣчіе страстей,
Мечты знакомыя, знакомыя страданья
И тайный гласъ души моей...
Я рано скорбь узналъ, узналъ людей и свѣтъ...
Но сердце укрѣпивъ терпѣньемъ,
Я ждалъ безпечно лучшихъ дней...

Пушкинъ говорилъ о плѣнникѣ:—„люблю его, не зная, за что: въ немъ есть стихи моего сердца."

Всмотримся внимательно въ нравственный міръ плѣнника и увидимъ въ немъ разладъ съ самимъ собою, происшедшій отъ жизни, въ которой душевныя силы не находили себѣ должнаго примѣненія въ той странѣ,

Гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ,
Гдѣ первую познаалъ онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.

Сердце истомилось и увяло отъ бурной жизни; такъ по крайней мѣрѣ ему кажется, но мы видимъ, что эта жизнь была безъ живительнаго идеала, вмѣсто котораго были только призраки; они изчезли и должна была остаться неудовлетворенность, усталость, разочарованье. Отсюда разныя измѣны пріятельскія и любовныя, обыкновенныя въ этой свѣтской праздной жизни, должны были получить особенное значеніе, такъ какъ они казались причиною такого разстройства духа и мнимаго охлажденія къ жизни.

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ
И зналъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви безумный сонъ!
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты
И непріязни двуязычной
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, другъ природы
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Слѣдующіе восемь стиховъ были выпущены для печати:

Свобода, онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленныя тобою
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ.

Здѣсь душа плѣнника видимо отождествляется съ душей поэта. Онъ только не объясняетъ, зачѣмъ было съ такимъ идеаломъ свободы летѣть въ далекій край, чтобы порабощать свободный народъ?

Отступникъ свѣта, съ которымъ онъ не поладилъ, увлекаясь своимъ призракомъ свободы, онъ захотѣлъ примѣнить свои силы къ борьбѣ съ дикими горцами, такъ какъ никакого другого лучшаго примѣненія не представлялось; онъ самъ попадаетъ въ плѣнъ и здѣсь неожиданно дѣлается предметомъ пылкой любви дикой черкешенки. Но этой любви онъ противупоставляетъ своей „души печальной хладъ“.

Безъ упоенья, безъ желаній
Я вяну жертвою страстей,
Ты видишь слѣдъ любви несчастной
Душевной бури слѣдъ ужасный...
Умеръ я для счастья
Надежды призракъ улетѣлъ;
Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ...

Но онъ самъ себя еще неясно понимаетъ, онъ, узнавшій цѣну невѣрной жизни, въ то же время не разорвалъ связи съ своимъ прошедшимъ: онъ еще мечтаетъ о немъ, мечтаетъ о своей любви:

Передъ собою какъ во снѣ
Я вижу образъ вѣчно милый,
Его зову, къ нему стремлюсь...
О немъ въ пустынѣ слезы лью,
Повсюду онъ со мною бродитъ
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою...

Но съ этимъ вмѣстѣ мы слышимъ изъ устъ поэта и плѣнника и такія странныя рѣчи:

Какъ тяжко мертвыми устами
Ж и в ы м ъ л о б з а н ь я м ъ о т в ѣ ч а т ь...
Измучась ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой,
В ъ о б ъ я т і я х ъ п о д р у г и с т р а с т н о й
Какъ тяжко мыслить о д р у г о й
Когда такъ медленно, такъ нѣжно
Т ы п ь е ш ь л о б з а н і я м о и
И для тебя часы любви
Проходятъ быстро, безмятежно;
Снѣдая слезы въ тишинѣ
Тогда разсѣянный, унылый...
Т е б ѣ в ъ з а б в е н ь и п р е д а ю с ь
И т а й н ы й п р и з р а к ъ о б н и м а ю.

Здѣсь мы уже видимъ какое-то непонятное нравственное растленіе. Въ такой двойственности невыработанный образъ плѣнника самъ по себѣ какъ образъ поэтическій перестаетъ быть намъ интересенъ. Онъ имѣетъ для насъ значеніе только въ связи съ самимъ Пушкинымъ, который въ немъ хотѣлъ опредѣлить свое собственное отношеніе къ жизни; но оно оказалось для него самого на столько еще не яснымъ, что фантазія не нашла довольно матеріала, чтобы создать живой образъ. Въ немъ только отразился дѣйствительный разладъ поэта съ жизнію, въ которомъ смѣшалось много чувствъ и еще не опредѣлилось ясно, кого винить въ этомъ, себя или людей.

Въ Бахчисарайскомъ фонтанѣ Пушкинъ также призналъ отзывъ чтенія Байрона, что особенно отразилось на женскихъ личностяхъ, хотя и черкешенка Кавказскаго плѣнника не чужда того же вліянія

Въ ихъ созданіи участвовала болѣе настроенная романтически фантазія, чѣмъ впечатлѣнія отъ дѣйствительности, отъ того въ нихъ и вошли черты, которыя плѣняли нашего поэта въ байроновскихъ женщинахъ. Въ ханѣ Гиреѣ замѣчается таже черта, какая выразилась и въ плѣнникѣ—душевный разладъ, томившій самого поэта; но здѣсь личность героя уже не сливается съ его личностью. Здѣсь Пушкинъ сознательнѣе отнесся къ нему, съумѣлъ его отдѣлить отъ себя и представить совсѣмъ въ другой сферѣ. Дикій татаринъ, натура цѣльная, съ идеаломъ отважнаго наѣздника и деспота среди своей орды и гарема, вдругъ отказывается отъ всего, что прежде составляло его жизнь, лишается покоя, какъ будто смиряется, и отчего? Въ его душу проникъ высшій идеалъ красоты въ лицѣ молодой плѣнницы-христіанки и вызвалъ въ немъ романтическое чувство, давъ ему другой внутренній міръ, который раздвоилъ его натуру. Онъ сталъ совсѣмъ въ иныя отношенія къ плѣнницѣ, непривычныя для хана, отказался отъ насилія; любовь смутила его, а не воспламенила въ немъ грубую страсть. Этотъ душевный разладъ остался въ немъ и тогда, когда не стало плѣнницы, хоть онъ и обратился къ прежней жизни:

Дворецъ угрюмый опустѣлъ,
Его Гирей опять оставилъ;
Съ толпой татаръ въ чужой предѣлъ
Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
Несется мрачный, кровожадный;
Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
Таится пламень безотрадный.
Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, будто полный страха
И что-то шепчетъ и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ справедливо осудилъ эту картину, замѣтивъ, что молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей: ихъ герои всегда содрагаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и пр., все это смѣшно, какъ мелодрама. Замѣтимъ, что чувства Гирея разрѣшались слезами, точно такъ же какъ и чувства плѣнника. Пушкинъ иногда говоритъ и о своихъ слезахъ, когда онъ бывалъ въ лирическомъ настроеніи и чувствовалъ свой собственный душевный разладъ съ жизнію. Вотъ что его связываетъ съ его героями.

Въ 1823 году сложился въ фантазіи Пушкина образъ Демона, въ которомъ ясно выразилась его нравственная раздвоенность, уже вполнѣ имъ сознанная. Что этотъ фантастическій образъ имѣлъ связь съ жизнію—это доказывается тѣмъ, что въ свѣтѣ указывали на нѣкоторыя

личности, какъ на оригиналъ Демона. На это Пушкинъ даже написалъ замѣтку, выражаясь о себѣ въ третьемъ лицѣ: „многіе даже указывали на лицо, которое Пушкинъ будто бы хотѣлъ изобразить въ этомъ странномъ стихотвореніи... Кажется, они не правы: по крайней мѣрѣ, я вижу въ Демонѣ цѣль болѣе нравственную. Не хотѣлъ ли поэтъ изобразить сомнѣніе? Въ лучшее время жизни — сердце не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго. Оно легковѣрно и нѣжно. Мало по малу вѣчныя противорѣчія существенности раждаютъ въ немъ сомнѣніе: чувство мучительное, но непродолжительное. Оно изчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки души... Не даромъ великій Гете называетъ вѣчнаго врага человѣчества духомъ отрицающимъ... И Пушкинъ не хотѣлъ ли въ своемъ Демонѣ олицетворить сей духъ отрицанія или сомнѣнія и начертать въ пріятной картинѣ печальное вліяніе его на нравственность нашего вѣка?..."

Принимая объясненіе Пушкина и признавая въ его „Демонѣ" идеализацію скептицизма, мы въ то же время видимъ въ немъ и выраженіе его собственной личности. Въ немъ наконецъ выдѣлились и ясно опредѣлились тѣ черты, которыя смутно смѣшивались съ другими, когда создавался образъ его плѣнника. Въ этомъ послѣднемъ онѣ выражались словами: „страстями сердце погубилъ, охолодѣлъ къ мечтамъ и лирѣ", „погубилъ надежду, радость и желанья" „души печальный хладъ", а у поэта—жалобами на охлажденіе къ поэзіи или въ стихахъ:

Все пропало... рѣзвый нравъ...
Душа часъ отъ часу нѣмѣетъ;
Въ ней чувства нѣтъ. Такъ легкій листъ дубравъ
Въ ключахъ кавказскихъ каменѣетъ.

или въ извѣстномъ стихотвореніи „Я пережилъ свои желанья".

Все это было слѣдствіемъ возникшаго скептическаго отношенія ко всему идеальному, свойственному юности, когда новы

Всѣ впечатлѣнья бытія,
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья,
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь.

Юношескому возрасту послѣднихъ поколѣній приходится болѣе или менѣе переживать скептицизмъ и уже послѣ этихъ годовъ снова мириться съ идеалами, сближая ихъ съ жизнію. Но русскій скептицизмъ отличается особенными чертами, которыя могутъ назваться историческими. Скептицизмъ, какъ сомнѣніе, вытекаетъ изъ стремленія человѣка къ истинѣ. Желая провѣрить изслѣдованіемъ то, что изстари принималось на вѣру за истину, умъ начинаетъ съ тяжелаго труда

и отъ сомнѣнія иногда переходитъ мало по малу къ отрицанію; его онъ, можетъ быть, не желалъ и самъ, но оно явилось, какъ слѣдствіе или выводъ изъ наблюденій и изслѣдованій. Такъ дѣйствовалъ скептицизмъ тамъ, гдѣ наука развивалась самостоятельно. Человѣкъ не безъ внутренней борьбы отказывался отъ своихъ прежнихъ убѣжденій и идеаловъ, которые не вдругъ приходилось замѣнять новыми. Фаустъ и Манфредъ возбуждаютъ въ насъ сильное участіе своею силою въ борьбѣ съ собою и своею любовью къ истинѣ. Но въ нихъ могучій духъ заразъ не отрицалъ всего, что возвышаетъ человѣка, не доходилъ до полнаго отрицанія того, чѣмъ человѣкъ хочетъ жить. Въ русской жизни представляется нѣчто другое: мы сами тяжелымъ умственнымъ трудомъ не вырабатывали такихъ новыхъ идей, не дѣлали такихъ новыхъ выводовъ, которые бы разрушали наши прежнія убѣжденія. Мы обыкновенно принимали на вѣру все выработанное уже другими, принимали одни выводы, и безъ борьбы отрекались отъ всего, что имъ противорѣчило. Самостоятельнымъ умственнымъ трудомъ мы мало чего добивались, привыкшіе брать все готовое оттуда, откуда намъ сіялъ свѣтъ просвѣщенія. Съ Петра Великаго насъ принуждали отрекаться отъ всего своего, а потомъ уже ставъ на космополитическую почву, мы привыкли легко мѣнять не только наружность, нравы, обычаи, но и идеи, убѣжденія, и все это во имя европейскаго просвѣщенія. Насъ увлекало не столько стремленіе къ истинѣ, сколько желаніе слыть людьми просвѣщенными, не отставшими отъ Европы. Мы легко уступали наплыву новыхъ идей и безъ борьбы мѣняли на нихъ старыя. Словомъ у насъ не было убѣжденій; исключенія были рѣдки. Отсюда мы готовы были отрицать все заразъ. Нашъ скептицизмъ выражался только въ насмѣшкѣ, которой мы легко поддавались. Пушкинъ назвалъ его **злобнымъ геніемъ**:

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ,
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ,
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

И такъ, повальное отрицаніе всего и во имя чего же? даже не свободы ума, потому что и ее не признавалъ злобный геній. Правда, поэтъ говоритъ о внезапной **тоскѣ** съ его появленіемъ, что встрѣчи съ нимъ были **печальныя**, но никакого отпора ему не дѣлалось; достаточно было его язвительныхъ рѣчей, чтобы влить въ душу **хладный ядъ** и покорить ее себѣ. Зная, съ какимъ восторгомъ былъ при-

нятъ „Демонъ“ въ литературѣ и въ нѣкоторыхъ образованныхъ кругахъ, мы можемъ заключить, что въ немъ дѣйствительно отразилась нѣчто знакомое и близкое, что пережито или переживалось русскимъ образованнымъ человѣкомъ. Злобный геній могъ являться только въ такомъ шаткомъ, нравственно-слабомъ и умственно-разшатанномъ обществѣ, среди котораго пришлось жить Пушкину. Онъ конечно въ болѣе сильной степени, какъ геніальный артистъ по натурѣ, долженъ былъ переживать то же самое, плодомъ чего и былъ его „Демонъ“. Потомъ мы увидимъ, какъ этотъ образъ переработался, принявъ новыя смягчающія черты.

Изъ смутнаго же образа Плѣнника выяснился у Пушкина и другой образъ—Алеко въ Цыганахъ. Плѣнникъ увлекался только отвлеченной идеей свободы, онъ любилъ только говорить о ней, для него свобода была лишь веселый призракъ или вѣрнѣе, выражаясь словами другого поэта, „плѣнной мысли раздраженье“; въ своихъ мечтахъ „онъ обнималъ гордый идолъ свободы“ и относился къ людямъ эгоистически. Считая себя жертвою страстей, онъ показалъ, что самъ не былъ готовъ для свободы. Человѣкъ безъ упоенья, безъ желаній, окаменѣвшій для нѣжныхъ чувствъ, какъ онъ самъ о себѣ выражается, не можетъ правильно понимать свободу, тѣмъ болѣе ею пользоваться. Ему нужны были только сильныя впечатлѣнія, и онъ обнажилъ саблю противъ свободнаго народа; но тутъ ничего нѣтъ общаго съ его кумиромъ свободы. Въ Цыганахъ Алеко—лицо болѣе опредѣленное, носящее въ себѣ идею, но тѣмъ не менѣе лицо все же двойственное отъ душевнаго разлада, которымъ томился и самъ поэтъ.

Мы сказали, что не ясный образъ Кавказскаго плѣнника съ большей опредѣленностью переработался въ образъ Алеко, которому Пушкинъ далъ свое имя. И въ самомъ дѣлѣ, отъ этого образа, по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ разсказа, трудно совершенно отдѣлить личность Пушкина. Въ Алеко еще отражается нашъ поэтъ, пока не примиренный съ своимъ положеніемъ и съ той средой, которая не согласовалась съ его стремленіемъ къ высшимъ общественнымъ идеаламъ жизни, не успѣвшимъ еще вполнѣ опредѣлиться, и которая утомила его страстное сердце одними пустыми, мимолетными увлеченіями. Съ другой стороны, тутъ же слышится сочувственный отзывъ поэта на голосъ Байрона, враждебно отнесшагося къ жизни современнаго ему цивилизованнаго общества, гдѣ человѣкъ съ высшимъ идеаломъ напрасно искалъ себѣ счастія. Отъ всего этого Алеко не переработался въ чистый типъ, который бы можно было объяснять русской исторической жизнью. Надъ ними работала фантазія поэта подъ впечатлѣніями отъ случайностей собственной его жизни, которыя переживались, но еще не были имъ пережиты. Тотъ же призракъ свободы, который разссорилъ Кавказскаго плѣнника съ обществомъ и привлекъ его на дикій Кавказъ, разссорилъ и Алеко съ тѣмъ же обществомъ и привлекъ въ таборъ дикихъ цыганъ. Мы знаемъ, что

жизнь этого табора привлекала и самого поэта тѣми же чертами, какими плѣнился Алеко: тамъ

Все такъ живо, непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ, однообразной...

Мертвенность жизни празднаго общества—вотъ что дѣйствительно томило душу нашего поэта, и это-то томленье онъ перенесъ на Алеко, неудачно сблизивъ его съ байроновскими героями и заставивъ его „презрѣть оковы просвѣщенья“.

Алеко на первыхъ порахъ удовлетворился той свободой, какую нашелъ въ „бродящей бѣдности“ цыганскаго табора. Но тутъ-то мы видимъ, что свобода прельщала такихъ бродячихъ людей, добровольныхъ изгнанниковъ, только въ отвлеченной идеѣ, навѣянной разными ученіями и непрочувствованной въ сердечной глубинѣ, не выясненной жизнію. Это было также „плѣнной мысли увлеченье“. Отсюда въ примѣненіи къ жизни эта свобода сказывалась не больше какъ птичья свобода—жизнь безъ заботы и труда, не требующая хлопотъ о долговѣчномъ гнѣздѣ, жизнь посреди пѣсень.

Подобно птичкѣ беззаботной
И онъ изгнанникъ перелетный
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ.
Ему вездѣ была дорога,
Вездѣ была ночлега сѣнь.
Проснувшись поутру, свой день
Онъ отдавалъ на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лѣнь

Намъ совершенно понятно то мимолетное впечатлѣніе, которое произвела на поэта цыганская жизнь посреди смѣняющихся картинъ южной природы, понятно и навернувшееся желаніе артиста, утомленнаго пустотою жизни и принужденнаго признать надъ собою „власть судьбы коварной и слѣпой“, желаніе успокоить на время и умъ и сердце посреди этой цыганской свободы жизни, сближенной имъ съ птичьей свободой. Но насъ не можетъ не удивить Алеко, добровольно сбросившій съ себя оковы просвѣщенья, потому что

Люди въ кучахъ, за оградой
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ,
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.

Такое отношеніе къ жизни цивилизованнаго общества заставляетъ

предполагать самый высокій общественный идеалъ у человѣка, томящагося по свободѣ; а въ дѣйствительности оказывается, что онъ только боится тревогъ жизни, только дорожитъ своей сердечной лѣнью, чуждается заботъ и труда. Все это типическія черты русской дворянской жизни, развившейся на крѣпостномъ правѣ. Для спасенія своей сердечной лѣни отъ житейскихъ тревогъ, заботъ и труда, не нужно было убѣгать къ цыганамъ и бросать свое общество. Тутъ не при чемъ томленье по свободѣ, если только оно правильно понималось и не представлялось въ одномъ туманномъ призракѣ. Оказывается, что Алеко томился вовсе не по той свободѣ, которая возвышаетъ сердца и одушевляетъ на подвиги. „Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій", говоритъ онъ и этими словами даетъ возможность разгадать себя. Ему нужна была вовсе не свобода, а взаимная женская любовь, которой онъ не нашелъ въ прежней жизни, и вотъ онъ по ошибкѣ томленье по любви принялъ за томленье по свободѣ, о которой говорилось въ праздномъ обществѣ больше по наслышкѣ отъ другихъ. Въ этомъ случаѣ онъ не далеко ушелъ отъ Кавказскаго плѣнника, у котораго также съ призракомъ свободы связывался любовный вопросъ. Земфира своей любовью удовлетворила сердце, ищущее любви, и не удивительно, что Алеко понравилась птичья свобода, въ которой главный интересъ жизни любовный, не удивительно, что онъ полюбилъ „и упоенье вѣчной лѣни", и бродяжническую жизнь на чужой счетъ. Для всего этого онъ былъ воспитанъ съ дѣтства; ему легко было сдѣлаться дикаремъ, потому что то просвѣщенье, отъ котораго онъ отрекся, не могло развить въ немъ правильнаго понятія о свободѣ. Это было просвѣщеніе большинства русскихъ дворянъ, которые если и бывали недовольны, то только тогда, когда стѣснялась ихъ личная свобода. Вотъ та типическая черта, которая, можетъ быть, даже безсознательно со стороны поэта, перешла изъ жизни русскаго цивилизованно-дворянскаго общества въ образъ Алеко. Но она затемняется другими личными чертами самого поэта. Такъ, постоянныя мысли о славѣ, очень естественныя въ поэтѣ, сознающемъ въ себѣ огромныя силы, мысли, поддерживающія энергію въ борьбѣ съ невзгодами жизни, кажутся въ головѣ Алеко, отрекшагося отъ труда и отъ общества, злою насмѣшкою надъ самимъ собою:

Его порой волшебной славы
Манила дальняя звѣзда...

Точно такъ же воспоминанія о прежней столичной жизни, отъ которой поэтъ насильно былъ оторванъ, связывались у него часто съ памятью о друзьяхъ-товарищахъ шумныхъ пировъ. Но они были неумѣстны въ душѣ Алеко, которому въ байроническомъ увлеченіи казалось, что въ обществѣ онъ бросилъ только

Измѣнъ волненье,
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье,
Или блистательный позоръ;

А между тѣмъ

Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда.

Такъ трудно было поэту представить совершенно объективно тотъ образъ, который выработывался подъ впечатлѣніями отъ его собственной бурной жизни. Гораздо объективнѣе отнесся онъ къ своему герою во второй половинѣ поэмы, которую ему пришлось обработывать въ иную пору, когда новые факты жизни принесли новыя впечатлѣнія, отдаливъ прежнія, когда многое изъ прошлой жизни стало дѣлаться яснѣе, когда и къ байроническимъ лицамъ поэтъ сталъ относиться съ меньшей субъективностью и съ большей критикой. Тогда Алеко представился ему въ другомъ видѣ, какъ человѣкъ—крайній эгоистъ, обольщенный идеей свободы, но не воспитанный для свободы, обманувшій самого себя ложными идеями Руссо, будто цивилизованная жизнь ведетъ не къ свободѣ, а къ оковамъ, будто свобода уживается только въ дикой первобытной жизни. Алеко, по опредѣленію старика-цыгана, оказался гордымъ человѣкомъ, который хочетъ воли только для себя, который слѣдственно смѣшалъ два понятія—свободу общественную и личную волю, не признающую законовъ. Нельзя не замѣтить, что такое смѣшеніе дѣлалось у многихъ въ дѣйствительности, и Пушкинъ, введя въ Алеко эту черту, сблизилъ его съ жизнію и далъ ему особенное драматическое положеніе; но имъ онъ воспользовался слабо, потому что могъ отнестись къ нему объективно только въ концѣ своего разсказа.

Прежде чѣмъ былъ оконченъ разсказъ Цыганы, въ фантазіи Пушкина образъ Алеко сталъ перерабатываться уже въ новый образъ, для котораго поэтъ нашелъ типическія черты въ русской жизни, исторически сложившейся въ связи съ общеевропейскою жизнью. Его онъ уже могъ вполнѣ отдѣлить отъ себя, хотя въ немъ и отражалось все пережитое самимъ поэтомъ; но это пережитое было вполнѣ сознано, опредѣлено, очищено отъ всего случайнаго и личнаго, приведено въ связь съ общею русскою жизнію и сдѣлалось типическимъ ея выраженіемъ. „Евгеній Онѣгинъ“ сталъ какъ бы спутникомъ дальнѣйшей жизни Пушкина на нѣсколько лѣтъ; но о немъ мы будемъ говорить тогда, когда прослѣдимъ эти годы поэта.

Разставаясь съ поэмами Пушкина, мы не можетъ не указать на его эпилоги къ нимъ, которыми поэтъ какъ будто хотѣлъ возвысить значеніе своихъ разсказовъ, связавъ ихъ съ тѣми мѣстами, гдѣ припоминаются подвиги русскихъ людей для русской славы. Мы уже видѣли, что Пушкинъ при самомъ началѣ своей поэтической дѣятельности высказалъ стремленіе связать свою поэзію съ отечественнымъ

дѣломъ, возвысить ея значеніе какъ силы общественной. То же стремленіе выражается въ эпилогѣ къ „Кавказскому плѣннику", въ которомъ самый разсказъ не давалъ нужнаго для того матерьяла. Поэтъ хотѣлъ какъ бы дополнить картины Кавказа, припомнивъ тѣ лица, имена которыхъ оглашали его горы къ чести и славѣ русскаго народа:

Богиня пѣсень и разсказа
Воспоминанія полна,
Быть можетъ, повторитъ она
Преданья грознаго Кавказа,
Разскажетъ повѣсть дальнихъ странъ,
Мстислава древній поединокъ...
И воспою тотъ славный часъ,
Когда почуя бой кровавый,
На негодующій Кавказъ
Подъялся нашъ орелъ двуглавый;
Когда на Терекѣ сѣдомъ
Впервые грянулъ битвы громъ
И грохотъ русскихъ барабановъ,
И въ сѣчѣ съ дерзостнымъ челомъ
Явился пылкій Ціціановъ.
Тебя я воспою, герой,
О, Котляревскій, бичъ Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена.
Но се—Востокъ подъемлетъ вой!
Поникни снѣжною главой,
Смирись, Кавказъ—идетъ Ермоловъ.

Такъ фантазія поэта еще въ ранніе годы искала для своего творчества исторической почвы, стремясь связать поэзію съ старыми сказаніями и преданіями, въ которыхъ отразились разные моменты исторической жизни народа. Такимъ путемъ онъ ввелъ въ нашу поэзію народность, которой ей недоставало съ тѣхъ поръ, какъ мы стали пользоваться плодами европейскаго просвѣщенія. Правда, Пушкинъ не исполнилъ своего обѣщанія: онъ не разсказалъ намъ ни о древнемъ героѣ Мстиславѣ, ни о новомъ—Котляревскомъ, но это обѣщаніе для насъ важно не по исполненію, а по тѣмъ замысламъ творческой мысли, которыя сдѣлались основаніемъ поэтической его дѣятельности. Онъ уже хорошо сознавалъ, что спокойное созерцаніе жизни есть высшая черта творчества и вполнѣ вытекаетъ изъ того идеальнаго представленія поэта, какое, какъ мы видимъ, слагалось въ немъ еще въ ученическіе годы его жизни. Изъ подвиговъ прошлой жизни вытекаетъ сознаніе своей народной силы, а на немъ основывается увѣренность въ успѣхахъ будущаго, что у поэта обращается какъ бы въ поэтическое пророчество. Это и выразилось у Пушкина въ заключительныхъ стихахъ эпилога:

И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все русскому мечу подвластно,
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь.
Подобно племени Батыя,
Измѣнитъ прадѣдамъ Кавказъ,
Забудетъ алчной брани гласъ,
Оставитъ стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ гдѣ гнѣздились вы,
Подъѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы.

Это пророчество исполнилось въ наши дни.

Въ эпилогѣ къ Бахчисарайскому фонтану хотя и преобладаетъ лиризмъ, вытекающій изъ личнаго отношенія поэта къ мѣсту дѣйствія, изъ личныхъ его воспоминаній, но и тутъ проскальзываетъ слово о „завѣтѣ судьбы", т. е. объ исторической необходимости, которую къ своей чести исполнилъ русскій народъ:

Я видѣлъ ханское кладбище,
Владыкъ послѣднее жилище;
Сіи надгробные столбы,
Вѣнчанны мраморной чалмою,
Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
Гласили внятною молвою.
Гдѣ скрылись ханы! гдѣ гаремъ!
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось!...

Въ эпилогѣ къ Цыганамъ также слышится отголосокъ исторической жизни русскаго народа, хотя у нея повидимому нѣтъ ничего общаго съ цыганской жизнію въ той странѣ,

Гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу русскій указалъ,
Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавый
Еще шумитъ минувшей славой...

Во всѣхъ этихъ эпилогахъ звучитъ одно общее — торжественное стремленіе русской силы на Востокъ—одолѣть силу мусульманскую, стремленіе, сдѣлавшееся народнымъ со временъ Мамаева побоища. Такимъ образомъ и въ тѣ дни, когда Пушкинъ переживалъ вліяніе чужой поэзіи, въ немъ слышался отзывчивый голосъ русскаго сердца.

Съ „Кавказскимъ плѣнникомъ" познакомилась русская публика въ 1822 году, съ „Бахчисарайскимъ фонтаномъ" въ 1823 г., а отрывки

изъ „Цыганъ“ стали печататься въ альманахахъ и журналахъ съ 1825 г.; вполнѣ же поэма была издана только въ 1827 г., но до этого уже три года ходила въ публикѣ въ рукописныхъ спискахъ. Большинство читающей публики, судившей по непосредственнымъ впечатлѣніямъ, было въ восторгѣ. Въ журнальныхъ же критикахъ высказывались противурѣчивыя сужденія. Тѣ, которые не хотѣли видѣть въ романтизмѣ законнаго явленія, были очень придирчивы къ новымъ произведеніямъ Пушкина, хотя и признавали въ немъ замѣчательный талантъ; тѣ же, которые называли себя романтиками, раздѣляли восторгъ публики. Карамзинъ, не державшійся ни той, ни другой партіи, высказалъ такое сужденіе въ письмахъ къ своему другу Дмитріеву: „Въ поэмѣ („Кавказскій плѣнникъ“) либерала Пушкина слогъ живописенъ; я не доволенъ только любовнымъ похожденіемъ. Талантъ дѣйствительно прекрасный: жаль, что нѣтъ устройства и мира въ душѣ, а въ головѣ ни малѣйшаго благоразумія“. Исторіографъ понялъ, что въ Плѣнникѣ отразилась душа самого поэта, чего журнальные критики не замѣтили. „Полюбился ли тебѣ Фонтанъ Пушкина? спрашиваетъ онъ въ другомъ письмѣ: слогъ чистъ, черты прекрасныя, но въ цѣломъ не довольно силы и связи. О евнухѣ слишкомъ много; рѣчь Заремы слаба, кромѣ пяти или шести стиховъ; окончаніе хорошо“.

Тогдашніе журналы, какъ мы уже сказали, были ниже образованной публики, чему главною причиною были цензурныя условія. Отношенія этой публики къ журналамъ были хорошо разъяснены въ 1823 г. княземъ Вяземскимъ въ статьѣ „Замѣчанія на краткое обозрѣніе русской литературы“ Булгарина, издававшаго „Сѣверный Архивъ“. Князь Вяземскій съ 1822 г. сталъ принимать довольно дѣятельное участіе въ русской журналистикѣ своими критическими статьями. Не задолго до этого и Булгаринъ, ободряемый Гречемъ, вступилъ въ литературный кругъ, подружившись съ молодыми начинавшими писателями Грибоѣдовымъ, Александромъ Бестужевымъ (Марлинскимъ) и Рылѣевымъ. Булгаринъ въ своей статьѣ винилъ читателей, т. е. публику въ недостаткѣ хорошихъ писателей. Князь Вяземскій находилъ тому другія причины: „Жалобы на равнодушіе къ трудамъ русскихъ писателей, на пристрастіе нашего общества къ языку французскому, на холодность женщинъ къ усиліямъ нашимъ угодить имъ своими стихами и прозою, писалъ онъ, умѣстны были во времена Живописца и Собесѣдника (т. е. въ XVIII столѣт.). Нынѣ такое сѣтованіе есть анахронизмъ; нынѣ если русскимъ писателямъ жаловаться, такъ не на это. Тогда мало читалось, теперь и того менѣе печатается. Охота къ чтенію, жажда познаній, очевидно, усиливается въ наше время и въ нашемъ поколѣніи. Нѣтъ сомнѣнія, что отличная часть читателей нашихъ преимущественно предается чтенію иностранныхъ книгъ, потому что иностранныя сочиненія удовлетворяютъ болѣе господствующимъ требованіямъ нашего поколѣнія, соглашаются болѣе

съ степенью образованности умовъ. Посмотрите, съ какою жадностью наша молодежь читаетъ газеты и журналы иностранные. Можно ли по совѣсти требовать отъ нея, чтобы она съ тѣмъ же рвеніемъ и прилежаніемъ читала наши журналы?... Литература должна быть выраженіемъ характера и мнѣній народа: судя по книгамъ, которыя у насъ печатаются, можно заключить, что у насъ или нѣтъ литературы, или нѣтъ ни мнѣній, ни характера; но послѣдняго предположенія и допустить нельзя. Утверждать, что у насъ не пишутъ, оттого что не читаютъ, значитъ утверждать, что нѣмой не говоритъ, оттого что его не слушаютъ. Развяжите языкъ нѣмаго и онъ будетъ имѣть слушателей. Дайте намъ авторовъ, пробудите благородную дѣятельность въ людяхъ мыслящихъ, и читатели родятся. Они готовы; многіе изъ нихъ и вслушиваются, но ничего отъ насъ дослышаться не могутъ и обращаются поневолѣ къ тѣмъ, кои не лепечутъ, а говорятъ... Радуйтесь пока, что хотя иностранныя сочиненія находятся у насъ въ обращеніи; пользуясь ими, мы готовимся познавать цѣну и своихъ богатствъ, когда писатели наши будутъ бить монету изъ отечественныхъ рудъ для народнаго обихода..... Нельзя не замѣтить, что мы имѣемъ какое-то уничиженіе, намъ однимъ свойственное, уничиженіе, ослѣпляющее насъ на счетъ тѣхъ изъ соотечественниковъ нашихъ, коими по справедливости могли бы мы наиболѣе гордиться и передъ собою и передъ иностранцами. Намъ все какъ будто не вѣрится, что можемъ въ числѣ современниковъ нашихъ имѣть писателей отличныхъ. Если слава, ихъ разсѣявъ всѣ препоны и достигнувъ лучезарнаго полдня, уже слишкомъ нестерпимымъ блескомъ свѣтитъ намъ въ глаза, то мы стараемся увѣрить себя и другихъ, что блескъ этотъ заемный. Другіе спѣшили бы радоваться появленію свѣтила и привѣтствовать чувствомъ признательнымъ, мы спѣшимъ утѣшиться тѣмъ, что и въ этомъ солнцѣ есть пятна".

Во всѣхъ этихъ словахъ нельзя не видѣть близкаго наступленія новаго періода, когда самостоятельность, оригинальность, народность сдѣлались требованіемъ нашей критики. Еще недавно каждое русское сочиненіе, приближавшееся къ какому-либо классическому образцу, было наиболѣе восхваляемо въ маленькомъ кругу читателей, и дѣлало автора литературнымъ авторитетомъ. Теперь же такой судъ надъ отечественными писателями уже вызываетъ протестъ въ молодыхъ критикахъ. Напоминать того или другого изъ прославленныхъ иностранныхъ писателей, у нихъ уже считается не достоинствомъ, а недостаткомъ; а старыя критическія требованія — уничиженіемъ. Но молодые критики, отвергая прежній критерій, сами еще не выработали никакого другого, новаго. Всѣ новыя литературныя произведенія, не подходившія подъ теоретическія требованія Лагарпа и Батте, которыхъ держалась старая критика, относились въ разрядъ романтическихъ; но это слово, занесенное къ намъ съ запада, не давало яснаго, опредѣленнаго понятія. Что такое романтизмъ—наши молодые

критики пока еще силились разъяснить это понятіе, и оставались неудовлетворенными въ своихъ объясненіяхъ. Не могли имъ помочь въ этомъ дѣлѣ и литературы иностранныя, гдѣ также не установилось понятіе и какъ явленіе историческое, не дошедшее до своего полнаго развитія, не могло быть охвачено во всемъ своемъ содержаніи объемѣ. Тутъ же примѣшалось слово народность, которое также не сообщало яснаго понятія. Что такое народность въ поэзіи? также спрашивали себя критики и также путались въ объясненіи, тѣмъ болѣе, что у насъ уже давно подъ словомъ народъ разумѣлось только простонародье. Послѣ этого понятно, что каждый судилъ о новыхъ произведеніяхъ литературы безъ опредѣленныхъ принциповъ, только по своимъ личнымъ воззрѣніямъ и вкусамъ.

Князь Вяземскій не видѣлъ у насъ причины спора между приверженцами двухъ направленій: „Во Франціи, говоритъ онъ, еще понять можно причины войны, объявленной такъ-называемому романтическому роду и признать права его противниковъ... Тамъ, такъ-называемые классики говорятъ: зачѣмъ принимать намъ законы отъ Шекспировъ, Байроновъ, Шиллеровъ, когда мы имѣли своихъ Расиновъ, Вольтеровъ, Лагарповъ, которые сами были законодателями иностранныхъ словесностей и даровали языку нашему преимущество быть языкомъ образованнаго свѣта? Но мы о чемъ хлопочемъ, кого отстаиваемъ? Имѣемъ ли мы литературу отечественную, уже пустившую глубокіе корни и ознаменованную многочисленными, превосходными плодами? До сей поры малое число хорошихъ писателей успѣли только дать нѣкоторый образъ нашему языку, но образъ литературы нашей еще не означился, не прорѣзался. Признаемся со смиреніемъ, но и съ надеждою: есть языкъ русскій, но нѣтъ еще словесности, достойное выраженіе народа могучаго и мужественнаго... Поприще нашей литературы такъ еще просторно, что не сбивая никого съ мѣста, можно предположить себѣ цѣль и безпрепятственно къ ней подвигаться. Намъ нужны опыты, покушенія, опасны намъ не утраты, а опасенъ застой“.

Эти слова князь Вяземскій высказалъ во вступленіи къ своей статьѣ о Кавказскомъ плѣнникѣ, замѣтивъ, что появленіе этой поэмы вмѣстѣ съ переводомъ Жуковскаго байрановскаго „Шильонскаго узника“ означаетъ успѣхи посреди насъ поэзіи романтической. Критикъ считаетъ романтизмъ явленіемъ историческимъ, а потому и неизбѣжнымъ. „Нынѣ, кажется, настала эпоха литературнаго преобразованія“ прибавляетъ онъ и намекаетъ, что главными участниками этаго преобразованія въ русской литературѣ должно считать Жуковскаго и Пушкина. Критикъ, отдавъ полную справедливость Пушкину въ достоинствѣ поэтическаго изображенія Кавказа, замѣчаетъ нѣкоторые недостатки въ характерѣ плѣнника, и сблизивъ его съ байроновскимъ Чайльдъ-Гарольдомъ, находитъ въ немъ отраженіе той дѣйствительной современной европейской жизни, которую переживала и часть русскаго

образованнаго общества. „Подобныя лица, говоритъ онъ, часто встрѣчаются взору наблюдателя въ нынѣшнемъ положеніи общества. Преизбытокъ силы, жизни внутренней, которая въ честолюбивыхъ потребностяхъ своихъ не можетъ удовольствоваться уступками внѣшней жизни, щедрой для однихъ умѣренныхъ желаній такъ-называемаго благоразумія; необходимыя послѣдствія подобной распри: волненіе безъ цѣли, дѣятельность, пожирающая, неприкладываемая къ существенному, упованія, никогда не совершаемыя и вѣчно возникающія съ новымъ стремленіемъ должны неминуемо посѣять въ душѣ тотъ неистребимый зародышъ скуки, приторности, пресыщенія, которыя знаменуютъ характеръ Child-Harold, кавказскаго плѣнника и имъ подобныхъ".

Нельзя отрицать, что всѣ эти качества, указанныя княземъ Вяземскимъ, можно было встрѣтить въ немаломъ числѣ русскихъ людей изъ молодого поколѣнія, неудовлетворенныхъ узкими предѣлами законной дѣятельности, обманутыхъ въ своихъ ожиданіяхъ, недовольныхъ, раздраженныхъ [1]) и потому понятно, что въ Кавказскомъ плѣнникѣ они увидѣли нѣчто близкое, родственное, не-смотря на всю неопредѣленность его характера. Это не былъ байронизмъ, но было извѣстное общественное томленье, вызванное насильственнымъ продолжительнымъ застоемъ послѣ сильнаго возбужденія въ эпоху 1812 г.

Нельзя еще не замѣтить, что въ той же статьѣ князь Вяземскій старается нравственно поддержать молодаго опальнаго поэта „пылкаго и кипящаго жизнію" противъ „строгихъ перетолкователей". „Пусть ихъ мертвая оледенѣлость не уживается съ горячностью дарованія въ цвѣтѣ юности и силы, замѣчаетъ онъ, но мы съ своей стороны уговаривать будемъ поэта слѣдовать независимымъ вдохновеніямъ, въ полномъ увѣреніи, что бдительная цензура, которую нельзя упрекнуть у насъ въ потворствѣ, умѣетъ и безъ помощи посторонней удерживать писателей въ предѣлахъ позволеннаго. Впрочемъ, увѣщаніе наше излишне: какъ истинной чести двуличной быть нельзя, такъ и дарованіе возвышенное двуязычнымъ быть не можетъ. Въ непреклонной и благородной независимости оно умѣло бы предпочесть молчаніе языку заказному, обоюдному и холодному мнѣній неубѣдительныхъ, ибо источникъ ихъ не есть внутреннее убѣжденіе.

---

[1]) Относясь къ этому времени, Ф. Глинка приводитъ такое сравненіе: „Если рыбу, разгулявшуюся въ раздольныхъ моряхъ, засадятъ въ садокъ, и та всплескиваетъ на верхъ, чтобъ вздохнуть вольнымъ божьимъ воздухомъ—душно ей! И душно было тогда въ Петербургѣ людямъ, только что разставшимся съ полями побѣдъ, съ трофеями, съ Парижемъ, и прошедшимъ на возвратномъ пути, чрезъ сто тріумфальныхъ воротъ почти въ каждомъ городкѣ, на которыхъ на лицевой сторонѣ написано: „храброму россійскому воинству", а на обратной: „награда въ отечествѣ".— И эти разгулявшіеся рыцари попали въ тѣсную рамку обыденности, въ застой совершенный, въ монотонію томительную, въ дисциплину Шварца и проч. Ну вотъ и пошли мечты и помыслы („Рус. Стар." 1871 г. февраль).

Отозвался критикъ и на обѣщаніе поэта „разсказать Мстислава древній поединокъ“ словами: „слишкомъ долго поэзія русская чуждалась природныхъ своихъ источниковъ и почерпала въ постороннихъ родинахъ жизнь заемную, въ коей оказывалось одно искуство, но не отзывалось чувству біеніе чего-то роднаго и близкаго“.

Въ 1824 году, князь Вяземскій по поводу Бахчисарайскаго фонтана написалъ статью, въ формѣ разговора между издателемъ поэмы и классикомъ съ Выборгской стороны или Васильевскаго острова и издалъ ее вмѣстѣ съ поэмою. Тамъ онъ устами классика высказалъ все, что говорилось въ нашихъ журналахъ противъ романтизма и новыхъ поэтовъ. Чтобы видѣть, какія мысли занимали нашу тогдашнюю критику, мы извлекаемъ ихъ изъ монологовъ классика. „Нельзя судить о дарованіи писателя по пристрастію къ нему суевѣрной черни читателей. Пора истинной классической литературы у насъ миновалась. Нынѣ завелась какая-то школа новая, никѣмъ не признанная, кромѣ себя самой, не слѣдующая никакимъ правиламъ, кромѣ своей прихоти, искажающая языкъ Ломоносова, пишущая на обумъ, щеголяющая новыми выраженіями, новыми словами... Что значитъ у насъ этотъ духъ, эти формы германскія?.. Что такое народность въ словесности? Этой фигуры нѣтъ ни въ піитикѣ Аристотеля, ни въ піитикѣ Горація... Доказательствомъ, что въ романтической школѣ нѣтъ никакого смысла, можетъ служить то, что и самое названіе ея не имѣетъ смысла опредѣленнаго, утвержденнаго общимъ условіемъ... Мы романтики пріучены къ нечаянностямъ. Заглавіе у нихъ эластическаго свойства: стоитъ только захотѣть, и оно обхватитъ все видимое и невидимое, или обѣщаетъ одно, а исполнитъ совершенно другое. Въ наше времяобратили музъ въ разскащицъ всякихъ небылицъ. Гдѣ же достоинство поэзіи, если питать ее одними сказками? Легкіе намеки, туманныя загадки — вотъ матерьялы, изготовленные романтическимъ поэтомъ, а тамъ читатель дѣлай изъ нихъ что хочетъ. Романтическій зодчій оставляетъ на произволъ каждому распоряженіе и устройство зданія — сущаго воздушнаго замка, не имѣющаго ни плана, ни основанія“.

Отражая остроумно всѣ эти замѣчанія классиковъ, князь Вяземскій самъ вдается въ крайность и не только не разъяснилъ сущности романтизма, а скорѣе спуталъ вмѣстѣ и романтизмъ и класицизмъ. „Возьмите три знаменитыя эпохи въ исторіи нашей литературы, говоритъ онъ, вы въ каждой найдете отпечатокъ германскій. Эпоха преобразованія, сдѣланная Ломоносовымъ въ русскомъ стихотворствѣ, эпоха преобразованія въ русской прозѣ, сдѣланная Карамзинымъ, нынѣшнее волненіе, волненіе романтическое и противузаконное, если такъ хотите назвать его, не явно ли показываютъ господствующую наклонность литературы нашей? И такъ наши поэты-современники слѣдуютъ движенію, данному Ломоносовымъ; разница только въ томъ, что онъ слѣдовалъ Гинтеру и нѣкоторымъ другимъ

изъ современниковъ, а не Гёте и Шиллеру. Поэты-современники наши не болѣе грѣшны поэтовъ предшественниковъ. Мы еще не имѣемъ русскаго покроя въ литературѣ, можетъ быть и не будетъ, потому что его нѣтъ, но во всякомъ случаѣ поэзія новѣйшая, такъ называемая романтическая, не менѣе намъ сродна, чѣмъ поэзія Ломоносова или Хераскова, которую силятся выставить за классическую. Что есть народнаго въ Петріадѣ и Россіадѣ кромѣ имени?.. Народности нѣтъ у Горація въ піитикѣ, но есть она въ его твореніяхъ. Она не въ правилахъ, но въ чувствахъ. Отпечатокъ народности, мѣстности — вотъ что составляетъ, можетъ быть, главное существенное достоинство древнихъ и утверждаетъ ихъ право на вниманіе потомства... Нѣтъ сомнѣнія, что Гомеръ, Горацій, Эсхилъ имѣютъ гораздо болѣе сродства и соотношеній съ главами романтической школы, чѣмъ съ своими холодными, рабскими послѣдователями, кои силятся быть греками и римлянами заднимъ числомъ... Для романтической литературы еще не было времени условиться въ ея опредѣленіи. Начало ея въ природѣ, она есть, она въ обращеніи; но не поступила еще въ руки анатомиковъ".

Изъ всего этого мы видимъ, что наша критика добралась до идеи народности черезъ нѣмецкій романтизмъ и стала разумѣть народность только въ мѣстныхъ краскахъ. Съ этой точки зрѣнія была сдѣлана и оцѣнка поэмы Пушкина: почти все сведено къ достоинству слога. Усомнившись въ вѣроятіи разсказа, критикъ замѣчаетъ, что поэзія часто дорожитъ тѣмъ, что исторія отвергаетъ съ презрѣніемъ, и хвалитъ Пушкина за то, что онъ присвоилъ поэзіи бахчисарайское преданіе, обогативъ его правдоподобными вымыслами.

„Цвѣтъ мѣстности, прибавляетъ онъ, сохраненъ въ повѣствованіи со всею возможною свѣжестью и яркостью. Есть отпечатокъ восточный въ картинахъ, въ самыхъ чувствахъ, въ слогѣ. Въ поэмѣ движенія много. Въ раму довольно тѣсную вложилъ поэтъ дѣйствіе полное не отъ множества лицъ и сцѣпленія различныхъ приключеній, но отъ искусства, съ какимъ онъ умѣлъ выставить и оттѣнить главныя лица своего повѣствованія. Дѣйствіе зависитъ, такъ сказать, отъ дѣятельности дарованія: слогъ придаетъ ему крылья или гирями замедляетъ ходъ его. Въ твореніи Пушкина участіе читателя поддерживается сначала до конца. До этой тайны иначе достигнуть нельзя, какъ заманчивостью слога".

Такимъ образомъ и третій разсказъ Пушкина не послужилъ къ выясненію романтизма даже въ понятіяхъ такого остроумнаго критика, какимъ явился князь Вяземскій [1]). Для Пушкина, котораго

[1]) Не задолго до своей смерти князь Вяземскій, вспоминая прошедшее, написалъ слѣдующія строки: „Толки о романтизмѣ пошли съ легкой руки Шлегеля и ученицы его г-жи Сталь, особенно въ книгѣ ея о Германіи. Эта книга, которая показалась Наполеону I политически-революціонною была имъ запрещена; во всякомъ случаѣ положила она начало литературной революціи во Франціи и въ нѣ-

ставили во главѣ русскихъ романтиковъ, былъ, конечно, очень важенъ этотъ вопросъ, но всѣ объясненія не удовлетворяли его. „Твой разговоръ (при Бахчисарайскомъ фонтанѣ) писалъ онъ князю Вяземскому, болѣе писанъ для Европы чѣмъ для Руси. Ты правъ въ отношеніи романтической поэзіи. Но старая классическая, на которую ты нападаешь, полно существуетъ ли у насъ? Это еще вопросъ... Гдѣ же враги романтической поэзіи? Гдѣ столбы классической?“ То же самое повторилъ онъ и въ „Сынѣ Отечества“ (1824 г.), когда почелъ своимъ долгомъ отразить журнальныя нападки на разговоръ князя Вяземскаго: „Разговоръ между издателемъ и классикомъ писанъ болѣе для Европы вообще, чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и незамѣтны и не стоютъ столь блистательнаго отраженія“. Въ другомъ мѣстѣ онъ записалъ: „сколько я ни читалъ о романтизмѣ, все не то...“ „Наши критики не согласились еще въ ясномъ различіи между родами классическимъ и романтическимъ. Сбивчивымъ понятіемъ о семъ предметѣ обязаны мы французскимъ журналистамъ, которые обыкновенно относятъ къ романтизму все, что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и германскаго идеологизма или основаннымъ на предразсудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ. Опредѣленіе самое неточное. Стихотвореніе можетъ являть всѣ эти признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому“. Далѣе онъ предполагаетъ различіе въ формѣ: произведенія въ формахъ новыхъ, неизвѣстныхъ древнимъ литературамъ, должны называться романтическими. „Если же вмѣсто формы стихотворенія, будемъ брать за основаніе только духъ, въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій“... Пушкинъ не развилъ этой мысли. Но если далѣе логически развивать ее, то легко дойти до мысли, что съ романтизмомъ онъ соединялъ особые пріемы творчества, которые не выказывались у классическихъ поэтовъ. Какіе же именно эти пріемы, Пушкинъ могъ только чувствовать по своимъ собственнымъ стремленіямъ, но

которыхъ другихъ странахъ. Всѣ бросились въ средніе вѣка, въ рыцарскія преданія и въ легенды, въ сумракъ готическаго зодчества, въ мистицизмъ и т. д. Какимъ-то общимъ движеніемъ всѣ новокрощенцы новаго исповѣданія спѣшили отрекаться отъ грековъ и римлянъ, какъ отъ сатаны, а отъ литературы ихъ какъ отъ дѣлъ его. У насъ не было ни среднихъ вѣковъ, ни рыцарей, ни готическихъ зданій съ ихъ сумракомъ и своеобразнымъ отпечаткомъ: греки и римляне, грѣхъ сказать, не тяготѣли надъ нами. Мы болѣе слыхали о нихъ, чѣмъ водились съ ними. Но романтическое движеніе, разумѣется, увлекло и насъ. Мы въ подобныхъ случаяхъ очень легки на подъемъ. Тотчасъ образовались у насъ два войска, два стана; классики и романтики доходили до чернильной драки. Всего забавнѣе было то, что на лицо не было ни настоящихъ классиковъ, ни настоящихъ романтиковъ: были одни подставные и самозванцы. Грѣшный человѣкъ, увлекся и я тогда разлившимся и мутнымъ потокомъ. Пушкинъ остался тѣмъ, что былъ: ни исключительно классикомъ, ни исключительно романтикомъ, а просто поэтомъ и творцомъ, возвышавшимся надъ литературною междоусобицею, которая въ сторонѣ отъ него суетилась, копошилась и почти бѣсновалась“.

не объяснять ихъ теоретически. Только по послѣдующимъ произведеніямъ нашего поэта мы можемъ угадать, что съ романтизмомъ онъ соединилъ вполнѣ свободное художественное творчество, не стѣсняемое никакими односторонними взглядами и теоріями.

Новые факты, имѣвшіе вліяніе не дальнѣйшую судьбу Пушкина и вызванные имъ самимъ, относятся къ одесской его жизни, когда онъ числился уже при канцеляріи новороссійскаго генералъ-губернатора графа Воронцова. Ища новыхъ впечатлѣній, Пушкинъ каждый годъ отпрашивался у генерала Инзова въ Одессу. Тамъ его привлекали болѣе европейская жизнь, театръ; тамъ же завязывались у него и новыя сердечныя связи, о которыхъ говорятъ намъ и его стихотворенія того времени. Эти отпуски давались ему тѣмъ легче, что весь Новороссійскій край временно управлялся тѣмъ же Инзовымъ. Но въ половинѣ 1823 г. все управленіе перешло въ руки графа Воронцова, образованнаго и блестящаго вельможи-англомана, который старался набирать въ свою канцелярію благовоспитанныхъ чиновниковъ. Мы не знаемъ, самъ ли Пушкинъ захотѣлъ перемѣнить Кишиневъ на Одессу, или графъ Воронцовъ думалъ его приблизить къ себѣ и воспользоваться его силами, но только въ половинѣ 1823 г. состоялся приказъ о переводѣ его на службу въ Одессу. По всей вѣроятности, Пушкинъ смотрѣлъ на этотъ переводъ какъ на ступень къ возвращенію въ Петербургъ, о чемъ онъ постоянно думалъ. Такъ еще прежде онъ писалъ къ брату: „Жуковскому я писалъ, онъ мнѣ не отвѣчаетъ; министру я писалъ—онъ и въ усъ не дуетъ". И затѣмъ приводитъ стихъ изъ своего стихотворенія „Къ Овидію": О други, Августу мольбы мои несите... „Ты собираешься въ Москву, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, тамъ увидишь ты моихъ друзей — напомни имъ обо мнѣ, также и роднѣ моей, которая впрочемъ мало заботится о судьбѣ племянника, находящагося въ опалѣ. Можетъ быть они и правы, да и я не виноватъ". Чувство неволи по временамъ сильно томило поэта. Только она могла вызвать задушевное его стихотвореніе **Птичка**, въ которомъ слышатся слова человѣка, испытавшаго это чувство:

Я сталъ доступенъ утѣшенью;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать.

Но Пушкинской натурѣ невозможно было настолько съузиться, чтобы подойти подъ обыденный чиновничій идеалъ человѣка благоразумнаго и благонадежнаго. Хотя генералъ Инзовъ, по своей добротѣ, и покрывалъ всѣ его выходки и странности, но какъ видно, о нихъ знали въ Петербургѣ. Мы уже видѣли, какъ Карамзинъ отзывался о немъ; въ то же время и А. И. Тургеневъ писалъ къ Дмитріеву: „Пушкинъ написалъ другую поэму, но въ поведеніи не исправился; хочетъ непремѣнно не однимъ талантомъ походить на Байрона.

Perdu pour ses amis il vit pour l'univers,
Nous pleurons son sort en repetant ses vers.

И Одесса не доставила Пушкину того, чего онъ такъ сильно желалъ. Тамъ онъ скоро долженъ былъ почувствовать, что официальное его положеніе измѣнилось къ худшему, почувствовать, что у него есть начальство, чего онъ почти не замѣчалъ въ Кишиневѣ, что онъ прежде всего чиновникъ, слѣдственно обязанъ сжаться въ чиновничьи рамки, чтобы заслужить благоволеніе начальства и добиться хорошаго о себѣ отзыва. Чиновничьи нравы никакъ не согласовались съ идеаломъ нашего поэта, который не могъ выносить никакой официальности. Графъ Воронцовъ при всѣхъ своихъ достоинствахъ, и не смотря на свою англоманію былъ все же русскій баринъ, русскій администраторъ и начальникъ—эти качества должны были отражаться въ его отношеніяхъ къ чиновникамъ. До сихъ поръ Пушкинъ держалъ себя свободно, на равнѣ со всякимъ лицомъ, какъ бы высоко оно не было поставлено; иныхъ отношеній для себя онъ и не понималъ. Теперь онъ посмотрѣлъ на себя какъ на человѣка, надъ которымъ хотятъ сдѣлать насиліе, заставивъ его служить противъ воли. Этому онъ энергически воспротивился, а на замѣчаніе, что „онъ обязанъ служить, получая казенное жалованье" у него былъ готовъ отвѣтъ: „я принимаю 700 руб. не такъ, какъ жалованье чиновника, но какъ паекъ ссылочнаго невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться, если не могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ." Онъ гордо требовалъ, чтобы на занятія поэта смотрѣли не какъ на бездѣлье или праздный досугъ, а какъ на честный трудъ на ряду со всякимъ законнымъ ремесломъ, какъ на отрасль честной промышленности, доставляющей пропитаніе и домашнюю независимость. На взглядъ многихъ изъ тогдашнихъ писателей, этимъ заявленіемъ онъ унижалъ поэзію; но на самомъ дѣлѣ онъ завоевывалъ ей права гражданства, возвышалъ ее на степень почтеннаго труда, требовалъ признанія ея пользы, наконецъ защищалъ свободу поэта противъ чиновничьяго насилія, которое всѣ общественныя силы хотѣло подчинить одному своему идеалу. Пушкинъ даже не затруднился назвать свое занятіе книжнымъ торгомъ и указывалъ, сколько онъ терялъ отъ своего подневольнаго состоянія: „я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній единственно по той причинѣ, что нахожусь за 2000 верстъ отъ столицъ; а только тамъ и можно вести книжный торгъ: тамъ находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы". Пушкинъ хотѣлъ отстоять свою независимость, не хотѣлъ отрѣчься отъ себя, но въ то же время не могъ не чувствовать и своего безсилія въ этомъ официальномъ кругу, гдѣ поневолѣ пришлось вращаться ему въ качествѣ Богъ знаетъ кого. Его поэзію графъ Воронцовъ не уважалъ, потому что видѣлъ въ ней повтореніе Байрона, а на Байрона онъ смотрѣлъ черезъ очки англійской аристократіи, которая относилась къ нему очень враждебно.

Легко могло быть, что графъ невыгодно при другихъ отзывался о поэзіи Пушкина и, что эти отзывы передавались нашему поэту. А мы знаемъ, какъ сильно затрогивалось его самолюбіе при каждомъ подобномъ отзывѣ объ его стихахъ, и какъ онъ иногда былъ злопамятенъ даже противъ своихъ друзей, которымъ случалось неловко задѣвать его какимъ нибудь замѣчаніемъ. Въ этомъ случаѣ онъ обыкновенно мстилъ эпиграммами. Нѣчто эпиграмматическое слышалось и въ словѣ милордъ, которое Пушкинъ за глаза относилъ къ Воронцову.

Одинъ годъ прожилъ Пушкинъ въ Одессѣ при графѣ Воронцовѣ, но этотъ годъ можно назвать тяжелымъ для его нравственнаго существованія. Чтобы представить его жизнь за то время, воспользуемся страницею изъ воспоминаній Липранди: „Мнѣ случилось въ первый разъ обѣдать съ Пушкинымъ у графа. Онъ сидѣлъ довольно далеко отъ меня и черезъ столъ часто переговаривался съ Ольгой Станиславовной Нарышкиной (урожденной графинею Потоцкой); но разговоръ почему-то вовсе не одушевлялся. Графини Воронцова и Башмакова (Варвара Аркадьевна, урожденная княжна Суворова) иногда вмѣшивались въ разговоръ двумя-тремя словами. Пушкинъ былъ чрезвычайно сдержанъ и въ мрачномъ настроеніи духа. Вставши изъ-за стола мы съ нимъ столкнулись, когда онъ отыскивалъ между многими свою шляпу и на вопросъ мой—„куда“?—Отдохнуть, отвѣчалъ онъ мнѣ, присовокупивъ: „это не обѣды Бологовскаго, Орлова (кишеневскихъ пріятелей) и даже не окончилъ, вышелъ, сказавъ, что когда я пріѣду, то далъ бы знать... Въ восемь часовъ возвратился домой и проходя мимо номера Пушкина, зашелъ къ нему. Я засталъ его въ самомъ веселомъ расположеніи духа, безъ сюртука, сидящимъ на колѣняхъ у мавра Али. Этотъ мавръ родомъ изъ Туниса былъ капитаномъ т. е. шкиперомъ комерческаго или своего судна, человѣкъ очень веселаго характера, лѣтъ тридцати пяти, средняго роста, плотный, съ лицомъ загорѣлымъ и нѣсколько рябоватымъ, но очень пріятной физіономіи. Али очень полюбилъ Пушкина, который не иначе называлъ его какъ корсаромъ. Али говорилъ нѣсколько по французски и очень хорошо по итальянски. Мой приходъ не перемѣнилъ ихъ положенія. Пушкинъ мнѣ рекомендовалъ его, присовокупивъ, что „у меня лежитъ къ нему душа: кто знаетъ, можетъ быть, мой дѣдъ съ его предками были близкой родней“. И вслѣдъ засимъ началъ его щекотать, чего мавръ не выносилъ, а это забавляло Пушкина. Я пригласилъ его къ себѣ пить чай, сказавъ, что кое кто обѣщали проводить меня. Пушкинъ принялъ это съ большимъ удовольствіемъ, присовокупивъ, что это напомнитъ ему Кишиневъ, и вызвался привести съ собой Али... Господствующій разговоръ былъ о Кишиневѣ. Александръ Сергѣевичъ находилъ, что положеніе его во всѣхъ отношеніяхъ было гораздо выносимѣе тамъ, нежели въ Одессѣ и нѣсколько разъ принимался

щекотать Али, говоря, что онъ составляетъ здѣсь для него единственное наслажденіе... Дней черезъ десять я опять пріѣхалъ въ Одессу, и тотчасъ послалъ дать знать Пушкину. Человѣкъ возвратился съ извѣстіемъ, что онъ еще спитъ, что пришелъ домой въ пять часовъ утра изъ маскарада... Я узналъ, что маскарадъ былъ у графа. Въ часъ мы нашли Пушкина еще въ кровати съ поджатыми по обыкновенію ногами и что-то пишущимъ. Онъ былъ очень не въ духѣ отъ бывшаго маскарада, разсказалъ нѣкоторые эпизоды и въ особенности былъ раздраженъ на барона Брунова (тогда коллежскаго ассессора, а потомъ посланника) и на улыбку довольствія графа. Такъ какъ первымъ условіемъ маскарада было костюмироваться, то Бруновъ костюмировался валетомъ червей и сплошь обшилъ себя червонными валетами. Подойдя къ графу и графинѣ и подавая какіе-то стихи на французскомъ языкѣ онъ сказалъ что-то въ родѣ, что le valet de coeur fait hommage au roi des coeurs". Пушкинъ не переваривалъ этихъ словъ, а милордъ и чета его приняли это съ большимъ удовольствіемъ, и вдругъ расхохотался... Я началъ замѣчать, что Пушкинъ былъ недоволенъ своимъ пребываніемъ относительно общества, въ которомъ онъ болѣе или менѣе вращался... Я не проникалъ въ эти причины. хотя очень часто съ нимъ и еще съ двумя-тремя дѣлали экскурсіи, гдѣ, какъ говорится, всѣ распоясывались. Я замѣчалъ какой-то abandon въ Пушкинѣ, но не искалъ проникать въ его задушевное и оставлялъ безъ особеннаго вниманія... Мы начали находить въ Пушкинѣ большую перемѣну даже въ сужденіяхъ. По нѣкоторымъ вырывавшимся у него словамъ, Алексѣевъ, бывшій къ нему ближе и интимнѣе нежели я, думалъ видѣть въ немъ какъ будто бы какое-то ожесточеніе. Въ Одессѣ было общество, которое могло занимать Пушкина во всѣхъ отношеніяхъ. Не говоря о высшихъ кругахъ, какъ напр. въ домахъ гр. Воронцова, Нарышкина, Башмакова, кишиневскаго его знакомца Пущина и нѣкоторыхъ другихъ. Но я понималъ по крайней мѣрѣ по собственному образу мыслей, что такой кругъ не могъ удовлетворять Пушкина, ему по природѣ его нужно было разнообразіе съ разительными противуположностями, какъ встрѣчалъ онъ ихъ въ продолженіе почти трехлѣтняго пребыванія своего въ Кишиневѣ. Онъ отвыкъ и какъ говорилъ, никогда и не любилъ аристократическихъ, семейныхъ этикетныхъ обществъ, существовавшихъ въ выше названныхъ домахъ, а отъ нихъ перешедшихъ въ салоны и къ нѣкоторымъ болѣе значительнымъ негоціантамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ казалось страннымъ, что онъ не то чтобы убѣгалъ безусловно, но и не искалъ быть въ кругу лицъ, шедшихъ тѣмъ же литературнымъ путемъ, какъ и онъ... Онъ безъ видимый охоты посѣщалъ и литературные вечера Варвары Дмитріевны Казначеевой, урожденной княжны Волконской, очень умной, любезной и начитанной женщины, страстной любительницы литературы... Пріѣзды А. И. Раевскаго развлекали Пушкина, какъ будто оживляли его, точно такъ же какъ когда

встрѣчался онъ съ кѣмъ либо изъ кишиневскихъ. Тогда распросамъ не было конца; обѣдъ, ужинъ, завтракъ съ старыми знакомыми оживляли его, и дѣйствительно, повторяю, что сравнительно съ Одессой Кишиневъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ характеру Пушкина. Въ Одессѣ, независимо отъ встрѣчъ съ знакомыми бессарабцами, театръ иногда служилъ развлеченіемъ. Изъ всѣхъ домовъ, посѣщаемыхъ Пушкинымъ въ Одессѣ, особенно любилъ онъ обѣдать у негоціанта Сикара, нѣкогда французскаго консула, одного изъ старѣйшихъ жителей Одессы, и автора брошюры на французскомъ языкѣ о торговлѣ въ Одессѣ. Пять-шесть обѣдовъ въ годъ имъ даваемыхъ, не иначе какъ званыхъ и немноголюдныхъ, дѣйствительно были замѣчательны отсутствіемъ всякаго этикета при высшей сервировкѣ стола. Пушкинъ былъ всегда приглашаемъ и здѣсь я его находилъ, какъ говорится, совершенно въ своей тарелкѣ, дающимъ иногда волю болтовнѣ, которая любезно принималась собесѣдниками... Я былъ еще раза три въ Одессѣ. и каждый разъ находилъ Пушкина болѣе и болѣе недовольнымъ; та веселость, которая одушевляла его въ Кишиневѣ, проявлялась только тогда, когда онъ былъ съ мавромъ Али. Мрачное настроеніе духа Александра Сергѣевича породило много эпиграммъ, изъ которыхъ едва ли не большая часть была имъ только сказана, но попала на бумагу и сдѣлалась извѣстной. Эпиграммы эти касались многихъ и изъ канцеляріи графа; такъ напр. про начальника отдѣленія Артемьева, особенно отличалась отъ другихъ своими убійственными, но вѣрными выраженіями. Стихи его на нѣкоторыхъ дамъ бывшихъ на балѣ у графа своимъ содержаніемъ раздрожили всѣхъ. Начались сплетни, интриги, которыя еще болѣе тревожили Пушкина. Говорили, будто графъ черезъ кого-то изъявилъ Пушкину свое неудовольствіе, и что это было поводомъ злыхъ стиховъ о графѣ. Услужливость нѣкоторыхъ тотчасъ распространила ихъ. Не нужно было искать къ чьему портрету они мѣтили. Графъ не показалъ и вида какого либо негодованія по прежнему приглашалъ Пушкина къ обѣду, по прежнему обмѣнивался съ нимъ нѣсколькими словами. Чрезъ нѣсколько времени получёны были изъ разныхъ мѣстъ извѣстія о появленіи саранчи, выходившей уже изъ зимнихъ квартиръ своихъ, на иныхъ мѣстахъ еще ползающей, на другихъ перешедшей въ періодъ скачки. Не смотря на мѣры, принятыя мѣстными губернаторами, графъ послалъ и отъ себя нѣсколько военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Въ числѣ ихъ былъ назначенъ и Пушкинъ, положительно съ цѣлью, чтобы по окончаніи командировки имѣть поводъ сдѣлать о немъ представленіе къ какой либо наградѣ. Но Пушкинъ съ настроеніемъ своего духа принялъ это за оскорбленіе, за месть [1]). Нашлись люди, которые вмѣсто

---

[1]) По другому свидѣтельству, Пушкинъ будто бы принялъ эту командировку, плодомъ которой было слѣдующее донесенію начальству:

Саранча
Летѣла и летѣла
И сѣла.

Сидѣла, сидѣла
Все съѣла
И улетѣла.

успокоенія его раздражительности, старались еще болѣе усилить оную, или молчаніемъ, когда онъ кричалъ во всеуслышаніе или даже поддакиваніемъ. Послѣдствіемъ этого было письмо его на французскомъ языкѣ къ графу въ сильныхъ и можно сказать, неумѣстныхъ выраженіяхъ..."

Судя по одному письму Пушкина къ Ал. Бестужеву, можно заключить, что онъ считалъ себя оскорбленнымъ не тѣмъ, что на него посмотрѣли какъ на чиновника, а вмѣшалось тутъ другое чувство—оскорбленіе человѣческаго достоинства подъ видомъ небрежнаго отношенія къ поэту. Пушкинъ хотѣлъ высоко держать литературное знамя и понималъ, что независимость писателя должна опираться на независимости личности человѣка. Но въ жизни тогдашняго чиновнаго общества идеалъ человѣка ни чего не значилъ; являться съ нимъ и требовать себѣ уваженіе было совершенно напрасно. Гражданской равноправности не существовало. Равноправны по закону были только дворяне, и Пушкину пришлось опереться на свое родовое дворянство, чтобы возвысить и право писателя. Имѣя въ виду нѣкоторыхъ писателей прежняго времени, которые умѣли съ достоинствомъ держать себя передъ сильными, онъ писалъ: „наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ передъ ними отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженіе. Наши таланты благородны, независимы. Съ Державинымъ умолкнулъ голосъ лести, а какъ онъ льстилъ:

О вспомни, какъ въ томъ восхищеньи
Пророча, я тебя хвалилъ:
„Смотри", я рекъ, „тріумфъ минута,
А добродѣтель вѣкъ живетъ [1])".

„Прочти посланіе къ А (императору Александру I — Жуковскаго 1815 г.). Вотъ какъ русскій поэтъ говоритъ русскому царю. Пересмотри наши журналы, все текущее въ литературѣ... О какой лирѣ можно сказать, что Мирабо сказалъ о Сіесѣ: son silence est une calamité publique. Иностранцы намъ изумляются; они отдаютъ намъ полную справедливость, не понимая, какъ это сдѣлалось. Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. Аристократическая гордость сливается у нихъ съ авторскимъ самолюбіемъ; мы не хотимъ быть покровительствуемы равными—вотъ чего п-цъ Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою — а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шестисотлѣтній дворянинъ. Дьявольская разница!"

Друзья и недруги Пушкина—либералы-идеалисты стали нападать на такой аристократическій взглядъ поэта, одни видя въ этомъ же-

[1]) Въ одѣ къ Зубову, когда тотъ былъ уже въ немилости.

ланіе разыгрывать изъ себя Байрона, другіе измѣну прежнимъ убѣжденіямъ; но они не знали, что въ это же самое время писалъ Пушкинъ своему начальству: „Я не могу, да и не хочу напрашиваться на дружбу съ графомъ Воронцовымъ, а еще менѣе на его покровительство (мое уваженіе къ этому человѣку не дозволяетъ мнѣ унизиться передъ нимъ). Ничто такъ не позоритъ человѣка какъ протекція. Я имѣю своего рода демократическіе предразсудки, которые, думаю, стоятъ предразсудковъ аристократическихъ. Я жажду одного—независимости (простите мнѣ это слово ради самаго понятія). Я надѣюсь обрѣсти ее съ помощью мужества и постоянныхъ усилій... Мнѣ только становится не въ мочь зависѣть отъ хорошаго или дурнаго пищеваренія того или другаго начальника; мнѣ надоѣло видѣть, что меня въ моемъ отечествѣ принимаютъ хуже чѣмъ перваго пришлаго пошляка изъ англичанъ, который пріѣзжаетъ къ намъ безпечно разматывать свое ничтожество и свое бормотанье [1])“...

Въ этихъ словахъ слышится гордый голосъ не дворянина, а человѣка, сознающаго свое достоинство, представителя общественныхъ силъ, которыя заявляли свои законныя требованія. Пушкинъ вполнѣ сознавалъ, на какую борьбу онъ дѣлаетъ вызовъ: „Знаю, что довольно этого письма, пишетъ онъ, чтобы меня, какъ говорится, уничтожить. Если графъ прикажетъ подать въ отставку, я готовъ; но чувствую, что перемѣнивъ мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надѣюсь“. И не смотря на это, онъ идетъ на встрѣчу бѣдѣ, лишь бы только вырваться изъ того двусмысленнаго положенія, въ какое онъ былъ поставленъ своимъ официальнымъ званіемъ чиновника. Но опираясь на свое родовое дворянство, Пушкинъ забылъ, что у насъ существовала еще другая сила, можетъ быть поважнѣе первой, сила, которая выражалась въ поговоркѣ: „чинъ чина почитай“. Пушкинъ дѣйствительно ставилъ свою судьбу на карту. Можетъ быть, этотъ поступокъ назовутъ опрометчивымъ, неблагоразумнымъ, но нельзя не сознаться, что прямота характера вызываетъ невольное уваженіе. Здѣсь передъ нами уже не поэтъ, а человѣкъ-геній, у котораго нѣтъ кумировъ. Здѣсь же припоминается гордый отвѣтъ Ломоносова своему начальству на угрозу отставить его отъ академіи: „скорѣе отъ меня отставятъ академію“. Какъ въ лицѣ Ломоносова гордо приподнимала голову наука, такъ въ лицѣ Пушкина поднимала ее поэзія; а цѣль той и другой одна—поднять высшіе интересы жизни человѣка. Нельзя не замѣтить, что Пушкинъ нѣсколько идеально представлялъ нравственную сторону нашей литературы, полагая, что дворянское званіе большинства нашихъ писателей спасало ее отъ униженія. Вѣрно представилъ положеніе русскаго писателя почти въ то же время князь Вяземскій: „У насъ въ обществѣ нѣтъ писателю мѣста. По свѣтскому уложенію

[1]) Анненкова — А. С. Пушкинъ.

нашего общества, авторство не есть званіе, коего представительство имѣетъ свои права, свой голосъ и законный удѣлъ на съѣздѣ чиновъ большаго свѣта. Писатель въ Россіи, когда онъ не съ перомъ въ рукахъ, не въ книгѣ своей, есть существо отвлеченное, метафизическое: если онъ хочетъ быть существомъ положительнымъ, то имѣй онъ еще въ запасѣ постороннее званіе, и сія эпизодическая роль затмитъ и перевѣситъ главную. Исключенія изъ сего правила рѣдки и всегда случайны и времеины. Можно пробыть авторомъ въ обществѣ на полъ часа, подобно пѣвцу или пьянисту, которые обращаютъ на себя вниманіе только, пока ихъ искусство въ дѣйствіи. Роль, которую играли во Франціи писатели, такъ называемые gens de lettres, въ особенности же царствованія Людовика XV и Людовика XVI до начала революціи, такъ далеко отъ нашихъ нравовъ и господствующихъ у насъ понятій, что мы худо постигаемъ всемогущее вліяніе, которое они имѣли не только на общую образованность народа, но и на частныя мнѣнія и привычки общества"...

Пушкинъ терпѣть не могъ выступать въ обществѣ въ качествѣ писателя, но и какъ существо положительное въ смыслѣ князя Вяземскаго, онъ былъ не болѣе какъ коллежскій секретарь, да притомъ еще опальный, ввѣренный особенному надзору начальства. Тѣмъ болѣе онъ представляется какимъ-то героемъ, рѣшившись вступить въ борьбу, чтобы отстоять независимость своего положенія, какъ человѣка и вмѣстѣ какъ поэта.

Не зная, чѣмъ именно графъ Воронцовъ оскорбилъ Пушкина, всегда слишкомъ щекотливаго въ вопросахъ чести, мы не имѣемъ повода относиться къ нему съ рѣзкимъ осужденіемъ. Напротивъ, изъ того, что намъ извѣстно, мы можемъ заключить, что онъ съ большимъ тактомъ думалъ кончить всю эту исторію. Имѣя власть дѣйствительно уничтожить своего чиновника, позволившаго себѣ дерзкую выходку, онъ не сдѣлалъ этого, не далъ даже ходу просьбѣ Пушкина объ отставкѣ, просьбѣ, которая могла бы вызвать разныя объясненія со стороны высшаго начальства, такъ какъ Пушкинъ былъ въ исключительномъ положеніи, и объясненіе конечно не къ выгодѣ поэта. Графъ Воронцовъ хотѣлъ просто удалить Пушкина изъ Одессы въ другую губернію и обратился съ письмомъ къ министру иностранныхъ дѣлъ графу Несельроде, такъ какъ Пушкинъ числился на службѣ по этому министерству. Письмо написано сдержанно, осторожно, съ видимымъ желаніемъ какъ нибудь не повредить поэту, хотя между строкъ и можно читать желаніе поскорѣе отъ него избавиться:

„Вашему сіятельству извѣстны причины, по которымъ нѣсколько времени тому назадъ, молодой Пушкинъ былъ посланъ съ письмомъ отъ графа Каподистріи къ генералу Инзову. Во время моего пріѣзда сюда, генералъ Инзовъ предоставилъ его въ мое распоряженіе и съ тѣхъ поръ онъ живетъ въ Одессѣ, гдѣ находился еще до моего пріѣзда, когда генералъ Инзовъ былъ въ Кишиневѣ. Я не могу пожа-

ловаться на Пушкина за что либо, напротивъ, казалось, онъ сталъ гораздо сдержаннѣе и умѣреннѣе прежняго, но собственный интересъ молодаго человѣка, не лишеннаго дарованій и котораго недостатки происходятъ скорѣе отъ ума, нежели отъ сердца, заставляетъ меня желать его удаленія изъ Одессы. Главный недостатокъ Пушкина — честолюбіе. Онъ прожилъ здѣсь сезонъ морскихъ купаній и имѣетъ уже множество льстецовъ, хвалящихъ его произведенія; это поддерживаетъ въ немъ вредное заблужденіе и кружитъ его голову тѣмъ, что онъ замѣчательный писатель, въ то время какъ онъ только слабый подражатель писателя, въ пользу котораго можно сказать очень мало. Это обстоятельство отдаляетъ его отъ основательнаго изученія великихъ классическихъ поэтовъ, которые имѣли бы хорошее вліяніе на его талантъ, въ чемъ ему нельзя отказать и сдѣлали бы изъ него современемъ замѣчательнаго писателя. Удаленіе его отсюда будетъ лучшая услуга для него... По всѣмъ этимъ причинамъ я прошу ваше сіятельство довести объ этомъ до свѣдѣнія государя, и испросить его рѣшенія по оному. Ежели Пушкинъ будетъ жить въ другой губерніи, онъ найдетъ болѣе поощрителей къ занятіямъ и избѣжитъ здѣшняго опаснаго общества. Повторяю графъ, что я прошу этого только ради него самого; надѣюсь, моя просьба не будетъ истолкована ему во вредъ и вполнѣ убѣжденъ, что только согласившись со мною, ему можно будетъ дать болѣе средствъ обработать его рождающійся талантъ, удаливъ его въ то же время отъ того, что ему такъ вредно, отъ лести и столкновенія съ заблужденіями и опасными идеями" [1]).

Въ то же самое время Пушкинъ писалъ къ князю Вяземскому: „Я поссорился съ Воронцовымъ и завелъ съ нимъ полемическую переписку, которая кончилась съ моей стороны просьбою объ отставкѣ. Но чѣмъ кончатъ власти, еще неизвѣстно... У меня голова кругомъ идетъ". Вяземскій, надо полагать, одобрилъ Пушкина, который въ слѣдующемъ письмѣ приписалъ: „ты, конечно, правъ; болѣе чѣмъ когда нибудь обязанъ я уважать себя. Унижаться передъ правительствомъ была бы глупость [2]).

Изъ всего этого видно, какъ Пушкинъ смотрѣлъ на свое столкновеніе съ графомъ Воронцовымъ: это была для него борьба не личная, а съ правительствомъ; оно же смотрѣло на всякое неповиновеніе и сопротивленіе личности, какъ на примѣръ опасный и спѣшило сдѣлать борьбу невозможною. Но Пушкинъ, ожидая грозы, не предвидѣлъ, что она шла противъ него не со стороны Воронцова. Явились факты другого рода, которые предупредили намеки Воронцова и рѣшили судьбу поэта. Слишкомъ за два мѣсяца до письма графа, которое было подписано 28 марта 1824 г., былъ написанъ рапортъ бывшаго военнаго генералъ-полиційместера 1-й арміи генералъ-маіора Скобе-

---

[1]) Матеріалы для біографіи Пушкина. Лейпцигъ, 1875.

[2]) „Русскій Архивъ", 1874, № 1.

лева къ своему начальству. Скобелевъ пострадалъ послѣ извѣстной семеновской исторіи за то, что старался смягчить опасенія и подозрѣнія правительства въ политической неблагонадежности гвардіи. Онъ представлялъ, что полиція нужна собственно не для войска, гдѣ она была бы „явнымъ оскорбленіемъ ревнующихъ къ пользамъ службы воиновъ“, а для провіантской и комисаріатской части, „изъ коихъ большая часть исполняютъ дѣла службы подъ руководствомъ подлой корысти“. Находясь не у дѣлъ и желая вѣроятно загладить дурное впечатлѣніе отъ своей прежней невинной либеральности, онъ написалъ въ формѣ рапорта доносъ на Пушкина уже совершенно въ другомъ духѣ. Поводомъ было множество рукописныхъ либеральныхъ стихотвореній, которыя всѣ ходили подъ именемъ Пушкина, хотя большая часть и не принадлежала ему.

„Утомясь угрызеніями грозно преслѣдующей меня совѣсти, пишетъ Скобелевъ, и оплакавъ шагъ, сдѣланный мною по необузданному побужденію слѣпой вѣры къ предмету, повергшему меня въ долю наизлополучнѣйшую, я постепенно привыкаю къ имени человѣка черезъ праздность ничтожнаго. Не имѣя правъ смотрѣть вамъ въ глаза съ тою благородною свободою, каковая нѣкогда была лестною вывѣскою души моей, безъ сомнѣнія не буду я искать случая присутствіемъ своимъ навлечь вамъ тягость; но какъ минутная погрѣшность, въ основаніе которой вошли причины неопытности моей, чрезъ мѣру важныя, не сильны были умертвить во мнѣ постоянныхъ порывовъ къ истинному добру и несчастіе не потушило пламеннаго желанія быть полезнымъ благодѣтелю царю, то и рѣшился я доложить вашему превосходительству: не лучше ли было бы оному Пушкину, который изрядныя дарованія свои употребилъ въ явное зло, запретить издавать развратныя стихотворенія. На соблазнъ они для людей, къ воспитанію коихъ пріобщено спасительное попеченіе; но въ настоящее время по всей вѣроятности, большая часть родителей о томъ даже и не помышляетъ. Всѣ, какъ къ божьему гнѣву, спѣшатъ учить языкамъ, числомъ коихъ свершается курсъ наукъ питомцевъ пагубной моды... Я не имѣю у себя стиховъ сказаннаго вертопраха, которые повсюду ходятъ надъ именемъ Мысль о свободѣ [1]). Но судя по возраженіямъ, ко мнѣ дошедшимъ, они должны быть весьма дерзки... Если бъ сочинитель вредныхъ пасквилей немедленно въ награду лишился нѣсколько клочковъ шкуры—было бы лучше. На что снисхожденіе къ человѣку, надъ коимъ общій гласъ благомыслящихъ гражданъ дѣлаетъ строгій приговоръ? Одинъ примѣръ больше бы сформировалъ пользы; но сколько же, напротивъ, водворится вреда неумѣстною къ негодяямъ нѣжностью. Можно смѣло ручаться, что многіе изъ порядочныхъ людей безъ соболѣзнованія рѣшились бы удавить

[1]) Это не „Ода на вольность“ Пушкина, но другое стихотвореніе неизвѣстнаго автора.

дѣтей равномѣрно развратныхъ, слѣдовательно большой еще перевѣсъ на сторонѣ благочестія—надобно только зло умерщвлять въ началѣ рожденія его. Простите смѣлости—это мысль большей части людей и моя вмѣстѣ".

Прибавимъ къ этому, что Скобелевъ, по отзывамъ современниковъ, былъ изъ лучшихъ и человѣчественныхъ генераловъ того времени; и если у него были такія понятія о благомыслящихъ и порядочныхъ людяхъ, у которыхъ кровожадныя наклонности считались хорошими качествами, и которымъ ни по чемъ приступать безъ суда къ такой расправѣ, какъ лишніе нѣсколькихъ клочковъ шкуры или удавленіе дѣтей, то какъ трагично должно показаться положеніе Пушкина среди такого общества. Мы не знаемъ, какой ходъ имѣлъ рапортъ Скобелева, по всей вѣроятности, онъ дошелъ до высшей инстанціи. По немъ мы можемъ судить, какая сила поднималась противъ Пушкина съ своими требованіями въ тотъ моментъ, когда онъ вызывалъ на борьбу правительство. Но вотъ въ то же время московская полиція представляетъ высшему начальству частное письмо Пушкина, ходившее по рукамъ и получившее, какъ она представляла, общую извѣстность. Въ немъ поэтъ вольнодумствовалъ, извѣщая, что беретъ уроки чистаго атеизма у какого то англичанина, который будто бы мимоходомъ уничтожалъ слабыя доказательства безсмертія души. „Система не столь утѣшительная, заключалъ онъ, какъ обыкновенно думаютъ, но къ несчастью болѣе всего правдоподобная".

Этотъ документъ въ глазахъ набожнаго императора Александра послужилъ главнымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ Пушкина. Онъ потерялъ окончательно во мнѣніи правительства. О немъ было сдѣлано заключеніе: „все доказываетъ, къ несчастію, что онъ слишкомъ проникся вредными началами, такъ пагубно выразившимися при первомъ вступленіи его на общественное поприще". На четвертый мѣсяцъ послѣ письма Воронцова, въ Одессѣ было получено отвѣтное письмо изъ Петербурга. Въ немъ министръ Несельроде сообщалъ между прочимъ слѣдующее: „Его величество въ видахъ законнаго наказанія приказалъ мнѣ исключить его изъ списковъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ за дурное поведеніе. Впрочемъ его величество не соглашается оставить его совершенно безъ надзора на томъ основаніи, что пользуясь своимъ независимымъ положеніемъ, онъ будетъ безъ сомнѣнія все болѣе и болѣе распространять тѣ вредныя идеи, которыхъ онъ держится и вынудитъ начальство употребить противъ него самыя строгія мѣры. Чтобы отдалить по возможности, такія послѣдствія, императоръ думаетъ, что въ этомъ случаѣ нельзя ограничиться только его отставкою, но находитъ необходимымъ удалить его въ имѣніе родителей, въ Псковскую губернію подъ надзоръ мѣстнаго начальства" [1]).

[1]) Матерьялы для біографіи Пушкина. Лейпцигское изданіе 1875 г.

На этотъ разъ не нашлось у Пушкина заступника. Скорѣе друзья, чѣмъ враги его привели дѣло къ такому исходу. По своему легкомыслію они носились съ его письмомъ какъ и со всякимъ его стихотвореніемъ, не заботясь о его репутаціи. Пушкинъ имѣлъ право сказать о нихъ въ одной строфѣ Евгенія Онѣгина:

Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
О нихъ не даромъ вспомнилъ я.

Письмо Несельроде наводитъ на мысль, что правительство само бережно наказывало Пушкина, признавая въ немъ сильный талантъ, который жалко было бы погубить. Оно разсчитывало, что поэтъ при другой обстановкѣ жизни образумится, и рѣшилось терпѣть, не предавая его всей строгости законовъ. Въ этомъ случаѣ оно стояло выше и было благодушнѣе того большинства людей, на которое указываетъ генералъ Скобелевъ.

По назначенному маршруту, Пушкинъ выѣхалъ изъ Одессы 30-го іюля 1824 года. Съ него была взята подписка, что онъ нигдѣ не будетъ останавливаться на пути по своему произволу и по прибытіи во Псковъ тотчасъ же явится къ гражданскому губернатору. Прощаясь съ моремъ, Пушкинъ представлялъ себѣ ту глушь, въ которой будетъ вспоминать о немъ:

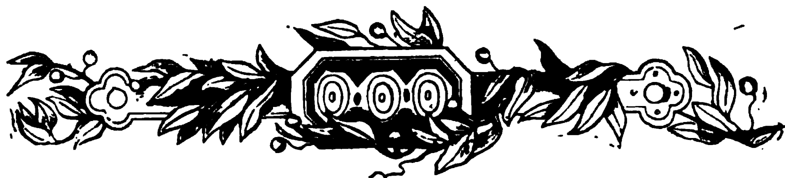
Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и шумъ, и говоръ волнъ.

Мы должны согласиться съ Липранди, что удаленіе Пушкина изъ Одессы именно въ этотъ моментъ должно назвать счастливымъ для его послѣдующей жизни. Въ слѣдъ за его выѣздомъ, поселился въ Одессѣ князь С. Г. Волконскій, женившійся на Раевской, пріѣхали нѣкоторые члены тайныхъ обществъ, которые вновь тогда составлялись; изъ арміи наѣзжали: Юшневскій, Пестель и другіе, черезъ годъ оказавшіеся въ числѣ декабристовъ. Всѣ они посѣщали князя Волконскаго. Остался ли бы въ сторонѣ отъ нихъ Пушкинъ съ своимъ мрачно-ожесточеннымъ духомъ?

В. Стоюнинъ.

(*Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ*).

М. Е ЛОБАНОВЪ И ЕГО ОТНОШЕНІЯ КЪ ГНѢДИЧУ И ЗАГОСКИНУ.

I.

Письма М. Е. Лобанова къ Н. И. Гнѣдичу.

Въ БУМАГАХЪ М. Е. Лобанова сохранились письма его къ Гнѣдичу и письма Загоскина къ самому Лобанову. Авторъ Юрія Милославскаго и переводчикъ Иліады не забыты еще и въ наши дни, что же касается до Михаила Евстафіевича Лобанова, то его давно уже постигло полное забвеніе. Необходимо, поэтому, сказать нѣсколько словъ объ этомъ писателѣ.

Онъ родился въ Петербургѣ въ 1787 году, воспитывался въ іезуитскомъ пансіонѣ, потомъ слушалъ лекціи профессоровъ педагогическаго института. Въ 1807 году мы видимъ Лобанова преподавателемъ русской словесности у Строгоновыхъ. Въ 1810 году, онъ поступилъ на службу въ канцелярію оберъ-прокурора святѣйшаго синода; съ 1813 по 1841 г., служилъ въ Публичной библіотекѣ, а потомъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія. Въ 1828 г. Лобановъ былъ избранъ въ члены россійской академіи, а по присоединеніи ея въ 1841 г. къ академіи наукъ былъ сначала почетнымъ членомъ, а затѣмъ ординарнымъ академикомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Въ 1846 году Лобановъ получилъ мѣсто управляющаго Румянцовскимъ музеемъ и въ томъ-же году 5 іюня умеръ въ Петербургѣ.

Результатами литературной дѣятельности Лобанова были стихотворенія оригинальныя и переводныя, нѣсколько статей въ прозѣ, переводы трагедій Вольтера и Расина и въ концѣ жизни оригинальная трагедія „Борисъ Годуновъ". Все это не выше посредственности и, хотя нѣкоторые современники [1]) Лобанова причисляютъ его къ

[1]) Напр. А. Е. Измайловъ въ письмѣ къ Н. Ѳ. Грамматину, напеч. въ Библіографическихъ Запискахъ, II, 420. Но и эта извѣстность очень относительная, потому

лучшимъ переводчикамъ и величаютъ извѣстнымъ поэтомъ. Лобановъ, какъ поэтъ, не заслуживаетъ никакого вниманія.

Но если дѣятельность Лобанова въ области изящной литературы такъ ничтожна и такъ скоро изчезла безъ всякаго слѣда, то съ точки зрѣнія исторической жизнь этого писателя можетъ представить болѣе интереса. Въ теченіе первой половины нынѣшняго столѣтія въ умственной и нравственной жизни нашего общества произошло не мало замѣчательныхъ событій. Лобановъ былъ свидѣтелемъ ихъ, а потому можно ожидать многаго интереснаго отъ его бумагъ. Къ сожалѣнію въ нашемъ распоряженіи находится только незначительная часть ихъ; но и здѣсь встрѣчаются любопытныя подробности, касающіяся современной литературы и жизни [1]).

Лобановъ извѣстенъ главнымъ образомъ, какъ переводчикъ трагедій Расина „Ифигеніи" и „Федры". Первая изъ нихъ явилась на сценѣ въ 1815 году и вызвала различныя сужденія современниковъ: Гнѣдичъ въ „Письмѣ о переводѣ и представленіи трагедіи Ифигенія въ Авлидѣ [2])" говоритъ, обращаясь къ неизвѣстному NN, живущему въ Москвѣ:

„Лѣтъ пять назадъ я посылалъ къ тебѣ, любезный другъ, отрывки изъ Ифигеніи Расиновой, случаемъ доставшіеся мнѣ въ руки. Ты былъ изумленъ и не вѣрилъ, не ожидалъ, чтобъ всю трагедію можно было перевесть съ такимъ достоинствомъ, какъ нѣсколько стиховъ, мною тебѣ посланныхъ... Видѣть на русскомъ языкѣ Ифигенію, достойную подлинника, тебѣ казалось несбыточнымъ. Переводчикъ, говорилъ ты, судя по отрывкамъ, имѣетъ дарованіе; но кромѣ дарованія, какой вѣрный вкусъ имѣть ему надобно и какое глубокое чувство для красотъ поэзіи?.. Наконецъ прошло пять лѣтъ и теперь я хочу возражать тебѣ, любезный другъ; хочу доказать, что Ифигенія Расинова, можетъ быть переведена на русскій языкъ достойно подлинника. Доказательства мои будутъ кратки и, надѣюсь, убѣдительны: я пришлю тебѣ переводъ... Ты увидишь, что мы напрасно боялись за переводчика: у него достало и дарованія и терпѣнія, и оно награждено; не тѣмъ, что переводчикъ вызванъ на театрѣ. Ея величество императрица Марія Ѳеодоровна, прежде представленія удостоя слушать переводъ Ифигеніи, слушала, какъ сказали мнѣ, отъ начала до конца съ подлинникомъ въ рукахъ. Вотъ вниманіе, вотъ то прямое ободреніе, лестнѣйшее всякой награды, воспламенясь которымъ

что въ Московскомъ обществѣ любителей русской словесности въ засѣданіи 30 марта 1818 г., по словамъ Каченовскаго, нѣкоторые члены отозвались о Лобановѣ, что его не знаютъ („Русскій Архивъ" 1868 г. стр. 971).

[1]) Бумаги эти обязательно переданы намъ П. Я. Дашковымъ, при посредствѣ С. Н. Шубинскаго.

[2]) Книжка издана въ Спб. 1815 г. анонимно. О принадлежности ея Гнѣдичу говоритъ Лобановъ въ жизнеописаніи Н. И. Гнѣдича. „Сынъ Отечества" 1842 г. кн. II.

истинное дарованіе неудивительно если не пожалѣетъ для трудовъ и цѣлой жизни".

Но Гнѣдичу нельзя довѣрять вполнѣ: онъ былъ другъ Лобанова, страстный любитель театра, принимавшій живѣйшее участіе въ постановкѣ на сцену „Ифигеніи". Торжество Лобанова было вмѣстѣ и торжествомъ Гнѣдича. Отношенія послѣдняго къ актрисѣ Е. С. Семеновой, участвовавшей въ „Ифигеніи", дѣлаютъ Гнѣдича столько же заинтересованнымъ въ представленіи этой трагедіи, сколько и ея переводчика. Сужденіе Вигеля уравновѣшиваетъ приговоръ Гнѣдича. Вигель также былъ въ это время въ театрѣ и вотъ что говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ:" Принадлежа къ Оленинскому обществу, я счелъ обязанностью въ этотъ день видѣть первое представленіе Расиновой „Ифигеніи въ Авлидѣ", коей переводчикъ М. Е. Лобановъ былъ однимъ изъ приближенныхъ къ Алексѣю Николаевичу Оленину. Публика приняла трагедію хорошо, и, какъ одинъ партеръ съ нѣкотораго времени имѣлъ право изъявлять народную волю (что шалунамъ и крикунамъ было весьма пріятно), то она не упускала случая симъ правомъ воспользоваться, и потому-то, вѣроятно, шумными возгласами вызвала переводчика. Ничтожество и самолюбіе были написаны на лицѣ этого бездарнаго человѣка; переводъ его былъ не совсѣмъ дуренъ, но Хвостовъ, я увѣренъ, сдѣлалъ бы его лучше, т. е. смѣшнѣе [1]". Хотя Вигель и говоритъ, что принадлежалъ къ Оленинскому обществу, но это надо понимать не въ смыслѣ принадлежности къ литературной партіи: Вигель посѣщалъ домъ извѣстнаго А. Н. Оленина, директора Публичной библіотеки, потому что надѣялся получить мѣсто въ ней. Вигель принадлежалъ къ другой литературной партіи—„Арзамасу" и это поставило его въ особыя отношенія къ членамъ оленинскаго кружка. „Не менѣе „Бесѣды"; говоритъ Вигель, взволновано было Оленинское общество: Арзамасъ казался ему загадкой, которой тайну я не спѣшилъ открыть ему. Изъ словъ и обхожденія Крылова и Гнѣдича могъ я замѣтить, что они чуждаются падшихъ и не дерзнутъ возстать на торжествующихъ". Дѣло въ томъ, что Вигелю было обѣщано мѣсто въ Публичной Библіотекѣ, но потомъ дѣло это разстроилось. Причиною были литературныя отношенія. Весною 1815 г. пріѣхалъ изъ-за границы Жуковскій и остановился въ Петербургѣ у Тургенева. Послѣ представленія „Ифигеніи", Вигель съ Крыловымъ, Гнѣдичемъ и Лобановымъ „вѣнчаннымъ свѣжими лаврами" прямо изъ театра отправились къ Тургеневу. „Но, о горе! восклицаетъ Вигель, говоря о Лобановѣ, приходъ послѣдняго едва былъ замѣченъ. На Жуковскомъ сосредоточивались всѣ любопытные и почтительные взоры присутствовавшихъ: онъ былъ истиннымъ героемъ праздества. Въ помутившихся глазахъ и на блѣдныхъ щекахъ Лобанова выступила досада, которую развѣ одинъ я только замѣтилъ.

[1]) Воспом. Ф. Ф. Вигеля. М. 1864. IV, 163.

Быстрый переходъ отъ торжества къ совершенному невниманію дѣйствительно жестокимъ образомъ долженъ былъ тронуть его самолюбіе". „Пріѣздъ Жуковскаго, продолжаетъ Вигель, не нравился большей части бесѣдчиковъ... Оленинская партія не въявь, но тайно, также не благоволила къ нему. Тогда-то Шаховскому вздумалось однимъ ударомъ сокрушить сіе безобидное, по мнѣнію его, твореніе (т. е. Жуковскаго), его и всю знаменитость и всѣхъ друзей его. Шаховской написалъ „Липецкія воды или Урокъ кокеткамъ" [1]). Въ поэтѣ Фіалкинѣ, жалкомъ вздыхателѣ, всѣми пренебрегаемомъ, передъ всѣми согнутомъ, хотѣлъ Шаховской представить Жуковскаго, и дабы никто не обманулся насчетъ его намѣренія, Фіалкинъ твердитъ о своихъ балладахъ и произноситъ нѣсколько извѣстныхъ стиховъ прозваннаго нами въ шутку балладника... Можно вообразить себѣ положеніе бѣднаго Жуковскаго, на котораго обратилось нѣсколько нескромныхъ взоровъ! Можно себѣ представить удивленіе и гнѣвъ вокругъ него сидящихъ друзей его! Перчатка была брошена; еще кипящіе молодостью Блудовъ и Дашковъ спѣшили поднять ее... Побѣда казалась на сторонѣ Шаховского; новая пьеса его имѣла успѣхъ чрезвычайный, публика приняла ее съ шумнымъ громогласнымъ одобреніемъ... Торжество Шаховского пуще раздражало насъ". Блудовъ написалъ „Видѣніе въ Арзамасскомъ трактирѣ, изданное обществомъ ученыхъ людей", а Дашковъ „Письмо къ новѣйшему Аристофану", въ которыхъ оба жестоко нападали на Шаховского. „Шумъ и великая тревога сдѣлалась отъ того въ непріятельскомъ станѣ", говоритъ Вигель. „Принимая въ этомъ дѣлѣ живѣйшее участіе, продолжаетъ онъ, не менѣе того видѣлъ я и забавную его сторону. Съ родственникомъ моимъ Загоскинымъ, вѣрно преданнымъ Шаховскому [2]), я не прерывалъ своихъ сношеній; мы часто посѣщали другъ друга. Я любилъ бѣсить его, позволяя себѣ нескромныя шутки и повторяя всѣ колкости, слышанныя мною въ кругу моихъ пріятелей насчетъ его патрона. Съ своей стороны и онъ не слишкомъ щадилъ сихъ послѣднихъ и въ нетерпѣніи своемъ высказывалъ мнѣ злыя намѣренія нашихъ противниковъ. „Перенося такимъ образомъ вѣсти изъ одного лагеря въ другой, Вигель раздувалъ пламя литературной вражды. Загоскинъ написалъ въ защиту князя Шаховского „Комедію противъ комедіи или Урокъ волокитамъ" [3]), въ которой вывелъ и Вигеля въ лицѣ Фольгина". Я зналъ, говоритъ Вигель, чѣмъ отомстить человѣку, который, по всей справедливости, гордился едва ли не болѣе древностію рода своего, чѣмъ новостію своей извѣстности. Я увѣрялъ его, что всѣ пріятели мои не хотятъ вѣрить его существованію, фамильное имя его почитаютъ вы-

---

[1]) Представлена въ первый разъ съ большимъ успѣхомъ 23 сентября 1815 г.

[2]) По свидѣтельству Аксакова, Загоскинъ былъ самымъ жаркимъ почитателемъ и другомъ Шаховского.

[3]) Представлена въ первый разъ 4 ноября 1815 г.

мышленнымъ, однимъ словомъ видятъ въ немъ псевдонимъ, подъ которымъ самъ Шаховской написалъ комедію". Это дѣйствительно такъ и было: Д. В. Дашковъ въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому писалъ 26 ноября 1815 года: „Представьте, что послѣ перваго представленія „Комедіи противъ комедіи" Хлыстовъ [1]) ухватилъ за руку сочинителя — котораго неизвѣстное намъ имя Загоскина мы перемѣнили въ Гвоздушкина — и потащилъ его въ директорскую ложу, гдѣ во всей славѣ сидѣлъ Мѣшковъ [2]) и представилъ молодца, какъ ниспосланнаго съ небесъ мстителя. Мѣшковъ, puisque Мѣшковъ il y a, вскочилъ, принялъ мстителя съ распростертыми объятіями и обѣщалъ ему первую вакансію сотрудника въ „Бесѣдѣ"; но тотъ корячится и хочетъ пролезть прямо въ члены Бесѣды. Благородное честолюбіе" [3]).

Среди литературныхъ усобицъ возникло общество „Арзамасъ". Съ нимъ связано отношеніе Вигеля къ Лобанову и вообще Оленинской партіи. „Вся эта истинно комическая исторія, ибо комедія Шаховского была началомъ ея, должна была, говоритъ Виголь, имѣть вліяніе на судьбу мою. Въ домѣ у Олениныхъ Жуковскій былъ принятъ съ усиленною лаской; со мною какъ будто ни въ чемъ не бывало; не смотря на то, я могъ ясно видѣть, что недавнія связи совершенно разорваны, а все изъ-за чего?... Случилось то, чего ожидать надлежало, т. е. на мѣсто обѣщанное Вигелю, опредѣленъ въ библіотеку нѣкто Аткинсонъ, сынъ англійской няньки, воспитывавшей у нихъ дѣтей" [4]).

Все это достаточно объясняетъ рѣзкій приговоръ Вигеля о Лобановѣ. Слѣды ихъ личныхъ отношеній встрѣчаются въ „Посланіи къ русскимъ писателямъ" Лобанова, напечатанное въ „Сынѣ Отечества" 1816 г. [5]). Вигель, по собственному признанію, увлекался французскимъ театромъ: „Во время продолжительнаго отсутствія моего изъ Петербурга, говоритъ онъ, произошла въ немъ перемѣна не смотря на мой патріотизмъ, для меня весьма непріятная. Французскій театръ для холостыхъ, для молодыхъ людей, большой свѣтъ мало посѣщающихъ, былъ усладительнымъ препровожденіемъ времени. Въ 1812 г., по мѣрѣ какъ французскія войска приближались къ Москвѣ, началъ онъ пустѣть и наконецъ всѣми брошенъ..... Публика лишилась плѣнительныхъ Филисъ и Жоржъ; сперва, повидимому, мало о нихъ жалѣла, а наконецъ и совсѣмъ ихъ забыла. Для меня-жъ безъ нихъ Петербургъ потерялъ болѣе половины своей прелести. Нѣмецкій театръ замѣнить его не могъ..... И такъ для общей забавы оставалась одна только русская труппа и надобно признаться, она умѣла воспользоваться присутствіемъ французской, а еще болѣе отсутствіемъ ея. Русскій народъ переимчивъ: наши актеры, насмотрѣвшись на французовъ, первыхъ актеровъ въ

[1]) Хвостовъ.
[2]) Шишковъ.
[3]) „Русскій Архивъ" 1866 г., стр. 500.
[4]) Воспомин. IV, стр. 172.
[5]) № II, стр. 75—77.

мірѣ, всѣми силами старались замѣнить ихъ и начали прилежнѣе изучать всѣ тонкости художества своего, когда предстали предъ лучшею публикой. Созрѣвшій талантъ Семеновой изумлялъ и очаровывалъ даже тѣхъ, которые не понимали русскаго языка..... Она заимствовала у Жоржъ поступь, голосъ и манеры, но такъ же, какъ Жуковскій, можно сказать, творила, подражая" [1]). Лобановъ въ своемъ посланіи жалуется на упадокъ русской словесности. Причину этому онъ видитъ въ отсутствіи патріотизма, въ недостаткѣ любви къ родному слову и излишнемъ пристрастіи ко всему французскому:

Нѣтъ, велика-бъ была и слава и чудесность,
Когда бы тамъ цвѣла родимая словесность,
Гдѣ многіе едвалъ умѣли бы читать,
Когда-бъ имъ не пришлось реляцій разбирать,
Какъ домъ, крестьяне ихъ горѣли за Москвою.
Какою цѣпью горъ, какой закрыть стѣною
Плѣнившій ихъ сердца чудесный талисманъ?
Чѣмъ излѣчить любовь и исцѣлить отъ ранъ?
Ахъ! столько-ль Телемакъ крушился объ Улиссѣ,
Какъ многіе у насъ крушились о Филисѣ!

Вигель принялъ это на свой счетъ: онъ утверждаетъ, что Лобановъ послѣдними двумя стихами излилъ на него свою „необидную, неопасную злость" [2]). Можно думать, что и Гнѣдичъ, осмѣивая въ своемъ „письмѣ къ NN" какого-то театрала поклонника Жоржъ, называвшаго Семенову только подражательницею ея, имѣлъ въ виду Вигеля и людей его партіи. Авторъ „Письма", обращаясь къ своему другу, говоритъ: „напередъ увѣренъ, что доставлю тебѣ большое удовольствіе, ибо увѣренъ, что ты не подобенъ тому слушателю проповѣди, который будучи ею растроганъ, удерживалъ на глазахъ слезы, потому что стоялъ въ церкви не своего прихода".

Все сказанное выше уясняетъ положеніе литературныхъ партій того времени и взаимное отношеніе писателей. Это необходимо взять въ разсчетъ при чтеніи писемъ Лобанова и Загоскина.

Обратимся сперва къ письмамъ Лобанова. Онѣ наполнены выраженіями дружбы; о которой было извѣстно и раньше изъ статьи о Гнѣдичѣ, написанной Лобановымъ. „Никто, кажется, говоритъ послѣдній, короче меня не зналъ его прекрасной души. Дружба соединяла насъ около 30 лѣтъ, согласіе чувствъ и мыслей сблизило и слило наши сердца, и не было у насъ помышленія, которое осталось бы не раздѣленнымъ. Мы видѣлись или сносились съ нимъ ежедневно. При постановкѣ на театръ моихъ переводовъ Ифигеніи и Федры онъ принималъ такое участіе, къ какому способенъ былъ одинъ только Гнѣдичъ" [3]). Въ 1826 году Гнѣдичъ уѣзжалъ изъ Петербурга въ Одессу

[1]) Воспомин. Вигеля, IV, 160—161.
[2]) Воспом. Вигеля IV, 163.
[3]) Жизнь и соч. Н. И. Гнѣдича. При изданіи „Иліады", Спб. 1861 г., стр. 27—8.

для лѣченія и возвратился въ 1828. Ко времени пребыванія его на югѣ относятся печатаемыя теперь письма Лобанова.

С.-Петербургъ, сентября 28 д. 1827 г.

„Любезнѣйшій другъ Николай Ивановичъ. Въ одинъ день я имѣлъ три радости: узналъ о благополучномъ рожденіи великаго князя Константина Николаевича, получилъ письмо отъ Мухановой и наконецъ отъ васъ; это было 9 сентября. Я до слезъ обрадовался, что вы уже въ южномъ краю и слѣдовательно получите скорое облегченіе, тѣмъ вѣрнѣе, что и прозорливой Гассингъ [1]) рѣшительно это утверждаетъ. Какъ обрадуюсь я, когда узнаю, что вашъ катаръ изчезъ, а еще болѣе, когда обниму васъ въ Петербургѣ. Мнѣ очень грустно безъ васъ; сердце мое совершенно осиротѣло, я многихъ люблю, но не такъ какъ васъ; я не умѣю къ кому-нибудь горячо привязываться, а другаго Николая Ивановича мнѣ въ жизни моей не найти.

„У И. И. Козлова я былъ и за васъ три раза обнялъ его, а за Долгорукову безъ счету. Онъ довольно здоровъ и оканчиваетъ свою поэму; осталось одно только постриженіе. Съ великимъ удовольствіемъ я слушалъ его: повѣствованіе живо, разговоръ быстръ и занимателенъ, описанія вѣрны и не растянуты. Отъ кольца я былъ въ восхищеніи: Долгорукова прекрасно съ нимъ прощается, бросаетъ въ воду, ловитъ его, чтобъ еще разъ прижать къ сердцу, но оно уже на днѣ. Черезъ недѣлю, говоритъ онъ, піеса будетъ кончена, а черезъ два мѣсяца напечатана. Онъ усердно обнимаетъ васъ и сбирается къ вамъ писать. Поэмѣ его предсказываю я хорошій успѣхъ, а ему и славу и выгоды, но не ручаюсь за цензуру: она не пропустила на дняхъ въ примѣръ для грамматики изъ Исторіи Карамзина слово — рокъ; Гречъ ударилъ тревогу, и не знаю чѣмъ кончится.

„15-го сентября сыграна наконецъ Бѣлана и очень порядочно для нашей труппы; только Климовскій хрипѣлъ и Семенова была въ простудѣ. Піеса понравилась, но не восхитила такъ, какъ парижанъ: Гдѣ-жъ намъ бѣднымъ взять актеровъ и голосовъ, а особливо директоровъ и режиссеровъ! Графъ Пушкинъ [2]) усердно и добродушно посылаетъ вамъ поклонъ и желаетъ здоровья. Онъ сдѣланъ оберъ-шенкомъ, это ему очень пріятно!

„Я былъ въ Академіи Художествъ разъ пять и помню каждую картину и портретъ. Воробьевъ написалъ превосходно видъ Невы и береговъ ея изъ Горнаго корпуса: восходящее солнце очаровательно сверкаетъ въ струяхъ Невы; это живая натура. Давъ [3]) занялъ всю

[1]) А—дръ Иван. (Carl Ewald Alexander Hassing) докторъ медиц. и хирург. и профессоръ (р. 1778 † 1844).

[2]) Графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ р. 1775 у. 5 апрѣля 1836. Пожалованъ оберъ-шенкомъ указомъ 22 августа 1827 года.

[3]) Извѣстный живописецъ и портретистъ Дау.

кругомъ конференцъ-залу и (обдаривши портретами и давши нѣсколько обѣдовъ журналистамъ) выставилъ всего себя на позоръ. Булгаринъ ударилъ во всѣ колокола, въ Колтовской вѣрятъ, на Невскомъ смѣются; да онъ, пожалуй, черезъ нумеръ и откатаетъ его: вѣдь онъ за всѣхъ и противъ всѣхъ. Худшіе изъ портретовъ Дава были: портретъ царствующаго императора во весь ростъ; гр. Толстова антикварія; кн. Рѣпнина, Волжинскаго; гр. Кочубея; а лучше всѣхъ Мордвинова, особливо голова, и доктора Лейтона. Кипренскій [1]) разумѣется, торжествовалъ не количествомъ, а качествомъ; онъ также не мало выставилъ, и повторилъ Авдулину, которой ручки не только Дава, но и многихъ художниковъ приводятъ въ отчаяніе. Портреты гр. Кушелева, кн. Трубецкаго, А. Пушкина, и мой, поражали всѣхъ сходствомъ и пріятностію кисти. Меня всѣ встрѣтили словами: мы съ вами уже видѣлись; какое сходство! Мнѣ разсказывали въ Академіи, что великія княжны, вошедши въ залу Кипренскаго, пошли въ разныя стороны, но вдругъ меньшая закричала: „Спасибо художнику. который такъ вѣрно повторилъ мою рожицу".

„21-го сентября я былъ въ торжественномъ и довольно многолюдномъ собраніи Академіи при раздачѣ наградъ. Все шло хорошо, только А. Н. Ермолаевъ [2]) въ отчетѣ своемъ примѣшалъ нѣсколько философіи и безъ обиняковъ и оговорокъ назвалъ художество роскошью: это многихъ кольнуло. Да ужъ не срыть ли Академію, а художниковъ—въ сапожники! На свѣтѣ все роскошь, кромѣ хлѣба и воды, да у насъ на сѣверѣ лаптей и тулупа. Съ А. Н., какъ съ новымъ Діогеномъ придется намъ и ковшикъ кинуть, а черпать воду пригоршнями! Послѣ хорошаго завтрака при трубахъ и литаврахъ, къ которому И. Андр. [3]) явился какъ по звонку, а Дельвигъ и того позже—къ шампанскому, и на которомъ С. С. Уваровъ и Д. Н. Блудовъ говорили со мною о васъ, о вашемъ здоровьи, о Гомерѣ, и поручили вамъ кланяться; когда уже всѣ гости разъѣхались, пошли мы съ гр. Толстымъ, Варникомъ [4]), Воробьевымъ, Мельниковымъ и инспекторомъ еще разъ обозрѣть выставку. Это была очень веселая минута. Шутки и правда посыпались чистосердечно: тутъ-то досталось Даву! переборъ былъ строгій, но справедливой. Изъ залъ пошли мы въ мастерскую пансіонера Маркова, которой пишетъ коронацію: всѣ лица портреты. Тутъ Варникъ и Воробьевъ давали ему добродушно очень полезные и дѣльные совѣты: картина будетъ хороша.

„Дельвигъ успѣлъ только мнѣ сказать, что жена его совершенно

[1]) Кипренскій (Швальбе) Орестъ Адамовичъ, прозванный русскимъ Ванъ-Дейкомъ, профессоръ Акад. Худ. р. 1783, у. 1836.

[2]) Ал-дръ Иванов. Ерм. (р. 1780, у. 1828), археологъ и нумизматъ, съ 1818 г. конференцъ-секретарь Академіи Художествъ.

[3]) Крыловъ.

[4]) Не Варникъ, а Варнекъ Александръ Григорьевичъ 1782—1843), профессоръ портретной живописи въ Акад. Худож. одинъ изъ лучшихъ русскихъ портретистовъ.

выздоровѣла, а я успѣлъ замѣтить, что онъ безмѣрно потолстѣлъ: видно хочетъ обогатить своего портнаго. Я съ нимъ увижусь на досугѣ и дамъ ему вашъ адресъ.

„Я пересылаю вамъ очень усердное и искреннее почтеніе изъ-за тридцати верстъ отъ Эривани: вы не скоро отгадаете отъ кого?—отъ Ивана Антоновича Бароцци, котораго послалъ туда губернаторъ (кажется г. Сипягинъ) для составленія ситуаціонной карты. Вотъ куда онъ махнулъ изъ чугуннаго завода. Дай Богъ ему ускользнуть отъ турокъ, персовъ, татаръ и лезгинцевъ, его сосѣдей и пріятелей, а впрочемъ онъ радъ служить и работать. Онъ успѣлъ уже открыть въ Мухровани: нефть, каменный уголь и огромный пластъ Глауберовой соли; а въ Качебани и другихъ мѣстахъ богатые разсолы поваренной соли. За то и его успѣли уже обойти чиномъ въ сравненіи съ его товарищемъ; я ѣздилъ къ директору горнаго корпуса, который обѣщалъ отдать ему справедливость.

„Мои домашнія всѣ здоровы, Александра Антоновна и Вѣра Николаевна отъ всего сердца желаютъ вамъ здоровья. Я со всею горячностію дружбы обнимаю милаго и добраго Николая Ивановича и прошу увѣдомить: что морскія ванны, что южный край съ вами дѣлаютъ? Гр. Пушкинъ посылаетъ васъ въ Севастополь".

Въ объясненіе второго письма надо замѣтить, что Лобановъ нѣкоторое время преподавалъ русскій языкъ императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ.

Въ этомъ письмѣ такъ же, какъ и въ послѣдующихъ упоминается извѣстное семейство А. Н. Оленина. О своихъ отношеніяхъ къ нему самъ Лобановъ говоритъ, что онъ въ теченіе 30 лѣтъ былъ участникомъ всѣхъ пріятностей этого дома и безъ глубокаго чувства благодарности не можетъ вспоминать объ этомъ добродушномъ и почтенномъ семействѣ. Въ немъ читаны и оцѣнены были первые поэтическіе его опыты; въ немъ находилъ онъ искреннее и теплое участіе и въ радостяхъ и въ скорбяхъ своей жизни. Мать этого семейства почтенная Е. М. [1]) была изъ числа тѣхъ рѣдкихъ, разумныхъ, добродушныхъ дамъ, которыя, составляя счастье своего семейства, разливаютъ его и на все окружающее. Это была (сказалъ П. А. Плетневъ) олицетворенная доброта и участіе [2]). Какъ сослуживцу своему по библіотекѣ Лобановъ сообщаетъ Гнѣдичу о положеніи послѣдней. Хотя выраженія письма не совсѣмъ ясны, однако видно, что состояніе нашей Публичной Библіотеки было не блестящее. Такимъ образомъ Лобановъ въ этомъ письмѣ и въ другихъ подтверждаетъ то, что говоритъ о

---

[1]) Елизавета Марковна ур. Полтарацкая.

[2]) Жизнь и сочиненія И. А. Крылова. Сочин. академика М. Лобанова. СПб. 1847. с. 70.

Публичной Библіотекѣ Пржецлавскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ [1]). Въ концѣ письма упоминается извѣстный графъ Хвостовъ. Объ этомъ человѣкѣ вошло въ обычай говорить не иначе, какъ въ шутовскомъ тонѣ, который особенно непріятенъ въ устахъ Лобанова.

„3 декабря 1827. С.-Петербургъ.

„Вы сѣтуете, любезнѣйшій другъ Николай Ивановичъ, на долгое мое молчаніе; вы правы, я и самъ сердился на себя, а за перо не принимался, но вотъ главнѣйшая причина: мнѣ хотѣлось порадовать васъ доброю вѣстью о моемъ положеніи; я ждалъ, тревожился, надѣялся, унывалъ, (вѣдь вы меня знаете) а время летѣло да летѣло. Наконецъ могу сказать вамъ: порадуйтесь, я остаюсь при императрицѣ. Многое мнѣ предвѣщало это, а болѣе всего: добрые Ихъ обо мнѣ отзывы, и богатой подарокъ (бриллiантовый перстень) присланный мнѣ отъ Августѣйшей моей ученицы въ день крещенія великаго князя Константина Николаевича; но я совершенно удостовѣрился только тогда, когда услышалъ объ этомъ отъ секретаря и наконецъ отъ В. А. Жуковскаго.—Благодарю Провидѣніе! Оно не оставляетъ меня, и на зло подлецамъ, которые одни не жалуютъ меня, привело меня въ пристанище, гдѣ ни зубы ихъ ни языкъ меня не хватаютъ. Ну полно же сѣтовать, а дайте обнять себя крѣпко отъ чистаго сердца!

„Письмо ваше третьяго дни, въ самой день полученія, я отвезъ къ графу [2]), которой ѣхалъ обѣдать къ Воронцову [3]); онъ хотѣлъ прочитавъ, вести (sic) его съ собою. Я жду отъ него отвѣта и съ будущею почтою къ вамъ перекину.

„В. А. Жуковскій поправился въ здоровьи и приготовляется къ трудамъ, а труды его дѣло великое: воспитатель будущаго царя Россіи. Вчера я провелъ у него цѣлой вечеръ, обо многомъ говорили, говорили и о Гомерѣ и о Николаѣ Ивановичѣ и желали ему здоровья, а Гомеру хорошей типографіи.

„Алексѣй Николаевичъ [4]) поручилъ мнѣ сказать вамъ, что онъ никакъ еще не удосужился писать къ вамъ: переѣздъ на новую квартиру (въ домъ Гагарина, на набережной) болѣзнь его, отчеты къ 1 декабря препятствовали ему. Теперь у нихъ печаль: Варвара Алексѣевна [5]). въ Италіи родила сына Алексѣя, да тамъ же и похоронила, а что хуже всего сама не здорова: бѣдная наша Варинька!

„П. С. Яковлевъ весьма здравствуетъ; онъ навѣстилъ меня и къ вамъ отправилъ граматку. Онъ также милъ, также забавенъ, но весьма

[1]) „Русская Старина“, т. XI. с. 473—476.

[2]) Вѣроятно В. В. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ.

[3]) Кн. Михаилъ Семенов. (1782—1856) съ 1823 г. Новороссійскій и Бессарабскій генералъ-губернаторъ.

[4]) Оленинъ, директоръ публичной библіотеки.

[5]) Дочь А. Н. Оленина замуж. за Григор. Никанор. Оленинымъ.

глуховатъ становится подъ старость. Я совѣтовалъ ему, оставить шутки, ѣхать къ Гассингу.

„Титовы кланяются вамъ. Мнѣ удалось наконецъ помирить ихъ. Н. П. имѣлъ сильное удушье, былъ отчаянно боленъ. Въ это время, однакожъ по нѣкоторомъ уже облегченіи его болѣзни, и предупредивши его письмомъ, я привезъ къ нему брата: „Сюда! въ объятія!" и дѣло сладилось. Мнѣ было очень пріятно!

„Дельвига и Плетнева встрѣчаю только на Невскомъ: одинъ хлопочетъ о цвѣтахъ [1]), а другой печатаетъ Долгорукую, которая прилетитъ къ вамъ въ Одессу, прямо изъ типографіи. Плетневъ кончилъ свои уроки В. К. [2]) и получилъ 2 тысячи за труды. Такъ онъ самъ мнѣ сказалъ.

„О библіотекѣ, о представленіяхъ не спрашивайте; все по старому, да еще и хуже. Много воды протечетъ и пр. и пр. Шутить не хочется, потому что не до шутокъ; а рваться не слѣдуетъ, потому что глупо. Министръ потребовалъ и отъ ея милости (г-жи Библіотеки) отчету за текущій годъ. Вы можете себѣ представить, что отчетъ будетъ очень простъ и ясенъ: ничего. Обшарили всѣ столы и карманы и набрали только 3 тысячи кар. Обѣщанія будущихъ благъ, не смотря ни на что, по старому продолжаются!

„Если эта послѣдняя статья произвела не пріятное дѣйствіе, то вотъ вамъ цѣленіе на двухъ прилагаемыхъ при семъ листахъ. Вотъ какъ они мнѣ достались.

„Задумавшись шелъ я одинъ по Невскому проспекту не смотря, и не видя никого. Вдругъ попался въ чьи-то запачканныя объятія, гляжу: это графъ Х [3]). „Здгавствуйте, (sic) попался!" а между тѣмъ крѣпко держитъ меня обѣими руками, чтобъ я никакъ не могъ вывернуться. Жалуется на издателей альманаховъ, что они только водятъ его за носъ и не печатаютъ его стиховъ: вотъ, говоритъ онъ, въ какомъ состояніи наша литтература! Я всячески утѣшалъ его представляя ему порчу языка, вкуса и людей. Потомъ спрашивалъ онъ о васъ. Чортъ меня дернулъ сказать ему, чтобъ онъ написалъ вамъ что нибудь въ прозѣ. Онъ такъ обрадовался, что захлебываясь едва могъ выговорить: „непремѣнно буду писать", и чрезъ два дни прислалъ и прозы и стиховъ. И такъ примите благосклонно маленькое его посланіе, которое начинается рецептомъ, какъ должно приготовляться къ прочтенію его стиховъ; это новое открытіе!

Изъ письма отъ 9 декабря 1827 года узнаемъ о литературной дѣятельности Лобанова за это время. Трагедія, о которой упоминается

[1]) Баронъ Дельвигъ издавалъ альманахъ „Сѣверные Цвѣты".
[2]) Великимъ княземъ.
[3]) Графъ Хвостовъ.

здѣсь, можетъ быть Родогуна, оставшаяся ненапечатанной, а можетъ быть и „Борисъ Годуновъ“, за котораго Лобановъ принялся еще въ 1825 году.

С.-Петербургъ 9 декабря 1827 г.

„Я былъ, любезнѣйшій другъ Николай Ивановичъ, у благороднаго графа П. Я истинно наслаждаюсь, когда вижусь съ нимъ глазъ на глазъ, и когда ничто не перерываетъ нить разговора. Вы знаете живость чувствъ его и горячее его сердце. Говоря о васъ, онъ сильно тронутъ былъ вашимъ положеніемъ и слезы сверкнули въ его глазахъ. Онъ поручилъ мнѣ сказать вамъ: что вы отвѣтъ его получите отъ гр. Воронцова, когда онъ возвратится въ Одессу. Онъ съ радостію исполнилъ ваше желаніе.

„У насъ теперь ужасная оттепель, ѣздимъ кое-какъ на колесахъ по буграмъ и ямамъ, а иногда и купаемся въ послѣднихъ. Зима погостила и у васъ въ Одессѣ; но теперь уже настаетъ, или скоро настанетъ у васъ весна. Дай Богъ вамъ скорѣе встрѣтить ее! Графъ и я ожидаемъ отъ нее (sic) великихъ благодѣяній для вашего здоровья. О времени отъѣзда гр. В. еще ничего не слышно.

„Я былъ на имянинахъ у Греча, у него обѣдало человѣкъ 60 гостей, въ томъ числѣ много и нашихъ общихъ пріятелей и знакомыхъ. Праздновали окончаніе грамматикъ, и Булгаринъ сварганилъ куплеты и пѣлъ за столомъ; а Ольдекопъ [1])—помните ли вы его смѣшную и обезьянскую рожу?—сочинилъ грамматическое поздравленіе въ прозѣ, называя Греча существительнымъ и главнымъ корнемъ, дочерей его прилагательными будущихъ существительныхъ и т. д. Оба смѣшили насъ этими фарсами. Нашъ Востоковъ также написалъ и уже оканчиваетъ свою грамматику; Академія [2]) также вставляетъ заплатки въ старую свою грамматику; и такъ это годъ, или полоса грамматики. Разумѣется не пройдетъ безъ сваръ и брани. Уже Толмачевъ [3]) посягаетъ, или лучше употребить выраженіе П. С. Яковлева, пос....ся на критику. Грамматика дѣйствительно написана Гречемъ, есть у насъ грамматика (?); теперь дѣло въ томъ: чья система будетъ проще, яснѣе и легче?—Гречева средняя грамматика заключаетъ въ себѣ 612 параграфовъ, каждый съ подраздѣленіцми, и 578 страницъ въ 8-ю долю. Честь ему и слава; но такая многосложность не чрезмѣрно ли обременительна?

„Между многими тостами былъ трогательной и прекрасной: здоровье перваго моего учителя русскаго языка, т. е. матери! она заплакала.

---

[1]) Евстафій Ивановичъ, переводчикъ, составитель словарей и т. п.

[2]) Россійская.

[3]) Толмачевъ Яковъ Васильевичъ († 1873) профессоръ русской словесности въ петербургскомъ университетѣ.

„Не буду говорить съ вами ни о персахъ, ни о туркахъ, ни о грекахъ; вы читаете газеты и все знаете. Слава, великая слава Русскому царю! Скажите мнѣ только объ одномъ почтенномъ старичкѣ-грекѣ, что онъ у васъ дѣлаетъ? Ужели хворость не даетъ вамъ хоть нѣсколькихъ минутъ облегченія, чтобъ сладко съ нимъ побесѣдовать?

„Что я дѣлаю спрашиваете вы.—Не много добраго; читаю и рѣдко пишу. Трагедія идетъ очень тихо; перевелъ Чародѣйку [1]) Теокритову и положилъ, чтобъ нѣсколько позабыть; написалъ пьесу на рожденіе великаго князь Константина Николаевича вотъ и все. Нѣтъ Семеновой, а безъ нее (sic) не бывать на театрѣ моей Родогуннѣ.

„Добраго и почтеннаго князя Аргутинскаго обнимаю, и цѣлую ручку у княгини.

„Я очень обрадовался, узнавши, что они ваши ближайшіе сосѣди Скажите князю, что мы съ нимъ служили вмѣстѣ въ цвѣтущія времена библіотеки; а теперь... ну, да что попустому портить кровь".

Слѣдующее письмо, кромѣ обычныхъ выраженій дружбы содержитъ интересное сужденіе о романтизмѣ. Въ это время въ печати и обществѣ при всякомъ случаѣ, какъ только сходились писатели, происходили горячія споры о классицизмѣ и романтизмѣ. Нѣсколько словъ брошенныхъ мимоходомъ въ письмѣ къ другу, характеризуютъ литературныя убѣжденія Лобанова.

„Наконецъ, любезнѣйшій другъ Николай Ивановичъ, послѣ долгаго ожиданія, и я услышалъ, хотя еще не вѣсть о поправленіи вашего здоровья, но родной мнѣ вашъ голосъ! Эти строки, эта рука мнѣ такъ живо представили васъ и тысячи пріятнѣйшихъ воспоминаній дружбы, что слезы брызнули изъ глазъ. Нѣтъ, я чувствую: никто такъ тепло не ложился къ моему сердцу; пролети же скорѣе время разлуки!

„Съ 16 декабря не имѣть отъ васъ извѣстія мнѣ было очень тяжело; я ждалъ, думалъ, гадалъ, но ничего не разгадавши, бралъ уже перо, чтобъ писать къ вамъ—вдругъ является г. Бабичевъ (7-го февраля); онъ просидѣлъ у меня почти цѣлой вечеръ: вы, Одесса и собственныя его дѣла были предметомъ нашихъ разговоровъ; участь его печальна!

„Что сказать вамъ новаго?—Нелѣпицу, чепуху и дребедень продолжаютъ у насъ называть романтизмомъ; мода на разбойниковъ свирѣпствуетъ; въ журналахъ, въ альманахахъ, у Туньера, у Кіарини, въ прозѣ, въ стихахъ—вездѣ разбойники. Между прочими, разбойниковъ Шиллера играли по три раза въ недѣлю. Я насилу досталъ себѣ билетъ на третье представленіе; ни въ ложахъ, ни въ креслахъ ни одного знакомаго лица, вездѣ торчали бороды! У Каратыгина были

---

[1]) Напечатана подъ заглавіемъ „Волшебница" въ „Сынѣ Отеч." 1842 г., № 2.

прекрасныя минуты; Толченовъ былъ прямой разбойникъ, всѣ прочіе несносны!—Какъ не вспомнить Семенову... Кто не знаетъ, любезнѣйшій другъ, а я всѣхъ болѣе, что она славна только вами, что она тогда только восхищала насъ и была истинно неподражаема и высока, когда въ ней сидѣли вы, но не стало идола—и мы не слышемъ (sic) умнаго жреца!

„Сказать ли вамъ странную новость? Аменаида ваша тайно сочеталась бракомъ съ К. Г. на что? для чего? и правда ли? не знаю [1]). Мнѣ это сказалъ Дидин. Это происходило въ Москвѣ; а у насъ въ Петербургѣ, Пушкина, сестра поэта, тайно отъ родителей, романтически влюбилась, обвѣнчалась и соединилась: онъ бѣденъ и моложе ея, фамиліи не помню, а каковъ? не знаю [2]).

„Что жъ еще новаго? У насъ въ городѣ много увеселеній: кромѣ спектаклей на четырехъ языкахъ, Туньеръ и Кіарини на Симеоновскомъ театрѣ забавляютъ публику на перерывъ. Послѣдній, послѣ прекраснѣйшаго и едва ли ни (sic) единственнаго въ своемъ родѣ прыганья и кувырканья на веревкахъ даетъ разныя мимическія фарсы и моритъ всѣхъ со смѣху. Тутъ ходятъ на головахъ, ходятъ и безъ головы, летаютъ по воздуху; черти, чудовища, привидѣнія—всѣ въ работѣ! Тутъ пощечины сыплются какъ градъ, столы, стулья, лѣстницы безпрестанно ломаются, больные доктора падаютъ другъ на друга—и на нихъ валяется паяцъ! Этотъ послѣдній между многими другими штуками, стянулъ со стола у своего больнаго барина сткляночну съ лекарствомъ, долго возился съ нею, наконецъ, съ разными гримасами, выпилъ ее до капли. Чрезъ нѣсколько минутъ схватило его—это было слабительное, тутъ поднялъ онъ тревогу и уморилъ со смѣху. Эти фарсы прекрасное лекарство отъ ипохондріи и меланхоліи; за то театръ всегда полнехонекъ! Признаюсь, и я люблю ихъ: изящныя наслажденія рѣдки, да и вовсе ихъ нѣтъ, а хохотать здорово!

„Знаете ли гдѣ Дельвигъ? Поѣхалъ съ Парнасса и съ мягкаго пуховика, на которомъ онъ лелѣялъ сонливую свою лѣнь, — куда? спросите вы—куда! въ губернію и съ женою — производить... производить дѣтушекъ, что ли? подумаете вы; нѣтъ, производить слѣдствіе!! Вотъ какъ у насъ!

„Многіе и многіе, при свиданіяхъ, просятъ меня вамъ кланяться, а всѣхъ не помню; и такъ примите поклоны многихъ любящихъ васъ, между прочими одного г. Воропонова, двухъ Титовыхъ, трехъ Княжевичей, четырехъ Толстыхъ, пяти Гречевыхъ и пр. и пр., а Лобанову съ женою и съ вашею дочкою [3]) дайте обнять васъ, любезнѣйшій другъ, со всею добротою и чистотою его сердца...

---

[1]) Князь Иванъ Алексѣевичъ, дѣйств. т. с. и шталмейстеръ (р. 1771, † 1832), женился на Е. С. Семеновой въ 1828 г.

[2]) Ольга Сергѣевна Пушкина вышла замужъ за Николая Иванов. Павлищева.

[3]) Это выраженіе нельзя понимать буквально, потому что Гнѣдичъ никогда не былъ женатъ.

„Часы ваши [1]) совсѣмъ не забавны: они одной рекомендаціи и однихъ свойствъ съ Кунстъ-махеромъ В., которой лгалъ и обманывалъ (sic) и въ придачу былъ отмѣнно воровать, чего, надѣюсь, за вашими часами не водится. Кунстъ-махера у насъ больше нѣтъ и часы можно возвратить прежнему ихъ хозяину.

„Плетнева дѣла поправились; онъ даетъ теперь уроки великимъ княжнамъ Маріи и Ольгѣ Николаевнѣ; но что-то все прихварываетъ".

Знаменитая актриса Екатерина Семеновна Семенова, о которой говорится въ этомъ письмѣ и другихъ, имѣла множество почитателей своего таланта; въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Гнѣдичъ. Покойный князь П. А. Вяземскій въ своей „Записной книжкѣ" говоритъ, что „красота, слава и талантъ Семеновой, трагической актрисы, увлекали въ то время многихъ на трагическое поприще. Это была своего рода поэзія бенефисовъ" [2]). Въ числѣ многихъ были Лобановъ и Гнѣдичъ. Оба они участвовали въ переводѣ „Заиры" Вольтера, которая, по словамъ Жихарева, была переведена компаніею литераторовъ, друзей Шаховского [3]) въ 1809 г. для бенефиса Семеновой. Съ этою же цѣлію Лобановъ перевелъ „Ифигенію въ Авлидѣ" и „Федру" Расина. Въ предисловіи къ переводу „Федры" Лобановъ говоритъ:

„Рвеніе мое въ продолженіи сего труда тѣмъ было постояннѣе, и надежда доставить любителямъ драматическаго искусства новое удовольствіе, тѣмъ основательнѣе, что въ госпожѣ Семеновой видѣлъ я то превосходное и высокое дарованіе, которое можетъ со славою выполнить ролю Федры, справедливо почитаемую предѣломъ драматическаго искусства. Съ оставленіемъ театра сею любимицею Мельпомены, оставилъ я и трудъ свой; но съ появленіемъ ея на сцену, я озаботился скорѣйшимъ окончаніемъ онаго". Что касается Гнѣдича, то Семенова имѣетъ въ его жизни такое значеніе, которое вполнѣ оправдываетъ выраженія Лобанова въ его письмахъ. Гнѣдичъ съ полнымъ самоотверженіемъ занимался развитіемъ Семеновой, которая имѣла роковое значеніе въ его жизни: быть можетъ его элегическія жалобы на одиночество, на невозможность семейнаго счастія, которое онъ считалъ высшимъ благомъ, имѣли причиною ту же Семенову. Не могъ же Гнѣдичъ не знать о ея отношеніяхъ къ кн. Гагарину. Наконецъ Семенова была причиною смерти Гнѣдича, что видно изъ его біографіи, написанной Лобановымъ.

---

[1]) Вѣроятно Гнѣдичъ, уѣзжая, поручилъ свое имущество попеченію Лобанова, что видно и изъ письма Лобанова отъ 25 мая 1828 г.

[2]) „Русскій Архивъ" 1873 г. № 6, стр. 1022.

[3]) 1-й актъ переводилъ Полозовъ, 2-й — Гнѣдичъ, 3-й — Лобановъ, 4-й — Жихаревъ, а 5-й — Шаховской (Воспомин. стараго театрала. „Отеч. Зап." 1854 г. т. 96, отд. II, стр. 131).

Въ письмѣ отъ 3-го апрѣля отмѣтимъ наивное сужденіе Лобанова о петербургскихъ концертахъ. „Неизъяснимая пріятность“ этихъ концертовъ заключалась для него въ томъ, что артисты дворяне.

3-го апрѣля 1828 г. С.-Петербургъ.

„Любезнѣйшій другъ, Николай Ивановичъ! Не сѣтуете ли вы снова на мое молчаніе? Если сѣтуете, извиненіе мое подобно прежнему: я не хотѣлъ на порученіе ваше, которое и безъ того лежало у меня на сердцѣ, какъ собственное мое желаніе, отвѣчать неудовлетворительно. Я хлопоталъ и ожидалъ конца дѣлу, и вотъ вамъ отвѣтъ: вы статскій совѣтникъ; Государь изъявилъ свое согласіе и сегодня, а можетъ быть и вчера, указъ поднесенъ Его Величеству для подписанія. Надѣюсь, что и старшинство ваше будетъ сохранено. Сегодня вечеромъ зайду, по условію, къ Дмитрію Ивановичу Языкову, и вѣроятно узнаю отъ него объ окончаніи дѣла. Вотъ вамъ, любезнѣйшій другъ, пріятная вѣсть, которую посылаю съ экстрапочтою, чтобъ вы прежде всѣхъ узнали ее отъ искреннѣйшаго вашего Лобанова. Въ слѣдующемъ письмѣ обниму васъ и поздравлю, а теперь обнимаю безъ поздравленія еще, но съ горячимъ желаніемъ вамъ здоровья.

„Письмо мое коротко — нѣкогда (sic). Вчера вечеромъ хотѣлъ къ вамъ писать не наскоро, но прислали мнѣ билеты въ концертъ, и похитили цѣлый вечеръ. Концерты эти неизъяснимо пріятны. Артисты-дворяне, генералы, посланники, артистки-барыни и барышни. Лисянскія, дочери нашего извѣстнаго мореходца [1]), всѣхъ восхищаютъ очаровательными своими голосами: вѣрны, чисты и сладки! При ихъ пѣніи душа наполняется какимъ-то сладкимъ умилительнымъ чувствомъ. Каталани гремятъ, поражаютъ; это въ своемъ родѣ, Ломоносовы, Державины; а Лисянскія, особливо одна, трогаютъ, нѣжатъ душу; въ нихъ что-то элегическое—это наши Батюшковы. Зала великолѣпная (въ домѣ Д. Л. Нарышкина); въ ней одной горѣло вчера болѣе 500 восковыхъ свѣчь, и весь домъ былъ открытъ и освѣщенъ. Хозяинъ подчиваетъ всѣхъ гостей чаемъ, мороженымъ, аршатомъ, лимонадомъ, виномъ и пр. и пр. Представьте изумленіе иностранцевъ, а особливо не имѣющихъ еще понятія о русскомъ хлѣбосольствѣ. Мнѣ было тамъ очень пріятно, кромѣ грустнаго воспоминанія о Софіи, этомъ божественномъ созданіи, которое рано оставило насъ... Завтра, съ обыкновенною почтою буду писать къ вамъ, теперь пора одѣваться и ѣхать въ Зимній дворецъ“.

---

[1]) Лисянскій, Юрій Ѳедоровичъ (род. 1773, ум. 1837) отличался во многихъ морскихъ компаніяхъ и плаваніяхъ и снискалъ себѣ имя славнаго моряка.

Сужденіе о современной литературѣ, которое мы читаемъ въ слѣдующемъ письмѣ Лобанова, служитъ предвѣстникомъ его „Мнѣнія о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной". Свое мнѣніе Лобановъ высказалъ уже въ качествѣ члена Россійской Академіи, которая его приняла въ свою среду 5 мая 1828 г., но еще въ апрѣлѣ этого года, какъ видно изъ письма, Лобановъ не былъ увѣренъ въ своемъ избраніи и жалуется на интриги какихъ-то враговъ.

Апрѣля 28 дня 1828. С.-Петербургъ.

„Я не сдержалъ своего слова, любезнѣйшій другъ, Николай Ивановичъ, не писалъ къ вамъ по данному обѣщанію —и виноватъ! Много скопилось дѣлъ въ одно время.

„Теперь крѣпко обнимаю васъ, поздравляя съ чиномъ и съ бриллiантами. По библіотекѣ награждены — вы, Иванъ Андреевичъ [1]) и экономъ.

„Пользуясь отсутствіемъ Государыни Императрицы, которая отправилась въ Одессу и будетъ тамъ 12 мая, я прошусь въ отпускъ на 4 мѣсяца, съ 15 мая, и поѣду (если дадутъ увольненіе) [2]) на англинскомъ пароходѣ въ Любекъ, оттуда въ дилижансѣ въ Висъ-Баденъ, а можетъ быть и далѣе, куда понадобится и куда деньги пустятъ. Цѣль моя — вылечить Александру Антоновну отъ заваловъ и поправить разстроенныя ея нервы, да и мнѣ самому не будутъ вредны ни воды, ни путешествіе. Откликнитесь, между тѣмъ на голосъ дружбы; вы забыли меня; вотъ 3-е письмо, а отъ васъ ни строчки. Каково ваше здоровье? гдѣ вы проводите лѣто? Что Воронцовъ? и когда возвратитесь? — Я поплыву не ранѣе 20 мая; слѣдовательно письмо ваше, по экстрапочтѣ найдетъ меня еще въ Петербургѣ.

„У насъ новый министръ просвѣщенія князь Ливенъ [3]); Александръ Семеновичъ [4]) уволенъ съ полнымъ (говорятъ) окладомъ.

„Къ библіотекѣ нашей назначена пристройка въ 60 саженъ длиною, фасадомъ противъ Анич. дворца. Скоро начнется работа; уже старые дома за театромъ ломаютъ. Вся эта часть теперь чорная и вонючая будетъ прекрасно застроена; новый театръ будетъ далѣе теперешняго, который сломаютъ, за театромъ улица проведется на Чернышевъ мостъ и по обѣимъ ея сторонамъ прекрасныя строенія съ магазинами (Palais-Royal). Старая половина библіотеки будетъ заперта, и, говорятъ, до окончанія новой. Привалить бы ужь и камень ко входу!

---

[1]) Крыловъ.

[2]) Лобановъ получилъ увольненіе и ѣздилъ за границу въ 1828 г., откуда и писалъ къ Гнѣдичу; но мы не печатаемъ этого письма, какъ не имѣющаго никакого интереса.

[3]) Карлъ Андреевичъ генералъ отъ инфантеріи былъ министромъ народн. просвѣщенія съ 1828—1833 г.

[4]) Шишковъ.

„У насъ въ городѣ явилась благотворная лечебница заикъ. Ростовцевъ пересталъ заикаться; нашъ Востоковъ начинаетъ поговаривать: ахъ! какъ я радъ! но боюсь долго съ нимъ говорить: еще не совсѣмъ избавился онъ отъ чмоканья и чавканья; но гораздно сноснѣе сталъ; онъ продолжаетъ еще навѣщать свою благотворительницу. Какъ она лечитъ — это тайна, но вѣрно то, что не микстурами, а словами.

„О словесности ни слова—у насъ нѣтъ ее (sic), а есть журналисты, которыхъ вы знаете, такъ нечего и говорить. Литературная совѣсть исключена изъ языка и изъ душъ.

„Вы спросите о дѣлахъ моихъ! Одно и самое лучшее изъ нихъ успѣхи въ языкѣ ученицы—Государыни; она, между прочимъ, одна прочла Наталью Долгорукову и только спросила объясненія нѣкоторыхъ выраженій. Васъ это радуетъ; это пріятно тѣмъ, которымъ святъ языкъ отечества.—Въ другихъ дѣлахъ мнѣ совершенная неудача. Я не библіотекарь, не кавалеръ св. Анны, и еще не членъ Академіи; а это послѣднее давно уже тянется. — Суди Богъ каверзниковъ, а дожить имъ до чорнаго дня.

———

Отправляясь за границу и намѣреваясь побывать въ Парижѣ, Лобановъ хочетъ поклониться праху Расина и Тальмы. Это характеризуетъ Лобанова, какъ писателя. Онъ былъ приверженецъ стараго, отжившаго классицизма. Въ этомъ же письмѣ упоминается о Батюшковѣ. Причиною его болѣзни, по словамъ Лобанова, было самолюбіе.

С.-Петербургъ, мая 25 1828 года.

„Англійскій пароходъ Джоржъ IV, съ великимъ нетерпѣніемъ ожиданный, наконецъ въ Кронштадтѣ, и сегодня придетъ въ Петербургѣ къ Англійской набережной; въ воскресенье 27 мая мы предадимся вѣтрамъ и волнамъ. Къ 1 іюня будемъ въ Любекѣ, а 6 на водахъ въ Висъ-Баденѣ, вѣроятно и въ Эм.., гдѣ я проведу весь іюнь и половину іюля, а потомъ посмотрю не удастся ли заглянуть и въ Парижъ. Кому прикажете тамъ поклониться? Вѣрно праху Расина и Тальмы [1], и вмѣстѣ со мною жалѣете, что нѣтъ уже и сего послѣдняго, который былъ въ Парижъ тоже, что папа въ Римѣ. Обратной мой путь, думаю, совершу не водою, а въ дилижансахъ чрезъ Дрезденъ и Берлинъ, чрезъ Митаву и Ригу. Въ Дрезденѣ... вы знаете, что я хочу сказать... я обниму бѣднаго нашего Батюшкова, жертвы чувствительности и, увы, самолюбія. Обниму и за васъ и много разъ обниму:

[1]) Францъ-Іосифъ Тальма знаменитый французскій трагическій актеръ р. 1760 г. † 1826 г.

онъ вѣрно будетъ мнѣ доступенъ за мною къ нему любовь, но у меня навертываются слезы.

„И такъ, мой добрый, мой несравненный другъ Николай Ивановичъ, я ѣду, и увижу многое; и если не память, такъ сердце сохранитъ впечатлѣнія пріятныя. Осенью сберемся въ Петербургѣ подъ дымные свои кровы и наговоримся.

„Между тѣмъ не думайте, чтобъ я вовсе перересталъ къ вамъ писать; этого наслажденія добровольно я не хочу себя лишить; вотъ если нырну на дно морское, такъ это иное дѣло. Если не изъ Любека, такъ изъ Франкфорта вы вѣрно получите мое письмо. Да и вы не полѣнитесь, любезнѣйшій другъ, (если почта не чрезъ мѣру раззорительна) написать къ мнѣ не медля и отправить въ Франкфортъ на Майнѣ съ приписью: On prie de garder la lettre à la poste jusqu à ce que l'on demande. Если я буду тосковать по родинѣ, письмо ваше будетъ мнѣ лекарствомъ отъ этой болѣзни.

„Вы пожелаете узнать, какъ я устроился, отъѣзжая изъ Питера? а вотъ какъ: дачу отдалъ въ наймы, лошадокъ продалъ, золотыя табакерочки обратилъ въ червонцы; прислугу отпустилъ и остальную отпущу въ день отъѣзда; дочку вашу спровадилъ къ Самсоніевскому мосту (на дачу), къ Марьи Ивановнѣ и Владиславу Максимовичу Княжевичамъ на сохраненіе; Рондошку съ нею же для сбереженія, назначивъ ему два гроша въ день на лакомства. И вотъ съ женою подъ ручкою, съ друзьями въ сердцѣ и съ кошелькомъ въ карманѣ— на пароходъ да и ну помахивать!

„Я имѣлъ уже честь засѣдать и бесѣдовать въ Академіи; разсказывать всего нѣкогда. Я прочелъ оду мою къ Орлу Россіи, которая оканчивается такъ:

„Взнесись же нашъ Орелъ высоко,
Веди славянъ на славный пиръ;
Греми, карай нашъ молньеокій,
Отмсти за православный міръ.
Вы, греки, пойте гимнъ побѣдный,
Погибнетъ вашъ губитель блѣдный.
Страдальцы, вашъ на небѣ вздохъ!
Настанетъ ваша брань святая!
Велико слово Николая!
А съ нимъ: Россія, правда, Богъ!

„Сказали: хорошо, иные примолвили: много силы, много жару и прочее.

„P. S. Съ Васильевскимъ кончили мы ваши денежныя дѣла.

„Вамъ кланяется между многими другими, отецъ Экономусъ, онъ теперь пріосанился и совсѣмъ иначе выглядитъ, какъ говорятъ нѣмцы.

II.

Письма М. Н. Загоскина къ М. Е. Лобанову и Н. И. Гнѣдичу.

Загоскинъ такъ же, какъ Гнѣдичъ и Лобановъ, служилъ въ Публичной Библіотекѣ. Онъ былъ опредѣленъ туда почетнымъ библіотекаремъ въ 1817 году. Въ слѣдующемъ году онъ занялъ штатную ваканцію помощника библіотекаря съ жалованьемъ, и принималъ дѣятельное участіе въ приведеніи библіотеки въ порядокъ и въ составленіи каталога русскихъ книгъ. Въ 1820 г. онъ оставилъ службу и должность штатнаго помощника и былъ переименованъ въ прежнее званіе почетнаго библіотекаря. Въ это время онъ сблизился съ Лобановымъ, Гнѣдичемъ и Крыловымъ. Въ 1820 г. Загоскинъ по семейнымъ обстоятельствамъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ и продолжалась вся остальная его литературная дѣятельность [1]). Съ 1822 г. Загоскинъ служилъ при театрѣ. Въ его письмахъ встрѣчаются постоянно жалобы на службу, которая оставляла ему мало досуга для занятія литературою. Печатаемыя теперь письма относятся къ періоду времени отъ 1820—1834 г., т. е. ко времени жизни Загоскина въ Москвѣ. Не прибавляя ничего новаго къ характеристикѣ Загоскина, извѣстной уже изъ статьи С. Т. Аксакова, письма эти заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія, касающіяся современной литературы, театра и отчасти московскаго общества. Особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе отзывы Загоскина о современной журналистикѣ.

Живя въ Москвѣ, Загоскинъ не прерывалъ сношеній съ петербургскими друзьями. Мѣсяца черезъ два по выѣздѣ своемъ изъ Петербурга (онъ отправился въ Москву въ іюлѣ 1820 г., а первое письмо къ Лобанову помѣченно 7 октября того же года), Загоскинъ уже писалъ къ Лобанову длинное письмо, наполненное выраженіями дружбы и московскими новостями. Мы узнаемъ, что Загоскинъ тотчасъ по пріѣздѣ вошелъ въ веселый кругъ московскихъ литераторовъ любителей театра. Тутъ были: Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, А. И. Писаревъ, С. Т. Аксаковъ. Какъ всѣ они увлеклись театромъ видно изъ „Воспоминаній“ С. Т. Аксакова. Долгое время они только и жили постановкою на сцену „Двухъ Фигаро“ и послѣ представленія для нихъ:

Исчезло все... и пустота, смущенье,
Уныніе на сердце налегло! и т. п. [2]).

Загоскинъ тоже увлекся и самъ захотѣлъ играть, не имѣя рѣшительно никакихъ сценическихъ способностей. Объ своемъ дебютѣ онъ говоритъ въ письмѣ къ Лобанову, не упоминая, впрочемъ, о неудачѣ, о которой мы знаемъ изъ словъ Аксакова.

---

[1]) Аксаковъ. Разныя сочиненія. М. 1858 г., стр. 251, 253 и 256.
[2]) Аксаковъ. Разныя сочиненія стр. 61.

Печатаемъ письма Загоскина съ соблюденіемъ его орѳографіи.

„Да, любезной Михайла Астафьевичъ, я могъ гнѣваться, злиться и даже ругать тебя; но конечно не могъ перестать любить. Если бы ты видѣлъ какъ обрадовало меня письмо твое, какъ я его перечитывалъ—какъ останавливался на каждомъ словѣ..... Да, мой другъ! оно очень облегчило мое сердце—признаюсь, грустно мнѣ было подумать, что я забытъ тобою — при одной этой мысли душа моя наполнялась горестію и слезы... Что это?... Душа, сердце, слезы,—да это уже походитъ на князя Шаликова, вотъ каково дышать съ нимъ однимъ воздухомъ, того и гляди сдѣлаешся плаксою.

„Шутки въ сторону; я не плакалъ, но досадовалъ на тебя очень-очень..... ну да однимъ словомъ точно также какъ радуюсь теперь перечитывая милое письмо твое.

„Когда-то Богъ приведетъ меня побывать въ Петербургѣ, обнять друзей моихъ и, начавъ съ Михайлы Астафьевича Лобанова, сразить его моимъ великодушіемъ. Не знаю веселитесь ли вы въ Петербургѣ, а мнѣ становится здѣсь очень весело—я, изволишь видѣть, ударился въ большой свѣтъ—танцую, смотрю какъ играютъ на благородныхъ театракъ, и..... страшно сказать!—играю самъ. Кстати о театрахъ—прошу не насмѣхаться надъ здѣшнимъ,—здѣсь, сударь, не лицедѣи—а актеры и даже не дурные — имъ не достаетъ только главы. — Составь цѣлой оркестръ изъ вертуозовъ; но не давай имъ никогда съигриваться, то конечно и посредственной оркестръ, напримѣръ вашъ петербургской, покажется гораздо лучше. Тоже самое можно сказать и о здѣшнемъ театрѣ, съ тою только разницею, что вертуозовъ здѣсь нѣтъ,—а право есть хорошіе солисты. На дняхъ играли здѣсь „Пустодомовъ“: эту комедію въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ репетировали только два раза, и въ первой разъ недоставало на репетиціи нѣсколько дѣйствующихъ лицъ — чему же быть путному?— Однакожъ, смотри не проговорись объ этомъ Шаховскому, съ нимъ сдѣлается ударъ (NB. не смотря на это комедія была принята очень хорошо.) Мою комедію „Доброй Малой“ ставилъ я самъ—и надобно сказать правду: она была разыграна въ двое лучше чѣмъ въ Петербургѣ и успѣхъ имѣла пребольшой.

„При семъ письмѣ препровождаю къ тебѣ нечто для прочтенія въ обществѣ соревнователей и прошу тебя вмѣсто предисловія прочесть также изъ сего письма все то, что на слѣдующей страницѣ написано до знака NB.

„Да мой другъ! я не живу здѣсь поджавши руки. Я гляжу, замѣчаю, записываю; но на всякой случай, чтобъ не вздумалось кому убить меня изъ угла (sic) камнемъ не напечатаю ничего изъ моихъ записокъ, пока не переберусь опять въ Петербургъ. — Не подумай однакожъ что я однимъ только этимъ и занимаюсь—нѣтъ мой другъ!—страсть писать комедіи не лучше пьянства,—отъ нее никогда не отстанешь. — Я написалъ..... вижу отсюда! ты блѣднѣешь отъ ужаса—

да мой милой! бледнѣй, ужасайся—я написалъ комедію въ четырехъ дѣйствіяхъ! — и что всего ужаснѣе препровождаю при семъ изъ нее одну сцену для прочтенія въ обществѣ—въ которомъ, къ стыду моему, я цѣлые четыре мѣсяца былъ самымъ безполезнымъ членомъ.— Если не ошибаюсь, то въ моей комедіи, есть сцены забавнѣе и лучше той, которую посылаю; но одна только эта не имѣетъ большой связи со всѣмъ дѣйствіемъ и можетъ быть особо напечатана. Многимъ можетъ показаться, что я подобно донъ-Кишоту, сражаюсь съ вѣтренными мельницами — то есть: нападаю на слабость существующую въ одномъ только моемъ воображеніи—къ несчастію это замѣчаніе будетъ несправедливо.—Я могу назвать по именамъ, здѣсь двухъ, а въ Петербургѣ трехъ отцевъ, которые обращаются съ своими сыновьями точно также какъ князь Фольгинъ — одинъ изъ нихъ, разговаривая при тридцати человѣкахъ съ своимъ сыномъ сказалъ: „что это значитъ Волдемаръ! — всякой разъ какъ я поѣмъ мнѣ жарко какъ собакѣ?"—„Это отъ того Папа—„отвѣчалъ сынокъ—„что ты ѣшь какъ свинья".—Правда сей разговоръ происходилъ на французскомъ языкѣ, а такъ какъ Cochon гораздо пріятнѣе для слуха чѣмъ свинья, то для многихъ эта игра словъ показалась очень забавною. — Когда я со всѣмъ раздѣлаюсь съ своей комедіей, то доставлю тебѣ для прочтенія въ обществѣ небольшую статью подъ названіемъ: „Торжественное засѣданіе преобразователей россійской азбуки". Признаюсь я желалъ бы очень, усердіемъ моимъ къ общей пользѣ, замѣнить недостатокъ моихъ дарованій и оправдать хотя нѣсколько надежды почтеннаго общества, избравшаго меня въ свои дѣйствительные члены" NB.

„Пора кончить—чай я надоѣлъ тебѣ какъ горькая рѣдька—обнимаю тебя какъ другъ, какъ сочленъ и какъ братъ. Твой искренній другъ М. Загоскинъ.

„Моя Анета тебѣ кланяется, Александру Антоновну цѣлуетъ, а я — цѣлую у ней по одиночкѣ всѣ пальчики. — Ив. Андр., Гнѣд. и всю библіотечную братію обнимаю мысленно.

1820 г. октября 7.

Не смотря однако на веселую жизнь, о которой говорится въ первомъ письмѣ, въ слѣдующемъ Загоскинъ жалуется на неопредѣленность своего положенія и желаетъ возвратиться въ Петербургъ. Изъ словъ Аксакова видно, что положеніе Загоскина въ это время (1821 годъ) тяготило его: „При первомъ свиданіи Загоскинъ разсказалъ мнѣ всю свою жизнь и свое настоящее положеніе, причемъ однако не трудно было замѣтить, что у него лежало что-то на душѣ, что онъ чего-то непріятнаго и тяжелаго не договариваетъ! Онъ убѣдительно просилъ меня, чтобъ я не отдавалъ ему визита; но я, разумѣется, его не послушалъ и на другой же день къ нему поѣхалъ.

Загоскинъ жилъ въ домѣ своего тестя въ мезонинѣ, съ женой и дѣтьми, и помѣщался очень тѣсно. Я видѣлъ, что мое посѣщеніе его смутило. Комнатка, въ которой онъ меня принялъ, была проходная; всѣ наши разговоры могли слышать посторонніе люди изъ сосѣднихъ комнатъ, а равно и мы слышали все, что около насъ говорилось, особенно потому, что кругомъ разговаривали громко, ни мало не стѣсняясь присутствіемъ хозяина, принимающаго у себя гостя. Загоскинъ, очень вспыльчивый, безпрестанно краснѣлъ, выбѣгалъ даже, пробовалъ унять неприличный шумъ; но я слышалъ, что ему отвѣчали смѣхомъ. Я понялъ положеніе бѣднаго Загоскина посреди избалованнаго, наглаго лакейства, въ домѣ господина, представлявшаго въ себѣ отраженіе стариннаго русскаго капризнаго барина Екатерининскихъ временъ, повидимому не слишкомъ уважавшаго своего зятя" [1]). Говоря о своихъ литературныхъ занятіяхъ, Загоскинъ называетъ свои стихи, посланные къ Гнѣдичу „вторыми". Въ объясненіе этого надо замѣтить, что Загоскинъ началъ писать стихи только съ 1821 года. Анекдотъ, который разсказываетъ Аксаковъ по этому поводу, очень похожъ на извѣстный разсказъ о томъ, какъ Крыловъ выучился греческому языку. Загоскинъ такъ же, какъ Крыловъ, хотѣлъ доказать, что можетъ добиться чего желаетъ, не смотря ни на какія трудности.

„Сейчасъ только получилъ письмо твое, мой милый другъ и тёзка—благодарю тебя отъ искренняго сердца за удовольствіе, которое я имѣлъ читая оное, и вмѣстѣ съ моей благодарностію обнимаю тебя и поздравляю съ праздникомъ. Какъ мнѣ жаль нашихъ старичковъ — право они моглибъ еще пожить! разумѣется Брейткопфъ и Двигубскій,—а бѣдняжка Поповъ, дѣло сдѣлалъ, что отправился въ Елисейскія—жизнь его была тьма кромешная. Ахъ, мой милый другъ! вѣрно тебѣ не такъ хочется перевесть „Федру" достойно подлинника, какъ мнѣ перебраться въ Петербургъ. Но Богу одному извѣстно когда это случится,—будущее сокрыто отъ меня такой непроницаемою завѣсою, что не знаю даже, что будетъ со мною завтра — пріѣхать съ тѣмъ же, съ чѣмъ уѣхалъ, было бы глупо, а до сихъ поръ улучшеній въ моемъ состояніи непримѣтно — впрочемъ я могу имѣть — и даже долженъ имѣть надежду, что со временемъ сдѣлаю то, что ты пишешь въ письмѣ своемъ, т. е. куплю домикъ въ Петербургѣ и стану жить да поживать въ кругу моихъ друзей — въ числѣ которыхъ милый Лобановъ занимаетъ не послѣднее мѣсто. Что тебѣ сказать про журнальныя брани—Богъ вѣсть, кто виноватъ — Осетровъ ли, который роется въ навозѣ — или издатель „Сына Отечества", которые называютъ навозъ превосходными стихами,—а Бестужева необыкновеннымъ талантомъ. Неужели послѣдніе стихи Вяземскаго походятъ на что нибудь?—пыльный-щепетильный-рудокопу-стопу—за одни эти

[1]) Загоскинъ былъ женатъ на Аннѣ Дмитріевнѣ Васильцовской.

риѳмы Аполлонъ долженъ предать его анаѳемѣ — до сихъ поръ мы черезъ чуръ думали объ одной гармоніи звуковъ, не считая ни во что идеи и смыслъ, — а теперь ударились въ противную сторону. Хочемъ (sic) писать сильные стихи и пишемъ такіе, которые и разжевать не можно,—впрочемъ, не думай, чтобы я сталъ мешатся (sic) въ эти литературныя ссоры.

„Ну къ чорту умъ и вкусъ, ругайтесь въ добрый часъ".

„Ты хочешь знать, что я теперь дѣлаю? Теперь совершенно ничего,—я послалъ къ Гнѣдичу вторые мои стихи, въ которыхъ я хотѣлъ испытать могу ли писать комедіи стихами,—но я уже давно не получаю никакого отвѣта и вотъ почему поудержался послать къ вамъ въ Питеръ, недавно написанную мною сказку въ стихахъ „Выборъ жены", которая, если не ошибаюсь, лучше всего того, что я писалъ до сихъ поръ языкомъ боговъ, если только дурные вирши заслуживаютъ сіе названіе. Теперь я рѣшился писать стихами небольшую комедію въ 1-мъ дѣйствіи — и если дѣло пойдетъ на ладъ, то настрочу потомъ и въ пять. Москва—золотой рудникъ для комическихъ писателей — слушай, замѣчай да не лѣнись писать, а за сюжетами дѣло не станетъ. Прощай, мой другъ, не гнѣвайся, что я такъ дурно пишу; десять разъ принимался чинить перо, а все пишется скверно.

Апрѣля 16, 1821 г.

„Давно не писалъ я къ тебѣ, мой милый другъ, Михайло Астафьевичъ, хотя я сдѣлался настоящимъ московскимъ жителемъ и почти совсѣмъ забылъ Петербургъ, но никогда не забуду тѣхъ, которые называли меня своимъ другомъ, и мнѣ очень было бы грустно заживо умереть въ ихъ памяти. Николай Ивановичъ [1]) вовсе меня забылъ, на два послѣднія письма мои, онъ не отвѣчалъ ни слова, а что онъ получилъ ихъ въ томъ нѣтъ сомнѣнія, потому что приложенные при нихъ стихи напечатаны въ „Соревнователѣ" [2]). Сдѣлай милость, любезный другъ, выведи меня изъ сомнѣнія, что случилось съ моимъ аттестатомъ, который я при письмѣ отправилъ къ Алексѣю Николаевичу? [3]) Николай Ивановичъ писалъ ко мнѣ, что нашъ почтенный начальникъ приказалъ мнѣ доставить аттестатъ, для того чтобы хлопотать о производствѣ моемъ въ чинъ. Вотъ уже четвертый мѣсяцъ какъ и его отправилъ и нѣтъ о немъ ни слуха ни духа. Мнѣ очень нужно знать могу ли я надѣяться получить чинъ или нѣтъ?— Что ты подѣлываешь мой другъ? — до насъ доходятъ слухи, что ты трудишься около какой-то Федры, которая до сихъ поръ, благодаря

---

[1]) Гнѣдичъ.

[2]) Труды высочайше утвержденнаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности или Соревнователь благотворенія и просвѣщенія, издавался съ 1818 по 1825 г.

[3]) Оленинъ.

Анастасевичу — и (не тѣмъ помянуто) покойному Державину, была извѣстна у насъ подъ именемъ Федоры—отъ всей души желаю, чтобъ слухи были справедливы — стыдно переводчику Эфигеніи молчать, тогда какъ тысячи шмѣлей (sic), и сіятельныхъ [1]) и простыхъ, затопили насъ своими стишонками и не сдѣлавъ ничего путнаго, величаются знаменитыми друзьями [2]). Я теперь въ большихъ хлопотахъ, послѣ завтра играютъ въ первый разъ мою новую комедію, изъ которой не большой отрывокъ былъ напечатанъ въ „Соревнователѣ". Кажется, она будетъ хорошо разыграна, и если не понравится, то въ этомъ виноватъ буду одинъ я. — Напиши мнѣ мой милой хотя двѣ строчки. Докажи, что я не совсѣмъ еще умеръ для моихъ петербургскихъ пріятелей. Обними за меня почтеннаго Ивана Андреевича, Николая Ивановича, Глинку [3]), Васильевскаго [4]) — всѣхъ тѣхъ кои меня помнютъ (sic), разумѣется, въ томъ числѣ графа Толстаго, а крѣпче всѣхъ прижми къ груди своей (если только съумѣешь это сдѣлать) товарища и друга моего Михаила Астафьевича Лобанова,— онъ малый добрый и вѣрно обрадуется когда узнаетъ что я еще живъ.

Мая 2, 1822 года.

Въ 1823 году Лобановъ окончилъ свой переводъ „Федры", которымъ онъ занимался, какъ видно изъ писемъ Загоскина, еще въ 1821 году. Эта трагедія Расина была переведена до Лобанова одиннадцать разъ [5]), между прочимъ ее переводили Анастасевичъ (1805 г.) и Державинъ (1811 г.). Она была переведена еще нѣсколько разъ и послѣ 1823 года. Переводъ Лобанова обратилъ на себя вниманіе современниковъ. С. Т. Аксаковъ послалъ въ „Вѣстникъ Европы" подробный и строгій разборъ Федры, но мы не знаемъ содержанія этой статьи: Каченовскій почему то не напечаталъ ея. Въ „Сынѣ Отечества" появилась статья, подписанная О. С. [6]). Авторъ ея говоритъ, что переводчикъ Расина „побѣдилъ непобѣдимаго". „Къ удовольствію читателей, продолжаетъ критикъ, мы приведемъ еще нѣсколько стиховъ, которые, по крайней мѣрѣ намъ такъ кажется, лучше нежели въ подлинникѣ:"

„Въ какихъ же ты странахъ надѣешься найти?
Тезея жаркій слѣдъ, иль темные пути?

---

[1]) Вѣроятно намекъ на кн. П. А. Вяземскаго.
[2]) Выраженіе изд. „Сына Отечества".
[3]) Вѣроятно Ѳед. Никол., предсѣдатель Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Росс. Слов.
[4]) Сослуживецъ Лобанова и Загоскина по Публичной Библіотекѣ.
[5]) „Сынъ Отечества" 1823 ч. 89 с. 242—260.
[6]) Вѣроятно Орестъ Сомовъ.

Въ послѣднемъ стихѣ больше поэзіи нежели въ Расиновомъ [1]). Но люди съ большимъ чутьемъ поэзіи думали иначе, чѣмъ критикъ Сына Отечества. Пушкинъ въ письмѣ къ брату писалъ: „Душа моя, меня тошнитъ съ досады — на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость—долго ли этому быть? кстати о гадости—читалъ я „Ѳедору" Лобанова—хотѣлъ писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина — перо вывалилось изъ рукъ—и объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи г. Расина! Voulez-vous découvrir le trace de ses pas

Надѣешься найти
Тезея жаркой слѣдъ иль темные пути.

...вотъ какъ все переведено. А чѣмъ же и держится Иванъ Ивановичъ Расинъ, какъ не стихами, полными смысла, точности и гармоніи. Планъ и характеры Федры верхъ глупости и ничтожества... [2])". Поставивъ свою „Федру" на петербургской сценѣ, Лобановъ захотѣлъ продать ее и на московскую и обратился къ протекціи Загоскина, служившаго въ конторѣ дирекціи московскаго театра. Любопытно, какъ Загоскинъ, сознавая совершенную невозможность просьбы своего друга, отвѣчаетъ ему и чуть не проситъ прощенія.

„Любезный другъ Михайла Астафьевичъ. Письмо твое я получилъ съ большимъ удовольствіемъ, но признаюсь съ большимъ неудовольствіемъ отвѣчаю на оное потому что не могу сказать: „изволь, мой другъ! просьба твоя справедлива—получай деньги и присылай скорѣй трагедію". Грѣшно тебѣ посомниться въ дружбѣ моей, слѣдовательно ты не посомнишься и въ томъ, что я поспѣшилъ бы порадовать тебя хорошимъ извѣстіемъ. Кокошкинъ [3]) также будетъ отвѣчать къ тебѣ, вотъ на чемъ основываетъ онъ совершенную невозможность согласиться на твое требованіе: въ отдѣленіи театра московскаго отъ с.-петербургской дирекціи, именно сказано, что всѣ піесы пріобрѣтенныя однимъ изъ сихъ театровъ, должны уже поступать безъ всякаго возмездія на другой и посему театръ петербургской, купивъ твой переводъ, и располагая имъ какъ собственностію своею, долженъ его безденежно доставить здѣшней дирекціи. Еслибъ покрайней мѣрѣ московской театръ благоденствовалъ, то можетъ быть нашлись бы какія нибудь способы отступить отъ сего правила, но въ то самое время, когда князь Голицынъ [4]), въ докладной запискѣ изъясняетъ Государю, что безъ его пособія московской театръ существовать никакъ не можетъ, дѣлать расходы, именно запрещенные въ высочайше утвержден-

---

[1]) „Сынъ Отечества" 1823 ч. 89 с. 242—260.

[2]) „Библіографическія Записки" 1858 г. стр. 43—44.

[3]) Директоръ московскаго театра.

[4]) Дмитрій Владиміровичъ (р. 1771 у. 1844) московскій военный генералъ-губернаторъ. Въ это время подъ его руководствомъ совершалось преобразованіе московскаго театра.

номъ, положеніи, было бы не только не осторожно, но даже и опасно для конторы—а сверхъ того, вѣришь ли Богу, милый другъ, — мы такъ бѣдны—такъ бѣдны, что я и описать тебѣ не могу. Затѣи большіе, способы отмѣнно малые, хорошая публика была отъучена до такой степени отъ русскаго театра, прежнею его запачканностію, что до сихъ поръ считаетъ почти преступленіемъ быть въ русскомъ театрѣ. Боже тебя сохрани, если ты подумаешь что твой старинной другъ не хотѣлъ отъ всей души быть для тебя полезнымъ, но ты долженъ теперь видѣть самъ что это не моя вина. Что сказать мнѣ о себѣ—я кляну иногда судьбу мою—вообрази минуты нѣтъ свободной—я отъ этихъ дрянныхъ театральныхъ дѣлъ, не пишу ничего—начатая комедія не подвигается впередъ. Поклонись доброму Ивану Андреевичу и всѣмъ бывшимъ сослуживцамъ моимъ. Николаю Ивановичу Гнѣдичу на будущей почтѣ буду писать.

Октября 3, 1823.

Въ ноябрѣ 1823 г. Лобановъ послалъ въ Москву Загоскину сто экземпляровъ „Федры" на продажу. Загоскинъ въ своихъ письмахъ даетъ Лобанову отчеты о томъ, какъ шла продажа книги. Это знакомитъ насъ съ торговою стороною книжнаго дѣла въ то время.

„Любезный другъ Михайла Астафьевичъ. Два письма твои отъ 30 октября и 6 ноября получилъ. Сегодня посылаю въ почтамтъ за экземплярами Федры. Напрасно, милой другъ, ты думаешь, что я поскучаю твоей коммисіею; я душевно радъ когда пріятелямъ моимъ могу на что нибудь пригодиться. Я роздалъ нѣсколько присланныхъ тобою листочковъ, но подписка идетъ не слишкомъ успѣшно; впрочемъ я надѣюсь, что Москва не до такой степени полутатарскій городъ, чтобъ сто экземпляровъ хорошего перевода, одной изъ лучшихъ трагедій Расиновыхъ, не были раскуплены. Завтра, а можетъ быть и нынче, я отвезу нѣсколько экземпляровъ въ книжную лавку. Лишь только я позберу порядочную сумму денегъ, то тотъ же часъ къ тебѣ отправлю.

„Ахъ, мой милый другъ, какъ ты счастливъ, что можешь заниматься словесностію! пожалѣй о моей окаянной долѣ!—вотъ три мѣсяца какъ у меня начата комедія,—планъ обдуманъ,—первыя сцены написаны—стихи кажется не дурны—однимъ словомъ я предвижу, что это будетъ лучшая моя комедія—т. е. первая, которой я буду самъ доволенъ и не смотря на то я долженъ оставить мой трудъ; хлопоты мои театральные часъ отъ часу становятся несноснѣе, съ уменьшеніемъ денежныхъ способовъ, прибавляются постоянно новыя заботы,—но дѣлать нечего—потерплю. Однимъ или другимъ образомъ, а это должно скоро кончиться. Обними за меня Н. И. Гнѣдича и Ив. Анд. Крыл. Скажи послѣднему что не смотря на то что мы съ нимъ не переписываемся, я люблю его какъ близкаго роднаго, я го-

товъ, о чемъ хочешь биться объ закладъ, что и онъ меня также любитъ.

Ноября 13, 1823.

„Посылаю къ тебѣ любезной мой другъ Михайла Астафьевичъ, сто семьдесятъ рублей и вотъ тебѣ подробный отчетъ: 29 экземляровъ розданы мною на 145 руб.; у книгопродавца Ширяева продано 7 экземпляровъ за выключеніемъ 20 процентовъ на 28 руб.: итого на 173 рубля, изъ которыхъ 3 оставляю у себя для заплаты на почту изъ оныхъ, что будетъ надобно. Разомъ всѣхъ экземпляровъ съ уступкою 20 процентовъ, никто не взялъ. При театрѣ также продаютъ, но кажется еще десяти экземпляровъ не продано; когда опять понакопится денегъ перешлю тотчасъ къ тебѣ. Мухановъ не взялъ отъ меня ни экземпляра, а если и присылалъ брать то развѣ за деньги какъ прочіе покупщики, въ конторѣ театральной. Отъ всей души благодаря тебя за подаренной экземпляръ, я читалъ твой переводъ съ большимъ удовольствіемъ, но есть стихи за которые съ тобой бы побранился, да и то сказать переводить Росина (sic), котораго наизусть всѣ знаютъ, труднѣе чѣмъ сочинять. Извини, что мало и нескладно пищу—боюсь опоздать на почту—а складу въ головѣ у меня нѣтъ ни на полушку. Если хочешь сдѣлаться пентюхомъ послужи при театрѣ.

Декабря 2, 1823.

„Любезный другъ Михайла Астафьевичъ! я давно уже послалъ къ тебѣ за проданные экземпляры твоей Федры 170 руб., но до сихъ поръ не получилъ отвѣта; впрочемъ, я думаю, что деньги не пропали—теперь я посылаю къ тебѣ еще 110 руб. вотъ разсчетъ въ оныхъ.

15 экземпляровъ проданныхъ у книжника за вычетомъ двадцати процентовъ. 60 руб.

10 проданныхъ мною. . . . . 50 „

Итого. . 110 руб.

„Если накоплю еще рублей сто, то тотчасъ къ тебѣ отправлю. Я здоровъ, жена не много прихварываетъ, но и ей слава Богу лучше, поцѣлуй ручки у почтенной твоей супруги, — и извини что мало пишу—право нѣкогда (sic).

Въ 1825 году Гнѣдичъ ѣздилъ лѣчиться на Кавказъ и проѣздомъ чрезъ Москву, видѣлся съ Загоскинымъ, который и описываетъ эту встрѣчу въ письмѣ къ Лобанову. Изъ того же письма мы узнаемъ,

что 100 экземпляровъ Федры, посланные еще въ ноябрѣ 1823 года не были распроданы въ концѣ мая 1825 г. Москва оказалась чисто татарскимъ городомъ. Загоскинъ утѣшаетъ своего друга разсужденіемъ о варварствѣ москвичей и ихъ невниманіи къ отечественной словесности, но скоро „Юрій Милославскій“ блистательно доказалъ, что Лобановъ очутился въ положеніи графа Хвостова, не по одному только варварству русской публики.

„Любезный и милый другъ Михайла Астафьевичъ. Тысяча разъ тебѣ спасибо! ты незабываешь старыхъ друзей своихъ. Письмо твое весьма меня обрадовало. Ты здоровъ, а покупавшись въ море (sic), еще будешь здоровѣе, Александра Антоновна также. Ты любишь меня по прежнему—ты пишешь для театра—все это читать мнѣ было очень весело—теперь позволь отвѣчать методически на письменные твои запросы. 1-е Гнѣдича, я видѣлъ проѣздомъ, съ нимъ ѣдутъ два молодца, оба такіе краснощекіе и толстые, что трудно отгадать отъ чего помогутъ имъ Кавказскія воды. Николай Ивановичъ, худъ, блѣденъ и кажется ѣдетъ на Кавказъ, не для того только, чтобъ полюбоваться южнымъ краемъ Россіи. 2-е Слухи о моемъ переходѣ въ Петербургъ не совсѣмъ пустые. Можетъ быть, дѣйствительно, я буду директоромъ и самымъ неожиданнымъ для меня образомъ, я и во снѣ не могъ объ этомъ видѣть; но впрочемъ, до тѣхъ поръ пока я не прочту имяннаго указа, я самъ этому плохо вѣрю. Ты пишешь мой другъ, что въ Петербургѣ при театрѣ худо;—повѣрь, что и въ Москвѣ не лучше. Въ Петербургѣ связаны руки, а здѣсь и руки и ноги; въ Петербургѣ я (можетъ быть) буду главнымъ начальникомъ, хотя подъ веденіемъ (sic) Комитета, а здѣсь я только членъ;—въ Москвѣ я получаю только 2,400 руб. жалованья,—а въ Петербургѣ 10,000 руб., а сверхъ того, могу шагнуть по службѣ такъ, что пріятели мои ахнутъ отъ удивленія, а враги охнутъ отъ зависти. Впрочемъ все это воздушные замки, и такъ полно о нихъ говорить. Если пріѣду къ вамъ въ Питеръ, то привезу съ собою вырученныя за твою Федру деньги, если останусь, то перешлю тебѣ — ихъ больно мало, но дѣлать нечего, татары не охотники до словесности, а полуфранцузы любятъ только французскую. 3-е Ты написалъ или перевелъ двѣ піесы—для чего же не увѣдомить какія именно? а я и хотѣлъ бы тебѣ разсказать подробнѣе о моихъ занятіяхъ, да нечего разсказывать.—Я могу марать бумагу только по постамъ, а въ мясоѣды некогда подумать о литературѣ. Великимъ постомъ я почти кончилъ второй актъ „Благороднаго театра“, а съ тѣхъ поръ и за перо небрался. Прощай мой милой другъ, если Богъ приведетъ увидѣться, то мы наговоримся досыта. Если же мнѣ на роду написано, прокиснуть въ Москвѣ, то хоть изрѣдка откликайся.

Мая 29, 1825.

Изъ писемъ Загоскина 9-го января и 9-го апрѣля 1830 года, мы узнаемъ отъ самого автора объ успѣхѣ „Юрія Милославскаго". Загоскинъ выражается скромно, но приводитъ факты, засвидѣтельствованные другими. Изъ писемъ [1]) разныхъ лицъ къ Загоскину и изъ разсказа Аксакова, мы знаемъ уже какъ великъ былъ успѣхъ романа. Россійская Академія, вѣроятно, поручила своему члену Лобанову, какъ человѣку близкому къ Загоскину, узнать отъ него, желаетъ ли онъ получить даръ Академіи, или быть ея членомъ. Изъ писемъ Загоскина видно, что онъ предпочелъ послѣднее и очень добивался этой чести.

„Письмо твое, любезный другъ Михайла Астафьевичъ, сейчасъ получилъ и сейчасъ отвѣчаю на оное. Во-первыхъ, я давно уже послалъ черезъ Н. И. Греча тебѣ, Крылову и Гнѣдичу, экземпляры „Юрія Милославскаго", а изъ письма твоего вижу, что ты еще не получалъ экземпляра; потрудись потребовать его отъ Греча; во-вторыхъ: я никогда не переставалъ любить тебя, ты изъ весьма ограниченнаго числа людей, которыхъ я уважаю въ душѣ моей и люблю какъ самыхъ близкихъ родственниковъ. Еслибъ Богъ привелъ меня побывать въ Петербургѣ, ты увидѣлъ бы и почувствовали бы твои бока, умѣю ли я прижимать къ сердцу старинныхъ друзей моихъ. Ты спрашиваешь меня любезный другъ, что можетъ для меня быть пріятнѣе получить ли даръ академіи, или быть ее (sic) членомъ?— разумѣется быть членомъ! — я эту честь почту самой лѣстной (sic) для меня наградою; я, надѣясь на твою дружбу и благорасположеніе почтеннаго президента, буду ожидать съ нетерпѣніемъ истинно пріятной для меня вѣсти,—что я могу уже назвать большую часть прежнихъ моихъ сослуживцевъ моими сочленами.

„Я отгадалъ твою мысль — одинъ экземпляръ моего романа, отправленъ уже для поднесенія государынѣ императрицѣ черезъ Жуковскаго; — еслибы онъ имѣлъ такой же успѣхъ у васъ какъ здѣсь, то мнѣ ничего не осталось бы желать; въ три дня разошлось пятьсотъ экземпляровъ—и кажется скоро дойдетъ до втораго изданія;— а межъ тѣмъ я началъ уже другой романъ: „Русскіе въ 1812 году". Ты удивляешься почему я, такъ сказать, приросъ къ Москвѣ. — Что дѣлать, любезный другъ, жена моя (которая кланяется тебѣ и твоей супругѣ) шестой годъ больна и не можетъ проѣхать двухъ верстъ въ каретѣ; слѣдовательно, я не могу и думать перемѣнить мое мѣстопребываніе. А съѣздить—такъ—на время, для этого надобно какой-нибудь законный предлогъ—ты не можешь вообразить, какъ мнѣ хочется самому взглянуть на Петербургъ и на петербургскихъ друзей моихъ!—повторяю еще разъ: что же дѣлать? не такъ живи, какъ хочешь, а такъ, какъ Богъ велѣлъ. Прощай мой другъ! поклонись отъ меня И. А. Крылову, Гнѣдичу, Востокову и всѣмъ, кто меня помнитъ.

[1]) Раутъ кн. III.

Я чрезвычайно занятъ, но это не помѣшаетъ мнѣ отвѣчать на каждое письмо твое и хотя письменно обнимать тебя и цѣловать ручку у твоей почтенной супруги.

Генваря 9, 1830.

„У меня твоихъ денегъ 80 руб., да можетъ быть рублей 30 или 40 еще вытяну отъ книгопродавцевъ—бѣда отдавать на коммисію—это разбойники—обсчитываютъ, обманываютъ,—а что всего хуже, не стараются продавать. Я не отдавалъ на коммисію Милославскаго и очень умно сдѣлалъ.

„Поздравляю тебя съ праздникомъ, мой милой и сердечной другъ Михайла Астафьевичъ, и вмѣсто краснаго яичка навязываю на тебя коммисію. Сдѣлай дружбу, доставь прилагаемой у сего экземпляръ „Юрія Милославскаго" г. Олину [1]). Онъ присылалъ мнѣ свой журналъ, слѣдовательно я у него въ долгу. Да еще покорнѣйшая просьба съ коленоприклоненіемъ и земными поклонами. Напиши мнѣ хоть только два слова и въ этихъ двухъ словахъ увѣдомь меня, сколько полагаютъ въ библіотекѣ дублетовъ — мнѣ помнится, будто очень много. Если хочешь меня душевно одолжить, то поторопись отвѣчать на сей вопросъ, разрѣшеніе котораго для меня чрезвычайно важно. Что тебѣ сказать о моемъ московскомъ житьѣ?—служба театральная сдѣлалась для меня такъ противна, такъ тошна, что и описать не могу. Только и отвожу душу тѣмъ, что мараю бумаги. Въ бытность свою въ Москвѣ, Императоръ призывалъ меня къ себѣ, проговорилъ со мною въ своемъ кабинетѣ съ полчаса и осыпалъ ласками; это самая лестная награда за мои литературные труды и я, конечно, не имѣлъ никакого права надѣяться заслужить ее. Скажу тебѣ еще диковинку насчетъ втораго изданія моего романа. Отгадаешь ли, что въ первой день, какъ оно появилось въ свѣтъ, его взяли 750 эземпляровъ. Я и самъ не вѣрилъ, но издатель показалъ мнѣ даже деньги. Слава Богу! это доказываетъ, что и у насъ начинаютъ любить читать русскія книги.

„Прощай мой милый другъ! цѣлую тебя отъ всей души, а у почтенной твоей супруги обѣ ручки.

„Экземпляръ я посылаю прямо на имя Осина.

9 апрѣля 1830.

Послѣ выхода въ свѣтъ „Юрія Милославскаго", Загоскинъ получалъ отовсюду самыя лестныя письма, въ томъ числѣ и отъ Гнѣдича,

[1]) Валеріанъ Николаевичъ изд. карманную книжку для любителей „Русской старины и словесности" на 1830 г. Вышло 5 книгъ вмѣсто обѣщанныхъ 12. Спб. 1830 года.

сужденіемъ котораго Загоскинъ, какъ мы знаемъ, очень дорожилъ. Отвѣтъ Загоскина на письмо Гнѣдича, случайно сохранившійся въ печатаемыхъ теперь бумагахъ Лобанова, замѣчателенъ по рѣзкому отзыву о современной журналистикѣ и ея знаменитыхъ представителяхъ 30 годовъ: Гречѣ и Булгаринѣ. Загоскинъ былъ раздраженъ критикою на свой романъ, напечатанною въ первыхъ №№ „Сѣверной Пчелы" 1830 года [1]).

„Истинно дружеское письмо твое, любезный и почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, я имѣлъ удовольствіе получить; не буду говорить тебѣ, съ какою радостію я прочелъ твои похвалы моему роману; для всякаго должно быть дорого мнѣніе такого писателя какъ ты, но для меня, который знаетъ твой образованной вкусъ, твою строгую разборчивость и пламенную твою душу, не терпящую холодной посредственности — похвалы твои безцѣнны. Первое твое замѣчаніе совершенно справедливо, а о второмъ я немного съ тобой поспорю. Не понимаю самъ, какъ могъ я, имѣя въ рукахъ своихъ подробное описаніе Запорожской Сѣчи, въ которомъ упоминается не только объ ихъ законахъ, военныхъ подвигахъ, политическомъ существованіи; но даже о мелкихъ подробностяхъ касающихся до ихъ домашняго быта, обычаевъ и нравовъ сдѣлать такой непростительной анахронизмъ, виноватъ, проглядѣлъ кудри! во второмъ изданіи непремѣнно исправлю. Но волжскую пѣсню онъ пѣть весьма можетъ — онъ родился въ Царицынѣ, былъ долго волжскимъ рыбакомъ, и вѣроятно долженъ запѣть скорѣе какую нибудь пѣсню, затверженную имъ въ молодости, чѣмъ другую. Я даже хотѣлъ съ перваго приступа показать, что онъ не украинскій козакъ; я въ немъ хотѣлъ представить, во первыхъ, чистаго русскаго, а во вторыхъ, то что французы зовутъ officier de fortune; онъ служилъ и у поляковъ и противъ поляковъ,—былъ украинскимъ казакомъ и запорожцемъ, а наконецъ вступилъ въ нижегородское ополченіе,—можетъ быть я не хорошо выполнилъ свое намѣреніе— но волжская пѣсня попала въ романъ не ошибкою. Я охотно бы тебя послушался и назвалъ его просто казакомъ, еслибъ для этого не долженъ былъ передѣлать весьма многое — впрочемъ если я исправлю первую ошибку, и кудри перестанутъ развѣваться — то кажется это лице не будетъ анахронизмомъ — все что онъ говоритъ относительно къ своему званію запорожскаго козака основано на фактахъ. Вчера я заглянулъ въ „Сѣверную Пчелу" кажется мнѣ въ ней достается порядкомъ. Не утѣшный другъ Грибоѣдова [2]) чувствительный Фадѣй — ополчился противъ дерзкаго русскаго, который хочетъ писать о рус-

[1]) О полемикѣ, возникшей между Булгаринымъ и Воейковымъ изъ-за Юрія Милославскаго и объ слѣдствіи ея—арестѣ Булгарина, Воейкова и Греча разсказано въ „Русской Старинѣ" т. IУ, стр. 502, т. IX, стр. 639 и „Русскомъ Архивѣ" 1878 г. № 5, стр. 49.

[2]) Булгаринъ говоритъ о своей дружбѣ съ Грибоѣдовымъ въ „Воспоминаніяхъ о Грибоѣдовѣ". Спб. 1830 г.

скихъ не хуже поляка и наканунѣ выхода въ свѣтъ Димитрія Самозванца [1]) ругать сочиненіе, написанное въ томъ же родѣ. Ну если (sic) стыдъ въ этихъ литературныхъ торгашахъ!—И я хорошъ!—Упоминать о стыдѣ, когда дѣло идетъ о Парнасскихъ лоскутникахъ Гречѣ и Булгаринѣ — которые не краснѣя, хвалятъ сами себя — не краснѣя, называютъ невѣжами и педантами всѣхъ тѣхъ, коимъ не нравится Выжигинъ [2]) не краснѣя зазываютъ, какъ мелкіе торгаши на толкучемъ рынкѣ, всѣхъ проходящихъ, въ свою литературную лавочку. — Не краснѣя гравируютъ свои портреты и не краснѣя называютъ друзьями своими извѣстныхъ людей, которые не вопіютъ на сію обидную клевету потому только, что мертвые отвѣчать не могутъ.—Извини мой другъ, что я запачкалъ письмое мое именами сихъ журнальныхъ гаеровъ. Прости мнѣ почтенный Николай Ивановичъ, еще разъ благодарю тебя за похвалы, которыми я горжусь также, какъ твоею дружбою — дай Богъ чтобъ лѣтъ черезъ двѣсти сказали, говоря о томъ, кто усыновилъ намъ Гомера „въ числѣ друзей его былъ Загоскинъ, который вѣроятно также былъ писателемъ".

22 генваря 1830 г.

———

Послѣ „Юрія Милославскаго" Загоскинъ тотчасъ же принялся за „Рославлева". Въ письмѣ къ Лобанову отъ 23 мая 1830 года Загоскинъ сознаетъ трудность своей задачи и такимъ образомъ признаетъ справедливость замѣчаній Жуковскаго. Послѣдній писалъ Загоскину: „вы въ pendant вашему 1612 году пишете романъ 1812; не хочу съ вами спорить, но боюсь великихъ предстоящихъ вамъ трудностей. Историческія лица 1612 г. были въ вашей власти, вы могли выставить ихъ по произволу; историческія лица 1812 г. вамъ не дадутся... Мы слишкомъ къ нимъ близки..." [3]).

„Благодарю тебя, мой милый и любезный другъ Михайла Астафьевичъ, за дружеское письмо твое. Буду тебѣ отвѣчать по пунктамъ;— во первыхъ: посылаю къ тебѣ восемьдесятъ рублей за проданные экземпляры Федры — когда сберу еще что нибудь, то доставлю. 2-е я вижу что Александру Семеновичу [4]) не угодно назвать меня членомъ Академіи — и хотя, скажу откровенно, мнѣ это сдѣлало бы большое удовольствіе; но не смотря на это, я не намѣренъ употреблять никакихъ постороннихъ средствъ, чтобъ попасть въ академію. Когда напечатаю мой второй романъ и собраніе театральныхъ сочиненій, то пошлю ихъ къ Александру Семеновичу — какъ къ уважаемому мной и истинно почтенному литтератору — а вовсе не такъ, какъ къ предсѣдателю академіи. Или я стою того, чтобы быть въ

[1]) Романъ Булгарина, вышедшій вскорѣ послѣ „Юрія Милославскаго".
[2]) Романъ Булгарина „Иванъ Выжигинъ". Спб. 1829, имѣвшій большой успѣхъ.
[3]) Раутъ, кн. II, стр. 302—303.
[4]) Шишковъ, президентъ Россійской Академіи.

Академіи или нѣтъ; — если стою — стыдно Академіи, что я не членомъ — если нестою, стыдно мнѣ добиваться не заслуженной чести. Пунктъ 3-й, втораго изданія „Милославскаго“ нѣтъ у меня ни книжки — а у издателя оно все разошлось — третье изданіе будетъ кажется покрасивѣе, и я дарю тебя впередъ экземпляромъ — и 4) замѣчанія твои на слова Минина были бы совершенно справедливы — но они не мои — я взялъ ихъ изъ лѣтописи Палицына; мнѣ они и самому кажутся слишкомъ затѣйливыми; — но если я поправлю — хорошо ли это будетъ? — Ну если Палицынъ сохранилъ историческую вѣрность, приводя рѣчь Минина? — вправѣ ли я замѣнить ее своей собственною? — 5) какъ искреннему моему другу тебѣ вѣрно будетъ пріятно знать, что Милославскій переведенъ по французски и переводится на нѣмецкій и англійскій языки. — 6) Я очень скучаю театральной службою — и конечно, если не будетъ никакихъ перемѣнъ, — оставлю ее — но Москвы оставить не могу. — Моя Анета шесть лѣтъ не выѣзжаетъ изъ дома, — и не только семь сотъ, но даже двухъ верстъ не можетъ сдѣлать въ каретѣ, — и наконецъ 7) я пишу, — и кровавый потъ капаетъ съ чела моего. За трудное дѣло я взялся, — съ современниками ладить не легко — того и гляди, что кого нибудь обидишь — а судей то будетъ, судей! — что читатель то критикъ — „зачѣмъ онъ описалъ то-то а не то-то“ — „вывелъ того-то а не этого“; — „я самъ это видѣлъ — я самъ тутъ былъ... слѣдовательно видѣлъ все и лучше и вѣрнѣе автора и проч. и проч.“ — какъ подумаю — морозъ по кожѣ подираетъ.

23 Мая. 1830.

Въ 1831 году у насъ свирѣпствовала холера и потому очень естественно, что Загоскинъ начинаетъ свое письмо 2 февраля этого года извѣстіемъ о своемъ здоровьѣ. Не смотря на славу, пріобрѣтенную „Юріемъ Милославскимъ“ и на изданіе новаго романа, также имѣвшаго успѣхъ, Загоскинъ все еще не былъ избранъ въ члены Россійской Академіи. Это обстоятельство сильно раздражало его честолюбіе, что видно изъ выраженій слѣдующаго письма.

„Точно мой милый другъ Михайло Евстафьевичъ, — сердце твое не дало промаха, — я благодаря Бога живехонекъ—былъ боленъ, но не холерою, а теперь здоровъ на зло Булгарину и толстъ вопреки душевнымъ желаніямъ господина Греча. Ты хочешь чтобы я прислалъ къ тебѣ еще отрывокъ изъ моего романа—другъ мой! досадно мнѣ—я не могу выполнить твоего желанія—не гнѣвайся а выслушай. Во первыхъ, романъ мой печатается, два тома уже готовы и я желалъ-бы чтобъ друзья мои съ нимъ познакомились не по отрывкамъ, но прочитавъ сряду всѣ четыре тома — всѣ четыре тома!.. требованіе весьма неумѣренно; но я желаю этого.—Во вторыхъ; изъ всего романа можно было напечатать только тотъ отрывокъ, который уже напеча-

танъ—онъ одинъ представляетъ что-то цѣлое и наконецъ, въ третьихъ,—не смотря нам… желаніе угодить тебѣ — я боюся разсердить многихъ издателей Альманаховъ и нѣкоторыхъ журналистовъ, которымъ я отказалъ въ томъ же самомъ и по той же самой причинѣ. Сто тысячь дать за романъ въ 4 частяхъ не возможно, у насъ не такъ еще много читателей, но я честь имѣю увѣдомить, что продалъ право напечатать два изданія моего новаго романа за сорокъ тысячъ рублей—не на вексель, но на чистыя деньги. Ко мнѣ писалъ вашъ Заикинъ [1])—отвѣчать мнѣ ему право некогда — а если хочешь сдѣлать мнѣ дружбу, то увѣдомь его, что онъ можетъ адресоваться для покупки экземпляровъ къ издателю моему, содержателю типографіи Николаю Степановичу Степанову, на валу близь Пречистенскихъ воротъ. Когда романъ мой отпечатается я разумѣется пришлю одинъ экземпляръ къ А. С. Шишкову но какъ литератору а не предсѣдателю академіи. Еще разъ мой милой другъ повторяю тебѣ: за большую честь почту быть твоимъ сотоварищемъ—но не сдѣлаю для этого ни шагу. Я по службѣ никогда не хлопоталъ, а по литературѣ и подавно не буду. Мнѣ право совѣстно когда погляжу на мое маранье, ты пишешь и складно и умно и красиво—а мое письмо срамъ да и только!.. Поклонъ отъ меня князю А. А. Шаховскому, Н. И. Гнѣдичу, И. А. Крылову, В. А. Жуковскому и всѣму (sic) Петербургу, если правда, что онъ меня не любитъ. Незабудь также напомнить обо мнѣ почтенному семейству Алексѣя Николаевича. Прощай мой милый другъ, дай-то Богъ чтобъ вторая моя попытка понравилась тебѣ также какъ первая.

Февраля 2. 1831.

Письмо 13 декабря 1832 г. особенно интересно по отзывамъ Загоскина о Н. А. Полевомъ. Въ объясненіе этого письма надо сказать, что Загоскинъ былъ съ 1831 г. директоромъ Московскаго театра и всѣ статьи и замѣтки о послѣднемъ въ Телеграфѣ принималъ на свой счетъ. Въ журналѣ же Полевого въ это время дѣйствительно встрѣчаются нападки на театръ. Такъ напр. въ сатирическомъ прибавленіи къ Телеграфу, которое издавалось подъ заглавіемъ „Камеръ-Обскура", (№ 8, 1832 г.) было напечатано: „По извѣстіямъ изъ Москвы на тамошнемъ театрѣ вновь играли, давно невиданныя пьесы: „Мужъ и Любовникъ", комедія; „Актеръ на родинѣ", водевиль; „Гулянье перваго мая въ Сокольникахъ", дивертисманъ, и „Зефиръ, или вѣтренникъ, сдѣлавшійся (?) постояннымъ", балетъ. Пишутъ, что едва доставало билетовъ, для всѣхъ тѣхъ, кто желалъ видѣть эти прекрасныя новости". Тамъ же было напечатано (стр. 163) слѣдующее „Объявленіе", которое Загоскинъ также могъ принять на свой счетъ: „Нижеподпи-

---

[1]) Петербургскій книгопродавецъ.

савшійся, Русскій Литтераторъ, симъ честь имѣетъ извѣстить, что по заказу принимаетъ онъ на себя поставку оригинальныхъ историческихъ романовъ, романтическихъ трагедій, и передѣланныхъ на Русскіе нравы водевилей, романовъ, переведенныхъ съ французскаго и проч. За оригинальный историческій романъ, въ 4-хъ томахъ, съ любовью, русскими и мужицкими фразами, множествомъ собственныхъ именъ, и, по крайней мѣрѣ, пятьюдесятью выписками изъ Исторіи Карамзина, и двадцатью описаніями нравовъ, обычаевъ и одеждъ, взятыми изъ книги Успѣнскаго—цѣна 300 рублей ассигнаціями" и т. д. Рецензія на „Рославлева", передѣланнаго для сцены Шаховскимъ изъ извѣстнаго романа Загоскина, начинается такъ: „Если не ошибаемся, вотъ первый осенній спектакль, то есть начало бенефисовъ, многочисленныхъ сборищъ публики въ Театръ, новыхъ пьесъ, длинныхъ аффишъ. Давно не бывавши, и не имѣя ни малѣйшей охоты быть въ Театрѣ, по разсказамъ самовидцевъ, часто посѣщавшихъ его съ прошлогодней зимы, по слухамъ, по извѣстіямъ, которыя печатались и печатаются въ Молвѣ и Сѣверной Пчелѣ, мы рѣшились однакожъ ѣхать и смотрѣть „Рославлева". Ничего новаго не ожидали мы отъ Театра собственно и ничего новаго не увидѣли: ни одно замѣчательное дарованіе не прибавилось къ сиротѣющимъ дарованіямъ Мочалова и Щепкина; никакого улучшенія въ распредѣленіи ролей; никакого усовершенствованія въ общности игры, въ костюмахъ, въ декораціяхъ. Впрочемъ, повторяемъ, мы и не ожидали ничего новаго во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, слѣдственно, и не могли обмануться ни въ какомъ ожиданіи. Съ одной стороны это очень хорошо. Что за радость, скажите, хлопотать объ улучшеніяхъ, усовершенствованіяхъ, когда и безъ того дѣло идетъ своимъ порядкомъ?.. Вѣдь зрители всегда собираются? Вѣдь въ положенные дни всегда что-нибудь играется? Вѣдь на аффишкахъ всегда что-нибудь напечатано? Если не хлопаютъ въ креслахъ, за то хлопаетъ раекъ. Если кто-нибудь изъ зрителей зѣваетъ, сердится — спрашиваемъ: кто проситъ этихъ взыскательныхъ людей ходить въ театръ? Какъ будто безъ нихъ дѣло не обойдется! Словомъ о театрѣ — собственно сказать нечего и говорить не для чего" и т. д. (1832 г. № 13. с. 118—9). Отзывы Полевого раздражали Загоскина до того, что онъ рѣшился обратиться къ содѣйствію власти, помня, вѣроятно, что и прежде власть защищала его отъ литературныхъ враговъ, сажая ихъ подъ арестъ. Разумѣется, Загоскинъ дѣйствовалъ открыто, а не тайными доносами и могъ оставаться честнымъ человѣкомъ, т. е. дѣйствующимъ согласно съ своими убѣжденіями, но это еще не ручается за достоинство самихъ убѣжденій. А послѣднія были именно таковы, что дѣлали Загоскина приверженцемъ оппозиціи застоя. Впрочемъ Загоскинъ въ письмѣ своемъ возмущается не столько „ругательствами" (мы видѣли въ чемъ они состояли) Полевого, сколько невозможностью отвѣчать на нихъ печатно, потому будто, что Уваровъ бывшій въ 1832 г. товарищемъ

министра народнаго просвѣщенія, не позволяетъ этого. Но едва ли это было такъ: такого запрещенія не могло существовать. Мы знаемъ, что Уваровъ, вступивъ въ 1833 г. въ исправленіе должности министра народнаго просвѣщенія, предложилъ цензурѣ обратить особенное вниманіе на повременныя изданія и въ сомнительныхъ случаяхъ испрашивать разрѣшенія Главнаго управленія и даже его собственнаго. Замѣчая, что уклоненія производятся большею частію журнальными статьями, приставилъ къ каждому журналу по два цензора и увеличилъ личный составъ комитетовъ. Напоминанія его были часты, строги и настойчивы. Онъ даже съ особенною тщательностію заботился объ устраненіи всѣхъ статей, могущихъ подать поводъ къ оживленной полемикѣ [1]). Слѣдовательно и статьи Телеграфа о московскомъ театрѣ тогдашняя строгая цензура не считала опасными въ отношеніи полемики. Причина негодованія Загоскина лежитъ глубже. Онъ былъ вполнѣ доволенъ statu quo и не терпѣлъ ни завиральныхъ идей ни либераловъ. Отличительная черта Загоскина—узкій патріотизмъ. Онъ не любилъ Бѣлинскаго и Полевого: одного за то, что у него сердце не русское, другого за его насмѣшки надъ кваснымъ патріотизмомъ. При имени Бѣлинскаго Загоскинъ, говорятъ, сжималъ кулаки [2]), а какъ онъ отзывался о Полевомъ видно изъ слѣдующаго письма, драгоцѣннаго для характеристики Загоскина.

„Отъ всей души благодарю тебя, почтенный и любезный другъ мой Михайло Астафьевичъ, за пріятное для меня увѣдомленіе объ избраніи моемъ въ Дѣйствительные члены Русской Академіи—пока это еще некончено я не называю тебя моимъ сотоварищемъ но со всею откровенностію стараго пріятеля, признаюсь тебѣ, что эта новость меня порадовала. Можетъ быть нынѣшней зимою мнѣ удастся обнять тебя и наговориться съ тобою вдоволь. Что сказать тебѣ о моемъ житьѣ бытьѣ? Хлопочу по прежнему;—театръ одни хвалятъ. другіе ругаютъ—меня одни любятъ, другіе нѣтъ—надѣюсь, что число первыхъ больше, но изъ числа послѣднихъ самый злѣйшій мой врагъ Полевой—потому что я не пускаю его даромъ въ театръ и презираю какъ подлѣйшаго изъ людей—повѣришь мой другъ, что этотъ крикунъ-либералъ добился посредствомъ своихъ покровителей права ругать всѣхъ, кого захочетъ—и въ то же время запрещенія для всѣхъ отвѣчать на его ругательства; ты невѣришь этой неимовѣрной литературной монополіи, однако же это истинная правда. Я писалъ уже о семъ оффиціально къ министру просвѣщенія [3]),—отвѣта еще нѣтъ. Полевой ругаетъ меня и дирекцію, а защищать и меня и ее цензура не позволяетъ—и не подумай что непозволяетъ потому что антикритика дерзка или обидна—нѣтъ! Потому что не позволено ничего пи-

---

[1]) Истор. свѣд. о цензурѣ въ Россіи. Спб. 1862 стр. 44, 46.

[2]) Панаевъ И. И. Литературныя воспом. Спб. 1876. с. 205.

[3]) Кн. Ливенъ.

сать противъ Полеваго, ибо такъ угодно С. С. Уварову. Если министръ просвѣщенія не защититъ меня противъ этого московскаго демагога, который ненавидитъ меня за то что я преданъ правительству и люблю мое отечество, то я буду просить защиты у самого Государя. Прощай мой милый другъ, пиши, трудись и будь полезнѣе меня для русской словесности—а мнѣ почти за перо некогда приняться... Здѣсь давали оперу Вадимъ—въ 6-е представленіе театръ набитъ биткомъ—и подлинно—спектакль по всему европейской, а говорятъ Полевой печатаетъ ужасныя ругательства и отвѣчать на нихъ нельзя!!!—гдѣ мы?

13 дек., 1832.

Послѣднее письмо Загоскина интересно также какъ и вышеприведенное по своему отношенію къ современной литературѣ. Загоскинъ радуется сообщенному его другомъ извѣстію о намѣреніи Академіи издавать журналъ, съ цѣлію противодѣйствовать „превратному" ходу нашей словесности, но не ожидаетъ успѣха отъ столь полезнаго предпріятія, потому что въ самой Россійской Академіи, по мнѣнію Загоскина, нѣтъ достаточнаго единомыслія. Съ своей стороны Загоскинъ въ качествѣ предсѣдателя Общества Любителей Россійской Словесности рѣшается громко высказать свой образъ мыслей, не боясь обвиненія въ старовѣрствѣ.

„Благодарю тебя, мой любезный и старый другъ, за твое письмо и присланную книжку о выставкѣ Академіи Художествъ [1]), я прочелъ ее съ большимъ удовольствіемъ. Къ сожалѣнію я не могу тебя лично поблагодарить за это. Нынѣшнимъ постомъ я ненамѣренъ дѣлать моего обыкновеннаго вояжа въ Питеръ. Дѣла мои по службѣ хорошо идутъ и отчетъ нетребуетъ никакихъ изустныхъ поясненій.— И такъ вы затѣваете журналъ?—Помогай вамъ Богъ!—только врядъ ли это дѣло сладиться (sic). Конечно должно бы было подумать о плотинѣ, чтобъ придержать быстрый помойный потокъ о которомъ ты говоришь—да и у насъ въ Академіи есть молодцы изрядные. Запорятъ такую дичь что уши будутъ вянуть.—Я не называю никого, но подумай хорошенько и ты увидишь, что журналъ, въ которомъ, вѣроятно, каждый членъ будетъ вкладчикомъ, затянетъ такую нескладную пѣсню, что святыхъ всѣхъ понеси. Я на этихъ дняхъ открываю подъ моимъ предсѣдательствомъ засѣданіе общества любителей Россійской словесности и приготовилъ коротинькую рѣчь, въ которой повыскажу все то, что лежитъ у меня на сердцѣ; я знаю, что наши московскіе модницы будутъ морщиться—а полуфранцузскіе амфибіи въ парижскихъ фракахъ провозгласятъ меня старовѣрамъ—да я объ

---

[1]) Выставка Академіи Художествъ 1833 года. СПб. М. Лобановъ. Оттискъ изъ 12-й книжки Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1833 года.

этомъ и не думаю. Никогда и ни для чего не стану кривить душею. Прощай моя душа; поклонись всѣмъ кто меня помнитъ.

Здѣсь кончаются письма Загоскина, характеризующія какъ его самого, такъ и его единомысленнаго друга Лобанова. Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ, чтобы дополнить характеристику послѣдняго еще одною очень яркою чертою. Лобановъ рѣшился сдѣлать попытку загородить плотиною новый потокъ въ литературѣ, который онъ называлъ „помойнымъ". Для объясненія этой попытки надо вспомнить предшествовавшія обстоятельства.

Въ 1825 году Лобановъ началъ своего „Бориса Годунова". Это было первое большое, оригинальное твореніе Лобанова, надъ которымъ онъ трудился 10 лѣтъ и которому онъ придавалъ важное значеніе. Загоскинъ писалъ къ Лобанову 4 ноября 1826 года: „ты намекаешь мнѣ, любезный другъ, что занимаешься чѣмъ то довольно важнымъ". — Въ это время Лобановъ ничего крупнаго не написалъ кромѣ „Годунова". и потому слова Загоскина могутъ относиться только къ этой трагедіи. Переходъ отъ французскихъ классическихъ трагедій къ трагедіи трехактной, безъ соблюденія единствъ, заимствованной изъ отечественной исторіи, совершился въ Лобановѣ легко на почвѣ патріотизма, который онъ и раньше выражалъ напр. въ „Посланіи къ русскимъ писателямъ". Всего же болѣе этотъ переходъ совершился подъ вліяніемъ новыхъ литературныхъ явленій. Но основныя понятія остались у Лобанова прежнія, отзывающіяся XVIII вѣкомъ. Это выразилось и въ художественныхъ пріемахъ и въ основной мысли произведенія. Такъ напр:, извѣстный пріемъ ложно-классической драмы, выводить конфидентовъ, сохраненъ у Лобанова: въ сценахъ на улицѣ, гдѣ дѣйствуютъ два московскіе гражданина, одинъ изъ нихъ конфидентъ другого. Старая эстетическая теорія смѣшивала эстетическіе интересы съ иѳическими и подчиняла первые послѣднимъ: благонамѣренная цѣль автора выкупала недостатокъ художественности. Основная идея „Бориса Годунова" высказана авторомъ въ предисловіи къ его трагедіи: „Вотъ трагедія, почерпнутая изъ отечественной исторіи и начатая мною еще въ 1825 году. Это отголосокъ одной изъ бѣдственныхъ, но назидательной событіями эпохи ея. Она подтверждаетъ вѣковую истину, что наслѣдственность есть святыня народовъ и что нарушеніе оной навлекаетъ гибельныя послѣдствія. Бури, потрясавшія Россію при властителяхъ не отъ вѣнценосной крови Святаго Владиміра и ихъ самихъ сокрушившія, укротились только по избраніи наслѣдственнаго государя". Главное лицо — Годуновъ выведенъ только какъ лицо, „надъ которымъ тяготѣли, и въ назиданіе грядущимъ временамъ, разразились кары небеснаго правосудія" [1]). Трагедія имѣетъ цѣлію поученіе вѣковой истины и

[1]) Борисъ Годуновъ. М. Лобанова. Спб. 1835 г.

прославленіе дома Романовыхъ. Только этой послѣднею цѣлью объясняются явленія VI—IX перваго дѣйствія, рѣшительно не имѣющаго никакой связи съ ходомъ трагедіи. Между тѣмъ критика 30-хъ годовъ требовало отъ художественнаго произведенія прежде всего выполненія эстетическихъ условій и ни во что не ставила благонамѣренность автора. Борисъ Годуновъ вызвалъ слѣдующую замѣтку Бѣлинскаго въ „Молвѣ" 1835 г. „Авторъ этой трагедіи былъ нѣкогда въ числѣ знаменитыхъ. Въ какомъ то плохомъ журналѣ, кажется въ „Новостяхъ Литературы", издававшихся г. Воейковымъ, въ 20-хъ годахъ, переводъ г. Лобанова Расиновой „Федры" былъ названъ лучшимъ русскимъ переводомъ первой въ свѣтѣ трагедіи. Увы! съ этихъ поръ много утекло воды! много произошло перемѣнъ! Первая трагедія въ свѣтѣ забыта неблагодарнымъ потомствомъ, вмѣстѣ съ нею забытъ и ея знаменитый переводчикъ. Такъ, его забыли; но онъ не измѣнился, хотя и все измѣнилось вокругъ него—и люди и мнѣнія. Впрочемъ, ни мало не измѣнившись самъ, онъ замѣтилъ всеобщую перемѣну во вкусахъ и понятіяхъ. Вслѣдствіе этого онъ вышелъ на знакомое ему поприще, съ тѣми же словами, съ тѣми же старыми вещами, но въ новомъ, модномъ костюмѣ... Грустно читать подобныя произведенія, тѣмъ болѣе грустно, когда они, несмотря на свою юродивость, бываютъ плодомъ жалкаго заблужденія, а не шарлатанства, не меркантильности! Г. Лобановъ писалъ эту трагедію съ 1825 года. т. е. почти десять лѣтъ: не классицизмъ ли это? Не явное ли это доказательство, что почтеннный авторъ совсѣмъ не поэтъ? что онъ сдѣлалъ, а не создалъ свою поэму? Было время, когда всѣ были увѣрены, что немножко стихотворнаго дарованія, при знаніи правилъ и литературной образованности, составляютъ поэта, что чѣмъ долѣе сочинялась піеса, чѣмъ большихъ трудовъ стоила своему автору, тѣмъ она была лучше: неужели все это надо опровергать? Повторяю: грустно видѣть человѣка, можетъ-быть съ умомъ, съ образованностію. но заматорѣвшаго въ устарѣвшихъ понятіяхъ и застигнутаго потокомъ новыхъ мнѣній. Онъ трудится честно, добросовѣстно, а надъ нимъ смѣются; онъ никого не понимаетъ, и его никто не понимаетъ. Не могу представить себѣ ужаснѣйшаго положенія!.. [1]) Были однако люди, которые понимали и раздѣляли убѣжденія Лобанова и вмѣстѣ съ нимъ подумывали о плотинѣ противъ потока новыхъ мнѣній. Среда. сочувствовавшая Лобанову, была Россійская Академія, въ засѣданіи которой 18 января 1836 г. Лобановъ произнесъ свое „Мнѣніе". Оно начинается выраженіемъ удовольствія при видѣ успѣховъ образованія въ нашемъ отечествѣ: „умножились типографіи, умножилось число книгъ; журналы расходятся въ большемъ количествѣ; книжная торговля распространяется. Событіе пріятное для наблюдателя успѣховъ въ нашемъ отечествѣ, столь важное по отношеніямъ и послѣдствіямъ!

[1]) Соч. Бѣлинскаго. I. М. 1861 г. стр. 393—395.

Такъ, безъ сомнѣнія, всякое сочиненіе, всякое періодическое изданіе, статья и даже отрывокъ, съ доброю цѣлію и добросовѣстностію издаваемые, если соблюдается въ нихъ строгая нравственность, распространяють чистыя правила, вѣрныя сужденія, вкусъ и познанія, если сохраняются чистота и правильность языка, питаютъ священнѣйшія чувствованія любви къ Государю и Отечеству и ко всему полезному, доброму, изящному — есть драгоцѣнное достояніе Государства, есть благотворное зорно назиданія народнаго". Затѣмъ ораторъ спрашиваетъ:

„Но отвѣчаютъ ли симъ непремѣннымъ условіямъ выходящія и читаемыя нынѣ книги и журналы? Добросовѣстно ли удовлетворяется эта важная потребность народа? Безвредныя ли семена сѣются для жатвы грядущихъ временъ? И въ какихъ бы образахъ мысли и чувствованія писателей ни проявлялись, въ романѣ ли, сказкѣ ли, поэмѣ, драмѣ или повѣсти, служатъ ли они къ назиданію, или по крайней мѣрѣ къ невинному занятію читателя? Разрѣшеніе сихъ важныхъ вопросовъ требуетъ глубокаго изслѣдованія. Но безпристрастные наблюдатели, носящіе въ сердцахъ своихъ любовь ко всему, что клонится къ благу отечества, преходя въ памяти своей все, въ послѣднія времена ими читанное, не безъ содраганія могутъ сказать: есть и въ нашей новѣйшей словесности, нѣкоторый отголосокъ безнравія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями". Лобановъ не отрицаетъ заимствованія, но надо заимствовать полезное, а его то и нѣтъ у новѣйшихъ иностранныхъ писателей. „Они часто обнажаютъ такія нелѣпыя, гнусныя и чудовищныя явленія, распространяютъ такія пагубныя и разрушительныя мысли, о которыхъ читатель до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и которыя насильственно влагаютъ въ душу его зародышъ безнравія, безвѣрія, и слѣдовательно будущихъ заблужденій, или преступленій". Приведя далѣе мнѣніе Edinburgh Review, которое предаетъ анаѳемѣ Бальзака, Жюль Жанена, Сю и В. Гюго и не находитъ достаточно сильныхъ словъ для выраженія своего къ нимъ презрѣнія, Лобановъ говоритъ: „такова нынѣ Словесность Франціи. Но не вторгается ли она, не вторглась ли уже въ наше отечество, и нѣтъ ли въ нашей словесности нѣкотораго, хотя слабаго, сходства съ симъ описаніемъ?....

„Для Франціи, для народовъ, отуманенныхъ гибельною для человѣчества новѣйшею философіею, огрубѣлыхъ въ кровавыхъ явленіяхъ революцій, и упавшихъ въ омутъ душевнаго и умственнаго разврата, самыя отвратительнѣйшія зрѣлища, напримѣръ: гнуснѣйшая изъ драмъ, омерзительнѣйшій хаосъ ненавистнаго безстыдства и кровосмѣшенія, „Лукреція Борджія" — не кажутся имъ таковыми; самыя разрушительнѣйшія мысли для нихъ не столь заразительны; ибо они давно ознакомились и, такъ сказать, срослись съ ними въ ужасахъ революцій; но для народа еще цѣломудреннаго, еще чуждаго и политическихъ и нравственныхъ заблужденій, но грознаго страстями и

силою душевною, жаднаго познаній и впечатленій, — подобныя явленія—есть бѣдствіе, есть совершенная зараза.—Какъ для тѣла, такъ для ума и души русской нужна пища здоровая и чистая, а не плевелы, а не кощунство и разрушительные помыслы иноплеменниковъ.

„Останавливаясь на духѣ и направленіи нашей Словесности, всякой просвѣщенный человѣкъ, всякій благомыслящій русскій видитъ: въ теоріяхъ наукъ—сбивчивость, непроницаемую тьму и хаосъ несвязныхъ мыслей; въ приговорахъ литературныхъ совершенную безотчетность, безсовѣстность, наглость и даже буйство. Приличіе, уваженіе, здравый умъ отвергнуты, забыты, уничтожены. Романтизмъ, слово до сихъ поръ неопредѣленное, но слово магическое, сдѣлался для многихъ эгидою совершенной безотчетности и литтературнаго сумасбродства. Критика, сія кроткая наставница и добросовѣстная подруга Словесности, нынѣ обратилась въ площадное гаерство, въ литературное пиратство, въ способъ добывать себѣ поживу изъ кармана слабоумія дерзкими и буйными выходками нерѣдко даже противъ мужей государственныхъ, знаменитыхъ и гражданскими и литературными заслугами.—Ни санъ, ни умъ, ни талантъ, ни лѣта, ничто не уважается. Ломоносовъ слыветъ педантомъ. Величайшій геній, оставившій въ достояніе Россіи высокую пѣснь Богу, пѣснь, которой нѣтъ равной ни на одномъ языкѣ народовъ вселенной, какъ бы не существуетъ для нашей словесности: онъ, какъ бы безталанной, оставленъ безъ вниманія. Имя Карамзина, мудреца глубокаго, писателя добросовѣстнаго, мужа чистаго сердцемъ, предано глумленію...... Его давно уже нѣтъ, но низкія страсти еще шипятъ на него, и зависть безсильнымъ своимъ зубомъ гложетъ безотвѣтную его гробницу. Не стану говорить ни о господствующемъ вкусѣ, ни о понятіяхъ и ученіяхъ объ изящномъ. Первый явно вездѣ и во всемъ обнаруживается и всякому извѣстенъ; а послѣднія такъ сбивчивы и превратны въ новѣйшихъ эфемерныхъ и разрушающихъ одна другую системахъ, или такъ спутаны въ суесловныхъ мудрованіяхъ, что они непроницаемы для здраваго разума...... Подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, новѣйшіе писатели безотчетно омрачаютъ разумъ неопытной юности и ведутъ къ совершенному упадку и нравственность и словесность".

Въ заключеніе своей рѣчи Лобановъ указываетъ и средство къ поправленію зла: всѣ благонамѣренные должны помогать цензурѣ. „По множеству сочиняемыхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, цензурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ проникнуть всѣ ухищренія пишущихъ. Не легко разрушить превратность мнѣній въ словесности и обуздать дерзость языка, если онъ, движимый злонамѣренностью, будетъ провозглашать нелѣпое и даже вредное. Кто-жъ долженъ содѣйствовать въ семъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный Рус-

скій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе Академія, для сего самаго учрежденная" [1]).

А между тѣмъ въ это время у насъ въ цензурѣ дѣйствовалъ Красовскій. Къ чести Россійской Академіи надо замѣтить, что въ средѣ ея членовъ были люди, не раздѣлявшіе мнѣнія Лобанова. Такъ Пушкинъ очень обезпокоился насчетъ послѣдствій, которыхъ можно было ожидать отъ рѣчи Лобанова и напечаталъ въ „Современникѣ" подробный разборъ ея. Въ этомъ разборѣ Пушкинъ между прочимъ спрашивалъ Лобанова: „Но гдѣ же у насъ это множество безнравственныхъ книгъ? Кто сіи дерзкіе, злонамѣренные писатели, ухищряющіеся ниспровергать законы, на коихъ основано благоденствіе общества? И можно ли укорять у насъ цензуру въ неосмотрительности и послабленіи? Вопреки мнѣнію г. Лобанова, цензура не должна „проникать всѣ ухищренія" пишущихъ. „Цензура долженствуетъ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону". (Уставъ о Ценз. § 6). Такова была Высочайшая воля, даровавшая намъ литературную собственность и законную свободу мысли! Если съ перваго взгляда сіе основное правило нашей цензуры и можетъ показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи увидимъ, что безъ того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово можетъ быть перетолковано въ худую сторону".

Напечатанныя бумаги М. Е. Лобанова дали намъ поводъ вспомнить вообще о дѣятельности этого человѣка. Ему, конечно, далеко до Магницкаго, потому что Лобановъ никогда не имѣлъ такой власти; но по своимъ убѣжденіямъ и стремленіямъ онъ, также какъ и Магницкій долженъ быть отнесенъ къ числу ревностныхъ приверженцевъ оппозиціи застоя.

А. Круглый.

[1]) Мнѣніе о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной. Читано въ Собраніи Академіи, 18-го Января 1836 г., въ присутствіи Его Свѣтлости Принца Ольденбургскаго. Труды Имп. Рос. Акад. III, 89--97.

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ.

I.

Семья Скоропадскихъ.

(1674—1758 г.).

ЕМЕЙНОЕ преданіе разсказываетъ, что дѣдъ гетмана Скоропадскаго — Федоръ, служилъ въ казацкомъ войскѣ при Хмельницкомъ и былъ убитъ въ сраженіи при Желтыхъ Водахъ. Отъ Федора остался сынъ Илья, который-де былъ „генеральнымъ рефендаріемъ надъ тогобочною (лѣваго берега Днѣпра) Украйною“; но когда и отъ кого могъ получить этотъ чинъ Илья Скоропадскій, трудно сдѣлать предположеніе; вѣроятно преданіе здѣсь что-нибудь смѣшало. Затѣмъ, то же преданіе говоритъ, что Илья жилъ въ Умани и умирая оставилъ трехъ сыновей: Ивана, Василія и Павла, которые „по причинѣ сильнѣйшаго нападенія отъ турокъ и татаръ на Польшу и тогобочную Украйну, принуждены были, спасая жизнь свою, лишиться не только движимаго и недвижимаго своего имѣнія, съ граматами и дипломатами, имъ жалованными отъ королей польскихъ, но къ усугубленію всего того, лишились и брата своего меньшаго Павла, взятаго тогда татарами въ плѣнъ“. Умань раззорена была турками въ 1674 г.; въ это время перешли изъ Умани на лѣвый берегъ Днѣпра и два старшіе Скоропадскіе, Иванъ и Василій; третій—Павелъ оставался въ плѣну. Старшему Скоропадскому въ это время было 28 лѣтъ (род. 1646 г.); пора было жениться; онъ и женился на дочери черниговскаго полкового есаула Никифора Калениковича, Пелагеѣ.

Объ этой женитьбѣ старожилъ разсказывалъ въ 1729 г., что „за полковника п. Борковскаго, Никифоръ Калениковичъ, будучи есауломъ полковымъ черниговскимъ и живя въ Черниговѣ, выдалъ дочь свою Пелагею за умершаго п. Ивана Скоропадскаго, который въ то

время былъ канцеляристомъ генеральной канцеляріи; а какъ пріѣхалъ Скоропадскій жениться, то имѣлъ при себѣ одного только „челядника“, четверку коней и одинъ „палубецъ“ (крытая повозка). Въ приданое Скоропадскій получилъ, по словамъ того же старожила, дворъ въ Черниговѣ, противъ церкви св. Спаса (теперешній соборъ); но дворъ этотъ Скоропадскій продалъ черниговскому протопопу Синдаровскому, а себѣ купилъ у бывшаго седневскаго сотника Политики, тамъ же, другое мѣсто, гдѣ построивши домъ, сталъ жить въ Черниговѣ [1]).

Изъ этого разсказа видно, что будущій гетманъ поступилъ сначала канцеляристомъ въ гетманскую канцелярію, откуда высмотрѣвъ себѣ невѣсту, женился въ Черниговѣ и тамъ оселился. Съ помощью тестя, Скоропадскій получилъ здѣсь урядъ полкового писаря и утвердившись на немъ, сталъ заводиться маетностями. На урядѣ черниговскаго писарства, Скоропадскій нажилъ три села: Буровку, Выхвостовъ и Дроздовицу; первыя два села Скоропадскому далъ Мазепа по универсалу 25 августа 1687 г., а третье, Дроздовицу, Скоропадскій поселилъ самъ на старомъ „селищѣ“, полученномъ по тому же универсалу. Черниговекимъ писаремъ Скоропадскій оставался не менѣе десяти лѣтъ, при полковникахъ Борковскомъ, Самойловичѣ и Лизогубахъ, Яковѣ и сынѣ его Ефимѣ. Всѣмъ четыремъ полковникамъ тихій и покорный Скоропадскій умѣлъ настолько угодить, что сталъ извѣстнымъ и гетману; Мазепа любилъ такихъ слугъ (такимъ былъ напр. Кочубей) и вотъ мы видимъ, что Скоропадскій изъ полковыхъ писарей получаетъ прямо урядъ генеральнаго бунчучнаго, т. е. становится въ кругъ чиновниковъ, наиболѣе приближенныхъ къ гетману. Вмѣстѣ съ новымъ урядомъ, Мазепа далъ Скоропадскому еще новую мѣстность—село Ивашковку, отнятую для этого у его тестя; въ универсалѣ 28 апрѣля 1699 г. сказано, что гетманъ, усмотрѣвъ, что бывшій владѣлецъ Ивашковки, Никифоръ Калениковичъ, „по старости лѣтъ и слабости здоровья, войсковыхъ услугъ отправлять не можетъ и что зять его бунчучный генеральный Иванъ Скоропадскій не малою услугою заступалъ (защищалъ) его, тестя,—отдаетъ село Ивашковку Скоропадскому, по желанію самого Калениковича“. Впослѣдствіи внуки Калениковича, дѣти двухъ другихъ дочерей, любецкой сотникъ Иванъ Савичъ и братья Мокріевичи жаловались, что Ивашковка укрѣплена была за дѣдомъ ихъ царскою грамотою, въ вѣчное владѣніе, а Скоропадскій тѣмъ селомъ завладѣлъ по своей власти.

Около этого же времени умерла Скоропадскаго жена, оставивъ ему одну дочь Ирину. Новый бунчучный женился въ другой разъ, выбравъ вдову бунчучнаго Константина Голуба—извѣстную Настасью Марковну. Нѣтъ сомнѣнія, что вторая жена имѣла особенное вліяніе на всю послѣдующую судьбу слабохарактернаго Скоропадскаго. Оставаясь

[1]) „Черниг. Губ. Вѣд.“ 1852 г. № 9, стр. 76—77.

въ числѣ прислужниковъ Мазепиныхъ, Скоропадскій получилъ сначала вмѣсто бунчучнаго, высшій урядъ—генеральнаго есаула, а въ 1706 г. поставленъ былъ на мѣсто убитаго Миклашевскаго, стародубскимъ полковникомъ, получивъ такимъ образомъ въ свое управленіе одинъ изъ обширнѣйшихъ и богатѣйшихъ полковъ. На этомъ урядѣ Скоропадскій оставался до конца октября 1708 г., когда повидимому совершенно неожиданно [1]) получилъ отъ Мазепы письмо, что онъ, гетманъ, съ воли и желанія всей старшины, передался „въ протекцію" короля шведскаго, который обѣщаетъ войско запорожское отъ московскаго ига увольнить и оборонить. „Зачимъ и ваша милость, писалъ Мазепа Скоропадскому, яко естесь правдивый отчизны своей сынъ, берись до единаго съ нами согласія и для сполной отчизны своей обороны, старайся всѣми способами, по данному себѣ отъ Бога разуму и искуству, московское войско изъ Стародуба искоренить. А если бы ваша милость, для искорененія того московскаго гарнизона, въ Стародубѣ находящагося, силы и способу не имѣлъ, тогда совѣтуемъ вашей милости, оттуда уходить и къ намъ въ Батуринъ поспѣшать, чтобъ не попасть въ московскія руки" [2]). Письмо было написано 30 октября изъ Дегтяревки и, судя по разстоянію, получено Скоропадскимъ не позже 1-го ноября, а 4-го ноября Скоропадскій былъ уже въ Глуховѣ, куда явился на зовъ царя—выбирать новаго гетмана. Какъ видно, Скоропадскій не колебался выборомъ между Мазепою и царемъ, да и не съ его характеромъ было рѣшиться идти на неизвѣстное.

На избраніе новаго гетмана въ Глуховѣ старшины съѣхалось немного: семь полковниковъ и генеральный хорунжій Иванъ Сулима. Остальная старшина была около Мазепы. Пріѣхавшіе полковники были: миргородскій—Апостолъ, стародубскій—Скоропадскій, переяславскій—Томара, черниговскій—Полуботокъ, нѣжинскій—Журавковскій, полтавскій—Левенецъ и лубенскій наказный—Савичъ. Изъ нихъ болѣе всѣхъ имѣлъ правъ на булаву—Апостолъ, какъ по заслугамъ, такъ и по долголѣтней своей службѣ; но онъ только-что вернулся отъ Мазепы и былъ „въ подозрѣніи". Изъ остальныхъ—по уму и по энергіи первенствовалъ Полуботокъ; но преданіе говоритъ, что Петръ Великій боялся такихъ достоинствъ въ новомъ гетманѣ и какъ на противоположность Полуботку, указалъ на Скоропадскаго, который и былъ выбранъ преемникомъ Мазепы. Булава Скоропадскому и не мечталась; онъ испугался своего избранія тѣмъ болѣе, что жена его не вѣрила въ проигрышъ Мазепинаго дѣла. Одинъ изъ Забѣлъ разсказывалъ, что вскорѣ послѣ избранія Скоропадскаго, случилось ему разъ быть

[1]) Изъ извѣстнаго письма Орлика къ Стефану Яворскому (Основа 1862 г.) не видно, чтобы Скоропадскій зналъ наравнѣ съ другими своими товарищами, о замыслахъ Мазепы.

[2]) Чтенія Моск. Общ. Ист. 1859, I, 174.

въ гетманскомъ домѣ, гдѣ пришлось поспорить съ братомъ гетманши— Андреемъ Марковичемъ о Мазепиномъ дѣлѣ; Забѣла утверждалъ, что Мазепа на вѣки пропалъ, а Марковичъ сомнѣвался и видѣлъ возможность возвращенія стараго гетмана. „Потомъ вышла и гетманиха Скоропадская, разсказывалъ Забѣла, и услыхавъ, о чемъ я спорю съ Андреемъ, тоже оскорбилась и между прочимъ, сказала: „мы и гетманству сему не рады; Мазепа живой еще гетманъ и никто не силенъ взять у него булаву и гетманства лишить! а мы хотя и взяли гетманство, такъ изъ нужды и это намъ прощено будетъ“ [1]). Если этотъ разсказъ справедливъ, то новая гетманша ошибалась: Мазепѣ возврата не было, а Скоропадскій остался гетманомъ до смерти.

Четырнадцатилѣтнее управленіе Скоропадскаго Малороссіею представляетъ едва ли не самый печальный моментъ изъ того столѣтія этой страны, которое называется гетманщиною. Побѣдивъ Карла XII подъ Полтавою, Петръ Великій рѣшилъ уничтожить автономію Малороссіи и вся первая тяжесть приведенія въ исполненіе этого рѣшенія выпала на долю Скоропадскаго. Когда шведы были изгнаны изъ Малороссіи, царскіе совѣтники обратились къ Скоропадскому съ просьбами—дать имъ маетностей. Это было первое трудное дѣло для Скоропадскаго, такъ какъ не было никакой возможности отказывать близкимъ къ царю людямъ, отъ которыхъ зависѣла судьба многихъ знатнѣйшихъ семействъ въ Малороссіи „явившихся въ измѣнѣ“ или „въ подозрѣніи“, по дѣлу Мазепы. Первымъ просителемъ маетностей явился конечно, Меншиковъ, котораго Скоропадскій и поспѣшилъ удовлетворить, отдавши ему крестьянъ всей Почепской сотни. Но Меншикову этого было мало: онъ сталъ просить Скоропадскаго отдать ему „въ подданство“ и всѣхъ Почепскихъ козаковъ. Эта просьба была необычайная въ Малороссіи: козаки были воины, изъ рядовъ которыхъ выходила вся старшина, гетманы, полковники, сотники. Козаки были прежде всего люди свободные, отдавать которыхъ въ личное послушаніе гетманъ не имѣлъ власти, потому что этимъ онъ нарушилъ бы главное основаніе бытія „Войска“. Но съ другой стороны Скоропадскій не имѣлъ власти и отказывать въ просьбѣ Меншикова. Поэтому въ гетманской канцеляріи, въ отвѣтъ на просьбу свѣтлѣйшаго, написанъ былъ слѣдующій интересный универсалъ:

„Всему старшему и меньшему войскового чина, въ сотнѣ Почепской жительствующему, товариству, объявляемъ: прислалъ ко мнѣ князь Меншиковъ сначала въ письмѣ, а теперь въ другой разъ, чрезъ генерала Федора Шидловскаго, желаніе свое, чтобъ мы позволили вамъ, козакамъ Почепской сотни, быть подъ владѣніемъ и послушаніемъ его княжеской свѣтлости, вмѣстѣ съ посполитыми крестьянами. Зная, что за отдачею крестьянъ Почепской сотни во владѣніе князя, вамъ, козакамъ, трудно нести на себѣ всѣ общественныя повинности, о чемъ

---

[1]) Арх. Генер. Канц., дѣло о Даниле Забѣлѣ.

вы не разъ и жаловались, мы нашли, что быть вамъ въ такомъ раздвоеніи, не подъ однимъ его свѣтлости владѣніемъ,—трудно; вслѣдствіе этого и уважая волю и желаніе его княжей свѣтлости, увольняемъ васъ отъ всякой войсковой службы и отъ полковыхъ повинностей и опредѣляемъ всю сотню съ товариствомъ (козаками) для вашей же пользы и облегченія, съ иными Почепскими посполитыми жителями (крестьянами) въ одинаковую его княжей свѣтлости, державу и владѣніе“ [1]).

Универсалъ этотъ вызвалъ возмущеніе Почепскихъ козаковъ; но возмущеніе было подавлено и Почепскіе козаки болѣе десяти лѣтъ хлопотали въ Москвѣ, пока избавились отъ незаконнаго распоряженія своего гетмана, который и самъ не хуже ихъ понималъ незаконность своего универсала. За Меншиковымъ обратился къ Скоропадскому другой сильный человѣкъ—графъ Головкинъ, прося тоже маетностей. И этому невозможно было отказать, такъ какъ онъ правилъ коллегіею иностранныхъ дѣлъ, которая въ свою очередь вѣдала Малороссію. Дана была и Головкину (въ сентябрѣ 1709 г.) цѣлая сотня—Константиновская (м. Константиновъ и сс. Будки, Курманы, Кулешевка, Берестовка, Хоружовка и Слободка). Но и Головкинъ просилъ прибавки, впрочемъ уже не козаковъ, которыхъ онъ въ Константиновѣ и самъ со временемъ поверсталъ въ крестьяне, а — еще нѣсколько селъ. Опять Скоропадскій не смогъ отказать и въ іюнѣ 1711 г. далъ Головкину еще два села: Журавку и Чуйковку. Попросилъ маетностей и Шафировъ, выхлопотавшій освобожденіе отъ подозрѣнія гетманскаго зятя Семена Лизогуба; Скоропадскій отвѣчалъ, что черниговскій полковникъ (Полуботокъ) получилъ отъ царя такое множество селъ, что одно изъ нихъ—Коровинцы, безъ затрудненія можно отобрать для Шафирова; но послѣдній, посовѣтовавшись съ Головкинымъ, находилъ, что Полуботку дана уже грамота и „безъ причины той грамоты нарушить и у него, полковника, тѣхъ маетностей отнять невозможно“ [2]). Нечего было дѣлать и—Шафировъ получилъ два села: Понорницу и Вербу. Затѣмъ обратился съ тою же просьбою, опять сильный человѣкъ—Шереметевъ, который писалъ по этому случаю Скоропадскому: „Въ недавнемъ времени, чрезъ высокую милость его царскаго величества и чрезъ ваше склонное благодѣяніе, его св. князь Меншиковъ, гр. Головкинъ, кн. Долгоруковъ и г. Шафировъ въ Украинѣ маетности себѣ получили, того ради тотъ прикладъ и меня къ сему прошенію склонилъ, дабы чрезъ ваши обыкновенныя ко мнѣ склонности, онаго лишену не быть“. При этомъ письмѣ Шереметевъ прислалъ Скоропадскому „малороссійскій гостинецъ“, табакерку съ табакомъ и зубочистку. Приходилось отдаривать и Скоропадскій назначилъ Шереметеву два села—Ольшану и Ерковцы. Шереметеву по-

---

[1]) Универсалъ написанъ въ іюлѣ 1710 г.

[2]) Матеріалы для Отечеств. Исторіи, Судьенка, II, 301.

казалось, что этого мало (яко передъ другими персонами ему есть не безобидно) и онъ просилъ гетмана, „дабы къ тѣмъ двумъ сельцамъ еще по возможности въ награжденіе, придать". Скоропадскій не отвѣчалъ, а Шереметевъ настаивалъ: „воистину имѣю зазоръ, что я вамъ уже многожды докучалъ своими интересами, однакожъ вѣдая твое великодушіе и ко мнѣ милость братскую, взялъ смѣлость просить, да не презриши моей просьбы туне и передъ другими меня не оскорбиши, дабы данная мнѣ отъ вашей ясневельможности маетности Ольшану и Ерковцы приказали по прежнему отобрать и вмѣсто ихъ дать мѣстечко Баклань, а ежели того я у вашей ясневельможности и у всего малороссійскаго краю тобою властвующаго, не заслужилъ, то въ томъ буди воля ваша и прикажите маетности Ольшану и Ерковцы отобрать, дабы я тѣмъ вашу ясневельможность не отяготилъ [1])". Просьба о Баклани, находившейся въ смежности съ Почепомъ, испугала Скоропадскаго, который видѣлъ, что за отдачею Бакланскихъ крестьянъ, можетъ повториться просьба и о Бакланскихъ козакахъ; поэтому Скоропадскій на-отрѣзъ отказалъ Шереметеву, вѣроятно указавши на послѣдствія отдачи „въ державу" Меншикову—Почепскихъ козаковъ. Но боясь гнѣва сильнаго человѣка, гетманъ обѣщалъ прибавить къ Ольшанѣ и Ерковцамъ еще одно сосѣднее село—Гмирянку. Шереметевъ увидя, что запросилъ слишкомъ много, поспѣшилъ извиниться: „Изъ письма вашей ясневельможности я увидѣлъ, что моею докукою не только скучилъ, но и до гнѣву привелъ вашу ясневельможность, и въ томъ вышнимъ Богомъ себя засвидѣтельствую, что я великую отъ того вашего письма скорбь получилъ; и не токмо бъ изъ Баклани, но изъ трехъ такихъ мѣстечекъ вашу ясневельможность не хотѣлъ на гнѣвъ подвигнуть, въ чемъ прошу прощенія. А что я вашей ясневельможности о Баклани скучилъ и то взялъ смѣлость съ нѣкотораго случая; ежелибъ вашу особу видѣлъ персонально, тогдабъ могъ предложить устно. Чтожъ по своей милости изъ любви жалуешъ село Гмирянку, за что вашей вельможности благодарствую; е щ е ж ъ б у д е в о з м о ж н о (и не въ малую противность) к о т о р ы й к ъ т о м у с е л у б ы л ъ х у т о р ъ, дабы не раздѣлять; а ежели хотя мало противно будетъ и о томъ не скучаю [2])".

Затѣмъ, кромѣ царскихъ совѣтниковъ, явились другіе претенденты на малороссійскія маетности въ лицѣ разныхъ выходцевъ изъ Сербіи и Молдавіи, которые явились въ Россію послѣ Прутскаго похода, съ заявленіями, что они, помогая русскимъ войскамъ въ этомъ походѣ, лишились своихъ имѣній. Царь приказывалъ удовлетворять просителей Скоропадскому. Такимъ образомъ получили маетности въ Малороссіи: Кантакузенъ, Савинъ, Афендикъ, братья Милорадовичи и другіе выходцы.

[1]) Матер. для отечеств. ист. Судьенка, 341, 360 и 362.
[2]) Тоже 364.

Вслѣдствіе этихъ раздачъ, между малороссійскими землевладѣльцами явились новые люди, которые выпросивъ себѣ маетности у гетмана, дальнѣйшей власти его не признавали и ставили себя въ исключительное положеніе, не позволяя крестьянъ своихъ маетностей привлекать къ отбыванію разныхъ общественныхъ повинностей.

Но затрудненія, которыя внесли эти новые землевладѣльцы въ общественный строй Малороссіи, были не такъ еще тяжелы для гетманской администраціи; гораздо большія затрудненія возникли для послѣдней, когда въ Малороссію введены были для постоя—великорусскіе полки. Не говоря уже о томъ, какъ тяжело было для народа продовольствіе этихъ полковъ, „консистенты" болѣе всего затрудняли гетмана тѣми своими насиліями надъ народомъ, суда на которыя не было возможности найти у ихъ начальниковъ. Не только офицеры, но и солдаты позволяли себѣ ужаснѣйшія насилія, которыя приходилось только терпѣть. Приведемъ нѣсколько примѣровъ этихъ насилій.

Коропскій сотникъ Каноненко писалъ напримѣръ гетману о „страшно-усумнительномъ казусѣ", случившемся въ Коропѣ: „солдатъ квартирующаго у насъ Шлиссельбургскаго полка, стоявшій на квартирѣ у городскаго ключника, подманилъ его шестилѣтнюю дѣвочку. завелъ ее въ садъ, и учинивъ той дѣвочкѣ гвалтъ ея паненству и много своимъ безстыдіемъ надъ оною паствячися, ажъ до смерти оную замордовалъ". А потомъ, покинувъ ее тамъ, возвратился на квартиру; когда же отецъ и мать стали спрашивать, гдѣ подѣлъ дѣвочку, то онъ отвѣчалъ: не знаю, куда отъ меня дѣвалась. А потомъ нашли ту дѣвочку мертвую и донесли объ этомъ полковнику, передъ которымъ солдатъ не потаился и призналъ себя виновнымъ, отговариваясь тѣмъ, что былъ пьянъ. Полковникъ объ этомъ написалъ генералу; а мы донося в. ясн-ти объ этомъ ужасѣ общегражданскомъ. прибавляемъ, что теперь не только страшно каждой матери выпустить съ глазъ свое дитя, но и взрослымъ стало не безопасно, ибо хотя солдатъ и караютъ, но и по карѣ мало кто изъ нихъ кается: передъ симъ недавно былъ такой случай: солдатъ, увидѣвши, что мужъ одной жены, достойной всякаго почтенія, пошелъ въ церковь. вошелъ въ хату и изнасиловалъ ее. Я не говорю уже о тѣхъ убыткахъ, которые причиняютъ солдаты, воруя огородину, скотъ, телятъ и проч., всего этого и не переписать [1]).

Отъ „консистентовъ" терпѣлъ не одинъ народъ; терпѣла и старшина. Нѣжинскій есаулъ Осипъ Тарасевичъ жаловался Скоропадскому въ 1716 года, что позвалъ его къ себѣ генералъ фонъ-Ренъ и сталъ выговаривать, что офицеры получаютъ не весь фуражъ и что вѣроятно половину его забираетъ онъ, есаулъ, себѣ. Есаулъ отвѣчалъ. что и голову отдастъ, если кто его въ томъ уличитъ. „Тогда гене-

[1]) Архивъ Генер. Канц., № 191.

ралъ заразъ палицею по лѣвомъ плечу началъ его бить, а потомъ людямъ своимъ сказалъ — взяться за него, которые за „чуприну" взявши, повалили его на землю и сколько били и какъ на дворъ вытащили, того уже онъ и не помнитъ". Въ отвѣтъ на эту жалобу, гетманъ могъ только приказать освидѣтельствовать у Тарасевича „знаки на тѣлѣ" [1]); дальнѣйшихъ результатовъ жалоба есаула имѣть не могла. Офицеры смотрѣли на малороссіянъ, какъ на безотвѣтныхъ людей, насилія надъ которыми наказываться не могутъ. Вотъ письма какого-то капитана Штофеля къ сотнику и коммиссару м. Монастырища: „При семъ посылается отъ меня нарочный гренадеръ ради недобору за іюль мѣсяцъ провьянта и мясныхъ денегъ и за прочимъ, противъ росписи. Вы съ сотникомъ чините вопреки указамъ, ибо остановки въ выдачѣ провіанту чинить не велѣно. И ради вашихъ бездѣльныхъ непорядковъ, впередъ государевыхъ людей и лошадей посылать не буду, да и опасно посылать къ вамъ, такъ какъ посланныхъ хвалитесь убить; знать, какой-то нечистый и Мазепинъ духъ въ васъ сидитъ. И я вамъ объявляю, что если впредь отъ васъ будетъ какой упоръ, то пошлю за вами, велю руки и ноги связать и отошлю къ генералитету" [2]).

Но еще болѣе приходилось Скоропадскому терпѣть отъ главныхъ своихъ подручниковъ — полковниковъ. Желая ограничить власть гетмана, Петръ Великій, между прочимъ, отнялъ у Скоропадскаго право смѣщать и назначать новыхъ полковниковъ, „пока на то не присланы будутъ указы". Въ первые годы гетманства, царь еще уважалъ представленія Скоропадскаго и въ два полка позволилъ назначить людей изъ мѣстной старшины: Черныша въ Гадяцкій и Марковича—въ Лубенскій полкъ. Но выборъ этотъ былъ сдѣланъ подъ вліяньемъ Настасьи Марковны, которая хотѣла выдвинуть въ старшину своихъ родичей: Марковичъ былъ ея братъ, а Чернышъ — зять. Выборъ оказался очень неудачнымъ, какъ какъ состоявшій при Скоропадскомъ резидентъ постоянно доносилъ царю, что Чернышъ и Марковичъ позволяютъ себѣ ужасныя насилія надъ народомъ. Поэтому Петръ Великій затѣмъ уже не стѣснялся назначать полковниковъ по одному своему выбору, „изъ иноземцевъ и людей постороннихъ". Такими полковниками явились: въ Гадячѣ — Михаилъ Милорадовичъ, выходецъ изъ Сербіи; въ Прилукахъ извѣстный Галаганъ, выходецъ изъ Запорожья и два брата „волоха": въ Кіевѣ — Антонъ Танскій и въ Переяславѣ — Василій Танскій. Полковники эти рѣшительно не признавали надъ собою власти Скоропадскаго и какъ хотѣли, насильничали надъ народомъ, желая быстрѣе нажиться. Насильничали надъ народомъ, не обращая вниманія на гетмана, и полковники „изъ своихъ"; но они сохраняли по крайней мѣрѣ внѣшніе знаки своего подчине-

---

[1]) Архивъ Генер. Канц„ № 275.

[2]) Тоже, № 1164.

нія ясневельможному. „Иноземцы" же громко разсказывали, что гетмана скоро вовсе не будетъ и вся власть надъ „Войскомъ" перейдетъ къ нимъ „иноземцамъ". Такъ мутилъ народъ особенно поставленный царемъ на мѣсто Черпыша полковникъ Михаилъ Милорадовичъ, навезшій съ собою въ Гадячъ множество сербовъ, мечтавшихъ о полученіи урядовъ въ Малороссіи. Родичъ Милорадовича — Словуй Требинскій, успѣвшій уже получить сотничество, говорилъ разъ „на водкѣ" у гадяцкаго есаула: „Памятуйте, миленькіе, что пришелъ конецъ вашей казацкой власти! отъ гетмана и до сотника; урядниками надъ вами будутъ поставлены одни иноземцы!" Въ 1718 г. Скоропадскій поѣхалъ съ нѣкоторыми полковниками „изъ своихъ" въ Москву хлопотать объ уменьшеніи числа „консистентовъ", гдѣ просилъ между прочимъ „чтобъ иноземцевъ и постороннихъ въ Малую Россію на начальство не присылать и тѣмъ вольности ихъ не нарушивать". Узнавъ объ этомъ, Милорадовичъ сталъ распускать по Малороссіи слухи, что Скоропадскій изъ Москвы уже не вернется. Пришелъ къ гадяцкому сотнику писарь одного изъ комисаровъ (собиравшихъ провіантъ и фуражъ для „консистентовъ") требовать недоданнаго будто бы овса; сотникъ отвѣчалъ, что прежде провѣритъ недодачу, а потомъ уже прикажетъ выдать недоданное. Не понравился писарю отвѣтъ сотника и онъ замѣтилъ послѣднему: „эй, миленькій. какъ вы горды! а того не знаете, что гетмана вашего уже взяли на Москву и тамъ голову отрубили ему". Пріѣхалъ въ это же время изъ Москвы одинъ изъ „волоховъ" на службу къ Милорадовичу и сталъ разсказывать, что „гетманомъ будетъ генералъ Кантакузинъ. а Милорадовичъ — генераломъ надъ тремя полками: Сумскимъ, Ахтырскимъ и Гадяцкимъ и что теперешній гетманъ Скоропадскій пострижень будетъ въ чернецы". Разсказывали также, что „на Москвѣ п. полковника черниговскаго (Полуботка), кнутомъ бито и на гакъ (крюкъ) завѣшено". Всѣ эти слухи мѣстные урядники сообщали Скоропадскому, который могъ только жаловаться царю; но слухи расходились въ народѣ и прежняя гетманская власть къ концу жизни Скоропадскаго умалена была до того, что иногда его не слушали и сотники. Поѣхавъ въ Москву въ началѣ 1722 года опять хлопотать объ улучшеніи положенія дѣлъ въ Малороссіи и увидѣвъ, что на просьбы его не обращаютъ никакого вниманія, Скоропадскій окончательно упалъ духомъ, заболѣлъ и чрезъ шесть дней по возвращеніи изъ Москвы. умеръ.

Кромѣ вдовы, Скоропадскій оставилъ двухъ дочерей: одну отъ первой и другую—отъ второй жены. Первую дочь, Ирину, онъ выдалъ замужъ еще до своего гетманства, за сына черниговскаго полковника—Семена Лизогуба. Для другой, Ульяны, жениха высваталъ самъ царь: въ 1718 г. она выдана была замужъ за Петра Толстого, сына извѣстнаго сподвижника Петра Великаго. Оставшаяся вдова Скоропадскаго хотя и жаловалась на свое безпомощное положеніе, но послѣднее было да-

леко не безпомощное. Въ то время, когда мужъ-гетманъ кланялся царскимъ министрамъ, выпрашивая разныя милости народу и старшинѣ, Настасья Марковна дѣятельно распоряжалась хозяйствомъ въ гетманскихъ маетностяхъ и копила деньги на черный день. По смерти мужа, имѣнія послѣдняго она успѣла удержать за собою и распоряжалась ими до своей смерти. Только послѣ ея смерти, въ 1729 г. дочери подѣлились отцовскими имѣніями [1]).

Такъ какъ у гетмана сыновей не было, то продолжителемъ рода Скоропадскихъ остался младшій его братъ Василій, выведенный въ войсковые чиновники старшимъ братомъ. Когда Иванъ получилъ урядъ генеральнаго бунчучнаго, то и Василій сдѣланъ былъ березинскимъ сотникомъ. До того еще, Василій началъ накупать земли въ разныхъ мѣстностяхъ черниговскаго полка, на которыхъ строилъ водяныя мельницы и садилъ слободы; въ числѣ послѣднихъ онъ поселилъ Михайловку и Турецъ, теперешнія села Сосницкаго уѣзда: первую слободу онъ поселилъ въ 1697 г., назвавъ Михайловскою, во имя родившагося тогда у него сына — Михайла. Въ 1700 г. Мазепа утвердилъ за нимъ эту слободу и прибавилъ къ ней село Локнистое. А когда старшій братъ сталъ гетманомъ, Василій сдѣланъ былъ черниговскимъ полковымъ обознымъ и на этомъ урядѣ получилъ въ 1713 г. отъ гетмана три села: Тихоновичи, Охромѣевичи въ теперешнемъ Сосницкомъ уѣздѣ, и Григоровку — въ Конотопскомъ. Всѣ эти маетности утверждены были за Василіемъ и царскою граматою въ 1718 г. Василій пережилъ брата-гетмана и умеръ въ 1727 году. У него было два сына — Иванъ и Михайло; первый остался какъ-то въ неизвѣстности [2]), а Михайло сталъ впослѣдствіи однимъ изъ видныхъ чиновниковъ; онъ выдѣлялся изъ среды товарищей отчасти своимъ практическимъ умомъ, а еще болѣе своимъ близкимъ родствомъ съ двумя гетманами. Родился онъ въ 1697 г. и въ восемнадцать лѣтъ началъ войсковую службу при дядѣ-гетманѣ. Богатыя маетности отца и близкое родство съ гетманомъ, сразу выдвигали Михайла Скоропадскаго изъ многочисленнаго ряда бунчуковыхъ товарищей; сразу онъ становился и женихомъ, который могъ выбрать любую невѣсту на Украинѣ. Тогда женились рано; двадцати лѣтъ съ небольшимъ Михайло Скоропадскій уже женился на княжнѣ Ульянѣ Юрьевнѣ Четвертинской. Происхожденіе послѣдней требуетъ объясненія. Въ 1686 г. Кіевскимъ митрополитомъ выбранъ былъ Гедеонъ-Святополкъ, князь Четвертинскій, который привезъ съ собою въ Малороссію и двухъ своихъ племянниковъ — Юрія и Януша. Старшаго изъ нихъ, Юрія, гетманъ выбралъ себѣ въ зятья, желая выдать за него младшую свою дочь. Но успѣвъ дать будущему зятю маетность — с. Дунаецъ, Самойловичъ не успѣлъ кончить сва-

[1]) Подробности раздѣла въ Запискахъ Марковича.

[2]) О немъ упоминаніе въ 1728 г. Матер. для отеч. истор. 1, 15.

танья; лѣтомъ 1687 г. онъ былъ сосланъ, а жена и дочь-невѣста, остались безъ крова; Четвертинскій пріютилъ ихъ у себя въ хуторѣ около Дунайца. Не зная, что съ собою дѣлать, Четвертинскому оставалось одно—поступить въ число „дворянъ" новаго гетмана, который любилъ окружать себя польскими шляхтичами. Устроившись около гетмана, Четвертинскій не забылъ своей невѣсты: въ началѣ 1690 г. онъ женился на Самойловичевнѣ [1]. — Но выслужиться при Мазепѣ, какъ выслуживались другіе дворяне, Четвертинскому не удалось; этому особенно помѣшалъ—татарскій плѣнъ Четвертинскаго. Въ 1697 году Мазепа по царскому указу, повелъ малороссійскія войска къ Кизикерменю; самъ гетманъ съ частью войска поплылъ Днѣпромъ, а другой отрядъ подъ начальствомъ нѣжинскаго полковника Обидовскаго,—пошолъ берегомъ. Въ отрядѣ Обидовскаго находился и Юрій Четвертинскій, въ числѣ другихъ „дворянъ" гетмана. Въ концѣ іюля оба отряда сошлись подъ Кизикерменемъ; гетманъ оставался на лодкахъ, а Обидовскій сталъ таборомъ на берегу. На таборъ Обидовскаго 2 августа, неожиданно напали татары и захвативъ нѣсколько лошадей, стали отступать. Обидовскій, не рѣшаясь ихъ преслѣдовать безъ разрѣшенія Мазепы, „побѣглъ на судно водное до гетмана, для позволенія". Казаки Обидовскаго ,вмѣстѣ съ Четвертинскимъ, думая, что полковникъ погнался за татарами, „и сами тудажъ въ поле за ордою погнались.— Уводила орда нашихъ въ поле за собою сколько было нужно, разсказываетъ Величко, а наши не разсмотрительно за нею гнались; когда-жъ насталъ часъ—однимъ невольничью, а другимъ смертную испить чашу, тогда внезапно выскочили татары изъ засады сзади и спереди, и бросились на казаковъ, погнавъ ихъ подъ саблями, въ свой обозъ подъ Кизикермень [2]". — Въ числѣ плѣнниковъ, захваченныхъ при этомъ татарами, былъ и Четвертинскій. Интересныя подробности о плѣнѣ Юрія Четвертинскаго находимъ въ письмѣ брата его, Януша, которое писалъ послѣдній въ 1823 г. къ Полуботку и его товарищамъ, жалуясь на одного изъ зятьевъ Юрія.

„Небезъизвѣстно всей Малороссіи, какъ братъ мой Юрій, попавъ въ татарскую неволю, терпѣлъ тамъ нѣсколько лѣтъ тяжкія страданія. Назначивъ за освобожденіе брата выкупъ, татары въ ожиданіи этого выкупа, держали Юрія закованнаго въ цѣпи; но не кому было на Украинѣ собирать для него этотъ выкупъ. А когда я узналъ о плѣнѣ брата, то могъ только обратиться съ просьбою къ его милости королю польскому—помочь освобожденію брата; вслѣдствіе этой просьбы, король писалъ своимъ посламъ въ Турцію, но тѣ ничего не могли сдѣлать. Видя тогда, что нѣтъ средствъ на освобожденіе брата, я рѣшилъ самъ сѣсть въ неволю за брата, оставивъ въ Польшѣ отца, домъ, „фортуну" и урядъ подконюшества литовскаго. Пріѣхавъ въ Крымъ,

[1]) Бант.-Кам. III, примѣч. 19.
[2]) Величко, III, 443.

я засталъ брата сидящаго въ тяжкихъ двухъ кайданахъ (цѣпяхъ, которые принявши на свои ноги, сѣлъ въ его мѣсто и сидѣлъ цѣлый годъ, перенося многія бѣды, пока братъ собралъ займами на Украинѣ, деньги на выкупъ. Сверхъ пяти тысячь левовъ [1]), за которые я „сѣлъ въ окупѣ", нужно было заплатить еще Палѣю пять тысячъ талеровъ за Катершу—Мурзу, котораго также отдали взамѣнъ себя".

Разсказываетъ Янушъ и дальнѣйшую судьбу Юрія: „освободивъ брата изъ плѣна, я было вернулся въ Польшу, но былъ вызванъ Юріемъ, который просилъ меня пожить съ нимъ на Украйнѣ. Согласившись на эту просьбу, я пріѣхалъ къ Юрію и, проживъ съ нимъ года два, снова было хотѣлъ вернуться на родину; но, убѣжденный плачевнымъ прошеніемъ брата Юрія, начавшаго уже болѣть, остался жить при немъ; и тогда началъ я отбывать за него всякіе войсковые походы на службѣ монаршей; служилъ я вѣрно его величеству во все время измѣны Мазепиной и подъ часъ полтавской баталіи. Потомъ, когда братъ Юрій, крѣпко уже заболѣвъ, поѣхалъ лѣчиться въ Москву, я остался, по просьбѣ брата, при его малыхъ дѣтяхъ. А когда Юрій въ Москвѣ умеръ, то я продолжалъ оставаться опекуномъ осиротѣлыхъ его дѣтей, желая дать послѣднимъ добрую „едукацію", а имѣніе ихъ содержать въ падлежащей сохранности".

Имѣніями надѣлилъ Юрія Четвертинскаго—Мазепа, вѣроятно по выходѣ его изъ плѣна; Четвертинскому даны были три села: Дунаецъ, Локны и Васьковцы [2]). Захвативъ часть земель сосѣднихъ двухъ селъ, Уздицы и Семеновки, Четвертинскій „осадилъ" на этихъ земляхъ Дунайскую слободу, изъ которой образовалось четвертое село. Когда Мазепа перешелъ къ шведамъ, то почему то надѣялся, что и Четвертинскій пойдетъ за нимъ; но тотъ не только не пошелъ, но однимъ изъ первыхъ явился въ Глуховъ на выборы новаго гетмана и въ числѣ всего одинадцати войсковыхъ товарищей, подписался на выборѣ Скоропадскаго [3]). Мазепа хотѣлъ отмстить Четвертинскому: въ январѣ 1709 г. „пойманъ близь Глухова шпигъ (шпіонъ) отъ измѣнника Мазепы посланный, козакъ Пархомовъ, который по распросу въ главной квартирѣ царя, въ Сумахъ, сказалъ, будто посланъ онъ отъ Мазепы съ письмами къ архіепископу черниговскому (Максимовичу), глуховскому сотнику Туранскому, князю Четвертинскому и къ атаману глуховскому Карпѣкѣ, которыя письма будто въ навечеріи Рождества Христова отдалъ архіерею чрезъ служебника его, а прочимъ передалъ тѣ письма лично; и какъ помянутые князь Четвертинскій

[1]) Левъ—ок. 50 коп. ассигн. См. Марк. II, 208.

[2]) Въ жалобѣ Дунаецкихъ казаковъ, поданной Полуботку въ октябрѣ 1722 г. читаемъ: „уже тому назадъ лѣтъ двадцать, когда его милость князь Четвертинскій зъ казацства насъ въ мужики до себе въ подданство привернулъ насильно, а мы зъ дѣдовъ и зъ отцовъ своихъ були козаки и до вуйско ходили и всяку службу отбували.

[3]) Чтен. Моск. Общ. Истор. и Древн. 1859 г., кн. I, 182.

и атаманъ и служебникъ архіерейскій оному (шпигу) представлены, то имъ тотъ шпигъ и въ очи говорилъ. Но съ пытки оный шпигъ объявилъ, что посланъ онъ нарочно отъ Мазепы въ Глуховъ, а писемъ съ нимъ къ онымъ особамъ не было послано, а обѣщаны ему отъ Мазепы деньги, дабы когда пойманъ будетъ, сказалъ бы нарочно, будто онъ отъ него съ письмами къ вышеписаннымъ особамъ посланъ и оныя письма будто онъ имъ отдалъ, дабы ихъ тѣмъ привесть въ немилость государя [1]". Вѣроятно этотъ случай и былъ причиною, что вслѣдъ за тѣмъ маетности Четвертинскаго укрѣплены были за нимъ гетманскимъ универсаломъ, а потомъ и царскою грамотою.

Послѣ Юрія Четвертинскаго остались три дочери—Анна, Марина и Ульяна; всѣ онѣ повыходили замужъ за богатыхъ жениховъ: Анна—за Михайла Кондратьева (сына сумскаго полковника) Марина — за Андрея Михайловича Миклашевскаго и наконецъ Ульяна—за Михайла Скоропадскаго. Кромѣ богатства невѣстъ, жениховъ привлекалъ еще и княжескій ихъ титулъ, который не могъ не быть обаятельнымъ для „козаковъ", съ завистью смотрѣвшихъ на русскіе чины и титулы. Двое изъ зятьевъ Четвертинскаго, Кондратьевъ и Миклашевскій, части свои въ приданомъ продали третьему—Скоропадскому, за которымъ маетности эти и утверждены были гетманскимъ универсаломъ 5 сентября 1721 г. Но по смерти гетмана Скоропадскаго, Кондратьевъ затѣялъ съ Михайломъ какой то процессъ за тестевскія имѣнія въ Малороссійской коллегіи и, благодаря взяткамъ, Дунаецъ и Локня были отобраны отъ Михайла. Другая половина имѣній Четвертинскаго осталась у Скоропадскаго и онъ все таки еще при жизни отца, сталъ самостоятельнымъ „державцею".

Съ первою женой Скоропадскому пришлось пожить не долго: родивъ дочь Анну, Четвертинская умерла. Въ началѣ 1725 г. Скоропадскій намѣтилъ себѣ уже другую жену, молодую вдову Андрея Борковскаго, дочь миргородскаго полковника, Апостола. Апостолъ въ декабрѣ 1723 г. былъ взятъ по дѣлу Полуботка въ Петербургъ и въ это время, вмѣстѣ съ другими, находился тамъ подъ арестомъ. По смерти Петра Великаго малороссійская старшина была освобождена, съ запрещеніемъ выѣзда изъ Петербурга. Возвращены были арестованнымъ и имѣнія ихъ. Прокурору малороссійской коллегіи Хрущову поручено было „отпечатать дворы всѣхъ бывшихъ арестантовъ". Въ мартѣ 1725 г. Хрущовъ ѣздилъ въ Сорочинцы—отпечатывать дворъ Апостола. Повидимому, онъ вмѣстѣ съ этимъ взялся быть и сватомъ Скоропадскаго, котораго возилъ съ собою въ Сорочинцы. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, Скоропадскій женился на Прасковьѣ Даниловнѣ Апостоловой, по первому мужу, Борковской [2]). Спѣшить съ женитьбою нужно было потому, что въ маѣ Скоропадскій долженъ былъ

[1]) Ригельманъ, III, 69.
[2]) Записки Як. Марковича, I, 65—69.

итти въ Гилянскій походъ, вмѣстѣ съ другими бунчуковыми. Интересныя подробности объ этомъ походѣ находятся въ запискахъ Марковича, который самъ въ немъ участвовалъ; особенно интересныя свѣдѣнія находимъ у Марковича о домогательствахъ бунчуковыхъ—подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ—вырваться домой; большинство сказывалось больными; подкупали начальниковъ и лѣкарей и у кого лучшія были средства, тотъ и успѣвалъ. Скоропадскій успѣлъ вырваться первымъ: онъ получилъ отпускъ „ради болѣзни", въ августѣ 1726 г., [1]) а прочіе больные его товарищи были отпущены изъ похода лишь въ январѣ 1727 г. Вернувшись на родину, Скоропадскій засталъ тамъ и новаго своего тестя, котораго наконецъ отпустили изъ Петербурга. На первое время Скоропадскій поселился у Апостола, въ Сорочинцахъ и прожилъ у тестя около года; въ августѣ 1727 г., родился тамъ у него первый сынъ — Иванъ и въ томъ же мѣсяцѣ явилась изъ Петербурга, неожиданная вѣсть, что въ Малороссіи „устроенъ будетъ гетманомъ" Апостолъ. Скоропадскому везло. Рѣшаясь жениться на вдовѣ Борковскаго, онъ конечно имѣлъ въ виду однѣ только маетности, данныя ей отцомъ, при выдачѣ за Борковскаго; разсчитывать на протекцію тестя, который въ то время жилъ „арестантомъ" въ Петербургѣ — нечего было и думать. Черезъ два года тотъ же арестантъ сдѣлался гетманомъ.

Явившись въ Глуховъ зятемъ новаго гетмана, Скоропадскій сразу пріобрѣлъ тамъ значеніе, котораго не имѣлъ при гетманѣ-дядѣ, будучи въ то время еще очень молодымъ. 1-го октября Апостолъ поставленъ былъ гетманомъ, а 18-го октября—вдова гетмана Скоропадскаго даритъ женѣ Михайла—„кунтушъ богатый, златоглавный, подшитый горностаями, а огонками (хвостиками) опушенный, сподницу златоглавную на табанѣ и шнуровку красную аксамитную"; скупая вдова-гетманша принуждена была заискивать ласку у племянника своего мужа—богатыми подарками, чтобы съ помощью его умалить гнѣвъ гетмана на брата своего—лубенскаго полковника Марковича, на котораго въ это время ужъ слишкомъ напалъ Апостолъ.

Въ это время умеръ и отецъ Михайла Скоропадскаго; изъ его наслѣдства меньшая часть (села Тихановичи, Наумовка и Михайловка) достались брату Ивану, а остальныя имѣнія поступили къ Михайлу, который получилъ при этомъ: Локнистное, Гусавку, Горицу, Охромѣевичи, Чепелевъ, Турецъ, Григоровку и множество мелкихъ земельныхъ участковъ, скупленныхъ умершимъ отцомъ. Василій Ильичъ, какъ видно, кромѣ маетностей, полученныхъ по универсаламъ брата, пріобрѣлъ и другія, отчасти куплею, а больше захватами, пользуясь своимъ вліяніемъ, какъ братъ гетмана. Получивъ такое богатое наслѣдство, Михаилъ Скоропадскій сталъ въ числѣ первыхъ богачей Украины. Къ наслѣдству отца, тесть прибавилъ отъ себя село Ав-

[1]) Зап. Марковича I, 188.

дѣвку и кромѣ того, выхлопоталъ въ Москвѣ возвращеніе зятю двухъ селъ—Дунайца и Локни, отобранныхъ Кондратьевымъ [1]).

Устроивши такъ успѣшно матеріальное свое благосостояніе, Скоропадскій жилъ больше въ Глуховѣ, около тестя. Постоянныя попойки и карточная игра были исключительнымъ препровожденіемъ времени тогдашняго глуховскаго общества, отъ котораго разумѣется не отставалъ и зять гетмана, занимая въ этомъ обществѣ одно изъ первыхъ мѣстъ. Вниманіе къ Скоропадскому оказывали даже высшіе русскіе чиновники, обыкновенно кичившіеся передъ мѣстными „бунчуковыми товарищами". Марковичъ записалъ въ своемъ дневникѣ, что на попойкѣ, бывшей у гетмана на новый 1730 годъ „панъ Михайло съ Юрьемъ Еропкинымъ поссорились до того, что на дуэль ѣздили". Конечно, русскій майоръ Еропкинъ сдѣлалъ большую честь бунчуковому товарищу, согласившись съ нимъ на дуэль. Не было удачи Скоропадскому только на женъ: въ концѣ 1731 г. умерла у него и вторая жена, оставивъ ему трехъ сыновей, изъ которыхъ старшему было только четыре года. Оставшись снова вдовцомъ, Скоропадскій продолжалъ участвовать въ „банкетахъ", пока не умеръ и тесть. Лишившись такого сильнаго покровителя, Скоропадскій нашелъ новаго— въ кн. Шаховскомъ, который сталъ правителемъ Малороссіи послѣ Апостола. Съ помощью Шаховского, Скоропадскій между прочимъ выхлопоталъ въ 1734 г. царскую грамоту на всѣ свои имѣнія. Вообще отношенія съ русскими чиновниками Скоропадскій улаживалъ хорошо; тогдашніе правители и ихъ помощники видѣли въ Скоропадскомъ богатаго пана, который всегда радъ былъ угостить ихъ славными водками и дорогими винами; и въ карты поиграть этотъ товарищъ тоже былъ готовъ; а за картами проходила у тогдашнихъ глуховскихъ чиновниковъ большая часть времени [2]). Пріязнь русскихъ чиновниковъ дала возможность Скоропадскому выдать единственную свою дочь Ганнусю (отъ Четвертинской) за генерала Юрія Ливена.

Въ 1739 г. Скоропадскій участвовалъ вмѣстѣ съ другими, въ Хотинскомъ походѣ; но умѣлъ отдѣлаться отъ этого похода, благодаря связямъ, раньше другихъ: въ августѣ онъ получилъ отпускъ въ домъ, „подъ тѣмъ образомъ, что Густавъ Биронъ принялъ его вмѣсто ординарца" [3]). Съ помощью тѣхъ же связей Скоропадскій получилъ въ 1741 г. и генеральный урядъ—войсковаго подскарбія. Лѣтомъ 1740 г. генер. подскарбій Андрей Марковичъ былъ уволенъ за старостью; на открывшееся мѣсто выбраны были три кандидата: Антонъ Танскій, Григорій Стороженко и сынъ прежняго подскарбія Яковъ Марковичъ, авторъ „Дневныхъ Записокъ". За послѣдняго хлопоталъ и

---

[1]) Матеріалы для Отеч. Ист. Судьенка, I, 25.

[2]) Изъ рукописи Записокъ Марковича видно, что въ тридцатыхъ годахъ, карточная игра въ Глуховѣ была почти ежедневная; особенно любилъ карты кн. Барятинскій (И. Ф.), у котораго Скоропадскій былъ постояннымъ партнеромъ.

[3]) Марковичъ, II, 86.

Шиповъ, временно правившій тогда Малороссіей; но предстатели Михайла Скоропадскаго, какъ видно, были сильнѣе: не будучи и въ числѣ кандидатовъ, подскарбіемъ назначенъ былъ Скоропадскій. Вступивъ въ кругъ генеральной старшины, Скоропадскій занялъ въ ней первенствующее положеніе: когда въ 1744 году императрица Елисавета посѣтила Малороссію, то при встрѣчѣ ея въ Глуховѣ, поздравительную рѣчь отъ лица мѣстной старшины, говорилъ Михайло Скоропадскій.

Между тѣмъ, скучая одиночествомъ, Скоропадскій задумалъ жениться въ третій разъ. Дѣти его, три сына, оканчивали Кіевскую Академію; для заключенія образованія, отецъ рѣшилъ послать ихъ заграницу „въ нѣмецкіе края". За отъѣздомъ дѣтей, пятидесятилѣтнему Скоропадскому предстояло полное одиночество; онъ и женился, выбравъ въ жены вдову Якова Чарныша, Марфу Степановну Ширай. Въ 1750 году поставленъ былъ гетманомъ Разумовскій, для котораго уничтожили весь прежній строй малороссійскій администраціи; всѣ русскіе чиновники изъ Глухова были удалены и вся администрація перешла въ руки мѣстной старшины, которая передъ тѣмъ тридцать лѣтъ уже лишена была дѣйствительной власти. До пріѣзда своего въ Малороссію, новый гетманъ поручилъ правленіе краемъ шести лицамъ: генеральную канцелярію отдалъ въ вѣдѣніе Лысенка, Скоропадскаго и Валькевича, а генеральный судъ поручилъ Гарпенку, Хапенку и Оболонскому.

Лѣтомъ 1751 года Разумовскій пріѣхалъ въ Глуховъ и здѣсь, при входѣ въ свой гетманскій домъ встрѣченъ былъ рѣчью Скоропадскаго. Передавъ управленіе генеральной канцеляріей писарю Безбородку, Разумовскій назначилъ Скоропадскаго однимъ изъ пяти членовъ генеральнаго суда. Но въ этомъ же году гетманъ выдвинулъ на первое мѣсто вновь поставленнаго генеральнаго обозначаго Семена Кочубея, который женившись на племянницѣ Разумовскаго, вскорѣ сталъ главнымъ его подручникомъ. Скоропадскій поспѣшилъ сблизиться съ любимцемъ гетмана и женилъ старшаго своего сына на племянницѣ Кочубея. Устроивъ отношенія свои къ Разумовскому, Скоропадскій нашелъ возможнымъ обратиться къ нему и съ просьбою о прибавкѣ маетностей. Въ отвѣтъ на эту просьбу въ декабрѣ 1751 года, Разумовскій далъ слѣдующій универсалъ:

„Генеральный подскарбій Михаилъ Скоропадскій представилъ намъ, что въ прошломъ 1715 году началъ онъ служить бунчуковымъ товарищемъ и въ томъ чинѣ продолжалъ службу 26 лѣтъ, будучи въ военныхъ походахъ въ Персіи, Дагестаніи, Ширваніи, въ Крымскомъ и въ послѣднюю съ турками войну — — — а къ препитанію дому своего имѣетъ въ деревняхъ скудость; для чего просилъ онъ, Скоропадскій о награжденіи его за 37-милѣтную службу, въ вѣчное владѣніе, для пропитанія дому своего, въ полку Прилуцкомъ свободными деревнями, Гайворономъ и Блотницею, нашего разсмотрѣнія

— — того ради — — села Гайворонъ и Блотницу, въ которыхъ по послѣдней ревизіи до 50-ти дворовъ, опредѣляемъ подскарбію генеральному Скоропадскому въ вѣчное и ненарушимое владѣніе — — "

Преувеличивъ такъ легко свои богатства, Скоропадскій продолжалъ службу въ генеральномъ судѣ до ноября 1753 г., когда Разумовскій назначилъ его помощникомъ Кочубея, бывшаго въ это время главнымъ правителемъ генеральной канцеляріи. Но черезъ мѣсяцъ послѣ этого назначенія, неожиданно полученъ былъ въ Глуховѣ новый „ордеръ" гетмана объ отрѣшеніи Скоропадскаго „отъ всѣхъ дѣлъ малороссійскихъ" [1]). Вѣроятно старый подскарбій не умѣлъ подладиться къ молодому гетманскому любимцу, который въ это время былъ, можно сказать, вторымъ гетманомъ. Послѣ этого Скоропадскій оставался внѣ общественной дѣятельности до самой смерти, въ 1758 г.

Михайло Скоропадскій оставилъ трехъ сыновей: Ивана, Якова и Петра, изъ которыхъ первымъ двумъ успѣлъ высватать женъ изъ круга родичей Разумовскихъ, чѣмъ и обезпечилъ ихъ послѣдующую судьбу. Старшій — Иванъ былъ женатъ на родной племянницѣ обознаго Кочубея, а второй — Яковъ на родной племянницѣ самого гетмана, Закревской. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти отца, Иванъ и Яковъ получили генеральные уряды, первый — есаула, а второй — бунчучнаго. Младшій сынъ Михайла — Петръ, женившійся на дочери малозамѣтнаго полковничьяго сына Антона Милорадовича, дослужился только до ротмистра.

Судьба младшаго брата гетмана Скоропадскаго — Павла Ильича, который былъ взятъ турками въ плѣнъ, — была горькая. Мы видѣли уже, что Павелъ взятъ былъ въ плѣнъ въ 1674 г.; въ этомъ плѣну онъ оставался около тридцати лѣтъ. Въ этомъ отношеніи братья Павла, Иванъ и Василій, не были похожи на Януша Четвертинскаго, тѣмъ болѣе, что оба они разбогатѣли гораздо раньше, чѣмъ удалось наконецъ Павлу избавиться „изъ неволи бусурманской". Павелъ былъ выкупленъ около 1704 года, когда братья его давно уже владѣли богатыми маетностями. Какъ видно, Иванъ и Василій Скоропадскіе скупились на выкупъ Павла и хотя послѣдній былъ выкупленъ хлопотами брата Ивана, но за чужія деньги. Выкупилъ Павла изъ плѣна батуринскій козакъ Павелъ Козловскій, который подробно объ этомъ разсказываетъ въ слѣдующей своей жалобѣ, поданной Полуботку въ началѣ 1723 года.

„Съ давнихъ временъ перешелъ я изъ Польши въ Малую Россію, пишетъ Козловскій, гдѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ служилъ за гетманства Самойловича, Мазепы и Скоропадскаго; бывалъ въ неволѣ бусурманской по нѣсколько лѣтъ и раны получалъ; бывалъ и въ по-

---

[1]) Марк., II, 320.

сольствѣ; три раза ходилъ за Дунай, до Сераскиръ-паши, въ интересахъ государственныхъ, когда запорожцы ограбили Згуру [1]). Да тогда же покойный п. гетманъ Скоропадскій, будучи еще есауломъ генеральнымъ упросилъ меня при той оказіи, чтобъ я выискалъ тамъ (въ Турціи) брата его родного п. Павла Скоропадскаго, взятаго въ неволю еще въ Умани и бывшаго въ плѣну уже нѣсколько десятковъ лѣтъ. Хотя и трудно было, но по христіанскому обычаю вызволилъ я изъ неволи Павла Скоропадскаго съ женою и сыномъ. Кромѣ труда и всѣ издержки на выкупъ были мои; есть у меня и реестръ издержекъ. А вернувшись въ Малую Россію, нѣсколько разъ просилъ я и покойнаго п. гетмана, и брата его Павла возвратить мнѣ мои издержки, но они не только меня ничѣмъ не наградили, но и издержекъ моихъ не вернули; все только водили обѣщаніями, что дастъ мнѣ гетманъ гдѣ-то сотничество; да можетъ быть онъ и далъ бы „но въ томъ препятствіе чинила своему пану, панѣ гетмановая, по якойся завзятости". Въ заключеніе Козловскій просилъ Полуботка—повелѣть Павлу Скоропадскому, чтобы послѣдній возвратилъ хотя тѣ деньги, которыя были издержаны на его выкупъ. При этой жалобѣ приложенъ и реестръ, сколько Козловскій издержалъ своихъ денегъ „изъ турецкой неволи шукаючи и нашедши п. Павла Скоропадскаго". Реестръ интересенъ не менѣе жалобы Козловскаго: 1) Какъ посылалъ искать изъ Бабы до Исакчи, далъ двумъ турчинамъ и двумъ толмачамъ по двѣ лисицы, по двѣ куницы и по четыре талера битыхъ; но въ этотъ разъ не нашли. 2) Въ другой разъ, тѣхъ же турковъ посылалъ паша искать и—нашли; опять далъ по столько же лисицъ, куницъ и денегъ, да три ведерка цукровой (сахарной) водки, квартъ по десять; да самому Павлу Скоропадскому далъ пять червонцевъ. 3) Турчину, что ѣздилъ за женою Павла, далъ два лева, полотна 30 локоть и ножей пару, за талера купленную. 4) Отправляя меня изъ турецкаго города Бабы на Украину, паша приготовилъ-было мнѣ жалованье: коня, чугу златоглавную и сто червонцевъ; но ничего не далъ, объяснивъ черезъ толмача, что за это жалованье отдается три души невольниковъ; только коня и далъ. 5) А какъ привели ко мнѣ въ Исакчу, Павла съ женою и ребенкомъ, далъ ему свой кунтушъ и китайчатый кафтанъ, а женѣ—пять червонцевъ, ребенку—левъ и родственнику жены—левъ; да своими лошадьми довезъ ихъ до Курени (село Конотопскаго уѣзда), а сколько издержалъ на нихъ за дорогу, того за давностію времени и не припомню".

Татарскій плѣнъ былъ явленіемъ очень обыкновеннымъ въ народной жизни Малороссіи XVII—XVIII в. Болѣе всего набирали плѣн-

[1]) Войсковой товарищъ Зигура Стилевичъ, по происхожденію грекъ, былъ одинъ изъ приближенныхъ людей Мазепы; по порученію послѣдняго, онъ описывалъ въ 1704 г., богатства Палѣя (Величко IV т.) и въ 1708 г. пошелъ за Мазепою къ шведамъ (Чтен. М. Общ. Ист. 1859, кн. I, 214). Зигура былъ основателемъ извѣстнаго прилуцкаго села Згуровки.

ныхъ татары при своихъ внезапныхъ набѣгахъ на Малороссію; при этомъ наиболѣе страдали два южные полка: Полтавскій и Миргородскій, которые подвергались татарскимъ набѣгамъ до второй половины прошлаго вѣка; отсюда же преимущественно захватывали татары и плѣнниковъ; въ январѣ 1737 г. напали татары на Полтавщину, раззорили хуторовъ 500, убили 106 душъ и увели 430 плѣнныхъ [1]). Но случалось, что забирали плѣнныхъ и безъ набѣговъ, особенно въ пограничныхъ мѣстностяхъ. Кременчугскій житель Илья Бутокъ разсказываетъ о своемъ плѣнѣ въ 1712 г.:—„было мнѣ отъ роду лѣтъ шесть; перевезли меня хлопцы-товарищи (изъ Кременчуга) на ту сторону Днѣпра, по ягоды-полуницы (полевая земляника) и тамъ напавши на насъ нѣсколько человѣкъ татаръ, ухватили меня и завезли въ Козловъ". Кромѣ того случалось, что татарамъ продавали въ плѣнъ—своя своихъ: житель м. Лютенки Карпенко жаловался гетману въ 1728 г., что „продалъ его въ турецкую землю, въ неволю Марко Быкъ, житель м. Крылова, въ которой незносной неволѣ будучи лѣтъ пятнадцать, претерпѣлъ онъ, Карпенко, нужды не малыя; а потомъ божіимъ изволеніемъ, когда его Богъ изъ той неволи вынесъ и онъ съ Быкомъ въ Крыловѣ судился, при чемъ Быкъ повинился и обязался заплатить ему семьсотъ золотыхъ (золотой=20 коп. ассигн.) за его неволю".

Плѣнниковъ татары дѣлили на два сорта: богатыхъ и бѣдныхъ. Богатымъ назначали извѣстную цѣну выкупа и въ ожиданіи выкупа держали такихъ плѣнниковъ въ ножныхъ „кайданахъ", не употребляя въ работы. Примѣръ такого плѣна мы видѣли въ Четвертинскомъ. Цѣну выкупа обыкновенно назначали большую, которую и достаточнымъ людямъ собрать было не легко. Въ такихъ случаяхъ родственники плѣнныхъ обращались къ общественной благотворительности и собирали „ялмужну на окупъ" (милостыню на выкупъ). На сборъ этой милостыни выдавались особые дозволительныя листы гетмана [2]). Плѣнники бѣдняки поступали въ рабочіе, занимаясь преимущественно пастушествомъ; въ предупрежденіе побѣговъ, плѣнникамъ надрѣзывали подошвы, засыпая при этомъ раны рубленнымъ конскимъ волосомъ или вырѣзывали часть голени, при чемъ въ рану вставляли тонкую палочку. Приведемъ нѣсколько разсказокъ плѣнниковъ о томъ какъ жили они въ неволѣ.

Тотъ же Бутокъ разсказываетъ: „и завели меня татары въ Козловъ, гдѣ жилъ я у муллы Авекерима десять лѣтъ, пасъ овцы и работалъ; а по смерти муллы, братъ его Баранъ продалъ меня Алешѣ-

---

[1]) Марков. II, 22. Тотъ же Марковичъ сообщаетъ слухъ, что во всѣхъ полкахъ, татары въ этотъ набѣгъ „забрали ясыру, народа нашего на 9 тысячъ". Изъ рукописи Дневныхъ записокъ.

[2]) Въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, хранится „Зборная память, данная полоняннику полтавскаго полку козаку Николаю Константинову о зборѣ на окупъ себѣ и брату его родному, въ неволѣ страждущему", 1707 г.

Чабану за 240 талеровъ и былъ я при Чабану, пася овцы, тоже десять лѣтъ; а въ прошломъ 1731 г. услыхалъ я отъ козаковъ запорожскихъ, что отецъ мой живъ, тогда я бѣжалъ отъ Алеши и пришелъ въ Ведмедовку, и оттуда пошелъ въ Крыловъ".

Копытченко въ 1749 г. разсказываетъ, что родился онъ въ селѣ Нижнихъ Млинахъ (полтавскаго уѣзда) и былъ назначенъ въ Хотинскій походъ—погонщикомъ; и будучи въ походѣ, за Днѣстромъ, онъ. Копытченко, съ другими погонщиками и драгунами, всѣхъ одинадцать человѣкъ, взятъ былъ татарами въ плѣнъ ночью, при пастьбѣ воловъ; черезъ трое сутокъ, татары въ Данаю (?) продали его туркамъ въ мѣстечко Старое Слонце (?), гдѣ онъ былъ у турчина Антипаши полтора года; а оттуда проданъ былъ Копытченко Антипашею цареградскому Капитанъ-пашѣ; а у того Капитанъ-паши былъ онъ на каторгѣ пол-осма ($7^1/_2$) года; а въ прошломъ 1748 г., на веснѣ онъ, Копытченко, вмѣстѣ съ другими плѣнниками, тоже малороссіянами, въ числѣ сорока пяти человѣкъ, отправленъ былъ изъ Цареграда чрезъ Бѣлое море, къ песиголовцамъ, для продажи [1]); и какъ плыли они моремъ, случилось, что турки напились пьяны и поснули, а плѣнники сговорившись, взяли у спящаго турчина ключи, поотпирали цѣпи и всѣхъ турокъ поколовши кортиками, въ море побросали, а сами вернулись назадъ и въ четыре недѣли приплыли къ устью Днѣпра; оставя судно, плѣнники пошли, кроясь степями, чтобъ гдѣ ихъ не поймали и прошли къ границѣ, къ городу Василькову, гдѣ выдержали шестинедѣльный карантинъ, по приказу тамошняго городничаго — монаха Печерской лавры. Тамъ въ Васильковѣ изъ нихъ умерли двадцать четыре человѣка; остальные отпущены были въ Кіевъ".

Другой полтавецъ Игнатченко въ томъ же 1749 г., разсказывалъ, что родился онъ въ м. Новыхъ Санжарахъ и взятъ былъ погонщикомъ въ обозъ, везшій пули (въ 1737 г.)? Въ дорогѣ онъ заболѣлъ и отданъ былъ въ лазаретъ, находившійся около рѣчки Каменки, на островѣ Монастырскомъ; а когда поздоровѣлъ, послали его, Игнатченка, на Хортицкій островъ—тесать балки; и не дойдя того острова, взяли его, Игнатченка, на долинѣ Бѣлозеркѣ, татары въ плѣнъ; а за то, что онъ не хотѣлъ было сдаваться, татары подрѣзали ему лѣвую ногу и вынувъ „голѣнку", вставили туда „соснину". Пригнавши Игнатченко въ городъ Кефу, татары продали его какому то татарскому начальнику Анпа-пашѣ; черезъ три недѣли онъ былъ перепроданъ въ Бѣлгородъ Капитану-пашѣ, который снова перепродалъ его въ турецкій городъ Вилію (Килію?) Лупѣ-пашѣ, у котораго Игнатченко жилъ три года ключникомъ и который хотѣлъ и дочь свою за него выдать; но какъ онъ, Игнатченко, не хотѣлъ мѣнять свою хри-

[1]) Баснословные песиголовцы не разъ встрѣчаются въ южнорусскихъ народныхъ сказаніяхъ. См. „Малорусскія легенды" Драгоманова, стр. 2.

стіанскую вѣру на ихъ вѣру богомѣрзкую, то паша, приказавъ его „звалашить“ (оскопить), отдалъ его сыну своему визирю въ Цареградъ, у котораго жилъ онъ два года, надсматривая за виноградниками. А какъ пошелъ его панъ въ хотинскую войну, такъ оттуда и не вернулся; тогда старшая жена визиря продала Игнатченка съ другими, въ Бѣлое море, на каторгу, на которой онъ находился семь лѣтъ. А когда оттуда повезено было его съ другими сорокачетырьмя невольниками, на продажу къ песиголовцамъ, и они, плѣнники, видя, что татаръ около нихъ только семь человѣкъ, напали на нихъ и всѣхъ покололи; а сами бѣжали моремъ въ Азовъ, а оттуда пошли въ Таганрогъ, гдѣ выдержавши карантинъ, приведены были въ Черкасскѣ къ присягѣ отпущены по общему паспорту, на Украину.

Большинство плѣнниковъ-бѣдняковъ въ плѣну и умирало; многіе изъ нихъ въ неволѣ „бусурманились“, заводили семьи и уже не думали о возвратѣ на родину. Но большая часть, конечно, искала случая избавиться отъ плѣна. Какъ долго иногда приходилось ждать плѣннику освобожденія, видимъ на Павлѣ Скоропадскомъ, который прожилъ въ плѣну около тридцати лѣтъ.

По разсказу Козловскаго, Павелъ въ плѣну и женился, вѣроятно на турчанкѣ, которая однакожъ не оставила мужа и пріѣхала съ нимъ на Украину. Возвратившись на родину послѣ тридцатилѣтняго плѣна, Павлу Скоропадскому, разумѣется, нечего было уже разсчитывать на войсковую службу: въ пятьдесятъ лѣтъ ему трудно было усвоить порядки полузабытой жизни. Старшій братъ Павла, ставъ гетманомъ, далъ ему какую-то маетность и кромѣ того, поручилъ ему—собирать „покуховный“ (отъ продажи вина) налогъ въ Черниговскомъ полку. Сборщикомъ этого налога Павелъ оставался до смерти гетмана. Сынъ Павла—Тимофей, родившійся въ плѣну, служилъ бунчуковымъ товарищемъ и участвовалъ въ Гилянскомъ походѣ, а сынъ Тимофея—Константинъ пошелъ въ монахи, отдавъ при этомъ свои имѣнія Якову Михайловичу Скоропадскому.

А. Лазаревскій.

НА ЗОЛОТОМЪ ПРІИСКѢ.

„Золото моемъ, а сами голосомъ воемъ“.
(Пріисковая пословица).

Безконечна и обширна Уральская тайга! Густой лѣсъ покрываетъ Уральскій хребетъ и его отроги, разстилается въ долинахъ и рѣдѣетъ только на мшистыхъ тундровыхъ болотахъ, да на погорѣлыхъ мѣстахъ или „гарникахъ“, гдѣ свидѣтелями прежняго величія стоятъ унылые, обгорѣлые гиганты — остатки бывшаго здѣсь кондоваго лѣса.

Эта обширная сѣверная окраина Пермской губерніи, щедро надѣленная природою богатствомъ нѣдръ земныхъ, съ изобильнымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, который населенъ промысловыми звѣрьми и птицами, и многочисленными озерами и рѣками изобилующими рыбой,—находится какъ бы въ забытьѣ у Бога и людей. Не многочисленные обитатели этого края—сперва вогулы и остяки, теперь же русскіе переселенцы изъ сосѣднихъ уѣздовъ, не умѣютъ пользоваться этими богатствами и не извлекаютъ изъ нихъ ту выгоду, какую могли бы получить. Главнымъ препятствіемъ заселенію края является отсутствіе мало-мальски порядочныхъ путей сообщенія, что крайне затрудняетъ сношенія и сближенія обитателей, и производитъ застой въ промыслахъ.

Трактовая дорога остается далеко позади, еще въ Турьинскихъ мѣдныхъ рудникахъ, здѣсь же существуютъ только мало проѣзжія верховыя тропы. Поселки крайне рѣдки и человѣкъ мало еще препятствуетъ привольному житью звѣрья. Здѣсь нѣтъ приманокъ, завлекающихъ поселенцевъ: ни голубаго неба, ни благорастворениаго климата, ни тучныхъ земель; напротивъ, суровость климата на долго сковываетъ рѣки и озера, земля сильно промерзаетъ и на продолжительное время замираетъ все растительное царство. Не смотря однако на эти неблагопріятныя условія для жизни человѣка, тамъ и сямъ въ глубинѣ долинъ встрѣчаются уединенные поселки, характеръ строеній которыхъ указываетъ на то, что человѣкъ пріютился здѣсь только

временно; эти поселки—золотые пріиски. Забираются въ эту глушь и даль только золотопромышленники, которые, большею частью, отрекаются отъ всего живого, терпятъ всякія лишенія, ведутъ самую суровую жизнь, подвергаются всевозможнымъ опасностямъ, ради энергичнаго преслѣдованія одной цѣли — наживы, притомъ въ возможно непродолжительный періодъ времени и подчасъ не разбирая средствъ. Ихъ манитъ сюда золото, этотъ драгоцѣнный металлъ, скрывающійся въ нѣдрахъ рѣчныхъ долинъ и въ отлогихъ горныхъ скатахъ. За людьми же, гоняющимися за наживой, обладающими нѣкоторымъ капиталомъ слѣдуютъ неизбѣжно, существенно необходимыя рабочія силы, нерѣдко изнемогающія въ борьбѣ за существованіе; рабочіе идутъ сюда конечно не ради наживы, а ради насущнаго куска хлѣба.

Тихо, еле передвигая ноги, тащились наши измученные кони, которымъ не разъ приходилось по грудь вязнуть въ болотинахъ и съ замѣчательнымъ искусствомъ пробираться по „стланямъ", т. е. рядамъ бревенъ, замѣняющимъ здѣсь мосты чрезъ особенно топкія мѣста болотъ. Уже не мало часовъ плелись мы по этому, вполнѣ первобытному пути, свернувъ съ крайне незатѣйливой земской дорогой до Ивделя, по которой только нѣсколько лѣтъ какъ стали развозить земскую почту. Земская дорога все же была нѣсколько споснѣе, хотя и по ней въ дождливую пору года прекращается всякое сообщеніе. По нашей же дорогѣ передвиженіе возможно только верхомъ и лишь тогда, когда, послѣ временныхъ засухъ болотины нѣсколько присыхаютъ. По земской дорогѣ мѣстами употребляютъ даже особый двухколесный тарантасъ, называемый „качалкой". Вообще дороги въ сѣверо-восточномъ Зауральѣ не знаютъ поправокъ; нерѣдко буреломы заваливаютъ ихъ сломанными деревьями, что окончательно заграждаетъ проѣздъ. Существовала здѣсь прежде дорога на Чердынь, проложенная однимъ изъ первыхъ здѣшнихъ рудоискателей; теперь же остались только ея слѣды и проѣздъ неудобенъ даже верхомъ. Извѣстна она подъ названіемъ „чердынской тропы" и ею пользуются только бѣглые изъ Сибири, пробирающіеся во внутрь Россіи.

Не смотря на всѣ неудобства странствованій по уральскимъ первобытнымъ дорогамъ, особенно при уныломъ, душу томящемъ, характерѣ здѣшнихъ лѣсовъ, въ которыхъ путникъ не видитъ признаковъ ничего живого, среди которыхъ лишь глухо отдается равномѣрный ударъ копытъ везущихъ лошадей, со всѣмъ этимъ миришься, такъ какъ все это вознаграждается съ лихвой при одномъ только подъемѣ на одну изъ величавыхъ вершинъ Урала, каковъ Качканаръ, Павдинскій и Денежкинъ-Камни и другіе. Одинъ видъ на окрестныя, могучія, грозныя и нетронутыя еще картины уральской природы заставляетъ забывать все это; впечатлѣніе такъ цѣльно, такъ своеобразно, сильно, такъ глубоко западаетъ въ душу, что долго не можешь оторваться и

и отвести глазъ отъ этой величественной дѣвственной природы. Но и здѣсь человѣка преслѣдуетъ ужасный бичъ нашего сѣвера — комары, мошка и слѣпни. Противъ нихъ не дѣйствительны никакія мѣры, ни дымокурка съ тлѣющими гнилушками, которая носится постоянно съ собою, ни волосяныя сѣтки надѣваемыя на лицо, ни наконецъ смазываніе лица и рукъ разными веществами. Эти докучливые враги появляются не всѣ вдругъ, но правильно смѣняются одни другими въ теченіи дня, не оставляя ни на минуту въ покоѣ ни челоловѣка, ни животнаго.

Испытывая на себѣ въ теченіи нашего дневного пути неотвязныя нападенія этихъ паразитовъ, мы, истомленные, измученные, грязные, молча двигались по тернистой лѣсной тропѣ; всѣ съ нетерпѣніемъ поглядывали впередъ; повидимому у всѣхъ было одно желаніе добраться поскорѣе до мѣста стоянки. Въ лѣсу царилъ уже полумракъ и лишь изрѣдка лучи заходящаго солнца, боязливо прорывались сквозь густоту вѣтвей. Наконецъ сталъ доносится глухой лай собакъ и запахло дымомъ — ясно, что жилье близко; вотъ уже послѣдній спускъ и наша тропа, извиваясь, подходитъ къ самому берегу рѣчки. Желтой лентой льется вода, неуспѣвшая еще осадить всѣ поднятыя частицы мути, взбудораженной дневными работами,—несомнѣнный признакъ близости пріиска. Нѣсколько дальше въ долинѣ, по сторонамъ рѣчки, стали попадаться массивные отвалы песку — слѣды недавнихъ работъ. Все чаще и чаще торчатъ пни срубленныхъ деревъ и мѣстами между отвалами виднѣются изгороди или плотины, служащія для скопа водъ. Еще выше и площадь расширяется, рѣчка раздѣляется на нѣсколько каналовъ, видны промывательные станки и наконецъ большая хозяйская золото-промывальная машина; за послѣдней, вправо, на нѣсколько возвышенномъ берегу ютятся казармы или еле сколоченные изъ досокъ бараки для рабочихъ, а за ними чистый, свѣтлый хозяйскій домъ. Обиліе лѣса окрестъ этого небольшого поселка говоритъ, что пріискъ недавній, что человѣкъ не успѣлъ положить еще на природу своей губительной руки; дѣйствительно работы возникли здѣсь только годъ тому назадъ. Почему сюда, въ эту трущобу пришелъ человѣкъ, почему здѣсь именно началъ онъ работы, какъ узналъ онъ, что въ пескахъ этой долины скрыто золото? спроситъ меня читатель, незнакомый съ организаціей золотого дѣла. Отвѣтъ простъ.

Между золотопромышленниками-капиталистами, есть не мало людей чрезвычайно предпріимчивыхъ, которые ежегодно, ранней весною снаряжаютъ партіи рабочихъ, поставляютъ надъ ними старшаго— опытнаго человѣка и посылаютъ въ глухія, нетронутыя еще мѣста для производства развѣдокъ или шурфовокъ. Эта партія идетъ по горамъ и спускаясь въ долины горныхъ рѣчекъ, роетъ небольшія ямы или шурфы; снявъ торфъ, изъ лежащаго подъ нимъ пласта наноснаго образованія берутъ немного земли въ большой желѣзный ковшъ и

дѣлаютъ пробную промывку золота; не случится въ немъ встрѣтить что-либо указывающее на присутствіе золота—роютъ дальше и повторяютъ туже операцію. Если найдутъ признаки золота, то шурфовку усиливаютъ, ознакомляются съ окружающей мѣстностью и опытный глазъ штейгера, завѣдующаго работами, опредѣляетъ уже—достойна ли россыпь разработки. Здѣсь кромѣ опытности штейгера, нужна еще его добросовѣстность; а то нерѣдко случается, что при отсутствіи первой безплодныя шурфовки раззоряютъ хозяина, попусту закапываются въ землю деньги, особенно же при упрямствѣ завѣдующаго работами, когда онъ въ силу того, что ему кажется, что въ данномъ мѣстѣ должно быть непремѣнно золото, производитъ усиленную шурфовку и тѣмъ вводитъ въ большіе убытки ввѣрившагося ему хозяина; при отсутствіи же добросовѣстности, не рѣдки случаи, что штейгеръ лучшую встрѣченную россыпь скрываетъ, въ ожиданіи того, что когда будетъ у него капиталъ, то впослѣдствіи онъ самъ примется за нее, или же при разладѣ съ хозяиномъ продастъ ее въ другія руки. Подобный случай наглядно подтверждается на томъ пріискѣ, который мы намѣрены описать. Въ данной мѣстности развѣдки были сдѣланы нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ одного золотопромышленника. Послѣдній, благодаря ловкому штейгеру затратилъ не мало денегъ, дѣло не выгорѣло, онъ раззорился и бросилъ его. Штейгеръ до поры до времени, хранилъ въ тайнѣ намѣченный имъ пунктъ и только въ прошломъ году заявился къ одному изъ Верхотурскихъ купцовъ съ предложеніемъ указать золотую россыпь за извѣстную сумму денегъ и съ тѣмъ, чтобы купецъ поставилъ его смотрителемъ при будущихъ работахъ. Послѣ переговоровъ, сопровождавшихся, по обыкновенію солидными возліяніями, нагрузившіеся собесѣдники ударили по рукамъ и купчина, въ ожиданіи будущихъ благъ, вручилъ новому пріятелю приличный задатокъ.

На третій день послѣ этого свиданіи, рѣшено было выѣхать, а еще спустя нѣсколько дней купецъ со штейгеромъ рыли уже яму вблизи одной рѣчки глухого Зауралья. Сдѣлали пробу на золото; проба оказалась удачной, послѣ чего водрузили тутъ столбъ, въ знакъ того, что мѣсто это уже облюбовано. Оставалось покончить съ формальной стороной дѣла: заявили горному ревизору объ открытіи россыпи и просили сдѣлать распоряженіе объ отводѣ этого участка подъ работы заявившаго. Отмежеваніе участка не заставило себя долго ждать; штейгеръ же въ это время отправился по селамъ и заводамъ, какъ довѣренный новаго золотопромышленника, искать и нанимать рабочій людъ для новаго пріиска. Это обычный способъ, съиспоконъ лѣтъ существующій здѣсь, что обусловливается крайне рѣдкимъ населеніемъ въ сѣверо-восточномъ Зауральѣ. За рабочими отправляются иногда верстъ за триста, четыреста. Нерѣдки случаи, что наниматель входитъ въ сдѣлку непосредственно съ волостнымъ старшиной любой волости и послѣдній снаряжаетъ на пріисковыя работы неисправныхъ плательщиковъ податей для заработка ихъ; тогда наниматель вноситъ

извѣстную сумму старшинѣ, и уже его дѣло принять мѣры, чтобы всѣ назначенные рабочіе явились на пріискъ въ полномъ составѣ. Послѣдніе при этомъ получаютъ лишь незначительный задатокъ на подъемъ. Благодаря своей опытности, нашъ штейгеръ зналъ куда нужно заглянуть, гдѣ больше свободныхъ рукъ и гдѣ выгоднѣе можно ихъ прінанять. Къ тому же, ему было извѣстно, какъ нужно говорить съ рабочими при предложеніи имъ работъ, чтобы подѣйствовать на ихъ слабыя стороны и тѣмъ привлечь большее число желающихъ, вслѣдствіе чего, конечно, падаетъ и наемная цѣна.

Пріѣхалъ онъ въ одинъ опустѣлый работами заводъ прямо въ главный кабакъ, играющій обыкновенно роль мѣстнаго клуба, а отсюда уже съ быстротою молніи разнеслась по заводу вѣсть о пріѣздѣ нанимателя. Не обширное помѣщеніе клуба скоро стало наполняться народомъ и здѣсь за чаркой водки вывѣдывали у цѣловальника куда, зачѣмъ и сколько нужно народу пріѣзжему гостю. Когда было уже людно, послѣдній присоединился къ собранію. Сперва разговоръ шелъ урывками, ни та, ни другая сторона ни ставила вопроса прямо.

— Моему то хозяину нужно бы рабочихъ, да только у васъ въ заводѣ, говорятъ народъ то очень пьющій, не работники, такъ я думаю ѣхать въ другое мѣсто, началъ было нѣсколько свысока штейгеръ, желая показать, что особенной нужды въ рабочихъ нѣтъ и что дѣло не къ спѣху; но затѣмъ его рѣчь, пересыпаемая восхваленіями пріисковаго хозяина становилась все мягче и мягче, и наконецъ тонко коснулась найма. Онъ говорилъ, что рабочіе встрѣтятъ на новомъ пріискѣ рай земной, свидѣтелями чему призывалъ всѣхъ святыхъ.

— Плату будете получать нѣсколько большую, чѣмъ на всѣхъ сосѣднихъ пріискахъ, увѣрялъ онъ, жить будете въ обширныхъ чистыхъ казармахъ, ѣсть свѣжее мясо и хлѣбъ, чарочная подачка водки будетъ щедрѣе, чѣмъ гдѣ либо, лишь бы хорошо работали; при всемъ этомъ, работы поведутся вблизи самыхъ казармъ и для удобства рабочихъ хозяинъ-золотопромышленникъ будетъ имѣть при пріискѣ амбары, со всѣми необходимыми жизненными припасами, которые будутъ отпускаться рабочимъ по возможно низкой цѣнѣ и т. п.". Особенно же соблазнительнымъ показалось рабочимъ, когда штейгеръ заявилъ, что для подъема идущимъ въ работы онъ выдаетъ впередъ по десяти рублей на брата. Продолжая дѣйствовать такимъ образомъ, съ большою осторожностью, имѣя при томъ уже нѣкоторую опытность и смѣтку въ этомъ дѣлѣ, штейгеру удалось, менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли нанять и отправить на пріискъ около трехъ сотъ человѣкъ.

Хозяинъ также не спалъ. Посланные впередъ рабочіе на мѣсто будущихъ работъ пообчистили нѣсколько пролегающій туда путь, и скалачивали уже на указанномъ пунктѣ на живую нитку пріисковыя казармы; вскорѣ пригнано было живое мясо т. е. быки, подвезена мука и товары. Новый золотопромышленникъ начиналъ уже строить

воздушные замки и съ удовольствіемъ подумывалъ, какъ лопатами будетъ сгребать золото.

— Растанусь я съ моей семьей, думалось ему,—уберусь въ глушь непроглядную, и не выѣду оттуда, пока не скажу себѣ — довольно, я уже богатъ, на мой вѣкъ хватитъ.

Время шло, весна близилась къ исходу. Всѣ рабочіе явились, закипѣла работа. Подъ ударами топора валились вѣковыя деревья; обнажались берега рѣчки, прокладывались новыя тропы.

На пообчищенной долинѣ засверкали лопаты и кайлы; снимался растительный дернъ и пустой слой земли, чтобы вскрыть россыпь, которая залегала на глубинѣ двухъ футовъ. Въ разныхъ мѣстахъ устанавливались ручные золотопромывательные станки или вашгерды. Этотъ первобытный снарядъ обыкновенно дѣлается на мѣстѣ, такъ какъ его простая конструкція не представляетъ никакихъ затрудненій: сколачивается нѣсколько досокъ, одни концы которыхъ ставятся нѣсколько выше другихъ, для стока водъ съ пустой породой. На приподнятомъ концѣ ставятъ „козлы"—родъ ящика, съ дномъ изъ желѣзныхъ прутьевъ, въ видѣ рѣшета. Ящикъ засыпаютъ золотосодержащимъ пескомъ и окачиваютъ его обильнымъ потокомъ нагнетаемой посредствомъ насоса воды; послѣдняя сливается внизъ, на досчатую покатость, увлекая съ собою всѣ наиболѣе легкія части песчаной массы; золото же, имѣя большій удѣльный вѣсъ, опускается на доски подъ рѣшеткой, гдѣ на разстояніи аршина отъ края кладется поперечная жердь, которая способствуетъ удержанію мелкихъ частицъ золота. Скажу кстати и о дальнѣйшемъ ходѣ работъ. Чрезъ два или три часа, послѣ начала смывки, песку болѣе не прибавляютъ, количество вливаемой воды уменьшаютъ и осторожно сгоняютъ со станка песокъ; приближается время снимки золота. Наиболѣе искусный работникъ вооружается щеткой и деревянной лопаточкой, и съ большою аккуратностью пригоняетъ всѣ оставшіяся на доскѣ частицы породы къ поперечной перекладинѣ. Но здѣсь еще не одно золото: видны шлихи, платина, киноварь и друг. Потокомъ воды, съ помощью щеточки отдѣляетъ рабочій негодныя частицы, отличаемыя глазомъ, затѣмъ снимаетъ перекладину, осторожно собираетъ мизерную добычу въ кучку, поддѣваетъ желѣзною лопаточкой и отжигаетъ на огнѣ. Этимъ и заканчивается вся процедура.

На новомъ пріискѣ работы было много и притомъ работы трудной; но рабочіе исполняли все съ усердіемъ и безъ отговорокъ, надѣясь что потомъ дѣло пойдетъ легче; ихъ подбодряло главнымъ образомъ то обстоятельство, что они получали въ достаточномъ количествѣ пищу и хозяинъ относился къ нимъ человѣчески. Наконецъ начались и промывки; первыя промывки шли весьма сносно, отъ ста пудовъ песку получалось не менѣе двухъ золотниковъ золота, а о такомъ количествѣ говорятъ обыкновенно, что „работать можно". Вскорѣ хозяинъ затѣялъ поставить свою большую промывательную машину, чтобы промывка

шла въ большихъ размѣрахъ. Такъ какъ недостатка въ рабочихъ рукахъ не было, то и это создалось въ весьма непродолжительное время: одни рабочіе были плотниками—дѣлали срубъ, колеса и желоба для проведенія воды; другіе занимались установкой, третьи вели подготовительныя земляныя работы. Когда все было окончено, суточная промывка песковъ отъ 5,000 пудъ, дошла до 20,000 пудъ и количество добываемаго золота увеличилось въ нѣсколько разъ.

Каждый вечеръ, по окончаніи работъ, хозяинъ подсчитывалъ приходъ и расходъ, и нерѣдко приходилъ въ ужасъ отъ тѣхъ капитальныхъ затратъ, которыя приходилось дѣлать при обстройкѣ и установкѣ новаго золотого промысла. Добываемыя „крупка", хотя и возвращала часть затратъ, но окупать всѣхъ расходовъ разумѣется еще не могла, вслѣдствіе недавняго начала работъ. Жажда наживы преслѣдовала золотопромышленника все больше и больше, и подчасъ онъ приходилъ даже въ отчаяніе при мысли, что работы этого рода не возвратятъ съ богатой лихвой зарытаго капитала. Къ счастью, въ началѣ августа мѣсяца, наткнулись на гнѣздовое золото,—это его нѣсколько ободрило и онъ сдѣлался веселѣе. Наконецъ, сырая, дождливая осень вступила въ свои права, ненастье установилось; приближалось время прекращенія работъ. Съ начала октября мѣсяца нерѣдко уже попорашивалъ снѣгъ, а спустя еще недѣли двѣ морозъ сковалъ уже воду и тогда, по не возможности продолжать работы, вынуждены были прекратить ихъ и ждать будущей весны. Началось сведеніе итоговъ и счетовъ съ рабочими. Такъ какъ почти всѣ они позабрались изъ магазина, кто одеждой и обувью, кто съѣстными припасами, кто и водкой, то въ концѣ концовъ имъ оставалось получить всего лишь по нѣскольку рублей. Рабочій людъ, хотя и вздыхалъ, пораздумавъ, что немного принесетъ онъ въ семью, съ которой не видался цѣлыхъ полгода, но скоро сроднялся съ этой мыслью, припоминая, что жизнь его была все же человѣческая, что хозяинъ не обсчитывалъ, не выжималъ послѣднихъ грошей и кормилъ изрядной пищей.

Хозяинъ тѣмъ временемъ обдумывалъ планъ работъ на будущій годъ и остановился на томъ, чтобы съ наступленіемъ весны расширить ихъ и вести промывку песковъ въ самыхъ большихъ размѣрахъ. Съ этою цѣлью рѣшился онъ самъ провести зиму на пріискѣ и уговорилъ человѣкъ тридцать рабочихъ остаться съ нимъ, чтобы въ этотъ промежутокъ времени подготовить все необходимое. Затѣмъ, чтобы нѣсколько обезпечить себя рабочими силами при будущихъ работахъ, онъ предложилъ уходящимъ во свояси рабочимъ денежные задатки, взявъ съ нихъ слово, явиться при первыхъ потайкахъ. Большинство согласилось, получивъ въ задатокъ отъ 10 до 25 рублей на каждаго.

Наступила зима, начались морозы, глубокій снѣгъ засыпалъ все, замелъ и узкую тропу въ это уединенное селитьбище. Тихо и одно-

образно потянулась жизнь и только разъ или два во все время, слышали эти добровольные отшельники свѣжій человѣческій голосъ возщиковъ, доставившихъ имъ провизію. Рабочіе заготовляли лѣсъ и тесъ, а хозяинъ лишь посматривалъ, ѣлъ, пилъ и большую часть сутокъ предавался сну, заглушая водкой скуку одиночества, ибо не было пищи ни для ума, ни для сердца; нравственныя чувства его притуплялись и онъ, предаваясь чисто животной жизни, опускался все ниже и ниже; обуявшая его апатія ко всему окружающему, пробуждалась лишь при мысли, что всѣ эти лишенія доставятъ ему груды золота, что заживетъ онъ потомъ Крезомъ, будетъ городскимъ воротилой, предъ златомъ котораго все преклонится.

Начались наконецъ давно ожидаемыя потайки. Оковывавшій землю ледянной покровъ, мало по малу исчезалъ, поддаваясь дѣйствію лучей солнца. Въ концѣ марта мѣсяца явились первые рабочіе, изъ получившихъ задатокъ, и въ это же время штейгеръ опять отправился нанимать новыхъ. Шелъ день за днемъ; природа пробуждалась, все оживало и принимало болѣе привѣтливый видъ; наконецъ зажурчали ручьи, показалась первая травка, земля понемногу оттаивала, почти всѣ рабочіе собрались и на пріискѣ начались усиленныя работы. Штейгеръ съ партіей землекоповъ производилъ въ окрестностяхъ пріиска энергичную шурфовку, но она не давала благопріятныхъ результатовъ, вслѣдствіе чего онъ уходилъ все дальше и дальше отъ пріиска въ лѣсную глушь, гдѣ земля была еще промерзшая, что значительно увеличивало трудность работъ, такъ какъ приходилось прежде чѣмъ рыть ямы, оттаивать землю кострами; рабочіе сильно маялись, изнемогали, живя все это время подъ открытымъ небомъ, среди болотъ; къ тому же и пища, взятая съ собою истощалась и пришлось экономить въ порціонной выдачѣ; возникъ ропотъ и подчасъ рабочіе заявляли штейгеру, что они дальше идти не согласны. Штейгеръ принимался всячески ихъ уговаривать, обѣщая, что по возвращеніи на пріискъ, хозяинъ заплатитъ имъ съ лихвой за всѣ труды.

Только спустя мѣсяцъ удалось имъ найти благонадежную россыпь, которая залегала отъ пріиска на разстояніи почти 80 верстъ, въ самой глуши лѣсныхъ дебрей. Штейгеръ вернулся съ нѣсколькими рабочими къ хозяину, оставивъ остальныхъ на избранномъ пунктѣ и обѣщая тотчасъ же выслать имъ провизію съ новыми рабочими. Онъ дѣятельно подбивалъ хозяина начать работы на вновь открытой россыпи, указывалъ на необходимость этого, особенно имѣя въ виду уменьшеніе количества промываемаго золота на старомъ пріискѣ. Хозяинъ, страшась новыхъ затратъ довольно туго поддавался его убѣжденіямъ; но въ тоже время мысль, что авось тамъ окажется дѣйствительно богатая россыпь, которую онъ самъ упуститъ, если не начнетъ работъ, подмывала и подстрекала его. Онъ находился въ положеніи игрока, ставившаго рискованную карту въ азартной игрѣ. Наконецъ, онъ согласился; живо отдѣлено было 75 человѣкъ рабочихъ съ

пріиска, партію эту снабдили провіантомъ, заключавшимся въ плохо просоленомъ мясѣ, сухаряхъ, соли и проч. и она двинулась на новый пріискъ. Предъ отходомъ партіи, хозяинъ всячески старался умаслить отправляющихся и, не скупился на угощеніе водкой, потому что многіе, очевидно, шли съ неохотой.

Съ грѣхомъ пополамъ добралась партія до мѣста назначенія, гдѣ тотчасъ по приходѣ приступлено было къ устройству шалашей, чтобы хотя сколько нибудь укрыться отъ бурь и непогодъ. Вскорѣ прибылъ самъ хозяинъ. Для расчистки мѣста потребовались новые неимовѣрные труды, на которые расходовались въ значительномъ количествѣ силы рабочихъ, а между тѣмъ пища отпускалась здѣсь хуже, менѣе питательная, чѣмъ на первомъ пріискѣ, вслѣдствіи чего силы мало возстановлялись; притомъ, постоянная непогода, окончательно расшатывала крѣпкія, выносливыя натуры рабочихъ. Изнемогая физически, они не разъ упрекали хозяина въ томъ, что онъ нарушилъ условіе оговоренное при наймѣ, по которому обязывался содержать рабочихъ въ казармахъ и кормить свѣжей пищей. Хозяинъ сперва не обращалъ вниманія на упреки; но когда они стали повторяться все чаще и чаще, то онъ въ пылу раздраженія грозилъ рабочимъ жалобой горному исправнику, что вызывало, разумѣется, со стороны рабочихъ еще большее озлобленіе.

Между тѣмъ, начавшаяся промывка песковъ, не дала ожидаемыхъ результатовъ; золото оказалось слишкомъ мелко и его много уходило со станка. Хозяинъ дѣлался мрачнѣе, ибо надежда его на обогащеніе не осуществлялась. Подчасъ, раздраженный, онъ рѣшался даже обвинять рабочихъ въ утайкѣ золота, т. е. въ преступленіи называемомъ „хищничествомъ". Хищничество, нужно замѣтить, весьма сильно развито на Уралѣ, въ особенности на отдаленныхъ золотыхъ пріискахъ; утайка золота совершается въ минуты смывки его на вашчертѣ, передъ окончательнымъ его отдѣленіемъ отъ постороннихъ веществъ, т. е. тогда, когда золото уже обозначилось подъ рѣшеткой станка. Въ видахъ устраненія этого зла, на многихъ пріискахъ окончательную смывку и снимку золота рабочіе обязаны дѣлать на глазахъ смотрителя, который черезъ извѣстные промежутки времени обходитъ всѣ ручные станки. Притомъ къ сниманію золота допускаются не всѣ рабочіе, а лишь только наиболѣе искусные, пріобрѣтшіе нѣкоторую ловкость и чистоту въ работѣ. Искусство это у нѣкоторыхъ рабочихъ, въ особенности у женщинъ, нерѣдко доходитъ до артистичности. Однако, не смотря даже на контроль смотрителя, нѣкоторые рабочіе ухитряются скрадывать крупинки золота почти на его глазахъ. Развитію этого зла на Уральскихъ пріискахъ много способствуютъ скупщики золота, которые время отъ времени объѣзжаютъ пріиски подъ разными предлогами, то съ ситцами, то скупая мѣха или птицу; они даютъ за золото большую цѣну, чѣмъ рабочій можетъ получить отъ хозяина, а тѣмъ болѣе на казенномъ пріискѣ,

гдѣ за золотникъ выдается отъ 1 р. 80 к. до 2 руб., на частныхъ-же пріискахъ до 2 р. 30 к., а у скупщиковъ до 2 р. 50 к. Преслѣдованія скупщиковъ мѣстными властями не приводитъ ни къ чему, потому что поймать ихъ очень трудно, а въ глуши даже совершенно невозможно.

И такъ ухудшеніе пищи рабочихъ и обвиненіе ихъ со стороны хозяина въ хищничествѣ, положило первый разладъ между золотопромышленникомъ и его рабочими, и тѣмъ подорвало взаимное довѣріе. Хозяинъ, озлобленный неудачами и большими затратами, незамѣтно для самаго себя, шелъ дальше по пути разлада; такъ, желая усилить добычу песковъ, онъ сталъ придираться къ рабочимъ, укорялъ ихъ въ лѣности и наконецъ началъ увеличивать урокъ дневной работы. Хотя подвозъ провіанта и мяса съ главнаго пріиска продолжался, но вслѣдствіе плохого соленія, мясо быстро портилось и рабочіе, вынуждаемые голодомъ, должны были питаться гнилой пищей. Какъ всему есть граница и мѣра, такъ и здѣсь наступалъ уже конецъ долготерпѣнію обезсиленнаго, измореннаго рабочаго люда. Чаще и чаще сталъ возникать въ ихъ головахъ вопросъ какъ бы отдѣлаться отъ хозяина, какъ бы сбросить съ себя это тяжелое ярмо? „Бѣжать, бѣжать и бѣжать"—было единственнымъ отвѣтомъ, единственнымъ исходомъ изъ этого тяжелаго положенія. И бѣжать хотѣлось имъ скорѣе и дальше, гдѣ бы можно было вздохнуть свободно, полною грудью.

Побѣгъ рабочихъ съ золотыхъ пріисковъ при ненормальныхъ жизненныхъ условіяхъ—это крайне печальное, но вмѣстѣ съ тѣмъ значительно распространенное явленіе на Уралѣ. Оно является естественнымъ результатомъ усиленной эксплоатаціи рабочихъ кулаками-капиталистами. Побѣгомъ золотопромыватель-рабочій стремится окончательно уничтожить условія договора, заключеннаго имъ съ хозяиномъ при наймѣ. Рабочій самъ, первый, безъ вызывающихъ обстоятельствъ, въ весьма только исключительныхъ случаяхъ нарушаетъ его, считая своею прямою обязанностью свято и ненарушимо слѣдовать договору; при нарушеніи же его со стороны хозяина, какъ напримѣръ въ данномъ случаѣ, рабочій уже считаетъ свои руки развязанными.

Особенное распространеніе и, такъ сказать, право гражданства, побѣгъ пріобрѣлъ въ послѣдніе годы и, въ данное время, онъ есть неизбѣжный фактъ при характеристикѣ уральскаго пріисковаго рабочаго. Обширный, глухой край даетъ всюду убѣжище, и золотопромышленникъ, не смотря на всю свою силу и значеніе въ глазахъ полицейскихъ властей, не можетъ ничего подѣлать. По количеству бѣжавшихъ съ даннаго пріиска всегда можно судить о существующихъ въ немъ условіяхъ жизни. На нѣкоторыхъ пріискахъ это явленія повторяется годъ изъ году и мы видимъ тамъ, что рабочіе выбиваются изъ силъ, вслѣдствіе того, что при постоянной трудной работѣ, они не имѣютъ удовлетворительнаго ни пищевого, ни матеріальнаго положенія, благодаря ловко выработанной золотопромышленниками системѣ выдава-

нія припасовъ и денегъ впередъ подъ заработки. Рука объ руку съ побѣгомъ идетъ неявка рабочаго на пріискъ къ хозяину, нанявшему его. Нерѣдко бываетъ, что съ даннаго пункта дѣйствительно отправляются всѣ нанятые рабочіе, но дальняя дорога и знакомство съ непривлекательностью пріисковой жизни — склоняютъ нѣсколькихъ изъ нихъ остаться въ какомъ нибудь селеніи, приглянувшемся на пути. Благо, что задатокъ полученъ, деньги въ карманѣ, съ голоду не помрешь.

Съ тѣхъ поръ, какъ побѣгъ вошелъ въ обычай, прибавился еще факторъ, способствующій раззоренію золотопромышленниковъ, ибо уходъ рабочихъ съ пріиска, особенно въ горячую пору наноситъ громадный ущербъ золотому дѣлу и хозяева тогда не сводятъ концы съ концами. Раньше капиталъ всецѣло господствовалъ надъ трудомъ, теперь же закабаленные въ теченіи многихъ лѣтъ рабочіе начали своеобразно воздавать за долгій гнетъ. Сами золотопромышленники не заботятся объ искореніи этого зла, мало думаютъ объ установленіи раціональнаго отношенія между трудомъ и капиталомъ и объ улучшеніи быта рабочихъ, а надѣются до сихъ поръ еще, на всемогущество исправничьей власти.

День за днемъ, одинъ по одному скрываются рабочіе съ нашего пріиска. Въ большинствѣ случаевъ побѣгъ бываетъ единичный, а не партіями, что указываетъ на отсутствіе сговора и солидарности между рабочими; хотя и существуютъ среди уральскихъ золотопромывателей артели, но послѣднія не представляютъ собою крѣпкихъ союзовъ между рабочими, а порождаются лишь влеченіемъ къ общежитію работниковъ, вышедшихъ изъ одной власти.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ съ пріиска исчезло уже до сорока человѣкъ. Хозяинъ грозилъ плетьми, послалъ своего писаря въ горный заводъ къ исправнику, съ извѣщеніемъ о побѣгѣ рабочихъ и съ просьбою содѣйствовать поимкѣ ихъ и удержанію на пріискѣ оставшихся. Ничто не помогало, побѣги продолжались. Промывка золота пошла совершенно плохо, чувствовался недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, а нанять новыхъ было негдѣ. Побился хозяинъ и въ концѣ концовъ рѣшилъ закрыть работы до будущаго года, а самъ съ рабочими немедленно перебрался на главный пріискъ. Здѣсь въ его отсутствіи самостоятельно распоряжался его смотритель—штейгеръ, который, разумѣется, заботился больше о своемъ карманѣ, чѣмъ о хозяйскомъ, такъ какъ видѣлъ упадокъ дѣлъ, предчувствовалъ, что скоро приближается конецъ и этому пріиску, за истощеніемъ золотой россыпи; своя рубашка была ближе къ тѣлу и потому онъ старался возможно больше отложить на черный день. Упадокъ производительности всего болѣе отражался на рабочихъ: обезсиленные, оборванные, они работали лѣниво; загрязненныя, полуразвалившіяся казармы имѣли жалкій видъ; послѣдніе гроши тратились на водку и на разгульныхъ женщинъ—работницъ, пріютившихся на пріискѣ. Пища, благодаря ловкому штей-

геру, сдѣлалась отвратительной. Мука оказалась закисшей и несмотря на это голоднымъ рабочимъ отпускалась по 2 р. 50 к. и по 3 руб. за пудъ. Огромное количество заготовленнаго соленаго мяса, за неимѣніемъ погребовъ, сохранялось въ большихъ чугунныхъ котлахъ, вкопанныхъ по края въ землю. Эти импровизированныя мясохранилища распространяемымъ запахомъ свидѣтельствовали о свѣжести лежащаго въ нихъ продукта. О живомъ мясѣ т. е. о быкахъ не было болѣе и помину. Пріисковая лавочка, изъ которой рабочіе пользовались предметами насущной необходимости, не имѣла уже порядочныхъ товаровъ, а бывшіе на лицо отпускались по возможно высокой цѣнѣ; вмѣсто прошлогодней образцовой, прочной пермской обуви, выдавалась лежалая, купленная по дешовой цѣнѣ на Ирбитской ярмаркѣ, скоро трескавшаяся и приходившая въ негодность. Даже разсчетъ съ рабочими производился очень туго. Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, можно представить себѣ, какова была жизнь пріисковаго населенія; могла ли хоть на чемъ нибудь, исключая водки, отдыхать наболѣвшая душа рабочаго?

Былъ туманный, дождливый день; давно не выглядывало уже на сѣромъ небосклонѣ всесогрѣвающее солнце. Тамъ и сямъ копошились съ ранняго утра понурые рабочіе; работа плохо спорилась, золота смывалось мало. Въ разрѣзахъ—мѣстахъ работъ—вездѣ прибыло воды, и золотопромывателямъ приходилось по нѣскольку часовъ сряду стоять по колѣна въ водѣ; къ тому же прохладный сѣверный вѣтеръ насквозь прохватывалъ сырыя, дырявыя одежды тружениковъ. Кругомъ царила мертвая тишина, не было слышно ни пѣсень, ни говора. Угрюмо посматривали работники, но все же отъ работы не сторонились.

Грустно быть въ это время на пріискѣ, когда видишь такую неприглядную картину, лицомъ къ лицу стоишь съ закабаленнымъ рабочимъ, оторваннымъ отъ семьи, особенно когда знаешь, что за всѣ эти трудные мѣсяца онъ не принесетъ домой ничего!

Мы стояли на крыльцѣ хозяйскаго дома и съ болью въ сердцѣ глядѣли на окружавшую насъ картину. Вдругъ, откуда-то издали сталъ доноситься дребежжащій звукъ колокольцевъ. Всѣ встрепенулись и стали внимательно всматриваться. „Слава тебѣ Господи, кого-то Богъ даетъ!“ замѣтилъ смотритель. Звонокъ мало-по-малу то приближался, то замиралъ совсѣмъ. Спавшія собаки принялись лаять. Прошелъ добрый часъ, когда на откосѣ долины обрисовалось фигуры нѣсколькихъ верховыхъ, окутанныхъ въ широкіе кожаны. То былъ хозяинъ пріиска и его свита, состоящая изъ слуги-казака и конторщика. Тотчасъ же все засуетилось. Наконецъ къ крылцу подъѣхалъ всадникъ съ опухшей физіономіей и бросилъ на насъ подозрительный взглядъ. Штейгеръ выбѣжалъ на встрѣчу.

— Что новаго, все ли благополучно? промычалъ „самъ“ осипшимъ голосомъ.

— Понемножку все идетъ, золотцо не завидное; стали подниматься къ верховью рѣчки. Больныхъ восемь человѣкъ прибавилось; да вотъ на этихъ дняхъ человѣкъ пять рабочихъ скрылись, слышался отвѣтъ.

— Какъ скрылись, куда? Бѣжали? Какой волости?.. какъ смѣли? сипѣлъ наступая озадаченный хозяинъ.

— Кунгурцы—народъ сомнительный; вѣдь сами пришли сюда, сами напросились въ работу.

— Охъ ужъ этотъ проклятый народъ, всѣхъ бы перевѣсилъ! осинъ бы не хватило, воръ на ворѣ!!..

Такъ разговаривая, они подошли къ намъ.

— А это что за народъ? спросилъ хозяинъ, обращаясь къ штейгеру и указывая на насъ:—Чай за „крупкой" пріѣхали, аль рабочихъ сбивать?

Мы отрекомендовались.

— А если такъ, то милости просимъ, что могу все сдѣлаю. Ошибка въ фальшь не ставится. Да не мудрено здѣсь и обознаться, къ намъ въ глушь заноситъ все больше народъ шальной. Много нынче этихъ скупщиковъ-то проявилось; воровству только потворствуютъ, да рабочихъ прикрываютъ. Какъ работѣ конецъ, то вы колоколъ дайте— обратился онъ къ штейгеру,—чтобы челядь-то сюда собралась.

Затѣмъ онъ скрылся въ дверяхъ дома.

Смотритель отправился по пріиску принимать „урки",—такъ называютъ здѣсь рабочіе дневную работу. Сначала пошелъ онъ въ разрѣзъ, гдѣ работали землекопы, а затѣмъ по станкамъ, гдѣ дѣлали послѣднюю съемку золота, которое онъ клалъ въ отдѣльные пакетики изъ бумаги, подписывалъ имя рабочаго и спускалъ въ бывшую при немъ желѣзную кружку съ хозяйскою печатью. Обыкновенно по окончаніи работъ въ присутствіи пріисковыхъ служащихъ, кружка эта съ дневной промывкой распечатывается и золото взвѣшивается и вписывается въ книгу.

Обойдя всѣ станки, штейгеръ направился къ площадкѣ предъ домомъ, посреди которой между двухъ столбовъ съ перекладиной подвѣшенъ колоколъ и ударилъ въ него, призывая рабочихъ на площадку для объясненія съ хозяиномъ — это обычный пріисковый способъ созыва, когда представляется въ томъ надобность. Народъ началъ собираться съ разныхъ сторонъ. Въ дверяхъ дома показалась тучная фигура хозяина, направляющаяся къ мѣсту сборища. Медленно шелъ онъ, оглядывая рабочихъ съ ногъ до головы.

— Что это у васъ, братцы, рожи-то скривило, аль запьянствовались, али жрете больше брюха! началъ хозяинъ, разставляя слова и съ усмѣшкой озирая толпу, отвѣтъ которой выразился въ неясномъ, глухомъ ропотѣ.

— Что за мычаніе, скотъ что ли предо мной? Говорить толкомъ разучились, такъ заставлю...

— Все бы ничего, ваше благородіе—началъ одинъ выдѣлившійся изъ толпы рабочій,—милостью Божіей живемъ, не мремъ; да вотъ только давно мяса-то мы не видали, да и изъ амбара-то мука закислая.

— Ахъ, канальи вы этакія, осадилъ хозяинъ бойко заговорившаго рабочаго, — мяса вамъ еще, да муки! Батраки вы этакіе, дармоѣды, лежебоки, еще васъ плохо кормятъ! Раззорили меня, объѣли, да еще недовольны... и такъ дальше, въ этомъ родѣ съ пересыпкой крупныхъ площадныхъ словъ полилась брань хозяина.

Толпа пріутихла; лишь изрѣдка слышался изъ нея неясный ропотъ недовольства. Припугнутый рабочій собравшись съ духомъ снова рѣшается замѣтить:

— Такъ жить нельзя, мы крѣпостные что-ли? мы и такъ уйдемъ...

Это окончательно взбѣсило хозяина; онъ принялся кричать на сколько хватало силъ и его несвязная рѣчь представляла собою необычайное сочетаніе всевозможной брани.

— Я васъ скотовъ всѣхъ уложу, вздумай кто бѣжать; стрѣлять васъ начну, какъ собакъ, всѣхъ подъ колоды упрячу, сгніете, какъ падаль..... отвѣчать не мнѣ.....

Ропотъ толпы усиливался; хозяинъ наскакивалъ то на одного, то на другого рабочаго. Смотритель вертѣлся около него, всячески успокаивая, изъ боязни какого-нибудь крупнаго скандала.

— Пошли всѣ по казармамъ, да помните, что я сказалъ.....

Молча стали расходиться рабочіе; на ихъ лицахъ выражались и скорбь, и недоумѣніе, и раздраженіе; послѣдняя надежда, что пріѣздъ хозяина можетъ быть измѣнитъ и улучшитъ ихъ бытъ,—теперь рухнула. Невольно зародившаяся еще раньше мысль сбросить это тяжелое ярмо и бѣжать, представлялась имъ теперь единственнымъ исходомъ. Но куда бѣжать, имѣя въ карманѣ лишь нѣсколько грошей?

Придя въ казармы, рабочіе разбрелись по парамъ и только время отъ времени обмѣнивались отрывочными фразами—выражавшими ихъ томящее, подавленное состояніе.

Рано утромъ—еще до восхода солнца, появилась на пріискѣ новая личность, пріютившаяся въ казармахъ, подъ видомъ человѣка, пришедшаго искать работы. Онъ распрашивалъ рабочихъ о пищѣ, хозяинѣ и вообще о житьѣ-бытьѣ. Это былъ передовой казакъ горнаго исправника, который обыкновенно является за нѣсколько дней до его пріѣзда, съ цѣлью разузнать положеніе дѣлъ и прислушаться къ говору рабочихъ, подмѣтить кто изъ нихъ побойчѣе и поопаснѣе для пріисковаго населенія.

Съ солнечнымъ восходомъ рабочіе принялись снова за обычныя занятія. По временамъ, въ отсутствіе смотрителя, они на нѣсколько минутъ пріостанавливались, чтобы перевести духъ и перекидывались нѣсколькими словами. Знакомый уже намъ „бойкачъ“, переходя изрѣдка отъ станка къ станку, то тамъ, то симъ, заводилъ разговоръ.

Онъ подбивалъ рабочихъ бѣжать съ пріиска, идти въ разныя села, чѣмъ маяться въ этомъ безхлѣбномъ и бездорожномъ углу Зауральской тайги, гдѣ благодаря хищности и алчности хозяина изнемогаетъ рабочій людъ. Одни изъ сотоварищей съ радостью откликались на его призывъ, повидимому согласовавшійся съ ихъ задушевной мечтой; другіе же молча, только отрицательнымъ качаніемъ головы давали краснорѣчивый отвѣтъ, причемъ безнадежно махали рукой, какъ бы приговаривая „будь, что будетъ", ибо эти послѣдніе принадлежали къ людямъ бывалымъ и знали, что не многимъ изъ бѣжавшихъ сходитъ это безнаказанно; обыкновенно же бываетъ такъ, что по приходѣ бѣжавшихъ въ родную волость, власти по требованію золотопромышленника высылаютъ ихъ опять на работы, и въ концѣ-концовъ выходитъ то, что домой они не приносятъ ни копѣйки, такъ какъ хозяинъ въ это время дѣятельно обсчитываетъ и обвѣшиваетъ ихъ, стараясь наквитать потерянное время.

У соглашавшихся бѣжать тотчасъ же являлся вопросъ, какъ бы половчѣе это устроить, чтобы не попасться вѣрнымъ досмотрщикамъ хозяина. „Ловкачъ" вызвался въ этотъ же день вечеромъ, по окончаніи работъ и послѣ повѣрки рабочихъ смотрителемъ, исподволь перетащить котомки рабочихъ въ лѣсъ и спрятать въ чащу. Всѣ одобрили этотъ планъ и порѣшили утромъ до солнечнаго восхода двинуться въ путь. Сказано—сдѣлано.

На пріискѣ царила еще мертвая тишина и на землѣ лежалъ густой пеленой спустившійся туманъ, когда по одиночкѣ, крадучись, выбирались бѣглецы къ условленному пункту. Одинъ только изъ двѣнадцати уговорившихся, позамѣшкалъ и остался, потому что его взяло сильное раздумье броситься на этотъ рискованный выходъ.

Страженикъ при всей своей дозорливости и опытности не могъ услѣдить времени исчезновенія рабочихъ и былъ крайне удивленъ, когда при утреннемъ ихъ сборѣ не досчитался одиннадцати человѣкъ.

Извѣстіе о совершившемся побѣгѣ, какъ громомъ поразило пробудившагося хозяина. Первымъ его побужденіемъ было перепороть всѣхъ оставшихся рабочихъ „для острастки"; но сообразя нелѣпость своего намѣренія, онъ рѣшился дождаться пріѣзда исправника, котораго ожидалъ съ часу на часъ. Дѣйствительно послѣдній не замедлилъ прибыть. Около двухъ часовъ пополудни лай собакъ возвѣстилъ, что кто-то приближается; вскорѣ послышались дребезжащіе колокольцы, и въ долинѣ стали обрисовываться фигуры трехъ всадниковъ. То были исправникъ, его письмоводитель и одинъ случайный спутникъ. На пріискѣ поднялся переполохъ; въ хозяйскомъ домѣ засуетились, отдавали приказаніе по кухнѣ и т. п.

На встрѣчу пріѣхавшему вышелъ хозяинъ и вся его свита. Исправникъ, не смотря на свои довольно не молодые годы, ловко соскочилъ съ измученнаго коня. При взглядѣ на него, на его колоссальную, ши-

рокоплечую фигуру, невольно думалось, что этотъ человѣкъ рожденъ быть исправникомъ. Типичная физіономія съ отважнымъ пронизывающимъ взглядомъ, вполнѣ гармонировала съ его высокимъ ростомъ; солидная осанка и громкій голосъ довершали впечатлѣніе.

— Здорово, Максимычъ, обратился онъ къ хозяину, — какъ живешь хлѣбъ жуешь?

— Покорно благодаримъ, по немногу; да только все несчастливитъ, вотъ еще сегодня ночью одинадцать человѣкъ бѣжало.

— Разпротоканальи! чуяли, что я ѣду. Жаль, что не попались дорогой, накрылъ бы я ихъ, привелъ-бы сюда, басилъ исправникъ, направляясь въ избу, гдѣ кипѣлъ уже самоваръ и былъ уставленъ столъ возможными здѣсь яствами и питіями.

Хозяинъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался предъ дорогимъ гостемъ, угощая его то тѣмъ, то другимъ и при этомъ выкладывалъ предъ нимъ все, что наболѣло на душѣ.

— Начиналъ было я работу и при Шегультанѣ, да прогорѣлъ; съ нынѣшнимъ народцемъ ничего не подѣлаешь, совсѣмъ избаловался, облѣнился, все наровитъ, какъ-бы по больше заполучить, да по меньше сдѣлать. Начнешь ему говорить, внушать, такъ онъ сейчасъ на дыбы, что-де меня учишь, когда самъ кормить не хочешь; я и къ мировому пойду. А мировымъ-то и на руку, все они на насъ-же за что-то зубы точатъ; потворствуютъ, да насъ же обвиняютъ. Кажется, что я то сдѣлалъ все; и хлѣба закупилъ сибирскаго и быковъ привелъ. Такъ нѣтъ, раззорили разбойники, попьянствовали да и бѣжать. Ужъ я ихъ и такъ и сякъ, и добромъ и словомъ; наконецъ плюнулъ, закрылъ тамъ работы и пріѣхалъ сюда. Здѣсь тоже человѣкъ двадцати ужъ нѣтъ. Чего кажется имъ надо-бы? Вотъ вы изволите сами посмотрѣть: казармы ладныя, водкой не обдѣляю, пища хорошая — а имъ все мало; работа не обременительная, урки не большіе; вѣдь лежатъ мерзавцы все, хоть коломъ поднимай, поди бока пролежали! Переберы ты ихъ, пожалуйста, хорошенько, пускай чувствуютъ, да опомнятся, а то вѣдь, пожалуй, хоть суму надѣвай!

Насытившись, исправникъ перешелъ въ отведенную для него комнату и кивнулъ головой письмоводителю, проговоривъ: „казака". Послѣдній, тотчасъ-же выросъ какъ изъ земли и предсталъ предъ лицомъ своего господина. Началась аудіенція, на которой стражникъ сообщилъ все то, что онъ видѣлъ и слышалъ.

Передъ концомъ работъ вѣчевой колоколъ возвѣстилъ о сборѣ рабочихъ на площадку. Среди собравшейся толпы шелъ говоръ; но вотъ на крыльцѣ хозяйской избы появился исправникъ и все смолкло.

— Здорово братцы! соскучились поди обо мнѣ, да и я о васъ. Давно не видалъ. Только гора съ горой не сходится, а я съ вами все встрѣчаюсь. Нутко, раздѣлитесь по волостямъ.

Въ толпѣ началось передвиженіе и образовалось нѣсколько кучекъ. Исправникъ внимательно всматривался въ ихъ лица.

— Э! да тутъ есть старые знакомые, здорово, братцы, здорово. Вотъ и кунгурцы—шельма народъ! не даромъ городъ съизстари славится колоколами да ворами. Куда васъ забросило, видно дома-то не живется? Сенька Босой! опять ты здѣсь, поди по прежнему крупку воруешь, да около чужихъ бабъ промышляешь? а я думалъ, что ты уже ушелъ по сибиркѣ.— Мосѣичъ! Ты братецъ какъ попалъ сюда, старый знакомый? Какимъ же ты теперь старикомъ, да оборванцемъ смотришь! Говорилъ тебѣ: не пей водки—чертова-зелья; хоть ты и мелкую торговлю имѣлъ, а все же жилъ ладно; такъ не слушалъ, теперь поди и самъ каешься, да ужъ поздно; спустя лѣто по малину не ходятъ! Ну, что жена твоя обрѣлась, или все еще въ бѣгахъ?

— Да что, ваше благородіе, я ужъ и попустился, пускай мыкается, мнѣ и безъ нея ладно, у насъ здѣсь насчетъ бабъ вольготно...

— Такъ-то такъ, а все же жаль тебя, мужикъ-то ты честный, да водка-то въ грѣхъ тебѣ ввела, съ торговлей зарвался и все прахомъ пошло. Не даромъ старики говорятъ: „жену потерялъ—ничего не потерялъ, деньги потерялъ—половину потерялъ, а кредитъ потерялъ—такъ все потерялъ".—Вы откуда, людъ бородатый? обратился онъ къ небольшой группѣ.

— Шарташской волости, ваше благородіе...

— Не изъ тѣхъ ли, что въ Березовскѣ муку-то скрали?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Такъ и скажете; дураковъ нашелъ! вѣдь у шарташцевъ одинъ отвѣтъ всегда: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю"... Все бы ладно, да что-то вы, голубчики, пошаливать начинаете, продолжалъ исправникъ серьезнымъ тономъ, — выпиваете много, о черномъ днѣ не печетесь, да на утекъ идете... а потомъ съ вами возись...

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, мы народъ смиреный и пить-то не на что... свою работу дѣлаемъ... слышалось изъ толпы.

— Сказки-то не сказывайте, вѣдь я старый воробей, голубчики мои, меня на мякинѣ не проведешь, да и съ вами-то не первый десятокъ лѣтъ мыкаюсь, народъ продувной! Ну-ка, рыжій соколикъ, задній-то, говорилъ исправникъ, указывая пальцемъ на одного изъ группы, о которомъ получилъ свѣдѣнія отъ казака, — выдь-ко сюда, да дай руку твою подержать.

Изъ толпы выдѣлился призываемый и подалъ руку.

— Что-то трясется она у тебя, любезный, аль куръ воровалъ? Разскажи-ка ты намъ, свѣтикъ ясный, какъ ты бѣжать надумалъ, куда котомку-то припряталъ? Не правда, что ли? Не даромъ я вороньи яйца ѣлъ—все знаю: за семь верстъ слышу, каждаго насквозь вижу и на двѣ сажени въ землю гляжу! гласилъ исправникъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, обомлѣвшимъ рабочимъ.—Смотри, ухо держи востро, продолжалъ онъ, — помни, что шутки шутить со мной плохо, голубчикъ ты мой! Ступайте теперь по нарамъ, да чтобы

все тихо и смирно было. Я тѣмъ временемъ посмотрю какъ и что есть у васъ по амбарамъ, да какъ кормятъ васъ? Вѣдь я спуску никому не дамъ, для меня все едино, что работникъ, что хозяинъ; люблю, чтобы правота была!

Рабочіе разбрелись, а исправникъ въ сопровожденіи смотрителя пошелъ смотрѣть и нюхать на кухню, въ амбары и клети. Къ этой ревизіи все уже было подготовлено: порченое припрятано, грязное замѣтено, или помыто, а потому не мудрено, что бѣглый обзоръ произвелъ сносное впечатлѣніе.

Дѣло было обдѣлано и на радостяхъ хозяинъ велѣлъ выдать по лишней чаркѣ водки рабочимъ; послѣдніе подбодрились, раздались пѣсни, неизбѣжная гармонійка, начались величанія и, благодаря щедрости возвеличенныхъ, чарка обошла вторично. Забыто было на время гнетущее горе и наводящее грусть веселіе обитателей глухого уголка продолжалось до полуночи.

На другой день рано утромъ исправникъ отбылъ. Между тѣмъ бѣжавшіе окольными, уже извѣстными путями, съ грѣхомъ пополамъ, добрѣли до Верхотурья; по дорогѣ они спустили въ гостепріимныхъ кабачкахъ послѣдніе гроши и продолжали путь, питаясь чѣмъ Богъ послалъ. Чрезъ нѣсколько дней они достигли К—скаго желѣзодѣлательнаго завода, центра горнаго округа, гдѣ имъ легче можно было натолкнуться на подрядчика и вообще на лицъ, ищущихъ рабочихъ рукъ; такія лица не замедлили найтись.

Въ это время кипѣла работа по линіи, тогда еще строившейся, уральской горнозаводской желѣзной дороги; торопились и пороли горячку, чтобъ подвинуть дѣло къ пріѣзду ревизіонной комиссіи. Хотя народу набрано было не мало, но все же, при трудности работъ въ этомъ участкѣ, чувствовалась нужда въ рабочихъ силахъ. Вотъ съ однимъ-то изъ желѣзнорожныхъ подрядчиковъ и столкнулись рабочіе. Начались переговоры и дѣло шло на ладъ, какъ вдругъ въ заводѣ явился посланный съ пріиска и объявилъ подрядчику, что онъ не отпуститъ этихъ рабочихъ, такъ какъ они бѣглые и должны быть возвращены на пріискъ. Рабочіе стали въ тупикъ, подумывали уже направиться въ другое мѣсто, но сама судьба устроила иначе. Подрядчикъ вошелъ съ посланнымъ въ сдѣлку и рабочіе были уступлены. Тогда, заключивъ условіе и получивъ задатокъ, они отправились на линію желѣзной дороги и принялись за новую работу.

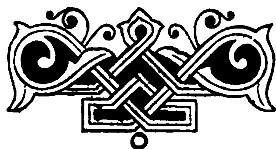
Районъ этого участка дороги заключалъ въ себѣ одну изъ самыхъ глухихъ мѣстностей Уральскаго края, гдѣ на сто верстъ кругомъ не было ни одного селенія, ни одного жилья, такъ что рабочіе попали въ такія же тяжелыя условія жизни, въ какихъ находились на пріискѣ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ рабочіе окончательно убѣдились, что промѣняли кукушку на ястреба; они жили въ шалашахъ, получали отвратительную пищу, денежный расчетъ производился туго и за каждую малость штрафовали; побились они и порѣшили уйдти съ

работъ; одинъ изъ особенно озлобленныхъ поджегъ на-послѣдокъ хозяйскія казармы.

Лѣто шло къ концу, нагулявшіеся бѣглые рабочіе возвращались понемногу въ свои родныя волости; но ихъ тотчасъ же препровождали вновь на пріискъ. Не многіе только приговоромъ мировыхъ судей были признаны правыми и свободными.

Кое-какъ дотянулъ хозяинъ работы до осени; понялъ онъ, что взялся не за свое дѣло, и въ одно дождливое утро, сѣлъ на коня и исчезъ изъ пріиска, предоставивъ смотрителю сдѣлать съ рабочими окончательный разсчетъ. Охнули рабочіе отъ этого разсчета и уныло побрели въ разныя стороны...

М. Малаховъ.

ЛЕГЕНДЫ ТРІАНОНА И ВЕРСАЛЯ [1].

III.

Закатъ солнца.

ТО БЫЛО въ ноябрѣ 1709 года, во время раззорительной Фландрской компаніи, когда Лилль долженъ былъ капитулировать, не смотря на геройскую защиту маршала Буфлера. Начавшаяся зимняя стужа угрожала новымъ бѣдствіемъ Франціи, уже и безъ того истощенной тройною войной, которую она вела въ Испаніи, Италіи и Фландріи. Нищета распространялась по всему королевству и на Людовика XIV съ каждымъ днемъ обрушивались все новыя несчастія. Но онъ переносилъ ихъ съ замѣчательною твердостью и ничего не могло быть величественнѣе этого стараго монарха, противъ котораго вооружалась вся Европа и который оставался невозмутимымъ среди этой бушующей бури, помрачавшей его славу и его прошлое счастье. Только одна особа можетъ быть знала душевныя муки короля: Госпожа де-Ментенонъ осмѣливалась иногда говорить съ нимъ о бѣдствіяхъ Франціи. Съ этимъ, искренно преданнымъ другомъ, Людовикъ XIV становился человѣкомъ и снисходилъ съ своей недосягаемой высоты, на которой держался съ другими.

Но это было дорого купленное довѣріе и еслибы госпожа де-Ментенонъ позволила заглянуть въ свою душу, еслибы она на минуту перестала управлять своимъ сердцемъ и скрывать свои физическія и нравственныя страданія, то Людовикъ XIV не счелъ бы ее достойной быть его опорою. Эта вѣчная сдержанность однакожъ была слишкомъ тяжела для нее и она только и находила отдохновеніе и утѣшеніе

---

[1]) Окончаніе. См. № 7 „Историческаго Вѣстника“.

въ одномъ Сентъ-Сирѣ. Здѣсь среди дѣтей и молодыхъ дѣвушекъ, окруженная монахинями св. Людовика, которымъ она любила давать наставленія, эта не коронованная королева могла бы иногда забыться отъ несчастій, постигшихъ Францію, еслибы не постоянная боязнь услышать о смерти какого либо дворянина, отца или брата молодыхъ дѣвушекъ въ Сентъ-Сирѣ. Не проходило недѣли безъ того, чтобы она не сообщала воспитанницамъ печальныя извѣстія и не отирала слезы несчастныхъ молодыхъ дѣвушекъ.

Въ день 25 ноября она была принуждена сообщить дѣвицамъ д'Обиньи о смерти ихъ отца, убитаго при осадѣ Лилля и три бѣдныя сиротки, изъ которыхъ старшей было только шестнадцать лѣтъ, плакали, прижавшись къ ней, когда вошла госпожа де-Гляпьонъ и вручила госпожѣ де-Ментенонъ записку короля.

„Я измѣнилъ распредѣленіе нынѣшняго дня, писалъ Людовикъ XIV, я не поѣду въ Сентъ-Жерменъ. По возвращеніи съ охоты я буду у воротъ Сентъ-Сира, со стороны парка и туда пріѣдетъ моя большая карета. Мы погуляемъ вмѣстѣ въ паркѣ и не поѣдемъ въ Тріанонъ".

Госпожа де-Гляпьонъ, подавая записку госпожѣ де-Ментенонъ, сказала ей:

— Берейторъ, привезшій записку его величества, просилъ меня доложить вамъ, что онъ долженъ бы быть у васъ съ часъ тому назадъ, но его лошадь расковалась въ дорогѣ. Онъ увѣдомилъ меня также, что карета короля пріѣдетъ черезъ десять минутъ.

Госпожа де-Ментенонъ поспѣшила накинуть мѣховой плащъ на свое платье изъ дама̀, цвѣта завялыхъ листьевъ, умыла лице и подрумянила слегка свои блѣдныя щеки.

— Замѣтно, что я плакала? спросила она младшую д'Обиньи.

— О! нѣтъ, madame, сказала дѣвушка, вы еще очень хороши. Знаетъ ли король, что мой папа умеръ?

— Увы! да, моя крошка, онъ будетъ заботиться о васъ и вашихъ сестрахъ. Ободритесь, дѣти. Плачьте — это ваше право. Я же всегда должна улыбаться, а между тѣмъ, Богу извѣстно, у меня смерть въ душѣ.

Она взяла перчатки, муфту и сопровождаемая нѣсколькими дамами прошла Зеленый дворъ и садъ такъ скоро, какъ только позволяли ея семьдесятъ четыре года.

Король и его свита въ это время подъѣхали къ рѣшеткѣ сада, со стороны Гальи. Людовикъ XIV сошелъ съ лошади и раскланялся съ госпожею де-Ментенонъ съ тою изысканною вѣжливостью, которая придавала такъ много значенія малѣйшей его любезности. Тутъ же стояла большая карета, запряженная шестеркой бѣлыхъ лошадей.

— Не угодно ли вамъ походить немного, madame? спросилъ онъ,— вечеръ превосходный. Если вы позволите, карета будетъ ждать насъ у королевской рѣшетки.

— Конечно, отвѣчала госпожа де-Ментенонъ, это доставитъ мнѣ большое удовольствіе.

Сдѣлавъ свитѣ знакъ удалиться, король предложилъ руку госпожѣ де-Ментенонъ и направился къ королевской рѣшеткѣ. За нимъ на разстояніи двадцати шаговъ слѣдовалъ гвардейскій офицеръ, господинъ де-Фонтене, получившій приказъ никогда не терять короля изъ виду.

Госпожа де-Ментенонъ принялась говорить о красотѣ вечера, о новомъ церковномъ пѣніи въ Сентъ-Сирѣ и о многомъ другомъ; но король казался чѣмъ то озабоченнымъ и былъ болѣе чѣмъ когда либо сумраченъ. Онъ отвѣчалъ односложно, и г-жа де-Монтенонъ, не смотря на весь свой умъ, не знала чѣмъ его занять. Она старалась не отставать отъ короля, но это было невозможно: Людовикъ XIV, необыкновенно подвижной, ходилъ какъ молодой человѣкъ, и его быстрый твердый шагъ утомилъ бы и болѣе солиднаго пѣшехода, чѣмъ г-жу де-Ментенонъ, обутую къ тому же въ бархатныя туфли на самой тонкой подошвѣ.

Озабоченный король ускорялъ шаги все болѣе и болѣе.

— Правда-ли, madame, что сегодня утромъ, на дорогѣ въ Сентъ-Сиръ, вамъ бросили въ карету трупъ ребенка, умершаго отъ голода?

— Нѣтъ, государь, онъ былъ только въ обморокѣ и его тотчасъ же привели въ чувство. Для него это счастливое событіе, такъ какъ я его оставила у себя на воспитаніе.

Но воспоминаніе тяжелаго впечатлѣнія, вынесеннаго ею сегодня утромъ, при видѣ кинутаго къ ней въ карету несчастнаго малютки, казавшагося мертвымъ, заставило вздрогнуть и даже зашататься г-жу де-Ментенонъ. Она поблѣднѣла подъ своими румянами и едва не лишилась чувствъ.

— Что съ вами? сказалъ король,—я утомилъ васъ слишкомъ скорою ходьбою, не правда ли? Сядемъ здѣсь.

И поддерживая ее, онъ помогъ ей сѣсть на ступеньки каменнаго креста, возвышавшагося на поворотѣ дороги и носившаго названіе креста Гальи.

— Не позвать ли кого нибудь? спросилъ испуганный король.

Госпожа де-Ментенонъ сдѣлала отрицательный знакъ и вынувъ изъ кармана флаконъ, понюхала спиртъ, отерла лобъ и мало по малу къ ней вернулось ея обычное спокойствіе.

— Это ничего, сказала она;—но вы ходите, ваше величество, какъ пятнадцати-лѣтній юноша, а мои ноги совершенно отказываются мнѣ служить. Пойдемте, однакожъ, слишкомъ холодно, чтобы долго оставаться на одномъ мѣстѣ.

— Нѣтъ, отдохнемъ еще немного. Спѣшить нечего.

И онъ сѣлъ около нея у подножія креста. Солнце, окруженное облаками, готово было закатиться; глубокая тишина царствовала кругомъ. Вдругъ послышались голоса и вскорѣ трое прохожихъ: высокій

молодой человѣкъ въ мундирѣ полка д'Артуа, и съ повязкой на головѣ и двѣ молодыя дѣвушки, изъ коихъ одна поразительно походила на молодого солдата, шедшіе со стороны Гальской фермы, появились почти передъ самымъ королемъ. Они узнали его и остановились въ испугѣ, не смѣя двинуться ни взадъ, ни впередъ.

— Подойдите, дѣти, сказалъ король;—развѣ вы боитесь меня? Куда направляетесь вы?

— Къ этому кресту, государь, сказалъ молодой человѣкъ. Здѣсь я долженъ проститься съ сестрой и съ Розой... Наши родители позволили имъ проводить меня до креста. Отсюда я отправляюсь въ Сентъ-Сиръ, гдѣ ждетъ меня мой начальникъ, такъ какъ завтра утромъ нашъ полкъ отправится въ Испанію.

— Вы были въ отпуску и ранены?

— Точно такъ, государь, въ битвѣ подъ Уденардомъ, 11-го іюля. Я отправленъ былъ на излѣченіе къ моимъ родителямъ и теперь срокъ моего отпуска кончился.

— Совсѣмъ ли онъ вылѣчился? спросилъ король сестру солдата.

— О, нѣтъ, ваше величество, отвѣчала она, его рана едва зажила, и если бы онъ походилъ на другихъ, то выпросилъ бы себѣ позволеніе остаться еще долѣе. Но Дени хочетъ идти на войну и мой отецъ, старый военный, говоритъ тоже, что и онъ.

— Онъ правъ, сказалъ король. Вотъ вамъ, любезный, на ваши путевыя издержки. И онъ далъ ему нѣсколько луидоровъ.

— Государь, сказала госпожа де-Ментенонъ, — этотъ бѣдняжка не въ состояніи идти. Не довольно ли уже загублено молодыхъ людей? Увы! уступите этого мнѣ! Я вижу по глазамъ Розы, что она будетъ довольна этимъ.

— Какъ вамъ угодно, madame,—я велю окончательно уволить его отъ службы, изъ любви къ вамъ.

— Ну, воскликнула госпожа Ментенонъ,—что же вы молчите, Дени?

— Madame, отвѣчалъ молодой человѣкъ, — сестра ошибается. Я здоровъ, и могу драться.

— Ихъ довольно и безъ тебя! воскликнула, заплакавъ сестра: — подумай о нашей старой матери, подумай о Розѣ, твоей невѣстѣ! Ты уже проливалъ свою кровь!—И обхвативъ его руками, она какъ будто хотѣла удержать его навсегда.

Бѣдный Дени колебался.

— Роза, сказалъ онъ,—что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

— Я бы отправилась! сказала молодая дѣвушка и лицѐ ея сдѣлалось бѣло какъ мраморъ.

— Прощай, Роза! молись за меня. Прощайте, madame, благодарю васъ! прощайте, государь! Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ король!

И онъ быстро пошелъ, не обернувшись ни разу, пока не скрылся изъ виду.

Обѣ молодыя дѣвушки, взявшись за руки, съ плачемъ удалились.

Людовикъ XIV взглянулъ на г-жу де-Ментенонъ и сказалъ ей:

— Какая странная эта дѣвушка; мнѣ кажется она вовсе не любитъ своего жениха.

— Государь, вы ошибаетесь. Самыя истинныя и сильныя привязанности никогда не жертвуютъ долгомъ и честью. Счастливы тѣ, кого такъ любятъ!

Едва эти слова вырвались у нее, какъ она смутилась, боясь, не оскорбился ли ими король. Но Людовикъ XIV казалось не слыхалъ ея словъ. Устремивъ взоръ на западъ, онъ слѣдилъ за облаками, которыя неслись цѣлыми массами и какъ бы спѣшили заслонить солнце въ его угасающемъ величіи.

— Таковъ конецъ моего царствованія, сказалъ Людовикъ XIV.— такъ меркнетъ блескъ моего могущества и несчастья преслѣдуютъ закатъ моей жизни! Что будетъ съ Французскимъ королевствомъ, которое я надѣялся сдѣлать такимъ могущественнымъ и славнымъ?

— Государь, отвѣчала г-жа де-Ментенонъ, — за ночью слѣдуетъ день. Для васъ настанетъ лучшее время и звѣзда Франціи снова засіяетъ.

Облака закрыли совершенно солнце и король, поднявъ глаза кверху, взглянулъ на голубое небо. Маленькое, одинокое облачко вырисовывалось на немъ съ отчетливостью камея. Мало по малу его очертаніе становилось яснѣй и наконецъ оно приняло видъ головы въ коронѣ.

Госпожа де-Ментенонъ слѣдила за направленіемъ взора короля и вдругъ у нее вырвался невольный крикъ. Въ этомъ воздушномъ профилѣ она узнала также, какъ и король, черты покойной королевы Маріи-Терезіи австрійской.

Крупныя слезы катились по лицу Людовика XIV.

— Ваше величество, сказала г-жа де Ментенонъ, — королева на небѣ. Будьте добрымъ христіаниномъ, какъ и великимъ королемъ.

— О, Боже мой! воскликнулъ король,—тебѣ одному извѣстно. сколько я заставилъ ее пролить слезъ! Сжалься надъ Франціей, которую я потерялъ за мои грѣхи: порази меня одного, но пощади мой народъ! А ты, кроткая королева, такъ много страдавшая и такъ безропотно умершая, Марія-Терезія, помолись за меня!

Вдругъ внезапнымъ порывомъ вѣтра разорвало облако и отъ него ничего не осталось.

Король позвалъ Фонтене.

— Господинъ де-Фонтене, прикажите подать карету.

И нѣсколько минутъ спустя Людовикъ XIV и г-жа де Ментенонъ вернулись въ Версальскій замокъ.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

ФРАНЦІЯ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ВЗГЛЯДЪ на исторію Франціи въ прошломъ столѣтіи, который проводится Рокэномъ въ его книгѣ „Революціонный духъ до революціи“ [1]), особенно характеризуется отношеніемъ автора къ слѣдующимъ тремъ вопросамъ: насколько переворотъ 1789 г. обусловливался вліяніемъ литературы XVIII вѣка или философовъ, какъ выражаются во Франціи? затѣмъ, какія послѣдствія имѣла бы французская революція, еслибы она произошла не въ 1789 году, а напр. въ половинѣ прошлаго столѣтія, когда еще не успѣло обнаружиться во французскомъ обществѣ вліяніе раціоналистической литературы? и наконецъ, можно ли было предотвратить катастрофу 1789 года предпринятыми во-время французскимъ правительствомъ реформами? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ томъ или другомъ смыслѣ чрезвычайно важно для всякаго, кто хочетъ установить свою точку зрѣнія на историческую жизнь французскаго народа. Послѣдніе два изъ поставленныхъ нами вопросовъ, правда, чисто гипотетичны и потому, какъ подобные вопросы въ исторіи о томъ, что̀ могло бы случиться при извѣстныхъ обстоятельствахъ,—могутъ показаться праздными. Не трудно однако показать, что такое мнѣніе несправедливо. Уже самая постановка ихъ, особенно послѣдняго, представляла собой успѣхъ въ исторической наукѣ. Она указывала на устраненіе односторонняго, фаталистическаго взгляда на французскую революцію, который господствовалъ въ первой половинѣ нашего вѣка и напр. ярко выступилъ въ талантливыхъ и очень популярныхъ исторіяхъ Тьера и Минье. Какъ скоро необходимость французской революціи 1789 года перестала быть политической догмой, которой пользовались для либеральныхъ цѣлей,

[1]) Продолженіе. См. № 7 „Историческаго Вѣстника“.

и историческое изученіе этого событія вступило въ свои права, такъ естественно возникло мнѣніе, что французская революція со всѣми бѣдствіями, которыя она повлекла за собой, могла быть предотвращена своевременными реформами. Такъ напр. смотрѣлъ на дѣло Токвиль. Указавши на то, что около 1750 года французская нація относилась подобно тогдашней школѣ экономистовъ очень равнодушно къ политической свободѣ и болѣе ожидала реформъ, чѣмъ политическихъ правъ, Токвиль прямо говоритъ: „Если бы въ то время на французскомъ престолѣ былъ государь по достостоинству и характеру подобный Фридриху Великому (de la taille et de l'humeur du grand Frédéric), то безъ сомнѣнія, онъ произвелъ бы во французскомъ обществѣ и правительствѣ нѣкоторыя (plusieurs) изъ самыхъ важныхъ перемѣнъ, совершенныхъ революціей и при этомъ не только не потерялъ бы своей короны, но чрезвычайно увеличилъ бы свою власть" [1]).

Мы еще возвратимся къ этому предположенію Токвиля, когда подвергнемъ разсмотрѣнію взгляды, высказанные Рокэномъ въ его книгѣ, а теперь прежде всего познакомимъ читателей съ мнѣніями самого автора.

Вопросъ о вліяніи литературы или такъ называемой философіи на французскую революцію не новый. Онъ не разъ уже обсуждался въ особыхъ сочиненіяхъ, написанныхъ непосредственно подъ впечатлѣніемъ самыхъ событій революціонной эпохи. Въ то время вопросъ этотъ обыкновенно разрѣшался въ утвердительномъ смыслѣ, какъ приверженцами Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ, охотно преувеличивавшими вліяніе своихъ учителей, такъ и противниками ихъ, которые приписывали литературѣ все зло происшедшее отъ революціи. Однако уже тогда раздавались голоса, отрицавшіе вліяніе теоретическаго радикализма французскихъ публицистовъ XVIII вѣка. Особенно любопытенъ отзывъ извѣстнаго Сенакъ до Мельяна, умнаго наблюдателя и практическаго дѣятеля при старомъ порядкѣ. „Напрасно, говоритъ онъ [2]), приписываютъ энциклопедистамъ паденіе стараго порядка; обветшалое зданіе рухнуло само собой, а они только подготовили матеріалъ, для созданія новаго. Они не болѣе виновны въ этомъ разрушеніи, чѣмъ виновна въ какомъ нибудь пожарѣ та каменноломня откуда берутъ матеріалъ для постройки сгорѣвшяго зданія. Мнѣніе Рокэна очень близко подходитъ къ этому отзыву, по крайней мѣрѣ къ первой его части; но что у Сенака де Мельяна высказано въ видѣ смѣлаго пародокса, то у нашего автора обстоятельно проведено съ помощью собранныхъ имъ фактовъ. Нужно впрочемъ имѣть въ виду, что Рокэнъ въ этомъ случаѣ идетъ по стопамъ другого историка,

[1]) Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 274.

[2]) Въ сочиненіи: Du gouvernement, des moeurs, et des conditions en France avant la révolution 1795.

писавшаго нѣсколькими годами раньше его. Уже Обертэнъ въ своемъ сочиненіи „Общественный духъ въ XVIII вѣкѣ“ старался очень ограничить историческую роль французскихъ философовъ. „Мы, какъ люди литературно образованные (lettrés), говоритъ онъ, слишкомъ преувеличиваемъ вліяніе воинствующей философіи (philosophie militante); обольщенные блескомъ этого продолжительнаго возмущенія французской мысли, которая вызвала трибуновъ послѣ того, какъ вдохновила писателей, мы во всемъ приписываемъ этой философіи честь успѣха; мы устраняемъ мысленно все, что ей чуждо, и ее только вліяніе намъ чуется въ дѣлѣ необходимыхъ разрушеній. Не нужно однако поддаваться такому предразсудку“. По мнѣнію Обертэна, корень французской революціи нужно искать не въ теоріяхъ философіи (speculations), а въ политической борьбѣ партій, въ оппозиціи янсенистовъ и парламентовъ противъ правительства Людовика XV. Даже самыя крайности тогдашней литературы Обертэнъ готовъ объяснить силою страстей, вызванныхъ упомянутой борьбой. „Еще разъ, повторяю, говоритъ онъ, мы въ настоящее время слишкомъ склонны думать, что въ революціи все было дѣломъ философіи, что одна философія разрушила во Франціи монархію и католицизмъ. Это совершенно не основательно: философія уже нашла это революціонное настроеніе зародившимся и укрѣпившимся въ умахъ; конечно она не помѣшала его дальнѣйшему развитію, но она не только не создала его, но сама сначала опиралась на него и пользовалась имъ“. Въ сочиненіи Обертэна эти мысли высказаны какъ бы мимоходомъ; цѣлью его было изученіе главнѣйшихъ для французской исторіи XVIII вѣка дневниковъ и мемуаровъ и характеристика общественнаго настроенія въ различныя эпохи прошлаго вѣка на основаніи этихъ источниковъ. При ближайшемъ знакомствѣ съ нѣкоторыми изъ нихъ, особенно съ дневникомъ адвоката Барбье и записками маркиза д'Аржансона, написанными во время самого разгара борьбы парламентовъ съ правительствомъ и большею частью до появленія тѣхъ знаменитыхъ произведеній оппозиціонной литературы, которымъ обыкновенно приписывается революціонный духъ во Франціи, — Обертэнъ былъ пораженъ революціоннымъ языкомъ и радикализмомъ идей въ различныхъ слояхъ французскаго общества, еще незнакомыхъ съ философіей энциклопедистовъ и съ „англійскими политическими доктринами“. Можно думать, что это впечатлѣніе, вынесенное Обертэномъ изъ его историко-культурныхъ этюдовъ, и послужило для Рокэна руководствомъ въ его изслѣдованіяхъ; какъ бы то ни было, упомянутое мнѣніе является въ сочиненіи Рокэна уже въ видѣ строго-формулированнаго вывода, вытекающаго изъ обстоятельнаго изложенія относящихся сюда фактовъ. Борьба янсенистовъ съ римской партіей и оппозиція парламентовъ, которыя у Обертэна служатъ только фономъ для его литературно-біографическихъ очерковъ, въ книгѣ Рокэна занимаютъ весь первый планъ и слова, которыми онъ начинаетъ свое предисловіе, можно признать эпиграфомъ ко всему сочиненію: „То дви-

женіе въ общественномъ мнѣніи, изъ котораго вышла французская революція, ведетъ свое начало не отъ философовъ. Катастрофа была подготовлена всѣмъ вѣкомъ“ (Le siècle tout entier prépara la catastrophe).

Въ самомъ сочиненіи своемъ Рокэнъ идетъ гораздо дальше Обертэна въ отрицаніи того преобладающаго вліянія, которое до сихъ поръ обыкновенно признавалось за философіей въ исторіи революціи. Обертэнъ напр. признавалъ преувеличеннымъ вышеприведенное мнѣніе Сенакъ де-Мельяна, „что философія также мало повинна въ революціи, какъ неповинна въ какомъ нибудь пожарѣ каменоломня изъ которой берутъ камни для постройки сгорѣвшаго зданія“ — и находилъ нужнымъ напомнить „что энциклопедисты однако содѣйствовали тому, чтобы поджечь зданіе“ (avaient travaillé à mettre le feu à la maison, p. 259); Рокэнъ же по этому поводу замѣчаетъ, что „когда философы явились, чтобы поджечь зданіе, то оно уже шаталось на своемъ основаніи“. (Пред. VII). Но этого мало. По мѣрѣ того, какъ Рокэнъ развертываетъ передъ своими читателями широкую картину внутренней борьбы во Франціи въ царствованіе Людовика XV, онъ внушаетъ имъ мысль, что революція, хотя и произошла только въ 1789 году, въ сущности же созрѣла гораздо раньше и нѣсколько разъ особенно въ 1754, 1757 и 1770 годахъ, была готова вспыхнуть. „Философы только собрали въ общій сводъ и возвели въ доктрину идеи, которыя вездѣ находились въ броженіи. Уже въ половинѣ XVIII вѣка духъ оппозиціи превратился въ духъ революціи“. Этотъ самый переходъ оппозиціоннаго настроенія въ революціонное Обертэнъ еще приписывалъ отчасти философіи. Онъ сводилъ свои наблюденія надъ французскимъ обществомъ къ слѣдующему итогу: „Въ первой половинѣ XVIII вѣка парламентская агитація не рѣдко становится шумною и страстною, но она вовсе не представляется угрожающей и стремящейся къ перевороту (subversif). А народная масса сохраняютъ вѣру въ монархическій принципъ. Оппозиція носитъ характеръ консервативный; ее можно назвать конституціонной и династической; но нужно признаться, что она въ своихъ дѣйствіяхъ менѣе умѣренна, чѣмъ въ теоріи и ея увлеченія уже налагаютъ на общественное настроеніе революціонныя черты. А что же дѣлала философія въ это время? Она дѣлала еще мало шума и ея роль, особенно въ политикѣ, была довольно скромна. Въ лицѣ Вольтера и Монтескье она училась въ Голландіи и Англіи, она прокрадывалась въ театръ и еще не имѣла доступа въ Академію. Самыя смѣлыя мысли ея находили убѣжище въ анонимныхъ и тайно-распространяемыхъ сочиненіяхъ; ея представители только начинали подвергать себя риску проповѣдничества и еще избѣгали мученичества. На дурномъ счету у власти, но пользуясь расположеніемъ „порядочныхъ людей“, философія давала тонъ въ салонахъ и въ литературѣ; она внушала негодованіе противъ фанатизма и осыпала насмѣшками религіозную борьбу, возбуждавшую страсти

большинства публики. Неуловимая, она была вездѣ. Ей еще не доставало организаціи, авторитета, большаго числа приверженцевъ, системы и плана; она еще не собрала свое ополченіе подъ развернутое знамя и подъ руководство популярныхъ вождей. Правительство ее притѣсняло, не опасаясь ея; во всякомъ случаѣ еще не считалось съ ней. Вольнодумство уже сдѣлалось вліяніемъ, но еще не было силою... Дѣйствіе философіи было еще мало замѣтно въ политическомъ движеніи, которое прежде всего было дѣломъ парламентовъ и янсенистовъ. Въ обществѣ былъ уже распространенъ философскій духъ, но еще не было партіи философовъ"... Постепенно однако положеніе дѣла измѣняется. Наступаетъ моментъ, когда философія, собравшись съ силами (prenant l'essor), уноситъ въ просторную область отвлеченной мысли вопросы, которые разбирались съ такимъ узкимъ упрямствомъ политическими партіями и возвышая самые вопросы, преобразовываетъ ихъ. Все что предшествовало, не болѣе какъ прелюдія; теперь настоящій XVIII вѣкъ открывается въ своей мощной оригинальности. Эпохой кризиса Обертэнъ считаетъ время между Ахенскимъ миромъ и Семилѣтней войной (1748—1757). Начиная съ этихъ годовъ, Франція „переступаетъ порогъ, который отдѣляетъ споры, относящіеся къ старому порядку отъ принциповъ 1789 года."

Обертэнъ впрочемъ противорѣчитъ самому себѣ въ объясненіе того, какимъ образомъ конституціонная и династическая оппозиція превратилась въ революціонную и республиканскую. Въ приведенномъ нами мѣстѣ, это приписывается философіи; но въ другихъ мѣстахъ сочиненія такое содѣйствіе философіи оказывается какъ будто вовсе излишнимъ; продолжительность парламентской оппозиціи и несостоятельность правительства Людовика XV выставляются причинами „революціоннаго духа" и основной принципъ революціи — главенство націи надъ королемъ — выводится изъ политической борьбы партій, а не изъ „размышленій философовъ". Подобнаго противорѣчія мы у Рокэна уже не находимъ. Преобладающая роль въ революціонномъ движеніи здѣсь прямо приписывается религіозной и политической борьбѣ при Людовикѣ XV. Необходимость перемѣны въ политическомъ порядкѣ Франціи, по мнѣнію Рокэна, сознавалась всѣми уже въ началѣ 1751 г. „И эта перемѣна, говоритъ онъ, резюмировалась въ словѣ революція". Даже тѣ, кто не сочувствовалъ насильственнымъ мѣрамъ, полагали, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, реформа, произведенная мирнымъ путемъ, какъ ее могъ бы задумать какой нибудь „умный и уважаемый первый министръ", была почти невозможна. Одни при этомъ были того мнѣнія, что революція осуществится не безъ препятствій, другіе напротивъ полагали, что она совершится въ единодушномъ порывѣ (par acclamation). Рокэнъ приводитъ въ доказательство этого общаго революціоннаго настроенія много любопытныхъ отзывовъ современниковъ. Особенно интересны слѣдующія слова д'Аржансона: „Всѣ сословія недовольны. Матеріалъ вездѣ въ состоя-

ніи воспламеняемости; какое нибудь мѣстное возстаніе (émeute) можетъ произвести мятежъ, а можетъ приведетъ къ полной революціи, во время которой будутъ выбраны настоящіе народные трибуны, составлены комиціи, коммуны, а король и министры будутъ лишены своей чрезмѣрной власти вредить“.

„Въ это время, говоритъ далѣе Рокэнъ, Вольтеръ находился въ Пруссіи, работая надъ своей исторіей вѣка Людовика XV; Дидеро выпустилъ только первый томъ „Энциклопедіи“; Гельвецій только что отказался отъ положенія откупщика, чтобы предаться литературѣ и только 7 лѣтъ спустя издалъ свое сочиненіе „О Духѣ“. Руссо былъ извѣстенъ только своимъ первымъ разсужденіемъ, получившимъ премію Дижонской Академіи; аббатъ Рейналь только выступалъ изъ неизвѣстности; Гриммъ еще не принимался за „Литературную корреспонденцію“; Гольбахъ еще ничего не писалъ, а Бюффонъ выпустилъ только 3 или 4 тома своей „Естественной исторіи“. Такимъ образомъ падаютъ увѣренія, столь часто повторяемыя, будто бы слѣдуетъ считать философовъ виновниками революціи (inspirateurs). Гораздо раньше, чѣмъ имъ удалось направить своими сочиненіями общественное мнѣніе, перспектива революціи въ политическомъ мірѣ отчетливо представлялась умамъ, и уже давно рисовалась въ области религіозной подобная же перспектива. Достаточно было какого нибудь обстоятельства для того, чтобы революція съ своимъ двойственнымъ характеромъ вражды противъ церкви и противъ королевской власти, перешла вдругъ изъ области идей въ дѣйствительность.

При такомъ взглядѣ на дѣло, что не литература (философія) вызвала революцію, а напротивъ революція вызвала философію XVIII вѣка (la revolution avait été la secrète inspiratrice de la philosophie p. 483) и при убѣжденіи, что революція могла также легко осуществиться въ 1754 г., какъ и въ 1789 г., еслибы какое нибудь случайное событіе — „королевскій ордонансъ о закрытіи Шатле или парламента, отказъ въ причастіи какому нибудь янсенисту при особенныхъ обстоятельствахъ, народное волненіе, вызванное податями или какой нибудь другой причиной“ — произвело бы вспышку, — Рокэнъ естественно приходитъ къ вопросу: такъ какъ Франціи было суждено подвергнуться потрясенію революціи, то не слѣдуетъ ли пожалѣть о томъ, что эта революція вмѣсто того, чтобы произойти 35 лѣтъ позднѣе не вспыхнула напримѣръ въ 1754 году?

Рокэнъ не колеблясь отвѣчаетъ утвердительно на этотъ вопросъ. „Парламентъ, говоритъ онъ, конечно сталъ бы во главѣ движенія. Что касается до политическаго строя, то нечего и думать, что тогда какъ полагалъ д'Аржансонъ, обратились бы къ „демократическому устройству правительства“ (gouvernement démocratique reglé). Вѣроятно ограничились бы тѣмъ, что ввели бы въ извѣстные предѣлы власть короля. На мѣсто деспотической монархіи попытались бы установить монархію конституціонную. Парламентъ, увеличивъ число сво-

ихъ членовъ и преобразовавшись, принялъ бы на себя роль аналогическую англійскому, или же, сохранивъ за собою только свою судебную функцію, парламентъ согласился бы на сдѣлку и предоставилъ бы Генеральнымъ Штатамъ вмѣстѣ съ Провинціальными опредѣленную власть. Чтò касается до духовенства, то возобновили бы дѣло, уже разъ затѣянное правительствомъ, но не удавшееся ему, т. е. духовенство заставили бы наравнѣ съ прочими гражданами нести повинности государства. Можетъ быть попытались бы сдѣлать и больше. Вѣрно то, что раздѣлались бы съ ультрамонтанствомъ, всегда ненавистнымъ французской націи; при этомъ не удовольствовались бы возвращеніемъ на путь чистаго галликанизма. Прекратили бы всякое преслѣдованіе противъ протестантовъ; по мысли, которую имѣлъ еще регентъ, отмѣнили бы ненавистные законы Людовика XIV, извергнувшіе ихъ изъ общества. Можно предположить, что пошли бы даже дальше этой мѣры. Но д'Аржансонъ ошибался, когда полагалъ, что было бы уничтожено всякое священство, всякое откровеніе, всякое таинство и что стали бы довольствоваться религіей, состоявшей въ поклоненіи Господу въ духѣ и истинѣ.

Уступая революціи 1789 г. въ дѣлѣ доктринъ, революція 1754 года имѣла бы передъ нею покрайней мѣрѣ то преимущество, что. впадая въ излишества, къ несчастію неизбѣжныя, она конечно не имѣла бы своимъ послѣдствіемъ систему террора, воспоминанія о которомъ еще теперь гнетутъ насъ по прошествіи 80 лѣтъ; что духъ реформъ. если такъ можно сказать, умѣрилъ бы духъ революціи; что тогда не предстала бы опасная необходимость устроить новый порядокъ цѣликомъ на развалинахъ стараго; однимъ словомъ, Франція, еще привязанная къ своему прошедшему, произвела бы въ области церковной и государственной нововведенія, которыя были бы внушены столько же уваженіемъ къ преданію, сколько и прогрессомъ въ идеяхъ и несмотря на это (sic), представила бы возможность болѣе существенныхъ перемѣнъ въ дальнѣйшемъ будущемъ".

Такое разрѣшеніе вопроса о характерѣ, какой имѣла бы революція безъ участія литературы или до начала ея вліянія, уже опредѣляетъ отношеніе Рокэна къ третьему изъ поставленныхъ нами вопросовъ, могла ли революція быть предупреждена монархической реформой? Рокэнъ, сходясь съ Обортэномъ въ общемъ взглядѣ на несущественное вліяніе философіи въ исторіи происхожденія французской революціи, въ этомъ случаѣ расходится съ нимъ. Обертэнъ старается ослабить представленіе о фатализмѣ французской революціи или покрайней мѣрѣ хотя и не совсѣмъ удачно—точнѣе опредѣлить смыслъ этого понятія. Онъ признаетъ „періодическія волненія, болѣе или менѣе сильные кризисы—сущностью національной жизни Франціи;" такія революціи онъ считаетъ обязательной формой прогресса въ исторіи Франціи, цѣною, которою французамъ приходится расплачиваться за самыя полезныя нововведенія; въ этомъ правильномъ

возобновленіи безпорядковъ, въ этой логикѣ національныхъ капризовъ, онъ видитъ настоящую фатальность французской исторіи. „Но, говоритъ онъ, утверждать отвлеченнымъ образомъ, не принимая въ разсчетъ личнаго характера государей и образа дѣйствія ихъ министровъ, что революція не могла быть ни ослаблена, ни предупреждена, ни отсрочена, что непобѣдимый рокъ паденія и разрушенія увлекая монархію съ 1715 года (года смерти Людовика XIV) или покрайней мѣрѣ съ 1774 (вступленія на престолъ Людовика XVI), къ той пропасти, которая ее поглотила; утверждать, что вся работа вѣка, его благородные порывы и развитіе его просвѣтленнаго разума неудержимо наталкивали его на тотъ утесъ, о который разбилась его гордая цивилизація—это гипотеза, которую нельзя допустить и которая опровергается изученіемъ фактовъ и свидѣтельствомъ современниковъ“.

Обертэнъ, правда, находитъ рискованнымъ (hasardée) мнѣніе одного изъ этихъ современниковъ, графа Воблана, утверждавшаго, что дѣло монархіи во Франціи не было проиграно еще даже въ самое утро 10 августа 1792 года—(день низверженія Людовика XVI парижской комуной); но уже изъ того, что Обертэнъ счелъ нужнымъ привести это мнѣніе, видно на сколько онъ вѣрилъ въ силу монархіи стараго порядка; тѣмъ болѣе, конечно, онъ далекъ отъ мысли, что революція была неизбѣжна въ половинѣ XVIII вѣка. Относительно этого времени онъ прямо говоритъ: „мудрая и рѣшительная воля была въ состояніи все исправить, все упрочить; ни какая радикальная доктрина еще не подкапывала существенныхъ основъ власти; оппозиція осуждала въ правительствѣ только злоупотребленія деспотизма; уже многочисленные приверженцы политическаго прогресса ждали, чтобы идти впередъ, сигнала и пароля Людовика XV и Франція была готова обновиться и преобразиться за одно съ монархіей“ (стр. 269).

Не такъ смотритъ на дѣло Рокэнъ; онъ не только въ концѣ царствованія Людовика XVI считаетъ монархическую реформу безуспѣшной, но съ самаго начала этого правленія, въ дни Тюрго и Мальзерба. „Когда умеръ Людовикъ XV, говоритъ онъ, въ Франціи не только понятія были революціонны, но и самый народный темпераментъ, измѣненный наконецъ шестидесятью годами возраставшихъ волненій. Достаточно разсмотрѣть первые года царствованія этого государя, чтобы убѣдиться, что революція была неизбѣжна, по какому пути ни пошелъ бы король. Реформы имъ предпринятыя, даже если бы онѣ осуществились, не были въ состояніи ее предотвратить, а покинувъ ихъ, онъ только ускорилъ катастрофу, которую дѣлало неминуемой роковое сцѣпленіе событій“. Хотя Рокэнъ и не высказывается такъ опредѣленно относительно эпохи Людовика XV, но изъ отзывовъ его, которые мы приводили, видно, что онъ склоняется къ мнѣнію д’Аржансона, который уже въ 1751 году считалъ только „революціонный режимъ“ способнымъ осуществить реформу. Рокэнъ

даже даетъ поводъ думать, что революція во французской исторіи становится неизбѣжной съ конца царствованія Людовика XIV, ибо началомъ всего революціоннаго движенія онъ признаетъ оппозицію противъ деспотической нетерпимости короля, который отмѣнилъ Нантскій эдиктъ и принесъ въ жертву галликанизмъ и янсенистовъ ультрамонтанству и іезуитамъ. Такимъ образомъ Рокэнъ приводитъ исторію „революціи до 1789 года“ къ слѣдующей формулѣ: „Революція была подготовлена нетерпимостью Людовика XIV, раздуваема безпорядками и позоромъ правленія Людовика XV и вызвана слабостью Людовика XVI; начавшись въ области религіозной, она затѣмъ была перенесена въ политику, сдѣлалась тайной внушительницей (inspiratrice) философіи и нѣсколько разъ въ 1754, 1757 и 1770 г.—готовая вспыхнуть, она наконецъ побѣдоносно и неудержимо ринулась въ дверь, которую предъ нею была принуждена растворить утратившая уваженіе власть“.

Вотъ въ чемъ заключаются въ главныхъ чертахъ взгляды автора новаго сочиненія о „Революціонномъ духѣ“, которое вмѣстѣ съ сочиненіемъ Обертэна и книгой Тэна „о Старомъ порядкѣ“ представляетъ наиболѣе интересный вкладъ французской исторической литературы за послѣднее десятилѣтіе для объясненія генезиса революціи 1789 года и вмѣстѣ съ ними служитъ любопытнымъ фактомъ въ исторіи развитія политической мысли въ современной Франціи. Обратимся теперь къ разбору мнѣній Рокэна и укажемъ, на сколько въ этихъ мнѣніяхъ заключается существеннаго для лучшаго пониманія великаго историческаго событія, котораго онѣ касаются.

За Рокэномъ нужно признать несомнѣнную заслугу въ томъ отношеніи, что онъ представилъ въ новомъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе яркомъ свѣтѣ церковную политику французскаго правительства въ первой половинѣ XVIII вѣка, и вызванную имъ религіозную и политическую оппозицію; еще важнѣе то, что Рокэнъ указалъ на существенное вліяніе, которое имѣла эта оппозиція на происхожденіе французской революціи. Заслуга Рокэна, однако, не ограничивается этимъ болѣе или менѣе частнымъ результатомъ, но имѣетъ кромѣ того и методологическое значеніе: выставивъ на видъ непосредственную связь „революціоннаго духа“ съ общественнымъ настроеніемъ, вызваннымъ правительственными мѣрами Людовика XV по отношенію къ церкви и парламентамъ и, прослѣдивъ корни французской революціи до религіознаго фанатизма Людовика XIV, Рокэнъ содѣйствовалъ установленію исторической т. е. научной точки зрѣнія на этотъ переворотъ и объясненію его въ связи съ предшествовавшей исторіей французскаго народа. Сказавъ это, мы указали вмѣстѣ съ тѣмъ и на слабыя стороны историческихъ изслѣдованій нашего автора. Ограничившись изученіемъ церковной политики правительства и парламентовъ Франціи и стѣснивъ при этомъ свою задачу рамкой XVIII вѣка, Рокэнъ могъ только въ извѣстномъ, ограниченномъ т. е. одностороннемъ смыслѣ

написать исторію „революціоннаго духа до революціи“. Въ основаніи его книги лежитъ совершенно вѣрная мысль, что объясненіе „революціоннаго духа“, который съ такой силой проявился въ 1789—94 годахъ, нужно искать не столько въ агитаціи со стороны литературы XVIII вѣка, сколько въ особенностяхъ предшествовавшей французской исторіи; но для того, чтобы вѣрно опредѣлить вліяніе этой предшествовавшей исторіи на происхожденіе революціи 1789 года, нужно было выработать себѣ правильный общій взглядъ на весь ходъ французской исторіи, а для этого недостаточно углубиться въ событія XVIII вѣка. Въ связи съ этимъ отсутствіемъ общаго взгляда на исторію Франціи у Рокэна находится и другой недостатокъ; у него точно также нѣтъ вѣрнаго и цѣльнаго представленія объ общемъ значеніи революціи 1789 года, и потому понятіе „революціоннаго духа“, которымъ онъ хочетъ объяснить этотъ переворотъ у него остается слишкомъ неопредѣленнымъ выраженіемъ. Рокэнъ ограничивается заявленіемъ, что революціонный духъ былъ порожденъ недовольствомъ противъ религіознаго и политическаго деспотизма французскаго правительства и въ подтвержденіе этого онъ собралъ факты, которые мы находимъ въ его книгѣ. Но сосредоточивъ наше вниманіе на мѣрахъ, которыми правительство Людовика XV поддерживало іезуитскую партію въ церкви и боролось противъ парламентовъ, мы еще не поймемъ сущности того духа, который проявился въ революціи 1789 года.

Не въ возмущеніи только противъ „клерикальнаго и министерскаго деспотизма“ заключался духъ революціи 1789 года. Правда, въ общественномъ настроеніи въ первое время революціи преобладало стремленіе къ возможно большей свободѣ. Но историческимъ результатомъ переворота 1789 года было вовсе не удовлетвореніе потребности свободы, а напротивъ чрезвычайное усиленіе государственной власти. Результатъ этотъ не былъ слѣдствіемъ ни случайныхъ причинъ, — торжества якобинцевъ, или Наполеона, ни простой реакціи противъ анархіи первыхъ лѣтъ; но проистекалъ изъ всей предшествовавшей исторіи Франціи. Въ революціи 1789 года, если ее разсматривать какъ звѣно въ общемъ историческомъ процессѣ жизни французскаго народа, нужно отличать два противоположныхъ теченія, т. е. то, которое можно назвать центробѣжнымъ, и другое центростремительное. Второе издавна составляло господствовавшее стремленіе французской исторіи и революціонный характеръ, съ которымъ оно проявилось въ 1789 и слѣдующихъ годахъ, объусловливался преимущественно тѣмъ, что удовлетвореніе національной потребности концентраціи и объединенія было долго задерживаемо, особенно въ XVIII вѣкѣ. Главнымъ результатомъ предшествовавшей исторіи Франціи было политическое и національное объединеніе ея — созданіе французскаго государства и французскаго народа. Этотъ результатъ былъ преимущественно дѣломъ государственной власти, а представительницей этой

власти при старомъ порядкѣ была монархія. Это историческое призваніе монархіи упущено изъ вида Рокэномъ, и если бы онъ принялъ ее во вниманіе, то описанная имъ дѣятельность правительства Людовика XV и XVI и борьба парламентской оппозиціи противъ правительства, получили бы въ его книгѣ иное освѣщеніе. Еслибы исторія „революціоннаго духа“ была изображена на настоящемъ историческомъ фонѣ, то она привела бы хотя и не къ оправданію правительствъ Людовика XV и XVI, но къ болѣе правильному пониманію положенія и мотивовъ обѣихъ сторонъ, т. е. правительства и оппозиціи и къ болѣе полной оцѣнкѣ послѣдствій ихъ политики.

Такъ напримѣръ церковная политика французскаго правительства въ книгѣ Рокэна изложена совершенно неудовлетворительно. Сводя ее на деспотизмъ Людовика XIV, онъ ее недостаточно мотивируетъ. Клерикализмъ французской монархіи является печальною случайностью и читателю не понятны колебанія правительства между поощреніемъ ультрамонтанскимъ притязаніямъ и уступчивостью передъ требованіемъ парламента. Рокэнъ долженъ былъ бы показать, что солидарность между церковью и монархіей была существенной опорой династіи стараго порядка. Недаромъ безсиліе французской монархіи и непопулярность ея становятся особенно замѣтны съ того времени, когда съ изгнаніемъ іезуитовъ наносится пораженіе ультрамонтанству и церковь утрачиваетъ во Франціи свой прежній авторитетъ. Съ другой стороны у Рокэна недостаточно выяснены послѣдствія солидарности между католицизмомъ и французской монархіей. Рокэнъ указываетъ только на то, что вслѣдствіе покровительства, которое правительство оказывало церкви, оппозиція парламентовъ противъ ультрамонтанскаго направленія въ церкви получила мало по малу политическій характеръ и послужила причиной революціоннаго духа. Но при этомъ слѣдовало бы показать, что солидарность между католицизмомъ и монархіей стараго порядка была главнымъ препятствіемъ къ государственнымъ реформамъ, которыя надлежало провести монархіи, и такимъ образомъ главной причиной паденія династіи Бурбоновъ. Вліяніе церкви на судьбу французской монархіи заслуживаетъ особеннаго вниманія въ исторіи политики французскаго правительства и само собою бросится въ глаза, если мы захотимъ выяснить себѣ причины и мотивы этой политики вообще. Главнымъ результатомъ предшествовавшей исторіи Франціи было, какъ мы выше сказали, политическое и національное объединеніе ея,—созданіе французскаго государства и французскаго народа.

Этотъ процессъ былъ далеко еще не оконченъ, когда онъ почти совсѣмъ остановился въ исходѣ XVII вѣка. Королевская власть, которая до того времени была главнымъ проводникомъ и представителемъ этого процесса, достигла къ концу XVII вѣка апогея своей силы, но тутъ именно остановилась въ своей вѣковой исторической работѣ и дальнѣйшее движеніе по историческому пути, завершеніе завѣтнаго

національнаго дѣла, почти прекратилось на цѣлый вѣкъ, а въ нѣкоторыхъ сферахъ движеніе даже пошло назадъ. Провинціи, напримѣръ. особенно тѣ, въ которыхъ уцѣлѣли средневѣковые феодальныя учрежденія, сохранили въ концѣ XVIII вѣка, не смотря на интендантовъ, туже самую степень независимости по отношенію къ государственной власти, или лучше сказать туже самую неповоротливость и строптивость, которую имѣли въ концѣ XVIII вѣка. Правительство при Людовикѣ XVI было еще болѣе стѣснено протестами и иногда открытымъ неповиновеніемъ различныхъ полусамостоятельныхъ административныхъ органовъ, напримѣръ, парламентовъ, чѣмъ при Людовикѣ XIV; рознь между сословіями въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стушевалась ослабленіемъ привиллегій, напримѣръ распространеніемъ нѣкоторыхъ государствеоныхъ податей на дворянъ; въ другихъ же даже увеличилась напримѣръ лишеніемъ не-дворянъ права получать офицерскіе чины; главный камень преткновенія въ дѣлѣ примиренія, сліянія общественныхъ классовъ—феодальный характеръ землевладѣнія—оставался не только безъ измѣненія, но какъ бы навсегда окаменѣлъ, такъ какъ государственная власть признала его нерушимымъ. Между тѣмъ потребность государственнаго и національнаго объединенія ощущалось живѣе, чѣмъ когда либо и самимъ правительствомъ и отчасти обществомъ; стремленіе къ центру изъ безсознательнаго инстинктивнаго начинало становиться сознательнымъ. Отчего жè въ такомъ случаѣ правительство т. е. королевская власть, не пошло дальше на пути централизаціи, которая была въ ея собственныхъ интересахъ и только бы усилила ее? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ объясненіе всей исторіи Франціи XVIII вѣкѣ и опредѣленіе революціи, а потому довольно сложенъ. Конечно исторія французскаго правительства въ прошломъ вѣкѣ въ извѣстной степени зависѣла отъ личнаго характера ея королей; но различіе характеровъ Людовика XIV и его обоихъ преемниковъ было очень значительно, а между тѣмъ положеніе дѣлъ при нихъ мало измѣнилось. Напрасно также придаютъ такъ много значенія фавориткамъ Людовика XV; Людовикъ XVI былъ примѣрный супругъ, вражда же, которую возбудила противъ себя Марія Антуанета, была гораздо сильнѣе, чѣмъ непопулярность любой изъ фавоpитокъ. Конечно, для судьбы французской династіи было очень неблагопріятно то обстоятельство, что одряхлѣвшему Людовику XIV наслѣдовалъ пятилѣтній ребенокъ, при которомъ недобросовѣстное и легкомысленное регентство затрудняло всякія реформы и то, что послѣ 55-ти-лѣтняго непопулярнаго царствованія Людовика XV вступилъ на престолъ неопытный 20-ти-лѣтній юноша; но Людовикъ XV, который по смерти кардинала Флери объявилъ, что теперь самъ будетъ своимъ первымъ министромъ окончательно испортилъ дѣло династіи; а что касается до Людовика XVI, то единственная попытка къ серьезнымъ реформамъ была произведена именно во время его юношества. Большую долю неблагопріятнаго вліянія на положеніе династіи можно

приписать тому факту, что впродолженіе всего XVIII вѣка Франція не была особенно богата военными успѣхами и ея политическая роль въ Европѣ понизилась; самое значительное территоріальное пріобрѣтенія ея—Лотарингія, было не плодомъ блестящихъ побѣдъ, а результатомъ счастливой дипломатіи и совершилось безъ всякаго шума. Между тѣмъ авторитетъ и власть французскихъ королей всегда въ значительной степени обусловливались успѣхами внѣшней политики и удовлетвореніемъ, которое они доставляли военному тщеславію націи; до какой степени французы цѣнили въ своихъ короляхъ воинственный духъ, видно напримѣръ изъ того, что единственный случай, когда Людовикъ XV сдѣлался необыкновенно популяренъ, былъ во время войны, въ которой король захотѣлъ принять личное участіе, но опасно заболѣлъ въ арміи. Въ числѣ причинъ, объясняющихъ почему монархическому правительству Франціи не доставало иниціативы или авторитета для продолженія дѣла государственнаго и національнаго объединенія, слѣдуетъ поставить на первый планъ конечно солидарность этого правительства съ привиллегированными классами, которымъ принадлежала со времени среднихъ вѣковъ извѣстная доля государственныхъ правъ. А въ этомъ отношеніи особенно важно положеніе церкви и вліяніе, которое она имѣла на внутреннюю политику правительства. Тѣсный союзъ между церковью и монархическимъ интересомъ разумѣлся самъ собою и мы видимъ подобное явленіе во всѣхъ Европейскихъ странахъ. Однимъ изъ главныхъ подспорьевъ монархическаго принципа въ эпоху сильнаго развитія государственной власти была идея божественнаго права, а эта идея имѣла свои корни въ ученіи церкви и держалась преимущественно ея авторитетомъ. Особенно интересна въ этомъ отношеніи исторія Англіи въ XVII вѣкѣ и судьба династіи Стюартовъ, которая такъ тѣсно связана съ исторіей англиканской церкви, возведшей ученіе о божественномъ правѣ королей на степень церковнаго догмата. Династія Стюартовъ два раза теряла престолъ и оба раза ея паденіе обусловливалось ея отношеніемъ къ церкви; въ первый разъ полное отождествленіе правительственной политики при Карлѣ I съ англиканскими интересами усилило политическую оппозицію въ странѣ религіознымъ фанатизмомъ угнетенныхъ сектъ; во второй разъ, случайный разрывъ обратившагося въ католицизмъ короля съ господствующей церковью, лишилъ престолъ главной опоры и сдѣлалъ его легкой добычей оппозиціи виговъ. Во Франціи солидарность между церковью и династіей была еще тѣснѣе. Католицизмъ нуждался въ государственной власти для подавленія гугенотовъ и янсенистовъ, а династія находила въ католицизмѣ не только главное ручательство своего божественнаго права, но и могущественное орудіе для государственнаго и національнаго объединенія и наконецъ важную опору для своего международнаго положенія. Но союзъ церкви съ монархіей имѣлъ во Франціи еще болѣе роковыя послѣдствія, чѣмъ въ Англіи, налагая на пра-

вительство болѣе тяжелыя обязательства и путы. Французская церковь была особенно заинтересована въ сохраненiи феодальныхъ порядковъ и тормозила всякiя гражданскiя и административныя реформы всею тяжестью своего религiознаго авторитета. Что могло сдѣлать правительство, напр., въ интересахъ сельскаго населенiя и для освобожденiя земель отъ феодальныхъ повинностей, когда всякая мѣра, касавшаяся земледѣльческаго класса, задѣвала главнымъ образомъ интересы церквей? И что могло предпринять правительство въ области административныхъ и финансовыхъ реформъ, для введенiя, напримѣръ, болѣе цѣлесообразнаго и справедливаго принципа государственнаго обложенiя, когда французская церковь отстаивала какъ священный догматъ свою привилегiю „добровольнаго приношенiя", т. е. право церкви не подчиняться финансовымъ распоряженiямъ правительства? а эта церковь владѣла цѣлой третью французской территорiи. Поэтому, критическимъ моментомъ въ исторiи французской монархiи нужно считать тотъ годъ (1749), когда министръ Машо (Machault) предложилъ истребовать отъ французской церкви инвентари ея поземельныхъ имуществъ для обложенiя ихъ опредѣленной повинностью; съ устраненiемъ этого проэкта и паденiемъ министра всякая дальнѣйшая попытка къ реформамъ становилась тщетной и невозможной и революцiя — неизбѣжной. Но французская церковь, производившая такое непосредственное давленiе на внутреннюю политику правительства, ставила монархическимъ реформамъ еще косвенное препятствiе. Изъ книги Рокэна читатель могъ убѣдиться, какую постоянную преграду встрѣчали всѣ распоряженiя правительства въ оппозицiи парламентовъ. Не только финансовые поборы правительства Людовика XV, но и благодѣтельныя реформы Тюрго встрѣчали отпоръ со стороны самостоятельной и популярной магистратуры. Но эта магистратура издавна находилась во враждѣ съ господствовавшей въ церкви партiей и правительство, постоянно занятое и раздражаемое борьбой съ парламентами, поневолѣ держалось ихъ враговъ-iезуитовъ и ультрамонтанскихъ епископовъ — и подпало подъ ихъ влiянiе. Такимъ образомъ янсенизмъ, возникшiй въ одно время съ развитiемъ монархическаго абсолютизма и нашедшiй убѣжище въ парламентахъ, получилъ въ политической исторiи Францiи значенiе далеко превосходящее тотъ интересъ, который онъ внушаетъ, какъ церковное или культурное явленiе.

Историческая роль парламентской опозицiи, другая сторона описанной Рокэномъ борьбы, изложена имъ также не вполнѣ удовлетворительно. Если прiостановка во внутреннемъ государственномъ развитiи Францiи въ XVIII вѣкѣ и не предпрiимчивость французскаго монархическаго правительства относительно проведенiя реформъ останутся непонятны тому, кто не вникнетъ въ положенiе и роль церкви, то для этой цѣли столь же необходимо правильное пониманiе парламентской оппозицiи. Читателю знакомому съ величiемъ,

котораго достигла французская монархія при Людовикѣ XIV, съ громадными средствами, которыми она обладала при его преемникахъ, съ отличнымъ устройствомъ обширнаго административнаго механизма, который приходилъ въ дѣйствіе по волѣ „министерскаго деспотизма"— должно показаться страннымъ, что правительство, пользовавшееся такимъ положеніемъ, такъ церемонилось съ оппозиціей судебной магистратуры, мѣшавшей ему на каждомъ шагу и послѣ всякаго усилія развязать себѣ руки тотчасъ уступало и все оставляло по старому. На чемъ основана была сила, которую пріобрѣли парламенты тотчасъ по смерти Людовика XIV и которую они сохранили до той самой минуты, когда имъ пришлось склониться предъ высшимъ авторитетомъ Національнаго Собранія? въ чемъ заключается тайна той странной популярности, которой пользовалось въ продолженіе всего XVI вѣка одно изъ самихъ консервативныхъ учрежденій въ исторіи, съ необыкновенной послѣдовательностью противившееся всякой полезной реформѣ, задуманной правительствомъ?

По видимому право парламента, которое давало ему возможность стѣснять правительство въ его распоряженіяхъ, было очень не значительно само по себѣ и не особенно существенно для народа. Оно было основано на обязанности блюсти за исполненіемъ законовъ и ради этого вести полный и точный списокъ (реэстръ) ихъ. При изданіи новыхъ законовъ со стороны правительства они поэтому должны были быть внесены въ общій списокъ — или регистрированы парламентомъ. Такъ какъ новыми законами отмѣнялись какія-нибудь изъ прежнихъ, или такъ какъ они могли противорѣчить привилегіямъ отдѣльныхъ корпорацій или мѣстностей, то парламенту предоставлялось право представлять королю до регистраціи свои соображенія или возраженія противъ новыхъ законовъ. Такое право парламентовъ — ремонстрировать, было подкрѣплено исторически сложившимся обычаемъ. Въ сущности правительство могло не стѣсняться этимъ правомъ. Въ противодѣйствіе ему исторія выработало другое явленіе французскаго государственнаго права—такъ называемые lits de justice, торжественныя засѣданія всѣхъ членовъ парламента подъ предсѣдательствомъ короля, когда обычай не дозволялъ дѣлать никакихъ возраженій противъ объявляемой королевской воли. Оба эти противорѣчащія другъ другу права—право парламентовъ ремонстрировать и не приступать къ регистраціи, и право правительства принуждать парламентъ къ молчанію,—продолжали совмѣстно существовать во все время „стараго порядка". Между тѣмъ право парламента стало получать все большее и большее значеніе вслѣдствіе того, что съ усиленіемъ централизаціи и усовершенствованіемъ административнаго механизма числа издаваемыхъ законовъ постоянно росло, и во вторыхъ потому, что тогдашнее государственное право не различало юридическихъ распоряженій правительства отъ фискальныхъ; и парламенты, поэтому, особенно парижскій, получили такимъ образомъ косвенное право налагать свое veto,

хотя и временное, на составленіе государственнаго бюджета. Понятно поэтому, что весь XVIII вѣкъ наполненъ борьбою правительства съ парламентами; правительство постоянно прибѣгало къ угрозамъ и мѣрамъ строгости противъ отдѣльныхъ членовъ и противъ цѣлыхъ парламентовъ, суспендировало ихъ, ссылало ихъ; но потомъ всегда опять возстановляло на прежнемъ основаніи. Но почему же оно не лишало ихъ право регистрировать законы и не передало это право напр. „государственному совѣту? почему уничтоженіе этого права всѣмъ казалось возможнымъ только съ уничтоженіемъ самихъ парламентовъ? Въ основаніи этого конечно лежало всеобщее, хотя и смутное, сознаніе, что власть французскихъ королей не абсолютна, что законодательная власть ихъ нуждается въ извѣстномъ регуляторѣ: лежало то, что можно назвать неписанной конституціей. Дѣйствительно исторія французскаго государства не выработала до самой революціи полной идеи абсолютной королевской власти; въ началѣ своего развитія, власть французскаго короля была абсолютна только тамъ, гдѣ онъ владѣлъ на патримоніальномъ правѣ (Hofrecht) въ его вотчинахъ; феодальное же право знаетъ только ограниченную власть сеньера; въ французскомъ королѣ постепенно слились права вотчинника и сеньёра, но, какъ не рѣдко бываетъ, полнаго сліянія не послѣдовало и обѣ струи текли, такъ сказать, вмѣстѣ. Чтобы получить общегосударственное значеніе, королевская власть была принуждена въ XIV вѣкѣ опереться на генеральные штаты, т. е. на сеньёровъ церковныхъ и свѣтскихъ и городскія коммуны, которыя долго сохраняли и представляли собой значительную часть государственной власти. Потребность политическаго объединенія, развитіе государственныхъ формъ и международнаго преобладанія, дали постепенно перевѣсъ королевской власти и съ 1614 года генеральные штаты болѣе не собираются; но именно съ этихъ поръ право ограниченія законодательной власти королей и въ то же время санкціи ея постановленій переходитъ къ парламентамъ и выражается въ ихъ обязанности регистрировать съ правомъ ремонстраціи. Эпоха абсолютизма Людовика XIV была временной диктатурой, которую страна радостно привѣтствовала послѣ смутъ Фронды и съ энтузіазмомъ сносила, пока она доставляла побѣды и пока не истощила силъ націи. Какъ всякая диктатура, такъ и королевская диктатура въ XVII вѣкѣ, нуждалась въ успѣхѣ и популярности и могла быть только временна. Благодаря искусству и продолжительности диктатуры Ришельё и самого Людовика XIV королевская власть во Франціи сдѣлалась абсолютной, но только de facto; ограниченіе ея правда было доведено до минимума, до пустой формальности—регистровать законы въ парламентѣ—но въ этой формальности крылась никогда не исчезавшая во французскомъ народѣ потребность санкціонированія королевскихъ законовъ особымъ болѣе или менѣе самостоятельнымъ учрежденіемъ, представлявшимъ своимъ участіемъ гарантію законности.

Внимательный читатель книги Рокэна найдетъ въ ней много фактовъ подтверждающихъ указанное нами конституціонное значеніе права парламентовъ регистрировать или, какъ иногда выражались, повѣрять (verifier) законы. Мы ограничимся ссылкой на нѣсколько фактовъ относящихся къ времени, непосредственно предшествовавшему революціи. Когда задуманные въ 1787 году правительствомъ новые налоги—гербовая пошлина и обще-поземельный налогъ (subvention territoriale) встрѣтили сопротивленіе со стороны парижскаго парламента и снова произошелъ полный разрывъ между министерствомъ и парламентомъ, въ обществѣ появилось опасеніе, „что правительство намѣрено отнять у парламента регистрацію фискальныхъ или даже всѣхъ другихъ законовъ". Во время последовавшей тогда офиціальной переписки между правительствомъ и парламентомъ, Людовикъ XVI въ одной изъ своихъ декларацій заявилъ, „что если большинство моихъ палатъ будетъ принуждать мою волю (forcer ma volonté) то монархія превратится въ аристократію магистратовъ (la monarchie ne serait plus qu'une aristocratie de magistrats)". На это парламентъ между прочимъ возразилъ: „для того, чтобы предохранить націю отъ гибельныхъ послѣдствій введенной въ заблужденіе воли (des volontés surprises), конституція (т. е. государственное право Франціи) требуетъ относительно законовъ повѣрки (vérification) со стороны палатъ, а относительно новыхъ повинностей (subsides) предварительнаго согласія генеральныхъ штатовъ [1])" и пр. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого парламентъ былъ уничтоженъ. Правительство Людовика XVI отдѣлалось отъ своего назойливаго соперника. Но какъ же оно послѣ этого поступило? Оно учредило новую палату — Cour Plénière, которой предоставило право представлять возраженія (remontrances) правительству; причемъ король сохранялъ за собой право предписывать ей свою волю en lits de justice; въ то же время онъ предоставлялъ себѣ право заключать займы по собственной волѣ, не подвергая ихъ никакой повѣркѣ; въ случаѣ же объявленія новыхъ налоговъ до созванія Генеральныхъ Штатовъ, эти налоги также должны были быть регистрированы палатой. Какъ видно изъ этого французское правительство само никакъ не могло выйти изъ заколдованнаго круга, въ который поставила его исторія, т. е. традиція государственнаго права Франціи, непремѣнно требовавшая провѣрки или такъ сказать легитимаціи всякаго новаго закона, установленною для этого палатой. Правда, это было уже наканунѣ революціи, когда французское правительство очень ослабѣло и было чрезвычайно стѣснено въ денежномъ отношеніи. Но принципъ, который здѣсь ясно признается самимъ правительствомъ, указываетъ намъ на историческую роль французскихъ парламентовъ въ XVII вѣкѣ и объясняетъ, почему столь могущественное и часто деспотиче-

[1]) Rocquain стр. 466.

ское правительство Людовика XV щадило парламенты и не могло ихъ окончательно устранить и почему чисто формальное право парламентовъ поддерживалось полнымъ сочувствіемъ націи, которая видѣла въ немъ единственную свою гарантію [1]).

Не могли ли парламенты считаться представителями французской націи? Вѣдь они и были въ сущности ничто иное, какъ почти наслѣдственныя, привилегированныя корпораціи, которыя болѣе всего заботились о неприкосновенности своихъ привилегій, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эти привилегіи служили къ ущербу націи. Кромѣ того, вслѣдствіе большей или меньшей солидарности всѣхъ вышедшихъ изъ феодализма привилегій, оппозиція парламента противъ правительства была однимъ изъ наиболѣе крѣпкихъ оплотовъ привилегій сословныхъ и мѣстныхъ и феодальнаго порядка вообще. Но тутъ мы касаемся одной чрезвычайно вѣрной стороны французской и вообще европейской исторіи, и должны указать на политическое и культурное значеніе **привилегій** при „старомъ порядкѣ". Привилегіи сдѣлались конечно главной помѣхой на пути европейскихъ народовъ къ развитому государственному порядку; но въ то же время они удовлетворяли другой существенной потребности человѣческаго общества — потребности къ свободѣ. Тотъ переходный ботъ отъ средне-вѣковаго устройства къ современному, который мы обозначаемъ терминомъ **старый порядокъ**, зналъ свободу, или былъ въ состояніи осуществить ее только въ формѣ **привилегіи**. Гражданская или индивидуальная свобода могла въ свое время укрыться только за корпоративными или сословными преимуществами; общинныя или провинціальныя привилегіи служили защитою мѣстныхъ потребностей, которыя теперь ищутъ осуществленіе въ принципѣ децентрализаціи и мѣстной автономіи. Постепенно только изъ понятія привилегій выработалась идея свободы, и потому тѣ страны и общественные слои, которые особенно долго и упорно отстаивали свои привилегіи, сдѣлались наиболѣе способными къ осуществленію свободы. Такимъ образомъ, мѣстныя и сословныя привилегіи были общественной школой свободы. Переходъ отъ понятія привилегій къ пониманію свободы особенно наглядно выступаетъ въ исторіи французскаго парламента и придаетъ ей новый интересъ. То самое учрежденіе, которое такъ долго отстаивало свои корпоративныя и чужія привилегіи наконецъ обратилось къ королю съ требованіемъ отмѣнить lettres de cachet и при этомъ заявило: „Сиръ,

[1]) До какой степени идея ограниченія законодательной власти королей посредствомъ повѣрки новыхъ законовъ парламентомъ была присуща монархіи стараго порядка, можно судить по слѣдующему факту. Когда уже послѣ казни Людовика XVI, раздоръ Дюмурье съ якобинцами на нѣкоторое время оживилъ надежды роялистовъ, одинъ изъ нихъ составилъ для плѣнной Маріи Антуанеты проектъ, въ которомъ съ полнымъ возстановленіемъ королевской власти (dans son entier) имѣлось также въ виду возстановленіе парламента съ правомъ регистрировать королевскіе законы. Klinkonstroem. Fersen et la cour de France.

свобода не привилегія, а право, и правительство обязано уважать это право“ [1]).

И такъ, можно сказать, что въ продолженіе всего XVIII вѣка, мы находимъ въ французской исторіи столкновеніе тѣхъ же самыхъ противоположныхъ теченій, которыя произвели такой хаосъ во время революціи 1789 года: стремленія къ усовершенствованію государственнаго и соціальнаго быта посредствомъ централизаціи и усиленія власти и стремленіе къ свободѣ. Первая изъ этихъ потребностей могла быть осуществлена только путемъ усиленія королевской власти до абсолютизма, а вторая долго понималась только въ формѣ привилегій. Противодѣйствіе этихъ двухъ началъ вызвало наконецъ застой въ внутренней жизни, который составляетъ выдающуюся черту французской исторіи въ прошломъ вѣкѣ. Выходъ изъ этого тяжелаго положенія, дальнѣйшее историческое движеніе, было возможно лишь подъ условіемъ новой сдѣлки между обоими принципами, т. е. провозглашеніе той политической формулы, которая могла бы удовлетворить одновременно и потребности въ усиленіи государственной власти, необходимой для проведенія реформъ и потребности въ гражданской и политической свободѣ. Такая гармонія была, казалось, найдена въ идеѣ народовластія, разработка и распространеніе которой было великимъ дѣломъ литературы XVIII вѣка. Противорѣчіе, заключавшееся въ самой этой идеѣ и практическія затрудненія, которыя должны были оказаться тотчасъ при примѣненіи новаго принципа къ дѣйствительной жизни, не могли, конечно, быть замѣчены при чисто теоретическомъ отношеніи къ вопросу и при сильномъ недовольствѣ дѣйствительностью.

Теперь мы можемъ обратиться къ естественно-представляющемуся историкамъ вопросу — возможно ли было предотвратить и предупредить революцію во Франціи монархической реформой?—и къ мнѣнію Токвиля, отвѣчавшему утвердительно на этотъ вопросъ на томъ основаніи, что около 1750 года французское общество ощущало только сильную потребность въ административныхъ и экономическихъ реформахъ, но еще нисколько не интересовалось политической свободой. Обсужденіе подобнаго мнѣнія всегда будетъ затрудительно тѣмъ, что приверженцы его могутъ вообразить себѣ такое стеченіе случайностей и благопріятныхъ обстоятельствъ, которое ихъ противниками будетъ признано крайне невѣроятнымъ, но теоретическую возможность котораго нельзя отрицать. Можно, напр. представить себѣ, что около 1750 года на французскомъ престолѣ былъ бы монархъ не только одаренный сильнымъ умомъ и энергическимъ характеромъ, но и философски образованный, враждебно расположенный къ католицизму; при этомъ геніальный полководецъ, которому бы удалось счастливой и блестящей войной, не истощившей средствъ страны, пріобрѣсти

[1]) Sire, la liberté n'est point un privilege, c'est un droit. Roc. p. 468.

чрезвычайную популярность и создать войско, которое давало бы ему возможность сломить всякое сопротивленіе и сдерживать всякое неудовольствіе, до тѣхъ поръ пока нація не убѣдилась бы въ цѣлесообразности и значеніи предпринятыхъ имъ реформъ. Во всякомъ случаѣ гораздо интереснѣе, чѣмъ взвѣшивать возможность и послѣдствія такихъ случайностей, дать себѣ ясный отчетъ о тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ пришлось бы дѣйствовать французскому реформатору.

Изученіе же фактовъ—и въ этомъ отношеніи сочиненія Обертэна и Рокэна особенно полезны — приводитъ, какъ намъ кажется, не къ тому заключенію, на которомъ основано мнѣніе Токвиля о возможности монархической реформой предовратить революцію, т. е. будто бы французское общество около 1750 года желало только реформъ и не ощущало потребности свободы, — хотя эта свобода представлялась различно различнымъ классами населенія и представлялась иначе, чѣмъ теперь — и уже ни въ какомъ случаѣ такой моментъ нельзя отнести къ 1750 году. Всякая реформа требовала въ то время сильнаго проявленія власти и должна была повести еще къ большему усиленію этой власти, а въ 1750 году подобное усиленіе вызывало такое же недовѣріе и сопротивленіе, какъ и во времена болѣе близкія къ революціи. Въ этомъ недовѣріи сливались два мотива—привязанность къ привилегіямъ и желаніе конституціонныхъ гарантій. Если мы прислушаемся къ общественному мнѣнію того времени, которое высказывалось конечно гораздо слабѣе, чѣмъ впослѣдствіи, то однако ясно различимъ тѣ струи, которыя помѣшали мирной реформѣ и въ началѣ царствованія Людовика XVI и наканунѣ 1789 года: эгоизмъ привиллегированныхъ классовъ, отрицавшій за правительствомъ всякое право измѣнить исторически сложившееся право и либерализмъ, согласный допустить усиленіе государственной власти только во имя принципа несовмѣстнаго съ тогдашней монархіей, т. е. принципа народовластія. Правительственная реформа была невозможна, пока существовали парламенты, а парламенты еще въ началѣ царствованія Людовика XV, когда дѣло коснулось ихъ привилегій, сдѣлали тоже самое, что и въ 1787 году, т. е. аппелировали отъ монархіи къ націи, какъ янсенисты аппелировали отъ папы къ церкви. Такимъ образомъ монархія встрѣтила бы въ 1750 году тѣже затрудненія, которыя придали перевороту 1789 года такой трагическій характеръ, т. е. сдѣлалась бы жертвой борьбы между феодализмомъ и демократической революціей. Мы полагаемъ, что главная причина застоя въ исторіи Франціи заключается въ томъ, что послѣ неудавшейся диктатуры Людовика XIV монархическое правительство Франціи было слишкомъ слабо, чтобы преодолѣть во имя принципа власти тѣ преграды, которыя оно встрѣчало со стороны принципа свободы, выражавшагося столь противоположнымъ образомъ въ привязанности къ старымъ, отжившимъ гарантіямъ и въ потребности новыхъ. Эти препятствія могли быть устранены, какъ мы сказали, только провозглашеніемъ

такого принципа, который, усиливая власть, вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлялъ бы обществу желанныя гарантіи. Такой принципъ могъ быть выработанъ только теоретическимъ путемъ и потому проводникомъ его явилась литература или такъ называемая философія XVIII вѣка.

Послѣ продолжительнаго господства этой философіи въ современномъ ей обществѣ и увлеченія ею историковъ революціи, въ наше время появилось противоположное отношеніе къ ней. Уже Токвиль, пролагая путь къ исторической точкѣ зрѣнія на революцію, отнесся несовсѣмъ справедливо къ философіи, осуждая ея теоретическій характеръ; взглядъ Токвиля кромѣ того мотивировался еще его несочувствіемъ къ анти-религіозному характеру этой философіи. Въ наши дни другой талантливый писатель выступилъ съ еще болѣе рѣзкимъ осужденіемъ философіи, руководясь при этомъ также и другими субъективными мотивами. Съ точки зрѣнія своего исключительнаго эмпиризма, съ предубѣжденіемъ позитивиста противъ всякой философіи, Тэнъ отнесся совершенно отрицательно къ раціоналистическому методу философовъ, къ ихъ чисто логической разработкѣ политическихъ теорій.

Токвиль и Тэнъ сходились въ томъ, что приписывали насильственный характеръ революціи и ея анти-историческій духъ, главнымъ образомъ вліянію отвлеченнаго, теоритическаго направленія философовъ. Съ совершенно другой точки зрѣнія умаляютъ историческое значеніе раціоналистической философіи Обертэнъ и особенно Рокэнъ. Доказывая вполнѣ справедливо, что революція 1789 года была вызвана не философіей, а подготовлена всей исторіей XVIII вѣка, послѣдній видитъ въ самой философіи только плодъ этой самой исторіи и такимъ образомъ какъ-бы отрицаетъ, что философія была существеннымъ фактомъ въ исторіи революціи. Мы полагаемъ, что историческая точка зрѣнія должна повести не къ умаленію роли философіи и не къ осужденію ея теоретическаго характера. Въ русской литературѣ давно уже высказано мнѣніе превосходно соединяющее историческое объясненія характера философіи XVIII вѣка съ правильной оцѣнкой ея заслугъ. Еще въ 1857 году въ замѣчательной статьи о книгѣ Токвиля—„Старый порядокъ и революція"—указано было на то, что теоретическое направленіе не было явленіемъ, которое принадлежало исключительно XVIII вѣку, но что оно проникаетъ всю исторію Франціи. „Самое французское государство въ извѣстномъ смыслѣ построено было теоретическимъ путемъ. Старые французскіе юристы будучи практиками, не менѣе того строили теоріи государства и возводили до идеи развитіе королевской власти. Эта теорія въ свое время была усвоена народомъ также, какъ усвоивались имъ ученія XVIII вѣка. Послѣднее было тѣмъ легче, что самое существо философіи XVIII вѣка какъ разъ пришлось по французскому характеру и уму" [1]).

[1]) Статья Б. Чичерина, „Новѣйшіе публицисты". Отечественные Записки, 1857 г. августъ, стр. 565—574.

Вмѣстѣ съ тѣмъ однако рецензентъ предостерегаетъ читателей отъ преувеличенія теоретическаго направленія умовъ, вызваннаго философіей. Онъ говоритъ, что не слѣдуетъ вмѣстѣ съ Токвилемъ приписывать теоретическимъ стремленіямъ слишкомъ большого вліянія на ходъ событій. Оно всегда зарождалось практическими потребностями и являлось какъ прикрытіе и освященіе жизненныхъ стремленій. „Не послѣдовательность логики, а бореніе различныхъ общественныхъ элементовъ, было внутреннею причиной событій; логика служила только орудіемъ". Авторъ статьи подтверждаетъ это нѣсколькими интересными примѣрами изъ исторіи Національнаго Собранія и Конвента. Въ приведенной нами статьи г. Чичерина о Токвилѣ говорится только объ отрицательной дѣятельности французской мысли въ XVIII вѣкѣ. о значеніи разлагающаго анализа разума, не дававшаго „пощады ничему обветшалому, вносившаго свѣтъ во всѣ темныя дебри историческаго зданія"; указывается также на другую заслугу философіи раціоналистовъ, на то, что она выступала во имя началъ общественнаго блага во имя любви къ людямъ, мягкости, снисхожденія. Но къ этому слѣдовало-бы прибавить еще третью великую цѣль, для которой логика служила орудіемъ, цѣль, въ извѣстномъ смыслѣ, уже заключавшую въ себѣ первыя двѣ. Мы уже указали на эту заслугу раціоналистической философіи. Она выработала и популязировала принципъ. который сдѣлался движущимъ началомъ дальнѣйшаго государственнаго и общественнаго прогресса, послужилъ рычагомъ, выдвинувшимъ Францію изъ вѣковаго застоя въ которомъ ее оставила исторія.

Французское правительство въ XVIII вѣкѣ, какъ мы видѣли, не находило въ принципѣ, который оно представляло, достаточно силы. чтобы довести до конца свое историческое дѣло, завершить государственное и національное объединеніе Франціи и побѣдить преграды. которые ему противопоставлялъ духъ свободы въ его средневѣковыхъ окаменѣлыхъ формахъ. Дальнѣйшее историческое движеніе могло совершиться только во имя другого, высшаго принципа, который заключалъ бы въ себѣ и идею власти въ ея крайнемъ напряженіи и идею свободы, превратившейся изъ частной привелегіи въ общее право. Формулированіе этого принципа, который легъ въ основаніе новаго, современнаго періода развитія Франціи, разработка его въ національномъ духѣ и популярной формѣ и распространеніе его въ народѣ среди привилегированныхъ классовъ и самыхъ представителей правительства—вотъ въ чемъ заключается великая историческая заслуга философіи и литературы XVIII вѣка. Но внося въ историческое развитіе жизни Франціи теоретическій элементъ, литература XVIII вѣка оказала великую услугу не одной только Франціи, а всему человѣчеству; — она придала національному развитію обще-человѣческое значеніе, подняла его на степень всемірнаго историческаго процесса.

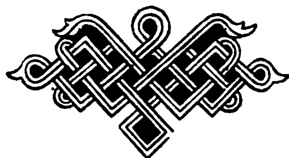
Теперь намъ остается сказать только нѣсколько словъ о мнѣніи

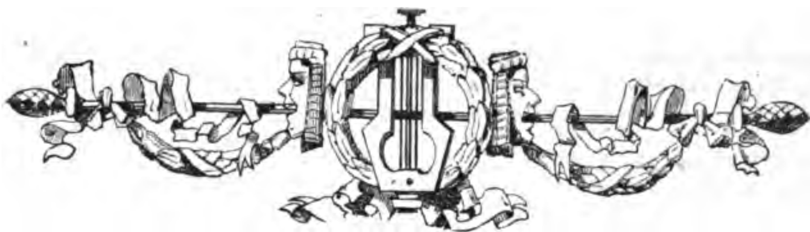
Рокэна, что французская революція могла бы точно также вспыхнуть въ 1754 или 1770 году какъ и въ 1789 и о его предположеніи, что такая, болѣе ранняя революція, была бы предпочтительнѣе, ибо хотя она относительно политическихъ доктринъ и уступала бы перевороту 1789 года, но не вызвала бы террора, такъ какъ духъ реформы умѣрилъ бы революціонныя страсти и не нагромаздила бы такихъ преградъ на историческомъ пути Франціи, такъ какъ не пришлось бы въ этомъ случаѣ строить все съ изнова а за одинъ разъ (tout d'une pice). Конечно, при извѣстныхъ случайностяхъ и въ 1770 году и даже въ 1754 могло бы вспыхнуть возмущеніе въ Парижѣ или другомъ мѣстѣ и сдѣлаться всеобщимъ. Но это мало вѣроятно. Въ 1754 году на сторонѣ Людовика XV былъ непошатнувшійся еще авторитетъ церкви; а въ 1770 году рядомъ съ непопулярнымъ королемъ стоялъ наслѣдникъ престола, на котораго были устремлены всѣ надежды. Затѣмъ, если бы и произошло такое возмущеніе, оно вѣроятно было бы подавлено и повело бы только къ безплодной реакціи; а если бы этого не случилось и правительство было низвергнуто, то Франція очутилась бы въ еще болѣе безвыходномъ положеніи, чѣмъ прежде и потрясеніе, которое бы она испытала, конечно не уступило бы ни крутостью переворота ни продолжительностью эпохѣ террора. Нація во всякомъ случаѣ раскололась бы на двѣ части, и число лицъ изъ привиллегированныхъ или образованныхъ классовъ, которые были бы на сторонѣ движенія, было бы гораздо незначительнѣе чѣмъ въ 1789 году; движеніе вѣроятно получило бы характеръ обширной jacquerie, какія и прежде бывали въ исторіи Франціи. Какъ мало политической зрѣлости было въ самомъ обществѣ, видно напр. изъ того, что въ продолженіе всего XVIII в. почти никто не подумалъ серьезно о Генеральныхъ Штатахъ и что послѣ смерти Людовика XV, какъ говоритъ самъ Рокэнъ, „въ обществѣ замѣчалось болѣе разномыслія въ умахъ, чѣмъ согласія относительно перемѣнъ въ политическомъ устройствѣ, которыя всѣмъ желательно было ввести“.

Здѣсь дѣло, конечно, не въ годахъ; вопросъ нужно поставить такъ: какой характеръ принялъ бы переворотъ, если бы онъ произошелъ раньше, чѣмъ литература обнаружила свое вліянія, сблизила классы и внушила обществу новыя идеи? А въ этомъ отношеніи мы думаемъ, что чѣмъ раньше совершился бы во Франціи переворотъ, который долженъ былъ положить конецъ старому порядку, тѣмъ менѣе онъ имѣлъ бы шансовъ на успѣхъ, и тѣмъ менѣе имѣлъ бы, такъ сказать, историческаго содержанія. Конечно, паденіе стараго порядка и революція 1789 года были подготовлены всею предшествовавшей исторіей Франціи, она же вызвала то литературное и философское движеніе которое дало перевороту 1789 года его теоретическій, а вмѣстѣ съ тѣмъ его гуманный, культурный и универсальный характеръ; но только благодаря преимущественно литературѣ и философіи этотъ переворотъ, не смотря на всѣ бѣдствія, которыя были его послѣдствіемъ, не смотря

на всѣ тяжелыя воспоминанія, которыя съ нимъ связаны, былъ не простымъ только возмущеніемъ „буржуазіи противъ привиллегированныхъ классовъ“, какъ думали при дворѣ Людовикъ XVI, но сдѣлался плодотворнымъ событіемъ въ исторіи Франціи и останется великимъ всемірнымъ фактомъ.

Иф.....лъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Юбилейная литература о Пушкинѣ.

1. **Семь автографовъ А. С. Пушкина 1816—1837 гг.** Изъ собранія князя П. П. Вяземскаго. Спб. 1880.
2. **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ 1816—1825 гг.** По документамъ Остафьевскаго архива, составилъ князь П. П. Вяземскій. Спб. 1880.
3. **Альбомъ памяти А. С. Пушкина.** XV рисунковъ. Изданіе г. Иванова. Москва. 1880.
4. **Puschkiniana.** Каталогъ Пушкинской библіотеки. Спб. 1880.
5. **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.** Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ его ко дню торжественнаго открытія памятника, составилъ С. Е. Преображенскій. Москва. 1880.
6. **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.** Составлено Ив. Рассадинымъ. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1880.
7. **Поэтъ Пушкинъ.** Общедоступное чтеніе А. Филонова. Спб. 1880.
8. **Очерки Пушкинской Руси.** В. Острогорскаго. Спб. 1880.

ОТКРЫТІЕ памятника Пушкину вызвало нѣсколько попытокъ принести посильную дань заслугамъ великаго поэта. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ перечисленныя выше изданія имѣютъ серьезное значеніе и въ правѣ претендовать на вниманіе не только читающей публики вообще, но даже и со стороны самыхъ горячихъ цѣнителей Пушкина и малоразборчивыхъ спеціалистовъ-библіографовъ. Многія изъ этихъ изданій представляютъ собою просто недозрѣлый плодъ поспѣшной работы, быть можетъ, и вполнѣ понятной въ виду предстоявшаго праздества, но и не чуждой разсчетовъ на спекуляцію. Въ особенности, это нужно сказать о брошюрахъ гг. Преображенскаго, Рассадина и Филонова. Въ нихъ гг. составители стараются обнять всю дѣятельность Пушкина въ краткихъ характеристикахъ его личности и творческой музы и, сообщая біографическія свѣдѣнія о поэтѣ, придти на встрѣчу весьма понятной любознательности мало подготовленнаго читателя. Подобнаго рода изданія были бы наиболѣе солидной данью заслугамъ поэта, вполнѣ достойной его памяти, будь они составлены хотя бы съ

нѣкоторой любовью и вниманіемъ къ предмету. Но этого-то именно и не замѣтно въ брошюрахъ. Изъ трехъ поименованныхъ авторовъ, серьезнѣе всѣхъ отнесся къ своей задачѣ г. Преображенскій. Не мудрствуя лукаво, онъ пользуется документальнымъ матеріаломъ, напечатаннымъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно же „Воспоминаніями" Вигеля, и подбираетъ оттуда данныя о жизни и дѣятельности Пушкина въ хронологической послѣдовательности. Въ результатѣ получается компилятивная работа, мѣстами граничащая съ конспектомъ только что прочитаннаго авторомъ и вездѣ лишенная какой бы то ни было живости. Оттого и брошюра является неудобочитаемой. Что касается точности и вѣрности сообщаемыхъ г. Преображенскимъ свѣдѣній, то не онъ, безъ сомнѣнія, отвѣтственъ за слишкомъ скороспѣлыя и не всегда основательныя соображенія, почерпнутыя имъ цѣликомъ изъ упомянутыхъ источниковъ.

Брошюра г. Рассадина въ томъ же родѣ, но меньше объемомъ (всего 40 страничекъ) и составлена небрежнѣе. Разница еще въ томъ, что авторъ мѣстами прибѣгаетъ къ собственнымъ обобщеніямъ, впрочемъ, всегда неудачнымъ и нерѣдко малопонятнымъ. По г. Рассадину, „свойство зрѣлой поэзіи" Пушкина и состоитъ именно въ томъ, что она даетъ мѣсто всему такъ, какъ оно существуетъ, ничего не подкрашивая, подобно многимъ прежнимъ и новымъ „стихотворцамъ". Этимъ Пушкинъ, видите ли, и отличался „существеннымъ образомъ" отъ „стихотворцевъ". „Все написанное" Пушкинымъ „поражаетъ" г. Рассадина „своею массою". Что до внутреннихъ достоинствъ этой „массы", въ нихъ заключается „вѣрное свидѣтельство" того, что „натура Пушкина была „внутренняя, созерцательная, художническая". Но главное достоинство обѣихъ брошюръ, по крайней мѣрѣ въ томъ, что въ нихъ нѣтъ явныхъ нелѣпостей и намѣреннаго искаженія смысла словъ Пушкина, какъ то мы видимъ въ книжкѣ г. Филонова.

Это, можно сказать, верхъ не искренняго отношенія къ предмету своей работы, очевидное неуваженіе къ читателю. Нѣсколько разъ подчеркиваетъ г. Филоновъ, что его „настоящій трудъ былъ писанъ для чтенія народу", и тѣмъ самымъ даетъ поводъ произнести надъ книгой еще болѣе рѣзкій и строгій приговоръ. „Приступая къ разсмотрѣнію сочиненій Пушкина, дабы разобраться въ этомъ обширномъ матеріалѣ", г. Филоновъ обѣщаетъ „обсудить произведенія поэта съ четырехъ сторонъ", обративъ вниманіе на духовно-нравственныя его произведенія (религіозныя)". По словамъ г. Филонова, „Пушкинъ такой необычайный поэтъ, что все едва ли когда нибудь скажешь о немъ". Но вмѣсто того, чтобы сказать хотя что нибудь дѣльное, г. Филоновъ цитируетъ многое множество стиховъ Пушкина, въ упоеніи восклицая: „сладкія слова!" „огнедышащія слова!" „понять, понять надо эти прекрасные стихи, чтобы вполнѣ насладиться ими!" „какъ хорошо читать стихотворенія, исполненныя такихъ высокихъ чувствъ!" и т. п. въ томъ же родѣ. Г. Филоновъ восторгается рѣшительно всѣмъ въ созданіяхъ пушкинской музы, силится всюду отыскать подкладку квасного патріотизма, самаго грубаго шовинизма и даже умиляется передъ тѣмъ, что истинными хранительницами чистоты русскаго языка являются у г. Филонова московскія просфирни. Пушкинъ, правда, говорилъ нѣчто подобное о просфиряхъ, но нужно имѣть чуткое ухо поэта, чтобы вмѣстѣ съ жемчужинами родной рѣчи не запастись тамъ неотстающимъ отъ нихъ налетомъ плѣсени и грязи. Но г. Филоновъ во чтобы то ни стало хочетъ явиться въ своей книжкѣ прежде всего „народнымъ" писателемъ, и потому прибѣгаетъ къ такимъ, выражаясь деликатно, шутовскимъ выходкамъ, которыя вовсе не къ лицу умственно здоровому человѣку. Вотъ, напримѣръ, какую мораль выводитъ авторъ изъ сказки о „Рыбакѣ и Рыбкѣ": „Поучительно, весьма поучительно! Будь доволенъ немногимъ, будь доволенъ тѣмъ, что тебѣ дано, не требуй безумнаго; благодари Бога за теплый и свѣтлый уголъ, а думать о царскихъ палатахъ, да о владычествѣ надъ моремъ,

коли ты родился для скромной доли—не моги, ни какъ не моги. Знай сверчокъ свой шестокъ!“ Это поистинѣ шутовское народничанье, мѣстами какъ бы намѣренно разсчитано на забаву читателя, только не изъ „народа“, который приметъ все за чистую монету. „Пушкинъ былъ поэтомъ, говоритъ г. Филоновъ. Это прекрасное слово не труднѣе для пониманія, чѣмъ слова: телеграфъ, керосинъ, газъ, адвокатъ, полиція и пр. (скверныя слова?). Поэтъ—греческое слово—есть дѣятель съ возвышенными дарованіями, человѣкъ имѣющій способность писать стихи и не стихи... Пушкинъ любилъ поэзію до мозга костей... Часто видѣли его на постелѣ, въ одной рубашкѣ, окруженнымъ лоскутками бумаги: это все были стихи, стихи, стихи... На вечерѣ, среди говора гостей, его посѣщала муза, вдохновеніе слетало на поэта, и онъ говорилъ стихами, тутъ же, при гостяхъ, при всеобщемъ весельѣ. Стихи съ его изустныхъ словъ записывались на лоскуткахъ бумаги и разлетались по Петербургу съ быстротою молніи... Пушкинъ сорилъ стихами направо и налѣво“ и пр. и пр. Неужели же, въ самомъ дѣлѣ нечего сказать о Пушкинѣ, помимо восторженныхъ восклицаній сомнительнаго свойства? Быть можетъ, въ г. Филоновѣ живы еще воспоминанія о той борьбѣ, съ какой вводились въ школу произведенія Пушкина. Отсюда же и фигуры умолчанія, и даже просто какое-то виляніе по сторонамъ, когда требуется сказать что нибудь дѣльное и серьезное. Но въ такомъ случаѣ къ чему выступать съ книгой, да еще для „чтенія народу“? Не будетъ ли это просто спекуляціей на гроши простолюдина, тѣмъ болѣе вѣрной, что такой читатель приметъ съ благодарностью все, что ему ни преподнесутъ заботливые опекуны его невѣжества?

Таковы-то „народныя“ и „общедоступныя“ книги, изданные въ честь Пушкина и, безъ сомнѣнія, только оскорбляющія память поэта. Обратимся теперь къ болѣе или менѣе серьезнымъ попыткамъ почтить память Пушкина.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе начинаніе Александровскаго лицея, который воспиталъ поэта и имъ прославленъ. Въ лицеѣ явилась весьма оригинальная и счастливая мысль устроить въ память своего славнаго воспитанника „Пушкинскую библіотеку“, въ которой было бы собрано все напечатанное Пушкинымъ и о Пушкинѣ. Мысль эта первоначально возникла еще въ 1861 году, во время празднованія 50-ти лѣтняго юбилея лицея, но потомъ какъ будто совсѣмъ была позабыта. Открытіе памятника въ Москвѣ снова вызвало изъ забвенія такое предпріятіе. Начальство лицея, на лицейской годовщинѣ, 19 октября 1879 года, обратилось къ бывшимъ и настоящимъ лицеистамъ съ воззваніемъ, приглашая ихъ содѣйствовать осуществленію мысли соорудить поэту „нерукотворный“ памятникъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, лицей задумалъ составить полный списокъ книгъ, которыя должны войти въ составъ Пушкинской библіотеки. Вышеприведенная „Puschkiniana“ и есть первый пробный выпускъ предположеннаго каталога. Нельзя сказать, чтобъ въ немъ не было погрѣшностей, начиная съ системы группировки матеріала и кончая нѣкоторыми пропусками. Но не на это мы желали бы обратить вниманіе читателей „Историческаго Вѣстника“, упоминая о пробномъ выпускѣ разсматриваемаго каталога. Погрѣшности сами собою исчезнутъ, какъ скоро гг. библіографы совокупными усиліями примутъ участіе въ его составленіи, въ окончательномъ видѣ. Для насъ важно узнать, что сдѣлано у насъ до сихъ поръ въ видахъ распространенія знакомства съ произведеніями Пушкина и ихъ оцѣнки. Въ первомъ отдѣлѣ каталога, гдѣ поименованы сочиненія Пушкина, вышедшія въ отдѣльныхъ изданіяхъ, обозначено всего четыре изданія полнаго собранія (подъ №№ 38 и 40 названо одно и тоже изданіе), въ періодъ сорока трехъ лѣтъ, прошедшихъ со смерти поэта, т. е. одно изданіе болѣе чѣмъ на десять лѣтъ! Съ 1859 года слѣдуютъ, такъ сказать, народныя изданія сказокъ Пушкина (всего 17 изданій) и только съ 1869 года Пушкинъ обрабатывается для школъ, въ обладаніи которыхъ насчитывается въ каталогѣ шестнадцать изданій. Къ сожалѣнію, это статистическое свидѣтельство царящаго у

насъ равнодушія къ писателю, за произведеніями котораго признается огромное воспитательное значеніе, еще не единственный фактъ, констатируемый каталогомъ desiderata. Гораздо большее зло, которымъ отчасти обусловливается и самое равнодушіе, представляютъ собою монополія и спекуляція изданіями Пушкина. Полное собраніе сочиненій оказывается далеко не общедоступнымъ изданіемъ по цѣнѣ и по количеству экземпляровъ; не смотря на значительный сбытъ народныхъ сказокъ, изъ года въ годъ перепечатываемыхъ въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ, въ ихъ изданіяхъ не замѣтно рѣшительно никакихъ улучшеній. Наконецъ, учебныя изданія просто невозможны по своей неряшливости, нерѣдко безграмотности и дороговизнѣ.

Не менѣе поучителенъ второй отдѣлъ каталога, гдѣ перечислены сочиненія о Пушкинѣ, вышедшія въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Оказывается, что съ того времени, какъ имя Пушкина впервые обратило на себя общее вниманіе, съ 1820 по 1880 годъ, за шестьдесятъ лѣтъ вышло всего десять сочиненій о поэтѣ [1]), считая между ними и рѣчь профессора Булича на актѣ 1869 г. въ казанскомъ университетѣ, и „Чтеніе для юношества" о Пушкинѣ, и „Матеріалы" гг. Анненкова и Бартенева. Такимъ образомъ мы видимъ, что, при невозможности достать сочиненія Пушкина, русской публикѣ негдѣ и нечего прочитать о Пушкинѣ. Любопытно замѣтить при этомъ, что и изъ упомянутыхъ десяти сочиненій о Пушкинѣ до сихъ поръ находятся въ продажѣ наиболѣе выдающіеся изъ нихъ, какъ напримѣръ, „Матеріалы" для біографіи поэта, собранные П. В. Анненковымъ.

Немудрено, что при такихъ условіяхъ приходится радоваться появленію даже такихъ компиляцій второстепеннаго достоинства, какова вышеупомянутая брошюра г. Острогорскаго, претенціозно озаглавленная „Очерки Пушкинской Руси". Въ составъ ея вошли фельетоны, помѣщавшіеся въ „Молвѣ" по поводу открытія памятника Пушкину въ Москвѣ. Безъ сомнѣнія, въ нѣсколькихъ фельетонахъ очерчивать Пушкинскую Русь слишкомъ смѣло, да и „Руси" то этой не видно въ брошюрѣ г. Острогорскаго. Это просто отрывочная передача, правда, въ восторженной формѣ, давно сказаннаго Бѣлинскимъ въ VIII части его сочиненій,—передача, сопровождаемая выдержками изъ произведеній Пушкина. Г. Острогорскому принадлежитъ только неудачная мысль, такъ сказать, расчленить Пушкинскую музу по рубрикамъ, выставивъ на видъ, что сказано поэтомъ о „господахъ" (т. е. помѣщикахъ и дворянахъ), о „природѣ" (вполнѣ затасканная тэма гимназическихъ сочиненій), о „женщинѣ", и „крестьянствѣ". Небезъинтересно было бы вспомнить въ данномъ случаѣ г. Острогорскому хотя бы о томъ, что самъ Бѣлинскій, давшій столько матеріала для фельетоновъ педагогу, признавалъ невозможнымъ разсматривать такимъ образомъ созданія Пушкинскаго творчества. Единственный способъ изученія, котораго слѣдуетъ держаться и критику-обозрѣвателю твореній Пушкина, и библіографу, и издателю его сочиненій, по мнѣнію великаго критика, представляетъ собою строго хронологическій порядокъ, въ какомъ появлялись произведенія Пушкина. И вотъ почему „Пушкинъ отъ всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ отличается именно тѣмъ, что по его произведеніямъ можно слѣдить за постепеннымъ развитіемъ его, не только какъ поэта, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣка и характера". Стихотворенія, написанныя имъ въ одномъ году, уже рѣзко отличаются, и по содержанію и по формѣ отъ стихотвореній, написанныхъ въ слѣдующемъ. И поэтому его сочиненій нельзя издавать по родамъ, какъ издаются сочиненія Державина, Жуковскаго и Батюшкова. Это обстоятельство чрезвычайно важно: оно говоритъ сколько о великости творческаго генія Пушкина, столько и объ органи-

[1]) Въ каталогѣ обозначено одинадцать сочиненій, но вышедшее въ 1837 году воспоминаніе о піитической жизни Пушкина (стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки изъ Современника), конечно, нельзя зачислять въ разсматриваемый отдѣлъ.

ческой жизненности его поэзіи,—органической жизни, которой источникъ заключался уже не въ одномъ „безотчетномъ стремленіи къ поэзіи". Понадергивать же изъ Пушкина цитаты для подтвержденія апріорной мысли, конечно не трудно; при такомъ отношеніи къ писателю можно найти у него какіе угодно взгляды и сдѣлать его представителемъ какого угодно направленія; но будетъ ли это основательно и вѣрно—другой вопросъ. И критика Писарева потому только явилась пристрастной, что талантливый писатель приступилъ къ Пушкину, съ предвзятой мыслью—признать несостоятельными и безполезными произведенія поэта, разъ нельзя обрѣсти въ нихъ оправданіе Базаровскихъ стремленій.

Г. Острогорскій, очевидно, задался мыслью очертить общественныя условія, при которыхъ совершалась дѣятельность Пушкина. Этого, само собой разумѣется, не удалось ему сдѣлать, да и не могло удасться въ нѣсколькихъ фельетонахъ, написанныхъ наскоро; на за то самая характеристика Пушкина, какъ писателя, поэта, человѣка и гражданина, отошли на второй планъ. И получилось въ результатѣ что-то неопредѣленное, ни то, ни сё, откуда читатель уже не въ состояніи вынести никакого представленія о Пушкинѣ.

Возвращаемся къ „Puschkiniana".

Въ третьемъ отдѣлѣ этого каталога поименованы альманахи и альбомы, въ которыхъ помѣщены произведенія Пушкина, статьи о немъ и рисунки къ его произведеніямъ. Этотъ указатель не можетъ считаться полнымъ, хотя бы потому, что не всѣ „альманахи" и „альбомы" находятся въ публичной библіотекѣ. Выбора между альманахами составители указателя не дѣлали никакого, желая собрать все не только въ первый разъ напечатанное, но и перепечатанное, что безъ сомнѣнія необходимо и для полной обстановки задуманной библіотеки, и для полной библіографіи. Изъ „альбомовъ" не вошли въ указатель музыкальные, пѣсенные и альбомы романсовъ.

Что касается, наконецъ, переводовъ сочиненій Пушкина на иностранные языки, то нельзя сказать, чтобы европейцы не съумѣли оцѣнить русскаго поэта.

Каталогъ представляетъ 18 переводовъ „Бахчисарайскаго фонтана" (на семи языкахъ, между прочимъ и на турецкомъ), 15—„Кавказскаго плѣнника", 11—„Цыганъ", 10—„Полтавы" (въ томъ числѣ малороссійскій), 9—„Бориса Годунова", 8—„Капитанской дочки", 7—„Евгенія Онѣгина", 11—„Разрозненныхъ повѣстей Бѣлкина" и только одинъ (французскій) „Мѣднаго всадника" и одинъ (голландскій) „Дубровскаго". Встрѣчаются переводы шведскіе, русскіе, испанскіе; богаче же всѣхъ переводами Пушкина нѣмецкая литература. Нельзя не замѣтить, что число переводовъ находится въ обратномъ отношеніи къ національному характеру произведеній. „Байроническія" поэмы Пушкина переводятся всего чаще; съ „Бориса Годунова" начинается ощутительное уменьшеніе числа переводовъ, которое достигаетъ минимума въ „Мѣдномъ всадникѣ" и „Дубровскомъ". „Арапъ Петра Великаго", „Русалка", „Сказки", „Пѣсни западныхъ славянъ" вовсе не были переведены.

Само собою разумѣется, нельзя не пожелать александровскому лицею довести до конца задуманное имъ предпріятіе, издать полный каталогъ desiderata и создать Пушкинскую библіотеку.

Пушкинскимъ торжествомъ вызвано, между прочимъ, обнародованіе новыхъ данныхъ, касающихся той или другой частности изъ жизни и дѣятельности великаго поэта. Къ такого рода изданіямъ принадлежатъ и вышеупомянутые „Семь автографовъ А. С. Пушкина", обнародованные княземъ П. П. Вяземскимъ. Автографы эти писаны въ 1816, 1817, 1819, 1822, 1823, 1833 и 1837 годахъ; изъ нихъ два послѣдніе особенно любопытны и до настоящаго времени оставались неизвѣстными въ печати. Въ первомъ автографѣ, помѣченномъ 1833 годомъ, заключается посланіе къ В. А. Жуковскому, совокупно писанное княземъ П. А. Вяземскимъ и А. С. Пушкинымъ. Оно интересно

главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что разъясняетъ исторію происхожденія шутливой піэсы, составляющей извѣстный монологъ пьянаго мужика:

„Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ
Непремѣнно ужь помянемъ"

и пр. Въ первоначальномъ своемъ видѣ шутка эта не имѣетъ того опредѣленнаго колорита, какой приданъ ей въ монологѣ. Приводимъ это посланіе цѣликомъ, такъ какъ число экземпляровъ разсматриваемаго изданія поступившихъ въ продажу, сколько намъ извѣстно, не превышаетъ шестидесяти. Начало посланія писано рукою покойнаго поэта Вяземскаго:

„Что, совершилъ свой геркулесовскій подвигъ, очинилъ свою палицу, написалъ письмо, да и баста! Окаянный лѣнивецъ, хоть бы ради великаго поста сдѣлалъ благородное дѣло, но не даромъ Булгаринъ говоритъ, что ты безбожникъ и вольнодумецъ, все что хочешь, только не вольнописецъ. Слава Богу, Николинькѣ Карамзину гораздо лучше. Сейчасъ получаю изъ Дерпта письмо утверждающее, или подтверждающее добрую вѣсть. Но вотъ открытое письмо, которое тебя обо всемъ увѣдомитъ. Прочти и отошли. А не поговорить ли о словесности, то есть о поэзіи, напримѣръ, о нашей съ Пушкинымъ и Мятлевымъ, который въ этомъ случаѣ былъ notre chef d'école.

Надо помянуть, непремѣнно помянуть надо
Трехъ Матренъ
Да Луку съ Петромъ
Помянуть надо и тѣхъ, которые, напримѣръ:
Бывшаго поэта Банцербитера,
Нашего прихода честнаго пресвитера,
Купца Риттера,
Резанова, славнаго русскаго кондитера,
Всѣхъ православныхъ христіанъ города Санктъ-Питера,
Да покойнаго Юпитера.
Надо помянуть, непремѣнно надо:
Московскаго поэта Вельяшева,
Его превосходительство генерала Ивашева
И двоюроднаго брата нашева и вашева.
Нашего Вальтера Скотта Масальскаго;
Дона Мигуэля короля португальскаго
И господина городничаго города Масальскаго.
Оленина Стереотипа,
И Вигеля, Филипова сына Филиппа,
Бывшаго камергера Приклонскаго.

Далѣе рукою Пушкина:

„Г. Шафонскаго
Карманный грошъ кн. Гр. Волконскаго
И ужь Александра Македонскаго,
Этого не обойдешь, не объѣдешь, надо
Помянуть... покойника Винценгероде
Саксонскаго министра Люцероде
Графиню вицеканцлершу Нессельроде,
Покойнаго скрипача Роде
Хвостова въ анакреонтическомъ родѣ.
Ужь какъ ты хочешь, надо помянуть
Графа, нашего пріятеля, Велегорскаго
(Что не любитъ вина горскаго)
А понашему Велеурскаго,
Покойнаго пресвитера Самбурскаго,
Дершау, полицмейстера с.-петербургскаго,
Почтмейстера гор. Васильсурскаго
Надо помянуть—парикмахера Эля,
Ресторатора Диля,
Ланскаго, что губернаторомъ въ Костромѣ,
Доктора Шулера, умершаго въ чумѣ
И полковника Бартоломе.

Слѣдующій подборъ именъ писанъ рукою поэта Вяземскаго:

Надо помянуть, помянуть надо, непремѣнно надо:
Покойной Бесѣды члена Кикина,
Россійскаго дворянина Бабарыкина
И извѣстнаго въ банкѣ члена Аникина,
Надобно помянуть и тѣхъ, которые, напримѣръ, между прочими:
Раба Божія Петрищева,
Извѣстнаго автора Радищева,
Русскаго лексикографа Татищева,
Сенатора съ шишкою на лбу Ртищева,
Какого-то барина Станищева,
Пушкина, не Мусина, не Онѣгинскаго, а Бобрищева,
Ярославскаго актера Канищева,
Нашего славнаго поэта шурина Павлищева,
Сенатора Павла Ивановича Кутузова-Голенищева
И ради Христа всякова доброва нищева.
Надо еще помянуть, непремѣнно надо:
Бывшаго французскаго короля Дисвитскаго (XVIII),
Бывшаго Варшавскаго коменданта Левицкаго
И полковника Квитскаго.
Американца Монрое,
Виконта Дарленкура и его Ипсибое
И всѣхъ спасшихся отъ потопа при Ноѣ.
Музыкальнаго Бетговена
И таможеннаго Овена.
Александра Михайловича Гедеонова,
Всѣхъ членовъ старшаго и младшаго дома Бурбонова,
И супруги Берійской неизвѣстнова онова.
Каммеръ-юнкера Загряжскаго,
Уѣзднаго засѣдателя города Ряжскаго,
И отцовъ нашихъ, державшихся вина фряжскаго.
Славнаго лирика Ломоносова,
Московскаго статистика Андросова
И Петра Андреича князя Вяземскаго Курносова.

Слѣдующія слова рукою Пушкина:

Повара а не исторіографа Миллера
Нѣмецкаго поэта Шиллера
И Пинети, славнаго ташеншпилера
Надобно помянуть (особенно тебѣ) Арндта
Да англичанина Warnta.

Рукою Вяземскаго остальныя строки до конца:

Извѣстнаго механика Молдуано,
Москетти московскаго сопрано
И всѣхъ тѣхъ, которые напиваются рано.
Натуралиста Кювье
И суконныхъ фабрикантовъ города Лувье.
Французскаго языка учителя Жиля,
Отставнаго англійскаго министра Пиля
И живописца—аматёра Киля.
Надо помянуть господъ:
Чулкова,
Носкова,
Башмакова,
Сапожкова.
Надобно помянуть:
Жуковскаго балладника
И Марса, питерскаго помадника.
Да при нихъ генерала Башкина
И князя Ростовскаго-Касаткина.

„Довольно ли съ тебя, а у насъ уже набросано около тысячи. Это вольное подраженіе твоему пѣвцу въ русскомъ станѣ. Надѣюсь, что этотъ образецъ

воспламенитъ твое вдохновеніе и ты не оставишь по части швейцарской значительное пополненіе. Теперь прости. Вотъ тебѣ обновка. Всѣ мои тебѣ кланяются и мы часто поминаемъ Василія Андреевича Жуковскаго и кума его Михаила Трофимовича Каченовскаго. Мердеръ далъ мнѣ копію съ портрета твоего стоячаго у окна. Ради Бога, напиши. Что здоровье твое. Христосъ Воскресе, а пока верба хлестъ, бей до слезъ". 26-го марта 1833 г.

Другой любопытный автографъ, также до сихъ поръ неизвѣстный, составляетъ записка Пушкина къ Ѳ. А. Скобельцыну. Этотъ эпизодъ въ жизни поэта, крайне характерный для того времени (1837 г.), разъясненъ самимъ владѣльцемъ документа въ іюньской книжкѣ „Историческаго Вѣстника".

Тѣмъ же лицомъ издана любопытная брошюра о Пушкинѣ, составленная по документамъ извѣстнаго Остафьевскаго Архива. Въ ней собственно обрисовывается нравственная личность нашего поэта и отношенія къ нему родныхъ и друзей. Здѣсь въ особенности рельефно выступаетъ высокомѣрное отношеніе Н. М. Карамзина къ геніальному поэту. Не говоря уже о строгомъ, наставительномъ тонѣ, какой замѣтенъ въ письмахъ знаменитаго историка и его жены Екатерины Андреевны, урожденной кн. Вяземской, когда рѣчь заходитъ о Пушкинѣ, самые приговоры Карамзина о произведеніяхъ поэта отзываются какою-то странною снисходительностью. „Поэмкой" Карамзинъ называетъ „Руслана и Людмилу"; въ другомъ письмѣ 1824 года онъ извѣщаетъ князя П. А. Вяземскаго, что „молодой Пушкинъ читалъ наизустъ цыганскую поэмку брата и нѣчто изъ Онѣгина: живо, остроумно, но не совсѣмъ зрѣло". Не мудрено было слышать такіе приговоры въ устахъ историка-пуританина, который о „Донъ-Жуанѣ" Байрона говоритъ въ томъ же письмѣ, что онъ выпалъ у него изъ рукъ: „что за мерзость! и даже сколько глупостей!" Безъ сомнѣнія. Карамзинъ не понималъ, да и не могъ понять, по складу своихъ убѣжденій. что если-бъ Пушкинъ, слѣдуя отеческимъ наставленіямъ Н. М. и Е. А. Карамзиныхъ, старался сдерживать свои порывы и подчинился условнымъ требованіямъ того общества, въ которомъ онъ обращался, онъ не сдѣлался бы тѣмъ Пушкинымъ, которому Россія нынѣ поставила памятникъ. А. И. Тургеневъ отчасти сознавалъ это, говоря въ письмѣ своемъ къ князю П. А. Вяземскому по поводу „Руслана и Людмилы": „теперь его (Пушкина) знаютъ только по мелкимъ стихамъ и крупнымъ шалостямъ; но по выходѣ въ печать его поэмы, будутъ писать на немъ, если не парикъ академическій, то, по крайней мѣрѣ не первостепеннаго повѣсу. А кто знаетъ, можетъ быть, схватятъ и въ академію. Тогда и поминай какъ звали! И Жуковскій сталъ не тотъ съ тѣхъ поръ, какъ завербованъ". Но въ особенности сказанное нами подтверждается впервые приведенной въ брошюрѣ крайне любопытной запиской графа М. А. Корфа о Пушкинѣ, содержащей въ себѣ весьма рѣзкую характеристику личности поэта. Въ запискѣ, между прочимъ, ставится въ нравственую вину Пушкину, что онъ былъ знакомъ съ лейбъ-гусарами и остался до могилы въ чинѣ коллежскаго секретаря. Становясь на такую точку зрѣнія, покойный графъ уже не поскупился на эпитеты, чтобы оттѣнить личность поэта, какъ совершенно безпорядочную въ нравственномъ отношеніи, а главное неспособную помнить милости разнаго рода меценатовъ. „Вѣчно безъ копѣйки, вѣчно въ долгахъ, иногда почти безъ порядочнаго фрака, съ безпрестанными исторіями, съ частыми дуэлями, въ близкомъ знакомствѣ со всѣми трактирами, непотребными домами и прелестницами петербургскими, Пушкинъ", по отзыву графа, „предоставлялъ типъ самаго грязнаго разврата". Это еще самыя мягкія выраженія въ запискѣ Корфа, претендующаго на близкое и даже пріятельское знакомство съ Пушкинымъ. Уже изъ приведенныхъ документовъ видно, чѣмъ былъ обязанъ Пушкинъ съ молоду своимъ друзьямъ и сколько нравственныхъ пытокъ ему пришлось вынести отъ всякаго рода непрошенныхъ покровителей, которымъ не понутру были бойкость пера, живость характера и неуступчивость поэта условнымъ требованіямъ среды. Замѣчательно, что даже лица, наиболѣе

симпатизировавшія Пушкину, въ эпиграммахъ и сарказмахъ его не видѣли ничего иного, помимо желанія „поднимать исторіи, принуждая людей уважать его, какъ геніальнаго поэта, родовитаго дворянина и утончоннаго свѣтскаго человѣка". Сами не способные возвыситься надъ личными поползновеніями, эти господа мѣрили и Пушкина на свой аршинъ; исполненные высокомѣрія и надменности, они видѣли въ проявленіяхъ озлобленія Пушкина только признакъ самомнѣнія. Въ виду подобнаго рода отношенія къ великому поэту нельзя не привести здѣсь выдержки изъ письма Пушкина, также напечатаннаго въ разсматриваемой брошюрѣ, гдѣ онъ, говоря о безполезности утраченныхъ записокъ Байрона, обращается къ потѣшающимся надъ слабостями великихъ людей: „Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ записокъ Байрона?" писалъ изъ Одессы Пушкинъ въ 1824 году къ князю П. А. Вяземскому.— „Чортъ съ ними, слава Богу, что потеряны. Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ невольно, увлеченный восторгомъ поэзіи. Въ хладнокровной прозѣ онъ бы лгалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искренностью, то марая своихъ враговъ—его бы уличили, какъ уличили Руссо—а тамъ злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпѣ и будь за одно съ геніемъ... Мы знаемъ Байрона довольно. Видѣли его на тронѣ славы, видѣли въ мученіяхъ великой души, видѣли въ гробѣ среди воскресающей Греціи... Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могущаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. Онъ малъ, какъ мы; онъ мерзокъ, какъ мы! Врете, подлецы: онъ и малъ, и мерзокъ не такъ, какъ вы—иначе! Писать свои mémoires заманчиво и пріятно. Никого такъ не любишь, никого такъ не знаешь, какъ самого себя. Предметъ неистощимый. Но трудно. Не лгать—можно; быть искреннимъ—невозможность физическая. Перо иногда остановится, какъ съ разбѣга передъ пропастью, на томъ, что посторонній прочелъ бы равнодушно. Презирать судъ людей не трудно; презирать судъ собственный невозможно". Это, безъ сомнѣнія слишкомъ рѣзкій, но весьма правдивый и, конечно, безгранично блестящій отпоръ всевозможнымъ пигмеямъ, глумящимся надъ слабостями высокой и для нихъ недосягаемой геніальной личности.

Помимо документовъ, обрисовывающихъ отношенія къ нравственной личности великаго поэта, въ брошюрѣ князя Вяземскаго приведены выдержки изъ біографическаго очерка О. С. Павлищевой, родной сестры Пушкина. Самъ по себѣ очеркъ представляетъ мало интереса; изъ приведенныхъ въ немъ двухъ стихотвореній, приписываемыхъ О. С. Павлищевой о Пушкинѣ, первое принадлежитъ В. Г. Туманскому, а не сестрѣ поэта, какъ замѣчено въ брошюрѣ. Въ очеркѣ любопытны собственно свѣдѣнія о двухъ дуэляхъ Пушкина, свидѣтельствующихъ, что геніальный юноша долго оставался забіякой, и едва ли не до конца жизни, что являлось вполнѣ естественнымъ въ нравахъ того времени.

Наконецъ, нельзя не упомянуть также о неизданномъ до сихъ поръ документѣ, нашедшимъ мѣсто въ брошюрѣ. Это письмо князя П. А. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу, заключающее въ себѣ горячій протестъ противъ „сужденій старыхъ бабъ обоего пола", простиравшихъ свою опеку надъ личностью писатебя до безцеремоннаго вмѣшательства въ семейныя дѣла. Такой протестъ, по справедливому замѣчанію составителя брошюры, скорѣе слѣдовало бы ожидать отъ Пушкина въ виду разнаго рода невзгодъ, его постигавшихъ въ ту эпоху. „Позволительно ли"—пишетъ между прочимъ, поэтъ Вяземскій—„изъ шалостей случайныхъ, не имѣющихъ никакой связи съ жизнію, не имѣющихъ на нее и на все, что есть въ ней высокаго—никакого обратнаго дѣйствія, составить себѣ о человѣкѣ мнѣніе постоянное, исключительное? Одно изъ двухъ: или человѣкъ этотъ пошлый, и всякое заблужденіе, всякое отступленіе отъ казенной дороги оффиціальной морали можетъ повлечь его въ бездну гибели и разврата—и тогда не стоитъ онъ, чтобы о немъ заботились, и туда ему и дорога. Или этотъ человѣкъ не совсѣмъ дюжинный, и тогда зачѣмъ же добро-

вольнымъ судьямъ его присвоивать себѣ права какихъ нибудь тріумвировъ и безъ аппеляціи осуждать его, ставить себя выше его и выставлять свои мнѣнія за приговоры мудрости воплощенной? Положимъ, что иные поступки, иные слабости въ пріятеляхъ моихъ и кажутся мнѣ предосудительными, но хорошо ли сдѣлаю, если пойду трезвонить о нихъ на городскихъ колокольняхъ? И составлю хоръ, единогласный съ городскими кумами и за одно буду ругать изъ дружбы того, котораго другіе ругаютъ изъ злости? Можно ли нѣкоторымъ моральнымъ блюдолизамъ судить безпристрастно о положеніяхъ того, который еще въ цвѣтѣ силы и въ пылу? Не будетъ ли для нихъ всякая примѣта въ немъ доказательствомъ пріапизма? Да откуда выскочилъ этотъ консиліумъ? Не всѣ ли мы изъ одного гошпиталя неизлѣчимыхъ, хотя подверженные различнымъ болѣзнямъ? Кто изъ насъ не тронутъ недугомъ? Что даетъ право считать себя здоровѣе сосѣда?..“

Этимъ протестомъ заключается рядъ помѣщенныхъ въ брошюрѣ документовъ, такъ или иначе относящихся къ Пушкину, до вызова его въ Москву въ 1826 году. Было бы очень желательно, чтобы и дальнѣйшіе годы жизни поэта нашли себѣ столь же любопытное и рельефное освѣщеніе, какъ то́ сдѣлано въ брошюрѣ князя Вяземскаго.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о вышеприведенномъ „Альбомѣ памяти А. С. Пушкина“, содержащемъ въ себѣ пятнадцать рисунковъ изъ разныхъ произведеній поэта, въ томъ числѣ и весьма удачно исполненный портретъ его. Остальные рисунки не выдаются особенной артистичностью въ исполненіи. Двѣнадцатый по порядку рисунокъ изъ „Русалки“, даже мало отличается отъ такъ называемыхъ лубочныхъ рисунковъ и только удивляться надо, какъ при подобномъ исполненіи альбомъ продается по сравнительно высокой и далеко не общедоступной цѣнѣ (семь рублей). Помимо этого, совсѣмъ неудачнаго рисунка, помѣщены слѣдующія: „Русланъ и голова“; изъ „Бориса Годунова“—ночь, келья въ Чудовомъ монастырѣ, разговоръ Пимена съ Григоріемъ. Сюжетъ четвертаго рисунка заимствованъ изъ той же пьесы; на немъ воспроизведено свиданіе самозванца и Марины ночью въ саду. На пятомъ изображена смерть Бориса въ царскихъ палатахъ; на шестомъ—Олегъ и кудесникъ; седьмой взятъ изъ „Русалки“ (князь и мельникъ); восьмой изображаетъ сцену изъ „Цыганъ“, Алеко и Земфира; девятый—изъ „Полтавы“, бѣгство Карла XII и Мазепы; на десятомъ рисункѣ представленъ скупой рыцарь, всыпающій деньги въ подвалѣ; на одиннадцатомъ—сцена изъ „Каменнаго гостя“, когда входитъ статуя командира, донна-Анна падаетъ; тринадцатый—изъ „Бахчисарайскаго Фонтана“, сонъ княжны; четырнадцатый—изъ „Евгенія Онѣгина“, сцена ночью, когда Татьянѣ не спится, старуха-няня ее уговариваетъ. Наконецъ пятнадцатый рисунокъ изображаетъ описаніе приступа изъ „Капитанской дочки“ (глава VIII), Иванъ Кузьмичъ благословляетъ свою дочь. При каждомъ изъ перечисленныхъ рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ помѣщенъ текстъ, соотвѣтствующій иллюстраціи. На первомъ листѣ, вступительномъ, напечатано небольшое стихотвореніе г. И. Кондратьева. На оборотѣ вступительнаго листа помѣщена коротенькая біографія поэта, всего въ тридцать строкъ. Таково содержаніе „Альбома“, состоящаго изъ рисунковъ гг. Богатова, Лебедева, Матвѣева и Трутовскаго. Выборъ сюжетовъ оказывается не особенно удачный,—по крайней мѣрѣ, большинство рисунковъ давно извѣстно публикѣ; исполненіе также оставляетъ желать многаго.

Вотъ пока все, что появилось въ печати въ память Пушкина, не считая новаго изданія его сочиненій, да еще мелкихъ брошюръ, на подобіе вышеприведенныхъ, о которыхъ едва ли есть надобность повторять уже раньше высказанное нами. Подводя итоги нашимъ замѣткамъ, мы вынуждены признать, что въ настоящемъ случаѣ предложеніе далеко не отвѣчаетъ спросу, вызванному въ публикѣ Пушкинскимъ торжествомъ. Наконецъ самое предложеніе сдѣлано въ такой формѣ, которая вовсе не удовлетворяетъ назна-

ичені спроса: съ одной стороны—позорная, для памяти поэта, спекуляція, какъ мы видѣли въ брошюрахъ г. Филонова и ему подобныхъ, а съ другой—недоступность изданія большинству читателей, какъ случилось съ интересной брошюрой князя П. П. Вяземскаго, которая, поступила въ продажу въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ все-таки остается неудовлетворенный интересъ большинства читающей публики. Фактъ весьма поучительный!

Ѳ. В.

Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе третье, исправленное и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова. Томъ I, стихотворенія 1811—1824 г. Томъ VI, Исторія Пугачевскаго бунта. Историческіе матеріалы.

Къ сожалѣнію (чтобы не выразиться иначе) и къ открытію памятника Пушкина поспѣли только два тома давно ожидавшагося новаго изданія сочиненій нашего великаго поэта. Зато „Русская Старина" имѣла полное основаніе отозваться съ величайшею похвалою объ образцовой добросовѣстности давно, впрочемъ, извѣстнаго съ этой стороны редактора настоящаго изданія. Большое, въ самомъ дѣлѣ, спасибо П. А. Ефремову за всѣ исправленія, прибавленія и пояснительныя изысканія, какими отличается I томъ. Особенно спасибо, конечно, за тѣ, уже перечисленныя въ „Русской Старинѣ" произведенія Пушкина, которыя вошли въ настоящее изданіе впервые, или въ болѣе полномъ видѣ (къ нимъ принадлежитъ и „Кинжалъ"). Спасибо редактору и за тѣ тщательныя розысканія, при помощи которыхъ онъ исключилъ все то, что только приписывалось Пушкину. Но еще большее бы спасибо можно было сказать ему въ томъ случаѣ, если бы онъ исключилъ изъ текста изданія многое, хотя и принадлежащее Пушкину, но такое, чего бы никогда не напечаталъ самъ поэтъ, напримѣръ молитву гвардейскихъ офицеровъ, кумушекъ, разговаривающихъ о бревнѣ и спичкѣ и т. п.). Всѣ такія шутки или даже шалости пера, встрѣчающіяся и у великихъ писателей другихъ странъ, любопытны только какъ матеріалъ для біографіи, и г. Анненковъ не безъ основанія включилъ многое такое въ свои „Матеріалы" (а многаго и туда не включалъ). Можно было подобнымъ пьесамъ отвести мѣсто въ примѣчаніяхъ или приложеніяхъ (съ сохраненіемъ того же строго-хронологическаго порядка), но никакъ не въ текстѣ, который въ I т. настоящаго изданія до того загроможденъ подобнымъ матерьяломъ, что чтеніе его лицомъ еще не знающимъ Пушкина, произвело бы неизбѣжное впечатлѣніе разочаровывающее и вызывающее вопросъ: неужели это великій писатель? [1]) Истинные перлы являются въ I т. положительно затерянными среди шаловливаго мусора, дѣлающаго это изданіе не классическимъ, и не классным (при такомъ его характерѣ положительно необходимо другое). Самъ г. Ефремовъ съ другой стороны не включилъ въ текстъ „Руслана и Людмилы" многихъ стиховъ, выключенныхъ Пушкинымъ изъ 2-го изданія, и отвелъ имъ мѣсто въ примѣчаніяхъ. Точно также слѣдовало бы поступить и съ цѣлыми пьесами, которыя ни какъ бы не выдержали строгой издательской цензуры самого поэта. Къ счастію, въ текстѣ настоящаго изда-

---

[1]) Невольно припоминаются слова покойной А. М. Каратыгиной въ ея воспоминаніи о Пушкинѣ: „стихи, которыхъ онъ впослѣдствіи самъ стыдился, не должны входить въ собраніе его сочиненій, какъ бы мы ни дорожили его памятью. Скажу болѣе: самое уваженіе къ памяти Пушкина требуетъ умолчанья о тѣхъ изъ его мелкихъ стихотвореній, которымъ онъ самъ не придавалъ никакой цѣны." („Русская Старина", іюль, стр. 566).

нія не оказывается „Тѣни Баркова“, о которой однако же трактуется въ примѣчаніяхъ. Но г. Ефремовъ наконецъ убѣдился, что эта пьеса не Пушкинская, и пропускъ ея въ текстѣ сказался наклейкою новаго полулиста и скачкомъ въ нумераціи съ 55 на 58 стр. А что если и между пьесами, включенными въ текстъ, впослѣдствіи окажутся такія же апокрифическія, какъ эта, сначала признанная редакторомъ „Тѣнь Баркова“? Пусть нашъ почтенный библіографъ не посѣтуетъ на пишущаго эти строки и за замѣчанье другаго рода. Не черезъ чуръ ли ужъ строго относится онъ къ г. Анненкову, за которымъ все же остается честь перваго осмысленнаго изданія Пушкина? Промахи у г. Анненкова несомнѣнно были, какъ это ясно изъ примѣчаній г. Ефремова. Но вѣдь совершенно безъ промаховъ не обошлось и настоящее изданіе. Кромѣ „Тѣни Баркова“, оставившей свой незаконный слѣдъ въ примѣчаніяхъ, т. е. кромѣ этой ошибки, такъ и оставшейся неисправленною, встрѣчается, напримѣръ ошибка въ текстѣ на стр. 206, заключающаяся въ прозваніи особою элегіею того, что оказывается только отрывкомъ изъ посланія, до сихъ поръ неудобнаго для нашей печати, потому что въ этомъ посланіи—цѣлое обращенье къ свободѣ. Въ этомъ г. Ефремовъ убѣдился уже по отпечатаніи 1 тома, на основаніи поздно имъ полученной рукописи, о которой онъ могъ заявить только въ примѣчаніяхъ. Но спасибо ему, что онъ напечаталъ тутъ два заимствованныхъ изъ этого посланія стиха, заключающихъ въ себѣ обращеніе къ отечеству съ указаніемъ на мнимыхъ сыновъ его:

Въ нихъ слезъ нѣтъ для твоихъ печалей,
Нѣтъ пѣсенъ для твоихъ побѣдъ.

Благо мы познакомились съ этими стихами, намъ, конечно, представится и теперь не мало случаевъ ихъ повторять. Но выпишемъ въ заключенье и всю эту „элегію“, т. е. отрывокъ, заключающій въ себѣ, какъ оказывается послѣ примѣчанія г. Ефремова, обращеніе—ужъ конечно не къ „дамѣ сердца“.

О ты, которая изъ дѣтства
Зажгла во мнѣ священный жаръ,
При коей сносны жизни бѣдства
Безъ коей счастье—тщетный даръ!
Я звучнымъ строемъ пѣсней новыхъ
Тебя привѣтствовать дерзалъ;
Будилъ молчанье скалъ суровыхъ
И слухъ ничтожныхъ устрашалъ.
Услышатъ пѣснь мою потомки
Средь отдаленнѣйшихъ вѣковъ
И лиры гордые обломки
Переживутъ вѣнки льстецовъ.

Но на что же ultra—библіографическіе пріемы изданія силятся передать грядущимъ вѣкамъ, вмѣстѣ съ этими золотыми стихами, и двухъ кумушекъ съ бревномъ и спичкой, или ту характеристику гвардейскихъ офицеровъ, для которой даже вовсе не нужно было родиться поэтомъ?

Ор. Миллеръ.

Москва въ родной поэзіи. Сборникъ подъ редакціей С. И. Пономарева. Спб. 1880.

Нельзя не отнестись сочувственно къ мысли редактора этой книжки—собрать по возможности все, что высказано въ нашей поэзіи о древней русской столицѣ, въ одномъ имени которой, по словамъ поэта, такъ много „для сердца русскаго слилось“. И какой другой городъ въ нашемъ отечествѣ могъ болѣе шевелить русское сердце и вдохновлять талантъ какъ не эта бѣлокаменная

матушка Москва „любимая дочь Россіи", гдѣ „хранится повѣсть нашихъ бѣдъ и нашей славы", какъ говорятъ поэты. Ея своеобразная физіономія, до сихъ поръ не утратившая народныхъ и бытовыхъ особенностей, ея семивѣковая роль въ важныя годины нашей исторіи, ея отзывчивость на всѣ живые государственные и общественные вопросы и готовность на всякія жертвы для чести страны—все это не могло не одушевлять поэтовъ, не смотря на то, что Москва давно уже „склонилась передъ младшею столицей, какъ порфироносная вдова передъ новой царицею". И въ самомъ дѣлѣ, рѣдкій изъ русскихъ поэтовъ не посвятилъ Москвѣ или хвалебной пѣсни, или теплаго привѣта, или по крайней мѣрѣ, веселой, добродушной шутки. Къ ней пріурочены капитальныя произведенія нашей литературы: она дала сцену и лицъ „Бориса Годунова" Пушкина, съ нею связана поэма Лермонтова про царя Ивана Грознаго, его удалаго опричника и купца Калашникова, ей всецѣло принадлежитъ незабвенный Грибоѣдовъ, въ ней нашелъ свои лучшіе типы Островскій. Но, помимо этого, сколько посвящено ей лирическихъ пѣсенъ, сколько описаній и характеристикъ ей найдете вы въ русскихъ романахъ и повѣстяхъ, сколько наконецъ сюжетовъ дала она нашимъ юмористамъ.

Этого мало. Москва возбуждала и возбуждаетъ вниманіе и сочувствіе не одного русскаго народа. Благодаря ей, обширная страна наша стала извѣстна за рубежемъ подъ именемъ Московіи, а съ тѣхъ поръ, какъ въ заревѣ московскаго пожара померкла звѣзда величайшаго военнаго генія нашей эпохи, древняя столица русскихъ царей пріобрѣла всемірную извѣстность, и ея имя отозвалось не въ одной русской поэзіи. На нее особенно обращены взгляды и надежды другихъ членовъ великой славянской семьи, которые такъ же, какъ и русскій народъ, называютъ ее святою и видятъ въ ней опору православія и залогъ общеславянской будущности. По выраженію Суботина „съ береговъ Дуная и съ Коссова поля всѣ южные славяне устремляютъ очи къ родной для нихъ матери Москвѣ". А вотъ съ какими задушевными стихами обращается къ нашей первопрестольной столицѣ Кукелевичъ Сакцинскій:

Москва золотая,
    Полевѣта столица,
Всѣхъ ты градовъ русскихъ
    Матушка-царица!

—

Сколько усмирила,
    Мать, ты всякой дичи,
Сохранивши вѣру
    И старый обычай!

—

На тебя Россія
    Цѣлая взираетъ,
Все къ тебѣ славянство
    Длани простираетъ!

—

Подымись, царица!
    Кликни кличъ къ намъ, мати!
Иль, какъ мы, ты любишь
    Также подремати?

Изданіе сборника стихотвореній, посвященныхъ Москвѣ, особенно кстати явилось въ то самое время, когда въ ней открывался памятникъ великому поэту, который родился въ ея стѣнахъ. Хотя читатели и не найдутъ въ сборникѣ много стихотвореній самого Пушкина, но книжка эта, посвященная его родинѣ, была какъ бы однимъ изъ тѣхъ вѣнковъ, которые при открытіи памятника складывались русскими людьми къ его подножію. Эта современность изданія тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, что въ книжку вошли сочиненія людей близкихъ Пушкину и которыхъ онъ любилъ, какъ товарищей по искусству; тутъ стихи и прозаическія статьи Жуковскаго, Ѳ. Н. Глинки, Языкова, Коз-

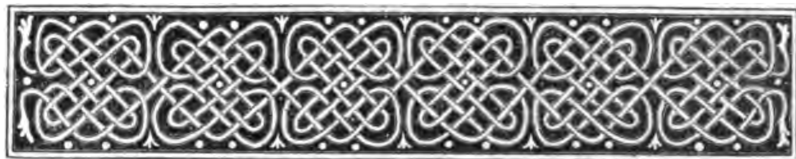
лова, К. Рылѣева, князя П. А. Вяземскаго, Батюшкова, Гоголя. Кромѣ того въ сборникѣ читатели встрѣчаютъ статьи позднѣйшихъ почитателей и послѣдователей Пушкина—Майкова, Фета, Хомякова, Бенедиктова, Искандера и др. Все это посвящено родинѣ поэта, который волей и неволей надолго покидалъ ее, но не переставалъ помнить и любить. Самъ онъ признается въ этомъ говоря:

Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!

Сборникъ г. Пономарева раздѣленъ на отдѣлы, въ которыхъ статьи сгруппированы по отношенію къ ихъ содеожанію или тону. Первый отдѣлъ составляетъ „Москва и ея окрестности", потомъ слѣдуютъ стихотворенія подъ рубрикой „1812 годъ и другія замѣчательныя эпохи", затѣмъ нѣсколько пьесъ, характеризующихъ „Московскій бытъ" и отдѣлъ „Юмористическій", наконецъ въ послѣднемъ отдѣлѣ „Славяне о Москвѣ", напечатаны переведенныя стихотворенія изъ славянскихъ поэтовъ, посвященныя нашей первопрестольной столицѣ. Въ особомъ приложеніи приведены народныя пословицы, въ какомъ-нибудь отношеніи примѣненныя къ Москвѣ, выбранныя изъ сборниковъ Даля, Сахарова, Снегирева и др., свѣдѣнія по библіографіи Москвы, показывающія, что напечатано о ней по части собственно литературной, какъ въ журналахъ, такъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ, списокъ писателей уроженцевъ Москвы, перечень погребенныхъ въ Москвѣ извѣстныхъ писателей и наконецъ хронологическій указатель замѣчательнѣйшихъ событій въ Москвѣ, съ основанія ея до открытія памятника Пушкину. Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ читатели найдутъ много интересныхъ фактовъ и любопытныхъ подробностей, объясняющихъ между прочимъ и нѣкоторыя изъ напечатанныхъ въ сборникѣ стихотвореній.

Составитель книжки, какъ видно изъ предисловія, не думалъ ограничиться выборомъ однихъ истинно художественныхъ произведеній, и желалъ дать по возможности полное собраніе всего, что существуетъ въ нашей поэзіи по отношенію къ Москвѣ. Поэтому собранные въ этомъ изданіи стихотворенія и отрывки далеко не одинаковаго достоинства. Вмѣстѣ съ произведеніями высокопоэтическими тутъ есть не мало посредственнаго и даже нѣсколько пьесъ весьма слабыхъ въ художественномъ отношеніи. Въ объясненіе этого составитель книжки говоритъ: „пусть высказывается чувство къ матери всѣхъ ея дѣтей, въ комъ сердце заговорило". И безъ сомнѣнія многіе согласятся съ этимъ взглядомъ. Что касается полноты сборника, то г. Пономаревъ самъ сознается, что „иное, можетъ быть лучшее, не вошло, потому что нельзя было достать его". На нѣтъ, какъ говорится, суда нѣтъ. Но мы полагаемъ, что книжка могла бы не мало выиграть, если бы при слѣдующемъ изданіи она пополнена была нѣсколькими статьями, которыя собрать не особенно трудно. Такъ напримѣръ, въ отдѣлѣ „1812 годъ", по нашему мнѣнію слѣдовало бы помѣстить афиши графа Ростопчина и его извѣстную статью „Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ", такъ мѣтко характеризующія эпоху отечественной войны и патріотизмъ московскаго населенія, а въ отдѣлѣ, представляющемъ бытъ и нравы Москвы, вмѣстѣ съ статьями Пушкина, Гоголя, Искандера, не мѣшало бы помѣстить, если не вполнѣ, то покрайней мѣрѣ въ отрывкахъ, замѣчательную статью Бѣлинскаго „Петербургъ и Москва", напечатанную въ двѣнадцатомъ томѣ полнаго собранія его сочиненій. Не смотря однакожъ на высказанное нами замѣчаніе, повторяемъ, что многіе читатели будутъ благодарны составителю Сборника за его счастливую и довольно удачно выполненную мысль.

А. М.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Попытки канонизаціи патріарха Никона.

ЩЕ САМЪ патріархъ Никонъ при жизни своей, вскорѣ по удаленіи своемъ изъ Москвы, доказывая свое право на почетъ, какъ патріархъ, говорилъ: „Патріаршества я не оставлялъ и благодать св. Духа отъ меня не отнята: въ Воскресенскомъ монастырѣ были два человѣка, одержимые чернымъ недугомъ, я объ нихъ молился и они отъ своей болѣзни освободились; и когда я былъ на патріаршествѣ, и въ то время моими молитвами многіе отъ разныхъ болѣзней освободились" (Соловьевъ. XI, 304). Изцѣленіемъ больныхъ занимался онъ и въ заточеніи, куда къ нему стекались со всей Россіи, преимущественно, конечно, легковѣрнѣйшая половина человѣческаго рода, такъ что во время заточенія его въ Кирилловѣ монастырѣ къ его кельѣ собирались крестьяне окрестныхъ волостей, и особенно женщины, за лекарствами въ очень большомъ числѣ, человѣкъ по сорокъ и болѣе въ одинъ разъ (Варлаамъ. О пребываніи патріарха Никона въ заточеніи. М. 1858 стр. 4). Тайна этихъ изцѣленій лежала, кажется, въ знаніи Никономъ народной медицины, въ разныхъ травахъ (звѣробоѣ, почечуѣ и др.), которыя онъ выписывалъ себѣ, бывши въ заточеніи. И исцѣленія эти къ тому же не всегда сопровождались удачей, по крайней мѣрѣ на него доносили, что разъ „къ нему пріѣзжала дѣвица лѣтъ 20 съ братомъ ребенкомъ малымъ для леченія, и Никонъ ее запоилъ виномъ до пьяна, отчего она и умерла" (Солов. XIII, 245). Но все-таки, они имѣли большее значеніе въ глазахъ нашего благочестиваго народа въ связи съ представленіемъ о страдальческой заточнической жизни бывшаго патріарха. Къ тому же разнеслись слухи, что при погребеніи Никона „тѣло его (было) невредимо отнюдь отъ вони злосмрадныя, аще и десятодневно пребысть,—въ толикое бо время теплое, ни мало повредися, но яко того часа преставися; лице же и плоть его цѣло, тлѣнію непричастно бѣ" (Шушеринъ. Рукоп. СПб. Д. Акад. 1371 л. 149),—обстоятельство, имѣющее большее значеніе въ глазахъ вѣрующихъ. И вотъ въ нашихъ рукописяхъ начинаетъ появляться разсказъ „о дѣлахъ, паче же рещи чудесахъ врачебныхъ святѣйшаго патріарха Никона", съ предисловіемъ, въ которомъ весьма недвусмысленно этимъ изцѣленіямъ придается чудесный характеръ. Въ немъ говорится:

„Святѣйшій Никонъ Божіею милостію патріархъ, будучи во изгнаніи въ Ѳерапонтовѣ и въ Кирилловѣ монастырѣхъ, крѣпляшеся духомъ и, Богу благодаря, веселяшеся, яко сподобися за ревность Божію, еже по Бозѣ, изгнаніе претерпѣти; къ тому же видя себя отъ прежде бывшихъ многихъ смущеній и

трудовъ упраждненa, ни о чесомъ же иномъ тако печашеся, яко еже не быти праздну, вѣдая, яко праздность всякому злу вина бываетъ. Сего ради нача пребывати въ молитвахъ и постѣхъ и трудѣхъ непрестанныхъ, яко же писася въ житіи его, Бога взыскати паче возлюби, на врага же діавола зѣло гнѣватися, къ человѣкомъ же Божіею, еже есть ко ближнему по заповѣди, любовію прилежати, благотворя во всѣхъ, елико возмогаше, паче же всего ко оскорбленнымъ, и бѣдствующимъ, и страждущимъ отъ духовъ нечестивыхъ и отъ различныхъ болѣзней изнемогающимъ, по обыкновенію своему, снисхожденіе о цѣлбахъ ихъ промыслъ творяше, не иными же кіими лекарствы надѣявшеся уврачевати, точію, духовенъ сый врачъ, духовная и былія употребляше, яже есть молитвы отъ святыхъ отецъ преданныя надъ дѣйствующими прочитоваше и честнымъ крестомъ знаменуя, и святою водою покропляя, и масломъ святымъ помазуя, премногихъ исцѣли, ихъ же число, и различіе недуговъ, и какова кто чина, и отъ коея страны и веси, и въ кая времена таковая чудотвореная врачества содѣяшеся, вся сія вкратцѣ обрѣтается въ тетради сей".

Такъ что списатель этого разсказа въ одномъ сборникѣ Публичной Библіотеки (Θ. I. 413) былъ вполнѣ правъ, когда, соскучившись списывать всѣ эти дѣянія, замѣтилъ: „всѣхъ же чудесъ его 194".

Но и этимъ дѣло не ограничилось;—почитатели Никона вели дѣло далѣе. Они силились придать Никону характеръ чудотворца, совершающаго чудесныя дѣянія и по смерти. Какъ плодъ этого, появились разсказы о его чудесахъ, совершенныхъ имъ по смерти. Вотъ эти оригинальные разсказы о четырехъ чудесахъ его, найденые нами въ рукописяхъ Императорской Публичной Библіотеки.

„190 году (1682) генваря въ 28 день пріѣхалъ въ монастырь дворянинъ Матѳей Володиміровъ сынъ Оборинъ и объявлялъ видѣніе святѣйшаго Никона патріарха:

„Многое-де у него желаніе было, чтобъ быть у него святѣйшаго Никона патріарха на погребеніи, и забавился въ своихъ суетахъ на Москвѣ, и того не получилъ; и послѣ такожде обѣщался, чтобъ быть у него святѣйшаго на гробѣ, и такожъ за суетою своею на гробѣ быть не прилучилось, а ѣздитъ де безпрестанно мимо монастыря. И нынѣшняго году въ декабрѣ мѣсяцѣ пропали-де у него двое лошадей на Москвѣ съ двора его, а какъ-де онъ ѣхалъ нынѣшняго числа генваря въ 28 день къ Москвѣ, и, ѣдучи дорогою на полѣ Лучинскомъ, въ саняхъ заснулъ, и видѣлъ-де во снѣ, какъ бы пришелъ святѣйшій Никонъ патріархъ, и будитъ меня: „встань-де, Матѳей, и заѣть ко мнѣ на гробъ, а буде заѣдишь на гробъ, лошадей-де своихъ тотчасъ сыщешь". И я отъ сна пробудился и обѣщался у святѣйшаго Никона патріарха у гроба быть. И какъ пріѣхалъ я въ подмонастырское село Вознесенское, въ улицѣ, въ обозѣ, у проѣзжихъ, обоихъ своихъ лошадей поималъ, и, въ монастырь пришедъ, у святѣйшаго патріарха на гробѣ былъ, и видѣніе отцу архимандриту Герману и казначею старцу Мардарію и инымъ братіямъ сказалъ. А у подлиннаго извѣщенія Матѳей Оборинъ руку приложилъ".

„Бысть во оной обители Воскресенской въ лѣто въ 199 (1691) году мѣсяца маія на день на 24 на память Никиты столпника Переяславскаго (патрона Никона) чудотворца. Бысть во оной обители опредѣленный у большой Воскресенской церкви сторожъ Діомидъ и глазами своими не видя ни мало и по положенному исправляше послушаніе. И по вседневному обыкновенію, бывше имъ у той церкви двумъ сторожамъ, и предъ утреннимъ благовѣстомъ за полчаса изъ нихъ одинъ пошелъ на колокольню благовѣстить, а другой сторожъ, слѣпой Діомидъ, отперевши большую церковь, взошелъ въ нее, и, по обыкновенію своему, оныя церковныя висящія замки и ключи положилъ на полку въ церкви за персону святѣйшаго Никона патріарха, которая стоитъ у стѣны церковной. Взошедъ въ двери церковныя на лѣвой сторонѣ, и бысть отъ той персоны гласъ: „Діомидъ, прозри!" И видя свѣтъ велій во всей церкви, заж-

жены бысть всѣ свѣщи предъ святыми образами, и въ хрустальныхъ висящихъ лампатахъ, съ елеемъ налиты, на всѣхъ хорахъ во-свѣщены. Онъ же, стражъ, увидѣлъ въ большой церкви святѣйшаго Никона патріарха во отверстыхъ царскихъ дверяхъ, стояща во одѣяніи святительскомъ и осѣняющаго въ рукахъ своихъ имуща триекирій и двоекирій, стоящихъ въ бѣлыхъ одеждахъ, и предъ нимъ поющихъ, много въ той церкви слышаше. И пошедъ изъ царскихъ дверей въ малую церковь Іоанна Предтечи, гдѣ есть гробъ его, святѣйшаго патріарха Никона, и, сіе увидѣвъ, и отъ страха паде на землю, и не вѣмъ, кто подняша меня съ земли и пришедше въ Претечеву церковь (положили) предъ святѣйшаго патріарха Никона (и сіе увидѣхъ). Азъ же не можахъ стояти на ногахъ отъ страха, на колѣняхъ стояхъ предъ нимъ. Святѣйшій же Никонъ сидяше на гробѣ своемъ и рече ми: „миръ всѣмъ, на мѣстѣ семъ живущимъ! Не ужасайся, Діоминде,—азъ бо мѣсту сему фундаторъ, но глаголи безъ боязни обители сея порученному начальнику, чтобъ въ церкви Іоанна Предтечи надъ симъ гробомъ моимъ по вся дни отправляли литоргію и панихиды пѣли бы на память мою, въ сій день тезоименитаго моего угодника Никиты Переяславскаго чудотворца (чинили) празднество, а близъ гроба моего не погребали бы,—утѣсненіе бо (ми) чинятъ". И благослови мя десницею, и помаза ми очи елеемъ, у гроба горѣвшимъ, и не видимъ бысть отъ очей моихъ; азъ же падъ поклонися на землю и лежа въ безпамятствѣ. И въ благовѣстъ утренній пришедъ пономарь, монахъ Триѳонъ, въ церковь, видѣхъ свѣщи и лампады зажженныя, начатъ гасити, но не може погасити, и искаше сторожа церковнаго, но не нашедъ, пойде изъ церкви въ сторожную полату, подумавъ, что спитъ, но не обрѣте никого. И въ то время пришедше по обычаю братія въ церковь, видѣвше свѣщи зажженныя, всѣ удивляющеся вельми, что благовѣстъ въ малой колоколъ, а свѣщи вожжены всѣ и спрашеваху понамаря. Онъ же рѣче: „Не вѣмъ для чего и не могу найти сторожа череднаго". Братія же пришедшія, іеромонахъ Евстратій и іеродіаконъ Гедеонъ, вшедше въ Предтечеву малую церковь, и видѣвше у гроба лежаща сторожа Діомида, и, поднявше его отъ земли, спрашиваху, кто и для чего горятъ свѣщи съ лампадами. Онъ же имъ, всѣмъ бывшимъ ту, повѣда вся подробну, что видѣхъ своими очима и что слышахъ отъ святѣйшаго Никона патріарха изъ устъ. (И) Его святыми молитвами очима своима прозрѣ, а не видя своима очима 28 лѣтъ. И тако съ того времени никогда служба не оставляшеся, по вся дни совершаху литоргію и панихиды пояху по вся субботы надъ гробомъ его, святѣйшаго Никона патріарха, и на память угодника Божія святого преподобнаго отца Никиты, Переяславскаго чудотворца мая въ 24 день празднество творяху".

„Лѣта 7203 (1695) году, мѣсяца августа 27 дня былъ въ монастырѣ въ Воскресенскомъ съ Москвы верховой комнатной истопникъ, Іоаннъ Ильинъ сынъ, а съ нимъ товарищъ, Алексѣй Костянтиновъ, и бывъ они у утрени и послѣ утрени молебное отправили, слушали и святыя литургіи, и послѣ братскія трапезы честь имъ сотворя подобную, какъ чинъ настоитъ, и тѣ прежде рѣченные богомольцы возвратилися въ путь свой въ домъ здравы. А братія въ то время вси изидаша внѣ монастыря на труды, на лузѣ сѣно грести и тамо умедлиша до вечера поздѣ. Во время же вечернее седмищный священникъ со причтомъ церковнымъ нача вечернее возслѣдованіе пѣти, и въ началѣ пѣнія вечерни того предреченнаго человѣка Іоанна Ильина влекутъ въ церковь клеврети его съ великимъ трудомъ, склачена и всего разслаблена, и едва вовлекоша его въ церковь святаго Іоанна Предтечи, яже есть подъ Голгофою святою, идѣже гробъ святѣйшаго Никона патріарха и ту при гробѣ положиша его на земли. Онъ же, Іоаннъ, едва ту проглагола и повелѣ пѣти панихиду по святѣйшемъ Никонѣ патріархѣ. Егда же пояху панихиду, онъ же, лежа на земли, у гроба, плачася горько, и, рыдая вельми со слезами. Егда же скончавше панихиду, онъ, Іоаннъ, нача по малу возставати и ста пряма; прилучившіеся ту священницы начаша его вопрошати. Онъ же нача глаголати со

слезами подробну: „Ѣдущу мнѣ изъ обители съ товарищи на своей коляскѣ. и, проѣхавъ мельницу и полевскую деревню, внезапу найде на мя мракъ... И предста ми святѣйшій патріархъ Никонъ со жезломъ, глаголя: „человѣче, бывъ ты во обители нашей надъ гробомъ нашимъ, не пѣлъ панихиды", и удари мя жезломъ трижды, его же въ рукахъ имѣя. И азъ отъ того весь сотрясохся и всѣми уды быхъ разслабленъ и егда до здѣ мя привлекоша. По отпѣтіи же панихиды той человѣкъ, Іоаннъ Ильинъ, устрабися тѣломъ и бысть здравъ. изыде изъ церкви, никимъ же водимъ бѣ и пойде паки въ путь свой, радуясь и славя Бога и прославляя святѣйшаго Никона патріарха".

„Дому царскаго величества окольничего Родіона Матвѣевича Стрѣшнева жены его сестра родная, Марія Васильева, бывшая дворянская жена Саввы Волкова, жила въ вотчинѣ своей Волоколамскаго уѣзду въ селѣ Дмитровскомъ. близь Вознесенскаго монастыря; бысть на ней велія скорбь въ рукахъ и ногахъ: не имѣла нимало има движенія, но отъ скорби великой скрючена была. Бысть же во 213 (1705) году, апрѣля третьяго дня явился въ нощи сей святѣйшій Никонъ патріархъ, повелѣвая: „во обитель мою повели себя привести и на гробѣ моемъ вели отпѣть панихиду, и узришь надъ собою благодать Божію и скорби твоей будетъ облегченіе". Она же отъ сна воспрянувши, повелѣ себя вести во обитель Воскресенскую и принесше ея къ монастырю повелѣ себя (нести) на своемъ носилѣ и, внесше ее въ большую церковь Воскресенскую. И стоящую персону у стѣны на лѣвой сторонѣ святѣйшаго Никона патріарха увидѣвъ, дворянская жена Марія скоча съ носима своего на ноги своя, и побѣже до персоны Никона патріарха и глагола со слезами своими: „повелѣ пріити во обитель сію, сей ми явися нощію въ домѣ моемъ и обѣща ми изцѣленіе подати рукамъ и ногамъ моимъ", и хапая руками своими персону, стоящую на стѣнѣ, святѣйшаго Никона патріарха. И отпѣвше надъ гробомъ его панихиду и братіи обители тоя почтеніе подаде, и хваля Бога и угодника его святѣйшаго Никона патріарха, возвратися здрава въ домъ свой. а о болѣзни своей объявила, что не владѣла ногами и руками своими седьмь лѣтъ и молитвами его, святѣйшаго Никона патріарха стала здрава. И нынѣ приходящіе съ вѣрою къ гробу его, просяще, исцѣленія получаютъ неоскудно [1])".

Сообщено **В. Колосовымъ.**

Непокорные колокола.

Извѣстно, что въ несчастной битвѣ подъ Нарвою въ 1700 г. русская армія потеряла почти всю артиллерію. Петръ Великій, что бы пополнить скорѣе эту потерю, рѣшился на мѣру неслыханную; — въ 1701 г. былъ изданъ указъ, которымъ повелѣвалось „четвертую часть колоколовъ со всего государства, съ знатныхъ городовъ, отъ церквей и монастырей отбирать и отправлять въ Москву на пушечный дворъ, на литье пушекъ и мортиръ". Дѣйствительно, этотъ указъ принесъ Петру существенную пользу; къ концу 1701 г. въ Москву на литейный дворъ уже было доставлено 8,000 пудовъ мѣди; но вмѣстѣ съ тѣмъ, указъ вызвалъ почти общее неудовольствіе и въ иныхъ мѣстахъ даже противодѣйствіе. Русскіе люди, видѣвшіе въ колоколахъ украшеніе своихъ церквей, дорожили ими и, по этому, изыскивали всевозможные способы, чтобы не отдать своихъ колоколовъ на литье пушекъ; при этомъ, конечно, дѣло не обошлось и безъ чудесъ. Приводимъ здѣсь разсказъ Гаврилы Тверитинина объ одномъ изъ такихъ чудесъ, списанный нами съ рукописи подъ № 432 находящейся въ библіотекѣ Петербургской духовной академіи.

---

[1]) Изъ сборника Публичной библіотеки подъ №№ 413 и 612.

„Я и сестра моя Ирина, пишетъ Гаврило Тверитининъ, въ 1701 г. были у Троицы-Сергіева монастыря, тогда отъ великаго государя царя Петра Алексѣевича былъ указъ вездѣ въ городскихъ монастыряхъ и въ Москвѣ и у всѣхъ приходскихъ церквей брать колокола и отъ всего звону четвертую долю мѣди вѣса на пушечный дворъ на литье пушекъ и въ томъ Сергіевѣ монастырѣ также; а въ монастырѣ колоколовъ 26 было. Архимандритъ и братія его великаго государя указу противиться не смѣли и колокола съ колокольни сымать повелѣли. Вечеромъ нѣкоторые указали снять одинъ старинный колоколъ; вѣсу что въ немъ того не знали, а гласомъ былъ глухъ и неярокъ; но за поздностью онаго не сняли. Монастырь ночью кругомъ запирался и всегда также и тою ночью былъ запертъ: на утро же архимандриту звонарь донесъ, что того колокола на колокольнѣ нѣтъ и братія не вѣдала какъ и гдѣ онъ дѣлся. Архимандритъ же, услыхавъ объ этомъ, повелѣлъ вездѣ искать по келіямъ у братіи и въ погребахъ, и когда нигдѣ не могли обрѣсти (занеже ему чудотворцу отдать сего не изволился), тогда архимандритъ Ларіонъ повелѣлъ другой снять, также вѣсу въ немъ не вѣдая и тотъ снять повелѣлъ и разбить и мѣдь свести въ Москву. Когда колколъ сняли, человѣкъ, чтобъ разбить оный, ударилъ по колоколу молотомъ; но колоколъ отъ того удара не разшибся, но началъ гласъ отъ него трои сутки день и ночь непрестанно". Вслѣдствіе этого „архимандритъ и того колокола не велѣлъ вести къ Москвѣ, а повелѣлъ сымать два другіе колокола нонѣшняго мастерства, но сихъ колоколовъ не могли снять никоими дѣлами". Въ то время, когда „архимандритъ и братія, боясь указа государева, съ ужасомъ смотрѣли на сіи колокола; колокола же сіи два братьеника вдругъ сами собой съ колокольни соскочили, пали и стѣны обломили". Безвѣстный колоколъ въ это время также отыскался за монастыремъ въ прудѣ. „Во время тое на монастырь въ погребъ ледъ возили и уши отъ того колокола видѣли, а потомъ его отъ воды того пруда взяли". Обо всемъ этомъ донесли Петру, который, по увѣренію Гаврилы Тверитинина, хотя „въ монастырь приходилъ, плакалъ и прощенія просилъ у чудотворца Сергія о своемъ соизволеніи; однако колокола два братьеника повелѣлъ вести въ Москву, гдѣ онѣ въ литье пушечнаго дѣла не пошли и не испорчены, потому что мѣдь была жестка въ дѣло негожа и донынѣ тѣ колокола стоятъ на пушечномъ дворѣ цѣлы какъ и были".

Сообщено С. **Григоровымъ.**

Два Тамбовскихъ дѣятеля прошлаго вѣка.

Пересматривая архивные документы Тамбовской губернаторской канцеляріи за 1796—1801 годы, мы съ удивленіемъ замѣтили, что въ этотъ краткій періодъ времени въ Тамбовской губерніи было 9 губернаторовъ: Неклюдовъ, Ланской, Лаптевъ, Тейльсъ, Литвиновъ, Ушаковъ, Языковъ, Кудрявцевъ и Бахметевъ [1]). Полагаемъ, что такая быстрая смѣна тамбовскихъ губернаторовъ происходила не отъ одной только своеобразной энергіи царствованія императора Павла. Вѣроятно эти губернаторы или не умѣли, подобно Г. Р. Державину, ужиться въ тамбовскомъ обществѣ, или же навлекали на себя неудовольствіе высшаго правительства какими-нибудь положительными нарушеніями своихъ обязанностей. Для объясненія всѣхъ этихъ административныхъ перемѣнъ мы нашли въ тамбовскомъ архивѣ только одно дѣло, именно о губернаторѣ Неклюдовѣ.

Въ 1798 году пріѣхалъ въ Тамбовскую губернію сенаторъ Леонтьевъ, которому поручено было обревизовать губернію и между прочимъ разслѣдовать дѣло о злоупотребленіяхъ бывшаго тамбовскаго губернатора Неклюдова. Дѣло это началось по доносу, поданному на высочайшее имя маіоромъ Н. Олени-

нымъ. Вотъ въ чемъ былъ обвиненъ бывшій тамбовскій губернаторъ. Неклюдовъ бралъ взятки съ подчиненныхъ ему чиновниковъ. Отъ моршанскаго городничаго Загоскина онъ получилъ серебряный сервизъ **за свободное притѣсненіе бурлаковъ и купцовъ, коихъ въ ономъ городѣ (Моршанскѣ) для покупки хлѣба бываетъ великое стеченіе.** Кромѣ того онъ пользовался и разными другими противузаконными поборами, напримѣръ частію подушной хлѣбной подати. Неклюдовъ потворствовалъ изъ корыстныхъ видовъ чиновничьимъ и помѣщичьимъ злоупотребленіямъ. Онъ былъ покровителемъ пристанодержателя Фелитова, борисоглѣбскаго расправнаго судьи и капитана Вышеславцева, грабившаго и нещадно бившаго своихъ сосѣдей-крестьянъ. Въ Козловѣ и Борисоглѣбскѣ у него были заведены собственные трактиры. Въ Тамбовѣ былъ выстроенъ имъ великолѣпный домъ изъ прежняго генералъ-губернаторскаго дома „яко-бы пришедшаго въ совершенную ветхость". Въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, при его содѣйствіи и не безъ пользы для его кармана, былъ значительно вырубленъ казенный Теллерманскій лѣсъ. При этихъ хищническихъ наклонностяхъ, Неклюдовъ былъ еще чрезвычайно самовластнымъ правителемъ, такъ что тамбовская гражданская палата принуждена была жаловаться на него Правительствующему Сенату. Тамбовскій комендантъ полковникъ Булдаковъ съ своей стороны жаловался военной коллегіи, что Неклюдовъ взялъ у него изъ ремонтныхъ и экономическихъ денегъ 3200 рублей, **якобы на постройку каменнаго моста въ Тамбовѣ, а на самомъ дѣлѣ на собственныя нужды.**

Одинаковую участь съ тамбовскими губернаторами терпѣли и тамбовскіе коменданты. Въ началѣ царствованія императора Павла, тамбовскимъ комендантомъ былъ полковникъ Булдаковъ. Послѣ него генералъ-маіоръ Григорьевъ, смѣненный полковникомъ Ласенковымъ. Наконецъ, въ 1800 году, на мѣсто Ласенкова назначенъ былъ полковникъ Сипягинъ. За что эти коменданты смѣнялись, изъ документовъ тамбовскаго архива не видно. Есть только одно дѣло о комендантѣ Григорьевѣ.

Григорьевъ былъ уволенъ и отосланъ въ генералъ-аудиторіатъ „за безпорядочные поступки". Въ генералъ-аудиторіатѣ его судили, по доносу маіора Штейна, при слѣдствіи подтвержденному свидѣтелями, за лихоимство и превышеніе власти. Такъ, Григорьевъ весьма часто приказывалъ сажать маіора Штейна подъ караулъ и **бить.** Двухъ солдатъ изъ церковниковъ и одного изъ дворовыхъ, онъ уволилъ отъ службы, будто бы за болѣзнію, между тѣмъ, какъ они были совершенно здоровы. За каждаго изъ этихъ уволенныхъ отъ службы Григорьевъ взялъ по 250 рублей. Кромѣ того, онъ бралъ деньги съ молодыхъ дворянъ за производство въ офицеры. Одного весьма важнаго арестанта, прапорщика Лукина, онъ освободилъ изъ тюрьмы и отпустилъ въ деревню. Приходя въ лавки тамбовскихъ купцовъ, ни съ того, ни съ сего, дѣлалъ описи товарамъ, при чемъ билъ прикащиковъ и самихъ хозяевъ и, настращавъ ихъ такимъ образомъ, получалъ съ нихъ взятки.

Сообщено **И. И. Дубасовымъ.**

---

[1]) Ушаковъ и Языковъ, въ званіи вице-губернаторовъ, исправляли губернаторскую должность.

СМѢСЬ.

ѢСТО Куликовской битвы, которая имѣетъ великое значеніе для всей земли Русской, до сихъ поръ не имѣетъ памятника, достойнаго событія, связаннаго съ этимъ мѣстомъ. Но теперь, когда приближается пятисотлѣтняя годовщина Куликовской битвы, настала пора ознаменовать должнымъ образомъ и великое событіе, и поле Куликово. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ нѣкто Г. Д. Р. сообщаетъ интересныя данныя по этому поводу. „Въ Тулѣ начинаютъ серьезно заниматься приготовленіемъ къ празднованію пятистолѣтней годовщины Куликовской битвы, назначенной на 8 сентября настоящаго года. Еще въ прошломъ году профессоръ Иловайскій возбудилъ въ печати вопросъ о празднованіи этого знаменательнаго событія. Тульское земство и дворянство отозвались на призывъ, предполагая отпразновать эту годовщину учрежденіемъ близъ Куликова поля пріюта для инвалидовъ. Мысль объ учрежденіи „Куликовскаго Инвалиднаго дома и памятника“ возникла въ Москвѣ давно, даже прежде, чѣмъ былъ воздвигнутъ памятникъ Минину и Пожарскому. Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра Павловича, еще при тульскомъ губернаторѣ графѣ Васильевѣ, когда Тульская губернія входила въ составъ рязанскаго генералъ-губернаторства, и генералъ-губернаторомъ былъ Балашовъ — открыта была, съ соизволенія государя императора, по всей Россіи подписка на сооруженіе памятника на Куликовомъ полѣ, съ тѣмъ, чтобы около него былъ воздвигнуть храмъ и инвалидный домъ. Для осуществленія этой грандіозной мысли собраны были и грандіозныя, по тогдашнему времени, суммы, о которыхъ публиковалось постоянно въ тогдашнихъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. По разсказамъ сторожиловъ, этихъ суммъ набралось до полутора милліона ассигнаціями. Губернаторъ графъ Васильевъ, по обозрѣніи Тульской губерніи, писалъ къ статсъ-секретарю А. Н. Оленину и просилъ его „не отдавать этого памятника ни Москвѣ, ни Петербургу: онъ есть—стяжаніе Тулы, и поставить его хотя въ „дебряхъ“, но тульскихъ, куда (какъ выражался графъ), „я проложу дорогу“, облекусь въ найденную кольчугу и стану на стражѣ у подножія памятника сего“... Деньги на памятникъ собирались въ Рязани, были въ завѣдываніи департамента военныхъ поселеній и вѣроятно приращались процентами, такъ что должна бы образоваться очень значительная сумма. Но не вся она получила опредѣленное ей назначеніе, такъ какъ ни инвалиднаго дома, ни храма на Куликовомъ полѣ не было воздвигнуто, а поставленъ былъ только памятникъ на Красномъ Холмѣ и при немъ устроена небольшая каменная постройка для двухъ сторожей-инвали-

довъ, которые до сихъ поръ получаютъ изъ Александравскаго комитета о раненыхъ по сту рублей въ годъ каждый. Куда дѣвались остальныя собранныя на этотъ предметъ деньги—достовѣрно неизвѣстно. По открытіи Куликовскаго памятника въ 1850 году опять открыта была подписка на сооруженіе инвалиднаго дома, но уже только между дворянами одной Тульской губерніи. Въ подпискѣ этой приняли участіе нынѣ царствующій государь императоръ и великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Но на собранную сумму нельзя было тотчасъ же строить домъ. Теперь она увеличилась наросшими процентами, такъ что возможно построить небольшой пріютъ близъ Куликова поля; содержать же внемъ инвалидовъ предполагаетъ тульское губернское земство. Интересующіеся этимъ дѣломъ лица недавно собирались въ Москвѣ и въ Тулѣ для опредѣленія программы празднованія годовщины 8 сентября и пришли къ тому заключенію, что хотя Тульская губернія, на поляхъ которой происходила знаменательная битва, и имѣетъ право инициативы празднованія пятисотлѣней ея годовщины, но что битва эта имѣетъ значеніе для всей земли Русской. Поэтому уполномоченные на устройство празднества, точно опредѣливъ долю возможнаго участія Тульской губерніи въ расходахъ по устройству празднованія инвалиднаго пріюта и его содержанія, постановили: просить разрѣшенія правительства на приглашеніе всѣхъ, кто пожелаетъ, принять участіе въ пожертвованіяхъ на этотъ предметъ. Это участіе можетъ выразиться пожертвованіями или для устройства другаго, кромѣ тульскаго, инвалиднаго пріюта и образованіемъ капитала, процентами съ котораго могли бы въ немъ содержаться инвалиды; или увеличеніемъ торжественности празднества присылкою депутатовъ изъ различныхъ губерній и содѣйствіемъ печатанію брошюры о Куликовской битвѣ, выбитію медали въ память пятисотлѣтней ея годовщины и угощенію войска, присылка котораго—для присутствованія при панихидѣ по падшимъ героямъ, и при закладкѣ пріюта—очень желательна. Обо всемъ этомъ уже испрашивается надлежащее разрѣшеніе, и туляки ждутъ какъ отзовется на ихъ кличъ о празднованіи знаменательнаго событія остальная Россія".

Новѣйшія археологическія открытія въ Египтѣ и Ассиріи по отношенію ихъ къ Библіи (La Bible et les decouvertes modernes en Egypte et en Assirie; par Vigouraux) [1]. Извѣстно, что евреи и ассиріяне имѣли одно общее происхожденіе, что отцы ихъ долгое время существовали одною жизнью въ Халдеѣ — что потомъ они разошлись добровольно, и подъ конецъ своей исторіи сошлись вновь, когда Навуходоносоръ силою оружія, насильственно привелъ дѣтей Авраама плѣнниками на мѣста, которыя покинули ихъ отцы. Исторія доказываетъ, что между этими двумя эпохами, въ теченіи многихъ вѣковъ сыны Евера и сыны Ассура— хотя и существовали отдѣльно, однако въ своихъ обычаяхъ, нравахъ и языкѣ сохранили свое, такъ сказать, односемейное воспитаніе. Позднѣе, вслѣдствіе отпаденія 10 колѣнъ, ассиріяне и израильтяне, халдеи и іудеи, вели между собою постоянныя войны. Поэтому ни какая иная исторія столь не полезна для провѣрки исторіи „народа Божія"—какъ исторія народа Сеннахериба и Навуходоносора, а потому любознательные люди должны быть признательны археологамъ, изъ коихъ одни не жалѣя трудовъ, съ пожертвованіемъ даже своей жизни, посвятили себя всецѣло раскопкамъ развалинъ Гиллаха и Бирсъ-Нимруда, Коинджика и Корсабада; а другіе съ непостижимымъ терпѣніемъ добились толка въ клинообразныхъ таблицахъ.

Клинообразная письменность, сколько до сихъ поръ извѣстно, въ теченіи различныхъ періодовъ своего существованія имѣла въ обращеніи не менѣе 1000 буквъ, не считая тѣхъ, которые еще не разгаданы. Обширнѣйшія и богатѣй-

---

[1]) Интересная замѣтка эта сообщена намъ С. Е. Кушелевымъ, которому и приносимъ свою благодарность.

шія книгохранилища этой литературы были найдены въ Сенкерехѣ, Вавилонѣ, Борзиппѣ, Куттѣ, Аккодѣ, Урѣ, Ерехѣ, Ларсѣ, Ниппурѣ, Ассурѣ (Каллахъ-Херготъ), Нимрудѣ (Галлахъ), и въ особенности въ Ниниви.

Самыя послѣднія книги, разобранныя и прочтенныя новѣйшими ассиріологами были найдены въ Коинджикѣ, древнемъ царственномъ городѣ Ниниви, частью во дворцѣ Соннахерибба (югозападный дворецъ), частью въ развалинахъ дворца Ассурбанипаха, Сарданапала (сѣверный дворецъ). Находка этихъ библіотекъ сдѣлана была въ 1850 году—М. Лайардомъ (M. Layard)—и въ 1873, 74 и 75 годахъ англичаниномъ Георгомъ Смитомъ. Сокровища этихъ библіотекъ составляютъ нынѣ собственность и главнѣйшую рѣдкость британскаго музея въ Лондонѣ.

Ассирійцы не употребляли ни чернилъ, ни кисти; — у нихъ не было ни папируса, какъ у египтянъ, ни тонкой обработанной кожи — какъ у жителей Пергама—грековъ или римлянъ; вмѣсто всего этого они употребили глину, изъ которой выдѣлывали тонкіе кирпичи, или четыреугольныя плитки. На нихъ они чертили или, лучше сказать, выдавливали острымъ орудіемъ клинообразные буквы, а потомъ, покрытыя такими письменами пластинки обжигали, какъ мы обжигаемъ нынче кирпичи. Собраніе такихъ плитокъ составляло книгу. Книги изъ такого матеріала имѣли многія неудобства, но за то могли устоять противъ всесокрушающаго вліянія времени и уцѣлѣли, чтобы передать намъ черезъ цѣлыя тысячелѣтія сказанія очень драгоцѣнныя.

Чтобы плитки, составляющія одну и ту же книгу можно было подбирать и читать, — онѣ нумеровались и кромѣ того изъ нихъ вырѣзывалось первое слово слѣдующей страницы, какъ это впрочемъ дѣлалось и въ наше время въ книгахъ печатныхъ.

Плитяныя, или кирпичныя книги бывали тоже различныхъ форматовъ и разной величины;—иныя вмѣщали въ себѣ до 1000 и болѣе плиточекъ.

Царская библіотека Ниниви вмѣщала въ себѣ полную литературу своего времени. Она заключала до 10,000 плитокъ и помѣщалась въ верхней половинѣ дворца. Въ ней были сочиненія по теологіи, астрологіи, исторіи политической, исторіи естественной, грамматикѣ и географіи. При книгохранилищѣ состояли библіотекари, которые вели каталоги книгамъ и главный оберегатель носившій названіе „человѣка писанныхъ таблицъ“.

Кромѣ каталоговъ были найдены овальные кирпичи съ начертанными на нихъ оглавленіями книгъ. Они ставились наличниками для обозначенія названія книгъ. Первое слово первой страницы книги служило ей названіемъ.

Къ сожалѣнію библіотека Ассурбанипала досталась нашему времени далеко не въ цѣльномъ видѣ. Большая часть ея таблицъ потерпѣла, во время разоренія Ниниви, отъ пожара дворца. Однѣ плитки разлопались отъ сильнаго жара, другія разбились подъ тяжестію павшихъ стѣнъ, а нѣкоторыя сокрушила алчность арабовъ, отыскивающихъ въ развалинахъ клады. Значительная доля ихъ также развезена въ различныя мѣста на рѣдкость и тамъ пропали для науки. Но и то, что было свезено въ британскій музей долго оставалось въ хаотическомъ состояніи.

Въ 1872 году въ Лондонѣ насчитывалось до 20,000 кусковъ, но съ тѣхъ поръ количество ихъ значительно увеличилось, и Георгъ Смитъ началъ приводить ихъ въ порядокъ.

Открыто, что ассирійскіе владѣтели имѣли обычай вырѣзыватв описанія своихъ побѣдъ и подвиговъ на призмахъ или цилиндрахъ, которые зарывалась подъ основанія вновь строившихся дворцовъ и храмовъ, или замуравливались барельефами, которыми украшались портики дворцовъ, и ассиріологи съ удивленіемъ прочли на этихъ глиняныхъ страницахъ имена царей іудейскихъ и израильскихъ, равно какъ и многія изъ повѣствованій знакомыхъ намъ по Библіи.

Къ сожалѣнію, археологическія изысканія египетской древности доставили менѣе свѣдѣній касательно исторіи еврейскаго народа.

Халдейское сказаніе о сотвореніи міра, по мнѣнію Смита, было написано по крайней мѣрѣ на двѣнадцати таблицахъ, и каждая изъ нихъ, на обѣихъ сторонахъ своихъ, должна была вмѣщать не менѣе ста строкъ текста.

Поэтому халдейское сказаніе о твореніи міра, гораздо многословнѣе библейскаго. Дошедшее до насъ изданіе—(временъ Ассурданапала 670 л. до Р. Х.) не есть первичный оригиналъ, а только копія съ экземпляра гораздо болѣе древняго. Это на немъ обозначено халдейскими письменами.

Изъ двѣнадцати таблицъ, на коихъ изложено „Начало бытія вещей",— ни одна не была найдена Смитомъ въ цѣлости. Онъ классифицируетъ разрозненные черепки этой книги, приблизительно по ихъ внутреннему содержанію, слѣдующимъ образомъ:

а)—Часть или осколокъ первой таблицы, въ которой говорится о Хаосѣ и Порожденіи боговъ;

б)—часть другой таблицы, можетъ быть второго листа ассирійской книги— о безднѣ;

в)—осколокъ, которому трудно опредѣлить мѣсто,—быть можетъ въ немъ говорится о сотвореніи земли;

г)—осколокъ пятой таблицы: о созданіи нёбесныхъ свѣтилъ;

д)—осколокъ седьмой таблицы, о созданіи звѣрей земныхъ;

е)—черепки трехъ таблицъ, на коихъ повѣствуется о сотвореніи человѣка;

ж)—разрозненные осколки повѣствованія о войнѣ боговъ съ злыми духами.

Осколокъ *а*, заключающій въ себѣ описаніе хаоса и порожденіе боговъ такъ хорошо сохранился, что можетъ дать намъ ясное понятіе объ ассирійской Книгѣ Бытія.

Подстрочный переводъ:

1) Въ началѣ, что вверху—не называлось (еще) небомъ.
2) И что существуетъ внизу на землѣ, не имѣло имени.
3) Бездна была началомъ ихъ (неба и земли).
4) Море, все породившее, было въ хаосѣ.
5) Воды были соединены въ одно.
6) То была глубокая тьма, безъ малѣйшаго проблеска. Вѣтеръ бушевалъ безъ отдыха.
7) Тогда боги еще не существовали.
8) Ничто не имѣло имени, ни опредѣленной судьбы.
9) Они были созданы изъ великихъ боговъ.
10) Богъ Лахму, (богъ) Лахаму существовали (одни).
11) Пока не увеличилось ихъ число.
12) Богъ Ассюръ и Киссюръ родились тогда....
13) Великое число дней и множество времени протекло....
14) Богъ Ану....
15) Боги Ассюръ и,...

При сравненіи этого, не лишеннаго нѣкотораго величія, вступленія съ началомъ Моисеевой Книги Бытія—халдейская поэма представляется какъ-бы многословною передѣлкою, — искаженнаго мифологіей, второго стиха Библіи столь сжатаго и выразительнаго:

„Земля-же была безводна и пуста и тьма надъ бездною и духъ Божій носился надъ водою."

Въ Халдейскомъ сказаніи нѣтъ ничего равнозначущаго первому стиху Моисея.

„Въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю."

Эти пять словъ, которые выражаютъ два первѣйшіе догмата какъ христіан-

ской такъ и іудейской теологіи,—„единство Бога и его творенія“ совсѣмъ не имѣютъ мѣста въ халдейской Книгѣ Бытія. — До сихъ поръ клинообразная письменность открыла намъ, что въ представленіяхъ древнихъ матерія считалась довѣчно существовавшею. Покрайней мѣрѣ въ Таблицахъ Сарданапала ничего не упоминается о вѣрованіи въ единаго Бога.

Въ этомъ отношеніи между сказаніями библейскимъ и халдейскимъ существуетъ значительная разница, но неменѣе того между ними есть и поразительно родственныя черты, которыя заставляютъ нѣкоторыхъ критиковъ отнести ихъ обоихъ къ одному источнику. Такъ оба повѣствованія представляютъ первобытный міръ—безобразною массою, въ видѣ хаоса, или бездны, изъ элементовъ которой получалъ свое бытіе благоустроенный міръ.—Сходство здѣсь существуетъ не только въ представленіяхъ мысли, но даже въ созвучіи нѣкоторыхъ словъ, имѣющихъ одинаковое значеніе.

Пятая таблица, относится къ четвертому дню творенія міра по библіи. Она повѣствуетъ какъ были сотворены звѣзды, луна и солнце, предназначенныя служить мѣрилами временъ года, дней, и лѣтоисчисленія. Здѣсь, какъ и во всей ассирійской миѳологіи, луна или Богъ Юрю (Синъ) имѣетъ первенство передъ солнцемъ или богомъ Самасъ, тогда какъ Книга Бытія ставитъ солнце предъ луною.

Пятая таблица начинаетъ свое повѣствованіе словами: „Было хорошо все, что великіе боги установили.“ Эти слова напоминаютъ Книгу Бытія—гдѣ они повторяются послѣ каждаго дѣйствія: „и увидѣлъ Богъ, что это хорошо.“— Затѣмъ эта же таблица продолжаетъ:

2. Звѣзды, изображающія (въ своихъ созвѣздіяхъ) звѣрей онъ устроилъ
3. для обозначенія года посредствомъ наблюденія ихъ созвѣздій.
4. Двѣнадцать мѣсяцевъ (или знаковъ) изъ звѣздъ трехъ группъ онъ устроилъ.
5. Отъ дня начатія года до его конца
6. онъ, назначилъ путь движущимся звѣздамъ, чтобы они сіяли въ своемъ теченіи
7. наконецъ, чтобы они не дѣлали зла и никого не задѣвали
8. помѣстилъ боговъ Бель и Хея и ихъ утвердилъ,—
9. и открылъ большія ворота во тьмѣ
10. создалъ могучіе входы направо и налѣво.
11. Въ немъ (внизу Хаоса) онъ произвелъ провалъ,
12. бога Юрю (луну) онъ вывелъ изъ него, чтобы упражнять ночью
13. и быть по этому свѣтиломъ ночи до восхода утра
14. и чтобы мѣсяцъ не прорывался и былъ правиленъ въ своемъ теченіи.
15. Въ началѣ луны при наступленіи ночи
16. ея рога появляются и сіяютъ на небѣ.
17. На седьмой день она начинаетъ увеличиваться (и дѣлается) круглою
18. и свѣтитъ до зари.
19. Когда Богъ Самасъ (солнце) на горизонтѣ неба, на востокѣ,
20. . . . . . . созданный прекрасно...
21. . . . . . . дугой,—Самасъ былъ законченъ.

Осколокъ *д* седьмой таблицы соотвѣтствуетъ шестому дню творенія:

1) Когда боги въ своемъ собраніи сотворили . . . .
2) были удовлетворительны велѣнія чудовища . . . .
3) они изъ нихъ сдѣлали живыя существа . . . .
4) звѣрей полевыхъ, скотовъ полевыхъ и пресмыкающихся полевыхъ
5) и сдѣлали ихъ живыми существами. . . . . . .

Приведенное дѣленіе животныхъ на три разряда находится тоже и въ Книгѣ Бытія: „Создалъ Богъ звѣрей земныхъ по роду ихъ и скотъ по роду его и всѣхъ гадовъ земныхъ по роду ихъ: и увидѣлъ Богъ что это хорошо.“ (Кн. Бытія—стр. 25, глава I).

Черепки, которые повидимому составляли таблицу съ повѣствованіемъ о созданіи человѣка, до того мелко раздроблены и повреждены, что невозможно было составить какаго-либо изъ нихъ цѣлаго, осмысленнаго разсказа.

Смиту однако видится въ нихъ цѣлая рѣчь, обращенная Богомъ къ первому человѣку и первой женщинѣ касательно ихъ обязанностей, Богъ увѣщеваетъ ихъ блюсти нравственную чистоту и невинность.—Человѣкъ называется Адми или Адами, ассирійское сложеніе еврейскаго Адамъ.

Очень натурально, что въ виду сопоставленія такихъ, во многомъ схожихъ и во многомъ несхожихъ повѣствованій какъ Моисеево и халдейское, возникъ любопытный вопросъ: изъ какого источника почерпнуты оба эти сказанія? Вигуро предполагаетъ, что на это могутъ быть сдѣланы три отвѣта: или что Библія позаимствовала свои повѣствованія изъ халдейской легенды, или что эта легенда поживилась на счетъ Библіи, или наконецъ что какъ та, такъ и другая одинаково почерпнули свою матерію изъ однаго и того-же источника. Тогда можетъ быть интересенъ новый вопросъ: гдѣ первоначальное сказаніе, послужившее источникомъ сохранено вѣрнѣе и цѣлостнѣе?

Вигуро разрѣшаетъ это слѣдующимъ образомъ:

Такъ какъ никто не можетъ доказать, чтобы Книга Бытія была копіей съ халдейской поэмы, ибо въ повѣствованіи Моисея звучитъ совсѣмъ иной смыслъ дающій его словамъ иное значеніе, — и какъ невозможно утверждать, чтобы ассирійскій разсказъ былъ заимствованъ изъ библейскаго повѣствованія отъ котораго онъ слишкомъ отличается, то волею или неволею приходится допустить, что писатели халдейскій и месопотамскій передали намъ одно и то-же преданіе. Оно очевидно вытекло изъ одного источника, но пробѣжавъ по каналамъ различнаго грунта въ теченіи вѣковъ приняло разнообразную окраску.

Что-же касается вопроса: который изъ нихъ болѣе пострадалъ при этомъ и измѣнился,—это по мнѣнію Вигуро рѣшить не трудно: — простота и величіе библейскаго разсказа, въ сравненіи съ дошедшимъ до насъ халдейскимъ повѣствованіемъ, покрытымъ миѳологическимъ налетомъ, заставляютъ отдать всякое предпочтеніе Библіи.

И насколько возможно объ этомъ судить, не будучи спеціалистомъ библіологомъ, кажется нельзя не согласиться съ выводами г. Вигуро, почтенный трудъ котораго имѣетъ для насъ, его современниковъ, еще особое значеніе, интересное именно въ эту минуту. Въ обществѣ съ одной стороны силятся доказать, что критическое отношеніе къ св. писанію „оскорбляетъ" религіозное чувство, а другіе утверждаютъ, что церковь въ лицѣ ея представителя не можетъ спокойно снесть слова науки, а способна только видѣть въ ней „враждебную силу" Г. Вигуро,—священникъ церкви свят. Сюльпиція въ Парижѣ своими литературными трудами показываетъ совсѣмъ иное.

Куда дѣвались старинные документы православныхъ церквей на югозападѣ Россіи?— Протоіерей А. Ѳ. Х. сообщилъ намъ слѣдующую любопытную замѣтку: „Занимаясь исторіей Полонскаго Богородично-Почаевскаго прихода, пишетъ г. Х., я случайно напалъ на одно оригинальное указаніе въ старинныхъ документахъ, заслуживающее упоминанія, такъ какъ оно рѣшаетъ одинъ изъ важнѣйшихъ археологическихъ вопросовъ,—куда дѣвались старинные докуденты православныхъ церквей югозападнаго края Россіи?

„Въ такъ называемой визитѣ (visita, ревизіонный листъ) бывшей Полонской Свято-Георгіевской церкви, составленной вице-деканомъ (т. е. помощникомъ благочиннаго) Полонскимъ, настоятелемъ Полонской Троицкой церкви, священникомъ Завалевичемъ 20-го января 1778 года, когда понадобилось опредѣлить. „каковыя изъ земель были при первоначальномъ сооруженіи этой (Георгіевской. древнѣйшей изъ Полонскихъ церквей) церкви", то (бывшій) о. настоятель оной (Димитрій Мачинскій) не представилъ на это никакого письменнаго документа",— почему? потому что, какъ сообщается въ той же визитѣ, о. Мачинскій „упомянулъ, что предмѣстница его, жена скончавшагося о Господѣ о. Уландскаго-

выѣзжая въ Кіевъ на жительство, взяла съ собою и бумаги принадлежащія церкви"... Далѣе въ той же визитѣ на о. Мачинскаго возлагается строжайшее „обязательство всѣми силами заботиться объ отысканіи требуемыхъ документовъ въ Кіевѣ-ли то или въ другомъ мѣстѣ, гдѣ бы можно было надѣяться найти ихъ"... Но послѣдующая исторія Георгіевской церкви говоритъ, что документы эти такъ и остались неотысканными досель.

„Итакъ простая попадья, считавшая себя ближайшею наслѣдницею прихода послѣ смерти своего мужа, не только удерживаетъ за собой домъ и усадьбу своего мужа, пока другой священникъ или прихожане не выкупятъ, ее у нея, какъ это всегда водилось на Волыни, но и уѣзжая въ далекіе страны беретъ съ собою всѣ документы церковные, увозитъ ихъ, куда попало,—а тамъ ищи ихъ, кто хочетъ или кому нужно, какъ самъ знаешь. Сколько такихъ документовъ и такимъ путемъ погибло у насъ на югозападѣ Россіи, благодаря старымъ порядкамъ, когда никто не считалъ себя отвѣтственнымъ за прошедшее, и каждый дѣлалъ, что хотѣлъ!!!...

„Кстати, при этомъ невольно вспоминается еще одно обстоятельство въ исторіи старинныхъ документовъ не менѣе характерное. Отъ поляковъ-ли, какъ говорятъ, или скорѣе отъ самихъ себя, попадьи югозападнаго края Россіи наслѣдовали особенную страсть и умѣнье печь самые разнообразные хлѣбы, булки, пироги, куличи, и пр. и пр. особенно на пасху. Для этого обыкновенно требовалась бумага, на подстилку, на формы и т. п. Помнится, въ дѣтствѣ я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ страстную недѣлю, покойный отецъ нашъ приносилъ изъ церкви кипу бумагъ, пересматривалъ ихъ и потомъ большую часть изъ нихъ вручалъ въ полное распоряженіе матери. Такъ поступали и всѣ прочіе іереи на Волыни, въ Украинѣ и на Подоліи и въ другихъ мѣстахъ. Только не всѣ изъ нихъ просматривали то, что давали своимъ женамъ. Тѣже большею частію были безграмотны, а если и умѣли читать, то ужъ никакъ не латынь, или старую славянскую грамоту, да еще писанную,—и спокойно себѣ, съ чистою совѣстью сожигали въ печкахъ подъ булками и куличами все, что попадалось подъ руку, не предполагая даже въ простотѣ сердечной, что, благодаря ихъ кулинарному искусству, гибли на вѣки самые интересные памятники церковной жизни и православія въ нашемъ отечествѣ.

„Въ послѣднее время, по возвращеніи Волыни подъ власть Россіи, какъ разсказываютъ, въ 20—30-хъ годахъ текущаго столѣтія, явились новые потребители старинныхъ документовъ въ лицѣ странствующихъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ любителей и изыскателей старины, которые, разъѣзжая по селамъ, требовали отъ священниковъ, чтобы имъ показанъ былъ архивъ церковный, и преспокойно забирали изъ него съ собою все что могли. Я могъ бы даже поименовать нѣкоторыхъ изъ такихъ туристовъ, такъ какъ слышалъ о нихъ отъ лицъ, заслуживающихъ несомнѣннаго довѣрія. Но кажется туристы эти давно уже сошли въ могилу, а съ ними, конечно, канули въ вѣчность и захваченные ими документы. Скажу только, что даже судя по тому, что я слышалъ, такихъ документовъ подобнымъ путемъ исчезло много, и очень много. Теперь и жаловаться не на кого. А исторія все-таки понесла невознаградимую потерю.

Могила С. М. Соловьева. Надъ могилою покойнаго историка С. М. Соловьева, какъ передаетъ „Русскій Курьеръ", готовится къ сооруженію изящный памятникъ въ видѣ высокаго шатра на четырехъ колоннахъ въ московскомъ стилѣ XVI вѣка. Подъ шатромъ бѣлый мраморный бюстъ покойнаго на желтомъ пьедесталѣ, среди котораго изображена развернутая книга. Странно, прибавляетъ газета, что ни государство, ни столица не приняли на себя заботъ о приличномъ увѣковѣченіи памяти столь замѣчательнаго дѣятеля. За одно мѣсто монумента семейство покойнаго должно было внести въ кассу Новодѣвичьяго монастыря 1,000 рублей.

По поводу рецензіи на V т. сочиненій Ю. Ѳ. Самарина.

Авторъ рецензіи, помѣщенной въ іюльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ видитъ въ знаменитой, только теперь появившейся въ полномъ своемъ составѣ, диссертаціи Ю. Ѳ. Самарина, „одинъ очень крупный недостатокъ“—славянофильскую точку зрѣнія. Но вѣдь этотъ „недостатокъ“ составляетъ душу цѣлаго труда. Спеціальнѣе авторъ рецензіи опредѣляетъ этотъ недостатокъ, какъ желаніе славянофиловъ „видѣть въ нашей церкви существованіе какого-то идеальнаго христіанства“. Но близко знакомые со столпомъ славянофильства въ вѣроисповѣдномъ вопросѣ, Хомяковымъ, конечно знаютъ, что этого „идеальнаго христіанства“ не находилъ онъ вполнѣ осуществившимся ни въ одной странѣ. На православномъ востокѣ полнотѣ осуществленія его препятствовалъ византинизмъ, всю противохристіанскую „мерзость“ котораго вполнѣ сознавали и выставляли славянофилы. Въ византинизмѣ (заключавшемъ въ себѣ—nota bene—сильную примѣсь римскую) несомнѣнно сказывалась и наклонность къ преслѣдованіямъ за отпаденіе отъ признанной государствомъ вѣры. А все же инквизиція во всемъ своемъ объемѣ и блескѣ составляетъ существенную принадлежность римскаго католицизма. У насъ на Руси въ старину оказываются, конечно, и проявленія нетерпимости, за объясненіемъ которыхъ достаточно обратиться къ Византіи. Но Самаринъ вполнѣ понималъ это. Онъ только нѣсколько ошибался, говоря, что въ этомъ отношеніи „вина большею частію падаетъ на свѣтскую власть, а не на церковь“. Въ дѣлѣ о жидовствующихъ оно было скорѣе наоборотъ. Долго и упорно противился „державный“ (Иванъ III) казнямъ еретиковъ, и наконецъ уже уступилъ фанатизму архіепископа новгородскаго и игумена волоцкаго. Но относительно этого фанатизма существуетъ, какъ давно извѣстно, фактъ, заставляющій видѣть тутъ и извѣстную долю вліянія западнаго. Геннадій прямо ссылался на примѣръ испанскаго короля, о ревности котораго по вѣрѣ узналъ онъ отъ цесарскаго посла (самые пріемы, употребленные имъ при расправѣ съ еретиками въ Новгородѣ, отзываются испанскою инквизиціей). Послѣ этого, рецензентъ Самарина едва ли имѣлъ право категорически заявить, что по отношенію къ нашему фанатизму „католическое вліяніе ни при чемъ“. Еще менѣе права имѣлъ онъ заключить изъ безчеловѣчнаго рѣшенія московскаго собора 1504 г., что преслѣдованія жидовствующихъ были признаны законными „всею нашею церковью“. Напоминая въ отпоръ Самарину нѣкоторые факты, ему и самому не мѣшало бы вспомнить такой фактъ, какъ противодѣйствіе, оказанное „презлымъ Іосифлянамъ“ (извѣстное выраженіе Курбскаго о сторонникахъ волоцкаго игумена) многочисленными сторонниками кроткаго Нила Сорскаго. Если эти послѣдніе на соборѣ и должны были уступить восторжествовавшему мнѣнію Іосифлянъ, то мы не знаемъ, чтобы они признали себя переубѣжденными. Извѣстно, что еще Новиковъ напечаталъ въ своей „Вивліоѳикѣ“ посланіе старцевъ заволжскихъ монастырей къ Іосифу Волоцкому, въ которомъ они уличали его самого, противника жидовствующихъ, въ томъ же жидовствѣ (субботствѣ) находя въ его гнѣвномъ духѣ „ветхая закона ихъ-же Богъ ненавидитъ“. Правда, что мы и по истеченіи цѣлаго вѣка съ открытія Новикова не надумались даже включить это посланіе въ христоматіи. Впрочемъ, въ нихъ давно включено поученіе Мономаха, а попробуйте спросить гдѣ нибудь на экзаменѣ, что въ немъ особенно замѣчательнаго! Рѣдко кто въ отвѣтѣ „примѣтитъ слона“—тѣ слова стародавняго князя, въ которыхъ съ самою несомнѣнною ясностью выразился христіанскій взглядъ на смертную казнь, какъ на тоже убійство. А вѣдь отъ этого взгляда (ради котораго и „старый“ Владиміръ не рѣшался казнить разбойниковъ), уцѣлѣло, пожалуй, еще кое-что (не смотря на усиленный приливъ старой византійщины и новой татарщины) у того „державнаго“, которому такъ долго претили инквизиціонные костры, такъ полюбившіеся Геннадію и Іосифу.

Долго еще мы будемъ проходить мимо подобныхъ фактовъ нашей жизни, какъ съ другой стороны проходили и проходимъ мимо фактовъ съ „того берега",—въ родѣ, напримѣръ, нѣкоторыхъ взглядовъ Вольтера, мало въ чемъ уступающихъ крѣпостническимъ взглядамъ Сумарокова, или категорическаго заявленья Монтескье (буквально выписаннаго въ „Наказѣ" Екатерины II), что „не слѣдуетъ сразу допускать большое число освобожденныхъ", или заявленья Ж. Ж. Руссо (въ Contrat social): „для того чтобы свободный былъ вполнѣ свободнымъ нужно, можетъ быть, чтобы рабъ былъ вполнѣ рабомъ" и что „прежде чѣмъ освободить тѣло, надо освободить душу", т. е. просвѣтить крѣпостныхъ людей (въ Considérations sur la Pologne"—мнѣніе, послужившее авторитетомъ для Болтина въ доказываніи необходимости повременить съ освобожденіемъ крестьянъ). А стачка либеральнаго воспитателя Александра Павловича, республиканца Лагарпа, съ остзейскими баронами по дѣлу о томъ же уложеніи въ долгій ящикъ крестьянскаго вопроса? Все это, и многое другое, давно указано, и по нѣскольку разъ, и всетаки проходитъ и будетъ еще долго проходить мимо ушей, какъ съ другой стороны многое изъ того, что было указано въ нашей старинѣ еще при Новиковѣ. Вопросъ о своемъ и чужомъ все еще не можетъ дождаться у насъ того пересмотра, на необходимость котораго и указано славянофилами. А вѣдь только пересмотръ вопросовъ и не даетъ завестись той умственной плѣсени, при которой и самая наука способна обратиться въ стоячее болото.

Одну изъ спеціальныхъ сторонъ вопроса о чужомъ въ нашей жизни, составляетъ вопросъ о вліяніи на насъ католицизма. Въ отношеніяхъ нашей церкви къ жидовствующимъ, доля этого вліянія, можетъ быть, значительно менѣе той, которая должна быть отнесена просто на счетъ давнишняго вліянія византійскаго. (При этомъ однако же опять не надо забывать римской закваски въ византинизмѣ). Но что касается собственно Стефана Яворскаго, то отрицать вліяніе на него католицизма, значитъ отрицать это вліяніе на Кіево-Могилянскую коллегію, что уже совсѣмъ невозможно. Между тѣмъ, по образцу высшаго духовнаго кіевскаго училища сложилась впослѣдствіи и московская славяно-греко-латинская академія. Общій духъ преподаванія въ ней могъ только усиливать и возводить въ принципъ тѣ фанатическія отношенія къ расколу, которыхъ корни съ другой стороны могутъ скрываться и въ старомъ „іосифлянствѣ". Не даромъ у самихъ старообрядческихъ писателей „духъ западный ратный" противополагается „духу восточному благодатному". Не станетъ же авторъ рецензіи на Самарина отрицать вліяніе на развитіе у насъ фанатизма другаго рода тѣхъ курсовъ „de contractibus diabolicis", которые являлись въ московской академіи прямымъ отпрыскомъ западно-европейской „дьявольской науки и литературы", ея же громадное значеніе не только въ католицизмѣ, но и въ протестантизмѣ такъ наглядно выставлено на западѣ—ну хоть у Шерра („Geschichte Deutscher Cultur und Sitte"; нѣмцы, по замѣчанію Шерра, особенно отличались на поприщѣ подобнаго мракобѣсія). Эта заносная ученость на каѳедрѣ въ Москвѣ и смертная казнь солдату за колдовство въ воинскомъ регламентѣ—являются, конечно, прямымъ регрессомъ противъ проповѣди Серапіона Владимірскаго въ XIII в., раздѣлявшаго общее суевѣріе вѣка, но тѣмъ не менѣе возстававшаго противъ убіенія колдуновъ и вѣдьмъ. Фактъ этотъ, конечно, остается въ нашихъ обычныхъ исторіяхъ литературы также мало замѣченнымъ, какъ приравненіе смертной казни къ убійству у Мономаха и уличеніе въ субботничествѣ по духу врага жидовствующихъ Іосифа у заволжскихъ старцевъ. Но мало ли остается у насъ незамѣченнымъ съ одной — безъ надобности замѣченнымъ съ другой стороны!

Какъ ни далекъ отъ идеала христіанства церковный востокъ (стало быть и русская церковь), все же не онъ, а церковный западъ является классическою страною не только инквизиціи, но и процессовъ изъ-за колдовства (Hexenprocesse), со всею потраченною для обоснованія ихъ ученостью. Какъ велика

разница между величественными зрѣлищами, данными въ этомъ отношеніи міру западно-европейскими церковниками и юристами въ долгій періодъ времени съ XIII по XVII столѣтіе включительно [1]), и тѣми сравнительно блѣдными взрывами народнаго самосуда по отношенію къ колдовству, какіе оказываются у насъ (противъ нихъ-то и вооружался человѣколюбивый Серапіонъ);—это можно видѣть по документальному изслѣдованію проф. Антоновича о колдовствѣ въ южной Россіи (во 2 вып. I т. „Записокъ этнографич. стат. экспедиціи въ западно-русскій край). Его изслѣдованіе, вмѣстѣ съ нѣкоторыми статьями покойнаго Аѳанасьева и книгою Шерра, были бы очень полезны послѣ тѣхъ толковъ вкривь и вкось, которые вызваны были у насъ еще такъ недавно извѣстнымъ Тихвинскимъ случаемъ народнаго самосуда за колдовство. Между тѣмъ, ни Антоновичъ, ни Аѳанасьевъ, ни наконецъ нѣмецъ Шерръ—конечно, не славянофилы.

Ор. Миллеръ.

[1]) Зрѣлища эти не вполнѣ исчезли и XVIII в.—въ Швейцаріи и въ Польшѣ, а въ Мексикѣ оказалось возможно нѣчто подобное еще въ 60-хъ годахъ настоящаго столѣтія.

ЛЮЦИФЕРЪ

РОМАНЪ

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ НАПОЛЕОНА I

К. Френцеля

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ
«ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1880

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

ИХІЙ и безоблачный октябрьскій день клонился къ вечеру. Мраморный утесъ Траунштейна, высоко поднимаясь надъ озеромъ Траунъ, ярко блестѣлъ при солнечномъ закатѣ. Съ высоты, на которой стоялъ замокъ Зебургъ, открывался прекрасный видъ на окрестные холмы, поля и лѣса, одиноко стоящіе домики и маленькія деревни. Мѣстность шла постепенно понижаясь къ Гмундену и Альтмюнстеру, гдѣ озеро образуетъ многочисленные изгибы и бухты поросшіе тростникомъ. Съ восточной стороны, до самой воды выступали причудливыя скалы, съ запада отъ замка до самаго озера тянулся паркъ, а вдали на высокомъ утесѣ, среди деревьевъ, возвышалась небольшая деревенская церковь. Фасадъ замка выходилъ на большую дорогу, за которой виднѣлось еще другое озеро Аттеръ въ мрачной долинѣ, изрѣзанной узкими тропинками, ведущими къ такъ называемому „Адскому Ущелью“ съ отвѣсными и едва проходимыми скалами.

Изъ множества нарядныхъ дамъ, стоявшихъ у высокихъ оконъ замка, только одна глядѣла на великолѣпный ландшафтъ, разстилавшійся передъ ея глазами, который казался еще роскошнѣе при вечерней тишинѣ и своеобразной осенней окраскѣ. Не довольствуясь этимъ, она вышла на балконъ, отдѣленный отъ залы стеклянной дверью, гдѣ видъ былъ еще болѣе открытый, нежели изъ оконъ.

Вниманіе остальныхъ дамъ было исключительно обращено на охотниковъ, только-что въѣхавшихъ на дворъ замка. Слышенъ былъ топотъ лошадей, лай и вой собакъ, прыгавшихъ кругомъ телѣги, наполненной дичью. Охотники опоражнивали ягдташи, разряжали ружья, разговаривая о сдѣланныхъ выстрѣлахъ, о достоинствахъ своихъ со-

бакъ и лошадей. Болѣе юные стояли подъ окнами и бесѣдовали съ дамами, насколько это было возможно при общемъ говорѣ и шумѣ.

Среди толпы мужчинъ рѣзко выдавался владѣлецъ замка, графъ Вольфсеггъ, своей величественной осанкой, спокойными и сдержанными манерами, которыя составляли полную противоположность съ суетливостью и неловкостью большинства гостей. Выраженіе доброты въ линіяхъ рта нѣсколько умѣряло суровость его строгаго, загорѣлаго лица и гордый взглядъ глазъ; коротко обстриженные бѣлокурые волосы съ легкою просѣдью красиво окаймляли высокій правильный лобъ. Надъ лѣвымъ глазомъ виднѣлся глубокій шрамъ—слѣдъ удара сабли. На графѣ было зеленое охотничье платье съ золотыми пуговицами, вышитый золотомъ жилетъ, бѣлые замшевые панталоны и высокіе сапоги, доходившіе ему до колѣнъ. Въ каждомъ его движеніи сказывалась увѣренность человѣка знающаго себѣ цѣну и обладающаго способностью знатныхъ людей ставить невидимую границу между собою и тѣми, которыхъ онъ считалъ ниже себя по положенію.

— Что это нашъ хозяинъ не думаетъ приглашать гостей въ домъ! воскликнулъ съ нетерпѣніемъ одинъ толстякъ, который судя по его объемистой фигурѣ болѣе другихъ долженъ былъ ощущать голодъ.— Гдѣ же маркизъ?

— Этотъ верзила Пухгеймъ также замѣшкался противъ своего обыкновенія, замѣтилъ другой.—Онъ всегда изъ первыхъ является къ столу.

Владѣлецъ замка ничего не отвѣтилъ, хотя разговоръ на половину относился къ нему. Онъ внимательно смотрѣлъ на покатую дорогу, обсаженную съ обѣихъ сторонъ каштановыми деревьями, ожидая кого-то. Еще спокойнѣе и безучастнѣе самого хозяина казался капуцинскій монахъ, сидѣвшій на каменной скамьѣ у главнаго входа, съ своимъ нищенскимъ мѣшкомъ и руками, скрещенными на груди. Голова его была опущена, такъ что видѣнъ былъ только его обнаженный блестящій черепъ и рыжеватая борода. Глядя на него трудно было сказать, погруженъ ли онъ въ молитву и благочестивыя размышленія или только дремлетъ. Но во всякомъ случаѣ происходившій вокругъ него шумъ не мѣшалъ ему, потому что онъ сидѣлъ неподвижно и только разъ поднялъ лицо, живо напоминавшее лисицу по своему лукавому и хищническому выраженію. Это былъ моментъ когда владѣлецъ замка взглянулъ на него. Глаза ихъ встрѣтились; они едва замѣтно кивнули другъ другу головой. Въ этомъ движеніи былъ какъ будто вопросъ со стороны одного и отвѣтъ со стороны другого. Затѣмъ капуцинъ поспѣшно схватилъ четки, висѣвшія у него на поясѣ, и сталъ читать молитву.

Владѣлецъ замка снова отвернулся отъ него. На дорогѣ показался легкій охотничій экипажъ. Рослый баронъ Пухгеймъ, сидя на козлахъ, правилъ парой сѣрыхъ въ яблокахъ лошадей, которые были покрыты пѣной. На задней скамейкѣ сидѣлъ старый маркизъ Гондревилль съ

испуганнымъ лицомъ и напрасно умолялъ кучера ѣхать потише. Пухгеймъ забавлялся боязнью старика и гналъ животныхъ что было мочи своимъ крикомъ и хлопаньемъ бича. Онъ видимо поставилъ себѣ задачей обогнать всадника на ворономъ конѣ, который то ѣхалъ сзади, то подъ деревьями, около экипажа, стараясь опередить его въ свою очередь.

Стоявшіе на дворѣ охотники со смѣхомъ вышли къ нимъ на встрѣчу.

Пухгеймъ остался побѣдителемъ. Онъ круто поворотилъ экипажъ и, остановившись поперегъ воротъ, загородилъ въѣздъ всаднику, не обращая вниманія на жалобный возгласъ маркиза, который едва не слетѣлъ на землю. Затѣмъ, насладившись своимъ торжествомъ, онъ быстро въѣхалъ на дворъ при громкихъ рукоплесканіяхъ своихъ пріятелей.

— Браво! Поздравляемъ съ побѣдой! кричали зрители, пожимая руки Пухгейму, который ловко соскочилъ на землю, бросивъ возжи подбѣжавшему конюху.

— Однако вы мастерски правите!

— Мы все время летѣли рысью; я рѣшилъ выиграть пари во что бы то ни стало!

Старый маркизъ, изящный человѣкъ, съ живымъ и выразительнымъ лицомъ, не раздѣлялъ общаго восторга. Онъ вытеръ платкомъ лицо, поправилъ измятое жабо и съ ужасомъ взглянулъ на свое запыленное платье и покрытые грязью сапоги.

— Никогда больше не поѣду съ вами, баронъ! воскликнулъ онъ на своемъ смѣшанномъ французско-нѣмецкомъ языкѣ, серьезнымъ и торжественнымъ тономъ.—Въ шестьдесятъ лѣтъ человѣкъ начинаетъ дорожить жизнью... Моя жизнь принадлежитъ моему королю...

Съ этими словами маркизъ снялъ шляпу и, почтительно раскланялся съ дамами.

Пухгеймъ спокойно выслушалъ жалобу маркиза и вынувъ изъ своего кармана старинные часы въ серебряной оправѣ, сказалъ:

— Каково! мы поднялись на гору менѣе, чѣмъ въ десять минутъ. Вы можете поздравить себя, маркизъ Гондревилль. Съ такою быстротою не ѣздилъ еще ни одинъ императоръ, и ни одинъ король, даже самъ Наполеонъ!

— Да, если бы Австрія не двигалась такимъ черепашьимъ шагомъ, то Наполеону не такъ легко было бы справиться съ нами, возразилъ съ горячностью одинъ изъ дворянъ.

— Потише Ауерспергъ! Не говори пустяковъ! заговорили окружавшіе его пріятели.—Тебя могутъ услышать.

Глаза всѣхъ невольно обратились на побѣжденнаго всадника, который сойдя съ коня водилъ его нѣкоторое время по двору, а затѣмъ передавъ его конюху, подошелъ къ нимъ.

Это былъ красивый молодой человѣкъ, съ черными блестящими глазами и бронзоватымъ цвѣтомъ лица, который былъ очень эффектенъ при вечернемъ солнцѣ. Въ его обращеніи виденъ былъ умъ и самообладаніе.

Онъ выждалъ, чтобы утихъ восторгъ пріятелей Пухгейма и подойдя къ своему сопернику протянулъ ему руку въ знакъ примиренія, съ вѣжливымъ поклономъ. На лицѣ его не видно было ни малѣйшаго слѣда неудовольствія или огорченія.

— Не сердитесь на меня, шевалье Цамбелли, добродушно сказалъ Пухгеймъ, пожимая ему руку,—на войнѣ и въ игрѣ счастье измѣнчиво; сегодня одинъ побѣдилъ, завтра другой. Вы мнѣ отплатите тѣмъ же.

— Если бы дѣло рѣшала одна ловкость, то я не рѣшился бы идти на пари съ барономъ Пухгеймомъ, любезно отвѣтилъ Цамбелли,—но я разчитывалъ на быстроту своего коня; однако, къ стыду своему долженъ былъ убѣдиться, что ваши лошади, баронъ, гораздо лучше моей.

Молодой человѣкъ говорилъ совершенно правильнымъ нѣмецкимъ языкомъ, хотя съ замѣтнымъ итальянскимъ акцентомъ.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на лошадей—предметъ близкій сердцу большинства присутствующихъ господъ; одни раздѣляли мнѣніе Цамбелли относительно лошадей Пухгейма, другіе спорили.

Графъ Вольфсеггъ воспользовался этимъ моментомъ, чтобы подойти къ главному входу, гдѣ сидѣлъ капуцинъ.

— Зажгите канделябры на стѣнахъ, сказалъ онъ слугамъ,—когда мы сядемъ за столъ будетъ совсѣмъ темно.

Онъ стоялъ такъ близко возлѣ монаха, что почти прикасался къ нему своимъ платьемъ.

— Выѣхалъ онъ, или нѣтъ? спросилъ графъ шепотомъ.

— Да, сегодня утромъ онъ вѣроятно уже былъ за Феклабрукомъ, отвѣтилъ монахъ беззвучнымъ голосомъ, перебирая четки.

— А этотъ не видѣлъ его? спросилъ опять графъ, указывая глазами въ ту сторону, гдѣ стояли гости.

— Въ Гмунденѣ никто не видѣлъ его кромѣ нашихъ, отвѣтилъ монахъ.—А этотъ на разсвѣтѣ ѣздилъ куда-то на своей лошади, по дорогѣ къ Ламбаху.

— Къ Ламбаху! Съ какою цѣлью?...

Въ этотъ моментъ около нихъ проходилъ слуга.

— Вы вѣдь побудете еще у насъ, отецъ Марсель, и не откажетесь выпить стаканъ вина, сказалъ громко графъ,—теперь полнолуніе и вамъ торопиться не для чего.

— Я получилъ разрѣшеніе провести ночь внѣ монастыря.

Слуга прошелъ и графъ опять понизилъ голосъ.

— Здѣсь Мартинъ Теймеръ изъ Клагенфурта. Вы должны переговорить съ нимъ. Онъ только что вернулся изъ Тироля. Въ народѣ сильное броженіе. Огонь распространяется изъ долины въ долину, но пока онъ кроется подъ пепломъ. Необходимо раздуть его, чтобы онъ вспыхнулъ и поглотилъ этого Люцифера.

— Чтобы онъ опять попалъ въ адъ, изъ котораго вышелъ, отвѣтилъ монахъ, опуская глаза и принимаясь снова за четки.

Владѣлецъ замка подозвалъ слугу, стоявшаго въ почтительномъ отдаленіи, и сдѣлавъ послѣднія распоряженія, подошелъ къ своимъ гостямъ.

— Зачѣмъ мы теряемъ дорогое время господа, сказалъ онъ.— Теперь всѣ въ сборѣ, даже шевалье Цамбелли, хотя онъ не захотѣлъ принять участіе въ нашей охотѣ. Я надѣюсь, что онъ загладитъ свою вину. Умный собесѣдникъ за столомъ стоитъ хорошаго охотника въ лѣсу. Дамы потеряли терпѣніе и отошли отъ оконъ; только моя племянница Антуанета все еще стоитъ на балконѣ—эта неисправимая мечтательница, которая вѣрно ждетъ, чтобы взошелъ мѣсяцъ надъ озеромъ. Я разсчитывалъ на васъ, молодые люди, что вы займете ее и направите ея мысли въ другую сторону, но видно нынѣшняя молодежь никуда не годится!

— Да, пойдемте въ замокъ. Давно пора, отвѣтили гости. — Дамы могутъ быть въ претензіи на насъ!

Гости отправились въ замокъ, одни попарно, другіе въ одиночку; шумъ шаговъ ихъ звонко раздавался на широкой каменной лѣстницѣ. На верху уже всѣ люстры и канделябры были зажжены и ихъ отраженіе, ярко освѣщая фасадъ замка черезъ открытыя окна, далеко виднѣлось въ сѣровато-голубыхъ сумеркахъ.

Позади всѣхъ шелъ владѣлецъ замка и молодой человѣкъ съ смуглымъ цвѣтомъ лица. Мужественная наружность графа Вольфсегга, его спокойныя движенія, рѣшительный и гордый взглядъ, составляли рѣзкую противоположность съ подвижностью молодого итальянца, его вѣжливыми и нѣсколько натянутыми манерами, безпокойнымъ и непріятнымъ блескомъ его черныхъ глазъ.

— Тысячу разъ прошу у васъ извиненія, графъ, сказалъ Цамбелли, что, не смотря на свое обѣщаніе, я не могъ быть въ сборномъ пунктѣ у мельницы Доленъ и не успѣлъ предупредить васъ объ этомъ во время. Но мой посланный изъ Гмундена пріѣхалъ слишкомъ поздно въ замокъ и не засталъ васъ. Я чувствую себя тѣмъ болѣе виноватымъ, что, судя по всему, что я видѣлъ здѣсь, вы, графъ, совсѣмъ отказались отъ участія въ политическихъ дѣлахъ и теперь всей душой предаетесь удовольствіямъ сельской жизни.

— Я готовъ простить васъ, но, съ тѣмъ, чтобы вы сообщили мнѣ о томъ, что дѣлается на свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ какъ я удалился отъ міра, меня еще больше интересуетъ все великое и ужасное, что совершается въ немъ. Тутъ разумѣется играетъ не малую роль эгоизмъ и я въ этомъ случаѣ похожъ на прибрежнаго жителя, который съ удовольствіемъ смотритъ на гибель кораблей. Не имѣете ли вы какихъ нибудь новостей изъ Вѣны или Парижа?

Они остановились въ нѣскольхихъ шагахъ отъ монаха.

— Какже, я могу сообщить вамъ довольно интересныя извѣстія. Я сегодня былъ въ Ламбахѣ.

— Въ Ламбахѣ? съ удивленіемъ спросилъ графъ Вольфсеггъ.

— Да, и видѣлся тамъ съ однимъ пріятелемъ, который останавливался тамъ мимоѣздомъ изъ Вѣны въ Парижъ и далъ мнѣ знать объ этомъ; а такъ какъ онъ ѣхалъ изъ Эрфурта...

— Значитъ онъ былъ при свиданіи Наполеона съ Александромъ I?

— Онъ видѣлъ встрѣчу обоихъ императоровъ. Затѣмъ Наполеонъ послалъ его съ депешами въ Вѣну къ генералу Андраши, а другія депеши приказалъ отвезти въ Парижъ къ императрицѣ Жозефинѣ. Поэтому извините меня графъ, что я не могъ устоять отъ искушенія узнать что нибудь болѣе вѣрное о событіи, которое теперь занимаетъ и волнуетъ всю Европу.

— Однимъ словомъ вы промѣняли одну охоту на другую. Теперь весь вопросъ въ томъ, кто изъ нихъ загонитъ зайца — Цезарь или Александръ. Однако васъ можно поздравить, молодой человѣкъ, вамъ предстоитъ блестящее будущее. Имѣть пріятеля, который находится въ непосредственной близости съ французскимъ императоромъ — не послѣднее счастье. Мнѣ остается только сказать вамъ, шевалье, nec aspera terrent!

Взгляды обоихъ собесѣдниковъ встрѣтились — итальянецъ опустилъ глаза.

— Мое сердце не лежитъ къ императору, сказалъ онъ, прижимая руку къ сердцу, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ. — Я родился подданнымъ Габсбурговъ и надѣюсь до конца моей жизни остаться вѣрнымъ австрійцемъ.

— Аминь, отвѣтилъ графъ торжественнымъ тономъ. — Но мы совсѣмъ удалились отъ предмета нашего разговора. Я и не думалъ упрекать васъ въ недостаткѣ патріотизма. Нашъ императоръ въ самыхъ мирныхъ отношеніяхъ съ Бонапартомъ и почему же вамъ не сочувствовать герою, который, подобно Александру Македонскому, раздаетъ короны... Однако пойдемте къ дамамъ, шевалье. Вы разскажете имъ объ Эрфуртѣ и тамошнихъ празднествахъ и театральныхъ представленіяхъ. Въ нашу пустыню еще не доходила вѣсть о нихъ. Это будетъ для насъ какъ будто сказка изъ „Тысячи и одной ночи“.

— Вы забываете, графъ, что я не присутствовалъ при этомъ, возразилъ Цамбелли, и могу только разсказать въ общихъ чертахъ то, что слышалъ отъ счастливца, который былъ еще въ полномъ упоеніи отъ всего видѣннаго имъ.

— Остальное вы можете дополнить своей фантазіей. Представьте только себѣ: — два могущественныхъ монарха сходятся во время празднествъ при самой блестящей обстановкѣ... ихъ окружаетъ свита королей... Самый смѣлый вымыселъ ничто передъ такой дѣйствительностью. Я заранѣе восхищаюсь вашимъ талантливымъ описаніемъ, шевалье. Теперь я даже готовъ благодарить васъ, что вы не были на нашей охотѣ. Извѣстія изъ Эрфурта! Это будетъ такой десертъ для нашихъ гостей, котораго они не ожидаютъ. Но вотъ мы опять заговорились съ вами — смотрите уже совсѣмъ стемнѣло.

Графъ и его гость поспѣшно поднялись на лѣстницу и вошли въ освѣщенную залу, гдѣ ихъ ожидали съ нетерпѣніемъ.

На дворѣ мало по малу воцарилась глубокая тишина. Прислуга увела лошадей и собакъ, экипажи были поставлены въ сараи. Ночной сторожъ по обычаю наложилъ засовы и заперъ рѣшетчатыя ворота, вдѣланныя въ крѣпкой, поросшей плющемъ стѣнѣ, окружавшей замокъ, часть хозяйственныхъ строеній и садъ. Изъ-за утеса Траунштейна поднялся мѣсяцъ, сперва узкимъ блестящимъ полукругомъ, посеребрившимъ края темныхъ тучъ, которыя тяжело повисли надъ высокими скалами Адскаго Ущелья. Но вотъ взошелъ и полный мѣсяцъ и, медленно плывя по небу, освѣтилъ крышу замка и стройную фигуру молодой дѣвушки, стоящей на балконѣ, которая въ своемъ легкомъ бѣломъ платьѣ казалась издали какимъ-то неземнымъ существомъ. Теперь должно быть въ залѣ ее кто нибудь назвалъ по имени, потому что она оглянулась, а вслѣдъ затѣмъ на порогѣ балкона появилась пожилая женщина и увела ее съ собою.

Въ это время внизу раздался звонокъ, призывавшій къ ужину тѣхъ слугъ, которые уже кончили свои дневныя занятія, и не обязаны были прислуживать у господскаго стола. Капуцинъ услыхавъ звонокъ, поспѣшно всталъ съ мѣста и съ видимымъ удовольствіемъ погладилъ свою рыжую бороду. Егеря, конюхи, кучера и садовники проходили мимо него въ низкую комнату за кухней, служившую для нихъ столовой. Капуцинъ хотѣлъ послѣдовать за ними, но тутъ къ нему подошелъ старикъ, одѣтый въ черное платье и, положивъ ему руку на плечо, сказалъ:

— Пойдемъ лучше со мной, братъ Марсель, въ особую комнату,— мы разопьемъ съ тобой бутылку краснаго тирольскаго вина.

— Вы знаете мой вкусъ не хуже меня самого, мой дорогой кумъ, отвѣтилъ монахъ нищенствующаго ордена.—Ходьба утомляетъ ноги, отъ молитвы устаетъ языкъ, а вино возстановляетъ силы.

— Тебя ожидаетъ Мартинъ Теймеръ, добавилъ вполголоса старикъ,—по его словамъ въ Тиролѣ творятся ужасныя вещи. Баварцы хозяйничаютъ тамъ не хуже турокъ.

— Ну, это въ порядкѣ вещей, только бы вино не попортилось у нихъ... Что же касается свѣта, кумъ, то правда давно умерла въ немъ, продолжалъ капуцинъ. Короли, принцы, дворяне, бюргеры и крестьяне—все это перемѣшалось, потеряло голову и все идетъ вверхъ дномъ. Свѣтъ представляетъ собою огромный котелъ, въ которомъ сатана варитъ кашу и такъ усердно мѣшаетъ ее своей лопатой, что она льется у него черезъ край; — то потечетъ огонь и человѣческая кровь, то чистое золото, а чтобы поддерживать жаръ подъ котломъ, онъ бросаетъ туда цѣлыя деревни и даже города. Сатанѣ нужны дрова, но по счастью онъ еще не добрался до виноградниковъ и это душевно радуетъ меня.

Собравшаяся прислуга внимательно слушала монаха.

— Вы еще шутите, сказалъ одинъ изъ слугъ, а у меня такъ право становится тяжело на сердцѣ, когда подумаю, что дѣлается на свѣтѣ.

— Я бѣдный сынъ Франциска, возразилъ монахъ, и меня ничто не тяготитъ;—вся моя ноша состоитъ изъ этого мѣшка. Я оставляю его на дворѣ. Дѣти мои смотрите, чтобы кто нибудь не укралъ его. Сколько звѣздъ, столько глазъ на небѣ. Они все видятъ, даже когда ваша братья молодежь воруетъ или цѣлуется! Но вы не виноваты въ этомъ, ужъ люди такъ созданы, что чувствуютъ голодъ и влюбляются...

Прислуга смѣясь прошла въ столовую, а капуцинъ съ старикомъ повернули въ корридоръ налѣво.

Старикъ отворилъ дверь своей комнаты и пригласилъ гостя войти въ нее.

Столъ уже былъ накрытъ и на немъ стояли бутылки и кушанья самаго соблазнительнаго вида.

— Сперва поѣдимъ, сказалъ капуцинъ, распуская шнуръ, опоясывавшій его талью, а потомъ займемся политикой.

Какъ въ нижнемъ этажѣ у прислуги, такъ наверху у господъ серьезный разговоръ долго не завязывался. Гости графа Вольфсегга по первому его приглашенію поспѣшили занять свои мѣста за роскошнымъ ужиномъ, и нѣкоторое время въ огромной залѣ слышенъ былъ только смѣшанный стукъ ножей, вилокъ и стакановъ и поспѣшная бѣготня лакеевъ, которые приносили и уносили блюда, тарелки и бутылки.

Не мало такихъ веселыхъ дней прошло въ замкѣ со времени Аустерлицкой битвы до этой осени, когда графъ Ульрихъ Вольфсеггъ впервые посѣтилъ свой замокъ, послѣ долгаго отсутствія. Многимъ казалось страннымъ, почему графъ никогда не пріѣзжалъ въ замокъ, въ которомъ провелъ молодость, и который не даромъ славился въ цѣлой Австріи своей величиной, великолѣпнымъ убранствомъ и красивымъ мѣстоположеніемъ между двухъ озеръ и скалистыхъ горъ, поросшихъ лѣсомъ. Каждый объяснялъ по своему такое отчужденіе, а старые слуги разсказывали о какомъ-то предсказаніи покойнаго графа на смертномъ одрѣ, которое будто бы напугало его сына и побудило его покинуть домъ своихъ предковъ. Какъ бы то ни было, но старый управляющій, который теперь, сидя въ своей комнатѣ, распивалъ красное тирольское вино съ капуциномъ и табачнымъ торговцемъ Теймеромъ, былъ очень удивленъ, когда въ августѣ получилъ отъ графа письмо съ приказаніемъ: все привести въ порядокъ и приготовить все необходимое для празднествъ, охоты и пріѣзда гостей.

Старый управляющій исполнилъ въ точности приказаніе владѣльца, но количество гостей, явившихся въ замокъ вслѣдъ за пріѣздомъ графа, превзошло всѣ его ожиданія.

Съ утра до ночи приходили и уходили изъ замка люди всѣхъ сословій. Являлись не только австрійцы, близкіе и дальніе родствен-

ники, сосѣди и знакомые, но и люди совершенно неизвѣстные и даже иностранцы—сѣверо-германцы, русскіе и англичане. Разъ даже пріѣзжалъ эрцгерцогъ Іоганъ изъ Штейермарка, чтобы принять участіе въ прогулкѣ по Аттерскому озеру. Одни пріѣзжали на нѣсколько часовъ, другіе на нѣсколько сутокъ; изъ послѣднихъ, большею частью дворянъ, жившихъ по сосѣдству, начиная съ Ламбаха и Вельса, Феклабрука и Вартенбурга, образовалось постоянное общество, которое почти безвыходно жило у графа. Замокъ представлялъ самъ по себѣ много привлекательнаго: красивая мѣстность, отличная охота, богатый столъ, погребъ, который не уступалъ императорскому, наконецъ гостепріимство хозяина и его умная бесѣда—все это могло имѣть для гостей неудержимую притягательную силу. Молодые дворяне, по крайней мѣрѣ судя по ихъ словамъ, посѣщали графа ради его племянницы—красивой Антуанеты фонъ-Гондревилль.

Такимъ образомъ, не было повидимому никакого основанія находить какую-то особенную причину въ наплывѣ гостей въ замокъ и предавать политическое значеніе веселымъ пирамъ, прогулкамъ и кавалькадамъ по окрестнымъ лѣсамъ и горамъ. Присутствіе стольких богатыхъ и знатныхъ господъ объяснялъ наплывъ простыхъ людей—одинъ привозилъ любимаго слугу или конюха, другой искуснаго стрѣлка изъ своихъ окрестностей. Странствующіе монахи нищенствующихъ орденовъ пользовались удобнымъ случаемъ для сбора подаяній на свои монастыри. Подъ предлогомъ помощи, графскіе слуги принимали того или другаго изъ своихъ родныхъ; мѣстные жители приходили въ замокъ изъ любопытства.

Простой народъ любилъ графа за его снисходительность и щедрость. Графъ не позволялъ своему управляющему притѣснять арендаторовъ, за что и получилъ между мѣстными землевладѣльцами прозвище якобинца. Тѣ же, которые ближе знали графа, говорили, что онъ проводитъ принципы Іосифа II, не смотря на ту перемѣну правленія, которая произошла при его племянникѣ Францѣ II. Простому народу конечно не было никакого дѣла до убѣжденій графа и онъ судилъ о немъ по его поступкамъ и обращенію. Владѣлецъ замка былъ строгъ, но справедливъ, умѣлъ обойтись съ каждымъ, говорилъ при случаѣ народнымъ языкомъ и принималъ участіе въ ихъ радостяхъ и горѣ. Въ послѣднія недѣли графъ Ульрихъ повидимому превзошелъ самого себя; почти всѣ просьбы, съ которыми обращались къ нему бѣдняки были удовлетворены, старымъ богатымъ крестьянамъ онъ пожималъ руки, недавно на дворѣ замка былъ устроенъ большой праздникъ для деревенской молодежи, на которомъ ее угостили на славу. Сверхъ того владѣлецъ замка при всякомъ удобномъ случаѣ велъ долгія бесѣды съ народными вожаками о томъ, что дѣлалось на свѣтѣ. Онъ разсказывалъ имъ между прочимъ, что Бонапартъ началъ войну съ испанцами, такими же простыми людьми, какъ они сами, крестьянами,

пастухами и охотниками и вдобавокъ истинными католиками. Благодаря этому — говорилъ онъ—поднялось общее возстаніе по горамъ и долинамъ и французы были побѣждены; двадцать тысячъ ихъ должны были постыдно сдаться крестьянамъ... Графъ разсказывалъ такъ живо, что у его слушателей замирало сердце отъ волненія и они говорили, что если французы, чего не приведи Богъ, прійдутъ въ Австрію, то они теперь знаютъ, какъ принять ихъ... Слова всѣми уважаемаго владѣльца замка тотчасъ распространялись въ народѣ съ разными добавленіями и преувеличеніями.

Поведеніе графа никого не удивляло въ окрестностяхъ, благодаря общей ненависти къ Бонапарту, но оно могло показаться подозрительнымъ новому человѣку, какимъ былъ Витторіо Цамбелли, тирольскій уроженецъ изъ стариннаго епископальнаго города Тріента. Неизвѣстно, дѣйствительно ли Цамбелли обладалъ такою проницательностью или причина этого было недовѣріе, которое онъ внушалъ графу, только послѣдній счелъ нужнымъ предупредить своихъ гостей, чтобы они были осторожнѣе въ присутствіи итальянца, такъ какъ онъ считаетъ его французскимъ шпіономъ. Вслѣдствіе этого, въ замкѣ съ пріѣздомъ Цамбелли исчезла прежняя веселость и непринужденность въ отношеніяхъ. Всѣ чувствовали неопредѣленный страхъ въ его присутствіи, не смотря на его любезность съ дамами и ловкость обращенія. „Посвященные“, какъ называли себя въ шутку близкіе друзья графа, говорили при немъ только о самыхъ безразличныхъ вещахъ, взвѣшивали каждое свое слово и останавливали всякую неосторожную выходку молодежи. По счастью тѣ лица, за которыхъ особенно боялся графъ, выѣхали изъ замка дня за три до пріѣзда шевалье въ Гмунденъ.

Отказать ему въ пріемѣ не было никакого основанія, тѣмъ болѣе, что Цамбелли былъ принятъ въ Вѣнѣ во всѣхъ лучшихъ домахъ и на вечерахъ у перваго тогдашняго министра, графа Стадіона, у русскаго и французскаго посланниковъ. Такимъ образомъ графъ Ульрихъ не могъ исключить Цамбелли ни изъ одного празднества, не обративъ на себя общаго вниманія такимъ страннымъ нарушеніемъ правилъ гостепріимства, а съ другой стороны это было даже не безопасно, еслибы Цамбелли былъ дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ считали его, т. е. смѣлымъ и хитрымъ слугой французскаго императора.

Въ этотъ вечеръ, какъ и всегда, Цамбелли занималъ общество. Хозяинъ дома скоро положилъ конецъ скучнымъ охотничьимъ разсказамъ нѣкоторыхъ изъ своихъ гостей.

— Поговоримъ о чемъ нибудь болѣе интересномъ господа, сказалъ графъ Ульрихъ. — Вѣдь вы утомляете дамъ своими толками о лошадяхъ и собакахъ. Не хотите ли вы лучше узнать что нибудь о событіи, которое интересуетъ теперь весь цивилизованный міръ. Вотъ шевалье Цамбелли получилъ сегодня извѣстія изъ Эрфурта; если

дамы попросятъ его, то онъ навѣрно не откажется сообщить то, что извѣстно ему.

— Я видѣлъ сегодня утромъ адъютанта Бонапарта, сказалъ Цамбелли; я познакомился съ нимъ при дворѣ итальянскаго вице-короля. Онъ былъ при свиданіи двухъ императоровъ и сообщилъ мнѣ объ этомъ нѣкоторыя подробности. Я охотно передамъ вамъ его слова, хотя мой разсказъ будетъ вѣроятно вялъ и отрывоченъ...

— Къ чему это предисловіе? Разсказывайте скорѣе, сказала одна изъ дамъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, отвѣтилъ итальянецъ. — И такъ, 27 сентября, послѣ обѣда, сказалъ онъ, оба императора встрѣтились на дорогѣ; одинъ ѣхалъ изъ Эрфурта, другой изъ Веймара. Оба вышли изъ экипажей и шли довольно долго пѣшкомъ, въ значительномъ разстояніи отъ свиты, дружески разговаривая между собой. Послѣ этого они сѣли на прекрасныхъ верховыхъ лошадей и съ тріумфомъ въѣхали въ разукрашенный городъ, мимо выстроившихся съ обѣихъ сторонъ императорскихъ гренадеръ. Ихъ сопровождала безчисленная свита; тутъ были и короли Рейнскаго союза — Саксонскій и Вестфальскій, Баварскій и Виртембергскій, множество другихъ нѣмецкихъ князей, французскіе маршалы и русскіе вельможи; народъ сошелся изъ близкихъ и далекихъ мѣстъ, чтобы посмотрѣть на двухъ императоровъ. Въ тотъ же вечеръ знаменитый актеръ изъ „Théatre Français“ Тальма, игралъ въ пьесѣ Корнеля „Cinna“, передъ партеромъ коронованныхъ особъ. Когда актеръ произнесъ знаменитую фразу: „Soyons amis, Cinna“, оба императора, сидѣвшіе рядомъ на красныхъ бархатныхъ креслахъ съ золотыми орлами на спинкахъ, пожали другъ другу руки...

Цамбелли разсказывалъ очень плавно, не выражая своего мнѣнія о главныхъ лицахъ и часто обращаясь къ сидѣвшей противъ него пожилой дамѣ, къ которой всѣ относились какъ къ хозяйкѣ дома.

Это была старшая сестра графа Ульриха—Леопольдина Вольфсеггъ, маркиза Гондревилль, ненавидящая Наполеона и всею душою преданная дѣтямъ и внукамъ Маріи Терезіи. Она вышла замужъ въ 80 годахъ прошлаго столѣтія за маркиза Гондревилль, уроженца Лотарингіи, который пріѣхалъ въ Вѣну съ письмомъ отъ французской королевы Маріи Антуанеты къ ея брату Францу Іосифу II, по случаю кончины ихъ матери, Маріи Терезіи. Затѣмъ молодые супруги вернулись въ Парижъ, гдѣ маркиза скоро сошлась съ Маріей Антуанетой, которая находила особое удовольствіе разговаривать съ нею о Вѣнѣ и ихъ общихъ знакомыхъ и даже вызвалась быть крестной матерью дочери маркизы, которая въ честь ея была названа Маріей Антуанетой.

Маркиза, раздѣлявшая всѣ удовольствія королевы, не покинула ее въ дни скорби и принимала самое живое участіе въ горѣ и заботахъ королевскаго семейства. Она была около Маріи Антуанеты въ

ту ночь, когда разсвирѣпѣвшая толпа пьяныхъ женщинъ и мужчинъ съ пиками и топорами вломилась въ Версаль черезъ золотую рѣшетку. Только за двѣ недѣли до 10 августа 1792 года рѣшилась она выѣхать изъ Парижа и то по настоятельному требованію своей великодушной пріятельницы. Заливаясь слезами, съ чувствомъ гнѣва и ненависти къ страшнымъ людямъ, совершившимъ государственный переворотъ во Франціи, вернулась она въ Австрію къ своему отцу, съ двумя дѣтьми: сыномъ и дочерью. Мужъ ея, маркизъ, остался въ войскѣ эмигрантовъ подъ начальствомъ Конде. Съ этого момента ничто уже не могло примирить маркизу съ революціей и съ тѣмъ что имѣло какое нибудь отношеніе къ ней, начиная съ Робеспьера и кончая Наполеономъ. Революція лишила ее помѣстьевъ во Франціи, обезглавила короля и королеву; при Маренго убили родного брата маркизы, другой былъ опасно раненъ; даже смерть своего отца она приписывала впечатлѣнію, произведенному на него Аустерлицкой битвой. Нѣсколько лѣтъ прожила она въ разлукѣ съ мужемъ и въ постоянномъ страхѣ за его жизнь, такъ какъ маркизъ, выказавшій себя трусомъ при ѣздѣ съ такимъ искуснымъ кучеромъ какъ Пухгеймъ, въ былыя времена славился своей храбростью въ военное время. Наконецъ, болѣзнь принудила Гондревилля вернуться домой и маркиза успокоилась относительно своего мужа; но вслѣдъ затѣмъ у ней явилась новая боязнь за единственнаго и нѣжно любимаго сына. Молодой Гондревилль вступилъ въ австрійское войско восемнадцати лѣтъ отъ роду, сражался рядомъ съ своимъ дядей, графомъ Ульрихомъ, при Гоэнлинденѣ и отличился при Аустерлицѣ. Наступившее затѣмъ бездѣйствіе настолько тяготило юношу, что получивъ извѣстіе объ испанскомъ возстаніи и высадкѣ англичанъ въ Португаліи, онъ немедленно отправился на Пиринейскій полуостровъ подъ чужимъ именемъ, въ надеждѣ опять сразиться съ Наполеономъ, котораго ненавидѣлъ не меньше матери.

Политическія симпатіи и антипатіи маркизы были слишкомъ извѣстны итальянцу и онъ тщательно избѣгалъ въ своемъ разсказѣ всего, что могло задѣть ее въ томъ или другомъ отношеніи. Но онъ не достигъ своей цѣли. Маркиза прервала его почти на половинѣ фразы.

— Я не понимаю, воскликнула она съ негодованіемъ, какъ можетъ русскій императоръ настолько унизить свое достоинство, чтобы подать руку бывшему подпоручику, сыну корсиканскаго адвоката!

Цамбелли не возражалъ; но на губахъ его промелькнула неуловимая улыбка.

— Сестра моя забываетъ, сказалъ хозяинъ дома,— что талантливый человѣкъ внѣ всякихъ правилъ. Sous-lieutenant Бонапартъ, благодаря своимъ блистательнымъ побѣдамъ, сдѣлался императоромъ Наполеономъ, союзникомъ августѣйшаго австрійскаго дома. Вы должны сдѣлать уступку времени, Леопольдина. Что пользы сердиться на ко-

мету, которая неожиданно появляется на небѣ? Съ своей стороны я очень благодаренъ шевалье Цамбелли за его разсказъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что это свиданіе въ Эрфуртѣ будетъ имѣть важныя послѣдствія.

— Французскій императоръ вѣроятно желаетъ вполнѣ располагать своей арміей, чтобы выдвинуть ее противъ Испаніи, замѣтилъ Цамбелли, а дружба его съ Александромъ I гарантируетъ его отъ войны съ Пруссіей и Австріей...

— Съ Австріей! прервалъ его Пухгеймъ.—Помилуйте, шевалье, какая намъ нужда впутываться въ дѣла Франціи. Мы желаемъ только насладиться дорого купленнымъ миромъ. Не такъ ли господа?

— Разумѣется! Баронъ правъ! воскликнуло разомъ нѣсколько голосовъ,—Австрія не желаетъ войны; опытъ достаточно показалъ, что Наполеонъ не побѣдимъ, какъ Цезарь или Фридрихъ Великій.

— Господа, вы не поняли меня, сказалъ Цамбелли.—Я не думаю сомнѣваться въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ Австріи. Но Бонапартъ, увлекаемый своимъ демономъ, всюду отыскиваетъ причины для новыхъ битвъ и побѣдъ. Кто можетъ сказать, гдѣ онъ остановится и когда кончитъ? Принимая во вниманіе ту невѣроятную быстроту, съ которой онъ поднялся изъ мрака и ничтожества, нельзя не удивляться его удивительной судьбѣ. Я убѣжденъ, что конецъ ея будетъ не менѣе поразительный. Онъ не погибнетъ какъ обыкновенный человѣкъ. Горе тому, кто становится ему поперегъ дороги! Императоръ гигантъ раздавитъ его! Наше дорогое отечество послѣ столькихъ несчастій наслаждается миромъ; неужели оно захочетъ подвергнуть себя новымъ ударамъ? Развѣ Австрія можетъ разсчитывать сдѣлать въ одиночку то, что не удалось ей въ союзѣ съ Россіей и Англіей?

Цамбелли вопросительно взглянулъ на присутствующихъ, видимо ожидая отвѣта, но вмѣсто этого онъ услышалъ какія то неопредѣленныя восклицанія, изъ которыхъ трудно было вывести то или другое заключеніе.

Вслѣдъ затѣмъ наступило общее молчаніе и только появленіе прислуги съ дорогимъ и рѣдкимъ виномъ, подавъ поводъ къ разговору, вывело общество изъ неловкаго положенія, въ которомъ оно находилось.

Ауерспергъ воспользовался этимъ моментомъ чтобы встать съ мѣста; подойдя къ графу Ульриху онъ шепнулъ ему на ухо:

— Неужели, кузенъ тебя не возмущаетъ нахальный тонъ этого итальянца? Онъ кажется принимаетъ насъ за дураковъ. Позволь мнѣ выбросить его за окно!

Графъ дружески пожалъ руку своему молодому родственнику и, поднявъ свой стаканъ, громко провозгласилъ тостъ:

— Пью за возстановленіе мира и спокойствія, за наше дорогое отечество, наши горы и за женщинъ, которыя дороги сердцу каждаго изъ насъ!

Эти слова встрѣтили громкое одобреніе со стороны гостей и въ обществѣ опять возстановилась нѣкоторая гармонія; но тѣмъ не менѣе графъ счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу предъидущаго разговора, чтобы предупредить неосторожныя выходки молодежи и успокоить ее.

— Я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ шевалье Цамбелли, сказалъ онъ своимъ звучнымъ и твердымъ голосомъ,—что мы должны желать мира съ Франціей и что съ нашей стороны было бы положительнымъ безуміемъ вступать въ борьбу съ Наполеономъ. Пусть обѣднѣвшая и разоренная Пруссія мечтаетъ о мести,—Бонапартъ такъ безжалостно обошелся съ нею, что ни онъ, ни французы, не могутъ ожидать отъ нея пощады. Судьба избавила Австрію отъ такого позора, но я долженъ замѣтить, что Австрія останется въ сторонѣ только до тѣхъ поръ, пока мы не увидимъ посягательства на нашу свободу и честь, потому что мы не даромъ учились владѣть ружьемъ и шпагой. Кто бы ни вздумалъ поработить наше отечество для насъ безразлично, будь онъ сынъ боговъ, или самъ Люциферъ!...

— Да здравствуетъ Австрія! воскликнули гости, разгоряченные виномъ и рѣчью хозяина, поднимаясь съ мѣстъ.

— Сердце радуется, когда слышишь такія рѣчи! сказалъ одинъ, пожимая руку графу Ульриху.

— Ты говоришь какъ Демосѳенъ!

— C'est beau comme Corneille! пролепеталъ старый маркизъ.

— Въ дѣлахъ чести, намъ остается только слѣдовать вашему примѣру, графъ, сказалъ Цамбелли съ вѣжливымъ поклономъ.

— Ты сказалъ, Вольфсеггъ, что „будь онъ сынъ боговъ“... проговорилъ протяжно Пухгеймъ, выпрямляясь во весь ростъ. — Но вѣдь всѣ сыновья боговъ были уязвимы, какъ напримѣръ Ахиллесъ, Зигфридъ... Развѣ у великаго Наполеона также не можетъ быть своей Ахиллесовой пяты?

— Разумѣется, вмѣшалась маркиза;—и вотъ ужалила же его змѣя, которую онъ думалъ раздавить своей ногой; благородная Испанія опять поднялась противъ него.

— Рыцарскій и геройскій народъ...

— Вѣрные и храбрые испанцы доказываютъ на дѣлѣ, что владычество короля и церкви не деморализировало ихъ.

— Sublime! воскликнулъ маркизъ, думавшій въ эту минуту о своемъ сынѣ.

Каждый наперерывъ старался сказать что нибудь непріятное итальянцу. Но всѣ эти намеки казались недостаточно ясными Ауерспергу, который хотѣлъ во что бы то ни стало затѣять ссору съ Цамбелли. Помимо политическихъ причинъ, онъ видѣлъ съ возрастающимъ негодованіемъ нѣжные взгляды, которые тотъ бросалъ на его родственницу Антуанету, и не могъ допустить мысли, чтобы какой нибудь заѣзжій авантюристъ осмѣлился поднять глаза на урожденную Вольфсеггъ.

— Вамъ, шевалье, вѣроятно крайне непріятно, что испанцы возстали противъ вашего кумира, сказалъ Ауерспергъ дерзкимъ вызывающимъ тономъ.

— Почему вы такъ думаете, отвѣтилъ Цамбелли съ холодною учтивостью, которая составляла рѣзкую противоположность съ горячностью его противника.—Я вовсе не поклонникъ императора Наполеона, графъ Ауерспергъ, и только удивляюсь его счастью; все удается ему и это заставляетъ меня опасаться за участь испанцевъ. Ихъ послѣднія побѣды надъ французами не имѣютъ особеннаго значенія. Если императору удастся заручиться обѣщаніемъ Россіи относительно мира на востокѣ и онъ явится за Пиринеями, то весьма сомнительно чтобы перевѣсъ остался на сторонѣ испанцевъ.

— Вы сказали, шевалье, что только удивляетесь счастью Бонапарта, отвѣтилъ за Ауерсперга одинъ изъ пожилыхъ господъ,—вы, кажется, придаете его счастью больше значенія, нежели его личнымъ достоинствамъ.

— Развѣ исторія не представляетъ намъ примѣры, когда величайшій геній оказывался безсильнымъ въ борьбѣ и изнемогалъ въ ней? Счастье составляетъ все, оно уничтожаетъ всякое препятствіе, которое преграждаетъ путь его любимцу; и я глубоко убѣжденъ, что пока оно не измѣнитъ французскому императору, ни одинъ народъ не въ состояніи будетъ противиться ему.

— Изъ вашихъ словъ выходитъ, шевалье, что мы всѣ должны неизбѣжно сдѣлаться его рабами! замѣтилъ улыбаясь графъ Ульрихъ.

— Почти такъ. Все это конечно имѣетъ свои предѣлы. У Наполеона своя звѣзда, но и звѣзды меркнутъ.

— Вы должно быть суевѣрны, шевалье?

— Несомнѣнно и даже болѣе, чѣмъ вы предполагаете, спокойно отвѣтилъ Цамбелли.

— Къ сожалѣнію я слишкомъ близорукъ, чтобы быть астрологомъ, сказалъ шутя Пухгеймъ,—и потому я долженъ терпѣливо ожидать, пока шевалье не скажетъ мнѣ, что звѣзда великаго человѣка наконецъ померкла.

— Это можетъ случиться совершенно внезапно, отвѣтилъ Цамбелли.—Какъ бы велико ни было счастье Бонапарта, но не менѣе велика ненависть, которую онъ возбуждаетъ у великихъ міра сего и у народовъ, начиная отъ Мадрида и до Петербурга; а противъ ненависти всякій безсиленъ!... Впрочемъ нашъ разговоръ принимаетъ не совсѣмъ пріятный оборотъ. Прошу извиненія у дамъ, добавилъ Цамбелли съ легкимъ поклономъ.

Мужчины замолчали, а маркиза воскликнула съ нетерпѣніемъ:

— Вы кажется предполагаете, что у насъ такіе слабые нервы, что мы упадемъ въ обморокъ, если вы намъ предскажете, что Бонапартъ когда-нибудь умретъ.

— Объ обыкновенной смерти не можетъ быть и рѣчи, отвѣтилъ

Цамбелли. Я хотѣлъ сказать, что новый цезарь можетъ погибнуть какъ и старый на высотѣ своего счастья.

— Вы думаете, что неслыханное злодѣяніе положитъ конецъ его жизни?

— Противъ Бонапарта можетъ быть составленъ заговоръ съ цѣлью убить его....

— У васъ слишкомъ живое воображеніе, шевалье. Времена Борджіевъ прошли...

— Я не понимаю, почему вы приходите въ такое негодованіе! Развѣ вы забыли адскую машину? Кто хочетъ во что бы то ни стало достигнуть цѣли,, тотъ не разбираетъ средства. Но тутъ опять-таки судьба распоряжается рукой жалкаго убійцы. Счастливецъ, возбуждающій зависть боговъ, нерѣдко искупаетъ свои удачи печальнымъ концомъ...

Въ этотъ моментъ кто-то громко позвонилъ у наружныхъ воротъ замка, но всѣ были такъ заняты разговоромъ, что никто не обратилъ на это никакого вниманія.

— Для человѣчества это большое утѣшеніе, что всемірное владычество длится не долго, сказалъ князь Лихтенштейнъ. Человѣчество терпѣливо выноситъ какіе-нибудь двадцать, тридцать лѣтъ гнетъ тяжелой руки Карла Великаго или Наполеона, а за тѣмъ для него наступаетъ отдыхъ. Благодѣтельный естественный законъ рано или поздно избавляетъ міръ отъ такихъ героевъ; къ тому же многіе изъ нихъ умираютъ безъ прямыхъ наслѣдниковъ. То же видимъ мы и въ настоящемъ случаѣ;—Наполеонъ не имѣетъ и вѣроятно не будетъ имѣть дѣтей.

Цамбелли кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Да, этотъ вопросъ, сказалъ онъ,—сильно занимаетъ французскаго императора. Въ Эрфуртѣ поговариваютъ шопотомъ, а вѣтеръ, какъ всегда, разноситъ стоустую молву, будто бы императоръ хочетъ жениться на одной изъ русскихъ великихъ княженъ. Если его сватовство будетъ принято, то онъ разведется съ Жозефиной.

Дамы были сильно поражены этимъ извѣстіемъ и не могли понять, что политическія соображенія могутъ заставить Наполеона рѣшиться на такой гнусный поступокъ. Онѣ чувствовали глубокое сожалѣніе къ привлекательной и всѣми уважаемой женщинѣ, которую ожидала такая печальная участь. Цамбелли по ихъ настоятельной просьбѣ долженъ былъ разсказать все, что ему было извѣстно объ этомъ дѣлѣ.

Въ это время въ залу вошелъ старый управляющій и сообщивъ что-то графу Ульриху вполголоса тотчасъ же удалился. Лицо графа приняло озабоченное выраженіе; онъ съ безпокойствомъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Цамбелли, но тотъ былъ такъ занятъ бесѣдой съ дамами, что не могъ наблюдать за нимъ.

— Не пускай шевалье изъ залы и постарайся задержать его пока я не вернусь, шепнулъ графъ своей племянницѣ, проходя мимо.

Въ сѣняхъ его ожидалъ управляющій.

— Ты мнѣ объявилъ, что пріѣхалъ какой-то незнакомецъ? сказалъ графъ, идя по корридору поспѣшными шагами.—Что такъ поздно?

— Я бы не посмѣлъ утруждать ваше сіятельство. Но онъ такъ настойчиво требовалъ свиданія съ вами и никому изъ насъ не хотѣлъ сообщить, что привело его въ замокъ. Онъ увѣрялъ, что если вамъ доложатъ о немъ, то вы непремѣнно примите его.

— Не ошибся ли ты, Антонъ? Ты сказалъ мнѣ, что его зовутъ Эгбертъ Геймвальдъ?

— Такъ точно...

— Гдѣ онъ?

— Я не рѣшился оставить его въ прихожей, потому что онъ былъ слишкомъ хорошо одѣтъ; на верхъ я его также не привелъ, чтобы его не увидѣли нѣкоторые люди, а пригласилъ его въ свою комнату.

— Ты поступилъ очень умно!... Что могло заставить Эгберта пріѣхать сюда ночью... не случилось ли какого-нибудь несчастія въ Вѣнѣ, пробормоталъ графъ, спускаясь съ лѣстницы съ такой быстротой, что старый управляющій едва поспѣвалъ за нимъ.

ГЛАВА II.

Незнакомецъ по приглашенію управляющаго вошелъ въ его комнату, выходившую окнами въ садъ. Около стола, за остатками ужина, сидѣлъ капуцинъ, рядомъ съ Мартиномъ Теймеромъ. Первый самодовольно гладилъ свою рыжую бороду, потягивая вино; другой, коренастый, широкоплечій человѣкъ съ темными волосами, одѣтый въ полугородское и полудеревенское платье, въ башмакахъ и короткихъ панталонахъ, безостановочно курилъ изъ своей трубки.

Свѣтъ маленькой лампы, горѣвшей на столѣ, слабо освѣщалъ комнату, наполненную густымъ табачнымъ дымомъ, за которымъ едва виднѣлась рѣзко очерченная голова Теймера. Невыносимая духота, наполнявшая комнату и нечувствительная для собесѣдниковъ, сразу охватила молодого человѣка, который только что вышелъ изъ вечерней прохлады и легкаго тумана, подымавшагося съ озеръ и лѣса.

Теймеръ молча поклонился незнакомцу изъ окружавшаго его табачнаго облака.

— Миръ Господень да будетъ съ вами, пробормоталъ, въ свою очередь, монахъ.

— Прошу васъ присѣсть на минутку, сказалъ управляющій, по-

двигая къ столу деревянный стулъ съ рѣзной спинкой. — Я сейчасъ извѣщу графа.

— Ради Бога, поспѣшите, тутъ дорога каждая минута.

Управляющій вышелъ.

Капуцинъ съ любопытствомъ разсматривалъ молодого человѣка. Первое, что онъ замѣтилъ въ его наружности — были бѣлокурые вьющіеся волосы, падавшіе на стоячій воротникъ голубого сюртука; вторая особенность незнакомца заключалась въ томъ, что онъ отъ нетерпѣнія ни минуты не могъ просидѣть спокойно на мѣстѣ.

— Не хотите ли вы выпить стаканчикъ вина, молодой баринъ? сказалъ ему капуцинъ; вы кажется устали, а вино возстановляетъ силы.

— Благодарю васъ, патеръ, сказалъ незнакомецъ и, взявъ со стола налитой для него стаканъ, выпилъ нѣсколько глотковъ.

— Пейте все, до дна. Вамъ это не повредитъ, да и насъ не обидите. У насъ тутъ вдоволь вина. Въ подтвержденіе своихъ словъ, монахъ вынулъ изъ-подъ стола новую бутылку. — Вы вѣрно не здѣшній. Откуда вы?

— Изъ Зальцбурга, или лучше сказать изъ западнаго Тироля.

— А говорите не по нашему, замѣтилъ Теймеръ густымъ басомъ.

— Я родился въ Вѣнѣ.

— Это чертовски большой городъ, продолжалъ Теймеръ, и съ вѣчнымъ вѣтромъ... Ну, а теперь поселились въ горахъ?

— Да, мнѣ хотѣлось познакомиться съ этой мѣстностью.

Теймеръ не понялъ незнакомца и вопросительно взглянулъ на капуцина.

Монахъ, больше видѣвшій свѣтъ и людей, поспѣшилъ выручить своего пріятеля изъ затрудненія.

— Значитъ, вы путешествуете, молодой человѣкъ, для своего удовольствія. Мнѣ также приходится много странствовать для сбора милостыни, а ему по своимъ торговымъ дѣламъ. Наша земная жизнь ничто иное, какъ вѣчное странствованіе.

Незнакомецъ, занятый своими мыслями, не слушалъ его.

— Ну, я думаю Тироль совсѣмъ обаварился, проворчалъ Теймеръ.

— Что хотите вы этимъ сказать?

Теймеръ презрительно взглянулъ на него и толкнулъ локтемъ капуцина съ такимъ жестомъ, какъ будто хотѣлъ сказать, что съ дураками разсуждать нечего.

Капуцинъ допилъ свой стаканъ и глубокомысленно посмотрѣлъ на молодого человѣка, видимо желая убѣдиться: не притворяется ли онъ.

— Развѣ вы не знаете, что Тироль принадлежитъ теперь баварцамъ?

— Да, знаю... Но мнѣ какое дѣло до этого? сказалъ съ досадой незнакомецъ.

— Разумѣется это и не мое дѣло, отвѣтилъ монахъ, — я не военный человѣкъ и не придворный; не мнѣ разбирать рѣшенія императоровъ и королей. Но развѣ не обидно, что проклятые французы отняли у насъ эту прекрасную страну? Впрочемъ, вы, господа ученые, на все смотрите свысока, мечтаете неизвѣстно о чемъ и кажется такъ бы и поднялись на небо, къ Господу Богу.

— Къ сожалѣнію я еще не могу назвать себя ученымъ, сказалъ незнакомецъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ насмѣшливаго тона, съ которымъ говорилъ монахъ.

— Какой онъ ученый, просто дуракъ или плутъ, пробормоталъ Теймеръ на своемъ родномъ діалектѣ, почти не понятномъ вѣнскому уроженцу. Теймеръ могъ теперь бранить незнакомца на какомъ угодно языкѣ, потому что тотъ забылъ объ его существованіи, услышавъ шумъ шаговъ въ корридорѣ.

Минуту спустя отворилась дверь и въ комнату вошелъ графъ.

Незнакомецъ снялъ шляпу и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу.

— Такъ это вы, Эгбертъ! Очень радъ видѣть васъ, сказалъ графъ, подавая руку молодому человѣку и съ видимымъ удовольствіемъ оглядывая его статную фигуру и всматриваясь въ лицо, которое можно было смѣло назвать идеаломъ мужской красоты и гдѣ все было безукоризненно, начиная съ высокаго, прекрасно очерченнаго лба, слегка приподнятыхъ бровей, голубыхъ, задумчивыхъ глазъ и кончая классически красивымъ носомъ и губами.

— Извините, что я обезпокоилъ васъ графъ, сказалъ Эгбертъ, у васъ кажется гости.

— Вы изъ Вѣны? спросилъ графъ, прерывая его, — надѣюсь, что вы сообщите мнѣ хорошія вѣсти...

— Нѣтъ, я изъ Зальцбурга.

— Тѣмъ лучше. Очень радъ, что вы наконецъ послушались моего совѣта, милый Эгбертъ, и рѣшились на время покинуть Вѣну. Человѣкъ становится крайне одностороннимъ, живя постоянно въ городѣ. Что бы ни говорилъ вашъ отецъ, не книги, а свѣтъ и жизнь воспитываютъ людей. Поэтому я считалъ путешествіе необходимымъ для васъ. Ну, теперь вы отдохнете у меня съ дороги. Я не скоро выпущу васъ отсюда; вы не даромъ попали въ мои когти.

Графъ довольный тѣмъ, что его опасенія относительно дурныхъ извѣстій изъ Вѣны оказались напрасными, совсѣмъ упустилъ изъ виду, что его молодой другъ могъ явиться къ нему въ домъ въ такое позднее время, только вслѣдствіе какихъ нибудь особенныхъ причинъ.

— Извините меня, графъ, но прежде чѣмъ воспользоваться вашимъ приглашеніемъ, я долженъ исполнить то дѣло, которое меня привело сюда...

Эгбертъ замолчалъ и съ замѣшательствомъ взглянулъ на капуцина и Теймера, почтительно стоявшихъ у окна.

— Говорите смѣло, я вполнѣ довѣряю этимъ людямъ. Что случилось?...

— Я привезъ сюда умирающаго.

— Господи, этого еще не доставало! съ ужасомъ воскликнулъ управляющій. — Я думалъ, что мнѣ это только померещилось издали...

Графъ съ нетерпѣніемъ остановилъ его.

— Мы нашли его въ разсѣлинѣ скалы между Гмунденомъ и Феклабрукомъ.

— Феклабрукомъ! повторилъ графъ блѣднѣя.

Капуцинъ подошелъ ближе.

— Да, это какой-то французъ и не молодой. Онъ назвалъ себя Жаномъ Бурдономъ...

— Живъ ли онъ? Гдѣ вы его оставили? спросилъ графъ взволнованнымъ голосомъ.

— Внизу подъ горою. Онъ лежитъ въ домѣ вашего лѣсного сторожа. Мы не рѣшились привезти его сюда, услыхавъ что у васъ гости.

— Вы отлично сдѣлали. Благодарю васъ, Эгбертъ. Но я долженъ сейчасъ же идти къ нему.

— Я пришелъ сюда, чтобы просить васъ объ этомъ. Онъ настойчиво требуетъ васъ къ себѣ.

— Шляпу, Антонъ! Скорѣе! Вы проводите меня, Эгбертъ, и разскажете дорогой, какъ вы нашли его.

— Если я не ошибаюсь, то его хотѣли убить съ цѣлью грабежа...

— Несчастный! еслибы онъ послушалъ меня и взялъ съ собой слугъ... Неужели всякая борьба съ этимъ демономъ должна кончаться неудачей!...

Послѣднія слова графъ произнесъ вполголоса; они вырвались у него помимо его воли.

Управляющій подалъ графу шляпу и накинулъ на его плечи сѣрый плащъ.

— Вы, патеръ Марсель, пойдете съ нами. Ваше присутствіе можетъ успокоить умирающаго. А ты, Антонъ, долженъ зорко смотрѣть, чтобы кто нибудь не проскользнулъ за нами. Я не хочу, чтобы въ залѣ узнали о томъ, что случилось; вели имъ подать побольше вина, самаго лучшаго. Я скоро вернусь. Постарайся также совладать съ своимъ лицомъ,—у тебя совсѣмъ растерянный видъ.

Путники скоро очутились за стѣнами замка и пошли боковой дорожкой, проложенной подъ деревьями для пѣшеходовъ. Графъ шелъ впереди съ Эгбертомъ, сзади неслышными шагами крался за ними капуцинъ. Лунный свѣтъ, пробиваясь, то тутъ, то тамъ, сквозь густую листву каштановъ и орѣховыхъ деревьевъ, освѣщалъ имъ путь.

Эгбертъ началъ свой разсказъ, понизивъ голосъ.

— Мы выѣхали изъ Зальцбурга...

Графъ прервалъ его.

— Вы говорите „мы“, развѣ вы были не одни?

— Нѣтъ, я познакомился дорогой съ однимъ молодымъ художникомъ, если можно такъ назвать его, потому что онъ одинаково увлеченъ сценой, живописью и музыкой. Вотъ онъ и согласился сопутствовать мнѣ.

— Или другими словами путешествовать на вашъ счетъ. Вы всегда останетесь такимъ же мечтателемъ, какимъ я зналъ васъ въ Вѣнѣ. Ну, а гдѣ вы оставили своего спутника?

— Я просилъ его побыть съ умирающимъ; ему вѣроятно пріятно будетъ имѣть при себѣ человѣка, которому онъ можетъ передать свое послѣднее желаніе...

— Вашъ пріятель говоритъ по-французски?

— Да, немного.

Графъ замолчалъ и казался озабоченнымъ.

Они прошли молча нѣсколько шаговъ.

— Однако разсказывайте дальше, сказалъ графъ, — я не стану прерывать васъ.

— Мы провели послѣднюю ночь въ Феклабрукѣ, съ тѣмъ чтобы оттуда отправиться въ Линцъ и сѣсть на пароходъ, идущій въ Вѣну. Но утромъ трактирщикъ сталъ такъ краснорѣчиво описывать намъ красоты здѣшняго озера около Гмундена и утеса Траунштейна, что мы рѣшились продлить наше путешествіе еще дня на два. Въ виду этого мы послали моего слугу съ багажемъ въ Линцъ, а сами съ легкими ранцами на плечахъ отправились по направленію, которое указалъ намъ трактирщикъ. Но скоро большая дорога наскучила намъ, потому что приходилось идти по солнцу и въ пыли и мы, свернувъ въ сторону, пошли на-угадъ по тропинкамъ черезъ лѣсъ и овраги. Заблудиться мы не могли, потому что стоило взойти на любой пригорокъ, чтобы увидѣть издали красную вершину Траунштейна, который служилъ намъ вѣрнымъ руководителемъ. Люди попадались рѣдко; мы встрѣтили только пастуха, лѣсного сторожа и нѣсколькихъ дѣтей, которые собирали ягоды; по временамъ утренняя тишина нарушалась звуками охотничьихъ роговъ и выстрѣлами, которые раздавались то совсѣмъ близко отъ насъ, то на значительномъ отдаленіи...

— Это вѣроятно были наши охотники, замѣтилъ графъ Ульрихъ.

— Однимъ словомъ, продолжалъ Эгбертъ,—это была одна изъ прелестнѣйшихъ прогулокъ, которую мнѣ когда либо въ жизни удавалось сдѣлать. Наконецъ мы поднялись на высокій гребень холмовъ поросшихъ лѣсомъ и, выбравъ тѣнистое дерево, расположились подъ нимъ, чтобы позавтракать тѣми запасами, которые были у насъ въ ранцахъ. Но тутъ мой пріятель неожиданно поднялся съ мѣста и взошелъ на скалу, выступавшую надъ оврагомъ.

— Что, ты ничего не слышишь?—спросилъ онъ меня

— Нѣтъ!

— Мнѣ послышался легкій стонъ.

— Я подошелъ къ моему пріятелю и сталъ прислушиваться; мнѣ также показалось это, но такъ неясно, что я подумалъ: не обманываетъ ли меня воображеніе? Гребень холма у того мѣста, гдѣ мы стояли, опускался отвѣсно футовъ на сто, тогда какъ съ другой стороны онъ былъ покатый и соединялся съ долиной едва замѣтными уступами. Высокія деревья, ростущіе въ оврагѣ, совершенно скрывали его отъ насъ и только кое гдѣ въ глубинѣ его виднѣлись ручьи, которые текли изъ утесовъ, покрытыхъ густою зарослью. Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ въ сторону и тутъ уже совершенно отчетливо долетѣли до насъ стоны и вздохи. Тогда, не долго думая, мы стали спускаться внизъ и скоро глазамъ нашимъ представилось страшное зрѣлище. На днѣ оврагѣ, въ кустахъ, лежалъ умирающій человѣкъ съ переломленной рукой и съ пулей въ груди. Несмотря на мои жалкія свѣдѣнія въ медицинѣ, я однако рѣшился воспользоваться ими, чтобы привести руку въ болѣе удобное положеніе и наложить первую перевязку на рану. Пуля засѣла такъ глубоко, что вынуть ее врядъ ли было бы возможно даже съ помощью инструментовъ. Мы уже застали этого несчастнаго въ лихорадкѣ, потому что онъ должно быть пролежалъ часа два безъ всякой помощи. Я принесъ воды изъ ключа, подлилъ въ нее вина, которое было съ нами и напоилъ его. Между тѣмъ мой товарищъ нѣсколько разъ принимался кричать и звать на помощь, но убѣдившись, что кругомъ нѣтъ ни одной человѣческой души, отправился на поиски, въ надеждѣ отыскать по близости какое нибудь жилье. Я остался съ умирающимъ. Сдѣланная мною перевязка настолько успокоила его, что онъ въ состояніи былъ пробормотать нѣсколько словъ. Такимъ образомъ я узналъ что его имя Жанъ Бурдонъ и что ему необходимо видѣть васъ, графъ. Затѣмъ онъ замолчалъ и мнѣ показалось, что онъ потерялъ сознаніе. Я опять подалъ ему воды съ виномъ и онъ заговорилъ, хотя съ большимъ трудомъ и безпрестанно останавливаясь. Изъ всего, что онъ сказалъ мнѣ, я понялъ, что дѣло произошло такимъ образомъ: онъ шелъ по гребню холма съ какимъ-то человѣкомъ и разговаривалъ съ нимъ, но тутъ внезапно раздался выстрѣлъ и пуля положила его. Нѣсколько секундъ онъ лежалъ замертво, подъ палящими лучами солнца, и когда опомнился, то ползая по землѣ сталъ отыскивать воды, но должно быть приблизился къ самому краю обрыва и полетѣлъ внизъ, гдѣ мы и нашли его. Одно мнѣ осталось неяснымъ въ его разсказѣ—убилъ ли его тотъ самый человѣкъ, который разговаривалъ съ нимъ, или кто-нибудь другой? Несчастный также нѣсколько разъ вспоминалъ своего сына, называлъ ваше имя и жаловался на потерю какихъ-то бумагъ, которыя у него отняли, или онъ самъ потерялъ, — я этого не могъ понять изъ его словъ. Онъ все время держалъ меня за руку и даже безпокоился когда я отходилъ отъ него, чтобы почерпнуть воды изъ ручья. Ему все казалось, что опять нападутъ на него... Извините

меня, графъ, что я разсказываю подробно; но въ настоящемъ случаѣ самое ничтожное обстоятельство можетъ имѣть значеніе.

— Даже большее, чѣмъ вы думаете, возразилъ графъ,—продолжайте пожалуйста.

— Къ несчастью, больной, какъ я уже говорилъ, не отпускалъ меня отъ себя ни на шагъ и я не могъ осмотрѣть мѣсто преступленія, по свѣжимъ слѣдамъ. Наконецъ, послѣ долгихъ часовъ ожиданія, вернулся мой пріятель съ работниками съ пильной мельницы и носилками. На горѣ онъ встрѣтилъ дѣвушку, которая показала ему дорогу на мельницу Рабенъ и теперь явилась вмѣстѣ съ нимъ, вѣроятно изъ любопытства. Дѣвушка эта была полуребенокъ съ босыми ногами и смуглымъ, загорѣлымъ лицомъ. При видѣ раненаго она громко вскрикнула, захлопала въ ладоши, какъ сумашедшая и убѣжала.—„Это черная Кристель, сказали работники—она не въ своемъ умѣ, также какъ и ея отецъ". Намъ разумѣется некогда было заниматься ею. Мы положили Бурдона на носилки и снесли на мельницу, которая за часъ ходьбы отъ мѣста преступленія. Мельникъ и его домашніе сильно перепугались при нашемъ приходѣ. Они знали раненаго въ лицо. На разсвѣтѣ онъ остановился у нихъ, чтобы сдѣлать какую-то починку въ экипажѣ, потому что по близости не было кузницы. По словамъ мельника, онъ сильно досадовалъ, что теряетъ напрасно время, торопилъ ихъ и сѣлъ даже на скамейкѣ передъ домомъ чтобы наблюдать за починкой, такъ какъ ему казалось, что дѣло идетъ слишкомъ медленно. Вслѣдъ за тѣмъ подъѣхалъ какой-то человѣкъ верхомъ, и сойдя съ лошади поговорилъ немного съ Бурдономъ на иностранномъ языкѣ. Бурдонъ приказалъ кучеру ждать его возвращенія, а самъ отправился въ лѣсъ вмѣстѣ съ незнакомцемъ, который велъ свою лошадь подъ устцы. Скоро они оба исчезли изъ виду, а съ этого времени ихъ не видали на мельницѣ; всадникъ также не возвращался. Долгое отсутствіе путешественника начало уже тревожить мельника, но кучеръ успокоилъ его тѣмъ, что вѣроятно тутъ какая нибудь тайна, потому что когда онъ садился на козлы въ Гмунденѣ, то капуцинъ Марсель сказалъ ему, чтобы онъ только смотрѣлъ за своими лошадьми и что ему нѣтъ никакого дѣла до того, что онъ увидитъ или услышитъ. Кучеръ буквально исполнилъ это приказаніе и спокойно ждалъ возвращенія своего господина у готоваго экипажа, стоявшаго посреди двора пильной мельницы.

— Слышите ли, патеръ, къ чему повели принятыя вами предосторожности, сказалъ графъ, обращаясь къ капуцину.

— Будущее извѣсто одному Богу, скромно отвѣтилъ монахъ.

— Вотъ все, что я могъ узнать на мельницѣ—продолжалъ Эгбертъ... Затѣмъ я опять перевязалъ рану Бурдона и такъ какъ смерть его неизбѣжна, и ѣзда въ покойномъ экипажѣ не могла особенно повредить ему, я рѣшился привезти его сюда, тѣмъ болѣе, что онъ все на-

стоятельнѣе желалъ видѣть васъ. Я думалъ, что можетъ быть и вамъ окажу этимъ услугу.

— Благодарю васъ, Эгбертъ—сказалъ графъ, пожимая ему руку. Для меня это настолько важно, что я буду считать себя вашимъ вѣчнымъ должникомъ. Но вотъ мы и пришли.

У подножья высокой горы, на которой стоялъ замокъ, и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ лѣса виднѣлся одноэтажный деревянный домикъ. Здѣсь жилъ на покоѣ отставной солдатъ, который нѣкогда служилъ подъ начальствомъ графа Ульриха и вмѣстѣ съ нимъ сражался противъ французской республики. Несмотря на свои раны, онъ чувствовалъ себя на столько бодрымъ, что не хотѣлъ „даромъ ѣсть хлѣбъ", какъ онъ выражался и просилъ владѣльца замка дать ему какое нибудь занятіе. Графъ, выслушавъ это заявленіе, улыбнулся и отвѣтилъ, что онъ можетъ смотрѣть за лѣсомъ и съ своего аванпоста сторожить его замокъ.

Сѣдой Конрадъ съ радостью принялъ возложенную на него обязанность и взялся за нее съ неутомимымъ усердіемъ.

Сосѣдніе жители, въ продолженіи многихъ лѣтъ, видѣли какъ онъ изо-дня въ день обходилъ лѣсъ съ ружьемъ въ рукахъ, которое подарилъ ему графъ и прозвали его лѣснымъ сторожемъ.

Онъ стоялъ на часахъ у своего дома съ лохматой собакой у ногъ, когда графъ Ульрихъ подошелъ къ нему со своими спутниками.

— Плохая ночь, Конрадъ! сказалъ графъ. Не смотря на миръ, мы все на военномъ положеніи.

— Будетъ еще хуже, ваша графская милость, отвѣтилъ Конрадъ, отворяя дверь своего дома.—Французу скоро наступитъ конецъ. Еще однимъ будетъ меньше на землѣ!

На постели Конрада и на его соломенномъ тюфякѣ лежалъ Жанъ Бурдонъ въ предсмертной агоніи. На столѣ стояла свѣча въ желѣзномъ подсвѣчникѣ и глинянная кружка съ водой; на скамьѣ у постели сидѣлъ Гуго, пріятель Эгберта.

Съ умирающаго сняли сюртукъ, но онъ выказалъ такое отчаянное сопротивленіе, когда хотѣли стащить съ его ногъ высокіе, тяжелые сапоги, что принуждены были оставить ихъ. Странный видъ имѣли эти запыленные и грязные сапоги, выглядывавшіе изъ подъ одѣяла, которымъ былъ покрытъ умирающій.

На лицѣ его изобразился ужасъ, когда онъ увидѣлъ троихъ вошедшихъ людей.

Гуго уступилъ мѣсто графу.

— Я пришелъ къ тебѣ, мой дорогой Бурдонъ, сказалъ графъ по французски, взявъ за руку умирающаго.

Бурдонъ смотрѣлъ на него неподвижными глазами; онъ казалось не узналъ того, кто говорилъ съ нимъ, но немного погодя лицо его оживилось, онъ судорожно сжалъ руку графа и приподнявъ голову проговорилъ съ усиліемъ:

— Мой бѣдный Веньяминъ! Графъ, спасите моего сына!

— Какъ это все странно! невольно воскликнулъ графъ, но тотчасъ же опомнился и наклонившись къ уху умирающаго спросилъ:

— Гдѣ бумаги?

— Пропали, чуть слышно отвѣтилъ Бурдонъ, стараясь достать что то изъ своего сапога. Но это полусознательное движенiе на столько увеличило его страданiя, что страшный, нечеловѣческiй вопль вырвался изъ его груди.

Графъ закрылъ себѣ лицо руками. Все стихло, капуцинъ читалъ молитву.

— Сынъ мой! простоналъ Бурдонъ. Черты лица его исказились и онъ поднялъ руку, какъ будто отталкивая кого-то. Не убивайте его!

Но рука безсильно опустилась на одѣяло.

— Кончено! сказалъ графъ послѣ долгаго молчанiя, глядя съ глубокой печалью на лицо покойника. Судьба сильнѣе насъ. Пули, которые мы направляемъ противъ него, поражаютъ самихъ насъ...

— Господь Богъ пошлетъ архангела Михаила, который побѣдитъ этого Вельзевула, набожно проговорилъ капуцинъ.

Остальные молчали.

Молодые путешественники, которыхъ случай натолкнулъ на слѣдъ страшнаго преступленiя, стояли у окна. Эгбертъ отвернулся отъ постели и смотрѣлъ на луну сквозь тусклое зеленоватое стекло, между тѣмъ какъ его прiятель повернувшись къ нему спиной, внимательно разглядывалъ покойника и лица присутствующихъ, какъ будто хотѣлъ изобразить ихъ на картинѣ.

— Мы не должны ни отчаяваться, ни питать безумныхъ надеждъ, сказалъ графъ капуцину. Это былъ дѣльный человѣкъ съ дѣтства до смерти. Онъ долженъ служить намъ примѣромъ... На эту ночь, Конрадъ, я оставляю тѣло на твоемъ попеченiи. Ты вѣдь не боишься покойниковъ?

Старикъ едва не расхохотался, но изъ уваженiя къ усопшему остановился.

— Прикажи вынуть ящикъ изъ экипажа и принести въ замокъ, сказалъ графъ.—Смотри чтобы это было сдѣлано какъ слѣдуетъ.

— Пусть графъ не безпокоится, сказалъ многозначительно капуцинъ,—я самъ распоряжусь здѣсь всѣмъ, что нужно и отошлю кучера въ Гмунденъ.

— Я вполнѣ довѣряю вамъ, патеръ Марсель, и знаю, что вамъ нечего напоминать объ осторожности.

Въ этотъ моментъ глаза графа остановились на Эгбертѣ, который все еще смотрѣлъ въ окно.

— Здѣсь душно и тяжело, господа, сказалъ онъ обращаясь къ обоимъ прiятелямъ.—Пойдемте на чистый воздухъ.

Они вышли втроемъ на лужайку передъ домомъ, которая была вся освѣщена луннымъ свѣтомъ. Съ озера дулъ прохладный восточ-

ный вѣтеръ, который живительно подѣйствовалъ на нихъ и до извѣстной степени разсѣялъ тяжелое впечатлѣніе, произведенное на нихъ зрѣлищемъ смерти.

— Мой дорогой Эгбертъ и вы милостивый государь, началъ графъ...

— Гуго Шпрингъ, добавилъ тотъ, къ кому обращались эти слова.

Графъ подалъ ему руку.

— Позвольте поблагодарить васъ, господа, сказалъ онъ, за все то, что вы сдѣлали сегодня для несчастнаго Бурдона. Я знаю что молодые люди не любятъ, когда въ подобныхъ случаяхъ къ нимъ обращаются съ благодарностью или похвалой, такъ какъ считаютъ. что сознаніе сдѣланнаго добра уже само по себѣ достаточное вознагражденіе. Но вы оказали услугу не только умершему, но и мнѣ. и вамъ не легко будетъ отдѣлаться отъ моей благодарности. Вы должны непремѣнно пойти со мной въ замокъ, тѣмъ болѣе, что моя сестра, маркиза Гондревилль, была очень расположена къ Бурдону и навѣрно захочетъ услышать отъ васъ самихъ нѣкоторыя подробности.

— Завтра, графъ мы къ вашимъ услугамъ, сказалъ Эгбертъ, — а теперь мы отправимся въ Гмунденъ.

— Нѣтъ, я не допущу этого, возразилъ графъ, — вы пойдете въ замокъ вмѣстѣ со мной. Не оскорбляйте меня отказомъ...

— У насъ даже нѣтъ съ собой приличнаго платья, сказалъ Эгбертъ, подъ вліяніемъ необъяснимаго чувства, которое удерживало его принять приглашеніе графа, хотя онъ давно желалъ познакомиться ближе съ такъ называемымъ высшимъ обществомъ, которое онъ зналъ только по романамъ и видалъ издали въ Вѣнѣ на Пратерѣ.

Пріятель Эгберта не могъ понять причины его упорнаго отказа и досадовалъ, что такимъ образомъ лишится возможности провести пріятно нѣсколько дней. Но пользуясь кошелькомъ Эгберта, онъ не считалъ удобнымъ идти противъ его желанія и упорно молчалъ.

— Почему вы думаете, что мы, аристократы, придаемъ такое значеніе платью? сказалъ графъ. Помимо кровавыхъ уроковъ революціи мы всегда умѣли цѣнить людей не по одной внѣшности. Нѣтъ, Эгбертъ, ваши доводы не убѣдительны для меня. Я вижу васъ не въ первый разъ и знаю, что васъ пугаетъ внезапный переходъ отъ одной обстановки въ другую. Вы вѣроятно уже составили себѣ цѣлый планъ, какъ вы пойдете къ озеру въ лунную ночь и будете разсуждать съ пріятелемъ о разныхъ высокихъ вопросахъ, о конечныхъ причинахъ смерти, земномъ ничтожествѣ и т. п. Но кажется вашъ пріятель веселѣе смотритъ на жизнь и согласится со мной, что послѣ такого дня. стаканъ хорошаго вина—вещь не лишняя. Помогите мнѣ, г. Шпрингъ. уговорить его принять мое приглашеніе.

— Вы какъ будто прочли въ моей душѣ, графъ! сказалъ Гуго.— Я не въ состояніи погружаться въ бездну безконечности и философіи какъ Эгбертъ и избѣгаю этого, какъ холодной ванны. Даже у великаго Шекспира высокое смѣняется комическимъ, картины смерти и

веселья идутъ у него рука объ руку. Въ этомъ вся мудрость жизни. Пойдемъ въ замокъ, Эгбертъ. Развѣ ты хочешь быть мудрѣе Шекспира!

— Вамъ уже нечего возражать на это, Эгбертъ, сказалъ улыбаясь графъ Ульрихъ.—Вдобавокъ вамъ необходимо знакомиться со свѣтомъ и людьми. Ужъ я столько разъ говорилъ вамъ это; не заставляйте меня возвращаться опять къ старой темѣ...

— Я къ вашимъ услугамъ, графъ, сказалъ Эгбертъ, чувствуя, что неловко заставлять себя упрашивать такъ долго, тѣмъ болѣе, что графъ видимо торопился къ своимъ гостямъ.

— Ну, такъ пойдемте скорѣе, сказалъ графъ.

Неизвѣстно сталъ ли бы онъ при другихъ обстоятельствахъ такъ настойчиво приглашать къ себѣ въ домъ людей безъ имени. Послѣ услуги, оказанной молодыми людьми, чувство благодарности и правила гостепріимства не дозволяли графу отпустить ихъ въ гостинницу, которая была за часъ ходьбы отъ замка, но онъ могъ предложить имъ ночлегъ и ужинъ въ своемъ домѣ, не приглашая ихъ въ общество своихъ гостей и родныхъ. Если бы Эгбертъ имѣлъ болѣе вѣрное понятіе о свѣтѣ, чѣмъ то, которое составилъ себѣ изъ оконъ своей студенческой квартиры, изъ чтенія романовъ и театральныхъ представленій, а Гуго былъ не такъ беззаботенъ и самоувѣренъ, то они навѣрно заподозрили бы какую нибудь затаенную цѣль въ чрезмѣрной любезности гордаго дворянина.

Цѣль эта обнаружилась, какъ только они вошли съ графомъ въ освѣщенную залу.

— Вотъ такъ сюрпризъ! сказалъ графъ, обращаясь къ своимъ гостямъ.—Только молодость способна на подобныя вещи. Пріѣхать издалека, чтобы попасть къ концу ужина! Позвольте представить вамъ прекраснаго юношу, г. Эгберта Геймвальда изъ Вѣны, отчасти моего воспитанника, и г. Гуго Шпринга, будущаго принца Гамлета. Давайте намъ скорѣе вина; послѣ дальней дороги всегда мучитъ жажда.

Представивъ такимъ образомъ незнакомыхъ людей, графъ отвлекъ отъ себя вниманіе общества, и отчасти объяснилъ свое долгое отсутствіе. Вслѣдъ затѣмъ графъ подошелъ къ Пухгейму и сказалъ ему вполголоса, но настолько громко, что многіе могли услышать его слова:

— Совѣтую вамъ, баронъ, обратить вниманіе на этимъ молодыхъ людей, которыхъ можно считать украшеніемъ нашего австрійскаго бюргерства.

Цѣль графа Вольфсегга была вполнѣ достигнута.

Неожиданное появленіе двухъ незнакомцевъ на столько поглотило вниманіе общества, что никому и въ голову не приходило справляться о причинахъ долгаго отсутствія хозяина дома, такъ какъ пріѣздъ молодыхъ людей достаточно объяснялъ его. Друзья графа тотчасъ же рѣшили, что Эгбертъ и его пріятель явились въ замокъ не съ простымъ визитомъ, а съ какимъ нибудь тайнымъ порученіемъ

изъ Тироля, Пруссіи или Вестфаліи, такъ какъ недовольство противъ иноземнаго владычество достигло крайнихъ предѣловъ въ тогдашней Германіи. Бонапартъ хотѣлъ насильственно заставить нѣмецкій народъ признать свое господство; и эта цѣль проводилась нагло и открыто его братьями и маршалами, и втайнѣ его вассалами—князьями Рейнскаго союза. Въ это время, между нѣмецкими патріотами опять воскресла надежда, что австрійскій королевскій домъ возьметъ на себя иниціативу освобожденія Германіи и отстоитъ ее въ рѣшительной борьбѣ, съ помощью своего гордаго и могущественнаго дворянства. Ко всѣмъ знатнымъ и богатымъ дворянскимъ родамъ въ Австріи посланы были патріотическія воззванія и тѣ изъявили полную готовность пожертвовать жизнью и всѣмъ своимъ богатствомъ для общаго дѣла. Казалось вернулись снова времена римскаго Цезаря и его легіоновъ. Положеніе дѣлъ было такое же отчаянное, какъ и въ первые времена германской исторіи, когда въ Гессенѣ и вдоль Рейна стояли римскія укрѣпленія и сторожевыя башни, а ликторы Вара проходили черезъ лѣса и деревни съ топоромъ и бичемъ въ рукахъ. Какъ тогда такъ и теперь, вся Германія была одушевлена желаніемъ свободы и надеждой освободиться отъ иноземнаго ига.

Противъ Бонапарта составился тайный заговоръ цѣлаго народа; всѣ сословія Германіи, соединенныя узами братской любви и взаимной вѣрности, вооруженные ненавистью противъ общаго врага ожидали часа, когда Австрія позоветъ ихъ на защиту родины. Чувство патріотизма въ это время было сильнѣе вѣковыхъ традицій и сглаживало разницу состояній и старый сословный антагонизмъ. Похвалы, расточаемыя графомъ обоимъ юношамъ были приняты его друзьями какъ доказательство, что и они принадлежатъ къ великому союзу и подготовили имъ самый дружелюбный пріемъ. Эгбертъ совсѣмъ растерялся отъ привѣтствій всѣхъ этихъ знатныхъ господъ, которые наперерывъ жали ему руку, а молодой Ауерспергъ въ порывѣ чувствъ даже неожиданно заключилъ его въ свои объятія. Не менѣе привѣтливо обошлась съ молодыми людьми и сестра хозяина, маркиза Гондревилль.

Въ пользу Эгберта говорила и то, что его фамилія была извѣстна въ высшемъ обществѣ. Отецъ Эгберта въ свое время былъ однимъ изъ первыхъ врачей въ Вѣнѣ и многіе изъ присутствующихъ были обязаны ему или своей жизнью или спасеніемъ своихъ родныхъ отъ тяжелой болѣзни.

Эгбертъ держалъ себя очень скромно и съ тѣмъ тактомъ и достоинствомъ, которое дается хорошимъ образованіемъ, хотя ему не доставало свѣтскаго лоска и той свободы обращенія, которая была замѣтна въ манерахъ его пріятеля Гуго, и которая пріобрѣтается только навыкомъ. Очутившись въ совершенно незнакомомъ обществѣ молодые люди изъ боязни сказать что нибудь лишнее отвѣчали уклончиво на всѣ вопросы объ ихъ путешествіи и слухахъ объ испанскомъ возстаніи и свиданіи двухъ императоровъ.

Графъ Ульрихъ, внимательно наблюдавшій за ними все время, остался вполнѣ доволенъ поведеніемъ обоихъ юношей и, успокоившись на ихъ счетъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Цамбелли.

Итальянецъ, со времени возвращенія графа въ залу, не двигался съ мѣста и казалось весь былъ поглощенъ бесѣдой съ прекрасной Антуанетой, которая стояла противъ него въ дверяха балкона. Графъ не могъ разглядѣть лица Цамбелли, потому что онъ сидѣлъ спиной къ обществу и только разъ поднялъ руку, какъ будто указывая на утесъ по ту сторону озера. Антуанета стояла съ поникшей головой, и въ ея роскошныхъ волосахъ, причесанныхъ какъ у греческихъ статуй живописно отражался серебристый отблескъ луны. Глядя на нее трудно было рѣшить—исполняла ли она только приказаніе дяди, занять этого опаснаго человѣка или сама поддалась обаянію его увлекательнаго краснорѣчія.

Остальное общество не обращало никакого вниманія на одинокую пару; одни пили, другіе весело болтали съ молодыми людьми, подоспѣвшими во время, чтобы разогнать скуку, которую уже начали ощущать собравшіеся гости послѣ многихъ часовъ проведенныхъ вмѣстѣ.

— Кто на землѣ можетъ назвать себя счастливымъ, сказалъ Цамбелли грустнымъ тономъ, обращаясь къ своей собесѣдницѣ—и, наконецъ, что такое счастье? Если оно обусловливается спокойствіемъ и довольствомъ, то развѣ оно достижимо для людей? Развѣ страсть бываетъ спокойна, и можетъ ли человѣкъ удовлетвориться тѣмъ, что онъ имѣетъ, хотя бы онъ достигъ цѣли всѣхъ своихъ стремленій? Я бы не говорилъ съ такою увѣренностью, еслибы люди, достигшіе богатства и могущества научились умѣрять свои требованія. Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ въ этой залѣ, только одинъ человѣкъ близокъ къ счастью.

— Кто-же этотъ одинъ?

— Вашъ дядя, графиня. Помимо его личныхъ достоинствъ, ума, завиднаго положенія и богатства, онъ еще пользуется рѣдкимъ преимуществомъ—желать возможнаго. Быть можетъ меня обманываетъ его наружное спокойствіе и онъ требуетъ отъ судьбы больше, нежели она даетъ ему; но этого не видно. Его жизнь полна гармоніи; сравнительно съ нимъ всѣ остальные люди кажутся мнѣ какими-то надорванными, жалкими и несчастными.

— Между тѣмъ дѣйствительность прямо противорѣчитъ вашимъ словамъ, сказала Антуанета. Посмотрите на этихъ людей, какъ они веселы и какъ пріятно проводятъ время и вдобавокъ спятъ такимъ непробуднымъ сномъ, которому можно позавидовать.

— Масса, возразилъ Цамбелли — всегда напоминаетъ мнѣ тѣхъ насѣкомыхъ, которые родятся и умираютъ въ одинъ и тотъ же день; развѣ ей доступно счастье, глубина горя, слава, безсмертіе?... Если тупость ума и нечувствительность сердца составляютъ счастье... то кто

же можетъ желать подобнаго существованія! На противоположныхъ полюсахъ человѣчества стоятъ немногіе избранные, которые ясно понимаютъ цѣль своихъ стремленій и неуклонно идутъ къ ней: на одномъ полюсѣ баловни судьбы, достигшіе своей цѣли съ челомъ, увѣнчаннымъ лаврами, на другомъ—несчастные, сгорающіе на собственномъ огнѣ неудовлетворенныхъ желаній; между ними бушуетъ темное и безъимянное человѣческое море, существующее только для этихъ немногихъ избранныхъ. Если бы оно могло чувствовать и сознавать свою участь, то она сдѣлалась бы невыносимой для него. Людей можно раздѣлить на три разряда: одни сдѣланы изъ воска, другіе изъ стали, а третьи изъ кожи. Воскъ таетъ отъ солнца, сталь разлетается подъ ударами молотка, но кожу не беретъ ни молотокъ, ни солнце.

— Все это очень остроумно, шевалье. Но я не понимаю, какое вы имѣете основаніе издѣваться надъ обществомъ и смотрѣть свысока на все человѣчество?

— Какое я имѣю основаніе! И вы говорите мнѣ это, графиня; вы, единственная личность, отъ которой я ожидалъ, что она пойметъ меня, потому что знаетъ муку неудовлетворенныхъ желаній и потому что ея душа слишкомъ возвышенна и горда для этихъ людей...

Видя, что молодая дѣвушка робко отступила на балконъ, смущенная его словами, итальянецъ рѣшился продолжать.

— Нѣтъ, я не ошибся, графиня Антуанета. Вы принадлежите къ тѣмъ прекраснымъ, но несчастнымъ натурамъ, которыя не довольствуются обыденной жизнью. Развѣ можетъ удовлетворить васъ однообразная жизнь въ одинокомъ замкѣ, гдѣ вы должны довольствоваться исполненіемъ дочеринскихъ обязанностей и выслушивать день за день любовныя объясненія добросердечныхъ деревенскихъ юношей, быть королевой среди крестьянъ; развѣ эта участь достойна васъ! Конечно, она совпадаетъ съ понятіемъ о назначеніи женщинъ, которое составилось у вашего дяди и у здѣшнихъ господъ, требующихъ отъ женщины рабскаго подчиненія мужчинѣ. Такой взглядъ можетъ возмущать васъ и вы должны рано или поздно разорвать свои оковы.

— У васъ богатая фантазія, шевалье, холодно замѣтила Антуанета—и я не понимаю, какъ могли вы истолковать такимъ образомъ то грустное настроеніе, въ которомъ вы видѣли меня иногда и которое было прямо вызвано тяжелыми обстоятельствами моего семейства. А если я однажды въ вашемъ присутствіи пожелала имѣть крылья, чтобы улетѣть на какую-то звѣзду, то это такое ребячество, о которомъ говорить не стоитъ.

— Если можно назвать ребячествомъ стремленіе къ лучшей жизни и предпочтеніе высотъ передъ низменностями. Но вы несправедливы къ себѣ, графиня. Выраженіе вашего лица противорѣчитъ вашимъ словамъ. Развѣ мысль о свободѣ не улыбалась вамъ за минуту передъ тѣмъ, когда глаза ваши слѣдили за облаками... и какъ будто

искали въ нихъ разрѣшенія мучившихъ васъ вопросовъ? Не думайте, чтобы я навязывался на ваше довѣріе — я далекъ отъ такой смѣлости и помню разницу нашего общественнаго положенія. Только ночные мотыльки летятъ на огонь и обжигаютъ себѣ крылья. Но мнѣ не хотѣлось остаться непонятымъ. Не смотря на то, что я постоянно окруженъ людьми, я чувствую себя одинокимъ, такъ какъ у меня нѣтъ ни родныхъ, ни друзей. Мнѣ казалось, что въ васъ я найду отголосокъ моимъ страданіямъ и я осмѣлился заговорить съ вами о томъ, въ чемъ вы боитесь сознаться даже передъ собою. Если это преступленіе, то простите меня...

— Мнѣ нечего прощать васъ, сказала Антуанета. Каждый изъ насъ убѣжденъ, что можетъ читать въ душѣ другого.

— И свое собственное настроеніе приписываетъ другимъ—добавилъ Цамбелли.—Недовольному кажется, что весь свѣтъ чувствуетъ тоже, что и онъ. Но такъ, какъ я уже отчасти началъ свою исповѣдь, то позвольте докончить ее. Вашъ дядя упрекаетъ меня въ непомѣрномъ честолюбіи и еще въ одномъ порокѣ, о которомъ умалчиваетъ изъ вѣжливости—это въ крайней бѣдности. Послѣднее побуждаетъ меня завидовать богатымъ, между тѣмъ какъ всѣмъ кажется, что я только насмѣхаюсь надъ ними. Меня постоянно мучитъ безпокойное желаніе возвыситься надъ толпой. Это желаніе нельзя назвать ни преступнымъ ни безумнымъ. Дѣйствительность превосходитъ подчасъ самыя невѣроятныя мечты. Кто могъ ожидать, что рушится старый свѣтъ? Развѣ не поучителенъ примѣръ Наполеона I, его жены, сестеръ, братьевъ, маршаловъ, которые еще такъ недавно вышли изъ ничтожества, а теперь занимаютъ чуть ли не самые старые престолы Европы. Въ виду этого у каждаго честолюбиваго человѣка можетъ явиться естественное желаніе принять дѣятельное участіе въ этой грандіозной и дикой охотѣ за счастьемъ, которую революція открыла для всѣхъ съ одинаковыми шансами поймать добычу.

— Или погибнуть, возразила Антуанета.

— Конечно, не всѣ могутъ быть побѣдителями. Но лучше умереть въ борьбѣ, чѣмъ оставаться въ лѣнивомъ бездѣйствіи; лучше погибнуть отъ землетрясенія, чѣмъ покойно умереть въ постели отъ старости и болѣзни.

— Значитъ, вы предполагаете во мнѣ ту же потребность борьбы и волненій? съ живостью спросила Антуанета.

Цамбели собирался отвѣтить, но въ этотъ моментъ маркиза Гондревилль позвала свою дочь.

Эгбертъ, стоявшій около маркизы, увидѣлъ идущую черезъ залу прекрасную, стройную фигуру молодой дѣвушки въ бѣломъ легкомъ платьѣ. Ея изящныя, обнаженныя руки, тѣнь неудовольствія и раздумья на лицѣ, грустный и почти мрачный взглядъ, который она бросила на него—все это вмѣстѣ произвело на Эгберта неизгладимое впечатлѣніе. Онъ никогда не видѣлъ такой женщины и она показа-

лась ему видѣніемъ, которое должно исчезнуть также внезапно, какъ оно появилось. Онъ не понялъ, что сказала маркиза своей дечери, видѣлъ только, какъ та протянула ему руку и сказала что то своимъ звучнымъ, пріятнымъ голосомъ. Машинально и какъ будто во снѣ онъ прикоснулся къ ея рукѣ; затѣмъ ему казалось, что они говорили о чемъ то между собою, но это были для него слова безъ содержанія, которые совершенно изгладились изъ его памяти. Въ пылу восторга онъ забылъ, гдѣ онъ и все окружающее. По счастью ни кто не мѣшалъ ему предаваться своимъ размышленіямъ, такъ какъ въ этотъ моментъ всѣ забыли объ его существованіи. Было уже около полуночи и гости поднялись съ своихъ мѣстъ. Графъ и сестра его переходя отъ одной группѣ къ другой уговаривали ихъ остаться по крайней мѣрѣ до двѣнадцати часовъ. Пухгеймъ прежде всѣхъ заявилъ о своемъ согласіи.

— Нашъ хозяинъ правъ, какъ всегда, сказалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ; не мѣшаетъ выпить на прощанье еще стаканчикъ вина. На землѣ все дѣло одной минуты; кто знаетъ, можетъ быть мы завтра же разойдемся въ разныя стороны, какъ Наполеонъ съ Александромъ I?

Заявленіе это встрѣтило общее одобреніе, и тотчасъ же по распоряженію хозяина появились слуги съ налитыми стаканами вина на серебряныхъ подносахъ. Молодыя дѣвушки и дамы окружили Антуанету, чтобы сговориться съ нею о предстоящей прогулкѣ.

Эгбертъ удалился изъ средины залы въ одну изъ глубокихъ стѣнныхъ нишъ, чтобы насладиться лицезрѣніемъ Антуанеты. Онъ невольно сравнивалъ ее съ окружавшими ее подругами и она казалась ему неизмѣримо лучше и прекраснѣе всѣхъ ихъ. При одной мысли, что онъ опять увидитъ ее на слѣдующій день, имъ овладѣла такая радость, какую онъ не испытывалъ въ жизни; его мечты въ эту минуту не простирались далѣе этого.

Въ это время къ Антуанетѣ подошелъ Цамбелли и ея образъ тотчасъ же затмился для Эгберта при видѣ его мрачной фигуры съ темными волосами и бронзовымъ цвѣтомъ лица. Влюбленный юноша чувствовалъ, какъ судорожно сжалось его сердце, когда онъ замѣтилъ, что въ этотъ моментъ яркая краска покрыла до висковъ щеки молодой дѣвушки.

— Что вы такъ удалились отъ насъ, Эгбертъ? сказалъ графъ, проходя мимо него. — Вы вѣрно устали отъ сегодншняго дня, но я надѣюсь, что вы отдохнете въ моемъ домѣ.

— Кто этотъ господинъ, который разговариваетъ съ графиней? спросилъ съ живостью Эгбертъ. — У него такая наружность, которая невольно обращаетъ на себя вниманіе.

— Не правда ли? Это несомнѣнно самый выдающійся изъ моихъ гостей. Его зовутъ Витторіо Цамбелли. Онъ родомъ изъ итальянскаго

Тироля, младшій сынъ одной дворянской фамиліи. Хотите я познакомлю васъ съ нимъ?

— Нѣтъ, графъ, я не желаю этого.

Въ эту минуту кто-то изъ гостей позвалъ графа и Эгбертъ остался одинъ.

На другой сторонѣ залы ненавистный для него человѣкъ, имя котораго онъ только что узналъ, разговаривалъ съ молодой графиней о какомъ-то важномъ и тайномъ дѣлѣ. Эгбертъ заключилъ это изъ того, что подруги Антуанеты отошли отъ нея и она осталась одна съ итальянцемъ. Она отвѣчала ему односложно, но слушала его очень внимательно. У Эгберта явилось сильное желаніе помѣшать ихъ разговору, и онъ уже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, чтобы подойти къ нимъ, однако, свѣтскіе обычаи и привычки оказались сильнѣе ревности. Но то, что онъ увидѣлъ теперь, превзошло всѣ его ожиданія. Цамбелли наклонился къ рукѣ Антуанеты и прижалъ ее къ своимъ губамъ съ страстнымъ порывомъ. Эгбертъ ждалъ, что дѣвушка съ негодованіемъ вырветъ у него руку и не потерпитъ такого оскверненія. Но правая ея рука оставалась въ его рукѣ... При видѣ этого, вся кровь прилила къ сердцу Эгберта и онъ, не помня себя, подошелъ къ нимъ поспѣшными шагами.

Оживленная бесѣда графини съ итальянцемъ повидимому раздражила еще одного человѣка, который не счелъ нужнымъ скрывать своего неудовольствія и имѣлъ на это болѣе правъ, чѣмъ Эгбертъ. Это былъ молодой Ауерспергъ, который подошелъ къ Цамбелли съ такимъ вызывающимъ видомъ, что тотъ поспѣшно отпустилъ руку Антуанеты и простился съ нею съ почтительнымъ поклономъ. Но избѣгая ссоры съ своимъ вспыльчивымъ противникомъ, Цамбелли такъ быстро отвернулся отъ него, что столкнулся съ Эгбертомъ.

— Извините меня, милостивый государь, сказалъ Цамбелли, взглянувъ въ лицо юноши. Онъ не обратилъ никакого вниманія на волненіе Эгберта, потому что ему и въ голову не приходило, чтобы тотъ могъ чувствовать къ нему ненависть, не обмѣнявшись съ нимъ ни единымъ словомъ. Но его живо интересовала личность молодого бюргера, съ которымъ графъ обходился какъ съ старымъ знакомымъ и которому маркиза, эта гордая аристократка, помѣшанная на тщеславіи, выказывала чуть ли не материнскую нѣжность. Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія Цамбелли, не смотря на его философскія разсужденія съ Антуанетой о свѣтѣ и человѣческой судьбѣ.

„Если тутъ скрывается какая нибудь тайна, подумалъ онъ, то не трудно будетъ раскрыть ее, потому что этотъ бѣлокурый юноша кажется мнѣ олицетвореніемъ откровенности“.

— Извините меня еще разъ, продолжалъ Цамбелли своимъ изысканно вѣжливымъ тономъ. — Если я не ошибаюсь, то видѣлъ васъ сегодня, милостивый государь, въ Ламбахѣ?

— Это невозможно, потому что я не былъ въ Ламбахѣ, коротко отвѣтилъ Эгбертъ.

— Неужели я ошибся? сказалъ Цамбелли, въ надеждѣ вызвать юношу на откровенность. — Это было на большой дорогѣ; я ѣхалъ верхомъ изъ Гмундена, вы шли съ сѣвера.

Дерзкая навязчивость итальянца вывела изъ терпѣнія Эгберта и онъ рѣшилъ отплатить ему той же монетой.

— Какое странное совпаденіе! сказалъ онъ, стараясь сохранить хладнокровіе;—а я такъ положительно убѣжденъ, что видѣлъ васъ у мельницы Рабенъ.

Эгбертъ назвалъ первое попавшееся мѣсто, которое пришло ему въ голову, но Цамбелли сильно смутился и отступилъ назадъ съ видомъ человѣка, передъ которымъ открывается пропасть.

— Значитъ это была игра моей фантазіи, сказалъ Цамбелли,—если только вы не имѣете двойника. Впередъ этого не случится, потому что лицо ваше никогда не изгладится изъ моей памяти.

— Я также не забуду васъ, отвѣтилъ Эгбертъ тѣмъ же тономъ.

Въ этотъ моментъ мимо него прошла Антуанета, провожавшая своихъ подругъ. Ея гордый и спокойный видъ отрезвилъ Эгберта. Что за безумная мечта овладѣла имъ! Какое ему дѣло до молодой графини и до того, кто нравится ей? Развѣ онъ можетъ играть какую нибудь роль въ этомъ обществѣ, въ которое онъ попалъ только благодаря случаю и помимо своей воли!

Печальныя размышленія Эгберта были прерваны хозяиномъ дома, который подойдя къ нему, положилъ руку на его плечо.

— Вы отлично держали себя, Эгбертъ, сказалъ онъ. Первый шагъ сдѣланъ, а это самое трудное! Къ обществу вовсе не такъ трудно привыкнуть, какъ это кажется съ перваго взгляда.

— Я не понимаю васъ, графъ. Но мнѣ кажется, что тотъ міръ, о которомъ вы говорите, навсегда останется мнѣ чуждымъ и никогда не будетъ мнѣ по душѣ.

— Можетъ быть я ошибся, но мнѣ показалось, что вы имѣли непріятный разговоръ съ итальянцемъ и уже вѣроятно считаете его своимъ врагомъ. Но вѣрьте мнѣ, что непріязненныя отношенія иногда бываютъ полезнѣе дружбы. Однако мнѣ нужно провожать моихъ гостей. Желаю вамъ покойной ночи. Антонъ позаботится о васъ и вашемъ пріятелѣ.

Кругомъ ихъ слышались отрывочныя восклицанія:

— Счастливаго пути!

— До свиданія.

— Дня черезъ три, если погода не испортится, устроимъ прогулку на озерѣ.

— Да, непремѣнно!

— Какая отличная охота была у насъ сегодня!

Среди всѣхъ этихъ отрывочныхъ разговоровъ, привѣтствій и пожи-

манія рукъ, то тутъ, то тамъ слышались изъясненія въ дружбѣ и братскіе поцѣлуи, которымъ не мало способствовало вино хозяина. Но всѣхъ дольше и нѣжнѣе прощались молодыя дѣвушки съ Антуанетой. Слуги ждали господъ въ сѣняхъ съ шляпами и шинелями въ рукахъ; на дворѣ, фантастически освѣщенномъ горящими факелами стояли запряженные экипажи, фыркали лошади и нетерпѣливо били копытами объ землю.

Эгбертъ и Гуго, усталые и отчасти ошеломленные непривычнымъ блескомъ и роскошью, вышли незамѣтно изъ залы и послѣдовали за управляющимъ, который съ свѣчей въ рукахъ проводилъ ихъ въ приготовленную для нихъ комнату въ верхнемъ этажѣ замка.

ГЛАВА III.

Желаніе графа не исполнилось. Эгберту не спалось всю ночь; воображеніе рисовало ему то свѣтлыя, то страшныя картины, которыя не давали ему ни минуты покоя. Переходъ отъ смерти Бурдона къ блестящему празднику въ замкѣ, разговоръ съ графиней, затѣмъ съ итальянцемъ, оставили слишкомъ глубокій слѣдъ въ его впечатлительной душѣ, и у него нѣсколько разъ являлось желаніе разбудить своего пріятеля и сообщить ему мучившія его ощущенія. Но онъ стыдился собственнаго малодушія и рѣшилъ терпѣливо ожидать наступленія утра.

Наклонность къ мечтательности проявилась въ Эгбертѣ съ ранняго дѣтства; она была отчасти унаслѣдована имъ отъ матери и частью привита воспитаніемъ. Онъ былъ единственный сынъ вполнѣ достойныхъ родителей, но совершенно не подходящихъ другъ къ другу, ни по лѣтамъ, ни по взглядамъ и чувствамъ. Отецъ его, человѣкъ образованный, добродушный и одаренный сильной волей, былъ лучшимъ ученикомъ знаменитаго доктора Гергарда Свитена въ Вѣнѣ, между тѣмъ какъ его мать, готовившая себя въ пѣвицы, вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ должна была отказаться отъ любимой мечты и выйти замужъ за человѣка, гораздо старшаго ея лѣтами, къ которому она ничего не чувствовала кромѣ уваженія. Разница лѣтъ и чувствъ не могла не привести къ душевному разладу между супругами, хотя ни одинъ изъ нихъ не могъ пожаловаться на другого и люди завидовали ихъ счастью. Если въ сердцѣ г-жи Геймвальдъ были неудовлетворенныя стремленія, то она старательно скрывала ихъ и относилась къ мужу съ такою нѣжною заботливостью и уваженіемъ, что при его утомительныхъ ежедневныхъ занятіяхъ онъ едва замѣчалъ недостатокъ болѣе полной гармоніи въ его супружеской жизни. Рож-

деніе ребенка пополнило до извѣстной степени существующій между ними пробѣлъ и они какъ будто старались превзойти другъ друга въ своей любви къ нему. Отецъ взялъ на себя его физическое и умственное развитіе и, находя много недостатковъ въ школьномъ образованіи, рѣшилъ воспитывать его дома. Рѣдко можно было найти болѣе способнаго и физически развитого мальчика, какъ Эгбертъ; но отсутствіе товарищей должно было гибельно отразиться на его характерѣ, и развить въ немъ фантазію въ ущербъ другихъ способностей. Такъ какъ свѣтъ ограничивался для него родительскимъ домомъ и садомъ, то онъ сталъ тяготиться дѣтьми, изрѣдка посѣщавшими ихъ домъ, и самъ не любилъ бывать у нихъ. Онъ охотнѣе слушалъ сказки матери и разыгрывалъ ихъ потомъ на своемъ кукольномъ театрѣ. Отецъ былъ слишкомъ занятъ, чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ этомъ явленіи, а съ другой стороны, мечтая сдѣлать изъ своего сына знаменитаго ученаго или изслѣдователя, онъ не прочь былъ оградить его отъ впечатлѣній внѣшняго міра и вредныхъ вліяній. „Одиночество никому не вредитъ — говаривалъ онъ,—и возвышаетъ мудреца, ограждая его отъ всякихъ пятенъ“.

Благодаря такому воспитанію, Эгбертъ почувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ послѣ смерти отца. Горькіе опыты и разочарованія не замедлили встрѣтить увлекающагося юношу при первомъ его вступленіи въ свѣтъ и побудили его искать успокоенія у своего домашняго очага. Здѣсь все соотвѣтствовало его вкусамъ и желаніямъ, ничто не мѣшало предаваться любимымъ мечтамъ въ ущербъ серьознымъ занятіямъ, которыя также пошли совсѣмъ иначе послѣ смерти отца. Старикъ Геймвальдъ намѣревался послать своего сына въ Берлинъ для окончанія его медицинскаго образованія и мать Эгберта вѣроятно подчинилась бы волѣ мужа при его жизни; но теперь подобная жертва была слишкомъ тяжела для нея. Эгбертъ съ своей стороны не настаивалъ и все глубже и глубже пускалъ корни въ родной почвѣ, встрѣчая въ этомъ поддержку со стороны своихъ друзей и опекуновъ, такъ какъ по ихъ понятіямъ, Вѣна имѣла такихъ же, если еще не лучшихъ врачей и преподавателей, какъ и сѣверная столица. Эгбертъ сначала горячо принялся за занятія, но скоро охладѣлъ къ нимъ; профессора и ихъ лекціи не удовлетворили мечтательнаго юношу; ему казалось, что ихъ воззрѣнія на науки слишкомъ узки, сравнительно съ широкимъ и возвышеннымъ пониманіемъ его отца. На вопросы, которые онъ дѣлалъ своимъ преподавателямъ относительно связи тѣла съ духомъ, причинъ возникновенія мысли и т. п., ему отвѣчали холодно и съ усмѣшкой, такъ какъ подобные вопросы въ глазахъ ученыхъ представителей тогдашняго медицинскаго міра казались не болѣе какъ дѣтскими бреднями и поэтическими новомодными фантазіями, неприличными для врача.

Такимъ образомъ, Эгбертъ и здѣсь встрѣтилъ полный разладъ дѣйствительности съ тѣмъ идеаломъ, къ которому стремился по же-

ланію отца и по собственному убѣжденію. Хотя онъ и продолжалъ изучать медицину, но занимался одинъ и безъ всякой послѣдовательности, такъ что постепенно и незамѣтно для него самого его занятія свелись къ простому дилетантизму. Къ этому прибавились еще неизбѣжныя хлопоты и дѣла по наслѣдству, которое оказалось довольно значительнымъ. Помимо дома въ Вѣнѣ, старикъ Геймвальдъ оставилъ сыну еще довольно большую поземельную собственность по близости Шенбрунна. Хотя имѣніе было передано въ руки вѣрнаго арендатора, но потребовались улучшенія и поправки, въ которыхъ молодой наслѣдникъ долженъ былъ волей-неволей принять участіе. Эгбертъ съ удивленіемъ увидѣлъ, какъ много людей поставлено въ зависимость отъ него; со всѣхъ сторонъ стали обращаться къ нему съ различными просьбами, одни въ надеждѣ эксплуатировать его, другіе, разсчитывая на его желаніе добра и юношескую потребность дѣятельности. Эгбертъ охотно отказался бы отъ всѣхъ дѣлъ, такъ какъ чувствовалъ сильное стремленіе къ лѣнивой и созерцательной жизни, которое увеличивалось прирожденной безпечностью и воспитаніемъ въ богатомъ домѣ. Можетъ быть онъ и послѣдовалъ бы этому стремленію, еслибы его не удерживало воспоминаніе о вѣчно дѣятельномъ отцѣ и матери, которая изъ чувства семейнаго долга пожертвовала своими надеждами на болѣе блестящую будущность и вышла замужъ за нелюбимаго человѣка.

Наконецъ, мало по малу, Эгбертъ сталъ привыкать къ сельской жизни; его заняли постройки, охота, верховая ѣзда и онъ сталъ также сильно увлекаться природой, какъ прежде наукой и отвлеченными мышленіями. Его поэтическая натура требовала исхода; онъ чувствовалъ въ себѣ запасъ силъ и не зналъ, какъ употребить ихъ. Отдавая себѣ отчетъ въ своей дѣятельности, онъ находилъ ее ничтожной и почти безцѣльной; о достиженіи идеала не могло быть и рѣчи, потому что возможность совершать великія и добрыя дѣла дается не всѣмъ и только при извѣстныхъ условіяхъ. Изъ людей окружавшихъ Эгберта весьма немногіе могли сравняться съ нимъ образованіемъ, и ни одинъ не удовлетворялъ его съ нравственной стороны. Эгбертъ чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ. Онъ былъ увѣренъ, что призванъ къ чему-то необыкновенному и тѣмъ сильнѣе сознавалъ свое ничтожество. Онъ не былъ ни ученымъ, ни художникомъ, ни даже простымъ дѣльцомъ. Общее политическое движеніе, охватившее тогда всю Германію, не интересовало его. Хотя онъ считалъ себя хорошимъ австрійцемъ и патріотомъ, но ему и въ голову не приходило, что и на немъ лежитъ обязанность защищать свою родину, народность и языкъ отъ иноземнаго господства. По его мнѣнію, это было дѣло коронованныхъ особъ, дворянства и солдатъ, а его долгъ относительно государства заключается только въ томъ, чтобы исправно платить подати, вносить свою лепту на разныя благотворительныя дѣла и исполнять законы. Многіе изъ великихъ, уважаемыхъ имъ поэтовъ точно также смотрѣли на свои гражданскія

обязанности и, убѣгая отъ мрачной дѣйствительности, искали спасенія въ безмятежной области искусства и блаженныхъ мечтаній. Здѣсь было полное примиреніе и гармонія, между тѣмъ, какъ на землѣ шла дикая стихійная борьба. То же отчужденіе отъ политики встрѣчалъ Эгбертъ и въ той средѣ, въ которой вращался. Въ кружкахъ Вѣнскаго бюргерства политическій разговоръ былъ тогда рѣдкостью. Всѣ жалѣли о потерѣ Аустерлицкой битвы, но утѣшали себя мыслью, что такое же пораженіе потерпѣли ненавистные пруссаки при Іенѣ. Побѣдоносные лавры Наполеона I внушали почтеннымъ бюргерамъ больше удивленія, нежели ненависти. Болѣе смѣлые изъ нихъ поговаривали втихомолку, что революція имѣла свои хорошія стороны и, что въ Австріи, со времени послѣдняго пораженія, произошло не мало благодѣтельныхъ перемѣнъ относительно народнихъ правъ. Но всѣ эти разговоры давно перестали занимать Эгберта, такъ какъ были слишкомъ извѣстны ему.

Графъ Ульрихъ былъ единственный человѣкъ, которому удалось заинтересовать Эгберта своей бесѣдой и произвести на него глубокое впечатлѣніе. Это было четыре года тому назадъ, когда графъ впервые явился къ нимъ въ домъ чтобы повидаться съ его матерью. У нихъ повидимому шли переговоры о какомъ-то важномъ и тайномъ дѣлѣ. потому что въ это время они всегда удаляли Эгберта. Графъ въ подобныхъ случаяхъ старался быть вдвойнѣ предупредительнымъ съ Эгбертомъ, и ихъ разговоры съ графомъ, сначала мимолетные и короткіе, становились все продолжительнѣе и оживленнѣе. Юноша нравился графу своей сердечностью, впечатлительной и увлекающейся натурой; графъ старался развить его, не задаваясь никакими властолюбивыми цѣлями, и потому вліяніе его было тѣмъ сильнѣе и безграничнѣе. Что же касается Эгберта, то онъ безусловно восхищался личностью графа, такъ какъ никогда еще не встрѣчалъ человѣка съ такой сильной волей, разностороннимъ умомъ и образованіемъ и съ такими увлекательными манерами. Въ вопросахъ, относящихся къ области искусствъ, житейской мудрости и особенно политики, Эгбертъ удивлялся ясности и глубинѣ сужденій графа Ульриха, хотя они нерѣдко противорѣчили его собственнымъ воззрѣніямъ. Онъ молча слушалъ его и только изрѣдка рѣшался прервать его какимъ нибудь замѣчаніемъ. Передъ нимъ открылся новый, невѣдомый міръ: впервые въ головѣ его зародилась мысль, что идея государства представляетъ собою нѣчто законченное, какъ всякое произведеніе искусствъ и полна глубокаго значенія и смысла. Но до сихъ поръ всѣ разговоры Эгберта съ графомъ Ульрихомъ имѣли чисто теоретическій характеръ: графъ не рѣшался посвящать юношу въ тайну своихъ политическихъ замысловъ и вообще избѣгалъ всякихъ откровенныхъ разговоровъ. Послѣ смерти матери Эгберта ихъ сношенія на время прекратились. Теперь судьба опять свела ихъ, и графъ въ первый разъ пригласилъ Эгберта къ себѣ въ домъ. Этотъ знакъ довѣрія глубоко тронулъ впе-

чатлительнаго юношу и, мало по малу, послѣ долгой безсонной ночи чувство благодарности взяло верхъ надъ всѣми другими ощущеніями и ревностью къ прекрасной Антуанетѣ. Къ утру онъ уже сталъ горько упрекать себя за сомнѣнія, возникшія въ его душѣ.

— Можно ли сомнѣваться въ прекрасномъ, воскликнулъ онъ вслухъ.—и уничтожать величіе святыни, отыскивая въ ней пятна!

— Сомнѣнія приводятъ къ истинѣ, отвѣтилъ Гуго, открывая глаза и потягиваясь съ удовольствіемъ на мягкомъ тюфякѣ.—Я не знаю, что ты находишь великаго и святого въ этой молодой графинѣ и старой маркизѣ. Держу пари, что ихъ не даромъ показали намъ.

— Какъ ты странно выражаешься.

— Извини, пожалуйста, я не точно выразился, потому что ты одинъ удостоился чести быть представленнымъ этимъ дамамъ. Но за то мнѣ подали отличный кусокъ паштета съ дичью и я влилъ въ себя нѣсколько стакановъ дорогого вина.

— Неужели на тебя не произвели никакого впечатлѣнія все это великолѣпіе и блескъ? спросилъ Эгбертъ.

— Мнѣ собственно понравился одинъ долговязый баронъ Пухгеймъ; всѣ же остальные — нули, которые сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія.

— Мнѣ всегда досадно слушать, когда ты такъ отзываешься о людяхъ.

— Ну, а что касается всей обстановки, то наши студенческія вечеринки въ Галле сравнительно съ тѣмъ, что я видѣлъ вчера были банкетами Платона. Если бы я разсказалъ тебѣ... Жаль только, что у насъ въ Галле не было Аспазіи или Діотимы.

— Или Антуанеты!—невольно воскликнулъ Эгбертъ.

Гуго не слышалъ этого восклицанія или сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, и сталъ припоминать свою студенческую жизнь, которая окончилась такъ неожиданно, вслѣдъ за битвой при Іенѣ, когда французы вошли въ городъ и Наполеонъ приказалъ запереть профессорскія аудиторіи.

Эгбертъ не прерывалъ своего пріятеля и молча оканчивалъ свой туалетъ.

Наконецъ и Гуго счелъ нужнымъ подняться съ постели, но въ противоположность Эгберту, поднялъ такой шумъ и суету, что слуга, ожидавшій ихъ пробужденія въ корридорѣ, не смотря на ранній часъ утра, постучался въ дверь и учтиво предложилъ свои услуги, которыя были охотно приняты, такъ какъ Гуго совсѣмъ вошелъ въ роль знатнаго барина. Затѣмъ, тотъ же слуга подалъ имъ легкій завтракъ и Гуго не могъ воздержаться, чтобы не сдѣлать ему нѣсколько вопросовъ относительно вчерашнихъ гостей и даже полюбопытствовалъ узнать—всталъ ли графъ и гдѣ онъ?

— Его сіятельство уже вернулся съ утренней прогулки, отвѣтилъ слуга.

— Ну, а теперь мы отправимся на прогулку! воскликнулъ Гуго, взявъ подъ руку Эгберта.

Пріятели отправились въ садъ, примыкавшій къ замку, и вошли на терасу, съ которой открывался превосходный видъ на озеро, окрестныя мѣстечки и деревни и величественный Траунштейнъ. Утренній туманъ не окончательно разсѣялся, но солнце сіяло во всемъ блескѣ, а съ озера дулъ прохладный вѣтерокъ. Деревья уже были окрашены пестрыми красками осени и только кое-гдѣ виднѣлись темно-зеленые тисы, образуя собою, то сплошную стѣну, то красивую нишу. Садъ былъ устроенъ по всѣмъ правиламъ французскаго садоводства. Тутъ были и обстриженныя деревья, искусственные лабиринты, мраморныя фигуры во вкусѣ рококо—сатиры, похищающіе нимфъ, Геркулесъ съ палицей, вооруженная Минерва и выходящая изъ воды Венера. Многія изъ этихъ статуй попортились отъ времени и непогоды, но за то луга, куртины съ послѣдними осенними цвѣтами, дорожки и тѣнистыя аллеи содержались въ порядкѣ и были на-чисто выметены.

Садъ производилъ почти чарующее впечатлѣніе при торжественной утренней тишинѣ и постепенно исчезающемъ туманѣ. Чѣмъ-то сказочнымъ вѣяло отъ закрытыхъ ставенъ и оконъ, погруженнаго въ сонъ и какъ будто заколдованнаго замка. Даже болтливый Гуго умолкъ на нѣсколько минутъ и задумчиво ходилъ взадъ и впередъ по терасѣ вмѣстѣ съ Эгбертомъ, любуясь голубоватыми горами, которыя все яснѣе и яснѣе выступали на далекомъ горизонтѣ.

Пріятели спустились съ терасы и дошли до середины сада, гдѣ была большая площадка, отъ которой расходились лучеобразно восемь дорожекъ. Одна изъ нихъ особенно понравилась Эгберту своей мрачной красотой; она тянулась на нѣсколько сотъ шаговъ среди гигантскихъ пихтъ и вела къ мѣсту погребенія, гдѣ за красивой желѣзной рѣшеткой съ позолоченными верхушками покоились бренные остатки родителей графа Ульриха. Два сфинкса изъ чернаго базальта лежали сторожами у входа; напротивъ ихъ подъ тѣнью пихты стояла скамейка. Плакучія ивы склонялись надъ обѣими гробницами, а среди ихъ на высокой колоннѣ возвышался Геній Надежды, широко раскрывшій свои крылья.

Молодые люди сѣли на скамейку.

— Меня разбираетъ любопытство, сказалъ Гуго послѣ минутнаго молчанія,—приговитъ ли графъ такую великолѣпную могилу Жану Бурдону, этому вѣрнѣйшему изъ людей, какъ онъ самъ назвалъ его, когда мы выходили изъ дому лѣсного сторожа?

— Почему тебѣ пришло это въ голову?

— Изъ зависти. Я не завидую богатымъ и знатнымъ людямъ пока они живы; у нихъ также есть свои заботы, какъ у меня, и навѣрно больше непріятностей и болѣзней. Сравнительно всѣхъ счастливѣе нищій, который философски относится къ своему ремеслу и спокойно

практикуетъ его. Но когда умираетъ богачъ, тогда вполнѣ сказывается то преимущество, которое онъ имѣетъ передъ простымъ землянымъ червякомъ.

— Мнѣ всегда казалось, что смерть сглаживаетъ неравенство состояній.

— Ты называешь это сглаживаньемъ неравенства! воскликнулъ Гуго пожимая плечами.—Между тѣмъ ничто такъ не возбуждетъ мою зависть, какъ красивый надгробный памятникъ. Вотъ это былъ человѣкъ! говорятъ люди при видѣ такого памятника съ золотой надписью. Важно не то, какъ ты жилъ, а какую рѣчь скажутъ надъ твоимъ гробомъ, Отъ такихъ рѣчей жирѣетъ пасторъ,—говаривалъ мой отецъ, почтенный священникъ въ Вустергаузенѣ, и онъ былъ совершенно правъ. Умѣніе красно говорить о смерти можетъ составить славу оратору. Знаменитый профессоръ Вольфъ въ Галлѣ никогда не достигалъ такого паѳоса, какъ въ тотъ моментъ, когда онъ читалъ съ каѳедры стихи Гомера о непрочности земной жизни.

— Изъ тебя вѣроятно вышелъ бы отличный пасторъ, сказалъ улыбаясь Эгбертъ.

— Весьма возможно, я даже поступилъ въ Галльскій университетъ, чтобы сдѣлаться священникомъ и вмѣсто этого изъ меня вышелъ актеръ. Такъ распорядилась судьба. Если бы ты видѣлъ, какъ у насъ превосходно исполняли трагедіи Шиллера, то вѣрно покончилъ бы тѣмъ же...

— Можетъ быть, только я не рѣшился бы на это такъ легко, какъ ты, сказалъ Эгбертъ,—я не могъ бы такъ скоро отказаться отъ моего прошлаго.

— Все оттого, что ты, Эгбертъ, только мечтаешь о свободѣ, но у тебя нѣтъ силы добиться ея. Не смотри на меня такъ мрачно и не огорчайся этимъ. За то у тебя золотое сердце. Вотъ ужъ скоро три недѣли, какъ ты платишь за меня гульденъ за гульденомъ и ни разу даже не намекнулъ мнѣ объ этомъ.

— Ты забылъ то обѣщаніе, которое далъ мнѣ на мосту въ Прагѣ— никогда не заикаться объ этомъ и считать себя безусловно моимъ гостемъ до нашего возвращенія въ Вѣну.

— Ну, изволь, больше не буду. Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ. Знаешь ли, что сегодня ночью на меня нашло вдохновеніе и я нашелъ ключъ къ храму?..

— Къ какому храму?

— Къ храму искусства, который теперь откроется для меня, а ключъ въ сапогѣ Бурдона. Ты вѣдь никогда не замѣчаешь мелочей, но мы съ графомъ видѣли это и наши взгляды встрѣтились. Теперь я смѣло буду просить его, чтобы онъ доставилъ мнѣ мѣсто актера въ императорской труппѣ. Если бы не сапогъ Жана Бурдона, то онъ отвѣтилъ бы мнѣ высокомѣрнымъ отказомъ; ну, а теперь онъ этого побоится и я буду играть роль датскаго принца Гамлета.

— Ты уже начинаешь дурачиться, воображая себя Гамлетомъ.

— Скажи слово и я исчезну, а ты оставайся въ этомъ заколдованномъ саду и преслѣдуй убѣгающую нимфу. Но я долженъ изъ дружбы предупредить тебя, что мы приглашены сюда не изъ одной любезности. Неужели ты не соображаешь, что этотъ Жанъ Бурдонъ былъ для графа нужный человѣкъ и его смерть порвала петлю искусно сплетенной сѣти. Въ его рукахъ былъ важный секретъ — половина его украдена, а остальное въ сапогѣ Бурдона.

Эгбертъ задумался. Подозрѣнія пріятеля показались ему вполнѣ возможными, когда онъ сталъ припоминать всѣ обстоятельства убійства и смерти Бурдона.

— Можетъ быть ты и правъ, сказалъ Эгбертъ, но въ чемъ бы ни состояла тайна Бурдона, мы должны быть крайне осторожны въ этомъ отношеніи.

— Еще бы, сказалъ Гуго;—но во всякомъ случаѣ, благодаря этому, мы сдѣлались важными людьми въ глазахъ графа Вольфсеггъ и какъ бы членами его семейства. Ему трудно будетъ отказать намъ въ какой нибудь просьбѣ, и еслибы ты не былъ такъ неповоротливъ, Эгбертъ, и не задавался бы при всякомъ удобномъ случаѣ неразрѣшимыми вопросами, ты бы могъ легко добиться одной цѣли. Молодая графиня...

— Пожалуйста не говори мнѣ объ этомъ, прервалъ его Эгбертъ, между тѣмъ какъ яркая краска разлилась по его лицу. — Какое можетъ имѣть отношеніе эта свѣтлая и чистая личность съ какими бы то ни было темными тайнами. Но какъ могло это прійти тебѣ въ голову? развѣ звѣзды на небѣ также доступны, какъ и полевые цвѣты? Я былъ бы совершенно счастливъ, еслибы могъ хотя издали любоваться ею.

— Какое у тебя идеальное представленіе о женщинахъ, замѣтилъ съ усмѣшкой Гуго.

— Развѣ ты уже сталъ иначе относиться къ женщинамъ?

— Разумѣется, ничего подобнаго не можетъ быть у актера. Для него свѣтъ тѣ же подмостки. Вамъ, ученымъ, міръ можетъ представляться чѣмъ-то разнообразнымъ, прекраснымъ и возвышеннымъ, потому что вы видите его издали; а для насъ, которые близко знакомятся съ нимъ за кулисами, онъ не болѣе какъ грязная лавка. Кругомъ одна пыль, румяна, пошлость; и въ дѣйствительности женщины еще хуже мужчинъ.

— Что же по твоему мнѣнію красота? ты не можешь отвергать ее.

— Одна мишура, прикрывающая никуда негодное платье.

— Ты говоришь какъ проповѣдникъ и находишь, что на свѣтѣ все суета. Ты кажется думаешь разсердить меня, но это не удастся тебѣ.

— Я хочу только предостеречь тебя, несчастный, продолжалъ Гуго съ комическимъ паѳосомъ, принимая умоляющую позу. Не приноси своего сердца въ жертву жестокой богинѣ!

— Лучше посвятить сердце богинѣ, чѣмъ самому погрязнуть въ тинѣ обыденной жизни, которая охватитъ меня тотчасъ по возвращеніи домой. Я съ ужасомъ думаю о томъ, сколько накопится тамъ всякихъ счетовъ, контрактовъ, плановъ... Что можетъ быть лучше нашей теперешней жизни, при которой мы можемъ любоваться на свѣтъ Божій, не задаваясь никакими цѣлями и заботами, переходить отъ новаго къ новому, отъ одного наслажденія къ другому. А дома что ожидаетъ меня? всякія бѣдствія, разочарованія, жалкое бѣдное существованіе...

— Эгбертъ, ты какъ всегда, усилилъ краски, представляя себѣ преимущества одной жизни передъ другой. Но я могу утѣшить тебя — насъ спасетъ сапогъ Бурдона... Однако намъ пора въ замокъ...

Пріятели поднялись со скамейки и пошли по прежней дорожкѣ, но едва сдѣлали они нѣсколько шаговъ, какъ къ нимъ подошелъ слуга.

— Его сіятельство проситъ васъ къ себѣ, сказалъ слуга, обращаясь къ молодымъ людямъ. Маркиза также освѣдомлялась объ васъ.

— Странно! пробормоталъ Эгбертъ. Сердце его болѣзненно сжалось отъ какого-то боязливаго ожиданія, въ которомъ онъ самъ не могъ дать себѣ отчета.

Графъ уже цѣлый часъ предсѣдательствовалъ на семейномъ совѣтѣ, въ которомъ принималъ участіе и Пухгеймъ, оставшійся на ночь въ замкѣ по просьбѣ графа. Совѣтъ происходилъ въ голубой комнатѣ угловой башни, которая была обращена въ садъ своими тремя высокими окнами; черезъ одно изъ нихъ виднѣлось озеро. Эта башня въ былыя времена составляла часть прежняго стараго замка Вольфсегговъ, просуществовавшаго около двухъ сотъ лѣтъ. При постройкѣ новаго красиваго дома шестьдесять лѣтъ тому назадъ, строитель, по какой-то странной фантазіи, оставилъ изъ стараго зданія хорошо сохранившуюся башню и соединилъ ее галереей съ новымъ замкомъ, который не особенно выигралъ отъ такой прибавки, въ смыслѣ архитектурной красоты. Массивная круглая башня съ остроконечной крышей рѣзко отличалась отъ легкой постройки новаго стиля, какъ съ наружной, такъ и съ внутренней стороны. Маркиза ненавидѣла винтовую лѣстницу и тѣсныя комнаты башни, которыя, по ея мнѣнію, были такъ безобразны и лишены всякаго комфорта, что въ нихъ не могъ жить ни одинъ порядочный человѣкъ.

Съ неудовольствіемъ приняла она приглашеніе брата послѣдовать за нимъ въ башню и все, что она услышала здѣсь, сидя на неудобномъ стулѣ съ высокой спинкой, еще болѣе увеличивало ея дурное расположеніе духа. Хотя она близко придвинулась къ камину, гдѣ горѣлъ большой огонь, но, повидимому, чувствовала сильный ознобъ не столько отъ холода, сколько отъ горя и безпокойства. Антуанета сидѣла у круглаго стола, одѣтая въ сѣро-шелковое платье съ чернымъ платкомъ на плечахъ и съ кружевной черной косынкой на го-

ловѣ, концы которой были подвязаны подъ подбородкомъ. Глаза ея были устремлены на графа Ульриха, какъ на единственнаго человѣка, отъ котораго можно было ожидать разумнаго совѣта въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Она не обращала никакого вниманія на своего кузена Ауерсперга, который былъ несравненно болѣе огорченъ этимъ, нежели смертью Бурдона, о которой разсказывалъ графъ.

— На несчастнаго напали агенты корсиканскаго тирана, сказалъ графъ; они выстрѣлили въ него и украли сумку съ письмами; уцѣлѣли только немногія бумаги, которыя онъ спряталъ въ своемъ сапогѣ. — Вотъ эти бумаги, добавилъ графъ, кладя ихъ на столъ; патеръ Марсель доставилъ ихъ мнѣ на разсвѣтѣ.

— Давай Богъ, чтобы это были самыя важныя, сказалъ Пухгеймъ, подходя къ столу и перелистывая бумаги.

— Какъ хочешь такъ и считай ихъ, отвѣтилъ графъ. — Вотъ списокъ лицъ, на которыхъ могутъ разсчитывать Бурбоны въ случаѣ...

— Если узурпатора убьютъ въ Испаніи, добавила маркиза.

— Тутъ также письмо принца д'Артуа... продолжалъ графъ Ульрихъ, дѣлая видъ, что не слышитъ замѣчанія своей сестры.

— Проэктъ новой адской машины—безсмысленная и безумная затѣя, отъ которой бѣдный Бурдонъ ожидалъ такихъ блестящихъ результовъ...

— Бурдонъ былъ правъ—замѣтила маркиза—только адъ можетъ поглотить это исчадіе ада.

— Не адъ, а мы справимся съ нимъ во имя божественнаго права и порядка, установленнаго вѣками,—отвѣтилъ графъ Ульрихъ.—Вотъ еще нѣсколько писемъ и, между прочимъ, письмо къ графинѣ Мортиньи, одной изъ придворныхъ дамъ императрицы Жозефины, въ которомъ заключаются подробныя свѣдѣнія о сватовствѣ Наполеона къ русской великой княжнѣ.

— Жаль, если это письмо не дойдетъ по назначенію — замѣтилъ по французски старый маркизъ, расхаживая по комнатѣ въ своемъ пестромъ шлафрокѣ съ желтымъ шнуромъ и кистями.

— Это письмо написано мною и въ стилѣ Вольтера. Графиня Мортиньи мнѣ родня и вѣрный другъ Бурбоновъ. Это письмо можетъ имѣть больше значенія, чѣмъ всѣ адскія машины. А почему?... Потому что во французской исторіи дамы всегда играли главную роль! Вы смѣетесь Ульрихъ. Но я говорю совершенно серьезно. Если бы императрица Жозефина вздумала поднять возстаніе противъ своего супруга, тогда побѣда осталась бы за нами...

— Не можете ли вы сообщить мнѣ, какія именно бумаги украдены у Бурдона? спросилъ Пухгеймъ, прерывая маркизу и, обращаясь къ графу Ульриху.

— Планъ возстанія противъ Бонапарта, отвѣтилъ графъ, составленный генераломъ Кроссаромъ, извѣщеніе, что онъ въ самомъ непродолжительномъ времени отправится изъ Вѣны въ Испанію, нѣ-

которыя подробности о нашихъ приготовленіяхъ и предполагаемой высадкѣ англичанъ на Везерѣ и Эльбѣ; все это въ формѣ простыхъ писемъ по торговымъ дѣламъ и на нашемъ условленномъ языкѣ. Но, разумѣется, Фуше пойметъ сущность дѣла. Всего хуже то, что на поляхъ одной бумаги я прибавилъ замѣтку: молодой Бурдонъ знакомъ съ Бонелли...

— Съ Бонапартомъ—пробормотала маркиза.

— Благодаря моей неосторожности, я далъ имъ ключь въ руки ко всѣмъ нашимъ тайнамъ. Эта приписка всего болѣе безпокоила Бурдона. Я никогда не прощу себѣ такой нелѣпости. Теперь все это, вѣроятно, отправлено въ Парижъ.

— О Господи!—простоналъ маркизъ.—Этотъ драконъ неуязвимъ. Онъ опять начнетъ противъ насъ войну и прогонитъ на другой конецъ свѣта...

— Мнѣ, кажется, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего ужаснаго — сказалъ Ауерспергъ, которому хотѣлось выказать себя съ выгодной стороны въ глазахъ Антуанеты. Война съ узурпаторомъ неизбѣжна. Чѣмъ раньше она начнется, тѣмъ лучше. Чья нибудь пуля настигнетъ его.

— Ты пойми, горячая голова, отвѣтилъ Пухгеймъ, что намъ необходимо выбрать удобный моментъ, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ. Ну, а теперь, ты думаешь онъ дастъ намъ время окончить наши приготовленія!

Графъ Ульрихъ всталъ съ своего мѣста... Лицо его казалось мрачнымъ и озабоченнымъ.

— Мнѣ, кажется, дядя, что васъ еще что-то заботитъ, кромѣ сдѣланной вами приписки и смерти Бурдона?—спросила Антуанета, которая все время не спускала съ него глазъ.

— Разумѣется! поспѣшилъ отвѣтить за своего старшаго родственника Ауерспергъ. Стоитъ ли огорчаться смертью слуги. Революція потребовала еще не такихъ жертвъ!

— Вы правы,—замѣтила маркиза. Подъ ея ударами пала голова дочери Маріи Терезіи, сестры нѣмецкаго императора!... развѣ можно себѣ представить болѣе вопіющій фактъ!...

— Хотя Жанъ Бурдонъ былъ нашъ слуга — сказала Антуанета, обращаясь къ Ауерспергу, но я не вижу, чѣмъ онъ хуже другихъ.

Антуанета встала съ мѣста и подошла къ графу Ульриху.

— Что съ вами дядя? сказала она. Вы не все сказали намъ...

— Меня ужасаетъ будущность Германіи, отвѣтилъ графъ, и нашей дорогой родины. Свобода всей Европы въ опасности, развѣ мы не въ томъ же положеніи! Всего удобнѣе было напасть на Бонапарта въ то время, пока онъ занятъ въ Испаніи: бурбоны, дѣйствуя за одно съ республиканцами, могли бы поднять во Франціи общее возстаніе противъ тирана, который обманулъ тѣхъ и другихъ; англичане готовились сдѣлать высадку въ Бельгіи, сѣверной Германіи или

Франціи, мы съ своей стороны надѣялись поднять на ноги всѣхъ, у кого течетъ въ жилахъ хотя капля нѣмецкой крови. Еслибы удалось провести этотъ грандіозный планъ, то гибель Наполеона была бы неизбѣжна; но этотъ планъ уничтоженъ въ конецъ. Я предвижу, что мы опять будемъ бороться одни съ Люциферомъ... Наконецъ, меня безпокоитъ и то обстоятельство, что мы не можемъ расчитывать на преданность молодаго Бурдона.

Слова эти поразили маркизу.

— Что вы хотите сказать этимъ, Ульрихъ? спросила она взволнованнымъ голосомъ.

— Это уже слишкомъ! воскликнулъ маркизъ, топнувъ ногой. — Вы не имѣете никакого понятія, графъ, о французской вѣрности! Уже сотни лѣтъ Бурдоны служатъ дому Гондревилль. Мой дѣдъ, отецъ, я — всѣ мы были для нихъ хорошими и добрыми господами. Вы кажется забыли, что Веньяминъ Бурдонъ мой крестникъ; я ручаюсь, что онъ не измѣнитъ намъ и будетъ также вѣренъ и послушенъ, какъ его отецъ...

Графъ Вольфсеггъ терпѣливо ждалъ, пока успокоится старый маркизъ, который представлялъ собою довольно комическое зрѣлище. Не помня себя отъ гнѣва, онъ бѣгалъ по комнатѣ въ шлафрокѣ, размахивалъ по воздуху своими худощавыми руками и нѣсколько разъ хватался за правый бокъ, какъ будто хотѣлъ вытащить шпагу съ золотой рукояткой, подарокъ королевы Маріи Антуанеты, съ которой не разставался въ былыя времена.

— Я не понимаю причины вашего гнѣва, сказалъ спокойно графъ. — Если вы окажетесь правы, то я охотно сознаюсь въ своей ошибкѣ. Но позвольте напомнить вамъ, что дня два тому назадъ, Бурдонъ, прощаясь съ нами, жаловался на республиканскій образъ мыслей своего сына и говорилъ, что его Веньяминъ, приверженецъ нововведеній, безбожникъ и врагъ королевской власти. Имѣйте это въ виду, мой дорогой маркизъ, и сообразите, сколько жертвъ и какое самоотреченіе требуете вы отъ человѣка, почти неизвѣстнаго вамъ и только во имя того, что онъ вашъ крестный сынъ. Мнѣ кажется, что это обстоятельство не можетъ имѣть большого значенія въ глазахъ молодаго вольнодумца. Когда во времена террора вы были приговорены къ смерти въ числѣ другихъ эмигрантовъ, Жанъ Бурдонъ скупилъ на свое имя всѣ помѣстья Гондревиллей въ Лотарингіи, чтобы они не сдѣлались общественнымъ достояніемъ; и, считая себя какъ бы вашимъ арендаторомъ, изъ года въ годъ посылалъ вамъ доходъ съ земли, которая по закону принадлежала ему. Теперь Жанъ Бурдонъ умеръ внезапно, быть можетъ, не сдѣлавъ никакого распоряженія о своемъ имуществѣ и не сказавъ сыну послѣдняго слова, которое могло бы обязать его отказаться отъ законнаго наслѣдства въ виду исполненія долга, который онъ можетъ не признать теперь. Строгое исполненіе обязанности вассала, преданность и любовь слуги къ гос-